Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ОГЛАВЛЕНІЕ „НИВЫ“ ЗА 1884 ГОДЪ.

I. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, очерки и пр.

стран.

Анстъ. Разсказъ 951
Барнумъ, Финеасъ. Очеркъ 879
Бедлоэ, А. Разск. Поэ. 1106
Безлюдною степью... Стих. **Ухтомскаго** . 476
Бѣда тому, кто гов. правду. Раз. **Стекеля**. 15
Блины. Разск. **П. Гнѣдича** 138
Вальса, во время. Разск. **Н. Морскаго** . 1266
Вечеръ въ гаремѣ. 1078
Воскресенье Свѣтлое. Стих. **М-скаго**. . 335
Гафиза, Изъ.—Стих. **П. Гнѣдича** . . . 806
Глазу, Съ—на глазъ. Разск. **Хильтона** . 615
Глуши (Въ). Стих. **П. Гнѣдича** . . 15
Году, Въ двѣнадцатомъ. Разск. **П. Гнѣдича** 582
Голетаевъ, Вадимъ. Разск. **Я. Полонскаго**. 486, 510, 534, 558
Дочь канатчика. Разск. **Лилля**. 422
Души, Благородство. Разск. **Грабера**. . 326
Жизни, странница. Разск. **Юстуса** . . . 684
Жизнь, Привольная. Разск. **Успенскаго**. 654, 678
Жертва злому духу. Разск. **Максимова**. 711, 735, 758
Завтра, До.—Историч. разск 207
Завѣщатель. Разск. **Тренкгорста** . . . 975
Изгнанникъ. Романъ **В. С. Соловьева**. 702, 726, 750, 774, 798, 822, 846, 870, 894, 918, 942, 966, 994, 1018, 1046, 1070, 1098, 1126, 1154, 1182, 1210, 1283
Изслѣдователь. Разсказъ 1079
Король-сватъ. Разсказ. **Тренкгорста** . . 926
Ландскнехта (отъ) до Министра. Разск. 279
Минувшаго, Изъ давно—Разск. **Мелана**. 1134
Миріамъ. Др.-Вавилонс. Пов 660
Монтредонѣ, Въ.—Разск. **Эжена**. . . . 1054
Москвѣ, Въ старой. Романъ **Саліаса**. 2, 29, 54, 78, 102, 126, 150, 174, 198, 222, 246, 270, 294, 318, 342
Наслѣдница. Разск. **Бр.-Гарта** . . . 639, 659
Ночь передъ свадьбой. Разск. **Хильтона**. 518
О еслибъ мнѣ... Стих. **М. К. Случевскаго** 283
Одиночество. Ненапеч. Стих. **Лермонтова** 270
Окутано небо... Стих. **Медвѣдскаго** . 831
Охота, Первая. Разск. **Малова** 374
Парикъ. Разсказъ **Синна** 1247
Покушеніе. Разсказъ **Гардена** 1163
Помѣщики, Новые. Разск. **Успенскаго** 462
Порча. Очеркъ **Арсеньева** 1191
Пути, на ложномъ.—Разск. **Ганзена**. . . 782
Пыль, Багровая. Повѣсть **Петрова**. 542, 566, 588, 611, 636
Свѣтѣ, Въ лунномъ. Разск. **П. Гнѣдича** . 1267
Система Гудр. и Плюма. Разск. Поэ. . 855
Соболей, На.—Разск. **Максимова** . . 606, 630
Сонъ. Стих. **К. Случевскаго** 979
Соперникъ. Разсказъ **Гезеке** 231
Сотири, Разбойникъ. Разск. **К. Леонтьева** 447, 474, 494
Спасенная. Разсказъ 1218
Студентъ Поэма. **А. Фета** 390
Счастье,—Недолгое. Пов **Д. Григоровича**. 366, 395, 414, 438
Тайна Чекки. Разск. **Вобельтича** . . 1272
Тайна, Стих. **Мед-скаго** 643
Тамъ гдѣ стар. чинара... Стих. **Гнѣдича**. 283
Тургеневъ у себя. Воспом. **Я. Полонскаго**. 10, 38, 62, 86, 110, 132, 158, 182
Тучки набѣжали... Стих. **К. Случевскаго**. 518
Фонарь, первый уличный. Разсказъ . . 254
Фра-Діаволо, Новый. Разсказъ. . . . 835
Хоть очень грустно... Стих. **Кречетова** . 572
Цвѣтокъ, Красный. Разсказъ **Блонделя** . 807
Человѣкъ, Честный. Разсказъ. . . 1027
Шайка герцога Оссуны. Разск. **Верна** 1002
Штурманъ парох. „Клавдія“. Разск. **Боде** 302
Я вновь касаюсь... Стих. **М-скаго** . . . 1083
Я помню дѣтства... Стих. **П. Гнѣдича** . 451

II. Біографіи и характеристики.

Альма Тадема. Профессоръ. 581
Антоній (Зубко) Архіепископъ 245
Барановъ Э. Т. (графъ). 790
Бехъ-Менъ-Мирза перс. принцъ. . . . 478
Бисмаркъ, князь. 955
Боденштедтъ, Фр. 605
Бремъ, А. 1225
Бѣляевъ, С. П 694
Викторовъ, А. Е. 382
Виссаріонъ, Черногор. Митрополитъ. . 647
Гейбель, Э. 382
Гейне (послѣдніе дни жизни) 1110
Гнѣдичъ, Н. И. 101
Голенищевъ-Кутузовъ А. А. 413
Гордонъ, Генер. 356
Гюйгенсъ, Хр. 1114
Давыдовъ, Д. В. 677
Исидоръ, Митроп. Новг. и СПБ. . . . 1069
Капнистъ, В. В. 917
Кенигъ, Фр. 262
Клевелэндъ, Г. 1125
Клодтъ, М. К. Проф. 173
Ковальскій, М. А. 1112
Коппе, Франсуа 221
Корнель, П. 1010
Кохъ, Р., Д-ръ 599
Лермонтовъ, М. Ю. и его семейство. . 454
Лесовскій, С. С. 286
Майнъ-Ридъ 21
Макаргъ, Гансъ 982
Маріо, Джузеппе 46
Маркевичъ, Б. М. 1209
Ментеръ, С. 356
Орловъ, Н. А. (князь) 269
Островскій, А Н. 646
Пановъ, И. С. 959
Пастеръ, Луи 941
Пахманъ В. А. 1112
Пеликанъ Е. В. Проф. 533
Прянишниковъ, И. П. 1253
Раевскій, М. Ѳ., Протоіерей 548
Рапке, Л. Проф. 197
Резановъ А. Н. Проф. 773
Рихтеръ, Густавъ 692
Савина, М. Г. 259
Самойловъ, В. В. 365
Сергій Алекс. и супруга его 558
Случевскій, К. К. 502
Тотлебенъ, Э. И. (графъ). 653
Фадѣевъ. Р. А. 125
Фетъ, А. А. 821
Хемницеръ, И. И. 286
Циммерманъ, А. Е. 725
Чистяковъ, П. П. Проф 437
Шампшинъ, П. М. Проф. 749
Ширинскій-Шихматовъ, А. П 526
Шпильгагенъ, Фр. 461
Энгельгардтъ, В. П. 427
Янышевъ, І. Л. Протопр. 29
Ѳедоровъ, Иванъ, первый русск. печатн. 43

III. Историко-археологическіе очерки.

Древности, русскія бытовыя. 1226
Знаки отличія у Шамиля. 1086
Осадное орудіе XVI вѣка 1111
Палата, Бѣлая, въ Ростовѣ. 1142
Храмъ высѣченный въ скалѣ (Египетъ). 1063
Церковь въ Грузін (развалины) . . . 1062
Эфесъ (древній городъ) 1283

IV. Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки.

Абиссинія и абиссинцы. 694
Архангельскъ, городъ 860
Баски. Очеркъ. 739
Бриллианты Борнео. Очеркъ 831
Гарцъ, городъ. 664
Гладіаторы, Римскіе. Очеркъ 1032
Деревня, Бѣлорусская 1046
Домъ, гдѣ жилъ Самозванецъ въ Калугѣ. 54
Зальцбургъ, городъ 715
Изборкъ, городъ. 1083
Каменецъ-Подольскъ, городъ 667
Колокольня въ Ракул. пог. 1035
Кремль въ Н.-Новгородѣ 380
Лавра, Троице-Сергіевская. 646
Ландскнехты. Очеркъ Шерра 832
Лечебное заведеніе въ Шандау 702
Лисино, село 1086
Проходы, Гигантскіе. Очеркъ 983
Луцкъ, городъ 403
Мадагаскаръ и гавасы. Очеркъ 787
Нефть въ Галиціи. 1086
Нефтяные фонтаны въ Баку 143
Нефтяные колодцы въ Баку 863
Нравы недавн. прошл. Англіи 95
Озеро Штарнбергское 798
Островъ Жуанъ (Робинзона) 966
Пятигорска, Виды 894
Статистическія замѣтки 1007
Хозяйство сельск. и погода. Оч. Иванова. 670
Церкви въ Угорск. Руси. 630
Церковь на Волчьемъ ручьѣ 510
Церковь Коложская близь Гродно. . . 1018
Церковь въ селѣ Деулинѣ 318
Школа въ Каирѣ 150

V. Естествознаніе.

Апельсины и лимоны. Очеркъ 1031
Гипоцефалъ-боецъ 214
Животныя, исчезающія. Оч. **Ледлова**. . 762
Животныя, свѣтящіяся. Очеркъ . . . 903
Лошадь, дикая. проф. **Брандта** . 906, 930, 954
Лучей, Цвѣта солнечн. Очеркъ . . . 354
Марсъ и каналы на немъ. Очеркъ **Фламмаріона**. 163
Метеорологіи—О. Очеркъ. 690
Море, облачное 286
Муравьи, медовые. 406
Насѣкомыя и растенія. Очеркъ 351
Неба, Ужасы. Очеркъ 307
Неба, Чудеса. Очеркъ 596
Норы, кротовыя 1254
Обезьянки Уистити. 982
Папоротники въ СПБ. Ботан. саду . . 282
Пространство. Астр. очеркъ **Тунча**. . . 1247
Пульпа гигантская. 238
Пчелы. Очеркъ 1199
Ракъ, Паукообразный 383
Растенія, рѣдкія 719
Рыбъ, гнѣзда 1226
Рыбы на днѣ океана. 263
Солнце, Потухнетъ-ли. Очеркъ **Д.** . . . 186

VI. Наука, новыя изобрѣтенія и технологія.

Аппаратъ для леч. горяч. воздухомъ. . 647
Аэростатъ, электрическій. 982
Велосипедъ, земно-водный. 864
Велосипедъ, электрическій 814
Вѣсовъ и мѣръ Обсерваторія 94
Лампа Платона 718
Паромъ Ропера 622
Свѣча Пушкарева 863
Фарфоръ, китайскій.—Очеркъ. 666
Фильтръ Пифке 406
Фонтанъ самодѣйств. комнатн. 1143
Фонтанъ Колладона 1196
Часы Гюйгенса 1114
Экваторіалъ въ башнѣ обсерваторіи . . 791

VII. Архитектура и скульптура.

Башня, водопров. въ СПБ. 188
Дворецъ, теремной—въ Москвѣ. . . . 958
Гробница и памятникъ К. Минину . . 294
Памятникъ Александру I въ СПБ. . . 812
Памятникъ Николаю I въ СПБ. . . 117
Памятникъ А. С. Пушкину въ СПБ. . 839
Памятникъ Державину въ Казани . . . 380
Памятникъ Борнсу въ Лондонѣ 959
Рынокъ, желѣзный—въ СПБ. 502

VIII. Современность.

Академія художествъ въ СПБ.. 882
Выставка садоводства въ СПБ. 478
Выставка бразильск. кофе 522
Мерва, присоединеніе. 382
Мостъ, Екатериносл. черезъ Днѣпръ . 430
Музей Имп. Общ. поощр. худ. 118
Обвалъ горы въ Саратовѣ 1038
Обсерваторія Энгельгардта въ Дрезд. . 427
Община сестеръ милосер. въ СПБ. . . 390
Пожаръ пасс. Солодовникова въ Моск. 1038
Циркъ Чинизелли въ СПБ. 93
Школа (рисов.) б. Штиглица въ СПБ. 486

IX. Литературный альбомъ.

Агасферъ, поэма Жуковскаго 213
Ангелъ и Демонъ, Майкова 1060
Бахчисарайскій фонтанъ. Пушкина. 910, 980
Борисъ Годуновъ. Пушкина 839
Воевода. Островскаго. 644
„Война и миръ“. Толстаго 44, 1142
Вечера на хут. бл. Диканьки. Гоголя . 596
„Въ Лѣсахъ“. Мельникова . . . 958, 1168
„Дуня“. Ст. Майкова 1223
Дядя Мазай и зайцы. Стих. Некрасова. 118

Библиотека "Руниверс"

стран.
Кавказск. плѣнникъ. Толстаго 263
Катерина. Поэма Шевченко 19
„Княжна Мери“. Лермонтова 164
Кулакъ. Поэма Никитина 523
Лѣсной царь. Гете 94
Недоросль. Фонъ-Визина. 691
Покинутая вилла. Стих. Тютчева . . . 355
Смерть Грознаго. А. К. Толстаго . 1195
Соборяне. Лѣскова. 1035
„Три пальмы“. Стих. Лермонтова . . 68
Укрощеніе строптивой. Шекспира . . 870
Цыгане. Поэма Пушкина. 187
Шильонскій узникъ. Байрона 1098

X. Живопись.

„Богатый и Лазарь“. Кар. Ціонглинскаго 1249
Буковый лѣсъ. Карт. Орловскаго . . . 523
Вдова, молодая. Карт. Полонскаго . . 667
Весною. Карт. Туманна 644
Выѣздъ, царск. на богомол. К. Шварца 1223
„Гусляръ“. Карт. Маковскаго (прем. „Нивы“ 1884 г.) 1002
Изба, посольская. Карт. Шварца . . . 1062
Карлъ V въ монаст. Карт. Девріена . 979
Эдипъ и Антигона. Карт. Шталлерта . 572

XI. Популярно-медицинскіе очерки.

Жизни, продолж., человѣческ. Очеркъ . 618
Леченіе кровью 359
Ухо и его болѣзни. Очеркъ 811
Холеры Въ виду 719
Яды въ человѣкѣ. Очеркъ 1006

XII. Библіографія.

Стр. 22, 46, 70, 143, 191, 265, 457, 576, 722, 769, 887, 986, 1143, 1170.

XIII. Парижскія моды.

Январь	22	рис.	32	черт.	выкр.	15	мал. уз.
Февраль	26	„	36	„	„	16	уз. выш.
Мартъ	20	„	27	„	„	25	ажур. раб.
Апрѣль	21	„	25	„	„	26	уз. выш.
Май	21	„	28	„	„	44	„
Іюнь	25	„	26	„	„	32	ажур. раб.
Іюль	26	„	31	„	„	26	уз. выш.
Августъ	30	„	30	„	„	43	рук. раб.
Сентябрь	20	„	31	„	„	27	уз. выш.
Октябрь	24	„	33	„	„	19	ажур. раб.
Ноябрь	27	„	34	„	„	9	уз. выш.
Декабрь	24	„	34	„	„	12	мал уз.

XIV. Тиражи выигрышей Госуд. Банка.

38 тиражъ 1-го займа 1884 г. 50
36 „ 2 „ 1884 „ 242
39 „ 1 „ 1884 „ 675
37 „ 2 „ 1884 „ 866

XV. Рисунки и портреты.

„Агасферъ“ поэма Жуковс., рис. Штейна 205
Академія Худ. въ СПБ. разн. виды 880, 881.
Альгамбрѣ, Въ—предъ зол. ворот. . . 61
Альма Тадема, Л. Проф. 581
Амуръ и Психея. Рис. Гока 1077
Ангелъ-Хранитель. Карт. Каульбаха . 1001
„Ангелъ и Демонъ“ ст. Майк. р. Штейна. 1053
Антоній (Зубко) Архіепископъ . . 246
Аппаратъ для лечен. горяч. возд. 3 рис. 649
Апостолъ Павелъ въ Аѳинахъ. Карт. Рафаэля 320, 321
Артель., плотн. за обѣдомъ. Рис. Штейна 1109
Архангельскъ. Видъ 165
Аэростатъ, Электрич. Рис. Тиссандье . 984
Бабушка, Моя, въ 1804 году . . . 800, 801
Бандуристъ (Ост. Вересай). Рис. Ольшан. 597
Барановъ Э. Т. (графъ) 788
Бахчисарайскій фонтанъ Пушкина. Рис. Штейна. 901, 973
Башня Давида въ Іерусалимѣ 328
Башня водовводная въ СПБ. 2 рис. 188, 189
Башня Евфимія въ Новгородѣ . . . 1113
Башня обсерват. въ С.-Мари. 2 рис. . 793
„Безъ няньки“, статуя Каменскаго . . 617
Бехъ-Менъ-Мирза. Персидскій принцъ. 480
Библіотека Им. Ак. Худ. въ СПБ. . . 885
Бисмаркъ-Шенгаузенъ (князь). . . . 949
„Богатый и Лазарь“, Кар. Ціонглинскаго 1249
Бодеиштедтъ, Фр 605
Бой Ильи Муромца съ Жидовин. Рис. Штейна 733
Больница, Обуховская въ СПБ 1004
„Борисъ Годуновъ“ Пушк. Рис. Зем-ц. 825
Борисъ Р., статуя въ Лондонѣ 960
Бремъ, А. 1224
„Буковый Лѣсъ“ Картина Орловскаго 513
Булочница, статуя Кутана 709
Бурханы, бурятскіе. Въ Забайк. обл. . 569
Бѣляевъ С. П. 692
Вагонъ-ледникъ, 2 рис. 44
Варяговъ, прибытіе въ русскую землю. 1240
Ватто. Статуя въ Балансьенѣ. 1145
Вводъ во владѣніе. Карт. Мюке. . . . 872
Вдова гладіатора. Картина Лейтона . . 757
Вдова, молодая. Карт. Полонскаго . 656
Велосипедъ земно-водный: а) на сушѣ; б) на водѣ. 2 рис. 865
Велосипедъ, электрическій 817
Вельвичія. Афр. цвѣтокъ. 2 рис. . 720, 721
Весна любви. Карт. Туманна . . . 944, 945
Весною. Карт. Туманна 632, 633
„Вечера на хут. близъ Диканьки“, пов. Гоголя. Рис. Каразина 584, 585
Вечеромъ, Лѣтнимъ. Рис. Будинскаго . 784
„Видъ въ Могил. губерн.“ Атрыганьева. 472
Викторовъ, А. Е 380
Виссаріонъ, Митрополитъ Черногорск. 648
Водопадъ у Орѣх. Балки (Кавказъ) . . 201
„Воевода“. Трагед. Остров. Рис. Земцова. 640
Вожаки отряда Магди 712
„Возвращеніе съ охоты“. Карт. Якобія. 1021
Возокъ бояръ Строгановыхъ 624
Вочнъ Абиссинскій 697
„Война и Миръ“. Толстаго. 2 Рис. Штейна 37, 1129
Волки дрессированые въ Берл. циркѣ 404
Вольга Всесл. предъ палат. Инд. царя. 877
Врагъ у входа. Рис. Джіакомелли. . 69
Встрѣча невѣсты Іоанна III. Рис. Земцова 248, 249
Встрѣча Святослава съ Цимисхіемъ . 1161
Встрѣча, ужасная. (Въ Тайгѣ). Рис. Каразина. 40
Вшествіе Хр. Сп. въ Іерусалимъ (Вербн. Воскресеніе). 296, 297
„Въ лѣсахъ“. П. И. Мельникова. Рис. Земцова 953, 1165
Выслѣдилъ. (Въ Тайгѣ). Рис. Каразина. 921
Выставка садоводства въ СПБ. 477
Выст. Садов. въ СПБ. Бразил. павил. 573
Выѣздъ (наради.) президп. Греви въ Пар. 77
Выѣздъ, Царскій, на богомолье. Карт. Шварца. 1220
Вѣнковъ, Завиваніе,—въ Троицинъ день. Рис. Штейна 496, 497
Вѣсы, Провѣрочные,—въ С.-Клу. . . . 93
Вѣсовъ, Видъ залы,—въ С.-Клу 92
Гарцъ, гор. 20 рис. 664, 665, 668, 669, 672
Гейбель, Э 380
Герберсдорфъ. Видъ лечебн. заведен. . 288
Гиноцефалъ-боецъ. Рис. Тилли . . . 213
Глушь, Лѣсная. Картина Клевера. . . 1252
Гнѣдичъ, Н. И 101
Голенищевъ-Кутузовъ, А. А. (графъ) . 414
Голотуріи, живущія на днѣ моря . . . 456
Гордонъ, Д. Генер. 356
Гробница Козьмы Минина въ Н.-Н. . 293
Гроза, первая. Рис. Каразина 400
Грибы. Рис. Каразина 537
Гюйгенсъ, Хр. 1117
Давыдовъ, Д. В 677
Дама, знатная, временъ Елизаветы . . 453
Дворецъ В. К. Мих. Ник. въ Боржомѣ. 1020
Дворецъ, Теремный въ Моск. Кремлѣ . 952
День, Въ лѣтній. Кар. Фридрихсеиа 680, 681
Дербентъ и его окрести. Рис. Суслова. 1196
Деревня, Бѣлорусская 1046
Дидро. Стат. въ Лангрѣ 744
Домъ, гдѣ жилъ Самозван. въ Калугѣ 53
Дорога, желѣзная грузовая. 2 рисунка. 529
Дорога, механич. желѣз. въ Чикаго . . 193
Древности, русскія. Рис. Суслова . . 1224
Друзья, добрые. Карт. Боша 613
Дуба, выращеніе въ комнатѣ 577
„Дурочка Дуня“, стих. Майкова. . . . 1217
Дуэль изъ за дамы. Рис. Джіакомелли. 840
Дѣвочка. Картина Рейнольдса . . . 829
„Дѣвочка съ премiей“. Стат. Браго . . 469
„Дядя Мазай“. Стих. Некр. Рис. Зиов. 112
Единоборство Мстислава съ Редедею. . 544
Елки, послѣ. Рис. Штейна 1265
Елки, украшенія. 18 рис. . . . 1284, 1285
„Ермакъ“. Статуя Кафки. 397
Животныя, исчезающія изъ міра. 32 рис. 760, 761, 764, 765, 768 и 769
Животныя свѣтящія. 7 рис. 904, 905, 908
Журавль-коршунъ. Рис. Фрецеля . . . 357
Забавы лѣта. Картина Ватто 1144
Заводы Крупна (пушечн. и сталел.). 904, 905
Задумалась. Картина Вагнера. . 224, 225
Зальцбургъ. Разные виды города. 704, 705
Зима. Силуэты Фольбаума 1280
Зимородокъ Новой Гвинеи 116
Зимы, Появленіе. Рис. Волкова 1128
Знаки отличія Шамиля 1090
Знахарка, Деревенская. Рис. Земцова . 781
Игра въ снѣжки. Рис. Степанова . . 129
Игуанодонъ. Скелетъ допот. живот . . 481
Идилія. Картина Пиглейна. 2 рис. . . 592
Изба, Посольская. Картина Шварца. . 1057
Изборскъ. Видъ города и крѣпости . 1081
Изваяніе, древнее въ Пятигорскѣ . . . 20
Иконы въ Абиссинск. храмѣ. 2 рис. . 696
Исидоръ, Митроп. Новг. и СПБ-кій . 1069
Искуситель. Картина Гейсера. 1241
Искусство! Каково. Рис. Репея 641
„Исторія Искусства“. 9 рис. изъ книги Гнѣдича 1172, 1173
Іоаннъ, Правитель Абиссиніи. . . . 696
Іоаннъ, кор. англійск. подпис. хартію. 65
„Кавказск. плѣнн.“. А. Толст. р. Штейна 256
Камбизъ (царь) пораж. быка Аписа . 17
Каменецъ-Подольскъ. (Видъ) 657
Каналъ, Коринѳскій. 2 рис. 120
Каналы, открыт. на Марсѣ. 168
Капнистъ, В. В. 917
Карлъ V, въ монастырѣ Св. Юста. 968, 969
Картины, Г. Рихтера 688
„Катерина“, Шевченко. Рис. Сластенова 4, 5
Кафе въ Пятигорскѣ (у провала) . . . 893
Кенигъ, Фр. 260
Киргизъ (типъ). Рис. Крылова 776
Клевелэндъ, Г. Президп. С. А. Штат. . 1125
Клодтъ М. К. Проф 173
„Княжна Мери“, М. Лерм. р. Зичи 152, 153
Ковальскій М. А. 1112
Колесникъ. Рис. Земцова 1061
Колодца, у.—Рис. Земцова 713
Колоколъ подводный. „Нептунъ“ 2 рис. 673
Колокольня на Ракульскомъ погостѣ . . 1028
Колыбели, (у). Рис. Клиссъ 113
Колымага бояръ Строгановыхъ . . . 624
Конст. Констант. и его невѣста . . . 156
Коппе, Франсуа 221
Корнель П. (200-л. со дня его смер. 5рис. 1009
Корона Абиссинская 696
Кохъ, Д-ръ 660
Красавица Рис. Рафаэля 1245
Красавица Рис. Веле 1133
Красавица Этюдъ. Рис. Веле . . 1100, 1101
Красавица Рис. Ритцбергера . . 1048, 1049
Красавица Римская. Рис. Рейса . . 277
Красоты, Типъ—Эт. Лофтца 212
Крезъ (Лид. царь) на кострѣ. Рис. Цикъ 689
Кремль въ Нижн.-Новгор. (Видъ) . . 377
Крестный ходъ въ Стр. Пятн. въ Италіи 308
Крестъ и шапка св. Ольги 576
Кузнечики и полев. цвѣты. Рис. Джіакомелли. 504
Кумирня, бурятская. Въ Забайк. обл. . 568
Купаньяхъ, На морск. во Франціи. 608, 609
Курганъ Синеуса. Рис. Суслова . . 1012
Лабораторія инст. пут. сообщ. 2 рис. . 957
Лавра Тр.-Серг. бл. Петерб. 645
Лакомка. Маленькій карт. Вергаца . . 136
Лампа Платона 720
Лампа и свѣчи Пушкарева. 3 рис. . . 864
Ландскнехты. 8 рисун. . 832, 833, 836, 837
Ландыши. Рис. Каразина 536
Лермонтовъ М. Ю. 448
Лермонтова М. Ю., Дѣдъ 452
Лермонтова М. Ю., Отецъ 452
Лермонтова М. Ю., Мать. 452
Лермонтовскій музей въ Ник. Кавал. уч. 449
Лесовскій С. С. Адмиралъ 284
Лечебное заведен. въ Шандау . . . 701
Леченіе кровью. Пріемн. Д-ра Никитина 360
Лили. Карт. Гордона 996, 997
Лисино село. Разн. виды 1085
Лошадь, дикая. 6 рис. 912, 913
Луцкъ. Виды города 393
Львовъ, Борьба. рис. Шнехта 41
Льда, приготовл. искусственнаго. . . . 552
Льдинѣ (на) въ морѣ. Рис. Каразина . 232
„Лѣсной царь“, балл. Гете, рис. Штейна 85
Лѣсу (Въ). Карт. Куріаръ. 813
Лѣтомъ. Рис. Веле 637
Людовикъ XV приним. присягу . . . 405
Майнъ-Ридъ 20

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.
Макартъ, Гансъ 980
Маилія Капитол., сверженіе со скалы . 280
Маріо, Джузепе 44
Маркевичъ Б. М. 1209
Маруся. Карт. Платонова 541
Масляница, веселая. Рис. Каразина . . 133
Матер. Бож. Всескорб. Карт. Рени . . 301
Мейтеръ, Софія 356
Мервъ. Рис. Каразина 381
Минерва ведущ. ген. искусствъ 888
Мирѣ и покоѣ (въ). Кар. Андерса . . 853
Михаилъ Черниговскій (Кн.) въ Ордѣ. Карт. Сумцова 160
Могила И. С. Тургенева 600
Молитва. Рис. Рейса 1156, 1157
Монастырь, Троицко-Варницкій . 1012
Монахиня („На украш. св. обит.") Рис. Панова 985
Море, облачное. Рис. Тиссандье . . . 285
Мостъ (новый) чрезъ Ніагару 352
Мостъ (нов.) чер. Днѣп. (бл. Екате р. 416, 417
Мужъ, вывод. жену на рынокъ . . . 96
Музей Имп. общ. поощ. худ. (Рус. отд. 105
Музей Имп. общ. поощ. худ. (Вост. отд). 12, 13
Музей при рис. шк. Штиглица въ СПБ. 488
Музей, Румянцевскій въ Москвѣ . . 1221
„Музыкантъ-любитель". Карт. Ефимова 257
Муравьи, Американскіе. 3 рис. . . . 816
Муравьи, медовые. 2 рис. Тилли . . . 408
Мухи, Какъ держатся на стеклѣ . 264
Мученица, Христіан. Карт. Деларошa 309
Михетъ. Селен. на Кавказѣ . . . 1248
Наброски хар. гол. Тургенева. 3 рис. 956
Наслѣдникъ Цесаревичъ . . 445
„Недоросль". Ком. Фонвиз., рис. Земцова 685
Нефть въ Галиціи. 9 рис. . . 1088, 1089
Нефтяной фонтанъ близъ Баку 144
Нефтяные колодцы близъ Баку 864
Новый годъ. Рис. Гнѣдича . . . 9
Новымъ годомъ (Съ) Рис. Штейна. . 1
Норы, Кротовыя. 4 рис. . . . 1256, 1257
Обезьянки-Унстити. Рис. Шнехта . . 981
„Облава". Картина Скадовскаго. . . . 473
Обозы, зимніе. Рис. Каразина . 56, 57
Обрядъ „Постриги" въ др. Руси. 464, 465
Обсерваторія Энгельгардта въ Дрезденѣ. 2 рис. 428, 429
Община сестеръ милосердія въ СПБ. (Видъ зданія) 389
Община сестеръ милосердія въ СПБ. (Внутрен. устройство) . . . 392
Одалиска. Картина Зихеля 1189
Одесса. Видъ прист. Од. Лойда. . . . 80
Озеро, Баскунч соляное. 3 рис. . . . 200
Озеръ, на Штарнбергскомъ. . . . 797
Омовеніе ногъ. (Стр. чег. въ Австр.) 304, 305
Орденъ Абиссинскій 696
Орелъ, Альпійскій. Рис. Фольцъ. . . . 1169
Орловъ, Н. А. (князь) 269
Орудіе, Русск. осадное XVI вѣка . . 1108
Орудія, древн. осадныя. 168
Освященіе животн. въ Юрьевъ день . 425
Освященіе Міро, въ Кр. Пал. въ Моск. 176, 177
Островскій, А. Н 644
Островъ Жуанъ-Фернандесъ. 965
Отдыхъ послѣ раб. Рис. Векшинскаго . 593
Охотѣ, на волчьей. Рис. Ковальскаго . 1181
Палаты Андр. Боголюбск. (Развалины). 976
Палаты Мар. Мини. (Развалины). . 936
Палаты Поганкина въ Псковѣ . . 936
Памятникъ Александру I. (50-ти лѣтіе открытія его). 2 рисунка . . . 808, 809
Памятникъ Державину въ Казани . . . 376
Памятникъ Жоржъ-Зандъ. 817
Патягникъ Имп. Никол. I. въ СПБ-гѣ 104
Памятникъ Козьмѣ Минину въ Н.-Н. . 294
Памятн. Пушкину, открытіе въ СПБ-гѣ. 841
Памятникъ А. В. Суворову въ СПБ-гѣ. 353
Памятника (проэктъ) Викт. Эмман. . . 512
Пановъ, И. С. 960
Папоротники въ СПБ. Бот. сад. 2 р. 272, 273
Паркъ, Павловскій. Рис. Гнѣдича . . 440
Паромъ Ронера, Спасительн. 3 рис. . 625
Пароходъ, Буксирный. Карт. Гальсвелл. 845
Пастерь, Луи 942
Пасѣкѣ, На (подлазы). Рис. Земцова 1029
Пахманъ, В. А. 1112
Пеликанъ, Е. В. Проф. 533
Перваки-ходаки чер. ледъ. Рис. Караз. 229
Перевязочный пунктъ подъ Плевной. Картина Верещагина. . . . 368, 369
Переселенцы на Днѣпрѣ. Р. Ольшанск. 857
Петръ I. Статуя Антокольскаго . . 157
Печатный дворъ, посѣщ. Іоан. Грозн. Рис. Штейна 32, 33
Платанція, ананаси. близъ Гаити. . . 117
„Плюшкинъ". Карт. Н. Шаховскаго. . 421
„Поблекшіе листья". Карт. Клевера . 161
Погребъ шампанскаго вина въ Эперне. 1014
Подъвопиьи (Въ) Рис. Земцова . . 1193
Пожаръ Солодови. пассажа въ Москвѣ. 1036
„Покинутая вилла" ст. Тютчева, рис. Штейна 349
Поклонъ хозяину! Рис. Каллера. . . . 209
Покупатели, Плутоватые. Карт. Броуна. 341
Полтава, поэма Пушкина. Рис. Штейна. 777
Помпея. Празднества: 1, 2). Свадебн. и погребальн. процессіи. 3) Бой гладіатор. 4) Скачки на колесипп. 4 р. 524, 525
Портретъ ребенка. Ф. Каульбаха . . 493
„Послѣ бури". Ст. Кускова, рис. Штейна. 373
Посуда съ каучуков. дномъ. 2 рис. . . 961
Постъ, пожарный сторожевой въ Вѣнѣ. 621
Потерпѣвшіе крушеніе. Карт. Гильфердинга 873
Поцѣлуй, Воздушный. Рис. Зондерланда. 1033
Приборъ для разр. воздуха. 553
„Пристань въ Очаковѣ". Карт. Судковскаго 520
Пріютъ, Влад.-Маріинск. близъ Вышн. Волочка 1192
Продажа свѣчей въ Іерусалимѣ . . . 336
Продажа освящ. хлѣба въ Вербн. Воскр. (Норманд). 325
Прозерпина, Похищеніе. Груп. Жирард. 909
Прыжокъ, послѣдній. Рис. Кирѣевскаго. 741
Пряпишниковъ, П. П. Арт. р. оп. . . 1252
Птица, Зонтичная. Рис. Шнехта . . . 281
Птички, Райскія. Рис. Клеменса . . . 16
Птички въ акваріумѣ. Рис. Тиссандье. 505
Пульпа. 2 рис. Тилли 240
Путь, Ледяной. Изъ Оран. въ Кроп. . 128
Пчела. 8 рис. 1200
Пятигорскъ. Видъ съ зап. стороны . . 896
Работы (Съ). Карт. Платонова 616
Раевскій, М. Ѳ. Протоіерей 548
Ракъ, Паукообразный. Рис. Тилли . . . 384
Ранке, Леопольдъ, фонъ, Проф. . . . 197
Растеніе, Вновь открытое въ Гвинеѣ. 117
Рафлезія Арнольди. Цвѣтокъ. 2 рис. . 721
Ревниведъ. Рис. Джонсона 1105
Резановъ, А. Н. Проф. 773
Рейнѣ, На, близъ Бахараха 737
Реквіемъ. Карт. Пауля. 312
Рождество за границей. Рис. Витига . 1277
Рождество Христово. Карт. Цимермана. 1268, 1269
Рождественскую, На—ночь. Р. Штейна. 1273
Ростовъ (Ярослав.) Видъ Кремля . 1136
Ростовъ (Ярослав.) Разв. дома Дмитр. Ростов. 1137
Ростовъ (Ярослав.) Бѣлая палата. 3 рис. 1140
Ручей, горный. Рис. Каразина . . . 401
Рыбакъ. Карт. Верещагина. 489
Рыбъ, гнѣзда. 10 рис. 1225, 1227, 1228, 1229
Рыбы на днѣ океана. 2 рис. . 260, 261
Рынокъ, городск. въ сред. вѣка . . . 785
Рынокъ, крытый желѣз. въ СПБ-гѣ . . 501
Савина, М. Г. 253
Салонъ (Парижск. врем. Директоріи. . 1116
Самоистязанія факировъ въ Индіи . . . 216
Самойловъ, В. В. Арт. 365
Сани, дровяныя въ Баваріи 208
Саратовъ, обвалъ Сокол. горы. 1037
Саратовъ, обв. Сокол. горы въ Затонѣ 1040
„Саша" (поэма Никитина „Кулакъ"). Рис. Земцова 517
„Сватовство", Толстаго, рис. Земцова . 1005
„Святополкъ Окаянный". Ст. Курпатова. 441
Сервантесъ. Стат. въ Мадридѣ 789
Сергій Александров. и его супруга . . 557
Сетевайо. Обрядъ его погребенія . . . 360
Сказка. Карт. Боденгаузена . 1184, 1185
„Сказка о царѣ Берендѣѣ" Жуковск. Рис. Штейна 805
Скалы на морск. бер. Карт. Цурмюл.ена. 824
Скачки въ Петерг. 2 рис. Каразина. 716, 717
Скитъ, Голгоѳо-Гаспятскій 856
„Слава въ Вышн. Богу". Карт. Рейнольдса. 332
Слоны, ученые, въ СПБ. Зоол. саду . . 549
Случевскій, К. К. 500
Слѣду, На (Въ тайгѣ). Рис. Каразина. 920
Смерть Бориса Ростов. Рис. Земцова . 861
Смерть, Моментальная. (полож. група). 740
„Смерть Іоанна Грознаго", Толстаго. Рис. Штейна 1197
Снѣгоочиститель на ж.-д. пути 141
Собиратели грибовъ. Рис. Зиновьева . . 661
„Соборяне" Лѣскова. Рис. Земцова . . 1025
Сонъ въ Рождеств. ночь. Рис. Волкова. 1276
Спокойствіе. Стат. Ленуара. . . . 925
Станція электр. освѣщ. въ Нью-Іоркѣ. 1084
Сторожъ, вѣрный, Карт. Вертгеймера. 752
Страдалецъ за принца Эдуарда VI . . 88
Танецъ дѣтей въ соборѣ (Испанія) . . 45
Теремъ Олега въ Рязани. 984
Тилли, гр. въ опасн. Карт. Виллевальда 233
„Траншеи на Шипкѣ". Верещагина. . 521
„Три пальмы" ст. Лермонт. Рис. Штейна. 64
Тріера, др.-греч. 4 рис 889
Туалетъ молодой помпеянки 589
Тоняхъ, На. Рис. Степанова 693
Торговецъ въ Тифлисѣ. Карт. Эйзенгута. 977
Торговля, промѣн. въ откр. морѣ . . 1141
Турокъ, раненый. Карт. Рубо. 1080
Тотлебенъ, Э. И. (графъ). 653
„Укрощеніе строптивой", Шекспира. Рис. Грундера. 869
Укрѣпленія въ Кронштадтѣ. (Видъ) . . 1056
Урокъ плаванія. Карт. Крайя . . . 728, 729
Урокъ вязанья. Карт. Пахера 137
Урокъ пахаря. Карт. Врангель 121
Утро, осеннее. Карт. Кронера. . . 848, 849
Утятникъ. Рис. Кирѣевскаго 1253
Фадѣевъ. Р. А. 126
Фатима. Карт. Брайтиаля 565
Фетъ, А. А. (Шеншинъ) 821
Фильтръ Пифке 406
Фокусъ, физическій 578
Фонтана. У Карт. Беннера 109
Фонтанъ Колладона. Рис. Пуае 1201
Фонтанъ, самод. комнатный. 1143
Фоторевольверъ, Энальберта. 456
Фридриха Австр. взятіе въ плѣнъ. 1212, 1213
Хемницеръ, И. И. 284
Ходъ, рѣшительный. Карт. Роцнера . 1153
Храмъ Владим. Б. М. 736
Храмъ изсѣч. въ скалѣ. (Египетъ) . . 1064
Храмъ Успенія на Троицк. погостѣ . 545
Цвѣтокъ, полевой. Рис. Стренъ . . . 993
Церкви въ Угорск. Руси 629
Церковь, Греческая въ СПБ. 1164
Церковь, Коложская близъ Гродно . 1017
Церковь въ Зеленч. ущельѣ (развалины). 1060
Церковь Богомат. на волчьемъ ручьѣ 509
Церковь въ с. Деулинѣ. Рис. Суслова . 317
Циклопъ Полиѳемъ. (Одиссея). 49
Циммерманъ, А. Е. 725
Циркъ Чинизелли въ СПБ-гѣ 81
Цукки, М-Ле. (Типъ красоты). . . . 192
„Цыгане", поэма Пушкина. Рис. Штейна. 181
Часовня въ храмѣ гроба Господня . . 333
Часовня въ пещерѣ Св. Креста. . . . 329
Часы, башенные. 6 рис. 1117
Чистяковъ, П. П. Проф. 437
Чтеніе, тайное. Карт. Омса 89
Чудеса сцены. 20 рис. . 928, 929, 932, 933
Шамшинъ, П. М. Проф. 749
Шерстобитъ. Рис. Земцова . . . 753
„Шильонскій Узникъ". Байрона, рис. Даніеля 1097
Ширинскій-Шихматовъ (Князь). . . . 528
Школа мусульм. въ Каирѣ 149
Школа (рисов.) и муз. Штиглица въ СПБ. 486
Шпагоглотатель. 3 рисунка. . . . 72
Шпильгагенъ, Фр. 462
Ѣзда въ гору зимою. Рис. Каразина. . 184
Ѣзда подъ гору зимою. Рис. Каразина. 185
Ѣзда зимняя, въ гору. Рис. Каразина. 1291
Эдипъ и Антигона. Карт. Шталл. 560, 561
Экваторіалъ, въ ларижск. обсерваторіи. 792
Энгельгардтъ, В. П. 432
Эпизодъ изъ жизни Александра I. . . . 897
Эскуріалъ. Общ. видъ 236
Эскуріалъ. Комната Филиппа II. . . . 237
Эфесъ, гор. въ древности 1237
Юдиѳь. Карт. Г. Макарта . . . 1072, 1073
Янышевъ, протопресвитеръ 29
Ярмарка, конская, въ Польшѣ. . . 344, 345

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 20 Декабря 1884 г. Типографія А. Ф. Маркса (Средняя Подъяческая, д. № 1).

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 1 | XV годъ | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 7 Января 1884 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1884 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . **4 р.**

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . **5 р. 50 к.**

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія **5 р.**

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . **6 р.**

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **8** руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку иоипарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ приниимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

На полгода безъ дост. **2** р., съ дост. **3** р., съ пер. иног. **3** р.;—на четверть года безъ дост. **1** р., съ дост. **1** р. **50** к., съ пер. иног. **1** р. **50** к.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ въ Д. № 9

При этомъ № прилаг. для подписч. „Нивы" первая безплатная премія—стѣнной Календарь на 1884 г., печатан. 2 красками

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ЯНВАРЬ 1884 г., съ 23 рисунк. и отдѣльный листъ съ 32 выкройками въ натуральн. велич. и 15 рисунками малороссійскихъ узоровъ, печатанныхъ двумя красками.

Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Радевскій.

Библиотека "Руниверс"

Новый годъ!

(Рис. на стр. 1 и 9).

Новый годъ! Сколько думъ, надеждъ, разочарованій, горя или радости приноситъ онъ съ собою. Каждый по своему представляетъ себѣ наступленіе этого знаменательнаго дня, каждый соединяетъ съ нимъ свои, глубоко затаенныя соображенія, веселыя или грустныя...

Какъ каждый человѣкъ по своему представляетъ себѣ наступленіе этого великаго дня, такъ и фантазія каждаго художника по своему варьируетъ аллегорическія изображенія этого Новаго года. На прекрасномъ рисункѣ Штейна—въ видѣ милаго, веселаго малютки, Новый годъ несется въ легкихъ санкахъ съ снѣжной горы; флагъ съ цифрою года развѣвается по морозному вѣтру; летитъ надъ нимъ голубь съ вѣткою мира и ярко разгорается лучезарное солнце. „Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!"

На другомъ же рисункѣ несется малютка „Новый годъ" и бросаетъ изъ великой урны всевозможные подарки и обѣщанія всего лучшаго... Праздничныя елки дѣтямъ, кресты и награды служащимъ, шипящее шампанское гулякамъ, книги и рисунки читателямъ и любителямъ, веселье и катанье на тройкахъ праздничному люду—за городъ, по легкому зимнему пути, и яркія, утѣшительныя надежды и мечты всѣмъ...

Желаемъ нашимъ читателямъ исполненія всѣхъ ихъ надеждъ и мечтаній, и поздравляемъ ихъ „Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!.."

Въ старой Москвѣ.

Историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ.

Гр. Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Первопрестольная, бѣлокаменная, златоглавая матушка Москва необычно волновалась и гудѣла празднично изъ края въ край. Въ зубчатыхъ, высокихъ стѣнахъ ея древняго Кремля, вокругъ соборовъ и монастырей и по всѣмъ площадямъ города вокругъ „сорока-сороковъ" храмовъ Божьихъ, на всѣхъ улицахъ и кривыхъ переулкахъ, отъ Ивана Великаго надъ Москвой-рѣкой и до всѣхъ земляныхъ валовъ и заставъ—былъ, какъ сказываетъ народъ,—дымъ коромысломъ, пиръ горой!..

Были первыя числа сентября мѣсяца, 1762 года. На дворѣ стояли теплые, ясные дни и солнце не палило, а какъ то весело и ласково золотило улицы, переполненныя пестрыми толпами народа. Все густо и гульливо заливало улицы: и пѣшеходы, и всадники, и экипажи всѣхъ родовъ, отъ казенной брички приказнаго или курьера, отъ кареты небольшаго барина или оберъ-офицера и до берлины или колымаги цугомъ, генерала и сановника. Пѣшеходы путались и переплетались, зѣваки стояли на углахъ площадей, экипажи, гремя или покачиваясь, двигались и спѣшили все болѣе въ одну сторону, къ Тверскому Яму, чрезъ ту заставу, въ которую выѣзжаютъ на Петербургскую дорогу, или пріѣзжаютъ, какъ питерскіе, такъ и заморскіе гости.

Не простой, заурядный, воскресный день или праздникъ заставилъ всю Москву подняться на ноги и зашевелиться какъ муравейникъ.

Въ стѣнахъ Бѣлокаменной ожидалось со дня на день событіе и торжество, какого не видано было уже ровно двадцать лѣтъ. Не одни москвичи наполняли улицы пестрой, разряженной и веселой толпой. Въ городѣ за послѣдніе дни собралась и съѣхалась отовсюду куча всякаго народу и всякій день прибавлялись гости со всей Имперіи. И дворянство, и чиновничество, и высшее духовенство, и военный людъ... Виднѣлись теперь чуть не на каждомъ углу сановники и вельможи безъ числа, въ своихъ дивныхъ, привезенныхъ изъ Питера каретахъ, желтыхъ и голубыхъ, съ золотыми гербами, запряженныхъ шестерикомъ и восьмерикомъ цугомъ, съ разряженными кучерами на козлахъ, съ форейторами на выносъ, съ скороходами и гайдуками на запяткахъ. Помимо того, повсюду сіяли и блестѣли разнообразные мундиры, какихъ Москва давно или совсѣмъ не видала. Чуть не полъ-гвардіи явилось тоже изъ Петербурга.

Все поднялось на ноги и ликовало въ ожиданіи ряда празднествъ въ городѣ. Помимо многочисленнаго придворнаго штата, явившагося изъ Петербурга, нѣсколько сотенъ дворянскихъ семействъ собралось тоже въ Москву со всѣхъ краевъ и концовъ Россіи. Всякая семья явилась съ чадами и домочадцами, съ дворней и скарбомъ. Большая часть пріѣзжающихъ разсѣялась въ домахъ родственниковъ, друзей и близкихъ. Въ иныхъ барскихъ хоромахъ, гдѣ уже съ десятокъ лѣтъ царила тишина и замѣчалось малолюдство, теперь по вечерамъ домъ горѣлъ огнями, гудѣлъ голосами. Будто отъ зари до зари шелъ пиръ горой. Иные родственники, явившись въ пяти экипажахъ, съ прибавкой десяти подводъ для холоповъ и поклажи, аравой вваливались во дворъ пріютившаго ихъ къ себѣ дяди, дѣда, братца, тетушки. И послѣ долгой разлуки, да еще ради свиданія при такой особой, праздничной обстановкѣ, когда весь городъ собирался ликовать—встрѣчи происходили еще веселѣе. Будто на свадьбы съѣзжались всѣ и во всякомъ домѣ были женихъ или невѣста.

Теперь на каждыхъ двухъ, трехъ москвичей, казалось, приходится непремѣнно по одному гостю; столько вдругъ наѣхало народу въ Бѣлокаменную. И конечно не изъ одного Петербурга, а изъ всѣхъ намѣстничествъ и областей обширнаго отечества.

Причина на это была особая.

Государыня Екатерина Алексѣевна, вступивъ два мѣсяца тому назадъ на престолъ, въ Петровъ день, тотчасъ объявила на сентябрь священное вѣнчаніе на царство въ древней столицѣ и тотчасъ же начались приготовленія къ торжеству и всѣмъ празднествамъ коронаціи.

Въ эти дни, государыня, послѣ быстраго пути чрезъ Новгородъ и Тверь—явилась уже съ многочисленной, блестящей свитой и остановилась близъ Москвы, въ селѣ Петровскомъ, фельдмаршала графа Разумовскаго, въ ожиданіи торжественнаго въѣзда въ Первопрестольную.

У самыхъ Тверскихъ воротъ, гдѣ толкалось и шумѣло наиболѣе народа, гдѣ постоянно проѣзжали кареты по направленію къ селу Петровскому и обратно, въ кучкѣ простыхъ зѣвакъ, стоялъ измайловскій сержантъ и равнодушно, хотя отчасти сумрачно, оглядывалъ толпу.

Это былъ высокій и красивый молодой человѣкъ, лѣтъ 23-хъ, и еслибы не военная служба и не обычай дворянскій тщательно бриться, то конечно у него была бы уже теперь изрядная черная борода и усы. Плохо выбритое лицо лучше всего доказывало теперь его возрастъ и возмужалость. Народъ, двигавшійся кругомъ него, мало привыкшій къ его мундиру, почтительно и осторожно обходилъ его, нѣкоторые мужики даже ломали шапку и сержантъ безсознательно кивалъ головой или произносилъ небрежно: здорово! здорово!

Ему однако отчасти надоѣдало, что всякій изъ прохожихъ оглядывалъ его, а иногда бабы или мальчишки останавливались предъ нимъ, составляя по неволѣ кучки, и добродушно глазѣли на его довольно простой мундиръ, никогда никого, конечно, не интересовавшій въ Питерѣ.

Библиотека "Руниверс"

Сержантъ внимательно оглядывалъ всѣ кареты, которыя проѣзжали мимо него, а равно и сидящихъ въ нихъ, какъ еслибъ онъ за этимъ собственно и стоялъ на углу улицы.

— Борщевъ? раздалось вдругъ около него.

Сержантъ обернулся и увидѣлъ молодаго человѣка въ простомъ нѣмецкомъ платьѣ, который тянулся къ нему чрезъ толпу.

— А? Деревня... Тоже изъ норы выползла на коронацію! подумалъ онъ.

— Здорово, когда пожаловалъ въ Москву? продолжалъ статскій, обнимаясь и цѣлуясь съ сержантомъ.

— Вчера только. А полкъ уже съ недѣлю, коли не больше, отозвался сержантъ. Только меня задержали. А ты когда? Братъ твой давно здѣсь. Я чай ужь сегодня видѣлся съ нимъ...

— Нѣтъ еще... Никакъ не найду... Вотъ спасибо тебя встрѣтилъ. Вотъ я третій день въ Москвѣ—справляюсь объ немъ чрезъ родню московскую, да никто навѣрно не знаетъ. Кто посылалъ на Воронцово поле, кто къ земляному валу. День побѣгалъ и бросилъ. Ты скажешь?

— Вѣстимо. Я съ нимъ стою. На Плющихѣ, домъ дьячка Власова, не то Соврасова, не то Савелова. Не упомню. Да это и не нужно. Зеленый большой домъ... А за воротами вѣкъ торчатъ наши деньщики. Ты спроси объ Гурьевыхъ. Мы всѣ вмѣстѣ. Да насъ меньше знаютъ. А Сеньку Гурьева вся Москва знаетъ.

— Ну спасибо. А то бы еще недѣлю проискалъ. Москва не Петербургъ. У васъ всего три улицы да десятокъ домовъ... А тутъ гляди—чуть не цѣлое государство.

— Ну ужь и три... Небось и у насъ городъ. Да починце этой деревенщины Москвы, отозвался насмѣшливо сержантъ. Да и народъ чуденъ. Гладитъ вотъ, на насъ, гвардейцевъ, якобы на какую заморскую птицу. Такъ всего и вылижетъ глазами. Ишь вѣдь таращутся. И онъ прибавилъ, обращаясь къ ближайшей бабѣ: Смотри, сглазишь!

Вновь подошедшій въ нѣмецкомъ платьѣ, человѣкъ лѣтъ 30-ти, былъ дворянинъ Хрущевъ, извѣстный когда то въ Петербургѣ своими прибаутками и страстью къ тремъ вещамъ: къ вину, къ картамъ, и къ крѣпкимъ шуткамъ, за которыя ему не разъ доставалось. Онъ и теперь съострилъ довольно грубовато на счетъ мундира сержанта, какъ бы оправдывая любопытство зѣвакъ московскихъ.

Борщеву острое слово не понравилось, тѣмъ болѣе, что двое мѣщанъ прохожихъ слышали и разсмѣялись на шутку барина.

— А ты все по старому сориш языкомъ! На мнѣ одежда, а на тебѣ что?.. рухлядь... Не то ты дворянинъ, не то—купецъ изъ Данцига, съ устрицами или апельсинами... Я помру—эдакого не надѣну...

— Отчего?.. Чѣмъ не одёжа? Грѣшное тѣло кроетъ, добродушно отвѣтилъ Хрущевъ, оглядывая себя. За то, голубчикъ, нашъ братъ ни отъ кого не зависитъ. Вольная птица!

— Вамъ и кличка: рябчики. Лучше говори, стало быть—дикая птица.

— Дикая?.. Что-жь, не наша вина. Было прежде хорошее дворянское платье, боярское, сказываютъ дѣды. Петръ Алексѣевичъ спортняжилъ вотъ новое. Да еще при нашихъ зимахъ да морозахъ рожи всѣ повелѣлъ оголить.

— Я бы ни за что къ статскимъ дѣламъ не пошелъ! Срамота! Ты кажись самъ пожелалъ такъ? отозвался сержантъ.

— Да. Кабы вышелъ тогда указъ о вольности дворянской, такъ я бы вовсе ушелъ, да взялъ бы абшидъ. А тогда одно спасенье было отъ военщины,—къ статскимъ дѣламъ пристроиться.

— Ты какъ именуешься то, по вашему, по приказному? насмѣшливо спросилъ сержантъ.

— Коллежскій ассесоръ.

— Ассесоръ?.. Коллежскій? Вѣдь это же совсѣмъ не понятно. Ничего не сказываетъ. Будто зря болтаешь языкомъ! разсмѣялся Борщевъ.

II.

Молодые люди, перекинувшись еще нѣсколькими шутками, вмѣстѣ направились въ городъ. Хрущевъ, бывшій гвардеецъ, сталъ разспрашивать о братѣ своемъ, котораго давно не видалъ, и который былъ уже поручикомъ Измайловскаго полка. Понемногу бесѣда ихъ перешла на другой предметъ, на новости дня. Борщевъ, какъ Петербургскій гвардеецъ, могъ многое, для него даже не интересное и старое, передать помѣщику, пріѣхавшему изъ подмосковной вотчины, т. е. объ Царицѣ, о коронаціи, о новыхъ наградахъ и милостяхъ, о придворныхъ толкахъ.

Они двинулись тихонько по Тверской, но потомъ, чтобы уйти отъ толпы и толкотни, повернули въ переулокъ, потому что разговоръ снова перемѣнился и они заговорили уже въ полголоса.

— Мы, Измайловцы, первые примѣръ подали, какъ вышли къ ней съ хлѣбомъ и солью! говорилъ Борщевъ. Орудовали всѣ поровну и всѣ могли подъ экзекуцію попасть. Ну, а теперь изъ нашихъ одинъ Ласунскій пуще всѣхъ въ милости и будетъ награжденъ не въ примѣръ прочимъ. Возгордился тоже не въ мѣру, изъ за дружбы тѣхъ двухъ братьевъ, Гришки да Алехи. Ну—Орловыхъ.

— А что-жь тѣ... Орловы?

— Какъ что? Тѣ вѣдь коноводами сочлись! А враки! Говорю: всѣ равно старались. И мы, и Семеновцы, и Преображенцы... А теперь два героя вишь только и есть, двое братьевъ Орловыхъ...

И Борщевъ сталъ подробно разсказывать Хрущеву, какъ произошелъ переворотъ въ пользу императрицы. Молодой сержантъ самъ не замѣчалъ, что описывая іюньскіе дни, онъ поневолѣ всего чаще поминалъ имя Орловыхъ.

Потихоньку и незамѣтно дошли собесѣдники до Никитской улицы. Здѣсь передъ ними вдругъ, съ большаго барскаго двора, выѣхала на средину улицы, стуча и покачиваясь на высокихъ рессорахъ, изящная голубая карета. Замѣчательный цугъ въ восемь лошадей, вороной масти, въ красивой блестящей сбруѣ, а сзади на запяткахъ два рослые скорохода, въ придворныхъ раззолоченыхъ кафтанахъ—были принадлежностью только вельможъ. Карета быстро пронеслась мимо и въ ней мелькула фигура очень молодаго офицера.

— Вотъ! Легокъ на поминѣ! Будто на смѣхъ изъ земли выросъ! досадливо воскликнулъ Борщевъ, останавливаясь и указывая пріятелю пальцемъ на проѣхавшую карету. Скажи на милость! Какой сановникъ! Цугомъ въ восемь коней.

— Кто такой? спросилъ Хрущевъ.

— А онъ самъ. Нынѣ вельможа! разсмѣялся даже съ оттѣнкомъ злобы Борщевъ. Изъ грязи, да въ князи! Самъ онъ! Гришка Орловъ!

— Вонъ какъ поѣхалъ! удивленно пробормоталъ Хрущевъ. Да вѣрно-ли? Можетъ тебѣ почудилось... со зла! Все его поминалъ дорогой.

— Я его за сто верстъ узнаю...

— Я думаю, братецъ, ты маху далъ со зла. Повѣрь, что это Разумовскій! настаивалъ Хрущевъ.

Въ ворота, изъ которыхъ только что выѣхала карета, показалось двое дворовыхъ людей. Борщевъ спросилъ ихъ, чья карета и получилъ въ отвѣтъ:

— Господина Орлова. Къ братцу пріѣзжали въ гости. Это вотъ ихъ родителя покойнаго домъ будетъ.

Молча снова двинулись молодые люди и, отойдя нѣсколько шаговъ, заговорили.

— Важно! сказалъ Хрущевъ. Вонъ у васъ въ Питерѣ какое бываетъ...

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. „Катерина". Поэма Т. Г. Шевченко. Ориг. рис. Сластенова, грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

— Да, братецъ... Вотъ они дѣла какія. Фортуна! Все на свѣтѣ Фортуна!.. сказалъ вдругъ Борщевъ.

— Это что такое? Новое слово! При мнѣ еще не сказывалось... Еще на кораблѣ привезено не было. Что оно значитъ?

— Фортуна-то... А чортъ ее знаетъ... Такъ стали сказывать. Нынѣ все новыя слова слышишь. Не успѣешь учить... Да. Фортуна, т. е. кому счастье, а кому—шишъ, во всю жизнь и до скончанія вѣка...

— Аминь! прибавилъ Хрущевъ смѣясь.

— Да, аминь... намъ. А ему съ братьями и „аминя" этого не будетъ. Пойдетъ дождить теперь всякое безъ конца. И чины, и ордена, и вотчины, и дома, и сервизы разные... Два мѣсяца тому съ половиной этотъ самый вельможа скороспѣлый, занялъ у насъ въ полку, у капитана Горбова, полсотни рублей... Не съ чѣмъ было за карты сѣсть. Долженъ былъ во всѣхъ лавочкахъ да трактирахъ. Не было ему другаго званья, какъ Гришка—Вѣдмедь. А теперь поди у него червонцами всѣ карманы... Куда карманы! Всѣ комоды, поди, червонцами набиты биткомъ. Тьфу! Видѣть не могу!

— И чего это ты такъ разкипятился! удивленно наконецъ спросилъ Хрущевъ. Ну подивися, а злиться то чего же?

— Какъ же не злиться то!

— Завидки берутъ! Стыдно-ста, сержантъ.

— Не завидки, братецъ... А справедливость нужна. Награждай заслуги отечеству. Возвышай достойныхъ за ихъ дѣла. А это что? Вчера на дохлой парѣ, а нынче цугомъ изъ восьми коней! Вчера былъ поручикъ и цалмейстеръ, а нынче вельможа!

— Нѣтъ, братецъ, прости прямое слово: у тебя поповы завидущіе глаза!

— Ахъ ты деревня! воскликнулъ сержантъ. Да нешто я одинъ! Вѣдь мы его теперь, этого остолопа, какъ черта взлюбили. Ему даже головы не сносить. Вотъ что я тебѣ скажу. Ей Богу! Три, четыре мѣсяца тому будетъ, онъ лебезилъ подлый, какъ бѣсъ передъ заутреней съ нами разсыпался. А теперь рукой не достанешь. Ну, просто вельможа. Да и будетъ скоро...

— Да. Годиковъ черезъ десятокъ, вѣстимо въ генералы...

— Черезъ десятокъ... Эвося! Это прежде такъ-то бывало при царѣ Алексѣѣ, либо при Петрѣ... А при царицахъ не такъ, братецъ. Разумовскій, сказываютъ, какъ въ одинъ годъ шаркнулъ?

— Да это вѣрно!... Изъ пѣвчихъ—въ фельдмаршалы!—Дистанція!

— Ну и этотъ гляди. Въ коронацію гетманомъ либо графомъ будетъ, сердился Борщевъ.

— Ну вотъ тоже! Хватилъ! Графомъ.

— Вѣрно я тебѣ говорю. Объ этомъ ужь и слухъ есть. Всѣ Орловы—графы будутъ.

— Графъ... да Орловъ... Оно вмѣстѣ какъ то не складно сдается, замѣтилъ Хрущевъ.

— Будетъ складно, какъ прикажутъ такъ именовать.

— Чтожь! Первый то графъ тоже не графомъ родился. А то вѣдь эдакъ и Евѣ бы слѣдовало ужь графиней именоваться, разсудилъ глубокомысленно Хрущевъ.

Молодые люди замолчали. Досада сержанта прошла. Онъ очевидно думалъ уже о другомъ о чемъ то не веселомъ, ибо лицо его стало добродушно, но слегка печально. Хрущевъ раздумывалъ о слышанномъ.

— Головы ему отъ васъ не сносить, говоришь! произнесъ онъ наконецъ. Какой вы, гвардейцы, народъ. Баловники. Вольница. Тутъ вотъ за услуги, царица коней подарила... Отличаетъ милостями. И ужь, вѣдомое дѣло, не зря. Что ты тамъ ни толкуй—не повѣрю. А поглядѣли бы вы, что у насъ въ глуши, въ иномъ какомъ намѣстничествѣ, воевода какой, а то и просто судья, либо приказный какой... Что они говорятъ! Поѣдомъ ѣдятъ — и вотчины, и помѣщиковъ. Этотъ по винѣ монарха высоко взлетѣлъ и никого не обижаетъ! А тотъ вѣдь тля, мразь, иной вольно-отпущенникъ, вчера самъ былъ холопомъ у барина. А нынѣ нашему брату дворянину кричитъ: Я тебя въ бараній рогъ согну! У насъ въ губернской канцеляріи, регистраторъ, мѣсяцъ съ тому будетъ, приводилъ мѣщанъ къ присягѣ по случаю восшествія на престолъ и якобы налогъ въ казну—бралъ по гривнѣ со всякаго присягавшаго... Я, дворянинъ и тоже бывшій гвардеецъ, а не прохвостъ какой, сунулся было ему перечить, сказалъ, что это не законный поборъ съ темныхъ людей. Такъ меня по его жалобѣ воевода призывалъ, да объявилъ мнѣ, что яко смутителя народнаго по этапу пошлетъ въ Петербургъ. Ну я и замолчалъ!...

— Напрасно. По суду бы очистили! замѣтилъ Борщевъ.

— Да очистили бы чрезъ десять лѣтъ, какъ ужь верстъ тысячу отмахалъ бы по этапу съ ворами да душегубами... Нѣтъ, братецъ, поживи-ко вотъ въ нашей глуши, въ деревнѣ. А что—Орловъ! Никому отъ него раззоренія нѣтъ, даже и обиды нѣтъ. Завидки васъ взяли! Больше ничего!

— Да мнѣ то... чортъ съ нимъ! добродушно отозвался Борщевъ. Я въ генералы
этой корысти нѣтъ. Выйд
ціи—я самъ абшидъ возь
— Что такъ? А самъ
— Къ статскимъ дѣлам
нется...

— Что-жь дѣлать будешь. Въ вотчину поѣдешь.

— Женюся или... Да прямо скажу: женюся или покончу съ собой!

— Вона какъ? воскликнулъ Хрущевъ.

— Услышишь — повѣришь. Вспомнишь, что правду сказывалъ... Ну, прости, мнѣ пора, тутъ недалече по одному дѣлу...

— Прощай. Ввечеру свидимся. Я прямо къ брату на Плющиху...

Молодые люди простились. Борщевъ прибавилъ грустно:

— Вотъ что, другъ. Ты тамъ у Гурьевыхъ не сказывай про то, что слышалъ сейчасъ отъ меня.

— Про Орлова то? Зачѣмъ! Я не болтливъ.

— Кой чортъ, про Орлова! Они тамъ съ твоимъ братомъ и не того тебѣ наскажутъ. Всю вселенную разнесутъ по клочкамъ! улыбнулся Борщевъ. А ты про мое то помолчи, что я собираюсь дѣлать... Это у меня впервой такъ съ языка сорвалось! Коли женюсь—самъ скажу. Коли убьюсь—услышутъ послѣ...

III.

На углу Моросейки и Лубянки, въ глубинѣ большаго двора, стояли двухъ-этажныя палаты всѣмъ извѣстнаго въ Москвѣ большаго барина и хлѣбосола князя Лубянскаго. Домъ этотъ, низкій и длинный, съ простыми стѣнами, безъ всякихъ украшеній, плохо выкрашенный, мѣстами съ обвалившейся штукатуркой, гдѣ пестрѣли красные кирпичи, съ тусклыми стеклами въ окнахъ—угрюмо выглядывалъ изъ глубины двора. Видно было, что владѣлецъ—бояринъ и князь, мало заботился объ внѣшности своего жилища. Чужому человѣку можно было даже подумать, что бояринъ или скупецъ или же поразстроилъ свои дѣла кутежемъ или картами... Но всякій москвичъ зналъ хорошо, что угрюмый и запущенный видъ этого дома ничего худаго не доказываетъ.

Всѣ знали давно князя Лубянскаго, знали какая у него большая казна, сколько вотчинъ, жалованныхъ его отцу еще Петромъ I, и знали всѣ, что состояніе князя въ полнѣйшемъ порядкѣ. Князь былъ одинъ изъ первыхъ богачей Москвы.

Всѣ знали и отвѣтъ князя, когда его понукали подновлять палаты, выбѣлить или „отмалевать стѣны подъ глазурь" или выкрасить крышу.

Библиотека "Руниверс"

— Чего я оуду его украшать... Мой домъ, что я самъ, въ какое платье ни наряди—ни хуже, ни лучше не будемъ. Человѣкъ душою блеститъ, а домъ горницами опрятными, да хлѣбомъ-солью.

Домъ князя былъ выстроенъ еще во время правленія царевны Софьи Алексѣевны, его отцемъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Лубянскимъ.

Князь увѣрялъ теперь, что отъ его дома и по его имени вся площадь ближайшая прозвалась Лубянскою, но это было не совсѣмъ вѣрно, или на половину вѣрно.

Родъ князей Лубянскихъ литовскаго происхожденія, неизвѣстно какъ появился въ Московскомъ государствѣ и поступилъ на службу къ царямъ, но за то и площадь у Китай-города звалась Лубянскою тоже испоконъ вѣку. Конечно могло быть, что когда нибудь, за двѣсти лѣтъ предъ тѣмъ, литовскіе выходцы дали площади свое имя, но на это доказательствъ не было. Вѣроятнѣе, что площадь была сначала „лубяная", а потомъ стала Лубянскою. Что касается до совпаденія того обстоятельства, что домъ князя помѣщался на углу одноименной площади, то покойный князь Алексѣй Михайловичъ умышленю купилъ когда то тутъ мѣсто и выстроилъ этотъ домъ.

Его сынъ, нынѣшній владѣлецъ, родился въ этомъ самомъ домѣ въ началѣ столѣтія, въ 1701 году, когда домъ, начатый стройкой уже давно, окончательно принялъ свой теперешній видъ, т. е. когда правое его крыло было покрыто крышей, и дворня перешла туда на житье изъ наемнаго помѣщенія.

Поэтому князь говорилъ, что онъ ровесникъ дому своему, по этой же причинѣ особенно нѣжно относился къ своему жилищу, звалъ его то „пріятелемъ", то „братцемъ". Украшать же и ухаживать за домомъ, подновлять его почаще не хотѣлъ изъ какого то простаго упрямства.

— Вѣдь не стѣны валятся! А глина, да краска стѣнамъ не нужна. Что дѣлать? Вонъ и у меня все новыя дырки дѣлаются, показывалъ онъ на свои морщины. Этого изъяну и совсѣмъ не поправить. Ну, а каковъ я становлюсь, пускай таковъ и домъ мой будетъ. А то у меня старика на него зависть разгорится, какъ онъ вдругъ моложе меня будетъ выглядывать.

омъ была дѣйствительно единственная причина
о домъ не подновлялся. И въ этой малой при-
азывался и вырисовывался весь характеръ князя.
что его друзья или дальніе родственники счи-
упрямствомъ или прихотью, имѣло однако всегда основаніе. Часто приходилось князю дѣлать что нибудь, или наоборотъ отказывать въ чемъ нибудь, не соглашаться, — безъ всякой видимой разумной причины. Но это было такъ для постороннихъ. Самъ князь отлично зналъ почему и на какомъ основаніи онъ что либо дѣлаетъ. Когда онъ объяснялся, выходило дѣло хоть и чудно, но понятно и просто. Когда князь таилъ причину, всѣ говорили:

— Упрямица извѣстная... Что съ него взять.

Князь былъ крестникомъ сына знаменитаго боярина Матвѣева, погибшаго отъ рукъ возмутившихся стрѣльцовъ. Отецъ князя и бояринъ были большіе друзья, и даже князь Алексѣй Михайловичъ чуть-чуть тоже не погибъ отъ этого. При убійствѣ боярина Матвѣева, онъ сталъ на улицѣ громко и смѣло выговаривать бунтовщикамъ-стрѣльцамъ, обзывая ихъ лиходѣями и дьяволовымъ сѣменемъ за всѣ ихъ преступленія.

— Плаха и топоръ по васъ плачутъ давно! Дождетесь и вы суда и расправы! предсказалъ имъ князь.

Родившійся впослѣдствіи сынъ, названъ былъ Артамономъ, въ честь убіеннаго боярина-друга. А отцемъ крестнымъ былъ сынъ мученика, Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ. любимецъ великаго императора.

Эта дружба съ семьей убіеннаго боярина не мало содѣйствовала возвышенію отца князя и милостямъ государя къ нему. Государь любилъ конечно семью Матвѣевыхъ, чрезъ которыхъ стала царицей его мать, любилъ часто говорить о погибшемъ въ смутѣ бояринѣ. Бывая въ Москвѣ, государь всегда заѣзжалъ на могилу мученика, служилъ панихиду по „убіенномъ бояринѣ Артамонѣ", а затѣмъ ѣхалъ кушать по сосѣдству, въ домъ къ его первому другу, князю Алексѣю Михайловичу Лубянскому.

При этомъ когда мальчикъ, сынъ князя, былъ уже побольше, государь требовалъ, чтобы привели и за столомъ посадили и Артамошку, т. е. нынѣшняго владѣльца палатъ.

Князь помнилъ хорошо свои разговоры съ государемъ, его шутки, или серьезные совѣты.

— Учись, Артамонъ. Будешь такой же умный какой твой теска. Вотъ твой крестный отецъ гляди какой молодецъ, а все отъ того, что учился.

Однако князь, помнившій хорошо царя и его совѣты — учился туго и теперь былъ только слегка грамотенъ. Умѣлъ безъ запинки прочесть по русски и по славянски, да умѣлъ письмо написать.

Хоть и хлопоталъ сначала его отецъ объ ученьи с его Артамона, даже чуть было не собралъ его за г нницу ѣхать учиться съ другими сверстниками, но вдру неожиданно умеръ, какъ сыну было только 17 лѣ отъ роду.

Князь Артамонъ, еще прежде потерявшій мать и мужнюю сестру,—по смерти отца остался совсѣмъ о нокъ. Тогда то вотъ онъ и началъ любить свой дом называть его „братцемъ". Ближе и дороже этого до никого и ничего у князя не было. Дальнихъ родствен ковъ конечно набиралось много, — но князь относи къ нимъ добродушно, привѣтливо, но близко не с дился ни съ однимъ. Семья покойной сестры жила б выѣздно въ деревнѣ.

Вся жизнь князя Артамона Алексѣевича отъ сме отца, заставшей его юношей, и до теперешнихъ 60 лѣтъ, прошла буднично, однообразно, изо-дня въ дел

Ни разу не выѣхалъ князь изъ Москвы, за исклю ніемъ одной своей подмосковной вотчины, гдѣ проводи изрѣдка лѣто и осень. Ни разу князь не пожелалъ да съѣздить въ Петербургъ. Всѣ удивлялись чудачест какъ не возьметъ богача любопытство повидать по рожденный городъ, который какъ грибъ выросъ, и быс украсился не хуже древней Москвы. Какъ не пожелать и себя тамъ показать.

Теперь князь былъ вдовъ уже давно и во всемъ бо шомъ домѣ, помимо его самого, было теперь только од близкое и дорогое ему существо, — 20-ти-лѣтняя дочь Ан

Князь почти до сорока лѣтъ прожилъ, не рѣшивши ни разу сочетаться законнымъ бракомъ. Много разъ многія дѣвушки разныхъ дворянскихъ семей нравили ему, иногда и очень сильно. Всякая семья и всякая д вушка по всей Москвѣ сочла бы себя счастливой назв князя женихомъ и породниться. Это еще болѣе обл чало, казалось, возм
тельности было наобо
обстоятельство именно

Чѣмъ болѣе ухажива
нѣе онъ считалъ возмо
убѣжденный, что его ловятъ за титулъ и за состояніе.

— Не я ей нуженъ! думалъ онъ и сторонился.

И такъ дожилъ онъ почти до сорока лѣтъ. За то женился вдругъ, совершенно неожиданно, къ удивленію какъ своему, такъ и всѣхъ знакомыхъ.

IV.

Въ годъ смерти императрицы Анны Іоанновны пріѣхала въ Москву и поселилась небогатая женщина съ красавицей-дочерью, происхожденьемъ съ Юга. Это была вдова именитаго, какъ говорили, владѣтеля Гирея, изъ Крыма, которая пріѣхала въ Москву хлопотать по своему дѣлу и просить защиты у русскаго правительства

Библиотека "Руниверс"

противъ хана Крымскаго, отнявшаго у нея всѣ земли, пограничныя съ русскими владѣньями Вдова стала именовать себя „княгиней“ Гиреевой, носила оригинальный, красивый и еще невиданный Москвичами костюмъ и конечно сначала ни слова не знала по русски, но потомъ вскорѣ научилась очень изрядно объясняться. Съ ней пріѣхалъ десятокъ такой же дворни—татаръ и татарокъ. Вдову княгиню приняли въ московскіе дома, какъ всегда всѣхъ, гостепріимно и радушно, всюду звали, угощали, обѣщали помощь и покровительство въ ея дѣлѣ, но покуда только забавлялись ея русскимъ языкомъ, ея свитой, ея одеждой: чадрой, шальварами, бешметомъ и феской...

Скоро шутники прозвали ее „бешметная княгиня“, но всѣ любили. Болѣе же всего москвичи ухаживали за дочерью княгини, которая была замѣчательной красоты и казалась еще краше въ своемъ костюмѣ, въ ожерельяхъ изъ монетъ и въ пунцовой фескѣ, разшитой золотомъ и драгоцѣнными каменьями, не смотря на скудныя средства матери. Красавица-дочь—„крымская княжна“ какъ прозвали ее, съ ума свела всю московскую молодежь, а въ томъ числѣ и пуще всѣхъ сорокалѣтняго холостяка князя Лубянскаго.

Сначала мудрено было всѣмъ молодымъ людямъ знакомиться и бесѣдовать съ красавицей, но не прошло четырехъ мѣсяцевъ, какъ княжна, по имени Атыдже, отлично выучилась по русски и совсѣмъ сжилась съ новыми друзьями и новыми правами. Свой обычай, священный на родинѣ, носить чадру и вѣкъ скрывать лицо свое—обѣ, и мать, и дочь, тотчасъ бросили. Красивой Атыдже было не болѣе 16 лѣтъ, но казалась она старше. Замѣчательные черные глаза, длинные, волнистые, черные какъ уголь волосы, разплетенныя на пятьдесятъ мельчайшихъ косъ, вѣчно разсыпанныхъ по бархатному бешмету, на спинѣ и на плечахъ, бѣлый, матовый цвѣтъ лица и пухленькія, ласково и кротко улыбающіяся губки,—вмѣстѣ съ забавнымъ, но милымъ акцентомъ при произношеніи—все плѣняло барынь и дѣвушекъ, и молодежь, и даже стариковъ.

Князь сталъ бывать часто у княгини Гиреевой и началъ подолгу бесѣдовать и заглядываться на княжну Атыдже. А красавица, въ свою очередь, становилась неравнодушна къ князю.

Вскорѣ никому уже не было тайной, что молодые люди влюблены другъ въ друга, и многіе уже начинали задавать себѣ вопросъ о томъ, будетъ ли подобный бракъ для князя—дѣломъ простымъ и об[illegible]ъ, или же сравной глупостью и [illegible]ообразиц[illegible] барыни, у которыхъ были дочки-невѣсты, считали подобный бракъ даже грѣховнымъ дѣломъ для русскаго князя.

— Броситъ и эту. Не первый разъ! говорили однѣ.

— Клюнулъ! Зацѣпили! скоро „бешметная“ княгиня переѣдетъ въ палаты, въ тещи къ князю, говорили другія.

Однако дѣло тянулось и вдругъ повернулось совершенно неожиданно для всѣхъ. Княгиня, не привыкшая у себя на родинѣ къ морозамъ и вьюгамъ—простудилась на святкахъ, при катаньи съ ледяныхъ горъ, и чрезъ три дня была на столѣ.

Покуда московскія барыни, ея пріятельницы и покровительницы, охали и ахали какъ быть и что дѣлать, кому басурманку отпѣвать и какъ, да гдѣ хоронить, и вообще какъ изъ эдакаго скандала выпутаться—молоденькая княжна, пораженная внезапной смертью матери, совсѣмъ одичала. Она молчала какъ убитая, сидѣла не шевельнувшись по цѣлымъ часамъ около тѣла матери, но не плакала. У нея отъ ужаса ея положенья круглой сироты на чужой сторонѣ и слезъ не было. Только боязливо-кроткое выраженіе ея глазъ и сомкнутый въ рѣзкую складку ротъ, ясно говорили всякому, какъ она сильно страдаетъ въ своей безгласной скорби. Княгиню съ грѣхомъ пополамъ отпѣли, выискавъ гдѣ то какого то татарина, который поклялся, что онъ, коли не мулла, то въ родѣ того, и разныя молитвы по своему обряду надъ тѣломъ прочесть можетъ. Затѣмъ „бешметную“ покойницу похоронили подъ Москвой, около ограды одного изъ нѣмецкихъ кладбищъ. Нѣмцы зашумѣли было, но начальство пригрозилось и все сошло благополучно.

И княжна Атыдже осталась съ своей дворней дармоѣдовъ-татаръ—одна на бѣломъ свѣтѣ.

Сразу явилось много добросердечныхъ боярынь, которыя звали княжну къ себѣ на хлѣба; но она не шла, и только пугливо озиралась на всѣ предложенья. Князь тоже видалъ княжну Атыдже и также по прежнему страстно заглядывался на нее, но не говорилъ и не предпринималъ ничего... Богъ знаетъ, что у него творилось на душѣ!.. Близко его знавшіе увѣряли, что онъ сильно влюбленъ, какъ никогда еще, но стыдится молвы народной и поэтому не рѣшается жениться на татаркѣ, хотя бы и княжескаго рода. Это была отчасти правда. Родовая гордость была теперь помѣхой князю, когда сердце его, въ сорокъ лѣтъ, было совершенно побѣждено въ первый разъ въ жизни, а стало быть, думалъ онъ, въ послѣдній... Князь мучился, но рѣшиться не могъ.

Однажды Артамонъ Алексѣевичъ, особенно задумчивый и угрюмый со дня смерти „бешметной“ княгини—былъ вдругъ до нельзя встревоженъ извѣстіемъ, которое обѣжало быстро всю Москву. За красавицу-княжну Атыдже сватался всѣмъ извѣстный въ Москвѣ богачъ—вдовецъ и генералъ.

Это былъ уже старикъ за шестьдесятъ лѣтъ, далеко не казистый и съ молоду, и теперь совершеннѣйшій сморчекъ. А между тѣмъ Атыдже сразу дала свое согласіе.

Это извѣстіе какъ громомъ сразило князя! Онъ даже не поѣхалъ узнать вѣсть отъ самой княжны. Онъ думалъ, и былъ увѣренъ, что она его любитъ, и ошибся.

— Что-жь. Не судьба! подумалъ онъ. Да и не рука. Я князь Лубянскій—не генералъ, а ночище...

И князь рѣшилъ болѣе не видать своей возлюбленной.

Но чрезъ два-три дня произошло нѣчто чрезвычайное въ домѣ князя, которое однако осталось тайной для всѣхъ знакомыхъ и друзей.

Только теперь, спустя двадцать лѣтъ, было оно извѣстно немногимъ лицамъ.

Однажды, въ семь часовъ вечера, когда князь одинъ одинехонекъ, съ грустью на сердцѣ, садился за свой ужинъ, въ лучахъ двухъ розовыхъ свѣчей, стоявшихъ на столѣ—появилась внезапно въ горницѣ фигура, укутанная въ темное съ головы до полу...

И къ ногамъ изумленнаго Артамона Алексѣевича упала крымская княжна, умоляя взять ее къ себѣ просто хоть нахлѣбницей и наложницей, такъ какъ ему, русскому князю, нельзя жениться на басурманкѣ.

Оказалось, что Атыдже давно безумно любитъ князя и конечно предпочитаетъ идти къ нему въ наложницы, нежели замужъ за богача-генерала.

Подумать, отказать генералу, подождать, чтобы самъ князь высказался, Атыдже было невозможно, такъ какъ покойница мать задолжала богачу-вдовцу тысячу рублей и теперь старикъ требовалъ или деньги или согласія на бракъ.

Чрезъ мѣсяцъ княжна Атыдже называлась уже Маріей, т. е. приняла православіе, а еще чрезъ мѣсяцъ была княгиней Лубянской, безумно обожаемой мужемъ за свою красоту и за свою кротость.

Но чрезъ шесть лѣтъ княгиню убили тѣже морозы...

Она скончалась послѣ долгой, но тихой болѣзни, тянувшейся годъ. Больная лежала безъ движенія и таяла какъ свѣча, огонекъ жизни сосредоточился только въ глазахъ, но все тускнѣлъ и наконецъ погасъ на вѣки...

Князь едва не лишился разсудка отъ горя. Единственной утѣхой вдовца осталась маленькая дѣвочка, дочь, живой портретъ матери!

(До слѣд. №).

Библиотека "Руниверс"

Новый годъ. Ориг. рис. П. П. Гнѣдича, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

И. С. Тургеневъ у себя,

въ его послѣдній пріѣздъ на родину.

Изъ воспоминаній

Я. П. Полонскаго.

I.

Когда торжественно хоронили Ѳ. М. Достоевскаго, когда цѣлый лѣсъ вѣнковъ сопровождалъ гробъ его, и народъ запружалъ всѣ улицы, одинъ бѣдный молодой человѣкъ, забитый нуждой и обстоятельствами, проходя мимо, повернулъ ко мнѣ блѣдное, но уже сіяющее лицо—и сказалъ: „Ну, теперь я вижу, что жить—еще стоитъ".

Вообразите, что это *„жить еще стоитъ"* подумалъ не онъ одинъ—а тысячи, десятки тысячъ присутствующихъ... и—вы не ошибетесь. Никто этого не высказывалъ; но всѣ были такъ настроены, что—жить стоитъ.—Общество, ко орое казалось всѣмъ такимъ разъединеннымъ, безучастнымъ, такимъ холоднымъ... чуть не мертвымъ—вдругъ оказалось повсемѣстно однимъ и тѣмъ же, живымъ, чувствующимъ, способнымъ горевать такъ искренно, благодарить такъ открыто—и прославлять такъ пышно и такъ торжественно, значитъ—*стоитъ жить*—стоитъ заботиться о своемъ талантѣ, стоитъ трудиться... добиваться чести и славы... такъ какъ настойчивый трудъ, талантъ, и русская слава—не сонъ и не болтовня знакомыхъ.

Смерть Тургенева, какъ писателя, во всѣхъ, несомнѣнно русскихъ породила одну изъ тѣхъ скорбей, которыя смѣло можно назвать національными, одно изъ тѣхъ коллективныхъ чувствъ или нравственныхъ силъ, безъ которыхъ не мыслимо ни одно общество, не прочно ни одно государство. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни національныхъ радостей, ни національнаго горя,—тамъ нѣтъ и націи живой и спасительно самоувѣренной—полнѣйшее равнодушіе ко всему, что не мы и не нашъ интересъ—признакъ или неосмысленнаго ребячества или той старческой апатіи, которая предшествуетъ разложенію обществъ и паденію государствъ.

Народъ же, изъ нѣдръ котораго выростаютъ таланты и геніи, изобрѣтатели и созидатели,—не побѣдимъ, и въ этомъ смыслѣ слова, наука и литература, для врага, каковъ бы ни былъ онъ, сильнѣе пушекъ. То что мы называемъ сохранившимися слѣдами времени,—есть ничто иное, какъ слѣды человѣческой мысли и ея воплощеній: Тургеневъ прошелъ не безслѣдно.

Но — кто въ Тургеневѣ потерялъ не только знаменитаго, роднаго писателя, но и друга,—тотъ никогда не забудетъ, какъ много потерялъ онъ, какъ сталъ онъ бѣднѣе и безпомощнѣе!

Недавно мы похоронили Тургенева; но со дня его кончины и до сегодня, изъ всего того, что было о немъ писано, изъ всѣхъ печатныхъ о немъ статей и воспоминаній, можно уже составить не одинъ печатный томъ убористой печати. Я одинъ не присоединилъ къ этому тому ни одной страницы, и многіе меня за это упрекаютъ. Но, если-бы я вздумалъ вызвать въ своей памяти все, что касается до Ивана Сергѣевича, я бы растерялся въ моихъ воспоминаніяхъ, къ тому-же я далеко не изъ числа тѣхъ счастливцевъ, которые могутъ смѣло расчитывать на точность и ясность своихъ воспоминаній; все, на чемъ я еще могу остановиться,—это попытаться изобразить Ивана Сергѣевича таковымъ, какимъ былъ онъ въ послѣдній годъ своего пребыванія, на своей родинѣ—въ селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ (Мценскаго уѣзда Орловской губерніи), лѣтомъ 1881 г., такъ какъ это лѣто провелъ я подъ одною съ нимъ кровлей, и провелъ не какъ гость, а какъ братъ, заѣхавшій на побывку къ родному старшему брату.

Но вотъ вопросъ: все-ли писать или умалчивать? Если писать все, если изобразить будничнаго Тургенева, или описать его такимъ, какимъ онъ былъ, а не казался,—кто знаетъ, какія нареканія заслужу я, какъ нескромный другъ, который о другѣ своемъ выбалтываетъ все, что о немъ знаетъ дурнаго и хорошаго, и кому же выбалтываетъ? Публикѣ!—гдѣ такъ много и старыхъ враговъ, и юныхъ задиралъ, готовыхъ тотчасъ-же закричать: извольте видѣть, какой онъ былъ изнѣженный сибаритъ и баричъ! Или: видите, какъ онъ думалъ не хорошо! или—какой онъ былъ пустой и безхарактерный!—какъ онъ самъ себѣ противорѣчилъ!.. и тому подобное...

Но развѣ я долженъ, развѣ я могу по совѣсти писать о Тургеневѣ только для того, чтобъ обѣлять его передъ врагами, или угождать друзьямъ его. Я просто долженъ быть правдивымъ, не боясь правотой своей ни оскорбить тѣни того, которому я никогда не лгалъ, ни самъ оскорбиться насмѣшкой, какъ-бы ядовита ни была она. Я увѣренъ, что даже сквозь будничнаго Тургенева, со всѣми его мелкими слабостями и недостатками, будетъ просвѣчивать и его великій умъ и его великое сердце. Предваряю только, что мои воспоминанія будутъ очень отрывочны и по большей части будутъ состоять изъ разсказовъ и разговоровъ самого Тургенева.

II.

Отъ 15 февраля 1881 г., получилъ я письмо, въ которомъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, совершенно для меня неожиданно, пишетъ слѣдующее:

„Я велѣлъ отдѣлать домъ свой въ деревнѣ, во 1-хъ потому, что въ немъ нельзя было уже жить, а во 2-хъ потому, что я намѣренъ былъ пригласить тебя, вмѣстѣ съ семействомъ твоимъ, провести тамъ цѣлое лѣто, такъ какъ помѣщенья у меня за глаза! и нынѣ повторяю это приглашеніе...

„Впрочемъ, мы обо всемъ этомъ переговоримъ въ Петербургѣ; но уже отнынѣ я считаю тебя и твоихъ своими гостями.

„Въ Петербургѣ я пробуду недѣли три-четыре, и къ Николину дню, 9-го мая, полагаю быть въ деревнѣ. Вмѣстѣ мы всѣ тогда и отправимся."

Это меня нѣсколько озадачило. Я отвѣчалъ, что если можно будетъ выѣхать (не окажется препятствій), я очень буду радъ пожить съ нимъ въ деревнѣ...

Затѣмъ, отъ 30 марта, И. С. извѣстилъ меня, что онъ выѣзжаетъ черезъ недѣлю и добавляетъ: „Такъ мы всѣ вмѣстѣ и поѣдемъ".

Но, скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Никогда еще Иванъ Сергѣевичъ изъ Парижа не выѣзжалъ въ тотъ день, въ который онъ намѣревался выѣхать—безпрестанно его что-нибудь задерживало. Очень на это жаловался нашъ общій пріятель, покойный Николай Владиміровичъ Ханыковъ.

Разъ, онъ сговорился съ Тургеневымъ ѣхать вмѣстѣ куда то на воды. Назначили день и часъ выѣзда. Ханыковъ заѣзжаетъ за нимъ и за его чемоданами, но Тургеневъ упрашиваетъ его подождать, такъ какъ онъ никакъ не можетъ выѣхать, и самъ назначаетъ день выѣзда. Но когда въ назначенный срокъ, по дорогѣ на станцію желѣзной дороги, заѣзжаетъ за нимъ Ханыковъ, онъ застаетъ Тургенева за письменнымъ столомъ и какъ бы въ отчаяніи, что онъ никакъ не можетъ ѣхать, такъ какъ Харламовъ еще не кончилъ его портрета, и что необходимо дать ему еще одинъ сеансъ, а когда это будетъ—онъ никакъ не знаетъ. Такъ Ханыковъ и махнулъ рукой—уѣхавъ безъ Тургенева.

Я зналъ, что я дождусь его не черезъ недѣлю, какъ онъ писалъ, а развѣ черезъ мѣсяцъ, и не ошибся.

Библиотека "Руниверс"

Въ Петербургѣ мы видѣлись съ Иваномъ Сергѣевичемъ почти—что ежедневно, и я помню, какъ въ одно прекрасное утро, онъ, посмѣиваясь, передалъ мнѣ воображаемую имъ сцену, какая будто-бы ожидаетъ насъ у него въ деревнѣ: будемъ мы, говорилъ онъ, сидѣть по-утру на балконѣ, и преспокойно пить чай, и вдругъ увидимъ, что къ балкону, отъ церкви—по саду приближается толпа Спасскихъ мужичковъ. Всѣ, по обыкновенію, снимаютъ шапки, кланяются, и на мой вопросъ: ну, братцы, что вамъ нужно?

— Ужъ ты на насъ не прогнѣвайся, батюшка, не посѣтуй... отвѣчаютъ. Баринъ ты добрый и очень мы тобой довольны, а все-таки, хошь не хошь, а приходится тебя, да ужъ кстати—вотъ и его (указывая на меня) повѣсить. Какъ?!—Да такъ ужъ, указъ такой вышелъ, батюшка! А мы ужъ и веревочку припасли... Да ты помолись... Чтожъ! мы вѣдь не злодѣи какіе нибудь... тоже, чай, люди — человѣки... можемъ и повременить маленько.... и т. д.

Разсказывалъ-ли это Тургеневъ просто потому, что ему пришла такая фантазія (а какихъ болѣзненныхъ, чуть не горячечныхъ фантазій не приходило въ голову людямъ, послѣ страшнаго злодѣянія 1-го марта!..) или просто, Иванъ Сергѣевичъ хотѣлъ испытать насколько я ему повѣрю, и если повѣрю, рѣшусь ли ѣхать съ нимъ въ его Спасское.

Этотъ разсказъ или вымыселъ такъ полюбился самому Ивану Сергѣевичу, что онъ многимъ повторялъ его, съ разными варіяціями, даже гдѣ-то въ вагонѣ по желѣзной дорогѣ разсказалъ кому-то въ видѣ только что видѣннаго имъ, страннаго сна. (Такъ въ видѣ сна, разсказаннаго самимъ Тургеневымъ, вымыселъ этотъ и былъ напечатанъ въ газетахъ).

Разсказывать въ разныхъ домахъ или разнымъ лицамъ одно и тоже — есть обычная привычка всѣхъ талантливыхъ разсказчиковъ и въ этомъ ничего нѣтъ страннаго. Это тоже, что дѣлаетъ любой музыкантъ, играя, всюду и всѣмъ желающимъ его слушать, свою новую музыкальную фантазію; это тоже, что дѣлаетъ и Горбуновъ—одинъ изъ нашихъ первоклассныхъ разсказчиковъ. Не на каждый-же день изобрѣтать что нибудь новое, для того, чтобъ тѣшить нашъ умъ или тревожить сонное воображеніе.

Выѣхать изъ Петербурга въ Спасское я могъ не ранѣе конца іюня, т. е. гораздо позднѣе, чѣмъ выѣхали Тургеневъ, и за тѣмъ, жена моя и дѣти. Тургенева проѣздомъ засталъ я въ Москвѣ, куда онъ вернулся, проводивши въ Спасское семью мою.

Я нашелъ его на квартирѣ П. П. Маслова, въ домѣ удѣльнаго вѣдомства, на Пречистенскомъ бульварѣ.

У него было какое-то дѣло и, если не ошибаюсь, дѣло по случаю завѣщанія брата его, Николая Сергѣевича, который, изъ 800,000 руб. самъ обѣщалъ завѣщать ему 100,000 руб., а завѣщалъ только тысячъ двадцать съ небольшимъ или около. Все остальное, капиталъ, имѣніе и все свое движимое Николай Тургеневъ передалъ племянницѣ своей покойной жены—Маляревской.

Я знаю, что Иванъ Сергѣевичъ видѣлся въ Москвѣ съ Маляревскимъ—отцемъ и опекуномъ наслѣдницы, и тотъ сказалъ ему: „вы, Иванъ Сергѣевичъ, не удивляйтесь, что братецъ вашъ завѣщалъ вамъ всего только 20,000 руб., по моему такъ и этого-то слишкомъ еще для васъ много!“ — Ну, отвѣчалъ ему на это Тургеневъ,—на этотъ счетъ позвольте мнѣ думать иначе.

О судьбѣ, жизни и послѣднихъ дняхъ брата своего, Иванъ Сергѣевичъ не разъ передавалъ мнѣ не мало разныхъ подробностей, весьма интересныхъ съ психологической точки зрѣнія. Но я не считаю нужнымъ включать это въ свои теперешнія воспоминанія, замѣчу только, что все, что Ивану Сергѣевичу казалось страннымъ и достойнымъ сожалѣнія въ братѣ, отразилось и на немъ, на его собственной судьбѣ, особливо въ послѣдній годъ земной его жизни. Такъ-же какъ и братъ, онъ уже не имѣлъ своей собственной воли и, какъ больное, слабое дитя, покорялся тѣмъ, кто окружалъ его.

Въ Москвѣ я пробылъ двое сутокъ и ночевалъ въ той же квартирѣ Маслова, который, какъ благодушный хозяинъ, предложилъ мнѣ диванную и просилъ не церемониться.

Тургеневъ узналъ, что я на третій день выѣзжаю, и послалъ телеграмму къ своему управляющему въ Спасское о высылкѣ для меня экипажа въ Мценскъ, къ 10 часамъ вечера. Я спѣшилъ видѣть семью мою, и какъ можно скорѣе, пользуясь долгими, свѣтлыми днями,—начать писать съ натуры масляными красками.

III.

Какой-то англійскій лордъ сказалъ Тургеневу, когда тотъ гостилъ у него въ замкѣ: у меня правило — доставлять гостямъ своимъ елико возможный комфортъ и затѣмъ объ нихъ не заботиться (давать имъ полную свободу). И Тургеневъ, вполнѣ соглашаясь съ лордомъ, сказалъ, что и онъ будетъ по отношенію къ гостямъ своимъ держаться того же похвальнаго правила. Однакожъ, Тургеневъ началъ съ того, что сталъ объ насъ и хлопотать и заботиться. Велѣлъ цвѣтнымъ войлокомъ обить ту стѣну, къ которой примыкала моя кровать, хотя я и увѣрялъ его, что стѣна эта, хоть и наружная, но сухая, по крайней мѣрѣ вовсе не обнаруживаетъ сырости. Съ молоткомъ въ рукѣ ходилъ онъ по комнатамъ и вбивалъ гвозди.—Нѣтъ-ли еще гдѣ вколотить? спрашивалъ онъ, оглядывая углы и соображая, достаточно-ли гвоздей... Очевидно, занятіе это доставляло ему не малое удовольствіе.

Мы ложились рано и вставали не поздно. Тургеневъ просыпался раньше всѣхъ, уходилъ смотрѣть вновь строившіяся конюшни, или бродилъ по саду, или, стоя на терассѣ, бѣлымъ хлѣбомъ воробьевъ кормилъ... Затѣмъ, отправлялся въ свою туалетную: это была очень маленькая, квадратная каморка, окно которой, съ матовыми стеклами, выходя на дворъ, пропускало свѣтъ черезъ дверь въ корридоръ, тоже черезъ матовыя стекла. Тамъ стоялъ умывальный столикъ, зеркало и разныя туалетныя принадлежности.

Конечно, у Пушкинскаго Евгенія Онѣгина было гораздо болѣе этихъ принадлежностей, и тотъ не даромъ выходилъ изъ уборной „подобно вѣтряной Венерѣ.“

Тургеневъ-же былъ только очень чистоплотенъ—ежедневно мѣнялъ фуфайку, бѣлье, и весь вытирался губкой—одеколономъ съ водой или туалетнымъ уксусомъ. Что касается до прически волосъ, то,—если не ошибаюсь, это была довольно длинная исторія. Не разъ случалось мнѣ ночевать съ Тургеневымъ въ гостиницахъ въ одномъ съ нимъ номерѣ, а случалось это по большей части лѣтомъ, когда я пріѣзжалъ къ нему съ дачи и нерѣдко ожидалъ его поздняго возвращенія изъ гостей. или накапунѣ его отъѣзда за границу, такъ какъ накапунѣ, днемъ, трудно было застать его.

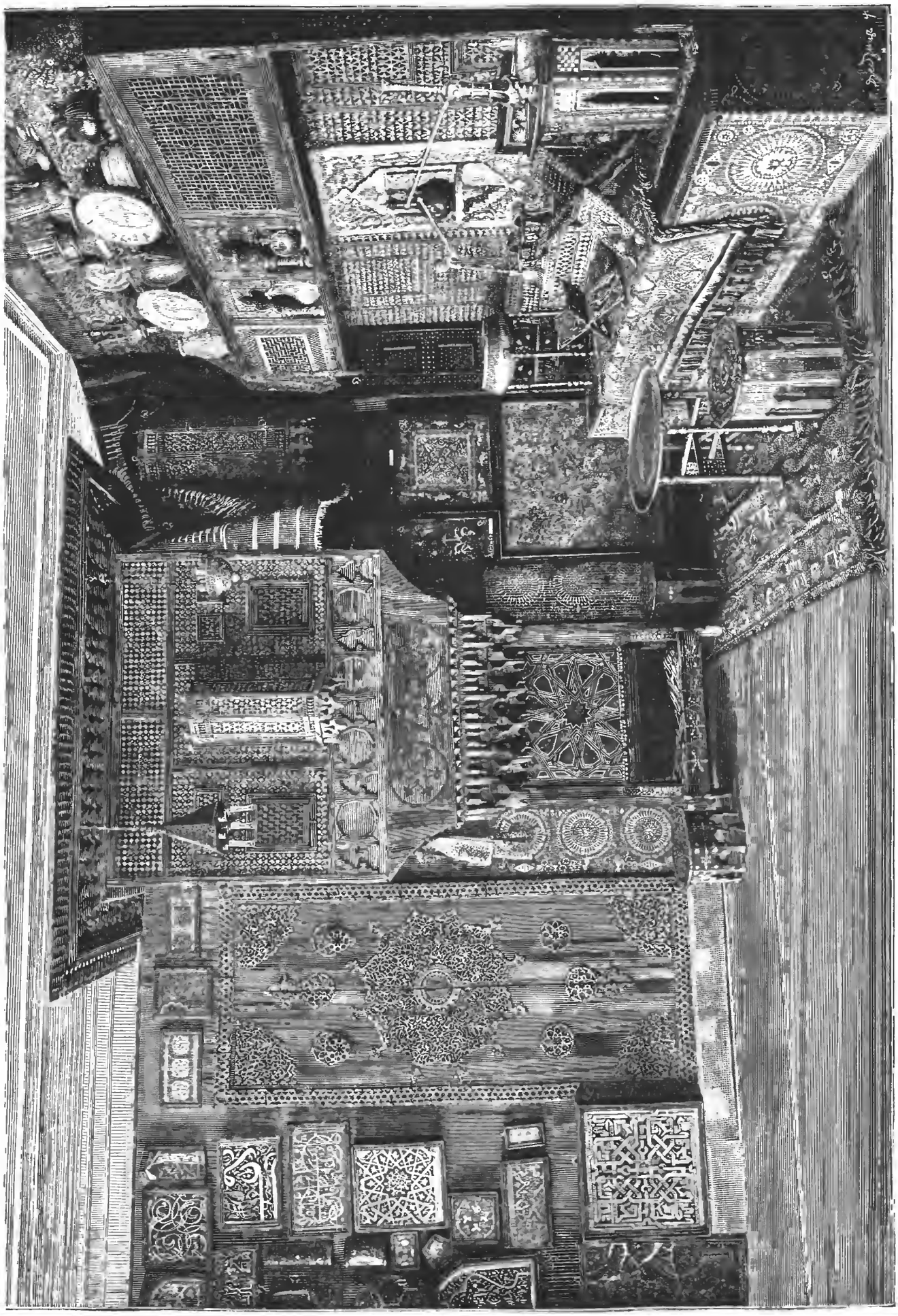
И такъ, ничего нѣтъ мудренаго, что Тургеневъ, не разъ при мнѣ совершалъ свой утренній туалетъ и при мнѣ чесалъ свои волосы.

Разъ, онъ былъ очень доволенъ, что процедура эта повергаетъ меня какъ-бы въ нѣкоторое изумленіе.

— Видишь, говорилъ онъ, весело поглядывая на меня, своими вѣчно товарищескими, добрыми глазами,—я беру эту щетку... теперь я начинаю чесать ею вправо: разъ, два, три... и такъ до пятидесяти разъ; теперь начну чесать влѣво, и тоже до пятидесяти... Ну вотъ, теперь, со щеткой кончено... Беру этотъ гребень,—имъ я долженъ до ста разъ пройтись по волосамъ... Чему ты удивляешься?... Постой, это еще не все... Погоди, погоди!... За этимъ гребнемъ есть еще другой—съ частыми зубьями...

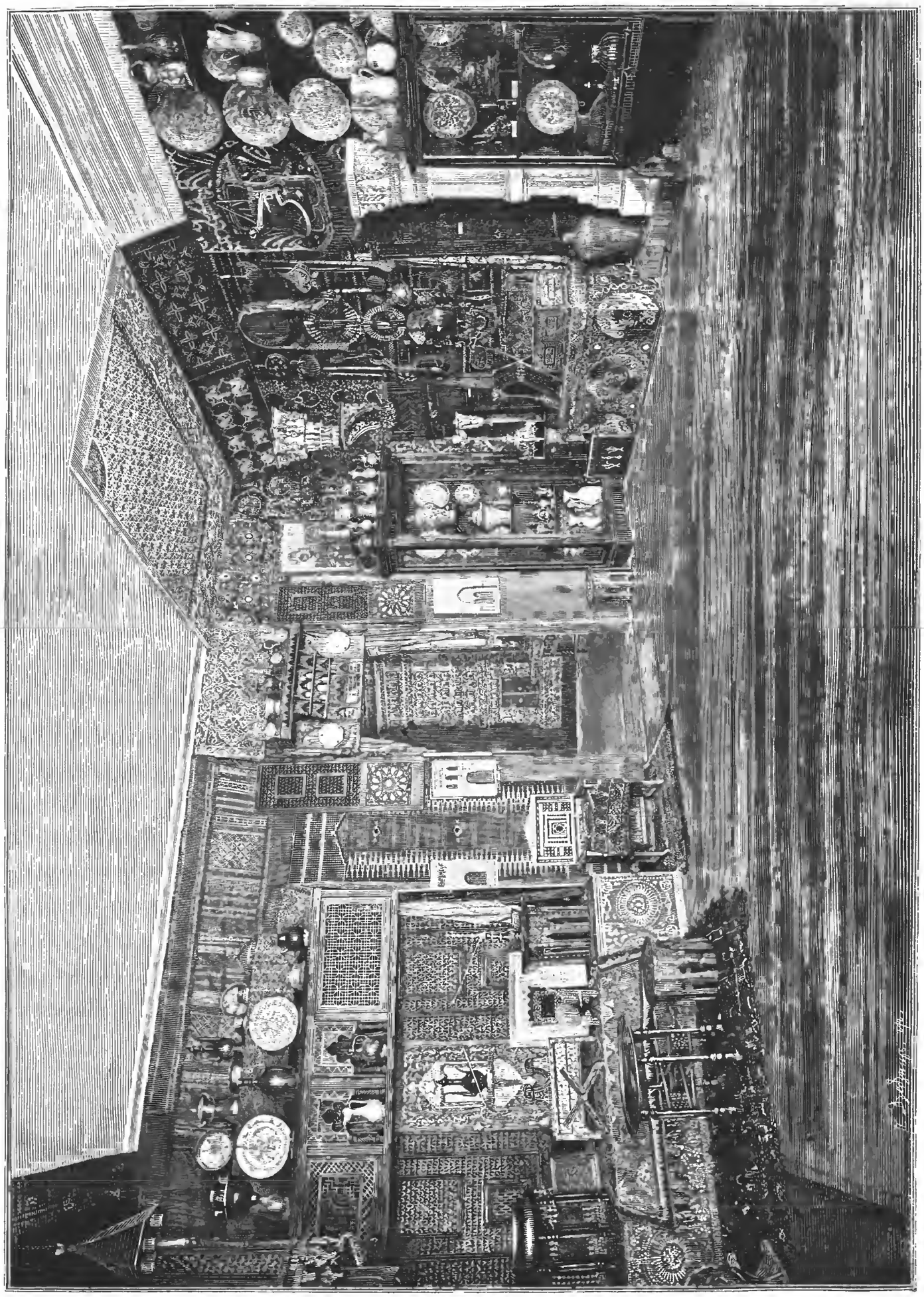
И ужъ не знаю, шутя, или не шутя, Иванъ Сергѣе-

Библиотека "Руниверс"



Музей Императ. Общ. Поощренія Художествъ. Искусство Востока. Съ фотогр. грав. Дзедзипъ.

Библиотека "Руниверс"



Музей Императ. Общ. Поощренія Художествъ. Искусство Востока. Съ фотогр. грав. Дзадвиль.

Библиотека "Руниверс"

вичъ увѣрялъ меня, что онъ ежедневно продѣлываетъ точно такую-же операцію.

— Ни одной соринки, ни одной пылинки не должно быть у меня въ волосахъ, говорилъ онъ уже одѣваясь.— Причесываться, это страсть моя, это у меня съ дѣтства. Когда мать моя еще „носила меня подъ сердцемъ", на нее, ни съ того, ни съ сего, вдругъ, напала манія всѣхъ причесывала. Призывала горничныхъ, сама расчесывала имъ косы ведьма заплетала. Разъ, въ Москвѣ, съ улицы и звала она какого-то инвалида-солдата, должно быть нищаго. (Воображаю себѣ въ какомъ порядкѣ была его шевелюра!) — Усадила его за свой туалетъ, вычесала, причесала, напомадила, дала ему денегъ и отпустила... Можетъ быть, эта манія и перешла ко мнѣ отъ матери.

При этомъ замѣчу кстати, Тургеневъ былъ увѣренъ, что темя его съ дѣтства не совсѣмъ заросло, и что мозгъ его, на томъ мѣстѣ, гдѣ небольшая впадина, сверху прикрытъ одною кожей.

— Когда я еще былъ въ пансіонѣ, школьникомъ, говорилъ онъ мнѣ въ Спасскомъ,—всякій разъ, когда кто нибудь изъ товарищей пальцемъ тыкалъ мнѣ въ темя, со мной дѣлалась дурнота или головокруженіе и, такъ какъ дѣтскій возрастъ не знаетъ жалости, то иные нарочно придавливали мнѣ темя и заставляли меня чуть не падать въ обморокъ...

Тургеневъ, конечно, не совсѣмъ на этотъ счетъ ошибался: врачи, которые изслѣдовали его послѣ смерти, нашли, что черепная кость его очень тонка и, весьма вѣроятно,—на темени она была еще тоньше,—такъ тонка, что подавалась или вдавливалась при сильномъ нажатіи, особливо въ раннемъ, отроческомъ возрастѣ.

Аккуратность Тургенева не уступала его чистоплотности и точно также могла обходиться безъ всякой прислуги, какъ и одѣванье.

Разъ, онъ ночью вспомнилъ, что, ложась спать, позабылъ онъ на мѣсто положить свои ножницы: тотчасъ-же зажегъ свѣчу, всталъ и тогда только вернулся въ свою постель, когда все уже на письменномъ столѣ его лежало какъ слѣдуетъ. Иначе онъ и писать не могъ.

Не могу при этомъ не вспомнить, какъ въ Спасскомъ, Тургеневъ, точно нянька, приводилъ въ порядокъ дѣтскія разбросанныя вещи: найдетъ-ли фуражку, забытую на стулѣ — тотчасъ повѣситъ на вѣшалку, найдетъ-ли зонтикъ—тотчасъ поставитъ въ уголъ. Мало этого, иногда, въ наше отсутствіе, заходя къ намъ въ комнату, все приводилъ въ порядокъ, безъ всякой ворчливости; убиралъ столъ и платья вѣшалъ на гвоздики.

Подмѣтивъ это, мы сами сдѣлались аккуратнѣе и заботились о томъ, чтобы все было въ отмѣнномъ порядкѣ.

Многимъ это покажется мелкимъ и нестоющимъ вниманія; но, кто знаетъ, можетъ быть фраза „ни одной соринки въ волосахъ" обусловливала другую фразу, которую могъ бы сказать Тургеневъ: „ни одного ненужнаго словца, ни одной лишней подробности въ моихъ разсказахъ." Въ личности человѣческой, нерѣдко, великія, всѣмъ явныя достоинства тѣсно связаны съ мелочами и даже недостатками.

Тургеневъ былъ мнителенъ: Туманный Альбіонъ и морскія путешествія заставили его надѣть фуфайку во избѣжаніе простуды и, по примѣру англичанъ, лѣтомъ носилъ онъ шелковую, зимой—шерстяную.

Разъ я ему посовѣтовалъ носить шерстяныя фуфайки не на тѣлѣ, а сверхъ ночной рубашки.

Тургеневъ, поднявъ брови, поглядѣлъ на меня вопросительно и сказалъ:

— А это было-бы также полезно, какъ если-бы воробей пролетѣлъ у тебя надъ головой.

— То есть, не было-бы достаточно тепло? ну, въ такомъ случаѣ, надѣвай двѣ фуфайки.

— А это было-бы также полезно, если-бы два воробья пролетѣли у тебя надъ головой.

И затѣмъ Тургеневъ сталъ мнѣ доказывать, почему именно шерсть полезно носить именно на тѣлѣ, какъ это и дѣлаютъ всѣ путешествующіе англичане, и не столько зимой, сколько лѣтомъ, въ самое жаркое время.

Этотъ, въ сущности пустой, разговоръ я привожу только ради забавной оригинальности его возраженій. Неожиданныя, иногда очень смѣшныя сравненія были присущи его такой простой обыденной рѣчи, и невольно запоминались.

Къ утреннему чаю, въ столовую или на террасу, около 9 часовъ, Тургеневъ являлся, по большей части въ очень хорошемъ настроеніи духа, и ужъ конечно безъ единой соринки въ сѣдыхъ, но еще густыхъ и красивыхъ волосахъ, не смотря на то, что уже глубокія морщины бороздили подвижное, выразительное лице его.

IV.

Кто бывалъ въ усадьбѣ Ивана Сергѣевича, тотъ, конечно, не могъ не замѣтить въ его столовой около десятка портретовъ стараго письма, въ старыхъ позолоченыхъ и мухами засиженныхъ рамахъ. Отъ нихъ вѣяло матушкой-стариной—временами Екатерины и Павла. Несомнѣнно, всѣ они, эти портреты участвовали въ творчествѣ Ивана Сергѣевича — съ дѣтства глаза ихъ слѣдили за нимъ, и въ зрѣлые годы, — какъ образы, промелькнули въ его повѣстяхъ и разсказахъ. Всѣ эти портреты до сихъ поръ живо рисуются въ моей памяти, до такой степени всѣ они типичны. Тутъ былъ и какой-то сенаторъ, обшитый галунами и въ звѣздахъ, осыпанныхъ каменьями. — „Невообразимый, патентованный дуракъ", по мнѣнію Ивана Сергѣевича, и глядѣлъ онъ на насъ изъ своей рамы, слегка кривя ротъ отъ сдержаннаго самодовольства, и упирая въ меня свои каріе глазки, ничего не выражавшіе, кромѣ любопытства узнать: какой у меня чинъ и что я такое? Тутъ была и та красавица, которую при встрѣчѣ похвалилъ за красоту самъ графъ Орловъ - Чесменскій; она глядѣла уже пожилой, набѣленной, нарумяненной кокеткой, съ напудренными буклями, и висѣла на стѣнѣ рядомъ съ своимъ супругомъ, должно быть большимъ меланхоликомъ, съ большими воловьими глазами на выкатѣ.

Тутъ былъ и старый скряга—Лутовиновъ и сынъ его, въ которомъ сразу узналъ я того самаго героя, котораго Иванъ Сергѣевичъ вывелъ въ своемъ разсказѣ „Три портрета" подъ именемъ Василія Ивановича Лучинова. (Несомнѣнно, что художникъ, который писалъ съ него, былъ далеко не изъ числа дюжинныхъ). *Вообразите молодаго человѣка, лѣтъ 30, въ зеленомъ мундирѣ Екатерининскихъ временъ, съ красными отворотами* (такъ началъ описывать его Тургеневъ), и я добавлю:

— Вообразите себѣ сильнаго брюнета, что въ особенности замѣтно по его гладко выбритому и все-таки изъ-сѣро-сизому подбородку, блѣднаго, но не болѣзненно блѣднаго, а такъ, какъ блѣднѣютъ отъ затаенной злобы, скуластаго и круглолицаго, вообще-же очень собой недурнаго молодаго человѣка, и, знайте, что если-бы вы и не читали разсказа „Три портрета", вглядѣвшись въ это лицо, вы не могли-бы не почувствовать, что къ этому молодцоватому барину нельзя относиться иначе, какъ съ нѣкоторымъ за себя опасеніемъ, до такой степени его тонкая улыбка не гармонируетъ съ холодомъ черныхъ проницательныхъ глазъ и съ его вопросительно приподнятыми круглыми бровями. Глядя на такое лицо, трудно угадать, что послѣдуетъ за этимъ взглядомъ, за этой улыбкой!—ударитъ-ли онъ васъ тростью, или наилюбезнѣйшимъ образомъ протянетъ руку. Недалеко отъ этого портрета, на другой стѣнкѣ, былъ портретъ блѣдной и тоже черноглазой дѣвушки — это былъ портретъ сестры его... Иванъ Сергѣевичъ въ своемъ разсказѣ ничего о ней не говоритъ, и выводитъ на сцену, и отдаетъ на жертву его безпокойной праздности Ольгу—воспитанницу старыхъ Лучиновыхъ. Вообще, какъ ни страшенъ по своей звѣрской безсовѣстности герой, выведенный Иваномъ Сергѣеви-

Библиотека "Руниверс"

чемъ,—онъ, какъ авторъ, всетаки значительно смягчилъ черты той необузданности, какою отличался дѣйствительно жившій прототипъ его—Лутовиновъ. Такъ, разъ, приглашенный какимъ-то купцомъ на свадьбу, онъ въ ту-же ночь черезъ окно насильно увезъ новобрачную, прежде чѣмъ женихъ, только что съ нею повѣнчанный, вошелъ къ ней въ спальную: конечно, онъ увезъ ее съ помощью своихъ крѣпостныхъ и своего камердинера француза—Брусіе, того самаго, о которомъ Иванъ Сергѣевичъ упоминаетъ въ разсказѣ „Три портрета", называя его *ловкимъ и смышленымъ малымъ*. Другой разсказъ объ этомъ Лутовиновѣ такого свойства, что лучше и не упоминать о немъ, до такой степени онъ безобразенъ и возмутителенъ.

Между столовой и кабинетомъ была небольшая комнатка, съ стеклянною дверью на террасу; въ этой комнаткѣ висѣлъ портретъ брата Ивана Сергѣевича—Николая Сергѣевича, писанный съ него, когда онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ.

Я слышалъ отъ Ивана Сергѣевича, что братъ его, въ ранней своей молодости, боялся женскаго общества, но былъ уменъ, начитанъ и, по временамъ, среди короткихъ знакомыхъ блисталъ остроуміемъ.

Я никогда не видѣлъ его, знаю только, что когда, будучи студентомъ въ Москвѣ, я зашелъ къ Ивану Сергѣевичу на квартиру и читалъ ему какое-то очень восторженное стихотвореніе, братъ его стоялъ за дверью и помиралъ со смѣху... (это я слышалъ отъ самого Ивана Сергѣевича).

Въ Спасскомъ Иванъ Сергѣевичъ не мало мнѣ говорилъ о своемъ братѣ по поводу его женитьбы, его семенной жизни и о послѣднихъ дняхъ его; но—пусть объ этомъ разсказываетъ кто-нибудь другой,—здѣсь-же упомяну только слѣдующія слова матери обоихъ Тургеневыхъ, слова, которыя, во-первыхъ, доказываютъ ея проницательность, а во-вторыхъ, и тѣмъ еще замѣчательны, что Тургеневъ вполнѣ раздѣлялъ выраженное въ этихъ словахъ мнѣніе своей покойной матери: „Жаль мнѣ васъ, говорила имъ мать, вы пропадете, не будете счастливы, потому что оба вы *однолюбцы* (иначе сказать, всю свою жизнь будете привязаны къ одной и той-же женщинѣ, какова бы ни была она)."

Въ кабинетѣ Тургенева висѣлъ портретъ отца его, тоже писанный съ него въ молодые годы. О лядитъ еще юношей лѣтъ 26, хорошъ собой и,— нно, не смотря на удивительные, темно-синіе глаза, смѣлые и мужественные, такъ и кажется, что это не мущина, а дама или даже камелія, наряженная въ бѣлый конногвардейскій мундиръ и въ галстукѣ, который, безъ всякаго узелка или бантика, обматываетъ ея бѣлую лебединую шею и такъ высокъ, что слегка подпираетъ ей подбородокъ. Взглядъ какой-то русалочный-свѣтлый и загадочный, чувственныя губы и едва замѣтная усмѣшка.

Иванъ Сергѣевичъ разъ только говорилъ со мною о своемъ отцѣ и, казалось, во многомъ ему завидовалъ.

— Отецъ мой былъ великій ловецъ передъ Господомъ, говорилъ онъ словами библіи, сказанными о Немвродѣ.

Разъ одна барыня, уже пожилая, честная и прямодушная, вспоминая объ отцѣ моемъ, котораго она знала въ молодости, проговорилась, что однажды, оставшись съ нимъ наединѣ, она, прежде чѣмъ успѣла что-нибудь сказать или подумать, какъ уже была въ его власти... Онъ дѣйствовалъ на женщинъ какъ магнитъ. Былъ ласково настойчивъ и всегда достигалъ того, чего когда нельзя достичь, не зная серд... роятно, такимъ-же оставался он годы. Вспомните разсказъ Ивана любовь" и ту поэтическую, умную любила джентельмена—пожилаго о

(До слѣд. №).

Въ глуши.

Столичный шумъ замолкнулъ въ отдаленьи,
Опять я здѣсь—среди глухихъ лѣсовъ,
Опять въ душѣ былое возрожденье.—
Меня ласкаетъ вѣтра дуновенье
И ароматъ живительный цвѣтовъ..

* * *

И облака жемчужной чередою
Проходятъ тамъ, надъ лѣсомъ высоко,
И такъ свѣжо подъ чащей вѣковою,
Такъ вѣетъ неизмѣнной тишиною,
И такъ на сердцѣ тихо и легко...

* * *

И этотъ лѣсъ, и небеса, и птицы,—
Все дышетъ мощью полной и живой,—
И алый свѣтъ померкнувшей девицы,
И голубыя дальнія зарницы,
И величавый сумрака покой...

П. Гнѣдичъ.

Бѣда тому, кто говоритъ правду.

Новогодній разсказъ **Стекеля.**

— О этотъ свѣтъ, полный лжи и притворства, о эти люди, съ ихъ лицемѣрными рѣчами и обманчивыми обѣщаніями! Земля была бы раемъ, еслибы лишь не пустила такіе глубокіе корни! Проклятіе ей и всѣмъ ея послѣдователямъ!

Такъ восклицалъ, вечеромъ наканунѣ Новаго года, молодой человѣкъ, Генель, сидя на краю своей постели и раздѣваясь, и при всякомъ восклицаніи, со злобой швырялъ далеко отъ себя принадлежности туалета.

— Чего я только не ждалъ въ этомъ году! Чего только люди мнѣ не наобѣщали и что они исполнили? Но это проклятіе нашего времени,—времени обмана, лжи и лицемѣрія!

Въ отчаяніи легъ онъ въ постель и только что собирался получше укутаться одѣяломъ съ головою, чтобы ничего болѣе не слышать и не видѣть изъ этого міра, какъ вдругъ въ удивленіи опустилъ руку. На одѣялѣ образовался свѣтлый кружокъ, въ которомъ стояло крошечное, не больше пальца, созданьице и насмѣшливо смотрѣло на него своими умными блестящими глазками.

То были удивительные глаза. Они то казались зелеными, затѣмъ голубыми, потомъ красными, черными, коричневыми—онъ ничего не могъ понять—глаза мѣняли цвѣтъ каждый разъ, когда человѣчекъ взглядывалъ на него. Человѣчекъ? Такимъ онъ только что былъ, но вотъ онъ уже превратился въ сморщенную старушку, а вотъ опять у него дѣтское миленькое личико.

— Кто ты? спросилъ Генель, широко открывая глаза.

— Я ложь, отвѣтило маленькое существо хитро на него поглядывая.

— Ложь? воскликнулъ въ бѣшенствѣ Генель, поднимаясь съ подушекъ. — Пойди сюда! Я разможжу тебя и освобожу міръ отъ зла!

Онъ пытался поймать маленькую фигурку, но не смотря на всѣ усилія, это ему не удавалось. Она постоянно ускользала, но онъ продолжалъ преслѣдовать ее, пока не выбился изъ силъ.

— Не такъ то легко поймать ложь, засмѣялась фигурка. — Но къ чему ты такъ хочешь поймать меня? Ты сдѣлалъ бы міру дурную услугу, лишивъ его лучшаго друга.

— Лучшаго друга?

— Ну, да. Ни ты, ни одно изъ длинн тебѣ созданій, не могло бы существовать

— Почему же нѣтъ?

— Я говорю тебѣ правду, хотя я и л тельно думаешь, что можешь прожить д день безъ моихъ услугъ?

— Всю мою жизнь я съ удовольствіемъ проведу безъ тебя!

— Даже съ удовольствіемъ! Хорошо, не хочешь ли сдѣлать опытъ. Не всю жизнь, это было бы слишкомъ жестоко съ моей стороны, а одинъ только завтрашній день я не буду съ тобою. Ни разу я не приду къ тебѣ на помощь, какъ бы ты во мнѣ ни нуждался. Завтра же вечеромъ я понавѣдаюсь къ тебѣ и спрошу не нужна ли я тебѣ снова.

— Тебѣ [illegible]

Библиотека "Руниверс"

палъ въ нее, а подъ кроватью послышалось: Прощай, до завтра! Тогда ты лучше встрѣтишь меня.

— Посмотримъ! проговорилъ Генель и уснулъ.

***

— Желаю вамъ, баринъ, много счастья въ этомъ году, привѣтствовала на другой день Генель его старая кухарка, входя къ нему въ комнату со стаканомъ кофе,—желаю еще вамъ много успѣха во всемъ; дай Богъ намъ долгіе еще годы прожить вмѣстѣ.

— Этого я вовсе не желаю, пробормоталъ Генель, протирая заспанные глаза и вовсе не подозрѣвая, что сегодня ему не суждено произнести хотя бы одно слово лжи. Чѣмъ скорѣе я избавлюсь отъ вашего помятаго, напоминающаго кислый огурецъ лица, тѣмъ мнѣ будетъ пріятнѣе!

— Лицо, напоминающее кислый огурецъ? О прекрасно, этого я никому не позволю говорить. Я честная женщина.

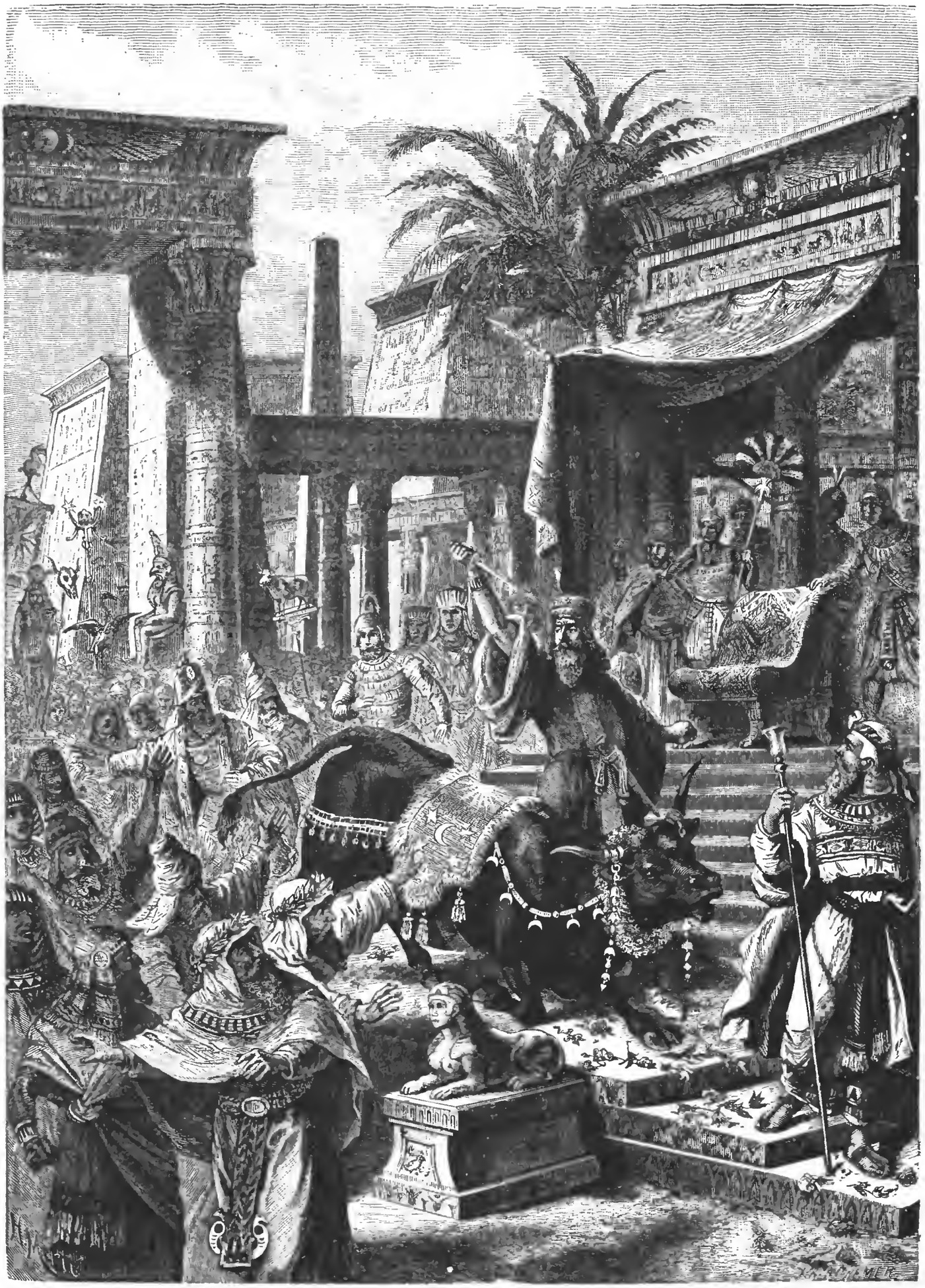
— Да, да, а все же порядкомъ меня надувала, прервалъ ее Генель.

— Надувала,—я? Можете искать себѣ другую кухарку, которая лучше будетъ служить вамъ, такому благородному барину, который въ Новый годъ, вмѣсто того чтобы сдѣлать подарокъ слугѣ, какъ это подобаетъ, высказываетъ...

Генель поднялъ свой сапогъ съ такимъ недвумысленнымъ намѣреніемъ, что кухарка сочла за лучшее поскорѣе уйти.—Служите себѣ сами, а я ухожу, прокричала она за дверью.

Райскія птички. Ориг. рис. съ натуры Клеменса, грав Морне.

Библиотека "Руниверс"



Царь персовъ Камбизъ въ Мемфисѣ поражаетъ священнаго быка Аписа.
Ориг. рис. Х. Мерте́, грав. Кремеръ.

Библиотека "Руниверс"

— Не знаю право, къ чему мнѣ было затѣвать ссору именно сегодня съ этой вѣдьмой! Надувать то она меня надувала, но и другая будетъ не лучше. Посмотримъ, какъ то я одѣнусь сегодня безъ нея.

Со вздохомъ онъ принялся за свой туалетъ. Пока онъ вычистилъ сапоги, пришилъ къ рубахѣ пуговицу, побрился холодной водою и отыскалъ перчатки,—было уже давно пора начинать визиты.

— Нужно прежде всего зайти къ дядѣ, размышлялъ Генель,—онъ привыкъ, что я поздравляю его очень рано; теперь же, когда онъ боленъ и скоро долженъ умереть, мнѣ не слѣдуетъ сердить его.

* * *

— Съ Новымъ годомъ, дядя, съ Новымъ годомъ! произнесъ онъ, входя къ страдавшему подагрой старику, который сидѣлъ въ широкомъ креслѣ.—Я радъ видѣть васъ такимъ бодрымъ, хотѣлъ онъ сказать, зная, что дядя не любитъ, когда говорятъ о его нездоровьи, но слова перепутались и къ ужасу своему онъ услышалъ, что говоритъ: я радъ, что вы больны, болѣйте, болѣйте и не огорчайте меня своимъ выздоровленіемъ.

Дядя сдѣлалъ удивленное лицо при такомъ неожиданномъ поздравленіи.

— Ты вѣроятно ошибся, дорогой племянникъ, ты разсѣянъ, или ты дѣйствительно желаешь смерти своему старику-дядѣ, который такъ расположенъ къ тебѣ?

— Легкой, быстрой смерти, дорогой, милый дядя, простоналъ Генель, вытирая холодный потъ со лба,—вы знаете, какъ вы всегда были мнѣ дороги; онъ запнулся при этихъ словахъ, но все же ихъ докончилъ, такъ какъ дѣйствительно онъ былъ всегда доволенъ дядей, хотя и желалъ скорѣе получить наслѣдство,—но вѣчно человѣкъ жить не можетъ; два, три года не составляютъ разсчета, а теперь для меня было бы очень удобно. Такъ, маленькій ударъ, или...

— Довольно! Прочь отсюда, чудовище! Говоришь ли ты подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, или дѣйствительно питаешь ко мнѣ такія чувства, для меня это все равно, но между нами ничего не можетъ быть общаго. Жди моей смерти, послѣ меня ты не получишь ни гроша. А теперь поди прочь, или я прикажу тебя выгнать.

Выйдя на улицу, Генель въ отчаяніи схватился за голову.

— Что случилось со мною, что я наговорилъ дядѣ столько непріятныхъ вещей! Цѣлые годы я старался пріобрѣсть его любовь, а теперь! Есть съ чего удариться головой о стѣну!

Онъ ударился не объ стѣну, но объ голову встрѣчнаго человѣка, котораго не видѣлъ за снѣжной мятелью, и который тоже шелъ съ наклоненной головою.

— Будьте внимательнѣе! закричалъ столкнувшійся.—Чортъ возьми! воскликнулъ Генель, но тотчасъ перемѣнилъ тонъ, узнавъ въ встрѣчномъ своего главнаго кредитора. А!.. господинъ Ге, очень пріятно..., но языкъ запнулся и Генель сказалъ: очень непріятно васъ видѣть!

Ге постарался улыбнуться и сказалъ: Радуюсь, что вы въ такомъ шутливомъ настроеніи! Какъ вижу, вы идете отъ дяди. Премилый старикъ! Ну, а какъ дѣло съ завѣщаніемъ? Сколько, думаете, онъ оставитъ вамъ?

— Ни гроша, созвался противъ желанія Генель.

— Ни гроша! Невозможно, вы шутите.

— Ахъ, мнѣ вовсе не до шутокъ.

— Онъ вамъ самъ сказалъ это?

— Да, я только что былъ у него.

— Тогда подумайте хорошенько о томъ, что я вамъ скажу. Чрезъ недѣлю я хочу получить свои деньги, иначе я подамъ ко взысканію. Поняли вы меня?

— Этого только недоставало! проговорилъ Генель продолжая путь.

Не заставъ дома своего начальника, что было неожиданнымъ счастіемъ, такъ какъ не вовлекло его въ новыя непріятности, онъ оставилъ ему карточку и немного успокоился.—Что значатъ дядя, кредиторъ и кухарка! философствовалъ онъ, выбирая въ магазинѣ лучшій букетъ цвѣтовъ. Они не могли серьезно мѣшать его счастью, пока онъ былъ увѣренъ въ любви своей невѣсты, а въ этомъ онъ, слава Богу, могъ быть увѣренъ. Онъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ теткѣ невѣсты, старой, но молодящейся дамѣ, заступающей ей мѣсто матери, и теперь направлялся туда, твердо рѣшивъ не давать волю языку. Встрѣча съ молодой дѣвушкой, которую онъ искренно любилъ, прошла благополучно, но при разговорѣ съ теткой онъ никакъ не могъ попасть въ тотъ любезный тонъ, который такъ легко давался ему прежде. Самыя обыкновенныя, привѣтливыя фразы останавливались у него въ горлѣ и онъ, изъ боязни промаха, начиналъ самый незначущій разговоръ.

Но злая судьба не покидала его сегодня. Въ концѣ обѣда, когда тетка, поднимая бокалъ и закатывая глаза, произнесла обращаясь къ нему: О, еслибы года проходили и не оставляли на насъ слѣда,—онъ не могъ воздержаться и воскликнулъ:

— Вамъ, дорогая тетушка, нечего жаловаться на года, вы все молодѣете, хотѣлъ онъ сказать, а въ дѣйствительности вышло: *старѣете*.

Тетушка постаралась скрыть неудовольствіе подъ кокетливой улыбкой и спросила: А сколько по вашему мнѣ лѣтъ?

— Нѣтъ и тридцати, сказалъ бы онъ не запинаясь еще вчера,—*болѣе пятидесяти*, вышло у него сегодня.

Съ теткой вдругъ случился припадокъ кашля, заставившій ее выйти изъ-за стола. И сердясь, вернулась племянница отъ тетки къ возлюбленному.

— Къ чему было обижать такъ тетю и притомъ сегодня?

— Я и самъ не знаю, отвѣтилъ Генель—Развѣ ей нѣтъ еще пятидесяти лѣтъ?

— Конечно болѣе, но этого не говорятъ. Она никогда не проститъ тебѣ.

— Простила бы только ты, прошепталъ Генель, привлекая къ себѣ невѣсту. И вотъ между ними начался разговоръ, какой обыкновенно ведутъ влюбленные. Ни разу, даже при самыхъ сильныхъ завѣреніяхъ, языкъ Генеля не съигралъ съ нимъ злой шутки; и хотя невѣста его въ дѣйствительности не заслуживала и половины расточаемой ей похвалы, но въ глазахъ влюбленнаго она заслуживала гораздо большаго; а что говорится съ полною вѣрою въ сказанное, то, какъ извѣстно, не можетъ считаться ложью. Но блаженство его скоро кончилось.

— Еслибы я знала, прервала она его на одномъ изъ увѣреній, дѣйствительно ли я твоя первая любовь, какъ это ты мнѣ часто говорилъ. Скажи правду! Ты никому до меня не признавался въ любви?

Онъ чувствовалъ, какъ его бросаетъ въ жаръ и пытался удвоенной нѣжностью отклонить вопросъ, но она настаивала.

— Прежде отвѣтъ на вопросъ! Кто же была первая, которой ты говорилъ о любви?

Онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, но ничего не помогало.

— Первая, насколько я помню... да я не ошибаюсь, поправился онъ,—даже малѣйшее уклоненіе отъ правды было ему не дозволено сегодня,—была дочь полковника, маленькая Мэри. Когда она ходила въ школу, я поджидалъ ее на дорогѣ, чтобы сказать пару словъ или передать письмецо.

— Такъ это была первая, проговорила протяжно его невѣста. А кто была вторая?

— Вторая, вторая, онъ вертѣлся точно въ пыткѣ, со второй я познакомился на урокахъ танцевъ, это была Лиза, блондинка и...

— А потомъ?

— Потомъ! Онъ уже говорилъ со спокойствіемъ отчаянія. Хорошенькая горничная, такъ мило улыбавшаяся...

— А далѣе?...

— Потомъ дочь квартирной хозяйки.

— Далѣе...

— Потомъ хорошенькая субретка изъ театра.

— Далѣе.

— А потомъ ты, моя милая. И глубоко дыша, онъ наклонился поцѣловать ея руку.

Она встала со сверкающими глазками.

— И это не шутки? Вы дѣйствительно всѣмъ этимъ дѣвушкамъ клялись въ любви?

— Всѣмъ этимъ дѣвушкамъ я клялся въ любви, повторилъ онъ механически.

— И вы осмѣливаетесь дотрогиваться до моей руки! Уйдите и не думайте показываться мнѣ на глаза!

Онъ медлилъ, но движеніе ея руки было такъ повелительно, что ему оставалось только уйти.

Совершенно огорченный, спустя полчаса, онъ сидѣлъ въ кофейнѣ и держалъ газету, которую и не думалъ читать.

Наслѣдство, кредитъ, свадьба,—все это исчезло! Стоило ли послѣ этого жить?

— Съ Новымъ годомъ, мой дорогой, молодой другъ! услышалъ онъ вдругъ надъ собою. Предъ нимъ стоялъ, привѣтливо улыбаясь, д-ръ Лонъ, извѣстный театральный рецензентъ.—У меня для васъ пріятныя новости, продолжалъ онъ, я читалъ вашу пьесу, присланную мнѣ на просмотръ. Написана съ талантомъ. Прекрасная завязка, быстрое дѣйствіе, живой разговоръ, эффектный конецъ; я думаю рекомендовать ее для постановки.

Генель смотрѣлъ на стоящаго предъ нимъ, какъ осужденный на казнь смотритъ на вѣстника о помилованіи. Если кто могъ его еще спасти, такъ это именно Лонъ. Если его пьеса будетъ поставлена и понравится,—не все еще потеряно. Поэту, увѣнчанному славой, навѣрно не станетъ отказывать невѣста, денежныя дѣла его поправятся и онъ будетъ въ состояніи доказать дядѣ, что ему не нужно ждать его смерти.

— Кажется даже можно будетъ начать репетицію на слѣдующей недѣлѣ, такъ что пьеса можетъ пойти еще въ эту зиму. Но кстати, вы получили мои стихотворенія! Было ли у васъ время просмотрѣть ихъ?

— Да, да, началъ съ трудомъ вопрошаемый, чувствуя, что снова приближается критическая минута, простите, я не могу дольше оставаться съ вами. Меня ждутъ...

— Удѣлите мнѣ минутку. И докторъ удержалъ Генеля за руку.— Скажите мнѣ ваше мнѣніе, но вполнѣ откровенно, я не обижусь за правду. Что вы думаете о моихъ стихахъ?

Генель не могъ дольше противиться судьбѣ.

— Я думаю, началъ онъ, что стихотворенія эти одни изъ самыхъ неудачныхъ, какія когда либо мнѣ приходилось читать. Одного не понимаю, какъ человѣкъ, съ вашимъ развитіемъ, можетъ убивать время на подобные пустяки,—болѣе того, какъ можно быть такимъ тщеславнымъ, чтобы не сознавать, что такія произведенія ниже всякой критики. Погрѣшности противъ изложенія...

Библиотека "Руниверс"

— Не трудитесь продолжать, дорогой другъ. Вашъ приговоръ строгъ, быть можетъ слишкомъ строгъ, но я не обижаюсь за правду; благодарю васъ. Но я вамъ не договорилъ, что въ эту зиму уже будетъ поздно поставить вашу пьесу, тѣмъ болѣе, что она слишкомъ серьезна, а публикѣ лучше нравится все веселое. Быть можетъ, вы захотите передѣлать пьесу, а чрезъ годъ, два ее можно поставить.

И съ этими словами рецензентъ удалился.

— Еще и это, проговорилъ Генель, смотря вслѣдъ уходившему, потомъ торопливо вышелъ изъ кофейни и направился домой. Придя въ свою темную, холодную, неприбранную комнату, онъ, не раздѣваясь, съ такой силой бросился на кровать, что та затрещала.

Онъ вскочилъ... Что же это такое?

Черезъ окно пробивался утренній свѣтъ, а у кровати стояла его старая кухарка, сморщенное лицо которой освѣщалось косымъ солнечнымъ лучемъ, и поздравляя его, протягивала ему горячій стаканъ кофе.

— Много счастья въ этомъ году, много успѣха, и желаю долго, долго прожить съ вами вмѣстѣ.

Генель вскочилъ на ноги.—Что вы говорите? Сегодня Новый годъ?

— Да, а то что же? Новый годъ. Хорошо ли вы спали послѣ вчерашняго вечера?

Генель подошелъ къ окну. По улицамъ шли празднично одѣтые люди, раздавался колокольный звонъ, а напротивъ, у воротъ, стоялъ хозяинъ дома и весело ему кланялся: Съ Новымъ годомъ! Съ Новымъ годомъ!

И такъ, сегодня дѣйствительно и вѣрно—Новый годъ!

Генель подскочилъ къ старой кухаркѣ и о чудо!—объ этомъ она разсказывала до послѣдняго дня жизни—обнялъ ея голову руками и звонко поцѣловалъ ее въ сморщенную щеку.

— Новый годъ! Все цѣло! И наслѣдство, и невѣста, и я никого не оскорблялъ! Мнѣ не нужно говорить грубости и правду, я могу снова говорить что захочу. О, я счастливѣйшій изъ смертныхъ! Отнынѣ я благословляю тебя, маленькая ложь!

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ. Катерина. Поэма Шевченко.

(Рис. на стр. 4 и 5).

Грустная, задумчивая поэзія Шевченко мало говоритъ о счастьи и радости; горе чаще всего слышится въ ея пѣсняхъ. Лучшія поэмы Шевченки, гдѣ изображены имъ женскіе типы его дорогой Малороссіи, въ тоже время самыя грустныя изъ его произведеній. Стоитъ вспомнить лишь его „Утопленницу“, „Порченую“, „Батрачку“ и наконецъ „Катерину“, чтобы понять, какое чувство вызывала всегда у поэта женская доля. Возьмемъ для примѣра хотя поэму „Катерина“, содержаніе которой послужило сюжетомъ рисунка нашего художника. Катерина, милая, довѣрчивая дѣвушка, увлекается статнымъ, красивымъ молодцомъ, одѣтымъ въ блестящую военную форму. Она привязывается къ нему со всею страстью непорочнаго и пылкаго сердца.

Не послушалось родимыхъ
Сердце Катерины:
Полюбила какъ умѣла
Молодца дѣвчина.
Полюбила молодаго,
Въ садъ къ нему ходила—
Въ садъ, пока себя и долю
Тамъ не загубила.

Но счастье было непродолжительно. Милый уѣхалъ; онъ отправился на войну и обѣщалъ передъ отъѣздомъ, что женится на ней, если вернется живымъ. Катерина вѣритъ ему и безропотно сноситъ и укоры отца и матери, и то какъ относятся къ ней ея односельчане. Она уже *покрытая* дѣвушка; она исключена изъ веселыхъ хороводовъ, ея бѣгаютъ и чуждаются, но въ глубокомъ горѣ ее утѣшаетъ ея малютка. Въ немъ, въ ея сынѣ — вся ея утѣха и надежда; она все думаетъ, что милый вернется, не оставитъ безъ призора несчастнаго малютку; но время уходитъ, а молодца нѣтъ какъ нѣтъ. Приходится бѣдной Катеринѣ самой пойти искать въ Московщинѣ своего милаго, такъ какъ дома нѣтъ житья; и вотъ она, съ ребенкомъ на рукахъ, пускается въ невѣдомый и страшный путь. Путешествіе Катерины въ Московщину описано поэтомъ превосходно и исполнено самыхъ драматическихъ сценъ и картинъ. Въ дорогѣ юная путница терпитъ и холодъ и голодъ, но ее все таки поддерживаетъ сладкая надежда, что она найдетъ своего милаго, который обласкаетъ и ее, и ея маленькаго сына. Но вотъ, разъ, на пути встрѣчается ей военный отрядъ; въ рядахъ воиновъ она узнаетъ своего дорогаго Ивана; бросается къ нему и хватается за стремя. Но красивый всадникъ будто и не замѣчаетъ ее и подгоняетъ коня. „Отвяжися,“ говоритъ онъ Катеринѣ и исчезаетъ изъ виду. Все перенесла несчастная женщина, но этого удара не могла перенести.

Выбѣгаетъ на поляну:
Глянула, спустилась
По оврагу—и надъ прудомъ
Мигомъ очутилась...

Но что же сталось съ бѣднымъ сироткой, ея сыномъ? Кто призрѣлъ Ивася въ его горькой долѣ? Слава Богу! Ивась живъ; Ивась красивый, черноокій мальчикъ, но его круглое сиротство не дозволило ему заняться какимъ нибудь прочнымъ ремесломъ или дѣломъ. Онъ служитъ вожакомъ слѣпаго кобзаря и, вторитъ его, за душу трогающимъ, духовнымъ пѣснямъ.

Музей „Общества Поощренія Художниковъ“.

(Рис. на стр. 12 и 13).

Въ Петербургѣ издавна существовало „Общество поощренія художниковъ“. Имѣя тѣ же цѣли, которыми задается Императорская академія художествъ, „общество“ въ прежнее время имѣло художниковъ-пансіонеровъ, предоставляло имъ квартиру и содержаніе, а иныхъ изъ нихъ даже посылало за границу. Въ числѣ пансіонеровъ можно отмѣтить громкія имена Брюллова, А. Иванова, Барона Клодта и друг. Сперва занимаясь распространеніемъ литографіи, впослѣдствіи, когда на первый планъ выступило ксилографическое искусство, т. е. гравированіе на деревѣ, „Общество“ завело своихъ граверовъ, устроивъ для этого отдѣльную мастерскую, преподавателемъ въ которой былъ назначенъ Константинъ Клодтъ, учившійся гравированію за границей, на счетъ „Общества“.

Между прочимъ, въ „Общество“ перешла „Рисовальная школа“, находившаяся подъ вѣдомствомъ Министерства финансовъ, помѣщавшаяся на Васильевскомъ островѣ у Дворцоваго моста. Вскорѣ значеніе ея выяснилось: она служила какъ бы подготовительнымъ классомъ для поступленія въ Академію Художествъ. Здѣсь рисовали съ натуры,—съ геометрическихъ фигуръ и съ гипса рисовали орнаменты—утварь,—и преподаваніе шло успѣшно въ виду солидности средствъ и преподавателей, которыми пользовалась „школа“. Въ отличіе отъ академіи художествъ, которая задается высшими цѣлями, „школа“ стояла на чисто реальномъ основаніи, придавая системѣ преподаванія практическое значеніе. Классы композиціи орнаментовъ, лѣпки, рѣзьбы на деревѣ и проч. стали подготовлять техниковъ-спеціалистовъ по разнымъ художественнымъ отдѣламъ.

Въ видахъ доставленія лучшихъ моделей для школы, съ 1868 года началось собраніе коллекціи, которой суждено было разростись въ колоссальное, единственное въ Россіи собраніе, извѣстное теперь подъ именемъ „Музея общества поощренія художниковъ“. Душою этого дѣла былъ секретарь „общества“, нашъ извѣстный писатель Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ. Въ концѣ 1869 года, въ общемъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ Великой Княгини Маріи Николаевны, была имъ прочитана программа „Музея“, гдѣ говорилось, между прочимъ: „Слѣдуетъ дать Рисовальной школѣ возможно болѣе обширное развитіе,—приложеніе художественнаго знанія къ промышленному изящному производству. Признавая, что учрежденія этого рода дѣйствуютъ вообще на всю массу публики, въ пользу развитія ея вкуса и художественнаго чувства, признавая несомнѣнную возможность такого учрежденія, въ виду успѣшнаго развитія Рисовальной школы, комитетъ общества положилъ основать въ Петербургѣ художественно-промышленный музей, какъ часть цѣлаго художественно-образовательнаго учрежденія. Образовательное дѣйствіе музея должно ограничиваться образцами искусствъ, подлинными и подражательными, указывающими особенно на тѣсную связь художества съ промышленностью и на пользу, которую послѣднее можетъ извлечь изъ первой.“

Составленіе проэкта общаго плана „Музея“ и распредѣленіе его по отдѣламъ было возложено на секретаря „общества“ Д. В. Григоровича. Начались пожертвованія и вещами и деньгами. Предметы стали сноситься во дворецъ В. К. Маріи Николаевны. Коллекція росла и наконецъ былъ затронутъ вопросъ о пріобрѣтеніи „обществомъ“ дома. „Обществу“ былъ предоставленъ домъ Управленія Царства Польскаго; но отдаленность этого дома отъ центра города (у Большаго театра), заставило „общество“ хлопотать объ обмѣнѣ этого дома на новый. Вскорѣ обмѣнъ совершился и общество получило домъ, принадлежащій Думѣ, въ которомъ прежде помѣщался градоначальникъ и его канцелярія. Мѣстоположеніе было превосходное, въ самомъ центрѣ города, на Большой Морской и съ этихъ поръ процвѣтаніе „Музея“ началось и продолжается и до сихъ поръ.

Не смотря на то, что комнаты въ „Музеѣ“ недостаточно велики, иныя залы темны,—Здѣсь устраиваются художественныя выставки; здѣсь постоянно выставляетъ свои картины Куинджи, одно время здѣсь помѣщались „передвижныя выставки“, наконецъ, въ настоящее время, здѣсь находится выставка Верещагина. Благодаря энергіи Д. В. Григоровича, съ каждымъ годомъ улучшается внѣшній видъ „Музея“, стѣны и потолки рас-

Библиотека "Руниверс"

писываются въ строгомъ стилѣ; иныя комнаты представляютъ точное воспроизведеніе старинныхъ русскихъ палатъ. Вѣроятно наступитъ время (и оно конечно не далеко), когда стѣны и потолки всѣхъ залъ будутъ отдѣланы въ стилѣ, соотвѣтствующемъ ихъ убранству. Теперь пріобрѣтенія „Музея“ уже не случайныя,—они практикуются по строго выработанной программѣ. Рисовальная школа помѣщается наверху, надъ музеемъ, подъ руководствомъ академика Сабанѣева, и положительно процвѣтаетъ. Музей представляетъ неисчерпаемый матеріалъ для учениковъ школы и выработываетъ прекрасныхъ художниковъ-техниковъ. Двѣ гравюры, помѣщенныя въ сегодняшнемъ номерѣ „Нивы“, даютъ понятіе о тѣхъ прелестныхъ уголкахъ, которыми изобилуетъ Музей. Эти уголки представляютъ собраніе предметовъ превосходныхъ произведеній искусства Востока. Изящный вкусъ въ выборѣ и расположеніи предметовъ, показываетъ опытную, умѣлую руку и знаніе дѣла, вполнѣ соотвѣтствующее цѣли.

Райскія птицы.

(Рис. на стр. 16).

Райскія птицы, привезенныя въ Европу живыми, составляютъ необыкновенно рѣдкое явленіе. При видѣ этихъ прелестныхъ созданій, съ чудными перьями, каждому кажется, что онѣ, подобно колибри, гигантской копіей которыхъ онѣ могутъ считаться, должны перелетать съ цвѣтка на цвѣтокъ и питаться ихъ сокомъ. Между тѣмъ птицы эти, сходныя по характеру съ воронами, имѣютъ съ ними и одинаковые вкусы. Питаются онѣ обыкновенно насѣкомыми, гусеницами и въ особенности стрекозами и маленькими гадами; но также съ удовольствіемъ ѣдятъ и нѣкоторые плоды.

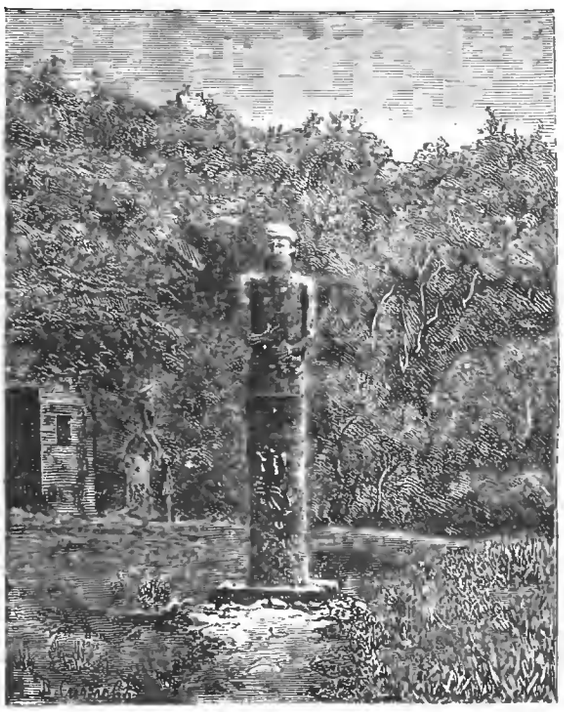
Находящіяся теперь въ парижскомъ Ботаническомъ саду двѣ райскія птицы принадлежатъ къ рѣдчайшимъ породамъ, впервые привезеннымъ живыми въ Европу. Птицы эти хорошо чувствуютъ себя въ неволѣ, такъ какъ онѣ нѣкоторое время держались въ клѣткѣ еще на Тернатѣ, одномъ изъ Молукскихъ острововъ, и сдѣлались довольно ручными.

Первый экземпляръ, наверху рисунка, красная райская птица (Paradisea sanguinea). Она вывезена изъ Новой Гвинеи. Въ большомъ количествѣ она водится въ сѣверномъ Архипелагѣ Новой Гвинеи и живетъ маленькими обществами на островахъ Вечью, Сальвати и Батанта.

Второй экземпляръ, внизу рисунка, такъ называемая многоволосная (Seleucides alba),—еще красивѣе перваго. Она живетъ на самыхъ крутыхъ скалахъ и въ самыхъ темныхъ и дикихъ лѣсахъ. Маленькими группами ихъ можно встрѣтить на верхушкахъ большихъ деревьевъ; крикъ ихъ походитъ на крикъ вороны. Онѣ водятся тамъ-же, гдѣ и красныя райскія птицы, но встрѣчаются также въ Соронгѣ и на мысѣ Годъ-Хопъ. Шея, спинка и грудь ихъ бархатисто-черныя съ пунцовымъ отблескомъ; грудь окружена круглыми перьями, зеленаго металлическаго цвѣта, образующими прелестный воротникъ. Бока покрыты тонкими, длинными желтыми перьями. Перья эти, въ началѣ мягкія какъ пухъ, при концѣ переходятъ въ длинные черные волосы, загибающіеся наружу; такихъ волосъ двѣнадцать. Брюшко золотисто-желтое, а крылья и хвостъ красновато-фіолетовые. Ноги красныя, а клювъ снаружи черный и внутри золотисто-зеленый. Самка Seleucides alba, какъ и самки всѣхъ райскихъ птицъ, имѣетъ болѣе темную окраску. Цвѣтъ ея рыжевато-коричневый, перемѣшанный съ чернымъ и сѣрымъ. Точно такія же перья бываютъ и у молодыхъ самцовъ.

Обѣ птицы въ Парижскомъ ботаническомъ саду питаются вареннымъ рисомъ и охотно ѣдятъ вишни и насѣкомыхъ.

Майнъ-Ридъ † 10 (22) Окт. 1883 г.



Пятигорскъ. Древнее языческое изваяніе въ Елизаветинскомъ цвѣтникѣ. Съ натуры рис. В. Сусловъ, грав. М. Рашевскій.

Камбизъ въ Египтѣ.

(Рис. на стр. 17).

Камбизъ, сынъ Кира по вступленіи въ 529 г. до Р. Х. на персидскій тронъ, началъ снаряжать большое войско съ цѣлію завоеванія Египта. Фараонъ Псаменитъ, съ египетскимъ войскомъ, ожидалъ непріятеля у Пелузіумскаго (Суэцкаго) перешейка; въ 525 году произошла рѣшительная битва. Послѣ кровопролитнаго сраженія, царь персидскій остался побѣдителемъ, съ торжествомъ вступилъ въ Мемфисъ и вскорѣ подчинилъ своей власти весь Египетъ. Такъ пало древнее царство Фараоновъ, которое уже никогда болѣе не возвращалось къ первобытному блеску. Камбизъ, ослѣпленный своимъ успѣхомъ, началъ мечтать о покореніи всей сѣверной Африки. Отославъ часть флота противъ Карфагенянъ и часть войска въ Ливію, съ главными своими силами онъ двинулся къ югу противъ эфіоповъ—въ сказочную страну „громадныхъ слоновъ, чернаго дерева, золота и долговѣчныхъ людей“. Но всѣ эти предпріятія не удались. Потерявъ большую часть войска вслѣдствіе болѣзни и лишеній, Камбизъ, не достигнувъ никакого результата, принужденъ былъ вернуться обратно. Разсерженный своей неудачей, онъ прибылъ въ Мемфисъ въ тотъ именно день, когда Египтяне праздновали появленіе новаго Аписа—быка, посвященнаго богу Озирису. Признаки этого священнаго животнаго были слѣдующіе: оно было черное съ четыреугольнымъ, бѣлымъ пятномъ на лбу, бѣлымъ же, въ видѣ полумѣсяца, пятномъ на правомъ боку и мясистымъ жукообразнымъ узломъ подъ языкомъ. Послѣ смерти Аписа тотчасъ начинались поиски другаго. Когда же его находили, то четыре мѣсяца отпаивали молокомъ на мѣстѣ его рожденія, затѣмъ, во время новолунія, переводили въ Никополь, а спустя 40 дней, при торжественной процессіи и радостныхъ возгласахъ народа, его вели по улицамъ Мемфиса въ храмъ, предназначенный для его помѣщенія. Такое точно торжество происходило въ Мемфисѣ въ день возвращенія Камбиза. Предполагая, что народъ радуется его неудачѣ, разгнѣванный царь персидскій приказалъ казнить представителей города, а узнавъ настоящую причину торжества, велѣлъ жрецамъ привести Аписа. Увидя быка, онъ выхватилъ мечъ и сословами: „О, вы глупцы, это ли богъ, имѣющій мясо и кровь и чувствующій желѣзо?“—сильно ударилъ животное. Эта сцена изображена на стр. 17. Съ этого же дня, какъ разсказываютъ египетскіе писатели, у Камбиза появились признаки сумасшествія. Онъ все боялся наказанія отъ оскорбленнаго бога. Противъ него составился заговоръ. Одинъ магъ, по имени Гаутама, началъ выдавать себя за наслѣдника престола Смердиса и нашелъ много приверженцевъ. Отправляясь въ походъ противъ Гаутама и садясь на лошадь, Камбизъ ранилъ себя мечемъ въ ногу, и умеръ отъ воспаленія въ 522 году.

Библиотека "Руниверс"

Майнъ Ридъ.

(Рисун. на стран. 20).

Въ лицѣ недавно умершаго писателя Майнъ Рида, Англія лишилась одного изъ популярнѣйшихъ своихъ романистовъ, произведенія котораго читались на расхватъ не только въ его отечествѣ, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Притягательная сила этихъ романовъ главнымъ образомъ заключается въ богатствѣ картинъ тропической природы и въ яркой и живой характеристикѣ народнаго быта и нравовъ Новаго Свѣта. Въ этомъ отношеніи романы Майнъ Рида имѣютъ много общаго съ романами Фенимора Купера, но нельзя не сознаться, что, не обладая высоко-художественнымъ талантомъ послѣдняго, Майнъ Ридъ болѣе близокъ къ жизненной правдѣ; изъ его увлекательныхъ описаній американскаго быта видно сейчасъ, что онъ знаетъ его во всѣхъ подробностяхъ; что всѣ эти приключенія и охотничьи эпизоды превосходно знакомы ему, какъ авантюристу и охотнику, и что онъ почерпалъ свои сюжеты не въ тиши кабинета, а среди тропическихъ лѣсовъ, среди безконечныхъ пустынь и необъятныхъ прерій. Такимъ образомъ романы Майнъ Рида явились результатомъ его долгой скитальческой жизни, полной приключеній и опасностей. Майнъ Ридъ родился въ сѣверной Ирландіи и его сначала готовили къ духовному званію, но впослѣдствіи ссора съ родными заставила его измѣнить свою карьеру. Онъ неожиданно бросилъ изученіе богословскихъ книгъ и уѣхалъ въ Америку, гдѣ началъ вести жизнь отважнаго авантюриста: охотиться за буйволами и обмѣниваться товарами съ индійцами, обитавшими на берегахъ Красной рѣки. Въ 1840 году онъ вступилъ въ ряды волонтеровъ, вооружавшихся противъ разбойничьихъ бандъ мексиканцевъ, опустошавшихъ Техасъ. Когда же, въ 1845 году, была наконецъ объявлена формальная война между Мексикой и Соединенными Штатами, то Майнъ Ридъ вступилъ въ американскую армію въ чинѣ капитана и постоянно находился въ авангардѣ. Въ сраженіи подъ Хоробюско, Майнъ Ридъ руководилъ блестящей аттакой пѣхоты, а въ битвѣ подъ Ханолтенскомъ былъ тяжело раненъ и оставленъ за мертво среди груды труповъ. Послѣ этой побѣды, нанесенной американцами мексиканцамъ, послѣдніе волей-неволей должны были заключить миръ. М. Ридъ избралъ мѣстомъ своего пребыванія Лондонъ, гдѣ до самой смерти посвящалъ себя исключительно литературнымъ занятіямъ и написалъ большое число романовъ, доставившихъ скоро ему обширную и громкую извѣстность. Почти всѣ его лучшія произведенія переведены на русскій языкъ и читаются съ увлеченіемъ. Зачитываются его „Всадникомъ безъ головы", „Дѣтьми лѣсовъ", „Бѣлымъ конемъ пустыни" и другими романами, гдѣ такъ замѣчательно ярко представлена жизнь и нравы индійцевъ и приключенія американскихъ авантюристовъ, ведущихъ, просто изъ страсти къ сильнымъ ощущеніямъ, борьбу то съ дикарями, то съ хищными животными, въ безконечныхъ пустыняхъ и дремучихъ тропическихъ лѣсахъ Новаго Свѣта.

Майнъ Ридъ скончался въ Лондонѣ, 22-го октября минувшаго года, 67 лѣтъ отъ роду.

Древности въ Елизаветинскомъ цвѣтникѣ, въ Пятигорскѣ.

(Рис. на стр. 20).

Благодаря своимъ цѣлебнымъ источникамъ, Пятигорскъ во время лѣтняго сезона является очень веселымъ и оживленнымъ городкомъ. Сюда собирается масса пріѣзжихъ со всѣхъ уголковъ Россіи вообще и Кавказа въ особенности, и на каждаго изъ этихъ случайныхъ посѣтителей, Пятигорскъ производитъ самое благопріятное впечатлѣніе. Всѣмъ нравится его прекрасныя климатическія условія; ранняя весна, умѣренное лѣто, продолжительная и теплая осень, его короткая зима и богатство живописныхъ мѣстностей, дающихъ возможность разнообразить свои прогулки. Сдѣлавъ оффиціальный визитъ къ источникамъ и испивъ цѣлебной воды, публика спѣшитъ или въ горы, чтобы до обѣда совершить восхожденіе на Машуку и Бешгау, или гуляетъ по городу, гдѣ къ ея услугамъ имѣется прекрасный бульваръ и два цвѣтника: Николаевскій и Елизаветинскій, а для людей, любящихъ уединеніе,—знаменитый Лермонтовскій гротъ и такъ называемая Эолова арфа. Елизаветинскій цвѣтникъ, кромѣ пріятной прогулки, можетъ доставить еще и научное наслажденіе, такъ какъ въ немъ собраны нѣкоторые древніе памятники, весьма замѣчательные въ археологическомъ отношеніи. Эти памятники найдены извѣстнымъ караимомъ Фиркевичемъ въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа и принадлежатъ частью къ эпохѣ языческой, частью къ христіанской. Особенное вниманіе обращаетъ большая человѣческая фигура, на удлиненномъ овальномъ основаніи, съ греческою надписью и рельефными изображеніями, найденная въ 12-ти верстахъ отъ Пятигорска, и два большихъ каменныхъ креста: одинъ съ выпуклыми конными изображеніями и греческою надписью, а другой съ одною надписью, также на греческомъ языкѣ. Кромѣ того, здѣсь же, въ цвѣтникѣ, хранятся два большихъ человѣческихъ истукана, вывезенные изъ Ессентуковъ. Остальные древности, состоящія изъ надгробныхъ камней съ арабскими надписями, помѣщаются въ Лермонтовскомъ гротѣ.

Политическое обозрѣніе.

Франція и Китай.—Египетъ.—Германія.—Босція.

Только что законченный годъ оставилъ въ наслѣдіе новому, наступившему году много еще не разрѣшенныхъ политическихъ вопросовъ и разнаго рода дипломатическихъ затрудненій, которыя теперь волнуютъ не только Европу, но и другія, самыя отдаленныя части свѣта. Конечно самыми главными изъ этихъ вопросовъ, составляющихъ злобу дня для Франціи и Англіи, остаются по прежнему вопросы Тонкинскій и Египетскій, вызванные такими событіями, предвидѣть исходъ которыхъ не представляется еще никакой возможности. Взятіе Сонгъ-Тая, нѣсколько польстившее военному самолюбію французовъ, въ дѣйствительности все таки мало подвинуло впередъ успѣхи тонкинской экспедиціи, которая, между тѣмъ, уже потребовала у Франціи нѣсколько кредитовъ и обошлась ей до 40 милліоновъ франковъ. Не мудрено, что люди осторожные, не увлекающіеся столь дорого стоющей славой, уже теперь задаютъ вопросъ: не должна ли Франція удовлетвориться военнымъ успѣхомъ, достигнутымъ ею подъ Сонгъ-Таемъ, и вслѣдствіе того выслушать предложеніе англійскаго посредничества. Впрочемъ это мнѣніе меньшинства, большинство націи, увлекшись патріотизмомъ, ставитъ необходимымъ условіемъ—взятіе Бакъ-Нинга, дабы имѣть соотвѣтствующій желаніямъ Франціи базисъ для переговоровъ съ Китаемъ. Это мнѣніе, какъ кажется, раздѣляетъ и министръ-президентъ Жюль Ферри, такъ какъ изъ Парижа сообщаютъ, что онъ воздержался отъ принятія на себя какихъ бы то ни было обязательствъ по отношенію къ посредническимъ предложеніямъ Англіи. Онъ желаетъ впредь до взятія Бакъ-Нинга пользоваться полною свободою дѣйствій и для оправданія своихъ воззрѣній ссылается на то, что ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ пока еще не обнаруживаютъ никакой попытки содѣйствовать успѣху британскаго посредничества. Кромѣ того французская печать относится съ большимъ недовѣріемъ къ успѣху посредничества Англіи при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Тонкинѣ, такъ какъ, по ея словамъ, нація вооружилась твердымъ рѣшеніемъ довести до конца предпріятіе, столь славно начатое адмираломъ Курбэ. Командуемыя генераломъ Миньо войска уже отправились по назначенію и вообще все будетъ сдѣлано для того, чтобы очистить дельту отъ противудѣйствующаго врага и дать урокъ правительству въ Гюэ, дабы оно поняло, сколь безполезно и опасно для него уклоняться отъ выполненія обязательствъ, изложенныхъ въ договорахъ, подписанныхъ его предшественниками. Побѣда при Сонгъ-Таѣ повидимому также повліяла и на измѣненіе направленія англійской политики. Такъ, по сообщеніямъ послѣднихъ депешъ, маркизъ Цзенгъ отправился въ Лондонъ испрашивать посредничество Англіи, но ему тотчасъ же дали понять, что эта просьба несвоевременна и не можетъ имѣть никакой надежды на успѣхъ, такъ какъ послѣ взятія Сонгъ-Тая, Англіи неловко просить Францію остановиться на полудорогѣ. Кромѣ того въ означенной депешѣ изъ Лондона усматривается даже намекъ на протестъ, который Франція можетъ сдѣлать противъ китайскаго правительства, которое навлекло на себя справедливую отвѣтственность за явное содѣйствіе „Чернымъ флагамъ" и открытое потворство сопротивленію. Газета „Times" даже совершенно опровергаетъ извѣстіе о проектѣ европейскаго посредничества между Франціей и Китаемъ и выражаетъ надежду, что Жюль Ферри не доведетъ одержанныхъ имъ успѣховъ до того, чтобы замѣнить французской монополіей на Красной рѣкѣ ту, которою до сихъ поръ пользовались китайцы. По ея убѣжденію, если Франція продолжитъ войну и будетъ тратить деньги, то легко можетъ случиться, что прежде окончанія этой войны, она сама сознаетъ, что бремя, взятое ею на себя, уже черезчуръ тяжело и постарается покончить съ тонкинскимъ вопросомъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Египта, Махди продолжаетъ двигаться впередъ. По словамъ депешъ изъ Хартума, его войска идутъ двумя отдѣльными отрядами на Донголу и Сенааръ. Кромѣ того изъ Судана приходятъ самыя неутѣшительныя вѣсти и дѣлается очень вѣроятнымъ, что отправленная недавно экспедиція подъ начальствомъ Бекера-паши, не въ силахъ будетъ загладить ту кровавую и ужасную неудачу, которую потерпѣлъ несчастный Гиксъ-паша съ своей арміей. Два города—Синкатъ и Токаръ, теперь находятся въ осадѣ; ихъ окружаетъ 20 тысячъ мятежниковъ подъ начальствомъ Османа-Дигмы, одного изъ сподвижниковъ Махди, и очень мало надежды, чтобы эти города могли сопротивляться болѣе 15 дней. Въ случаѣ сдачи, осажденныхъ ожидаетъ страшная участь—быть перерѣзанными, не исключая женщинъ и дѣтей, подобно тому какъ это происходило и въ другихъ городахъ, взятыхъ мятежниками. Племена выражавшія готовность дѣйствовать противъ Махди, въ томъ случаѣ, если бы Египетъ могъ просить имъ помощь,

Библиотека "Руниверс"

теперь, не видя ее, волей-неволей принуждены присоединиться къ мятежникамъ. Вообще дѣла такъ плохи, что, по словамъ депеши изъ Александріи, хедивъ даже объявилъ своимъ министрамъ, что онъ рѣшился отречься отъ престола, если ни Англія, ни Турція не окажутъ ему достаточной помощи для борьбы съ Махди. До сихъ поръ эта помощь проявлялась въ очень слабой степени и лишь недавно главнокомандующій англійскою оккупаціонною арміей получилъ отъ британскаго военнаго министра оффиціальное сообщеніе, что приказъ объ очищеніи Египта отмѣняется. Оккупаціонная армія будетъ охранять порядокъ въ Египтѣ, въ то время какъ все взрослое населеніе Египта, способное носить оружіе, двинется противъ Махди. Въ Турціи тоже втихомолку приготовляются къ экспедиціи въ Египетъ, кромѣ того всѣ египетскіе корабли, прибывающіе въ Александрію, привозятъ изъ Турціи башибузуковъ, которые тотчасъ же зачисляются въ полки.

Въ Германіи политическая пресса теперь особенно занята тѣми послѣдствіями, которыя можетъ имѣть посѣщеніе Германскимъ наслѣднымъ принцемъ короля Гумберта и папы Льва XIII. По мнѣнію газетъ, появленіе принца въ Ватиканѣ составляетъ важное событіе, послѣдствія котораго очевидно не замедлятъ обнаружиться. Конечно это свиданіе съ папой не можетъ сразу положить конецъ распрямъ, существующимъ между Германскимъ правительствомъ и римской куріей, но при этомъ очевидно, что какъ одна, такъ и другая сторона обнаруживаютъ примирительныя намѣренія, которыя значительно облегчатъ ихъ окончательное сближеніе. На приглашеніе принцемъ короля Гумберта посѣтить Берлинъ изъявлено было королемъ полное согласіе.

Изъ Константинополя сообщаютъ, что въ настоящую минуту происходитъ оживленный обмѣнъ нотъ между Австріей и Турціей по поводу введенія въ занятыхъ австрійцами турецкихъ провинціяхъ всеобщей воинской повинности. Всего курьезнѣе то, что въ этихъ нотахъ Порта оспариваетъ у Австріи право привлекать къ службѣ въ австрійской арміи герцеговинцевъ и боснякоиъ, указывая на то, что во время турецкаго управленія, христіанское населеніе этихъ провинцій всегда было свободно отъ воинской повинности. Такимъ образомъ, въ отношеніи къ Босніи и Герцеговинѣ, Турція дѣйствуетъ гораздо человѣчнѣе и справедливѣе, нежели непрошенные ихъ защитники и покровители—австрійцы, которые при всякомъ удобномъ случаѣ оказываются не прочь эксплоатировать занятыя ими провинціи для своихъ собственныхъ выгодъ.

Библіографія.

Новыя изданія С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ (Троицкій пер., № 14). Новыя изданія этой въ высшей степени добросовѣстной и уже получившей извѣстность мастерской, отличаются какъ цѣлесообразностью, такъ и изяществомъ и красотою отдѣлки. *„Лѣпка изъ воску“* (3 руб. 30 к.),—игра, получившая медали на разныхъ выставкахъ, заключаетъ въ коробкѣ прекрасные образцы вылѣпленныхъ предметовъ и разноцвѣтный воскъ, спеціально для этой цѣли приготовленный. Извѣстно, что это любимое занятіе дѣтей. *„Бой за позиціи“* (2 р. 60 к.),—очень остроумная игра. Каждый изъ играющихъ беретъ по 12 шашекъ и двигаетъ ихъ по квадратамъ карты, изображающей поле битвы. *„Письменный приборъ“* (3 р. 75 к.)—большая коробка, наполненная разными письменными принадлежностями, перьями, бумагой и красками—ихъ такъ много, что это порадуетъ всякаго малютку. *„Облава“* (2 руб.), очень занимательная игра для дѣтей и взрослыхъ. Извѣстная игра *„Крѣпость“* (2 р.), весьма изящно исполненная, и наконецъ *„Лѣпка медальоновъ изъ алебастра“* (3 р.). Здѣсь приложены прекрасныя пальмовыя формы, на которыхъ очень удобно дѣлать медальоны изъ алебастра, тутъ же въ коробкѣ имѣющагося. Всѣ эти игры смѣло могутъ быть рекомендованы—какъ очень удачныя и изящно выполненныя—каждой семьѣ.

„Für Gross und Klein“ v. M. Galle. Berlin 1884. Изящное изданіе Эбгардта въ Берлинѣ представляетъ цѣлый рядъ прелестныхъ рисунковъ изъ дѣтской жизни. Эти изданія доведены въ послѣднее время до весьма значительной степени совершенства. Нельзя не любоваться умѣньемъ и вкусомъ, съ какимъ все это разработано, до роскошнаго переплета включительно.

„Musterschatz Handarbeiten“ Berlin 1884. Тоже прекрасный выпускъ того же издателя. Тутъ цѣлое собраніе изящныхъ узоровъ для ручныхъ работъ, печатанныхъ нѣсколькими красками и весьма полезныхъ для домашняго употребленія.

Иллюстриров. каталогъ огородничества В Грачева. Спб. 1884. Это, кажется, у насъ первый примѣръ столь роскошно изданнаго каталога такого рода. Г. Грачевъ имѣетъ столько медалей и почетныхъ отзывовъ, что фирма его давно уже получила заслуженную извѣстность. Рисунки растеній всѣ исполнены прекрасно.

Смѣсь.

Въ Парижскомъ морскомъ музеумѣ недавно были выставлены остатки поглощенныхъ моремъ и коралловыми рифами кораблей „Бусоль“ и „Астролябія“, которые сто лѣтъ тому назадъ, предводимые знаменитымъ путешественникомъ Ла-Перузомъ, погибли у острова Ваникаро (близъ Вандименовой земли). Они состоятъ изъ трехъ якорей, трехъ пушекъ и нѣсколькихъ круговъ изъ жести и свинца. Якоря почти сплошь покрыты кораллами; когда капитанъ вѣстоваго судна „Брюантъ“ вытащилъ ихъ изъ воды, они отливали роскошными желтымъ, краснымъ и бѣлымъ цвѣтами, но съ теченіемъ времени мало по малу утратили свой блескъ. Для того, чтобы поднять пушки со дна, пришлось взорвать коралловый рифъ посредствомъ торпедъ. Конечно, черезъ это повредились приставшіе къ нимъ кораллы, но тамъ гдѣ они отдѣлились, видѣнъ металлъ, не претерпѣвшій никакихъ измѣненій. На одномъ изъ орудій значится 1621 годъ. Другая пушка, бывшая заряженною въ моментъ крушенія, заключаетъ и теперь еще въ себѣ снарядъ. Интересныя свѣдѣнія объ участи погибшихъ кораблей разсказываютъ туземцы. „Бѣлые люди, говорятъ они, построили себѣ хижину, утварь которой была привезена съ корабля. Они оставались здѣсь до тѣхъ поръ, пока не выстроили себѣ новый корабль, на которомъ и уѣхали“. Туземцы и теперь еще показываютъ мѣсто, гдѣ жили бѣлые пришельцы. Въ нѣкоторыхъ семействахъ жителей можно встрѣтить христіанскія имена, которыя они, какъ говорятъ сами, переняли отъ бѣлыхъ. Судя по этому, не остается сомнѣнія, что Ла-Перузъ со своими спутниками погибъ въ волнахъ океана во время втораго путешествія на своемъ новомъ, маленькомъ и плохенькомъ кораблѣ. Еслибъ они оставались на островѣ, то легко были бы найдены, такъ какъ въ 1791 году Людовикъ XVI отправилъ для розысканія ихъ въ австралійскія широты два корабля, подъ начальствомъ д'Антрекосто.

Чистота воздуха. Профессоръ Фрейденрейхъ изъ Берна и д-ръ Микель изъ Парижа, въ различныхъ мѣстахъ Швейцаріи изслѣдовали чистоту воздуха. Они пришли къ тому выводу, что чистый воздухъ начинается на высотѣ 2—4 тысячъ метровъ (7—9 тыс. футовъ) надъ поверхностью моря; самые же нижніе слои воздуха сильно населены бактеріями. Однако обитатели низменныхъ мѣстностей Швейцаріи могутъ утѣшать себя, что воздухъ ихъ въ 700 разъ менѣе населенъ бактеріями, чѣмъ воздухъ парижской улицы Риволи, а эта послѣдняя въ тысячу разъ чище, чѣмъ улицы другихъ главныхъ городовъ.

Видимое исчезновеніе спутника Юпитера. Утромъ 15-го октября, минувшаго года, былъ видѣнъ Юпитеръ, между тѣмъ какъ обыкновенно его скрываютъ спутники. Это довольно рѣдкое явленіе было въ нашемъ столѣтіи только 23-го мая 1802 г., 15 го апрѣля 1826 г., 27-го сентября 1843 года и 21-го августа 1867 года. Въ 1826 году спутникъ не былъ виденъ въ теченіи двухъ часовъ, въ 1843 году—только 35 минутъ, въ 1867—опять въ продолженіи 1 часа и 45 мин. и въ минувшемъ году 19 мин., именно съ 3 часовъ 56 мин. до 4 час. 15 мин. При этомъ первый спутникъ—луна, былъ покрытъ кольцомъ Юпитера, три другихъ же оставались свободными. Это феноменальное явленіе даетъ прекрасный случай для наблюденія пятенъ на Юпитерѣ, которыя были уже замѣчены раньше Давесомъ, Зекхи и друг. Между началомъ этихъ явленій въ 1802 г. и 1826 г., такъ же какъ и между явленіями 1843 г. и 1867 года, прошелъ одинаковый промежутокъ времени въ 24 года. Остальные интервалы неправильны: такъ, съ 1826 по 1843—17 лѣтъ, 165 дней и съ 1867 г. по 1883 г.—16 лѣтъ 55 дней. Если же принять правильный періодъ — среднимъ числомъ въ 24 года, то на ближайшее повтореніе этого явленія мы можемъ разсчитывать 7 го сентября 1907 года.

Правила при нюханіи табаку. На одномъ изъ воскресныхъ парадовъ, которые такъ любилъ дѣлать Фридрихъ Великій, по обыкновенію, собралась масса публики, стоявшая густой толпой, почти вплотную къ самому королю. Когда Фридрихъ открылъ табакерку и понюхалъ табаку, одинъ изъ зрителей безцеремонно потянулся черезъ его плечо и также взялъ щепотку. Король не мало былъ удивленъ этой дерзостью; онъ приказалъ задержать этого непочтительнаго господина и отправить въ свой замокъ. Это, какъ оказалось, былъ честный, уважаемый сапожникъ, который, съ своей стороны, тоже сильно изумился, когда король спросилъ его, какъ онъ осмѣлился позволить себѣ потянуться къ нему за табакомъ. „Ваше Величество, отвѣчалъ сапожникъ, я поступилъ вполнѣ по правиламъ, которыя существуютъ на этотъ случай, т. е., что если нюхающій ударитъ по табакеркѣ одинъ разъ, то это значитъ, что онъ вынулъ ее только для себя; если же два раза—то приглашаетъ этимъ желающихъ угоститься“.—„Этого я до сихъ поръ не зналъ, сказалъ Фридрихъ Великій. Но во всякомъ случаѣ я не охотно нюхаю изъ своей табакерки со всякимъ и каждымъ. А для того, чтобы тебя не вводить въ новое искушеніе, возьми табакерку, изъ которой ты уже разъ понюхалъ, для своего употребленія“.

Средство тушить воспламеняющійся керосинъ. Несчастные случаи отъ неосторожнаго обращенія съ керосиномъ увеличиваются чуть не съ каждымъ днемъ вслѣдствіе того, что этотъ способъ освѣщенія находитъ себѣ все большее и большее примѣненіе.

Библиотека "Руниверс"

Слѣдуетъ всегда имѣть въ запасѣ бутылку съ нашатырнымъ спиртомъ и, какъ только загорится керосинъ, вылить на него эту жидкость; пары амміака мгновенно потушатъ огонь. Это средство, конечно, можетъ быть примѣнимо и ко всѣмъ другимъ случаямъ. Особенно рекомендуется имѣть это радикальное огнегасительное средство на кухняхъ, гдѣ заправляются и зажигаются лампы.

Открытіе Абруццкой желѣзной дороги. Недавно состоялось торжественное открытіе новой, замѣчательной желѣзно-дорожной линіи, которая соединила Римъ съ Абруццо и Адріатическимъ моремъ. Послѣ девятичасовой ѣзды черезъ великолѣпно-прекрасныя, дикія Абруццкія горы, торжественный поѣздъ достигъ въ 6 ч. вечера расположеннаго у подножія высочайшихъ горъ Италіи гор. Акила. Шестьсотъ человѣкъ приглашенныхъ гостей заняли мѣсто за приготовленнымъ столомъ. На пути былъ посѣщенъ большой водопадъ Мармора, находящійся у Терни и лежащій почти у самой станціи того же имени. На всѣхъ станціяхъ поѣздъ былъ встрѣчаемъ съ большимъ торжествомъ. Мармора, Ріети, Ситто, Дюкаль и Антродово были богато разукрашены. Угощеніе было блестящее. Акила былъ роскошно иллюминованъ. За столомъ говорилъ рѣчь сначала министръ Генала и бургомистръ гор. Акила Якобукси. Первый придавалъ особенно новой желѣзнодорожной линіи стратегическое значеніе. Арбибъ, редакторъ „Либерта", говорилъ отъ лица прессы; бургомистръ Рима, герцогъ фонъ-Тролонья—отъ имени своего города. Вечеромъ дана была опера. Жители города старались всѣми силами выказать свое радушіе; гости были размѣщены въ лучшихъ семействахъ безвозмездно. На слѣдующій день далъ большой банкетъ общинный совѣтъ. Вечеромъ опять опера и иллюминація. Ночью послѣдовало возвращеніе въ Римъ.

Какъ проводятъ воскресенье въ Нью-Іоркѣ. Въ одномъ американскомъ журналѣ мы встрѣтили слѣдующія интересныя подробности объ воскресномъ времяпровожденіи болѣе чѣмъ милліоннаго населенія Нью-Іорка: „Половина населенія, т. е. 500,000 изъ нихъ исповѣдуютъ католицизмъ и лишь 100,000 протестантовъ. Католики въ Нью-Іоркѣ имѣютъ 190 церквей, протестанты 310; кромѣ того протестанты содержатъ еще 365 воскресныхъ школъ, которыя посѣщаютъ 119,600 учениковъ. Лѣтомъ по воскресеньямъ устраиваются экскурсіи по окрестностямъ города или на морскомъ берегу, въ которыхъ участвуетъ до 75,000 жителей. Нѣмцы же, которыхъ въ Нью Іоркѣ до 250,000, посѣщаютъ такъ называемые пивные сады (beer-gardens) въ громадномъ количествѣ. Въ центральномъ паркѣ въ эти дни перебываетъ до 100,000 гуляющихъ. Библіотекъ открыто въ воскресенье одна или много двѣ, которыя въ этотъ день имѣютъ до 2,000 читателей. Что же касается до пьянства и другихъ проступковъ, то незамѣтно, чтобы оно усиливалось въ праздничный день; такъ общее число ежедневныхъ арестовъ бываетъ 193, въ воскресенье же 182. Въ понедѣльникъ же число арестовъ доходитъ до 227. Въ воскресные вечера въ Нью-Іоркѣ концерты даются рѣдко и также мало открывается помѣщеній, гдѣ можно пить пиво и слушать пѣніе и музыку, но все таки около десяти тысячъ человѣкъ каждое воскресенье проводятъ вечера въ этихъ концертахъ и пивныхъ".

Телеграфъ въ Китаѣ. Введенію телеграфа въ Китаѣ препятствовало долгое время, между прочимъ, то обстоятельство, что европейскіе телеграфисты не достаточно владѣли китайскимъ языкомъ, чтобы свободно исполнять свои обязанности. Учрежденное недавно въ Китаѣ телеграфное общество съумѣло устранить этотъ недостатокъ слѣдующей остроумной выдумкой. На отдѣльныхъ дощечкахъ вырѣзываются съ одной стороны китайскія слова, которыхъ въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ считается 5—6 тысячъ, а съ другой—соотвѣтствующія имъ числа. Телеграмма посылается въ числахъ, по которымъ дощечки складываются обратной стороной, и такимъ образомъ депеша, такъ сказать уже переведенная на китайскій языкъ, отпечатывается и отправляется по адресу.

Употребленіе свинца вмѣсто корпіи при перевязкѣ ранъ. Этотъ новый способъ употребленія тонкаго листоваго свинца даетъ весьма благодѣтельные результаты, которые объясняются слѣдующими соображеніями. Листочекъ свинца, въ прикосновеніи со свѣжей раной, все время остается мягкимъ и холоднымъ, тогда какъ корпія согрѣвается, а пропитанная матеріей затвердѣваетъ и тѣмъ поддерживаетъ воспаленіе и нагноеніе. Къ тому же образующійся на поверхности свинцоваго компресса слой сѣрнистаго свинца самъ препятствуетъ нагноенію и развитію сопровождающихъ его организмовъ. Разъ положенную свинцовую перевязку нѣтъ надобности часто мѣнять и достаточно только отъ времени до времени смачивать больное мѣсто холодной водой. Свинцовый листъ удерживается на ранѣ посредствомъ прикрѣпленія къ тѣлу пластыремъ.

СОДЕРЖАНІЕ: **Новый годъ** (съ 2 рис.).—**Въ старой Москвѣ.** Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ. **Гр. Е. А. Саліаса.** Часть первая.—**И. С. Тургеневъ у себя,** въ его послѣдній пріѣздъ на родину. Изъ воспоминаній **Я. П. Полонскаго.**—**Въ глуши.** Стихотвореніе **П. Гнѣдича.**—**Бѣда тому, кто говоритъ правду.** Новогодній разсказъ **Стекеля.** — **Литературный альбомъ. Катерина. Поэма Шевченко** (съ рис.).—**Музей „Общества Поощренія Художниковъ"** (съ рис.).—**Райскія птицы** (съ рис.).—**Камбизъ въ Египтѣ** (съ рис.).—**Майнъ-Ридъ** (съ портр.).—**Древности въ Елизаветинскомъ цвѣтникѣ въ Пятигорскѣ** (съ рис.).—Политич. обозр.—Библіографія.—Смѣсь. — Задачи. — Объявленія.—**При этомъ № прилаг. для подписчиковъ „Нивы" первая безплатная премія—стѣнной Календарь на 1884 г., печат. 2 красками.—При этомъ № прилаг. „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ЯНВАРЬ 1884 г. съ 23 рисунками и отдѣльн. лист. съ 32 выкройками въ натуральн. величину и 15 рис. малороссійскихъ узоровъ, печатанныхъ двумя красками.**

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

ИЗВѢСТНО, что бальзамъ **„Элеопатъ"** только провизора **Кинуненъ** употребляется съ **большимъ успѣхомъ** противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, а также какъ одобренное и испытанное средство **противъ выпаденія волосъ**, и способствующее правильному произростанію ихъ корней. **„Элеопатъ"** въ послѣднее время пользуется **всеобщимъ довѣріемъ** лицъ, употреблявшихъ его и **удостовѣрившихся въ благотворномъ** вліяніи означеннаго препарата провизора **Кинунена** на кожу головы, вслѣдствіе чего и признанъ какъ ничѣмъ незамѣнимое и безподобное средство для укрѣпленія волосъ и увеличенія ихъ густоты, и какъ предохраняющее волоса **отъ преждевременнаго выпаденія.**

„ЭЛЕОПАТЪ" только провизора **Кинуненъ** имѣется къ услугамъ публики **во всѣхъ БОЛЬШИХЪ АПТЕКАХЪ** и аптекарскихъ **магазинахъ Россіи.**

Жители **уѣздныхъ** городовъ выписываютъ Элеопатъ изъ **ближайшихъ** отъ нихъ губернскихъ городовъ, и вообще изъ всѣхъ тѣхъ городовъ, **гдѣ только имѣется аптекарскій магазинъ.** Въ С.-Петербургѣ „Элеопатъ" можно получать въ магазинѣ **Штоль и Шмитъ, или у Русскаго Общества торговли аптекарскими товарами, въ провинціи—во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ.**

Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к.

Для иногородныхъ покупателей „Элеопатъ" высылается изъ каждой **большой аптеки** *любаго города*, но не менѣе 2 флаконовъ за 4 руб.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ слѣдуетъ обращать вниманіе, чтобы на каждомъ флаконѣ была означена фирма—подпись

„Провизоръ Кинуненъ".

Описаніе и способъ употребленія приложенъ къ каждому флакону. № 3073

Покорно прошу точно замѣтить и помнить мою фирму и марку—провизора Кинунена.

Объ изданіи въ 1884 году литературно-политическаго журнала

„ДѢЛО".

(ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ).

„Дѣло" будетъ издаваться подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ:** безъ доставки 15 р. 50 к., съ достав. 16 р., съ перес. иногор. 17 р., за границу 19 р.; **на полгода:** безъ доставки 8 р., съ достав. 9 р., съ перес. 10 р., за границу 11 р. Разсрочка подписныхъ денегъ допускается на слѣдующихъ основаніяхъ: при подпискѣ вносится 7 р., 1-го апрѣля 5 р., и 1-го іюня 5 р.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться со своими требованіями **исключительно** въ главную контору „Дѣло" (С.-Петербургъ, Надеждинская, 39). № 3065 1—1

СѢМЕННОЕ ДЕПО

ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЛЬЦЪ

МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ, Д. ПѢГОВА.

Честь имѣетъ увѣдомить г. г. покупателей, что въ декабрѣ мѣсяцѣ выйдетъ изъ печати на 1884 годъ полный **Прейсъ-Курантъ** на сѣмена: Сельско-хозяйственныя, Огородныя, Фруктовыя, Цвѣточныя, Древесныя и проч. Садовые инструменты лучшихъ здѣшнихъ и заграничныхъ фабрикъ, громадный выборъ вальмъ и проч. растеніямъ, который во требованію выдается и высылается чрезъ почту безплатно. Принимается подписка на г.-вету **Русское Садоводство.** М. № 2998 6—4

Библиотека "Руниверс"

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1883 Г.

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1.200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ граюръ, большой романъ Вс. С. Соловьева—„Старый домъ“; повѣсть Д. В. Григоровича—„Гуттаперчевый мальчикъ“; повѣсть Н. Лебедева (Морскаго)—„Въ дѣтахъ“; повѣсть Н. Д. Ахшарумова—„Подъ колесомъ“; очеркъ Н. Успенскаго—„На поясахъ“; разсказы П. П. Гнѣдича—„На морскомъ берегу“ и „Устроилась“; большую историческую повѣсть Кирилова—„Полновластинъ изъ Золотоноши“ и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Профессора Импер. Акад. Художествъ В. И. Якобія—„Король-женихъ“.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к. | Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 „ — „ | Съ пересылкою 7 „ 50 „

РАМЫ ДЛЯ ПРЕМІИ „НИВЫ“.

Цѣна со вставленною и укрѣпленною, какъ всѣ масляныя картины, на подрамки, наклеенною на полотно картиною. 5 руб.—Картины, при требованіи рамы подписч., возвращаются обратно и рамы выдаются уже со вставленною картиною.

Иногороднымъ высылается такая рама въ 4-хъ кускахъ за 9 руб.: составленная и готовая за 15 руб.

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, ВЪ КОНТОРУ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА“, Б. МОРСКАЯ, № 9; ВЪ МОСКВѢ ВЪ ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ „НИВЫ“ У Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ. Д. ПЕТРОВСКИХЪ ТОРГОВЫХЪ ЛИНІЙ.

КИТАЙСКІЯ ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ

ДЛЯ МУЖСКАГО И ДАМСКАГО ЛѢТНЯГО ПЛАТЬЯ

(ЧЕСУЧА, ФАНЗА, КРЕПЪ, ГРАНИТУРЪ)

предлагаетъ въ большомъ выборѣ во всякое время года

Торговый Домъ въ Москвѣ

„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ“

МАЛАЯ ДМИТРОВКА Д. АЛЕКСѢЕВА № 1В.

ПРІОБРѢТЕНІЕ ТОВАРА ПРЯМО СЪ ФАБРИКЪ КИТАЯ.

Требованія иногородныхъ исполняются немедленно; прейсъ-куранты высылаются безплатно. Н № 3003 5—2

НАСТОЯЩІЯ

дрожжи РЕВЕЛЬСКАГО завода

ПРЕССОВАННЫХЪ ДРОЖЖЕЙ

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ТОЛЬКО

ВЪ С-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ СКЛАДѢ

ОНАГО ЗАВОДА.

№ 3063 ПО ФОНТАНКѢ, Д. № 41. 1—1

19-го ФЕВРАЛЯ 1884 ГОДА.

ВЪ ЗАЛАХЪ С. П. Б. ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

послѣдуетъ

РОЗЫГРЫШЪ

ЛОТЕРЕИ

въ пользу

состоящей подъ непосредственнымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Александры Петровны

ПОКРОВСКОЙ ОБЩИНЫ СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ

всего 600 выигрышей

изъ нихъ главнѣйшіе

Одинъ выигрышъ 225 фунтовъ сервизнаго серебра 84 пробы . . . . . 8,000 руб.
Четыре — по 1,000 рублей. . . . . 4,000 „
Четыре — по 500 — . . . . . 2,000 „
Десять — по 100 — . . . . . 1,000 „
Остальные пятьсотъ восемьдесятъ одинъ выигрышъ состоятъ изъ вещей: серебряныхъ и высочайше пожалованныхъ цѣнностью на . . . . . 12,000 „

БИЛЕТОВЪ НА ЛОТЕРЕЮ НАЗНАЧЕНО 50,000.

цѣна билету 1 рубль.

Билеты можно получать въ Канцеляріи Государыни Великой Княгини Александры Петровны, на Васильевскомъ Островѣ, по четвертой линіи, домъ № 21; у Казначея Общины П. Н. Бруснцына, въ Мучномъ переулкѣ, по Желѣзной линіи № 12; у Казначея лотереи Ивана Максимовича Максимова, по Банковской линіи, № 31; у Почетныхъ членовъ: Ф. А. Алферова, по той же линіи, № 35; А. В. Любавина, подъ Думой, въ Серебряномъ ряду; въ чайномъ магазинѣ Бѣлкова и К°., на Невскомъ у Аничкина моста, домъ Лихачева; Ф. Е. Страубе, Пассажъ, № № 6 и 7; А. И. Керина, внутри Маріинскаго рынка въ Фруктовомъ ряду. Въ г. Ригѣ торговый домъ М. Кальмейеръ. Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться въ Канцелярію Государыни Великой Княгини Александры Петровны.

Выдача выигрышей будетъ производиться въ зданіи Покровской Общины сестеръ милосердія на Васильевскомъ островѣ, по Большому проспекту, въ гавани домъ № 71. Иногородныхъ же просятъ обращаться за полученіемъ выигрышей въ канцелярію Государыни Великой Княгини Александры Петровны. Для раздачи выигрышей назначено время: со дня розыгрыша по 1 Марта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 10 часовъ утра до 4-хъ часовъ по полудни; съ 1 Марта до 1-го Апрѣля еженедѣльно два раза по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 до 3-хъ по полудни, и съ 1 Апрѣля по 19-ое Августа разъ въ недѣлю по вторникамъ отъ 1 до 3-хъ часовъ по полудни. Выигрыши, невзятые въ теченіи шести мѣсяцевъ со дня розыгрыша, будутъ считаться пожертвованными въ пользу Покровской Общины.

Покровская Община сестеръ милосердія отвѣчаетъ за вѣрность таблицы выигрышей, сличенной съ подлинными досками ея собственнаго изданія и съ ея печатью.

Выигрыши будутъ выдаваться только предъявителямъ цѣльнаго билета. № 3057 3—1

Страхованіе пенсіи на старость.

ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себѣ пенсію (доходъ) въ

1,000 РУБ. ЕЖЕГОДНО,

уплата которой начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста застрахованнаго и продолжается до его смерти.

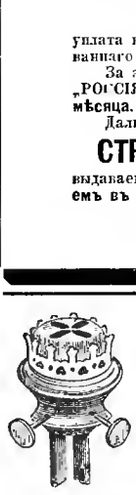
За это страхованіе слѣдуетъ платить Страховому Обществу „РОССІЯ“ до начала пенсіи по 29 руб. 64 коп. чрезъ каждые три мѣсяца.

Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ

СТРАХОВАГО ОБЩЕСТВА „РОССІЯ“,

выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами.

№ 2874

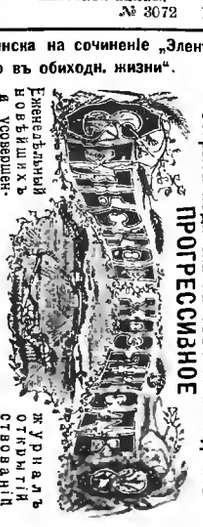


КРЕСТООБРАЗНАЯ горѣлка съ двумя стеклами, гайкою, свѣтильнею, наставленіемъ, укупоркою и пересылкою—3 р., 3 горѣлки—8 р., 6 горѣлокъ—16 р., 12 горѣлокъ—30 р.

Петербургъ, Арсеналъ, Е. П. Кобозеву. Годна для обыкновенн. 14-и линейной лампы.

№ 3072 1—1

Открыта подписка на сочиненіе „Электричество въ обиходѣ жизни“.



Открыта подписка на 1884 г. на журналъ ПРОГРЕССИВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ ЖУРНАЛЪ ОТКРЫТІЙ И ИЗОБРѢТЕНІЙ

Еженедѣльный журналъ новѣйшихъ открытій и усовершенствованій во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства и кустар. промысловъ. Подписная цѣна съ безплат. прибавл. полезн. литерат. „Родина“ съ пер. 6 р. на 1 годъ. Редакція въ С.-Петерб., Троицкій пер., № 40. Подробная программа высылается по востребованіи.

ВОСЕМЬ РАЗЪ ИЗЪ ДЕСЯТИ

МИГРЕНИ и НЕВРАЛЬГІИ УСПОКОИВАЮТСЯ въ нѣсколько минутъ

ПЕРЛАМИ СКИПИДАРНОЙ ЭССЕНЦІИ Д-РА КЛЕРТАНА.

Каждый флаконъ заключаетъ въ себѣ 30 перловъ, отчего леченіе обходится въ нѣсколько копѣекъ.

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Если мигрени происходятъ отъ дурнаго состоянія желудка или отъ запора, слѣдуетъ употреблять

УГОЛЬ Д-РА БЕЛЛОКА.

Требовать на этикетѣ подпись. Dr Bellocq

Скипидарная эссенція, заключающаяся въ перлахъ Д-ра КЛЕРТАНА, химически чиста.

Требовать на каждомъ флаконѣ подпись. Clertan

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО

19, RUE JACOB. ПАРИЖЪ.

НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. № 2912

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1884 Г.

на единственный въ Россіи Журналъ Печатнаго Дѣла

„ОБЗОРЪ ГРАФИЧЕСКИХЪ ИСКУССТВЪ“.

(VII ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Цѣна безъ доставки 4 руб., съ доставкою и пересылкою 5 руб. съ пересылкою за-границу 6 руб.

Журналъ „Обзоръ Графическихъ Искусствъ“ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, съ разными гравюрами, рисунками, политипажами, при участіи многихъ литераторовъ и спеціалистовъ типо- и литографскаго и проч. дѣла, какъ въ Россіи, такъ и за-границею.—Къ журналу прилагаются, въ видѣ особыхъ

БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ:

образцы изящныхъ работъ изборнаго дѣла, образцы новѣйшихъ шрифтовъ, рисунки машинъ, опыты новыхъ способовъ воспроизведенія иллюстрацій и т. п. въ текстѣ, кромѣ постоянной хроники, отдѣла рецептовъ и новыхъ изобрѣтеній, передовыхъ статей по вопросамъ, касающимся графическаго дѣла, правительственныхъ распоряженій, къ этому дѣлу относящихся, и т. п., помѣщаются статьи по техническимъ вопросамъ графическаго дѣла, описаніе вновь изобрѣтенныхъ машинъ и приспособленій, историческіе очерки и проч. № 3075. 1—1

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „ОБЗОРЪ ГРАФИЧЕСКИХЪ ИСКУССТВЪ“, Спб., Вознесенскій пр., № 53.

Библиотека "Руниверс"

Рѣшеніе задачи № 62.

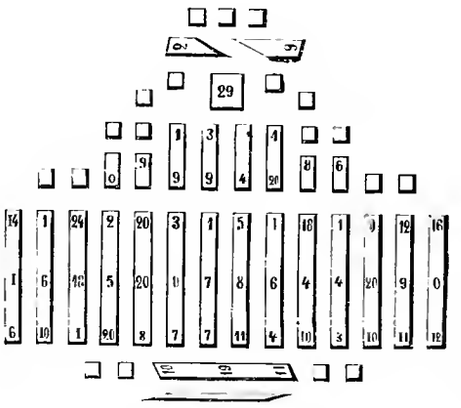
(Помѣщ. въ № 52 „Нивы“ 1883 года).

18. 19. 20. 28. 29. **30**. 33. 42. 43.

80½ и разности остальныхъ чиселъ составятъ слѣд. рядъ:
3. 4. 5. 13. 14. 15. 18. 27. 28.
замѣнивъ которыйбуквами, получимъ:
в, г, д, м, н, о, с, ъ, ъ, ы.
Всѣхъ же буквъ по условію должно быть:
в, г, д, м, м, н, о, о, о, с, ъ, ъ, ъ, ы.
По перемѣщеніи буквъ составляются слова:

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб.—Пастухова, Зины, Гупстѣ, подписчика № 38.903, Никифорова; Псковъ М Немуарій.

Задача буквъ и чиселъ № 1.



Изъ данныхъ частей составить буквы двухъ, всѣмъ извѣстныхъ, словъ, изъ которыхъ первое на одну букву больше втораго. Находящіеся же на данныхъ частяхъ числа должны расположиться въ каждой буквѣ въ три ряда: верхній, средній и нижній. При этомъ суммы чиселъ верхнихъ рядовъ каждой буквы должны соотвѣтствовать мѣстамъ буквъ въ русской азбукѣ начала одной пословицы; продолженіе пословицы получится, замѣняя буквами суммы чиселъ среднихъ рядовъ каждой составленной буквы; замѣнивъ буквами суммы чиселъ нижняго ряда въ каждой составленной буквѣ, получимъ окончаніе пословицы. Искомыя слова должны быть составлены съ союзомъ „И“.

Какая это пословица и какія слова?

LA PARFUMERIE
DU
GRAND MONDE
16. GRANDE MORSKAIA, 16.
OFFRE EN CE MOMENT
à un
BON MARCHÉ
sans précédent
les articles suivants:

1000 Douz-nes Savon Thridace de Violet à 55 cop. le morceau et 6 R. 50 la d-ne.
200 D-nes Savon Veloutine de Violet à 55 cop. le morceau et 6 R. 50 la d-ne.
500 „ Veloutine Ch. Fay 90 cop. la boite.
200 „ Elixir du D-r Pierre 1 R. 10 cop.
300 „ „ „ „ „ 1 „ 70 „
250 „ „ „ „ „ 3 „ 30 „
300 „ Poudre de riz Java — „ 40 „
80 „ Vrai I. V. Bully 1 „ 40 „ le flacon.
100 „ nigrifine Gellé 2 „ 50 „ la boite.
420 „ pate dentifrice Gellé — „ 45 „
75 „ Extraits Atkinson 1 once „ 80 „
180 „ „ „ „ 2 „ 1 „ 50 „
100 „ „ „ „ 4 „ 2 „ 50 „
100 „ „ „ „ 8 „ 4 „ 20 „

М. № 3068 1—1

ЛИКЕРЫ ЗАВОДА ОБЩЕСТВА „КЕЛЛЕРЪ и К°“.

Правленіе акціонернаго Общества „Келлеръ и К°“, послѣ тщательнаго изслѣдованія фабрикаціи иностранныхъ ликеровъ, открыло съ 1882 года на заводѣ Общества, а также и на заводѣ Товарищества „.І. Обловъ и К°“, спеціальныя отдѣленія для приготовленія означенныхъ ликеровъ. **Ликеры эти**, поступившіе въ настоящее время въ продажу, по отзывамъ приглашенныхъ Правленіемъ экспертовъ, **нисколько не уступаютъ во всѣхъ отношеніяхъ лучшимъ заграничнымъ образцамъ.**

Цѣна ликеровъ завода „Келлеръ и К°“, ниже цѣнъ заграничныхъ ликеровъ отъ 150 до 300%.

Рекомендуя ихъ гг. покупателямъ, Правленіе считаетъ нужнымъ пояснить, что большинство сортовъ заграничныхъ ликеровъ, продающихся подъ различными марками, отличаются какъ по вкусу, такъ и по крѣпости. Правленіе проситъ тѣхъ изъ гг. покупателей, которые найдутъ ликеры завода „Келлеръ и К°“ не подходящими подъ вкусъ употребляемыхъ ими заграничныхъ ликеровъ, вмѣстѣ съ заказами указывать на марку ликера, который они желали бы имѣть.

Имѣя возможность разнообразить свое производство, Правленіе будетъ удовлетворять такимъ требованіямъ гг. покупателей, въ самомъ непродолжительномъ времени.

Ликеры завода „Келлеръ и К°“ можно получать въ магазинахъ Общества, **въ С. Петербургѣ**: при заводѣ, Обводный каналъ, д. 96; Фонтанка, д. 45; Кадетская линія, В. О., д. 19; Невскій просп., д. 124. **Въ Царскомъ Селѣ**: Малая ул., д. Барановой. **Въ Кронштадтѣ**: Господская ул., д. Турыгиной.—**Въ С.-Петербургѣ**: на заводѣ Товарищества „.І. Обловъ и К°“, Курляндская ул., д. 19 (продаются подъ маркою Товарищества „.І. Обловъ и К°), а также въ нижеслѣдующихъ виноторговляхъ: у гг. Фейкъ и К°, Невскій пр., у Полицейскаго м.; В. И. Черепенникова—Литейный пр., въ домахъ за №№ 5, 11 и 47; В. Г. Баскова—уг. Кирочной и Воскресенскаго пр., уг. Надеждинской и Итальянской; 1-я линія В. О., д. за №№ 34 и 46; П. П. Смирнова—Гороховая ул., д. 4 и Вознесенскій пр., д. 4; Глушкова—Литейный пр., д. 10; Вр. Зайцевыхъ—уг. В. Садовой и Невскаго; И. Я. Мелешина—Галерная, д. 50 и многихъ другихъ. **Въ Ораніенбаумѣ**: у С. А. Алексѣева, Большой пр., собств. д. **Въ Старомъ Петергофѣ**: у С. А. Алексѣева и **въ Гатчинѣ**, у П. М. Муценко.

Съ требованіями просятъ обращаться по указаннымъ адресамъ и на заводъ Общества, по Обводному каналу, домъ 96.

Прейсъ-кв анты высылаются безплатно. № 3054.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

При Петрѣ, историч. повѣсть **В. И. Кельсіева**, съ рисунками **Панова** и **Коверзнева**. Эта интересная повѣсть изображаетъ Петровское время на Руси. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к., для подписч. „Нивы“ 75 к., съ перес. 1 р.

СѢМЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО
ЮЛІЯ ЮЛЬЕВИЧА КОНШИНА

высылаетъ по первому требованію, безплатно, свой
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ НА 1884 годъ.

Каталогъ состоитъ изъ семи отдѣловъ: 1) Огородныя сѣмяна, 2) Сельско-хозяйственныя сѣмяна, 3) Цвѣточныя сѣмяна (*а*, Коллекціи, *б*, Однолѣтнихъ цвѣтовъ, *в*, Декоративныхъ злаковъ, *г*, Декоративныхъ тыквенныхъ растеній, *д*, Многолѣтнихъ цвѣтовъ и *е*, Горшечныхъ растеній), 4) Сѣмяна древесныхъ растеній (*а*, Хвойныя, *б*, Лиственныя), 5) Новости огородныхъ и цвѣточныхъ растеній, 6) Картофель (клубнями) и 7) Клубника.

Сѣмяка въ большомъ выборѣ, лучшихъ качествъ и всѣ испытаны относительно всхожести. Всѣ поступающія требованія будутъ исполняться **немедленно** и обязательно на четвертый день сдаваться на почту или желѣзную дорогу. Картофель-же будетъ отправляться при первой неморозной погодѣ.

Укупорка и пересылка почтою по всей Россійской имперіи, а также доставка въ большихъ городахъ на домъ, производится за счетъ С. Хозяйства, при условіяхъ, подробно обозначенныхъ въ предлагаемомъ каталогѣ.

Адресъ: Липецкое почтовое отдѣленіе, Херсонской губерніи, ЮЛІЮ ЮЛЬЕВИЧУ КОНШИНУ. Для телеграммъ: Станція Бирзула, Одесской дороги. Конкину. № 3074

ИНОСТРАННЫЙ ПОГРЕБЪ
Т. ДЕНКЕРЪ И К°.

сущ. съ 1815 года.

Контора и главный складъ: Васильевск. остр., на углу 1-й лин. и Большаго пр., д. № 20—1.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ИНОСТРАННЫЯ ВИНА ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ ПРИВЕЗЕНЫ ИЗЪ ФРАНЦІИ, ИСПАНІИ, ПОРТУГАЛІИ, ОСТРОВА МАДЕРЫ, ТЕНЕРИФА И ПР., ПРОДАЮТСЯ ВЪ СЛѢДУЮЩИХЪ СОБСТВЕННЫХЪ ПОГРЕБАХЪ:

1) На углу Невскаго пр. и Мал. Конюшенной, № 26—14.
2) Невскій просп., у Знаменскаго моста, напротивъ Пушкинской ул., № 112.
3) Литейный просп., близь Сергіевской ул., № 9.
4) Владимірская улица, противъ церкви Владим., № 48.
5) Больш. Морская, на углу Почтамтскаго пер., № 53.
6) В. О., на углу 5-й линіи и Большаго пр., № 18—19.
7) Гороховая, между Б. Садовой и Семеновскимъ мостомъ, № 51.
8) Въ 1-й ротѣ Измайловскаго полка, № 12.
9) Екатерингофскій просп., на углу Большой Подъяческой, № 17—21.
10) На Петербургской сторонѣ, по Большому проспекту, близь Введенской ул., № 35—1.

ПОВЫЙ ПОГРЕБЪ: По Казанской, уголъ Гороховой и Каменнаго моста, домъ Брунстъ, № 27—26. Р. № 3071 1

Садовое заведеніе И. Г. КАРЛСОНЪ. въ Ворокежѣ.

Увѣдомляетъ своихъ гг. постоянныхъ покупателей, что полные иллюстрированные прейсъ-курапты всякаго рода сѣменамъ на **1884** годъ, выйдутъ изъ печати въ концѣ декабря и тотчасъ будутъ имъ высланы.

Прочимъ гг. любителямъ они высылаются, по требованію, немедленно безплатно. № 3059 1—1

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Семья Вольнодумцевъ. Историч. повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрова* и *С. Ключникова*. Ц. 1 р. для подписч. „Нивы“ 1884 г. 75 к., съ перес. р.

Библиотека "Руниверс"

С.-Петербургская Химическая Лабораторія

съ разрѣшен. С.-Петерб. Врачебнаго Управленія

ПУДРА ВЕЛЮТИНЪ, придаетъ кожѣ нѣжный и особенно свѣжій видъ, замѣняетъ всякую рисовую пудру и бѣлила.

ПУДРА ДОНГОЛА розовая, охлаждающая лицо.

ПУДРЫ ИЛАНЪ ИЛАНЪ, ФРАНЖИПАНЪ, МАРЕШАЛЪ. ГЕЛІОТРОПЪ

БѢЛАЯ, РОЗОВАЯ, РАШЕЛЬ

самаго высшаго качества.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

съ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Невскій проспектъ, домъ № 32, Католической церкви.

Неоскій проспектъ, домъ № 66, у Аничкова моста.

Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы домъ № 18—54, Шредера.

Магазинъ въ **Москвѣ:**

Кузнечный мостъ, домъ Третьяковыхъ.

Кромѣ вышеозначенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.

Контора. фабрика и оптовый складъ: Измайловскій просп., № 21, собственный домъ, въ **С.-Петербургѣ.** Р. № 3067 1—1

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

четвертый томъ

СОЧИНЕНІЙ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.

Сборникъ очерковъ и разсказовъ: 1) Будка, 2) Спустя рукава, 3) Изъ біографіи нежителя теплыхъ мѣстъ, 4) Прогулка, 5) Такое обязательство, 6) На постояломъ дворѣ, 7) Изъ записокъ маленькаго человѣка, 8) Хорошая встрѣча, 9) Съ конки на конку, 10) Порвалъ по совѣсти, 11) Умерла за „направленіе".—**Приложеніе:** 12) Письма изъ Сербіи, 13) Мелочи. № 3054 1—1

Первые три тома выш. и ранѣе. Портретъ автора еще не готовъ. О выходѣ его будетъ своевременно объявлено въ газетахъ. **Цѣна каждаго тома 1 р. 50 коп.**

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ

МЕТАЛЛИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

Выборг. стор. Набр. Б. Невы, № 11, С.-Петерб.

ПАРОВЫЕ КОТЛЫ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ

усовершенствованной конструкціи наилучшаго матеріала, съ гидравлической склепкой, самой тщательной работы,

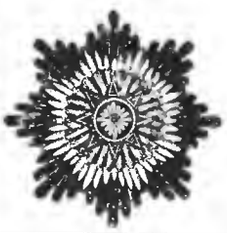
1882 1882

ГОТОВЫЯ и ВЪ ПОДГОТОВКѢ.

Прессованныя днища.

Трубы Галловэ.

№ 2764 10—6



ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

ДЛЯ КОТИЛЬОНОВЪ И БАЛОВЪ

въ великолѣпномъ выборѣ и за дешевую цѣну

пересылаетъ акуратно фабрика

N. L. CHRESTENSEN

Königl Preuss. Hoflieferant - Erfurt - Preussen

Зам.: Мой прейсъ-курантъ лучшихъ **цвѣточныхъ** работъ и **принадлежностей** для **бала** и **нотильона** съ болѣе чѣмъ 200 хорошихъ иллюстрацій новыхъ и новѣйшихъ **туръ нотильона** и **общест. игръ** посылаю по требованію **франко и даромъ.** S. № 29 6 10—4

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1884** годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ",

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:		Съ пересылкою въ города:	
На 12 мѣс.	8 р. 50 к.	На 12 мѣс.	9 р. — к.
„ 11 „	8 „ — „	„ 11 „	8 „ 50 „
„ 10 „	7 „ 50 „	„ 10 „	8 „ — „
„ 9 „	6 „ 75 „	„ 9 „	7 „ 40 „
„ 8 „	6 „ — „	„ 8 „	6 „ 70 „
„ 7 „	5 „ 25 „	„ 7 „	5 „ 90 „
На 6 мѣс.	4 р. 50 к.	На 6 мѣс.	5 р. — к.
„ 5 „	3 „ 90 „	„ 5 „	4 „ 60 „
„ 4 „	3 „ 25 „	„ 4 „	3 „ 70 „
„ 3 „	2 „ 59 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 2 „	1 „ 90 „	„ 2 „	2 „ — „
„ 1 „	1 „ — „	„ 1 „	1 „ 10 „

ЗАГРАНИЦУ ПЛАТА ДВОЙНАЯ.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланина, въ извѣстныхъ книжныхъ и другихъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и другихъ городовъ и въ Парижѣ—**Rue Clément, 4, Adam** и въ коммиссіонерной конторѣ **Agence Slave. Place de l'Opéra, № 4-й.**

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ"

Редакторъ-Издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.** № 2969 10—8

ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ТЕХНИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Заводско-фабричной промышленности, кустарнаго промысла и ремесла, будетъ выходить съ января 1884 года ежемѣсячно книгами до 12 листовъ съ многими политипажами въ текстѣ и съ отдѣльными атласами чертежей. Программа высылается безплатно. Въ журналѣ примутъ, кромѣ массы техниковъ, участіе слѣдующіе профессора: В. Л. Кирпичевъ, А. К. Крупскій, Д. И. Менделѣевъ, И. И. Янжулъ, И. К. Коссовъ, Ѳ. Е. Орловъ, А. К. Энгельманнъ и др.

При журналѣ будутъ издаваться въ видѣ приложенія отдѣльные проэкты фабрикъ, заводовъ, сельско-хозяйственной промышленности и спеціальныя сочиненія по техникѣ. П. № 3062 1—1

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на 1 годъ—съ дост. 12 руб., на 1/2 года—7 руб.

Редакторъ-издатель **П. Н. КРЕЧЕТОВЪ.**

Контора редакціи: Москва, Мясницкая, д. Кабанова.

Съ дозволенія С.-Петербургскаго Столичнаго Врачебнаго Присутствія.

ЭЛЕКСИРЪ-MELANGE.

для быстраго и обильнаго роженія волосъ и предохраненія ихъ отъ выпаденія. Ц. 2 р. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французск. и нѣмецк. языкахъ.

БАЛЬЗАМЪ-EUGÉNIE,

съ миртовыхъ и гвоздичнаго букета цвѣтовъ для придаванія лицу, шеѣ и рукамъ нѣжной мягкости, мраморной бѣлизны съ благоуханіемъ лиліи и розъ, также для уничтоженія веснушекъ и сѣдой шероховатости кожи. Цѣна 1 р. 5 к. за флаконъ, съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЙ ПОМАДЫ

подлинникъ „Pasta Eugénie",

превосходнѣйшее средство для устраненія веснушекъ, родимыхъ и красныхъ пятенъ и другихъ дурныхъ явленій, встрѣчающихся на лицѣ, и придающее цвѣту лица вполнѣ свѣжесть и красоту. Цѣна банки 1 р. 60 к.

Хинно-глицеринов. помада

на перуанскомъ бальзамѣ, для укрѣпленія, отращенія и роженія волосъ; п. банки 2 р.

Ручная рисовая помада.

Цѣна банки 1 р. 30 к. На каждой банкѣ находится охранительная марка **амуръ** и подпись изобрѣтательницы **Bertha Ries.**

Подлинникъ „Poudre Eugénie"

бѣлая и розовая. Цѣна коробки съ пуховкой 6 1 р. 50 к., безъ пуховки 1 р. 20 к.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ,

трехъ цвѣтовъ: черная, коричневая и свѣтлорусая. Цѣна коробки 3 рубля.

Краска фабриканта **Рисъ Гутманъ.**

РУМЯНА EUGÉNIE,

жидкія, чтобы придать щекамъ и ушамъ натуральный розовый цвѣтъ, не мѣняющійся при электрическомъ освѣщеніи и не вытирающійся даже при потномъ состояніи лица. Рекомендуется въ особенности для театровъ и баловъ Ц. 1 р. 50 к. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Всѣ эти три косметическихъ продукта по свидѣтельству медицинскаго начальства не содержатъ въ себѣ никакихъ было ни было вредныхъ веществъ.

№ 3064 3—1 *Берта Рисъ.*

ДЕНО НАХОДЯТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, Главн. Общ. торг. аптек. тов., на Казан., соб. д.; у Оливіе, Невскій пр., № 54; у быв. Дарзанса, Пассажъ, № 15 и 17; С. П. Гракурова, Невскій пр. у Казанскаго моста, № 36; у парикмах. Эмиль, быв. Сансеро, Литейный, № 43; у парикм. Аристидъ, Вас. остр., 1 линія, д. № 18; у парикм. Просперъ, Большой пр., № 18.

Въ Москвѣ, у К. И. Фирсова, Никольская; у А. Брукса, бывш. Пенъ, Маросейка, д. Ермѣевыхъ; у Р. Келеръ и К°; въ Сарептскомъ магаз. рядомъ съ аптекой, на Никольской; у Гетлинъ и Штокманъ, Петровка; у Крюгеръ и Качъ и у Теодоръ, Кузнецкій мостъ; у Эмиль Керстанъ, на Тверской; у Дарзансъ, въ Газетн. пер.; у В. К. Безбардисъ, у Арб. вор.; Я. П. Пончковскаго, у Срѣтенскихъ вор. и въ складѣ аптекарскихъ матеріаловъ Докт. В. А. Добронравова, Сухаревская, Садовая, соб. домъ.

Въ Воронежѣ, у парикмахера Курильченко.

„ Козловѣ, магазинъ бр. Поповыхъ.

„ Пензѣ, маг. Клинкунова.

„ Кіевѣ, маг. Parisien Auguste & C°.

„ Одессѣ, магазинъ Гельдеръ и К°, Петрококинъ и Гуммель.

„ Елисаветградѣ, Г. А. Трестеръ насл.

„ Полтавѣ, магаз. Фердинандъ Трепке.

„ Харьковѣ, В. Кухарева въ Пассажѣ, № 17 и Главн. Общ. торговли аптекарск. товар.

„ Таганрогѣ, магазинъ М. Майкапаръ.

„ Ростовѣ на Дону, А. Эдельбергъ, быв. Бирке.

„ Новочеркасскѣ, магазинъ З. Петрова.

„ Саратовѣ, маг. Матейсена.

„ „ „ маг. Роб. Штроль.

„ Самарѣ, Сарептскій маг. Кристенсонъ.

Въ Казани, магазинъ Мурзаева.

„ Ставрополѣ, у парикм. К. Курильченко.

„ Тифлисѣ, въ музык. маг. И. Ланко, въ д. ген. Лацарони.

„ Томскѣ, маг. Пенашева.

„ Перми, маг. Н. Перетцъ.

„ Екатеринбургѣ, апт. маг. Гельмихъ и К°.

„ Варшавѣ, Александръ Кохъ парфюм. магаз. Краковское предмѣстье, у Лѣнъ и К°, Сенаторская.

„ Кременчугѣ, Закъ.

„ Ригѣ, у братьевъ Вадемавъ, Купеческая улица № 15.

„ Вильно, маг. Гружевскаго.

„ Ревелѣ, магазинъ Христіана Келеръ.

„ Гельсингфорсѣ, маг. Сванъ.

„ Екатеринославлѣ, у Ефанова,

„ Астрахани, маг. Фадѣева.

„ Курскѣ, Аптекар. маг. Свирчевскаго.

Библиотека "Руниверс"

OD REDAKCYI KRAJU.

„Край", польская газета, политическая, общественная и литературная, будетъ издаваться въ Петербургѣ въ будущемъ 1884 г. по прежней программѣ, подъ редакторствомъ **Эразма Пилыца** и при сотрудничествѣ: **Ад. Асныка, Іос. Длугоша, кс. Добкевича, Т. Т. Ежа, Ал. Ельскаго, Фр. Глинскаго, Каз. Яроховскаго, д-ра Антона І., Я. Илговскаго, Мкл. Котарбинскаго, Ю. Ляскарыса, гр. Карвицкаго, І. І. Крашевскаго, В. Спасовича, Геир. Сенкевича (Литвоса), Ром. Вержхлейскаго, Іос. Шишло. Яна Захарьясевича, Т. Ходк** и другихъ.

„Край" обнимаетъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Передовыя статьи по текущимъ вопросамъ, политическимъ и общественнымъ; 2) Политическое обозрѣніе; 3) Славянская хроника; 4) Корреспонденціи внутреннія и заграничныя; 5) Литературный отдѣлъ (повѣсть, стихи, критика), 6) Обзоръ печати русской и польской; 7) Петербургская и внутренняя хроника; 8) Библіографія; 9) Экономическая и торговая хроника; 10) Объявленія.

„Край" издается еженедѣльно по воскресеньямъ въ объемѣ 24 стр.

ПОДПИСКА въ Петербургѣ на годъ 8 р., на 3 м. 2 р. съ пересылк. по почтѣ: на годъ 10 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 коп. Объявленія по 15 коп. за строки. Рекламы (въ текстѣ) по 30 к.

АДРЕСЪ редакціи и конторы: Площ. Бол. театра, д. 10. Варшавское агентство „Края": Сенаторская, № 18 (Райхманъ и Френдлеръ).

№ 3069 1—1

Дѣтскій художественно-литературный журналъ

Издается въ СПБ. съ 1884 г. **Каждую субботу** подписчики получаютъ **богато-иллюстрированный оригинальнымъ** рисунками № журнала съ 3 или **6 раскрашенными въ каждомъ №.**

Въ журналѣ будутъ участвовать:

Н. С. Лѣсковъ, А. Н. Плещеевъ, С. В. Максимовъ и др., и художники: М. О. Микѣшинъ, В. С. Шмакъ и др. **Цѣна: годъ 6 р.** съ пер. и дост., **5 р.** безъ пер.; **½ года: 3 р. 50 к.**, и **3 р.**

Адресъ редакціи: **СПБ. Малая Итальянская, д. № 11, кв. № 4.**

Редакторъ-Издатель **А. В. АРСЕНЬЕВЪ.**

№ 3061 1 1

НАШИ НОВЫЕ ХРИСТІАНЕ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ И ГР. Л. ТОЛСТОЙ.

СОЧ. К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

цѣна **60 к.** № 3060 2—1

ПРОДАЕТСЯ ВЪ ПОЛЬЗУ СЛѢПЫХЪ ГОРОДА МОСКВЫ.

Можно получить въ Петербургѣ и Москвѣ въ книжныхъ магазин. Карбасникова и др.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

4-й выпускъ ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО СБОРНИКА, заключающій въ себѣ: **Путь въ Синаю А. В. Елисѣева.** Цѣна **2** руб. Продается въ книжныхъ магазинахъ: въ С.-Петербургѣ — Тузова, Оглоблина и Риккера; въ Москвѣ — Ферапонтова; въ Кіевѣ — Оглоблина.

Здѣсь же продается: Православный Палестинскій Сборникъ 1-й вып. В. Н. Хитрово, Православіе въ Св. Землѣ — ц. **2** р., 2-й вып. В. Н. Хитрово, Бордосскій Путникъ — ц. **1** р., 3-й вып. М. А. Веневитиновъ, 1-я часть Житія и Хожденія Даніила Игумена Земли Русской съ рисунками XVI в. — ц. **2 р. 50 к.** и Отчетъ Православнаго Палестинскаго Общества за 1882—83 г.—ц. **1 р. 50 к.** Складъ изданія: С.-Петербургъ, Манежный пер., 7, у С. Д. Лермонтова. № 3037. 3—3.

ПОЛНЫЯ АФИШИ БЕЗПЛАТНО.

годъ шестой. СЪ 1-ГО ДЕКАБРЯ **годъ шестой.**

открыта подписка на **1884** годъ

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„СУФЛЕРЪ".

Газета **„Суфлеръ"** выходитъ безъ предварительной цензуры два раза въ недѣлю, по Воскресеньямъ и Четвергамъ, въ форматѣ большаго листа.

Въ **„Суфлерѣ"** печатается романъ **„ПОЗДНАЯ ДУРЬША"** (**„Театральныя болота"**), начало котораго будетъ выдано отдѣльно всѣмъ новымъ подписчикамъ.

Общественно-литературная жизнь совмѣщается въ фельетонѣ „Болтунъ".

Театральныя извѣстія идутъ въ газету изъ всѣхъ городовъ Россіи въ обстоятельныхъ корреспонденціяхъ.

Въ будущемъ году, въ видѣ преміи выданъ будетъ подписчикамъ романъ А. А. Соколова

ДВА МУЖА.

Вслѣдствіе особаго соглашенія нашего съ издателемъ газеты (Н. Н. Шмидтъ) „Листокъ для пріѣзжающихъ—Справочный указатель Петербурга", въ которомъ печатаются, кромѣ всевозможныхъ справокъ, **ПОЛНЫЯ АФИШИ ИМПЕРАТОРСКИХЪ СПБ. ТЕАТРОВЪ,** всѣ подписчики „Суфлера" будутъ **ЕЖЕДНЕВНО** получать эту газету—

БЕЗПЛАТНО.

Условія подписки:

	На годъ.	На 6 м.	На 5 м.	На 4 м.	На 3 м.	На 2 м.	На 1 м.
Съ доставкою	7 р. — к.	4 р. — к.	3 р. — к.	2 р. 50 к.	2 р. — к.	1 р. 20 к.	— р. 60 к.
Съ пересылкою во всѣ города	8 „ — „	4 „ 50 „	4 „ — „	3 „ — „	2 „ 50 „	2 „ — „	1 „ — „
Безъ доставки	6 „ — „	3 „ 25 „	3 „ — „	2 „ 50 „	2 „ — „	1 „ — „	— „ 50 „

Подписка принимается въ главной конторѣ: СПБ. Михайловская ул., д. № 2, гдѣ помѣщается „Летучая Библіотека".

№ 3056 Редакторъ-издатель **Александръ Соноловъ.**

ПОЛНЫЯ АФИШИ БЕЗПЛАТНО.

Тех. Обзоръ за 1882 и 1883 г. стоитъ по 10 р

Verlagsdruckerei von Georg Düntz St. Petbrg.

GROSSE GARTENSTRASSE 9.

ROMAN-CYKLUS.

Der Präsident von K. E. Franzos 1 Bd.
Uhlenhans von Fr. Spielhagen 2 Bde
Wer ist der Held von Gräfin Baudissin 1 Bd.
Xanthippe von Fritz Mauthner 1 Bd.
Subskribtionspreis für alle 4 Romane
6 RUBL 50 COP.

!!!Prospecte gratis. P. № 3066 1-1

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

1884 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ **„КІЕВСКАЯ СТАРИНА"** посвященный исторіи южной Россіи, будетъ издаваться и въ слѣд. 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, равно историческіе матеріалы и всякаго рода историческія и этнографическія замѣтки. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, равно памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою **10 р.**, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за границу **11 р.** Подписка на годъ; но допускается слѣд. разсрочка: при подпискѣ **5 р.**, къ 1-му апрѣля **3 р.**, и 1-му іюня **2 р.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: **Въ редакцію „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ", Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11.** Тамъ-же и контора редакціи. № 3062 6—4

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**

1884 годъ 7-й

Въ 1884 г. **„Свѣтъ и Тѣни"** будутъ выходить, по прежнему вмѣстѣ съ еженедѣльнымъ журналомъ **„Мірской Толкъ"**, въ форматѣ большихъ заграничныхъ иллюстрацій.

ВСѢ ГГ. ПОДПИСЧИКИ 1884 Г. ОБЯЗАТЕЛЬНО ПОЛУЧАТЬ:

1. 50 №№ ж. **„Свѣтъ и Тѣни"**, въ которые войдутъ: 200 бол., иллюминованныхъ красками, каррикатуръ и 200 стр. самаго разнообразн. литературнаго текста.
2. 50 №№ ж. **„Мірской Толкъ"**, (Руководящія статьи; внутренняя жизнь; внѣшняя политика; дѣйствія правительства; хроника недѣлю; фельетонъ; романы; стихотворенія; открытія и изобрѣтенія; общеполезные рецепты и совѣты; юмористическій отдѣлъ.
3. **Двадцать пять рисунковъ**, сюжетомъ для которыхъ послужатъ крупныя событія 1884 г.
4. **12-ть большихъ** картинъ, жанровъ и пейзажей, иллюминованныхъ цвѣтными красками подъ сепію и акварель и отпечатанныхъ на бумагѣ „торшонъ" и „демитершонъ".
5. **Библіотека избранныхъ романовъ и повѣстей:** 12-ть книгъ большаго формата, отъ 10—15 печатныхъ листовъ.

Удостоенъ похвальной награды на Всероссійской Выставкѣ 1882 года.

СВѢТЪ И ТѢНИ

ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ. СРОКЪ ВЫХОДА—ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

Кромѣ всего перечисленнаго, всѣмъ гг. подписчикамъ разошлются:

ДВѢ ГЛАВНЫЯ БЕЗПЛАТНЫЯ ГОДОВЫЯ ПРЕМІИ:

1. 50 ГРАВЮРЪ ДРЕЗДЕНСКОЙ ГАЛЛЕРЕИ,

составляющія точные снимки съ имѣющаго библіографическую рѣдкость, роскошнаго заграничнаго изданія, стоющаго 350 р.

2. ОЛЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТИНА

„СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО", роскошная, въ 30 красокъ, копія съ картины Корреджа (форматъ 1½ арш. ширины и 1 арш. 2 верш. вышины).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ „Мірскимъ Толкомъ" и преміями—13 руб. На полгода — 5 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ—въ главной конторѣ (при фотографіи Н. Л. Пушкарева, Большая Лубянка, домъ князя Голицина), и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ — въ отдѣл. конторы при книж. маг. Фену.

Всѣ публичныя, полковыя, клубныя и прочія библіотеки на каждый экземпляръ журнала получатъ по **два** экземпляра олеографической картины. № 3055

Библиотека "Руниверс"

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

Въ книжномъ и музыкальномъ магазинѣ **В. В. ПОПОВА**, быв. Я. А. Исакова (С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, № 24), открыта подписка на всѣ русскіе, французскіе, нѣмецкіе и англійскіе журналы и газеты. Каталоги журналовъ и книгъ высылаются **безплатно.**

Въ магазинѣ для подарковъ заготовлены книги въ роскошныхъ переплетахъ и ноты: оперы и сборники дешевыхъ русскихъ и заграничныхъ изданій для пѣнія и для фортепіано въ двѣ руки. № 3042 3—2

ЦѢНА ЗА ФУНТЪ 1 Р. 20 К.

ВО ИЗБѢЖАНІЕ ПОДДѢЛОКЪ.

НАСТОЯЩІЙ ШОКОЛАДЪ РЕТАБЛІЕРЪ ГРА СИМСОНА и К°.

УПОТРЕБЛЕНІЕ КОЕГО ПРИНОСИТЪ НЕСОМНѢННУЮ ПОЛЬЗУ,

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** У ГЛАВНАГО АГЕНТА

А. Л. ШТУММЕРЪ въ МОСКВѢ,

Нижне-Кисельный переулокъ, домъ Шигаева.

ТРЕБОВАНІЯ ИСПОЛНЯЮТСЯ СЪ ПЕРВОЮ ОТХОДЯЩЕЮ ПОЧТОЮ.

ЦѢНА ЗА ФУНТЪ 1 Р. 20 К.

№ 2924 6—5

Изданіе А. Ф. Маркса. СПБ.
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА.

Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и факсимиле. 3 тома въ 8-ю долю листъ, каждый около 500 страницъ.

Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп., въ роскошномъ колеккоровомъ переплетѣ 8 руб., съ пересылкою 9 руб.

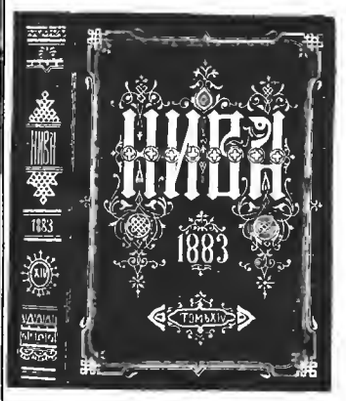
ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ“ 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 р., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

☞ Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: **„ДВА МІРА“** и отдѣломъ въ прозѣ:

„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ“.

Первое единственное, **дѣйствительно полное собраніе сочинен. А. Н. Майкова.**

Ккигу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала **„Нива“** (Бол. Морская, № 9); **въ Москвѣ у Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.



КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійск. каленк. 1883 г. съ зол. тисн. по вышеозначенн. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „НИВУ“ въ такую каленкоровую крышку. Также имѣются крышки для **„Нивы“** прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1882 г. по той же цѣнѣ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА
МАМОНТОВА
(МОСКВА, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова)
ОТКРЫТА
ПОДПИСКА НА РУССКІЕ ЖУРНАЛЫ
И ГАЗЕТЫ НА 1884 ГОДЪ.

КАТАЛОГЪ ЖУРНАЛАМЪ И ГАЗЕТАМЪ БЕЗПЛАТНО ПО ТРЕБОВАНІЯМЪ.

Выборъ календарей, дѣтскихъ и книгъ для подарковъ.

№ 3070

М. № 2855 6—5

ШУТЪ

Еженедѣльн. больш. художественный журн. карикатуръ, печатаемыхъ красками. На годъ **6 руб.** ½ года 4 руб. Для год. подписч. **премія — исполненный красками альбомъ — „Русская опера буффъ“.** За пер. и дост. преміи прилагаютъ **1 р. 50 к.** Подробн. объявленіе смотр. „Нива“ № 48. Адр. редакц. Петербургъ, Невскій пр. № 110.

Р. № 2690 6—5

НАВОЖДЕНІЕ.
Романъ **ВС. СОЛОВЬЕВА.**
Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
ИЗД. А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

☞ **НОВАЯ ОСЕТИНСКАЯ ЛЕГЕНДА** ☜
ВС. С. СОЛОВЬЕВА
„БЕССО-БЕЗУМНЫЙ“

съ оригинальными рисунками Н. Н. КАРАЗИНА, гравированными БРЕНДАМУРОМЪ и ПАННЕМАКЕРОМЪ,

БУДЕТЪ ПОМѢЩЕНА ВО ВТОРОЙ ЯНВАРСКОЙ КНИЖКѢ

ЖУРНАЛА **„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО“** ДЛЯ СТАРШАГО ВОЗРАСТА

ПОДПИСКА на „Задушевное Слово“ принимается въ **книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ** въ С.-Петербургѣ, Гостиный дворъ, 17 и 18 и въ Москвѣ, Петровка, № 5. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на „Задушевное Слово“ для старшаго возраста (52 выпуска въ годъ, съ особою великолѣпною преміею) съ перес. и дост. **6** руб. Подписная цѣна на „Задушевное Слово“ для младшаго возраста (52 выпуска въ годъ, съ 24 раскрашенными хромолитографир. картинами и 2 преміями) съ дост. и перес. **6** руб.

☞ Всѣ новые подписчики получаютъ вмѣстѣ съ январскою книжкою всѣ ДЕСЯТЬ ВЫПУСКОВЪ журнала, вышедшихъ на 1884 годъ. ☜

При этомъ № прилагаются для гг. иногородныхъ подписчиковъ два объявленія: 1) отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ, 2) прейсъ-курантъ отъ торговаго дома И. Е. Морозова въ СПБургѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 4 января 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 2 | годъ XV | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 14 Января 1884 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1884 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку ионпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

На полгода безъ дост. 2 р., съ дост. 3 р., съ пер. иног. 3 р.;—на четверть года безъ дост. 1 р., съ дост. 1 р. 50 к., съ пер. иног. 1 р. 50 к.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ въ Д. № 9

И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 8 ч. ВЕЧЕРА.

Протопресвитеръ І. Л. Янышевъ.

Возведенный нынѣ въ званіе духовника Ихъ Императорскихъ Величествъ, бывшій ректоръ С.-Петербургской духовной академіи, Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ, почти 17 лѣтъ былъ ректоромъ академіи. Прощаніе академіи съ любимымъ начальникомъ своимъ имѣло весьма искренній, задушевный характеръ.

Въ день прощанія, студенты поднесли адресъ достоуважаемому ректору, а служащіе въ академіи устроили обѣдъ въ честь Іоанна Леонтьевича, при чемъ ему были поднесены ихъ фотографіи, въ большомъ изящномъ альбомѣ. Горячія выраженія чувствъ глубокаго уваженія и благодарности высказаны были въ рѣчахъ ординарныхъ профессоровъ: Е. И. Ловягина, М. О. Кояловича и А. Л. Катанскаго, и профессоровъ: А. И. Предтеченскаго и В. Г. Рождественскаго.

Сынъ бывшаго діакона Калужской епархіи, Іоаннъ Леонтьевичъ родился въ апрѣлѣ 1826 года и получилъ первоначальное воспитаніе въ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1845 году, поступилъ онъ въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ черезъ 4 года окончилъ курсъ. Годъ спустя, т. е. въ 1850 году, онъ назначенъ баккалавромъ математическихъ наукъ въ той же академіи. Въ концѣ 1851 года, Янышевъ получилъ мѣсто священника русской православной церкви въ Висбаденѣ, гдѣ прожилъ болѣе четырехъ лѣтъ. Въ 1856 году, снова переведенный въ Петербургъ, Іоаннъ Леонтьевичъ занялъ въ здѣшнемъ университетѣ каѳедру профессора богословія, логики и психологіи. Онъ обратилъ общее вниманіе на свои лекціи, посѣщавшіяся всякій разъ огромнымъ количествомъ студентовъ; аудиторія его постоянно переполнялась слушателями. Тѣмъ не менѣе, профессорскія обязанности его продолжались всего въ теченіе двухъ курсовъ, послѣ чего онъ опредѣленъ былъ къ русской посольской церкви въ Берлинѣ, гдѣ скоро возведенъ въ званіе протоіерея. Въ іюлѣ 1859 года, о. Янышевъ при открывшейся вакансіи въ Висбаденѣ, выразилъ желаніе снова туда перей-

Протопресвитеръ І. Л. Янышевъ.
Съ фотогр. Левицкаго и Сына, грав. Ю. Барановскій

Библиотека "Руниверс"

ти. Въ 1866 году, онъ получилъ назначеніе на должность ректора С.-Петербургской духовной академіи и вернулся въ отечество, и, между прочимъ, былъ членомъ комитета, созваннаго въ 1868 году, для преобразованія духовныхъ академій; въ слѣдующемъ году, онъ самъ вводилъ въ дѣйствіе новый академическій уставъ. За труды свои въ этомъ дѣлѣ онъ награжденъ, въ 1869 году, правомъ ношенія митры.

Изъ дѣятельности протопресвитера Янышева, не относящейся къ духовной академіи, слѣдуетъ указать, прежде всего, на приготовленіе имъ къ принятію православія датской принцессы Дагмары, нынѣ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, причемъ впослѣдствіи онъ состоялъ все время духовникомъ Ея Величества. Затѣмъ, онъ былъ постояннымъ духовникомъ Августѣйшихъ дѣтей Ихъ Величествъ. Въ 1874 и 1875 годахъ, Іоаннъ Леонтьевичъ былъ откомандированъ на конгрессъ старокатоликовъ, два раза собиравшійся въ Боннѣ, и тамъ ему пришлось играть важнѣйшую роль въ дѣлѣ попытки сближенія старокатоликовъ съ православною церковью. Протопресвитеръ Янышевъ участвовалъ также въ коронаціонныхъ торжествахъ, въ качествѣ духовника Государыни Императрицы; а въ августѣ текущаго года—освящалъ православную церковь въ Копенгагенѣ.

Въ старой Москвѣ.

Историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ.

Гр. Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе)

V.

Княжнѣ Аннѣ Артамоновнѣ, родившейся въ одинъ мѣсяцъ съ восшествіемъ на престолъ покойной императрицы Елизаветы Петровны, было слѣдовательно около ти лѣтъ.

Этотъ возрастъ для дѣвицы-княжны, богатой и единственной наслѣдницы—уже заставлялъ многихъ призадумываться и осуждать „упрямицу“ князя, который по самодурству своему заставляетъ дочь засиживаться въ дѣвкахъ безъ всякаго повода.

Все чаще и настойчивѣе нашептывали княжнѣ разныя родственницы, именовавшія себя тетушками:

— Пора замужъ за молодца, а то и старый не возьметъ.

Княжна Анюта только смущалась и молчала, но въ душѣ была несогласна съ совѣтчицами-тетушками.

Изрѣдка только она рѣшалась сказать правду, которой однако не вѣрили:

— Я не хочу... Мнѣ и дома хорошо!

Дѣйствительно, Анютѣ было на столько хорошо дома, т. е. въ дѣвичествѣ, что сначала мысль объ замужествѣ и въ голову ей не шла. Отецъ ее обожалъ, родственники и самозванныя тетушки за ней ухаживали и баловали на всѣ лады. День ея имянинъ или рожденья былъ пиромъ и торжествомъ чуть не на всю Москву... А вздыхателей и „махателей“ за ней, т. е. ухаживателей, были десятки. Но чѣмъ болѣе ихъ было, тѣмъ менѣе они интересовали княжну. Всѣ-то на одинъ ладъ, со сладкими словами и глупыми вздохами! Ни одного еще не отмѣтила и не отличила княжна своимъ вниманіемъ.

Иногда она даже горевала, что такая „чудачливая да прихотливая“ уродилась, что не можетъ найти себѣ по сердцу ни одного молодца.

Нянюшки и мамушки, которыхъ было при княжнѣ съ малолѣтства ея конечно не мало, утѣшали свое „дитятко золотое“, что стало быть ея суженый еще не явился. И „дитятко“ вѣрило до поры до времени, пока наконецъ сердце не встрепенулось и не подсказало:

— Вотъ онъ!..

А случилось это—годъ тому назадъ. И странно такъ вышло все, что само балованное дитятко не могло отдать себѣ яснаго отчета объ этомъ переворотѣ въ ея жизни. Одинъ лишь нравъ дѣвушки, наслѣдованный видно отъ матери и южныхъ предковъ, могъ служить объясненіемъ. Или же чудачество и упрямство, т. е. своеобразность характера ея отца сказалась и въ ней.

Въ самомъ дѣлѣ, тутъ было что то странное, по внезапности и силѣ, вдругъ сказавшейся и быстро разгорѣвшейся страсти. Будто невидимая и властная надъ ея сердцемъ рука указала ей суженаго и повелѣла любить. Чрезъ нѣсколько дней послѣ тайнаго душевнаго признанія самой себѣ, княжнѣ казалось, что она уже давно любитъ этого человѣка, давно знаетъ его за своего суженаго, посланнаго ей судьбой.

А что сдѣлалъ „онъ“, чтобы побѣдить ея сердце? Ничего! Онъ первый не обратилъ на нее никакого вниманія, будто не считалъ за дѣвицу, будто не видѣлъ ея красоты, а любовь ея къ себѣ даже не понялъ... Ея горящій лихорадочно взглядъ, ея слезы и ея грусть принялъ за хворость или прихоти и чудачества избалованнаго ребенка. А между тѣмъ не любя, онъ завладѣлъ и властвовалъ ею. Его слово было ей закономъ и она повиновалась какъ рабыня, а онъ привыкъ къ этому повиновенію и не дорожилъ имъ.

Но это длилось не долго. Ея огонь сообщился и ему наконецъ.

Теперь вся жизнь княжны сводилась на ежечасные помыслы о любимомъ человѣкѣ, который и самъ вполнѣ и нераздѣльно принадлежалъ ей.

Разлука, почти годовая, только усилила страсть. При мысли, что „милый“ можетъ измѣнить, полюбить другую, княжна еще болѣе любила и кляла злую судьбу.

А не будь одинокая въ домѣ, балованная отцемъ Анюта—баловнемъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ—быть можетъ все случилось бы иначе.

Она страстно и порывомъ, вдругъ, полюбила единственнаго человѣка, который, не обративъ вначалѣ на нее вниманія, не только не исполнялъ ея прихотей, но даже держалъ себя съ ней нѣсколько рѣзко, надменно и презрительно.

Эта страсть явилась какъ послѣдствіе воспитанія и среды.

Часто княжна жаловалась няюшкамъ своимъ, въ особенности своей мамушкѣ, изъ татарокъ, привезенныхъ еще матерью, на своихъ родственниковъ и родственницъ, что они надоѣли ей медовыми рѣчами, да лестью притворной.

— Хоть бы одна какая изъ нихъ осердилась да мнѣ выговорила что нибудь. Точно святая я и безгрѣшная. Что ни сдѣлай, что ни скажи—все „красавица ты моя“ да „умница ты наша“. Даже тошно слушать.

Вотъ какъ думала и судила родню и обстановку свою балованная красавица и единственная наслѣдница богача-вдовца.

Княжна была вся въ мать лицемъ. Такая же красавица, черноокая и чернобровая, такая же пылкая и живая, но только не взяла у покойной матери ея кротость, мягкосердіе и терпѣніе. Отъ покойницы-княгини за краткое ея существованіе, никто не видалъ и не слыхалъ ни слова рѣзкаго, не только наказанія. Княжнѣ случалось пылить и жаловаться отцу на дворовыхъ. А жалобы княжны имѣли такія послѣдствія, что вся жизнь крѣпостнаго холопа шла на проигрышъ: ссылка въ степную вотчину, на скотный дворъ или кирпичные заводы подъ команду управителя, а то въ солдаты, а то и на поселеніе въ Сибирь.

Княжну часто брала тоска и отъ тоски этой она начинала придираться ко всѣмъ: и къ родственникамъ, и къ пріятельницамъ, и къ отцу-баловнику, и къ дворовымъ людямъ, къ горничнымъ и лакеямъ. Тогда бѣда

Библиотека "Руниверс"

неминучая лишь послѣднимъ. Остановить и образумить капризницу было некому, а сама она и не сознавала многаго. Развѣ она знала, что̀ ожидаетъ наказаннаго гайдука, когда его переодѣнутъ въ сермяжный кафтанъ да пошлютъ на выправку на заводъ въ Калужскую вотчину или когда опальную сѣнную дѣвушку одѣнутъ въ „посконную“ рубаху и отправятъ въ степную деревню, на скотный дворъ, возить навозъ, послѣ свѣтлыхъ горницъ, сытной пищи и бездѣлья въ Московскихъ княжескихъ палатахъ.

Сердечная тайна княжны была вполнѣ извѣстна только одной женщинѣ. Въ домѣ было только одно лице, которое имѣло вліяніе на княжну—главная мамушка, по прозвищу „Солёнушка“, которая была настоящая барская барыня и поѣдомъ ѣла дворовыхъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ.

Мамушка эта, женщина лѣтъ пятидесяти, смуглая, почти черная, чуть не арапка, была происхожденьемъ Ногайская татарка, привезенная съ собой еще покойной „бешметной“ княгиней, бабушкой Анюты.

Когда княжна Атыдже вышла за князя замужъ, то вся свита княгини была отпущена домой, кромѣ трехъ лицъ: дѣвушки по имени Саліэ, уже не молодой, которая ходила за барыней, и двухъ татаръ—старика Измаила и мальчугана Ахметки. Всѣ трое оставлены были княземъ, перекрещены и закрѣпощены. Горничная Саліэ назвалась Прасковьей, Измаилъ—Андреемъ, а Ахметка—Прошкой.

Старикъ вскорѣ умеръ, а Прохоръ былъ теперь любимый кучеръ князя, за то что вина въ ротъ не бралъ, вѣроятно въ тайнѣ строго исповѣдуя еще Магометовъ законъ.

Горничная Прасковья, довѣренное лице молодой княгини Лубянской, сдѣлалась тотчасъ по рожденіи княжны Анюты—ея главной няней, а по смерти княгини—главнымъ лицемъ или барской барыней во всемъ домѣ, такъ какъ это была единственная личность, съ которой овдовѣвшій князь могъ по цѣлымъ днямъ размыкивать свое горе въ бесѣдахъ объ женѣ, схороненной во цвѣтѣ силъ и лѣтъ.

Ребенокъ Анюта, выросши, не звала няню христіанскимъ именемъ, а любила звать старымъ Саліэ и уменьшительнымъ Сальёнущка.

Для дворни этого было достаточно, чтобы кропотливую и придирчивую мамку и барскую барыню Сальёнушку княжны окрестить болѣе простымъ и подходящимъ къ ея нравственному значенію въ домѣ именемъ „Солёнушка“. И дѣйствительно, распоряженья, не злой отъ природы, но суровой и энергичной ногайской татарки, часто сбло̀но приходились домочадцамъ и дворнѣ.

Княжна и князь вскорѣ невольно послѣдовали примѣру большинства, также стали звать любимицу, и крещеная татарка давно уже привыкла отвѣчать на прозвище: Мамушка Солёнушка.

Почти уже тридцати лѣтъ покинувшая свою родину, татарка, умная и суровая нравомъ—конечно не могла измѣниться и обрусѣть также легко и быстро, какъ молодой Ахметка.

Солёнушка была, напр., не столь богомольна, какъ всѣ, и стоя въ церкви, мало крестилась, а, молча, умными глазами упиралась въ алтарь или священника и что то думала, свое..... ей одно вѣдомое. Многихъ обычаевъ русскихъ она не признавала и не любила, хотя исполняла усердно, чтобы не соблазнять дворовыхъ и не упасть въ ихъ мнѣніи.

Князя Прасковья конечно любила, а княжну боготворила.

Все въ княжнѣ было ей дорого и мило, но всего дороже—чернобровое и матовое, нерусское личико Анюты, ея крошечныя ножки и ручки, какихъ не имѣли, да и не видали многія московскія барышни наконецъ походка этой внучки „бешметной“ княгини, мелкая, быстрая, съ порывистыми движеніями или ловкими прыжками, словно бы кровь дикой козочки изъ лѣсовъ Чатырдага оказывалась въ ея жилахъ. Часто, не только въ дѣтствѣ, но и теперь—княжна легко и граціозно кидалась, напр., съ кресла на встрѣчу къ отцу, какъ скачетъ дикая коза или олень по утесамъ скалъ.

И вотъ съ этой княжной-козочкой, а стало быть и съ ея вѣрнымъ рабомъ Солёнушкой—случилось событіе за годъ предъ тѣмъ. Онѣ влюбились... Первая безсознательно пылко, а вторая изъ преданности къ своей дитяткѣ.

VI.

Князь Артамонъ Алексѣевичъ отъ окружающей суеты въ городѣ или по другой какой причинѣ— измѣнилъ немного свой образъ жизни. Онъ чаще в жалъ изъ дома, видался съ пріѣзжими изъ Петерб сановниками. Онъ былъ чѣмъ то озабоченъ, но молча

Однажды утромъ, когда вся Москва уже волнова отъ наѣхавшихъ отовсюду гостей, а главное вслѣд слуха въ народѣ о пріѣздѣ самой красавицы-цар въ Петровское-Разумовское, въ домѣ князя тоже шумнѣе.

У князя сидѣлъ въ гостяхъ его старинный знако сенаторъ и генералъ-поручикъ Камышъ-Каменскій, холъ и приверженецъ Разумовскихъ, вышедшій въ л чрезъ гетмана.

Генералъ жилъ прежде въ Москвѣ лѣтъ шесть, тѣмъ былъ переведенъ по службѣ въ Петербургъ и высившись въ чинахъ, теперь снова пріѣхалъ на к націю въ числѣ прочихъ сановниковъ.

Первый его визитъ былъ къ князю Лубянскому, в раго онъ любилъ за прежнее хлѣбосольство и раду

Теперь генералъ сидѣлъ въ гостиной князя и ра пался въ похвалахъ новой государынѣ, разсказы князю въ подробностяхъ про „*дѣйство*“ народное Питерѣ въ прошлые іюньскіе дни и про всѣ муд распоряженія, которыми ознаменовалось уже новое ствованіе.

Князь помалкивалъ, слушая собесѣдника, и тольк рѣдка вставлялъ:

— Давай Богъ! Пошли Господи!

Князь былъ восторженнымъ поклонникомъ, какъ и Москвичи—покойной императрицы „дщери Петрово его тайно смущало происхожденіе новой самодерж Но объ этомъ онъ не считалъ возможнымъ высказыва Питерскому сановнику.

— Ну, а что твоя красавица? спросилъ наконец нералъ. Я чаю теперь уже дѣвица.

— Дочь? Еще бы не дѣвица. И ужь старая, ус нулся князь.

— Какъ старая, Богъ съ тобой. Я ее помню мах кой, когда здѣсь жилъ, тому будетъ годовъ семь, шес Ей было годовъ десять.

— Нѣтъ. Ей были ужь всѣ 13. Стало быть и сч Старуха.

— Чего же ты ее держишь въ дѣвицахъ? Хоро что-ль отъ всякаго глазу. Замужъ надо! странно в ворилъ сенаторъ.

— Это успѣется... Да и сама она не хочетъ.

— Пустое. На то дѣвица и родится, чтобъ зам выдти, сказалъ снова гость и, не выдержавъ взг князя, отвелъ глаза въ сторону, какъ будто боялся, князь въ его глазахъ прочтетъ его тайную мысль.

— Ужь и ты кащей — не въ женихи ли мѣтиш старости! подумалъ все-таки князь и прибавилъ: дѣло... Ея дѣло... Не наше дѣло! Когда захочетъ, т и выберетъ себѣ мужа! И Артамонъ Алексѣевичъ ум ленно переводя разговоръ на другой предметъ, спрос

— Ну, а какой награды ожидаете послѣ священ коронованія. Тебѣ бы пора ужь въ генералъ-аншеф

Генералъ и сенаторъ самодовольно улыбнулся, от

Библиотека "Руниверс"

Трехсотлѣтній юбилей книгопечатанія въ Россіи. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный посѣщаетъ Печатный дворъ (1561 г.). Ориг. рис. Штейна, грав. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

дывая искоса свой мундиръ, весь ушитый и разукрашенный регаліями, и сталъ говорить вообще объ ожидаемыхъ милостяхъ царицы. Онъ пожалѣлъ о томъ, что князь никогда не служилъ и въ Питеръ не ѣздилъ.

— Въ Питеръ!? воскликнулъ князь и разсмѣялся.

Это была слабая струна князя. И онъ всегда отвѣчалъ одно и тоже всю жизнь, всѣмъ задававшимъ вопросъ объ Питерѣ:

— Зачѣмъ я туда поѣду! Дворянинъ долженъ прежде всего жить на одномъ мѣстѣ, тамъ гдѣ родился, а не рыскать какъ волкъ по бѣлу свѣту! А почему я не ѣду собственно въ Питеръ... Это особое дѣло. Потому что я себя люблю и берегу. Я самъ себѣ не врагъ какъ многіе. Зачѣмъ мнѣ въ Питеръ!! Въ ссылку что ли мнѣ захотѣлось? Поѣдешь въ Петровъ городъ, а проѣдешь оттуда въ Березовъ или Пелымь-градъ.

И князь напоминалъ друзьямъ многихъ и многихъ общихъ знакомыхъ и родныхъ изъ исконныхъ московскихъ столбовыхъ дворянъ, которые съѣздили разъ въ новую столицу, потомъ туда зачастили, потомъ перешли и на службу. „Высоко взлетѣли“ они, гордо при встрѣчахъ обращались съ старыми пріятелями, когда бывали въ Москвѣ на побывку съ дворомъ, а затѣмъ добрая половина ихъ, если не всѣ, были теперь въ ссылкѣ, въ каторгѣ, въ Сибири. Каждый пропалъ и лишенъ всего, не изъ-за своихъ лихихъ дѣлъ, а только изъ-за опалы своего покровителя. Кто улетѣлъ съ Меньшиковымъ, кто раззоренъ и сосланъ изъ-за Волынскаго, а москвичи Хрущевъ и Еропкинъ, хорошіе россіяне—даже казнены, позорно, безъ вины, изъ-за одной ихъ преданности покровителю кабинетъ-министру. Многіе пострадали съ Минихомъ, Остерманомъ, Бестужевымъ. Какъ свалится одинъ временщикъ или высокій питерскій вельможа, такъ за нимъ и посыпятся его клевреты и любимцы,—все больше москвичи, общіе знакомые, пріятели или родня.

— Много я ихъ знаю, что теперь или на томъ свѣтѣ или прошли чрезъ клеймы и плети въ каторгу. Нынѣ въ звѣздахъ, да въ золотѣ, а завтра въ кандалахъ.. А я тутъ вотъ, благодаря Создателя, живъ и невредимъ на родной Лубянкѣ.

За то же князь, никогда не служившій, а смирно и тихо сидѣвшій въ Москвѣ, теперь былъ не въ чинахъ. Завидовалъ ли онъ разнымъ сановникамъ, генераламъ и сенаторамъ, изъ тѣхъ, что видалъ прежде съ пеленокъ и считалъ чуть не дураками... сказать было мудрено.

На словахъ князь не завидовалъ, смѣялся и подшучивалъ, что этихъ сановниковъ тоже въ свой чередъ ждетъ Сибирь, но въ душѣ князь понималъ, что времена уже перемѣнились. Дни Меньшикова, дни Бирона—уже далеко. За все царствованіе императрицы Елизаветы не было ни одной такой огульной опалы и ссылки дворянъ.

Много шуму надѣлало паденіе Бестужева, но его ссылка уже носила другой характеръ. Было строгое слѣдствіе, но не было „пристрастья“, пытокъ, клеймъ и рваныхъ языковъ.

Изрѣдка князь раздумывалъ о томъ, что напрасно не началъ служить при дщери Петровой. Какъ любимецъ Петра I и крестникъ Матвѣева, онъ могъ имѣть значеніе при такомъ монархѣ какъ Елизавета, а когда она воцарилась, ему не было и сорока лѣтъ.

Такъ или иначе, но жизнь князя прошла мирно. Все состояніе осталось въ цѣлости, вполнѣ невредимо, даже здоровье почти не расшатано. Въ 60 лѣтъ князь смотрѣлъ довольно бодро, и, по увѣренію многихъ барынь, „хоть сейчасъ опять подъ вѣнецъ“. Это было лестью только теперь, когда припадки подагры въ ногѣ стали появляться все чаще.

Сенаторъ уѣхалъ, говоря:

— Чуденъ ты князь. Дочь не выдаешь. Самъ не женился. Жить вы не умѣете въ Москвѣ.

Князь долго раздумывалъ по отъѣздѣ гостя.

— Моя вся жизнь—будни! Это, чтожъ, правда, сказалъ себѣ князь, вспомнивъ пережитое.

Дѣйствительно все существованіе князя Артамона Алексѣевича прошло особенно однообразнымъ образомъ. Но князь не хотѣлъ упрямо сознаться себѣ, что онъ самъ создалъ себѣ такую жизнь. Онъ до 60 лѣтъ сидѣлъ, будто ожидая, что явится къ нему само собой что-нибудь особенное и кончатся будни, а начнется праздникъ.

Впрочемъ, за все это время у князя были семь лѣтъ, которыя онъ называлъ праздникомъ и воспоминаньемъ о которыхъ теперь жилъ. Эти семь лѣтъ онъ считалъ отъ знакомства съ своей покойной женой и до ея смерти. Разумѣется, теперь князь обожалъ свою дочь и жилъ помыслами о ней и о ея будущемъ счастьи.

— Но самъ то, самъ?.. мало имѣлъ на вѣку хорошаго, думалось ему. Вѣдь могла бы жена и теперь жива быть. Такъ нѣтъ! Прожила со мной шесть лѣтъ и ушла къ Господу Богу!

Не смотря на то, что князь былъ сравнительно еще молодъ, когда овдовѣлъ, ему никогда и мысль не приходила въ голову о возможности втораго брака.

— Послѣдняя у попа и у дворянина жена! говорилъ онъ. Чтó я—турка что ли? Богъ Господь, по моему, одинъ разъ благословить можетъ, второй разъ только поглядитъ на бракъ, а въ третій и глядѣть не станетъ, а отвернется.

И князь твердо стоялъ на своемъ рѣшеніи не жениться вторично. Когда княжна была уже дѣвицей лѣтъ 15-ти, ее подговаривали разныя тетушки подбить отца на бракъ то съ одной, то съ другой московской барыней-вдовой. Отецъ наконецъ запретилъ дочери разъ навсегда заводить рѣчь о томъ, что не ея дѣло и что съ ея стороны даже грѣхъ, относительно покойной матери.

Какъ кто либо изъ пожилыхъ дѣвъ или изъ барынь-вдовъ начиналъ особенно увиваться кругомъ княжны, ухаживать за ней, то князь говорилъ дочери сердито.

— Смотри, Анюта, не въ мачихи ли къ тебѣ напрашивается эта махательница.

Теперь княжна, какъ 20-ти-лѣтняя разумная дѣвушка, сама понимала, что ей глупо было бы желать брака отца, мачихи, хозяйки въ домѣ и пожалуй еще и полуродныхъ братьевъ и сестеръ, которые бы стали для стараго отца дороже чѣмъ она.

За то княжна, бросивъ мысль о бракѣ отца, за послѣдній годъ стала все болѣе серьезно и настойчиво думать о собственномъ бракѣ.

Но бракъ по влеченію ея сердца—былъ невозможенъ, немыслимъ. Противъ него было все и противились всѣ.

Судьба будто хотѣла насмѣяться надъ княжной. Она дала ей все, что могла дать дѣвушкѣ: красоту, почти замѣчательную, и своеобразный, пылкій умъ, блестящее положеніе и большое богатство; наконецъ обожающаго ее отца. А все это она отдала бы сейчасъ судьбѣ обратно—въ промѣнъ!...

VII.

Покуда сенаторъ сидѣлъ у князя, въ горницахъ княжны, на краю большаго дома, происходило тоже нѣчто особенное: за полчаса предъ тѣмъ явился въ дѣвичью кучеръ Прохоръ, т. е. Ахметъ, какъ любила его по прежнему звать Солёнушка, а по ея примѣру и княжна. Онъ вѣлѣлъ доложить о себѣ барской барынѣ Прасковьѣ Ивановнѣ, которая сидѣла за рукодѣльемъ въ своей отдѣльной, большой и даже уютно устроенной и убранной комнатѣ.

Нянюшка вышла къ кучеру и спросила, что ему нужно, предполагая, что дѣло идетъ объ овсѣ или сѣнѣ, или о чемъ либо касающемся до лошадей.

Дѣло это ея не касалось, но Прохоръ любилъ совѣщаться съ своей соотечественницей, которую почиталъ конечно болѣе всѣхъ въ домѣ.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, что тебѣ? спросила Прасковья Ивановна, выходя въ дѣвичью, гдѣ сидѣло за работой около дюжины горничныхъ.

Всѣ онѣ пересмѣивались съ красивымъ кучеромъ, но смолкли при появленіи няни.

Прохоръ отвѣчалъ на вопросъ по татарски и лицо няни приняло сразу болѣе серьезное выраженіе.

Онѣ говорили на своемъ языкѣ только когда бывали наединѣ или же въ особо важныхъ случаяхъ, ради того, чтобы не быть понятыми окружающими.

Мамушка переспросила что то, быстро, скороговоркой, и пытливо впилась черными глазами въ кучера. Онъ отвѣчалъ. Лице Солёнушки вдругъ преобразилось такъ, что всѣ горничныя замѣтили это и поняли тотчасъ, что Прохоръ-Ахметка сказалъ что нибудь особенно важное.

Лице мамушки было чудное, будто восторженно-встревоженное. И обрадовалась она, и испугалась вмѣстѣ!... Перемолвившись еще, по своему, она впустила къ себѣ въ горницу молодца, а сама быстро пошла къ своей питомицѣ.

Княжна тоже сидѣла за работой, вышивала, склонившись надъ пяльцами, мелкую, мудреную и кропотливую работу, отъ которой у нея рябило въ красивыхъ глазахъ. Золото и серебро въ нитяхъ, шелкъ, и разный цвѣтной бисеръ,—были разсыпаны кругомъ по пяльцамъ и на полу...

Княжна не любила рукодѣлій, но тоска и одиночество заставляли ее поневолѣ убивать время за пяльцами и охлаждать пылкую голову, занимая ее стежками, да строчками, да нанизываньемъ бусъ и бисера на канвовый узоръ.

Но сколько разъ за этимъ занятіемъ, въ особенности за послѣдній годъ — задумается княжна, забудетъ не только пяльцы, но весь міръ... и прійдя въ себя, глубоко и тяжело вздохнетъ!...

Когда Прасковья приходила къ своей питомицѣ не отъ князя и не по дѣлу — то княжна, взглянувъ на нее, всегда говорила:

— Присядь, да разскажи что нибудь про Крымъ.

Но теперь, когда мамушка вошла, и княжна, поднявъ голову, взглянула ей въ лице, то на минуту замерла. Затѣмъ, толчкомъ отбросивъ пяльцы, она вскочила порывомъ на ноги и прыгнула къ любимицѣ-пѣстунѣ. Молчаливый взглядъ татарки сказалъ ей все...

— Солёнушка! вскрикнула Анюта. Правда ли? По лицу вижу! Правда?! Говори.

— Правда, моя родная!...

Княжна какъ то задохнулась, вся зардѣлась румянцемъ, и вдругъ слезы въ три ручья хлынули у нея изъ глазъ.

— Господь съ тобой! испугалась Прасковья, бросаясь къ ней.

— Ничего! Ничего! Это отъ радости! всхлипывая, едва могла проговорить княжна. Кто сказалъ? Кто видѣлъ?

— Прохоръ. Сейчасъ мнѣ сказалъ. Самъ, своими глазами видѣлъ.

И этотъ день остался памятнымъ днемъ въ жизни Анюты.

Вечеромъ того же дня, ложась спать, князь призвалъ къ себѣ своего любимаго человѣка, дворецкаго Ѳеофана.

Онъ видѣлъ дочь въ сумерки и замѣтилъ въ ея лицѣ перемѣну, въ ея движеньяхъ, въ ея глазахъ, въ ея голосѣ — что то особенное. Южная и страстная натура, огненная кровь „Крымцевъ", какъ говорилъ князь—выдавали себя всегда въ его дочери. Одни глаза княжны такъ „прыгали" за ужиномъ, что князь догадался объ чемъ нибудь чрезвычайномъ, случившемся съ дочерью, но не спросилъ ничего.

— Ну, Ѳеофанъ, что у насъ есть негаданнаго? сказалъ князь при появленіи дворецкаго.

Ѳеофанъ, старичекъ, маленькаго роста, немного сгорбленный, чисто и тщательно выбритый по морщинистому какъ сморчокъ лицу—привыкъ къ этому вопросу. Онъ сталъ въ почтительномъ разстояніи отъ барина и выговорилъ безстрастно и чуть-чуть хрипло.

— Ничего, ваше сіятельство.

— Ничего? А?... Ничего? Опять проворонилъ!!..

— Ничего я не проворонилъ, хладнокровно отозвался Ѳеофанъ.

— Вотъ и врешь! Или отъ старости въ ротозѣи и простофили вышелъ!.. холодно, но не сердито сказалъ князь, укладываясь въ постель.

— Не знаю. Можетъ вамъ лучше извѣстно, слегка будто обидѣлся любимецъ.

— То-то вотъ и есть, что мнѣ лучше извѣстно. А ты, старая крыса, и подъ носомъ ничего не видишь...

— Что-жь. Перечить не смѣю... Будь по вашему. Только доложу... Это вамъ такъ сдается, али кто сбрехнулъ. А ничего у насъ такого нѣтъ. Кузьма-казачекъ ногу вывихнулъ прыгая чрезъ лужу, такъ эвто вамъ....

— То-то: Кузьма?... Ногу?... У княжны на половинѣ есть такое, негаданное... А онъ съ Кузьмой... Эхъ ты, старый хрычъ.

— Знаю, что старый,—не обидѣлся, а сдѣлалъ снова видъ, что обижается, Ѳеофанъ. У княжны?! Что у княжны? Агафья чайникъ разбила... Такъ это опять...

— Филинъ ты, филинъ!... А ты вотъ что скажи. Отчего у княжны сегодня глаза прыгали?

— У княжны? Прыгали?

— Да у княжны! Прыгали! Огнемъ горѣли, какъ уголья! самодовольно проговорилъ князь, счастливый при воспоминаніи, что дочь въ особенности глазами похожа на свою покойную мать, память которой была ему такъ дорога.

— Не знаю... нерѣшительно выговорилъ Ѳеофанъ, помолчавъ.

— Ну вотъ... Такъ разузнай, филинъ, а завтра мнѣ доложи. Ну, Богъ съ тобой, спать пора.

Ѳеофанъ, выйдя отъ барина-князя, направился прямо въ швейцарскую, гдѣ вѣчно сидѣлъ ея повелитель — швейцаръ Андреянъ, силачъ и великанъ, ростомъ извѣстный всей Москвѣ. У этого добродушнаго и глуповатаго богатыря была, казалось, самая неподходящая къ его внѣшности страсть. Онъ обожалъ и разводилъ у себя въ горницѣ канареекъ. И что уходу требовали его питомицы!

Глуповатый великанъ было однако хитеръ по своему.

— Андреянушка? Что у княжны съ Солёнушкой приключилось. У тебя вѣдь глазъ вострый? спросилъ Ѳеофанъ, садясь и подчуя швейцара изъ тавлинки.

— Свиное ухо съ двора бѣгало! заявилъ Андреянъ прямо.

— Ну? Такъ чтожъ! Прошка тутъ не при чемъ. Я тебя про княжну да про мамку спрашиваю.

— А я сказываю про свиное ухо! Онъ безъ позволенія со двора бѣгалъ, да задними воротами. А вернувъ, прямо къ Солёнкѣ наверхъ. Ну, вотъ у нихъ и сполохъ теперь.

— Да въ чемъ дѣло то? Какъ это пронюхать?

— И нечего нюхать! Слыхать и такъ на сто верстъ кругомъ. Гвардіей запахло, Ѳеофанъ Иванычъ. У насъ запахло!

— Вотъ? Врешь?... Какъ можно?

— Вѣрно. Вишь сколько ихъ въ Москву нашло... Ну, и къ намъ постоя жди! двусмысленно подмигнулъ великанъ.

— Правда твоя, Андреянушка! обрадовался Ѳеофанъ. Какъ же это мнѣ не въ домёкъ. Да и князь тоже не прочуялъ.

— Нѣтъ. Князь то прочуялъ, да на свой гнѣвъ у него вся надежда. А его гнѣвъ что? Для гвардіи то? Пустое мѣсто!

— Такъ! Ну, спасибо тебѣ. Завтра доложу.

И дворецкій, видимо довольный, пошелъ спать.

Библиотека "Руниверс"

VIII.

Накануне Петрова дня въ Петербургѣ произошелъ правительственный переворотъ въ пользу Екатерины II.

Питерское „дѣйство", какъ говорили тогда, привело къ провозглашенію императрицы Екатерины Самодержицей Всероссійской.

Все сдѣлала гвардія, въ особенности Преображенскій полкъ, а равно Измайловцы и Семеновцы, первые присягнувшіе новой императрицѣ, когда она явилась въ казармы, привезенная изъ Петергофа въ столицу молодымъ Преображенскимъ офицеромъ Алексѣемъ Орловымъ.

Сенатъ и Сунодъ, собравшіеся въ Казанскомъ соборѣ на молебствіе, единогласно примкнули къ молодымъ гвардейцамъ.

Кто выигрывалъ отъ перемѣны правленія—шелъ смѣло, а кто терялъ, тотъ боялся противодѣйствовать и надѣялся на „авось".

Первые три дня по пріѣздѣ въ Москву, по ужасной, бревенчатой дорогѣ, государыня, измучившись, прохворала и никого не принимала. Но она рада была, что находится въ сердцѣ Россіи, близь Кремлевскихъ святынь. Она видѣло ясно, чуяла душой въ той громадной сѣрой толпѣ, что заливала всякій день—изъ Москвы и деревень—ея резиденцію и стояла отъ утра до ночи, въ надеждѣ увидѣть ее у окна или на балконѣ, что здѣсь „Россія", а въ Петербургѣ только взмыленная пѣна всего русскаго моря житейскаго.

Увѣряли, будто государыня, на вопросъ посланника Маріи Терезіи, много ли отличается Москва отъ Петербурга, выразилась такъ:

— Въ Петербургѣ русскіе онѣмечиваются и платьемъ и душой, а въ Москвѣ нѣмцы, поселившись, вскорѣ обижаются, когда ихъ не считаютъ за настоящихъ русскихъ.

Не смотря на свое недомоганіе и усталость, императрица работала цѣлые дни, и курьеры одинъ за другимъ посылались въ Петербургъ, управленіе котораго было поручено сенатору Пеплюеву.

Только очень немногихъ лицъ приняла государыня въ эти дни, и то на одну минуту. Единственный гость, просидѣвшій у царицы цѣлый вечеръ, бесѣдуя съ ней наединѣ, былъ графъ Ал. Гр. Разумовскій, вышедшій отъ нея взволнованный и растроганный, съ краснымъ, заплаканнымъ лицомъ. Но нельзя было подумать, что тайная бесѣда была непріятна, ибо государыня сама проводила вельможу чрезъ всѣ аппартаменты и шутя простилась съ нимъ при постороннихъ, словами:

— Не забывайте меня, бѣдную вдову. Навѣстите поскорѣе опять. И объ нашемъ дѣлѣ опять побесѣдуемъ.

Многіе затѣмъ приставали къ генеральсъ-адъютанту, въ чемъ состояла бесѣда и это дѣло... Но Григорій Орловъ не добился ничего отъ государыни и даже былъ видимо обиженъ отказомъ сообщить что либо.

— Много будете знать, г. адъютантъ, скоро состарѣетесь, а я бы всегда желала васъ видѣть молодымъ и красивымъ! шутила она.

Помимо графа Разумовскаго, два раза осталась государыня наединѣ съ канцлеромъ графомъ Михаиломъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ — но ихъ бесѣда тоже осталась тайной.

Петербургскіе друзья царицы уже обижались, завидовали и косились теперь на двухъ москвичей „по складу норова и мыслямъ", т. е. на Разумовскаго и Воронцова.

Вокругъ великолѣпныхъ палатъ подмосковной вотчины графа Разумовскаго, въ сельцѣ Петровскомъ, у главныхъ воротъ, на дворѣ и на самомъ большомъ подъѣздѣ, стояли часовые въ красивыхъ мундирахъ. На дорогѣ въ лѣсу, между Петровскимъ и городомъ, сновали взадъ и впередъ по пыльной дорогѣ, красивые экипажи. Дворъ былъ съ утра заставленъ берлинами и колясками, и осѣдланными лошадьми, которыхъ держала въ поводу дворцовая прислуга или просто рядовые. Во внутреннихъ апартаментахъ стояли у дверей высокіе, рослые часовые въ новыхъ мундирахъ. На нихъ невольно заглядывались даже сановники, когда проходили чрезъ залы. Одинъ изъ нихъ, съѣздившій изъ дворца въ Кремль верхомъ, по порученію государыни, произвелъ въ первопрестольной настоящій переполохъ. Все, что на дорогѣ встрѣтило случайно посланнаго—бросилось бѣжать за нимъ въ городъ, а когда всадникъ миновалъ Страстной монастырь и въѣхалъ въ Москву чрезъ деревянныя Тверскія ворота, то цѣлая толпа зѣвакъ, набравшись отовсюду, густой массой облѣпила его со всѣхъ сторонъ и тучей проводила до Кремля. На обратномъ пути его было бы тоже. Но посланецъ догадался, или же самолюбіе его было уже достаточно удовлетворено любопытствомъ москвичей, и онъ, пустивъ коня вскачь, проскакалъ по улицамъ. Только минуя ограду Страстнаго монастыря, поѣхалъ онъ шагомъ.

Этотъ всадникъ диковинный, былъ изъ вновь сформированнаго отряда тѣлохранителей государыни, которые были названы кавалергардами. Никогда не виданные никѣмъ, богатые мундиры, могли легко всполошить простой народъ Первопрестольной, когда въ самомъ Петербургѣ на нихъ еще не успѣли вдоволь наглядѣться.

Эти кавалергарды, въ своихъ серебряныхъ латахъ поверхъ мундировъ, съ блестящимъ и тяжелымъ вооруженіемъ, всѣ громаднаго роста, богатырь на богатырѣ и всѣ красавцы собой, придавали теперь аппартаментамъ Петровскихъ палатъ внушительный видъ.

Все что пріѣзжало теперь въ каретахъ, сановники и генералы—являлись не къ императрицѣ. Государыня никого не принимала уже третій день—кто говорилъ по болѣзни или усталости отъ пути, а кто сказывалъ на ухо пріятелю, что есть на то особыя, важныя причины. Государыня сидѣла въ особой, маленькой красивой горницѣ въ китайскомъ вкусѣ, которую знала хорошо и любила, такъ какъ, случилось, при покойной императрицѣ часто бывала въ ней. Государыня была одна, и нѣсколько озабоченная, изрѣдка прислушивалась къ гулу и шуму въ нижнемъ этажѣ, гдѣ помѣстился молодой богатырь офицеръ, еще недавно простой артиллерійскій цалмейстеръ, а нынѣ камергеръ и генеральсъ-адъютантъ.

Государыня изрѣдка вставала и тихо, ровными шагами начинала ходить по комнатѣ, будто обдумывая и соображая, будто рѣшая многое, что волновало ее. Дѣйствительно, она не праздно проводила время, она работала. Но для этой работы не нужны были ни книги, ни дѣловыя бумаги, ни чернила и перья... Проницательный умъ искалъ рѣшеній разныхъ вопросовъ, но въ особенности старался развязать, а не разрубить, одинъ Гордіевъ узелъ, завязанный первыми ея любимцами, которымъ она была многимъ обязана—братьями Орловыми.

Не далѣе какъ въ это утро, Григорій Орловъ привезъ отъ брата Ивана, москвича, какія-то новыя доказательства, что императрица Елизавета была тайно обвѣнчана съ Разумовскимъ. Слухъ этотъ давно знали всѣ, но никто этому не вѣрилъ.

Государыня была опечалена привезенною „новостью" объ Елизаветѣ, а Григорій Орловъ, напротивъ, доволенъ...

Вѣрный слуга государыни, камеръ-лакей Шкуринъ, знавшій все, знавшій болѣе самого Орлова, нѣсколько разъ входившій сегодня къ царицѣ, заставалъ ее одинаково печальной, и наконецъ сказалъ:

— Неужто, матушка государыня, все объ томъ же тревожите себя?...

— Да, Василій. Много заботы, но эта главная. Ея теперь чередъ...

— Полно, государыня. Говорю, нашихъ молодцовъ гвардейцевъ, хоть бы я одинъ, на ноги подыму всѣхъ однимъ словечкомъ. Они порохъ! Только прикажи, я уголекъ суну—и ахнетъ вся гвардія...

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. „Война и миръ“, романъ графа Л. Н. Толстаго. Деньщикъ Ростова передъ Наполеономъ I (Т III гл. XXVIII). Ориг. рис. Р. Штейна. грав. Дзедзицъ.

Библиотека "Руниверс"

— Думаю... Согласна даже, Василій, произнесла государыня какъ-то робко, но вѣдь это надо хитро, умно... Надо повершить по твоей пословицѣ.

— Чтобы и волки сыты были, и овцы цѣлы! усмѣхнулся добродушно Шкуринъ. Знамое дѣло, не надо чтобы Григорью Григорьевичу обида какая отъ нихъ вышла. Только, пущай шумъ будетъ! И того довольно... Ужъ я возьмусь.

— Хорошо. Только не теперь. Послѣ...

— Вѣстимо послѣ! сказалъ Шкуринъ.

Государыня, услышавъ голоса на подъѣздѣ, придвинулась къ отворенному, но занавѣшенному окну. Внизу, на подъѣздѣ стояло нѣсколько сановниковъ. Григорій Орловъ провожалъ высокихъ гостей, что то говорилъ и, особенно веселый и довольный въ этотъ день, громко смѣялся, какъ самый счастливый человѣкъ на свѣтѣ.

—Rira bien—qui rira le dernier! съ оттѣнкомъ досады шепнула Екатерина.

(До слѣд. №).

И. С. Тургеневъ у себя,

въ его послѣдній пріѣздъ на родину.

Изъ воспоминаній

Я. П. Полонскаго.

V.

Очень жаль, что въ коллекціи всѣхъ портретовъ, видѣнныхъ мною въ деревенскомъ домѣ Ивана Сергѣевича, не было портрета его матери. Это тоже была въ своемъ родѣ женщина интересная. Типъ русской всевластной и представительной помѣщицы, строгой до жестокости,—женщины, погруженной въ свои домашнія мелочи, не смотря на прирожденный ей умъ и проницательность. Многочисленная прислуга и приживалки составляли дворъ ея, и всѣ боялись, всѣ изъ страха повиновались ей. Иванъ Сергѣичъ помнилъ, какъ она наказала и послала на поселеніе двухъ парней за то только, что, работая въ саду, они, вѣроятно по разсѣянности, не поклонились ей.

— Вотъ, у этого окна, говорилъ мнѣ Иванъ Сергѣевичъ, сидѣла моя мать; было лѣто и окно было отворено, и я былъ свидѣтелемъ, какъ эти ссылаемые въ Сибирь, наканунѣ ссылки подходили къ окну съ обнаженными понурыми головами, для того, чтобы ей откланяться и проститься съ ней. Это было уже послѣ того, какъ сгорѣлъ нашъ большой домъ.

Но не одной прислугѣ доставалось, и не одни крестьяне боялись ея и ея управляющихъ. Мать Ивана Серг. точно также строго относилась и къ сыновьямъ своимъ, когда они были мальчиками и въ Спасскомъ жили подъ надзоромъ безпрестанно смѣняемыхъ гувернеровъ и у разныхъ иностранцевъ учились быть полуиностранцами.

„Драли меня, говорилъ Ив. Серг.,—за каждыя пустяки, чуть не каждый день... Разъ одна приживалка, уже старая, Богъ ее знаетъ, что она за мной подглядѣла, донесла на меня моей матери. Мать, безъ всякаго суда и расправы, тотчасъ-же начала меня сѣчь,—сѣкла собственными руками и, на всѣ мои мольбы, сказать, за что меня такъ наказываютъ,—приговаривала: самъ знаешь, самъ долженъ знать, самъ догадайся. самъ догадайся, за что я сѣку тебя!

На другой день, когда я объявилъ, что я рѣшительно не понимаю, за что меня сѣкли,—меня высѣкли во второй разъ и сказали, что будутъ каждый день сѣчь, до тѣхъ поръ, пока я самъ не сознаюсь въ моемъ великомъ преступленіи. Я былъ въ такомъ страхѣ, въ такомъ ужасѣ, что ночью рѣшился бѣжать. Я уже всталъ, потихоньку одѣлся и, въ потемкахъ, пробирался корридоромъ въ сѣни. Не знаю самъ, куда я хотѣлъ бѣжать, только чувствовалъ, что надо убѣжать и убѣжать такъ, чтобы не нашли, и что это единственное мое спасенье. Я крался какъ воръ, тяжело дыша и вздрагивая. Какъ вдругъ, въ корридорѣ появилась зажженная свѣчка и я, къ ужасу моему, увидѣлъ, что ко мнѣ кто-то приближается—это былъ нѣмецъ-учитель мой; онъ поймалъ меня за руку, очень удивился и сталъ меня допрашивать.—Я хочу бѣжать, сказалъ я и залился слезами.—Какъ, куда бѣжать?—Куда глаза глядятъ.—Зачѣмъ?—А за тѣмъ, что меня сѣкутъ и я не знаю за что сѣкутъ.—Не знаете?—Кляпусь Богомъ, не знаю.

— Ну, ну, пойдемте... пойдемте.

Тутъ добрый старикъ обласкалъ меня, обнялъ и далъ мнѣ слово, что уже больше наказывать меня не будутъ.

На другой день утромъ, онъ постучался въ комнату моей матери и о чемъ то долго съ ней наединѣ бесѣдовалъ. Меня оставили въ покоѣ.

— Ну, а твой отецъ? спросилъ я, вѣдь онъ еще былъ живъ, отчего же онъ за тебя не заступился?

— Нѣтъ, не заступился, напротивъ, былъ убѣжденъ, что меня сѣкутъ за дѣло. Когда я послѣ экзекуціи, вечеромъ, распухшій и заплаканный, пришелъ съ нимъ прощаться и ручку поцѣловать, онъ съ укоризной на меня поглядѣлъ, вздохнулъ и проговорилъ: Хорошъ, братъ, нечего сказать, хорошъ! Рано-же, братъ, научился ты заниматься такой мерзостью.

— Ну, что-же ты на это?

— Да ничего! Его слова еще пуще меня напугали и спутали. Вопросъ, какой такой мерзостью я занимаюсь, мучилъ меня всю ночь, такъ что я заснуть не могъ. Да, въ ежевыхъ рукахъ меня держали, и матери моей я боялся, какъ огня. Разъ только за обѣдомъ я насмѣшилъ ее. Кто-то завелъ рѣчь о томъ, какъ зовутъ дьявола; никто не могъ сказать—зовутъ-ли его Вельзевуломъ, или Сатаной, или еще какъ-нибудь иначе.

— Я знаю, какъ зовутъ, сказалъ я и—самъ испугался.

— Ну, если знаешь, говори, отозвалась мать.

— Его зовутъ „Мемъ“.

— Какъ! повтори, повтори!

— Мемъ.

— Это кто тебѣ сказалъ? откуда ты это выдумалъ?

— Я не выдумалъ, я это слышу каждое воскресенье у обѣдни.

— Какъ такъ у обѣдни?!

— А во время обѣдни выходитъ дьяконъ и говоритъ: вонъ Мемъ! Я такъ и понялъ, что онъ изъ церкви вонъ выгоняетъ дьявола, и что зовутъ его Мемъ.

Удивляюсь, какъ меня за это не высѣкли; но, какъ ребенокъ, я на этотъ разъ былъ совершенно искренеиъ—просто не понялъ славянскаго слова „вонмемъ“ и толковалъ его по своему. Мать улыбнулась, всѣ стали хохотать и мое вмѣшательство въ разговоръ старшихъ прошло для меня благополучно“.

Говоря о портретахъ, упомяну кстати, что въ слѣдующемъ 1882 г. я изъ Спасскаго писалъ къ больному Тургеневу, прося у него позволенья снять съ этихъ портретовъ фотографическіе снимки, но на это не получилъ никакого отвѣта. Въ томъ-же 1882 г., портреты эти стали по ночамъ срываться и съ трескомъ падали на полъ (кажется три портрета оборвали свои старыя веревки и повалились). Это всѣми людьми въ домѣ сочтено было за дурное предзнаменованіе.

VI.

Красивый, усадебный домъ Ивана Сергѣевича былъ почти что весь заново отдѣланъ (полы были выкрашены, стѣны—оклеены новыми обоями). Комнатъ въ

Библиотека "Руниверс"

домѣ было 13 внизу и двѣ на антресоляхъ, балконъ одинъ на верху и двѣ крытыхъ терассы внизу, со ступеньками въ садъ, на юго-востокъ и юго-западъ. Домъ стоялъ на мѣстѣ прежняго флигеля или ткацкой, гдѣ когда-то ткали ковры, холсты и домашнія сукна (ткачей и ткачихъ, значитъ, было не мало). Когда-то флигель этотъ составлялъ какъ-бы крыло стараго господскаго, тоже деревяннаго дома и соединенъ былъ съ нимъ каменной и до нынѣ уцѣлѣвшей полукруглой галереей; другой такой-же флигель, гдѣ по преданію жили крѣпостные музыканты, сгорѣлъ вмѣстѣ съ домомъ, въ которомъ было до 40 комнатъ и зало въ два свѣта съ хорами. Всѣхъ угловъ и переходовъ въ этомъ родительскомъ ковчегѣ не зналъ и самъ дитя-Тургеневъ, можетъ быть, даже и не смѣлъ всюду проникать и всюду заглядывать.

Стоитъ только вообразить себѣ, сколько двуногихъ существъ тамъ жило на господскомъ иждивеніи, усердствовало, подслушивало, шушукалось, сплетничало, льстило и интриговало, молодѣло и старилось! Сколько повѣрій, преданій, сказокъ, прибаутокъ, пословицъ, прозвищъ говорилось и выслушивалось! Сколько гаданій, суевѣрныхъ страховъ, мелкихъ страстей и всякихъ иныхъ ощущеній волновало и разнообразило этотъ крѣпостной мірокъ, это маленькое государство,—стоитъ только это вообразить себѣ, чтобъ тотчасъ-же, невольно подумать: сколько пищи или матеріала давалъ этотъ домъ для наблюдательности и памяти впечатлительнаго ребенка, будущаго писателя!

И вотъ, прежде чѣмъ писатель этотъ успѣлъ возмужать и состарѣться, какъ уже все это исчезло, поросло быльемъ... Sic transit gloria mundi... Отъ барскихъ хоромъ не осталось даже фундамента—домъ сгорѣлъ до тла, каменная галлерея превратилась въ кухню и въ комнату для стараго слуги; много вещей дорогихъ и рѣдкихъ погибло вмѣстѣ со старыми хоромами. Отецъ и мать Ивана Сергѣевича не мало путешествовали по всей Европѣ, и въ Спасское цѣлые обозы шли съ вещами, накупленными въ Парижѣ и въ разныхъ промышленныхъ центрахъ Германіи, Швейцаріи и Италіи. Уцѣлѣло только серебро, бриллiантовыя дамскія вещи, дорогія блонды, образъ Нерукотвореннаго Спасса, кое-какая мебель и нѣсколько портретовъ. Все, что было спасено, было перенесено въ уцѣлѣвшій флигель, куда вдовствующая мать Ивана Серг. перешла жить, превративъ старую ткацкую въ небольшой (сравнительно) господскій домикъ.

Изъ числа лицъ, прикосновенныхъ такъ или иначе къ штату старой барыни, осталось въ живыхъ какихъ-нибудь два три старика, доживающихъ вѣкъ свой въ богадѣльнѣ, устроенной Ив. Серг. для инвалидовъ крѣпостничества; да еще Захаръ, бывшій камердинеръ Ив. Серг., уже дряхлѣющій, болѣзненный, блѣдный и кривой (съ бѣльмомъ на глазу величиной съ орѣхъ). Онъ обитаетъ въ Спасскомъ домѣ съ женою и младшей дочерью.

Этотъ Захаръ, всякій разъ, когда на лѣто пріѣзжалъ Иванъ Серг. въ Спасское, продолжалъ, по доброй волѣ, по чувству старой привязанности, ему прислуживать.

Старуха—мать Ив. Серг., умерла, лежа на широкомъ и мягкомъ диванѣ, который вскорѣ послѣ ея смерти былъ выпесенъ въ старый сарай, и, заброшенный, гнилъ между всякимъ хламомъ и старыми экипажами. Ивана Серг. не было въ это время въ Спасскомъ. Въ его отсутствіе, въ домъ къ нему заѣхала жена его брата Николая, забрала съ собой все серебро, всѣ драгоцѣнности его покойной матери и увезла ихъ. Когда вернулся Тургеневъ, онъ не нашелъ въ своемъ хозяйствѣ ни одной серебряной столовой ложки, и долженъ былъ всѣмъ обзавестись съизнова, что́, конечно, ему не дешево стоило. Онъ зналъ, что его belle soeur не имѣла никакого права посягать на наслѣдство его матери; но и пальцемъ не пошевельнулъ, для того чтобы вернуть хоть что-нибудь,—отъ того-ли, что не хотѣлъ ссориться съ братомъ, который можетъ быть и не зналъ о поступкѣ жены своей, или просто оттого, что никогда не былъ жаденъ, и какъ человѣкъ отъ всякихъ нуждъ обезпеченный, предпочиталъ покой суетливымъ препирательствамъ ради какихъ-бы то ни было матеріальныхъ выгодъ. Тургеневъ-же никогда не расчитывалъ впередъ: такъ напримѣръ, онъ самъ подвергъ себя всяческимъ неудобствамъ, раздавъ десятки десятинъ прежнимъ дворовымъ, а въ ихъ числѣ и одному врачу, состарѣвшемуся въ домѣ его матери. Онъ раздарилъ эти земли не гдѣ-нибудь на окраинахъ своего владѣнія, а рядомъ съ своею усадьбою, такъ что новые землевладѣльцы стали со всѣхъ сторонъ тѣснить его.

У врача-вдовца, былъ одинъ сынъ, кончавшій курсъ въ одномъ изъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ молодомъ человѣкѣ Тургеневъ принималъ самое горячее участіе и старался всячески помирить съ нимъ отца, который безъ всякаго повода вообразилъ себѣ, что сынъ его нигилистъ, и всю землю и домикъ свой, подаренные ему Иваномъ Сергѣевичемъ, какъ бы на зло ему, завѣщалъ своей любовницѣ — простой деревенской бабѣ, которая, можетъ-быть, и поддерживала въ старикѣ нерасположеніе къ своему законному наслѣднику. Такъ, этотъ молодой человѣкъ, способный, честный и трудолюбивый, и остался ни съ чѣмъ; новая же землевладѣлица, разумѣется, тотчасъ-же прекратила всякія сношенія съ домомъ Ивана Сергѣевича, тотчасъ же окопалась и загородила прежніе пути или тропинки къ окрестнымъ прудамъ и полянамъ. Разъ, Иванъ Сергѣевичъ, рано по-утру, пошелъ отыскивать свой любимый колодезь, чтобъ напиться изъ него чистой, какъ кристалъ, воды, и вернулся не въ духѣ: онъ видѣлъ этотъ колодезь и никакъ не могъ пройти къ нему. Къ счастію, колодезь этотъ очутился въ границахъ земли, подаренной Захару. Захаръ тотчасъ-же посовѣтовалъ управляющему П. А. Щепкину, черезъ тонкое мѣсто построить досчатые мостки съ перильцами и, такимъ образомъ, далъ возможность Ивану Сергѣевичу ходить къ колодцу, опускать въ него бадью и пить на здоровье здоровую воду. Отъ этой воды Иванъ Сергѣевичъ былъ въ восторгѣ; онъ говорилъ, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ такой воды, велѣлъ доставлять ее къ обѣду и всѣхъ насъ ею подчивалъ, и дѣйствительно—вода была во всѣхъ отношеніяхъ превосходная...

Захаръ тѣмъ оправдывался, что загородилъ всѣ пути къ колодцу, что крестьяне Спасскіе зимой, когда не хватало воды, не только стали вырубать около него посаженныя деревья, но и самый срубъ колодезя стали ломать и разносить.

Кромѣ даровой раздачи земли, Ивану Сергѣевичу не дешево обходились выдаваемыя имъ пенсіи. Если бы онъ не имѣлъ дохода отъ своихъ сочиненій, ни денегъ или капитала отъ продажи другихъ имѣній, онъ, доходами съ одного Спасскаго, не могъ бы и существовать. Я слышалъ, что Иванъ Сергѣевичъ однихъ пенсій раздавалъ ежегодно до 8,000 рублей. Объ этомъ въ точности всего легче справиться у его арендатора и управляющаго его, гг. Щепкиныхъ.

VII.

На мѣстѣ стараго сгорѣвшаго дома была уже зеленая луговина, испещренная небольшими цвѣтниками, кустами боярышника и дорожками. Луговина эта растилалась передъ юго-восточной терассой дома и передъ крыльцомъ, ведущимъ въ переднюю. На ней росли молодыя ели, кедры, дубы и яблони; дорожки направо вели къ церковной оградѣ, къ сельской школѣ и воротамъ; налѣво—въ дремучій садъ, расположенный чуть-ли не на 20 десятинахъ, или около. Тамъ тянулись липовыя, сросшіяся вершинами алеи и, вмѣсто прежнихъ

Библиотека "Руниверс"

Въ Сибирской тайгѣ. Ужасная встрѣча. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Г. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

Борьба львовъ. Ориг. рис. Ф. Шпехта, грав. Геншель.

Библиотека "Руниверс"

дорожекъ, по сторонамъ вились тропинки. Только вдоль пруда, по его холмистому берегу, шла дорожка, сохранившая слѣды щебня и песку, но уже засоренная и кое-гдѣ размытая дождевыми потоками. Одна изъ аллей, самая длинная и прямая какъ стрѣла, вела къ пруду. Прудъ былъ тоже длинный, хотя и не очень широкій; онъ былъ глубокъ и отъ изобилія ключей очень холоденъ. Только около берега, на мелкихъ мѣстахъ, въ жаркіе лѣтніе дни, вода его, нѣсколько подогрѣтая солнцемъ, давала возможность купаться не безъ удовольствія.

Богъ знаетъ, сколько лѣтъ прудъ этотъ не былъ вычищенъ, но никогда не зацвѣталъ такъ, какъ обыкновенно цвѣтутъ всѣ пруды. Вѣтеръ свободно морщилъ его поверхность и въ тихіе дни глинистые холмы и деревья явственно отрожались въ немъ.

Въ прудѣ водились караси и ужи. Во всѣхъ Спасскихъ прудахъ (а ихъ не мало), водятся эти ужи, и я не разъ видѣлъ, какъ на поверхности струи быстро движутся и сверкаютъ на солнцѣ желтыя какъ золото головки ихъ. Но вообще ужи въ Спасскомъ и его окрестностяхъ стали замѣтно выводиться. Захаръ сказывалъ мнѣ, что въ прежніе годы они ползали по всему саду и нельзя было десяти шаговъ пройти безъ того, чтобъ не видѣть ужей; теперь-же, при всемъ моемъ желаніи видѣть ихъ на землѣ или на травѣ, я, во все мое пребываніе въ Спасскомъ, видѣлъ не болѣе двухъ ужей. Сильные-ли морозы безъ снѣга сгубили ихъ, хищныя-ли птицы расклевали, или сами они куда-нибудь перекочевали — неизвѣстно. Я слышалъ и такое мнѣніе, что тамъ, гдѣ начинаютъ заводиться казули—змѣи уже ядовитыя,—ужи пропадаютъ.

Въ старомъ саду была и старая оранжерея съ персиками, и парники съ дынями и арбузами, и огородъ, и гряды съ клубникой, и густой малинникъ, и куртинки, засаженныя вишнями и крыжовникомъ, и неистребимое количество черной и красной смородины. Все снѣдомое группировалось около оранжерей, передъ старыми соснами (которыя всѣ посохли въ нынѣшнемъ 1883 г., какъ-бы сокрушаясь о болѣзни и смерти своего стараго хозяина). Это было любимое мѣсто для дѣтей, такъ какъ съ іюня по сентябрь предлагало имъ даровое лакомство. На это-же мѣсто то и дѣло дѣлали набѣги и дѣти новыхъ сосѣдей, одаренныхъ Тургеневымъ землею. На это Тургеневъ нисколько не досадовалъ, но садовникъ и сторожъ безпрестанно ловили ихъ на мѣстѣ преступленія.

У огорода, подъ елями, былъ рогоженный шалашъ; я срисовалъ его и пейзажъ подарилъ Ивану Сергѣевичу.

VIII.

Лѣто въ 1881 году въ Спасскомъ не очень баловало насъ — были сѣрые, дождливые и даже холодные дни, и Иванъ Сергѣевичъ часто роптал на погоду.

— Вотъ, ты тутъ и живи! говаривалъ онъ, поглядывая на небо, съ утра обложенное дождливыми тучами.

Но въ хорошіе, ясные дни, утромъ, я уходилъ куда-нибудь съ палитрой и мольбертомъ, а Тургеневъ и семья моя блуждали по саду. Иногда и вечеромъ, послѣ обѣда, Тургеневъ не отставалъ отъ насъ. Садъ наводилъ его на множество воспоминаній. То припоминалъ онъ о какой то сценѣ, еще при жизни отца его устроенной подъ деревьями, гдѣ во дни его дѣтства разыгрывались разныя пьесы, несомнѣнно на французскомъ языкѣ, и гдѣ собирались гости; смутно помнилъ онъ, какъ горѣли плошки, какъ мелькали разноцвѣтные фонарики и какъ звучала доморощенная музыка.

То указывалъ мнѣ на то мѣсто, по которому крался онъ на свое первое свиданье, въ темную, претемную ночь, и подробно, мастерски разсказывалъ, какъ онъ перелѣзалъ черезъ канавы, какъ падалъ въ крапиву, какъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, и по межѣ, „вонъ по той межѣ“, пробирался въ темную, пустую хату. И это было не далеко отъ той плотины, гдѣ дворовые и мужики, послѣ смерти старика Лутовинова, не разъ видѣли, какъ прогуливается и охаетъ по ночамъ тѣнь его. Люди, которыхъ боятся при жизни, иногда пугаютъ людей и по смерти.

То говорилъ: „Вотъ моя самая любимая скамеечка— она стара, ее почему-то еще не успѣли вырубить. — А ты замѣтилъ, у меня въ саду каждое лѣто ставятъ новыя скамейки; тѣ, которыя ты видишь, навѣрное зимой будутъ вырублены: крестьяне ухищряются таскать ихъ къ себѣ на топливо, и ужъ съ этимъ ничего не подѣлаешь!“

Однажды, это было въ одной изъ дальнихъ окраинъ сада, на полугорѣ, заросшей кустами и осинами, въ виду проселка и бревенчатаго мостика, перекинутаго черезъ овражекъ, дѣти мои искали грибовъ и лакомились земляникой; я шелъ рядомъ съ Тургеневымъ.

— Ну-ка, дѣти, сказалъ онъ, кто изъ васъ найдетъ пещеру,—здѣсь, близко отъ насъ, есть входъ въ пещеру.

И дѣти побѣжали искать пещеру. Долго мы не находили пещеры, наконецъ нашли овражекъ, въ родѣ провалившейся могилы, кирпичи, и какую-то дыру, которая углублялась въ землю и чернѣлась подъ корнями густо разросшейся дикой малины. На мой вопросъ: что-же это такое? Иванъ Сергѣевичъ ничего не могъ мнѣ сказать навѣрное, такъ какъ существованіе этой пещеры относится къ древнѣйшей исторіи села Лутовинова. На мое-же предположеніе: нѣтъ-ли тутъ какого зарытаго клада? Иванъ Сергѣевичъ отозвался, что на поиски клада было уже не мало охотниковъ, что они уже туда лазили и ничего не нашли.

Иногда, по утрамъ, мы всѣ расходились по саду, куда глаза глядятъ, и забирались далеко—кто на прудъ, кто на клубничныя гряды и, забывая часы, опаздывали то къ завтраку, то къ обѣду, то къ вечернему чаю. И, чтобъ всѣхъ сзывать во время, Иванъ Сергѣевичъ велѣлъ купить въ Мценскѣ небольшой колоколъ. Мы его повѣсили между столбиками, на краю террасы. Минутъ за 10 до обѣда или до чаю, Захаръ, или кто нибудь изъ дѣтей, начиналъ звонить; но садъ былъ такъ великъ, что внизу, у пруда, звуки его едва были слышны. Иногда звонъ повторялся два, три, иногда четыре раза, прежде чѣмъ мы всѣ—я, жена моя, дѣти и репетиторъ моего старшаго сына — студентъ медицинской академіи Коцынъ, собирались на террасу къ обѣду или самовару.

Одно изъ великихъ достоинствъ Спасскаго это то, что тамъ нѣтъ комаровъ; мухъ весьма достаточное количество, ночныхъ бабочекъ и всякой насѣкомой мелюзги тоже весьма достаточно, и ни единаго комара! Чему это приписать—не знаю.

Къ нашему столу обыкновенно являлись гости съ задняго двора—двѣ большія собаки, одна гладкая, очень смѣлая и вертлявая, другая — шершавая, дикообразная и недовѣрчивая.

Почти что весь іюнь, до 27-го числа, въ Спасскомъ мы были одни, т. е. я и мое семейство,—никто еще въ Спасское не заглядывалъ; но, развѣ возможно было скучать въ обществѣ Ивана Сергѣевича.

Весь іюнь, Тургеневъ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа—былъ здоровъ, говорливъ и, даже пѣсни спасскихъ крестьянокъ, которыя по найму работали въ саду и, возвращаясь домой, съ граблями на плечахъ, хоромъ орали пѣсни,— радовали его до глубины души. При этомъ, не могу не замѣтить, что, судя по лѣтнимъ нарядамъ спасскихъ бабъ, никакъ нельзя заключать о ихъ бѣдности, а судя по лицамъ и голосамъ — о ихъ нуждахъ и голоданіи.

— Когда у меня въ Спасскомъ гостилъ англійскій писатель Рольстонъ, говорилъ Тургеневъ,—онъ, слушая эти горластыя пѣсни и видя этихъ бабъ, работающихъ, пляшущихъ и дующихъ водку, заключилъ, что въ Рос-

Библиотека "Руниверс"

сіи запаса физическихъ силъ въ народѣ — непочатый край.

— Но вотъ исторія! Съ Гольстономъ мы ходили по избамъ, гдѣ онъ разсматривалъ каждый предметъ и записывалъ у себя въ книжечкѣ ихъ названіе;—крестьяне вообразили, что онъ дѣлаетъ имъ перепись и хочетъ ихъ переманить къ себѣ въ Англію; долго они ждали, когда же ихъ туда перевезутъ и не вытерпѣли: пришли ко мнѣ толпой да и говорятъ: а когда-же это мы въ Англію-то перекочуемъ? Баринъ, что пріѣзжалъ за нами, намъ очень полюбился — должно быть добрый; мы за нимъ охотно, со всей нашей душой, куда хошь... А что онъ пріѣзжалъ звать насъ въ Англинскую землю — это мы знаемъ.

— Вѣришь-ли ты, заключилъ Иванъ Сергѣевичъ, что мнѣ большаго труда стоило ихъ урезонить и доказать всю несбыточность ихъ нелѣпой фантазіи.

(До слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Первый русскій печатникъ Иванъ Ѳедоровъ.

(Рис. на стр. 32 и 33).

5-го декабря прошлаго года, какъ въ столицахъ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ нашего отечества, происходило скромное торжество въ память трехсотлѣтія со времени кончины перваго русскаго печатника Ивана Ѳедорова, который былъ дѣйствительно крупною и замѣчательною русскою личностью своего времени. Иванъ Ѳедоровъ представлялъ собою, во всѣхъ отношеніяхъ, геніальный типъ энтузіаста и художника, всецѣло преданнаго своему великому дѣлу, глубоко понимавшаго громадное значеніе книгопечатанія и готоваго на всякаго рода жертвы и лишенія для его успѣха и распространенія. Вводить печать и водворить ее въ русской жизни въ XVI вѣкѣ, являлось дѣломъ далеко не легкимъ; нужно было бороться съ множествомъ предразсудковъ, съ цѣлымъ классомъ людей, которые, по самой своей профессіи—переписчиковъ рукописей, должны были враждебно относиться къ книгопечатанію; наконецъ религіозный фанатизмъ повсюду видѣлъ ересь и нарушеніе основъ вѣры, и потому неудивительно, что первый печатникъ въ Москвѣ долженъ былъ, въ тоже время, явиться смѣлымъ иниціаторомъ, борцомъ за идею и нѣкоторымъ образомъ ея мученикомъ, подверженнымъ всякаго рода гоненіямъ и преслѣдованіямъ. Все это отразилось и въ судьбѣ Ивана Ѳедорова.

До шестидесятыхъ годовъ XVI вѣка, въ Россіи пользовались исключительно писанными книгами, которыя писались тремя способами—уставомъ, полууставомъ и скорописью. Древнѣйшія книги на славянскомъ и русскомъ языкѣ писались обыкновенно уставомъ—буквами крупными, почти квадратными; впослѣдствіи письмо это обратилось въ скоропись, съ буквами связными и крючковатыми. Эти рукописныя книги, конечно, время отъ времени извращались въ содержаніи и тѣмъ теряли свое достоинство; причина этихъ извращеній заключалась въ невѣжествѣ, суевѣріи и поспѣшности работы, тѣмъ болѣе, что занятіе перепиской рукописей, сначала сосредоточенное въ монастыряхъ, перешло потомъ въ руки писцовъ-ремесленниковъ, за которыми никто не наблюдалъ. Только въ XVI вѣкѣ, когда ошибки и извращенія переписчиковъ причинили уже различные безпорядки въ богослуженіи, на дѣло надзора надъ ними было обращено вниманіе правительства. Тогда приказано было писцамъ по городамъ писать съ вѣрныхъ переводовъ, и притомъ написанное исправлять, а неисправныхъ книгъ не продавать. Въ тоже время царь Иванъ Васильевичъ Грозный, для исправленія зла, началъ задумывать о заведеніи въ Москвѣ типографіи. Какіе способы употребилъ царь для водворенія книгопечатанія въ Россіи, до сихъ поръ осталось неизвѣстнымъ; иные говорятъ, что первый печатникъ былъ присланъ къ нему датскимъ королемъ Христіаномъ III, вмѣстѣ съ предложеніемъ ввести въ Россіи Лютерово ученіе; что этотъ печатникъ назывался Гансъ Миссингеръ, а также Бокбиндеръ, прибылъ въ Москву въ 1552 году и принялъ дѣятельное участіе въ устройствѣ типографіи. По другимъ же свѣдѣніямъ, первое руководство въ книгопечатномъ дѣлѣ мы получили отъ итальянцевъ, отъ которыхъ заимствовали и всѣ названія типографскихъ принадлежностей. Какъ бы то ни было, но остается достовѣрнымъ лишь одно, что при Іоаннѣ Грозномъ уже явились у насъ свои типографщики, хотя мы и не знаемъ, учились ли они у нѣмцевъ, или итальянцевъ. Главными изъ этихъ первыхъ русскихъ печатниковъ были: діаконъ церкви Св. Николая Голстунскаго въ Кремлѣ Иванъ Ѳедоровъ Москвитянинъ и Петръ Тимофѣевичъ Мстиславецъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія какъ о судьбѣ въ Россіи книгопечатанія, такъ и самихъ печатниковъ заключаются лишь въ тѣхъ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ, которыя Иванъ Ѳедоровъ прилагалъ всегда къ издаваемымъ имъ книгамъ. Этимъ то путемъ изъ послѣсловія къ Апостолу, напечатанному въ Москвѣ въ 1564 г., мы узнаемъ, что въ 1553 году, съ благословенія митрополита Макарія, приступлено было къ устройству печатнаго двора. „Благовѣрный царь повелѣ устроить домъ отъ своея царскія казны, идѣже печатному дѣлу строитися и нещадно даяше отъ своихъ царскихъ сокровищъ дѣлателямъ Николая, Чудотворца Голстунскаго, дьякону Ивану Ѳедорову, да Петру Тимофѣеву Мстиславцу на содѣйствіе печатному дѣлу и къ ихъ *успокоенію*“. Самое зданіе печатнаго двора было воздвигнуто на томъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣ находится синодальная типографія на Никольской улицѣ. На этомъ то печатномъ дворѣ и была отпечатана первая русская книга „Апостолъ“, начатый печатаніемъ 19 февраля 1563 г. и оконченный 1 марта 1564 г.

По свидѣтельству самого Ивана Ѳедорова, царь Иванъ Васильевичъ относился очень милостиво какъ къ нему, такъ и къ его товарищамъ, стараясь всѣми силами объ ихъ успокоеніи. Но не всѣ были единомысленны съ царемъ; большинство тогдашняго русскаго общества оказалось противъ книгопечатанія, и по появленіи Апостола, нашъ первый печатникъ прослылъ за еретика, человѣка опаснаго и богопротивнаго, чуть ли не слугою дьявола. По словамъ самого Ивана Ѳедорова, царь былъ къ нему милостивъ до конца, но, „онъ терпѣлъ гоненіе отъ многихъ начальникъ и учитель, которые на насъ, зависти ради, многія ереси умышляли“. Нѣтъ сомнѣнія, что главной враждебной силой противъ Ивана Ѳедорова явился многочисленный классъ переписчиковъ, которые видѣли въ немъ опаснаго для себя конкуррента. Вѣроятно они же вооружили народную массу противъ печатниковъ; типографія была разграблена и сожжена и сами печатники конечно бы подверглись самой печальной участи, если бы не успѣли бѣжать изъ Москвы со всѣмъ своимъ типографскимъ скарбомъ. Бѣглецы наши нашли пристанище въ сосѣднихъ владѣніяхъ Сигизмунда Августа, короля польскаго, но здѣсь оставались не долго, такъ какъ ихъ пригласилъ къ себѣ знатный гетманъ Григорій Ходкевичъ въ свое имѣніе Заблудовье, около нынѣшняго Бѣлостока. Ходкевичъ снабдилъ желанныхъ и дорогихъ гостей всѣмъ необходимымъ, а Ивану Ѳедорову подарилъ даже значительное имѣніе. Здѣсь то, въ уединенномъ Заблудовьѣ, было напечатано Учительное Евангеліе, оконченное печатаніемъ 17 марта 1569 г. Впрочемъ это была единственная книга, которую Иванъ Ѳедоровъ успѣлъ издать въ имѣніи Ходкевича. Гетманъ сталъ старъ и дряхлъ и, отказавшись отъ дальнѣйшей издательской дѣятельности, совѣтовалъ нашему печатнику заняться земледѣліемъ. Но послѣдній не принялъ этого совѣта. „Не удобно мнѣ было, говоритъ онъ, проводить время своей жизни за раломъ; заниматься сѣяніемъ сѣмянъ житныхъ; духовныя сѣмена долженъ я разсѣвать по вселенной; духовную пищу раздавать всѣмъ по чину; не рало у меня въ рукахъ, а художество“. Движимый сознаніемъ своего высокаго долга, Иванъ Ѳедоровъ не могъ конечно болѣе оставаться у Ходкевича и немедля отправился во Львовъ, не смотря на отдаленность пути и на свирѣпствовавшую тогда смертность отъ „презѣльнаго новѣтрія“. Въ Львовѣ, кой-какъ, на подаянія доброхотныхъ людей, Иванъ Ѳедоровъ продолжалъ свое любимое дѣло и напечаталъ „Апостолъ“, совершенно сходный съ московскимъ изданіемъ. Этотъ Апостолъ былъ оконченъ печатаніемъ въ 1574 году. Съ этого 1574 года, объ Иванѣ Ѳедоровѣ мы ничего не знаемъ, въ продолженіи цѣлыхъ пяти лѣтъ. Лишь изъ Псалтыря и Библіи, изданныхъ имъ въ Острогѣ, мы узнаемъ, что послѣдніе годы онъ жилъ во владѣніяхъ извѣстнаго ревнителя православія Константина Константиновича Острожскаго. Послѣ 1581 года Иванъ Ѳедоровъ снова вернулся въ Львовъ, гдѣ и скончался 5-го декабря 1583 года. Тѣло его покоится въ монастырѣ св. Онуфрія и на его могильной плитѣ сохранилась слѣдующая надпись: „Іоаннъ Ѳедоровичъ, Друкарь Москвитинъ, который своимъ тщаніемъ, друкованіе занебдоша обновилъ“. Затѣмъ слѣдуетъ число, мѣсяцъ и годъ кончины.

На рисункѣ нашего художника очень талантливо изображена та сцена, когда Иванъ Ѳедоровъ представляетъ, въ своей мастерской печатнаго двора, царю Ивану Грозному первый печатный листъ своего Апостола. Царь видимо доволенъ своимъ печатникомъ; самъ печатникъ доволенъ конечно еще болѣе, но на его лицѣ видна не радость, а горькая дума; мысли его уносятся въ отдаленное будущее... На лицахъ людей, окружающихъ царя, можно подсмотрѣть и чувство удивленія, и недовѣрія и подозрительности. Въ этой толпѣ конечно уже найдутся люди, которые открыто потомъ обвиняли Ивана Ѳедорова въ ереси и объ которыхъ онъ потомъ горько отзывался, что они понапрасну, всуе, произносили противъ него злое слово, выгнали его изъ родной земли, изъ отечества и отъ роду и заставили жить въ чужой странѣ и питаться чужимъ хлѣбомъ.

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. „Война и миръ“ графа Л. Н. Толстаго.

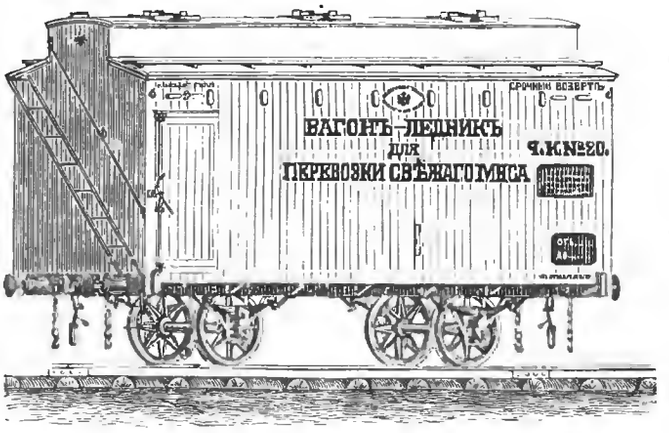
(Рисун. на стр. 37).

Великая эпоха отечественной войны 1812 года отразилась въ знаменитомъ романѣ графа Л. Н. Толстаго „Война и миръ“ во всемъ своемъ широкомъ какъ историческомъ, такъ и бытовомъ значеніи. Весь строй и складъ тогдашней дворянской и народной русской жизни, изображенъ здѣсь съ неподражаемымъ искусствомъ и художественностью, при чемъ подробности быта и общественной жизни во время мира безпрерывно смѣняются грандіозными историческими картинами геройской, единодушной народной борьбы противъ вторженія Наполеона. Авторъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за всѣми перипетіями этой великой борьбы и въ полныхъ жизни образахъ рисуетъ типы знаменитостей, бывшихъ ея главными дѣйствующими лицами. Характеристика какъ русскихъ, такъ и французскихъ полководцевъ, равно удачна у графа Толстаго, но особенно рельефно выдаются у него крупныя личности, между прочими личность Наполеона. Однимъ изъ интересныхъ эпизодовъ, гдѣ графъ Толстой очень тонко обрисовалъ Наполеона, по всей справедливости, можетъ считаться и тотъ превосходный эпизодъ, незадолго передъ Бородинскимъ сраженіемъ, который послужилъ темой для рисунка нашего художника. Это—допросъ Наполеономъ взятаго въ плѣнъ во время погони за чужими курами, Лаврушки—деньщика и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпостнаго человѣка одного изъ героевъ романа—Ростова. Въ этомъ эпизодѣ авторъ въ высшей степени вѣрно и ярко охарактеризовалъ одинъ изъ нашихъ народныхъ типовъ, выработавшихся подъ условіями крѣпостнаго права. Лаврушка былъ „одинъ изъ тѣхъ грубыхъ, наглыхъ лакеевъ, видавшихъ всякіе виды, которые считаютъ долгомъ все дѣлать съ хитростью, которые готовы сослужить всякую службу своему барину и которые хитро угадываютъ барскія дурныя мысли. Приведенный передъ императора, Лаврушка остался тѣмъ же оборотливымъ холопомъ передъ Наполеономъ, какимъ онъ былъ постоянно передъ своимъ барономъ Ростовымъ. Онъ тотчасъ же догадался, что имѣетъ дѣло съ императоромъ и, не смутясь нисколько, съ плутовскимъ, пьянымъ и веселымъ лицемъ, старался лишь объ одномъ: подслужиться своимъ новымъ господамъ, передавая имъ что толковалось тогда между деньщиками. Когда же Наполеонъ предложилъ ему замысловатый вопросъ: какъ думаютъ Русскіе —побѣдятъ они Бонапарта или нѣтъ, то Лаврушка, привыкнувъ врать господамъ иногда безсвязную чепуху, не желая или не зная какъ сказать правду, прибѣгнулъ и въ этомъ случаѣ къ своему обычному средству.

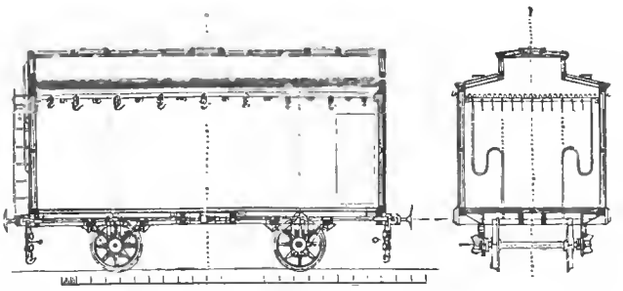
— Оно, значитъ, коли быть сраженію, сказалъ онъ задумчиво, и въ скорости,—такъ это такъ точно. Ну а коли пройдетъ три дня и послѣ того самаго числа, тогда значитъ это самое сраженіе въ оттяжку пойдетъ. Эту безсмысленную фразу Наполеону перевели совершенно своеобразно:“ „ежели сраженіе произойдетъ прежде трехъ дней, то французы выиграютъ его, но ежели послѣ трехъ дней, то Богъ знаетъ что случится.“ Этотъ перевранный отвѣтъ деньщика видимо понравился Наполеону, но Лаврушка еще болѣе развеселилъ его, когда, притворясь, что не знаетъ, кто онъ, сказалъ:

— Знаемъ, у васъ есть Бонапартъ, онъ всѣхъ въ мірѣ побилъ, ну да объ насъ другая статья...“ Этой фразой, по словамъ Тьера, „Молодой казакъ заставилъ улыбнуться своего могущественнаго собесѣдника“. Тогда Наполеонъ, вообще большой любитель эффектовъ, захотѣлъ испытать какое дѣйствіе произведетъ на „дитя Дона“ извѣстіе, что онъ говоритъ съ самимъ великимъ императоромъ. Извѣстіе было передано и Лаврушка, очень хорошо поняв, что его хотятъ озадачить, тотчасъ же притворился изумленнымъ, ошеломленнымъ, выпучилъ глаза, сдѣлалъ такое же лицо, которое ему привычно было, когда его бранятъ. Эффектъ получился полный и даже Тьеръ передаетъ, что въ этотъ торжественный моментъ „казакъ, охваченный какимъ-то остолбенѣніемъ, не произнесъ болѣе ни одного слова и продолжалъ ѣхать, не спуская глазъ съ завоевателя, имя котораго достигло до него черезъ восточныя степи. Вся его разговорчивость вдругъ прекратилась наивнымъ и молчаливымъ чувствомъ восторга. Наполеонъ, наградивъ казака, по словамъ Тьера, приказалъ дать ему свободу, какъ птицѣ, которую возвращаютъ ея роднымъ полямъ“.

Джузеппе Маріо. † 30 Ноября 1883 г.
Съ фотогр. грав. Ѳ. Гельштейнъ.



Доставка свѣжаго мяса въ Спб. Вагонъ-ледникъ.



Доставка свѣжаго мяса въ Спб. Разрѣзъ вагона-леднина.

Въ тайгѣ.

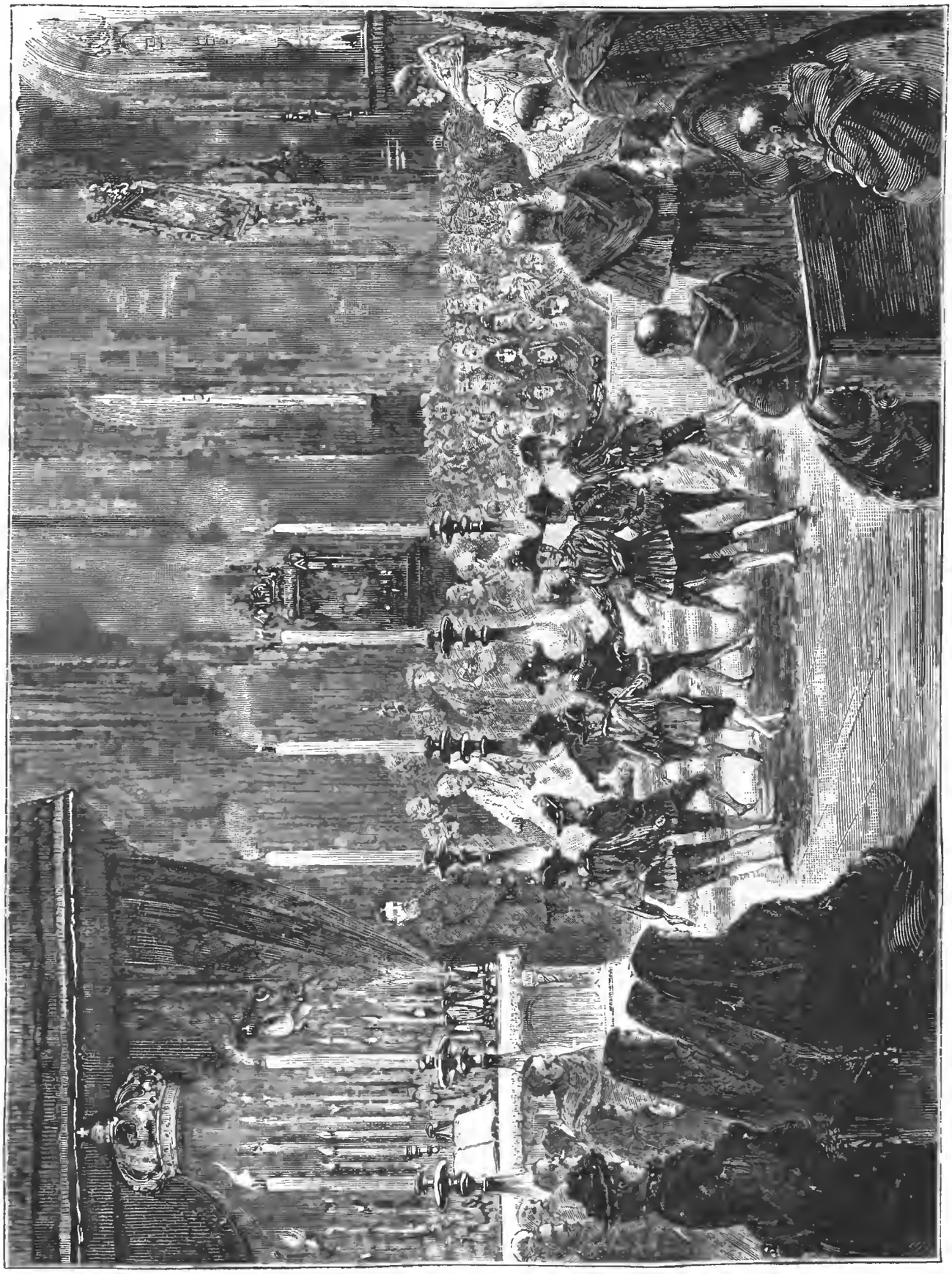
(Рис. на стр. 40).

Велика и таинственна суровая сибирская тайга. Тянется безконечный лѣсъ, подымешься ли на ту или другую вершину холма, все кусты и деревья, все переплетающіяся и скучившіяся чащи; съ холмовъ деревья сбѣгаютъ въ пади и овраги и опять подымаются на холмы. Страшно ввѣриться таинственной зеленой трущобѣ; войдешь въ нее и уже теряешься въ этомъ лабиринтѣ чуть видныхъ тропинокъ, проложенныхъ хищнымъ звѣремъ или человѣкомъ. Становится жутко, чего то боишься невѣдомаго, боишься зловѣщей тишины. Кажется, все вымерло въ этой суровой заросли—ни звука, ни знака человѣческой или животной жизни.

Но привычный бродяга-бѣглый идетъ по этимъ неисходнымъ чащамъ, онъ чутко прислушивается кругомъ и все шагаетъ съ пня на пень, съ тропинки переходитъ на тропинку, и все идетъ впередъ, торопясь уйти отъ опасности, которая всегда его можетъ настигнуть. Но опасность оказывается не за нимъ, а впереди. Изъ густой чащи подымается съ грознымъ ревомъ могучій лѣсной нелюдимъ и не успѣетъ повернуться несчастный, какъ его уже обхватываютъ могучія лапы звѣря и настаетъ его послѣдняя минута. Дыханіе несчастнаго прерывается, лицо покрывается смертною блѣдностью, глаза тускнѣютъ... товарищъ умирающаго, въ ужасѣ, едва успѣваетъ уйти отъ страшнаго мѣста...

Все это передано нашимъ художникомъ съ присущею ему выразительностью..

Библиотека "Руниверс"



Обычаи въ Испаніи. Танецъ дѣтей въ Севильѣ; въ соборѣ. По рис. Людерса въ J. Z., грав. Гельштейнъ.

Библиотека "Руниверс"

Борьба львовъ.

(Рис. на стр. 41).

На добычу левъ выходитъ обыкновенно ночью, подстерегаетъ добычу и дѣлаетъ огромные скачки, чтобы ее настигнуть, и бѣжитъ быстро съ тяжелой ношей въ зубахъ. Во время охоты за добычей, встрѣча двухъ львовъ приводитъ иногда къ кровавой развязкѣ, какъ изображено на прекрасномъ рисункѣ Шпехта. Левъ залегъ вблизи ручья въ южноафриканской степи и тутъ ему посчастливилось поймать антилопу, шедшую на водопой. Однимъ ударомъ сильныхъ лапъ, онъ повалилъ животное на землю и съ жадностью приготовился поживиться своей жертвою, которую у него стали оспаривать самымъ неожиданнымъ образомъ. Пара львовъ направлялась къ ручью, тоже съ цѣлью поисковъ добычи, и не успѣлъ левъ завидѣть своего противника, какъ, съ грозно раздавшимся ревомъ, бросается, желая отнять добычу. Львица же вдали выжидаетъ исхода борьбы, завязавшейся между двумя могучими противниками.

Джузеппе Маріо.

(Порт. на стр. 44).

Недавно Италія потеряла своего первоклассного пѣвца—Маріо, имя котораго, цѣлыя тридцать лѣтъ, гремѣло на всѣхъ главныхъ европейскихъ оперныхъ сценахъ, а прелестный голосъ чаровалъ нѣсколько поколѣній любителей итальянской музыки.

Маріо, по происхожденію маркизъ Джузеппе ди-Кандіа, родился въ 1808 году въ Туринѣ, гдѣ и получилъ свое первоначальное музыкальное образованіе, не предназначая, впрочемъ, себя къ сценѣ. Въ 1830 году онъ поступилъ въ военную службу, гарнизоннымъ офицеромъ въ Генуѣ, но совершивъ какой-то дисциплинарный проступокъ, за который угрожало ему заключеніе въ крѣпости, бросилъ службу и тайкомъ пробрался въ Парижъ. Здѣсь онъ пѣвалъ во многихъ салонахъ, и прелестный его высокій теноръ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе знатоковъ музыки. Имя его сдѣлалось знаменитымъ по всему Парижу и тогдашній директоръ французской оперы, Дюпоншель, предложилъ ему ангажементъ съ 1.500 франковъ мѣсячнаго содержанія, обязавъ его при этомъ заняться серьезною обработкою своего голоса, подъ руководствомъ Роншара и Бордоньи. Маркизъ ди-Кандіа дебютировалъ 2-го декабря 1838 года, подъ именемъ Маріо, въ „Робертѣ Дьяволѣ". Дебютъ молодаго пѣвца былъ вполнѣ удаченъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ дѣйствительно заключались всѣ качества, требуемыя оперной сценой: Маріо обладалъ красивой наружностью, стройнымъ и граціознымъ станомъ и, кромѣ того, его голосъ былъ очарователенъ какъ по обширности, такъ и по своему мягкому, бархатному тембру. На сценѣ Большой парижской оперы, Маріо оставался лишь до 1840 года, когда его пригласили пѣть въ Итальянской оперѣ, труппа которой состояла тогда изъ такихъ первоклассныхъ знаменитостей, какими были Рубини, Тамберликъ, Либлашъ, Малбранъ, Зонтагъ, Персіани и Гризи. По выходѣ Рубини, Маріо взялъ на себя всѣ его главныя роли и выполнялъ ихъ съ постояннымъ успѣхомъ. Слава его росла и его наперерывъ приглашали на всѣ первоклассныя оперныя сцены. Зимою онъ пѣлъ въ Парижѣ, а лѣтомъ въ Лондонѣ. Кромѣ того онъ нѣсколько разъ совершилъ артистическое путешествіе въ Петербургъ и пожиналъ лавры въ Мадридѣ и Америкѣ. Репертуаръ Маріо былъ необыкновенно обширенъ и нѣкоторыя роли, какъ то Мавра въ „Отелло", Женеро въ „Лукреціи Борджіа", Альмавивы въ „Севильскомъ Цирульникѣ",—были его полнымъ торжествомъ и въ нихъ онъ не имѣлъ соперниковъ. Свою артистическую карьеру Маріо закончилъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ пѣлъ въ сезонъ 1869—1870 г., уже слабымъ, разбитымъ голосомъ, но все еще замѣчательнымъ по своей обработкѣ и пріятному тембру.

Послѣдніе годы жизни Маріо провелъ въ тихомъ уединеніи, въ Италіи, и умеръ въ Римѣ, 30-го ноября 1883 года, не оставивъ послѣ себя никакого состоянія, такъ какъ всѣ получаемыя имъ громадныя деньги тратились на помощь его бѣднымъ соотечественникамъ и на покупку разныхъ художественныхъ произведеній и рѣдкостей.

Вагоны-ледники.

(Рис. на стр. 44).

Въ такой громадной столицѣ, какъ Петербургъ, вопросъ о дороговизнѣ мяса, понятно, представляетъ для населенія существеннѣйшій интересъ. И въ печати, и обществѣ появлялись нападки на торговцевъ, которые будто бы одни виноваты были въ поднятіи цѣнъ на мясо, принимались разныя мѣры къ его удешевленію въ столицѣ—мѣры, не приводившія ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. И вотъ, вопросъ этотъ разрѣшился, повидимому довольно просто, устройствомъ вагоновъ-ледниковъ, въ которыхъ бы доставлялось въ столицу свѣжее мясо и живая рыба, вслѣдствіе чего поставщики могли на эти продукты значительно понизить цѣну.

Вагонъ-ледникъ, видъ котораго наружный и разрѣзъ изображены на нашемъ рисункѣ, изобрѣтены инженеръ-механикомъ Чацкинымъ, который и устраиваетъ ихъ для желѣзныхъ дорогъ. Такой вагонъ вмѣщаетъ въ себѣ 40 тушъ, т. е. до 600 пудовъ мяса и кромѣ того еще корзины съ живой рыбой. Въ іюлѣ 1882 г. былъ произведенъ первый опытъ. Мясо было въ дорогѣ около 30 часовъ. Ледъ употребленъ обыкновеннаго, даже плохаго достоинства, и экспертная коммисія нашла, что привезенное мясо такого высокаго качества, что лучшаго нечего и желать для торговли. Рыба на осмотрѣ тоже оказалась вполнѣ свѣжей. Первые же привозы въ Петербургъ были очень удачны. Изъ вагоновъ продавалось мясо по удешевленнымъ цѣнамъ, и нужно ждать результатовъ болѣе обширнаго развитія этого дѣла.

Пока открыто только 5 или 6 лавокъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ торгуютъ этимъ, привозимымъ въ Петербургъ въ ледникахъ-вагонахъ, мясомъ. Говорятъ, дѣло быстро поднимается и торговля этимъ мясомъ идетъ все лучше и лучше.

Танецъ дѣтей въ Севильскомъ соборѣ.

(Рис. на стр. 45).

Севилья считается отечествомъ андалузскихъ танцевъ; тамъ они настолько любимы, что молодыя дѣвушки собираются ежедневно для пляски въ такъ называемыя casas de baile. Въ Севильѣ же, въ дни большихъ праздниковъ, происходитъ особый танецъ мальчиковъ-клирошанъ въ каѳедральномъ соборѣ. Это бываетъ ежегодно, именно 8-го декабря, въ праздникъ Зачатія Пресвятыя Богородицы. Этотъ странный обычай сохранился со временъ свержения въ Севильѣ владычества Мавровъ (1248). Въ тотъ именно день, когда вся Севилья уже торжествовала побѣду, Мавры снова пытались, 8-го декабря, завладѣть городомъ посредствомъ нечаяннаго нападенія. Но, очарованные звуками музыки и пѣнія во время танцевъ, доносившимися до нихъ изъ города, они замедлили приступомъ и тѣмъ дали возможность жителямъ Севильи, предупрежденнымъ о намѣреніяхъ непріятеля, приготовиться къ оборонѣ. Новая побѣда окончательно уничтожила власть Мавровъ. Въ память этого важнаго для Севильи событія, ежегодно происходитъ танецъ мальчиковъ-клирошанъ. Для празднества всегда дѣлаются особыя приготовленія: алтарь украшаютъ серебряными сосудами, зажигаютъ массу канделябръ, надъ образомъ Божіей Матери укрѣпляется обыкновенно большая серебряная корона подъ балдахиномъ изъ краснаго бархата; передъ алтаремъ стоятъ большіе, въ ростъ человѣка, серебряные канделябры, а мѣсто, предназначенное для танцевъ, устилается коврами. Оркестръ становится возлѣ алтаря; затѣмъ торжественно появляется высшее духовенство въ лиловыхъ и архіепископы въ красныхъ одѣяніяхъ и занимаютъ назначенныя для нихъ мѣста на скамьяхъ пунцоваго бархата. Десять мальчиковъ-клирошанъ, одѣтыхъ въ богатые костюмы, выступаютъ впередъ и, пропѣвъ благодарственную молитву за побѣду христіанъ надъ маврами, становятся въ рядъ; затѣмъ пѣніе постепенно переходитъ въ танцовальный ритмъ, и начинается зрѣлище, единственное въ христіанскомъ мірѣ и странное для взора чужеземца. Начинается передъ алтаремъ танецъ, сопровождающійся медленными, плавными, красивыми и какъ бы торжественными движеніями—нѣчто въ родѣ менуэта. Потомъ движенія ускоряются, дѣлаются похожими на балетныя, и наконецъ даже слышится звукъ кастаньетъ. Послѣ того снова поютъ молитвы, и торжественное благодарственное молебствіе идетъ своимъ порядкомъ.

Библіографія.

Одиссея Гомера. Пересказъ для дѣтей Лярскаго. Изд. Девріена. Спб. 1884 г., съ рис. Ф. Преллера. Въ числѣ множества книгъ, которыя стараются выпускать разные издатели, въ виду праздниковъ, для дѣтей, мы должны отмѣтить это красивое изданіе съ большими рисунками извѣстнаго художника Ф. Преллера, которыхъ притомъ довольно много.

Мысль пересказывать дѣтямъ, въ доступномъ изложеніи, классическія произведенія, нельзя не назвать удачною. Книга издана замѣчательно роскошно и пересказъ г. Лярскаго простъ, популяренъ и оживленъ. Такимъ образомъ дѣти могутъ ознакомиться съ высокимъ памятникомъ древне-классическаго міра. Чудесные стихи переданы по возможности близко, но просто и понятно.

Рисунокъ, помѣщенный въ этомъ №, изображаетъ эпизодъ знаменитаго разсказа Одиссея, сына Лаэрта, царя Итаки, о своихъ странствованіяхъ—это эпизодъ о странѣ Циклоповъ. „Прибыли мы въ страну, обитаемую громадными, одноглазыми людьми—разсказываетъ царь Одиссей—и ихъ зовутъ циклопами; они странны и свирѣпы. У одной громадной пещеры раздался шумъ. Бараны и козы вбѣжали въ пещеру, а за ними вошелъ циклопъ Полиѳемъ. Онъ былъ исполинскаго роста и страшно безобразенъ; во лбу его сіялъ одинъ звѣрскій глазъ, огромный какъ колесо. Онъ разложилъ костеръ..." (стр. 48). Эту сцену и изображаетъ картина Преллера. Извѣстно, что страшное чудовище стало пожирать одного за другимъ спутниковъ Одиссея и, чтобы избавиться отъ него, они должны были выколоть ему его глазъ, напоивъ

Библиотека "Руниверс"

его нѣсколькими чашами вина. А чтобъ уйти изъ пещеры, гдѣ ослѣпленный великанъ сѣлъ у входа, чтобы переловить всѣхъ путниковъ, Одиссей, какъ извѣстно, изобрѣлъ хитрый способъ: связавъ большихъ барановъ Полифема по три въ рядъ, подъ каждаго средняго барана, онъ подвязалъ по одному человѣку и когда стадо пробѣжало, то Полиѳемъ, ощупывая каждаго барана, не отъискалъ никого изъ спутниковъ Одиссея, которые такимъ образомъ всѣ спаслись изъ пещеры.

Политическое обозрѣніе.

Франція и Китай.—Египетъ.—Англія.

Послѣ взятія Сонгъ-Тая французская тонкинская армія пока отдыхаетъ на лаврахъ, изрѣдка лишь вступая въ мелкія стычки съ китайскими пиратами. Нападеніе на Бакъ-Нингъ безъ сомнѣнія будетъ произведено въ самомъ непродолжительномъ времени, и въ виду нерѣшительности китайскаго правительства не представляетъ особенной опасности какъ неминуемый поводъ къ войнѣ (casus belli). Вообще полагаютъ, что Китай не подготовленъ настолько въ военномъ отношеніи, чтобы объявить войну Франціи, и лишь одинъ маркизъ Цзенгъ держится противнаго мнѣнія. Такъ недавно въ одномъ изъ нумеровъ Бреславльской газеты онъ помѣстилъ письмо, въ которомъ обсуждаются послѣдствія взятія Сонгъ-Тая. Онъ заявляетъ, что главнымъ результатомъ этого событія было возбужденіе новой энергіи въ воинственной партіи Небесной Имперіи, и ему кажется вѣроятнымъ что теперь уже тонкинское правительство не приметъ посредничества великихъ державъ. Наконецъ онъ довольно ясно намекаетъ на то, что въ случаѣ неизбѣжной войны китайское правительство, въ виду военныхъ расходовъ, принуждено будетъ удвоить пошлины на европейскіе товары. Что же касается до настроенія французскаго правительства то по послѣднимъ свѣдѣніямъ изъ Парижа, оно твердо рѣшило не принимать никакихъ посредническихъ услугъ въ своемъ спорѣ съ Китаемъ. Особенно непріятна французамъ мысль о посредничествѣ Англіи, такъ какъ оно придерживается того убѣжденія (и мимоходомъ сказать довольно справедливаго), что послѣдняя будетъ болѣе хлопотать о личныхъ своихъ выгодахъ, нежели объ истинныхъ интересахъ спорящихъ сторонъ. Вообще въ Парижѣ распространено такое мнѣніе, что непосредственное соглашеніе съ Франціей ближе отвѣчало бы интересамъ Небесной Имперіи, нежели чье либо чужое посредничество и вмѣшательство.

Въ Египтѣ возстанія принимаютъ все большіе и большіе размѣры и уже распространились по всему побережью Краснаго моря вплоть до Коссеира. Какъ извѣщаютъ изъ Суакима, лжепророкъ намѣренъ вторгнуться въ самый Египетъ. Между Суакимомъ и Снихетомъ сосредоточено до 20,000 мятежниковъ, а движенію египетскихъ войскъ на Берберъ можетъ противустать по крайней мѣрѣ 100,000 мятежниковъ. Бэкеръ же паша располагаетъ войскомъ въ 3.300 человѣкъ, а потому неудивительно, что при такихъ условіяхъ немыслимы никакія серьозныя предпріятія, хотя Бэкеръ-паша и считается генералъ-губернаторомъ всего восточнаго Судана. Не вѣря въ свои собственныя силы, египетское правительство обратилось къ лондонскому кабинету съ энергической нотой, требуя содѣйствія и помощи. Министерство Гладстона дало сильный и ясный отвѣтъ, что оно не только отказываетъ въ своемъ содѣйствіи къ обратному завоеванію Судана, но и требуетъ, чтобы правительство Хедива совершенно отказалось отъ названной провинціи. Хедивъ, какъ сообщаютъ, не особенно расположенъ слѣдовать такому доброму совѣту своей союзницы, тѣмъ болѣе, что Египетъ владѣетъ Суданомъ уже шестьдесятъ лѣтъ и владѣніе это въ будущемъ представляется ему чрезвычайно выгоднымъ.

Но сомнительно, чтобы египтяне могли удержать за собою Хартумъ и Берберъ при помощи лишь своихъ собственныхъ войскъ. Впрочемъ хедивъ недавно пріобрѣлъ себѣ новаго союзника въ лицѣ Франціи, которая обѣщаетъ ему свою помощь, для возстановленія порядка въ возмутившихся провинціяхъ, въ случаѣ еслибы Англія отказала Египту въ своей помощи. Парижскія газеты единогласно заявляютъ, что предоставленіе Судана и Нубіи власти фанатическаго лжепророка было бы величайшимъ преступленіемъ противъ цивилизаціи и что эти земли должны быть, во что бы то ни стало, отвоеваны совмѣстными усиліями Европы. Впрочемъ, вопросъ вспомогательства Франціи въ дѣлѣ Египта встрѣчаетъ уже при самомъ своемъ возбужденіи препятствія различнаго рода. Такъ сторонники Фрейсинэ совѣтуютъ французамъ держаться пока пассивнаго выжидательнаго положенія, въ той увѣренности, что Махди рано или поздно выпудитъ англичанъ призвать себѣ на помощь Францію. Гамбеттисты же того мнѣнія, что Франція должна заставить Англію какъ можно скорѣе обратиться къ ея содѣйствію.

Въ Италіи, а именно въ сердцѣ ея, въ Римѣ, происходило высокознаменательное торжество: перенесеніе тѣла короля Виктора Эммануила въ Пантеонъ. Стеченіе народа, прибывшаго въ Римъ по этому случаю, было громадное и говорятъ достигало до 30,000. Тѣло усопшаго короля было перенесено на правую сторону большаго алтаря и помѣщено противъ могилы—Рафаэля. Тысячи делегатовъ со всѣхъ концовъ Италіи прибыли въ этотъ день въ ея новую столицу, чтобы возложить вѣнки на гробницу Виктора Эммануила.

Смѣсь.

Прирученіе дикихъ колибри. Одна дама, живущая въ Сапъ-Рафаэлѣ, представляющемъ собой самое пріятное и здоровое мѣстожительство въ Калифорніи, сообщаетъ друзьямъ своимъ, находящимся въ Лондонѣ, о прирученіи двухъ дикихъ колибри ея дочерью, которая, по предписанію врачей, должна была ежедневно, по нѣскольку часовъ, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, оставаться въ саду. Мать пишетъ: „Эмма нашла себѣ новый источникъ развлеченія. Колибри ищутъ ея общества и выказываютъ свое любопытство тѣмъ, что подходятъ къ ней близко; вообще поведеніе ихъ ясно показываетъ желаніе познакомиться короче. Чтобы заманить ихъ поближе, Эмма беретъ фуксію, смачиваетъ ее сахарной водой и привязываетъ къ вѣткѣ надъ своей головой. Маленькія разумныя творенія скоро начинаютъ опускать свои клювы въ цвѣтокъ и пьютъ съ видимымъ удовольствіемъ. Затѣмъ Эмма брала медъ и каждый день клала нѣсколько капель его въ свѣжій цвѣтокъ. Интересно было видѣть, съ какимъ нетерпѣніемъ поджидали колибри каждое утро появленія этого медоваго цвѣтка. Наконецъ птички сдѣлались настолько ручными, что въ то время, когда Эмма держала одной рукой цвѣтокъ, а другой наливала въ него медъ, они погружали въ капли его свои нитеобразные языки. Дочь моя въ восторгѣ; каждый день она проводитъ нѣсколько часовъ, разговаривая съ колибри и наблюдая ихъ быстрыя движенія. Хотя эти маленькія птички весь день чирикаютъ надъ цвѣткомъ, но только двѣ изъ нихъ, оба самца, пока еще рѣшаются прикасаться къ каплямъ меда, изъ-за обладанія которымъ они безпрестанно ссорятся. Ни одну пчелу или осу они не подпускаютъ близко къ цвѣтку и отгоняютъ ихъ далеко прочь. Къ концу жаркаго калифорнскаго лѣта, когда дожди заставили насъ перебраться въ комнаты, Эмма все же не оставляетъ своей привязанности къ колибри. Она пробуетъ заманить ихъ къ окну своей комнаты, но птички, повидимому, находятся въ нерѣшительности и летаютъ около окна, гдѣ стоитъ Эмма съ цвѣткомъ и ложкой меда въ рукахъ, или же сидятъ на ближайшей вѣткѣ и наблюдаютъ за каждымъ ея движеніемъ, не рѣшаясь однако прикоснуться къ меду. Наконецъ, на ея особый зовъ, который хорошо знаютъ птички одна изъ нихъ снова отважилась и взяла медъ изъ рукъ".

Цвѣтъ воды Средиземнаго моря. Для изслѣдованія причинъ измѣненія цвѣта воды Средиземнаго моря, явленія еще никѣмъ не разъясненнаго. Айткенъ сдѣлалъ цѣлую серію наблюденій, о результатахъ которыхъ онъ недавно сдѣлалъ докладъ ученому обществу въ Эдинбургѣ, откуда мы дѣлаемъ слѣдующее извлеченіе.

Авторъ доклада отвергаетъ излюбленную теорію, что будто бы очаровательный цвѣтъ южнаго неба отражается на поверхности воды Средиземнаго моря. Мнѣніе это уже потому не выдерживаетъ критики, что, какъ извѣстно, море щеголяетъ прелестной синей окраской даже и въ томъ случаѣ, если небо покрыто мрачными, сѣрыми тучами. Другая научная гипотеза—„теорія отраженія", приписывающая голубую окраску моря массѣ мельчайшихъ животныхъ, находящихся въ воды, которыя и должны отражать свѣтъ, также отвергается докладчикомъ. Айткенъ противопоставляетъ ей свое объясненіе, доказывающее, что единственная причина прекраснаго цвѣта воды зависитъ отъ поглощенія ею свѣта. Онъ наливалъ воду Средиземнаго моря въ длинную, зачерненную внутри, трубку, одинъ конецъ которой былъ закрытъ бумажнымъ кружкомъ, а другой, снабженъ зеркаломъ, и нашелъ, что вода испускаетъ синеватозеленый цвѣтъ. Затѣмъ онъ погружалъ въ воду, вертикально къ поверхности, трубку, которая на нижнемъ концѣ своемъ была снабжена обыкновеннымъ рефлекторомъ, и когда смотрѣлъ въ нее, видѣлъ голубой цвѣтъ невыразимой прелести. Наконецъ Айткенъ погружалъ предметы различныхъ цвѣтовъ на извѣстную глубину моря и нашелъ, что бѣлый цвѣтъ становится голубымъ, желтый—зеленымъ, пурпуровый—фіолетовымъ: все это доказываетъ то, что красные лучи солнечнаго цвѣта поглощаются водой моря.

Американское изобрѣтеніе. Одинъ американецъ изобрѣлъ денежный шкафъ, который, какъ только къ нему прикоснутся, не только издаетъ звонъ, но и освѣщаетъ лицо вора пучкомъ электрическаго свѣта, между тѣмъ какъ въ тоже время, находящійся внутри шкафа автоматическій аппаратъ, дѣлаетъ быстрый фотографическій снимокъ съ преступника.

Электрическая лампа въ видѣ булавки. Въ Нюренбергѣ носятъ, какъ обыкновенную булавку для галстуха, Эдисоновскую лампочку. Головка булавки представляетъ собою лампочку, а носящее ее лицо имѣетъ въ карманѣ маленькую батарею. Достаточно легкаго давленія пальцемъ, чтобы заставить горѣть лампочку. Эта бездѣлушка стоитъ около двадцати рублей.

Электрическіе боты начинаютъ мало по малу входить въ употребленіе. Они дѣлаются обыкновенно величиной отъ одного до че-

Библиотека "Руниверс"

Библіографія. „Одиссея“, разсказанная дѣтямъ. Изд. Девріена. „Циклопъ Полиѳемъ.“ Рис. Преллера, грав. Эртель

Библиотека "Руниверс"

тырехъ тоннъ и длиною 7—8 метровъ. Быстрое движеніе ихъ, безъ топки и дыму, дѣлаетъ ихъ идеальными для плаванія, устраиваемаго съ увеселительной цѣлью.

Производство хинина. Въ общей сложности производство хинина достигаетъ въ настоящее время 166 тысячъ килограм. въ годъ. Именно: Сѣверная Америка даетъ 20 тысячъ, Англія 13 тысячъ, Франція 8 тысячъ, Германія 13,500 и Италія 43 тысячи килограммовъ. Величайшая фабрика, принадлежащая акціонерной компаніи, находится въ Миланѣ; она даетъ ежегодно 40 тысячъ килограммовъ этого продукта. Такъ наз. каиринъ, дѣйствія котораго сходны съ хининомъ, также довольно дорогъ и потому не можетъ вытѣснить собой употребленія хинина.

Съѣдомая игуана представляетъ собой интереснѣйшее животное Южной Америки; это громадной величины ящерица, которая обитаетъ въ первобытныхъ лѣсахъ Бразиліи. Игуана имѣетъ очень вкусное мясо; это вполнѣ безвредное животное, питающееся листьями, цвѣтами, плодами, червями и насѣкомыми. Обитаетъ она обыкновенно на деревьяхъ, но часто находятъ ее и въ водѣ, гдѣ она является въ высшей степени неуклюжей и неловкой. Ее ловятъ сѣтями или охотятся на нее съ спеціально обученной для того собакой, которая сопровождаетъ вооруженнаго охотника. При первомъ способѣ охоты, животное опутывается, при посредствѣ шестовъ сѣтью, оглушается ударомъ; послѣ чего ему связываютъ ноги и завязываютъ пасть. Когда ящерица, спустя нѣкоторое время, очнется, она начинаетъ неистово рваться, проявляя такую силу, которой никакъ нельзя было бы ожидать, судя по ея виду. Такимъ образомъ опутанное и связанное животное везется на рынокъ, гдѣ и продается по весьма высокой цѣнѣ. Кромѣ человѣка, злѣйшимъ врагомъ игуаны служатъ большія змѣи; онѣ преслѣдуютъ ее на самыхъ высокихъ деревьяхъ. Однажды черный боа, въ 5 футовъ длины, напалъ на игуану только 2-хъ-футовой величины, во время ея отдыха. Не шевелясь подпустила она своего врага на 6 футовъ, но все время не спускала безпокойныхъ глазъ съ змѣи. Все меньше и меньше становилось разстояніе между противниками. Когда же наконецъ боа приподнялся, чтобы обвить врага, то былъ схваченъ за шею игуаной, и завязалась отчаянная борьба. Игуана повидимому имѣла всѣ преимущества на своей сторонѣ; ухватившись крѣпко за шею змѣи, она не допускала ее нанести себѣ укусъ. Послѣ получасовой схватки, во время которой змѣя была сдерживаема острыми зубами врага, она стала неподвижна, какъ трупъ. Змѣя всегда старается предупредить укушеніе игуаны, такъ какъ разъ попавъ въ острые зубы этого животнаго, она рѣдко выходитъ побѣдительницей.

Какъ вѣрное средство для истребленія полевыхъ мышей, овражковъ и т. п. враговъ хозяйства, предлагаютъ прививку имъ повальныхъ заразительныхъ болѣзней. Зараженіе дифтеритомъ не совсѣмъ безопасно, такъ какъ, напримѣръ, мышей во множествѣ поѣдаютъ свиньи, и зараза такимъ образомъ неминуемо перенеслась бы и на человѣка. Доцентъ Густавъ Іозефъ предлагаетъ прививать мышамъ паразитную накожную болѣзнь, черезъ зараженіе ихъ спорами пчелиныхъ сотъ (гниньца). Грибокъ, привитый пойманнымъ мышамъ или овражкамъ, скоро распространяется по всему тѣлу звѣрька; кожа затягивается сѣровато-желтыми чешуйками и представляетъ видъ слоистой коры. Нѣсколькихъ недѣль достаточно, чтобы этой разрушительной заразой привести животное къ смерти. Болѣзнь эта крайне заразительна и развивается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше особей скучено въ одномъ мѣстѣ. Способъ прививки не представляетъ ни малѣйшаго труда: кусокъ сота, пронизанный спорами, привязывается полотнянымъ бинтомъ къ тѣлу животнаго на столько плотно, чтобы звѣрекъ не могъ его сбросить. Чуть только на кожѣ появятся красныя пятна или пузырьки, что случается на вторыя или третьи сутки, повязку можно снять, а животныхъ продержать въ неволѣ еще нѣсколько дней и выпустить ихъ не ранѣе, какъ убѣдившись, что они заражены на столько, чтобы передать заразу другимъ. Для людей эта болѣзнь безвредна; только одни мелкія животныя, и главнымъ образомъ мыши, подвержены ей.

Въ послѣднемъ сообщеніи барона Норденшильда д-ру Оскару Диксону о его экспедиціи въ Гренландію, находятся свѣдѣнія о посѣщеніи полярнымъ изслѣдователемъ восточныхъ береговъ названной страны. Профессоръ Норденшильдъ задался цѣлью доказать, что поселенія Нормановъ находились не на южномъ, а на восточномъ берегу и для этого предпринялъ изслѣдованія. Сѣвернѣе полярнаго круга берега Гренландіи довольно доступны, къ югу же отъ него они еще никѣмъ никогда не посѣщались. Не смотря на это, Норденшильдъ сдѣлалъ попытку здѣсь высадиться и она ему удалась. Послѣ долгихъ и тщетныхъ поисковъ свободнаго отъ льда берега, онъ нашелъ наконецъ возможность высадиться въ одномъ изъ фіордовъ. Такъ какъ главная цѣль его, какъ сказано выше, заключалась въ томъ, чтобы подтвердить свои предположенія о норманскихъ поселеніяхъ, то Норденшильдъ посѣтилъ передъ этимъ и южные берега, чтобы изслѣдовать тамошнія развалины; ожиданія его вполнѣ подтвердились, такъ какъ даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ по прежнимъ указаніямъ находился домъ Эрикса Краснаго, онъ увидѣлъ ничто иное, какъ стѣны обыкновеннаго шведскаго крестьянскаго дома. Въ Фридриксдалѣ, на южномъ берегу, Норденшильдъ встрѣтилъ двухъ эскимосовъ, которые должны были провести „Софію" къ восточному берегу и отъ которыхъ онъ, при посредствѣ миссіонера Бробека, получилъ нѣкоторыя очень интересныя свѣдѣнія о туземцахъ восточнаго берега. Почти на всемъ протяженіи фіорда, какъ сообщали эскимосы, находятся остатки строеній которыя принадлежали туземцамъ страны. Оба гренландца разсказывали также, что на одномъ изъ островов находятъ родъ мягкаго камня, иногда очень большихъ размѣровъ, изъ котораго эскимосы дѣлаютъ горшки и другую посуду. Норденшильдъ узналъ далѣе, что нѣкоторое время тому назадъ явилось сюда множество эскимосовъ съ сѣвера, которые зашли далеко въ глубь страны и вотъ уже три года какъ достигли южнаго берега. Въ верховьи одной изъ бухтъ фіорда, у мыса Данъ, Норденшильдъ нашелъ на на холмѣ двѣ каменныя стѣны, которыя у нормановъ играли роль маяка и указывали имъ при плаваніи,—гдѣ находится земля. Кромѣ того отыскалъ онъ развалины дома, которыя по сходству съ остатками строеній на западномъ берегу,—несомнѣнно нормандскаго происхожденія. На мѣстѣ высадки экспедиціи видны были свѣжіе слѣды пребыванія здѣсь эскимосовъ, которые, по всей вѣроятности, поспѣшили убраться, когда замѣтили приближающійся черезъ ледъ корабль. Тутъ же видны были и слѣды сѣвернаго оленя. Скаты гавани короля Оскара были покрыты травой и кустарникомъ, а въ долинѣ протекалъ потокъ, ложе и берега котораго состояли изъ желтоватаго песку. Наступленіе неблагопріятнаго времени года и истощеніе запаса угля—лишило экспедицію возможности оставаться здѣсь долѣе и она вернулась въ Исландію.

Новый туннель. Гудзоно-Риверскій туннель, который долженъ соединить Нью-Іоркъ съ Джерсей-Сити, будетъ также, подобно Бруклинскому мосту, чудомъ современнаго искусства. Работы по устройству его, не возбуждающія въ заурядномъ наблюдателѣ особаго удивленія, тянутся съ большими перерывами уже нѣсколько лѣтъ, и настойчивость, съ которой побѣждаются встрѣчаемыя здѣсь почти непреодолимыя трудности, привела въ настоящее время къ тому, что при 5.500 футовъ (болѣе 1½ версты) всей длины предполагаемаго туннеля—со стороны праваго берега почти готово уже 1 600, а съ лѣваго—1,700 футовъ. Побѣждаемыя трудности этой постройки громадны; инженерамъ почти каждый день приходится наталкиваться на новыя препятствія, требующія большаго искусства и знанія для ихъ устраненія. Дѣло это становится яснымъ, если вспомнить, что туннель по всей своей длинѣ прокладывается не въ скалистомъ или болѣе или менѣе въ твердомъ грунтѣ, а въ пескѣ, пропитанномъ влагой и въ тинѣ, которыя удерживаются въ своемъ положеніи посредствомъ нагнетаемаго воздуха, производящаго громадное давленіе. Все сооруженіе будетъ состоять изъ двухъ отдѣльныхъ, параллельныхъ, на разстояніи 70 футовъ лежащихъ туннелей, каждый въ 70 футовъ ширины и 17 футовъ вышины. Въ обоихъ туннеляхъ будутъ проложены рельсы желѣзной дороги и черезъ одинъ изъ нихъ поѣздъ пойдетъ съ восточной, а другой—съ западной стороны.

РЕБУСЪ. Задача № 2.

Библиотека "Руниверс"

1-й заемъ 1864 года. 38-й тиражъ 2-го января 1884 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
133	9	500	3276	14	500	5321	10	500	7893	5	1000	9702	34	500	12466	50	500	14560	40	500	17483	17	500
442	45	500	3300	24	500	5429	24	1000	7928	6	500	9893	26	500	12483	31	500	14611	27	500	17486	24	500
471	14	500	3605	44	500	5532	18	500	7980	17	500	9893	46	500	12585	21	1000	14704	4	5000	17520	8	1000
481	23	500	3637	20	500	5613	30	500	8065	19	500	9994	12	500	12609	44	10000	14956	29	500	17541	35	500
563	13	500	3654	44	500	5658	34	500	8128	45	500	9997	37	500	12633	27	500	14966	18	500	17594	33	5000
605	26	500	3665	32	500	5667	41	500	8136	8	500	10129	31	500	12648	43	500	15025	29	500	17647	33	500
731	38	500	3669	18	500	5679	28	500	8149	35	40000	10173	22	8000	12727	35	500	15172	21	8000	17667	46	500
853	27	500	3693	32	500	5878	31	500	8232	36	500	10290	43	1000	12809	35	500	15207	37	500	17740	21	500
860	27	500	3767	50	500	5968	48	500	8252	39	500	10384	37	500	13005	5	500	15250	32	500	17787	35	500
905	21	500	3773	39	500	5998	8	500	8256	40	500	10389	41	500	13085	50	500	15261	40	1000	17804	26	500
962	34	25000	3825	48	500	6010	22	500	8270	23	500	10510	13	500	13177	47	500	15481	15	500	17856	22	8000
977	4	500	3864	11	500	6058	40	500	8365	23	500	10537	2	500	13207	10	500	15526	44	500	17862	31	500
1085	44	500	3926	13	500	6108	46	500	8420	49	500	10687	38	500	13217	43	500	15550	29	500	17961	47	500
1166	47	500	3991	47	500	6256	6	500	8448	20	500	10781	7	500	13223	34	500	15586	1	500	18003	43	500
1189	34	500	4035	41	500	6269	5	500	8590	37	500	10783	18	500	13235	42	500	15619	10	500	18164	18	500
1372	25	500	4053	30	500	6277	9	500	8651	35	5000	10789	18	5000	13259	11	5000	15628	7	5000	18222	48	500
1390	35	500	4079	50	1000	6353	26	500	8759	49	500	10949	5	500	13272	48	500	15639	49	500	18296	37	10000
1416	23	500	4089	16	500	6390	50	500	8768	10	500	11217	6	75000	13424	35	500	15866	44	500	18352	40	1000
1577	4	500	4177	25	500	6454	46	500	8841	5	8000	11237	3	500	13478	21	500	15950	10	500	18399	3	500
1736	38	500	4262	3	500	6472	1	500	8908	33	500	11295	9	500	13580	29	500	15978	41	500	18525	9	500
2145	28	500	4322	9	500	6488	9	500	8960	38	500	11298	47	500	13622	22	500	16107	40	500	18621	16	500
2212	33	500	4422	24	500	6511	40	500	9048	38	500	11303	38	500	13779	8	500	16122	3	500	18760	40	500
2302	39	500	4529	28	500	6558	16	500	9060	7	500	11320	43	500	13882	37	500	16399	14	500	18796	11	500
2337	15	500	4539	43	500	6623	27	500	9061	8	500	11336	3	500	14003	15	500	16424	49	500	18806	34	500
2585	4	500	4654	15	500	6788	19	500	9135	19	500	11367	1	500	14063	28	500	16428	16	1000	18909	10	500
2599	15	1000	4774	3	500	6792	50	500	9136	40	500	11525	22	500	14136	2	500	16445	23	500	19064	28	8000
2608	24	500	4778	48	1000	6859	35	500	9246	28	500	11616	9	1000	14162	50	500	16523	26	500	19159	50	500
2673	28	5000	4941	9	500	6932	42	1000	9276	22	500	11772	27	1000	14216	21	500	16612	17	500	19217	41	500
2736	15	500	4961	47	500	6998	29	500	9302	19	500	11818	3	500	14228	45	500	16669	20	500	19280	23	500
2836	45	1000	4995	5	500	7275	28	500	9333	1	500	11849	14	500	14333	50	500	16749	2	500	19384	27	10000
2858	19	500	5022	17	500	7283	30	500	9464	9	500	12079	39	500	14362	50	500	16818	50	500	19443	16	1000
2948	5	500	5057	33	500	7301	50	500	9470	16	500	12094	32	500	14363	11	500	16894	3	1000	19463	6	5000
2969	37	500	5088	39	500	7305	22	500	9493	28	500	12276	22	1000	14373	48	500	16935	40	500	19548	42	500
3044	37	500	5093	44	500	7546	47	500	9541	9	500	12282	13	500	14420	16	500	17021	14	500	19590	28	500
3110	16	500	5192	29	500	7610	13	500	9558	36	500	12284	16	500	14435	7	500	17186	1	500	19593	19	500
3136	19	500	5232	11	500	7640	25	500	9602	49	500	12317	24	1000	14442	17	500	17236	18	500	19642	2	500
3257	30	500	5303	23	200000	7646	28	500	9650	1	500	12402	6	500	14515	44	500	17271	41	500	19953	48	1000
3258	17	500	5317	44	500	7710	34	500	9652	41	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ.

288, 479, 536, 674, 728, 1184, 1337, 1426, 2214, 2708, 3115, 3138, 3708, 3714, 3729, 3761, 3806, 3925, 4476, 4938, 5132, 5416, 6096, 6625, 6672, 6986, 7756, 8458, 8489, 8762, 8912, 9094, 9972, 10297, 10467, 10624, 10639, 10909, 11062, 11258, 11454, 11634, 11786, 11826, 12298, 12446, 12525, 12702, 12870, 13389, 13491, 14284, 14681, 16001, 16133, 16271, 16 74, 16599, 16708, 17049, 17073, 17089, 17369, 17841, 17962, 18043, 18061, 18123, 18228, 18257, 18665, 18742, 18844, 19681.

СОДЕРЖАНІЕ: **Протопресвитеръ Янышевъ** (съ портр.).—**Въ старой Москвѣ.** Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ. **Гр. Е. А. Саліаса.** Часть первая. (Продолженіе).—**И. С. Тургеневъ у себя,** въ его послѣдній пріѣздъ на родину. Изъ воспоминаній **Я. П. Полонскаго.** (Продолженіе).—**Первый русскій печатникъ Иванъ Ѳедоровъ** (съ рис.).—**Литературный альбомъ. „Война и миръ" графа Л. Н. Толстаго** (съ рис.).—**Въ тайгѣ** (съ рис.).—**Борьба львовъ** (съ рис.).—**Джузеппе Маріо** (съ рис.).—**Вагоны-ледники** (съ 2 рис.).—**Танецъ дѣтей въ Севильскомъ соборѣ** (съ рис.).—Библіографія (съ рис).—Политич. обозр.—**Смѣсь.**— Ребусъ. — Тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Беогъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

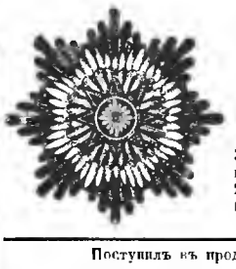
Изданіе А. Ф. Маркса. СПБ.
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА.
Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, гравированномъ на стали и факсимиле. 3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.
Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп., въ роскошномъ коленноровомъ переплетѣ 8 руб., съ пересылкою 9 руб.
ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ" 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 р., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.
Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: **„ДВА МІРА"** и отдѣломъ въ прозѣ:
„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ".
Первое единственное, **дѣйствительно полное собраніе сочинен. А. Н. Майкова.**
Книгу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала **„Нива"** (Бол. Морская, № 9); **въ Москвѣ у Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи) **и у всѣхъ** извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на **1884** годъ
НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ
„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ".
ГОДЪ ПЯТЫЙ.
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:		Съ пересылкою въ города:	
На 12 мѣс. 8 р. 50 к.	На 6 мѣс. 4 р. 50 к.	На 12 мѣс. 9 р. — к.	На 6 мѣс. 5 р. — к.
„ 11 „ 8 „ — „	„ 5 „ 3 „ 90 „	„ 11 „ 8 „ 50 „	„ 5 „ 4 „ 60 „
„ 10 „ 7 „ 50 „	„ 4 „ 3 „ 25 „	„ 10 „ 8 „ — „	„ 4 „ 3 „ 70 „
„ 9 „ 6 „ 75 „	„ 3 „ 2 „ 50 „	„ 9 „ 7 „ 40 „	„ 3 „ 2 „ 75 „
„ 8 „ 6 „ — „	„ 2 „ 1 „ 90 „	„ 8 „ 6 „ 70 „	„ 2 „ 2 „ — „
„ 7 „ 5 „ 25 „	„ 1 „ 1 „ — „	„ 7 „ 5 „ 90 „	„ 1 „ 1 „ 10 „

ЗАГРАНИЦУ ПЛАТА ДВОЙНАЯ.
Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланина, въ извѣстныхъ книжныхъ и другихъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и другихъ городовъ и въ Парижѣ—**Rue Clément. 4, Adam** и въ коммиссіонной конторѣ **Agence Slave, Place de l'Opéra, № 4-й.**
Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія
„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ"
Редакторъ-Издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.** № 2909 10—9

НАШИ НОВЫЕ ХРИСТІАНЕ
Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ И ГР. Л. ТОЛСТОЙ.
СОЧ. К. Н. ЛЕОНТЬЕВА
цѣна **60 к.** № 3060 2—2
ПРОДАЕТСЯ ВЪ ПОЛЬЗУ СЛѢПЫХЪ ГОРОДА МОСКВЫ.
Можно получить въ Петербургѣ и Москвѣ въ книжныхъ магазин. Карбасникова и др.



ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ДЛЯ КОТИЛЬОНОВЪ И БАЛОВЪ
въ великолѣпномъ выборѣ и за дешевую цѣну
пересылаетъ акуратно фабрика
N. L. CHRESTENSEN
Königl Preuss. Hoflieferant - Erfurt - Preussen.
Зам.: Мой прейсъ-курантъ лучшихъ **цвѣточныхъ** работъ **и принадлежностей для бала и котильона** съ болѣе чѣмъ 200 хорошихъ иллюстрацій новыхъ и новѣйшихъ **туръ котильона и общест. игръ** посылаю по требованію **франко и даромъ.** S. № 2906 10—5

Поступилъ въ продажу ТРЕТЬИМЪ переработаннымъ изданіемъ:
СБОРНИКЪ АРИѲМЕТИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ.
Т. ЛУБЕНЦА.
Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ данныя, взятыя **изъ сельскаго быта** и собравшіяся авторомъ въ теченіи **10 лѣтъ.** Въ составъ его входитъ 1812 задачъ, до 4000 числен. примѣровъ и значительное число чертежей, причемъ онъ распадается на три части (годъ первый, годъ второй, годъ третій) и такъ сверстанъ, что всякая школа, въ случаѣ надобности, можетъ раздѣлить книгу на три книжки и переплести каждую изъ нихъ отдѣльно. Изданіе Ф. Павленкова. Цѣна 40 к. „Сборникъ задачъ" Т. Лубенца одобренъ ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. **какъ руководство** для начальныхъ школъ. (См. журналъ Мин. Нар. Просв. 1882 г. № 6, стран. каталога 15-я). № 3076 1—1

ВЫШЛА ЯНВАРСКАЯ КНИЖКА
„СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ".
Загадочная смерть, Джойсъ Даррель. **Вдова,** Октава Фёлье. **Нисса.** Альбера Дельпи.
Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ, **шесть рублей двадцать коп.,** для городскихъ **шесть рублей семьдесять пять коп.,** для иногородныхъ **семь рублей.** Гг. служащіе въ присутственныхъ мѣстахъ пользуются разсрочкою. Подписка принимается на имя **Елисаветы Николаевны Ахматовой,** въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ. № 3083 1—1

Библиотека "Руниверс"

СѢМЕННОЕ ДЕПО

ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЛЬЦЪ

МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ, Д. ПѢГОВА.

Честь имѣетъ увѣдомить г. г. покупателей, что въ декабрѣ мѣсяцѣ выйдетъ изъ печати на 1884 годъ полный **Прейсъ-Курантъ** на сѣмена: Сельско-хозяйственныя, Огородныя, Фруктовыя, Цвѣточныя, Древесныя и проч. Садовые инструменты лучшихъ здѣшнихъ и заграничныхъ фабрикъ, громадный выборъ пальмъ и проч. растеніямъ, который по требованію выдается и высылается чрезъ почту безплатно. Принимается подписка на газету **Русское Садоводство.** М. № 2998 6—5

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1884 г.

на еженедѣльную, общественную и литературную газету

„РОДИНА“.

Подписная цѣна на годъ 3 р., съ пересылкою иногородныхъ и съ доставкою на домъ въ Петербургѣ 4 руб., на полгода 2 руб.

Адресовать въ редакцію газеты „Родина“, въ СПб., въ Ямской ул., № 28 9.

Съ августа 1883 года газета **„Родина“** расширивъ свою программу, вполнѣ преобразовалась, и сдѣлавшись еженедѣльною, представляетъ полные, обстоятельные и живые отчеты по всѣмъ отраслямъ знанія, государственной и общественной дѣятельности, промышленности, торговли, словесности и журналистики, словомъ, все современное, интересующее каждаго образованнаго человѣка, въ ней на первомъ планѣ.

Газета **„Родина“** выходитъ по воскресеньямъ и содержитъ въ себѣ 1½ до 2 печатныхъ листовъ большаго формата (36 столб.).

Въ редакціи „Родины“ принимаетъ постоянное участіе извѣстный нашъ журналистъ А. В. Старчевскій.

Приводимъ содержаніе трехъ послѣднихъ вышедшихъ номеровъ за 1883 годъ.

Содержаніе №№ 19—20—21.

№ 19. Современныя событія.—Внутреннее обозрѣніе.—Иностранное обозрѣніе.—Федоровъ—первый русскій печатникъ.—Современное духовное поученіе.—Юбилей Петровской женской гимназіи.—Воспоминаніе о Некрасовѣ.—Маріо (Маркизъ Джузеппе Джандія).—Еженедѣльная газетная говорильня.—Кефиръ.—Общественныя дѣла.—Промышленная дѣятельность Россіи.—Иностранная хроника.—Обзоръ военныхъ журналовъ.—Новые люди.—Разсказъ А. М.

№ 20. Питтъ Старшій.—Высокое поэтическое дарованіе русскаго народа.—Заключительное слово В. П. Буренина о произведеніяхъ и талантѣ И. С. Тургенева.—Баронъ Г. І. Косинскій.—В. В. Марковъ.—Высшіе женскіе курсы.—Женское медицинское образованіе.—Прогрессъ въ крестьянскомъ быту.—Русскій лагерь въ Геокъ-Тепѣ.—Тридцатилѣтній скрипачъ.—Солнышкинъ. Обученіе грамотѣ въ Америкѣ.—Иностранная хроника.—Женщины въ Сѣв. Америкѣ.—Выставка издѣлій, исполненныхъ помощью глазъ.—Духовная журналистика.

№ 21. Іоаннъ Грозный и Лютеръ.—Дворянскій вопросъ.—Леопольдъ Ранке.—Польза военной службы. — Педагогики и школьная гигіена. — Письма Скобелева. — Памяти высокопреосвященнаго Димитрія.—Русскія ученыя экспедиціи.—Крестьянскія земледѣльческія товарищества.—Новыя телеграфныя линіи.—На Тихомъ Дону.—Алиса Гарднеръ (дѣвица профессоръ исторіи).—Причины блестящей утренней зари.—Каменный дождь.—Вечеръ передъ Рождествомъ.—Разсказъ А. Катенкамиъ.—Провинція.—Столичная хроника.—Судебная хроника: Дѣло Мельницкихъ.—Новѣйшія заграничныя извѣстія. Р. № 3081

ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ТЕХНИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Заводско-фабричной промышленности, кустарнаго промысла и ремесла, будетъ выходить съ января 1884 года ежемѣсячно книгами до 12 листовъ съ многими политипажами въ текстѣ и съ отдѣльными атласами чертежей. Программа высылается безплатно. Въ журналѣ примутъ участіе массы техниковъ, участіе слѣдующіе профессора: В. Л. Кирпичевъ, А. К. Крупскій, Д. И. Менделѣевъ, И. И. Лижулъ, Н. К. Коссовъ, Э. Е. Орловъ, А. К. Энгельманнъ и др.

При журналѣ будутъ издаваться въ видѣ приложенія отдѣльные проекты фабрикъ, заводовъ, сельско-хозяйственной промышленности и спеціальныя сочиненія по техникѣ. П. № 3062

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на 1 годъ—съ дост. 12 руб., на ½ года—7 руб.

Редакторъ-издатель **П. Н. КРЕЧЕТОВЪ.**

Контора редакціи: Москва. Мясницкая, д. Кабанова.

ЭКИПАЖНЫЯ КОЛЕСА

пароваго завода „Helena“, удостоеннаго наградъ на всемірныхъ выставкахъ, совершенно сухія и прочныя; неокованныя и **ОКОВАННЫЯ**, разныхъ размѣровъ. Каретныя, пролеточныя и т. п., подъ сельско-хозяйственныя телѣги и **орудія**. Высокія для двуколокъ на **золотыхъ пріискахъ**, для пожарныхъ, ассенизаціонныхъ и поливныхъ бочекъ. Тутъ же **приготовляются станки и бочки**. Москва, Маросейка, д. Человѣколюбиваго общества, магазинъ С. Кевнарскаго. М. № 3078

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современной жизни **Всеволода Соловьева.** СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к; въ калик. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

19-го ФЕВРАЛЯ 1884 ГОДА.

ВЪ ЗАЛАХЪ С. П. Б. ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

послѣдуетъ

РОЗЫГРЫШЪ

ЛОТЕРЕИ

въ пользу

состоящей подъ непосредственнымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Александры Петровны

ПОКРОВСКОЙ ОБЩИНЫ СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ

всего **600** выигрышей

изъ нихъ главнѣйшіе

Одинъ выигрышъ 225 фунтовъ сервизнаго серебра 84 пробы		8,000 руб
Четыре	по 1,000 рублей	4,000 „
Четыре	по 500 „	2,000 „
Десять	по 100 „	1,000 „
Остальные пятьсотъ восемьдесятъ одинъ выигрышъ состоятъ изъ вещей: серебряныхъ и высочайше пожалованныхъ цѣнностью на		12,000 „

БИЛЕТОВЪ НА ЛОТЕРЕЮ НАЗНАЧЕНО 50,000.

цѣна билету 1 рубль.

Билеты можно получать въ Канцеляріи Государыни Великой Княгини Александры Петровны, на Васильевскомъ Островѣ, по четвертой линіи, домъ № 21; у Казначея Общины И. И. Брусницына, въ Мучномъ переулкѣ, по Желѣзной линіи № 12; у Казначея лотереи Ивана Максимовича Максимова, по Банковской линіи, № 31; у Почетныхъ членовъ: Ф. А. Алферова, по той же линіи, № 35; А. В. Любавина, подъ Думой, въ Серебряномъ ряду; въ чайномъ магазинѣ Бѣлкова и К°., на Невскомъ у Аничкина моста, домъ Лихачева; Ф. Е. Стрэубе, Пасажъ, № № 6 и 7; А. И. Керина, внутри Маріинскаго рынка въ Фруктовомъ ряду. Въ г. Ригѣ торговый домъ М. Кальмейеръ. Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться въ Канцелярію Государыни Великой Княгини Александры Петровны.

Выдача выигрышей будетъ производиться въ зданіи Покровской Общины сестеръ милосердія на Васильевскомъ островѣ, по Большому проспекту, въ гавани домъ № 71. Иногородныхъ же просятъ обращаться за полученіемъ выигрышей въ канцелярію Государыни Великой Княгини Александры Петровны. Для раздачи выигрышей назначено время: со дня розыгрыша по 1 Марта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 10 часовъ утра до 4-хъ часовъ по полудни; съ 1 Марта до 1-го Апрѣля еженедѣльно два раза по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 до 3-хъ по полудни, и съ 1 Апрѣля по 19-ое Августа разъ въ недѣлю по вторникамъ отъ 1 до 3-хъ часовъ по полудни. Выигрыши, невзятые въ теченіи шести мѣсяцевъ со дня розыгрыша, будутъ считаться пожертвованными въ пользу Покровской Общины.

Покровская Община сестеръ милосердія отвѣчаетъ за вѣрность таблицы выигрышей, сличенной съ подлинными досками ея собственнаго изданія и съ ея печатью.

Выигрыши будутъ выдаваться только предъявителямъ цѣльнаго билета. № 3057 3—2

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ и пансіонеровъ д-ра Волицкаго. Невскій, пр., противъ Николаевской ул., д. 98. Пріемъ спеціалист., ежедн., съ 1—3 ч. дня и съ 6—7½ ч. веч. Леченіе электр. и минеральными ваннами. Врачебн. дежурство, осмотръ кормилицъ и прислуги.

Открыта подписка на 1884 г. (3-й годъ изданія) Р. № 3080 2—1

„ТЕХНИКЪ“

иллюстрированный журналъ новостей по техникѣ и ея приложеній въ жизни, къ фабрично-заводскому дѣлу и ремесламъ. Цѣна на годъ съ пор. 6 руб. на ½ года 4 руб. Москва.

ШУТЪ

Еженедѣльн. больш. художественный журн. карикатуръ, печатаемыхъ красками. На годъ 6 руб. ½ года 4 руб. Для год. подписч. **премія**—исполненный красками **альбомъ**—**„Русская опера буффъ“.** За пер. и дост. премія прилагаютъ **1 р. 50 к.** Подробн. объявленіе смотр. „Нива“ № 48. Адр. редакц. Петербургъ, Невскій пр. № 110. Р. № 2990 6—6

Англійскій пивоварекный заводъ

„НЕТЕРСОЛЬ“,

Выборгская стор., Набережная Б. Невы, № 3, доставляетъ на домъ

АНГЛІЙСКІЙ ПОРТЕРЪ.

Только этотъ заводъ въ состояніи приготовлять англійскій портеръ точно такимъ же способомъ, какъ въ Англіи, только съ тою разницею, что цѣна нашего портера гораздо дешевле.

Получить можно во всѣхъ погребахъ **Т. Деннеръ и К°, Е. И. Бутцъ**, Екатер. каналъ, № 44; **К. Крокъ**, Невскій, 50; **Бр. Кенигъ**, В. О., 3 лин., № 6, **Соловьевъ**, Невскій, № 69, уголъ Литейнаго проспекта и др. Р. № 3079

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.

Huste-Nicht

gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ*).**

Признанъ за **лучшее средство** противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная съ **простаго катарра** до **чахотки** и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ **въ С.-Петербургѣ.**

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо.

Въ **С.-Петерб.** въ Русск. Общ. Торг. Аптек. Тов. Казанская; 12; въ **Москвѣ**: у К. Феррейнъ; у П. Маттейсенъ, Тверская; въ **Саратовѣ**: у П. Маттейсенъ; въ **Кіевѣ**: въ Южно-Русск. Общ. Торг. Аптек. Тов.; у П. Пеезе; **въ Одессѣ**: у Ю. Лемме и К°.; въ **Харьковѣ**: въ Русск. Общ. Торг. Аптек. Тов.; въ **Ригѣ**: у А. и В. Веттерихъ, и во многихъ другихъ Тор. Аптек. Тов. Глав. складъ д. Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Аурихъ, Б. Морск. 17.

№ 2911 7—4

САМАЯ УПОРНАЯ ПРОСТУДА ИЗЛЕЧИВАЕТСЯ

БЫСТРО И БЕЗЪ ТРУДА, ЕСЛИ ПРОГЛОТИТЪ

ДВѢ

КАПСЮЛИ ГЮЙО

ПРИ КАЖДОМЪ ПРИНЯТІИ ПИЩИ.

Прежде, эти капсюли были черныя и ихъ было непріятно глотать, теперь онѣ **бѣлыя** и походятъ на конфекты.

На каждой капсюлѣ напечатана подпись **Гюйо.**

Деготь, заключающійся **въ капсюляхъ Гюйо**, переносится самыми деликатными желудками.

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Дѣти и лица, которыя не могутъ проглотить эти капсюли, употребляютъ

PATE REGNAULD

ПРИГОТОВЛЯЕМОЕ

19, RUE JACOB.

Требовать чтобы на этикеткѣ была эта подпись тремя цвѣтами

ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО,

19, RUE JACOB. ПАРИЖЪ.

Библиотека "Руниверс"

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

Въ книжномъ и музыкальномъ магазинѣ **В. В. ПОПОВА,** быв. Я. А. Исакова (С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, № 24), открыта подписка на всѣ русскіе, французскіе, нѣмецкіе и англійскіе журналы и газеты. Каталоги журналовъ и книгъ высылаются **безплатно.**

Въ магазинѣ для подарковъ заготовлены книги въ роскошныхъ переплетахъ и ноты: оперы и сборники дешевыхъ русскихъ и заграничныхъ изданій для пѣнія и для фортепіано въ двѣ руки. № 3042 3—3

АРТИЛЛЕРІЙСКІЕ УСТАВЫ

вышли изъ печати новые. Спец.-Воен. Магаз. Петерб. Невскій, д. № 1. № 3082 1—1

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

1884 г. (третій годъ изданія).

Журналъ **„КІЕВСКАЯ СТАРИНА"** посвященный исторіи южной Россіи, будетъ издаваться и въ слѣд. 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, равно историческіе матеріалы и всякаго рода историческія и этнографическія замѣтки. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, равно памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книженъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою **10 р.**, на мѣстѣ **8 р. 50 к.**, за границу **11 р.** Подписка на годъ; но допускается слѣд. разсрочка: при подпискѣ **5 р.**, къ 1-му апрѣля **3 р.**, и 1-му іюня **2 р.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: **Въ редакцію „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ", Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11.** Тамъ-же и контора редакціи. № 3002 6—5

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА

изъ репертуара русскихъ оперъ 1883 года. Для пѣнія.

Танкгейзеръ — Вагнера (Москва, Петербургъ). Цѣна 5 руб.
Аскольдова могила—Верстовскаго (Москва, Петербургъ). Цѣна 6 руб.
Жизнь за Царя—Глинки (Москва, Петербургъ). Цѣна 8 руб.
Русланъ и Людмила—Глинки (Москва, Петербургъ). Цѣна 8 руб.
Русалка—Даргомыжскаго (Москва, Петербургъ). Цѣна 8 руб.
Галька—Монюшко (Харьковъ). Ц. 6 р.
Фаустъ—Гуно (Москва, Петерб.). Ц. 6 р.
Донъ-Жуанъ—Моцарта (Москва, Петербургъ). Цѣна 4 руб.
Севильскій цирюльникъ—Моцарта (Москва, Петербургъ). Цѣна 4 руб.
Маккавеи—Рубинштейна (Москва). Цѣна 8 руб.
Неронъ—Рубинштейна (Петербургъ, италіанская опера). Цѣна 8 руб.
Фераморсъ—Рубинштейна (Петерб. общ. люб.). Цѣна 8 руб.
Рогнѣда—Сѣрова (Петерб.). Ц 8 р.
Онѣгинъ—Чайковскаго (Москва, Харьковъ и Тифлисъ). Цѣна 6 руб.
Орлеанская дѣва—Чайковскаго (Петербургъ). Цѣна 8 руб.
Мазепа — Чайковскаго (Москва, Петербургъ). Цѣна 8 руб.

Тѣ же оперы для одного фортепіано по 2 р., по 3 р., по 4 руб.

Москва у **П. Юргенсона**, 10, Неглинный проѣздъ, 10. И. № 3077 1—1

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ" 1883 Г.

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1.200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. С. Соловьева—„Старый домъ"**; повѣсть **Д. В. Григоровича—„Гуттаперчевый мальчикъ"**; повѣсть **Н. Лебедева (Морскаго)—„Въ цвѣтахъ"**; повѣсть **Н. Д. Ахшарумова—„Подъ колесомъ"**; очеркъ **Н. Успенскаго—„На поискахъ"**; разсказы **П. П. Гнѣдича—„На морскомъ берегу"** и **„Устроилась"**; большую историческую повѣсть **Кирилова—„Полковникъ изъ Золотоноши"** и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Профессора Импер. Акад. Художествъ **В. И. Якобія—„Король-женихъ"**.

Цѣна этому большому тому:

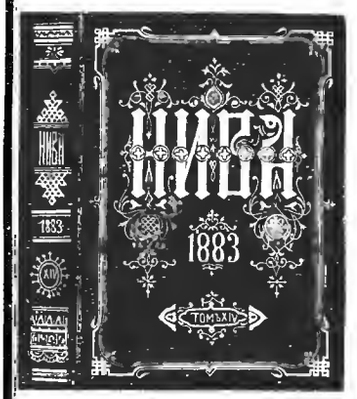
Брошюрованн. 4 р. — к.	Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 „ — „	Съ пересылкою 7 „ 50 „

РАМЫ ДЛЯ ПРЕМІИ „НИВЫ".

Цѣна со вставленною и укрѣпленною, какъ всѣ масляныя картины, на подрамки, наклеенною на **полотно** картиною, **5 руб.**—Картины, при требованіи рамы подписч., возвращаются обратно и рамы выдаются уже со вставленною картиною.

Иногороднымъ высылается такая рама въ 4-хъ кускахъ за **9 руб.**: составленная и готовая за **15 руб.**

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, ВЪ КОНТОРУ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА", Б. МОРСКАЯ, № 9; ВЪ МОСКВѢ—ВЪ ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ „НИВЫ" У Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Д. ПЕТРОВСКИХЪ ТОРГОВЫХЪ ЛИНІЙ.



КРЫШКИ для переплета „НИВЫ" изъ лучшаго англійск. каленк. 1883 г. съ зол. тисн. по вышеозначен. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „НИВУ" въ такую каленкоровую крышку. Также имѣются крышки для **„Нивы"** прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1882 г. по той же цѣнѣ.

НОВАЯ КНИГА ДЛЯ ДѢТЕЙ

СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

Приключенія торговца слоновой костью въ Африкѣ. Съ десятью большими политипажами. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р. Продается у Издательницы въ Конторѣ Собранія Романовъ, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С. Петербургѣ, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. № 3084 1—1

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу **въ конторѣ редакціи журнала „Нива"**, въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, д. № 9; въ Отдѣленіи Конторы „Нивы" у **Н. Н. Печковской**, Москва, въ домѣ Петровскихъ линій и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, новая повѣсть нашего знаменитаго писателя

Д. В. ГРИГОРОВИЧА

„ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ".

Это весьма изящное изданіе печатано на лучшей веленевой бумагѣ и украшено 36 оригинальными рисунками художника Н. Н. КАРАЗИНА.

Цѣна **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **50** к.; въ каленкор. перепл. **1** р. **75** к., съ перес **2** р.

„ВОЛНА"

большой художественно-литературный журналъ.

Роскошное еженедѣльное изданіе.

При ближайшемъ участіи извѣстныхъ художниковъ и литераторовъ, въ годъ 2,000 столбцовъ текста, около 300 оригинальныхъ, большихъ картинъ въ краскахъ (акварель) множество виньетокъ и иллюстрацій къ романамъ.

Премія подписчикамъ на 1884 годъ:

большая олеографическая картина на холстѣ

„БОГАТЫРЬ АЛЕША ПОПОВИЧЪ И ЦАРЕВНА".

Сюжетъ изъ поэмы гр. А. Толстого.

Подписная цѣна: на 1 мѣс.—**1** руб., на 6 мѣс.—**5** р., на годъ—**8** р. съ пересылкою.

Редакція въ **Москвѣ**, уголъ Никитской и Леонтьевскаго пер., д. Корфъ.

№ 3035. 2—2

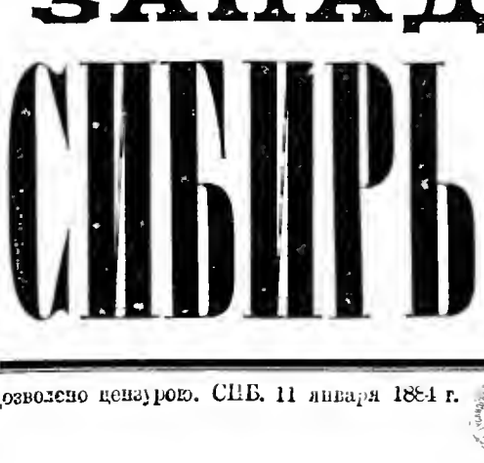
ОПТИКЪ И МЕХАНИКЪ

И. Я. УРЛАУБЪ,
Невскій просп., № 44.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Прейсъ-курранты безплатно.
М. № 2872 10—7

С.-ПЕТЕРБУРГЪ Гостиный дворъ, 17 и 18 **ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ** МОСКВА Петровка, № 5.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ:

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ



въ ея земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи.

Текстъ **В. В. Радлова, Г. Н. Потакина, М. Н. Ядринцева, А. А. Павлова, Н. Латкина, Н. С. Полянова, С. Н. Шубинскаго, И. В. Мушкетова** и др.

подъ общей редакціей **П. П. Семенова**, вице-предсѣдателя Имп. Русс. Геогр. Общества.

Большой томъ въ листъ, 370 стр., съ 212 рисунками въ текстѣ, 13 отдѣльными картинами русскихъ и иностранныхъ художниковъ, рѣзанными на деревѣ, и двумя картами.

Ц. **15** р., съ пер. **18** р.; въ роскошн. коленк. перепл., съ золототисн. ц. **20** р., съ перес. **25** р.

Это во всѣхъ отношеніяхъ всесторонное, безпристрастное описаніе дальняго сѣверо-востока Россіи, можно считать, не преувеличивая, капитальнѣйшимъ произведеніемъ,—первымъ полнымъ энциклопедическимъ изслѣдованіемъ богатой страны—Западной Сибири. Здѣсь дается не сухой географическій трактатъ, но живое, интересное описаніе, которое одинаково важно какъ для администратора, педагога и т. п., такъ и вообще для каждаго образованнаго русскаго человѣка. Книга эта заключаетъ въ себѣ описаніе древнѣйшихъ аборигеновъ Сибири, исторію этого края, изслѣдованіе природы и минеральныхъ богатствъ, описаніе городовъ и всѣхъ замѣчательныхъ мѣстностей, условія жизни населенія, нравы, обычаи и т. п.; не забыты также и историческіе ссылки и современное положеніе страны. Все это изложено въ цѣломъ рядѣ талантливыхъ статей, принадлежащихъ перу и крупнѣйшихъ представителей высшей науки, и спеціалистовъ по отдѣльнымъ отраслямъ знанія, и литераторовъ, и мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. № 3088

Дозволено цензурою. СПБ. 11 января 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 3 | XV годъ | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рунод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 21 Января 1884 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1884 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р

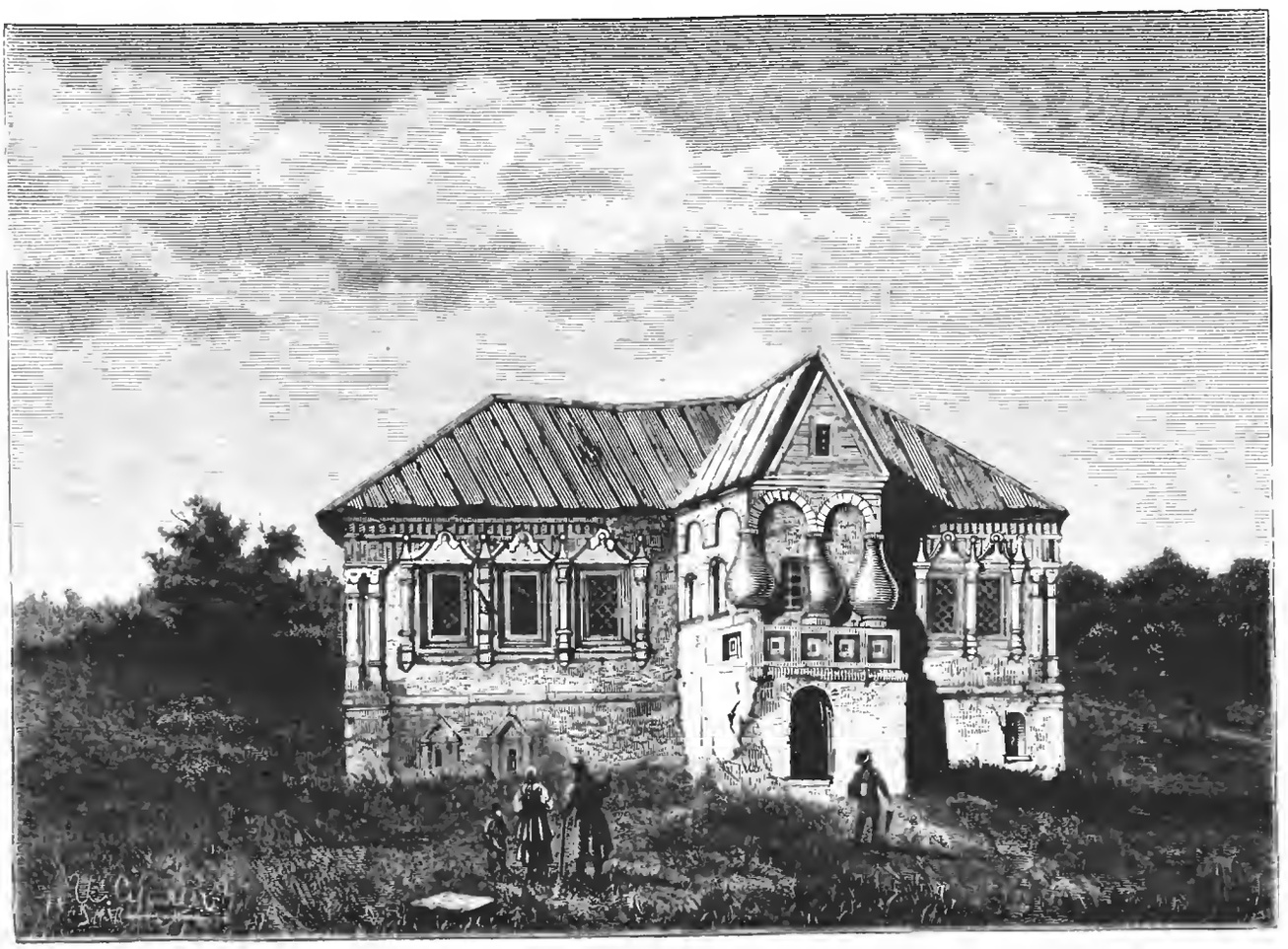
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ. въ Д. № 9

И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 8 ч. ВЕЧЕРА.



Домъ, гдѣ жилъ (1609 г.) второй Самозванецъ съ Мариной Мнишекъ въ г. Калугѣ. Ориг. рис. Н. Суслова, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Домъ въ Калугѣ, гдѣ жилъ второй Самозванецъ.

Въ Калугѣ, въ отдаленной части города до сихъ поръ сохранился любопытный памятникъ нашей старины, а именно домъ Коробовыхъ, постройка котораго относится по всѣмъ признакамъ къ семнадцатому вѣку и въ которомъ, по народному преданію, нѣкогда жилъ второй Лжедимитрій вмѣстѣ съ своей женой Мариной Мнишекъ. Въ народѣ этотъ домъ такъ и слыветъ подъ именемъ Маринкина дома, и народное преданіе имѣетъ основаніе. Второй Лжедимитрій, болѣе извѣстный подъ именемъ Тушинскаго вора, дѣйствительно не разъ находилъ сочувственный пріемъ въ Калугѣ, относившейся вообще враждебно къ Василію Шуйскому. Когда же пребываніе въ тушинскомъ станѣ сдѣлалось ему несовсѣмъ безопаснымъ, то Самозванецъ 27 декабря 1609 года тайно бѣжалъ въ Калугу, гдѣ его приняли съ привѣтомъ и почетомъ. По словамъ Карамзина, сподвижники атамана Болотникова отдали подъ помѣщеніе втораго Лжедимитріи лучшій домъ въ городѣ, а этотъ лучшій домъ, единственный каменный во всей Калугѣ, какъ оказывается по найденнымъ историческимъ документамъ, былъ въ XVII в. именно домъ Коробовыхъ. Кромѣ того самое его устройство изъ камня, съ потайными лѣстницами и даже подземнымъ ходомъ на Оку, было въ тогдашнюю смутную эпоху гораздо надежнѣе любаго деревяннаго острога или крѣпости. Калуга же послужила убѣжищемъ Самозванцу въ то несчастное для него время, когда онъ былъ принужденъ бѣжать изъ подъ Москвы, отъ преслѣдованія войскъ Жолкѣвскаго. Вмѣстѣ съ нимъ скрывалась здѣсь и Марина до 11 декабря 1610 года, когда умертвили Самозванца татары, составлявшіе его стражу, вызвавъ его за городъ охотиться за зайцами.

Теперь домъ Коробовыхъ полуразрушенъ, но и это печальное его состояніе все таки не лишаетъ его права быть одною изъ самыхъ интересныхъ гражданскихъ построекъ XVII вѣка и даже, можно сказать, единственной въ своемъ родѣ.

Домъ весь построенъ изъ кирпича и какъ нижній, такъ и верхній этажъ покрытъ сомкнутыми сводами. По фасаду окна украшены колонками, высѣченными изъ бѣлаго известковаго камня. Особенно любопытно устройство тайника нижняго этажа, въ который можно проникнуть лишь изъ крайней комнаты верхняго этажа по искусно замаскированной, полуразрушенной каменной лѣстницѣ. Вообще, замѣчательная архитектура зданія, прочность и тщательность его вѣковой кладки, сомкнутые верхніе и нижніе своды, тайникъ съ подземнымъ ходомъ—все это краснорѣчиво убѣждаетъ, что коробовскія каменныя палаты были наидревнѣйшимъ каменнымъ зданіемъ въ Калугѣ, и что онѣ въ первое время служили надежнымъ и крѣпкимъ убѣжищемъ отъ вражескихъ нападеній, и что въ нихъ можно было безопасно отсидѣться или уйти на Оку посредствомъ подземнаго хода.

Домъ принадлежитъ издавна семейству Коробовыхъ, а въ настоящее время состоитъ во владѣніи калужской мѣщанки Прасковьи Ивановны Лабахиной, тоже урожденной Коробовой. Хозяйка сама не живетъ въ домѣ и потому онъ въ большомъ упадкѣ; одна лишь комната верхняго этажа занята караулящимъ домъ солдатомъ съ его семьей: прочія же комнаты—безъ печей, половъ и рамъ. Особенно пострадалъ домъ послѣ кончины одного изъ маститыхъ и бездѣтныхъ своихъ владѣльцевъ, лѣтъ двадцать тому назадъ. Старикъ жилъ въ полномъ уединеніи и отказывая себѣ во всемъ, хотя вообще онъ былъ извѣстенъ за богатаго человѣка. Наслѣдники, не находя послѣ его смерти денегъ, начали ихъ искать въ стѣнахъ и полахъ; полуразрушили почти весь домъ, но всѣ поиски ихъ были тщетны. Кромѣ мусора и сора, они ничего не добыли, но эта варварская, отчаянная ломка значительно повредила древнюю постройку и лишила ее многихъ аксессуаровъ, любопытныхъ и цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи.

Въ старой Москвѣ.

Историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ,

Гр. Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

IX.

Врядъ ли когда либо, гдѣ либо, монархъ былъ въ такомъ трудномъ, безъисходно запутанномъ положеніи, въ какое стала поневолѣ императрица Екатерина Алексѣевна послѣ переворота 28-го іюня и восшествія на престолъ. Лѣто миновало, подходила осень, а все еще многое какъ то не улеглось, не успокоилось...

Ровно черезъ два мѣсяца послѣ переворота, императрица была уже на пути въ Москву, чтобы поспѣшить короноваться.

И теперь, въ сентябрѣ, здѣсь, въ подмосковномъ селѣ фельдмаршала Разумовскаго, которое любимецъ покойной царицы гостепріимно предложилъ новой царицѣ—Екатерина впервые рѣшилась дать себѣ льготу, отдохнуть нѣсколько дней отъ всѣхъ треволненій Петербурга и оглядѣться.

Положеніе было такое, при которомъ всякій, самый энергическій человѣкъ могъ потерять присутствіе духа и пошелъ бы на уступки и сдѣлки, т. е. призналъ бы себя побѣжденнымъ.

Екатерина и уступала мысленно, чувствуя борьбу не по силамъ, но молчала и откладывала гласное признанье.

Тому назадъ мѣсяца три, четыре, еще въ царствованіе ея мужа, — государынѣ грозило заключеніе въ монастырѣ или въ Шлюссельбургѣ, гдѣ, по приказанію императора, отдѣлывались покои для „неизвѣстнаго лица, долженствующаго прибыть на жительство“.

Но государыня, знавшая объ этихъ приготовленіяхъ, не унывала. Кругомъ нея была масса тайныхъ друзей. Во взглядѣ всякаго придворнаго, всякаго сенатора, всякаго духовнаго лица, отъ архіерея до простаго священника, всякаго гвардейца, отъ командировъ полковъ до послѣдняго рядоваго, — Екатерина ясно читала одно:

— Не бойся! Мы за тебя!

Недовольны были всѣ, а всѣ недовольные были за нее.

И вотъ совершилось событіе, про которое выразился французскій король, что это „un conte de mille et une nuit“—сказка изъ тысячи и одной ночи.

И съ первыхъ дней побѣды и торжества положеніе государыни стало невыносимо. Нужна была мужская энергія и женская хитрость—вмѣстѣ соединенныя—чтобы не запутаться, не погибнуть въ сѣтяхъ, разставляемыхъ ей кругомъ.

Кругомъ нея все было запутано и опрокинуто, и совершалось общее броженіе всего.

Близкое ей лицо, Григорій Орловъ, былъ еще недавно, вмѣстѣ съ братомъ Алексѣемъ, главнымъ коноводомъ недовольныхъ гвардейцевъ. У него собирались заговорщики... Теперь, то и дѣло, доходили до государыни слухи, что есть сборища офицеровъ, гдѣ ведутся „сократительныя, вольнодумныя рѣчи“ уже не о Петрѣ III, какъ недавно, а о томъ, что цесаревичъ Павелъ, по примѣру другихъ государствъ, долженъ быть на престолѣ, надъ нимъ же только правительница до его совершеннолѣтія, а государынѣ не полагается короноваться теперь въ Москвѣ.

На другихъ сборищахъ, а иногда и явно, публично,—слышалась рѣчь объ царственномъ узникѣ „Иванушкѣ“ какъ о законномъ.

Самой гвардіи, совершившей переворотъ въ Петровъ день, показалось все „дѣйство“ на столько удивительно легкимъ, что казалось можно бы завтра безъ всякихъ приготовленій совершить второе, въ пользу Ивана, или въ пользу цесаревича Павла Петровича.

Тѣмъ болѣе это возможно, что Петръ Ѳеодоровичъ былъ все-таки внукъ великаго императора, у него было наконецъ его любимое и вѣрное ему Голштинское войско. У него были (какъ думали тогда, но ошиблись) свои вѣрные и преданные ему люди, сановники и генералы.

Нынѣшній монархъ — женщина, принцесса, и у нея не было своего войска, личнаго...

Библиотека "Руниверс"

И гвардейцы, еще не опомнившись отъ похмѣлья удачнаго петербургскаго „дѣйства“, разсуждали о „статскихъ“ дѣлахъ. Награжденные считали себя всетаки обиженными, а не награжденные были обижены, и съ ихъ языка не сходило имя „Иванушки“.

Братья Орловы, вокругъ которыхъ три мѣсяца назадъ группировались друзья и пріятели, т. е. почти всѣ офицеры гвардіи, теперь были уже для нихъ не товарищи, а вельможи и сановники. Дружбу смѣнила зависть — а зависть скоро смѣнилась ненавистью.

Отъ Орловыхъ три четверти прежнихъ друзей отшатнулись. Явились другіе коноводы, вокругъ которыхъ группировались недовольные, завидующіе, обойденные и просто праздные люди и „фрондёры“, какъ обозвала ихъ сама государыня.

Всѣ, что бывало недавно собирались у Григорія Орлова на вечеринкахъ, поиграть въ карты или выпить и побалагурить—теперь могли являться только въ извѣстные часы его пріемовъ. Цалмейстера „Гришутки“, добраго и веселаго малаго, молодца на всякую затѣю и шутку, отъ медвѣжьей охоты до простой драки въ трактирѣ — не было теперь. А былъ генеральсъ-адъютантъ императрицы, за которымъ всѣ ухаживали, отъ первыхъ чиновъ двора до послѣдняго офицера. Всѣ ухаживали и всѣ ненавидѣли изъ зависти.

Прежде, недавно, чрезъ этого Орлова и его братьевъ государыня однимъ словомъ правила и руководила всѣмъ Петербургомъ. Ея слово, ея желаніе, переданное чрезъ Орловыхъ, было указомъ для всѣхъ, и все повиновалось. Теперь, если государыня хотѣла, чтобъ ея желаніе исполнилось, надо было устроить такъ, чтобы Орловы, хотя бы повидимому, были тутъ въ сторонѣ.

Виноваты ли были братья-богатыри, что вдругъ остались одни, оттолкнули отъ себя самыхъ лучшихъ друзей и вѣрныхъ людей въ средѣ гвардіи. Отчасти — нѣтъ! Отчасти — да!

Если видное положеніе любимца Григорія Орлова породило кучу завистниковъ и всѣ тоже мѣтили и мечтали быть тѣмъ же, то не вина его, если нельзя было всѣхъ офицеровъ гвардіи сдѣлать генеральсъ-адъютантами.

Но, съ своей стороны, Григорій и Алексѣй Орловы въ два мѣсяца, какъ еслибы прошло десять лѣтъ — забыли, что они простые русскіе дворяне и простые офицеры гвардіи.

Честолюбіе Алексѣя для брата Григорія не имѣло границъ. Онъ первый крикнулъ на паперти Казанскаго Собора 30-го іюня:

— Да здравствуетъ императрица—самодержица!

Простой народъ подхватилъ слова, а изъ сановниковъ никто не посмѣлъ промолчать. И Алексѣй Орловъ понялъ, оцѣнилъ этотъ случай по достоинству.

— Съ ними все можно сдѣлать. Только покруче, да поошибче! говорилъ онъ брату. Также какъ мы медвѣдей бьемъ съ маху, такъ и въ дѣлахъ государскихъ надо. Собери ты мнѣ всѣ сенаты иноземные и свой въ одну горницу и я тебѣ заставлю ихъ единогласно подписать резолюцію, чтобъ они сами себя перепороли розгами.

И самовластье, надменность, даже дерзость съ гвардейцами и полное презрѣнье ко всѣмъ придворнымъ явились въ Алексѣѣ Орловѣ тотчасъ же, на первыхъ же порахъ. А послѣ смерти императора, Алексѣй уже сталъ мечтать о большемъ...

X.

Первые друзья и помогатели государыни, княгиня Е. Р. Дашкова, воспитатель и пѣстунъ наслѣдника Панинъ, „дѣлопроизводитель дѣйства“ Тепловъ — всѣ трое были теперь заклятые враги Орловыхъ.

Екатерина Романовна Дашкова теперь ненавидѣла обоихъ братьевъ. Григорій Орловъ оскорбилъ княгиню своей шуткой, прозвавъ ее „наша муха“, намекая на басню объ мухѣ, которая, сидя на рогахъ у вола, говорила потомъ: „Мы пахали“. Это была вѣрная оцѣнка дѣйствій княгини во дни переворота и, какъ правда,— ей глаза уколола.

Онъ говорилъ, что княгиня ограбила сестру Воронцову, любимицу покойнаго императора, отобравъ себѣ все, что было у нея. И подарки Петра, и имѣнія, и золотыя вещи, и даже платья ея...

Про орденъ св. Екатерины, который княгиня получила отъ государыни одновременно съ запрещеніемъ Воронцовой носить его, Орловъ пошутилъ:

— Даже ленту Екатерининскую сграбила у сестры наша муха.

Относительно другаго брата Орлова, княгиня сама поступила неосмотрительно, объявивъ на похоронахъ императора, что никогда въ жизни не подастъ руки Алексѣю Орлову, даже постарается не стоять никогда близко къ нему, чтобы даже платьемъ своимъ не коснуться до него нечаянно.

Отношенія княгини съ государыней были натянуты, отчасти вслѣдствіе ненависти ея къ Орловымъ, отчасти и вслѣдствіе другой причины.

Императрица была раздражена словами и дѣйствіями княгини въ первые же дни послѣ воцаренія. Дашкова начала было распоряжаться въ столицѣ какъ главный начальникъ города.

Государыня была слишкомъ умна и дальновидна, чтобы не видѣть княгиню насквозь. Она помнила, что княгиня, въ памятную ночь на 28-е число и все утро, осторожно просидѣла дома.

Когда государыня прискакала изъ Петергофа и явилась въ Измайловскій полкъ, а затѣмъ къ семеновцамъ и къ преображенцамъ, и наконецъ въ соборъ на молебствіе, т. е. въ самыя критическія минуты ея жизни, когда всѣ окружающіе ее, близкіе люди, играли своими головами,—княгиня не была съ ней. Сестра фаворитки была дома, и зная все происходящее, не могла выдти на улицу, пріѣхать въ полкъ или въ соборъ и присоединиться къ царицѣ, ссылаясь на то, что ея заказанный мужской костюмъ не былъ готовъ. А этотъ костюмъ или мундиръ былъ бы даже и неумѣстенъ въ соборѣ.

И Григорій Орловъ послѣ того нѣсколько разъ пошутилъ:

— Княгиня, портнаго то перемѣните? Онъ, разбойникъ, опять васъ въ конфузъ какой поставитъ.

Другой прежній другъ — Никита Иванычъ Панинъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ уже считалъ себя, въ случаѣ удачнаго переворота, „быть въ правленіи дѣлъ статскихъ первой персоной“. Иначе говоря, ему было обѣщано регентство до совершеннолѣтія Павла Петровича.

Сановникъ, наиболѣе пораженный крикомъ толпы кругомъ паперти Казанскаго собора, привѣтствовавшей „государыню-самодержицу“—былъ Панинъ.

Когда всѣ чины двора, сената и гвардіи подхватили этотъ крикъ — Панинъ промолчалъ отъ несогласія своего, да отчасти отъ изумленія и негодованія.

Его провели и обманули какъ ребенка. Богъ знаетъ, далъ-ли бы онъ свое согласіе на перемѣну, если бы не это регентство. Быть можетъ онъ раскрылъ бы глаза императору и взялся бы самъ за расправу съ заговорщиками, которыхъ зналъ, если не всѣхъ въ лицо, то почти всѣхъ по именамъ.

Теперь, когда дѣло регентства было проиграно, Панинъ придумалъ другое и упорно стоялъ на своемъ проектѣ. Онъ предлагалъ учрежденіе верховнаго совѣта изъ шести членовъ. Этотъ совѣтъ долженъ былъ взять на себя все бремя правленія государствомъ.

За Панина и его проектъ были многіе сановники. Государыня подписала проэктъ, но медлила съ манифестомъ объ учрежденіи, отлагая его до коронаціи.

Библиотека "Руниверс"

Зимніе обозы. Оригинальный рисунокъ для „Нивы“ Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Члены этого совѣта, названіе которымъ еще не могли придумать—покуда назывались „статскими секретарями". Панинъ въ проэктѣ своемъ далъ имъ названіе: „министры".

Государынѣ не нравилось иноземное слово, и она поручила придумать другое, русское.

Въ проектѣ эти „министры" или „статскіе секретари" являлись въ своемъ составѣ выше всего въ государствѣ и пожалуй чуть не выше самой монархіи. Повторялась старая исторія при восшествіи на престолъ Анны.

Государыня соглашалась, но въ тайнѣ считала это учрежденіе равносильнымъ отреченію отъ власти. Она обратилась ко многимъ лицамъ, съ просьбой помочь и посовѣтовать ей, въ какой формѣ долженствуетъ явиться это учрежденіе.

Одинъ изъ спрошенныхъ, генералъ-фельдцейгмейстеръ Вильбуа, опредѣлилъ значеніе будущаго учрежденія лучше всѣхъ и доставилъ государынѣ большое удовольствіе.

„Мнѣ кажется, писалъ, составитель проэкта, что подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный, императорскій совѣтъ, и вліятельные его члены, могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей. Разумъ и духъ императрицы не нуждаются ни въ какомъ особенномъ совѣтѣ; только здравіе ея требуетъ облегченія отъ невыносимой тяжести необработанныхъ и восходящихъ къ ней дѣлъ. Императорскій совѣтъ слишкомъ приблизитъ подданнаго къ государю, и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ."

Будущіе члены совѣта были уже названы въ проектѣ и извѣстны при дворѣ. И здѣсь не обошлось безъ раздраженія, вслѣдствіе поправки, сдѣланной императрицей.

Членовъ верховнаго совѣта предполагалось шесть человѣкъ: графъ Бестужевъ, канцлеръ графъ Воронцовъ, гетманъ Разумовскій, князь Яковъ Шаховской, князь Волконскій и самъ авторъ проекта Н. И. Панинъ.

Государыня прибавила еще двухъ человѣкъ, изъ коихъ одного отсутствующаго изъ предѣловъ Имперіи, главнокомандующаго войсками въ Пруссіи, графа Захара Чернышева, что было конечно по заслугамъ. Но вмѣстѣ съ нимъ государыня прибавила восьмымъ членомъ не сановника и не заслуженнаго генерала, а вчерашняго молодаго поручика, Григорія Орлова.

Панинъ, умный и тонкій, уже чуялъ однако лучше всѣхъ, что послѣ коронаціи и помазанія на царство самодержицы Екатерины II—будетъ поздно говорить объ императорскомъ верховномъ совѣтѣ.

Третье лице „дѣлопроизводитель переворота" Тепловъ, былъ и теперь близкое лицо къ государынѣ и призывался всякій разъ, когда надо было исправить слогъ указовъ и манифестовъ. Русскій языкъ еще не давался царицѣ и нуженъ былъ грамотѣй-учитель. И первое лицо въ государствѣ по части грамматики и правописанія былъ Тепловъ. Но и только...

Вслѣдствіе этого Тепловъ, честолюбивый и предпріимчивый человѣкъ, изъ побочныхъ дѣтей духовнаго лица, достигнувшій относительно высокаго положенія,—былъ уязвленъ теперь, считалъ себя вполнѣ обманутымъ въ надеждахъ.

Эти три лица, Панинъ, Дашкова и Тепловъ, не разставались. Какъ въ Петербургѣ, такъ и теперь въ Москвѣ, почти ежедневно обѣдали оба у княгини и за обѣдомъ велись смѣлыя рѣчи, переполненныя остротъ и насмѣшекъ...

Здѣсь говорилось тоже, что на сборищахъ офицеровъ. Только форма была другая, имя полу-идіота „Иванушки" конечно не произносилось и его имя замѣнялось именемъ Павла Петровича. Регентство и верховный совѣтъ—не выходило изъ ума и не сходило съ языка этого тріумвирата.

Отъ этихъ трехъ лицъ государыня уже сторонилась и, обращаясь ласково, въ душѣ боялась и не любила. Разумѣется опасенъ былъ лишь Панинъ.

Но не одинъ Панинъ докучалъ государынѣ. Не было сановника, который бы не являлся къ ней своимъ непрошеннымъ совѣтомъ, со своимъ проэктомъ устроенія государства, направленія политики внутренней и внѣшней.

У Миниха были свои проекты покоренія Константинополя, возстановленія Византійской имперіи, соединенія каналомъ Бѣлаго моря съ Балтійскимъ и т. д.

У Бестужева, тотчасъ же возвращеннаго изъ ссылки, но состарѣвшагося, былъ десятокъ проэктовъ первѣйшей важности по части иностранной политики, сокрушенія Фридриха и завоеванія чуть не всей Австріи при помощи Франціи.

У Ивана Ивановича Шувалова, любимца Елизаветы и особенно не любимаго теперь государыней—тоже были безчисленные совѣты и планы учрежденій на пользу наукъ и искусствъ.

У всѣхъ сенаторовъ, у всѣхъ вельможъ, былъ непрошеный совѣтъ на устахъ, горячая любовь и преданность на словахъ и недовольство на душѣ за недостаточное вознагражденіе прошлыхъ подвиговъ, въ іюньскіе дни.

— Теперь всѣ „помогали!" говорила государыня съ досадливой и презрительной улыбкой. И всѣ эти „помогатели" хотятъ быть „только" регентами Россійской Имперіи. А самые вѣрные мнѣ люди, не двоедушные, оказываются тѣ, что „не помогали".

Такихъ, не докучавшихъ царицѣ своими проэктами, или жалобами и просьбами о наградахъ, было мало. Въ числѣ ихъ однако были такіе люди, какъ оба брата Разумовскіе, помогавшіе когда то ея воцаренію своимъ молчаливымъ согласіемъ и присягнувшіе одни изъ первыхъ. Послѣ нихъ наиболѣе преданный человѣкъ, по странному капризу судьбы, былъ родной дядя какъ павшей фаворитки, такъ и княгини Дашковой — канцлеръ графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ. На всяческую честную помощь этихъ трехъ лицъ теперь въ Москвѣ—государыня вполнѣ разсчитывала.

XI.

Къ полной распущенности гвардіи, къ полной назойливости высшихъ прибавлялись требованія, почти неисполнимыя, всего высшаго духовенства въ Имперіи. Представителемъ за всѣхъ и ходатаемъ предъ новой царицей былъ Дмитрій Сѣченовъ, архіепископъ Новгородскій и первенствующій членъ Синода.

Покойный императоръ отобралъ всѣ вотчины монастырскія, синодальныя, вообще—все имущество всего духовенства по всей Имперіи. И все духовенство, отъ архіереевъ до простыхъ церковныхъ служителей, до послѣдняго монаха, дѣйствительно, на дѣлѣ, стали нищими.

Все имущество, недвижимое и движимое, было описано и отобрано. По всей Россіи, во всѣхъ епархіяхъ, во всѣхъ монастыряхъ, распоряжались или воеводы, или присланные отъ военной коллегіи офицеры съ командами для описи имущества. Всюду крестьянамъ была объявлена вольность отъ монастырей и приписка ихъ въ число государственныхъ крестьянъ, повсюду описывался хлѣбъ въ житницахъ, переписывался и уводился весь скотъ, вся птица. Даже рухлядь и скарбъ домашніе—не ускользали отъ рукъ воеводы или команды.

— Будь у насъ жены—и тѣхъ бы описали господа офицеры и себѣ взяли! писалъ въ жалобѣ одинъ настоятель монастыря.

Помимо раззоренья, было не мало и оскорбленій, не мало и глупыхъ выходокъ.

Около Москвы, въ селѣ Черкизовѣ, архіепископъ московскій пользовался изъ пруда рыбой, для себя, и для продажи.

Библиотека "Руниверс"

Офицеръ, командированный для описи и отобранія имущества архіепископа, доносилъ начальству, что не знаетъ какъ поступить съ прудомъ:

— Всю ли рыбу выловить и посолить, или только сосчитавъ, назадъ пустить, а—прудъ загородить и команду приставить. Или совсѣмъ рыбу въ опись не вносить за неудобствомъ и трудностью сего дѣла.

Въ Ростовѣ, у митрополита Арсенія, воевода Протасьевъ описалъ и отнялъ все имущество до тла, отпрягъ даже лошадей изъ-подъ кареты. Въ домѣ пастыря обобрали все, что можно было унесть. Взяли даже запасы масла—ибо коровы ужь казенныя, яйца — ибо куры ужь казенныя.

Кромѣ того, всюду у духовныхъ лицъ отнимали конечно и домашнюю прислугу, въ силу перехода всѣхъ людей въ число государственныхъ крестьянъ.

А вопросъ о жалованьи духовенству еще не былъ рѣшенъ! И всѣ, отъ преосвященныхъ до монастырскихъ служекъ—по всей Россіи, обрекались на голодную смерть.

Надо было оттянуть время, обѣщать, лукавить и изворачиваться!

А Европа? Она еще не вѣрила въ восшествіе и твердость новой императрицы на престолѣ! Посланники державъ были смѣлѣе, болѣе требовательны, добивались узнать: останется ли старое, или какое будетъ новое направленіе внѣшней политики Россіи.

Надо было прежде всего и скорѣе высказаться относительно прусскаго короля, друга покойнаго императора и врага Россіи. И относительно стараго союзника—Австріи, которая полгода считалась непріятелемъ.

Въ этомъ вопросѣ всѣ ошиблись, и въ Россіи, и въ Европѣ.

Самъ Фридрихъ Великій ошибся. Онъ боялся возобновленія войны съ нимъ въ союзѣ съ Австріей, какъ было при Елизаветѣ.

Государыня тотчасъ поняла и рѣшила, что войны никакой, ни съ кѣмъ, и ни за кого, предпринимать не слѣдъ—а надо заняться внутренними дѣлами. Но и тутъ, съ Европой,—надо было хитрить и оттянуть время.

А внутри Россіи цвѣли и процвѣтали разорительные откупа на все... Всѣ были откупщиками и наживались, разоряя государство. Даже графъ Шуваловъ имѣлъ откупа: таможенный, лѣсной, военный и разные другіе.

Повсемѣстное лихоимство во всѣхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ Имперіи побудило немедленно издать указъ и сказать въ немъ прямо:

„Мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возрасло: ищетъ ли кто мѣста—платитъ; защищается ли кто отъ клеветы—обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто—всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами...

„Напротивъ того: многіе судящіе, освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго, за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу, приносимую Богу, намъ и отечеству; и мздопріимствомъ богомерзкимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго—нищимъ“.

Наконецъ на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ между приписными крестьянами, которыхъ вербовали изъ всякаго отребья, изъ бѣглыхъ и изъ каторжныхъ,—были бунты, захватывавшіе двѣ большія губерніи—Казанскую и Оренбургскую, и почти всю Волгу.

Надо было принять строгія, даже крутыя мѣры.

Надо было подождать и оттянуть время.

И государыня, въ этихъ двухъ горницахъ, которыя заняла для себя одной въ палатахъ села Петровскаго, уныло склонивъ голову на грудь, часто по цѣлымъ часамъ, бродила взадъ и впередъ, или становилась у окна и, задумчиво глядя въ садъ съ осенней желтой листвой, безсознательно разглядывала полуголые стволы и вѣтви деревьевъ. Всѣ давно еще въ Петербургѣ замѣтили перемѣну въ ней. Красавица, 33 лѣтъ, сильная, пользующаяся цвѣтущимъ здоровьемъ, за послѣднее время сильно похудѣла, стала разсѣяннѣе, часто задумывалась, даже при постороннихъ, даже на большихъ пріемахъ.

— Трудно! Трудно! Трудно! будто тайный голосъ постоянно, день и ночь, нашептывалъ ей.

Но если Россія не надѣялась на нее, если Европа не вѣрила въ нее—если приближенные, даже друзья, глупо и слѣпо хотѣли видѣть въ ней свою, которая должна съ ними подѣлиться всѣмъ, что они ей дали — то, по счастью, „нѣчто“ въ ней самой говорило ей:

— Вѣрь въ себя. Не даромъ двадцать лѣтъ тому назадъ, почти ребенкомъ вступивъ въ предѣлы этой чуждой страны—ты отреклась отъ родины и сердцемъ, и душой, и даже помыслами. А всѣ силы и мечты свои посвятила новой родинѣ. И узнавъ ее короче, полюбивъ ее,—поклялась, что когда нибудь будешь самовластной обладательницей этой громадной Имперіи.

Да. Еслибы въ эти дни кто нибудь предположилъ, или, провидя будущее, сказалъ бы, что Екатерина II процарствуетъ не годъ, не два, а 34 года и назовется потомствомъ „Великою“—то самый умный, государственный мужъ Европы тѣхъ дней—король Фридрихъ прусскій, тоже Великій,—разсмѣялся бы на это предположеніе или предсказаніе.

Чрезъ тридцать лѣтъ, другой посланникъ писалъ своему правительству:

— Русская императрица можетъ по праву сказать, не въ силу самообольщенія, а на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ: L'etât—c'est moi!!

XII.

Въ тотъ день, когда сержантъ Борщевъ встрѣтился у Тверскихъ воротъ съ „рябчикомъ“ Хрущевымъ, вечеромъ, на Плющихѣ, въ офицерской квартирѣ, адресъ которой далъ Борщевъ, поздно свѣтился огонь въ окнахъ и было шумно и тѣсно.

Противъ дома, среди поляны, пыльной, изрытой колесами и копытами лошадей, съ желтѣющей осенней травой только по краямъ около домиковъ—нѣсколько солдатъ сидѣли на землѣ и на колодѣ, держа подъ уздцы трехъ офицерскихъ лошадей. Вокругъ нихъ собрались мальчишки, бабы и человѣкъ съ десятокъ мѣщанъ. Посреди всѣхъ, ближе къ солдатамъ, сначала стоялъ, а затѣмъ присѣлъ на колоду около унтера — пономарь ближайшей церкви.

Унтеръ-Измайловецъ разсказывалъ...

Все молчало и слушало, изрѣдка только переспрашивая непонятое или охая отъ удивленія, а то просто отъ удовольствія.

Унтеръ Коньковъ подробно разсказывалъ то, что ему здѣсь въ Москвѣ приходилось уже повторять чуть не въ сотый разъ. Онъ описывалъ въ лицахъ, какъ царица пріѣхала къ нимъ въ казармы наканунѣ Петрова дня, какъ полкъ со всѣмъ начальствомъ и со священникомъ во главѣ высыпалъ къ „матушкѣ“ на встрѣчу и тутъ же присягнулъ ей, а затѣмъ проводилъ съ криками: ура! въ казармы Семеновскаго полка, а тамъ въ Казанскій соборъ.

Но это было не самое любимое воспоминаніе въ полку. Солдаты Измайловцы любили теперь вообще вспоминать, а при случаѣ разсказывать, какъ они „Матушку“, изъ любви и преданности, потревожили послѣ того. Былъ тотъ грѣхъ, что они, расколотивъ нѣсколько кабаковъ, не въ мѣру накатились виномъ, но не случись глупаго человѣка—болтуна, то ничего бы не было! А въ самое

Библиотека "Руниверс"

это время гульбы, скажи кто то, что Голштинцы, гвардія нѣмецкая бывшаго императора, тайнымъ и предательскимъ образомъ похитили и увезли изъ Петербурга ихъ „мѣсяцъ ясный", матушку Екатерину Алексѣевну...

— Вотъ мы и переполошились, разсказывалъ и теперь унтеръ, болѣе обращаясь къ пономарю, сидѣвшему рядомъ на колодѣ. Какъ звѣри заревѣли, это, всѣ сразу... Убью! Убью! Кричатъ всѣ—Голштинцевъ разшибу, заоралъ тоже нашъ флигельманъ Желтухинъ. Помнишь, Серега! прибавилъ унтеръ.

— Какъ же. Какъ теперь вотъ на глазахъ это... отозвался солдатъ, державшій за узду одну изъ лошадей. При этомъ онъ усмѣхнулся во весь ротъ и оглянулъ толпу слушателей, которые при вопросѣ унтера перевели на него глаза.

— Помнишь, какъ онъ завывалъ, покойникъ...

— А нешто померъ этотъ... полюбопытствовалъ пономарь, но не зналъ какъ назвать по чину.

— Флигельманъ? Померъ тутъ же, чрезъ сутки. Отъ крови сказывали. Кровь въ немъ сгорѣла.

— Съ вина это?.. замѣтилъ кто-то въ толпѣ, будто знатокъ дѣла.

— Да. Може и съ вина. Много онъ въ эфти дни на радостяхъ наливался... объяснилъ унтеръ, вздыхая и сожалѣя или флигельмана, или тѣ веселые дни.

— А можетъ и не съ вина. А такъ предѣлъ вышелъ...

— Ну, вотъ мы это и загудѣли и повалили всѣ кучей ко дворцу Матушки, продолжалъ унтеръ Коньковъ. Спрашиваемъ ее. Видѣть, значитъ, намъ ее пожелалось... Говоримъ: выкрали ее Голштинцы! Тутъ Григорій Григорьевичъ, цалмейстеръ Орловъ, сначала давай насъ разговаривать не шумѣть и уйти, потому что Матушка, умаявшись отъ всѣхъ дѣловъ, опочивать легла... Братецъ его, Преображенскій офицеръ, тоже намъ изъясняетъ. Куда тебѣ! Лѣземъ всѣ и въ одинъ голосъ: хотимъ, молъ, видѣть ее самолично. Вы намъ глаза отводите, либо сами ее прозѣвали да прокараулили. Ужь что тутъ было! Ахти! Что было. И унтеръ, махнувъ рукой, замолчалъ, какъ бы собираясь съ мыслями.

— Да, тутъ шуму было! пробурчалъ самодовольно одинъ изъ солдатъ, какъ бы про себя.

— Что-жь? Не разошлись? спросилъ пономарь.

— Какое тебѣ... Часъ почитай шумѣли. Генералы съѣхались ко двору. Трубецкой фельдмаршалъ, графъ Разумовскій... Всѣ вступились: Почиваетъ, молъ, царица, жива и невредима. А мы знай свое: выкрали да выкрали! Ей Богу! Желтухинъ оретъ: я и Хредлиха разнесу! Короля значитъ Прусскаго. Всѣхъ нѣмцевъ передавлю.

— Ишь вѣдь. Чадъ въ головахъ былъ! замѣтилъ одинъ мѣщанинъ. А это—чадъ былъ...

— Какой тебѣ чадъ, почтеннѣйшій! Какъ бы обидѣлся унтеръ. Времена были смутительныя. Може и впрямь выкрали царицу. Вѣдь это сдается теперь такъ, а тогда весь Питеръ ходуномъ ходилъ.

— Ну чѣмъ кончили? перебилъ пономарь.

— Вышла къ намъ на балконъ.

— Кто?

— А сама матушка. Вышла и сказала, что, молъ, не сумлѣвайтесь, служивые. Вотъ она я! Я уставши отдохнуть легла. А вы ступайте, да ведите себя смирно. Никого не обижайте! Тутъ мы и пошли домой. А то бы кажись весь день прошумѣли.

— За утрова насъ за эфто дѣло драть хотѣли! сказалъ солдатъ... И слѣдъ бы. Не шуми.

— Драть не драть, а отъ начальства выговоръ былъ по полку, и намъ, и господамъ,—что насъ не углядѣли и допустили разбудить царицу по пустякамъ. Эвось, Борисъ Ильичъ... прибавилъ унтеръ Коньковъ.

На полянѣ показался всадникъ и рысью приблизился къ кучкѣ.

— Всѣ ли дома? крикнулъ Борщевъ подъѣхавъ и отдавая лошадь.

— Всѣ, ваше благородье, отвѣчалъ унтеръ. И гости вотъ еще... показалъ онъ на лошадей, которыхъ держалъ солдатъ.

— Кто такіе?

— Не могу знать.

— Московскіе что-ль какіе?

— Никакъ нѣтъ. Драгунскаго полка. Да они у насъ въ Петербургѣ не бывали. Одинъ баринъ, такъ это, мудрено по русски говоритъ, что понять даже трудно. Будто языкъ сверченъ.

— Что ты брешешь, Егоръ. Ну, поводи, да разсѣдлай самъ, сказалъ Борщевъ, поглаживая свою лошадь.

Унтеръ двинулся по полянѣ съ лошадью въ поводу тихимъ шагомъ, а пономарь и двое мѣщанъ пошли съ нимъ рядомъ. Бесѣда и разсказъ долго еще продолжались на ходу, покуда унтеръ не отводилъ и не увелъ коня во дворъ.

Между тѣмъ Борщевъ вошелъ подъ навѣсъ крыльца, остановился, прислушался и въ общемъ гулѣ услыхалъ голосъ, который былъ ему не знакомъ и отличался чуждымъ произношеньемъ.

— А вѣдь Егоръ правду сказалъ, подумалъ онъ... Чортъ съ нимъ. Обожду здѣсь покуда уйдетъ.

И молодой человѣкъ усѣлся на скамейкѣ около крыльца, прямо подъ ярко освѣщеннымъ окномъ домика.

Онъ сначала прислушался, чтобы узнать, о чемъ громко спорятъ въ домикѣ, но тотчасъ пробормоталъ вслухъ себѣ самому:

— Все тоже. Про Орлова! Да. Бѣльмомъ онъ на глазу. Самъ виноватъ. Возгордился не въ мѣру. Вотъ теперь головы и не сноситъ. Да еще пуще того быть можетъ. Того гляди, они за Ивана Антоныча ухватятся. Эхъ, да Богъ съ ними! вдругъ какъ бы разсердился на себя молодой сержантъ. Мнѣ то дѣло какое! Екатерина ли II, Иванъ ли Антонычъ! У меня своихъ заботъ полонъ ротъ, да еще какихъ! Что теперь дѣлать? Хоть убей, не знаю съ какого конца взяться. Удалости на все хватитъ! Не побоюся никого. Самому черту, сдается, хвостъ бы оторвалъ, коли бы онъ сунулся мнѣ мѣшать... Да вѣдь одной удалью ничего не сдѣлаешь.

И Борщевъ, вздохнувъ, задумался, глядя въ темное облачное небо. Въ квартирѣ все болѣе шумѣли и голосили, но сержантъ не слушалъ и глубоко задумался о своемъ дѣлѣ, которое его изводило, было для него не то болѣзнью, не то горемъ. Съ минуты его пріѣзда въ Москву—эта забота стала еще болѣе одолѣвать его, потому что причины были ближе, да и развязка должна была, по его мнѣнію, произойти теперь, въ этотъ его пріѣздъ въ Первопрестольную.

— Не уѣзжать же опять въ Питеръ, безъ ничего! почти озлобленно повторялъ онъ про себя. Первое дѣло—въ офицеры выдти, а второе дѣло, все повершить по своему, либо и впрямь покончить съ собой.

— Ну, а если она встрѣтила какого другаго, да полюбила, вслухъ пробормоталъ онъ. Всѣ дѣвицы измѣнчивы! Можетъ уже и просватана. Можетъ скоро и подъ вѣнецъ сбирается. Тогда что?!

И сержантъ снова глубоко задумался, забывъ все окружающее.

Борщевъ былъ старшинаго дворянскаго рода, красивый и видный малый, высокій, стройный, съ лицемъ немного черезчуръ полнымъ и румянымъ, но это считалось красотой. Худыя и блѣдныя лица, съ томнымъ мечтательнымъ взглядомъ, не нравились дѣвицамъ и женщинамъ. Впрочемъ эти румяныя щеки придавали Борису видъ чего-то, не только юношескаго, но даже дѣтскаго. За то смѣлый взглядъ, отчасти дерзкій, большихъ карихъ глазъ и рѣзкость движеній, изобличали въ немъ уже человѣка искусившагося среди шумной и бурной жизни столицы. Онъ далеко не походилъ на

Библиотека "Руниверс"

Въ Альгамбрѣ. Передъ золотыми воротами. Съ картины Стевенса, грав. Белендеръ.

Библиотека "Руниверс"

тѣхъ недорослей изъ дворянъ, которые попадались повсюду, не только въ провинціи, въ глуши вотчинъ и губернскихъ городовъ, но даже и въ самой Москвѣ.

Ужь не одинъ разъ Борщевъ имѣлъ въ Питерѣ громкую исторію въ трактирахъ, съ какими нибудь билліардными игроками, или съ своимъ братомъ офицеромъ, изъ за общихъ любимицъ, веселыхъ шведокъ, которыми кишѣлъ городъ и которыя были въ большой модѣ. Одна изъ таковыхъ, уроженка Свеаборга, по имени Луиза, ввела его не въ малые долги и года три тому назадъ въ очень крупную непріятность съ начальствомъ и полиціей. Веселую Луизу за безчинство посадили подъ арестъ на гауптъ-вахту, а Борщевъ съ пріятелями разбилъ караулъ и, освободивъ плѣнницу, увезъ къ себѣ.

Принадлежа, хотя и косвенно, чрезъ одного пріятеля, офицера, къ тому кружку гвардейцевъ, которые первые составили планъ въ пользу новой императрицы — Борщевъ часто видалъ братьевъ Орловыхъ, вожаковъ кружка; былъ даже раза два въ квартирѣ Григорія Орлова, гдѣ собирались его ближайшіе друзья и наперстники. Это его сразу поставило въ обществѣ на виду. Кромѣ того, это обстоятельство сдѣлало молодаго сержанта сразу нѣсколько развязнѣе въ обществѣ и уничтожило въ немъ ту юношескую скромность и неуклюжесть, которыя онъ пріобрѣлъ когда-то въ деревнѣ, проживъ въ ней почти безвыѣздно съ рожденья и до юношескихъ лѣтъ.

Сначала, по прибытіи въ Петербургъ и поступленьи въ полкъ, онъ старался казаться развязнѣе, по подражалъ во всемъ рядовымъ изъ дворянъ и офицерамъ, а вскорѣ незамѣтно развернулся и сталъ уже самъ собою, т. е. добрымъ, умнымъ, но черезчуръ пылкимъ, и въ службѣ, и въ личныхъ сношеніяхъ. Уже скоро всѣ товарищи дали ему прозвище: „Кипятокъ“.

За послѣднее время, около года, послѣ своего прошлаго пребыванія въ Москвѣ, сержантъ сталъ нѣсколько спокойнѣе, или скорѣе равнодушнѣе ко всему его окружающему. Товарищи замѣтили эту перемѣну въ немъ, но напрасно допытывались узнать причину. Даже друзьямъ молодой человѣкъ ни единымъ словомъ ни разу не обмолвился.

(До слѣд. №).

И. С. Тургеневъ у себя,

въ его послѣдній пріѣздъ на родину.

Изъ воспоминаній

Я. П. Полонскаго.

(Продолженіе).

IX.

Лѣто въ Россіи такъ коротко и такъ незамѣтно проходитъ, что сидѣть да макать перо въ чернильницу въ то время, какъ поютъ птицы, пахнетъ сѣномъ или цвѣтами, и наступаютъ теплыя, прозрачно-розовыя сумерки, для меня всегда было тяжело, или неувлекательно; но Тургеневъ въ это время писалъ „Пѣснь торжествующей любви“, то утромъ—между прогулкою и завтракомъ, то вечеромъ — послѣ чаю. Никто тогда изъ насъ не заходилъ къ нему въ кабинетъ и съ нимъ не заговаривалъ. Я не зналъ еще, что онъ такое пишетъ. Однажды, онъ пришелъ въ ту комнату, которую почему то мы называли „казино“, и увидѣвши меня за мольбертомъ, попросилъ сочинить ему стиха четыре, но такихъ, чтобъ они были и безсмысленны и въ то же время загадочны. Я удивился.

— Это зачѣмъ?

— Да ужъ такъ, мнѣ это нужно для моего одного разсказа.

Я сталъ придумывать стихи, что-то придумалъ, но Иванъ Сергѣевичъ остался недоволенъ. Да и что бы я могъ придумать, не зная, для какихъ художественныхъ соображеній нужны стихи и въ какомъ тонѣ (а тонъ тутъ главное). Черезъ нѣсколько дней Тургеневъ прочелъ мнѣ:

„Мѣсяцъ сталъ, какъ круглый щитъ,
„Какъ змѣя рѣка блеститъ.
„Другъ проснулся, недругъ спитъ—
„Ястребъ курочку когтитъ.
„Помогай!...“

— Ну что, хорошо? спросилъ онъ.

— Должно быть хорошо, хоть я и не понимаю, зачѣмъ тебѣ это нужно?

Тургеневъ, довольный, удалился въ кабинетъ свой.

Вышеупомянутые стихи каждый можетъ прочесть въ разсказѣ „Пѣснь торжествующей любви“,—это тѣ самые стихи, которые бормочетъ Муцій въ отвѣтъ на разспросы смущеннаго Фабія.

У себя въ комнатѣ, нашелъ я пустую, непочатую тетрадку и, не надѣясь на память, задумалъ иногда вносить въ нее кое-какія замѣтки. Такъ я записалъ:

„Въ одной плясовой народной пѣснѣ Тульской губерніи—слѣдующій припѣвъ:

Двѣ метелки,
Два снопа,
Грабли да лопата!

„Крестьяне Мценскаго уѣзда говорятъ: *„крохъ налоя“*, вмѣсто *„вокругъ налоя“*.

Я и не думалъ, что тетрадь эта вся будетъ наполнена чѣмъ то въ родѣ отрывочнаго дневника (по большей части безъ чиселъ), и что она-то именно и поможетъ мнѣ написать эти воспоминанія. (Но развѣ я могъ узнать, что переживу Тургенева!)

Началось съ того, что я записалъ экспромтъ, который сложился въ умѣ Ивана Сергѣевича послѣ одной, очень долгой и горячей бесѣды.

Не обладая громадною памятью, приводить здѣсь наши долгія бесѣды или споры, если они тотчасъ же не были записаны—значитъ завѣдомо лгать на себя и лгать на Тургенева. Но экспромтъ всетаки требуетъ нѣкоторыхъ объясненій.

Философскія убѣжденія Тургенева и направленіе ума его имѣли характеръ болѣе или менѣе положительный—и подъ конецъ жизни его носили въ себѣ отпечатокъ пессимизма. Хотя онъ и былъ въ юности поклонникомъ Гегеля, отвлеченныя понятія, философскіе термины давно уже были ему не по сердцу. Онъ терпѣть не могъ допытываться до такихъ истинъ, которыя, по его мнѣнію, были непостижимы. — „Да и есть-ли еще на свѣтѣ непостижимыя истины?“ — Такъ, напримѣръ, онъ любилъ слово „природа“ и часто употреблялъ его, и терпѣть не могъ слова *„матерія“*; просто не хотѣлъ признавать въ немъ никакого особеннаго содержанія или особеннаго оттѣнка того-же понятія о природѣ.

— Я не видалъ, спорилъ онъ, и ты не видалъ матеріи — на кой-же лядъ я буду задумываться надъ этимъ словомъ.

И такъ какъ въ этомъ не сходились наши воззрѣнія, я отстаивалъ слова: „матерія“, „сущность“, „абсолютная истина“ и проч., и проч.

Повторять теперь все, что я именно говорилъ Ивану Сергѣевичу, значитъ, написать уже не то, что я говорилъ; а стенографически никто нашего разговора не

Библиотека "Руниверс"

записывалъ. Добавлю только слѣдующее: когда появился въ печати разсказъ Тургенева „Собака", разсказъ имъ самимъ слышанный отъ очевидца, имъ со словъ его записанный и уже затѣмъ обработанный,—наша критика напала на него, какъ на страшнаго и опаснаго мистика. На собаку стали появляться даже пародіи. Разсказы его „Призраки" и „Странная исторія" тоже многихъ заставляли предполагать, что Тургеневъ самъ вѣритъ въ таинственныя, необъяснимыя явленія;—но ничего не можетъ быть ошибочнѣе такого мнѣнія о Тургеневѣ.

— Ничего нѣтъ страшнѣе, говорилъ онъ однажды,—страшнѣе мысли, что ничего нѣтъ страшнаго,—все обыкновенно. И это-то самое обыкновенное, самое ежедневное и есть самое страшное. Не привидѣніе страшно, а страшно ничтожество нашей жизни...

X.

На другой или на третій день, Иванъ Сергѣевичъ разсказалъ мнѣ слѣдующую, очень простую, и не для многихъ интересную исторію:

„Однажды, въ зной, началъ онъ,—съ мужикомъ отправился я въ лѣсъ на охоту. Ружья у насъ были кремневыя и забивались пыжами. Вылетѣлъ вальдшнепъ; я выстрѣлилъ; затѣмъ, спустя минутъ десять, зарядилъ снова ружье свое, пошелъ дальше, и что же я вижу? На томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ пыжъ, загорѣлся сухой мохъ; вижу—валитъ дымъ и огонь охватываетъ сучья. Что дѣлать? Пока я ломалъ голову, какъ погасить огонь, который всему лѣсу угрожалъ пожаромъ, дымъ сталъ валить сильнѣе и сильнѣе,—и что, ты думаешь, я придумалъ?

— Не знаю. Послалъ за водой?

— Куда! Воды на версту кругомъ ни капли.

— Ну сталъ засыпать сырой землей?

— Невозможно! Откуда добыть сырой земли,—мѣсто было не болотное. Но, по счастію, со мной былъ охотничій ножъ и—что-же, ты думаешь, я придумалъ?

— Не знаю.

— Угадай.

— И угадать не могу.

— Я велѣлъ тотчасъ-же ломать древесные сучья (лѣсъ-же былъ хвойный). Самъ тоже принялся срѣзать вѣтви; и мѣсто, охваченное огнемъ, мы завалили свѣжими вѣтвями, а затѣмъ огонь затоптали, наступая на вѣтви. Долго мы возились, но огонь все-таки погасили. — Эхъ! заговорилъ мой мужикъ, время то мы только потеряли; сколько-бы вальдшненовъ наколотили. Охота-же была вамъ тутъ возиться!

— Какъ! да вѣдь этакъ весь лѣсъ могъ-бы сгорѣть!..

— А пущай его сгорѣлъ-бы. Вѣдь не вашъ онъ, лѣсъ-то—чужой!

— Да что!—заключилъ Ив. Серг., русскому человѣку не только чужаго, подъ-часъ и своего не жаль."

XI.

Иванъ Сергѣевичъ, не разъ, въ воскресные дни, заходилъ въ свою церковь къ обѣдни, и не могъ не замѣтить, что въ церкви стоятъ старухи, дряхлые старики, да бабы съ грудными дѣтьми и ни одного мужика, ни одного взрослаго парня.

Въ разъясненіе этого факта, вотъ что я слышалъ отъ священника:

— Ни православныхъ праздниковъ, ни воскресныхъ дней крестьяне наши не справляютъ, а выдумываютъ свои собственные праздники, и такихъ праздниковъ у нихъ въ годъ до пятидесяти. Въ эти праздники они пропиваютъ все, что только возможно, пріучаютъ не только дѣвокъ, но и малолѣтнихъ дѣтей водку пить. Проповѣдей не слушаютъ, на половину не платятъ за требы, и думаютъ, что стоитъ имъ только пожаловаться на священника—его тотчасъ-же переведутъ въ другой приходъ. И они правы, ибо въ правдивости ихъ не сомнѣвается и архіерей. Безъ суда и допроса переводятъ насъ, священниковъ, съ насиженнаго мѣста на другое, такъ что и заниматься хозяйствомъ охоты нѣтъ, ибо ничего въ нашемъ быту нѣтъ прочнаго.

— А есть раскольники?

— Нѣтъ, въ нашихъ мѣстахъ этого не замѣчается.

— А какъ идетъ грамотность?

— Во всемъ Спасскомъ не наберешь и двухъ грамотныхъ; а такихъ, чтобъ писать могли—ни единаго! Въ сельской школѣ нѣтъ ни одной дѣвочки, мальчики—и тѣ на папиросы рвутъ свои азбуки, и очень скоро забываютъ грамоту.

Но, я долженъ сказать правду — крестьяне недолюбливали своего священника и ему не вѣрили.

Иванъ Сергѣевичъ, напротивъ, сколько я могъ замѣтить, пользовался ихъ благорасположеніемъ, и даже, что очень рѣдко, ихъ откровенностью. Много-бы онъ могъ сдѣлать для своихъ крестьянъ, если-бы чужбина его не отняла отъ насъ. Въ свой послѣдній пріѣздъ въ Россію и въ слѣдующій 1882 г., когда онъ въ Спасское писалъ къ женѣ моей, видно, какъ начиналъ онъ заботиться и о своей богадѣльнѣ, и о своей школѣ, и даже о здоровьѣ крестьянъ. Для школы имъ была рекомендована одна учительница, которая, какъ слышалъ я, въ послѣднее время даже дѣвочекъ пріохотила учиться грамотѣ. Для того, чтобъ крестьяне не оставались безъ медицинской помощи, онъ велѣлъ выдавать 200 р. въ годъ тому изъ мценскихъ врачей, кто возьмется наѣзжать въ Спасское и заходить къ больнымъ.

Во всё наше пребываніе въ Спасскомъ, и Тургеневъ, и я были очень рады, что нашъ репетиторъ Коцынъ безкорыстно и горячо взялся за леченіе крестьянъ, и съ такимъ успѣхомъ, и такое вдругъ заслужилъ ихъ довѣріе, что каждое утро, въ извѣстные часы, ѣхали и ползли къ нему больные. Пустая лѣтомъ школа, превратилась въ пріемную больныхъ и аптеку. Къ террасѣ не разъ приходили старики, старухи и бабы съ дѣтьми, чтобъ узнать, когда имъ можно будетъ видѣть лекаря. Иногда, въ пустыхъ болѣзняхъ, крестьянамъ и дѣтямъ ихъ помогала жена моя; иногда мнѣ приходилось защищать больныхъ отъ собакъ и провожать ихъ до школы, гдѣ они и садились на крылечко ожидать Коцына. Иногда съ Коцынымъ, на бѣговыхъ дрожкахъ, я заѣзжалъ въ избы, и разъ видѣлъ дѣвушку, лѣтъ 14-ти, которая внезапно заболѣла въ полѣ на покосѣ. Ее уже причащали, читали надъ ней отходную и готовили къ смерти. Коцынъ взялся ее вылечить. Когда мы вошли, дѣвушка лежала въ темной, душной избѣ, съ свѣтящимися щелями въ стѣнахъ. Полъ былъ земляной, съ ямой отъ бывшаго погреба. Кругомъ досчатой постели и по угламъ помѣщались мѣшки, клѣтушки, запертый сундучекъ и висѣло точило, въ берестовомъ футлярѣ. Больная была въ грязной рубашкѣ; ей было легче. Скоро она совершенно оправилась и черезъ недѣлю ужъ работала. И не мало было такихъ случаевъ.

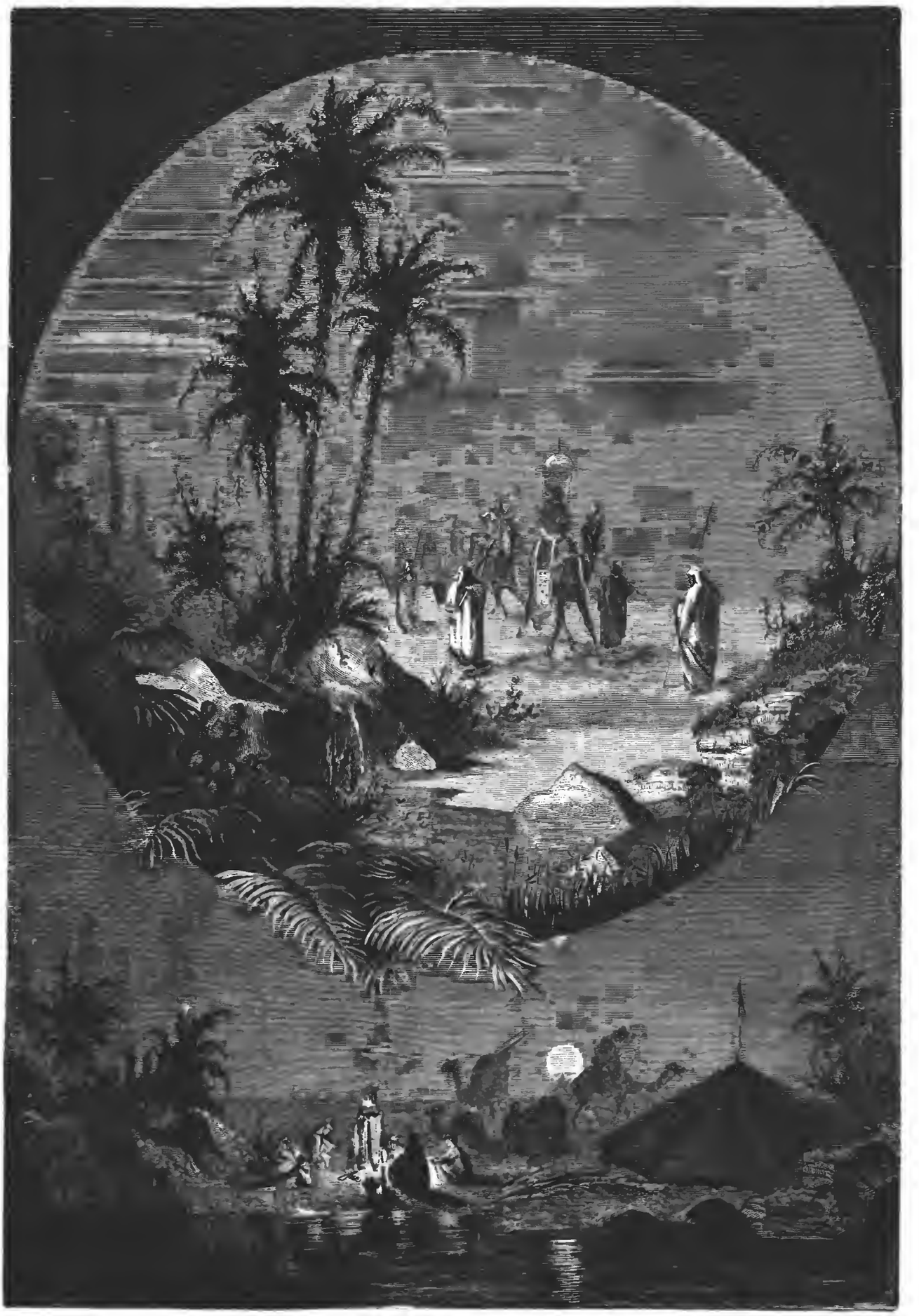
Слава о нашемъ студентѣ-лекарѣ прошла и въ другія деревни, и къ Тургеневу въ усадьбу стали привозить больныхъ верстъ за 15 за 20.

Коцынъ, еврей по происхожденію, даже съ богатыхъ мужиковъ, когда они ему совали въ руку деньги, ничего не бралъ, да къ тому-же это былъ очевидно медикъ по призванью. Внѣ уроковъ, и утромъ, и за обѣденнымъ столомъ, и вечеромъ за чаемъ, онъ только и говорилъ, что о своихъ больныхъ—никакого инаго разговора у него съ нами, или съ Тургеневымъ и не было.

Однажды, за обѣдомъ, Тургеневъ сказалъ Коцыну:—разные бываютъ врачи: я зналъ одного уѣзднаго врача; разъ съ его больнымъ случился обморокъ; „за докторомъ, скорѣй за докторомъ!" кричалъ этотъ уѣздный врачъ, котораго вся практика заключалась по большей части въ освидѣтельствованіи мертвыхъ тѣлъ.

А то одинъ помѣщикъ лечилъ крестьянъ—его и спрашиваютъ: знаетъ-ли онъ медицину?—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ;

Библиотека "Руниверс"



Литературный альбомъ. „Три пальмы“ М. Ю. Лермонтова. Оригр. рис. Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Король Іоаннъ англійскій подписываетъ Великую Хартію (19 Іюля 1215 г.).
Ориг. рис. Х. Мерте́, грав. Бренд'амуръ.

Библиотека "Руниверс"

я лечу не по медицинѣ, а по филантропіи... Разъ, онъ прописалъ одному мужику вымазаться дегтемъ и напиться меду—черезъ нѣсколько дней узнаетъ отъ жены больнаго, что ему легче.—Охъ! только ужь трудновато ему было бѣдному... какъ вымазался онъ мёдомъ-то, отъ мухъ и осъ отбою не было... да и деготь-то показался ему не вкусенъ... Ужь не оттого-ли онъ и выздоровѣлъ, что сдѣлалъ наоборотъ, иронически замѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ.

И такъ, если одно изъ самыхъ невѣжественныхъ, безграмотныхъ селеній, могло предпочесть лекаря знахарямъ и колдунамъ, то не зависитъ-ли это отъ личности самого лекаря, и не напрасны-ли жалобы иныхъ изъ числа уѣздныхъ эскулаповъ, что крестьяне у нихъ не хотятъ лечиться?

Тоже можно сказать и про школу, и про церковь. У народа, самаго грубаго, есть чутье, которое никогда его не обманываетъ. Горячее, искреннее слово—никогда не проходитъ даромъ. Всякое дѣло тогда только и свято, когда человѣческая душа вошла въ него.

Жаль, что Ивану Серг. не суждено было вернуться въ Спасское—многое предполагалъ онъ сдѣлать, и—лучше поздно, чѣмъ никогда.

Судя по всему, что разсказывалъ Тургеневъ о русскихъ крестьянахъ, онъ былъ далеко отъ нихъ не въ восторгѣ; но Иванъ Сергѣевичъ судилъ о народѣ только по тѣмъ образчикамъ, которые встрѣчалъ онъ у себя въ Спасскомъ, да въ степныхъ имѣніяхъ Орловской и Тульской губерній. Онъ никогда по Россіи не путешествовалъ, онъ не зналъ и сотой доли всей Россіи, и только по необычайной своей проницательности, многое въ ней угадывалъ; но ничто его такъ не приводило въ негодованіе, какъ модная мысль, что мы должны учиться у народа.—Учить его, говорилъ онъ—это я понимаю, а учиться!—чему учиться?!—Русскій простой мужикъ, уже позднѣе говорилъ мнѣ Тургеневъ, вовсе не такъ и жалостливъ, какъ его описываютъ, да и не можетъ онъ никого такъ любить, потому-что онъ и къ самому себѣ равнодушенъ. На его мѣстѣ, всякій—и французъ, и нѣмецъ, и испанецъ, и всякій былъ-бы безжалостенъ. Я помню, однажды, на охотѣ—я и мужикъ со мной,—охотились,—подошли къ оврагу, поросшему кустами. Страшный былъ оврагъ. Вдругъ, слышу: въ оврагѣ кто-то кричитъ и плачетъ,—голосъ ребяческій. Я тотчасъ-же бросился разыскивать кто кричитъ; но въ то время, какъ мы спускались, съ противоположной стороны оврага замѣтили мы,—къ тому-же мѣсту спускается другой мужикъ. Мы пріостановились и видимъ, какъ этотъ мужикъ вывелъ изъ оврага какого-то мальчика.—Ишь! отецъ за имъ пришелъ! замѣтилъ мой спутникъ. Мы вернулись, я его и спрашиваю: почему-же ты знаешь, что это его отецъ?—А то кто-же? нѣшто кромѣ отца кто-нибудь пошелъ-бы? да ни за-что,—ни въ жизнь! И это правда, мой проводникъ—тотъ-бы на крикъ не пошелъ.

Я замѣтилъ Ивану Сергѣевичу, что и этотъ случай обобщать не слѣдуетъ.

— Удивительно! продолжалъ Тургеневъ, въ Россіи все наоборотъ, все не такъ, какъ за границей. Тамъ, чѣмъ плодороднѣе почва, тѣмъ богаче жители, а у насъ—чѣмъ она плодороднѣе, тѣмъ они бѣднѣе, и чѣмъ хуже—тѣмъ богаче. Тамъ, чѣмъ добрѣе, щедрѣе и честнѣе владѣлецъ, тѣмъ болѣе его уважаютъ, цѣнятъ и любятъ; здѣсь-же, напротивъ, чѣмъ онъ лучше—тѣмъ ему хуже, и тѣмъ недружелюбнѣе, тѣмъ подозрительнѣе къ нему относятся.

Не даромъ для Ив. Серг., по его собственному признанію, русскій народъ былъ чѣмъ-то въ родѣ сфинкса или загадки.

XII.

Всякій разъ, когда Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ въ свое родное пепелище, для крестьянъ и бабъ онъ устраивалъ праздникъ въ своемъ саду, на площадкѣ передъ террасой. На этотъ разъ, почему-то праздникъ этотъ откладывался:—потому-ли, что ожидали окончанія сѣнокоса и работъ въ саду, или по причинѣ дурной погоды. Иванъ-же Сергѣевичъ очень часто находился въ страхѣ за свои ноги—онъ все боялся подагры, берегся сырости, и подозрительно слѣдилъ за всякимъ ощущеніемъ въ пальцахъ то одной, то другой ноги, такъ-какъ такія ощущенія бывали иногда зловѣщими признаками наступающей болѣзни. Разъ, около часу пополуночи, я зачитался и еще не спалъ. Кругомъ была тишина, слышно было только, какъ жужжали и стукались въ потолокъ шальныя мухи, какъ вдругъ, рѣзко раздался звукъ церковнаго колокола. Я дрогнулъ и поднялъ голову. Начался звонъ, неровный, безпорядочный звонъ. Не оставалось никакого сомнѣнія, что это набатъ. Не мы-ли горимъ, подумалъ я. Не наверху-ли, гдѣ спитъ мой сынъ, что-нибудь загорѣлось? Я и жена моя наскоро одѣлись; дѣти спали. Въ домѣ послышались шаги и шорохи. Заглянувъ на дворъ, я черезъ садъ прошелъ къ воротамъ. Церковный сторожъ стоялъ у колокольни, уже освѣщенной заревомъ, и дергалъ за веревку. Увидавши меня, онъ пересталъ звонить и указалъ мнѣ на красный дымъ, который поднимался надъ темными соломенными крышами села, въ полуверстѣ отъ усадьбы.—Это горитъ Спасское, сказалъ мнѣ сторожъ. Я пошелъ назадъ, чтобъ разбудить Тургенева, но въ спальной я уже засталъ его, за ширмами, на ногахъ и уже одѣвающимся. На ночномъ столикѣ горѣла свѣча, и на Ив. Серг., какъ говорится, лица не было.—Ну, сказалъ онъ, махнувъ сокрушенно рукой—сгоритъ вся деревня до тла, какъ есть, вся до тла сгоритъ!

Онъ уже надѣвалъ пальто и шапку, не спѣша, но хмурясь, и какъ-бы отчаиваясь.

Я сталъ его уговаривать.

— Иванъ, пожалуйста вспомни, что у тебя болѣла сегодня нога; неходи, ночь сырая, холодная... Берегись подагры. Не ходи!

— Какъ можно! отозвался онъ.—Обязанъ идти... Обязанъ! Надо!

— Да вѣдь ты простудишься!

— А что-же дѣлать!!—Сгоритъ все село до тла, до тла сгоритъ! повторилъ онъ, уже совсѣмъ стариковскимъ голосомъ, потряхивая головой и спускаясь съ террасы.

Я пошелъ провожать его.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—ты останься, у тебя больное колѣно и къ тому-же домъ пустъ—никого нѣтъ,—хоть шаромъ покати.

Я до околицы проводилъ его, узналъ, что горитъ не село, а кабакъ за селомъ, и вернулся.

Кабакъ этотъ стоялъ на краю деревни, въ саженяхъ тридцати отъ крайней избы, по ту сторону проселочной дороги, на чужой землѣ.

Безвѣтріе спасло Спасское.

Слышалъ я потомъ, что крестьяне, какъ-бы любуясь, обступили пылающій кабакъ, но и не думали тушить его. Кабакъ сгорѣлъ. Кабатчикъ, отважно спасая свое добро, получилъ не малое количество ножныхъ обжоговъ. Я видѣлъ, какъ на другой день ходилъ онъ по пожарищу и затѣмъ, присѣвъ на обгорѣлое бревно, тряпками сталъ перевязывать свои обжоги. Никакого при этомъ страданія отъ боли не выражало темное и суровое, и еще молодое лицо его.

Крестьяне знали, что вмѣстѣ съ кабакомъ сгорѣли всѣ, ими заложенныя вещи, и радовались, что у кабатчика сгорѣла вся его выручка. Кажется, они ошибались. Конечно, кабатчикъ увѣрялъ всѣхъ, что все у него погорѣло, и на другой день пришелъ къ Ив. Сергѣевичу просить его помощи.

Ив. Серг. далъ ему 25 руб.

Но и эта ничтожная помощь крестьянамъ не понравилась.

Библиотека "Руниверс"

— За что 25 р.! Не за то-ли ужь, что онъ насъ спаивалъ, да капиталы наживалъ; онъ и теперь насъ богаче—не пропадетъ! говорили мужики.

Точно онъ былъ главный виновникъ ихъ пьянства и раззоренья, а не они сами, не ихъ собственная воля.

Затѣмъ они приходили просить Ив. Серг., такъ распорядиться, чтобъ у нихъ кабака больше не было.

Ив. Серг. обѣщался имъ все сдѣлать, что только онъ будетъ въ силахъ.

— У васъ будетъ не кабакъ, а часовня, — рѣшилъ онъ,—а на основаніи закона, близь часовни *) новаго кабака начальство не дозволитъ выстроить.

Ив. Серг. былъ правъ, что загорись не кабакъ, а село,—все-бы село выгорѣло до тла—въ Спасскомъ и въ заводѣ не было пожарной трубы и бочекъ, да и пруды отъ села не такъ близки, чтобы можно было успѣшно добывать воду и тушить пожаръ.

И все мнѣ казалось, живи Ив. Серг. въ Россіи—въ селѣ Спасскомъ были-бы и пожарныя трубы, и бочки, разумѣется, если-бы кто-нибудь на это намекнулъ Ив. Серг.—На всякое добро, на всякую жертву онъ былъ готовъ, какъ человѣкъ щедрый и любящій; но едва-ли въ немъ самомъ была какая-нибудь иниціатива, или позывъ на ту или другую практическую дѣятельность, (помимо дѣятельности литературной).

XIII.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого пожара, состоялся деревенскій праздникъ. Жена моя должна была ѣхать въ Мценскъ для закупки лентъ, бусъ, платковъ, серегъ и т. п. Управляющій поѣхалъ за виномъ, пряниками, орѣхами, леденцами и проч. лакомствами.

Къ 7 часамъ вечера толпа уже стояла передъ террасой: мужики безъ шапокъ, бабы и дѣвки нарядныя и пестрыя, какъ раскрашенныя картинки, кое-гдѣ позолоченныя сусальнымъ золотомъ. Начались пѣсни и пляски. Въ пѣніи мужики не принимали никакого участія, они поочереди подходили къ ведру или чану съ водкой, черпали ее стеклянной кружечкой и, запрокидывая голову, выпивали. Только одинъ, пришлый мужикъ, въ красной рубашкѣ, и пѣлъ, и плясалъ, и кланялся, и подмигивалъ, и присвистывалъ. Помню—онъ спѣлъ какую-то сатирическую веселую пѣсню на господъ, и очень сожалѣю, что не записалъ ее. На террасѣ гостей было мало, было только семейство арендатора Щепкина и управляющій имѣніемъ сынъ его Н. А. съ супругой.

Лакомство раздавалось тоже поочереди,—мальчишки подставляли свои шапки, старухи платки, бабы и дѣвки фартуки.

Раздавая картинки и азбуки, закупленныя мною въ Питерѣ, я былъ удивленъ, какъ нашлось много на нихъ охотниковъ, даже дѣвочки полѣзли на террасу съ протянутыми руками.

— А ты будешь учиться грамотѣ? спросилъ я одну изъ дѣвочекъ—лѣтъ 11-ти.

— Ни! она замотала головой, жестомъ давъ мнѣ понять, что—ни за что на свѣтѣ! и отошла.—Зачѣмъ-же ей была нужна азбука?

За мужиками къ водкѣ подходили бабы и дѣвки, за ними дѣти, начиная съ 5-ти-лѣтняго возраста, если еще не моложе. Сами матери подводили ихъ.

Чѣмъ-же кончился праздникъ?

Ропотомъ крестьянъ, что вина было мало—всего только два чана (сколько въ нихъ было ведеръ—не помню). Они просили послать еще за виномъ. Управляющій сталъ ихъ стыдить и уговаривать.—И радъ-бы, говорилъ онъ, Ив. Серг. послать за виномъ, да куда? Въ Мценскъ далеко, а кабакъ, сами знаете, сгорѣлъ. Куда-же мы за виномъ пошлемъ!

Къ 10 часамъ вечера все уже было тихо. Нѣсколько пьяныхъ ночевало въ саду, подъ кустами, въ куртинахъ. Тѣмъ все и кончилось.

Ивана Сергѣевича больше всего занималъ типъ пришлаго мужика въ красной рубашкѣ, черноволосаго, съ живыми, быстрыми маленькими глазами, веселаго прилипалы, плясуна и любезника.

— Ты что думаешь? говорилъ мнѣ о немъ Тургеневъ,—въ случаѣ какого-нибудь безпорядка, бунта или грабежа, онъ былъ-бы всѣхъ безпощаднѣе, былъ-бы одинъ изъ первыхъ, даромъ, что онъ такъ юлилъ и кланялся. Ему очень хотѣлось, чтобъ ты далъ ему рубль или хоть двугривенный; а, между тѣмъ, слышалъ какую онъ про барскія причуды пѣсню пѣлъ? Это, братъ, типъ!

Я спросилъ Тургенева, зачѣмъ онъ не приказалъ мужикамъ надѣть шапки?

— Нельзя, сказалъ Тургеневъ. Вѣрь ты мнѣ, что нельзя! я народъ этотъ знаю, меня-же осмѣютъ и осудятъ.—Не принято это у нихъ. Другое дѣло, если-бы они эти шапки надѣли сами, тогда и я былъ-бы радъ.—И то уже меня радуетъ, говорилъ онъ въ другой разъ, сидя съ нами въ коляскѣ, когда мы катались,—что поклонъ мужицкій сталъ уже далеко не тотъ поклонъ, какимъ онъ былъ при моей матери. Сейчасъ видно, что кланяются добровольно—дескать почтеніе оказываемъ; а тогда отъ каждаго поклона такъ и разило рабскимъ страхомъ и подобострастіемъ. Видно Ѳедотъ—да не тотъ!

XIV.

— Есть люди, между прочимъ, говорилъ Тургеневъ, которые безпрестанно говорятъ: я это предвидѣлъ! Другіе говорятъ: я это предчувствовалъ! Третьи—бьюсь объ закладъ!

Былъ нѣкто судья Z, тотъ безпрестанно говорилъ, что бы ни случилось:—вообразите, я это предвидѣлъ! Вотъ, однажды, одного барина, съ которымъ онъ тяжбу велъ, до такой степени раздражилъ онъ своей болтовней, что тотъ, не говоря худаго слова, подошелъ къ нему сзади, да и далъ ему такой подзатыльникъ, что тотъ инда со стула свалился. Свалившись, онъ тотчасъ же закричалъ: а! я это предвидѣлъ! Затѣмъ поднялся крикъ, шумъ, брань и угрозы притянуть обидчика къ суду.

— Не можете вы судить меня, возразилъ обидчикъ, вы сами судья и судиться со мной должны не здѣсь, а въ другой губерніи, у другаго судьи; туда подавайте жалобу, а я скажу, что вы мой ударъ предвидѣли:—сами, при свидѣтеляхъ въ этомъ сознались. А если предвидѣли, то почему же вы не приняли никакихъ мѣръ и меня не остановили.

А нѣкто N безпрестанно держалъ пари. Однажды онъ и говоритъ: смотрите, вонъ идетъ какой-то господинъ! Я увѣренъ, что его зовутъ Иваномъ, бьюсь объ закладъ, что Иваномъ. Поспорили. Ну вотъ, чтобы доказать, что онъ не ошибся, да и ошибаться не можетъ, догоняетъ онъ прохожаго и спрашиваетъ его: извините, ради Бога, какъ васъ зовутъ? не Иваномъ-ли? Я, надо вамъ сказать, сейчасъ пари держалъ, что васъ зовутъ Иваномъ. Прохожій господинъ обернулся, поглядѣлъ на него, да и говоритъ: вотъ, если вы будете держать пари, что вы дуракъ, то сколько бы вы ни держали пари—всегда выиграете.

Сказавши это, прохожій преспокойно удалился отъ озадаченнаго такимъ отвѣтомъ вопрошателя.

Для такихъ анекдотовъ Тургеневъ былъ источникъ неисчерпаемый и, разумѣется, въ этихъ воспоминаніяхъ я пишу только то, что мною было мимоходомъ наскоро записано. Все же, здѣсь разсказанное, очевидно происходило до 27-го іюня, такъ-какъ подъ вышеизложенными анекдотами въ моей тетради стоитъ число 27.

XV.

27-го іюня, утромъ, Тургеневъ и жена моя поѣхали въ Мценскъ на станцію, и затѣмъ, по желѣзной дорогѣ,

*) Видъ этой часовни былъ помѣщенъ въ „Нивѣ" 1883 г. № 42.

Библиотека "Руниверс"

отправились въ Орелъ, во 1-хъ, за покупками: диванъ, на которомъ умерла мать Тургенева, найденный въ сараѣ, оказался еще годнымъ на то, чтобъ его, обить новой матеріей, стало быть, нужно было внести его въ комнату, поставить на предназначенное ему мѣсто, измѣрить и поѣхать въ городъ за матеріей.

Биліардъ въ библіотекѣ былъ бы еще очень годенъ къ игрѣ: и шары, и кіи были цѣлы; но лузы были прорваны—нужно было купить зеленые шнурки и сплести новые мѣшки для лузъ.

И наконецъ, самое главное, Коцынъ донесъ, что нужны ему кое-какіе медикаменты и оспенная матерія. У крестьянскихъ дѣтей нужно было прививать оспу и нѣчѣмъ. Иванъ Серг. поѣхалъ въ Орелъ, добывать оспенную матерію.

Онъ и жена моя вернулись изъ Орла въ тотъ же день къ вечеру, и никогда не забыть мнѣ, какъ Тургеневъ разсказывалъ намъ за чаемъ, и на другой день за обѣдомъ, о своихъ орловскихъ похожденіяхъ. Какъ былъ онъ у одной повивальной бабушки, потомъ у какихъ-то дѣвицъ—грязныхъ и стриженныхъ, и наконецъ, въ самое жаркое время дня, послѣ обѣда, въ какомъ-то пріютѣ, гдѣ засталъ всѣхъ сонными—дѣвушку, лѣтъ восемнадцати, спящую на диванѣ въ одной рубашкѣ, отца ея—спящаго за перегородкой, мать—спящую за ширмами, собаку—подъ столомъ;—какъ разбудилъ онъ дѣвушку, какъ она испугалась, побѣжала и какъ испугала отца, какъ отецъ испугалъ жену, и какъ собака, проснувшись, нехотя и лѣниво залаяла.

Конечно, разсказъ этотъ, подробности котораго я не помню, былъ въ нѣкоторой степени разукрашенъ творческой и живой фантазіей разскащика. Но, Боже мой, какъ онъ былъ комично-забавенъ и какъ мы всѣ хохотали.

Въ тотъ же день, 27-го числа, къ 12 часамъ ночи, въ Спасское прикатилъ Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ. Мы дожидались его въ столовой, усадили за самоваръ, и пробесѣдовали чуть ли не до 2-хъ часовъ пополуночи. Всѣ были въ самомъ веселомъ, даже можно сказать, въ восторженномъ настроеніи духа.

(До слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Зимніе обозы.

(Рис. на стр. 56 и 57).

Забѣлѣли поля, начались Рождественскіе морозы, пушистый снѣгъ падаетъ хлопьями, понеслись русскія мятели, навѣвая высокіе сугробы...

Идетъ зима...
Пришла, разсыпалась—клоками
Повисла по вѣтвямъ деревъ,
Легла волнистыми холмами
Среди полей, вокругъ лѣсовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою...

И заскрипѣли по дальнимъ дорогамъ безконечные обозы—везутъ они лѣсъ, дрова, всякіе припасы: дичь съ далекаго сѣвера, мороженую рыбу съ великой многорыбной Волги и съ Урала. Тянутъ усердно привычные кони, погромыхивая бубенцами, кряхтятъ на морозѣ, похлопывая рукавицами, обозчики, и съ удовольствіемъ разглядываютъ впереди полузанесенную снѣгомъ избушку на большой дорогѣ, гостепріимно свѣтящуюся своимъ окошкомъ, гдѣ можно отогрѣться и подкрѣпиться чаркой водки.

Въ Альгамбрѣ.

(Рис. на стр. 61).

Красавица прислонилась къ стѣнѣ знаменитаго дворца мавританскихъ владѣтелей Гренады. Она грустна и задумчива. Какая драма въ душѣ ея, зачѣмъ идетъ она по этимъ роскошнымъ переходамъ и что предполагалъ изобразить художникъ—намъ неизвѣстно. Быть можетъ, просто увлекла его идея сопоставить дивную красоту рѣзныхъ украшеній—золота, серебра, яркихъ цвѣтовъ киновари и ультрамарина, рисунковъ орнаментовъ, служащихъ фономъ надписямъ, переливающихся на фаянсовой мозаикѣ,—сопоставить съ чудной красотою женщины, такъ граціозно прислонившейся къ этой стѣнѣ.

„Три пальмы". Стих. Лермонтова.

(Рис. на стр. 64).

Широкая, могучая фантазія Лермонтова не ограничивалась одними русскими, народными сюжетами, черпая легко и свободно у всѣхъ странъ и народовъ, мотивы для своего творчества. Поэтъ, столь превосходно постигшій складъ нашего стариннаго народнаго быта, въ своей пѣснѣ про купца Калашникова. не менѣе чутко относился къ картинамъ народной жизни и природы, далеко отстоявшимъ какъ отъ предѣловъ его отечества, такъ и времени. Приводимъ одно изъ граціознѣйшихъ стихотвореній Лермонтова: „Три пальмы", послужившее сюжетомъ для прилагаемаго нами рисунка.

Передъ нами сказаніе чисто-восточнаго склада, имѣющее нѣкоторымъ образомъ моральное, поучительное значеніе. По волѣ Аллаха, въ пустынѣ спокойно, много лѣтъ росли три пальмы у студенаго источника. который, по словамъ поэта:

Журча пробивался волною холодной,
Хранимый подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

Но годы проходили, и ни одинъ путникъ не посѣтилъ еще этого оазиса, не склонился подъ кущей зелени, не освѣжился холодной волной источника. Пальмы наконецъ стали плакаться и роптать на свою долю, взывая къ Богу, что онѣ забыты Имъ въ пустынѣ безъ всякой пользы, оставлены на жертву вихря и зноя, не радуя ничьего благосклоннаго взора. Мольба ихъ была услышана. Только онѣ замолкли, какъ вдали показались очертанія приближающагося каравана.

Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Желаніе пальмъ исполнилось; караванъ подошелъ къ самому источнику и тутъ же раскинулся многолюдный и живой станъ; кувшины, звуча, наполнялись водою и восточныя красавицы, которыя во время долгаго пути лишь тоскливо поднимали смуглыми ручками узорныя полы походныхъ шатровъ, сверкая оттуда черными глазами, теперь могли отдохнуть подъ тѣнью роскошной зелени. Но какъ жестоко люди отплатили за гостепріимство!

Но только что сумракъ на землю упалъ
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ
И медленнымъ жгли ихъ до утра огнемъ.

Караванъ оставилъ послѣ себя лишь одинъ холодный и сѣдой пепелъ, который вѣтеръ разсѣялъ по пустынѣ; студеный ключъ осиротѣлъ, и пальмы, въ своемъ безумномъ ропотѣ на Аллаха, погубивъ себя, подготовили и его погибель.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ —
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ;
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ —
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Подписаніе Великой Хартіи.

(Рис. на стр. 65).

Въ концу XII вѣка высшее сословіе въ Англіи заняло такое исключительное положеніе, которое мало согласовалось съ ленными узаконеніями, введенными Вильгельмомъ Завоевателемъ. Уже Ричардъ I Львиное сердце, старался по возможности уменьшить права бароновъ. Еще болѣе заботился объ этомъ братъ и наслѣдникъ его Іоаннъ, царствованіе котораго съ самаго начала было несчастливо. Ричардъ I провозгласилъ Іоанна наслѣдникомъ престола, хотя племянникъ его, Артуръ Бретанскій, имѣлъ на это болѣе правъ. Артуръ, съ помощію французскаго короля Филиппа, сталъ домогаться своихъ правъ, но былъ убитъ. Тогда Филиппъ въ короткій срокъ захватилъ всѣ владѣнія англичанъ во Франціи, а также часть Пуату и Гіенну. Положеніе Іоанна сдѣлалось еще опаснѣе, послѣ того какъ въ 1205 г. онъ поссорился съ папою Иннокентіемъ III изъ-за замѣщенія архіепископа кентерберійскаго. Папа наложилъ на Іоанна отлученіе, а вассалы и бароны отложились отъ короля. Въ тоже время Филиппъ началъ готовить войско для войны съ Англіей. Въ отчаяніи Іоаннъ прибѣгъ къ папѣ. Въ маѣ 1213 года онъ сложилъ корону Англіи и Ирландіи съ тѣмъ, чтобы принять ее изъ рукъ папы взамѣнъ ежегодной уплаты 1000 фунтовъ стерлинговъ. Послѣ этого небывалаго униженія, желая

Библиотека "Руниверс"

снова пріобрѣсть значеніе, Іоаннъ высадился съ войскомъ на французскомъ материкѣ противъ короля Филиппа, былъ окончательно разбитъ при Бувенѣ въ іюлѣ 1214 г. и тогда на него обрушилось со всею силою неудовольствіе англійскихъ бароновъ, имѣвшихъ цѣлью ограничить права Іоанна и ввести родъ конституціи, основныя статьи которой были заимствованы изъ англосаксонскихъ законовъ. Также несчастливо, какъ и противъ внѣшнихъ враговъ, Іоаннъ боролся и съ баронами. Послѣдніе разбили войска короля, осадили Лондонъ и принудили Іоанна согласиться на ихъ условія и подписать ихъ. Условія эти изложены были въ такъ называемой „Великой Хартіи", которую король подписалъ всенародно, при торжественномъ собраніи чиновъ и властей. На лугу Рунимеде, возлѣ Темзы, 15 іюля 1215 года, состоялось подписаніе Великой Хартіи, положившей основаніе позднѣйшему политическому развитію Англіи. Великая Хартія обезпечила церкви, право выбора духовенства и управленія своимъ имуществомъ, привела въ порядокъ ленныя отношенія, поставила торговлю, промышленность, гражданъ и общественную жизнь подъ защиту закона и установила собраніе представителей страны, въ которое призывались: высшее духовенство, графы, бароны и прямые вассалы. На стр. 65 изображенъ торжественный моментъ подписанія Великой Хартіи. Посреди луга поставленъ королевскій тронъ. Его окружаетъ свита, духовенство. Канцлеръ подаетъ королю документъ, который тотъ подписываетъ стоя. На заднемъ планѣ видны башни и стѣны Виндзора. Подписаніемъ документа баронами и клятвой, данной королемъ и ими, соблюдать условіе, окончился этотъ важный историческій актъ. Не успѣли однако бароны

Врагъ у входа. Ориг. рис. Джіакомелли, грав. Руге.

Библиотека "Руниверс"

распустить войска, какъ король, сожалѣя о сдѣланной уступкѣ, просилъ папу признать недѣйствительнымъ этотъ вынужденный договоръ и выступилъ было противъ бароновъ. Смерть Іоанна, 19 октября 1216 г., положила однако конецъ его намѣреніямъ.

Врагъ у входа.

(Рис. на стр. 69).

Спеціалистъ по изображеніямъ міра пернатыхъ, извѣстный Джіакомелли, достигъ въ своемъ родѣ замѣчательнаго совершенства. Кто не видѣлъ и не знаетъ его прелестныхъ, граціозныхъ рисунковъ, въ которыхъ переданы мельчайшіе оттѣнки выраженія и движеній маленькихъ птичекъ!

Въ настоящемъ рисункѣ художникъ чрезвычайно мило и удачно изобразилъ страшный испугъ и ужасъ бѣдной, крохотной птички. Прилегѣвъ къ своему гнѣздышку, она вдругъ увидѣла какое-то неизвѣстное ей животное, которое ей кажется такимъ чудовищно-уродливымъ и огромнымъ, такъ зловѣще поводитъ своими длинными усами и смотритъ пристально, въ глубь гнѣзда, на маленькихъ, въ страхѣ притаившихся, желторотыхъ птенчиковъ. Но этотъ врагъ, однако, не такъ ужасенъ: поводивъ кругомъ усами, онъ скоро затрещитъ сухо и рѣзко крыльями и далеко, не сдѣлавъ никому вреда, упрыгаетъ на своихъ длинныхъ и крѣпкихъ ногахъ.

Шпагоглотатели.

(Рис. на стр. 72).

Когда докторъ вводитъ въ горло больнаго ложечку, кисточку или же бородку пера, то больной испытываетъ чрезвычайно непріятное ощущеніе. Всякое прикосновеніе къ органамъ глотки вызываетъ удушье и тошноту; органы эти съ трудомъ поддаются препятствію, мѣшающему свободному дыханію. Кто на себѣ лично не испыталъ этого непріятнаго ощущенія? Поэтому мы всегда удивляемся неподдающимся этому, такъ напримѣръ лицамъ, вводящимъ большіе и твердые предметы такъ глубоко въ горло, что невольно опасаешься, какъ бы они себѣ не повредили.

Подобные опыты продѣлываютъ обыкновенно шпагоглотатели, которые вкладываютъ въ горло или одну длинную шпагу, или по двѣ и по три вмѣстѣ, или же ружье штыкомъ внизъ, вызывая тѣмъ справедливое удивленіе въ публикѣ.

Извѣстная часть зрителей думаетъ обыкновенно, что шпагоглотатель умѣетъ такъ ловко замаскировать свой обманъ, что публикѣ только кажется, будто онъ пропускаетъ шпагу въ горло. Но зрители заблуждаются. Только нѣкоторые шпагоглотели прибѣгаютъ къ обману, за то фокусы ихъ не такъ разнообразны; большинство же дѣйствительно вводитъ шпагу въ глотку и пищепроводъ.

Вотъ какъ это происходитъ: органы глотанія, не смотря на ихъ чувствительность къ малѣйшему прикосновенію посторонняго тѣла, можно пріучить къ анормальнымъ прикосновеніямъ. Этой способностью органовъ пользуется медицина. Лица, страдающія нѣкоторыми болѣзнями горла и желудка, были бы обречены на голодную смерть, если бы ихъ не кормили помощью пищепроводной трубки изъ каучука, которую вводятъ въ горло также, какъ шпагоглотатели вводятъ шпагу. Черезъ верхній конецъ трубки больному вливаютъ бульонъ или молоко. Для того, однако, чтобы имѣть возможность ежедневно пользоваться пищепроводной трубкой, больной долженъ долго привыкать къ ней. Первое введеніе трубки въ горло очень непріятно и бываетъ только простымъ, моментальнымъ прикосновеніемъ, второе—уже менѣе чувствительно, и наконецъ послѣ многократныхъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ опытовъ, больной привыкаетъ настолько, что безъ особенно непріятнаго чувства можетъ ввести себѣ въ горло отъ 30 до 40 центиметровъ трубки. Полосканіе желудка теплою водою, при помощи длинной, гибкой каучуковой трубки, тоже требуетъ привычки, но въ нѣсколько дней больной также пріучаетъ свои органы къ этому.

Только долгій навыкъ даетъ шпагоглотателямъ возможность вводить въ горло большіе, твердые и даже острые предметы. Глотатели ложекъ и вилокъ проходятъ туже школу. Но опыты эти гораздо опаснѣе предъидущихъ. Извѣстно, что пищепроводъ всасываетъ вводимые предметы, и если ложка или вилка, которыя держатся только большимъ и указательнымъ пальцемъ, упадетъ въ желудокъ, то извлеченіе ихъ возможно только посредствомъ мучительной хирургической операціи.

Не всѣ шпагоглотатели дѣйствуютъ одинаково. Одни прямо глотаютъ шпагу, но тогда, незамѣтно для публики, они надѣваютъ на остріе маленькій, гуттаперчевый шарикъ (фиг. II F и G). Иные не прибѣгаютъ даже къ этой предосторожности; во большинство ранѣе выхода на сцену проглатываютъ очень тонкую металлическую трубку, длиною отъ 45 до 50 центиметровъ (фиг. II B). Шпага проникаетъ прежде всего въ ротъ и горло, потомъ въ пищепроводъ, проходитъ отверстіе желудка и попадаетъ въ глубь его. При естественномъ положеніи человѣка, органы эти находятся не въ прямой линіи; при прохожденіи шпаги они видоизмѣняются. Голова откидывается назадъ для того, чтобы ротъ приходился на линіи горла, загибы послѣдняго уничтожаются или уменьшаются, уголъ, который образуетъ пищепроводъ съ желудкомъ, выравнивается и наконецъ этотъ послѣдній вытягивается по вертикальному направленію, внутренній изгибъ его исчезаетъ, что даетъ возможность шпагѣ дойти до малаго заворота (фиг. III). Для достиженія этого результата, желудокъ долженъ быть пустъ, т. е. шпагоглотатель долженъ ничего не ѣсть. Длина запускаемой шпаги обусловливается общей длиною проходимыхъ ею органовъ, которая равняется 55 до 62 центиметровъ.

Шпагоглотатели оказали важныя услуги медицинѣ. Одному изъ нихъ шотландскій докторъ Стевенсъ обязанъ своими первыми опытами, въ 1777 году, надъ желудочнымъ сокомъ человѣка. Для этого онъ заставлялъ акробата вводить въ желудокъ металлическую, съ дырочками, трубку, наполненную говядиною, и вынимать ее послѣ нѣкотораго времени обратно.

Въ заключеніе упомянемъ объ обманныхъ представленіяхъ шпагоглотателей. Нѣкоторые, выходя на сцену съ привязанной бородой, очень ловко запускаютъ въ нее шпагу, которая входитъ въ трубку, спрятанную подъ платьемъ. Другой, болѣе остроумный способъ, заключается въ употребленіи шпаги, входящей при надавливаніи въ рукоятку и по наружному виду не отличающейся ничѣмъ (фиг. II Д). Зрителю представляется, что шпага пропущена фокусникомъ внизъ, она, напротивъ, подается вверхъ (фиг. II E).

Библіографія.

Le globe terrestre. Ebhardt. Paris. 1884. Это роскошное изданіе,—популярное сочиненіе по физической географіи, составленное Клейномъ и Тома,—нельзя не рекомендовать и не пожелать ему возможно большаго распространенія. Изложеніе отличается большими достоинствами, и очень популярно. Рисунковъ множество, и всѣ они исполнены замѣчательно хорошо.

Безкровное убійство. Романъ въ 2 ч. А. Соколова. Любители такого рода чтенія, найдутъ въ этомъ романѣ много интереснаго.

Содержаніе его взято, повидимому, изъ дѣйствительнаго происшествія и разсказано съ свойственною автору его живостью и рельефностью.

Политическое обозрѣніе.

Египетъ.—Франція и Китай.—Сербія.

Египетскія событія съ каждымъ днемъ принимаютъ все болѣе и болѣе угрожающій характеръ: для Англіи они становятся источникомъ всякаго рода безпокойствъ и затрудненій; извнѣ они заставляютъ правительство принимать рѣшительныя мѣры для борьбы; внутри начинаютъ угрожать большими опасностями. Такъ, по позднѣйшимъ депешамъ изъ Хартума, сообщаютъ, что населеніе по обѣимъ сторонамъ Голубаго Нила уже объявило себя на сторонѣ Махди. Кромѣ того, по извѣстіямъ изъ Триполиса, шейхъ Сенусси двинулся на соединеніе съ Махди, что представляетъ большую опасность, такъ какъ вліянію и авторитету Сенусси подчиняется не только все побережье, отъ Триполиса до границы Египта, но и вся Нубійская пустыня и кромѣ того арабскія племена, населяющія берега Суэзскаго канала. Въ виду этихъ важныхъ событій, египетское правительство дѣйствуетъ съ замѣчательною робостью и нерѣшительностью. Въ Каирѣ все еще разсуждаютъ о томъ, какими средствами могло бы быть предотвращено отдѣленіе отъ египетской власти Судана, и ведутся безплодные переговоры то съ разными шейхами, то съ абиссинскимъ королемъ. Послѣдній требуетъ, чтобы ему уступили всю страну Богхосъ и портъ Массуа; въ противномъ случаѣ онъ угрожаетъ Египту войной. Египетское правительство, съ своей стороны, изъявляетъ готовность уступить страну Богхосъ и портъ Зулла, находящійся на окраинѣ глубокой бухты, неподалеку отъ Массуа. Но въ тоже время правительство хедива требуетъ, въ видѣ вознагражденія, содѣйствія короля Іоанна противъ сконищъ Махди. При всей тягости условій, предложенныхъ абиссинскимъ королемъ, въ Каирѣ полагаютъ, что соглашеніе все таки состоится. Англійскія газеты сообщаютъ, что англійское правительство, признавая своею обязанностью сдѣлать все возможное, чтобы освободить Египетъ изъ затруднительнаго положенія, вызвало изъ Брюсселя генерала Гордона, извѣстнаго усмиреніемъ тайпинговъ по порученію китайскаго правительства и въ теченіи многихъ лѣтъ управлявшаго провинціями Судана именемъ хедива Исмаила. Генералу Гордону поручается англійскимъ правительствомъ, вопервыхъ, донести о военномъ положеніи Судана; во вторыхъ—принять необходимыя мѣры для обезпеченія безопасности европейскаго населенія и египетскаго гарнизона, находящагося въ Хартумѣ, и въ третьихъ, наконецъ, обезпечить очи-

Библиотека "Руниверс"

щеніе Судана, за исключеніемъ портовъ. Для возстановленія порядка въ возмутившихся провинціяхъ, Гордонъ предлагаетъ довольно практическое средство. Онъ желалъ бы получить отъ султана разрѣшеніе, навербовать 4,000 волонтеровъ изъ запаса Оттоманской арміи и присоединить къ нимъ 2,000 белучисовъ, служившихъ въ индійско-англійской арміи. По его мнѣнію—эти войска, если отдать ихъ подъ команду Бэкера-Паши, будутъ совершенно достаточны, чтобы вновь овладѣть Суданомъ. Проектъ Гордона не представляетъ особыхъ затрудненій для своего выполненія, такъ какъ Султанъ начинаетъ благосклонно относиться къ хедиву и есть основаніе предполагать, что онъ не откажетъ ему въ вооруженной помощи.

По словамъ французскихъ газетъ, вскорѣ начнутся переговоры между Франціей и Китаемъ, при чемъ будутъ поставлены слѣдующія условія: Франція требуетъ цѣлыхъ бассейновъ рѣкъ Красной и Сонгъ-Кау. Такимъ образомъ граница приметъ направленіе отъ моря до Лангъ-Сона, отъ Лангъ-Сона пойдетъ до Као-Банга, и отъ этого послѣдняго города до Лаонаи, гдѣ будетъ учреждена таможня. Сверхъ этого Франція потребуетъ для своихъ враговъ—„Черныхъ флаговъ"—амнистіи съ правомъ вернуться въ Китай, что конечно было-бы лучшимъ средствомъ избавить Тонкинъ отъ ихъ присутствія. Въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ „Черныхъ флаговъ", французы, пока, не принимаютъ ничего рѣшительнаго. Начальникъ штаба при адмиралѣ Курбэ, полковникъ Баденсъ, предпринявъ рекогносцировку, убѣдился, что городъ Хонгъ-Хоа покинутъ „Черными флагами", вслѣдствіе чего, потребовалъ присылки ему подкрѣпленій, чтобы занять этотъ пунктъ. Теперь предстоитъ еще экспедиціонной арміи овладѣть Бакъ-Нингомъ, и какъ полагаютъ, адмиралъ Курбэ не станетъ ожидать прибытія генерала Мильо съ подкрѣпленіями и аттакуетъ Бакъ-Нингъ съ тѣми силами, которыя имѣются въ его распоряженіи, тѣмъ болѣе, что легкость взятія Сонгъ-Тая и Хонгъ-Хоа, убѣдили французовъ, что со стороны ихъ непріятелей едва ли можно ожидать упорнаго сопротивленія.

Сербское возстаніе теперь стало извѣстно во всѣхъ подробностяхъ, по оффиціальному документу, такъ какъ Христичъ представилъ объ немъ сербскому королю особое донесеніе. Въ этомъ документѣ, первый министръ обвиняетъ въ подстрекательствѣ къ возмущенію радикальную партію и возлагаетъ на нее всю тяжесть отвѣтственности за безпорядки, вспыхнувшіе въ различныхъ частяхъ королевства. Изъяснивъ причины возстанія, первый министръ приводитъ подробныя статистическія данныя по дѣлу усмиренія мятежа, производившемуся въ Зайчарскомъ военномъ судѣ. По этимъ даннымъ оказывается, что къ смертной казни были приговорены 94 обвиняемыхъ; изъ нихъ 10 скрылись, 1 лишилъ себя жизни, 63-мъ наказаніе смягчено и 20 казнены. Къ каторжнымъ работамъ приговорено 567 мятежниковъ, 5—къ заключенію въ крѣпостяхъ, 68—къ тюремному заключенію и наконецъ 75—оправданы.

По поводу пребыванія въ Вѣнѣ г. Гирса „Pester Lloyd" говоритъ: „Какъ и слѣдовало ожидать, русскому министру иностранныхъ дѣлъ, г. Гирсу, оказанъ въ Вѣнѣ и дворомъ, и правительствомъ особенно блестящій пріемъ. Въ Австріи, очевидно, хотятъ показать всему свѣту, что отношенія между Петербургомъ и Вѣною имѣютъ безусловно дружественный характеръ, и что съ обѣихъ сторонъ преобладаетъ желаніе удержать эти взаимныя отношенія на хорошей ногѣ. Дѣйствительно, иностранная печать готова истолковать посѣщеніе г. Гирса въ этомъ смыслѣ, отвѣчающемъ общей потребности въ мирѣ. Что на русскаго министра не возложено въ Вѣнѣ никакого особеннаго порученія, и что для переговоровъ о спеціально политическихъ вопросахъ вообще не представляется повода, это само собою вытекаетъ изъ нынѣшняго политическаго положенія, и мы повѣрили бы этому даже въ томъ случаѣ, если бы эта фраза не прискучила всѣмъ въ послѣднее время, отъ частаго повторенія. Пока на Балканскомъ полуостровѣ господствуетъ полное спокойствіе, и у всѣхъ великихъ державъ нѣтъ интереса болѣе настоятельнаго, чѣмъ сохраненіе мира, до тѣхъ поръ отношенія между Австро-Венгріею и Россіею будутъ самыя лучшія, и мы желаемъ, чтобы эти предположенія остались въ силѣ еще долгое время".

Смѣсь.

Мормоны въ Америкѣ. На происходящемъ въ настоящее время конгрессѣ Сѣверо-Американскихъ штатовъ въ Вашингтонѣ будетъ, между прочимъ, разсматриваться и вопросъ о мормонахъ; такъ такъ всѣ мѣры, принятыя до сихъ поръ союзнымъ правительствомъ къ тому, чтобы прекратить допускаемое ихъ религіозными воззрѣніями многоженство и положить конецъ ихъ безчинствамъ въ Утахѣ, не приводили ни къ какимъ результатамъ. Вопросъ этотъ въ высшей степени сложный и потребуетъ большихъ усилій для удачнаго разрѣшенія, такъ какъ приходится имѣть дѣло съ населеніемъ, чуждымъ просвѣщенію и безусловно преданнымъ сектѣ, которое безъ труда можно сдѣлать самыми ярыми фанатиками.

Мормонское населеніе, за исключеніемъ американцевъ, составляютъ переселенцы изъ Даніи, Швеціи, Норвегіи, Валлиса и нѣкоторыхъ другихъ частей Англіи и незначительное число чеховъ и пруссаковъ. Число коренныхъ, природныхъ американцевъ между мормонами не велико, но всѣ болѣе или менѣе важныя церковныя должности находятся въ ихъ рукахъ; церковь же у мормоновъ играетъ весьма важную роль: рядомъ съ религіей она управляетъ всѣми общественными дѣлами и даже такія обыденныя вещи, какъ вода для орошенія полей и топливо, также не минуютъ, въ религіозномъ и особенно въ матеріальномъ отношеніи, ея власти.

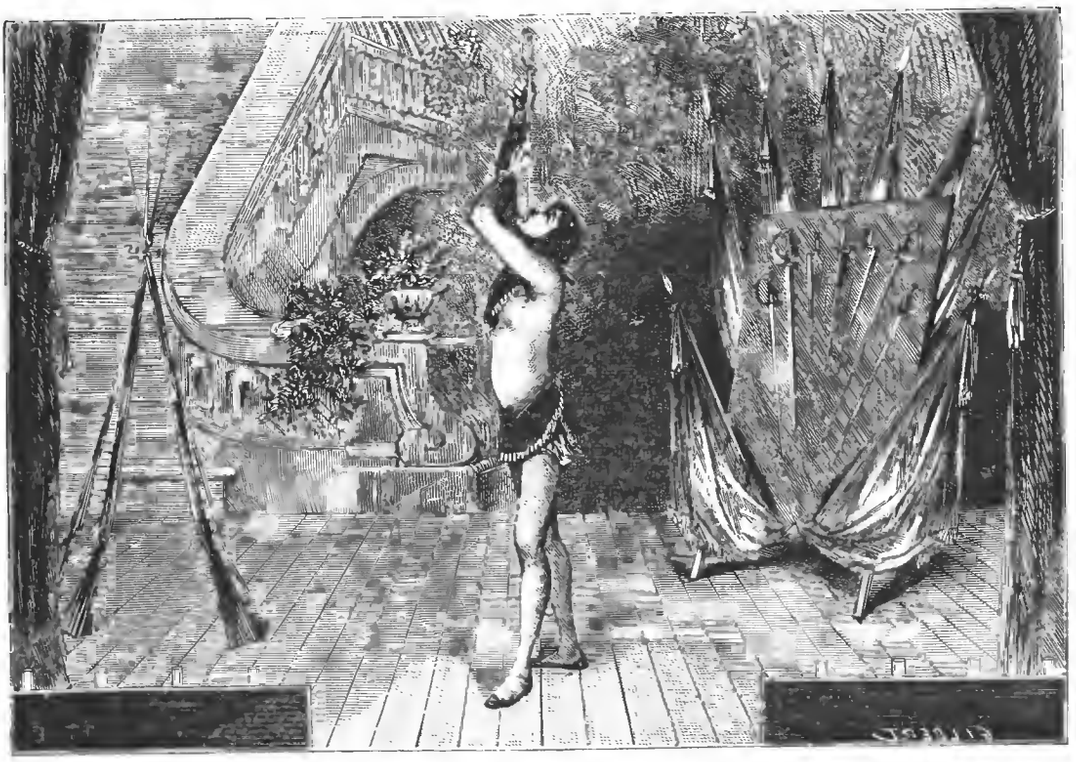
Нѣсколько лѣтъ тому назадъ полагали, что съ проведеніемъ желѣзной дороги установится живое сообщеніе между мормонской территоріей и остальнымъ міромъ, что Утахъ наводнится не мормонами въ громадномъ числѣ и секта эта, потерявъ численный перевѣсъ надъ переселенцами, не будетъ въ силахъ тѣснить и выживать ихъ изъ новаго отечества; однако всѣ эти разсчеты и ожиданія совсѣмъ не оправдались. Мормоны продолжаютъ представлять собой совершенно замкнутое общество, которое не только не утратило своей силы, но даже сдѣлало значительный успѣхъ внѣ своей территоріи, разсылая всюду проповѣдниковъ. Въ Утахѣ они захватили въ свои руки всѣ земли, годныя къ воздѣлыванію, и если новый поселенецъ, несолидарный съ ихъ религіозными воззрѣніями, находитъ себѣ годный клочекъ земли, то сосѣди его, мормоны, такъ называемой „системой вымораживанія" дѣлаютъ жизнь его на столько невыносимой, горькой, что единственнымъ исходомъ является отказаться отъ своего намѣренія и отправиться куда-нибудь дальше. Ему отрѣзываютъ воду, которая служитъ для орошенія полей; стараются разогнать его скотъ такъ, чтобы онъ никогда не возвратился, и никто не пойдетъ за нимъ; никто не поможетъ ему, если онъ находится въ затруднительномъ положеніи или впадетъ въ нужду. Словомъ, онъ видитъ себя окруженнымъ сосѣдями, которые всячески стараются нанести ему вредъ, оставляя его на произволъ судьбы; онъ долженъ считать себя еще счастливымъ, если дѣло обойдется безъ насилія противъ его личности. Иногда такіе переселенцы пропадаютъ безслѣдно и никто не можетъ доискаться, что съ ними случилось. Такимъ путемъ мормоны держатъ въ своихъ рукахъ всѣ годныя къ заселенію земли Утаха. Немормоны встрѣчаются здѣсь только въ большихъ мѣстечкахъ въ качествѣ торговцевъ, или обитаютъ въ горахъ, занимаясь добываніемъ металловъ. Но число тѣхъ и другихъ на столько незначительно, что сельское населеніе мормоновъ имѣетъ громадный надъ нимъ перевѣсъ. Кромѣ того мормонскія поселенія хотя медленно, но прочно продолжаютъ тѣсно сплоченными группами выдвигаться впередъ на сѣверной границѣ Утаха въ Идохо, на восточной—въ Віомингъ и на южной—въ Аризонъ; и туда, гдѣ они поселятся, вносится та-же „система вымораживанія", такъ что земледѣльческій округъ, гдѣ мормоны появились въ значительномъ числѣ, дѣлается невозможнымъ для житья лицъ, имѣющихъ другія религіозныя воззрѣнія. Въ этой обособленности и сплоченности и лежитъ та сила, съ которой сопротивляется мормонство вторженію чуждыхъ элементовъ. Такимъ образомъ вопросъ о мормонахъ, которые дозволяютъ себѣ всякаго рода безчинства и руководствуются единственно своимъ произволомъ, является весьма настоятельнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма труднымъ. Законнымъ поводомъ къ возбужденію вопроса о мормонахъ послужило многоженство, которое предполагается воспретить имъ. Но пусть даже многоженство будетъ уничтожено и преслѣдуемо самыми строгими законными мѣрами, все же это не ослабитъ силы мормоновъ и вреднаго ихъ вліянія на край.

Императоръ Францъ-Іосифъ и его китайскій титулъ. Одинъ живущій въ Пекинѣ американскій миссіонеръ, занимающійся изученіемъ китайскаго языка, обратилъ недавно вниманіе австрійскаго консула въ Шанхаѣ, что титулъ, которымъ именуетъ китайское правительство австрійскаго императора Франца-Іосифа при дипломатическихъ сношеніяхъ, не тотъ, который долженъ придаваться императору. Вмѣсто того, чтобы величать его „Гуангъ-Шангъ" (ваше величество), они называютъ его „Гуангъ-Ти" (титулъ регента). Хотя синологъ Мейеръ, въ своемъ китайскомъ словарѣ, говоритъ, что оба эти выраженія означаютъ слово императоръ, и доказываетъ это тѣмъ, что титулъ „Гуангъ-Ти" присваиваетъ себѣ и самъ китайскій императоръ, а слѣдовательно онъ можетъ употребляться и по отношенію къ Францу-Іосифу.

Американская пшеница. Въ Нью-Іоркской земледѣльческой газетѣ помѣщено весьма пространное и обстоятельное разсужденіе о главномъ американскомъ сельскомъ продуктѣ—пшеницѣ и объ упадкѣ культуры ея въ штатѣ Мичиганъ. 30 лѣтъ тому назадъ бѣлая пшеница Мичигана пользовалась такой громадной извѣстностью, какъ никакіе другіе сорта; но въ послѣднее время качество ея мало по малу начало ухудшаться и покупатели перестали отдавать ей предпочтеніе: трудно, конечно, допустить, чтобы причиной этому были одни только неблагопріятныя атмосферическія условія, такъ упорно повторяющіяся изъ года въ годъ. Напротивъ, скорѣй можно предположить, что причиной этому служитъ нераціональное хозяйствованіе, истощающее въ конецъ когда-то богатую почву. Въ началѣ, точно также, какъ это имѣло мѣсто съ плодороднѣйшей почвой Калифорніи, гдѣ получался изумительно богатый сборъ въ сто четвериковъ пшеницы съ одного акра (нѣсколько больше 1/3 десятины),—для полученія обильной жатвы не требовалось больше ничего, какъ вспахать землю и заборонить зерно. И то и другое,—какъ плугъ, такъ и борона,—дѣлали свое дѣло лишь самымъ поверхностнымъ, небрежнымъ обра-

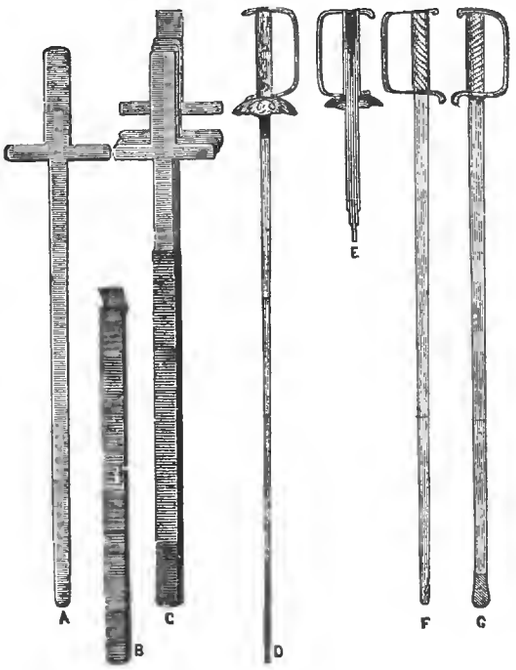
Библиотека "Руниверс"

зомъ; однако, не смотря на это, результаты всегда получались такіе, на которые ни въ какомъ случаѣ нельзя было пожаловаться. Такимъ образомъ въ теченіи сорока лѣтъ почва не получила никакихъ удобреній въ послѣдніе года. Установившійся взглядъ, что плодородіе почвы прерій неистощимо и что она не требуетъ никакихъ унавоживаній, стало въ послѣднее время падать и сельскіе хозяева пришли къ



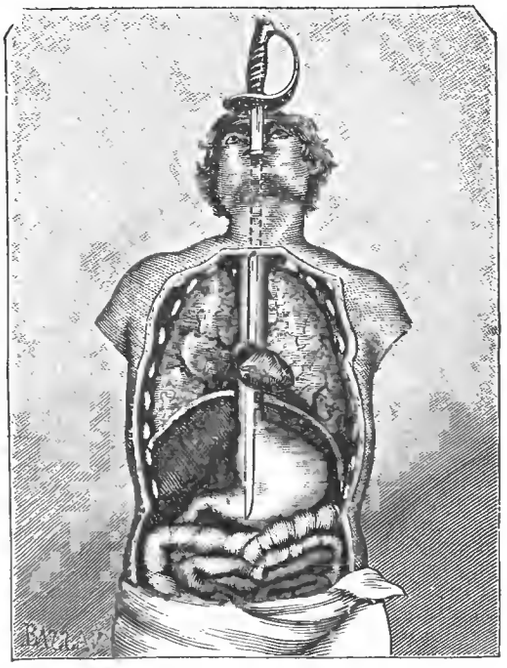
Шпагоглотатель. Фиг. I. Рис. Жильберъ, грав. Тилли.

убѣжденію, что если не поддерживать поля удобреніями, то неминуемо должны наступить неурожаи, что и выказалось съ особенной ясностью въ Мичиганѣ, гдѣ урожаи съ 1874 года пали почти на 50%, именно съ 35 на 18 четвериковъ съ акра. Это громадное уменьшеніе количества сбора указываетъ прямо на истощеніе производительной силы почвы. Также замѣчено было уже давно, что мука изъ мичиганской



Фиг. II. Принадлежности опытовъ шпагоглотателя.

пшеницы, по какой-то странной причинѣ, стала утрачивать свои существенныя свойства, необходимыя для полученія вкуснаго и питательнаго хлѣба. Причиной этому, какъ теперь стало для всѣхъ ясно, служитъ отсутствіе въ почвѣ необходимыхъ элементовъ, уничтоженныхъ хищническимъ хозяйствомъ. Во всякомъ случаѣ, если разсужденія эти и трактуютъ объ истинѣ давно уже всѣмъ извѣстной, что дѣвственныя силы почвы не неистощимы, то съ другой стороны они указываютъ на весьма важное обстоятельство, что для американскихъ прерій наступилъ уже тотъ періодъ, когда однѣхъ естественныхъ силъ почвы для полученія обильнаго урожая уже становится недостаточно, что необходимо теперь поддерживать, возстановлять производительность земли искусственнымъ удобреніемъ. А этотъ послѣдній фактъ, съ своей стороны, говоритъ намъ за то, что американская пшеница, не стоившая прежде земледѣльцу большихъ затратъ труда и капитала, при настоящихъ условіяхъ уже не можетъ представить такой могущественной конкуренціи на европейскихъ рынкахъ съ нашимъ русскимъ зерномъ.



Фиг. III. Положеніе клинка въ горлѣ шпагоглотателя.

Свѣтовыя явленія ночнаго неба. Въ послѣднее десятилѣтіе очень часто наблюдалось временное освѣщеніе ночнаго неба, но никто еще не объяснилъ причины его. Это очень странное явленіе длится въ теченіи самаго короткаго числа минутъ, обыкновенно въ полночь. Во время своихъ наблюденій надъ перемѣннымъ свѣтомъ

Библиотека "Руниверс"

не постоянныхъ звѣздъ, въ Парижѣ имѣли случай видѣть измѣняющееся освѣщеніе неба, которое въ большинствѣ происходило въ мартѣ и іюлѣ мѣсяцахъ. Ночь была очень ясная, совершенно тихая. термометръ стоялъ на 0°. Млечный путь видѣнъ былъ во всемъ своемъ величіи. По прошествіи четверти часа вдругъ наступило загадочное освѣщеніе полуночнаго неба; прежде совершенно темное, почти какъ уголь черное небо, стало свѣтлѣе и какъ бы дымилось. Въ другой разъ, въ іюлѣ, это явленіе наблюдалось при совершенно другихъ обстоятельствахъ; въ то время, когда на сѣверѣ были сильныя сумерки, тучи вдругъ освѣтились и спустя нѣкоторое время опять приняли обычную для середины лѣта темноту. Явленіе это связываютъ съ испареніями и образованіями облаковъ. при чемъ происходитъ процессъ слабаго отдѣленія свѣта въ атмосферу, законы котораго, впрочемъ, пока еще неизвѣстны.

Старинные городскіе часы Нюренберга. Придворный часовой мастеръ Густавъ Шнекгартъ, нашелъ недавно, между старымъ желѣзомъ, старинные городскіе часы и подарилъ ихъ германскому музеуму. Онъ утверждаетъ, что это, безъ сомнѣнія. древнѣйшіе колесные часы, сдѣланные около 1400—1420 годовъ. Они находились первоначально на колокольнѣ церкви св. Себастьяна въ Нюренбергѣ и служили указателемъ времени для городскихъ обывателей. По этимъ часамъ сторожъ, находившійся всегда на колокольнѣ, извѣщалъ жителей ударами громаднаго молота въ церковный колоколъ о каждомъ истекшемъ часѣ. Молотъ этотъ вѣсилъ три пуда и былъ вмѣстѣ съ колоколомъ „Бенедикта“ изготовленъ для церкви въ 1392 году. Циферблатъ указываетъ дѣленіе двѣнадцати часовъ, кромѣ того по окружности его равномѣрно распредѣлены шестнадцать гвоздиковъ съ круглыми шляпками, а самый верхній изъ нихъ, находящійся тамъ, гдѣ стоитъ цифра двѣнадцать, снабженъ, кромѣ того, шпинькомъ. Эти шестнадцать гвоздиковъ означали шестнадцать часовъ, такъ какъ въ Нюренбергѣ длиннѣйшій день и самая большая ночь равняются именно этому числу часовъ и служили для того, чтобы сторожъ и ночью безъ свѣчи могъ узнавать время и возвѣщать объ этомъ городу. Онъ нащупывалъ сначала гвоздикъ со шпинькомъ и затѣмъ подвигалъ руку вправо, считая шляпки, до тѣхъ поръ пока не встрѣчалъ конецъ часовой стрѣлки, и такимъ образомъ число сосчитанныхъ гвоздиковъ указывало ему количество ударовъ, которое онъ долженъ былъ сдѣлать въ колоколъ. Къ этимъ выводамъ Шнекгартъ пришелъ на томъ основаніи, что ему удалось найти подъ теперешней окраской циферблата, которая мѣстами обсыпалась, дѣленія шестнадцати часовъ съ римскими цифрами. При новомъ дѣленіи дня и ночи на двѣнадцать часовъ,— что было введено около 1560—1580 годовъ—старое часовое колесо замѣнили новымъ, а циферблатъ закрасили и сдѣлали дѣленія двѣнадцати часовъ.

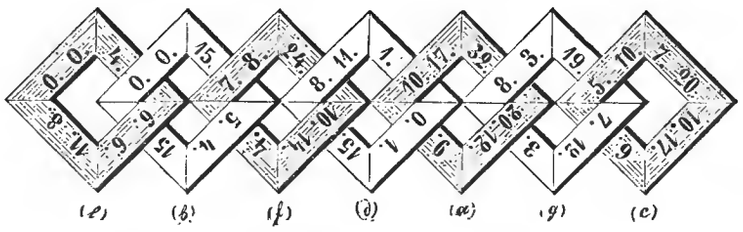
Найденные часы безъ боя, но имѣютъ родъ будильника, который каждый часъ ударялъ молоткомъ въ звонокъ и тѣмъ призывалъ сторожа къ исполненію обязанности: объявлять Нюренбергу о времени. Не смотря на ихъ глубокую древность и на то, что они въ теченіи почти ста лѣтъ валялись, покрытые ржавчиной, въ пыли и грязи, будучи заведены, шли и вѣрно указывали время.

Рѣшеніе ребуса № 59
(помѣщ. въ № 48 „Нивы“ 1883 г.).

Доброе житье въ людяхъ умъ рождаетъ, а поскудное — послѣдки разума отнимаетъ.

Рѣшеніе задачи № 61
(помѣщ. въ № 50 „Нивы“ 1883 г.).

„Отъ кого чаютъ, того и величаютъ“.



Сумма чиселъ лѣвой верхней стороны:		Сумма чиселъ лѣвой нижней стороны:	
1-го звена	= (0 + 0)	1-го звена	= 11 + 8 = 19 = т
2-го „	= (0 + 0)	2-го „	= 15 + 0 = 15 = о
3-го „	= 7 + 8 = 15 = о	3-го „	= 4 + 0 = 4 = г
4-го „	= 8 + 11 = 19 = т	4-го „	= 15 + 0 = 15 = о
5-го „	= 10 + 17 = 27 = ъ	5-го „	= 9 + 0 = 9 = и
6-го „	= 8 + 3 = 11 = к	6-го „	= 3 + 0 = 3 = в
7-го „	= 5 + 10 = 15 = о	7-го „	= 6 + 0 = 6 = е
Сумма чиселъ правой верхней стороны:		**Сумма чиселъ правой нижней стороны:**	
1-го звена	= 4 + 0 = 4 = г	1-го звена	= 6 + 6 = 12 = л
2-го „	= 15 + 0 = 15 = о	2-го „	= 5 + 4 = 9 = и
3-го „	= 24 + 0 = 24 = ч	3-го „	= 10 + 14 = 24 = ч
4-го „	= 1 + 0 = 1 = а	4-го „	= 0 + 1 = 1 = а
5-го „	= 32 + 0 = 32 = ю	5-го „	= 20 + 12 = 32 = ю
6-го „	= 19 + 0 = 19 = т	6-го „	= 7 + 12 = 19 = т
7-го „	= 7 + 20 = 27 = ъ	7-го „	= 10 + 17 = 27 = ъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Домъ въ Калугѣ, гдѣ жилъ второй Самозванецъ** (съ рис.).—**Въ старой Москвѣ.** Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ, **Гр. Е. А. Саліаса.** Часть первая. (Продолженіе).—**И. С. Тургеневъ у себя**, въ его послѣдній пріѣздъ на родину. Изъ воспоминаній **Я. П. Полонскаго.** (Продолженіе).—**Зимніе обозы** (съ рис.).—**Въ Альгамбрѣ** (съ рис.).—**„Три пальмы“. Стих. Лермонтова** (съ рис.).—**Подписаніе Вѣчной Хартіи** (съ рис.).—**Врагъ у входа** (съ рис.).—**Шпагоглотатели** (съ 3 рис.).—Библіографія.—Политич. обозр.—Смѣсь.—Рѣшеніе ребуса.—Рѣшеніе задачи.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

Изданіе А. Ф. Маркса. СПБ.
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА.
Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, гравированномъ на стали и факсимиле. 3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.
Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 8 руб., съ пересылкою 9 руб.
ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ“ 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 р., въ переплетѣ 7 ру., съ пересылкою 8 руб.
☞ Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: „ДВА МІРА“ и отдѣломъ въ прозѣ:
„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ“.
Первое единственное, дѣйствительно полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова.
Книгу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала „Нива“ (Бол. Морская, № 9); въ Москвѣ у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.
КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Паденіе Бирона и воцареніе Елисаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изданіе. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. переп. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ТОЛЬКО ПРОВИЗОРА КИНУПЕНА
„ЭЛЕОПАТЪ“ употребляется противъ выпаденія и столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, и признанъ незамѣнимымъ, вѣрнымъ и развивающимъ густоту волосъ, безподобнымъ средствомъ.
„Элеопатъ“ только пров. Кинупена имѣется уже къ услугамъ публики во всѣхъ город. Имперіи; въ С.-Петербургѣ: въ магаз. гг. Штоль и Шмидтъ, въ Общ. Торг. Аптек. Товарами и въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, какъ и въ Москвѣ въ магазинахъ С.-Петербургской Химической Лабораторіи и другихъ большихъ магазинахъ. а также аптекахъ и у дрогистовъ. Цѣна флакону, содержащему 120 грам., 1 р. 50 к. въ обѣихъ столицахъ Рос. Имп.
Жители уѣздныхъ городовъ и друг. провинцій выписываютъ **только „ЭЛЕОПАТЪ“ провиз. Кинупена**, изъ ближайшихъ отъ себя губерск. и уѣздн. Аптекъ, вообще гдѣ только имѣется Аптекарск.-Косметическ. магаз., но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 р.—почтовый расходъ на счетъ покупателей.
СПРАШИВАЙТЕ ТОЛЬКО
ПРОВ. КИНУПЕНА ЭЛЕОПАТЪ.

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

Страхованіе пенсіи на старость.

ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себѣ пенсію (доходъ) въ

1,000 РУБ. ЕЖЕГОДНО,

уплата которой начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста застрахованнаго и продолжается до его смерти.

За это страхованіе слѣдуетъ платить Страховому Обществу „РОССІЯ" до начала пенсіи по 29 руб. 64 коп. чрезъ каждые три мѣсяца.

Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ

СТРАХОВАГО ОБЩЕСТВА „РОССІЯ",

выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами.

№ 2874

ЛИКЕРЫ ЗАВОДА ОБЩЕСТВА „КЕЛЛЕРЪ И К°".

Правленіе акціонернаго Общества „Келлеръ и К°", послѣ тщательнаго изслѣдованія фабрикаціи иностранныхъ ликеровъ, открыло съ 1882 года на заводѣ Общества, а также и на заводѣ Товарищества „Л. Обловъ и К°", спеціальныя отдѣленія для приготовленія означенныхъ ликеровъ. **Ликеры эти,** поступившіе въ настоящее время въ продажу, по отзывамъ приглашенныхъ Правленіемъ экспертовъ, **нисколько не уступаютъ во всѣхъ отношеніяхъ лучшимъ заграничнымъ образцамъ.**

Цѣна ликеровъ завода „Келлеръ и К°", ниже цѣнъ заграничныхъ ликеровъ отъ 150 до 300%.

Рекомендуя ихъ гг. покупателямъ, Правленіе считаетъ нужнымъ пояснить, что большинство сортовъ заграничныхъ ликеровъ, продающихся подъ различными марками, отличаются какъ по вкусу, такъ и по крѣпости. Правленіе проситъ тѣхъ изъ гг. покупателей, которые найдутъ ликеры завода „Келлеръ и К°" не подходящими подъ вкусъ употребляемыхъ ими заграничныхъ ликеровъ, вмѣстѣ съ заказами указывать на марку ликера, который они желали бы имѣть.

Имѣя возможность разнообразить свое производство, Правленіе будетъ удовлетворять такимъ требованіямъ гг. покупателей, въ самомъ непродолжительномъ времени.

Ликеры завода „Келлеръ и К°" можно получать въ магазинахъ Общества, **въ С.-Петербургѣ:** при заводѣ, Обводный каналъ, д. 96; Фонтанка, д. 45; Кадетская линія, В. О., д. 19; Невскій просп., д. 124. **Въ Царскомъ Селѣ:** Малая ул., д. Барановой. **Въ Кронштадтѣ:** Господская ул., д. Турыгиной.—**Въ С.-Петербургѣ:** на заводѣ Товарищества „Л. Обловъ и К°", Курляндская ул., д. 19 (продаются подъ маркою Товарищества „Л. Обловъ и К°"), а также въ нижеслѣдующихъ винторговляхъ: у гг. Фейкъ и К°, Невскій пр., у Полицейскаго м.; В. И. Черепенникова—Литейный пр., въ домахъ за №№ 5, 11 и 47; В. Г. Баскова—уг. Кирочной и Воскресенскаго пр., уг. Надеждинской и Итальянской; 1-я линія В. О., д. за №№ 34 и 46; Н. П. Смирнова—Гороховая ул., д. 4 и Вознесенскій пр., д. 4; Глушкова—Литейный пр., д. 10; Бр. Зайцевыхъ—уг. Б. Садовой и Невскаго; П. Я. Мелешина—Галерная, д. 50 и многихъ другихъ. **Въ Ораніенбаумѣ:** у С. А. Алексѣева, Большой пр., собств. д. **Въ Старомъ Петергофѣ:** у С. А. Алексѣева и **въ Гатчинѣ,** у П. М. Муценко.

Съ требованіями просятъ обращаться по указаннымъ адресамъ и на заводъ Общества, по Обводному каналу, домъ 96.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 3054.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ" 1883 Г.

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1.200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. С. Соловьева—„Старый домъ"**; повѣсть **Д. В. Григоровича—„Гуттаперчевый мальчикъ"**; повѣсть **Н. Лебедева (Морскаго)—„Въ цвѣтахъ"**; повѣсть **Н. Д. Ахшарумова—„Подъ колесомъ"**; очеркъ **Н. Успенскаго—„На поднятахъ"**; разсказы **П. П. Гнѣдича—„На морскомъ берегу"** и **„Устроилась"**; большую историческую повѣсть **Кирилова—„Полковникъ изъ Золотоноши"** и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Профессора Импер. Акад. Художествъ **В. И. Янобія—„Король-женихъ".**

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к.	Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 „ — „	Съ пересылкою 7 „ 50 „

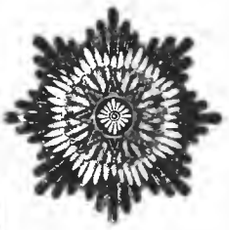
РАМЫ ДЛЯ ПРЕМІИ „НИВЫ".

Цѣна со вставленною и укрѣпленною, какъ всѣ масляныя картины, на подрамки, наклеенною на **полотно** картиною, **5 руб.**—Картины, при требованіи рамы подписч., возвращаются обратно и рамы выдаются уже со вставленною картиною.

Иногороднымъ высылается такая рама въ 4-хъ кускахъ за **9 руб.**: составленная и готовая за **15 руб.**

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, ВЪ КОНТОРУ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА", Б. МОРСКАЯ, № 9; ВЪ МОСКВѢ—ВЪ ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ „НИВЫ" У Н. П. ПЕЧКОВСКОЙ, Д. ПЕТРОВСКИХЪ ТОРГОВЫХЪ ЛИНІЙ.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современной жизни **Всеволода Соловьева.** СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.



ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

ДЛЯ КОТИЛЬОНОВЪ И БАЛОВЪ

въ великолѣпномъ выборѣ и за дешевую цѣну

пересылаетъ акуратно фабрика

N. L. CHRESTENSEN

Königl Preuss. Hoflieferant - Erfurt - Preussen.

Зам.: Мой прейсъ-курантъ лучшихъ **цвѣточныхъ** работъ **и принадлежностей** для бала и **котильона** съ болѣе чѣмъ 200 хорошихъ иллюстрацій новыхъ и новѣйшихъ **туръ котильона** и **общест. игръ** посылаю по требованію **франко и даромъ.** S. № 2906 10—6

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу **въ конторѣ редакціи журнала „Нива"**, въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, д. № 9; въ Отдѣленіи Конторы „Нивы" **у Н. П. Печковской,** Москва, въ домѣ Петровскихъ линій и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцовъ, новая повѣсть нашего знаменитаго писателя

Д. В. ГРИГОРОВИЧА

„ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ".

Это весьма изящное изданіе печатано на лучшей веленевой бумагѣ и украшено 36 оригинальными рисунками художника **Н. Н. КАРАЗИНА.**

Цѣна **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **50** к.; въ каленкор. перепл **1** р. **75** к., съ перес **2** р.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНІЕ **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

СОЧИНЕНІЙ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО

(съ фотографическимъ портретомъ автора).

Сборникъ очерковъ и разсказовъ: 1) Будка, 2) Спустя рукава, 3) Изъ біографіи искателя теплыхъ мѣстъ, 4) Прогулка, 5) Тяжкое обязательство, 6) На постояломъ дворѣ, 7) Изъ записокъ маленькаго человѣка, 8) Хорошая встрѣча, 9) Съ конки на конку, 10) Нравилъ по совѣсти, 11) Умерла за „направленіе".—**Приложеніе:** 12) Письма изъ Сербіи, 13) Мелочи. № 3089 1—1

Первые три тома вышли ранѣе. **Цѣна каждаго тома 1 р. 50 коп.** Всѣ четыре тома въ каленкоровыхъ переплетахъ съ золот. тисненіями—**7 р. 50 к.**

СКЛАДЪ въ книжн. магазинѣ **В. А. ЦВЫЛЕВА,** С.-Петербургъ, Фонтанка, д. 41.

19-го ФЕВРАЛЯ 1884 ГОДА.

ВЪ ЗАЛАХЪ С. П. Б. ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

послѣдуетъ

РОЗЫГРЫШЪ

ЛОТЕРЕИ

въ пользу

состоящей подъ непосредственнымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Александры Петровны

ПОКРОВСКОЙ ОБЩИНЫ СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ

всего **600** выигрышей

изъ нихъ главнѣйшіе

Одинъ выигрышъ 225 фунтовъ сервизнаго серебра 84 пробы		8,000 руб.
Четыре	— по 1,000 рублей	4,000 „
Четыре	— по 500 —	2,000 „
Десять	— по 100 —	1,000 „
Остальные пятьсотъ восемьдесятъ одинъ выигрышъ состоятъ изъ вещей: серебряныхъ и высочайше пожалованныхъ цѣнностью на		12,000 „

ВИЛЕТОВЪ НА ЛОТЕРЕЮ НАЗНАЧЕНО 50,000.

цѣна билету 1 рубль.

Билеты можно получать въ Канцеляріи Государыни Великой Княгини Александры Петровны, на Васильевскомъ Островѣ, по четвертой линіи, домъ № 21; у Казначея Общины Н. Н. Брусницына, въ Мучномъ переулкѣ, по Желѣзной линіи № 12; у Казначея лотереи Ивана Максимовича Максимова, по Банковской линіи, № 31; у Почетныхъ членовъ: Ф. А. Алферова, по той же линіи, № 35; А. В. Любавина, подъ Думой, въ Серебряномъ ряду; въ чайномъ магазинѣ Бѣлкова и К°., на Невскомъ у Аничкина моста, домъ Лихачева; Ф. Е. Страубе, Пассажъ, № № 6 и 7; А. И. Керина, внутри Маріинскаго рынка въ Фруктовомъ ряду. Въ г. Ригѣ торговый домъ М. Кальмейеръ. Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться въ Канцелярію Государыни Великой Княгини Александры Петровны.

Выдача выигрышей будетъ производиться въ зданіи Покровской Общины сестеръ милосердія на Васильевскомъ островѣ, по Большому проспекту, въ гавани домъ № 71. Иногородныхъ же просятъ обращаться за полученіемъ выигрышей въ канцелярію Государыни Великой Княгини Александры Петровны. Для раздачи выигрышей назначено время: со дня розыгрыша по 1 Марта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 10 часовъ утра до 4-хъ часовъ по полудни; съ 1 Марта до 1-го Апрѣля еженедѣльно два раза по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 до 3-хъ по полудни, и съ 1 Апрѣля по 19-ое Августа разъ въ недѣлю по вторникамъ отъ 1 до 3-хъ часовъ по полудни. Выигрыши, невзятые въ теченіи шести мѣсяцевъ со дня розыгрыша, будутъ считаться пожертвованными въ пользу Покровской Общины.

Покровская Община сестеръ милосердія отвѣчаетъ за вѣрность таблицы выигрышей, сличенной съ подлинными досками ея собственнаго изданія и съ ея печатью.

Выигрыши будутъ выдаваться только предъявителямъ цѣльнаго билета. № 3057 3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВНОВЬ ВЫХОДЯЩІЙ СЪ **1884** года

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

журналъ, издаваемый Русскимъ Обществомъ книгопродавцевъ и издателей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Правительственныя распоряженія, относящіяся до спеціальности журнала; 2) Свѣдѣнія и сообщенія о дѣятельности русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, а также его правленія; 3) Книжно-торговое дѣло. (Сообщенія книгопродавцевъ и издателей, имѣющія общественный интересъ, сношенія ихъ какъ между собою, такъ и съ обществомъ, корреспонденціи, запросы, разныя свѣдѣнія, почтовый ящикъ и проч.); 4) Указатель новыхъ изданій (списокъ всѣхъ выходящихъ въ продажу книгъ: въ Россіи и заграницей); 5) Предложенія и спросъ; 6) Объявленія.

„КНИЖНО-ТОРГОВЫЙ ЛИСТОКЪ".

Особое безплатное приложеніе изъ **„Книжному Вѣстнику"**, исключительно для Г. г. книгопродавцевъ.

1) Списокъ книгъ съ указаніемъ размѣра торговой уступки; 2) Списокъ книгъ, предлагаемыхъ по уменьшенной цѣнѣ; 3) Списокъ книгъ, предлагаемыхъ на коммисію.

Срокъ выхода: два раза въ мѣсяцъ. Форматъ in 8°.

Подписная цѣна **3 руб.** въ годъ съ пересылкой и доставкой.

Плата за объявленія: **В руб.**—за страницу, **4** руб. 50 коп.—за 1/2 страницы, 2 р. 50 к.—за 1/4 страницы; 10 коп. за строку петита въ одинъ столбецъ.

Объявленія и подписка на журналъ принимаются въ Правленіи Общества, по Больш. Конюшенной 29, квар. 7, отъ 11 часовъ утра до 4 пополудни.

Для личныхъ объясненій и справокъ Правленіе открыто ежедневно отъ 2 до 3 часовъ пополудни, кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ. № 3092 3—1

Библиотека "Руниверс"

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, 21.

Операціи Конторы:

Покупка и продажа цѣнныхъ бумагъ.—Покупка и продажа иностранныхъ монетъ и векселей.—Продажа биржевыхъ бумагъ съ задаткомъ.—Продажа выигрышныхъ билетовъ съ разсрочкою платежей.—Выдача ссудъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ.—Текущій счетъ.—Срочные вклады.—Кредитъ до востребованія („on call").—Храненіе процентныхъ бумагъ.—Помѣщеніе капиталовъ въ процентныхъ бумагахъ.—Страхованіе выигрышныхъ билетовъ отъ тиража погашенія.—Свѣдѣнія о вышедшихъ въ тиражъ бумагахъ и пр.—Срочные купоны контора мѣняетъ безплатно.

Адресъ Конторы для телеграммъ „Петербургъ Клима". Р. № 3107 2—1

„РУССКІЙ КАРМАННЫЙ КОРРЕКТОРЪ".

Ц. 75 к. Складъ изд.: СПБ., Пушкинская, д. 20, кв. 25. № 30 8 1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1884 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ".

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:			Съ пересылкою въ города:		
На 12 мѣс.	8 р. 50 к.	На 6 мѣс. 4 р. 50 к.	На 12 мѣс.	9 р. — к.	На 6 мѣс. 5 р. — к.
„ 11 „	8 „ — „	„ 5 „ 3 „ 90 „	„ 11 „	8 „ 50 „	„ 5 „ 4 „ 60 „
„ 10 „	7 „ 50 „	„ 4 „ 3 „ 25 „	„ 10 „	8 „ — „	„ 4 „ 3 „ 70 „
„ 9 „	6 „ 75 „	„ 3 „ 2 „ 50 „	„ 9 „	7 „ 40 „	„ 3 „ 2 „ 75 „
„ 8 „	6 „ — „	„ 2 „ 1 „ 90 „	„ 8 „	6 „ 70 „	„ 2 „ 2 „ — „
„ 7 „	5 „ 25 „	„ 1 „ — „	„ 7 „	5 „ 90 „	„ 1 „ 1 „ 10 „

ЗАГРАНИЦУ ПЛАТА ДВОЙНАЯ.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ П. П. Ланина, въ извѣстныхъ книжныхъ и другихъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и другихъ городовъ и въ Парижѣ—**Rue Clément. 4, Adam** и въ коммиссіонерной конторѣ **Agence Slave, Place de l'Opéra, № 4-й.**

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ"

Редакторъ-Издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.** № 2909 10—10

XXI. „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА". XXI.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ И СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

Состоящій подъ Высочайшимъ Покровительствомъ **Государыни Императрицы Маріи Ѳедоровны** и одобренный всѣми Учеными Комитетами, будетъ издаваться въ 1884 году по программѣ прежнихъ лѣтъ, съ приложеніями, преміей и наградами подписчикамъ, рѣшившимъ опредѣленное редакціей количество задачъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Оба отдѣла (24 кн.) 10 р., съ перес. 11 р. Каждый отдѣлъ порознь (12 кн.) 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ редакціи журнала „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА", С.-Петербургъ: Пушкинская (Новая) ул. д. № 14 кв. № 9.

№ 3094 1—1 Редакторъ-Издательница **С. КАШПИРЕВА.**

ВЪ МОСКВѢ. *Аптекарскій магазинъ Р. Кислевича* ВЪ МОСКВѢ.

Ц. № 3104 7—1

ЖУРНАЛЪ

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Выходитъ ежемѣсячно. Цѣна 9 р. Адресъ редакціи: Петербургъ. Уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 39. № 3093 1—1

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ **двѣ брошюры профессора А. М. БУТЛЕРОВА.**

1) Кое-что о Медіумизмѣ. Объ изученіи медіумическихъ явленій.—Цѣна съ пересылкою 60 к. 2) Антиматеріализмъ въ наукѣ. Нейтральный анализъ Іегера и гомеопатія. Цѣна съ пер. 40 к. П. № 3109 1—1

Изданія редакціи журнала „Ребусъ". Продаются въ редакціи (Дмитровскій пер. № 10) и во всѣхъ кн. магазинахъ Петербурга. Въ Москвѣ, въ кн. маг. Н. И. Мамонтова.

ВОСЕМЬ РАЗЪ ИЗЪ ДЕСЯТИ

МИГРЕНИ и НЕВРАЛЬГІИ УСПОКОИВАЮТСЯ въ нѣсколько минутъ

ПЕРЛАМИ СКИПИДАРНОЙ ЭССЕНЦІИ Д-РА КЛЕРТАНА.

Каждый флаконъ заключаетъ въ себѣ 30 перловъ, отчего леченіе обходится въ нѣсколько копѣекъ.

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Если мигрени происходятъ отъ дурнаго состоянія желудка или отъ запора, слѣдуетъ употреблять

УГОЛЬ Д-РА БЕЛЛОКА.

Требовать на этикетѣ подпись. *Dr Bellok*

Скипидарная эссенція, заключающаяся въ перлахъ **Д-ра КЛЕРТАНА**, химически чиста.

Требовать на каждомъ флаконѣ подпись. *Clertan*

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО

19, RUE JACOB, ПАРИЖЪ.

НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. № 2912

Закавказскія (грузинскія) **вина** садовъ **кн. Ив. Кон. Багратіонъ-Мухранскаго,** удостоенныя на Всероссійской промышленной выставкѣ **наивысшей награды,** имѣются въ продажѣ въ собственныхъ магазинахъ въ **Москвѣ.** Главная контора при магазинѣ на Мясницкой, въ д. Ермакова. Ц. № 3103 1—1

Съ дозволенія С.-Петербургскаго Столичнаго Врачебнаго Присутствія.

ЭЛЕКСИРЪ-MELANGE.

Для быстраго и обильнаго роженія волосъ и предохраненія ихъ отъ выпаденія. Ц. 2 р. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французск. и нѣмецк. языкахъ.

БАЛЬЗАМЪ-EUGÉNIE,

изъ миртовыхъ и свадебнаго букета цвѣтовъ для придванія лицу, шеѣ и рукамъ нѣжной мягкости, мраморной бѣлизны съ благоуханіемъ лиліи и розъ, а также для уничтоженія веснушекъ и всякой шероховатости кожи. Цѣна 1 р. 75 к. за флаконъ, съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЯ ПОМАДЫ подлинникъ „Pasta Eugénie",

превосходнѣйшее средство для устраненія веснушекъ, родимыхъ и красныхъ пятенъ и другихъ дурныхъ явленій, встрѣчающихся на лицѣ, и придающее цвѣту лица юную свѣжесть и красоту. Цѣна банки 1 р. 60 к.

Хинно-глянцеринов. помада на перуанскомъ бальзамѣ, для укрѣпленія, сгущенія и роженія волосъ; ц. банки 2 р.

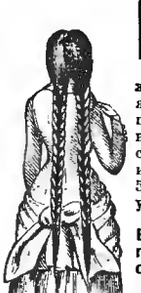
Рутная ра овин ая помада.

Цѣна банки 1 р. 30 к. На каждой банкѣ находится охранительная марка амуръ и подпись изобрѣтательницы **Bertha Ries.**

Подлинникъ „Poudre Eugénie" бѣлая и розовая. Цѣна коробкѣ съ пуховкой 1 р. 50 к., безъ пуховки 1 р. 20 к.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ, трехъ цвѣтовъ: чернаго, коричневая и свѣтло-русая. Цѣна коробки 3 рубля.

Краска фабриканта Рисъ Гутмвнъ.



РУМЯНА EUGÉNIE,

жидкія, чтобы придать щекамъ и ушамъ натуральный розовый цвѣтъ, не мѣняющійся при электрическомъ освѣщеніи и не вытирающійся даже при потномъ состояніи лица. Рекомендуется въ особенности для театровъ и баловъ. Ц. 1 р. 50 к. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Всѣ эти три косметическихъ продукта по свидѣтельству медицинскаго начальства не содержатъ въ себѣ никакихъ бы то ни было вредныхъ веществъ.

№ 3064 3—2 *Берта Рисъ.*

ДЕПО НАХОДЯТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, Главн. Общ. торг. антек. тов., на Казан., соб. д.; у Оливіе, Невскій пр., № 54; у быв. Дарзанса, Пассажъ, № 15 и 17; С. П. Гракурова, Невскій пр. у Казанскаго м ста, № 30; у парикмах. Эмиль, быв. Сансеро, Литейный, № 43; у парикм. Аристидъ, Вас. остр., 1 линія, д. № 18; у парикм. Просперъ, Вознес. пр., № 18.

Въ Москвѣ, у К. И Ферреина, Никольская; у А. Брунсъ (бывш. Пецъ), Маросейка, д. Ермѣевыхъ; у Р. Келеръ и К°; въ Сарептскомъ магаз. рядомъ съ аптекой, на Никольской; у Гетлингъ и Штокманъ, Петровка; у Крнеръ и Качъ и у Теодоръ, Кузнецкій мостъ; у Эмиль Керстанъ, на Тверской; у Дарзаясъ, въ Газетн. пер.; у В. К. Безбардисъ, у Арб. вор.; Я. И. Ночковскаго, у Срѣтенскихъ вор. и въ складѣ аптекарскихъ матеріаловъ Докт. В. А. Добронравова, Сухаревская, Садовая, соб. домъ, у Викторъ Кузенъ, на Петровкѣ, д. № 12.

Въ Воронежѣ, у парикмахера Курильченко.
„ **Козловѣ,** магазинъ бр. Поповыхъ.
„ **Пензѣ,** маг. Кликунова.
„ **Кіевѣ.** маг. Parisien Auguste & C°.
„ **Одессѣ,** магазинъ Гельдеръ и К°, Петрококинъ и Гуммель.
„ **Елисаветградѣ,** Г. А. Трестера насл.
„ **Полтавѣ,** магаз. Фердинандъ Трепке.
„ **Харьковѣ,** В. Кухарева въ Пассажѣ, № 17 и Главн. Общ. торговли аптекарск. товар.
„ **Таганрогѣ,** магазинъ М. Майкапаръ.
„ **Ростовѣ н/Д.,** А. Эдельбергъ, быв. Биркле.
„ **Новочер-асскѣ,** магазинъ З. Петрова.
„ **Саратовѣ.** маг. Матеѣсена.
„ „ „ маг. Роб. Штроль.
„ **Самарѣ,** Сарептскій маг. Кристенсонъ.

Въ Казани, магазинъ Мурзаева.
„ **Ставрополѣ,** у парикм. К. Курильченко.
„ **Тифлисѣ,** въ музык. маг. Н. Ланко, въ д. гер Лацарони.
„ **Томскѣ,** маг. Пешашева.
„ **Перми.** маг. Н. Перетцъ.
„ **Екатеринбургѣ,** апт. маг. Гельмихъ и К°.
„ **Варшавѣ,** Александръ Кохъ парфюм. магаз. Краковское предмѣстье, у Ліонъ и К°, Сенаторская.
„ **Кременчугѣ,** Закъ.
„ **Ригѣ,** у братьевъ **Вадеманъ,** Купеческая улица № 15.
„ **Вильно,** маг. Гружевскаго.
„ **Ревелѣ,** магазинъ Христіана **Келеръ.**
„ **Гельсингфорсѣ,** маг. Сванъ.
„ **Екатеринославлѣ,** у Ефанова,
„ **Астрахани,** маг. Фадѣева.
„ **Курскѣ,** Аптекар. маг. Скворчевскаго.

Библиотека "Руниверс"

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Товарищества М. О. Вольфъ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
Гостиный дворъ, 17 и 18,
ВЪ МОСКВѢ
Петровка, д. Михалкова,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

СОЧИНЕНІЯ И. А. САЛОВА.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

2 т. въ 8 д. л. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Авторъ „Повѣстей и разсказовъ" принадлежитъ къ числу самыхъ популярныхъ изъ нашихъ молодыхъ беллетристовъ. Произведенія его печатались въ лучшихъ журналахъ и заслужили себѣ самый лестный отзывъ критики. По своему направленію и содержанію „Повѣсти и разсказы" И. А. Салова аналогичны съ „Записками охотника" Тургенева: въ нихъ видно отличное знаніе низшихъ сферъ нашего общества, наблюдательность и сочувствіе къ описываемымъ типамъ. Читаются разсказы И. А. Салова съ особеннымъ интересомъ, и отъ чтенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ „Грачевскій крокодилъ", „Пушиловскій регентъ" и др., просто нельзя оторваться.

ПОДНЕВОЛЬНЫЕ СТРАННИКИ.

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ

В. П. Немировича-Данченко.

2 т. въ 8 д. л. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. 50 к.

Здѣсь помѣщено до тридцати малоизвѣстныхъ произведеній писателя, въ послѣдніе года съумѣвшаго пріобрѣсти симпатію всей читающей публики. Каждый изъ очерковъ его въ глубоко драматической формѣ рисуетъ рядъ подневольныхъ странниковъ, вызванныхъ изъ разныхъ слоевъ общества, сходящихся только въ одномъ—въ борьбѣ съ тяжелыми условіями жизни.

ПОВѢСТИ

ГРАФА

ЕВГЕНІЯ САЛІАСА.

Искра Божья.—Тьма.—Еврейка.—Манжажа.—Волга.—Путевой очеркъ.

2 т. въ 8 д. л. Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Съ тонкостью художника рисуетъ авторъ рядъ прелестныхъ типовъ, рядъ интересныхъ сценъ и хотя является воклонникомъ реализма, но разу не переходитъ за тѣ предѣлы, позади которыхъ правда становится голою, перестаетъ чрезъ это быть художественною. Юморъ автора здоровый и естественный, фабула разсказовъ проста, но всегда крайне интересна.

ОСКУДѢНІЕ.

ОЧЕРКИ **СЕРГѢЯ АТАВЫ**

(С. Н. ТЕРПИГОРЕВА).

2 т. въ 8 д. л. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Это яркая картина борьбы за существованіе русскаго помѣщичьяго сословія, яркая картина оскудѣнія въ борьбѣ за существованіе, отличающаяся массой наблюденій, умѣніемъ понимать и группировать явленія и логичностью выводовъ. Страшно читать—говорить одинъ изъ критиковъ—эти домашнія трагедіи, прикрытыя доскомъ приличій, эти эпоеи бездушнаго мотовства и разореній, эти невѣроятныя подробности быта, заимствованныя авторомъ съ фотографическою точностью изъ живой дѣйствительности.

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО,

ДВА ЖУРНАЛА

ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО И СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

Подписная цѣна на каждый въ годъ съ дост. и пер. 6 р.

Три январскіе выпуска уже вышли въ свѣтъ.

Подписка приним. въ книж. маг.

ТОВ. М. О. ВОЛЬФЪ,

СПБ. и Москва. № 3097

Товарищества
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,
НОВАЯ МУКОМОЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦА
„ТРІУМФЪ"

ЦѢНОЮ въ СПБургѣ **175 р.** ЦѢНОЮ въ Москвѣ **185 р.**

отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ системъ тѣмъ, что они при большой простотѣ, даетъ большое количество муки лучшаго качества, требуя при этомъ очень мало силы. Производительность ея до 15 пуд. муки въ часъ. **Кромѣ того Товарищество предлагаетъ: Универсальныя сѣялки въ разбросъ, Берманa,** лучшія настоящаго времени. **Джонстона знаменитыя жнеи Тріумфъ** единствен. простыя, легкія и прочныя. **Конныя грабли Тигеръ** по **75** рублей. **Плуги заводовъ Берманъ и Фнскарсъ.** Маслобойки Блоннарда, соломорѣзки, молотилки, вѣялки по 35 р. насосы, пульзометры К. Генри Голля, пожарныя трубы, соломорѣзки, сверлильные станки, лебедки, арматуру, ремни и пр., и пр.

Иллюстр. каталоги по востребованію. С.-Петербургъ, Вас. остр., 1 линія, № 10. Москва, Мясницкая, домъ Сытова.

№ 3096 6—1

ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія.

ТОПОЛИНЪ или **ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ.**

П-ра М. М. Петрова.

Для лица № 1. Усовершенств. средство, уничтож. прыщи, красныя пятна, загаръ, веснушки; при употреб. бальзама, лицо пріобрѣт. здоровый и красный цвѣтъ.

Для головы № 2. Дѣйствит. очищаетъ кожу отъ перхоти, освѣжаетъ голову, прекращаетъ головныя боли, вслѣд. чего прекращаетъ и выпаденіе волосъ.—Въ виду поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на клеймо (М. М. Петрова). Цѣна флак. по 1 р. 25 к. и ½ фл. по 75 к.

Главные склады: во всѣхъ московск. аптекарск. магаз. и др. город. Россіи.

Продается: въ лучшихъ аптекахъ, аптекарск. и др. магаз. Россіи и заграницей. Для гг. оптовыхъ покупателей установлена % скидка.

Съ треб. обращаются въ контору М. М. Петрова: Москва, Старый Газетный пер., д. Шаблыкина. Но почтѣ высылается **не менѣе** 2 флак. за 3 р. 50 к.

Ц. № 3106 26—1

НА ВЕСЬМА ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ!!

Нужны компаніоны для сбыта весьма ходвихъ товаровъ, въ губернскихъ городахъ и большихъ торговыхъ пунктахъ Россіи и Сибири, съ капиталомъ для каждаго пункта въ 500—1,000 руб. Обращаться письменно съ рекомендаціями значительн. торговыхъ фирмъ въ Центр. Контору Объявленій **Л. Метцль, Москва,** Петр вка № 6, подъ Лит. **М. 252.—Безъ рекомендацій не обр щаться.**

Ц. № 3102 3—1

ИСКУССТВЕННЫЕ ЗУБЫ

вставленіе и передѣлка. Цѣна каждому доступна У зубнаго врача А. Лобергъ, Максимиліановскій пер., д. Целя, № 2, кв. № 26.

№ 3095 1—1

НОВАЯ КНИГА:

„ЧТО ТАКОЕ ГОМЕОПАТІЯ".

РАЗОБЛАЧЕНІЯ.

Д-ра Шера. Ц. 1 р. съ пересылкой. Продается въ магазинахъ и у автора. Нечкій, 61, кв. 30.

№ 3110 2—1

ГЛИЦЕРИН. МЫЛО

БРОКАРЪ И К°.

№ 3090 25—1

НѢЖНОСТЬ ЛИЦА.

КОСМЕТИЧ. СПЕРМАЦЕТОВЫЕ ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ.

КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ.

Радикальное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, угрей и пр. При употр. сперм. утир. кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и пріятно освѣжается. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ особенно лицо подвержено вліянію пыли и вѣтра; они—единственное вѣрное средство отъ веснушекъ и предупрежденія загара; также служатъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ въ театрахъ, салонахъ и пр. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать, на каждой пачкѣ подпись: **„А. Энглундъ"**,—красн. черн. и марку СПБ. Косметической Лабораторіи. Пачка 60 к.; съ перес. не менѣе 2-хъ пач. 2 руб.; 4 пачки съ перес. 3 руб.—Получать можно: во всѣхъ магазинахъ СПБ. Химич. Лабораторіи, въ „Русск. Обществѣ торг. аптек. товар.", Казанская ул., д. 12; въ парф. маг. А. Рузанова, въ Гостиномъ дворѣ, по Зеркальной линіи, № 40 и во всѣхъ аптекарскихъ и парф. торговляхъ. Въ Москвѣ у Гетлингъ и Штокманъ, у В. Безбардисъ. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, А. ЭНГЛУНДЪ, Малая Итальянская улица, домъ № 3.

№ 3099 1—1

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ

ЖИВОПИСЕЦЪ-САМОУЧКА

Полезный подарокъ для всякаго возраста.

Приборъ и брошюра для изученія живописи акварелью по бумагѣ, дереву, матеріи, стеклу и т. п., причемъ не требуется предварительнаго знанія рисованія, и доступно по простотѣ способа даже дѣтямъ. Въ брошюрѣ 14 объяснительныхъ рисунковъ и прибавленіе о **геліомнніатюрѣ.**—самомъ легкомъ способѣ раскрашивать фотографическія карточки, безъ знаній живописи

Полный приборъ содержитъ: въ изящно полированномъ ящикѣ 10 шаблон. кистей, 10 стеколъ, 10 разныхъ красокъ въ стеклянныхъ трубочкахъ, 1 стеклянную трубочку съ гумми-арабикой, 1 стеклянный шлифованный пуранткъ, 1 акварел кисточку, лекалы, шаблоны и рисунки. *Цѣна прибора съ брошюрою 3 руб., брошюра отдѣльно 50 коп на пересылку и упаковку 1 руб., въ Сибирь за особую упаковку 2 руб.*

Продается у издателя, гравера **А. Койранскаго,** Москва, Тверская, д. Савинскаго подворья, противъ бриллiантщика Махалова, и во всѣхъ лучшихъ астамныхъ магазинахъ.

Покупающіе у издателя могутъ видѣть образцы работы по этому способу, наглядно ознакомиться съ нимъ и въ **теченіи 15 минутъ въ состояніи будутъ приготовить не большой рисунокъ красками.** Продавцамъ обыкновенная уступка. Ц. № 3100 1—1

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА"

1884 г. (ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ **„КІЕВСКАЯ СТАРИНА"** посвященный исторіи южной Россіи, будетъ издаваться и въ слѣд. 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, равно историческіе матеріалы и всякаго рода историческія и этнографическія замѣтки. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, равно памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ,** съ приложеніями, пересылкою и доставкою **10 р.** на мѣстѣ **8 р. 50 к.,** за границу **11 р.** Подписка на годъ; но допускается слѣд. разсрочка: при подпискѣ **5 р.,** къ 1-му апрѣля **3 р.,** и 1-му іюня **2 р.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: **Въ редакцію „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ", Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11.** Тамъ-же и контора редакціи. № 3002 6—6

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**

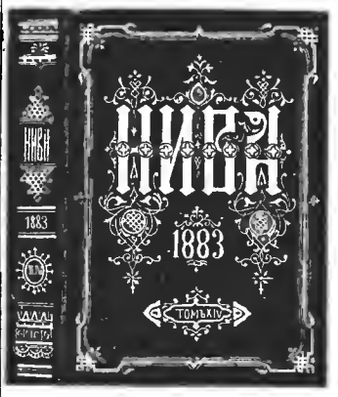
6 разъ награждены первыми преміями.

СКРИПКИ

самыя лучшія и дешевыя, новѣйшихъ временъ, отъ 6—30 м., знаменитыхъ мастеровъ 30—200 м. **Альты, віолончели и басы. Смычки** 1½—50 м. **Футляры** 3½—40 м. **Цитры** 16—300 м. **Гитары** 6—50 м. Превосходныя **струны.** Всѣ **духовые** инструм. **Бандонеоны, Концертины и Гармоники. Патентованная нѣмая скрипка** для упражненій (собств. изобрѣтенія). **Мастерская для починокъ.** Реком. отъ Вильгельми, Контскаго, Сазате, Сорэ, Сиворн, и т. д. Гарантія. Перепродавцамъ — скидка. Прейсъ-куранты—франко.

БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ,

фабрика струнныхъ инструментовъ. Крейцнахъ. (Германія). Р. № 2902 4—4



КРЫШКИ для переплета „НИВЫ" изъ лучшаго англійск. каленк. 1883 г. съ зол. тисн. по вышеозначен. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „НИВУ" въ такую каленкоровую крышку. Также имѣются крышки для **„Нивы"** прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1882 г. по той же цѣнѣ.

ВЫШЛИ № № 1, 2 И 3

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ЖУРНАЛА

РЕБУСЪ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ IV.

Въ программу журнала, помимо беллетристики, статей по гомеопатіи и спеціальнаго отдѣла премированныхъ ребусовъ, входитъ обозрѣніе малоизслѣдованныхъ явленій природы, какъ-то: медіумизмъ (спиритизмъ), магнетизмъ, гипнотизмъ, сонамбулизмъ, исповѣдніе и проч. Въ этомъ отдѣлѣ, котораго читатель не встрѣтитъ ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій, сотрудничаютъ: А. Н. Аксаковъ, профессоръ А. М. Бутлеровъ, Е. П. Блаватская Радда Бай), Т. П. Пассекъ, графъ А. К. Сологубъ и др.

Цѣна журнала: на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Подписка принимается во всѣхъ книжн. маг. Петербурга. **Черезъ почту** въ редакціи, (Дмитровскій пер. № 10). Въ Москвѣ въ кн. маг. Н. И. Мамонтова.

Редакторъ-Издатель **В. Прибытковъ.**

Р. № 3108 1—1

Открыта подписка на 1884 г. (3-й годъ изданія) Р. № 3080 2—2

„ТЕХНИКЪ"

иллюстрированный журналъ новостей по техникѣ и ея приложеній въ жизни, къ фабрично-заводскому дѣлу и ремесламъ. Цѣна на годъ съ пер. 6 руб на ½ года 4 руб. Москва.

НѢТЪ ХУЖЕ НА СВѢТѢ,

какъ жить въ квартирѣ, въ которой находятся насѣкомыя; они отравляютъ всю жизнь порядочнаго и привыкшаго къ чистотѣ человѣка. До сихъ поръ не существовало ни ромашки, ни какого нибудь другаго состава, который бы оказался вполнѣ удовлетворительнымъ для ихъ истребленія.

НАКОНЕЦЪ НАЙДЕНО

самое дѣйствительное средство въ лиц. **„РОМАШКИ БУРЕЛЬ".** Этотъ составъ по своему изумительно быстрому дѣйствію вызвалъ вездѣ, гдѣ онъ былъ употреблен, вполнѣ заслуженное удивленіе и похвалы **„РОМАШКА БУРЕЛЬ"** уничтожаетъ **моментально** всѣхъ домашнихъ насѣкомыхъ какъ-то: таракановъ, пруссаковъ, клоповъ блохъ, муравьевъ, паукoвъ и мокрицъ.

ОНА НЕ ВЫЗЫВАЕТЪ

головную боль, и не дѣйствуетъ вредно на дыхательные органы, какъ это бываетъ почти со всѣми другими существующими подобными средствами; она не ядовитая и вполнѣ безвредная для человѣка. Большая коробка 75 к. малая 40 к., безъ пересылки. Продается во всѣхъ хорошихъ аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграницы. Въ Москвѣ у Р. Кёлеръ и К°, Гетлингъ и Штокманъ, Лютеръ и Гиршфельдтъ. Въ С.-Петербургѣ и Харьковѣ въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами. **Главный складъ у Александра Венцель, Ст.-Петербургъ, Казанская, № 3.**

Ц. № 3101 2—1

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

ВЪ МОСКВѢ **Р. А. БАРСЪ**

ГАЗЕТНЫЙ ПЕР. Д. ФУЛЬДА

ВТОРОЙ ДОМЪ ОТЪ ПЕТРОВКИ

Дозволено цензурою. СПБ. 18 января 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 4 | годъ XV | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 28 Января 1884 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1884 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарель (въ 1/4 ширины страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9

И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 8 ч. ВЕЧЕРА.

Новый годъ въ Парижѣ. Парадный выѣздъ Президента Греви. По рис. Мейера въ J. i. грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Выѣздъ президента Греви.

Любовь къ пышности, блеску, торжественнымъ зрѣлищамъ и выѣздамъ, столь свойственная характеру французовъ, не замедлила выказаться въ полной силѣ и въ республикѣ, и даже нерѣдко въ такихъ формахъ, какія въ настоящее время не практикуются въ другихъ государствахъ. Даже во время крайностей коммуны, члены ея прежде всего изобрѣли себѣ самые блестящіе фантастическіе костюмы, которые странно и невольно забавно видѣть въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, изображающихъ дѣятелей того ужаснаго времени. Тоже и теперь. Живя болѣе чѣмъ скромно въ свои невидные дни, одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей республиканской Франціи, Гамбетта, тотчасъ окружилъ себя роскошью, сдѣлавшись президентомъ палаты, выписывалъ лучшихъ поваровъ, задавалъ пиры. Даже президентъ Греви, о республиканской простотѣ жизни котораго сперва столько говорили (напримѣръ, что онъ самъ ходитъ въ хвостѣ публики, получать въ банкѣ по своимъ купонамъ и т. п.), не утерпѣлъ. Онъ переѣхалъ теперь въ Елисейскій дворецъ, устраиваетъ царскія охоты, на которыя приглашаетъ случающихся въ Парижѣ высокихъ посѣтителей, и при выѣздахъ окружаетъ себя такимъ блестящимъ эскортомъ, какого нынѣ никогда не бываетъ даже при выѣздахъ могущественныхъ императоровъ другихъ странъ.

Новогодніе его пріемы сего 1-го января отличались чрезвычайною торжественностью и происходили по заранѣе составленной программѣ. Въ 10 часовъ утра, президентъ принималъ въ Елисейскомъ дворцѣ президентовъ сената и палаты, въ 11-же часовъ отдавалъ имъ визиты, по обыкновенію эскортированный отрядомъ кирасиръ, какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ. Затѣмъ министрамъ въ Елисейскомъ дворцѣ былъ предложенъ завтракъ, во время котораго игралъ оркестръ національной гвардіи. Послѣ-полуденные визиты начались въ половинѣ втораго — представлялся президенту дипломатическій корпусъ. Поздравленіе приносится въ извѣстной формѣ и президентъ отвѣчаетъ обычною благодарностью. Лордъ Лайонсъ представилъ своего новаго секретаря. Нашего посла князя Орлова, барона Бенса и Маврокордато не было въ Парижѣ и ихъ замѣщали первые секретари посольствъ русскаго, бельгійскаго и греческаго. Маршалъ Серрано былъ въ полной маршальской формѣ, съ орденомъ Золотаго Руна. Затѣмъ являлись президенту представители многочисленныхъ обществъ и ассоціацій.

Въ старой Москвѣ.

Историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ,

Гр. Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XIII.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, что Борщевъ, задумчивый, упылый, сѣлъ на скамейкѣ, около дома, прошелъ, нерѣшительнымъ шагомъ, какой-то мѣщанинъ, присмотрѣлся въ темнотѣ къ домику и къ сидящему около него сержанту, но ослѣпленный лучами огней и свѣтомъ, падавшимъ на улицу изъ окошекъ,—не могъ разглядѣть сержанта.

Онъ прошелъ дальше по полянѣ... Но скоро опять вернулся и опять медленно прошелъ мимо дома, заглядывая пытливо въ окна, гдѣ гудѣли голоса...

— Чего бродитъ тутъ? Шатунъ! подумалъ Борщевъ, замѣтивъ прохожаго. Куда въ Москвѣ зѣвакъ больше чѣмъ у насъ. И мы сами-то имъ въ диковину.

И онъ снова задумался.

Тотъ же прохожій мѣщанинъ, чрезъ нѣсколько минутъ, опять появился около дома, но на этотъ разъ ему попался на встрѣчу солдатъ-деньщикъ и онъ остановилъ его вопросомъ:

— Вы вѣдь питерскіе будете?

— Да. Измайловскаго полку.

— Такъ, такъ. Тутъ офицеры ваши стоятъ? указалъ онъ на освѣщенный домъ.

— Да. Наши господа. Гурьевы, да Хрущевы... Да еще Борщевъ—господинъ, съ ними же, кортомитъ у нихъ.

— А что, служивый, коли время слободное, пойти бы намъ вотъ тутъ къ Еремѣичу. Мигомъ дойдемъ. Я денегъ прихватилъ. Покалякаемъ.

— Что-же? Отчего же... Можно! согласился солдатъ, обрадовавшись внезапному случаю выпить у кабатчика Плющихи Еремѣича. Конькова позвать тоже? Нашего унтера? Вы его знаете?

— Ладно. Зови. Деньги есть... Что-жь! Я васъ, питерскихъ, по нашему московскому угощать буду.

— Онъ все это разсказать можетъ вамъ, про разные наши дѣла. Какъ мы въ Петровъ день отличились для царицы нонѣшней!.. хвастался солдатъ-деньщикъ.

Чрезъ десять минутъ унтеръ, солдатъ и прохожій были уже въ кабакѣ, но словоохотливый разскащикъ Коньковъ долженъ былъ по неволѣ разсказывать совсѣмъ другое. Пригласившій ихъ къ Еремѣичу, мѣщанинъ по виду, черномазый и востроносый, но красивый съ большими черными глазами, смахивавшій на цыгана, разспрашивалъ все объ офицерахъ, жившихъ въ домѣ на полянѣ. Болѣе всѣхъ интересовался новый знакомый именно сержантомъ Борщевымъ.

— Славный баринъ! Горячій, но добрый! заговорилъ унтеръ и затѣмъ, по своей словоохотливости, тотчасъ сталъ разсказывать все, что зналъ про жизнь сержанта въ Петербургѣ, у котораго тамъ въ деньщикахъ служилъ его кумъ. Только разъ перебилъ его незнакомецъ и по пустому.

— А скучаетъ, говоришь. Тоска у него? Вѣрно-ли?

— Да. За эвтотъ годъ, страсть, скучаетъ!.. Прежде дымъ коромысломъ пущалъ, караулы разбивалъ... А вотъ за зиму и за лѣто все тихъ, словно ребенокъ. Знать съ глазу, либо заботы какія.

Чрезъ часъ новые знакомые простились. Солдаты, сильно во хмѣлю, пошли домой къ домику на поляну, а черномазый незнакомецъ, почти не пившій, или пившій только для виду, быстро зашагалъ по направленію къ Китай-городу.

А на Лубянкѣ, въ тоже самое время, въ спальнѣ княжны происходило нѣчто необычное. Дѣвушка раздѣвалась, чтобы ложиться спать, но мамушка все выходила изъ горницы по ея приказанію и ворочалась опять съ тѣми же словами:

— Нѣтъ еще...

Уже разъ семь выслала ее княжна справиться, пришелъ ли Прохоръ. Было уже десять часовъ, а вѣрнаго татарина все не было. Княжна уже начинала волноваться. Красивые глаза, которые недавно такъ „прыгали“ за ужиномъ, что выдали отцу ея тайную тревогу,—теперь глядѣли грустно и, казалось, немного нужно было имъ, чтобы наполниться слезами. Но уже не слезами радости.

— Солёнушка, посмотри опять! жалобно проговорила чуть не въ десятый разъ Анюта.

— Да вѣдь наказано мной, говорю, дѣвушкамъ, какъ придетъ—доложить, увѣряла мамка.

— Посмотри!

Прасковья, пожимая плечами, хотѣла опять идти, но вошла молодая горничная Павла и объявила:

— Прохоръ васъ зачѣмъ то спрашиваетъ.

Мамка вышла, а княжна, уже лежавшая на постели, нервно поднялась, сѣла и затѣмъ, повернувшись, спустила свои маленькія голыя ножки съ кровати. Глаза ея блестѣли, устремленные на дверь. Нѣсколько минутъ показались ей вѣчностью.

Когда на порогѣ вновь появилась мамушка, то княжна чуть не вздрогнула и выговорила страстнымъ шепотомъ:

— Ну?

Библиотека "Руниверс"

— Ну, ничего. Слава Богу! Пріѣхалъ тому два дня...

Княжна закрыла лице руками отъ избытка чувства.

— Завтра къ намъ стало быть будетъ. Обо всемъ разспрашивалъ Ахметъ двухъ его солдатъ... Сказываютъ они, что ихъ баринъ чуть не помиралъ съ тоски въ Питерѣ.

— Да вѣрно ли? Вѣрно ли, мамушка? воскликнула Анюта, опуская руки на колѣни, какъ бы въ изнеможеніи.

— Его же солдаты. Видятъ! Сказывали: тоска его заѣла.

— Бѣдный мой... прошептала дѣвушка едва слышно, однѣми губами, и все лице ея понемногу зардѣлось и горѣло нѣжнымъ румянцемъ.

Забывъ, что она босикомъ, княжна сползла съ кровати и хотѣла уже пойти бродить по горницѣ отъ волненія.

— Что вы это! застудитесь, заворчала на дитятко Прасковья. Ложитесь. Ляжьте. А то сказывать не буду ничего.

— Ну, говори, говори... Все... Все!...

Княжна послушно улеглась. Мамушка стала говорить, но все ею повѣствуемое было повтореніе на разные лады одного и того же уже сказаннаго вначалѣ. „Пріѣхалъ! Помнитъ! Любитъ, коли тоскуетъ. Навѣрно завтра будетъ". Разъ сто заставляла княжна мамку повторить себѣ тоже самое:

— Завтра будетъ? Навѣрное!.. Вѣжливость того требуетъ. Вѣрно. Въ полдень. Къ обѣду будетъ. Утромъ!

— Ахъ, Солёнушка... Я умру до завтра! съ такой увѣренностію и убѣдительностію въ голосѣ произнесла наконецъ княжна, что самый недовѣрчивый человѣкъ и тотъ бы глубоко повѣрилъ неминуемой смерти княжны въ эту самую ночь.

— Ну почивайте, сказала наконецъ няня.

— Да... Да... отозвалась послушно Анюта, укутываясь въ одѣяло, но при этомъ глаза ея такъ сверкнули на няню, что конечно было очевидно, сонъ и не попробуетъ придти сомкнуть ихъ за всю ночь.

Дѣйствительно, княжна не заснула ни на мгновеніе, и до утра глаза ея, открытые, блестящіе, бродили по предметамъ ея спальни, лихорадочно, безсознательно, но страстно. Изрѣдка она глубоко вздыхала подъ тяжестью одолѣвавшихъ ее нерадостныхъ думъ.

Княжна, которой завидовали всѣ барышни ея среды, ради ея красоты и богатства—не считала себя счастливой вообще, а въ особенности за послѣднее время. Она сейчасъ съ радостью, не колеблясь ни мгновенія, отдала бы все, что было у нея, и помѣнялась бы съ самой бѣдной и самой дурной дѣвушкой изъ своихъ пріятельницъ, еслибы, въ промѣнъ, осуществили ея желанія.

По природѣ Анюта была настолько не русская, а въ мать и бабушку „бешметную" княгиню, что про нее часто говорили въ Москвѣ:

— Татарвá, какъ есть!...

За то княжна часто увѣряла отца и няню, что у нея не можетъ быть пріятельницъ, такъ какъ всѣ знакомыя ей барышни совсѣмъ не по ней.

— Онѣ всѣ какія то полумертвыя; онѣ бѣгаютъ, смѣются, радуются будто по указу. И дѣйствительно, княжна была права, когда своихъ знакомыхъ дѣвицъ сравнивала съ собой. У нея во всемъ существѣ, въ лицѣ, въ черныхъ глазахъ съ синеватыми бѣлками, въ движеніяхъ и даже въ походкѣ,—была та страсть, тотъ порывъ, та стремительность, которыя даетъ и которыми правитъ огневая кровь дочери юга, родившейся подъ знойными и палящими лучами полуденнаго солнца.

Княжна даже сожалѣла тайно, что она не родилась и не живетъ въ тѣхъ краяхъ, о которыхъ разсказываетъ ей съ дѣтства ея Солёнушка и о которыхъ пожилая женщина, не смотря на двадцать лѣтъ, прожитыхъ въ Россіи,—все еще вздыхаетъ.

Прасковья или Саліэ—не мало содѣйствовала, хотя и ненамѣренно, тому, что ея питомицѣ грезился иной край, отечество ея матери. Мамка, выѣхавшая въ Россію уже тридцати лѣтъ отъ роду, не могла конечно переродиться и отнестись равнодушно къ своему прошлому, къ тѣмъ условіямъ жизни и къ той обстановкѣ, въ которой прошло ея дѣтство и ея молодость. Вдобавокъ, у 50-тилѣтней барской барыни и няни—здѣсь въ Москвѣ никого и ничего не было дорогаго, помимо княжны конечно,—а тамъ остался возлюбленный женихъ по имени Сеидъ Алимъ. Прасковья твердо была увѣрена, что онъ или умеръ съ горя отъ ихъ неожиданной разлуки, или, если живъ, то помнитъ и любитъ ее.

Нянѣ Солёнушкѣ было княжной обѣщано давно, что когда она выйдетъ замужъ, то отпуститъ мамку домой по вольному билету и дастъ денегъ. Прасковья—Саліэ—жила теперь двумя мечтами: замужество Анюты и путешествіе на родину. Она клялась питомицѣ, что снова вернется къ ней—нянчить ея дѣтокъ, если они будутъ, но втайнѣ, на глубинѣ души, татарка рѣшила, что если Сеидъ Алимъ живъ и помнитъ ее—то конечно русскіе снѣга никогда ее не увидятъ вновь.

Часто Прасковья и ея соотечественникъ Прохоръ бесѣдовали объ родинѣ, но Ахметка, пріѣхавшій въ Москву мальчуганомъ, болѣе сжился съ Россіей и его не тянуло назадъ.

Но оба эти лица, любимцы княжны и преданные ей и тѣломъ и душой, не мало повліяли на развитіе характера и на вкусы Анюты. Оба постоянно, безъ какой либо цѣли и невольно, напѣвали ей о другихъ краяхъ, другихъ людяхъ, другой природѣ, гдѣ вѣки вѣчные лѣто стоитъ, горы за облака подымаются и море поетъ или реветъ въ минуты злобы. Княжна не могла себѣ отдать яснаго отчета или сдѣлать себѣ опредѣленное представленіе объ этомъ морѣ и объ этихъ горахъ, но приблизительно понимала, а главное, чуяла и то, и другое... И никогда не видавъ южной, своенравныхъ очертаній, природы—она любила ее. Этотъ невѣдомый край, гдѣ вѣчное лѣто, манилъ къ себѣ московскую княжну, грезился ей часто во снѣ и конечно въ такихъ причудливыхъ и сказочныхъ краскахъ и очертаніяхъ, что сама Солёнушка смѣялась надъ Крымомъ Анютиныхъ сновъ. Этихъ однихъ грезъ и мечтаній, о всемъ томъ, что никогда не приходило и на умъ другимъ дѣвицамъ—было достаточно, чтобы наложить на княжну Лубянскую печать оригинальности въ помыслахъ, вкусахъ и прихотяхъ. Побывать когда либо, въ будущемъ, на родинѣ матери своей, княжна конечно не могла и мечтать, такъ какъ это было не мыслимо для нея. А тѣмъ не менѣе, этотъ сказочный, волшебный край ея дѣвичьихъ грезъ и разсказовъ мамки—набросилъ какую то тѣнь на весь окружающій ее міръ. Кругомъ было хуже! Отсюда явилось смутное недовольство, раздвоенность и неудовлетворенность чувствъ по отношенію къ средѣ, къ обычаямъ ея и ко всему, что было обстановкой княжны.

Татарка Саліэ, сама того не зная, воспитала свою питомицу чуждою и непріязненно взирающею на все то, изъ чего слагалось ея же существованіе.

XIV.

Борщевъ просидѣлъ часъ и, все-таки не дождавшись отъѣзда гостей, ушелъ ночевать по сосѣдству къ капитану своего полка Шипову.

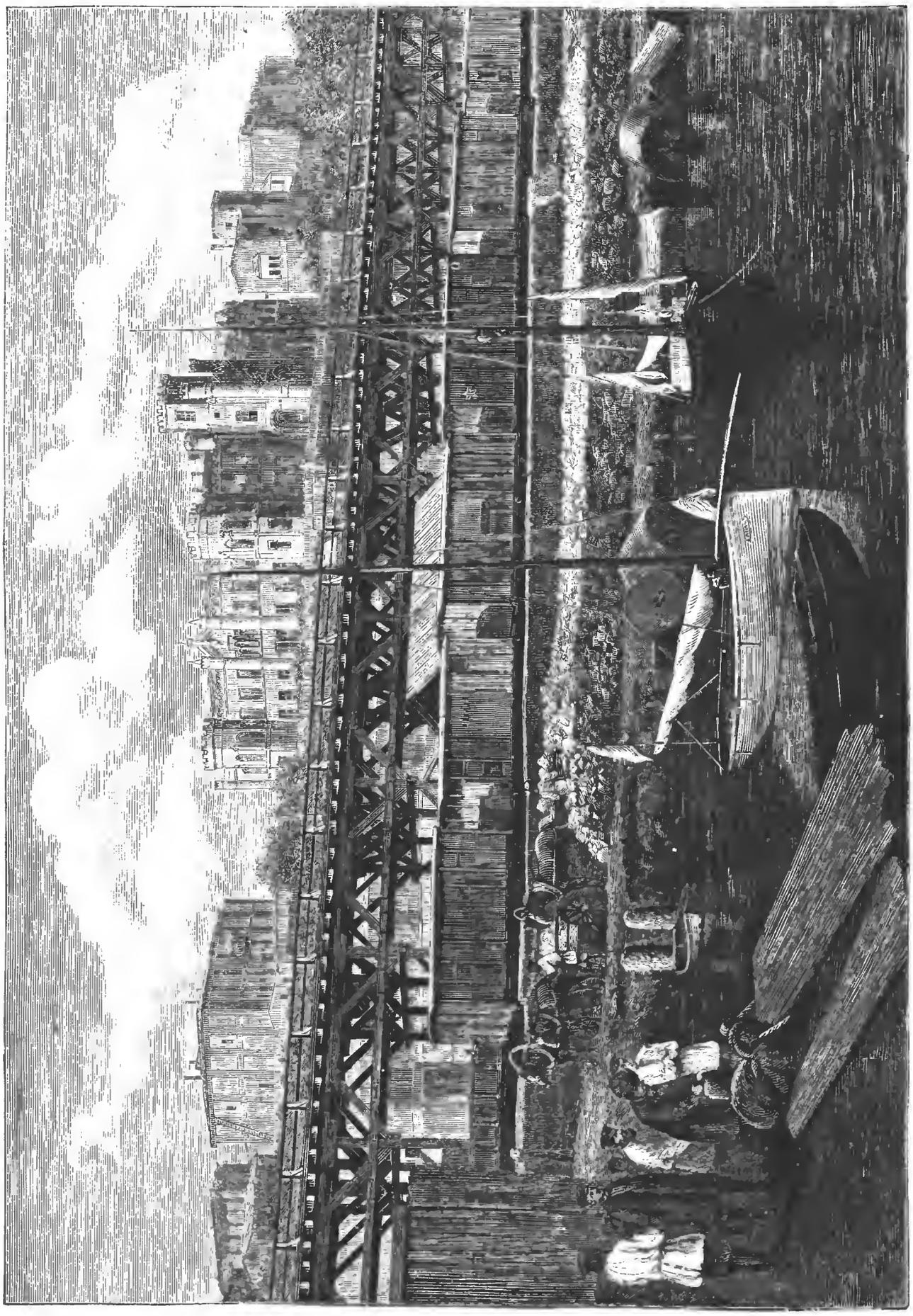
— Пусти, братецъ, переночевать, сказалъ онъ, входя и заставая офицера за чисткой ружья.

Молодой человѣкъ, полный, низенькій и широкоплечій, съ толстымъ лицомъ и гладко остриженный подъ гребенку, разсмѣялся добродушно и весело на встрѣчу гостю:

— А что? Опять политиканствуютъ, да галдятъ у васъ.

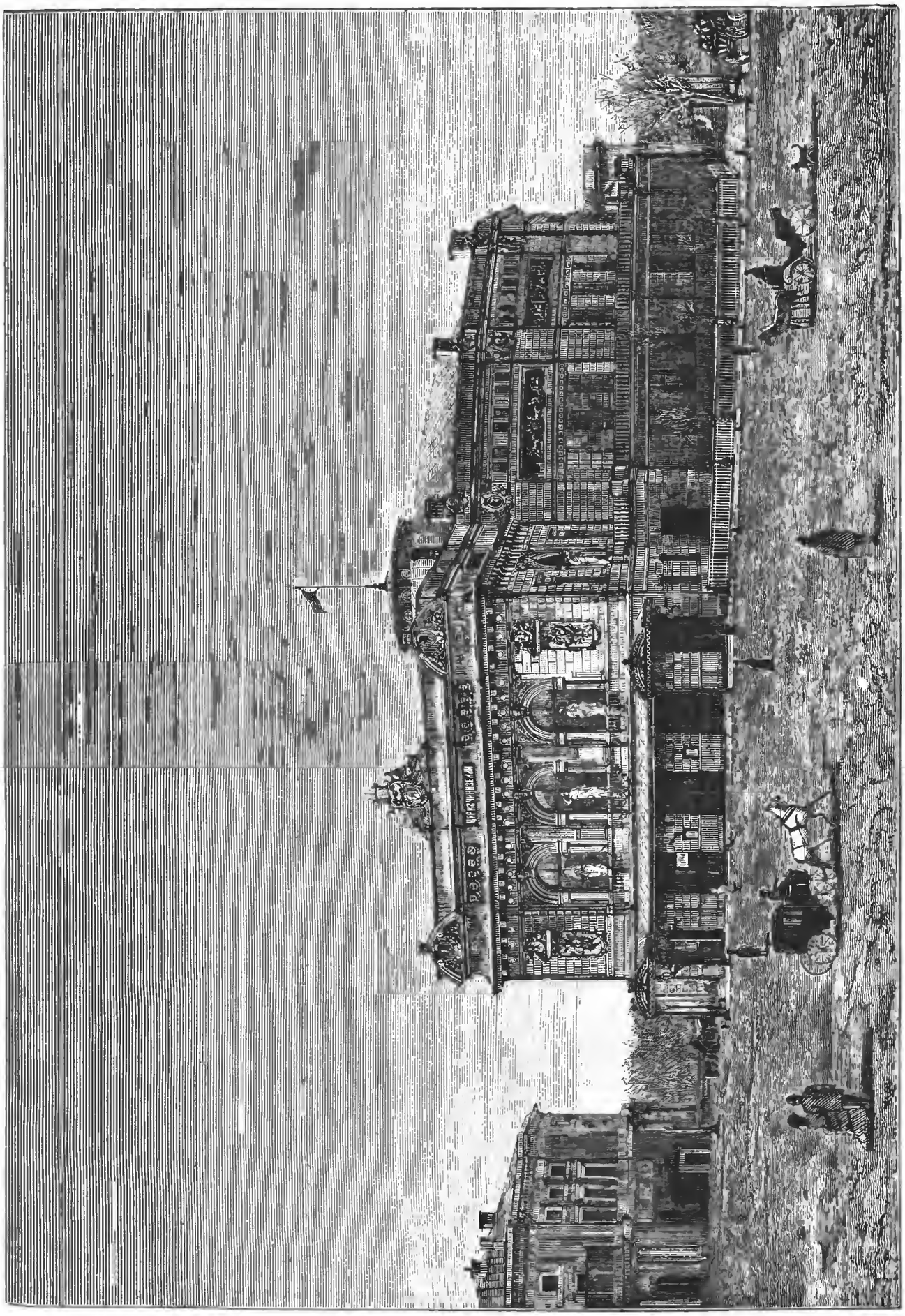
— Да. Опять кто-то пріѣхалъ и трещатъ вотъ ужь

Библиотека "Руниверс"



Одесса. Видъ пристани Одесскаго Ллойда. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Виды С.-Петербурга. Циркъ Чинизелли. Съ фотогр. Бетинсра, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

часъ цѣлый, отвѣчалъ Борщевъ. Сидѣлъ, сидѣлъ, пережидая, на крыльцѣ и плюнулъ наконецъ. Не радъ, что въ одной квартирѣ помѣстился.

— Да иди, братъ, совсѣмъ ко мнѣ, сказалъ Шиповъ. А то отъ этихъ политикановъ сонъ потеряешь. Переходи.

— Ну вотъ...

— Полно, братецъ. Говорю переходи. Тутъ пять комнатъ. У Гринева двѣ, да у меня три. Ты возьми у меня одну и всѣ помѣстимся. А тамъ тебѣ никогда спать не дадутъ.

— Это вѣрно. Третьяго дня до полуночи протрезвонили! недовольнымъ голосомъ проворчалъ Борщевъ, садясь въ углу. И что тутъ болтать? Все это правда. Многихъ обидѣли. Орловы зазнались. Да болтать то объ этомъ всякій день съ утра до ночи тоска возьметъ.

— А дойдетъ—не похвалятъ тоже, задумчиво произнесъ Шиповъ.

— Дойдетъ? Вѣтромъ что-ли рѣчи перевѣетъ какъ пыль. Изъ насъ кто въ доносчики что ль пойдетъ? Ни ты, ни я,—не пойдемъ. Ну такъ и всѣ...

— Въ доносчики я не пойду, братецъ. А коли потянутъ свидѣтельствовать, то лгать не стану—скажу все, что знаю.

— Что тутъ сказывать? Свидѣтельствовать? Вѣдь одно галдѣнье тутъ. Вранье одно! Переливанье изъ пустаго въ порожнее. Развѣ у нихъ планъ какой?! воскликнулъ Борщевъ.

— Вѣстимо, вранье одно! Но за такое вранье знаешь что дѣлывали прежде, тому всего будетъ лѣтъ съ двадцать... Мнѣ матушка частенько разсказывала объ одномъ дѣлѣ такомъ.

— А что? Небось ссылали...

— Да. Но напередъ плетьми драли и языки вырѣзывали чрезъ палача. Ты не слыхалъ, было дѣло Лопухиныхъ...

— Нѣтъ.

— Ну вотъ эдакъ же, сходилась компанія, да тоже про „Иванушку“ галдѣла да рядила. Ихъ судили, да и казнили. И бабамъ досталось здорово тогда — отодравъ плетьми — языки вырѣзали двумъ: Лопухиной да графинѣ Бестужевой...

— Страсть какая! воскликнулъ Борщевъ. Ну, да вѣдь это тогда было. Нынѣ не тѣ времена.

— А какія же. Иностранныя, привозныя что-ль времена? Тѣ же... Да и законы тѣже.

— То былъ заговоръ, а это вѣдь...

— Ну?

— Нынѣ наоборотъ того.

— Да вѣдь какъ! Отъ гвардіи и до сената — все подчиняется! Или я вру...

— Нѣтъ. Такъ. Вѣрно. Но я только сказываю...

Борщевъ замялся, не зная какъ выразить свою мысль:

— Я сказываю, то была дочь царя Петра, Анна Леопольдовна. А долго-ль та правила... Ну вотъ и теперь.—Тоже будетъ...

— Что то же? нетерпѣливо воскликнулъ Шиповъ.

— Не долго протянетъ! Поэтому я и говорю. Все правильно, что они сказываютъ. И про обиды, и про обходъ наградами, и про самомнѣнье Орлова... Но нечего тутъ шумѣть! Трехъ лѣтъ не пройдетъ. Пойдутъ разныя нелѣпицы. Войну какую затѣетъ Орловъ, чтобы въ фельдмаршалы выдти, или... Или... Да мало-ль тамъ что можетъ быть...

— Ничего не будетъ. Екатерина Алексѣевна мудрая братецъ... Сама мудрость.

— Такъ!

— И она теперь мало, мало... лѣтъ десять, до самаго совершеннолѣтія! добродушно выговорилъ Шиповъ.

— А я говорю: не будетъ и двухъ лѣтъ! горячо воскликнулъ Борщевъ. И вскочивъ на ноги, онъ подошелъ къ Шипову и хотѣлъ что то начать говорить... но вдругъ остановился и плюнулъ злобно:

— Тьфу... И я тоже дуракъ! Оголтѣлый дуракъ!

Шиповъ вопросительно взглянулъ на сержанта.

— Эдакая вѣдь дура какая!

— А что?

— Ушелъ оттуда сюда, отъ тѣхъ проклятыхъ спорщиковъ... А сами то чтожь мы дѣлаемъ?...

Шиповъ расхохотался и, поставивъ въ уголъ вычищенное ружье, вымолвилъ:

— Да. Это вѣрно. Ты оттуда заразу перенесъ...

— Это я отъ Семена Гурьева заразился. Тотъ вѣдь первый горланъ. Давай-ко спать лучше, хозяинъ. Да вотъ что еще. Коли мнѣ къ тебѣ переходить на житье, то мы штрафъ положимъ. Какъ кто помянетъ Григорія Орлова, или Ивана Антоныча, или что либо—такъ сейчасъ съ того алтынъ либо два—штрафу...

— Благое дѣло! раздался изъ третьей комнаты густой басъ. Я вотъ сколько слушаю васъ и заснуть не могу.

Это былъ голосъ капитана Гринева.

Шиповъ добродушно разсмѣялся. Сержантъ напротивъ, сумрачно прибавилъ.

— А вѣдь мнѣ завтра въ пять часовъ вставать!

Чрезъ полчаса въ квартирѣ Шипова была полная тишина и слышался только здоровый храпъ толстяка-хозяина.

Большой домъ на поляшѣ, въ который Борисъ Борщевъ не захотѣлъ войти, былъ занятъ на время коронаціи измайловцами, братьями Гурьевыми, по близости расположенья ихъ полка по обывательскимъ квартирамъ. Домъ отыскалъ и нанялъ третій братъ Семенъ Гурьевъ, капитанъ Ингерманландскаго полка, прибывшій въ Москву заранѣе. Вмѣстѣ съ ними поселился на квартирѣ первый и давнишній ихъ другъ Хрущевъ, тоже измайловецъ. На пути въ Москву они пригласили сержанта Борщева, незнавшаго гдѣ ему остановиться.

Въ этотъ вечеръ, какъ и всегда, у Гурьевыхъ было до пятнадцати человѣкъ офицеровъ разныхъ полковъ. Кой-кто игралъ въ карты на двухъ столахъ. Червонцы въ кучкахъ, новыя колоды и мѣлки, перемѣшивались на столахъ. Полъ же былъ буквально засоренъ еще съ утра мятыми и рваными картами.

На этотъ разъ играющихъ было мало, такъ какъ главный запѣвало азартной игры—ингерманландецъ Гурьевъ былъ занятъ инымъ. Онъ бесѣдовалъ съ новыми гостями, любезно угощая ихъ чаемъ, закуской, виномъ и какой-то ѣдкой пастилой по имени „Турка“, возбуждавшей жажду и которую уничтожали офицеры въ огромномъ количествѣ, по неволѣ обильно запивая виномъ.

Бесѣда старшаго хозяина часто переходила въ споръ, и Гурьевъ горячо доказывалъ свое мнѣніе. Изрѣдка присоединялся къ нему Хрущевъ, но тотчасъ же отходилъ, такъ какъ въ сумерки явился къ нему братъ, узнавъ его адресъ отъ Борщева. Петръ Хрущевъ, на минуту подходя къ гостямъ, вставлялъ въ бесѣду нѣсколько крѣпкихъ бранныхъ словъ или грубоватыхъ шутокъ на счетъ новаго правительства, въ особенности на счетъ Орловыхъ. Затѣмъ онъ снова ворочался въ другую горницу, гдѣ сидѣлъ „рябчикъ“—братъ его Алексѣй.

Новыхъ гостей, появившихся въ домѣ Гурьевыхъ, было всего двое: капитанъ московскаго драгунскаго полка Побѣдзинскій и молодой преображенецъ, сержантъ Левъ Толстой. Оба они познакомились съ Гурьевыми уже здѣсь, въ Москвѣ.

Побѣдзинскій сидѣлъ еще съ сумерекъ, все собираясь уѣзжать и все увлекаясь разговоромъ.

Между этими двумя гостями не было ничего общаго. Сержантъ Толстой, молодой и красивый малый, съ умнымъ лицомъ, былъ очевидно даже внѣшнимъ видомъ, фигурой и пріемами, юноша изъ хорошей дворянской семьи. Побѣдзинскій, съ кривымъ носомъ, съ большими бѣловатыми глазами и коричневымъ цвѣтомъ лица, а въ особенности пронзительно крикливымъ голосомъ — сильно смахивалъ на филина.

Библиотека "Руниверс"

Первый, юноша, былъ бы довольно симпатиченъ на видъ—еслибы не его лукавый взглядъ. Второй же, съ его фигурой и сильнымъ польскимъ акцентомъ, который удивилъ даже унтера Конькова—былъ почему-то чрезвычайно антипатиченъ.

Это замѣтилъ тотчасъ самый младшій изъ трехъ братьевъ Гурьевыхъ—Иванъ. Послѣ появленія драгуна и первыхъ же словъ, произнесенныхъ имъ, — проницательный и молчаливый Иванъ поморщился на Побѣдзинскаго.

Только около полуночи въ домѣ Гурьевыхъ стало тихо. Гости уѣхали, товарищи разошлись по сосѣднимъ домикамъ и въ квартирѣ остались одни хозяева, т. е. три брата и Петръ Хрущевъ. Всѣ собрались ложиться спать.

— А Борщева нѣтъ? спросилъ старшій изъ братьевъ—Семенъ.

— Нѣту, не ворочался, отвѣтилъ кто-то.

— Никакъ нѣтъ-съ! заявилъ деньщикъ Хрущева. Они давно пріѣхамши. Я видалъ, Коньковъ ихъ лошадь водилъ по полянкѣ.

— Гдѣ-жь онъ.

— Видно опять къ Шипову ночевать ушелъ! сказалъ Иванъ Гурьевъ.

— Не любятся сержанту наши бесѣды! усмѣхнулся Хрущевъ. Молодость! Пустота! Ротозѣйство...

— Нѣтъ... Онъ умный. За что его корить! сказалъ Александръ Гурьевъ. А у него зазнобушка здѣсь въ Москвѣ. Пріѣхалъ, видѣлся небось. Нацѣловался. Можетъ и поплакалъ.

— Поплакалъ? Отчего?

— Да вѣдь зазнобу то его—за него не отдаютъ, ждутъ чтобы изъ сержантовъ офицеромъ сталъ. А то можетъ и вовсе не хотятъ отдать—будь хоть генералъ.

— Почемъ ты знаешь? Онъ тебѣ сказывалъ? спросилъ Хрущевъ.

— Нѣтъ. Онъ ничего не сказывалъ. А я знаю потому, что онъ всю зиму въ Питерѣ, нѣтъ, нѣтъ, да и вздохнетъ. Говорятъ ли о комъ, что жениться не можетъ, либо отказали сватамъ, либо дѣвица не любитъ—Борщевъ глаза навостритъ. Заговорилъ я разъ съ нимъ объ самокруткѣ, какая, съ годъ тому, во Псковѣ была. Мнѣ воевода разсказывалъ. Ну, меня Борщевъ, просто разиня ротъ, слушалъ, будто удивительное что. А потомъ закричалъ: вотъ это любое дѣло. Молодца!.. Я и догадался, что у него такое на душѣ лежитъ камнемъ.

— А какая самокрутка? спросилъ съ пренебреженіемъ ингерманландецъ Семенъ Гурьевъ, которому всѣ бесѣды казались тратой времени, когда не касались политики.

— Одинъ драгунъ отмочилъ колѣно. Устроилъ угощеніе, опоилъ зельемъ дворню и мамушекъ, выкралъ невѣсту, да въ сани. Обвѣнчался съ ней въ сосѣднемъ селѣ, а по утру, часовъ въ пять, явились оба, женихъ съ невѣстой, да и бухъ въ ноги ея родителя. Простите.

— Простилъ? воскликнулъ Хрущевъ.

— Вѣстимо простилъ. Только обидно ему было, что дорого обошлась самокрутка дочкина. Да и судъ могъ вмѣшаться. А съ приказными крючками, бѣда!

— А суду какое дѣло, коли родитель за самокрутку простилъ! замѣтилъ молчаливый Иванъ Гурьевъ.

— Да изъ дворни то трое заснули такъ, что ихъ и не разбудили совсѣмъ. Померли...

— Ну вотъ? Съ чего же это?

— Вѣрно. Вѣдь зелье было, а не вино простое. Тоже отрава!

— Вотъ бы нашему Сенькѣ дать, отъ его безсонницы! воскликнулъ Хрущевъ, хлопая ингерманландца Гурьева по плечу.

Офицеры разсмѣялись.

— И я, ваше благородіе, такъ то... самокруткой вѣнчанъ! робко выговорилъ солдатъ-деньщикъ, стоя у порога.

— Во—какъ, Захаръ! Выкралъ жену?

— Нѣту. Зачѣмъ. У насъ эдакъ не полагается. И грѣхъ, и срамота. За эдакое, господа, либо свои. на міру, до смерти запорятъ. А меня, значитъ, силкомъ вѣнчали. За это и въ солдаты я попалъ попѣ. А то бы мнѣ солдатомъ и у васъ въ деньщикахъ не бывать николи!

— Разскажи.

— Спать пора. Ну его къ черту! сказалъ Семенъ Гурьевъ.

— Нѣтъ, постой. Какъ можно. Любопытно. Мужика силкомъ повѣнчали и въ солдаты сдали, замѣтилъ Хрущевъ. Разсказывай, да короче.

— Чего разсказывать. Барыня приказала повѣнчать на дѣвкѣ Афросиньѣ... Ну а я не хотѣлъ... Она, стало быть, кривая и „ланоть“ ей имя. Ну обидно. Я было хотѣлъ за себя другую... Марью, и уже засваталъ. Ну, вотъ меня силкомъ и собрали... Я упираться, да драться. Глупъ былъ, да и Марью шибко любилъ... Меня скрутили, да и поволокли.

— Ну и повѣнчали. А тамъ сейчасъ въ городъ! Забрили и въ солдаты: за окаянство въ храмѣ. Вотъ я къ вашимъ милостямъ и попалъ. А то бы и теперь на деревнѣ былъ.

— Зачѣмъ же тебя барыня вѣнчала, коли думала сдать въ солдаты? спросилъ Иванъ Гурьевъ.

— А кто жь ее знаетъ. Можетъ думала въ церкви смирюсь. А какъ вышелъ грѣхъ—ну куда жь меня дѣвать. Да самое то ее страхъ взялъ. Я все обѣщалъ всѣхъ во двору топоромъ порубить.

— Ишь вѣдь ты какой...

— Я съ молоду страсть былъ! А теперь ничего. Уходился. Да и Марья то померла ужь.

— Ну, а жена жива еще?..

— Что ей дѣлается. Живетъ кривой чертъ и теперь у барыни. Злится, сказывали мнѣ наши, когда солдаткой ее обзовутъ.

Офицеры долго смѣялись разсказу деньщика.

— Ловко! Только, братецъ, это не самокрутка! рѣшилъ Хрущевъ. Тебя тутъ самого скрутили. А при самокруткѣ самъ женихъ либо невѣста крутитъ на свой ладъ безъ благословенья родительскаго.

— Все можно назвать самокруткой, замѣтилъ Семенъ Гурьевъ. Бываетъ, старики женятся силкомъ на дѣвицахъ. Вотъ теперь наши вельможи скороспѣлые—Орловы, тоже о самокруткѣ подумываютъ.

— Да и это тоже вранье одно!.. разсмѣялся Хрущевъ. Одно истинно: спать пора!

XV.

Три брата Гурьевы, двое—гвардейскіе офицеры Измайловскаго полка, а третій армейскаго, стоявшаго около Москвы—были очень богатые дворяне, очень извѣстные въ обѣихъ столицахъ; старшій Гурьевъ за послѣднее время былъ прикомандированъ къ гвардіи и жилъ тоже въ Петербургѣ. Въ гвардіи ихъ любили за хлѣбосольство и веселый нравъ, но только подшучивали надъ ними, что они подражаютъ во всемъ тремъ братьямъ Орловымъ, первымъ богатырямъ и молодцамъ Питера. Дѣйствительно, было что-то общее между тремя Орловыми и тремя Гурьевыми. Старшій Семенъ былъ такой же ловкій и красивый какъ Григорій Орловъ. Второй Александръ былъ такой же молодецъ на видъ, огромнаго роста и такой же весельчакъ какъ второй Орловъ, Алексѣй. Кроткій и молчаливый Иванъ Гурьевъ почти тоже походилъ на третьяго Орлова. Ѳеодоръ, былъ тихій, скромный, степенный и походилъ на братьевъ только тѣмъ, что былъ падокъ до прекраснаго пола, но при этомъ его побѣды не происходили въ обществѣ, а въ средѣ болѣе скромной. Иванъ Гурьевъ былъ еще очень молодъ, и также какъ Ѳеодоръ Орловъ—во всемъ старался подражать братьямъ, которыхъ обожалъ, и считалъ себя счастливымъ исполнять всѣ ихъ приказанія и прихоти.

Библиотека "Руниверс"

Гурьевы жили въ Петербургѣ, также какъ и Орловы, широко и размашисто, тратили много денегъ, устраивали всякіе кутежи, играли сильно въ карты, но не проигрывали какъ Орловы, а при постоянномъ счастьи, выигрывали крупныя суммы, и только благодаря этому не раззорились вполнѣ за нѣсколько лѣтъ службы.

Когда въ апрѣлѣ послѣ Святой недѣли прошелъ уже въ Петербургѣ слухъ, что въ гвардіи затѣвается что-то и у братьевъ Орловыхъ, какъ у главныхъ коноводовъ, собирается кружокъ офицеровъ изъ всѣхъ полковъ, то и Гурьевы, представленные товарищемъ Ласунскимъ, появились на вечеринкахъ богатырей. Скоро братья Гурьевы были довольно близкіе люди братьямъ Орловымъ. Сначала Гурьевы вмѣстѣ съ другими офицерами принимали живое участіе во всемъ. Сорили деньгами среди солдатъ своего полка, сносились съ княгиней Дашковой чрезъ своего товарища и ея пріятеля Ласунскаго, бывали и на вечерахъ у Григорія Орлова.

Наконецъ, также какъ и братья Орловы, въ свой чередъ и братья Гурьевы,—придирались къ нѣмцамъ, ссорились и дрались, гдѣ можно, съ офицерами Голштинскаго войска и не упускали малѣйшаго случая заявить себя „Елизаветинцами", т. е. приверженцами стараго порядка, а не новаго, врагами нѣмецкой партіи, имѣвшей теперь перевѣсъ.

Но въ маѣ мѣсяцѣ произошелъ разрывъ между Орловыми и Гурьевыми.

Григорій и Алексѣй Орловы становились слишкомъ самовластны. Они уже какъ бы чувствовали твердую почву подъ ногами, понимали и сознавали, что дѣло ими начатое, дѣло ихъ рукъ, становится дѣломъ всей гвардіи, потомъ всего Петербурга, а стало быть дѣломъ всей Россіи. Планъ ихъ крѣпъ, а кругъ согласниковъ разростался съ каждымъ днемъ. Уже сенаторы и генералы и разные сановники давали свое согласіе на переворотъ, и иногда и появлялись въ Орловской квартирѣ на Морской у Полицейскаго моста. Сношенія старшаго Орлова съ императрицей, возможность видѣть ее ежедневно и принимать отъ нея тайныя приказанія для передачи главнымъ дѣятелямъ—ставили его братьевъ въ нравственное положеніе начальниковъ. Вдобавокъ Орловы дѣйствовали смѣлѣе всѣхъ. Гдѣ нужно было дерзко выставить себя и рисковать—они были первые.

— Вы ставите на карту вотчины, говорилъ Григорій офицерамъ. А мы и головы.

И это было правда.

Это превосходство братьевъ Орловыхъ надъ прочими офицерами гвардіи, вытекавшее изъ ихъ характера, изъ ихъ положенія людей близкихъ къ императрицѣ, изъ всей ихъ обстановки—стало не по сердцу честолюбивому, самовластному и энергичному Семену Гурьеву. Онъ не могъ нигдѣ, ни въ чемъ играть второй роли, а его положеніе капитана ингерманландскаго полка, т. е. армейца—ставило его еще ниже.

Явившись впервые въ квартиру Григорья Орлова, онъ ужь рѣшилъ напередъ, что возьметъ, такъ сказать, командованіе надъ всѣми офицерами и надъ всѣмъ дѣломъ. Увидя энергичныхъ и неподатливыхъ соперниковъ въ лицѣ Орловыхъ во всякомъ вопросѣ, увидя, что они вершатъ все, а имъ повинуются всѣ остальные—Семенъ Гурьевъ пошелъ было на уступку. Его самолюбіе удовлетворилось бы, еслибъ онъ могъ хотя бы только подѣлить власть и значеніе Григорія Орлова.

Ингерманландецъ пожелалъ быть представленнымъ государынѣ. Повода для этого не было. Ему мягко отказали! Тотъ-же Григорій Орловъ добродушно объяснилъ армейцу, что его родной братъ, семеновецъ Ѳеодоръ, не имѣлъ чести быть лично извѣстенъ царицѣ. Этой обиды было достаточно. Семенъ Гурьевъ, а за нимъ и его два брата — стали понемногу удаляться отъ кружка Орловыхъ.

Вскорѣ второй братъ, Александръ, уже явно и громко говорилъ въ полку, что пора бы обратить вниманіе на сходбища въ квартирѣ цалмейстера на Морской.

Но всѣ офицеры полка стали коситься на него, какъ на измѣнника. Поневолѣ, братья Гурьевы должны были замолчать и остаться вѣрными всему тому, что уже знали; но удалившись, они уже не могли знать, насколько успѣшно идетъ дѣло Орловыхъ. Недовольный Семенъ Гурьевъ объяснялъ братьямъ, что толку не будетъ и окончится все бѣдой.

— Обождемъ. Не нынѣ—завтра, все откроется и ихъ всѣхъ перехватаютъ. И мы же пойдемъ глядѣть какъ Григорью съ Алёхой достанется...

Пришло 28 іюня. На зарѣ маіоръ Ласунскій поднималъ солдатъ... Что то творилось въ казармахъ. Чуялось что то необычайное.

Умный Семенъ Гурьевъ приглядывался, но догадаться и понять не могъ. Да и не онъ одинъ въ Петербургѣ, знавшій давно о существованіи заговора,—все таки былъ взятъ врасплохъ событіемъ и глазамъ не вѣрилъ, видя и слыша то, что вдругъ случилось.

Рано утромъ весь Измайловскій полкъ былъ на ногахъ и братья Гурьевы тоже.

Въ восемь часовъ появилась государыня, сопровождаемая тѣми же ненавистными Гурьевымъ братьями Орловыми. Полкъ присягнулъ, цѣлуя крестъ. Братья Гурьевы поневолѣ, въ числѣ прочихъ...

И въ три дня совершилось нѣчто похожее на волшебный сонъ. Безъ единой капли крови на улицахъ города и въ окрестностяхъ—по единогласному признанію всѣхъ сословій, воцарилась императрица Екатерина II. Она стала самодержавнымъ монархомъ.

Правда, не будь у нея сына, потомка Петра Великого—то, быть можетъ, ничего бы и не удалось. Россія, въ лицѣ сената и сѵнода, придворныхъ и гвардіи, взглянула на новую императрицу, какъ на правительницу до совершеннолѣтія цесаревича Павла. Къ тому же ежедневно ждали учрежденія императорскаго совѣта, для управленія государствомъ въ помощь новой государынѣ.

Но прошелъ мѣсяцъ, другой, а въ третій—государыня поѣхала въ Москву на коронацію. Объ совѣтѣ и помину не было, а энергія новаго правительства, разумная и крѣпкая рука, чувствовалась во всѣхъ мѣрахъ и распоряженіяхъ.

Братья Гурьевы слѣпо видѣли въ новомъ порядкѣ—только одно: ненавистныхъ имъ нынѣ счастливцевъ, братьевъ Орловыхъ. Все имъ удалось! Не пришлось ингерманландцу видѣть неудачи богатырей. Напротивъ, приходилось видѣть ихъ теперь осыпанныхъ милостями новой императрицы.

— Маху дали! наивно и добродушно сказалъ 28 іюня младшій братъ Иванъ.

И теперь онъ часто повторялъ это кротко и задумчиво, а Семенъ началъ отъ этихъ словъ уже раздражаться на брата.

— А коли маху дали, такъ надо справиться! сказалъ наконецъ Семенъ Гурьевъ предъ самымъ выступленіемъ полка изъ Петербурга на коронацію. У меня Гришка поперегъ горла сталъ...

И еще на пути, на стоянкахъ, а затѣмъ по прибытіи, въ Москвѣ, трое братьевъ стали незамѣтно центромъ новаго кружка недовольныхъ. Все обойденное наградами, забытое, или озлобленное и обиженное какимъ либо пустякомъ—стало группироваться около братьевъ Гурьевыхъ.

Понемногу въ Москвѣ Гурьевы уже собрали человѣкъ до 70 офицеровъ, которые всѣ ворчали на новое правительство. Главный врагъ ихъ — были двое братьевъ Орловыхъ.

Два мѣсяца назадъ они были простые офицеры, ихъ товарищи, съ которыми всѣ пили въ трактирахъ, играли на билліардѣ, катали въ тройкахъ за городъ, пѣли, шумѣли и кричали какъ друзья-пріятели. Теперь оба брата—вельможи и сановники, помѣщающіеся подъ одной

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. „Лѣсной Царь“, баллада Гёте, перев. В. А. Жуковскаго.
Ориг. рис. Р. Штейна, грав. П. Дзедавицъ.

Библиотека "Руниверс"

кровлей съ государыней. Григорій не цалмейстеръ—а генералъ-адъютантъ, одинъ такого званія на всю Россію. Алексѣй не сержантъ, а секундъ-маіоръ... Ѳеодоръ не прапорщикъ, а капитанъ своего полка... Этого мало... на дняхъ, въ день коронаціи всѣ будутъ графами Россійской Имперіи. Не только офицеры, а знатные вельможи ищутъ дружбы и благоволенія этихъ Орловыхъ. На пріемѣ у того и у другаго—горницы полны генераловъ и сановниковъ.

— Не глупѣе я ихъ! Не хуже и родомъ! думалъ Семенъ Гурьевъ про себя и день и ночь. А хитрости, да осторожности, да умѣнья—у меня будетъ поболѣ, чѣмъ у Григорія.

И теперь, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ квартирѣ братьевъ Гурьевыхъ повторялось буквально тоже самое, что было когда то, въ мартѣ, въ квартирѣ братьевъ Орловыхъ въ Петербургѣ.

Тѣже вечеринки и сходки подъ предлогомъ картъ. Таже вольная бесѣда о дѣлахъ „правленія государственнаго". Тамъ повторялось имя Екатерины Алексѣевны, здѣсь повторялось имя Ивана Антоновича. Тамъ повторялись имена: Панина, Разумовскихъ, Трубецкаго, Дашковой. Здѣсь тоже повторялись имена тѣхъ же: Панина, обманутаго обѣщаннымъ регентствомъ, Трубецкаго, Ивана Шувалова, бывшаго полиціймейстера Корфа и другихъ.

Все было тоже... да не то!...

У братьевъ Орловыхъ была твердая почва подъ ногами, общая любовь къ опальной государынѣ и ненависть къ нѣмцамъ, общее молчаливое согласіе всѣхъ сословій на перемѣну.

У братьевъ Гурьевыхъ было честолюбивое мечтанье о себѣ... и „одно вранье" по выраженію Борщева.

(До слѣд. №).

И. С. Тургеневъ у себя,

въ его послѣдній пріѣздъ на родину.

Изъ воспоминаній

Я. П. Полонскаго.

(Продолженіе).

XVI.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ на другой же день обошелъ весь домъ, часть сада и, казалось, всѣмъ былъ доволенъ. „Уютно, чисто, просторно—все, что нужно".

Ему же было и весело вспомнить, что здѣсь, въ Спасскомъ, онъ уже не впервые, что слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, онъ пріѣзжалъ сюда, къ опальному Тургеневу, еще бодрому и молодому. Здѣсь когда-то засталъ онъ и ядовитаго эстетика, В. П. Боткина, и флегматическаго на видъ, даровитаго Дружинина, Колбасина и многихъ другихъ. Здѣсь, когда-то, въ саду, разлегшись въ тѣни подъ деревьями, они разучивали роли изъ комедіи „Школа гостепріимства", ими всѣми сообща состряпанной; а комедія эта была—веселый фарсъ, и фарсъ этотъ не только разсмѣшилъ, но и привелъ въ неслыханное недоумѣніе всѣхъ собравшихся изъ окрестностей смотрѣть, какъ играютъ литераторы. И грустно было думать что изъ всѣхъ тогда дѣйствующихъ лицъ уже не много осталось дѣйствующими на этомъ свѣтѣ... что много съ тѣхъ поръ воды утекло, что самый домъ уже не тотъ, и что даже трудно узнать, что теперешняя столовая съ портретами, и есть именно та самая комната, гдѣ были устроены подмостки и гдѣ представлялась доморощенная пьеса, съ комической смертью всѣхъ дѣйствующихъ лицъ повально...

При этомъ надо замѣтить, что къ пріѣзду Григоровича, биліардъ былъ уже съ новыми лузами и что библіотека приводилась въ порядокъ, при помощи того же студента медицинской Академіи, Коцына. Коцыну вообразилось, что весь русскій отдѣлъ этой библіотеки можно разобрать, внести въ каталогъ и по мѣстамъ разставить въ какихъ-нибудь два дня, но оказалось на дѣлѣ, что и въ двѣ недѣли едва ли возможно совершить всю эту процедуру. Тургеневъ самъ принималъ участіе въ приведеніи въ порядокъ своей библіотеки, и очень сокрушался, что нѣкоторыя изъ очень дорогихъ изданій, очевидно, были украдены кѣмъ нибудь изъ стародавнихъ гостей, по русскому обычаю думающихъ, что зажилить или увезти книгу, не значитъ украсть ее—а просто увезти и зажилить. Вѣдь похищаютъ же невѣстъ и чужихъ женъ и это за воровство никѣмъ не почитается... Такъ не находилъ Тургеневъ одного рѣдкаго изданія Овидія, съ гравюрами прошлаго XVIII столѣтія.

Пріѣздъ Дм. Вас. Григоровича въ Спасское положилъ начало постепенному наплыву и другихъ гостей, о которыхъ въ свою очередь будетъ мною упомянуто.

Прежде всѣхъ (при Дм. Вас. Григоровичѣ) въ Спасское появилась какая-то дѣвушка, еще очень молодая. Если не ошибаюсь, это была одна изъ сомнѣвающихся и колеблющихся... чему ей вѣрить и куда идти—по слѣдамъ ли нигилизма, путемъ огульнаго отрицанья, или кое что признать и пристать къ какой нибудь либеральной партіи. Одна изъ тѣхъ, убѣжденіями которыхъ управляетъ не наука, а случай. Я не помню ея фамиліи. Она пріѣзжала исповѣдывать Тургеневу свой образъ мыслей, или свое недомысліе, хотя, повидимому, и не была коротко знакома съ хозяиномъ.

Тургеневъ, по обыкновенію, былъ съ ней любезенъ, но сдержанно. Григоровичъ былъ безпощаденъ и, что всего удивительнѣе, она не только на него не сердилась,—ей замѣтно нравилось, что такъ нецеремонно и такъ энергически-грубо низводилъ онъ съ пьедестала тотъ идеалъ эманципированной дѣвицы, которому она поклонялась. Тургеневъ же, при насъ, за чайнымъ столомъ, вечеромъ, заявлялъ, что у него ничего нѣтъ общаго съ анархистами или террористами, что онъ никогда имъ не сочувствовалъ и не сочувствуетъ, что насилія и политическія убійства никогда не достигаютъ своей цѣли, напротивъ, вызываютъ долгую реакцію, останавливаютъ естественный ростъ народовъ и отравляютъ общественный организмъ подозрительностью и напряженнымъ чувствомъ опасливаго самосохраненія, что въ участи тѣхъ, которые у насъ такъ безплодно погибаютъ, нѣтъ даже ничего истинно-трагическаго. И развивая теорію трагическаго, Ив. Серг., между прочимъ, привелъ въ примѣръ Антигону Софокла.

— Вотъ это, сказалъ онъ,—трагическая героиня! Она права, потому что весь народъ, точно такъ же, какъ и она, считаетъ святымъ дѣломъ то дѣло, которое она совершила (погребла убитаго брата). А въ тоже время, тотъ же народъ и Креона, которому вручилъ онъ власть, считаетъ правымъ, если тотъ требуетъ точнаго исполненія своихъ законовъ. Значитъ и Креонъ правъ, когда казнитъ Антигону, нарушившую законъ. Эта коализія двухъ идей, двухъ правъ, двухъ равнозаконныхъ побужденій и есть то, что мы называемъ трагическимъ. Изъ этой коализіи вытекаетъ высшая нравственная правда, и эта-то правда, всею своею тяжестью, обрушивается на то лицо, которое торжествуетъ. Но можно-ли сказать, что то ученіе, или та мечта, за которую погибаютъ у насъ—есть правда, признаваемая народомъ и даже большинствомъ русскаго общества?

Здѣсь я передаю не самыя слова Ив. Сергѣевича, а суть его мыслей, вслухъ намъ высказанныхъ. А что

Библиотека "Руниверс"

именно это онъ намъ высказывалъ, я могу сослаться и на Григоровича, и на ту, которая вынуждала его говорить такъ, а не иначе.

Пробывши въ Спасскомъ дня три или четыре, дѣвица эта уѣхала. И такъ какъ ей непремѣнно хотѣлось держаться какихъ-нибудь принциповъ, и такъ какъ въ нигилизмѣ она разочаровалась,—она, прощаясь, сказала Тургеневу, что будетъ оппортунисткой.

— Ну, ужъ это все таки лучше! отвѣтилъ ей Тургеневъ.

XVII.

Тургеневъ когда-то лично знавалъ покойнаго писателя князя Влад. Фед. Одоевскаго и высоко цѣнилъ его. Я, пишущій эти строки, въ 1858 году, незадолго до его кончины, встрѣтился съ княземъ заграницею — въ Веймарѣ. Онъ тотчасъ-же догадался, что я боленъ, сталъ навѣщать меня въ гостинницѣ, и началъ по своему, гомеопатіей, безуспѣшно лечить меня. Кажется достаточно было одинъ день провести съ этимъ человѣкомъ, чтобъ навсегда полюбить его. Но свѣтъ клумился надъ его разсѣянностью,—онъ не понималъ, что это не разсѣянность, а сосредоточенность на какой нибудь новой мысли, на какой-нибудь задачѣ или гипотезѣ.

Посреди своего обширнаго кабинета, заставленнаго и заваленнаго книгами, рукописями, нотами и запыленными инструментами, князь Одеевскій, въ своемъ халатѣ, и не всегда гладко причесанный, многимъ казался или чудакомъ или чѣмъ-то въ родѣ русскаго Фауста. Для великосвѣтскихъ денди и барынь были смѣшны и его разговоры, и его ученость. Даже иные журналисты, и тѣ надъ нимъ иногда заочно тѣшились. И это какъ нельзя лучше выразилось въ юмористическихъ стихахъ Соболевскаго, которые, по счастію, сохранились въ памяти Ив. Сергѣевича. Припомнивъ ихъ, Тургеневъ нѣсколько разъ повторялъ ихъ вслухъ и читалъ не безъ удовольствія.

Это было въ дождливый день, не то 29, не то 30 іюня. „Случилось разъ“, читалъ Иванъ Сергѣевичъ, стараясь читать какъ можно серьезнѣе, но придавая комическій оттѣнокъ своему лицу и повышеніямъ своего голоса:

„Случилось разъ, во время оно,
Что съ дерева упалъ комаръ,
И вотъ, ужъ въ комитетъ ученый
Тебя зовутъ, князь Вольдемаръ.
Услышавъ этотъ дивный казусъ,
Зарывшись въ книгахъ, ты открылъ,
Что въ Ротердамѣ жилъ Эразмусъ,
Который въ парикѣ ходилъ.
Одушевясь такимъ примѣромъ,
Ты тотчасъ самъ надѣлъ парикъ,
И съ свойственнымъ тебѣ манеромъ
Главой таинственно поникъ.
Хотя, въ извѣстномъ отношеньи,
Такъ началъ ты,—комаръ есть тварь,
Но, въ музыкальномъ разсужденьи,
Комаръ есть въ сущности—звонарь,
И если онъ, паденьемъ въ полѣ
Не причинилъ себѣ вреда,—
Предать сей казусъ Божьей волѣ
И тварь избавить отъ суда!“

Затѣмъ Тургеневъ сталъ припоминать и свои старыя эпиграммы на своихъ старыхъ пріятелей. Изъ нихъ лично для меня почти что ни одной не было неизвѣстной. Я, признаюсь, не былъ ихъ поклонникомъ, никогда не ставилъ ихъ на ряду съ эпиграммами Пушкина и не могъ бы ни припомнить, ни записать ихъ безъ помощи автора.

Всѣ эти эпиграммы относились еще ко временамъ той задорной молодости, которая подъ-часъ для остраго словца не пощадитъ ни матери, ни отца. Эпиграммы, тогда сочиненныя Тургеневымъ, по большей части относились къ лицамъ, которыхъ онъ любилъ и съ которыми охотно проводилъ время.

— Но что-же? говорилъ Тургеневъ,—вѣдь никто же на эти эпиграммы не сердился, кромѣ Ар — ва; тотъ только одинъ такъ обидѣлся, что на много лѣтъ пересталъ со мной кланяться. А Дружининъ, напримѣръ, первый смѣялся, когда я прочелъ ему:

„Дружининъ корчитъ Европейца.
Какъ ошибается бѣднякъ!
Онъ трупъ россійскаго гвардейца,
Одѣтый въ англійскій пиджакъ.“

А вотъ эпиграмма на Кетчера:

„Вотъ еще свѣтило міра!
Кетчеръ, другъ шипучихъ винъ;
Перенеръ онъ намъ Шекспира
На языкъ родныхъ осинъ.“

На П—ко:

„Исполненный ненужныхъ словъ,
И мыслей, ставшихъ общимъ мѣстомъ,
Онъ краснорѣчья прѣснымъ тѣстомъ
Всю землю вымазать готовъ...“

Тоже, на одного московскаго профессора К.:

„Онъ хлыщъ, но какъ онъ тихъ и скроменъ,
Высокъ, и въ тоже время томенъ,
Какъ старой дѣвы бельe-ду;
Но возвышаясь постепенно,
Давно сталъ скученъ несравненно
Педантъ, вареный на меду.“

На В. П. Боткина была большая эпиграмма, пародія на Пушкинское стихотвореніе „Анчаръ“: но Тургеневъ тщетно старался ее припомнить, и только одинъ куплетъ промелькнулъ въ его памяти:

„Къ нему читатель не спѣшитъ,
И журналистъ его боится,
Панаевъ сдуру набѣжитъ
И, корчась въ мукахъ, далѣ мчится...“

Совершенною для меня новостью была только эпиграмма, написанная Тургеневымъ еще въ сороковыхъ годахъ на Ѳ. Достоевскаго, послѣ повѣсти его „Бѣдные люди.“ Я никогда прежде не слыхалъ этой эпиграммы. Въ ней нѣтъ ничего особенно обиднаго; соль ея далеко не ѣдкая; но Достоевскій, уже и въ то время болѣзненный, былъ не изъ числа тѣхъ юношей, которые, прочтя эпиграмму, отнеслись-бы къ ней шутя, какъ Дружининъ, или бы охотно ему за нее простили, какъ Кетчеръ.

Достоевскій могъ совершенно впослѣдствіи забыть эту эпиграмму, но сѣмя вражды, глухое и безсознательное, осталось въ немъ.

Да и трудно было молодому Достоевскому не вообразить себѣ, что эпиграмма Тургенева не выросла на почвѣ самой ядовитой зависти.

Но кто зналъ хорошо Тургенева, тотъ конечно пойметъ, что въ немъ не было ни на каплю литературной зависти, и что въ этомъ случаѣ — эпиграмма была вызвана тѣмъ раннимъ самомнѣніемъ, которое обнаруживалъ Достоевскій и котораго былъ такъ чуждъ Тургеневъ.—Иванъ Сергѣевичъ постоянно ставилъ себя ниже Пушкина, ниже Гоголя и даже ниже Лермонтова...

Вотъ эта эпиграмма:

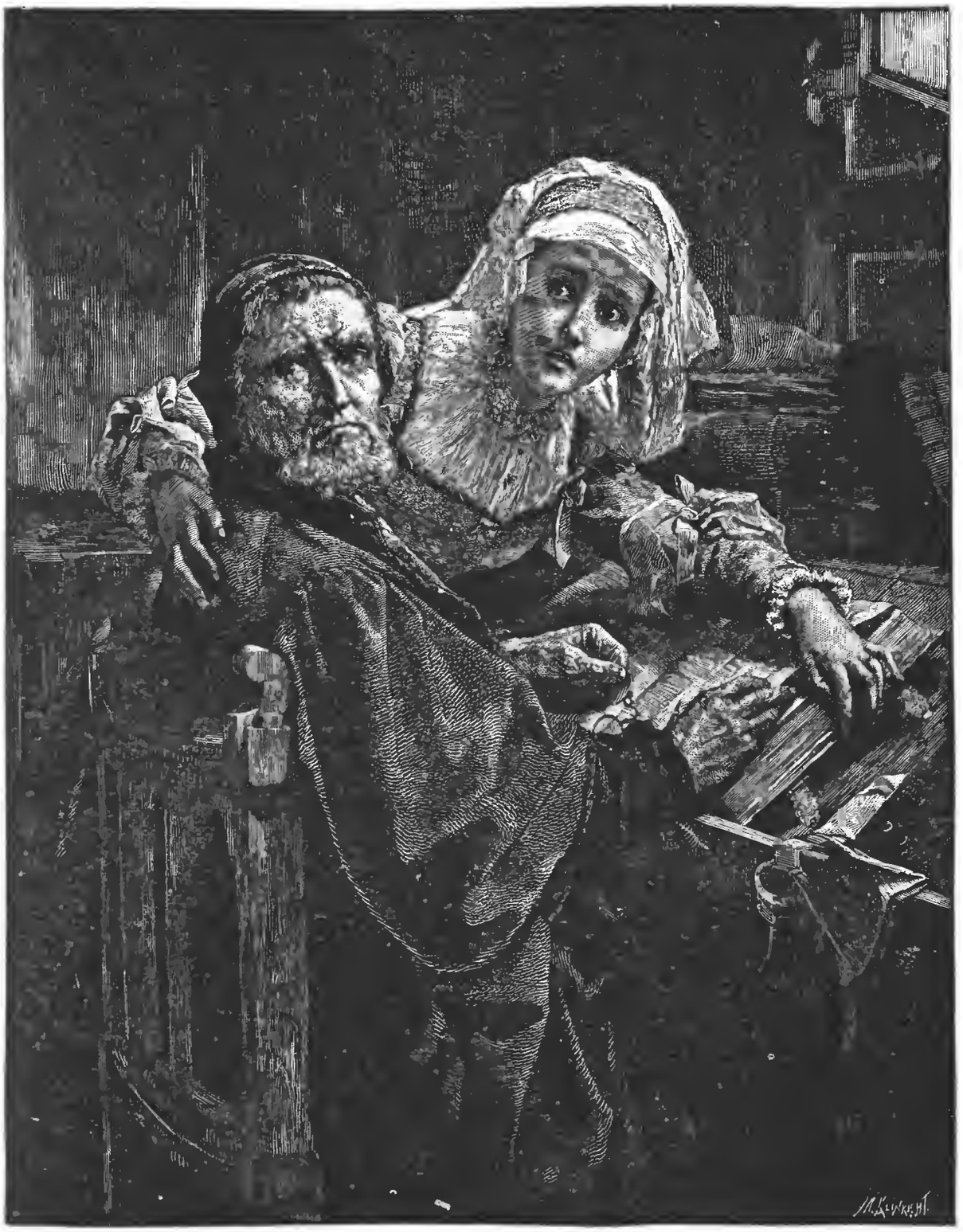
„Рыцарь горестной фигуры!
Достоевскій, юный пыщъ;
На носу литературы
Ты вскочилъ, какъ яркій прыщъ.
Хоть ты новый литераторъ,
Но въ восторгъ ужъ всѣхъ повергъ.
Тебя хвалитъ императоръ,
Уважаетъ Лейхтенбергъ.“

Достоевскій, конечно, былъ нисколько не виноватъ въ томъ, что повѣсть его „Бѣдные люди“ читалась при Дворѣ, и читалась въ такое время, когда къ литера-

Библиотека "Руниверс"

Страдалецъ за принца Эдуарда VI. Съ картины Стэзи, грав. Чарльсъ.

Библиотека "Руниверс"



Тайное чтеніе. Изъ временъ Гугенотской войны (1568 г.). Съ картины Омса, грав. Клинкель.

Библиотека "Руниверс"

турѣ и тогдашнимъ литераторамъ, сановные люди относились свысока или съ снисходительнымъ презрѣніемъ.

— Да, говорилъ Тургеневъ, все это были грѣхи задорной юности моей, а о своихъ молодыхъ грѣхахъ иногда не мѣшаетъ и воспоминать: ихъ уже не вернешь. Кажется, что можетъ быть проще истины: „молодости вернуть нельзя". Кто этого не знаетъ! а между тѣмъ, для меня нѣтъ ничего страшнѣе этой простой истины; она гораздо страшнѣе, чѣмъ адъ, описанный Дантомъ въ его „Divina comedia". Для меня, въ непреложности законовъ природы есть нѣчто самое ужасное, такъ какъ я ни какой цѣли, ни злой, ни благой, не вижу въ нихъ.

XVIII.

Такъ, прибытіе Григоровича придало нашимъ бесѣдамъ нѣсколько литературный оттѣнокъ. Вскорѣ послѣ эпиграммъ, когда мы втроемъ сидѣли въ казино, съ овальнымъ столомъ изъ корельской березы, а небо хмурилось и не пускало насъ въ садъ, когда зеленыя бочки по угламъ дома были переполнены дождевою водой, а передъ террасой, на площадкѣ, стояли лужи,—мы то сидѣли, то прохаживались въ тѣсномъ пространствѣ небольшой комнаты и бесѣдовали, не замѣчая погоды.

Тургеневъ разсказывалъ намъ содержаніе одной пришедшей ему въ голову фантастической повѣсти.

Вотъ это содержаніе:

Мужъ ненавидитъ жену, убиваетъ ее на дорогѣ и прячетъ въ лѣсу ея трупъ... приходитъ въ городъ, заходитъ въ гостинницу и заказываетъ кофе. — Для васъ одного или для обоихъ? спрашиваетъ кельнеръ. Это его поражаетъ. На улицѣ попадаются ему знакомые, которые кланяются ему и кланяются еще кому-то. Словомъ, всѣ видятъ жену его, всѣ, кромѣ его. Онъ чуетъ ея присутствіе около себя; оно тяготитъ его, мучитъ, преслѣдуетъ, но онъ ничего не видитъ.

Мало по малу, онъ доходитъ до такого состоянія, что заклинаетъ жену свою появиться, показаться ему. Онъ становится даже на колѣни передъ чѣмъ-то невидимымъ, не зная, гдѣ оно, и—тщетно! Затѣмъ онъ является въ судъ и говоритъ, что онъ убійца. Ему не вѣрятъ; онъ доказываетъ. Передъ казнью онъ видитъ призракъ жены и примиряется съ судьбой своей.

Тургеневъ развивалъ эту мысль нѣсколько подробнѣе.

— Мнѣ рѣшительно это не нравится, заявилъ Дм. Вас. Григоровичъ.—Психологически не объяснимо—почему жену видитъ не онъ, а другіе?

Тургеневъ, какъ кажется, совершенно согласился съ нимъ, по крайней мѣрѣ, не возразилъ ему. Но развѣ преступнику не могло казаться, что всѣ, кромѣ его, видятъ жену его; развѣ кельнеръ не могъ предположить, что онъ пришелъ вдвоемъ съ товарищемъ, что товарищъ его отсталъ, но тотчасъ же присядетъ къ тому же столику, и будетъ также кофе пить. Развѣ преступникъ не могъ вопроса кельнера: „для обоихъ?" иначе понять, иначе растолковать себѣ, и слова эти развѣ не могли послужить началомъ его галлюцинацій?

Затѣмъ зашелъ разговоръ о томъ, какъ пишутся или создаются повѣсти. Такъ, Тургеневъ сознавался намъ, что онъ не можетъ продолжать писать, если не доволенъ фразой или мѣстомъ, которое не удалось ему. —Другіе на это не обращаютъ никакого вниманія, пишутъ все, съ начала до конца, вчернѣ, потомъ, постепенно отдѣлываютъ по частямъ, иногда съ начала, иногда съ конца. Такъ писалъ Диккенсъ. Одни пишутъ отрывками и потомъ сводятъ ихъ. Другіе сами не знаютъ, что выйдетъ изъ лица, нежданно появившагося въ романѣ или повѣсти; иногда лице это вдругъ такъ ярко обрисуется въ воображеніи, что, заслоняя другія лица, дѣлается первенствующимъ. Такъ часто случалось съ Григоровичемъ, по его собственному признанію.

На упреки Тургеневу, зачѣмъ онъ пересталъ писать, и что напрасно онъ говоритъ, что талантъ можетъ выписаться—Тургеневъ оправдывался тѣмъ, что уже въ писаніи онъ не находитъ никакого особеннаго удовольствія.

— Прежній зудъ прошелъ.—Это тоже, что мускульное безсилье. Очень прискорбно, что оно есть, но, что же дѣлать! Ничего не подѣлаешь! Вотъ, недавно, продолжалъ онъ—началъ я повѣсть: „Старые голубки". Написалъ нѣсколько строкъ и дальше не могъ; а сюжетъ мнѣ очень нравился и я глубоко, со всѣхъ сторонъ, его обдумалъ.

— Разсказывай, какой сюжетъ? спросилъ я Тургенева.

— А вотъ какой. У нѣкоего старика, управляющаго имѣніемъ, живетъ пріѣзжій сынъ, молодой человѣкъ. Къ нему пріѣхалъ товарищъ его, тоже молодой. Народъ веселый и безшабашный, обо всемъ зря сложились у нихъ понятія, обо всемъ они судятъ и рядятъ, такъ сказать, безапелляціонно. На женщинъ глядятъ легкомысленно и даже нѣсколько цинично. Въ это же время, въ усадьбѣ поселяется старый помѣщикъ съ женой, оба ужь не молодые, хотя жена и моложе. Старикъ только что женился на той, которую любилъ въ молодости. Молодые люди потѣшаются надъ амурами стариковъ, начинаютъ за ними подсматривать, бьются объ закладъ... Наконецъ сынъ управляющаго, шутя, начинаетъ волочиться за пожилой помѣщицей, и что же замѣчаетъ къ своему немалому удивленію?—что любовь этихъ пожилыхъ людей безконечно сильнѣе и глубже, чѣмъ та любовь, которую онъ когда-то зналъ, и наблюдалъ въ знакомыхъ ему женщинахъ. Это его озадачиваетъ. Мало по малу онъ влюбляется въ пожилую жену стараго помѣщика, и увы!—безнадежно. Съ разбитымъ сердцемъ уѣзжаетъ неосторожный, любопытный юноша. И пари онъ проигралъ, и проигралъ прежній миръ души своей. Любовь уже перестала казаться ему прежней шалостью, или чѣмъ то въ родѣ веселаго препровожденія времени.

— Вотъ главное содержаніе,—и это была бы одна изъ самыхъ трудныхъ по исполненію повѣстей моихъ, такъ какъ ничего нѣтъ легче, какъ въ такомъ сюжетѣ переступить черту, отдѣляющую серьезное отъ смѣшнаго и пошлаго; и—ничего нѣтъ труднѣе, какъ изобразить любовь 50-лѣтняго старика, достойнаго уваженія, и изобразить такъ, чтобъ это не было ни тривіально, ни сантиментально, а дѣйствовало бы на васъ всею глубиной своей простоты и правды. Да, господа, это очень трудный сюжетъ...

Но на большой террасѣ раздался звонъ призывнаго колокола, и всѣ мы пошли въ столовую обѣдать.

XIX.

И за обѣдомъ, и послѣ обѣда, вечеромъ, Ив. Серг. былъ говорливъ и интересенъ по обыкновенію.

Вотъ что я помню изъ того, что въ этотъ день говорилось:

— Да, говорилъ Тургеневъ, смѣшное для одного народа, вовсе не смѣшно для другаго, и наоборотъ. То, что смѣшитъ француза, англичанинъ выслушаетъ равнодушно, даже не улыбнется; и то, отъ чего англичанинъ расхохочется — французу вовсе не покажется смѣшнымъ.

Такъ, напримѣръ, извѣстный писатель Мераме зналъ по русски и читалъ мнѣ стихотвореніе Пушкина, котораго онъ былъ великимъ поклонникомъ:

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ...

и я не смѣялся, хотя французъ каждое слово произносилъ по своему. Вообще дурной выговоръ и чужой языкъ нисколько не смѣшатъ русскаго человѣка. А разъ Теккерей упросилъ меня прочесть ему что нибудь по русски. Я сталъ наизусть читать ему одно изъ самыхъ музыкальныхъ по стиху стихотвореній Пушкина, и что-же? не успѣлъ я и 10-ти стиховъ прочесть, какъ Теккерей

Библиотека "Руниверс"

покатился отъ неудержимаго смѣха. Такъ сталъ хохотать, что сконфузилъ дочерей своихъ. Звуки чужаго языка были для него смѣшны.

Разъ я былъ у Карлейля. Надо вамъ сказать, что ни кто такъ не поражалъ меня своимъ образомъ мыслей, какъ этотъ Карлейль. Безпрекословное повиновеніе считалъ онъ лучшимъ качествомъ человѣка и говорилъ мнѣ, что всякое, слѣпо повинующееся своему монарху государство, онъ считаетъ лучше и счастливѣе Англіи, съ ея свободой и съ ея конституціей. На мой вопросъ, какого англійскаго поэта онъ считаетъ выше всѣхъ, онъ мнѣ назвалъ одну посредственность, какого-то несчастнаго лирика, жившаго въ концѣ XVIII столѣтія; а о Байронѣ отозвался съ пренебреженіемъ. Затѣмъ онъ увѣрялъ меня, что Диккенсъ для англичанъ не имѣетъ никакого значенія, а нравится только иностранцамъ. Словомъ, много наговорилъ мнѣ нелѣпостей непостижимыхъ. Но когда я разсказалъ ему, что глаза мои страдаютъ иногда темными пятнами—mouche volantes—и что однажды, на охотѣ, вдругъ показалось мнѣ, что что-то сѣрое пробѣжало по лугу; я подумалъ—заяцъ, поднялъ ружье и непремѣнно бы выстрѣлилъ, если-бы самъ не догадался, что это въ глазу темная подвижная точка ввела меня въ заблужденіе.

Выслушавъ это, Карлейль немного подумалъ, и вдругъ сталъ хохотать, и долго никакъ не могъ удержаться отъ хохота.—Чего онъ смѣется?! я сначала понять не могъ—ничего смѣшнаго въ моемъ разсказѣ я даже не подозрѣвалъ.

— Ха-ха-ха! завопилъ онъ наконецъ—въ свою собственную mouche volante стрѣлять! въ точку... въ глазу... ха-ха-ха!

Тутъ только я догадался, чѣмъ я такъ разсмѣшилъ его.—Ни русскій, ни французъ, ни нѣмецъ ничего-бы смѣшнаго и не нашли-бы въ этомъ случаѣ.

Тоже можно сказать и про театръ. Кривляка, актеръ, котораго каждый нѣмецъ и французъ готовы освистать, забросать яблоками нечеными — англійскую толпу можетъ привести въ восторгъ неслыханный.

Взглядъ на нравственность тоже у каждаго народа различный. То, что для русскаго возмутительно,—для француза не только не возмутительно,—достойно всякаго сочувствія, и наоборотъ—возмутительное для француза, нисколько не смутитъ русскаго человѣка.

Разъ, въ Парижѣ давали одну пьесу (Тургеневъ назвалъ пьесу, но я не помню этого названія).—Я, Флоберъ и другіе изъ числа французскихъ писателей собрались на эту пьесу взглянуть, такъ какъ она не мало надѣлала шуму: нравилась она и журналистамъ, и публикѣ. Мы пошли, взяли мѣста рядомъ и помѣстились въ партерѣ.

Какое-же увидѣлъ я дѣйствіе? А вотъ какое... У одного негодяя была жена и двое дѣтей—сынъ и дочь. Негодяй мужъ не только прокутилъ все состояніе жены, но на каждомъ шагу оскорблялъ ее, чуть не билъ. Наконецъ потребовалъ развода—Separation de corps et de biens (что, впрочемъ, нисколько не даетъ женѣ права выдти вторично замужъ). Онъ остается въ Парижѣ кутить; она съ дѣтьми, на послѣднія средства, уѣзжаетъ, если не ошибаюсь, въ Швейцарію. Тамъ знакомится она съ однимъ господиномъ и полюбивъ его сходится съ нимъ, и почти-что всю жизнь свою до старости считается женой его. Оба счастливы—онъ трудится и заботится не только о ней, но и ея дѣтяхъ: онъ ихъ кормитъ, одѣваетъ, обуваетъ, воспитываетъ. Они также смотрятъ на него какъ на роднаго отца и выростаютъ въ той мысли, что они его дѣти. Наконецъ сынъ становится взрослымъ юношей, сестра—дѣвушкой-невѣстой. Въ это время состарившійся настоящій мужъ узнаетъ стороной, что жена его получаетъ большое наслѣдство. Провѣдавъ объ этомъ, старый развратникъ, безчестный и подлый во всѣхъ отношеніяхъ, задумываетъ изъ расчета, опять сойтись съ женой своей, и съ этой цѣлью инкогнито пріѣзжаетъ въ тотъ городъ, гдѣ живетъ брошенная имъ мать дѣтей его.

Прежде всего онъ знакомится съ сыномъ и открываетъ ему, что онъ отецъ его. Сыну-же и въ голову не приходитъ спросить: отчего-же, если онъ законный отецъ, онъ не жилъ съ его матерью, и если онъ и сестра его—его дѣти, то отчего, впродолженіи столькихъ лѣтъ онъ ни разу о нихъ не позаботился? Онъ просто начинаетъ мысленно упрекать свою мать и ненавидѣть того, кто одинъ далъ ей покой и на свои средства воспиталъ его и сестру какъ родныхъ дѣтей своихъ. И вотъ, происходитъ слѣдующая сцена. На сценѣ братъ и сестра. Входитъ другъ ихъ матери, воспитатель ихъ, и по обыкновенію, здороваясь какъ всегда, хочетъ прикоснуться губами къ головѣ дѣвушки, на которую съ дѣтства онъ привыкъ смотрѣть какъ на родную дочь.

Въ эту минуту молодой человѣкъ хватаетъ его за руку и отбрасываетъ его въ сторону отъ сестры.

— Не осмѣливайтесь прикасаться къ сестрѣ моей! выражаетъ его негодующее, гнѣвное лице.—Вы не имѣете никакого права такъ фамильярно обходиться съ ней!

И весь театръ рукоплещетъ, всѣ въ восторгѣ, не отъ игры актера, а отъ такого благороднаго, прекраснаго поступка молодаго человѣка. Вижу, Флоберъ тоже хлопаетъ съ явнымъ сочувствіемъ къ тому, что происходитъ на сценѣ.

Когда мы вышли изъ театра, Флоберъ и всѣ другіе французы, стали мнѣ доказывать, что поступокъ молодаго человѣка достоенъ всяческой похвалы, и что поступокъ этотъ высоконравственный, такъ какъ чувство, которое сказалось въ немъ, поддерживаетъ семейный принципъ, или то, что называется: honneur de la famille.

И вотъ, чуть-ли не всю ночь я съ ними спорилъ и доказывалъ противное, доказывалъ, что поступокъ этотъ омерзительный, что въ немъ нѣтъ главнаго чувства—чувства справедливости, что, если-бы такая пьеса появилась на русской сценѣ—автора-бы не только ошикали, стали-бы презирать какъ человѣка, проповѣдывающаго—неправду и безнравственность. Но, какъ я ни спорилъ, что ни говорилъ—они остались при своемъ мнѣніи. Такъ мы и порѣшили, что русскій и французскій взглядъ на то, что нравственно и безнравственно, что хорошо и дурно—не одинъ и тотъ-же.

Тутъ кстати, припоминаю я разсказъ Тургенева о томъ, какъ въ одномъ высоко-интеллигентномъ французскомъ обществѣ, гдѣ были одни мущины, зашелъ разговоръ о женщинахъ. Разговоръ этотъ былъ настолько циниченъ, что я не могу здѣсь повторить его—развѣ намекну. Они говорили, что у каждой женщины въ нѣкоторомъ отношеніи есть своя особенная физіономія.

— Я этого не знаю, сказалъ Тургеневъ,—никогда этого не наблюдалъ.

Тогда одинъ изъ присутствующихъ, а именно—Альфонсъ Додэ наклонился къ его уху и сказалъ ему полушепотомъ:

— Никогда, mon cher, вы въ этомъ не признавайтесь, иначе вы покажетесь просто смѣшнымъ,—насмѣшите всѣхъ.

Какъ одинъ этотъ анекдотъ рисуетъ нравы французскаго буржуазнаго общества! По мнѣнію наиобразованнѣйшихъ людей, не знать утонченностей разврата,—значитъ людей смѣшить.

XX.

2-го іюля, вечеромъ, Григоровичъ и я покинули Спасское, опоздали на послѣдній поѣздъ и должны были переночевать въ Мценскѣ. На другой день, къ вечеру мы уже были въ Москвѣ. За симъ, на нѣсколько дней, я отправился на свою родину, въ Рязань, гдѣ я не былъ лѣтъ около 30-ти. Дорожныя встрѣчи, разговоры въ вагонахъ, Рязань, тотъ домъ, гдѣ я жилъ послѣ

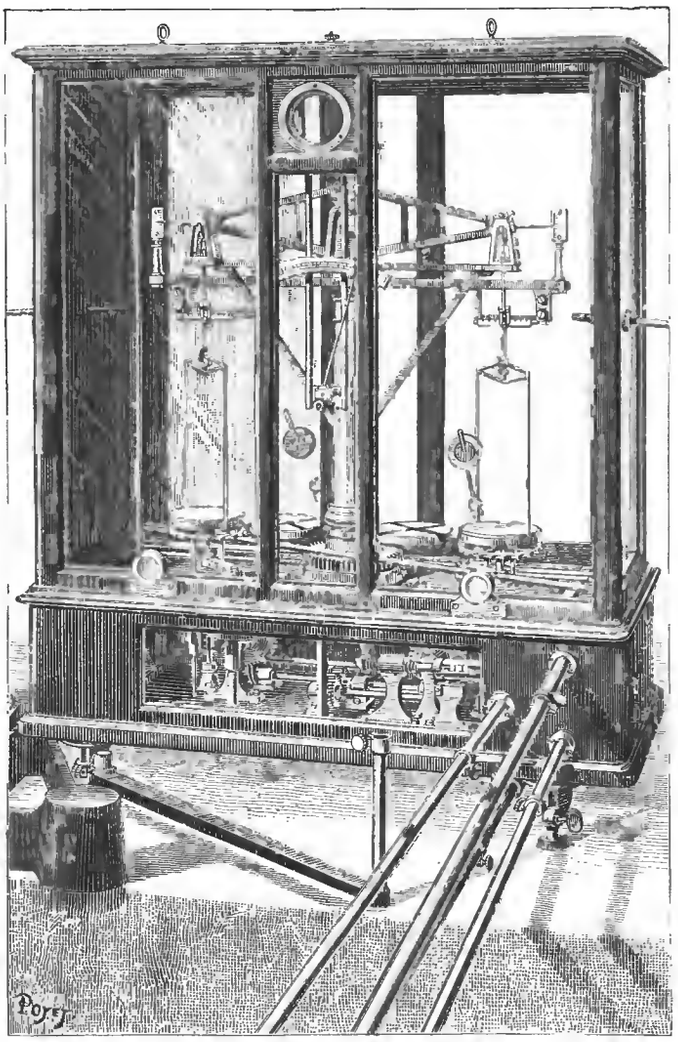
Библиотека "Руниверс"

смерти моей матери, и тотъ садъ, когда-то густой и тѣнистый, лѣтній пріютъ моего отрочества, а теперь—неприглядный, крапивою заросшій огородъ, съ развѣшаннымъ бѣльемъ по веревкамъ и покривившейся баней—все это принадлежитъ къ области моихъ личныхъ воспоминаній, и, стало-быть, выходитъ изъ границъ той задачи, которую я предположилъ себѣ. Развѣ объ одномъ приходится упомянуть: въ Рязани отъ одной выдающейся особы, далеко не дюженной, я выслушалъ самыя ожесточенныя нападки на Ив. Серг. Тургенева—какъ на гордеца, ретрогада и фата. Даже какъ о литераторѣ и художникѣ, отозвались о немъ съ глубокимъ презрѣніемъ. Все, дескать, у него ложь, ложь и ложь, а его „Отцы и дѣти"—это самое лживое, самое вредное произведеніе. Но доставалось на орѣхи не одному Тургеневу, Пушкинъ тоже былъ на самомъ дурномъ счету, какъ сладенькій пѣвецъ ручекъ и ножекъ.

Такъ интеллигенція милой моей родины оказалась ни чуть не выше несчастной и давно уже забытой критики Антоновича о Тургеневѣ, или Писарева о Пушкинѣ; но все это было любопытно.

7-го іюля, я уже вернулся въ Спасское, точно въ родное, давно насиженное гнѣздо, къ неизмѣнно доброму и менѣе чѣмъ когда-нибудь заботящемуся о своей литературной славѣ, Тургеневу.

Въ мое отсутствіе, Тургеневъ продолжалъ разсказывать дѣтямъ моимъ свои послѣобѣденныя сказочки, которыя онъ такъ сказать импровизировалъ. Первая сказка, при мнѣ имъ придуманная, не займетъ и страницы печатной, такъ она была мала и такъ была похожа на одно изъ его стихотвореній въ прозѣ. Вотъ она:



Интернаціональное бюро. Обсерваторія мѣръ и вѣсовъ въ С. Клу. Провѣрочные вѣсы.

Капля жизни.

У одного бѣднаго мальчика заболѣли отецъ и мать; мальчикъ не зналъ, чѣмъ имъ помочь, и сокрушался.

Однажды, кто-то и говоритъ ему: есть одна пещера, и въ этой пещерѣ ежегодно въ извѣстный день на сводѣ появляется капля, капля чудодѣйственной живой воды, и кто эту каплю проглотитъ—тотъ можетъ исцѣлять не только недуги тѣлесные, но и душевныя немощи.

Скоро-ли, долго-ли, неизвѣстно, — только мальчикъ отыскалъ эту пещеру и проникъ въ нее. Она была каменная, съ каменнымъ, растрескавшимся сводомъ.

Оглядѣвшись, онъ пришелъ въ ужасъ—вокругъ себя увидѣлъ онъ множество гадовъ, самаго разнообразнаго вида, съ злыми глазами, страшныхъ и отвратительныхъ. Но дѣлать было нечего, онъ сталъ ждать. Долго ждалъ онъ. Наконецъ, видитъ: на сводѣ появилось что-то мокрое, что-то въ родѣ блестящей слизи, и вотъ, понемногу стала навертываться капля, чистая какъ слеза и прозрачная. Казалось, вотъ-вотъ она набухнетъ и упадетъ. Но едва только появилась капля, какъ уже всѣ гады потянулись къ ней и раскрыли свои пасти. Но капля, готовая капнуть, опять упала.

Нечего дѣлать, надо было опять ждать, ждать и ждать.

И вдругъ, снова увидѣлъ онъ, что мимо него, чуть не касаясь щекъ его, потянулись кверху змѣи, и гады разинули пасть свою. На мальчика нашелъ страхъ—вотъ, вотъ, онъ думалъ, всѣ эти твари бросятся на меня, вонзятъ въ меня свои жала и задушатъ меня; но онъ справился съ своимъ ужасомъ, тоже потянулся кверху и,—о чудо! Капля живой воды капнула ему прямо въ раскрытый ротъ. Гады зашипѣли, подняли свистъ, но тотчасъ же посторонились отъ него, какъ отъ счастливца, и только злые глаза ихъ поглядѣли на него съ завистью.

Мальчикъ не даромъ проглотилъ эту каплю — онъ сталъ знать все, что только доступно человѣческому пониманію, онъ проникъ въ тайны человѣческаго организма, и не только излечилъ своихъ родителей, сталъ могущественъ, богатъ и слава о немъ далеко прошла по свѣту.

— И только-то? спросили дѣти.

— А чего-же еще вамъ? возразилъ Тургеневъ, — ну, на этотъ разъ съ васъ довольно. Завтра начну вамъ разсказывать длинную сказку, только дайте подумать.

(До слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Одесса. Видъ пристани одесскаго Лойда.

(Рис. на стр. 80).

Одесса, пользуясь самымъ выгоднымъ мѣстоположеніемъ на берегу моря, уже съ самаго своего основанія стала однимъ изъ важныхъ торговыхъ пунктовъ. Ей несла дань почти вся Новороссія; пшеница, сало, шерсть, кожа, словомъ все, что производилъ югъ Россіи—все доставляло Одессѣ статьи дохода. Теперь по привозу торговля города быстро идетъ впередъ. Съ открытіемъ Суэзскаго канала, Одесса тотчасъ же сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ товаровъ, привозимыхъ съ востока для сѣверной Россіи. Особенно процвѣтаетъ здѣсь заграничная торговля хлѣбомъ; въ прежнее время ею занимались въ Одессѣ десять или пятнадцать торговыхъ домовъ, теперь даже небогатые люди пробуютъ свои силы въ этихъ операціяхъ и часто очень удачно. Вообще же говоря, въ годы хорошаго урожая, половина одесскаго населенія живетъ отъ продажи зерновыхъ продуктовъ, и здѣшнія двадцать паровыхъ мельницъ бываютъ завалены работой. Хлѣбная торговля и есть, собственно говоря, жизнь Одессы, отъ перваго дня ея политическаго существованія. Ея громадныя гавани, стоящія до 10 милліоновъ рублей, съ эстокадами и новѣйшими морскими техническими сооруже-

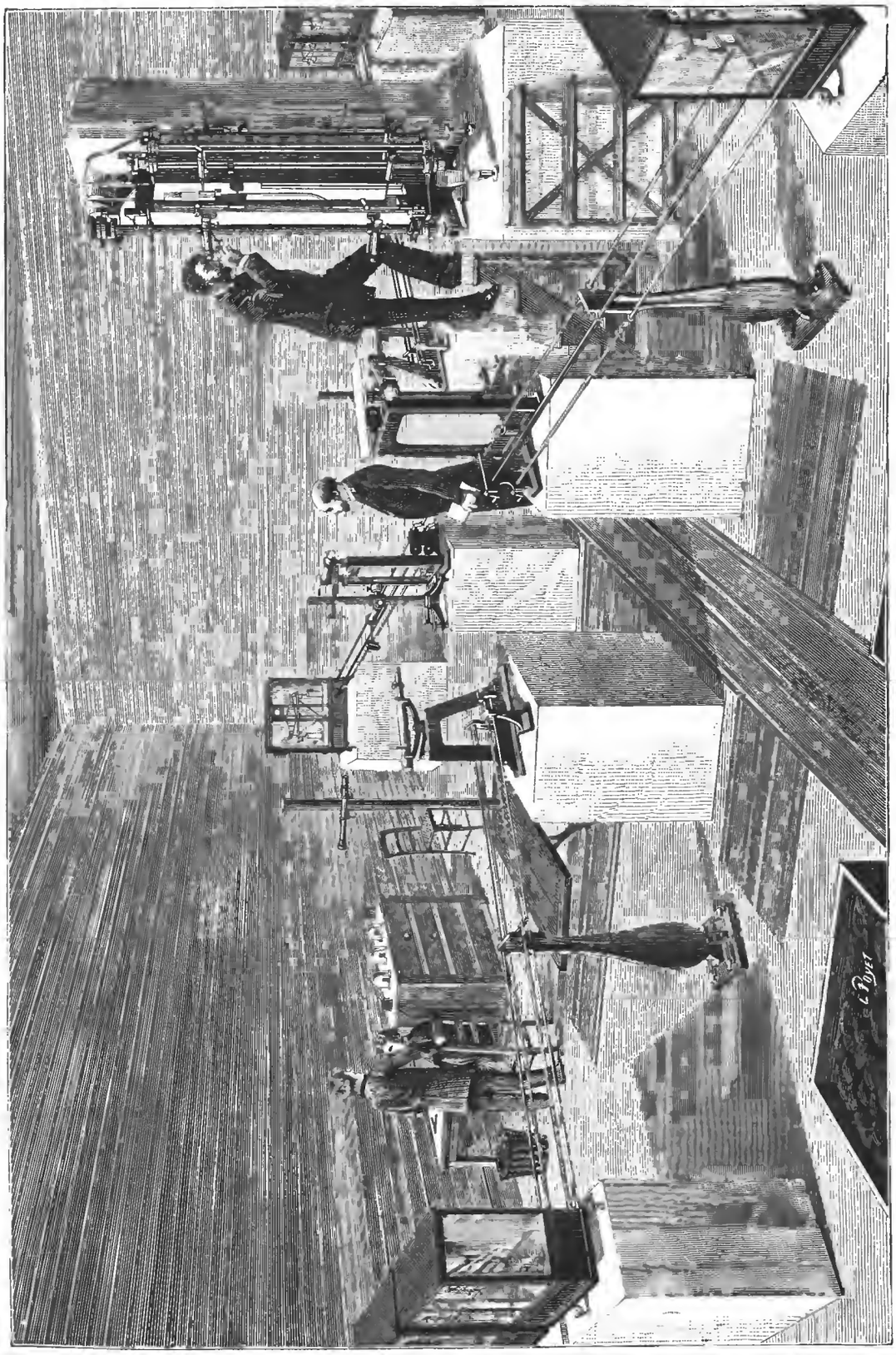
Библиотека "Руниверс"

ніями, могутъ по справедливости считаться лучшими въ цѣломъ мірѣ. Вообще море придаетъ особую прелесть Одессѣ, и только съ этой стороны городъ представляетъ громадный видъ, такъ какъ онъ расположенъ на довольно ровномъ мѣстѣ, и не окруженъ возвышенностями. Изъ города лучшіе виды: съ бульвара, на рейдъ и гавани, и съ обрыва надъ карантиннымъ оврагомъ. Съ бульвара къ морю, ведетъ роскошная каменная лѣстница, начатая постройкою въ 1837 году и оконченная въ 1842 году. Она имѣетъ 200 ступенекъ, съ 20 площадками для отдыха. Съ этихъ то площадокъ открывается восхитительный видъ на море и прибрежье, на которомъ вѣчно кипитъ самая живая торговая дѣятельность. У берега тѣснится масса судовъ и пароходовъ; выгружаются и нагружаются товары, слышится шумъ, говоръ на самыхъ разнообразныхъ нарѣчіяхъ. Одинъ изъ такихъ бойкихъ, приморскихъ портовъ Одессы, а именно гавань одесскаго Лойда и представлена на нашемъ рисункѣ.

Циркъ Чинизелли въ Спб.

(Рис. на стр. 81).

Съ постройкой изящнаго зданія г. Чинизелли, близь Симеоновскаго моста, городъ нашъ имѣетъ настоящій циркъ, неуступающій такого рода зданіямъ ни въ одной европейской столицѣ, циркъ, который смѣло можетъ быть причисленъ къ красивѣйшимъ зданіямъ города. Много было преній въ Городской Думѣ по поводу необходимости уничтожить деревянную постройку въ центрѣ города, на Михайловской площади, постройку,



Обсерваторія мѣръ и вѣсовъ интернаціональнаго бюро въ С. Клу. Павильонъ Бретеля. Общій видъ залы вѣсовъ. Рис. Пуайе, грав. Дорѣ.

Библиотека "Руниверс"

которая уже была не вполнѣ безопасна для посѣщенія, пока, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, это не было приведено въ исполненіе и воздвигся новый циркъ, который, представляя колоссальный амфитеатръ, великолѣпно освѣщенный 18 газовыми люстрами, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ своему назначенію.

Что касается самой труппы, то къ прекрасному веденію дѣла гг. Чинизелли публика уже давно привыкла. Труппа очень обширна и составъ ея разнообразенъ; лошадей на конюшнѣ около 150 и многія изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе породистостью, красотой, превосходной выѣздкой и дрессировкой. Публика, вслѣдствіе высокихъ цѣнъ въ нынѣшнихъ казенныхъ театрахъ въ послѣдніе годы, часто оставляющая пустыми кресла этихъ театровъ, постоянно и усердно посѣщаетъ циркъ, въ особенности по субботамъ и воскресеньямъ. Кромѣ того, огромное количество мѣстъ даже при значительномъ количествѣ публики, дѣлаетъ замѣтными пустыя мѣста.

Въ нынѣшнемъ году ставящіяся для разнообразія программы интермедіи, отличаются прекраснымъ составомъ, свѣжестью и роскошью костюмовъ. Кто не видѣлъ изъ Петербургскаго общества, посѣщающаго циркъ, „Карнавалъ на льду", весьма хорошо поставленный при электрическомъ освѣщеніи, также „Ателье художника", гдѣ очень красивы „Мраморныя группы" и особенно прелестны „танцы дѣтей". Хотя и прошлый годъ превосходный наѣздникъ Гукъ привлекалъ много публики, онъ и въ нынѣшнемъ году возбуждаетъ не менѣе восторженныя оваціи и пріемы. Съ нимъ раздѣляютъ лавры братья Приссъ, Клотильда, Бедини, М-ІІе Реницъ, Адель, семья Брадбури, труппа Дейке, клоуны Приссъ, Ольшанскій, Черра, Гонтаръ и одинъ клоунъ Билли Гайдиъ, показывающій оригинальную вещь — дрессированную маленькую свинью.

Что касается самихъ братьевъ Чинизелли, то извѣстно, что они отличные наѣздники и дрессеры и постоянно вызываютъ въ публикѣ оваціи. Кромѣ того теперь начались, привлекающія массу публики зрѣлища, а именно: пять огромныхъ дрессированныхъ г. Вагнеромъ быковъ, которые при всей ихъ массивности продѣлываютъ тоже, что и самыя легкія и породистыя лошади.

Лѣсной Царь. Баллада Гёте.

(Рис. на стр. 85).

Въ повѣрьяхъ нашего народа, лѣсъ представляетъ нѣчто страшное и таинственное; это мѣстопребываніе разныхъ злыхъ и нечистыхъ духовъ и царство лѣшаго, который умышленно заводитъ путника въ самыя глубокія лѣсныя трущобы и тамъ замучиваетъ его до смерти. Въ Германіи народная фантазія превратила нашего лѣшаго въ Лѣснаго Царя, живущаго среди лѣса, въ золотомъ чертогѣ, среди сказочной роскоши и невиданныхъ чудесъ. Но Лѣсной Царь также бываетъ безпощаденъ, какъ и лѣшій. Горе тому, кого онъ захочетъ заманить въ свои владѣнія. Его обаянію, его чарамъ противиться нѣтъ возможности, и намѣченная имъ жертва не въ силахъ спастись изъ его власти. На этой-то чисто-народной темѣ Гёте создалъ свою высоко поэтическую балладу „Лѣсной Царь", столь превосходно переведенную на русскій языкъ Жуковскимъ. Въ балладѣ разсказывается какъ черезъ лѣсъ скачетъ запоздалый ѣздокъ съ маленькимъ сыномъ. Отца не смущаютъ таинственные силуэты деревьевъ, мракъ и какая то зловѣщая тишина лѣса; но ребенокъ объятъ ужасомъ и трепещетъ въ отцовскихъ объятіяхъ. Ему видится Лѣсной Царь съ густой бородой и въ темной коронѣ. Отецъ утѣшаетъ его, что этотъ призракъ — просто неясныя очертанія тумана. Но вотъ Лѣсной Царь начинаетъ нашептывать малюткѣ сладкія рѣчи, заманивая его въ свои таинственные чертоги:

Дитя, оглянися младенецъ ко мнѣ:
Веселаго много въ моей сторонѣ—
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота слиты чертоги мои.

Отцу слышится лишь колыханіе листьевъ вѣтромъ, но для сына все яснѣе и звонче становится рѣчь Лѣснаго Царя:

Ко мнѣ, мой младенецъ—въ дубравѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей.
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять...

Сила чаръ становится все неотразимѣе; дочери Лѣснаго Царя кивають ему уже изъ-за вѣтвей и несчастный мальчикъ слышитъ за собой уже погоню призрака; слышитъ какъ Лѣсной Царь говоритъ, что онъ плѣнился имъ и не выпуститъ его изъ своей власти. Но вотъ уже ребенокъ чувствуетъ, что его схватываетъ и душитъ какое то таинственное существо, и съ ужасомъ передаетъ объ этомъ встревоженному отцу:

Родимый, Лѣсной Царь насъ хочетъ догнать...
Ужь вотъ онъ; мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать...
Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ,—летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Замѣститель принца Эдуарда VI.

(Рис. на стр. 88).

Картина англійскаго художника, представляющая эпизодъ изъ отроческой жизни принца Эдуарда VI, была однимъ изъ лучшихъ украшеній послѣдней лондонской выставки. Несложная по содержанію, она очень ярко представляетъ одинъ изъ тѣхъ педагогическихъ пріемовъ, которые были въ ходу, въ доброе старое время, у наставниковъ высокихъ лицъ. Принцъ Эдуардъ, какъ видно, въ чемъ нибудь провинился и заслужилъ наказаніе, но наказывать его лично педагогъ не могъ, и потому онъ, вооружившись лозой, ведетъ другаго мальчика, чтобы тотъ, замѣстивъ въ этомъ случаѣ принца, вынесъ бы на себѣ наказаніе и послужилъ бы спасительнымъ примѣромъ того, что ни одинъ проступокъ не долженъ оставаться безъ справедливой кары, хотя бы то былъ и проступокъ принца. Бѣдный принцъ, несь въ слезахъ, въ отчаяніи, старается отнять у педагога его жертву и умоляетъ не подвергать наказанію за его собственный проступокъ его маленькаго товарища.

Этотъ эпизодъ, представленный художникомъ, характеризуетъ симпатичную личность Эдуарда VI, который своимъ характеромъ и несчастною судьбою, невольно увлекаетъ каждаго при чтеніи исторіи старой Англіи.

Эдуардъ VI былъ сынъ Генриха VIII и Жанны Сеймуръ и родился 12-го октября 1538 года. Матери онъ лишился при самомъ рожденіи, а отца пяти лѣтъ отъ роду, такъ что все его воспитаніе проходило подъ руководствомъ чужихъ людей и преимущественно регента королевства, графа Герфорда. Воспитаніе молодаго принца было поручено двумъ извѣстнымъ ученымъ своего времени, Джону Шеку и Антонію Куку, и по свидѣтельству современниковъ, относительно развитія и знаній юный Эдуардъ былъ дѣйствительно феноменомъ; кромѣ богатыхъ знаній, онъ обладалъ, какъ говорятъ, добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ и вообще подавалъ самыя блестящія надежды. Но, къ сожалѣнію, краткое царствованіе Эдуарда было временемъ постоянныхъ внутреннихъ крамолъ и ожесточенной религіозной распри. Графъ Герфордъ былъ ярый протестантъ, желавшій силою ввести религіозную реформу въ Шотландіи, но не смотря на довольно счастливую войну, это ему не удалось; противная партія взяла верхъ. Народъ все таки глубоко былъ привязанъ къ своему юному королю и ранняя его смерть вызвала въ немъ глубокое горе. Эдуардъ, какъ говоритъ современная хроника, простудился во время путешествія по сѣвернымъ провинціямъ королевства и вскорѣ эта простуда перешла въ злую, скоротечную чахотку, которая и уложила его въ раннюю могилу. Онъ умеръ 16-го іюля 1553 года, 16-ти лѣтъ отъ роду, и такимъ образомъ рушились тѣ блестящія надежды, которыя возлагалъ англійскій народъ на своего юнаго, умнаго и добраго короля.

Тайное чтеніе.

(Рис. на стр. 89).

Въ то время, когда самыя лучшія страны Европы опустошались религіозными войнами, когда всюду преслѣдовалось сопротивленіе папской власти — въ то время сцена, какая представлена на прилагаемой нами картинѣ, была очень обыденнымъ явленіемъ. Читать Слово Божіе на народномъ языкѣ считалось тогда ересью, и люди благочестивые, желавшіе прочесть переводъ Библіи, должны были прятать запрещенную книгу и наслаждаться ея чтеніемъ въ тайнѣ, съ постояннымъ опасеніемъ обыска и преслѣдованія. Но какъ же объяснить такое странное насиліе надъ человѣческой совѣстью; такое гоненіе священной, высоко поучительной книги? Дѣло въ томъ, что папа и нѣкоторые высшіе представители католической церкви опасались искаженія священнаго текста, вообще предубѣждены были противъ перевода Библіи на какой бы то ни было народный языкъ. Такъ соборъ въ Тулузѣ въ 1229 году и соборъ въ Тарраскон̂ѣ въ 1239 году, даже издали постановленія, что каждый переводъ Библіи, находящійся въ рукахъ міранина, долженъ не позже восьми дней быть принесенъ мѣстному епископу для преданія его огню; невыполнившій же этой обязанности считался еретикомъ. Но народъ полюбилъ Библію; она вскорѣ сдѣлалась его самой дорогой настольной книгой, и чѣмъ болѣе фанатизмъ преслѣдовалъ чтеніе Библіи, тѣмъ болѣе она распространялась, и благочестивые люди цѣлыя ночи просиживали за Священнымъ Писаніемъ на родномъ языкѣ, наслаждаясь и поучаясь имъ тайкомъ, прислушиваясь къ малѣйшему шороху, какъ тѣ двое протестантовъ—отецъ и дочь —которые такъ мастерски изображены на прилагаемой нами картинѣ.

Международная обсерваторія вѣсовъ и мѣръ.

(Рис. на стр. 92 и 93).

Согласно международному соглашенію, послѣдовавшему 20 мая 1875 года, въ Парижѣ построена *международная обсерваторія вѣсовъ и мѣръ* съ цѣлью обезпечить *международность* метрической системы и кромѣ того для сравненій и провѣрки новыхъ образцовъ метра и килограмма; для сохраненія образ-

Библиотека "Руниверс"

повъ международныхъ. періодическихъ сравненій образцовъ національныхъ съ такими же международными; для сравненія новыхъ образцовъ съ основными указными вѣсомъ и неметрической мѣрой, употребляемыми въ различныхъ странахъ и въ наукѣ; клейменія и сравненія геодезическихъ линеекъ и для сравненія, по требованію правительствъ, ученыхъ обществъ и даже отдѣльныхъ ученыхъ лицъ и художниковъ—маштабовъ и шкалъ.

Международный комитетъ мѣръ и вѣсовъ, состоящій изъ четырнадцати членовъ: физиковъ, математиковъ, землемѣровъ и астрономовъ всѣхъ національностей, завѣдуетъ обсерваторіей. Разъ въ годъ происходитъ засѣданіе комитета въ Парижѣ.

Обсерваторія построена въ паркѣ Ст.-Клу. Впереди зданія находятся флигеля, въ которыхъ помѣщены обсерваторіи для опытовъ. Позади находятся большіе залы съ инструментами для метрологическихъ работъ. Залы эти имѣютъ очень толстыя стѣны и освѣщаются сверху такимъ образомъ, что окна не пропускаютъ солнечныхъ лучей; кромѣ того они разобщены между собой коридоромъ. Такое расположеніе необходимо для сохраненія постоянно одинаковой температуры, чѣмъ обусловливается успѣхъ извѣстныхъ операцій.

Работы подраздѣляются на два отдѣла. Въ первомъ занимаются опредѣленіемъ *уравненія* разныхъ мѣръ, т. е. ихъ длины по отношенію къ прототипу, измѣреніемъ ихъ растяжимости, изученіемъ ихъ подраздѣленій и вообще большими мѣрами, служащими для геодезическихъ работъ. Во второмъ отдѣленіи занимаются опредѣленіемъ отношенія различныхъ килограммовъ къ ихъ прототипу, указаніемъ ихъ подраздѣленій, измѣреніемъ специфическихъ вѣсовъ и т. д.

Инструменты отдѣла мѣръ длины или метровъ называются *сравнителями*. Сравнитель для линейныхъ метровъ состоитъ изъ двухъ неподвижныхъ микроскоповъ, снабженныхъ микрометрами, подъ которые, особымъ механизмомъ, можно постепенно подводить двѣ сравниваемыя линейки. Въ обсерваторіи есть нѣсколько такихъ инструментовъ и каждый имѣетъ спеціальное назначеніе, почему они и разнятся особенностями устройства.

Они служатъ для измѣренія только метровъ; сравнитель же *общій* можетъ сравнивать и другія мѣры, меньше метра или въ два раза больше его. Сравнитель этотъ имѣетъ иное устройство.

Главный инструментъ въ отдѣлѣ взвѣшиванія—это вѣсы. Международная обсерваторія обладаетъ замѣчательнѣйшимъ въ мірѣ собраніемъ точныхъ вѣсовъ. На большомъ рисункѣ (стр. 93) изображенъ громадный залъ, въ которомъ они помѣщены. Фиг. на стр. 92 показываетъ вѣсы, спеціально предназначенные для сравненія указныхъ килограммовъ. Управлять этими вѣсами можно на извѣстномъ разстояніи, чѣмъ избѣгается неблагопріятное вліяніе на вѣсы отъ близости человѣка. Такъ, поставивъ наканунѣ нужный вѣсъ на инструментъ, наблюдающій, сидя у зрительной трубки, въ 4-хъ метрахъ отъ вѣсовъ, можетъ производить всѣ операціи по взвѣшиванію, т. е. класть вѣсы на доски, снимать ихъ и коромысло, измѣрять его колебанія, перемѣщать вѣсъ съ правой доски на лѣвую и пр. Для этого къ часамъ придѣланъ сложный механизмъ, который приводится въ движеніе ручкой, укрѣпленной на концѣ длинныхъ пластинокъ. Колебанія коромысла получаются чрезъ отраженіе шкалы въ зеркалѣ надъ коромысломъ.

Трое другихъ вѣсовъ того же образца, но болѣе упрощенныхъ, а потому и менѣе точныхъ, служатъ для сравненія меньшихъ тяжестей. Посреди большаго рисунка (фиг. на стр. 93) видны ручки рычаговъ, которыми производится взвѣшиваніе на отдаленіи, соединяющіяся съ тремя каменными подставками, на которыхъ поставлены зрительныя трубки для наблюденій за колебаніями коромысла.

Вѣсы обсерваторіи отличаются такою точностью, что даютъ возможность опредѣлять разницу двухъ килограммовъ съ вѣрностью $^1/_{100}$ милиграмма. Величина микроскопическая!

Въ другомъ залѣ находятся гидростатическіе вѣсы для опредѣленія плотности. Вода для гидростатическихъ взвѣшиваній дистиллируется прежде обыкновеннымъ способомъ, а потомъ вторично, при помощи платиноваго аппарата, и собирается въ въ платиновый же сосудъ, который ставится подъ вѣсами. При помощи цѣлой серіи очень остроумныхъ приспособленій, гири погружаются въ воду и всѣ вычисленія производятся съ необыкновенной точностью.

Отдѣлъ для взвѣшиванія имѣетъ, между прочимъ, прекрасную коллекцію гирь платиновыхъ и кварцовыхъ, для вѣсовъ перваго разряда, и мѣдныхъ, для вѣсовъ втораго разряда. И кромѣ того много инструментовъ для различныхъ спеціальныхъ работъ, имѣющихъ отношеніе къ взвѣшиванію, а также придаточныхъ и метеорологическихъ инструментовъ, какъ-то: сферометровъ, барометровъ, гидрометровъ. Такъ на фиг. на стр. 93 показанъ нормальный барометръ—большой инструментъ, въ которомъ соединены всѣ усовершенствованія, дозволяющія измѣрять давленіе атмосферы съ величайшею точностью.

Изъ нравовъ недавняго прошлаго Англіи.

Очеркъ **Чарльза Рида.**

(Рис. на стр. 96).

Старые обычаи обыкновенно держатся еще долго и упорно среди сельскаго населенія, даже послѣ того, какъ они давно и безслѣдно исчезли въ безпрерывномъ, прогрессивномъ движеніи городской жизни. Такъ и въ современной Англіи еще уцѣлѣло много старинныхъ предразсудковъ—какъ наслѣдіе давно прошедшихъ вѣковъ, и здѣсь не только встрѣчаются еще остатки древне-католическихъ обрядовъ и легендъ, что является чистымъ анахронизмомъ среди строго-пуританской страны, но даже слѣды языческихъ обычаевъ и культа. Такъ, на сѣверѣ, во время Рождества, до сихъ поръ ряженые танцуютъ такъ называемый танецъ шпагъ, который составляетъ какъ бы воспоминаніе культа скандинавскаго божества; въ Нортумберландѣ и части Ирландіи молодежь прыгаетъ черезъ костры. Этотъ обычай запрещается еще Библіей, какъ одинъ изъ обрядовъ служенія Ваалу, и потому, встрѣчая его въ Англіи, можно смѣло утверждать, что кельты вынесли его изъ глубокого Востока.

Благодаря живучести старыхъ, грубыхъ обычаевъ, въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ Англіи еще до сихъ поръ англичанинъ сохранилъ право, при нѣкоторыхъ условіяхъ, самовольно разводиться съ своей женой. Условія эти слѣдующія: вопервыхъ—обѣ стороны должны быть согласны; вовторыхъ—продажа должна совершаться публично; въ третьихъ—женщину продаютъ не иначе, какъ съ веревкой на шеѣ. Почти кажется невѣроятнымъ, чтобы сельское населеніе въ Англіи могло изобрѣсти такой жестокій и грубый обычай, но, въ виду фактовъ, сомнѣваться въ этомъ нѣтъ возможности; слѣды подобнаго обычнаго права встрѣчаются въ старинныхъ хроникахъ, и кромѣ того несомнѣнно, что въ древнемъ саксонскомъ законодательствѣ уже существовала подобная жестокая и грубая форма развода.

Въ настоящее время этотъ варварскій обычай хотя практикуется рѣдко, но все таки встрѣчается и постоянно съ тою же неизмѣнною обрядностью, которую народъ до сихъ поръ не считаетъ ни грубой, ни незаконной. Изъ множества примѣровъ, вотъ одинъ, довольно интересный, о которомъ въ свое время много писали въ газетахъ.

Іосифъ Томсонъ держалъ ферму въ сорокъ акровъ въ одной деревенькѣ, въ трехъ миляхъ отъ Карлайля. Въ 1829 году онъ женился на хорошенькой, двадцатидвухъ-лѣтней дѣвушкѣ. Бракъ былъ неудаченъ; супруги постоянно ссорились и оставались бездѣтными. Послѣ трехъ лѣтъ такой жизни, они порѣшили разойтись. Съ этой цѣлью посланъ былъ по деревнѣ особый глашатай, который объявилъ всѣмъ, что Іосифъ Томсонъ будетъ продавать съ аукціона свою жену Марію-Анну Томсонъ, 5 апрѣля 1832 года, ровно въ полдень.

Въ назначенный часъ Іосифъ Томсонъ стоялъ уже на столѣ, а жена помѣщалась немного ниже его, на дубовомъ стулѣ, съ веревкой на шеѣ. Мужъ предлагалъ ее покупателямъ съ тою же развязностью, какъ любой присяжный аукціонистъ.

— Джентльмэны, говорилъ онъ, я имѣю честь предложить вашему вниманію мою жену Марію-Анну Томсонъ, до замужества Вильямсонъ. Какъ ея искреннее желаніе, такъ и мое—это разойтись другъ съ другомъ на вѣки, и потому она предлагается для продажи каждому, кто дастъ большую цѣну. Джентльмэны, предметъ, предлагаемый теперь вашему вниманію, сталъ для меня невыносимъ. Я завелъ его для своего удобства, для благосостоянія моего дома, но онъ сдѣлался моимъ мучителемъ.

Послѣ этой тирады Іосифъ Томсонъ увидѣлъ, что хуля свой товаръ, онъ не можетъ ожидать выгоднаго покупателя и потому рѣчь его приняла другой оборотъ.

— Теперь, джентльмэны, продолжалъ онъ, когда я познакомилъ васъ съ маленькими недостатками моей супруги, я намѣренъ представить вашему вниманію и ея свѣтлыя, блестящія стороны. Она можетъ читать романы, доить коровъ и смѣяться и плакать съ тою же легкостью и непринужденностью, съ какою вы выпиваете кружку пива. Она можетъ пѣть мелодіи Мура и заниматься плетеніемъ и вязаньемъ. Она не умѣетъ дѣлать ни рома, ни джина, ни виски; но она хорошій знатокъ во всѣхъ трехъ, вслѣдствіе долгаго опыта въ ихъ отвѣдываніи. Какъ она вамъ кажется со всѣми своими совершенствами и недостатками?.. Не возьмете ли ее до начала аукціона за пятьдесятъ шиллинговъ?..

Послѣ этой рѣчи воцарилось глубокое молчаніе; собраніе вообще довольно равнодушно къ продаваемому предмету; но вотъ выступилъ впередъ одинъ пожилой человѣкъ съ довольно оригинальнымъ предложеніемъ: „У меня съ собою здѣсь, сказалъ онъ, ньюфаундлендская собака—прелесть что за собака; она можетъ носить попоску и имѣетъ удивительное чутье, и если вы упадете въ воду, все равно трезвый или пьяный, она васъ вытащитъ.“

Томсонъ одобрилъ собаку, но не соглашался уступить христіанскую душу въ обмѣнъ на животное; взаимное препирательство, съ участіемъ всей толпы, продолжалось довольно долго,

Библиотека "Руниверс"

по наконецъ покупатель согласился уступить собаку и заплатить въ придачу къ ней двадцать шиллинговъ.

Сдѣлка была окончена. Томсонъ снялъ веревку съ шеи жены и наложилъ ее на шею собаки, а покупщикъ увелъ свою покупку за руку, среди криковъ толпы, которой, повидимому, все это не казалось возмутительнымъ...

Политическое обозрѣніе.

Египетъ.—Аннамъ и Тонкинъ.—Италія.—Англія.

Судьба Судана по прежнему тревожитъ государственныхъ людей Англіи и играетъ главную роль въ совѣтахъ министровъ, происходящихъ въ Лондонѣ. Носятся даже слухи, что британское правительство приготовляетъ послать въ Египетъ десятитысячную армію для охраненія границъ верхняго Египта. Въ константинопольскихъ политическихъ кружкахъ тоже замѣтно особое волненіе; здѣсь возмущены дѣйствіями Англіи и самого египетскаго правительства, распорядившимися объ очищеніи Судана безъ согласія на то султана, но не смотря на это, турецкій кабинетъ болѣе склоненъ къ воздержному образу дѣйствій въ ожиданіи грядущихъ событій. На самомъ театрѣ войны извѣстіе о рѣшеніи англійскаго правительства уступить Суданъ подъ власть Махди произвело самое тяжелое, удручающее впечатлѣніе между племенами, окрестными съ Суакимомъ, готовыми уже отложиться отъ лже-пророка, надѣясь на помощь и поддержку египетскихъ войскъ. Въ Суакимѣ ежедневно являлись туземцы густыми толпами и заявляли о своей готовности оставаться вѣрными правительству Хедива, но теперь это благопріятное настроеніе можетъ измѣниться къ худшему и можно опасаться, чтобы, въ случаѣ распространенія извѣстія объ уступкѣ Махди Судана, тѣ же самыя племена не заявили своей покорности сподвижнику лжепророка Осману-Диглѣ, чтобы не уронить себя въ глазахъ своего будущаго повелителя. Изъ Хартума извѣщаютъ, что тамъ наступила благопріятная реакція; войска какъ бы ободрились и власти считаютъ теперь даже возможнымъ выдержать продолжительную осаду, въ случаѣ если бы скопища Махди обложили Хартумъ. Теперь здѣсь ожидаютъ генерала Гордона, который назначенъ генералъ-губернаторомъ Судана и которому предоставлены Хедивомъ довольно широкія полномочія.

По извѣстіямъ изъ Гонгъ-Конга, отношенія аннамитскаго правительства къ Франціи установились довольно благопріятнымъ образомъ. Король принялъ г. Трику въ торжественной аудіенціи, а регентъ королевства ратификовалъ трактатъ, включивъ въ него одну статью, по которой дворъ въ Гюэ признаетъ за Франціей право назначить, въ знакъ особаго почета, мѣстопребываніе ея посланника на землѣ, находящейся внутри цитадели. Вообще юный монархъ проникнутъ, повидимому, самыми благосклонными къ Франціи чувствами, но окружающіе его, по мнѣнію Трику, не заслуживаютъ особеннаго довѣрія и потому ихъ необходимо отстранить. Сдѣлать это, конечно, не легко, но тѣмъ не менѣе, представители Франціи рѣшились добиться своей цѣли при первомъ удобномъ случаѣ. Въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Тонкина пока не произошло еще ничего особеннаго, и они ограничивались лишь значительной рекогносцировкой къ Бакъ-Нингу, который оказался занятымъ большими непріятельскими силами. Блокада тонкинскаго побережья продолжается, главнымъ образомъ, съ тою цѣлью, чтобы препятствовать ввозу военной контрабанды.

Въ Римѣ отношенія папы къ свѣтской власти, до сихъ поръ довольно натянутыя, угрожаютъ принять болѣе острый характеръ. Такъ сообщаютъ, что папа Левъ XIII предполагаетъ въ скоромъ времени произнести рѣчь въ собраніи консисторіи, въ которой коснется отношеній между церковію и итальянскимъ правительствомъ и заявитъ при этомъ, что примиреніе куріи съ правительствомъ короля Гумберта является немыслимымъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ. Необходимость такого рѣшительнаго заявленія, вызвана, какъ говорятъ, послѣднимъ сочиненіемъ извѣстнаго патера Курчи, разоблачающимъ тотъ фактъ, что въ рядахъ католическаго клира есть очень много почтенныхъ и вліятельныхъ лицъ, которыя не прочь отъ соглашенія съ итальянскимъ правительствомъ.

Изъ Лондона сообщаютъ, что главному колоніальному управленію былъ предъявленъ недавно отвѣтъ трансваальской депутаціи на послѣднюю ноту англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Дерби. Делегаты Трансвааля, не отвергая предложенной министромъ колоній пограничной черты, предлагаютъ другую линію, которая, по ихъ словамъ, совершенно безобидно рѣшитъ вопросъ, бывшій причиной столькихъ раздоровъ и недоразумѣній. Благодаря этой линіи, торговый путь сохранится за Трансвааломъ: но при этомъ депутація считаетъ вполнѣ справедливымъ обезпечить за этимъ путемъ нейтральный характеръ, освобождающій отъ пошлинъ провозимые по немъ товары. Депутація заканчиваетъ свой отвѣтъ увѣреніемъ, что по-

Изъ нравовъ недавняго прошлаго Англіи. Мужъ, выводящій жену на рынокъ. Рис. Макнорта, грав. Поль.

Библиотека "Руниверс"

ложеніе дѣлъ на западной границѣ Трансвааля останется по прежнему неудовлетворительнымъ, если лондонскій кабинетъ не согласится на предлагаемую ему пограничную линію. Англійская печать довольно сочувственно отнеслась къ требованіямъ боэровъ и даже находитъ, что кромѣ исполненія ихъ желаній нѣтъ другаго средства къ соглашенію съ ними, если только Англія не имѣетъ въ виду подчинить Трансваальскую республику своей власти силою оружія.

Смѣсь.

Отчетъ Православнаго Палестинскаго Общества, читанный въ общемъ собраніи 30 декабря, доставленъ намъ. Число членовъ Общества достигло цифры 507. Денежныя средства увеличились съ 26-го апрѣля на 61.000 р., всего въ приходѣ со времени образованія общества 129,043 р. 75 к., изъ коихъ 80.944 р. 90 к. на лицо. Изъ числа этихъ поступленій, пожертвовано Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ 5,000 р., спеціально на предпринимаемое Обществомъ изданіе путешествія по востоку Григоровича-Барскаго, совершеннаго въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Сочиненіе это, выдержавшее въ свое время шесть изданій, было издаваемо постоянно съ выпусками и измѣненіями, соотвѣтствовавшими тогдашнему вкусу образованной публики; теперь оно стало библіографическою рѣдкостью. Новое полное изданіе, въ первоначальномъ его видѣ, безъ выпусковъ и съ рисунками, сдѣланными по рисунку самого автора предполагаетъ теперь сдѣлать Палестинское Общество. Въ теченіи осени Общество издало 3-й и 4-й выпускъ своего сборника, заключающіе въ себѣ часть хожденія Даніила игумена по списку 1496 года, съ рисунками по Хлудовскому списку XV—XVI в. и современное (1881 г.) путешествіе доктора А. В. Елисѣева на Синай. Предпринятая Обществомъ, на средства своего предсѣдателя Великаго Князя Сергѣя Александровича, раскопка принадлежащаго Россіи мѣста въ Іерусалимѣ, рядомъ съ храмомъ Гроба Господня, увѣнчалась открытіемъ слѣдовъ Константиновой базилики и остатковъ стѣнъ древне-еврейской кладки, съ порогомъ дверей или воротъ, недошихъ изъ города на Голгоѳу. Это единственные, открытые доселѣ, остатки еврейской архитектуры внутри Іерусалима. Заботы о русскихъ поклонникахъ выразились въ устройствѣ удешевленнаго сообщенія съ билетами III класса, отъ Москвы, Кіева и Воронежа до Яффы и обратно. Благодаря содѣйствію обществъ желѣзныхъ дорогъ, удалось понизить проѣздную плату приблизительно на 22 р. на билетъ. Въ Іерусалимѣ, при русскихъ постройкахъ, устроенъ Обществомъ складъ книгъ духовнаго содержанія. Въ видахъ достиженія главной цѣли Общества, поддержанія православія въ Св. Землѣ, открыты Обществомъ три начальныя школы въ Сѣверной Палестинѣ и возобновляются двѣ церкви. Для болѣе успѣшнаго развитія дѣятельности Общества въ Палестинѣ, туда командированъ уполномоченный Общества изъ православныхъ уроженцевъ Сиріи.

Заявленія о желаніи получить уставъ Общества, вступить въ члены Общества, а также и пожертвованія, какъ въ пользу самаго Общества, такъ и для безплатнаго доставленія къ Св. Землю, по назначенію жертвователей, принимаются въ конторѣ Великихъ Князей, Дворцовая набережная, 32.

Разведеніе страусовъ въ Каирѣ. Вблизи Каира находится ферма Веттера для разведенія страусовъ, которая можетъ представить большой интересъ для посѣтителей этого города. Не приходится раскаяваться въ поѣздкѣ туда, если удастся осмотрѣть это заведеніе подъ руководствомъ самого любезнаго хозяина. Онъ, впродолженіи четырехъ лѣтъ, изъ 24 пойманныхъ страусовъ расплодилъ уже 210 штукъ, которые даютъ ему большую прибыль. Каждый выращенный страусъ приноситъ въ годъ на 700 франковъ перьевъ и, за вычетомъ расхода на его содержаніе, даетъ чистаго дохода 300 франковъ. Самка кладетъ среднимъ числомъ 48 штукъ яицъ, изъ которыхъ едва только четвертая часть негодныхъ. Изъ остальныхъ трехъ дюжинъ половина высиживается самкой, а остальныя выводятся искусственно въ ящикахъ, наполненныхъ пескомъ и согрѣваемыхъ снаружи горячей водой. Въ этомъ искусствѣ Веттеръ достигъ совершенства и можетъ служить примѣромъ для тамошняго алжирскаго товарищества, которое, не смотря на всѣ старанія и нововведенія, не можетъ достигнуть и приблизительныхъ результатовъ. Главная трудность въ этомъ дѣлѣ заключается въ поддерживаніи одинаковой температуры и умѣньи въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ разбить скорлупу яйца. Заведеніе Веттера представляетъ собой рядъ клѣтокъ, нечто очень большихъ размѣровъ, расположенныхъ расходящимися лучами и открытыхъ сверху. Каждый страусъ содержится въ особой клѣткѣ и только спарованные экземпляры помѣщаются вмѣстѣ, и они въ это время становятся необузданными и опасными. Трудную и непріятную работу составляетъ выдергиваніе перьевъ, при чемъ три араба едва справляются съ одной птицей. Веттеръ разводитъ не только большихъ, но и красивыхъ маленькихъ іеменскихъ страусовъ: обѣ эти породы даютъ лучшій сортъ перьевъ. Мясо страуса по вкусу походитъ на говядину, а хорошее яйцо вѣситъ до 4½ фунтовъ. Въ желудкѣ одной птицы недавно нашли столько песку, что можно было наполнить имъ небольшое ведро.

Легочно-воспалительный грибокъ. Со времени открытія д-ромъ Робертомъ Кохъ (въ Берлинѣ) легочнаго грибка, онъ всюду сталъ изслѣдоваться по установленному Кохомъ методу и былъ признанъ учеными причиною возникновенія и развитія болѣзни. Еще ранѣе было доказано существованіе цѣлаго ряда микроорганизмовъ, открытыхъ при различныхъ болѣзняхъ, которые получили особенно важное значеніе, какъ для медицины, такъ и для всеобщаго блага человѣчества, вслѣдствіе новаго открытія берлинскаго приватъ-доцента Карла Фридлендера, что воспаленіе легкихъ (Pneumonia) происходитъ также отъ особаго рода грибка—микрококкопневмонія. До сихъ поръ воспаленіе легкихъ считалось сравнительно простой болѣзнью, хотя въ сильнѣйшей своей формѣ оно иногда влекло за собой смерть на пятый или шестой день, однако въ большинствѣ случаевъ недугъ этотъ излечивался и не оставлялъ послѣ себя никакихъ вредныхъ послѣдствій. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, рядомъ наблюденій было доказано, что воспаленіе легкихъ въ нѣкоторыхъ странахъ иногда принимаетъ эпидемическую форму. Еще ранѣе д-ръ Кохъ находилъ въ отдѣльныхъ случаяхъ болѣзни микрококи, но д-ру Фридлендеру, около года тому назадъ, удалось въ восьми послѣдовательныхъ случаяхъ пневмоніи установить фактъ непремѣннаго нахожденія названныхъ грибковъ въ легкихъ. Это положеніе было подтверждено цѣлымъ рядомъ случаевъ (всего болѣе 50) и только въ незначительномъ числѣ ихъ, именно въ болѣе поздней формѣ болѣзни (9—13 день) микрококи отсутствовали. Особенность вновь открытыхъ грибковъ состоитъ въ томъ, что они могутъ быть найдены посредствомъ микроскопа только послѣ приданія имъ, посредствомъ особаго, весьма остроумнаго способа, извѣстной окраски, или же по обезвреженіи ихъ; они имѣютъ форму круглообразную или эллиптическую, между тѣмъ какъ, напримѣръ, чахоточный грибъ представляетъ собой удлиненный цилиндръ.

Для производства опытовъ съ легочно-воспалительными грибками, д-ръ Фридлендеръ, вмѣстѣ съ другимъ мюнхенскимъ врачемъ, Фробаніусомъ, послѣ манипуляцій коховскаго метода, подвергали микрококи обработкѣ въ такъ называемомъ питательномъ желатинѣ и тогда уже прививали его животнымъ. На кроликовъ грибокъ этотъ не производилъ никакого дѣйствія, между тѣмъ какъ всѣ 33 экземпляра мышей, которымъ онъ былъ впрыснутъ, умирали въ теченіи 18—24 часовъ. При вскрытіи ихъ труповъ, всегда были обнаруживаемы признаки пневмоніи, съ громаднымъ количествомъ микрококовъ въ легкихъ, крови и селезенкѣ. Дальнѣйшіе опыты перепоса грибка на животныхъ черезъ вдыханіе были также успѣшны и подтвердили еще ранѣе установившійся взглядъ, что воспаленіе легкихъ—болѣзнь заразительная.

Докторъ Фридлендеръ, дѣлавшій недавно докладъ въ Берлинскомъ „Физіологическомъ обществѣ“ и демонстрировавшій этихъ новыхъ микро-организмовъ, возбудилъ живѣйшій интересъ.

Во время пожара зданія Брюсельскаго парламента, изъ четырнадцати знаменитыхъ картинъ Галле, которыя украшали залъ засѣданія, спасено только 8. Статуя короля Леопольда I, работы Вильгельма Гефа, и картина Ванпера, представляющая принца Оранскаго въ битвѣ при Ватерлоо, спасены отъ огня. Изъ библіотеки не удалось спасти ни одной книги. Это была въ своемъ родѣ единственная коллекція книгъ, въ количествѣ 125 тысячъ экземпляровъ. Здѣсь были отчеты и протоколы всѣхъ конституціонныхъ государствъ Европы; далѣе, собраніе бельгійскихъ газетъ съ 1830 года и газетъ временъ первой французской республики. Также автографы бельгійскихъ депутатовъ, которые въ 1831 году собраны были для того, чтобы рѣшить вопросъ о возведеніи Бельгіи въ королевство.

Каннибализмъ, этотъ ужасный обычай употребленія въ пищу своего ближняго, относящійся къ доисторическимъ временамъ, т. е. задолго еще до появленія культуры, существовалъ несомнѣнно, такъ какъ ученые, дѣлающіе раскопки съ цѣлью отыскать первые слѣды человѣка, находятъ неоспоримыя доказательства людоѣдства

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1884 г.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. №№ „НИВЫ“ со всѣми приложеніями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ ОЗНАЧЕНА НА 1-Й СТРАНИЦѢ.

Библиотека "Руниверс"

у тѣхъ первобытныхъ народовъ, отъ которыхъ остались только каменныя орудія, да кости жертвъ этого гнуснаго обычая. По остаткамъ человѣческихъ костей, которыя разбивались людоѣдами для извлеченія изъ нихъ мозга, можно заключить, что каннибализмъ существовалъ у первобытныхъ обитателей Японіи и Иберійскаго полуострова; о послѣднемъ упоминаетъ еще Страбонъ (66 годъ до Р. Х.), говоря, что здѣсь людоѣдство не считалось даже предосудительнымъ.

Недавно въ Португаліи, въ пещерѣ Перпхъ, найдены были остатки 140 съѣденныхъ и всѣ кости со слѣдами полома ударомъ топора; мозговыя кости расколоты для извлеченія изъ нихъ содержимаго; кромѣ того многія обуглены; только твердыя, неимѣющія мозга нижнія челюсти остались неповрежденными. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти скопленія костей суть остатки каннибалическаго времени, относящагося къ доисторической эпохѣ.

Казнь посредствомъ электричества. Союзному правительству Соединенныхъ Штатовъ недавно предложенъ былъ аппаратъ, посредствомъ котораго приговоренные къ смерти преступники освобождаются отъ всѣхъ мучительныхъ приготовленій къ казни, такъ какъ приговоръ приводится въ исполненіе моментально. Онъ представляетъ собой простое изолированное кресло, ручки котораго соединены проводниками съ динамо-электрической машиной, при чемъ казнь производится посредствомъ электрическаго удара.

Рабочая сила Ніагарскаго водопада, которая тратится совершенно непроизводительно, достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ. „Геометрическое бюро" Соединенныхъ Штатовъ вычислило, что каждую минуту 285 тысячъ кубическихъ метровъ воды падаетъ съ высоты 61 метра, что производитъ работу, соотвѣтствующую тремъ милліонамъ лошадиныхъ силъ. Она съ избыткомъ могла бы служить двухсотъ-милліонному населенію для всевозможныхъ промышленныхъ нуждъ. Несмотря на то, что новый двигатель—электричество, получаетъ съ каждымъ днемъ все большее и большее примѣненіе, дѣлаются первыя попытки съ цѣлью воспользоваться хотя бы самой незначительной частью этой огромной гидравлической силы.

Учтивый китаецъ. Секретарь китайскаго посольства въ Вашингтонѣ былъ представленъ одной дамѣ, которая въ разговорѣ предложила ему вопросъ: Какое качество цѣните вы въ вашихъ женщинахъ выше всего?—Мы уважаемъ болѣе всего тѣхъ женщинъ, которыя любятъ сидѣть дома.—Такъ вамъ, стало быть, не нравится, если женщины ваши часто бываютъ въ обществѣ?—Совершенно вѣрно; законы наши даже считаютъ отсутствіе этой добродѣтели поводомъ для расторженія брака, особенно если женщина красива.—Въ такомъ случаѣ, я рисковала бы получить разводъ, еслибъ жила въ Китаѣ?—Съ того дня, какъ отечество наше имѣло бы счастье пріютить васъ, законъ этотъ былъ бы конечно отмѣненъ, отвѣтилъ китаецъ.

О вознагражденіяхъ, которыя Патти получала въ разное время, импрессаріо Ульманъ передаетъ слѣдующія данныя. Три года тому назадъ, знаменитая пѣвица довольствовалась 5,000 франковъ и только въ теченіи самаго короткаго времени, получала отъ директора Поллини 10,000 франковъ за вечеръ; во время же своего двадцатилѣтняго пребыванія въ Лондонѣ, Патти получала болѣе 80—200 фунтовъ стерлинговъ и только въ послѣдній сезонъ плата эта повысилась до 400 фунтовъ за вечеръ. Когда Патти совершила первое свое путешествіе въ Америку, она требовала 5,000 долларовъ въ вечеръ, и такъ какъ ни одинъ импрессаріо не хотѣлъ и не могъ на это согласиться, она предприняла артистическое путешествіе на свой рискъ. Послѣдствія извѣстны: она въ концѣ концовъ должна была прибѣгнуть къ помощи г-на Аббей, который получалъ отъ нея 4,000 долларовъ въ вечеръ. Финансовый результатъ этой поѣздки далъ дефицитъ въ 12—15 тысячъ долларовъ. Во вторую свою поѣздку въ Америку, Патти принесла своимъ антрепренерамъ Гіе и Наплезину, 60000 долларовъ убытку. Въ настоящій сезонъ Патти сдѣлалась денежнымъ магнитомъ, такъ какъ каждый ея выходъ приноситъ Наплезину 8—10 тысячъ долларовъ чистой прибыли.

Какъ извѣстно, на дняхъ закончилось прорытіе громаднаго Арльбергскаго туннеля, втораго по величинѣ своей въ Европѣ. По этому поводу газеты сообщаютъ, что два англичанина явились къ распорядителю работъ и предложили внести по 100 фунт. стерлинговъ (около 850 руб.), если имъ позволятъ первыми протянуть другъ другу руки съ противоположныхъ галлерей, при пробивкѣ послѣдняго слоя земли. Это чисто англійское предложеніе было принято, а внесенная сумма причислена къ фонду на устройство праздника для рабочихъ, по случаю счастливаго окончанія труднаго предпріятія.

Общество покровительства пернатымъ. Въ Англіи недавно образовалось и получило быстрое распространеніе названное общество; оно, подобно другимъ англійскимъ ассоціаціямъ, насчитываетъ уже теперь громадное число своихъ членовъ, именно до 80 тысячъ. Каждый новый членъ приноситъ присягу въ томъ, что обязывается по мѣрѣ силъ своихъ защищать пернатыхъ, кормить ихъ зимой и никогда не раззорять гнѣздъ.

РЕБУСЪ. Задача № 3.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Выѣздъ президента Греви** (съ рис.).—**Въ старой Москвѣ.** Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ, **Гр. Е. А. Саліаса.** Часть первая. (Продолженіе).—**И. С. Тургеневъ у себя,** въ его послѣдній пріѣздъ на родину. Изъ воспоминаній **Я. П. Полонскаго.** (Продолженіе).—**Одесса.** Видъ пристани одесскаго Ллойда (съ рис.).—**Циркъ Чинизелли въ СПБ.** (съ рис.).—**Лѣсной Царь.** Баллада Гёте (съ рис.).—**Замѣститель принца Эдуарда VI** (съ рис.).—**Тайное чтеніе** (съ рис.).—**Международная обсерваторія вѣсовъ и мѣръ** (съ 2 рис.).—**Изъ недавняго прошлаго Англіи.** Очеркъ Чарльза Рида (съ рис.)—Политич. обозр.—Смѣсь.—Ребусъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВНОВЬ ВЫХОДЯЩІЙ СЪ 1884 года

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

журналъ, издаваемый Русскимъ Обществомъ книгопродавцевъ и издателей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Правительственныя распоряженія, относящіяся до спеціальности журнала; 2) Свѣдѣнія и сообщенія о дѣятельности русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, а также его правленія; 3) Книжно-торговое дѣло. (Сообщенія книгопродавцевъ и издателей, имѣющія общественный интересъ, сношенія ихъ какъ между собою, такъ и съ обществомъ, корреспонденціи, запросы, разныя свѣдѣнія, почтовый ящикъ и проч.); 4) Указатель новыхъ изданій (списокъ всѣхъ выходящихъ въ продажу книгъ: въ Россіи и заграницей); 5) Предложенія и спросъ; 6) Объявленія.

„КНИЖНО-ТОРГОВЫЙ ЛИСТОКЪ".

Особое безплатное приложеніе къ „Книжному Вѣстнику", исключительно для г. г. книгопродавцевъ.

1) Списокъ книгъ съ указаніемъ размѣра торговой уступки; 2) Списокъ книгъ, предлагаемыхъ по уменьшенной цѣнѣ; 3) Списокъ книгъ, предлагаемыхъ на коммисію.

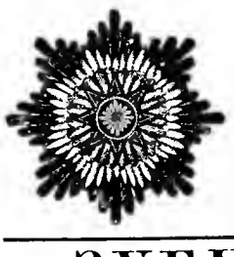
Срокъ выхода: два раза въ мѣсяцъ. Форматъ in 8°.

Подписная цѣна **3 руб.** въ годъ съ пересылкой и доставкой.

Плата за объявленія: **В руб.**—за страницу, 4 руб. 50 коп.—за ½ страницы, 2 р. 50 к.—за ¼ страницы; 10 коп. за строку петита въ одинъ столбецъ.

Объявленія и подписка на журналъ принимаются въ Правленіи Общества, по Больш. Конюшенной 29, квар. 7, отъ 11 часовъ утра до 4 пополудни.

Для личныхъ объясненій и справокъ Правленіе открыто ежедневно отъ 2 до 3 часовъ пополудни, кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ. № 3092 3—2



ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ДЛЯ КОТИЛЬОНОВЪ И БАЛОВЪ
въ великолѣпномъ выборѣ и за дешевую цѣну
пересылаетъ аккуратно фабрика
N. L. CHRESTENSEN
Königl Preuss. Hoflieferant - Erfurt - Preussen.
Зам. Мой прейсъ-курантъ лучшихъ **цвѣточныхъ** работъ и **принадлежностей** для бала и **котильона** съ болѣе чѣмъ 200 хорошихъ иллюстрацій новыхъ и новѣйшихъ **туръ котильона** и **общест. игръ** посылаю по требованію **франко и даромъ.** S. № 2906 10—7

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
К. БАУХЪ.
Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болей, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умѣренныя.

Библиотека "Руниверс"

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ,

№ 2913 7—3

ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ.

ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ

бѣлитъ зубы, не портя ихъ эмали, предотвращаетъ гніеніе зубовъ.

Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ

укрѣпляетъ десны, утоляетъ зубную боль, освѣжаетъ ротъ.

Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФРЕРА,

19, Rue Jacob, Paris.

У ВСѢХЪ АПТЕКАРЕЙ И ПРОДАВЦЕВЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Ручн. и ножн. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ **выметываютъ петли, вышиваютъ и шьютъ чрезъ край.** Подробный прейсъ-курантъ и пробныя петли высылаются безплатно

А. ШТЕЙНЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская № 21.

Р. № 3127 5—1

ДЕШЕВЫЯ КРОВЛИ для скирдовъ и сараевъ. **К. И. Маслянникова.** Ц. 35 к. У автора 6-ть почт. марокъ съ перес. Знаменская ул., 43. № 3121 1—1

АПТЕЧКА-ЛЕЧЕБНИКЪ

Доктора Медицины **СТАРКОВА**

съ лекарствами и наставленіемъ къ леченію болѣзней продается въ С.-Петербургѣ въ Екатерининской аптекѣ: Вас. Остр. 1 лин. Ц. 12 руб. За пересылку 1 руб., свыше 1000 верстъ 2 руб. № 3118 1—1

ЕДИНСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМЪ, замѣняющій **ВАТЕРКЛОЗЕТЪ,** непортящійся отъ мороза. Цѣна **12** рублей сер. Иллюстрированныя объявленія высылаются безплатно.

П. БАРУЛИНЪ.

СПБ. Симеоновскій пер., д. № 3, кв. № 22 № 3112 1—1

НОВОСТЬ!

сто разноцвѣтныхъ облатокъ **СЪ РАЗН. ПОСЛОВИЦАМИ** въ красивой коробочкѣ **25 к.** 4короб. съ пересылкою **1 р. 12**коробочекъ **2** руб.

въ писчебумажномъ магазинѣ **А. Койранскаго** Тверская, Савинское подворье въ **Москвѣ.**

Коробка французской бумаги съ конвертами съ разно-цвѣтно-тисненными буквами или полными именами 70 к. на цвѣтной **1 р.** на Англійской Рипсовой **1** руб. **50** коп. пересылка за **5** фунтовъ.

КТО ЖЕЛАЕТЪ

избавиться отъ всѣхъ домашнихъ насѣкомыхъ, пусть употребляетъ 2—1

РОМАШКУ БУРЕЛЬ.

Самое вѣрное средство отъ насѣкомыхъ, дѣйствуетъ изумительно. Продажа во всѣхъ хорошихъ Аптекарск. маг. Россіи. **Главный складъ у Александра Венцель.** Спб., Кавсная, № 3. Ц. № 3114.

„МОДНЫЙ СВѢТЪ И МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ"

иллюстрированный журналъ для дамъ.

№№ 1—3 за 1884 г. уже вышли и разосланы.

Годовая подписка продолжается.

Новые подписчики получатъ журналъ еще съ № 1 со всѣми безплатными приложеніями. Р. № 3128 1—1

Изслѣдованіе о выдачѣ преступниковъ.

А. ШТИГЛИЦА.

С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна **2** руб. Продается въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы. Выписывающіе черезъ П. Д. Глотова—Кабинетская улица, д. № 20, кв. № 5, въ С.-Петербургѣ—за пересылку не платятъ. № 3119 3—1

РОЗЫГРЫШЪ

ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРѢШЕННОЙ ІХ ЛОТЕРЕИ

въ пользу школъ С.Петербургскаго Женскаго Патріотическаго Общества состоится въ воскресенье 1 Апрѣля 1884 г въ 12 часовъ пополудни

О мѣстѣ розыгрыша будетъ своевременно объявлено. № 3132 1—1

С.-Петербургская Химическая Лабораторія

ПОМАДА, ФИКСАТУАРЪ И МАСЛА

Віолетъ де Пармъ, Иланъ Иланъ, Иксора, Жасминъ, Опопонаксъ, Резеда, Эссъ Буке.

ПОМАДА ХИННАЯ И ТОНИЧЕСКАЯ

самаго высшаго качества

ПОМАДА № 0, 1, 2.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Невскій проспектъ, домъ **№ 32,** Католической церкви.

Невскій проспектъ, домъ **№ 66,** у Аничкова моста.

Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, домъ **№ 18—54,** Шредера.

Магазинъ въ **Москвѣ:**

Кузнечный мостъ, домъ Третьяковыхъ.

Кромѣ вышеозначенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.

Контора, фабрика и оптовый складъ: Измайловскій просп., № 21, собственный домъ, **въ С.-Петербургѣ.** Р. № 3126 1—1

Пріемъ заказовъ на Новый Рѣчной Двигатель

„ПАРАШЮТНЫЙ ГИДРОМОТОРЪ",

системы инженера Ягнъ, съ ручательствомъ за исправное дѣйствіе, производится въ С.-Петербургѣ, по Чернышеву пер., д. № 2 — 64, кв. № 44, въ технической конторѣ собственниковъ привиллегій инженеровъ Н. Ягнъ и Н. Кудрявцевъ.

Гидромоторъ, привиллегированный во всѣхъ государствахъ, есть механизмъ, работающій зимою и лѣтомъ свободнымъ теченіемъ рѣки безъ всякихъ плотинъ, на всякомъ мѣстѣ рѣки, гдѣ скорость теченія не менѣе 20 саж. въ 1 минуту (2,33 ф. въ 1 сек. или 2.4 вер. въ 1 часъ), при глубинѣ не менѣе 1 арш. и ширинѣ потока не менѣе 4 саж.

Гидромоторы строются отъ 2 до 50 силъ, смотря по силѣ теченія, и примѣнимы всюду, гдѣ нужна дешевая механическая сила.

Стоимость устройства аппарата колеблется отъ 150 руб. до 300 руб. съ каждой лошадиной силы.

Точно опредѣленная зависимость стоимости устройства, содержанія и вообще всѣхъ условій въ связи отъ скорости теченія, а равно и условія заказа выражены въ особой подробной таблицѣ. Таблица высылается за 14 к. почтовыми марками, брошюра 40 к., подробные конструктивные чертежи 1 руб. № 3117. 1—1

Собственники привиллегій изобрѣтенія инженеры Н. Ягнъ и Н. Кудрявцевъ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, 21.

Операціи Конторы:

Покупка и продажа цѣнныхъ бумагъ.—Покупка и продажа иностранныхъ монетъ и векселей.—Продажа биржевыхъ бумагъ съ задаткомъ.—Продажа иммгрышныхъ билетовъ съ разсрочкою платежей.—Выдача ссудъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ.—Текущій счетъ.—Срочные вклады.—Кредитъ до востребованія („on call").—Хранеше процентныхъ бумагъ.—Помѣщеніе капиталовъ въ процентныхъ бумагахъ.—Страхованіе выигрышныхъ билетовъ отъ тиража погашенія.—Свѣдѣнія о выпущенныхъ въ тиражъ бумагахъ и пр.—Срочные купоны контора мѣняетъ безплатно.

Адресъ Конторы для телеграммъ „Петербургъ Клима". Р. № 3107 2—2

СѢМЕННОЕ ДЕПО

ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЛЬЦЪ

МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ, Д. ПѢГОВА.

Честь имѣетъ увѣдомить г. г. покупателей, что въ декабрѣ мѣсяцѣ выйдетъ изъ печати на 1884 годъ полный **Прейсъ-Курантъ** на сѣмена: Сельско-хозяйственныя, Огородныя, Фруктовыя, Цвѣточныя, Древесныя и проч. Садовые инструменты лучшихъ здѣшнихъ и заграничныхъ фабрикъ, громадный выборъ пальмъ и проч растеніямъ, который по требованію выдается и высылается чрезъ почту безплатно. Принимается подписка на газету **Русское Садоводство.** М № 2998 6—6

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Продается лѣсная дача въ 25,000 десятинъ, Уфимской губерніи, Бирскаго уѣзда, на берегу судоходной рѣки Уфы, со всѣми находящимися на ней, лѣсопильнымъ, водяннаго механизма, заводомъ на 2 рамы и домашними хозяйственными постройками, грунтъ земли для хлѣбородія всѣхъ хлѣбовъ отличный, цѣна за десятину въ однѣ руки 11 рублей, въ розницу отъ 200 десятинъ до 5000, 12 руб. Объ условіяхъ адресоваться: на Ягвильдинскую почтовую станцію Уфимской губерніи, землевладѣльцу Пимену Фролову Тороторову. № 3124 1—1

ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЕЦЪ ПИМЕНЪ ФРОЛОВЪ ТОРОТОРОВЪ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ПРАКТИЧЕСКАЯ И СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ

ШКОЛА для ГАРМОНИКИ

И. ТЕЛЕШОВА.

Составленная по самой легкой системѣ, по которой только и можно въ короткое время выучиться правильно играть по нотамъ на гармоникѣ. Цѣна: Народная школа 1 р. Общедоступная 60 к. и къ нимъ аранжировано изъ лучшихъ піесъ въ 8 частяхъ по 50 к.—Продается въ Москвѣ во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ, въ С.-Петербургѣ у Юргенсона и въ Одессѣ у Рауша. Р. № 3130

АГРОНОМЪ

одинокій, опытный многолѣтнею практикою, желаетъ получить мѣсто управляющаго имѣніемъ, согласенъ изъ процентовъ, или взять на аренду, также принимаетъ устройство разстроенныхъ имѣній съ ручательствомъ за самую выгод. эксплоатацію. Адресоваться: въ Москву, Агроному, Малая Лубянка, домъ Рогаль-Ивановской кв. № 1. № 3113 1—1

НА ВЕСЬМА ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ!!

Нужны компаніоны для сбыта весьма ходкихъ товаровъ, въ губернскихъ городахъ и большихъ торговыхъ пунктахъ Россіи и Сибири, съ капиталомъ для каждаго пункта въ 500—1,000 руб. Обращаться письменно съ рекомендаціями значительн. торговыхъ фирмъ въ Центр. Контору Объявленій **Л. Метцль, Москва,** Петровка **№ 6,** подъ Лит. **М. 252.—Безъ рекомендацій не обращаться.** Н. № 3102 3—2

4 ЦѢННЫЯ ПРЕМІИ

(ПОЛЕЗНЫЕ ПОДАРКИ ДЛЯ ВСѢХЪ)

высылаются, съ первою почтою, за **15** руб.:

1) **Зрительныя трубы,** приближ. на 10 вер.

2) **Микроскопы,** увеличив. въ 1.000 разъ.

3) **Барометры,** за сутки и болѣе показыв. перемѣны погоды: дождь, вѣтеръ, бурю и пр.

4) **Самоучитель рисованія**—по бумагѣ, атласу и стеклу (печатное наставленіе, большой изящный ящикъ красокъ, кисти и стекла). Всѣ вещи заграничныя. Отдѣльно каждая вещь высылается за 5 р. 50 к. Адрес.: въ Москву, въ контору „Дѣтской Библ."—Петровка, д. Кредитн. Общ. № 3123 3—1

№ 3116. **ПРОДАЮТСЯ** 1—1

здоровые, сухіе **кефирные грибки** для постояннаго приготовленія настоящаго коровьяго кумыса, **въ высшей степени питательнаго и вкуснаго напитка.** Приготовленіе кефира просто и сподручно каждому. Ц. за 6 драхмъ грибковъ съ пер. 4 р. 50 к. и за 3 др. 2 р. 50 к. Меньше не высыл. Наставл. безпл. Адр.: Казань, Кефирное завед Петра Ив. Ивволина.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу **въ конторѣ редакціи журнала „Нива",** въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, д. № 9; въ Отдѣленіи Конторы „Нивы" у **Н. Н. Печковской,** Москва, въ домѣ Петровскихъ линій и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, новая повѣсть нашего знаменитаго писателя

Д. В. ГРИГОРОВИЧА

„ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ".

Это весьма изящное изданіе печатано на лучшей веленевой бумагѣ и украшено 36 оригинальными рисунками художника **Н. Н. КАРАЗИНА.**

Цѣна **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **50** к.; въ каленкор. перепл **1** р. **75** к., съ перес **2** р.

АЛЬБОМЪ РАСКРАШЕННЫХЪ РИСУНКОВЪ

ДЛЯ КАНВОВЫХЪ РАБОТЪ.

Выпускъ первый заключаетъ 12 листовъ рисунковъ въ русскомъ вкусѣ. **Роскошное изданіе.** Цѣна **1** р., съ пер. **1** р. **25** к.

Выпускъ второй заключаетъ 9 листовъ (6 обыкновеннаго формата и 3 двойнаго) рисунковъ для работъ крестиками. **Роскошное изданіе.** Цѣна **1** р., съ пер. **1** р. **25** к.

АЛЬБОМЪ РУССКИХЪ МОНОГРАММЪ

ДЛЯ МѢТКИ БѢЛЬЯ.

Альбомъ этотъ заключаетъ въ себѣ до 500 чрезвычайно красивыхъ, художественно и полненьких русскихъ монограммъ, такъ что каждый найдетъ въ немъ монограмму своего имени и фамиліи. **Роскошное изданіе,** печатанное 4-мя красками.

Цѣна **2** р., съ пересылкою **2** р. **50** к.

Требованія: Въ Контору **Германа Гоппе,** С.-Петербургъ, Б. Садовая, 16. Въ Москву: Кузнецкій мостъ, домъ 15. Р. № 3129

Библиотека "Руниверс"

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ въ С.-Петербургѣ, Въ Гостиномъ дворѣ, № 17 и 18 въ Москвѣ, на Петровкѣ, д. Михалкова

продается коллекція сжатыхъ, всякихъ, карманныхъ руководствъ, полезныхъ въ хозяйственномъ быту:

ЦѢНЫ ОБОЗНАЧЕНЫ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ПО ПОЧТѢ.

75 к. Обжиганіе извести, гипса и приг. мраморовъ.
75 к. Наставленіе какъ разводить и содержать сваржу.
75 к. Развед. разн. овощей и стол. зелени.
75 к. Развед. и содержаніе вишнев. садовъ.
75 к. Приготовл. и сохранен. вареньевъ и консервовъ.
75 к. Приготовл. обыкновеннаго мыла.
75 к. Приготовленіе квасовъ и щей.
75 к. Приготовл. кремовъ и ликеровъ.
75 к. Орошеніе луговъ.
75 к. Приготовл. лекарствъ для домашн. животныхъ.
75 к. Разведеніе шпѣекъ.
75 к. Разведеніе ананасовъ
75 к. Разведеніе и содержаніе камелій.
75 к. Развед. аврикулей, анютиныхъ глазокъ и т. п.
75 к. Разведен. и содержан канареекъ.
75 к. Устройство сельскихъ дорогъ.
75 к. Воспитаніе шелковичн. червей.
75 к. Откармлив. и поеніе рогатаго скота.
75 к. Откармливаніе телятъ.
75 к. Производство лѣсныхъ посѣвовъ.
1 р. Развед. и сод. тонкошерстныхъ овецъ.
1 р. Приготов. жид. и тверд. дрожжей.
1 р. Добываніе древеснаго угля.
1 р. Малярное мастерство.
1 р. Приготовл. солода и домаш. пива.
1 р. Содержаніе комнатныхъ собакъ.
1 р. Производ. кроснаго коннозаводства.
1 р. Производство гончарныхъ издѣлій.
1 р. Производство изъ глины построекъ.
1 р. Устройство псарнаго двора.
1 р. Искусственное рыборазмноженіе.
1 р. Молочное хозяйство.
1 р. Выб. и прав. выѣздка верх. лошадей.
1 р. Разведеніе бѣлой и черной горчицы.
1 р. Домашнее красильно про зводство.
1 р. 25 к. Домашнее ткачество.
1 р. 75 к. Устройство пчельныхъ ульевъ.
1 р. 25 к. Разведен. тонкошерст. овецъ.
1 р. 25 к. Возд. и обраб. льна и конопли.
1 р. 25 к. Опред. и указ. молочн. коровъ.
1 р. 25 к. Руков. для выѣздки ремонтныхъ лошадей.
1 р. 25 к. Соленіе и копч. мяса и рыбъ.
1 р. 25 к. Изгот. одежды и обуви домаш. средствами.
1 р. 25 к. Произв. слесарныхъ работъ.
1 р. 25 к. Устр. и употр. бань, ваннъ.
1 р. Приготовленіе желѣзняка.
1 р. Приготовленіе косметич. средствъ.
1 р. Узнаніе и леченіе деревъ.
1 р. Производство гончарныхъ издѣлій.
1 р. Устройство кожевеннаго завода.
75 к. Управленіе домашнею прислугою.
75 к. Устройство повозочн. колесъ и осей.
75 к. Бѣленіе веществъ.
75 к. Воздѣлываніе и обработыван. льна.
75 к. Добыван. жирн. маслъ изъ сѣмянъ.
75 к. Добываніе нашатыря.
75 к. Добываніе торфа и употреблен. его.
75 к. О пр вильномъ съемѣ и храненіи фруктовъ.
75 к. Добываніе поташа.
75 к. Разведеніе и уборка мѣля.
75 к. Разведеніе марены, шафрана и т. п.
75 к. Содержаніе въ комнатѣ деревъ.
75 к. Выдѣлка хорошихъ печныхъ изразцовъ.
75 к. Приготов. кровельной черепицы.
75 к. Насажденіе аллей.
75 к. Приготовленіе уксуса.
75 к. Садоводственныя занятія на годъ.
75 к. Уничтожен. сырости въ строеніяхъ.
75 к. Искусство переплетать книги.
75 к. Хлѣбопеченіе.
75 к. Произв. пеньковыхъ канатовъ.
75 к. Реставрація картинъ.
75 к. Совѣты любителямъ цвѣтоводства.

Цѣль этого изданія была доставить огромному большинству публики возможность имѣть подъ рукою рядъ справочныхъ книжекъ или наставленій, посвященныхъ многоразличнымъ вопросамъ хозяйства, домоводства и промышленности. Обработка этихъ наставленій отличается популярностью—это не ученые трактаты, но доступные, ясные, простые совѣты. Вездѣ, гдѣ требовалось, текстъ повсюдно политипажами и рисунками, съ нужными указаніями и подробностями. Несмотря что изданіе этихъ наставленій предпринято еще въ шестидесятыхъ годахъ, оно до сихъ поръ пользуется успѣхомъ и охотно покупается, вслѣдствіе своей практичности, удобной, понятной обработки предмета и доступной цѣны.

КАТАЛОГЪ РУССКИХЪ КНИГЪ ВОЛЬФА ПРОДАЕТСЯ ПО 4 РУБ. СЪ ПЕР.

ВЪ МОСКВѢ. Аптекарскій магазинъ Р. Кемеричъ ВЪ МОСКВѢ.

Ц. № 3104 7—2

КРАСОТА И НѢЖНОСТЬ ЛИЦА!

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика А. ЭНГЛУНДА.

Вѣрное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, морщинъ, шероховатости и проч., чрезвычайно освѣжаетъ и придаетъ юношескую свѣжесть. Это единственное вѣрное средство отъ веснушекъ и загара. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ аптекѣ подпись: А. Энглундъ, красн. чернилами и марку С.-Петерб. Косметич. Лабораторіи. Цѣна каждой банки 1 руб., съ пересылкою—1 р. 75 к., 2 банки—3 руб. Получать можно: въ русск. общ. торг. аптек. товар.—Казанская, 12; А. Рузановъ—Гост. Дворъ, 40; въ Москвѣ у Гетлингъ и Штокманъ, у В. Безбардисъ и во всѣхъ извѣстн. аптек. и парф. торг. Всероссійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петерб., А. ЭНГЛУНДЪ—Малая Итальянская, № 3. № 3111 1—1

ПОЛУЧЕНЫ ИЗЪ ПАРИЖА

МЕТРОНОМЫ МЕЛЬЦЕЛЯ

ФАБРИКИ ПАКЕ и сыновья.

Безъ колокольчика:

№ 1) Цѣльнаго краснаго дерева. . . . 10 р.
2) Орѣховаго дерева. . . . . 10 „
3) Палисандроваго дерева. . . . . 11 „
4) Чернаго дерева . . . . . 15 „

Съ колокольчикомъ:

5) Цѣльнаго краснаго дерева. . . . 12 „
6) Орѣховаго дерева. . . . . 12 „
7) Палисандроваго дер. отъ 15 до. . 25 „
8) Роскоши. изъ чернаго. кипарисоваго. розоваго дер. отъ 15 до. . 25 „

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ

ПЕТРА ИВ. ЮРГЕНСОНА.

Москва, Неглинный пр., 10. П. № 3122 1—1

НОВАЯ КНИГА:

Гомеопатія или шарлатанизмъ

въ медицинѣ. Разоблаченія д-ра Шера. Ц. 1 р. съ пересылкой. Продается въ магазинахъ у автора: Невскій 61, кв. 30. № 3110

№ 3091 25—1

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1883 Г.

Иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1.200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. С. Соловьева—„Старый домъ“; повѣсть Д. В. Григоровича—„Гуттаперчевый мальчикъ“; повѣсть Н. Лебедева (Морскаго)—„Въ цвѣтахъ“; повѣсть Н. Д. Ахшарумова—„Подъ колесомъ“; очеркъ Н. Успенскаго—„На полснахъ“; разсказы П. П. Гнѣдича—„На морсномъ берегу“ и „Устроилась“; большую историческую повѣсть Кирилова—„Полюнинъ изъ Золотоноши“ и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Профессора Импер. Акад. Художествъ В. И. Янобія—„Король-женихъ“.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к.	Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 „ — „	Съ пересылкою 7 „ 50 „

РАМЫ ДЛЯ ПРЕМІИ „НИВЫ“.

Цѣна со вставленною и укрѣпленною, какъ всѣ масляныя картины, на подрамки, наклеенною на полотно картиною, 5 руб.—Картины, при требованіи рамы подписч., возвращаются обратно и рамы выдаются уже со вставленною картиною.

Иногороднымъ высылается такая рама въ 4-хъ кускахъ за 9 руб.; составленная и готовая за 15 руб.

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, ВЪ КОНТОРУ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА“, Б. МОРСКАЯ, № 9; ВЪ МОСКВѢ—ВЪ ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ „НИВЫ“ У Н. Н ПЕЧКОВСКОЙ, Д. ПЕТРОВСКИХЪ ТОРГОВЫХЪ ЛИНІЙ.

КИТАЙСКІЯ ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ

ДЛЯ МУЖСКАГО И ДАМСКАГО ЛѢТНЯГО ПЛАТЬЯ

(ЧЕСУЧА, ФАНЗА, КРЕПЪ, ГРАНИТУРЪ)

предлагаетъ въ большомъ выборѣ во всякое время года

Торговый Домъ въ Москвѣ

„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ“

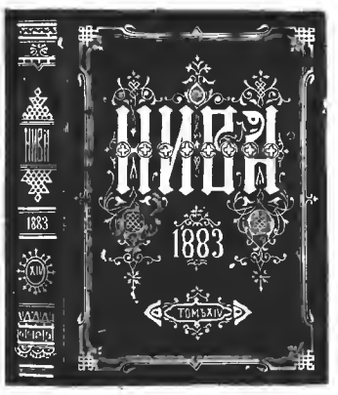
МАЛАЯ ДМИТРОВКА Д. АЛЕКСѢЕВА № 1В.

ПРІОБРѢТЕНІЕ ТОВАРА ПРЯМО СЪ ФАБРИКЪ КИТАЯ.

Требованія иногородныхъ исполняются немедленно; прейсъ-нуранты высылаются безплатно. П № 3003 5—3

Вышелъ изъ печати курсъ фортепіанной игры

въ объемѣ средняго музыкальнаго образованія, составленный Анастасьею Савренской. Цѣна первой части 4 р. 50 к., второй—3 р. 50 к. Получать можно въ С.-Петербургѣ во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ; въ Москвѣ у Юргенсона. № 3131 1—1



КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійск. каленк. 1883 г. съ зол. тисн. по вышеозначенн. образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „НИВУ“ въ такую каленкоровую крышку. Также имѣются крышки для „Нивы“ прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1882 г. по той же цѣнѣ.

Товарищества

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ

НОВАЯ МУНОМОЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦА

„ТРІУМФЪ“

ЦѢНОЮ въ СПБургѣ 175 р. ЦѢНОЮ въ Москвѣ 185 р.

отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ системъ тѣмъ, что она при большой простотѣ, даетъ большое количество муки лучшаго качества, требуя при этомъ очень мало силы. Производительность ея до 15 пуд. муки въ часъ. Кромѣ того Товарищество предлагаетъ: Универсальныя сѣялки въ разбросъ, Бермана, лучшія настоящаго времени. Джонстона знаменитыя жнеи Тріумфъ единствен. простыя, легкія и прочныя. Конныя грабли Тигеръ по 75 рублей. Плуги заводовъ Берманъ и Фискарсъ. Маслобойки Блошарда, соломорѣзки, молотилки, вѣялки по 35 р.—насосы, пульзометры К. Генри Голдъ, пожарныя трубы, соломорѣзки, сверлильные станки, лебедки, арматуру, ремни и пр., и пр.

Иллюстр. каталоги по востребованію. С.-Петербургъ, Вас. остр., 1 линія, № 10. Москва, Мясницкая, домъ Сытова. № 3096 6—2

Съ разрѣшенія Медицинскаго Совѣта

СИБИРСКІЯ ЗУБНЫЯ КАПЛИ

магистра фармаціи Л. Гиршгорна. Продаются во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ, цѣна 75 коп. Главный складъ въ Москвѣ у провизора О. М. Шапиро, въ аптекар. магаз. Брунса. Въ С.-Петербургѣ и Харьковѣ въ Русскомъ Обществѣ торгов. арт. товарами. Мт. № 3120. 1—1

Дозволено цензурою. СПБ. 25 января 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ № 5 — XV годъ 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Выданъ 4 Февраля 1884 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1884 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9

И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 8 ч. ВЕЧЕРА.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1884 г., съ 26 рисунк. и отдѣльнымъ листомъ съ 36 выкройками въ натуральн. велич. и 16 рукодѣльными работами въ русскомъ стилѣ.

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.

2-го февраля настоящаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія поэта, получившаго себѣ огромную извѣстность благодаря переводу Гомеровой Иліады.—Не представляя собственно самобытнаго поэтическаго таланта, Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, былъ несомнѣнно превосходнымъ переводчикомъ, доводившимъ свою задачу до конца, проникавшимся духомъ подлинника, тратившимъ на свое дѣло много силы и одушевленія. Глубокое знаніе греческаго языка избавляло его отъ необходимости руководствоваться однимъ поэтическимъ чутьемъ, съ помощью котораго Жуковскій перевелъ съ нѣмецкаго подлинника Одиссею. Непосредственное изученіе чудесныхъ рапсодій дало ему возможность подойти удивительно близко къ подлиннику, на сколько это позволялъ еще не выработанный по тому времени нашъ литературный языкъ, еще не очищенный творческой силой Пушкина и Лермонтова.

Въ сущности переводъ Иліады и составляетъ главное, такъ сказать, ядро его дѣятельности, его славу и значеніе. Двадцать лѣтъ онъ употребилъ на этотъ трудъ, борясь съ неодолимыми затрудненіями точнаго перевода тѣхъ эпитетовъ, которыми переполненъ греческій текстъ, безъ которыхъ не обходится ни одно собственное имя; многія слова приходилось буквально создавать,—и вотъ почему мѣстами переводъ кажется шероховатымъ, первобытнымъ. Длинные александрійскіе риомованные стихи, которыми, по примѣру французовъ, пытались переводить до Гнѣдича наши переводчики Иліаду, до того стѣсняли могучую образность греческаго стиля, что оригиналъ былъ совершенно неузнаваемъ въ этихъ перелицовкахъ. Полный гекзаметръ помогъ передать красоты древней рѣчи чрезвычайно близко,—звонкая риѳма не мѣшала уже плавному теченію мыслей,—А. С. Пушкинъ писалъ по этому поводу въ одномъ письмѣ къ Н. И.:

...ты воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера музу намъ явилъ,
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ *звонкихъ узъ* освободилъ...

Н. И. Гнѣдичъ. По поводу 100-лѣтняго юбилея его рожденія.
Рисов. и грав. А. Нейманъ.

Библиотека "Руниверс"

Тотъ-же поэтъ сказалъ, какъ извѣстно, вдохновенный Иліадой:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи:
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой...

Комедія (вѣрнѣе идилія) Ѳеокрита *„Сиракузянки“* переведена была Гнѣдичемъ въ совершенствѣ, и въ отношеніи стиля стоитъ еще выше Иліады. Затѣмъ надо отмѣтить его переводы изъ Шиллера и Вольтера *(Заговоръ Фієско въ Генуѣ* и *Танкредъ)*; его передѣлки для сцены шекспировскаго *Леара* (Король Лиръ); переводы съ новогреческаго, и рядъ оригинальныхъ стихотвореній и идилій. Превосходный чтецъ, онъ былъ учителемъ декламаціи такихъ артистовъ, какъ трагикъ Каратыгинъ, Асенкова и Семенова. Много разъ читалъ онъ при дворѣ, на литературныхъ чтеніяхъ, устроенныхъ Императрицей Маріей Ѳеодоровной: имя его на ряду съ Жуковскимъ, Крыловымъ и Карамзинымъ стоитъ въ спискѣ лекторовъ Розоваго Павильона. Изъ его элегическихъ вещей наибольшей извѣстностью пользуется стихотвореніе „Дума“.

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою,—
Въ путь жизни пошелъ одинокъ...
Прошелъ одинокъ его—тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной Ливійской юдолѣ,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ...
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ...
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!..

Прекрасная сама по себѣ элегія, написанная, быть можетъ, въ грустную минуту жизни, она не имѣетъ прочнаго основанія въ обстоятельствахъ жизни Николая Ивановича. Правда, со стороны внѣшняго обезпеченія онъ не могъ похвалиться особой роскошью обстановки, но литературное и общественное положеніе его было весьма завидно. Происходя изъ старинной украинской фамиліи, окончивши курсъ въ московскомъ университетѣ, дополнивъ свое знаніе огромной начитанностью, Гнѣдичъ былъ принятъ въ лучшихъ аристократическихъ и интеллигентныхъ кружкахъ Петербурга. Онъ даже составлялъ нѣкотораго рода центръ, около котораго группировались литераторы. Художественный, тонкій вкусъ Николая Ивановича былъ извѣстенъ настолько, что Пушкинъ называлъ его въ письмахъ „просвѣщеннымъ цѣнителемъ поэтовъ“ *), говорилъ:

„Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны!...“

Гнѣдичъ пользовался большою дружбой баснописца Крылова, жилъ съ нимъ рядомъ, и служилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Публичной библіотекѣ, и похороненъ рядомъ съ нимъ въ Александровской лаврѣ. Умеръ Николай Ивановичъ 3-го февраля 1833 г., сорока девяти лѣтъ отъ роду, отъ разрыва одной изъ артерій горла, происшедшаго отъ сильнаго голосоваго напряженія при репетиціяхъ трагическихъ монологовъ; обработывая въ теченіи 18 лѣтъ роли съ артистами, онъ разстроилъ свою богатырскую грудь и горло. Единственнымъ спасеніемъ ему былъ югъ; но онъ остался на сѣверѣ,—и вотъ, въ результатѣ—преждевременная смерть.

Памятникъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры украшенъ барельефомъ Николая Ивановича и золотою надписью надъ нимъ: „Гнѣдичу, обогатившему русскую словесность переводомъ Омира.“ А внизу помѣтка: „отъ друзей и почитателей его таланта“ и, вмѣсто эпитафіи, стихъ изъ первой рапсодіи Иліады:

„Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ—сладчайшіе меда лилися...“

Въ старой Москвѣ.

Историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ,

Гр. Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XVI.

Рано утромъ, чуть не со свѣтомъ, поднялся сержантъ и, перейдя поляну, вернулся въ домъ Гурьевыхъ.

Пройдя прямо въ конюшню, онъ приказалъ себѣ сѣдлать лошадь и, съѣхавъ со двора, рысью пустился по сонным еще улицамъ Москвы. Но вмѣсто того, чтобы ѣхать въ центръ города, онъ повернулъ влѣво и, объѣхавъ берегъ Прѣсненскаго пруда, полемъ, а затѣмъ лѣсомъ, выѣхалъ на Петербургскую дорогу. Здѣсь, уже при восходѣ краснаго осенняго солнца, онъ двинулся прямо на подмосковное село Петровское, гдѣ остановилась государыня и ея приближенные.

Чрезъ часъ ѣзды сержантъ былъ уже около палатъ Разумовскаго и, отдавъ лошадь первому попавшемуся конюху, вошелъ на маленькое боковое крылечко, указанное ему однимъ солдатомъ.

Въ сѣняхъ и горницахъ все было еще тихо. Видно было, что обитатели палатъ не только еще не просыпались, но что до часа ихъ вставанья еще остается много времени.

Въ сѣняхъ сержантъ нашелъ двухъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ спалъ на ларѣ, а другой, сидя, потягивался и зѣвалъ, очевидно только что прійдя въ себя и какъ бы не рѣшаясь начать бодрствовать.

При появленіи сержанта, онъ не всталъ, ничего не спросилъ и даже, глядя на него заспанными глазами, повидимому и не собирался что либо спросить.

— Господинъ Орловъ въ какое время принимаетъ просителей? спросилъ сержантъ.

— Не знаю... Не сразу отвѣтилъ солдатъ, но изъ приличія, нехотя, поднялся на ноги.

— Вѣдь принимаетъ онъ всякій день...

— Кто?

— Ну, генеральсъ-адъютантъ! какъ то нехотя произнесъ Борщевъ это званье. Орлова, нешто не знаешь, Григорья Григорьевича.

— Какъ намъ ихъ не знать.

— Ну, когда же онъ принимаетъ просителей и всякого званія людей по дѣламъ службы?

— Это не наше дѣло... Вы спросите у Митрей Игнатьича.

— Кто такой это?

— Митрей то Игнатьичъ. А ихъ лакей. Только онъ врядъ встамши.

И солдатъ вдругъ сталъ будить спящаго товарища, толкая его въ бокъ.

— О-о-о! безсмысленно прооралъ тотъ, вскакивая и садясь на ларѣ.

— Чего дрыхнешь, чортъ. Вонъ баринъ спрашиваютъ Митрей Игнатьича.

Не сразу очухался второй солдатъ, но вполнѣ прійдя въ себя отъ вопросовъ Борщева, оказался понятливѣе товарища.

— Всякій день принимаютъ!.. Чего вамъ Митрія Игнатьича ждать! Онъ до десяти часовъ, инъ бываетъ, спитъ. Его дѣло княжеское, а не лакейское. Зачѣмъ онъ рано встанетъ. Вы пріѣзжайте въ полдень. Самый разъ будетъ. Тутъ изъ города завсегда всѣ въ полдень бываютъ у генерала Орлова.

Разузнавъ еще подробнѣе отъ проходившаго придворнаго лакея все, что было нужно, относительно часовъ пріема генеральсъ-адъютанта—сержантъ вышелъ и, сѣвъ на лошадь, двинулся назадъ.

При самомъ выѣздѣ онъ встрѣтилъ офицера, драгуна по мундиру, съ некрасивымъ лицемъ, который рысью подъѣхавъ къ тому же крылечку и отдавъ лошадь солдату, пошелъ къ большому крыльцу.

Борщевъ вернулся и направилъ лошадь прямо къ нему. Офицеръ обернулся и, поняв намѣреніе сержанта, остановился.

— Извините пожалуйста, не можете-ли вы мнѣ ска-

*) Письмо А. С. Пушкина къ Гнѣдичу, — отъ 29-го апрѣля 1822 года изъ Кишинева.

Библиотека "Руниверс"

зать, въ какое время я могу видѣть господина Орлова? спросилъ сержантъ.

— Я не здѣшній! Навѣрное не могу знать, но думаю что въ десять часовъ, отвѣчалъ драгунъ.

Нерусскій выговоръ офицера былъ такъ силенъ, что слово „думаю“ онъ произнесъ „думàю“, т. е. съ удареньемъ на предпослѣдній слогъ, а „десять“ вышло „десёнцъ“.

Борщевъ поблагодарилъ офицера, отъѣхалъ и подумалъ:

— Какое скверное лицо. Точно въ сказкѣ слыхалъ: носъ крючкомъ, губа торчкомъ, глаза по ложкѣ—не видятъ ни крошки...

Сержантъ, не входившій накапунѣ въ домъ Гурьевыхъ, не предполагалъ, что это именно гость, бывшій у нихъ вечеромъ.—капитанъ Побѣдзинскій.

А между тѣмъ знай сержантъ, что предъ нимъ этотъ гость Гурьевыхъ—это могло навести его мысли на довольно важное и основательное подозрѣніе.

Отъ подмосковнаго села сержантъ двинулся на всѣхъ рысяхъ въ городъ, не сворачивая, прямо по дорогѣ, т. е. на Тверскую заставу.

Миновавъ ее, онъ проѣхалъ всю Тверскую и свернувъ влѣво, вдоль высокихъ каменныхъ стѣнъ монастыря св. Георгія Побѣдоносца, проѣхалъ на Неглинную. Здѣсь, переѣхавъ деревянный мостъ, онъ сталъ подниматься къ Лубянской площади вдоль стѣны Китай-города, за которымъ блестѣли главы церквей и прямо на краю высились колокольни Заиконоспасскаго монастыря и Владимірской Божіей Матери.

Переѣхавъ широкую огромную площадь, цѣлый пустырь, отдѣлявшій стѣну Китай-города отъ городскихъ домовъ, сержантъ двинулся прямо къ палатамъ князя Лубянскаго.

При видѣ показавшагося дома, въ глубинѣ двора, сержантъ невольнымъ движеньемъ руки пріостановилъ лошадь и пытливо, съ страннымъ выраженіемъ въ лицѣ, началъ глядѣть на домъ князя Лубянскаго. Лицо это оживилось, глаза блеснули ярче и Борщевъ вдругъ вздохнулъ глубоко.

— Вотъ онъ! подумалъ онъ.

И онъ сталъ глядѣть молча на правую половину дома.

— Рано немного. Онъ теперь только всталъ, вслухъ выговорилъ наконецъ Борщевъ. Да вѣдь я не чужой. Мой долгъ явиться къ родственнику тотчасъ. А я уже третій день въ Москвѣ.

И сержантъ, оставивъ середи площади свою лошадь, не двигался. Онъ увѣрялъ себя, что пріѣхалъ слишкомъ рано, что теперь девяти часовъ пожалуй нѣтъ, но въ то же время отвѣчалъ самъ себѣ, что въ эту пору и долженъ быть съ первымъ посѣщеньемъ близкій родственникъ. Кромѣ того Борщевъ отлично чувствовалъ, какъ „что тамъ ни говори“, а у него еще не хватитъ духу повернуть лошадь назадъ и уѣхать во свояси, отложивъ свое посѣщенье до вечера или на завтра.

Онъ вздохнулъ, двинулъ лошадь и рысью въѣхалъ на обширный дворъ княжескихъ палатъ.

Тутъ было не то, что въ Петровскомъ, хотя отчасти уже и потому, что время было уже ближе къ полудню.

Въ домѣ князя все было на ногахъ, а у сарая кучера уже откладывали изъ коляски сильно взмыленныхъ лошадей.

Въ ту минуту, когда Борщевъ подъѣхалъ къ дому, изъ этого сарая бѣгомъ бросился къ нему черезъ дворъ черномазый и красивый малый въ русской красной рубахѣ.

— Батюшка Борисъ Ильичъ! заоралъ онъ еще на бѣгу.

Чрезъ мгновенье, прежде людей, вышедшихъ съ параднаго подъѣзда, онъ былъ уже около сержанта.

— Прохоръ... Ахметка... Здорово! весело сказалъ Борщевъ. Какъ здоровье дѣдушки.

— Слава Богу-съ... Слава Богу-съ... Какъ вы изволите?

— А сестрица какъ?... Княжна? выговорилъ съ другимъ оттѣнкомъ въ голосѣ сержантъ.

— Слава Богу-съ! Пожалуйте-съ! Слава Богу-съ! Сейчасъ доложимъ! Какъ ваше здоровье! Давно не навѣдывались къ намъ въ Москву!

Цѣлый кругъ дворни уже былъ около спѣшившагося сержанта и цѣлый хоръ голосовъ гудѣлъ около него. Трое подхватили лошадь, но Прохоръ отмахивался отъ нихъ какъ отъ мухъ.

— Поди прочь! Гдѣ вамъ! Я самъ и отвожу и корму задамъ! кричалъ онъ.

Остальные лѣзли къ Борщеву, цѣловали руки, цѣловали въ плечо, и наконецъ чуть не подхватили на руки, какъ ребенка, чтобы нести въ парадныя двери.

Помимо праздности и скуки, которая при появленіи рѣдкаго гостя—всегда заставляетъ людей оживиться,—въ отношеніяхъ дворни князя къ сержанту, ясно сказались ихъ общая любовь и неподдѣльная радость, при видѣ молодаго барина—внука князя.

Чрезъ минуту, въ горницу, гдѣ сидѣлъ князь за бумагами и счетами, бесѣдуя съ пріѣзжимъ изъ деревни бурмистромъ, вбѣжалъ лакей и доложилъ съ веселымъ лицомъ:

— Ваше сіятельство—Борисъ Ильичъ.

— Что? двинулся князь, отлично слышавшій и понявшій. Гдѣ? Здѣсь! Пріѣхалъ.

— Точно такъ! Идутъ сюда...

— Ну, убирайся. Не до тебя. Ввечеру зайди... выговорилъ князь быстро и махнулъ рукой на бурмистра. Подпявшись, онъ взялъ палку и, чуть-чуть прихрамывая на одну ногу, пошелъ на встрѣчу внуку.

Пройдя гостиную и залу, князь Артамонъ Алексѣичъ остановился. Онъ сталъ, опираясь на палку, въ ожиданіи внука. По оживленному, улыбающемуся лицу князя, видно было, на сколько пріятно ему появленіе этого внука, заранѣе ожиданнаго имъ по случаю коронаціи и прихода въ Москву всѣхъ полковъ гвардіи.

— Поглядимъ. Каковъ. Почитай безъ малаго годъ не видались. Шутка-ли. Похорошѣлъ небось.

Князь нетерпѣливо ждалъ появленія Борщева въ дверяхъ, и почти досадливо прислушивался къ голосамъ людей на лѣстницѣ. Идти далѣе залы на встрѣчу молодому родственнику не дозволялъ обычай. Иначе, князь, казалось, давно бы былъ уже на лѣстницѣ.

Борщевъ запаздывалъ, ибо люди окружили его и всякій находилъ что нибудь съ нимъ сдѣлать. Одинъ отчищалъ пыль съ сапоговъ, другой чистилъ вѣничкомъ сюртукъ и камзолъ, третій обмахивалъ пыль съ шляпы сержанта.

Наконецъ Борщевъ появился въ дверяхъ и быстро пошелъ къ дѣду на встрѣчу. Онъ былъ особенно взволнованъ, румяный, улыбающійся. Голосъ его даже дрогнулъ:

— Дѣдушка, долгомъ почелъ явиться къ вамъ! залепеталъ онъ смущаясь. Если позволите... А то прогоните... Воля ваша на все.

Князь принялъ молодаго человѣка въ объятья, ничего не говоря, три раза разцѣловался на обѣ щеки, и потомъ, отведя безцеремонно рукой отъ себя на шагъ, сталъ оглядывать съ ногъ до головы.

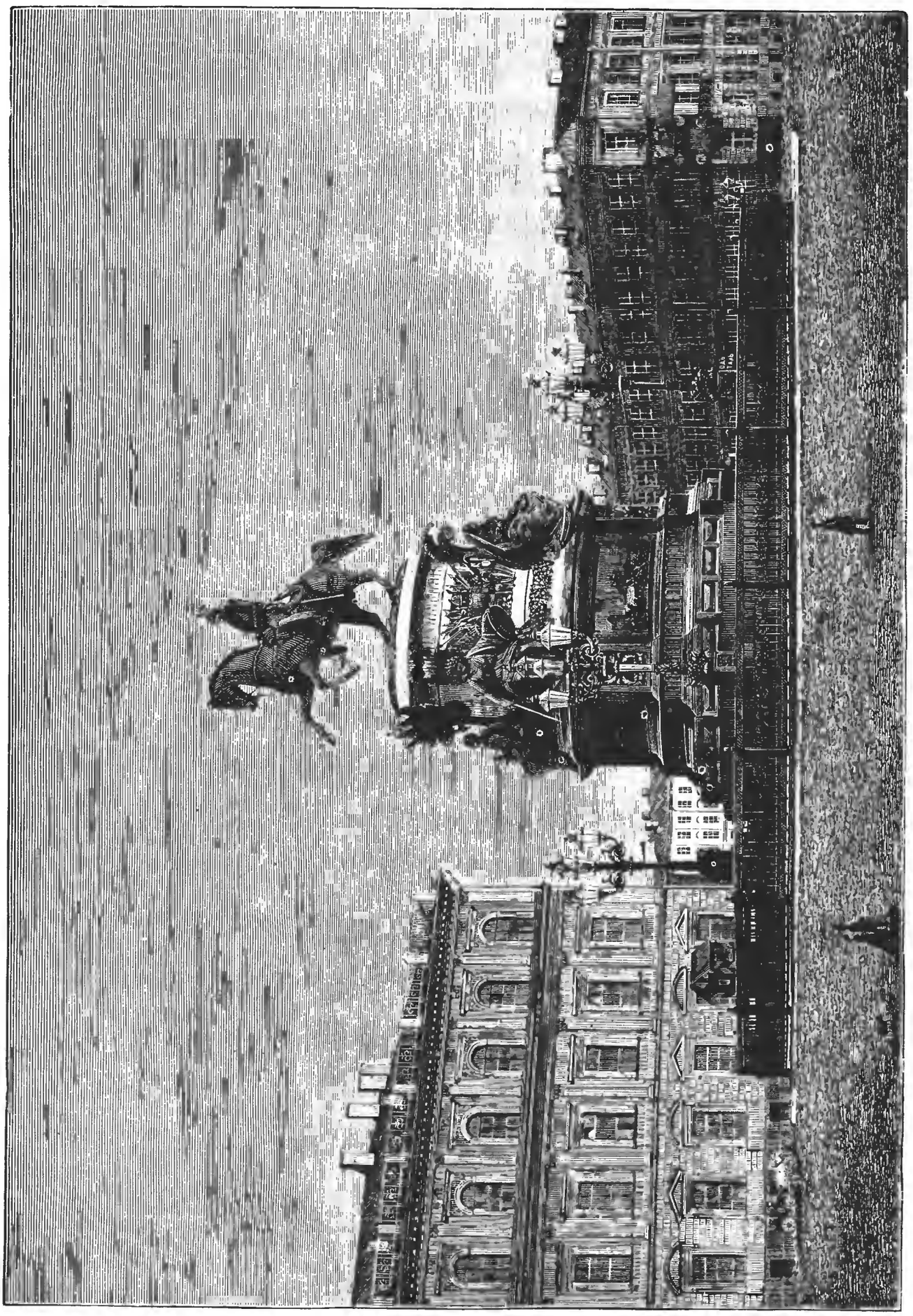
— Ничего. Молодецъ! холодно сказалъ Артамонъ Алексѣевичъ.

Выраженіе лица князя съ минуты появленія сержанта—было уже не то. Когда мундиръ Борщева мелькнулъ за пріотворенной дверью, выраженіе неподдѣльной радости на лицѣ князя смѣнилось на холодно учтивое выраженіе, отчасти строгое.

— Я очень радъ пріѣзду, но все остается по старому. Новаго ничего нѣтъ и быть не можетъ!

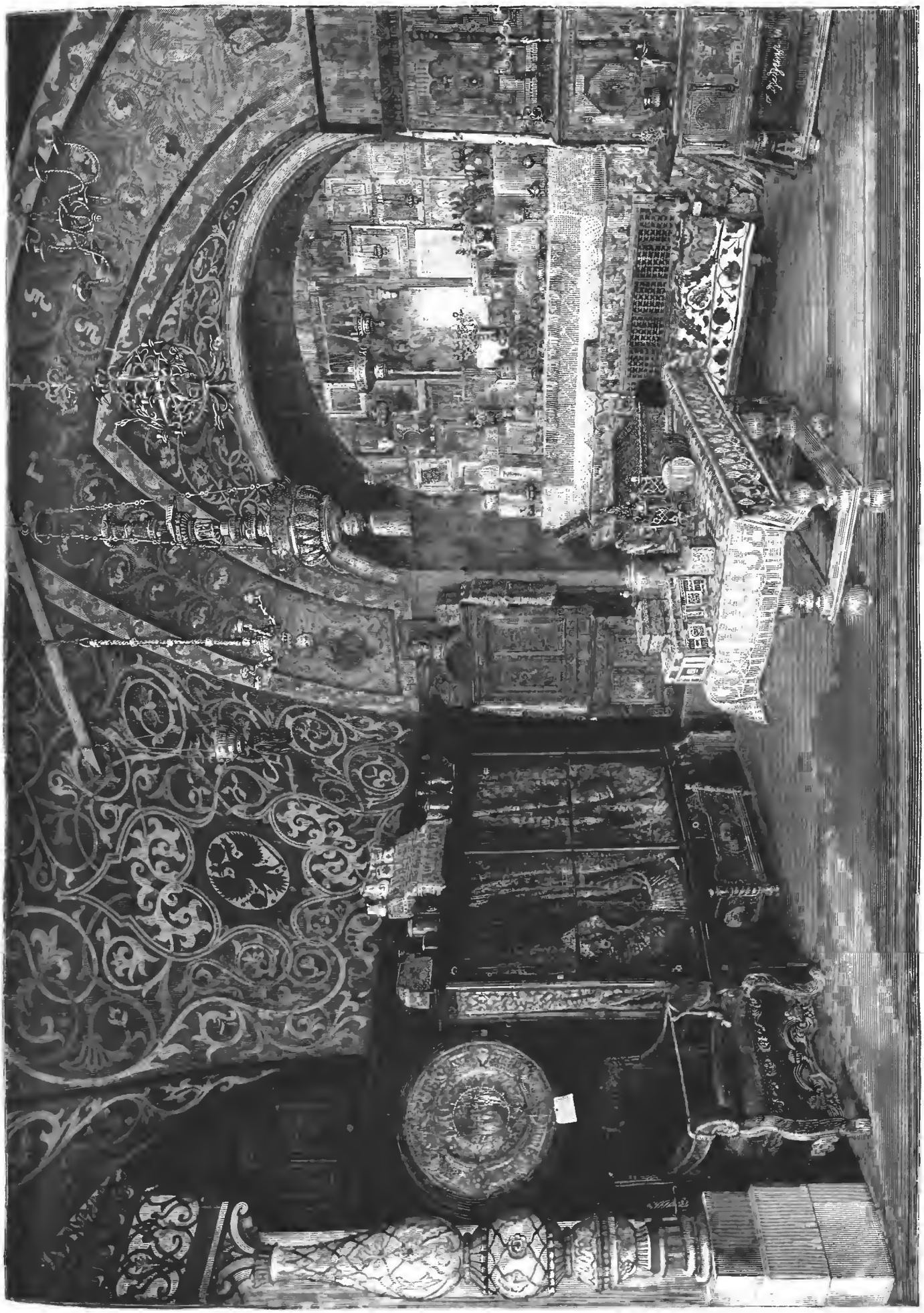
Вотъ что могъ читать ясно на лицѣ дѣда сержантъ, когда тотъ, взявъ его подъ руку—повелъ къ себѣ. Другаго онъ, впрочемъ, ничего не ожидалъ и не выраженіе это смутило Борщева.

Библиотека "Руниверс"



Виды и памятники С.-Петербурга. Памятникъ Императору Николаю I. Съ фотогр. Беттингера, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Музей Императ. Общества Поощренія Художниковъ. Русское отдѣленіе. Съ фотогр. Витвякова, грав. П. Дзедзицъ.

Библиотека "Руниверс"

Онъ былъ радъ и счастливъ, что дѣдъ все таки встрѣтилъ его передъ лѣстницей, не попросилъ удалиться, а ведетъ къ себѣ въ кабинетъ.

Князь ввелъ молодаго человѣка къ себѣ, усадилъ и все оглядывая съ холоднымъ выраженіемъ лица, наконецъ заговорилъ, не столько строго, сколько равнодушно. Но это равнодушіе и эта холодность иногда исчезали. Будто срывалось это выраженіе съ лица князя и съ оттѣнка его голоса. Будто игралъ князь и къ тому же неудачно. Но если онъ самъ замѣчалъ, что холодность и „строгость" срываются, то сержантъ не замѣчалъ этого. Вѣдь онъ не могъ знать, какое лицо было у князя, когда ему доложили о пріѣздѣ внука и когда онъ, въ ожиданіи его, стоялъ у дверей залы.

— Ну что дѣлалъ зиму цѣлую! Сказывай. Говори. Когда будешь офицеромъ?

— Надѣюсь теперь на коронацію, будетъ производство.

— Ну отлично. Пора. Пора. Мнѣ не похлопотать ли. А то обойдутъ, забудутъ!

— Если милость ваша будетъ, дѣдушка.

— Ну. Какъ зимой? Кутилъ?

— Не очень, дѣдушка.

— Не лги. Пилъ? Игралъ?

— Ей Богу... Даже по правдѣ сказать, вовсе не кутилъ. Ничего такого не...

— Ну да, толкуй!.. Знаемъ мы, какъ вы, гвардейцы, не кутите. У васъ и отъ „ничего" сосѣдямъ не въ моготу, а отъ „чего" и чертямъ въ аду тошно.

— Какъ предъ Богомъ, всю зиму на себя всѣхъ товарищей обозлилъ, за то, что ни на какую ихъ затѣю не поддавался.

— А шведки?

— Ни одной не видалъ за всю зиму! такимъ искреннимъ голосомъ быстро воскликнулъ сержантъ, что сомнѣваться въ правдѣ было невозможно.

— Напрасно! выговорилъ князь особенно строго, и вдругъ отвернувшись отъ молодаго человѣка, сталъ къ нему спиной и началъ искать что-то на столѣ.

Сержантъ промолчалъ.

— Напрасно, внучекъ... заговорилъ князь, отчетливо произнося каждое слово и низко нагибаясь надъ своимъ столомъ, какъ бы усердно разыскивая что-то. Если не возишься въ твои годы съ разными веселыми людьми или съ дѣвицами, хотя бы съ этими дьяволами-шведками, которыя вашего брата гвардейца въ долги вводятъ, то стало быть блажь въ головѣ... Блажь!.. А за годъ можно бы эту блажь изъ головы выбросить... И ко мнѣ не надо было съ этими вѣстями пріѣзжать... Я полагалъ, ты образумленъ!

Сержантъ молчалъ и, опустивъ голову, неподвижно сидѣлъ въ своемъ креслѣ, разглядывая узоръ на паркетѣ. Чрезъ минуту князь сѣлъ около внука и сталъ разспрашивать объ Петербургѣ, объ службѣ. Разговоръ былъ умышленно обыденный, пустой... Это первое свиданіе и слова дѣда, недовольнаго, что молодой офицеръ не кутитъ въ Петербургѣ, были бы загадкой для всякаго. Но князь и сержантъ отлично знали, что оба понимаютъ другъ друга. Князь объяснилъ въ нѣсколькихъ словахъ по поводу „шведокъ" все, что нужно было тотчасъ дать понять внуку, а сержантъ своимъ пылкимъ заявленіемъ о своемъ поведеніи, а затѣмъ своимъ упорнымъ молчаніемъ и какъ бы несогласіемъ съ дѣдомъ, сказалъ еще болѣе.

Бесѣдуя съ дѣдомъ, сержантъ все ждалъ съ замираньемъ сердца, чѣмъ кончится эта бесѣда.—Когда же?! говорило его лице. Наконецъ князь кончилъ словами.

— Ну, мнѣ надо выѣхать по дѣлу... Прости. Пріѣзжай завтра къ столу, а то и съ утра. Съ Анютой повидаешься! Твоя сестрица, т. е. надо сказывать „тетушка"—постарѣла. Ну, Богъ съ тобой, до свиданія, до завтрева.

Сержантъ простился съ дѣдомъ и снова нѣсколько взволнованный этимъ „до завтрева", быстро двинулся къ швейцарской.

XVII.

Тому назадъ ровно десять лѣтъ, помѣщики Борщевы пріѣхали на зиму въ Москву: просто пожить нѣсколько времени ради развлеченья. Борису было тогда 13 лѣтъ, а маленькой сестрѣ его, Агашѣ, всего семь лѣтъ. Мальчика тотчасъ же, пользуясь пребываніемъ въ Москвѣ, начали учить читать и писать, ариѳметикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ родители постарались, чтобы онъ нѣсколько оправился, „пріобыкъ къ людскости и свѣтскости", такъ какъ мальчикъ, родясь и живя безвыѣздно въ деревнѣ, былъ конечно совсѣмъ деревенскій парень, глядѣлъ букой и не умѣлъ „ни стать, ни сѣсть, ни слова молвить по людски".

Борисъ въ одну зиму въ Москвѣ изрядно и красиво выучился писать, читалъ плохо, за то хорошо сталъ играть на гитарѣ, выучилъ какой-то танецъ у нѣмца, который могъ на показъ гостямъ протанцовать. А „людскость и свѣтскость" даже быстро дались ему.

Весной, когда родители собрались опять въ деревню, мальчикъ горько плакалъ.

У востроглазаго Борьки, какъ его всѣ звали, завелись въ Москвѣ свои знакомые, даже друзья, и всѣхъ возрастовъ. Гдѣ отецъ съ матерью бывали рѣдко, Борьку звали постоянно. И ради его гитары и нѣсколькихъ пѣсенъ, которыя онъ могъ изрядно спѣть, и просто ради того, что Борька былъ молодецъ на всѣ руки, если дѣло дойдетъ до игры въ горѣлки, жмурки и т. д.

Болѣе и чаще всего бывалъ Борька у своего роднаго дѣда, князя Лубянскаго, гдѣ у него была веселая тетушка, которой было около десяти лѣтъ и которую мальчикъ скоро сильно и горячо полюбилъ. Борщевы нанимали домъ на Моросейкѣ, недалеко отъ дома князя, и видались почти ежедневно. Особой дружбы и близости между княземъ и племянницей Борщевой съ ея мужемъ не возникло. Князь былъ слишкомъ замкнутый человѣкъ, чтобы за одну зиму сблизиться съ семьей, хотя родственной, но которую видѣлъ до тѣхъ поръ всего одинъ разъ. Покойную же сестру свою князь едва помнилъ, такъ какъ она вышла замужъ и уѣхала въ провинцію, когда князь былъ еще почти ребенкомъ.

Однако внука Борьку князь Артамонъ Алексѣичъ, видая чаще, успѣлъ полюбить. Мальчуганъ не мало потѣшалъ его всячески, а главное, что привязало князя къ нему—было чувство мальчика къ Анютѣ. При нѣсколькихъ случаяхъ за зиму Борька показалъ, что его чувство къ десятилѣтней тетушкѣ доходило почти до обожанія.

Однажды, когда Анюта была больна въ продолженіи двухъ недѣль, то Борисъ не отходилъ отъ ея кровати, почти не ѣлъ и не спалъ. Когда Анюта выздоровѣла, мальчикъ заболѣлъ отъ истощенья и безсонныхъ ночей.

Однако дѣвочка отвѣчала на эту любовь довольно обыкновеннымъ чувствомъ. Она, казалось, могла легко и обойтись безъ своего племянника. Во всякомъ случаѣ она вдесятеро болѣе обожала свою Солёнушку, а затѣмъ отца.

Впрочемъ, когда Борщевы уѣхали изъ Москвы, то маленькая княжна не разъ поскучала по Борѣ, но скоро забыла совсѣмъ. Да и всѣ забыли другъ друга. Князь забылъ и думать объ племянницѣ и ея сынѣ, а Борщевы, изрѣдка посылая нарочныхъ въ Москву, приказывали на словахъ отвезти дядюшкѣ-князю нижайшій поклонъ и пожеланіе здравствовать на многія лѣта.

На 16-мъ году Борисъ былъ отправленъ, въ исполненіе закона, въ Петербургъ, въ Измайловскій полкъ. Всякій недоросль изъ дворянъ обязывался въ эти года явиться на службу. Дворянство начинало тяготиться этимъ закономъ, такъ какъ оно было сопряжено съ денежными тратами, которыхъ не всякій дворянинъ сред-

Библиотека "Руниверс"

ней руки могъ взять на себя. У кого было трое, четверо сыновей—оно становилось уже совсѣмъ не подъ силу. Однако законъ строго исполнялся, такъ какъ за этимъ наблюдало ближайшее воеводское начальство.

Борисъ, еще въ бытность совю въ Москвѣ, былъ „явленъ“ начальству на испытанье въ грамотѣ и затѣмъ записанъ въ Герольдіи. Теперь, въ 16-ть лѣтъ, былъ крайній срокъ поступленія въ гвардію.

Борисъ снова явился въ Москву и снова къ дѣду... Снова онъ увидѣлъ свою тетушку, которой было уже 13-ть лѣтъ, и чрезъ недѣлю они снова были друзья, какъ когда-то. Только на этотъ разъ и Анюта относилась къ Борису нѣсколько менѣе хладнокровно. Князь по-прежнему ласково встрѣтилъ внука и даже потребовалъ, чтобы юноша остановился у него.

И Борисъ, вмѣсто недѣли, предполагавшейся въ Москвѣ, пробылъ три мѣсяца. Еслибы не бумага изъ полка, по которой у дворянки Борщевой, подъ страхомъ строжайшаго наказанія, требовали сына въ полкъ, то, быть можетъ Борисъ бы и не доѣхалъ никогда до Петербурга. Мать его была такъ перепугана бумагой, что, переславъ ее къ дядѣ, „Христомъ и Богомъ умоляла скорѣе спровадить сынка въ Петербургъ“.

И вотъ опять повидались ненадолго 16-ти-лѣтній племянникъ съ 13-ти-лѣтней тетушкой и опять сошлись, и опять пришлось разставаться надолго. На этотъ разъ княжна начала плакать за три дня по „любомъ Борѣ“, а дѣдъ далъ юношѣ для обзаведенія въ полку 500 червонцевъ. При этомъ князь строго наказалъ внуку, въ случаѣ какой бѣды или просто нужды, отписать все ему прямо, откровенно.

— У матери твоей достатокъ не великъ! У меня, слава Богу, кой-что есть. Буде какая нужда, отпиши. Что можно, сдѣлаю всегда.

— Давай объ себѣ вѣсточки, Боря! просила и Анюта.

И полудѣти снова разстались съ горькими слезами. Князя тоже слеза прошибла. А дворня князя, собирая внучка своего барина въ военную службу въ рядовые—проводила его такъ, какъ провожаютъ покойниковъ. Всѣ выли, а бабы и причитали даже...

Въ Петербургѣ Борщевъ, какъ явился въ полкъ, такъ тотчасъ же былъ одѣтъ рядовымъ и тотчасъ же посаженъ на чердакъ, съ караваемъ чернаго хлѣба пополамъ съ пескомъ и съ глинянымъ горшкомъ, гдѣ была вода.

Это было воздаяніе за его пребываніе въ Москвѣ и неявку къ сроку.

Юноша сидѣлъ недѣлю и не мало слезъ пролилъ и на черный хлѣбъ, и въ глиняный горшокъ. Однако за эти дни одинъ солдатъ-измайловецъ былъ у юноши нѣсколько разъ, перемѣнилъ воду, принесъ болѣе свѣжаго хлѣба и прибавилъ потихоньку нѣсколько огурцовъ. Солдатъ утѣшалъ Бориса по своему:

— Ничего, барчукъ, посиди. Выслужишься въ маіоры, самъ другихъ изъ своей роты сажать будешь.

Но эта возможность въ будущемъ, т. е. лѣтъ чрезъ двадцать службы, сажать другихъ тоже подъ арестъ на хлѣбъ и на воду, мало утѣшала Бориса.

Служба сначала, разумѣется, показалась избалованному дома мальчику—каторгой. Онъ писалъ матери, что собирается умирать и непремѣнно черезъ мѣсяцъ, много черезъ полтора, умретъ. Борщева, получая такія вѣсти, горько плакала, сидя въ деревнѣ; ей помогали и дворовые. Но помочь горю, т. е. спасти сына отъ смерти, было невозможно.

— Обойдется! говорили однако сосѣди.

И дѣйствительно, юноша „обошелся“ въ полку, какъ новый сапогъ на ногѣ, и даже довольно скоро.

Черезъ полгода Борисъ писалъ уже, что онъ, слава Богу, чего и матушкѣ желаетъ.

Шесть лѣтъ прошли не скоро. А сколько воды утекло за это время—и сказать нельзя.

Если домъ князя былъ все на томъ же мѣстѣ, то все таки сталъ немного сѣрѣе, штукатурка больше обвалилась. У князя прибавилось много лишнихъ морщинъ... а княжна Анюта изъ дѣвочки стала не только дѣвицей, а дѣвицей на возрастѣ. Будь она не богата—сказали бы злые языки, что она старая дѣвица и „въ дѣвкахъ засидится“. Но при состояньи князя и уже послѣ многихъ случаевъ спроваженныхъ со двора сватовъ и свахъ—этого нельзя было и подумать. Злые языки только упрекали Артамона Алексѣича, что онъ зря упрямится, выжидая для дочери какого нибудь Бову Королевича или Свейскаго принца. Княжну упрекали, что она больно разборчива на жениховъ и не въ мѣру спѣсива. Дѣло было проще.

Князю жалко было разстаться съ дочерью, т. е. не разлучиться въ простомъ смыслѣ слова, а въ нравственномъ. Анюта его, выйдя замужъ, конечно осталась бы въ этомъ же домѣ, какъ единственная наслѣдница всего; но у ней явилась бы своя семья, и отецъ станетъ для нея уже не то, что былъ прежде.

Жизнь князя и княжны шла буднично, тихо и мирно, изо-дня-въ-день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Изрѣдка поднимался вопросъ о замужествѣ, въ особенности въ виду какого нибудь новаго сватовства и новаго жениха. Но бесѣда отца съ дочерью всегда кончалась тѣмъ же рѣшеніемъ княжны:

— Батюшка! Что я за него пойду? Зачѣмъ? Я и безъ него прожить могу. По мнѣ замужъ за того иди, безъ кого жить тошно на свѣтѣ.

— Вѣрно, дочушка. Вѣрно! восклицалъ князь. Твои слова достойны всякаго мудреца. Ихъ въ книгѣ пропечатать бы можно на поученье всѣмъ. Истинно. Женися молодецъ и иди дѣвица замужъ, сочетайся люди бракомъ только съ тѣми, безъ кого на свѣтѣ тошно.

Въ эту заурядную, будничную и сѣрую жизнь князя Лубянскаго, не смотря на его большое состоянье, и въ жизнь скучную и унылую, но полную грёзъ и мечтаній княжны Лубянской, которымъ не соотвѣтствовала и не давала ничего дѣйствительность,—вдругъ будто блеснулъ ярко лучъ свѣта или сверкнула молнія.

Княжна вдругъ встрепенулась и ожила, настолько перемѣнилась, что чувствовала себя будто другой.

Князь тоже оживился.

Это случилось около года тому назадъ.

XVIII.

Въ семью князя явился человѣкъ не то чужой, не то близкій, не то въ первый разъ, новый и незнакомый, не то родной и давно любимый. Явился въ Москвѣ, проѣздомъ къ матери, съ которой уже давно не видался—сержантъ Борисъ Борщевъ.

Но онъ уже былъ далеко не тотъ юноша, котораго провожали шесть лѣтъ назадъ на службу и оплакивали какъ мертваго. Борисъ, хотя еще не офицеръ, а только сержантъ гвардіи, — былъ однако для Москвы и для княжны нѣчто особенное, чего она еще въ Москвѣ не встрѣчала, т. е. ловкій, умный, много видѣвшій и испытавшій гвардеецъ. Молодые люди ея круга знакомыхъ, которыхъ ей прочили въ женихи, были всякаго рода. Были недоросли изъ дворянъ, отбоярившіеся протекціей и деньгами отъ службы, были и „рябчики“, служащіе въ сенатѣ, были и помѣщики 30 и 35-лѣтніе, никогда не служивіе въ военной службѣ, такъ какъ законъ объ явкѣ юношей явился при императрицѣ Елизаветѣ, когда имъ было уже далеко за двадцать лѣтъ. Сватались за княжну и гвардейцы изъ Питера, въ отпуску или въ отставкѣ, но всѣ они были не тѣмъ, чѣмъ оказался этотъ племянникъ, съ которымъ они теперь сравнялись годами. 19-ти-лѣтняя дѣвица конечно была старше 22-хъ-лѣтняго сержанта. Въ ея года всякая дѣвица бывала уже матерью. Въ его года жениться считалось рано.

Борисъ, явившійся къ дѣду, былъ принятъ радушно.

Библиотека "Руниверс"

Было о чемъ вспомнить всѣмъ троимъ, и объ шалостяхъ мальчика, объ его любви къ гитарѣ, объ его дѣтской, любви и ссорахъ съ Анютой. Можно было вспомнить, какъ его провожали въ солдаты и оплакивали дворовые, какъ онъ въ письмахъ къ матери умирать собирался.

Но роли теперь перемѣнились. Княжна, на первыхъ-же порахъ какъ-то иначе взглянула на сержанта. Она стала его звать „братцемъ", потому что звать „Борей", было какъ-то неловко, а звать тѣмъ, чѣмъ онъ ей придился, т. е. „племянникомъ", было смѣшно при ихъ почти одинакихъ годахъ. Анюта съ перваго же свиданія ощутила въ себѣ внезапно новое для нея чувство къ этому молодому, красивому, ловкому и смѣлому гвардейцу. Онъ настолько измѣнился, что въ немъ не осталось и тѣни чего либо отъ прошлаго юноши Бориса. Онъ былъ чужой человѣкъ! А между тѣмъ родственныя отношенія вели къ тому, что онъ могъ поселиться у нихъ въ домѣ, тѣмъ болѣе, что собираясь къ матери въ деревню, могъ пробыть въ Москвѣ не болѣе недѣли.

Даже съ перваго мгновенія встрѣчи княжны съ другомъ дѣтства—зародилось что-то въ душѣ дѣвушки.

Когда въ гостиной отца вдругъ, въ первый разъ пришлось ей увидѣть чужаго человѣка—сержанта и однако тутъ-же необходимо надо было съ этимъ „чужимъ" обняться и расцѣловаться за просто—княжна какъ опаленная просидѣла нѣсколько минутъ смущаясь и краснѣя. Затѣмъ, при первой возможности, она убѣжала къ себѣ и бросилась на шею къ Соленушкѣ, вся дрожащая.

— Что ты, дитятко, что случилось? удивилась мамка. Обрадовалась Борюшкѣ?

— Поди, погляди... воскликнула княжна какъ бы отъ негодованія на глупость няни. Погляди, какой это Борюшка!?

— Да я его видѣла, соколика. Похорошѣлъ, пополнѣлъ.

Княжна хотѣла что-то разсказать, что-то объяснить мамкѣ, подробно, искренно... За этимъ она, казалось, и прибѣжала къ ней, за этимъ и на шею къ ней бросилась!... Но ничего, ни полслова не сказала она.

Ей захотѣлось вдругъ, чтобы все это осталось у нея на душѣ и чтобы никто ничего не зналъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ прибытія Бориса въ домъ дѣда, княжна конечно уже менѣе смущалась въ присутствіи своего „братца", но съ каждымъ часомъ и днемъ все болѣе думала о немъ и все менѣе говорила о немъ съ отцомъ и съ Соленушкой.

Борисъ сначала не обратилъ почти никакого вниманія на „сестрицу". Прежняя дѣтская его страсть къ ней давно была уже забыта. Онъ замѣтилъ сразу, что она красавица-дѣвушка, что такихъ какъ она и въ Питерѣ немного. Но почувствовать тотчасъ что-либо къ этой черноокой дѣвушкѣ, умной и граціозной, пылкой во всемъ, что она дѣлала и что говорила,—ему и на умъ не шло. Она показалась ему даже сильно избалованной всѣми, прихотницей... И долго, не смотря на то „что-то особенное" къ нему въ дѣвушкѣ, княжна продолжала быть для Бориса именно сестрой по годамъ и тетушкой по родству. Но это „что-то", которое онъ замѣчалъ въ ней къ себѣ и наивно не понималъ, наконецъ близость отношеній, простыхъ, ежедневныхъ, родственныхъ,—взяли свое.

Борисъ началъ откладывать свой отъѣздъ...

Всякій день собирался онъ ѣхать далѣе, къ матери, и всякій день что-нибудь останавливало его. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, и огонь, который горѣлъ въ южной крови княжны сверкалъ въ ея чудныхъ глазахъ, игралъ румянцемъ на матовомъ лицѣ, сказывался во всякомъ порывистомъ движеньи, во всякомъ словѣ, обращенномъ къ „братцу"—наконецъ заронилъ искру въ сердце молодаго человѣка.

Не смотря на петербургскую распущенную жизнь или именно благодаря этой жизни, въ которой истинному и святому чувству не было возможности зародиться,—Борисъ теперь въ первый разъ понялъ, что его мимолетныя петербургскія привязанности къ женщинамъ, были не тѣмъ, на что способно его сердце. Едва, теперь, эта искра серьезнаго чувства попала въ его сердце — какъ случился съ нимъ цѣлый переворотъ относительно всего и всѣхъ. Все будто померкло кругомъ или исчезло изъ его глазъ и разума—осталась одна Анюта, на которой сосредоточилось все, всякій помыселъ, всякій ударъ сердца.

Князь все видѣлъ, почти все зналъ или догадывался, и былъ доволенъ, даже счастливъ, хотя дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ и не понимаетъ ничего. Онъ будто забылъ даже, что внукъ остановился въ домѣ, проѣздомъ, на недѣлю, а живетъ около двухъ мѣсяцевъ.

Въ городѣ уже стали ходить толки о свадьбѣ сержанта на княжнѣ. Знакомые спорили о томъ, дозволяетъ ли церковь бракъ въ такой степени родства. Многія барыни, въ особенности сватавшія княжнѣ своихъ сыновей, находили, что подобный бракъ, и у турокъ, и у китайцевъ, не допускается, какъ самый тяжкій грѣхъ и противузаконіе, за которое надо въ каторгу ссылать.

Однажды вдругъ съ княземъ случилось нѣчто особенное, ужасное!... Но что именно?—Осталось до сихъ поръ загадкой!...

Князь вдругъ призвалъ внука къ себѣ и, взволнованный, спросилъ у него: какъ любитъ онъ Анюту? Какъ братъ сестру долженъ любить, или какъ женихъ невѣсту?

— Я ее въ жены хочу! Если вы благословите! былъ отвѣтъ.

— Этого никогда не будетъ, потому что это невозможно! выговорилъ князь. Я ошибся. Вы меня обманули... Я думалъ, что вы какъ и прежде любитесь по дѣтски.

И князь потребовалъ у пораженнаго какъ громомъ Бориса, чтобы онъ тотчасъ покинулъ его домъ и ѣхалъ къ матери.

Борисъ вышелъ и тотчасъ собрался. Онъ былъ въ такомъ состояніи, что потомъ, вспоминая прошлое, не могъ отдать себѣ яснаго отчета обо всемъ, что онъ тогда думалъ, дѣлалъ и говорилъ.

Онъ выѣхалъ изъ дому князя, но не къ матери, а назадъ въ Петербургъ.

Онъ былъ увѣренъ тогда, что на полдорогѣ повѣсится или утопится. Одно онъ ясно понималъ,—фигуру и лицо Анюты при прощаньи.

Княжна,—блѣдная какъ смерть, пришла въ залу. гдѣ онъ, окруженный дворовыми, прощался со всѣми. Глаза ея остановились на немъ, страшные, горящіе, но безсмысленные... Они будто узнали что-то, чего не поняли, и это непонятное свѣтится въ нихъ страшнымъ свѣтомъ. Анюта обняла было Бориса, но тотчасъ опрокинулась и повисла въ его рукахъ—какъ мертвая. Княжну холодную, безъ памяти, вынесли дѣвушки и уложили тотчасъ въ постель.

И покуда Борисъ, ничего не видя и не понимая, выѣзжалъ изъ Москвы по Тверской дорогѣ, княжну нѣсколько часовъ приводили въ чувство.

Когда Анюта очнулась, то оглядѣвшись, вспомнивъ и все понявъ, она застонала безъ слезъ въ глазахъ. Князь, сидѣвшій около ея постели безотлучно, бросился къ дочери и, горячо цѣлуя ее, сталъ шептать:

— Анюта... Годикъ, полгодика подождемъ. Увидимъ... Можетъ быть все устроится.

Но княжна поняла, что это только слова утѣшенья, стало быть—одинъ обманъ.

Съ тѣхъ поръ прошло около года. Время понемногу взяло свое. Княжна, проболѣвъ нравственно и физически около мѣсяца, стала понемногу спокойнѣе, наконецъ совсѣмъ оправилась. Черезъ три мѣсяца разлуки, она была повидимому совершенно спокойна. Однако, понемногу,

Библиотека "Руниверс"

У фонтана. Съ картины И. Беннера, грав. Кемплеръ.

Библиотека "Руниверс"

незамѣтно, она пріучила отца къ тому, чтобы никогда ни единымъ словомъ не поминать о прошломъ, даже не называть Бориса, даже не говорить объ его матери и сестрѣ.

Посторонніе не заговаривали съ ней объ Борщевѣ, ради щекотливости предмета. Всѣмъ въ Москвѣ было извѣстно все случившееся въ домѣ князя, т. е. его внезапное объясненіе съ внукомъ и немедленный отъѣздъ сержанта въ Петербургъ.

Многіе думали, что сердечная вспышка прошла и княжна образумилась. Но, однажды, когда выискался новый женихъ и новые сваты, и князь передалъ дочери объ предложеніи — княжна изумилась, потомъ засмѣялась злобнымъ смѣхомъ и вдругъ тотчасъ же зарыдала. И все скрываемое долго, накопившееся на сердцѣ, опять всплыло наружу, и дочь стала упрекать отца первый разъ въ жизни:

— Если вы не хотите этого, если это грѣхъ и невозможно, зачѣмъ же вы допустили его жить у насъ? Развѣ вы могли ничего не видѣть? не замѣтить? Что-же теперь? Теперь мнѣ, кромѣ монастыря и кельи, нечего желать и нечего ждать.

— По моему грѣха тутъ нѣтъ, дочушка, отвѣтилъ князь. За границей иновѣрцы допускаютъ бракосочетаться даже двоюроднымъ брату съ сестрой. Но я не могу тебѣ дать моего согласія.

— Отчего?

— Не могу! стоялъ князь на своемъ, не объясняясь.

— Если нельзя по нашей вѣрѣ, я хоть въ другую вѣру перейду. Я хоть въ бабушкину вѣру готова идти! горячо сказала Анюта.

— Господь съ тобою. Въ турецкую?!

— Я не такъ сужу батюшка! вскрикнула Анюта. Развѣ мои предки крымскіе—были не люди.

— Ну, бросимъ эту бесѣду. Помни только, что благословить тебя на этотъ бракъ—я бы благословилъ. По мнѣ нѣту тутъ грѣха. Но согласья своего я дать не могу и никогда не дамъ.

— Мнѣ отъ этого не легче.

— Ну, а иначе ничего я тебѣ сказать не могу.

На этомъ окончилась послѣдняя и единственная бесѣда отца съ дочерью объ Борисѣ.

И вотъ теперь, чрезъ девять мѣсяцевъ, Борисъ снова былъ въ Москвѣ. Ни княжна, ни онъ ни на одно мгновенье не измѣнили другъ другу за время разлуки.

(До слѣд. №).

И. С. Тургеневъ у себя,

въ его послѣдній пріѣздъ на родину.

Изъ воспоминаній

Я. П. Полонскаго.

(Продолженіе).

XXI.

Дня черезъ два или три, началась новая сказка... что еще разъ доказывало, до какой степени фантазія Тургенева была еще свѣжа и неистощима.

Сказка эта, послѣ попюшки табаку, (Ив. Серг. не разставался съ табакеркой), разсказывалась какъ-бы по главамъ: сегодня одна глава, завтра другая и—въ разное время—иногда послѣ обѣда, когда подавали кофе, иногда вечеромъ.

Напишу только то, что я слышалъ своими ушами и разумѣется безъ всякихъ промежутковъ во времени. Замѣчу только, что послѣдняя слышанная мною сцена уже разсказывалась при графѣ Львѣ Никол. Толстомъ и очень его смѣшила.

Вотъ эта сказка въ сокращенномъ видѣ и безъ конца:

Самознайка.

I.

Жили-были два мальчика—два брата. Одинъ изъ нихъ былъ самоувѣренъ и неразсудителенъ, другой—разсудительно-мнителенъ. Перваго изъ нихъ звали Самознайкой, такъ какъ онъ ни надъ чѣмъ не задумывался и постоянно восклицалъ: О! это я знаю... это я знаю! Другаго мы будемъ называть просто—Разсудительный. Это-же были не настоящія ихъ имена, а прозвища. Въ окрестностяхъ, гдѣ жили мальчики, былъ старый, густой и заброшенный садъ, и сказали имъ, что въ этомъ саду есть пещера, и что тотъ, кто найдетъ ее и проникнетъ, получитъ кладъ; но чтобъ войти въ нее, надо произнести два слова и чтобъ каждое слово состояло изъ трехъ слоговъ.

Самознайка и говоритъ брату: Пещера!? Какая пещера!? О, я знаю, я ее видѣлъ, я сейчасъ-же пойду и найду ее.

Пошелъ. Долго искалъ, страшно усталъ и ничего не нашелъ.

Разсудительный, напротивъ, сталъ мало-по-малу разспрашивать старыхъ людей, и одинъ дряхлый, очень дряхлый садовникъ указалъ ему спрятанную въ зелени голубую дверку:

— Вотъ тутъ пещера, сказалъ онъ.

— Ну такъ и есть, я зналъ, что голубая дверка—замѣтилъ Самознайка, когда братъ разсказалъ ему о своемъ открытіи.

— Я это зналъ, я мимо нея проходилъ... и тотчасъ-же пойду, скажу два слова и войду въ нее.

Побѣжалъ, наговорилъ кучу трехсложныхъ по парѣ словъ, но дверка не отворилась.

Вслѣдъ за нимъ пошелъ Разсудительный и сказалъ: пе-ще-ра от-во-рись!

И она отворилась. И вошелъ онъ въ сумрачный гротъ, и видитъ: въ гротѣ сидитъ зеленая женщина или фея. Очень удивился.

Зеленая фея приняла его недружелюбно; онъ ясно видѣлъ, что она на него зла и что ей досадно.

— Ну хорошо, сказала она, я отдамъ тебѣ кладъ, только съ уговоромъ—возьми съѣшь это зеленое яблоко, я хочу тебя имъ угостить.

Разсудительный подумалъ, подумалъ и не взялъ этого яблока. Вѣдь она, разсуждалъ онъ, меня приняла недружелюбно, изъ какихъ же благъ она станетъ угощать меня.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, я лучше приду въ другое время. Не взялъ у нея яблока и ушелъ. Разсказалъ объ этомъ брату.

— Ахъ, какой-же ты, какъ тебѣ не стыдно! сталъ стыдить его братъ—феи всегда угощаютъ яблоками, я это слышалъ... я это знаю.

И тотчасъ-же побѣжалъ въ пещеру.

— Пещера, отворись!

Пещера отворилась. Самознайка смѣло вошелъ, и увидѣвши зеленую женщину, тотчасъ-же взялъ яблоко и сталъ ѣсть его. Съѣлъ и вдругъ чувствуетъ, что формы его мѣняются, что онъ все дѣлается меньше, меньше и меньше...

Фея превратила его въ ящерицу.

II.

Разсудительный долго ждалъ брата и недождался. Онъ зналъ, что братъ побѣжалъ въ пещеру и пошелъ искать его.

— Гдѣ мой братъ? спрашиваетъ онъ зеленую женщину.

Библиотека "Руниверс"

— Не знаю, отвѣчаетъ ему зеленая женщина.

Онъ поглядѣлъ ей въ глаза и усумнился.

— Ну, а я до тѣхъ поръ не выйду, пока ты мнѣ не скажешь, гдѣ мой братъ.

Зеленая женщина знала, что если человѣческое существо въ ея гротѣ пробудетъ съ ней два часа, она пропала—она должна будетъ уступить всѣ свои сокровища и исчезнуть. Но до двухъ часовъ еще оставалось не мало времени и она упрямилась.

Вдругъ, видитъ Разсудительный, что одна изъ ящерицъ подбѣгаетъ къ нему, поднимаетъ свою головку, глядитъ ему въ глаза, прижимаетъ къ себѣ свои переднія лапки и, даже, показалось ему, старается перекреститься...

Ужъ не это-ли мой братъ! — подумалъ Разсудительный.

— Не уйду, сказалъ онъ рѣшительно, пока не увижу брата.

Время шло. Дѣлать было нечего, фея произнесла какія-то кабалистическія слова и дотронулась до ящерицы жезломъ своимъ.

И вдругъ, эта ящерица стала пухнуть, пухнуть, рости, рости... вдругъ шкурка ея лопнула и выскочилъ изъ нея Всезнайка.

— Вотъ и я! воскликнулъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Зеленая-же фея, чтобъ какъ нибудь избавиться отъ посѣщеній ихъ, предложила Разсудительному взять у ней на довольно большую сумму золота и серебра, съ тѣмъ только, чтобъ онъ уже больше не посѣщалъ ее.

Разсудительный не былъ жаденъ—взялъ деньги и подѣлился съ братомъ.

Получивъ деньги, Самознайка тотчасъ-же отправился путешествовать.

Гдѣ-то на дорогѣ заѣхалъ онъ въ гостинницу, велѣлъ подать себѣ самый дорогой обѣдъ, и главное устрицъ, о которыхъ онъ слыхалъ, какъ о лакомомъ блюдѣ, и о которыхъ не имѣлъ никакого понятія.

— Прикажете вскрыть? спрашиваетъ его слуга.

— Вскрыть! какой вздоръ! Подайте мнѣ ихъ въ цѣлости, я не желаю, чтобъ ихъ вскрывали.

Ему приносятъ устрицы въ раковинахъ. Онъ начинаетъ ихъ грызть и никакъ не можетъ. Всѣ смѣются.

— Тьфу! Какія старыя устрицы вы мнѣ подали! говоритъ Самознайка.

И уѣзжаетъ, сопровождаемый хохотомъ всей трактирной прислуги.

Долго-ли, коротко-ли путешествовалъ нашъ Самознайка—неизвѣстно; извѣстно только, что онъ порастранжирилъ всѣ свои деньги и наконецъ заѣхалъ въ какое-то очень далекое и очень своеобразное государство. Тутъ узналъ онъ, что царь хочетъ въ саду своемъ построить павильонъ и выбираетъ для этого самыхъ лучшихъ архитекторовъ.

Самознайка тоже является къ царю и увѣряетъ его, что строить онъ умѣетъ такъ, какъ никто, и что выстроитъ онъ ему не павильонъ, а чудо.

Царь, пораженный его молодостью, поручаетъ ему постройку.

Строетъ, строетъ Самознайка и удивляетъ всѣхъ архитекторовъ — все у него валится, а крыша покрывается картонной бумагой.

Наконецъ архитекторы докладываютъ царю, что Самознайка не только взялся не за свое дѣло, но не знаетъ даже таблицы умноженія.

Повели Самознайку на допросъ. Послѣ допроса Самознайка сказалъ царю, что онъ все знаетъ, но что въ его государствѣ совсѣмъ не та ариѳметика, и что тамъ, у него, въ его отечествѣ, считаютъ совершенно иначе.

Оставили его достраивать павильонъ.

Пришелъ самъ царь и видитъ, что павильонъ оклеенъ бумагой и покрытъ картономъ. Царь такъ разсердился, что Самознайка осмѣлился обмануть его, что тотчасъ-же велѣлъ его засадить въ тюрьму.

(NB. Здѣсь небольшой пропускъ, о томъ, какъ Разсудительный, узнавши, что братъ его въ тюрьмѣ, рѣшается ѣхать и во что-бы то ни стало спасти его. Какъ онъ подкупаетъ стражу и уговаривается съ Самознайкой бѣжать изъ города. Все имъ удается какъ нельзя лучше, но Самознайка увѣряетъ брата, что онъ очень хорошо знаетъ какой данъ карауламъ пароль и лозунгъ, и такъ завирается на заставѣ при выходѣ изъ города, что его ловятъ, опять сажаютъ въ тюрьму, по приказанію царя судятъ и присуждаютъ къ спринцовочной казни, изобрѣтенной только въ этомъ государствѣ и всегда совершаемой въ присутствіи всего двора).

III.

Давно уже Самознайка слышалъ объ этой спринцовочной казни, и такъ какъ не разъ видалъ въ аптекахъ разныя спринцовки,—думалъ, что эта казнь больше ничего, какъ потѣха.

— Ну, думаетъ — что за бѣда, что будутъ въ меня брызгать... Все это пустяки, все вздоръ—эта казнь!

И очень храбрился онъ въ своемъ заточеньи.

Наступилъ, наконецъ, и день самой казни. За нимъ пришли. Самознайка вдругъ испугался — сталъ плакать и рваться.

Но какъ онъ ни плакалъ, какъ ни вырывался изъ рукъ, привели его въ огромную залу, наполненную высшими представителями правосудія и придворными.

Царь сидѣлъ и смотрѣлъ на приготовленія.

Самознайку раздѣли и посадили на возвышеньи, спиной къ открытому окну.

Противъ скамьи, куда посадили Самознайку, стояла колоссальная спринцовка, поршень который натягивался посредствомъ особеннаго механизма съ пружинами.

Спринцовку эту однимъ переднимъ концемъ погрузили въ огромный чанъ и поршнемъ стали натягивать воду. Наконецъ поршень вытянули, закрѣпили и трубку стали нацѣливать на Самознайку, который былъ блѣденъ, какъ смерть, и весь дрожалъ отъ страха.

— Пущай! крикнулъ царь.

И вдругъ изъ спринцовки, съ шумомъ, точно выстрѣлъ, вылетѣла широкая струя холодной воды. Струя эта была такъ сильна, что Самознайка не могъ удержаться и, подхваченный силою воды, вылетѣлъ вмѣстѣ съ нею въ открытое настежь окошко.

IV.

За окошкомъ былъ царскій, фруктовый садъ, гдѣ множество было вишенъ. Вишни эти были только-что собраны и лежали на землѣ, въ видѣ громадныхъ кучъ.

Къ счастью для Самознайки, онъ, вылетѣвъ изъ окошка, упалъ и ткнулся именно въ одну изъ этихъ вишневыхъ кучъ и тотчасъ-же весь зарылся въ ягодахъ.

Царь немедленно приказалъ во что-бы то ни стало, живаго или мертваго, отыскать его. Но сколько ни искали его въ саду, никто нигдѣ не могъ отыскать его.

Царь очень разсердился, топнулъ ногой и объявилъ, что онъ всѣхъ судей, всѣхъ сторожей и даже женъ и дочерей ихъ подвергнетъ точно такой-же спринцовочной казни.

Но всѣ поиски оказались тщетными. Придворные трепетали за участь своихъ родныхъ и знакомыхъ.

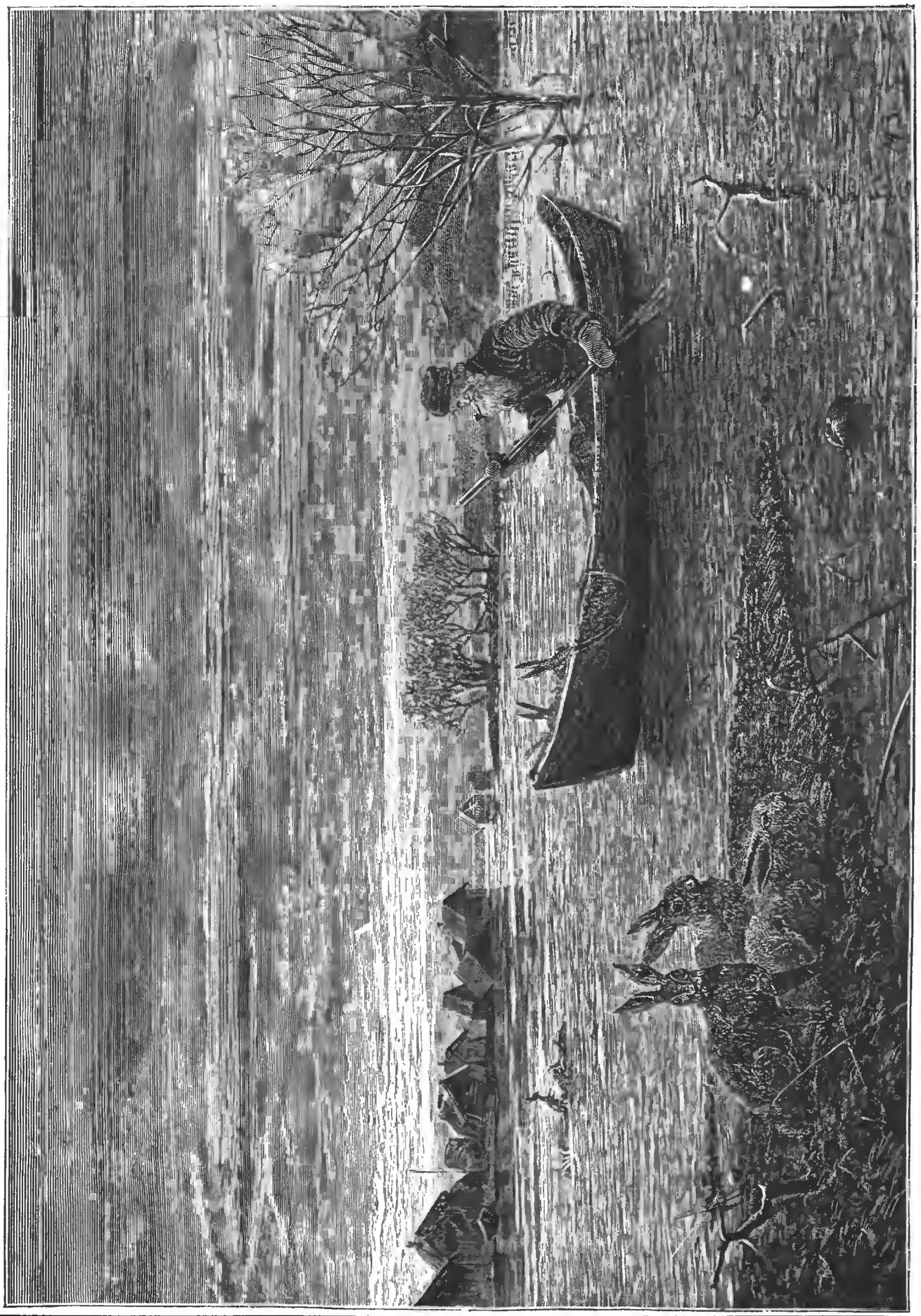
Въ это время въ городѣ оказался Разсудительный. Слѣдя за участью брата, и узнавши отъ придворныхъ, что братъ его пропалъ, точно улетѣлъ, что онъ вѣроятно какой-нибудь колдунъ и что бѣда, большая бѣда всѣмъ, если не найдутъ его.

Разсудительный подумалъ и отправился къ царю.

— Такъ и такъ, говоритъ, позвольте мнѣ отыскать Самознайку—можетъ быть, я и найду его.

— Хорошо, говоритъ царь, ступай, ищи, и бѣда твоя, если ты мнѣ не найдешь его.

Библиотека "Руниверс"



Литературный альбомъ. „Дядя Мазай и зайцы". Стих. Н. Некрасова. Грав. рис. М. Зиновьева, грав. М. Ратевскій.

Библиотека "Руниверс"

Малороссійскіе типы и сцены. У колыбели. Ориг. рис. А. Ѣлясеъ, грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

Разсудительный взялъ съ собой кое-кого изъ прислужниковъ, пошелъ осматривать садъ, и подошелъ къ тому окошку, изъ котораго вылетѣлъ несчастный братъ его.

— Братъ! гдѣ ты? откликнись! кричитъ Разсудительный.

Молчаніе.

— Самознайка! гдѣ ты?... подай голосъ!

Ни гу-гу.

Самознайка, наѣвшись вишенъ, сидѣлъ въ своей кучѣ и не подавалъ голоса.

Хорошо-же! подумалъ Разсудительный и завелъ разговоръ съ своими провожатыми.

— А что, братцы, спросилъ онъ,—знаете вы, сколько частей свѣта?

Тѣ подумали и отозвались незнаніемъ.

— А я знаю! пропищалъ чей-то голосъ изъ вишневой кучи. Самознайка не вытерпѣлъ, чтобъ не показать своего знанья и себя выдалъ. Его тотчасъ-же и нашли, вытащили изъ кучи, всего выпачканнаго въ вишневомъ соку, съ сизыми губами и полнымъ животикомъ.

Разсудительный не далъ Самознайкѣ ни вымыться, ни оправиться, и не безъ умысла, въ такомъ видѣ повелъ его къ царю,—онъ зналъ, что царь расхохочется. И дѣйствительно, царь расхохотался и уже готовъ былъ Самознайку простить и пустить на всѣ четыре стороны.

— Ха-ха-ха! хохоталъ онъ. Хорошъ! Хорошъ ты клистирный архитекторъ! — Ну, а развѣ ты знаешь сколько частей свѣта?

— Знаю-съ, смѣло и весело отвѣчалъ Самознайка.

— Ну сколько-же по твоему?

— Шесть, отвѣчалъ Самознайка,—Европа, Азія, Африка, Америка и Австралія.

— Тутъ только пять, какая-же шестая?

Самознайка задумался. Надо-же что-нибудь отвѣчать, подумалъ онъ. Но какая-же шестая?

— Какая шестая?! сказалъ онъ не безъ нѣкоторой наглости,—а шестая часть свѣта—это—Географія.

— Не слыхалъ я о такой части свѣта, сказалъ царь,—а если есть такая часть свѣта, то я дамъ тебѣ солдатъ въ провожатые, велю держать тебя на цѣпи, чтобъ ты не убѣжалъ; а ты садись верхомъ и поѣзжай въ эту Географію, покажи имъ шестую часть свѣта и привези мнѣ оттуда фруктовъ—я хочу знать, какія фрукты ростутъ въ Географіи.

Неудержимый смѣхъ всѣхъ присутствующихъ сопровождалъ этотъ разсказъ—и если онъ оказался вовсе не смѣшонъ подъ перомъ моимъ,—значитъ я и не могу такъ забавно разсказывать, какъ Тургеневъ.

Въ числѣ слушателей этого отрывка, былъ на этотъ разъ и графъ Левъ Ник. Толстой—онъ также смѣялся.

Что случилось далѣе съ героемъ разсказа—Самознайкой, я не знаю. Пріѣздъ желанныхъ гостей сдѣлалъ то, что Тургеневу некогда было продолжать разсказъ свой, а когда сталъ онъ продолжать его—меня уже не было: я былъ въ Петербургѣ.

Правда, дѣти мои, вернувшись изъ Спасскаго, старались передать мнѣ конецъ этой сказки; но мнѣ показалось, что все то, что они припомнили, не стоитъ записывать:—выходила какая-то путанная и очень сложная исторія.

Замѣчу только, что отношенія Тургенева къ дѣтямъ были самыя нѣжно заботливыя, отеческія. Не разъ онъ экзаменовалъ ихъ и не разъ приводилъ имъ въ примѣръ бѣдныхъ крестьянскихъ мальчиковъ, если замѣчалъ въ нихъ какой-нибудь капризъ, недовольство или нетерпѣніе. Самыя сказки о „живой каплѣ“ и „Самознайкѣ“ въ устахъ его имѣли педагогическую цѣль; онъ разсказывалъ ихъ не просто ради пріятнаго препровожденія времени, и, смѣю думать, сказки эти оставляли кое-какіе слѣды въ умѣ дѣтей, по крайней мѣрѣ старшій сынъ мой далеко уже не такъ часто говорилъ, что онъ *знаетъ то или это*, до того прозвище Самознайки показалось ему обиднымъ.

Что касается до того, были-ли эти разсказы вполнѣ оригинальными или Тургеневъ ихъ откуда нибудь заимствовалъ — не знаю. Велика была начитанность Тургенева, велика была его память и не мнѣ рѣшать этотъ вопросъ.

Дѣти вообще любили Тургенева и обращались съ нимъ иногда безъ всякой церемоніи, готовы были теребить его и за носъ и за бороду, и всегда онъ имъ что-нибудь разсказывалъ.

Такъ, однажды, лежалъ онъ на диванѣ, о которомъ я уже не разъ упоминалъ, на диванѣ, уже обитомъ новой матеріей и помѣщенномъ противъ выходной двери на террасу, подъ портретомъ Николая Сергѣевича Тургенева, — на диванѣ, который назвалъ онъ Самосономъ. Тургеневъ любилъ на немъ дремать, увѣряя, что диванъ этотъ такъ и клонитъ его ко сну, всякій разъ, когда онъ на него приляжетъ, а потому онъ и есть Самосонъ.

И такъ, однажды, дѣти не давали ему дремать, а онъ разсказывалъ имъ, какой чудесный онъ видѣлъ сонъ.

— Какой-же сонъ? разсказывайте, какой сонъ?

— А будто-бы я лежу на большущей перинѣ, а вы, и много, много дѣтей держатъ эту перину за края и тихонько ее приподнимаютъ и покачиваютъ. И такъ мнѣ пріятно, я лежу точно на облакѣ и покачиваюсь, и будто-бы всѣ вы должны меня слушаться, а кто не слушается, тому я тотчасъ-же отрубаю голову...

— Не правда, не правда!... Это вы должны насъ слушаться! Ишь вы какой!

И подобныя восклицанія, сопровождаемыя смѣхомъ, замѣтно радуютъ добрѣйшаго изъ людей—Ивана Сергѣевича...

XXII.

На другой день послѣ моего возвращенія въ Спасское, а именно 8-го іюля, въ среду, Тургеневъ получилъ телеграмму отъ Л. Н. Толстаго, съ увѣдомленіемъ, что въ Мценскъ онъ прибудетъ въ 10 часовъ вечера, въ четвергъ.

Тургеневъ распорядился о высылкѣ въ Мценскъ лошадей на слѣдующій-же день или въ четвергъ, какъ значилось въ телеграммѣ.

Въ этотъ-же день послѣ чаю, мы скоро разошлись по своимъ комнатамъ. Я сѣлъ къ столу, придвинулъ свѣчу, и, записывая свои дорожныя впечатлѣнія, незамѣтно просидѣлъ до 1-го часа пополуночи. Вдругъ, слышу, на дворѣ кто-то свистнулъ и затѣмъ чьи-то шаги и лай собаки. Я поглядѣлъ въ окно и въ безлунномъ мракѣ, съ черными признаками чего-то похожаго на кусты, ничего разглядѣть не могъ.

Опять сѣлъ писать и, опять слышу, кто-то мимо дома прошелъ по саду. Прислушиваюсь—топотъ лошади. Удивляюсь и недоумѣваю. Затѣмъ въ домѣ послышался чей-то неясный голосъ. Я подумалъ — это бредитъ кто-нибудь изъ дѣтей моихъ. Иду въ дѣтскую—опять слышу голосъ, но ужъ явственный, и узнаю голосъ Ивана Сергѣевича. „Что за чортъ! ужъ не воры-ли забрались къ нему!“ Иду въ потемкахъ черезъ весь домъ и отворяю двери въ ту комнату, откуда идетъ дверь на террасу, а направо дверь въ кабинетъ Ивана Сергѣевича. Вижу—горитъ свѣча и какой-то мужикъ, въ блузѣ, подпоясанный ремнемъ, сѣдой и смуглый, расчитывается съ другимъ мужикомъ. Всматриваюсь и не узнаю. Мужикъ поднимаетъ голову, глядитъ на меня вопросительно и и первый подаетъ голосъ: это вы, Полонскій? Тутъ только я призналъ въ немъ графа Л. Н. Толстаго.

Мы горячо обнялись и поцѣловались.

Оказалось, что графъ спуталъ дни,—принялъ середу за четвергъ и послалъ такую телеграму, которая вовсе не обязывала Ивана Сергѣевича посылать за нимъ экипажъ вмѣсто четверга въ середу. Графъ, по желѣзной

Библиотека "Руниверс"

дорогѣ пріѣхавъ въ Мценскъ, разумѣется не нашелъ тургеневскихъ лошадей и нанялъ ямщика свезти его въ Спасское. Ямщикъ долго ночью плуталъ, и только къ часу ночи кое-какъ добрался до Спасскаго.

Тургеневъ тоже еще не ложился спать и писалъ. Удивленіе и радость его—видѣть графа у себя, была самая искренняя.

Въ столовой появился самоваръ и закуска... Бесѣда наша продолжалась до 3-хъ часовъ пополуночи.

Слишкомъ двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ Баденъ-Баденѣ я видѣлся съ графомъ, и нисколько не удивительно, что сразу не могъ узнать его. Лѣта не только наружно, но и нравственно значительно измѣнили графа. Я никогда, въ молодые годы, не видалъ его такимъ мягкимъ, внимательнымъ и добрымъ, и что всего непостижимѣе — такимъ уступчивымъ. Все время, пока онъ былъ въ Спасскомъ, я не слыхалъ ни разу, чтобъ онъ спорилъ. Если онъ съ чѣмъ нибудь и не соглашался — онъ молчалъ, какъ-бы изъ снисхожденья. Такъ *опроститься*, какъ графъ, можно не иначе, какъ много переживши, много передумавши. Я видѣлъ его какъ-бы перерожденнымъ, проникнутымъ иною вѣрою, иною любовью.

На другой день его пріѣзда очень смѣшной анекдотъ случился съ Иваномъ Сергѣевичемъ. За часъ до обѣда, ему доложили, что поваръ пьянъ, и что обѣда готовить некому. Сначала это его озадачило... Нельзя же было гостя оставить безъ обѣда! И вотъ, Иванъ Сергѣевичъ самъ вызывается идти и стряпать. Потирая руки говоритъ онъ, какъ онъ будетъ рѣзать марковку и рубить котлеты. Вотъ ужъ онъ отправляется въ кухню;— но Захаръ, одноглазый какъ Аргусъ, и таинственно молчаливый — но не глухой... тотчасъ-же останавливаетъ порывъ своего бывшаго барина, и дѣлаетъ ему строгій выговоръ: Это не ваше дѣло, говоритъ; уходите... обѣдъ мы и безъ васъ состряпаемъ... И Тургеневъ тотчасъ же послушно возвращается въ наше общество.

Такъ кулинарный талантъ почтеннаго Ивана Сергѣевича и остался для потомства покрытымъ мракомъ неизвѣстности...

Я не въ правѣ передавать здѣсь нашихъ бесѣдъ съ графомъ Л. Н., но смѣю увѣрить, что въ нихъ ничего не было такого, что принято въ обществѣ называть нецензурными разговорами. Мы только узнали подробности, какъ графъ Л. Н. Толстой ходилъ пѣшкомъ на богомолье въ Оптину пустынь, въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, и въ такой-же обуви. То, что говорилъ онъ о пустынѣ — я тоже не имѣю права передавать. Скажу только, что разсказъ его былъ интересенъ и любопытенъ въ высшей степени, въ особенности любопытенъ психическій анализъ или характеристическій очеркъ двухъ оптинскихъ пустынниковъ или схимниковъ.

Графъ былъ и у раскольниковъ. *Воздыханцы*, которыхъ гонятъ, обнаружили къ графу такое недовѣріе, что и говорить съ нимъ не стали. Видѣлъ графъ и одну раскольничью Богородицу, и въ ея работницѣ нашелъ, къ немалому своему изумленію, очень подвижную, граціозную и поэтическую дѣвушку, блѣдно-худощавую, съ маленькими бѣлыми руками и тонкими пальцами.

На преслѣдованіе расколовъ графъ, если не ошибаюсь, смотритъ, какъ на дѣло противное духу народному... Въ расколахъ онъ видитъ исканье ближайшихъ путей къ тому христіанству, которое утратилось, а на заблуждающихся смотритъ отеческими глазами такъ—какъ, по его мнѣнію, должно смотрѣть и наше правительство. Что касается до положенія нашего крестьянства, графъ полагаетъ, что крѣпостное право—было школой, которая пріучила его къ терпѣнію. Но что если все пойдетъ по старому, черезъ 25 лѣтъ $^{9}/_{10}$ народа не будетъ знать чѣмъ кормить дѣтей своихъ.

Графъ никому изъ насъ не навязывалъ своего образа мыслей, и спокойно выслушивалъ возраженія Ив. Серг. Однимъ словомъ, это былъ ужъ не тотъ графъ, какимъ я когда-то въ молодости знавалъ его.

Въ Спасскомъ онъ пробылъ не болѣе двухъ сутокъ и уѣхалъ, торопясь въ свои самарскія имѣнія, къ тому времени, какъ начнется жатва.

Какъ роднаго брата, проводили мы его и пожелали ему всякаго благополучія.

XXIII.

Только-что уѣхалъ графъ Толстой, въ Спасское пріѣхала М. Г. Савина. Ив. Серг. давно уже пересталъ ожидать ее, даже бился со мной объ закладъ, что она не пріѣдетъ.

Пусть, многоуважаемая артистка, когда-нибудь сама опишетъ свое пребываніе въ гостяхъ у Ив. Серг. Я только кое-что здѣсь напомню ей.

Погода, съ ея пріѣздомъ, измѣнилась къ лучшему; но 16 іюля, когда мы обѣдали на террасѣ, налетѣла буря съ дождемъ и громомъ, мгновенно брызгами окатила весь столъ и, когда мы поспѣшили въ комнаты, стекла изъ дверей посыпались осколками. Съ трудомъ обѣдъ нашъ былъ перенесенъ въ столовую. На другой день, 17 іюля, я праздновалъ день нашей свадьбы. За обѣдомъ Ив. Серг. говорилъ спичъ, разливалъ шампанское, со всѣми чёкался и всѣхъ цѣловалъ.

Мар. Гавриловна какъ-то разъ сказала намъ, что никакому любовному письму она никогда не вѣрила и не повѣритъ, что въ такихъ письмахъ она видитъ только фразы, фразы и фразы.

И вотъ, что на это сказалъ ей Тургеневъ:

„Однажды, къ матери моей пріѣхала одна барыня, которая потеряла сына. И такъ глупо, такъ неестественно разсказывала о своемъ горѣ, такъ фразисто, что меня коробило; она показалась мнѣ ломающейся притворницей, которая вовсе ничего не чувствуетъ и пріѣхала только для того, чтобъ возбудить наше къ ней сожалѣніе. Я и мать моя внутренно ее осуждали и надъ ней смѣялись.

И что же?

Эта барыня такъ сильно чувствовала свое горе, что черезъ недѣлю сошла съ ума, бросилась въ прудъ и утопилась.

И такъ, нельзя знать какимъ фразамъ вѣрить, какимъ не вѣрить. Иногда и правда облекается въ подозрительно неестественныя фразы.“

Для Марьи Гавр. Ив. Сергѣевичъ, на прудѣ Захара, гдѣ была купальная, велѣлъ устроить деревянную площадку или просто небольшое возвышеніе, такъ какъ мѣсто около купальни было слишкомъ мелко, и такъ какъ Савина купалась не иначе, какъ въ костюмѣ, любила бросаться въ глубину, плавала какъ наяда и нисколько не боялась зрителей.

Очень сожалѣю, что муза живописи увлекла меня въ садъ и помѣшала видѣть ее въ купальномъ костюмѣ.

17-го іюля Иванъ Сергѣевичъ, ради своей милой гостьи, къ вечеру, велѣлъ позвать деревенскихъ бабъ и дѣвокъ и задалъ имъ точно такой-же праздникъ, съ виномъ и подарками, какой былъ данъ имъ по случаю его пріѣзда. Бабъ и дѣвокъ собралось около 70 душъ, и опять начались пѣсни и пляски.

Казалось, артистка наша, глядя на нихъ — училась. Невольно иногда повторяла ихъ напѣвы и движенья, и подъ конецъ такъ развеселилась, что чуть не плясала.

— Ишь расходилась цыганская кровь! сказалъ мнѣ про нее Тургеневъ.

Но онъ и самъ былъ такъ веселъ, что готовъ былъ отплясывать;—онъ, который, конечно, во всякое другое время не вынесъ-бы моей плохой игры на пьянино, тутъ самъ заставилъ меня играть танцы. Увы! плясовыя пѣсни еще кое-какъ удавались мнѣ, полька тоже кое-какъ сошла съ рукъ, но мазурка не давалась.

Библиотека "Руниверс"

— Играй! кричалъ мнѣ Тургеневъ—какъ хочешь, какъ знаешь, валяй! Мазурку валяй! Лишь была-бы какая-нибудь музыка.. Ну, разъ, два, три... удареніе на разъ... ну, ну!...

И вечеръ до чая прошелъ въ томъ, что всѣ присутствующіе, а въ томъ числѣ и самъ хозяинъ, плясали и танцовали кто во что гораздъ.

Не помню, въ другое время или въ этотъ-же день, поздно вечеромъ, Ив. Серг. у себя въ кабинетѣ, въ первый разъ прочиталъ намъ и Савиной разсказъ свой „Пѣснь торжествующей любви". На дамъ разсказъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Я былъ отъ него въ восторгѣ, но, признаюсь, никакъ не ожидалъ, что эта пѣснь будетъ имѣть успѣхъ въ нашей публикѣ. Такъ и сказалъ Тургеневу. Очень радъ, что мое пророчество не сбылось: значитъ, художественное чутье публики стало гораздо откровеннѣе.

На другой день, 18 іюля, Марья Гавриловна, вмѣстѣ съ своей горничной, сѣла въ коляску и навсегда покинула Спасское.

Были дни, когда мы всѣ такъ другъ друга смѣшили и такъ хохотали, что Тургеневъ разъ, шутя, сказалъ: мы точно оба съумасшедшіе и домъ мой —домъ съумасшедшихъ.

Но все-же мы не постоянно были вмѣстѣ: меня занимали мои картинки, его—письма и вообще кабинетныя занятія. По вечерамъ иногда мы играли въ шахматы. Тургеневъ былъ искусный шахматистъ, теоретически и практически изучалъ эту игру, и хоть давно уже не игралъ, но могъ уступить мнѣ Королеву и все-таки выигрывалъ.

Письмо изъ Парижа нѣсколько его потревожило (признаться, потревожило и насъ). М-me Віардо писала ему, что ее въ носъ укусила муха, что носъ ея распухъ и что она ходитъ перевязавши платкомъ лице свое. Въ письмѣ она прислала и рисунокъ перомъ, изображающій профиль съ перевязаннымъ носомъ.

— Если это ядовитая муха—и заразила кровь, то это опасно... Я долженъ ѣхать во Францію, проговорилъ Тургеневъ.

— Все бросить: и твое Спасское, и насъ, и твои занятія, и ѣхать!

— Все бросить... и ѣхать.

Началось перебрасываніе телеграммъ изъ Спасскаго въ Буживаль, изъ Буживаля въ Спасское.

Слава Богу, ѣхать оказалось ненужнымъ:—опухоль носа стала проходить и непредвидѣлось никакой опасности.

Но что значила эта тревога передъ той, которая еще ожидала насъ. Тургеневъ прочелъ въ газетахъ, что въ Брянскѣ холера, и—прощай веселость, остроты, смѣхъ и проч. и проч.! Блѣдный, позеленѣлый пришелъ ко мнѣ Тургеневъ и говоритъ:

— Ну, теперь я не живу, теперь я только двигающаяся, несчастная машина.

Оказалось, что слово „холера" на Тургенева производитъ нѣчто въ родѣ паники, поглощаетъ всѣ его мысли, дѣлаетъ его почти помѣшаннымъ.

Но, нѣсколько успокоенный тѣмъ, что это вопервыхъ еще очень отъ насъ далеко, а вовторыхъ можетъ-быть еще и ложное извѣстіе, Тургеневъ поѣхалъ въ свои Ефремовскія владѣнія, былъ у своего арендатора и къ 22 іюля вернулся ночью съ разстроеннымъ желудкомъ.

На другой день—онъ былъ еще туда-сюда, читалъ мнѣ придуманную имъ на дорогѣ сатиру. За обѣдомъ ничего не ѣлъ и затѣмъ, къ вечеру, опять напалъ на него страхъ. Онъ не спалъ всю ночь и ни о чемъ, кромѣ холеры, не думалъ.

— Странный ты человѣкъ, Иванъ, говорилъ я ему—вѣдь холера, если она и есть,—въ 300-хъ верстахъ отъ насъ.

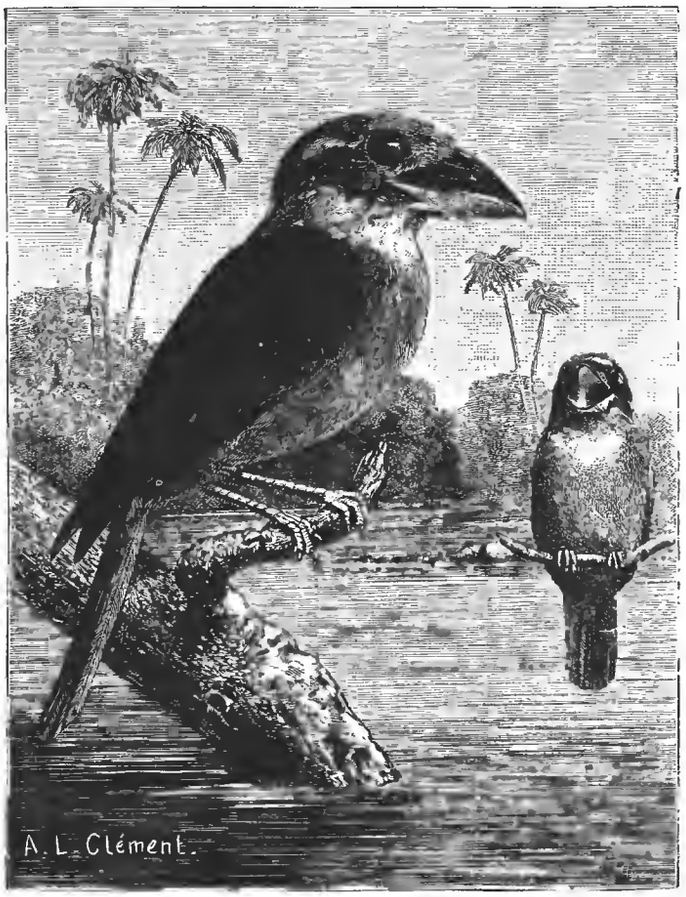
— Это все равно... отвѣчалъ онъ, какъ-бы разслабленнымъ голосомъ—хотя-бы въ Индіи... Запала въ меня эта мысль, попало это слово на языкъ и—кончено! Первое, что я начинаю чувствовать—это судороги въ икрахъ, точно тамъ кто-нибудь на клавишахъ играетъ.

— Какъ я могу это остановить—не могу; а это разливаетъ по всему тѣлу тоску и томленіе невыразимое. Начинаетъ сосать подъ ложечкой; я ночи не сплю, со мной дѣлаются обмиранія... и затѣмъ, разстраивается желудокъ. Мысль, что меня вотъ-вотъ захватитъ холера, ни на минуту не перестаетъ меня сверлить, и что-бы я ни думалъ, о чемъ-бы ни говорилъ, какъ-бы ни казался спокоенъ, въ мозгу постоянно вертится: холера, холера, холера... Я, какъ съумасшедшій, даже олицетворяю ее; она мнѣ представляется въ видѣ какой-то гнилой, желто-зеленой, вопючей старухи. Когда въ Парижѣ была холера, я чувствовалъ ея запахъ: она пахнетъ какою-то сыростью, грибами и старымъ, давно покинутымъ дурнымъ мѣстомъ. И я боюсь, боюсь, боюсь... И не странное-ли дѣло, я боюсь не смерти, а именно холеры... Я не боюсь никакой другой болѣзни, никакой другой эпидеміи: ни оспы, ни тифа, ни даже чумы... Одолѣть-же этотъ холерный страхъ—внѣ моей воли. Тутъ я безсиленъ. Это такъ же странно, какъ странно то, что извѣстный герой кавказскій—Слѣпцовъ—боялся паука; если въ комнатѣ его появлялся паукъ, съ нимъ дѣлалось дурно. Другіе боятся мышей, иные—лягушекъ. Бѣлинскій не могъ видѣть не только змѣи, но ничего извивающагося.

— Да, возразилъ я, но какъ скоро у нихъ не было на глазахъ ни паука, ни змѣи, ни лягушки—они были спокойны.

— Это нельзя сравнить: противъ того, другаго и третьяго—въ нашей власти взять предосторожности, можно сдѣлать такъ, что паукъ въ комнатѣ будетъ невозможенъ. Противъ всего можно принять мѣры, а какія мѣры могу принять я противъ возможности заболѣть холерой?—никакихъ. Ты говоришь, что это малодушіе. Справедливо; но что-же дѣлать?

(До слѣд. №).



Зимородокъ Новой Гвинеи. Рисов. А. Клементъ, грав. Тилли.

Библиотека "Руниверс"

Къ рисункамъ.

Памятникъ Императору Николаю I въ Спб.

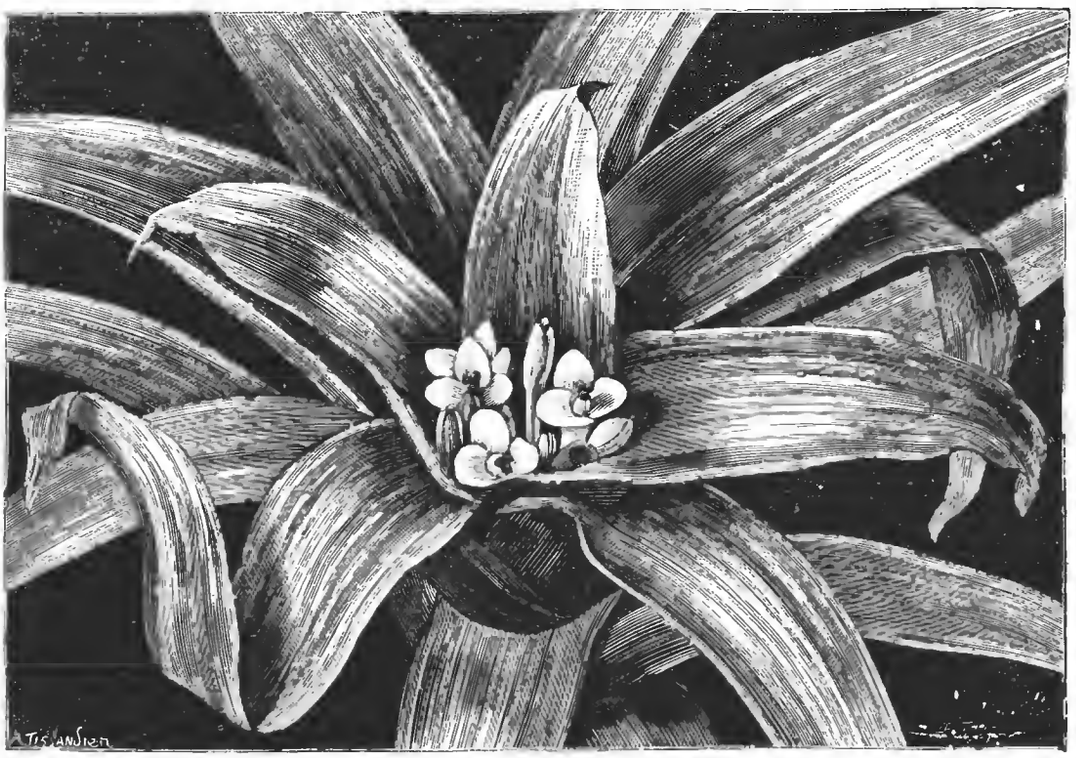
(Рис. на стр. 104).

Памятникъ Императору Николаю I, воздвигнутый у Синяго моста, передъ дворцомъ покойной Великой Княгини Маріи Николаевны,—одно изъ великолѣпныхъ сооруженій нашей столицы. Особенно хороша конная фигура русскаго Императора, полная выразительности и энергіи.

Къ работамъ было приступлено осенью 1856 года; въ январѣ 1857 года, состоялась уже торжественная закладка памятника, а въ 1859 году 25-го іюня, почти послѣ трехлѣтней непрерывной работы, послѣдовало освященіе памятника въ присутствіи Государя Императора и всей Августѣйшей Фамиліи.

Памятникъ состоитъ изъ каменнаго пьедестала эллиптической формы, на окружности котораго расположены барельефы, проэктъ пямятника былъ составленъ извѣстнымъ строителемъ Исаакіевскаго собора, архитекторомъ Монферавомъ; модель конной статуи была изготовлена знаменитымъ въ то время скульпторомъ барономъ Клодтомъ; модели трехъ барельефовъ исполнены профессоромъ Рамазановымъ, а модель четвертаго барельефа, эмблематическихъ фигуръ, трофеевъ и украшеній—академикомъ Залеманомъ.

Видъ ананасной плантаціи на Багамскихъ островахъ близь Гаити. Съ фотогр. грав. Тилли.



Вновь открытое растеніе въ Новой Гвинеѣ. (Caraguata sanguinea). Рис. Тиссандье, грав. Тилли.

Библиотека "Руниверс"

феи, украшенія и четыре эмблематическія женскія фигуры: Правосудіе, Сила, Мудрость и Вѣра. На пьедесталѣ возвышается колоссальная (болѣе 8 аршинъ вышины) конная статуя Императора въ парадной конно-гвардейской формѣ и кирасѣ. Ступени и нижняя часть пьедестала изъ краснаго порфира; цоколь изъ сѣраго сердобольскаго; верхъ изъ бѣлаго мрамора. На передней сторонѣ мрамора надпись: „Николаю I. Императору Всероссійскому". Три барельефа изображаютъ: эпизодъ 14-го декабря 1825 года въ С.-Петербургѣ; эпизодъ изъ времени первой холеры въ Петербургѣ же, на Сѣнной площади; открытіе Веребьинскаго моста на Николаевской желѣзной дорогѣ; а четвертый барельефъ посвященъ воспоминанію довершенія свода русскихъ законовъ и полнаго ихъ собранія.

Вообще памятникъ по своей грандіозности и вышинѣ, достигающей до 22 аршинъ, производитъ сильное впечатлѣніе, но особенно поражаетъ зрителя смѣлая поза колоссальнаго коня, держащагося на однѣхъ заднихъ ногахъ, безъ всякаго другаго упора, что придаетъ всей фигурѣ какую то особенную воздушность, легкость и вмѣстѣ съ тѣмъ энергію и силу выраженія.

Русск. отд. въ Музеѣ Импер. Общ. Поощр. Худож.

(Рис. на стр. 105).

Ознакомивъ нашихъ читателей, въ одномъ изъ предъидущихъ нумеровъ нашего журнала, какъ съ исторіей возникновенія самаго музея, въ помѣщеніи Императорскаго общества поощренія художествъ, такъ и съ содержаніемъ его восточнаго отдѣленія, мы представляемъ теперь снимокъ съ одной изъ комнатъ русскаго отдѣла, въ которомъ собрана въ высшей степени богатая и интересная коллекція старинныхъ предметовъ—памятниковъ нашего общественнаго и частнаго быта. Самое помѣщеніе декорировано въ строго-русскомъ стилѣ, на подобіе нашихъ древнихъ теремовъ, съ ярко раскрашенными и позолоченными стѣнами и сводами, на которыхъ видны затѣйливые узоры. Предметы выставлены въ музеѣ самые разнообразные, и каждый изъ нихъ можетъ служить превосходною моделью для художника по своей типичной оригинальности и строго-народному характеру. Въ массивныхъ шкафахъ висятъ образцы старинной русской одежды и головныхъ женскихъ уборовъ, а на столахъ разложена цѣлая масса мелкихъ вещей, служившихъ предметами роскоши или необходимости для нашихъ предковъ. Здѣсь почти каждая вещь вполнѣ художественное произведеніе; всѣ эти ларчики, обдѣланные перламутромъ и обитые какимъ нибудь металломъ; всѣ эти солонки, чаши, бокалы, даже рюмки, отличаются какой нибудь особенностью, отдѣлки или узора; такъ, вы видите то старинную чернильницу въ формѣ глобуса, то утюгъ изъ желтой мѣди, украшенный цвѣтными разводами, то дѣтскій рожокъ съ приличной надписью: „сосецъ младенцу утѣха, матери покой". Старинная посуда, разставленная на полочкахъ, и блюда, развѣшанныя по стѣнамъ, тоже невольно обращаютъ на себя вниманіе по высокому достоинству своего выполненія и по оригинальности украшеній; тамъ и сямъ помѣщены изразцовыя печи съ рельефными разводами, писанными красками, устюжской и вологодской работы XVII и XVIII вѣка, и массивныя колонны съ орнаментомъ, высѣченнымъ въ камнѣ, подлинники которыхъ украшаютъ храмъ Богоматери во Владимірѣ на Клязьмѣ. Въ отношеніи церковныхъ древностей музей можетъ похвалиться своимъ богатствомъ; такъ въ комнатѣ, представленной на нашемъ рисункѣ, одна стѣна подъ росписнымъ сводомъ вся увѣшана древними замѣчательными иконами, пожертвованными преимущественно покойнымъ графомъ С. Г. Строгановымъ. Здѣсь же передъ иконами спускается съ потолка масса паникадилъ и лампадъ, изъ которыхъ многія высоко-художественной работы. Кромѣ того въ музеѣ собрано много мелкихъ предметовъ, имѣющихъ религіозное значеніе, какъ то: вѣнцы самой разнообразной формы, среди которыхъ особенно обращаютъ вниманіе, по своей оригинальности, лубянки-вѣнцы нашего далекаго сѣвера; кромѣ того въ музеѣ большая коллекція крестовъ или такъ называемыхъ тѣльниковъ. Изъ крупныхъ церковныхъ предметовъ можно указать на замѣчательную старинную плащаницу, пожертвованную музею въ Бозѣ почившимъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ. Эта плащаница, изображающая Св. царевича Димитрія, вышита цвѣтнымъ шелкомъ по парчевому, узорчатому золотому полю. Изъ надписи на плащаницѣ видно, что она выполнена по заказу Димитрія Андреевича Строганова въ 1657 году по обѣту и такимъ образомъ представляетъ собою очень любопытный предметъ нашей церковной археологіи. Вообще, повторяемъ, что музей общества поощренія художниковъ уже теперь одно изъ лучшихъ собраній въ своемъ родѣ, и что судя по той быстротѣ своего роста, какую онъ проявилъ со времени сравнительно недавняго своего основанія, можно смѣло ему предсказать какъ блестящую будущность, такъ и высокую самостоятельную роль въ развитіи и совершенствованія нашего отечественнаго искусства.

У фонтана.

(Рис. на стр. 109).

Граціозная картина Беккера переноситъ насъ подъ голубое небо Италіи и представляетъ намъ типъ одной изъ тѣхъ прелестныхъ трастеверинокъ, которыя славятся давно и которыхъ воспроизводитъ художникъ съ такою охотою. Мать очевидно такъ увлеклась какимъ то разговоромъ со своей дѣвочкой, можетъ быть какимъ нибудь выговоромъ этой рѣзвой, живой шалуньѣ, что не замѣчаетъ, какъ кристальная вода фонтана давно уже переполнила кувшинъ, и объ этомъ ей напоминаетъ хитрая малютка, можетъ быть съ цѣлью отвлечь вниманіе мамы отъ своихъ шалостей.

„Дядя Мазай и зайцы". Стих. Некрасова.

(Рис. на стр. 112).

Въ циклѣ стихотвореній Некрасова „Дядя Мазай и зайцы" выдается по задушевности и теплотѣ. Дядя Мазай страстный охотникъ, и при этомъ къ маленькому звѣрьку онъ питаетъ какое-то нѣжное чувство. На охотѣ онъ зайцевъ бьетъ очень усердно, но видя ихъ весной, во время половодья, цѣлой кучкой прижавшихся на островкѣ, который уже готова залить вода, онъ спасаетъ бѣдныхъ звѣрьковъ отъ потопленія. Онъ набираетъ ихъ въ свою лодку, сколько можетъ захватить, и привозитъ въ деревню, сопровождаемый хохотомъ и насмѣшками сосѣдей, которые смотрятъ, какъ старикъ возится съ зайцами.

Было потѣхи у бабъ, ребятишекъ,
Какъ прокатилъ я деревней зайчишекъ...
Глянь-ко, что дѣлаетъ старый Мазай!
Ладно, любуйся, а намъ не мѣшай!
Мы за деревней въ рѣкѣ очутились;
Тутъ мои зайчики точно взбѣсились:
Смотрятъ, на заднія лапки встаютъ,
Лодку качаютъ, грести не даютъ —
Берегъ завидѣли плуты косые,
Озимь и рощу, кусты лѣсовые!
Къ берегу плотно бревно я пригналъ,
Лодку причалилъ и „съ Богомъ" сказалъ...

Дядя Мазай выпускаетъ на волю всѣхъ захваченныхъ имъ зайцевъ. Они убѣгаютъ въ лѣсъ; въ лодкѣ остается лишь одна пара, измокшая и ослабшая, которая, по недостатку силъ, не можетъ воспользоваться свободой. Добрый Мазай беретъ этихъ зайчишекъ на свое попеченіе и разсказъ его объ этомъ—одно изъ лучшихъ мѣстъ стихотворенія.

...Въ мѣшокъ
Я ихъ поклалъ и домой приволокъ.
За ночь больные мои отогрѣлись,
Высохли, выспались, плотно наѣлись.
Вынесъ я ихъ на лужокъ; изъ мѣшка
Вытряхнулъ, ухнулъ—какъ дали стречка!
Я проводилъ ихъ все тѣмъ же совѣтомъ:
„Не попадайтесь зимой!"
Я ихъ не бью ни весною, ни лѣтомъ:
Шкурка плохая—линяетъ косой...

Какъ бы оправдывается дядя въ своемъ поступкѣ. Черта художественная!

Малороссійскіе типы. У колыбели.

(Рис. на стр. 113).

Не однажды появлялись у насъ типы и сцены изъ жизни Малороссіи, принадлежащіе карандашу талантливой художницы г-жи Клясесъ, которая съ особенной охотой и удачей изображаетъ дѣтей нашего благословеннаго юга. На сей разъ она избрала сюжетомъ сцену довольно обыкновенную. Большіе ушли на работу и оставляютъ мальчугана въ хатѣ, въ качествѣ няньки, чтобы онъ позаботился и покачалъ колыбельку своей маленькой сестренки. Хорошенькій мальчуганъ понидимому добросовѣстно исполняетъ свои обязанности, хотя ему очень бы хотѣлось еразиться въ бабки съ шалунами-товарищами, крики которыхъ доносятся къ нему съ улицы; но онъ любитъ и малютку-сестренку, и не хочетъ ее останить, пока она не заснетъ и пока не придутъ большіе.

Зимородокъ Новой Гвинеи.

(Рис. на стр. 116).

Зимородки подраздѣляются на двѣ группы: собственно зимородки-рыболовы, одинъ видъ которыхъ, Alcedo ispida, встрѣчается часто возлѣ нашихъ рѣкъ, и зимородки-охотники, водящіеся только въ Австраліи и Новой Гвинеѣ. Обѣ группы отличаются своей окраской, формой и размѣрами различныхъ частей тѣла, сообразно ихъ привычкамъ и образу жизни. Такъ, зимородки-рыболовы, за немногими исключеніями, имѣютъ болѣе богатое опереніе, нежели зимородки-охотники; крылья ихъ также короче, ноги ниже и клювъ менѣе широкъ; живутъ они болѣе вблизи рѣкъ и питаются маленькими рыбками и сѣтчатокрылыми насѣкомыми.

Зимородки-охотники, напротивъ, живутъ или въ лѣсахъ, или мало орошенныхъ долинахъ, иногда даже въ скалахъ и ловятъ гадовъ и маленькихъ млекопитающихъ животныхъ. По преимуществу они водятся на юго-востокѣ Новой Голландіи, между Моретонъ-

Библиотека "Руниверс"

бай и заливомъ Спенсера. Въ европейскихъ зоологическихъ садахъ имѣются преимущественно большіе зимородки. Обыкновенно они по цѣлымъ часамъ сидятъ безъ движенія, глубоко втянувъ голову и плотно прижавъ крылья; только по временамъ они помахиваютъ хвостомъ или поднимаютъ перья на верхушкѣ головы. Вѣроятно такое положеніе они принимаютъ на свободѣ, поджидая добычу. Завидя ее, они бросаются и схватываютъ ее челюстями, и смотря по ея объему, или сильно бросаютъ о землю, съ цѣлью убить, и разрываютъ на куски, или же проглатываютъ ее сразу. Рано утромъ и при солнечномъ закатѣ, вечеромъ, а иногда днемъ, если они потревожены, эти странныя птицы издаютъ необыкновенный крикъ, похожій на смѣхъ.

Зимородокъ-охотникъ Clytoceyx rex, изображеніе котораго помѣщено на стр. 116, принадлежитъ ко второй группѣ. Форма его клюва заставляетъ предполагать, что онъ ведетъ особенный образъ жизни. Дѣйствительно, клювъ у него уродливый; въ профиль онъ служитъ продолженіемъ верхней части головы, а смотря на птицу прямо, онъ какъ маской покрываетъ почти всю лицевую часть. Челюсти его, похожія на двѣ наложенныя одна на другую ложки, кажутся прекрасно приспособленными для схватыванія гадовъ и лягушекъ, которыя вѣроятно составляютъ главную пищу этой птицы. Клювъ достаточно широкъ для пропуска большой добычи. Цвѣтъ его сверху темнокоричневый, а снизу—грязно-желтый. Въ верхней его части, возлѣ лба, на уровнѣ глазъ, находятся ноздри; позади нихъ перья немного приподняты, затѣмъ они ложатся на верхушкѣ головы, откуда начинаютъ удлиняться, переходя постепенно въ болѣе коричневый цвѣтъ, такъ что на затылкѣ становятся совершенно темными. Область уха также черновато-коричневая, щеки же черныя, но позади глаза есть рыжая яркая полоска. Эта окраска находится также на задней части шеи и на нижнихъ частяхъ тѣла, начиная отъ груди и кончая хвостомъ. Горло, напротивъ, совершенно бѣлое. Цвѣтъ спины и крыльевъ темный, съ сѣрыми или рыжеватыми полосками, переходящій на бедрахъ въ ярко-голубой; хвостъ изъ синя-черный, блестящій; ноги болѣе темнаго цвѣта, нежели клювъ. Оперенье самки такого же цвѣта, съ тою разницею, что затылокъ менѣе яркій, а хвостовыя перья переходятъ въ коричневый цвѣтъ. Величина самки также одинакова съ величиною самца: въ общемъ она колеблется между 32 и 33 сантиметрами.

Ананасовое поле.

(Рис. на стр. 117).

Ананасъ составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ растительныхъ продуктовъ Багамскихъ острововъ, гдѣ произрастаетъ въ громадныхъ количествахъ и отправляется преимущественно на Лондонскій рынокъ.

Разведеніемъ ананасовъ въ Европѣ занимаются не болѣе столѣтія. Ананасъ принадлежитъ къ виду Bromeliacea, типомъ которыхъ служитъ Bromelia ananas. Извѣстно не много родовъ, происходящихъ изъ теплыхъ странъ Америки. Самый главный—это обыкновенный ананасъ (A. vulgaris), плодъ котораго чрезвычайно сочень, почему особенно распространенъ. Ананасъ, происходящій по всей вѣроятности съ Антильскихъ острововъ, воздѣлывается теперь во всѣхъ теплыхъ странахъ міра. Но ананасовыя плантаціи Багамы пользуются исключительною извѣстностью. Помѣщенный на стр. 117 рисунокъ, сдѣланъ по фотографическому снимку ананасоваго поля острововъ Багамы.

Новое растеніе. Карагуата кровавая.

(Рис. на стр. 117).

Первые образцы этого растенія были найдены въ 1876 году, на западѣ Андъ Новой Гренады, между Тюркереесомъ и Барбакоасомъ, въ мѣстности, называемой *Лосъ-Астройосъ*. Оно росло около большихъ деревьевъ, которыя украшало своей прекрасной листвой цвѣта крови. Но образцы эти погибли въ пути, не достигнувъ Европы. Только въ 1880 году удалось вывезти зерна кровавой карагуаты, изъ которыхъ во Франціи образовались растенія, съ которыхъ и снятъ настоящій рисунокъ.

Растеніе это среднихъ размѣровъ, не превышаетъ 40—50 сантиметровъ въ діаметрѣ и 30 — 40 сантиметровъ вышины, растетъ сжатыми, немного сплющенными розетками. Многочисленные листья, весьма удлиненные, въ 20—30 сантиметровъ, слегка изборожденные, нѣжнаго зеленаго цвѣта, бываютъ покрыты сначала небольшими красными крапинками, превращающимися затѣмъ въ красновато-фіолетовыя пятна, переходящія ко времени цвѣтенія, въ кровяной цвѣтъ. Окраска листьевъ не всегда одинакова, такъ что нѣкоторые бываютъ совершенно красные, другіе же только крапленые. Расположеніе цвѣтовъ составляетъ сжатый колосъ, окруженный овальными прицвѣтниками, между которыми развиваются на короткихъ стебелькахъ свѣтложелтые цвѣточки съ бѣлымъ узоромъ.

Карагуата кровавая, выставленная въ первый разъ въ январѣ 1883 года въ засѣданіи національнаго общества садоводства во Франціи, получила первую награду. Точно также, во время выставки этого общества въ маѣ 1883 г., новому этому растенію, въ числѣ десяти другихъ, присуждена была золотая медаль.

Коринѳскій каналъ.

(Рис на стр. 120).

Въ настоящее время особый интересъ возбуждаетъ предпринятое сооруженіе канала, который отдѣлитъ полуостровъ Морею отъ остальной Греціи и соединитъ заливы Лепанто и Эгина. Устройство канала не представляетъ такихъ трудностей, какія встрѣтились при постройкѣ Ст.-Готтардскаго туннеля, но замѣчательно по примѣненію всѣхъ новыхъ механическихъ способовъ и динамита, къ прорытію шахтъ и проведенію минъ. Концессія на сооруженіе канала дана греческимъ правительствомъ венгерцу генералу Тюрру; планъ проведенія канала составленъ инженеромъ Герстеромъ; сверлильныя и черпальныя машины доставлены вѣнской машинной фабрикой Тонгама, а динамитъ и взрывчатыя вещества—пиротехнической конторой Малера и Эшенбахера. Своеобразное очертаніе страны, глубоко вдающіеся заливы съ обѣихъ сторонъ перешейка, мѣстами очень не широкаго, все это должно было уже давно навести на мысль о его прорытіи для сокращенія пути и развитія судоходства. Въ первое же столѣтіе нашего лѣтосчисленія, римскій императоръ Неронъ предпринялъ постройку канала и, какъ оказывается теперь, на мѣстѣ, весьма хорошо выбранномъ. Слѣды работъ временъ Нерона замѣтны еще на обоихъ конечныхъ пунктахъ и по всему протяженію. Въ срединѣ его открыто 35 шахтъ, пробитыхъ съ цѣлью ускорить постройку канала. Двѣ изъ этихъ шахтъ, недавно очищенныя, имѣютъ одна 59, а другая 33 метра глубины; стѣны ихъ довольно тщательно обтесаны. Линія, намѣченная нынѣ инженеромъ Герстеромъ для канала, почти совпадаетъ съ проэктомъ Нерона; она пересѣкаетъ перешеекъ въ сѣверо-западномъ направленіи, начинается у Коринѳскаго залива, идетъ между Новымъ Коринѳомъ и мѣстомъ купанья Лутраки и, проходя прямо по перешейку, впадаетъ въ заливъ Эгина. Общая длина канала составляетъ 6, 3 километра, (около 6 в.) наибольшее возвышеніе почвы надъ уровнемъ моря—38, 50 метра (23½ саж.). Поэтому въ иныхъ мѣстахъ придется вынимать много земли. Первоначально для этого предполагалось прокладывать вертикальныя мины, но сомнѣвались, можно ли будетъ пріобрѣсти сверлильныя машины, которыя могли бы проникать на глубину 60 и 62-хъ метровъ (29⅛ саж.). Алмазныя сверлильныя машины, вслѣдствіе ихъ высокой цѣны и медленной работы, не годились. Вышеназванная вѣнская фабрика взялась изготовить центробѣжную сверлильную машину, которая въ теченіи 16—18 часовъ дѣлаетъ отверстіе въ 60—62 метра (29⅛ саж.). Такъ какъ на среднемъ пространствѣ канала, для устраненія возвышенія, придется работать на разстояніи 2400 метровъ (1126⅔ с.), то необходимо просверлить 800 рядовъ отверстій, въ которыя придется заложить 4000 минъ въ 60 (29⅓ с.) метровъ глубины и 1600 минъ въ 19½ метровъ (9⅓ с.), что въ цѣломъ составитъ 5600 буравленій въ 271000 метровъ глубины (254 вереты). Вся каменная масса будетъ выниматься особымъ способомъ выемокъ: въ каменистой массѣ съ одной стороны продѣлывается горизонтальная штольня, а съ другой нѣсколько шахтъ, которыя, при помощи взрывчатыхъ веществъ, все расширяются воронкообразно книзу, причемъ отпадающій камень попадаетъ въ штольню, откуда легко и скоро вывозится по рельсамъ. Шахтовыя воронки постепенно соединяются между собою, образуя такимъ образомъ поперечный профиль выемки.

По вычисленію инженера Мюнха, читавшаго объ этомъ предпріятіи докладъ въ парижскомъ обществѣ инженеровъ и архитекторовъ, особымъ способомъ выемокъ придется удалить 920,000 кубическихъ метровъ (862 куб. вер.) каменной массы; сюда присоединяются 6.472,000 куб. метровъ (6064 вер.), которые придется взорвать вдоль линіи канала, такъ что все количество земли и камней, которые необходимо удалить, простирается до 7.392,000 куб. метровъ (6927 вер.), изъ которыхъ 1.150,000 (987¾ в.) падаютъ на подводную линію. Для этой колоссальной работы потребуется 1.120,000 килограммовъ динамита (1 килогр.=2½ фунт.), 50,000 килогр. (305 пуд.) чернаго пороха или суррогата пороха, 103,000 электрическихъ проводниковъ для зажиганія минъ, 2.000,000 разрывныхъ капсюлей и 500,000 мотковъ зажигательной проволоки.

Достоинъ вниманія способъ, которымъ разрываютъ просверленныя въ 60 метровъ глубины отверстія. Вынувъ буравъ, отверстіе особымъ приспособленіемъ начисто вполаскиваютъ водою и когда оно просохнетъ, его наполняютъ мелкимъ морскимъ пескомъ, оставляя свободными верхніе 15 метровъ, которые заряжаются динамитомъ и взрываются. Затѣмъ особыми черпаками вынимаютъ песокъ до тѣхъ поръ, пока снова не освободится 15 метровъ отверстія, которые снова взрываютъ и такъ продолжаютъ въ третій и четвертый разы.

Расходы по сооруженію канала, включая устройство плотины и постройку мостовъ, сторожевыхъ домовъ, маяковъ, телеграфа и буксирныхъ судовъ, составятъ 26 милл. франковъ.

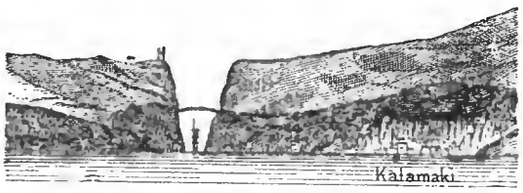
Общество, завѣдующее постройкой, основало свое главное мѣстопребываніе у восточнаго устья канала, на берегу Эгинскаго залива. Пустынная въ прежніе годы мѣстность, преобразовалась теперь въ маленькое поселеніе изъ 2000 жителей—инженеровъ, конторщиковъ и рабочихъ,—составляющее зачатокъ будущаго торговаго города, служащаго, такъ сказать, соединительнымъ пунктомъ между портами Средиземнаго и Чернаго морей.

Библиотека "Руниверс"

Политическое обозрѣніе.

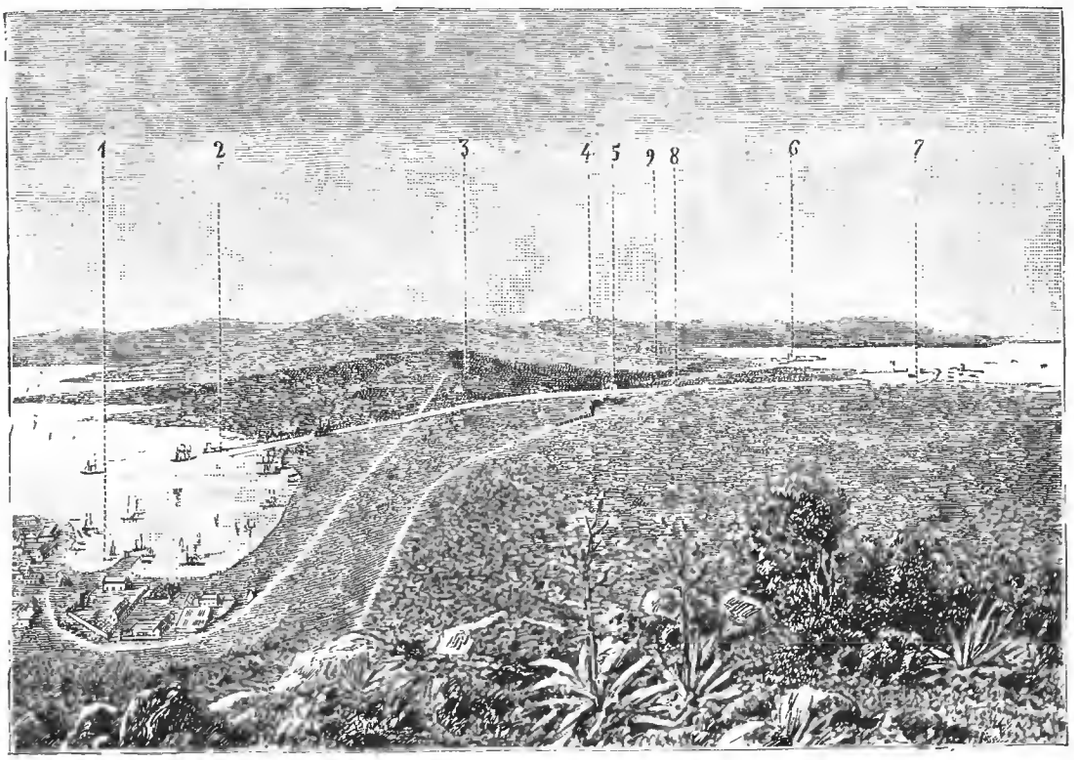
Египетъ.—Тонкинъ.—Черногорія.—Германія.—Италія.

Египетъ по прежнему приковываетъ къ себѣ вниманіе западной Европы и особенно Англіи и Франціи, такъ какъ состояніе его дѣлъ дѣйствительно заставляетъ призадуматься. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Суакима, армія Бэкера-Паши, на которую возлагали такія блестящія надежды, разбита и разстроена скопищами Махди; она потеряла всѣхъ верблюдовъ и весь обозъ и остатки ея возвратились въ Суакимъ; положеніе Токкара и Синката самое отчаянное и освобожденіе этихъ пунктовъ теперь считается невозможнымъ; египетскія войска, высланныя изъ Синката на фуражировку, совершенно уничтожены непріятелемъ. Неудача вылазки сдѣлала положеніе города еще болѣе безнадежнымъ, такъ какъ запасы провіанта совершенно истощены. Что же дѣлаютъ въ виду такого опаснаго положенія дѣлъ, защитники и покровители Египта—англичане? Въ ихъ дѣйствіяхъ до сихъ поръ видна шаткость, нерѣшительность и даже проглядываютъ какія то неясныя, своекорыстныя цѣли. Такъ въ Каирѣ ходитъ слухъ, что огражденіе жизни и имущества европейцевъ составляетъ лишь кажущуюся цѣль миссіи генерала Гордона; говорятъ даже, „что въ планѣ этой экспедиціи ясно обрисовывается идея, лежавшая въ основаніи проекта лорда Дефферина и заключавшаяся въ окончательномъ отдаленіи Судана отъ Египта, чтобы создать въ верховьяхъ Нила такой порядокъ вещей, который дозволилъ бы Англіи, путемъ протектората или иными средствами, сдѣлаться полновластною на верхнемъ теченіи Нила и прибрать къ своимъ рукамъ торговые пути центральной Африки". Эти виды Англіи, по мнѣнію парижской газеты, исключаютъ всякую возможность вмѣшательства Турціи въ суданскія дѣла. Съ своей стороны Англія все лишь обѣщаетъ прислать подкрѣпленія, но когда они прибудутъ въ Египетъ—это еще никому неизвѣстно. Впрочемъ, изъ Лондона сообщаютъ, что отправка подкрѣпленій въ Египетъ, будто, теперь уже дѣло рѣшенное. Войска будутъ одновременно посланы изъ Портсмута и Бомбея; но отправленіе индійскихъ войскъ во всякомъ случаѣ задержится недѣли на двѣ, такъ какъ для употребленія индійскихъ войскъ внѣ Индіи непремѣнно требуется согласіе парламента. Отъѣздъ индійскихъ полковъ разсчитанъ такимъ образомъ, чтобы они могли прибыть въ Суакимъ одновременно съ появленіемъ въ Ассунѣ находящихся въ Египтѣ войскъ. Эти два корпуса должны будутъ прикрывать отступленіе египетской арміи, если генералъ Гордонъ не сочтетъ возможнымъ удержать за собою Хартумъ. Правительству Хедива кромѣ того обѣщаютъ поддержку другаго рода; банкирскій домъ Ротшильда согласился ссудить ему около милліона фунтовъ стерлинговъ, и по словамъ англійскихъ газетъ, эта операція крупныхъ финансистовъ обнаруживаетъ въ нихъ большее довѣріе къ нынѣшнему положенію дѣлъ въ Египтѣ—довѣріе, которое было бы немыслимо при слабомъ правительствѣ, какимъ было на самомъ дѣлѣ до сихъ поръ правительство Хедива, предоставленное своимъ собственнымъ средствамъ.



Коринѳскій каналъ. Фиг. 1. Видъ съ моря.

Въ Парижѣ начинаютъ безпокоиться полнымъ отсутствіемъ извѣстій изъ Тонкина, тѣмъ болѣе, что нападеніе на Бакъ-Нингъ должно было уже совершиться. Въ публикѣ уже начали говорить о неудачѣ и пораженіи, но „Агентство Гаваса" поспѣшило опровергнуть это предположеніе и объявить его лишеннымъ всякаго основанія. По другимъ извѣстіямъ, военныя дѣйствія противъ Бакъ-Нинга начнутся лишь по прибытіи подкрѣпленій. До того же времени адмиралъ Курбэ будетъ продолжать рекогносцировки въ разныхъ направленіяхъ, чтобы осмотрѣть укрѣпленія, возводимыя китайцами. Въ послѣднее время китайское правительство объявило кантонскую рѣку въ блокадномъ положеніи и приняла мѣры къ закрытію въ нее входа иностраннымъ судамъ. Мѣра эта можетъ нанести значительный вредъ британской торговлѣ, и потому неудивительно, что она встрѣчена съ негодованіемъ англійскими газетами, которыя возлагаютъ отвѣтственность на китайское правительство за нарушеніе интересовъ нейтральныхъ державъ.



Ф. 2. Видъ съ птичьяго полета Коринѳскаго канала. 1) Эгинскій заливъ и Каламаки. 2) Впаденіе канала въ Эгинскій заливъ. 3) Развалины стараго города. 4) Акро-Коринѳъ. 5) Маякъ. 6) Новый Коринѳъ. 7) Впаденіе канала въ Коринѳскій заливъ. 8) Желѣзно-дорожный мостъ. 9) Развалины древняго Коринѳа.

Въ Черногоріи, по поводу размежеванія границъ, произошли очень серьезныя несогласія съ горными албанскими племенами, ознаменовавшіяся даже кровавыми стычками. Такъ изъ Скутари сообщаютъ, что многія горныя племена возстали подъ предводительствомъ Али-паши, бывшаго вождя албанской лиги. Албанцы даже вторглись въ предѣлы Черногоріи, но близъ Подгорицы имъ было нанесено пораженіе послѣ отчаянной, двухчасовой битвы. Въ виду такихъ событій, князь Николай усилилъ военный кордонъ вдоль границы и заключилъ союзный договоръ съ миридитами. По послѣднимъ же извѣстіямъ, коммисія по размежеванію границъ, по причинѣ непреодолимыхъ затрудненій, представленныхъ ея работамъ стужею и снѣжными метелями

Библиотека "Руниверс"

въ албанскихъ негостепріимныхъ горахъ, единогласно порѣшила пріостановить свою дѣятельность до наступленія болѣе благопріятнаго времени года.

Съ помилованіемъ мюнстерскаго епископа Бранкмана, въ его епархіи возстановилось правильное отправленіе церковныхъ требъ и нормальный порядокъ замѣнилъ прежнія стѣснительныя и строгія мѣры. Но архіепископства кельнское, гнѣзенское и познанское все еще продолжаютъ находиться въ исключительномъ положеніи, конецъ которому предвидѣть очень трудно, хотя Св. Престолъ, повидимому, все еще питаетъ надежду добиться помилованія архіепископовъ. Въ самой палатѣ депутатовъ оказывается много сторонниковъ этой мѣры и въ недавнемъ засѣданіи палаты выступило много ораторовъ центра, которые снова требовали или возстановленія означенныхъ архіепископовъ, или чтобы объяснили причины отказа въ ихъ помилованіи.

Итальянскій король собственноручнымъ письмомъ къ министру-президенту Депрегису, выразилъ всю признательность, обращенную къ народу по поводу послѣднихъ паломничествъ къ гробницѣ короля Виктора Эммануила и восторженныхъ народныхъ овацій. Король усматриваетъ въ происходившихъ демонстраціяхъ несомнѣнное доказательство мощнаго единенія Италіи и отраднаго довѣрія народа къ національнымъ учрежденіямъ страны. Народное торжество итальянцевъ произвело сильное и глубокое впечатлѣніе на иностранныхъ представителей. Такъ германскій посолъ въ Римѣ, въ письмѣ къ князю Бисмарку, касательно значенія паломничествъ къ могилѣ Виктора Эммануила, прямо заявляетъ, что, не впадая въ преувеличеніе, можно сказать, что для упроченія итальянской монархіи сдѣлано въ одинъ этотъ день столько, сколько могло быть сдѣлано лишь въ пятьдесятъ лѣтъ.

Смѣсь.

Къ юбилею Н. И. Гнѣдича. (Изъ воспоминаній о немъ). Н. И. читалъ однажды у графа Норова *Иліаду*. Старикъ-графъ, привыкшій вздремнуть послѣ обѣда, пересиливалъ-пересиливалъ дремоту, сидя въ креслахъ,—и прикурнулъ въ уголкѣ.

У Николая Ивановича былъ сильный голосъ. Одинъ герой „Иліады" кидаетъ другому упрекъ въ бездѣятельности:

— Ты спишь! раздался громовый его возгласъ по залѣ.

Гр фъ встрепенулся:

— Ей Богу нѣтъ, Николай Ив новичъ:—вамъ это показалось...

Со стола, за которымъ читалъ Николай Ивановичъ, убирали всѣ вещи,—онъ до того воодушевлялся, что иногда схватывалъ подсвѣчникъ, книгу, чернильницу,—потрясалъ ими, и въ сильномъ мѣстѣ пускалъ въ слушателя.—Подробности объ этомъ есть и въ семейной хроникѣ Аксакова.

А. С. Пушкинъ разсказываетъ, что разъ къ Гнѣдичу пришелъ сатирикъ Милоновъ пьяный, растрепанный, какъ всегда. Гнѣдичъ началъ его стыдить. Милоновъ заплакалъ, и показываетъ на небо:

— Тамъ найду я награду за всѣ мои страданія.

— Братецъ, возразилъ Гнѣдичъ:—посмотри на себя въ зеркало,—пустятъ ли тебя туда.

Гнѣдичъ говорилъ, что изученіе классиковъ требуетъ долгаго труда и юныхъ силъ, и что въ извѣстномъ возрастѣ оно немыслимо. Крыловъ, ради курьеза, засѣлъ за греческую грамматику и черезъ два года свободно переводилъ классиковъ изумленному Гнѣдичу. Въ результатѣ баснописецъ выигралъ чуть ли не два фунта конфектъ, и послѣ экзамена, болѣе до греческихъ книгъ не дотрогивался...

Гнѣдичъ однажды послалъ В. А. Жуковскому нюхательнаго табаку. Жуковскій отвѣтилъ ему гекзаметрами. Письмо это мало извѣстно, потому мы его и приводимъ.

Сладостно было принять мнѣ табакъ твой, о выспренній Гнѣдичъ!
Буду усердно, пріявши перстами, къ преддверіямъ жаднаго носа
Прахъ сей посить благовонный и. сладко чихая, сморкаться!
Будетъ платкамъ помаранье, а носу великая слава!
Гдѣ ты сегодня? Что Алексѣй Николаевичъ? (Оленинъ) Лучше-ль
Стало ему? Постараюся нынѣ съ нимъ видѣться утромъ.
Если бы ты, Николай, изгомоздился зайти по дорогѣ за мною:
Вмѣстѣ бъ пошли мы, дорогой вѣщая крылатыя рѣчи другъ другу!

Новыя почтовыя марки. Въ настоящее время уже имѣются въ обращеніи почтовыя марки новаго образца различныхъ цѣнностей. Пока уже изданы марки 7, 14, 35, и 70 копѣечныя; кромѣ того, 3 р. 50 к. и 7 рублевыя. 7-копѣечныя—голубыя съ синимъ орломъ на голубомъ же фонѣ, съ цифрами „7" по угламъ. 14-копѣечныя—голубыя же съ бѣлымъ орломъ на пунцовомъ фонѣ посрединѣ. 35-копѣечныя—фіолетовыя на таковомъ же фонѣ съ цифрою 35 по угламъ. 70-копѣечныя—коричневыя съ цифрою 70 по угламъ и съ бѣлымъ орломъ на оранжевомъ фонѣ посрединѣ. Въ 3 р. 50 коп.—темнокоричневыя на блѣдно-сѣромъ фонѣ, съ бѣлымъ орломъ въ серединѣ и съ надписями по четыремъ рамкамъ: сверху и снизу „3 р. 50 к.", а съ боку надпись „почтовая марка". На темнокоричневой, на желтомъ фонѣ, 7-рублевой маркѣ, такая же надпись съ боковъ, а сверху и снизу „7 рублей". Посрединѣ этой послѣдней марки бѣлый орелъ на ярко-желтомъ фонѣ. *Мы покорнѣйше просимъ нашихъ подписчиковъ высылать намъ непремѣнно марки новаго образца, такъ какъ старыя уже выходятъ изъ употребленія.*

Общество дневныхъ убѣжищъ для дѣтей рабочаго класса. Въ этомъ же № читатели найдутъ объявленіе объ очень полезномъ, благодѣтельномъ учрежденіи. Извѣстно, что люди, бывающіе иногда цѣлый день на работѣ, не могутъ всегда слѣдить и смотрѣть за своими дѣтьми, какъ бы хотѣли, и на этотъ случай общество будетъ въ фабричныхъ мѣстностяхъ устраивать дневные пріюты, куда принимаютъ дѣтей съ самаго малаго возраста. Первый пока такой пріютъ находится въ С.-Петербургѣ, на Пескахъ, 3-я улица, д. № 25. Плата за ребенка 2. 3 рубля въ мѣсяцъ; пріютъ дѣлится на три отдѣла: 1) колыбельня для маленькихъ дѣтей; 2) школа, гдѣ учатъ Закону Божію и грамотѣ; бѣдные пользуются даромъ и обѣдомъ, и 3) рукодѣльная, гдѣ обучаютъ дѣтей мастерствамъ и ремесламъ. Пріютъ существуетъ уже пять лѣтъ на средства частныхъ благотворителей, безъ всякой субсидіи и поддержки и безъ основнаго капитала. Обращаемъ вниманіе общества на такое полезное учрежденіе.

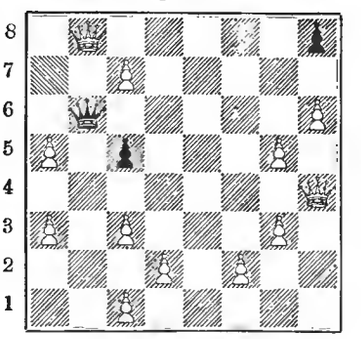
Средства общества составляются изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ и пожертвованій частныхъ лицъ. Каждый членъ общества вноситъ не менѣе ста руб. сер. ежегодно, или единовременно—сумму, проценты съ которой равнялись бы ежегодному доходу въ сто рублей. Желающіе поступить въ общество предлагаются однимъ или нѣсколькими членами и баллотируются въ общемъ собраніи. Что касается занятій въ заведеніи, то: дѣти собираются къ 9 час.; отъ 9 до 12—уроки, въ 12—обѣдъ изъ 2 блюдъ; мяса полагается $^1/_4$ ф. на каждаго; до 2 час. отдыхъ; отъ 2 до 4 час. уроки; въ 4 ч. — стаканъ снятаго молока съ чернымъ хлѣбомъ. Въ 5 час. расходятся. Грудныя дѣти остаются поздно, пока за ними не приходятъ матери.

Число человѣческихъ жертвъ отъ укушенія ядовитыхъ змѣй доходитъ ежегодно въ Индіи до 20 тысячъ, какъ указываютъ недавно обнародованныя оффиціальныя данныя. Это громадное число пострадавшихъ не уменьшается, не смотря на то, что въ послѣдній годъ было истреблено 322,421 ядовитыхъ гадовъ. Одному президентству Бомбей было предъявлено 262,384 убитыхъ змѣй. Живыя изгороди изъ алоэ, кактусовъ и терновника, а также брошенные или полуразрушенные дома вблизи деревень особенно охотно посѣщаются змѣями.

Рыбное богатство. О рыбномъ богатствѣ, равно какъ и о другихъ богатствахъ фауны моря, сравнительныя цифры даютъ весьма интересныя данныя. Извѣстно, что моря занимаютъ $^2/_3$ всей поверхности земли, при чемъ одинъ только Атлантическій океанъ покрываетъ ее на пространствѣ 80,000 квадр. километр. Глубина морей весьма разнообразна и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти недосягаема. О рыбномъ богатствѣ моря даютъ весьма слабыя понятія даже тѣ пункты, гдѣ рыболовство производится въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, какоы напр. Ньюфаундлендъ, норвежскіе и шотландскіе берега; ежегодно милліонами вылавливается здѣсь рыба, но убыль эта быстро пополняется изъ нижнихъ слоевъ моря или изъ тысячъ квадратныхъ верстъ океана, которые никогда еще не посѣщались рыболовами. Только въ отдѣльныхъ моряхъ, населенныхъ особыми, спеціальными породами, замѣчается уменьшеніе количества рыбы; какъ напр. въ водахъ Адріатическаго моря, имѣющаго особую фауну.

Шашечная задача № 4.
К. Цѣхановича.

Черныя.



Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ въ 9ходовъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто мелкихъ денегъ присылаются почтовыя марки,—высылать таковыя **только новаго образца.**

СОДЕРЖАНІЕ: **Николай Ивановичъ Гнѣдичъ** (съ портр.).—**Въ старой Москвѣ.** Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ, **Гр. Е. А. Саліаса.** Часть первая (Продолженіе).—**И. С. Тургеневъ у себя,** въ его послѣдній пріѣздъ на родину. Изъ воспоминаній **Я. П. Полонскаго** (Продолженіе).—**Памятникъ Императору Николаю I въ Спб.** (съ рис.)—**Русское отд. въ Музеѣ Импер. Общ. Поощр Худож.** (съ рис.).—**У фонтана** (съ рис.).—**„Дядя Мазай и зайцы".** Стих. **Некрасова** (съ рис.).—**Малороссійскіе типы. У колыбели** (съ рис.).—**Зимородокъ Новой Гвинеи** (съ рис.).—**Акакасовое поле** (съ рис.).—**Новое растеніе. Карагуата кровавая** (съ рис.). - **Коринѳскій каналъ** (съ 2 рис.).—**Политич. обозр.**—**Смѣсь.**—**Шашечная задача.**—**Заявленіе.**—**Объявленія.**—**При этомъ № прилаг. „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ФЕВРАЛЬ 1884 г. съ 26 рисунками и отдѣльн. лист. съ 36 выкройками въ натуральн. величину и 16 рис. рукодѣльныхъ работъ въ русскомъ стилѣ.**

Редакторъ Ф. Бергъ. **Издатель А. Ф. Марксъ.**

Библиотека "Руниверс"

ВЪ ГЛАВНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
С.-Петербурга и у автора продаются слѣдующія сочиненія

Д-ра ЗЕЛЕНСКАГО.

1) „ОСНОВЫ ДЛЯ УХОДА ЗА ПРАВИЛЬНЫМЪ РАЗВИТІЕМЪ МЫШЛЕНІЯ И ЧУВСТВА".

Въ 2-хъ томахъ. Цѣна 1-го т. 3 р. 50 к., 2-го тома 4 р. Оба тома вмѣстѣ 7 руб.

Содержаніе этого сочиненія представляетъ теорію развитія познанія человѣка отъ первыхъ впечатлѣній новорожденнаго до высшихъ проявленій человѣческаго ума, съ примѣненіемъ ея правилъ къ развитію и усовершенствованію въ молодомъ поколѣніи силы ума и познанія.

2) „ДИФТЕРИТЪ". Для врачей и родителей. Ц. 2 р.

Содержаніе: Описаніе, распознаваніе болѣзни, средства къ предохраненію отъ дифтерита, леченіе. Тамъ же изложены всѣ вредныя вліянія на дѣтей, какъ въ гигіеническомъ, такъ и въ діэтетическомъ отношеніи.

Выписывающіе черезъ посредство ввторг. въ С.-Петербургѣ, у Семеновскаго моста, по Фонтанкѣ, домъ № 63, за пересылку въ предѣлахъ Россіи ничего не платятъ. № 3020

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Только что вышла изъ печати и поступила въ продажу въ конторѣ редакціи журнала „Нива", въ С.-Петербургѣ, В. Морская, д. № 9; въ Отдѣленіи Конторы „Нивы" у Н. Н. Печковской, Москва, въ домѣ Петровскихъ линій и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, новая повѣсть нашего знаменитаго писателя

Д. В. ГРИГОРОВИЧА
„ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ".

Это весьма изящное изданіе печатано на лучшей веленевой бумагѣ и украшено 36 оригинальными рисунками художника Н. Н. КАРАЗИНА.

Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ каленкор. перепл 1 р. 75 к., съ перес 2 р.

Страхованіе пенсіи на старость.

ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себѣ пенсію (доходъ) въ

1,000 РУБ. ЕЖЕГОДНО,

уплата которой начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста застрахованнаго и продолжается до его смерти.

За это страхованіе слѣдуетъ платить Страховому Обществу „РОССІЯ" до начала пенсіи по 29 руб. 64 коп. чрезъ каждые три мѣсяца.

Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ

СТРАХОВАГО ОБЩЕСТВА „РОССІЯ",

выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами.

№ 2874

Открыты курсы шитья и кройки бѣлья и дамскаго и дѣтскаго платья, въ дневномъ

ПРІЮТѢ ДЛЯ ДѢТЕЙ,

Пески, 3-я ул., № 25.

Плата 3 р. въ мѣсяцъ или 15 р. за полгода. Классъ цвѣточнаго мастерства открытъ будетъ, какъ только найдется нѣсколько ученицъ, желающихъ пользоваться имъ. Въ ученицы принимаютъ дѣтей отъ 12 л. возраста, а также и взрослыхъ. Дѣти неграмотныя пользуются даромъ школою и обѣдомъ.

Подробности узнать у надзирательницы пріюта. № 3147 2—1

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ

МЕТАЛЛИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

Выборг. стор. Набер. Б. Невы, № 11, С.-Петерб.

ПАРОВЫЕ КОТЛЫ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ

усовершенствованной конструкціи наилучшаго матеріала, съ гидравлической склепкой, самой тщательной работы,

1882 1882

ГОТОВЫЯ и ВЪ ПОДГОТОВКѢ.

Прессованныя днища.
Трубы Галловэ.

№ 2764 10—7

Изданіе А. Ф. Маркса. СПБ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА.

Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и факсимиле.

3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 8 руб., съ перес. 9 руб.

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ" 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 р., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

☞ Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: „ДВА МІРА" и отдѣломъ въ прозѣ:

„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ".

Первое единственное, дѣйствительно полное собраніе сочинен. А. Н. Майкова.

Книгу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала „Нива" (Бол. Морская, № 9); въ Москвѣ у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Только что вышелъ изъ печати

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ

ОПЕРА П. ЧАЙКОВСКАГО.

ИЗДАНІЕ ВЪ 4 РУКИ

Цѣна 8 рублей.

МОСКВА У П. ЮРГЕНСОНА

Неглинный проѣздъ 10. П. № 3133 1—1

ШАПКИ

НОВАГО ОБРАЗЦА

ДЛЯ ОФИЦЕР. И НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ

ЖАНДАРМСКАГО КОРПУСА.

Изготовляются въ мастерскихъ Спец. Воен. Магаз. Петерб. Невскій д. № 1. № 3137 1—1

О ПОДПИСКѢ
на 1884 годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

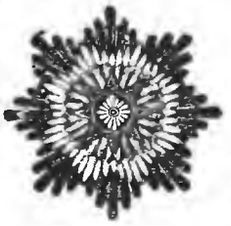
Содержаніе вышедшихъ доселѣ 7-ми №№ „ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ОБОЗРѢНІЯ":

№ 1. Отъ редакціи (о задачахъ и направленіи газеты).—Изъ иностр. поэтовъ I и II стих. А. Н. Плещеева.—Молодые годы (очеркъ) Л. Х. Симоновой.—Изъ пѣсенъ венгерскихъ цыганъ, I—IV А. Михайлова.—О земскихъ выборныхъ неурядицахъ Ан. Пыпина.—№ 2. Фразы и жизнь.—Молодые годы (очеркъ) Л. Х. Симоновой.—Могильныя крысы (по одному изъ соціальныхъ вопросовъ) Н. С. Лѣснова.—Изъ пѣсенъ венгерскихъ цыганъ V—IX А. Михайлова.—Изъ дневника, стих. А. Круглова.—№ 3. На новый годъ, стих. А. Н. Плещеева.—Много шуму изъ ничего.—По еврейскому вопросу.—Изъ разсказовъ о провинціи: I. Курное нашествіе А. Кроткова.—На чердакѣ, стих. Н. Д. Щедрова.—№ 4. Общество трезвости.—Изъ разсказовъ о провинціи: II. Безъ зазрѣнія, А. Кроткова.—Мои мытарства (изъ записокъ гувернантки) А. Доганевичъ.—Несчастная любовь, стих. С. Бердяева.—№ 5. Земскіе командиры.—Положеніе черноморскаго края.—Мои мытарства (изъ записокъ гувернантки) А. Доганевичъ.—Простой разсказъ, пер. А.—Изъ пѣсенъ венгер. цыганъ, X—XII А. Михайлова.—№ 6. Поэты и критика I.—Скелетъ (разсказъ), А. Печориной.—Изъ дневника, стих. А. Круглова.—№ 7. Поэты и критика II.—Скелетъ (разсказъ), А. Печориной.—Ноктюрнъ. Стих. Н. Д. Щедрова.—Изъ пѣсенъ венгер. цыганъ XIII—XV.—А. Михайлова.

Кромѣ того въ каждомъ № помѣщается: внутренняя и заграничная хроника, библіографія и свѣдѣнія о новыхъ книгахъ, затѣмъ новости журналистики, театръ и музыка, торговыя извѣстія, биржевой указатель и пр. Внутренняя хроника группируется по слѣдующимъ отдѣламъ: Придворныя извѣстія. Постановленія и распоряженія правительства. Церковь и духовенство. Слухи и проекты. Коммиссіи, комитеты и общества. Земское и городское самоуправленіе. Судъ. Народное хозяйство и продовольствіе. Торговля, промышленность, пути сообщенія и пр. Народное здравіе. Народное образованіе. Наука и литература. Искусство. Разныя извѣстія. Некрологи и пр.

„ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ" выходитъ по воскресеньямъ въ размѣрѣ отъ одного до трехъ листовъ (отъ 16 до 48 столбцовъ) обыкновеннаго формата еженедѣльныхъ и иллюстрированныхъ изданій. Подписная цѣна безъ приложеній три руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою; а съ приложеніями (десять кабинетныхъ фотографическихъ портретовъ различныхъ современныхъ русскихъ дѣятелей въ области науки, искусства, литературы, администраціи и церкви) четыре руб. Допускается разсрочка, при чемъ при подпискѣ вносится два руб. и остальныя деньги въ маѣ мѣсяцѣ 1884 года.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія прямо и исключительно въ редакцію „ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ОБОЗРѢНІЯ", въ С.-Петербургъ, Надеждинская ул., д. № 9, кв. 26. № 3140 Редакторъ-издатель И. В. СКВОРЦОВЪ.



ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ДЛЯ КОТИЛЬОНОВЪ И БАЛОВЪ
въ великолѣпномъ выборѣ и за дешевую цѣну
пересылаетъ акуратно фабрика

N. L. CHRESTENSEN

Königl Preuss. Hoflieferant - Erfurt - Preussen.

Зам.: Мой прейсъ-курантъ лучшихъ цвѣточныхъ работъ и принадлежностей для бала и котильона съ болѣе чѣмъ 200 хорошихъ иллюстрацій новыхъ и новѣйшихъ туръ котильона и общест. игръ посылаю по требованію франко и даромъ. S. № 2906 10—8

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

Практ. руковод. къ изученію прав. употребл.

ЗНАКОВЪ ПРЕПИНАНІЯ.

Ц. 25 к., съ пер. 35 к. Адр. Учителю К Гану, въ г. Слонимъ (Гродн. губ.) и во всѣхъ кн. магаз. Спб. и Москвы. № 3148. 2—1

Заслуживающій вниманія Гг. потребителей по содержанію и по доступнымъ цѣнамъ

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ НА 1884 г.

СѢМЕННОЙ ТОРГОВЛИ

Ф. Ф. НИТЧЕ,

Москва, по Садовой, у Красныхъ воротъ, д. Раузера, высылается по требованію **безплатно.**

М. № 3134 1—1

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ".

Меде-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ*).**

Признанъ **за лучшее средство** противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная **съ простаго катарра** до чахотки и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ въ **С.-Петербургѣ.**

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо.

Въ **С.-Петерб.** въ Русск. Общ. Торг. Аптек. Тов. Казанская; 12; въ **Москвѣ:** у Х. Феррейнъ; у Н. Маттейсенъ, Тверская. въ **Саратовѣ:** у Н. Маттейсенъ; въ **Кіевѣ:** въ Южно-Русск. Общ. Торг. Аптек. Тов.; у Н. Неезе; **въ Одессѣ** у Ю. Лемме и К°-; **въ Харьковѣ:** въ Русск. Общ. Торг. Аптек. Тов.; **въ Ригѣ:** у А. и В. Веттерихъ, и во многихъ другихъ Тор. Аптек. Тов. Глав. складъ д. Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Аурвха, Б. Морск. 17.

4 ЦѢННЫЯ ПРЕМІИ

(ПОЛЕЗНЫЕ ПОДАРКИ ДЛЯ ВСѢХЪ)

высылаются, съ первою почтою, за **15 руб.:**

1) **Зрительныя трубы,** приближ. на 10 вер.

2) **Микроскопы,** увеличив. въ 1,000 разъ.

3) **Барометры,** за сутки и болѣе показыв. перемѣны погоды: дождь, вѣтеръ, бурю и пр.

4) **Самоучитель рисованія**—по бумагѣ, атласу и стеклу (печатное наставленіе, большой вязущый ящикъ красокъ, кисти и стекла). Всѣ вещи заграничныя. Отдѣльно каждая вещь высылается за 5 р. 50 к. Адрес.: въ Москву, въ контору „Дѣтской Библ."—Петровка, д. Кредитн. Общ. № 3123 3—2

ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія.

ТОПОЛИНЪ или

ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ.

М. М. Петрова.

Для лица № 1. Усовершенств. средство, уничтожающее прыщи, красныя пятна, загаръ, веснушки; при употребленіи лицо пріобрѣт. здоровый и красивый цвѣтъ.

Для головы № 2. Дѣйствительно очищаетъ кожу отъ перхоти, освѣжаетъ голову, прекращаетъ головныя боли, почему прекращаетъ и выпаденіе волосъ.—Въ виду поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на клеймо (М. М. Петрова).

Цѣна флак. по 1 р. 25 к. и 1/2 фл. по 75 к.

Главные склады: въ аптекахъ и во всѣхъ московск. аптекарск. магазинахъ.

Продается: въ аптекахъ, аптекарскихъ и др. магаз. Россіи и заграницей.

Для гг. оптовыхъ покупателей установлена % скидка.

Съ треб. просятъ обращ. въ главный складъ: Москва, Никитская аптека Петрова, бывш. Кеклеръ. По почтѣ высылается **не менѣе 2 флак. за 3 р. 50 к.**

Ц. № 3106 26—2

№ 2911 7—5

САМАЯ УПОРНАЯ ПРОСТУДА ИЗЛЕЧИВАЕТСЯ

БЫСТРО И БЕЗЪ ТРУДА, ЕСЛИ ПРОГЛОТИТЬ

ДВѢ

КАПСЮЛИ ГЮЙО

ПРИ КАЖДОМЪ ПРИНЯТІИ ПИЩИ.

Прежде, эти капсюли были черныя и ихъ было непріятно глотать, теперь онѣ бѣлыя и походятъ на конфекты.

На каждой капсюлѣ напечатана подпись **Гюйо.**

Деготь, заключающійся **въ капсюляхъ Гюйо,** переносится самыми деликатными желудками.

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Дѣти и лица, которыя не могутъ проглотить эти капсюли, употребляютъ

PATE REGNAULD

приготовляемое

19, RUE JACOB

Требовать чтобы на этикеткѣ была эта подпись тремя цвѣтами

ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО,

19. RUE JACOB. ПАРИЖЪ.

Большая производительность!

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО

для добыванія **СОВЕРШЕННО ЧИСТОЙ** и **БЕЗВРЕДНОЙ** для здоровья

ВОДЫ ДЛЯ ПИТЬЯ,

наконецъ, можетъ быть предложено публикѣ, въ видѣ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНО РАЦІОНАЛЬНАГО

ДОМАШНЯГО

ФИЛЬТРА,

который основанъ на

СИСТЕМѢ

СКОРОДѢЙСТВУЮЩИХЪ

ФИЛЬТРОВЪ,

ИЗОБРѢТЕННОЙ г. **ПИФКЕ.**

Этотъ фильтръ можетъ быть каждымъ очищаемъ въ нѣсколько минутъ, **не нуждаясь въ разборкѣ.**

ГЛАВНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

Эдуардъ Карловичъ КЕРБЕРЪ,

С.-Петербургъ, Невскій прос., домъ № 22, кв. № 18.

Для ознакомленія съ патентованными фильтрами для фильтраціи воды и пр. въ **большихъ размѣрахъ** имѣются особыя объявленія. 3138

Дешевизна содержанія!

ЕАU D'HOUBIGANT

la plus appréciée pour la toilette.

Houbigant parfum. de la Cour de Russie Paris.

„НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ"

иллюстрированный дамскій журналъ.

№№ 1—3 на 1884 годъ уже вышли и разосланы подписчикамъ.

ГОДОВАЯ ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Новые подписчики получатъ журналъ еще съ № 1-го, со всѣми безплатными приложеніями. Р. № 3136 1—1

Товарищества

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ

НОВАЯ МУКОМОЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦА

„ТРІУМФЪ"

ЦѢНОЮ въ СПБургѣ **175 р.**

ЦѢНОЮ въ Москвѣ **185 р.**

отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ системъ тѣмъ, что она при большой простотѣ, даетъ большое количество муки лучшаго качества, требуя при этомъ очень мало силы. Производительность ея до 15 пуд. муки въ часъ. **Кромѣ того Товарищество предлагаетъ: Универсальныя сѣялки въ разбросъ, Бермана,**

лучшія настоящаго времени.

Джонстона знаменитыя жнеи Тріумфъ единствен. простыя, легкія и прочныя.

Конныя грабли Тигеръ

по **75** рублей.

Плуги заводовъ Берманъ и Фискарсъ.

Маслобойки Блоншарда, соломорѣзки, молотилки, вѣялки по 35 р.—насосы, пульзометры К. Генри Голля, пожарныя трубы, соломорѣзки, сверлильные станки, лебедки, арматуру, ремни и пр., и пр.

Иллюстр. каталоги по востребованію.

С.-Петербургъ, Вас. остр., 1 линія, № 10. Москва, Мясницкая, домъ Сытова.

№ 3096 6—3

ЛИКЕРЫ ЗАВОДА ОБЩЕСТВА „КЕЛЛЕРЪ И К°".

Правленіе акціонернаго Общества „Келлеръ и К°", послѣ тщательнаго изслѣдованія фабрикаціи иностранныхъ ликеровъ, открыло съ 1882 года на заводѣ Общества, а также и на заводѣ Товарищества „Л. Обловъ и К°", спеціальныя отдѣленія для приготовленія означенныхъ ликеровъ. **Ликеры эти,** поступившіе въ настоящее время въ продажу, по отзывамъ приглашенныхъ Правленіемъ экспертовъ, **нисколько не уступаютъ во всѣхъ отношеніяхъ лучшимъ заграничнымъ образцамъ.**

Цѣна ликеровъ завода „Келлеръ и К°", ниже цѣнъ заграничныхъ ликеровъ отъ 150 до 300%.

Рекомендуя ихъ гг. покупателямъ, Правленіе считаетъ нужнымъ пояснить, что большинство сортовъ заграничныхъ ликеровъ, продающихся подъ различными марками, отличаются какъ по вкусу, такъ и по крѣпости. Правленіе проситъ тѣхъ изъ гг. покупателей, которые найдутъ ликеры завода „Келлеръ и К°" не подходящими подъ вкусъ употребляемыхъ ими заграничныхъ ликеровъ, вмѣстѣ съ заказами указывать на марку ликера, который они желали бы имѣть.

Имѣя возможность разнообразить свое производство, Правленіе будетъ удовлетворять такимъ требованіямъ гг. покупателей, въ самомъ непродолжительномъ времени.

Ликеры завода „Келлеръ и К°" можно получать въ магазинахъ Общества, **въ С.-Петербургѣ:** при заводѣ, Обводный каналъ, д. 96; Фонтанка, д. 45; Кадетская линія, В. О., д. 19; Невскій просп., д. 124. **Въ Царскомъ Селѣ:** Малая ул., д. Бараиовой. **Въ Кронштадтѣ:** Господская ул., д. Турыгиной.—**Въ С.-Петербургѣ:** на заводѣ Товарищества „Л. Обловъ и К°", Курляндская ул., д. 19 (продаются подъ маркою Товарищества „Л. Обловъ и К°), а также въ нижеслѣдующихъ виноторговляхъ: у гг. Фейкъ и К°, Невскій пр., у Полицейскаго м.; В. И. Черепенникова—Литейный пр., въ домахъ за №№ 5, 11 и 47; В. Г. Баскова—уг. Кирочной и Воскресенскаго пр., уг. Надеждинской и Итальянской; 1-я линія В. О., д. за №№ 34 и 46; Н. П. Смирнова—Гороховая ул., д. 4 и Вознесенскій пр., д. 4; Глушкова—Литейный пр., д. 10; Бр. Зайцевыхъ—уг. В. Садовой и Невскаго; И. Я. Мелешина—Галерная, д. 50 и многихъ другихъ. **Въ Ораніенбаумѣ:** у С. А. Алексѣева, Большой пр., собств. д. **Въ Старомъ Петергофѣ:** у С. А. Алексѣева и **въ Гатчинѣ,** у П. М. Муценко.

Съ требованіями просятъ обращаться по указаннымъ адресамъ и на заводъ Общества, по Обводному каналу, домъ 96.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 3054.

38. ТРОИЦКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ. 38.

Троицкаго заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ съ доставкою,

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ:

	Р.	К.
1 сифонъ (сельт. или	10	
25 1/2 бут. (сод. воды	1	13
25 бут. шипуч. лимон.	1	75
25 „ фр. и ягод. в.	2	50
25 „ пироф. ж. воды	1	75
25 „ виши (Vichy)	2	—
25 „ аполинарисъ	1	25

Залогъ за бут. по 2 к., за сифонъ по 1 р.

Р. № 3143 1—1

„Всемірная Иллюстрація",

большой иллюстрированный журналъ.

№№ 1-3 на 1884 годъ уже вышли и разосланы подписчикамъ.

ГОДОВАЯ ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Новые подписчики получатъ журналъ еще съ № 1-го. Р. № 3135 1—1

Библиотека "Руниверс"

НОТЫ.

ЛУЧШІЯ ШКОЛЫ:

для фортепіано Гюнтена 2 р. 50 к.
„ пѣнія Маркези 6 р.
„ скрипки Беріо I часть 3 р.
„ „ II „ 4 р.
„ скрипки Алларъ 4 р.
„ „ Роде Вальо Крейтцеръ 3 р.
„ віолончели Ли 4 р.
„ флейты Келеръ I часть 1 р. 50 к.
„ „ II „ 1 р. 50 к.
„ корнета à-пистонъ Томсонъ 4 р.
„ кларнета Блятъ 4 р.
„ гитары Моркова 3 р.
„ цитры Майеръ I часть 3 р.
„ „ II „ 2 р.
„ фисгармоніи Лейбахъ 4 р.

ПОЛНЫЯ ОПЕРЫ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО:

Глинка. „Жизнь за Царя“ 3 р.
„ „Русланъ и Людмила“ 3 р.
Даргомыжскій. „Русалка“ 3 р.
Сѣровъ. „Рогнѣда“ 3 р.
„ „Вражья сила“ 3 р.
Рубинштейнъ. „Демонъ“ 6 р.
„ „Неронъ“ 4 р.
Верстовскій. „Аскольдова могила“ 3 р.
Римскій-Корсаковъ. „Снѣгурочка“ 5 р.
Чайковскій. „Орлеанская дѣва“ 5 р.
Берди. „Риголетто“ 2 р.
„ „Аида“ 3 р.
„ „Трубадуръ“ 1 р. 50 к.
Мейерберъ. „Гугеноты“ 1 р.
„ „Робертъ“ 1 р.
Гуно. „Фаустъ“ 3 р.
Бизе. „Карменъ“ 5 р.
Понкелли. „Джіоконда“ 5 р.
Флотовъ. „Марта“ 1 р. 50 к.
Вагнеръ. „Тангейзеръ“ 2 р.
„ „Лоенгринъ“ 2 р. 50 к.

ПОЛНЫЯ ОПЕРЫ ДЛЯ ПѢНІЯ СЪ ФОРТЕПІАНО:

Глинка. „Жизнь за Царя“ 8 р.
„ „Русланъ и Людмила“ 8 р.
Даргомыжскій. „Русалка“ 8 р.
Сѣровъ „Рогнѣда“ 8 р.
Рубинштейнъ. „Демонъ“ 10 р.
„ „Неронъ“ 8 р.
Верстовскій. „Аскольдова могила“ 6 р.
Римскій-Корсаковъ. „Снѣгурочка“ 10 р.
Чайковскій. „Орлеанская дѣва“ 8 р.
Верди. „Аида“ 8 р.
Моцартъ. „Донъ Жуанъ“ 4 р.

ПОЛНЫЯ ОПЕРЕТТЫ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО:

Миллекеръ. „Нищій студентъ“ 2 р. 70 к.
„ „Апаюнъ“ 2 р. 50 к.
Лекокъ. „Мадамъ Анго“ 4 р.
„ „Рука и сердце“ 5 р.
„ „Зеленый островъ“ 4 р.
Планкетъ. „Корневильскіе колокола“ 5 р
Одранъ. „Красное Солнышко“ 4 р.
„ „Свадьба Оливетты“ 4 р.
Варней. „Мушкетеры“ 4 р.
Суппе. „Боккачіо“ 2 р. 70 к.
„ „Фатиница“ 1 р. 50 к.
„ „Гасконецъ“ 2 р. 70 к.
Штраусъ. „Веселая война“ 2 р. 50 к.
„ „Летучая мышь“ 1 р. 50 к.
Оффенбахъ. „Перикола“ 4 р.

и всѣ другія существующія ноты для фортепіано, пѣнія, скрипки, флейты, корнета и также для оркестра, рекомендуетъ по дешевымъ цѣнамъ.

Пересылка одной школы, оперы, или оперетты 50 к.

Юлій Генрихъ Циммерманъ,
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ и пансіонеровъ д-ра Волицкаго. Невскій, пр., противъ Николаевской ул., д. 98. Пріемъ спеціалист., ежедн., съ 1—3 ч. дня и съ 6—7½ ч. веч. Леченіе электр. и минеральными ваннами. Врачебн. дежурство, осмотръ кормилицъ и прислуги.

НА ВЕСЬМА ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ!!

Нужны компаніоны для сбыта весьма ходкихъ товаровъ, въ губернскихъ городахъ и большихъ торговыхъ пунктахъ Россіи и Сибири, съ капиталомъ для каждаго пункта въ 500—1,000 руб. Обращаться письменно съ рекомендаціями значительн. торговыхъ фирмъ въ Центр. Контору Объявленій **Л. Метцль, Москва**, Петровка № 6, подъ Лит. **М. 252.—Безъ рекомендацій не обращаться.**
Ц. № 3102 3—3

ГЛИЦЕРИН. МЫЛО

БРОКАРЪ И К°

№ 3090 25—2

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ. МОСКВА.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА

С.-Петербургъ, В. Морская ул., № 36. || Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

РЕКОМЕНДУЕТЪ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ ПО ВЕСЬМА ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ:

Скрипки, альты, віолончели, контрабасы, смычки, струны.
Гитары, цитры, мандолины. школы, камертоны, пюпитры.
Корнеты à пистонъ, трубы, тромбоны, альтгорны, басы.
Флейты, кларнеты, пикколофлейты, чаканы, флажолеты.
Барабаны, литавры, тамъ-тамъ, тарелки, бубны, треугольники, кастаньеты, бунчуки, металлофоны, окарины.
Ручныя 1, 2 и 3-хъ-рядныя **гармоніи**, бандоніоны, англійскія и нѣмецк.. концертино, губныя гармоніи.
Музыкальные ручные и заводные ящики, шарманки.
Фисгармоники французск. и американск., гармонифлюты, гармонифлюты съ органомъ, фисгармоніи съ органомъ.
Прошу смотрѣть тоже объявленіе въ № 51 „Нива“ 1883 г.

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 17 и 18, || МОСКВА, Петровка, д. Михалкова,

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНІЕ:

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. И. ГНѢДИЧА,

съ портретомъ поэта, гравированнымъ на стали, факсимиле и біографіею, составленною **Н. М. ВИЛЕНКИНЫМЪ.**

ПЕРВОЕ ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ.

3 тома, въ 8 д. л. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. 50 к.; въ изящномъ калени. переплетѣ ц. 6 р. 75 к., съ перес. 8 р. с.

Въ это собраніе сочиненій поэта, пятидесятилѣтнюю годовщину смерти котораго празднуетъ теперь вся образованная Россія, вошелъ, прежде всего, знаменитый **переводъ Гомеровой Иліады**, который доставилъ Гнѣдичу почетное мѣсто въ нашей литературѣ, неумирающую славу и вызвалъ слѣдующія слова Пушкина: „Съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго высокаго подвига. Русская „Иліада“ передъ нами“.—Объ этомъ же переводѣ писалъ Бѣлинскій, что „постигнуть духъ, божественную простоту и пластическую красоту древнихъ грековъ было суждено на Руси пока только одному Гнѣдичу.“ Въ переводѣ Гнѣдича, неустарѣвшемъ и понынѣ, вѣетъ духъ Гомера, мужественный и наивный, безъискусственный и безконечно разнообразный въ оттѣнкахъ; Гнѣдичъ, какъ никто, постигъ и выразилъ неуловимую тайну гомеровскаго гекзаметра.—Кромѣ „Иліады“, въ „Собраніи Сочиненій Гнѣдича“ помѣщены его **стихотворенія**, въ которыхъ такъ ярко и прекрасно выставлена то искренняя радость, то тихая грусть, выраженная простымъ поэтическимъ языкомъ, какъ напр. знаменитая **лебединая пѣснь поэта „Ласточка“**. Тутъ же помѣщены: **„Простонародныя пѣсни Грековъ,“ трагедія „Танкредъ“, эпиграммы, посланія** и т. п. Гнѣдичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, сочиненія которыхъ слѣдуетъ считать необходимою принадлежностью каждой библіотеки, каждаго собранія книгъ.

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

Два иллюстрированныхъ еженедѣльныхъ журнала для дѣтей младшаго и старшаго возрастовъ. Первые выпуски вышли въ свѣтъ и заключаютъ въ себѣ статьи: **Вс. С. Соловьева, Н. С. Лѣскова, С. В. Максимова, С. М. Манаровой, Д. Д. Минаева, Н. Н. Каразина, П. Д. Боборыкина, Ев. Марлова, В. Аксенаріуса, С. Атавы** и мн. др. Подписная цѣна на каждый изъ двухъ журналовъ, со всѣми приложеніями и преміями 6 р. с.—Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Тов. М. О. Вольфъ, С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, 17 и 18, Москва, Петровка, д. № 5.

КОРОЛЕВСКАЯ ВЮРТЕМБЕРГСКАЯ АКАДЕМІЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА HOHENHEIM.

Лѣтній семестръ начинается **со среды 16-го апрѣля с. г.** Объявленія, указатели лекцій и программы занятій разсылаются по требованіямъ безвозмездно.

Гогенгеймъ. Январь, 1884 г. Дирекція Королевской Академіи.

Д. № 3146 2—1 За директора профессоръ **Д-ръ Е. Вольфъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВНОВЬ ВЫХОДЯЩІЙ СЪ **1884** года

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

журналъ, издаваемый Русскимъ Обществомъ книгопродавцевъ и издателей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Правительственныя распоряженія, относящіяся до спеціальности журнала; 2) Свѣдѣнія и сообщенія о дѣятельности русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, а также его правленія; 3) Книжно-торговое дѣло. (Сообщенія книгопродавцевъ и издателей, имѣющія общественный интересъ, сношенія ихъ какъ между собою, такъ и съ обществомъ, корреспонденціи, запросы, разныя свѣдѣнія, почтовый ящикъ и проч.); 4) Указате ь новыхъ изданій (списокъ всѣхъ выходящихъ въ продажу книгъ: въ Россіи и заграницей); 5) Предложенія и спросъ; 6) Объявленія.

„КНИЖНО-ТОРГОВЫЙ ЛИСТОКЪ“.

Особое безплатное приложеніе къ **„Книжному Вѣстнику“**, исключительно для Г. г. книгопродавцевъ.

1) Списокъ книгъ съ указаніемъ размѣра торговой уступки; 2) Списокъ книгъ, предлагаемыхъ по уменьшенной цѣнѣ; 3) Списокъ книгъ, предлагаемыхъ на коммисію.

Срокъ выхода: два раза въ мѣсяцъ. Форматъ in 8°.

Подписная цѣна **3 руб.** въ годъ съ пересылкой и доставкой.

Плата за объявленія: **В руб.**—за страницу, **4** руб. 50 коп.—за ½ страницы, 2 р. 50 к.—за ¼ страницы; 10 коп. за строку петита въ одинъ столбецъ.

Объявленія и подписка на журналъ принимаются въ Правленіи Общества, по Больш. Конюшенной 29, квар. 7, отъ 11 часовъ утра до 4 пополудни.

Для личныхъ объясненій и справокъ Правленіе открыто ежедневно отъ 2 до 3 часовъ пополудни, кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ. № 3092 3—3

ВЪ МАГАЗИНАХЪ

ПАВЛА БУРЕ

ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ

поставщика **Высочайшаго Двора**, оцѣнщика **при кабинетѣ Е. И. В., ТЕХНИКА ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА** и часовыхъ дѣлъ мастера ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ФЛОТА **въ С.Петербургѣ:** на Невскомъ пр., № 23, **въ Москвѣ:** Рождественка, № 6

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ

Золотые дамскіе часы, закрытые, анкерные, на 15-ти камняхъ, заводящіеся ключемъ въ 50, 55, 60, 65, 75, 85, до 100 р.

Золотые мужскіе часы, закрытые, анкерные, на 15-ти камняхъ, заводящіеся ключемъ, въ 60, 66, 70, 75, 80, 85, 100 до 200 р.

Серебряные мужскіе часы, закрытые, анкерные, на 15 камняхъ, заводящіеся ключемъ, въ 19, 20, 22, 25, 30, 35, 40 до 60 р.

Ручательство на два года.

Пересылка на счетъ магазиновъ. № 3051

Подробные иллюстрирован. прейсъ-куранты высылаются по востребованію безплатно.

ЦѢНА ЗА ФУНТЪ 1 Р. 20 К.

ВО ИЗБѢЖАНІЕ ПОДДѢЛОКЪ.

ЧАСТОПРІЯТНІЙ ШОКОЛАДЪ РЕТАБЛІЕРЪ ДА СИМСОНА К°.

УПОТРЕБЛЕНІЕ КОЕГО ПРИНОСИТЪ НЕСОМНѢННУЮ ПОЛЬЗУ,

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** У ГЛАВНАГО АГЕНТА

А. Л. ШТУМЕРЪ ВЪ МОСКВѢ,

Нижне-Кисельный переулокъ, домъ Шигаева.

ТРЕБОВАНІЯ ИСПОЛНЯЮТСЯ СЪ ПЕРВОЮ ОТХОДЯЩЕЮ ПОЧТОЮ.

ЦѢНА ЗА ФУНТЪ 1 Р. 20 К.

№ 2924 6—6

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Ручн. и ножн. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ **выметываютъ петли, вышиваютъ и шьютъ чрезъ край.** Подробный прейсъ-курантъ и пробныя петли высылаются безплатно.

А. ШТЕЙНЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская № 21.

Р. № 3127 5—2

Дозволено цензурою. СПБ. 1 февраля 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 6 | годъ XV | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 11 Февраля 1884 г.

Открыта подписка на „Ниву" 1884 года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Марк. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарель (въ 1/4 ширины страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 7 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9 И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 8 ч. ВЕЧЕРА.

Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ.

29 Декабря 1883 г. скончался въ Одессѣ извѣстный нашъ политическій писатель Р. А. Фадѣевъ, замѣчательный публицистическій талантъ котораго получилъ признаніе не только въ нашей печати, но и въ заграничной, гдѣ имя его сдѣлалось однимъ изъ извѣстнѣйшихъ. Первое чѣмъ обратилъ на себя Р. А. вниманіе, были его „Письма съ Кавказа", писанныя имъ во время его службы при князѣ Барятинскомъ; затѣмъ въ 1867 г. онъ выступилъ съ сочиненіемъ „Вооруженныя силы Россіи", въ которомъ много главъ, весьма важныхъ для соображеній объ этой важной отрасли государственной жизни. Тщательное изученіе славянскаго вопроса выразилось въ его извѣстной книгѣ „Восточный Вопросъ", переведенной на иностранные языки, которая дала поводъ заграницей, особенно въ Австріи, считать автора книги этой однимъ изъ главныхъ двигателей всего славянскаго вопроса, что разумѣется нельзя не назвать преувеличеннымъ.

Реформы минувшаго царствованія, глубоко захватившія всѣ стороны государственной и общественной жизни, естественно вызвали совершенно новыя условія жизни и новыя явленія, разъясненіе которыхъ разумѣется представляло высокую важность, и разъясненіемъ этимъ, между другими, занялся и Фадѣевъ, написавъ рядъ статей подъ общимъ названіемъ „Чѣмъ намъ быть", вышедшихъ потомъ отдѣльной брошюрой и также переведенной на иностранные языки. Сила таланта и мѣткость отдѣльныхъ мѣстъ книги, породили какъ горячихъ сторонниковъ, такъ и не менѣе горячихъ противниковъ высказанныхъ авторомъ положеній. Во всякомъ случаѣ, соглашаясь или не соглашаясь съ авторомъ, нельзя не признать несомнѣнной силы впечатлѣнія, произведеннаго этой книгой. Не менѣе достоинствъ заключаетъ и послѣднее его сочиненіе „Письма о современномъ состояніи Россіи"—напечатанное сперва заграницей у Брокгауза, одновременно и на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ, а затѣмъ, послѣдующія два изданія, въ С.-Петербургѣ выпущены Ретгеромъ. Эта книга также произвела впечатлѣніе

Генералъ Р. А. Фадѣевъ. † 29 Дек. 1883 г. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

многими мѣткими и глубокими указаніями особенностей современнаго теченія общественной и административной дѣятельности въ Россіи.

Р. А. Фадѣевъ родился въ концѣ 1824 г., значитъ ему не было еще 60 лѣтъ. Но болѣзнь, въ послѣднее время въ особенности, подкосила его здоровый организмъ и измучила его. Онъ умеръ въ Одессѣ, на рукахъ любившихъ его и заботившихся о немъ родныхъ и до послѣдней минуты былъ въ полной памяти. Похоронили его съ почетомъ.

Траурный катафалкъ и гробъ были усыпаны вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ, положенныхъ почитателями покойнаго и Славянскимъ Обществомъ. На похоронахъ присутствовали: одесскій генералъ-губернаторъ, одесскій комендантъ и другія власти города и округа, начальники отдѣльныхъ военныхъ управленій и частей войскъ, одесскій городской голова, члены одесскаго славянскаго общества, болгарскаго настоятельства, сербы, болгары и черногорцы. По выносѣ гроба изъ храма, встрѣтилъ его хоръ военной музыки, игравшій погребальный маршъ, и при опусканіи тѣла въ могилу, войска сдѣлали изъ ружей, а артиллерія изъ пушекъ, троекратный залпъ Умеръ Р. А., какъ жилъ, не составивъ себѣ средства и не добившись никакого виднаго положенія, въ чинѣ генералъ-маіора.

Въ старой Москвѣ.

Историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ,

Гр. Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XIX.

Разумѣется, сержантъ, проведя цѣлый день и цѣлую ночь какъ на угольяхъ отъ нетерпѣнья, въ назначенное дѣдомъ время былъ уже въ домѣ. Князь встрѣтилъ внука также радушно.

Вчера мы все о тебѣ съ Анютой бесѣдовали, сказалъ онъ. Сейчасъ велю доложить и позвать сюда. Небось ужь ей извѣстно отъ людей, что ты у меня.

И хлопнувъ раза два, по обычаю, въ ладоши, князь крикнулъ.

— Гей, люди!

Затѣмъ Артамонъ Алексѣичъ прислушался. Въ залѣ слышны были торопливые шаги кого-то изъ прислуги и князь крикнулъ появившемуся лакею:

— Чего васъ не докличешься? Всѣ провалились. Гдѣ Ѳеофанъ?

— Не могу знать.

— Колоколъ что ли мнѣ заводить, да благовѣстить, какъ къ заутрени. Прикажи доложить чрезъ мамушку Прасковью Ивановну—княжнѣ, что пожаловалъ къ намъ изъ Питера ихъ братецъ.

Лакей вышелъ.

— А знаешь, Борисъ, обратился князь весело къ внуку. Сказывали мнѣ, что будто за границей завели и впрямь маленькіе колокола, чтобы людей звать. Какъ нужно кого—звонятъ! Не слыхалъ?

— Нѣтъ, дѣдушка! отозвался тревожно Борщевъ, видимо взволнованный и не въ состояніи скрыть своего волненія.

Девять мѣсяцевъ не видалъ онъ ее и вотъ сейчасъ увидитъ.

Князь замѣтилъ и дрогнувшій голосъ сержанта и его блестящій, почти лихорадочный взглядъ, и отвернулся.

Наступило тяжелое молчанье.

— А почему, говоришь, на коронацію въ офицеры производства ждешь? перебилъ его князь. А коли нѣтъ? Ты почему надѣешься?

— Пора, дѣдушка. Я семь лѣтъ служу и вотъ уже два съ половиной года какъ изъ капраловъ въ сержанты вышелъ. Я вѣдь не захудалаго какого рода или мелкота дворянская. Вашъ родственникъ къ тому же...

— Это имъ что?... Я не сановникъ, не генералъ.

— Да и обстоятельства такія — коронація. Нашимъ инымъ въ полку страшнѣйшія милости повалятъ. Тысячи червонцевъ, вотчины... А мнѣ нужно всего то офицерское званіе.

— Да вѣдь ты въ Петровъ день никакого такого колѣна не отмочилъ.

— Со всѣми былъ. Не отставалъ отъ другихъ! сказалъ Борщевъ.

— Этого мало, братецъ. Тебѣ бы ужь, видя на чьей сторонѣ сила, себя показать, да такъ, чтобы...

Князь не договорилъ. Въ дверяхъ изъ спальни князя показался Ѳеофанъ и, остановясь на порогѣ, проговорилъ сердито:

— Ваше сіятельство Извольте взглянуть, что эти разбойники натворили.

— Что такое?

— Воля ваша. А я не могу. Мнѣ хоть помирать отъ этихъ бездѣльниковъ.

— Да что?

— Пожалуйте. Взгляните! Все перепортилъ вашъ хваленый Матвѣй. Хоть выкидывай на улицу. Пожалуйте, взгляните.

— Ахъ, проклятый... странно выговорилъ князь. Извини, голубчикъ. Я сію минуту...

И князь вдругъ, покраснѣвъ какъ юноша, пунцовый, вышелъ не своими обычными, а мелкими шагами, часто пристукивая на ходу палкой по полу.

Борщевъ замѣтилъ только въ лицѣ дворецкаго Ѳеофана какое-то оживленье—какъ еслибы пожилой дворецкій не пришелъ къ князю, а прибѣжалъ во весь духъ.

Но Борису было не до того... Онъ порывисто вскочилъ съ своего кресла.

— Она сейчасъ можетъ войти. А отца нѣтъ!

Сердце молодаго человѣка билось и стучало какъ молотъ.

Въ сосѣдней горницѣ послышались женскіе шаги, не торопливые, даже нерѣшительные.

— Анюта! прошепталъ вдругъ Борщевъ.

Вся кровь ударила ему въ голову и глухой гулъ и шумъ отдавался въ ушахъ и въ вискахъ. Въ глазахъ какъ будто застилало туманомъ всѣ предметы и мебель въ кабинетѣ.

— Вотъ сейчасъ войдетъ! будто кричалъ Борщеву кто нибудь посторонній, оглушая его этими криками.

Безсознательно, невольно, вдругъ двинулся онъ, будто рванулся на встрѣчу къ ней, отъ удерживавшихъ его, невидимыхъ рукъ.

Княжна появилась на порогѣ и сразу стала, будто окаменѣла... Только ея красивые глаза сверкнули на Бориса и руки невольно поднялись и опустились.

Борисъ обнялъ дѣвушку дрожавшими руками и поцѣловался съ ней трехъ-кратнымъ родственнымъ поцѣлуемъ на обѣ щеки... И уже принявъ руки, отодвинулся на шагъ...

Но въ это мгновенье княжна, уже окинувъ взоромъ весь кабинетъ, стремительно бросилась къ Борису и, обвивъ его шею и голову своими руками, крѣпко прильнула губами къ его губамъ.

Это былъ уже другой поцѣлуй, не родственный...

— Будь, что будетъ! мелькнуло въ головѣ Бориса при мысли объ дѣдѣ.

Но сержантъ ошибся... Князь не являлся. За то княжна хорошо знала своего отца и поняла, что отецъ не случайно оставилъ Бориса одного, когда она могла войти съ минуты на минуту.

Долго ли отсутствовалъ князь, молодые люди не знали. Когда Артамонъ Алексѣевичъ, покашливая въ сосѣдней горницѣ и стуча палкой по паркету—появился

Библиотека "Руниверс"

въ кабинетѣ, княжна и Борщевъ сидѣли другъ противъ друга, на двухъ креслахъ. Княжна плакала, и у Бориса всѣ щеки были въ слезахъ. Въ ея ли слезахъ, или въ своихъ? Были и свои.

За всѣ эти нѣсколько мгновеній, молодые люди ни слова не успѣли сказать другъ другу. Да и нечего было сказать. Очевидно, что новаго не было ничего. Все тоже. Таже любовь, которую время и разлука не ослабили, а только укрѣпили и даже закалили.

Князь вошелъ, окинулъ обоихъ быстрымъ и косымъ взглядомъ и заговорилъ ворчливо...

— Ну, ну... Чего же плакать-то?.. И ты тоже. Срамъ какой! А еще въ офицеры мѣтитъ! Ну вотъ, видайтесь, любитесь... Но помните: за старое не приниматься! Вы братъ съ сестрой, или племянникъ съ тетушкой. По нашимъ православнымъ законамъ—вы не можете быть ничѣмъ инымъ. Слышите!

Молодые люди не отвѣчали.

— Да и вся эта прошлогодняя ваша выдумка была одна дурь. Вотъ что! И тогда я это говорилъ и теперь скажу.

Князь замолчалъ и заходилъ тихонько изъ угла въ уголъ кабинета, будто раздумывая.

Княжна перестала плакать, отерла свое румяное отъ слезъ лице и глядѣла, не спуская глазъ, на Бориса. Молодой человѣкъ переводилъ взглядъ съ нея на дѣда и обратно.

— Ну чего же молчите? Неужто спросить нечего?

— Да что-жь спрашивать! выговорилъ наконецъ Борщевъ. Новаго ничего нѣтъ. Анюта, полагаю, у себя въ горницахъ вышивала да вязала, поди, цѣлую зиму. А лѣтомъ купалась да каталась, да грибы собирала. А я все въ полку и все тоже дѣлалъ. Караулы да нарады. Она думала обо мнѣ. А я думалъ объ ней. Такъ и впредь будетъ.

— Если ты такія рѣчи будешь вести, то я тебя попрошу не бывать у меня, Борисъ, строго сказалъ князь.

— Ну, простите, дѣдушка, не буду. Сказывать вслухъ не буду, у думать—какъ я себѣ запрещу. И Анюта тоже молчать съумѣетъ, но на сердцѣ...

— Должны стараться, прервалъ Артамонъ Алексѣевичъ горячую рѣчь сержанта. Стараться должны себя переневолить. Что проку мучить себя безъ толку. Ты женися какъ произведутъ. Анюту я тоже просватаю. Заживете, каждый съ своей семьей, и все пройдетъ. Быльемъ все заростаетъ. Встрѣтитесь стариками—посмѣетесь глупостямъ своихъ молодыхъ лѣтъ.

Князь замолчалъ, но ни Анюта, ни Борисъ не произнесли ни слова въ отвѣтъ.

Наступило молчаніе.

— Скажи, Боря, долго ли ты пробудешь здѣсь, спросила наконецъ княжна, уже давно думавшая объ этомъ.

— Не знаю. Какъ государыня останется въ Москвѣ.

— Мѣсяца три?

— Ходятъ слухи, что она не вернется въ Петербургъ, покуда все не устроитъ. Можетъ мы на всю зиму здѣсь.

— Что собственно устраивать нужда?

— Да разныя статскія дѣла. Дѣловъ много. Напутано, сказываютъ, не мало было.

— На всю зиму? Давай Богъ! тихо сказала Анюта, нѣжно глянувъ на Бориса.

— Все пустое. Какъ можно ей здѣсь зиму пробыть, возразилъ князь. Пробудете вы здѣсь мѣсяцъ одинъ. Мнѣ графъ Воронцовъ и Панинъ—оба это сказывали.

— А вы ихъ видѣли, батюшка? спросила княжна, удивясь.

— Видѣлъ. Былъ... Дѣло было... По дѣлу являлся... Они мнѣ оба... Да и на всякій случай надо...

Князь запутался и запнулся. Княжна, знавшая насколько отецъ не любилъ „лѣзть на глаза"—какъ онъ выражался,—питерскимъ сановникамъ, невольно удивилась и задумалась. Отецъ положительно начиналъ вести себя загадочно.

Князь очевидно проговорился на счетъ своихъ посѣщеній и сердился на себя теперь, видя удивленное лице дочери.

Дворецкій Ѳеофанъ явился звать господъ къ столу. Князь двинулся впередъ и думалъ про себя:

— Старъ сталъ! Болтушкой сталъ!

XX.

На другой же день, рано утромъ, въ домѣ князя была еще большая сумятица. Родственница, родная племянница князя, которую онъ не видалъ нѣсколько лѣтъ, въѣхала во дворъ!.. Колымага шестерней въѣхала первою и въ ней сидѣла барыня съ дочкой. За ней вплотную вкатилась бричка тройкой, гдѣ были двѣ горничныя и лакей, а съ ними, между ними, около нихъ и на нихъ самихъ, т. е. на колѣняхъ ихъ и въ рукахъ, закрывая ихъ наполовину—наворотилась поклажа. Это были десятки, если не вся сотня, кузовковъ, узелковъ, сундучковъ, подушекъ и всякой всячины, отъ калачей и баранокъ на мочалкѣ, купленныхъ у заставы, уже при въѣздѣ, и до большой клѣтки съ какой-то птицей, которую держала на колѣняхъ горничная помоложе.

За ними чрезъ полчаса въѣхали на дворъ еще двѣ подводы съ пятью сундуками. Это была кладь, вещи барыни и ея дочери, гдѣ, помимо платья и бѣлья, было взятое съ собой „всякое такое—про всякій случай". Птицу взяли съ собой потому, что умная заморская птаха, по привычкѣ и любви своей къ барынѣ, непремѣнно въ разлукѣ съ ней стала бы скучать и померла бы съ горя преждевременно.

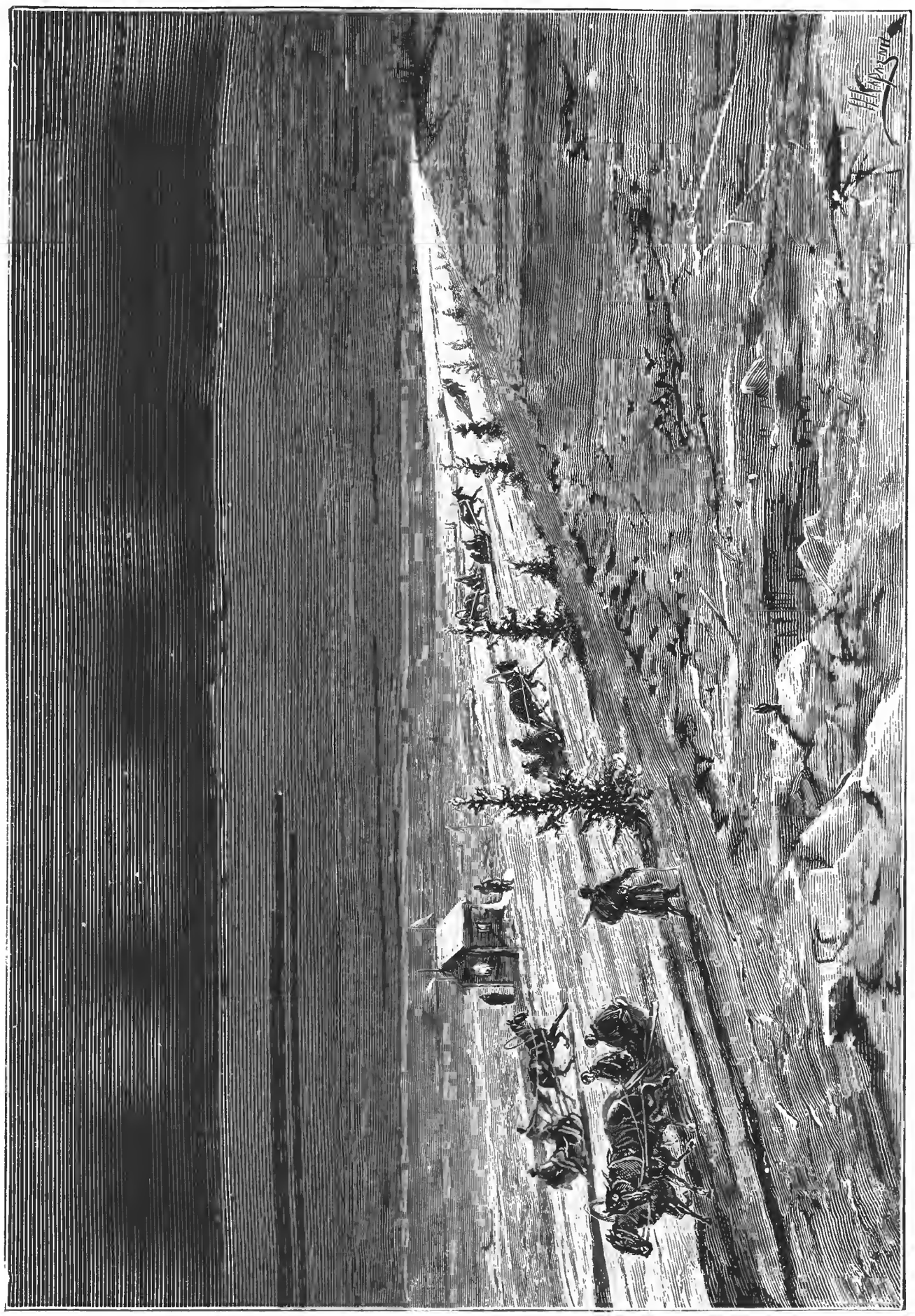
Такъ по крайней мѣрѣ думала и рѣшила барыня. Это и была дочь старшей сестры князя, рано выданной замужъ и уѣхавшей въ деревню, гдѣ вскорѣ она умерла еще до смерти своего отца, князя Алексѣя Михайловича. Князь Артамонъ Алексѣевичъ даже не могъ жалѣть сестры, такъ какъ мало зналъ ее. Дочь ея, а свою племянницу, князь видѣлъ два раза въ Москвѣ. Племянница эта вышла замужъ, прижила двухъ дѣтей, сына и дочь, выростила ихъ и наконецъ овдовѣла—все вдали отъ князя, дяди. Только однажды цѣлую зиму выжила она въ Москвѣ съ мужемъ и дѣтьми, десять лѣтъ тому назадъ.

Чрезъ минуту послѣ появленья колымаги на дворѣ князя—уже барыня и ея дочь были окружены всей дворней и подняты чуть не на рукахъ на второй этажъ дома, гдѣ на лѣстницѣ ихъ встрѣтилъ князь.

Объятія и поцѣлуи, разспросы въ перебивку и неподдѣльное добродушіе, искренняя радость—слышались повсюду. Господа цѣловались наверху, а дворовые цѣловались внизу, на лѣстницѣ и на дворѣ, и гулъ голосовъ шелъ по всему дому, будто проснувшемуся отъ долгаго сна. Утромъ въѣхали во дворъ экипажи и подводы, а въ сумерки еще дворъ кишѣлъ какъ муравейникъ. Господа уже не только нацѣловались, но и накушались, наговорились досыта, а холопы все еще не могли распутаться съ кладью и угомониться. Лошади изъ экипажей выпряжены, а дворня, лакеи, казачки, горничныя и дѣвчонки снуютъ и все голосятъ на подъѣздѣ. А вокругъ экипажей, на ступеняхъ подъѣзда, въ дверяхъ параднаго входа и въ швейцарской, даже на большой лѣстницѣ—будто послѣ пожара, разсыпался всякій скарбъ, корзины, ящики, узлы, подушки, котомки. И какъ такое количество всякаго добра помѣщалось въ экипажахъ, и какъ доѣхали до Москвы, и зачѣмъ пріѣхали, и какъ кони отъ всего этого люда и его добра, что пришлось везти, не подохли дорогой—это все конечно одному Господу Богу вѣдомо.

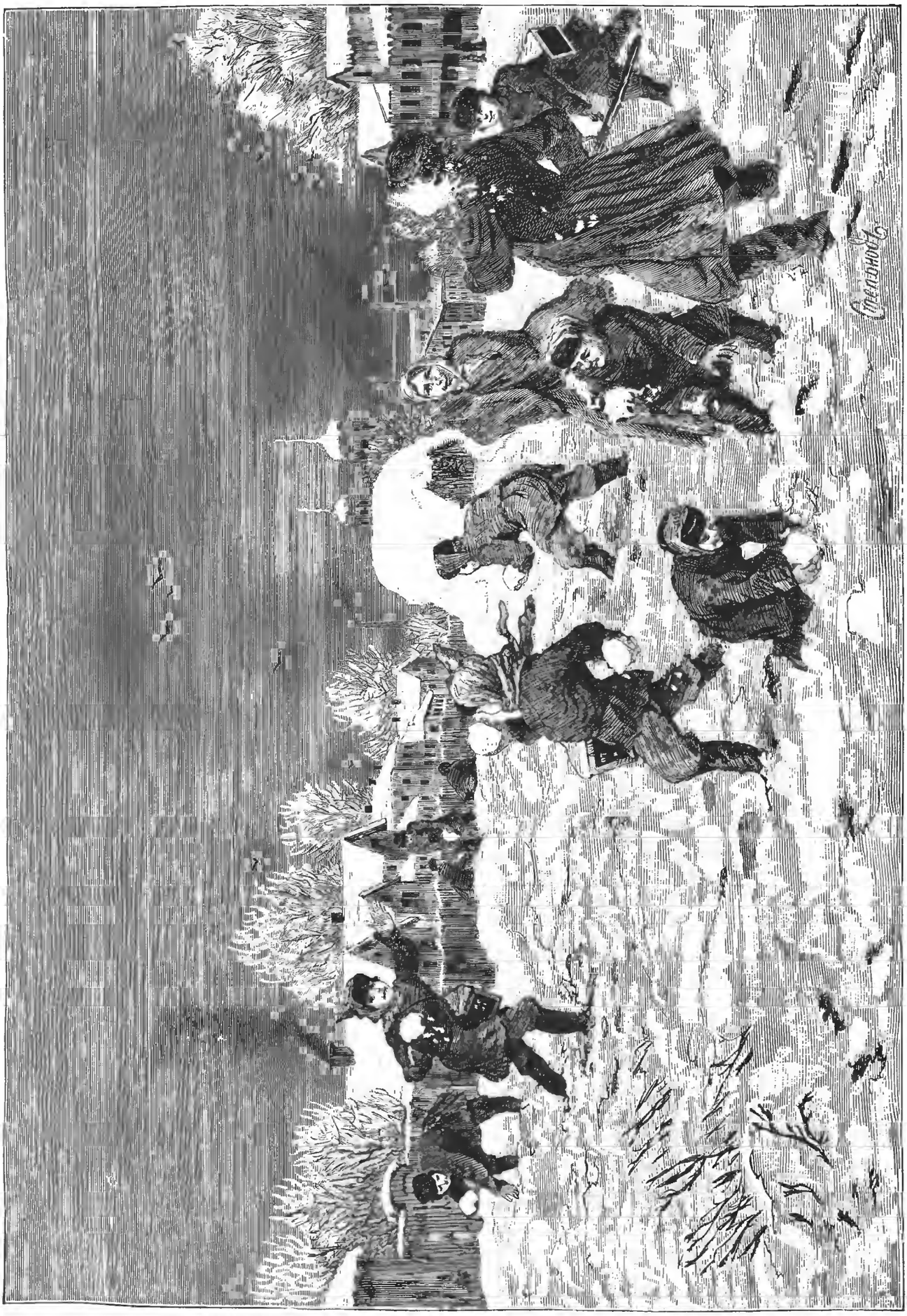
Гостья князя—на всемъ бѣломъ свѣтѣ его единственная родственница,—была по мужу помѣщица степная, изъ-за Каширы, мать сержанта Бориса—барыня Нас-

Библиотека "Руниверс"



Ледяной путь изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ, освѣщенный электрическимъ свѣтомъ.
Ориг. рис. Н. П. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Игра школьниковъ въ снѣжки. Ориг. рис. Н. Степанова, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

тасья Григорьевна Борщева. Уже давно не видавшись съ дядей-княземъ, она вмѣстѣ съ мужемъ, все собиралась въ Москву, всякое лѣто и всякую зиму, и все не могла собраться. Время шло годъ за годомъ, сына отправили на службу въ гвардію, а затѣмъ и мужъ, Илья Иванычъ Борщевъ, поболѣвъ—померъ. Это случилось уже пять лѣтъ тому назадъ. Настасья Григорьевна, плача и печалуясь на свое вдовье состояніе, тотчасъ опять собралась „на мысляхъ" къ дядѣ-князю. Надо было повидаться, поплакать, посовѣтоваться, какъ ей теперь жить горемычной вдовѣ на свѣтѣ, помолиться въ церквахъ московскихъ, поглядѣть на свою двоюродную сестрицу-княжну, да посидѣть въ ея красивой дѣвичьей горницѣ, въ три итальянскихъ окошечка, откуда видна стѣна Китай-города. И стала Настасья Григорьевна собираться въ путь. И вотъ барыня-вдова, справивъ поминки по мужѣ въ двадцатый и сороковой день, стала подробно распрашивать всѣхъ и каждаго объ пути въ Москву... Всѣ говорили, что путь...

— Ничего! Ѣздятъ!..

— Прежде всего на Воскресенское... А тамъ скажутъ...

— Вотъ анамедни купецъ пріѣзжалъ изъ Крапивны, говорилъ—ничего. Генералъ тоже проѣхалъ къ себѣ въ Орловскую вотчину—даже очень хвалилъ... Въ одномъ мѣстѣ, подлѣ города Серпухова, шалятъ очень... Тоже выворотили его гдѣ-то въ оврагѣ... А то ничего!

— Нынѣ въ Москву ѣздить—пустое дѣло. Что ни село—всякому понятно, что, молъ, проѣзжіе господа помѣщики по своей надобности.

Но барыня, слушая всѣ такія разсужденья, думала про себя:

— Да, хорошо такъ сказывать вчужѣ. А поди-ко, разсуди какъ слѣдуетъ, такъ въ Москву ѣхать—шутки плохія!

Настасья Григорьевна опрашивала всѣхъ осенью и рѣшила, что зимній путь куда лучше, и лошадямъ легче, и скорѣе доѣдешь... И это было справедливо. Но пришла и зима, и барынѣ стало сдаваться, что зимой холода, морозы, ухабы, постой вездѣ душный да грязный... А помилуй Богъ—мятель! Заблудишься и помрешь безъ покаянія среди сугробовъ... Это тоже было справедливо! Ужь лучше гораздо лѣтомъ ѣхать! Какъ весеннія воды спадутъ, да просохнетъ, тутъ и двинуться къ дядѣ-князю...

Приходило и лѣто!

Жара, духота, и опять все-таки—хоть и сухо,—а какъ можно ручаться—что вдругъ выѣдешь и пойдутъ дожди да ливни... Экипажи поломаешь, застряпешь гдѣ-нибудь, лошадей поморишь... А помилуй Богъ, въ темную ночь, безлунную, да вывернутъ гдѣ-нибудь на косогорѣ, да вверхъ тормашкой поставятъ карету. Вѣдь убьютъ—просто убьютъ!.. Зимой дорога гладкая, наѣзженная, по маленькому морозцу,—по первопуткѣ особливо,—ѣхать гораздо пріятнѣе! Не путь, а удовольствіе! И живо до Москвы доскачешь, не то, что по грязи невылазной тащиться, по рытвинамъ, да промоинамъ, гдѣ, того гляди—бѣда! Лѣтомъ не въ примѣръ возможнѣе убиться до смерти...

И вотъ лѣтомъ барыня, взпраючи „на мысляхъ" на зимній путь, хвалила его, говоря, что лѣтомъ въ деревнѣ пріятнѣе: и овощи, и фрукты, и грибы тутъ, да и хозяйство тоже—посѣвъ, сѣнокосъ, уборка хлѣба и все такое. Хозяйскій глазъ нуженъ!.. Зимой же тоска и дѣла никакого...

Ну, а зимой опять барыня хвалила лѣтній путь и боялась мятелей въ полѣ и погибели среди сугробовъ безъ покаянія.

И выходило, что въ Москву поѣхать—„шутки плохія".

Такъ изъ года въ годъ и пробиралась Настасья Григорьевна, ровно пять лѣтъ, вплоть до коронаціи государыни. Но и это торжество не сдвинуло бы помѣщицу каширскую съ насиженнаго за 25 лѣтъ роднаго мѣста. Главное, что понудило добрую барыню рѣшиться на путешествіе, были иныя причины.

Сынъ ея, Борисъ, единственный изъ трехъ сыновей, оставшійся въ живыхъ, былъ въ Питерѣ. Давно не видала она его, и сердце наболѣлось объ немъ. Что-то онъ, бѣдный, одинокій въ Питерѣ? Сирота—сиротой. Не съ кѣмъ слова молвить. Молиться Богу, поди, разучился. Да и есть ли еще тамъ храмы Божьи. Что онъ, сердечный, безъ уходу родительскаго. Небось высохъ, замученъ службой, да начальствомъ.

И матери позарѣзъ хотѣлось повидать сынка, котораго она не видѣла еще ни разу въ его военномъ платьѣ.

А тутъ нежданно случилось событіе чрезвычайное!

Вдругъ явился посланецъ, нарочный отъ Артамона Алексѣевича, который вызывалъ племянницу въ Москву, по особому, тайному и самонужнѣйшему дѣлу.

Но главное было еще другое. Когда Настасья Григорьевна, овдовѣвъ, собралась въ Москву, единственный ребенокъ, бывшій при ней,—дочь Агаша—была только по 12-му году, худая, длинная дѣвочка, съ блѣднымъ лицомъ и вѣчно разинутымъ ртомъ... Покуда мать собиралась ѣхать въ Москву—дочь, незамѣтно для нея, да и для себя, стала 17-лѣтней дѣвицей-невѣстой, на которую уже начинали поглядывать и заглядываться сосѣди и ихъ сынки-недоросли. Одинъ разъ вдругъ зашла рѣчь объ сватовствѣ...

Настасью Григорьевну это сватовство будто разбудило.

— И впрямь Агаша вѣдь невѣста!! подумала она.

Но тотчасъ же Настасья Григорьевна рѣшила, что для ея Агаши—племянницы князя Лубянскаго, женихъ въ Каширѣ еще не народился. Таковой есть и отыщется скорехонько въ самой Москвѣ, а то изъ Питера пріѣдетъ. Важный, чиновный, съ орденомъ на шеѣ, съ вотчиной въ цѣлый уѣздъ.

Но для этого, хочешь не хочешь, а въ Москву надо ѣхать!

Можетъ быть Настасья Григорьевна пробиралась-бы еще пять лѣтъ, а Агаша вышла бы замужъ за сына одного ихъ сосѣда, Васю Баклашева, который ей уже давно защемилъ сердечко и въ тайныхъ дѣвичьихъ грезахъ давно являлся суженымъ-ряженымъ. Но нагрянулъ этотъ гонецъ отъ князя и привезъ барынѣ большущее письмо.—Настасья Григорьевна три дня читала его вмѣстѣ съ батюшкой-іереемъ, узнала, что у дяди самонужнѣйшее дѣло до нея. Она, яко единственная его родственница, обязана передъ Богомъ и людьми явиться въ помощь и, стало быть, должна тотчасъ летѣть въ Москву, чуть не на коврѣ-самолетѣ. А еще кстати, сказываетъ гонецъ, дорога хорошая. А дни въ Бѣлокаменной наступаютъ торжественные, прописываетъ и дядя-князь:—священное коронованіе новой Государыни Императрицы Екатерины Вторыя.

А дочь Агаша такъ распрыгалась, чуть не до потолка, отъ радости побывать въ Москвѣ—что если не выѣхать—дѣвица заболѣетъ съ горя.

— Ахъ, ты, Творецъ Небесный! Вѣдь ѣхать?! думала и говорила смущенная барыня.

И послѣ пятилѣтнихъ сборовъ, Борщевы, мать и дочь, выѣхали и доѣхали.

XXI.

Мать сержанта не знала конечно того, что знала вся Москва, т. е. о случившемся въ домѣ князя, съ годъ назадъ, въ началѣ прошлой зимы. Настасья Григорьевна ежедневно ждала тогда сына къ себѣ, еще въ началѣ осени, на побывку и не дождалась. Она чуть не заболѣла вдругъ, узнавъ, что сынъ, прогостивъ у дяди своего, пропустилъ весь отпускъ и долженъ былъ вернуться въ полкъ, не повидавъ матери и сестры и не побывавъ на могилѣ отца. Но какъ и почему все это произошло, Настасья Григорьевна не знала. Были темные слухи, черезъ одного дворового человѣка князя, ко-

Библиотека "Руниверс"

тораго видѣлъ въ Тулѣ староста Борщевскій; но разсказъ и догадки не имѣли смысла. Или дворовый болталъ съ дуру, да со зла, или староста переврал слышанное. Выходило даже такъ, что князь чуть не прогналъ изъ дому внука за какую-то обиду и въ сунодъ на него жаловался самому митрополиту.

— Все то враки. Была бы эдакая бѣда—дядя Артамонъ Алексѣевичъ отписалъ бы, рѣшила тогда Борщева. Да и Борисъ мой не изъ эдакихъ оглашенныхъ. Онъ дворянинъ, да и умница.

Князь, ожидавшій племянницу, ничего не сказалъ дочери объ ея пріѣздѣ, но однако въ домѣ было все готово къ пріему гостей.

Настасью Григорьевну помѣстили въ одной половинѣ съ княземъ, въ комнатахъ покойной княгини, что случилось въ первый разъ и было знакомъ особаго почета и радушія со стороны дяди. Эти горницы никогда никто не занималъ съ самой кончины княгини. Впрочемъ и некому было ихъ дать. Агашу княжна сама устроила на своей половинѣ. Утромъ княжна увидѣла дѣвушку, приходившуюся ей племянницей—почти въ первый разъ въ жизни—а вечеромъ она уже любила эту Агашу какъ родную сестру.

Красивая Агаша оказалась лицомъ, глазами, улыбкой и даже звукомъ голоса и въ особенности смѣхомъ—портретъ своего брата. Совсѣмъ Борисъ въ юбкѣ, только маленькій, толстенькій и свѣженькій, какъ восковой херувимъ, что продаютъ подъ Вербное Воскресенье по всей Москвѣ.

Этого сходства было достаточно, конечно, чтобы княжна стала сразу обожать Агашу.

Между ними было менѣе трехъ лѣтъ разницы въ годахъ, но въ дѣйствительности между княжной, не выѣзжавшей изъ Москвы въ деревню, и Агашей, никогда не выѣзжавшей изъ деревни даже въ Каширу—была громадная разница.

Княжна испытала уже цѣлую нравственную бурю и ей казалось, что у нея сердце какъ-то надорвано, какъ-то по старушечьи безстрастно стало ко всему на свѣтѣ. Ни горя, ни радостей нѣтъ во всемъ, что не онъ и что не любовь ея!

Агаша еще дорогой въ Москву горько плакала, что горничная Матрешка, разиня и медвѣдь, разбила цѣлую большую банку варенья изъ китайскихъ яблочковъ, которыя Агаша, какъ рѣдкость, везла своей тетушкѣ-княжнѣ. Княжна встрѣчала друга — сестру любимаго человѣка, и нашла въ ней ребенка.

Агаша всю дорогу разспрашивала мать про тетушку: сердитая-ли она и ворчунья, и никакъ не могла „мыслями распутаться" въ томъ обстоятельствѣ, что тетушка ея, сама молоденькая дѣвушка-невѣста и только малость старше ея. Все таки тетушка,—стало быть, сердитая!

Княжна была умственно и душевно—старше даже ея матери, самой Настасьи Григорьевны, проведшей жизнь въ будничной мирной обстановкѣ деревни и испытавшей только одно горе—утрату мужа. Однако она почувствовала и пережила это горе какъ-то странно... тоже буднично.

Разумѣется бесѣды княжны Анюты съ Агашей всѣ съ первой минуты встрѣчи—стали сводиться къ одному предмету—къ сержанту. Но Агаша только слушала, а сказать ничего не могла, потому что ничего не знала. Она конечно помнила брата, но нѣсколько смутно, она представляла его себѣ теперь съ саблей и съ ружьемъ—и смущалась. Къ нему у нея было такое же странное чувство, какъ къ тѣмъ солдатамъ, которыхъ она по дорогѣ видѣла у заставъ всѣхъ городовъ, что проѣхала по пути въ Москву.

— Вѣдь братецъ—солдатъ? вопросительно восклицала Агаша, думая о Борисѣ. Ей дѣйствительно этотъ братъ становился нѣсколько страшенъ и она его боялась.

Княжна сразу увидѣла и поняла, съ кѣмъ имѣетъ дѣло въ лицѣ Агаши. И эта дѣвушка, почти однолѣтокъ съ ней, по разуму дѣйствительно годилась ей въ племянницы, пожалуй даже въ дочери.

Тѣмъ не менѣе Агаша звала тетушку просто Анютой. Въ тотъ же вечеръ, когда княжна завела рѣчь съ Агашей объ ея братѣ, она много смѣялась.

— Послали къ Борису, сказала княжна, дать знать ему объ вашемъ пріѣздѣ? Вотъ радъ-то будетъ онъ вамъ! Сколько вѣдь лѣтъ не видались вы.

— Да, много лѣтъ... И я его боюсь... отозвалась Агаша. Такъ боюсь, что какъ скажутъ, что онъ пріѣхалъ, я сюда убѣгу. Ты меня съ нимъ, сестрица, хоть на первыхъ-то порахъ не оставляй одну... Ради Господа не оставляй!

И даже до слезъ, искренно смѣялась княжна.

Однако вечеромъ посланный отъ князя къ Борщеву, вернулся съ отвѣтомъ, что сержанта не видалъ, такъ какъ онъ, по словамъ офицеровъ, уѣхалъ съ утра въ село Петровское, гдѣ стоитъ царица и до вечера еще не возвращался.

— Къ царицѣ! ахнула и задохнулась мать.

У Агаши даже ноги подкосились. Такъ и представилось ей, какъ въ одной сказкѣ, что сидитъ царица на зеленомъ острову, на яхонтовомъ тронѣ, а кругомъ около нея стражи, въ ногахъ змѣй-драконъ лежитъ о шести головахъ, а передъ ней стоитъ братъ Борисъ съ ружьемъ и молитъ: не губить, а миловать.

— Къ царицѣ не къ царицѣ, а въ село, гдѣ она остановилась! успокоилъ князь племянницу и внучку. У царицы онъ быть не можетъ. Еще не дослужился до этого. А поѣхалъ, видно, по дѣламъ службы, къ кому либо изъ придворныхъ чиновъ. Ну, завтра свидитесь. Чуть свѣтъ, небось, пріѣдетъ. Всякій день будете видать. И князь хотѣлъ было прибавить: „переѣхать бы ему тоже къ намъ въ домъ!" но запнулся и ничего не сказалъ. Послѣ происшедшаго за годъ предъ тѣмъ, это было и зазорно для знакомыхъ и пожалуй даже опасно.

— Обойдется и такъ! подумалъ князь и добродушно-хитрая улыбка скользнула по его лицу. Княжна, будто угадавшая тайную мысль отца, замѣтившая его улыбку, насупилась и тоскливо опустивъ голову, долго молчала, перебирая невеселыя мысли.

Княжнѣ многое казалось теперь загадочнымъ и страннымъ, даже вполнѣ необъяснимымъ въ поведеніи отца, котораго каждую мысль привыкла она узнавать и угадывать. И почему-то Анютѣ становилось подъ часъ страшно.

Князь ни слова не сказалъ дочери о пріѣздѣ Борщевыхъ, а самъ ждалъ гостей въ домѣ, и Анюта догадалась. Сохранить тайну о письмѣ своемъ къ племянницѣ князю не удалось. Агаша тотчасъ по пріѣздѣ сказала, что еслибы не посланецъ дѣдушки, то мать никогда бы не выѣхала.

— Зачѣмъ этотъ вызовъ? думала княжна теперь. Къ худу или къ добру. Конечно къ добру. Но зачѣмъ тайна? И вдругъ въ этотъ же вечеръ, когда усталые съ дороги гости пошли спать, князь остановилъ дочь у себя въ кабинетѣ...

— Ты не дивися, дочушка, что я писалъ Настасьѣ пріѣхать и ждалъ ее, а тебѣ не сказалъ. Я думалъ, она не соберется, такъ что же попусту тебя смущать. А мнѣ до нея дѣло есть. Мы съ достаткомъ, а Борщевы, почитай, захудалые дворяне... Бориса произведутъ въ офицеры—ему стыдно будетъ въ Питерѣ хуже другихъ быть. Я хочу ему съ матерью Воронежскую пустошь нашу передать въ здѣшнемъ верхнемъ судѣ. Она доходная...

И князь прибавилъ нерѣшительно и глухо:

— Захочетъ въ Питерѣ жениться... тогда за него всякая пойдетъ.

И сердце замерло въ Анютѣ!..

Библиотека "Руниверс"

— Надо скорѣе его женить! Чтобы покончить все! Поэтому надо скорѣе сдѣлать его богатымъ!.. А то трудно въ Питерѣ жениться, будучи бѣднымъ.

Княжна измѣнилась въ лицѣ, но отецъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ и поцѣловавъ ее, пошелъ спать.

— Пускай! подумала Анюта. Онъ все таки не женится ни на комъ. Будемъ ждать и ждать! Чего? Смерти отца!

И эта мысль, что только смерть отца сдѣлаетъ ея счастье возможнымъ—была полна горечи и скорби. Но что же дѣлать? Другаго исхода—нѣтъ!

(До слѣд. №).

И. С. Тургеневъ у себя,

въ его послѣдній пріѣздъ на родину.

Изъ воспоминаній

Я. П. Полонскаго.

(Продолженіе).

XXIV.

Новая телеграмма, что въ Брянскѣ холера увеличилась и что недостаетъ врачей, окончательно повергла Тургенева въ панику. Онъ уже ни о чемъ не могъ говорить, кромѣ холеры и тѣхъ ощущеній въ тѣлѣ, которыя онъ преувеличивалъ и принималъ за признаки начинающейся болѣзни.

Я посовѣтывалъ ему съѣздить въ Москву и разсѣяться.

— Это нисколько не поможетъ—сказалъ онъ.

Самый видъ его сдѣлался какой-то растерянный—онъ какъ-бы обрюзгъ и осунулся.

Иногда только, оживленный нашимъ присутствіемъ, онъ какъ-бы и самъ оживлялся и начиналъ разсказывать; но все-таки разсказывать такіе анекдоты, суть которыхъ все-таки была—холера.

Такъ напримѣръ, разсказывалъ онъ, что одному холерному слуга его сталъ растирать ноги. Больной взглянулъ на ноги, увидѣлъ, что онѣ почернѣли, и такъ испугался, что мгновенно умеръ; а ноги-то у него почернѣли отъ того, что слуга сталъ ихъ растирать сапожной ваксянной щеткой.

А одинъ прусскій офицеръ заболѣлъ холерой и брошенъ былъ товарищами на какой-то станціи. Черезъ часъ, на ту же станцію прибыла компанія другихъ офицеровъ. Стали они ужинать и пить шампанское. Увидѣли, что въ углу, на полу лежитъ тоже какой-то офицеръ и стонетъ. Это нисколько ихъ не сконфузило. Умирающій приподнялся и попросилъ передъ смертію дать ему шампанскаго. Ему дали цѣлую, только-что откупоренную бутылку. Тотъ ее и выдулъ. Заснулъ, спотѣлъ, и на другой день проснулся здоровымъ.

Только спустя недѣлю, когда даже и въ Брянскѣ не оказалось уже ни одного холернаго, Ив. Серг. успокоился, могъ опять спорить, говорить и читать.

Въ спорахъ своихъ со мной, Иванъ Сергѣевичъ постоянно обнаруживалъ крайне безотрадное,—пессимическое міросозерцаніе. Никакъ не могъ онъ помириться съ тѣмъ равнодушіемъ, какое оказываетъ природа—имъ такъ горячо любимая природа—къ человѣческому горю, или къ счастію, иначе сказать, ни въ чемъ человѣческомъ не принимаетъ участія.—Человѣкъ выше природы, потому-что создалъ вѣру, искусство, науку, но изъ природы выйти не можетъ—онъ ея продуктъ,—ея окончательный выводъ. Онъ хватается за всё, чтобъ только спастись отъ этого безучастнаго холода, отъ этого равнодушія природы и отъ сознанія своего ничтожества передъ ея всесозидающимъ и всепожирающимъ могуществомъ. Что бы мы ни дѣлали, всѣ наши мысли, чувства, дѣла, даже подвиги будутъ забыты. Какая-же цѣль этой человѣческой жизни?

Впрочемъ, отъ такихъ тяжелыхъ мыслей былъ не далекъ переходъ и къ веселымъ картинкамъ нашей земной жизни, къ тѣмъ картинкамъ, которыя подносятъ намъ римскіе писатели и французскіе классики прошлаго столѣтія. Тургеневъ забылъ по гречески, но латинскія книги читалъ еще легко и свободно.

Ему очень нравилось выраженіе Бэкона: ars est homo additus naturae—искусство есть человѣкъ добавленный къ природѣ, и выраженіе Паскаля: люди не могли дать силы праву и дали силѣ—право.

Иногда онъ вслухъ читалъ, или заставлялъ меня читать монологи изъ Корнеля, Мольера и другихъ. Иногда сравнивалъ пани русскіе переводы съ подлинниками и проч., и проч.

Старый французскій поэтъ 18 столѣтія, отысканный имъ въ своей библіотекѣ—Жанъ Батистъ Руссо, иногда несказанно забавлялъ его своими коротенькими разсказами въ стихахъ о католическихъ священникахъ и исповѣдникахъ. Дурная погода поневолѣ заставляла Ив. Сер. Тургенева зарываться въ книгахъ.—Кромѣ книгъ, газеты ежедневно приходили къ намъ; но нельзя сказать, чтобы мы охотно читали ихъ... Однажды (если не ошибаюсь, 2 августа) Тургеневъ прочелъ въ „Новомъ времени" извѣстіе, что онъ пишетъ дѣтскія повѣсти, а я у него гощу въ деревнѣ.

— А что, сказалъ я, шутя, если напечатаютъ, что я дою гвоздь, а ты добиваешься меду изъ ржавой подковы.

— Нѣтъ, возразилъ онъ хихикнувъ,—ты доишь гвоздь, а я держу шайку.

Дожди въ такое время, когда созрѣла рожь и пора была жать ее, не разъ заставляли Тургенева сокрушаться. И есть хлѣбъ и нѣтъ хлѣба! восклицалъ онъ. Каждый такой день въ Россіи приноситъ ей милліонные убытки!

Или, чувствуя какъ его пробираетъ холодъ, Тургеневъ говорилъ какъ бы въ отчаяніи: ну развѣ можно жить въ такомъ климатѣ?—Нѣтъ уже и въ поминѣ тѣхъ тропическихъ, орловскихъ жаровъ, которые я помню.

(Увы! точно такое-же лѣто, въ 1882 г., больной, провелъ онъ въ своемъ Буживалѣ во Франціи. Тамъ такіе-же были постоянные дожди и такіе-же холода, тогда какъ у него въ Спасскомъ, лѣто было ясное и постоянно жаркое).

Разъ на Ивана Сергѣевича утромъ напала какая то странная тоска.

— Вотъ, такая-же точно тоска, сказалъ онъ, напала на меня однажды въ Парижѣ—не зналъ я, что мнѣ дѣлать, куда мнѣ дѣваться. Сижу я у себя дома, да гляжу на сторы, а сторы были раскрашены, разныя на нихъ были фигуры, узорныя, очень пестрыя. Вдругъ, пришла мнѣ въ голову мысль. Снялъ я стору, оторвалъ раскрашенную матерію и сдѣлалъ себѣ изъ нея длинный, длинный—аршина въ полтора—колпакъ. Горничныя помогли мнѣ,—подложили каркасъ, подкладку, и, когда колпакъ былъ готовъ, я надѣлъ его себѣ на голову, сталъ носомъ въ уголъ и стою... Вѣришь-ли, тоска стала проходить, мало-по-малу водворился какой-то покой, наконецъ, мнѣ стало весело.

— А сколько тогда было лѣтъ тебѣ?

— Да эдакъ около 29-ти. Но я это и теперь иногда дѣлаю. Колпакъ этотъ я берегу—онъ у меня цѣлъ. Мнѣ даже очень жаль, что я его сюда съ собой не взялъ.

— А если-бы кто-нибудь тебя увидѣлъ въ этомъ дурацкомъ положеніи?

Библиотека "Руниверс"

Веселая Масляница. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

— И видѣли; но я на это не обращалъ никакого вниманія; скажу даже—мнѣ было это пріятно.

Въ тотъ-же день, какъ происходилъ этотъ разговоръ, за обѣдомъ Тургеневъ сказалъ мнѣ:

— Вообрази слѣдующій разсказъ. И какъ-бы Свифтъ имъ воспользовался? О Свифтъ! это великій человѣкъ, я высоко цѣню его! Вообрази себѣ слѣдующее:

„На нашу планету, вдругъ, Богъ знаетъ откуда, попала какая-то странная книга: ни матеріи, изъ какой она сдѣлана, ни буквъ, ничего понять нельзя. Наконецъ наши ученые съ большимъ трудомъ нашли способъ разобрать ее, и узнали, что книга эта занесена и попала къ намъ съ другой какой-то планеты, и—разобрали въ ней слѣдующее:

Общество на той, намъ невѣдомой планетѣ, стало почему-то хандрить, словомъ, на него нашло какое-то тяжелое, мучительное настроеніе, и вотъ одинъ изъ тамошнихъ профессоровъ, чтобъ разсѣять его или утѣшить, сталъ съ нимъ бесѣдовать.

— Представьте себѣ, говорилъ онъ, что есть планета, для жителей которой никогда не появляется изъ облаковъ рука Божества, никогда ихъ не благословляетъ и никогда не ограждаетъ ихъ.

— Не можемъ себѣ этого и представить, говорятъ ему обитатели той планеты. Зачѣмъ вы намъ это говорите? Это невозможно, такъ-какъ безъ этого и жить нельзя.

— Я самъ думаю, что жить нельзя; но, представьте себѣ слѣдующее: есть планета, гдѣ люди умираютъ, не такъ, какъ у насъ—ровно черезъ 100 лѣтъ, въ глубокой старости, а умираютъ во всѣ возрасты, начиная съ дѣтства.

— Какой вздоръ! Можетъ-ли это быть! Этого даже мы и представить себѣ не можемъ. Это былъ-бы вѣчный страхъ и опасеніе за жизнь свою и за жизнь намъ близкихъ. Это неестественно, а, стало быть, такой планеты и быть не можетъ.

— Или, представьте себѣ, что есть планета, на которой является вождь, покоряетъ народы и всѣ предъ нимъ преклоняются, и въ рукахъ его власть, отъ которой зависитъ не только судьба, но и жизнь каждаго...

— Ну, ужъ это сказки!... Какъ вамъ не грѣхъ говорить намъ, точно дѣтямъ, такія несообразности.

— О! я самъ знаю, что это невозможно, что это несообразно; но неужели-же нѣтъ у васъ воображенія и вы себѣ не можете этого представить?

— Даже и представить себѣ этого не можемъ.

— Ну положимъ, однако-же, хоть слѣдующее: неужели невозможна такая планета, гдѣ почва вовсе не составляетъ питательной пищи, гдѣ люди иногда съ великимъ трудомъ должны добывать себѣ кусокъ хлѣба.

— Ахъ, какой вы говорите вздоръ! Какъ вамъ не стыдно... Ну, можетъ-ли это быть, чтобъ сама почва не питала жителей, или не годилась бы въ пищу! Чѣмъ-бы они питались. Это было-бы великое горе и несчастіе; но, къ счастію, это неестественно, это внѣ законовъ природы!.. А потому молчите или убирайтесь, мы вовсе не желаемъ слушать васъ.

— О! я знаю, что все, что я говорилъ вамъ, и невозможно и неестественно, но я только просилъ васъ представить себѣ эту невозможность, какъ нѣчто возможное. или какъ нѣчто естественное, для того только, чтобы вы не хандрили и были довольны тѣмъ, что даетъ намъ наша жизнь,—жизнь, конечно, еще далекая отъ того, чтобъ быть совершенной. Я думалъ, что представляя себѣ нѣчто ужасное, вы легче помиритесь съ судьбой своей.

— Ахъ, отвѣчало все общество этому профессору—не нужно намъ вашихъ выдумокъ, говорите серьезнѣе...“

Такова была фантазія Ивана Сергѣевича. Фантазія эта, признаюсь, тяжелое произвела на меня впечатлѣніе. Удивляюсь, почему Ив. Сергѣевичъ ее не обработалъ и не помѣстилъ въ число своихъ стихотвореній въ прозѣ.

Я еще въ Спасскомъ читалъ ихъ—они были переписываемы имъ въ тетрадь съ чернымъ переплетомъ и, по словамъ его, не предназначались для печати. Но мало-ли что приходило въ голову Ивана Сергѣевича, не все-же ему было записывать и затѣмъ печатать.

Какъ подумаешь, какія требованія отъ жизни ставилъ Тургеневъ,—и невольно поймешь, почему иногда находила на него тоска, и отчего такая неэстетическая болѣзнь, какъ холера, до глубины души возмущала его и приводила въ ужасъ.

XXV.

Но то, что для Тургенева было-бы фантазіей,—для другихъ было дѣйствительностью, такою-же несомнѣнной, какъ день есть день, а ночь есть ночь.

Какъ-то я зашелъ къ священнику *** и засталъ у него старика-отца его, тоже священника, но уже заштатнаго.

Отъ нихъ впервые услыхалъ я о томъ, что такое „заломъ“, какую роль играетъ онъ въ деревенской жизни. Какъ этотъ заломъ (нѣчто въ родѣ куклы или чучелы изъ колосьевъ на корню) неизвѣстно какимъ злымъ недругомъ свивается или сплетается на чьей-нибудь полосѣ, и какими страшными послѣдствіями отзывается на хозяевахъ той самой полосы или поля.

— Какъ-же этому не вѣрить? говорили они, когда сами мы свидѣтели... Да... Дѣйствіе залома очевидно, сказалъ заштатный священникъ, человѣкъ пожилой, сѣдой и почтенный.—Было одно зажиточное и благочестивое семейство крестьянское. Вдругъ, у нихъ въ полѣ появился колдовской заломъ. Пришелъ ко мнѣ старшій сынъ изъ семьи и сталъ просить помочь ему (т. е. выйти въ поле, прочесть молитву по требнику и заломъ сжечь). Я усомнился, подумалъ—не вздоръ-ли все это; въ поле не пошелъ, отслужилъ въ церкви молебенъ съ водосвятіемъ, далъ ему святой воды, чтобъ заломъ этотъ покропить. И что-же-съ? Семейство это погибло—трое молодыхъ парней удавилось, женщина сошла съ ума, дѣти ихъ выросли идіотами, и теперь еще одинъ ходитъ зимой босикомъ по морозу, какъ юродивый: никакого хозяйства нельзя поручить ему.

А сынъ его—отецъ *** разсказалъ слѣдующее:

— Изъ нашей семинаріи одинъ ученикъ, уже взрослый,—Иваномъ Данилычемъ его звали,—вернулся къ отцу въ деревню. Ну-съ, вернулся.—Ему обрадовались. Разумѣется, съ дороги надо чайку попить. Стали чай пить;—вечеръ,—окошки отперты. Вдругъ, видятъ, въ одномъ окнѣ стоитъ кто-то, съ виду человѣкъ—мужичекъ какой-то, и зоветъ:—Иванъ Данилычъ! Иванъ Данилычъ!—Всѣ это видѣли, всѣ это слышали. Иванъ вышелъ—это пріѣзжій-то. Ну-съ, вышелъ и видитъ человѣкъ стоитъ, зоветъ его;—онъ къ *ему*, а онъ отъ *ево*... дальше да дальше. Иванъ Данилычъ сталъ уже и пріостанавливаться; а тотъ все жалобнѣе и жалобнѣе зоветъ его: за мной! иди... иди за мной, иди!—Нѣтъ, думаетъ Иванъ,—куда-же это я? Перекрестился. Не успѣлъ онъ перекреститься, какъ человѣкъ этотъ, точно его вихремъ метонуло—сажень на сто отлетѣлъ, а все зоветъ, и все жалостнѣе и жалостнѣе. Иди-же, иди, иди! Иванъ Данилычъ вернулся домой, разсказалъ—всѣ подивились. На другой вечеръ, опять тоже самое-съ, на третій тоже-съ. Собрались въ хату къ священнику разные его знакомые. Сидятъ, ждутъ. Пришелъ вечеръ, опять этотъ самый мужичекъ подъ окошкомъ, опять выкликаетъ Ивана Данилыча... Посовѣтывали ему не выходить изъ избы. Сталъ человѣкъ за окномъ плакаться, жалобиться... потомъ сердиться, повалился на земь, ругаться сталъ, кричать, охать, стонать. Что дѣлать? Дали Ивану Данилычу евангеліе въ руки и крестъ. Вышелъ онъ на крыльцо съ крестомъ и евангеліемъ, и всѣ за

Библиотека "Руниверс"

нимъ вышли, и всѣ видѣли, какъ этотъ непонятный человѣкъ мигомъ отлетѣлъ саженей на сто... Иванъ Данилычъ за нимъ, вышелъ за деревню. Тотъ идетъ издали впереди и все зоветъ его. Наконецъ, подошли къ болоту. Иванъ Данилычъ остановился... Долго тотъ его звалъ, наконецъ вспыхнулъ какъ свѣча и погасъ. Но, слушайте-съ: на слѣдующій вечеръ онъ опять явился... Что тутъ дѣлать?! Дали знать архіерею. Нарядили слѣдствіе и всѣ видѣли, и народъ, и судебный слѣдователь, и священникъ, и весь причтъ, и крестьяне, всѣ видѣли: хотятъ подойти—онъ отходитъ. Сдѣлали облаву, хотятъ поймать—не тутъ-то было, мигомъ появится позади облавы, и все зоветъ, все зоветъ за собой Ивана Данилыча. Такъ всѣ дошли за нимъ до болота, тамъ онъ вспыхнулъ какъ свѣча и погасъ,—пропалъ безъ слѣда. Архіерею все это донесли. Архіерей велѣлъ отслужить панихиду.

— По комъ-же панихиду? спросилъ я,—вѣдь не знали-же вы, что за человѣкъ.

— А есть такая панихида, называется: Вселенская.

— Когда она бываетъ? спросилъ разскащикъ своего отца, заштатнаго священника.

— А бываетъ она въ Дмитровъ день, въ память убіенныхъ при Дмитріѣ Донскомъ, на татарскомъ побоищѣ.

— Ну-съ, отслужили Вселенскую панихиду—тѣмъ все и кончилось. Объ этомъ тоже было доложено архіерею; онъ не зналъ, что ему и подумать, и рѣшилъ, что это вѣрно какой-нибудь грѣшникъ утонулъ въ болотѣ и погибъ безъ отпѣванья. И что же-съ? Вѣдь съ той самой панихиды онъ такъ и пересталъ являться. Распрашивали стариковъ, не пропадалъ-ли кто, не помнятъ-ли кого, чтобъ кто утонулъ въ томъ болотѣ. Думали, думали,—ничего не припомнили.—Ну-те-ка-съ, что вы на это скажете? Вѣдь это было у всѣхъ на глазахъ. Вотъ и отецъ мой тутъ былъ. Какъ-же все это понять-съ? Спрашивали и ученыхъ и много объ этомъ толковали, но ни до чего не дотолковались.

Что-же я могъ сказать имъ? Не могъ-же я думать, что они все это сочинили,—разсказы ихъ очевидно были проникнуты вѣрой и искренностью неподдѣльной. Да и какая цѣль была-бы имъ меня морочить?

Все это я передалъ слово въ слово Ив. Сергѣевичу—онъ разсердился...

— Что они говорятъ про „заломъ"!... Я самъ ходилъ смотрѣть на такой заломъ,—крестьяне повели меня,—я его разорилъ, вышелушилъ изъ него зерна и при нихъ эти зерна съѣлъ,—къ немалому ихъ ужасу,—думали, что я тутъ же почернѣю весь и умру... и не почернѣлъ, и не умеръ.

— Темнота, суевѣріе и легковѣріе, сказалъ онъ съ досадой,—это три пальца на одной рукѣ,—гдѣ одинъ, тамъ другой, тамъ и третій.

XXVI.

Чѣмъ хуже была погода, тѣмъ долѣе засиживались мы по вечерамъ и тѣмъ позднѣе вставали. Однажды ночью, когда я уже собрался лечь спать, а жена моя писала письмо, къ намъ въ дверь постучался Иванъ Сергѣевичъ.

Съ выраженіемъ не то испуга, не то удивленья, вошелъ онъ къ намъ въ своей коричневой курткѣ и говоритъ: что за чудо! стучится ко мнѣ въ окно какая-то птичка, такъ и бьется въ стекло.—Что дѣлать?

Жена моя пошла съ нимъ въ его кабинетъ и минутъ черезъ пять приноситъ въ рукахъ своихъ маленькую птичку, гораздо меньше воробья, съ черными, очень умными, глазками. Птичка эта тотчасъ же влетѣла въ комнату, какъ только открыли окошко; сначала не давалась въ руки, но потомъ, когда ее поймали, очень скоро успокоилась, только поворачивала головку и поглядывала то на Тургенева, то на жену мою. Какая это птичка, — Тургеневъ не могъ сказать; онъ зналъ только, что птички эти появляются въ Спасскомъ передъ осенью. Онъ уже видѣлъ ихъ нѣсколько въ цвѣтникахъ на тычинкахъ передъ террасой и, какъ онъ замѣтилъ—это пророчило раннюю осень.

Птичку посадили въ корзинку, и она усѣлась въ ней, точно въ собственномъ своемъ гнѣздышкѣ, не обнаруживая ни безпокойства, ни недовѣрія. Корзинку съ птичкой отнесли въ пустую *Савину* комнату (такъ стали мы называть ту комнату, гдѣ ночевала М. Г. Савина) и поставили на окно. На другой день, утромъ, когда проснулись дѣти, корзинка эта была вынесена на террасу, и гостья-птичка выпущена на свободу. Помню, какъ она взвилась, полетѣла по направленію къ церкви и потонула въ сѣромъ, утреннемъ воздухѣ.

— Вотъ, полетѣла на волю, сказалъ Тургеневъ, — а какой-нибудь кончикъ или ястребокъ скогтитъ ее и съѣстъ.

Въ этомъ посѣщеніи птички Иванъ Сергѣевичъ готовъ былъ видѣть нѣчто таинственное.

— Впрочемъ, сказалъ онъ, все такъ называемое таинственное никогда не относится въ жизни человѣческой къ чему нибудь важному и всегда сопровождается пустяками.

XXVII.

Чѣмъ ближе время подходило къ августу, тѣмъ все болѣе и болѣе какая-то меланхолическая грустная струнка звучала въ душѣ и словахъ Ивана Сергѣевича. Почему-то, онъ былъ убѣжденъ, что умретъ 2-го октября того-же года (не потому-ли, что 1881 годъ по суммѣ чиселъ совпадалъ съ 1818 годомъ, когда онъ родился).

— Ни за что-бы я не желалъ быть похороненнымъ, говорилъ онъ, на нашемъ Спасскомъ кладбищѣ, въ родовомъ нашемъ склепѣ. Разъ я тамъ былъ и никогда не забуду того страшнаго впечатлѣнія, которое оттуда вынесъ — сырость, гниль, паутина, мокрицы, спертый могильный воздухъ... Брръ!...

Да, если-бы Иванъ Сергѣевичъ и желалъ быть похороненнымъ въ этомъ склепѣ, едва-ли бы это было возможно: склепъ помѣщался подъ поломъ каменной часовни; часовня эта съ фронтонами, колонками и круглымъ куполомъ, издали похожая на павильонъ,—уже полуразрушена: желѣзныя двери ея заржавѣли, карнизы обвалились, штукатурка мѣстами обнажила кирпичь, крестъ на куполѣ нагнулся, точно хочетъ убѣжать.

Мнѣ хотѣлось проникнуть въ эту усыпальницу, но Иванъ Сергѣевичъ меня туда не пустилъ.

— Тамъ, того гляди, на тебя что нибудь обрушится... Не ходи!

Съ этой часовни я сдѣлалъ мой первый этюдъ въ Спасскомъ — я писалъ съ натуры издали, съ верхняго балкона, въ очень дурную, пасмурную погоду, и неудачно — первый блинъ вышелъ комомъ. Но рисунокъ часовни этой (также какъ и домъ), сдѣланный съ фотографіи можно видѣть и въ журналѣ „Нива", въ № 42 1883 года.

Около часовни растутъ деревья, кое гдѣ еще торчатъ памятники, въ видѣ каменныхъ покачнувшихся столбиковъ, и виднѣются плиты, заросшія травой и бурьяномъ. Это старое, господское кладбище, на которомъ уже никого болѣе не хоронятъ.

На одномъ изъ памятниковъ этого покинутаго кладбища, Иванъ Сергѣевичъ припомнилъ слѣдующую эпитафію:

Богъ Ангеловъ считалъ,
Одного не доставало.
И смертная стрѣла
На Лизаньку упала.

— Эта эпитафія, сказалъ мнѣ Иванъ Сергѣевичъ (когда мы съ нимъ гуляли), эта эпитафія была начертана на одномъ изъ камней, подъ которымъ была погребена дѣвочка—дочь жившаго или гостившаго у насъ когда-то

Библиотека "Руниверс"

Маленькій лакомка. Съ картины Яна Вергаца, грав. К. Веберъ.

Библиотека "Руниверс"

Первый урокъ вязанья. Съ картины Пахера, грав. Трейчманъ.

Библиотека "Руниверс"

архитектора (можетъ быть тогда, когда еще строили или отдѣлывали нашъ старый, сгорѣвшій домъ). Когда я былъ еще мальчикомъ, я часто забѣгалъ и на кладбище. Разъ, помню, черезъ нашу деревню проходилъ какой-то полкъ;—это было еще въ царствованіе Николая;—дорога шла около самаго кладбища; я былъ тамъ и смотрѣлъ на проходящихъ солдатъ. Былъ іюль — день былъ знойный. Вижу, къ памятнику подходитъ какой-то старый, старый капитанъ, — киверъ, въ видѣ ведерки, въ чехлѣ, штаны въ сапогахъ, на голенищахъ слѣды засохшей грязи, сѣдые усы и пыль, — пыль по самыя брови. Усталый, сгорбленный, увидѣлъ онъ надпись на камнѣ и сталъ медленно читать:

Богъ ангеловъ считалъ...

Прочелъ, плюнулъ, выругался самой, что ни есть площадной руганью и пошелъ дальше. Помню, какъ это меня озадачило... Но, развѣ въ этой ругани не сказалась вся жизнь его — бѣдная, скучная, тяжелая, безсмысленная и безотрадная... И то сказать—если мужику, котораго только что высѣкли въ волостномъ правленіи, или который только что вернулся верстъ за двадцать въ свою семью, брюзгливую и злую отъ того, что ѣсть нечего,—начать читать стихотвореніе Пушкина или Тютчева,—еслибы онъ даже и понялъ ихъ, непремѣнно бы плюнулъ и выругался... До стиховъ-ли, въ особенности нѣжныхъ, человѣку забитому нуждой и всякими житейскими невзгодами.

(До слѣд. №).

Блины.

Изъ лѣтописей масляничной недѣли.

П. П. Гнѣдича.

I.

Невскій проспектъ въ ясный зимній день, когда солнце спустится къ закату, удивительно хорошъ. Воздухъ чистый, морозный. Верхи зданій горятъ багровымъ золотомъ послѣднихъ лучей, а снизу ползутъ по стѣнамъ голубыя тѣни, смягченныя снѣжною пылью. Деревья совсѣмъ сказочныя: словно тѣ узоры, что плетутся въ завитки на замерзшихъ окнахъ. Дымъ изъ трубъ кровавый, тяжелый. Народу на тротуарахъ,—особенно на солнечной сторонѣ Невскаго,—бездна. Мохнатыя шапки черкесовъ, розовенькія щечки барышенъ, до половины прикрытыя боа, заледенѣвшіе усы кавалеровъ, блестящіе цилиндры статскихъ, яркія фуражки гусаровъ, посинѣлые съ холода газетчики, жидовствующіе репортеры, собачки въ попонахъ съ вензелемъ и дворянской короной,—все это пестрымъ потокомъ перекатывается отъ Аничкина до Полицейскаго моста, мимо соблазнительныхъ витринъ магазиновъ. Полозья визжатъ о тугой снѣгъ, омнибусы со звономъ катятся по рельсамъ, смутный говоръ стоитъ надъ толпою. Надо всемъ,—и надъ толпой и надъ зданіями,—царитъ адмиралтейскій шпиль, золотой иглою вскинувшій на дымчатомъ небѣ... Да, Невскій очень хорошъ въ эту пору!...

Самый разгаръ движенія—четвертый часъ, особенно въ праздникъ. Если вы будете постоянно наблюдать за гуляющими, то замѣтите между ними вѣчныхъ завсегдатаевъ, и въ числѣ ихъ, конечно—Ивана Ивановича Турухтанова.—Да вы его, безъ сомнѣнія, видѣли много разъ. Это маленькій человѣчекъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ лицомъ самымъ незначительнымъ, съ пухленькими глазками, и очень добренькимъ выраженіемъ физіономіи. Идетъ онъ маленькими шажками, закутавшись въ огромный енотъ, и накрывшись огромной мохнатой шапкой. Онъ выглядываетъ изъ подъ нихъ очень смѣшно: словно моль сидитъ въ мѣху. Онъ очень любопытенъ и не пропускаетъ рѣшительно ничего замѣчательнаго изъ того, что выставлено на окнахъ. Знакомыхъ у него немного. Но за то если ужъ встрѣтится ему знакомый, такъ онъ раскланяется съ нимъ съ такимъ наслажденіемъ, точно его осчастливила судьба чѣмъ то необычайнымъ: издали начнетъ улыбаться, чѣмъ ближе подходитъ, тѣмъ улыбается шире, свѣтлѣе, шапку не приподнимаетъ, а совсѣмъ снимаетъ съ головы, при чемъ оказывается, что у него мѣхъ на черепѣ не-въ-примѣръ хуже, чѣмъ на шапкѣ,—какой-то вытертый, пучками; даже когда знакомый пройдетъ, и давнымъ-давно позабудетъ о встрѣчѣ, лицо его все сохраняетъ блаженную улыбку,—и даже словно какое-то вдохновеніе свѣтится въ его глазахъ. Онъ никогда не толкнетъ никого, а если его толкнутъ,—онъ извиняется, что подвернулся. Онъ обходитъ даже собаку, заглядѣвшуюся въ пространство, ставшую поперегъ дороги.

Теперь ужъ нѣтъ такихъ людей: новыхъ такихъ не порождается, прежніе вымираютъ, дѣлаются все рѣже и рѣже. Эта тонкая деликатность словно всосалась въ нихъ съ молокомъ матери. Женщина для нихъ такое божество, она стоитъ на такомъ недосягаемомъ пьедесталѣ, что единственно-возможное отношеніе къ ней, это благоговѣйное преклоненіе, сознаніе своего ничтожества. Иванъ Ивановичъ всегда влюбленъ во всѣхъ женщинъ, но никогда ни однимъ намекомъ не выкажетъ своей страсти. Хорошенькая ножка въ плотно-обтянутомъ ажурномъ чулкѣ приводитъ его въ восторгъ; но восторгъ этотъ такъ и замираетъ внутри: онъ никогда не рѣшится, не осмѣлится самъ передъ собою сознаться въ этомъ восторгѣ. Въ него никто никогда не влюблялся: онъ былъ слишкомъ некрасивъ и робокъ въ молодости. Годы его скрасили, но робость осталась таже. „Романа" у него не было. Платоническія страсти не оканчивались ничѣмъ. Сердце его представляло какой-то пантеонъ, гдѣ были собраны всевозможныя божества разныхъ періодовъ его жизни. Тутъ были и актрисы, и сосѣдки по квартирамъ, и барышни, и замужнія, и вдовы,—всѣхъ онъ глубоко уважалъ, и изумлялся ихъ качествамъ.

— Сколько достоинствъ, вдохновеннымъ шепотомъ говорилъ онъ собесѣднику, указывая на какую нибудь юлу, прыгающую по залѣ,—чудесная дѣвушка, чудесная жена и мать семейства—въ будущемъ.

Частенько исполненная достоинства барышня, выйдя замужъ, на второй-же годъ брачной жизни, бросала своего супруга, и удирала за границу съ отставнымъ гусаромъ или художникомъ. Тогда Иванъ Ивановичъ изумлялся, терялъ на нѣсколько дней аппетитъ, бродилъ какъ потерянный, сонно, вяло.

— Непонятно! повторялъ онъ:—каково броженіе умовъ...

Ребенокъ приводилъ его въ какой-то священный трепетъ. Онъ давно примирился съ мыслію, что у него нѣтъ дѣтей и не будетъ. Но видя толстощекую, здоровую полуторогодовую дѣвочку, балансирующую по ковру пухлыми ноженками,—онъ весь расплывался въ одну улыбку. Онъ затаивъ дыханіе слѣдилъ за каждымъ движеніемъ живаго бочонка, пугался каждому толчку въ сторону. Глаза его были мокры отъ слезъ; а дѣти его не любили, и не шли къ нему.

— Сдѣлай дядѣ ручкой, сдѣлай,—усовѣщевали младенца няньки. Но младенецъ упорно моталъ головой, отворачивался, махалъ рукой и говорилъ „бя-бя"... А дядя манилъ его, сюсюкалъ, чмокалъ.

И что-бы онъ былъ за прелестнымъ мужемъ, еслибы за него пошла за мужъ какая нибудь барышня! О, да за него многія-бы пошли,—я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь, ни одной минуты. Какъ бы онъ холилъ, нѣжилъ, какъ бы безконечно былъ предупредителенъ передъ своею богинею! Онъ боялся-бы кашлянуть ночью, чтобы не обезпокоить, смотрѣлъ бы въ глаза какъ преданный песикъ, по одному намеку угадывалъ бы желаніе, работалъ бы до послѣдней капли силъ, только бы доставить удобство, комфортъ ей,—этой милой, прелестной, чудной женщинѣ, что оставила семью, отдалась ему, живетъ тутъ, съ нимъ, хлопочетъ по хозяйству, любитъ его... Господи, да что-же это за блаженство!...

II.

А между тѣмъ вотъ онъ—одинокій холостякъ... Онъ гуляетъ по Невскому въ праздникъ, смотритъ на тѣхъ счастливцевъ, что подъ руку съ дамами открыто и смѣло идутъ въ толпѣ, кланяются знакомымъ, покупаютъ дорогія вещи, рядятся, веселятся, ѣздятъ по театрамъ. Когда онъ сидитъ въ заднихъ креслахъ театральной залы, онъ съ упоеніемъ вдыхаетъ запахъ духовъ случайной сосѣдки, боится толкнуть ее локтемъ. А на сценѣ, тамъ, въ этомъ упоительномъ, волшебномъ мірѣ, люди и женщины такъ хороши, такъ полны поэзіи, игривости, любви, правды... Онъ глазъ не отрываетъ отъ нихъ,—онѣ мѣшаютъ ему спать, ихъ свѣтлые образы преслѣдуютъ его. Какъ далекъ, какъ хорошъ этотъ міръ! Какъ дѣйствительность будична, прозаична...

Онъ служитъ въ своемъ министерствѣ давно, онъ считается хорошимъ чиновникомъ, директоръ его часто зоветъ къ себѣ, онъ нѣсколько разъ приходилъ къ нему по вечерамъ. Онъ не держитъ себя низкопоклонно, хотя не иначе называетъ его, какъ „ваше превосходительство". Онъ болѣе чѣмъ приличенъ въ обществѣ, хотя говоритъ мало. Если судьба сведетъ его съ сосѣдкой, онъ покраснѣетъ какъ ракъ, но не потеряется: очень тонко и мило занимаетъ, говоритъ о вещахъ возвышенныхъ, матеріяхъ важныхъ. Онъ много читалъ, слѣдитъ за новостями,—но барышни находятъ его скучнымъ... Онъ не обижается: „что я такое? Пуль! Пигмей! Ничтожество". По французски онъ говоритъ плохо, но нѣмецки лучше. Онъ нюхаетъ табакъ, но это всѣхъ это скрываетъ.

Квартирка у него чудесная, въ двѣ комнаты. Она наполнена статуетками, чучелами, изображеніями изъ гипса и папье-маше животныхъ. Съ потолка спускается розовый фонарь, которымъ его стыдятъ немногіе знакомые: „что это, Иванъ Ивановичъ,—вы словно барышня". Онъ краснѣетъ, но фонаря не снимаетъ.

Библиотека "Руниверс"

Онъ считаетъ себя счастливымъ, спокойнымъ,—и это отражается и на его лицѣ, и на фигурѣ, и въ походкѣ.

Смотрите, какъ онъ идетъ по тротуару. Какъ доволенъ сознаніемъ, что сегодня праздникъ, и можно нейти на службу, а завтра будній день, и идти надо. Онъ отлично сознаетъ, какъ пріятно занимать мѣсто хоть съ маленькимъ жалованіемъ—въ 1600 рублей, но все-таки вѣдь съ опредѣленнымъ аккуратно получаемымъ доходомъ. Для холостаго человѣка, лишеннаго всякихъ претензій, этого довольно. Вѣдь живутъ-же студенты на двадцать пять рублей въ мѣсяцъ—да еще съ семействами! А онъ счастливъ, очень счастливъ!...

Онъ идетъ по Невскому и думаетъ: „Нынче недѣля о блудномъ сынѣ, а потомъ будетъ масляница. Отчего это блудный сынъ пришелся передъ масляницей? Случайно это или нѣтъ? Интересно было бы прочесть гдѣ нибудь объ этомъ... И отчего блины пекутъ? Языческій это обычай, что-ли?..."

Онъ началъ припоминать: кто его позоветъ на блины? Онъ терпѣть не можетъ блиновъ съ паюсной икрой, сметаной, или яицами... Блины должны быть или со свѣжей икрой, или съ отличной жирной семгой... Да икра чтобы была не сѣрая жижа, что продаютъ во фруктовыхъ лавкахъ, а настоящая, черная какъ смоль, въ жестянкахъ... Чертъ возьми, это вкусно...

Мечты о блинахъ такъ заняли его, что онъ раза два облизнулся. Онъ ускорилъ шаги, уткнувъ носъ въ воротникъ своей шубы; вдругъ знакомый голосъ раздался надъ ухомъ:

— Иванъ Ивановичъ!

Онъ вздрогнулъ. Это былъ его генералъ. То есть въ сущности не генералъ, а дѣйствительный статскій совѣтникъ,—ну да это все равно. Это былъ его директоръ—Илья Платоновичъ Дѣдулинъ.

Онъ сжималъ его руку и улыбался съ недосягаемой высоты своего необъятнаго роста. Глаза его улыбались; съ сожалѣнію нельзя того-же было сказать про его ротъ: онъ совершенно былъ закрытъ чудовищными усами, которые объиндевѣли до того, что напоминали собою пару годовалыхъ барановъ.

— Иванъ Ивановичъ, что съ вами? Вы влюблены?

— Ваше превосходительство,—что это вамъ вздумалось?

— Задумчивы! Никого не замѣчаете. Вѣроятно передъ вами носится ея образъ?...

Иванъ Ивановичъ забормоталъ что-то въ отвѣтъ.

— Погодите, вотъ я васъ женю,—у меня невѣста есть на примѣтѣ. Вотъ что: вы завтра свободны послѣ службы? Приходите ко мнѣ: будемъ пробовать блины. Знаете, у меня обычай: передъ масляницей попробовать—чтобъ не сразу налечь на нихъ... Вы мало бываете въ обществѣ, вамъ надо больше развлеченій: встрѣтите у меня хорошенькихъ женщинъ. А! это много! очень много! Нынче какъ-то рѣдко встрѣчаются хорошенькія женщины. Будете?...

Онъ опять пожалъ руку. Онъ такимъ казался огромнымъ передъ нимъ, какъ та нормандская лошадь, которую выводили въ циркѣ вмѣстѣ съ клеперомъ! Иванъ Ивановичъ кланялся, показывая свой вытертый мѣхъ.

— Женю, повторилъ генералъ—и пошелъ своей дорогой.

III.

Наступило завтра.

Иванъ Ивановичъ былъ очень доволенъ зовомъ. Во-первыхъ онъ всегда съ удовольствіемъ ходилъ къ генералу: все таки аристократъ. Почему въ понятіи Ивана Ивановича генералъ былъ аристократомъ — тоже трудно сказать. — Во-вторыхъ,— Иванъ Ивановичъ, какъ уже замѣчено выше,—несказанно любилъ женщинъ, а тѣмъ болѣе хорошенькихъ. Его нѣсколько смущала фраза Дѣдулина—„Женю!"—Серьезно,—или шутя это сказалъ онъ?—Шутя,—ну, конечно, шутя!

Онъ надѣлъ самый новый сюртукъ, который сидѣлъ на немъ прекрасно. Пригладилъ височки фиксатуаромъ, брызнулъ на себя духами. „Давно я не шелъ съ такимъ удовольствіемъ на обѣдъ!" повторялъ онъ.

Въ темной столовой сіяли канделябры, сверкалъ хрусталь, блестѣли симметрично разставленныя вина. Въ углу, у закусочнаго стола толпились гости. Стоялъ говоръ жиной, словно въ ульѣ. Иванъ Ивановичъ опоздалъ немножко. Его стали знакомить.

— Зоя Павловна Вернъ.

Боже мой, что за красавица стояла передъ нимъ! Личико бѣленькое, матовое, глаза черные, огненные, губки пухленькія, на подбородкѣ ямочка... У Ивана Ивановича даже на сердцѣ захолонуло.

— Вѣдь бываютъ же такія, Господи!

Барышня подала ему руку, улыбнулась. Зубки крохотные, перлушки такіе... А его превосходительство наклонился къ ней да и шепчетъ:

— Это вотъ что я вамъ говорилъ... Господинъ Турухтановъ...

Та опять какъ блеснетъ улыбкой,—словно молнія мелькнула, озарила...

— Валентинъ Павловичъ Вернъ.

То-же красанецъ, и какъ похожъ на сестру. Забралъ руку Ивана Ивановича—и жметъ, а самъ глядитъ такими добрыми-добрыми глазами.

— И что такое говорилъ его превосходительство Зоѣ Павловнѣ? Неужели?..

У Ивана Ивановича чуть не вывалился сыръ изо рта при этой мысли.—Нѣтъ! не можетъ быть!..

Онъ толкнулъ настоящаго генерала, что стоялъ возлѣ. Это былъ не только генералъ, но и князь. Онъ не безъ достоинства нережевывалъ что-то.

— Ваше превосходительство, виноватъ.

— Виноватъ! повторилъ въ свой чередъ князь.

— Блины, блины простынутъ! кричитъ хозяинъ.

Задвигали стульями, зашуршали платьями... Ай,—что же это? кажется возлѣ... Возлѣ Ивана Ивановича садится Зоя Павловна... Однако.

Но за то съ другой стороны какая харя! Худосочная англичанка, да вѣдь какая! Во французскихъ журналахъ такихъ рисуютъ, а мы, поглядѣвъ на каррикатуру, говоримъ:

— Ну ужь и хватилъ же французъ! Что значитъ національная вражда!

Блины, блины какіе! Икра-то, икра! Та самая, о которой мечталъ Иванъ Ивановичъ... Блины шипятъ въ маслѣ,—какъ подрумянились, какіе рыхлые, тоненькіе, легкіе... Сотню съѣшь и не почувствуешь! Отовсюду раздались похвалы.

— Однако и блины, ваше превосходительство.

— А ваше имя, можно сказать, довольно рѣдко и не употребительно, рѣшился начать разговоръ Иванъ Ивановичъ.

Барышня неторопливо проглотила кусокъ блина и повернула къ сосѣду голову:

— Вамъ оно не нравится?

Тотъ даже ногами завозилъ подъ стуломъ.—Помилуйте, это, можно сказать, прелестное имя. Такое романическое. Я говорю, что оно, къ сожалѣнію, такъ рѣдко употребительно. Я думаю, такое имя должно счастіе принести.

— Почему это? возразила она, глотая новую порцію.

— Зоя... какъ бы это выразить... Самый звукъ имени, такой дымкой окутанъ, такимъ благоуханіемъ отъ него вѣетъ...

Она широко открыла испуганные глаза...

— Что это вы какой? Это вы нарочно?

Онъ совсѣмъ сконфузился и сталъ кланяться въ тарелку: помилуйте, я... какъ же я смѣю...

Между ними просунулась рука лакея съ миской блиновъ. Иванъ Ивановичъ отказался.

— Нѣтъ, благодарю, довольно.

— Скушайте еще, попросила сосѣдка,—ну, пожалуйста,—за мое здоровье.

Онъ не смѣлъ противорѣчить, и взялъ новую грудку.

— Мнѣ Илья Платоновичъ говорилъ, что вы холостякъ? спросила она.

Онъ подтвердилъ слова Ильи Платоновича.

— Отчего же это вы? Развѣ вы такъ не любите женщинъ?

Онъ съ укоризной взглянулъ на нее.—Помилуйте! Напротивъ!

— Напротивъ? Значитъ очень любите?

Онъ поперхнулся блиномъ.

— Вотъ вы какой! Я думаю, въ молодости вы сколько романовъ имѣли! Сознайтесь. Да?.. Ну, налейте-ка мнѣ хереса...

Его рука дрожала, онъ съ трудомъ лилъ изъ горлышка, стараясь попасть въ рюмку.

— Господа, еще блиновъ! предлагаетъ хозяинъ.

Всѣ на отрѣзъ отказались: были сыты вотъ до сихъ поръ.

— Господа,—говорилъ Илья Платоновичъ.—Вы говорите, что всѣ сыты,—ничего ѣсть больше не можете... Даже супъ тяжелъ, правда?

— Правда! подтвердили голоса...

— Супъ тяжелъ,—согласился хозяинъ: послѣ блиновъ онъ противенъ. Но вы знаете, что теперь хорошо пройдетъ?—стерляжья уха! Правда?

Всѣ согласились, что стерляжья уха теперь какъ разъ на мѣстѣ.

— Отчего вы не занимаете сосѣдку? спрашивала Зоя Павловна Турухтанова.

Онъ съ опасеніемъ глянулъ на англичанку.

— Я думаю, сказалъ онъ,—онѣ по русски плохо понимаютъ, и при томъ... онѣ не желаютъ...

— „Онѣ" изъ восковаго музея, что въ Пассажѣ, подтвердила она,—вы не вѣрите? Попробуйте. Троньте ее пальцемъ тихонько, чтобы не замѣтили...

— Вы гдѣ изволили кончить курсъ? старался замять разговоръ Иванъ Ивановичъ.

— Вы хотите сказать, что я не умѣю держать себя? спросила она.

Онъ въ пятнадцатый разъ покраснѣлъ.

— Помилуйте... Я вижу вы такая... Такая прекрасная.

— Я кончила въ Смольномъ два года назадъ... Я вѣдь родственница Агриппинѣ Иларіоновнѣ.

Она показала на хозяйку, которая на другомъ концѣ занимала двухъ почтенныхъ старушекъ:—у одной была бородавка подъ губой, а у другой красный бантъ на темени...

— Тамъ прекрасно учатъ, заявилъ Иванъ Ивановичъ.

— Въ Смольномъ-то? Да ничего—учатъ... Вы изъ палимовъ уху любите?

— Да... отчего же...

— По моему изъ палимовъ лучше, чѣмъ изъ стерляди... Вотъ Валентинъ тоже любитъ...

Библиотека "Руниверс"

Она показала головой на брата.

— Какіе Валентинъ Павловичъ красивые, замѣтилъ онъ глубокомысленно...

— Онъ прежде лучше былъ. Я его подросткомъ помню: вѣдь мы росли вмѣстѣ. А теперь онъ кудластый да тренаный...

Она съ любовью на него посмотрѣла, тотъ замѣтилъ ея взглядъ и улыбнулся.

— Хорошо тебя сосѣдъ занимаетъ? спросилъ онъ черезъ столъ.

— Ахъ, восхитительно! отвѣтила она.

— Эге, Иванъ Ивановичъ! замѣтилъ директоръ.

На этотъ разъ Иванъ Ивановичъ такъ сконфузился, что у него покраснѣла даже шея.

IV.

Когда встали изъ-за стола,—и Иванъ Ивановичъ благодарилъ сосѣдку за пріятно проведенное время,—они были уже друзьями. Она норяцкомъ заставляла его пить, выдумывая разные предлоги. Онъ чувствовалъ, что все какъ-то пестритъ въ глазахъ, языкъ какъ-то странно ворочается, и хорошо, и вмѣстѣ съ тѣмъ усталость какая-то. Прилечь бы теперь на диванчикъ—такъ на полчасика, не больше! Онъ привыкъ отдыхать послѣ обѣда. Да гдѣ же—здѣсь нельзя, невозможно... Теперь на воздухъ бы хорошо, прокатиться...

Черный кофе очистилъ вкусъ отъ всѣхъ винъ и ликеровъ. И во рту, и въ головѣ, и въ желудкѣ—прекрасно. Такое послѣобѣденное расположеніе: всѣ такіе милые, хорошіе, картины по стѣнамъ славныя, лампы свѣтлыя, матерія такая чудесная на портьерахъ, полъ натертъ чудесно...

— Мы съ вами танцовать будемъ, заявила Зоя Павловна, проходя мимо него подъ руку съ братомъ.

— Какъ, развѣ будутъ танцы? спросилъ онъ...

— Да, на Каменномъ островѣ.—всѣ туда ѣдутъ.

Валентинъ Павловичъ не ѣхалъ, ему надо было въ какое-то засѣданіе. Онъ поцѣловалъ сестру, опять также мягко пожалъ руку Ивану Ивановичу и съ улыбкой сказалъ ему:

— Такъ ужь вы будьте кавалеромъ Зои...

Кровь опять ему бросилась въ голову.—Ой, сказалъ имъ Илья Платоновичъ что нибудь! Чего они всѣ такъ на меня смотрятъ и улыбаются?..

Иванъ Ивановичъ вдругъ почувствовалъ какую-то смѣлость. Что-бы онъ могъ сдѣлать? все что угодно! Переплыть Босфоръ, взойти на Гималаи,—жениться даже. Имъ овладѣло какое-то жениховское настроеніе. Будутъ танцы: онъ ничуть не прочь потанцовать, да не какую нибудь кадриль, а настоящую мазурку. Онъ, правда, никогда ее не танцовалъ, да это все равно, это не мѣшаетъ. Вотъ генералъ стоитъ, котораго онъ чуть не толкнулъ. Ну и что же? Вѣдь и онъ могъ быть генераломъ. Немножко связей, прислужиться тамъ, тутъ—и дѣло кончено. Что ему генералъ!

Накурено это должно быть? Все въ туманѣ, въ синемъ туманѣ такомъ плаваетъ. Говорятъ, говорятъ много, шумно, а не разберешь что. Илья Платоновичъ трясетъ сигарой и хохочетъ... Ему очень весело. Да, блины хорошая вещь, очень хорошая, хотя они ведутъ начало изъ язычества...

Очень уютно на диванѣ, мягкій такой уголокъ,—валикъ подъ рукой... Очень хорошо...

— Такъ вы какъ думаете? раздался голосъ надъ его ухомъ.

— О чемъ?

Онъ знаетъ, что это голосъ Зои. Онъ чувствуетъ ея теплоту, ароматъ.

— О женитьбѣ.

— О какой женитьбѣ?

— Ну, полноте притворяться, что ужь тутъ. Вѣдь я вамъ нравлюсь, очень нравлюсь? Да?

— Конечно-съ... Я не спорю...

Въ какую-то истому, въ какое-то блаженство погружается Иванъ Ивановичъ. То самое ощущеніе, которое онъ испытывалъ ребенкомъ, когда его опускали въ теплую ванну: такая мягкая, душистая пѣна кругомъ... Тепло, хорошо. Вокругъ шеи обвились нѣжныя руки... Боже мой, да что же это такое?

— Вы милый, хорошій, говоритъ она. Я буду очень счастлива съ вами. Такъ когда же свадьба, когда?..

— Иванъ Ивановичъ. Иванъ Ивановичъ, пристаетъ Илья Платоновичъ, что же вы, а?

— Что?

— Вздремнули? Собирайтесь, ѣдемъ.

Какъ же это? Ай-ай! Онъ вздремнулъ въ кабинетѣ его превосходительства, прикурнувъ въ уголкѣ дивана.

— Я и не зналъ, что вы любите соснуть послѣ обѣда, шутилъ генералъ.

— Блины, ваше превосходительство, оправдывается Иванъ Ивановичъ. Тяжелое кушанье, языческое...

— Ѣдемъ... Всѣ готовы...

— Да, такъ это я вздремнулъ! сообразилъ Иванъ Ивановичъ. Да,—ну слава Богу... кхе...

И онъ почувствовалъ себя совершенно свободнымъ, холостымъ, ничѣмъ не связаннымъ... и пожалѣлъ о своемъ снѣ..

Очень хорошо было... Какое-то неизъяснимое ощущеніе...

V.

На лѣстницѣ Зоя продѣла свою руку подъ толстый рукавъ шубы Ивана Ивановича и громогласно заявила:

— Это мой кавалеръ!

У подъѣзда стояло четыре тройки.

— Насъ четырнадцать,—сосчиталъ Илья Платоновичъ... Какъ же мы размѣстимся?.. По четверо въ сани... А на одну тройку парочку...

— Нашу! крикнула Зоя,—и впрыгнула черезъ откинутую швейцаромъ полость въ сани.—Иванъ Ивановичъ, ну!

Иванъ Ивановичъ неловко пролѣзъ, швейцаръ застегнулъ, генералъ со смѣхомъ крикнулъ: „трогай!"—Лошади рванулись, комья снѣга полетѣли въ лицо сѣдокамъ, морозный вихорь закрутился вокругъ,—и всѣ тройки остались позади съ возгласами и аханьемъ обычнаго усаживанья.

Трахъ, трахъ, трахъ! Бьются сани о выбоины, рѣжутъ рельсы встрѣчныхъ путей. Извощики сторонятся, фонари мелькаютъ. Литейная назади, вотъ Гагаринская, Нева, тройка съѣхала на ледъ.

— Э-эхъ! гикнулъ ямщикъ, кони подобрались, бубенцы заговорили чаще, пристяжные пустились карьеромъ, коренникъ во всю рысь трясетъ своей узорной дугою, вѣтеръ такъ и зарѣзалъ лицо, забрался за воротникъ. Зоя прижалась, притиснулась къ нему плотно, кажетъ изъ-за муфты свой плутовской черный глазъ, поводитъ имъ какъ звѣрекъ...

— Бацъ! Какой-то чухонецъ подвернулся.—Розвальни его въ сторону, оглобли пополамъ.—Тише ты! О, да онъ пьянъ кажется!

— Э-эхъ! Одно шипѣнье, свистѣнье какое-то,—прыгаетъ дуга, пристяжки кажутъ сбоку свои испуганныя морды...

— Хорошо? спросила Зоя...

Иванъ Ивановичъ замычалъ что-то въ отвѣтъ... Онъ былъ совсѣмъ въ чаду.

— Слушайте, Иванъ Ивановичъ,—мнѣ говорили, что вы холодный Чайльдъ Гарольдъ. Правда?

— Я-съ, я-съ! Что вы, я напротивъ...

— Говорятъ, вы никого, никого въ жизни не любили.. Правда?

У Ивана Ивановича даже выступили слезы.

— Вѣдь вотъ... за что же, за что же въ самомъ дѣлѣ такъ,—ну когда же я давалъ поводъ такъ думать, говорить... Нѣтъ Зоя... Нѣтъ... (Онъ вдругъ забылъ, какъ ее по отчеству зовутъ). Нѣтъ Зоя... Николаевна, я ни за что...

— Вы любите хорошенькихъ женщинъ?

— Все прекрасное я обожаю.

— Ну, это черезчуръ обще.—Все!.. Вотъ сегодня были прекрасные блины—такъ вы и ихъ приравниваете къ намъ...

— Вы... ужасно какъ ловите на словахъ. У васъ очень острый умъ...

Она вдругъ повернула къ нему лицо, совсѣмъ освободивъ его отъ боа и муфты.

— Я вамъ нравлюсь!

Что это было за лицо! Освѣщенное туманнымъ, луннымъ свѣтомъ, слабо прорывавшимся изъ-за сѣрыхъ тучъ, оно, казалось, само испускало сіяніе. Бѣлизна кругленькихъ щекъ, носа и подбородка оттѣнялась глубокими черными глазами, бездонными, сулившими безконечную цѣпь. Бѣленькая шапочка надвигалась на лобъ, такъ кокетливо мило,—взглядъ былъ такой вызывающій, и бархатный, бархатный...

— Ну? что же вы молчите!..

— Ахъ, что же мнѣ отвѣчать,—прошепталъ онъ.

Она хихикнула и опять спряталась въ муфту. Мимо неслось спящее царство сонныхъ дачъ: сани летѣли словно на коврѣ-самолетѣ... И все впередъ, впередъ, и впередъ...

— Вы бы женились на мнѣ?..

— Я... я бы, я не знаю, что бы я далъ... Вы не повѣрите, до чего иногда тяжело бываетъ на душѣ... Одинъ, одинъ, вѣчно одинъ... Друга нѣтъ... Знаете, мнѣ все стихъ Пушкина вспоминается...

„Печаленъ я, со мною друга нѣтъ,
Кому бы могъ подать отъ сердца руку..."

Нѣтъ, и нѣтъ!

Онъ совсѣмъ заплакалъ.

— Милый! не надо,—утѣшала его Зоя, дѣлая серьезное лицо, и поглядывая впередъ... Туда ли мы ѣдемъ?..

Онъ тоже встрепенулся.

— Туда ли?.. Нѣтъ не туда...

Ямщикъ обернулся на зовъ.—Ты куда ѣдешь?

Онъ остановилъ тройку.—А куда прикажете?

— На Каменный!

— Я думалъ въ Лѣсной, проворчалъ онъ и сталъ заворачивать назадъ.

— Они ужь давно на мѣстѣ, немножко съ безпокойствомъ сказала Зоя.—Ждутъ насъ.

— Да, да...

Ямщикъ все заворачивалъ, заворачивалъ, вдругъ стегнулъ лошадей, и... и сразу вывалилъ обоихъ въ снѣгъ...

— Ай-ай! взвизгнула Зоя.

— Что-жь это? изумился Иванъ Ивановичъ, зарывшись съ размаху головой въ сугробъ снѣга.

— Поднимите, поднимите меня,—говорила она, задыхаясь отъ смѣха А онъ барахтался, черпалъ высокими калошами снѣгъ, растерялъ перчатки, шапку и все повторялъ:—Ну! ну!

— Вотъ такъ оказія! удивился ямщикъ, и даже избоченился.

Оба сѣдока были вываляны въ снѣгу со всѣхъ сторонъ. Онъ

Библиотека "Руниверс"

отряхалъ ей шубку, она заливалась смѣхомъ: да вѣдь какимъ раскатистымъ, звонкимъ. Вдали даже собака залаяла.

— Что жь ты, а? закипятился Иванъ Ивановичъ.

— Да я что жь, я ничего!

— Тебя, мошенника, въ полицію...

— Господи! да вѣдь это со всякимъ бываетъ...

А Зоя такъ и покатывалась.

— Экъ ее прорвало! удивленно проборморталъ ямщикъ и нахлобучилъ шапку на самыя брови.

VI.

— Что вы? гдѣ были? Что съ вами? Накинулись всѣ на нихъ, когда они розыскали наконецъ освѣщенную дачу, они вошли по наскоро разчищенному крыльцу въ натопленныя сѣни.—Мы до того безпокоились, часа полтора васъ ждемъ.

Иванъ Ивановичъ ничего не отвѣчалъ, въ виски его стучало. Онъ чувствовалъ, что совершилось нѣчто неизбѣжное. Даже нелѣпая мысль, что ямщикъ подкупленъ, приходила ему въ голову. Быть можетъ и блины, и тройки—все это подгасовка, ради того, чтобы заставить его жениться...

— Блины, блины, — вотъ такъ блины! думалъ онъ.

Но скоро опять всѣ развеселились, и Зоя пуще всѣхъ. Мохнатый таперъ отчаянно колотилъ по клавишамъ не совсѣмъ настроеннаго фортепьяно, пары кружились, подымая пыль, щеки горѣли и съ мороза, и отъ движенія. Иванъ Ивановичъ забился въ уголъ. Его вытащили, повели въ сосѣднюю комнату, заставили выпить горячей жженки. И темнота, и голубой огонекъ, и блѣдныя лица у спиртоваго пламени, и хохотъ, и пѣніе, и вальсъ,—словно дурманъ дѣйствовали на него...

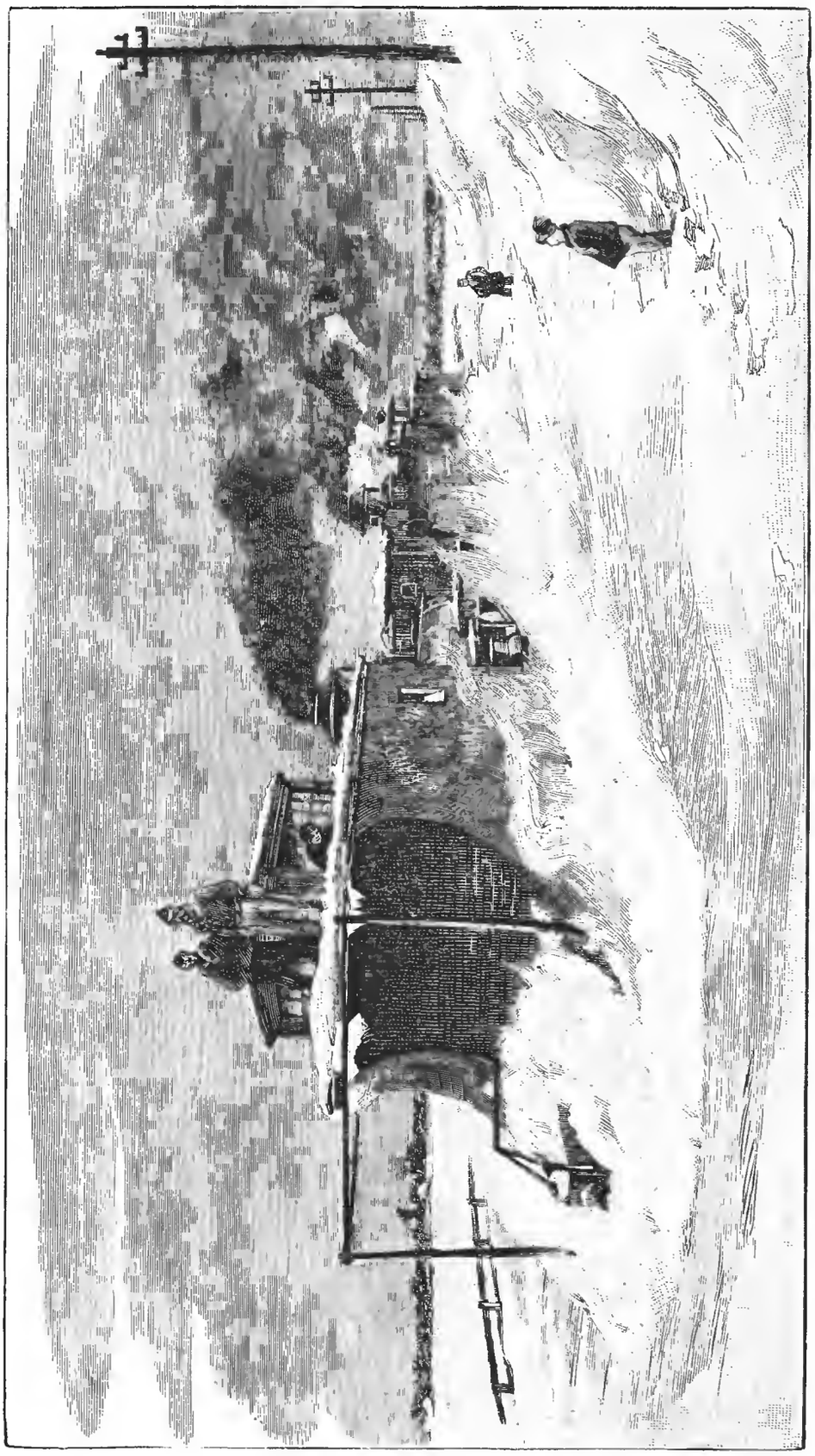
Тамъ, далеко за Невой, въ четвертомъ этажѣ ждетъ его уютный, теплый, насиженный уголъ, съ мягкимъ ковромъ, широкими отоманами, — уголокъ, къ которому онъ такъ привыкъ за много лѣтъ... Но онъ привыкъ одинъ быть... а тутъ вдругъ... съ женой!..

Его просятъ танцовать. Онъ не можетъ. — Блины!.. Зачѣмъ я пришелъ къ нему... Такъ вѣдь мирно, хорошо было одному, а теперь поселится рядомъ... О, она прекрасная, чудная дѣвушка... Но какъ же, неужели же тутъ, всегда, вѣчно, она будетъ передъ нимъ. Уже нѣтъ прежней свободы... А если дѣти пойдутъ? Тогда какъ?.. На что же жить? Она вонъ привыкла къ какимъ платьямъ... Но я вѣдь честный человѣкъ, я обязанъ...

— О, зачѣмъ я пришелъ на эти блины!..

Иванъ Ивановичъ чуть не плачетъ. Да что же это такое... что же такое...

— Онъ нарочно, нарочно уѣхалъ, чтобъ это случилось, думалъ Турухтановъ. Но нѣсколько его образумилъ тотъ фактъ, что Валентинъ Павловичъ пріѣхалъ на парѣ своихъ лошадей—да вѣдь какихъ! Значитъ они люди богатые... Не ищетъ-же она выскочить за мужъ... Да и что-жь я такое...



Снѣгоочиститель на желѣзно-дорожномъ пути въ Канадѣ. По рис. Gr., грав. Фюгель.

VII.

Онъ не помнитъ, какъ онъ доѣхалъ, знаетъ только, что ѣхалъ не съ Зоей: за ней пріѣхалъ братъ, смѣялся, смотрѣлъ на него и говорилъ шутливо:

— Однако, Зоя... Хорошъ, нечего сказать...

Онъ въ самомъ смутномъ состояніи духа воротился домой. Сонъ былъ такой тяжелый, лихорадочный. Въ полупросонь ему казалось, что возлѣ него на кровати есть кто-то, какой-то кошмаръ,—и этотъ кошмаръ была Зоя. Вся прелесть женщины, весь ореолъ той поэзіи, которымъ онъ привыкъ ее окружать,

Библиотека "Руниверс"

вдругъ разлетѣлся какъ туманъ. Шпильки на почномъ етоликѣ, длинные волосы въ щеткѣ, помада, картонки съ цвѣтами, юбки, корсеты,—всякія джерее, духи и пеньюары,—да это ужасно съ непривычки!

— И кто эти блины выдумалъ!

На утро онъ проснулся съ головною болью. Онъ чувствовалъ, что ужъ „коли горе пить—такъ лучше еразу". Онъ пошелъ къ Ильѣ Платоновичу.

Илья Платоновичъ, только что всталъ, и чистилъ ногти, сидя передъ дымящимся кофе.

— Хорошъ, хорошъ! встрѣтилъ онъ Ивана Ивановича:—я и не зналъ, что вы такой Донъ-Жуанъ. Женить васъ, женить надо.

— Да, ваше превосходительство, точно: больше ничего не остается.

Илья Платоновичъ съ удивленіемъ уставился на него.

— Да, вы думаете?

— Полагаю, ваше превосходительство, что это мой долгъ.

— Долгъ?.. Да, да, конечно! Долгъ каждаго человѣка — плодиться и населять землю. Вамъ неугодно ли кофе?

— Нѣтъ, очень благодаренъ. Я именно пришелъ, ваше превосходительство, спросить у васъ какъ у родственника... не будетъ-ли отказа?

Илья Платоновичъ совсѣмъ удивился, и оставилъ пожичекъ въ сторонѣ.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю?..

— Я... я думаю жениться на Зоѣ Павловнѣ.

Генералъ съ изумленіемъ поднялся съ креселъ.

— Какъ? вы... на ней?..

— Да... Валентинъ Павловичъ едва-ли будетъ противъ...

Генералъ очень внимательно посмотрѣлъ на Ивана Ивановича,—не шутитъ-ли онъ. Иванъ Ивановичъ говорилъ торжественно, плавно, смотрѣлъ открыто и смѣло. Видно, что онъ освоился съ мыслью о бракѣ, и не отступится отъ нея.

Илья Платоновичъ прошелся по комнатѣ. Вы меня своимъ страннымъ предложеніемъ застаете врасплохъ, сказалъ онъ:—я право не знаю, что вамъ отвѣтить. Только я не думаю, чтобы Валентинъ Павловичъ былъ согласенъ, да и Зоя тоже... Тутъ недоразумѣніе какое-то. Она такъ любитъ мужа.

Иванъ Ивановичъ точно съ луны упалъ.

— Ка... акъ?.. Такъ она замужемъ?!..

Генералъ посмотрѣлъ на него, да вдругъ какъ покатится со смѣху. Онъ упалъ на диванъ, его стало трясти чуть не до истерики. Лицо налилось кровью, усы запрыгали, все огромное тѣло колотилось въ конвульсіяхъ...

— Да... да кто-же по вашему Валентинъ Павловичъ? выговорилъ онъ, въ передышкѣ отъ раската...

— Я думалъ—братъ, пролепеталъ Иванъ Ивановичъ.

— Братъ? Ха-ха-ха!.. Да, да почему-же?..

— У нихъ... у нихъ отчества одинакія... Они похожи...

— Отчества! Похожи!.. Ха-ха-ха!

Самому Ивану Ивановичу стало смѣшно. Онъ посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, да вдругъ тоже какъ зальется, да вѣдь какъ отъ души! До слезъ! До боли въ груди!..

— Нѣтъ, блины... блины иногда хорошая вещь, думалъ Иванъ Ивановичъ, идя по улицѣ отъ генерала.—Съ хорошей икрой... Въ общемъ—вѣдь я очень пріятно время провелъ...

И посмотрите, съ какой довольной миной теперь гуляетъ Иванъ Ивановичъ по Невскому проспекту...

Къ рисункамъ.

Освѣщеніе пути между Ораніенбаумомъ и Кронштадтомъ.

(Рис. на стр. 128).

Сравнительно небольшое разстояніе, отдѣляющее Кронштадтъ отъ Ораніенбаума, не болѣе 8 верстъ, представляетъ въ зимнее время далеко не безопасный путь, когда здѣсь разстилается непроглядный туманъ или бушуетъ снѣжная вьюга. Продолжительная распутица, такая, напримѣръ, какая была при наступленіи нынѣшней зимы, тоже не обходится безъ несчастныхъ случаевъ, и для спасенія заблудившихся и замерзающихъ путниковъ, требуется порой самая усиленная дѣятельность Ораніенбаумской спасительной станціи „Общества спасанія на водахъ", исполняющей съ большимъ самоотверженіемъ свою высокую, христіанскую миссію. Безъ помощи этой станціи и сторожевыхъ домиковъ, стоящихъ тамъ и сямъ по дорогѣ и снабженныхъ колоколами, безпрерывно перезванивающими во время тумана или мятели, путнику было бы очень трудно найти настоящую дорогу, покрытую сплошь глубокимъ снѣгомъ, изъ подъ котораго лишь изрѣдка высовываются верхушки одинокихъ елокъ. Въ каждомъ сторожевомъ домикѣ (одинъ изъ такихъ домиковъ изображенъ на нашемъ рисункѣ), усталый и промерзшій путникъ найдетъ всегда готовую помощь и даже, въ случаѣ нужды, и медицинское пособіе, такъ какъ эти домики снабжены всѣми возможными лечебными средствами, а также теплой одеждой и обувью. Во время зимы, около этихъ домиковъ всегда можно встрѣтить нѣсколько легкихъ финскихъ саней, запряженныхъ большею частью парою лошадей, на которыхъ обыкновенно производится переправа между Кронштадтомъ и Ораніенбаумомъ. Теперь предполагается освѣтить изъ Кронштадта весь путь однимъ сильнымъ лучемъ электрическаго свѣта. Производившіеся для этой цѣли опыты оказались удачными и въ это время вся дорога представляетъ очень эффектную картину, талантливо схваченную нашимъ художникомъ. Нельзя не признать, что при успѣхѣ этого предпріятія, сообщеніе зимою между Ораніенбаумомъ и Кронштадтомъ будетъ, во всякомъ случаѣ, не столь опаснымъ, какъ теперь, когда озябшій и утомленный путникъ долженъ иногда блуждать по льду, въ борьбѣ съ туманомъ или ночнымъ мракомъ.

Игра школьниковъ въ снѣжки.

(Рис. на стр. 129).

Какое оживленіе, сколько шуму, криковъ и говору! Вырвавшись изъ душной комнаты, отъ наскучившей съ утра книжки, несутся школьники по рыхлому снѣгу; слышатся юные свѣжіе голоса, снѣжные комья холодные, мягкіе какъ вата и иногда таки и очень чувствительно твердые, летятъ въ перекрестку, и тутъ уже никто со стороны не попадайся; глаза мальчугановъ загорѣлись, щеки раскраснѣлись,—и пошла потѣха! Какой комъ залѣпилъ щеку этого бѣднаго мальчика тутъ, справа! И мимо идущая женщина какъ торопится выбраться изъ линіи этой снѣжной перестрѣлки.

Веселая масляница.

(Рис. на стр. 133).

Оригинальная и богатая фантазія художника на этотъ разъ совершенно своеобразно представляетъ намъ нашу русскую широкую Масляницу. По новости композиціи и эффектности рисунка, изображеніе Масляницы очень удачно. Раздольная, разгульная красавица,—„Здравствуй въ бѣломъ сарафанѣ изъ серебряной парчи", говоритъ поэтъ (кн. П. А. Вяземскій):

На тебѣ горятъ алмазы,
Словно яркіе лучи;
Ты живительной улыбкой,
Свѣжей прелестью лица,
Пробуждаешь къ чувствамъ новымъ
Усыпленныя сердца!
Яркой пылью иней сыплетъ
И одежду серебритъ,
А морозъ, лаская, щиплетъ
Нѣжный бархатецъ ланитъ...

На козлахъ сидитъ онъ, Масляничный Дѣдко, и лихо правитъ несущейся тройкой медвѣдей, добродушно мчащихъ сани Масляницы, гдѣ съ нею пріютились и медвѣдь, обнявъ лапами четвертную водочную бутыль, и коза поводарей, неизбѣжная спутница плясуна-медвѣдя.

Маленькій лакомка.

(Рис. на стр. 136).

Всѣ блюдо ушли и оставили столъ въ его распоряженіи. Какая радость: хоть онъ и довольно сдѣлалъ чести всему, что тутъ стоитъ на столѣ, но еще полный впечатлѣній минувшаго наслажденія, не можетъ удержаться и становится на цыпочки, чтобы взять еще одинъ,—только одинъ!—бархатно-румяный персикъ, который такъ чудно пахнетъ, и сдѣлать нѣсколько глотковъ этого чудеснаго сладкаго вина, которое за обѣдомъ давала ему мама. Ему нужно торопиться, а то кто нибудь войдетъ и увидитъ, и конечно не похвалитъ. Онъ чувствуетъ, что нехорошо дѣлаетъ—кушаетъ это потихоньку, и это таки много портитъ удовольствіе лакомкѣ-мальчику...

Первый урокъ вязанья.

(Рис. на стр. 137).

Она еще небольшая, но разумная и внимательная дѣвочка. Она все умѣетъ прибрать и сдѣлать, и все понимаетъ, и заботливо смотритъ за всѣмъ въ домѣ, вмѣстѣ съ своей старшей сестрицей. Она давно проситъ, чтобы ее выучили вязать: ей такъ хочется связать своей милой бѣлокурой куклѣ, съ большими, на выкатѣ, голубыми глазами—связать ей чулочки и котенку Васькѣ ночной колпачекъ! И вотъ сестрица наконецъ садится около нея и начинаетъ учить какъ дѣлать петли и дѣйствовать спицами, а дѣвочка серьезно и внимательно присматривается.

Снѣгоочистители на канадскихъ жел. дор.

(Рис. на стр. 141).

Сѣверная часть Соединенныхъ Штатовъ и Канада, какъ извѣстно, вообще отличаются очень суровымъ климатомъ; здѣсь зима стоитъ жестокая и долгая, и часто цѣлыя недѣли, какъ напримѣръ въ Дакотѣ, продолжается стужа и температура но-

Библиотека "Руниверс"

казываетъ 48 градусовъ ниже нуля. Въ виду этого управленія желѣзныхъ дорогъ принимаютъ съ своей стороны всевозможныя предосторожности, чтобы предохранить поѣзды отъ снѣжныхъ заносовъ и мятелей. Не только покрываются крышей желѣзнодорожные мосты, чтобы не занесло ихъ громадной массой снѣга, который можетъ легко своею тяжестью разрушить всю постройку, но кромѣ того устраиваются особые снѣгоочистительные аппараты, которые, прицѣпленные къ локомотивамъ, могутъ прочистить путь и пробить себѣ дорогу среди какихъ угодно громадныхъ залежей снѣга и тѣмъ дать возможность вагонамъ уже двигаться по готовому, почти чистому полотну. Кромѣ того, многіе изъ локомотивовъ снабжены, въ случаѣ нужды, еще небольшими снѣгоочистителями въ формѣ плуга изъ листоваго желѣза, съ острыми краями, укрѣпленными къ прочной деревянной настилкѣ. Но и эти приспособленія часто оказываются недостаточными и пассажиры принуждены бываютъ выходить изъ вагоновъ и выжидать, пока путь будетъ очищенъ отъ снѣга. Впрочемъ такіе случаи бываютъ рѣдко и вообще снѣгоочистительный аппаратъ, представленный на нашемъ рисункѣ, приноситъ существенную пользу, и имѣя за собою паровозъ, онъ легко очищаетъ съ дороги громадные заносы снѣга и путь дѣлается снова свободнымъ.

Нефтяные фонтаны въ Баку.

(Рис. на стр. 144 и 145).

Баку и его окрестности по богатству нефтяныхъ источниковъ, представляютъ въ природѣ нѣчто безпримѣрное, исключительное, и нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ изобиліе у насъ отечественной нефти сдѣлаетъ совершенно излишнимъ вывозъ ея изъ Америки и, пожалуй, даже вытѣснитъ совсѣмъ американскую нефть изъ европейскаго рынка. Внутрь Россіи нефть обыкновенно отправляется на пароходахъ вверхъ по Волгѣ, но кромѣ того, теперь устроена желѣзная дорога отъ Баку до Батума, т. е. до прибрежья Чернаго моря, откуда можетъ быть очень удобенъ вывозъ нефти, въ большомъ количествѣ, въ Турцію и въ страны, прилежащія къ Средиземному морю. Вообще обиліе нефти такъ громадно и напоръ ея такъ великъ, что часто при открытіи новаго источника, она начинаетъ бить настоящимъ фонтаномъ въ сорокъ футовъ вышины. Фотографическій снимокъ одного изъ подобныхъ фонтановъ и представленъ на нашемъ рисункѣ. Въ Пенсильваніи, столь богатой прежде нефтью, такое явленіе теперь немыслимо. Здѣсь притокъ нефти, на глубинѣ 500 или 1000 футовъ, уже истощился и теперь приходится буравить на глубину отъ 1000 до 1800 футовъ и встрѣченные на этой глубинѣ пласты далеко не такъ обильны, какъ прежніе. У насъ же существуютъ фонтаны, наливающіе цѣлыя нефтяныя озера и дѣйствующіе цѣлые мѣсяцы. Превышая Америку обиліемъ, бакинская нефть не уступаетъ ей и своими качествами, давая при этомъ цѣнныя смазочныя масла и болѣе безопасный керосинъ. Кромѣ того, производство нефти и удобнѣе, и значительно дешевле въ Баку, нежели въ Америкѣ, такъ какъ рабочіе и матерьялы вообще не дороги и, наконецъ, условія сбыта ихъ не хуже американскихъ. Число окрестностей Баку, обильныхъ нефтью, постоянно увеличивается. Такъ, не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, Сабунча была пустынѣйшая мѣстность и на всей ея площади стоялъ одинъ неудавшійся колодецъ, а теперь она даетъ десятки милліоновъ пудовъ нефти и отличается наиболѣе неукротимыми фонтанами. Да и самый Баку началъ свою исторію, какъ богатый промышленный пунктъ, сравнительно весьма недавно; внушая уже въ незапамятныя древнія времена суевѣрный страхъ мореплавателямъ своими огнями и бывъ долго мѣстомъ религіознаго культа огнепоклонниковъ, онъ лишь въ послѣднее столѣтіе сдѣлался мѣстомъ обширныхъ промышленныхъ и техническихъ предпріятій, и его завѣтные огни, надъ которыми прежде стояли храмы Персовъ, теперь эксплоатируются множествомъ заводовъ и священная въ древности нефть теперь идетъ, въ самыхъ различныхъ видахъ, на обычныя, житейскія потребности, составляя предметъ обширной и выгодной торговли и промышленности.

Политическое обозрѣніе.

Египетъ.—Тонкинъ.—Пруссія.—Франція.

Египетскій вопросъ не перестаетъ быть злобой дня и ему почти исключительно посвящены статьи иностранной политической прессы. По газетнымъ извѣстіямъ, разбитіе мятежниками арміи Бэкера-паши уже начинаетъ невыгодно отражаться на дѣлахъ всего Судана; здѣсь повсюду замѣтно сильное возбужденіе; агентамъ Османа-Дигмы удалось въ короткое время возмутить большую часть арабскихъ племенъ между Кассаной и Массавой и заставить ихъ присоединиться къ возстанію. Дальнѣйшія событія будутъ зависѣть отъ того положенія, какое примутъ абиссинцы относительно Махди. Впрочемъ абиссинцы, по словамъ англійскихъ газетъ, сильно желаютъ стать въ дружественныя отношенія къ Англіи. Лейтенантъ Грахамъ удостоился очень лестнаго пріема со стороны абиссинскаго полководца Расалулу и даже самъ абиссинскій король обнаружилъ желаніе свидѣться гдѣ нибудь съ адмираломъ, начальникомъ англійской эскадры. Какой будетъ результатъ этихъ переговоровъ, еще неизвѣстно, а между тѣмъ положеніе Египта требуетъ самой энергической и быстрой помощи, которую до сихъ поръ не подаютъ ему ни абиссинцы, ни англичане. Суакатъ, какъ утверждаютъ, уже взятъ мятежниками и судьба какъ его гарнизона, такъ и несчастныхъ жителей, возбуждаетъ сильныя опасенія. Сдача города въ послѣднее время ожидалась ежеминутно, такъ какъ мѣстный гарнизонъ находился въ отчаянномъ положеніи и умиралъ съ голода; жители же даже съѣли всѣхъ собакъ; у нихъ оставались лишь лошади да собачьи шкуры; всѣ остатки съѣстныхъ припасовъ были уничтожены. Нападеніе мятежниковъ на Суакимъ считается тоже неминуемымъ; фанатизмъ уже начинаетъ овладѣвать населеніемъ и множество баши-бузуковъ расхаживаютъ по улицамъ, возбуждая своимъ присутствіемъ большое безпокойство среди европейскихъ жителей. Вообще, судя по состоянію дѣлъ, Англіи волей-неволей придется рѣшиться на вооруженное вмѣшательство. Къ тому же убѣжденію, хоть и поздно, приходитъ само англійское правительство. Оно держится пока еще своей предвзятой теоріи о необходимости уступки Судана, но въ тоже время проявляетъ и намѣреніе выдержать свою отвѣтственность въ Египтѣ до конца, т. е. помочь ему фактически. По общему мнѣнію, нѣсколько англійскихъ полковъ могутъ еще спасти Египетъ, но только помощь съ ихъ стороны должна придти немедленно, такъ какъ арміи Египта можно считать уничтоженными: Суакимъ охраняется теперь одними британскими морскими солдатами; Хартуму угрожаютъ мятежники со всѣхъ сторонъ и выручить его возможно лишь при самой быстрой, рѣшительной помощи. Потеря Хартума, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ тяжкимъ пораженіемъ для цивилизаціи и для европейскаго вліянія въ Африкѣ. Успѣхъ миссіи Гордона тоже ненадеженъ: теперь ходятъ упорные слухи, что онъ взятъ въ плѣнъ мятежниками, и если это правда, если онъ исчезнетъ съ своими сорока тысячами фунтовъ стерлинговъ, то для британской политики вооруженное вмѣшательство останется единственнымъ, возможнымъ исходомъ.

Въ дѣйствіяхъ тонкинской экспедиціи полный застой. Отправленныя изъ Франціи подкрѣпленія теперь находятся уже въ китайскихъ водахъ и скоро будутъ имѣть возможность занять всѣ стратегическія позиціи дельты и отдѣлить часть отряда для преслѣдованія морскихъ разбойниковъ, все еще распространяющихъ здѣсь тревогу своими грабежами и поджогами. Адмиралъ Курбэ не медля двинется на Бакъ-Нингъ и по его взятіи приметъ начальство надъ французской эскадрой, передавъ начальство сухопутными силами генералу Милльо. Взятіе Бакъ-Нинга будетъ имѣть во всякомъ случаѣ весьма серьезныя послѣдствія. Если Китай исполнитъ свою угрозу, и его войска войдутъ въ Тонкинъ, то французскому флоту предстоятъ рѣшительныя дѣйствія въ китайскихъ водахъ.

Клерикальный вопросъ внесъ сильный духъ раздора въ политическіе и парламентскіе кружки Пруссіи. По мнѣнію одного высокопоставленнаго лица, заявленному въ одной провинціальной оффиціозной газетѣ, миръ между Пруссіей и Ватиканомъ никогда не будетъ заключенъ, если Ватиканъ не перестанетъ ставить непремѣннымъ его условіемъ вопросъ объ уничтоженіи духовнаго суда и возстановленіи архіепископовъ кельнскаго и познанскаго.

Недавная смерть Руэра—одного изъ главныхъ сотрудниковъ первой эпохи имперіи, не произвела особенно глубокой сенсаціи среди сторонниковъ монархіи. Въ послѣднее время Руэръ былъ уже позабытъ и только смерть его напомнила объ его прежнихъ заслугахъ императорскому режиму. Его политическая роль пресѣклась со смертью императорскаго принца. Въ палатѣ, гдѣ онъ засѣдалъ, голосъ его вмѣшивался лишь въ одни финансовые и экономическіе вопросы. На выборахъ 1881 года онъ уже не принималъ участія и окончательно поселился въ своемъ помѣстьи въ Овернѣ, чтобы вести вполнѣ частную жизнь. Какъ республиканскія, такъ и монархическія газеты признаютъ за покойнымъ крупныя заслуги. Дѣйствительно, Руэръ былъ лучшимъ, честнымъ и искренно-убѣжденнымъ защитникомъ наполеоновской системы, которую цѣлыя 20 лѣтъ онъ поддерживалъ своимъ замѣчательнымъ дарованіемъ и сильнымъ, увлекательнымъ краснорѣчіемъ.

Библіографія.

Наши новые христіане. (Ѳ. М. Достоевскій, Гр. Л. Толстой). Брошюра К. Н. Леонтьева. Москва 1884 г. Съ обычнымъ блескомъ и умомъ и въ этой брошюрѣ высказывается одинъ изъ талантливѣйшихъ писателей минувшаго тридцатилѣтія. Напоминаемъ

Библиотека "Руниверс"

читателямъ объ этой во многихъ частяхъ превосходной брошюрѣ, въ виду уже объявленнаго выхода извѣстной „Исповѣди“ гр. Л. Н. Толстаго, ибо здѣсь есть многое, могущее служить отвѣтомъ на положенія, высказанныя знаменитымъ авторомъ „Войны и мира“.

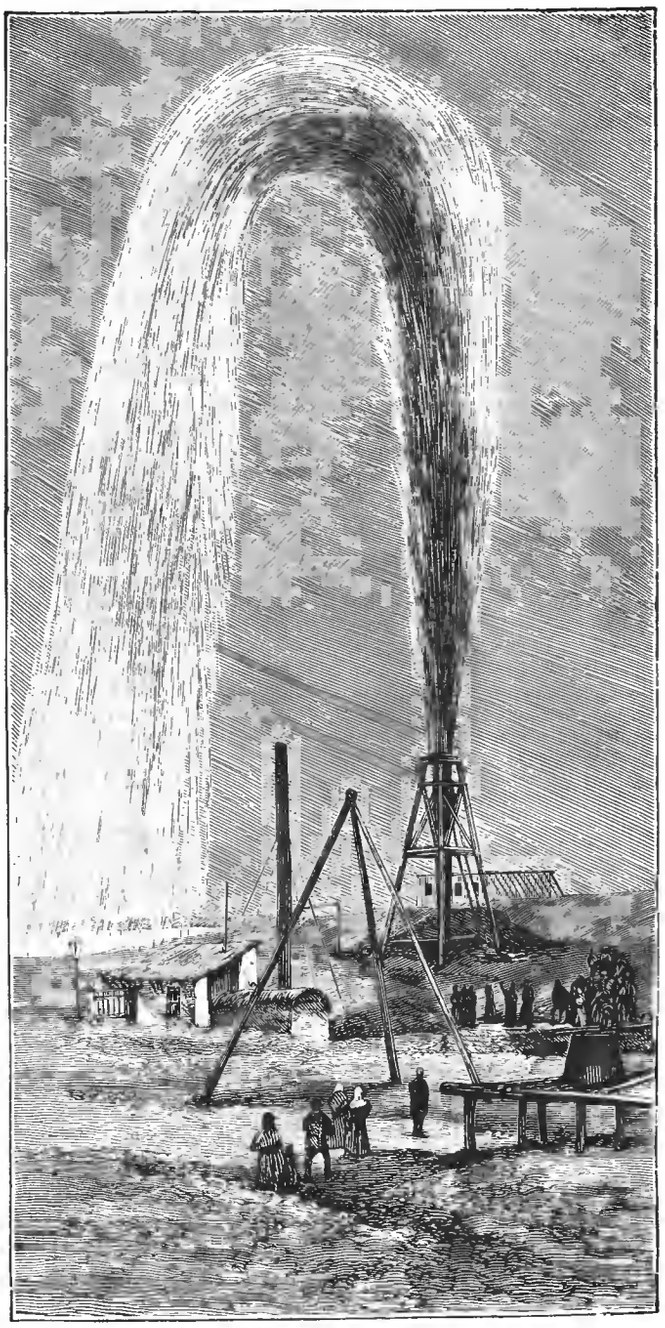
Историческое и догматическое изъясненіе на Божественную литургію. Сост. И. Дмитревскій. Спб. 1884 года. Эта прекрасная и тщательно изданная книга должна обратить на себя вниманіе. Авторъ ея — ученый, извѣстный не однимъ этимъ добросовѣстнымъ трудомъ. Сочиненіе г. Дмитревскаго представляетъ одинъ изъ первыхъ опытовъ цѣльнаго изъясненія литургіи, а по основному своему характеру это положительно первый и весьма замѣчательный опытъ.

Большакъ. Повѣсть для дѣтей. А. Круглова. Спб. 1884 г. Нельзя не указать на книгу для дѣтей, разъ она составлена лицомъ, дѣйствительно причастнымъ литературѣ и отличающимся талантомъ, какъ авторъ этой книги. Г. Кругловъ, какъ извѣстно, печатаетъ много стихотвореній и очерковъ, а въ такомъ дѣлѣ, какъ писаніе для дѣтей, поэтическій талантъ много возвышаетъ цѣну труда.

Дешевыя кровли для хлѣбныхъ скирдовъ и сараевъ. Сост. К. Масленниковъ. Спб. 1884 г. У американцевъ соломенные щиты для покрышки скирдовъ выдѣлываются машиннымъ способомъ, а у насъ, зимой, съ большой выгодой могутъ быть приготовляемы ручнымъ. Такія покрышки очень дешевы и удобны. Въ брошюрѣ подробно разсказывается какъ дѣлать щиты и сохранять ихъ.

Курсъ фортепьянной игры въ объемѣ средн. муз. образ. Сост. А. Савренская. Спб. 1884 г. При большомъ развитіи теперь въ семьяхъ занятій музыкой, въ курсахъ фортепьянной игры явилась естественная потребность, а изданіе, заглавіе котораго выписано выше, по справедливости, можно сказать,—одно изъ лучшихъ въ этомъ родѣ.

Покореніе Туркменъ-Текинцевъ 1880—1881 гг. Сост. Л. Артамоновъ. Спб. 1884 г. Эта прекрасно составленная г. Артамоновымъ книга, очень популярно и интересно знакомитъ съ любопытными подробностями славнаго похода 1880 года подъ начальствомъ генерала Скобелева, и нравовъ и жизни Туркменъ-Текинцевъ. Книга, изящно изданная, украшена портретомъ генерала Скобелева и нѣсколькими рисунками, относящимися къ событію. Все здѣсь помѣщенное съ успѣхомъ было читано въ аудиторіи Солянаго Городка.

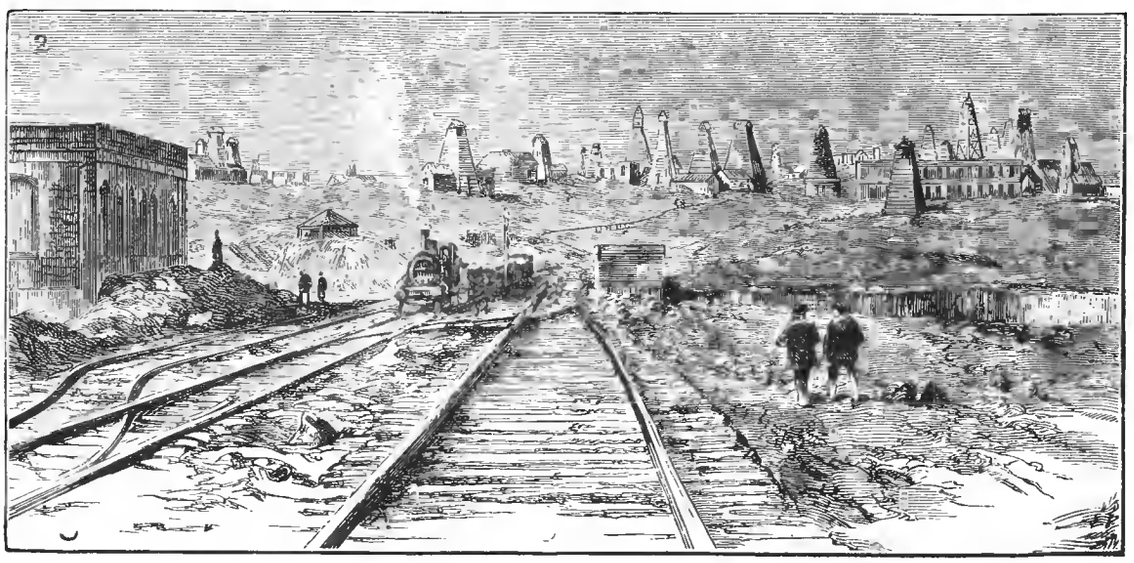


Близь гор. Баку. Нефтяной фонтанъ.

Смѣсь.

Альбомы туалетовъ. Элегантнѣйшія дамы парижскаго свѣта заводятъ себѣ въ настоящее время альбомы, на страницахъ которыхъ помѣщаютъ акварели богатѣйшихъ своихъ туалетовъ. Мода эта считается уже признанной. „Миссисъ“ той стороны океана, проживающія въ Парижѣ, посылаютъ такіе альбомы своимъ заатлантическимъ друзьямъ, чтобы они подивились тѣмъ метаморфозамъ, которыя совершаются благодаря искусству парижскихъ портныхъ. Парижанкамъ очень нравится, когда онѣ становятся предметомъ подражаній.

Разсказываютъ чудеса объ альбомѣ графини Грефулье, которая обладаетъ столько же красотой, какъ и матеріальными средствами. Первый листъ изображаетъ обручальное платье, второй подвѣнечный туалетъ, третій—кольбель новорожденнаго. За этимъ сантиментальнымъ тріо слѣдуютъ роскошнѣйшіе бальные и вечерніе туалеты, шляпы. Подъ изображеніями ихъ находятся названія мастерскихъ, въ которыхъ они были изготовлены и дни, въ которые надѣвались.



Близь гор. Баку. Нефтяные колодцы.

Библиотека "Руниверс"

Рисунки каждаго года заканчиваются листомъ, на которомъ изображены красками обращивки матерій, употребленныхъ въ данномъ году. Головы портретовъ только эскизированы, между тѣмъ какъ костюмы исполнены съ мельчайшимв подробностями. Костюмъ вдовы обыкновенно помѣщается на послѣднемъ листѣ; такимъ образомъ подобный альбомъ изображаетъ весь романъ его обладательницы. Нѣтъ сомнѣнія, что для потомства такіе альбомы будутъ весьма цѣнны по своимъ воспоминаніямъ.

Красное море. О причинахъ происхожденія названія „Красное море", дѣлалось много предположеній, но изъ нихъ только одно можетъ считаться болѣе или менѣе правдоподобнымъ. Недавно докторъ Келлеръ сдѣлалъ по этому поводу весьма вѣроятное предположеніе. Изслѣдованія его показали, что въ названномъ морѣ находится громадное количество морскихъ растеній Aurelia aurita и Himantosthoma Corifera, первыя розовато-краснаго цвѣта и послѣднія всѣхъ оттѣнковъ, отъ темно-краснаго до аметистоваго. Они и были причиной установившагося мнѣнія, что будто-бы на поверхности моря плаваютъ густыми массами красныя медузы, отъ которыхъ и произошло названіе „Красное море."

Королева Англіи приказала запереть комнаты въ своемъ дворцѣ въ Виндзорѣ, въ которыхъ послѣдніе два года жилъ ея камердинеръ Джонъ Броунъ, оставивъ ихъ въ настоящемъ видѣ, въ знакъ уваженія своего къ покойному. На дверяхъ этихъ комнатъ будетъ прибита большая металлическая доска, которая будетъ гласить объ добродѣтеляхъ Броуна и выражать скорбь о понесенной утратѣ.

Одинъ молодой человѣкъ изъ Санъ-Франциско намѣревается предстоящей весной совершить кругосвѣтное путешествіе на двухколесномъ велосипедѣ. Изъ Санъ-Франциско отправится онъ черезъ Чикаго въ Нью-Іоркъ, отсюда на пароходѣ перерѣжетъ океанъ до Ливерпуля; затѣмъ до Дувра поѣдетъ на велосипедѣ. Переправившись черезъ каналъ, отправится изъ Франціи черезъ Европу, Азіатскую Турцію, Персію и Туркестанъ, въ Китай до Шанхая; оттуда на кораблѣ вернется обратно въ Санъ-Франциско. Онъ думаетъ путешествіе это окончить въ теченіе одного года.

Бѣлый слонъ Барнума благополучно прибылъ изъ Рангуна въ Ливерпуль. Его встрѣтили, кромѣ покровителя Барнума, директора зоологическаго сада въ Лондонѣ, зоологъ Тегетмейеръ и корреспонденты и художники нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ. „Священное животное", хотя и называется бѣлымъ слономъ, въ дѣйствительности только пепельнаго цвѣта, съ розовыми ушами и свѣтлыми пятнами на хоботѣ, головѣ и плечахъ. Онъ имѣетъ 2,28 метра ($3^1/_4$ аршина) вышины и на вѣдъ очень кротокъ. За нимъ ухаживаютъ два бирманца, которые боготворятъ его и подносятъ пищу ему на колѣняхъ. Запродажное условіе объ этомъ слонѣ, подписанное королемъ Тибо, гласитъ: „Богатый господинъ, который беретъ этого слона, обязанъ заботиться о немъ, любить его, дѣлать жизнь его пріятной и охранять его отъ всякихъ бѣдъ. Два буддійскихъ жреца должны ѣхать съ нимъ на пароходѣ „Аляска" въ Нью-Іоркъ, чтобы совершить религіозныя церемоніи при вступленіи священнаго животнаго въ „страну язычниковъ" и тѣмъ предохранить королевство Бирма отъ божественнаго гнѣва и бѣдствій". Извѣстно, что другой бѣлый слонъ, пріобрѣтенный Барнумомъ девять мѣсяцевъ тому назадъ, былъ отравленъ однимъ религіознымъ фанатикомъ въ Сингапурѣ.

„Юнгъ Толунгъ", какъ называютъ новоприбывшаго слона, съ большими предосторожностями совершилъ ночными маршами переходъ около 800 верстъ изъ Мандалая въ Мульмейнъ и отсюда на особомъ пароходѣ перевезенъ въ Рангунъ. Бѣлый слонъ будетъ перевезенъ въ Лондонъ и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль выставленъ въ зоологическомъ саду.

Недавно въ Уэстминстерѣ произошелъ случай отравленія консервами изъ лососины, при слѣдующихъ страшныхъ обстоятельствахъ. Консервы помѣщались въ оловянной коробкѣ и были приготовлены фирмой Левенли, которая продаетъ ихъ въ годъ до 15 тысячъ коробокъ. Оффиціальное разслѣдованіе подтвердило, что отравленная молодая дѣвушка только отвѣдала консервовъ при вскрытіи коробки, затѣмъ съѣла ихъ на другой день значительное количество и умерла черезъ 24 часа въ страшныхъ мученіяхъ. Братъ покойной дѣвушки, также ѣлъ консервы, но захворалъ неопасно. Далѣе врачебный анализъ удостовѣрилъ, что причина отравленія лежитъ въ оловянной коробкѣ, вслѣдствіе образованія металломъ азотно-кислой соли, имѣющей ядовитыя свойства. По мнѣнію врача, подобные консервы можно ѣсть безъ вреда для здоровья только немедленно по вскрытіи коробки. Такъ какъ рыба для консервовъ не варится, а только нагрѣвается въ коробкахъ до высокой температуры, послѣ чего закупоривается, то стоитъ поэтому только открыть коробку, чтобъ возбудить гніеніе рыбы. Въ предупрежденіе этого, надо вливать въ консервы, послѣ ихъ вскрытія, достаточное количество масла, подобно тому, какъ это дѣлается въ коробкахъ сардинокъ.

Докторъ зоологіи Бремъ отправился на пароходѣ „Одэръ" въ Нью-Іоркъ, гдѣ прочтетъ рядъ лекцій по предмету своей спеціальности. Онъ заключилъ контрактъ на весьма выгодныхъ условіяхъ, по которому обязался прочитать въ теченіи трехъ мѣсяцевъ 50 лекцій, за что получитъ 15 тысячъ долларовъ вознагражденія. Комитетъ, устраивающій эти чтенія, предсказываетъ большой успѣхъ ученому. Докторъ Бремъ, вѣроятно, свяжетъ съ этой поѣздкой ученое путешествіе по Америкѣ, которое уже давно составляло его завѣтную мечту.

Подводная обсерваторія. Въ настоящее время въ Ниццѣ строится, по плану инженера Тозелли, такъ называемая подводная обсерваторія для наблюденій морскаго дна. Аппаратъ, въ формѣ цилиндра, имѣетъ десять метровъ вышины и три метра въ діаметрѣ; онъ содержитъ въ себѣ 55 кубическихъ метровъ воздуха, — количество достаточное для двухъ лицъ при нахожденіи нѣкоторое время подъ водой. Каждый часъ аппаратъ долженъ три раза подыматься изъ воды. Внутренность его раздѣлена на двѣ части: въ верхней помѣщаются различные инструменты, которые ввѣрены особому технику; нижняя же половина служитъ для наблюденій и снабжена нѣсколькими лупами. Большая линза находится также въ полу, черезъ которую можно хорошо видѣть морское дно. Аппаратъ снабженъ электрическимъ свѣтомъ, который бросаетъ свои лучи по всѣмъ направленіямъ. Стоимость этой обсерваторіи доходитъ до 20 тысячъ франковъ.

Выпаденіе снѣга съ темной пылью. Въ ночь съ 18 на 19 декабря прошлаго года въ Зауерландѣ, между Аггеръ и Лепне, шелъ снѣгъ, при которомъ изъ атмосферы падала мелкая темная пыль. Одинъ изъ наблюдателей въ Гимбориѣ пишетъ: „Когда я въ среду, 19-го декабря, около $7^1/_2$ часовъ утра вышелъ изъ дому, то замѣтилъ на только-что выпавшемъ, свѣжемъ снѣгѣ тонкій слой черной пыли, подъ которой снѣгъ былъ обыкновеннаго цвѣта. Такимъ образомъ, было ясно, что пыль явилась только-что, такъ какъ около 7 ч. еще шелъ снѣгъ. Справки, которыя я тотчасъ же сдѣлалъ по всѣмъ направленіямъ, показали, что всюду въ окрестностяхъ было замѣчено то же явленіе съ пылью: поля, луга, сады в дороги—всѣ одинаково покрыты были ею. Одинъ изъ обывателей мѣстечка, отстоящаго отсюда на разстояніи $^1/_2$ часа пути, котораго я встрѣтилъ въ 8 часовъ утра, разсказывалъ мнѣ, что онъ, выйдя изъ дому, все время видѣлъ эту пыль, всюду покрывавшую снѣгъ. Она была мелка, какъ самая тончайшая мука, и ясно выдѣлялась на снѣгѣ, особенно когда по немъ идутъ, такъ какъ являлся рѣзкій контрастъ между верхнимъ чернымъ и бѣлымъ слоемъ".

Постройка мормонскаго храма въ Утахѣ, закладка котораго была совершена 28 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время на столько подвинулась впередъ, что наружныя стѣны уже совершенно готовы; онѣ выведены изъ массивнаго гранита и имѣютъ 85 футовъ вышины и 10 футовъ толщины. Стоимость постройки въ настоящемъ ея видѣ простирается до 6 милліоновъ рублей, и для окончанія ея потребуется еще шесть лѣтъ.

Правительство республики Сальвадоръ, съ цѣлью развитія земледѣлія, заключаетъ контракты съ агентами, которые занимаются сманиваніемъ переселенцевъ въ предѣлы этого государства. Агентъ за каждаго привлеченнаго его стараніями европейскаго колониста получаетъ около 100 рублей, кромѣ того ему разрѣшается за счетъ республики выдавать, въ видѣ приманки, по 85 рублей каждому переселенцу на первое обзаведеніе. Правительство вынуждено прибѣгать къ такимъ мѣрамъ вслѣдствіе того, что климатъ Сальвадоръ дѣйствуетъ весьма неблагопріятно на европейскихъ переселенцевъ-крестьянъ. Такъ напримѣръ, изъ итальянскихъ колонистовъ, поселившихся шесть лѣтъ тому назадъ въ болѣе здоровой мѣстности сосѣдняго государства Гватемала (Центральная Америка), большая половина сдѣлалась жертвой климата. Такая же участь, если еще не худшая, ожидаетъ и тѣхъ, кто польстится на приманки сальвадорскихъ агентовъ в рѣшится переселиться въ эту республику.

Многообѣщающая желѣзная дорога. Новая, уже начавшаяся постройкой желѣзно-дорожная линія Офотенъ-Люлеа должна пріобрѣсти громадное значеніе для всего сѣвера Норвегіи. Такимъ образомъ два названныхъ озера съ богатѣйшими рыбными ловлями сѣвера, которыя, однако, до сихъ поръ мало эксплуатировались, а также богатые залежи металловъ этой мѣстности, остававшіеся нетронутыми, съ проложеніемъ этой линіи пріобрѣтутъ должное значеніе въ недалекомъ будущемъ, получивъ удобный сбытъ. Пароходныя сообщенія, существующія теперь какъ единственное средство для связи сѣвера Норвегіи съ остальнымъ міромъ, далеко недостаточны, такъ какъ оказываютъ услуги только побережной полосѣ. Объ удобномъ сообщеніи внутри страны здѣсь почти не знаютъ; хорошая дорога—тутъ большая рѣдкость, желѣзныхъ-же дорогъ нѣтъ вовсе.

Конечный пунктъ новой дороги, Офотенъ, имѣетъ прекрасную, обширную гавань, свободную отъ льда во всякое время года. Можно предсказать, что здѣсь скоро выростетъ городъ, который въ теченіи самаго короткаго времени превзойдетъ сѣверный Дронтгеймъ. Желѣзныя копи, получивъ удобное сообщеніе, начнутъ разрабатываться и могутъ дать такое количество металла, которое долгое время можетъ удовлетворять нуждамъ всего свѣта. Вѣроятно не долго придется ждать, когда эта дорога обогнетъ весь Ботническій заливъ, соединится съ русскими и, слѣдовательно, европейскими желѣзными дорогами.

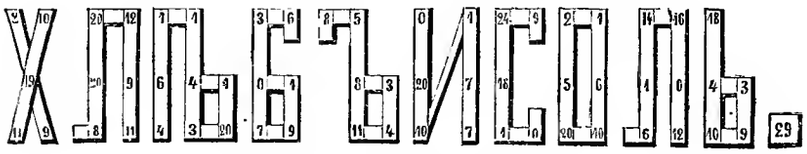
Смертность римскихъ рабовъ въ эпоху Августа. При сложныхъ изслѣдованіяхъ въ древне-римскихъ колумбаріяхъ, т. е. подземныхъ нещерахъ, гдѣ хранятся урны съ пепломъ умершихъ, итальянскій археологъ Боксіо пришелъ къ очень интереснымъ выводамъ о размѣрахъ смертности между римскими рабами временъ Августа. Изъ надписей на урнахъ одного обширнаго колумбарія, заключавшаго въ себѣ прахъ всѣхъ рабовъ и рабынь одного знатнаго семейства, въ которыхъ упоминаютъ возрастъ каждаго покойника, оказывается, что 45 рабовъ и вольноотпущенниковъ не достигли даже и 40 лѣтъ, только 9 дожили до 40 лѣтъ, а одинъ до 60. Что же касается до женщинъ, то 18 изъ нихъ умерли ранѣе 30 лѣтъ; двѣ пережили тридцатилѣтній возрастъ, а три—сорокалѣтній.

Библиотека "Руниверс"

Рѣшеніе задачи № 1.

ХЛѢБЪ И СОЛЬ.

„Любимая вѣсть, какъ скажутъ: пора ѣсть!“



Суммы чиселъ каждой буквы:

верхняго ряда

Буквы 1-й 2 + 10 = 12 = Л
„ 2-й 20 + 12 = 32 = Ю
„ 3-й 1 + 1 = 2 = Б
„ 4-й 3 + 6 = 9 = И
„ 5-й 8 + 5 = 13 = М
„ 6-й 0 + 1 = 1 = А
„ 7-й 24 + 9 = 33 = Я
„ 8-й 2 + 1 = 3 = В
„ 9-й 14 + 16 = 30 = Ѣ
„ 10-й 18 = 18 = С

средняго ряда

„ 1-й 19 = 19 = Т
„ 2-й 20 + 9 = 29 = Ь
„ 3-й 6 + 4 + 1 = 11 = К
„ 4-й 0 + 1 = 1 = А
„ 5-й 8 + 3 = 11 = К

Буквы 6-й 20 + 7 = 27 = Ъ
„ 7-й 18 = 18 = С
„ 8-й 5 + 6 = 11 = К
„ 9-й 1 + 0 = 1 = А
„ 10-й 4 + 3 = 7 = Ж

нижняго ряда

„ 1-й 11 + 9 = 20 = У
„ 2-й 8 + 11 = 19 = Т
„ 3-й 4 + 3 + 20 = 27 = Ъ
„ 4-й 7 + 9 = 16 = П
„ 5-й 11 + 4 = 15 = О
„ 6-й 10 + 7 = 17 = Р
„ 7-й 1 + 0 = 1 = А
„ 8-й 20 + 10 = 30 = Ѣ
„ 9-й 6 + 12 = 18 = С
„ 10-й 10 + 9 = 19 = Т
29 = Ь

Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано отъ г. Герхенъ въ Калугѣ.

Алгебраическая задача № 5.

Одна русская пословица состоитъ изъ 21 буквы. Если замѣнить въ ней буквы цифрами, согласно порядку буквъ въ алфавитѣ русской азбуки, то между этими цифрами получатся слѣдующія соотношенія:

1) Отношеніе шестаго числа къ четвертому=отношенію третьяго къ 3.
2) Восьмое число относится къ десятому, какъ семнадцатое къ девятнадцатому.
3) Одиннадцатое число относится къ двадцатому, какъ 6 къ седьмому.
4) Разность между восемнадцатымъ и пятнадцатымъ числами равна разности между послѣднимъ числомъ и учетвереннымъ первымъ.
5) Сумма перваго и пятаго чиселъ на 2 болѣе удвоеннаго втораго числа.
6) Сумма двѣнадцатаго и семнадцатаго чиселъ равна числу, кубъ котораго 4096.
7) Сумма пятаго и одиннадцатаго чиселъ равна числу, кубъ котораго 13,724.
8) Послѣднее число относится къ пятому, какъ первое число относится къ $^1/_3$ втораго.
9) Второе число относится къ первому, какъ пятое къ 9.
10) Сумма восьмаго и двѣнадцатаго чиселъ на 11 меньше четырнадцаго числа.
11) Разность между шестнадцатымъ и седьмымъ числами на 2 меньше одиннадцатаго числа.
12) Разность между послѣднимъ и пятнадцатымъ числомъ равна шестому числу.
13) Сумма третьяго и шестаго чиселъ на единицу болѣе пятаго числа.
14) Десятое число относится къ удвоенному семнадцатому числу, какъ четырнадцатое число относится къ 9.
15) Сумма седьмаго и двадцатаго чиселъ на 2 болѣе суммы одиннадцатаго и шестнадцатаго чиселъ.
16) Сумма четвертаго и пятнадцатаго чиселъ на 2 болѣе тринадцатаго числа.
17) Разность между девятымъ и четвертымъ числами равна числу, кубъ котораго 3,375.
18) Произведеніе девятнадцатаго и восьмаго чиселъ равно произведенію десятаго и семнадцатаго чиселъ.
19) Четвертое число, раздѣленное на третье, равно разности между тринадцатымъ числомъ и удвоеннымъ первымъ.
20) Сумма восьмаго, десятаго, двѣнадцатаго, семнадцатаго и девятнадцатаго чиселъ равна суммѣ четырнадцатаго и 2 единицъ.
21) Сумма первыхъ трехъ чиселъ равна суммѣ девятаго и тринадцатаго чиселъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.**

СОДЕРЖАНІЕ: **Р. А. Фадѣевъ** (съ портр.).—**Въ старой Москвѣ.** Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ, **Гр. Е. А. Саліаса.** Часть первая. (Продолженіе).—**И. С. Тургеневъ у себя,** въ его послѣдній пріѣздъ на родину. Изъ воспоминаній **Я. П. Полонскаго.** (Продолженіе).—**Блины.** Изъ лѣтописей масляничной недѣли. **П. П. Гнѣдича.**—**Освѣщеніе пути между Ораніенбаумомъ и Кронштадтомъ** (съ рис.)—**Игра школьниковъ въ снѣжки** (съ рис.).—**Веселая масляница** (съ рис.).—**Маленькій лаконка** (съ рис.).—**Первый урокъ вязанья** (съ рис.).—**Снѣгоочистители на канадскихъ жел. дор.** (съ рис.).—**Нефтяные фонтаны въ Баку** (съ 2 рис.).—Политич. обозр.—Библіографія.—Смѣсь.—Рѣшеніе задачи № 1.—Алгебраическая задача.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

ИЗВѢСТНО, что бальзамъ **„Элеопатъ“** только провизора **Кинуненъ** употребляется съ **большимъ успѣхомъ** противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, а также какъ одобренное и испытанное средство **противъ выпаденія волосъ**, и способствующее правильному произростанію ихъ корней. **„Элеопатъ“** только провиз. **Кинунена** въ послѣднее время пользуется **всеобщимъ довѣріемъ** лицъ, употреблявшихъ его и **удостовѣрившихся въ благотворномъ** вліяніи означеннаго препарата провизора **Кинунена** на кожу головы, вслѣдствіе чего и признанъ какъ ничѣмъ незамѣнимое и безподобное средство для укрѣпленія волосъ и увеличенія ихъ густоты, и какъ предохраняющее волоса **отъ преждевременнаго выпаденія.**

„ЭЛЕОПАТЪ“ только провизора **Кинунена** имѣется къ услугамъ публики **во всѣхъ БОЛЬШИХЪ АПТЕКАХЪ** и аптекарскихъ **магазинахъ Россіи.**

Жители **уѣздныхъ** городовъ выписываютъ Элеопатъ изъ **ближайшихъ** отъ нихъ губернскихъ городовъ, и вообще изъ всѣхъ тѣхъ городовъ, **гдѣ только имѣется аптекарскій магазинъ.** Въ С.-Петербургѣ „Элеопатъ“ можно получать въ магазинѣ Гг. **Штоль и Шмитъ; или у Русскаго Общества торговли аптекарскими товарами,** по Казанск. ул., въ соб. домѣ; **въ провинціи—во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ.**

Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 к. въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ.

Для иногородныхъ покупателей „Элеопатъ“ высылается изъ каждой **большой аптеки** *любаго города*, но не менѣе 2 флаконовъ за 4 руб.; почтов. расходъ на счетъ покупателя.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ слѣдуетъ обращать вниманіе, чтобы на каждомъ флаконѣ была означена фирма—подпись

„Провизоръ Кинуненъ“.

Описаніе и способъ употребленія приложенъ къ каждому флакону.

Покорно прошу точно замѣтить и помнить мою фирму и марку—провизора Кинунена.

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

ВОСЕМЬ РАЗЪ ИЗЪ ДЕСЯТИ
МИГРЕНИ и НЕВРАЛЬГІИ УСПОКОИВАЮТСЯ въ нѣсколько минутъ
ПЕРЛАМИ СКИПИДАРНОЙ ЭССЕНЦІИ Д-РА КЛЕРТАНА.

Каждый флаконъ заключаетъ въ себѣ 30 перловъ, отчего леченіе обходится въ нѣсколько копѣекъ.

УВѢДОМЛЕНІЕ.
Если мигрени происходятъ отъ дурнаго состоянія желудка или отъ запора, слѣдуетъ употреблять
УГОЛЬ Д-РА БЕЛЛОКА.
Требовать на этикетѣ подпись.

Скипидарная эссенція, заключающаяся въ перлахъ Д-ра КЛЕРТАНА, химически чиста.

Требовать на каждомъ флаконѣ подпись.

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО
19, RUE JACOB, ПАРИЖЪ.
НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. № 2912

Товарищества
БУРКГАРДТЪ и УР АУБЪ
НОВАЯ МУКОМОЛЬНАЯ МЕЛЬКИЦА
„ТРІУМФЪ"

ЦѢНОЮ въ СПБургѣ **175 р.** ЦѢНОЮ въ Москвѣ **185 р.**

отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ системъ тѣмъ, что онъ при большой простотѣ, даетъ большое количество муки лучшаго качества, требуя при этомъ очень мало силы. Производительность ея до 15 пуд. муки въ часъ.
Кромѣ того Товарищество предлагаетъ: Универсальныя сѣялки въ разбросъ, Бермана,
лучшія настоящаго времени.
Джонстока знаменитыя жнеи Тріумфъ
единствен. простыя, легкія и прочныя.
Конныя грабли Тигеръ
по **75** рублей.
Плуги заводовъ Берманъ и Фискарсъ.
Маслобойки Блошарда, соломорѣзки, молотилки, вѣялки по 35 р. насосы, пульзометры К. Генри Голля, пожарныя трубы, соломорѣзки, сверлильные станки, лебедки, арматуру, ремни и пр., и пр.
Иллюстр. каталоги по востребованію.
С.-Петербургъ, Вас. остр., I линія, № 10. Москва, Мясницкая, домъ Сытова.
№ 3096 6—4

ВЪ МОСКВѢ. *Аптекарскій магазинъ* Р. Кюнеманъ ВЪ МОСКВѢ.
Ц. № 3104 7—3

СБОРНИКЪ узакон. отн. до Общ. Пол. и Пол. о кр. учр. съ рѣш. Сен. и изв. Св. Зак. А. Скоровъ. Ц. 4 р. въ перепл. 4—50. Выпис. отъ изд. (Москва) за пер. не платятъ.
№ 3151 10—1

РУЧНЫЯ ГАРМОНИКИ
отъ 2 руб. 50 коп. до 60 руб.
Москва у П. ЮРГЕНСОНА.
Неглинный проѣздъ 10.
П. № 3150 1—1

Изданіе А. Ф. Маркса. СПБ.
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА.

Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ **портретомъ автора**, гравированнымъ на стали и факсимиле.
3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.
Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 8 руб., съ перес. 9 руб.
ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ" 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 р., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.
☞ Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: **„ДВА МІРА"** и отдѣломъ въ прозѣ:
„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ".
Первое единственное, **дѣйствительно полное собраніе сочинен. А. Н. Майкова.**
Книгу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала **„Нива"** (Бол. Морская, № 9); **въ Москвѣ у Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

EAU D'HOUBIGANT
la plus appréciée pour la toilette.
Houbigant parfum. do la Cour de Russie Paris.

Въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы; въ Петербургѣ у Попова, Суворина, Мамонтова, Вольфъ; въ Одессѣ у Бѣлаго и Распопова; въ Кіевѣ у Оглоблина; въ Казани у Дубровина продается вновь вышедшая книга:
КАТЕНЬКА или
Любовныя похожденія дѣвушки.

Юмористическій романъ въ стихахъ. Текстъ Маралы Іерихонскаго; изящное изданіе съ 107 рисунками, которые невольно возбуждаютъ въ каждомъ неудержимый смѣхъ. Содержаніе книги: Шалунья Катя. Ночныя проказы. Озарники. Отцовскія заботы. Обольстители. Тетерика. Праздничное утро. Серенада. Свиданіе въ бесѣдкѣ. Заключеніе и кончина Тюфвкова.
Цѣна книгѣ 1 руб. съ пересылкой.
СУПРУЖЕСКІЯ ТАЙНЫ и КАТЕНЬКА.
ЦѢНА 2 РУБ. съ пересылкой.
Складъ и продажа въ **МОСКВѢ, Спиридоновка, Спиридоньевскій пер. у Ю. КОНДЕНЪ.**
Ц. № 3153 2—1

4 ЦѢННЫЯ ПРЕМІИ
(ПОЛЕЗНЫЕ ПОДАРКИ ДЛЯ ВСѢХЪ)
высылаются, съ первою почтою, за **15** руб.:
1) Зрительныя трубы, приближ. на **10** вер.
2) Микроскопы, увеличив. въ 1,000 разъ.
3) Барометры, за сутки и болѣе показыв. перемѣны погоды: дождь, вѣтеръ, бурю и пр.
4) Самоучитель рисованія—по бумагѣ, атласу и стеклу (печатное наставленіе, большой изящный ящикъ красокъ, кисти и стекла). Всѣ вещи заграничныя. Отдѣльно каждая вещь высылается за 5 р. 50 к. Адрес.: въ Москву, въ контору „Дѣтской Библ."—Петровка, д. Кредитн. Общ. № 3123 3—3

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Каразина**, *второе изданіе*, съ 39 рисунк. автора, большой томъ in—8 всего 304 стр. Цѣна **2** р., съ перес. **2** р. **30** к. Подписчики „Нивы" за пересылку не платятъ.

ВЫШЛА ФЕВРАЛЬСКАЯ КНИЖКА
„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ".
Стальное ожерелье, Фортюне дю-Буагобея. **Загадочная смерть**, Джойсъ Даррель. **Любитъ и лжетъ**, Уильки Коллинза.
Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ, **шесть рублей двадцать пять коп.**, для городскихъ **шесть рублей семьдесять пять коп.**, для иногородныхъ **семь рублей.** Гг. служащіе въ присутственныхъ мѣстахъ пользуются разсрочкою. Подписка принимается на имя **Елисаветы Николаевны Ахматовой**, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.
№ 3149 1—1

Фабрика В. П. Ганнеманъ, въ С.-Петербургѣ.
Контора и складъ на Вознесенскомъ пр., уголъ Казанской ул., д. № 15—45.
ОГНЕУПОРНЫЙ АСФАЛЬТОВЫЙ КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ
приготовленный изъ лучшихъ шведскихъ матеріаловъ посредствомъ американскихъ аппаратовъ.

Экстра патентъ, дл.	19½	арш.	×	шир.	I	арш.	6½	верш.	=27½	кв. арш.	цѣна	5 р.	— к.
Патентъ	19½	„	×	„	I	„	6½	„	=27½	„ „	„	4 „	— „
I сортъ.	22	„	×	„	I	„	4	„	=27	„ „	„	3 „	25 „
I сортъ.	22	„	×	„	I	„	—	„	=22	„ „	„	2 „	75 „
II сортъ	27	„	×	„	I	„	—	„	=27	„ „	„	3 „	— „

Асфальтовыя толевыя полосы для колпаковъ длиною 22 арш. шир. 2 верш. „ — „ 50 „
Асфальтовый кровельный лакъ, въ бочкахъ вѣсомъ около 15 пуд., за бочку 12 „ — „
Асфальтовый составъ противъ сырости въ бочк. вѣс. „ 15 „ „ „ 15 „ — „
Асфальтовый изолиръ-картонъ для обивки сырыхъ стѣнъ.
1 сортъ 27 арш.×шириною 1 арш.=27 кв. арш. цѣна 3 руб.
Настоящій шведскій двойной картонъ для обивки стѣнъ и подъ коврами, пропитанный химическимъ составомъ, недопускающій разведенія насѣкомыхъ.

Экстра патентъ длиною	100	арш.	×	шир.	1	арш.	6½	верш.	=141	кв. арш.	цѣна	16 р.	— к.
Экстра патентъ длиною	100	„	×	„	1	„	4	„	=125	„ „	„	12 „	— „
Экстра патентъ длиною	100	„	×	„	1	„	—	„	=100	„ „	„	6 „	— „
Патентъ длиною. . .	27	„	×	„	2	„	—	„	= 54	„ „	„	3 „	— „
Патентъ „	27½	„	×	„	1	„	8	„	= 41	„ „	„	2 „	50 „
I сортъ „	27	„	×	„	1	„	—	„	= 27	„ „	„	1 „	50 „
II сортъ „	27	„	×	„	1	„	—	„	= 27	„ „	„	1 „	— „
III сортъ „	27	„	×	„	1	„	—	„	= 27	„ „	„	— „	80 „

Образцы и прейсъ-куранты высылаются безплатно. Зданія, крытыя толемъ, принимаются на страхъ по одной и той-же прѣміи, какъ и крытыя желѣзомъ. Р. № 3161. 1—1

Открыты курсы шитья и кройки бѣлья и дамскаго и дѣтскаго платья, въ дневномъ
ПРІЮТѢ ДЛЯ ДѢТЕЙ,
Песни, 3-я ул., № 25.
Плата **3** р. въ мѣсяцъ или 15 р. за полгода. Классъ цвѣточнаго мастерства открытъ будетъ, какъ только найдется нѣсколько ученицъ, желающихъ пользоваться имъ. Въ ученицы принимаютъ дѣтей отъ 12 л. возраста, а также и взрослыхъ. Дѣти неграмотныя пользуются даромъ школою и обѣдомъ.
Подробности узнать у надзирательницы пріюта. № 3147 2—2

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
К. БАУХЪ.
Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болѣй, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умѣренныя.

Библиотека "Руниверс"

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, 21.

ОПЕРАЦІИ КОНТОРЫ:

Покупка и продажа цѣнныхъ бумагъ.—Покупка и продажа иностранныхъ монетъ и векселей.—Продажа биржевыхъ бумагъ съ задаткомъ.—Продажа выигрышныхъ билетовъ съ разсрочкою платежей.—Выдача ссудъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ.—Текущій счетъ.—Срочные вклады.—Кредитъ до востребованія („on call").—Храненіе процентныхъ бумагъ.—Помѣщеніе капиталовъ въ процентныхъ бумагахъ.—Страхованіе выигрышныхъ билетовъ отъ тиража погашенія.—Свѣдѣнія о вышедшихъ въ тиражъ бумагахъ и пр.—Срочные купоны контора мѣняетъ безплатно.

Адресъ Конторы для телеграммъ „Петербургъ КЛИМА". Р. № 3160 2—1

Въ книжныхъ магазинахъ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

въ С.-Петербургѣ, Гостиный дворъ, 17 и 18 и въ Москвѣ, Петровка, д. № 5

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СОЦІАЛЬНЫЙ НЕДУГ
КЪ ВОПРОСУ
О ПРОСТИТУЦІИ
И О ПРІЮТАХЪ СВ. МАГДАЛИНЫ,
Г. ДАЛЬТОНА.

8 д. л. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Это рядъ публичныхъ лекцій, посвященныхъ одному изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ — проституціи. Въ нихъ упомянуты средства для противодѣйствія распространенію этого порока въ Петербургѣ и способы спасенія уже падшихъ женщинъ. Въ особенности этотъ послѣдній вопросъ разрабатывается авторомъ подробно и развивается мысль о необходимости учрежденія обществъ и пріютовъ для спасенія падшихъ женщинъ. Трудъ Г. Дальтона снабженъ многочисленными цитатами, примѣчаніями и т. п.

ПУТИ ПРОМЫСЛА
ВЪ РАЗВИТІИ ВСЕЛЕННОЙ.
Историческіе очерки
Арх. Амфилохія Лутовинова.

Большой томъ въ 8 д. л.

Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Судьбы природы, судьбы человѣка, пути промысла—вотъ предметъ настоящаго труда. Мысль свою авторъ развиваетъ на основаніи исторіи, проходитъ подробно времена первобытныя, творенье, паденіе, вѣка исполиновъ, ледяной періодъ, разселеніе и образованіе государствъ, развитіе ихъ и т. д. Руководствомъ автору служили и Библія, и боговдохновенное ученіе отцевъ, и данныя науки.

КОЧЕГАРНОЕ ДѢЛО.

Описаніе судовыхъ котловъ, ихъ приборовъ и практическія наставленія для ухода за ними.

Сост. инж.-механиками
А. АРЦЕУЛОВЫМЪ
и
Н. СЕРГѢЕВЫМЪ.

8 д. л., съ 97 чертежами. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 25 к.

Книга эта необходима каждому, кто прямо или косвенно имѣетъ какое либо отношеніе къ кочегарному дѣлу: судостроителю, матросу, кочегару, фабрикату, механику и т. д. Въ ней каждый найдетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія; для каждаго она составитъ руководство, по которому смѣло можно прибѣгнуть за справкою, рѣшеніемъ сомнительнаго вопроса и т. п.

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

Два иллюстрированные еженедѣльные журнала для дѣтей и юношества. Каждую недѣлю выходитъ одинъ выпускъ для младшаго и одинъ выпускъ для старшаго возрастовъ, съ многими рисунк., съ доставкою отдѣльными картинами и пересылкою преміями. **Подписная цѣна на каждый журналъ въ годъ, со всѣми приложеніями 6 руб.**

Подписка принимается въ книж. магаз. ТОВ. М. О. ВОЛЬФЪ: С.-Петербургъ, Гостин. дворъ, 17 и 18—Москва, Петровка, № 5.

Выпускъ 15-й на 1884 г. вышелъ въ свѣтъ.

„АМЕРИКАНКА",
снарядъ для стирки бѣлья.

При стиркѣ посредствомъ этого снаряда, бѣлье **дольше сохраняется**, потому что оно не подвергается трепію полотна о полотно, отъ чего при обыкновенной стиркѣ такъ скоро начинаетъ рѣдѣть и рваться. **Чистота** достигается вполнѣ при **однократной** стиркѣ и поэтому значительно **меньше** расходуется **мыла и топлива**. Сама работа производится **весьма легко** и **скоро**, такъ что требуется **втрое меньше** рабочихъ рукъ. Снарядъ далеко несложенъ и весьма проченъ. Одинаково полезенъ, какъ для большихъ и малыхъ хозяйствъ, такъ и для прачешныхъ заведеній. Наставленіе подробное. Приглашаются агенты. Цѣна съ пересылкой 5 р. Адресъ: **Агентъ Русскаго Страховаго Общества, В. ШЛЕМЕНЗОНЪ**, въ Симферополѣ. № 3156

ВЪ МАГАЗИНАХЪ
ПАВЛА БУРЕ
ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ
поставщика **Высочайшаго Двора**, оцѣнщика **при кабинетѣ Е. И. В., ГЕХНИКА ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА** и часовыхъ дѣлъ мастера ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ФЛОТА **въ С.Петербургѣ**: на Невскомъ пр., № 23, **въ Москвѣ**: Рождественкѣ, № 6

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ

Золотые дамскіе часы, закрытые, анкерные, на 15-ти камняхъ, заводящіеся ключемъ въ 50, 55, 60, 65, 75, 85, до 100 р.

Золотые мужскіе часы, закрытые, анкерные, на 15-ти камняхъ, заводящіеся ключемъ, въ 60, 66, 70, 75, 80, 85, 100 до 200 р.

Серебряные мужскіе часы, закрытые, анкерные, на 15 камняхъ, заводящіеся ключемъ, въ 19, 20, 22, 25, 30, 35, 40 до 60 р.

Ручательство на два года.

Пересылка на счетъ магазиновъ. № 3051

Подробные иллюстрирован. прейсъ-куранты высылаются по востребованію безплатно.

С.-Петербургская Химическая Лабораторія

ЖЫЛО ТУАЛЕТНОЕ } РАЗНЫХЪ ЗАПАХОВЪ САМАГО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО } **Розовое**, въ оловянной обертке. **Бѣлое**, высш. кач. для дамъ и дѣтей. **Прозрачное**, по разнымъ цѣнамъ.

ЯИЧНОЕ МЫЛО
РУССКОЕ НАРОДНОЕ МЫЛО
и разныя другія.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Невскій проспектъ, домъ № 32, Католической церкви.

Невскій проспектъ, домъ № 66, у Аничкова моста.

Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Магазинъ въ **Москвѣ**:

Кузнечный мостъ, домъ Третьяковыхъ.

Кромѣ вышеозначенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.

Контора, фабрика и оптовый складъ: Измайловскій просп., № 21, собственный домъ, **въ С.-Петербургѣ.** Р. № 3154 2—1

М. № 2855 6—6

Цвѣточный О-ДЕ-КОЛОНЪ
ИЗОБРѢТЕННЫЙ
БРОКАРЪ и К°.

№ 3091 25—2

Практ. руковод. къ изученію прав. употребл.

ЗНАКОВЪ ПРЕПИНАНІЯ.

Ц. 25 к., съ пер. 35 к. Адр. Учителю К. Гану, въ г. **Слонимъ** (Гродн. губ.) и во всѣхъ кн. магаз. Спб. и Москвы. № 3148. 2—2

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ НА 1884 ГОДЪ
СѢМЯННОЙ ТОРГОВЛИ П. БУКА,

МАЛАЯ КОНЮШЕННАЯ Д. № 5, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

изданъ и требующимъ таковой будетъ отпущенъ или высланъ почтою **безвозмездно.** Р. № 3158 2—1

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,

озабочиваясь удешевленіемъ пути въ Іерусалимъ, нашло возможнымъ брать за проѣздъ въ 3-мъ классѣ **до Яффы и обратно**: отъ Москвы 46 р. 50 к., отъ Кіева 33 р., отъ Воронежа черезъ Таганрогъ 38 р.

Паломническія книжки для проѣзда продаются въ Петербургѣ: у протоіерея Михайловскаго, на Вознесенскомъ просп., въ д. Вознесенской Церкви, у В. Н. Хитрово, Мойка, 93, у С. Д. Лермонтова, Малежный пер., 7; въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, у о. Агапита, въ Новой гостинницѣ; въ Москвѣ—у священника Срѣтенскаго, Б. Никитская, д. церкви Вознесенія, въ Кіевѣ—у іеромонаха Александра, въ Лаврской гостинницѣ, у протоіерея П. Г. Лебединцева, въ д. Софійскаго Собора, и у протоіерея Экземплярскаго, въ коллегіи Галагана, Фундуклеевская улица; въ Воронежѣ—у іеромонаха Платона, въ Митрофаніевомъ монастырѣ; въ Перми—у Д. Д. Смышляева; въ Казани—у Н. В. Саврасова, Черноозерская улица, д. Куракиныхъ.

Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; купившіе оныя могутъ останавливаться въ Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ.

Для желающихъ получить билетъ 3-го класса только на переѣздъ моремъ, „Русское Общество Пароходства и Торговли" выдаетъ билеты, но предъявленіи заграничнаго паспорта **до Яффы и обратно** отъ Одессы или Севастополя за 24 р., отъ Таганрога за 29 р. и отъ Батума за 28 р.

Въ Одессѣ за свѣдѣніями и объясненіями можно обращаться къ протоіерею Кудрявцеву, въ Университетъ и къ М. И. Осипову, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго. № 3159 3—1

Вышелъ и разсылается подписчикамъ 1 № (январь) 1884 г. **„Извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества".**

Содержаніе: **I. Дѣйствія Славянскаго Общества. II. Славянское обозрѣніе**: Исповѣдники и партія, **О. Ѳ. Миллера**. Дѣятельность Югославянской Академіи въ Загребѣ, **П. А. Кулановскаго**. Изъ путевыхъ замѣтокъ по Хорватіи, **И. П. Сазоновича**. Изъ Праги, корреспонденція. Славистика въ С.-Петербургской Духовной Академіи. Пожертвованія въ пользу бѣдствующихъ Галичанъ. **III. Славянскія библіографическія извѣстія**: Новый ученый трудъ В. И. Ламанскаго. Н. Любовичъ: Исторія реформаціи въ Польшѣ (замѣтка **В. А. Крвкау**). Вступительная лекція К. Я. Грота въ Варшавскомъ Университетѣ. Отчетъ объ ученой командировкѣ въ Славянскія земли, проф. І. І. Первольфа. Праздникъ „Славы" у Сербовъ **П. А. Кулановскаго**.

Подписка на „Извѣстія" принимается въ помѣщеніи Славянскаго Общества, на площ. Александринскаго театра, № 7. Подписная цѣна на годъ за 12 книжекъ **два рубля**, съ доставкой и пересылкой. № 3155 1—1

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ и пансіонеровъ д-ра Волицкаго. Невскій, пр., противъ Николаевской ул., д. 98. Пріемъ спеціалист., ежедн., съ 1—3 ч. дня и съ 6—7½ ч. веч. Лечение электр и минеральными ваннами. Врачебн. дежурство, осмотръ кормилицъ и прислуги.

А. СУ и К°
ПАРФЮМЕРНЫЙ
и
КОСМЕТИЧЕСКІЙ
МАГАЗИНЪ
Тверская, д. Вартина.
МОСКВА.
ПОДРОБНЫЙ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
ВЫСЫЛАЕТСЯ
ПО ТРЕБОВАНІЮ.

При этомъ № прилагается для г. г. иногородныхъ подписч. (за исключ. московск.) объявленіе отъ нижняго магазина И. Л. Тузова въ С.-Петербургѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 8 февраля 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 7 | XV годъ | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 18 Февраля 1884 г.

Открыта подписка на „Ниву“ 1884 года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . **4 р.**

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . **5 р. 50 к.**

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія **5 р.**

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . **6 р.**

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями и преміями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9.

Мусульманская школа въ Каирѣ. Съ карт. Ж. Льюиса, грав. Родъ.

Библиотека "Руниверс"

Школа въ Каирѣ.

Англійскій художникъ Льюисъ, нынѣ уже умершій, считается на своей родинѣ превосходнымъ жанристомъ и его произведенія цѣнятся тамъ очень высоко, составляя украшеніе многихъ извѣстныхъ частныхъ художественныхъ собраній. Льюисъ почти исключительно бралъ сюжеты изъ жизни и природы далекаго востока и считался въ этомъ отношеніи глубокимъ знатокомъ, такъ какъ многіе годы жилъ въ Каирѣ. Его замѣчательныя картины „Сомнительная монета", „Привалъ въ пустынѣ", „Внутренность турецкаго гарема" пользуются заслуженною славой по выразительности типовъ и яркости чисто восточнаго колорита. Но самымъ лучшимъ произведеніемъ между знатоками все таки считается его „Школа на востокѣ", превосходный снимокъ съ которой мы прилагаемъ при настоящемъ нумерѣ. Въ этой картинѣ кромѣ удачной группировки фигуръ Льюисъ выказалъ себя неподражаемымъ исполнителемъ восточныхъ орнаментовъ, ковровъ, утвари и вообще разныхъ принадлежностей, употребляемыхъ при обыденной жизни востока. Причудливое убранство школы, ея чисто восточная архитектура, съ разными переходами отъ свѣта къ мраку, съ подковообразными дверями, узкими окнами и стѣнами, изпещренными изрѣченіями изъ корана—все это выполнено съ большимъ мастерствомъ. Группировка фигуръ учениковъ и ихъ лица, исполнены тоже превосходно, но лучше всего удалась художнику величавая и серьезная фигура восточнаго педагога, который, какъ видно, предложивъ нѣсколько вопросовъ стоящему предъ нимъ на колѣняхъ ученику, самъ погрузился въ глубокую думу, подъискивая какое нибудь глубокомысленное, подходящее къ случаю изрѣченіе корана. Чтобы не нарушить этого серьезнаго умственнаго процесса своего учителя, вся школа притихла, какъ бы затаила дыханіе; одни только случайные ея посѣтители—голуби и кошка, не понимаютъ значенія момента и потому не обращаютъ на него ни малѣйшаго вниманія. Всѣ мелочи убранства школы выполнены съ замѣчательнымъ искусствомъ; пестрые ковры, ящики съ яркой инкрустаціей, китайская чаша и наконецъ ваза, въ которой красуются двѣ розы—одна бѣлая, другая алая—все это дышетъ жизнью и придаетъ картинѣ еще болѣе красоты и законченности.

Въ старой Москвѣ.

Историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ

Гр. Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXII.

На утро явился сержантъ, пораженный извѣстіемъ о пріѣздѣ матери и смущенный также какъ и Анюта. Это загадка! И не къ добру!

Борисъ, съ странымъ чувствомъ радости и любопытства, смѣшанными вмѣстѣ, встрѣтился съ матерью и съ сестрой. Служба въ Петербургѣ принесла отчужденіе отъ близкихъ родныхъ. Сержанту было неловко, совѣстно; а чего? онъ самъ не зналъ.

Вдоволь нацѣловавшись, наплакавшись отъ радости и разъ десять перекрестивъ сына, Настасья Григорьевна посадила его предъ собой, а дочь около себя.

— Сиди, Борюшка. Дай мнѣ всего тебя разглядѣть. Ты тоже гляди, Агаша, приказала она.

Агаша обрадовалась, что „братецъ-солдатъ" совсѣмъ не страшный, да на нее самое похожъ удивительно.

— Господи! Кабы былъ живъ родитель твой! снова заплакала Борщева. Кабы онъ видѣлъ, какого я ему молодца родила. А то все бывало хаялъ тебя... Зайдетъ объ тебѣ рѣчь, бывало, вечеромъ, особливо зимой,—и начнетъ перебирать. И ростомъ-то ты будешь малъ, и съ виду худопарый, и ноги-то журавлиныя у тебя, и голосъ-то фистула... И разумомъ не скоробогатый!

Борисъ началъ наконецъ смѣяться добродушно, но на душѣ было какъ-то грустно. Онъ, встрѣтивъ мать и сестру, будто потерялъ ту мать и ту сестру, о которыхъ часто думалъ въ Петербургѣ. Это были не тѣ, а другія! И тѣхъ онъ будто любилъ больше.

— Да, Борюшка, много я бывало злюся на покойника. И зачнемъ мы изъ-за тебя браниться промежь себя, говорила Борщева.

— Да, вѣдь, это родитель вѣрно въ шутку такъ сказывалъ! замѣтилъ Борисъ.

— Вѣстимо. Да я-то все таки злюся такъ, что нутро пухнетъ.

И покуда Настасья Григорьевна подробно передавала сыну свои бесѣды и ссоры съ покойнымъ отцомъ—Борисъ все глядѣлъ на мать и ему становилось все грустнѣе. Это неожиданное и отчасти непонятное чувство, коснувшееся вдругъ его добраго, прямаго и честнаго сердца, тяготило его. Онъ чувствовалъ себя безъ вины виноватымъ, онъ поневолѣ судилъ и осуждалъ родную мать. Ему ясно было, что предъ нимъ сидитъ деревенская барыня-помѣщица, глуповатая, по виду изъ мелкихъ дворянокъ, къ тому же словоохотливая, по просту „болтушка", а въ ея рѣчи все такія слова попадаются, какихъ барыни въ Петербургѣ не говорятъ. Развѣ отъ прислуги услышишь. Отъ Анюты такихъ словъ тоже не услышишь. А вѣдь эта женщина—самое близкое для него существо.

И Борису стало досадно на самого себя.

— Или я въ Питерѣ, да въ гвардіи, пріобыкъ къ другому обхожденью, или матушка ужь очень зажилась въ деревнѣ. И я же виноватъ, что не побывалъ ни разу и не вывезъ ее хоть въ Москву.

Но отъ этого объясненія было не легче. Приходилось сознаться, что онъ, хотя всегда нетерпѣливо ждалъ дня, когда увидится съ матерью, а все таки теперь ему радости мало. И теперь ясно, что у него одно дорогое существо на свѣтѣ было и осталось. Не будь ея, Анюты, то онъ совсѣмъ бы сиротой былъ.

И въ сотый разъ оглядѣвъ мать, Борисъ обращалъ взглядъ на сестру. Сходство между ними и онъ замѣтилъ сразу.

Сестра красивая, съ свѣженькимъ личикомъ и веселыми глазами—произвела на него хорошее впечатлѣнье. Но онъ спрашивалъ себя: можетъ-ли онъ крѣпко полюбить эту сестру? И скоро-ли онъ ее такъ полюбитъ?

И отвѣта себѣ Борисъ, покуда, дать еще не могъ!

— Ну говори, говори... Щенокъ! ласково начала Настасья Григорьевна. Сказывай мнѣ, когда ваши енералы тебя офицеромъ нарядятъ.

— Обѣщаютъ, матушка. Можетъ скоро.

— Теперь, при этой карнаваціи.

— Коронаціи... Да! поправилъ Борисъ мать уже въ третій разъ послѣ встрѣчи.

— А теперь ты что будешь. Вѣдь не солдатъ, не рядовой?

— Теперь сержантъ. Давно ужь изъ капраловъ вышелъ

— Мудреныя все слова. А отъ кого зависитъ. Отъ новой царицы зависитъ, чтобы повысили.

— Больше зависитъ отъ Григорья Орлова. Мнѣ вѣдь не въ очередь, а въ видѣ награды надо просить.

— Ты бы ему калымъ далъ.

— Что?

— Калымъ бы ему далъ... Ну супрею что-ли, объяснила Борщева.

— Что такое, матушка. Я ни того, ни другаго не пойму.

— Ну, поднесъ бы ему. Я денегъ съ собой пять тысячъ захватила. Я тебѣ удѣлю изъ нихъ двѣ, либо три тысячи карбованцевъ. Ты съ ними ему и поклонись. Дѣло то и выгоритъ.

Библиотека "Руниверс"

Борисъ такъ искренно и громко разсмѣялся, что и на Агашу поневолѣ заразительно подѣйствовалъ смѣхъ брата. Она начала тоже весело смѣяться, не зная чему.

— Чего вы это горло-то дерете! удивилась и отчасти обидѣлась Настасья Григорьевна. Яица курицу не учатъ!

— Да какъ же, матушка. Смѣшно! Да у Орлова теперь при каждомъ выѣздѣ со двора въ карету кладутъ, поди, до тысячи рублей про всякій случай. Польстится онъ на наши три тысячи!!

— А болѣ того, скажи, не можешь. По одежкѣ, голубчикъ, скажи, даю. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

— Онъ меня и турнетъ. Велитъ подъ арестъ посадить.

— Куда?

— Подъ арестъ отправитъ за дерзость!

— Подарешь? Какой подарешь? Не пойму я тебя. Совсѣмъ ты русскую рѣчь позабылъ, вздохнула мать. Все ты такія слова говоришь, какихъ ни отъ кого не услышишь. Не то диво, не то срамъ. Якобы ты не нашъ православный, а нехристь какой.

А Борисъ подумалъ тоже самое объ матери.

Онъ объяснился и прибавилъ, что платить за чинъ некому, надо просить, да и дѣда тоже попросить похлопотать.

— А какъ ты въ ахфицеры вырядишься, Борька,— сейчасъ я тебя женю. Здѣсь у насъ есть одна вдова, родня твоего родителя,—бригадирша, а не такъ прощалыга какая!.. У ея мужа былъ, помнится мнѣ, крестъ на лентѣ. Я къ ней вотъ соберусь и попрошу ее за тебя свахой потолкаться по Москвѣ. Можетъ быть мы въ тотъ же часъ найдемъ какую подходящую невѣсту. Здѣсь, въ Москвѣ, на васъ, гвардейцевъ охотницу скорѣе найдешь, чѣмъ на недоросля какого.

— Нѣтъ ужь, матушка, отъ этого увольте. Какой я женихъ! грустно вымолвилъ Борисъ.

— А что? Или ты... Охъ, тьфу. Прости Господи! Что мнѣ на умъ взбрендило! ахнула и отплюнулась Настасья Григорьевна.

И мать устремила упорный и испуганный взглядъ въ лице сына.

— Что вы, матушка? нехотя спросилъ Борисъ.

— Да ты того... Ужь нѣтъ ли у тебя хвоста какого?

— Какого хвоста?

— Въ Питерѣ...

— Я не чортъ, матушка!

— Тьфу! Какъ можно эдакъ сказывать. Дѣвица сестра тутъ—а то бы я спросила. Аль не понимаешь? Хвоста нѣтъ ли у тебя въ Питерѣ?

— И не уразумѣю, что за хвостъ.

— Одинъ ты въ Питерѣ. Или у тебя ужь можетъ— есть цѣлая арава, прижитая съ боку...

— Охъ, Господи! понялъ Борисъ и разсмѣялся. Нѣтъ. Будьте спокойны. Одинъ какъ перстъ. Даже хуже того.

— Какъ хуже? Что-жь хуже то?..

— А то, что я жениться не могу именно потому, что не способенъ и охоты во мнѣ нѣтъ, на какую ни на есть дѣвицу даже однимъ глазомъ глянуть, не только что обвѣнчаться.

— Что такъ?

— Противны онѣ мнѣ всѣ, пуще горькой рѣдьки.

— Такъ вѣдь то питерскія... Онѣ, можетъ худорожи?

— И московскія... Все одно.

— Да вѣдь ты московскихъ еще не видалъ? Увидишь. Иная какая и полюбится.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Это ужь вы бросьте, матушка. Или знаете что?.. вдругъ прибавилъ Борисъ съ полувеселымъ, полу-желчнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ. Потолкуйте вы съ Анютой. Попросите ее мнѣ найти невѣсту. Пускай она, изъ своихъ здѣшнихъ пріятельницъ, какую выберетъ.

— Что-жь, пожалуй. Хоть это и не дѣвичье дѣло. Но она такая разумная, что ее попросить можно. Худаго не посовѣтуетъ?

— Ну вотъ вы ее и попросите! рѣзко выговорилъ Борисъ и, вставъ, прибавилъ будто съ угрозой. Кого она выберетъ мнѣ, я тотчасъ женюсь,—слова не скажу!

Весь первый день встрѣчи, послѣ семилѣтней разлуки, прошелъ какъ-то неловко. Борисъ былъ грустенъ, недомолвокъ, недоразумѣній было много. И особенно чужда была сержанту гвардіи каширская помѣщица потому, что не подозрѣвала даже того, что было для ея сына вопросомъ жизни.

Но не долго, нѣсколько часовъ только, длились эти тяжелыя отношенія. Вечеромъ глуповатая барыня изъ деревни стала сразу для измайловскаго сержанта родной матерью. Онъ сразу забылъ про ея деревенскія привычки, сужденья, слова, когда въ отвѣтъ на свою невольную, будто вырвавшуюся и горячую исповѣдь— увидалъ искреннія слезы, теплые поцѣлуи и готовность на все ради его счастья. Родная мать посудила дѣло не такъ, какъ чужіе.

Оставшись вечеромъ наединѣ съ сыномъ, Борщева вспомнила о пребываніи сына въ Москвѣ за прошлый годъ и просила разъяснить слухи о гнѣвѣ на него дѣда-князя.

Борисъ хотѣлъ все скрыть отъ матери. . и все разсказалъ. Сначала Настасья Григорьевна испугалась...

Но сынъ сталъ говорить, объяснять. И по его словамъ все выходило такъ просто, законно, естественно! А вѣдь слушала его рѣчи и чуяла глубокое горе въ сынѣ родная мать. Судило все материнское сердце!

— На васъ моя надежда будетъ, матушка! воскликнулъ Борисъ, все подробно разсказавъ и объяснивъ матери.

— Что-жь я?.. Я, Борюшка, за тебя въ огонь и въ воду готова! Ты надумай что дѣлать да скажи.

— Теперь не знаю. Увидимъ. Зачѣмъ дѣдушка васъ выписалъ? Мудрено все это. Увидимъ.

И поздно съѣхавъ со двора князя Лубянскаго, сержантъ весело и бойко поскакалъ домой по сонным и пустымъ улицамъ. Теперь мать его мечтаній и грезъ въ Питерѣ и мать, пріѣхавшая изъ Каширы, слились въ одну женщину, дорогую и близкую.

XXIII.

Чрезъ два дня, въ десять часовъ утра, сержантъ Борщевъ снова подъѣзжалъ верхомъ къ селу Петровскому, и глянувъ на дворъ палатъ, увидѣлъ массу экипажей всякаго рода.

— Вотъ съѣздъ! Больше чѣмъ бывало у государя Петра Ѳеодоровича въ Зимнемъ дворцѣ! подумалъ онъ.

Пробравшись къ тому же маленькому подъѣзду генеральсъ-адъютанта, гдѣ онъ уже былъ однажды, сержантъ, не зная кому отдать лошадь, привязалъ ее къ рѣшеткѣ нижняго окна, а самъ вошелъ въ прихожую. Въ ней нашелъ онъ нѣсколько капраловъ и сержантовъ разныхъ гвардейскихъ полковъ, нѣсколько „рябчиковъ", т. е. штатскихъ, и двухъ духовныхъ лицъ, не то священниковъ, не то дьяконовъ.

Мѣста для него, чтобы присѣсть, не было. Сержантъ сталъ у дверей и рѣшилъ дожидаться, не пройдетъ-ли кто изъ лицъ, находившихся у Григорія Орлова въ качествѣ адъютантовъ для разбора всякихъ разнохарактерныхъ дѣлъ и просьбъ, которыми просители завалили новаго фаворита и нарождающагося временщика.

Сержантъ прислушался къ двумъ тихимъ разговорамъ. Оказалось, что одинъ священникъ явился изъ Серпухова съ жалобой на воеводу, на притѣсненье и обиды. У него корову съ телкомъ отняли и онъ, побывавъ у преосвященнаго, получилъ вмѣсто суда и расправы отвѣтъ:

— Я ничего не могу. Меня самого ограбила команда изъ военной коллегіи. Ступай домой и жди Страшнаго Суда. По всему, приходятъ послѣдніе дни!...

Священника научили ѣхать въ Москву, къ пріѣзду

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. „Герой нашего времени“, М. Ю. Лермонтова. „Княжна Мери“.

Ориг. рис. для „Нивы“ придворнаго Е. И. Величества Художника М. Зичи, грав. Голевинскій.

Библиотека "Руниверс"

царицы и подать ей самой просьбу черезъ ея генеральсъ-адъютанта.

Въ другомъ углу пожилой человѣкъ, съ виду помѣщикъ, жаловался, что невѣдомый ему генералъ пріѣхалъ въ уѣздъ, срубилъ у него лѣсъ и, продавъ купцу, уѣхалъ.

— Какъ? воскликнулъ сидѣвшій около него Семеновскій рядовой, очевидно изъ дворянъ.

— Да такъ!

— А вы что-жъ допустили?

— Я не позволялъ, противился...

— Ну?

— Ну, меня связали съ женой, заперли въ овинъ, приставили караулъ изъ двухъ солдатъ, а покуда три десятины строеваго лѣса срубили, сложили и увезли на подводахъ. Спасибо еще не дали намъ съ голоду помереть, кормили аккуратно.

— А кто-же этотъ генералъ?

— Закряцкій. Его всѣ знаютъ... Разбойничаетъ на всю нашу округу. Съ солдатами ѣздитъ, воюетъ и въ полонъ беретъ.

Въ это время въ горницѣ появился офицеръ Преображенскаго полка Баскаковъ, хорошо извѣстный по его дѣятельной роли во время переворота. Внѣшность его была крайне не симпатичная. Борщевъ зналъ его въ Петербургѣ, былъ ему лично извѣстенъ и поэтому рѣшился къ нему обратиться:

— Извините. Могу-ли я видѣть и переговорить по дѣлу очень важному съ Григорьемъ Григорьевичемъ?

Баскаковъ прищурилъ свои злые глаза и процѣдилъ, глядя на сержанта чрезъ плечо:

— Съ генеральсъ-адъютантомъ Ея Величества надо сказывать, государь мой. Фельдмаршаломъ будетъ Орловъ и все въ гвардіи будутъ его Гришуткой звать. Воистину остолопы!...

Борщевъ вспыхнулъ, побагровѣлъ въ лицѣ и выговорилъ:

— Въ названіи по имени и отчеству лица, которое давно знаешь, нѣтъ ничего обиднаго ему! Да и велика привычка, правда, такъ называть... Послѣ вашего совѣта, я теперь буду конечно помнить и называть генеральсъ-адъютантомъ—до слѣдующей недѣли и до слѣдующей перемѣны.

Баскаковъ вытаращилъ глаза и не двигался, очевидно ожидая объясненія загадки. Сержантъ усмѣхнулся, высказываясь:

— Вѣдь на коронаціи онъ сіятельнымъ будетъ...

— Да. По всему вѣроятію.

— А тамъ сейчасъ чрезъ мѣсяцъ и фельдмаршаломъ или генералиссимусомъ...

Голосъ сержанта говорилъ больше чѣмъ слова.

— Вы Бартеневъ? странно вглядываясь сказалъ офицеръ и какъ-бы припоминая.

— Нѣтъ-съ! Борщевъ. Сержантъ. Въ первомъ ряду первой роты стоялъ, когда крестъ цѣловали мы, присягая царицѣ, прибывшей изъ Петергофа.

— А!? Изъ недовольствующихъ?! Обошли наградой, усмѣхнулся дерзко Баскаковъ. Васъ вѣдь легіонъ! Кабы васъ, по писанію, въ свиней-бы обратить, да ввернуть въ море. То-то бы хорошо.

— По указу или по высшей волѣ—все сдѣлаешь.. желчно отозвался Борщевъ. Плохо когда люди сами въ свиней обращаются по самомнѣнію. Да времена такія, что не вѣдомо еще...

— Какія времена? Хотите, я васъ прикажу арестовать сейчасъ?

— За что же?

— За... за дерзкія пасквильныя рѣчи, государь мой, вспыхнулъ наконецъ и Баскаковъ. Знаете ли вы, что такія бесѣды, какая у насъ съ вами теперь—только и возможны въ „такія времена", какъ вы сказываете. Но будьте увѣрены, что этимъ временамъ скоро конецъ придетъ... Верченые язычки скоро поприщемятъ... Такъ вы Борщевъ! До свиданія. Буду помнить для послуги при случаѣ.

И Баскаковъ, отвернувшись, двинулся и вышелъ на улицу. Черезъ минуту его карета четверней выѣхала со двора.

— Тоже вельможа! А что сдѣлалъ? Каинъ! За что въ силѣ и дружбѣ съ господами Орловыми? пробормоталъ Борщевъ и прибавилъ съ горькой усмѣшкой:

— Каинъ!

Подумавъ минуту, сержантъ вздохнулъ.

— Зачѣмъ я пришелъ? Чтобы ругаться, или чтобы просить? Все это они слышатъ отъ всѣхъ, всякій день, а я свое дѣло порчу.

Въ эту минуту мимо Борщева, также со двора, вошелъ тотъ же офицеръ съ рыжеватыми бровями, крючконосый и бѣлоглазый, котораго онъ уже видѣлъ въ первый свой пріѣздъ на дворѣ палатъ. Это былъ Побѣдзинскій. Сержантъ обратился къ нему съ той-же просьбой, но уже попросилъ совѣта какъ поступить...

— Ого! господинъ сержанту. Малаго захотѣли? И драгунъ съ польскимъ акцентомъ весело засмѣялся. На сколько Баскаковъ былъ не въ духѣ, на столько Побѣдзинскій былъ веселъ.

— Должно пообѣдалъ уже и выпилъ! подумалъ Борщевъ, чувствуя, что отъ драгунскаго капитана пахнетъ виномъ.

— Ну, я вамъ помогу. Вы измайловецъ? Пойдемте... Только всѣхъ чувствъ не потеряйте. Я вамъ помогу. Я люблю измайловцевъ.

Капитанъ взялъ Борщева подъ руку и шагнувъ къ дверямъ, отворилъ ихъ нѣсколько фамильярнымъ жестомъ, т. е. щелкнувъ и загремѣвъ ручкой двери. Они вошли въ просторную горницу, гдѣ вдоль стѣнъ на стульяхъ сидѣло человѣкъ тридцать офицеровъ и статскихъ. Борщевъ нѣсколько опѣшилъ.

— Идите! Не бойтесь! Я съ вами... А я здѣсь свой! шепнулъ драгунъ посмѣиваясь...

Они двинулись чрезъ всю горницу и когда офицеръ отворялъ слѣдующую дверь, то Борщевъ наивно ожидалъ уже увидѣть самого Орлова. Дверь раскрылась... Капитанъ протащилъ черезъ порогъ сержанта уже силой, такъ какъ Борщевъ, вдругъ смутившись, невольно сдѣлалъ всѣмъ туловищемъ движенье назадъ. Въ горницѣ, очевидно гостиной, увѣшанной картинами и богато убранной, съ пунцовой обивкой на золоченой мебели и съ бронзой на столахъ, было человѣкъ десять генераловъ и сановниковъ въ лентахъ, и прежде всѣхъ бросилась въ глаза Борщева фигура генерала, котораго онъ зналъ.

— Что? Добже панъ? Хорошо! шепталъ драгунъ.

Присутствующіе, занятые бесѣдой, не обратили вниманія на пришедшихъ, да кромѣ того капитанъ провелъ Борщева такъ быстро мимо всѣхъ сановниковъ, какъ еслибы велъ по спѣшному дѣлу. Прежде чѣмъ сержантъ успѣлъ придти въ себя, капитанъ ввелъ его въ третью комнату и онъ увидѣлъ высокаго и красиваго генерала въ оригинальномъ, нерусскомъ мундирѣ.

— Прусскій посолъ? шепнулъ невольно Борщевъ, не разъ видѣвшій посланника въ Петербургѣ.

— Да-съ, баронъ Гольцъ! и тоже ждетъ, поди, уже часъ. И увлекаемый шутникомъ-драгуномъ, Борщевъ попалъ въ четвертую, тоже красиво убранную горницу, но на этотъ разъ пустую.

— Ну, присядьте, пане сержанту! сказалъ капитанъ весело смѣясь.

Борщеву показалось, что драгунъ положительно немного не трезвъ. Онъ не рѣшился исполнить приглашенье.

— Садитесь. Сюда никто не войдетъ! Ну, что? Скоро до васъ чередъ дойдетъ. А?

— Да. Признаюсь... пробурчалъ Борщевъ, у котораго

Библиотека "Руниверс"

еще все будто рябило въ глазахъ и прыгали и офицеры, и сановники, и даже нѣсколько бароновъ Гольцевъ, вмѣсто одного видѣннаго.

— Ну-съ! Какое у васъ дѣло до Орлова? Важное?

— Да. Конечно. Очень важное.

— А что? Можно узнать? Ради помощи вамъ спрашиваю, а не ради любопытства.

— Я хочу просить о производствѣ въ офицеры.

— Ха, ха, ха, ха... громко, сразу, раскатисто оглашая всю комнату и пожалуй даже сосѣднія съ ней — расхохотался капитанъ.

Борщевъ даже не обидѣлся, настолько добродушенъ и искрененъ былъ хохотъ драгунскаго капитана.

— Кому что! Для меня важно. Своя рубашка къ тѣлу ближе! объяснилъ Борщевъ, когда чрезъ минуту капитанъ пересталъ смѣяться.

— Это невозможно, пане-сержанту. Нельзя. Если даже Орловъ и приметъ васъ, если даже и обѣщаетъ, то этого не будетъ никогда.

— Отчего? встрепенулся Борщевъ.

— Забудетъ. Больше ни отчего...

— Я опять напомню...

— Онъ опять забудетъ...

— А я опять... воскликнулъ Борщевъ.

— А онъ опять! снова разсмѣялся капитанъ.

Послѣ мгновеннаго молчанья, онъ заговорилъ:

— Садитесь ближе и слушайте меня обоими ушами, пане-сержанту. Хотите, вы будете офицеромъ на коронацію?

— Хочу. Въ этомъ все и дѣло.

— Вы, какъ измайловецъ, знаете офицеровъ Гурьевыхъ? странно спросилъ капитанъ, впиваясь въ сержанта своими бѣловатыми глазами.

— Гурьевы товарищи мнѣ и пріятели. Я съ ними въ одномъ домѣ здѣсь въ Москвѣ остановился.

Капитанъ вдругъ сталъ серьезенъ, пересталъ улыбаться и еще болѣе пытливо впился глазами въ лицо собесѣдника.

— Ваша фамилія какъ?

— Борщевъ.

— А?.. Борщевъ! Знаю... Слышалъ! Такъ!.. Сама фортуна мнѣ васъ подсунула. Брависсимо, пане-сержанту... Вѣдь это брависсимо? вопросительно выговорилъ драгунъ.

— Что такое — брависсимо? Я виноватъ, этого слова не знаю.

— Это значитъ... Это значитъ, что мы съ вами сойдемся. Хотите быть другомъ мнѣ? сержанту-коханку?

И онъ протянулъ руку Борщеву.

Борщевъ подалъ руку, но ничего не отвѣтилъ. Безсознательное отвращенье къ некрасивому офицеру съ чужестраннымъ акцентомъ, сказывалось въ немъ все сильнѣе.

— Ну, сержанту-коханку! Я, капитанъ Побѣдзинскій, вамъ услужу, а вы мнѣ... Я буду даже добрѣе и довѣрчивѣе... Я начну первый. Сейчасъ-же! А съ васъ услугу я попрошу послѣ. Если императрица останется въ Москвѣ на долго, то вы мнѣ здѣсь отплатите. Если уѣдемъ всѣ въ Петербургъ, вы тамъ мнѣ отплатите.

— Чѣмъ?

— А это тайна моя, сержанту-коханку. Не деньгами.

И подумавъ мгновенье, Побѣдзинскій прибавилъ:

— Вы коротко знаете офицеровъ Гурьевыхъ? Вы ихъ другъ? Пріятель? Вы ихъ любите?

— Другъ не другъ, а такъ товарищъ...

— Только? Прекрасно. Добже! Добже! Ну, теперь объ другомъ. Теперь объ вашемъ дѣлѣ. Я васъ поставлю тотчасъ, какъ ставятъ охотника на лисицу или на волка, на такое мѣсто, гдѣ пройдетъ Орловъ, и вы скажете ему о своемъ дѣлѣ. Добже?

— Спасибо вамъ. Но вѣдь онъ забудетъ.

— А я напомню...

— А онъ опять... пошутилъ Борщевъ, развеселившись и шутя подражая капитану.

— А я опять напомню!..

— А конецъ-то будетъ, вы думаете?

— Какой конецъ?

— Будетъ толкъ изъ напоминаній?

— Будетъ. Я письмо велю приготовить отъ его имени къ вашему командиру. Мало того, перо очиню, въ чернила обмокну и въ руку суну, чтобы подписалъ. А вашъ командиръ—Чертковъ кажется—подпрыгнетъ отъ этого письма Орлова и сейчасъ же васъ представитъ къ производству.

— Благодарю васъ. Не знаю, какъ мнѣ вамъ и отплатить, воскликнулъ Борщевъ.

— А вотъ послѣ сочтемся. Не надуйте, какъ буду просить отплаты, пане-сержанту.

— Никогда. Все, что хотите, сдѣлаю. Пѣшкомъ въ Кіевъ пойду.

Побѣдзинскій поглядѣлъ на часы.

— Ого! Пора... Пора... Погодите здѣсь. Я осмотрю мѣстность, гдѣ васъ поставить на звѣря, а вы оружіе приготовьте и осмотрите. Поняли, пане-коханку?

— Нѣтъ. Что приготовить? наивно спросилъ Борщевъ.

— Приготовьтесь что и какъ говорить. Онъ вѣдь съ вами долго не остановится. Только пройдетъ мимо. Я васъ поставлю на дорогѣ изъ его кабинета къ государынѣ наверхъ. Онъ пойдетъ сейчасъ кофе кушать къ ней. Ну пора, пора...

И капитанъ Побѣдзинскій быстро вышелъ изъ комнаты, оставивъ сержанта одного.

— Вотъ неожиданно!.. думалъ Борщевъ. Какъ съ неба свалился этотъ драгунъ. А вѣдь онъ былъ выпивши немного... Только теперь прошло. И что онъ такое? Адъютантъ что-ли? Тамъ въ горницахъ были адъютанты и онъ съ ними, помнится, кланялся, когда мы проходили.

XXIV.

Черезъ четверть часа дверь комнаты вдругъ отворилась и Побѣдзинскій, не входя, махнулъ рукой сержанту...

— Идите...

Борщевъ двинулся за офицеромъ. Они прошли еще одну маленькую горницу и вышли въ большую швейцарскую, изъ которой противъ большаго подъѣзда поднималась наверхъ парадная лѣстница.

Нѣсколько придворныхъ лакеевъ, гайдуковъ и одинъ посольскій егерь, стояли, ходили и сидѣли на скамьяхъ. Люди не обратили никакого вниманія на обоихъ явившихся военныхъ. Только неподвижный, огромнаго роста швейцаръ, съ большой булавой, важно смѣрилъ Борщева съ головы до пятъ и не шелохнувшись, тотчасъ равнодушно отвелъ отъ него глаза.

Не прошло минуты, какъ изъ дверей въ глубинѣ швейцарской вышелъ хорошенькій казачекъ и оставивъ дверь растворенной, сталъ у косяка, взглянувъ на всѣхъ особеннымъ, неуловимымъ взглядомъ, говорившимъ однако ясно:

— Идетъ.

И всѣ поняли... Лакеи, ходившіе и болтавшіе, молча стали въ рядъ передъ лѣстницей; сидѣвшіе встали съ ларей и скамеекъ, а швейцаръ почему-то откашлялся сильно и выпятилъ грудь, точно будто собираясь запѣть.

Высокій, могучій ростомъ и плечами, красавецъ Григорій Орловъ, показался въ дверяхъ, въ синемъ мундирѣ, въ аксельбантахъ, и ласково-добродушно озираясь кругомъ себя, быстрымъ шагомъ направился къ ступенямъ лѣстницы.

Борщевъ, видавшій не разъ цалмейстера Орлова— „Гришутку, вѣдмедя, чертопхая и дуболома“, какъ звала его гвардія по пріятельски и въ глаза и за глаза— теперь смутился и заторопился...

Орловъ, увидя сержанта и Побѣдзинскаго, заспѣшилъ еще болѣе, будто стараясь избѣжать просителя и задержки...

Библиотека "Руниверс"

Борщевъ поклонился, сдѣлалъ шагъ впередъ и хотѣлъ заговорить, но Орловъ быстро предупредилъ его, какъ человѣкъ боящійся терять время:

— Что такое? Дѣло, просьба...

— Дѣло, которое я желалъ бы... Я полагаю, что я... Такъ какъ я былъ въ числѣ тѣхъ, которые... Если будетъ на сихъ дняхъ...

И Борщевъ запутался, не зная съ чего начать, и даже самъ удивился и злился на себя мысленно.

— Важное дѣло? перебилъ Орловъ. Не терпитъ отлагательства? Я теперь спѣшу...

— Что же отличнаго? сурово проговорилъ Борщевъ и, недовольный, онъ двинулся за капитаномъ прямо на большое крыльце.

Онъ былъ золъ не на Орлова, а на себя...

— Какъ мальчишка запутался и ничего не сказалъ. Надо было прямо сказать въ трехъ словахъ!

— Отлично, пане... восклицалъ Побѣдзинскій. Идите къ Алексѣю Григорьевичу. Онъ принимаетъ всякое утро въ Кремлѣ... Ему и скажете, что Григорій Григорьевичъ лично приказалъ его просить похлопотать объ вашемъ производствѣ. Тогда онъ все сдѣлаетъ.

Е. И. В. Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ и Невѣста Его Принцесса Елисавета Саксенъ-Альтенбургская.

— Важное... невольно проговорилъ Борщевъ.

— Какъ фамилія? Какого полка?

— Измайловскаго полка сержантъ Борщевъ.

— А! Помню... У меня бывали... на Морской еще... Помню. Ступай къ брату Алексѣю, голубчикъ. Ему... Ему все поясни. Скажи отъ меня. Я послалъ... А вамъ что нужно? обратился Орловъ къ капитану.

— Я—Побѣдзинскій. Капитанъ Побѣдзинскій... вразумительно доложилъ капитанъ, почтительно склоняясь.

— А? Да... странно проговорилъ Орловъ и снова прибавивъ: Да! Да! онъ вдругъ обвелъ глазами обоихъ вмѣстѣ. Понимаю... Ну, ступайте оба къ брату Алексѣю.

Капитанъ хотѣлъ что-то сказать или возразить, но Орловъ уже повернулся спиной и былъ за нѣсколько шаговъ.

— Не узналъ меня, вотъ какъ запятъ! сказалъ капитанъ. Ну, идемъ, пане-сержанту! Отлично. Добже!

— Зачѣмъ же я лгать буду?

— Э, пане-сержанту... Развѣ вы думаете, Григорій Григорьевичъ упомнитъ, что онъ васъ видѣлъ и что сказалъ. У него голова кругомъ идетъ. Онъ небось даже забылъ или перепуталъ, о чемъ прусскій посолъ просилъ его передать государынѣ!.. А вы думаете, что вы теперь ему даже во снѣ будете сниться недѣлю.

— Да не въ томъ дѣло! Я врать не хочу. Эдакъ, вѣдь, пользуясь его разсѣянностью или заботами—я могу, по вашему, вытащить у него изъ кармана кошелекъ...

— Э, пане-сержанту. Это философія. А философы—дурни. Ей Богу, дурни. Философія мѣшаетъ всякому дѣлу.

— Я этого слова не знаю и не понимаю, отозвался Борщевъ. Поэтому и отвѣчать не могу. Но что я знаю—то знаю... Лгать и воровать одно и тоже. Когда лжешь про кого, то берешь незаконно чужія слова или мысли.

Библиотека "Руниверс"

Петръ I. Статуя М. М. Антокольскаго. Съ фотогр. грав. Вердмюллеръ.

Библиотека "Руниверс"

— Не вѣмъ, что панъ сказываетъ. Философія. Не понимаю.

Борщевъ самъ не понялъ словъ, которыя сказалъ, но за то понималъ отлично, что именно хотѣлъ сказать, да не съумѣлъ.

Капитанъ сталъ убѣждать Борщева отправиться непремѣнно къ Алексѣю Орлову и даже не сочиняя на его брата—генеральсъ-адъютанта—сказать, что онъ видѣлъ его и, объяснивъ свое дѣло и просьбу, просить помочь.

Борщевъ подумалъ и согласился.

— Но я скажу, что не успѣлъ ничего объяснить Григорію Григорьевичу.

— Тьфу!.. Ну ничего не говорите. Просто идите къ нему и просите! согласился наконецъ капитанъ.

Они стали прощаться на подъѣздѣ и Борщевъ, вспомнивъ, вдругъ спросилъ:

— Какъ же онъ васъ-то не узналъ?

— Э, пане-сержанту... Онъ и себя въ зеркало иной разъ не узнаетъ отъ заботы, да отъ спѣха.

— Но, однако...

— Да я недавно тутъ... Не привыкъ къ лицу.

— Вы адъютантомъ, или секретаремъ у него?

— Нѣтъ. Я такъ... Такъ... Бываю, пане сержанту! Я бываю!

— Чудно все это! подумалъ Борщевъ, но ничего не сказалъ. Бываю?! Ишь какая должность!

И онъ невольно разсмѣялся своей мысленной остротѣ.

Они простились и Борщевъ, найдя свою лошадь, шагомъ съѣхалъ со двора, гдѣ стояло еще много каретъ.

— Будутъ ждать всѣ, покуда онъ кофе кушаетъ! подумалъ Борщевъ.

И тихо, шагомъ, направивъ лошадь по дорогѣ въ городъ, Борщевъ невольно глубоко задумался.

(До слѣд. №).

И. С. Тургеневъ у себя,

въ его послѣдній пріѣздъ на родину.

Изъ воспоминаній

Я. П. Полонскаго.

(Продолженіе).

XXVIII.

22-го іюля, мы ходили съ Иваномъ Сергѣевичемъ въ орѣховую рощу (что за Поповскимъ прудомъ). Дорога была неровная, такъ что я, при помощи палки, не безъ труда спускался въ рытвины и изъ нихъ выкарабкивался.

Съ Иванъ Сергѣевичемъ мы говорили о женщинахъ, и мнѣ пришлось на этотъ разъ не соглашаться съ нимъ. Онъ увѣрялъ меня, что женщинамъ чужда справедливость, что справедливыми онѣ быть не могутъ, что это не ихъ добродѣтель.

— Только замѣть, добавилъ онъ, какъ-бы оправдываясь,—я говорю не о правдѣ, а о справедливости. Правда доступна и женщинамъ, правда,—но не справедливость.

— Одна француженка, продолжалъ онъ, которую я невольно изобличилъ въ ея ошибкѣ или несправедливости, назвала меня за это невѣжой и варваромъ. И я съ ней совершенно согласенъ, такъ какъ передъ женщиной ты уже тѣмъ не правъ, что правда не на ея, а на твоей сторонѣ.

На это я отвѣчалъ, что я не побоюсь названія варвара и почту за долгъ любой красавицѣ въ глаза сказать, что она вретъ—если только она вретъ, (разумѣется не выходя изъ границъ вѣжливости, безъ всякой рѣзкости или грубости).

Но Тургеневъ на этотъ счетъ продолжалъ смотрѣть по своему—съ французской точки зрѣнія, и мнѣ было досадно. Въ этомъ его взглядѣ на женщинъ, онъ какъ-бы оправдывалъ свою къ нимъ слабость и ихъ неограниченную власть надъ нимъ.

Вернувшись домой, послѣ завтрака, я спросилъ Ивана Сергѣевича, читалъ-ли онъ англійскаго поэта Суинберна, и что онъ о немъ думаетъ.

— Въ немъ есть сила, но сила раздражающая, есть огонь, но нѣтъ той художественной формы, той мѣры, которая любой, самый горячій лиризмъ должна въ уздѣ держать. Онъ нравится, какъ ярый демагогъ и революціонеръ. Но онъ не народенъ. За нимъ бѣгутъ, какъ иногда бѣгутъ на скандалъ. Его читаютъ и любятъ молодыя, горячія головы. Лично я никогда не встрѣчалъ его.

— А новаго французскаго беллетриста Мопассана (Guyt de Maupassant)?

— Этого я немного знаю, онъ—пріятель Золя и отъ Золя я слыхалъ о немъ... Но если Мопассанъ развратенъ какъ Казанова, то Суинбернъ—какъ Маркизъ де Садъ — онъ распутенъ, какъ изступленный, какъ помѣшанный . . . . . .

XXIX.

Тургеневъ сталъ перечитывать романы Л. Н. Толстаго и отъ многихъ страницъ приходилъ въ восторгъ.

29-го іюля, вечеромъ, вдругъ послышался звонъ почтоваго колокольчика, затѣмъ топотъ лошадей, стукъ щебня и—кто-то подъѣхалъ къ террасѣ.

Тургеневъ никого не ждалъ и очень обрадовался, когда вошла въ гостиную одна, ему знакомая дѣвушка, Л—ая. Проѣздомъ въ деревню къ брату, она заѣхала на одинъ день въ Спасское, чтобъ повидаться съ Ив. Серг., съ которымъ была въ перепискѣ и котораго очень любила.

Тургеневъ всегда болѣе или менѣе оживалъ въ дамскомъ обществѣ, особливо если встрѣчалъ въ немъ умъ, красоту и образованность.

Л—ая была очень мила и образованна.

Въ кабинетъ, гдѣ мы всѣ размѣстились, Захаръ принесъ чай. Завязалась бесѣда. Говорили о музыкѣ. Тургеневъ полагалъ, что музыка въ Россіи пока тоже, что литература до Пушкина, т. е., не стала еще нашей потребностью, нашимъ, такъ сказать, насущнымъ хлѣбомъ, и проч. и проч.

Говорилъ: что изъ прежнихъ русскихъ композиторовъ, онъ высоко ставитъ Глинку, а изъ новѣйшихъ всѣмъ другимъ предпочитаетъ Чайковскаго; — былъ увѣренъ, что въ Россіи не найдется и 20 человѣкъ, которые бы свободно могли читать ноты, (что конечно несправедливо).

Потомъ говорили о графѣ Л. Н. Толстомъ.

На другой день, утромъ, Тургеневъ вынесъ къ намъ романъ „Война и миръ“ и мастерски прочелъ намъ вслухъ, изъ первой части (глава XLIII), какъ мимо Багратіона шли, въ сраженье съ французами, два баталіона 6-го егерскаго полка:

„Они еще не поровнялись съ Багратіономъ, а уже слышенъ былъ тяжелый, грузный шагъ, отбиваемый въ ногу массой людей“..

Тургеневъ дочелъ всю эту главу до конца, съ видимымъ увлеченіемъ, и когда кончилъ, сказалъ, поднимая голову: выше этого описанія, я ничего не знаю ни въ одной изъ европейскихъ литературъ. Вотъ это—описаніе! Вотъ какъ должно описывать!..

Всѣ невольно согласились съ Иваномъ Сергѣевичемъ, и Тургеневъ, точно какой кладъ нашелъ—все еще радостно доказывалъ намъ, до какой степени хорошо это описаніе.

31-го іюля, утромъ, Л—ая уѣхала, снабженная пледомъ, стклянкой съ марсала и жареными цыплятами. Въ

Библиотека "Руниверс"

это время сѣрыя, лохматыя тучи бродили по небу, угрожая дождемъ и бурей. Проселки были плохи, мосты едва держались, овраги и колеи были размыты.

— А что, если—за обѣдомъ сказалъ Иванъ Сергѣевичъ—если мы получимъ отъ Л—ой такую телеграмму: „Опрокинули—одна нога отшиблена, а ребро переломано, еле жива, а впрочемъ, благополучно доѣхала“...

— Ну, сказалъ я, въ такомъ случаѣ, ты непремѣнно долженъ будешь поѣхать навѣстить ее, и вдругъ съ тобой на дорогѣ случится тоже самое: тебя опрокинутъ, ты переломишь руку, зашибешь носъ, еле живой пріѣдешь къ ней, останешься тамъ пока не выздоровѣешь, за тобой будутъ ухаживать, ты влюбишься и посватаешься.

— И пошлю телеграмму: „я женюсь, пришлите револьверы“.

— А знаешь ли, продолжалъ онъ, какая самая неправдоподобная телеграмма могла бы быть послана отъ каждаго изъ насъ двоихъ?

— Какая?

— „Сегодня вступаю въ должность министра народнаго просвѣщенія“.

— Да, это было бы неправдоподобно,—засмѣялся я.

Слѣдующіе дни, Тургеневъ перечитывалъ романъ гр. Толстаго „Анна Каренина“.

XXX.

По удивляясь графу Л. Н. Толстому и высоко цѣня его, какъ бытоваго писателя и какъ великій талантъ, Тургеневъ все таки иногда смотрѣлъ на него съ своей нравственно-эстетической точки зрѣнія, иначе сказать, мѣрою своего пониманія людей мѣрилъ его пониманіе и оставался не всегда доволенъ.

Такъ, напримѣръ, перечитывая романъ „Анна Каренина“, Тургеневъ никакъ не могъ понять, отчего графъ Толстой такъ очевидно пристрастенъ къ Левину, тогда какъ этотъ Левинъ для него, Тургенева, антипатиченъ до нельзя. И разумѣется, Тургеневъ былъ въ этомъ случаѣ недоволенъ вовсе не недостаткомъ творчества въ авторѣ, а тѣмъ, что, по его мнѣнію, этотъ первенствующій герой романа, Левинъ, хуже Вронскаго, хуже Облонскаго—эгоистъ и себялюбецъ въ высшей степени. За что же авторъ за нимъ такъ ухаживаетъ?

— Неужели-же, говорилъ мнѣ Тургеневъ, ты хоть одну минуту могъ подумать, что Левинъ влюбленъ или любитъ Кити, или, что Левинъ вообще можетъ любить кого-нибудь. Нѣтъ, любовь есть одна изъ тѣхъ страстей, которая надламываетъ наше „я“, заставляетъ какъ бы забывать о себѣ и о своихъ интересахъ. Левинъ же, узнавши, что онъ любимъ и счастливъ, не перестаетъ носиться съ своимъ собственнымъ *я*, ухаживаетъ за собой. Ему кажется, что даже извощики, и тѣ какъ-то особенно, съ особеннымъ уваженіемъ и охотой, предлагаютъ ему свои услуги. Онъ злится, когда его поздравляютъ люди, близкіе къ Кити. Онъ ни на минуту не перестаетъ быть эгоистомъ и носится съ собой до того, что воображаетъ себя чѣмъ-то особеннымъ. Психологически все это очень вѣрно, (хотя я и не люблю психологическихъ подробностей и тонкостей въ романѣ), но всѣ эти подробности доказываютъ, что Левинъ эгоистъ до мозга костей и, понятно, почему на женщинъ онъ смотритъ, какъ на существа, созданныя только для хозяйственныхъ и семейныхъ заботъ и дрязгъ. Говорятъ, что самъ авторъ похожъ на этого Левина—это едва-ли! Все-же, что можетъ быть—это только одна изъ сторонъ его характера, всецѣло перешедшая въ характеръ Левина и въ немъ художественно обработанная. Но я все-таки не понимаю, чему тутъ сочувствовать?!

— Не одна любовь,—продолжалъ Тургеневъ,—всякая сильная страсть, религіозная, политическая, общественная, даже страсть къ наукѣ, надламываетъ нашъ эгоизмъ. Фанатики идеи, часто нелѣпой и безразсудной, тоже не жалѣютъ головы своей. Такова и любовь...

Долго еще на эту тему говорилъ Тургеневъ, но всего я не помню, а потому не довожу до конца моей бесѣды.

Будь все время сухая, теплая погода, можетъ быть намъ и не пришлось-бы такъ часто сходиться съ Ив. Сергѣевичемъ и такъ часто бесѣдовать: хорошая погода можетъ быть и потянула-бы насъ въ разныя стороны.

Но, 1 августа напримѣръ, было такъ сыро и холодно, что Тургеневъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ:—Ну, братъ, я съ сегодняшняго дня буду природу называть хавроньей, и вездѣ, вмѣсто слова „природа“, ставить слово: „хавронья“. Попадется книга подъ заглавіемъ: „Богъ и природа“—буду читать: „Богъ и хавронья“.

— Лучше уже по просту назови ее свиньей, и вмѣсто словъ: на лонѣ природы, пиши—на лонѣ свиньи...

— Да... надо только эту свинью въ руки взять, задумавшись произнесъ Тургеневъ.

— Да какъ-же ты ее въ руки возьмешь?

— Да такъ, какъ взяли ее французы: заставили ее рости, цвѣсти и плоды приносить... Въ этомъ-то и задача культуры—умѣть побѣдить природу и заставить ее служить себѣ... Изъ хавроньи сдѣлать кормилицу, такъ сказать пріурочить ее къ человѣку и его потребностямъ.

Кажется мнѣ, что на это я сказалъ ему:—Ну, братъ, наша русская природа не изъ такихъ, чтобъ можно было, также легко какъ французамъ, запречь ее и поѣхать. Намъ нужно въ двадцать разъ больше ума и силы воли, чтобъ заставить ее также рости, цвѣсти и плоды приносить, иначе сказать, вполнѣ вознаграждать того, кто надъ нею работаетъ.

— То-то и есть! Весь вопросъ въ томъ—будетъ-ли Васька Буслаевъ на это способенъ?

— Васька Буслаевъ?

— Да... Читалъ-ли ты былину о Васькѣ Буслаевѣ? Васька этотъ—типъ русскаго народа... Я высоко ставлю эту поэму... Тотъ, кому она пришла въ голову—живи онъ въ наше время, былъ-бы величайшимъ изъ русскихъ поэтовъ.

И Тургеневъ сталъ анализировать характеръ и подвиги Васьки Буслаева, этого въ своемъ родѣ нигилиста, которому все ни почемъ...

Нашимъ крайнимъ славянофиламъ едва-ли-бы понравился этотъ анализъ Тургенева.

XXXI.

2 августа, природа какъ будто испугалась, что Тургеневъ станетъ называть ее Хавроньей,—появилось немножко солнца, немножко голубаго неба и немножко лѣтняго тепла.

Но Тургеневъ по прежнему хандрилъ. Передъ обѣдомъ прилегъ на диванъ передъ овальнымъ столомъ изъ карельской березы, сложилъ руки, и послѣ долгаго, долгаго молчанія, сказалъ мнѣ:

— Можешь-ли ты пятью буквами опредѣлить характеръ мой?

Я сказалъ, что не могу.

— Попробуй, опредѣли всего меня пятью буквами.

Но я рѣшительно не зналъ, что ему отвѣтить.

— Скажи—„трусъ“, и это будетъ справедливо.

Я сталъ не соглашаться, такъ какъ въ жизни его несомнѣнно были дни и минуты, которые доказывали противное. Но Тургеневъ стоялъ на томъ, что онъ трусъ и что у него ни на копѣйку воли нѣтъ.

— Да и какой ждать отъ меня силы воли, когда до сихъ поръ даже черепъ мой сростись не могъ. Не мѣшало-бы мнѣ завѣщать его въ музей Академіи... Чего тутъ ждать, когда на самомъ темени провалъ. Приложи ладонь—и ты самъ увидишь. Охъ, плохо, плохо!

— Что плохо?

Библиотека "Руниверс"

Выставка въ Имп. Акад. Худож. „Св. Благовѣрный князь Михаилъ Черниговскій, замученный въ Ордѣ 20 Сентября 1246 г.“ Съ картины А. Смирнова, грав. П. Дзедзицъ.

Библиотека "Руниверс"

Выставка въ Императ. Общ. Поощренія Художествъ. „Поблекшіе листья“.
Съ карт. Ю. Ю. Клевера, по фотогр. грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

— Жить плохо, пора умирать!

Эту послѣднюю фразу Тургеневъ часто повторялъ себѣ подъ носъ въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Спасскомъ.

— Самое лучшее, Иванъ,—сказалъ я, ощупавъ его голову, на которой дѣйствительно была впадина, незамѣтная подъ волосами,—самое лучшее пойдемъ и на биліардѣ сыграемъ партію.

— Пойдемъ! мѣшковато приподнимаясь, сказалъ Тургеневъ.

Ив. Серг. игралъ на бильярдѣ ни хорошо, ни худо, такъ, какъ по большей части играютъ люди, для которыхъ бильярдъ не составляетъ профессіи. У насъ съ нимъ шансы были равные, но когда игралъ Тургеневъ, онъ, какъ человѣкъ впечатлительный, всею душою предавался игрѣ—приходилъ въ комическое отчаяніе отъ неудачи, не скрывалъ досады, видя успѣхъ противника, и никогда не игралъ молча, или серьезно, какъ настоящій патентованный игрокъ. Проигравши партію, онъ тотчасъ-же собирался мстить, жестоко мстить, и если выигрывалъ слѣдующую партію—торжествовалъ.

Въ немногіе, хорошіе дни, когда вѣтеръ подувалъ съ востока, теплый и мягкій, а пестрыя, тупыя крылья низко перелетающихъ сорокъ мелькали на солнцѣ, Тургеневъ просыпался рано, и уходилъ къ пруду посидѣть на своей любимой скамеечкѣ. Разъ, проснулся онъ до зари, и, какъ поэтъ, передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія того, что онъ видѣлъ и слышалъ... Какія птицы проснулись раньше, до восхода солнца... какіе голоса подавали, какъ перекликались, и какъ постепенно всѣ эти птичьи напѣвы сливались въ одинъ хоръ, ни съ чѣмъ не сравнимый, непередаваемый никакою человѣческой музыкой... Если бы было возможно слово въ слово повторить то, что говорилъ Тургеневъ, вы бы прочли... одно изъ самыхъ поэтическихъ описаній—такъ глубоко онъ чувствовалъ природу... и такъ былъ радъ, что въ кои-то вѣки, на ранней зарѣ, въ чудесную погоду, былъ свидѣтелемъ ея пробужденія...

Иногда послѣ обѣда — всѣ мы ѣздили кататься — и заѣзжали въ лѣсъ: собирали грибы и рвали орѣхи (къ сожалѣнію, еще не спѣлые). Тургеневъ не отставалъ отъ дѣтей.

Эти прогулки несомнѣнно благотворно вліяли на его одинокую, часто унылую думу—онъ и заграницей не позабывалъ о нихъ. Вотъ, что зимой 1882 года, собираясь въ февралѣ пріѣхать въ Россію, писалъ онъ въ маленькомъ письмѣ къ моей маленькой дочери:

„Лѣтомъ опять мы будемъ въ Спасскомъ и будемъ опять ходить въ лѣсъ и кричать: Что я вижу! Какой прелестный подберезникъ!“

Затѣмъ, лѣтомъ 1882 года, къ ней же писалъ онъ въ Спасское:

„Какъ бы я былъ радъ ходить съ тобой, какъ въ прошломъ году, по рощѣ, и отыскивать *прелестные* подберезники! Съ большимъ удовольствіемъ, разсказалъ бы тебѣ сказку и послалъ бы тебѣ одну главу; но голова моя настоящій пустой боченокъ, изъ котораго вылито всё вино, и стоитъ онъ кверху дномъ, такъ что и новое вино въ него набраться не можетъ... Если же поправлюсь, то напишу тебѣ сказку—именно, о *пустомъ боченкѣ*.“

Такъ и 2 августа съ прогулки вернулись мы, когда уже погасла заря, на темномъ небѣ загорались звѣзды, а по горизонту бѣгали зарницы...

Вернувшись въ домъ, Тургеневъ тотчасъ же взялъ свѣчу и пошелъ смотрѣть на барометръ—увы! барометръ падалъ. Тургеневъ не повѣрилъ барометру...

На другой день, 3-го августа, утромъ, онъ собирался выѣхать въ Тулу и ему не хотѣлось вѣрить въ возможность дурной погоды. Но не обманулъ барометръ—ночью небо покрылось тучами, зашумѣлъ дождь и раскаты грома разбудили насъ.

XXXII.

3-го августа, всѣ мы встали довольно рано;—Иванъ Сергѣев. долженъ былъ ѣхать въ Тулу; жена моя должна была налить ему чай.—Какъ рабъ привычки, Тургеневъ любилъ, чтобъ чай продолжала разливать непремѣнно она, а не Захаръ. (Чай онъ пилъ крѣпкій и очень сладкій). Въ это утро онъ отправлялся въ Тулу крестить сына у Ар—выхъ. И зачѣмъ онъ далъ слово крестить, и зачѣмъ поѣхалъ, Богъ его знаетъ!...

Ѣхать ему сильно не хотѣлось; во всѣхъ движеньяхъ его при отъѣздѣ чувствовалось, что онъ движется не по своей волѣ.

Проводивъ Тургенева, я еще сидѣлъ за чайнымъ столомъ и читалъ газеты, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, появился гость—гость этотъ былъ Ник. Вас. Гербель.

Пришлось намъ безъ хозяина напоить его чаемъ и предложить закуску.

Гербель очень сожалѣлъ, что не засталъ Ив. Серг. и что даже, встрѣтившись съ нимъ по дорогѣ изъ Мценска, не догадался, что въ закрытой коляскѣ сидитъ Тургеневъ.

Глядя на блѣдное, осунувшееся лице Николая Васильевича, я вспомнилъ, что онъ былъ отчаянно боленъ—какимъ-то страшнымъ разстройствомъ нервовъ, повліявшимъ на мозгъ его. Сначала Гербель говорилъ здраво, но нервно и съ какою-то необычной для него торопливостью. За тѣмъ, вдругъ. съ дрожью въ голосѣ, сталъ онъ разсказывать, какъ онъ чуть было не побилъ какого-то офицера, за то что тотъ осмѣлился сказать при немъ: „напрасно мы освободили Болгарію!“

Разсказывая этотъ случай, Гербель горячился все болѣе и болѣе, стуча кулакомъ по столу и задыхаясь отъ негодованія:

— Подлецы! Ни патріотизма, ни чести, ничего въ нихъ нѣтъ! Ничего!.. Слышать я не могу! До чего... до какого безобразія дошла Россія! Нѣ—ѣтъ, нѣ—ѣтъ... Я собственноручно готовъ задушить, убить каждаго нигилиста, каждаго равнодушнаго къ такимъ злодѣяніямъ. Нѣ—ѣтъ! порядочные, честные люди такъ не думаютъ!

И все болѣе и болѣе горячился онъ, хотя я и не возражалъ ему. Этотъ голосъ, это лице показались мнѣ подозрительными. Я всячески старался перемѣнить разговоръ и спросилъ его, что онъ теперь переводитъ.

Гербель тотчасъ заговорилъ другимъ тономъ. Сказалъ, что онъ привезъ съ собой новый переводъ изъ Байрона и привезъ съ тѣмъ, чтобъ я его выслушалъ.

Я повелъ его въ садъ, и сѣлъ съ нимъ подъ липами на одну изъ скамеекъ. (Старыя липы эти были не далеко отъ дому, расположены въ видѣ круга). Это мѣсто мы почему-то называли бесѣдкой—мѣсто было тѣнистое, хотя мы и не искали тѣни, такъ какъ послѣ ночной грозы день былъ пасмурный.

Гербель вынулъ тетрадь и сталъ читать мнѣ „Небо и земля“, драматическую поэму Байрона, прося замѣтить ему, какіе стихи, по моему, неудачны.

Тамъ были и хорошіе стихи и плохіе, но я молчалъ и слушалъ.

Гербель читалъ съ такимъ чувствомъ, что вдругъ пріостановился и заплакалъ.

— Понимаете, говоритъ онъ, что тутъ выражено! Какая тутъ глубина, какая страшная... мысль и какая сила!

Не успѣлъ Гербель кончить чтенія, какъ на террасѣ издали показалась фигура Ив. Серг. Тургенева.

Глазамъ не вѣрилось.

Смотрите, Николай Васильевичъ, сказалъ я,—неужели это идетъ къ намъ Тургеневъ?

И дѣйствительно это былъ Тургеневъ. Онъ опоздалъ на поѣздъ, послалъ въ Тулу телеграмму и вернулся.

Гербель очень былъ радъ такому случаю. Въ присутствіи Тургенева, за завтракомъ, онъ сталъ гораздо спокойнѣе и съ восторгомъ разсказывалъ о селѣ Сергѣ-

Библиотека "Руниверс"

евскомъ, о князьяхъ Гагариныхъ и ихъ образцовой больницѣ для крестьянъ, такой больницѣ, какихъ и заграницей нѣтъ. Звалъ меня ѣхать съ нимъ, обѣщалъ меня познакомить съ Гагариными, потомъ повезти меня къ себѣ въ деревню и показать мнѣ садъ свой.

Послѣ завтрака Гербель сталъ сильно дремать. Я предложилъ ему выспаться, и отвелъ его въ комнату, гдѣ гостила Савина и гдѣ стояла убранная постель за ширмами и было все, что нужно для покоя и комфорта.

Когда я вернулся къ Тургеневу, онъ значительно поглядѣлъ на меня и проговорилъ, помахивая указательнымъ пальцемъ:

— Больше шести недѣль не даю ему... и, если ты хочешь съ нимъ ѣхать, то это безуміе.

Гербель уѣхалъ въ 7 часовъ вечера на Бастыево. Въ тотъ-же вечеръ, къ 9 часамъ, Тургеневъ отправился въ Мценскъ, чтобы ѣхать въ Тулу.

XXXIII.

Не смотря на то, что слѣдующій день, 4-го августа, былъ день очень хорошій, выпускалъ дѣтей бѣгать по саду, а стариковъ грѣться на солнцѣ, мы скучали, мы чувствовали, что намъ недостаетъ Тургенева.

5-го августа, съ утра вѣтеръ подулъ сѣверо-западный, стало холодно, сыро и пасмурно, но барометръ началъ подниматься.

Тургеневъ вернулся изъ Тулы въ 4 часа пополудни. Слухи о холерныхъ случаяхъ въ Орлѣ и Харьковѣ опять его растревожили. У Ар—хъ ночью онъ заболѣлъ разстройствомъ желудка, потому что на станціи съѣлъ два пирожка, и можете сами вообразить, какъ боялся онъ этой гнилой, желто-зеленой, вонючей старухи-холеры.

Вернувшись, онъ уже ничего не ѣлъ за обѣдомъ. Несчастный желудокъ его былъ едва-ли не чувствительнѣе къ пищѣ, чѣмъ слухъ его къ музыкѣ: малѣйшая фальшь — и онъ уже страдалъ, малѣйшая невоздержность или капля несвѣжаго масла—и онъ уже былъ разстроенъ.

Дни мои въ Спасскомъ приходили къ концу, и, странное дѣло, эти дни довольно смутно рисуются въ моей памяти. Судя по моей тетради, я и записывать пересталъ все касающееся до разсказовъ и разговорныхъ, мимолетныхъ сужденій Тургенева. Скажу только, что въ эти дни Иванъ Сергѣевичъ безпрестанно изобрѣталъ разныя французскія фразы и говорилъ мнѣ: ну-ка, переведи... попробуй!

Я находилъ это для себя очень полезнымъ (по пословицѣ—вѣкъ живи, вѣкъ учись).

— Напримѣръ, говорилъ Тургеневъ, какъ ты переведешь: „Vous m'en direz tant.“ — „En égard à votre père.“ „Tête-bêche.“ „Ah! que nenni!“ „Vous allez vider le planchet.“ „Il rit jaune et filat doux“.

Какъ знатокъ живописи и любитель картинъ, Иванъ Сергѣевичъ, между прочимъ, объяснилъ мнѣ, что значитъ, если про картину говорятъ: „c'est voulu,“ или „Ponsif.“ Онъ находилъ, что слова эти не переводимы и первое изъ нихъ значитъ, что картина написана не безъ умышленной тенденціи. Вторая,—что картина изображаетъ собою общее мѣсто, отсутствіе всего смѣлаго и оригинальнаго, и ничего нѣтъ обиднѣе, если про картину говорятъ: c'est ponsif,—это слово окончательно убиваетъ произведеніе, это для парижанина хуже, чѣмъ: плохо или слабо.

Помню, какъ мнѣ трудно было передать смыслъ фразы: „vous me la faite à l'oseille.“ „Oseille“ значитъ: щавель, и, вѣроятно, въ старину говорилось: omelette à l'oseille. Нужно при этомъ вспомнить басню, какъ журавля лисица угощаетъ яичницей на сковородѣ, чтобъ фразу эту перевести словами: „Вы со мной плутуете“.

Этого еще мало. Тургеневъ сочинилъ для меня цѣлое письмо по французски, для того, чтобы я перевелъ его, т. е. поломалъ себѣ голову, отыскивая точь-въ-точь подходящія русскія выраженія, т. е. не отступая ни на волосъ отъ смысла французской фразы.

Многимъ знатокамъ французскаго языка, конечно, это не интересно; но подлинникъ этого письма (черновой брульенъ) у меня сохранился и я рѣшаюсь для любопытныхъ переписать его, вотъ оно:

Mon cher Monsieur.

Votre lettre en égard à notre situation respective ne pouvait mieux tomber; tout vient à point à qui sait attendre et ce n'est pas la une affaire qu'on puisse traiter par le menu. Mais je ne veux suivre vos conseils que sous benefice d'inventaire. Après tous, il n'y a pas peril en la demeure et dans l'action de M. NN. je ne vois guere de quoi fouetter un chat. Je n'en saurais demordre sans vouloir pourtant fournir caution bourgoise. Donnant—donnant. Jl y a certainement du tirage dans nos affaires, mais a quoi bon y meler le tiers et le quart et—n'était le desir de sortir du petrin. J'accepterais volontier tout ce passe droit qui me met la bride au cou. Libre a vous de me morigerer. Quant à moi, je dis: Donnant—donnant. и т. д.

Если Тургеневъ полагалъ, что это имъ сочиненное по французски письмо не легко перевести по русски, соблюдая всѣ оттѣнки подлинника, значитъ, по части трудности хорошаго перевода письмо это, такъ сказать, классическое.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Видъ планеты Марсъ. Каналы.

Очеркъ **Фламаріона.**

(Рис. на стр. 168).

Изъ всѣхъ новыхъ открытій физической астрономіи, открытіе искусственныхъ *каналовъ* на Марсѣ должно быть признано однимъ изъ самыхъ неожиданныхъ и необычайныхъ.

Каналами названы сѣрыя линіи отъ 1,000 до 5,000 (937½—4687 в.) килом. длины и болѣе 100 (93¾ в.) килом. ширины, обыкновенно прямыя, или немного согнутыя, пересѣкающія континенты, быть можетъ сообщающія моря и скрещивающіяся подъ различными углами. Онѣ походятъ на геометрическую континентальную сѣть. Помѣщенный на стр. 168 рисунокъ, безспорно представляетъ самый странный и поразительный видъ. При разсматриваніи этихъ удивительныхъ географическихъ начертаній, мы получаемъ два впечатлѣнія: первое, что изображеніе это невѣрно, что изслѣдователь сдѣлался жертвою ошибки, что онъ плохо видѣлъ, или же преувеличилъ; второе, что если эти каналы дѣйствительно существуютъ, то они не кажутся естественнымъ явленіемъ, но произошли искусственнымъ путемъ, т. е. составляютъ промышленное дѣло жителей планеты. И какъ бы мы ни старались отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія, оно все болѣе овладѣваетъ нами, въ особенности при внимательномъ разсматриваніи рисунка.

Приведемъ слова г. Чіапарелли, директора миланской обсерваторіи, открывшаго эти загадочные каналы:

„Послѣднее противостояніе Марса, пишетъ г. Чіапарелли, могло быть наблюдаемо въ Миланѣ при очень благопріятныхъ метеорологическихъ условіяхъ. Съ 26-го декабря 1881 до 13-го февраля 1882 года, было особенно много ясныхъ дней. Высокія атмосферическія давленія, преобладавшія въ это время, вызвали рядъ тихихъ и свѣтлыхъ дней, необыкновенно благопріятныхъ для наблюденій. Впродолженіи 16 дней можно было вполнѣ пользоваться нашимъ превосходнымъ аппаратомъ, въ остальные же четырнадцать дней атмосфера только немногимъ была хуже. И хотя видимый діаметръ планеты не превышалъ 16 секундъ, между тѣмъ какъ въ 1879 г. онъ длился 19 секундъ и въ 1877 г.—25, тѣмъ не менѣе въ этотъ третій, наблюдаемый мною періодъ противостоянія можно было собрать такія свѣдѣнія о физическихъ свойствахъ этого міра, что свѣдѣнія эти новизною и интересомъ превосходятъ всѣ, полученныя мною прежде.

„Серія внутреннихъ морей, находящихся между свѣтлой экваторіальной зоной и Южнымъ моремъ, была видна гораздо отчетливѣе, нежели въ 1879 г. Въ Киммерійскомъ *) морѣ замѣ-

*) Г. Чіапарелли назвалъ моря и материки Марса именами, взятыми изъ старинной географіи земли.

Библиотека "Руниверс"

ченъ былъ родъ острова или блестящей полосы, раздѣляющей его по длинѣ, что сообщало ему сходство съ моремъ Эритрейскимъ. Еще поразительнѣе была перемѣна въ большомъ Сыртѣ, который захватилъ всю Ливію и въ видѣ черной и широкой ленты протянулся до 60-го градуса сѣверной широты. Непантезъ и озеро Мерисъ увеличились въ ширину и потемнѣли, между тѣмъ какъ на картѣ 1879 г. видны были только признаки болота. Такъ *тысячи квадратныхъ километровъ* поверхности превратились изъ свѣтлыхъ въ темные и, наоборотъ, много мѣстъ темныхъ сдѣлались свѣтлыми. Такія метаморфозы доказываютъ, что причину этихъ темныхъ пятенъ составляетъ какая нибудь подвижная, измѣняющаяся дѣйствующая сила на поверхности планеты: вода или другая какая либо жидкость, или же растительность, переходящая съ одного мѣста на другое.

„Но наблюденія эти еще не самыя интересныя. На планетѣ существуютъ большія темныя полосы, прорѣзающія материки, которыя можно назвать каналами, хотя мы еще не знаемъ, что это такое. Нѣкоторые астрономы уже упоминали объ нихъ, именно Дэвисъ въ 1864 г. Во время послѣднихъ трехъ противостояній, я изучалъ ихъ спеціально и нашелъ ихъ очень много, не менѣе шестидесяти. Полосы эти идутъ отъ однихъ темныхъ пятенъ, которыя мы считаемъ морями, къ другимъ, и образуютъ явственную сѣть на свѣтлыхъ или континентальныхъ мѣстахъ. Расположеніе ихъ, судя по четыремъ съ половиною годамъ наблюденій, остается неизмѣнно и постоянно; но видъ и степень видимости не всегда одинаковы и зависятъ отъ обстоятельствъ, сущность которыхъ намъ еще неизвѣстна. Въ 1879 году видно было много такихъ, какихъ не замѣчалось въ 1877 г., а въ 1882 году снова появились всѣ прежде видѣнныя и еще много новыхъ. Иногда каналы эти кажутся неясными и неопредѣленными, въ другихъ же случаяхъ совершенно точными и правильными, какъ черта, проведенная перомъ. Вообще же они начертаны на сферической поверхности, какъ линіи большаго круга: нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ замѣтную боковую вогнутость. Они скрещиваются то подъ косыми, то подъ прямыми углами. Ширина ихъ 2 градуса или 120 (112 ½ в.) килом., а нѣкоторые тянутся на 80 градусовъ или 4,800 (4500 в.) килом. Цвѣтъ ихъ почти такой же, какъ цвѣтъ морей, обыкновенно немного посвѣтлѣе. Каждый каналъ своими концами впадаетъ или въ море, или въ другой каналъ: нѣтъ ни одного канала, который хотя бы однимъ концомъ упирался въ твердую землю.

„Въ нѣкоторыя времена года каналы эти удваиваются или вѣрнѣе раздваиваются.

„Явленіе это, повидимому, происходитъ въ извѣстные періоды и почти одновременно на всемъ протяженіи материковъ планеты. Ничего подобнаго не обнаружилось въ 1877 г., во время предшествовавшее и слѣдовавшее за южнымъ солнцестояніемъ этого міра. Единичный случай наблюдался въ 1879 г.: 26-го декабря этого года (немного ранѣе весенняго равноденствія, пришедшагося для Марса 21-го января 1880) я замѣтилъ раздвоеніе Нила, между озеромъ Луны и Кероническимъ заливомъ. Эти двѣ правильныя, прямыя и параллельныя черты, признаюсь, не мало меня поразили, тѣмъ болѣе, что нѣсколько дней ранѣе, 23 и 24-го декабря, я очень внимательно наблюдалъ это же мѣсто и ничего на немъ не открылъ подобнаго. Съ любопытствомъ я ждалъ возврата планеты въ 1881 г., желая прослѣдить, не произойдетъ ли въ этомъ мѣстѣ такое же явленіе, что дѣйствительно и подтвердилось 11-го января, мѣсяцъ спустя послѣ весенняго солнцестоянія планеты (бывшаго 8-го декабря 1881 г.); раздвоеніе было еще замѣтно въ концѣ февраля. Того же 11-го января произошло другое раздвоеніе въ средней части канала Циклоповъ, возлѣ Елизіума.

„Удивленіе мое возрасло, когда 19-го января я увидѣлъ каналъ Фамуну, находившійся въ то время въ центрѣ диска, идущимъ двумя параллельными полосами по пространству, которое отдѣляетъ Нильское озеро отъ залива Авроры. Вначалѣ я думалъ, что это обманъ зрѣнія, происшедшій отъ утомленія, что это новый родъ косоглазія; но пришлось убѣдиться въ дѣйствительности факта. Съ 19-го января одна неожиданность смѣнялась другою: постепенно Оронтъ, Евфратъ, Физонъ, Гангъ и большая часть другихъ каналовъ оказывались ясно и неоспоримо раздвоенными. Въ теченіи мѣсяца, съ 19-го января по 19-е февраля, я наблюдалъ семнадцать примѣровъ раздвоенія.

„Въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно было наблюдать извѣстные предварительные симптомы, не лишенные интереса. Такъ, 13-го января, вдоль Ганга протянулась легкая, неопредѣленная тѣнь; 18 и 19-го замѣтенъ былъ только рядъ бѣлыхъ пятенъ; 20-го числа тѣнь эта была еще неясна; но 21-го раздвоеніе сдѣлалось такимъ отчетливымъ, какимъ я наблюдалъ его до 23-го февраля. Раздвоеніе Евфрата, канала Титановъ и Дриѳлегетона началось также неясными и туманными очертаніями.

„Эти раздвоенія не составляютъ оптическаго дѣйствія, зависящаго отъ возрастанія зрительной силы, какъ это случается при наблюденіяхъ двойныхъ звѣздъ, точно также не самъ каналъ раздѣляется на два продольныхъ. Вотъ какъ это происходитъ: направо или налѣво прежде существовавшей линіи, ничего не измѣняя ни въ положеніи, ни въ направленіи ея, начинаетъ образовываться другая линія, равная первой и параллельная съ нею, на разстояніи отъ 6 до 12 градусовъ, т. е. 350 до 700 (328—656¼ в.) километровъ; кажется даже, что образуются болѣе близкія линіи, но телескопъ не настолько силенъ, чтобы разглядѣть ихъ. Цвѣтъ линій темный, коричнево-рыжеватый. Параллельность бываетъ иногда поразительной правильности. Ничего подобнаго не встрѣчается въ земной географіи. Все заставляетъ предполагать, что эта организація свойственна исключительно планетѣ Марсу и зависитъ вѣроятно отъ временъ года.

„Вотъ результаты наблюденій. Удаленіе планеты и дурная погода будутъ мѣшать продолженію наблюденій. Трудно составить точное мнѣніе о внутреннемъ устройствѣ этой географіи, вѣроятно совершенно различной отъ таковой же нашего міра. Если явленія зависятъ дѣйствительно отъ временъ года Марса, то для наблюденій можетъ быть употребленъ всякій инструментъ, въ который можно видѣть на свѣтломъ фонѣ черную линію въ 0″2 ширины и различить такія двѣ линіи, отстоящія на 0″5.

„При настоящемъ положеніи дѣла было бы преждевременнымъ дѣлать заключенія о свойствахъ этихъ каналовъ. Что же касается ихъ существованія, то я принялъ всѣ предосторожности для избѣжанія ошибки, и вполнѣ увѣренъ въ томъ, что видѣлъ".

Такъ говоритъ ученый итальянскій астрономъ. Разсмотримъ теперь сами эту странную сѣть. Чѣмъ болѣе ее разсматриваетъ, тѣмъ она кажется менѣе естественной и эти *каналы* приводятъ въ такое затрудненіе, что всего легче было бы приписать ихъ оптическому обману. Но это очень трудно. Г. Чіапарелли извѣстенъ своимъ открытіемъ кометной теоріи падающихъ звѣздъ и другими работами. Онъ сдѣлалъ прекрасныя наблюденія надъ Сатурномъ; его измѣренія двойныхъ звѣздъ точны и вѣрны, и карта Марса обязана ему большимъ улучшеніемъ: онъ первый сдѣлалъ правильное тригонометрическое измѣреніе планеты и опредѣлилъ географическое положеніе 114 точекъ поверхности. Но можно возразить, что никто до Чіапарелли не наблюдалъ ничего подобнаго, даже въ инструменты болѣе сильные, нежели миланскій. Однако извѣстно, что миланскій телескопъ, не смотря на свои небольшіе размѣры, обладаетъ превосходными оптическими качествами; ясное же изображеніе не всегда получается въ большихъ инструментахъ. Далѣе климатъ Милана необыкновенно благопріятенъ для астрономическихъ наблюденій; атмосфера его чиста, тиха, и температура однородна. Зима 1881—82 г. отличалась исключительно прекраснымъ небомъ, что замѣтили всѣ бывшіе въ Ниццѣ и на югѣ. Наконецъ Г. Чіапарелли, ранѣе чѣмъ вывести заключеніе, неоднократно наблюдалъ это явленіе.

Принимая все во вниманіе, слѣдуетъ предположить, что наблюденія эти вѣрны. На первыхъ же порахъ происхожденіе этихъ каналовъ кажется предумышленнымъ. И какъ ни смѣла эта мысль, тѣмъ не менѣе, что можетъ быть неправдоподобнаго въ томъ, что жители планеты занимаются такими гигантскими постройками, какъ эти каналы?

Но предположивъ, что каналы эти проведены людьми, объясненіе этой гипотезы найдется въ состояніи самой планеты. Съ одной стороны, матеріалы на ней менѣе тяжелы, нежели на нашей; съ другой стороны, по космогонической теоріи, сосѣдній этотъ міръ существовалъ гораздо ранѣе, нежели планета, на которой мы живемъ. Прорытіе туннеля въ Альпахъ, Суэцкаго и Панамскаго перешейковъ, прокладка подводнаго туннеля между Англіей и Франціей, внутреннее море Алжиріи составляютъ колоссальныя предпріятія нашей эпохи; для будущаго же человѣчества они будутъ казаться дѣтскими забавами. Сопоставляя съ прежними вѣками успѣхи XIX столѣтія: желѣзныя дороги, телеграфы, примѣненіе электричества, телефоны и пр., невольно помышляешь о тѣхъ матеріальныхъ и общественныхъ усовершенствованіяхъ, которыя будутъ удѣломъ будущихъ вѣковъ. Логично поэтому предположить, что человѣчество Марса, болѣе древнее, нежели мы, и болѣе совершенное, предпринимаетъ работы, о которыхъ мы и не помышляемъ.

Но каково бы ни было происхожденіе этихъ каналовъ, существованіе ихъ составляетъ чрезвычайно интересную задачу и одинъ изъ самыхъ странныхъ предметовъ изученія физической астрономіи.

Планета Марсъ видима каждый вечеръ невооруженнымъ глазомъ; всякій можетъ узнать ее по красноватому цвѣту, въ созвѣздіи Рака, между Близнецами и Львомъ. Астрономы будутъ продолжать наблюденія, чтобы провѣрить и дополнить уже сдѣланныя.

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ. „Княжна Мери." Лермонтова.

(Рис. на стр. 152 и 153).

Появленіе „Героя нашего времени" было крупнымъ и замѣтнымъ фактомъ въ нашей литературѣ. Впечатлѣніе имъ произведенное было чрезвычайно сильное. Романъ раскупался на расхватъ и критика не находила словъ для воздаянія хвалы поэту. „Печоринство", „разочарованность" вошли въ моду. Зачитывались тирадами въ родѣ слѣдующей: „Удовольствія, за которыми я бѣшено гонялся, рано опротивѣли мнѣ, говоритъ Печоринъ; лю-

Библиотека "Руниверс"

300-лѣтіе Архангельскаго порта. Видъ города Архангельска. Съ фотогр. грав. Гошаръ.

Библиотека "Руниверс"

бовь свѣтскихъ красавицъ раздражала только воображеніе и самолюбіе, а сердце оставалось пусто. Я сталъ учиться, читать—наука также надоѣла; я видѣлъ, что самые счастливые люди—невѣжды. Кавказъ сначала развлекалъ меня, но скоро я почувствовалъ скуку и подъ чеченскими пулями". Теперь нельзя не видѣть значительной доли ломанья въ подобныхъ вещахъ, но могучій, прелестный поэтическій талантъ, множество превосходныхъ мѣстъ въ романѣ, лицъ и эпизодовъ, которые навсегда останутся гордостью и достояніемъ русской литературы—упрочиваютъ значеніе этого замѣчательнаго произведенія.

Талантливый М. Зичи, извѣстный иллюстраторъ Лермонтова, изобразилъ здѣсь одно изъ лицъ романа—симпатичную княжну Мери. Всѣмъ извѣстно содержаніе этого эпизода. На водахъ въ Пятигорскѣ, Печоринъ встрѣчаетъ двухъ женщинъ: одну юную и неопытную, другую уже давно знакомую, но по прежнему любящую его со страстью и нѣжностью. Печоринъ завлекаетъ и мучаетъ ихъ обѣихъ и, натѣшившись ихъ страданіемъ, покидаетъ ихъ безъ особенной жалости къ ихъ разбитому сердцу и исчезнувшимъ надеждамъ. Печоринъ даже какъ будто вѣритъ, что сама судьба назначила его разрушать надежды и чужое счастье. „Сколько разъ, говоритъ онъ съ страннымъ какимъ то самодовольствомъ,—я игралъ роль топора въ рукахъ судьбы! Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія". Печоринъ убиваетъ на дуэли ухаживавшаго за Мери молодаго юнкера Грушницкаго; окончательно разбиваетъ семейное счастье и душевный покой ея родственницы Вѣры и наконецъ доводитъ княжну до того, что она дѣлается готовой на все, готовой простить его во всемъ, чтобы встрѣтить съ его стороны отвѣтное чувство. Но Печоринъ остается вѣрнымъ себѣ до конца. Онъ прямо признается бѣдной дѣвушкѣ, что онъ надъ нею смѣялся, что онъ ее не любитъ и потому не можетъ быть ея мужемъ. При этихъ словахъ, полныхъ оскорбленія, княжнѣ возвратилась ея энергія. Безъ моленій, безъ униженія, гордо и съ достоинствомъ она созналась въ своей ошибкѣ и рѣшилась навсегда разстаться съ своимъ оскорбителемъ. Слова „я васъ ненавижу!" сказанныя княжной въ прощальной сценѣ, дышатъ глубиною и искренностью и не заключаютъ въ себѣ ничего похожаго на эффектную фразу. Другая жертва Печорина—Вѣра, не отличается такимъ самообладаніемъ и въ ней нѣтъ женской гордости, она даже какъ бы потеряла чувство достоинства. Постоянно обманываемая, оскорбляемая и унижаемая Печоринымъ, сознавая его жестокость и пороки, она и не думаетъ отречься отъ него, а безмолвно, рабски-покорно переноситъ его тиранства, выполняя всѣ малѣйшія желанія своего мучителя. Рискуя своей репутаціей, какъ замужней женщины, она даже тайно ночью принимаетъ Печорина въ своей квартирѣ, и при этомъ-то ночномъ посѣщеніи и случился тотъ эпизодъ, который изображенъ на нашемъ рисункѣ.

Вотъ какъ его разсказываетъ Печоринъ:

„Около двухъ часовъ по полуночи, я отворилъ окно, и связавъ двѣ шали, спустился съ верхняго балкона на нижній, придерживаясь за колонну. У княжны еще горѣлъ огонь. Что-то меня толкнуло къ этому окну. Занавѣсъ былъ не совсѣмъ задернутъ, и я могъ бросить любопытный взглядъ во внутренность комнаты. Мери сидѣла на своей постели, скрестивъ на колѣняхъ руки; ея густые волосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ, обшитымъ кружевами; большой пунцовый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики, и маленькая ножка пряталась въ пестрыхъ персидскихъ туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; передъ нею на столикѣ была раскрыта книга, но глаза ея, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, были опущены—мысли ея были далеко"...

Печоринъ въ эту минуту невольно любовался юной княжной и не подозрѣвалъ, что за нимъ подсматриваетъ его соперникъ Грушницкій, который былъ въ полной увѣренности, что Печоринъ вышелъ ночью отъ княжны. Слѣдствіемъ этого подозрѣнія и была дуэль между Печоринымъ и Грушницкимъ.

Е. И. В. В. К. Константинъ Константиновичъ и Его невѣста, Принцесса Елисавета Саксенъ-Альтенбургская.

(Портр. на стр. 156).

Великій Князь Константинъ Константиновичъ, сынъ Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича и Вел. Кн. Александры Іосифовны, обрученъ съ принцессой Елисаветой, второй дочерью принца Морица Саксенъ-Альтенбургскаго и принцессы Аугусты, урожденной Принцессы Саксенъ-Мейнингенъ. Е. В. Константинъ Константиновичъ родился въ Стрѣльнѣ 10-го августа 1858 года. Принцесса Елисавета Саксенъ-Альтенбургская родилась въ Мейнингенѣ 25 января 1865 г.

Петръ I. Статуя Антокольскаго.

(Рис. на стр. 157).

Воспроизведеніе великихъ личностей, оставившихъ широкій слѣдъ своей дѣятельности въ исторіи своего народа или цѣлаго человѣчества, составляетъ благодарную и вмѣстѣ самую трудную тему для скульптора. Г. Антокольскій считаетъ недостаточнымъ вылѣпить грандіозную фигуру — удивить публику искусствомъ техники и изяществомъ контуровъ; въ своихъ образцахъ онъ стремится достигнуть высшей цѣли: уловить характеръ изображаемаго историческаго лица, представить его главное во всей реальной правдѣ, въ роковой моментъ его жизненнаго пути. Таковы его намѣренія въ извѣстной статуѣ, доставившей ему громкую славу: Іоаннъ Грозный, также въ статуяхъ Сократа, Спинозы и Петра Великаго. Въ Іоаннѣ Грозномъ, первомъ крупномъ произведеніи Антокольскаго, его стремленіе къ реальности особенно замѣтно. Іоаннъ сидитъ въ креслѣ въ глубокой и мрачной думѣ; вся его фигура гармонируетъ съ тѣмъ образомъ, какой, такъ сказать, составился въ нашей печати и на сценѣ. Сократъ, страннымъ образомъ, изображенъ Антокольскимъ въ моментъ смерти, когда онъ уже упалъ на ложе холоднымъ и неподвижнымъ трупомъ. Спиноза тоже представленъ въ послѣдній моментъ его жизни; смерть уже витаетъ надъ нимъ; его нравственныя и физическія силы окончательно надломлены: онъ сидитъ мрачный въ креслѣ, скрестивъ на груди руки и укутавъ мѣхомъ свои слабыя, холодѣющія колѣна. Перо выпало уже изъ его безсильныхъ пальцевъ, и можно бы считать его уже трупомъ, если бы свѣтлая и могучая мысль не оживляла еще его взгляда. Совсѣмъ иной характеръ далъ художникъ статуѣ Петра Великаго, явившейся въ первый разъ на выставкѣ 1872 года. Фигура императора дышетъ энергіей и одушевленіемъ. Онъ въ полномъ боевомъ нарядѣ и въ его позѣ видна повелительная сила и непреклонная воля. Видно, что онъ уже вполнѣ сознаетъ свой трудный путь и гордо идетъ на встрѣчу враждебнымъ ему силамъ. Нынѣ прекрасная бронзовая копія этой великолѣпной статуи украшаетъ Петергофскій паркъ около Монплезира, вблизи скромнаго собственнаго дворца великаго Преобразователя. Государь Императоръ достойно и щедро вознаградилъ художника; за статую Петра I, Антокольскому пожалована пожизненная пенсія въ 2,000 руб. въ годъ и такимъ образомъ дана ему возможность творить свободно и независимо.

Убіеніе князя Михаила Черниговскаго въ Ордѣ.

(Рис. на стр. 160).

Картина молодаго художника г. Смирнова по разработкѣ сюжета обнаруживаетъ дарованіе. Какъ группировка фигуръ, такъ и всѣ подробности обстановки выполнены талантливо, и самое трагическое событіе, послужившее темой картины, изображено съ большимъ тактомъ, чтобы тронуть зрителя, произвести на него впечатлѣніе, но не дѣлать его свидѣтелемъ жестокой, безчеловѣчной казни. По свидѣтельству лѣтописи, убіеніе князя Михаила Черниговскаго совершилось въ 1246 году во время нашествія на Русь полчищъ Батыя. Татары подступили къ Кіеву и обратили его въ развалины; таже участь постигла и Черниговъ, и Михаилъ, возвратившись въ свою столицу изъ Венгріи, гдѣ тщетно умолялъ короля Белу IV о помощи, засталъ въ Черниговѣ уже ханскихъ чиновниковъ, переписывающихъ народъ и облагающихъ его поголовною данью. Отъ Михаила потребовали, чтобы онъ ѣхалъ въ Орду, и онъ повиновался, такъ какъ посѣщеніе Орды было для него единственнымъ средствомъ, чтобы спасти свой удѣлъ отъ конечнаго разоренія. Со своимъ любимцемъ, бояриномъ Ѳеодоромъ, и съ юнымъ внукомъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ Ростовскимъ, Михаилъ прибылъ въ станъ Монголовъ и хотѣлъ уже вступить въ шатеръ Батыя, но волхвы и жрецы заступили ему дорогу и настойчиво потребовали, чтобы князь прошелъ сквозь разложенный передъ ставкой священный огонь и поклонился бы ихъ кумирамъ. „Нѣтъ! сказалъ Михаилъ,—я могу поклониться царю вашему, но христіанинъ не служитъ ни огню, ни глухимъ идоламъ". Услышавъ объ этомъ отвѣтѣ, Батый объявилъ князю, что онъ долженъ повиноваться или умереть. „Да будетъ!" отвѣчалъ князь. Вынувъ запасные дары, онъ вмѣстѣ съ любимцемъ своимъ Ѳеодоромъ причастился Св. Тайнъ и какъ ревностный христіанинъ громко пѣлъ псалмы Давида. Напрасно Борисъ и ростовскіе бояре умоляли его подчиниться волѣ Батыя. „Не погублю души", отвѣчалъ имъ князь и снявъ съ себя княжескую мантію, промолвилъ: „возьмите славу міра; хочу небесной". Тутъ, по данному знаку, убійцы бросились на Михаила; сначала били его палками и наконецъ одинъ отступникъ отъ христіанства, по имени Домантъ, отрубилъ князю голову. Ѳеодоръ тоже былъ преданъ мучительной смерти. Эта ужасная казнь совершилась 20 сентября 1246 года. Нынѣ мощи мучениковъ почиваютъ въ московскомъ архангельскомъ соборѣ.

Опавшіе листья.

(Рис. на стр. 161).

Прелестная картина, выставленная теперь въ числѣ другихъ произведеній Ю. Ю. Клевера въ Имп. Общ. Поощр. Художествъ—отличается особенною, тихою, поэтическою прелестью. Въ самомъ названіи ея „Опавшіе листья" чувствуется что-то грустное, какъ переходъ отъ жаркаго, полнаго жизни и солнца лѣта къ суровой, однообразной картинѣ и морозамъ зимы. Пережитыя весенніе и лѣтнія радости и пышная зеленая листва, дававшая отрадную тѣнь и шумѣвшая надъ нашими головами,

Библиотека "Руниверс"

поблеклая и желтая, уже шелеститъ подъ ногами и носится въ легкомъ вихрѣ холодно-сыроватаго осенняго вѣтра. Но есть въ вечерахъ осени своя грустная прелесть. Вспомнимъ чудныя слова поэта, Ѳ. И. Тютчева:

Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ
Умильная, таинственная прелесть:
Зловѣщій блескъ и пестрота деревъ,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ,
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землею,
И какъ предчувствіе сходящихъ бурь,
Порывистый холодный вѣтръ порою...

Эта умильная, таинственная прелесть, эта туманная и тихая лазурь,—вся эта поэзія осенняго вечера—прекрасно переданы въ картинѣ талантливымъ художникомъ.

Трехсотлѣтіе Архангельска.

(Рис. на стр. 165).

Въ настоящемъ году Архангельскъ вступаетъ въ трехсотлѣтіе своего существованія и въ виду этого событія, имѣющаго большое значеніе для всего нашего сѣвера, является не безъинтереснымъ оглянуться на прошлое какъ самаго города Архангельска, такъ и знаменитаго въ старину его порта.

Своимъ возникновеніемъ Архангельскъ обязанъ началу постоянныхъ морскихъ торговыхъ сношеній Россіи съ западною Европой. Онъ былъ первымъ по времени нашимъ коммерческимъ портомъ и долгое время единственнымъ, черезъ который не только велась наша морская торговля, но и производилась транзитная торговля иностранныхъ купцовъ черезъ наше отечество съ отдаленными странами востока. Съ основаніемъ Петербурга, въ 1703 году, переставъ быть единственнымъ русскимъ портомъ, Архангельскъ до нынѣ остался главнѣйшимъ пунктомъ отпускной торговли нашего сѣвера.

Первый иностранный корабль, пришедшій къ устью Двины 24 августа 1553 года, былъ англійскій „Эдуардъ Бонавентура", составлявшій часть экспедиціи, посланной въ царствованіе англійскаго короля Едуарда VI, для отысканія сѣверовосточнаго прохода, вокругъ континента Европы и Азіи, чтобы кратчайшимъ путемъ достигнуть Китая и Индіи. Командиръ корабля, отважный мореходъ Ричардъ Ченслеръ, приставъ къ берегу, просилъ у холмогорскаго начальства дозволенія съ нимъ видѣться и, получивъ это дозволеніе, подъѣхалъ на малыхъ судахъ въ устье рѣки д. Холмогоръ. Тутъ Ченслеръ объявилъ себя англійскимъ посломъ и требовалъ свободнаго пропуска для пріѣзда въ Москву ко двору царя Іоанна Васильевича Грознаго. Пропускъ былъ данъ и Ченслеръ въ концѣ ноября, явившись въ Москву, заключилъ отъ имени Англіи съ царемъ торговый трактатъ, по которому послѣдній предоставилъ англичанамъ право свободной торговли съ русскими и право покупать въ Россіи дворы и заводить купеческія, торговыя конторы. На слѣдующій годъ Ченслеръ снова прибылъ въ Холмогоры со многими купцами и товарами и опять посѣтилъ Москву. Въ 1556 году пристань Николаевскаго Корельскаго монастыря привлекла уже много иностранцевъ; сюда явились, кромѣ англійскихъ, голландскіе и бременскіе корабли и такимъ образомъ было положено начало нашимъ морскимъ торговымъ сношеніямъ съ западной Европой. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ перваго посѣщенія береговъ нашего сѣвера, рѣшено было перенести портъ на другое, болѣе удобное мѣсто, которое и избрано на правомъ берегу Сѣверной Двины, гдѣ въ то время одиноко стоялъ основанный еще въ XII вѣкѣ Архангельскій монастырь. Здѣсь, по повелѣнію Іоанна Грознаго, въ 1584 году построенъ былъ деревянный городъ, названный сначала Новыми Холмогорами, а потомъ Архангельскомъ.

Основавъ городъ, необходимо было озаботиться объ его населеніи, и вотъ съ этою цѣлію, по царскому указу, было приписано въ постоянные жители города 130 семей. Новоучрежденный городъ росъ быстро, и не смотря на многія постигшія его невзгоды, являвшіяся то въ видѣ голода и мора, то пожаровъ, пріобрѣталъ все болѣе и болѣе значенія, такъ что въ концѣ прошлаго столѣтія, по словамъ историка его, Крестлинга, онъ уже былъ „сокровищницей россійскаго сѣвера въ Европѣ, на множество торговъ, стекающихся въ немъ ежегодно изъ чужестранныхъ государствъ и изъ внутреннихъ областей россійскихъ". Это опредѣленіе Крестлингомъ дѣятельности и значенія Архангельска вполнѣ годится и для нашего времени; дѣйствительно, Архангельскъ—сокровищница нашего сѣвера и нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ сѣверѣ таятся еще громадныя силы и средства для его развитія и процвѣтанія.

Катапульта при осадѣ древняго города.

(Рис. на стр. 168).

Англійскіе художники вообще очень мало извѣстны на материкѣ и ихъ произведенія рѣдко встрѣчаются на выставкахъ остальной Европы; между тѣмъ и въ Англіи есть таланты очень сильные и своеобразные, какъ напримѣръ Эдвардъ Пойнтеръ, съ однимъ изъ произведеній котораго „Катапульта" мы желаемъ познакомить нашихъ читателей.

Пойнтеръ—это серьезный, съ обширными свѣдѣніями художникъ. Онъ беретъ не фривольные сюжеты и старается въ своихъ картинахъ, большею частью изображающихъ сцены древняго міра, какъ можно ближе держаться исторической истины, серьезно изучая всѣ подробности взятой на себя темы. Это крупное достоинство картины, исторически точной, представляетъ и его произведеніе „Катапульта при осадѣ древняго города", изображенное на нашемъ рисункѣ. Катапульты у древнихъ были въ родѣ большихъ самострѣловъ на особомъ станкѣ и бросали копья, длиною въ четыре фута, связки стрѣлъ и другіе снаряды, положенные для этой цѣли въ полуцилиндрическій жолобъ. Два деревянные рычага или крыла, вставленные передними концами въ туго натянутыя тетивы, соединены были въ заднихъ концахъ еще третьею тетивою, которая натягивалась посредствомъ крючка, веревки, ворота и зубчатыхъ колесъ. Мгновенно отпустивъ эту тетиву, можно было выбрасывать тѣла, находившіяся въ жолобѣ, съ значительною быстротою и силою. Катапульты были разной величины. Самыя большія, употреблявшіяся исключительно при осадѣ укрѣпленій, дѣйствовали на разстояніи 800 шаговъ, хотя успѣшные ихъ выстрѣлы рѣдко простирались далѣе 400 шаговъ. Сила, съ которою катапульты бросали стрѣлы, была такъ велика, что иногда онѣ пробивали насквозь четыре ряда толстыхъ плетней. Часто вмѣсто обыкновенныхъ стрѣлъ катапульты бросали зажигательныя, на остроконечія которыхъ прикрѣплялась посредствомъ желѣзныхъ колецъ, пакля, напитанная сѣрою, смолою и даже такимъ составомъ, который горѣлъ и на водѣ неугасимымъ огнемъ.

Пойнтеръ изобразилъ устройство громадной катапульты съ строгою точностью и, какъ видно, изучилъ въ мельчайшихъ подробностяхъ все то, что намъ извѣстно объ осадныхъ орудіяхъ древнихъ. Группы воиновъ, суетящихся около катапульты, выполнены тоже очень удачно; онѣ полны движенія, и каждая такая фигура, среди горячей, оживленной работы, дышетъ силой и энергіей. Кромѣ воиновъ, занятыхъ заряжаніемъ катапульты, Пойнтеръ изобразилъ на лѣвой сторонѣ еще группу стрѣлковъ, пускающихъ стрѣлы въ осажденный городъ подъ защитой громадной машины и служащихъ какъ бы прикрытіемъ прислуги катапульты. Вообще картина Пойнтера представляетъ живое и точное изображеніе осадныхъ работъ древнихъ и кромѣ художественныхъ достоинствъ соединяетъ въ себѣ еще научный, археологическій интересъ.

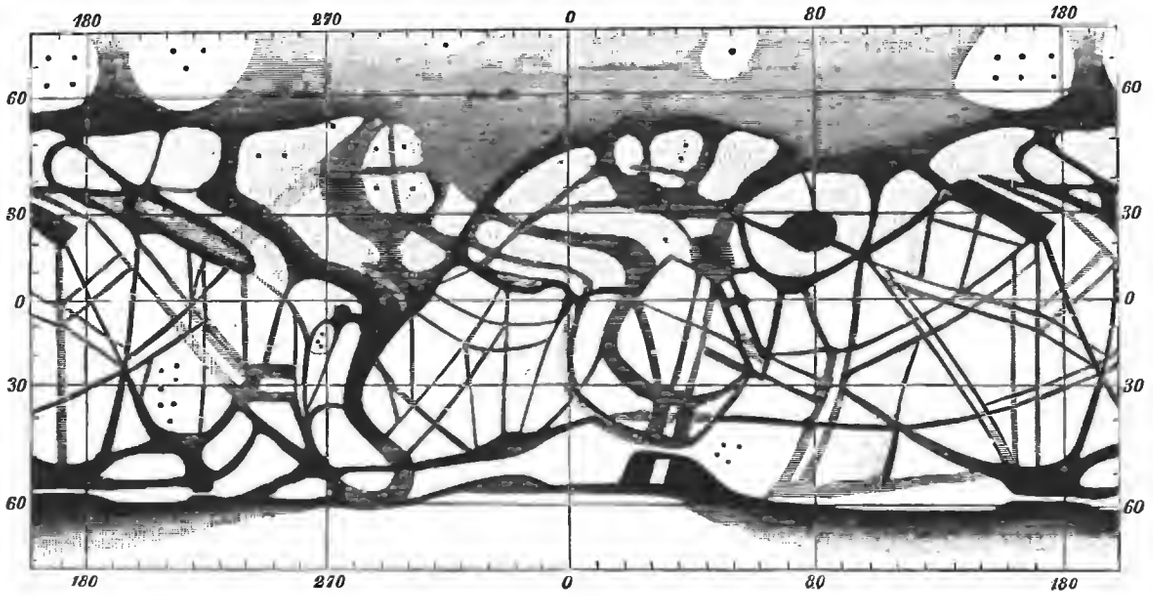
Политическое обозрѣніе.

Подчиненіе Россіи Мерва.—Англія и Египетъ.—Китай.—Франція.

Добровольное подчиненіе Мерва русской власти составляетъ, безъ сомнѣнія, одно изъ наиболѣе крупныхъ политическихъ событій послѣднихъ дней. Телеграмма Государю Императору — начальника Закаспійской области, генералъ-лейтенанта Комарова изъ Асхабада отъ 31-го минувшаго января, сообщаетъ объ этомъ событіи слѣдующимъ образомъ: „Имѣю счастіе всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству: Сегодня въ Асхабадѣ ханы четырехъ племенъ Мервскихъ туркменъ и двадцать четыре уполномоченныхъ, избранные по одному отъ каждыхъ двухъ тысячъ кибитокъ — приняли безусловно подданство Вашему Величеству, подтвердивъ сіе торжественною присягой за себя и весь народъ Мервскій. Къ этому рѣшенію, по заявленію хановъ и уполномоченныхъ, туркмены Мерва пришли вслѣдствіе того сознанія, что сами собой они управляться не могутъ, и что только сильное правительство Вашего Величества можетъ водворить и упрочить въ Мервѣ порядокъ и благоденствіе". Такимъ образомъ покореніе нами Мерва обошлось безъ всякихъ жертвъ и пролитія крови и вызвано исключительно тѣмъ могучимъ, нравственнымъ вліяніемъ, которымъ Россія, не смотря на всѣ козни своихъ враговъ, теперь пользуется на далекомъ Востокѣ. Извѣстіе о присоединеніи Мерва къ нашимъ владѣніямъ, какъ явствуетъ изъ газетъ, произвело въ Европѣ, особенно въ Англіи, глубокое впечатлѣніе. Въ палатѣ общинъ объ этомъ событіи сообщилъ самъ Гладстонъ, присовокупивъ, что если это обстоятельство вызоветъ дипломатическую переписку, то парламенту будутъ сообщены о томъ надлежащія свѣдѣнія. Лордъ же Стенгопъ заявилъ, что онъ обратитъ вниманіе на этотъ вопросъ во время преній объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь. Впрочемъ для Англіи значеніе мервскаго вопроса теперь значительно заслоняется египетскимъ вопросомъ, который не перестаетъ тревожить англійскую дипломатію. Нерѣшительность министерской политики и ея боязнь принять энергическія мѣры къ умиротворенію Египта вызываетъ въ Лондонѣ сильное возбужденіе. Такъ къ лорду мэру являлись депутаціи отъ нѣсколькихъ „патріотическихъ союзовъ" съ просьбою о дозволеніи имъ устроить большое публичное собраніе въ Гильдъ-Голлѣ по поводу суданскихъ событій. При этомъ они заявили, что искренно желаютъ, чтобы правительство по отношенію къ Египту открыто признало свои обязательства

Библиотека "Руниверс"

и безвозвратно отрѣшилось отъ своей жалкой политики колебаній. Лордъ-мэръ, выслушавъ требованія депутацій, предоставилъ гильдгольскую залу въ полное ихъ распоряженіе. Кромѣ того само правительство уже обнародовало программу генерала Гордона, относительно будущаго устройства Судана. По словамъ Гордона, Англія сочла себя призванною упразднить египетское господство въ тѣхъ частяхъ Судана, гдѣ дальнѣйшее его существованіе было бы несправедливо и противуестественно, и наоборотъ, улучшивъ администрацію въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существованіе сильнаго и благоустроеннаго правительства могло бы положить конецъ постыдной торговлѣ невольниками. Какъ видно изъ послѣднихъ извѣстій, дѣйствія Гордона вполнѣ согласуются съ этой начертанной имъ программой. Такъ, прибывъ въ Хартумъ, генералъ Гордонъ тотчасъ же издалъ прокламацію, въ которой онъ признаетъ Махди султаномъ Кордофана, объявляетъ о сложеніи половины нѣкоторыхъ налоговъ



Искуственные каналы, открытые на планетѣ Марсъ проф. Чіапарелли. По рис. М. Р., грав. М. Рашевскій.

Осадныя орудія въ древности. Катапульта. Съ карт. Пойнтера, грав. Фоссъ.

Библиотека "Руниверс"

и говоритъ, что договоръ относительно торговли невольниками не будетъ подвергнутъ никакимъ ограниченіямъ. Эта прокламація произвела въ Хартумѣ, повидимому, самое благопріятное впечатлѣніе. Токкаръ все еще держится и туда было послано письмо изъ Суакима, предупреждающее, что на выручку города скоро придутъ англичане и что ему сдаваться не слѣдуетъ. Судьба несчастнаго синкатскаго гарнизона теперь стала достовѣрно извѣстна. Мятежники, занявъ городъ, объявили гарнизону, что они пощадятъ жизнь всѣмъ защитникамъ Синката, если имъ будетъ выданъ начальникъ города Тефикъ-паша. Вѣрный своему долгу, гарнизонъ отвѣтилъ на это требованіе отчаянной вылазкой, въ которой и погибъ вмѣстѣ съ доблестнымъ своимъ начальникомъ.

Въ Парижѣ снова заговорили о тонкинскихъ дѣлахъ и особенно много толковъ вызвало здѣсь письмо адмирала Курбэ, полученное недавно морскимъ министромъ. Въ этомъ письмѣ Курбэ жалуется на несообразительность и нерадѣніе военной администраціи, которая застанила его такъ долго бездѣйствовать въ ожиданіи подкрѣпленій. Пользуясь этимъ бездѣйствіемъ, китайцы имѣли полную возможность укрѣпиться въ Бакъ-Нингѣ и обнести его земляными укрѣпленіями. По его словамъ, если бы помощь изъ Франціи подоспѣла въ октябрѣ, то Бакъ-Нингъ былъ бы уже давно взятъ. Въ заключеніе Курбэ прямо заявляетъ, что посланныхъ въ Тонкинъ подкрѣпленій будетъ недостаточно для успѣшныхъ дѣйствій противъ Бакъ-Нинга, въ который китайцы успѣли ввести уже значительное количество войскъ. Дѣйствительно, по извѣстіямъ изъ Китая, пекинскій дворъ принялъ твердое рѣшеніе защищать Бакъ-Нингъ всѣми военными силами, имѣющимися въ наличности. Въ тоже время верховный государственный совѣтъ въ Пекинѣ объявилъ строгій выговоръ генералу Тенчу за его неявку на помощь Сонгъ-Таю, во время аттаки этой крѣпости французами. Изъ Кантона пишутъ, что въ окрестностяхъ этого города сосредоточено до 20000 челонѣкъ китайскаго войска, а входъ въ Кантонскую рѣку охраняется крупповскими пушками. Кромѣ того китайцы производятъ ежедневные маневры съ торпедами, и если оборону Кантона примутъ на себя европейцы, то военныя дѣйствія противъ этого города могутъ быть сопряжены для нападающаго съ большими потерями и опасностями. Изъ Парижа пишутъ, что послѣ смерти Руэра будто бы обнаружились признаки сближенія между обѣими партіями бонапартистовъ, т. е. сторонниками принца Виктора Бонапарта и сторонниками принца Жерома. Кромѣ того Поль де Кассоньякъ обратился къ предсѣдателю имперіалистскаго комитета въ Парижѣ съ письмомъ, въ которомъ призываетъ бонапартистовъ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ забыть ихъ разногласія и сплотиться воедино, въ интересахъ общаго дѣла. Такое сближеніе впрочемъ очень сомнительно, тѣмъ болѣе, что еще недавно на сходкахъ обѣихъ партій выказалась въ самомъ яркомъ свѣтѣ ихъ взаимная вражда и непримиримость. Назначеніе нашего посла при французскомъ правительствѣ, князя Орлова, посломъ при Германскомъ императорѣ вызвало въ Парижѣ общее сожалѣніе, такъ какъ князь Орловъ пользовался здѣсь большою популярностью и симпатіей и оставляетъ по себѣ воспоминанія какъ дипломатъ выдающійся. Какъ уже извѣстно оффиціально, на постъ посла при французскомъ правительствѣ назначенъ бывшій посолъ при британскомъ дворѣ баронъ Моренгеймъ.

Смѣсь.

Выставка картинъ профессора Ю. Клевера и академика Р. Судковскаго, въ залахъ „Общества поощренія художествъ" (Б Морская, д. № 40), говоритъ вновь объ силѣ творчества этихъ двухъ художниковъ, уже не въ первый разъ выступающихъ вмѣстѣ передъ публикой со своими произведеніями. Эти два художника, совершенно разнящіеся по жанру, имѣютъ одну общую черту,—это замѣчательная плодовитость, которая даетъ имъ возможность являться изъ года въ годъ съ значительнымъ числомъ большихъ, новыхъ, исполненныхъ съ мастерствомъ и тщательностью картинъ. Они оба творятъ еще съ полной юношеской силой, оба плѣняютъ своей, все идущей впередъ, техникой, съ большимъ искусствомъ избѣгая опасности быть односторонними, оба неутомимо стремятся къ совершенствованію

На Судковскаго дѣлались сначала нападки за его отступленія отъ педантическихъ художническихъ пріемовъ; но онъ защищается какъ истый художникъ: выступаетъ съ новыми и всегда прекрасными произведеніями. Вода его—это дѣйствительно вода, прозрачная, какъ бы движущаяся. Какой бы моментъ онъ ни выбралъ: бурю-ли съ ея пѣнящимися волнами, слегка ли волнующееся море, или тихую, спокойную поверхность воды съ мрачными, темными облаками на небѣ, или свѣтлое, ясное утро, играющее лучами своими на голубыхъ волнахъ, всегда у него поражаешься правдою и силою изображенія. Изъ двѣнадцати картинъ, которыя онъ выставилъ на этотъ разъ, первенство слѣдуетъ отдать его „Утру на Днѣпровскихъ гирлахъ". Вода плещется о камни морскаго берега и такъ прозрачна, что каждый голышъ, каждый обрубокъ дерева, затянутый зеленоватой тиной, ясно видѣнъ на илистомъ днѣ. Еще и въ прежніе годы Судковскій прибѣгалъ къ этимъ эффектамъ, которые указываютъ на мастерство его техники, но на этотъ разъ пріемъ этотъ удался ему еще лучше прежняго. Свѣтлое и чистое небо и прозрачный воздухъ съ яснымъ утреннимъ освѣщеніемъ надъ этимъ простымъ ландшафтомъ, оживленнымъ только слегка покачивающейся въ волнахъ рыбачьей лодкой. Это мирная, тихая, пріятная и привлекательная вещь. „Днѣпръ передъ грозой"—рыбачья хата въ днѣпровскихъ гирлахъ—картина также великолѣпная. На переднемъ и среднемъ фонѣ картины еще блеститъ солнце, между тѣмъ какъ позади воды, среди камышей, уже темнѣетъ; птицы спѣшатъ спрятаться подъ защиту крыши,—и все какъ бы носитъ отпечатокъ приближающейся непогоды. Этой картиной, также какъ и маленькимъ прекраснымъ ландшафтомъ „Въ окрестностяхъ Выборга" (№ 9), нашъ маринистъ Судковскій доказалъ, что ему одинаково хорошо удаются и вообще пейзажи. Нѣкоторыя картины (напр. № 7) показываютъ, что художнику извѣстно не одно только Черное море, что онъ также прекрасно воспроизводитъ перемѣнчивый характеръ балтійскихъ водъ, хотя большее число картинъ его посвящено южному морю.

Профессоръ Клеверъ, на этотъ разъ, отличается многосторонностью. Здѣсь въ двадцати выставленныхъ картинахъ—труды какъ послѣдняго года, такъ и нѣкоторыя прежнія произведенія. Здѣсь находимъ мы, совершенно неожиданно, среди мастерскихъ зимнихъ, снѣжныхъ ландшафтовъ и изображеній сѣверныхъ лѣсовъ, эскизъ южнаго, итальянскаго характера, съ пальмами, кактусами и виноградными лозами, залитыми яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Если бы подъ ней не было подписи „Клеверъ", то никто бы не принялъ ее за его произведеніе. Также останавливаетъ вниманіе картина, изображающая красивую охотничью собаку и съ ней tête-à-tête смущенную и испуганную ворону. Особенно характерны его картины—какъ изъ прежнихъ, такъ и настоящаго года—изображающія поэтическія красоты нашей сѣверной природы. Его „Поблекшіе листья" (въ этомъ № помѣщена копія этой картины), „Еловый лѣсъ зимой" и „Оттепель" уже извѣстны публикѣ по прежнимъ выставкамъ. Изъ новыхъ произведеній, лучшимъ безспорно можетъ считаться № 13, „Поздняя осень", съ мастерскимъ вечернимъ освѣщеніемъ зимнихъ сумерекъ. Вообще произведенія Клевера заставляютъ сильнѣе любить нашъ сѣверъ.—они указываютъ намъ на прелести его своеобразной природы, для изображенія которой нужно много поэтическаго чувства и тонкаго пониманія.

Мастерская художника Генриха Семирадскаго въ Римѣ. Мастерская Генриха Семирадскаго, извѣстнаго творца „Живыхъ Свѣточей Нерона", находится на вершинѣ Эсквалинскаго холма, съ котораго открывается чудесный видъ на римскую кампанію, окруженную сабинскими и албанскими горными цѣпями. На Эсквалинскомъ холмѣ расположенъ былъ когда-то лагерь преторіанцевъ; теперь-же тамъ возникъ самый модный кварталъ, гдѣ роскошныя виллы утопаютъ въ зелени садовъ. Вилла Семирадскаго—вся въ помпейскомъ стилѣ; роскошное внутреннее убранство ея обнаруживаетъ замѣчательный вкусъ художника. Стѣны и потолки вылежены мозаикой, лѣстницы изъ мрамора. Мастерская состоитъ изъ большой, высокой комнаты, освѣщающейся сверху; полъ устланъ коврами и звѣриными шкурами; на стульяхъ и кушеткахъ брошены куски дорогой восточной матеріи; въ комнатѣ—множество прекрасной мебели, дорогихъ картинъ, предметовъ искусства—стариннаго и современнаго. Семирадскій теперь, для римскаго общества, что называется, въ модѣ. Ежедневно, въ опредѣленные часы, у подъѣзда его виллы толпятся экипажи; въ пріемной камердинеръ художника встрѣчаетъ элегантныхъ дамъ и кавалеровъ. Въ комнатѣ стоитъ гулъ отъ голосовъ, говорящихъ на русскомъ, польскомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ. Посѣтители толпятся теперь передъ двумя почти оконченными работами художника, о которыхъ мы уже упоминали: одна изъ нихъ изображаетъ погребеніе одного южнославянскаго князя, другая—Аврору, какъ ее изображали въ греческихъ миѳахъ. Первая картина невольно поражаетъ громадностью размѣровъ, яркостью красокъ и массой деталей; предназначается эта картина въ подарокъ московскому музеуму; вторая же, хотя и небольшая, предпочитается, однако, всѣми тонкими цѣнителями живописи; она заранѣе куплена однимъ московскимъ княземъ за огромную сумму.

Сравненіе электрическаго освѣщенія съ газовымъ. Новый контрактъ по освѣщенію Нью-Іорка приводитъ данныя о нынѣшней цѣнѣ газоваго и электрическаго освѣщенія. Въ густо населенныхъ частяхъ города, гдѣ находится большое число фонарей, каждый газовый рожокъ обходится ежегодно въ 17 долларовъ, въ менѣе населенныхъ — отъ 19 до 32 дол. Каждый источникъ электрическаго свѣта, который будетъ введенъ на главныхъ улицахъ, всего на протяженіи около шести миль, будетъ обходиться въ ночь среднимъ числомъ въ 70 центовъ. Каждый электрическій фонарь по силѣ свѣта равняется шести газовымъ рожкамъ и будетъ стоить въ годъ 225 долларовъ; слѣдовательно газовое освѣщеніе въ центральныхъ частяхъ города обходилось вдвое дешевле, чѣмъ вводимое электрическое. Данныя эти относятся къ электрическимъ источникамъ со свѣтовой дугой, такъ какъ для освѣщенія улицъ употребляются исключительно только этого рода лампы; электрическій же свѣтъ съ раскаленнымъ источникомъ по силѣ своей не превосходитъ и въ одинъ разъ силу газоваго пламени, каковы, напримѣръ, Эдисоновы лампы, и по цѣнѣ своей стоитъ выше перваго.

Библиотека "Руниверс"

РЕБУСЪ. Задача № 6.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто мелкихъ денегъ присылаются почтовыя марки,— высылать таковыя **только новаго образца.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.**

СОДЕРЖАНІЕ: **Школа въ Каирѣ** (съ рис.)—**Въ старой Москвѣ.** Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ, **Гр. Е. А. Саліаса.** Часть первая. (Продолженіе).—**И. С. Тургеневъ у себя,** въ его послѣдній пріѣздъ на родину. Изъ воспоминаній **Я. П. Полонскаго.** (Продолженіе). — **Видъ планеты Марсъ. Каналы.** Очеркъ **Фламаріона** (съ рис.).—**Литературный альбомъ. Княжна Мери. Лермонтова** (съ рис.).—**Е. И. В. В. К. Константинъ Константиновичъ и Его невѣста, Принцесса Елисавета Саксенъ-Альтенбургская** (съ 2 портр.).—**Петръ I.** Статья **Антокольскаго** (съ рис.).—**Убіеніе князя Михаила Черниговскаго въ Ордѣ** (съ рис.).—**Опавшіе листья** (съ рис.).—**Трехсотлѣтіе Архангельска** (съ рис.).—**Катапульта при осадѣ древняго города** (съ рис.).—Политич. обозр.——Смѣсь.—Ребусъ.—Заявленіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ, № 2913 7—4
ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ.

ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ
бѣлитъ зубы, не портя ихъ эмали, предотвращаетъ гніеніе зубовъ.

ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ
укрѣпляетъ десны, утоляетъ зубную боль, освѣжаетъ ротъ.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФРЕРА,
19, Rue Jacob, Paris.
У ВСѢХЪ АПТЕКАРЕЙ И ПРОДАВЦЕВЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

Изданіе А. Ф. Девріена, СПБ. Васил. Остр., Румянц. площ., собств. домъ.

„ЖЕНЩИНА"

ея жизнь, нравы и общественное положеніе у всѣхъ народовъ земнаго шара. Соч. **А. Ф. Швейгеръ-Лерхенфельда.** Роскошное изданіе, 700 стр. изящной печати съ 180-ю типическими рисунками и 20-ю гравюрами. Цѣна **5** руб., въ роскошномъ заграничномъ переплетѣ **6** руб. Пересылка отъ издателя безплатная № 3180 1—1

БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!... Романъ *Э. Вернера.* Перев. съ нѣм. Ц. **1** р., съ перес. **1** р. 25 к.; для подп. „НИВЫ" 1884 г. 75 к., съ пер. 1 р.

ЛИКЕРЫ ЗАВОДА ОБЩЕСТВА „КЕЛЛЕРЪ И К°".

Правленіе акціонернаго Общества „Келлеръ и К°", послѣ тщательнаго изслѣдованія фабрикаціи иностранныхъ ликеровъ, открыло съ 1882 года на заводѣ Общества, а также и на заводѣ Товарищества „Л. Обловъ и К°", спеціальныя отдѣленія для приготовленія означенныхъ ликеровъ. **Ликеры эти,** поступившіе въ настоящее время въ продажу, по отзывамъ приглашенныхъ Правленіемъ экспертовъ, **нисколько не уступаютъ во всѣхъ отношеніяхъ лучшимъ заграничнымъ образцамъ.**

Цѣна ликеровъ завода „Келлеръ и К°", ниже цѣнъ заграничныхъ ликеровъ отъ 150 до 300%.

Рекомендуя ихъ гг. покупателямъ, Правленіе считаетъ нужнымъ пояснить, что большинство сортовъ заграничныхъ ликеровъ, продающихся подъ различными марками, отличаются какъ по вкусу, такъ и по крѣпости. Правленіе проситъ тѣхъ изъ гг. покупателей, которые найдутъ ликеры завода „Келлеръ и К°" не подходящими подъ вкусъ употребляемыхъ ими заграничныхъ ликеровъ, вмѣстѣ съ заказами указывать на марку ликера, который они желали бы имѣть.

Имѣя возможность разнообразить свое производство, Правленіе будетъ удовлетворять такимъ требованіямъ гг. покупателей, въ самомъ непродолжительномъ времени.

Ликеры завода „Келлеръ и К°" можно получать въ магазинахъ Общества, **въ С.-Петербургѣ:** при заводѣ, Обводный каналъ, д. 96; Фонтанка, д. 45; Кадетская линія, В. О., д. 19; Невскій просп., д. 124. **Въ Царскомъ Селѣ:** Малая ул., д. Барановой. **Въ Кронштадтѣ:** Господская ул., д. Турыгиной.—**Въ С.-Петербургѣ:** на заводѣ Товарищества „Л. Обловъ и К°", Куряндская ул., д. 19 (продаются подъ маркою Товарищества „Л. Обловъ и К°"), а также въ нижеслѣдующихъ виноторговляхъ: у гг. Фейкъ и К°, Невскій пр., у Полицейскаго м.; Б. И. Черепенникова—Литейный пр., въ домахъ за №№ 5, 11 и 47; В. Г. Баскова—уг. Кирочной и Воскресенскаго пр., уг. Надеждинской и Итальянской; 1-я линія В. О., д. за №№ 34 и 46; Н. П. Смирнова—Гороховая ул., д. 4 и Вознесенскій пр., д. 4; Глушкова—Литейный пр., д. 10; Бр. Зайцевыхъ—уг. Б. Садовой и Невскаго; И. Я. Мелешина—Галерная, д. 50 и многихъ другихъ. **Въ Ораніенбаумѣ:** у С. А. Алексѣева, Большой пр., собств. д. **Въ Старомъ Петергофѣ:** у С. А. Алексѣева и **въ Гатчинѣ,** у П. М. Муценко.

Съ требованіями просятъ обращаться по указаннымъ адресамъ и на заводъ Общества, по Обводному каналу, домъ 96.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 3054.

КОММИССІОНЕРЪ Л. № 3175 3—1

Комитета Консультаціи **Императорскаго** Московскаго Общества сельскаго хозяйства.

СКЛАДЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ МАШИНЪ

„ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ",

Москва, Каретный рядъ, д. Мошнина. Всевозможныя машины и орудія лучшаго качества по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

КИТАЙСКІЯ ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ

ДЛЯ МУЖСКАГО И ДАМСКАГО ЛѢТНЯГО ПЛАТЬЯ

(ЧЕСУЧА, ФАНЗА, КРЕПЪ, ГРАНИТУРЪ)

предлагаетъ въ большомъ выборѣ во всякое время года

Торговый Домъ въ Москвѣ

„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ"

МАЛАЯ ДМИТРОВКА, Д. АЛЕКСѢЕВА № 18.

ПРІОБРѢТЕНІЕ ТОВАРА ПРЯМО СЪ ФАБРИКЪ КИТАЯ.

Требованія иногородныхъ исполняются немедленно; прейсъ-куранты высылаются безплатно. II № 3003 5—4

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢЛО"

(19-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Подписка на 1884 годъ продолжается. **Годовая плата:** Иногород. **17** р.; город. **16** р.; безъ доставки **15** р. **50** к.

Допускается разсрочка платежа на слѣдующихъ основаніяхъ: При подпискѣ—7 р.; затѣмъ къ **1** апрѣля и къ **1** іюня по **5** руб. Для учительницъ, учителей и учащихся допускается болѣе льготная разсрочка по соглашенію съ Главной Конторой (С.-Петербургъ, Надеждинская ул., д. № 39). № 3176. 1—1

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА" XXIV.

Въ 2-хъ отдѣлахъ: 1) для дѣтей, 2) для семейнаго чтенія, съ приложеніями, задачами, наградами. Издается подъ высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Одобренъ всѣми учеными комитетами. **Премія:** олеографія **Буря на морѣ.** Въ приложеніи къ отд. для Семейнаго чтенія печатается рядъ лекцій, читанныхъ государю императору Александру Николаевичу въ 1830—1834 г., докторомъ богословія протоіереемъ Г. П. Паескимъ, подъ заглавіемъ **Библейскія древности для изученія св. писанія.** Подписная цѣна: Оба отд.—10 р., съ перес. 11 р.; каждый отд. порознь 5 р., съ перес. 5 р. 50 к. Подписка принимается: **С. П. Б.,** Пушкинская ул., д. 14, кв. 9. № 3169 1—1

Ред.-Издат. **С. КАШПИРЕВА.**

Нужна **ГУВЕРНАНТКА,** образованная, знающая основательно и хорошо музыку, французскій, нѣмецкій языки, съ аттестатомъ. Адресоваться: Орелъ, Воробьевскій переулокъ, Борису Никифоровичу Богоявленскому. 3111

Въ № 4 „Нивы" въ объявленіи **ШКОЛА для ГАРМОНИКИ,** слѣдуетъ **И. Телетова** вмѣсто **Телешова.**

Библиотека "Руниверс"

Съ дозволенія С.-Петербургскаго Столичнаго Врачебнаго Присутствія.

ЭЛЕКСИРЪ-MELANGE.

Для быстраго и обильнаго рощенія волосъ и предохраненія ихъ отъ выпаденія. Ц. 2 р. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французск. и нѣмецк. языкахъ.

БАЛЬЗАМЪ-EUGÉNIE,

изъ миртовыхъ и свадебнаго букета цвѣтовъ для придаванія лицу, шеѣ и рукамъ нѣжной мягкости, мраморной бѣлизны съ благоуханіемъ лиліи и розъ, а также для уничтоженія веснушекъ и всякой шероховатости кожи. Цѣна 1 р. 75 к. за флаконъ, съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЯ ПОМАДЫ подлинныя „Pasta Eugénie“,

превосходнѣйшее средство для устраненія веснушекъ, родимыхъ и красныхъ пятенъ и другихъ дурныхъ явленій, встрѣчающихся на лицѣ, и придающее цвѣту лица юную свѣжесть и красоту. Цѣна банки 1 р. 60 к.

Хинно-глицериновая помада

на перуанскомъ бальзамѣ, для укрѣпленія, сгущенія и рощенія волосъ; ц. банки 2 р.

Ручная розовая помада.

Цѣна банки 1 р. 30 к. На каждой банкѣ находится охранительная марка **амуръ** и подпись изобрѣтательницы **Bertha Ries.**

Подлинныя „Poudre Eugénie“

бѣлая и розовая. Цѣна коробкѣ съ пуховкой 1 р. 50 к., безъ пуховки 1 р. 20 к.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ,

трехъ цвѣтовъ: черная, коричневая и свѣтло русая. Цѣна коробки 3 рубля.

Краска фабриканта **Рисъ Гутманъ.**

РУМЯНА EUGÉNIE,

жидкія, чтобы придать щекамъ и ушамъ натуральный розовый цвѣтъ, не мѣняющійся при электрическомъ освѣщеніи и не вытирающійся даже при потномъ состояніи лица. Рекомендуется въ особенности для театровъ и баловъ. Ц. 1 р. 50 к. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Всѣ эти три косметическихъ продукта по свидѣтельству медицинскаго начальства не содержатъ въ себѣ никакихъ вредныхъ веществъ.

№ 3064 3—3 *Берта Рисъ.*

ДЕПО НАХОДЯТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, Гласн. Общ. торг. аптек. тов., на Казан., соб. д.; у Оливіе, Невскій пр., № 54; у быв. Дарзанса, Пассажъ, № 15 и 17; С. П. Грикурова, Невскій пр. у Казанскаго м ста, № 30; у парикмах. Эмиль, быв. Сансеро, Литейный, № 43; у парикм. Аристидъ, Вас. ост., 1 линія, д. № 18; у парикм. Просперъ, Вознес. пр., № 18.

Въ Москвѣ, у К. П Ферреймъ, Никольская; у А. Брунсъ (бывш. Пецъ), Маросейка, д. Ефремѣевыхъ; у Р. Келеръ и К°; въ Сарептскомъ магаз. рядомъ съ аптекой, на Никольской; у Гетлингъ и Штокманъ, Петровка; у Крнеръ и Качъ и у Теодоръ, Кузнецкій мостъ; у Эмиль Керстанъ, на Тверской; у Дарзанъ, въ Газетн. пер.; у В. К. Бельбардисъ, у Арб. вор.; Я. П. Попиковскаго, у Срѣтенскихъ вор. и въ складѣ аптекарскихъ матеріаловъ Докт. В. А. Добронравова, Сухаревская, Садовая, соб. домъ, у Викторъ Кузенъ, на Петровкѣ, д. № 12.

Въ Воронежѣ, у парикмахера Курильченко.
„ **Козловѣ,** магазинъ бр. Поповыхъ.
„ **Пензѣ,** маг. Клыкунова.
„ **Кіевѣ,** маг. Parisien Auguste & C°.
„ **Одессѣ,** магазинъ Гельдеръ и К°, Петрококинъ и Гуммель.
„ **Елисаветградѣ,** Г. А. Трестера насл.
„ **Полтавѣ,** магаз. Фердинандъ Трепке.
„ **Харьковѣ,** В. Кухарева въ Пассажѣ, № 17 и Глазн. Общ. торговли аптекарск. товар.
„ **Таганрогѣ,** магазинъ М. Майканаръ.
„ **Ростовѣ н/Д.,** А. Эдельбергъ, быв. Бирюле.
„ **Новочеркасскѣ,** магазинъ З. Петрова.
„ **Саратовѣ,** маг. Матеесена.
„ „ „ маг. Роб. Штроль.
„ **Самарѣ,** Сарептскій маг. Крестенсонъ.
Въ Казани, магазинъ Мурзаева.
„ **Ставрополѣ,** у парикм. К. Курильченко.
„ **Тифлисѣ,** въ музык. маг. П. Ланко, въ д. ген. Лацарони.
„ **Томскѣ,** маг. Ненашева.
„ **Перми,** маг. Н. Перетцъ.
„ **Екатеринбургѣ,** апт. маг. Гельмихъ и К°.
„ **Варшавѣ,** Александръ Кохъ парфюм. магаз. Краковское предмѣстье, у Ліонъ и К°, Сенаторская.
„ **Кременчугѣ,** Закъ.
„ **Ригѣ,** у братьевъ Вадеманъ, Купеческая улица № 15.
„ **Вильно,** маг. Гружевскаго.
„ **Ревелѣ,** магазинъ Христіана Келеръ.
„ **Гельсингфорсѣ,** маг. Сваинъ.
„ **Екатеринославлѣ,** у Ефанова,
„ **Астрахани,** маг. Фадѣева.
„ **Курскѣ,** Аптекар. маг. Скворцовскаго.

Въ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга, Одессы, Кіева, Казани продается вновь вышедшая книга:

СУПРУЖЕСКІЯ ТАЙНЫ.

Изящное и даніе въ стихахъ, текстъ Маралы Іерихонскаго съ 207 рис. Буша, которые невольно возбуждаютъ въ каждомъ неудержимый смѣхъ.

Содержаніе книги: Сладость брачныхъ узъ.—Супружескія забавы.—Счастливыя минуты повобрачнаго.—Терпѣніе супружеской жизни.—Недоразумѣніе.—Неблагосклонный пріемъ.—Громъ и молнія.—Страшный переходъ и счастливое заключеніе.

„Супружескія тайны“ и „Катенька“—цѣна 2 руб. съ пересылкой. За книгой гг. иногородные благоволятъ обращаться въ Москву, Спиридоньевскій пер. рядъ. съ церк. Спиридонія Ю. Кондепу. Ц. № 3163 1—1

КАРТОФЕЛЬ

для посѣва клубнями всѣ новѣйшіе сорта: Американск., Англійск., Французск. и Нѣмецк., столовые и заводскіе можно получить прямо со спеціальной картофельной плантаціи

ФЕРМЫ БОЛЬ-ПЕРО. А. КАЛЛЕ и К°,

о чемъ было публиковано въ „Нивѣ“ 1883 г. въ № 11 гдѣ предѣлено наименованіе лучшихъ сортовъ, ихъ свойство и качества, при чемъ необходимо знать производителямъ картофеля, что только сорта новые **свѣже-выведенные** изъ сѣмянъ даютъ вѣрный и обильный урожай не смотря какое бы лѣто ни было. Плантац. высылаетъ только выводки 1-го и 2-го года, не менѣе 6 фунт въ отъ 1-го до 4-хъ сорт.; самые ранніе, ран., средніе и поздніе согласно желанію или по выбору плантац., соотвѣтственно назначенію, почвѣ и климатическ. условіямъ страны куда требуется 6 фунт. съ пересыл. по почтѣ, на ср днемъ разстояніи стоитъ 4 р. на далекомъ 5 р. Пудъ отъ 1-го до 10-ти сортовъ на сред. раз. 16 р. на далекомъ 20 р. Тр бов. адресуются: А. Калле и К°, Витебской губ. почт. и телегр. стан. Чашники.

№ 3170 1—1

САПОНАТЪ.

Мало въ кускахъ и порошкѣ, для стирки бѣлья, цвѣтныхъ матерій и кружевъ холодною (комнатной) водою, безъ кипяченія. Стирка обходится вдвое дешевле. Продается въ главномъ складѣ „Сапонатъ“. Коломенская улица, д. 31: у гг. Штоль и Шмитъ; въ Русск. Общ. и почти во всѣхъ губ. городахъ. № 3 66 4—1

ДЛЯ ЗАВОДОВЪ.

МАСЛЯНКИ ПРУЖИННЫЯ доставляетъ дешево и прочн й работы, механическая фабрика **П. К. Біенке.** № 3178 1—1

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть временъ Екатерины II. *П. Петрово и . Клюшникова* Ц. 1 р. для подписч. „НИВЫ“ 1884 г. 75 к., съ перес. 1 р.

Въ книжной торговлѣ спеціально для иногородныхъ

А. Я. ПАПАФИДИНА.

С.-Петербургъ, Б. Итальянская, д. № 8 (напротивъ Пассажа). Поступили въ продажу слѣдующія книги:

Вольфсонъ В. Д. Человѣческій организмъ и его жизнь. Краткій курсъ анатоміи и физіологіи человѣка для средн. учебн. завед., учит. институтовъ и семинарій. Ц. съ пер. 1 р. 15 к.

Зимницкій В. Условія и пріемы правильнаго обученія чтенію. Руководство для учит. семинарій и институтовъ, для педагог. курсовъ женскихъ гимназій и нар. учит. и учительницъ. Ц. съ пер. 90 к.

Соколовъ А. Ѳ. Методика закона Божія, для законоучителей нар. школъ. Изд. 3-е, испр. и дополн. Ц. съ пер. 1 р. 80 к. **Его-же.** Уроки христіанскаго ученія. Концентрическій учебникъ для нар. школъ съ трехгодичнымъ курсомъ. Ц. съ пер. 55 к. **Гапаннинъ,** д-ръ М. Письма врача къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и большимъ ребенкомъ. Ц. съ пер. 1 р. 55 к. **Віоле—ле—Дюкъ.** Исторія рисовальщика; какъ слѣдуетъ учиться рисовать, пер. А. Бутовскій. Ц. съ пер. 1 р. 55 к. **Диттесъ.** Исторія воспитанія и обученія. Пер. съ нѣм. Ц. съ пер. 1 р. 15 к. **Бинъ А.,** проф. Наука воспитанія. Полный пер. съ нѣм. Изд. ж. „Семья и Школа“. Ц. съ пер. 3 р. **Календарь и записная книжка для учащихся** на 1883—84 учеб. годъ, съ словаремъ иностр. словъ, употр. въ русск. языкѣ. Ц. съ пер. 60 к.

Висковатовъ Вал. Сборникъ игръ и занятій для семьи и школы, изд. II исправ. и дополн. статьею о собираніи минераловъ, съ 345 рисунк. въ текстѣ, большой томъ въ 657 стр. Спб., 1883 г. Ц. съ пер. 3 р. 50 к.

Іонова. Методика объяснительнаго чтенія, замѣтки о первоначальномъ преподаваніи русскаго языка. Спб. Ц. съ пер. 65 к.

Вороновъ А. Краткій элементарный курсъ геометріи съ 102-мя политип. и 257-ю задачами на вычисленія. Спб. Ц. съ пер. 75 к.

Его-же. Краткое руководство геометріи съ 233 политип. и 257 задачами на вычисл. Спб. Ц. съ пер. 1 р. 40 к.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ. Біографіи: Ломоносова, Кулибина, Власова, Слѣпушкина, Кольцова, Ермака Тимофѣевича, Меньшикова, Потемкина, Сперанскаго, Суворова, Минина и Пожарскаго, и Сусанина. Полезное чтеніе для нашихъ сельскихъ школъ, для дѣтей и народа. Сост. Волжинскій. Ц. съ пер. 30 к.

ПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ ДЛЯ ГРАМОТНАГО ПРОСТОЛЮДИНА. Сост. Волжинскій по сочиненіямъ: В. Даля, Гловинскаго, Крылова, Ушинскаго, Розенгейма, Никитина, Кольцова, Острогорскаго, С. Максимова, Некрасова и другихъ русскихъ авторовъ. Ц. съ пер. 30 к.

РОДНАЯ РѢЧЬ. Книжка для чтенія въ народныхъ школахъ для младшаго возраста, ста. Сост. Волжинскій. Ц. съ пер. 20 к. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ. Часть I-я, первая послѣ азбуки книга для чтенія, съ 32-мя рисунками въ текстѣ, исполненными Паннемакеромъ въ Парижѣ. Соч. П. П. Соколовскаго, по рукоядствамъ: Ушинскаго, Водовозова, Корфа, Тихомирова и др. Спб. Ц. съ пер. 35 к.

КАКЪ ЗАВЕЛИСЬ У НАСЪ ПРАВИЛЬНЫЯ АРТЕЛИ? Историческій разсказъ П. Александрова, съ приложеніемъ устава артели, утвержденной правительствомъ. Ц. съ пер. 12 к.

О ВРЕДНЫХЪ НАСѢКОМЫХЪ И О ВАЖНОСТИ ОХРАНЕНІЯ НАСѢКОМОЯДНЫХЪ ПТИЦЪ, какъ даровыхъ помощниковъ въ борьбѣ съ вредными насѣкомыми. Соч. В. Иверсена, изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб., 1883 г. Ц. съ пер. 20 к.

НАГЛЯДНОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ЖИВОТНЫМИ, водящимися въ Европейской Россіи. Зоологическій атласъ, содержащій въ себѣ изображенія и описаніе 340 животныхъ, преимущественно вредныхъ и полезныхъ, и слишкомъ 50 рисунковъ анатомическихъ. Сост. В. Иверсенъ. Рекомендуемо, какъ необходимое пособіе для женскихъ учебныхъ заведеній. Ц. съ пер. 2 р. 50 к.

ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ ОБЛАСТИ ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ И ЭТНОГРАФІИ. Соч. Томаса. Краткое оглавленіе: Открытія морскаго пути въ Индію, Америку, Австралію и Океанію, Сѣверныя и Южныя полярныя страны, пер. съ нѣмецкаго Гремина, со множествомъ рисунковъ и картою полушарій. Спб. Ц. съ пер. 1 р. 75 к.

ДІЭТА для страдающихъ желудочными болѣзнями. Соч. д-ра Виля, перев. съ 5-го нѣм. изданія Воскресенской. Спб. 1881 г. Цѣна съ пер. 1 р.

ДІЭТИЧЕСКАЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА для здоровыхъ и больныхъ, преимущественно страдающихъ желудкомъ. Соч. д-ра Виля, пер. съ нѣм. Воскресенской. Спб. 1881 г. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к.

Собраніе сочиненій А. В. Дружинина. Спб. 8 т., съ пер. 11 р. **Бесѣды съ дѣтьми** о растеніяхъ разныхъ странъ Ѳ. Тарапыгина. Одобрено для биб. учеб. зав. М. Н. Просв. Ц. съ пер. 1 р. 50 к. **Учебникъ нѣмецкаго языка.** Соч. Ф. Х. Лонгардта, изд. 6-е, ч. I съ пер. 30 к., ч. II—45 к. **Гдѣ на Руси наной народъ живетъ и чѣмъ промышляетъ.** Сочин. Александрова. Ц. съ пер. 30 к. № 3168

ПРОДАЖА сухихъ Кефирныхъ Грибковъ, для постояннаго приготовленія настоящаго коровьяго кумыса, цѣлебно-питательнаго и вкуснаго напитка. Цѣна за порц. грибковъ съ наставл. 3 руб. 50 к. съ пер. Кефирное Завед. М. Ботманъ въ СПБургѣ Вас. Островъ, Больш. пр. д. 43, кв. 3. № 3172 1—1

EAU D'HOUBIGANT

la plus apprécie pour la toilette.

Houbigant parfum. de la Cour de Russie Paris.

ПОВѢРЕННЫЙ по суд. дѣламъ. Знаменская ул. д. 36, кв. № 15. № 3173 1—1

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія.

ТОПОЛИНЪ или **ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ.**

М. М. Петрова.

Для лица № 1. Усовершенств. средство, уничтожающее прыщи, красныя пятна, загаръ, веснушки; при употребленіи лицо пріобрѣтъ здоровый и красивый цвѣтъ.

Для головы № 2. Дѣйствительно очищаетъ кожу отъ перхоти, освѣжаетъ голову, прекращаетъ головныя боли, почему прекращаетъ и выпаденіе волосъ.—Въ виду поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на клеймо (М. М. Петрова).

Цѣна флак. по 1 р. 25 к. и ½ фл. по 75 к.

Главные склады: въ аптекахъ и во всѣхъ московск. аптекарск. магазинахъ.

Продается: въ аптекахъ, аптекарскихъ и др. магаз. Россіи и заграницей.

Для гг. оптовыхъ покупателей установлена % скидка.

Съ треб. просятъ обращ. въ главный складъ: Москва, Никитская аптека Петрова, быш. Келлеръ. Но почтѣ высылается **не менѣе** 2 флак. за 3 р. 50 к.

Ц. № 3106 26—3

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Ручн. и ножн. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ **выметываютъ петли, вышиваютъ и шьютъ чрезъ край.** Подробный прейсъ-курантъ и пробныя петли высылаются безплатно.

А. ШТЕЙНЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская № 26.

Р. № 3.27 5—3

№ 3090 25—3

Изданіе **А. Ф. ДЕВРІЕНА,** СПБ., Вас. Остр., Румянц. площ., собств. домъ.

КАЛЕНДАРЬ № 3181

И СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА РУССКАГО

СЕЛЬСКАГО ХОЗЯИНА,

на 1884 г. Редакт. Ѳ. А. Баталина.

Цѣна 2 р. Перегыка отъ издатвл безплатно.

СЪ 40% ДОХОДА

фабричнов дѣло, за выѣздомъ переуступается за 7 т. р. Узн. до 12 ч. утра и отъ 6 ч. веч. Пзм. полъ, Троицкій прос., 6 (второй), кв. 4 Е. Р. Р. № 3165 1—1

Библиотека "Руниверс"

ЧТЕНІЕ ВЪ ВЕЛИКОМЪ ПОСТУ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ ИННОКЕНТІЯ,
Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго.
11 томовъ въ 8 д. л., съ портретомъ на стал. Ц. **28** р., съ пер. **32** р.

Изданіе посвящено Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ.

И въ царскихъ чертогахъ, въ палатахъ вельможъ и богачей, и въ домахъ людей средняго сословія, даже въ скромныхъ жилищахъ грамотныхъ простолюдиновъ—сочиненія Иннокентія доставятъ чтеніе назидательное и поучительное. Геніальный умъ „русскаго Златоуста", его глубокая и многосторонняя ученость, его блистательный даръ слова—останутся навсегда незабвенными для Россіи.

Чтобы каждый изъ православныхъ читателей въ состояніи былъ пріобрѣсти сочиненія знаменитаго русскаго богослова, выпущено:

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ Арх. ИННОКЕНТІЯ.
6 том. въ 16 д. л. Ц. **8** р., съ пер. **10** р.

Изданіе это заключаетъ въ себѣ избранныя сочиненія маститаго архипастыря.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ
Господа нашего Іисуса Христа
изображенное по сказанію всѣхъ четырехъ Евангелистовъ.
Архіепископа ИННОКЕНТІЯ.
Ц. **3** р., съ пер. **4** р.

Въ этомъ образцовомъ произведеніи найдетъ каждый подробное уясненіе всѣхъ событій послѣднихъ дней жизни нашего Спасителя, основанное на словѣ Божіемъ, умѣніе понимать внутреннее состояніе лицъ. Глубокое религіозное чувство автора произведетъ сильное впечатлѣніе на читателя и оживитъ его собственное благоговѣніе. Съ большою пользою прочтетъ эту книгу всякій маломальски образованный человѣкъ, начитанный крестьянинъ или мальчикъ, прошедшій съ успѣхомъ двухъ-классную школу. **(Отзывъ Комитета Грамотности).**

СЛОВА КЪ ПАСТВѢ ВОЛОГОДСКОЙ,
говоренныя во время управленія вологодскою паствою **Арх. Иннокентіемъ.**
8 д. л. Ц. **1** р., съ пер **1** р. **50** к.

БИБЛІЯ
или священная книга Ветхаго и Новаго Завѣтовъ.
Русскій переводъ, исполненный Святѣйшимъ Правительствующимъ Сунодомъ.
Роскошное иллюстрированное изданіе съ 230 рисунками Густава Доре.
Три тома въ б. 4 д. л. на веленев. бумагѣ. Ц. **40** р., съ пер. **45** р.; въ богатомъ коленкоров. перепл., съ золототисненіемъ и золотообрѣзомъ ц. **55** р., съ пер. **60** р., въ такихъ же шагренев. перепл. ц. **70** р., съ перес. **80** р.

Лишь при нынѣшней степени совершенства типографскаго искусства и современной намъ высоты художества ксилографическаго, явилась возможность дать въ доступной для всѣхъ формѣ картинную галлерею, составленную изъ двухъ сотъ тридцати изображеній лицъ и событій Священнаго Писанія. Геніальный художникъ Густавъ Доре съ удивительнымъ совершенствомъ воспроизвелъ священные образы, глубоко проникнувшись святостью и величіемъ своего предмета. Во всѣхъ образованныхъ странахъ „Библія" съ рисунками Густава Доре пріобрѣла себѣ громкую извѣстность и считается роскошнѣйшею изъ существующихъ книгъ.

СОБРАНІЕ АКАѲИСТОВЪ
Архіепископа ИННОКЕНТІЯ.
Ц. **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **75** к.

Изданіе это перепечатано гражданскимъ шрифтомъ съ изданія, разрѣшеннаго Св. Сунодомъ, и заключаетъ въ себѣ слѣдующіе акаѳисты: Акаѳистъ Пресвятѣй и Животворящей Троицѣ, Божественнымъ Страстемъ Христовымъ, Живоносному Гробу и Воскресенію Господню, служба и акаѳистъ святому Архангелу Михаилу, акаѳистъ Покрову Пресвятыя Богородицы и къ причащенію Св. Тайнъ. Всѣ эти акаѳисты отпечатаны крупнымъ и отчетливымъ шрифтомъ.

МЫСЛЕННЫЙ ВЕРТОГРАДЪ
для утѣшенія христіанства.
І. ЛУКІАНОВА.
16 д. л. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

Авторъ, священникъ, ведетъ нравоучительныя, назидательныя бесѣды о разныхъ вопросахъ религіи, какъ напр. объ утѣшеніи христіанина въ скорбяхъ и испытаніяхъ, о долгоденствіи, о близости втораго пришествія Господня и т. п.

Всѣ вышеозначенныя книги продаются въ книжныхъ магазинахъ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ **С.-Петербургъ**, Гостиный дворъ, 17 и 18, **Москва**, Петровка, домъ № 5.

ВЪ МАГАЗИНАХЪ
ПАВЛА БУРЕ
ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ
поставщика **Высочайшаго Двора,**
оцѣнщика при **кабинетѣ Е. И. В.,**
ТЕХНИКА ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА
и часовыхъ дѣлъ мастера
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ФЛОТА
въ С.Петербургѣ: на Невскомъ пр., № 23,
въ Москвѣ: Рождественка, № 6
СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ

Золотые дамскіе часы, закрытые, анкерные, на 15-ти камняхъ, заводящіеся ключемъ въ 50, 55, 60, 65, 75, 85, до 100 р.

Золотые мужскіе часы, закрытые, анкерные, на 15-ти камняхъ, заводящіеся ключемъ, въ 60, 66, 70, 75, 80, 85, 100 до 200 р.

Серебряные мужскіе часы, закрытые, анкерные, на 15 камняхъ, заводящіеся ключемъ, въ 19, 20, 22, 25, 30, 35, 40 до 60 р.

Ручательство на два года.

Пересылка на счетъ магазиновъ. № 3051
Подробные иллюстрирован. прейсъ-куранты высылаются по востребованію безплатно.

Товарищества
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ
НОВАЯ МУКОМОЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦА „ТРІУМФЪ"

ЦѢНОЮ въ СПБургѣ **175 р.**

ЦѢНОЮ въ Москвѣ **185 р.**

отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ системъ тѣмъ, что она при большой простотѣ, даетъ большое количество муки лучшаго качества, требуя при этомъ очень мало силы. Производительность ея до 15 пуд. муки въ часъ. **Кромѣ того Товарищество предлагаетъ: Универсальныя сѣялки въ разбросъ, Бермана,** лучшія настоящаго времени.

Джонстона знаменитыя жнеи Тріумфъ единствен. простыя, легкія и прочныя.

Конныя грабли Тигеръ по **75** руб. № 3096 6—5

Плуги заводовъ Берманъ и Фискарсъ. Маслобойки Блонштарда, соломорѣзки, молотилки, вѣялки по 35 р. насосы, пульзометры К. Генри Голля, пожарныя трубы, соломорѣзки, сверлильные станки, лебедки, арматуру, ремни и пр., и пр.

Иллюстр. каталоги по востребованію.
С.-Петербургъ, Вас. остр., I линія, № 10. Москва, Мясницкая, домъ Сытова.

МАГАЗИНЪ НОВОСТЕЙ
РУБИНЪ и К°,
бывшіе приказчики фирмы **„Петровъ и Медвѣдевъ"**, С.-Петербургъ, Владимірскій пр., д. № 10 (5-й д. отъ Невск. просп.).
для господъ иногородныхъ
печатается и будетъ высылаться безплатно съ 20-го февраля 1884 года
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ,
составленный съ возможною подробностью всѣхъ имѣющихся въ магазинѣ товаровъ съ обозначеніемъ цѣнъ на всѣ предметы торговли. Заказы высылаются какъ и всегда немедленно по полученіи денегъ, точнаго адреса и общепринятой мѣрки ясего роста, ширины груди, длины, таліи и полноты кругомъ плечъ. **Просимъ замѣтить, что полученіе новостей изъ-за-границы будетъ ежемѣсячное.** № 3179. 1—1

ЖЕЛАЮТЪ КУПИТЬ

хорошо сохранившіеся и полные экземпляры **„НИВЫ"** за **1870, 1874** и **1881** годы.

Съ предложеніями обращаться въ контору журнала „НИВА", Спб., Б. Морская, № 9.

Страхованіе пенсіи на старость.

ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себѣ пенсію (доходъ) въ

1,000 РУБ. ЕЖЕГОДНО,

уплата которой **начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста** застрахованнаго и продолжается до его смерти.

За это страхованіе слѣдуетъ платить Страховому Обществу „РОССІЯ" до начала пенсіи по **29 руб. 64 коп.** чрезъ каждые **три мѣсяца.**

Дальнѣйшія подробности въ **брошюрахъ**

СТРАХОВАГО ОБЩЕСТВА „РОССІЯ",

выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно **Правленіемъ въ С.- Петербургѣ** (Большая Морская, № 13) и **Агентствами.**

№ 2874

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,

озабочиваясь удешевленіемъ пути въ Іерусалимъ, нашло возможнымъ брать за проѣздъ въ 3-мъ классѣ **до Яффы и обратно:** отъ Москвы 46 р. 50 к., отъ Кіева 33 р., отъ Воронежа черезъ Таганрогъ 38 р.

Паломническія книжки для проѣзда продаются въ Петербургѣ: у протоіерея Михайловскаго, на Вознесенскомъ просп., въ д. Вознесенской Церкви, у В. Н. Хитрово, Мойка, 93, у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7; въ Троицѣ-Сергіевой Лаврѣ, у о. Агапита, въ Новой гостинницѣ; въ Москвѣ—у священника Срѣтенскаго, Б. Никитская, д. церкви Вознесенія; въ Кіевѣ—у іеромонаха Александра, въ Лаврской гостинницѣ, у протоіерея П. Г. Лебединцева, въ д. Софійскаго Собора, и у протоіерея Экземплярскаго, въ коллегіи Галагана, Фундуклеевская улица; въ Воронежѣ—у іеромонаха Платона, въ Митрофаніевомъ монастырѣ; въ Перми—у Д. Д. Смышляева; въ Казани—у Н. В. Саврасова, Черноозерская улица, д. Куракиных.

Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; купившіе оныя могутъ останавливаться въ Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ.

Для желающихъ получить билетъ 3-го класса только на переѣздъ моремъ, „Русское Общество Пароходства и Торговли" выдаетъ билеты. по предъявленіи заграничнаго паспорта **до Яффы и обратно** отъ Одессы или Севастополя за 24 р., отъ Таганрога за 29 р. и отъ Батума за 28 р.

Въ Одессѣ за свѣдѣніями и объясненіями можно обращаться къ протоіерею Кудрявцеву, въ Университетъ и къ М. И. Осипову, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго. № 3159 3—2

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ П. № 3167
въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Наставленіе не врачамъ. Переводъ съ нѣмецкаго Д-р. мед. Боголюбова. Съ рисунками въ текстѣ. Цѣна за экземпляръ 15 к., за 10—1 р. 30 к., за 100—12 р. съ перес.
Складъ у переводчика. Москва, Петровскія линіи, подъѣздъ № 3.

№ 1-Й ЖУРНАЛА
ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
вышелъ въ свѣтъ и разсылается подписчикамъ. Главная контора: Москва, Мясницкая, д. Кабанова. Подробная программа по требованію. Годовая плата съ перес. 12 р.
П № 3164 Ред.-изд. П. КРЕЧЕТОВЪ.

НѢТЪ ХУЖЕ НА СВѢТѢ,
какъ жить въ квартирѣ, въ которой находятся насѣкомыя; они отравляютъ всю жизнь порядочнаго и привыкшаго къ чистотѣ человѣка. До сихъ поръ не существовало ни ромашки, ни какого нибудь другаго состава, который бы оказался вполнѣ удовлетворительнымъ для ихъ истребленія.

НАКОНЕЦЪ НАЙДЕНО
самое дѣйствительное средство въ лицѣ **„РОМАШКИ БУРЕЛЬ".** Этотъ составъ по своему изумительно быстрому дѣйствію, вызвалъ вездѣ, гдѣ онъ былъ употребленъ, вполнѣ заслуженное удивленіе и похвалы. **„РОМАШКА БУРЕЛЬ"** уничтожаетъ **моментально** всѣхъ домашнихъ насѣкомыхъ, какъ-то: таракановъ, пруссаковъ, клоповъ, блохъ, муравьевъ, пауковъ и мокрицъ.

ОНА НЕ ВЫЗЫВАЕТЪ
головную боль, и не дѣйствуетъ вредно на дыхательные органы, какъ это бываетъ почти со всѣми другими существующими подобными средствами; она не ядовитая и вполнѣ безвредная для человѣка. Большая коробка 75 к., малая 40 к., безъ пересылки. Продается во всѣхъ хорошихъ аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграницы. Въ Москвѣ у Р. Кёлеръ и К°, Ретлингъ и Штокманъ, Лютеръ и Гиршфельдтъ. Въ С.-Петербургѣ и Харьковѣ въ Русскомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами. **Главный складъ у Александра Вейцель, Ст.-Петербургъ, Казанская, № 3.**
Ц. № 3101 2—2

П. К. БІЕНЖЕ.
С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., по Карповкѣ, д. № 51.

Комнатные фонтаны, акваріумы, террарій, комнатные аппараты для купанія etc. etc. Иллюстрированный прейсъ-куранты безплатно и франко

№ 3177. 1—1

ХОПАКЪ
изъ оперы „МАЗЕПА"
П. ЧАЙКОВСКАГО.

Цѣна партитуры—2 руб
„ Оркестр. голосамъ—4 руб.
„ Для ф. н. въ 4 руки—1 руб.
„ „ „ 2 руки—60 коп.

Печатается:
2-ая СЮИТА ЧАЙКОВСКАГО.
Москва у **П. ЮРГЕНСОНА**
Неглинный проѣздъ 10. П. № 3162 1—1

При этомъ № прилаг. для гг. иног. подп.: 1) прейсъ-нурантъ отъ чайн. маг. О. Корещенко въ Москвѣ; 2) объявл. отъ кн. маг. А. М. Земскаго въ Москвѣ (послѣдн. за исключ. московск. подп.), и 3) для городск. СПБ. подписч., получающ. „Ниву" по почтѣ, объявл. отъ кн. магаз. И. Л. Тузова въ СПБ.

Дозволено цензурою. СПБ. 15 февраля 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 8 | годъ XV | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) рази. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выдань 25 Февраля 1884 г.

Открыта подписка на „Ниву" 1884 года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Марк. 70 Pfen. для заграни.) за строку иоипарейль (въ 1/6 ширины страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. П. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ. въ Д. № 9
И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 8 ч. ВЕЧЕРА.

Профессоръ баронъ М. К. Клодтъ.

Обиліе молодыхъ пейзажистовъ и вообще благосклонность нашей публики къ произведеніямъ новѣйшей пейзажной живописи, имѣющей, безъ всякаго сомнѣнія, много высокихъ качествъ, не должны заслонять передъ нами заслугъ тѣхъ нашихъ художниковъ, которые въ 50 и 60 годахъ положили основаніе строго національной пейзажной школѣ, занявшись исключительно изученіемъ нашей родной русской природы. Среди этихъ художниковъ имя барона Михаила Константиновича Клодта не можетъ быть забыто ни въ какомъ случаѣ въ исторіи русской пейзажной живописи, такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ Айвазовскимъ, Лагоріо, Мещерскимъ, неутомимо трудился на избранномъ имъ художественномъ поприщѣ.

Баронъ Михаилъ Константиновичъ Клодтъ фонъ Юргенсбургъ родился въ С.-Петербургѣ въ 1832 г. и учился живописи въ нашей Академіи Художествъ, избравъ пейзажъ своею главною спеціальностью. Получивъ двѣ серебряныя и 2-ую золотую медаль, Михаилъ Константиновичъ въ 1858 году удостоился 1-й золотой медали за картину „Видъ близъ Риги", въ которой уже ясно обрисовался его недюжинный и оригинальный талантъ, замѣченный впрочемъ уже и въ его предшествовавшихъ произведеніяхъ, какъ напр. въ „Видѣ на островѣ Валаамѣ". Пребываніе заграницей дало новые, богатые мотивы нашему художнику, особенно его экскурсіи по Швейцаріи и Нормандіи. Въ это время онъ едва не сдѣлался маринистомъ подъ обаяніемъ нормандскаго прибрежья, которое онъ изобразилъ въ своей картинѣ „Ночь въ Нормандіи", но любовь къ родной природѣ пересилила, и по возвращеніи на родину нашъ художникъ снова принялся за изображеніе нашего сѣвера.

Проф. баронъ М. К. Клодтъ-фонъ Юргенсбургъ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Въ 1862 г. Михаилъ Константиновичъ удостоился степени академика за пейзажъ „Долина въ Лифляндіи", появившійся тогда же на академической выставкѣ и вызвавшій лестныя похвалы критики, которая признала въ молодомъ художникѣ „счастливый выборъ эффектовъ, удачную передачу тихой воды съ отраженіемъ темной массы де-

Библиотека "Руниверс"

ревьевъ". Слѣдующія затѣмъ произведенія Михаила Константиновича, еще болѣе утвердили его репутацію, какъ пейзажиста въ высшей степени добросовѣстнаго и близкаго къ природѣ. Такова его „Осень", появившаяся въ 1863 г. и нынѣ красующаяся въ коллекціи Третьякова. Затѣмъ была написана въ 1867 году интересная по поэтичности замысла и выполненія „Аллея въ березовой рощѣ", а въ 1870 году „Полдень", въ которомъ удачно схваченъ общій видъ русской деревушки въ полуденный часъ лѣтняго зноя. Профессоромъ Михаилъ Константиновичъ выбранъ въ 1862 г. и къ тому же времени относится появленіе его извѣстной картины „Видъ въ Орловской губерніи", очень ярко и живо знакомящей какъ съ характеромъ сельскаго быта орловской губерніи, такъ и съ ея природой.

Изъ послѣднихъ произведеній нашего художника можно упомянуть еще объ одномъ, еще разъ доказывающемъ крѣпость и силу его таланта. Это произведеніе—„Видъ на Волгу въ Симбирскѣ", писанное въ 1882 году, нынѣ принадлежащее Е. В. Великому Князю Владиміру Александровичу.

Въ старой Москвѣ.

Историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ,

Гр. Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Прежде всего Борщевъ спросилъ себя мысленно: отчего онъ, видалъ Орлова не разъ въ Петербургѣ, на улицахъ и въ трактирахъ и никогда не только не смущался, но даже не обращалъ на него особеннаго вниманія. Разъ только позавидовалъ онъ его чудовищной силѣ, которой отличались всѣ братья-богатыри. Почему же онъ теперь смутился? Недавно онъ ткнулъ въ него пальцемъ Хрущеву, когда онъ мимо нихъ проѣзжалъ по Никитской. Онъ даже обругалъ его. А тутъ струсилъ! И самъ не зналъ отчего струсилъ? Дѣла пустаго не могъ въ трехъ словахъ изъяснить.

Затѣмъ невольно Борщевъ сталъ сравнивать того цалмейстера Орлова, „Гришутку-ведмѣдя", который жилъ въ квартирѣ на Морской и кутилъ на весь міръ... И этотъ генеральсъ-адъютантъ, здѣсь, въ палаткахъ села Петровскаго...

— Вѣдь онъ все тотъ же Гришутка-силачъ и чертоломъ! вслухъ сказалъ Борщевъ.

Чрезъ минуту честная и умная натура рѣшила иначе.

— Нѣтъ, не тотъ же. Эдакъ стало быть всѣ—пройдохи. Вѣдь и Разумовскіе, стало быть... Вѣдь они и вовсе казаки были. А вѣдь мы всѣ Разумовскихъ почитаемъ графами, почитаемъ одного за фельдмаршала, другаго за гетмана. А Орловыхъ ругаемъ. Скажутъ, что они будутъ графами, кричимъ: срамота! Что-жь это? Хрущовъ правду сказалъ.

— Это все наша зависть говоритъ! снова вслухъ рѣшилъ сержантъ. Хрущевъ правъ: обиды и раззоренья отъ него никому. Царица отличила, а насъ завидки берутъ.

Мысль его перешла на Гурьевыхъ. Они отчего изъ кожи лѣзутъ? Все тоже...

— Да и многіе, многіе офицеры гвардіи, заговорилъ Борщевъ, даже бывшіе пріятели Орловыхъ, теперь ихъ ругаютъ повсюду всячески за глаза—все изъ за одной зависти. Если бы хохлы какіе, казаки, пришли бы при покойной императрицѣ поносить всячески Разумовскихъ—мы бы ихъ на смѣхъ подняли, а сами тоже дѣлаемъ!

Борщевъ презрительно засмѣялся.

— Люди всѣ одинаковы на свѣтѣ родятся, заговорилъ онъ опять вслухъ. Есть, правда, глупые, есть злые... Но все таки одинаковые. Но фортуна на свѣтѣ все творитъ... Вотъ познай меня фортуна и я тоже получу... Что?! Что?! воскликнулъ сержантъ, будто разсердившись на себя. Что мнѣ нужно? Развѣ мнѣ это нужно? Это?! Сановничество? Вельможество? Ну ихъ къ Богу! Мнѣ одну Анюту нужно! Да. Все отдалъ бы за нее. Будь я генеральсъ-адъютантъ — я бы и это отдалъ. Говорятъ, душу свою сатанѣ продаютъ люди чрезъ колдуна, чтобы получить желаемое. Страшно! А какъ подумаешь... Ей Богу, инъ бываетъ!.. такъ бы сейчасъ и продалъ. Только Анюту дай въ обмѣнъ.

И мысли Борщева перешли на любимую дѣвушку и на поведеніе дѣда. Анюта передала ему еще вчера свои подозрѣнья, что отецъ что-то будто скрываетъ и что становится ей непонятнымъ, что она начинаетъ бояться смутно чего-то новаго, внезапнаго и пожалуй горькаго.

— Богъ его знаетъ, что у него въ головѣ, думалъ Борщевъ. Я бы себя и въ домъ не пустилъ. Вѣдь это мучить только людей, позволять видѣться, чуть не жить вмѣстѣ... а брака не дозволять. Сказываетъ онъ, что мы родня. Правда. Но вѣдь самъ сказываетъ, что за границей эдакая родня вѣнчается и Богъ благословляетъ бракъ. А вѣдь нѣмцы или французы хоть иной вѣры, а все же въ Бога и Христа вѣруютъ по нашему.

Глубоко поглощенный и занятый своими мыслями, сержантъ незамѣтно доѣхалъ до города. Помыслы его объ Анютѣ всегда кончались однимъ рѣшеньемъ:

— Обождемъ! Либо помретъ дѣдъ... либо просто, какъ сказывалъ разъ Ахметка—махну по татарски, по нихнему... Сграбилъ да самокруткой и повѣнчался. А тамъ суди насъ да въ тюрьму сажай. Отсидимъ, либо убѣжимъ въ Крымъ, а то въ королевство Польское. Я съ ней хоть въ Турцію уйду и въ Магометову вѣру пойду. Ея мать была магометанка—ей за матерью назадъ не страшно, а мнѣ за ней не страшно.

XXV.

Покуда Борщевъ неудачно хлопоталъ о своемъ производствѣ въ офицеры въ Петровскомъ, а затѣмъ вернулся домой въ квартиру Гурьева усталый и недовольный—въ домѣ князя Лубянскаго произошло цѣлое событіе, которое какъ громъ поразило Анюту.

Не даромъ князь слылъ на всю Москву за упрямицу и за чудака. Одна княжна не соглашалась и не хотѣла видѣть въ отцѣ чудака, такъ какъ ей казалось, наоборотъ, что отецъ всегда здраво и душевно относится ко всему и никакихъ чудачествъ не дѣлаетъ. Развѣ только домъ свой не хочетъ подновлять, не изъ скупости, а изъ прихоти, чтобы его „братецъ" и ровесникъ былъ съ виду такой-же неприглядный старикъ, сѣдой и съ морщинками, т. е. некрашеный и съ обвалившеюся мѣстами штукатуркой, гдѣ краснѣли кирпичи.

Но вдругъ 20-ти-лѣтъ отъ роду, княжнѣ Анютѣ, внезапно пораженной, пришлось подумать по неволѣ:

— Не рехнулся ли батюшка-родитель? Или всегда онъ былъ чудакъ, да мнѣ непримѣтно то было, какъ чужимъ людямъ.

Князь въ это утро позвалъ къ себѣ дочь и усадивъ около себя, ласково заговорилъ съ ней.

— Побесѣдуемъ дочушка, началъ князь. Бесѣду нашу ты обсуди. Всякое мое слово запомни и у себя въ горницѣ вспомяни, мыслями въ умной своей головкѣ раскинь и приди мнѣ свое согласіе принеси, какъ почтительная къ родителю и любовная дочь.

— Что такое, батюшка? невольно удивилась княжна, раскрывъ широко свои черные блестящіе глаза, которые не одного недоросля въ Москвѣ съ ума свели. Смутный страхъ нашелъ на нее.

— А вотъ все сейчасъ выложу, а ты слушай. Начну я прямо: пора тебѣ замужъ.

— Эхъ, батюшка!... Я думала, что важное случилось, воскликнула княжна.

— Очень важное. Были все пустяки. А теперь важно.

Библиотека "Руниверс"

— Опять сваты?.. Ну и Богъ съ ними. Дорожка проторенная отъ дому въ ворота и во свояси.

— Нѣтъ. Теперь такъ ужь нельзя... Время шло, шло и стало ужь уходить... Его не вернешь!.. Можетъ совсѣмъ пройти! И не поймаешь потомъ... Слушай!..

И Артамонъ Алексѣевичъ сталъ дочери доказывать, что онъ становится старъ, нога все пуще болитъ, того и гляди подагра изъ ноги въ грудь переползетъ и онъ вдругъ окажется на столѣ, а дочь въ дѣвицахъ.

— Вы еще, Богъ дастъ, долго проживете! сказала Анюта. А если когда Господь васъ къ себѣ позоветъ, да буду я въ дѣвицахъ, — что за бѣда. Я и одна проживу! Состарѣюсь совсѣмъ, въ монастырь поступлю. Пожертвую все состоянье въ этотъ монастырь и сама въ игуменьи попаду. И занятье будетъ на всю жизнь...

И княжна постаралась разсмѣяться, хотя на душѣ была тревога.

— Ты не смѣйся. Нынѣ мы рѣчь нашу пустяками не кончимъ. Ты выслушай, все обсуди и приди ко мнѣ съ отвѣтомъ, хоть черезъ недѣлю. Время терпитъ. Болѣе недѣли я тебѣ дать не могу. За тебя посватался сенаторъ Камышъ-Каменскій.

— Ну-съ?... могла только выговорить Анюта.

— Ну вотъ... Онъ свата присылалъ. Да не простаго, онъ приходится дядей графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому.

— У графа, батюшка, такого нѣтъ дядюшки! Развѣ простой казакъ какой съ Украйны! желчно произнесла княжна.

— Родственникъ графа, говорю тебѣ. А какъ онъ тамъ ему приходится, не знаю. Ну вотъ, онъ сватаетъ сенатора.

— Ну и Христосъ съ ними: и съ сенаторомъ, и съ графомъ, и съ сватомъ. Коли они всѣ хохлы—то по ихнему обычаю—вы и дайте ему арбузъ или тыкву...

— Зачѣмъ?

— Дайте, говорю. Или съ Ѳеофаномъ пошлите сенатору на домъ. Онъ пойметъ...

— Нѣтъ, дочушка. Это все пустое. Онъ сватается, а я его въ зятья хочу себѣ.

— Батюшка. Вы шутите шутки. Да хуже этого жениха у меня не бывало. Онъ старикъ, вашъ, почитай, ровесникъ!..

— Хочу я его въ зятья... И на этомъ я сталъ! И съ этого я не сойду! выговорилъ князь. Коли ты мнѣ дочь, то исполни мое желаніе родительское — видѣть тебя за нимъ замужемъ—покуда я еще живъ и здоровъ. Коли ты моего желанія отцова не захочешь исполнить, то тогда...

— Что же?... уже совсѣмъ смутясь, трепетно проговорила княжна.

— Тогда... Князь задумался, видимо колеблясь, опустилъ глаза въ землю, но твердо произнесъ наконецъ:— Тогда, прости меня, дочушка, а тебѣ все таки быть за нимъ противъ твоей воли.

— Какже это?... упавшимъ глухимъ голосомъ промолвила княжна.

— Какъ бы тамъ ни было!

— Батюшка... Я... я вѣдь не совсѣмъ россійская дѣвушка, дрогнувшимъ голосомъ произнесла княжна. Вы сами всегда сказывали мнѣ, что у меня нравъ татарскій, дикой, что со мной нельзя обходиться какъ съ другими дѣвицами. Ну, вотъ я вамъ и скажу прямо, простите меня... А я скажу прямо... Заплакала вдругъ Анюта и ставъ на колѣни предъ сидящимъ отцемъ, она выговорила твердо: Я ни за что не пойду за этого хохла.

— Отдадутъ... промолвилъ тихо князь, глядя не на дочь, а въ сторону

Княжна почувствовала, что ея тревога и смущенье исчезаютъ и на мѣсто ихъ поднимается въ душѣ глухая буря.

— Какъ отдадутъ?.. Нельзя-же силой свести въ храмъ? вдругъ тихо и спокойно заговорила Анюта.

— Можно. Сведутъ! тѣмъ-же голосомъ выговорилъ князь.

— Скрутятъ по рукамъ и ногамъ и потащутъ... начала уже улыбаться дѣвушка, хотя побѣлѣвшія губы дрожали, произнося слова. Въ храмъ Божій какъ поклажу внесутъ и будутъ вѣнчать... скрученную веревками?

— Скрученную!... Можно не веревками, а шелковымъ кушачкомъ.

— Вамъ этого не дозволятъ. Судить будутъ за срамъ въ церкви.

— Не здѣсь, дочушка. Въ подмосковной, свой попъ все сдѣлаетъ что повелю!

Наступило молчанье. Княжна положила руки на колѣни отца и нагнулась, старанъ заглянуть въ его опущенные глаза... Но князь еще болѣе опустилъ рѣсницы, будто не имѣя силы выдержать взгляда дочери.

— Батюшка... Я кажется ума рѣшаюсь... Вы ради забавы все это?... Скажите мнѣ. Я не вѣрю ушамъ...

Князь молчалъ и только тяжело вздохнулъ.

— Батюшка. Вѣдь еслибы я была, какъ прежде, разумомъ и сердцемъ свободная, я бы пошла за кого бы вы пожелали, заговорила княжна, стараясь сама себя успокоить и сдержать. Но теперь нотъ уже годъ... вы знаете... Грѣхъ замужъ идти, когда не женихъ, а другой на умѣ и на душѣ. Господь этого брака не благословитъ и за обманъ такой накажетъ. Вѣдь кромѣ Бориса, я никого не полюблю. Онъ мой нарѣченный и суженый и до могилы такимъ и будетъ.

— Объ этомъ сказано ужь тебѣ, строго вымолвилъ князь, думать ты можешь — я запретъ на твои мысли положить не могу... Но говорить мнѣ объ этомъ ты не смѣй. Для меня есть на свѣтѣ Борисъ-внукъ. У тебя есть Борисъ-племянникъ, а Бориса суженаго нѣтъ. И по закону православному быть не можетъ.

Княжна вскрикнула тихо и порывисто поднялась съ полу на ноги. Князь невольно поднялъ глаза на дочь. Она стояла вся вытянувшись, чуть чуть откачнувшись назадъ, точно собиралась прыгнуть, какъ прыгала иногда въ дѣтствѣ, напоминая горныхъ козъ. Лице ея было блѣдно какъ снѣгъ, а глаза разгорѣлись и сверкали на отца.

— Я убѣгу изъ дому... прошептала она едва слышно, но въ этомъ шопотѣ былъ не страхъ гнѣва отца, а огневая страсть и сила бунтующей въ сердцѣ южной крови.

— Куда? тихо отрѣзалъ Артамонъ Алексѣевичъ.

— Куда глаза глядятъ... На край свѣта...

— Такого края нѣтъ у свѣта. Можетъ топиться соберешься?

— Нѣтъ. Топиться я не стану. У меня будетъ надежда, что вы одумаетесь и безъ меня не захотите жить одни. Голосъ Анюты задрожалъ вдругъ и прервался... Вы меня позовете, простите и мы опять заживемъ по старому—тихо, мирно... какъ жили до сей поры... Вы меня прежде... любили. Голосъ княжны упалъ, взоръ затуманился и слезы показались опять на глазахъ.... Чувство, которымъ звучалъ ея голосъ, коснулось и князя... Лице его слегка поморщилось. Онъ будто крѣпился, чтобы не заплакать...

Анюта уже собиралась броситься на шею къ отцу и конечно побѣдить его всесильнымъ оружіемъ своей любви, которая была въ ней къ отцу, всегда ее лелѣявшему всю ея жизнь.

Но князь вдругъ поднялся и выговорилъ сухимъ, рѣзкимъ голосомъ, который дочь рѣдко слышала и ненавидѣла:

— Ступай къ себѣ. Одумайся... Даю недѣлю сроку... Чрезъ недѣлю дай отвѣтъ: хочешь-ли по доброй волѣ идти за сенатора и вѣнчаться по людски и по Божьему. Не одумаешься, дочь, будешь перечить мнѣ, стращать меня разными страхами... я тебя обвѣнчаю на свой ладъ, не взыщи.

Библиотека "Руниверс"

Торжественное освященіе Муро въ Москвѣ въ Крестовой палатѣ, на Страстной недѣлѣ.
Ориг. рис. съ натуры В. Емановьева, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

— Скрученную?! Силкомъ?! снова съ усмѣшкой заговорила и княжна.

— Да. дочушка. Что-жь дѣлать? Потомъ сами оба посмѣемся, когда стерпится съ мужемъ, да полюбишь его.

— Это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее...

— Ну, а мое послѣднее будетъ: Грѣхъ вамъ! Я же мужа и Господа Бога обманывать не могу. И если я не съумѣю убѣжать изъ родительскаго дома и вы меня поймаете, да запрете до свадьбы, то вѣнчать меня будете связанную по рукамъ и ногамъ.... Сама я не двинусь!

— Такъ и знать будемъ. Такъ все и приготовимъ, ваше сіятельство.

— Да. И вѣнцы, и свѣчи, и веревки... А когда повѣнчаете, я все таки жить съ мужемъ не останусь. Тогда надо будетъ ужъ на цѣпь меня посадить, заковать.

Въ дверяхъ показалась Настасья Григорьевна и шла съ своей заморской птицей на рукѣ, которую несла показать князю.

— Ну, при ней помолчимъ... сказалъ князь. Ступай къ себѣ. Успокойся... Прошу только, никому ни слова не говори. Соленушкѣ можешь... А больше никому.

Княжна, вся горя какъ въ огнѣ, быстро вышла, почти выбѣжала изъ комнаты отца.

Ей казалось, что она видѣла страшный сонъ и что она еще не совсѣмъ проснулась... Но вотъ!.. Проснется!.. Сейчасъ!.. И все это ужасное, дикое, томящее душу исчезнетъ какъ дымъ!..

Разумѣется, княжна тотчасъ-же передала все своей Соленушкѣ.

Мамка сначала не повѣрила, затѣмъ рѣшила, что это дѣло не чисто Что князь извѣстный „загадчикъ" и въ этомъ неожиданномъ рѣшеніи участи любимой единственной дочери тоже „себѣ на умѣ".

Не имѣя однако возможности найти какое либо объясненье поступка князя—Соленушка порѣшила, что если Артамонъ Алексѣевичъ дѣйствительно желаетъ выдать за мужъ дочь за сенатора, дурнаго и стараго — то онъ рехнулся.

Отъ этого объясненія было не легче! А между тѣмъ облегченье было необходимо—и княжнѣ, и ея мамкѣ.

И на другой день Соленушка рано вышла изъ дому, чтобы узнать судьбу своего дѣтища. Она отправилась къ знаменитой во всей Москвѣ колдуньѣ-гадалкѣ, которая уже лѣтъ тридцать предсказывала судьбу москвичей, отъ бояръ и вельможъ до простыхъ дворовыхъ холоповъ.

Для дома князя когда-то той же, еще молодой татаркѣ, Саліэ—гадалка предсказала смерть больной княгини Лубянской, матери Анюты. Въ другой разъ она обращалась къ этой женщинѣ по случаю крупной кражи въ домѣ и тоже удачно. Колдунья сказала, что ни вора, ни денегъ не найдутъ, что послѣ и оправдалось. На этотъ разъ гадалка такихъ „страстей" напророчила Соленушкѣ, что мамка вернулась домой, какъ изъ бани, пунцовая и ошалѣвшая.

Гадалка предсказала женщинѣ въ скоромъ времени неожиданную свадьбу въ семьѣ ея, но хуже похоронъ, и одновременно нѣсколько покойниковъ въ домѣ. А затѣмъ лицамъ близкимъ для гадающей большую бѣду—острогъ и чуть не Сибирь... А уже послѣ всего этого ужаса, все кончилось благополучно. Соленушка была поражена какъ громомъ.

Если гадалка, незнающая ее въ лицо, увидала въ лоханкѣ съ простой водой, куда опустила нѣсколько углей,—свадьбу въ домѣ и не веселую, т. е. настоящее—то очевидно она равно могло увидѣть и будущее.

Мамка конечно ни слова не проронила княжнѣ объ этомъ гаданьи.

XXVI.

Москва зашумѣла сильнѣе, разукрасилась и ликовала. 13-го сентября совершился торжественный въѣздъ императрицы изъ села Петровскаго въ городъ, и присутствіе государыни въ Кремлѣ, казалось, еще болѣе оживило всѣ улицы Бѣлокаменной. Народъ, собравшійся изъ окрестностей столицы, ради лицезрѣнія новой императрицы, днемъ сновалъ по городу и запружалъ улицы и переулки, а ночью, не имѣя конечно ночлега и пристанища, располагался спать кучами на площадкахъ и лужайкахъ подъ открытомъ небомъ. Иногда, кой-гдѣ, эти московскіе гости, пробираемые въ темную сентябрскую ночь осеннимъ морозцемъ, раскладывали костры и жались въ повалку вокругъ пылающихъ и тлѣющихъ головней. Москвичи косились на эти костры, въ особенности когда ночь бывала вѣтряная, и ворчали:

— Сожгутъ насъ эти деревенщики!

Но дѣлать было нечего. Начальство не вступалось въ дѣло. Полиціймейстеръ приказалъ совѣтовать „гостямъ", чтобы они преимущественно располагались на сонъ грядущій по лужайкамъ на окраинахъ Москвы и въ Земляномъ городѣ, а не въ Бѣломъ, да чтобы костры дѣлали поменьше.

На жалобы обывателей, начальство отвѣчало, что „авось" Богъ милостивъ, не заморозитъ-же пришлый народъ, неимѣющій крова.

Московскіе богачи-хлѣбосолы, которыхъ было не мало, широко растворили двери своихъ палатъ. Обѣды, ужины, балы и всякія затѣи чередовались. Дней не хватало и часовъ не хватало. Иной питерскій сановникъ при всемъ желаніи никого не обидѣть—все-таки не могъ въ одинъ день или вечеръ попасть во всѣ дома, куда его приглашали.

Всюду, на всѣхъ пирахъ и балахъ шли однѣ и тѣже бесѣды и только объ предстоящемъ коронованіи и при этомъ три вопроса являлись главными—не сходили съ устъ какъ питерскихъ гостей, такъ и московскихъ бояръ. Будетъ-ли учрежденъ верховный императорскій совѣтъ; будутъ-ли возвращены духовенству отобранныя Петромъ Ѳедорычемъ вотчины и будетъ-ли генералъ-адъютантъ государыни вмѣстѣ съ братьями возведенъ въ графское достоинство? Этими тремя вопросами исчерпывались всѣ бесѣды, споры, толки и пересуды и москвичей, и питерцевъ.

Но къ этимъ вопросамъ, обсуждавшимся громко, присоединялся еще одинъ вопросъ, жгучій, животрепещущій, огромнаго значенія для государства, который служилъ темой таинственныхъ разговоровъ, глазъ на глазъ, шепотомъ и съ опаской.

Въ Москвѣ упорно стали ходить слухи, о которыхъ и помину не было въ Петербургѣ, за всѣ два мѣсяца новаго царствованія. Молва въ обществѣ тайкомъ передавала всякій вздоръ.

Однако лица, болѣе близкія ко двору и царицѣ, называли эти всѣ слухи московской сплетней и смѣялись.

Повсюду слышались толки и пересуды.

Повсюду равно шло и веселье.

Только въ домѣ князя Лубянскаго, какъ бы у опальнаго боярина или у строптиваго вельможи, злобствующаго, было тихо, уныло и даже темно сравнительно съ сотнями огней, блиставшими повсюду. Близкіе люди, заглянувъ къ князю, недоумѣвали и ворчали, уѣзжая.

— Что то не ладно у Артамона Алексѣича! Вѣкъ этотъ человѣкъ загадки загадываетъ своимъ пріятелямъ. Тутъ Москва ходуномъ ходитъ, а у него будто на смѣхъ, подумаешь, хворые въ домѣ или бѣда какая...

Въ домѣ князя дѣйствительно была если не бѣда, то смута всеобщая, полная, невылазная. Отъ самого владѣтеля палатъ и отъ его дочери, до послѣдняго дворового человѣка—всѣ ходили, какъ въ угарѣ, косо поглядывали, угрюмо переговаривались и перешептывались. И всѣ чуяли, что въ домѣ что то не ладно. Вотъ, вотъ, ахнетъ и свалится на всѣхъ такое, что ложись и помирай.

Князь и княжна знали въ чемъ дѣло. Отецъ далъ

Библиотека "Руниверс"

дочери недѣлю на обсужденье своего предложенія на счетъ сватовства сенатора.

Три дня княжна почти не выходила изъ своей спальни, сказывалась больной. Она появлялась только къ столу, сидѣла и кушала молча, почти не подымая ни на кого глазъ и положительно ни разу не глянувъ въ лице отца.

Князь ограничивался бесѣдой съ Настасьей Григорьевной, или съ гостемъ, который случайно оставался обѣдать. Иногда князь пробовалъ шутить и балагурить и хотя голосъ его былъ неподдѣльно веселъ, но въ шуткахъ его чуялась принужденность... Выходило все нескладно, сказывалась цѣль „для отводу глазъ". Гость, косясь на всѣхъ, тоже прикусывалъ языкъ и спѣшилъ послѣ стола уѣхать, чувствуя, что онъ бѣльмомъ на глазу въ домѣ, гдѣ „что-то дѣется", гдѣ смута и раздоръ.

Настасья Григорьевна первые дни приставала къ княжнѣ, не хворастъ ли она, выспрашивала князя и недоумѣвала. Ее увѣряли, что ничего нѣтъ важнаго, а просто князь съ дочерью повздорили и дуются другъ на дружку.

Одна Агаша по прежнему беззаботно смѣялась и бѣгала по большому дому, не замѣчая смуты.

Борисъ былъ въ домѣ дѣда два раза; князь и его принималъ особенно ласково, распрашивалъ о дѣлахъ по службѣ, о производствѣ. Княжна съ нимъ не говорила и даже не глядѣла на него.

Въ первый же день Борисъ увидѣлъ и замѣтилъ все, но спросить и узнать въ чемъ дѣло—было некого. Съ княжной наединѣ ему не удавалось остаться. Мать и сестра не могли быть въ помощь. Однако, явившись на другой день къ обѣду, Борисъ встрѣтился съ сенаторомъ въ кабинетѣ князя и чутьемъ влюбленнаго сердцемъ, а не разумомъ, сразу все понялъ. Или князь умышленно проговорился, или глаза его, ласково и любовно обращенные на сенатора, были слишкомъ краснорѣчивы или сенаторъ обмолвился...

Кажется, ничего не было сдѣлано или сказано, а между тѣмъ Борисъ все зналъ, догадался, встрепенулся сердцемъ, и... не испугался, не упалъ духомъ, а напротивъ, будто обрадовался.

Обрадовался близости развязки давнишнихъ тяжелыхъ и запутанныхъ обстоятельствъ.

Не говоря почти ни съ кѣмъ ни о чемъ, жалуясь на головную боль и усталость, Борисъ пробылъ въ домѣ недолго и собрался домой.

Но вмѣсто того чтобы ѣхать на Плющиху—Борщевъ зашелъ въ конюшню князя и кликнулъ Ахмета-Прохора.

— Ахметъ! Мнѣ сдается, бѣда пришла... началъ Борисъ взволнованнымъ голосомъ, хотя еще надѣясь на опроверженіе своихъ подозрѣній.

— Да, Борисъ Ильичъ... Время терять нечего...

И Ахметъ подробно передалъ Борщеву все, что зналъ отъ мамки Соленушки и слѣдовательно отъ самой княжны.

— Я ее не уступлю! глухо выговорилъ Борщевъ.

— А то какъ же! Мы такъ и порѣшили съ мамушкой, отозвался Ахметъ. Завтра утромъ я, раньимъ рано, буду у вашей милости и передамъ вамъ, какъ первое дѣло сдѣлать, а потомъ ужь и всѣ другія дѣла.

— Какое первое...

— Первое будетъ... Какъ вамъ съ княжной глазъ на глазъ повидаться, да не на полчаса, а часа на четыре, чтобы все толково переговорить и все порѣшить, какъ дѣйствовать.

И Ахметъ обѣщалъ Борщеву быть у него по утру уже съ отвѣтомъ на этотъ первый, трудный вопросъ.

Когда Борщевъ простился съ княземъ, то онъ собирался уже выѣзжать со двора. Вообще за это время Артамонъ Алексѣевичъ выѣзжалъ много и часто. Прежде Анюта всегда знала, гдѣ отецъ бываетъ, такъ какъ каждый вечеръ онъ подробно разсказывалъ дочери, кого видѣлъ и о чемъ бесѣдовалъ. Теперь княжна, конечно, ничего не знала. Тѣмъ не менѣе, разъѣзды отца по городу были княжнѣ извѣстны чрезъ мамку, узнававшую все отъ любимца князя, кучера, который если и не самъ всегда выѣзжалъ съ бариномъ—все таки зналъ, гдѣ князь бываетъ.

Княжну смущало то обстоятельство, что отецъ за послѣднее время былъ у митрополита Петербургскаго, Сѣченова, и былъ два раза у Ивана Григорьевича Орлова, москвича, брата фаворита, съ которымъ онъ и прежде былъ знакомъ, но часто не посѣщалъ. Эти визиты смущали княжну.

Она не могла объяснить себѣ таинственнаго смысла, который ей въ этомъ казался, такъ какъ отецъ не могъ поступать безъ цѣли.

XXVII.

Борщевъ вернулся домой озабоченный. За два дня передъ тѣмъ, онъ перебрался на житье въ квартиру Шипова, отъ шуму и вѣчныхъ сборищъ въ домикѣ братьевъ Гурьевыхъ, и теперь ему было удобнѣе. Онъ замѣтилъ, что товарищи немного обидѣлись на него за этотъ поступокъ и онъ раза два заходилъ къ нимъ, умышленно выбирая утренніе часы, когда у Гурьевыхъ никого не бывало.

Всю ночь Борису не спалось и рано утромъ онъ поднялся, нетерпѣливо поглядывая на солнце, чтобы приблизительно знать, скоро ли придетъ Ахметка.

Татаринъ сильно запоздалъ на этотъ разъ, но за то явился веселый и довольный. Одинъ видъ его оживилъ Борщева.

— Простите, Борисъ Ильичъ. Княжна задержала. Все мы съ ней чрезъ Прасковью переговаривались. Насилу мы ее съ мамкой уговорили. Но за то хорошія вѣсти вамъ принесъ.

— Какія же, Ахметъ?

— Первое дѣло улажено! А ужь бились мы, чтобы княжна согласье дала.

— Видѣться со мной?

— Да-съ. Не хотѣла.

— Что ты врешь, разбойникъ! воскликнулъ Борщевъ.

— Ей Богу, не хотѣла. Ради обмана. Вѣдь обманъ нуженъ. Княжна все хотѣла, чтобы вамъ видѣться гдѣ въ городѣ, либо у знакомыхъ, либо на гуляньи. А нешто можно эдакъ дѣло всякое разсудить. Нуженъ спокой.

— Ну, что же? Какъ же...

— А вотъ изволите видѣть... Будьте вы нынѣ въ ночь, около такъ полуночи, у насъ.

— Въ полночь?

— Да-съ. Въ самую темь. Да извольте свой мундиръ снять, а одѣться по простому, въ рубаху и кафтанъ.

— Съ ума ты сошелъ, Ахметъ!

— Такъ княжна приказала. Ваше дѣло ослушаться, коли не любо. Вотъ въ простомъ платьѣ въ самую темь пожалуйте ко мнѣ, прямо въ каретный сарай, а тамъ видно будетъ.

— Что?

— Видно будетъ какъ вамъ пройти къ княжнѣ. Когда всѣ улягутся—мы съ вами проберемся въ домъ и вы до утра все разсудить и успѣете—что дѣлать.

— И это княжна... Она дала согласье на это, чтобы я ночью пробрался къ ней?

— Вѣстимо. Не хотѣла сначала, да Прасковья ее усовѣстила. Вѣдь вы не чужой человѣкъ. Не только бывали, а и живали у насъ въ домѣ, какъ свой баринъ.

Борщевъ задумался... Сколько разъ бывалъ онъ когда то у Анюты на половинѣ и засиживался поздно. И вдругъ теперь приходилось пробираться къ ней тайкомъ, какъ чужому, среди ночи... Ему это было непріятно.

— А если меня кто увидитъ, вымолвилъ онъ наконецъ.

— Коли кто изъ сѣнныхъ дѣвушекъ — прикажемъ молчать. Авось недѣлю языкъ за зубами подержатъ.

Библиотека "Руниверс"

Только вотъ что, Борисъ Ильичъ. Я въ толкъ не возьму... Вы порѣшили совсѣмъ не уступать княжны энтому генералу? Или васъ еще думы разныя одолѣваютъ.

— Конечно не уступлю.

— Такъ чего же вы спрашиваете... Коли увидятъ, да узнаютъ... Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ. Дѣло это надо дѣлать шибко.

— Да что дѣлать то, Ахметъ? Какъ быть?

— А вотъ для того и надо вамъ съ княжной повидаться, и все это межъ собой порѣшить. А мы ваши слуги. И я, и мамушка. За васъ хоть головы положимъ.

Ахметъ ушелъ отъ Борщева съ отвѣтомъ княжнѣ, что въ полночь, онъ, ряженый, будетъ у нея.

Борщевъ тотчасъ же рѣшилъ отправляться и доставать себѣ платье. Первый пришелъ ему на умъ Алексѣй Хрущевъ, у котораго, какъ деревенскаго жителя, должно было имѣться простое русское платье. Кромѣ того, Хрущевъ былъ единственный человѣкъ, которому Борщевъ не боялся довѣриться.

— Офицеры же всѣ зубоскалы, подумалъ онъ. Вообразятъ ни вѣсть какую глупость и разболтаютъ.

Борщевъ собрался узнать у Петра Хрущева объ квартирѣ его брата „рябчика", но на удачу нашелъ его самого у Гурьевыхъ. Онъ засталъ офицеровъ все въ тѣхъ же спорахъ и толкахъ.

— Господи. Какъ не надоѣстъ имъ все тоже да тоже переливать! Невольно подумалъ Борщевъ.

Вызвавъ съ собой на улицу Алексѣя Хрущева, Борисъ повелъ его по полямъ. Удалясь отъ дома, онъ, нѣсколько смущаясь, прямо спросилъ его: можетъ ли онъ одолжить ему какой нибудь простой кафтанъ, рубаху и шапку...

— Что такое! Теперь не святки, разсмѣялся Хрущевъ.

— Нужно, голубчикъ.

— Съ удовольствіемъ ссужу всѣмъ, чѣмъ могу, коли тебѣ скоморошествовать охота пришла. Однако, ты...

И Хрущевъ вдругъ странно взглянулъ въ глаза сержанта и запнулся. Лице его стало тревожно.

— Знаешь что, братецъ, выговорилъ онъ тише. Я тебя мало знаю и давно не видался, но ты мнѣ по сердцу пришелся. Послушай добраго совѣта человѣка, къ тебѣ расположеннаго... Брось!

— Что? удивился Борщевъ.

— Брось это дѣло, для котораго простое платье просишь у меня. Мнѣ вѣдь не жаль. Ты его не испортишь, не сносишь такъ, чтобы бросить... А вотъ голову какъ разъ сносишь. Мнѣ ея и жаль. Ей Богу! Какъ брата Петра, такъ и тебя—жаль.

— Что ты! Господь съ тобой! еще болѣе удивился Борщевъ.

— Знаю я, зачѣмъ тебѣ мое платье. Съ Лихачевымъ ѣхать. Плюнь. Брось. Все глупство, комедіанство. дерзостныя выдумки, за которыя только въ Сибирь угодишь. Пущай этотъ Лихачевъ пропадаетъ одинъ. Онъ можетъ гроша не стоитъ, а ты парень дорогой, у тебя сердце золотое.

— Да что ты, рехнулся что ли? Какой Лихачевъ! воскликнулъ наконецъ Борщевъ.

— Я все, братъ, знаю, отъ твоихъ же болтуновъ Гурьевыхъ, возразилъ Хрущевъ. Со мной нечего лукавить. Меня тоже зазывали они съ Лихачевымъ посылать. Да я еще, спасибо, бѣлены не объѣлся...

— Нѣтъ, объѣлся, братецъ. Объѣлся! воскликнулъ горячо Борщевъ. Ты мнѣ битый часъ околесную несешь, огородъ городишь. Я никакого Лихачева не знаю, никуда не ѣду, а съ Гурьевыми даже разговоръ не веду ужь давно, потому что мнѣ ихъ вранье надоѣло, да потому еще, что мнѣ и не до того.

— А платье? Русское платье офицеру понадобилось. На что?

— Совсѣмъ для особаго дѣла. На одинъ вечеръ, на нынѣшнюю ночь. Завтра утромъ отдамъ.

— Полно, такъ ли? Глаза отводишь, недовѣрчиво вымолвилъ Хрущевъ. Возьмешь да за Лихачевымъ и двинешь.

— Дался же ему этотъ чортъ! Да кто таковъ твой Лихачевъ? Что за человѣкъ?

Хрущевъ долго приглядывался къ лицу сержанта и наконецъ выговорилъ:

— Коли знаешь, нечего спрашивать.

— Да не знаю я! бѣсился Борщевъ.

— Ну тотъ, что ѣдетъ или ужь уѣхалъ за Иваномъ Антонычемъ, чтобы его изъ крѣпости спасать и сюда везти. Васъ цѣлая компанія переряженная, сказываютъ, поѣхала либо ѣдетъ въ Шлиссельбургъ.

— Если это правда, вымолвилъ спокойно Борщевъ, всю эту ряженую компанію переловятъ, перерядятъ въ арестантскіе халаты и сошлютъ въ каторгу, если не снимутъ совсѣмъ головы. Нѣтъ, любезный другъ, у меня еще, слава Богу, разсудка хватитъ, чтобы на эдакое дѣло не идти. Да и скажу я тебѣ по правдѣ... Не вѣрю я! И это вранье Семена Гурьева. Смотри, онъ все морочитъ. Никакого Лихачева нѣту и не было у нихъ и никуда онъ не поѣдетъ. Если бы таковой былъ въ живыхъ, я бы его видѣлъ у Гурьевыхъ, не здѣсь, такъ въ Питерѣ. А ужь имя то его Семенъ мнѣ разъ тысячу бы сказалъ. А я первый разъ слышу отъ тебя про такого Лихачева. Все это вранье и одно вранье.

— Да и давай Богъ, чтобы вранье было... А ты все таки хорошо дѣлаешь, что съ ними не якшаешься. Они сорванцы и кончатъ плохо. Я ихъ боюсь даже.

— Чего же ты сюда лазаешь?

— А братъ? Мнѣ брата жаль, грустно сказалъ Хрущевъ. Хотѣлось бы его выудить изъ этой провальной ямы, изъ этого чертова болота Гурьевскаго.

Борщевъ не нашелся что сказать. Онъ не любилъ Петра Хрущева и подумалъ: „одного поля ягоды".

Молодые люди замолчали на минуту.

— Такъ тебѣ на другое дѣло... платье-то? вспомнилъ Хрущевъ.

— Да. Одолжи.

— Изволь, родимый. А меня самого тебѣ не нужно въ помощь. На такія дѣла друзья-помощники нужны. А я за тебя готовъ, коли дѣло не безчестное, не воровское.

Борщевъ не отвѣтилъ.

— Что-жь молчишь? Неужто гадость какую, не подобающую дворянину надумалъ?

— Нѣтъ, братецъ, дурнаго, особенно дурнаго ничего нѣтъ!.. нерѣшительно сказалъ Борщевъ и прибавилъ веселѣе и добродушнѣе: Теперь мнѣ тебя не нужно. Дай только платье. А вотъ послѣ увидимъ. Можетъ быть я твоей дружеской помощи и попрошу. Кромѣ тебя у меня въ Москвѣ никого нѣтъ. Я на тебя и думалъ.

— Спасибо. Когда будетъ нужда, скажи. А платье, какъ вернусь домой, прикажу тебѣ нести.

Молодые люди разстались. Борщевъ пошелъ къ себѣ и на порогѣ встрѣтилъ хозяина квартиры.

— Ты отъ Гурьевыхъ? спросилъ Шиповъ.

— Да.

— Не ходи, братецъ, туда. Про нихъ ужь молва побѣжала. Какъ бы имъ плохо не было. Зря, въ чужомъ пиру похмѣлье зашибешь.

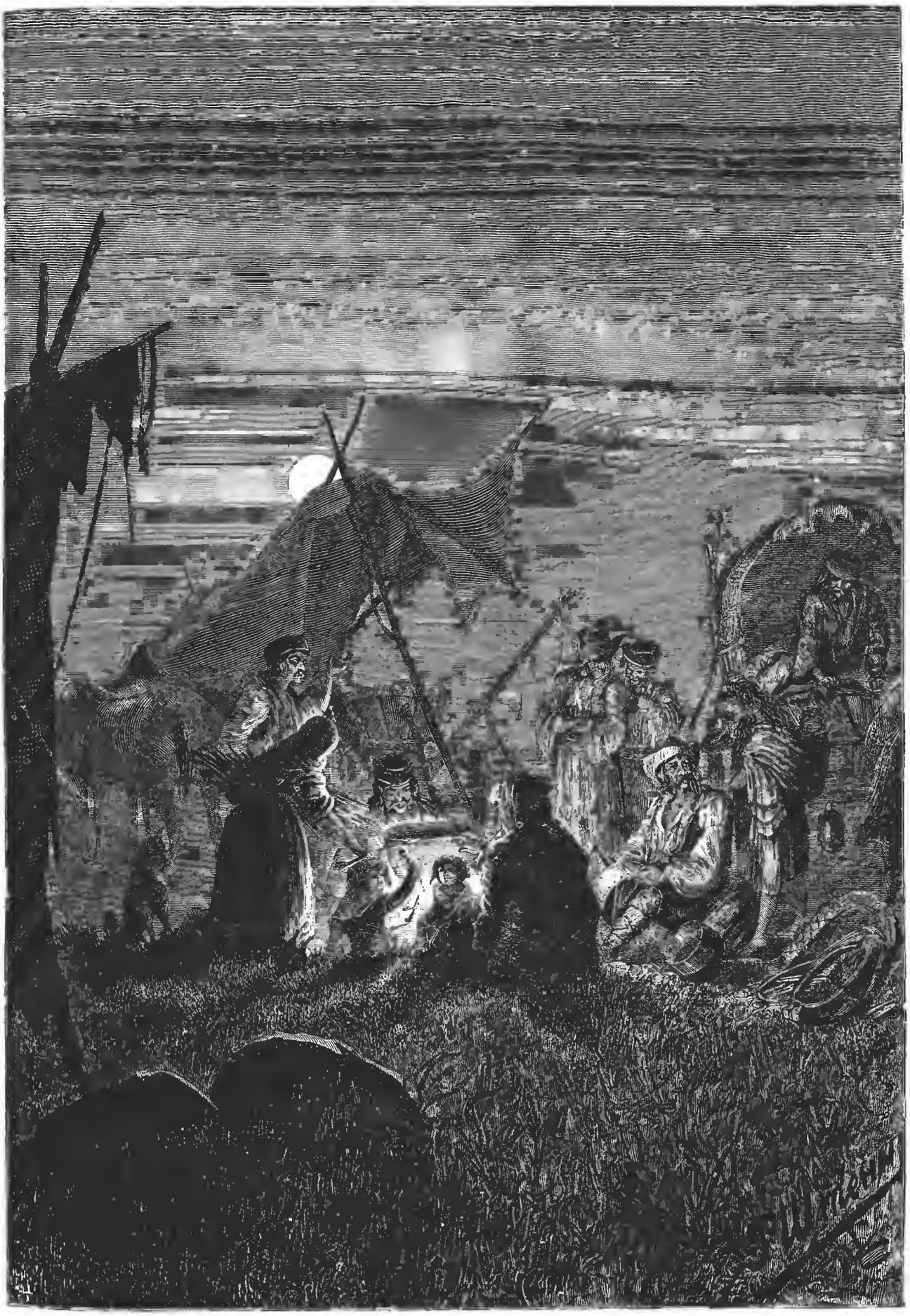
— Да я на одну минуту и заходилъ. И не ради того, чтобы ихъ видѣть.

— То-то. Чортъ съ ними!.. У нихъ хвостъ уже защемленъ въ капканѣ, загадочно произнесъ Шиповъ, и сѣвъ на подведеннаго деньщикомъ коня, отъѣхалъ отъ своей квартиры.

— Защемленъ? Хвостъ? думалъ Борщевъ. Неужто ихъ вранье дошло ужь до начальства. А, да чортъ съ ними. Мнѣ то какое дѣло.

Весь день до вечера сержантъ нетерпѣливо пробро-

Библиотека "Руниверс"



Литературный альбомъ. „Цыгане". Поэма А. С. Пушкина. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

дилъ то по горницамъ пустой квартиры, то по полянѣ. Нетерпѣнье его сказывалось все болѣе, по мѣрѣ приближенья той минуты, когда приходилось собираться на Лубянку.

Въ сумерки дворовый человѣкъ, старикъ, явился отъ Хрущева съ узломъ и передавъ его сержанту, ничего не спрашивая—ушелъ.

Борщевъ переглядѣлъ все и невольно разсмѣялся. Въ узлѣ былъ кафтанъ, рубаха, шаровары, шапка-гречневикъ и даже поясокъ.

— Вся запряжка! выговорилъ сержантъ. Далеко ли я въ ней уѣду. Что то будетъ.

Онъ примѣрилъ все и, будучи одного роста съ „рябчикомъ", нашелъ все въ исправности.

(До слѣд. №).

И. С. Тургеневъ у себя,

въ его послѣдній пріѣздъ на родину.

Изъ воспоминаній

Я. П. Полонскаго.

(Окончаніе).

XXXIV.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Спасскаго, опять стали появляться гости.

Въ проливной дождь пріѣхалъ и вылѣзъ изъ ямской кибитки П. В. Шейнъ. За тѣмъ пріѣхалъ князь Мещерскій, тотъ самый, который былъ при Иванѣ Сергѣевичѣ въ Парижѣ въ день и часъ его страдальческой смерти.

Объ этихъ гостяхъ сказать мнѣ нечего. Перваго изъ нихъ Тургеневъ зналъ только по репутаціи, какъ собирателя русскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ. Втораго онъ зналъ еще въ Парижѣ.

Я уже собрался покинуть Спасское. Тургеневъ тоже былъ на отлетѣ—надо было ѣхать во Францію.

— Осиротѣетъ тамъ мой бѣдный носъ, осиротѣетъ! говорилъ Тургеневъ.—Тамъ ужъ нельзя будетъ къ нему подносить табакерку или тебачкомъ угощать его... конечно!

Зная, съ какимъ удовольствіемъ, а можетъ быть и не безъ пользы, нюхаетъ Иванъ Сергѣевичъ табакъ и какъ трудно отвыкать отъ такой привычки, я спросилъ: почему-же въ Парижѣ онъ долженъ будетъ перестать нюхать?

— Нельзя, отвѣчаетъ онъ. Тамъ дамы мои не разрѣшаютъ мнѣ...

— Ну, ты нюхай въ ихъ отсутствіи.

— И этого нельзя—подойдутъ—услышатъ запахъ...

И Тургеневъ прочелъ мнѣ при этомъ имъ сочиненное французское четырехстишіе по поводу своего носа, сиротѣющаго безъ табакерки... Очень сожалѣю, что не записалъ этого насмѣшливо-грустнаго, придуманнаго имъ четверостишія.

Любой французскій авторъ вклеилъ бы его въ свой водевиль или въ либретто для комической оперы...

Передъ своимъ отъѣздомъ онъ даже сталъ нюхать табакъ какъ можно рѣже, чтобъ постепенно отъ этого отъучить себя, и наконецъ, тяжело вздохнувъ, отдалъ свою табакерку женѣ моей.

О томъ, какъ живется ему въ Парижѣ и въ какихъ отношеніяхъ стоитъ къ г-жѣ Віардо, Иванъ Сергѣевичъ постоянно умалчивалъ. Да никто изъ насъ и не рѣшался его объ этомъ распрашивать; мы только молча удивлялись, какъ могъ онъ такъ подчиняться французскому сухому и узкому режиму, онъ—такой гостепріимный и свободолюбивый. Но, чужая душа—потемки, и я никогда не позволялъ себѣ быть судьей его.

Съ пріѣздомъ князя Мещерскаго, вечера наши—послѣдніе вечера въ Спасскомъ, оживились музыкой,—иногда пѣніемъ.

Я и забылъ сказать, что Тургеневъ не разъ припоминалъ себѣ тотъ невыразимый восторгъ, въ какой когда-то повергало его художественное исполненіе своей роли г-жей Віардо. Онъ припоминалъ каждое ея движеніе, каждый шагъ, даже то впечатлѣніе ужаса, которое производила она не только на партеръ, даже на оперныхъ хористовъ и хористокъ. Разъ, при Д. В. Григоровичѣ, онъ такъ увлекся своими оперными воспоминаніями, что всталъ и, жестикулируя, началъ пѣть какую-то арію.

Теперь, ни красивая игра князя Мещерскаго, ни пѣніе г-жи Щ., ничто уже не могло вполнѣ удовлетворять его. Все это только терпѣливо выносилось имъ, какъ любезнымъ хозяиномъ, и только.

Однажды, пришли ему сказать, что спасскіе мужики пригнали къ нему въ садъ цѣлый табунъ лошадей (и я видѣлъ самъ, какъ паслись эти лошади на куртинахъ между деревьями).

Тургеневу было это не особенно пріятно, онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: велѣлъ я садовнику и сторожу, табунъ этотъ выгнать, и что же ты думаешь отвѣчали ему мужики?—Попробуй кто-нибудь выгнать—мы за это и морду свернемъ!

— Вотъ ты тутъ и дѣйствуй! разставя руки, произнесъ Тургеневъ.

И оба мы разсмѣялись. Дѣйствительно, никакого дѣйствія нельзя было придумать.

XXXV.

Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, въ саду, наединѣ, Тургеневъ разсказалъ мнѣ содержаніе еще придуманной имъ повѣстушки, подъ заглавіемъ „Дикарка".

Смутно я помню его разсказъ, но главную суть его могу разсказать въ нѣсколькихъ словахъ:

Въ уѣздномъ городкѣ живутъ двѣ старухи, при нихъ племянница—дѣвушка-дикарка, не потому чтобъ она дичилась людей, а потому, что эксцентрична и своевольна, и игрива въ высшей степени, дѣлаетъ все, что ей ни вздумается. Благочестивыя тетки ее терпѣть не могутъ; вся привязанность ихъ сосредоточена на одномъ котѣ, котораго они выростили. Откормленный котъ этотъ былъ постоянно при нихъ и былъ предметомъ ихъ заботливаго за нимъ ухаживанья. Въ домѣ ихъ живетъ постоялецъ—молодой человѣкъ, офицеръ, вышедшій въ отставку, очень честный, простой и смиренный малый, очень добрый и благоразумный. Мало по малу, жилецъ и племянница другъ въ друга влюбляются, хотя объ этомъ и не говорятъ. Его шокируютъ ея шалости, даже ея нецеремонное съ нимъ обращеніе ему не нравится; онъ ее безпрестанно журитъ. Она становится нѣсколько сдержаннѣе, ибо любитъ его и увѣрена, что будетъ женой его. Вдругъ, у ея тетокъ пропадаетъ котъ, а черезъ два или три дня, кота находятъ убитымъ въ ихъ огородѣ или въ какомъ-то оврагѣ. Подозрѣніе старухъ падаетъ на племянницу. Жилецъ тоже выслушиваетъ ихъ жалобы на своевольную дѣвушку и тоже убѣждается, что по всѣмъ признакамъ это дѣло рукъ ея. Это его и огорчаетъ, и возмущаетъ. И вотъ, когда дѣвушка приходитъ къ нему въ комнату, онъ начинаетъ читать ей нотацію, что она не только не умѣетъ вести себя—она злая, если позволяетъ себѣ такія жестокости.

— Вѣдь это вы убили кошку? Сознайтесь!

— Да, это я ее убила! отвѣчаетъ ему страшно поблѣднѣвшая дѣвушка.

Она все ему могла простить, но онъ повѣрилъ клеветѣ—и этого она никогда не проститъ ему.

Библиотека "Руниверс"

Съ тѣхъ поръ она избѣгаетъ жильца, смѣется надъ нимъ и выходитъ замужъ за посватавшагося за нее чиновника, въ такую минуту, когда страсть къ ней выростаетъ въ немъ до боли, особливо послѣ того, какъ раскрылось, кто убилъ кота и выяснилось, до какой степени своевольная дѣвушка нисколько не причастна къ этому дѣлу.

Конечно, сюжетъ этотъ, обработанный Иваномъ Сергѣевичемъ, не уступилъ бы другимъ его повѣстямъ и разсказамъ, но ничего бы не прибавилъ къ его литературной славѣ. Влюбленныхъ и въ тоже время рефлектирующихъ, нерѣшительныхъ молодыхъ людей, не мало уже выведено было на сцену (даже имъ самимъ, Иваномъ Сергѣевичемъ).

Разсказы эти доказываютъ только, что голова Ив. Серг. постоянно работала надъ разными сюжетами... и что будь здоровъ онъ и проживи еще хоть лѣтъ 10-ть, русская публика прочла бы не мало превосходныхъ разсказовъ, въ родѣ „Пѣснь торжествующей любви“ или „Клара Миличъ“, а можетъ быть и дождалась бы новаго общественнаго романа, съ новымъ, намъ современнымъ героемъ. Ив. Серг. думалъ все чаще и чаще, какъ бы ему опять водвориться въ Россіи, иначе сказать: отвыкнуть отъ Франціи и отъ французовъ, которыхъ онъ не разъ называлъ копѣешниками.

Простившись со своимъ старымъ другомъ и съ его усадьбой, я одинъ, безъ семьи, черезъ Москву уѣхалъ въ Питеръ.

Мнѣ остается добавить къ этому только двѣ главы, изъ которыхъ въ одной скажу нѣсколько словъ о спасскихъ крестьянахъ, а въ другой—о его послѣднемъ пребываніи въ СПБургѣ, проѣздомъ во Францію.

XXXVI.

Кто блуждалъ по проселкамъ обширной, деревенской Россіи, тотъ долженъ иногда сознаться, что среди всяческой степной дичи, безграмотности, пьянства и неурядицы, встрѣчаются иногда такіе оазисы, которые изумляютъ. Вдругъ нападешь на такую сельскую школу, гдѣ нетолько есть самое необходимое, но и роскошь—географическія карты, глобусъ, электрическія машинки, компасъ и т. п., куда не только ближайшіе крестьяне охотно посылаютъ учиться дѣтей своихъ—мальчиковъ и дѣвочекъ, но даже изъ окрестныхъ селъ и деревень, верстъ за десять, за двадцать, везутъ ребятъ своихъ и на зиму нанимаютъ имъ въ избахъ углы, неподалеку отъ школы—и гдѣ школа переполнена. Или вдругъ встрѣтишь необычную трезвость, трудолюбіе, взаимную помощь, довольство и даже нѣкоторую степень образованности. Или наткнешься на образцовую пасеку, съ тысячами улей, и откуда не только пудами вывозятъ медъ и воскъ на продажу, но и изучаютъ пчелъ, знаютъ все, что о нихъ было писано и печатано. Или заѣдешь въ село, гдѣ крестьянки продадутъ вамъ такой букетъ изъ живыхъ, садовыхъ, дорогихъ цвѣтовъ, что вы невольно мысленно перенесетесь въ столицу, или глазамъ своимъ не повѣрите. Словомъ, всякаго рода на святой Руси есть оазисы. Расцвѣтутъ они и пріумножатся, или раззоритъ ихъ подозрительное невѣжество, за одно съ рутиной, да съ придирчивымъ произволомъ тѣхъ *Черненькихъ*, которыми Чичиковъ такъ насмѣшилъ генерала Быстрыщева? Неизвѣстно... Ничего объ этомъ не говорятъ философскія таблицы Пушкина, которыя черезъ 500 лѣтъ, не раньше, пророчатъ намъ разливъ роднаго просвѣщенья.

Спасское-Лутовиново—родина Ив. Серг., не принадлежитъ къ числу такихъ оазисовъ. Они никогда не возникаютъ сами собой, они требуютъ ухода, постоянной заботливости честныхъ русскихъ энергическихъ тружениковъ и той практической смекалки или того здраваго смысла, который умѣетъ обходить всѣ препятствія и пользоваться благопріятнымъ стеченьемъ обстоятельствъ.

Никто изъ насъ, гостившихъ въ Спасскомъ, конечно не пожалуется на спасскихъ крестьянъ. Домъ Ивана Сергѣевича былъ почти что безъ всякой охраны, особливо днемъ... Часто, въ хорошую погоду, когда всѣ мы расходились, стоялъ онъ пустой, съ открытыми окнами и дверями. Ничего не стоило, проходя мимо окна, протянуть только руку, чтобъ взять любую вещь—и никтобы этого не замѣтилъ. Самыя двери, выходящія на террасу, иногда по ночамъ стояли съ разбитыми стеклами, и отпереть ихъ тоже ничего не стоило. Прислуга, Захаръ и семья его, помѣщалась за кухней, далеко отъ парадныхъ комнатъ; даже звонка и того не было, чтобъ когонибудь позвать; ни дворъ, ни садъ не были огорожены. И что же?—въ два лѣта, проведенныя въ Спасскомъ, ни при Тургеневѣ, ни въ его отсутствіе ничего не было унесено, ничего не было украдено.

Но, если вѣрить постояннымъ обитателямъ Спасскаго и священникамъ, - крестьяне будто бы и за грѣхъ не почитаютъ воровать и тащить все съѣдобное и все, что можетъ идти имъ на топливо. Имъ ни почемъ увезти стогъ сѣна или скирды съ барскаго поля, или обить еще незрѣлые зеленые фрукты, или забраться ночью въ парники и похитить арбузы, или, какъ мы уже знаемъ, зимой вырубить въ саду всѣ скамейки. Полагаютъ люди опытные, что крестьяне и садъ-бы вырубили, если-бы не боялись отвѣтственности.

Вообще о чужой собственности въ спасскихъ крестьянахъ—самое смутное понятіе. Разъ, священникъ увидѣлъ, что мужикъ, на чужое, еще не сжатое поле загналъ лошадей своихъ. Онъ сталъ его усовѣщевать.

— А что, отвѣчалъ ему мужикъ; али тебѣ жаль? Ну, коли жаль, такъ ты свой хлѣбъ отдай ему (т. е. тому, чье поле онъ вытаптывалъ).

Знаю, какъ этому порадуются тѣ изъ нашихъ теоретиковъ, которые и не стоятъ за собственность; но спасскій мужикъ, да и вообще степной мужикъ—такой консерваторъ, какихъ мало: онъ не любитъ и съ трудомъ выноситъ все новое. Постройте ему кирпичный съ трубами и тесовой крышей домъ — онъ не пойдетъ въ него жить и упрямо останется въ своей курной избѣ съ землянымъ поломъ подъ соломенною кровлей. Тотъ, кто по своему переиначиваетъ жизнь его—для него хуже злаго барина, хуже всякаго начальства. Онъ не терпитъ никакого вмѣшательства въ свой бытъ, въ свои обычаи и въ свои вѣковыя привычки.

Иванъ Сергѣевичъ слышалъ, какъ тульскіе мужики ругали помѣщика Ш — на, за то, что онъ у себя на сараяхъ поставилъ остроконечныя, высокія крыши (чтобъ снѣгъ зимой не держался на нихъ, а скатывался).

— Бога въ томъ нѣтъ, ворчали мужики, кто такія крыши строитъ... убить его мало... Чертовы эти крыши—вотъ что!..

— А какъ-же, спросилъ я Ивана Сергѣевича, выносятъ они и паровыя молотилки и вѣялки?

— Они видятъ ихъ несомнѣнную пользу и главное приглядѣлись къ нимъ; но за то, продолжалъ Тургеневъ, какъ-же они и торжествуютъ и радуются, если машина сломается—радостному говору и толкамъ конца нѣтъ. Напротивъ, если все идетъ хорошо и безъ всякихъ остановокъ—имъ скучно, они хмурятся и какъ-бы недовольны.

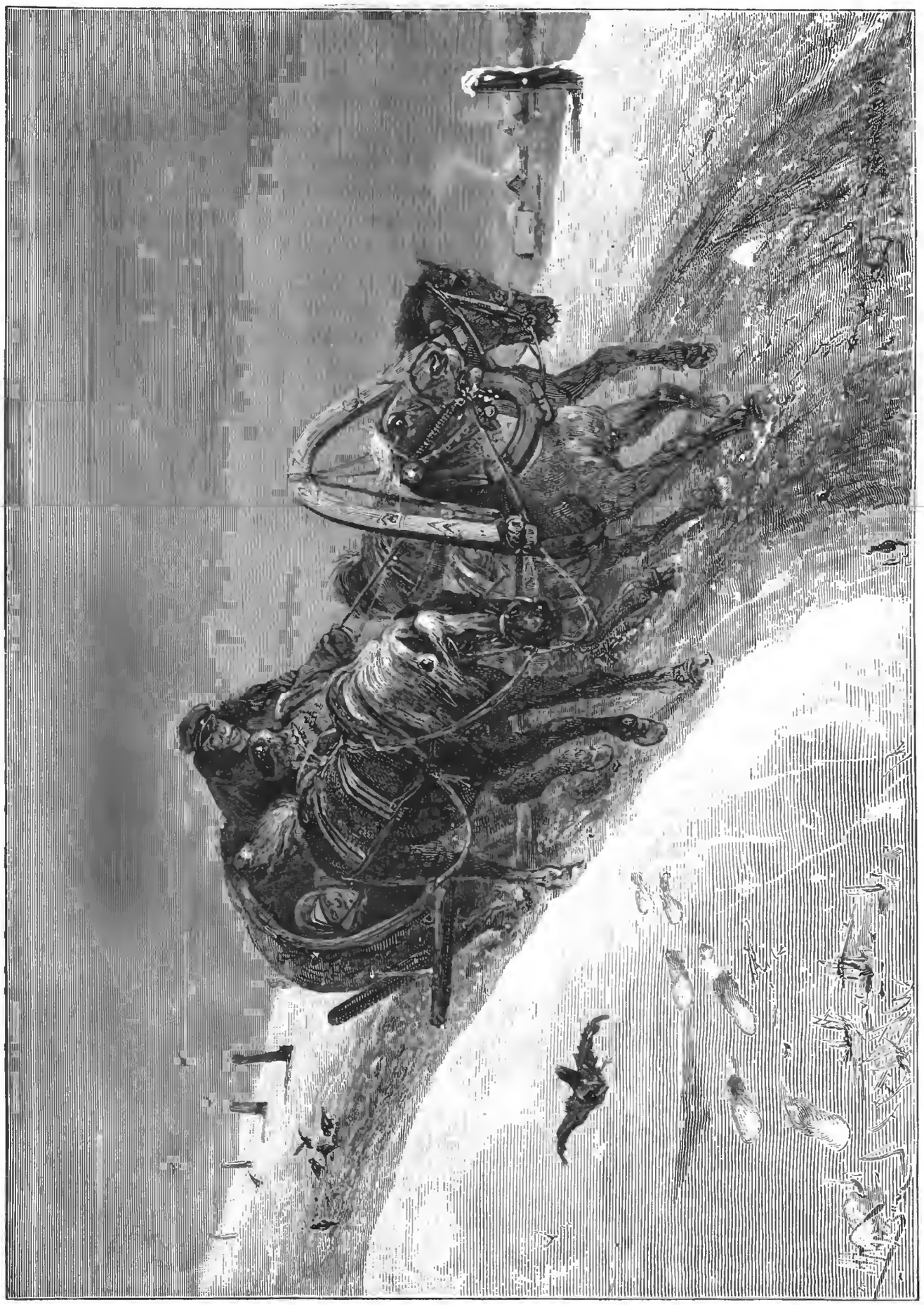
У крестьянъ Ивана Сергѣевича по $3^1/_2$ десятины на душу надѣла. Но, какъ говорятъ, и въ урожайные годы зимой они голодаютъ.

Тотчасъ послѣ уборки и молотьбы хлѣба, въ Спасскомъ начинаются пиры и свадьбы. И эти пьяные пиры и эти пьяныя свадьбы съѣдаютъ много денегъ. Чтобъ добыть деньги—хлѣбъ продается и, везя его въ городъ на продажу, мужики приговариваютъ: прощай голубчикъ, прощай кормилецъ, когда нибудь мы тебя выкупимъ. И точно, выкупаютъ, когда будущей весной или лѣтомъ приходится имъ туго, и, конечно, они покупаютъ хлѣбъ гораздо дороже, чѣмъ продали.

Библиотека "Руниверс"

Зимняя ѣзда. Въ гору. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Зимняя ѣзда. Подъ гору. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Не смотря на всю свою радость, что сгорѣлъ кабакъ, спасскіе крестьяне, того же года, осенью, за два ведра водки, простили кабатчику долгъ его, 50 рублей арендныхъ денегъ—хотя сами нуждались въ деньгахъ и не заплатили своихъ недоимокъ.

Крестьянскія дѣвушки рано выходятъ замужъ. Тѣ, которыя въ 18—19 лѣтъ еще не замужемъ, надъ тѣми смѣются. Разъ въ Спасской церкви вѣнчали высокую, рябую, очень некрасивую пожилую дѣвку съ малорослымъ, блѣднымъ и худенькимъ парнемъ. Онъ такъ испуганно и злостно поглядывалъ на будущую спутницу своей жизни, что за него было грустно. Невѣста, засидѣвшаяся въ дѣвкахъ, была изъ богатой семьи, а женихъ—пріемышъ. Его брали въ мужья только потому, что ей взять было некого, а онъ женился только потому, что жениться его заставили тѣ, кто кормилъ его.

Въ 1880 году Иванъ Сергѣевичъ подарилъ своимъ крестьянамъ, на поправку избъ, 2 десятины строеваго лѣса, и былъ очень огорченъ, когда въ 1881 г. узналъ, что вырубленный лѣсъ мужики продали, а деньги пропили.

Въ 1882 году онъ опять подарилъ имъ десятину лѣсу, когда я писалъ къ нему, что крестьяне меньше стали пить и очень въ лѣсѣ нуждаются. Въ особенности зимой тяжело. Дѣти безпрестанно мрутъ отъ дурной пищи. Зимой въ селѣ,—кто-бы могъ это думать!—стаканъ молока стоитъ 5 коп., а иногда молока ни за какія деньги и достать нельзя. О больныхъ было уже много говорено; добавлю только, что слышалъ:

Есть цѣлые уѣзды, гдѣ всѣ крестьяне, цѣлыя семьи ихъ, заражены сифилисомъ и вымираютъ, такъ какъ никто не лечитъ ихъ, да и лечить некому. Одинъ земскій врачъ и землевладѣлецъ говорилъ мнѣ на желѣзной дорогѣ въ вагонѣ: „Охъ! тяжело жить въ деревнѣ! Желаешь помочь и видишь, что нѣтъ никакихъ силъ человѣческихъ оказать помощь. Ужасно! Мнѣ случилось входить въ избы, гдѣ всѣ поголовно лежали въ тифѣ, и не было никого, кто-бы не только могъ имъ лекарства дать,—напиться воды подать было не кому". Это совершенно тоже, что замѣтилъ и Коцынъ, разыскавъ въ Спасскомъ въ пустой избѣ одиноко умирающую въ горячкѣ женщину.

А недалеко, въ селѣ Сергѣевскомъ—для крестьянъ больница и кровати, съ кисейными отъ мухъ занавѣсками, и сама княгиня Гагарина ухаживаетъ за больными и сама перевязываетъ раны ихъ... Оазисъ!

Спасское-Лутовиново не принадлежало къ числу такихъ оазисовъ—вотъ и все, что я могу сказать въ заключеніе.

Въ мое отсутствіе къ Тургеневу пріѣзжали—его племянникъ, тоже Тургеневъ, еще студентъ московскаго университета, и Е. М. Гаршинъ, братъ писателя; Шейнъ тоже еще оставался. Если не ошибаюсь, Иванъ Сергѣевичъ, прежде чѣмъ покинуть родное гнѣздо свое,—былъ уже на закладкѣ часовни, которую строилъ во имя Александра Невскаго. По крайней мѣрѣ, я слышалъ, что въ ту же осень, 1881 года, каменная часовня эта уже строилась.

XXXVII.

Черезъ двѣ недѣли, въ концѣ августа, Тургеневъ изъ Спасскаго переѣхалъ въ Петербургъ и торопился, очень торопился въ Парижъ, хоть ему туда и не хотѣлось ѣхать.

Онъ остановился наверху въ Европейской гостинницѣ. Заставать его дома было трудно. Обыкновенно я заходилъ къ нему рано утромъ чай пить.

На другой день его пріѣзда, я и А. В. Топоровъ обѣдали съ нимъ у „Донона", въ садикѣ. Тургеневъ былъ здоровъ и очень веселъ, говорилъ стихи, вспоминалъ о Спасскомъ и увѣрялъ, что скоро, можетъ быть къ новому 1882 году, мы его опять увидимъ.

Говорилъ о живописи, о нѣмецкой и французской школахъ: послѣднюю онъ ставилъ выше первой, особливо по части пейзажей. Потомъ, въ концѣ обѣда, мы чокались и пили за здоровье другъ друга и — не предвидѣли, что мы уже никогда другъ съ другомъ не увидимся.

На другой день Тургеневъ, нехотя, вторично долженъ былъ ѣхать въ Царское Село къ Г—ину, чтобы черезъ его содѣйствіе похлопотать о пенсіи для одного бѣднаго труженика. Къ 4 часамъ онъ вернулся. Я пришелъ къ нему въ номеръ часа за два до его выѣзда заграницу.

Онъ встрѣтилъ меня слѣдующими словами.

— Скажи по совѣсти, что бы ты подумалъ о человѣкѣ, который ѣдетъ въ городъ для того, чтобъ сдѣлать одно нужное, необходимое для него дѣло; думаетъ объ этомъ всю дорогу, а пріѣхавши, совершенно объ этомъ забываетъ — ѣздитъ по гостямъ, да по разнымъ порученьямъ, хлопочетъ о другихъ, и вспоминаетъ объ дѣлѣ только тогда, когда ему надо выѣхать?

Я не понялъ, о комъ это онъ говорилъ, и шутя сказалъ ему: ну, это какой-то Степка-растрепка.

— Ну, такъ этотъ Степка-растрепка—я. Вообрази, я съ тѣмъ и ѣхалъ сюда, чтобъ побывать у Гинзбурга и справиться—есть-ли у меня какой-нибудь документъ въ доказательство того, что въ конторѣ его находится моихъ 40,000 руб., и если нѣтъ, то чтобъ онъ далъ мнѣ на эти деньги квитанцію—и совсѣмъ забылъ.

И тутъ онъ заторопился, чтобъ въ одинъ часъ успѣть быть въ конторѣ у Гинзбурга и вернуться въ гостинницу за своимъ чемоданомъ.

Я дождался его возвращенія. Онъ вернулся усталый, но уже совершенно успокоенный.

Надо было опять спѣшить, чтобы ѣхать на станцію желѣзной дороги.

Мы крѣпко обнялись и поцѣловались.

Это было наше послѣднее разставанье.

Топоровъ сѣлъ съ нимъ въ карету, чтобъ проводить его до станціи.

Я остался.

Потухнетъ-ли солнце.

Очеркъ **Д.**

Какимъ образомъ солнце такъ долго сохраняетъ свою тепловую и свѣтовую силу?.. Это составляетъ для физиковъ и астрономовъ загадку, до сихъ поръ неразрѣшенную. Но нельзя представить себѣ тѣло столь большаго объема, такое безпредѣльно гигантское горнило, безпрерывно горящее и—однако никогда не охлаждающееся... Какимъ же образомъ поддерживается этотъ огонь? Откуда берется этотъ неизсякаемый горючій матеріалъ?

Солнечная теплота расходится по всѣмъ направленіямъ неизмѣримаго пространства; великое свѣтило ежедневно тысячи, быть можетъ милліоны лѣтъ, растрачиваетъ эту теплоту, а температура его, повидимому, нисколько не понижается. Между тѣмъ количество теплоты, растрачиваемой солнцемъ — чрезвычайно. Въ продолженіи года солнце посылаетъ во всѣ стороны столько теплоты, что ея было-бы достаточно, чтобы расплавить ледяную оболочку, если бы такая оболочка совершенно покрывала бы его кругомъ и имѣла при этомъ 6000 верстъ толщины!.. Земля и прочія свѣтила получаютъ лишь незначительную долю всей этой поразительной массы теплоты.

Много усилій было употреблено для объясненія этого удивительнаго постоянства солнечнаго лучеиспусканія. Гельмгольцъ выразилъ идею, что въ дѣйствительности солнце охлаждается, но охлажденіе это влечетъ за собою сжиманіе, сокращеніе массы, вслѣдствіе котораго развивается новое количество теплоты и тѣмъ-де потеря возстановляется. Но нельзя однако принять эту теорію. Если бы существовало дѣйствительно упомянутое сокращеніе массы, то хотя медленно, но уменьшалсябы и объемъ солнца,—а этого вовсе не замѣчается. Съ своей стороны, Мейеръ и Томсонъ предположили, что солнечная теплота поддерживается паденіемъ многочисленныхъ астероидовъ на поверхность свѣтила. Ударъ долженствовалъ бы развивать теплоту... Но тогда солнце увеличивалось бы въ своей массѣ и планетное равновѣсіе приходило бы въ колебаніе... Видя слабую сторону этой первой теоріи, Томсонъ принялъ другую.

Библиотека "Руниверс"

Солнце охлаждается... но чрезвычайно медленно, потому что внутренняя его масса находится въ жидкомъ состояніи; и это огромное количество теплоты можетъ растрачиваться тысячи лѣтъ, прежде нежели сдѣлается замѣтнымъ малѣйшее охлажденіе. Теплота медленно, мало-по-малу лишь, переходитъ извнутри на его поверхность. И вычисленіе показываетъ, что теорія эта возможна. Ее раздѣляетъ большое число физиковъ. Тѣмъ не менѣе, она далеко не удовлетворяетъ. Такимъ образомъ, знаменитый англійскій физикъ. Сименсъ, недавно изложилъ передъ Лондонскимъ королевскимъ обществомъ новую теорію, вызвавшую впрочемъ множество возраженій, но которую мы все таки приведемъ здѣсь въ интересахъ исторіи науки.

Сименсъ полагаетъ, что звѣздныя пространства наполнены газами чрезвычайно разрѣженными и состоящими изъ водорода, кислорода, азота, углерода и даже изъ твердыхъ веществъ, въ видѣ пыли. Нѣтъ ничего невозможнаго—нужно замѣтить—въ подобномъ предположеніи, потому что сопротивленіе, которое оказывали бы эти газы движенію свѣтилъ, было бы совершенно незначительно. Въ тоже время гипотеза эта имѣетъ за себя слишкомъ хорошо извѣстную расширяемость газовъ. Кромѣ того, болиды, падающіе къ намъ изъ междузвѣзднаго пространства, содержатъ въ себѣ въ шесть разъ большій ихъ объемъ газовъ при атмосферномъ давленіи; но газы эти не могли бы проникнуть въ болидъ во время короткаго и быстраго прохожденія его черезъ нашу атмосферу. Точно также спектральный анализъ показываетъ, что ядро кометъ содержитъ въ себѣ такое же большое количество углерода, кислорода, синерода,—какъ и болиды

Поэтому, газы, находящіеся въ пространствѣ, должны собираться вокругъ атмосферы каждаго свѣтила, повинуясь силѣ его притяженія, и затѣмъ расширяться по всему безконечному пространству. Грове, Гумбольдтъ, Цёлльнеръ, Вильямсъ, даже Ньютонъ и принимали пространство именно такимъ.

Какъ бы то ни было, но гипотеза, разъ принятая, получаетъ соотвѣтствующую форму въ рукахъ Сименса. Солнце—говоритъ онъ—оборачивается одинъ разъ въ двадцать пять дней вокругъ своей оси. Быстрота вращенія какой-либо точки на его поверхности—въ четыре съ половиною раза больше быстроты вращенія такой-же точки на поверхности земли. Со стороны полюсовъ оно притягиваетъ къ себѣ газы, встрѣчающіеся на пути, и съ огромной скоростью выбрасываетъ ихъ по направленію своего экватора. Такимъ образомъ попадаютъ на солнце черезъ полюсы—водородъ, кислородъ и пр. Это—горючій матеріалъ, топливо.

Эти расширенные газы сжимаются въ солнечной массѣ, нагрѣваются и сгораютъ. Затѣмъ, продукты горѣнія направляются по экватору. Такимъ образомъ—и въ этомъ заключается оригинальность теоріи Сименса—продукты, отбрасываемые въ пространство, въ свою очередь подвергаются солнечному лучеиспусканію. Это лучеиспусканіе, эта теплота, которую разсматривали до сихъ поръ какъ утрачиваемую совершенно, производитъ, слѣдовательно, наоборотъ, полезную работу. Газы разлагаются на свои первоначальные составные элементы. Междузвѣздное вещество направляется къ солнцу, сгораетъ и даетъ теплоту. Въ свою очередь, теплота эта возвращается въ междузвѣздное пространство и разлагаетъ отброшенные газы, какъ бы приготовляя ихъ для новаго горѣнія.

Девилль показалъ, что разложеніе газовъ зависитъ отъ давленія и температуры. Отсюда слѣдуетъ, что въ солнцѣ, внутри котораго давленіе чрезвычайно велико, окисленныя и сложныя вещества не могутъ разлагаться, несмотря на высокую температуру, которой подвергаются здѣсь; но въ пространствѣ давленіе это чрезвычайно уменьшается, и достаточно относительно низкой температуры, для того чтобы могло произойти разложеніе газовъ на первоначальныя составныя части. И этимъ безпрестаннымъ притягиваніемъ и отталкиваніемъ, разложеніемъ и сложеніемъ, Сименсъ весьма хорошо объясняетъ сохраненіе солнечной энергіи. Эту свою теорію англійскій физикъ довольно успѣшно примѣняетъ и къ объясненію происхожденія зодіакальнаго свѣта. Наконецъ, этой теоріей до извѣстной степени освѣщаются и различныя, до сихъ поръ не поддававшіяся объясненію, явленія, представляемыя кометами. Ядро кометы состоитъ изъ смѣшенія твердыхъ веществъ, камней, подобныхъ болидамъ, заряженныхъ газами. Эта разнородная масса движется въ пространствѣ со скоростью въ двадцать три раза большей скорости движенія земли по своей орбитѣ. Понятно, что она сильно нагрѣвается при этомъ отъ тренія о газы, находящіеся въ пространствѣ. Вещество ея воспламеняется, наконецъ, и теплота выдѣляетъ газы, заключавшіеся въ самой массѣ. Послѣдніе-же, проникнувъ въ среду въ три тысячи разъ меньшей плотности, чѣмъ земная атмосфера, пріобрѣтаютъ объемъ въ восемнадцать тысячъ разъ большій, сравнительно съ тѣмъ, въ которомъ они были заключены, и распространяются во всѣ стороны. Такимъ путемъ они образуютъ оболочку ядра, испускающую свѣтъ по спектральнымъ изслѣдованіямъ. Наконецъ, хвостъ или хвосты кометъ состоятъ изъ звѣздной пыли, сдѣлавшейся свѣтящеюся благодаря свѣту, исходящему отъ солнца и кометы.

Таковы послѣднія предположенія. Какъ видно, ни одно изъ нихъ не можетъ быть принято въ качествѣ безусловно справедливаго... Во всякомъ случаѣ, если солнце и охлаждается, то чрезвычайно медленно. Такимъ образомъ, добросовѣстная наука, идя все впередъ въ познаніи міровъ, остается однако постоянно безсильною въ объясненіи великихъ причинъ явленій, и сознаваясь въ своемъ безсиліи, сама собою указываетъ на Источникъ мірозданія...

Къ рисункамъ.

Приготовленіе Св. Мѵро въ Патріаршей Крестовой Палатѣ въ Москвѣ.

(Рис. на стр. 176 и 177).

Изъ разныхъ мѣстъ Ветхаго Завѣта можно вполнѣ убѣдиться, что Мѵро употреблялось уже въ глубокой древности и что оно уже тогда составлялось изъ елея и различныхъ благовоній. Кромѣ того, изъ этого же источника мы узнаемъ, что въ библейское время помазаніе Мѵромъ совершалось не всѣми, а только избранными мужами и что оно служило для великихъ цѣлей и особыхъ служеній—царскаго, первосвященническаго и пророческаго. Такъ какъ Азія болѣе всѣхъ другихъ странъ изобиловала благовоніями, то въ древней греческой церкви, въ составъ Мѵро входило до 50-ти различныхъ веществъ. Въ чинѣ Мѵропомазанія нашей церкви, напечатанномъ въ 1767 году, насчитывалось лишь 26 веществъ, необходимыхъ для составленія Мѵро, но въ 1853 году, на основаніи одного недавно отысканнаго древняго рукописнаго свитка, Московскою Сѵнодальною Конторою, чтобы придать Мѵро болѣе благоуханія, опредѣлено еще прибавить къ прежнему составу пять новыхъ веществъ.

Самое мѵроваренье, а равно и освященіе Мѵро, по древнему обычаю Россійской церкви, допускается только при двухъ митрополичьихъ каѳедрахъ—Московской и Кіевской. Мѵроваренье начинается съ понедѣльника Страстной недѣли, а самое освященіе Мѵро совершается митрополитомъ или однимъ изъ архіереевъ, въ Великій Четвергъ. Мѣстомъ мѵроваренія въ Москвѣ служитъ Патріаршая Крестовая Палата, помѣщающаяся во второмъ этажѣ Сѵнодальнаго дома. Она устроена была патріархомъ Никономъ, и въ ней какъ онъ, такъ и его преемники, при особыхъ случаяхъ, принимали иноземныхъ пословъ и святителей. Мѵроваренье начали совершать здѣсь съ 1763 года, когда древняя, при патріаршемъ домѣ, церковь Трехъ Святителей, въ папертяхъ которой происходило прежде мѵроваренье, была за ветхостью разобрана. Въ Никоновой палатѣ тогда же устроенъ былъ особый каменный очагъ, съ двумя желѣзными котлами, въ которые во время мѵроваренія вставляются серебряные котлы съ веществомъ Мѵра. Надъ очагомъ, по повелѣнію Императора Николая Павловича, въ 1852 году устроена деревянная рѣзная сѣнь съ позолотой. Утромъ, въ Великій Понедѣльникъ, въ Патріаршую Палату отправляется митрополитъ или замѣняющій его архіерей съ высшимъ духовенствомъ, и послѣ малаго водоосвященія, окропляетъ святою водою всѣ приготовленныя вещества и принадлежности мѵроваренія. Затѣмъ священнослужители вливаютъ въ серебряные котлы масло и вино, кладутъ въ нихъ благовонныя вещества и ставятъ на очагъ, а святитель самъ зажигаетъ подъ ними огонь. Во время мѵроваренія священники читаютъ Евангеліе, а діаконы въ облаченіи мѣшаютъ въ котлахъ влитыя туда вещества. Въ Великую Среду въ Мѵро кладутъ ароматы; потомъ разливаютъ его по серебрянымъ сосудамъ и оставляютъ въ Крестовой Палатѣ до Великаго Четверга, когда происходитъ окончательное его освященіе. Для послѣдней цѣли Мѵро торжественно приносятъ изъ Крестовой Палаты въ соборный алтарь, а во время великаго выхода, вмѣстѣ съ приготовленными дарами, выносятъ изъ алтаря къ народу. По окончаніи литургіи, Св. Мѵро, тѣмъ же крестнымъ ходомъ и при колокольномъ звонѣ, переносятъ обратно въ хранилище Патріаршей ризницы, гдѣ оно постоянно хранится и выдается лишь по требованію архіереевъ и по особому каждый разъ разрѣшенію Сѵнодальной Конторы; въ церквахъ же оно благоговѣйно сохраняется на престолѣ, вмѣстѣ съ запасными Св. Дарами, въ серебряныхъ или хрустальныхъ сосудахъ.

Литературный альбомъ. „Цыгане". Поэма Пушкина.

(Рис. на стр. 181).

Поэма „Цыгане", одно изъ лучшихъ молодыхъ произведеній нашего великаго поэта, вообще богата роскошными картинами, драматизмомъ. При встрѣчѣ цыганскаго табора, вообще не очень поэтичнаго въ наше время, невольно вспоминается великолѣпное описаніе Пушкина таборовъ его эпохи, бродившихъ по Бессарабіи.

Цыгане шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ;

Библиотека "Руниверс"

Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшанныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ...

За этой увлекательной, эффектной картиной внѣшняго быта Цыганъ, поэтъ рисуетъ ихъ типы: стараго Цыгана и его дочери—страстной и пылкой Земфиры. Эти два лица обрисованы имъ съ видимой симпатіей, особенно старый цыганъ, котораго каждое слово дышетъ высокой, практичной мудростью. Среди простой, привольной жизни, старикъ не ропщетъ на судьбу и думаетъ объ одномъ, чтобы сдѣлать довольной и счастливой свою Земфиру. Но вотъ является въ таборъ новый пришлецъ — Алеко, промѣнявшій шумную и бурную жизнь городовъ на любовь цыганки, на скитанія, свободу и другія прелести цыганской жизни. Но Алеко понимаетъ свободу по своему; не смотря на громкія фразы, въ душѣ онъ остается холоднымъ эгоистомъ и незадумывается совершить двойное преступленіе изъ оскорбленнаго самолюбія, изъ мести, несвойственной истинно возвышенному сердцу. Заставъ Земфиру на свиданіи съ молодымъ цыганомъ, Алеко безжалостно убиваетъ какъ ее, такъ и своего соперника. Цыгане не караютъ преступника; они тихо снимаются со своимъ таборомъ, и Алеко изгоняютъ отъ себя.

Зимняя ѣзда. Въ гору и подъ гору.

(Рис. на стр. 184 и 185).

Желѣзная дорога все болѣе и болѣе вытѣсняетъ старую ямскую ѣзду, со всѣми ея трудностями, невзгодами, продолжительностью,—и вмѣстѣ съ тѣмъ съ удовольствіемъ вспоминаешь иногда разные ея эпизоды. Часто ли теперь пассажиръ взглянетъ въ замерзшее окно вагона, кутаясь въ пледы? Онъ во всю длинную дорогу иногда видитъ только заспанныя и исполосованныя отъ складокъ подушекъ, лица сосѣдей, да вагоннаго артельщика и кондуктора. А спертый воздухъ этотъ, пропитанный запахомъ угля въ печкѣ... Устроишься, бывало, тепло въ кибиткѣ, въ грудь льется свѣжій, здоровый, живительный воздухъ, кругомъ родные виды столь близкой и знакомой намъ картины зимы. Лошади бѣгутъ дружно и ровно, мечты и образы плывутъ передъ глазами, бубенчики воркуютъ и переливаются, колокольчикъ бойко звенитъ... Художникъ прекрасно схватилъ впечатлѣніе зимней ѣзды. Вотъ усердно тянутъ лошадки въ гору, а вотъ упирается сильный, добрый коренникъ въ тяжелый хомутъ и привычно и спокойно спускаетъ. А эти лунныя зимнія ночи!..

....Путь озаренъ
Ночь глядитъ милліонами яркихъ очей...
Погружай меня въ сонъ, колокольчика звонъ!
Вывози меня сила усталыхъ коней!

Велики были и невзгоды: мятель, проплутаешь всю ночь—но за то какъ пріятно за ярко отчищеннымъ, шипящимъ самоваромъ теплой почтовой станціи, какъ крѣпко спится и какъ здорово дышетъ грудь! Вѣдь и поѣздъ, бываетъ, врѣжется въ сугробы и простоитъ сколько,—не говоримъ уже коли слетитъ съ рельсовъ. Всякая медаль имѣетъ свою оборотную сторону...

Водопроводная башня въ С.-Петербургѣ.

(Рис. на стр. 188 и 189).

Въ виду важности вопросовъ, возбудившихся недавно въ нашей столицѣ по поводу системы снабженія Петербурга водою, не лишнее познакомиться хотя отчасти съ этой системой.

Въ послѣднее время возбудился вопросъ о фильтрованіи доставляемой въ дома невской воды. Дѣло между Спб. Думой и водопроводнымъ обществомъ еще не рѣшено.

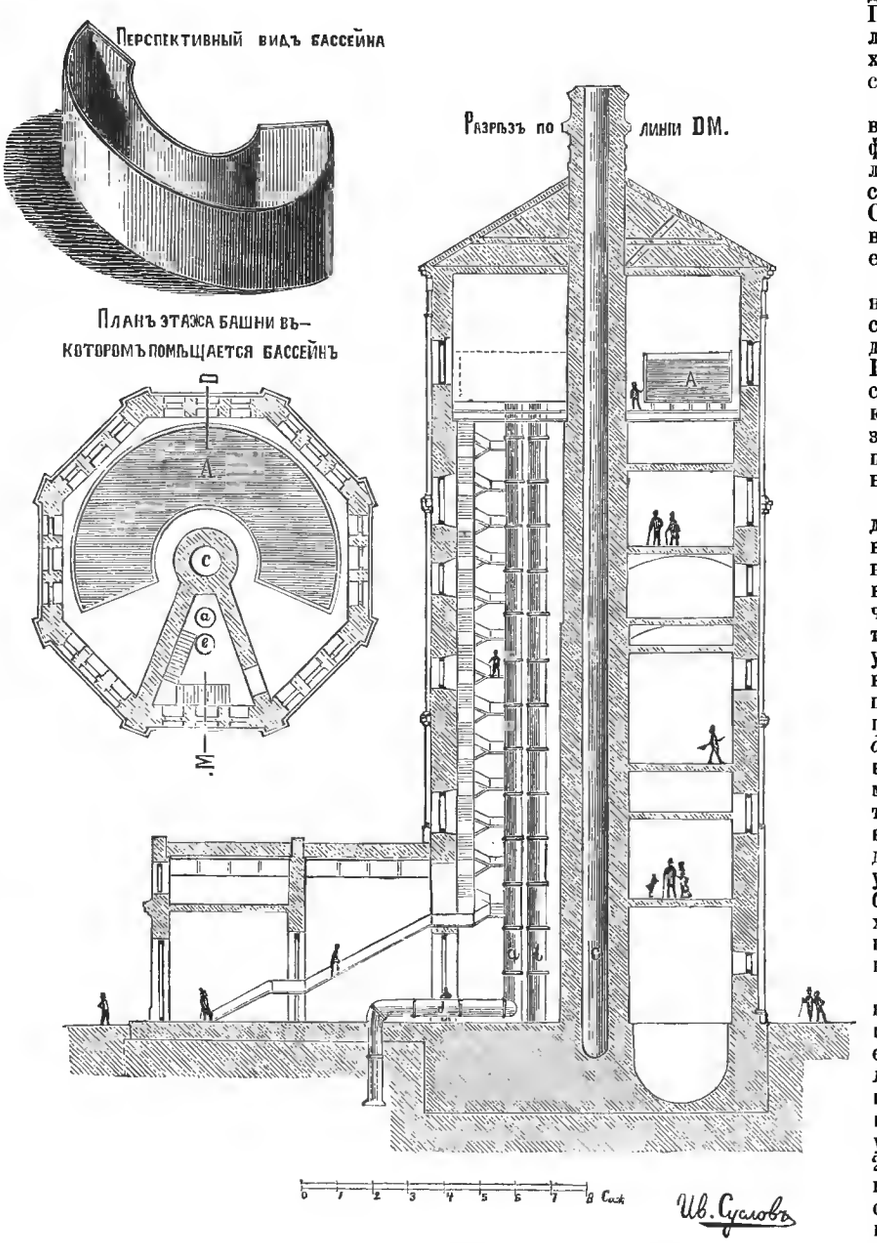
Прилагаемый рисунокъ изображаетъ перспективный видъ водонапорной башни Петербургской, а рисунки на стр. 188 даютъ нѣсколько разрѣзовъ этой башни, для показанія ея внутренняго устройства.

Эта башня служитъ для помѣщенія въ ея верхнемъ этажѣ резервуара или бассейна А, въ который вода накачивается машинами по трубѣ *в*, и откуда она уже расходуется во весь городъ, спускаясь по трубѣ *а* и идя далѣе подъ землею по трубѣ *д*. Всѣ эти трубы имѣютъ внутренній діаметръ въ 30 дюймовъ, т. е. немного болѣе одного аршина. По срединѣ же этой башни устроена дымовая труба *с*, по которой выходитъ дымъ отъ нѣкоторыхъ печей паровыхъ котловъ.

Самый бассейнъ, какъ это видно изъ нашихъ рисунковъ, имѣетъ видъ неполнаго цилиндра, и уровень воды находится въ немъ на высотѣ 24 сажень надъ уровнемъ Невы и около 22 сажень надъ поверхностью земли; вслѣдствіе такого высокаго положенія бассейна, напоръ воды въ водопроводныхъ трубахъ на столько силенъ, что вода даже въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ города способна подыматься до верхнихъ этажей самыхъ высокихъ домовъ.

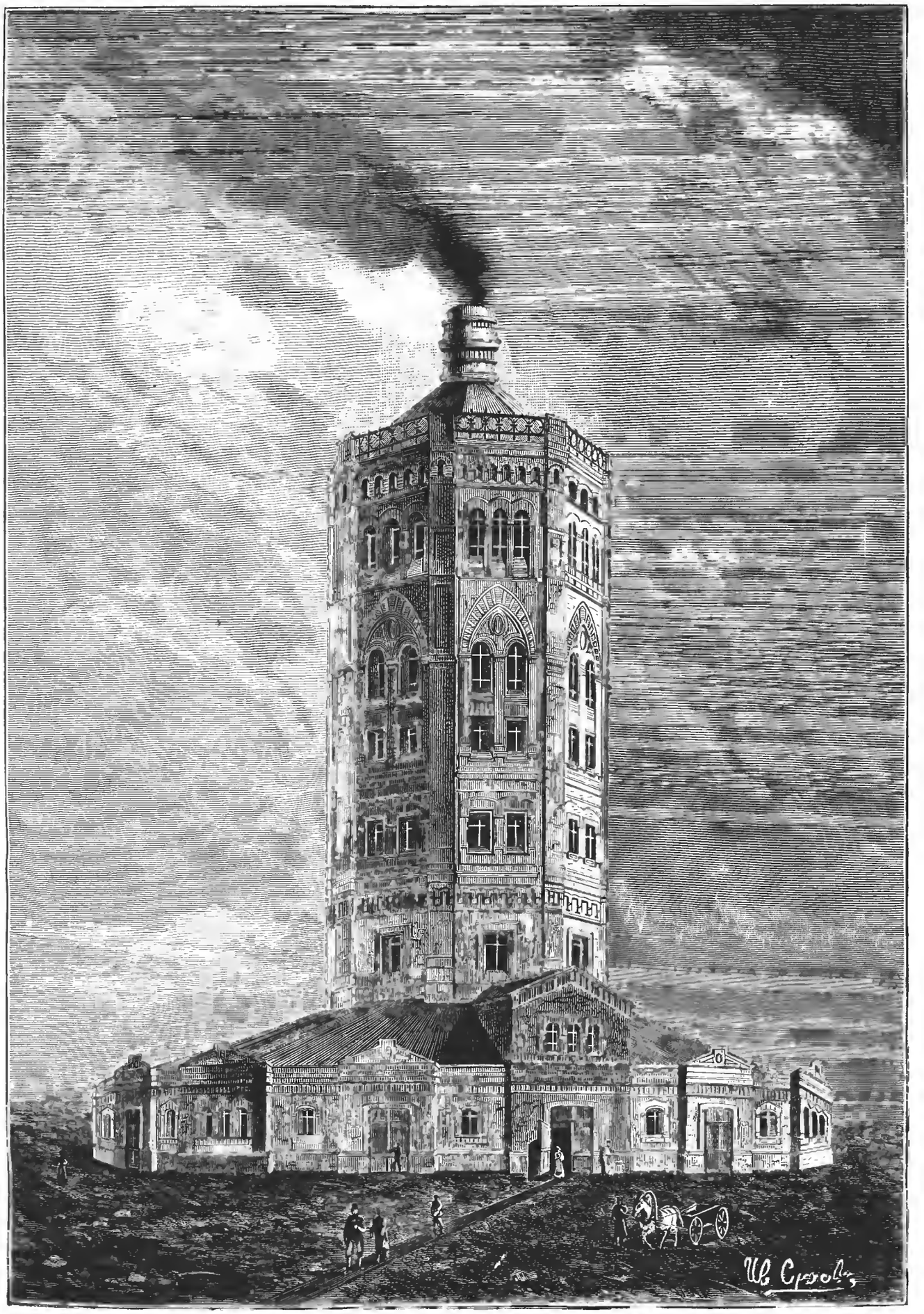
Запасъ воды, содержащейся въ бассейнѣ, составляетъ около 60,000 ведеръ и постоянно поддерживается непрерывнымъ дѣйствіемъ машинъ, которыя день и ночь качаютъ воду изъ Невы. Этихъ машинъ въ Петербургскомъ водопроводѣ 12 и всѣ онѣ вмѣстѣ развиваютъ работу въ 1.200 паровыхъ лошадей и получаютъ паръ изъ 23 паровыхъ котловъ.

Отъ бассейна А, какъ было сказано выше, спускается внизъ труба *д*, которая во дворѣ башни развѣтвляется на нѣсколько отдѣльныхъ вѣтвей, несущихъ воду въ различныя части города; въ настоящее время во всемъ Петербургѣ, лежащемъ между рѣкою Большою Невою и Обводнымъ каналомъ, всѣ уже улицы и переулки покрыты водопроводными трубами, такъ что во всей этой части города нѣтъ ни одного дома, около котораго не было бы уличной водопроводной трубы и который не могъ бы такимъ образомъ получить воду изъ водопровода.



Планъ и разрѣзъ водопроводной башни въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"



Виды и зданія С.-Петербурга. Водопроводная башня. Рис. съ натуры И. Сусловъ, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ уличныя водопроводныя трубы въ Петербургѣ, въ настоящее время, имѣютъ общую длину въ 230 верстъ и различные діаметры, отъ 30 до 3 дюймовъ. На этихъ трубахъ устроено 1200 пожарныхъ крановъ для тушенія пожаровъ.

Петербургскій водопроводъ открылъ свое дѣйствіе въ 1863 году и былъ сперва устроенъ на суточное доставленіе 1.400,000 ведеръ; въ настоящее же время онъ доставляетъ уже въ сутки до 8.000.000 ведеръ, снабжая около 5.000 домовъ съ 670.000 жителей, такъ что на каждаго человѣка приходится около 12 ведеръ воды въ день.

Предѣльный тарифъ, по которому можетъ продаваться вода въ Петербургѣ, составляетъ 8 коп. за сто ведеръ; въ дѣйствительности же она продается гораздо дешевле, а именно, въ среднемъ выводѣ, всего по цѣнѣ около $4^1/_4$ коп. за сто ведеръ.

По отношенію количества воды, доставляемой въ сутки на человѣка, и дешевизнѣ ея цѣны, Петербургскій водопроводъ превосходитъ водопроводы всѣхъ другихъ столицъ Европы, а именно: въ то время какъ въ Петербургѣ доставляется водопроводомъ по 12 вед. въ день на человѣка, въ Лондонѣ доставляется $11^3/_4$ ведра, въ Берлинѣ 5 вед., а въ Парижѣ всего $3^1/_2$ ведра, при чемъ каждыя 100 ведеръ воды обходятся въ Петербургѣ по $4^1/_4$ коп., въ Лондонѣ по $7^1/_2$ коп., въ Берлинѣ по 11 и въ Парижѣ по $12^1/_4$ к.

Типы красоты.

(Рис. на стр. 192).

Представляя типы женской красоты, на сей разъ помѣщаемъ портретъ извѣстной артистки Цукки въ роли Сіебы. Это—новая знаменитость, приводящая въ настоящее время въ восторгъ весь Парижъ и о которой теперь говорятъ всѣ журналы. Она уроженка Пармы. Талантъ Цукки исключительный; она обладаетъ выразительной мимикой, силою и граціей. Она теперь въ театрѣ Эденъ. Французская критика отзывается о ней восторженно, со свойственными французамъ преувеличеніями. „Это звѣзда изъ звѣздъ; трудно представить себѣ что нибудь болѣе изящное, болѣе граціозное и увлекательное. Она какъ бы не касается земли.“ Ея оживленная красота производитъ сильное впечатлѣніе и это удачно передано въ рисункѣ художника.

Канатная желѣзная дорога въ Чикаго.

(Рис. на стр. 193).

Со введеніемъ въ 1881 г. въ Санъ-Франциско канатной желѣзной дороги, система эта, не смотря на встрѣченное ею вначалѣ предубѣжденіе, стала все болѣе примѣняться въ Америкѣ. Такъ канатная желѣзная дорога устроена уже или устраивается во многихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, именно въ Филадельфіи, Дунльдинѣ и Канзасѣ. Точно также она проложена въ Нью-Іоркѣ на мосту Эстъ-Риверъ и проведеніе ея проэктируется даже въ Лондонѣ до Гайдэтъ-Гилля.

Вагонъ канатной желѣзной дороги въ Чикаго приводится въ движеніе помощью каната, который въ свою очередь приводится въ безпрерывное движеніе паровой машиной. Канатъ помѣщается въ подземной трубѣ, прорѣзанной по длинѣ съ цѣлью пропуска вагонной лапки, которою захватывается канатъ. Вагонъ начинаетъ двигаться послѣ соединенія его лапкою съ канатомъ; движеніемъ управляетъ механикъ, стоящій на платформѣ, который по желанію нажимаетъ лапку или отпускаетъ ее, смотря по тому, нужно-ли остановить вагонъ или привести его въ движеніе.

Городъ Чикаго расположенъ на довольно плоской мѣстности, что очень облегчило введеніе канатной дороги, которою замѣнилась конная желѣзная дорога. Дѣйствительно, не пришлось преодолѣвать крутыхъ подъемовъ, какъ это было въ Санъ-Франциско; постройка канатной дороги была начата въ Чикаго въ январѣ 1882 г. въ Стэтъ-Стритъ, послѣ чего была проложена на послѣднихъ, почти параллельныхъ улицахъ Вэбашъ и Коттиджъ-Гровъ, а въ настоящее время проводится на Кляркъ-Стритъ и Вентвортъ-Авеню. Общая длина строющихся линій достигаетъ 240 километровъ.

Машинная станція желѣзныхъ дорогъ Чикаго расположена почти въ центрѣ сѣти, на половинѣ пути линіи Стэтъ-Стритъ. Отсюда идутъ два каната: одинъ до конца сѣвернаго пункта и другой, въ противоположную сторону, до конца южнаго пункта. Вагонъ, зацѣпившись на станціи за соотвѣтствующій канатъ, проходитъ по немъ сѣверную часть линіи, на концѣ которой ос бымъ приспособленіемъ переводится на обратный путь. Дойдя снова до станціи, вагонъ сходитъ съ каната и силою инерціи переходитъ на канатъ южной части линіи. На рисункѣ наглядно изображено устройство подземной трубы съ проложеннымъ канатомъ и движущимся по немъ вагономъ. Зацѣпка или лапка, изобрѣтенная г. Галлиди, состоитъ изъ двухъ продольныхъ нажимовъ, изъ которыхъ нижній прикрѣпленъ неподвижно къ рамѣ вагона, а другой можетъ быть опущенъ и нажатъ на веревку помощью рычага, находящагося подъ рукою машиниста. Нажимы съ внутренней стороны выложены деревомъ, на нижнемъ кромѣ того находятся два валика, поддерживающіе канатъ и поднимающіе его съ блоковъ, по которымъ онъ проходитъ.

Опуская рычагъ, канатъ сдвигается, на него не дѣйствуютъ подпорки нижней лапки и вагонъ останавливается. Въ трубѣ, сдѣланной изъ бетона, канатъ поддерживается блоками, расположенными на разстояніи 9 метровъ 75. Канаты сдѣланы изъ желѣзныхъ проволокъ, по шести прядей, каждая въ 19 нитей съ конопляной срединой. Они двигаются со скоростью отъ 12 до 15 километровъ въ часъ, за исключеніемъ людныхъ улицъ и подъемовъ, гдѣ скорость уменьшена на половину.

Движущія машины, типа Корлиссъ, съ конденсаторами, дѣлаютъ 64 оборота въ минуту, при давленіи 4 атмосферъ. Приводя въ движеніе на всей сѣти 43 поѣзда, приблизительно съ 1900 человѣкъ пассажировъ, сила этихъ машинъ можетъ достигать 215 паровыхъ лошадиныхъ силъ, что соотвѣтствуетъ 5 лошадямъ на каждой поѣздъ, состоящій изъ буксира съ лапками и двухъ вагоновъ.

Хотя канатныя желѣзныя дороги Чикаго работаютъ не особенно долго, почему нельзя было составить о нихъ окончательнаго заключенія, тѣмъ не менѣе опытъ показалъ, что линіи эти работали въ такое снѣжное время, когда необходимо было прекратить движеніе конныхъ дорогъ. Что-же касается экономической точки зрѣнія, то сбереженій получилось около трети всего расхода эксплоатаціи.

Политическое обозрѣніе.

Египетъ.—Франція и Тонкинъ.—Берлинъ.

Возстаніе Махди принимаетъ всѣ болѣе и болѣе угрожающій характеръ и его успѣхи, считаемые арабами результатомъ его непобѣдимости и сверхъестественной силы, начинаютъ волновать уже мусульманскій міръ даже за предѣлами Египта. Такъ при султанскомъ дворѣ господствуютъ сильныя опасенія за благонадежность арабскаго населенія Джедды, въ средѣ котораго, въ послѣднее время, стали замѣтно проявляться признаки броженія, вызванные побѣдами лжепророка. Кромѣ того мятежъ уже нашелъ сильное сочувствіе въ рядахъ самой египетской арміи и потому даже въ Каирѣ спокойствіе и безопасность становятся непрочными для европейскаго населенія. Это сознаютъ теперь всѣ лондонскія газеты, прямо заявляющія, что положеніе Англіи въ Египтѣ въ высшей степени шатко и непрочно и что ей необходимо взять все его военное и гражданское управленіе въ свое вѣдѣніе. Паденіе Токкара, которое составляетъ теперь несомнѣнно совершившійся фактъ, тоже произвело тяжелое впечатлѣніе въ Лондонѣ и здѣсь полагаютъ, что вскорѣ послѣдуетъ нападеніе мятежниковъ на Суакимъ, и какъ общество, такъ и печать открыто ропщутъ на медленность и нерѣшительность британской политики въ дѣлахъ Судана. Мѣры, принятыя Гордономъ къ усмиренію мятежа, тоже вызвали въ Англіи сильное неодобреніе, особенно его открытое заявленіе, что продажа рабовъ не будетъ воспрещена. Признаніе Махди султаномъ Кордофана тоже едва ли будетъ имѣть важный успѣхъ, такъ какъ лжепророкъ, какъ кажется, не такой человѣкъ, который удовлетворился бы меньшимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ уже имѣетъ. Генералъ Гордонъ, не взирая на свои широкія полномочія, не въ состояніи ни на волосъ расширить власть суданскаго пророка; самое же признаніе независимости Кордофана было вѣроятно имъ допущено съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы вызвать несогласія въ рядахъ самихъ мятежниковъ. По извѣстіямъ изъ Хартума, прокламація Гордона имѣла здѣсь большой успѣхъ и пріемъ генерала былъ восторженный. По прибытіи въ городъ, Гордонъ тотчасъ же устроилъ пріемъ, къ которому были допущены даже самые бѣднѣйшіе изъ арабовъ. Кромѣ того Гордонъ и полковникъ Стюартъ учредили канцелярію, гдѣ записываются всѣ жалобы арабовъ и внимательно выслушивается каждый проситель. Книги, въ которыхъ записывались недоимки обремененнаго разными налогами населенія, были преданы сожженію публично, на площади, передъ генералъ-губернаторскимъ домомъ, вмѣстѣ съ карательными орудіями, употреблявшимися до сихъ поръ для пытокъ иностранныхъ должниковъ. Гордонъ приказалъ, кромѣ того, срыть острогъ и допросилъ содержавшихся въ нихъ колодниковъ, при чемъ оказавшіеся безвинными или достаточно искупившими свой проступокъ немедленно отпускались имъ на свободу. Всѣ эти мѣры, дѣйствительно похвальныя, привели въ восторгъ все населеніе Хартума, которое иначе не называетъ Гордона, какъ отцомъ, миротворцемъ, избавителемъ Кордофана. Подробности о взятіи мятежниками Токкара еще не извѣстны. Полагаютъ, что Османъ-Дигма пощадилъ жизнь египетскаго гарнизона, отобравъ лишь отъ него оружіе. По другому слуху, половина токкарскаго гарнизона была перебита немедленно послѣ сдачи. Комендантъ Токкара, Османъ-Бей, далеко не выказалъ той твердости и неустрашимости, какъ Тевфикъ-паша въ Синкатѣ. Впрочемъ, численность гарнизона не превышала пятисотъ человѣкъ, изъ которыхъ многіе выбыли изъ строя, одни отъ болѣзней, другіе отъ безпрерывнаго огня четырехъ крупповскихъ орудій,

Библиотека "Руниверс"

захваченныхъ при пораженіи арміи Бэкера паши и поставленныхъ мятежниками на вершинахъ сосѣднихъ холмовъ. Послѣ взятія Токкара въ Лондонѣ идутъ совѣщанія и возникаетъ важный вопросъ: оставить ли Токкаръ и Синкатъ во власти Махди или выждать спокойно того момента, когда мятежники пойдутъ на штурмъ Суакима. Въ Англіи предполагаютъ, что скопища лжепророка будутъ отброшены къ западу и что восточный Суданъ между Бѣлымъ Ниломъ и Краснымъ моремъ, останется во власти англичанъ. Впрочемъ такія надежды и предположенія еще очень преждевременны и могутъ быть легко разрушены грозной силой мусульманскаго фанатизма и ненависти къ западу.

15 февраля, въ Берлинѣ праздновалась семидесятая годовщина сраженія при Баръ-юръ-Объ, въ которомъ императоръ Вильгельмъ, будучи семнадцатилѣтнимъ юношею, принималъ личное участіе въ рядахъ калужскаго пѣхотнаго полка.

Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ этотъ самый день, кипѣлъ во Франціи убійственный бой вокругъ высотъ, упорно защищаемыхъ французскими войсками. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III, слѣдившій издали за этимъ боемъ, былъ пораженъ молодецкимъ натискомъ русскихъ колоннъ, безпрерывно смыкавшихъ свои ряды, быстро рѣдѣвшіе подъ градомъ непріятельскихъ пуль. Король приказалъ своему сыну, принцу Вильгельму, освѣдомиться о названіи русскаго полка, дѣйствовавшаго на правомъ флангѣ и изъ строя котораго выбывало всего болѣе раненыхъ. Принцъ поскакалъ къ мѣсту боя, узналъ, что это калужскій полкъ, и увлеченный пыломъ битвы, въѣхалъ въ сферу непріятельскаго огня. Ободренные доблестнымъ примѣромъ юнаго принца, калужцы съ новою отвагою ринулись на приступъ. Въ воздаяніе за этотъ подвигъ, принцу Вильгельму и былъ пожалованъ георгіевскій крестъ. Въ Берлинъ отъ насъ прибыла блестящая депутація для поздравленія.

Послѣ полудня германскій императоръ, окруженный наслѣднымъ принцемъ, принцами королевской фамиліи, имѣющими георгіевскіе кресты, графомъ Мольтке, генералъ-адъютантами и флигель-адъютантами, принялъ русскую депутацію. Великій князь Михаилъ Николаевичъ указалъ на значеніе нынѣшняго дня и передалъ императору Вильгельму поздравленіе Императора Александра, равно какъ и собственноручное письмо Его Величества, вмѣстѣ съ фельдмаршальскимъ жезломъ, осыпаннымъ брилліантами. Командиръ калужскаго полка поднесъ императору, отъ имени полка, подарокъ въ видѣ георгіевскаго креста, въ воспоминаніе о семидесятилѣтней годовщинѣ дня, въ который императору Вильгельму пожалованъ былъ этотъ орденъ. Императоръ выразилъ депутаціи сердечную благодарность. Затѣмъ депутація была принята императрицею.

Библіографія.

Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Наставленіе не врачамъ. Перев. съ нѣмецкаго доктора медицины М. Боголюбова (съ рисункамъ въ текстѣ). Москва, 1884 года.

Въ концѣ прошлаго года, по распоряженію президента полиціи города Берлина, сочиненіе это было переработано, согласно съ современными требованіями науки, докторомъ Пистором, членомъ медицинскаго управленія въ Берлинѣ. Президентъ полиціи, снабдивъ каждаго полицейскаго новымъ сочиненіемъ о *первой помощи*, рекомендуетъ его въ то же время всѣмъ завѣдывающимъ фабриками, заводами, содержателямъ купаленъ, всѣмъ имѣющимъ разныя заведенія, управляющимъ разными учрежденіями съ извѣстнымъ числомъ людей. Пробѣгая наставленіе въ моментъ, такъ сказать, самаго несчастнаго случая, и употребляя рекомендованныя тутъ средства, кои находятся подъ рукой въ каждомъ домѣ, въ каждой семьѣ, можетъ удаться спасти жизнь жертвѣ несчастнаго случая. Нѣмецкая печать съ большимъ сочувствіемъ относится къ этому распоряженію президента полиціи и находитъ, что оно весьма полезно.

Первая Помощь, въ переводѣ, какъ сказано выше, изложена лишь на нѣсколькихъ страницахъ, а потому наставленіе можетъ быть быстро отыскано и безъ потери времени прочтено при каждомъ данномъ случаѣ. Форма изложенія такова, что не позволитъ читателю колебаться въ выборѣ средствъ, по обилію коихъ и подробности изложенія вовсе не пригодны при несчастныхъ случаяхъ другія наставленія этого рода. Наставленія въ новомъ сочиненіи иллюстрированы хорошими рисунками. Въ новомъ сочиненіи говорится о помощи мнимоумершимъ, главнымъ образомъ объ искусственномъ дыханіи, о помощи при различныхъ родахъ мнимой смерти: утопленникамъ, удавленникамъ, задохнувшимся, угорѣвшимъ, подавившимся, засыпаннымъ землей, замерзнувшимъ, убитымъ громомъ, новорожденнымъ; помощь при обморокѣ и въ припадкахъ съ судорогами.

Смѣсь.

Интересно очень письмо Дизраэли къ лорду Линтону, писанное имъ въ Константинополѣ въ декабрѣ 1830 года. „Сознаюсь вамъ, что мои турецкія привычки во время пребыванія въ Константинополѣ еще болѣе усилились. Жизнь этого народа очень гармонируетъ съ моимъ немного лѣнивымъ нравомъ. Кейфованіе на роскошныхъ оттоманахъ, куреніе дорогаго табаку, ежедневныя купанья въ баняхъ, на что требуется до ½ дюжины слугъ, наслажденіе чистымъ воздухомъ, сидя въ рѣчномъ ботѣ на морскомъ берегу, нежеланіе напрягать себя рѣшительно никакими усиліями, развѣ только галопомъ на чистокровномъ арабскомъ конѣ,—это, кажется мнѣ, болѣе разумная жизнь, чѣмъ вся эта суетня въ клубахъ, скука въ обществѣ, грубая обыденность нашихъ политическихъ споровъ... Жизнь сопровождается тысячью спокойныхъ наслажденій, тысячью развлеченій, перечисленіе которыхъ могло бы утомить васъ и нарисовать которыя я предоставляю Вашей фантазіи.“

Султанъ и музыка. Султанъ Абдулъ-Гамидъ большой любитель и знатокъ музыки, и именно европейская музыка пользуется его симпатіей. Каждый выдающійся виртуозъ, посѣщающій Константинополь, бываетъ приглашаемъ во дворецъ, чтобы играть въ присутствіи султана. Недавно подъ покровительствомъ султана данъ былъ концертъ въ пользу жертвъ пожара въ Хаскіоѣ. Султанъ самъ занимается музыкой и играетъ на роялѣ. Онъ также оказываетъ вліяніе на выборъ пьесъ, которыя исполняются императорской музыкальной капеллой, управляемой Готелли, благодаря которому капелла составила себѣ извѣстность. Предшественники теперешняго султана Абдулъ-Меджидъ и Абдулъ-Азисъ, когда въ Константинополѣ былъ оперный театръ, имѣли въ немъ отдѣльную ложу. Они посѣщали оперу только одинъ разъ въ годъ и являлись въ сопровожденіи всѣхъ министровъ и императорской гвардіи. Султанъ съ великимъ визиремъ или другимъ министромъ занималъ императорскую ложу, остальные министры размѣщались въ боковыхъ ложахъ; непосредственно подъ ложей султана помѣщалась султанская гвардія. Всѣ мѣста, которыя были выше ложи султана и его министровъ, оставались незанятыми. Другія же и партеръ предоставлялись публикѣ, причемъ въ такихъ случаяхъ назначалась за мѣста двойная цѣна. При посѣщеніи театра султаномъ, на сценѣ участвовалъ весь персоналъ артистовъ и программа была составляема изъ нѣсколькихъ актовъ различныхъ оперъ. Спектакль продолжался до тѣхъ поръ, пока вниманіе султана не утомлялось и онъ не выходилъ изъ ложи.

Усовершенствованіе въ области торпедъ. Нѣкто Ляке получилъ патентъ на ботъ, въ которомъ не требуется экипажа, но который однако можетъ быть высланъ къ тѣмъ судамъ, кои намѣреваются взорвать посредствомъ торпедъ. Ляке приводитъ въ дѣйствіе винтъ бота посредствомъ угольной кислоты, которая, раньше чѣмъ достигнуть цилиндра, согрѣвается особымъ аппаратомъ. Движенія руля и другія дѣйствія на ботѣ достигаются посредствомъ электрическаго кабеля, намотаннаго на катушкѣ и мало по малу развертывающагося при удаленіи отъ берега. Кабель, какъ на сушѣ, такъ и на борту, сообщается съ электромагнитомъ и при помощи замысловатаго прибора можетъ регулировать машину, направлять ботъ, зажигать сигнальную ракету и выбрасывать торпедо. Въ настоящее время Ляке производитъ опыты со своимъ ботомъ на Темзѣ, возбуждая большое удивленіе у зрителей. Лица, хорошо понимающія это дѣло, предсказываютъ Ляке полный успѣхъ.

По сообщенію профессора Пальмьери, 3-го января началась необыкновенная дѣятельность Везувія. Гора въ постоянной дѣятельности и массы густаго дыма покрываютъ ея вершину. Въ ночь на 10-е января на сѣверо-западномъ склонѣ образовался кратеръ, изъ котораго вышелъ широкій потокъ лавы, устремляясь въ пропасть Атріо ди Кавалло.

Парадная маршировка. Сынъ извѣстнаго патолога, тайнаго совѣтника Рудольфа Бишофа, приватъ-доцентъ анатоміи д-ръ Ганцъ Бишофъ, занимающій нынѣ должность ассистента при профессорѣ Вальдейеръ въ Берлинѣ, написалъ недавно небольшое сочиненіе „О движеніи человѣческаго тѣла“, которое заключаетъ въ себѣ ученыя наблюденія надъ положеніемъ и маршировкой солдата при обученіи его военному дѣлу. Особый интересъ представляетъ первая часть этого сочиненія, въ которой авторъ разбираетъ спеціально выправку и маршировку рекрута и старается доказать, что это физіологическое упражненіе, которое ежегодно продѣлывается на плацу и въ казармѣ надъ тысячами молодыхъ новобранцевъ, представляетъ собой весьма полезное и разумное упражненіе, хотя цѣлесообразность его, быть можетъ, извѣстна очень немногимъ и, по всей вѣроятности, не имѣлась въ виду при установившейся по традиціи системѣ военной выправки. До сихъ поръ, напротивъ того, медики-теоретики утверждали, что парадная сторона военнаго образованія, съ его неестественными требованіями, коверкаетъ человѣка, вынуждая его къ вредной, непосильной дѣятельности и напряженію мускуловъ. Ганцъ Бишофъ же весьма основательно доказываетъ, что солдатъ, напрягая свои мускулы при обученіи его въ строю, полезно упражняетъ и укрѣпляетъ ихъ; что, принимая молодцоватый видъ, онъ дѣлается увѣреннѣе въ своей силѣ. Ко всему этому вы-

Библиотека "Руниверс"

прямленная спина, отодвинутыя назадъ плечи и подобранный животъ, освобождаютъ отъ стѣсненія грудную клѣтку и тѣмъ даютъ возможность происходить дыханію при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Далѣе, такъ какъ при „стойкѣ" солдата центръ тяжести его тѣла проходитъ не черезъ плоскость ступней ногъ, а только черезъ линію, соединяющую толстую часть большихъ пальцевъ, то онъ все

даетъ возможность достигнуть полнаго надъ ними господства; оно поддерживаетъ нервы солдата въ постоянномъ напряженіи, такъ что, въ концѣ концовъ, онъ почти помимо своей воли исполняетъ команду. Это и есть главнымъ образомъ причина того, что въ строю солдатъ дѣлается поворотливымъ, быстро и ловко исполняя команду.

Болѣе чѣмъ отважный желѣзнодорожный мостъ надъ глубокой

Типы женской красоты. M-lle Цукки (премьерша театра Эденъ въ Парижѣ) въ роли Сіебы. Рис. Вилье, грав. Рюренъ.

время долженъ балансировать, чтобы не упасть впередъ и такимъ образомъ, даже стоя спокойно на мѣстѣ, все время упражняетъ и учится владѣть мускулами ногъ. Съ такимъ положеніемъ тѣла связано то удобство, что солдату приходится дѣлать самое незначительное усиліе, чтобы перейти въ движеніе, начать маршировать; это дѣлается почти совершенно незамѣтно для него самого. Хотя такое положеніе тѣла и неестественно, такъ сказать измышленное, но тѣмъ не менѣе оно очень остроумно упражняетъ мускулы и

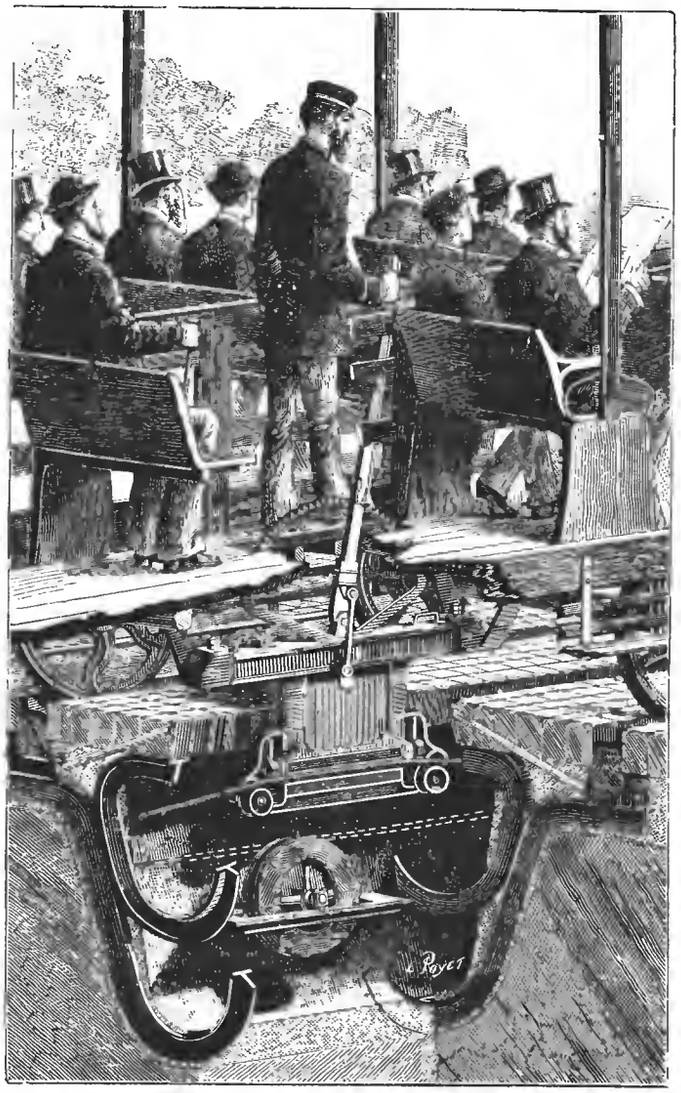
бездной Ніагарскаго водопада, въ настоящее время, послѣ семи съ половиной мѣсяцевъ работы, наконецъ оконченъ и прекрасно выдержалъ испытаніе. Мостъ этотъ выстроенъ по совершенно новой системѣ: онъ не имѣетъ арокъ и не состоитъ изъ длинныхъ горизонтальныхъ переводинъ, концы которыхъ покоятся на прибрежныхъ устояхъ. Два громадныхъ откоса, упирающіеся однимъ концомъ въ противоположные берега, связаны посрединѣ поперечиной, на которой и лежатъ балки и мостовая настилка. Общая длина мо-

Библиотека "Руниверс"

ста равняется 910 футамъ, высота рельсовъ надъ поверхностью воды—245 ф. Матеріаломъ для составныхъ частей моста служила исключительно сталь. Самую большую трудность при постройкѣ, естественно, представляла установка соединяющей части на громадной высотѣ, надъ быстрымъ и бурнымъ потокомъ Ніагара, тѣмъ не менѣе работа эта выполнена была успѣшно и безъ всякихъ злоключеній.

Извѣстно, что глубину этого водопада многократно пытались измѣрить, но по причинѣ быстроты теченія, это не приводило ни къ какимъ результатамъ. Профессоръ Пальманъ отыскалъ способъ опредѣлить глубину, не прибѣгая къ непосредственному измѣренію ея. Онъ вычислилъ массу воды, скорость теченія и вывелъ изъ этого что глубина русла, для того, чтобы вмѣстить всю эту массу воды, должна быть не менѣе 64 фут. До того же глубину эту опредѣляли въ 150—200 футовъ.

Полевыя мыши, пожирающія другъ друга. На поляхъ часто можно встрѣтить множество мышей въ ямахъ, куда онѣ попадаютъ во время ночныхъ путешествій и изъ которыхъ не могутъ уже потомъ выкарабкаться. Нерѣдко число ихъ доходитъ до дюжины въ одной ямѣ; причемъ нѣкоторыя изъ нихъ безъ ушей и хвостовъ, отъ другихъ осталась только половина туловища, нѣсколько совершенно ослабленныхъ и наконецъ всегда нѣсколько живыхъ и бойкихъ экземпляровъ. Болѣе сильныя мыши нападаютъ на своихъ сотоварищей, пожираютъ ихъ живыми, начиная въ большинствѣ случаевъ съ ушей. Изнуренныя и ослабленныя мыши умираютъ подъ зубами своихъ собратій. Чтобы нагляднѣе убѣдиться самому въ этомъ фактѣ, одинъ землевладѣлецъ поймалъ 12 штукъ полевыхъ мышей, заперъ въ клѣтку, изъ которой онѣ не могли уйти, и не давалъ имъ пищи. Едва прошло нѣсколько часовъ, какъ началось пожираніе другъ друга. Къ слѣдующему утру четыре мыши оказались заѣденными и нѣсколько искусанныхъ; на третій день живыхъ было только двѣ,—онѣ были все время заняты обгладываніемъ труповъ своихъ товарищей. Спустя нѣсколько дней умерла еще одна и наконецъ послѣдняя, самая сильная, околѣла на восьмой день, отъ слишкомъ много принятой мясной пищи. Обжорство мышей необыкновенно; сильная здоровая мышь поѣдала въ день половины отъ двухъ мышей: нижнія части туловища она оставляла нетронутыми. Мыши могутъ жить безъ пищи лишь самое короткое время и зимній голодъ побуждаетъ ихъ пожирать другъ друга.



Механическая ж. д. по улицамъ г. Чикаго, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

Ядовитое дерево. Одна изъ породъ деревьевъ Панамы, кокобола, употребляемая для различнаго рода подѣлокъ, обратила на себя вниманіе врачебно-полицейскаго надзора города Коннектикута, вслѣдствіе вредоноснаго своего дѣйствія на рабочихъ. Дерево это очень дешево, легко обработывается, прекрасно принимаетъ полировку и употребляется въ огромной массѣ для выдѣлыванія ручекъ для ножей и различныхъ украшеній. Нѣкоторые изъ рабочихъ, которые занимаются выдѣлкой предметовъ изъ этого дерева, стали подвергаться отравленію, между тѣмъ какъ другіе оставались свободными отъ заболѣваній. Опухоль лица, смыканіе глазъ, пятна на рукахъ, имѣющія видъ обжоговъ, вотъ обыкновенные признаки зараженія. Другіе, кромѣ того, страдаютъ еще и разстройствомъ желудка и потерей аппетита. Одинъ страстный курильщикъ не только не былъ въ состояніи курить послѣ зараженія, но не могъ даже оставаться въ комнатѣ, въ которой курили другіе. Дѣти, которыя играли опилками этого дерева, топчась въ нихъ босыми ногами, также не избѣгли зараженія и ноги ихъ покрылись язвами. Куры дворовъ, сосѣднихъ съ большой фабрикой въ Бриджепортѣ, которая занимается обработкой этого дерева, были отравлены, такъ какъ ѣли траву, на которой были опилки.

По поводу землетрясеній въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года профессоръ Фарель говоритъ, что земля наша опять находится въ періодѣ землетрясеній. 18-го прошлаго марта, въ 6 часовъ 25 минутъ утра, былъ замѣченъ подземный ударъ въ Нейенбургѣ; 22-го того же марта мѣсяца, въ 3 часа утра, въ Кортело, и въ 4 часа утра въ Кортело и Нейенбургѣ одновременно. 17 и 19 марта, въ разныхъ пунктахъ Италіи были слышны подземные удары. Въ Лиссабонѣ, въ ночь съ 21-го на 22-е декабря, около 4½ час., имѣло мѣсто, какъ кажется, далеко не незначительное землетрясеніе. Объ немъ же сообщаютъ такъ: „Сотрясеніе длилось около 3—4 секундъ и было на столько сильно,—говоритъ корреспондентъ, что у насъ въ домѣ всѣ проснулись; казалось, что сильная рука трясла васъ взадъ и впередъ. Сотрясеніе сопровождалось глухимъ, тяжелымъ раскатомъ, подобно грому. Раскатъ этотъ производилъ еще болѣе непріятное впечатлѣніе, чѣмъ самое сотрясеніе". Далѣе, 23 го декабря, изъ Лиссабона сообщаютъ: „Вчера былъ подземный ударъ въ 1 ч. 30 минутъ утра, не произведшій однако никакого безпокойства въ населеніи, такъ какъ подобныя явленія здѣсь далеко не рѣдкость. Черезъ два часа послѣдовалъ второй ударъ, длившійся 12 секундъ и сопровождаемый подземнымъ шумомъ. Онъ разбудилъ все населеніе и произвелъ большой переполохъ между обитателями узкихъ улицъ, которые съ крикомъ „Misericordia", выбѣгали на улицы. Сотрясеніе направлялось отъ сѣверо-запада къ юго востоку. Вредъ, причиненный землетрясеніемъ, былъ самый незначительный. Сотрясеніе это чувствовалось во всей странѣ. Въ Сетубалѣ жители въ ужасѣ искали спасенія на берегу моря".

Соборъ во Флоренціи. Недавно состоялось торжественное празднованіе по случаю окончанія работъ по украшенію фасада городскаго собора во Флоренціи, заложеннаго еще въ 1294 году. Возстановленіе этого фасада можно, по справедливости, считать историческимъ событіемъ въ дѣлѣ искусства. Къ украшенію наружныхъ стѣнъ собора было приступлено въ первый разъ въ 1334 году, но работы не были доведены до конца и въ XVI столѣтіи самымъ варварскимъ образомъ труды эти были окончательно уничтожены. Много разъ, послѣ того, дѣлались попытки окончить постройку храма, но всегда безуспѣшно. Когда Викторъ Эммануилъ прибылъ во Флоренцію, свою временную резиденцію, онъ обратилъ вниманіе на городской соборъ и приказалъ немедленно приступить къ украшенію неоконченнаго фасада. Нѣсколько разъ объявлялся конкурсъ для художниковъ и архитекторовъ всего свѣта, пока наконецъ работы не были поручены архитектору де-Фабри, который и довелъ ихъ до конца. Въ настоящее время соборъ щеголяетъ массой нестраго полированнаго мрамора, множествомъ богатыхъ художественныхъ украшеній всѣхъ родовъ: статуй, колоннъ, рельефовъ, мозаики и т. д. Матеріальныя средства для наружнаго украшенія храма были пожертвованы обывателями всѣхъ сословій города Флоренціи.

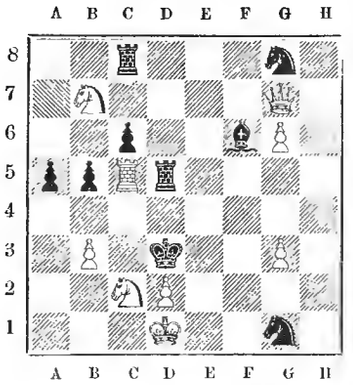
Изслѣдованіе долговѣчности женщинъ сравнительно съ мужчинами. Недавно докторъ Шенкъ сдѣлалъ интересное научное изслѣдованіе о томъ, что женщины несравненно дольше живутъ чѣмъ мужчины, а именно—почти въ полтора раза. Такъ, по вычисленію этого доктора, изъ числа достигшихъ девяноста-лѣтняго и болѣе возраста, находилось въ живыхъ: 60.303 женщинъ и только 42.525 мужчинъ; въ Италіи на 240 женщинъ, достигшихъ ста лѣтъ, приходится лишь одинъ старикъ 141 года; въ Нью-Іоркѣ же за послѣднее десятилѣтіе умерло столѣтнихъ старухъ 72, а стариковъ этого же возраста 19: въ Швеціи это отношеніе между женщинами и мужчинами равняется 33:19... По послѣдней же переписи, въ Соединенныхъ Штатахъ число старухъ, имѣвшихъ болѣе 80 лѣтъ, превосходило число стариковъ на 12,000.

Библиотека "Руниверс"

Вечерняя заря. Изъ Египта, отъ половины сентября, корреспондентъ сообщаетъ въ газетѣ: „У насъ очень часто бываетъ восхитительный закатъ солнца. Старожилы утверждаютъ, что никогда ничего подобнаго тому, что происходитъ теперь, они не запомнятъ. Сумерки здѣсь длятся обыкновенно не болѣе 20—30 минутъ, но вотъ уже два мѣсяца, какъ продолжаются болѣе часу. Сначала небо бываетъ какъ бы объято пламенемъ, такъ что многіе думали сначала, что горитъ вся южная часть города. Прекраснѣйшій темнопунцовый цвѣтъ неба находится не только непосредственно около солнца, но и нѣсколько южнѣй, а также и на сѣверѣ. Прекрасный свѣтъ послѣ заката продолжается еще и теперь, но онъ уже не такъ чудесенъ, какъ нѣсколько недѣль передъ тѣмъ".

Шахматная задача № 7.

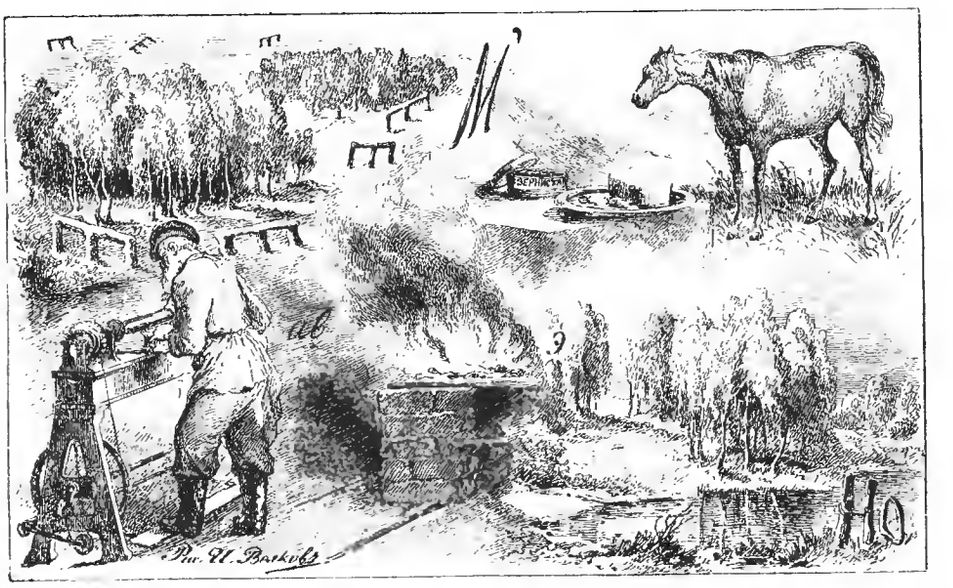
Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

РЕБУСЪ. Задача № 8.



ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто мелкихъ денегъ присылаются почтовыя марки,—высылать таковыя **только новаго образца.**

СОДЕРЖАНІЕ: **Профессоръ бароиъ М. К. Клодтъ** (съ портр.).—**Въ старой Мосивѣ.** Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ, **Гр. Е. А. Саліаса.** Часть первая. (Продолженіе).—**И. С. Тургеневъ у себя,** въ его послѣдній пріѣздъ на родину. Изъ воспоминаній **Я. П. Полонскаго.** (Окончаніе).—**Потухнетъ ли солнце.** Очеркъ **Д.**—**Приготовленіе св. Муро въ Патріаршей Крестовой Палатѣ въ Москвѣ** (съ рис.).—**Литературный альбомъ. „Цыгане". Поэма Пушкина** (съ рис.).—**Зимняя ѣзда. Въ гору и подъ гору** (съ 2 рис.).—**Водопроводная башня въ С.-Петербургѣ** (съ 2 рис.).—**Типы красоты** (съ портр.).—**Канатная желѣзная дорога въ Чикаго** (съ рис.).—Политич. обозр.—Смѣсь.—Шахматная задача.—Ребусъ.—Заявленіе.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

только Кинунена **ЭЛЕОПАТЪ.**

ПРОВИЗОРА КИНУНЕНЪ

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ „ЭЛЕОПАТЪ"

только Кинунена **ЭЛЕОПАТЪ.**

противъ выпаденія волосъ, для рощенія, укрѣпленія ихъ корней и **ПРОТИВЪ СТОЛЬ ВРЕДНОЙ ДЛЯ РОСТА ВОЛОСЪ ПЕРХОТИ ГОЛОВЫ**, занимающій безспорно первое мѣсто одобренное и испытанное безподобное средство—между всѣми косметиками, рекомендованными въ Европѣ и нынѣ существующими въ продажѣ.

Сохраненіе волосъ составляетъ одну изъ немаловажныхъ заботъ всего образованнаго общества.

Одна изъ главныхъ причинъ выпаденія волосъ, вслѣдствіе болѣзни кожи и ихъ корней, лежитъ въ томъ, что накопляющійся жиръ, вмѣстѣ съ отдѣленіемъ весьма часто и ѣдкаго пота и медленно отслаивающейся кожицей (epidermis) съ эпителіемъ образуютъ перхоть, препятствующую доступу воздуха къ корнямъ волосъ (волосяным луковицы) и правильному питанію ихъ лимфой (соками). Длина и густота волосъ находится въ прямой зависимости отъ количества и качества соковъ—лимфы, составляющей ихъ почву, а потому при ослабленіи этихъ питательныхъ соковъ, волосы, достигнувъ только извѣстной длины, начинаютъ тогда сѣчься и выпадать, а если выростаютъ, то въ видѣ сухаго и безъ блеска короткаго пушка.

Опытомъ достигнутые результаты достаточно представляли „ЭЛЕОПАТЪ" **пр. Кинунена** какъ ничѣмъ незамѣнимое средство, какъ останавливающее самое сильнѣйшее выпѣданіе волосъ, а также противъ сухости, ломкости, сѣченія и расщепленія волосъ. „ЭЛЕОПАТЪ" **Провизора КИНУНЕНА** также какъ увеличивающій и развивающій густоту волосъ препаратъ, придаетъ волосамъ бархатность и мягкость, пріятно оживляетъ головную кожу, и предупреждаетъ появленіе на ней лишаевъ, сыпей, прыщей, бутоновъ, угрей и т. п., одновременно предохраняя кожу отъ частаго ихъ повторенія.

„ЭЛЕОПАТЪ" **только провизора КИНУНЕНА** имѣется къ **услугамъ публики во всѣхъ** городахъ Россійской Имперіи, во всѣхъ большихъ аптекахъ, а также во всѣхъ значительныхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Жители уѣздныхъ городовъ выписываютъ „ЭЛЕОПАТЪ" только **КИНУНЕНА** изъ ближайшихъ отъ нихъ губернскихъ городовъ, гдѣ только имѣется аптекарск. магазинъ или аптека, но не менѣе 2 флаконовъ. Почтовый расходъ и упаковка на счетъ покупателя.

Цѣна 1 флакону, въ С.-Петербургѣ, содержащему 120 грам. **1 р. 50 к.**, въ магазинѣ гг. Штоль и Шмита, по М. Морской, въ соб. домѣ.

Въ Москвѣ: Дело у гг. Ралле и К°, Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова, **Его Императорскаго Величества** придворные поставщики; въ магаз. С.-Петербургской Химической Лабораторіи въ домѣ бр. Третьяковыхъ, на Кузн. мосту; Ант. маг. К. И. Феррейнъ, по Никольской улицѣ; у г. Брунса, на Мясницкой, въ д. Ереміевыхъ; у гг. Кельра и К°, Гетлинга и Штокмана, Эмиля Керстана, на Тверской, Безбардиса, у Арбат. воротъ, у Починковскаго, Л. К. Зенгеръ, Г. Лангенбанъ, Лютеръ и Гиршфельдъ, Н. П. Матейсенъ, Роде и Фидлеръ, Борхартъ на Моросейкѣ, В. С. Копытовъ, Чижовъ, и другихъ первоклассныхъ большихъ складахъ аптекарскихъ матеріаловъ и косметическихъ товаровъ Москвы и друг. город. Россіи.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Такъ какъ на предметы, пользующіеся хорошимъ реноме, находятся подражатели, то нашлись подражатели и моего препарата, Элеопатъ КИНУНЕНА, которые подражая внѣшнему виду, поддѣлываютъ наружную оболочку фланоновъ, этикеты и прочіе внѣшніе знаки, совершенно сходные съ моими, а посему я позволяю себѣ предостеречь почтеннѣйшую публику отъ этой фальсификаціи, прося ее при покупкѣ моего Элеопата обращать вниманіе на фирму и помнить фамилію мою, провизора КИНУНЕНА; всѣ прочія изваянія, походящія на Элеопатъ, мнѣ не принадлежатъ - спрашивайте только—провизора КИНУНЕНА Элеопатъ.

Заказы на Элеопатъ можно адресовать и въ С. Петербургъ; вотъ адресъ: въ главное депо Элеопата провизора КИНУНЕНА въ С.-Петербургѣ.

Провизоръ КИНУНЕНЪ и К°.

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

ВЪ МОСКВѢ. Аптекарскій магазинъ Ф. Кемеричъ ВЪ МОСКВѢ.

Ц. № 3144 7 4

Рисунки, цѣны и объясненія извѣстнымъ плужнымъ, рычажнымъ, желѣзнымъ **ВОЛОВЬИМЪ ЗАПРЯЖКАМЪ, СѢЯЛКАМЪ и ПРОПАШНИКАМЪ** для кукурузы, картофеля и проч. **и СОЛОМОПОДЪЕМНЫМЪ БЛОКАМЪ** высылаются по первому требованію безплатно по адресу: Ст. Ивановка Одесск. жел. дор., Павлу Львовичу Гроссулу-Толстому. № 3188

СБОРНИКЪ узакон. отн. до Общ. Пол. и Пол. о кр. учр. съ рѣш. Сен. и извл. Св. Зак. А. Скоровъ. Ц. 4 р. въ перепл. 4—50. Выпис. отъ изд. (Москва) за пер. не платятъ. № 3151 10—2

№ 2911 7 6

САМАЯ УПОРНАЯ ПРОСТУДА ИЗЛЕЧИВАЕТСЯ
БЫСТРО И БЕЗЪ ТРУДА, ЕСЛИ ПРОГЛОТИТЬ
ДВѢ
КАПСЮЛИ ГЮЙО
ПРИ КАЖДОМЪ ПРИНЯТІИ ПИЩИ.

Прежде, эти капсюли были черныя и ихъ было непріятно глотать, теперь онѣ **бѣлыя** и походятъ на конфекты.

На каждой капсюлѣ напечатана подпись **Гюйо**.

Деготь, заключающійся въ **капсюляхъ Гюйо**, переносится самыми деликатными желудками.

УВѢДОМЛЕНІЕ.
Дѣти и лица, которыя не могутъ проглотить эти капсюли, употребляютъ
PATE REGNAULD
приготовляемое
19, RUE JACOB.

Требовать чтобы на этикеткѣ была эта подпись тремя цвѣтами

ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО,
19, RUE JACOB, ПАРИЖЪ.

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***).

Признанъ за **лучшее средство** противъ кашля, мокроты, охрипло сти, страданій горла и груди, начиная **съ простаго катарра** до **чахотки** и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ **въ С.-Петербургѣ.**

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо.

Въ **С.-Петерб.** въ Русск. Общ. Торг. Аптек. Тов. Казанская; 12; въ **Москвѣ:** у К. Феррейнъ; у Н. Маттейсенъ, Тверская; въ **Саратовѣ:** у Н. Маттейсенъ; въ **Кіевѣ.** въ Южно-Русск. Общ. Торг. Аптек. Тов.; у Н. Неезе; **въ Одессѣ:** у Ю. Лемме и К°; въ **Харьковѣ:** въ Русск. Общ. Торг. Аптек. Тов.; въ **Ригѣ:** у А. и В. Веттерихъ, и во многихъ другихъ Тор. Аптек. Тов.

Глав. складъ д. Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Ауриха, Б. Морск. 17.

С.-Петербургская Химическая Лабораторія

МЫЛО ТУАЛЕТНОЕ | РАЗНЫХЪ ЗАПАХОВЪ САМАГО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА.
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО | **Розовое**, въ оловянной оберткѣ. **Бѣлое**, высш. кач. для дамъ и дѣтей. **Прозрачное**, по разнымъ цѣнамъ.

ЯИЧНОЕ МЫЛО
РУССКОЕ НАРОДНОЕ МЫЛО
и разныя другія.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принимающе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Невскій проспектъ, домъ **№ 32, Католической церкви.**
Невскій проспектъ, домъ **№ 66, у Аничкова моста.**
Вознесенскій проспектъ, **уголъ Казанской улицы** домъ **№ 18—54**, Шредера
Магазинъ въ **Москвѣ:**
Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковыхъ.

Кромѣ вышеозначенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.

Контора, фабрика и оптовый складъ: Измайловскій просп., № 21, собственный домъ, въ С.-Петербургѣ. Р. № 3154 2—2

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ ИЗОБРѢТЕННЫЙ БРОКАРЪ и К°.
№ 3091 25—3

Въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы; въ Петербургѣ у Попова, Суворина, Мамонтова, Вольфа; въ Одессѣ у Бѣлаго и Распонова; въ Кіевѣ у Оглоблина; въ Казани у Дубровина продается вновь вышедшая книга:

КАТЕНЬКА или
Любовныя похожденія дѣвушки.

Юмористическій романъ въ стихахъ. Текстъ Маралы Іерихонскаго; изящное изданіе съ 107 рисунками, которые невольно возбуждаютъ въ каждомъ неудержимый смѣхъ. Содержаніе книги: Шалунья Катя. Ночныя проказы. Озарники. Отцовскія заботы. Обольстители. Тетерина. Праздничное утро. Серенада. Свиданіе въ бесѣдкѣ. Заключеніе и кончина Тюфлюка.

Цѣна книгѣ 1 руб. съ пересылкой.

СУПРУЖЕСКІЯ ТАЙНЫ и КАТЕНЬКА.

ЦѢНА 2 РУБ. съ пересылкой.

Складъ и продажа въ **МОСКВѢ, Спиридоновка, Спиридоньевскій пер. у Ю. КОНДЕНЪ.**

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора высылаются по востребованію

БЕЗПЛАТНО.

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ домъ № 23. Въ Москву, уголъ Кузнецкаго моста и Рождественки домъ Торлецкаго. № 3192 3-1

МАГАЗИНЪ
И. Ф. АРАВИНА,
№ 32 и 33,
въ мебельномъ Гостинномъ дворѣ, ходъ въ магазинъ съ Екатерининскаго канала, въ С.-Петербургѣ.
Продажа по фабричнымъ цѣнамъ съ 20-го февраля по 1-е мая 1884 года.
НАЗНАЧЕНА
ЕЖЕГОДНАЯ БОЛЬШАЯ ПРОДАЖА.

Въ числѣ этихъ оставшихся товаровъ находятся въ большомъ выборѣ: плюшъ, бархатъ гладкій, черно-цвѣтной и цвѣтной во всѣхъ другихъ цвѣтахъ, на выборъ, также разныя шелковыя и шерстяныя матеріи, которыя будутъ продаваться съ уступкою.

Мой магазинъ льститъ себя надеждою, что почтеннѣйшіе покупательницы найдутъ много лучшаго качества товара по весьма дешевымъ цѣнамъ.

ВНОВЬ

полученъ разный весенній товаръ, какъ-то: **зефиръ, сатинъ, сатинъ-фрапе, батистъ, броше** новѣйшихъ рисунковъ и цвѣтовъ. **Также** всѣ весенніе **шерстяныя матеріи, парижскія, англійскія и русскія самыхъ новѣйшихъ цвѣтовъ и рисунковъ. Продажа по фабричнымъ цѣнамъ.** Mt. № 3196

EAU D'HOUBIGANT
la plus apprécée pour la toilette.
Houbigant parfum. de la Cour de Russie Paris. Ц. № 3153 2—2

ЭЙКАЛИПТУСЪ ЦИТРІОДОРА.

Новый сортъ изъ семейства эйкалиптусовъ, обладающіе въ высшей степени, тѣми благотворными качествами, какія имѣетъ эйкалиптусъ-глобулюсъ—за **10** зеренъ **25 к.**, предлагаетъ **Приволжское депо сѣмянъ въ Саратовѣ**, а также и слѣдующ. сѣмяна: ландыши 10 к., незабудки 10—30 к., маргаритки 10—15 к.; пармскія фіалки 15 к., геліотропъ 15—30 к., жасминъ 20 к., матіоліи 20 к., опопонаксъ 15 к.; астры: „Германск. Императ.“ и „Вашингтонъ“ по 25 к., „Шиллеръ“ 15 к.; „Викторія“ 10 к., „Тюрбанъ“ 15 к., бальзамины: „Король“ и „Королева“ по 25 к., „Царь“ 30 к., віола триколоръ (анютины глазки) 18 сорт. 10—50 к., левкои шаровидн. (бомбы) 25 к., махров. макъ за 10 колер. 30 к., цвѣтокъ-барометръ 5 к., сильфіумъ лациніатумъ (компасъ) 15 к., эродіумъ грунцумъ (гигрометръ) 5 к., василька „Импер. Вильгельмъ“ 6 к., флоксъ Гейнольди 30 к., 12 сор. душистаго горошку 70 к., 12 с. фигурн. тыквъ 1 р., 12 с. лагенарій (горлянокъ) 1 р. 50 к., 100 зер. георгинъ новѣйш. сор. 1 р., піоны махров. 15 к., гіацинтъ 15 к., тюльпаны 10—40 к., лилія ауратумъ 25 к., 6 с. розъ 1 р., камелія махров. 25 к., 50 сорт. пальмъ 15 к.—1 р., 12 сорт. цвѣточныхъ сѣмянъ 75 к., 20 с. сѣющихся въ грунтъ 75 к., 20 с. бордюрн. 75 к., 12 с. вьющихъ. 60 к., 12 с. декоратив. 60 к., 12 сорт иммортелей 50 к., 1700 сорт. воздушн. цвѣт. отъ 3 к. до 1 р., 600 сорт. комнатн. и оранжерейн. отъ 10 к. до 1 р. и 700 замѣчат. и рѣдкости. сорт. огородн. сѣмянъ. Пересылка цв. сѣмянъ безплатно. Требованія менѣе 3 р. депо не принимаетъ. Каталогъ (**полнѣйшій въ Россіи**) высылается безплатно. № 3186

Поступило въ продажу **новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:**

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРЕСТОМАТІЯ
А. ТАРНАВСКАГО.

Для низшихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій, городскихъ и сельскихъ двухклассныхъ школъ. Въ трехъ частяхъ. **Съ 30 портретами русскихъ писателей.** Первая часть этой хрестоматіи набрана разными шрифтами съ обозначеніемъ удареній, правописанія и выговора. Изданіе **третье**, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1884 г. 375 стр. **Цѣна 1 р.** № 3185

КОММИССІОНЕРЪ Л. № 3175 3—2
Комитета Консультаціи **Императорскаго** Московскаго Общества сельскаго хозяйства.
СКЛАДЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ МАШИНЪ
„ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ“,
Москва, Каретный рядъ, д. Мошнина. Всевозможныя машины и орудія лучшаго качества по весьма умѣренныхъ цѣнамъ. Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

Издакія А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ жизни **Вс. Соловьева.** СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., **съ пер.** 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника **XVIII** вѣка. 2-е изданіе. СПБ. 1882 г. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, 17 и 18, Москва, Петровка, д. № 5, Михалкова.

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ ДЛЯ ХОЗЯЕКЪ:

СЕМЕЙНЫЙ СТОЛЪ.

ПОВАРЕННАЯ КНИГА,

заключающая ясныя, на опытѣ основанныя, указанія, съ означеніемъ нужныхъ пропорцій для приготовленія вкусныхъ, дешевыхъ и простыхъ 1000 разныхъ блюдъ, какъ скоромныхъ, такъ и постныхъ, равно паштетовъ, пирожныхъ, мороженаго, кремовъ, желе и консервовъ, съ приложеніемъ уборки стола, заготовленія запасовъ и покупки провизіи.

Составлено С. РОГАЛЬСКОЮ.

Съ 40 рисунками въ текстѣ.

Изданіе 2-е, исправленное.

Объемистый томъ въ 16 д. л. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Главное достоинство этой книги состоитъ въ томъ, что она наглядно указываетъ, какъ дѣлать хорошее изъ немногаго. Она учитъ хозяекъ изготовлять самихъ, или даетъ возможность свѣтскимъ дамамъ приготовлять подъ ихъ наблюденіемъ обѣдъ незатѣйливый, но вкусный, здоровый и пріятный на видъ, безъ всякихъ изысканностей. Книга равно доступна людямъ всѣхъ сословій и состояній.

Альманахъ гастрономовъ,

заключающій въ себѣ 90 полныхъ обѣдовъ, означенныхъ записями (меню) русскими и французскими; правила для накрытія стола, сервированія за онымъ, порядокъ винъ, подробное означеніе на балахъ: подробное объясненіе изготовленія, съ обозначеніемъ нужнаго количества, болѣе 200 кушаньевъ; СТОЛОВЪ ВЪ ДЕНЬ СВ. ПАСХИ, блиновъ, обѣдовъ сырной недѣли, постныхъ рыбныхъ и проч., и проч.

Изд. 2-е, передѣланное и умноженное, въ б. 8 д. л., съ 100 рис. въ текстѣ и 12 таблицами художеств. хромолитографированныхъ изображеній паштетовъ, пирожныхъ и проч.

Составлено И. М. Радецкимъ, б. метрдотелемъ Е. И. В. Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, СПБ. Дворянскаго Собранія и др.

Ц. 7 р. 50 к., съ пер. 8 р. 25 к.; въ переплетѣ 8 р. 50 к., съ перес. 9 р. 50 к.

Въ „Альманахѣ гастрономовъ" богатый гастрономъ, господинъ ограниченнаго состоянія, хозяйка высшаго и средняго класса, лучшій и посредственный поваръ, ученикъ поварской, дворецкій, буфетчикъ, офиціантъ, экономъ — найдутъ каждый для себя полезное.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ТѢСТА И КОНСЕРВОВЪ,

печенья мелкаго и крупнаго, кремовъ, бисквитовъ, цоколей, тортовъ, тимбалей и проч. Изготовленіе впрокъ соленыхъ и копченыхъ рыбъ и мяса, паштетовъ, галантировъ, овощей, плодовъ, варенья, домашнихъ линеровъ, сироповъ, печенья и проч. (Альманаха гастрономовъ часть дополнительная).

Составилъ Юлій Гуфе, старшій метрдотель Жокейскаго клуба въ Парижѣ.

Въ б. 8 д. л., съ 137 рисунками на деревѣ и 10 таблицами, художественно печатанными масляными красками изображеній разныхъ печеній и проч. по рисунк. Е. Роинка.

Ц. 6 р., съ пер. 6 р. 75 к.; въ переплетѣ ц. 7 р. 50 к., съ пер. 8 р. 50 к.

Это своего рода энциклопедія кандитерскаго дѣла, необходимая книга въ каждомъ большомъ домѣ, неоцѣненное пособіе для каждаго пирожника, для каждой хозяйки.

ХОЗЯЙКА,

ИЛИ

ПОЛНѢЙШЕЕ РУКОВОДСТВО

къ сохраненію домашнихъ расходовъ.

Поваренная книга для неопытныхъ и молодыхъ хозяекъ, составленная извѣстнымъ гастрономомъ И. М. РАДЕЦКИМЪ.

1 т. въ 8 д. л. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к.; въ переплетѣ ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 50 к.

Авторъ, основываясь на собственномъ многолѣтнемъ опытѣ, даетъ болѣе 1100 рецептовъ, какъ приготовлять вкусныя блюда, начиная съ гречневой каши, стоящей 5 коп., до гастрономическаго блюда, постнаго и скоромнаго; начиная съ простаго бульона до сложнаго семейнаго обѣда и т. п. Не только изложеніе, но и самое приготовленіе блюдъ доведено до возможной простоты и ясности и выдача провизіи опредѣлена вѣсомъ и мѣрою, удобными въ хозяйствѣ: бутылкою, стаканомъ, ложкою.

ВЪ МАГАЗИНАХЪ

ПАВЛА БУРЕ

ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ

поставщика Высочайшаго Двора, оцѣнщика при кабинетѣ Е. И. В., ТЕХНИКА ИМПЕРАТОРСКАГО ЭРМИТАЖА и часовыхъ дѣлъ мастера ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ФЛОТА

въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ пр., № 23, въ Москвѣ: Рождественка, № 6

СОБСТВЕННОЙ ФАБРИКИ

Золотые дамскіе часы, закрытые, анкерные, на 15-ти камняхъ, заводящіеся ключемъ въ 50, 55, 60, 65, 75, 85, до 100 р.

Золотые мужскіе часы, закрытые, анкерные, на 15-ти камняхъ, заводящіеся ключемъ, въ 60, 66, 70, 75, 80, 85, 100 до 200 р.

Серебряные мужскіе часы, закрытые, анкерные, на 15 камняхъ, заводящіеся ключемъ, въ 19, 20, 22, 25, 30, 35, 40 до 60 р.

Ручательство на два года.

Пересылка на счетъ магазиновъ. № 3051

Подробные иллюстрирован. прейсъ-куранты высылаются по востребованію безплатно.

Изданіе А. Ф. Маркса. СПБ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА.

Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и факсимиле.

3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 8 руб., съ перес. 9 руб.

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ" 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 р., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

☞ Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: **„ДВА МІРА"** и отдѣломъ въ прозѣ:

„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ".

Первое единственное, **дѣйствительно полное собраніе сочинен. А. Н. Майкова.**

Книгу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала „Нива" (Бол. Морская, № 9); **въ Москвѣ у Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ

ГАЛЬКА

ОПЕРА МОНЮШКИ

въ отдѣльныхъ номерахъ для пѣнія съ фортепиано. Каталогъ дешевыхъ изд. Юргенсона

БЕЗПЛАТНО.

Москва, у П. Юргенсона. Неглинный проѣздъ 10.

С.-Петерб. у І. Юргенсона, Варшава у Г. Зенневальда. Н. № 3194 1—1

Товарищества

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ

новая муномольная мельница „ТРІУМФЪ"

ЦѢНОЮ въ СПБургѣ 175 р.

ЦѢНОЮ въ Москвѣ 185 р.

отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ системъ тѣмъ, что она при большой простотѣ, даетъ большое количество муки лучшаго качества, требуя при этомъ очень мало силы. Производительность ея до 15 пуд. муки въ часъ. **Кромѣ того Товарищество предлагаетъ: Универсальныя сѣялки въ разбросъ, Бермана,** лучшія настоящаго времени.

Джонстона знаменитыя жнеи Тріумфъ единствен. простыя, легкія и прочныя.

Конныя грабли Тигеръ по 25 руб. № 3096 6—6

Плуги заводовъ Бермана и Фискарсъ. Маслобойки Блошарда, соломорѣзки, молотилки, вѣялки по 35 р.—насосы, нивзометры К. Генри Голля, пожарныя трубы, соломорѣзки, сверлильные станки, лебедки, арматуру, ремни и пр., и пр.

Иллюстр. каталоги по востребованію.

С.-Петербургъ, Вас. остр., 1 линія, № 10. Москва, Мясницкая, домъ Сытова.

ПОКУПАЮТЪ

ДРЕВНОСТИ

ИЗЪ

ЗОЛОТА и СЕРЕБРА,

какъ-то: **золотыя эмальированныя табакерки, серебряныя кружки, кубки, бокалы, блюда и кувшины** и вообще всякаго рода **древности, изящной работы прошлыхъ столѣтій** до временъ Екатерины II-й.

Просятъ адресоваться лично или письменно: **г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ,** Москва, Малая Дмитровка, домъ графа Васильева-Шиловскаго. № 3189 6—1

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,

озабочиваясь удешевленіемъ пути въ Іерусалимъ, нашло возможнымъ брать за проѣздъ въ 3-мъ классѣ **до Яффы и обратно:** отъ Москвы 46 р. 50 к., отъ Кіева 33 р., отъ Воронежа черезъ Таганрогъ 38 р.

Паломническія книжки для проѣзда продаются въ Петербургѣ: у протоіерея Михайловскаго, на Вознесенскомъ просп., въ д. Вознесенской Церкви, у В. Н. Хитрово, Мойка, 93, у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7; въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, у о. Агапита, въ Новой гостинницѣ; въ Москвѣ—у священника Срѣтенскаго, Б. Никитская, д. церкви Вознесенія; въ Кіевѣ—у іеромонаха Александра, въ Лаврской гостинницѣ, у протоіерея П. Г. Лебединцева, въ д. Софійскаго Собора, и у протоіерея Экземплярскаго, въ коллегіи Галагана, Фундуклеевская улица; въ Воронежѣ—у іеромонаха Платона, въ Митрофаніевомъ монастырѣ; въ Перми—у Д. Д. Смышляева; въ Казани—у Н. В. Саврасова, Черноозерская улица, д. Куракиныхъ.

Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; купившіе онѣ могутъ останавливаться въ Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ.

Для желающихъ получить билетъ 3-го класса только на переѣздъ моремъ, „Русское Общество Пароходства и Торговли" выдаетъ билеты, по предъявленіи заграничнаго паспорта **до Яффы и обратно** отъ Одессы или Севастополя за 24 р., отъ Таганрога за 29 р. и отъ Батума за 28 р.

Въ Одессѣ за свѣдѣніями и объясненіями можно обращаться къ протоіерею Кудрявцеву, въ Университетъ и къ М. И. Осипову, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго. № 3159 3—3

„РОДНИКЪ",

иллюстрир. журналъ для дѣтей, выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 6 и бол. листовъ со мног. картинками. Въ **„Родникѣ"** печатаются гл. обр. оригинальныя произведенія изъ русской жизни и природы. Въ каждомъ № имѣется отдѣлъ смѣси, игры, загадки и проч и „страничка для родителей и воспитателей".

Премія къ „Роднику" состоитъ изъ 12 картинъ по русской исторіи.

Условія подписки: за годъ, съ доставк. и пересылк. 5 р. а съ приложенемъ 3-хъ книгъ педагогическаго сборника 6 р.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Никольская площадь, домъ 4 № 3187 2—1

ВЯЗАЛЬНЫЯ И ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

В. К. ЖЕЛЯКОВЪ СЪ СЫНОМЪ,

С.-Петербургъ, Гороховая ул., д. № 41—3.

Прейсъ-куранты высылаемъ безплатно.

СТОЛОВОЕ ГОРЧИЧН. МАСЛО

фабрики И. К. ГЛИЧА,

самаго высшаго достоинства, весьма выгодное въ употребленіи, оптомъ и по мелочи

ВЪ САРЕПТСКОМЪ МАГАЗИНѢ,

на углу Ново-Исаакіевской ул. и Конногвардейскаго переулка.

На Вас. Остр. у Г. Клосъ и К°.

№ 3198. ТОРГОВЫЙ ДОМЪ А. КУТУЗОВЪ. 1—1

Невскій просп., рядомъ съ Думой, № 13.

СТРАХОВАНІЕ БИЛЕТОВЪ

1-го и 2-го займа по 45 коп. за билетъ.

Покупаетъ и продаетъ процентныя бумаги. Размѣнъ иностраннаго золота, серебра, серій и купоновъ, а также исполняются всевозможныя порученія % бумагъ. Гг. иногородные благоволятъ прилагать 10 к. на гербовый сборъ и почтовую марку на высылку квитанціи.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ПАНАФИДИНА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

продается **„Общедоступный систематическій курсъ рисованія".** О. Зотова. За 5-ть тетрадей, съ пересылкою 80 коп. № 3193 1—1

НОВЫЙ РОМАНСЪ

„Я ЛЮБИЛА ЕГО"

соч. Г. Яковлева

продается у Бесселя, Леопаса и Юргенсона. № 3183 1—1

Дозволено цензурою. СПБ. 22 февраля 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ № 9 — годъ XV 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис) Цѣна этого № „Нивы" 20 к., съ перес. 25 к.

Выдан 3 Марта 1884 г.

Открыта подписка на „Ниву" 1884 года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку конпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. П. И. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ. въ Д. № 9
И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 8 ч. ВЕЧЕРА.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за МАРТЪ 1884 г., съ 20 рис. и отдѣльнымъ листомъ съ 27 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 25 рисунками выпильныхъ работъ.

Леопольдъ фонъ-Ранке.

Маститый ученый Леопольдъ Ранке составляетъ нынѣ гордость германской исторической науки и по справедливости пользуется всемірной, почетной извѣстностью. Это типъ—безпристрастнаго и строгаго историка, который не жертвуетъ фактами ради предвзятой идеи или теоріи, но неуклонно слѣдуетъ истинѣ и основываетъ свои выводы лишь на безспорныхъ научныхъ данныхъ.

Леопольдъ Ранке родился въ городѣ Вигѣ въ Тюрингіи 21 дек. 1795 года и высшее образованіе получилъ въ Лейпцигскомъ университетѣ подъ руководствомъ знаменитаго Германа. Здѣсь онъ особенно прилежно изучалъ историковъ и философовъ и избралъ образцами для своихъ первыхъ историческихъ работъ Савиньи и Нибура.

Первымъ его историческимъ трудомъ была „Исторія Романскихъ и Германскихъ народовъ съ 1494 по 1535 годъ", которая при своемъ появленіи обратила на себя общее вниманіе, и почти въ то же время, т. е. въ 1825 г., Леопольдъ Ранке получилъ кафедру экстраординарнаго профессора въ Берлинскомъ университетѣ. Въ Берлинѣ онъ велъ тѣсную дружбу съ Бокомъ, съ Александромъ Гумбольдтомъ, Риттеромъ и особенно съ Савиньи. Курсы его пользовались громадною популярностью и привлекали массу студентовъ со всей Германіи. Въ то же время Ранке принялся за архивныя работы, за розысканіе и обнародованіе цѣнныхъ и интересныхъ историческихъ документовъ, оставшихся до той поры неизвѣстными или мало доступными ученому міру. Такъ онъ отыскалъ и напечаталъ любопытныя донесенія венеціанскихъ посланниковъ Совѣту Десяти и на основаніи ихъ обработалъ свой извѣстный трудъ „Государь и народы южной Европы въ XVI и XVII в.", гдѣ и была имъ изложена исторія Турціи и Испаніи. Архивъ и библіотека Венеціи, Рима и Флоренціи дали ему громадный историческій матеріалъ, которымъ онъ и восполь-

Профессоръ Леопольдъ фонъ Ранке. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

зовался для своей исторіи Сербіи и сербской революціи, изданной въ 1829 г. и о которой Нибуръ отозвался какъ о лучшемъ историческомъ сочиненіи нашего времени. Въ тридцатыхъ годахъ Леопольдъ Ранке выступилъ съ новымъ капитальнымъ трудомъ „Римскіе папы и ихъ церковь и государство въ XVI и XVII вѣкѣ", имѣвшимъ громадный успѣхъ, а за нимъ слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ историческихъ сочиненій, какъ напр. „Исторія Германіи въ эпоху реформаціи", „Исторія Пруссіи", „Исторія Франціи въ XVI и XVI ст.", и наконецъ „Исторія Англіи", того же времени. Полное собраніе сочиненій Ранке занимаетъ до сорока томовъ и можетъ служить замѣчательнымъ памятникомъ труда, громадной эрудиціи и превосходнаго, живаго литературнаго изложенія. Съ 1834 года Леопольдъ Ранке занимаетъ мѣсто ординарнаго профессора при Берлинскомъ университетѣ, а съ 1841 года носитъ почетный титулъ прусскаго государственнаго историка. Репутація его, какъ ученаго, громадна и его историческія сочиненія появляются въ переводахъ на всевозможныхъ языкахъ.

Въ старой Москвѣ.

Историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ,

Гр. Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXVIII.

Около полуночи на дворѣ палатъ князя и во всемъ домѣ было мертво-тихо и темно во всѣхъ окнахъ. Князь ужиналъ въ гостяхъ, но вернулся довольно рано домой, долго и весело болталъ съ Ѳеофаномъ, лежа въ постели, и называлъ его тетеревомъ, кукушкой, слѣпымъ филиномъ...

Ѳеофанъ вышелъ изъ опочивальни даже нѣсколько обиженный, такъ какъ князь выразилъ свое убѣжденіе, что онъ не дворецкій, а простофиля: что если воры весь домъ обворуютъ, то онъ, дворецкій, ничего не увидитъ, и послѣдній узнаетъ.

Чрезъ полчаса князь уже крѣпко спалъ на своей половинѣ, а Ѳеофанъ у себя въ горницѣ ворочался съ боку на бокъ на постели и обидчиво ворчалъ что то про себя, покуда жена его не прикрикнула на него:

— Полно тебѣ хрюкать то! Либо спи, либо на дворъ ступай ямы рыть рыломъ.

Въ полночь всѣ уже давно спали: и господа, и люди, утомившись отъ длиннаго и празднаго дня.

Только на половинѣ княжны свѣтился въ окнахъ огонь, но едва видимо, какъ свѣтъ отъ мерцающей лампады. Княжна не спала... И не собиралась спать. Одѣтая въ одно изъ лучшихъ своихъ платьевъ, которое она перемѣнила только ночью, когда всѣ въ домѣ ложились спать—Анюта вновь причесалась, пригладилась и осмотрѣлась внимательно въ зеркало, будто собираясь въ гости или ожидая ихъ къ себѣ.

Дѣйствительно, гость, и дорогой, ожидался здѣсь въ ея горницѣ, вдобавокъ тайкомъ ото всѣхъ, а главное отъ отца.

Анюта въ себя еще не могла придти, какъ все странно путалось и мѣнялось вокругъ нея; у нея были тѣже мысли, что и у сержанта. Можно ли было предположить когда либо, что ей придется обманывать любимаго отца. А Борисъ, жившій у нихъ въ домѣ когда то какъ родной сынъ и братъ, будетъ ночью пробираться переодѣтый по этому же дому? Сколько разъ, поздно вечеромъ, до ужина, и раза три было—и послѣ ужина, Борисъ засиживался съ ней въ ея горницахъ. И всѣмъ это было извѣстно. И въ качествѣ близкаго родственника Борщевъ могъ это дѣлать не удивляя никого. А теперь?! Анюта за два дня много передумала. Много наболѣлось ея сердце. Была минута, что она хотѣла бѣжать изъ дома отца въ одинъ монастырь, гдѣ была настоятельницей добрая и любившая ее старушка, тоже родовитая княжна, тоже настрадавшаяся когда то въ міру и поступившая въ монахини оплакивать убитаго на войнѣ жениха.

Но монастырь и келья недолго были на умѣ крымской татарки по матери. Южная кровь заговорила, и все болѣе, все сильнѣе бушевала въ Анютѣ.

— Не только я не пойду въ монастырь, не только я не пойду замужъ за стараго хохла, рѣшила Анюта,—а я выйду замужъ за Бориса.

Соленушка тоже татарка, а не русская дворовая холопка, явилась конечно на помощь къ своему дитяткѣ и съ ней не только не пришлось княжнѣ спорить, но она подбивала Анюту.

— Вѣстимо надо за Бориса Ильича выходить! сказала старая татарка. Нельзя, если, по простотѣ, какъ въ людяхъ,—надо иначе, воровскимъ образомъ. Князь изъ ума выжилъ, либо захворалъ головой. Отходится—образумится и самъ будетъ радъ, что дочь не послушалась его, а по своему обернулась.

И мамка прежде всего рѣшила, что княжнѣ надо видѣться съ своимъ суженымъ, чтобы все толково обсудить и рѣшить.

И вотъ теперь княжна молча сидѣла въ углу своей маленькой гостиной, и при малѣйшемъ шорохѣ, нервно вздрагивала и озиралась кругомъ горящими какъ уголья глазами. Но это былъ не страхъ и не смущенье.

Сначала ей не хотѣлось принять Бориса ночью у себя, ради какого то особаго чувства уваженья къ отцу и нежеланія обманывать его; но коль скоро Анюта по неволѣ рѣшилась на это, то смущенью уже не было мѣста въ ея сердцѣ. Страха не было и подавно... Соленушка и Ахметъ, не даромъ „воры татарва", какъ ихъ звали дворовые,—такъ теперь все устроили и подладили, что еслибы кто изъ горничныхъ и увидѣлъ въ просонкахъ фигуру переодѣтаго Борщева, то принялъ бы его за истопника или за самого сатану, но никакъ не за баринова внука. Двѣ горничныя всегда по очереди, какъ дежурныя, спали у дверей горницы княжны. Соленушка положила съ вечера двухъ дѣвушекъ по выбору, изъ которыхъ одна была глупа какъ столбъ, а другая всегда сильно храпѣла. Послѣднюю мамка вскорѣ разбудила снова и отправила на вышку за храпѣніе, обезпокоившее будто бы княжну, и объявила, что дѣлать нечего—поневолѣ одна дѣвка останется на дежурствѣ... Оставшейся, по имени Авдотьи, мамка не боялась. Она способна была все увидѣть, услышать и ничего не сообразить; да ей никто ни въ чемъ и не повѣритъ.

Княжна совѣтовала было своей Соленушкѣ никого не класть у дверей на эту ночь, но мамка не согласилась. Отмѣнить заведенный за двадцать лѣтъ порядокъ, значило прямо подать поводъ всей праздной дворнѣ думать и соображать, что́ за причта приключилась и почему у дверей княжны отмѣнено дежурство. За то Соленушка сѣла около спавшей на полу дуры и, въ ожиданіи ночнаго гостя, рѣшила, что если горничная отъ шороха или шаговъ или скрыпа дверей проснется, то она накинетъ на нее простыню, а то и сама ляжетъ на здоровенную Авдотью.

— А тамъ, завтра, рѣшила мамка, думай себѣ что домовой душилъ. Только всѣ на смѣхъ подымутъ и на цѣлый годъ хохоту хватитъ.

Уже около полутора часу сидѣли княжна и мамка, каждая въ своемъ углу: одна—въ дѣвичьей предъ раскрытой на заднюю лѣстницу дверью, по которой прямо со двора долженъ былъ явиться ожидаемый гость; другая—въ углу своей комнаты. И обѣ прислушивались.

Соленушка глядѣла то на лѣстницу, то въ лице спав-

Библиотека "Руниверс"

шей на полу Авдотьи и думала свою думу. Княжна изрѣдка взглядывала на свою дверь, за которой почти въ плотную спала горничная и сидѣла мамка.

Легкое смущенье было въ Анютѣ, но какое то особенное. Смущенье влюбленнаго сердца. Не боязнь отвѣта за свой поступокъ? Она была готова и не на такое дѣло. Это было только началомъ дерзкаго и уже рѣшеннаго плана! Ее смущала обстановка, при которой она увидитъ своего Бориса. Чувство стыда дѣвичьяго сказывалось по неволѣ.

— Онъ не разъ бывалъ здѣсь! увѣряла она себя, будто стараясь успокоить совѣсть. Да! но не такъ, тотчасъ же отвѣтила она самой себѣ. Всѣ знали и видѣли, что онъ у меня. А теперь онъ какъ воръ крадется. Прійди кто, проснись... И надо его прятать...

Наконецъ, около полуночи, послышался шорохъ за дверью. Княжна вздрогнула и вспыхнула и уже не въ первый разъ!.. Но на этотъ разъ румянецъ не пропалъ съ ея красиваго лица и зардѣлся еще ярче, а сердце застучало молотомъ.

Дверь ея тихонько шевельнулась, пріотворяясь... отворилась и быстро снова затворилась, уже скрываемая стоящей на порогѣ высокой мужской фигурой, которая, появясь въ горницѣ, оглядывалась на стѣны и предметы, едва освѣщенные ночникомъ. Это былъ Борисъ.

Княжна поднялась съ своего мѣста въ углу и молча, тихо сдѣлала нѣсколько шаговъ на встрѣчу къ нему. Но вдругъ волненіе цѣлаго дня ожиданій, цѣлаго вечера опасеній взяло верхъ надъ силами страстной и огневой натуры. Легкій туманъ застлалъ все въ глазахъ Анюты. Она порывисто подняла руки, какъ бы стараясь ухватиться за что нибудь, и тихо вскрикнула.

Борисъ бросился къ ней и Анюта въ полуобморокѣ упала къ нему на руки.

Рѣдко, почти никогда, не бывало съ княжной ничего подобнаго за исключеньемъ дня отъѣзда Борщева въ Петербургъ годъ назадъ, когда разлука между ними была неожиданно потребована отцемъ и разрывъ произошелъ бурно.

Но Анюта тотчасъ же оправилась, усадила сама Бориса на диванъ, сѣла около него и улыбнулась, оглядывая его фигуру въ красной рубахѣ и кафтанѣ.

— Такъ пожалуй еще лучше и краше, чѣмъ въ мундирѣ, прошептала она. Ну, слушай, Боря... Ты знаешь что отецъ надумалъ?..

— Знаю. Что съ нимъ приключилось?

— Ума не приложу. Разумъ потеряю, а не пойму. Въ иную пору бываетъ—я думаю, что во снѣ все видѣла. Но не въ томъ дѣло. Слушай меня и отвѣчай что спрошу.

Княжна подумала минуту и затѣмъ толково, спокойно, со спокойствіемъ рѣшимости, съ твердымъ сознаньемъ безповоротно принятаго плана и ясно видимой, намѣченной себѣ цѣли, — стала подробно передавать сержанту все, что она вмѣстѣ съ Соленушкой надумала.

А надумала она бѣжать изъ дому неотлагательно и тайно вѣнчаться безъ благословенья родительскаго. А тамъ послѣ, что Богъ дастъ. Разведутъ ихъ духовныя власти — пускай! Лишитъ отецъ наслѣдства и прогонитъ съ глазъ долой — и того легче! Лишь бы не разсадили и не заключили по разнымъ монастырямъ,—тогда бѣда на цѣлый годъ, а то и на два года.

— Отчего на годъ или два? невольно перебилъ дѣвушку Борщевъ.

— А за годъ, за два мы съумѣемъ бѣжать, встрѣтиться и уйти изъ предѣловъ русскихъ. Ну хоть въ Крымъ къ хану татарскому. Тамъ заживемъ. Вездѣ солнце свѣтитъ и хлѣбъ есть. Или ты со мной не захочешь бросить Россію?

— Я изъ-за тебя... Да хоть за море-окіанъ, хоть въ преисподнюю! восторженно воскликнулъ Борщевъ.

— Ну, слушай же... Первое дѣло, какъ все намъ сладить? Какъ обвѣнчаться? Подумай, посовѣтуйся съ товарищами. Можетъ кто и научитъ. Денегъ нужно не мало. А у меня нѣтъ. Отецъ будто предвидѣлъ все и прошлое первое число не далъ мнѣ ни алтына, какъ всегда прежде давалъ на разныя затраты.

— Деньги—самое мудреное. Я у матушки попрошу. Она три тысячи мнѣ уже хотѣла дать, думая, что можно этимъ подкупить Григорья Орлова ради полученья чина. Скажу, что Орловъ согласился на взятку и возьму эти деньги. А послѣ, хоть голову снимай. Да она проститъ. Она добрая-предобрая.

И Борщевъ улыбнулся при мысли, что онъ взвалитъ такую нелѣпость на голову Орлова.

Молодые люди долго, часа три пробесѣдовали, сидя чинно на диванѣ, и обсудили всякую мелочь, взвѣсили малѣйшее непредвидѣнное обстоятельство, могущее явиться помѣхой. Наконецъ переговоривъ все — замолчали на минуту и прислушались, вдругъ будто вспомнивъ объ окружающемъ мірѣ. Все было тихо въ домѣ.

— Да, думалось ли мнѣ, когда я бывало сиживалъ у тебя здѣсь, сказалъ Борщевъ, что мнѣ придется красться къ тебѣ сюда же ночью какъ вору или какъ чужому человѣку.

— Я объ этомъ тоже думала!

— А теперь что вышло? Бѣжать изъ дому тебѣ тайкомъ вѣнчаться. Вѣдь это самокрутка!

— Что?

— Такъ называютъ вѣнчанье безъ благословенія родителей, безъ сватовства, безъ дѣвичника и празднествъ, безъ гостей... Самокрутка...

— Сами любящіеся крутятъ? улыбнулась княжна. Что-жь, это лучше. Да и меньше грѣха предъ Богомъ, чѣмъ то, что батюшка мнѣ пообѣщалъ. Скрутить веревкой и силкомъ вѣнчать съ сенаторомъ. То была бы тоже самокрутка съ дочерью. И лихая, грѣшная. И помни, Борисъ! Помни!! вдругъ прибавила княжна, сверкнувъ глазами, если наше дѣло пропадетъ, если мы повѣнчаемся и насъ развѣнчаютъ, а меня силой отдадутъ за Каменскаго—я уйду, и къ тебѣ приду. Чрезъ недѣлю, чрезъ мѣсяцъ ли, чрезъ годъ ли—но приду. И ты меня, чужую жену—не гони. Прогонишь, я у тебя на порогѣ покончу съ собой.

— Я его убью тогда!.. воскликнулъ Борисъ.

— Нѣтъ Злаго ничего никому дѣлать не надо. Надо себя спасать. Надо отъ себя зло людское отгонять... Если насъ разведутъ и заключатъ въ монастырь,—мы уйдемъ и бѣжимъ съ Соленушкой въ Крымъ! Ты поступишь къ хану на службу. Мы перейдемъ въ вѣру моей матушки.

— Что ты Анюта!

— Что? Не можешь?.. Не хочешь для меня?..

— Зачѣмъ объ этомъ толковать. И безъ Крыма есть куда уйти. За Кубань, къ казакамъ. Они православные. Да что объ этомъ?.. Лишь бы повѣнчаться. А тамъ видно будетъ!

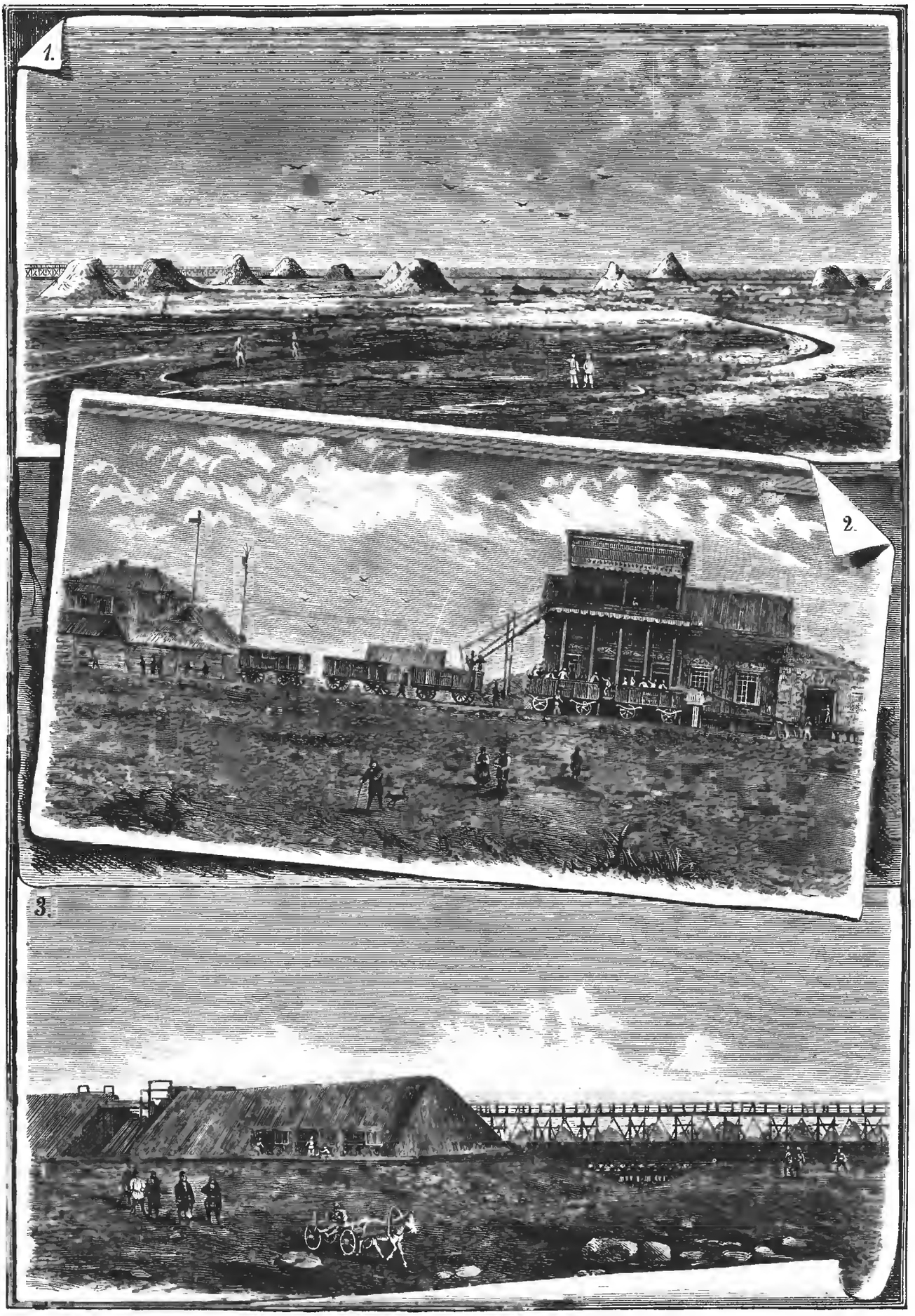
— Нѣтъ, Борисъ. Эдакъ нельзя. Я выйду тайкомъ изъ этого дома подъ вѣнецъ съ тобой, только послѣ того, что ты мнѣ дашь клятву не робѣть ничего, не уступать никому. Ты поклянешься мнѣ, что если насъ разведутъ, развѣнчаютъ, заключатъ въ монастыри — то мы опять, когда бы то ни было, бѣжимъ вмѣстѣ въ Крымъ. Тамъ насъ никто не достанетъ. Безъ такой клятвы, я не двинусь изъ дому.

— И пойдешь за сенатора замужъ? укоризненно сказалъ Борисъ.

— Нѣтъ. Избави Боже! Я покончу съ собой. Это не мудреное дѣло. Я ужь думала и знаю какъ покончить, если ты меня бросишь.

— Господь съ тобой! Мнѣ безъ тебя не жить. Я на все... на все пойду. Ей Богу! воскликнулъ Борисъ, вдругъ обнявъ Анюту и страстно цѣлуя ея слегка поблѣднѣвшее лице. Умереть мнѣ самой страшной смертью, коли

Библиотека "Руниверс"



1) Видъ озерныхъ бугровъ. 2) Паровая солянаа мельница. 3) Мостъ къ желѣзной дорогѣ.

Баскунчакское соляное озеро (Астраханск. губ.). Ориг. рис. И. Суслова, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Кавказъ. Окрестности Кисловодска. Водопадъ у Орѣховой Балки. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

я тебя уступлю кому либо или разлюблю! шепнулъ онъ ей восторженно.

— Ну, все сказано и рѣшено! Теперь надо все дѣлать, надо дѣйствовать! заговорила княжна послѣ долгаго молчанія въ объятіяхъ своего милаго суженаго. Тебѣ пора... Чрезъ часъ пожалуй разсвѣтать начнетъ.

Борисъ какъ бы пришелъ въ себя.

— Завтра... т. е. сегодня въ полдень, заговорилъ онъ,— я буду у васъ. У матушки деньги буду просить для Орлова. Ну, прощай, дорогая!

Чрезъ нѣсколько минутъ Борщевъ былъ уже на темной и крутой лѣстницѣ.

— Долго же вы! пробурчалъ Ахметъ въ темнотѣ. Я чуть не задремалъ. Ну что же?

— Что?

— Убѣжите съ княжной?

— Вѣстимо.

XXIX.

Соленушка тотчасъ явилась къ Анютѣ. Княжна, не смотря на ея просьбы, не раздѣваясь бросилась въ постель и скоро заснула, но спала тревожнымъ сномъ, просыпаясь и разговаривая въ забытьи.

Рано утромъ та же Соленушка разбудила свое дитятко.

Княжна чрезъ силу открыла глаза. Мамка стояла озабоченная и лице ея было даже мрачно.

— Васъ князь спрашиваетъ. Князь зоветъ къ себѣ, повторяла она.

Анюта не сразу пришла въ себя, не сразу поняла слова мамки.

— Батюшка?

— Да. Зоветъ. Прислалъ Ѳеофана. Просилъ пожаловать сейчасъ.

Княжна сѣла на кровати.

— Узналъ, что Борисъ былъ ночью?.. выговорила она безстрастно и ни мало не смущаясь.

— Нѣтъ! Что вы! Какъ можно! А у нихъ былъ сейчасъ, пріѣзжалъ энтотъ шайтанъ-сенаторъ.

— Такъ чего же ты тревожишся? Вишь лице какое сдѣлала.

— Боюся, что они крутить хотятъ. Мы не успѣемъ ничего надумать.

— Пустое, Соленушка. Тайкомъ вѣнчаются въ три дня. А по благословенью родителя надо мѣсяцъ, два, три... Приданое, дѣвичники, обѣды да ужины, да всякое такое... Скажи, сейчасъ прійду... Одѣваюсь.

— Что вы, какъ можно. Объ эту пору вы всегда одѣты бываете. Вѣдь уже скоро и полдень.

Княжна оправилась, отерла себѣ лице холоднымъ полотенцемъ и подошла къ зеркалу.

— Фу, какая раскрасавица! воскликнула она, глядя на себя. Мертвецъ съ того свѣту!

Дѣйствительно, отъ безсонной ночи, волненья и тревогъ—да еще не успѣвъ отдохнуть вполнѣ—Анюта была сильно блѣдна, а глаза, слегка впалые, лихорадочно горѣли.

Однако чрезъ полчаса, она вошла въ кабинетъ отца.

Сенаторъ вѣжливо раскланялся и пытливо уставился глазами въ ея лицо, поразившее его. Князь, конечно, тоже сразу увидѣлъ перемѣну въ лицѣ дочери и заботливо, почти тревожно, оглядѣлъ ее. Въ глазахъ его и въ выраженьи лица сказалось столько боязни, даже испуга, столько любви къ дочери, что княжна невольно и тяжело вздохнула.

— Любить, любишь, а загубить не жаль, подумалось ей.

Князь кротко и будто стараясь чрезъ силу быть холоднымъ и рѣзкимъ, объявилъ дочери, что сенаторъ желаетъ съ ней переговорить наединѣ. Сказавъ это, Артамонъ Алексѣевичъ тотчасъ же вышелъ.

Княжна сѣла и не подымала глазъ на Каменскаго, не двигаясь, какъ бы приготовилась слушать. Легкій, едва видимый румянецъ заигралъ на ея блѣдныхъ щекахъ. Гнѣвъ подступалъ къ сердцу, подступалъ къ горлу и давилъ его.

— Нѣтъ, ужь я тебя удивлю! думала княжна. Ни отъ одной московской барышни во вѣки вѣковъ никто не слыхалъ и никогда не услышитъ того, что ты отъ меня, крымки, сейчасъ услышишь...

— Я хотѣлъ, княжна, побесѣдовать съ вами... вѣжливо началъ Камышъ-Каменскій, нѣсколько смущаясь и дрогнувшимъ голосомъ... Мнѣ надо... Намъ обоимъ равно надо переговориться безъ постороннихъ... объ разныхъ важныхъ обстоятельствахъ. Вамъ извѣстно, что я просилъ вашего родителя чрезъ моего друга, сдѣлать мнѣ честь...

— Вы желаете на мнѣ жениться? сухо выговорила княжна, все не подымая глазъ.

— Да-съ. Если я могу надѣяться...

— На что...

— Могу надѣяться, что вы раздѣляете то чувство, которое есть во мнѣ.

— Я не могу его раздѣлять! звенящe сухимъ шепотомъ заговорила Анюта, что всегда случалось, когда вся ея огненная и сильная натура трепетала подъ наплывомъ гнѣва, который она едва сдерживала въ себѣ.

— Почему же?

— Я не могу раздѣлять... имѣть такое же чувство къ вамъ, какое вы имѣете ко мнѣ. У меня огромное состояніе, куча вотчинъ... крестьянъ, куча денегъ, которымъ мы съ родителемъ и счета не знаемъ, а у васъ, кромѣ золотаго мундира въ сто рублей, ничего нѣту.

Сенаторъ какъ то крякнулъ, поперхнулся, и если бы княжна подняла на него глаза, то вѣроятно замолчала бы или расхохоталась и убѣжала. Каменскій сидѣлъ предъ ней, глупо выпуча глаза. Наконецъ вполнѣ убѣдивъ себя, что онъ ослышался, онъ уже спустя минуты двѣ выговорилъ:

— Чего-съ?

— Ничего. Я жду другаго вопроса, чтобы отвѣчать.

— Я объ вашихъ вотчинахъ не думалъ говорить. Я говорю о той любви и преданности... О желаніи моемъ... Повѣрьте, княжна, что даже въ Петербургѣ никакая дѣвица никогда во мнѣ не возбуждала такой глубокой, могу сказать, священной любви, какую я теперь... Я отъ васъ разумъ потерялъ...

— Потерять все можно! И чѣмъ что меньше, тѣмъ легче человѣкомъ теряется!

— Чего-съ?!

— Иголку легче потерять, чѣмъ дубину!..

— Да-съ... это... это точно... Только я, княжна... Я что то въ толкъ не возьму... Позвольте спросить васъ... Вы желаете раздѣлить со мной?..

— А у васъ есть что... чѣмъ вы можете подѣлиться, кромѣ мундира.

— Я говорю о моемъ чувствѣ, а не... Я не понимаю наконецъ васъ. Извините. Вы говорите очень удивительныя вещи.

— Желаю ли я идти за васъ за мужъ? Вы это хотите узнать?

— Да-съ.

— Понятное дѣло, что совсѣмъ не желаю. Но до моего желанія или нежеланія вамъ нѣту заботы. Вы съ батюшкой меня скрутите и повезете силкомъ въ храмъ! Но скажите: что жь, я такъ всю жизнь связанная и буду ходить? Вѣдь когда нибудь вы меня да развяжете. Ну вотъ я и скажу: въ тотъ самый день, когда меня развяжете, я и уйду отъ васъ.

— Пустое... вымолвилъ Каменскій, вдругъ мѣняя тонъ голоса и любезную манеру. Все пустое. Никто объ такихъ обстоятельствахъ не думалъ. Ни князь, ни я... Вы дѣвица умная и не захотите срамить себя на всю Москву.

Библиотека "Руниверс"

— А что хуже: срамъ или горе?.. воскликнула княжна. Что лучше: осрамиться или умереть. Мнѣ за васъ идти, вѣдь это хуже смерти. Вы мнѣ въ отцы годитесь, а не въ мужья. Посмотрите на себя.

— Признаюсь вамъ, княжна, первый разъ я слышу и вижу, чтобы россійская дворянка и дѣвица такія рѣчи вела, обиженно вымолвилъ наконецъ сенаторъ. Это не въ обычаѣ, чтобы...

— Я не совсѣмъ русская дѣвица, рѣзко прервала его Анюта. Я татарка по матери.

— Вотъ какъ? Ого, какъ вы однако...

— Даже вѣра православная и та мнѣ на половину чужая. Матушка была магометанка!

— Охъ, Господи! Мои-ли уши слышатъ! съ неподдѣльнымъ ужасомъ воскликнулъ сенаторъ. Да я васъ совсѣмъ не зналъ. Я полагалъ, судя по внѣшнему виду вашему, ласковому и обходительному, что вы кроткая какъ ангелъ дѣвица, а вы...

— Чортъ—чортомъ!

— Нѣтъ, эдакъ я не скажу, но...

— Чортъ! выговорила Анюта и въ первый разъ подняла глаза на Каменскаго. Я вамъ сама говорю. Какъ есть сатана!

И все лице, глаза, всякая жилка въ блѣдномъ лицѣ княжны казалось двигались и дрожали. Она была внѣ себя. Она почти не понимала, что говоритъ, и не знала, не ручалась за то, что сейчасъ скажетъ. Помимо злобы на этого старика-жениха—ей хотѣлось его испугать и заставить отказаться самому отъ безумной мысли жениться на ней.

— Найдете русскую дѣвицу, которая бы могла зарѣзать своего супруга? А я могу! Потому что я не русская, выговорила Анюта гордо мѣря глазами старика.

— Тьфу! Господи помилуй! проговорилъ Каменскій, повѣривъ не столько словамъ, сколько лицу княжны.

— Все ли вы отъ меня узнали, или еще вамъ что нужно?

— Да, я знаю. Я сбился съ толку... Я полагаю, что мы это все ради шутки сказывали. Такъ что мнѣ хоть съ начала начинать или бросить все, опаски ради... И уйду то я! И зарѣжу то я!.. проговорилъ Каменскій другимъ голосомъ, какъ бы поддѣлываясь подъ голосъ княжны. Просто страсти Господни!..

— Не вѣрьте... Мнѣ все равно. Послѣ увидите. Но знайте все таки, что вѣнчаться по доброй волѣ я не буду. Вамъ батюшка говорилъ про это?

— Про что? Ничего онъ не говорилъ!

— Я батюшкѣ сказала ужь давно, что меня скрученную по рукамъ и ногамъ надо везти въ церковь. А сама я не поѣду. Подъ вѣнцомъ я буду не молиться, а пѣсни пѣть. Какъ мнѣ руки и ноги развяжутъ—я уйду къ тому, котораго люблю. Батюшка ничего вамъ этого не сказывалъ.

Сенаторъ молчалъ какъ убитый. Княжна сочла нужнымъ добиться отвѣта.

— Вы слышали, что́ я сейчасъ сказала?

— Слышалъ-съ.

— Батюшка вамъ это все говорилъ или нѣтъ?

— Нѣтъ-съ, не говорилъ.

— Угодно вамъ, чтобы я сейчасъ при немъ все это вамъ повторила?

— Нѣтъ-съ. Я... я вѣрю... Вы и впрямь—по всему... Махомедова происхожденья. Извините.

— Да-съ. И горжусь этимъ.

— Чѣмъ же тутъ гордиться! уже язвительно началъ говорить Каменскій.

— А хоть бы тѣмъ, что вы вотъ жениться на мнѣ совсѣмъ собрались. Не глядя въ святцы—бухъ въ колоколъ. А теперь испугались и раздумываете.

— Съ такой дѣвицей какъ вы... Извините... Счастливъ никто не будетъ.

— Нѣтъ. Тотъ, котораго я люблю и за котораго выйду замужъ теперь-ли, или послѣ васъ, тотъ будетъ счастливъ.

— Какже это послѣ, т. е., меня?

— Если меня родитель силкомъ повѣнчаетъ съ вами хоть вотъ завтра... тогда ужь послѣ васъ придется съ другимъ вѣнчаться.

Наступило молчанье. Сенаторъ, опустивъ голову и глядя въ полъ, раздумывалъ. Княжна молча разглядывала его чисто выбритое, но шершавое, будто глиняное, лицо съ морщинами на лбу и у носа, съ жилками подъ глазами. И вдругъ она выговорила:

— Вы на видъ старше батюшки!

Но сенаторъ очевидно не слыхалъ этой выходки. Онъ былъ поглощенъ своей думой.

— Ну-съ. Кажется все мы перетолковали, можно мнѣ уйти?

Сенаторъ молчалъ, но княжна встала и движеньемъ своимъ привела его въ себя.

— Мы кончили бесѣду? спросила она.

— Да-съ.

— Когда же наша свадьба? уже усмѣхнулась Анюта, хотя досада и злость звучали въ голосѣ.

— Свадьба? Да это... Это какъ князю угодно будетъ.

— Такъ вы... изумилась княжна. Такъ вы стоите на своемъ?

И она, стоя, наклонилась надъ старикомъ, какъ бы собираясь его растерзать.

— Изволите видѣть. Я старше васъ. Я, правда, уже не молодой. Я много испыталъ. Много перевидалъ въ жизни. Знаете, что я вамъ скажу, княжна. Есть поговорка умная: стерпится—слюбится. Вотъ и вы такъ. Сначала вы меня будете ненавидѣть, а тамъ понемногу привыкнете и полюбите.

— Это ваше послѣднее слово? прошептала княжна.

— Д-да-съ! нерѣшительно произнесъ Каменскій.

— Ну-съ... Мое послѣднее слово, и вотъ вамъ крестъ, еще тише проговорила княжна. Я даю клятву, что если я буду вашей женой, то я уйду отъ васъ при первомъ случаѣ.

— Это я ужь слышалъ. Но вѣдь это часто такъ сказывается. Да мало-ль что на словахъ легко, а на дѣлѣ—не подъ силу.

— Ну, съ такимъ безумнымъ старикомъ, какъ вы, тратить словъ не стоитъ! воскликнула Анюта.

— Позвольте. Я никому не позволю себѣ такія рѣчи держать, воскликнулъ Каменскій вставая. Вы—невоспитанная дѣвица.

— Я—княжна Лубянская. Самая богатая невѣста во всей Москвѣ. Я отказывала не такимъ, какъ вы. Мой родитель теперь... хвораетъ. Инако я не могу пояснить себѣ его дѣйствій. Коли онъ очнется, перестанетъ хворать, то самъ не повѣритъ, что хотѣлъ со мной сдѣлать.

— Отца въ умалишенные произвели! воскликнулъ сенаторъ.

— Да-съ. А васъ въ подъячаго, пролѣзшаго въ сановники и желающаго получить за мной большое приданое.

— Да какъ вы смѣете, сударыня... Я... Я... И сенаторъ, наступая на княжну, топнулъ ногой. Я стариннаго малорусскаго рода. Мой дѣдъ при Мазепѣ первымъ былъ...

— Это тотъ, которому у насъ въ соборахъ ежегодно анаѳему провозглашаютъ? Вѣрю. Такимъ-то ваши дѣдушки и должны были служить. Но награждали ихъ вѣрно худо, эти анаѳемы Мазепы, коли у васъ теперь за душой и алтына нѣтъ.

Княжна расхохоталась, повернулась спиной и вышла изъ кабинета.

Сенаторъ остался среди комнаты и долго стоялъ какъ истуканъ, не двигаясь и даже бровью не шевельнувъ. Онъ былъ окончательно ошеломленъ и потерялъ способность мышленья.

Библиотека "Руниверс"

— Мазепа? Анафема? Зарѣжу! Мундиръ!.. шевелилось у него въ головѣ.

XXX.

Борисъ побывалъ днемъ, какъ обѣщалъ княжнѣ, но ея не видѣлъ. Она сказалась больной послѣ бесѣды съ Каменскимъ и легла въ постель середи дня. Впрочемъ на этотъ разъ Анюта только думала, что притворяется. Она сама не сознавала вполнѣ, что она дѣйствительно больна. Душевныя волненья за всѣ дни и наконецъ подъемъ гнѣва въ объясненьи съ сенаторомъ—сломили и ея крѣпкую натуру. Она лежала въ лихорадочномъ жару, и вспоминая все, что сказала сенатору, то не вѣрила своей памяти и находила свое поведеніе съ нимъ недостойнымъ и неприличнымъ для княжны Лубянской, то вдругъ, тотчасъ же, сожалѣла, что не сказала больше, не пустила въ старика-жениха какимъ-нибудь предметомъ. И вирямь, должно быть, много было крымской крови въ жилахъ Анюты.

Борисъ справился объ здоровьи княжны и узнавъ, что она хвораетъ, подумалъ:

— Хочетъ отоспаться отъ нашей безсонной ночи!

Князь зато показался Борщеву особенно веселымъ и довольнымъ. Онъ узналъ отъ матери, что въ полдень былъ у князя сенаторъ, что и Анюту вызывалъ князь къ нему.

— О чемъ то долго бесѣдовали втроемъ, сказала Настасья Григорьевна и многозначительно поглядѣла въ лице сына.

Борисъ вздохнулъ и промолчалъ.

— Чему же радуется дѣдъ. Своей безсмысленной затѣѣ? думалъ онъ. Или Анюта ихъ обманула. Наговорила и наплела турусы на колесахъ, чтобы успокоить и выгадать время.

Но разумъ подсказывалъ Борису, что этого не можетъ быть, такъ какъ Анюта лгать и притворяться совершенно не можетъ и никогда не могла. Ложь, игра и двуличность не укладываются въ ея рѣзкую, огневую и порывистую натуру.

Борисъ, побесѣдовавъ съ матерью о пустякахъ, перешелъ къ главному. Онъ пришелъ обманомъ выманить у матери денегъ. Стыдъ и смущенье долго не позволяли ему заговорить. Совѣстно было честному Борису лгать и обманывать старуху, и онъ только утѣшалъ себя тѣмъ, что беретъ деньги не на глупыя траты, а для устройства своего счастья. Пускай мать до поры до времени думаетъ, что эти деньги пойдутъ на подкупъ Григорія Орлова, ради полученья офицерскаго чина. Послѣ, узнавъ, что они пошли на его свадьбу-самокрутку—старуха проститъ и не попрекнетъ.

Деньги получить оказалось не трудно. Съ первыхъ же словъ сына, Настасья Григорьевна согласилась и даже обрадовалась:

— Какъ же ты, соколикъ, говорилъ, что онъ богачъ-вельможа и наплюетъ на наши деньги. А теперь, вишь, согласится.

— Да я, матушка, опросилъ... Сказываютъ люди, надо дать... Я вотъ и хочу попробовать.

— А не обманетъ онъ?

— Какъ можно.

— Возьметъ денежки-то, профинитъ на разные финты, а тебя по губамъ помажетъ. А?

И Настасья Григорьевна, уже принесная и поставившая на столъ свою заповѣдную шкатулку изъ корельской березы, гдѣ хранила деньги и документы—вдругъ остановилась въ сомнѣньи и нерѣшимости.

— Вѣдь они всѣ разбойники и обманщики! сказала женщина убѣдительно.

— Кто, матушка?

— А эти... ваши питерскіе вельможи.

— Ну, эдакъ сказывать, знаете, въ Сибирь угодишь.

— Да вѣдь это я съ тобой, глупый, глазъ на глазъ. Что-жь, ты что ли на меня „слово и дѣло“ скажешь... въ каторгу мать родную упечешь?

Борисъ разсмѣялся.

— Такъ какъ же, Боря... А? Деньги-то? Я боюсь. Пропадутъ они даромъ...

— Ну, какъ хотите! Коли жаль—не давайте... выговорилъ Борисъ и всталъ, будто собираясь прощаться.

— Дуракъ ты, дуракъ.. укоризненно закачала головой Настасья Григорьевна. Ей Богу, дуракъ... Кому же я ихъ скопила да везла. Себѣ что-ль на гулянье. Мнѣ всего въ семи рубляхъ нужда будетъ, когда помру.

— Зачѣмъ? Почему семь? невольно спросилъ Борисъ.

— А на гробъ. Самый лучшій серебряный, съ ручками и съ кисточками, въ нашей сторонѣ за семь рублей купишь...

— Полноте, матушка... Охота все эдакое выдумывать.

Между тѣмъ Настасья Григорьевна достала деньги изъ шкатулки и передала сыну двѣ большія пачки.

— Двѣ тысячи, батюшка?.. Ты когда ихъ ему отдашь... Эптому-то?

— Сегодня же, солгалъ Борисъ.

— То-то. А то потеряешь, или выкрадутъ.

— Нѣтъ. Не бойтесь.

Настасья Григорьевна оглядѣла карманы сына, попробовала, крѣпокъ-ли правый, и передавъ деньги, задумалась глубоко.

— О чемъ вы это, матушка, пригорюнились?

— Да все думаю, Борюшка, о томъ, что вотъ чуденъ свѣтъ. Почему?—часто такъ-то я думаю... почему дѣлятъ дѣтей не по ровну? Родительскому сердцу, особливо материнскому, дѣти равны: что сынъ, что дочь,—все едино. А начнутъ дѣлить достояніе—неправедно дѣлятъ. Сыновей по ровну, а дочерямъ объѣдочки, да урывочки, да кромсатушки.

— Кромсатушки! разсмѣялся Борисъ.

— Да. Сыновьямъ равныя части, а дочерямъ малыя малюсенькія накромсаютъ части... А вѣдь у дочери тоже сыновья будутъ и тѣми же родными внуками причтутся. Внуки отъ сына богатые выйдутъ, а внуки отъ дочери—бѣдные. Грѣхъ это! Неправедно это!

— Отчего это вамъ вдругъ такое на умъ пришло? удивился Борисъ.

— А вотъ отчего. Былъ у князя одного московскаго, богатѣющаго вельможи, сынъ и была дочь. Обоихъ дѣтей онъ любилъ равно. Это было давно. Онъ померъ. И вотъ теперь внучка его, отъ сына, богатѣйшая на всю Москву приданница.

— Это Анюта, что ли? усмѣхнулся Борисъ.

— А внучка отъ дочери, такъ мелкопомѣстная дворянка...

— Это вы, стало быть!..

— Самой то ей ничего не нужно, а у нея сынъ есть—умница да и красавецъ. Вотъ ему бы богату быть! А вышло то совсѣмъ инако. У него ничего почитай нѣту.

— Это я, стало быть... весело уже разсмѣялся Борисъ. Мнѣ, матушка, и не нужно. Ей Богу! Я на богачкѣ-внучкѣ женюсь, вотъ и сравняется все опять.

— Ну, про это мы говорить не будемъ. Это грѣхъ. Это дѣло беззаконное. Я объ немъ и думать не хочу. Да и самъ ты знаешь, что это дѣло непокладное, которое надо изъ головы выбросить. Архіерей сказалъ дяденькѣ, что за такой бракъ въ монастырь заключаютъ на покаяніе.

На этотъ разъ Борисъ задумался.

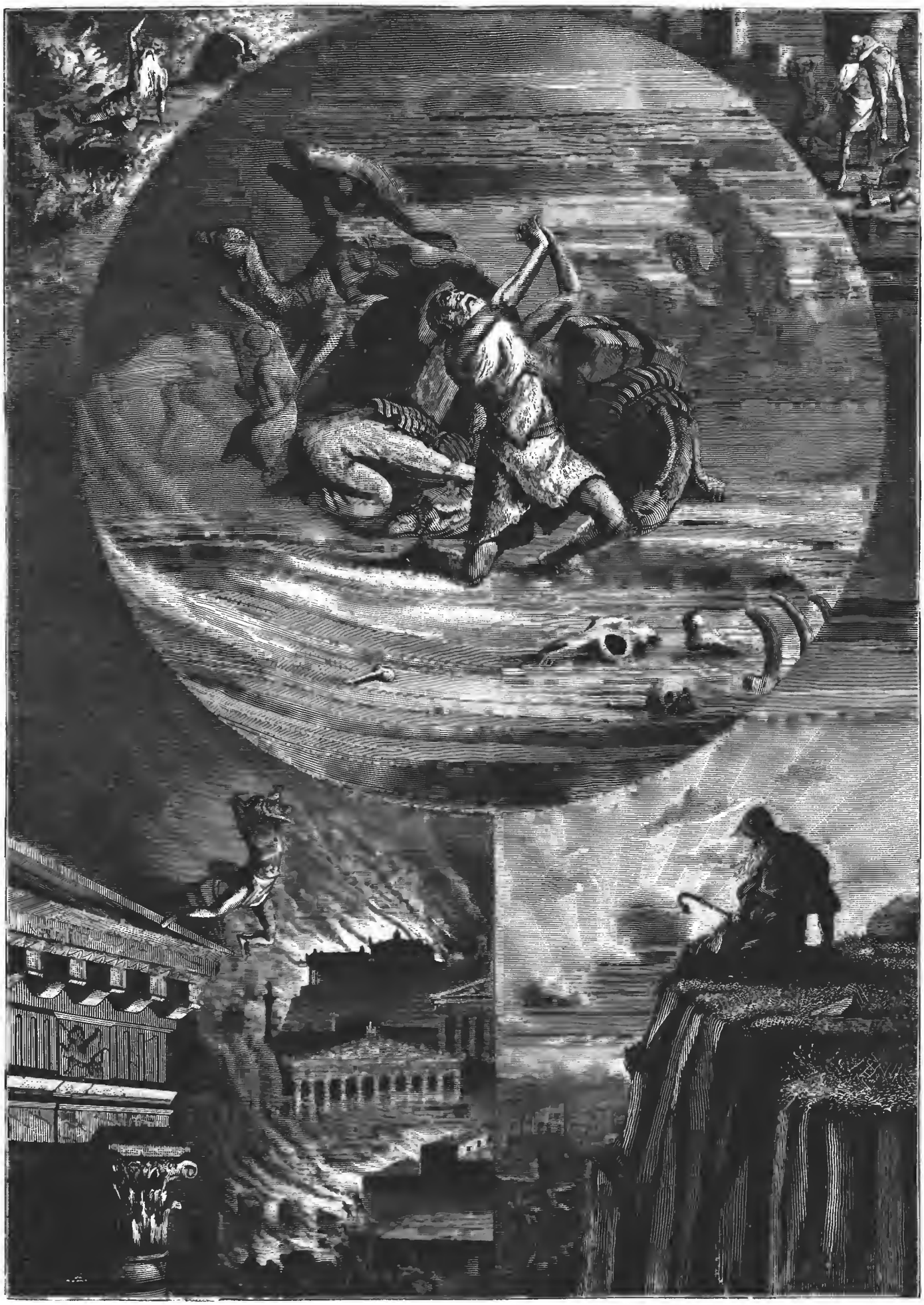
— Давно ли архіерей это говорилъ дѣдушкѣ?

— Недавно.

— Стало быть, дѣдушка рѣчь заводилъ, выспрашивалъ?

— Ужь не могу тебѣ сказать. Но онъ мнѣ сказывалъ, что преосвященный ахалъ и пояснялъ, что въ заморскихъ земляхъ двоюродныхъ братьевъ съ сестрами вѣнчаютъ; у китайцевъ, да турковъ, да персидовъ, отцевъ на дочеряхъ женятъ... А у насъ, православныхъ,

Библиотека "Руниверс"



Литературный альбомъ. „Агасееръ". В. А. Жуковскаго. Ориг. рис. для „Нивы" Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

это строго все возбраняется. Мы люди Божьи, а они всѣ пёсье отродье.

— Что же сдѣлаютъ, если бы мнѣ жениться на Анютѣ?

— Въ монастырь, говоритъ, ее заключатъ на покаяніе на всю жизнь. А тебя, какъ офицера, въ острогъ, а то и въ Сибирь.

— Это онъ вретъ, матушка. Въ монастырь, пожалуй, а въ острогъ—не за что. Это вѣдь не душегубство.

— Ну, ужь не знаю, а по моему тоже душегубство. Двѣ души сами себя загубляютъ во грѣхѣ.

Борисъ махнулъ рукой, разцѣловался съ матерью и быстро пошелъ изъ горницы.

— Борюшка! Борюшка! нагнала его мать уже на лѣстницѣ.

— Что вы?

— Деньги то не потеряй!

— Постараюсь, маменька...

— Какъ постараешься?! Что постараешься?!

Но Борисъ былъ далеко и Настасья Григорьевна не разслыхала его отвѣта.

XXXI.

Вернувшись въ сумерки домой, т. е. на квартиру Шипова, Борщевъ удивился не мало, узнавъ, что хозяинъ его въ гостяхъ у Гурьевыхъ.

— Мнѣ совѣтуетъ не ходить, а самъ у нихъ вдругъ очутился, подумалъ онъ.

Прождавъ Шипова болѣе часу, ради ужина, сержантъ, чувствуя что совсѣмъ проголодался, отправился тоже къ Гурьевымъ, гдѣ со стола почти не убиралось никогда и съѣстное, и вино. Вѣчно играли въ карты и вѣчно ѣли и пили у нихъ всѣ товарищи. Только и бывалъ перерывъ игрѣ и ѣдѣ, когда споръ зайдетъ объ дѣлахъ государскихъ.

— И теперь, небось, или ѣдятъ, или голосятъ.

Борщевъ не ошибся.

Квартира Гурьевыхъ была биткомъ набита офицерами, въ числѣ которыхъ онъ нашелъ много новыхъ, ему совершенно незнакомыхъ лицъ. Но одна личность въ числѣ прочихъ оказалась ему знакома особенно и присутствіе этого человѣка у Гурьевыхъ поразило его. Это былъ драгунскій капитанъ Побѣдзинскій.

— А, пане-сержанту! воскликнулъ онъ, и вскочивъ съ мѣста, сталъ обнимать и душить въ своихъ объятьяхъ Борщева.

— А, вы знакомы! воскликнулъ Семенъ Гурьевъ.

— Други мы... Други!.. воскликнулъ Побѣдзинскій и потащилъ Борщева въ уголъ горницы.

Борщевъ былъ такъ удивленъ, что молчалъ и соображалъ только про себя.

— Здѣсь ругаютъ Орловыхъ отъ зари до зари, а онъ адъютантъ его, или такъ, прислужникъ какой что ли,—затесался сюда.

— Удивился панъ, что я здѣсь... Удивился! Вижу! Я ушелъ отъ Григорья Григорьевича. Бросилъ! Такій дерзкій, такій невѣжа! Я ему покажу... Я его... Онъ меня познаетъ! частилъ и сыпалъ словами полякъ. Познаетъ онъ капитана Побѣдзинскаго!

И капитанъ быстро разсказалъ Борщеву, что Григорій Орловъ, за три дня предъ тѣмъ, оскорбилъ его и выгналъ отъ себя вонъ.

— Не выпилъ ли ты у него на дежурствѣ! подумалъ Борщевъ, вспоминая свой послѣдній визитъ къ Орлову. Подѣломъ тогда...

Онъ молчалъ и слушалъ поляка, но такъ какъ Побѣдзинскій на разные лады сталъ повторять все тоже самое, то Борщевъ сталъ озираться и прислушиваться.

— Да ты разскажи! Разскажи опять! кричалъ Иванъ Гурьевъ, стараясь голосомъ заглушить общій гулъ.

Отдѣльныя группы собесѣдниковъ смолкли.

— Нечего мнѣ разсказывать! злобно крикнулъ Петръ Хрущевъ. У насъ въ согласьи, говорю, до семи десятковъ вельможъ... А кто не вѣритъ этому — наплевать намъ. Намъ нужнѣе такіе люди какъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ или фельдмаршалъ Минихъ, чѣмъ простые субалтерны-офицеры. Говорю—наплевать!

Петръ Хрущевъ вышелъ сердито въ другую горницу. Шумъ снова поднялся.

Три горницы были полны офицерами разныхъ полковъ. Все ѣло, пило и громко говорило, стараясь перекричать другъ друга. Голоса сливались въ общій безсвязный гулъ. Только сильный голосъ Семена Гурьева иногда заглушалъ остальные. Онъ горячо, дерзко и почти безостановочно говорилъ на свою обыкновенную, любимую тэму. Нѣкоторые офицеры спорили и, казалось, подзадоривали хозяина, другіе молчали и прислушивались, такъ же какъ и Борщевъ. Большинство ѣло и пило и повидимому за этимъ однимъ собственно и пришло сюда.

Борщевъ вспомнилъ по неволѣ, зачѣмъ самъ пришелъ, и бросивъ Побѣдзинскаго, усѣлся къ столу, гдѣ лежалъ огромный окорокъ ветчины.

Едва онъ успѣлъ немного утолить свой голодъ, какъ изъ дверей второй горницы показался Шиповъ, увидѣлъ его и прямо пошелъ къ нему.

— Зачѣмъ ты здѣсь! сказалъ онъ тихо и садясь около сержанта.

— Проголодался какъ собака. Ждалъ тебя два часа и пошелъ. Тутъ вѣчный трактиръ.

— Ну поѣшь и уходи, сказалъ Шиповъ. Здѣсь тебѣ не мѣсто.

— Что такъ... А тебѣ мѣсто?

— Полно, голубчикъ. Я не шучу... Впрочемъ я съ тобой тоже уйду. Я по дѣлу приходилъ. Поѣшь, скажи, вмѣстѣ выйдемъ.

Шиповъ всталъ и хотѣлъ отойти, но въ эту минуту подошелъ къ нему красивый молодой человѣкъ. Это былъ офицеръ коннаго полка Левъ Толстой.

Онъ обратился къ нему со смѣхомъ:

— Какой шумъ... Мнѣ, знаете, сударь, что напоминаетъ эта квартира, этотъ гвалтъ?

— Синагогу? усмѣхнулся Шиповъ.

— Нѣтъ. Квартиру Григорья Орлова на Морской, когда мы у него весной собирались и обсуждали какъ дѣйствовать. Вотъ совсѣмъ такъ бывало, все тоже...

— Нѣтъ, господинъ Толстой, возразилъ вдругъ Шиповъ сухо и ѣдко. То-же, да не то!

— Что вы хотите сказать? спросилъ молодой офицеръ, загадочно глядя въ лицо Шипова, какъ бы стараясь отгадать впередъ его мысли.

— Я сказалъ: то же, да не то... повторилъ Шиповъ.

— Тогда бранили всѣ порядки Петра Ѳедоровича и ругали голштинцевъ, да превозносили государыню, а теперь бранятъ Орловыхъ... сказалъ Толстой непринужденно и стараясь будто придать голосу беззаботность пустой болтовни.

— Да. Это вѣрно, выговорилъ Шиповъ также сухо. Тамъ собирались дѣйствовать въ пользу государыни Екатерины... А здѣсь... здѣсь...

Шиповъ запнулся... Толстой вопросительно ждалъ и наконецъ сказалъ:

— Здѣсь собираются ратовать за императора Ивана.

— Такого императора нѣту! отрѣзалъ Шиповъ.

Борщевъ пересталъ ѣсть отъ голоса Шипова и уставился съ любопытствомъ на собесѣдниковъ.

— Да и сборища, извините, были у Орловыхъ не тѣ, что у Гурьевыхъ. Тамъ бывали обсужденья важнаго государственнаго предпріятія, а здѣсь одно вранье и горлодерство да пустобрешство.

Толстой странно глянулъ въ глаза Шипова и молчалъ.

— Тамъ бывали товарищи и пріятели Орловыхъ, продолжалъ Шиповъ. Допускались одни единомышленники. А здѣсь иди кто хочетъ, хоть съ улицы, какъ въ кабакъ. Поэтому здѣсь межъ насъ много соглядатаевъ, доносчиковъ, которые не нынѣ, завтра, Гурьевыхъ выдадутъ головой за ихъ вранье.

Библиотека "Руниверс"

— И тамъ могли бывать всѣ, тоже могли быть и соглядатаи, могли тоже донести и...

— За то дѣло, государь мой, перебилъ Шиповъ, было всякое россійское дворянское и честное сердце. А за это пустобрешство Гурьевское—какой шальной станетъ. Все это одно вранье, а не дѣло.

— Однако я слышалъ, что г. Лихаревъ тайно поѣхалъ освободить принца и привезти сюда.

— Отъ кого вы слышали?

— Да вотъ отъ многихъ. Я только фамилій ихъ хорошо не знаю, сказалъ Толстой.

— Хороша же тайна, коли вы отъ незнакомыхъ слышали и мнѣ, мало знакомому, эту тайну сказываете, разсмѣялся Шиповъ. Вы поѣхали бы съ этимъ Лихаревымъ?

— Н-нѣтъ... Я... Я вѣдь такъ здѣсь... Я не... замялся Толстой. Я объ этомъ Лихаревѣ и не слыхалъ прежде никогда.

— Не Лихаревъ, а Лихачевъ! выговорилъ Борисъ.

— Извините, я слышалъ, что Лихаревъ. Такъ и Гурьевы говорили. Впрочемъ я не знаю...

— А я вамъ говорю—Лихачевъ.

— А ты откуда эту глупость знаешь? спросилъ Шиповъ досадливо.

— Я... Да чортъ его знаетъ! добродушно отозвался Борщевъ. Я и не помню. Стой. Отъ Хрущева.

— Чихачевъ, есть у насъ офицеръ, отозвался Шиповъ, и дѣйствительно онъ поѣхалъ въ Петербургъ, но не къ Ивану Антоновичу, а по порученію полковаго командира. Впрочемъ мы съ Гурьевымъ, да Хрущевымъ, на словахъ самоё Марію-Терезію сюда привеземъ.

Шиповъ разсмѣялся досадливо и отошелъ отъ Толстаго.

— Борщевъ. Иди! Пора домой, крикнулъ онъ, взявъ свою шапку съ окна.

Борисъ выпилъ стаканъ вина и двинулся.

Въ сѣняхъ его догналъ Побѣдзинскій и сталъ уговаривать вернуться, ради того, чтобы побесѣдовать о важномъ дѣлѣ.

Борщевъ колебался, но Шиповъ отвѣтилъ рѣзко.

— Ему не время, капитанъ. У насъ дѣло есть еще важнѣе вашего. Ваше дѣло поглядывать, да наушничать, чтобы алтыны, или по вашему злóты, зашибать, а у насъ съ Борщевымъ честное и серьезное дѣло.

Капитанъ Побѣдзинскій пробормоталъ что то едва слышно, и какъ ошпаренный, отскочилъ отъ Шипова.

— Что ты ему сказалъ? Господь съ тобой! воскликнулъ сержантъ.

— Ну иди, младенецъ неповинный, иди... Да отряси пыль съ сапоговъ и больше сюда ни ногой, коли ты себя любишь... ворчалъ Шиповъ выходя со двора на поляну.

— Что ты все меня просишь, а самъ вѣдь вотъ ходишь, нетерпѣливо сказалъ Борщевъ.

— Я былъ, тебѣ говорятъ толкомъ, по дѣлу.

— По какому? Все выдумки.

— А, ну тебя... Младенецъ.

— Да ты мнѣ не родитель и не дядька...

— Скажи на милость... Обидѣлся?

— Не обидѣлся... А не считаю тебя за указателя какъ мнѣ себя вести.

— Ахъ ты... Ахъ ты гусь лапчатый. Да вѣдь я изъ дружбы. Не стыдно ли тебѣ это. Не грѣхъ ли, мягко и сердечно сказалъ Шиповъ. Ну, слушай меня. Обѣщаешь ты мнѣ недѣли двѣ, три сюда ноги къ Гурьевымъ не ставить. Ну изъ дружбы что ли?

— Да я и такъ не собираюсь къ нимъ ходить. Я же вѣдь самъ перешелъ къ тебѣ отъ ихъ галдѣнья и день и ночь. Сегодня меня голодъ пронялъ. Но ты чуденъ тоже. На всѣхъ лѣзешь. Сейчасъ этого поляка доносчикомъ назвалъ. Толстому тоже что то такое... камешки въ огородъ швырялъ. А у него этого, такъ сказать, и огороду нѣтъ.

— А если есть?

— Почемъ ты знаешь? Во снѣ пригрезилось?

— А если знаю. И вѣрно знаю! вскрикнулъ Шиповъ.

— Такъ говоришь со зла.

— А если чрезъ мѣсяцъ все это на яву окажется? Если эти сходбища уже извѣстны, кому вѣдать надлежитъ?

— Донесли!

— Да. А то чтожь. Молчать что ли?

— Я бы не донесъ. Потому что это только одно вранье и правительству опасности нѣтъ.

— Соблазнъ!

— И соблазну нѣтъ. Пьютъ, играютъ и врутъ. Вотъ Лихачевъ этотъ—другое дѣло. Если это правда. Скажи, ты развѣ пошелъ бы на нихъ съ доносомъ.

— Нѣтъ. Но и къ нимъ больше не пойду. А засадятъ ихъ въ крѣпость, скажу: по дѣломъ,—не ври!

— Да, это пожалуй! согласился и сержантъ. Если всѣ россіяне начнутъ врать да ругаться какъ Гурьевы, что-жь это будетъ? Содомъ.

Они вошли въ свой домикъ, и простившись, разошлись по горницамъ спать.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

До завтра!

Историческій разсказъ.

1-го декабря 1851 года, въ улицѣ С.-Жоржъ въ Парижѣ, у Адольфа Тьера, бывшаго министра Людовика Филиппа, собралось цѣлое общество. Въ изящной гостиной краснорѣчиваго и вліятельнаго депутата, виднѣлись только одни мущины; все это были его товарищи, тоже депутаты. Разговоръ шелъ о политикѣ, дѣло касалось грозящаго столкновенія. Президентъ республики, принцъ Людовикъ-Наполеонъ находился въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ съ „представительствомъ"; его считали способнымъ принять даже насильственныя мѣры и противъ парламента, и противъ конституціи 1848 г. Приходилось быть на сторожѣ, принять свои мѣры и, быть можетъ, даже изданнымъ отъ имени „народа" декретомъ смѣстить президента. У Тьера, бывшаго однимъ изъ представителей того большинства народнаго собранія, которое старалось противостоять соціалистической лѣвой партіи и бонапартизму, собрались для обсужденія положенія дѣлъ и въ этотъ вечеръ пришли къ рѣшенію ловкой интригой приготовить западню принцу-президенту.

Когда маленькій, худощавый хозяинъ распростился со своими гостями и вышелъ на половину своей жены, умные глаза ея испытующе остановились на лицѣ мужа.

— И что же? спросила она, оставляя работу.

Одновременно съ нею, младшая ея сестра Фелиція, сидѣвшая тутъ же, посмотрѣла на Тьера.

Лицо его выражало довольство; въ оживленныхъ глазахъ замѣчалось даже лукавство, а губы сложились, точно онъ собирался насвистывать. Но вмѣсто этого онъ сказалъ:

— Превосходно! Все устроится!

— Что устроится? спросила г-жа Тьеръ съ интересомъ.

— Увидишь и услышишь. Вѣрно одно, что мы снова наканунѣ большихъ событій. Можетъ даже все рѣшится завтра. Всѣ подадутъ голоса за предложеніе, которое я обсуждалъ теперь съ моими друзьями!

Онъ въ раздумьи зашагалъ по комнатѣ, а Элиза блестящимъ взоромъ слѣдила за подвижной фигурой пятидесятичетырехлѣтняго мужа. Ея все еще прекрасное лицо выражало любовь и почитаніе къ мужу, котораго была моложе лѣтъ на двадцать. Затѣмъ она проговорила съ улыбкой:

— Фелиція была въ оперѣ.

— Давали что нибудь новое? спросилъ Тьеръ.

— „Синяя Борода".

— Хорошо это?

— Очень. Народу было много, отвѣтила весело Фелиція Доспе. Г. Морни былъ у меня въ ложѣ и долго разговаривалъ.

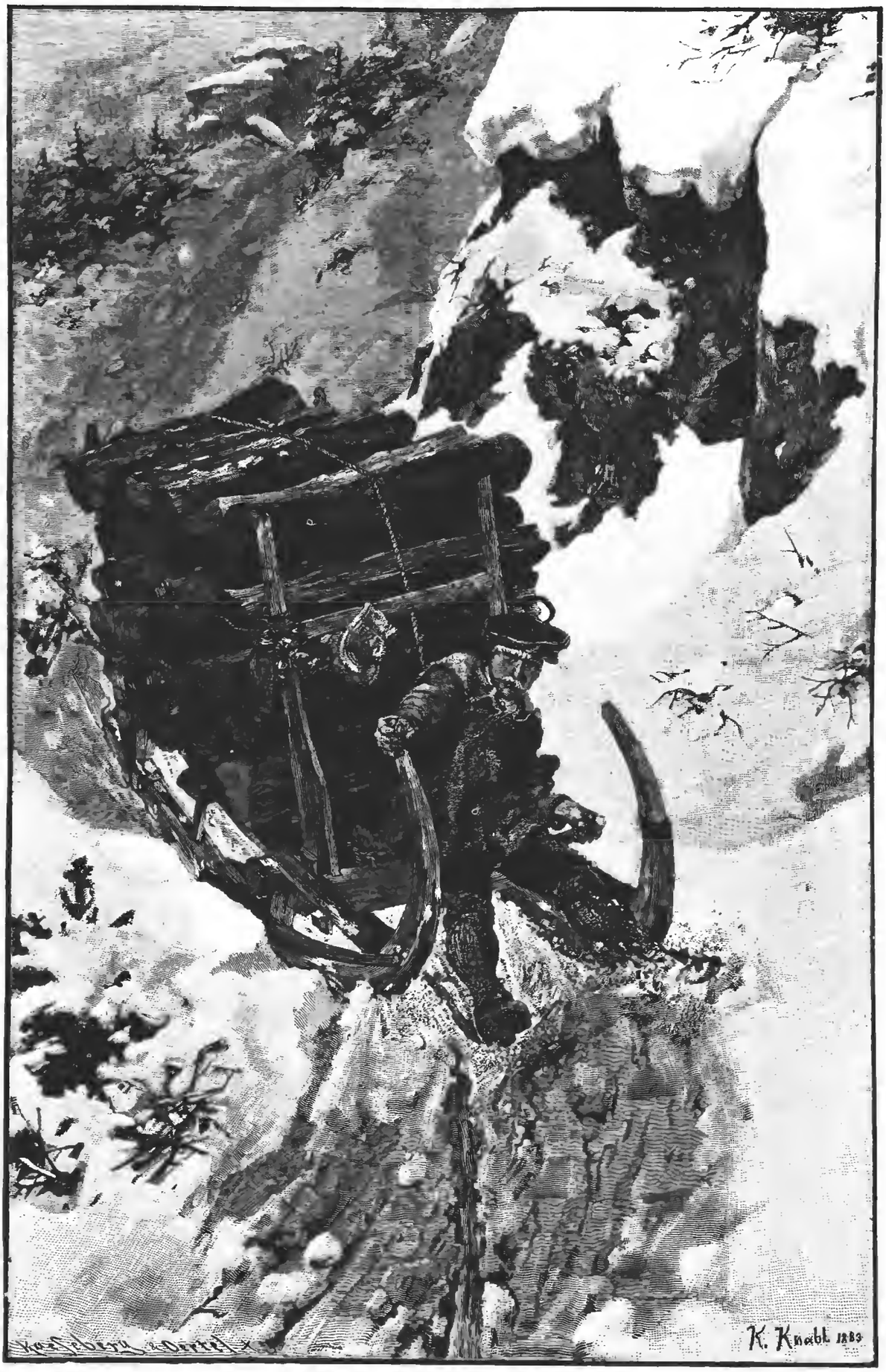
— Морни? замѣтилъ Тьеръ удивленно.

— Я нахожу его премилымъ, продолжала Фелиція.

— Вотъ какъ. Но почему ты говоришь мнѣ это?

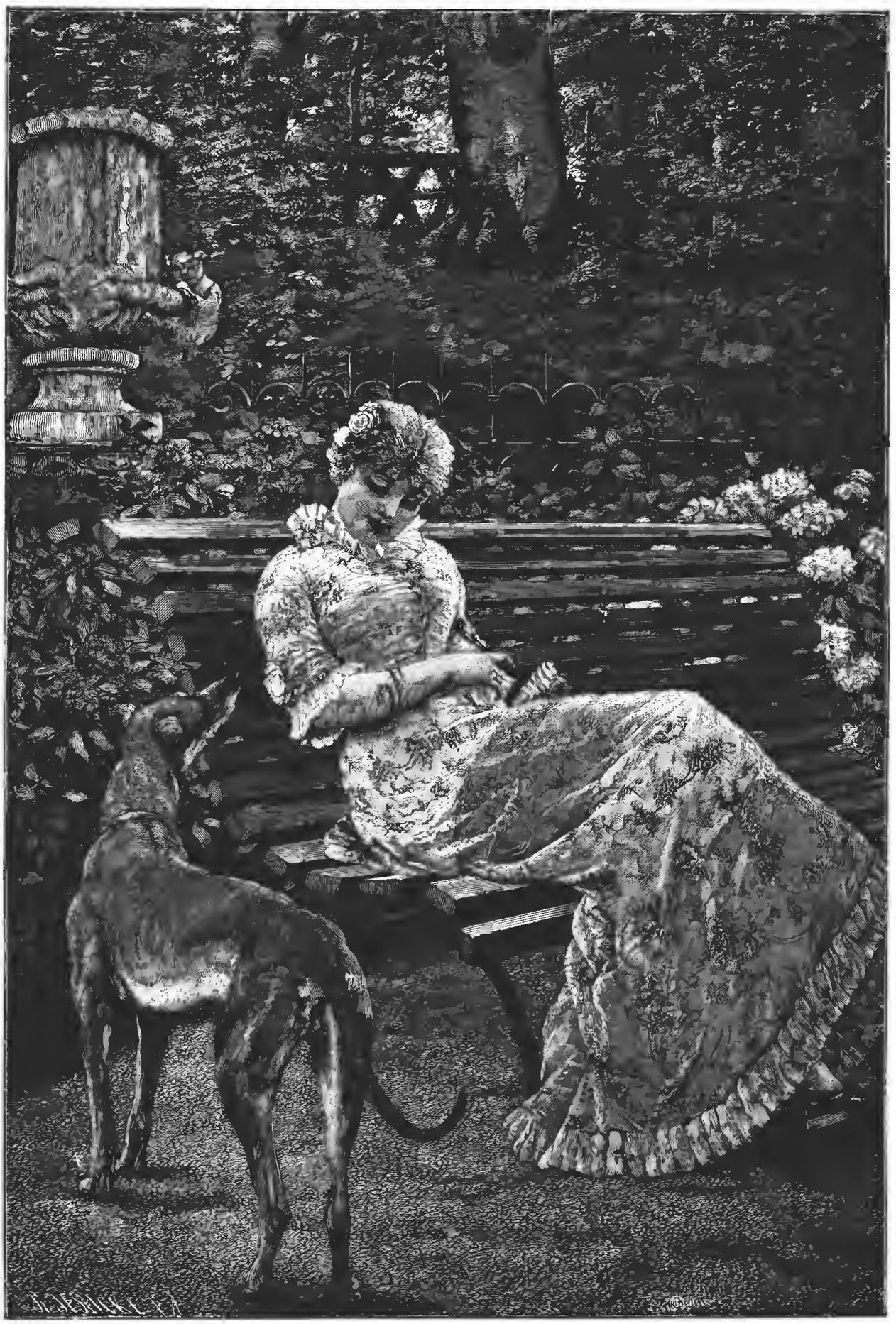
— Потому, отвѣтила за нее госпожа Тьеръ, что она съ нимъ толковала о политикѣ.

Библиотека "Руниверс"



Дровяныя сани въ горной Баваріи. Рис. Кнабль, грав. Кезебергъ и Эртель.

Библиотека "Руниверс"



Поклонъ твоему хозяину! Ориг. рис. С. Каллера, грав. Штрике.

Библиотека "Руниверс"

— Политика? Фелиція занималась политикой, да еще съ такимъ жуиромъ! Хотѣлъ бы я ихъ послушать, Элиза.

— И подумай только! Она даже обсуждала съ Морни слухи о государственномъ переворотѣ!

— О, эта милая невинность! Со сводным братомъ Луи Наполеона! Что же онъ тебѣ сказалъ?

— О, онъ очень остроуменъ! сказала Элиза.

— Остроуменъ, конечно. Что же онъ сказалъ, Фелиція?

— Я просто его спросила, начала та оживленно, что онъ будетъ дѣлать, если вдругъ начнутъ подметать...

— Вотъ оригинальная дипломатическая картина, посмѣивался Тьеръ. Ты однако очень несвѣдуща въ политикѣ... Ну что же, онъ отвѣтилъ остроумно?

— Клянусь честью, сказалъ онъ, я постараюсь держаться на ручкѣ щетки.

— Не дурно, не дурно! засмѣялся Тьеръ. Вопросъ въ томъ, кто будетъ мести. Я думаю, что это вполнѣ мѣщанское занятіе.

— Повидимому Морни не думалъ этого, замѣтила ему жена серьезно. Ты развѣ не придаешь значенія его мнѣнію?

— Никакого. Къ чему? Не вижу никакого основанія, придавать ему значеніе. Но ты, кажется, несогласна со мною?

— Кажется, всѣ вы невѣрно судите о принцѣ, отвѣтила она, у него энергія и смѣлость игрока. Почему ему не поставить всего на карту?

— Но карты въ рукахъ у насъ, мы издаемъ законы, мы законъ! Въ этомъ всѣ согласны въ народномъ собраніи. Думаешь ли ты, Элиза, что этотъ неблагодарный Наполеонъ въ состояніи перехитрить меня, стараго практика?

— Скрытая хитрость, дорогой Адольфъ, погубила не одного храбраго воина и благороднаго патріота. И могутъ ли какіе нибудь законы помѣшать задуманному имъ дѣлу?

— Задуманному дѣлу—нѣтъ, отвѣтилъ живо Тьеръ, но привести въ исполненіе—да. Если принцъ, съ нѣсколькими своими помощниками задумалъ повторить дядюшкино 18-е брюмера, то ему неудастся. Парижъ этого не допуститъ; военные не пойдутъ за нимъ; лучшіе и уважаемые генералы: Шангарнье, Лефло, Ламорисьеръ, Бедо—всѣ на нашей сторонѣ. Не найдется ни одного батальона, который для Наполеона поднялъ бы противъ нихъ оружіе. Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ нечего и думать. Законъ сильнѣе его, а завтра онъ станетъ вполнѣ всемогущъ и положитъ конецъ всякимъ государственнымъ переворотамъ.

— Пріятно видѣть такую увѣренность, проговорила успокоенная г-жа Тьеръ. Ты знаешь, какъ я тебѣ вѣрю.

— Гмъ, отвѣтилъ тотъ, видимо польщенный,—странная иронія судьбы! Я, историческія сочиненія котораго сдѣлали популярной наполеоновскую легенду, изъ любви къ отечеству принужденъ теперь препятствовать повторенію той же легенды. И принцъ Наполеонъ не долженъ мнѣ мѣшать. Я знаю, какъ составляются эти вещи. Я продѣлывалъ это въ 1830 г. при Карлѣ X и потомъ былъ министромъ. Если я тоже сдѣлаю теперь противъ наполеоновскихъ интригъ...

— То ты снова будешь министромъ! прервала его жена въ радостномъ возбужденіи.

Онъ посмотрѣлъ на нее и на Фелицію снова съ тѣмъ же лукавымъ выраженіемъ, съ какимъ вошелъ въ комнату.

— Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ совершенно серьезно. Кто же еще? Къ этому вѣдь готовятся.

— Министръ-президентъ? спросила Элиза еще съ большимъ оживленіемъ.

— Да.

— Боже, вырвалось у нея, давно уже пора! Вотъ одиннадцать лѣтъ, ты все вдали отъ управленія.

— О ты, честолюбивая! замѣтилъ онъ смѣясь. Кто можетъ знать будущее? Кто знаетъ, не предпочтетъ ли Франція Орлеановъ республикѣ? И если я для Орлеановъ буду нѣчто въ родѣ Ришелье, то послѣ наполеоновской эры я займу въ республикѣ такое положеніе, которое предоставитъ мнѣ первое мѣсто. Первое мѣсто! Понимаешь ли ты?

— Президентъ республики! Франціи! воскликнула г-жа Тьеръ, закрывъ глаза, точно внезапно ослѣпленная блестящей будущностью; лицо ея сестры озарилось радостью.

— Тише, тише вы! остановилъ ее мужъ движеніемъ руки. Чѣмъ предаваться мечтамъ, пойдемъ лучше спать. Скоро двѣнадцать. Покойной ночи, Фелиція! До завтра, до завтра!

* * *

Въ этотъ же часъ Елисейскій дворецъ также опустѣлъ и ворота его закрылись. Остались только графъ Морни, префектъ полиціи Мона и военный министръ Ст.-Арно; они направились въ кабинетъ принца-президента Людовика Наполеона, который ожидалъ ихъ со своимъ секретаремъ Мокаромъ и ординарцемъ подпоручикомъ Бельвилемъ. На столѣ были разбросаны бумаги. Принцъ, спокойный и серьезный, указалъ на бумаги, лежавшія передъ нимъ.

— Мы готовы, сказалъ онъ. Вотъ декретъ о распущеніи народнаго собранія, а вотъ обращенія къ арміи и народу. Бельвиль! позаботьтесь напечатать все это послѣ полуночи. Я сдѣлалъ все, что до меня относится. Теперь, господа, дѣло за вами!

Онъ повернулся къ вошедшимъ съ вопросительнымъ, почти испытывающимъ взглядомъ своихъ твердыхъ, сѣрыхъ глазъ, ярко блестѣвшихъ въ его безцвѣтномъ лицѣ.

Графъ Морни тотчасъ заговорилъ тономъ веселой болтовни:

— У меня въ карманѣ мой декретъ министра внутреннихъ дѣлъ, который я немедленно предъявлю г-ну Ториньи, какъ только г. Ст.-Арно пришлетъ мнѣ егерей изъ Венсенна. Какіе этотъ милый Ториньи сдѣлаетъ большіе глаза, когда я скажу ему въ его отелѣ: собирайте свои вещи—я займу ваше мѣсто. Это будетъ въ половинѣ седьмаго. До тѣхъ поръ надо развлечься. Съ семи же часовъ, принцъ, я—отвѣтственный министръ внутреннихъ дѣлъ. Думаю, что справлюсь со своимъ положеніемъ.

— Въ половинѣ седьмаго къ намъ присоединится Ст.-Арно, мои войска будутъ на мѣстахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ окружатъ венсенскіе егеря, у дворца же національнаго собранія станетъ со своимъ полкомъ полковникъ Эспинасъ. Тюльерійскій садъ, набережная, площадь Бастиліи займутъ подкрѣпленія; ручаюсь за успѣхъ, если только удастся арестовать вотъ этихъ всѣхъ лицъ, значащихся въ спискѣ...

— Съ Шангарнье и Тьеромъ, замѣтилъ немного помолчавъ президентъ, будутъ устранены самыя опасныя препятствія.

— Они ничего и не подозрѣваютъ, сказалъ Мона, по крайней мѣрѣ въ эту ночь. Мнѣ только что докладывали, что оба дома. Впрочемъ, все равно, гдѣ бы они ни были; агенты мои цѣлую недѣлю слѣдятъ шагъ за шагомъ за ними, а также и за другими, арестъ которыхъ необходимъ. По данному знаку всѣ будутъ въ нашихъ рукахъ.

— Вы увѣрены въ вашихъ агентахъ? спросилъ Морни. Тамъ есть тоже тонкіе люди, которые могли пронюхать опасность.

— Мало того что я выбралъ надежныхъ людей, отвѣтилъ префектъ полиціи, я еще и скрылъ отъ нихъ настоящую цѣль. Имъ сказано только, что изъ Лондона должны прибыть политическіе бѣглецы и поручено наблюдать за извѣстными лицами, не ходятъ ли къ нимъ подозрительные люди.

— А какъ проникнуть въ квартиру Шангарнье? спросилъ принцъ съ любопытствомъ.

— Силой, принцъ, если не удастся хитростью. Агенты прекрасно ознакомились съ мѣстностью. Возлѣ дома Шангарнье есть магазинъ ликеровъ. Въ крайнемъ случаѣ чрезъ него можно попасть во дворъ дома генерала.

— Но если онъ будетъ защищаться?

— Какъ нибудь справятся, принцъ. Туда отряжены ловкіе и энергическіе люди: коммисаръ полиціи и капитанъ гвардіи. Г-нъ Ст.-Арно его знаетъ.

— Да человѣкъ надежный, подтвердилъ тотъ.

— Но—Бога ради, будьте осторожны Мона, воскликнулъ озабоченно принцъ, я думаю даже, что въ случаѣ вооруженнаго сопротивленія, не слѣдуетъ торопливо дѣйствовать.

— Я, лично, еще разъ, сдѣлаю самыя строгія подтвержденія коммисарамъ. Я созову ихъ всѣхъ. Конечно, минута будетъ критическая, но, кажется, все уладится, и въ шесть часовъ, я увѣренъ, что доложу вамъ, принцъ, что все благополучно. Теперь въ префектуру уже созваны восемьсотъ полицейскихъ. Они ждутъ приказаній и не подозрѣваютъ, чего отъ нихъ хотятъ. Также вызваны жандармы, чиновники и сорокъ коммисаровъ изъ всѣхъ кварталовъ города. Никто изъ нихъ ничего не знаетъ, но можете себѣ представить, какъ они встревожены вызовомъ въ такую необычайную пору. Съ каждымъ, которому будетъ порученъ арестъ, я переговорю отдѣльно въ своемъ кабинетѣ. Я начну въ пять часовъ и ровно въ шесть каждый изъ агентовъ будетъ уже у двери арестуемаго, а ровно въ четверть седьмаго—я провѣрю всѣ ихъ часы—будутъ произведены аресты.

— Немедля доложите мнѣ объ исходѣ дѣла, Мона! Нужно обо всемъ подумать, сказалъ повидимому твердо и спокойно Луи Наполеонъ.

— У васъ, принцъ, списокъ семидесяти лицъ, которыя должны быть арестованы, отвѣтилъ префектъ. При моемъ докладѣ придется вычеркнуть всѣ имена. Въ семь часовъ, когда я велю развѣсить на улицахъ декреты, всѣ эти лица будутъ уже подъ замкомъ и вамъ нечего будетъ болѣе опасаться ни Шангарнье, ни Тьера, ни Кавеньяка, ни Лефло, ни Бедо, или этого болтуна Виктора Гюго, или другихъ членовъ народнаго собранія.

— Куда вы ихъ помѣстите?

— Въ Мазасъ, принцъ. Каждый изъ нихъ получитъ нумеръ, въ которомъ можетъ изливать свои проклятія; никто ихъ не услышитъ.

— Я бы не прочь взглянуть на Тьера въ его камерѣ, сказалъ смѣясь Морни. Вотъ будетъ бѣситься маленькій человѣчекъ! Въ настоящую минуту, надѣвая ночной колпакъ, онъ думаетъ, что мы въ его власти. Хотѣлось бы взглянуть на него при сегодняшней маленькой непріятности! А лице его жены, которая такъ поклоняется своему „Адольфу", а мадемуазель Досне! Я говорилъ сегодня съ нею въ оперѣ. Я подготовилъ ее къ ночному событію! Неясныя рѣчи, которыя она не поняла и во всякомъ случаѣ считаетъ серьезными... Завтра она объ нихъ вспомнитъ! Однако, побѣдитель не смѣется...

Принцъ не улыбался. Онъ серьезно взглянулъ на Морни и проговорилъ въ раздумьи:

Библиотека "Руниверс"

— Ну, что же! Это нѣчто въ родѣ насильственной операціи для блага больнаго... Я отпускаю васъ, господа,—идите къ своимъ постамъ.

Онъ подалъ каждому по очереди руку и съ блеснувшимъ вдругъ взглядомъ сказалъ:

— До завтра!

И онъ вышелъ изъ комнаты. Оставшіеся тоже направились къ выходу.

— И такъ рѣшено, сказалъ все шутливо Морни,—каждый изъ насъ несетъ свою жизнь на рынокъ!

— Да, замѣтилъ Мокаръ, въ томъ же тонѣ; но моя такъ уже изношена, что ея и не жалко.

— Увидите, господа, сказалъ Ст.-Арно, что все сдѣлается гораздо легче, чѣмъ вы думаете. Республика и болтовня эта многимъ до смерти надоѣли.

— О, что я объ этомъ думаю, отвѣтилъ Мокаръ, вы можете заключить изъ того, что прямо отсюда я ѣду на свадьбу. Я обѣщалъ—согласитесь, нельзя беззаботнѣе готовиться къ дню, который рѣшитъ судьбу Франціи. А еще сомнѣваются, что есть люди, дѣлающіе исторію! Никогда не предполагалъ, что на мою долю выпадетъ такая честь...

И онъ сдѣлалъ движеніе рукою по шеѣ, точно ставя его въ связь съ упомянутой честью. Мрачная шутка!

Когда всѣ они разставались, на башенныхъ часахъ пробило полночь.

— До завтра! сказали они другъ другу.

* * *

Въ Парижѣ царила тишина; надъ городомъ нависли облака, по пустыннымъ улицамъ дулъ сырой и холодный вѣтеръ. Дѣятели между тѣмъ работали безустанно, стремясь однимъ ударомъ измѣнить порядокъ дѣлъ во Франціи. Только въ Елисейскомъ дворцѣ, полицейской префектурѣ и военномъ министерствѣ извѣстно было, на сколько замыселъ ихъ подвинулся въ эту ночь. Въ шесть часовъ утра видъ улицъ вдругъ перемѣнился. Тихо сдвигались войска къ центру города и заняли указанныя имъ мѣста. Изъ стараго зданія префектуры, въ узкой Іерусалимской улицѣ, появилось большое количество полицейскихъ, которые, разбившись на маленькія кучки, захватили съ собою приготовленные для арестованныхъ экипажи и отряды гвардіи. Въ четверть седьмаго, во всѣхъ частяхъ города, многіе дома и квартиры оказались оцѣпленными войскомъ—жильцы въ испугѣ проснулись.

Генералъ Шангарнье появился безъ сюртука въ дверяхъ своей спальни, съ пистолетомъ въ рукѣ.

— Что хотите вы дѣлать, генералъ? спросилъ его коммисаръ, за которымъ стояло сорокъ человѣкъ агентовъ и солдатъ. Никто не посягаетъ на вашу безопасность, къ чему защищаться?

Шангарнье казался спокойнымъ, отдалъ свои пистолеты и сказалъ: къ вашимъ услугамъ—сейчасъ одѣнусь.

Генералъ Кавеньякъ не особенно сопротивлялся, также какъ и Ламорисьеръ, Лефло и Бедо; полковникъ Шарра проворчалъ нѣсколько проклятій. Все сходило вполнѣ благополучно и принятыя Наполеономъ мѣры оказались вполнѣ удачными.

Арестовать Тьера было поручено коммисару Гюбо. Съ нѣсколькими агентами проникъ онъ въ спальню и нашелъ Тьера крѣпко и мирно спящимъ. Жена Тьера закричала въ испугѣ, и тотъ проснулся, поднялъ голову съ подушекъ и полусонный спросилъ удивленно:

— Въ чемъ дѣло, господа?

— Будьте спокойны, отвѣтилъ ему вѣжливо чиновникъ, вамъ не сдѣлаютъ никакого вреда

Между тѣмъ Тьеръ окончательно проснулся и, понявъ свое положеніе, энергически воскликнулъ:

— Что вамъ нужно? Что вы это задумали? Развѣ вамъ неизвѣстно, что я „представитель народа“ и неприкосновененъ?

— Да, г. Тьеръ, я знаю это.

— И поступаете противузаконно, господинъ коммисаръ.

— Я исполняю данныя мнѣ приказанія.

— Но такія приказанія какъ вы могли исполнить?

— Не мое дѣло объ этомъ разсуждать; я повинуюсь, какъ велитъ мнѣ долгъ, моимъ прямымъ начальникамъ.

— Но развѣ вы не понимаете, чего становитесь участникомъ?

— Это не мое дѣло.

— Государственнаго переворота!

— Согласитесь—я не могу входить съ вами по этому поводу въ полемику. Настоятельно прошу васъ, встать и одѣться.

— Встать? Къ чему? Вы хотите меня арестовать?

— Мнѣ это поручено.

— Кѣмъ? Кто осмѣлился?

— Мой начальникъ, г. Мопа. Еще разъ прошу васъ...

— Префектъ полиціи? Но что же министръ внутреннихъ дѣлъ, его начальникъ?

— Вѣроятно г. министръ вполнѣ согласенъ съ распоряженіями господина префекта.

— Какъ, Ториньи? Невозможно? Вы хотите увѣрить меня, что Ториньи...

Гюбо начиналъ терять терпѣніе, видя Тьера все еще разсуждающимъ.

— Подчинитесь неизбѣжности, сказалъ онъ серьезно, не затрудняйте мнѣ исполненіе моего непріятнаго порученія.

— Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, началъ снова Тьеръ, одинъ ли я дѣлаюсь жертвою, или и моихъ товарищей по народному собранію постигла та же участь?

— Не знаю ничего, отвѣтилъ Гюбо, да и всѣ эти вопросы совершенно излишни. Вставайте, еще разъ прошу васъ настоятельно.

Не оставалось ничего болѣе. Тьеръ всталъ и медленно сталъ одѣваться, переходя изъ спальни въ сосѣднюю комнату. Онъ не могъ успокоиться и помириться съ такимъ фактомъ.

Наполовину одѣтый, скрестивъ руки на груди, онъ въ этой вызывающей позѣ, подошелъ къ полицейскому коммисару и молчаливымъ агентамъ, столпившимся съ потайными фонариками у дверей, и произнесъ угрожающимъ тономъ:

— То, что вы дѣлаете, можетъ привести васъ къ дурному!

Гюбо молча пожалъ плечами.

Тьеръ еще болѣе взволновался и подошелъ еще ближе.

— А если, господинъ коммисаръ, я пущу вамъ въ голову пулю?

Чиновникъ спокойно отвѣтилъ:

— Я не считаю васъ способнымъ на такой поступокъ. Впрочемъ, я съумѣю помѣшать вамъ въ этомъ. Успокойтесь.

— Какъ? воскликнулъ знаменитый историкъ. Я долженъ успокоиться, сознавая, что дѣлаютъ ужасныя вещи не только со мною, но и съ цѣлой Франціей?

— Я не буду ничего отвѣчать вамъ, господинъ Тьеръ!

— А я вамъ не повинуюсь: вы безъ всякаго права проникли ко мнѣ. Уходите! Я не изъ тѣхъ, которые убѣгаютъ. Обѣщаю вамъ, господинъ агентъ, не выходить изъ своей квартиры; но теперь уходите!

— Это невозможно; я долженъ исполнить приказаніе.

И коммисаръ продолжалъ стоять и ждать, когда исполнятъ его требованіе. М-me Тьеръ и Фелиція, обѣ въ наскоро накинутыхъ платьяхъ, вошли въ испугѣ. Тьеръ между тѣмъ не переставалъ пространно объяснять агенту насколько онъ неправъ, и уговаривалъ его уходить. Въ сильномъ гнѣвѣ, къ рѣчи мужа присоединилась также и жена, а Фелиція Доспе, молча, въ страхѣ, слѣдила за этой сценой.

Гюбо, которому все это надоѣло, далъ знакъ агентамъ и тѣ приблизились къ маленькому, живому какъ ртуть человѣчку, который въ бѣшенствѣ выкрикивалъ своимъ тонкимъ, рѣзкимъ голосомъ проклятія виновникамъ переворота и ихъ помощникамъ.

— Вы хотите меня взять силою? кричалъ онъ подступившимъ къ нему полицейскимъ.

— Къ сожалѣнію, не остается, кажется, никакого другаго средства! отвѣтилъ Гюбо, съ выраженіемъ глубокаго сожалѣнія.

Слова эти отрезвили Тьера. Онъ велѣлъ подать себѣ сюртукъ и пальто, и надѣвая ихъ поспѣшно, старался успокоить жену. Потомъ снова обратился къ коммисару:

— Куда вы меня поведете?

— Вы будете въ полной безопасности. Болѣе этого я не могу вамъ сказать ничего. Я ничего не знаю.

Тьеръ опустилъ голову и на глазахъ его показались слезы. Онъ обнялъ жену, а потомъ свояченицу и, прощаясь съ ними, сказалъ:

— Плачу о Франціи, но будемъ надѣяться, что она не сдѣлается добычей искателей приключеній! Идемте, господа!

Онъ послѣдовалъ за полицейскимъ и коммисаромъ и сѣлъ въ ожидавшую его внизу карету, которая быстро покатилась по улицамъ. Карета остановилась за высокими стѣнами Мазаса, гдѣ встрѣтили плѣннаго, провели его въ контору для внесенія имени его въ списки, а оттуда онъ былъ проведенъ въ назначенный для него нумеръ. Отведенная ему комнатка имѣла футовъ десять въ длину и шесть въ ширину. Какая иронія судьбы!

Черезъ нѣсколько дней его освободили. Планъ Наполеона вполнѣ удался; какъ было сказано „для освобожденія общества отъ неспокойныхъ головъ и опасныхъ агитаторовъ“ были произведены многочисленные аресты. Арестованные въ первые дни генералы и депутаты, были освобождены, или имъ предложено выѣхать изъ Парижа или изъ Франціи. Между послѣдними былъ и Тьеръ.

Къ рисункамъ.

Баскунчакское соляное озеро.

(Рис. на стр. 200).

Среди голыхъ и безводныхъ солончаковыхъ степей Астраханской губерніи, въ 50 верстахъ отъ Владиміровки, въ Царевскомъ уѣздѣ, находится Баскунчакское соляное озеро. Видъ прилежащей мѣстности этого озера довольно унылъ и однообразенъ; только отдѣльно высящійся пикъ горы Богдо рѣзко выдѣляется изъ этой равнины. Послѣ Элтона, это озеро самое обширное и богатое солью; по количеству же вырабатываемой соли, ему безспорно принадлежитъ первое мѣсто во всей Астраханской губерніи, потому что соляной про-

Библиотека "Руниверс"

мыселъ, въ настоящее время, на Элтонскомъ озерѣ въ полнѣйшемъ упадкѣ.

Свое названіе это озеро получило отъ горы Богдо, находящейся на самомъ берегу его: силуэтъ этой горы имѣетъ нѣкоторое сходство съ лежащей собакой, почему калмыки назвали и самое озеро Баскунчакъ, т. е. собачья голова.

Соль на Баскунчакѣ взрывается посредствомъ динамита, потомъ ломами ее разбиваютъ на мелкіе куски и тутъ же, въ самомъ озерѣ, складываютъ на деревянные подмостки; въ большіе бугры, пирамидально-призматической формы. На первомъ рисункѣ представленъ снимокъ части озера, съ стоящими на нихъ соляными буграми. Надо замѣтить, что рапа, или соленая вода въ озерѣ очень неглубока, почему рабочіе на выломку соли ходятъ пѣшкомъ. Изъ озера на берегъ соль доставляется или на телѣгахъ, въ которыя, обыкновенно, впрягаются верблюды, или въ особыхъ небольшихъ вагонахъ, которые по нѣскольку штукъ возятъ лошади по рельсамъ, проложеннымъ на деревянныхъ мостахъ. На берегу соль снова складывается въ бугры, какъ разъ около того мѣста, гдѣ проходятъ рельсы Баскунчакской солевозной желѣзной дороги. На рисункѣ 3 изображенъ деревянный мостъ, по которому соль изъ озера доставляется на берегъ, и сложенные уже на берегу два бугра соли. Около одного изъ бугровъ на рельсахъ стоятъ тары, или вагоны для грузки соли. Тара, или коробка также, это—большой ящикъ, ничѣмъ не закрываемый сверху. До тридцати и болѣе таръ составляютъ поѣздъ.

Баскунчакская солевозная дорога, какъ извѣстно, построена всего только годъ тому назадъ. Другаго назначенія, кромѣ перевозки соли, эта дорога не имѣетъ. По желѣзной дорогѣ соль въ половодье доставляется на Мамай, близь слободы Владиміровки; здѣсь ее грузятъ въ баржи, стоящія на Ахтубѣ, и доставляютъ въ Астрахань и верховые города. Когда же вода спадетъ, то по берегу рѣки Владиміровки и чрезъ рѣку Ахтубу прокладываются рельсы и соль доставляется до Владиміровской соляной пристани. На этой послѣдней, въ настоящее время, однимъ изъ крупныхъ солепромышленниковъ Баскунчака построена паровая мельница. На рисункѣ 2 представленъ видъ этой мельницы. Назначеніе ея — выгружать соль изъ вагоновъ, молоть и грузить прямо въ баржи, стоящія на р. Владиміровкѣ. Рельсы желѣзной дороги какъ разъ подходятъ къ самой мельницѣ, и поѣздъ придвигается съ солью прямо къ ней. Затѣмъ паровозъ отходитъ, оставляя тары, и начинается выгрузка. Со втораго этажа мельницы начинаютъ то спускаться, то подниматься четыре желѣзные ящика, въ которые рабочіе набрасываютъ соль. На рисункѣ такая выгрузка именно и изображена. Два ящика спущены и два приподняты. Дойдя до верха, ящики, поднимаемые на желѣзныхъ цѣпяхъ силою пара, помощью той-же силы освобождаются отъ соли и снова опускаются внизъ; соль же попадаетъ на рѣшетчатый полъ мельницы, потомъ сыплется на жернова, дѣйствіемъ которыхъ и перемалывается. Потомъ чрезъ нѣсколько лунокъ сыплется на полотно, которое находится въ непрерывномъ движеніи, и доставляется на этомъ полотнѣ прямо на баржу. Мельница отапливается нефтью. До тридцати тысячъ пудовъ соли она можетъ выгрузить, смолоть и нагрузить въ баржу въ однѣ сутки. Такая же мельница, только нѣсколько менѣе, устроена на Владимірской пристани другимъ здѣшнимъ соледобывателемъ, г. Соколовымъ.

Типы красоты. Этюдъ Лофтца. Грав. Кезебергъ и Эртель.

Водопадъ близь Кисловодска у Орѣховой Балки.

(Рис. на стр. 201).

Кисловодскъ — одна изъ прелестныхъ, поэтическихъ мѣстностей Кавказа, стоящая въ этомъ отношеніи гораздо выше Пятигорска и даже Желѣзноводска, гдѣ все таки преобладающій характеръ — степной, не смотря на множество отдѣльныхъ возвышеній. Между тѣмъ въ Кисловодскѣ передъ вами раскрывается горная природа во всемъ ея величіи и разнообразіи. Правда, здѣшнія горы не высоки; онѣ не представляютъ рѣзкихъ очертаній, но, тѣмъ не менѣе, не лишены красоты и оригинальности. Чтобы дать себѣ понятіе объ общемъ рельефѣ мѣстности въ Кисловодскѣ, стоитъ лишь вообразить возвышенную обширную плоскость, прорѣзанную со всѣхъ сторонъ глубокими ложбинами, образующими то долины, то ущелья, то балки. Въ одной изъ такихъ балокъ и расположенъ самый городъ Кисловодскъ. Окружающія его горы имѣютъ вообще видъ террасъ или, лучше сказать, пирамидъ, склоны которыхъ мѣстами совершенно отвѣсны и голы, мѣстами же покрыты роскошною луговою растительностью. Вскарабкавшись на такую террасу, вы большею частью находите на ея вершинѣ широкую, слегка всхолмленную луговую равнину, съ которой открывается иногда восхитительный видъ на Эльборусъ и на другія живописныя окрестности. Обиліе воды придаетъ еще болѣе прелести горамъ Кисловодска; два большихъ и сильныхъ ручья врываются здѣсь въ долину изъ двухъ различныхъ ущелій и съ шумомъ несутся къ Подкумку. Въ горахъ они текутъ то широкимъ и неглубокимъ потокомъ по известковымъ плитамъ, то скрываются гдѣ нибудь въ узкой разщелинѣ, то снова бѣгутъ, образуя водопады, по неровному, ступенчатому ложу. Одинъ изъ такихъ водопадовъ у Орѣховой балки, представленный на нашемъ рисункѣ, особенно живописенъ. Окружающій его горный ландшафтъ очень красивъ, и потому у этого водопада часто собирается много туристовъ, пріѣзжающихъ сюда изъ Кисловодска шумными и веселыми кавалькадами.

Красота кавказской природы, цѣлительные источники—привлекаютъ все болѣе и болѣе туда туристовъ и больныхъ и, разумѣется, съ увеличеніемъ количества пріѣзжающихъ увеличатся и удобства пребыванія въ тамошнихъ мѣстахъ.

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. „Агасферъ—Вѣчный жидъ". Поэма Жуковскаго.

(Рис. на стр. 205).

Поэма „Агасферъ" была послѣднимъ предсмертнымъ произведеніемъ Жуковскаго, къ сожалѣнію не оконченнымъ и лишь набросаннымъ вчернѣ рукою уже слабаго и больнаго поэта. Основная мысль поэмы—изображеніе страшной судьбы Агасфера, того злополучнаго Еврея, который оттолкнулъ отъ дверей своего дома Спасителя, изнемогавшаго подъ тяжестью Креста, во время Его шествія на Голгоѳу. И тогда же Спаситель изрекъ надъ нимъ свой приговоръ.

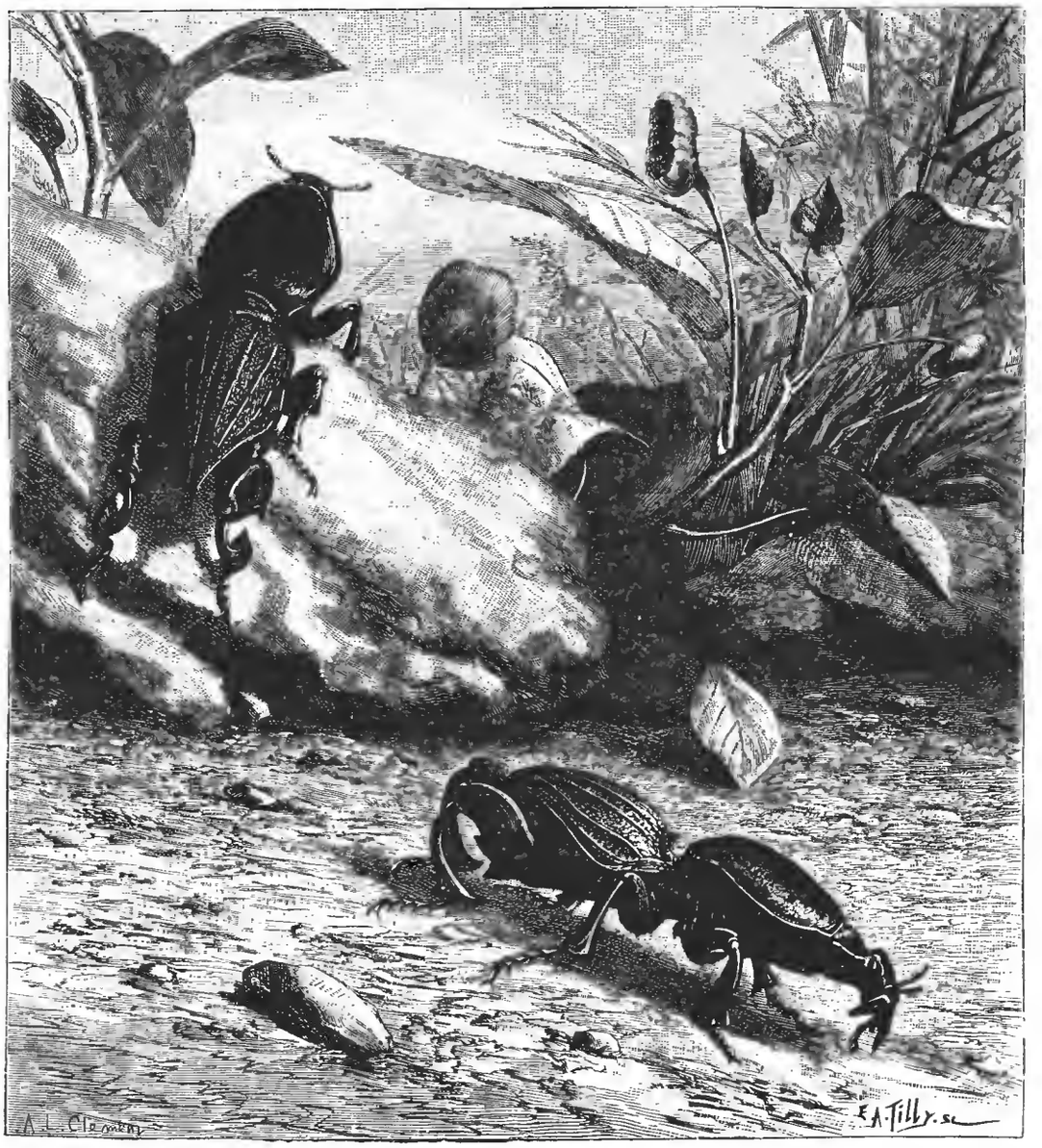
...Съ глубокимъ состраданьемъ
Къ несчастному столь чуждому любви,
И сѣтуя о томъ, что долженъ былъ
Надъ нимъ изречь какъ Богъ свой приговоръ,
Онъ поднялъ скорбный взглядъ на Агасфера
И тихо произнесъ „ты будешь жить,
Пока я не приду"—и удалился.

Съ тѣхъ поръ Агасферъ обреченъ на вѣчное странствованіе по землѣ; онъ бродитъ по всѣмъ странамъ, какъ говоритъ древняя легенда, въ видѣ страшнаго старца, какимъ-то олицетвореніемъ вѣчности. У Жуковскаго онъ является Наполеону на островѣ Св. Елены и разсказываетъ ему свои злоключенія съ самаго момента совершившагося надъ нимъ божественнаго осужденія. Здѣсь, въ Іерусалимѣ, по его словамъ, онъ сдѣлался свидѣтелемъ бѣдствія священнаго города—осады его и разрушенія Римлянами, когда жители были истреблены убійствомъ, голодомъ, гибли въ когтяхъ хищныхъ звѣрей, въ цѣпяхъ, въ изгнаньи и рабствѣ. Одного лишь смерть не касалась—Агасфера; онъ былъ ей недоступенъ и, ища смерти, долженъ былъ жить. Напрасно онъ бросался въ самую средину рѣзни, защищалъ своею грудью Скинію Завѣта. Храмъ, преданный пламени, обрушился надъ нимъ, покрылъ его обломками, но ни пожаръ, ни разрушеніе, ни оружіе враговъ не могло лишить его жизни. Съ бѣшеннымъ проклятьемъ на устахъ Агасферъ сталъ снова искать смерти, но она ему не давалась. Такъ, по его словамъ, онъ кидался не разъ въ бездну съ горной стремнины и снова оживалъ на ея днѣ. Море его не принимало; огонь проникалъ насквозь, почти обугливалъ, но не лишалъ жизни. По его разсказу, онъ взбирался во время бури на горы, чтобы погибнуть отъ молніи, въ общемъ хаосѣ стихій, но и это ему не удавалось.

Молніи кругомъ меня вилися,
Дробя деревья и утесы; я же
Былъ пощаженъ. Въ моей душѣ блеснула
Надежда бѣдная, что можетъ быть
Въ бѣдѣ всеобщей смерть моя съ другими
Скорѣй чѣмъ одинокаго, ошибкой
Возьметъ, и съ чумными въ больницѣ душной
Я ложе ихъ дѣлилъ; ихъ трупы бралъ
На плечи и зубами скрежеща
Отъ зависти, въ могилу относилъ.
Напрасно! мной чума пренебрегала.

Въ другой разъ, разсказываетъ Агасферъ, я шелъ по пустынѣ съ караваномъ, когда поднялся страшный песчаный вихрь:

Верблюды, люди пали ницъ—я грудь
Подставилъ пламенному вихрю:
Онъ задушилъ меня, но не убилъ.
Очнувшись, я себя увидѣлъ посреди
Разбросанныхъ остововъ, на пиру



Гипоцефалъ-боецъ. (Бразилія). Ориг. рис. Тилли, грав. Клементъ.

Библиотека "Руниверс"

Орловъ, сдирающихъ съ костей—обрывки
Истлѣвшихъ труповъ...

Напрасно Агасферъ хотѣлъ погибнуть и въ общей гибели Геркуланума и Помпеи, но и тутъ, по его словамъ, сладкая надежда смерти его опять обманула.

Отчаянно пробился я къ потоку
Всепожирающему лавы: ею
Обхваченный, я въ мигъ—прожженный въ уголь
Былъ обращенъ и въ море
Гонимый все землетрясенья силой
Былъ вынесенъ, а моремъ снова брошенъ
На берегъ....

Но и Агасферу, въ его отчаянномъ, ужасномъ существованіи, наконецъ явилось милосердіе Божіе; апостолъ Іоаннъ на островѣ Патмосѣ просвѣтилъ его свѣтомъ истины и онъ сдѣлался христіаниномъ—ревностнымъ послѣдователемъ того Бога, котораго онъ бѣжалъ. Этимъ нравственнымъ перерожденьемъ Агасфера и заключается вторая часть поэмы, въ высшей степени замѣчательная, даже и въ своей отрывочности, по возвышенности идей и по строгому, мистическому характеру.

Дровяныя сани въ Баваріи.

(Рис. на стр. 208).

Въ то время какъ на сѣверѣ Германіи лѣсъ и поля смѣняютъ другъ друга, лѣсъ въ средней и южной Германіи и Австрійскихъ земляхъ растетъ только на горахъ. Человѣкъ со всѣмъ своимъ хозяйствомъ селится въ долинахъ и по склонамъ горъ. Дальше же начинается лѣсъ. Доставка дровъ составляетъ затруднительную работу и снѣгъ, облегчающій трудъ въ долинахъ, здѣсь напротивъ становится опаснымъ препятствіемъ. Для болѣе удобнаго подъема на гору, устанавливаютъ родъ лѣстницъ, опирающихся концами въ землю у подножія горы, или же выбиваютъ въ горѣ ступени, которыя скрѣпляютъ деревомъ. На нихъ то, или на перекладины лѣстницы упирается человѣкъ, спускающійся сверху съ санями, нагруженными дровами. Если путь этотъ сдѣлается скользкимъ отъ снѣга, то работа становится такой опасной, что легко при этомъ скатиться въ пропасть. Только благодаря чрезвычайной силѣ и навыку горныхъ дровосѣковъ, смертные случаи бываютъ не особенно часты.

Поклонъ твоему хозяину!

(Рис. на стр. 209).

Задумчиво сидитъ она въ зеленой тѣни сада. Она счастлива: она любитъ и любима, думаетъ *о немъ*, вспоминаетъ его слова, его намеки, разговоры свои съ нимъ, долгіе и одушевленные, планы будущей ихъ совмѣстной жизни, и передъ ея любящими очами—образъ ея друга, ея милаго жениха... Вдругъ шорохъ, она вздрагиваетъ.. Что такое! Къ ней, ласкаясь, подбѣгаетъ великолѣпная собака его и глядя ей въ глаза своими умными, блестящими глазами, какъ будто говоритъ ей привѣтъ, какъ будто передаетъ что то. И ласково гляди на вѣрное животное, тихо шепчетъ она: „бѣги скорѣй, передай поклонъ твоему хозяину!“

Типы красоты. Этюдъ.

(Рис. на стр 212).

Этотъ прелестный этюдъ талантливаго художника Лофтца выработанъ съ такимъ изяществомъ и тонкостью извѣстными граверами Кезебергомъ и Эртелемъ, что нельзя не остановить вниманія на подобномъ выполненіи. Женскія лица съ этимъ тонкимъ и нѣжнымъ выраженіемъ, набросанныя такъ тщательно, особенно трудны и требуютъ уже далеко недюжинныхъ исполнителей.

Гипоцефалъ-боецъ.

(Рис. на стр. 213).

Въ Южной Америкѣ встрѣчается крупный жукъ, названный Гипоцефалъ-боецъ (Hypocephalus armatus), возбуждающій своимъ необыкновеннымъ устройствомъ, живое вниманіе энтомологовъ. Тѣло его продолговатое и почти безъ волосиковъ. Что болѣе всего поразило въ немъ Демаре, описавшаго впервые это насѣкомое, это сходство его съ медвѣдкой, и болѣе отдаленно, по яйцевидному щитку занимающему половину тѣла,—онъ похожъ на рака. Длина его равняется 6—7 сантиметрамъ. Цвѣтъ его темно-коричневый безъ блеска, надкрылья слегка сморщены, съ тремя мало выдающимися ребрышками. Сильно загнутая голова дала поводъ назвать насѣкомое Гипоцефаломъ (голова внизъ). Очень короткіе усики, состоятъ изъ одиннадцати частичекъ въ видѣ четокъ. Челюсти загнуты внутрь и кажется не въ состояніи двигаться въ поперечномъ направленіи, какъ это бываетъ у другихъ жесткокрылыхъ. Надкрылья, безъ крыльевъ подъ ними, плотно прилегаютъ, очень выпуклы, остроконечны, немного выгнуты сзади; сердцевидный, довольно большой щитокъ заостренъ сзади. Ноги очень сильны, въ особенности заднія, съ пятками, состоящими изъ пяти нитевидныхъ члениковъ, безъ щетинокъ внизу. Брюшко очень маленькое, сзади остроконечное.

Гипоцефалъ причислялся къ различнымъ породамъ: Демаре относилъ его къ семьѣ щитоносцевъ, родственныхъ могилякамъ, хотя усики его не оканчиваются лопатками. Другіе причисляли его къ цвѣточнымъ жукамъ и другимъ типамъ, но вѣрнѣе всего признать въ немъ уклоненіе отъ вида Cerambycien или длиннорогихъ (longicorne). Короткіе усики похожи на усики длиннорогихъ, именно позвоночника, личинки котораго живутъ въ елахъ и соснахъ.

Гипоцефалы встрѣчались до сихъ поръ только внутри Бразиліи, прежде въ провинціи Мина-Жерасъ, а позже въ Багіи. Особи, найденныя возлѣ этого города, отличаются оливковымъ оттѣнкомъ, что даетъ поводъ видѣть въ нихъ другую породу.

Гипоцефалъ живетъ по всей вѣроятности не на деревьяхъ, а на землѣ; за нимъ наблюдали какъ онъ медленно двигался возлѣ высохшихъ скелетовъ животныхъ, что оправдываетъ мнѣніе Демаре, причислившаго его къ могилякамъ. По отсутствію крыльевъ, слѣдуетъ предположить, что онъ живетъ подъ землею. До сихъ поръ неизвѣстны ни привычки, ни метаморфозы этого насѣкомаго. Недавно одинъ экземпляръ рѣдкаго Гипоцефала, найденный въ провинціи Багіи, въ ста миляхъ отъ города, былъ доставленъ ученымъ Ляцерда Бельгійскому музею. Ляцерда намѣревается заняться изученіемъ этого насѣкомаго, имѣющагося только въ немногихъ коллекціяхъ. Первый экземпляръ его, доставленный въ Парижъ въ 1840 г., былъ купленъ музеемъ естественной исторіи за 305 франковъ.

Факиры.

(Рис. на стр. 216).

Факиры—нищенствующіе дервиши, монахи-фанатики на востокѣ, которые съ цѣлью возбудить общественное вниманіе къ своей молитвѣ, налагаютъ на себя всевозможныя истязанія для достиженія вѣчнаго блаженства, принимаютъ такія положенія, въ какихъ, повидимому, невозможно оставаться, или же своимъ образомъ жизни, воздержаніемъ и нечувствительностью ко всякимъ тѣлеснымъ невзгодамъ желаютъ показать, такъ сказать, ничтожество благъ земныхъ. Ихъ почитаютъ святыми и многое, что они на себя принимаютъ, возбуждаетъ удивленіе. Въ Индіи факиры выставляютъ себя на показъ во время всѣхъ религіозныхъ праздниковъ, торговыхъ дней и вообще въ мѣстахъ сборищъ народа. Если кто либо изъ нихъ отличится отъ товарищей особымъ мученіемъ, новымъ положеніемъ, или наконецъ какою либо странностью, онъ становится приманкой праздника, толпа окружаетъ его и мелкія монеты и рупіи въ изобиліи сыплются въ стоящую возлѣ него деревянную чашечку.

Факиры, какъ всѣ добровольные мученики, представляютъ любопытный примѣръ тѣхъ измѣненій, какія сильная воля и изумительное терпѣніе вызываютъ въ природѣ человѣка, въ чувствительности и отправленіи органовъ. Въ этомъ произвольномъ измѣненіи природы человѣка факиры достигли совершенства и съ этой точки зрѣнія они заслуживаютъ изученія.

Факировъ можно подраздѣлять по тѣмъ мученіямъ, которымъ они себя подвергаютъ, или по тѣмъ измѣненіямъ, какія они сообщаютъ себѣ. Но число тѣхъ и другихъ велико, такъ какъ факиры стараются всегда превзойти другъ друга. Достаточно открыть любое путешествіе по Индіи, чтобы встрѣтить описанія факировъ; описанія эти казались бы преувеличенными и неправдоподобными, еслибы всѣ они не согласовались между собою. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Неподвижные факиры, число коихъ значительно; они безъ движенія остаются на одномъ мѣстѣ въ теченіи очень долгаго времени. Называютъ одного, простоявшаго нѣсколько лѣтъ со скрещенными на груди руками, и онъ ни разу въ это время не шевельнулся, не легъ и не сѣлъ. Въ этихъ случаяхъ всегда находятся сострадательные люди, не дающіе умереть факирамъ съ голода. Другіе сидятъ неподвижно на корточкахъ, точно мертвые, иные лежатъ на землѣ и походятъ на трупы. Легко можно себѣ представить какъ выглядитъ факиръ, проведшій неподвижно нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ; худоба его необычайна, члены его окостенѣваютъ, тѣло его черно отъ грязи и пыли, волоса и борода всклокочены, а отросшіе на свободѣ ногти, превращаются въ страшные когти. Видъ ужасенъ, но онъ общъ всѣмъ факирамъ.

Къ категоріи неподвижныхъ можно причислить факировъ, закапывающихъ себя по шею въ землю и въ такомъ положеніи остающихся въ продолженіи цѣлаго праздника, ярмарки или же въ теченіи мѣсяцевъ и даже лѣтъ.

Далѣе, число факировъ держащихъ одну руку или обѣ поднятыми вверхъ, какъ для молитвы, велико. Также часто можно видѣть факира, привѣшеннаго за ноги къ дереву, который въ этомъ положеніи остается цѣлый день, перебирая четки, причемъ лице его не измѣняется и разговоръ свободенъ.

Одна изъ замѣчательнѣйшихъ особенностей факировъ это способность оставаться цѣлыя недѣли и мѣсяцы запертыми въ погребахъ, сундукахъ, завязанными въ мѣшкахъ и пр. Это родъ летаргіи, которая позволяетъ имъ воздерживаться отъ пищи.

Одинъ путешественникъ, видѣвшій факировъ въ Бо[illegible]алѣ, говоритъ: „Я замѣтилъ группы людей страшнаго вида. Едва

Библиотека "Руниверс"

одѣтые, съ развѣвающимися волосами, они ходили по улицамъ и съ криками изображали нѣчто въ родѣ пляски мертвецовъ. Они размахивали острыми кинжалами и ударяли себя ими въ грудь, руки и бедра. Окружающая ихъ толпа сыпала имъ деньги.

Нѣкоторые прокалываютъ кинжаломъ языкъ и показываютъ его вѣрующимъ.

Способы, какими факиры достигаютъ такихъ результатовъ, тоже различны. Большею частью они составляютъ тайну кастъ, сектъ или семействъ.

Политическое обозрѣніе.

Германія.—Египетъ.—Тонкинъ.—Англія.

Празднованіе въ Берлинѣ семидесятилѣтней годовщины сраженія при Баръ-сюръ-Объ, въ которомъ нынѣшній императоръ Вильгельмъ получилъ георгіевскій крестъ и назначенъ былъ шефомъ калужскаго полка, отличалось чрезвычайнымъ радушіемъ къ русской депутаціи. При торжественномъ пріемѣ 15 (27) февраля великій князь Михаилъ Николаевичъ указалъ на значеніе нынѣшняго дня и передалъ императору Вильгельму поздравленіе императора Александра, равно какъ и собственноручное письмо Его Величества, вмѣстѣ съ фельдмаршальскимъ жезломъ, осыпаннымъ бриллiантами. Отъ калужскаго полка былъ поднесенъ его маститому шефу подарокъ въ видѣ георгіевскаго креста. Императоръ выразилъ депутаціи сердечную благодарность и пожаловалъ всѣмъ членамъ ея различные знаки отличія. Великій князь Михаилъ Николаевичъ получилъ золотую цѣпь къ ордену Чернаго Орла, генералъ-адъютантъ Гурко—орденъ Краснаго Орла первой степени; графъ Шуваловъ золотую, осыпанную бриллiантами, табакерку съ портретомъ императора, князь Оболенскій орденъ Короны первой степени, полковникъ Корсаковъ орденъ Краснаго Орла второй степени съ бриллiантами, докторъ Альбанусъ орденъ Краснаго Орла второй степени съ звѣздою, ротмистръ Раухъ орденъ Короны третьей степени. Фельдфебель, оба вахмистра и унтеръ-офицеры русской депутаціи также получили знаки отличія, золотые часы и тысячу рублей. Вообще характеръ празднества былъ самый дружественный къ Россіи, что произвело очень благопріятное впечатлѣніе на общественное мнѣніе Германіи. Даже въ Вѣнѣ горячо привѣтствуется сближеніе между Германіей и Россіей и всѣ видятъ въ немъ полное обезпеченіе мира.

Усмиреніе Судана, взятое на себя англичанами, оказывается теперь совсѣмъ не такъ легкимъ, какъ предполагали сначала; даже авторитетъ Гордона сильно поколебался въ виду послѣднихъ событій. Сенсаціонная, а съ человѣческой точки зрѣнія сильно предосудительная его прокламація, признающая законность рабства, произвела въ Каирѣ самое удручающее впечатлѣніе; самъ Хедивъ остался его крайне недоволенъ и оправдываетъ ее лишь исключительнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, не дозволившихъ Гордону поступить иначе. По извѣстіямъ изъ Хартума, прокламація Гордона-паши осталась безъ послѣдствій и если иррегулярнымъ войскомъ, посланнымъ изъ Хартума въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ противъ ближайшихъ непокорныхъ арабскихъ племенъ, не удастся усмирить послѣднихъ, то положеніе Хартума сдѣлается отчаяннымъ. Въ самомъ Хартумѣ энтузіазмъ населенія къ Гордону уже исчезъ и оно открыто издѣвается надъ его прокламаціями. Кромѣ того англійская гордость должна сильно оскорбиться по поводу сдачи мятежникамъ Токкара, комендантъ котораго счелъ за лучшее сдаться Осману-Дигмѣ, нежели ожидать прибытія англичанъ. Впрочемъ, Токкаръ теперь опять взятъ у мятежниковъ безъ боя; гарнизонъ города принялъ условія генерала Грагама, а жители, сильно угнетенные мятежниками, съ большою радостью привѣтствовали прибытіе англичанъ. Занятію Токкара предшествовало довольно значительное сраженіе отряда генерала Грагама съ мятежными арабами у колодца Эль-Тэба. Бой продолжался три часа, такъ какъ непріятель оказывалъ упорное, отчаянное сопротивленіе. Силы его были весьма значительны, такъ какъ въ окопахъ найдено до 900 труповъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этой побѣды и было занятіе англичанами Токкара. По занятіи послѣдними города, мятежники отступили въ горы: гарнизонъ, египетскіе жители Токкара и всѣ раненые отправлены въ Тринкитатъ и самъ Грагамъ направился туда же, чтобы поспѣшить на помощь Суакиму, миляхъ въ десяти отъ котораго стоитъ Османъ-Дигма со всѣми своими скопищами.

По извѣстіямъ изъ Тонкина, тамъ происходила недавно ожесточенная стычка; всѣ подкрѣпленія для французскихъ войскъ уже отправлены къ мѣсту назначенія и аттака Бакъ-Нинга ожидается со дня на день. Позиція Бакъ-Нинга, какъ утверждаютъ, слабѣе позиціи Сонгъ-Тая, такъ что французы могутъ обстрѣливать съ вершинъ холмовъ по разнымъ направленіямъ. Французы обсуждаютъ теперь вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли имъ, по взятіи Бакъ-Нинга, двинуться на Лангъ Сонъ, до котораго путь требуетъ лишь шести дней. Но затрудненія, представляемыя тамошней, въ высшей степени пересѣченной, мѣстностью, дѣлаютъ эту экспедицію не совсѣмъ безопасной.

Частыя покушенія динамитчиковъ въ послѣднее время—провозить свои неудобные продукты въ формѣ адскихъ машинъ и взрывчатыхъ снарядовъ въ Англію и пользоваться здѣсь ими какъ страшнымъ средствомъ для своихъ политическихъ цѣлей, обратили на себя уже серьезное вниманіе британскаго правительства. Отнынѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что покушенія или планы покушеній не составляютъ мѣстной политической болѣзни, а совершаются бывшими ирландскими феніями, дѣйствующими издалека, подъ прикрытіемъ американской національности. Теперь англійское правительство обратилось къ министрамъ президента Арчера, съ настоятельными представленіями по этому предмету, тѣмъ болѣе важному, что уже давно въ Америкѣ шайки фанатиковъ открыто проповѣдуютъ ученіе объ политическомъ убійствѣ и въ глазахъ самого американскаго правительства собираютъ фонды, чтобы пріѣзжать въ Лондонъ и совершать тамъ покушенія на жизнь и собственность.

Смѣсь.

Испанскіе гранды. 9-го числа этого мѣсяца, какъ сообщаютъ испанскія газеты, въ королевскомъ замкѣ, въ Мадритѣ, происходила церемонія пожалованія нѣсколькимъ лицамъ достоинства гранда. Каждый изъ нихъ, по существующему обычаю, подводился къ королю своимъ такъ называемымъ воспріемникомъ и говорилъ рѣчь о заслугахъ своихъ предковъ. Первымъ, удостоеннымъ этого высокаго званія, былъ графъ де-Атаре; онъ указалъ на древность и заслуги своего рода, который всегда отличался преданностью королю и отечеству. За нимъ слѣдовалъ графъ де ласъ-Блано. „Благородный титулъ, который я имѣю счастье теперь носить и который вашему величеству угодно почтить новой милостью, происхожденія не древняго: онъ былъ пожалованъ матерью вашего величества моему отцу, какъ геніальному и неутомимому предпринимателю на поприщѣ промышленной дѣятельности, ради блага своего отечества".—„Синьоръ!" началъ послѣ него маркизъ де-Кастеляръ. „За величайшую честь считаю я право носить званіе, которымъ угодно было вашему величеству пожаловать меня сегодня. Не имѣя лично за собой особыхъ заслугъ, я приписываю эту милость единственно безграничной добротѣ вашего величества и обязанъ ею моимъ предкамъ, всегда служившимъ вѣрой и правдой престолу". Въ этомъ же духѣ говорили и остальные вновь пожалованные гранды, коротко упоминая о заслугахъ своихъ предковъ. Рѣчи были подготовлены заблаговременно, такъ какъ о пожалованіи въ гранды было уже извѣстно ранѣе. По окончаніи этой церемоніи новые гранды засвидѣтельствовали королю свое почтеніе глубокимъ поклономъ.

Придворныя конюшни султана. Конюшня султана Марокко состоитъ изъ пяти лошадей, которыя представляютъ собой большую цѣнность для этого маленькаго государства. Три изъ нихъ арабской и двѣ варварійской породы. Каждая изъ этихъ пяти лошадей снабжена свидѣтельствомъ, которое указываетъ на происхожденіе ея рода, за цѣлое столѣтіе тому назадъ, и имѣетъ султанское клеймо. Рожденіе каждой лошади происходило въ присутствіи свидѣтелей. Драгоцѣннѣйшей изъ этихъ пяти лошадей считается „Зохайръ", на которой ея повелитель выѣзжаетъ только въ мечеть, въ большіе праздники или когда ѣдетъ по приглашенію какого нибудь иностраннаго принца или посланника. Кромѣ этихъ пяти лошадей, предназначенныхъ для личнаго пользованія султана, существуетъ еще придворная конюшня въ 700 лошадей для его семьи и придворныхъ.

Маскарадные балы въ Большой Оперѣ въ Парижѣ, какъ извѣстно давно уже утратили свой блескъ и оживленность. И еслибъ не считалось „bon ton" потолкаться два-три часа въ фойе среди пестрой толпы, посмотрѣть въ залѣ на танцующихъ, выкидывающихъ клоунскіе прыжки, и посидѣть въ буфетѣ, гдѣ съ большимъ трудомъ приходится себѣ завоевывать мѣсто, то Большая Опера была бы также пуста, какъ театръ Одеонъ, какъ это и было въ послѣдній день масляницы. На сколько парижскіе оперные маскарады утратили свое прежнее обаяніе, можно видѣть изъ слѣдующаго маленькаго обзора. Въ 1839 году одиннадцать маскарадныхъ баловъ въ Большой Оперѣ, когда этотъ родъ увеселенія не устраивало еще ни одно учрежденіе кромѣ оперы, дали сборъ въ 104,440 франковъ, не смотря на самую пустую входную плату, именно: мужчины платили 5 франковъ, а дамы пользовались даровымъ входомъ. Въ 1840 году доходъ отъ 13 баловъ равнялся 160,617 франковъ; а въ 1844 году отъ 10 баловъ—190,402 фр. Къ 1854 году, когда извѣстный Штраусъ-отецъ получилъ привиллегію на устройство оперныхъ баловъ-маскарадовъ, плата за входъ возвысилась для мужчинъ въ 6 франковъ и для дамъ въ 7 фр. Въ настоящее время мужчины платятъ 20 франковъ, дамы 10 фр. И послѣ того, какъ благодаря этой высокой платѣ, сначала каждый балъ давалъ 50 тысячъ франковъ, теперь онъ приноситъ едва 35 тысячъ франковъ.

Къ новинкамъ въ области судостроенія принадлежитъ пароходъ конструкціи Ледса изъ Лондона, который предназначается для

Библиотека "Руниверс"

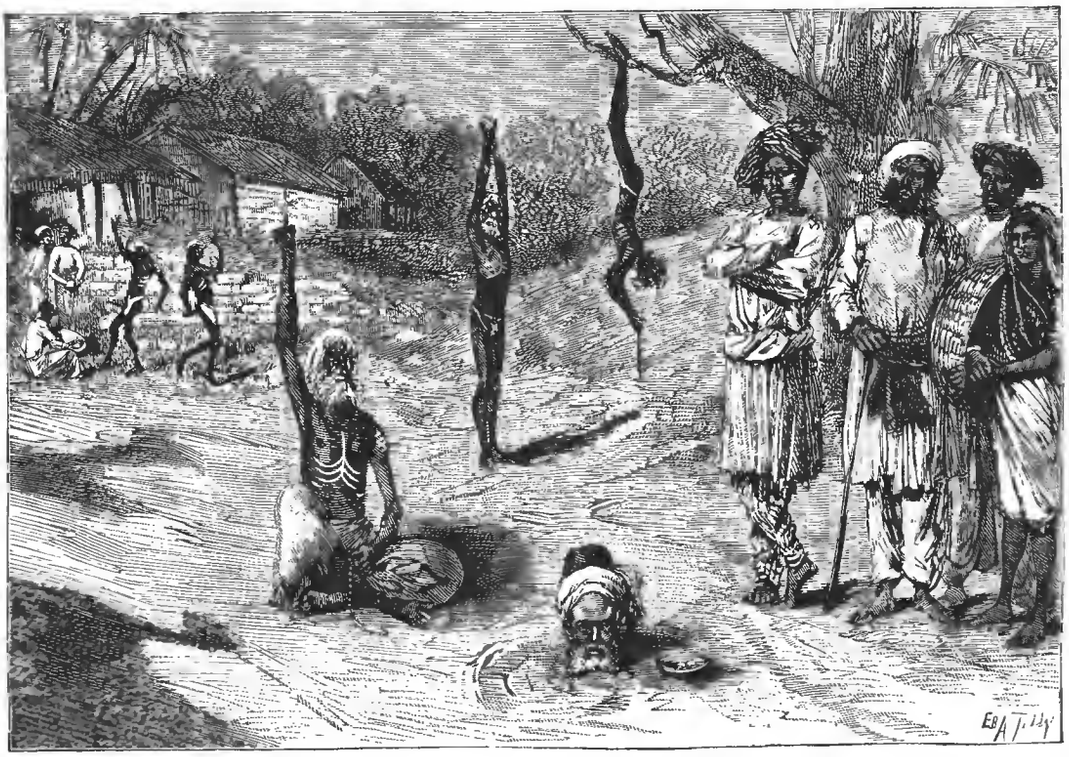
того, чтобы облегчить перевозку живой морской рыбы. Пароходъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій, изъ которыхъ одно наполнено водой, все время обновляющейся черезъ отверстія, продѣланныя въ его стѣнахъ. Такимъ образомъ вода постоянно и остается чистой и не портится отъ согрѣванія паровой машиной судна. Другое отдѣленіе, верхнее, служитъ для поддерживанія на водѣ нижней рѣшетчатой части. Для этой цѣли оно закрывается герметически и имѣетъ только вверху, въ рулевой каютѣ, вентиляціонное отверстіе въ видѣ дымовой трубы. Кромѣ того, для того чтобы вода не врывалась въ дымовую трубу паровика, въ ней находится особаго устройства предохранительный клапанъ. Пароходъ этотъ такимъ образомъ можетъ плыть спокойно, еслибъ онъ даже совсѣмъ покрывался водой.

Телефонистъ Мадзенъ въ Копенгагенѣ сдѣлалъ въ электротехническомъ журналѣ слѣдующее интересное предложеніе. Онъ совѣтуетъ отдѣльные телефонные проводники соединять въ воздушные кабели, каждый въ 25 проволокъ. Такіе кабели уже въ значительномъ количествѣ заготовлены фабрикой Фельтена и Гильяма. Такимъ образомъ цѣлый пукъ, напримѣръ, въ 125 проволокъ прежней системы, можетъ быть замѣненъ лишь пятью легкими воздушными кабелями. Мысль покажется еще больше достойной вниманія, если вспомнить, что телефоны уже теперь въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ даютъ основательные поводы къ жалобамъ. Какъ паутиной покрыли они проволоками улицы и телефонныя общества за невозможностью, принуждены отказываться отъ дальнѣйшаго ихъ распространенія; кромѣ того безпрестанныя починки служатъ причиной безчисленныхъ остановокъ и порождаютъ постоянныя пресканія съ абонентами и домохозяевами. Подземные же кабели, какъ извѣстно, слишкомъ дороги и при раціональномъ устройствѣ требуютъ большихъ каналовъ, въ которыхъ рабочіе могли бы хотя ползать въ случаѣ починокъ или новыхъ прокладываній; въ противномъ случаѣ, разрываніе мостовой сопряжено еще съ большими расходами, не говоря уже о томъ, что это можетъ служить помѣхой свободному движенію по улицамъ. Мадзеновскій кабель отличается хорошей изолировкой и дешевизной.

Длиннѣйшій мостъ въ свѣтѣ. Американцы гордятся своимъ мостомъ, соединяющимъ Нью-Іоркъ съ Бруклиномъ, и считаютъ его величайшимъ въ свѣтѣ; но въ настоящее время первенство въ этомъ стали оспаривать у нихъ китайцы. Одинъ изъ выходящихъ въ Пекинѣ листковъ говоритъ, что нью-іоркскій мостъ не можетъ сравниться съ мостомъ, находящимся въ Лангъ-Лангъ, въ Китаѣ, который покоится на трехъ тысячахъ свай и имѣетъ 5 англійскихъ миль (7½ верстъ) длины и 70 футовъ ширины. Мостъ этотъ украшенъ львомъ въ 20 футъ длины, который высѣченъ изъ цѣльнаго куска мрамора. „Такіе мосты", заключаетъ съ ироніей газета, „какъ между Нью-Іоркомъ и Бруклиномъ, мы, китайцы, строили еще тогда, когда вамъ, рыжебородымъ варварамъ, и не снилось, что существуетъ Америка".

Пользованіе силой воды. Счастливая мысль, воспользоваться силой горныхъ ручьевъ для электрическихъ цѣлей, скоро будетъ осуществлена въ Кларансъ-Монтре. Изъ бухты Монтре вода будетъ проведена въ бассейнъ выше Шандрона и отсюда снова будетъ падать въ прежнее ложе. Съ громадной силой вода будетъ приводить въ движеніе поставленное въ этомъ мѣстѣ наливное колесо, которое и будетъ служить для производства электричества. По теоретическимъ вычисленіямъ, количество такимъ образомъ полученнаго электричества будетъ громадно: имъ можно будетъ освѣтить весь берегъ Женевскаго озера. Кларансъ-Монтре и Веве будутъ уже въ этомъ году освѣщаться электричествомъ. Главная масса полученнаго электричества будетъ служить для проэктируемой электрической желѣзной дороги системы Сименса. Эта дорога пойдетъ отъ „Grand hôtel de Vevey" по двумъ направленіямъ: черезъ Кларансъ-Монтре до Шильона; у отеля „Cygne" въ Вернеръ-Монтре отъ названной линіи отдѣлится вѣтвь, которая пойдетъ вверхъ, въ горы на Пансіонъ Дотье, откуда снова спустится внизъ въ Терните и соединится опять съ нижней линіей.

Заработная плата во Франціи. Недавно появившійся во Франціи ежегодникъ министерства торговли заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, весьма интересныя статистическія данныя о размѣрѣ заработной платы во Франціи, изъ котораго мы сдѣлаемъ нѣкоторыя извлеченія. Вообще было замѣчено, что заработная плата, начиная съ 1877 года, постепенно возростала. Средняя поденная плата поработчикъ въ Парижѣ, въ періодъ времени 1877—1880 годовъ, колебалась: для поденщика на хозяйскихъ харчахъ между 1,70 и 1,86 франковъ; для работающихъ на своихъ хлѣбахъ—между 4,78 (1877 г.), 4,79 (1878), 4,81 (1879 г.) и 5,15 франк. (1880 г.). Средняя цифра заработной платы поденщика, на хозяйскихъ харчахъ, въ провинціи, была въ 1877 году также велика, какъ и въ 1880 г., именно равнялась 1,51 франк.; между тѣмъ какъ для рабочихъ на своемъ содержаніи возвышалась отъ 2,78 франк. (1877 г.), до 2,91 (1878), 2,93 (1879 г.) и 3,07 (1880 г.). Въ Парижѣ высшую заработную плату, при своихъ харчахъ, получали каменотесы, въ количествѣ 8 фр. въ день, плотники 7,85 фр., каменьщики 7,50 фр., кровельщики 7,35 фр., золотыхъ дѣлъ мастера, булочники, кузнецы, столяры, стекольщики, скульпторы 7 фр., мясники, кирпичники, каретники, мѣдники, пожевщики, ковали, часовщики и оловянщики 6 франковъ. Низшую заработную плату получали: парикмахеры 3 фр., башмачники 3,50 фр., садовники 3,75 фр., ткачи 3,85 фр., каменоломы, канатные мастера и горшечники 4 ф. Парижскимъ работницамъ, на своихъ харчахъ, платили: корсетницамъ и портнихамъ 2 франка въ день, прачкамъ, кружевницамъ, цвѣточницамъ и заготовщицамъ башмаковъ 3 фр., перчаточницамъ 4 фр., мѣгильщицамъ 4,25 франковъ. Трудъ лицъ, служившихъ по торговой части, оплачивался въ слѣдующихъ размѣрахъ: прикащикъ въ 1880 году получалъ въ Парижѣ среднимъ числомъ 1,200 фр. въ годъ; въ провинціи же плата эта понижалась до 909 фр. Конторщики получали въ Парижѣ, среднимъ числомъ, въ годъ 800 фр., и въ провинціи 616 франковъ. Продавщицы въ Парижѣ вознаграждались самой скудной платой, такъ что занятіе это считалось менѣе выгоднымъ, чѣмъ должность горничной; именно, онѣ получали едва только 400 фр. въ годъ. Для этого разряда тружениковъ плата въ провинціи была гораздо ниже, чѣмъ въ Парижѣ, за исключеніемъ продавщицъ, трудъ которыхъ, наоборотъ, въ провинціи оплачивался нѣсколько лучше,



Самоистязанія факировъ въ Индіи. Ориг. рис. Тилли, грав. Бале.

Библиотека "Руниверс"

во все же средняя плата едва достигала 478 франковъ. Плата прислугѣ въ Парижѣ, вообще, была выше, чѣмъ въ провинціи. Лакеи въ Парижѣ получали отъ 400 до 1000 франковъ, а въ провинціи отъ 322 до 546 фр. Для кучеровъ, конюховъ и т. п., вознагражденіе равнялось какъ разъ тому, сколько получали въ провинціи лакеи, т. е., среднимъ числомъ, 411 фр. Женская прислуга, кухарки, горничныя и т. д., получали въ Парижѣ отъ 300 до 600 франковъ въ годъ, а средняя плата равнялась 500 фр. Въ провинціи плата женской прислугѣ колебалась между 272 и 454 фр., при средней цифрѣ 299 фр., между тѣмъ какъ плата отдѣльно для кухарокъ варьировала отъ 261 до 437 фр.; при средней суммѣ 330 франковъ.

Изъ всего этого можно заключить, что Парижъ не представляетъ собой эльдорадо для мелкихъ тружениковъ и только работа искусныхъ мастерицъ оплачивается довольно сносно.

Храмъ въ Іерусалимѣ. Двѣнадцать американскихъ миссіонеровъ, какъ сообщаютъ газеты, вступили въ союзъ для выполненія грандіознѣйшаго плана. Они хотятъ выстроить въ Іерусалимѣ храмъ, который бы вполнѣ походилъ на разрушенный въ 70 году римлянами. Двое изъ нихъ уже отправились въ Палестину для пріобрѣтенія мѣста и устройства мастерскихъ.

Китайцы большіе мастера въ дѣлѣ соблюденія внѣшнихъ приличій. Въ примѣръ этого Гукъ приводитъ одного гостепріимнаго хозяина. „Во время нашей сѣверной миссіи, разсказываетъ онъ, мы были свидѣтелями сцены чисто китайскаго характера. Это происходило при обращеніи одного китайца въ христіанство въ домовой каплѣ уже обращеннаго китайца, куда собрались всѣ сосѣди. Послѣ окончанія обряда, хозяинъ дома сталъ посреди церкви и произнесъ, умоляя:

— Прошу васъ, не уходите домой! Останьтесь у меня кушать!

И вотъ онъ начинаетъ переходить отъ одного къ другому, упрашивая остаться. Но у каждаго находится та или другая отговорка, во которой онъ не можетъ принять приглашенія. Гостепріимный хозяинъ сильно опечаленъ такими отказами. Наконецъ онъ видитъ одного изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ уже направляющимся къ двери.

— Какъ! Ты тоже не хочешь остаться у меня? Это невозможно. Ты долженъ непремѣнно быть моимъ гостемъ; вѣдь сегодня праздничный день.

— Не могу, дорогой братъ, у меня сегодня есть очень важное дѣло.

— Нѣтъ, ты долженъ остаться, я тебя не выпущу.

Такимъ образомъ почти силой захвативъ двоюроднаго брата, онъ тащитъ его къ себѣ домой. Гость въ концѣ концовъ долженъ былъ согласиться остаться, такъ какъ любезный хозяинъ ограничиваетъ свое требованіе стаканомъ вина. выпить который не долго.

— Хорошо. Стаканъ вина я съ удовольствіемъ выпью съ тобой, отвѣчаетъ братъ.

Они вернулись домой. Хозяинъ приказалъ подать немного согрѣтаго вина и пару вареныхъ яицъ. Между тѣмъ оба они закурили трубки и начали болтать. Наконецъ выкуренныя трубки снова набили, закурили, а вино и яйца все еще не являлись. Тогда гость обращается къ хозяину и спрашиваетъ, скоро ли, однако, подадутъ вино.

— Вино? восклицаетъ хозяинъ. Какое тебѣ вино? Развѣ ты не знаешь, что въ моемъ домѣ нѣтъ ни капли вина? Разнѣ тебѣ не извѣстно, что я не пью никакого вина?

— Въ такомъ случаѣ я могъ бы давно уже уйти, отвѣчаетъ гость. Къ чему же ты такъ настоятельно упрашивалъ меня выпить съ тобой вина?

Тогда поднимается побагровѣвшій отъ злобы хозяинъ и начинаетъ кричать:

— Что? Я былъ такъ вѣжливъ, пригласилъ тебя на вино, а ты не понимаешь даже на столько приличій, что тебѣ слѣдовало отказаться отъ него! Гдѣ ты получилъ воспитаніе? По всей вѣроятности между монголами!

Гость пробормоталъ нѣсколько словъ въ свое оправданіе, набилъ трубку и въ смущеніи удалился.

Мы были свидѣтелями всей этой сцены.“

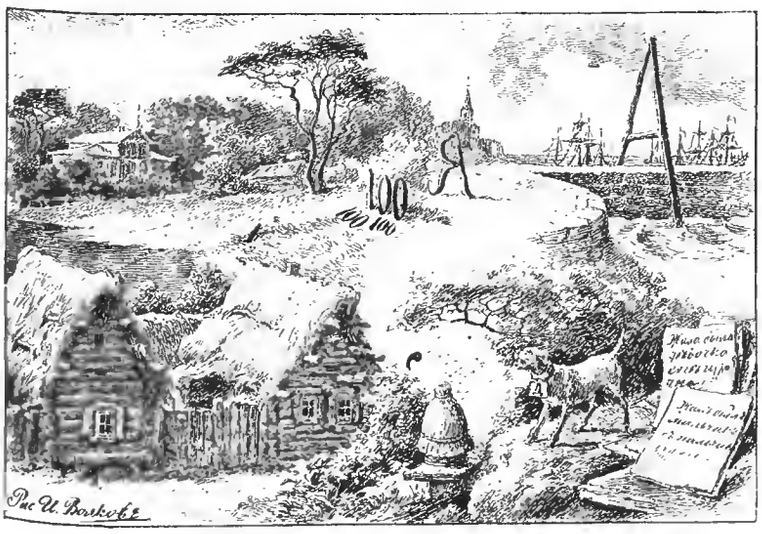
Гамбетта-отецъ собирается жениться во второй разъ. Эту неожиданную новость сообщаетъ „Figaro“. Интересъ этого извѣстія возрастаетъ еще больше потому, что избранницей старца, которому теперь ни больше, ни меньше, какъ 70 лѣтъ, никто иная, какъ его служанка, по имени Марія Брасъ. Она кагорская крестьянка, 45 лѣтъ, но, не смотря на это, выглядитъ еще довольно видной женщиной. Вѣсть объ этомъ бракосочетаніи произвела не малое удивленіе между обитателями Кагора, гдѣ поселился съ нѣкотораго времени старикъ Гамбетта, и нѣтъ никакой надежды отклонить его отъ желанія жениться.

Между прочимъ, цоколь памятника, который долженъ увѣковѣчить воспоминаніе о „великомъ сынѣ Кагора“ въ его родномъ городѣ, уже готовъ. Статуя Гамбетты, изготовленная по проекту Фалькіера, будетъ отлита изъ бронзы. Гамбетта стоитъ облокотившись на орудіе, указывая правой рукой на враговъ; у ногъ его лежитъ мертвый солдатъ. Памятникъ, который будетъ открытъ 2-го апрѣля настоящаго года, въ день рожденія Леона Гамбетты, обойдется въ 160 тысячъ франковъ.

Открытіе эксцентрической эпитафіи Глюка. Долгое время было неизвѣстно гдѣ похоронены два композитора прошедшаго столѣтія: Глюкъ и Моцартъ. Мало того, не знали даже, гдѣ они скончались. Не такъ давно, когда ремонтировали стѣны въ селеніи Мюнлейндорфъ (близъ Вѣны), случайно найдена была небольшая доска изъ сѣраго мрамора, съ надписью латинскими буквами, слѣдующаго эксцентрическаго содержанія: „Стой и урони слезу! Здѣсь покоится добрый человѣкъ, ревностный христіанинъ и вѣрный супругъ, Христофоръ, кавалеръ фонъ-Глюкъ, великій художникъ въ высокомъ искусствѣ музыки. Скончался 15-го ноября 1787 года“.

Проектъ прорытія вулкана. Одно американское общество, какъ сообщаютъ мексиканскія газеты, предполагаетъ прорыть туннель въ кратеръ Попокатепетля и соединить его желѣзной дорогой со станціей Амекамека между океанской желѣзной дороги. Техническая часть предпріятія поручена французскому инженеру Шарлю Роай. Ежегодный доходъ отъ этого предпріятія исчисляютъ въ одинъ милліонъ центнеровъ (3,025,000 пудовъ) сѣры. Относительно пріобрѣтенія вулкана идутъ уже переговоры съ собственникомъ его, генераломъ Гаспеpомъ Охоа.

Ребусъ. Задача № 9.



Рѣшеніе ребуса № 2.

„Добро тому, кто насъ поитъ и кормитъ, а большее добро тому, кто соль да хлѣбъ на памяти долго держитъ“.

Рѣшеніе ребуса № 3.

„Змѣй навелъ на грѣхъ Еву, а Ева склонила къ тому же Адама“.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ гг.: **Москва**—Сумбула, Федченко; **Гельсингфорсъ**—А. В—М. З.; **Пенза**—Кроншевскаго; **Харьковъ**—Свитальскаго; **Чесменка**—Мягкова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 4.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ g 3 на f 4	Съ b 6 на d 8
„ h 4 — g 3	„ d 8 — h 4
„ g 3 — h 2	„ h 4 — e 1
„ h 6 — g 7	„ h 8 — f 6
„ f 4 — g 5	„ f 6 — h 4
„ b 8 — g 3	„ h 2 — f 2
„ a 3 — b 4	„ c 5 — a 3
„ h 2 — g 1	„ a 3 — b 2
„ c 1 — a 3	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.** Лурье, Воронихина, **Москва**—Королева, Курочкина, **Бронницы**—Ворошатина, **Валдай** — Успарева, **Воронежъ**—Иванова, **Калуга**—Волокова, **Кострома** — Т. В—а, **Кишинкевъ**—Бернгардъ, **Медвѣдево**—Лейцингеръ, **Муромъ**—Гладкова, **Чесменка**—Мягкова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Леопольдъ фонъ Ранке** (съ портр.).—**Въ старой Москвѣ.** Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ, **Гр. Е. А. Саліаса.** (Окончаніе первой части).—**До завтра!** Историческій разсказъ. — **Баскунчакское соляное озеро** (съ рис.)—**Водопадъ близь Кисловодска, у Орѣховой Балки** (съ рис.).—**Литературный альбомъ. „Агасферъ—Вѣчный жидъ“. Поэма Жуковскаго** (съ рис.).—**Дровяныя сани въ Баваріи** (съ рис.).—**Поклонъ твоему хозяину!** (съ рис.).—**Типы красоты. Этюдъ** (съ рис.).—**Гипоцефалъ-боецъ** (съ рис.).—**Факиры** (съ рис.).—Политич. обозр.—Смѣсь.—Ребусъ.—Рѣшенія задачъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.—**При этомъ № прилаг. „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1884 г. съ 20 рисунк. и отдѣльн. лист. съ 27 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и 25 рис. выпильныхъ работъ.**

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

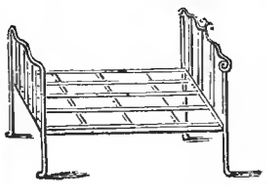
Библиотека "Руниверс"

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

ЖЕЛАЮТЪ КУПИТЬ

хорошо сохранившіеся и полные экземпляры **„НИВЫ“** за **1870, 1874** и **1881** годы.

Съ предложеніями обращаться въ контору журнала „НИВА“. Спб., Б. Морская, № 9.



ЖЕЛѢЗНЫЯ КРОВАТИ
и
МАТРАЦЫ

собственной мастерской, съ ручательствомъ, по крайне дешевымъ цѣнамъ. **Прейскуранты** по востребованію немедленно.

В. ФРИЦЪ.
КОНТОРА МЕБЕЛИ,
С.-Петербургъ, Малая Морская, 16. Р. № 3210 3—1

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

1. **6-й выпускъ „Православнаго Палестинскаго Сборника“**, заключающій въ себѣ „Хожденіе Ростя Василія“ (1465—1466 гг.), подъ ред. Архимандрита Леонида. Ц. 30 к.
2. **„Къ Животворящему Гробу Господню“.** Разсказъ стараго паломника. Цѣна 30 к.

Продаются въ С.-Петербургѣ у Тузова, Оглоблина, Риккера; въ Москвѣ—у Ферапонтова; въ Кіевѣ—у Оглоблина.

Здѣсь же: „Православный Палестинскій Сборникъ“ 1-й вып., В. Н. Хитрово,—„Православіе въ Св. Землѣ“, ц. 2 р.; 2-й вып., В. Н. Хитрово: „Бордосскій путникъ“, ц. 1 р.; 3-й вып., М. А. Веневитиновъ. 1-я часть Житія и хожденія Даніила, съ рис. XVI в., ц. 2 р. 50 к.; 4-й вып., А. В. Елисѣевъ, „Путь къ Синаю“, ц. 2 р. и „Отчетъ Православнаго Палестинскаго Общества“ за 1882—83 гг., ц. 1 р. 50 к.

Складъ изданія: СПБургъ, Манежный пер., 7, у С. Д. Лермонтова. № 3201 3—1

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ
МЕТАЛЛИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

Выборг. стор. Набер. В. Невы, № 11, С.-Петерб.

ПАРОВЫЕ КОТЛЫ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ

усовершенствованной конструкціи наилучшаго матеріала, съ гидравлической склепкой, самой тщательной работы,

1882 1882

ГОТОВЫЯ и ВЪ ПОДГОТОВКѢ.

Прессованныя днища.
Трубы Галловэ.

№ 2764 10—8

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
К. БАУХЪ.

Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болѣй, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умѣренныя.

КОММИССІОНЕРЪ Л. № 3175 3—3

Комитета Консультаціи **Императорскаго** Московскаго Общества сельскаго хозяйства.
СКЛАДЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ МАШИНЪ

„ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ“,

Москва, Каретный рядъ, д. Мошнина. Всевозможныя машины и орудія лучшаго качества по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

ЛИКЕРЫ ЗАВОДА ОБЩЕСТВА „КЕЛЛЕРЪ И К°“.

Правленіе акціонернаго Общества „Келлеръ и К°“, послѣ тщательнаго изслѣдованія фабрикаціи иностранныхъ ликеровъ, открыло съ 1882 года на заводѣ Общества, а также и на заводѣ Товарищества „Л. Обловъ и К°“, спеціальныя отдѣленія для приготовленія означенныхъ ликеровъ. **Ликеры эти,** поступившіе въ настоящее время въ продажу, по отзывамъ приглашенныхъ Правленіемъ экспертовъ, **нисколько не уступаютъ во всѣхъ отношеніяхъ лучшимъ заграничнымъ образцамъ.**

Цѣна ликеровъ завода „Келлеръ и К°“, ниже цѣнъ заграничныхъ ликеровъ отъ 150 до 300%.

Рекомендуя ихъ гг. покупателямъ, Правленіе считаетъ нужнымъ пояснить, что большинство сортовъ заграничныхъ ликеровъ, продающихся подъ различными марками, отличаются какъ по вкусу, такъ и по крѣпости. Правленіе проситъ тѣхъ изъ гг. покупателей, которые найдутъ ликеры завода „Келлеръ и К°“ не подходящими подъ вкусъ употребляемыхъ ими заграничныхъ ликеровъ, вмѣстѣ съ заказами указывать на марку ликера, который они желали бы имѣть.

Имѣя возможность разнообразить свое производство, Правленіе будетъ удовлетворять такимъ требованіямъ гг. покупателей, въ самомъ непродолжительномъ времени.

Ликеры завода „Келлеръ и К°“ можно получать въ магазинахъ Общества, **въ С.-Петербургѣ:** при заводѣ, Обводный каналъ, д. 96; Фонтанка, д. 45; Кадетская линія, В. О., д. 19; Невскій просп., д. 124. **Въ Царскомъ Селѣ:** Малая ул., д. Барановой. **Въ Кронштадтѣ:** Господская ул., д. Турыгиной.—**Въ С.-Петербургѣ:** на заводѣ Товарищества „Л. Обловъ и К°“, Курляндская ул., д. 19 (продаются подъ маркою Товарищества „Л. Обловъ и К°“), а также въ нижеслѣдующихъ винторговляхъ: у гг. Фейкъ и К°, Невскій пр., у Полицейскаго м.; В. И. Черепенникова—Литейный пр., въ домахъ за №№ 5, 11 и 47; В. Г. Баскова—**уг.** Кирочной и Воскресенской и Итальянской; 1-я линія В. О., д. за №№ 34 и 46; Н. П. Смирнова—Гороховая ул., д. 4 и Вознесенскій пр., д. 4; Глушкова—Литейный пр., д. 10; Бр. Зайцевыхъ—уг. Б. Садовой и Невскаго; И. Я. Мелешина—Галерная, д. 50 и многихъ другихъ. **Въ Ораніенбаумѣ:** у С. А. Алексѣева, Большой пр., собств. д. **Въ Старомъ Петергофѣ:** у С. А. Алексѣева и **въ Гатчинѣ.** у В. М. Муценко.

Съ требованіями просятъ обращаться по указаннымъ адресамъ и на заводъ Общества, по Обводному каналу, домъ 96.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 3654.

EAU D'HOUBIGANT
la plus appréciée pour la toilette.
Houbigant parfum. de la Cour de Russie Paris.

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ и пансіонеровъ д-ра Болицкаго. Невскій, пр., противъ Николаевской ул., д. 98. Пріемъ спеціалист., ежедн., съ 1—3 ч. дня и съ 6—7½ ч. веч. Леченіе электр и минеральными ваннами. Врачебн. дежурство, осмотръ кормилицъ и прислуги.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора высылаются по востребованію

БЕЗПЛАТНО.

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, на Невскомъ проспектѣ домъ № 23. Въ Москву, уголъ Кузнецкаго моста и Рождественки домъ Торлецкаго. № 3192 3—2

НЕОБХОДИМО КАЖДОМУ!

Композиція для заливанія резиновыхъ галошъ. Каждый, запасшійся флакономъ композиціи, обезпеченъ на 10 лѣтъ резиновыми галошами. Каждый можетъ, безъ помощи инструментовъ, починять резиновыя галоши. При каждомъ флаконѣ есть наставленіе. Цѣна съ пересылк. за флак. 2 р., ½ фл. 1 р. 25 к. Выписывающій 5 флак. 6-й получаетъ безплатно. Адр.: г. Балта, Под. губ., Розаліи Марковнѣ Виннеръ. № 3207 1—1

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ

плодовымъ и декоративнымъ деревьямъ и кустарникамъ, а также многолѣтнимъ красивоцвѣтущимъ растеніямъ помологическаго сада Д-ра Регеля и Кессельринга высылается безплатно обращающимся къ Д-ру Регелю въ Императорскомъ Ботаническомъ Саду въ С.-Петербургѣ. № 3213 2—1

ВОСЕМЬ РАЗЪ ИЗЪ ДЕСЯТИ
МИГРЕНИ и НЕВРАЛЬГІИ УСПОКОИВАЮТСЯ въ нѣсколько минутъ
ПЕРЛАМИ СКИПИДАРНОЙ ЭССЕНЦІИ Д-РА КЛЕРТАНА.

Каждый флаконъ заключаетъ въ себѣ 30 перловъ, отчего леченіе обходится въ нѣсколько копѣекъ.

УВѢДОМЛЕНІЕ.
Если мигрени происходятъ отъ дурнаго состоянія желудка или отъ запора, слѣдуетъ употреблять
УГОЛЬ Д-РА БЕЛЛОКА.
Требовать на этикетѣ подпись. Dr Bellocq

Скипидарная эссенція, заключающаяся въ перлахъ Д-ра **КЛЕРТАНА,** химически чиста.

Требовать на каждомъ флаконѣ подпись. Clertan

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО
19, RUE JACOB, ПАРИЖЪ.
НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. № 2912

Достигнуто вѣрное средство къ излѣченію даже самаго застарѣлаго хроническаго
РЕВМАТИЗМА,
которымъ я страдалъ болѣе 12 л., и излѣчилъ самъ себя въ короткое время. Г. Кіевъ, Елисаветинская ул., д. Монахова, Вас. Ив. Новицкій. № 3214.

А. СІУ и К°
ПАРФЮМЕРНЫЙ и КОСМЕТИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ
Тверская, д. Вартина.
МОСКВА.
ПОДРОБНЫЙ **ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ** ВЫСЫЛАЕТСЯ **ПО ТРЕБОВАНІЮ.**

Библиотека "Руниверс"

САПОНАТЪ.

Мало въ кускахъ и порошкѣ, для стирки бѣлья, цвѣтныхъ матерій и кружевъ холодной (мягкой) водою, безъ кипяченія. Стирка обходится вдвое дешевле. Продается въ главномъ складѣ „Сапонатъ". Коломенская улица, д. 31: у гг. Штоль и Шмитъ: въ Русск. Общ. и почти во всѣхъ губ. городахъ. № 3166 4—2

ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ: Новосовершенствованное **электрическое огниво** (послѣдняя новость) по наставленію употребленіе чрезвычайно простое—5 р. Инструментъ **„Все въ одномъ"**, содержащій 15 различныхъ инструментовъ—3 р. 50 к. **Вѣчныя** вѣшалки для пальто 25 к. **Англійскія** механическія бритвы 3 р., а съ запаснымъ ножемъ 4 р. Американскія мышеловки 1 р. 50 к. **Чудо-мундштукъ**, обрезывающій картины при куреніи, 60 к. **Изъ искусственныхъ брилліантовъ: серьги** отъ 4 до 8 р. **Броши** отъ 6 до 10 р. **Кольца** отъ 3 до 6 р. **Булавки** къ галстукамъ отъ 3 до 5 р. **Звѣзды** къ волосамъ 10 р. **Запонки** грудныя 6 р. приборъ. **Запонки** грудныя съ опаломъ 5 р. приборъ. **Новость — шпильки** невыпадающія изъ волосъ, очень удобныя для головныхъ уборовъ, 35 к. дюжина. **Изъ накладнаго золота:** печерныя цѣпочки для часовъ отъ 3 р. до 8 р. **Браслеты** въ 7 р. **ДЛЯ ДѢТЕЙ:** заводныя желѣзныя дороги—2 р. 50 к. Заводныя мыши—75 к. Разные заводные звѣри по 1 р. за штуку. Прыгающій **акробатъ** по лѣстницѣ 2 р. Танцующія куклы 3 р. 50 к. **Небьющіяся** куклы отъ 2 р. до 5 р. Маленькія куклы одѣтыя—60 к. и 75 к. **Заводные** карманные часы 1 р. 25 к. **Солдаты** металлическіе 50 к. коробка. **Механографъ** для увеличиванія картинъ 60 к. **Микроскопъ-флороскопъ**, увеличивающій въ 100 разъ 1 р., въ 700 разъ—3 р. **Ручки** для перьевъ, содержащія перо, карандашъ, резинку, перочинный ножъ—60 к. Коробка съ секретомъ подъ названіемъ „отъ крывайте меня", 60 к. Всѣ цѣны назначены съ пересылкой по почтѣ. Менѣе чѣмъ на 3 р. не высылаютъ. Магазинъ **„Нюрнбергъ"** въ Москвѣ, въ Старомъ Гостиномъ переулкѣ, напротивъ церкви Успенія. домъ Шаховскаго. Н. № 3209

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія.

ТОПОЛИНЪ или **ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ**

М. М. Петрова.

Для лица № 1. Усовершенств. средство уничтожающее прыщи, красныя пятна, загаръ, веснушки; при употребленіи лицо пріобрѣт. здоровый и красный цвѣтъ.

Для головы № 2. Дѣйствительно очищаетъ кожу отъ перхоти, осѣкаетъ голову, прекращаетъ головныя боли, почему прекращаетъ и выпаденіе волосъ. Въ виду поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на имя (М. М. Петрова).

Цѣна флак. по 1 р. 25 к. и ½ фл. по 75 к.

Главные склады: въ аптекахъ и во всѣхъ московск. аптекарск. магазинахъ.

Продается: въ аптекахъ, аптекарскихъ и др. магаз. Россіи и заграницей.

Для гг. оптовыхъ покупателей установлена 25 скидка.

Съ треб. просятъ обращ. въ главный складъ: Москва, Никитская аптека Петрова, бывш. Келлеръ. По почтѣ высылается **не менѣе** 2 флак. за 3 р. 50 к.

Ц. № 3106 26—4

„Всемірная Иллюстрація",

большой иллюстрированный журналъ.

№№ 1—8 на 1884 годъ уже вышли и разосланы.

Въ № 7 помѣщено между прочимъ **14 рисунковъ Мервскаго Оазиса.**

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Новые подписчики получатъ журналъ еще съ № 1-го, со всѣми приложеніями.

Ред. Б. Садовая ул., № 16, СПБургъ.

№ 3203 1—1

Изслѣдованіе о выдачѣ преступниковъ.

А. ШТИГЛИЦА.

С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 2 руб.

Продается въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы. Выписывающіе черезъ Н. Д. Пустова (Кабинетная улица, д. № 20 кв. № 5, въ С.-Петербургѣ)—за пересылку не платятъ.

№ 3119 3—

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВСЕВОЛОДА СЕРГѢЕВИЧА СОЛОВЬЕВА.

Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ.

Большая Морская, д. 9.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Дѣйствіе романа въ XVII в. во время царствованія Алексѣя Михайловича. СПБ. 1882 г. Цѣна 2 р. 2 р., съ пересылкой 2 р. 50 к., въ каленкоровомъ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ. Историческ. романъ конца XVIII вѣка. Характеръ Екатерины Великой, быть ея царедворцевъ, личность Цесаревича Павла—очерчены здѣсь чрезвычайно типично. Въ 2-хъ частяхъ in 8, всего 672 стр., напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ съ виньетками. СПБ. Изданіе 3-е. 1882 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ. Истор. романъ-хроника конца XVIII и начала XIX вѣка. Романъ этотъ составляетъ **продолженіе** романа **„Сергѣй Горбатовъ"** и въ немъ изображается совершенно въ новомъ видѣ характеръ Императора Павла I. Въ 2-хъ частяхъ. Около 700 стр. Изданіе 2-е. СПБ. 1883 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ красив. кал. пер. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. Историческая повѣсть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи XVI вѣка и въ глазахъ своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ **20 рисунками** художника **И. С. Панова. Изданіе 2-е.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ кал. переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Пленіе Европы и возвращеніе Елизаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., въ кал. 2-е изд. 2 р. 50 к. въ кал. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII вѣка, въ трехъ част. Романъ этотъ, обнимая эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи, въ связи съ правдивостью изложенія историческихъ событій—чрезвычайно интересенъ. СПБ. 1882 г. 232 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленк. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современ. жизни. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. переплетѣ 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это чрезвычайно интересный разсказъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшаго только три года. Романъ этотъ, какъ почти всѣ романы Соловьева, переведенъ на многіе иностран. языки. СПБ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кал. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Гг. иногороднымъ, выписывающимъ **разомъ** *всѣ эти сочиненія, пересылка даромъ, а для Гг. городскихъ СПБ. покупателей дѣлается уступка 10%.*

Пользующійся во всѣхъ европейскихъ государствахъ заслуженною славою, бывшій на выставкахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ,

АНГЛІЙСКІЙ ХОЛСТЪ ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА,

противъ всякой ломоты, боли въ суставахъ, лома въ креслахъ, рожи, всякаго рода корчи въ рукахъ, ногахъ и особенно узлахъ венъ, опухоли чиновъ, выпиховъ, колотья въ боку, съ вѣрнымъ успѣхомъ употребляется какъ первое, скоро и вѣрно дѣйствующее средство. Продается въ пакетахъ, съ описаніемъ употребленія, по 1 рублю; двойной силы, противъ тяжелыхъ страданій—по 2 рубля.

Знаменитый д-ръ Гуфеландъ говоритъ въ своихъ медицинск. сочиненіяхъ: „Есть двѣ болѣзни, противъ которыхъ медицина напрасно искала до сихъ поръ сильно-дѣйствующихъ лекарствъ: это—ревматическая головная боль и подагра"; это средство нашлось въ употребленіи вышеозначеннаго холста противъ ревматизма.

Продажа для всей Россіи настоящаго холста: въ С.-Петербургѣ, въ аптекарскомъ магазинѣ г. **Оскаръ Гертхенъ**. Казанская улица, д. № 37. На почтовые расходы прилагается 50 коп.

Благодарственныя письма русскихъ высокопоставленныхъ лицъ и военныхъ, получившихъ ревматизмъ въ послѣднюю войну и не нашедшихъ помощи ни въ Теплицѣ, ни въ Карльсбадѣ, а излечившихся посредствомъ англійскаго холста, предъявляются почтеннѣйшей публикѣ въ магазинѣ. Р. № 3211 4—1

ПИСЬМЕННОЕ ОБУЧЕНІЕ БУХГАЛТЕРІИ,

(двойной итальянской системы) по новой методѣ, совершенно замѣняющей устное преподаваніе. Ручательство за успѣхъ. Плата умѣренная. Программа и пробныя письма высылаются безплатно. Преподаватель **С. Я. Ліліэнталь**. Москва. Уланскій пер. д. Красковскаго. П. № 3208

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Ручн. и ножн. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ **выметываютъ петли, вышиваютъ и шьютъ чрезъ край.** Подробный прейсъ-курантъ и пробныя петли высылаются безплатно.

А. ШТЕЙНЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская № 26.

Р. № 3127 5—4

ВЕСЕННІЯ МОДЫ.

„МОДНЫЙ СВѢТЪ И МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ"

ИЛЛЮСТРИРОВ. ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ И ДЛЯ СЕМЕЙСТВА.

№№ 1—9 ЗА 1884 Г. УЖЕ ВЫШЛИ.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Новые подписчики получатъ журналъ еще съ № 1-го со всѣми безплатными приложеніями. № 3202 1—1

Ред. В Садовая ул., № 16, СПБургъ.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА:

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ

ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНЕТИЗМѢ.

Доктора физики О. ХВОЛЬСОНА.

Съ 203-мя рис. въ текстѣ. СПБ. 84. Ц. 2 руб. Складъ изданія у А. Ф. Деприена СПБ. Вас. Остр. Румянц. площ. д. № 1 л. Господа иногородные по требованію книги изъ склада пользуются безпозмездною пересылкою.

Р. № 3209 1—1

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА

50 русск. народн. пѣсенъ

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО 4 РУКИ,

переложилъ **П. ЧАЙКОВСКІЙ.**

2 тетради. Цѣна кажд. по 1 р. 50 к., каталогъ изданій Юргенсона **безплатно.**

МОСКВА у П. ЮРГЕНСОНА

10. Неглинный проѣздъ 10.

Петерб. у І. Юргенсона, Б. Морская. 9.

П. № 3199 1—1

ВЕСЕННІЯ МОДЫ.

„НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ",

иллюстрированный дамскій журналъ,

№№ 1—8 на 1884 годъ уже вышли.

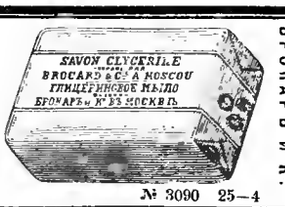
Подписка продолжается.

Новые подписчики получатъ журналъ еще съ № 1-го, со всѣми приложеніями

Ред. Б. Садовая ул., № 16, СПБургъ.

№ 3204 1—1

ГЛИЦЕРИН. МЫЛО



БРОКАРЪ И К°.

№ 3090 25—4

ДЛЯ ЗАВОДОВЪ И ТОРГОВЦЕВЪ.

МАСЛЯНКИ ПРУЖИННЫЯ доставляетъ дешево и прочій работы, механическая фабрика **П. К. Біенке.**

С.-Петербургъ, Каменно-островскій пр. по Карповкѣ, № 51. № 3215. 1—1

Библиотека "Руниверс"

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, 17 и 18, Москва, Петровка, д. № 5, Михалкова.

поступили въ продажу слѣдующія **СОЧИНЕНІЯ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ** въ новыхъ изданіяхъ:

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. И. ГНѢДИЧА,
съ портр. поэта, гравюр. на стали, факсимиле и біографіею, сост. М. Виленкинымъ. Первое посмертное изданіе. 3 т., 16 д. л. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 50 к.; въ изящн. календ. перепл. ц. 6 р. 75 к. съ пер. 8 р.

Въ это собран. сочин. поэта вошелъ прежде всего знаменитый переводъ Гомеровой Иліады, который доставилъ Гнѣдичу почетное мѣсто въ нашей литературѣ и неумирающую славу. Кромѣ „Иліады" помѣщены стихотворенія, въ которыхъ такъ ярко и прекрасно выставлена то искренняя радость, то тихая грусть, выраженныя простымъ но поэтическимъ языкомъ, какъ напр. знаменитая лебединая пѣснь поэта „Ласточка". Тутъ же помѣщены „Простонародныя пѣсни Грековъ", траг. „Танкредъ", эпиграммы, посланія и т. п.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
И. ЛАЖЕЧНИКОВА,
съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, факсимиле и біографіею, сост. С. А. Венгеровымъ. Посмертное полное изданіе. 12 то. въ 16 д. л. Ц. 18 р., съ пер. 20 р.; въ изящн. перепл. ц. 23 р. 50 к., съ пер. 26 р.

Лажечниковъ однимъ изъ любимѣйшихъ нашихъ писателей. Имя его нѣтъ никакой возможности отдѣлить отъ именъ Загоскина, Гончарова, Писемскаго, Тургенева и др., и его слава—одна изъ тѣхъ, которыя не теряютъ своего блеска отъ времени. Особеннаго вниманія заслуживаютъ его историческіе романы, изображающіе событія временъ Анны Іоанновны, Петра II и др. Характеръ всѣхъ произведеній Лажечникова серьезно-нравственный.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ
В. БЕНЕДИКТОВА,
подъ редакціею и съ біографіею Я. Полонскаго и портретомъ автора на стали. Посмертное полное изданіе. 3 т. въ 16 д. л. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 25 к.; въ изящн. перепл. ц. 6 р. 75 к., съ перес. 8 р.

Стихотворенія Бенедиктова всегда пользовались громкою извѣстностью и громаднымъ успѣхомъ во всѣхъ словахъ современнаго общества. Стихотворенія эти представляютъ не только историческій, но и чисто-художественный интересъ. Они носятъ на себѣ отпечатокъ крупнаго, несомнѣннаго и недюжиннаго таланта, а звонкій, часто блестящій стихъ, при неподдѣльномъ лиризмѣ автора, поражаетъ своимъ огнемъ, свѣжестью и красотой.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО,
съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, факсимиле и біографіею. Посмертное полное изданіе. 20 томовъ въ 16 д. л. Подписная цѣна до выхода первыхъ 10-ти томовъ 30 р., съ перес. 35 р. (Сумма эта можетъ быть внесена въ 2 срока по 15 р.).

Вся образованная Россія знаетъ и чтитъ имя Писемскаго, какъ одного изъ первоклассныхъ нашихъ писателей-романистовъ. Реалистъ въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова, Писемскій пріобрѣлъ себѣ, знаменитыми своими романами: „Тысяча душъ", „Взбаламученное море", громкую славу не только въ Россіи, но и далеко за предѣлами ея. Въ настоящемъ изданіи Писемскій является въ первый разъ въ совершенно полномъ видѣ.

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ продаются также сочиненія всѣхъ другихъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, между прочими: **ДАЛЯ** (8 т. Ц. 12 р., съ пер. 14 р. 50 к.), **МИЦКЕВИЧА** (5 т. Ц. 12 р. 50 к., съ пер. 15 р.), **ГЕЙНЕ** (16 т. Ц. 25 р., съ пер. 30 р.), **ЛЕССИНГА** (5 т. Ц. 12 р. 50 к., съ пер. 15 р.).

Всѣ сочиненія имѣются также въ изящныхъ, нарочно сдѣланныхъ, каленкоровыхъ, библіотечныхъ переплетахъ; за переплеты эти считается по 75 коп. за томъ. № 3212

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ,
СОБИРАТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ МОСКВѢ,

имѣетъ честь извѣстить, что онъ переѣхалъ съ Петровки на Малую Дмитровку, въ домъ графа Васильева-Шиловскаго, и что теперь, какъ и прежде, покупаетъ по высокой цѣнѣ слѣдующія вещи. Какъ-то: старинный сѣверскій и саксонскій фарфоръ, бронзовые часы, канделябры, настѣнники и группы, золотыя эмальированныя табакерки, серебряные кубки, кружки, бокалы и проч.; мебель съ богатымъ бронзовымъ украшеніемъ, съ фарфоровою инкрустаціею, гобелены, шелковыя и бархатныя матеріи, вышитыя золотомъ и серебромъ, старинныя кружева, какъ то: Points d' Alençon, Points de Venise, Points d' Argentan, фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра и вообще всякаго рода древности изящной работы прошедшихъ столѣтій до временъ Екатерины II-й.

Просятъ адресоваться лично или письменно: Г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ, Москва, Малая Дмитровка, домъ графа Васильева-Шиловскаго. Л. № 3191 6 1

Страхованіе пенсіи на старость.

ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду стрвхуетъ себѣ пенсію (доходъ) въ

1,000 РУБ. ЕЖЕГОДНО,

уплата которой начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста застрахованнаго и продолжается до его смерти.

За это страхованіе слѣдуетъ платить Страховому Обществу „РОССІЯ" до начала пенсіи по 29 руб. 64 коп. чрезъ каждые три мѣсяца.

Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ

СТРАХОВАГО ОБЩЕСТВА „РОССІЯ",

выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами. № 2874

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ЗАКОНЫ О ГРАЖДАНСКИХЪ ДОГОВОРАХЪ

общепонятно изложенные и объясненные, съ указаніемъ ошибокъ, встрѣчающихся при совершеніи, толкованіи и исполненіи договоровъ и съ приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ. Составилъ мировой судья В. Фазмановскій. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Одобрено Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія. Спб. 1884 г., около 200 стр. Цѣна 1 р. 25 к. № 3184

НОВОСТЬ! Необыкновенная игра въ „ЛОШАДКИ"

Каталогъ интересн. новостей высылается каждому за 1 марку въ 7 коп.

съ интереснымъ складнымъ КНУТИКОМЪ.

Въ немъ азбука, картинки, сказки Птички-Невелички и проч. полезные и изящн. предметы для дѣтей. Продается во всѣхъ игрушечныхъ и бумажныхъ магазин., ц. 65 к. Полная игра съ возжами—1 р. 25 к. Иногороднымъ обращаться въ СПБургъ, въ Маст. дѣтск. игръ Б. И. Шайневича, Торговая, д. 3. Цѣна съ перес. и упак. во всей Росс. Имп.: однимъ кнутикъ 95 к.; полная игра, съ возжами, въ Евр. Россіи 1 р. 75 к., въ Азіатск. Росс. 2 р. Торговцамъ, выписывающимъ 5 экз., дѣлается 25% уступки. № 3206

Поступило въ продажу второе изданіе книги

СРЕДИ ПРИРОДЫ.

А. Острогорскаго. Съ рис. Ц. 1 р. 30 к., въ папкѣ 1 р. 50 к. Складъ въ книжн. магаз. Стасюлевича.

Того же автора: 1) Матеріалы по методикѣ геометріи. Ц. 1 р. 2) Дѣтскій Альманахъ. Ц. 1 р. 3) Въ своемъ кругу. Ц. 1 р. 50 к. 4) У рабочихъ людей. Ц. 1 р. № 3205 1-1

только Кинунена **ЭЛЕОПАТЪ.**

ПРОВИЗОРА КИНУНЕНЪ

только Кинунена **ЭЛЕОПАТЪ.**

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ „ЭЛЕОПАТЪ"

противъ выпаденія волосъ, для роценія, укрѣпленія ихъ корней и ПРОТИВЪ СТОЛЬ ВРЕДНОЙ ДЛЯ РОСТА ВОЛОСЪ ПЕРХОТИ ГОЛОВЫ, занимающій безспорно первое мѣсто—одобренное и испытанное безподобное средство—между всѣми косметиками, рекомендованными въ Европѣ и нынѣ существующими въ продажѣ.

Сохраненіе волосъ составляетъ одну изъ немаловажныхъ заботъ всего образованнаго общества.

Одна изъ главныхъ причинъ выпаденія волосъ, вслѣдствіе болѣзни кожи и ихъ корней, лежитъ въ томъ, что накопляющійся жиръ, вмѣстѣ съ отдѣленіемъ весьма часто и ѣдкаго пота и медленно отсланвающейся кожицей (epidermis) съ эпителіемъ образуютъ перхоть, препятствующую доступу воздуха къ корнямъ волосъ (волосяныя луковицы) и правильному питанію ихъ лимфой (соками). Длина и густота волосъ находится въ прямой зависимости отъ количества и качества соковъ—лимфы, составляющей ихъ почву, а потому при ослабленіи этихъ питательныхъ соковъ, волосы, достигнувъ только извѣстной длины, начинаютъ тогда сѣчься и выпадать, а если выростаютъ, то въ видѣ сухаго и безъ блеска короткаго пушка.

Опытомъ достигнутые результаты достаточно представляли „ЭЛЕОПАТЪ" пр. Кинунена какъ ничѣмъ незамѣнимое средство, какъ останавливающее самое сильнѣйшее вылѣзаніе волосъ, а также противъ сухости, ломкости, сѣченія и расщепленія волосъ. „ЭЛЕОПАТЪ" Провизора КИНУНЕНА также какъ увеличивающій и развивающій густоту волосъ препаратъ, придаетъ волосамъ бархатность и мягкость, пріятно оживляетъ головную кожу, и предупреждаетъ появленіе на ней лишаевъ, сыпей, прыщей, бутоновъ, угрей и т. п., одновременно предохраняя кожу отъ частаго ихъ повторенія.

„ЭЛЕОПАТЪ" только провизора КИНУНЕНА имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи, во всѣхъ большихъ аптекахъ, а также во всѣхъ значительныхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Жители уѣздныхъ городовъ выписываютъ „ЭЛЕОПАТЪ" только КИНУНЕНА изъ ближайшихъ отъ нихъ губернскихъ городовъ, гдѣ только имѣется аптекарск. магазинъ или аптека, но не менѣе 2 флаконовъ. Почтовый расходъ и упаковка на счетъ покупателя.

Цѣна 1 флакону, въ С.-Петербургѣ, содержащему 120 грам. 1 р. 50 к., въ магазинѣ гг. Штоль и Шмита, по М. Морской, въ соб. домѣ или въ маг. Русск. Общ. торговли Аптек. тов., въ соб. домѣ, по Казанской.

Въ Москвѣ: Дело у гг. Ралле и К°, Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова, Его Императорскаго Величества придворные поставщики; въ магаз. С.-Петербургской Химической Лабораторіи, въ домѣ бр. Третьяковыхъ, на Кузн. мосту; Апт. маг. К. И. Феррейнъ, по Никольской улицѣ; у г. Брунсъ, на Моросейкѣ, въ д. Еремѣевыхъ; у гг. Келера и К°, Гетлингъ и Штокмана, Эмиля Керстана, на Тверской, Безбардиса, у Арбат. воротъ, у Пончковскаго, Л. К. Зенгеръ, Г. Лангенбанъ, Лютеръ и Гиршфельдъ, Н. П. Матейсенъ, Роде и Фиддеръ, Борхартъ на Моросейкѣ, В. С. Копытовъ, Чижовъ, и другихъ первоклассныхъ большихъ складахъ аптекарскихъ матеріаловъ и косметическихъ товаровъ Москвы и друг. город. Россіи.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Такъ какъ часто на предметы, пользующіеся хорошимъ реноме, находятся подражатели, то нашлись подражатели и моего препарата, Элеопатъ КИНУНЕНА, которые подражая внѣшнему виду, поддѣлываютъ наружную оболочку флаконовъ, этикеты и прочіе внѣшніе знаки, совершенно сходные съ моими, а посему я позволяю себѣ предостеречь почтеннѣйшую публику отъ этой фальсификаціи, прося ее при покупкѣ моего Элеопата обращать вниманіе на фирму и помнить фамилію мою, провизора КИНУНЕНА; всѣ прочія названія, походящія на Элеопатъ, мнѣ не принадлежатъ—спрашивайте только—провизора КИНУНЕНА Элеопатъ.

Заказы на Элеопатъ можно адресовать и въ С. Петербургъ: вотъ адресъ: въ главное депо Элеопата провизора КИНУНЕНА въ С.-Петербургѣ.

Провизоръ КИНУНЕНЪ и К°.

При этомъ № прилагаются для гг. иногородныхъ подписчиковъ (за искл. московскихъ) 1) объявленіе отъ книжнаго магазина В. И. Губинскаго въ СПБ., 2) прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 29 февраля 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Издаваемая А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 10 | годъ XV | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис) Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 10 Марта 1884 г.

Открыта подписка на „Ниву" 1884 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. — руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9 И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 8 ч. ВЕЧЕРА.

Франсуа Коппе.

Недавно одинъ изъ современныхъ поэтовъ Франціи, Франсуа Коппе, избранъ въ члены Французской Академіи.

Среди современныхъ французскихъ поэтовъ, Франсуа Коппе, послѣ Виктора Гюго, пользуется самою обширною популярностью во Франціи и его произведенія жадно читаются самой разнообразной публикой. Эта популярность основывается какъ на симпатичности его таланта, на глубокой реальности созданныхъ имъ типовъ и образовъ, такъ и на блестящемъ гармоническомъ стихѣ, которымъ Коппе владѣетъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Въ послѣднемъ отношеніи Франсуа Коппе занимаетъ теперь второе мѣсто послѣ маститаго Виктора Гюго. Не на случайныхъ произведеніяхъ зиждется его слава: Франція любитъ и чтитъ Коппе какъ симпатичнаго поэта, умѣющаго самой простой, обыденной сценой увлечь и тронуть читателя, умѣющаго изъ каждаго скромнаго простяка сдѣлать героя трогательной поэмы, заинтересовать его печалями и радостями и заставить плакать надъ его печальною судьбою. Какъ вѣрный сынъ Парижа, къ которому онъ, по собственнымъ словамъ, чувствуетъ какую-то болѣзненную привязанность, онъ съ особенно нѣжнымъ чувствомъ изображаетъ типы парижскихъ пролетаріевъ и подъ его искуснымъ перомъ всѣ мелкія подробности ихъ быта и обстановки становятся привлекательными и глубоко-поэтичными, несмотря на кажущуюся ихъ обыденность и тривіальность.

Франсуа Коппе. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Франсуа Коппе—парижанинъ какъ по рожденію, такъ и по воспитанію. Онъ родился въ Парижѣ въ 1842 году и воспитывался въ лицеѣ Св. Людовика, откуда, впрочемъ, по слабому здоровью, вышелъ раньше окончанія курса. Оставивъ лицей, онъ занялъ очень скромное мѣсто въ военномъ министерствѣ, усердно предался чтенію и время отъ времени писалъ стихи, которые потомъ безъ сожалѣнія сжигалъ, томимый недовѣріемъ къ своему дарованію. Только въ 1866 году онъ сталъ серьезно заниматься поэзіей, сдѣлавшись членомъ литературнаго кружка, по-

Библиотека "Руниверс"

спившаго громкое названіе „Парнаса“ и собиравшагося подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго поэта Леконта де-Лиля. Здѣсь Копе выработалъ и усовершенствовалъ свой стихъ и уже смѣло выступилъ на поприщѣ поэта. Въ 1866 же году появился его первый сборникъ стихотвореній, названный имъ „Reliquaire“, а вслѣдъ затѣмъ второй „Intimités“, описывающій въ чудныхъ, гармоническихъ строфахъ любовь поэта. Какъ тотъ, такъ и другой сборникъ имѣлъ большой успѣхъ, и извѣстность Копе была обезпечена. Кромѣ того онъ помѣщалъ очень много стихотвореній въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ поэма „Olivier et Angelus“ быстро доставили ему первенствующее мѣсто среди молодыхъ поэтовъ Франціи. Что же касается до сборниковъ своихъ стихотвореній, то Копе потомъ издалъ ихъ цѣлый рядъ подъ самыми разнообразными названіями: „Cahier rouge“, „Recits et Elégies“, „Promenades et Interieurs“, „Recits epiques“ и наконецъ „Recits modernes“ и „Les humbles“. Особенно блестящій успѣхъ имѣли два послѣдніе сборника, въ которыхъ поэтъ преимущественно знакомитъ своихъ читателей съ простыми, народными типами, то со старой дѣвушкой, которая жертвуетъ своимъ счастьемъ ради своего больнаго брата, то съ невѣстой моряка, ожидающей цѣлыя десять лѣтъ возвращенія своего жениха, то съ бѣдной продавщицей газетъ, то съ маленькимъ лавочникомъ, начинающимъ свою дѣятельность въ душной и темной коморкѣ. Всѣ эти жанровыя картинки, несмотря на свою незатѣйливость, подъ перомъ Копе блещутъ жизнью и яркостью, сохраняя при этомъ неизмѣнно какой-то меланхолическій характеръ. Копе пишетъ также и для театра и его драматическія произведенія имѣли даже большой успѣхъ, какъ напримѣръ, комедія „Прохожій“ и драма „Северо Торелли“. Послѣдняя, недавно поставленная на сценѣ Одеона, очень нравится публикѣ своимъ эффектнымъ содержаніемъ, взятымъ авторомъ изъ итальянской средневѣковой жизни и обработаннымъ имъ съ большимъ искусствомъ и глубокимъ поэтическимъ чувствомъ.

Въ старой Москвѣ.

Историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ,

Гр. Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

I.

Три брата Гурьевы и Петръ Хрущевъ дѣйствительно вели себя невообразимо странно и глупо за послѣднее время. Виноватъ былъ старшій Семенъ... Онъ дѣйствовалъ какъ бы въ чаду собственныхъ измышленій и грёзъ... Всякій день все болѣе и болѣе народу собиралось въ квартирѣ на Плющихѣ. Самому Семену Гурьеву его квартирка уже напоминала квартиру Григорья Орлова, на Морской въ Петербургѣ, гдѣ съ января до іюня того же года, замышлялся и готовился ударъ въ пользу государыни.

Семенъ Гурьевъ уже воображалъ, что его дѣло—дѣло всей Россіи.

Молодежь и офицеры, съ утра до вечера толкавшіеся въ этомъ домѣ на Плющихѣ, собирались отъ праздности поболтать или просто даромъ отобѣдать и выпить на счетъ тароватыхъ хозяевъ. Всѣ они конечно соглашались во всемъ съ этими хозяевами, внимательно ихъ выслушивали, поддакивали и вторили имъ, но за глаза посмѣивали на смѣхъ.

— Вишь, Орловыхъ изъ себя корчатъ! вѣрно опредѣляли нѣкоторые.

Семенъ Гурьевъ, чтобы придать себѣ болѣе значенія, а со своего дѣла снять отпечатокъ безцѣльнаго празднословія, сочинялъ всякія небылицы, не только дѣла, которыхъ не предпринималъ никто, но даже лицъ никогда не существовавшихъ.

Въ числѣ героевъ этого quasi заговора на Плющихѣ, явился такимъ образомъ полковникъ Лихаревъ или Лихачевъ, который будто бы былъ уже на пути въ Шлюссельбургъ, чтобы спасать принца Іоанна и похитивъ его—провозгласить императоромъ. Между тѣмъ этотъ Лихачевъ-Лихаревъ—никогда и не существовалъ въ дѣйствительности. Его выдумалъ Семенъ Гурьевъ съ братьями.

Точно также дѣйствовалъ со своей стороны Петръ Хрущевъ. Онъ постоянно ссылался на участіе въ ихъ дѣлѣ, на согласье и поддержку такихъ лицъ, какъ Панинъ, Шуваловъ, Минихъ и другихъ, менѣе важныхъ.

Самые недальновидные люди удивлялись дерзости болтливыхъ офицеровъ на Плющихѣ или подсмѣивались надъ ихъ водотолченьемъ.

Но актеры, игравшіе сначала предъ публикой и морочившіе ее—скоро увлеклись игрой и стали сами себя морочить.

Они вообразили себя искренно тѣмъ, за что прежде хотѣли прослыть. Они вообразили въ самомъ дѣлѣ, что они центръ, ядро громаднаго числа недовольныхъ, люди призванные спасти отечество. Они вообразили подъ собой твердую почву, и увидѣли за собой, какъ бы находясь въ угарѣ,—всю Россію.

— Мы—сила! Съ нами теперь хоть Фридриху потягаться! сказалъ однажды даже Иванъ Гурьевъ.

Отъ словъ пустой болтовни пополамъ съ виномъ и картами — незамѣтно перешли заговорщики къ дѣлу, т. е. къ нелѣпымъ поступкамъ. Коноводы — Семенъ Гурьевъ и Петръ Хрущевъ рѣшили узнать наконецъ навѣрное отъ многихъ сановниковъ, могутъ ли сторонники принца Іоанна разсчитывать на ихъ прямую и явную поддержку. Къ самымъ виднымъ лицамъ собрались они ѣхать съ опросами. И когда? Въ самый разгаръ торжества коронованія.

Петръ Хрущевъ отправился къ знаменитому основателю московскаго университета Ивану Ивановичу Шувалову, который по роду жизни и занятій показался Гурьевымъ въ числѣ самыхъ ожесточенныхъ „недовольныхъ“.

Шуваловъ жилъ въ Москвѣ уединенно, тихо и скромно, почти безвыѣздно сидѣлъ дома, не являясь ни на одно празднество. Онъ работалъ съ утра до вечера, писалъ, читалъ, и заваленный книгами, мечталъ только объ одной перемѣнѣ для себя: уѣхать и отправиться путешествовать за границу. Это было его завѣтной мечтой, о которой онъ переписывался съ другомъ Дидеротомъ еще въ царствованіе своей благодѣтельницы Елизаветы. А теперь, при новомъ правительствѣ, будучи нелюбимъ Екатериной и не имѣя „своего мѣста“ при новомъ дворѣ—Шуваловъ рѣшился окончательно покинуть родину, уѣхать и надолго...

Впослѣдствіи онъ и исполнилъ свое желаніе и пробылъ пятнадцать лѣтъ подъ рядъ въ разныхъ государствахъ Европы.

Заговорщикъ и злоумышленникъ, явившійся къ Шувалову—предлагалъ перевороты; да еще немного выпившій дома „для куражу“—разсмѣшилъ Шувалова.

— Много васъ, такихъ политиканов, г. Хрущевъ? спросилъ Шуваловъ у оратора-гостя.

— Насъ тысячи... Вся гвардія!.. сказалъ офицеръ, искренно вѣровавшій въ свое собственное измышленіе.

— Да вся гвардія, сказалъ Шуваловъ, два мѣсяца тому назадъ... Больно скоро ужь обернулись. Эдакъ и у дикихъ племенъ самоѣдскихъ не бываетъ.

На всѣ разспросы и на все краснорѣчіе Хрущева — Шуваловъ отвѣчалъ шуткой.

— Стало быть, вы за нынѣшнее правленье? Вамъ Орловы по сердцу? сказалъ наконецъ Хрущевъ.

— Нѣтъ... Лгать не стану. Говорю вамъ прямо, платя вамъ тою же монетою, т. е. откровенностью. Я веду опасныя рѣчи, въ надеждѣ, что это останется не оглашеннымъ.

— За кого же вы стоите? Кого бы вы желали?

Библиотека "Руниверс"

— Елизавету Петровну.

— Она же скончалась?!

— Да. Царство ей небесное. Раньше времени. Дожить бы ей до совершеннолѣтія Павла Петровича и было бы благоденствіе.

— И за насъ вы стоять не будете... спросилъ Хрущевъ.

— Выѣденнаго яица не дамъ. Да и вы, извините, въ потьмахъ бродите. Принцъ двадцать лѣтъ въ безуміи. Онъ самъ ѣсть не можетъ. Его кормятъ какъ младенца. Это я знаю отъ вѣрныхъ лицъ.

Хрущевъ вытаращилъ глаза.

— Вотъ видите. Вы хлопочете сами не знаете за что.

— Да правда ль это?

— Мое вамъ въ этомъ, молодой человѣкъ, дворянское слово... Я никогда еще не солгалъ. Моя честь вамъ порукою.

Между тѣмъ Семенъ Гурьевъ, снарядивъ товарища къ Шувалову, къ „фронцёру", какъ его звали со словъ императрицы, т. е. „frondeur", самъ отправился къ Н. И. Панину. Вельможа удивился, что незнакомый и вдобавокъ армейскій офицеръ желаетъ его видѣть и настоятельно проситъ принять по важному „статскому" дѣлу. Подобные разъѣзды офицеровъ и появленія ихъ у вельможъ бывали зачастую, за прошлые полгода, въ Петербургѣ, передъ іюньскимъ переворотомъ.

— Но теперь-то?! подумалъ озадаченный Панинъ.

И онъ послалъ своего дворецкаго, умнаго старика, спросить у офицера Гурьева, не отъ Орлова ли онъ пріѣхалъ?

Гурьевъ велѣлъ отвѣтить, что онъ съ господиномъ Орловымъ былъ пріятель, но разознакомился, а пріѣхалъ отъ себя самого. Панинъ заставилъ дворецкаго два раза повторить себѣ этотъ отвѣтъ.

— А, вотъ какъ?!. Ну, такъ поди скажи, чтобы онъ къ себѣ самому обратно ѣхалъ и отвезъ бы отвѣтъ, что такой рекомендаціи мнѣ слишкомъ мало.

Дворецкій точно исполнилъ порученіе.

— Хорошо. Мы это, скажи Никитѣ Иванычу, запомнимъ, дерзко отвѣтилъ Гурьевъ и уѣхалъ.

— Однако имя и фамилію, на всякій случай, записать надо, рѣшилъ Никита Иванычъ и въ записной книжкѣ вписалъ, улыбаясь иронически и ядовито:

„Семенъ Гурьевъ, поручикъ Нигерманландскаго полка. Первый волонтеръ будущаго легіона „фрондёровъ".

Гурьевъ, какъ собирался, объѣхалъ еще трехъ лицъ. Одного не засталъ дома, другаго удивилъ пріѣздомъ и его, съ первыхъ словъ, хозяинъ попросилъ удалиться, принявъ за пьянаго, хотя Гурьевъ не выпилъ для куражу, какъ Хрущевъ.

Третій, для визита намѣченный Гурьевымъ, былъ москвичъ и, по собраннымъ свѣдѣніямъ, „вѣдмедь", домосѣдъ и коритель всего питерскаго. Это былъ самъ князь Артамонъ Алексѣевичъ Лубянскій.

Здѣсь Гурьева наивно приняли тотчасъ, даже любезно и ласково. Князь зналъ всѣ дворянскія фамиліи и не разъ слышалъ объ офицерахъ Гурьевыхъ отъ Борщева. И онъ объяснилъ себѣ этотъ визитъ по своему.

— Отъ внука пожаловали? спросилъ онъ, принявъ и усадивъ офицера въ гостиной.

Но съ первыхъ же словъ предисловія Гурьева—князь раскрылъ широко глаза, раскрылъ ротъ и не зналъ, что съ нимъ творится: бредитъ онъ, или въ явѣ видитъ предъ собой умалишеннаго.

— Будете ли вы, князь, всячески, даже иждивеньемъ, денежной помощью, стоять за наше дѣло, говорилъ Гурьевъ, уже успѣвъ нагородить кучу всякой всячины о своемъ планѣ.

— Что вы, государь мой?.. Да что-жь это ваши родственники смотрятъ.. Какъ же это такъ васъ на свободѣ гулять оставляютъ? искренно, прямо, но и наивно высказался князь, полагая, что можно безумнаго убѣдить въ его безуміи и посовѣтовать что либо.

— Я не безумный, князь! разсмѣялся Гурьевъ. Братьевъ Орловыхъ тоже называли въ Петербургѣ безумными и озарниками за весь великій постъ. Въ апрѣлѣ они уже были молодцами, въ маѣ уже запахло отъ нихъ вельможествомъ, и сановники къ нимъ ѣздили запросто въ гости, а въ іюнѣ, какъ вамъ извѣстно, они вышли герои. А нынѣ, нынѣ они—все!.. Покуда Гурьевы ихъ не замѣстятъ при перемѣнѣ правительства! прибавилъ онъ самодовольно.

— Да неужто же мой внукъ, Борисъ, надоумилъ васъ ѣхать ко мнѣ съ такими рѣчами? спросилъ князь.

— Нѣтъ. Я самъ васъ намѣтилъ. Вы богачъ и не любите нынѣшніе порядки; вообще—вы бояринъ съ твердымъ нравомъ. Вы намъ очень можете быть полезны.

— Полезенъ? Скажы на милость... прыснулъ князь. Да на какое же дѣло?

— На всякое. И на главное наше дѣло!

— А какое же ваше главное дѣло, смѣю спросить?

— Перемѣна... Прежде же всего искоренить Орловыхъ. Хоть перебить ихъ изъ ружей.

— Палить-то въ нихъ, вы мнѣ же поручите?

— Если угодно, вы можете быть съ нами.

Князь говорилъ медленно и съ довольно серьезнымъ лицемъ. Гурьевъ, увлеченный своими грезами, а главное, своею ролью „дѣйствователя", говорилъ громко, горячо и довольно складно, слушая свою рѣчь и не наблюдая за княземъ. Но вдругъ онъ пришелъ въ себя.

— Котораго же изъ братьевъ мнѣ прикажете застрѣлить? спросилъ князь.

— Котораго хотите.

— А нельзя-ли ужь парочку?..

И князь вдругъ закатился такимъ раскатистымъ хохотомъ, что повалившись на спинку кресла, началъ вскорѣ уже стонать, держась за животъ обѣими руками.

— О-охъ! О-охъ! стоналъ князь.

Двое слугъ прислушивались изъ передней, но такъ какъ они не могли разобрать сдавленнаго смѣха, а разслышали только странныя стенанья барина, то перепуганные бросились въ гостиную.

Въ тоже время, въ другую дверь, появилась съ озабоченнымъ видомъ Настасья Григорьевна, а за ней на смерть перепуганная Агаша.

— Ой-ой-ой! стоналъ князь и, отпадая туловищемъ отъ спинки кресла, качался изъ сторону въ сторону и ложился то на одну ручку кресла, то на другую.

Гурьевъ сидѣлъ пунцовый отъ злобы и стыда. Слишкомъ поразительно искренснъ былъ смѣхъ князя Лубянскаго.

И дѣйствительно, Артамонъ Алексѣевичъ, быть можетъ, уже лѣтъ двадцать не хохоталъ такъ, отъ всей потрясенной весельемъ души.

Наконецъ онъ вдругъ смолкъ и лице его стало даже серьезно. Сильная колика схватила его и уже причиняла страданье...

Нѣсколько разъ при возвращавшейся мысли и при видѣ сидящаго предъ нимъ Гурьева, снова срывался было смѣхъ, но боль превозмогала тотчасъ же и князь удерживался, едва переводя дыханіе и утирая слезы на лицѣ.

Люди стали почтительно у дверей. Настасья Григорьевна подошла и, узнавъ, что дядя только смѣялся, начала улыбаться...

— Ну, сударь, увольте... выговорилъ наконецъ князь, вставая и показывая на передній уголъ, гдѣ висѣлъ образъ... и на дверь. Спасибо, что распотѣшили стараго. Я эдакъ съ молоду не смѣялся. Но болѣ не могу. Въ мои годы это вредно и даже можетъ выдти смертельно. Прощайте.

Гурьевъ всталъ, и злобно, презрительно окинувъ всѣхъ глазами—молча и быстро вышелъ изъ гостиной.

— Охъ, шалый... Еще бы минуточка, обратился князь къ племянницѣ, и онъ бы меня, голубчика, укусилъ.

Библиотека "Руниверс"

Задумалась. Съ картины Павла Вагнера, грав. М. Веберъ.

Библиотека "Руниверс"

— Бѣшеный! воскликнула Настасья Григорьевна.

— Совсѣмъ. Поди, теперь, что народу перекусаетъ, покуда не засадятъ самого.

— Создатель мой! ахнула Борщева. Бѣдняга... Отчего, не знаете? Волкъ укусилъ!

— Нѣтъ, племянница... Это такая особая хворость... заговорилъ князь серьезно,—недавно въ Питерѣ стала ходить. Вдругъ захватитъ человѣка... А теперь вотъ, жди, еще хуже будетъ народъ, т. е. офицеровъ перебирать...

— Что-жь такъ?

— Орловы братья—виноваты!

— Орловы! ахнула Настасья Григорьевна. Колдуютъ? Хворость въ народъ пущаютъ!..

Князь началъ снова хохотать до упаду...

II.

Въ Москвѣ, послѣ торжественнаго въѣзда императрицы, все готовилось къ празднеству коронаціи, которая была назначена на 22 сентября.

Человѣкъ, наименѣе обращавшій вниманіе на все совершавшееся вокругъ него, на хлопоты и празднества, и всеобщее радостное смятеніе во всей бѣлокаменной столицѣ—былъ, конечно, сержантъ Борщевъ.

Онъ былъ поглощенъ одной мыслію: спасти Анюту отъ брака съ сенаторомъ Каменскимъ и рѣшиться наконецъ на отчаянный шагъ, женитьбу—которая, по всеобщему убѣжденію, должна была привести обоихъ къ заточенію въ разные монастыри. Но такъ какъ они оба рѣшили не сдаваться и не оставаться добровольно келейниками, то, стало быть, послѣ такого исхода приходилось быть готовыми на новую борьбу и новые подвиги мужества.

— А что если и впрямь придется бѣжать изъ предѣловъ россійскихъ, думалъ Борщевъ,—и идти на службу къ Крымскому хану. Мнѣ, гвардейцу и православному. Фу, Господи! Какое въ свѣтѣ бываетъ на людей диковинное стеченіе обстоятельствъ. Хорошо Анютѣ. Она и впрямь не русская духомъ и силою... Можетъ ей тамъ, у хана-то, покажется привольно, какъ на родинѣ. Кровь крымская заговоритъ, материнская... А я то вѣдь совсѣмъ тулякъ, а не татаринъ.

И молодому человѣку представлялся вопросъ, печалиться или смѣяться, въ виду своего будущаго. Выходитъ и грустно, но забавно.

Вдобавокъ Борисъ былъ убѣжденъ, что князь, оскорбленный въ своей отцовской и боярской гордости, на все пойдетъ. Онъ воспользуется конечно пребываніемъ въ Москвѣ новаго правительства и многихъ друзей-сановниковъ, чтобы лихо отомстить внуку за позоръ и за поруганіе его дома. На увозъ дочери изъ дома и вѣнчаніе самокруткой, безъ согласія и благословенія родителей, все общество смотрѣло почти какъ на преступленіе, равное грабежу и даже убійству. А тутъ еще родственныя отношенія, т. е. преступленіе противъ законовъ церковныхъ, стало быть—поруганіе религіи.

— Да, богохульствомъ такъ и поставятъ! рѣшилъ Борисъ. Захотятъ,—кто въ силѣ, да во власти, такъ изъ меня злодѣя хуже Стеньки Разина сдѣлаютъ, а за богохульство не монастыремъ уже пахнетъ, а Сибирью.

Однако, вмѣстѣ съ этими разсужденіями, Борисъ не падалъ духомъ и, получивъ деньги отъ матери, тотчасъ принялся за хлопоты. Прежде всего онъ розыскалъ квартиру Алексѣя Хрущева. Онъ вспомнилъ ласковую рѣчь молодаго „рябчика“ и предложеніе любовное и дружеское услугъ и помощи въ тотъ день, когда онъ просилъ его одолжить ему простое платье.

Хрущевъ жилъ неподалеку отъ Плющихи, остановившись у одинокой старушки, родственницы по матери, госпожи Основской.

Большой домъ, деревянный съ балконами, въ родѣ усадьбы, представился глазамъ Борщева, когда онъ съ трудомъ розыскалъ его за Прѣсненскими прудами. Вокругъ дома не было никакихъ построекъ, никакого жилья. Громадный дворъ, или скорѣе поляна, сплошь покрытая осенней, желтой травой и лужами, разстилалась передъ домомъ и по ней, извиваясь какъ проселокъ, зигзагами, шла наѣзженная дорога, отъ воротъ къ крыльцу барскому. За домомъ былъ большой садъ, въ двѣ или три десятины, за которымъ начинался заросшій, густой лѣсъ, протянувшійся вплоть до Москвы-рѣки, и до села Петровскаго. Основская дѣйствительно жила здѣсь не въ качествѣ обывательницы города Москвы, а въ качествѣ помѣщицы. Дѣды ея выстроили домъ въ купленномъ имѣніи подъ Москвой, стараясь построиться на краю своей земли, поближе въ городу. И вотъ, понемногу, за сто лѣтъ, матушка Москва все ползла и ползла и наконецъ подползла къ самому имѣнію и дому Основской. Царь Алексѣй Михайловичъ еще на охоту сюда ѣздилъ, хотя мѣсто и тогда было уже плохое для дичи, слишкомъ бойкое, но все-жь таки бывали дикія утки, пролетомъ отдыхая на прудахъ. Теперь же тутъ была окраина города.

Старуха жила одна, но съ полъ-сотней дворовыхъ. Родни у ней, кромѣ двухъ братьевъ Хрущевыхъ, не было. Они же были конечно и ея единственные наслѣдники. Основская любила больше Алексѣя, а Петра считала за буяна и пьяницу. А главное Петръ Хрущевъ былъ не достаточно почтителенъ къ ней, не пріѣзжалъ и не писалъ ей поздравительныя письма въ дни именинъ, рожденья, или большихъ праздниковъ. Алексѣй иногда забывалъ тоже эту обязанность, но старуха извиняла его заботами по хозяйству. А Петръ былъ по ея мнѣнію забывчивъ и непочтителенъ отъ картъ, да отъ пьянства. Наконецъ Алексѣй былъ скорѣй москвичъ для старухи, а Петръ, гвардеецъ, Питерскій житель и, стало быть, чуть не басурманъ. Основская знала навѣрное, что въ Питерѣ не болѣе пяти храмовъ Божьихъ, а не „сорокъ сороковъ“—и этого для нея было достаточно, чтобы всѣхъ его жителей считать наравнѣ съ чужестранцами и иновѣрцами.

Сержантъ, еще ни разу не бывавъ прежде у Хрущева, былъ удивленъ не мало, узнавъ какъ мирно и тихо поселился онъ.

— И въ Москвѣ, и въ деревнѣ,—въ одно время, думалъ онъ, проѣзжая верхомъ дворъ.

Хрущевъ увидѣлъ сержанта въ окно и тотчасъ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу на крыльцо.

— Добро пожаловать. Спасибо, крикнулъ онъ. Вотъ не ждалъ. И тетушка рада будетъ тебѣ. И недавніе пріятели, бывшіе когда то въ Петербургѣ въ довольно холодныхъ отношеніяхъ, дружески расцѣловались. Борщева тотчасъ обступила куча дворовыхъ. Лошадь люди приняли и увели, а барина, въ диковинномъ для нихъ мундирѣ, съ поклонами приняли чуть не на руки. Хрущевъ былъ искренно доволенъ и радъ.

— Иди прямо ко мнѣ, пріятель. А потомъ надо будетъ и къ тетушкѣ на минуту завернуть и посидѣть. А то обидится. У насъ гости диковина. Одинъ только Пондурскій капитанъ бываетъ и все про царя Гороха разсказываетъ, какъ при немъ легко на свѣтѣ жилось. Онъ еще Стрѣлецкій бунтъ на Москвѣ помнитъ. Можетъ вретъ, да выходитъ складно, такъ что и не разберешь: самовидцемъ былъ, или отъ мамки наслышался...

Хрущевъ, весело болтая, ввелъ гостя въ маленькую горницу и усадилъ на мягкій диванъ.

— Вотъ и все мое помѣщеніе. Видишь, и кровать тутъ же. А тетушка живетъ въ трехъ горницахъ. Въ остальныхъ—дворня и кошки. Кошекъ, братецъ, регментъ цѣлый!.. И бурыя, и сѣрыя, и бѣлыя, и даже есть одна пунцовая съ двойнымъ хвостомъ. Сказываютъ,—индѣйскаго происхожденія и съ родни самому китайскому императору. Борщевъ молчалъ и невольно смѣялся... Ему стало немного совѣстно того, что Хрущевъ не по-

Библиотека "Руниверс"

дозрѣвалъ даже причины его посѣщенія. Борщевъ пріѣхалъ по дѣлу, съ просьбой просить помощи и совѣта въ пагубномъ дѣлѣ, а Хрущевъ думаетъ, что онъ просто по дружбѣ заѣхалъ навѣстить пріятеля.

— Какъ это я раньше не заглянулъ къ нему, думалъ теперь сержантъ. Было бы лучше, а то прямо съ просьбой.

— А знаешь почему мы тѣснимся такъ внизу, весело болталъ Хрущевъ. Знаешь ли, изъ за какого разсужденія мы имѣемъ по одной горницѣ, когда наверху пятнадцать свѣтлыхъ горницъ, полныхъ какъ чаша всякимъ скарбомъ, или мебелью. Тетушка грабителей боится!

— Какъ грабителей? А дворовые...

— Да. Она говоритъ, что коли кто залѣзетъ теперь, въ тѣсноту нашу, то его и накроютъ; а какъ мы, говоритъ, разбредемся по всему дому, насъ грабители какъ мухъ перехлопаютъ. Да и я, говоритъ, здѣсь, коли крикну, всѣ сейчасъ прибѣгутъ, а наверху въ пятнадцати горницахъ голосу не хватитъ кричать. Меня, говоритъ, и убьютъ въ пространствѣ ненаселенномъ людьми...

— Что-жъ. Вѣдь это истинно! разсмѣялся Борщевъ. Это и насъ учатъ, по воинскому уставу, не разсыпаться передъ непріятелемъ, чтобъ въ одиночку не перебилъ врагъ.

Выждавъ нѣсколько времени, Борщевъ перевелъ разговоръ на Гурьевыхъ и на брата Хрущева, чтобы затѣмъ перейти и къ своему дѣлу.

— Охъ, и не говори, не поминай лучше. Братъ у меня изъ головы не выходитъ. Связался съ этими безпутными Гурьевыми и погляди—бѣда будетъ. Знаешь что, братецъ, я здѣсь сидя подумалъ. Какое великое зло и какой соблазнъ—вы всѣ, гвардія Питерская.

— Что такъ. Помилуй?

— Да съ той поры что преображенцы пошли хотя и противъ Бироновыхъ порядковъ—за матушку Елизавету и дщерь Петрову ратовали, какъ сказывается... А все таки съ той минуты пошло въ гвардіи всякое зло. Попали мужичье-солдаты въ дворяне, стали они лейбъ-компанцы и помѣщики, и вотъ какъ померла императрица—гвардія опять за тоже взялась. Примѣръ соблазнилъ!.. Удача тѣхъ. Да и награды. Чѣмъ Петръ Ѳедоровичъ былъ плохой государь. Мы здѣсь съ тобой одни, можемъ говорить смѣло. Тетушкины кошки и холопы ничего въ этихъ дѣлахъ не смыслятъ. Если и услышатъ—не поймутъ...

— Петръ Ѳедоровичъ нѣмечину завелъ... Онъ даже...

— Все враки, перебилъ Хрущевъ. А Петръ Алексѣевичъ нешто нѣмцевъ не любилъ. А какой царь былъ? Орелъ. Левъ. Драконъ шестикрылатый, какъ въ сказкѣ, о десяти головахъ, да умныхъ, а не глупыхъ.

Борщевъ, чтобы не затягивать разговора, молчалъ. Хрущевъ долго бранилъ гвардію за пьяный переворотъ и наконецъ прибавилъ въ заключеніе:

— Не будь примѣра лейбъ-компаніи не было бы теперь и этого Орловскаго дѣла въ Петровъ день. А не будь этого переворота—не стали бы теперь и Гурьевы сумашествовать да врать. Вотъ погляди, не пройдетъ трехъ лѣтъ, вы, въ Питерѣ, гвардейцы опять взбунтуетесь.

— Какъ можно. Нешто это гвардія! Ты не былъ тогда въ Питерѣ, а я былъ... Тутъ заразъ и весь дворъ и сенатъ и всякаго состоянія люди, всѣ были за одно.

— Примазались къ вамъ, родимый, примазались. А безъ васъ сидѣли бы смирнехонько, будь не только Петръ Ѳедоровичъ, а хоть Иванъ Грозный. Эхъ, я бы теперь батюшку Ивана Васильевича напустилъ бы на Плющиху въ квартиру Гурьевыхъ... Ахъ мои свѣтики-голубчики, что бы онъ изъ нихъ понадѣлалъ... Пѣтушковъ бы бумажныхъ нарѣзалъ изъ нихъ для потѣхи ребятамъ! Хрущевъ сказалъ это такимъ писклывымъ голосомъ, что Борисъ невольно началъ хохотать. Однако время шло, а Хрущевъ своей болтовней не давалъ ему заговорить о дѣлѣ, которое его привело. Борщевъ улучилъ минуту молчанья и, рѣшившись, выговорилъ:

— Пріятель, вѣдь я къ тебѣ съ поклономъ. Я не спроста. Я давно собирался къ тебѣ, да недосугъ былъ. Я такъ и рѣшилъ, когда все перемелется и мука будетъ, или лучше сказать, когда каша заварится и придется расхлебывать—то ѣхать къ тебѣ прямо съ поклономъ. Заступи и пособи по силѣ и охотѣ.

— Что такое?

— Дѣло, братецъ, кровное, сердечное и къ тому же погибельное дѣло. Вотъ на этакое то дѣло я тебя и зову въ чужомъ пиру опохмѣлиться. Знаю, что только истинные друзья на такое зазыванье не отказываютъ. Но вѣдь ты мнѣ самъ тотъ разъ заронилъ слово въ душу. Самъ сказалъ, что готовъ пособить. Ну, вотъ, я и пришелъ. Откажешь въ содѣйствіи, не откажи въ совѣтѣ. Ты старше меня, да со стороны и дѣло всякое видней. А у меня туманъ въ головѣ. Я только вижу, да чую,—чего хочу. А какъ сего достичь—не вижу, не чую и могу на полъ-дорогѣ погибнуть... Да не одинъ... Вотъ что!..

— Не одинъ? Съ кѣмъ же? Съ возлюбленной.

— Да.

— Ну слава Богу! воскликнулъ Хрущевъ и вскочилъ съ кресла. До тѣхъ поръ онъ молчалъ и съ тревогой слушалъ Борщева. Ему чудились въ сержантѣ Гурьевскія затѣи.

— Слава Богу... повторилъ онъ и, протянувъ руки Борщеву, прибавилъ: располагай, родимый,—весь твой. Какъ брату родному готовъ помочь. И болѣе того! Потому что, вотъ родному брату Петру, если съ нимъ будетъ какая бѣда, я помочь не могу, да и охоты не будетъ... Дѣло глупое и такое, къ которому у меня сердце не лежитъ. Не наше помѣщичье, и не ваше офицерское дѣло статскими и государскими дѣлами заниматься. Я знаю соху да борону, да оброкъ, а ты знай артикулъ, караулъ, да вахтъ-парадъ... Ну, а вотъ эдакое дѣло, любовное, мірское дѣло—тутъ я готовъ за друга хоть шею себѣ свихнуть... Говори въ чемъ дѣло.

Борщевъ, ободренный согласіемъ пріятеля, подробно все разсказалъ. Хрущевъ изрѣдка перебивалъ его разспросами. Когда сержантъ кончилъ,—онъ провелъ руками по лицу и задумался. Наступило молчаніе.

— Ну, родимый, заговорилъ наконецъ Хрущевъ, сразу я тебѣ ничего не могу сказать. Дѣло твое путаное. А путаетъ пуще всего меня поведеніе князя. Онъ либо бестія хитрая, прости, что дѣдушку твоего такъ называю; либо онъ пенекъ въ опенкахъ. А дѣло извѣстное, что сіи грибы садятся на самые что ни на есть старые и гнилые пни, которые и на дрова то не годятся. Боюсь я, шибко боюсь...

— Чего?

— Не того, чего ты... Боюся я того, чего тебѣ и въ голову не приходило. Орудуетъ тутъ князь и тебя на самокрутку ведетъ. Ему этого и нужно.

— Зачѣмъ? Что ты! Господь съ тобою!

— Есть за нимъ такія дѣла, что ему нужно дочь въ монастырь упечь...

— Да онъ ее обожаетъ, боготворитъ, нападышется на нее... Что ты?...

— А за стараго пса неволитъ идти. Полно! Сказки. Ну да погоди, оставь меня день, другой. Я москвичей знаю не мало. Потолкаюсь, повыспрошу, познакомлюсь съ этимъ камышевымъ сенаторомъ, представлюсь и къ князю, только не черезъ тебя, а самъ по себѣ. И вотъ какъ войду въ домъ, то и буду тебѣ въ помощь. Это, голубчикъ, главное. А найти попа, тройку, украсть дѣвицу да повѣнчаться—это и сонный сдѣлаетъ безъ запинки. Тутъ мудренаго ничего.

Пріятели рѣшили повидаться черезъ день снова. Борщевъ зашелъ къ старухѣ Основской, отрекомендовался ей и посидѣлъ съ четверть часа.

Основская была очень польщена визитомъ внука князя

Библиотека "Руниверс"

Лубянскаго, у котораго въ домѣ бывала въ молодости, еще при жизни его отца, Алексѣя Михайловича, а затѣмъ однажды на балѣ, уже при княгинѣ Лубянской, супругѣ нынѣшняго князя.

— Ухъ, какая красавица была, эта княгиня. И къ тому же огонь была! вспомнила Основская.

— А что князь, тетушка, простоватый? спросилъ Хрущевъ.

— Князь, хорошій бояринъ, умный. Ему прозвище „загадчикъ" въ Москвѣ.

— Вона какъ? Слышишь, сержантъ? Стало быть онъ хитеръ, тетушка?

— Да, палецъ не клади... Да что-жь... Кому, Алена, нынче можно палецъ класть въ ротъ! Люди—воры нынче.

— Да, нынѣ и беззубымъ нельзя въ ротъ палецъ класть! съострилъ Борщевъ.

— Если я, тетушка, примусь князя надувать, надую я его.

— Зачѣмъ такое... Зачѣмъ тебѣ его надувать?

— Такъ, къ примѣру, тетушка... Надую? Или онъ меня обморочитъ?

— Гдѣ? Ни тебѣ, ни мнѣ... Князь—сама морока! Загадчикъ!

— Слышишь, сержантъ, разсмѣялся Хрущевъ. Сама морока! Старуха вѣрно передала мнѣнье москвичей о князѣ. Хрущевъ, разставаясь съ пріятелемъ, почесалъ шутливо за ухомъ и повторилъ:

— Сама морока!!

III.

Хрущевъ удивилъ Бориса своимъ участіемъ и тѣмъ рвеніемъ, съ которымъ онъ началъ ему помогать. Онъ всю душу положилъ въ свои хлопоты, какъ еслибъ дѣло шло объ его собственной судьбѣ. Черезъ три дня Хрущевъ уже сталъ бывать ежедневно въ домѣ князя, представленный вдобавокъ пріятелемъ самого Камышь-Каменскаго. Самъ же сенаторъ, съ которымъ онъ тоже познакомился, благодаря хитрымъ любезностямъ Хрущева и ухаживанью, очень благоволилъ къ нему и сталъ уже повѣрять ему кой что о своемъ предполагаемомъ бракѣ съ княжной, мысль о которомъ онъ не бросалъ, не смотря на странную и бурную сцену съ ней. Каменскій упрямо, тупо вѣрилъ, что все „обойдется". Онъ даже не счелъ нужнымъ передать князю, какая дикая бесѣда вышла у него съ будущей невѣстой.

Князю Хрущевъ особенно понравился. Князь увидѣлъ въ немъ добраго и честнаго малаго, а главное оцѣнилъ въ немъ молодаго человѣка, не захотѣвшаго служить въ гвардіи и предпочитавшаго быть, какъ и онъ, князь, „рябчикомъ", но на волѣ. Самъ себѣ хозяинъ. Настасья Григорьевна была окончательно обворожена Хрущевымъ, тѣмъ болѣе, что къ ней, какъ къ матери Борщева—молодой человѣкъ относился искренно, почтительно, безъ всякой хитрости. Что касается до веселой Агаши, то Хрущевъ въ одинъ день плѣнилъ ее совершенно тѣмъ, что смѣшилъ и потѣшалъ. Съ Борисомъ они встрѣтились у князя какъ старинные знакомые, еще не видавшіеся въ Москвѣ. Княжна конечно знала черезъ возлюбленнаго, все знала, зачѣмъ и въ качествѣ чего явился въ домъ его пріятель. Хрущевъ выглядывалъ, соображалъ, изучалъ князя, наводилъ справки обо всемъ и обо всѣхъ. Даже Соленушку и Ахмета изучилъ онъ. И особенно не понравилась ему эта Соленушка, которая отъ крещенья стала русской Прасковьей только по имени, но осталась въ душѣ той же Нагайской татаркой Саліэ.

Нѣкоторыя изъ своихъ соображеній и подозрѣній Хрущевъ передавалъ Борису, но по большей части говорилъ:

— Это не твое дѣло. Я взялся за гужъ, ну я одинъ и потяну все. Или гужъ оборву, или надорвусь, или вытяну все. А бросить, не брошу.

Вмѣстѣ съ ухаживаньями за княземъ и за его домочадцами, Хрущевъ не забылъ и всего остальнаго. Вмѣстѣ съ Борщевымъ, они объѣздили уже не мало подмосковныхъ селъ, не далѣе однако десяти-верстнаго разстоянія, и искали осторожно священника, который бы согласился вѣнчать Борщева. Это было въ сущности самое трудное дѣло. Въ окрестностяхъ Москвы знали хорошо богача и вельможу князя Лубянскаго и ни одинъ священникъ не рѣшился бы вѣнчать его дочь, не только съ племянникомъ, но даже просто съ какимъ либо московскимъ женихомъ изъ дворянъ. Выдать княжну за другую, обманомъ взять и священника, было невозможно. Послѣ недѣли хлопотъ, развѣдокъ и поѣздокъ, молодые люди упали духомъ. Дѣло оказывалось мудренѣе, чѣмъ они думали.

— Ничего не подѣлаешь! сказалъ Хрущевъ. Хоть брось!

Они нашли уже четырехъ священниковъ, которые легко соглашались вѣнчать тетушку съ племянникомъ, при вознагражденіи въ двѣ и въ три тысячи рублей, но когда они узнавали, что дѣло идетъ объ княжнѣ Лубянской, то отказывались наотрѣзъ.

— Этотъ вельможа до царицы дойдетъ и обѣ столицы на ноги поставитъ! былъ одинъ отвѣтъ. Съ нимъ не шути! Мало—разстригутъ, а и въ Сибирь угодишь!

Наконецъ, однажды, когда Хрущевъ, окончательно смущенный неудачей, предлагалъ другу вѣнчаться за предѣлами Московской губерніи—явился на выручку тотъ же Прохоръ—Ахметъ. Онъ предложилъ поѣхать господамъ по Калужской дорогѣ въ село Лычково. Тамъ былъ священникъ девяноста лѣтъ отъ роду и давно на покоѣ, но временно, по болѣзни мѣстнаго священника, справлявшій требы.

— Ему все равно, одна нога въ гробу! рѣшилъ Ахметъ. Деньги отдастъ дѣтямъ, а самъ какъ начнутъ судить—возьметъ да и помретъ.

Хрущевъ въ тотъ же день выѣхалъ въ Лычково, а на утро привезъ отвѣтъ, что все улажено. Священникъ согласился, размысливъ точь-въ-точь такъ, какъ предполагалъ Ахметъ.

— Главное дѣло теперь, сказалъ Хрущевъ, надо мнѣ еще поразузнать, что могутъ съ вами сдѣлать за это. Засадятъ ли васъ въ монастыри. Да и мнѣ что за это будетъ. Если и меня припрутъ—дѣло плохое. Мнѣ надо оставаться на волѣ, ради васъ же, чтобъ васъ поочереди выкрасть опять и снарядить къ хану или къ салтану. Борщевъ могъ за эти слова только расцѣловать друга со слезами на глазахъ.

Еще два дня рыскалъ Хрущевъ по городу, перебывалъ у многихъ духовныхъ лицъ, которыхъ не мало пріѣхало на коронацію, побывалъ даже у одного архіерея изъ Кіева, и въ результатъ своихъ совѣщаній со всѣми на счетъ брака такихъ родственниковъ какъ Борисъ и Анюта добылъ свѣдѣнія все тѣже.

— Если родители простятъ брачущихся, то никто не вступится по всей строгости законовъ, развѣ только подъ церковное покаяніе на два года отдадутъ обоихъ, у себя же въ вотчинѣ, къ мѣстному священнику. А если вступятся родные, доведутъ дѣло до синода, до царицы, которая, говорятъ, строгая-престрогая—тогда все можетъ быть. Разведутъ и засадятъ обоихъ въ монастыри.

— Стало и впрямь у крымскаго хана при дворѣ кончите свои земныя приключенія! сшутилъ печально Хрущевъ, который не могъ и въ грустныя минуты отдѣлаться отъ привычки къ прибауткамъ.

Оставалось послѣднее: имѣть въ распоряженьи лихую тройку и бричку. Экипажъ Хрущевъ досталъ тотчасъ и поставилъ у себя на дворѣ, къ удивленію старухи Основской, что племянникъ былъ всегда степенный, а тутъ вдругъ сталъ деньги тратить на ненужные предметы.

— Продай назадъ. Я тебѣ свою берлину подарю.

Библиотека "Руниверс"

Первaки-ходоки черезъ ледъ. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

— Да, ей, тетушка, сто лѣтъ. Она развалится на первой верстѣ. Мнѣ надо легкую бричку, чтобы скакать можно было.

— Куда? Зачѣмъ скакать?

— Всюду, куда вздумается.

— Поскачешь, шею сломишь.

— Въ вашей то берлинѣ непремѣнно, и даже въ двухъ мѣстахъ сломишь, отшучивался Хрущевъ.

Тройку лошадей розыскалъ Ахметъ на прокатъ, на одинъ день. При этомъ онъ, къ удивленію Хрущева, а отчасти и Борщева, сталъ проситься участвовать въ самокруткѣ молодаго барина и замѣнить кучера.

— Да вѣдь тебя князь въ Сибирь сошлетъ. Что ты? Ты его крѣпостной, хоть и татаринъ.

— Пускай. Я хочу вамъ послужить! твердо стоялъ на своемъ татаринъ.

Устроивъ все что нужно было, даже сдѣлавъ кой какія покупки—Хрущевъ занялся отыскиваньемъ квартиры для молодыхъ послѣ вѣнца, предполагая, что князь прогонитъ ихъ со двора, когда они пріѣдутъ съ повинной. Вскорѣ онъ объявилъ, что квартира есть и готова, но не сказалъ гдѣ ее нашелъ.

Теперь оставалось обсудить серьезно—какъ и когда бѣжать княжнѣ и какъ ее выкрасть.

Оказалось, конечно, что княжнѣ выдти одной изъ дому было невозможно. Выѣхать съ Соленушкой и бѣжать, бросивъ мамку, она отказалась наотрѣзъ, боясь, что отецъ обратитъ на татарку весь свой гнѣвъ. Да и сама Ногайская татарка показывала менѣе самоотверженья, чѣмъ Ахметъ. Она подбивала Анюту бѣжать одной, а себя не предлагала въ жертву.

Поневолѣ рѣшено было, что княжна выйдетъ одна, пѣшкомъ и ночью, и минуетъ только сторожей на дворѣ при помощи того же Ахмета.

Приходилось поэтому и вѣнчаться ночью, а поутру быть въ Москвѣ. Такъ находилъ болѣе удобнымъ и священникъ села Лычкова.

Въ этомъ дѣлѣ подробностей самаго побѣга татаринъ явился совѣтникомъ и было рѣшено, что если понадобится бѣжать рано вечеромъ, а не ночью, то будетъ такъ, какъ онъ придумалъ, а не такъ, какъ хотѣлъ Хрущевъ. Ахметъ заявилъ, что коли нужно, можно бѣжать и въ сумерки.

— Вѣрьте слову. Все дѣло тутъ будетъ въ бузѣ! сказалъ онъ.

— Въ бузѣ? Какой бузѣ?! спросили молодые люди.

— Да-съ. Я сварю бузу, какую у насъ варятъ на свадьбахъ.

— Да что это?

— Ну брага что-ль, пиво ли, по вашему, только куда забористѣе. Камень валитъ. Хлестните бузой на камень и онъ пьянъ. Я угощу всѣхъ въ дому. Вотъ тогда не только княжну, а простите за смѣлое слово, хоть самого князя выкрадемъ и увеземъ, и никто не заступится. Все ляжетъ и все будетъ лежать часовъ съ десять, а то пятнадцать. Хоть ѣздите по головамъ и давите, хоть ножемъ рѣжьте. Бузы нашей самъ шайтанъ, сказываютъ, пить боится, чтобы пѣтуховъ не проспать спьяну.

— Ну, авось, обойдемся и безъ этого! сказалъ Хрущевъ. Выйдетъ княжна въ полночь, когда всѣ спятъ, а сторожей ты отведешь.

— Я сказываю, коли княжнѣ надобность будетъ бѣжать, когда всѣ еще на ногахъ и могутъ завидѣть... Тогда позвольте бузу загодя варить и въ этотъ день начать угощенье съ обѣда. А отъ бузы, говорю, заборъ свалится—пьянъ, коли хлестнуть въ него.

Все было рѣшено, обдумано, приготовлено—оставалось сдѣлать только роковой шагъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Анюта передала свой отвѣтъ отцу, что она подумала и все-таки за сенатора не пойдетъ добровольно, князь ничего не отвѣтилъ, но за столомъ сталъ говорить при Хрущевѣ, что въ его года многіе женятся, бываютъ счастливы и дѣтей имѣютъ.

Всѣхъ поразила эта бесѣда равно. Всѣ промолчали и всѣ почувствовали, что князь говоритъ „не спроста", а съ умысломъ.

Хрущевъ насупился и призадумался болѣе всѣхъ.

— Дочь за стараго, самъ на молодой! Что жь, не дурно! сказалъ другу послѣ обѣда Борисъ.

— Теперь я понимаю зачѣмъ онъ дочь гонитъ изъ дому за сенатора, сказалъ Хрущевъ. Съ рукъ сбыть скорѣе хозяйку въ домѣ и другую на ея мѣсто. Дѣло бывалое, не новое. А коли мы свое скрутимъ — то въ монастырь! И приданаго не надо давать.

IV.

День коронаціи императрицы прошелъ конечно шумно и торжественно. День этотъ былъ Рубикономъ для самой государыни. Положенье ея было трудно среди борющихся вокругъ нея за вліяніе и за власть придворныхъ, среди зазнавшейся гвардіи, вообразившей себя руководительницей судебъ отечества, среди духовенства, волнуемаго отобраніемъ вотчинъ и ожидающаго отъ новаго правительства возврата всего отнятаго. Наконецъ среди неурядицъ въ администраціи всей Имперіи и опасныхъ волненій крестьянъ.

Императрица поспѣшила съ коронованіемъ и была въ Успенскомъ соборѣ, для принятія вѣнца царскаго, менѣе чѣмъ чрезъ три мѣсяца по восшествіи на престолъ.

Въѣздъ въ Москву уже отчасти разогналъ мрачныя думы проницательной императрицы.

Восторженный пріемъ, сдѣланный ей въ Москвѣ народомъ, придалъ ей бодрости, да и на кружокъ вліятельныхъ вельможъ придворныхъ подѣйствовалъ, умѣряя ихъ заносчивость.

Въ Москвѣ Екатерина сразу стала на должной высотѣ, а все это важное, дерзкое, притязательное и заносчивое въ Петербургѣ, здѣсь нравственно слилось у ея ногъ съ волнами народа и утонуло въ немъ, какъ мутный, пѣнистый потокъ, прыгающій бурно по землѣ, исчезаетъ и тонетъ незамѣтно въ великомъ, все поглощающемъ морѣ.

Послѣ въѣзда въ Москву и послѣ торжества коронованія не случилось ничего новаго при дворѣ, не было сказано, ни сдѣлано ничего особеннаго, царица была по прежнему милостива — ласкова и предупредительна со всѣми, отъ Панина до Миниха, отъ братьевъ Разумовскихъ, первыхъ вельможъ въ имперіи, и до возвращеннаго изъ ссылки Бестужева. — А между тѣмъ всѣ сановники и вельможи почуяли предъ собой не прежнюю терпѣливо предупредительную „матушку Екатерину Алексѣевну". Они увидѣли предъ собой уже священными правами облеченнаго и высокостоящаго монарха, съ твердой волей, не нуждающагося въ ихъ поддержкѣ, въ ихъ непрошенныхъ совѣтахъ и уходѣ за ней.

Одно обстоятельство еще смущало царицу—притязаніе Орловыхъ.

Въ день коронаціи Москва узнала, что дворяне Орловы, всѣ пять братьевъ, отъ москвича и домосѣда, уже пожилаго Ивана Григорьевича и до юноши кадета, Владиміра — возведены въ графское Россійской Имперіи достоинство.

Но на этой милости императрица пожелала остановиться и положить предѣлъ честолюбію и замысламъ не столько Григорія Орлова, ея генеральсъ-адъютанта, сколько смѣлымъ мечтамъ и грезамъ Алексѣя, хотя не для себя, а для старшаго брата.

Помощникъ для дѣйствія изъ среды близкихъ трону людей—былъ давно уже намѣченъ царицей еще въ Петербургѣ и теперь тонко приближенъ... Это былъ всѣми уважаемый сановникъ, канцлеръ графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ.

Съ другой стороны нужно было найти почву для инаго дѣйствія въ слояхъ, лежащихъ много ниже трона.

Библиотека "Руниверс"

Почва оказалась готовою сама собою, именно на Плющихѣ, въ квартирѣ братьевъ Гурьевыхъ. Дерзкое празднословіе „заговорщиковъ на словахъ“ и „фрондёровъ“— стало даже отчасти на руку.

Вдобавокъ имя Орловыхъ и ненависть къ нимъ были у нихъ на языкѣ какъ лозунгъ движенья. Все улыбалось новой монархинѣ, даже ея враги безсознательно и неумышленно дѣйствовали въ ея пользу.

Но въ одно утро у Гурьевыхъ произошла маленькая перемѣна: „матушку-царицу“ порицали не такъ какъ прежде, но за то озлобленье сугубо направилось и сосредоточилось на двухъ новыхъ графахъ Орловыхъ.

— Надо ихъ покончить! было рѣшено въ домѣ Гурьевыхъ и говорилось безъ стѣсненія чуть не на улицахъ. Надо царицу спасти и избавить отъ дерзкихъ, зазнавшихся выскочекъ.

Въ квартирѣ Гурьевыхъ появился какой то человѣчекъ, по виду чиновникъ изъ подъячихъ. Петръ Хрущевъ такъ и прозвалъ его „приказная строка“.

Этотъ чиновникъ назвался сенатскимъ секретаремъ Ивановымъ и родственникомъ камеръ-лакея при императрицѣ. Онъ не приходилъ при всѣхъ офицерахъ на сборища, а являлся по утрамъ и сидѣлъ наединѣ съ хозяевами квартиры. Онъ объяснилъ, что будто прослышалъ какія рѣчи добрыя ведутъ тутъ и какъ не любятъ Орловыхъ. Онъ клялся и божился, что знаетъ чрезъ родственника, какъ убиваются и плачутъ отъ дерзости Григорія и Алексѣя Орловыхъ. Онъ увѣрялъ—довольны будутъ, если избавятъ отъ этихъ озорныхъ людей.

Хрущевъ и Гурьевы были на столько наивны, или отъ своихъ дѣяній и словъ за послѣднее время на столько лишились разсудка, что вообразили себѣ Богъ вѣсть что. Они приняли „приказную строку“ за агента тайнаго, дѣйствующаго и идущаго къ нимъ по указанію свыше. Но это все-таки послужило въ пользу.

(До слѣд. №).

Соперникъ.

Историческій разсказъ **Л. Гезеке.**

I.

Однимъ изъ самыхъ могущественныхъ владѣтелей въ средніе вѣка былъ безспорно Альбрехтъ Великій Мекленбургскій; со свойственною ему прозорливостью понялъ онъ, что съ основанія Ганзы, въ городахъ начала возникать новая сила, которую онъ и постарался расположить въ свою пользу. Благодаря значенію и вліянію этой силы, ему удалось заключить въ Любекѣ въ 1338 году общій сѣверогерманскій договоръ, что вызвало въ городахъ, лежавшихъ у Нѣмецкаго моря, такую блестящую жизнь, какою они прежде не пользовались. Начали воздвигаться прекрасныя зданія, возбуждающія удивленіе и понынѣ, развилась торговля и промышленность, увеличилось благосостояніе, и благодарные города, которымъ всѣми способами покровительствовалъ Альбрехтъ, платили ему самой вѣрной преданностью. Вліянію Роштока и Висмара, бывшихъ въ то время могущественными городами и на морѣ и на материкѣ, король обязанъ былъ возведеніемъ своего втораго сына, Альбрехта, на шведскій престолъ. Но послѣ смерти Альбрехта Великаго, со славою царствовавшаго пятьдесятъ лѣтъ, положеніе дѣлъ внезапно измѣнилось. Дворянство, давно уже завидовавшее возростающему могуществу городовъ и не привыкшее къ другому занятію кромѣ войны, скучало отъ продолжительнаго мира, а потому снова взялось за оружіе. Раздраженные различными притѣсненіями—города прибѣгли также къ самозащитѣ, и начались междоусобія. И хотя старшій сынъ Альбрехта, Гейнрихъ, наслѣдовавшій Мекленбургъ, старался подавить ихъ казнями, но его строгость еще болѣе раздражала рыцарство. Процарствовавъ четыре года, онъ умеръ въ самый разгаръ волненія. Теперь оно уже не ограничивалось материкомъ, но перешло уже и на море, которое сдѣлалось стихіей дворянства. Князья, управлявшіе Мекленбургомъ, были или слишкомъ стары, или слишкомъ молоды, во всякомъ случаѣ—не въ состояніи держать кормило государства; надежда оставалась только на сына Альбрехта Великаго, короля шведскаго, называвшагося также Альбрехтомъ. Но короной и свободой короля Альбрехта завладѣла королева Даніи Маргарита, 24-го февраля 1389 года.

Тогда то въ Мекленбургѣ забыты были распри, и дворянство и города направили всѣ свои старанія и помыслы къ освобожденію короля. Стокгольмъ остался ему вѣренъ и тамъ временно правилъ его молодой племянникъ Іоаннъ, котораго осаждало войско королевы Маргариты. Въ Мекленбургѣ правилъ дядя короля, герцогъ Іоаннъ фонъ-Штаргардъ, всѣми силами старавшійся помочь своему племяннику въ Швеціи и два раза пытавшійся съ моря освободить Стокгольмъ, но безуспѣшно.

Въ одно свѣтлое сентябрьское утро 1392 г. герцогъ Іоаннъ сидѣлъ въ мрачномъ большомъ залѣ замка, въ старомъ приморскомъ городѣ Висмарѣ. Предъ нимъ стоялъ рослый, широкоплечій рыцарь въ тяжеломъ вооруженіи и молодая дама, прелестные голубые глаза которой казались отраженіемъ ея чистой души.

Около герцога, за столомъ, покрытымъ документами и бумагами, стоялъ его секретарь; за вооруженнымъ рыцаремъ виднѣлось еще нѣсколько человѣкъ, также вооруженныхъ, и нѣсколько придворныхъ дамъ.

Герцогъ велѣлъ подать себѣ одинъ изъ документовъ съ восковой печатью и обратился къ вооруженному рыцарю:

— Дорогой Каландъ, согласно рѣшенію совѣта короля Альбрехта, поручившаго намъ управленіе страною, и снисходя на вашу просьбу, даемъ мы вамъ разрѣшеніе продать или заложить половину имѣнія Стове, которое принесла вамъ въ приданое супруга ваша, Зигрита Готшалькъ Стове. Да благословитъ васъ Богъ!

Должно быть заключалось что нибудь необыкновенное въ разрѣшеніи этомъ, видимо растрогавшемъ стараго герцога. Боссе Каландъ передалъ документъ женѣ своей,—дамѣ стоявшей возлѣ него—глаза которой засіяли радостью, хотя она не могла воздержаться отъ легкаго вздоха.

Герцогъ поговорилъ еще нѣсколько минутъ съ присутствовавшими, затѣмъ отпустилъ всѣхъ. Прислужницы накинули на Зигриту бархатный плащъ и покрывало, а мужъ подалъ ей руку.

— Идемъ въ церковь Богородицы, дорогой Боссе, сказала жена его звучнымъ голосомъ,—мнѣ все же не легко разставаться съ наслѣдіемъ отцовъ.

— Ты приносишь тяжелую жертву, проговорилъ со вздохомъ ея мужъ. О если бы я могъ не принимать ея! Если бы дѣло шло обо мнѣ, я никогда бы не допустилъ до этого!

— Если бы дѣло касалось вашего долга, какъ и теперь, вы также приняли бы эту жертву и моей обязанностью было бы принести ее.

Пріятный голосъ звучалъ теперь холодно, а мужъ проговорилъ съ упрекомъ:

— Все долгъ и обязанность, когда же ты скажешь „изъ любви“ Зигрита!

— Прошу васъ, супругъ мой, помнить, отвѣтила она также холодно, какъ и прежде: теперь не время для нѣжностей.

— Ты права, отвѣтилъ тотъ, пойдемъ въ церковь.

Боссе Каландъ преклонилъ возлѣ жены колѣна въ церкви Божіей Матери, откуда они направились къ близлежащему дому, въ дверь котораго Боссе постучалъ рукоятью меча. Медленно отворилась тяжелая дверь и они вошли въ мрачныя сѣни, изъ которыхъ старая, почернѣвшая отъ времени, деревянная витая лѣстница вела въ верхній этажъ. Супруги поднялись по ступенькамъ и очутились въ темной, низкой комнатѣ безъ оконъ, которая слабо была освѣщена висячей лампой.

Двѣнадцать вооруженныхъ рыцарей находились въ этой комнатѣ; часть ихъ сидѣла на скамьяхъ, идущихъ вдоль стѣнъ, а часть столпилась у горящаго камина. Большихъ размѣровъ пивная кружка, съ серебряными обручами, переходила изъ рукъ въ руки; какъ только она становилась порожней, ее тотчасъ наполняли изъ стоявшей тутъ же въ углу бочки.

Самый высокій и пожилой изъ находившихся въ комнатѣ человѣкъ, золотыя шпоры котораго указывали, что онъ рыцарь, выступилъ на встрѣчу Каланда съ женою. Это былъ хозяинъ дома—рыцарь Рамбольдъ Саневицъ.

— Милости просимъ, обратился онъ къ вошедшимъ, цѣлуя руку у Зигриты и сильно пожимая руку ея мужа.

Въ тоже время къ нимъ подошелъ молодой человѣкъ съ темными вьющимися волосами и блестящими черными глазами.

— Какъ осмѣливаетесь вы, Каландъ, встрѣчаться со мною, да еще въ присутствіи ея! Развѣ вамъ неизвѣстно, что я поклялся сдѣлать ее вдовою, чтобы жениться на ней?

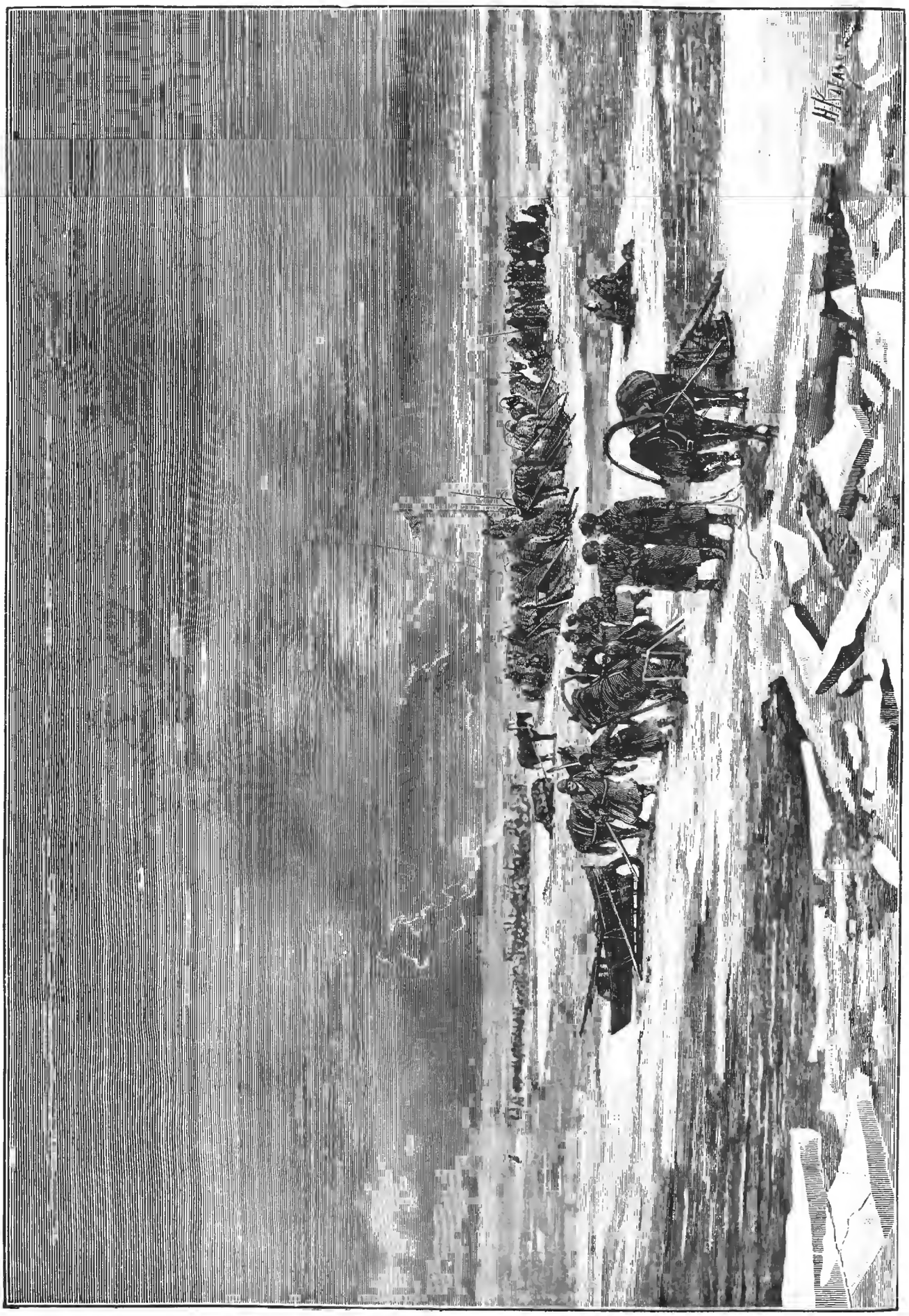
Спокойно смотрѣлъ Боссе Каландъ въ лицо говорящаго, но не успѣлъ онъ еще проговорить ни одного слова въ отвѣтъ, какъ Зигрита, положивъ руку на плечо молодаго человѣка, сказала серьезно:

— Маркаръ Прэнъ, мы собрались здѣсь не для пререканій, но чтобы обсудить, какъ освободить короля нашего Альбрехта. Когда онъ будетъ свободенъ, тогда вы сведете ваши счеты!

— Еслибъ я зналъ, что встрѣчу васъ здѣсь, Зигрита, я никогда бы не пришелъ, проговорилъ Маркаръ Прэнъ.

— Но я собрала здѣсь рыцарей. Я, какъ женщина, хотѣла отомстить за обиду, нанесенную женщиною, пояснила Зигрита съ гордостью,—и я знала, что вы придете.

Библиотека "Руниверс"



Вынесло въ море на льдинѣ подъ Астраханью. Ориг. рис. П. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Выставка въ Имп. Акад. Худ. въ СПб. „Графъ Тилли въ опасности“. Съ карт. Виллевальда, по фот. грав. П. Дзедзицъ.

Библиотека "Руниверс"

— Но я не знаю, вмѣшался Каландъ, иначе...

— Что я сказала ему, то повторяю вамъ, супругъ мой, прервала его Зигрита. Рыцарямъ Мекленбурга теперь некогда вздорить изъ-за женщины! Когда король будетъ свободенъ, поступайте по вашему усмотрѣнію, а до тѣхъ поръ, Маркаръ Прэнъ,—она близко подошла къ нему, съ блистающими глазами—намъ нужно помнить о томъ, что Зигрита Стове жена Боссе Каланда!

— Уважаемая госпожа Каландъ права, вмѣшался въ разговоръ хозяинъ дома, слѣдуетъ прекратить всѣ личные споры до освобожденія короля; кто же не хочетъ подчиниться этому, тотъ не можетъ помогать намъ въ дѣлѣ освобожденія. Высказитесь откровенно.

Каландъ и Прэнъ мрачно посмотрѣли другъ на друга, но ничего не сказали. Рыцарь же Саневицъ, не довѣряя ихъ молчанію, потребовалъ отъ нихъ честнаго слова, что личныя дѣла они откладываютъ до освобожденія короля. Нехотя дали они требуемое слово и нехотя пожали другъ другу руку.

Зигрита поблагодарила своего мужа наклоненіемъ головы, на Прэна же, съ которымъ она была тайно обручена, пока отецъ ея не принудилъ ее выйти замужъ за Каланда, она даже не взглянула.

— А теперь приступимъ къ обсужденію, какъ лучше освободить короля, съ моря или съ суши? сказалъ Рамбольдъ Саневицъ.

— Съ моря, воскликнулъ Маркаръ Прэнъ, я получилъ каперскія грамоты изъ Висмара и Роштока; намъ обѣщаютъ покровительство и защиту всѣмъ тѣмъ кораблямъ съ ихъ добычей, которые выступятъ противъ Маргариты Данцигской на собственный свой рискъ.

— Жена моя пожертвовала для этого своимъ наслѣдственнымъ имѣніемъ, проговорилъ Каландъ, съ гордостью смотря на Зигриту,—у васъ есть письма, а у насъ деньги—приступимъ къ дѣлу! Іоаннъ Басевицъ покупаетъ имѣніе жены, а онъ плательщикъ хорошій!

— А у насъ есть руки! воскликнули Геннингъ Мантейфель, Гейнрихъ Люховъ и Фрицъ Мольтке.

— Которыми не слѣдуетъ пренебрегать, замѣтилъ Арндъ Штюкъ.

— А теперь, господа, позвольте мнѣ уйти къ супругѣ хозяина дома, у которой я остаюсь все время, пока мужъ мой будетъ на войнѣ, сказала Зигрита. Я буду молиться за васъ и за короля!

Каждому она подала руку, которую всѣ почтительно цѣловали; прощаясь съ Прэномъ, она обратилась къ нему: вамъ въ особенности поручаю я своего мужа, берегите его во всѣхъ опасностяхъ.

— Мнѣ, Зигрита? проговорилъ онъ блѣднѣя.

— Да, вамъ, отвѣтила она спокойно, я знаю, что вы исполните мою просьбу!

II.

По морю сновало множество каперскихъ кораблей, экипажъ которыхъ состоялъ изъ смѣлыхъ и отважныхъ людей. Они нападали на всякое судно, носящее флагъ Даніи или города Любека, который, какъ подозрѣвали, состоялъ въ тайномъ союзѣ съ тремя сѣверными государствами. Борцы назвали себя *братьями-поставщиками*, такъ какъ первой задачей они поставили снабжать жизненными припасами осажденный Стокгольмъ. Вскорѣ братья-поставщики навели ужасъ на сѣверныя государства; они вели войну на морѣ такъ, какъ обыкновенно она велась на сушѣ, т. е. вмѣсто селъ они жгли непріятельскіе корабли, овладѣвали плѣнными и большой добычей. Отъ морскаго разбойничества такая война отличалась только тѣмъ, что была ведена открыто и кончалась заключеніемъ мира.

Дѣйствія братьевъ становились все смѣлѣе; особенно часто называли имена Боссе Каланда и Маркара Прэнъ, которые старались превзойти другъ друга въ храбрости. Около Стокгольма они напали на Тордо и захватили его со всей свитой въ плѣнъ. При этомъ Каландъ чуть не палъ въ битвѣ, но Прэнъ отвелъ наведенный ударъ и тѣмъ спасъ жизнь Каланда. Тордо былъ отосланъ въ Стокгольмъ къ герцогу Іоанну, который до тѣхъ поръ держалъ его въ плѣну, пока тотъ не внесъ богатаго выкупа.

Каландъ и Прэнъ всегда сражались бокъ о бокъ; непонятная какая-то сила влекла ихъ другъ къ другу, но они не поддавались чувству и до сихъ поръ не обмѣнялись ни дружескимъ словомъ, ни рукопожатіемъ, хотя Прэнъ еще разъ успѣлъ спасти жизнь человѣка, жену котораго любилъ.

Три года оба противника провели на морѣ: король все еще не былъ освобожденъ: и ни одинъ изъ нихъ за все это время не видѣлъ Зигриты. Каландъ рѣшился не видаться съ ней до окончанія войны, а Прэнъ зналъ, что въ отсутствіе мужа она его не приметъ. Тѣмъ не менѣе онъ вѣрно охранялъ жизнь Каланда, который ему, повидимому, вовсе не былъ благодаренъ за это.

Между тѣмъ датчане и не думали прекращать осаду Стокгольма и въ городѣ началъ чувствоваться сильный голодъ. Братья-поставщики собирались, вмѣстѣ съ восемью кораблями, высланными Роштокомъ и Висмаромъ, снабженными жизненными припасами, подать помощь осажденному городу, но внезапно у береговъ Швеціи настали такіе холода, что корабли позамерзли.

— Вотъ такъ сюрпризъ, проговорилъ съ неудовольствіемъ Рамбольдъ Саневицъ, теперь остается только ожидать нападенія датчанъ и приготовиться къ оборонѣ. Въ концѣ концовъ все же они насъ истребятъ, хотя бы мы ихъ отбросили разъ или даже два. Они получаютъ подкрѣпленія съ суши.

— Продадимъ жизнь какъ можно дороже! воскликнулъ Каландъ. Но неужели Мольтке, всегда ловкій на выдумки, ничего не посовѣтуетъ?

— Посовѣтуетъ—отвѣтилъ спокойно вопрошаемый, немолодой уже человѣкъ.

Важнѣйшіе изъ братьевъ внимательно выслушали совѣтъ Мольтке, который тотъ сообщалъ имъ шепотомъ. Съ наступленіемъ ночи на замерзшемъ льду и на берегу началась дѣятельная работа. Часть экипажа осторожно вышла на берегъ и при свѣтѣ луны начала рубить старыя деревья. Изъ нихъ вокругъ кораблей былъ устроенъ высокій валъ, который поливали водою, моментально замерзавшею. Окружающій ледъ былъ прорубленъ и они спокойно начали ждать датчанъ. Дѣйствительно, послѣдніе появились на другой день и бросились по льду, съ цѣлью напасть на корабли, но изрубленный ледъ рухнулъ подъ датчанами, изъ которыхъ спаслись только немногіе. Братья выждали оттепель и вошли въ гавань Стокгольма. Общей радостью и пѣснями праздновалась побѣда, а королева Маргарита была такъ напугана смѣлостью братьевъ-поставщиковъ, что обѣщала даровать свободу королю Альбрехту.

Было жаркое лѣто и начальствующіе изъ братьевъ были въ Стокгольмѣ, когда дошла къ нимъ радостная вѣсть.

— Не отслужить ли благодарственный молебенъ? замѣтилъ Рамбольдъ Саневицъ.

— Не торопитесь, отвѣтилъ Мантейфель, королева Маргарита требуетъ за освобожденіе короля такой выкупъ, какого нельзя собрать со всего Мекленбурга.

— Да, правда, воскликнулъ рыцарь Каландъ,—онъ и Прэнъ, за ихъ храбрость, были посвящены въ рыцари герцогомъ Іоанномъ,—но намъ поможетъ моя жена Зигрита. Замѣтно было по тону словъ, какъ онъ гордился своей женою. Она, чрезъ своего исповѣдника, продолжалъ онъ, прислала мнѣ письмо, гдѣ пишетъ, что обратилась ко всѣмъ мекленбургскимъ дѣвушкамъ и замужнимъ женщинамъ, съ просьбою пожертвовать свои драгоцѣнности для выкупа короля, и онѣ всѣ согласились на это!

— Да благословитъ Богъ вашу супругу, сказали въ одинъ голосъ воины, а въ глазахъ Прэна заблистали слезы. Каландъ прижалъ руку къ сердцу, которое сильно билось отъ волненія.

— А все же слѣдуетъ отслужить молебенъ, началъ Мольтке послѣ непродолжительнаго молчанія,—нужно поблагодарить Бога и доказать нашимъ врагамъ, что братья вовсе не такіе язычники, какими они насъ называютъ.

Между тѣмъ въ Мекленбургѣ Зигрита Каландъ уговаривала женщинъ давать по возможности болѣе украшеній и такимъ образомъ составилась достаточная сумма для выкупа короля. Получивъ свободу, Альбрехтъ поспѣшилъ въ Стокгольмъ, гдѣ благодарилъ какъ преданныхъ ему братьевъ, такъ и племянника своего, сохранившаго ему столицу, а затѣмъ на кораблѣ отправился въ Мекленбургъ. Онъ хотѣлъ принести благодарность щедрымъ дамамъ своего герцогства и въ особенности Зигритѣ. Корабль, на которомъ король отправился въ Висмаръ, принадлежалъ братьямъ-поставщикамъ.

Когда судно пристало къ берегу, то на встрѣчу королю вышли въ праздничныхъ нарядахъ всѣ дамы Мекленбурга, съ Зигритой Каландъ во главѣ, держа въ рукахъ вѣнки цвѣтовъ. Сходя съ корабля, рыцарь Каландъ оступился и неминуемо утонулъ бы въ тяжеломъ вооруженіи, еслибы его не удержалъ отъ паденія Прэнъ.

— Третій разъ! прошепталъ Боссе и медленно двинулся за королемъ

III.

Послѣ прибытія въ княжескій замокъ, въ Висмарѣ, король Альбрехтъ, принявъ правленіе отъ герцога Іоанна, первымъ дѣломъ въ благодарность за приверженность женщинъ Мекленбурга, даровалъ имъ наслѣдственныя права, которыя дали дочерямъ дворянскихъ семей значительныя преимущества. У Зигриты король почтительно поцѣловалъ руку, зная, что она болѣе всѣхъ хлопотала объ его освобожденіи.

Братья-поставщики, выйдя изъ замка, собрались въ домѣ рыцаря Рамбольда Саневица какъ и въ тотъ разъ, когда обсуждали освобожденіе короля. Между ними также была Зигрита. Она была такъ-же хороша, какъ и прежде, но необыкновенно блѣдна. Она не слышала раздававшихся вокругъ нея разговоровъ. Только тогда она встрепенулась, когда Саневицъ громко произнесъ: „Кажется двое изъ насъ отложили свои личные счеты до освобожденія короля? Но быть можетъ, продолжалъ онъ, противники уже честно помирились, или же они намѣрены сразиться, какъ подобаетъ рыцарямъ?“

— Мы здѣсь не одни, замѣтилъ Румпегагенъ,—при дамахъ не говорятъ о поединкахъ.

Библиотека "Руниверс"

— Зигрита Каландъ знаетъ, что рыцари не дѣти, отвѣтилъ Саневицъ,—и не упадетъ въ обморокъ при видѣ меча.

Зигрита поблѣднѣла еще болѣе и судорожно сжимала свой плащъ. Въ ту же минуту къ ней подошли ея мужъ и Прэнъ и послѣдній сказалъ:

— Вы приказали мнѣ беречь жизнь вашего мужа; спросите его, сдержалъ ли я слово; если же онъ хочетъ сражаться со мною, я готовъ, я тогда вызвалъ его на поединокъ!

Тогда Каландъ обратился къ прочимъ рыцарямъ съ вопросомъ: „Можетъ-ли кто либо изъ васъ упрекнуть меня въ трусости?"

— Нѣтъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А все же я долженъ объявить, что я не принимаю вызова рыцаря Прэна, и не обнажу меча противъ него.

Прэнъ закусилъ губы, а глаза Зигриты заблистали; но Саневицъ спросилъ: почему?

— Могли ли бы вы биться съ человѣкомъ, три раза спасшимъ вамъ жизнь? воскликнулъ громко Каландъ.

Послышалось снова единодушное—нѣтъ!

— Маркаръ Прэнъ три раза спасъ мнѣ жизнь и биться съ нимъ я не могу.

— А я васъ не вызываю, рыцарь, началъ Прэнъ, у меня нѣтъ противъ васъ никакой злобы, вотъ моя рука въ знакъ примиренія.

Противники крѣпко пожали другъ другу руку, а по щекамъ Зигриты покатились слезы.

Тогда Саневицъ, взявъ подъ руку стоявшаго возлѣ него товарища и обращаясь къ прочимъ, сказалъ: „Пойдемте, честь рыцарей не затронута, а здѣсь вѣроятно желаютъ поговорить безъ свидѣтелей."

Не успѣла закрыться дверь, какъ Каландъ воскликнулъ: „Зачѣмъ вы охраняли мою жизнь?"

— По приказанію моей дамы, отвѣтилъ Прэнъ съ гордостью, дамы, которую вы у меня отняли.

Голосъ его звучалъ прежнимъ гнѣвомъ, но Каландъ прервалъ его: „Клянусь Богомъ, Прэнъ, когда я просилъ руки Зигриты, я не зналъ о вашихъ на нее правахъ. Только послѣ свадьбы узналъ я, что отецъ принудилъ ее выйти за меня потому, что онъ ссорился съ вашими родными."

— Это измѣняетъ многое, отвѣтилъ Прэнъ, но скажите мнѣ, Зигрита, почему вы избрали меня стражемъ жизни вашего мужа?

— Потому что я не хотѣла, чтобы вы были убійцей, отвѣтила Зигрита съ достоинствомъ,—я знаю вашъ характеръ; на возлюбленномъ моей юности не должно быть пятенъ; моей же судьбою долженъ управлять Богъ, а не воля человѣка!

— И Онъ противъ меня, сказалъ Прэнъ,—но благодарю васъ, что вы не допустили меня запятнать свой гербъ. Я отказываюсь отъ васъ, Зигрита; отнынѣ возлюбленною моею будетъ море, но я выскажу вамъ причины такого рѣшенія. Я поступаю такъ потому, что человѣкъ, имя котораго вы носите, благороднѣе меня, онъ лучше любитъ васъ, чѣмъ я: для вашего счастья онъ хотѣлъ пожертвовать жизнью.

— Позвольте, перебилъ его Каландъ. Зигрита же смотрѣла то на одного, то на другаго, но Прэнъ не далъ ему говорить и продолжалъ: „Когда мы приставали къ берегу съ королемъ, вы стояли съ другими и я видѣлъ какъ мужъ вашъ посмотрѣлъ прежде на васъ, точно желая запечатлѣть вашъ образъ на вѣки, а потомъ на меня, и оступился нарочно, желая упасть въ море и утонуть. Точно молнія у меня сверкнула мысль: онъ ищетъ смерти, чтобы сдѣлать свою жену свободной; но проклятіе будетъ надъ нами, если я приму такую жертву, и я удержалъ его. Если я поступилъ хорошо, Зигрита, то простите на вѣки и прошу: молитесь обо мнѣ какъ о мертвомъ."

Онъ преклонилъ предъ нею колѣно, а она, положивъ руку ему на голову, прошептала: „Ты поступилъ хорошо, Маркаръ Прэнъ, да благословитъ тебя Богъ!"

Потомъ, обращаясь къ мужу, она кротко произнесла: „Научите меня, Боссе, быть достойной вашей любви!"

Съ радостнымъ крикомъ рыцарь бросился къ женѣ; такими любящими глазами она еще ни разу на него не взглядывала. Прэнъ со словами: „Благослови васъ Богъ", вышелъ изъ комнаты..

***

Боссе Каландъ и прекрасная его супруга были послѣ того счастливы. Своего первенца они назвали Маркаромъ въ память отважнаго рыцаря, котораго они съ тѣхъ поръ не видали. Онъ сдержалъ слово: море сдѣлалось его возлюбленной и на немъ, въ битвѣ, онъ покончилъ свою жизнь.

Послѣ его смерти братья-поставщики все болѣе и болѣе измѣняли своему уставу, пока наконецъ не превратились въ простыхъ морскихъ разбойниковъ. Береговые жители пугаютъ дѣтей именемъ Клауса, и теперь почти всѣ уже забыли, что первые братья-поставщики были храбрые мекленбургскіе дворяне, которымъ король Альбрехтъ былъ обязанъ своимъ освобожденіемъ.

Къ рисункамъ.

Задумалась.

(Рис. на стр. 224 и 225).

Какое милое, прелестное выраженіе на этомъ юномъ личикѣ! Она усердно молится въ храмѣ и полна впечатлѣнія торжественныхъ и сладкихъ молитвенныхъ звуковъ, чуднаго пѣнія церковнаго хора и величественныхъ аккордовъ органа подъ сводами дома молитвы. Чувства эти отвлекаютъ невольно ея молодую душу отъ всего суетнаго, мелкаго и земнаго, пробуждаютъ трогательное раскаяніе, глубокое желаніе жить лучше, по высокимъ завѣтамъ Божественнаго Искупителя. О чемъ задумалась она такъ? Она жила еще такъ недолго, тяжкіе грѣхи не могутъ отягощать ея совѣсть, на лицѣ еще такое спокойное и милое выраженіе свѣжести, что очевидно не то заставляетъ ее задуматься. Передъ ней проходитъ все ея недолгое прошлое, маленькія горести, невинныя радости, и она ищетъ грѣховныхъ по ея мнѣнію мыслей и желаній и даетъ себѣ обѣщаніе быть лучше и добрѣе. И во время молитвы она думала о немъ... О, какой грѣхъ! Она въ усердной молитвѣ будетъ отгонять искушеніе, но этотъ милый ей образъ такъ неотвязно носится въ ея воображеніи!..

Перваки и занесенные въ море.

(Рис. на стр. 229 и 232).

Не въ опредѣленный день и часъ, не всегда согласно признакамъ, трогается ледъ весною на нашихъ великихъ рѣкахъ. Берега теряютъ сообщеніе, а между тѣмъ съ обоихъ береговъ всегда есть запоздавшіе, которымъ приходится пережидать довольно дней, чтобы попасть на ту сторону. Между тѣмъ дѣло не терпитъ: бываетъ задержка почтѣ, проѣзжимъ, крестьяне на тотъ берегъ въ свое село не могутъ попасть. Надо вызвать помощь на паромахъ или казенный желѣзный баркасъ. Для этого всегда находятся привычные, смѣлые люди, которые называются обыкновенно „перваками". Взявъ багоръ и веревку, смѣло пускаются они по надломаннымъ льдинамъ и опытнымъ глазомъ намѣчая путь, большею частью благополучно приводятъ помочь оставшемуся стану запоздалыхъ на томъ берегу. Ватага такихъ „перваковъ" и изображена художникомъ.

Что касается изображеннаго на второмъ рисункѣ „Занесенные въ море", то это уже бываетъ опаснѣе и иногда кончается несчастіемъ. Подъ Астраханью рыбаки выѣзжаютъ далеко въ море по льду, такъ какъ рыба тѣснится у окраинъ льда, гдѣ есть продушины, и зайдутъ иногда съ обозами въ море на десятокъ и больше верстъ и тамъ по прорубямъ багрятъ и лучатъ рыбу или „прошиваютъ", протаскиваютъ въ проруби невода. Около береговъ Волги, гдѣ густые камыши разрѣжаютъ ледъ и не даютъ ему такъ плотно смерзнуться какъ въ открытомъ мѣстѣ—тамъ у береговъ, подъ теплымъ вѣтеркомъ, чаще всего края льдинъ расходятся и цѣлый огромный островъ вдругъ отдѣляется отъ берега. Хотя за этимъ наблюдаютъ, но не всегда усмотрятъ моментъ этого отдѣленія льдины, а если къ этому присоединится еще волненіе и льдину начнетъ качать, то льдину заноситъ въ море. Группу такихъ „занесенныхъ въ море" мы и видимъ на рисункѣ нашего художника. Недавно, именно произошелъ такой случай: близь Астрахани оторвалась льдина, на которой было 150 человѣкъ. 23-го января, противъ поселковъ Тишкова и Цвѣтнаго, Астраханскаго уѣзда и губерніи, сильнымъ порывомъ вѣтра оторвало отъ морскаго берега массу льда, на коемъ были унесены въ море 147 человѣкъ ловцевъ, съ рыболовными орудіями и лошадьми. Эти люди 26-го января были принесены юго восточнымъ вѣтромъ къ сѣверо-западной части прибрежнаго морскаго льда, въ разстояніи 150 верстъ отъ поселка Тишкова, и успѣли перебраться на морской берегъ, а затѣмъ благополучно возвратились домой. Рыболовныя же орудія, состоявшія изъ 2.965 перетягъ снасти и 2.670 сѣтей, три лошади и сани утонули въ морѣ.

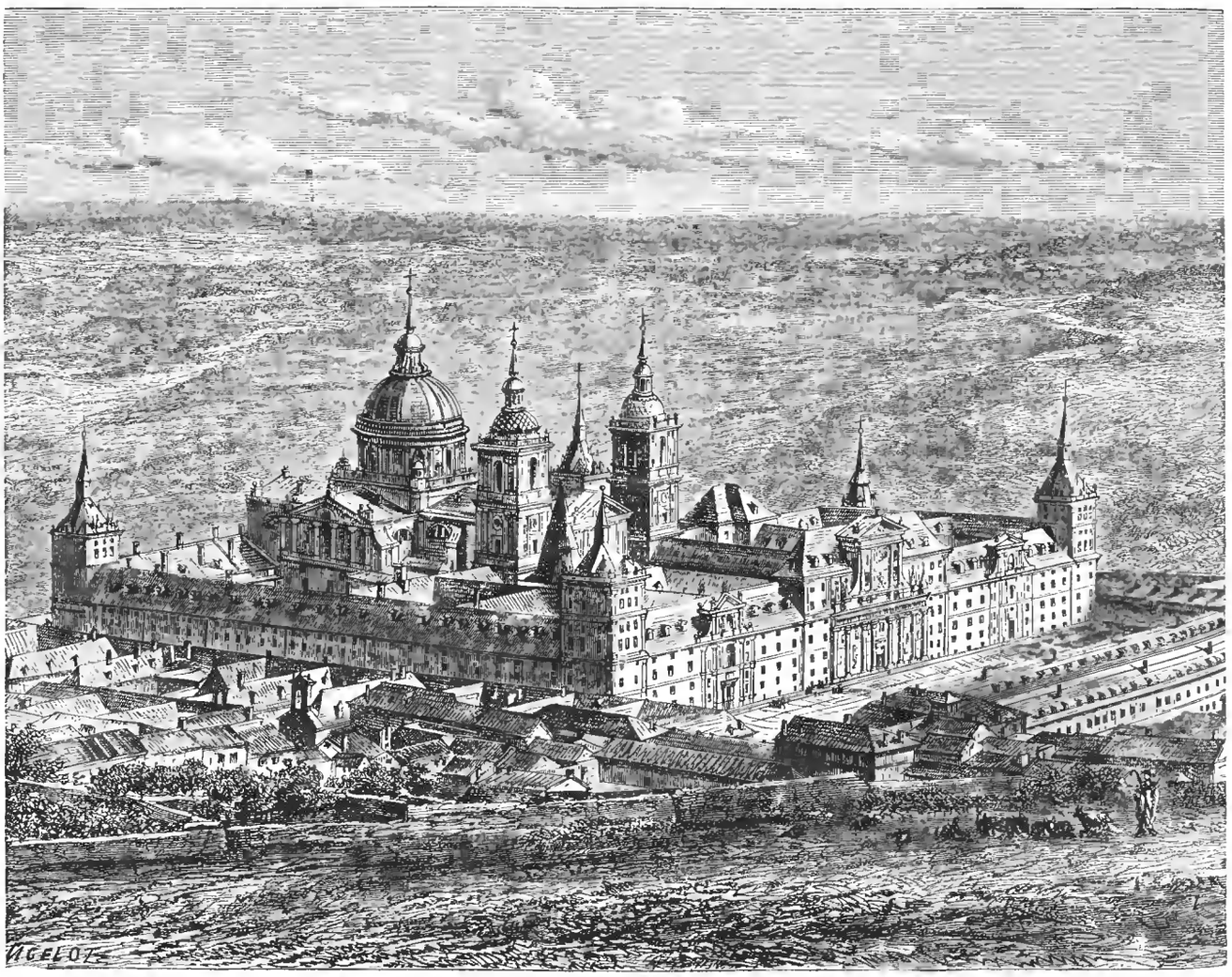
Графъ Тилли въ опасности.

(Рис. на стр. 233).

Прекрасная картина нашего молодаго художника изображаетъ трагическій моментъ въ жизни знаменитаго дѣятеля 30-ти-лѣтней войны. Война эта одна изъ самыхъ жестокихъ войнъ XVII вѣка, охватывавшая собою всю Германію, вообще богата сильными эпизодами. Гибель Магдебурга, взятаго полководцемъ, графомъ Тилли, останется навсегда одною изъ самыхъ печальныхъ страницъ исторіи. Лишь одна великая личность Густава Адольфа и среди отчаянной борьбы умѣла оставаться справедливой и человѣчной. Этой то прекрасной чертѣ шведскаго короля обязанъ Тилли своимъ спасеніемъ въ сраженіи при Брейтенфельдѣ (въ Саксоніи), въ которомъ 7-го сентября 1631 года сошлись войска имперцевъ и войска шведовъ и саксонцевъ. Энергія и рѣшительность, отличавшія Тилли вообще въ теченіи полувѣка, какъ бы оставили его въ этотъ день; сомнѣнія колебали его и онъ долго не могъ рѣшиться—напасть ли ему на непріятелей или ожидать ихъ натиска, и только настоянія нетерпѣливаго Паппенгейма заставили его дать знакъ

Библиотека "Руниверс"

къ начатію битвы. Въ сраженіи при Брейтенфельдѣ, шведы показали себя истинными героями; имперцы, обративъ въ бѣгство саксонцевъ, не могли поколебать ряды шведской арміи. Особенно дѣло приняло дурной оборотъ для войскъ Тилли, когда Густавъ Адольфъ неожиданнымъ движеніемъ обратилъ въ бѣгство имперскія войска. Только пять старыхъ валлонскихъ полковъ сомкнулись вокругъ своего знаменитаго вождя и, занявъ ближайшую рощу, защищались здѣсь до ночи противъ всей шведской арміи. Тилли въ отчаяніи бросился самъ въ огонь и жизнь его была спасена благодаря лишь случаю. Шведскій капитанъ, получивъ его отказъ на предложеніе сдаться, хотѣлъ уже приколоть ослабѣвшаго отъ ранъ полководца, но раздавшійся въ это время выстрѣлъ положилъ шведа на мѣстѣ. Этотъ моментъ изображенъ на картинѣ. На глазахъ суроваго и жестокаго Тилли показались слезы при видѣ геройской преданности и самоотверженія своего маленькаго отряда. Оставшіеся еще въ живыхъ 600 храбрецовъ отступили вмѣстѣ съ убитымъ горемъ, истекавшимъ кровью, своимъ полководцемъ. На сторонѣ шведовъ побѣда была полная. Императоръ и лига лишились лучшей части своихъ войскъ; слава непобѣдимости графа Тилли перешла къ человѣколюбивому его противнику, королю шведовъ. Протестанты ободрились и поспѣшили заключить союзъ съ Густавомъ Адольфомъ и вся юго-западная Германія, съ самыми владѣніями императора и курфюрста Баварскаго, сдѣлались открытыми для побѣдоноснаго шествія шведовъ.



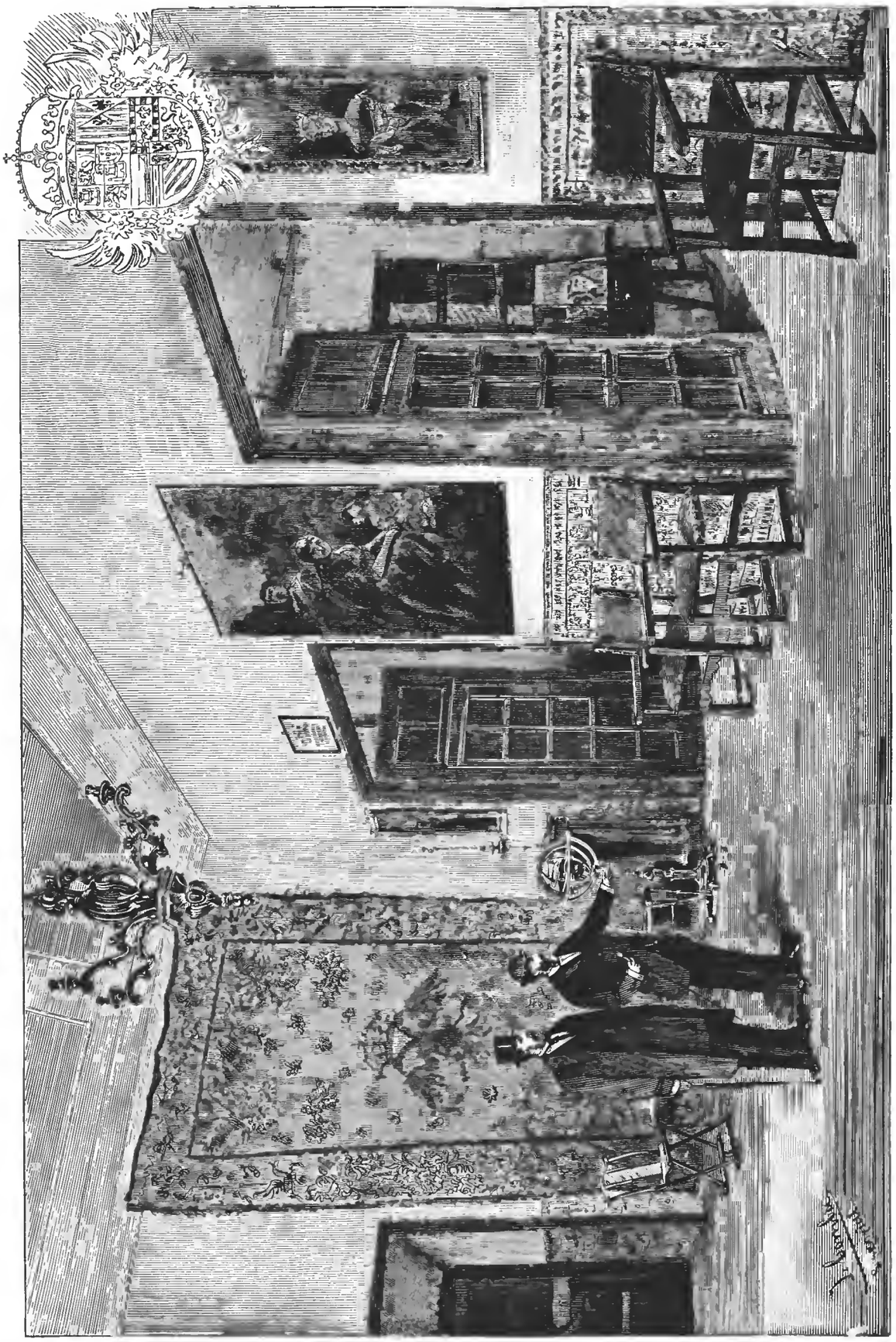
Испанія. Общій видъ Эскуріала. Рис. Ж. Комбъ, грав. Лансело.

Испанія. Эскуріалъ.

(Рис. на стр. 236 и 237).

Здѣсь представляемъ мы видъ величественнаго дворца, знаменитаго Эскуріала, нынѣ усыпальницы Испанскихъ королей. Отъ Мадрита Эскуріалъ отстоитъ на полуторачасовомъ пути по желѣзной дорогѣ. Размѣры его колоссальны. Кругомъ разстилается безотрадная каменистая пустыня, гдѣ дворецъ высится въ своемъ уединеніи. Во время Ст. Кентенской битвы король Филиппъ II далъ обѣтъ выстроить здѣсь монастырь. И дѣйствительно, Эскуріалъ можетъ считаться монастыремъ. Собственно дворецъ составляетъ какъ бы небольшую пристройку. Когда онъ былъ оконченъ, Филиппъ II поселился здѣсь и уже не выѣзжалъ изъ него. Теперь тутъ помѣщается военное училище таможенной стражи. Храмъ Эскуріала производитъ грандіозное и величественное впечатлѣніе: тутъ все изъ сѣраго камня и только изрѣдка виднѣется икона надъ однимъ изъ сорока восьми алтарей. Ступени краснаго мрамора ведутъ въ главную капеллу, алтарь которой возвышается въ пять этажей. Въ полированныхъ порфирныхъ нишахъ капеллы стоятъ изваянія Карла V и Филиппа II. За этими изваяніями одна изъ трехъ низкихъ дверей ведетъ въ комнату, обращенную нынѣ въ часовню, гдѣ скончался царственный строитель Эскуріала. Въ этой небольшой комнатѣ стояло ложе грознаго владыки Испаніи, гдѣ онъ, страдая припадками подагры, и лежалъ, когда не могъ присутствовать при обѣднѣ; тутъ спускалась статуя и отсюда онъ слѣдилъ за ходомъ богослуженія. Комната, въ которой постоянно жилъ этотъ король-отшельникъ, отличается строгою, трогательною простотою убранства. Здѣсь стоитъ только самая необходимая мебель. Нѣсколько превосходныхъ картинъ духовнаго содержанія, одна итальянской и двѣ нѣмецкой школы, составляютъ все украшеніе стѣнъ. Ничто не указываетъ на земную власть того, кто выстроилъ монастырю дворецъ, а себѣ келью, развѣ только большой соломенный матъ съ изображеніемъ орла римскихъ императоровъ, да огромный мѣдный глобусъ, на которомъ онъ могъ обозрѣвать свое великое государство, гдѣ никогда не заходило солнце. Въ склепъ королей Испаніи ведетъ сводчатый ходъ изъ цвѣтнаго мрамора, яшмы и порфира. Усыпальница представляетъ восьмиугольникъ, украшенный чернымъ мраморомъ и бронзой. Въ нишахъ, одинъ надъ другимъ, поставлены черныя мраморныя гробницы съ надписями на позолоченныхъ доскахъ. По лѣвую сторону ставятъ королей, а по правую королевъ, изъ которыхъ, по этикету, могутъ попасть сюда только тѣ, которыя оставили мужское потомство. Послѣдней похоронена здѣсь королева Христина, послѣднею же вообще въ Эскуріалѣ—королева Мерседесъ „regis Alfonsi dulcissima conjux“, какъ гласитъ золотая надпись на бѣломъ саркофагѣ.

Библиотека "Руниверс"



Испанія. Комната короля Филиппа II въ Эскуріалѣ, близь Мадрита. Ориг. рис. Ж. Комба, грав. Адедо.

Библиотека "Руниверс"

Пульпа гигантская.

(Рис. на стр. 240).

Долгое время пульпъ (многоножниковъ) смѣшивали съ полипами, между тѣмъ они существенно разнятся между собою. Полипы—отрасль животнорастеній; они занимаютъ среди животныхъ послѣднее мѣсто; голова у нихъ не обозначается ясно и тѣло ихъ представляетъ студенистый мѣшокъ, снабженный нѣсколькими щупальцами. Пульпы, напротивъ, принадлежатъ къ молюскамъ, даже болѣе совершеннымъ, нежели устрицы и улитки. Большая, закругленная голова ихъ имѣетъ два громадныхъ глаза и заключаетъ въ себѣ сравнительно большой мозгъ; на передней части ея помѣщаются сильныя оконечности, снабженныя массою рожковъ или хоботковъ. Тѣло ихъ въ формѣ мѣшка, содержитъ всѣ внутренности. Помощью хоботковъ оконечности сильно прицѣпляются къ обхватываемымъ ими предметамъ и съ большою легкостью подносятъ ко рту рыбъ и слизняковъ, которыми они питаются. Добыча размельчается челюстями, похожими на клювъ попугая. Пасть съ челюстями, принадлежащая пульпѣ Enoplotenthis, водящейся у береговъ Чили, изображена на рис. 240. Кромѣ того пульпы обладаютъ способностью выпускать черную жидкость, окрашивающую воду и закрывающую ихъ отъ глазъ врага, а въ это время онѣ быстро уплываютъ.

Извѣстно нѣсколькивидовъ пульпъ; нѣкоторыя изъ нихъ отличаются очень большими размѣрами. Такъ къ 1875 г. на большой косѣ Новой Земли было выловлено много экземпляровъ Architeuthis, имѣвшихъ отъ 10—15 футовъ длины.

Architeuthis princeps, рисунокъ котораго помѣщенъ на стр. 240, отличается большими размѣрами. Экземпляръ этотъ, пойманный въ заливѣ Троицы у Новой Земли, имѣлъ 9 метровъ 30 с. длины (13 арш. 1 верш.). Голова была 0,35 с. длины ($7^2/_3$ верш.), тѣло 2 метра 50 с. (3 арш. 8 верш.), щупальцы 9 метровъ (12 арш. $10^1/_2$ верш.) Окружность куска тѣла, сохраненнаго въ спирту, равнялась 1 м. 65 (2 ар. 5 в.).

Къ виду Architeuthis причисляютъ также экземпляръ, встрѣченный французскимъ кораблемъ „Алектонъ" у Теперифа въ ноябрѣ 1861 г. Чудовище это, по словамъ моряковъ, должно было по всей вѣроятности вѣсить отъ 100 до 150 пудовъ; рѣзкимъ движеніемъ оно вырвалось въ ту минуту, когда въ него вонзили гарпунъ и когда его собирались уже вытащить на берегъ. Натуралистъ Велэнъ, участвовавшій въ экспедиціи для наблюденія за прохожденіемъ Венеры, видѣлъ у острова Св. Павла пульпу длиною въ 7 метровъ (9 арш. $13^1/_2$ верш.).

Бремъ приводитъ очень интересный разсказъ Кольмана, наблюдавшаго пульпъ въ акваріумѣ г. Дорна въ Неаполѣ. — „Я принялся, говоритъ Кольманъ, изучать этихъ животныхъ. Дѣйствительно ли они такъ дики, смѣлы и хищны, какъ о нихъ сложились разсказы, или нѣтъ? Видъ трупа этого животнаго не производитъ никакого впечатлѣнія. Тѣло его гладко, а оконечности лежатъ въ мягкихъ изгибахъ. Они не кажутся сильными и опасными. Но наблюденія мои надъ живыми экземплярами привели меня совсѣмъ къ другому заключенію.

„Въ акваріумъ къ пульпамъ былъ посаженъ сильный омаръ. Онъ задавилъ большую черепаху, раздробивъ ей голову клешнями. Головныя кости черепахи очень крѣпки, и побѣда омара даетъ понятіе о его силѣ. Посаженный къ пульпамъ онъ возбудилъ ихъ вниманіе. Онѣ приняли вызывающія положенія, начали приближаться къ пришельцу, простирать надъ нимъ свои щупальцы, которыя однако тотчасъ принимали, замѣтивъ движеніе клешней врага. Мало по малу волненіе улеглось и омаръ спокойно усѣлся въ уголъ, какъ вдругъ одна пульпа быстро кинулась на него, оплела его всего ногами и лишила возможности защищаться. Въ то же время сторожъ освободилъ омара, увѣряя меня, что иначе пульпа задушила бы его. Я сомнѣвался въ справедливости этихъ словъ и часто навѣдывался къ бассейну. Спустя часъ я замѣтилъ снова въ пульпѣ намѣреніе напасть. И дѣйствительно она стала наступать. Случайно я былъ у акваріума одинъ и не прерывалъ борьбы. Меня интересовалъ исходъ ея, но мнѣ было все равно, который изъ гладіаторовъ погибнетъ. Снова пульпа оплела омара оконечностями, такъ что послѣдняго стало вовсе не видно. Борящіеся катались по песку и мутили воду; вдругъ пульпа освободила непріятеля и быстро поплыла чрезъ весь акваріумъ, таща за собою омара, но уже не въ качествѣ побѣдителя. Омаръ захватилъ одну изъ оконечностей и сжалъ ее съ силой и я думалъ, что оконечность будетъ оторвана. Но, къ моему изумленію, эластичная нога выдерживала такое сильное давленіе. Пульпа между тѣмъ, желая откинуть врага, плавала по бассейну, ударяя такъ сильно противника о каменныя стѣнки, что тотъ наконецъ разжалъ клешню. Враги разошлись въ разные углы бассейна. Омаръ наблюдалъ, а пульпа, усѣвшись на каменистый выступъ, начала яростную игру своими ногами, то сгибая ихъ, то снова медленно разводя. Глубоко надавленная клешнями нога двигалась также, къ моему удивленію. Ловкость, съ какою пульпа вела борьбу, удивила меня. Я не могъ также не отдать справедливости храбрости и быстротѣ движеній пульпы. Между тѣмъ она постоянно продолжала свои нападенія и омаръ только послѣ потери одной клешни, былъ пересаженъ въ слѣдующій бассейнъ, отдѣленный отъ предъидущаго цементной стѣнкой, выступающей немного надъ водою. Казалось, омаръ былъ въ полной безопасности. Но въ теченіи того-же дня пульпа, сдѣлавъ скачекъ по воздуху, бросилась на свою жертву въ сосѣдній бассейнъ и вмигъ разорвала ее. Борьба продолжалась не болѣе 2-хъ минутъ, послѣ чего побѣдитель приготовился съѣсть свою добычу. Такая борьба обличаетъ въ пульпѣ не только инстинктъ, но и сообразительность. Она видѣла какъ сторожъ пересаживалъ омара, или почуяла непріятеля по протекающей водѣ, но во всякомъ случаѣ, не видя его, вѣрно разсчитала свой скачекъ и овладѣла врагомъ. Напасть на видимую добычу, было бы инстинктомъ, но на добычу находящуюся внѣ круга ея зрѣнія,—это уже сообразительность.

„Для болѣе правильной оцѣнки этого явленія слѣдуетъ помнить, что пульпы, посаженныя во время открытія акварія съ двумя омарами, живутъ съ ними дружно. Точно также онѣ не трогаютъ маленькихъ рыбъ, посаженныхъ съ ними съ самаго начала. Каждаго же позднѣйшаго пришельца онѣ считаютъ врагомъ, отнимающимъ у нихъ мѣсто, и нападаютъ на него, будь это даже родственное имъ животное. Во время моего пребыванія пытались неоднократно сожать къ нимъ также пульпъ другихъ видовъ, но ихъ старыя постоянно уничтожали. Дѣлаютъ это они не отъ голода, такъ какъ ихъ хорошо кормили, и не отъ врожденной наклонности къ хищничеству. Имъ присущи совершенно и другія свойства: онѣ, напримѣръ, знаютъ своего сторожа, отличаютъ его отъ другихъ лицъ, любятъ его даже. Когда онъ ихъ кормитъ, онѣ какъ бы нѣжно обвиваются вокругъ его руки, словно ласкаясь и осторожно стараются поймать лакомые куски, которые онъ удерживаетъ, дразня ихъ"

Политическое обозрѣніе.

Египетъ.—Тонкинъ.—Англія.—Франція.

Положеніе дѣлъ въ Египтѣ становится наконецъ болѣе благопріятнымъ для англичанъ, которые, какъ кажется, вооружились теперь тою рѣшимостью, отсутствіе которой, по общему мнѣнію, было до сихъ поръ главною причиною послѣдовательныхъ неудачъ британской политики въ Египтѣ и Суданѣ. Побѣда надъ скопищами Османа-Дигмы при Эль-Тэбскихъ колодцахъ, окончившаяся ихъ полнымъ пораженіемъ и взятіемъ ихъ крупповскихъ пушекъ, несомнѣнно произведетъ глубокое впечатлѣніе на мусульманскіе умы. Кромѣ того, мы уже знаемъ, что ближайшимъ результатомъ эль-тэбской побѣды была сдача англичанамъ Токкара. Теперь сообщаютъ изъ Суакима, что начало наступленіе противъ Османа-Дигмы, остатки скопищъ котораго расположились лагеремъ у источниковъ въ семнадцати миляхъ къ западу отъ Суакима. Кромѣ того англичанамъ предстоитъ сдѣлать рѣшительный шагъ и на другомъ пунктѣ обширной суданской территоріи, гдѣ миссія Гордона-паши, какъ оказывается, вышла совершенно неудачной. Его прокламація, сначала вызвавшая радость въ туземцахъ, осталась однако безъ послѣдствій и населеніе даже настолько измѣнило свое настроеніе, что потребовалась вторая прокламація, гдѣ Гордонъ уже прямо грозитъ появленіемъ британскихъ войскъ и укрощеніемъ неповинующихся вооруженной силой. Въ числѣ соратниковъ англичанъ теперь являются и абиссинцы. Такъ издающіеся въ Аденѣ газеты увѣряютъ, что англичане устроили на островѣ Массовѣ контору для вербовки абиссинцевъ съ цѣлію войны противъ Махди. Охотниковъ является очень много, такъ какъ абиссинское духовенство сильно сочувствуетъ англичанамъ и поощряетъ народъ къ борьбѣ противъ врага христіанства,—Махди. Самъ лжепророкъ теперь терпитъ пораженіе за пораженіемъ; такъ экспедиціонный корпусъ, высланный имъ противъ Дарфура, разбитъ Шгатинъ-Беемъ и кромѣ того, по слухамъ, племя Каббаба одержало побѣду надъ Махди къ сѣверу отъ Эль-Обеида. Такимъ образомъ дѣло въ Египтѣ принимаетъ вообще оборотъ благопріятный для англичанъ, которые очевидно стремятся къ тому, чтобы сдѣлать изъ Египта и Судана вторую Индію. Создавъ рядъ мелкихъ государствъ, владѣтели которыхъ будутъ считаться лишь номинально самостоятельными, а на самомъ дѣлѣ не перестанутъ находиться въ безусловной зависимости отъ британскихъ властей, Англія обезпечитъ за собою монополію торговли; она займетъ Египетъ и береговую окраину Судана и сосредоточитъ въ своихъ рукахъ всѣ торговые пути. По мнѣнію нѣмецкихъ газетъ, именно отъ Германіи будетъ зависѣть или затруднить англичанамъ достиженіе предположенной ими цѣли, или же напротивъ, помочь имъ въ выполненіи ихъ плановъ. Кромѣ того одной изъ нихъ (Allgemeine Zeitung) сообщается, что въ непродолжительномъ времени вѣроятно совершится немаловажное событіе—а именно отреченіе отъ Египта хедива Тевфика-Паши, который не будетъ въ силахъ поддержать свой авторитетъ въ своихъ отношеніяхъ съ англійскими властями.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Парижа, наступленіе на Бакъ-Пингъ уже началось и вообще экспедиція достигла того момента, когда ея операціи войдутъ въ полную дѣятельность.

Библиотека "Руниверс"

Штурмъ крѣпости Бакъ-Нингъ, безъ сомнѣнія, не обойдется безъ тяжкихъ потерь, ибо городъ окруженъ сильными укрѣпленіями. Флотилія Красной рѣки уже отправилась на свой боевой постъ, чтобы оказать содѣйствіе операціямъ на сушѣ. Вообще дѣятельность флота значительно усилилась съ тѣхъ поръ, какъ адмиралъ Курбэ снова принялъ на себя управленіе морскими силами. Суда эскадры начали правильное крейсерство, и не проходитъ дня, чтобы они не захватили какого нибудь приза. Вся флотилія будетъ скоро состоять изъ двадцати двухъ канонерокъ различныхъ образцовъ. При аттакѣ Бакъ-Нинга эти небольшія суда могутъ оказать очень важныя услуги, способствуя или общему дѣйствію или отрѣзавъ съ тылу отступленіе гарнизону.

Британское правительство рѣшило выдать 1,000 фунт. стерл. тому лицу, которое доставитъ ему свѣдѣнія о дѣлателяхъ адскихъ машинъ. Компаніи желѣзныхъ дорогъ предлагаютъ тоже 1,000 фунт. стерл. за таковыя указанія. Всѣ эти мѣры вызваны послѣдними смѣлыми попытками динамитчиковъ устроить правильный ввозъ въ Англію адскихъ машинъ. Одну изъ такихъ машинъ чуть не взорвало въ паддингтонгскомъ вокзалѣ, въ то самое время, какъ принцъ Генрихъ прусскій и германскій посолъ въ Лондонѣ графъ Мюнстеръ спокойно бесѣдовали въ комнатѣ, расположенной какъ разъ надъ помѣщеніемъ, гдѣ находилась адская машина. Неудача взрыва поясняется тѣмъ, что въ механизмѣ егустилось масло, но еслибы послѣдовалъ взрывъ, то верхняя комната была бы непремѣнно разрушена.

Во Франціи злодѣи отправили недавно посылку въ Ліонъ на имя графа Парижскаго, которая, къ счастью, еще въ транспортной конторѣ возбудила подозрѣніе. По осторожномъ вскрытіи посылки, въ ней оказалась бомба, которая, будучи вскрыта безъ предосторожности, должна была бы немедленно разорваться.

Смѣсь.

Его Императорское Высочество В. К. Сергій Александровичъ возвратился изъ-за границы. По слухамъ, бракосочетаніе съ принцессой Елисаветой Гессенской будетъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Новобрачные будутъ жить во дворцѣ князя Бѣлосельскаго, который купленъ ими за 900 тысячъ.

20-го марта нынѣшняго года исполнится сто лѣтъ со дня смерти нашего перваго баснописца И. И. Хемницера, родившагося 1745 г. 5-го января. Императорская академія наукъ, членомъ которой состоялъ Хемницеръ, предполагаетъ ознаменовать этотъ день торжественнымъ собраніемъ, передъ открытіемъ котораго будетъ отслужена панихида. Къ чествованію памяти этого дѣятеля присоединяется и Горный институтъ, считающій Хемницера однимъ изъ своихъ основателей. При возникновеніи этого института, Хемницеръ состоялъ членомъ ученаго комитета и принималъ въ судьбѣ училища самое живое участіе, такъ какъ самъ былъ любителемъ и знатокомъ минералогіи и горнаго дѣла.

Д. В. Григоровичъ, извѣстный писатель и долголѣтній секретарь общества поощренія художниковъ, которое именно ему обязано учрежденіемъ превосходнаго музея и образцовой школы рисованія, оставляетъ эту должность, чтобы посвятить себя исключительно литературному труду. Григоровичъ, въ признательность за заслуги его этому обществу и заботы объ русскомъ искусствѣ, высочайше пожалованъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени и награжденъ двойной пенсіей (1.500 р.).

Съ 28-го февраля, въ циркѣ Чинизелли поставлена на сцену новая пантомина „Веселые Гейдельбергцы" или „Поѣздка съ препятствіями". Это новое произведеніе балетмейстера А. Зимса можно считать вполнѣ удачнымъ, имѣвшимъ несомнѣнный успѣхъ. Вмѣсто избитыхъ, шаблонныхъ сказокъ, которыя утомляютъ воображеніе при такихъ представленіяхъ, зрители вводятся въ дѣйствительную жизнь. Нѣмецкіе студенты, въ своихъ живописныхъ костюмахъ, являются передъ нами со всѣми веселыми сторонами ихъ быта, со своими неожиданными выходками, которыя носятъ безобидный и шутливый характеръ честной молодежи. Очень красивы и кавалькады, и сельскіе танцы, и катанье на велосипедахъ, устроенный шутинками-студентами театръ съ „живыми восковыми фигурами", съ характерными танцами и тирольскими пѣснями; пріѣхавшій также повеселиться „in's Grüne" женскій пансіонъ, упражненія въ фехтованіи, воскресныя поѣздки и деревенскія пары, комическаго и идиллическаго характера—все это весело, пріятно и полно жизни. Удачны также группы и танцы; рѣзвыя, юныя забавы маленькаго пансіона, гуляющаго подъ надзоромъ строгой начальницы. Игры въ мячъ и обручъ, аранжированныя на балетный маперъ, придаютъ этой пантоминѣ особую живость. Очень мило составленная и послѣдовательно идущая пантомина даетъ цѣлый рядъ пестрыхъ сценъ и картинъ.

Кромѣ того, цѣлый рядъ нумеровъ обращаетъ на себя вниманіе; Андреа Чинизелли со своими шестью булаными, дрессированными на свободѣ лошадьми, которыя слушаются его словъ и выдѣлываютъ различныя эволюціи; м-еЛе Адель, съ ея граціозными упражненіями; Поли Бедини, съ смѣлыми прыжками на неосѣдланной лошади: превосходная манежная ѣзда дѣвицы Эльвиры Герра на ея умномъ, бѣломъ, арабскомъ конѣ; экстра-почта маленькаго Альфреда, стоящаго на двухъ пони и управляющаго еще 8 другими маленькими, дикими лошадьми и т. д.; все это постоянно пользуется успѣхомъ.

Было бы несправедливо пройти молчаніемъ и талантливаго клоуна Билли Гайдена, который своимъ комизмомъ заставляетъ такъ смѣяться публику; развлекая зрителей такъ давно, онъ рѣдко повторяется.

Сыны „Зеленаго Острова", какъ извѣстно, отличаются природнымъ остроуміемъ; слѣдующая исторійка служитъ новымъ тому доказательствомъ. Одинъ ирландецъ нанялся за извѣстную сумму вырыть гдѣ-то колодезь. Углубившись въ землю футовъ на 25, онъ увидѣлъ, придя утромъ на работу, что одна стѣна обвалилась и засыпала весь колодезь. Осмотрѣвшись вокругъ и не видя никого поблизости, онъ повѣсилъ свой сюртукъ и шляпу на стѣну, и самъ спрятался въ кусты. Вскорѣ сосѣди замѣтили обвалъ колодца и когда увидѣли, что на стѣнѣ виситъ сюртукъ и шляпа, принялись тотчасъ разрывать обвалившуюся землю, предполагая, что работникъ былъ заживо погребенъ. Послѣ двухъ часовъ старательной работы, когда вся земля была уже выброшена и сосѣди дошли до дна, ища трупа, вышелъ ирландецъ изъ кустовъ и началъ благодарить ихъ за то, что они исполнили самую трудную часть работы.

По новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, въ отдѣльныхъ государствахъ приходится слѣдующее количество пива въ годъ на каждаго жителя: въ Баваріи 240 6 литровъ (литръ равняется почти 4/5 штофа), Вюртембергѣ 154, Бельгіи 145, Великобританіи 118, Баденѣ 63, Саксоніи 60,5, Эльзасъ-Лотарингіи 48, Пруссіи 39,5, Голландіи 37, Австріи 34,5, С.-Америкѣ 14,5, Швеціи 11,5, Россіи 1,75.

Австрія стоитъ въ этомъ перечнѣ на десятомъ мѣстѣ. Баварія на первомъ. По Баваріи перещеголялъ ея главный городъ Мюнхенъ, гдѣ не менѣе 445 литровъ пива приходится на каждаго жителя, безъ различія пола и возраста. По разсчету, между прочимъ, выходитъ, что вся Австрія только въ 9 разъ больше пьетъ пива, чѣмъ одинъ Мюнхенъ, Франція только въ 5 разъ, и если взять годъ съ наибольшимъ количествомъ выпитаго пива, то оказывается, что одинъ Мюнхенъ выпилъ его столько, сколько выпиваетъ 90 мильонная Россія.

Съ середины ноября въ различныхъ мѣстностяхъ западной Европы начали замѣчаться на небѣ, передъ восходомъ и закатомъ солнца, особенныя свѣтовыя явленія. Небо стало представляться ненормально краснымъ, пурпуровымъ или розовымъ на столько сильно, что наводило многихъ на мысль о сѣверномъ сіяніи, хотя явленіе это замѣчалось и не на сѣверѣ. Сначала этому не придавали должнаго значенія и такія свѣтовыя явленія объясняли мѣстными условіями, туманами и т. п., но когда стали приходить извѣстія о подобныхъ же явленіяхъ изъ Азіи, Африки и Америки, то интересъ къ нимъ значительно усилился и многіе ученые старались дать имъ объясненіе и открыть ихъ причину.

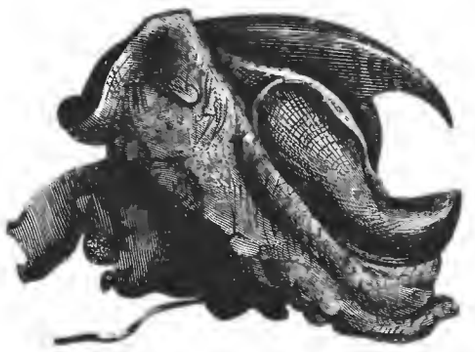
По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, эти свѣтовыя явленія могутъ обусловливаться тѣмъ, что земля встрѣтила на своемъ небесномъ пути скопленіе космической пыли, которая обволокла ее легкимъ покровомъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы и, подобно пыли, носящейся въ комнатѣ, становится видимой при освѣщеніи ея солнечными лучами. По астрономъ Погсонъ и метеорологъ Мельдрумъ находятъ такое объясненіе мало вѣроятнымъ и ставятъ это явленіе въ связь съ колоссальнымъ вулканическимъ изверженіемъ въ Зондскомъ проливѣ начавшемся 25 августа. Въ этотъ день семнадцать вулкановъ острова Ява стали выбрасывать дымъ и пары, при чемъ слышались сильные подземные удары, температура моря поднялась до 16° Р. и воздухъ наполнился пепломъ. Мракъ сдѣлался на столько сильнымъ, что даже въ Батавіи, въ 150 верстахъ отъ островов Кракотоа, приходилось въ полдень зажигать свѣчи, а суда, проходившія въ это время Зондскимъ проливомъ, покрывались на палубѣ слоемъ пепла въ 60 сантиметровъ толщиной. 26 августа острова Кракотоа погрузились въ воду и подводное сотрясеніе было такъ велико, что на морѣ поднялись волны въ 15 саженъ вышиною, которыя, устремляясь по берегамъ, разрушали селенія, наводняли города и распространялись съ такой быстротой, что 27, послѣ полудня, онѣ были уже у острова Маврикія, а 28-го числа достигли Санъ-Франциско. Колоссальное вулканическое изверженіе выбросило массы паровъ и пепла, которые, вслѣдствіе своей высокой температуры и силы, съ которой были вытолкнуты, должны были подняться, по мнѣнію ученыхъ, въ самые высокіе слои атмосферы,—выше пассатныхъ и обыкновенныхъ воздушныхъ теченій. Здѣсь наиболѣе легкія частицы могли распространиться на далекое пространство и, попадая въ различные слои атмосферы, уноситься по различнымъ направленіямъ. Присутствіе же этихъ частицъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы заявляетъ о себѣ названными свѣтовыми явленіями.

Наблюденія, сдѣланныя на разныхъ пунктахъ земной поверхности, повидимому подтверждаютъ предположенія ученыхъ. Такъ 27 августа судно „Шарлотта", находясь къ югу отъ Явы, подъ 8° ю. ш. и 167° в. д. (отъ Гринвича), было окружено густымъ туманомъ пепла и въ 2 часа вынуждено было зажечь огни. Въ тотъ же день вечеромъ впервые былъ замѣченъ ненормальный закатъ солнца на островѣ Маврикія. 30 августа судно „Эмма Ромеръ", находясь подъ 26° ю. ш. и 56° в. д., видѣло закатъ въ самыхъ яркихъ цвѣтахъ, доходившихъ до пурпуроваго. 2-го сентября на Золотомъ берегу Гвинейскаго залива было замѣчено, что солнце закатилось въ зеленыхъ облакахъ. Въ тотъ же день солнце казалось зеленымъ въ Боготѣ; въ Венецуэлѣ и на островѣ Тринидатѣ закатъ

Библиотека "Руниверс"

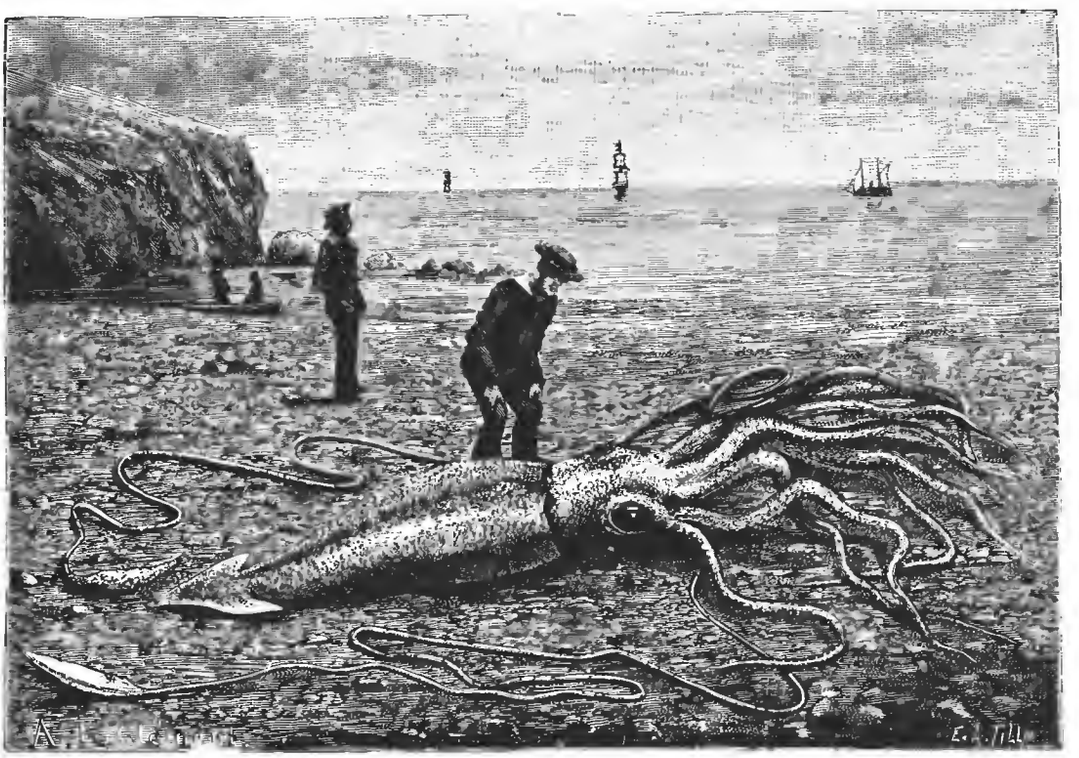
былъ необыкновенно краснымъ. Пароходъ „Аржентина“ замѣтилъ подъ 12° ю. ш. и 36° з. д. особый сѣрый цвѣтъ атмосферы. Въ Мариньонѣ и вообще въ сѣверной Бразиліи солнце казалось столь блѣднымъ, что напоминало собой луну. 5-го сентября подобныя же явленія были замѣчены въ Гонолулу, гдѣ они продолжались цѣлый мѣсяцъ. Въ Мадридѣ 8-го сентября солнце при восходѣ и закатѣ казалось безъ лучей и зеленоватымъ; такъ продолжалось въ теченіе недѣли. 10 сентября въ Анголѣ, въ южной Индіи, около четырехъ часовъ, солнце представлялось блѣдно-голубымъ, потомъ стало зеленымъ и желтымъ; небо же цѣлый часъ послѣ заката горѣло густымъ краснымъ свѣтомъ. Въ Европѣ эти явленія показались первый разъ 9 ноября въ сѣверной Франціи и Голландіи; затѣмъ 26 ноября въ Пизѣ, 29 въ восточной Испаніи, далѣе въ Лиссабонѣ, Римѣ, Аѳинахъ, Константинополѣ, Лондонѣ, наконецъ въ Германіи и Россіи.

Все это, взятое вмѣстѣ, не оставляетъ, повидимому, сомнѣній въ тѣсной связи свѣтовыхъ явленій съ той массой тепла, которая была выброшена въ атмосферу Зондскими вулканами. Правда, связь эта недостаточно еще разъяснена и многія обстоятельства, какъ, напримѣръ, быстрое распространеніе пепла, продолжительность его пребыванія въ верхнихъ слояхъ атмосферы и т. д.— кажутся загадочными. Во всякомъ случаѣ, полное разъясненіе этихъ свѣтовыхъ явленій составляетъ интересную задачу для метеорологовъ и физиковъ.



Голова пульпы Чилійской (Enoploteuthis Cokii). Въ половину натуральной величины.

Языкъ и письмо китайцевъ. На эту тему недавно написалъ статью чрезвычайный посолъ и уполномоченный министръ германской имперіи при императорскомъ китайскомъ дворѣ въ Пекинѣ, фонъ-Брандтъ, которая заслуживаетъ большаго вниманія и по своему высокому интересу не можетъ быть пройдена молчаніемъ. Послѣ философскихъ разсужденій въ предисловіи, авторъ переходитъ къ разбору многихъ спорныхъ вопросовъ о происхожденіи китайскаго языка и приходитъ къ заключенію, что своеобразное, самобытное возникновеніе и дальнѣйшее развитіе его, безспорно, относится къ доисторическимъ временамъ, хотя, какъ это было доказано въ послѣднее время, въ китайскомъ языкѣ и теперь еще замѣтны слѣды индійскаго вліянія, благодаря буддійскимъ миссіонерамъ. Далѣе авторъ обращаетъ вниманіе на то, что китайскій языкъ, развиваясь и совершенствуясь самостоятельно, по крайней мѣрѣ безъ замѣтнаго внѣшняго вліянія, достигъ впослѣдствіи такого совершенства, что въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій отвѣчалъ нуждамъ и потребности народа, стоявшаго на высокой ступени самостоятельнаго развитія въ духовномъ отношеніи. Затѣмъ приводятся цитаты изъ сочиненій нѣкоторыхъ китайскихъ ученыхъ, изданныхъ по повелѣнію императора, о происхожденіи и дальнѣйшемъ развитіи языка и письма этого народа. Китайскіе филологи и теперь еще придерживаются раздѣленія письменныхъ знаковъ на шесть классовъ, какъ дѣлаетъ это Тайтунгъ—словарь 13-го столѣтія. Каждый изъ этихъ классовъ имѣетъ свои особые знаки, число которыхъ въ общей сложности доходитъ до 24,325. Надо полагать, что древнѣйшіе знаки, іероглифы, представляли собой каждый изображеніе отдѣльнаго предмета, не принимая во вниманіе ихъ звуковаго значенія. Образованіе же письма, какъ авторъ доказываетъ многими остроумными примѣрами, составилось въ теченіи многихъ столѣтій. Очень интересны также сообщенія его о послѣднемъ развитіи и совершенствованіи письменныхъ матеріаловъ, которые, несомнѣнно, имѣли вліяніе и на внѣшнюю форму самыхъ знаковъ. Въ древнѣйшія времена письменные знаки вырѣзывались на бамбуковыхъ дощечкахъ, которыя связывались шнуркомъ для образованія фразы; впослѣдствіи на дощечкахъ этихъ стали рисовать знаки волосяной кисточкой. Затѣмъ появляется въ употребленіи шелковая или для бѣднаго класса болѣе дешевая ткань, пока наконецъ въ 105 году послѣ Р. Х. не была изобрѣтена бумага, приготовлявшаяся изъ древесной коры, пеньки и тряпокъ и манускрипты приняли форму длинныхъ лентъ, сохранявшихся въ видѣ свертковъ. Печатаніе явилось впервые въ началѣ X столѣтія, при чемъ письменные знаки вырѣзывались рельефно на деревянныхъ дощечкахъ; печатаніе при помощи каменныхъ плитокъ съ выгравированными знаками,—бѣлымъ по черному фону—относится также къ этому времени. О первыхъ подвижныхъ знакахъ — изъ обожженной глины—упоминается уже въ 1045 и 1049 годахъ. Наконецъ авторъ знакомитъ читателей съ главнѣйшими родами письма, которые употребляются теперь по древнему обычаю. Ихъ всего восемь.



Пульпа гигантская (бл. Новой Земли. Architeuthis princeps). Рис. Тилли, грав. Клементъ.

Въ Афросиабѣ, въ одномъ изъ предмѣстій Самарканда, въ настоящее время дѣлаются археологическія раскопки, огромный интересъ которыхъ возрастаетъ все болѣе и болѣе. Здѣсь найдены украшенія изъ мрамора, мозаики и кромѣ того различные предметы изъ бронзы, глины и стекла. Всѣ эти предметы принадлежатъ арабской, греко-бактрійской и древне-иранской культурной эпохѣ, которая здѣсь нѣкогда господствовала. На глубинѣ отъ трехъ до четырехъ метровъ, кромѣ того, найдена была китайская монета.

Раскопки эти производились подъ наблюденіемъ нашего извѣстнаго писателя г. Крестовскаго, который о результатахъ ихъ уже сообщилъ свѣдѣнія въ печати.

Библиотека "Руниверс"

Цѣнная медаль. Недавно одинъ солдатъ британской арміи обвинялся военнымъ судомъ за то, что продалъ свою медаль „египетской экспедиціи“ за 75 коп. Предсѣдатель суда старался, какъ можно нагляднѣе, выяснить сыну Марса значеніе совершеннаго имъ поступка. „Что? Вы считаете это дѣло позорнымъ? воскликнулъ обвиняемый. Послѣ всѣхъ тѣхъ насмѣшекъ, которыя я слышалъ отъ друзей своихъ о египетскомъ походѣ, мнѣ стало стыдно носить эту медаль и я рѣшилъ продать ее“.

Въ письмѣ д-ра Брусе изъ Испагани находится интересный разсказъ, который прекрасно характеризуетъ нравы персіянъ. Англійскій миссіонеръ пишетъ: „Принцъ-намѣстникъ отдалъ въ моемъ присутствіи словесное приказаніе губернатору Испагани—воспретить продажу библіи въ городѣ. Я, съ своей стороны, возразилъ его высочеству, что согласенъ буду покориться этому рѣшенію только тогда, когда мнѣ будетъ это сообщено письменно. Объ этомъ случаѣ я не преминулъ сообщить въ Лондонъ, такъ какъ нигдѣ до сихъ поръ не встрѣчалось препятствія для распространенія библіи; даже въ Тегеранѣ и въ остальной части Персіи, равно какъ и въ Турціи, она продавалась свободно. Принцъ, однако, не взялъ своего приказанія назадъ, а также и не прислалъ мнѣ письменнаго объ этомъ увѣдомленія и потому нашъ разнощикъ, Веньяминъ, по прежнему отправился съ книгами на базаръ. Въ тотъ же день онъ былъ арестованъ шейхомъ базара и препровожденъ къ губернатору, который сдѣлалъ ему строгій выговоръ и повторилъ приказаніе—не являться на базаръ съ библіями. Исторія эта продѣлывалась каждый день, такъ какъ Веньяминъ попрежнему отправлялся съ книгами. Наконецъ, это разсердило губернатора и онъ началъ бранить шейха базара, что тотъ приводитъ къ нему каждый день этого непокорнаго иностранца и только безпокоитъ его, между тѣмъ какъ онъ могъ бы самъ давно догадаться, что слѣдуетъ бросить это дѣло и позволить продавать книги. Такимъ образомъ менѣе чѣмъ въ четыре мѣсяца, въ Испагани болѣе 500 библій было куплено персіянами, въ томъ числѣ нѣсколькими лицами изъ числа чиновниковъ и прислуги, служившихъ во дворцѣ принца-намѣстника. Подобнымъ же образомъ, не смотря на запрещенія, библіи продавались безпрепятственно и въ другихъ большихъ городахъ Персіи и я всегда получалъ отъ Веньямина депеши о томъ, что запасъ его приходитъ къ концу, и посылалъ ему еще“.

Несгораемая бумага. Ужасныя послѣдствія пожара вѣнскаго театра вызвали энергическія старанія и заботы изыскать средства для предохраненія декорацій и другихъ предметовъ отъ огня. Цѣлый рядъ кислотъ, предлагавшихся для пропитыванія тканей и бумаги, далъ результаты, не вполнѣ достигавшіе цѣли. Новымъ открытіемъ въ этой области знаній явилось приготовленіе бумаги, которая абсолютно несгораема. Одна изъ фабрикъ Бостона употребляетъ для этой цѣли горный ленъ, минералъ въ видѣ длинныхъ волоконъ, который въ большомъ количествѣ встрѣчается въ Канадѣ. Еще ранѣе европейскій, именно итальянскій горный ленъ (асбестъ) перерабатывался въ ткань, но такія матеріи считаются еще пока рѣдкостью и не получили никакого практическаго примѣненія. Изъ такой матеріи приготовляютъ только всю одежду для рабочихъ, занимающихся вальцованіемъ и пуддлингованіемъ металловъ, въ видахъ предохраненія ихъ отъ огня. Бостонская фабрика въ послѣднее время стала приготовлять изъ горнаго льна писчую бумагу, въ родѣ обыкновенной, для важныхъ документовъ, и обои. Послѣдніе разрисовываются тонкимъ слоемъ минеральныхъ красокъ и по виду не отличаются ничѣмъ отъ простыхъ. Въ Парижѣ произведены были изслѣдованія надъ этими обоями, которыя показали, что даже послѣ самаго сильнаго накаливанія въ теченіи цѣлаго часа—они сохраняли свою прочность и эластичность и не утрачивали рисунка. Стоимость такихъ обоевъ превосходитъ вдвое цѣну обыкновенныхъ. Такимъ образомъ они могутъ съ большой пользой, какъ недопускающіе распространенія огня, употребляться для декорацій въ театрахъ.

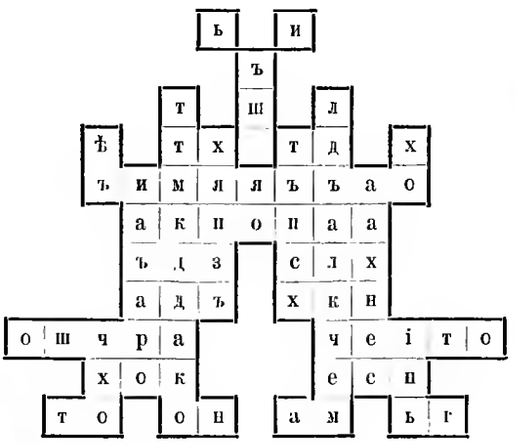
Густота населенія и желѣзныя дороги. Статистическія данныя прошлаго года даютъ слѣдующія отношенія между населенностью различныхъ странъ Европы и Соединенныхъ Штатовъ. На каждый километръ (468 саж.) приходится душъ населенія: въ Соединенныхъ Штатахъ 280, въ Швеціи 850, въ Швейцаріи 1.075, въ Великобританіи 1,110, въ Германіи 1.250, во Франціи 1.445, въ Бельгіи 1.450, въ Даніи 1,455, въ Норвегіи 1,710, въ Нидерландахъ 1,875, въ Австро-Венгріи 1,955, въ Испаніи 2,375, въ Европейской Россіи 2,810, въ Италіи 3.350, въ Португаліи 3.435, въ Румыніи 3,750; въ Турціи 19,375, въ Греціи 125 000.

Самый скорый почтовый поѣздъ. Ни въ одной странѣ міра не заботятся такъ о скоромъ доставленіи почты, какъ въ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Генералъ-почтмейстеръ Іевель вмѣстѣ съ нью-іоркскимъ почтмейстеромъ Джемсомъ установили самое быстрое почтовое сообщеніе между Чикаго и Нью-Іоркомъ. Дѣйствительно, теперь между обоими этими городами почта доставляется 12 часами ранѣе, нежели прежде. Этимъ всѣ почты, находящіяся далѣе къ западу до Миссури, выигрываютъ отъ десяти до двадцати часовъ, а штаты по ту сторону Миссури — цѣлыя сутки. Это нововведеніе потребовало устройства собственной дороги, предназначенной исключительно для почты, которая выходитъ изъ Нью-Іорка въ 4½ часа утра. Поѣздъ, названный молніеноснымъ почтовымъ поѣздомъ, состоитъ, не считая локомотива съ тендеромъ, изъ четырехъ почтовыхъ и одного салоннаго вагона. Вагоны окрашены бѣлою краскою и на каждомъ стоитъ золотыми буквами надпись: „Скорая почта“: кромѣ того они украшены гербами штатовъ. Два изъ этихъ вагоновъ назначены исключительно для склада почты, въ остальныхъ двухъ занимаются сортировкой писемъ и другихъ отправокъ. Почтовые предметы ставятся потомъ на наклонную плоскость, по которой они скатываются въ мѣшки. Чиновники работаютъ также удобно какъ и въ конторахъ; на разстояніи 965 англійскихъ миль, отдѣляющихъ Нью-Іоркъ отъ Чикаго, на каждой станціи, не останавливая поѣзда, сдается и получается корреспонденція. По прибытіи на станцію мгновенно выбрасывается почта и также скоро принимается на поѣздъ. Мѣшокъ съ почтой для подачи на поѣздъ, вѣшается на желѣзный рычагъ, вблизи рельсовъ; все приспособлено такъ, что во время самой быстрой ѣзды почта можетъ быть снята служащими съ поѣзда. Во время первой поѣздки поѣздъ вышелъ изъ Нью-Іорка съ 33 тоннами груза (1 тонъ = 62 пудамъ). Онъ состоялъ изъ 633 мѣшковъ газетъ, 47 закрытыхъ сумокъ съ письмами и изъ 50,000 экз. газетъ для раздачи на промежуточныхъ станціяхъ. Въ Альбани поѣздъ принялъ еще почту изъ Бостона и Новой Англіи, состоящую изъ 17 мѣшковъ писемъ и 150 мѣшковъ газетъ. Здѣсь останавливались на 14 минутъ, причемъ еще завтракали. Въ Чикаго поѣздъ прибылъ на слѣдующее утро въ 6 часовъ 27 минутъ. Такимъ образомъ 966 англійскихъ миль, т. е. 1,351 верста пройдены въ сутки. Дорога отъ Нью Іорка до Буфало заняла 16 ч. 45 м. и до Клевеланда 15 ч. и 10 м. Средняя скорость ѣзды равнялась 57¾ версты въ часъ. Въ Толедо и Ляпорто поѣздъ останавливался для охлажденія накаленныхъ осей; по этой же причинѣ въ Элькартѣ было потеряно 25 минутъ. Во время пути изъ Элькарта въ Чикаго машинисту нужно было наверстать потраченное время; его усталость была такъ сильна, что по достиженіи станціи въ Чикаго онъ лишился чувствъ. На всѣхъ станціяхъ собирались большія массы народа, встрѣчавшія поѣздъ радостными возгласами.

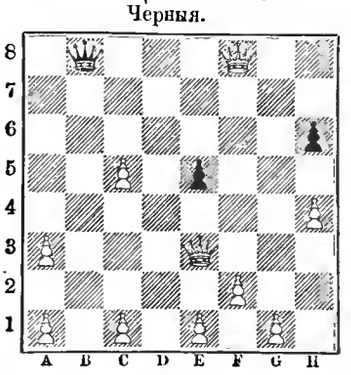
Усовершенствованіе аккумулятора. Въ устройствѣ аккумуляторовъ, этихъ замѣчательныхъ аппаратовъ для накопленія электричества, сдѣланы, какъ сообщаютъ изъ Лондона, весьма важныя усовершенствованія. Какъ извѣстно, аккумуляторы примѣняются на практикѣ въ качествѣ двигателей и производителей электрическаго свѣта. О разнообразномъ и всестороннемъ примѣненіи этой силы, отъ двигателя бота и до питанія маленькой лампочки на грудной булавкѣ—можно было составить себѣ ясное представленіе на послѣдней выставкѣ, гдѣ павильонъ этотъ возбуждалъ всеобщій интересъ и удивленіе. Но высокая цѣна этого изобрѣтенія сильно мѣшала ему войти во всеобщее употребленіе. Въ настоящее время недостатокъ этотъ устраненъ. Въ Лондонѣ теперь изготовляются аккумуляторы, по конструкціи, которая держится еще въ секретѣ, но настолько упрощенной, дешевой и удобной, что электричество для одной свѣчи можетъ свободно помѣщаться въ карманѣ и даже пересылаться по почтѣ. Такіе аккумуляторы, различныхъ величинъ, находятся уже во многихъ тысячахъ экземпляровъ въ продажѣ.

Мольеръ сильно поспорилъ съ раздражительнымъ Расиномъ предъ тѣмъ какъ его „Мизантропъ“ въ первый разъ поставленъ былъ на сцену. Одинъ изъ льстецовъ Расина, желая сдѣлать ему удовольствіе, поспѣшилъ сообщить, что пьеса Мольера не понравилась публикѣ, такъ какъ она не хороша, и что онъ можетъ повѣрить словамъ его, такъ какъ онъ былъ на представленіи. — А я, отвѣтилъ холодно Расинъ, не былъ на представленіи, но утверждаю противное: Мольеръ слишкомъ большой геній для того, чтобы написать плохую вещь.—Но увѣряю васъ...—А я увѣряю васъ, что вы неправы; станемте говорить о другомъ.

Задача буквъ—ходъ коня № 10.



Шашечная задача № 11.
К. О. Цѣхановича.
Черныя.



Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ въ 9 ходовъ.

Библиотека "Руниверс"

2-й заемъ 1866 года. 36-й тиражъ 1-го марта 1884 года

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
20	2	500	2955	8	500	5457	1	500	8640	40	500	11176	40	500	13531	5	1000	15654	26	1000	17917	40	500
83	17	500	2963	10	500	5471	1	500	8765	4	500	11331	11	500	13591	14	500	15668	44	500	17933	2	500
118	32	500	2975	11	500	5710	38	500	8790	41	500	11358	49	500	13663	6	500	15734	42	500	18010	47	500
255	47	500	2977	22	500	5934	27	500	9006	16	500	11364	21	500	13786	23	500	15821	35	500	18030	18	500
268	9	500	3005	36	500	6025	37	1000	9075	25	500	11524	31	500	13798	11	75000	15834	15	500	18131	20	500
321	8	5000	3111	15	500	6051	9	500	9273	33	500	11642	44	500	14010	8	500	15895	10	500	18195	35	500
371	18	500	3191	7	500	6083	35	500	9344	9	500	11834	28	500	14029	7	500	15925	24	8000	18206	43	500
395	41	500	3223	15	500	6121	10	500	9348	48	1000	11848	8	1000	14121	47	500	16018	38	500	18276	26	500
407	31	10000	3228	8	500	6143	27	500	9386	10	5000	12002	20	500	14322	43	1000	16053	29	500	18353	22	500
496	34	500	3266	45	500	6181	14	500	9592	5	1000	12094	11	500	14370	29	500	16071	31	1000	18364	41	500
588	34	1000	3284	42	500	6197	27	500	9651	28	500	12184	2	500	14466	4	500	16087	13	200000	18430	17	500
765	26	1000	3391	12	500	6379	26	500	9664	40	500	12190	16	500	14467	24	500	16112	30	500	18492	49	500
802	28	500	3426	48	500	6391	6	500	9713	35	500	12215	10	40000	14530	39	1000	16282	10	500	18510	6	500
947	20	500	3470	49	500	6449	20	500	9716	16	500	12243	14	500	14582	21	500	16315	5	8000	18526	24	500
948	46	500	3536	26	1000	6629	18	500	9755	3	500	12250	32	500	14711	33	500	16509	44	500	18566	16	500
1009	3	500	3588	25	500	6782	14	500	9862	28	500	12288	7	500	14715	8	500	16524	37	25000	18673	48	500
1093	29	500	3630	16	500	6911	27	500	9978	10	500	12377	36	500	14876	18	500	16674	47	500	18715	45	500
1237	41	10000	3839	45	500	7055	32	500	10034	43	500	12444	40	500	14955	9	500	16972	9	500	18743	40	1000
1272	37	500	3852	3	500	7112	33	500	10067	40	500	12483	16	500	14970	50	500	17016	17	500	18750	27	5000
1291	9	500	3952	3	1000	7183	1	500	10174	5	10000	12490	22	500	15060	37	500	17019	44	500	18848	40	500
1370	31	500	3960	13	500	7236	34	8000	10195	41	5000	12514	9	500	15076	18	8000	17021	8	500	18904	26	500
1371	42	500	4004	50	500	7466	11	500	10208	23	500	12539	7	500	15105	9	500	17045	41	500	18920	35	500
1408	18	500	4007	12	500	7689	45	500	10223	22	500	12564	41	500	15118	23	500	17046	26	500	18925	6	500
1427	11	500	4218	37	500	7706	8	500	10223	31	500	12568	39	500	15135	17	500	17144	18	1000	18954	43	500
1445	46	500	4271	3	500	7714	15	500	10303	18	500	12580	10	500	15192	20	500	17165	18	500	18962	37	500
1449	1	500	4334	2	500	7715	15	500	10430	25	500	12606	17	500	15206	6	500	17168	13	500	19001	16	500
1727	49	500	4461	23	500	7732	8	500	10449	41	500	12859	9	500	15279	42	500	17171	12	500	19022	29	500
1770	7	500	4561	49	500	7842	15	500	10505	20	500	12941	44	500	15326	48	500	17183	35	500	19048	1	500
1914	27	500	4682	46	500	7848	23	500	10669	29	500	13000	30	500	15383	46	8000	17254	6	1000	19132	46	500
1981	15	500	4684	14	1000	8003	48	500	10780	45	500	13179	1	500	15406	26	500	17310	8	1000	19269	26	500
2094	7	500	4925	30	500	8008	44	500	10783	44	500	13211	6	500	15421	5	5000	17382	32	500	19308	43	500
2136	33	1000	4950	6	500	8093	40	500	10784	9	500	13215	18	500	15434	35	500	17400	39	5000	19410	15	500
2431	23	500	4991	10	500	8279	31	500	10893	25	500	13409	1	5000	15474	15	500	17569	42	500	19768	13	500
2476	22	500	5022	19	500	8290	4	500	10911	26	500	13415	8	500	15492	8	500	17592	7	500	19833	22	500
2522	45	500	5046	3	500	8324	12	500	10929	16	500	13420	44	500	15589	36	500	17653	46	500	19976	9	500
2541	8	1000	5111	33	500	8349	48	500	10960	43	500	13435	45	500	15611	8	500	17656	38	500	19980	23	500
2707	17	500	5278	13	500	8483	5	5000	11041	26	500	13475	22	500	15648	39	500	17775	30	500	19995	32	500
2820	42	500	5453	12	500	8489	26	500	11123	14	500												

№№ серій, выпедшихъ въ тиражъ.

45, 525, 581, 603, 1548, 1645, 1820, 1909, 2162, 2513, 2794, 2836, 3141, 3159, 3166, 3223, 3461, 4035, 4247, 4547, 4835, 4966, 5080, 5093, 5560, 5593, 5659, 5846, 6336, 6636, 6706, 7469, 7537, 8120, 8200, 8309, 8598, 9942, 10110, 10377, 10995, 11054, 11095, 11232, 11856, 13004, 13414, 13482, 13514, 13649, 13975, 14266, 14531, 14534, 14664, 14849, 14918, 15144, 15406, 15680, 16325, 16472, 16568, 17357, 18209, 18409, 18432, 18778, 18814, 19000, 19192, 19705.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто мелкихъ денегъ присылаются почтовыя марки,—высылать таковыя **только новаго образца.**

СОДЕРЖАНІЕ: **Франсуа Коппе** (съ портр.).—**Въ старой Москвѣ.** Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ, **Гр. Е. А. Саліаса.** Часть вторая. (Продолженіе).—**Соперникъ.** Историческій разсказъ **Л. Гезеке.**—**Задумалась** (съ рис.).—**Первани и занесенные въ море** (съ 2 рис.).—**Графъ Тилли въ опасности** (съ рис.).—**Испанія. Эскуріалъ** (съ 2 рис.).—**Пульпа гигантская** (съ 2 рис.).—Политич. обозр.—Смѣсь.—Задача буквъ.—Шашечная задача.—Тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.—Заявленіе.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

Провизора Кинунена

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ „ЭЛЕОПАТЪ“

противъ выпаденія волосъ, для рощенія, укрѣпленія ихъ корней и **ПРОТИВЪ СТОЛЬ ВРЕДНОЙ ДЛЯ РОСТА ВОЛОСЪ ПЕРХОТИ ГОЛОВЫ,** занимающій безспорно первое мѣсто—одобренное и испытанное безподобное средство—между всѣми косметиками, рекомендованными въ Европѣ и нынѣ существующими въ продажѣ. Наилучшимъ доказательствомъ доброкачественности и дѣйствительности моего Элеопата, служитъ тотъ фактъ, что въ торговлѣ появились подражанія и поддѣлки, сходныя съ моимъ препаратомъ, а посему, при покупкѣ его надлежитъ требовать „Элеопатъ“ только провизора Кинунена.

„ЭЛЕОПАТЪ“ **провизора КИНУНЕНА** имѣется къ **услугамъ публики во всѣхъ** городахъ Россійской Имперіи, во всѣхъ большихъ аптекахъ, а также во всѣхъ значительныхъ косметическихъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Жители уѣздныхъ городовъ выписываютъ „Элеопатъ“ только **КИНУНЕНА** изъ ближайшихъ отъ нихъ губернскихъ городовъ, гдѣ только имѣется аптекарск. магазинъ или аптека, но не менѣе 2 флаконовъ за **4** руб. Почтовый расходъ и упаковка на счетъ покупателя.

Цѣна 1 флакону, содержащему 120 грам., **1** р. **50** к., въ магазинѣ гг. Штоль и Шмита, по М. Морской, въ соб. домѣ, или въ Маг. Русск. Общ. торговли Аптек. тов., въ соб. домѣ. по Казанской, въ С.-Петербургѣ.

Заказы на Элеопатъ можно адресовать и въ С.-Петербургъ; вотъ адресъ: въ главное депо Элеопата провизора КИНУНЕНА въ С.-Петербургѣ.

Провизоръ Кинуненъ и К°.

Библиотека "Руниверс"

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

ЖЕЛАЮТЪ КУПИТЬ

хорошо сохранившіеся и полные экземпляры **„НИВЫ“** за **1870, 1874** и **1881** годы.

Съ предложеніями обращаться въ контору журнала „НИВА“, Спб., Б. Морская, № 9.

№ 3227 ВЫШЛА МАРТОВСКАЯ КНИЖКА

„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ“.

Я говорю нѣтъ, Уильки Коллиза. Стальное ожерелье, дю-Буагобея. **Загадочная смерть,** Джойсъ Даррель. (Окончаніе). **Шефильдскіе Шоты.**

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ, **шесть рублей двадцать пять коп.,** для городскихъ **шесть рублей семьдесять пять коп.,** для иногородныхъ **семь рублей.** Подписка продолжается. Подписавшимся выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1.

Подписка принимается на имя издательницы **Елисаветы Николаевны Ахматовой,** въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

330 ДЕС. Лѣснаго участка продается на Черноморскомъ берегу у пристани Туапсэ. 115 д. строеваго корабельнаго каштановаго лѣса, 35 дес. пахатной земли, остальное молодой лѣсъ; протекающія въ участкѣ 2 рѣки и р. Туапсэ. Рыбная ловля „Горная форель“. Охота: на медвѣдей, кунцъ и фазановъ. Участокъ по шоссейной дорогѣ отъ пристани Туапсэ въ г. Майкопъ. По желанію покупателя можетъ быть проданъ лѣсъ на срубъ. Подробностями адресовать: Тифлисъ, Саперная ул., д. № 7. В. О. Нестерову. № 3231. 1—1

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ ИЗОБРѢТЕННЫЙ БРОКАРЪ и К°.
№ 3091 25—4

КТО ЖЕЛАЕТЪ
избавиться отъ всѣхъ домашнихъ насѣкомыхъ, пусть употребляетъ 2—2
РОМАШКУ БУРЕЛЬ.
Самое вѣрное средство отъ насѣкомыхъ, дѣйствуетъ изумительно. Продажа во всѣхъ хорошихъ Аптекарск. маг. Россіи. **Главный складъ у Александра Венцель, Спб., Казанская, № 3.** Ц. № 3114.

ИЩЕТЪ МѢСТО

въ магазинѣ, или типографіи, знакомый нѣсколько съ иностранными языками. Просить письменно обращаться на М. Италіанскую д. № 6, кв. № 27 (лит. X, Y, Z. 8), или въ редакцію журнала „Нива“. № 3223 2—1

Изданіе А. Ф. Маркса. СПБ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА.

Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и факсимиле. 3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 8 руб., съ перес. 9 руб. ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ“ 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 р., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

☞ Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: **„ДВА МІРА“** и отдѣломъ въ прозѣ:

„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ“.

Первое единственное, **дѣйствительно полное собраніе сочинен. А. Н. Майкова.**

Книгу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала „Нива“ (Бол. Морская, № 9); **въ Москвѣ у Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

КОРОЛЕВСКАЯ ВЮРТЕМБЕРГСКАЯ АКАДЕМІЯ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА HOHENHEIM.

Лѣтній семестръ **начинается со среды 16-го апрѣля с. г.** Объявленія, указатели лекцій и программы занятій разсылаются по требованіямъ безвозмездно.

Гогенгеймъ. Января, 1884 г. Дирекція Королевской Академіи.
Д. № 3146 2—2 За директора профессоръ **Д-ръ Е. Вольфъ**

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

1. **6-й выпускъ „Православнаго Палестинскаго Сборника“,** заключающій въ себѣ „Хожденіе Гостя Василія“ (1465—1466 гг.), подъ ред. Архимандрита Леонида Ц. 30 к.
2. **„Къ Животворящему Гробу Господню“.** Разсказъ стараго паломника. Цѣна 30 к.

Продаются въ С.-Петербургѣ у Тузова, Оглоблина, Риккера; въ Москвѣ—у Ферапонтова; въ Кіевѣ—у Оглоблина.

Здѣсь же. „Православный Палестинскій Сборникъ“ 1-й вып., В. П. Хитрово,—„Православіе въ Св. Землѣ“, ц. 2 р.; 2-й вып., В. П Хитрово. „Бордоскій путникъ“, ц. 1 р.; 3-й вып., М А. Веневитиновъ, 1-я часть Житія и хожденія Даніила, съ рис. XVI в., ц. 2 р. 50 к.; 4-й вып., А. В. Елисѣевъ, „Путь къ Синаю“, ц 2 р и „Отчетъ Православнаго Палестинскаго Общества“ за 1882—83 гг., ц 1 р 50 к

Складъ изданія. СПБургъ, Манежный пер., 7, у С. Д. Лермонтова № 3201 3—1

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современной жизни **Всеволода Соловьева.** СПБ. 1882 г. Ц 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. Паденіе Бирона и воцареніе Елисаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изданіе. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. переп. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ

СБОРНИКЪ узаконеній, отн. до Общ. Пол. и кр. учр. съ рѣш. Сен. и изъ. Зак. А. Скоровъ. Ц. 4 р. въ перепл. 4—50. Выпис. отъ изд (Москва) за пер. не платятъ. № 3151 6—3

„РОДНИКЪ“,

иллюстрир. журналъ для дѣтей, выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 8 и бол. листовъ со мног. картинками. Въ **„Родникѣ“** печатаются гл. обр. оригинальныя произведенія изъ русской жизни и природы. Въ каждомъ № имѣется отдѣлъ смѣси, игры, загадки и проч и „страничка для родителей и воспитателей“.

Премія къ „Роднику“ состоитъ изъ 12 картинъ по русской исторіи.

Условія подписки: за годъ, съ доставк. и перепыл. 5 р. а съ приложенемъ 3-хъ книгъ педагогическаго сборника 6 р.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Никольская площадь, домъ 4. № 3187 2—2

ДОЧЬ

МАІОРА

Николая Гавриловича Ковалева—МАРЬЮ, родившуюся 2 Марта 1820 года, въ м. Броварахъ, Черниговской губерніи, или лицъ знавшихъ ее, просятъ увѣдомить о мѣстѣ ея жительства. Адресъ: г. Козмодемьянскъ, Нотаріусу. № 3216 1—1

АГРОНОМЪ

(Швейцарецъ) желаетъ взять имѣнія въ аренду или управлять ими за извѣстные проценты ЧИСТАГО дохода. Согласенъ дать денежное обезпеченіе. Узнать въ магазинѣ НЮРНБЕРГЪ, Москва, Стар. Газетный пер., д. Шаховскаго. П. № 3222

ВЪ МОСКВѢ. *Аптекарскій магазинъ Р. Кемерихъ* ВЪ МОСКВѢ. Ц. № 3104 7—5

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ,

№ 2913 7—5

ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ.

ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ
бѣлитъ зубы, не портя ихъ эмали, предотвращаетъ гніеніе зубовъ.

ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ
укрѣпляетъ десны, утоляетъ зубную боль, освѣжаетъ ротъ.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФРЕРА,
19, Rue Jacob, Paris.
У ВСѢХЪ АПТЕКАРЕЙ И ПРОДАВЦЕВЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ.

ГОДЪ IV. РЕБУСЪ ГОДЪ IV.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Въ программу журнала, помимо шарадистики, статей по гомеопатіи, графологіи и спеціальнаго отдѣла премированныхъ ребусовъ, входитъ обозрѣніе малоизслѣдованныхъ явленій природы, какъ-то: медіумизмъ (спиритизмъ), магнетизмъ, гипнотизмъ, сомнамбулизмъ, ясновидѣніе и пр. Въ этомъ отдѣлѣ, котораго читатель не встрѣтитъ ни въ одномъ изъ русскихъ періодическихъ изданій, сотрудничаютъ: А. П. Аксаковъ, профессоръ А. М. Бутлеровъ, Е. П. Блаватская (Радда-Бай), Е. Ф. Барабашъ, Котъ-Мурлыка, Т. П. Пассекъ, Мих. Пѣтуховъ, графъ А. В. Сологубъ и друг.

Цѣна журнала: на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Подписка на 1884 г. принимается, а также продолжается и на 1883 г. во всѣхъ книжн. маг. Петербурга. Черезъ почту въ редакціи (Дмитровскій пер., № 10). Въ Москвѣ, въ кн. маг. Н. П. Мамонтова.

Редакторъ-издатель **В. ПРИБЫТКОВЪ.**
Р. № 3217 1—1

Библиотека "Руниверс"

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ,

С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, №№ 17 и 18 — Москва, Петровка, домъ Михалкова,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ПРАКТИЧЕСКІЯ РУКОВОДСТВА ПО ХИМИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГІИ:

Заводская переработка ЖИВОТНАГО ОТБРОСА. Производство желтой синильной соли, фосфора, клея, аммоніакальныхъ солей и приготовленіе парижской и берлинской лазури. Сочиненіе д-ра Гуно Флека. Съ 46 рисунками въ текстѣ. П. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ. Производства: уксусное, свеклосахарное, крахмальное, крахмальной камеди, крахмальнаго сахара, крахмальной патоки, сыра и масла. Сочиненіе проф. Отто. Съ 129 чертеж. 2 т. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

ПИВОВАРЕНІЕ. Практическое руководство и подручная книга для пивоваровъ и начинающихъ заниматься этимъ производствомъ; съ прибавленіемъ необх. свѣдѣній изъ химіи. Сочиненіе Г. Е. Габиха. Съ 132 рис. въ текстѣ. 2 т. Ц. 5 р., съ перес. 6 руб.

ТЕХНОЛОГІЯ ОСВѢТИТЕЛЬНЫХЪ МАТЕРІАЛОВЪ. Салотопленіе, производство и изслѣдованіе растительныхъ маслъ, производство стеариновое, свѣчное, газовое, воскобойное и пр. Сочиненіе проф. Боллея и Перутца. 2 т. Ц. 5 р., съ перес. 6 р.

МЫЛОВАРЕНІЕ и производство парфюмернаго и косметическаго товара. Соч. доктора Дейте. Съ 21 чертеж. въ текстѣ. Ц. 2 р 50 к., съ перес. 3 р.

ПОТАШНОЕ ПРОИЗВОДСТВО по Ф. Шварценбергу, перед. и переведено проф. Алексѣевымъ. Съ 19 рис. въ текстѣ и 3 табл. Ц 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ВИНОКУРЕНІЕ. Приготовленіе спирта и производство сладкихъ и ароматическихъ водокъ. Сочиненіе Ю. Ф. Отто. Съ 56 чертеж. въ текстѣ. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

ХИМИЧЕСКАЯ ПЕРЕРАБОТКА РАСТИТЕЛЬНЫХЪ и ЖИВОТНЫХЪ ВОЛОКОНЪ. Соч. д ра Боллея. Съ 45 рис. въ текстѣ. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

Главное достоинство всѣхъ вышепоименованныхъ руководствъ къ изученію заводской и сельско-хозяйственной промышленности—ясное и подробное описаніе каждаго химическаго процесса, основанное на добытомъ практикою началѣ. При составленіи этихъ руководствъ имѣлись въ виду не только ученые химики, или опытные фабриканты, но и лица, желающія вообще познакомиться съ даннымъ производствомъ. Но тутъ не одни только практическіе выводы; нѣтъ, читатель встрѣтитъ на страницахъ этихъ руководствъ и научныя объясненія, и критику промышленныхъ условій, и историческіе очерки, теоретическія данныя, практическую операцію и т. п.—все въ понятномъ и ясномъ изложеніи.

Книжные магазины Товарищества М. О. Вольфъ владѣютъ громадными запасами книгъ по сельскому хозяйству и химической технологіи, и всѣхъ вообще книгъ, на всѣхъ европейск. язык. Полный каталогъ русскихъ книгъ за послѣднія 50 лѣтъ, распредѣленный, для удобства, на отдѣлы, по содержанію сочиненій, продается по 3 р., съ пер. 4 р.

О ДЕ ЛИСЪ ДЕ ЛОЗЕ (EAU DE LIS DE LOHSE)

для улучшенія и украшенія **ЦВѢТА ЛИЦА, отъ веснушекъ, загара, красноты, угрей, желтыхъ пятенъ, также отъ нечистоты кожи всякаго рода,** наилучшее предохранительное средство, существующее уже 50 лѣтъ. Ежедневное употребленіе „**О де Лисъ де Лозе**" дѣйствуетъ **охладительно и освѣжительно,** дѣлаетъ кожу ослѣпительно бѣлой и нѣжной и придаетъ ей здоровый, цвѣтущій видъ. Въ обыкновенныхъ флак. по 1 р. 50 к.—3 руб.

Во избѣжаніе поддѣлокъ слѣдуетъ требовать „О де Лисъ де Лозе" (Eau de Lys de Lohse).

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ парфюмеръ Ея Имп. Вел. Императрицы Германской, Ея Имп. Высоч. Наслѣдницы Герман. Престола. **БЕРЛИНЪ, W.** Iaeger-Strasse, 46.

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ Россійской Имперіи. Ц. № 3220 9—1

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ ПАВЛА БУРЕ

поставщика Высочайшаго Двора высылаются по востребованію **БЕЗПЛАТНО.** Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, на Невскомъ проспектѣ домъ № 23. Въ Москву, уголъ Кузнецкаго моста и Рождественки домъ Торлецкаго. № 3192 3—3

EAU D'HOUBIGANT *la plus appréciée pour la toilette.* **Houbigant** parfum. de la Cour de Russie Paris.

Приглашеніе къ пожертвованію НА ХРАМЪ БОЖІЙ.

Пожертвованія прошлаго года дали возможность докончить въ чернѣ и покрыть желѣзною крышею выстроенный храмъ во имя Св. Бориса и Глѣба въ погостѣ Вышгородкѣ (Островскаго уѣзда). Недостатокъ средствъ прихожанъ заставляетъ обратиться къ общественной благотворительности для окончанія внутренней отдѣлки. Помогите въ этомъ святомъ дѣлѣ! Пожертвованія просятъ высылать строителю храма, Владиміру Алексѣевичу Изъединову, въ г. Островъ Псковской губ., которому Псковской Духовной Консисторіею дозволены публикація и пріемъ пожертвованій. № 3228 1—1

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ

плодовымъ и декоративнымъ деревьямъ и кустарникамъ, а также многолѣтнимъ красивоцвѣтущимъ растеніямъ помологическаго сада **Д-ра Регеля** и **Кессельринга** высылается безплатно обращающимся къ **Д-ру Регелю** въ Императорскомъ Ботаническомъ Саду № 3213 въ С.-Петербургѣ. 2—2

С.-Петербургской Химической Лабораторіи

САШЕ ПО Д'ЭСПАНЬ САШЕ ШЕЛКОВЫЕ И БУМАЖНЫЕ

РАЗНЫХЪ ЗАПАХОВЪ

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы: „С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ". ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Невскій проспектъ, домъ № 32, Католической церкви.
Невскій проспектъ, домъ № 66, у Аничкова моста.
Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Магазинъ въ **Москвѣ:**
Кузнечный мостъ, домъ Третьяковыхъ.

Кромѣ вышеозначенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.

Контора, фабрика и оптовый складъ: Измайловскій просп., № 21, собственный домъ, въ **С.-Петербургѣ.** Р. № 3218 1—1

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ **ДУХИ КАДРЮПЛЬ** (EXTRAITS QUADRUPLES) для носовыхъ платковъ, платьевъ, кружевъ и пр.

Lohse's Maiglöckchen	**Лозе—Ландышъ**
Lohse's Héliotrope blanc	**Лозе—Бѣлый Гелiотропъ**
Lohse's Königin der Nacht	**Лозе—Королева ночи**
Lohse's Excelsior-Bouquet	**Лозе—букетъ Эксельсіоръ**

въ обыкновенныхъ флаконахъ 1 р. 50 к. и большихъ.

NEU: Lohse's Gold Lilie || **НОВОСТЬ: Лозе—Золотая лилія**

удостоены высшими наградами на всѣхъ международныхъ выставкахъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ придворный парфюмеръ Ея Имп. Вел. Императр. Германской. Поставщикъ Ея Имп. Выс. Наслѣдницы Германск. престола и пр. **БЕРЛИНЪ, W.** Jaeger-Strasse 46.

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ Россійской Имперіи. Ц. № 3221 12—1

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ НА 1884 ГОДЪ СѢМЯННОЙ ТОРГОВЛИ П. БУКА,

МАЛАЯ КОНЮШЕННАЯ Д. № 5, С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

изданъ и требующимъ таковой будетъ отпущенъ или высланъ почтою **безвозмездно.** Р. № 3158 2—2

КИТАЙСКІЯ ШЕЛКОВЫЯ МАТЕРІИ

ДЛЯ МУЖСКАГО И ДАМСКАГО ЛѢТНЯГО ПЛАТЬЯ

(ЧЕСУЧА, ФАНЗА, КРЕПЪ, ГРАНИТУРЪ)

предлагаетъ въ большомъ выборѣ во всякое время года

Торговый Домъ въ Москвѣ „БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ"

МАЛАЯ ДМИТРОВКА. Д. АЛЕКСѢЕВА № 18.

ПРІОБРѢТЕНІЕ ТОВАРА ПРЯМО СЪ ФАБРИКЪ КИТАЯ.

Требованія иногородныхъ исполняются немедленно; прейсъ-куранты высылаются безплатно. П № 3003 5—5

ПОКУПАЮТЪ ДРЕВНОСТИ ИЗЪ **ЗОЛОТА и СЕРЕБРА,**

какъ-то: **золотыя эмальированныя табакерки, серебряныя кружки, кубки, бокалы, блюда и нувшины** и вообще всякаго рода **древности, изящной работы прошлыхъ столѣтій** до временъ Екатерины II-й.

Просятъ адресоваться лично или письменно: **г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ,** Москва, Малая Дмитровка, домъ графа Васильева-Шиловскаго. № 3189 6—2

Чернилы Леонарди.

Хорошо знакомы! нѣсколько разъ удостоены преміями. **Амстердамъ 1883: золотая медаль**

торговая марка. Получить можно въ почти всѣхъ торговляхъ бумагою и канцелярскими принадлежностями въ Россіи

Отъ поддѣлки предостерегаютъ.

Aug. Leonhardi, Dresden. учрежд. 1826. **Изобрѣтатель патент. Алицаринобыхъ чернилъ.**

Для семьи, школы, а также въ качествѣ путеводителя рекомендуется книга:

КАРТИНКИ КАВКАЗА. Соч. **ПАВЛА ЗАЛѢСОВА.** Цѣна 1 руб. съ перес. Продается въ Москвѣ и Петербургѣ, въ кн. магаз. Вольфа, Мамонтова, „Новаго Времени" и др. № 3225

ВСЕОБЩАЯ ТАБЛИЦА ПРЕДВИДѢНІЯ, основанная на выводѣ изъ фактовъ, **крайне необходимая всѣмъ государствамъ, народамъ, мужчинамъ и женщинамъ и избавляющая ихъ отъ несчастій въ будущемъ.** Цѣна **1 руб.** съ пересылкою въ **футлярѣ.** Адр.: **гор. Житомиръ,** подполковнику **Дульцеву.** № 3226 2—1

Дозволено цензурою. СПБ. 7 марта 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 11 | XV годъ | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рунод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 17 Марта 1884 г.

Открыта подписка на „Ниву" 1884 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р

За границу: съ перес. въ Австрію. Германію. Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. Для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ. въ Д. № 9

И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 8 ч. ВЕЧЕРА.

Архіепископъ Антоній.

Только нѣсколько дней прошло со дня (4 февр.) торжественнаго празднованія пятидесятилѣтняго юбилея служенія въ архіерейскомъ званіи престарѣлаго архипастыря Антонія (Зубко), какъ 15 февраля сего года онъ уже скончался, 87 л. отъ рожденія. Неутомимый и энергическій дѣятель по возсоединенію уніатовъ Западнаго края съ православіемъ, близкій другъ и помощникъ митрополита Іосифа Сѣмашко, Архіепископъ Антоній принадлежитъ къ самымъ выдающимся личностямъ минувшей эпохи. Долгіе годы передъ смертью онъ провелъ отшельникомъ въ Пожайскомъ монастырѣ близъ Ковны. Удостоенный въ день юбилея Высочайшаго рескрипта и грамоты Святѣйшаго Сѵнода, царское милостивое слово и пожеланія друзей и почитателей доблестный архипастырь получилъ наканунѣ смерти, и они, такъ сказать, напутствовали его въ иной міръ. Уже въ день своего юбилея старецъ-архіепископъ находился въ состояніи крайней слабости, такъ что не рѣшились прочесть ему, чтобы слишкомъ не потрясти его, всѣ адресы и привѣтствія. „Умираю" сказалъ онъ самъ и угасъ тихо и постепенно.

Архіепископъ Антоній (Зубко) † 15 Февраля. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Мальчикъ-сирота, уроженецъ Полоцкаго уѣзда, онъ поступилъ 10 л. въ Полоцкую семинарію и завершилъ свое образованіе въ богословскомъ факультетѣ виленскаго университета, гдѣ засталъ студентомъ знаменитаго Сѣмашку. По окончаніи курса магистръ Зубко профессорствуетъ въ Полоцкой семинаріи по кафедрѣ философіи и потомъ въ качествѣ іерея и уніатскаго депутата является въ Петербургскую римско-католическую коллегію, гдѣ уже былъ Сѣмашко. Здѣсь оба знаменитые друга были неразлучны. Но вотъ стали подготовлять уніатовъ къ возсоединенію Въ 1828 г. открыли семинарію въ Жаровицахъ, гдѣ началась новая дѣятельность. Во главѣ всего этого дѣла явился какъ ректоръ пр. Зубко; онъ прежде всѣхъ надѣлъ великорусскую рясу. Въ 1833 г.

Библиотека "Руниверс"

состоялся указъ о бытіи ему уніатскимъ епископомъ брестскимъ; въ 1834 года состоялась его хиротонія. Въ 1839 году викарный Антоній, вмѣстѣ съ Іосифомъ, во главѣ уніатскаго духовенства присоединился къ православной церкви и участвовалъ во всѣхъ по этому случаю религіозныхъ торжествахъ. Вся созидательная работа на мѣстѣ всею тяжестью лежала на пр. Антоніѣ—въ дѣло это онъ вложилъ всю свою душу. Въ 1840 году пр. Антоній переведенъ на Минскую кафедру. Но борьба была очень тяжела. Надорванныя силы не выдержали новыхъ многосложныхъ заботъ и трудовъ. Въ концѣ же 40-хъ годовъ преосв. Антоній отпросился на совершенный покой. Въ 1864 г. онъ напечаталъ весьма интересный и драгоцѣнный по даннымъ трудъ: „О греко-уніатской церкви въ Россіи“.

Память и свѣжесть мысли столь преклоннаго старца были замѣчательны. При тяжкихъ страданіяхъ никто не слышалъ отъ него никогда ни малѣйшаго ропота.

Незадолго до смерти, въ письмѣ отъ 25 января къ одному изъ друзей, пр. Антоній сдѣлалъ важныя сообщенія, гдѣ говоритъ, что Императоръ Николай I былъ главнымъ виновникомъ возсоединенія уніатовъ въ лоно православной церкви. „Когда Помазанникъ Божій, говоритъ пр. Антоній, сказалъ, что мы его званныя дорогія дѣти и близки его сердцу—завѣса клеветы и обмана спала съ нашихъ глазъ. Согрѣтые царскимъ словомъ, мы бросились къ нему съ довѣріемъ и любовью, и Православная церковь, какъ Матерь, приняла насъ любовно: ни упрека, ни намека на наше заблужденіе. Все это передали мы нашимъ братьямъ, и великое дѣло возсоединенія совершилось по вдохновенію Божію и заботами Русскаго Царя“.

Въ старой Москвѣ.

Историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ,

Гр Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

V.

Прошла еще недѣля. Борщевъ бывалъ всякій день въ домѣ дѣда, свободно видался съ Анютой и сообщалъ ей все, что было новаго относительно ихъ приготовленій къ побѣгу.

Анюта была въ особенномъ настроеніи. Прежней ея веселости и безпечности не было и слѣда. Она была сумрачно серьезна, а главное—что совершенно не шло къ ея природѣ—была холодна и спокоина во всемъ, что говорила и дѣлала. Незнакомый подумалъ бы, глядя теперь на молодую дѣвушку, что эта съ южнымъ типомъ лица, черноокая княжна Лубянская—самое безстрастное существо, равнодушное ко всему на свѣтѣ и какъ бы застывшее отъ праздности и лѣни среди скучной обстановки.

А внутри Анюты была буря!.. Она твердо и безповоротно рѣшилась на отчаянный шагъ и знала, что не остановится ни предъ чѣмъ въ достиженіи цѣли. Побѣгъ и вѣнчанье представлялись ей пустымъ дѣломъ, только первымъ шагомъ, только началомъ всего того, чрезъ что придется пройти, что придется ей преодолѣть! И она не робѣла, не смущалась ни на мгновенье.

Только одно тревожило ее, и только при мысли объ этомъ—робость съ примѣсью печали закрадывались въ душу. Она боялась за Бориса, боялась, что у него не хватитъ духу идти на все и одолѣть все...

— Если онъ уступитъ и сдастся? думала Анюта. Тогда что дѣлать. Если онъ, заточенный въ монастырь и даже сосланный куда либо — не захочетъ или не съумѣетъ снова быть на волѣ, чтобы вмѣстѣ бѣжать на край свѣта.

И княжна часто, по долгу всматриваясь въ румяное, полное и веселое лице Бориса — искала въ немъ будто опроверженья своихъ подозрѣній, но находила только подтвержденье.

Добрый и веселый малый мало былъ похожъ на человѣка, способнаго къ борьбѣ на жизнь и на смерть съ судьбой своей.

Въ эти минуты княжна тревожно задумывалась. Вспоминая иногда, даже среди безсонной ночи, выраженье лица сержанта или какой нибудь его взглядъ, какое нибудь слово—княжна приходила въ отчаянье. Ей чудилось, что счастье будетъ не достигнуто изъ-за него. У него не хватитъ силъ. И тогда кого винить!

И вдругъ возникалъ въ головѣ пылкой и своенравной дѣвушки странный вопросъ:

— Почему я его выбрала... Почему я его полюбила. Чѣмъ онъ лучше другихъ. Въ нашей любви, въ нашемъ бракѣ—онъ будто невѣста, а я—женихъ.

Но Анюта, провѣряя свое давнишнее чувство къ Борису, не находила раскаянія, или охлажденья. Напротивъ, ей казалось и даже удивляло ее, что она именно за то и любитъ этого племянника, что онъ противоположность ей самой: мягкій, ласковый, спокойный, веселый и добродушный!

Она сравнивала Бориса съ новымъ своимъ знакомымъ Алексѣемъ Хрущевымъ, человѣкомъ съ нравомъ, волеи, смѣлымъ и рѣшительнымъ, и видѣла ясно, что такого она не избрала бы въ мужья. Добрый и мягкій Борисъ былъ привлекательнѣе ея своенравному и властолюбивому сердцу.

Молодой сержантъ, наоборотъ, былъ теперь раздражительно и безпокойно веселъ. Тревога сказывалась въ немъ все сильнѣе по мѣрѣ приближенья роковаго шага. Онъ страстно любилъ свою Анюту, но при мысли о той борьбѣ, которую придется выдержать, при мысли, что придется въ самомъ дѣлѣ выбирать между кельей монастыря и горницей во дворцѣ хана въ Бахчисараѣ, вообще выбирать ссылку и заточенье, или свободу на чужой сторонѣ, — Борщевъ робѣлъ и какое то новое чувство, въ родѣ раскаянія, начинало закрадываться въ душу.

— Теперь что-жь?.. Раньше надо было! часто восклицалъ сержантъ, наединѣ со своими думами. А „что“ раньше надо было, онъ не досказывалъ, даже старался какъ бы не додумывать, ибо и себѣ не хотѣлъ сознаться, что онъ способенъ на отступленье.

Хрущевъ, дѣятельно хлопотавшій за друга, взявшійся за гужъ, какъ говорилъ онъ: „по россійски“, т. е., чтобы и „животъ положить“, если нужно,—смущалъ Бориса еще болѣе своими подозрѣньями.

— Мое дѣло все обсудить и обхлопотать, говорилъ онъ. Зададутъ, вѣстимо, и мнѣ такого трезвона за васъ, что на всю жизнь—гулъ въ ушахъ останется и будешь потомъ креститься день и ночь, да въ храмъ собираться, думая, что на сосѣдней колокольнѣ къ обѣднѣ ударили. Но вотъ, что не мое дѣло, а я долженъ васъ упредить. Князь, говорю и буду говорить, самъ васъ на самокрутку толкаетъ. Нужна она ему!

— Зачѣмъ? Разсуди ты, голубчикъ, что ты говоришь. Вѣдь тутъ здраваго разума ни на грошъ, восклицалъ и спорилъ Борисъ, а самъ смущался.

— Лисица онъ! Воръ онъ! Продувной! повторялъ Хрущевъ. Стоитъ мнѣ ему въ глаза глянуть и кажетъ мнѣ, что онъ меня, тебя, дочь и все, что мы думали и готовили—все какъ есть насквозь видитъ и знаетъ. Нужна ему эта затѣя наша. Онъ первый возликуетъ и... ахнетъ по насъ чѣмъ нибудь.

— Полѣномъ, что ли? сердился Борщевъ.

— Нѣтъ, хуже! Что полѣномъ? Законами россійскими двинетъ по башкѣ. А ихъ много, голубчикъ, такъ и обсыпетъ насъ всѣхъ какъ горохомъ или какъ картечью на войнѣ. И пуще всѣхъ отъ него достанется твоей княжнѣ бѣдной. Она ему поперегъ дороги. Ея погибель ему нужна!.. А на тебя ему плюнуть! Ты только орудіе ея погибели.

Библиотека "Руниверс"

— Да ты дуракъ совсѣмъ! бѣсился Борисъ. Онъ дочь боготворитъ. Онъ изъ за этого одного насъ простилъ бы. Да и проститъ.

— Ну вотъ, погляди, какъ проститъ. Также какъ сатана въ аду грѣшниковъ прощаетъ.

Эти подозрѣнья Хрущева ничѣмъ однако не оправдывались.

Онъ судилъ тольку по лицу князя, въ которомъ находилъ какое то хитрое выраженье. Кромѣ того Хрущева удивляло, что князь, сватая дочь и даже на словахъ насильно выдавая ее за сенатора—позволялъ Борщеву бывать въ домѣ всякій день, видаться и говорить съ княжной. Кромѣ того у Хрущева было доказательство наблюдательности князя и того, что онъ, повидимому не обращая ни на кого и ни на что вниманія, видитъ и замѣчаетъ все до мелочей.

Хрущевъ, бывая тоже почти ежедневно у князя по его же приглашенью, сталъ понемногу все болѣе и болѣе увлекаться веселой и беззаботной хохотушкой Агашей. Красивая дѣвушка, деревенская барышня, не имѣющая понятія о столичной жизни и ея развлеченьяхъ, любящая родимыя поля и лѣса, гдѣ родилась, провела жизнь—нравилась Хрущеву, тоже добровольно промѣнявшему городъ на деревню, и званье гвардейца на кличку рябчика.

Хрущевъ, болтая съ Агашей по цѣлымъ вечерамъ объ деревнѣ, даже объ хозяйствѣ, понемногу, незамѣтно для самого себя, сталъ влюбляться въ милую и наивную сестру пріятеля. Онъ уже смутно представлялъ ее себѣ хозяйкой въ его усадьбѣ, вмѣстѣ съ собой на полѣ, и въ лѣсу, и на работахъ, и на гумнѣ.

Но Хрущевъ, до тѣхъ поръ еще ни разу въ жизни не будучи ни въ кого влюбленнымъ, былъ новичекъ въ этомъ отношеніи и наивно самъ прозѣвалъ въ себѣ зародышъ чувства.

Когда его манило въ домъ князя поболтать съ Агашей, то ему казалось, что просто хочется отъ хлопотъ душу отвести съ хохотуньей.

И кто же не только видѣлъ и замѣтилъ все, но даже первый объяснилъ ему, что это любовь. Князь Артамонъ Алексѣевичъ.

— Сердце твое, молодецъ, не ошиблось, сказалъ онъ однажды, мимоходомъ трепля Хрущева по плечу. Она по тебѣ и ты по ней. Оба добрые, честные, богобоязные и скромные. Оба шумиху городскую не любите, а любите миръ и тишину сельскую. Тамъ люди къ Богу ближе, дольше живутъ и безтрепетно умираютъ. Вы пара, суженые. Скажи слово, и я самъ буду твоимъ сватомъ, а мнѣ отказа не будетъ.

Хрущевъ былъ вдвойнѣ смущенъ этими словами князя, которыя услыхалъ совершенно внезапно и неожиданно, послѣ ужина, когда всѣ уже расходились, а они очутились двоемъ съ княземъ въ сторонѣ отъ другихъ.

Добраго малаго смутило открытіе, что онъ любитъ! Онъ сразу почуялъ, что князь правду сказалъ. „Да, ты любишь!“ будто вторилъ кто въ немъ самомъ. Но кромѣ того въ немъ смутился честный человѣкъ. Ласковая и добрая рѣчь князя, обращенная къ нему, и готовность устроить его счастье заставили его устыдиться за себя. Вѣдь онъ совершенно наоборотъ, въ эти самыя минуты—ведетъ козни и хлопочетъ за дѣло, къ которому князь, Богъ знаетъ, еще какъ отнесется. Можетъ быть сочтетъ нечестьемъ и позоромъ своего имени.

— Вѣдь я вообразилъ себѣ, что онъ кознодѣй! подумалъ Хрущевъ. А можетъ онъ помретъ съ горя отъ нашей самокрутки. Одно мнѣ утѣшенье—не выдавалъ бы дочь за стараго дурака.

И Хрущевъ теперь, бывая въ домѣ князя, волновался душевно не менѣе Бориса и княжны. Онъ стыдился князя, постоянно намеками говорившаго ему объ его чувствѣ къ Агашѣ и готовности служить сватомъ, а съ другой стороны самое чувство къ дѣвушкѣ росло и сказывалось все сильнѣе. А между тѣмъ обстоятельства такъ складывались, что о собственномъ счастьи теперь нечего было и думать. Что то еще будетъ! Чѣмъ кончится погибельная затѣя, которую онъ ведетъ. Если Борисъ съ княжной пропадутъ, то жениться на Агашѣ будетъ совершенно немыслимо. Онъ для нея будетъ злѣйшій врагъ, участвовавшій въ погибели брата. Для матери же онъ станетъ олицетвореніемъ самого сатаны. Понятно конечно, и не подлежитъ сомнѣнію, что Настасья Григорьевна, какъ всѣ матери, все свалитъ на пріятеля сына. Хрущевъ будетъ во всемъ одинъ виноватъ. Онъ и подбилъ, онъ и свелъ, онъ и вѣнчалъ, онъ и погубилъ всю семью, даже двѣ семьи.

Наконецъ ко всему примѣшалось новое обстоятельство. Сенаторъ, бывавшій тоже довольно часто у князя, какъ посторонній, но желанный и почетный для князя гость, избѣгалъ говорить съ княжной, чтобы не вызвать „срамной бесѣды“, какъ мысленно говорилъ онъ. Ни Каменскій, ни князь и виду не подавали о томъ, что они затѣваютъ и что рѣшено между ними. Дѣло было какъ бы отложено до поры до времени, чтобы дать княжнѣ время освоиться съ рѣшеньемъ отца, успокоиться и привыкнуть къ сановному жениху, безповоротно избранному отцемъ, но еще ради приличія не объявленному въ городѣ.

Сенаторъ, всегда встрѣчаемый княжной одинаково ненавистно, съ явнымъ, чрезъ силу сдерживаемымъ отвращеньемъ, разумѣется не могъ много говорить съ ней. Поэтому послѣ князя оставались для бесѣдъ сенатора или Борщева, или ея дочь. Съ Настасьей Григорьевной бесѣдовать сановнику было не очень занимательно, да и не весело. Умнаго или дѣловаго разговора быть съ ней не могло, шуточной болтовни ея года не допускали. Для сенатора по неволѣ якоремъ спасенія постоянно являлась веселая Агаша, которая вдобавокъ была съ нимъ столь же наивно мила и любезна, болтала съ такой же охотой, какъ и съ молодежью. Каменскій былъ даже отчасти польщенъ этимъ вниманьемъ дѣвушки и кромѣ того она какъ бы доказывала княжнѣ во очію, что не всѣ же дѣвушки, какъ она, находятъ его непривлекательнымъ и скучнымъ.

Но эти бесѣды сенатора съ дѣвушкой и все увеличивавшаяся ихъ дружба и короткость отношеній—явились яблокомъ раздора.

Хрущевъ началъ съ досадливыхъ выходокъ и скоро кончилъ бурной ревностью. Онъ самъ себя не узнавалъ, не понималъ и самъ не зналъ, что чувствуетъ и что дѣлаетъ.

И скоро отношенія всѣхъ постоянныхъ посѣтителей дома князя такъ перепутались, что только одинъ князь былъ веселъ, смѣялся и шутилъ. Остальнымъ было не только не до смѣху, но всѣ чуяли, что въ домѣ „совсѣмъ не ладно!“ Даже Агаша перестала смѣяться и два раза уже плакала, на смерть перепугавъ свою мать такимъ необычнымъ для себя дѣяніемъ.

Хрущевъ первый замѣтилъ все и сказалъ Борщеву.

— Какъ мы перепутались. Ничего ужь и не разберешь. Кто за кого? Кто кому врагъ, кто другъ? Кто чего хочетъ, кто что дѣлаетъ?.. Какъ есть Вавилонское столпотворенье!

— Да ты отчего на мою Агашу такъ иногда кидаешься какъ собака злая, извини за слово! нѣсколько сумрачно отозвался сержантъ, вспомнив, но не понимая значенья послѣдней вспышки друга у князя въ гостиной.

Но этимъ вопросомъ Борисъ еще подбавилъ путаницы взаимныхъ отношеній, такъ какъ Хрущевъ ему не могъ отвѣчать откровенно. У нихъ была теперь важная общая тайна и они ничего не скрывали другъ отъ друга за послѣднее время... Ничего, кромѣ одного... Борисъ скрывалъ свою робость предъ роковымъ шагомъ. А Хрущевъ скрывалъ отъ него свое чувство къ его сестрѣ.

Библиотека "Руниверс"

Встрѣча невѣсты Великаго Князя Іоанна III Васильевича, греческой царевны Софіи Палеологъ, въ Псковской области, въ устьи Эмбаха (1467 г.).
Ориг. рис. для „Нивы“ А. Земцова, грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

— Что же ты молчишь? Ты вѣдь очень чуденъ, братецъ. Ты—деревенщина. Не будь ты мнѣ другъ, развѣ бы я далъ тебѣ волю такъ кидаться на мою сестренку съ своими насмѣшками и обидными словами. А этотъ старый хрычъ Каменскій вдругъ выходитъ ея защитникомъ отъ тебя и твоихъ придираній. А мнѣ это обидно. За что ты не взлюбилъ Агашу. Скажи.

— Я не взлюбилъ?! воскликнулъ Хрущевъ, но тутъ же отчаянно махнулъ рукой и прибавилъ: Нѣтъ, голубчикъ, ужь мы лучше это бросимъ. Тутъ самъ чортъ ногу сломаетъ.

VI.

Наконецъ натянутымъ отношеньямъ и тайнымъ кознямъ молодыхъ людей наступилъ конецъ. До сихъ поръ Борисъ нерѣшительно, со дня на день, оттягивалъ назначить день, въ который долженъ былъ совершиться побѣгъ Анюты и Самокрутка.

Неожиданная никѣмъ и внезапно объявленная княземъ помолвка дочери съ Каменскимъ—рѣшила все. Однажды утромъ Артамонъ Алексѣевичъ объявилъ Борщевой, а затѣмъ и всей дворнѣ, чтобы готовились всѣ пировать.

— На дняхъ у насъ будетъ на дому празднество давно мною желанное, сказалъ князь. Торжественное обрученье кольцами жениха и невѣсты.

Тоже самое князь, по утру здороваясь съ дочерью, передалъ и ей въ краткихъ и сухихъ словахъ.

— Черезъ денька три-четыре, васъ обручатъ. Молебенъ будетъ. Надо разослать всѣмъ приглашенье. Оно за разъ для всѣхъ и объявленіемъ объ бракосочетаніи твоемъ будетъ, такъ какъ въ городѣ еще никому не говорено.

Княжна бровью не двинула и только черезъ минуту спросила шепотомъ, который всегда въ ея пылкой натурѣ означалъ внутреннюю борьбу и сдержанный бурный порывъ.

— Въ какой же день? Надо же, приглашая, день означить.

— Ну послѣ завтра что ли... А то хоть и завтра...

— Завтра мое рожденіе.

— Ахъ, и то правда! удивился князь, но какимъ то страннымъ голосомъ, отчасти притворнымъ.

А княжна вспыхнула немного.

— Неужели онъ забылъ, подумала она. Первый разъ въ жизни забылъ.

Этотъ день былъ всегда самымъ главнымъ днемъ въ году за все ея существованіе. Рожденіе княжны отецъ праздновалъ всегда на всю Москву, ставилъ его выше всѣхъ годовыхъ праздниковъ.

— Ну вотъ и прекрасно. Въ рожденіе и обручимъ.

Княжна молчала и собиралась уйти къ себѣ.

— Если не желаешь, можно и на другой день. Рожденіе справимъ само по себѣ.

— Мнѣ все равно! сухо, рѣзко, чрезъ плечо, проговорила Анюта съ презрительной и злой усмѣшкой на губахъ.

— Лучше на другой, сказалъ князь, будто не замѣчая лица и голоса дочери. Въ рожденіе всѣ сами пріѣдутъ поздравить тебя; мы за разъ и объявимъ всѣмъ, что на утро въ домѣ другой праздникъ—твое обрученіе. И разсылать не придется. Эдакъ будетъ вѣжливѣе. Такъ что ли?

— Какъ вамъ угодно, вымолвила Анюта и вышла вонъ изъ комнаты.

Черезъ минуту Соленушка, уже знавшая объ новости князя, посылала Ахмета на Плющиху къ сержанту, а затѣмъ къ Хрущеву.

— Скажи поди, обрадуй, что нашъ то надумалъ, говорила она Мы то дураки—ротозѣи—ждали. Время не вѣдмедь, въ лѣсъ не уйдетъ. А вотъ онъ и ушелъ. Собирались, собирались, вотъ и собрались. А говорила вѣдь я княжнѣ и Борису Ильичу—спѣшить надо.

— Да что-жъ. Какая же бѣда? спросилъ Ахметъ.

— Какая? Да вѣдь они переда забрали, насъ обогнали. Княжна все твердила, покуда сосватаютъ, да объявятъ въ Москвѣ, да покуда приданое шить начнутъ, да дѣвичники пойдутъ—сто разъ обвѣнчается съ Борисомъ Ильичемъ.

— Ну, а теперь?

— А теперь, слышалъ: Обручать чрезъ два дня кольцами. А обрученіе тоже вѣнчанье. Назадъ нельзя.

— Отчего. Снялъ кольцо, да другое вздѣлъ на палецъ.

— Дуракъ. Законъ говоритъ: нельзя. За это еще хуже отвѣтишь, коли обручившись съ однимъ, съ другимъ повѣнчаешься. Вдвое отвѣтишь.

— Да хоть всемеро! Вѣдь за семь бѣдъ одинъ отвѣтъ.

— Ничего ты не смыслишь. Надо скорѣе господъ обоихъ оповѣстить. Баринъ Хрущевъ надумаетъ какъ дѣло поправить. Надо хоть сейчасъ бѣжать имъ, если не отложитъ князь обрученіе.

— А ты кольца украдь за часъ до начала, пошутилъ Ахметъ.

— Дуракъ ты. Вотъ что! Ну, бѣги.

Борщевъ былъ конечно смущенъ извѣстіемъ, принесеннымъ татариномъ, и отправился тотчасъ самъ къ пріятелю. Его не было дома и пришлось въ ожиданіи возвращенія посидѣть со старухой Осповской.

— Скажи мнѣ на милость: кого ждетъ Алексѣй къ себѣ въ гости! спросила она.

— Не знаю.

— Онъ меня заставилъ весь верхъ въ домѣ вычистить и прибрать ради своихъ гостей, что пріѣдутъ на побывку къ нему на цѣлый мѣсяцъ.

— Онъ вамъ не сказываетъ, такъ и я не могу сказать, отвѣчалъ Борщевъ.

И молодой человѣкъ теперь вдругъ догадался, что это именно и была вѣроятно та квартира, про которую Хрущевъ ему говорилъ, что нашелъ для него съ молодой женой.

Проскучавъ со старухой, Борщевъ все таки дождался пріятеля и передалъ ему дурную вѣсть.

— Что жъ? Молодецъ князь. Надумалъ ловко. Обрученіе половина вѣнчанія. Надо намъ ноги подпимать. Послѣ обрученія нельзя вѣнчаться. За это еще того хуже будетъ.

— Вотъ и Ахметъ отъ мамки тоже принесъ. И она тоже сказываетъ.

— Извѣстно, нельзя. Ну что жъ? Вѣдь мы готовы! сказалъ Хрущевъ.

— Ахметъ говоритъ, что нужна его буза непремѣнно.

— Отчего.

— А завтра рожденіе Анюты. Пиръ всегда на весь міръ у князя въ домѣ. Тутъ и дворовыхъ всегда своихъ и чужихъ угощаютъ. Ахметъ и говоритъ, что безъ его бузы никакъ не обойдется, потому что вся дворня будетъ гулять и весь день рожденія и всю ночь до утра. Нельзя будетъ Анютѣ уйти. Надо ихъ всѣхъ напоить и уложить пораньше...

— Конечно. Бузой. Въ простой день опоить зато мудренѣе, а тутъ всѣ напьются за мертво по дозволенію самого князя. Только вотъ что братецъ... Хрущевъ почесалъ усмѣхаясь за ухомъ.

— Что?

— Да и въ этомъ опять не финтъ ли какой Артамона Алексѣевича. Вишь какъ подогналъ. Къ рожденію дочери.

— Нѣтъ. Обрученіе онъ на слѣдующій день самъ назначилъ.

— Да насъ то подогналъ крутить въ день рожденія княжны.

— Ну, ты опять за свое! махнулъ Борщевъ рукой.

Эти подозрѣнія Хрущева относительно князя и его желанія натолкнуть дочь на тайный бракъ съ родственникомъ, чтобы заключить потомъ въ монастырь и отдѣ-

Библиотека "Руниверс"

латься отъ нея на всю жизнь, казались Борису на столько глупыми, даже безумными, что онъ удивлялся—какъ пріятель, человѣкъ умный, могъ имѣть подобныя нелѣпыя мысли.

— Поживемъ—увидимъ! отозвался Хрущевъ. А лучше скажемъ такъ:—поживемъ—посидимъ! Вы двое въ монастыряхъ, а я при полиціи въ клоповникѣ. Меня клопы, а васъ люди заѣдятъ. А люди куда злѣе на это, всю кровь высосутъ.

— Полно балагурить, грустно вымолвилъ Борисъ, скажи лучше: Что же рѣшить?

— Да быть такъ. Въ рожденіе княжны и заваривать бузу Ахметкѣ, а намъ кашу. Бузу то вычистятъ холопы живо, въ одинъ вечеръ, а мы расхлебаемъ свое, когда Богу угодно будетъ

— Стало быть надо совсѣмъ быть готовымъ?

— А что? Испугался парень. Не дюжъ теперь?..

— Ну, а квартира? Это вотъ, на верху вѣдь... спросилъ Борисъ улыбаясь.

— Тетушка проболталась. Ахъ разбойница. Я тебѣ хотѣлъ это подаркомъ поднести. Что-жь, развѣ дурно придумалъ. Здѣсь въ годъ не розыщутъ васъ. Цѣлый верхъ въ пятнадцать комнатъ. И живи хоть всю осень и всю зиму. Тетушка будетъ радехонька многолюдству, все изъ за воровъ же.

— Всю зиму?.. Дай Богъ недѣлю прожить.

— Не лазайте за прощеніемъ родительскимъ и проживете вѣрно мѣсяца три, прежде чѣмъ найдутъ васъ здѣсь. А Ахметъ не выдастъ. А поѣдете къ князю за прощеніемъ, да скажете гдѣ живете, ну тогда вѣстимо болѣе недѣли здѣсь не проживете.

— Ну, это все... Что Богъ дастъ... До свиданія. Я къ Анютѣ—сказать, что въ ея рожденіе вечеромъ и крутить. Стало такъ Богу угодно.

— Коли не князю! буркнулъ Хрущевъ въ догонку выходившему пріятелю и вздохнувъ, глубоко задумался.

Онъ думалъ о себѣ и объ ней... т. е. объ сестрѣ Бориса.

VII.

Наступилъ день рожденія княжны. Какъ не похожъ былъ онъ на всѣ предъидущіе за все ея существованіе.

Проснувшись рано утромъ, Анюта сразу вскочила и сѣла на постели.

— Завтра въ эту пору, утромъ, ужъ все будетъ кончено. Я буду его женой и буду ждать мести родителя! проговорила она вслухъ.

И въ ея мысляхъ, унесшихся прямо чрезъ сутки впередъ—этотъ день ея рожденія былъ какъ бы заранѣе вычеркнутъ изъ жизни. Да и что принесетъ онъ ей? Тѣже ожиданія и волненіе, что были и вчера, и недѣлю назадъ.

— Хоть бы поскорѣе прошелъ онъ, подумала княжна.

Прасковья, явившаяся на зовъ дитятки въ свѣтломъ платьѣ и въ новомъ чепцѣ съ лентой, улыбаясь подошла къ ней и, поздравляя, поцѣловала княжну.

— Какое нынче поздравленіе, Солепушка, отозвалась княжна. Вотъ завтра утромъ будетъ мнѣ праздникъ, если за ночь все обойдется благополучно.

— Авось, Богъ милостивъ. Я крѣпко надѣюсь, ангелъ мой, что все будетъ слава Богу, хоть нашъ Ахметка бѣдовую загадку задалъ мнѣ.

— Какую?

— Да говорили мы объ васъ вчера ввечеру, и объ Борисѣ Ильичѣ, и объ выкрадываньи васъ изъ родительскаго дома. Я говорила, что оно сходственно, какъ у насъ бывало прежде въ Крыму дѣлалось. Только тамъ ужь заведенье было такое—красть жену. Радъ не радъ, а воруй.

— Неужели такъ по обычаю?

— Да-съ. Дѣды сказываютъ, законъ такой былъ. Теперь стало понемногу выводиться. А прежде дѣвицъ бывало мало, а молодцовъ много. Сначала то стали воровать дѣвушекъ себѣ въ жены и уводить у казаковъ, или съ Дуная-рѣки, а то изъ Азовскихъ земель. Кто откуда можетъ. А теперь ужъ въ обычай вошло и у себя, другъ у дружки воровать. Вотъ я и говорю Ахмету, что у насъ женихъ воруетъ невѣсту и всѣмъ то вѣдомо и родители знаютъ, а все таки воруютъ. А теперь, молъ, здѣсь, что въ домѣ будетъ послѣ вашего ухода. Трусъ и смятенье. Стѣны задрожатъ.

— Да, смятенье будетъ страшное! задумчиво произнесла княжна.

— Вотъ и я тоже говорю. Ахметка споритъ. Да и скажи: полно ты тоже рожи то корчить со мной. Кабы князь ничего не зналъ, такъ развѣ бы ты допустила княжну бѣжать, чтобы изъ-за нея въ Сибирь угодить. Вы съ княземъ ловко, говоритъ, прикинулись. Да это не мое дѣло.

— Что такое, Солепушка, я даже ничего не пойму.

Мамка объяснила подозрѣнья Ахмета, что князь все знаетъ объ побѣгѣ дочери, но не хочетъ мѣшать.

— Ну что-жь, Солепушка. Дуракъ онъ. Какая же это загадка. Просто глупъ Ахметъ. Зачѣмъ батюшкѣ это скоморошество можетъ понадобиться.

— Да онъ сказываетъ страшное такое...

— Что же еще? улыбнулась Анюта.

— Говоритъ, князь безъ души отъ одной... Ну отъ одной, стало быть красавицы... И хочетъ жениться. А та говоритъ: погуби дочь, тогда я за тебя выйду. А что мнѣ теперь идти подъ начало къ балованной падчерицѣ. А она то моложе васъ на три года.

— Ахъ какія выдумки. И какъ тебѣ не стыдно мнѣ повторять, воскликнула княжна, отчасти оскорбленная. Родитель большой грѣхъ взялъ на душу, да и меня заставляетъ грѣшить противъ себя, обманывать и изъ дому бѣжать, но все-жь таки онъ... Не пойдетъ онъ на такое поганое дѣло. Онъ меня любитъ. А какъ эго все потрафилось. Чѣмъ его этотъ старый Каменскій обворожилъ? Какъ онъ меня за него порѣшилъ силой отдавать—это одному Богу вѣдомо. Это хворость какая-то. Говорятъ, старые люди изъ ума отъ болѣзней и слабости выживаютъ. Ну вотъ можетъ и батюшка тоже... А другаго ничего нѣтъ и не можетъ быть... И ты мнѣ про родителя такихъ скверныхъ пересудовъ не смѣй перебалтывать.

Княжна замолчала, начала одѣваться, а Солепушка, насупившись отъ полученнаго окрика, угрюмо стала помогать княжнѣ. Но слова мамки запали въ душу Анюты.

Едва только дѣвушка причесалась и одѣлась, какъ ей доложили, что князь уже въ залѣ и ожидаетъ дочь—ѣхать къ обѣднѣ.

Чрезъ минутъ пять княжна вышла къ отцу, поздоровалась сухо и молча, и скорѣе отвела отъ него лицо. Слезы навернулись ей на глаза. Такъ ли, бывало, встрѣчалась дочь съ отцомъ въ прежніе годы. Ребенкомъ она просыпалась въ кроваткѣ и всякій разъ находила себя окруженною всякими бездѣлками и игрушками. У подушки, на одѣялѣ, въ ногахъ, на стульяхъ около постели, всюду лежали подарки. А первое лицо послѣ Солепушки, появлявшееся около нея и бравшее ее на руки, въ одной рубашенкѣ, былъ отецъ.

Постарше, она одѣвалась и бѣжала скорѣе сама къ отцу за подарками, и иногда, наоборотъ, его заставала еще за туалетомъ и тутъ, играя, трепала иногда букли его парика, который онъ надѣвалъ для праздничнаго въ домѣ дня, и шаля обсыпала себя и его цѣлымъ столбомъ пудры.

Затѣмъ, уже барышней-дѣвицей, она являлась въ кабинетъ и если шла по дому болѣе степеннымъ шагомъ, то съ той же дѣтской рѣзвостью кидалась на шею баловника-отца, обожаемаго ею.

И всегда съ тѣхъ поръ, что она помнила себя, они тотчасъ вдвоемъ, въ парадной голубой каретѣ, съ бар-

Библиотека "Руниверс"

хатными козлами, на которыхъ сіяли серебряные гербы князей Лубянскихъ, съ гайдуками на заняткахъ, ѣхали въ церковь. А красивые подъ масть кони, бѣлые какъ молоко, запряженные цугомъ, статно выступали вереницей и шли не шибкой рысью, а какой то торжественной полу-рысцей, лихо крутясь, но тихо подвигаясь, топчась на мѣстѣ, отбивая трель копытами по землѣ. Этотъ экипажъ и этихъ лошадей запрягали не болѣе десяти разъ въ году, въ особо торжественные случаи.

И теперь подали ту же карету и князь весело спустился по лѣстницѣ на подъѣздъ, а дочь печально послѣдовала за нимъ.

Спустя часа два, Лубянскіе вернулись домой, едва перемолвившись нѣсколькими словами за все время, и вошли въ залу. Князь особымъ голосомъ, съ оттѣнкомъ волненья, сказалъ дочери, направлявшейся на свою половину.

— Пройди ко мнѣ, Анюта.

— Сейчасъ, батюшка. Я только зайду къ себѣ перемѣнить башмаки. Они жмутъ.

— Нѣтъ. Пройди за мной. Успѣешь послѣ. А то гляди, гости нагрянутъ и не дадутъ мнѣ...

Князь не договорилъ. Слезы показались у него на лицѣ, голосъ оборвался и онъ вдругъ, крѣпко обнявъ дочь, припалъ губами къ ея лицу.

— Батюшка... вымолвила Анюта, порывомъ прижимаясь вдругъ къ отцу. И многое сразу, поневолѣ, само собой, сказалось въ этомъ одномъ словѣ, въ звукѣ и оттѣнкѣ голоса растроганной дѣвушки. Съ сердца сорвалось это слово и князь понялъ все, что оно сказало. Если тутъ и была доля упрека, откликъ пережитаго за послѣднее время горя и отчаянія, то любви все таки было много, было больше всего.

— Иди, иди... заспѣшилъ князь, отрываясь отъ дочери и будто испугавшись за себя.

Минуты ли слабости побоялся онъ, объясненья, просьбъ и слезъ ея! Или другаго чего нибудь?

И идя въ кабинетъ, князь, немного волоча больную ногу и пристукивая палкой по паркету, обернулся два раза на дочь—узнать, идетъ ли она за нимъ. Анюта шла не отнимая платка отъ глазъ. Ея сердце, какъ бы закалившееся за послѣдніе дни, вдругъ смягчилось теперь. Она чувствовала въ себѣ уже не ѣдкое, отчасти озлобленное горе отъ всего случившагося между ней и отцомъ, а тихую печаль, даже болѣе. Готовность пожертвовать своимъ счастьемъ! Отказаться отъ Бориса, но конечно остаться съ отцомъ и жить по прежнему, не отдавать жизнь ненавистному, глупому человѣку.

VIII.

Не поднимая головы, тихо вошла Анюта за отцемъ въ его кабинетъ, предполагая, что онъ зоветъ ее за обычнымъ подаркомъ.

— Я скажу ему все... думала она. Я скажу ему и упрошу его. Я признаюсь во всемъ. Пускай я останусь такъ и потомъ пойду въ монастырь. Съ нимъ, покуда онъ живъ, а послѣ него въ келье.

Внезапно раздавшійся голосъ князя, громкій, суровый, холодный, даже съ оттѣнкомъ какой-то будто вырвавшейся наружу злобы, заставилъ княжну вздрогнуть и поднять голову. Она была на порогѣ кабинета отца, а онъ уже вошелъ и остановился въ двухъ шагахъ предъ ней.

— Извините, странно звучалъ этотъ голосъ. Это можетъ быть въ Питерѣ обычай: ни свѣтъ, ни заря въ домъ являться и безъ хозяина располагаться въ его покоѣ.

Предъ княземъ стоялъ, поднявшійся при ихъ входѣ съ мѣста, въ мундирѣ и лентѣ—сенаторъ Каменскій.

Смутясь и оторопѣвъ, онъ даже не кланялся, а стоялъ широко таращa маленькіе бѣлесоватые глазки.

Княжна затрепетала вся—сама неуспѣвъ сообразить, почему. Сердце обрадовалось, прежде чѣмъ разумъ понялъ внезапно случившееся.

— Простите князь... Я...

— Теперь десять часовъ, продолжалъ князь. Мы съ дочерью помолились въ храмѣ, у насъ маковой росинки еще во рту не было... Позвольте же намъ, по семейному, вдвоемъ, чаю напиться, безъ чужихъ людей. Гостямъ свое время во дню будетъ.

— Простите князь, бормоталъ Каменскій, красный какъ ракъ. Я хотѣлъ прежде всѣхъ... Я въ качествѣ нарѣченнаго... Васъ и княжну я хотѣлъ съ днемъ... Я ошибся временемъ.

— Да васъ, извините, и швейцаръ вѣрно не видалъ? Какже онъ мнѣ, негодница, не доложилъ.

— Оно точно, князь. Его не было, когда я подъѣхалъ.

— Увольте, ваше превосходительство. Я старикъ и упрямый! Да и мѣняться въ мои годы мудрено. А я двадцать лѣтъ въ нынѣшній день привыкъ утро проводить вдвоемъ съ дочкой.

— Простите. Бога ради... замахалъ сенаторъ руками и не кланяясь, не подходя, пробрался бокомъ мимо князя и Анюты и чуть не побѣжалъ вонъ изъ дому.

— Нахалъ! Питерскій пролазъ! Ни свѣтъ, ни заря... проговорилъ князь громко и швырнулъ свою палку на диванъ.

Княжна молчала, вся встрепенувшись, и сердце дрожало въ ней радостью, которая чудной волной проливалась по всему ея существу.

Это ли не подарокъ въ день ея рожденія. Но что будетъ! Приведетъ ли этотъ пустой случай къ серьезному результату.

— Нарѣченный! Знаю... Что жъ изъ того? Нахалъ эдакій, право... Тутъ бумаги наконецъ на столѣ, письма есть. Прочитать все могъ. Мои дѣла всѣ узнать.

И князь озабоченно осмотрѣлъ столъ свой. Глаза его искали что то и не находили на столѣ. Онъ поспѣшно передвинулъ нѣсколько вещей и бумагъ.

— Нѣту! воскликнулъ онъ въ смущеніи.

Затѣмъ, быстро доставъ изъ кармана ключи, князь отворилъ средній ящикъ стола, глянулъ въ него, и тотчасъ снова захлопнулъ ящикъ. Лице его просвѣтлѣло. Онъ уже добродушно и слегка ухмыляясь пробурчалъ что то. Княжнѣ послышалось слово: шутъ нарадный.

— Батюшка, заговорила Анюта, тонко приступая къ намѣченной цѣли. Онъ въ качествѣ нарѣченнаго могъ пріѣхать раньше всѣхъ. И вы теперь его очень оскорбили...

— Пустое, сказалъ князь. Чрезъ часъ поѣду самъ за нимъ, привезу, обласкаю и все сойдетъ съ рукъ.

Анюта не ожидала этого.

— Я погорячился, сглупилъ... Ну, прощенья попрошу. Проститъ. Разумѣется я виноватъ. Разумѣется онъ, какъ женихъ, хотя и не объявленный, могъ утромъ пріѣхать.

Княжна снова грустно опустила голову и вздохнула.

— Вотъ тебѣ, Анюта, мой подарокъ ко дню рожденья. Иди...

Князь прошелъ въ спальню, ведя дочь за руку, и сталъ предъ кіотомъ съ образами. На полкѣ, выступавшей нѣсколько впередъ, княжна увидѣла новый и ей неизвѣстный, большой, великолѣпный образъ въ золотой ризѣ, весь осыпанной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями.

— Помолимся, шепнулъ князь и, перекрестившись нѣсколько разъ, онъ съ трудомъ опустился на колѣни помогая себѣ обѣими руками. Больная нога заставила его тихо ахнуть.

Княжна, смущенная и встревоженная, тоже стала на колѣни и крестилась, но молиться не могла... Мысли ея путались, бились тревожно въ головѣ.

Вѣдь это ей образъ! Это благословеніе отца, въ первый разъ послѣ того образка, который она получила отъ

Библиотека "Руниверс"

М. Г. Савина. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

него же еще при рожденьи и который всегда виситъ на постели около ея изголовья. Что же это значитъ? Почему теперь, въ этотъ разъ, ни прежде, ни годъ назадъ. Это благословенье, когда рѣчь идетъ о насильственномъ бракѣ... Но вѣдь она его собирается обмануть.

Князь поднялся съ полу. Перекрестившись и приложившись къ образу, онъ взялъ его въ руки. Княжна осталась на колѣняхъ.

— Храни тебя и помилуй Господь, Анна. Это мое тебѣ отцово благословенье на бракъ. Будь счастлива, люби и почитай супруга, научай дѣтей правдѣ, чести и любви къ родителямъ. Сама люби ихъ и положи животъ свой за нихъ, за ихъ счастіе, если то нужно будетъ.

Голосъ князя оборвался отъ волненья... Черезъ мгновенье онъ прибавилъ:

— Когда умру, поминай меня дѣтямъ чаще. Я съ вами эдакъ по памяти, по имени—жить буду. А то вѣдь обидно будетъ... въ гробу лежать забытому совсѣмъ... Приложися...

Княжна горько заплакала, цѣлуя образъ.

— Третій дамъ, когда умирать буду... Ну, встань... Возьми, тихо проговорилъ князь, обливаясь слезами, и его дрожащія руки передали образъ поднявшейся дочери.

— Батюшка... Бога ради позвольте мнѣ ни за кого не выходить, остаться при васъ.

— Полно! Полно!

— Покуда вы живы, горячо воскликнула Анюта, мнѣ другой жизни не нужно. А послѣ васъ, я въ монастырь...

— Замолчи. Пойдемъ.

И князь двинулся. Анюта бросилась къ нему, останавливая его...

— Батюшка, я умоляю васъ. Оставьте меня съ собой, при себѣ... Я этого человѣка видѣть не могу, онъ мнѣ ненавистенъ. Я поневолѣ должна отъ него спа-

Библиотека "Руниверс"

саться... Возьмите назадъ слово. Вѣдь вы любите меня. За что же вы хотите все такъ запутать. Вѣдь я не буду его женой. Вѣдь я...

И Анюта едва не высказалась. Она чувствовала, что готова сейчасъ признаться во всемъ, потому что должна признаться отцу!

— Ни слова болѣе. Ни единаго! строго вымолвилъ князь.

— Но подумайте, что же это будетъ, если я...

— Замолчи! внѣ себя произнесъ князь. Я тебѣ, я, отецъ твой, приказываю замолчать!

И князь, отклонивъ объятья дочери, быстро вышелъ изъ спальни...

Анюта пошла за нимъ, рыдая судорожно.

— Нѣтъ, я скажу ему!.. думала она. Я все скажу...

Въ кабинетѣ появилась Настасья Григорьевна и Агаша. Княжна только теперь вспомнила объ нихъ, объ присутствіи ихъ въ домѣ. Она такъ привыкла за всю жизнь проводить утро своего рожденья наединѣ съ отцомъ и въ церкви и дома, послѣ обѣдни, что именно эта привычка и заставила ее забыть гостей.

— Ну, поздравляемъ, поздравляемъ, говорила Борщева за себя и за дочь. И она, поцѣловавшись съ княземъ, расцѣловала и Анюту. Агаша, удивляясь слезамъ княжны, поцѣловалась съ ней, вопросительно глядя ей въ лицо и на образъ, который былъ у нея въ рукахъ.

— Что-жь это? Нешто это подарокъ? возразила Настасья Григорьевна. Нешто образами дарятъ.

— Самый лучшій! Другаго не надо! сказалъ князь.

— Благословили бы при обрученьи! А что-жь нынче то? Въ рожденье! развела руками Борщева.

— Будетъ объ этомъ, племянница, сурово произнесъ князь. Всякій дѣлаетъ по своему и никто никому не указъ. Будетъ! Заговоримъ о чемъ другомъ.

Наступило на минуту молчаніе.

Всѣ четверо сѣли вокругъ стола, гдѣ былъ накрытъ чай. Князь сталъ шутить съ Агашей, спрашивая, что она видѣла во снѣ. Вскорѣ послѣ этого явился Борисъ. Князь принялъ его въ объятья и горячо расцѣловалъ. Анюта тоже поцѣловалась со своимъ племянникомъ и опять тихо заплакала. Наступила снова тишина. Никто не зналъ, что сказать, и это всѣхъ стѣсняло. Молчанье прервалъ князь, собравшись одѣваться, чтобы выѣхать.

— Ну ступайте въ парадныя комнаты. Принимайте гостей, оставляйте на обѣдъ. А я поѣду къ нашему нарѣченному, выпрошу прощенье и привезу съ собой.

Выйдя отъ князя, Настасья Григорьевна заговорила первая и забурчала:

— Это не подарокъ... Образами не дарятъ. Старый человѣкъ, а что дѣлаетъ. Свѣтъ на выворотъ!

— Батюшка меня благословилъ на бракъ, вымолвила Анюта и взглянула на Бориса. Вѣдь сегодня объявлять будемъ всѣмъ объ моей помолвкѣ.

— Все равно. Образами нельзя...

— Что-жь! прервалъ Борисъ свою мать и обращаясь къ Анютѣ. Пускай! Объявляйте! Такъ и слѣдуетъ. Пора объявлять. Вѣдь все готово.

И онъ глядѣлъ на Анюту пристально.

— Что готово, произнесла она тихо.

— Все. Все готово. Хоть сейчасъ вѣнчаться! повторилъ Борисъ. Анюта поняла и вздохнула.

— Что ты путаешь, чего готово, забурчала Настасья Григорьевна. Ничего не готово. Чулка одного нѣту, не то что приданаго. Что-жь ей, какъ найденышу за бобыля выходить, въ дареной сорочкѣ, да въ прокатныхъ сапогахъ. Агаша не богатая у меня невѣста, а замужъ пойдетъ—я по модѣ кроить да шить то буду. Всѣхъ засажу. А тутъ княжна... Объявятъ... Обручатъ. А ей даже и на обрученье новаго платья нѣтъ. Въ старомъ выйдетъ. И срамъ, и грѣхъ. Нѣтъ, видно, въ столицахъ, басурманятся люди. Пройдетъ еще мало и отатарятся всѣ русскіе дворяне. Козами одѣнутся, по звѣриному заговорятъ какъ нѣмцы, и вѣру свою всю шиворотъ на выворотъ вывернутъ. Не то христіане, не то болване. Не Богу, а истукану молиться учнутъ, какъ сто лѣтъ назадъ, сказываютъ, въ Кіевѣ на Днѣпрѣ было—истуканамъ люди кланялись и огонь ѣли.

Долго бурчала Настасья Григорьевна, но ее никто не слушалъ.

Княжна глубоко задумалась, держа мокрый отъ слезъ платокъ около поблѣднѣвшаго лица и снова горящихъ лихорадкой глазъ. Борисъ, молча, печально смотрѣлъ на нее, не отрывая взгляда, и нерадостныя мысли роились въ его головѣ.

Одна Агаша была одинаково спокойна, бодра и весела. Она отошла къ окнамъ и смотрѣла на дворъ...

— Гости! Гости! воскликнула она вдругъ и подпрыгнувъ захлопала въ ладоши.

— Пойди къ себѣ. Умойся, заспѣшила Настасья Григорьевна. Видать, что плакала. Не хорошо.

— Пускай всѣ видятъ... тихо отозвалась княжна.

(До слѣд. №).

Первый уличный фонарь.

Разсказъ.

I.

Путешественники, прибывающіе въ Дувръ съ ночнымъ курьерскимъ поѣздомъ, завидѣвъ еще издали, за нѣсколько миль, красноватый, мерцающій отблескъ свѣта, спѣшатъ на палубу полюбоваться прекраснымъ зрѣлищемъ. Вскорѣ весь горизонтъ, на сѣверъ, представляетъ видъ громаднаго огненнаго зарева; причина этого изумительнаго явленія—отраженіе ста тысячъ рожковъ газоваго пламени, освѣщающихъ улицы четырехъ-милліоннаго города, которые дѣлаютъ возможнымъ сношенія и движенія ночью, подобно тому какъ это дѣлается днемъ, и ручаются за безопасность и покой жителей.—Не то было 200 лѣтъ тому назадъ. Лондонъ, въ царствованіе Карла II, не имѣлъ даже и намека на то, чему теперь такъ удивляются иностранцы. Глубокій мракъ царилъ ночью въ городѣ съ населеніемъ почти въ полъ-милліона и пройти по улицамъ въ безлунную ночь было предпріятіемъ, сопряженнымъ съ опасностью жизни. Улицы всѣ были покрыты выбоинами и ямами; на каждомъ шагу попадались дохлыя собаки, кошки, тряпки, битая посуда, словомъ всякій соръ, который выбрасывается сюда обитателями домовъ; грязь и вонь была невообразимая. Во время проливнаго дождя сточныя канавы обращались въ быстрые потоки, а площади представляли собой настоящія озера, по которымъ можно было ѣздить въ челнокахъ. Встрѣчающіеся пѣшеходы постоянно спорили и ссорились изъ-за болѣе сухой тропинки, проложенной около самыхъ домовъ. Колеса ѣдущихъ экипажей забрызгивали направо и налѣво окна первыхъ этажей грязью и обдавали пѣшеходовъ вонючей жидкостью. Ворамъ и грабителямъ ночь была хорошимъ временемъ для легкой наживы; почти каждое утро, передъ разсвѣтомъ, находили лежащими на улицахъ трупы убитыхъ. Крики о помощи раздавались каждую ночь, но никто изъ близь живущихъ обитателей не отваживался подать помощь, изъ боязни самому поплатиться жизнью. Съ наступленіемъ сумерокъ жители крѣпко запирали свои дома и отпирали двери только послѣ строгаго опроса, убѣдившись, что нѣтъ опасности. Полиція была въ самомъ плачевномъ видѣ; это былъ какой-то сбродъ; труды служащихъ оплачивались на столько плохо, что нельзя было и требовать, чтобы они служили надежной охраной ночью. Послѣ всего этого будетъ понятнѣе, что въ Лондонѣ, дѣйствительно, можно было выдѣлывать все, о чемъ говорится въ этомъ разсказѣ.

Это было въ послѣобѣденное время, въ одинъ изъ октябрскихъ дней 1683 года. Казалось солнце собрало всѣ свои послѣднія силы, бросая цѣлые потоки свѣта и тепла на самую мрачную часть города, расположенную сѣвернѣе Темзы. По улицѣ шелъ полный, коренастый мущина, съ виду похожій на фермера того времени; его красное лицо было добродушно и вмѣстѣ съ тѣмъ хитро.

Онъ остановился передъ маленькимъ кирпичнымъ домикомъ, который только недавно отстроился послѣ пожара 1666 года и теперь вновь принялъ жилой видъ, взглянулъ на окно верхняго этажа, взошелъ по лѣстницѣ и постучался.

Въ одной изъ комнатъ, куда вошелъ фермеръ, не ожидая позволенія, за письменнымъ столомъ, сплошь покрытымъ планами и различными бумагами, сидѣлъ молодой человѣкъ.

Библиотека "Руниверс"

Онъ такъ сильно увлекся работой, что видъ посѣтителя его сильно поразилъ; онъ быстро вскочилъ и съ силою бросилъ перо на столъ.

— Наконецъ-то мы его нашли! воскликнулъ фермеръ весело смѣясь и пожимая юношѣ руку. Наконецъ-то мы видимъ домосѣда, который нигдѣ не показывается! Какъ поживаете, молодой человѣкъ? Лицо блѣдное,—это отъ усиленныхъ занятій. Передаю тебѣ сердечный поклонъ отъ моей супруги и Катэ; онѣ обѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ тебя видѣть, особенно послѣдняя. Сегодня я долженъ живымъ или мертвымъ взять тебя съ собой.

По лицу молодаго человѣка разлилась краска.

— Добро пожаловать, дорогой дядюшка; премного благодаренъ за вашу любовь! Я давно уже собирался къ вамъ, но боялся нагнать на васъ тоску, хотя и имѣлъ сообщить кое-что хорошее.

— Съ хорошими-ли или дурными вѣстями явишься ты къ намъ, мы всегда рады тебя видѣть; ты это знаешь, возразилъ фермеръ. Катэ сильно безпокоится о тебѣ. Жалобы все тѣ же, что ты не хочешь позаботиться о будущемъ и до сихъ поръ не имѣешь опредѣленныхъ занятій. Ты все строишь проэкты и хочешь изъ тьмы сдѣлать свѣтъ? Соблазнительная мечта; слишкомъ хороша она, но невыполнима для Лондона. Брось ты это лучше и подумай о чемъ нибудь болѣе реальномъ.

— Это выполнимо! отвѣтилъ Эдвардъ съ жаромъ. Даже легко исполнимо, еслибъ мнѣ только представили возможность доказать это. Но не хотятъ разсудить, дѣло это выше ихъ пониманія. И еслибъ только это одно! Тутъ приходится, скажу тебѣ, дядя, кромѣ того бороться съ высокомѣріемъ, эгоизмомъ, скупостью...

— Однако ты не горячись, сказалъ фермеръ усаживаясь на стулъ и удобно поджимая подъ себя ноги. Можетъ быть эти господа разсуждаютъ и справедливо. Я конечно сочувствую этому дѣлу, но больше ради тебя самого, моего племянника, который уже давно заслужилъ того, чтобы хорошо устроить свою карьеру. И еслибъ у тебя не было этихъ причудливыхъ идей, которыя...

— Которыя имѣютъ цѣлью благосостояніе моихъ согражданъ, т. е. охраненіе жизни и имущества отъ опасности и осуществленіе которыхъ доставитъ славу всей націи и въ особенности правительству! воскликнулъ съ жаромъ Эдвардъ. Вотъ лежатъ планы, смѣты и вычисленія; я ихъ нѣсколько разъ провѣрялъ, все тамъ такъ ясно и просто, что каждый можетъ понять пользу дѣла. Да, еслибъ у меня были деньги или протекція, чтобы добиться до короля, тогда это дѣло пошло бы въ ходъ быстро. Но я бѣдный, никому не извѣстный человѣкъ и на котораго никто не обращаетъ вниманія. Я не жалѣю никакихъ трудовъ. Былъ у членовъ городскаго управленія и представлялъ имъ, какое благодѣяніе будетъ сдѣлано для города, если освѣтить улицы и тѣмъ положить конецъ убійствамъ, грабежамъ, т. е. доставить населенію покой и безопасность. И что же было результатомъ моихъ хлопотъ? Нѣкоторые меня совсѣмъ не приняли; другіе разсѣянно слушали, снисходительно улыбались; короче, одни принимали меня за помѣшаннаго, другіе за шутника, который можетъ позабавить ихъ на полчаса. Болѣе благосклонные,—были и такіе, — находили мой проэктъ величественнымъ, поощряли меня, обѣщали не оставлять моихъ усилій, но при этомъ объясняли, что опасаются брать на себя иниціативу ходатайствъ. Теперь я обошелъ уже всѣхъ кого могъ, но дѣло ни на шагъ не подвинулось впередъ; настойчивости же и терпѣнію моему приходитъ конецъ.

Юноша провелъ рукой по густымъ свѣтлымъ волосамъ и задумчиво глядѣлъ передъ собой.

— Чортъ возьми, неужели же никто тебѣ не хочетъ помочь! сказалъ фермеръ съ досадой.

— Никто, рѣшительно никто! сказалъ болѣзненно Эдвардъ. Необходима протекція. Еслибъ у меня былъ ходатай предъ королемъ, то все было бы отлично. Доставь мнѣ, дядя, протектора, вѣдь ты имѣешь связи.

— Плохо, плохо, бормоталъ фермеръ, покачивая головой. Ох что помогъ бы тебѣ, но моя протекція мало принесетъ пользы. Слушай Недди, продолжалъ онъ спустя нѣсколько минутъ, какъ называется та кофейня, о которой ты мнѣ говорилъ въ послѣдній разъ и гдѣ ты надѣялся найти покровителей и друзей? Вѣдь тамъ бываютъ разныя личности. Или тебѣ тамъ не полезно сдѣлать выгодныя знакомства?

— Праздношатающихся тамъ много, но они являются туда только ради того, чтобы послушать рѣчи или произведенія Джона Драйдена *); бѣднаго же, безъ положенія и имени, юношу, никто и знать изъ нихъ не хочетъ.

— Но Джонъ Драйденъ, этотъ писатель пьесъ или тамъ еще чего-то, не можетъ ли онъ самъ представить для тебя выгоднаго знакомства?

Эдвардъ громко засмѣялся.

— Чѣмъ же ты, дядя, представляешь себѣ поэта Драйдена? Это высокомѣрный, кичливый франтъ, какого я никогда не встрѣчалъ. Министры и лорды ищутъ его знакомства: онъ имѣетъ свободный доступъ къ королю. Даже графъ считаетъ себя счастливымъ, если ему удастся понюхать изъ табакерки Драйдена. Человѣкъ этотъ, безспорно, геніальный, но безмѣрно тщеславный и себялюбивый. Мое желаніе съ нимъ познакомиться онъ могъ счесть за нахальную навязчивость и отвѣтилъ бы мнѣ презрѣніемъ. Около него всегда тѣснится толпа.

Фермеръ покачалъ головой и Эдвардъ продолжалъ:

— Какой интересъ этимъ людямъ, будутъ ли горожане безопасны на улицахъ или нѣтъ. Съ ними вѣдь ничего не случится, если они возвращаются поздно вечеромъ: ихъ сопровождаютъ множество вооруженныхъ, съ факелами, слугъ. Еслибъ на кого нибудь изъ нихъ напали, тогда бы мы посмотрѣли какой они подняли бы шумъ.

— Таковъ ужъ свѣтъ, возразилъ спокойно фермеръ; люди ничего не сдѣлаютъ для хорошей и полезной мысли, если это не затрогиваетъ ихъ прямаго интереса.

— Но я не знаю, какъ это сдѣлать, я не спекулянтъ; или не могу же я напасть съ цѣлію покушенія на жизнь на герцога Монмаута, чтобы убѣдить его, что освѣщеніе улицъ одинаково необходимо и для высокопоставленныхъ особъ.

Фермеръ вдругъ засмѣялся и, нагнувшись къ племяннику, сказалъ:

— Послушай, дружокъ, ты меня навелъ на геніальную мысль. Ты увидишь, что я не даромъ считаюсь дядей изобрѣтателя! и онъ съ силою ударилъ себя по колѣну. Недди, если у тебя есть на плечахъ голова и если ты съумѣешь разыграть роль, которую я тебѣ назначу, то я знаю какъ тебѣ помочь.

— Какъ, дядя! Ты можешь мнѣ...

— Дать тебѣ хорошій совѣтъ; но я долженъ предварительно узнать, какъ г. Драйденъ возвращается домой изъ кофейни, въ экипажѣ ли и въ сопровожденіи сколькихъ слугъ?

— Нѣтъ, онъ ходитъ пѣшкомъ съ однимъ слугою, который несетъ фонарь.

— Хорошо, очень хорошо. И ты говоришь, что этотъ Драйденъ—человѣкъ, который могъ бы помочь устроить твое дѣло?

— Еслибъ онъ хотѣлъ,—безъ сомнѣнія; но что ты...

— Молчи, суть дѣла еще впереди. Фермеръ подвинулся къ племяннику и, лукаво глядя на него, сказалъ: Что ты думаешь, еслибъ съ г. Драйденомъ въ одно изъ такихъ вечернихъ возвращеній случилось несчастье, собственно не несчастье, ты меня понимаешь, а такъ маленькое ночное приключеніе съ аккомпаниментомъ палочныхъ ударовъ? Такъ чтобы писателя комедій порядочно пробралъ ужасъ. Тонкій планъ, неправда-ли?

Эдвардъ смотрѣлъ удивленно на говорившаго, будто сомнѣваясь въ его умственныхъ способностяхъ.

— Ты кажется до сихъ поръ не понимаешь о чемъ я тебѣ говорю? продолжалъ фермеръ. Я говорю, что еслибъ въ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ, при возвращеніи домой, на Драйдена было бы сдѣлано нападеніе, а въ самую критическую минуту подоспѣлъ бы къ нему на помощь храбрый юноша и обратилъ покусителей въ бѣгство. Не будетъ ли онъ изъ благодарности обязанъ этому юношѣ и не поможетъ ли онъ молодому человѣку своимъ вліяніемъ, если тотъ, напр., будетъ просить объ осуществленіи такого общеполезнаго проэкта, какъ освѣщеніе города лампами?

— Я до сихъ поръ не понимаю тебя, дядя, сказалъ Эдвардъ съ безпокойствомъ.

— Боже, какъ несообразительна нынѣшняя молодежь! воскликнулъ фермеръ. Сѣдыя головы временъ веселой Англіи нѣсколько тоньше. Недди, я предполагаю въ двухъ нападающихъ—двухъ хорошо мнѣ извѣстныхъ личностей, а въ избавителѣ, который прибѣгаетъ на помощь къ испуганному Драйдену—тебя.

Эдвардъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Дядюшка, увѣряю тебя, ты сегодня слишкомъ много выпилъ.

— Хорошо, пусть будетъ такъ; я сегодня много выпилъ, сказалъ фермеръ, не обижаясь; лишь бы тебѣ только принесло это пользу. Я разыграю роль разбойника; возьму съ собой двухъ моихъ слугъ Боба и Вильяма, это преданнѣйшіе люди. Ты долженъ слѣдить за нами. Мы вздуемъ слугу Драйдена, но оставимъ его въ цѣлости, это ему не будетъ стоить ни руки, ни ноги. И какъ только мы войдемъ въ азартъ, явишься ты, и—конецъ комедіи. Хорошо? Доволенъ ты?

— Но, дядя, комедія эта можетъ кончиться очень печально.

— Пустяки, полиціи нечего бояться. Если съ твоей стороны не будетъ оплошности, все обойдется хорошо. Тебѣ нужно будетъ храбро сражаться, но у Вильяма и Боба крѣпкія кости и лишняя шишка не причинитъ имъ вреда. Къ тому же шиллингъ на обоихъ заглаитъ все это. Эпилогъ принадлежитъ вполнѣ тебѣ и развѣ только какой нибудь неблагопріятный случай помѣшаетъ тебѣ завладѣть Драйденомъ.

— Ты правъ! воскликнулъ юноша, ударяя по протянутой рукѣ фермера. Всѣ средства были испытаны и намъ остается только прибѣгнуть къ хитрости.

— Такія ли еще проказы дѣлали мы въ дни моей юности! Пойдемъ въ „Голубой драконъ", тамъ стоитъ мой экипажъ; ты поѣдешь со мной и по дорогѣ мы все обсудимъ. Пойдемъ, Катэ ждетъ тебя.

Фермеръ схватилъ лежащую на комодѣ шляпу, надѣлъ ее на голову юношѣ и, при слабомъ сопротивленіи, увлекъ его съ собой на улицу.

II.

Между увеселительными заведеніями тогдашняго Лондона, кофейни, которыя впервые были открыты въ 1650 году однимъ турецкимъ купцомъ, играли весьма важную роль. Въ періодъ,

*) Джонъ Драйденъ, англійскій поэтъ и драматургъ. 1631—1701 г.

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. „Кавказскій плѣнникъ“. Разсказъ Гр. Л. Н. Толстаго.
Ориг. рис. для „Нивы“ Р. Штейна, грав. З. Ц. Дзедзицъ

Библиотека "Руниверс"

Выставка въ Имп. Акад. Худож. въ СПБ. „Молодой музыкантъ-любитель“. Картина Н. Е. Ефимова.
Съ фотографіи грав. Р. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

когда еще не было газетъ, кофейни были необходимостью для Лондона. Здѣсь можно было узнать всѣ городскія новости, которыя тутъ же обсуждались; сюда собирались всѣ горожане и, оставаясь подолгу послѣ недорогаго обѣда и ужина, проводили вмѣстѣ время. У каждаго сословія были свои кофейни; въ однѣхъ собирались только врачи и аптекари съ толпою паціентовъ, въ другихъ дворяне древнихъ родовъ, болтая объ интригахъ и любовныхъ похожденіяхъ, третьи посѣщались только суровыми, терпѣливыми пуританами и т. д.

И теперь, не смотря на сырую, холодную погоду, одна изъ кофеенъ была полна посѣтителями. Всѣ были заняты оживленнымъ разговоромъ самаго разнообразнаго содержанія. Въ центрѣ большой кучки, на высокомъ креслѣ противъ камина, сидѣлъ человѣкъ лѣтъ 50-ти; каждый старался какъ можно ближе протискаться къ нему. На немъ былъ огромный парикъ, локоны котораго спускались на плечи. На его поблекшемъ, но еще красивомъ лицѣ видны были слѣды страданій и непріятностей жизни; располагающая улыбка мелькала на губахъ. Когда онъ говорилъ, всѣ стихали, какъ бы боясь проронить его каждое слово. Человѣкъ этотъ былъ извѣстный придворный поэтъ Джонъ Драйденъ, драмы котораго первенствовали на подмосткахъ, а сатиры заставляли хохотать всю Англію.

Разговоръ былъ въ самомъ разгарѣ, когда въ комнату вошелъ новый посѣтитель. Онъ поставилъ свою палку въ уголъ, надѣлъ на нее шляпу и тихо сталъ искать себѣ мѣста въ отдаленныхъ углахъ. Въ немъ было замѣтно какое-то безпокойство, которое все болѣе и болѣе усиливалось. Онъ сидѣлъ неподвижно, но часто мѣнялся въ лицѣ и руками перебиралъ пуговицы своего обыкновеннаго костюма.

Послышался шумъ раздвигающихся стульевъ. Лица изъ аристократическаго круга прощались съ Драйденомъ. Когда поэтъ собрался уже уходить, одинъ изъ юныхъ его поклонниковъ обратился къ нему съ предложеніемъ: Быть можетъ вы отправитесь съ нами въ театръ, г. Драйденъ? Вы сдѣлаете мнѣ честь, если воспользуетесь моимъ экипажемъ для этого. При этихъ словахъ новый посѣтитель вздрогнулъ отъ сильнаго внутренняго волненія.

— Благодарю васъ, милордъ, сегодня я долженъ быть дома, отвѣтилъ поэтъ. Облегченный вздохъ вырвался изъ груди молодаго человѣка.

Драйденъ всталъ со своего мѣста и громко позвалъ слугу.

Молодой человѣкъ задышалъ учащенно, глубоко вздохнулъ и провелъ по разгоряченному лбу рукой. Нужно быть смѣлѣй, шептали его побѣлѣвшія губы.

Въ это самое мгновеніе Драйденъ прошелъ мимо него величественной походкой, не взглянувъ даже на сидящую въ углу незначительную личность, у которой теперь исчезло всякое безпокойство. Въ юношѣ была замѣтна рѣшимость; онъ взялъ твердой рукой палку и шляпу и вышелъ вслѣдъ за поэтомъ на улицу.

Съ наступленіемъ ночи туманъ усилился; глубокій мракъ царилъ на безлюдныхъ улицахъ. Не смотря на то, что молодой человѣкъ слѣдовалъ за поэтомъ только въ 15 шагахъ, онъ едва видѣлъ свѣтъ фонаря, который несъ слуга.

Драйденъ, опираясь на палку, шелъ посреди улицы. Скоро онъ достигъ угла Баустритъ.

— Держи фонарь выше, Яковъ, не видно даже своихъ ногъ! приказывалъ онъ слугѣ.

Молодой человѣкъ услышалъ легкій свистъ и въ то же мгновеніе послышался голосъ: это онъ! Изъ темноты выступили три замаскированныя и вооруженныя дубинами личности и бросились на поэта. Слуга закричалъ во всю мочь. Звеня упалъ фонарь отъ удара по немъ палкой и разбился въ дребезги. Огонь потухъ и глубокій мракъ покрылъ всю картину.

Драйденъ окаменѣлъ отъ ужаса и не могъ кричать о помощи. Злодѣй повалилъ его на землю и поэтъ почувствовалъ сжимающую руку у себя на горлѣ. Надъ самымъ ухомъ раздалось: Одинъ звукъ и ты умрешь! Холодный потъ выступилъ на лбу у Драйдена. Онъ былъ увѣренъ, что насталъ его послѣдній часъ.

— Прочь негодяй! раздался мужественный голосъ и барахтавшійся на землѣ Драйденъ, не смотря на темноту, разобралъ какъ незнакомый ему избавитель билъ по головѣ и спинѣ уличнаго разбойника. Завязалась схватка, мошенники были побиты и поспѣшили на утекъ. Вскорѣ все стихло и были только слышны шаги уходившихъ.

Драйденъ все еще сомнѣвался, миновала ли опасность. Онъ видѣлъ передъ собой темный силуэтъ, и молодой, пріятный голосъ спрашивалъ его: Вы ранены сиръ? Надѣюсь нѣтъ. Возьмите мою руку и подымитесь—мошенники бѣжали.

Изъ глубокой грязи улицы поднялся вѣнчанный лаврами поэтъ, съ трясущимися отъ волненія колѣнами. Почти невольно ощупалъ онъ часы, табакерку и кошелекъ, которые, къ счастью его, оказались на лицо. Шляпа и парикъ валялись въ грязи и на обнаженную голову вѣялъ свѣжій ночной воздухъ.

— Благодарю васъ! сказалъ онъ, сжимая руку своего избавителя. Вы освободили меня отъ руки убійцы. Мы должны скорѣй отправиться дальше, чтобы успѣть дойти домой, пока эти бродяги явятся съ подкрѣпленіемъ. Гдѣ мой слуга? Яковъ!

Послышался стонъ въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Ахъ, сударь, моя голова, моя рука! Разбойники избили меня до полусмерти.

— Молчи, болванъ! приказалъ ему Драйденъ.

— Твой крикъ можетъ опять привлечь уличныхъ разбойниковъ. Вставай и пойдемъ. Затѣмъ онъ обратился, все еще не успокоившись, къ незнакомцу: Милостивый государь, я вамъ много благодаренъ за оказанную помощь, но вы меня еще больше обяжете, если доведете насъ, какъ можно скорѣй, до моего дома.

Небольшое разстояніе до дома поэта было скоро и молча пройдено. Бѣдный Яковъ все еще стоналъ и жаловался, идя сзади. Только въ передней своего дома Драйденъ заговорилъ. Онъ отдалъ нѣсколько приказаній выходящему на встрѣчу дворецкому и, протянувъ руку своему спутнику, сказалъ: Я прошу васъ войти въ эту комнату, а меня извинить на минуту. Съ этимъ онъ удалился.

Между тѣмъ молодой человѣкъ былъ введенъ дворецкимъ въ роскошную комнату и оставленъ тамъ одинъ. Тутъ онъ почувствовалъ внезапно слабость и, тяжело дыша, опустился, утомленный, на кресло.

Въ такомъ положеніи нашелъ его переодѣвшійся и успокоившійся Драйденъ. Съ радушной улыбкой протянулъ онъ руку гостю.

— Примите еще разъ мою душевную благодарность, дорогой молодой человѣкъ, сказалъ онъ. Ваша своевременная помощь и удивительная храбрость избавила меня отъ весьма непріятной исторіи. Быть можетъ мнѣ удастся доказать вамъ свою признательность не одними только словами.

Молодой человѣкъ поднялся и, смотря на Драйдена взоромъ полнымъ уваженія и благоговѣнія, сказалъ:

— Я благодарю Всевышняго, Который далъ мнѣ возможность избавить отъ рукъ убійцъ нашего величайшаго и знаменитѣйшаго поэта. Это сознаніе есть уже величайшая награда, которая могла бы только выпасть на мою долю.

— А! улыбнулся Драйденъ. Вы знаете меня!

— Какой же мало-мальски образованный человѣкъ не знаетъ Джона Драйдена!

— Молодой энтузіастъ, вы слишкомъ преувеличиваете. Но по выраженію лица можно было видѣть, какъ пріятна была эта лесть поэту. Могу я теперь узнать имя моего избавителя?

— Я Эдвардъ Геннингъ и занимался изученіемъ физики.

— Значитъ молодая, стремящаяся впередъ, голова, начинающій академистъ. Въ такомъ случаѣ, я, быть можетъ, буду имѣть возможность сквитаться съ вами. Довольны ли вы теперешнимъ своимъ мѣстомъ?

— Въ настоящее время я не имѣю мѣста.

— Да? Тѣмъ лучше, т. е., я могу сказать для меня. Своимъ вліяніемъ я могу вамъ доставить что нибудь подходящее. Пожалуйста, разскажите мнѣ о вашихъ занятіяхъ и не откажитесь отъ маленькаго ужина, который вотъ, кстати, несетъ дворецкій!

Онъ придвинулъ кресло Эдварда къ столу, сѣлъ противъ него и поставилъ стаканы.

— За ваше здоровье, мой юный другъ!

— Вы конфузите меня, г-нъ Драйденъ. Позвольте мнѣ опорожнить этотъ стаканъ за здоровье величайшаго генія Англіи. Да пребудетъ онъ еще съ нами многіе годы!

— Который сегодня, быть можетъ, былъ бы затоптанъ въ грязи улицы, не будь вашего вмѣшательства, присовокупилъ Драйденъ. Вотъ каковы превратности судьбы!

— Это стыдъ и позоръ всей Англіи, возразилъ Эдвардъ. Люди, которые составляютъ гордость и честь націи, подвергаются такимъ насиліямъ на улицахъ столицы! Это унижаетъ насъ въ глазахъ всѣхъ образованныхъ народовъ Европы.

— Въ сущности вы правы. Я завтра же лично лорду-мэру и королю буду жаловаться на это. Такому безобразію долженъ быть положенъ конецъ. Нужно полицію удесятерить, увеличить въ сто разъ, чтобы городъ пересталъ быть мѣстомъ разбоя.

— Я сомнѣваюсь, чтобы это могло принести пользу до тѣхъ поръ, пока непроницаемый мракъ будетъ господствовать на улицахъ города; нужно сначала подумать объ этомъ послѣднемъ.

— Вы говорите мнѣ то, о чемъ я уже давно думалъ, возразилъ Драйденъ. Но что подѣлаешь противъ этого?

— Средство къ этому—освѣтить ночью всѣ улицы города.

— Освѣтить весь городъ, говорите вы? спросилъ Драйденъ, смотря удивленно.

Между тѣмъ Эдвардъ продолжалъ съ жаромъ.

— Я давно уже выработалъ подробный планъ, который ограниченнымъ умамъ показался страннымъ; я полагаю его сообщить въ общихъ чертахъ вамъ. Вы только одинъ можете помочь его осуществленію. Я нахожу единственнымъ средствомъ избавить населеніе отъ грабежей и разбоя—освѣщеніе города ночью. Позвольте разсказать вамъ весь мой планъ?

— Убѣдительно прошу васъ объ этомъ, сказалъ Драйденъ, съ видимымъ удивленіемъ глядя на своего гостя. Идея величественная, она меня сильно заинтересовала.

Эдвардъ, съ бьющимся сердцемъ и полный упованія, началъ передавать, все болѣе и болѣе оживляясь, все то, что такъ давно желалъ кому нибудь высказать, кто бы могъ понять и сочувствовать дѣлу, и закончилъ рѣчь свою словами: „Недостаетъ только мнѣ высокаго покровителя, который бы на благо своихъ согражданъ, своимъ вліяніемъ, провелъ бы этотъ проектъ.

Библиотека "Руниверс"

Будьте вы, г. Драйденъ, этимъ высокимъ, благороднымъ покровителемъ, и потомство будетъ васъ цѣнить не только какъ величайшаго англійскаго поэта, но и какъ благодѣтеля Лондона".

Драйденъ все время напряженно слушалъ. Теперь онъ всталъ и протянулъ Эдварду руку.

— Вы не тщетно обращаетесь ко мнѣ; принесите ваши планы и вычисленія, молодой человѣкъ. Все, о чемъ вы мнѣ только что говорили, давно приходило мнѣ въ голову, но по недостатку техническихъ знаній я не могъ оформить этой идеи. Какъ я уже вамъ сказалъ, принесите все, что нужно, и я, на сколько хватитъ у меня силъ, постараюсь выхлопотать вамъ королевскій патентъ. Онъ взглянулъ на часы.

— Вы меня извините на этотъ разъ, я ожидаю еще сегодня гостей. Меня очень радуетъ знакомство съ такимъ талантливымъ и многообѣщающимъ молодымъ человѣкомъ, къ тому-же, съ этимъ связанъ такой особенный случай. Будьте здоровы! Завтра до обѣда я надѣюсь васъ видѣть у себя.

Какъ дошелъ домой въ этотъ вечеръ Эдвардъ, онъ самъ не помнитъ. Голова его находилась въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Торжествующая радость наполняла его грудь. То, чего онъ такъ долго искалъ—покровителя своего великаго проекта, онъ наконецъ нашелъ.

III.

Въ Вайтхалѣ, со времени возстановленія королевскаго достоинства и вступленія на престолъ Карла II, господствовала жизнь, какой еще не видывала Англія. Ежедневно дворецъ былъ полонъ блестящими кавалерами и дамами, которые разгуливали по заламъ. Затѣвались политическія интриги, забавы смѣнялись забавами и все это при участіи короля, который былъ душою всѣхъ окружающихъ.

Прошло немного дней послѣ разсказаннаго. Между дамами и кавалерами, наполнявшими залы дворца, было необыкновенное возбужденіе. Королевскій курьеръ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, привезъ извѣстіе о блестящей побѣдѣ, которую Янъ Собѣскій одержалъ подъ стѣнами Вѣны надъ турками.

Самъ король съ графомъ Данби, съ виконтомъ Галифаксъ и хранителемъ государственной печати, такъ былъ занятъ оживленнымъ разговоромъ, что не замѣтилъ подошедшаго къ нему просителя, который въ почтительной позѣ стоялъ передъ нимъ. Наконецъ король взглянулъ на него.

— Что привело опять нашего „poeta laureatus" въ Вайтхаль? сказалъ онъ дружелюбно. Подойдите ближе, милый Драйденъ, послѣднее время вы стали цѣнить себя очень высоко. По всей вѣроятности тотъ свертокъ, который вы держите въ рукѣ, служитъ оправданіемъ вашего долгаго отсутствія. Или я ошибаюсь,—развѣ тамъ не произведеніе вашей музы? Дайте его сюда, мы умѣемъ цѣнить ваши труды, мой другъ!

— Милостивое вниманіе вашего величества дѣлаетъ меня счастливымъ, но, къ сожалѣнію, я долженъ сознаться, что не то привело меня сюда. Я пришелъ положить просьбу къ ногамъ вашего величества.

— Просьбу? Я слушаю.

— Но позвольте мнѣ, ваше величество, сначала сдѣлать маленькое поясненіе. Когда я, въ прошлый понедѣльникъ, возвращался вечеромъ... началъ Драйденъ, но король перебилъ его смѣясь:

— Я знаю, знаю, уличные разбойники сдѣлали нападеніе на васъ. Мы этихъ молодцовъ поймаемъ.

Поэтъ низко поклонился и продолжалъ:

— Просьба моя заключается не въ этомъ; я осмѣливаюсь предложить на усмотрѣніе вашего величества проектъ, осуществленіе котораго будетъ благодѣяніемъ для народа и составитъ славу царствованія вашего величества.

— Вы обѣщаете много; въ чемъ же заключается этотъ проектъ?

— Эта идея, разработанная въ высшей степени талантливымъ молодымъ человѣкомъ, спасшимъ мнѣ жизнь отъ угрожавшей опасности, заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ освѣщеніи Лондона ночью лампами.

— Прекрасная мысль. Она дѣлаетъ честь вашей творческой фантазіи, но, къ несчастію, она невыполнима для насъ смертныхъ. Освѣтить городъ! Понимаете ли вы, милорды, смѣлость этого плана, и что вы, г. Драйденъ, думаете о его выполненіи?

— Все это подробно изложено здѣсь, сказалъ поэтъ, подавая королю свертокъ, который держалъ до сихъ поръ въ рукахъ. Только бы ваше величество имѣли милость приказать сдѣлать опытъ. Молодой человѣкъ, о которомъ я говорю, это Геннингъ, ученый техникъ и химикъ, желалъ бы исполненіе этого проэкта взять на себя и я прошу ваше величество...

— Хорошо, хорошо, любезный Драйденъ, дайте сюда, мы сами его испытаемъ. Такой планъ какъ этотъ, хотя бы онъ исходилъ изъ такой головы какъ ваша, требуетъ тщательнаго разсмотрѣнія и обдумыванія. Благодарю васъ за труды. Вы останетесь обѣдать; я хочу, чтобы вы были сегодня около меня и доставили мнѣ удовольствіе своей пріятной бесѣдой! До свиданія, любезный другъ. Мы теперь заняты.

Драйденъ низко поклонился и скрылся въ толпѣ.

Король между тѣмъ передалъ свертокъ камергеру, съ приказаніемъ положить его на столъ въ кабинетѣ и углубился вновь въ разсужденія съ министрами о большой побѣдѣ Яна Собѣскаго и вѣроятныхъ послѣдствіяхъ этого неожиданнаго событія для Европы.

IV.

Съ тѣхъ поръ прошло около двухъ недѣль. Мутное, сѣрое октябрское небо разстилалось надъ городомъ. Непривѣтливая погода держала дома обитателей маленькой наемной квартиры въ сѣверной части города и собрала ихъ около большаго пылающаго камина. Вдругъ дверь распахнулась и въ комнату съ блестящимъ взоромъ и съ раскраснѣвшимися отъ скорой ходьбы щеками вошелъ Эдвардъ Геннингъ.

— Удалось, удалось! ликовалъ онъ, вытаскивая изъ кармана пергаментъ. На, дядюшка, читай!...

Фермеръ взялъ документъ, между тѣмъ какъ жена и дочь, цвѣтущая 18-ти-лѣтняя дѣвушка, здоровались съ молодымъ родственникомъ. Онъ удивленно посмотрѣлъ на огромную печать и началъ читать громко королевское повелѣніе. „Симъ удостовѣряется, что Эдварду Геннингу, ему одному, принадлежитъ право освѣщенія улицъ Лондона въ теченіи 25-ти лѣтъ, на нижеизложенныхъ условіяхъ. Вознагражденіе за каждую устроенную лампу для города получаетъ въ свою пользу Эдвардъ Геннингъ. Онъ долженъ у дверей каждаго десятаго дома установить фонарь и зажигать его въ безлунныя ночи, съ ноября по апрѣль мѣсяцъ, ежедневно съ 6-ти часовъ вечера и до 12 часовъ ночи. Эдвардъ Геннингъ долженъ это нововведеніе начать съ главныхъ частей города и по мѣрѣ возможности распространять изъ района въ районъ".

— Ну, что, дядя, ты на это скажешь? спросилъ Эдвардъ, когда фермеръ окончилъ читать.

— Гм... разбойники и мошенники подчасъ бываютъ полезны для общества, возразилъ фермеръ. Отъ души желаю тебѣ успѣха, мой юный другъ.

— Намъ обоимъ, дядя, возразилъ Эдвардъ, заставя покраснѣть молодую дѣвушку, прижавшуюся къ нему.

— Ну, конечно, вамъ обоимъ, это само собой разумѣется. Ваша свадьба должна быть въ тотъ день, когда Эдвардъ Геннингъ впервые освѣтитъ ночью лампами Лондонъ. Довольны вы?

— Милый дядя, дорогой отецъ, воскликнули въ одинъ голосъ молодые люди, схвативъ старика фермера и кружа его по комнатѣ.

— Довольно, довольно, не бѣситесь такъ, протестовалъ старикъ и, нагнувшись къ уху Эдварда, сказалъ:

— Если тебѣ еще когда нибудь придется освобождать ближняго изъ рукъ мошенника, ты не дубась его такъ бѣшено и слѣпо,—слышишь, чтобы ему не пришлось цѣлыя недѣли чувствовать твою храбрость на своихъ членахъ.

Эдвардъ закрылъ рукою ротъ старика.

— Разъ зажгутся мои лампы, я увѣренъ, что болѣе ничего подобнаго не повторится.

— Созовемъ сосѣдей и друзей сегодня вечеромъ, будемъ праздновать разрѣшеніе и будемъ пить за здоровье великаго изобрѣтателя Эдварда Геннинга и его благороднаго протектора Джона Драйдена.

Въ эту же зиму, въ февралѣ слѣдующаго года, часть города, прилегающая къ Вайтхалю, уже освѣщалась фонарями. Проэктъ Эдварда осуществился самымъ блестящимъ образомъ. Весь Лондонъ былъ на ногахъ, тысячныя массы народа толпились на улицахъ, на которыхъ, въ сравненіи съ нашимъ теперешнимъ освѣщеніемъ, былъ только полумракъ; но лондонцамъ это освѣщеніе показалось блестящей иллюминаціей и никогда до сихъ поръ невиданнымъ чудомъ. Шумныя оваціи наполнили освѣщенныя улицы. Эдварда Геннинга считали величайшимъ благодѣтелемъ города и самые знатнѣйшіе горожане искали его знакомства. Спустя много лѣтъ дѣятельной жизни, которыя сдѣлали Эдварда Геннинга извѣстнымъ техникомъ, ему наконецъ удалось дожить до радости—увидѣть зажженныя лампы даже и въ отдаленнѣйшихъ частяхъ большаго города.

Въ теченіе всей своей жизни, Эдвардъ ни разу никому не говорилъ, что ближайшему его родственнику пришлось розыграть роль уличнаго разбойника, чтобы добиться осуществленія проэкта освѣщенія улицъ лампами.

Марія Гавриловна Савина.

(Очеркъ).

(Портретъ на стр. 253).

17 марта исполнилось десять лѣтъ со времени появленія въ Петербургѣ артистки, сразу завоевавшей себѣ первое мѣсто на нашей драматической сценѣ, и сохранившей его за собою и до сихъ поръ. Поклонники ея таланта торжественно отпраздновали этотъ юбилей въ день ея бенефиса въ февралѣ настоящаго года, и г-жа Савина вступила въ одиннадцатый годъ своей артистической дѣятельности.

Теперь какъ нельзя болѣе у мѣста, приводя біографическія

Библиотека "Руниверс"

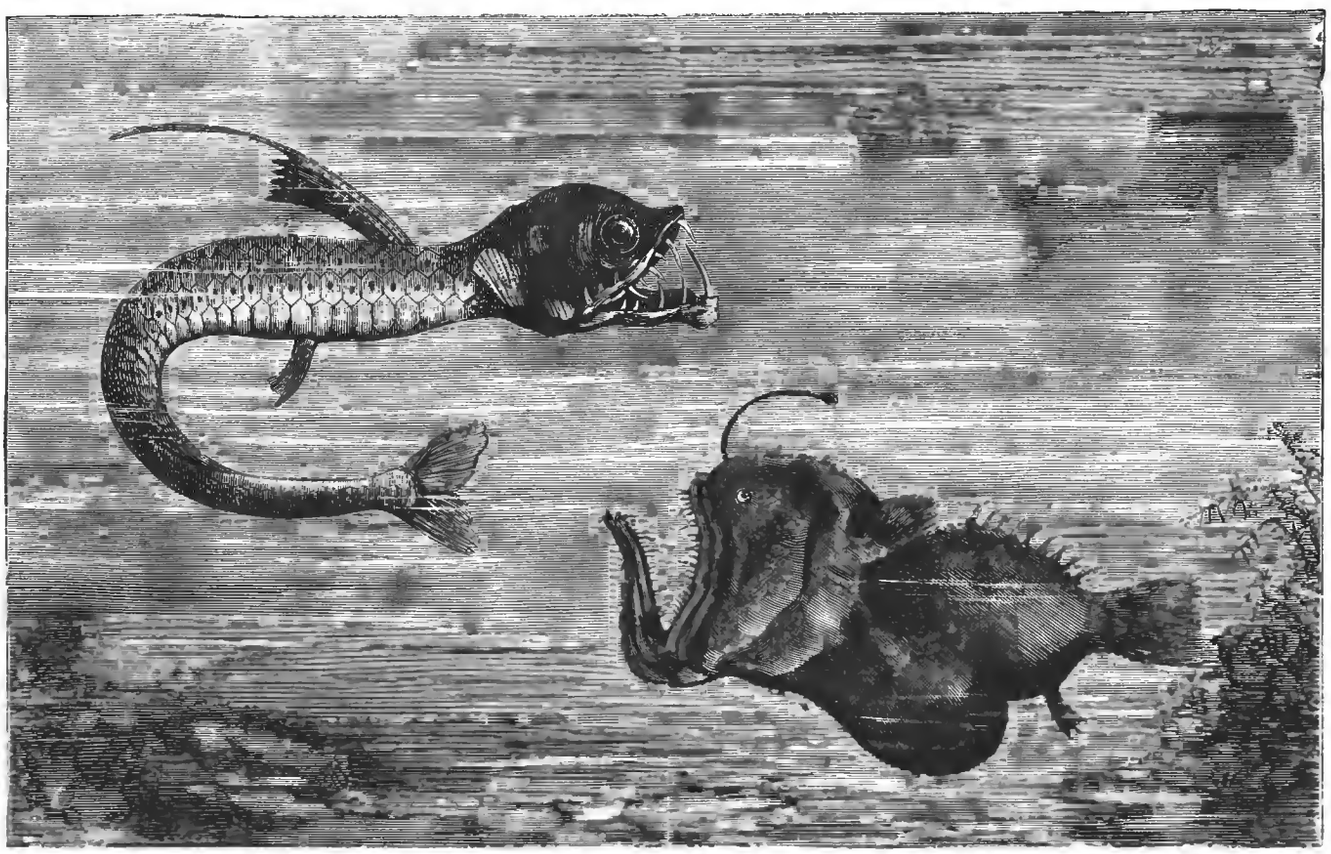
данныя, подвести кой-какіе итоги послѣдняго десятилѣтія,—итоги не безъинтересные для исторіи русскаго театра, и выяснить то значеніе, которое имѣетъ для современниковъ наша примадонна.

Появленіе ея на петербургской сценѣ было дѣло почти случайное. Пріѣхала она великимъ постомъ 1874 года, посовѣтываться съ докторами. О Маріи Гавриловнѣ въ театральныхъ кружкахъ поговаривали и прежде, но мало. Ходили слухи, что публика ее любитъ, что она мастерица на такъ называемыя „первныя" роли, но лично ее почти никто не видѣлъ, а никакихъ точныхъ свѣдѣній о ея талантѣ не было.

Спектаклей въ ту пору на казенной сценѣ великимъ постомъ не было, и драматическое искусство ютилось по клубнымъ сценамъ, руководимымъ въ большинствѣ случаевъ антрепренерами изъ императорскихъ артистовъ. Такихъ пріютовъ было три—четыре, и процвѣтали они какъ нельзя лучше, особенно постомъ, когда „настоящіе" актеры освобождались отъ обязательнаго репертуара, а провинціальныя силы, покончивши съ зимними контрактами, съѣзжались въ столицу въ чаяніи новаго ангажемента. — Желая посмотрѣть „столичныхъ" артистовъ, М. Г. отправилась, за неимѣніемъ лучшаго, въ одинъ изъ такихъ клубовъ. Но исполнители ее крайне разочаровали: она прямо заявила, что можно съиграть лучше. Явились доброжелатели, которые и предложили ей попробовать свои силы—въ опереткѣ, дававшейся въ концѣ спектакля на разъѣздъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, артистка отказалась, рѣшивъ лучше совсѣмъ не выступать передъ петербургской публикой и уѣхать домой ни съ чѣмъ.

Но судьба рѣшила иначе. Актриса, долженствовавшая играть въ піесѣ „Блуждающіе огни", которая была назначена на 17-е марта, внезапно заболѣла. Пришлось перетасовывать роли; тогда вспомнили о молоденькой Савиной, и скрѣпя сердце рѣшились предложить ingénue ей.—Роль была новая, никогда ею не игранная, а надо было разучить ее наскоро, въ нѣсколько дней. Недовѣріе, съ какимъ смотрѣли на дебютантку, еще болѣе усилилось на репетиціяхъ: Савина просто читала роль, и не играла нисколько (привычка эта осталась у нея и до сихъ поръ: она можетъ играть только при полной обстановкѣ). — И режиссеръ, и бенефиціантъ (Полонскій—казенный актеръ, теперь уже умершій, и артисты,—всѣ приходили въ ужасъ отъ того, что

Фр. Кенигъ. Изобрѣтатель скоропечатной машины. Въ память 50-ти-лѣтія со дня его смерти. Рис. и грав. Арнольдъ.



Рыба съ свѣтящейся чешуею. Рыба съ отросткомъ на головѣ.

Рыбы на днѣ океана. (Открытія ученой экспедиціи клипера „Талисманъ" въ Атлантическомъ океанѣ).

Библиотека "Руниверс"

будетъ вечеромъ. Ее учили нетолько актеры, но даже члены клуба,—дѣло происходило въ „Благородномъ Собраніи,“—члены клуба, случайно попавшіе на сцену,—и тѣ дѣлали ей замѣчанія.

Но за то въ какой восторгъ пришли они, когда вечеромъ зало задрожало отъ неистовыхъ рукоплесканій и публики, и артистовъ, что съѣхались смотрѣть дебютантку! Въ ея игрѣ было что-то новое, оригинальное, свѣжее, вносившее новую струю въ затхлую нашу атмосферу: вѣяло жизнью, молодостью. На императорской сценѣ примадонной была въ то время г-жа Струйская 1-я, артистка очень добросовѣстная, далеко не бездарная, но неудовлетворявшая требованіямъ публики. Блестящій мужской составъ, во главѣ котораго стояли Самойловъ и Васильевъ 2,—былъ значительно выше женскаго персонала: обновленіе послѣдняго требовалось безотлагательно. Начальнику репертуарной части, П. С. Ѳедорову, было доложено о новомъ талантѣ черезъ А. А. Нильскаго, вкусу котораго Ѳедоровъ довѣрялъ;—и дебютъ былъ разрѣшенъ.

9-го апрѣля, Савина выступила на Александринской сценѣ въ двухъ роляхъ: сперва въ піесѣ Крылова *„По духовному завѣщанію,“* а затѣмъ въ переводной шуткѣ *„Она его ждетъ“* (Madame attend monsieur). Амплуа ingénue было въ то время вакантнымъ: любимица публики, г-жа Яблочкина вторая только что покинула сцену;—но зрители, еще не забывшіе прежняго превосходнаго исполненія Яблочкиной роли Кати (По дух. зав.), тѣмъ не менѣе приняли дебютантку весьма сочувственно.—Слѣдующіе дебюты въ *„Воспитанницѣ“* и *„Ангелъ доброты и невинности“* окончательно укрѣпили мнѣніе, что М. Г. артистка не заурядная, но контракта тѣмъ не менѣе съ ней не заключали, и она сыграла вмѣсто обязательныхъ трехъ дебютныхъ—одиннадцать разъ даромъ, безъ всякаго вознагражденія. Въ томъ числѣ пять разъ кряду она сыграла вмѣстѣ съ Шумскимъ, пріѣхавшимъ погостить въ Петербургъ, *„Старшую и меньшую“*. Наконецъ, только 1-го августа заключили съ ней контрактъ на три года на условіяхъ: 900 руб. жалованья, полубенефисъ, и выходные: въ первый годъ 15 р. за выходъ, второй—20, а третій—25 *).

Въ сущности всѣ роли, исполненныя М. Г. на казенной сценѣ,—*„Ошибка молодости“*, *„Пансіонерка„*, *„Прежде маменька“* и пр., игранныя весной и въ началѣ осени, не дали возможности проявить во всей силѣ свойственныя ей оригинальныя черты. И газеты, и публика отзывались все еще глухо о ней, пока наконецъ въ концѣ сентября того-же года, въ новой піесѣ Н. Потѣхина *„Злоба дня“* не удалось ей сыграть роль Елены Градищевой. То былъ уже полный фуроръ. Ее провозгласили огромнымъ дарованіемъ. Нервная игра, прелестная мимика, бездна оттѣнковъ въ интонаціи, тонкіе психическіе штришки, разсѣянные по всей роли, — сдѣлали то, что піесу поѣхалъ смотрѣть весь Петербургъ, и она выдержала съ сентября 1874 по ноябрь 1875 года—35 представленій. „Мишура“ А. Потѣхина, поставленная нѣсколько дней спустя, была новымъ торжествомъ Савиной. Характеръ Даши и въ литературномъ, и въ сценическомъ отношеніи выдержанъ несравненно лучше Елены, и представлялъ чудесный матерьялъ для исполненія. Прежнее исполненіе этой роли г-жей Споровой, очень блѣдное, особенно помогало новой артисткѣ, и доказывало въ сотый разъ, что правъ былъ Лессингъ, говоря: „нѣтъ плохихъ ролей, а есть плохіе актеры“. Общій тонъ Александринскаго театра словно приподнялся. Съ тѣхъ поръ,—съ осени 1874 года, и до февраля настоящаго года,

Рыбы на днѣ океана. Дѣйствіе, производимое на рыбу отсутствіемъ давленія воды, съ поднятіемъ ея вверхъ, изъ глубины 4500 футовъ. Въ половину величины.

*) Въ хроникѣ Петерб. театровъ, А. П. Вольфа, С.П.В. 1884 г., цифры эти указаны не совсѣмъ вѣрно.

Библиотека "Руниверс"

г-жа Савина неуклонно несла на себѣ весь репертуаръ. Жалованіе, конечно, ея возрасло до огромнаго оклада, ее признали почетнымъ членомъ во многочисленныхъ обществахъ (она была даже принята членомъ въ литературный фондъ), имя ея на афишѣ говоритъ впередъ объ успѣхѣ представленія и сбора.

Это артистка со всѣми данными, чтобъ занять первое мѣсто на любой сценѣ въ легкой комедіи и драмѣ, въ такой драмѣ, гдѣ не было бы патетическихъ раздирательныхъ монологовъ, гдѣ надо страдать молча и покорно. Приподнятый надъ уровнемъ нашихъ жизненныхъ будней типъ—является ей уже чуждымъ; и Шекспиръ, и Мольеръ, и Лессингъ — ей тяжелы, не подъ силу, какъ не подъ силу Шекспиръ всему репертуару послѣдняго десятилѣтія. Легкій, пошловатый репертуаръ, наводнившій нашу сцену, отодвинулъ назадъ всю идеально-могучую, образную, чуть не стихійную силу героевъ и героинь Лира, Макбета, Гамлета, Отелло. — Порою словно пробуждается ото сна наше общество, когда передъ нимъ блестящимъ метеоромъ промелькнетъ геніальный Сальвини, — но и тутъ его смотрятъ съ недоумѣніемъ, въ просонкахъ, чтобы опять, тотчасъ послѣ его отъѣзда, впасть въ прежнюю спячку. Да у насъ и не раздается голосъ за серьезный репертуаръ. Нервная раздражительность, томительное безпокойство, озлобленное страданіе, сумбуръ идей и понятій, среди которыхъ вращаемся мы,—создали такой-же циклъ сумбурныхъ, нервныхъ, озлобленныхъ пьесъ, создали такихъ-же исполнителей. Отсюда понятенъ успѣхъ оперетки, особенно французской: нетенденціозный, живой смѣхъ, присущій этой веселой націи, интереснѣе натянутыхъ, скучныхъ остротъ и quasi-ядовитыхъ намековъ, которые подносятся публикѣ съ александринскихъ подмостокъ. Къ сожалѣнію, въ эпоху этого сумбурнаго репертуара, когда старые драматическіе писатели сходятъ со сцены, а новыхъ не предвидится,—въ эту эпоху пришлось работать г-жѣ Савиной для сценическаго искусства. Быть можетъ при другихъ, болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, ея гибкій талантъ разросся-бы и развился съ несравненно большей могучестью и граціей, чѣмъ теперь...

Каковъ успѣхъ былъ нѣкоторыхъ пьесъ, гдѣ участвовала М. Г., можно судить по тому, сколько представленій выдерживали онѣ подъ-рядъ, т. е. не сходя въ теченіи сезона съ репертуара: „Маіорша“ прошла 28 разъ, „Дикарка“ — 36, „Фофанъ“ — 23, „Чудовище“—22, „Маруся“—27. Вообще за эти десять лѣтъ артистка исполнила 140 ролей, выйдя на казенной сценѣ 959 разъ. Вотъ краткій ея curiculum vitae сценической дѣятельности.

Въ сезонъ 1874—75 годовъ она съиграла 132 раза; въ 1875—1876 г.—95 разъ; 1876—77 г.—149 разъ. Въ 1877 году заключены были съ артисткой новыя условія: 1,000 руб. жалованія, 35 разовыхъ, бенефисъ и гардеробъ. Въ 1877—78 г. было сыграно 120 ролей; въ 1878 — 79 г.—118; въ 1879—80 г.—176. Въ 1880 году новый контрактъ: 1,000 руб. жалованья, 3,000 гардеробныхъ, бенефисъ и 50 разовыхъ. Контрактъ этотъ въ 1882 г. былъ нарушенъ и дирекція предложила такія условія: 12,000 р. жалованья за 60 представленій въ годъ и 200 рублей за каждое представленіе сверхъ шестидесяти. Въ сезонъ 1880—81 г. М. Г. сыграла 153 раза, въ 1881—82 г.—82 раза, въ 1882—83 г.—82 раза, и наконецъ въ 1883—84 г.—72 раза.

Кромѣ того лѣтомъ 1879 года она съиграла 38 спектаклей въ Кіевѣ; въ 1880 г.—22 спектакля въ Одессѣ; въ 1881 г.—6 спектаклей въ Москвѣ у Лентовскаго,—итого 66 спектаклей.

Изъ наиболѣе удачныхъ ролей г-жи Савиной надо отмѣтить: Марью Антоновну „Ревизоръ“, Олю „Свѣтитъ да не грѣетъ“, Левшину „Фофанъ“, Варю „Дикарка“, Вѣрочку „Мѣсяцъ въ деревнѣ“, Феню „Маіорша“, Дашеньку „Мишура“, Катерину Ивановну „Виноватая“.

М. Г. Савина находится теперь въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Талантъ ея, если не особенно разнообразенъ, то гибокъ чрезвычайно: тонкости женскихъ натуръ „Марьюшки“ въ „*Горе-Злосчастьи*“, дочки городничаго въ „*Ревизорѣ*“, Вѣрочки въ Тургеневскомъ „*Мѣсяцѣ въ деревнѣ*“ и проч., представляютъ отдѣльныя самостоятельныя художественныя произведенія. Нельзя не отмѣтить поэтому особеннаго благодушнаго расположенія, питаемаго къ Маріи Гавриловнѣ авторами, начиная съ покойнаго Тургенева. Иванъ Сергѣевичъ былъ съ артисткой въ самой тѣсной дружбѣ: она посылала новыя пьесы, которыя ей приходилось играть, къ нему въ Парижъ на прочтеніе, и получала отъ него до спектакля рецензіи и совѣты. Переписка эта полна, конечно, огромнаго интереса, въ виду откровенности Тургенева въ данномъ случаѣ, и вѣроятно со временемъ, когда дѣйствующія лица сойдутъ съ арены своей дѣятельности, будетъ напечатана ея обладательницей.

Фридрихъ Кенигъ.

Изобрѣтатель скоропечатной машины.

Очеркъ **Гебеля.**

(Портр. на стр. 260).

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 17-го января 1833 года, въ монастырѣ Оберцель, возлѣ Вюрцбурга, умеръ человѣкъ, имя котораго по настоящее время произносится съ уваженіемъ въ промысловыхъ кружкахъ, хотя самъ онъ слишкомъ рано прекратилъ свою дѣятельность и кромѣ упомянутыхъ кружковъ, не нашелъ должной оцѣнки среди безчисленныхъ милліоновъ, въ большинствѣ случаевъ безсознательно пользующихся тѣми удобствами, какія скоропечатня — изобрѣтеніе Фридхира Кенига, внесла въ образованный міръ. До ея изобрѣтенія для печатанія книгъ и газетъ употребляли ручные прессы; три съ половиною столѣтія послѣ изобрѣтенія книгопечатанія способъ его производства оставался почти безъ всякой перемѣны и только благодаря Фридриху Кенигу было положено начало усовершенствованію этой отрасли и принаровленію ея къ требованіямъ времени. Поставленный Кенигомъ принципъ получилъ дальнѣйшее развитіе; печатный станокъ, съ полной справедливостью названный скоропечатнымъ, распространился въ такой мѣрѣ, о которой изобрѣтатель никогда и не помышлялъ. И чѣмъ, дѣйствительно, онъ сталъ для культурнаго развитія нашего столѣтія, доказываетъ лучше всего обзоръ всей литературы, начиная отъ брошюръ и журналовъ и кончая изящными дорогими изданіями.

Изобрѣтатель скоропечатни Фридрихъ Кенигъ родился 17 апрѣля 1774 году, въ Ейслебенѣ, гдѣ отецъ его былъ скромнымъ землевладѣльцемъ. Вначалѣ мальчикъ посѣщалъ народное училище, затѣмъ до 16 года находился въ Ейслебенской гимназіи, а въ 1790 году поступилъ ученикомъ въ типографію Брейткопфа въ Лейпцигѣ. Послѣ окончанія ученія, онъ довольно долго работалъ въ типографіяхъ, посѣщая въ тоже время университетъ въ качествѣ вольнослушателя; основательно заняться своимъ образованіемъ онъ не могъ по недостатку средствъ. До 1802 года о немъ нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній; въ іюнѣ же этого года онъ заключилъ контрактъ на основаніе въ Ейслебенѣ книжной торговли, что однако не осуществилось, такъ какъ уже въ слѣдующемъ году онъ занялся въ Сулѣ изготовленіемъ улучшеннаго книгопечатнаго станка. Практическія занятія Кенига убѣдили его въ неудовлетворительности деревянныхъ прессовъ и онъ пожелалъ сдѣлать станокъ, который ускорялъ бы работу и сберегалъ время. Но вскорѣ ограниченныя его средства истощились и онъ напрасно обращался за помощью къ лейпцигскому издателю Гешену и баварскимъ властямъ въ Вюрцбургѣ; также въ Вѣнѣ, куда онъ уѣхалъ въ началѣ 1805 г., хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ, а поѣздка его въ маѣ 1806 года въ Петербургъ, повела къ новымъ разочарованіямъ, такъ какъ данныя ему правительствомъ обѣщанія были не выполнены. Въ ноябрѣ того же года съ береговъ Невы онъ отправился къ берегамъ Темзы и наконецъ въ Лондонѣ предложенія его были приняты. 31-го марта 1807 г., для выполненія своего проекта онъ заключилъ контрактъ съ типографіею Томаса Бенслея, къ которому впослѣдствіи присоединились еще два лондонскихъ типографщика Георгъ Вудволь и Ричардъ Тейлоръ; техническую помощь онъ получилъ отъ механика и оптика Андрея Фридриха Бауэра, родомъ изъ Штутгарта, жившаго въ Лондонѣ ради своего образованія. Бауэръ съ 1809 г. сталъ другомъ и участникомъ въ дѣлѣ Кенига. Благодаря соединенію этихъ матеріальныхъ и техническихъ силъ, въ 1810 г. появилась построенная, по первому плану Кенига, машина, печатаніе которою плоскимъ способомъ не удовлетворяло однако по отношенію къ скорости. Послѣ того Кенигъ началъ пробовать печатать при помощи цилиндровъ и такъ какъ опыты оказались удачными, то въ декабрѣ 1812 года, была изготовлена машина по этому новому принципу. Когда г. Вальтеръ, издатель „Times“, увидѣлъ ее въ работѣ, онъ заказалъ два двойныхъ подобныхъ станка и 29 ноября 1814 года, газета могла сообщить, что она въ первый разъ печатается на станкахъ, дающихъ въ часъ 1,100 оттисковъ.

Кенигъ еще болѣе усовершенствовалъ станокъ постройкой машины для одновременнаго печатанія обѣихъ сторонъ листа. Машина была изготовлена въ 1816 г. и въ ней, отпечатанный на одной сторонѣ листъ, переходилъ тотчасъ на другой цилиндръ и снимался уже вполнѣ готовымъ. Но хотя Кенигъ и старался обезпечить свое изобрѣтеніе четырьмя патентами, тѣмъ не менѣе смѣлые подражатели съумѣли привлечь на свою сторону его матеріальный успѣхъ. Мало того они пытались оспаривать его компаньона Бенслея и тѣмъ подорвали его изобрѣтеніе, отыскали старый патентъ нѣкоего Никольсона, выданный ему на печатную машину, которая никогда не была сдѣлана, и объявили, что изобрѣтеніе Кенига есть только выполненіе плановъ Никольсона. Не имѣя денегъ начинать процессъ, Кенигъ, 10-го августа 1817 г., уѣхалъ изъ Англіи почти такимъ же бѣднымъ, какъ пріѣхалъ туда.

Бывшее премонстрантское аббатство Оберцель, возлѣ Вюрцбурга, было уступлено баварскимъ правительствомъ Кенигу на выгодныхъ условіяхъ подъ постройку фабрики, чѣмъ онъ и занялся со своимъ другомъ Бауэромъ съ весны 1818 года. Съ необыкновенными усиліями, борясь съ недостаткомъ средствъ, удалось имъ основать учрежденіе, куда за неимѣніемъ рабочихъ набирались окрестные крестьяне, которыхъ приходилось пріучать къ дѣлу. Только энергія Кенига, поддерживаемая его дру-

Библиотека "Руниверс"

гомъ, могла выйти побѣдительницею при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Первые четыре скоропечатные станка, сдѣланные въ Оберцелѣ, были пріобрѣтены въ 1822 году газетой Гауде и Шпенера и придворной книгопечатней Декера въ Берлинѣ. Послѣдующіе въ 1824 г. пріобрѣтены г. фонъ Котте въ Аугсбургѣ, который впослѣдствіи сдѣлался компаніономъ Кенига и Бауэра при устройствѣ первой бумажной фабрики въ Германіи, изготовлявшей машинами такъ называемую безконечную бумагу. Фабрика эта была открыта въ 1828 году.

На 51 году жизни, въ октябрѣ 1825 г., Кенигъ женился на молодой дѣвушкѣ. У него родилось два сына и дочь и въ бракѣ онъ былъ очень счастливъ. Въ это же время фабрика его начала усиленно работать, такъ какъ спросъ на его машины появлялся изъ Германіи и Франціи. Казалось, для Кенига наступило время спокойной жизни послѣ столькихъ лѣтъ заботъ и лишеній. Но началась французская іюльская революція, имѣвшая слѣдствіемъ политическія безпокойства и застой въ дѣлахъ; изъ числа 120 рабочихъ на фабрикѣ въ Оберцелѣ, осталось только 14 человѣкъ. Никто не требовалъ станковъ, которые разбивались наборщиками въ Парижѣ и которымъ угрожали тѣмъ-же въ Германіи. И хотя конечно нужно было ожидать поворота къ лучшему, но Фридрихъ Кенигъ, опечаленный упадкомъ своего дѣла, не дожилъ до его возстановленія. Истощенный многолѣтними усиліями и раздраженный овладѣвшимъ имъ безпокойствомъ, онъ началъ страдать безсонницей и не засыпалъ по четверо сутокъ. Сдѣлавшійся 15-го января 1833 года съ нимъ ударъ лишилъ его послѣднихъ силъ и 17-го числа онъ скончался.

Вскорѣ послѣ его смерти на фабрикѣ снова поднялась дѣятельность; молодая, но энергическая вдова его, при помощи Бауэра, съ успѣхомъ вела дѣло, пока не выросли ея сыновья, подъ руководствомъ которыхъ фабрика достигла настоящаго положенія и изготовила уже болѣе 3,000 печатныхъ станковъ разной величины.

Къ рисункамъ.

Встрѣча Софіи Палеологъ.

(Рис. на стр. 248 и 249).

Москва 1500 годовъ, обновленная Великимъ Княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ, давно уже видѣла иностранцевъ въ своихъ стѣнахъ, въ этотъ вѣкъ высокихъ талантовъ, смѣлыхъ предпріятій, великихъ открытій—какъ порохъ, компасъ, книгопечатаніе, открытіе Америки. Все это доносилось въ далекую Россію; начали переходить науки, искусства съ запада; твердый, разумный Великій князь, собиратель земли русской, уже глядѣлъ на Русь очами Царя. Онъ уже положилъ основаніе сближенію съ Западомъ, которое особенно усилилось послѣ брака его съ Софіею, племянницею послѣдняго императора въ Константинополѣ изъ Палеологовъ Іоаннъ, еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, при жизни отца, женился на княжнѣ Маріи, дочери В. Кн. Тверскаго Бориса. Въ 1467 г. она скончалась. Отъ нея Іоаннъ имѣлъ сына и не прошло двухъ лѣтъ со смерти первой супруги великаго князя, какъ онъ началъ свое знаменитое сватовство на царевнѣ греческой. Послѣ паденія Византіи, братъ послѣдняго императора Константина, Ѳома, нашелъ убѣжище въ Римѣ. Послѣ него осталось двое сыновей и дочь Софья. Папа Павелъ II предложилъ ее въ супружество московскому великому князю, желая воспользоваться этимъ и завести сношенія съ Москвой. Великій князь „взялъ это въ мысль" и подумавъ съ митрополитомъ, матерью, боярами, послалъ своего посла Ивана Фрязина. Дѣло уладилось. Въ іюнѣ 1472 года, Софья выѣхала изъ Рима въ сопровожденіи кардинала Антіохія и многихъ грековъ. Первыми встрѣтили ее псковичи. Посадники и бояре изъ концовъ отправились на встрѣчу царевнѣ въ Изборскъ, жили здѣсь цѣлую недѣлю, пока не пріѣхалъ гонецъ изъ Дерпта съ приказомъ, чтобы ѣхали встрѣчать царевну на нѣмецкій берегъ. Въ шести большихъ судахъ и на множествѣ лодокъ поѣхали посадники и бояре и встрѣтили царевну въ устьѣ Эмбаха, вышли изъ судовъ и, наполнивши кубки и позолоченные роги виномъ и медомъ, били ей челомъ; она приняла это отъ нихъ за большую честь и любовь великую и объявила, что сейчасъ хочетъ ѣхать. Поплыли къ русскому берегу. „Былъ съ нею, говоритъ лѣтописецъ, и владыка свой (кардиналъ), не по нашему обычаю одѣтый весь въ красное, въ перчаткахъ—въ нихъ же и благословляетъ—и несутъ передъ нимъ Распятіе литое, высоко на древкѣ; къ иконамъ не подходитъ; въ Троицкомъ соборѣ приложился только къ Пречистой и то по приказанію царевны". Извѣстно, что царевна не осуществила надеждъ папы на соединеніе церквей. Попытка возстановить флорентійское соединеніе кончилась самой полной неудачей. Встрѣчу въ устьѣ Эмбаха, выше описанную нами, и изобразилъ нашъ художникъ.

„Кавказскій плѣнникъ". Гр. Л. Н. Толстаго.

(Рис. на стр. 256).

Всѣмъ извѣстна прекрасная поэма Пушкина „Кавказскій плѣнникъ". Другой нашъ знаменитый писатель гр. Л. Н. Толстой озаглавилъ такъ-же одинъ изъ своихъ позднѣйшихъ превосходныхъ разсказовъ, который однако не имѣетъ ничего общаго съ поэмой, извѣстной всей грамотной Россіи.

Сюжетъ этого разсказа чрезвычайно простъ и несложенъ. Герой его—русскій казачій офицеръ на Кавказѣ, выслужившійся изъ нижнихъ чиновъ, человѣкъ простой, добрый и храбрый, хотя онъ объ этомъ самъ вовсе не думаетъ, полагая, что быть храбрымъ это просто его обязанность. Онъ самъ и разсказываетъ подробно событіе въ своей жизни, какъ, попавъ случайно—на пути изъ крѣпости домой въ отпускъ—въ плѣнъ, онъ жилъ въ аулахъ въ качествѣ рабочаго-плѣннаго, затѣмъ брошенный въ яму, въ наказаніе за попытку бѣжать, онъ, съ помощью молоденькой, сердобольной дѣвочки-черкешенки, все таки высвобождается и благополучно добирается до своей станицы.

Вотъ и все. Но только такой большой художникъ, какъ гр. Л. Н. Толстой, могъ такъ воспользоваться этимъ сюжетомъ. Простота разсказа и вѣрность его тона поразительны. Здѣсь нѣтъ ни одной фальшивой ноты; поучительна глубоко-художественная сдержанность описаній и эпизодовъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ эффектныя фразы или картины такъ и просятся невольно, но это бы нарушило стройную гармонію тона этого замѣчательнаго разсказа, и нашъ писатель ни разу не отступилъ отъ своего строгаго плана.

Талантливый художникъ г. Штейнъ, въ сценѣ, полной движенія и жизни, изобразилъ моментъ встрѣчи съ горцами, когда опрокинутый вмѣстѣ съ лошадью, герой разсказа попадаетъ въ руки горцевъ.

Молодой любитель-музыкантъ.

(Рис. на стр. 257).

На выставкѣ въ Академіи эта симпатичная картинка г. Ефимова обращала на себя справедливое вниманіе. Юноша возится съ гитарой и вполнѣ увлеченъ своимъ занятіемъ; онъ перебираетъ колки, пробуетъ струны и готовъ сейчасъ играть, тихонько подпѣвая про „зеленую рощу", что „всю ночь прошумѣла", про „красную дѣвицу"... И въ столичномъ подвальномъ трактирѣ передъ нимъ возстаетъ, при тихихъ звукахъ родимыхъ пѣсенъ, образъ его родной деревни, тонущей среди зеленѣющихъ рощъ и родимыхъ бархатныхъ полей... Видитъ онъ родныя лица и глаза ласковые, молодые и веселые, что сердце его изсушили такъ, что и теперь забыть онъ ихъ не можетъ. Плывутъ всѣ эти образы передъ нимъ подъ стройные звуки то грустныхъ, то веселыхъ пѣсенъ, подъ тихій звонъ струнъ...

Рыбы на днѣ океана.

(Рис. на стр. 260 и 261).

Море постоянно привлекало изучаніе натуралистовъ. Изученіе его жизни заинтересовывало самые пытливые умы и если воображеніе поэтовъ построило подъ водою фантастическіе замки, убранные жемчугомъ и перламутромъ, создало тамъ лѣса съ кораловыми вѣтвями и пурпурными цвѣтами, то натуралисты доказали, что дѣйствительность выдерживаетъ эти пышныя сравненія. Они открыли на днѣ морей чудные гроты и глубокія пещеры, стѣны которыхъ исчезали подъ самой разноцвѣтной растительностью, нашли странныя созданія самыхъ удивительныхъ очертаній, существованіе которыхъ не могло быть приноровлено къ условіямъ обыкновенной жизни; они находили тамъ цвѣты, блескъ которыхъ не уступалъ самымъ роскошнымъ цвѣтамъ нашихъ садовъ. Видѣвшіе все это находятъ, что Христофоръ-Колумбъ не преувеличивалъ, говоря, что *„языкъ не въ силахъ выразить, перо неспособно описать всѣ чудеса великаго моря"*.

Съ самаго начала этого столѣтія постоянно производились и производятся изслѣдованія, открывшія много новаго наукѣ и дающія иногда поразительные результаты. Въ 1880 году французское правительство снарядило съ научными цѣлями экспедицію натуралистовъ подъ руководствомъ профессора Мильнъ-Эдвардса, которая на кораблѣ „Работникъ" съ 1880 до 1882 г. дѣлала изысканія въ Атлантическомъ и Средиземномъ моряхъ. Въ 1883 году новый крейсеръ „Талисманъ" изслѣдовалъ океанъ до Сенегала, останавливаясь у Канарскихъ, Зеленаго Мыса и Азорскихъ острововъ.

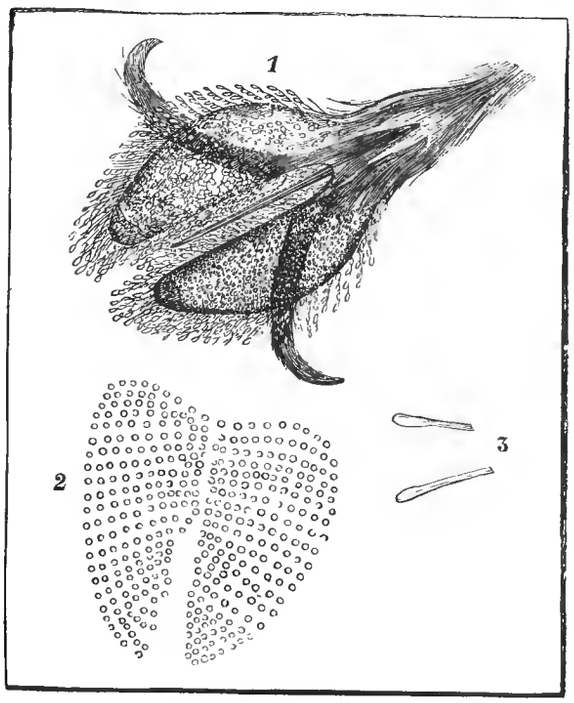
Наблюденія, сдѣланныя этой экспедиціей, необыкновенно интересны. Коллекція собранныхъ предметовъ очень велика; она выставлена теперь въ одной изъ залъ музея естественной исторіи, въ Парижѣ. Изслѣдованія производились съ помощью очень сложныхъ машинъ, такъ какъ приходилось опускать сѣти на глубину болѣе 5000 метровъ (около 2347 саж., т. е. немного менѣе 5 верстъ) и затѣмъ поднимать ихъ на верхъ наполненными камнями, иломъ и животными. Приходилось преодолѣвать большія трудности, но полученные научные результаты вполнѣ вознаградили работу натуралистовъ, которые съ большимъ напряженіемъ слѣдили за подъемомъ сѣти. „Когда послѣ долгихъ часовъ ожиданія, гово-

Библиотека "Руниверс"

рить Эдвардсъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ, тяжелый черпакъ медленно поднимался, мы съ живымъ волненіемъ старались угадать что новаго несетъ онъ намъ. Мы претерпѣвали и неудачи, и никогда я не забуду того печальнаго дня, когда черпакъ, до краевъ наполненный камнями и иломъ, мало по малу выходилъ изъ воды: мы уже различали странныхъ, невиданныхъ животныхъ, завязшихъ въ сѣти, какъ внезапно онъ, подхваченный большою волною, порвавъ всѣ снасти, снова погрузился въ пропасть. Рыбаки съ трудомъ переносятъ подобныя неудачи,—легко себѣ представить какъ это подѣйствовало на насъ. Но за то другіе дни съ избыткомъ вознаграждали насъ и сѣть приносила намъ столько новаго, что среди всѣхъ богатствъ мы не знали на чемъ прежде всего остановиться".

Въ чрезвычайной глубинѣ моря новые, совершенно еще неизвѣстные виды насчитываются сотнями; нѣкоторыя рыбы тамъ достигаютъ значительныхъ размѣровъ. Многія животныя лишены зрѣнія и обладаютъ только чувствомъ осязанія; иныя блестятъ фосфорическимъ свѣтомъ и освѣщаютъ таинственныя глубины, въ которыхъ онѣ живутъ и движутся. На стр. 260 изображена, напр., рыба, имѣющая по бокамъ цѣлые ряды чешуй, издающихъ въ темнотѣ яркій зеленый свѣтъ. Другая рыба, замѣчательная по своей огромной уродливой пасти, имѣетъ на головѣ нѣжный подвижной отростокъ, которымъ она и ощупываетъ предметы.

Многія рыбы, однако, вытащенныя съ такой огромной глубины, достигли поверхности моря вполнѣ поврежденными; это произошло отъ испытаннаго ими внезапнаго расширенія воздуха или, вѣрнѣе сказать, отъ быстраго уменьшенія того давленія громаднаго столба воды, къ какому рыба на глубинѣ привыкла в которое, при поднятіи рыбы вверхъ, вдругъ прекращается. Внутри рыбъ, надъ желудкомъ, у позвоночнаго столба, находился глухой мѣшечекъ, называемый плавательнымъ пузыремъ, который, соотвѣтствуя легкимъ, позволяетъ рыбѣ подниматься и опускаться. У рыбы, вытащенной съ такой глубины на поверхность, воздухъ, заключенный въ пузырѣ, испытывая внезапно меньшее давленіе, начинаетъ сильно увеличиваться въ объемѣ и сильно нажимать на брюшныя стѣнки. Когда растяженіе пузыря достигаетъ высшихъ предѣловъ, наружный конецъ его выходитъ изъ желудка, попадаетъ въ полость рта и проникаетъ наружу. Давленіе, оказываемое имъ на верхнюю часть головы такъ сильно, что глаза выходятъ изъ орбитъ. На стр. 261 изображена рыба, выставленная въ числѣ другихъ въ Музеѣ и выловленная на глубинѣ 1500 метровъ (704 саж.).



Какъ мухи держатся на стеклѣ.

1) Лапка мухи. 2) Ея слѣдъ. 3) Оконечность волосика лапки.

Какъ держатся мухи на стеклѣ.

(Рис. на стр. 264).

Вопросъ о завидной способности мухъ бѣгать по гладко полированному стеклу въ вертикальномъ направленіи, давно занималъ науку. Долгое время способность эту приписывали безчисленному множеству волосковъ, находящихся на лапкахъ мухи, позволяющихъ ей зацѣпляться за норы стекла. Но разсматриваніе стекла подъ микроскономъ опровергаетъ это предположеніе. Позднѣе думали, что мухи присасываются къ стеклу при помощи маленькихъ мѣшечковъ, которыми кончаются ихъ ноги. Но и это объясненіе невѣрно, такъ какъ мухи со стекломъ соприкасаются волосиками. Также мало подтвердилось и то предположеніе, что мухи выдѣляютъ липкое вещество, которое удерживаетъ ихъ на стеклѣ. Но тогда, простоявъ минутку на одномъ мѣстѣ, муха не могла бы сдвинуться, такъ какъ засохшее вещество удерживало бы ее на мѣстѣ.

Дѣйствительно желѣзки на лапкахъ мухи выдѣляютъ чрезъ волосики влагу, но она жироваго свойства, что однако, благодаря капилярной силѣ волосатыхъ лапокъ, даетъ мухѣ достаточную устойчивость на стеклѣ. На рисункѣ стр. 264 на фиг. 1 изображена, въ увеличенномъ видѣ, нижняя сторона лапки мухи, а на фиг. 2 слѣды, которые муха оставляетъ на стеклѣ. Они состоятъ изъ большаго числа правильно расположенныхъ капелекъ. На фиг. 3 показанъ расширяющійся въ видѣ шишечки нижній конецъ волосика, изъ котораго отдѣляется капелька.

Если вертикальную стеклянную пластинку покрыть густымъ слоемъ пыли, то муха не можетъ подняться по ней. Лапки мухи, пытавшейся напрасно удержаться на такомъ стеклѣ, бываютъ покрыты пылью между волосиками. Но если муха потретъ лапки одна о другую или почиститъ ихъ о крылья, она снова можетъ ползать по стеклу. Такимъ образомъ, муха чиститъ не крылья ножками, какъ это думали прежде, а ножки крыльями, которыя покрыты жесткими волосиками и служатъ какъ бы прекрасной щеткой.

Политическое обозрѣніе.

Египетъ.—Тонкинъ.—Соединенные штаты.—Англія.

Одинъ изъ самыхъ сильныхъ предводителей мятежа Османъ-Дигма, стоявшій, какъ мы уже говорили, со своими скопищами неподалеку отъ Суакима, теперь разбитъ и прогнанъ въ горы. Но эта побѣда, по сознанію самихъ англичанъ, досталась имъ цѣною тяжкихъ потерь и былъ даже моментъ, когда одно изъ карэ находилось въ столь опасномъ положеніи, что еслибы арабы сдѣлали еще одно усиліе, то англичане были бы ими перебиты. Арабамъ удалось прорвать карэ и произвести въ его рядахъ общее смятеніе и лишь аттака британской кавалеріи удержала непріятеля на нѣсколько минутъ, которыми англійскіе офицеры и воспользовались, чтобы собрать людей и снова двинуть ихъ на непріятеля. Вообще арабы дрались съ ожесточеніемъ; они пробирались ползкомъ подъ самыми штыками и подъ пушками въ средину карэ и начинали тамъ рѣзню копьями. Въ рукопашной схваткѣ суданскіе дикари оказались сильнѣе регулярной арміи; прикрываясь щитами, они ловко уклонялись отъ штыковыхъ ударовъ и убивали людей своими длинными дротиками. Даже послѣ бѣгства мятежниковъ, на полѣ битвы еще оставались фанатики, которые съ какимъ то дикимъ, отважнымъ одушевленіемъ бросались на штыки англійскихъ солдатъ. По разсѣяніи непріятеля въ селеніи Тамаси, гдѣ находился лагерь Османа-Дигмы, были найдены мѣшки съ золотомъ, книги корана, талисманы и прочее имущество. Лагерь и селеніе были сожжены. Затѣмъ англичане взяли съ собою отнятыя у Османа-Дигмы знамена и двинулись обратно въ Суакимъ. Потеря со стороны англичанъ значительна; она опредѣлена до сихъ поръ въ 100 убитыхъ и 150 раненыхъ. Извѣстіе объ этой побѣдѣ генерала Граама вызвало въ англійской печати рядъ вопросовъ о дальнѣйшихъ цѣляхъ британскаго вмѣшательства въ дѣла Египта. Нѣкоторыя газеты настаиваютъ на томъ, чтобы англичане не останавливались на полпути, а пошли бы дальше къ Берберу на выручку Гордона, жизни котораго очевидно грозитъ теперь серьезная опасность. Консервативная газета „Standard" высказывается въ томъ же смыслѣ и говоритъ, что прямой долгъ Англіи идти по стопамъ Гордона и дѣлать то, что онъ считаетъ нужнымъ для спасенія Египта. Между тѣмъ радикальная печать держится совершенно другаго мнѣнія; она не только отрицаетъ пользу наступленія на Берберъ, но идетъ еще далѣе, заклиная правительство покончить всю эту опасную и кровопролитную игру въ суданскій вопросъ, который кромѣ жертвъ не можетъ принести ему ничего хорошаго. Постъ генерала Гордона теперь выражаетъ готовность занять Зеберъ-паша, который полагаетъ, что порядокъ въ Суданѣ можетъ быть возстановленъ лишь миролюбивыми средствами и не отчаявается уничтожить авторитетъ Махди. Кромѣ того онъ прямо высказывается въ принципѣ за уничтоженіе невольничества, но для постепеннаго прекращенія рабства онъ хочетъ обождать, пока населеніе Судана не будетъ сознавать благодѣянія цивилизаціи. Кромѣ Зеберъ-паши теперь предлагаетъ свои услуги хедиву еще триполійскій шейхъ и проповѣдникъ Эль-Санусси, пользующійся между арабами большимъ уваженіемъ. Онъ прислалъ хедиву письмо, въ которомъ прямо называетъ Махди „дурнымъ мусульманиномъ, самозванцемъ и убійцей". Разумѣется это заявленіе приходитъ теперь нѣсколько запоздалымъ, но въ связи съ пораженіемъ Османа-Дигмы оно все таки можетъ принести пользу дѣлу усмиренія и въ извѣстной степени содѣйствовать къ разрѣшенію кризиса.

Библиотека "Руниверс"

Цѣль французской политики и самолюбіе французской арміи наконецъ удовлетворены; Бакъ-Нингъ теперь во власти французовъ и изъ сообщеній и депешъ оказывается, что побѣда досталась имъ безъ особенныхъ потерь и усилій. Крѣпость была покинута гарнизономъ и взята благодаря не огню артиллеріи, а искусно исполненному обходному движенію. Въ среду 12 марта, въ 6 часовъ вечера генералъ Негріэ вступилъ въ Бакъ-Нингъ во главѣ своихъ войскъ въ слѣдъ за непріятелемъ, убѣгавшимъ въ безпорядкѣ по направленію къ Као-Бангъ, къ сѣверо-западу отъ Тонкина. Въ крѣпости найдены большіе запасы боевыхъ припасовъ и батарея изъ крупповскихъ пушекъ, которую китайцы, объятые паникой, даже не употребили въ дѣло. Со взятіемъ Бакъ-Нинга тонкинская экспедиція можетъ считаться законченной и теперь остается лишь выжидать, какъ отнесутся къ этому событію въ Пекинѣ и возьметъ-ли тамъ верхъ военная партія, которая давно грозила Франціи явнымъ разрывомъ въ случаѣ взятія Бакъ-Нинга.

Послѣдніе подвиги американскихъ динамитчиковъ въ Англіи, вызвали уже серьезныя мѣры со стороны американскаго правительства. Такъ президентъ Арчеръ разослалъ циркуляръ, приглашающій судебныя власти неослабно руководствоваться статьею закона, возбраняющею нагрузку на корабли взрывчатыхъ веществъ и подвергающаго ея нарушителей строгой отвѣтственности. Строгія мѣры тѣмъ болѣе необходимы, что теперь динамитные подкопы грозятъ не одной только Европѣ. Такъ изъ Марселя сообщаютъ, что мѣстныя власти въ Торонто, напали на слѣдъ заговора, имѣвшаго цѣлью взорвать на воздухъ зданіе законодательнаго собранія въ провинціи Онтаріо во время самаго засѣданія палаты. Во главѣ заговора находится, какъ утверждаютъ, феній изъ Буффало. Кромѣ того депеша агентства Рейтера сообщаетъ, что германскіе анархисты готовятся произвести динамитные взрывы и въ англійскихъ колоніяхъ Сѣверной Америки. Такъ недавно губернаторъ Новой Шотландіи былъ извѣщенъ о приготовленіяхъ злоумышленниковъ, имѣющихъ цѣль отправиться въ Галифаксъ и взорвать тамъ тѣ изъ городскихъ зданій, которыя составляютъ собственность правительства.

Библіографія.

Мольеръ въ переводѣ русскихъ авторовъ. Спб. 1884 г Изд. О. И. Бакста. Это прекрасное, тщательно сдѣланное изданіе нельзя не рекомендовать вниманію всѣхъ занимающихся и интересующихся литературой. Переводы пьесъ знаменитаго французскаго писателя выбраны весьма тщательно, сдѣланные вновь отличаются вѣрностью подлиннику и литературными достоинствами.

Литературная дѣятельность Тургенева, критическій этюдъ В. Буренина. Спб. 1884. Изданіе А. С. Суворина.

Г. Буренинъ, оканчивая свой трудъ о Тургеневѣ, говоритъ: „Мнѣ хотѣлось, хотя въ общихъ чертахъ и по возможности *избѣгая партійныхъ пристрастій*, прослѣдить обширный кругъ художественныхъ работъ Тургенева и, насколько это соотвѣтствовало моимъ силамъ, опредѣлить существенное значеніе и существенныя достоинства этихъ работъ“. Съ такой задачей авторъ справился прекрасно,—и его этюдъ—одна изъ немногихъ критическихъ работъ, написанныхъ о недавно умершемъ писателѣ, въ которой нѣтъ излишка восхваленій и порицаній съ предвзятыми цѣлями. Это—примѣръ художественной критики,—книга, прослѣживающая литературную дѣятельность Тургенева, начиная съ его юношескихъ, романтическихъ опытовъ въ стихахъ и прозѣ, и кончая „Кларой Миличъ“. Книга украшена портретомъ И. С. Тургенева, издана опрятно и за безпристрастіе, съ которымъ написана, талантливость и обстоятельность въ разсмотрѣніи литературной дѣятельности покойнаго знаменитаго писателя,—ей можно пожелать отъ души всякаго успѣха и распространенія.

Смѣсь.

Погребъ для шампанскаго вина въ Реймсѣ. Городъ Реймсъ представляетъ собой европейское чудо по своему храмообразному погребу — хранилищу вина, гдѣ оно, вслѣдствіе здѣшнихъ благопріятныхъ условій климата—вполнѣ хорошо дозрѣваетъ. Отправившись въ погребъ Георга Гуле и Комп., я очутился въ обширнѣйшемъ подземномъ помѣщеніи, раскинутомъ на пространствѣ пяти моргеновъ (1½ десятины), съ дугообразными сводами; въ этомъ погребѣ, который считается лучшимъ въ Реймсѣ, и находятся фактическія доказательства могущества большаго торговаго дома шампанскимъ. Эта замѣчательная выемка почвы была сдѣлана уже давно: отсюда брали матеріалъ (известковый камень) для постройки города, при чемъ рабочіе дѣлали это безъ всякой системы и заботились только о томъ, чтобы ихъ не завалило. Когда же на помощь явились сюда техники, то изъ безпорядочныхъ катакомбъ образовались правильные своды, купола и подъ землей выросъ цѣлый городъ, покрытый известнякомъ. Такимъ образомъ это огромное хранилище потребовало сравнительно небольшихъ затратъ для своего устройства; къ тому же оно имѣетъ то весьма важное достоинство, что въ немъ въ теченіи круглаго года сохраняется одинаковая температура, около 3° Ц., именно та, которая необходима для совершеннаго дозрѣванія молодаго вина. Внутренность погреба наполнена громаднымъ запасомъ вина, именно два милліона бутылокъ и кромѣ того отъ 2 до 3 тысячъ лежащихъ въ разныхъ мѣстахъ бочекъ, при чемъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ находится, въ видѣ марки, надпись „Coronatiou“, такъ какъ Гуле и Комп. поставляли вино во время бывшей въ прошломъ году коронаціи въ Москвѣ.

Слѣпые въ фотографіи. Воспріимчивость чувствительныхъ фотографическихъ пластинокъ свѣта можетъ быть теперь такъ увеличена, что даже слабый красный свѣтъ темныхъ комнатъ, въ которыхъ онѣ приготовляются, дѣйствуетъ на нихъ вредно. Предположено поэтому поручать изготовленіе сухихъ пластинокъ людямъ лишеннымъ зрѣнія, въ комнатахъ совершенно огражденныхъ отъ доступа свѣта.

Съ тѣхъ поръ какъ явилось обыкновеніе развозить по городамъ замѣчательныя произведенія искусства для выставки, ни одна еще картина не имѣла такого громаднаго успѣха, какъ творенія Мункачи „Христосъ передъ Пилатомъ“. Въ Нештѣ картина эта, въ теченіи только шестинедѣльной выставки, дала 38 тысячъ гульденовъ (около 23 тысячъ рублей) въ видѣ платы за входъ. Венгрія сдѣлала своему знаменитому соотечественнику, который въ это время былъ въ столицѣ, блестящую овацію и открыла національную подписку, съ цѣлью пріобрѣтенія картины для венгерскаго народнаго музеума. Для того, чтобы картина эта осталась въ Нештѣ, необходимо собрать полтораста тысячъ гульденовъ. Венгерскій министръ народнаго просвѣщенія, Трофортъ, написалъ г. Зедельмейеру, собственнику картины, о томъ волненіи, которое произвело это произведеніе, и прибавилъ, что правительство ручается за покупную цѣну, если она даже не будетъ собрана по подпискѣ. Зедельмейеръ, однако, отклонилъ это предложеніе, такъ какъ надѣется отъ дальнѣйшаго путешествія картины получить большую прибыль, если посѣтитъ Англію и Америку, но тѣмъ не менѣе оставилъ право покупки за родиной художника. Что ловкій и предпріимчивый торговецъ произведеніями искусства не ошибся въ своихъ предположеніяхъ, это доказываетъ успѣхъ, который имѣетъ картина въ Англіи. Такъ въ Манчестерѣ онъ получилъ 8.000 фунтовъ стерлинговъ и въ Глазго 5 тыс. (1 ф. стер. по курсу=10 руб.) входной платы; напротивъ того въ Лондонѣ картина не обратила на себя ожидаемаго вниманія и дала только 3 тысячи фунт. стерл. Англія и въ другомъ еще отношеніи оказалась весьма плодотворной почвой для обладателя картины. Картина Мункачи была выгравирована на мѣди лучшимъ парижскимъ граверомъ Вальтнеромъ и выпущена уже третьимъ изданіемъ, при чемъ въ одну Англію было отправлено гравюръ для продажи въ общей сложности на 600 тысячъ франковъ. Въ настоящее время картина эта ожидается въ Германіи, а затѣмъ наступитъ очередь Америки. Мункачи занятъ теперь другой картиной изъ исторіи страданій Іисуса Христа—„Голгофа“.

Привычки. Г-жа Сталь, мастерица разсказывать, имѣла привычку во время разговора вертѣть въ рукахъ вѣтку, цвѣтокъ или свертокъ бумаги. Если у нея не было въ рукахъ ни одного изъ этихъ предметовъ, то нить разговора путалась, рвалась и слова уже не лились такимъ живымъ ручьемъ.

Астрономъ Лапласъ во время работъ вертѣлъ всегда въ рукахъ клубокъ нитокъ, который слуга подавалъ ему передъ началомъ занятій.

Неандеръ также не могъ обойтись безъ того, чтобы не имѣть чего нибудь въ рукахъ: обыкновенно онъ перебиралъ между пальцами перо или щипалъ его бородку. Бюро, у котораго онъ стоялъ во время чтенія и на которое онъ всегда клалъ руки, все время медленно раскачивалось взадъ и впередъ.

Кантъ, во время чтенія своихъ лекцій въ университетѣ, имѣлъ обыкновеніе устремлять взглядъ постоянно на одинъ и тотъ же предметъ. Одно время это было мѣсто на сюртукѣ одного изъ его слушателей, гдѣ недоставало пуговицы. Студентъ черезъ нѣкоторое время пришилъ ее. Кантъ началъ свою лекцію, направилъ взглядъ на обычное мѣсто, и къ удивленію своему нашелъ тамъ пуговицу. Обстоятельство это такъ разстроило его, что онъ, чувствуя сильную усталость, не могъ довести чтенія до конца.

Вольтеръ, когда писалъ свою трагедію „Катилина“, закутывался въ покрывало, чтобы увеличить вдохновеніе и въ такомъ видѣ гулялъ по саду, декламируя стихи. Садовникъ, увидѣвъ эту странную фигуру, съ жаромъ жестикулирующую руками, не могъ удержаться отъ громкаго смѣха, за что и былъ лишенъ своего мѣста.

Средство противъ морской болѣзни. Докторъ Ямсъ, изъ Бостона, изъ сдѣланныхъ имъ наблюденій нашелъ, что глухонѣмые никогда не страдаютъ ни головокруженіемъ, ни морской болѣзнью. Поэтому онъ совѣтуетъ личностямъ, страдающимъ морской болѣзнью, затыкать ватой уши, коль скоро они находятся на морѣ. Совѣтъ этотъ напоминаетъ намъ Одиссея, который приказывалъ своимъ спутникамъ затыкать уши воскомъ, когда наступало волненіе на морѣ.

Библиотека "Руниверс"

Инструкція для засѣдающихъ въ коллегіи. Фридрихъ Вильгельмъ I, положившій начало строгаго управленія, которымъ Пруссія пріобрѣла уваженіе и власть внутри государства и заграницей, лично составлялъ инструкціи для высшихъ сановниковъ, входя въ малѣйшія подробности. Онъ составилъ также инструкцію для главнаго управленія, засѣданія котораго должны были начинаться въ 7 часовъ, а зимою въ 8 ч. утра. Между прочимъ въ инструкціи сказано: „Если члены покончатъ свои дѣла въ теченіи часа, они могутъ разойтись; а если они не управятся до обѣда, то, безъ перерыва, должны работать до 6 часовъ вечера, или пока не окончатъ всѣхъ дѣлъ. Если засѣданіе затянется свыше чѣмъ до 2 часовъ, то государственный министръ фонъ-Принтцъ долженъ распорядиться посылкою членамъ изъ нашей кухни четырехъ хорошихъ блюдъ, а изъ нашего погреба—вина и пива. Половина состава членовъ садится обѣдать, вторая же половина въ это время должна работать, затѣмъ когда тѣ пообѣдаютъ, они должны приниматься за дѣла, а остальные члены должны обѣдать, тогда только служба будетъ исполняться хорошо.“ Далѣе въ инструкціи значится: „Кто изъ министровъ или членовъ совѣта опоздаетъ на часъ, тотъ долженъ уплатить 100 дукатовъ штрафа; кто пропуститъ засѣданіе безъ разрѣшенія короля и не по причинѣ болѣзни, теряетъ полугодовой окладъ жалованья; кто же повторитъ это во второй разъ, тотъ отставляется съ позоромъ отъ должности, такъ какъ мы платимъ ему жалованье за то, чтобы онъ работалъ“.

Какъ въ средніе вѣка наказывали невнимательныхъ врачей. По Вестготскому кодексу—собранію законовъ, которымъ въ Испаніи руководствовались до начала XII столѣтія, врачи считались отвѣтственными за дурной исходъ болѣзни своихъ паціентовъ. Законъ опредѣлялъ штрафъ въ сто солидо, если хирургъ, во время кровопусканія знатному лицу, причинялъ ему вредъ. Если же паціентъ умиралъ, то врачъ отдавался во власть семьи усопшаго, которая по своему усмотрѣнію располагала жизнью и свободою доктора. Если же крѣпостной по винѣ врача умиралъ, или становился неспособнымъ къ работѣ, то врачъ долженъ былъ замѣнить раба другимъ, здоровымъ человѣкомъ. Конечно, всѣ эти постановленія служили къ тому, что немногіе имѣли охоту быть докторами, въ особенности въ то время, когда рѣдко рѣшался вѣрно вопросъ о томъ, произошла ли смерть отъ вины врача, или же была слѣдствіемъ собственно тяжкой, неизлечимой болѣзни.

Рѣшеніе ребуса № 6.

Одинъ медъ вѣдь скоро вамъ и надоѣстъ.
(Одинъ медвѣдь съ коровами надъ о ѣстъ).

Рѣшеніе алгебраической задачи № 5.

Припявъ, что:

Буква 1-я = a	Буква 8-я = h	Буква 15-я = p
„ 2-я = b	„ 9-я = i	„ 16-я = r
„ 3-я = c	„ 10-я = k	„ 17-я = s
„ 4-я = d	„ 11-я = l	„ 18-я = t
„ 5-я = e	„ 12-я = m	„ 19-я = u
„ 6-я = f	„ 13-я = n	„ 20-я = x
„ 7-я = g	„ 14-я = o	„ 21-я = z

изъ вышеуказанныхъ условій получимъ слѣдующія уравненія:

1) $f : d = c : 3$
2) $h : k = s : u$
3) $l : x = 6 : g$
4) $t - p = z - 4a$
5) $a + e = 2b + 2$
6) $m + s = \sqrt[8]{4096} + 16$
7) $e + l = \sqrt[8]{39304}$ *)
8) $z : e = a : {}^1/_3\, b$
9) $b : a = e : 9$
10) $h + m = o - 11$
11) $r - g = l - 2$
12) $z - p = f$
13) $c + f = e + 1$
14) $k : 2s = o : 9$
15) $g + x = l + r + 2$
16) $d + p = n + 2$
17) $i - d = \sqrt[8]{3375} = 15$
18) $u \times h = k \times s$
19) $c : d = n - 2a$
20) $h + k + m + s + u = o + 2$
21) $a + b + c = i + n$

Рѣшивъ уравненія и замѣнивъ найденныя числовыя величины неизвѣстныхъ буквами, имъ соотвѣтствующими, получимъ:

Д	О	Л	Г	Ъ	П	Л	А	Т	Е	Ж	О	М	Ъ	К	Р	А	С	Е	Н	Ъ		
=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=		
5	15	12	4	27	16	12	1	19	6	7	15	13	27	11	17	1	18	6	14	27		
=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=	=		
a	b	c	d	e	f	g	h	i	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	x	z		

„ДОЛГЪ ПЛАТЕЖОМЪ КРАСЕНЪ“.

*) Въ задачѣ было въ нѣкоторыхъ №№ ошибочно напечатано $\sqrt[8]{13724}$.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. **Спб.**—Поликарпова, Райхеръ, Итцигсонъ; **Москва**—Киселева; **Б. Коровино**—В. К. Терскаго; **Варшава**—Скворцова; **Владиміръ**—Чудова; **Волочиснъ**—Пуссенбаумъ; **Голобы**—Гусаревича; **Динабургъ**—Хруцкаго; **Кременчугъ**—Хальмкова; **Каменна**—Барановской; **Л бедянь**—Чурилина; **Н. Новгородъ**—Обуховой; **Невинномысская**—Дьякова; **Одесса**—Григорьева, Коганъ; **Симферополь**—Халдаримянцъ, Якобсонъ; **Смоленскъ**—Вава, **Тула**—Михальча; **Родесъ** (Франція) Е. Отонъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто мелкихъ денегъ присылаются почтовыя марки,—высылать таковыя **только новаго образца.**

СОДЕРЖАНІЕ: **Архіепископъ Антоній** (съ портр.).—**Въ старой Москвѣ.** Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ, **Гр. Е. А. Саліаса.** Часть вторая. (Продолженіе).—**Первый уличный фонарь.** Разсказъ.—**Марія Гавриловна Савина.** Очеркъ (съ портр.).—**Фридрихъ Кенигъ.** Очеркъ Гебеля (съ портр.).—**Встрѣча Софіи Палеологъ** (съ рис.).—**„Кавказскій плѣнникъ“. Гр. Л. Н. Толстаго** (съ рис.).—**Молодой любитель-музыкантъ** (съ рис.).—**Рыбы на днѣ океана** (съ рис.).—**Какъ держатся мухи на стеклѣ** (съ рис.).—Политич. обозр.—Библіографія.—Смѣсь.—Рѣшеніе ребуса.—Рѣшеніе алгебраической задачи.—Заявленіе.—Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

1. **6-й выпускъ „Православнаго Палестинскаго Сборника“**, заключающій въ себѣ „Хожденіе Гостя Василія“ (1465—1466 гг.), подъ ред. Архимандрита Леонида. Ц. 30 к.

2. **„Къ Животворящему Гробу Господню“.** Разсказъ стараго паломника. Цѣна 30 к.

Продаются въ С.-Петербургѣ у Тузова, Оглоблина, Риккера; въ Москвѣ—у Ферапонтова; въ Кіевѣ—у Оглоблина.

Здѣсь же: „Православный Палестинскій Сборникъ“ 1-й вып., В. П. Хитрово,—„Православіе въ Св. Землѣ“, ц. 2 р.; 2-й вып., В. П. Хитрово: „Бордоскій путникъ“, ц. 1 р.; 3-й вып., М. А. Веневитиновъ, 1-я часть Житія и хожденія Даніила, съ рис. XVI в., ц. 2 р. 50 к.; 4-й вып., А. В. Елисѣевъ, „Путь къ Синаю“, ц. 2 р. и „Отчетъ Православнаго Палестинскаго Общества“ за 1882—83 гг., ц. 1 р. 50 к.

Складъ изданія: СПБургъ, Манежный пер., 7, у С. Д. Лермонтова. № 3201 3—2

ЗАГАДОЧНЫЯ КАРТИНКИ 48 №№ ц. 1 р. съ пересылкою. **Складъ** въ кн. магаз. **П. Луконинова**, СПБ., Фонтанка, д. 41. № 3244 1—1

УРОКИ живописи на фарфорѣ, керамики, эмали, маіолики, тутъ же обжигъ и краски. Гороховая ул., д. Семенов. моста, д. № 50, кв. № 19. Магазинъ фарфора, 2-й этажъ. № 3242 1—1

ВСЕОБЩАЯ ТАБЛИЦА ПРЕДВИДѢНІЯ, основанная на выводѣ изъ фактовъ, **крайне** необходимая **всѣмъ** государствамъ, народамъ, мужчинамъ и женщинамъ и избавляющая ихъ отъ несчастій въ будущемъ. Цѣна **1 руб.** съ пересылкою **въ футлярѣ.** Адр.: **гор. Житоміръ**, подполковнику **Дуль цевъ.** № 3226 2—

МИНЕРАЛОВЪ коллекція продается. СПБ. Лиговка № 46, лит. Ф. Е. Г. № 3236

ОТЪ РЕВМАТИЗМА достигнуто вѣрное средство, какъ излѣчившій себя отъ этой болѣзни, страдавшаго болѣе 12 лѣтъ. **Вас. Ив. Новицкій**, г. Кіевъ, Елисаветинская ул., д. **Монахова.** № 3243

ЧУДЕСА Книга 1-я „О творчествѣ“—какъ изъ ничего произошла матерія и міръ; 2-я „Сверхъ-естественныя видѣнія“ видѣнныя другими предъ кончиной Царевской „и біографія ея“. Складъ въ маг. Вольфа и Мамонтова въ Москвѣ и СПБ., у Соболева въ Ярославлѣ, Бонша въ Шацкѣ. 1-я 50 к., 2-я 35 к.

Въ книжн. магазинѣ Новаго Времени продается новая книга **ЗА УРАЛЪ!** Разсказы изъ воспоминаній о Сибири В. В. Романова. Ц. 2 руб. № 3235 3—1

EAU D'HOUBIGANT
la plus appréciée pour la toilette.
Houbigant parfum. de la Cour de Russie Paris.

№ 3090 25—5

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ
„ЭЛЕОПАТЪ“
ТОЛЬКО ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА
употребляется для останавливанія выпаденія волосъ и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти.
Продается въ С.-Петербургѣ, въ магаз. Штоль и Шмидтъ и въ русск. общ. торговли аптек. товарами; въ Москвѣ и провинціи—во всѣхъ большихъ аптекахъ и у **дрогистовъ**; цѣна флакону **1** руб. **50** коп. безъ пересылки.
Провизоръ КИНУНЕНЪ.

БОЛЬШОЕ ПОМѢЩЕНІЕ

подъ торговое или промышленное заведеніе отдается съ 1-го іюня. Прачешный пер., д. № 5. № 3224

ЖЕЛАЮТЪ КУПИТЬ

хорошо сохранившіеся и полные экземпляры **„НИВЫ“** за **1870** и **1874** годы.

Съ предложеніями обращаться въ контору журнала „НИВА“, Спб., Б. Морская, № 9.

Библиотека "Руниверс"

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ **ДУХИ КАДРЮПЛЪ** (EXTRAITS QUADRUPLES)
для носовыхъ платковъ, платьевъ, кружевъ и пр.

Lohse's Maiglöckchen	Лозе -Лайдышъ
Lohse's Héliotrope blanc	Лозе—Бѣлый Геліотропъ
Lohse's Königin der Nacht	Лозе—Королева ночи
Lohse's Excelsior-Bouquet	Лозе—бунетъ Эксельсіоръ

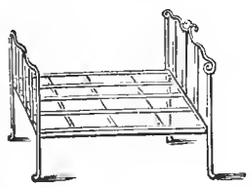
въ обыкновенныхъ флаковахъ 1 р. 50 к. и большихъ.

NEU: Lohse's Gold Lilie | НОВОСТЬ: Лозе -Золотая лилія

удостоены высшими наградами на всѣхъ международныхъ выставкахъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ придворный парфюмеръ Ея Имп. Вел. Императр. Германской. Поставщикъ Ея Имп. Выс. Наслѣдницы Германск. престола и пр. **БЕРЛИНЪ, W.** Jaeger-Strasse 46.

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ Россійской Имперіи. Ц. № 3221 12—2



ЖЕЛѢЗНЫЯ КРОВАТИ
и
МАТРАЦЫ
собственной мастерской, съ ручательствомъ, по крайне дешевымъ цѣнамъ. **Прейскуранты** по востребованію немедленно.
В. ФРИЦЪ,
КОНТОРА МЕБЕЛИ,
С.-Петербургъ. Малая Мо ская, 16. Р. № 3210 3—2

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА.
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 21. Предлагаетъ свои услуги по всѣмъ банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью, за самое умѣренное вознагражденіе.
Контора открываетъ **АГЕНТСТВА** въ провинціи.
ССУДЫ подъ залогъ % бумагъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ.
Изданная конторою брошюра: **„РУКОВОДСТВО КЪ ПРАКТИЧЕСКОМУ ОЗНАКОМЛЕНІЮ СЪ БАНКОВЫМИ ОПЕРАЦІЯМИ И КЪ ОБЛЕГЧЕНІЮ СНОШЕНІЙ ИНОГОРОДНОЙ ПУБЛИКИ СЪ КОНТОРОЮ“** высылается по требованію безплатно. Р. № 3245 8—1

МЕБЕЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ И ФАБРИКА
№ 3239 **Г. В. БЮХТГЕРА** 3—1
поставщика Двора Е. И. В. Велик. Князя Михаила Николаевича,
переведены въ собств. домъ, по **Англійск. проспекту, № 10,** 3-й домъ съ Мойки.
Заведеніе, удостоен. разными медалями и наградами принимаетъ всевозможные заказы архитектурно-столярныхъ, рѣзныхъ, церковныхъ (иконостасы, кіоты), обойныхъ и декоративныхъ работъ по готов. оригинали. рисункамъ знаменитыхъ архитекторовъ и по другимъ моделямъ.
Самый большой выборъ готовой мебели въ русскомъ, древнемъ и друг. стиляхъ.

ЛИКЕРЫ ЗАВОДА ОБЩЕСТВА „КЕЛЛЕРЪ И К°“.

Правленіе акціонернаго Общества „Келлеръ и К°“, послѣ тщательнаго изслѣдованія фабрикаціи иностранныхъ ликеровъ, открыло съ 1882 года на заводѣ Общества, а также и на заводѣ Товарищества „І. Обловъ и К°“, спеціальныя отдѣленія для приготовленія означенныхъ ликеровъ. **Ликеры эти,** поступившіе въ настоящее время въ продажу, по отзывамъ приглашенныхъ Правленіемъ экспертовъ, **нисколько не уступаютъ во всѣхъ отношеніяхъ лучшимъ заграничнымъ образцамъ.**

Цѣна ликеровъ завода „Келлеръ и К°“, ниже цѣнъ заграничныхъ ликеровъ отъ 150 до 300%.

Рекомендуя ихъ гг. покупателямъ, Правленіе считаетъ нужнымъ пояснить, что большинство сортовъ заграничныхъ ликеровъ, продающихся подъ различными марками, отличаются какъ по вкусу, такъ и по крѣпости. Правленіе проситъ тѣхъ изъ гг. покупателей, которые найдутъ ликеры завода „Келлеръ и К°“ не подходящими подъ вкусъ употребляемыхъ ими заграничныхъ ликеровъ, вмѣстѣ съ заказами указывать на марку ликера, который они желали бы имѣть.

Имѣя возможность разнообразить свое производство, Правленіе будетъ удовлетворять такимъ требованіямъ гг. покупателей, въ самомъ непродолжительномъ времени.

Ликеры завода „Келлеръ и К°“ можно получать въ магазинахъ Общества, **въ С.-Петербургѣ:** при заводѣ, Обводный каналъ, д. 96; Фонтанка, д. 45; Кадетская линія, В. О., д. 19; Невскій просп., д. 124. **Въ Царскомъ Селѣ:** Малая ул., д. Барановой. **Въ Кронштадтѣ:** Рогодская ул., д. Турыгиной.—**Въ С.-Петербургѣ:** на заводѣ Товарищества „І. Обловъ и К°“, Курляндская ул., д. 19 (продаются подъ маркою Товарищества „І. Обловъ и К°“), а также въ нижеслѣдующихъ винторговляхъ: у гг. Фейнъ и К°, Невскій пр., у Полицейскаго м.; В. Н. Черешнякова—Литейный пр., въ домахъ за №№ 5, 11 и 47; В. Г. Баскова—уг. Кирочной и Воскресенскаго пр., уг. Надеждинской и Итальянской; 1-я линія В. О., д. за №№ 34 и 46; Н. П. Смирнова—Гороховая ул., д. 4 и Воскресенскій пр., д. 4; Глушкова - Литейный пр., д. 10; Бр. Зайцевыхъ—уг. Б. Садовой и Невскаго; П. Я. Мелешина—Галерная, д. 50 и многихъ другихъ. **Въ Ораніенбаумѣ:** у С. А. Алексѣева, Большой пр., собств. д. **Въ Старомъ Петергофѣ:** у С. А. Алексѣева и **въ Гатчинѣ,** у П. М. Муценко.

Съ требованіями просятъ обращаться по указаннымъ адресамъ и на заводъ Общества, по Обводному каналу, домъ 96.

Прейсъ-нураиты высылаются безплатно. № 3054.

Пользующійся во всѣхъ европейскихъ государствахъ заслуженною славою, бывшій на выставкахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ,

АНГЛІЙСКІЙ ХОЛСТЪ ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА,

противъ всякой ломоты, боли въ суставахъ, лома въ чреслахъ, рожи, всякаго рода корчи въ рукахъ, ногахъ и особенно узлахъ вены, опухоли членовъ, вывиховъ, колотья въ боку, съ вѣрнымъ успѣхомъ употребляется какъ первое, скоро и вѣрно дѣйствующее средство. Продается въ пакетахъ, съ описаніемъ употребленія, по 1 рублю; двойной силы, противъ тяжелыхъ страданій—по 2 рубля.

Знаменитый д-ръ Гуфеландъ говоритъ въ своихъ медицинск. сочиненіяхъ: „Есть двѣ болѣзни, противъ которыхъ медицина напрасно искала до сихъ поръ сильно-дѣйствующихъ лекарствъ: это—ревматическая головная боль и подагра“; это средство нашлось въ употребленіи вышеозначеннаго холста противъ ревматизма.

Продажа для всей Россіи настоящаго холста: въ С.-Петербургѣ, въ аптекарскомъ магазинѣ г. **Оскаръ Гертхенъ.** Казанская улица, д. № 37. На почтовые расходы прилагается 50 коп.

Благодарственныя письма русскихъ высокопоставленныхъ лицъ и военныхъ, получившихъ ревматизмъ въ послѣднюю войну и не нашедшихъ помощи ни въ Теплицѣ, ни въ Карльсбадѣ, а излечившихся посредствомъ англійскаго холста, предъявляются почтеннѣйшей публикѣ въ магазинѣ. Р. № 3211 4—2

Страхованіе пенсіи на старость.

ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себѣ пенсію (доходъ) въ

1,000 РУБ. ЕЖЕГОДНО,

уплата которой **начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста** застрахованнаго и продолжается до его смерти.

За это страхованіе слѣдуетъ платить Страховому Обществу „РОССІЯ“ до начала пенсіи по **29 руб. 64 коп.** чрезъ каждые **три мѣсяца.**

Дальнѣйшія подробности въ **брошюрахъ**

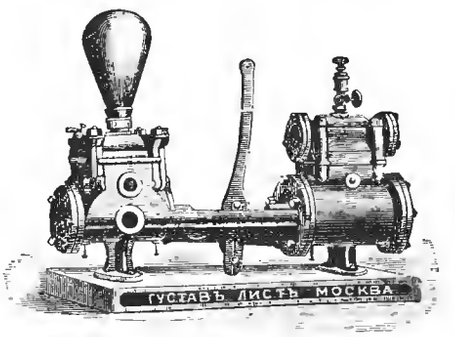
СТРАХОВАГО ОБЩЕСТВА „РОССІЯ“,

выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно **Правленіемъ въ С.- Петербургѣ** (Большая Морская, № 13) и **Агентствами.**

№ 2874

ЧУГУННО-МѢДНО-ЛИТЕЙНЫЙ И МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
ГУСТАВЪ ЛИСТЪ ВЪ МОСКВѢ
РЕКОМЕНДУЕТЪ ПРЯМОДѢЙСТВУЮЩІЕ
НОВЫЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКІЕ ПАРОВЫЕ НАСОСЫ
ПРЕВОСХОДНАГО ДѢЙСТВІЯ, ДЛЯ ПИТАНІЯ КОТЛОВЪ И ДЛЯ ВОДОСНАБЖЕНІЯ,

Можно видѣть въ дѣйствіи въ заводѣ



№ 3219 **ПО СЛѢДУЮЩЕМУ ПРЕЙСЪ-КУРАНТУ:** 5—1

Діаметръ цилиндр.		Ходъ поршней	Діаметръ			Число ходовъ въ минуту	Количество воды въ часъ ведеръ	Цѣна Руб.
пароваго	насоснаго		водян. трубъ	паровой трубы	паро-выпускной трубы			
3"	1½"	6"	1¼"	½"	¾"	150	125	150
3"	2"	6"	1¼"	½"	¾"	150	225	170
4"	2"	9"	1¼"	¾"	1"	150	150	190
4"	3"	9"	2"	¾"	1"	120	550	220
6"	3"	12"	2½"	1"	1¼"	100	680	275
6"	4"	12"	3"	1"	1¼"	100	1200	300
6"	6"	12"	4"	1"	1¼"	100	2700	435
8"	3"	12"	2½"	1½"	1¾"	100	680	380
8"	4"	12"	3"	1½"	1¾"	100	1200	425
8"	6"	12"	4"	1½"	1¾"	100	2700	525
10"	4"	12"	3"	1¾"	2"	100	1200	500
10"	6"	12"	4"	1¾"	2"	100	2700	600
12"	4"	12"	3"	2¼"	2½"	100	1200	625
12"	6"	12"	4"	2¼"	2½"	100	2700	750

Библиотека "Руниверс"

СКРИПКИ

нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ мастеровъ, и также собственной работы отъ самыхъ дешевыхъ до самыхъ дорогихъ. **Альто, віолончели, контрабасы,** хорошіе смычки и футляры къ нимъ.

ЦИТРЫ,

гитары, мандолины, всевозможныя принадлежности къ инструментамъ, струны, метрономы, каммертоны школы, самоучители, далѣе:

Корнеты-à-пистонъ,

альторны, тромбоны, валторны, баси французскихъ, нѣмецкихъ и собственной фабрикъ, флейты, пикколо-флейты, кларнеты, барабаны, литавры, тарелки, треугольники рекомендуетъ по самыхъ дешевымъ цѣнамъ и въ громадномъ выборѣ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

Юлія Генриха Циммермана,

Петербургъ, Большая Морская, № 36. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго

Мастерская для изготовленія и починокъ инструментовъ.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

Пересылка на счетъ покупателя.

Новѣйшій иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается желающимъ безплатно.

Р. № 3241 2—1

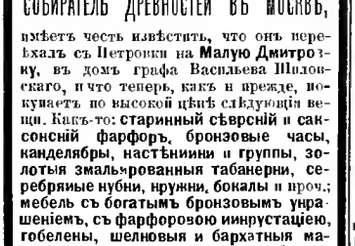
ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ,

СОБИРАТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ МОСКВѢ,

имѣетъ честь извѣстить, что онъ переѣхалъ съ Петровки на **Малую Дмитровку,** въ домъ графа Васильева Шиловскаго, и что теперь, какъ и прежде, покупаетъ по высокой цѣнѣ слѣдующія вещи. Какъ-то: **старинный сѣверскій и саксонскій фарфоръ, бронзовые часы, канделябры, настѣнники и группы, золотыя эмальированныя табакерки, серебряные кубки, кружки, бокалы** и проч.; **мебель съ богатымъ бронзовымъ украшеніемъ, съ фарфоровою инкрустацією, гобелены, шелковыя и бархатныя матеріи, вышитыя золотомъ и серебромъ, старинныя кружева,** какъ то: Points d' Alençon, Points de Venise, Points d' Argentan, **фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра** и вообще всякаго рода **древности изящной работы прошедшихъ столѣтій до временъ Екатерины II-й.**

Просятъ адресоваться лично или письменно: **Г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ.** Москва, Малая Дмитровка, домъ графа Васильева-Шиловскаго. Л. № 3190 6—2



Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія.

ТОПОЛИНЪ или **ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ.**

М. М. Петрова.

Для лица № 1. Усовершенств. средство, уничтожающее прыщи, красныя пятна, загаръ, веснушки; при употребленіи лицо пріобрѣт. здоровый и красивый цвѣтъ.

Для головы № 2. Дѣйствительно очищаетъ кожу отъ перхоти, освѣжаетъ голову, прекращаетъ головныя боли, почему прекращаетъ и выпаденіе волосъ. Въ виду поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на клеймо (М. М. Петрова).

Цѣна флак. по 1 р. 25 к. и ½ фл. по 75 к.

Главные склады: въ аптекахъ и во всѣхъ московск. аптекарск. магазинахъ.

Продается: въ аптекахъ, аптекарскихъ и др. магаз. Россіи и заграницей.

Для гг. оптовыхъ покупателей установлена % скидка.

Съ треб. просятъ обращ. въ главный складъ: Москва, Никитская аптека Петрова, бывш. Келлеръ. По почтѣ высылается **не менѣе** 2 флак. за 3 р. 50 к.

Ц. № 3106 26—5

ПРОСЯТЪ

господъ кредиторовъ наслѣдниковъ

Д. Е. БЕНАРДАКИ

тѣхъ, которыхъ адресы неизвѣстны, сообщить, въ виду собранія кредиторовъ, въ непродолжительномъ времени, для обсужденія дальнѣйшаго плана дѣйствій, о возможно скорѣйшемъ полученіи платежей кредиторамъ, не обезпеченнымъ своихъ претензій залогами, адресы свои или довѣренныхъ посылать: Петербургъ, Евгенію Александровичу Михайлову, Широкая ул., д. № 6. № 3247

Честь имѣю увѣдомить С.-Петербургскую публику, что во всѣ магазины **В. Черепенникова** получена къ предстоящему празднику Тамбовская копченая **ВЕТЧИНА,** приготовленія Петра Степановича **Мокроусова**

№ 3232 2—1

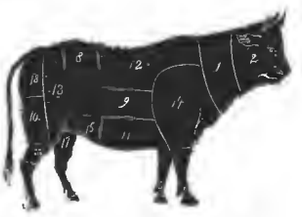
ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. В. ЛЕПЕХИНА,

въ Спб., въ зданіи Городской Думы, № 5,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Коломійцева. Н. А. Общедоступный дешевый и вкусный столъ общеупотребительныхъ постныхъ и скоромныхъ блюдъ. Рекомендована мѣстнымъ начальствамъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи, къ пріобрѣтенію, какъ книга весьма полезная для употребленія въ тѣхъ заведеніяхъ и для подарковъ воспитанницамъ. Изд. 2-е, испр. и дополн. 236 рецептами. Спб. 1884. Ц. 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.



Конради Е. Общественныя задачи домашняго воспитанія. Книга для матерей. Спб. 1883. Ц. 3 р. 50 к.

Буринской А. К. Дамскій сборникъ. Настольная книга для дамъ и дѣвицъ. Содержаніе: 1) Туалетъ и его тайны. 2) Искусство причесывать голову. 3) Гардеробъ. 4) Домоводство. 5) Цвѣтоводство. 6) Кухня и кладовая 400 рецептовъ. 7) Рукодѣлья. 8) Музыка, пѣніе и танцы. 9) Свѣтская жизнь—правила и совѣты на всѣ случаи жизни общественной и семейной. 10) Уходъ за дѣтьми. Приложеніе: 1) Складываніе салфетокъ. 2) Ноты. Большой томъ на глазированной бумагѣ въ 469 стр. убористой печати, съ 207 рисунками. Цѣна въ бум. оберткѣ 3 р. 50 к., въ роскошномъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ 4 р. 50 к.

Панаевъ П. И. Литературныя воспоминанія о Бѣлинскомъ. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Взлицкій. Желѣзнодорожное счетоводство въ 3-хъ част.: Теоретическая, Практическая и Схематическая. Спб. Ц. 6 р. № 3234

ЛАТУННЫЙ И МѢДНОПРОКАТНЫЙ ЗАВОДЪ

И. Ф. ЧИКИНА

существуетъ съ 1842 года,

принимаетъ заказы на листовую латунь и томпакъ.

Письменно обращаться: варшавская желѣзная дорога, станція Сиверская, мѣдный заводъ Чикина, С.-Петербургской губ., Царскосельскаго уѣзда. Складъ товара: Петербургъ, Екатерининскій каналъ, между Мучнымъ и Банковскимъ переулками, домъ № 1—34. кладовая № 16, Чикина. № 3237

Чернилы Леонарди.

Хорошо знакомы!

нѣсколько разъ удостоены преміями.

Амстердамъ 1883: золотая медаль

торговая марка.

Получить можно въ почти всѣхъ торговляхъ бумагою и канцелярскими принадлежностями въ Россіи

Отъ поддѣлки предостерегаютъ.

Aug. Leonhardi, Dresden.

учрежд. 1826.

Изобрѣтатель патент. Алицаринобыхъ чернилъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Ф. Н. ПЛОТНИКОВА

Невскій проспектъ д. № 80.

поступила въ продажу т. ч. наперч. новая книга

СОБОРЪ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ. СОЧ. ВИКТОРА ГЮГО.

Роскошное изданіе съ 20 рис. лучш. франц. художниковъ, печатано на слоновой бумагѣ, самый полн. перев. Е. И. Конради. Изданіе В. Лепехина и Ф. Плотникова. СПБ. 1884 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Смайльсъ С. Характеръ. Пер. съ англ. С. Майковой, СПБ. 1883 г. Изд. 4-ое. Одобрено Мин. Народ. Просвѣщ. Ц. 2 р.

Смайльсъ С. Долгъ. Пер. съ англ. С. Майковой. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Терпигоревъ С. П. (Сергѣй Атава). Оскудѣніе. Очерки помѣщичьяго разоренія. СПБ. Ц. 2 р. 50 к.

Терпигоревъ С. Н. (Сергѣй Атава). Узорочная нестрядь. Очерки помѣщичьяго быта. СПБ. 1883 г. Ц. 2 р. 50 к. № 3233 1—1

САПОНАТЪ.

Мыло въ кускахъ и порошкѣ, для стирки бѣлья, цвѣтныхъ матерій и кружевъ холодною (комнатной) водою, безъ кипяченія. Стирка обходится вдвое дешевле. Продается въ главномъ складѣ „Сапонатъ". Коломенская улица, д. 31: у гг. Шголь и Шмитъ; въ Русск. Общ. и почти во всѣхъ губ. городахъ. № 3166 4—3

НОВЫЙ СВѢТЪ

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЙ ЭДИСОНЪ

новое и переносное газовое освѣщеніе.

Электрическіе комнатные фонтаны для очищенія комнатнаго воздуха. **Новые патентов. электрическ. элементы для освѣщенія,** безъ всякаго запаха, чрезвычайно **сильные.** Физическіе аппараты всякаго рода. Маленькіе и очень дешевыя движущ. модели паровыхъ и электрическихъ машинъ, карманная сухая электрическая батарея съ лампой (не больше обыкновенной спичечницы). Большой иллюстрированный русскій прейсъ-курантъ посылается безплатно по полученіи почтов. марк. для посылки. Торговцамъ даютъ скидки. **Фабрика металлическихъ издѣлій въ Берлинѣ.** Просятъ адресовать къ главному агенту **Мавриній Кутнеръ** въ г. **Варшавѣ, Огла 4.** Р. № 3240 1

Лучшее средство

мѣховые и шерстяные предметы сохранять

ПРОТИВЪ МОЛИ.

Изъ толстой резиновой матеріи заготовлены

ГЕРМЕТИЧЕСКІЕ МѢШКИ,

которые де евинными захватами съ мѣдными крылообразными винтами совсѣмъ герметически закрываются. Цѣна съ пересылкою по почтѣ: для одной—5 р. 50 к., для двухъ—8 руб.; для трехъ—9 руб., и для шести шубъ 14 руб. № 3238 3—1

Кромѣ назначенныхъ шубъ помѣщается еще много мелкихъ вещей.

Складъ резиновыхъ товаровъ

Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ.

БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ, № 36.

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Ручн. и ножн. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ **выметываютъ петли, вышиваютъ и шьютъ чрезъ край.** Подробный прейсъ-курантъ и пробныя петли высылаются безплатно.

А. ШТЕЙНЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская № 26.

Р. № 3127 5—5

ИЩЕТЪ МѢСТО

въ магазинѣ, или типографіи, знакомый нѣсколько съ иностранными языками. Проситъ письменно обращаться на М. Италіанскую д. № 6, кв. № 27 (лит. X, Y, Z. 8), или въ редакцію журнала „Нива". № 3223 3—2

АЛЬБОМЪ танцевъ Вальтейфель. 4 вальса, 1 полька въ 2 руки: имѣли большой успѣхъ въ оркестрахъ. Вышелъ изъ печати вторымъ изданіемъ въ музыкальномъ магазинѣ

Е. КУДРЯШЕВА.

Леонтьевскій пер., д. Корфъ, въ Москвѣ. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. Ц. № 3246

№ 2911 7—7

САМАЯ УПОРНАЯ ПРОСТУДА ИЗЛЕЧИВАЕТСЯ

БЫСТРО И БЕЗЪ ТРУДА, ЕСЛИ ПРОГЛОТИТЬ

ДВѢ

КАПСЮЛИ ГЮЙО

ПРИ КАЖДОМЪ ПРИНЯТІИ ПИЩИ.

Прежде, эти капсюли были черныя и ихъ было непріятно глотать, теперь онѣ **бѣлыя** и походятъ на конфекты.

На каждой капсюлѣ напечатана подпись **Гюйо.**

Деготь, заключающійся **въ капсюляхъ Гюйо,** переносится самыми деликатными желудками.

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Дѣти и лица, которыя не могутъ проглотить эти капсюли, употребляютъ

PATE REGNAULD

приготовляемое

19, RUE JACOB.

Требовать чтобы на этикеткѣ была эта подпись тремя цвѣтами

ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО,

19, RUE JACOB, PARIS.

Дозволено цензурою. СПБ. 14 марта 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 12 | годъ XV | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рунод. работъ (отъ 20 до 40 рис) Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 24 Марта 1884 г.

Открыта подписка на „Ниву" 1884 года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію. Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ въ Д. № 9

И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 8 ч. ВЕЧЕРА.

Князь Николай Алексѣевичъ Орловъ.

Князь Н. Орловъ, нашъ бывшій посолъ въ Парижѣ, вступилъ на свой новый постъ посланника въ Берлинѣ. Германская печать радостно привѣтствуетъ это новое назначеніе и видитъ въ немъ залогъ къ поддержанію дружественныхъ отношеній между державами. Трудно найти въ числѣ представителей русской аристократіи еще другое лицо, которое бы пользовалось такимъ всеобщимъ высокимъ уваженіемъ за свои просвѣщенные взгляды и прекрасный характеръ, какъ князь Орловъ, справедливо пріобрѣтшій свою популярность.

Князь Николай Орловъ—сынъ того знаменитаго князя (ранѣе графа) А. Орлова, который въ теченіи многихъ лѣтъ былъ шефомъ жандармовъ и пользовался неограниченнымъ довѣріемъ императора Николая I; по громадному вліянію, какое Орловъ имѣлъ тогда, его можно сравнить развѣ только съ предмѣстникомъ его, графомъ Бенкендорфомъ.

Князь Н. А. Орловъ, русскій посолъ въ Берлинѣ. Съ фотогр. грав. Флюгель.

По окончаніи образованія, князь Н. А. вступилъ въ военную службу и, еще будучи очень молодымъ офицеромъ, во время Крымской войны состоялъ при главнокомандующемъ; потерялъ одинъ глазъ при осадѣ Силистріи и по окончаніи войны, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, перешелъ въ гражданскую службу. Въ теченіи десяти лѣтъ (съ 1860 по 1870 г.) состоялъ князь Орловъ чрезвычайнымъ посломъ въ Брюсселѣ, и здѣсь то онъ стяжалъ себѣ ту извѣстность, какою съ тѣхъ поръ пользуется какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и заграницею. Князь Орловъ съ замѣчательнымъ умомъ и проницательностью отправлялъ обязанности занимаемаго имъ поста, зналъ въ совершенствѣ экономическое и коммерческое состояніе Бельгіи. Независимость убѣжденій его извѣстна.

На трудный парижскій постъ, который передъ нимъ занимали баронъ Будбергъ и графъ Штакельбергъ, Орловъ былъ назначенъ въ 1872 году, т. е. за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ какъ совершился переворотъ, сдѣлавшій маршала

Библиотека "Руниверс"

Макъ-Магона преемникомъ Тьера, что было принято всѣми какъ подготовительное дѣйствіе къ реставраціи имперіи Бурбоновъ. Не присоединяясь ни къ одной изъ партій, пережилъ онъ въ теченіи 12 лѣтъ всѣ перемѣны, которыя совершились въ государственной жизни Франціи. Онъ пользовался равнымъ довѣріемъ всѣхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ управленій различныхъ партій, такъ какъ неизмѣнно держался лишь интересовъ своего отечества и взглядовъ своего правительства, не вмѣшиваясь во внутреннюю жизнь Франціи. Онъ не вступалъ ни въ какіе союзы съ постоянно мѣняющимся правительствомъ, такъ какъ хорошо зналъ положеніе дѣлъ во Франціи.

Назначеніе такого выдающагося и опытнаго сановника на постъ Берлинскаго посланника, что, между прочимъ, согласно и съ симпатіей къ нему князя Бисмарка, имѣетъ, по мнѣнію германской прессы, большое значеніе. Это служитъ залогомъ дружественныхъ отношеній Россіи и среднеевропейскихъ державъ.

Ненапечатанное стихотвореніе М. Ю. Лермонтова.

Одиночество

Какъ страшно жизни сей оковы
Намъ въ одиночествѣ влачить.
Дѣлить веселье всѣ готовы, —
Никто не хочетъ грусть дѣлить.

* * *

Одинъ я здѣсь, какъ „царь воздушный",
Страданья въ сердцѣ стѣснены,
И вижу какъ, судьбѣ послушно,
Года уходятъ будто сны

* * *

И вновь приходятъ, съ позлащенной
Но той же старою мечтой...
И вижу гробъ уединенный—
Онъ манитъ и сулитъ покой.

* * *

Никто о томъ не покрушится,
И будутъ (я увѣренъ въ томъ)
О смерти больше веселиться,
Чѣмъ о рожденіи моемъ...

Это стихотвореніе писано около 1830 года, когда 16-лѣтній Лермонтовъ переживалъ одну изъ самыхъ тягостныхъ минутъ своей недолгой жизни. Это была минута окончательнаго разрыва между его бабушкою Арсеньевой и отцомъ поэта, Юріемъ Петровичемъ. По условію, заключенному по смерти матери, малютка долженъ былъ оставаться у бабушки до 16-лѣтняго возраста, а потомъ перейти къ отцу. Когда настала роковая эпоха, бабушка со всею судорожностью любящей натуры прильнула къ внуку. Отецъ, презираемый богатою роднею, звалъ сына къ себѣ. Чувствительный, чуткій мальчикъ перенесъ моменты страшныхъ нравственныхъ потрясеній, выразившихся въ двухъ его автобіографическихъ драмахъ: „Странный человѣкъ" *) и „Люди и страсти" (Menschen und Leidenschaften).

Ко всему этому прибавились еще и страданія сердечныя. Михаилъ Юрьевичъ любилъ дѣвушку однихъ съ нимъ лѣтъ. Она, какъ 16-лѣтняя дѣвушка, была „готовой невѣстою"—онъ ребенокъ. Иначе въ обществѣ не могли глядѣть на нихъ, особенно въ то время. Ухаживавшіе за В. возбуждали ревнивое страданіе М. Ю. Онъ думалъ, что идеалъ его ему измѣняетъ, что полюбилъ другаго. Эти страданія вмѣстѣ съ муками, вызванными домашнею неурядицей, мрачно отзываются на душѣ юнаго поэта. Въ это время сдѣланы имъ первые наброски поэмы „Демонъ". Онъ любилъ сравнивать себя съ „мрачнымъ воздушнымъ царемъ". Изъ этого состоянія могла бы его спасти только любовь В.

Оторванный отъ отца, негодующій на бабушку, преслѣдовавшую Юрія Петровича, отвергнутый, какъ порою казалось ему, любимою дѣвушкою—Лермонтовъ чувствовалъ себя совершенно одинокимъ.

„Я сынъ страданья—мой отецъ
Не зналъ покоя по конецъ"...

пишетъ онъ въ это время.

Предложенное нами стихотвореніе находится въ черновыхъ тетрадяхъ Лермонтова. У меня въ рукахъ былъ еще списокъ этого стихотворенія съ незначительнымъ варіантомъ противъ черноваго. Списокъ этотъ очевидно былъ приготовленъ или для В., или для кого нибудь изъ ея подругъ.

Дерптъ 1884 г.

Пав. Висковатый.

*) См. статью мою „Мих. Ю. Лермонтовъ; дѣтство и первая юность". Гл. IV. Русск. Мысль 1881 г. Декабрь.

Въ старой Москвѣ.

Историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ,

Гр. Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

IX.

Послѣ первыхъ гостей, вошедшихъ въ домъ и принятыхъ княжной—кареты, колымаги, брички и всадники, не переставая, появлялись на дворѣ. Одни выѣзжали и давали мѣсто другимъ.

И какъ всегда, въ этотъ день, ежегодно, вся Москва

Библиотека "Руниверс"

перебывала здѣсь поздравляя „крымку“, какъ звали княжну за глаза разныя маменьки разныхъ дочекъ. Для мужчинъ, стариковъ и молодежи Анюта была и за глаза „красавицей писаной“, только черезчуръ ужь объ себѣ „возмечтавшей“ и разборчивой невѣстой-приданницей.

Князь, вернувшійся вскорѣ съ Каменскимъ, сталъ принимать вмѣстѣ съ дочерью.

На этотъ разъ знакомые и люди считавшіе себя родней князя, и пріятели, и тайные враги, дамы и мужчины, всѣ были одинаково поражены новостью.

Ходилъ уже слухъ въ Москвѣ объ томъ, что въ домѣ князя „что то не ладно“, и что будто Лубянскій упрямица и загадчикъ, любящій загадки загадывать Москвѣ, т. е. озадачивать знакомыхъ чудачествомъ и неожидаемыми выходками — теперь прочитъ выдать дочь замужъ за небогатаго да и не очень знатнаго петербургскаго сановника, который княжнѣ въ отцы годится. Но этому слуху никто не придавалъ вѣры. Много разъ уже сочиняли праздные люди на князя всякую всячину, кто по болтливости, кто по злобѣ. И вдругъ теперь, въ день рожденья своей дочери, князь, принимая гостей, представлялъ всѣмъ нарѣченнаго зятя, сенатора Камышь-Каменскаго.

Почти всѣ отвѣчали изумленными, широко открытыми глазами и неловкимъ молчаніемъ. И всѣ это замѣтили. Самъ князь замѣчалъ какъ озадачивалъ гостей. Одинъ сенаторъ улыбался во весь ротъ, хохлился какъ индѣйскій пѣтухъ, и счастливый не замѣчалъ ничего. Онъ не видѣлъ даже того, что давно видѣла даже Настасья Григорьевна, а именно—злую, надменную улыбку, не сходившую съ лица княжны.

Теперь, днемъ, при пріемѣ всеобщихъ поздравленій со днемъ рожденья и съ выходомъ замужъ, въ гостиной была уже не та Анюта, которая рыдала по утру у кіота, благословляемаго отцомъ. Опять сказалась и громко, явно и сознательно заговорила въ ней „крымка“ по прозвищу, или дочь юга, сильная волей, на видъ будто злая и безсердечная, но въ дѣйствительности только пылкая нравомъ.

— Княжна, гляди, какъ осатанилась! замѣчали нѣкоторые.

— Не сдобровать ему съ ней! шептали маменьки глядя на совсѣмъ не подходящую другъ къ другу парочку, ни по внѣшности, ни по лѣтамъ, ни по состоянію.

— Что-жь у него? Какой же это женихъ для княжны? говорили мужчины. У него одна лента черезъ плечо. Невидаль! Сановникъ онъ не Богъ вѣсть какой. Блюдолизъ Разумовскихъ, благо тоже Хохландцы уроженецъ.

— Задастъ она жару этому индюку! Вѣдь насильно выдаютъ!

— Но какъ же князь то? Обожалъ, холилъ, чуть не молился на свою Анюточку, а тутъ вдругъ эдакій финтъ надумалъ.

— Загадчикъ былъ всю жизнь. Все норовилъ какъ бы міръ удивить. Ну и удивлялъ иной разъ—да глупостями, а не умнымъ чѣмъ. Вотъ и теперь вѣстимо удивительно, но вѣдь загадка то эта такая, что надо плюнуть да перекреститься.

И пересудамъ шепотомъ въ горницахъ конца не было.

— Что они все шушукаютъ! замѣтила даже Агаша.

Княжна ничего конечно не слыхала, но чувствовала и видѣла на лицахъ всѣхъ, какъ принято это извѣстіе объ ея помолвкѣ.

Борисъ бродилъ изъ комнаты въ комнату. При немъ многіе, не стѣсняясь, помня его прошлогоднюю исторію и зная, что онъ былъ влюбленъ въ Анюту, судили и рядили, подсмѣиваясь надъ пожилымъ женихомъ изъ питерскихъ чиновниковъ. Борисъ всетаки бѣсился. Ему чудилось, что нѣкоторые смотрятъ на него съ сожалѣніемъ, другіе насмѣшливо, будто говоря:

— Что братъ, взялъ! Локтя не укусишь! Напрасно только нашумѣли въ прошломъ году. Тетушка и племянникъ—влюбились другъ въ дружку. Срамота!

И мало-ли что казалось Борису, слышалось, чудилось и представлялось, раздражая и выводя его изъ себя.

Кто то изъ молодежи сказалъ около него одной пожилой женщинѣ:

— Ахъ, тетушка. Ужь я всячески вамъ угождаю и душой и тѣломъ преданъ до обожательства, а вы все недовольны.

Борисъ чуть не набросился на говорившаго съ дерзостью на языкѣ, вообразивъ и въ этомъ намекъ на себя и на Анюту.

Одинъ человѣкъ только въ домѣ князя былъ веселъ, разговорчивъ до упаду и, переходя отъ одной кучки къ другой, морочилъ и дурачилъ всѣхъ—это былъ Алексѣй Хрущевъ.

Молодой человѣкъ со всѣми заговаривалъ объ объявленныхъ женихѣ и невѣстѣ и выражалъ мнѣніе, что это чета хоть куда, подъ стать, подъ масть, подъ пару. Онъ находилъ, что Каменскій очень моложавъ на видъ, что онъ замѣчательнаго ума и что можетъ быть, пожалуй, вице-канцлеромъ россійскаго государства, или конференцъ-министромъ, или генералъ-прокуроромъ. Княжна, по его словамъ, была ужь чуть не старая дѣвица, которая могла бы легко и въ дѣвкахъ засидѣться. Хрущевъ подымалъ бурю возраженій вокругъ себя. Нѣкоторые даже обозлились, говорили ему непріятности.

— Хорошій человѣкъ! думалъ Хрущевъ про такихъ.

Нѣкоторыя маменьки переспѣлыхъ дочекъ, слушая его, будто медъ пили...

— У-у, вѣдьмы! думалъ про нихъ Хрущевъ. Сами мордастыхъ дочерей народили, такъ для васъ первая раскрасавица за чучелу выходи!

Мороченье гостей ради потѣхи не помѣшало Хрущеву нѣсколько разъ подойти къ Агашѣ. Но тутъ его настроеніе духа перемѣнялось мгновенно, лице мѣняло выраженье. Онъ изъ бодливаго козла сразу становился смирнымъ ягненкомъ. Его влюбленные глаза говорили такъ краснорѣчиво, что надо было быть деревенской наивной дѣвочкой изъ глуши, какъ Агаша, чтобы ничего не видѣть и не понять.

А между тѣмъ шутя съ ней на иной ладъ и вовсе не веселымъ голосомъ, Хрущевъ добивался своего, и добился наконецъ наивнаго признанья въ любви, отъ котораго самъ вспыхнулъ и покраснѣлъ, какъ молодая дѣвушка.

Подойдя къ Агашѣ онъ выговорилъ вдругъ:

— Вотъ счастливый человѣкъ, нашъ сенаторъ. Посватался, согласье получилъ и женится на дѣвицѣ, которую любитъ. А я пять разъ сватался и все отказъ да отказъ!

— Что вы? изумилась дѣвушка

— Да. Родители каждый разъ бывали рады, лгалъ Хрущевъ, а дѣвицы каждый разъ—ни за что на свѣтѣ. И ни одна меня никогда не любила

— Да не можетъ этого быть, воскликнула Агаша. Что-жь онѣ слѣпыя что-ли были, или совсѣмъ дуры пѣтыя.

— Да меня, Агафья Ильинишна, нельзя полюбить. Я во первыхъ дурнорожь.

— Не правда.

— Потомъ ужь очень простъ, прямо сказать глупъ, не ученъ и свѣтскости не имѣю...

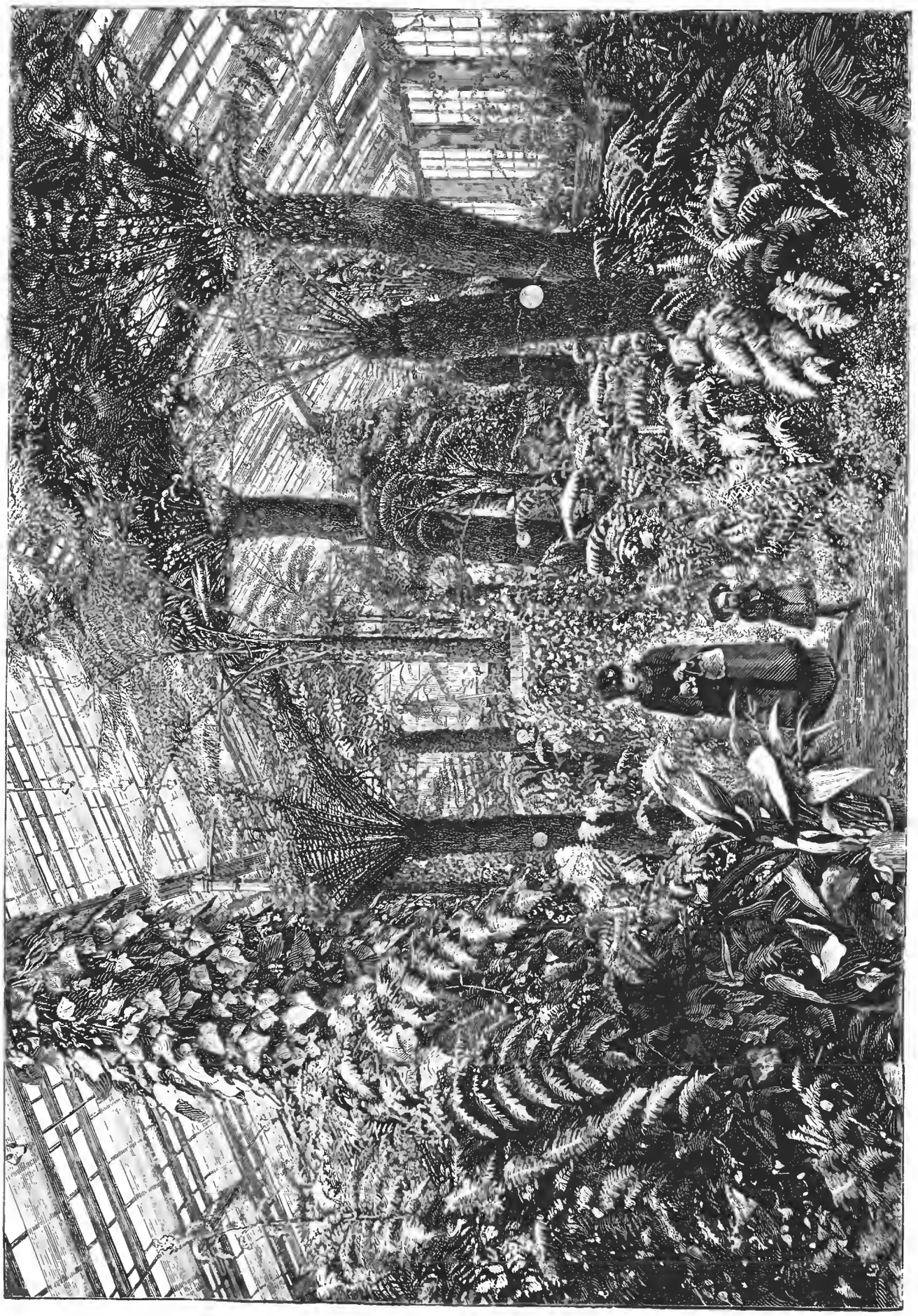
— Да неправда же. Полноте. Я лучше, и добрѣе, и веселѣе васъ не видывала. Я бы къ примѣру...

Но на этомъ и Агаша запнулась. Ей показалось, что это ужь „что то не такъ выходитъ“.

— Если бы я за васъ посватался—и вы бы отъ страху обмерли, да руками и ногами...

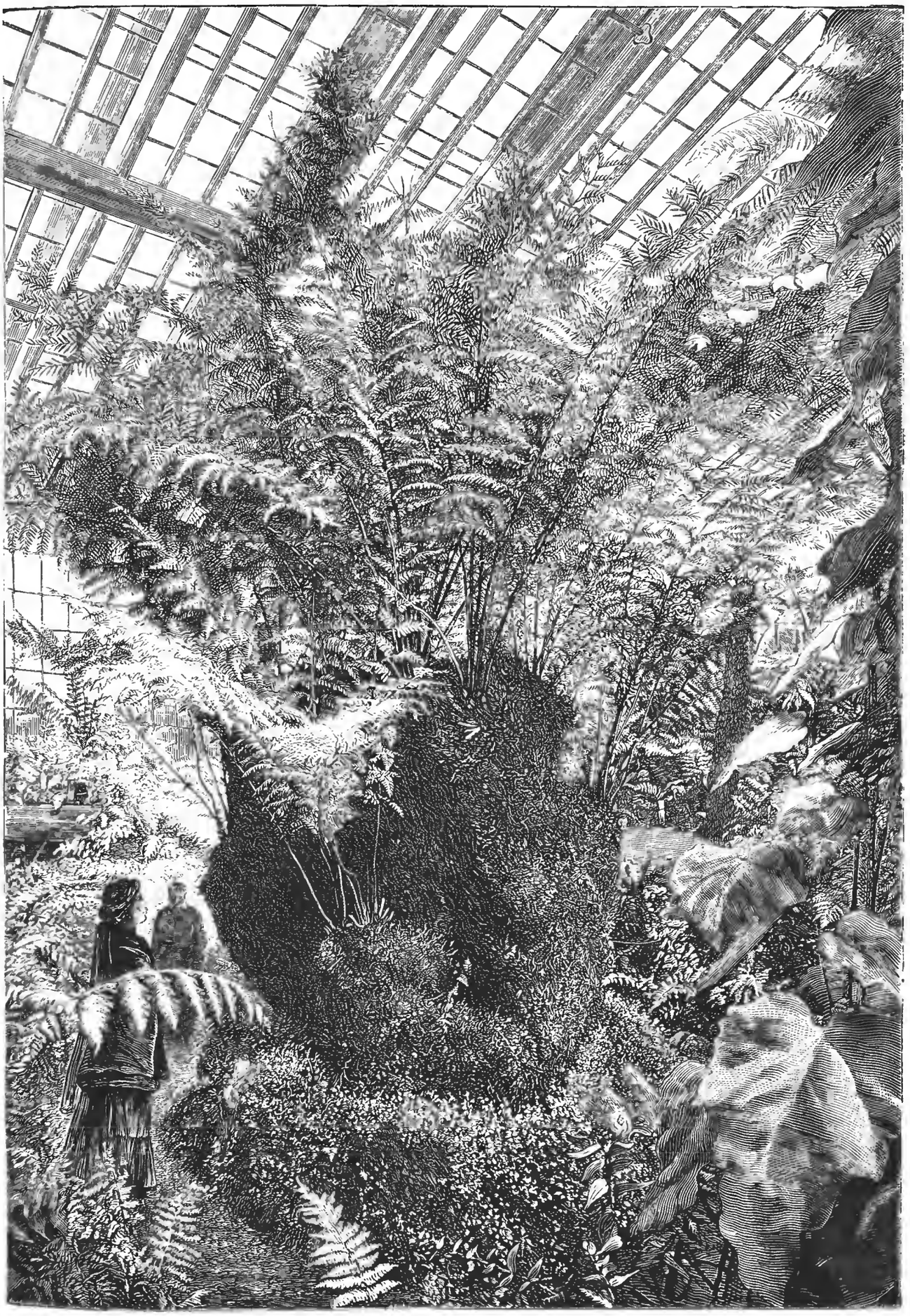
— Не правда это! Не правда! какъ бы обидясь выговорила Агаша.

Библиотека "Руниверс"



Императорскій ботаническій садъ въ Спб. Отдѣленіе древовидныхъ папоротниковъ.
Съ фотогр. Лапсова, грав. М. Тапсовскій.

Библиотека "Руниверс"



Императорскій ботаническій садъ въ Спб. Древовидный тысячелѣтній папоротникъ. (Todea barbara).
По фотогр. Лаптева, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

— Вы говорили княжнѣ на дняхъ, что за такого какъ я вы никогда бы не пошли! умышленно вдругъ выдумалъ Хрущевъ.

— Такъ она солгала! воскликнула Агаша вся покраснѣвъ отъ негодованія. Грѣхъ ей! Я ей напротивъ сказала, что вы мнѣ здѣсь въ Москвѣ всѣхъ милѣе, что я не знаю какъ я теперь поѣду въ деревню безъ васъ... Я не могу теперь безъ васъ...

И Агаша или поняла все, или ничего не поняла, но обидѣлась и опечалилась, или лице и глаза Хрущева увидѣла и въ нихъ что то прочла и почуяла наконецъ—но только дѣвушка вдругъ залилась слезами и бросилась бѣжать вонъ изъ гостиной.

Хрущевъ, взволнованный, съ влажными отъ прилива чувства глазами, отошелъ тоже въ сторону отъ толпы и сталъ одинъ у окна. Сердце его стучало.

— Ну если все сойдетъ съ рукъ за самокрутку, то и мы тоже вокругъ аналоя пойдемъ! шепнулъ онъ самъ себѣ. И онъ задумался.

Чрезъ нѣсколько минутъ за нимъ раздался голосъ княжны:

— Что вы сказали Агашѣ? За что вы ее обижаете?

— Я... я ничего. Ей Богу ничего... смутился Хрущевъ оборачиваясь.

— Какъ ничего! строго проговорила Анюта. Она и къ столу идти не можетъ. Она лежитъ на постели и плачетъ пуще, чѣмъ я поутру. А вы знаете какая она хохотунья...

— Да я, ей Богу, ни при чемъ... Ахъ Господи! Что-жъ это?

— Она говоритъ, вы ее обидѣли. Меня злой лгуньей обозвала. Заливается, плачетъ. Ее ужъ водой и спиртомъ въ себя приводили...

— Ахъ ты Господи! воскликнулъ Хрущевъ хватаясь за голову. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ я дуракъ, глупѣе глупаго. Нашелъ время...

— Да что вы ей сдѣлали? Что сказали?

— Что сказалъ?.. Сказалъ, что я... Что дубина я изъ дубинъ, дуракъ изъ дураковъ. Подите, княжна, скажите, что я прощенія прошу. Ради Создателя прошу простить меня и идти къ обѣду. Я безъ нея не сяду, скажите, а голоденъ, скажите, такъ, что умереть за часъ времени могу.

Княжна невольно улыбнулась и пошла къ себѣ на половину. Черезъ полчаса обѣ дѣвушки вернулись вмѣстѣ. Хорошенькая Агаша, вся пунцовая, ребячески печальная, съ заплаканными глазками, казалась еще краснѣе и еще несчастнѣе, около блѣднаго и злобно суроваго лица княжны.

Всѣ шли уже садиться за столъ съ шумомъ, говоромъ и смѣхомъ. Каменскій рѣшился подойти къ невѣстѣ, разсчитывая на ея сдержанность ради гостей и приличія.

— Нынѣ самый счастливый день моей жизни, Анна Артамоновна, произнесъ онъ полушепотомъ и торжественно. Я молю Бога, чтобы онъ послалъ и въ ваше сердце хоть сотую долю моего къ вамъ чувства.

Княжна презрительно глянула на него чрезъ плечо и громко отвѣчала рѣзкимъ, металлически звенящимъ голосомъ, не смотря на то, что многіе прислушивались, идя мимо нихъ.

— Нынѣ самый глупый день въ вашей жизни! Объ немъ много смѣху впереди! Молите лучше Бога—никогда вамъ такого другаго дня не посылать. Зачѣмъ людямъ на потѣху быть.

— Я васъ даже и не понимаю!

— Разумѣется. Но завтра же, вы...

Княжна колебалась, сказать намекъ или удержать порывъ злобы. Видъ проходящаго съ матерью Бориса образумилъ ее.

— Поясните. Завтра?

— Завтра утромъ самъ батюшка вамъ пояснитъ все. Либо кто нибудь вотъ изъ гостей...

— Изъ гостей? Кто же?

— Да первый попавшійся Не знаю.

— Я ничего, извините, не пойму, насмѣшливо уже произнесъ Каменскій. Вы опять кажется грозитесь только. Ужъ и мнѣ пожалуй тоже начать васъ пугать, ради забавы.

— Не можете. Здѣсь не огородъ и я не ворона! рѣзала княжна.

X.

Разумѣется всѣ видѣли блѣдное лице княжны и странное выраженіе его, но теперь всѣмъ было не до нея. Поговорили, посудили, пошутили и бросили.

Да и какое дѣло имъ всѣмъ, что хозяйка дома, красавица и богачка, выдается теперь насильно замужъ за стараго и уродливаго человѣка по прихоти отца „загадчика“.

Одинъ князь часто искоса взглядывалъ на дочь съ участіемъ.

Среди обѣда—самый почетный гость князя, сидѣвшій по правую руку отъ него,—преосвященный московскій, предложилъ выпить за здоровье помолвленныхъ.

Наступило молчаніе и архіерей вымолвилъ:

— За ваше здоровье, почтеннѣйшій мой, любезнѣйшій и глубоко мною чтимый и уважаемый другъ; въ юности своей мой ученикъ, а нынѣ мой покровитель.

Слова эти относились къ сенатору Каменскому, который всталъ и поклонился архіерею.

Всѣ переглядывались.

— Дай вамъ Богъ, любовь да совѣтъ!

Всѣ поднялись поздравляя жениха и невѣсту.

Княжна стала еще блѣднѣе и глаза ея, ярко горя, не отрывались отъ лица архіерея.

— Такъ вотъ гдѣ разгадка почти всего! думала она. Такъ батюшка не свою волю творитъ. Жалѣетъ меня, но самъ боится ослушаться! О! съ легкимъ сердцемъ уйду я теперь съ Борисомъ.

Княжна поняла теперь все по своему.

Архіерей, котораго очень уважалъ князь и даже какъ бы боялся, былъ большою силой въ Москвѣ, въ особенности въ царствованіе Елизаветы Петровны, которая его лично знала и всегда навѣщала, бывая въ Москвѣ. Когда около года назадъ, князь замѣтилъ и понялъ какое чувство возникло между его дочерью и Борисомъ и потребовалъ внезапно разлуки ихъ, то архіерей этотъ,—какъ потомъ узнала княжна,—игралъ видную роль во всемъ. Она не знала только до какой степени въ этомъ дѣлѣ повиновался отецъ вліянію преосвященнаго и въ какой мѣрѣ слѣдовалъ собственному влеченію сердца, собственной волѣ.

— А будь—что будетъ. Я сама за себя постою!

Покуда княжна поникла головой надъ тяжелой разгадкой всего, что составляло ея горе, а теперь толкало на отчаянный шагъ—Борисъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, который его буквально душилъ. Онъ не могъ понять намека изъ словъ пастыря, но этотъ тостъ за жениха и невѣсту, по обычаю, который его не могъ конечно удивить, все таки, казалось, перевернулъ ему всю душу.

— Когда наконецъ ночь наступитъ, думалъ онъ. Силъ не хватаетъ.

— Борисъ! раздалось громко противъ него за столомъ, и онъ увидѣлъ друга со стаканомъ вина. Хрущевъ усмѣхнулся ядовито.

— Бери свой, выпьемъ.

— Изволь. За что? угрюмо отозвался Борисъ.

— За невѣсту! сказалъ Хрущевъ.

— Отъ всей души... но только за ея здоровье... оттѣнилъ онъ намѣренно слово: только.

— Ну да, за здоровье и за успѣхъ во всемъ... разсмѣялся Хрущевъ.

Нѣсколько гостей приглядывались и прислушивались, почуявъ что то въ голосѣ молодаго человѣка.

Они выпили по стакану...

Библиотека "Руниверс"

— Наливай новый! сказалъ Хрущевъ и, налнвъ себѣ, обождалъ, чтобы сержантъ сдѣлалъ тоже самое, а затѣмъ произнесъ глядя на него:—Теперь давай пить за здоровье жениха, только по секрету. Промежь себя...

Борисъ не понялъ. Пріятель чрезъ столъ смѣялся глядя ему въ глаза. Каменскій обернулся на слова Хрущева, которыхъ онъ ожидалъ заранѣе, но молодой человѣкъ сидѣлъ къ нему бокомъ и глядѣлъ только въ лице Бориса.

— Пей же за жениха. Промежь себя вдвоемъ выпьемъ за его здоровье. Дай Богъ ему счастья, долговѣчія, успѣховъ на службѣ государской, а главное, чтобъ его супруга обожала и на край свѣта за нимъ бы пошла, еслибы онъ того пожелалъ... Такъ ли я сказываю, княжна? обернулся онъ къ Анютѣ чрезъ столъ.

Всѣ молчали и смотрѣли тоже на дѣвушку. Легкій румянецъ набѣжалъ на щеки княжны.

Она взяла стаканъ въ руки и при всеобщемъ молчаніи громко произнесла, обращаясь къ отцу мимо всѣхъ, такъ какъ сидѣла противъ него на другомъ краю стола, въ качествѣ хозяйки.

— Батюшка, я пью за ваше здоровье, долговѣчіе... За вашу дорогую мнѣ жизнь, за то, чтобы вы всегда, не смотря ни на какую мою ошибку, опрометчивое дѣйствіе или грѣхъ какой невольный,—все таки любили меня, какъ я васъ любила, теперь люблю и всегда буду любить... Вмѣстѣ съ вами пью я и за свое здоровье... Княжна опустила глаза и прибавила:—И вмѣстѣ съ нами двумя, пью за здоровье человѣка, за котораго я выхожу за мужъ и даю клятву любить его всѣмъ сердцемъ, всю жизнь и, какъ сказалъ его другъ—идти за нимъ на край свѣта.

— Ну хоть бы въ крымское ханство! воскликнулъ Хрущевъ, и всѣ разсмѣялись.

— Туда мнѣ не страшно идти! сказала Анюта улыбаясь. Тамъ у меня родня найдется. Я прямо говорю, хоть на край свѣта.

— Я этого не потребую! воскликнулъ Каменскій восторженно, ибо былъ вдругъ пораженъ словами княжны. „Перегорѣло!“ объяснилъ онъ себѣ кажущійся поворотъ въ настроеніи Анюты.—Такой жертвы я отъ супруги не потребую Мнѣ довольно любви и повиновенія въ домашней жизни.

— Да я не объ васъ и говорю!.. обернулась къ нему княжна, улыбаясь слегка насмѣшливо.

— Что вы хотите сказать? вмѣшался на помощь къ другу преосвященный.

— Я объ себѣ говорю... Что я желаю! А что желаетъ для себя г. Каменскій—это его дѣло. Я даю клятву идти на все и повсюду за моимъ будущимъ мужемъ. И еслибы меня вся Москва, всѣ знакомые и родственники, хоть весь свѣтъ—осудили бы за мое повиновеніе супругу, то я и бровью не поведу. Мнѣ весь свѣтъ будетъ въ супругѣ. Что онъ... А всѣ остальные—Богъ съ ними.

— Вѣрно! Вѣрно! Такъ—княжна! И за это никто не осудитъ. Хорошо сказываете! раздались голоса отовсюду.

— Нѣтъ. Я не кончила... Одно мнѣ будетъ горе, если батюшка, родитель мой, меня осудитъ за любовь мою и повиновеніе мужу, за мои чувства къ супругу, которыя будутъ превышать во мнѣ мои чувства къ отцу. Пусть всѣ осудятъ, да онъ одинъ будь доволенъ, пойми меня, прости меня, и я буду счастлива на краю свѣта.

Княжна подняла вдругъ, устремила глаза на отца и увидѣла, что князь утираетъ слезы.

Наступило такое глубокое молчаніе, что трудно было бы изъ сосѣднихъ горницъ, не видя обѣдающихъ, предположить, что огромное общество сидитъ за столомъ въ большой залѣ.

— Богъ милостивъ, Анюта, отозвался глухо князь, все обойдется благополучно и не придется тебѣ доказывать наперекоръ всему свѣту твое повиновеніе мужу. Такого не будетъ. По крайности я крѣпко надѣюсь и молю Бога о томъ.

— Конечно не будетъ! заговорилъ преосвященный. А потребуй супругъ—вѣстимо хоть иди за нимъ, какъ сказывается, на край свѣта.

— И вы, ваше преосвященство, одобряете мою клятву? вымолвила Анюта.

— Одобряю! Одобряю. Мужъ голова есть жены, яко Христосъ глава Церкви. Вѣрность и повиновеніе мужу отъ вѣнца и до гроба надлежитъ женѣ въ сердцѣ имѣть.

Борисъ и Хрущевъ поняли все, но не смѣялись, а робѣли отчасти этой игры въ слова, которую затѣяла княжна. Но на Хрущева, а отчасти и на Анюту—странно подѣйствовали слова князя. Въ особенности оттѣнокъ его голоса, сквозь слезы, вызванныя любовной рѣчью дочери, обращенной къ нему.

„Все обойдется благополучно“ сказалъ князь. „Я молю Бога о томъ!“

— Вѣдь это тоже понимай какъ знаешь?! думала Анюта, вспоминая грустный и добрый взглядъ отца, брошенный на нее.

— Вѣдь это тоже будто игра въ слова! думалъ Хрущевъ. Ну, какъ загадчикъ—не всей Москвѣ загадываетъ загадку, а намъ однимъ. А на Москву то ему теперь, какъ завсегда было,—наплевать.

Вскорѣ всѣ поднялись изъ-за стола и разошлись по парадным горницамъ. Самые близкіе знакомые и пріятели князя, въ томъ числѣ и преосвященный, отправились къ князю въ кабинетъ.

— Посмотри, князь,—все, родимый, обойдется хорошо! сказалъ архіерей. Дѣвицы всѣ на одинъ покрой. Молодость—неопытность. Приглянется молодецъ и представится ей, что только и свѣту что въ окошкѣ. А тамъ помолвятъ, да просватаютъ по волѣ и благословенію родителя за степеннаго человѣка, и глядь, еще до свадьбы, уже стерпѣлось, уходилось все. И сама рада и счастлива. И вонъ ужъ на край свѣта собралась. Хоть и не зовутъ! Такъ ли?

— Да... Но Анюта моя не такова Она вотъ говоритъ, у нея родня въ крымскомъ ханствѣ. Правда. Она вся въ покойницу жену, а нравъ—я виноватъ—свой ей далъ. Вотъ я и опасался бѣды какой. А что родителю тутъ подѣлать? Въ монастырь! Она сего не боится! Лишить иждивенія всего... По міру пустить? Такъ куда же я все дѣну. Она у меня одна... Вотъ я и опасался всякихъ бѣдъ.

— А ничего не вышло. Все слава Богу!

— Да вѣдь еще, ваше преосвященство, не обвѣнчаны. Времени еще много... для своенравія... отозвался князь задумчиво.

— А вотъ, какъ я говорилъ... Завтра обручимъ. И тамъ хоть полгода за приданымъ возися. Что-жъ она, обрученная съ однимъ, за другаго что ли соберется опять замужъ. На умъ то не придетъ?

— Оно конечно, обрученіе хорошо вами задумано!.. отозвался снова князь какъ то не весело, а озабоченно. Только не знаю...

— Чего еще? Вишь ужъ на край свѣта клятву дала идти за нимъ.

Князь вздохнулъ украдкой и ни слова не отвѣчалъ.

Часовъ въ десять вечера гостей уже было мало. Понемногу всѣ разъѣхались, утомились послѣ пира, вина, картъ и всякихъ забавъ съ фантами и даже фокусами какого то проѣзжаго въ Москвѣ голландца, розысканнаго княземъ случайно для развлеченія своихъ гостей.

Послѣ фокусника, когда онъ, пригрозясь всѣхъ сидѣвшихъ облить квасомъ изъ ведра,—обсыпалъ цвѣточками и ленточками, гости весело поднялись и стали прощаться и разъѣзжаться. Борисъ, собираясь вмѣстѣ съ послѣдними, подошелъ къ Анютѣ и голосомъ, дрогнувшимъ отъ волненія, проговорилъ:

Библиотека "Руниверс"

— Анюта. Готова ты?

— Что-жъ мнѣ готовиться. Я только одинъ сегодняшній образъ батюшкинъ возьму съ собой изъ дому.

— Готова ли ты... духомъ?

Княжна молча подняла глаза на Бориса, долго смотрѣла на него и печально проговорила съ упрекомъ:

— Не себя ли пытаешь? Не себѣ ли ты это сказываешь?

— Нѣтъ. Я не робѣю. Будь что будетъ!..

— А я, слышалъ ты... при всѣхъ московскихъ клятву дала за тобой идти на край свѣта безбоязно. А теперь даже съ легкимъ сердцемъ пойду, ибо я чую, что батюшка противъ своей воли меня за этого хохла просваталъ... Когда же?

— Ровно въ полночь.

— Буду. Господи благослови. Въ хорошій часъ сказать, въ дурной промолчать... чуетъ мое сердце, что все обойдется безъ лиха.

— Только за ворота добѣги... Только дворню миновать безъ помѣхи.

— Гдѣ имъ. До меня ли имъ. Ахметъ уже всѣхъ угощаетъ теперь, сказала Анюта.

— Бузой своей! усмѣхнулся невольно Борисъ.

— Да. Соленушка сейчасъ мнѣ говорила. Ужъ человѣкъ двадцать легли, гдѣ кто сидѣлъ. Ихъ, чтобы батюшка не увидѣлъ, уносятъ какъ за мертво въ ихъ семейники и коморки. Одно дурно сдѣлали, чужихъ людей и кучеровъ тоже угощали. Соленушка боится, домой не доѣдутъ съ господами.

— Ну-съ. Богъ помочь намъ... сказалъ Хрущевъ подходя. Чрезъ часа два ждемъ васъ. Ступайте, отдохните немного. Путь вѣдь дальній зачинаете. Тысячу верстъ отсюда сказываютъ. До одного Кіева полъ тыщи, да тамъ до Бахчисарая столько же.

— Ты все свои прибаутки! разсердился Борисъ.

— Тошно, голубчикъ. На сердцѣ камень, такъ прибаутками и стараешься его своротить долой или хоть пошевелить со стороны на сторону. Все будто легче. Ну пора, пойдемъ.

И молча, тихо, даже печально простились пріятели съ княжной.

Анюта хотѣла идти къ отцу—проститься тоже, но остановилась.

— Не могу! прошептала она. Ни за что на свѣтѣ. И взявъ себя за голову, она быстро пошла на свою половину.

XI.

Домъ опустѣлъ и наверху было тихо, но внизу и въ боковыхъ крыльяхъ дома, гдѣ помѣщалась дворня, долго еще гудѣли голоса. Тамъ пировала невообразимо вся прислуга князя. Всѣмъ въ день рожденія княжны позволялось шумѣть, кричать, наѣдаться и напиваться сколько душа приметъ; только не буянить.

И всѣ конечно пользовались широко дозволеніемъ, что продолжалось иногда чуть не до утра и въ семейникахъ, и на дворѣ, и на улицѣ предъ домомъ. Этого пуще всего и боялся хитрый татаринъ Ахметъ. Не пройти княжнѣ незамѣтно чрезъ дворъ, когда все будетъ на ногахъ празднуя ея рожденіе. Но самъ же Ахметъ, зная, что выборъ дня не зависитъ теперь отъ молодыхъ людей и что на утро послѣ рожденія будетъ обрученіе—придумалъ свою затѣю. И затѣя удалась. Состряпанная имъ буза дѣйствовала на славу, скорѣе и сильнѣе чѣмъ онъ предполагалъ.

— Обопьется кто до дверей небесныхъ—авось меня не засудятъ, раздумывалъ Ахметъ. Это не зелье какое отъ колдуньи, а простая нашинская крымская буза. Только малость покрѣпче и по-россійски сдѣлана, на то, что и народъ тутъ покрѣпче. Князь самъ сказалъ про бузу: Пейте что хотите. Бузу—такъ бузу...

Еще не было полуночи какъ обѣ бочки бузы были опорожнены и все стихло, все спало... Человѣкъ съ двадцать валялись гдѣ попало, въ томъ числѣ и горничныя, молодыя и старыя, такъ какъ послѣднихъ опившихся таскать и разносить по угламъ и кроватямъ было некому.

Громаднѣйшій швейцаръ Агѣй лежалъ на дворѣ предъ подъѣздомъ, плечомъ и головой на каменной ступени. Еще человѣкъ трехъ засталъ и повалилъ полный хмѣль и дурманъ на дворѣ, а одинъ легъ даже среди воротъ, собираясь ихъ запирать...

Въ сѣняхъ, въ коридорѣ нижняго этажа и во всѣхъ горницахъ людскихъ—все спало мертвымъ сномъ и храпѣло на разные лады.

Нѣсколько стариковъ, женщинъ и дѣтей не спали еще, не дождавшись своихъ отцовъ и мужей, но по тишинѣ въ домѣ и отсутствію движенья, всякій изъ нихъ думалъ и объяснялъ дѣло по своему — и наконецъ собрался тоже залечь спать.

Ахметъ тихо и осторожно обошелъ сонное царство и, изрѣдка глядя на позы лежащихъ или шагая чрезъ нѣкоторыхъ, ворчалъ:

— Ишь вѣдь какъ набузился! Легъ—будто убили. Ей богу, будто избили! Авось очухаются всѣ. А помретъ кто, мнѣ же зададутъ жару. А что я? Не могу я ровнять питье. Я варилъ, а пилъ то вѣдь всякій сколько хотѣлъ.

И обойдя весь низъ, татаринъ пошелъ на конюшню.

Около полуночи, недалеко отъ дома появилась тройка, запряженная въ бричку. Въ ней были два пріятеля и сидѣли молча. Не прошло нѣсколько минутъ, какъ кто-то выбѣжалъ изъ воротъ и подбѣжалъ къ нимъ. Это былъ Ахметъ.

Кучеръ слѣзъ съ козелъ. Ахметъ сѣлъ на его мѣсто и подобралъ вожжи.

— Ну, убирайся! Живо домой! сказалъ Хрущевъ тихо слѣзшему кучеру, и тотъ быстро удалился.

— Свѣчу какъ поставила Соленка у княжны на подоконникѣ, я и махнулъ со двора! бойко сказалъ Ахметъ.

— Стало быть выходитъ барышня! спросилъ Борисъ.

— Соленка свѣчу, по уговору, хотѣла поставить, когда княжна изволитъ совсѣмъ собраться... Да вотъ, гляди, и онѣ...

Борисъ завидѣлъ невысокую женскую фигуру на улицѣ и, быстро выскочивъ изъ брички, побѣжалъ къ ней навстрѣчу.

— А я, баринъ, какъ набузилъ всѣхъ! съ восторгомъ сказалъ Ахметъ оглядываясь къ Хрущеву съ козелъ. Такъ набузилъ, что ей Богу удивительно. Наши всѣ, что тебѣ—тараканы мареные поразсыпались вездѣ. Кто ничкомъ, кто бочкомъ, кто растаращился весь колесомъ и лапы раскидалъ. Боюсь: подохнетъ пятокъ, либо болѣе того. Агѣй, дьяволъ, какъ ни пробовалъ я его отцѣпить отъ бузы, прилипъ, да цѣлыхъ полведра, почитай, вытянулъ одинъ.

Анюта съ помощью Бориса подошла къ бричкѣ, Хрущевъ тоже вылѣзъ и затѣмъ, усадивъ княжну, они сѣли.

— Съ Богомъ! сказалъ Хрущевъ.

Ахметъ снялъ шапку и перекрестился.

— Татаринъ, а добрый примѣръ показалъ! вымолвилъ Хрущевъ. А мы было и запамятовали это...

— Да. Надо! отозвался Борисъ тихо.

И оба сдѣлали тоже самое. Княжна перекрестилась подъ чернымъ платкомъ, накинутымъ сверхъ салопа.

Ахметъ, забравшій и натянувшій вожжи, не утерпѣлъ и крикнулъ на всю темную и пустую улицу:

— Эхъ вы, родимые, выносите!

Лошади рванулись и бричка покатила, тотчасъ миновала площадь, затѣмъ, оставивъ Китай-городъ въ сторонѣ, покатила внизъ къ рѣчкѣ Неглинной, а вдоль нея, по берегу, мимо всего Кремля, прямо на Остоженку къ Москвѣ-рѣкѣ.

— Чудно это! замѣтилъ Хрущевъ. Куда намъ дорога легла.

— А что? отозвался Борисъ.

Библиотека "Руниверс"

Римская красавица. Рис. Фр. Рейса, грав. Бревд'амуръ.

Библиотека "Руниверс"

— Да какъ это мѣсто зовутъ, гдѣ мы Москву-рѣку то переѣдемъ?

— Не знаю.

— То-то, интересъ. Это Крымскій бродъ зовется.

— Анюта. Твой стало быть! шепнулъ Борисъ.

Княжна не отвѣчала. Она, цѣлый мѣсяцъ глядѣвшая на всѣхъ съ вызовомъ въ лицѣ, съ твердой рѣшимостью въ глазахъ и въ каждомъ словѣ — теперь вдругъ будто лишилась силъ и сидѣла почти безъ сознанія совершающагося съ ней и кругомъ нея. Отецъ не выходилъ у нея изъ головы.

— Что онъ скажетъ? Что онъ сдѣлаетъ? думала она какъ въ туманѣ. Если это его поразитъ на смерть! Если она убьетъ его. Что лучше: монастырь и заточенье чрезъ него, или его горе и смерть... Лучше монастырь. Сто разъ лучше!

Бричка скоро выѣхала изъ города въ заставу и покатила по широкой дорогѣ, по имени „Калужка". Чрезъ часъ, всю дорогу молчавшіе путники были верстъ за двадцать отъ столицы и, свернувъ на проселокъ, скоро завидѣли вдали, среди поля, нѣсколько огоньковъ.

— Вонъ и Лычково! сказалъ Ахметъ. Село большое, а глушь...

Чрезъ четверть часа тройка подкатила къ маленькой деревянной церкви. Въ домѣ священника былъ свѣтъ въ окнахъ и тотчасъ кто-то выглянулъ изъ воротъ и побѣжалъ въ домикъ.

Хрущевъ вышелъ первый, сходилъ на паперть и найдя желѣзныя двери церкви отпертыми, но притворенными, потянулъ одну. Она не подавалась. Въ окнахъ было совершенно темно внутри. Онъ пошелъ въ домъ священника.

Борисъ и Анюта, выйдя изъ брички, сѣли на ступеняхъ паперти.

— Что ты все молчишь, Анюта... сказалъ Борщевъ.

— Да что говорить? грустно отозвалась она. Говорили, почитай, годъ. А за этотъ мѣсяцъ говорили еще того больше. Теперь дѣйствуемъ, не до словъ.

— Чего же ты грустишь? Авось бѣды и не будетъ. Все обойдется.

— Не знаю... Совсѣмъ не знаю! Прежде думала, да и нынѣ еще думала, что все обойдется. А теперь вотъ кажетъ... Сдается, что мы только начинаемъ наше мытарство.

— Хоть бы и такъ?.. Чего же унадать духомъ и силами, заговорилъ Борисъ громко и бодро. Я вотъ прямо скажу: смущался зачинать. А коли теперь поднялся — то ужь и радъ, и спокоенъ! Отрѣзано, не прикленишь, — что-жь грустить. А вы дѣвицы наоборотъ, всю свою храбрость—загодя истратите. Ну-ка, ободрись...

— А отецъ?

— Что же?

— Какъ онъ посудитъ? Хорошо если разгнѣвается, круто обернетъ все, безъ сердца, безъ жалости. А коли нѣтъ?

— Какъ ты сказываешь? Я не пойму.

— Хорошо, говорю, если родитель съ гнѣвомъ къ дѣлу приступитъ.

— Что-жь тутъ хорошаго. Мы надѣялись...

— Ахъ, ты не понимаешь! нетерпѣливо и съ горечью воскликнула княжна.

— Какъ же мнѣ понять, милая моя...

— А лучше мнѣ будетъ, по твоему, если батюшка нынѣ ночью либо поутру, узнавъ все—помретъ отъ удара.

— Полно. Господь съ тобой. Этого не можетъ быть.

— Все можетъ быть. Теперь все темно. Я сама выдумала, что онъ меня жалѣя прочилъ за этого хохла. А, да что говорить...

Изъ домика вслѣдъ за Хрущевымъ, вышло еще три человѣка, и всѣ подошли къ церкви. Это были причетники.

Тяжелыя заржавленныя чугунныя двери завизжали и зазвенѣли среди ночи и распахнулись на двѣ стороны, открывая черное и пустое пространство, откуда пахнуло сыростью.

— Въ темноту не хочу... Пускай прежде освѣтятъ! пугливо прошептала княжна и, невольно вздрогнувъ, устремила глаза въ раскрытыя двери, откуда гулко приносилось эхо шаговъ вошедшихъ въ церковь.

— Обождемъ здѣсь...

Княжна оперлась на плечо Бориса и вся затрепетала вдругъ.

— Что съ тобой? изумился онъ.

— Страшно! тихо проговорила она и помолчавъ снова произнесла, какъ бы прося помощи:

— Боря... Страшно...

— Чего? Успокойся. Что-же дѣлать?.. произнесъ Борщевъ какъ то досадливо, и прибавилъ тише, послѣ раздумья:

— Теперь поздно...

— Нѣтъ. Это пройдетъ... зашептала Анюта, опираясь на него и будто не къ нему обращаясь. Я вѣдь не хотѣла зла дѣлать! Я себя спасаю отъ прихоти. Я васъ никогда бы не обманула!.. мысленно обратилась она къ отцу.— Еслибъ не сенаторъ—то и за Бориса я не пошла бы такъ... Да, я не виновата!

И выговоривъ это, княжна выпрямилась и перестала опираться на Борщева.

Въ церкви засвѣтились огоньки и засіяли ризы мѣстныхъ иконъ.

— Я не виновата, снова едва слышно прошептала Анюта и глянувъ въ раскрытыя двери, она перекрестилась, потомъ взяла Бориса за руку и двинулась.

Маленькая церковь оживилась отъ зажженныхъ свѣчей, и ея бѣлыя, недавно подновленныя стѣны какъ бы блеснули. Все взглянуло чисто, уютно и даже будто весело кругомъ Анюты, и эти тишина и сіяніе сообщились ея сердцу. Она почувствовала себя легче.

— А вотъ и образъ! сказала она сама себѣ въ отвѣтъ на какую то не ясно сказавшуюся мысль. Все таки благословенье отца.

Она приблизилась къ аналою и положила на него образъ, который былъ у нея въ рукахъ всю дорогу, затѣмъ стала на колѣни и, сдѣлавъ три поклона, поднялась, бодрая, твердая, спокойная. Лице зарумянилось немного, глаза потускнѣвшіе было,—снова засвѣтились, какъ всегда. Когда она смотрѣла на образъ отца, ей показалось, что вся церковь перемѣнила видъ свой. Она шепнула:

— Теперь все...

Да, ей показалось, что теперь „все" вокругъ нея „какъ слѣдуетъ". Точно будто и отецъ здѣсь, и гостей званыхъ толпа, и на дворѣ день, а не ночь, и вѣнчанье будетъ не тайное, строптивой бѣглянки изъ родительскаго дома, а напротивъ: „все какъ нужно".

Священникъ уже прошелъ въ алтарь... Причетники хлопотали, ходили, переговаривались... Въ церковь пришли двѣ бабы и одинъ крестьянинъ съ бѣлой бородой. Они изъ своихъ ближайшихъ избъ завидѣли свѣтъ во храмѣ и удивленные поспѣшили сюда. Они не понимали однако и не сразу сообразили, что дѣлается. Догадавшись, что будетъ въ церкви среди ночи, тайкомъ отъ людей, они посудили по своему.

— Эхъ, не гоже... сказала одна баба.

— Господу Богу вѣдомо. Предъ людьми грѣхъ, сказалъ старикъ. А Онъ, Батюшка, все видитъ. Почемъ мы знаемъ съ тобой?

— Вѣстимо. Почемъ мы знаемъ?..

— То-то. А Ему, Создателю, видно все это. Мало что на свѣтѣ дѣется! А Господь либо накажетъ, либо проститъ. Почемъ мы знаемъ...

И при первыхъ словахъ причетника, взявшаго въ руки книгу, они принялись усердно класть земные поклоны и молиться. За себя ли? За брачующихся ли? Они сами не знали.

(До слѣд. №).

Библиотека "Руниверс"

Отъ ландскнехта до министра.

Историческій очеркъ.

Въ октябрѣ 1529 года случилось неожиданное происшествіе, надѣлавшее много шуму въ придворномъ кругу Англіи: кардиналъ Вольсей, всемогущій фаворитъ и министръ короля Англіи Генриха VIII, въ угоду могущественному властелину міра императору Карлу V и королю Франциску I, былъ подвергнутъ опалѣ. Подобно тому, какъ пассажиры корабля, спокойно носившіеся въ немъ по волнамъ океана, вдругъ поспѣшно оставляютъ его въ случаѣ опасности, такъ и Вольсей въ дни своего паденія былъ покинутъ всѣми; толпа въ страхѣ попятилась отъ царедворца, какъ только фортуна отвернулась отъ него и выказала ему свое нерасположеніе. Только два человѣка, которымъ кардиналъ во времена своего могущества и силы оказалъ большія услуги, остались ему вѣрны даже въ дни его величайшихъ бѣдствій и лишеній; это были Кавендишъ и Томасъ Кромвель. Въ то время какъ первый изъ нихъ отправился добровольно въ изгнаніе съ Вольсеемъ, второй защищалъ дѣло своего покровителя при дворѣ и въ парламентѣ. Нужно было имѣть сильный характеръ и обладать большимъ запасомъ мужества, чтобы рѣшиться защищать павшаго любимца во времена правленія Генриха VIII. Смѣло и открыто выступившій Томасъ Кромвель обратилъ на себя общее вниманіе; тѣмъ болѣе, что почти никто не зналъ странной исторіи, какимъ образомъ ему удалось пріобрѣсть мѣсто секретаря Вольсея. Даже самъ король, научившійся презирать человѣчество, такъ какъ въ каждомъ видѣлъ только покорнаго раба, безъ малѣйшихъ признаковъ личныхъ убѣжденій, и никогда не встрѣчавшій сильныхъ характеровъ, заинтересовался человѣкомъ, который изъ благодарности рѣшился взять на себя дѣло человѣка, на котораго обрушилась немилость короля. Но никто не зналъ прежней жизни Кромвеля и только графъ Бедфордскій Іоаннъ Россель могъ удовлетворить любопытство своего монарха.

Томасъ Кромвель (родився 1498 году) былъ сынъ бѣднаго кузнеца изъ Путнея, выучившійся самоучкой едва только читать и писать; онъ пріобрѣлъ непреодолимое влеченіе побывать въ чужихъ краяхъ и посмотрѣть на людей, и потому отправился сначала въ Голландію, а потомъ въ Италію. Нѣсколько лѣтъ велъ онъ жизнь бѣднаго человѣка, снискивая себѣ пропитаніе въ качествѣ писца, и когда по Италіи раздались воинственные звуки барабана наемнаго полка Георга фонъ-Фрундсберга, находившагося на службѣ императора Карла, Томасъ не вытерпѣлъ и бросилъ мирныя занятія. Во время своего пребыванія въ Италіи Кромвель скопилъ на столько денегъ, что могъ вступить въ этотъ знаменитый полкъ. Мнѣніе, что въ полкъ этотъ поступалъ только праздный сбродъ, преступники, избѣгавшіе руки правосудія и искавшіе здѣсь себѣ убѣжища для новыхъ продѣлокъ—было совершенно ложно. Вступленіе въ ряды ландскнехта было вовсе не такъ легко; только тѣ, кто имѣлъ камзолъ, сапоги и былъ вооруженъ мечемъ и копьемъ,—короче, имѣлъ свое собственное снаряженіе и вооруженіе, могъ разсчитывать быть принятымъ на службу.

Жаждущій подвиговъ, молодой Томасъ могъ въ новомъ своемъ положеніи вполнѣ удовлетворить свою склонность къ приключеніямъ и путешествіямъ. Въ сраженіи при Павіи въ 1525 году, въ этотъ достопамятный день побѣды надъ королемъ Франціи Францискомъ I и его блестящимъ дворянствомъ, которая далась съ такимъ трудомъ, получилъ первое огненное крещеніе Томасъ Кромвель. До того времени полки нѣмецкаго ладскнехта сражались другъ противъ друга и никогда битва не была такъ кровопролитна, какъ въ день встрѣчи нѣмецкихъ наемниковъ съ французскими войсками. Георгъ Фрундсбергъ въ виду непріятеля палъ со всѣми своими ландскнехтами на колѣни и горячо молился о дарованіи ему побѣды надъ врагомъ. Прежде передъ фронтъ сблизившихся противниковъ выходили начальники полковъ и вступали въ единоборство, но здѣсь примѣшивалась злоба нѣмецкихъ ландскнехтовъ къ французскимъ наемникамъ, которая была на столько велика, какъ только можно себѣ представить. Хотя Георгъ Ланграмантель, предводитель французовъ, исполинскаго роста воинъ, выступилъ изъ рядовъ и вызывалъ на бой Георга Фрундсберга или Морица Ситтиха, но въ отвѣтъ ему посылалась дикая брань и проклятія со стороны противниковъ. Нѣсколько пущенныхъ ядеръ свалили на землю дерзкаго смѣльчака и завязалась отчаянная схватка. Томасъ Кромвель, одаренный необыкновенной силой и храбростью, не смотря на то, что былъ новичкомъ въ дѣлѣ употребленія оружія, обратилъ на себя вниманіе Фрундсберга. Томасъ примѣтилъ хорошо вооруженнаго воина изъ фронта противниковъ, атаковалъ его и взялъ въ плѣнъ; то былъ графъ фонъ Лумпфенъ. Старый начальникъ ландскнехта повѣсилъ Томасу за этотъ подвигъ собственноручно на шею золотую цѣпь, снятую съ плѣнника.

Такъ Кромвель сдѣлалъ первый счастливый шагъ, чтобы сдѣлаться хорошимъ воиномъ, и не только Фрундсбергъ не измѣнялъ къ нему своего расположенія, но и другіе предводители, какъ напр. Конрадъ фонъ-Беммельбергъ и Себастьянъ Шертлинъ, знаменитый воинъ королевскаго города Аугсбурга, отличали молодаго ландскнехта какъ знаменитаго воина, отличавшагося предпріимчивостью, мужествомъ и находчивостью. И такъ Томасъ, безъ всякой предварительной подготовки, сразу пріобрѣвшій себѣ выдающееся положеніе, никогда не оставилъ бы службы, которая давала ему хорошія средства къ жизни, еслибъ послѣ ухода Георга Фрундсберга полкъ его не сдѣлался такимъ необузданнымъ и дисциплина не пошатнулась бы такъ сильно, что полное разстройство нѣмецкаго войска въ Италіи было очевидно. Всѣ эти обстоятельства, сильно неправившіяся Кромвелю, заставили его, хорошо знавшаго военное дѣло и пользовавшагося такимъ прекраснымъ положеніемъ, оставить полкъ.

Въ это время герцогъ Карлъ Бурбонъ направился съ своимъ войскомъ въ Римъ, чтобы требовать отъ папы недоплаченное жалованье своимъ ландскнехтамъ и въ случаѣ не уплаты предать вѣчный Римъ расхищенію. Бѣдствія, которымъ несчастный городъ подвергся во время паденія въ 1527 году, справедливо считаются новѣйшими историками неслыханными со времени нашествія германцевъ на владѣнія Римской имперіи. Безпристрастные хроникеры утверждаютъ, что никогда еще величайшій и богатѣйшій городъ не подвергался такимъ пожарамъ, жестокостямъ побѣдителей, сопровождавшимися убійствами, и такому полнѣйшему разграбленію; что всѣ извѣстныя въ исторіи неистовства меркнутъ передъ этимъ случаемъ. Впрочемъ, какъ сами итальянскіе хроникеры утверждаютъ, нѣмецкіе ландскнехты вели себя болѣе человѣчно и имя ихъ не было запятнано такой жестокостью, какъ итальянскихъ и испанскихъ наемниковъ.

Томасъ Кромвель, поступившій въ армію Карла Бурбона, находился при взятіи Рима въ томъ полку нѣмецкихъ ландскнехтовъ, который подъ предводительствомъ Фрундсберга вошелъ на стѣны города у С. Спирито. Томасъ съ группой товарищей получилъ приказаніе охранять отъ угрожающаго грабежа дворецъ кардинала Энгефорта, обладавшаго большими сокровищами и дружественно расположеннаго къ нѣмцамъ. Но когда Кромвель явился во дворецъ, то встрѣтилъ здѣсь уже толпы испанскихъ солдатъ, предававшихъ его разграбленію, и нужно было выдержать цѣлое сраженіе, чтобы прекратить расхищеніе. Послѣ этого ни одинъ непріятельскій солдатъ, благодаря храбрости предводителя ландскнехтовъ, не осмѣлился приблизиться ко дворцу Энгефорта. Этотъ счастливый случай помогъ Кромвелю снискать себѣ вниманіе важнаго государственнаго человѣка Англіи.

Король Генрихъ VIII, около этого времени вступившій въ дружественныя сношенія съ папой, отправилъ графа Бедфордскаго Іоанна Росселя въ секретное дипломатическое посольство въ Римъ. Посланникъ во время штурма города находился во дворцѣ Энгефорта и былъ въ полной безопасности со всѣми секретными бумагами, полученными имъ изъ рукъ короля; только благодаря мужеству Кромвеля, Росселю удалось благополучно выбраться изъ Рима.

Позднѣе графъ Бедфордскій рекомендовалъ Томаса Вольсею. Но предводителю ландскнехтовъ пришлось еще очень плохо; его скрытная помощь не осталась незамѣченной и онъ долженъ былъ бы, послѣ строгаго военнаго суда, дорого поплатиться, еслибъ не бросилъ все, что имѣлъ и поспѣшно не скрылся.

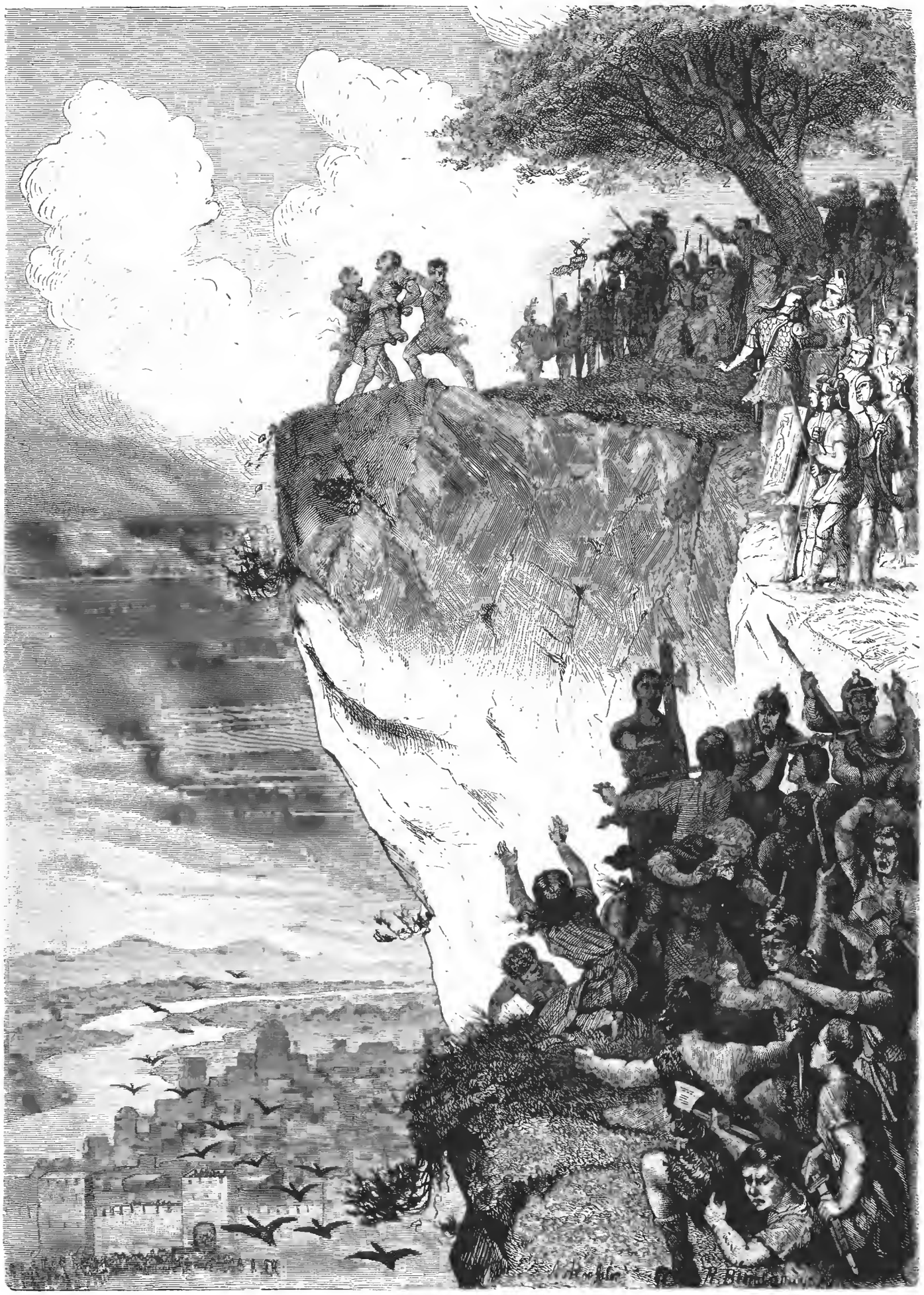
Лишенный средствъ, въ ободранномъ платьѣ, безъ башмаковъ, прибылъ Кромвель во Флоренцію, и кто знаетъ, что съ нимъ было бы въ этомъ многолюдномъ городѣ, еслибъ счастливый случай не свелъ его съ богатымъ купцомъ Фрескобальдомъ. Въ то время, когда Томасъ просилъ у него милостыню, человѣколюбивый флорентинецъ разспросилъ бѣдняка иностранца о его прошломъ, принялъ въ немъ участіе, подарилъ ему лошадь и снабдилъ его деньгами на столько, что Кромвель могъ безъ труда добраться до Лондона. Бѣднякомъ отправился онъ изъ своего отечества и такимъ же бѣднякомъ вернулся теперь домой. Но графъ Бедфордскій не забылъ услугъ, оказанныхъ ему простымъ ландскнехтомъ. Онъ отвелъ Томаса къ кардиналу Вольсею, которому такъ понравился двадцати-девятилѣтній молодой человѣкъ, что онъ взялъ его въ свою канцелярію. Кромвель своимъ талантомъ и ревностнымъ прилежаніемъ достигъ скоро того, что не только сталъ необходимъ своему покровителю, но даже, вопреки всѣмъ предразсудкамъ, встававшимъ передъ нимъ, какъ передъ человѣкомъ вышедшимъ изъ простаго званія, онъ проложилъ себѣ дорогу ко двору и въ парламентъ; но тутъ случилось то обстоятельство, разсказанное нами въ началѣ, которое могло снова бросить его въ ничтожество и изъ котораго онъ вышелъ съ такимъ трудомъ.

Король Генрихъ VIII, не мало способствовавшій самъ выборамъ Томаса Кромвеля въ депутаты, заинтересовался послѣ разсказа графа Бедфордскаго Іоанна Росселя этимъ человѣкомъ и приказалъ графу представить Томаса на аудіенцію въ королевскій дворецъ.

Россель, сильно обрадованный, поспѣшилъ къ своему другу, чтобы сообщить важную новость, и былъ не мало удивленъ, что Кромвель далеко не радостно выслушалъ вѣсть о представленіи его королю.

— Это имѣетъ видъ, будто васъ силой нужно тянуть къ вашему счастію. Кромвель! сказалъ Россель, видимо смущенный

Библиотека "Руниверс"



Сверженіе Манлія Капитолійскаго съ Тарпейской скалы. Рис. Ресслера, грав. Бренд'амуръ

Библиотека "Руниверс"

Зонтичная птица. Рис. и грав. Фр. Шпехтъ.

Библиотека "Руниверс"

холоднымъ пріемомъ, который былъ сдѣланъ его высокому и радостному посланію.

— Счастье, сэръ, счастье? возразилъ Кромвель, съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи въ голосѣ и жестахъ, серьезно,—я желаю отъ всего сердца счастья каждому, кто служитъ королю Генриху VIII.

— Ради самого Бога, Томасъ, воскликнулъ удивленно графъ, чтобы никто не услышалъ вашихъ словъ; вы такъ громко говорите, какъ будто Генрихъ не правитель нашего могущественнаго королевства, а простой смертный, какъ вы и я.

— Вы хотите мнѣ самому дать возможность испробовать счастье послужить королю, дорогой графъ! возразилъ Кромвель. Кому можетъ нравиться такая карьера, что будь онъ хоть святой, исходъ будетъ одинъ и тотъ же! Бѣдный Вольсей, ты, который былъ такъ вѣренъ своему повелителю, какъ никто другой, и вдругъ отвергнутъ, изгнанъ! Дай Богъ, чтобы не случилось съ нимъ еще чего худшаго!

Кромвель замолчалъ, опустилъ голову на руки и погрузился въ глубокое размышленіе. Онъ былъ изъ тѣхъ крѣпкихъ натуръ, которыя даже въ пылу воинственнаго азарта могутъ сохранять идеальный взглядъ на истину и справедливость. Онъ любилъ и уважалъ своего покровителя и считалъ вѣрность и благодарность въ несчастьи не послѣднимъ долгомъ вѣрнаго слуги.

Графу Росселю воззрѣнія молодаго человѣка казались слишкомъ меланхолической мечтой.

„Узнаешь еще, добрый Томасъ, думалъ онъ про себя, что тонъ въ политикѣ и въ поступкахъ короля задаетъ тотъ, въ рукахъ кого находится кормило правленія, кто сидитъ на козлахъ государственной колесницы“, но удержался громко высказать свою мысль и размышляя барабанилъ пальцами по стеклу окна.

— Увѣрены ли вы, Кромвель, нарушилъ первымъ молчаніе графъ, что вы принесете пользу кардиналу?

Кромвель задумался.

— А какъ вы думаете объ этомъ, сэръ? спросилъ онъ.

— Ну, я думаю, что достаточно понятно и такъ, продолжалъ сановникъ, медленно разглаживая свои выхоленныя руки.—Но слушайте, Томасъ, если король узнаетъ ваше о немъ мнѣніе, не обратитъ ли онъ ударъ не на васъ, а на самого кардинала? Не скажетъ ли онъ, что за ошибку вашу долженъ отвѣчать господинъ и какъ врагъ отечества, пасть первый.

Россель съ цѣлью сдѣлалъ на послѣднихъ словахъ удареніе. Кромвель смотрѣлъ на своего стараго друга.

— Вы правы, сказалъ наконецъ медленно Томасъ, безъ сомнѣнія король можетъ такъ подумать!

— Можетъ и навѣрно подумаетъ, мой милый, воскликнулъ графъ вставая,—и у васъ, у васъ въ рукахъ находится судьба вашего покровителя! Вы можете устроить такъ, что король будетъ думать иначе, если вы воспользуетесь случаемъ, который вамъ представляется.

— Вотъ моя рука, сэръ; ведите меня къ королю, когда вамъ будетъ это угодно!

— Прекрасно, Томасъ, это похоже на солдата, которымъ вы были прежде, возразилъ графъ дружески пожимая руку молодаго человѣка. Дай Богъ, чтобы аудіенція принесла бы благословеніе вамъ и Вольсею! Затѣмъ онъ простился съ Кромвелемъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что смерть легче всего находитъ того, кто больше избѣгаетъ и боится ея; такъ точно бываетъ и съ расположеніемъ сильныхъ міра сего. Тому, кто домогается милостей монарха, рѣдко удается пріобрѣсти ихъ, напротивъ, тѣ, которые избѣгаютъ ихъ, часто дѣлаются ихъ жертвами. Такъ случилось и съ Кромвелемъ, съ расположеніемъ къ нему короля. Кто бы могъ подумать, что этотъ неизвѣстный молодой человѣкъ, незнатной фамиліи, человѣкъ выдвинувшійся изъ простаго народа, послѣ одной аудіенціи у короля, сдѣлался его любимцемъ? Кто могъ думать, что слова Кромвеля, сказанныя въ пользу своего покровителя кардинала Вольсея, произведутъ на короля такое глубокое впечатлѣніе, что онъ тотчасъ приказалъ отмѣнить приговоръ суда о человѣкѣ, за котораго даже самые могущественнѣйшіе люди при дворѣ не рѣшались сказать громко ни одного слова.

Томасъ Кромвель тоже едва могъ повѣрить такому неожиданному счастью; все это ему казалось какимъ то фантастическимъ сномъ, который разлетится передъ грубой дѣйствительностью. Только когда на другой день вице-канцлеръ Христофоръ Галесъ явился къ нему, чтобы объявить волю короля, который его, сына простаго кузнеца, ландскнехта и писца, пожаловалъ титуломъ баронета и сдѣлалъ членомъ государственнаго совѣта; только тогда стало для него яснымъ вполнѣ, что онъ завладѣлъ всецѣло расположеніемъ короля. Вмѣстѣ съ этой увѣренностью, въ характерѣ Кромвеля произошла значительная перемѣна.

Вновь пожалованный баронетъ и государственный сановникъ скоро пришелъ въ новомъ своемъ положеніи къ заключенію, что власть и почести стоятъ того, чтобы ихъ добиваться. Онъ началъ ревностно изучать характеръ своего властелина и старался повліять своими убѣжденіями на него. Такимъ образомъ поприще Кромвеля, не смотря на всѣ недоброжелательства и вражду, упрочилось окончательно. Въ непродолжительное время онъ достигъ званія лорда, получилъ титулъ графа Эссекса и былъ вице-регентомъ въ чинѣ высшаго государственнаго сановника. Дипломатическія способности Кромвеля сдѣлали его болѣе подходящимъ къ посту министра, чѣмъ кого либо другаго. Съ ревностнымъ прилежаніемъ принялся онъ за внѣшнюю политику и ему удалось помочь королю склонить на свою сторону нѣмецкихъ протестантскихъ князей, черезъ что предполагалось получить перевѣсъ надъ слишкомъ могущественнымъ королевствомъ Карла V. Онъ старался политическіе союзы упрочивать родственными связями между королемъ и германскими князьями. И потому, когда Генрихъ VIII, послѣ смерти Іоганны Сеймуръ, сдѣлался вдовцемъ, онъ обратилъ его взоры на одну германскую принцессу Анну Клеве. Дѣятельно работалъ надъ этимъ союзомъ Кромвель, не подозрѣвая, что этимъ онъ подготавливаетъ себѣ собственное паденіе. По портрету, сдѣланному знаменитымъ въ то время Гольбейномъ, въ которомъ художникъ сильно польстилъ принцессѣ, ей удалось завладѣть сердцемъ Генриха VIII. Она пріѣхала.

Съ заботливымъ вниманіемъ и не безъ страха слѣдилъ Кромвель за монархомъ и съ ужасомъ увидѣлъ, что выборъ былъ сдѣланъ неудачно и что принцесса оттолкнула отъ себя короля.

Съ трепетомъ и уныніемъ явился Кромвель на другой день послѣ вѣнчанія къ королю, чтобы освѣдомиться, какъ понравилась ему принцесса, его супруга и нашелъ его въ самомъ мрачномъ настроеніи духа.

— Какъ, обратился къ нему монархъ строго, ты еще рискуешь являться ко мнѣ справляться объ этой клячѣ? Развѣ твоя голова такъ крѣпко сидитъ на плечахъ?

На это министръ рискнулъ напомнить королю, что онъ самъ сдѣлалъ выборъ по портрету великаго Гольбейна.

— Еслибъ только этотъ презрѣнный пачкунъ былъ въ моихъ рукахъ, то за его лживый портретъ мало было бы его головы съ придачей твоей, вскричалъ гнѣвно король.—Это ты склонилъ меня къ такому глупому шагу и потому помни это, прими себѣ во вниманіе.

Кромвель клялся честью, что во всѣхъ своихъ поступкахъ руководился только тѣмъ, чтобы сдѣлать пріятное королю и что для этой цѣли готовъ пожертвовать всей своей кровью.

Генрихъ пристально смотрѣлъ на него нѣкоторое время и, положивъ руку на плечо министра, сказалъ: „Ну, Томасъ, мы еще посмотримъ, можетъ быть мы и останемся друзьями“!

Съ этимъ Кромвель былъ отпущенъ, но умный министръ зналъ хорошо своего монарха, чтобы не понять, что эта благосклонность притворна и что конецъ его близокъ. Онъ не обманулся; спустя нѣсколько дней Кромвель былъ арестованъ и какъ важный государственный преступникъ отправленъ въ Товеръ. Полный мужества, принялъ онъ всѣ взведенныя на него преступленія и былъ казненъ въ 1540 году.

Потомство отнеслось справедливѣе къ этому несчастному человѣку, чѣмъ лорды, которые произнесли ему смертный приговоръ; оно считаетъ Томаса Кромвеля геніальнѣйшимъ государственнымъ человѣкомъ, какого никогда еще не видѣла у себя Англія. Самъ король Генрихъ VIII, вспоминая его въ позднѣйшіе годы, не разъ говорилъ: „У меня былъ однажды министръ, который видѣлъ и сознавалъ нужды и выгоды страны лучше, чѣмъ весь мой теперешній совѣтъ!“

Папоротниковая оранжерея Спб. Имп. Ботаническаго сада.

(Рис. на стр. 272 и 273).

Наша великолѣпная, богатая сокровищница растительнаго царства съ ея многообразною флорою, оранжереями съ пальмами, огромными папоротниками и т. п. собраніями, считается богатѣйшею въ Европѣ, не смотря на петербургскій неблагопріятный климатъ. Коллекція живыхъ растеній содержитъ въ себѣ около 24,000 видовъ. Сверхъ того для научныхъ ботаническихъ изслѣдованій при садѣ находятся гербарій, музей съ біологическою лабораторіею, семинаріей и библіотекой. Честь основанія Ботаническаго сада принадлежитъ всецѣло Петру Великому, который, постигая всю важность ботанической науки для Россіи, вывезъ изъ заграницы сѣмена рѣдкихъ растеній и собственноручно посадилъ ихъ въ 1714 году на островѣ Карписари, или Елевомъ, нынѣ Аптекарскомъ.

Въ 1855 г. начальство надъ садомъ было поручено доктору естественныхъ наукъ Э. Л. Регелю, составившему себѣ европейское имя своими ботаническими изслѣдованіями и доставившему нашему ботаническому саду первенствующее мѣсто въ числѣ всѣхъ другихъ учрежденій подобнаго рода въ Западной Европѣ. Императорскій ботаническій садъ въ Петербургѣ сталъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ и богатѣйшихъ научныхъ учрежденій въ Европѣ, находящимся въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми учрежденіями этого рода и выдающимися ботаниками.

Библиотека "Руниверс"

Въ настоящемъ № изображена папоротниковая оранжерея. Вотъ замѣтка, по поводу этого доставленная намъ самимъ докт. *Регелемъ*:

„Эта оранжерея находится на право отъ главнаго входа въ оранжереи, длиною 244 фут. и шириною 36 фут. Она служитъ для помѣщенія низкихъ и высокихъ экземляровъ папоротниковъ умѣреннаго и теплаго климата и раздѣлена на 4 равной длины отдѣленія, изъ нихъ 2 низкихъ, вышиною въ срединѣ 11 фут., и 2 высокихъ, вышиною въ срединѣ 18 фут. Она устроена съ двусторонней стеклянною крышею отъ сѣверо-востока на юго-западъ на каменномъ цоколѣ. Отопленіе въ ней водяное съ котлами, приспособленными къ топкѣ коксомъ.

„Папоротники размѣщены въ разныхъ отдѣленіяхъ, такъ что одно низкое и одно высокое содержатъ виды изъ умѣренныхъ странъ съ зимнею температурою 2—5° Р., а другіе два отдѣленія для низкихъ и высокихъ видовъ изъ тропическихъ странъ съ температурою отъ 8—15° Р. зимою.

„Такъ какъ почти всѣ папоротники любятъ постоянно сырой воздухъ, то лѣтомъ ежедневно не только затѣняется оранжерея со стороны солнца, но, кромѣ того, они ежедневно по нѣсколько разъ вспрыскиваются, а стволы древовидныхъ видовъ ежедневно по 4—6 разъ. Дорожки устроены, какъ въ саду на открытомъ воздухѣ, и сильно поливаются утромъ и вечеромъ, такъ какъ это самое лучшее средство для постояннаго содержанія сыраго воздуха. Зимою оранжерея не затѣняется отъ половины октября до половины февраля; дорожки поливаются и стволы опрыскиваются только утромъ и вечеромъ.

„Прилагаемый рисунокъ изображаетъ высокое отдѣленіе оранжереи для папоротниковъ умѣренныхъ странъ, т. е. южной части Новой Голландіи, Новой Зеландіи, южной Африки, Японіи и другихъ умѣренно-теплыхъ климатовъ Азіи, Европы и Америки. Само собою разумѣется, что въ этомъ отдѣленіи находятся преимущественно высокорастущіе древовидные папоротники, имѣющіе довольно толстые стволы и крону обыкновенно перисто-раздѣльныхъ крупныхъ листьевъ, такъ что они еще красивѣе пальмъ. Кромѣ того низкорастущіе виды для прикрытія низа группъ вокругъ стволовъ, поставлены на стеллажахъ по краямъ оранжереи вдоль стоячихъ рамъ.

„Между папоротниками, изображенными на рисункѣ, находятся слѣдующіе: штамбовый экземпляръ съ толстымъ стволомъ (впереди на правой сторонѣ) Cyathea Dregei Knze. (C. Burkei Hook, изъ южной Африки. У основанія этого вида посаженъ въ грунтъ низкорослый папоротникъ „Blechnum occidentale L.“, растущій въ Мексикѣ, Чили и въ западной Индіи. Направо и налѣво спереди Cyathea Dregei, помѣщены высокоствольные толстые экземпляры „Balantium antarcticum Prsl.“, растущіе въ дикомъ состояніи въ южной части Новой Голландіи и Новой Зеландіи. Крупные стволы этихъ папоротниковъ получены въ даръ садомъ около 8 лѣтъ тому назадъ отъ барона Мюллера въ Мельбурнѣ, и были присланы безъ корней и листьевъ, завернутые въ рогожи. Они находились въ пути отъ Мельбурна до Петербурга почти полгода. Полученные такимъ образомъ экземпляры были посажены въ маленькія кадки съ торфяною землею и самые стволы были завернуты слоемъ болотнаго мха, который содержался постоянно сырымъ. При такомъ способѣ удалось получить мало по малу изъ верхушки новую крону листьевъ и новые корни, которые выходятъ изъ подъ листьевъ мало по малу въ слой мха внизу, а потомъ въ землю. У высокихъ стволовъ, вышиною въ 6—10 фут., для этого требуется нѣсколько лѣтъ.

„Направо и налѣво отъ крупнаго, стоящаго въ срединѣ оранжереи, экземпляра Balantium antarcticum, изображены Alsophila australis R. Br. и Als. excelsa R. Br., оба изъ южной части Новой Голландіи и съ острововъ Тихаго Оксана. Они имѣютъ довольно быстрый ростъ, такъ что растенія, разводимыя изъ споръ въ нашихъ садахъ, черезъ 10 лѣтъ образуютъ стволы вышиною 5—8 футовъ.

„Съ краю на лѣвой сторонѣ рисунка находится группа разныхъ видовъ и между ними крупный экземпляръ „Woodwardia radicans“. Этотъ видъ не древовидный, растетъ въ южной Европѣ и на Канарскихъ островахъ; имѣетъ довольно крупные листья загнутые книзу, такъ что слѣдуетъ ихъ ставить на столъ или другую какую либо подставку. Позади Woodwardia помѣщенъ крупнолистный видъ плюща съ Кавказа „Hedera dentata Rupr.“, который прикрываетъ собою колонну.

„Самый красивый видъ изъ коллекціи древовидныхъ папоротниковъ Императорскаго Ботаническаго сада „Cyathea medullaris Sw.“ изъ Новой Зеландіи, со стволомъ вышиною въ 10 фут. и съ черными черешками листьевъ, длиною около 10—12 фут., изображенъ въ срединѣ рисунка назади, такъ что видна только крона его листьевъ.

„Коллекція папоротниковъ Императорскаго С.-Петербургскаго Ботаническаго сада состоитъ теперь изъ 1,100 видовъ и извѣстна, какъ одна изъ самыхъ богатѣйшихъ въ европейскихъ садахъ.

„Какъ самая интересная рѣдкость въ собраніи папоротниковъ Императорскаго Ботаническаго сада, должна обратить на себя вниманіе „Todea barbara“, экземпляръ, присланный барономъ Мюллеромъ изъ Мельбурна, при помощи и съ согласія правительства колоніи Викторіи, въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года, вѣсомъ 300 пудовъ. Это самый большой экземпляръ, какой только имѣется въ европейскихъ ботаническихъ садахъ, и до сихъ поръ такаго не находили и въ его отечествѣ. Онъ найденъ въ первобытномъ непроходимомъ лѣсу въ южной части Новой Голландіи. Для вывозки его оттуда пришлось прорубать дорогу, устраивать мосты и другія приспособленія. При такихъ условіяхъ пришлось везти его сухимъ путемъ на 12 волахъ нѣсколько сотъ верстъ до Мельбурна, откуда онъ былъ отправленъ въ ящикѣ на пароходѣ чрезъ Суэцкій каналъ въ Лондонъ и Петербургъ. Ящикъ со стволомъ этого папоротника былъ привезенъ съ таможенной пристани на особой медвѣдкѣ на пяти лошадяхъ и домкратами поднятъ въ папоротниковую оранжерею, для чего часть ея стѣны и цоколя пришлось разобрать. Въ настоящее время этотъ папоротникъ далъ уже довольно крупные листья, какъ видно изъ приложеннаго рисунка. Стволъ его 7 фут. вышины и 7 фут. ширины и состоитъ изъ множества толстыхъ листовыхъ черешковъ, соединенныхъ между собою многочисленными корнями; вслѣдствіе этого онъ имѣетъ много короткихъ головокъ и изъ каждой головки крону листьевъ. Увеличеніе ствола этого папоротника очень медленно, такъ что, безъ сомнѣнія, можно дать ему 1,000 лѣтъ, и не смотря на то, что онъ сдѣлалъ такой дальній путь, растетъ теперь у насъ не хуже, чѣмъ на мѣстѣ родины.“

Стихотворенія.

I.

(Изъ кавказскихъ мотивовъ).

Тамъ, гдѣ старая чинара—
Тамъ теперь стоитъ она,
Бронзой южнаго загара,
Какъ огнемъ опалена...

Зной отъ алыхъ губокъ пышетъ,
На ланитахъ зной цвѣтетъ,
Грудь волнистую колышетъ
Знойныхъ мыслей хороводъ...

Океанъ страстей клубится
И кипитъ въ ея крови,—
У нея—у этой жрицы—
Жрицы радужной любви!..

П. Гнѣдичъ.

II.

О еслибъ мнѣ хоть только отраженье,
Хоть слабый свѣтъ твоихъ чудесныхъ сновъ,
Мнѣ засвѣтило бъ въ сердцѣ вдохновенье,
Взошла заря надъ темнью годовъ!

Въ струяхъ отзвучій яркихъ пѣснопѣній,
Въ живой любви съ тобой объединенъ,
Какъ мысль, какъ духъ, какъ безтѣлесный геній,
Отъ жизни взятъ, я перешелъ бы въ сонъ...

К. Случевскій.

Къ рисункамъ.

Римская красавица.

(Рис. на стр. 277).

Историки и этнографы утверждаютъ, что въ жилахъ нынѣшнихъ жителей вѣчнаго города нѣтъ ни одной капли крови древнихъ римлянъ. Однако въ Римѣ очень много встрѣчается дѣвушекъ и женщинъ, необыкновенно похожихъ, на выставленные въ залахъ Капитолійскаго музея бюсты прежнихъ императрицъ. Голова и плечи прелестной формы у римлянокъ всѣхъ классовъ; онѣ обладаютъ классическимъ профилемъ, большими, темными, огненными глазами, красивымъ носомъ, маленькими полными губами, черными слегка вьющимися волосами, ниспадающими на выпуклый лобъ, гордой и непринужденной осанкой, такъ что Римъ еще и теперь можетъ считаться главнымъ городомъ женской красоты. На стр. 277 помѣщена типичная римская красавица-транстеверинка, т. е. обитательница Транстевере—части города на лѣвомъ берегу Тибра. Не имѣя она на головѣ большаго, ниспадающаго на спину, платка, не носи она серегъ и шейнаго украшенія, кестраго лифа и полосатой шерстяной юбки, т. е. національнаго костюма нынѣшняго времени, ее смѣло можно было бы принять за воскресшую владычицу той эпохи, когда Римъ цезарей повелѣвалъ всѣмъ міромъ.

Библиотека "Руниверс"

Манлій Капитолійскій.

(Рис. на стр 280).

Во время нападенія Галловъ въ 390 г. до Р. Х. на Семихолмный городъ, Римляне вывезли своихъ женъ, дѣтей и всѣхъ неспособныхъ носить оружіе въ сосѣдніе города и удалились сами въ Капитолій—крѣпость Рима, которую рѣшили защищать до послѣдней крайности. Галлы сожгли остальной городъ и неоднократно нападали на Капитолій, но всякій разъ были отбиты, такъ что наконецъ порѣшили обложить крѣпость, чтобы такимъ образомъ заставить защитниковъ ея, имѣвшихъ не достаточно запасовъ, сдаться. Дѣйствительно послѣдніе стали терпѣть уже сильныя лишенія, когда римлянинъ Поптій Комиціусъ, прибывшій изъ Вейи, взобрался въ Капитолій, въ ночную пору, по крутой сторонѣ горы и извѣстилъ осажденныхъ, что вскорѣ подоспѣетъ помощь изъ Вейи. Галлы однако замѣтили его и въ слѣдующую ночь пытались войти въ Капитолій этимъ же путемъ. Стража и даже собаки всѣ спали и Капитолій, казалось, долженъ былъ погибнуть какъ вдругъ гуси, посвященные Юнонѣ, начали кричать и разбудили Марка Манлія. Патрицій этотъ, смѣлый и испытанный воинъ, заподозрилъ опасность и подоспѣлъ во время, чтобы убить перваго Галла, взобравшагося на стѣну. Слѣдующаго затѣмъ онъ ударилъ щитомъ по головѣ, такъ что тотъ упалъ внизъ, и когда на крикъ Манлія подоспѣли Римляне, то всѣ наступавшіе Галлы были сброшены въ пропасть и смѣлая попытка ихъ не удалась. На другой день безпечный начальникъ, которому былъ порученъ надзоръ за ночной стражей, за свое опущеніе былъ сброшенъ съ крѣпости, а храброму Манлію сенатъ подарилъ на Капитолѣ домъ и присудилъ ему почетное названіе *Капитолійскаго*. Кромѣ того каждый изъ воиновъ, не смотря на недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ знакъ своей къ нему благодарности, поднесъ ему понемногу муки и вина. Но это вниманіе народа сдѣлалось роковымъ для Манлія впослѣдствіи; оно развило въ немъ честолюбіе, дошедшее до того, что послѣ ухода Галловъ, когда чествовали Камилла, вторично выбраннаго въ диктаторы, онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и неоцѣненнымъ. Въ то время въ новоотстроенномъ Римѣ царствовала нужда; плебеи, обѣднѣвшіе во время войны, сдѣлались должниками патриціевъ. Этимъ положеніемъ воспользовался Манлій для пріобрѣтенія любви народа; онъ заступался за плебеевъ предъ патриціями, продавалъ свои имѣнія и объявилъ, что пока у него хватитъ средствъ, никто за долги не будетъ посаженъ въ тюрьму. Честолюбивые планы Манлія удались, народъ называлъ его покровителемъ и отцомъ, и Манлій мечталъ, при помощи его, пріобрѣсть неограниченную власть въ Римѣ, но патриціи, предвидя опасность, единодушно возстали противъ него. Имъ удалось, обвиняя Манлія въ стремленіи къ захвату власти, привлечь его на судъ центуріоновъ; но тутъ обнаружились всѣ его заслуги и когда онъ, между прочимъ, представилъ 400 свидѣтелей, которыхъ онъ снабжалъ безъ процентовъ деньгами, съ цѣлью избавить отъ тюрьмы, то народное собраніе признало его совершенно невиновнымъ. Но повели дѣло такъ, что Манлій былъ призванъ патриціанской куріей. Собраніе патриціевъ, состоявшееся въ рощѣ въ 384 г. до Р Х., признало Марка Манлія виновнымъ въ стремленіи къ узурпаціи власти и приговорило его къ смерти. Приговоръ этотъ былъ исполненъ и Манлій былъ сброшенъ съ Тарпейской скалы. Такъ называлась западная крутая сторона Капитолійской горы. Этотъ моментъ изображенъ на рисункѣ, на стран. 280. Храбрый воинъ погибъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ нѣкогда защищалъ Капитолій отъ Галловъ. Домъ его былъ снесенъ и послѣ этого рѣшили, что ни одинъ изъ римскихъ гражданъ не долженъ жить на Капитолѣ.

И. И. Хемницеръ. (По поводу 100-лѣтія со дня его кончины).
Рис. и грав. Нейманъ.

Адмиралъ С. С. Лесовскій. † 26 Февр. Рисов. Лебедевъ, грав. Ю. Барановскій.

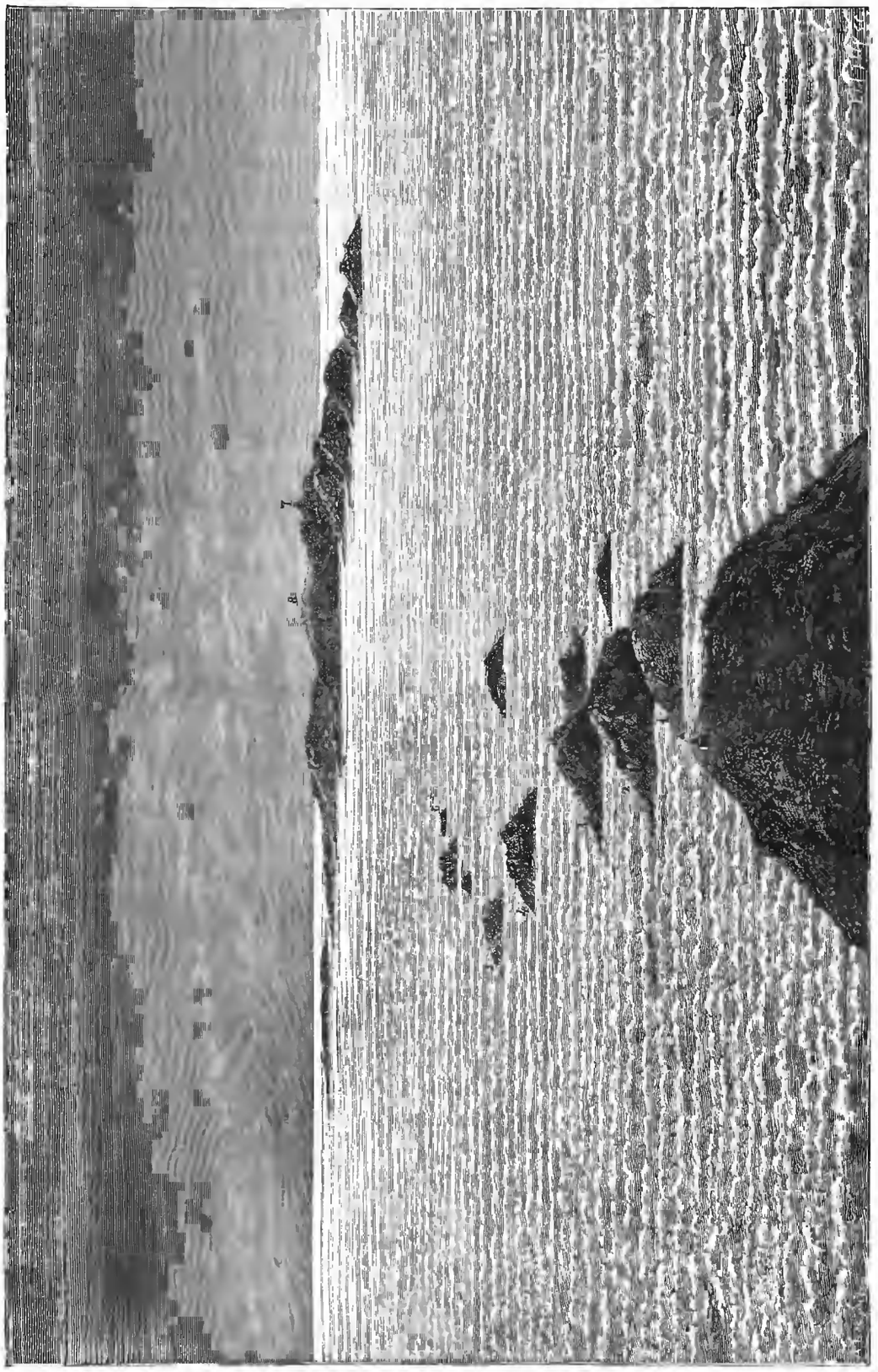
Зонтичная птица.

(Рис. на стр. 281).

Тропическая Южная Америка отличается разнообразіемъ перпатаго міра, въ которомъ насчитывается множество необыкновенныхъ и красивыхъ породъ. Между послѣдними особенно замѣчательны такъ называемыя зобастыя птицы (Gymnoderinae), къ которымъ принадлежатъ своеобразные виды питающихся плодами птицъ, величиною начиная отъ дрозда и кончая вороной. Ноги птицъ этихъ приспособлены болѣе для сидѣнія, чѣмъ для ходьбы, почему онѣ избираютъ преимущественно большіе лѣса, гдѣ живутъ въ одиночку или парами, но рѣдко боль-

Библиотека "Руниверс"

шими обществами. Большинство ихъ обладаетъ странными голосами. Одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ видовъ зобастыхъ птицъ это зонтичная птица, изображеніе которой помѣщено на стр. 281. Она отличается какъ своимъ шлемообразнымъ хохолкомъ, который она по желанію поднимаетъ и опускаетъ, такъ и оперенным наростомъ, висящимъ у шеи, удлинняющимся съ возрастомъ до того, что онъ зачастую превосходитъ длину цѣлаго тѣла; назначеніе этого необыкновеннаго прибавленія до сихъ поръ еще не объяснено. Упомянутый хохолокъ или чепецъ темно-синяго цвѣта; остальное оперение почти равномѣрно черное. Глазъ зонтичной птицы сѣрый, верхняя часть клюва черно-коричневая, нижняя—сѣро-коричневая, ноги черныя матовыя. Самецъ достигаетъ величины вороны. Меньшія и слабѣйшія самки имѣютъ также меньшій хохолокъ и меньшій наростъ; перья ихъ безъ блеска, болѣе матовыя. Зонтичныя птицы водятся по всему восточному склону Перуанскихъ Кордильеръ и внутри Бразиліи, въ верхней области Амазонской рѣки и южнѣе, до границъ Чили. Онѣ встрѣчаются также только въ лѣсу, на рѣчныхъ островахъ и вблизи рѣкъ; питаются древесными плодами, но нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что онѣ ѣдятъ также насѣкомыхъ, преимущественно жуковъ и пауковъ. Необыкновенно пугливыя, онѣ выдаютъ себя по утрамъ сильнымъ, далеко разносящимся крикомъ, напоминающимъ ревъ быка. На лету зонтичная птица откидываетъ чепецъ назадъ и такъ плотно прижимаетъ къ тѣлу наростъ, что его нельзя отличить отъ перьевъ; во время же сидѣнія она поднимаетъ свой



Облачное море, видимое съ вершины Пюи де Домъ. Рис. съ натуры Тиссандье, грав. Тилли.

Пюи де Домъ 1465 метровъ. 1) Пюи де Монтье 1219 м. 2) Пюи де Лапдамъ 1260 м. 3) Де Маркеръ 1250 м. 4) Викатель 1117 м. 5) Шармонъ 1138 м. 6) Монтаньяръ 1180 м. 7) Пюи де Самон 1886 м. 8) Пломъ Канталь 1858 м.

Библиотека "Руниверс"

чепецъ и свѣшиваетъ наростъ; во время сна кладетъ голову на средину спины, съеживается вся и выглядитъ чернымъ шаромъ изъ перьевъ, надъ которымъ странно выдаются хохолокъ и наростъ.

И. И. Хемницеръ.

(Портр. на стр. 284).

Въ нынѣшнемъ году исполнилось сто лѣтъ со дня смерти нашего извѣстнаго писателя Ивана Ивановича Хемницера. Иванъ Ивановичъ Хемницеръ, саксонецъ по происхожденію, но вполнѣ русскій по уму и симпатіямъ, родился въ 1744 г. въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его былъ смотрителемъ при сухопутномъ госпиталѣ. По окончаніи домашняго воспитанія, молодой Хемницеръ поступилъ въ военную службу, но она была ему не по душѣ, и потому, получивши офицерскій чинъ, онъ поступилъ въ Горный корпусъ. Чуждый всякаго честолюбія, онъ мало заботился о своей карьерѣ и велъ жизнь очень скромную. Свободное отъ службы время посвящалъ онъ поэзіи и въ 1778 году издалъ небольшой сборникъ своихъ басенъ. При перемѣнѣ начальства въ корпусѣ, Хемницеръ вышелъ въ отставку, но скоро нужда заставила его подумать опять о службѣ, и при помощи княгини Е. Р. Дашковой ему удалось получить видное мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ. Но разлука съ друзьями и рѣзкая перемѣна климата повліяли на его слабое здоровье, и Хемницеръ скончался въ 1784 году. Тѣло его привезено было въ Россію и погребено въ Николаевѣ.

Кромѣ переводовъ ученыхъ сочиненій по горной части, всѣ литературные труды Хемницера ограничиваются одной книжкой стихотвореній. Въ то время, когда у насъ больше всего уважались торжественныя оды и героическія поэмы, онъ избралъ для себя самый скромный родъ поэзіи — басню. Въ нашей литературѣ до тѣхъ поръ были въ этомъ родѣ только пресловутыя притчи Сумарокова, безжизненныя по содержанію и грубыя по языку. Басни Хемницера, отчасти заимствованныя у Лафонтена и Геллерта, но большею частью оригинальныя, представляютъ такіе изящные образцы въ этомъ родѣ, что автора ихъ по справедливости должно признать первымъ по времени русскимъ баснописцемъ. Къ сожалѣнію, современники не замѣтили скромной книжки, въ которой было несравненно больше поэзіи, чѣмъ въ тяжеловѣсныхъ фоліантахъ тогдашнихъ знаменитостей. Не смотря на это, въ прелестныхъ апологахъ Хемницера мы находимъ такія вѣрно подмѣченныя и характерныя черты общественнаго быта, которыя до сихъ поръ не утратили своей жизненности. Кто, напримѣръ, не знаетъ его „Метафизика?“ Этотъ вѣчный типъ полуобразованнаго враля, готоваго съ чужихъ словъ „давать толкъ неистолкуемымъ вещамъ“, и теперь живетъ въ нашемъ обществѣ, только прежнюю свою тему „сыскать начало всѣхъ началъ“ онъ замѣнилъ новыми. Не живо-ли до сихъ поръ и самое заключеніе баснописца, когда послѣ разсказа о томъ, какъ его мечтатель попалъ въ ровъ, онъ говоритъ:

Что если бы вралей и остальныхъ собрать
И въ яму къ этому, въ товарищи послать?...
Да яма надобна большая!

Въ прелестной идиллической картинѣ „Счастливое супружество“, авторъ рисуетъ нѣжную любовь и трогательное согласіе двухъ супруговъ, жизнь которыхъ, говоритъ онъ, должна служить живымъ упрекомъ для людей, утверждающихъ будто на свѣтѣ нѣтъ супружескаго счастія, и въ заключеніе прибавляетъ:

А сколько лѣтъ ихъ вѣку было?
Да сколько лѣтъ—съ недѣлю и всего,
А безъ того
На сказку-бъ походило.

Что касается чистоты языка и легкости стиховъ, то въ этомъ отношеніи Хемницеръ далеко опередилъ всѣхъ своихъ современниковъ. Его рѣчь до сихъ поръ не утратила мѣткости и читая его басни, можно сказать, что онъ предугадалъ тотъ переворотъ въ нашемъ языкѣ и стихосложеніи, который впослѣдствіи совершили Карамзинъ и Дмитріевъ.

Отчего же такой высокій талантъ не былъ замѣченъ современниками и оцѣненъ только въ недавнее время? Это зависѣло отъ обстоятельствъ, неблагопріятныхъ для баснописца. Хемницеръ изъ скромности долго не хотѣлъ издавать своихъ сочиненій, и только по настоянію друзей напечаталъ небольшую книжку, въ которую вошли всего двадцать семь басенъ. Книжка эта, изданная безъ имени автора, прошла незамѣченною при томъ авторитетѣ, какимъ пользовались тогда притчи плодовитаго Сумарокова. Затѣмъ новое, дополненное изданіе сочиненій Хемницера вышло уже въ то время, когда всѣ восхищались талантливыми баснями И. И. Дмитріева, и слѣдовательно также не обратили на себя вниманія. Наконецъ явился нашъ великій баснописецъ Крыловъ и затмилъ рѣшительно всѣхъ своихъ предшественниковъ. Такимъ образомъ басни Хемницера постоянно заслонялись сочиненіями болѣе счастливыхъ его соперниковъ въ этомъ родѣ поэзіи. Но наконецъ былъ оцѣненъ и талантъ автора „Метафизика“ и теперь имя Хемницера занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ нашей литературѣ.

С. С. Лесовскій.

(Портр. на стр. 284).

Въ среду, 29 февраля, на кладбищѣ Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря погребенъ умершій надняхъ членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, адмиралъ *Степанъ Степановичъ Лесовскій*, занимавшій въ послѣднее время видный постъ управляющаго морскимъ министерствомъ. С. С. Лесовскій принадлежалъ къ старшимъ нашимъ во флотѣ адмираламъ: онъ прослужилъ въ офицерскихъ чинахъ около 50 лѣтъ. По окончаніи курса въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, С. С. Лесовскій выпущенъ былъ на службу во флотъ въ 1835 году, 18 лѣтъ отъ роду, и съ тѣхъ поръ не покидалъ флота, въ которомъ, занимая различныя строевыя и нестроевыя должности, онъ на 28 году службы произведенъ былъ въ контръ-адмиралы (въ 1863 г.), а въ слѣдующемъ затѣмъ году зачисленъ въ свиту Его Величества. Въ 1869 г. онъ былъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта. Въ 1871 году С. С. Лесовскій былъ произведенъ въ вице-адмиралы, и, безъ всякихъ протекцій, благодаря единственно своимъ выдающимся, необыкновеннымъ способностямъ, въ скоромъ затѣмъ времени достигъ назначенія на самый высокій постъ во флотѣ, именно былъ назначенъ управляющимъ морскимъ министерствомъ. Когда въ 1881 году представлялась возможность военнаго столкновенія Россіи съ Китаемъ, и потому, на случай этой возможности, сформирована была особая морская со стороны Россіи эскадра для плаванія на водахъ Тихаго океана, въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ назначилъ главнымъ начальникомъ этой эскадры, именно генералъ-адъютанта Лесовскаго, который тогда произведенъ былъ въ полные адмиралы. Этой эскадрѣ не пришлось дѣйствовать; дѣло съ Китаемъ изъ за Кульджи уладилось путемъ мирныхъ переговоровъ, и эскадра наша возвратилась домой и была расформирована, а главный ея начальникъ получилъ высокое назначеніе быть членомъ государственнаго совѣта. С. С. Лесовскій за свою отличную службу удостоился получить почти всѣ высшія почетныя награды.

Въ послѣднее время, вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ и прежней неутомимой дѣятельности, силы Степана Степановича Лесовскаго стали замѣтно ослабѣвать, и онъ уже не могъ принимать дѣятельнаго участія въ дѣлахъ нашего флота, который онъ такъ любилъ. Состоявшійся на-дняхъ, Высочайшій рескриптъ, данный на имя Степана Степановича, заключаетъ въ себѣ Высочайшее Государя Императора сожалѣніе, что болѣзнь, или, лучше сказать, упадокъ силъ С. С. Лесовскаго, въ послѣднее время, лишили его возможности принять дѣятельное участіе въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ реформа морскаго устава, къ чему былъ призванъ именно С. С. Лесовскій и чего, за недугомъ, не могъ исполнить, а смерть его лишила возможности воспользоваться даже его совѣтами или указаніями. Высочайшій рескриптъ оканчивается знаменательными для С. С. Лесовскаго словами, что Его Императорское Величество Государь Императоръ, „высоко цѣня чувство долга, столь достойно олицетворявшееся Степаномъ Степановичемъ, сердечно желаетъ, чтобы силы Степана Степановича скорѣе окрѣпли“. Но Августѣйшему желанію не суждено было сбыться. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого рескрипта, 26 февр., С. С. Лесовскій умеръ, и въ среду 29 февр., передъ преданіемъ тѣла землѣ, въ храмѣ Св. Спиридонія, въ зданіи главнаго адмиралтейства, была совершена заупокойная литургія и отпѣваніе, и тѣло погребено въ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ.

Облачное море во Франціи.

(Рис. на стр. 285).

Нерѣдко бываетъ, что равнины центральной Франціи затягиваются густымъ туманомъ, даже просто слоемъ облаковъ, доходящихъ до земли, между тѣмъ какъ на горахъ и возвышенныхъ плоскостяхъ воздухъ чистъ и небо ясно. Это было и очень недавно, именно съ 25 по 31 декабря 1883 г. и съ 18 по 24 января текущаго года. На стр. 285 помѣщено точное изображеніе этого страннаго явленія, которое наблюдалось съ вершины Пюи-де-Дома.

Образованіе этого слоя столь низко спустившихся тучъ—послѣдствіе атмосферическихъ вихрей, начинающихся у Генуэзскаго залива и носящихся потомъ по Средиземному морю. Явленія эти часто бываютъ во Франціи: такъ съ октября 1880 года по ноябрь 1881 года, съ вершины Пюи-де-Дома, можно было восемь разъ видѣть такое чудное облачное море, покрывающее равнину, и среди этого моря вершины Пюи, цѣпи горъ Форе и Мон-Дора казались островами.

Тучи эти, окутывающія равнины какъ саваномъ, не смотря на ихъ непрозрачность, не очень густы. Нижняя ихъ часть, если она не стелется по землѣ, носится на высотѣ 500—700 метровъ и тогда она кажется плоской, горизонтальной, однообразно сѣрой. Верхняя же часть тучъ необыкновенной бѣлизны; она бываетъ то мелковолнистая, то разрозненная, то испещренная длинными продольными волнами, что придаетъ ей сходство какъ бы съ застывшею морскою зыбью; облака стоятъ на высотѣ отъ 700 до 1,200 метровъ. Такъ толщина слоя колеблется между 200 и 700 метрами. Иногда достаточно подняться на со-

Библиотека "Руниверс"

сѣдній съ Клермономъ холмъ, чтобы выйти изъ сырыхъ и холодныхъ тучъ и попасть въ область блеска солнца, теплаго и чистаго воздуха и синяго неба.

Въ средѣ тучъ часто замѣчается обиліе инея. Подъ тучами же иногда идетъ снѣгъ и мелкая изморозь. Во время такого явленія температура на двухъ станціяхъ обсерваторіи Пюи-де-Дома представляетъ большія неправильности. Въ ней замѣчаются рѣзкіе переходы, во первыхъ потому, что верхній слой, соприкасаясь съ сухимъ воздухомъ, испаряется очень быстро; во вторыхъ, теплыя теченія проходятъ на высотѣ вершины Пюи-де-Дома и наконецъ охлажденный уже во время образованія тумана воздухъ у земли, впродолженіи нѣсколькихъ дней совсѣмъ не согрѣвается солнцемъ.

29-го декабря прошлаго года, термометръ въ 7 часовъ утра, у Клермона стоялъ на 0°, а на вершинѣ Пюи-де-Дома на —7°,9. Но еще болѣе поразительная разница наблюдалась 26-го декабря 1879 года: въ тѣни на Пюи-де-Домѣ термометръ стоялъ на —4°,7, въ то время какъ у Клермона онъ показывалъ 15°,6 ниже нуля.

Герберсдорфъ.

(Рис. на стр. 288).

Существовавшее долгое время убѣжденіе, что чахоточные неизлечимы, теперь уже опровергнуто. Однимъ изъ мѣстъ, гдѣ подобные больные, въ большинствѣ случаевъ излечиваются отъ своихъ страданій, по справедливости можно назвать Герберсдорфъ въ Силезіи, вполнѣ соотвѣтствующій своему назначенію. Герберсдорфъ—лечебное заведеніе д-ра Бремера для чахоточныхъ устроено имъ въ Силезіи, въ Бреславльскомъ округѣ, въ замкнутой со всѣхъ сторонъ долинѣ. Надъ моремъ Герберсдорфъ возвышается на 1,800 футовъ; такимъ образомъ онъ лежитъ внѣ черты, гдѣ появляются болѣзни легкихъ; черта эта, по достовѣрнымъ даннымъ, начинается въ Германіи при возвышеніи почвы надъ моремъ на 1,600 футовъ. Кромѣ того одно изъ прекрасныхъ условій этого заведенія состоитъ въ мѣстоположеніи его среди горъ, вышиною до 3,000 футовъ, вполнѣ защищающихъ его отъ вѣтровъ. Дѣйствительно защита эта такъ значительна, что больные заведенія могутъ свободно прогуливаться даже въ то время, когда въ сосѣдней деревнѣ, лежащей внѣ защиты горъ, дуютъ сильные вѣтры. Всѣ горы, отъ подошвы до вершины, покрыты роскошными сосновыми лѣсами.

Лечебное заведеніе д-ра Бремера, состоявшее въ 1859 году изъ незначительнаго кургауза, благодаря возраставшему постоянно числу паціентовъ, избавлявшихся здѣсь отъ своихъ страданій, обладаетъ теперь прекрасными постройками, приноровленными ко всѣмъ потребностямъ больныхъ. Передъ двумя большими, находящимися въ нижнемъ этажѣ стараго кургауза, столовыми устроена стеклянная галлерея, которая ведетъ въ обширный садъ, служащій мѣстомъ прогулокъ во время неблагопріятной погоды. Для доставленія постоянно чистаго и здороваго воздуха въ этомъ помѣщеніи приняты всѣ мѣры. Въ то время какъ одна изъ стѣнъ сдѣлана изъ вставныхъ стеклянныхъ рамъ, на противуположной — свѣтъ доставляется громадными окнами; у этой же стѣны въ нишахъ устроены скамейки для отдыха и столы. Вся средина сада уставлена деревьями и даже во время зимы садъ пополняется множествомъ цвѣтущихъ растеній. Нѣсколько ступенекъ ведутъ отсюда въ читальный залъ. Этотъ послѣдній и прилегающій къ нему новый зимній садъ — превосходны и вентиляція въ нихъ совершенна. Стѣны читальнаго зала имѣютъ деревянную панель на треть своей вышины, остальная часть оклеена темными обоями. Очень красивъ расписанный потолокъ, покоящійся на двухъ рядахъ колоннъ. Въ этомъ залѣ зимою устраивается также сцена, на которой, до весны, даютъ представленія труппы изъ сосѣднихъ городовъ; съ весны же начинаются правильные концерты, происходящіе большею частью на открытомъ воздухѣ. Непосредственно за залой находится кабинетъ д-ра Бремера, прилегающій къ его квартирѣ. Двѣ высокія стеклянныя двери ведутъ изъ читальнаго зала въ новый зимній садъ, убранный съ необыкновенною роскошью и вкусомъ, прекрасными цвѣтами и деревьями и украшенный фонтаномъ. Выходная дверь зимняго сада прилегаетъ къ монументальной лѣстницѣ новаго кургауза, великолѣпному зданію, занимающему лѣвое крыло заведенія и выстроенному, какъ и все остальное, въ готическомъ вкусѣ; двѣ высокія массивныя башни украшаютъ входъ, чрезъ который больные попадаютъ на упомянутую лѣстницу. Большія каменныя колонны поддерживаютъ своды потолка, расписаннаго аллегорическими арабесками. Стѣны украшены также живописью на подобіе гобеленовъ. Гранитныя ступени широки, низки и удобны, на каждомъ изъ короткихъ переходовъ находятся скамейки, такъ что подъемъ не можетъ утомлять больныхъ. Въ случаѣ же крайней слабости паціента устроены также приспособленія для подъема и спуска его. Изъ обширныхъ сѣней перваго этажа по лѣвую сторону идутъ во всѣ этажи широкіе корридоры, въ которые выходятъ двери комнатъ, занимаемыхъ паціентами. Комнаты эти, различныя по величинѣ, прекрасно вентилируются и устроены со всевозможнымъ комфортомъ. Въ каждомъ этажѣ стараго и новаго кургауза находятся ванны и маленькій душъ на случай дурной погоды, къ которому впрочемъ прибѣгаютъ рѣдко, такъ какъ почти постоянно есть возможность пройти короткій путь къ главному душу, устроенному въ чертѣ заведенія. Кромѣ всего упомянутаго, въ кургаузахъ есть еще отдѣльныя—одна дамская и одна мужская зала, и слѣдуетъ прибавить, что цѣлесообразное устройство всего заведенія дѣлаетъ его образцовымъ. Всѣхъ комнатъ для больныхъ 107 въ обоихъ кургаузахъ.

Непосредственно принадлежатъ также къ заведенію нѣсколько виллъ, выстроенныхъ докторомъ Бремеромъ. Напротивъ новаго кургауза, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, находится Бѣлый Камень, вилла, названная такъ потому, что она возведена на фундаментѣ крестьянской избы, окрашенномъ въ бѣлый цвѣтъ. Немного позади стоитъ Новый Домъ, выстроенный въ одинаковомъ стилѣ съ предъидущимъ. Въ прекрасномъ мѣстѣ, немного выше обоихъ кургаузовъ, расположена вилла Роза, предъ которой два небольшіе пруда заселены золотыми рыбками и форелями. Изъ этой виллы во всѣ стороны открываются прелестные виды. Въ упомянутыхъ трехъ домахъ находится 56 комнатъ для паціентовъ; причисляя сюда еще 60 комнатъ, устроенныхъ недавно докторомъ Бремеромъ въ трехъ зданіяхъ вблизи кургауза, окажется, что общее число комнатъ доходитъ до 223, большинство которыхъ остаются занятыми почти круглый годъ.

Находящаяся при заведеніи мыза содержится въ образцовомъ порядкѣ. Тутъ находится 44 коровы и козы.

Все заведеніе доктора Бремера занимаетъ площадь въ 110 гектаровъ, изъ которыхъ 70 заняты подъ лѣсъ для прогулокъ, которыя составляютъ существенную часть лечебнаго пользованія паціентовъ. Въ расположеніи подъемовъ на горы, откуда открываются прекрасные виды, устройствѣ удобныхъ скамеекъ и креселъ—всюду видна заботливость и предусмотрительность доктора. Такъ скамеекъ и креселъ на всемъ пространствѣ лѣса поставлено 500 штукъ, что даетъ больному возможность отдохнуть во всякое время какъ только онъ почувствуетъ усталость.

Въ окрестностяхъ Герберсдорфа находится много красивыхъ мѣстъ, куда больные для развлеченія предпринимаютъ поѣздки.

Политическое обозрѣніе.

Египетъ.—Тонкинъ и Франція.—Англія.—Италія.—Испанія.

Не смотря на послѣднюю заявленную побѣду генерала Грагама надъ скопищами Османа-Дигмы, силы мятежниковъ вовсе не окончательно сломлены. Сообщенія, полученныя французскимъ генеральнымъ консуломъ въ Каирѣ, подтверждаютъ, что Хартумъ почти совсѣмъ окруженъ мятежными арабами и что на обоихъ берегахъ Нила, къ югу отъ Шенди, расположены еще ихъ большія скопища. Генералъ Гордонъ, за безопасность котораго такъ тревожились и котораго даже считали уже убитымъ мятежниками, оказывается теперь живъ и по прежнему энергиченъ, хотя положеніе его все таки довольно критическое, такъ какъ онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ войсками инсургентовъ. Онъ, какъ сообщаетъ депеша, отправилъ на пароходахъ вооруженную экспедицію, на выручку гарнизона въ Гальфійэ, который и прибылъ въ составѣ 500 человѣкъ въ Хартумъ. Что же касается порта Кассаны, то онъ еще держится и не попалъ въ руки мятежниковъ. По донесеніямъ лазутчиковъ, Османъ-Дигма находится въ бѣгствѣ; онъ, повидимому, окончательно удалился въ горы съ горстью людей, такъ что съ его стороны, пока, не грозитъ никакой опасности, тѣмъ болѣе, что попытка возбудить священную войну ему не удалась и большая часть его приверженцевъ дезертируютъ. Оцѣнка головы Османа-Дигмы и прокламація по этому поводу адмирала Гьюэта, осуждена самимъ англійскимъ правительствомъ и взята назадъ. Впрочемъ, эта прокламація имѣла очень сомнительный успѣхъ между арабами. Такъ депеша изъ Суакима сообщаетъ, что шейхи, получивъ прокламацію Гьюэта, обѣщающую денежную награду за голову Османа-Дигмы сожгли ее въ присутствіи всѣхъ своихъ воиновъ. Уже одинъ этотъ фактъ доказываетъ, что обаяніе предводителя мятежниковъ еще не поколеблено и что онъ можетъ снова собрать скопище фанатиковъ, готовыхъ по первому его зову кинуться на бой съ англичанами.

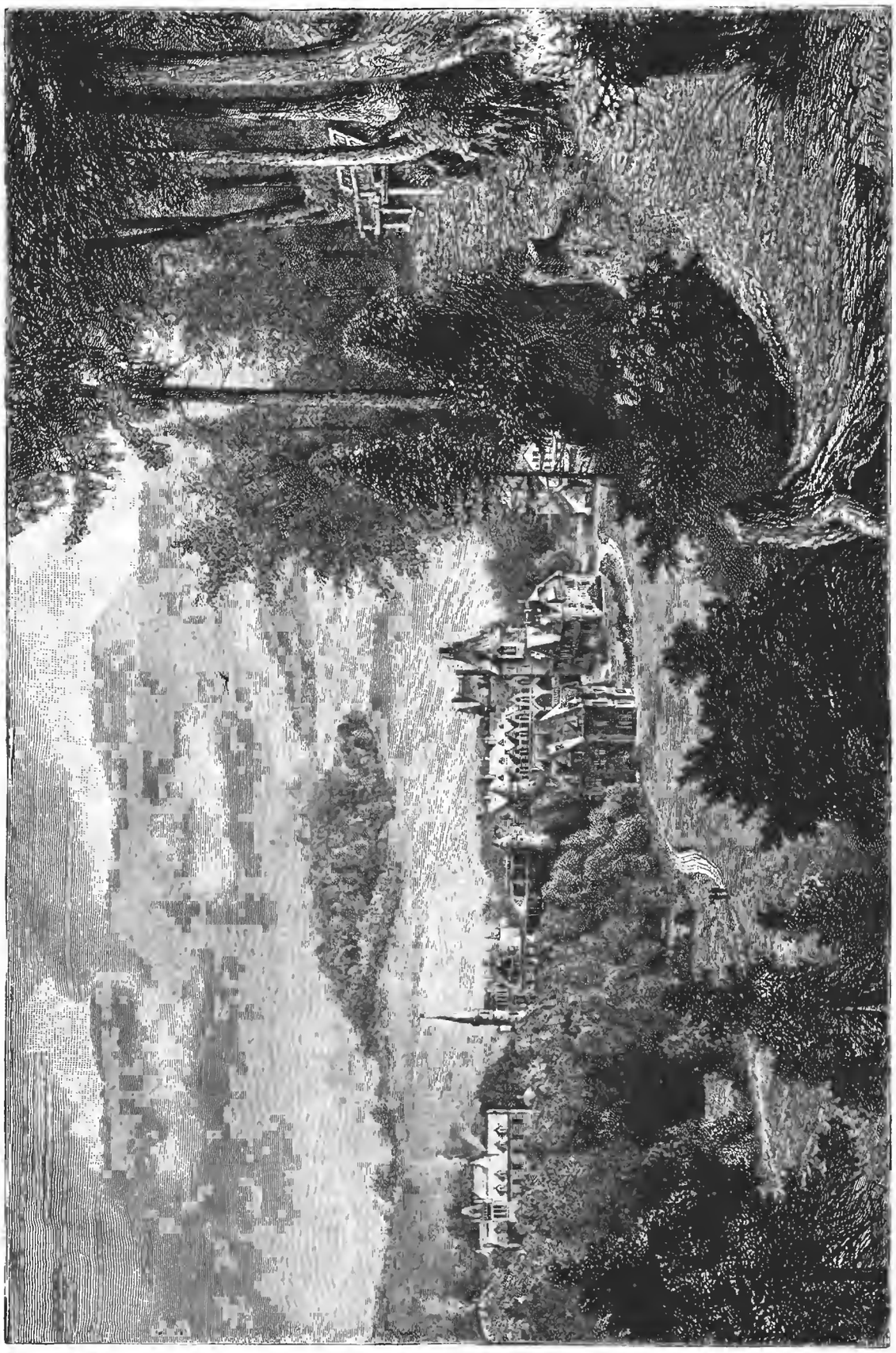
Изъ Тонкина продолжаютъ приходить вѣсти очень благопріятныя для французской политики. Продолжая наступленіе, колонны генерала Негріэ и Бріэра завладѣли фортомъ Пулангомъ и затѣмъ вытѣснили непріятеля со всѣхъ его позицій, при чемъ послѣдній побросалъ всѣ свои запасы и даже аммуницію. Впрочемъ эти мелкія побѣды не удовлетворяютъ парижскія газеты, которыя досадуютъ на то, что до сихъ поръ не было дано французами рѣшительнаго сраженія. Конечно, такое сраженіе очень желательно для французовъ, такъ какъ оно можетъ разомъ покончить войну; но китайцы, какъ видно, совершенно нерасположены вступить въ серьезный бой съ своимъ побѣдоноснымъ непріятелемъ. Ихъ отряды быстро отступаютъ и при этомъ движеніи пытаются воспользоваться неровностями почвы, чтобы защитить свои позиціи отъ одного холма до другаго. Сообщаютъ, что взятіе Бакъ-Нинга произвело сильное впечатлѣніе при Пекинскомъ дворѣ; царствующая имне-

Библиотека "Руниверс"

ратрица созвала по этому поводу военный совѣтъ для обсужденія дѣлъ, при чемъ многія изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ и, между прочимъ, принцъ Конгъ, выказали склонность на дружественное соглашеніе съ Франціей.

Праздникъ Св. Петрика, покровителя Ирландіи, не обошелся въ этой странѣ безъ сильныхъ манифестацій. Такъ на улицахъ Дублина были расклеены воззванія къ междоусобной войнѣ, но они тотчасъ же были сорваны полиціей и не произвели никакого серьезнаго безпорядка.

Въ Лондонѣ былъ устроенъ ирландцами многочисленный банкетъ подъ предсѣдательствомъ пресловутаго Парнелля, который очень откровенно совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ, равнымъ образомъ, не довѣряться какъ торіямъ, такъ и министрамъ и въ борьбѣ за свою независимость разсчитывать лишь на свои собственныя силы. Онъ даже рѣшительно объявилъ, что недалекъ тотъ день, когда всѣ Ирландцы будутъ сообща чествовать праздникъ св. Петрика, въ своемъ отечествѣ, управляемомъ національнымъ парламентомъ. „Только тогда Ирландія примирится съ Англіей—добавилъ онъ—когда наступитъ этотъ желанный день“.



Лечебн. заведенія. Герберсдорфъ (Силезія). Видъ отъ „Бѣлаго камня“. Рис. и грав. Блатенбауеръ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ Италіи снова приходятъ слухи о намѣреніи Папы покинуть Римъ. По мнѣнію однихъ, Левъ XIII удалится на островъ Мальту; другіе намѣчаютъ ему убѣжище въ Австріи. Впрочемъ послѣднее предположеніе мало вѣроятно, такъ какъ отношенія между Папой и вѣнскимъ дворомъ отличаются далеко не дружественнымъ характеромъ. Впрочемъ и самое извѣстіе, что Папа покинетъ Римъ, не внушаетъ особеннаго довѣрія, такъ какъ такіе слухи распространялись еще во времена Пія IX и никогда не осуществлялись, возбуждая лишь ложную тревогу въ рядахъ ультрамонтановъ.

Въ Испаніи правительство напало на слѣды серьезнаго заговора военно-республиканской ассоціаціи и, будучи извѣщено во время, успѣло предотвратить опасность. Какъ въ провинціи, такъ и въ столицѣ произведено много арестовъ и въ томъ числѣ лицъ довольно высокопоставленныхъ, какъ напр. генерала Веларде и Виллакампа.

Смѣсь.

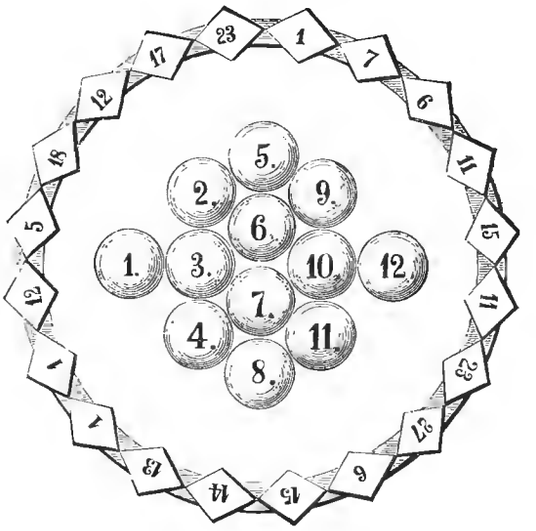
Пріѣздъ Фр. Шпильгагена въ Спб. Недавно произвелъ въ нашей столицѣ впечатлѣніе пріѣздъ къ намъ извѣстнаго германскаго романиста Фр. Шпильгагена. Романы его, въ особенности въ 60-хъ годахъ, имѣли у насъ въ переводахъ большое распространеніе и молодежь ими зачитывалась. Блестящій романистъ принятъ былъ у насъ весьма гостепріимно. Онъ встрѣченъ былъ цѣлой депутаціей еще въ вокзалѣ. Во время представленія его пьесы „Gerettet" ему сдѣланы были оваціи и поднесенъ золотой вѣнокъ, на каждомъ листкѣ котораго были вырѣзаны заглавія его произведеній. Затѣмъ ему данъ былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали почитатели таланта нашего гостя, въ томъ числѣ издатели и редакторы журналовъ и нѣкоторые изъ нашихъ даровитыхъ литераторовъ. Отвѣтная рѣчь чествуемаго гостя была весьма остроумна и интересна. Затѣмъ состоялся вечеръ въ пользу Литературнаго Фонда, давшій около 1,000 рублей сбору, на которомъ г. Шпильгагенъ превосходно прочелъ нѣсколько отрывковъ изъ своихъ романовъ. На этомъ же вечерѣ прочтена была характеристика г. Шпильгагена какъ писателя, и привѣтствуемый горячими рукоплесканіями собравшейся публики, Шпильгагенъ выразилъ въ теплыхъ словахъ какъ онъ тронутъ оказаннымъ ему гостепріимствомъ и заключилъ, что дни пребыванія въ Петербургѣ, въ его воспоминаніи навсегда останутся одними изъ отрадныхъ впечатлѣній его жизни.

Въ воскресенье 18 Марта онъ уѣхалъ обратно въ Берлинъ и былъ провожаемъ на станцію массою его знакомыхъ.

Книжная пыль. Профессоръ Лайетъ, изъ Бордо, сообщаетъ свои наблюденія о вредномъ вліяніи книжной пыли на здоровье, которыя онъ сдѣлалъ надъ лицами, занимавшимися въ тамошней факультетской библіотекѣ, во время приведенія ея въ новый порядокъ. Какъ библіотекарь, такъ и остальной персоналъ, подвергались во время занятій заболѣваніямъ лихорадкой съ сильной головной болью, воспаленіемъ слизистой оболочки глазъ, носа и дыхательнаго горла. Лайетъ нашелъ въ поднимающейся въ библіотекѣ пыли громадное число живыхъ, двигающихся вибріоновъ и микрококовъ, которые дѣлались неподвижными послѣ хлороформированія.

Глубочайшіе пункты моря. Наибольшую, до сего времени найденную, глубину моря имѣетъ Атлантическій океанъ въ пунктѣ, лежащемъ подъ 19°, 39', 10" сѣверной ширины и 60°, 26'. 5" западной долготы, гдѣ она по измѣреніямъ американскаго парохода „Бляке" доходитъ почти до 8 верстъ. Вторая наибольшая глубина находится въ томъ же океанѣ подъ 19°, 23', 30" сѣверной широты и 66°, 11', 45" западной долготы и равняется 7¼ верстамъ.

Задача № 12.



Расположить шары противъ нѣкоторыхъ изъ чиселъ кольца частью внутри кольца, частью же со внѣшней стороны кольца, такимъ образомъ, чтобы, придавая числа внѣшнихъ шаровъ къ числамъ кольца, противъ нихъ находящимся, и вычитая числа внутреннихъ шаровъ изъ чиселъ кольца противъ нихъ находящихся, получить числа даннаго кольца соотвѣтствующими мѣстамъ буквъ въ русской азбукѣ одной пословицы. Какая эта пословица?

СОДЕРЖАНІЕ: **Князь Николай Алексѣевичъ Орловъ** (съ портр.).—**Ненапечатанное стихотвореніе М. Ю. Лермонтова. Одиночество.**—**Въ старой Москвѣ.** Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ, **Гр. Е. А. Салиаса.** Часть вторая. (Продолженіе).—**Отъ ландсннехта до министра.** Историческій очеркъ.—Стихотворенія **П. Гнѣдича и К. Случевскаго.**—**Римская красавица** (съ рис.).—**Манлій Капитолійскій** (съ рис.).—**Зонтичная птица** (съ рис.).—**И. И. Хемницеръ** (съ портр.).—**С. С. Лесовскій** (съ портр.).—**Облачное море во Франціи** (съ рис.).—**Герберсдорфъ** (съ рис.).—Политич. обозр.—Смѣсь.—Задача.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

БОЛЬШОЕ ПОМѢЩЕНІЕ

подъ торговое или промышленное заведеніе отдается съ 1-го іюня. Прачешный пер., д. № 5.

№ 3224

С.-Петербургская Химическая Лабораторія

ЯИЦА ИЗЪ МЫЛА прозрачн. и непрозрачныя.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ХРУСТАЛЬНЫХЪ И БРОНЗОВЫХЪ ЯИЦЪ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ

БЕЗВРЕДНАЯ

КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ

разрѣшена С.-Петерб. Врачебнымъ Управленіемъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Невскій проспектъ, домъ № 32, Католической церкви.

Невскій проспектъ, домъ № 66, у Аничкова моста.

Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Магазинъ въ Москвѣ:

Кузнечный мостъ, домъ Третьяковыхъ.

Кромѣ вышеозначенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.

Контора, фабрика и оптовый складъ: Измайловскій просп., № 21, собственный домъ, въ С.-Петербургѣ. Р. № 3263 2—1

ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА

„ЭЛЕОПАТЪ" употребляется противъ выпаденія и столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, и признанъ незамѣнимымъ, вѣрнымъ и развивающимъ густоту волосъ, безподобнымъ средствомъ.

„Элеопатъ" только пров. Кинунена имѣется уже къ услугамъ публики во всѣхъ город. Имперіи; въ С.-Петербургѣ: въ магаз. гг. Штоль и Шмидтъ, въ Общ. Торг. Аптек. Товарами и другихъ большихъ магазинахъ, а также аптекахъ и у дрогистовъ. Цѣна флакону, содержащему 120 грам., 1 р. 50 к. въ обѣихъ столицахъ Рос. Имп.

Жители уѣздныхъ городовъ и друг. провинцій выписываютъ **только „ЭЛЕОПАТЪ" провиз. Кинунена**, изъ ближайшихъ отъ себя губернск. и уѣздн. Аптекъ, вообще гдѣ только имѣется Аптекарск.-Косметическ. магаз., но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 р.—почтовый расходъ на счетъ покупателей.

СПРАШИВАЙТЕ

ПРОВ. КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу **новая книга:**

ЛАВРЫ И ТЕРНІЯ. Mt. № 3253

Романъ-хроника въ 2-хъ частяхъ изъ временъ послѣдней русско-турецкой войны.

Н. ЛАНСКОЙ.

Спб. 1884 г. болѣе 500 стр. **Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылк. 1 р. 75 к.** Главный складъ—въ книжномъ магазинѣ И. Луковникова (бывшій В. Цвылева). Спб. Фонтанка, № 41.

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

КОРМОВОЕ РАСТЕНІЕ.

SYMPHYTUM ARPER. (ЖИВОКОСТЬ).

Многолѣтнее, поспѣваетъ въ половинѣ мая, даетъ 3—4 урожая въ лѣто, каждый разъ по 4—5 тысячъ пудовъ десят. Разводится дѣленіемъ корня. Отъ одного куста получается до ста и болѣе саженцовъ. Заказы на количество не менѣе десяти кустовъ принимаются, по цѣнѣ 1 руб. за кустъ, въ конторахъ Комп. „Работникъ": **Москва**, Воздвиженка, д. № 11, а также въ Спб. и Кіевѣ. Заказчики получаютъ подробное наставленіе о разведеніи, уходѣ и пользованіи этимъ растеніемъ. И. № 3250 3—1

НОВОСТЬ: КРАСКИ БЕЗЪ ВОДОРОДА.

Спеціальный складъ и продажа готовыхъ твердо и скоровысыхающихъ масляныхъ, лаковыхъ и другихъ прочныхъ красокъ. Прейсъ-курантъ по востребованію **безплатно.** С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, уголъ Фонарнаго переулка, домъ № 18—85.

№ 3270 2—1 **К. И. ГОФЕ.**

МЕБЕЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ И ФАБРИКА

№ 3239 **Г. В. БЮХТГЕРА** 3—2

поставщика Двора Е. И. В. Велик. Князя Михаила Николаевича, **переведены въ собств. домъ, по Англійск. проспекту, № 10,** 3-й домъ съ Мойки. Заведеніе, удостоен. разными медалями и наградами принимаетъ всевозможные заказы архитектурно-столярныхъ, рѣзныхъ, церковныхъ (иконостасы, кіоты), обойныхъ и декоративныхъ работъ по готов. оригинальн. рисункамъ знаменитыхъ архитекторовъ и по другимъ моделямъ.

Самый большой выборъ готовой мебели въ русскомъ, древнемъ и друг. стиляхъ.

„Маленькій ГЕНЕРАЛЪ-БАСЪ или ИГРА въ МУЗЫКАНТЫ".

Новая, очень интерес. и полез. игра для дѣтей ц. 60 к., съ пер. во всей Рос. 90 к.

„КОКОКО и РОКОКО".

Чрезвычайно забавная азбука; дѣти шутя выучиваютъ буквы и слова, 2-ое изд. исправ. съ 42 картинками ц. 90 к., съ пер. во всей Рос. 1 р. 30 к. НОВОСТЬ! **для дѣтей изящный КНУТИКЪ складной, весьма оригинальный** (педагогическій); въ немъ азбучка, картинки, сказки Птички-Невелички и проч., ц. 65 к. съ перес. во всей Рос. за 95 к.; **также высылается игра въ „ЛОШАДКИ" съ новымъ педагогическимъ кнутикомъ съ возжами,** въ изящной коробкѣ за 1 р. 75 к. въ Азіат. Рос. за 2 р. Обращаться слѣдуетъ въ мастерскую дѣтскихъ игръ **Б. И. Шайневича,** въ С.-Петерб. Торговая ул., д. № 3.

ИГРЫ и ЗАБАВЫ **Шайневича,** получить можно во всѣхъ игрушечныхъ магазинахъ С.-Петерб. и Москвы. № 3267

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ ИЗОБРѢТЕННЫЙ БРОКАРЪ и К°.

№ 3091 25—5

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ

лучшій аппаратъ для тушенія пожаровъ зачаткѣ и поливки цвѣтовъ по 16 р. Упаковка 40 коп.

РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА

товарищества Буркгартъ и Урлаубъ, самая простая, дешевая, легкая и прочная настоящаго времени имѣется у насъ на складѣ 10 разн. размѣровъ—наименьшая выбрасив. 500 ведеръ воды въ часъ и стоитъ 115 р. Наибольшая—1800 ведеръ и стоитъ 400 р.

Насосы ручные, приводные и паровые для всѣхъ возможныхъ цѣлей.

ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЛЯ

лучшій паровой насосъ настоящ. времени.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МАШИНЪ ВСЯКАГО РОДА.

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ

С.-Петерб. В. О. 1 л. № 14. Москва, Мясницкая д. Сытова.

„Просимъ не смѣшивать нашу фирму съ другими, схожими на нашу фамиліи".

Иллюстр. катал. безплатно. № 3249 6—1

EAU D'HOUBIGANT

la plus appréciée pour la toilette.

Houbigant parfum. de la Cour de Russie Paris.

НОВОСТЬ

сто разноцвѣтныхъ облатокъ **СЪ РАЗН. ПОСЛОВИЦАМИ** въ красивой коробочкѣ **25 к.** 4короб. съ пересылкою **1 р.** 12коробочекъ **2 руб.** въ писчебумажномъ магазинѣ **А. Койранскаго** Тверская, Савинское подворье въ **Москвѣ. Коробка французской бумаги съ конвертами** съ **разно-цвѣтно-тисненными буквами или полными именами 70 к.** на цѣлой **1 р.** на Англійской Рипсовой **1 руб. 50** коп. пересылка за 5 фунтовъ.

Чернилы Леонарди.

Хорошо знакомы! нѣсколько разъ удостоены преміями. **Амстердамъ 1883: золотая медаль**

торговая марка.

Получить можно въ почти всѣхъ торговляхъ бумагою и канцелярскими принадлежностями въ Россіи

Отъ поддѣлки предостерегаютъ.

Aug. Leonhardi, Dresden.

учрежд. 1826.

Изобрѣтатель патент. Алицаринобыхъ чернилъ.

ОРГАНЫ, МУЗЫКАЛЬНЫЯ МАШИНЫ И ОРКЕСТРІОНЫ

собственной фабрики за границей, рекомендуемъ въ особенности для гг. содержателей

ТРАКТИРОВЪ, ГОСТИНИЦЪ, КЛУБОВЪ и пр.

Продажа по фабричнымъ цѣнамъ машинъ и оркестріоновъ; по желанію покупателей отпускаемъ въ РАЗСРОЧКУ.

Иллюстрированный каталогъ высылается по требованію безплатно.

Съ заказами просимъ обращаться въ нашъ главный складъ музыкальныхъ машинъ: **Москва, Петровка, домъ бывш. Лазарика.**

Мѣ. № 3252 1—1 **МОЗЕРЪ И БЛЕССИНГЪ.**

ЧУГУННО-МѢДНО-ЛИТЕЙНЫЙ И МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

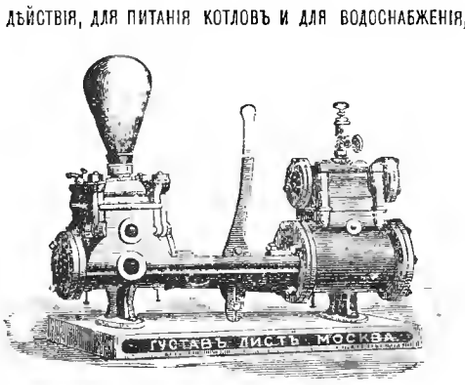
ГУСТАВЪ ЛИСТЪ ВЪ МОСКВѢ

РЕКОМЕНДУЕТЪ ПРЯМОДѢЙСТВУЮЩІЕ

НОВЫЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКІЕ ПАРОВЫЕ НАСОСЫ

ПРЕВОСХОДНАГО ДѢЙСТВІЯ, ДЛЯ ПИТАНІЯ КОТЛОВЪ И ДЛЯ ВОДОСНАБЖЕНІЯ,

Можно видѣть въ дѣйствіи въ заводѣ.



№ 3219 **ПО СЛѢДУЮЩЕМУ ПРЕЙСЪ-КУРАНТУ:** 5—2

Діаметръ цилиндр. пароваго	Діаметръ цилиндр. насоснаго	Ходъ поршней	Діаметръ водян. трубъ	Діаметръ паровой трубы	Діаметръ паровыпускной трубы	Число ходовъ въ минуту	Количество воды въ часъ ведеръ	Цѣна Руб.
3"	1½"	6"	1¼"	½"	¾"	150	125	150
3"	2"	6"	1¼"	½"	¾"	150	225	170
4"	2"	9"	1¼"	¾"	1"	150	150	190
4"	3"	9"	2"	¾"	1"	120	550	220
6"	3"	12"	2½"	1"	1¼"	100	680	275
6"	4"	12"	3"	1"	1¼"	100	1200	300
6"	6"	12"	4"	1"	1¼"	100	2700	435
8"	3"	12"	2½"	1½"	1¾"	100	680	380
8"	4"	12"	3"	1½"	1¾"	100	1200	425
8"	6"	12"	4"	1¾"	1¾"	100	2700	525
10"	4"	12"	3"	1¾"	2"	100	1200	500
10"	6"	12"	4"	1¾"	2"	100	2700	600
12"	4"	12"	3"	2¼"	2½"	100	1200	625
12"	6"	12"	4"	2¼"	2½"	100	2700	750

ВЪ МОСКВѢ. *Аптекарскій магазинъ* *Р. Кемеринкъ* ВЪ МОСКВѢ.

Ц. № 3104 7—1

ВОСЕМЬ РАЗЪ ИЗЪ ДЕСЯТИ

МИГРЕНИ и НЕВРАЛЬГІИ УСПОКОИВАЮТСЯ въ нѣсколько минутъ

ПЕРЛАМИ СКИПИДАРНОЙ ЭССЕНЦІИ Д-РА КЛЕРТАНА.

Каждый флаконъ заключаетъ въ себѣ 30 перловъ, отчего леченіе обходится въ нѣсколько копѣекъ.

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Если мигрени происходятъ отъ дурнаго состоянія желудка или отъ запора, слѣдуетъ употреблять

УГОЛЬ Д-РА БЕЛЛОКА.

Требовать на этикетѣ подпись. Dr Bellos

Скипидарная эссенція, заключающаяся въ **перлахъ Д-ра КЛЕРТАНА,** химически чиста.

Требовать на каждомъ флаконѣ подпись. Clertan

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО

19, RUE JACOB, ПАРИЖЪ.

НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ. № 2912

Библиотека "Руниверс"

НОВО! ПОЛЕЗНО! НЕОБХОДИМО!

ПОДАРКИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ВЗРОСЛЫХЪ.

Дальнозоръ, состоящій изъ 2 стеколъ, надѣв. на обыкнов. палку и гуляя можно видѣть на 5 верстъ. Ц. 3 р. съ пер. **Птицеловъ**, ц. 2 р. **Костюмы** всѣхъ народовъ, всѣ за 50 к. **Самоможитель** со стрѣлкой, показ. произведеніе 50 к. **Рыболовство**, приборы и руководство съ мног. рисунк., ц. 2, 3 и 5 р. **Гимнастика**: приборы и руководство съ мног. рисунк., ц. 2 р. и дор. **Самосвѣть-спичечницы** (карман. и стол.) и доски для дверей съ любою надписью, ц. 50 к., 2 р. и 3 р. Самосвѣтящаяся краска отъ 1 р. **Самофотографъ**, которымъ каждый можетъ отпечатать сколько угодно фотограф. карточекъ, ц. 2 р., съ пер. 3 р. **Аппараты** для рисованія безъ умѣнія: **пантографъ и камера-люцида**, которыми каждый можетъ забавляясь выучиться рисовать замѣчательно скоро, **камера-обскура. Каллиграфъ** (которымъ каждый скоро можетъ выучиться писать безъ затраты бумаги). Аппаратъ для волоченія и серебренія, всѣ по 1 р. 50 к. съ пер. **Гальванопластика. Электричество. Живопись брызгами. Работа изъ струженъ** по 50 к. съ пер. **Геліоминіатюра, метахромія**, для раскрашиванія фотографій и иллюстрацій безъ умѣнія по 5 р., пер. за 5 ф. Всѣ приборы для вышиванія отъ 5 руб.

НОВО!! Небывалые фокусы: **Ясновидѣніе 2 р., Смѣнальна** 75 к., **Чудо-портмоне, Чудо-зерналo, магич. фотографія** и еще 7 интересн. вещей за 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. **20 антиспиритическихъ** опытовъ (новѣйшихъ фокусовъ Казнера, Удена, Германа и др.) 4 р. съ пер. За 30 фокусовъ 5 р. съ пер. Каталогъ высылается за 7 к. марку. **Продажа** оптомъ и въ розницу.

ВСѢ ЦѢНЫ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Всѣ вещи, опубликованныя съ 1872 г. мною и друг. фирмами, высылаются мною немедленно на сумму не менѣе 2 р. № 3257

Адрес.: Выставка новыхъ изобрѣтеній, I. Зегмиль, Невскій пр., № 4. СПБургъ.

Лучшее средство

мѣховые и шерстяные предметы сохранять

ПРОТИВЪ МОЛИ.

Изъ толстой резиновой матеріи заготовлены

ГЕРМЕТИЧЕСКІЕ МѢШКИ,

которые двойными захватами съ мѣдными крылообразными винтами совсѣмъ герметически закрываются. Цѣна съ пересылкою по почтѣ: для одной—5 р. 50 к., для двухъ—8 руб.; для трехъ—9 руб., и для шести шубъ 14 руб. № 3238 3—2

Кромѣ назначенныхъ шубъ помѣщается еще много мелкихъ вещей.

Складъ резиновыхъ товаровъ

Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ.

БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ, № 36.

ПОКУПАЮТЪ ДРЕВНОСТИ

ИЗЪ

ЗОЛОТА и СЕРЕБРА,

какъ-то: **золотыя эмальированныя табакерки, серебряныя кружки, кубки, бокалы, блюда и кувшины** и вообще всякаго рода **древности, изящной работы прошлыхъ столѣтій** до временъ Екатерины II-й.

Просятъ адресоваться лично или письменно: **г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ**, Москва, Малая Дмитровка, домъ графа Васильева-Шиловскаго. № 3189 6 3

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ
22-ГО АПРѢЛЯ 1884 ГОДА
послѣдуетъ

РОЗЫГРЫШЪ

XLVI ЛОТЕРЕИ
въ пользу
С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ДѢТСКИХЪ ПРІЮТОВЪ
ДЛЯ 5000 ПРИЗРѢВАЕМЫХЪ ИМИ ДѢТЕЙ
ВЪ ЗАЛѢ ОПЕКУНСКАГО СОВѢТА ПО КАЗАНСКОЙ УЛИЦѢ ДОМЪ № 5.
ВСЕГО **600** ВЫИГРЫШЕЙ
ИЗЪ НИХЪ ГЛАВНѢЙШІЕ:

Одинъ выигрышъ 225 фунтовъ серебра 84 пробы столовый и чайный сервизы въ 8,000 руб.
Четыре — по 1,000 рублей . . . . . 4,000 „
Два — по 500 „ . . . . . 1,000 „
Остальные пятьсотъ девяносто три выигрыша состоятъ изъ вещей серебряныхъ и Высочайше пожалованныхъ цѣнностію на . . . . . 14,000 „

БИЛЕТОВЪ НА ЛОТЕРЕЮ НАЗНАЧЕНО 50,000
ЦѢНА БИЛЕТУ 1 РУБЛЬ.

Билеты можно получать въ канцеляріи Совѣта дѣтскихъ пріютовъ, по Казанской улицѣ, въ домѣ № 5, въ магазинахъ и въ кондитерскихъ. Иногородные же могутъ обращаться со своими требованіями въ С.-Петербургъ, въ Канцелярію Совѣта по упомянутому адресу, или же для **БОЛЬШАГО УДОБСТВА**—въ одинъ изъ ближайшихъ къ мѣсту ихъ жительства дѣтскихъ пріютовъ въ слѣдующихъ городахъ: Архангельскѣ, Витебскѣ, Владимірѣ, Воронежѣ, Вольскѣ, Вяткѣ, Гродно, Екатеринбургѣ, Екатеринославлѣ, Елабугѣ, Енисейскѣ, Елисаветградѣ, Иркутскѣ, Калугѣ, Кишиневѣ, Ковнѣ, Минскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Новомосковскѣ, Оренбургѣ, Острогожскѣ, Одессѣ, Петрозаводскѣ, Перми, Полтавѣ, Ростовѣ на Дону, Самарѣ, Смоленскѣ, Старобѣльскѣ, Таганрогѣ, Тамбовѣ, Тобольскѣ, Троицкосавскѣ, Томскѣ, Тулѣ, Трубчевскѣ, Угличѣ, Херсонѣ, Холмѣ (Псковской губ.), Чинѣ, Ярославлѣ, Иркутскѣ, а также въ канцеляріяхъ Губернаторовъ: въ Эривани, Ревелѣ, Каменецъ-Подольскѣ и Баку. № 3258 1—1

ВЫИГРЫШИ НЕВОСТРЕБОВАННЫЕ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ШЕСТИ МѢСЯЦЕВЪ СО ДНЯ РОЗЫГРЫША БУДУТЪ СЧИТАТЬСЯ ПОЖЕРТВОВАННЫМИ ВЪ ПОЛЬЗУ СПБ. ДѢТСКИХЪ ПРІЮТОВЪ.

Выигрыши будутъ выдаваться лишь предъявителямъ подлинныхъ и цѣльныхъ билетовъ.

КОМИТЕТЪ НЕ ОТВѢЧАЕТЪ ЗА ВѢРНОСТЬ ТОЛЬКО ТОЙ ТАБЛИЦЫ ВЫИГРЫШЕЙ, НА КОТОРОЙ БУДЕТЪ ЗНАЧИТЬСЯ: ИЗДАНІЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СОВѢТА ДѢТСКИХЪ ПРІЮТОВЪ.

Въ книжномъ магазинѣ И. А. РОЗОВА, въ Кіевѣ

только что поступилъ въ продажу 4-мъ изданіемъ „ЮЖНО-РУССКІЙ ОРНАМЕНТЪ" собранный А. ЛИСЕНКО, изд. измѣненное, **съ прибавленіемъ русскихъ узоровъ въ фигурахъ, собранныхъ М. Хрущевой. Изд. И. А. Розова.** Роскошный альбомъ, вмѣщающій въ себѣ множество самыхъ красивыхъ и разнообразныхъ узоровъ для вышиваній мужскихъ и женскихъ рубахъ, фартуховъ, полотенецъ, скатертей, салфетокъ и проч. и алфавиты для мѣтки. **Въ настоящему 4-му изданію прибавлено 6 листовъ русскихъ узоровъ въ фигурахъ, М. Хрущевой, чрезвычайно красивыхъ въ вышиваніи: русская пляска, ѣзда на тройкѣ, гаданіе, игральныя карты, хороводы и пр.** Настоящее изданіе по роскоши и разнообразію всевозможныхъ узоровъ, превосходитъ прежнія, вышедшія раньше, 3 изданія и все существующее въ этомъ родѣ. Издатель не пощадилъ труда и средствъ, чтобы настоящій альбомъ орнаментовъ вышелъ дѣйствительно образцовымъ и служилъ бы настольною и необходимою вещью для дамъ и дѣвицъ. При всѣхъ улучшеніяхъ какъ съ технической, такъ съ художественной стороны и большими добавленіями, назначена та же цѣна, что и на первыя три изданія—**2 р. 50 к., а съ пересылкою 3 р.** Укупорка въ доскахъ. (Книжнымъ и галантерейнымъ магазинамъ дѣлается уступка).

Яноби. (Профес. дѣтскихъ болѣзней въ Нью-Іоркѣ) **Уходъ за дѣтьми и выкармливаніе ихъ. Изд. 2-е. 1884 г.** Ц. съ пересылкою **1 р. 50 к. Примѣчаніе:** въ этой книгѣ авторъ подробно и популярно знакомитъ съ діэтетикой дѣтей со дня рожденія и заканчиваетъ главой: „Время, когда слѣдуетъ начинать обученіе".

Подвысоцкій В. Кефиръ (бродило и напитокъ изъ коровьяго молока), его исторія, приготовленіе, составъ, физіологическое и терапевтическое значеніе. **Изд. 3-е, дополненное.** Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Шевченко Т. „Кобзарь" (на малорусскомъ языкѣ) изданіе полнѣе прежнихъ 1883 г. Ц. въ бумажкѣ съ пересылкою 3 р. 50 к. а на веленевой бумагѣ, въ роскошномъ англійскомъ переплетѣ, съ перес. 5 р. 50 к.

Раевскій П. Сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта, 2 книги, цѣна каждой по 1 р., а съ пересылкою по 1 р. 20 к. **Примѣчаніе:** Настоящія сцены вышли 4-мъ изданіемъ и распроданы въ количествѣ 10,000 экз.; это объясняется ихъ содержательностію и величайшимъ юморомъ и притомъ онѣ доступны пониманію каждаго читающаго.

Всѣ вышеозначенныя изданія высылаются въ день полученія денегъ (мелочи можно высылать марками). **Адресъ: КІЕВЪ, КНИГОПРОДАВЦУ-ИЗДАТЕЛЮ И. А. РОЗОВУ.** № 3259 2—1

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ **ДУХИ КАДРЮПЛЬ** (EXTRAITS QUADRUPLES)

для носовыхъ платковъ, платьевъ, кружевъ и пр.

Lohse's Maiglöckchen	Лозе—Ландышъ
Lohse's Héliotrope blanc	Лозе—Бѣлый Геліотропъ
Lohse's Königin der Nacht	Лозе—Королева ночи
Lohse's Excelsior-Bouquet	Лозе—букетъ Эксельсіоръ

въ обыкновенныхъ флаконахъ 1 р. 50 к. и большихъ.

NEU: Lohse's Gold Lilie | НОВОСТЬ: Лозе—Золотая лилія

удостоены высшими наградами на всѣхъ международныхъ выставкахъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ придворный парфюмеръ Ея Имп. Вел. Императр. Германской. Поставщикъ Ея Имп. Выс. Наслѣдницы Германск. престола и пр. **БЕРЛИНЪ, W.** Jaeger-Strasse 48.

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ Россійской Имперіи. Ц № 3221 12—3

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА.

С.-Петербургъ. Невскій проспектъ. № 21. Предлагаетъ свои услуги по всѣмъ банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью, за самое умѣренное вознагражденіе.

Контора открываетъ **АГЕНТСТВА** въ провинціи.

ССУДЫ подъ залогъ 0/0 бумагъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Контора выдаетъ

Изданная конторою брошюра: **„РУКОВОДСТВО КЪ ПРАКТИЧЕСКОМУ ОЗНАКОМЛЕНІЮ СЪ БАНКОВЫМИ ОПЕРАЦІЯМИ И КЪ ОБЛЕГЧЕНІЮ СНОШЕНІЙ ИНОГОРОДНОЙ ПУБЛИКИ СЪ КОНТОРОЮ"** высылается по требованію безплатно. Р. № 3245 8—2

СПАСАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТЪ.

Помощью этого аппарата можно спуститься въ одну минуту безопасно и спокойно изъ высоты на землю. Объемъ его равняется приблизительно величинѣ карниза, а потому и можно его легко везти съ собой. Цѣна за 45 футовъ высоты **15 р.**, за каждые превышающіе 20 футовъ **1 руб.** дороже. На пересылку прибавляются вѣсовыхъ за 10 фунт. **Фридр. Штейнхенъ.**

Вас. Остр. Средн. пр., д. 36, кв. 28 въ С.-Петербургѣ.
Mt. № 3254 1—1

АМЕРИК. ЦѢПОЧКИ ДЛЯ ЧАСОВЪ

единственный складъ у Василія Аурихъ. С.-Петербургъ, Бол. Морская 17. Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство что не почернѣютъ—5 лѣтъ.

Мужскія въ 3 р. 50 к., 4 р., 4 р 50 к и 5 р.
„ двойныя 6 р.
Женскія съ кисью 4 р. 50 к. **Берлокъ** 50 к. Пересылка 50 к. Торговцамъ скидка! № 3260 3—1

ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ
ОСКАРЪ БОГДАНОВИЧЪ ПИЛАЦКІЙ

имѣетъ честь предложить **гг. любителямъ** отборные Байховые чаи перваго весенняго сбора съ южныхъ плантацій „Фуцзяна", изъ которыхъ особенного вниманія заслуживаютъ нижеслѣдующіе сорта:

№	Черные.	Р.	К.
5.	Царскій букетъ аромат. мягкій.	2	—
6.	Чин-кин-кулонгъ необыкн нѣжн.	2	20
8.	Индѣйская Роза рѣдкостн. аром.	2	50
10.	Гуанзонгъ самый высочайшій.	3	—
12.	Седжунъ въ четал. б. сильн. аст.	2	50
	Цвѣточные.		
17.	Маютанъ Пяха цвѣточный чай	4	—
19.	Юн-фо-чо-дзи	10	—
20.	Жемчужный зеленый	4	—
22.	Ханскій зеленый	10	—
24.	Сянь-Пхинь желтый	6	—
26.	Сіофаюнъ-Пандженъ	10	—

Вышепоименованные сорта постоянно поставляются **по Дворамъ Его Императорскаго Величества и Ихъ Высочествъ.**

Для подарковъ имѣются чаи „Лянцины" въ шелковыхъ и черные—въ метал. банкахъ.

Оптово-розничные склады находятся:

Въ Москвѣ: 1) Большая Лубянка, № 121, 2) Уголъ Тверской и Охотнаго ряда, № 9/10.

Въ Петербургѣ: 1) Невск. просп., противъ Николаевск. ул., № 100, 2) Больш. Морская, противъ Яхтъ-Клуба, № 38.

Въ Варшавѣ: 1) На Маршалковской ул., № 40, 2) на Медовой ул., № 496.

Въ Люблинѣ, Краковск. предм., № 19 а.

Въ Ригѣ, Королевская ул., № 4

изъ которыхъ всѣ заказы выполняются немедленно и пересылаются почтою во всѣ города Россійской Имперіи на счетъ складовъ. Прейсъ-куранты высылаются безплатно. Гг. иногородные торговцы благоволятъ на условіяхъ также обращаться въ вышепоименованные склады. Ц. № 3269 3—1

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ

ЖИВОПИСЕЦЪ-САМОУЧКА.

Полезный подарокъ для всякаго возраста.

Приборъ и брошюра для изученія живописи акварелью по бумагѣ, дереву, матеріи, стеклу и т. п., причемъ не требуется предварительнаго знанія рисованія, и доступно по простотѣ способа даже дѣтямъ. Въ брошюрѣ 14 объяснительныхъ рисунковъ и прибавленіе о **геліоминіатюрѣ**,—самомъ легкомъ способѣ раскрашивать фотографическія карточки, безъ знанія живописи

Полный приборъ содержитъ: въ изящно полированномъ ящикѣ 10 шаблон. кистей, 10 стеколъ, 10 разныхъ красокъ въ стеклянныхъ трубочкахъ, 1 стеклянную трубочку съ гумми-арабикой, 1 стеклянный шлифованный курантикъ, 1 акварел кисточку, лекалы, шаблоны и рисунки. *Цѣна прибора съ брошюрою 3 руб., брошюра отдѣльно 50 коп. на пересылку и упаковку 1 руб., въ Сибирь за особую упаковку 2 руб.*

Продается у издателя, гравера **А. Койранскаго**, Москва, Тверская, д. Саввинскаго подворья, противъ бриллiантщика Махалова, и во всѣхъ лучшихъ эстампныхъ магазинахъ.

Покупающіе у издателя могутъ видѣть образцы работы по этому способу, наглядно ознакомиться съ нимъ и **въ теченіи 15 минутъ въ состояніи будутъ приготовить небольшой рисунокъ красками.** Продавцамъ обыкновенная уступка. Ц. № 3256 1—1

Библиотека "Руниверс"

GRANDS MAGASINS DU LOUVRE

LES PLUS VASTES DE LA RUSSIE

63 Moïka maison Kononoff 63

Grande mise en vente des hautes Nouveautés de la saison de printemps en robes, costumes, confections, jaquettes pince-taille, Waterproofs, mantelets etc. et tissus en tous genre. Nos objets confectionnés tiennent toujours le premier Rang parmi les Nouveautés les plus recherchées

DE PARIS.

№ 3261

Comptoir Special de lingerie pour trousseaux. Expedition en province contre remboursement.

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ

въ С.-Петербургѣ, Гостиный дворъ, 17 и 18 и въ Москвѣ, Петровка, д. Михалкова,

ПРОДАЮТСЯ ПОДАРКИ НА ПАСХУ ДЛЯ ДѢТЕЙ:

СВЯТАЯ НЕДѢЛЯ.

Разсказъ изъ русскаго народнаго быта для дѣтей, съ 6-ю свѣтописными, большими, раскрашенными картинами.

1 т. въ 4 д. л. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

Книга эта знакомитъ маленькаго читателя съ жизнью крестьянской семьи во время праздника Св. Пасхи. Живое описаніе праздничныхъ игръ и забавъ деревенскихъ ребятишекъ и ихъ беззаботное веселье, навѣрно, заинтересуютъ маленькаго читателя. По своимъ оригинальнымъ и художественнымъ рисункамъ книжка эта невольно остановитъ на себѣ вниманіе не только дѣтей, но и взрослыхъ.

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРІЯ.

36 большихъ картинъ въ листъ для наглядного обученія.

Ц. въ папкѣ 4 р., съ пер. 5 р.

ИСТОРІЯ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

Господа и Спаса нашего Іисуса Христа,

кратко изображенная въ разсказахъ для дѣтей.

Въ 12 д. л., съ 8 раскрашенными картинами, гравированными на стали.

Ц. 75 к., съ пер. 1 р. 25 к.

Здѣсь вся жизнь Спасителя разсказана въ краткихъ повѣствованіяхъ, отличающихся простымъ, но крайне изящнымъ способомъ изложенія, и съ необыкновеннымъ искусствомъ приспособленнымъ къ понятіямъ дѣтей. Въ концѣ каждой главы приложены и вопросы; дѣти, отвѣчая на эти вопросы, по прочтеніи главы, стараются усвоить своему разсказу всю прелесть прочтенного ими изложенія. Книга издана изящно и украшена хорошими картинками.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ СВЯЩЕННОЙ ИСТОРІИ

Ветхаго и Новаго Завѣтовъ.

Въ 4 д. л., съ 30 гравированными на стали таблицами, представляющими болѣе 300 сценъ изъ священнаго писанія.

Въ богатомъ переплетѣ ц. 3 р., съ перес. 4 р.; съ тѣми же картинами, но раскрашенными, въ богатомъ переплетѣ ц. 4 р., съ перес. 5 р.

Разсказы эти, составленные В. Ланинымъ, отличаются простотою и увлекательностью изложенія, обилуютъ множествомъ важныхъ и знаменательныхъ фактовъ, связанныхъ съ интересностію предмета.

Разсказы изданы также въ ½ листа, съ большими хромолитограф. картинами (ц. 4 р., съ пер. 5 р.) и въ 8 д. л. съ 32 политип. въ текстѣ (ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.), съ такими же раскрашенными картинами ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р

ДЕНЬ СВѢТЛАГО ПРАЗДНИКА.

Разсказы для дѣтей Л. Ярцовой

16 д. л., въ изящн. картонажѣ ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

Книжка, напечатанная крупнымъ шрифтомъ, заключаетъ въ себѣ изложенный простымъ слогомъ разсказъ о томъ, какъ десятилѣтній мальчикъ Миша провелъ великій день Свѣтлаго Праздника, начиная съ заутрени; какъ удалось ему въ этотъ день выкупить цѣлое семейство несчастныхъ, сидѣвшее въ тюрьмѣ за долги, какъ потомъ для него былъ устроенъ прекрасный праздникъ и т. д. Разсказы эти украшены хромолитографированными картинками.

КРАСНЫЯ ЯИЧКИ.

Подарокъ къ Святой. ХР. ШМИДТА

16 д. л., съ 20 рисунками.

Ц. 30 к., съ пер. 50 к

ИСТОРІЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ

Г. Мишо, переводъ съ франц. С. Дестунисъ, съ 32 отдѣльными картинами на деревѣ **Г. Доре** и многими политипажами въ текстѣ. Роскошное изданіе въ 4 д. л., въ богатомъ переплетѣ, ц. **12 р.**, съ пер. **15 р.** № 3265

ФИСГАРМОНІИ.

изъ наилучшихъ парижскихъ фабрикъ по фабричнымъ цѣнамъ:

4 окт.	1	игра	дубонаго дерева	90	руб.
4 „	1	„	палисандр. дер.	100	„
5 „	1	„	1 рег. дуб. дер.	120	„
5 „	1	„	1 „ палис. дер.	130	„
5 „	1	„	3 „ дубов. дер.	140	„
5 „	1	„	3 „ палис. дер.	150	„
5 „	1½	„	7 „ „ „	175	„
5 „	2½	„	11 „ „ „	250	„
5 „	4½	„	18 „ „ „	400	„

Шиолы для фисгармоніи по 1 р. 20 к. и 4 руб.

Американскія фисгармоніи по 225 р., 300 р., 400 р. и 500 р.

ГАРМОНИФЛЮТЫ въ 40 р., 45 р., 60 р., 75 р., 90 р. и 140 р.

Складныя желѣзныя подставки для гармонифлютъ **10 р.**

Шиолы для гармонифлютъ по 75 к. и 1 р.

ГАРМОНИФЛЮТЪ СЪ ОРГАНОМЪ съ 1 валомъ, играющимъ 6 пьесъ 250 р., отдѣльные валы по 30 руб.

ФИСГАРМОНІИ СЪ ОРГАНОМЪ съ 1 валомъ, играющимъ 7 пьесъ 300 р. Отдѣльные валы по 35 руб. — **рекомендуетъ**

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ

ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА.

С.-Петербургъ, на Большой Морской, д. № 36. Мосива, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя.

Новѣйшій иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается желающимъ безплатно. Р. № 3262. 2—1

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1884 Г. НА ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ

ЖУРНАЛА ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО".

а) **Задушевное Слово для младшаго возраста (отъ 5 до 10 л.)** 52 выпуска въ годъ (въ 16 страницъ каждый), съ 12 великолѣпно раскрашенными отдѣльными картинами, 40 большими гравюрами, 400—500 рисунками въ текстѣ и **двумя безплатными преміями** для мальчиковъ — поѣздъ желѣзной дороги изъ папье-рельефъ; для дѣвочекъ: полный чайный сервизъ.

б) **Задушевное Слово для дѣтей старшаго возраста (отъ 10 до 14 л.)** 52 вып. въ годъ (каждый въ 16 стр.), съ 400—500 рисунк. въ текстѣ и **даровыми преміями**: 1) большая олеографическая оригинальная картина **„Пташки-сиротки"** и 2) 52 отдѣльныя гравюры на деревѣ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, большаго формата, отпечатанныя на толстой слоновой бумагѣ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ №№ 1 — 20, въ которыхъ помѣщены статьи **В. Авенаріуса, П. Боборыкина, Н. Каразина, Е. Карповича, Н. Лѣсова, С. Маиаровой, С. Маисимова, Евг. Маркова, Д. Минаева, Я. Полонскаго, М. Песковскаго, А. Смирнова, Вс. Соловьева, Терпигорева (С. Атава), О. Шмидтъ-Мосивитина, М. Чистякова** и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на каждый изъ двухъ журналовъ, со всѣми приложеніями и преміями, съ доставкою и пересылкою въ годъ: **6 руб.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ

Въ С.-Петербургѣ: Гостиный Дворъ, № 17 и 18. Въ Москвѣ: Петровка, д. Михалкова.

Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе нумера, со всѣми преміями и приложеніями. № 3264. 1—1

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,

СОСТОЯЩЕЕ ПОДЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВОМЪ

Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергѣя Александровича,

имѣетъ цѣлью: 1) поддержаніе Православія въ Св. Землѣ, 2) улучшеніе быта русскихъ паломниковъ, и 3) ознакомленіе русскаго общества съ Св. Землею чрезъ посредство изданій. Лица, желающія вступить въ члены-сотрудники Общества, вносятъ единовременно **200** р. или **10** р. ежегодно; желающіе вступить въ дѣйствительные члены вносятъ единовременно **500** р. или **25** р. ежегодно; внесшіе не менѣе **5000** р. избираются въ почетные члены Общества. Почетные и тѣ изъ дѣйствительныхъ членовъ и сотрудниковъ, кои дѣлаютъ единовременный взносъ, получаютъ для ношенія особый **Высочайше** утвержденный знакъ Общества.

Взносы членовъ и пожертвованія въ пользу Общества принимаются лично и почтою въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей, Дворцовая набережная, 32, и у Уполномоченныхъ Общества: въ Москвѣ у священника Срѣтенскаго, Б. Никитская, д. ц. Вознесеніи, у А. Н. Лѣнинова, Пятницкой ч., свой домъ, въ Кіевѣ у протоіерея Экземплярскаго, Фундуклеевская, кол. Галагана и у іеромонаха Александра, Лаврская гостин., въ Одессѣ у протоіерея Кудрявцева въ Университетѣ и у М. П. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго, въ Воронежѣ у о. іеромонаха Платона, Митрофановъ мон., въ Казани у Н. В. Саврасова. Черноземская, д. Куракиныхъ, въ Перми у Д. Д. Смыслева

Кромѣ взносовъ въ пользу Общества, принимаются пожертвованія для **безплатнаго** доставленія въ Св Землю по волѣ жертвователей, въ Конторѣ Великихъ Князей, СПБ., Дворцовая Набер., 32 № 3251 3—1

ИЗЯЩНО И ДЕШЕВО

КАЖДЫЙ МОЖЕТЪ ПОЛУЧИТЬ

„АЛЬБОМЪ ВЪ ПАМЯТЬ КОРОНОВАНІЯ" въ прекрасномъ переплетѣ тисненномъ золотомъ, составленъ изъ 16-ти художественно, въ 10 краскахъ, выполненныхъ картинъ, величиною 1¼ × 2¼ вершковъ.

Это роскошное изданіе, при доступности каждому, отличается такими художественными достоинствами, что смѣло можетъ быть рекомендовано каждому, какъ лучшій подарокъ **въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.**

Цѣна альбома **30** коп. съ перес. не менѣе **10** экземпляровъ.

Образецъ высылается за 40 к. почтовыми марками.

◆◆ КРОМѢ ТОГО РЕКОМЕНДУЮ: ◆◆

АЛЬБОМЪ ДОМЪ РОМАНОВЫХЪ,

состоящій изъ 16 исторически схожихъ портретовъ царей, исполненныхъ въ 10 краскахъ въ изящ. тисненномъ золотомъ переплетѣ. Цѣна альбома **20** коп. съ пересылкою не менѣе **10** экземп. **Образецъ высылается за 30 коп. почт. марками.** Величиною 1¼ × 2¼ вершковъ.

Тутъ-же альбомъ съ приложеніемъ пояснительной книжки: „СКАЗАНІЕ О ДѢЯНІЯХЪ ПРЕДКОВЪ НАШЕГО ЦАРЯ", въ изящной, русскаго стиля, обложкѣ. съ портретами въ 10 краскахъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, съ видомъ московс. кремля и гимномъ за Царя. **Цѣна 30 коп. съ пересылкою не менѣе 10 экземп. Образецъ высылается за 40 коп. почт. марками.**

АЛЬБОМЪ

ВИДЫ МОСКВЫ, большаго формата, въ 10 хромолитографическихъ краскахъ, въ тисненномъ золотомъ переплетѣ. Цѣна 3 р 50 к. за 10 экземпляровъ.

Образецъ высылается за 50 коп почтовыми марками.

АЛЬБОМЫ МИНІАТЮРЫ

„Правители свѣта" въ 10 хромолитографическихъ краскахъ, **въ** тисненномъ золотомъ переплетѣ. Цѣна 2 р. за 10 экземп. **Образецъ высылается за 30 коп. почтовыми марками.**

Виды С.-Петербурга. Цѣна 1 руб 50 коп. за 10 экземпляровъ.

Виды Москвы. Цѣна 1 руб 50 к. за 10 экземпляровъ.

Образецъ каждаго экземпляра высылается за 25 коп почт. марками.

Оба альбома въ изящномъ переплетѣ, художественно выполнены въ фотографическихъ тонахъ. № 3266

Пріобрѣтающимъ для продажи болѣе или менѣе значительное количество экземпляровъ, я дѣлаю значительную уступку.

Съ требованіями и заказами обращаться **въ заведеніе графическихъ искусствъ Э. И. МАРКУСЪ.**

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 19 линія, № 5.

Честь имѣю увѣдомить С.-Петербургскую публику, что во всѣ магазины **В. Черепенникова** получена къ предстоящему празднику Тамбовская копченая **ВЕТЧИНА**, приготовленія Петра Степановича **Мокроусова.** № 3232 2—2

БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!... Романъ *Э. Вернера.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 р., съ перес 1 р. 25 к.; для подп. „НИВЫ" 1884 г. 75 к., съ пер. 1 р

ПОДГОТОВЛЕНІЕ НА МѢСТА СЧЕТОВОДОВЪ, путемъ практическихъ занятій въ фирмѣ Счетоводъ. Невскій пр., 66. № 3268 2—1

Дозволено цензурою. СПБ. 21 марта 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ № 13 — XV годъ 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис) Цѣна этого № „Нивы" 20 к., съ перес. 25 к.

Выданъ 31 Марта 1884 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1884 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р.

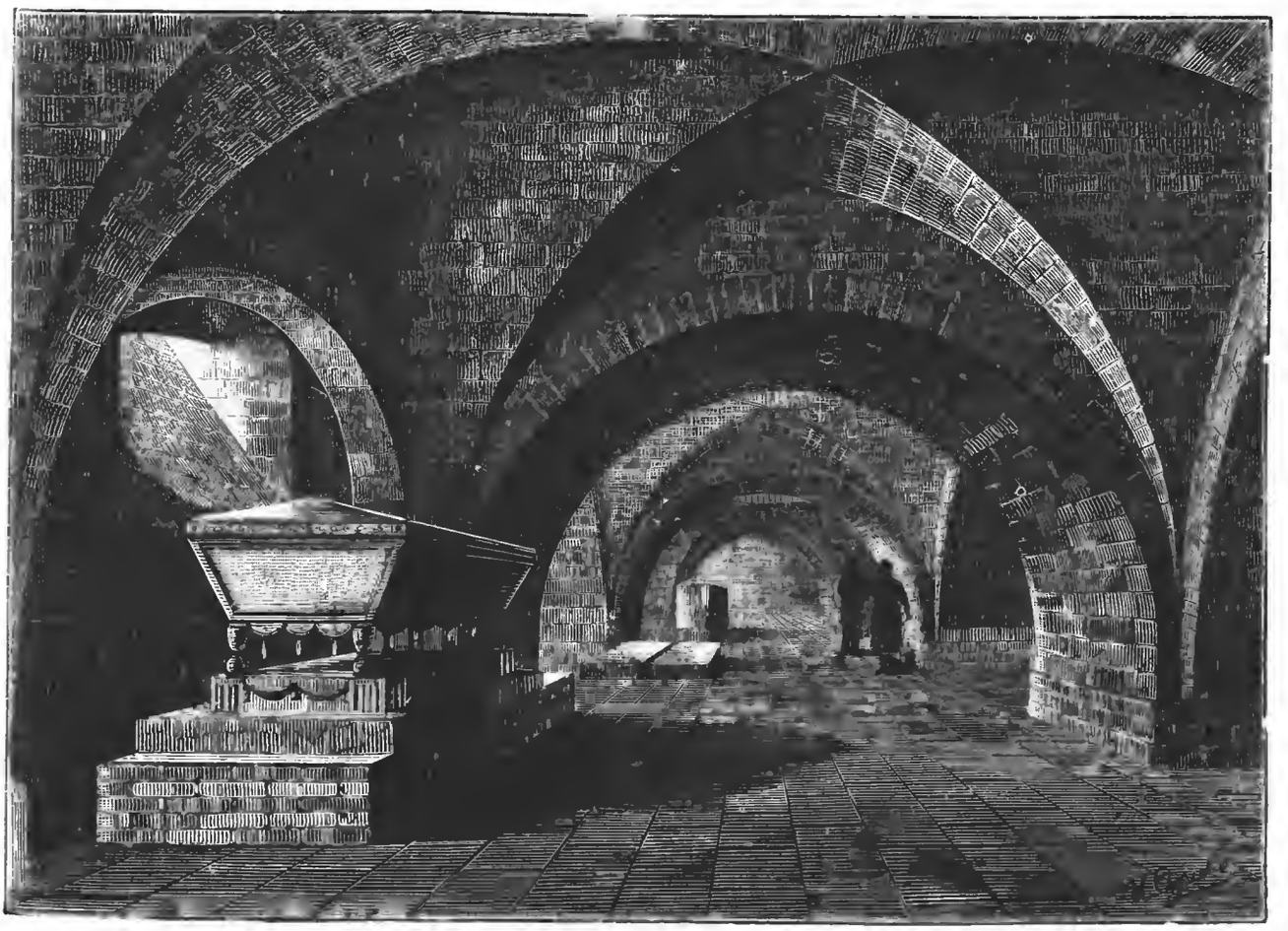
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за АПРѢЛЬ 1884 г., съ 21 рис. и отдѣльнымъ листомъ съ 27 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 26 рисунками рукодѣльныхъ работъ въ русскомъ стилѣ.

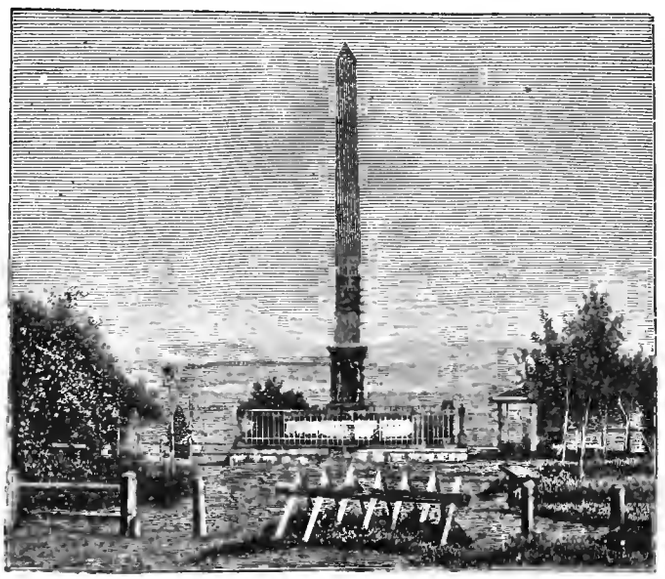


Усыпальница Спасопреображ. собора въ Нижнемъ-Новгородѣ. Гробница Козьмы Минина. Ориг. рис. съ натуры И. Суслова, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Гробница и памятникъ Козьмы Минина въ Ниж.-Новгородѣ.

Главная святыня Нижняго-Новгорода—Спасо-Преображенскій каѳедральный соборъ, находится въ самомъ Кремлѣ. Основаніе этого храма относится къ первой четверти XIII-го столѣтія. Въ 1225 году великій князь Суздальскій и Владимірскій Юрій II (Георгій) Всеволодовичъ построилъ близъ Архангельскаго собора церковь Святаго Спаса. Потомокъ его, Константинъ Васильевичъ, отецъ В. К. Димитрія III-го, перестроилъ вновь эту церковь (въ 1352 году), причемъ по его желанію перенесенъ былъ сюда изъ Суздаля образъ Нерукотвореннаго Спаса, который и донынѣ здѣсь находится. Въ своемъ первоначальномъ видѣ этотъ храмъ существовалъ всего 25 лѣтъ и въ 1377 году былъ ограбленъ Арапшей, царевичемъ Золотой Орды, а въ слѣдующемъ году подвергся совершенному разоренію отъ Татаръ, напавшихъ на Нижній-Новгородъ. Пожаръ былъ такъ силенъ, что даже самыя стѣны храма частію обрушились. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ воздвигнуть новый соборъ, который вскорѣ и былъ заложенъ, но не на старомъ мѣстѣ, а нѣсколько ближе къ горѣ и освященъ уже былъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Въ 1829 году этотъ храмъ по своей ветхости и грозившей опасности обвала былъ разобранъ и построенъ донынѣ существующій соборъ, воздвигнутый на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ храмъ В. К. Константина Васильевича. Соборъ строился пять лѣтъ и былъ освященъ въ 1834 году. Въ этомъ то соборѣ, въ нижней его части (склепѣ), находятся великокняжескія усыпальницы.



Памятникъ Козьмѣ Минину въ Нижнемъ-Новгородѣ.
Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Самыя гробницы Нижегородскихъ князей, княгинь, архіереевъ и Козьмы Минина находятся въ подземной церкви Спасо-Преображенскаго собора. Эта церковь напоминаетъ пещеру; она почти лишена дневнаго свѣта и желающіе осмотрѣть ее, зажигаютъ свѣчи, и такъ сходятъ въ подземелье. Въ этой церкви устроены три придѣла во Имя Казанской Божіей матери, Св. Безсребренниковъ Козьмы и Даміана и Св. Великомученика Дмитрія Мѵроточиваго. Главный алтарь во имя Иконы Казанской Божіей Матери для Нижегородцевъ имѣетъ великое значеніе. Праздникъ, установленный въ честь этой иконы, бываетъ 22-го октября; онъ утвержденъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ память избавленія Москвы и Россіи отъ поляковъ. Эту святыню Нижегородскіе ополченцы встрѣтили на пути своемъ въ Москву, возвращающеюся изъ стана князя Трубецкаго и сопровождаемою духовенствомъ и народомъ. Нижегородскіе ополченцы приняли эту икону съ благоговѣніемъ и она имъ сопутствовала въ битвахъ, и въ роковые дни 25-го августа и 22 октября 1612 года. Правый алтарь освященъ во имя Великомученика Дмитрія Мѵроточиваго, напоминаетъ намъ знаменитое имя князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, а лѣвый—Козьмы Минина. Нижегородская усыпальница до 1851 г. была просто сырымъ и холоднымъ подваломъ. Прилагаемый въ настоящемъ № рисунокъ этой усыпальницы, воспроизведенъ нашимъ художникомъ въ 1850 г. Нижегородцы, желая почтить своего знаменитаго земляка, устроили въ усыпальницѣ трехъ-престольный храмъ, который и былъ освященъ въ 1851 г. Въ этомъ подземномъ храмѣ совершается ежедневно ранняя обѣдня, а 22-го октября отсюда къ памятнику Минина и Пожарскаго совершается ежегодно крестный ходъ при огромномъ стеченіи народа.

Въ лѣвомъ придѣлѣ въ честь Безсребренниковъ Козьмы и Даміана погребенъ Козьма Мининъ. Здѣсь кромѣ того покоятся семь архіереевъ. Прахъ Минина покоится подъ высокимъ саркофагомъ, въ настоящее время покрытымъ бархатной, шитой золотомъ, пеленой. Надъ саркофагомъ устроенъ балдахинъ, снизу обставленный иконами, принесенными въ даръ ополченцами 1812 года. Подъ балдахиномъ находится снимокъ со знамени князя Пожарскаго, сдѣланный по списку, стоящему въ верхней церкви. По сторонамъ саркофага находится восемь знаменъ ополченцевъ 1812 года, присланныхъ императоромъ Александромъ I. Отправляясь въ Персидскій походъ, Петръ I, въ 1722 году, останавливался въ Нижнемъ-Новгородѣ въ домѣ именитаго человѣка Строганова и въ день своего рожденія, 30 мая, слушалъ въ соборѣ обѣдню; самъ пѣлъ на клиросѣ, а потомъ присутствовалъ на панихидѣ по Мининѣ, по окончаніи которой поклонился въ землю передъ гробницей его. Императоръ Николай I, будучи въ 1836 году 15 августа въ Нижнемъ-Новгородѣ, также слушалъ панихиду по Мининѣ, назвавши его „знаменитѣйшимъ изъ всего сословія купеческаго."

Въ Нижнемъ-Новгородѣ находится и памятникъ Минину и Пожарскому, здѣсь изображенный. Онъ поставленъ противъ Архангельскаго собора на крутомъ обрывѣ берега и представляетъ собою гранитный обелискъ въ 30 футовъ высоты, покоющійся на двойномъ, также гранитномъ, пьедесталѣ. По одной сторонѣ памятника сдѣланъ барельефъ Козьмы Минина, съ обнаженной головой; надъ головой изображены два генія, держащіе вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, внизу подпись: „Гражданину Минину благодарное потомство. 1826 г." Съ другой стороны изображеніе князя Пожарскаго въ шлемѣ и латахъ и также подпись: „Князю Пожарскому благодарное потомство. 1826 г."

Въ старой Москвѣ.

Историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ,

Гр Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XII.

Послѣ обрученія—Борисъ и Анюта стали предъ аналоемъ среди церкви. Они были въ странномъ, новомъ для нихъ состояніи духа. Тревога, ожиданіе чего то особеннаго съ минуты на минуту, не страшнаго, не дурнаго, а только особеннаго, невидимаго, что вотъ явится сюда, случится съ ними...

Оба ждали, пытливо вглядываясь во все: и въ лице священника, дряхлаго и бѣлаго какъ лунь старика, который едва двигался, но отчетливо, добрымъ и благозвучнымъ голосомъ произносилъ молитву, и въ образа, сіявшіе предъ ними въ лучахъ огней, и во всякій предметъ, попадавшійся подъ глаза. Но все окружающее ихъ плавало какъ бы въ туманѣ, сливалось для нихъ въ одно чувство духовнаго смятенія и трепетнаго ожиданія невѣдомаго и невидимаго, что они ждутъ съ мгновенія на мгновеніе...

Княжнѣ казалось смутно, что все кругомъ нея еще не то, все идетъ не такъ, какъ она думала и ожидала, а вотъ скоро сейчасъ начнется... А это, покуда,—все еще не то...

На душѣ Бориса было сначала отчасти то же чувство, но затѣмъ, глянувъ случайно въ лицо Хрущева, стоявшаго около него—онъ нѣсколько смутился на иной ладъ.

Хрущевъ, все время хлопотавшій, выходившій изъ церкви къ бричкѣ, чтобы взять запасенныя кольца, свѣчи, даже коврикъ, а затѣмъ входившій раза два въ алтарь, вообще распоряжавшійся,—теперь былъ озабоченъ и даже видимо встревоженъ. Онъ, глянувъ въ лице Бориса, спокойно стоявшаго предъ аналоемъ, не могъ скрыть своего волненья.

Библиотека "Руниверс"

Борщевъ замѣтилъ безпокойство Хрущева, но не могъ конечно понять, что это значитъ. Случиться новаго ничего не могло. Борщевъ приписалъ тревогу на лицѣ друга — нравственному волненью отъ совершавшагося предъ нимъ обряда.

— Онъ больше насъ растревожился! подумалъ Борисъ и мысленно былъ благодаренъ другу за это сочувствіе.

А Хрущевъ опасался инаго, хотя самъ вполнѣ не зналъ чего именно. Но опасаться было возможно!

Когда онъ выходилъ изъ церкви къ бричкѣ, то нашелъ около нея двухъ крестьянъ, бесѣдовавшихъ съ Ахметомъ. Они говорили ему, что и у нихъ на дворѣ такая-жь тройка стоитъ съ вечера. Баринъ пріѣзжій изъ Москвы. А куда самъ дѣвался, невѣдомо. Его и не видалъ никто.

— Проѣзжій! сказалъ Ахметъ, уже при Хрущевѣ.

— Вѣстимо. Да у насъ они не часто. Мы вѣдь не на дорогѣ.

На вопросъ Хрущева, о чемъ они бесѣдуютъ, вызванный подозрѣньемъ и смущеньемъ его—Ахметъ махнулъ рукой.

— Такъ. Болтаемъ тутъ вотъ. У нихъ проѣзжій остановился. Сказываютъ, кони ужь очень хороши.

— Кони ничего, сказалъ одинъ мужикъ. Кони, какъ кони. Я не про то!.. Вѣстимо барскіе кони. А я про то вотъ, удивительно, что онъ въ эфту пору...

— Полно лясы то точить... прервалъ Ахметъ. А намъ то что до вашихъ проѣзжихъ. У насъ свое дѣло. Шли бы спать! Чего сюда прилѣзли горлодеры. А то въ кабакъ бы шли... Полуночники!

Хрущевъ понялъ что „что то" есть новое... Село дѣйствительно стояло въ сторонѣ отъ большой дороги и присутствіе тройки изъ Москвы, въ полночь, одновременно съ ними—могло смутить его.

— Сколько проѣзжихъ? спросилъ онъ у мужиковъ.

— Сказываетъ Ѳедосья—одинъ.

— Вы видѣли его?

— Мы никого не видали. Ѳедосья видѣла. Къ намъ токмо середь ночи кони въѣхали съ тарантасомъ, что у насъ дворъ самый просторный.

— Можетъ... проѣзжихъ то и четверо, пятеро? проговорилъ Хрущевъ тревожно.

— Баяла Ѳедосья—одинъ баринъ. А може и пятеро.

— Да гдѣ они?

— А кто-жь его знаетъ. Кучеръ токмо ругается, а ничего не сказываетъ. Сказываетъ полтину дадутъ за постой. А намъ что-жь?.. Пущай его.

Хрущевъ, смущенный, вернулся въ церковь, прошелъ въ алтарь и, передавъ священнику свѣчи и кольца, остановился сбоку, думая и соображая, есть ли причины опасаться какихъ-то проѣзжихъ въ селѣ, или, вѣрнѣе назвать—пріѣзжихъ. Оглядываясь полусознательно вокругъ себя, Хрущевъ замѣтилъ сбоку алтаря, прямо за сѣверными дверями, углубленье, забранное досками, оклеенное и съ дверцей. За этой перегородкой очевидно была убогая ризница сельскаго попа. Ему, Богъ вѣсть почему, даже впослѣдствіи онъ не могъ отдать себѣ отчета въ этомъ движеніи, захотѣлось видѣть эту ризницу, взглянуть за эту перегородку. И это было не пустое, праздное любопытство, а что-то другое.

— Что-жь? Пятеро проѣзжихъ что-ли тамъ спрятались! подпялъ онъ самъ себя на смѣхъ. Вотъ сейчасъ выскочатъ оттуда князь, Каменскій и дворня, или солдаты. И будетъ битва...

Когда священникъ вышелъ изъ алтаря, Хрущевъ быстро подошелъ къ перегородкѣ и потянулъ маленькую дверцу за ручку. Она была заперта и заперта на крючекъ изнутри. Онъ ясно слышалъ и ощущалъ, какъ крючокъ прыгаетъ и держитъ дверцу. Малѣйшаго усилія было бы достаточно, чтобы сорвать все, даже разщепать дряблую дверцу, сколоченную изъ тонкихъ дощечекъ, чуть не изъ драни. Но онъ этого не сдѣлалъ и смущенный вышелъ изъ алтаря.

Онъ пересчиталъ всѣхъ, кто вошелъ въ храмъ вмѣстѣ съ нимъ. Всѣ были на лицо. Съ тѣхъ поръ никто не входилъ вновь; онъ же самъ далѣе паперти и бички не отдалялся. Стало быть тѣ, кто тамъ заперся, были тамъ заперты въ темной церкви до ихъ пріѣзда.

— Все глупости! пробурчалъ Хрущевъ самъ себѣ. Глупости, а на дѣло очень похожія. Ну что-жь. Что-жь я то сдѣлаю? Спросить священника? Зачѣмъ? Что проку?..

Онъ подумалъ:

— Если ихній какой? Глупость только и срамная робость для дворянина. Пуганая ворона куста испугалась или на ворѣ шапка горитъ. Если тамъ врагъ—если тамъ они... Тогда что-жь пользы. Ужь коли тутъ, такъ вѣнцу не бывать... Вѣдь не сражаться же съ родителемъ на кулачкахъ. Вѣнчаться и драться вмѣстѣ нельзя. По всему вѣроятію, драться не будемъ и вѣнчаться не будемъ.

И Хрущевъ, совершенно смущенный, какъ потерянный, вернулся и сталъ близь Бориса и Анюты. За всю свою жизнь онъ не былъ настолько смущенъ и встревоженъ! Все онъ предвидѣлъ, казалось. Но все имъ предвидѣнное и ожидаемое, все чего онъ опасался,—должно было случиться или въ домѣ, или на дворѣ князя, при побѣгѣ дочери, или послѣ вѣнчанья въ домѣ Основской. Но въ селѣ, здѣсь, въ церкви, во время начавшагося обряда—онъ ничего не ожидалъ заранѣе...

— Такого и на умъ не приходило!

Хрущеву то казалось, что онъ съ ума спятилъ въ своихъ вѣчныхъ подозрѣньяхъ, то онъ снова принимался ждать съ минуты на минуту—срамной сцены, чуть не свалки въ церкви, увоза княжны домой, ихъ ареста...

А обрядъ вѣнчанія подвигался впередъ.

Наконецъ надѣли и вѣнцы на обоихъ. Вотъ повели въ первый разъ вокругъ аналоя.

Княжна идетъ, румяная отъ волненія и красивая, глаза ея искрятся на все, горятъ ярче свѣчей, чудно освѣщая ея воодушевленное счастьемъ лицо... Борисъ идетъ смущенный важностью минуты, но своими помыслами далекъ теперь отъ страха чего либо мірскаго. Но вотъ онъ взглянулъ проходя въ лицо друга и легко смутился кажется инымъ. Тѣмъ же чувствомъ, что и Хрущевъ,—простой робостью, простымъ безпокойствомъ блеснулъ его взглядъ. Но вотъ, двигаясь тихо, за медленно и слабо переступавшимъ девяносто-лѣтнимъ старикомъ-священникомъ—женихъ и невѣста разъ обошли аналой, затѣмъ во второй и пошли въ третій разъ... И прійдя на мѣсто, крестятся, молятся... Они уже мужъ и жена предъ людьми, предъ закономъ. Теперь поздно остановить и помѣшать. Теперь только можно разлучить мужа съ женой.

Хрущевъ вздохнулъ полной грудью. Будто гора свалилась у него съ плечъ. Онъ перекрестился и шепнулъ, обращаясь къ себѣ съ азартомъ:

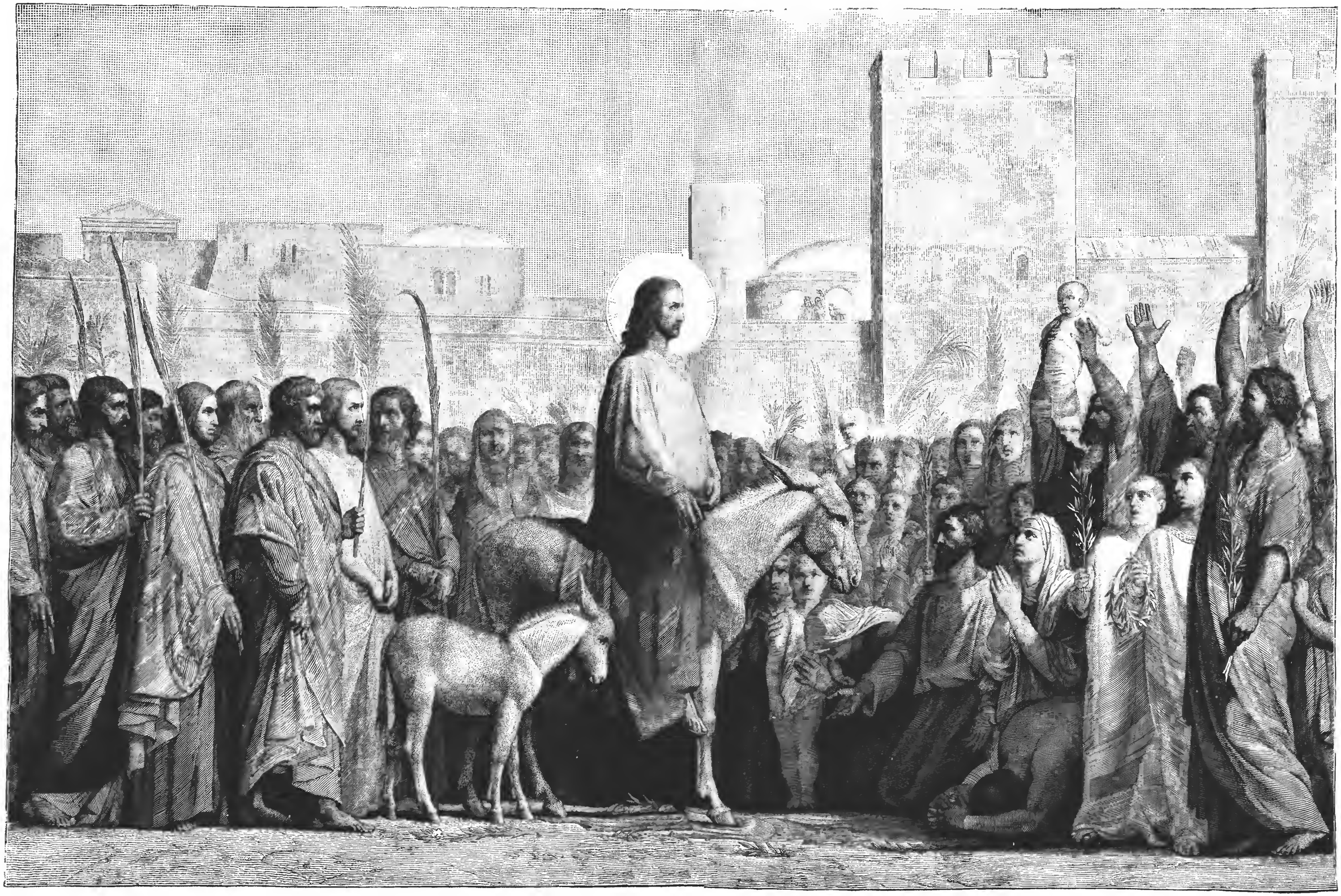
— Эдакая дубина, прости Господи! Какъ малое дитя, самъ себя застращалъ на смерть.

Вѣнчанье кончилось. Молодые и Хрущевъ стали цѣловаться. Священникъ и причетники поздравляли. Мужикъ съ бабами тоже подступили ближе къ господамъ и разглядывали ихъ.

— Ахти, родимые мои! Вотъ раскрасавица то писаная! Вотъ ужь, изъ себя то красота вышла. Вотъ такъ вышло!.. воскликнула одна изъ женщинъ настолько искренно, что даже княжнѣ, давно привыкшей къ этимъ похваламъ отъ всѣхъ—стало вдругъ пріятно.

Молодые были какъ то особенно и радостно смущены, торопливы въ движеньяхъ, все озирались на почти пустую церковь; только въ лицѣ княжны была едва замѣтная доля печали... Она все взглядывала на образъ отца, лежащій на аналоѣ и будто его звала въ свидѣтели, будто вопрошала молча и отъ него чего то ждала еще.

Библиотека "Руниверс"



Вербное Воскресенье. Вшествіе Христа Спасителя въ Іерусалим. Фрески Фландрена, въ церкви С.-Жерменъ де Пре, въ Парижѣ, грав. Шапонъ.

Библиотека "Руниверс"

Хрущевъ снова захлопотался. быстро двигался, весело говорилъ, раздавая деньги всѣмъ поздравляющимъ его, какъ распорядителя. Расплачиваясь въ алтарѣ со старикомъ-священникомъ и передавая ему условленную крупную сумму денегъ, Хрущевъ невольно пожалѣлъ:

— Пшь вѣдь, батюшка, кушъ какой.

Священникъ вздохнулъ и поглядѣлъ на Хрущева своими маленькими, ввалившимися глазками, которые столько и столько всего на вѣку своемъ видѣли.

— Не мнѣ, господинъ честной, пойдутъ они, тихо отозвался онъ.

Увидя снова перегородку, Хрущевъ вспомнилъ свои опасенія.

— Батюшка, у васъ кто-то тутъ занерся изнутри.

Старикъ поглядѣлъ, помолчалъ и проговорилъ:

— Кому нужно, господинъ. Это не ваше дѣло. Больно ужь вы глазасты да замѣчательны... Мой парнишка внучекъ тамъ сидитъ, чтобы все цѣлю было.

— Полно, такъ ли?

Священникъ промолчалъ, будто не слыхалъ, и отошелъ.

Хрущевъ глянулъ вновь на перегородку и подумалъ:

— Мнѣ-то какое дѣло? Можетъ и вирямь внучекъ баловался и не пускалъ. А вѣрнѣе, что онъ меня побоялся и отъ страху занерся.

Молодые уже одѣвались, бесѣдуя съ дьячкомъ и съ бабами, которыя оглядывая Анюту, трогали ее, щупали платье, тыкали пальцемъ браслетъ на рукѣ и чуть чуть не собирались даже за лицо ее взять или по щекѣ потрепать за то, что она такая „изъ себя вышла", что по всему просто „міру на аханье".

Чрезъ четверть часа молодые и Хрущевъ, среди темноты ночи, усаживались въ бричку и небольшая кучка высыпала изъ церкви на паперть, ихъ провожать.

— Ну, незваные гости, счастливо оставаться! сказалъ весело Хрущевъ.

Бричка тронулась, Ахметъ гаркнулъ лихо и тройка понеслась мимо двухъ, трехъ крайнихъ избъ.

— Смотри, не убей! сказалъ Борисъ. Ни зги не видно.

— Это намъ такъ, со свѣту, замѣтилъ Хрущевъ. А онъ тутъ какъ филинъ, присмотрѣлся и все видитъ... Ну вотъ и все... дорогая моя! весело добавилъ онъ, нагибаясь къ Анютѣ.

— Все ли? Сердце то боится, то не боится... Сама не знаю.

— Богъ милостивъ, княжна, Богъ милостивъ.

— Не ври. Никакой княжны тутъ тебѣ нѣту, усмѣхнулся Борисъ. Гдѣ ты тутъ княжну выискалъ. Тутъ Анна Артамоновна Борщева.

— И то правда.

И молодые люди стали смѣяться.

И послѣ отъѣзда изъ села обвѣнчанныхъ, чрезъ полчаса, другая тройка съ проѣзжимъ выѣхала въ Москву по той же дорогѣ.

Когда заперли церковь и старикъ-священникъ вошелъ въ свой домикъ, пожилая женщина встрѣтила его словами:

— Ну что, батюшка...

— Что? Ничего!.. Вѣкъ живи, да вѣкъ дивися! вздохнулъ старикъ. Вотъ и я, сто лѣтъ безъ семи годовъ прожилъ, а такого никогда не чаялось увидѣть... Путано, перепутано.

— Что-жь имъ будетъ?.. Вѣдь оно все-жь-таки—самокруткой!

— Всякое можетъ быть... Хорошаго только мало...

— А вамъ-то?.. Роднмый. Вамъ-то?!

— Мнѣ, сказываю... Ничего... Я чистъ.

XIII.

Молодые вернулись въ Москву среди ночи, въ домъ Основской, гдѣ во второмъ этажѣ—Хрущевъ съ доброй старухой, родственницей, приготовили имъ помѣщеніе. Основская ничего не подозрѣвала и ее увѣрили, что Борщевъ пріѣдетъ въ Москву и остановится у нея на время со своей тетушкой. Въ этомъ Хрущевъ далъ ей даже честное слово. Если бы старуха знала, что онъ среди своей мирной жизни даетъ убѣжище бѣглецамъ, то конечно не пріютила бы у себя сержанта, женатаго на своей тетушкѣ. Браки между родственниками считались величайшимъ грѣхомъ для того поколѣнія, къ которому принадлежала старуха.

Рано утромъ Борисъ и Анюта собрались къ князю въ старомодной каретѣ Основской, рыжей и полинялой, и оба были смущены болѣе чѣмъ когда либо. Послѣ этого свиданія съ Артамономъ Алексѣевичемъ, которое могло быть и послѣднее, начиналась новая жизнь, тихая и счастливая, или полная горя, борьбы и всякихъ мытарствъ. Когда молодые въѣхали во дворъ дома, то нашли и дворъ, и домъ въ полномъ смятеніи. На улицѣ, даже передъ воротами, толпился прохожій и чужой людъ и, толчась на мѣстѣ, слушалъ розсказни, охалъ, судилъ и рядилъ.

— Молодые! Съ повинной! сказалъ кто-то, и всѣ взоры своихъ и чужихъ обратились на нихъ, когда они въѣзжали въ ворота.

Дворня окружила экипажъ. Лица всѣхъ были смущены. Всѣ любили барышню и любили княжаго внучка, какъ звали Бориса—и всѣ теперь боялись за нихъ и ихъ судьбу. Оказалось, что князя не было дома. Онъ выѣхалъ ранехонько, чуть не съ зарей, изъ дому, но приказалъ, въ случаѣ если пріѣдетъ дочь съ внукомъ, сказать имъ отъ его имени, чтобы они не смѣли и глазъ казать къ нему.

Въ числѣ прочихъ не выбѣжала Соленушка и удивленная княжна спросила о ней.

— Князь приказалъ покуда ее запереть на чердакъ, а тамъ судить будутъ. Сказывалъ князь—ей Сибирь будетъ.

Тѣ же люди, обступая экипажъ, передали, что Настасья Григорьевна еще почиваетъ, хотя и поздно на дворѣ.

Борису хотѣлось видѣть мать, но войти въ домъ было невозможно—вслѣдствіе переданнаго отъ князя указа. Наконецъ люди разсказали Борщевымъ, что въ домѣ три покойника.

— Какъ? воскликнула Анюта.

— Двое опились Ахметкинаго питья и не встали, въ томъ числѣ великанъ-швейцаръ, а третій и не пилъ... а такъ, стало, прицѣпился для троицы. И Ахметку князь приказалъ словить въ Москвѣ, посадить, заковавъ въ кандалы, и тоже судить будетъ.

И вся дворня съ участіемъ взирала на молодыхъ господъ, охала и вздыхала... Нѣкоторые чуть не стонали и крестились причитая молитвы.

Молодые грустно повернули назадъ и съѣхали со двора, снова провожаемые всѣми глазами. Но весь этотъ людъ, и свой, и чужой, съ участіемъ взиралъ на нихъ и будто говорили всѣ лица:

— Эхъ, и радъ бы помочь, да ничего не подѣлаешь.

Борщевы вернулись назадъ въ домъ Основской и нашли у себя Хрущева, который почти не ложился спать съ пріѣзда изъ села Лычкова и еще до разсвѣта уѣхалъ изъ дому.

Хрущевъ не удивился ихъ вѣстямъ о напрасной поѣздкѣ къ князю. Онъ уже зналъ многое, чего не знали молодые. Какъ и гдѣ онъ успѣлъ собрать свои свѣдѣнія—мудрено было даже и придумать.

— Когда князь узналъ о вашемъ побѣгѣ, а отъ кого, никому не извѣстно, то, чуть свѣтъ, онъ уже выѣхалъ со двора, такъ что люди съ переноя не всѣ его и видѣли при отъѣздѣ. Прежде всего князь былъ у преосвященнаго и сидѣлъ у него болѣе часа, оттуда поѣхалъ къ сенатору Каменскому, но здѣсь только вошелъ и вышелъ. Даже удивительно. Не стоило заѣзжать. За-

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ прямо отправился онъ къ новому графу Ивану Григорьевичу Орлову на Никитскую, а отъ него... Ну догадайся, ты?

— Куда? спросилъ Борисъ.

— Къ графу Григорью Григорьевичу! Въ Кремль!

— Вѣрно ли?

— Вѣрно! За нимъ по пятамъ, встрѣтивъ на улицѣ, съѣздилъ я самъ! Чего вѣрнѣе.

— Это стало быть съ жалобой и съ просьбой, довести дѣло до царицы, чтобы добиться примѣрнаго наказанія, сказалъ Борисъ.

— Почемъ знать! Можетъ и нѣтъ. Трудно сказать. Я ужъ ничего и не соображу! рѣшилъ Хрущевъ и прибавилъ послѣ минутнаго молчанія: А шибко взялся! Если эдакъ-то будетъ орудовать, то право онъ чрезъ трое сутокъ всю Москву подыметъ на ноги.

— Пускай! угрюмо выговорилъ Борисъ и поглядѣлъ на Анюту. Она сидѣла молча, слушала, но лице ея было не печально, снова былъ отгѣнокъ раздраженія и что-то вызывающее въ презрительной усмѣшкѣ сжатыхъ губъ и въ блестящихъ гнѣвно глазахъ.

— Ну, обернулся къ ней Хрущевъ, вы что скажете, княжна... Тьфу! Вы какъ, Анна Артамоновна, посудите?

— Такъ лучше! отозвалась Анюта сухо. Для меня— такъ лучше. Это его право—разгнѣваться и мстить. Онъ—обиженный отецъ. Да и мнѣ легче. Много легче! Я боялась инаго. Если-бы онъ былъ убитъ горемъ—я бы ума рѣшилась. А такъ лучше.

— Что же намъ? скрываться покуда здѣсь? сказалъ Борисъ. Или объявиться?

— Увидимъ. Только я боюсь—Ахметъ выдастъ насъ со страху. Я приказалъ ему жить здѣсь не отлучаясь, покуда все разъяснится, а онъ уже съ ночи пропалъ.

Послѣ долгаго молчанія Хрущевъ снова заговорилъ взявшись за шапку:

— Сидите тутъ. А я опять по городу за вѣстями. Ввечеру буду обратно, что нибудь привезу.

И онъ вышелъ, не прощаясь, задумчивый и унылый.

Молодые остались одни и долго не проронили ни слова.

— Что же, Боря? заговорила Анюта первая. Чего же отчаяваться? Подумаешь, мы обманулись... Вѣдь такъ и должно было все случиться. А ты ужъ пріунылъ. Да такъ и лучше. Ей Богу, такъ лучше. Я бы не вынесла, еслибы батюшка захворалъ и, пожалуй, помирая одинъ, не приказалъ бы меня къ себѣ на глаза пускать...

— Правда твоя, милая. Давай ждать.

— Ну въ монастыри, самые хоть дальніе. А тамъ, убѣжимъ, съ помощью Хрущева сойдемся, и...

— И къ хану! разсмѣялся Борисъ.

— Я говорила и клятву дала: на край свѣта. Помнишь! Еще при всѣхъ вчера за обѣдомъ.

— Да. Господи! Вчера только... А кажетъ сто лѣтъ прошло. А что сенаторъ? А? Что сенаторъ? воскликнулъ вдругъ Борисъ.

И будто по данному знаку, будто сговорившись, и Борисъ и Анюта громко расхохотались.

— Да, это былъ самый глупый день въ его жизни! сказалъ Борисъ. Куда онъ теперь въ Москвѣ глаза покажетъ.

И они снова начали смѣяться, но этотъ смѣхъ былъ прерванъ внезапно, появленіемъ на дворѣ кареты, которую Анюта узнала сразу и оторопѣла. Это была ея любимая четырехмѣстная карета, которую она считала своей собственной, въ отличіе отъ другихъ, а князь звалъ „Анютиной“.

— Кто это? Что?.. Какъ сюда? Выдали? Ахметъ?! заговорили они оба шепотомъ и припадая къ стекламъ окопъ, чтобы скорѣе разглядѣть кто въ каретѣ.

Экипажъ подъѣхалъ и они увидѣли въ ней Агашу съ Соленушкой.

Испугъ прошелъ сразу.

Оба бросились какъ дѣти внизъ на встрѣчу къ сестрѣ и мамкѣ и скоро цѣловались на подъѣздѣ, какъ если бы не видались годъ.

Соленушка заговорила первая:

— За вами мы, княжна. За вами и за Борисъ Ильичемъ.

— Да, дѣдушка требуетъ, подтвердила Агаша. Пріѣхалъ, меня снарядилъ и требуетъ васъ обоихъ немедленно. Всей дворнѣ приказано въ сборѣ быть. Судить васъ будетъ, говоритъ.

Агаша была взволнована, говорила смущаясь и глаза ея были красные.

Молодые опѣшили и переглянулись боязливо. Одна и та же мысль явилась у обоихъ. Мысль о скорой разлукѣ.

— Кто же выдалъ нашу квартиру? Ахметъ? спросилъ Борисъ.

— Да. Ахметка. Его заковали. Онъ и выдалъ со страху! сказала мамка.

— Если сегодня же, чрезъ часъ — и разлучатъ! вымолвила Анюта блѣднѣя и прижимаясь къ мужу.

Но мамка обняла свое дитятко и, цѣлуя горячо ея руки, зашептала нѣжно:

— Не опасайтесь. На видъ страсть гнѣвается князь. Буря сама ходуномъ ходитъ. А на душѣ не то. Будь я проклята и на томъ и на этомъ свѣтѣ, если онъ вамъ что худое сдѣлаетъ. Меня засадилъ, а вотъ ужъ и выпустилъ и за вами послалъ. Не тронетъ онъ васъ пальцемъ.

— Какъ?

— Проститъ. Вѣрьте мнѣ. Проститъ! Давно я его знаю. За прощеніемъ зоветъ. Или ужъ я совсѣмъ изъ ума выжила.

— Да вѣдь онъ объѣздилъ всѣхъ! Во дворцѣ былъ! Жаловался чуть не царицѣ? воскликнулъ Борисъ.

Соленушка удивилась, даже смутилась...

— Не знаю. У преосвященнаго, слышала я отъ людей, что они были и долго сидѣли. Богъ милостивъ... Собирайтесь. Ну, барышня... А вы что-жъ свое не сказываете, обернулась Соленушка къ Агашѣ. Говорите. Что-жь дѣлать. Богъ дастъ и это обойдется.

Агаша со слезами на глазахъ хотѣла заговорить, но заплакала. Тутъ только Борисъ замѣтилъ ея заплаканное и красное лице.

— Что такое? изумился онъ, совершенно недоумѣвая, что можетъ заставить добродушную сестру горевать. Но одно ея слово объяснило ему все.

— Матушка...

— Что?! Бѣда какая приключилась? воскликнулъ Борисъ.

— Какъ онѣ узнали по утру еще въ постели обо всемъ, такъ легли опять на подушки и въ себя не приходятъ! сказала Соленушка.

Наступило молчаніе. Агаша плакала тихо.

— Что же съ ней? взволнованно сказалъ Борисъ.

— Богъ ихъ знаетъ. Князь послалъ ужъ за нѣмцемъ нашимъ. Карлъ Иванычъ сейчасъ поможетъ.

— Господи. Вотъ не ожидалъ. Да что жъ это съ ней? Обморокъ что ли отъ испуга? обернулся Борисъ къ сестрѣ. Ты первая сказала объ насъ матушкѣ?

— Я... Она поглядѣла большими глазами на меня и спросила опять — плакала Агаша.—Сказала: мой Борюшка, на теткѣ своей... женился?.. Душу свою... губитъ.

— Ну...

— Ну и упала такъ... прямо... на подушки.

— И съ тѣхъ поръ не приходила въ себя? спросила Анюта.

— Нѣтъ... будто спитъ.

— Поѣдемъ скорѣе! воскликнула Анюта. Что тамъ ни будь. Господи благослови!

Чрезъ минуту всѣ четверо молча съѣхали со двора и всю дорогу чрезъ цѣлую почти Москву, никто не проронилъ ни слова.

Библиотека "Руниверс"

XIV.

Когда молодые во второй разъ въѣхали во дворъ, то встрѣтили три гроба съ покойниками, которыхъ выносили со двора въ церковь.

— Хорошая примѣта! сказала Соленушка. Удача будетъ.

— Хороша—хорошая. Изъ за насъ же! угрюмо проворчалъ Борисъ.

Анюта перекрестилась и выглянула на открытые гроба, которые проносили ихъ люди мимо нихъ.—Она узнала только мертвое лице великана-швейцара.

— Бѣдный, шепнула она. И не нужно было. Я ушла по задней лѣстницѣ.

— Вольно было напиваться, рѣшила мамка.

Карета остановилась у подъѣзда и Ѳеофанъ съ тремя лакеями вышелъ, чтобы высаживать пріѣзжихъ. Лице его было важно и строго. Онъ, вѣроятно наглядѣвшись на своего князя, невольно пріобрѣлъ такое же выраженіе лица.

— Пожалуйте. Всѣ въ сборѣ. Въ залѣ! сказалъ онъ высаживая Анюту.

— Кто въ сборѣ, Ѳеофанъ. Гости есть?

— Нѣту, дворовые одни нашли.

— Что матушка? спросилъ Борисъ.

— Все тоже-съ!

Они поднялись наверхъ!.. Анюта чувствовала, что силы и рѣшимость покидаютъ ее. Что будетъ? Неужели сейчасъ возьмутъ и разлучатъ ихъ.

Большая зала была полна народу. Вся дворня князя была въ сборѣ, но въ числѣ прочихъ былъ знакомый Анютѣ старикъ-келейникъ, справлявшій должность дворецкаго или эконома у преосвященнаго. Около него стоялъ какой то подъячій въ мундирѣ.

Князя не было въ залѣ.

Агаша побѣжала къ матери. Соленушка смѣшалась съ толпой горничныхъ, стоявшихъ отдѣльно отъ остальной дворни, гдѣ были и кучера, и садовники, и пекаря, и домашніе портные, и сапожники, даже кузнецы и слесаря и т. д. Анюта даже не всѣхъ знала въ лице. Всѣ тихонько переговаривались, и легкій гулъ шелъ по залѣ.

Молодые сѣли на стульяхъ у окна, въ ожиданіи князя, которому Ѳеофанъ пошелъ доложить...

Имъ обоимъ было неловко, стыдно...

— Что это за подъячій? думалось Анютѣ. Зачѣмъ онъ здѣсь? Зачѣмъ и келейникъ здѣсь?

Наконецъ показался князь Артамонъ Алексѣевичъ и, войдя, остановился на порогѣ.

Молодые двинулись къ нему на встрѣчу съ поникнутыми головами при безмолвной, вдругъ воцарившейся въ залѣ, тишинѣ.

Князь поднялъ на нихъ руку, какъ бы приказывая не подходить къ себѣ. Оба остановились шагахъ въ четырехъ отъ него.

— Вы преступили божескіе и человѣческіе законы, заговорилъ князь громко и сурово. Васъ будутъ судить! Вы обманули меня: ты, дочь, своего родителя, а ты—дѣда. Но въ такомъ преступномъ дѣлѣ—ужь не это главное. Главное кровосмѣсительный бракъ вашъ. Я васъ прощаю и Богъ вамъ судья за преступленіе его божескихъ законовъ. Но церковное начальство и гражданскія власти васъ простить не могутъ. Васъ будутъ судить. Каждому будетъ наказаньемъ—заточеніе въ монастырь на всю жизнь и церковное покаяніе. Ты, Борисъ—будешь не гвардеецъ, а монахъ. А ты, дочь,—монахиня, да кромѣ того лишаешься мною наслѣдства, такъ какъ все имущество мое, души, вотчины и дома—отдаю по духовной, послѣ моей смерти, на богоугодныя дѣла. Вотъ все, что я долженъ объявить вамъ по указу, мнѣ данному свыше, при всѣхъ моихъ крѣпостныхъ людяхъ. Объ вашемъ дѣйствіи неслыханномъ, на позоръ и поношеніе моей старости и моей фамиліи, сегодня же будетъ доведено до свѣдѣнія матушки царицы, а равно и святѣйшему синоду.

Наступило гробовое молчаніе... Анюта дрожала всѣми членами и, блѣдная какъ смерть, поднявъ глаза на отца, хотѣла что-то сказать, но зубы стучали, посинѣлыя губы не двигались. Она была страшна. Борисъ, блѣдный такъ тяжело и громко дышалъ, что его дыханіе было слышно.

— Ну, расходитесь! приказалъ князь. Молчать приказа отъ меня вамъ нѣтъ. Можете разносить хоть по всей Москвѣ нашу срамоту. Да она, Бѣлокаменная, и такъ ужь вся, и вдоль и поперегъ, все слышала и знаетъ. Вы, отецъ Андрей, и вы, господинъ секретарь, поѣзжайте каждый по своему начальству. А ты, дочь, и ты, самокрутчикъ-зять, оставайтесь въ семъ домѣ, покуда не рѣшится ваша судьба властью духовной и гражданской. А теперь идите за мной, на мою расправу и мой отцовскій допросъ... Идите!..

Князь повернулся и быстро пошелъ. Борисъ двинулся за нимъ, Анюта, чрезъ силу переступая, тоже пошла за мужемъ. Князь, идя къ себѣ, не оборачивался, покуда не дошелъ до кабинета. Чрезъ нѣсколько мгновеній послѣ этого, толпившаяся еще и не выходившая изъ залы на лѣстницу многолюдная дворня, замерла вдругъ на мѣстѣ. Изъ кабинета князя донесся пронзительный, дикій и страшный крикъ! Одинъ! И снова стало тихо. Гулъ пошелъ по залѣ.

— Кнѣжна! Убилъ! Господи помилуй! послышались восклицанія.

— Что вы, дурни! Расходитесь! закричалъ Ѳеофанъ.

И въ полномъ безмолвіи, дворовые смущенно и робко очистили залу. Только Соленушка не шла и, полумертвая отъ ужаса и отчаянія, сѣла на стулъ и прислушивалась къ той сторонѣ дома, гдѣ былъ кабинетъ князя.

Но все было тихо, какъ ночью.

Только разъ кажется въ жизни можно такъ вскрикнуть, какъ вскрикнула Анюта, войдя за отцемъ въ его кабинетъ. Не мудрено было подумать, что князь, приведя дочь къ себѣ, порѣшилъ съ ней и положилъ на мѣстѣ либо ножемъ, либо инымъ чѣмъ.

Князь дѣйствительно положилъ дочь на мѣстѣ однимъ словомъ и теперь Анюта лежала въ обморокѣ у него на диванѣ, а князь и Борисъ приводили ее въ чувство. Отецъ былъ слегка испуганъ, но съ другимъ уже выраженіемъ лица, нежели въ залѣ, а Борисъ плакалъ. Слова князя, отъ которыхъ Анюта вскрикнула страшно и упала безъ чувствъ,—были слѣдующія:

— Прости меня, дочушка. Я не волепъ и скоморошествую. Но за то все сойдетъ счастливо. Цѣлуйте меня, дѣти!..

Анюта скоро пришла въ себя, открыла глаза и, понявъ гдѣ они и что съ нею случилось, она бросилась къ отцу и едва не задушила его въ своихъ объятіяхъ. Она не могла ни слова сказать, а только плакала, и ей казалось, что она сходитъ съ ума.

— Батюшка! Борисъ!.. заговорила она наконецъ восторженно. Я сойду съ ума. Я сойду съ ума!

Наскоро успокоились всѣ трое и заговорили просто, не разспрашивая и не перебивая другъ друга.

— Разъясните, батюшка. Я ничего не понимаю. Я боюсь понять! радостно говорила Анюта, покрывая поцѣлуями руки отца или снова бросаясь къ нему на шею и цѣлуя его.

Князь объяснилъ все очень скоро и просто, но не одинъ разъ долженъ былъ повторять тоже самое.

Еще почти годъ назадъ, онъ, видя любовь ихъ и самъ желая этого брака—обратился къ своему другу и „московской силѣ“ преосвященному за разрѣшеніемъ брака, но получилъ отказъ. Онъ писалъ въ Петербургъ, обращался въ синодъ и всюду было то же. Самые вліятельные члены въ высшемъ духовенствѣ были противъ разрѣшенія. Князь заявилъ однажды, что все таки повѣнчаетъ дочь, такъ какъ таковыхъ два брака было на его памяти и женившихся оставили въ покоѣ, потому что ни родня и никто не жаловался.

(До слѣд. №)

Библиотека "Руниверс"

Матерь Божія Всескорбящая. Съ картины Гвидо Рени, грав. Гильдебрантъ.

Библиотека "Руниверс"

Штурманъ парохода „Клавдія“.

Разсказъ **Боде**.

I.

Въ дымной залѣ маленькой гостинницы у гавани стараго городка Эмдена, сидѣли передъ окномъ два молодыхъ человѣка. При первомъ взглядѣ можно было легко догадаться, что это моряки и только что вернувшіеся изъ плаванія — они какъ то выдѣлялись и казались чужими между остальными посѣтителями „Вальфиша“; они зашли сюда, чтобы проститься въ виду предстоящей разлуки и покончить счеты. Одинъ изъ нихъ, повидимому подчиненный, опустилъ въ карманъ туго набитый кошелекъ. Передъ ними стояло два стакана, которые они усердно наполняли изъ бутылки съ дорнкатомъ — любимое вино въ восточной Фрисландіи.

— Ну что, штурманъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, вставая, съ намѣреніемъ уйти, поѣдете вы со мной, когда „Клавдія“ получитъ возможность снова пуститься въ путь? Какъ только судно будетъ приведено въ порядокъ, ему не долго придется ждать груза; житницы здѣсь въ Эмденѣ наполнены чуть не до самыхъ крышъ, а въ Англіи урожай плохой. Я думаю—мы скоро повеземъ новый запасъ милордамъ.

Другой собесѣдникъ задумчиво опустилъ голову.

— Я возьму отъ васъ задатокъ также или даже охотнѣй, чѣмъ взялъ бы его отъ другихъ. Но куда вы, капитанъ, такъ торопитесь уходить? Мнѣ кажется, здѣсь въ Вальфишѣ очень хорошо! Въ теченіи 18 мѣсяцевъ, изо дня въ день мы были съ вами вмѣстѣ и терпѣли всѣ невзгоды. Кто знаетъ, какъ скоро мы опять сойдемся на „Клавдіи!“ Но быть можетъ вы куда нибудь торопитесь, васъ кто нибудь ждетъ?

Беззаботный и веселый смѣхъ былъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ и капитанъ Павельсъ, какъ звали молодаго человѣка, опять опустился на стулъ.

— О, Эсдертъ Лахузенъ, еслибъ меня кто нибудь ждалъ или еще лучше ждала! сказалъ онъ добродушно,—но я свободенъ какъ птицы, которыя сидятъ на крышѣ; съ тѣхъ поръ какъ скончался мой отецъ, я, подойдя къ зеркалу, вижу въ немъ всѣхъ родственниковъ, какіе у меня есть на всей землѣ и еслибъ я сегодня же вечеромъ отправился въ Камчатку, то ни одинъ пѣтухъ, ни одна курица не закудахтали бы на это.

Эсдертъ тихо покачалъ головой и задумавшись поднялъ стаканъ противъ свѣта, но не выпивъ изъ него ничего, онъ опустилъ его на столъ и медленно сказалъ:

— Но вѣдь вы сами виноваты, если такъ-таки у васъ не имѣется никого на свѣтѣ, кто бы ждалъ вашего возвращенія, или о комъ бы вы могли подумать, когда пароходъ иногда принужденъ бываетъ оставаться на якорѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней.

Капитанъ смотрѣлъ улыбаясь на своего штурмана.

— Мнѣ кажется, я знаю, Лахузенъ, о комъ вы думаете и кто радуется при вашемъ возвращеніи домой! Не можетъ ли вашъ капитанъ узнать еще что нибудь по этому поводу?

Эсдертъ немного смутился и его открытое честное лице слегка покраснѣло, но все же съ достоинствомъ онъ началъ разсказъ:

— Вы знаете конечно, что родина моя на островѣ Баркумъ; тамъ всѣ между собою или въ родствѣ или въ свойствѣ; только пріѣзжающіе чужестранцы нарушаютъ нѣсколько нашу обыденную жизнь. Никто не покидаетъ острова, за исключеніемъ молодыхъ парней, которые на нѣкоторое время отправляются въ качествѣ матросовъ въ кругосвѣтное плаваніе и возвратясь домой дѣлаются осѣдлыми рыбаками. И такъ завтра я найду ласковый пріемъ и радостную встрѣчу во всякомъ домѣ и въ особенности въ одномъ, гдѣ для меня припасено больше другихъ. Но главное въ томъ, продолжалъ онъ, искоса, смущенно поглядывая на капитана, что тамъ меня ждетъ та, которая, если Богу будетъ угодно, скоро сдѣлается моей невѣстой!—Антье и я—дѣти брата и сестры; уже давно твердо рѣшено, что мы должны пожениться какъ только я буду имѣть возможность внести свою долю на устройство нашей будущей жизни. Кромѣ того Толенцъ хотѣлъ, чтобы я, прежде чѣмъ получить его дочь, совершилъ бы морское путешествіе исполняя обязанность штурмана. Думаю, капитанъ, что вы бы не отказались засвидѣтельствовать, что я честно выполнялъ свой долгъ? Не можете ли вы отправиться со мной въ Баркумъ, чтобы лично передать это старику, пока вашъ пароходъ будетъ законопачиваться? Туда пріѣзжаютъ больные со всевозможными болѣзнями и возвращаются оттуда свѣжими и здоровыми. Можетъ быть и вы получите облегченіе отъ вашихъ грудныхъ болей и кашля!

Павельсъ съ минуту раздумывалъ.

— Это будетъ очень кстати, отвѣчалъ онъ. Во время работы на „Клавдіи“, я долженъ находиться здѣсь, гдѣ нибудь поблизке. Но вы не боитесь, Эсдертъ, что я похищу прекрасную Антье у васъ изъ подъ самаго носа, когда вы меня введете въ ваше гнѣздо. Вѣдь я, какъ вы говорите, долженъ буду остановиться у вашего будущаго тестя.

— Я думаю, возразилъ Эсдертъ, что Антье представляетъ собой чистую фрисландскую рыбачку, которая можетъ быть парой такому штурману, какъ я, и не можетъ понравиться такому изысканному джентельмену, какъ вы, моряку изъ за одного только удовольствія, такъ какъ отецъ вашъ оставилъ вамъ въ наслѣдство „Клавдію“. Вѣдь вы это мнѣ разсказывали, когда мы сидѣли вмѣстѣ на палубѣ среди Тихаго океана. Антье чувствовала бы себя нехорошо въ большомъ домѣ, который вы намѣреваетесь купить, какъ только пропадетъ у васъ временная любовь къ мореплаванію!

— Ну, штурманъ, возразилъ Павельсъ, я не заставлю себя просить во второй разъ пріѣхать въ Баркумъ; озаботьтесь только о квартирѣ и радушномъ пріемѣ у вашей молоденькой невѣсты. Какъ только устроюсь съ дѣлами, я непремѣнно пріѣду.

II.

На другой день штурманъ воспользовался первымъ отходящимъ пароходомъ и отплылъ на родину. Съ тѣхъ поръ какъ островъ сталъ посѣщаться пріѣзжими для морскихъ купаній, было установлено правильное пароходное сообщеніе съ материкомъ. Только спустя нѣсколько дней могъ пріѣхать молодой капитанъ. Въ домѣ старика Толенца онъ встрѣтилъ радушный пріемъ и скоро былъ на маленькомъ островѣ какъ у себя дома. Теперь, во время купальнаго сезона, онъ представлялъ совершенно иную картину, чѣмъ нѣсколькими мѣсяцами раньше.

Съ невѣстой Эсдерта, или лучше сказать—съ будущей его невѣстой, молодой капитанъ сталъ скоро въ самыя лучшія отношенія. Штурману сначала было пріятно видѣть эти милыя обхожденія дѣвушки съ гостемъ, который платилъ ей также внимательностью; онъ вполнѣ довѣрялъ своей невѣстѣ и беззаботно смотрѣлъ на будущее, которое рисовалось ему въ самыхъ розовыхъ краскахъ. Однако, спустя нѣкоторое время, Эсдертъ сталъ замѣчать, что Антье слишкомъ много удѣляетъ времени и внимательности молодому гостю, часто въ ущербъ ея будущему мужу. Это сначала незамѣтно, а потомъ все яснѣй и яснѣй поселило раздоръ между молодой парой.

Сумрачно и безпокойно смотрѣлъ Лахузенъ на обоихъ, когда они беззаботно смѣялись и когда молодая дѣвушка внимательно слушала разсказы Павельса о его путешествіяхъ. Ему было досадно, что капитанъ умѣлъ лучше, занимательнѣй разсказывать обо всемъ этомъ, чѣмъ онъ, хотя все это они видѣли и переживали вмѣстѣ. Съ досадой отворачивался онъ, когда Антье восхищалась изысканными манерами гостя и находила прекраснымъ его блѣдное лицо съ темнорусой бородой и черными глазами. Онъ считалъ себя самымъ красивымъ молодымъ человѣкомъ на всемъ Баркумѣ. Когда въ воскресный день шелъ онъ въ церковь въ красномъ фулярѣ, повязанномъ вокругъ шеи матроскимъ узломъ, и въ лакированной шляпѣ на русой головѣ, то его голубые глаза не разъ встрѣчали сочувственный взглядъ другихъ дѣвушекъ, и онъ зналъ хорошо, что можетъ сдѣлать выборъ между многими. Антье тоже гордилась своимъ будущимъ мужемъ, но сравненія съ молодымъ гостемъ далеко не были въ его пользу; она даже, казалось, какъ то конфузилась за своего жениха въ присутствіи капитана. Когда однажды, при встрѣчѣ съ капитаномъ, Антье быстро выдернула свою руку у Эсдера, то тотъ счелъ себя глубоко оскорбленнымъ.

Толенцъ жилъ только вдвоемъ съ дочерью, которая должна была услужить гостямъ-иностранцамъ, поселившимся въ ихъ домѣ, и потому отецъ не удивлялся, что она за хлопотами мало удѣляетъ времени своему жениху.

— Теперь не время обрученью, сказалъ старикъ племяннику тотчасъ по его прибытіи. Осенью, когда островъ освободится отъ пріѣзжающихъ и дѣла пойдутъ обычнымъ порядкомъ, тогда, если согласится Антье, можно сдѣлать обрученіе, а весной и свадьбу.

Эсдертъ долженъ былъ пока довольствоваться надеждой на будущее. Кромѣ того и Антье теперь, какъ ему казалось, не выказывала особаго расположенія вступить съ нимъ въ бракъ. Она была еще очень молода, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ лишилась матери и привыкла жить самостоятельной жизнью. Капитанъ также обладалъ твердымъ характеромъ и рѣшительностью; онъ былъ человѣкъ минуты и до сихъ поръ, не долго задумываясь, бралъ отъ жизни то, что она ему предлагала. Красивая, съ прелестными свѣтлыми волосами, цвѣтущая здоровьемъ, наивно откровенная, строго сдержанная молодая рыбачка, была совершенной новостью для капитана и легко могла очаровать его. И какъ нарочно, чтобы подразнить и расшевелить спокойствіе Эсдерта и вызвать его ревность, капитанъ вскорѣ сталъ не пропускать ни одного удобнаго случая, чтобы показать, какъ ему нравится Антье.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда получено было извѣстіе, что пароходъ „Клавдія“ исправленъ и совершенно готовъ къ новому путешествію. Эсдертъ былъ очень радъ, что еще въ Эмденѣ взялъ задатокъ и теперь обязанъ былъ отправиться въ путешествіе.

— Лучше всего если мы оба уѣдемъ и Антье будетъ имѣть возможность все хорошенько обдумать, сказалъ онъ самъ себѣ. Его доброе сердце при мысли объ отъѣздѣ снова смягчилось и онъ сталъ искать повода къ извиненію молодой дѣвушкѣ. Она еще такъ молода, что какъ только перестанетъ видѣть передъ

Библиотека "Руниверс"

собой черные глаза, она ихъ скоро забудетъ и все пойдетъ по-старому, когда я вернусь обратно. Если-бъ я только зналъ навѣрно, что крестъ, который я недавно видѣлъ, издали, на груди капитана, не тотъ, который я привезъ Антье изъ путешествія! О, я тогда бы не печалился!

Вечеромъ, передъ отъѣздомъ, онъ отправился съ Антье на дюну, гдѣ хотѣлъ попрощаться съ ней и здѣсь чистосердечно высказать ей свои опасенія.

— Эсдертъ! сказала она съ упрекомъ, глядя ему въ глаза. Ты меня считаешь такой дурной? Въ такомъ случаѣ право было-бы лучше, еслибъ планы нашихъ родителей, относительно нашей будущности, не устроились! Если ты хочешь меня упрекнуть, что я была такъ легкомысленна и удѣляла вниманія капитану больше, чѣмъ это было пристойно, ты правъ; но подарить крестъ, это дорогое о тебѣ воспоминаніе, чужестранцу! Я никогда бы этого не сдѣлала! И такъ какъ я разсчитываю нѣкогда сдѣлаться твоей женой, то крестикъ этотъ сохраню у себя навсегда, продолжала она заливаясь слезами. Съ завтрашняго же дня, когда ты уѣдешь, я буду носить его на груди и каждый желающій услышить отъ меня, что онъ подаренъ мнѣ моимъ женихомъ.

Тяжелый камень свалился съ груди молодаго человѣка. Что значила теперь для него разлука на какихъ нибудь нѣсколько мѣсяцевъ? Полный надеждъ, оставилъ онъ островъ и въ Эмденѣ примкнулъ къ капитану, который пріѣхалъ сюда нѣсколькими днями раньше.

III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ со времени отъѣзда Эсдерта. Маленькій островъ, такъ оживленный лѣтомъ, теперь былъ пустыненъ и тихъ, съ окончаніемъ курса морскихъ купаній. Вдругъ страшная буря, которыя обыкновенно разыгрываются въ этихъ водахъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, повергла обитателей маленькой рыбачьей деревеньки въ безпокойство и ужасъ. Пронесся слухъ, что вдали показался пароходъ и что страшнѣе всего то, что онъ направляется къ острову съ той стороны, откуда не могутъ приставать морскія суда, такъ какъ рифы покрыты здѣсь волнами и ихъ трудно избѣжать. Не смотря на то, что подводные камни эти были хорошо извѣстны всѣмъ штурманамъ и лоцманамъ, говорили, со словъ маячныхъ сторожей, что пароходъ направляется прямо на нихъ. Всѣ, кто могъ, спѣшили на берегъ. Не смотря на поздній часъ, непогода все усиливалась. На обыкновенно пустынныхъ и безмолвныхъ улицахъ, всюду слышался стукъ деревянныхъ сапогъ по направленію къ морю. Дома, казалось, какъ бы вымерли, и только морской берегъ представлялъ оживленную картину, вслѣдствіе собравшейся толпы людей. Всѣ терялись въ догадкахъ и безпокойство возрастало, когда сообщили, что пароходъ нѣмецкій и что по всей вѣроятности тотъ, который отошелъ изъ Эмдена, т. е. „Клавдія". Берговые стражи узнали его раньше, чѣмъ наступила ночь, которая дѣлала теперь почти невозможнымъ что либо разобрать, исключая сигналовъ, которые наполняли сердца ужасомъ. Весь экипажъ парохода „Клавдія" состоялъ изъ уроженцевъ Баркума, которыхъ въ это лѣто нанялъ капитанъ Павельсъ для своего путешествія.

Эсдертъ Лахузенъ былъ на немъ штурманомъ. Какъ онъ, зная хорошо свое дѣло, могъ вести пароходъ на такое опасное мѣсто? Этотъ вопросъ переходилъ изъ устъ въ уста, причемъ говорившіе боязливо поглядывали на Антье, которая, какъ окаменѣлая, сидѣла на самомъ краю глубоко вдающейся въ море части плотины и не замѣчала, что волны ей плещутъ въ ноги. Устремившись неподвижно въ даль, она своимъ жаднымъ взоромъ какъ бы хотѣла вырвать корабль изъ пучины и спасти его. Не смотря на всеобщее безпокойство и заботы, нашлись люди, которые, перешептываясь, говорили: „о комъ молодая дѣвушка такъ сокрушается, о штурманѣ или капитанѣ?" Антье никогда не разсказывала объ отношеніяхъ своихъ къ Эсдерту; никто не зналъ объ ихъ разговорѣ передъ отъѣздомъ. Нѣкоторые ставили свои догадки и съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда лѣтомъ молодаго капитана.

На берегу теперь поднялся страшный шумъ, раздавались команды, крикъ; спасительный ботъ былъ спущенъ на воду, въ него сѣли сильные и опытные моряки и отчалили къ все болѣе и болѣе настоятельно просившему помощи сигналами пароходу. Буря становилась все ужаснѣе и ужаснѣе; волны съ яростью разбивались о дюны и потрясали ихъ до основанія. Стоящіе на берегу едва могли держаться на ногахъ. Это была ужасная ночь, въ которую никто изъ обитателей острова не сомкнулъ глазъ. Не только пароходъ, но и находившіеся на спасительномъ ботѣ подвергались страшной опасности. Каждый трепеталъ,—кто за брата, кто за отца, кто за друга, отправившихся для поданія помощи, въ числѣ ихъ находился и старый Толенцъ. Его дочь не тронулась со своего наблюдательнаго поста. Она была первая, которая своими зоркими глазами замѣтила возвращающійся ботъ при первомъ проблескѣ дня. Она первая воскликнула подавленнымъ голосомъ:

— Корабль крѣпко сидитъ на рифѣ, а ботъ возвращается назадъ!

Крикъ радости вырвался изъ среды женщинъ, когда наконецъ все яснѣй и яснѣй становился виднымъ ботъ, полный людей; такимъ образомъ экипажъ былъ спасенъ; уже издали глаза отыскивали дорогихъ лицъ и слышались все яснѣй и яснѣй зовы, ликованіе и разпросы.

Прибывшіе ничего не говорили о капитанѣ парохода. Молча, точно пришельцы съ того свѣта, и только кивали дѣвушкамъ и женщинамъ, которыя толпились къ нимъ.

Казалось, что всѣ были на лицо и никто не погибъ, между тѣмъ какъ прибывшіе выходили съ такими пасмурными, печальными лицами и послѣ перваго привѣтствія отходили въ сторону, какъ бы давая мѣсто самому важному лицу въ ботѣ, котораго однако не оказывалось. О капитанѣ Павельсѣ, какъ не принадлежавшемъ къ уроженцамъ острова, никто и не вспомнилъ. Спокойно и безмолвно лежалъ онъ въ глубинѣ бота, покрытый парусомъ и былъ теперь перенесенъ на берегъ. Блѣдный, ноябрскій лучъ солнца упалъ на трупъ, съ котораго порывомъ вѣтра сорвало парусъ.

Послышался пронзительный крикъ и Антье упала на землю; матросы почти у ногъ ея положили свою ношу, она узнала капитана Павельса. Въ то же время послышался обращенный къ ней голосъ Эсдерта; до сихъ поръ онъ внимательно слѣдилъ за ней и затѣмъ съ гнѣвомъ воскликнулъ:

— Вотъ лежитъ твой возлюбленный, Антье, его убилъ я!

IV.

Слѣдующій день послѣ этого происшествія никто изъ жителей Баркума никогда не забудетъ. Это было какое то возбужденное, удушливое настроеніе, какого еще никому не приходилось переживать. Всѣ пенталась объ ужасной ночи, но никто не хотѣлъ первымъ произнести слово „убійца" объ лучшемъ и любимѣйшемъ товарищѣ. Однако всѣ знали, что Эсдертъ дѣйствительно совершилъ преступленіе. Почти весь экипажъ видѣлъ ясно, что онъ ударилъ весломъ капитана и, въ минуту высшей опасности, когда треснулъ пароходъ, около Эсдерта видѣли погрузившійся въ волны бѣлый предметъ, который по всей вѣроятности былъ имъ сброшенъ инстинктивно, чтобы схоронить концы и въ тоже время слышенъ былъ яростный возгласъ: „Это награда за твое лицемѣріе!" Кромѣ того всѣ видѣли, какъ онъ оттолкнулъ только что всплывшій предметъ весломъ, который послѣ этого погрузился въ воду. Въ это время подоспѣлъ спасительный ботъ, принялъ весь экипажъ парохода и взялъ всплывшій на поверхность воды трупъ капитана.

Капитанъ и штурманъ, по словамъ экипажа, во все время плаванія находились въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ, что дѣлало преступленіе это еще болѣе загадочнымъ, а также разсказанная исторія, имѣвшая мѣсто въ послѣдній день, ничуть не разъясняла дѣла. Когда „Клавдія", на возвратномъ пути, пришла на высоту Баркума, капитанъ, котораго состояніе здоровья было весьма плохо, что дѣлало его раздражительнымъ и своенравнымъ, потребовалъ отъ штурмана, чтобы онъ, по его указанію, бросилъ якорь противъ острова, и хотѣлъ на нѣсколько часовъ съѣздить въ Баркумъ. Но мнѣнію Эсдерта, сдѣлать это было невозможно въ виду бурной погоды и лежавшихъ здѣсь опасныхъ рифовъ. Но доводы Лахузена не подѣйствовали на капитана и онъ объяснилъ нежеланіе бросить якорь ревностью, которая объяснялась предстоящимъ его свиданіемъ съ Антье. Между ними произошелъ крупный разговоръ и капитанъ взялся самъ управлять пароходомъ. Между тѣмъ Эсдертъ Лахузенъ ясно видѣлъ, что Павельсъ ведетъ свой пароходъ со всѣми ними на вѣрную погибель, и долженъ былъ молчать. Когда капитанъ приказалъ бросить якорь, было уже поздно. Цѣпи якоря были разорваны бурей. Пароходъ далъ течь, направился прямо на рифы, о которые и разбился.

Теперь несчастный Лахузенъ сидѣлъ въ передней у Толенца, тупо глядя передъ собой. Никто не зналъ однако настоящей причины, которая повергла въ такую ярость Эсдерта; кто могъ бы подумать, что когда онъ обнялъ капитана, чтобы спасти его, то увидѣлъ на груди несчастнаго, который сбросилъ верхнее платье, чтобы легче было плыть, крестъ,—ему казалось, онъ и прежде видѣлъ его у него,—именно тотъ, который онъ подарилъ Антье. „Она обманула меня!" промелькнуло у него въ головѣ. Мысль эта заставила его содрогнуться. Въ ту же минуту послѣдовалъ ударъ и послышались жестокія слова.

Внутри, въ комнатѣ, лежала на постели Антье въ лихорадочномъ бреду, не переставая произносить: „Я виновата, я виновата во всемъ!"

Только вечеромъ явился фогтъ острова, чтобы арестовать виновнаго.

— Ты долженъ слѣдовать за мной, Эсдертъ Лахузенъ, какъ арестованный, сказалъ онъ печально. Я долженъ доставить тебя въ тюрьму.

Несчастный усмѣхнулся.

— Вы правы, фогтъ, сказалъ онъ. Быть можетъ вы желаете связать меня,—вотъ мои руки, мнѣ все равно, дѣлайте со мной все, что хотите.

Но это было совершенно лишнее; ясно, что онъ не хотѣлъ избѣгать заслуженнаго наказанія. Такимъ образомъ въ Эмденѣ возникъ процессъ. Въ Баркумѣ почти ничего не было извѣстно о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла; разсказывали только, что передъ отправленіемъ, Эсдерта еще разъ приводили къ трупу и спросили: „дѣйствительно ли онъ убилъ этого человѣка?"

Библиотека "Руниверс"

Австро-Венгрія. Страстной Четвергъ въ Вѣнѣ. Императоръ и Императрица Австрійскіе, совершающіе омовеніе ногъ въ Кавалерскомъ залѣ дворца. По рис. Гоза въ М. Ц., грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

Онъ громко и прямо отвѣтилъ: „да“. Въ тотъ же моментъ онъ быстро нагнулся къ трупу, вытащилъ шнурокъ, который видѣнъ былъ изъ подъ воротника. Вдругъ онъ самъ поблѣднѣлъ какъ трупъ и чуть не грохнулся на полъ, такъ поразило его то, что онъ увидѣлъ. Крестъ, который висѣлъ на шнуркѣ и который онъ видѣлъ впервые такъ близко, не былъ крестомъ, подаренпымъ имъ Антье. Это былъ амулетъ, съ изображеніемъ Богоматери со Святымъ Младенцемъ, который обыкновенно носятъ католики и который, быть можетъ, надѣвала на капитана его умирающая мать, чтобы охранить его отъ всякихъ бѣдъ.

Съ этого мгновенія ожесточеніе въ молодомъ человѣкѣ уступило мѣсто раскаянію, но онъ не сказалъ ничего другаго, кромѣ того, что заявлялъ и раньше, именно, что убійство совершено имъ въ запальчивости и что онъ готовъ нести заслуженное наказаніе. Съ Антье онъ не говорилъ. „Самое лучшее, если она меня забудетъ, думалъ онъ. Я слишкомъ испорченъ и не стою ея. Она не будетъ меня больше любить, когда узнаетъ, какъ мало я ей вѣрилъ“.

Судъ былъ скоро оконченъ. Виновность была доказана: обвиняемый не отрицалъ преступленія и только для соблюденія формы былъ приглашенъ врачъ, который вскрылъ трупъ и подтвердилъ, что смерть произошла отъ удара въ черепъ. Носился слухъ о какомъ разногласіи между старымъ и молодымъ врачемъ при вскрытіи трупа, но это осталось безъ послѣдствій и Эсдертъ Лахузенъ, какъ несомнѣнный убійца, былъ приговоренъ къ 20-лѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ. Вскорѣ послѣ Рождества онъ долженъ былъ быть отправленъ въ Гамель и отбыть тамъ наказаніе.

V.

Узнавъ объ этомъ Антье вдругъ вышла изъ столбняка, въ которомъ она находилась со времени этого ужаснаго событія. Она ни съ кѣмъ не говорила объ этомъ, но перенесла больше страданій, чѣмъ всѣ это думали. Бѣдную дѣвушку сильно порицали и каждый непремѣнно хотѣлъ видѣть, что она легкомысленна. Думали, что ея слезы и тоска относятся къ убитому молодому капитану. Теперь уѣзжалъ Эсдертъ, не разъяснивъ тѣхъ ужасныхъ словъ, позорящихъ дѣвушку, которыя онъ произнесъ на морскомъ берегу.

Эсдерта также строго осуждали за его поступокъ. Такой запальчивости и раздражительности никогда никто и не подозрѣвалъ. „Счастье, говорили женщины, что онъ сидитъ подъ замкомъ, а то бы пришлось опасаться за свою жизнь!“

Совершенно спокойно пришла дѣвушка къ одному рѣшенію, на которое ей удалось склонить старика-отца.

Незадолго до Рождества они отправились въ Эмденъ и вернулись только послѣ Новаго года. Никто не зналъ, что старикъ Толенцъ выхлопоталъ у начальства разрѣшеніе убійцѣ Лахузену наканунѣ дня отъѣзда въ Гамель обвѣнчаться съ его дочерью Антье. Толенцъ со своими домогательствами долженъ былъ дойти до самаго короля Георга Гановерскаго, но онъ не жалѣлъ ни трудовъ, ни расходовъ и въ концѣ концовъ добился желанной цѣли.

Много стоило труда уговорить заключеннаго, прежде чѣмъ онъ согласился на этотъ бракъ, но вѣдь при этомъ была сама Антье, которая устраняла всѣ затрудненія.

— Я знаю, что я виновата въ твоемъ несчастьи, хотя и не на столько, какъ говорятъ всѣ и какъ одно время думалъ ты самъ объ этомъ, говорила она сжимая ему руку, когда онъ разсказывалъ ей о своихъ подозрѣніяхъ. Мнѣ бы не слѣдовало выказывать столько вниманія капитану, что я дѣлала, чтобы немного помучить тебя. Но это все уже дѣло прошедшее. Я знаю, что ты не перенесешь той ужасной жизни, которая предстоитъ тебѣ, и только въ томъ случаѣ, когда ты будешь помнить, что я имѣю на тебя право, что я, твоя жена, буду со страстнымъ желаніемъ ждать твоего возвращенія, ты не предашься окончательному отчаянію. Когда у тебя станетъ слишкомъ тяжело на сердцѣ, подумай о своей женѣ, которая будетъ считать часы до нашего свиданія. 20 лѣтъ конечно много времени, но мы будемъ оба терпѣливо ждать ихъ. И когда жители Баркума, которые теперь насъ презираютъ, узнаютъ какъ вѣрны были мы другъ другу, они перестанутъ объ насъ тогда дурно думать. Теперь же они ничего не должны знать объ этомъ.

Всѣ возраженія бѣднаго заключеннаго, что онъ не хочетъ навлекать позора на молодую любимую женщину быть жевой преступника, не имѣли успѣха, и въ концѣ концовъ за нѣсколько часовъ до отъѣзда осужденный былъ обвѣнчанъ съ Антье въ маленькой капеллѣ тюремнаго дома. Антье сдержала свое слово и, по возвращеніи на родину, никто не зналъ ничего о серьезномъ шагѣ въ жизни, который она только-что сдѣлала.

Уединенно жила Антье со своимъ старикомъ-отцемъ. Когда онъ, спустя годъ, внезапно умеръ,—она осталась еще болѣе одинокой и покинутой въ своемъ маленькомъ хорошенькомъ домикѣ. Тщетно каждое лѣто пріѣзжающіе стучались въ ея дверь съ надеждой найти здѣсь помѣщеніе. „Здѣсь не отдается квартира“—былъ всегда рѣшительный отвѣтъ. Точно такъ же твердо были отстраняемы всѣ женихи, которые не замедлили представиться. Хорошенькая, состоятельная молодая дѣвушка увлекала многихъ и заставляла смотрѣть сквозь пальцы на ея прошедшее. Никто вѣдь не зналъ, что Антье сама сдѣлала себѣ невозможнымъ измѣнить слову, данному Эсдерту; не могли постичь того, что такъ внезапно беззаботная, веселая дѣвушка превратилась въ строгую, серьезную женщину. Антье жила замкнуто и наконецъ добилась того, что ее оставили идти по своей дорогѣ и меньше стали заботиться объ ней.

VI.

Почти три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Эсдертъ сидѣлъ за высокими стѣнами большой исправительной тюрьмы Гамеля. Во время этихъ трехъ лѣтъ несчастная жена получала только по два письма въ годъ, за которыми она всегда сама ѣздила въ Эмденъ. Однажды вечеромъ, печальная, усталыми шагами направлялась она къ дюнамъ, по тому клочку земли, гдѣ хоронились трупы, большею частью неизвѣстные, которые выбрасывались волнами. Туда ходила обыкновенно Антье на могилу капитана Павельса, гдѣ предпочитала вымаливать прощеніе несчастному заключенному. Купальный сезонъ былъ уже въ концѣ и только нѣсколько человѣкъ иностранцевъ находились еще на островѣ, и потому она была удивлена, увидѣвъ здѣсь сегодня двухъ личностей, бродящихъ около могильныхъ бугровъ, на которыхъ не было никакихъ памятниковъ, кромѣ №. Предполагая, что они скоро уйдутъ, она зашла за дюну вблизи отъ креста, который обозначалъ мѣсто, гдѣ положенъ былъ на вѣчный покой трупъ капитана.

— Капитанъ Павельсъ! послышался ей голосъ одного изъ незнакомцевъ, читавшаго съ видимымъ удивленіемъ надпись. Имя мнѣ знакомое; гдѣ могъ я его слышать?

— Если я не ошибаюсь, сказалъ другой, то это могила несчастнаго молодаго человѣка, который былъ убитъ собственнымъ своимъ штурманомъ; мои хозяева недавно разсказывали мнѣ эту исторію.

— Совершенно вѣрно, отвѣчалъ ему первый. Какъ могъ я забыть это имя. Я самъ тогда до нѣкоторой степени игралъ роль въ этой исторіи, именно былъ приглашенъ для изслѣдованія. Судебный врачъ изъ Эмдена взялъ меня съ собой, когда былъ приглашенъ для вскрытія. Со мной случилась тогда еще большая непріятность, такъ какъ я рискнулъ, не смотря на то, что былъ еще тогда юнымъ врачемъ, не согласиться съ мнѣніемъ стараго врача. Онъ меня такъ строго остановилъ, что я былъ очень радъ, узнавъ, что мнѣ предстоитъ на дняхъ большое морское путешествіе въ качествѣ корабельнаго врача, а то бы онъ мнѣ насолилъ. По моему тогдашнему мнѣнію, капитанъ не былъ убитъ ударомъ весла, какъ тогда было констатировано; а просто, ударившись грудью въ моментъ паденія въ воду, онъ умеръ. Потомъ я конечно дѣлалъ себѣ упрекъ въ недостаткѣ рѣшительности, но съ другой стороны успокоивалъ себя тѣмъ, что обвиняемый самъ признавалъ себя виновнымъ.

Внезапный крикъ прервалъ рѣчь молодаго человѣка. Въ тотъ же моментъ изъ за дюны показалась мрачная фигура, съ силой, судорожно сжала руку говорившему, какъ бы боясь, чтобы онъ не убѣжалъ, и дрожащимъ отъ волненія голосомъ Антье начала молить:

— Повторите мнѣ еще разъ, именемъ Неба прошу васъ, повторите, что Эсдертъ не убилъ капитана.

Оба незнакомца удивленно смотрѣли на нее, недоумѣвая въ чемъ дѣло. Но Антье разъяснила имъ все, разсказавъ о своемъ мужѣ и о тайной надеждѣ, что имя Эсдерта должно когда нибудь освободится отъ позора.

— Мнѣ очень жаль, сказалъ сочувственно врачъ, что я не вернулся раньше изъ своего путешествія и что случай или воля Божья не привела меня сюда раньше. Я могъ бы теперь отстоять свое мнѣніе, будучи уже опытнымъ врачемъ. При анатомированіи трупа было дознано, что капитанъ сильно страдалъ болѣзнью легкихъ, потому сильное возбужденіе и волненіе могли повлечь за собой весьма печальныя послѣдствія, т. е. смерть, именно въ тотъ моментъ, когда капитанъ бросился въ воду. Если вашъ мужъ и ударилъ его весломъ по головѣ, то онъ ударилъ уже почти мертваго человѣка, и что синее пятно на лбу могло быть послѣдованіемъ удара о какую нибудь балку. Я готовъ показать это и теперь и привести доказательства моего мнѣнія, если возбудится новое слѣдствіе.

Кто опишетъ чувства Антье при этихъ словахъ и кто можетъ сказать что было въ ея сердцѣ и умѣ, когда она, переговоривъ съ любезнымъ докторомъ обо всемъ, что она должна теперь предпринять, возвращалась домой. Завтра хотѣлъ онъ зайти къ ней и принести для подписанія просьбу въ судъ, въ которой просилось о новомъ разслѣдованіи дѣла Эсдерта. Докторъ хотѣлъ взять прошеніе съ собой на материкъ и приготовиться къ возраженіямъ на его мнѣніе.

Далеко падалъ свѣтъ маяка, освѣщая, идущую въ первый разъ съ поднятой головой съ того злополучнаго времени, молодую женщину. Сегодня и на ея горизонтѣ взошла свѣтлая звѣзда надежды.

Была глубокая зима и весь Баркумъ былъ покрытъ снѣгомъ, такъ что съ трудомъ можно было отыскивать дорогу. Поздно вечеромъ, торопливыми шагами шелъ человѣкъ по дорогѣ отъ берега къ деревнѣ. Маленькій парусный ботъ привезъ его

Библиотека "Руниверс"

одного, по всей вѣроятности онъ хорошо владѣлъ веслами и парусомъ, такъ какъ никто не рѣшался переправляться теперь изъ Эмдена между льдинами. Но онъ взялся за это самъ и счастливо шагалъ теперь по острову, едва глядя въ освѣщенныя окна, и остановился передъ дверью одного маленькаго домика улицы, гдѣ жила Антье. Онъ уже протянулъ руку къ двери, но остановился съ глубокимъ вздохомъ и подошелъ къ окну, изъ котораго падалъ свѣтъ на снѣгъ, тихо заскрипѣвшій подъ его ногами. Долгое время смотрѣлъ путникъ, пока глаза его не заволоклись отъ слезъ; такъ взволновала его картина, которую онъ увидѣлъ.

На стулѣ передъ очагомъ сидѣла Антье, блѣдная и печальная, такъ какъ зародившаяся въ ней надежда снова погасла. Три мѣсяца прошло съ того вечера на кладбищѣ и Эсдертъ все еще не возвращался домой. Она ничего не слыхала о докторѣ, на котораго возлагала столько надеждъ. Правда, нѣсколько недѣль тому назадъ пріѣзжала въ Баркумъ комисія врачей и судей, которая, къ удивленію всей деревни, отправилась съ могильщиками на могилу капитана и, какъ говорили, вырыла трупъ; но больше ничего не было извѣстно.

И вотъ несчастная женщина, которая три года замужемъ и которая только 2—3 часа провела рука объ руку со своимъ мужемъ, сидѣла печальная и глубоко угрюмая, не предвидя конца своимъ страданіямъ. Она вынула изъ складокъ платья на груди гладкое кольцо, которое носила на лентѣ, и прижимала его, рыдая, къ своимъ губамъ.

Въ этотъ моментъ раздался стукъ въ дверь и на нее пахнуло свѣжей струей воздуха изъ передней, дверь которой она тихо отворила.

Эсдертъ Лахузенъ стоялъ на порогѣ...

Удивленіе односельчанъ было неописанно, когда на слѣдующій день, въ воскресенье, молодая чета отправилась въ церковь. Скромная Антье шла позади своего мужа, какъ это тамъ въ обычаѣ, съ гладкимъ кольцомъ на четвертомъ пальцѣ, которое ясно выдѣлялось на молитвенникѣ; теперь она показывала открыто то, что до сихъ поръ такъ скрывала.

Ужасы неба.

Очеркъ.

Новыя и поражавшія воображеніе явленія неба считались сверхъестественными всюду, гдѣ наука находилась еще въ зародышномъ состояніи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Индіи выпалъ съ большимъ шумомъ настоящій дождь изъ метеоритовъ... Испуганные жители сочли, что эти массы камней брошены ихъ божествами съ Гималайскихъ горъ и—стали собирать ихъ, какъ предметы поклоненія... Въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ древняго міра такія явленія, какъ сѣверное сіяніе, полное затмѣніе солнца, кометы и метеорные дожди — всегда считались игрой какой-либо божественной силы, обыкновенно предвѣщающей грядущія несчастія...

Дѣйствительно, всякій кто видѣлъ сѣверное сіяніе — великолѣпную дугу съ отходящими отъ нея свѣтовыми снопами яркихъ цвѣтовъ—понимаетъ, конечно, въ какое изумленіе должно было повергать людей это чудное явленіе въ тѣ вѣка. Вѣдь, до наступленія восемнадцатаго столѣтія не существовало для него никакого естественнаго объясненія. Явленіе это возникало вдругъ и неожиданно, повидимому безъ всякихъ извѣстныхъ тогда естественныхъ причинъ... И—возбужденное воображеніе рисовало на небѣ двигающіяся войска, потрясающія копьями... Блестящее сѣверное сіяніе, видѣнное въ Англіи въ 1575 году, описывается очевидцемъ того времени, какъ бездна, разверзшаяся въ сѣверной части неба, въ которой „было видно большое число блестящихъ дугъ; отъ нихъ отходили копья, города съ башнями, войска въ боевомъ порядкѣ; такъ точно по всѣмъ направленіямъ расходились лучи, волны облаковъ, и изображались сраженія, въ которыхъ одни бѣжали, другіе преслѣдовали первыхъ, третьи вертѣлись кругомъ какимъ-то удивительнымъ образомъ“.

Замѣчательнѣйшимъ затмѣніемъ изъ всѣхъ, упоминаемыхъ исторіею, представляется то, о которомъ повѣствуетъ Геродотъ и которое происходило за 585 лѣтъ до Р. Х. Паника, возбужденная имъ, послужила къ прекращенію войны между мидійцами и лидійцами. Сраженіе было въ полномъ разгарѣ, какъ вдругъ день превратился въ глубокую ночь... Пораженныя изумленіемъ войска положили оружіе и немедленно заключили миръ.

Ксенофонтъ разсказываетъ, какимъ образомъ изумленіе и тревога, порожденныя затмѣніемъ, привели къ сдачѣ одного города. Городъ этотъ—Ларисса. Первоначально, жители его, осаждаемые персидскимъ царемъ, твердо отстаивали его, но при видѣ чуднаго явленія, лишились мужества и городъ былъ взятъ.

Полное затмѣніе солнца было видно во многихъ частяхъ Европы въ маѣ 1706 года. Профессоръ Грантъ въ своей „History of Physical Astronomy“ разсказываетъ, что въ Женевѣ можно было видѣть въ это время множество людей „простершихся на землѣ и произносящихъ молитвы, подъ впечатлѣніемъ мысли, что насталъ послѣдній день...“

Одинъ древній писатель, повѣствуя о метеорномъ дождѣ, имѣвшемъ мѣсто въ 1202 году, говоритъ: „Звѣзды налетали одна на другую справа и слѣва, подобно безпорядочному рою стрекозъ; явленіе длилось до разсвѣта; народъ былъ въ ужасѣ и растерянно взывалъ къ Господу Богу“.

Нѣчто подобное происходило во время метеорнаго дождя въ 1366 году. Одинъ историкъ этого времени говоритъ: „Очевидцы явленія преисполнялись такимъ ужасомъ и смущеніемъ, что представлялись какъ бы оглохшими, воображая, что они умерли, что насталъ конецъ міра...“

Въ прежнія времена кометы принимались какъ знаки со стороны самого Божества, предувѣдомляющіе о грядущей войнѣ или какой-либо гибельной катастрофѣ. При этомъ степень ужаса зависѣла отъ величины кометы или отъ формы и длины ея хвоста.

Большая комета появилась между прочимъ въ 1066 году,— когда Вильгельмъ-Завоеватель опустошилъ Англію. Она была сочтена предвѣстницей пораженія и породила всеобщую тревогу. „Новая звѣзда означаетъ новаго короля“, —было ходячимъ выраженіемъ дня.

Вообще во всѣхъ описаніяхъ появленія кометъ въ древнее время говорится о порождаемомъ ими ужасѣ и смятеніи.

Нѣсколько иначе свойства была тревога, произведенная невѣрно предсказаннымъ въ 1832 г. столкновеніемъ кометы Біела съ Землею.

Астрономы объявили, что въ извѣстный день часть земной орбиты попадетъ въ туманность кометы. Предсказаніе это было дурно понято народомъ, который началъ ожидать прямаго столкновенія, и это породило всюду страшную тревогу.

Долго пришлось бы перечислять примѣры того ужаса, который внушаетъ иногда небо своими относительно рѣдкими явленіями. Подобные примѣры, конечно, на памяти у каждаго. Они имѣютъ мѣсто какъ въ глубокой древности, какъ въ сравнительно недавнее время, такъ въ настоящее и, конечно, не исчезнутъ въ ближайшемъ будущемъ, но будутъ повторяться еще, вѣроятно, долго-долго...

И когда исчезнетъ она совсѣмъ?... Правда наука ушла впередъ далеко въ настоящее время, но кругъ пріобщенныхъ къ плодамъ ея завоеваній еще малъ и лишь постепенно расширяется. Истинная наука сознается, какъ многое для человѣческаго ума вполнѣ необъяснимо—кометы, затмѣнія, метеорные дожди будутъ внушать прежній страхъ и порождать тревогу и смятеніе.

Къ рисункамъ.

Вшествіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ.

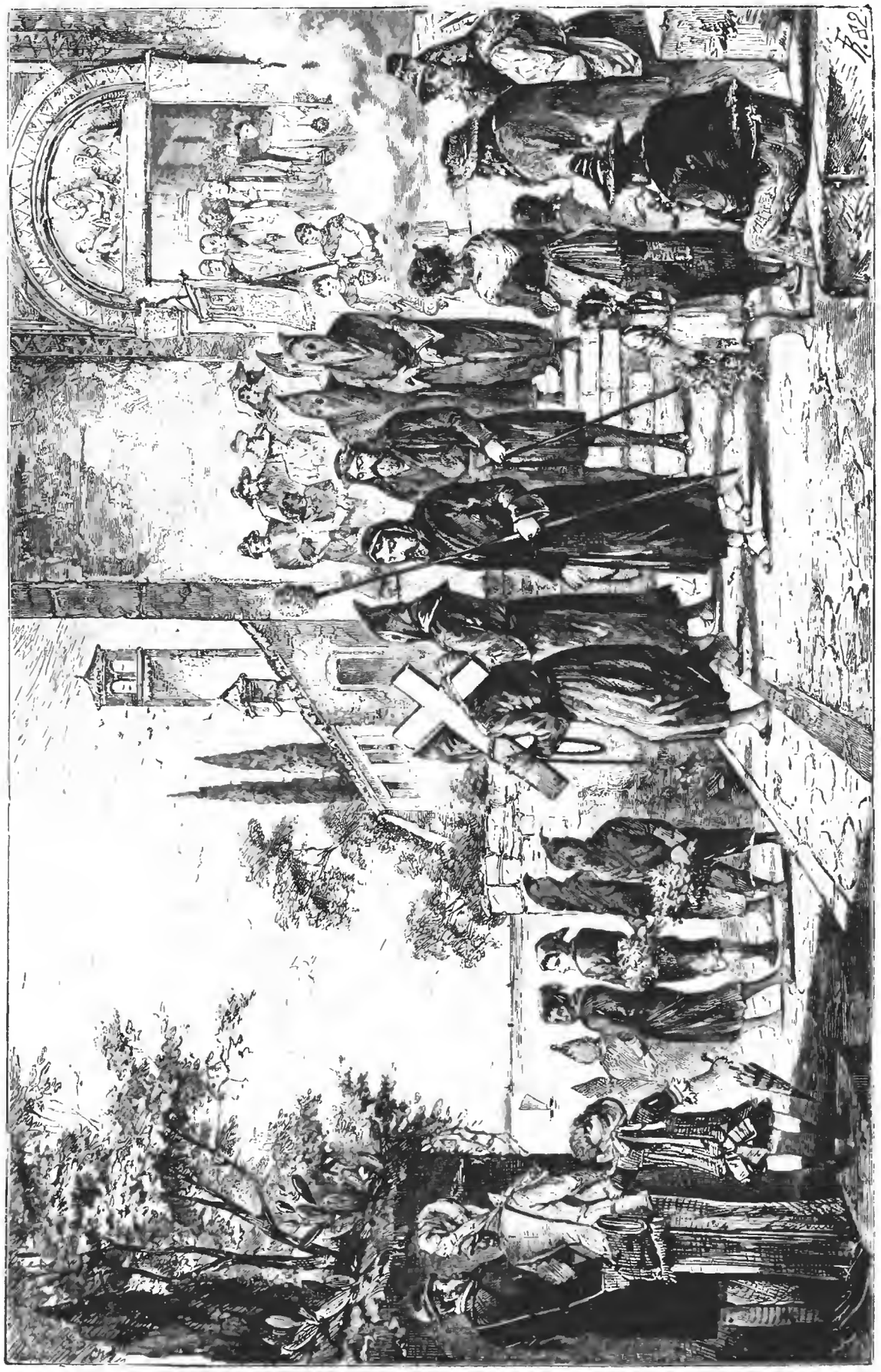
(Рис. на стр. 296 и 297).

Прекрасная картина „Вшествіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ“ принадлежитъ кисти знаменитаго французскаго художника Ипполита Фландрена и представляетъ собой фрескъ въ средней части храма Saint-Germain-des-Pres.

Художникъ, какъ нельзя быть лучше, воспроизвелъ намъ это торжественное событіе. Божественный ликъ Христа Спасителя, вступающаго Царемъ въ Іерусалимъ на скромномъ вьючномъ животномъ, выбранномъ имъ самимъ, сопровождается толпой учениковъ его, несущихъ тріумфальныя пальмовыя вѣтви, между тѣмъ какъ окружающія его со всѣхъ сторонъ толпы народа поднимаютъ, при видѣ его, крики радости и восторга. Здѣсь не должно быть видно ни суматохи, ни безпорядка, такъ какъ это не безсознательная толпа, увлеченная любовью къ нынѣшнимъ церемоніямъ, прелестямъ новинокъ и предающаяся безумно радостямъ; тутъ является народъ, надъ которымъ господствуетъ Божественная Воля, который повинуется своему Пророку и поклоняется Сыну Божьему. Художникъ и на этотъ разъ слушалъ вдохновенія своей души.

Надъ дверьми мастерской французской школы живописи въ Римѣ находились въ 1833 г. слѣдующія слова Іереміи: „Господи, ты далъ мнѣ радость видѣть твои дѣла и моимъ блаженствомъ будетъ пѣть тебѣ хвалу вѣчно!“ Это именно и есть та мастерская, въ которой жилъ Ипполитъ Фландренъ, будучи еще молодымъ, и написалъ своей рукой это изрѣченіе изъ библіи. Спустя тридцать лѣтъ Фландренъ, посвятившій всѣ силы свои къ прославленію Господа при помощи произведеній своей кисти, отправился въ Италію, чтобы снова полюбоваться великолѣпіемъ вѣчнаго города, подкрѣпиться въ великихъ воспоминаніяхъ и вернуться во Францію доканчивать громадную работу, которую онъ началъ въ нѣсколькихъ церквахъ; но смерть неожиданно застала его во время этого путешествія, и послѣднія слова, съ которыми онъ обратился къ друзьямъ, окружавшимъ его постель и плакавшимъ отъ горя, были слѣдующія: „Вы видите, друзья мои, что Господу Богу не угодно, чтобы я окончилъ украшеніе Его дома; такова Его воля!“

Библиотека "Руниверс"



Крестный ходъ въ Страстную Пятницу на морскомъ берегу въ гор. Амальфи (Италія).
Ориг. рис. А. Ликвера, грав. Ф. Рейпъ.

Библиотека "Руниверс"

Эти воспоминанія показываютъ намъ какимъ онъ былъ человѣкомъ и какимъ художникомъ.

Всескорбящая Богоматерь.

(Рис. на стр. 301).

Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ церковно-христіанская живопись, художники всегда съ особенною любовью и пристрастіемъ относились къ воспроизведенію Mater Dolorosa. Да и въ самомъ дѣлѣ, можно ли представить себѣ болѣе возвышенный и прекрасный сюжетъ для художника, чѣмъ изображеніе страданій Божіей Матери, полной святой муки за судьбу Своего Сына, Христа? Красота, душевное величіе и божественная прелесть соединены здѣсь въ идеальномъ образѣ. Болѣе чистаго, болѣе возвышеннаго, поразительнаго и представить себѣ нельзя. Изъ живописцевъ всѣхъ временъ Гидо Рени принадлежитъ именно къ тѣмъ, которые умѣли постичь этотъ высоко-идеальный образъ и воспроизвести его на полотнѣ. Этимъ высокимъ пониманіемъ и совершенствомъ техники отличается большинство его твореній, производящихъ сильное впечатлѣніе, которое не скоро забывается. Прекрасная Mater Dolorosa, написанная этимъ художникомъ (род. въ 1575 году), находится въ Берлинскомъ императорскомъ музеѣ.

Омовеніе ногъ во дворцѣ, въ Вѣнѣ.

(Рис. на стр. 304 и 305).

Обычай, въ силу котораго хозяинъ омывалъ ноги страннику принявшему гостепріимное предложеніе отдохнуть въ его домѣ, долгое время соблюдался въ странахъ Востока; преданія относятъ его къ временамъ самымъ отдаленнымъ.

Спаситель освятилъ этотъ трогательный обычай, омывъ своими руками ноги двѣнадцати учениковъ во время Тайной Вечери. Церковь наша, свято чтущая всѣ дѣянія своего Божественнаго Основателя, совершаетъ воспоминаніе объ этомъ событіи въ четвергъ на страстной недѣлѣ при торжественномъ богослуженіи, когда митрополитъ совершаетъ омовеніе ногъ 12 священниковъ, изъ которыхъ каждый представляетъ такъ сказать лицо одного изъ учениковъ Спасителя.

При большихъ европейскихъ дворахъ, въ Австріи, Испаніи,

Христіанская мученица. Съ картины Поля Делароша, грав. Джемсъ.

Библиотека "Руниверс"

а также въ Римѣ, гдѣ это дѣлаетъ папа, государи подражаютъ этому примѣру смиренія и своими руками омываютъ ноги двѣнадцати старцамъ въ страстной четвергъ.

Въ Вѣнѣ это религіозное празднество производится съ большой торжественностью и пышностью, о чемъ можно судить по рисунку, помѣщенному нами въ этомъ номерѣ.

Оно происходитъ въ большой, такъ называемой кавалерской, залѣ императорскаго дворца.

Для этой церемоніи избираются двѣнадцать почтенныхъ старцевъ и двѣнадцать дамъ, всѣ не моложе восьмидесятилѣтняго возраста. Ихъ одѣваютъ въ костюмы XV столѣтія, привозятъ въ каретахъ во дворецъ, гдѣ они занимаютъ мѣста на двухъ эстрадахъ, устроенныхъ въ залѣ: одна для мужчинъ, другая для дамъ.

Затѣмъ слѣдуетъ торжественный выходъ императорской четы.

Императоръ въ сопровожденіи своей свиты отправляется къ старцамъ, между тѣмъ какъ императрица идетъ къ почтеннымъ дамамъ. Тогда государь и государыня разуваютъ поочереди всѣхъ двѣнадцать мужчинъ и дамъ, окунаютъ полотенце въ золотой кувшинъ съ водой, касаются имъ ногъ, которыя тотчасъ же и вытираютъ другимъ полотенцемъ, подаваемымъ кѣмъ либо ихъ свиты.

По окончаніи церемоніи, каждый изъ мужчинъ и дамъ получаютъ кошелекъ съ нѣсколькими золотыми монетами и затѣмъ ихъ въ тѣхъ же каретахъ развозятъ по домамъ.

Страстная Пятница въ Амальфи.

(Рис. на стр. 308).

Во многихъ южныхъ городахъ Италіи еще и до сихъ поръ устраиваются различныя церковныя шествія, чтобы нагляднѣе представить жителямъ тѣ страданія Спасителя, воспоминаніе о которыхъ празднуется въ извѣстные дни. Процессіи эти имѣютъ почти въ каждомъ городѣ свои особенности. Въ Амальфи, напримѣръ, въ Великую Пятницу выносится каменное изваяніе Христа, въ сопровожденіи торжественнаго шествія обносится вокругъ церкви и кладется въ богато украшенную гробницу, или,—какъ это представлено на нашемъ рисункѣ—шествіе направляется по улицамъ, при чемъ несутся различныя эмблемы страданій Спасителя. Устраиваютъ это шествіе члены братства „Милосердіе" съ благотворительной цѣлью. Множество мальчиковъ, изъ которыхъ многіе одѣты въ маски подобно членамъ братства, открываютъ процессію, при чемъ выпрашиваютъ у зрителей и пріѣзжихъ туристовъ милостыню съ чисто итальянской наивностью. Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько членовъ братства въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, съ поднятыми на голову капюшонами, въ которыхъ прорѣзаны отверстія для глазъ; они несутъ крестъ, копье съ губкой и другія эмблемы, между тѣмъ какъ одинъ незамаскированный изображаетъ собой Христа съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ. Далѣе слѣдуетъ опять братство въ своихъ костюмахъ, и шествіе замыкается духовенствомъ, за которымъ идетъ народъ. Печальное шествіе братства представляетъ рѣзкій контрастъ съ прекрасной весенней природой южной Италіи.

Христіанская мученица.

(Рис. на стр. 309).

Деларошъ (1797—1856) составляетъ по справедливости гордость французской исторической школы и многія его картины пользуются всемірной извѣстностью. Такъ напримѣръ, кто не знаетъ, если не по оригиналамъ, то по гравюрамъ, его произведеній: „Кромвель открывающій гробъ Карла I", „Смерть Герцога Гиза", „Дѣти Эдуарда", „Казнь Іоанны Грей" и массы другихъ, полныхъ драматизма и отмѣченныхъ высокимъ талантомъ. Картина „Христіанская мученица" тоже считается однимъ изъ лучшихъ произведеній Поля Деларошa, на которомъ лежитъ печать неподдѣльнаго вдохновенія. Въ средѣ французскихъ художниковъ сохранилось даже преданіе, что Деларошъ видѣлъ во снѣ эту поэтическую граціозную фигуру, которую и изобразилъ на полотнѣ подъ ореоломъ мученицы. Содержаніе картины очень несложное; молодая Римлянка, отказавшаяся служить языческимъ богамъ, брошена въ Тибръ со связанными руками; она тихо плыветъ на поверхности рѣки, прелестная, граціозная, слегка омываемая зелеными волнами. Сцена происходитъ вечеромъ; солнце уже закатилось и блѣдный трупъ, окутанный сумракомъ, освѣщается лишь однимъ блестящимъ ореоломъ, которымъ художникъ увѣнчалъ голову мученицы. На пустынномъ берегу видны лишь двѣ темныя фигуры, вѣроятно христіанъ, которыя какъ бы слѣдятъ за святой мученицей и вѣроятно ждутъ удобной минуты, чтобы предать ее честному погребенію. Вообще картина производитъ въ оригиналѣ сильное впечатлѣніе; особенно удалась Деларошу фигура мученицы, въ которой онъ изобразилъ созданіе въ высшей степени прелестное, сообщивъ ея лицу выраженіе какого то неземнаго блаженства, цѣломудрія и невозмутимаго покоя.

„Requiem".

(Рис. на стр. 312).

Это произведеніе молодаго шведскаго художника обратило на себя общее вниманіе какъ оригинальностью композиціи, такъ и энергіей и силой рисунка. Сюжетъ, при всей своей таинственности и мистицизмѣ, разработанъ довольно реально и исполненъ при этомъ глубокаго чувства. На картинѣ видны лишь двѣ фигуры. У надгробнаго камня пѣли погребальный гимнъ „Requiem" два ангела. Одинъ изъ нихъ простерся около гробницы, въ глубокой печали, опустивъ на землю свою арфу; другой ангелъ представленъ сидящимъ; онъ держитъ въ рукѣ музыкальный инструментъ и задумчиво смотритъ на гробницу. Обѣ фигуры ангеловъ исполнены безукоризненно и всѣ детали картины, вся ея мрачная обстановка производятъ глубокое впечатлѣніе.

Политическое обозрѣніе.

Египетъ.—Тонкинъ.—Англія.—Германія

Ни побѣды Грагама, ни энергическія распоряженія и строгія прокламаціи Гордона до сихъ поръ не принесли никакого утѣшительнаго результата въ дѣлѣ усмиренія Судана. Предводители мятежа не падаютъ духомъ, а напротивъ твердо увѣрены въ своей непобѣдимости и безсиліи англичанъ довести до конца свою трудную задачу. Однимъ изъ важныхъ союзниковъ мятежа является еще столь гибельная для европейца тропическая жара, господствующая теперь въ безводныхъ равнинахъ Судана. Благодаря ей преслѣдованіе скопищъ Османа-Дигмы теперь совершенно оставлено и заявленіе генерала Грагама и адмирала Гюетта, о томъ, что компанія окончена, ясно доказываютъ, что означенные генералы окончательно признали невозможность открыть дорогу отъ Краснаго моря къ Берберу и идти на помощь Гордону. Экспедиція дѣйствительно окончилась, но не потому чтобы предположенная ею цѣль была достигнута, а въ виду полнѣйшей невозможности для европейской арміи маневрировать и передвигаться подъ жгучими лучами экваторіальнаго солнца. Въ этомъ убійственномъ для каждаго европейца лѣтнемъ климатѣ необъятныхъ пустынь—мятежныя арабскія племена имѣютъ самаго лучшаго и надежнѣйшаго союзника; они это хорошо понимаютъ и недавно самъ Махди въ разговорѣ съ редакторомъ одной арабской газеты, прямо выразилъ убѣжденіе, что англичане не страшны ему, такъ какъ они быстро будутъ растоплены египетскимъ солнцемъ. Объ участи генерала Гордона продолжаетъ господствовать самая тягостная неизвѣстность и въ Лондонѣ, и въ Каирѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, мятежники уже вступили въ Хартумъ послѣ неудачной вылазки Гордона, окончившейся полнымъ пораженіемъ его отряда. Занятіе столицы Судана однимъ изъ намѣстниковъ Махди было, будто-бы, результатомъ капитуляціи, которую губернаторъ, признавъ невозможность сопротивленія, долженъ былъ заключить съ своими противниками, ограждая тѣмъ жизнь и собственность жителей. Утверждаютъ, что эти условія были строго соблюдены арабами и вступленіе ихъ въ Хартумъ не ознаменовалось никакимъ насиліемъ. По однимъ извѣстіямъ, Гордонъ взятъ въ плѣнъ мятежниками, по другимъ,—ему удалось спастись, но во всякомъ случаѣ положеніе его самое критическое, такъ какъ помощи теперь ожидать ему неоткуда. Телеграфъ уже извѣщаетъ объ отступленіи генерала Грагама подъ стѣнами Суакима. Экспедиціонный корпусъ садится на суда, оставляя для охраны крѣпости лишь небольшой гарнизонъ. Для защиты побережья Краснаго моря Англія проситъ помощи у Абиссинцевъ, такъ такъ охранять его однѣми своими силами она болѣе не въ состояніи. Посломъ къ королю Іоанну отправляется адмиралъ Гюеттъ, которому поручены, кромѣ переговоровъ о совмѣстномъ дѣйствіи съ англійскими войсками противъ мусульманскаго возстанія въ Суданѣ, еще переговоры объ уступкѣ Англіи двухъ абиссинскихъ острововъ на Красномъ морѣ. Если послѣдняя уступка будетъ достигнута, то нельзя не отдать полную справедливость умѣнью англичанъ извлекать себѣ выгоду даже среди самыхъ тяжкихъ неудачъ и затрудненій.

Въ Тонкинѣ французскія войска теперь готовятся къ нападенію на Гонгъ-Гоа, незначительное укрѣпленіе, имѣющее 600 метровъ въ окружности, и такъ какъ послѣ ряда неудачъ китайцы значительно упали духомъ, то весьма вѣроятно, что на этомъ пунктѣ не встрѣтится серьезнаго отпора. Занятіе французами Гонгъ-Гоа имѣло бы важное значеніе, особенно въ виду близкаго наступленія времени года, въ теченіи котораго никакія военныя операціи немыслимы. Съ паденіемъ послѣдняго укрѣпленнаго пункта, генералу Мильо будетъ уже не трудно утвердиться въ крѣпостяхъ дельты и выслать обратно изъ Тонкина на родину отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ.

Неожиданная смерть въ Каннѣ вслѣдствіе несчастнаго паденія съ лѣстницы одного изъ сыновей королевы Викторіи, герцога Альбани, повергла въ скорбь всю Англію. Со всѣхъ сторонъ королевѣ и королевской фамиліи посылаются засвидѣтельствованія самаго глубокаго сожалѣнія и сочувствія. Всѣ газеты вышли въ черныхъ рамкахъ и, заключая пространныя подробности о принцѣ Леопольдѣ, выставляютъ на видъ, что вся жизнь покойнаго была не только безупречна, но и изоби-

Библиотека "Руниверс"

ловала благородными намѣреніями, а также подавала большія надежды въ будущемъ. Продолжающаяся болѣзнь маститаго Гладстона возбуждаетъ серьезныя опасенія между его многочисленными сторонниками, и всѣ опасаются, что даже въ случаѣ выздоровленія престарѣлый премьеръ уже не въ силахъ будетъ долгое время выполнять свои высокія обязанности въ палатѣ общинъ и поневолѣ долженъ будетъ послѣдовать примѣру своихъ предмѣстниковъ, лорда Джона Роселя и Дизраэли, и успокоиться на безмятежномъ лонѣ палаты лордовъ.

Германія, въ обычный день 22-го марта, торжественно отпраздновала 87-ю годовщину дня рожденія императора Вильгельма. Повсюду, во всей странѣ, изъ конца въ конецъ, этотъ день былъ посвященъ самой живой, самой искренней радости и повсюду выражались единодушныя пожеланія, чтобы этотъ рядъ достославныхъ годовъ, годовъ силы и благоденствія продолжился еще на долгое время.

Смѣсь.

Открытіе выставки въ академіи художествъ привлекло довольно публики. Выставка пока не отличается особенно выдающимися вещами. Сцены Свѣдомскаго изъ древне-римской жизни небезынтересны, особенно „Evohe Bacche"—изображеніе оргіи временъ цезаризма. Подражая въ общемъ Генриху Семирадскому, художникъ впадаетъ въ частностяхъ въ излишнюю реальность. Творожниковъ изобразилъ Мировича у трупа Іоанна Антоновича; драматическій сюжетъ разработанъ художникомъ старательно. Г. Кошелевъ выставилъ „Христа-отрока въ храмѣ"—картину, отличающуюся многими серьезными достоинствами. Шарлеманя „Петръ I, накрывшій заговоръ Циклера", неудовлетворителенъ. Платонова головки очень милы и выразительны. Жанръ не богатъ числомъ. Есть „недурная—Сумасшедшій", „Плюшкинъ". „Облава его превосходительства" нѣсколько хорошихъ батальныхъ вещей. Пейзажъ несравненно выше. Превосходна „Красная шапочка" г. Клевера—вещь не вполнѣ оконченная, но самая выдающаяся картина всей выставки. Профессоръ Айвазовскій — прежній маринистъ, съ дивною, прозрачною волною, фантастическимъ освѣщеніемъ, поэтическимъ сюжетомъ и съ нѣсколько преувеличенными тонами. Г. Орловскаго есть прекрасныя вещи. Г. Атрыганьевъ выставилъ очень хорошіе пейзажи—на немъ сильно чувствуется вліяніе Мещерскаго. Каталогъ выставки составленъ довольно тщательно. На-дняхъ мы еще дадимъ подробный отчетъ о выставкѣ, а затѣмъ нѣсколько копій съ лучшихъ картинъ.

Выставка Общества соколиныхъ охотниковъ открылась недавно въ гимнастическомъ залѣ Адмиралтейства, и благодаря превосходной погодѣ, очень посѣщается. Выставка размѣщена очень изящно, хотя въ проходахъ тѣсновато. Великолѣпные охотничьи кречета и соколы неподвижно и высоко сидятъ на своихъ сидѣньяхъ, зорко поглядывая по сторонамъ. Множество чучелъ разныхъ птицъ. Вой и визгъ собакъ, крики пѣтуховъ—все это дѣлаетъ оригинальное впечатлѣніе. Собакъ много и есть экземпляры превосходные. Всѣ любуются знаменитой охотой г. Лихачева. Есть одна особенная, любопытная достопримѣчательность на этой выставкѣ: это маленькій, очень красивый охотничій гепардъ. Онъ совершенно ручной и даетъ себя гладить, хотя острый взглядъ его прекрасныхъ глазъ очень подозрителенъ. Способъ охоты съ гепардами былъ подробно и съ рисунками описанъ въ „Нивѣ" прошлаго года. Масса народу, взрослыхъ и дѣтей толпятся на выставкѣ и любуются массой выставленныхъ животныхъ.

Раскопкамъ на Саламинѣ нѣтъ конца. Изъ Аѳинъ сообщаютъ, что тамошнее археологическое общество рѣшило предпринять изслѣдованіе морскаго дна залива острова Саламина, гдѣ въ V столѣтіи до Р. Х. произошло извѣстное сраженіе между греческимъ и персидскимъ флотами. Успѣхъ этого интереснаго предпріятія почти несомнѣненъ, такъ какъ глубина водъ залива не велика и съ другой стороны новѣйшія техническія усовершенствованія могутъ явиться на помощь обществу, которое обладаетъ достаточными для того матеріальными средствами. Какъ извѣстно, въ битвѣ при Саламинѣ греки потеряли около 50, а персы 200 военныхъ кораблей, которые вотъ уже болѣе двадцати столѣтій покоятся на морскомъ днѣ, а потому полагаютъ, что удастся хоть нѣсколько экземпляровъ извлечь изъ воды, которые дадутъ вѣрное понятіе о корабельномъ дѣлѣ древнихъ грековъ и персовъ. Аѳинское археологическое общество съ особеннымъ интересомъ относится къ этимъ новымъ разслѣдованіямъ.

Объ англійскомъ флотѣ. Въ Портсмутъ доставленъ надняхъ изъ Стапеля панцырный крейсеръ „Имперіёзе", который, такимъ образомъ, обогатилъ британскія моря еще однимъ военнымъ судномъ, не имѣющимъ себѣ подобнаго, за исключеніемъ схожаго съ нимъ „Варспите". „Имперіёзе" стальной двухъ винтовый крейсеръ, въ 315 футовъ длины, 62 фут. ширины, 24 фут. глубины при средней осадкѣ; вмѣстимость равняется 7,600 тоннъ, при 8,000 лошадиныхъ силъ. Его вооруженіе состоитъ изъ четырехъ 18 тонныхъ пушекъ, заряжающихся съ казенной части, которыя могутъ пробить своими снарядами самую толстую броню панцырнаго судна втораго ранга, на разстояніи дальняго выстрѣла, изъ шести 6-тидюймовыхъ нарѣзныхъ орудій, изъ двѣнадцати шестифунтовыхъ орудій, десяти Норденфельскихъ пушекъ и двѣнадцати торпедъ. Быстрота, съ которой можетъ двигаться этотъ крейсеръ, считается въ 16 узловъ въ часъ. Постройка его, продолжавшаяся два съ половиной года, обошлась въ 3¼ милліона рублей.

Дорогая рыба. Посланникъ Людовика XV въ Гаагѣ, герцогъ де-ля Вогюйонъ, отправился съ цѣлымъ обществомъ въ Шевенингенъ, съ цѣлью покушать тамъ рыбы. Всѣ зашли въ гостинницу и остались довольны поданной имъ рыбой и другими вкусными блюдами, которыя приготовилъ поваръ герцога. Послѣ обѣда дворецкій герцога потребовалъ счетъ и былъ пораженъ имъ. Тамъ стояло 1,500 гульденовъ. Герцогъ, увидя итогъ, сильно разсердился и велѣлъ позвать хозяина, который на всѣ замѣчанія хладнокровно отвѣчалъ: „Таковъ мой счетъ". Было послано за бургомистромъ, который освѣдомился у герцога, условливался ли онъ заранѣе о цѣнѣ, и на отрицательный отвѣтъ замѣтилъ, что ему остается только заплатить требуемую сумму. Герцогъ пожаловался затѣмъ голландскому правительству, но и оно было на сторонѣ хозяина гостинницы, которому послѣ того герцогъ заплатилъ, но не умолчалъ объ этомъ случаѣ предъ своимъ правительствомъ. Спустя нѣкоторое время голландскій посланникъ при французскомъ дворѣ, Беркероде, зайдя въ гостинницу Ля-Рапе, спросилъ себѣ порцію угря, за котораго ему подали счетъ въ 3.000 франковъ, что составляетъ 1,500 гульд.

— Возможно ли это? воскликнулъ пораженный посланникъ.

— Таковъ мой счетъ, отвѣчалъ почтительно хозяинъ. Если бы мы заранѣе условились о цѣнѣ, то вѣроятно вамъ обошлось бы немного дешевле.

Теперь только Беркероде вспомнилъ происшествіе въ Шевенингенѣ.

— А, сказалъ онъ, мнѣ приходится платить за рыбу герцога Вогюйонъ.

И вздыхая, онъ вынулъ требуемую сумму, а хозяинъ съ улыбкой положилъ ее въ карманъ.

Отчего краснѣютъ? Въ сущности, краснѣютъ отъ расширенія артерій, подъ вліяніемъ такъ называемыхъ расширяющихъ сосуды нервовъ. Краснота не ограничивается однимъ лицомъ, гдѣ она всего болѣе замѣтна, но распространяется по всему тѣлу. На артеріи человѣческаго организма вліяютъ два рода нервовъ: расширяющіе и съуживающіе сосуды. Если послѣдніе нервы почему либо поражены, или же дѣйствіе первыхъ гораздо значительнѣе, то наступаетъ расширеніе артерій, въ которыя приливаетъ больше крови и появляется краснота. Причины этого нервнаго явленія различны. Извѣстно, что онѣ могутъ обусловливаться физическимъ вліяніемъ; говорятъ о краскѣ стыда, замѣшательства и пр.; страхъ же и злоба вызываютъ противоположное дѣйствіе, именно блѣдность. Далѣе, медикаментъ, подъ названіемъ амильнитритъ, употребляющійся теперь съ успѣхомъ противъ мигреней, удушья и проч., производитъ тоже расширеніе кровяныхъ сосудовъ и красноту. Если нюхать амильнитритъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, то лицо покроется пурпурной краской, исчезающей послѣ нѣкотораго времени.

Но такъ какъ краснота происходитъ независимо отъ воли человѣка, то она не можетъ составлять привычки; извѣстно однако, что люди съ пороками сердца, дѣятельность котораго вслѣдствіе этого увеличена, а также люди нервные, легко приходящіе въ волненіе, краснѣютъ чаще, нежели люди здоровые и сильные.

Благодарность за строгое обращеніе. Знаменитый полководецъ Валенштейнъ, въ дѣтствѣ былъ на столько упрямъ и своеволенъ, что для исправленія родители отдали его въ извѣстное въ то время протестантское заведеніе въ Гольдбергѣ, въ Силезіи, въ такъ называемую княжескую школу, которою въ концѣ XVI вѣка завѣдывалъ прекрасный педагогъ Фехнеръ. Но и здѣсь съ шалуномъ мальчикомъ не знали что дѣлать. Чѣмъ строже обращался съ нимъ наставникъ, тѣмъ необузданнѣе становился юноша Валенштейнъ, и его, какъ неисправимаго, рѣшили исключить изъ школы, чтобы онъ своимъ примѣромъ не повліялъ на остальныхъ учениковъ. Позднѣе Валенштейнъ поступилъ въ Альтдорфскій университетъ и велъ себя тамъ еще хуже, нежели въ Гольдбергѣ. Затѣмъ онъ поступилъ въ солдаты. Не прошло и двадцати лѣтъ, какъ онъ сталъ самымъ могущественнымъ генераломъ. Въ 1627 г., во время преслѣдованія Мансфельда, онъ пришелъ въ Силезію, гдѣ императорское войско начало сильно буйствовать, такъ какъ силезцы болѣе всего поддерживали войско Мансфельда. Когда очередь грабежей дошла до Гольдберга, Валенштейнъ послалъ за Фехнеромъ двухъ ландскнехтовъ. Старикъ сильно перепугался, вспоминая, какъ ему приходилось наказывать упрямаго мальчика,—онъ думалъ, что не вернется домой живымъ. Но каково было его удивленіе, когда страшный полководецъ любезно заговорилъ съ нимъ, спросилъ объ его здоровьѣ и сталъ благодарить за прежнее строгое обращеніе. „Въ благодарность я поставлю стражу у вашего дома, которая предохранитъ васъ отъ притѣсненій", сказалъ Валенштейнъ при прощаніи, подавая старому учителю кошелекъ съ 200 талеровъ.

Ученыя общества въ Японіи. Вліяніе европейской цивилизаціи все болѣе и болѣе расширяется въ этой странѣ. Кромѣ учебныхъ заведеній, начинаютъ образовываться здѣсь и настоящія ученыя ассоціаціи. Первое мѣсто въ ряду послѣднихъ занимаетъ географическое общество въ Токіо. Оно заключаетъ въ себѣ до 200 членовъ, среди которыхъ находится и нѣсколько высшихъ представителей имперіи. „Труды" его печатаются выпусками до ста страницъ и со-

Библиотека "Руниверс"

Реквіемъ. Съ картины Ж. Паулъ, грав. Фалландеръ

держать въ себѣ такія изслѣдованія касательно, напримѣръ, Кореи, которыя не лишены значенія и для европейскихъ географовъ. Существуетъ, затѣмъ, біологическое общество, руководимое профессоромъ Йитаге, получившимъ воспитаніе въ Соединенныхъ Штатахъ. Kojunscha или „общество распространенія знаній" имѣетъ вѣтви во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ государства. Лицо, желающее получить какія-либо свѣдѣнія, обращается къ секретарю, который, найдя въ своихъ книгахъ члена, способнаго удовлетворить вопрошающаго, передастъ ему полученный запросъ. Отвѣты достаточной важности печатаются въ еженедѣльномъ „журналѣ" общества. Ассоціація эта имѣетъ до 300 членовъ Далѣе, есть общество, посвященное изслѣдованію и изученію землетрясеній, довольно часто повторяющихся въ Японіи. Въ его пользованіе предоставленъ государствомъ телеграфъ для полученія скорѣйшихъ извѣстій о явленіяхъ этого рода. Нумизматическое общество — старѣйшее изъ всѣхъ, весьма дѣятельно преслѣдуетъ свои задачи, часто публикуя описанія интересныхъ монетъ, показываемыхъ въ его собраніяхъ. Наконецъ, существуетъ антикварное общество и нѣсколько другихъ.

Амбулаторныя кареты въ Нью-Іоркѣ. Кареты эти снабжены носилками, на которыя помѣщаютъ раненаго или раненыхъ, и необходимыми принадлежностями для перевязки ранъ, равно какъ мѣстами для врача и кучера. Удивительна быстрота, съ которою подобная карета является на мѣсто несчастія. Она составляетъ настоящую славу американцевъ. Запряжка производится, безъ преувеличенія, въ мгновеніе ока. Помѣщеніе для этихъ каретъ соединено телеграфными проволоками со всѣми частями города. Коль скоро гдѣ либо произошло несчастіе,—то стоитъ только въ этой части города надавить на пуговку устроенныхъ здѣсь сигналовъ тревоги. Тогда въ помѣщеніи амбулаторныхъ каретъ раздается отчаянный звонъ соотвѣтствующаго колокольчика, путемъ телеграфа призывается врачъ и— карета съ быстротою молніи летитъ на мѣсто происшествія.

Самый высокій мостъ въ свѣтѣ находится во Франціи. Это мостъ, еще не вполнѣ оконченный, на Гарнбитской желѣзной дорогѣ, въ департаментѣ Конталь. Онъ имѣетъ 124 метра вышины и, слѣдовательно, ниже Кельнскаго собора только на 36 метровъ. Парижскій же соборъ Нотръ-Дамъ и Вандомская колонна, вмѣстѣ со своими громоотводами, ниже его. Длиннѣйшій каменный мостъ, въ 3.598 метровъ, находится въ Америкѣ на віадукѣ (плотина) черезъ лагуны, около Венедика. Длиннѣйшій желѣзнодорожный мостъ находится въ Америкѣ (2147 метровъ) у Наркерсбургера. Длиннѣйшій желѣзный мостъ къ Европѣ перекинутъ черезъ Волгу у Сызрани; онъ тянется на 1485 метровъ.

Рѣшеніе ребуса № 8.

Всѣми тѣлесами красота, кабы лица-то коряваго не видно.

Рѣшеніе шахматной задачи № 7.

Бѣлые	Черные
1) G 7—D 7	1) D 5—D 7 a)
2) C 5—E 5	2) Куда угодно.
3) Ладья или конь даютъ матъ.	
a)	
2) D 7—G 4	1) D 3—E 4
3) Пѣшка или конь даютъ матъ.	2) Куда угодно.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**-Дитмана, Сверсъ; **Москва**—Никольскаго; **Бирючъ**—Ласкарева; **Бѣлостокъ**-Айзенштадта; **Варшава**-Скворцова; **Везенбергъ**—Хазова; **Воронежъ** Аносова; **Житомиръ**-Блинтовъ; **Ландау**—Бродскаго; **Мелитополь** Орлицкаго; **Одесса**-Овенъ; **Руды**—Горленко; **Саратовъ**—Холодковскаго; **Тверь**-Бетулина.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто мелкихъ денегъ присылаются почтовыя марки,—высылать таковыя **только новаго образца.**

СОДЕРЖАНІЕ: **Гробница и памятникъ Козьмы Минина въ Нижнемъ-Новгородѣ** (съ 2 рис.).— **Въ старой Москвѣ.** Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ, **Гр Е. А. Саліаса.** Часть вторая. (Продолженіе).—**Штурманъ парохода „К авдія".** Разсказъ **Боде.**—**Ужасы неба.** Очеркъ.—**Вшествіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ** (съ рис.).—**Всескорбящая Богоматерь** (съ рис.).—**Омовеніе ногъ во дворцѣ, въ Вѣнкѣ** (съ рис.).—**Страстная пятница въ Амальфи** (съ рис.).—**Христіанская мученица** (съ рис.).—**„Requiem"** (съ рис.). — Политическое обозрѣніе — Смѣсь. — Рѣшенія задачъ.—Заявленіе.—Объявленія.—**При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за АПРѢЛЬ 1882 г. съ 21 рисункомъ и отдѣльнымъ листомъ съ 27 чертеж. выкроенъ въ натуральную величину к 26 рисунк. рукодѣльныхъ работъ въ русскомъ стилѣ**

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

ВЫКРОЙКИ ДЕМОРЕСТЪ
отъ 15 копѣекъ до 80 коп.
Журналъ Деморестъ изъ Парижа въ 600 модныхъ гравюръ, съ пересылкою 1 р. 10 к.
1884 г. И. ВАКОНЬ. 1884 г.
Гороховая д. № 9, кв. № 8, въ бель-этажѣ, въ С.-Петербургѣ. № 3276 2—1

ЗА ПРЕКРАЩЕНІЕМЪ ТОРГОВЛИ, окончательная распродажа нотъ, съ большой уступкой. Въ музыкальномъ магазинѣ **Е. Кудряшова.** Леонтьевскій пер. д. Корфъ, въ Москвѣ. Помѣщеніе передаютъ.
Ц № 3279 1—1

№ 3090 25—6

САПОНАТЪ.
Мыло въ кускахъ и порошкѣ, для стирки бѣлья, цвѣтныхъ матерій и кружевъ холодною (комнатной) водою, безъ кипяченія. Стирка обходится вдвое дешевле. Продается въ главномъ складѣ „Сапонатъ". Коломенская улица, д. 31: у гг. Штоль и Шмитъ; въ Русск. Общ. и почти во всѣхъ губ. городахъ. № 3166 4—4

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ
„ЭЛЕОПАТЪ"
◆ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА ◆
употребляется для останавливанія выпаденія волосъ и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти.
Продается въ С.-Петербургѣ, въ магаз. Штоль и Шмидтъ и въ русск. общ. торговли аптек. товарами; въ Москвѣ и провинціи—во всѣхъ большихъ аптекахъ и у дрогистовъ; цѣна флакону **1** руб. **50** коп. безъ пересылки.
Провизоръ КИНУНЕНЪ.

Чистый, легко разводимый КАКАО ПОРОШОКЪ для мгновеннаго приготовл. вкуснаго шоколада.
ФАБРИКИ
БЕНСДОРФЪ И К°. ВЪ АМСТЕРДАМѢ.
Можно получать въ жестянкахъ по 1 и 1½ фунта, въ Русскомъ Общ. торговли аптек. тов., у гг. Рульковіусъ и Рольмъ, г. Клосъ и К°, а также и въ др. колоніальныхъ и фруктовыхъ магазинахъ. № 3280 1—1

МЕБЕЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ И ФАБРИКА
№ 3239 **Г. В. БЮХТГЕРА** 3—3
поставщика Двора Е. И. В. Велик. Князя Михаила Николаевича,
переведены въ собств. домъ, во **Англійск. проспекту, № 10,** 3-й домъ съ Мойки.
Заведеніе, удостоен. разными медалями и наградами принимаетъ всевозможные заказы архитектурно-столярныхъ, рѣзныхъ, церковныхъ (иконостасы, кіоты), обойныхъ и декоративныхъ работъ по готов. оригинальн. рисункамъ знаменитыхъ архитекторовъ и по другимъ моделямъ.
Самый большой выборъ готовой мебели въ русскомъ, древнемъ и друг. стиляхъ.

СКРИПКИ
нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ мастеровъ, и также собственной работы отъ самыхъ дешевыхъ до самыхъ дорогихъ. **Альто, віолончели, контрабасы,** хорошіе смычки и футляры къ нимъ.
ЦИТРЫ,
гитары, мандолины, всевозможныя принадлежности къ инструментамъ, струны, метрономы, каммертоны, школы, самоучители, далѣе:
Корнеты-à-пистонъ,
альторны, тромбоны, валторны, басы французскихъ, нѣмецкихъ и собственной фабрикъ, флейты, пикколо-флейты, кларнеты, барабаны, литавры, тарелки, треугольники рекомендуетъ по самыхъ дешевымъ цѣнамъ и въ громадномъ выборѣ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
Юлія Генриха Циммермана,
Петербургъ, Большая Морская, № 36, Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго
Мастерскія для изготовленія и починки инструментовъ.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.
Пересылка на счетъ покупателя.
Новѣйшій иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается желающимъ безплатно
Р. № 3241 2 2

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ, № 2913 7—6
ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ.
ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ
бѣлитъ зубы, не портя ихъ эмали, предотвращаетъ гніеніе зубовъ.
Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.
ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ
укрѣпляетъ десны, утоляетъ зубную боль, осѣкаетъ ротъ.
Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.
DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.
ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФРЕРА,
19, Rue Jacob, Paris.
У ВСѢХЪ АПТЕКАРЕЙ И ПРОДАВЦЕВЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ.

Въ книжн. магазинѣ Новаго Времени продается новая книга **ЗА УРАЛЪ!** Разсказы изъ воспоминаній о Сибири В. В. Романова Ц. 2 руб. № 3235 3—2

William Lasson's Hair-Elixir.
Самое испытанное средство для укрѣпленія и роженія волосъ.
Цѣна флакону 3 руб. 50 коп.
Продается въ СПБ. въ Гостин. дворѣ, у Г. Конкина, № 10, М. Ушакова, № 33, А Рузанова, № 40, В. Парикова и К°, № 78 и у Рооса. Владимірск. пр., № 7.
Р. № 3275 2—1

Библиотека "Руниверс"

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

ЧУГУННО-МѢДНО-ЛИТЕЙНЫЙ И МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

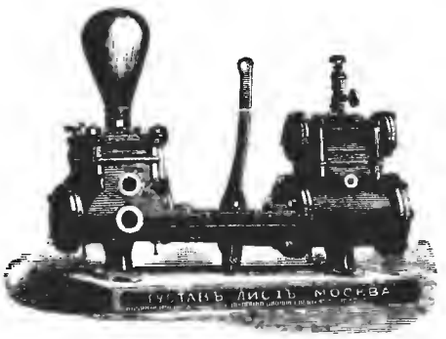
ГУСТАВЪ ЛИСТЪ ВЪ МОСКВѢ

РЕКОМЕНДУЕТЪ ПРЯМОДѢЙСТВУЮЩІЕ

НОВЫЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКІЕ ПАРОВЫЕ НАСОСЫ

ПРЕВОСХОДНАГО ДѢЙСТВІЯ, ДЛЯ ПИТАНІЯ КОТЛОВЪ И ДЛЯ ВОДОСНАБЖЕНІЯ,

Можно видѣть въ дѣйствіи въ заводѣ.



№ 3219 **ПО СЛѢДУЮЩЕМУ ПРЕЙСЪ-КУРАНТУ:** 5—3

Діаметръ цилиндр. пароваго	Діаметръ цилиндр. насоснаго	Ходъ поршней	Діаметръ водян. трубъ	Діаметръ паровой трубы	Діаметръ паро-выпускной трубы	Число ходовъ въ минуту	Количество воды въ часъ ведеръ	Цѣна Руб.
3"	1 1/2"	6"	1 1/4"	1/2"	3/4"	150	125	150
3"	2"	6"	1 1/4"	1/2"	3/4"	150	225	170
4"	2"	9"	1 1/4"	3/4"	1"	150	150	190
4"	3"	9"	2"	3/4"	1"	120	550	220
6"	3"	12"	2 1/2"	1"	1 1/4"	100	680	275
6"	4"	12"	3"	1"	1 1/4"	100	1200	300
6"	6"	12"	4"	1"	1 1/4"	100	2700	435
8"	3"	12"	2 1/2"	1 1/2"	1 3/4"	100	680	380
8"	4"	12"	3"	1 1/2"	1 3/4"	100	1200	425
8"	6"	12"	4"	1 1/2"	1 3/4"	100	2700	525
10"	4"	12"	3"	1 3/4"	2"	100	1200	500
10"	6"	12"	4"	1 3/4"	2"	100	2700	600
12"	4"	12"	3"	2 1/4"	2 1/2"	100	1200	625
12"	6"	12"	4"	2 1/4"	2 1/2"	100	2700	750

Пользующійся во всѣхъ европейскихъ государствахъ заслуженною славою, бывшій на выставкахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ.

АНГЛІЙСКІЙ ХОЛСТЪ ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА,

противъ всякой ломоты, боли въ суставахъ, лома въ членахъ, рожи, всякаго рода корчи въ рукахъ, ногахъ и особенно узлахъ венъ, опухоли членовъ, ыяшяховъ, колотья въ боку, съ вѣрнымъ успѣхомъ употребляется какъ первое, скоро и вѣрно дѣйствующее средство. Продается въ пакетахъ, съ описаніемъ употребленія, по 1 рублю; двойной силы, противъ тяжелыхъ страданій—по 2 рубля.

Знаменитый д-ръ Гуфеландъ говоритъ въ своихъ медицинск. сочиненіяхъ: „Есть двѣ болѣзни, противъ которыхъ медицина напрасно искала до сихъ поръ сильно-дѣйствующихъ лекарствъ: это—ревматическая головная боль и подагра"; это средство нашлось въ употребленіи вышеозначеннаго холста противъ ревматизма.

Продажа для всей Россіи настоящаго холста: въ С.-Петербургѣ, въ аптекарскомъ магазинѣ г. **Осиаръ Гертхеиъ**, Казанская улица, д. № 37. На почтовые расходы прилагается 50 коп.

Благодарственныя письма русскихъ высокопоставленныхъ лицъ и военныхъ, получившихъ реаматизмъ въ послѣднюю войну и не нашедшихъ помощи ни въ Теплицѣ, ни въ Карльсбадѣ, а излечившихся посредствомъ англійскаго холста, предъявляются почтеннѣйшей публикѣ въ магазинѣ. Р. № 3211 4—3

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,

СОСТОЯЩЕЕ ПОДЪ ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВОМЪ

Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергѣя Александровича,

имѣетъ цѣлью: 1) поддержаніе Православія въ Св. Землѣ, 2) улучшеніе быта русскихъ паломниковъ, и 3) ознакомленіе русскаго общества съ Св. Землею чрезъ посредство изданій. Лица, желающія вступить въ члены-сотрудники Общества, вносятъ единовременно **200** р. или **10** р. ежегодно; желающіе вступить въ дѣйствительные члены вносятъ единовременно **500** р. или **25** р. ежегодно; внесшіе не менѣе **5000** р. избираются въ почетные члены Общества. Почетные и тѣ изъ дѣйствительныхъ членовъ и сотрудниковъ, кои дѣлаютъ единовременный взносъ, получаютъ для ношенія особый **Высочайше** утвержденный знакъ Общества.

Взносы членовъ и пожертвованія въ пользу Общества принимаются лично и почтою въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей, Дворцовая набережная, 32, и у Уполномоченныхъ Общества: въ Москвѣ у священника Срѣтенскаго, Б. Никитская, д. ц. Вознесенія, у А. И. Лѣнинова, Пятницкой ч., свой домъ, въ Кіевѣ у протоіерея Экземплярскаго, Фундуклеевская, кол. Галагана и у іеромонаха Александра, Лаврская гостин., въ Одессѣ у протоіерея Кудрявцева въ Университетѣ и у М. И. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго, въ Воронежѣ у о. іеромонаха Платона, Митрофановъ мон., въ Казани у Н. В. Саврасова, Черноозерская, д. Куракиныхъ, въ Перми у Д. Д. Смышляева.

Кромѣ взносовъ въ пользу Общества, принимаются пожертвованія для **безплатнаго** доставленія въ Св. Землю по волѣ жертвователей, въ Конторѣ Великихъ Князей, СПБ., Дворцовая Набер., 32. № 3251 3—2

С.-Петербургская Химическая Лабораторія

ЯИЦА ИЗЪ МЫЛА ПРОЗРАЧН. И НЕПРОЗРАЧНЫЯ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ХРУСТАЛЬНЫХЪ И БРОНЗОВЫХЪ ЯИЦЪ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ

БЕЗВРЕДНАЯ

КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ

разрѣшена С.-Петерб. Врачебнымъ Управленіемъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Невскій проспектъ, домъ **№ 32, Католической церкви.**

Невскій проспектъ, домъ **№ 66, у Аничкова моста.**

Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы домъ № 18—54, Шредера.

Магазинъ въ Москвѣ:

Кузнечный мостъ, домъ Третьяковыхъ.

Кромѣ вышеозначенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.

Контора, фабрика и оптовый складъ: Измайловскій просп., № 21, собственный домъ, **въ С.-Петербургѣ.** Р. № 3263 2—2

Въ книжномъ магазинѣ П. А. РОЗОВА, въ Кіевѣ

только что поступилъ въ продажу 4-мъ изданіемъ „ЮЖНО-РУССКІЙ ОРНАМЕНТЪ" собранный А. ЛИСЕНКО, изд. измѣненное, **съ прибавленіемъ русскихъ узоровъ въ фигурахъ, собранныхъ М. Хрущевой. Изд. И. А. Розова.** Роскошный альбомъ, имѣющій въ себѣ множество самыхъ красивыхъ и разнообразныхъ узоровъ для вышиваній мужскихъ и женскихъ рубахъ, фартуховъ, полотенецъ, скатертей, салфетокъ и проч. и алфавиты для мѣтки. **Къ настоящему 4-му изданію прибавлено 6 листовъ русскихъ узоровъ въ фигурахъ, М. Хрущевой, чрезвычайно красивыхъ въ вышиваніи: русская пляска, ѣзда на тройкѣ, гаданіе, игральныя карты, хороводы и пр.** Настоящее изданіе по роскоши и разнообразію всевозможныхъ узоровъ, превосходитъ извѣстныя, вышедшія раньше, 3 изданія и все существующее въ этомъ родѣ. Издатель не пощадилъ труда и средствъ, чтобы настоящій альбомъ орнаментовъ вышелъ дѣйствительно образцовымъ и служилъ бы настольною и необходимою вещью для дамъ и дѣвицъ. При всемъ улучшеніи какъ съ технической, такъ съ художественной стороны и большими добавленіями, назначена та же цѣна, что и на первыя три изданія—**2 р. 50 к., а съ пересылкою 3 р.** Укупорка въ досках. (Книжнымъ и галантерейнымъ магазинамъ дѣлается уступка).

Яноби. (Профес. дѣтскихъ болѣзней въ Нью-Іоркѣ) **Уходъ за дѣтьми и выкармливаніе ихъ. Изд. 2-е. 1884 г.** Ц. съ пересылкою **1 р. 50 к. Примѣчаніе:** въ этой книгѣ авторъ подробно и популярно знакомитъ съ діэтетикой дѣтей со дня рожденія и заканчиваетъ главой: „Время, когда слѣдуетъ начинать обученіе".

Подвысоцкій В. Кефиръ (бродило и напитокъ изъ коровьяго молока), его исторія, приготовленіе, составъ, физіологическое и терапевтическое значеніе. **Изд. 3-е. дополненное.** Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

Шевченко Т. „**Кобзарь**" (на малорусскомъ языкѣ) изданіе полнѣе прежнихъ 1883 г. Ц. въ бумажкѣ съ пересылкою 3 р. 50 к. а на веленевой бумагѣ, въ роскошномъ англійскомъ переплетѣ, съ перес. 5 р. 50 к.

Раевскій П. Сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта, 2 книги, цѣна каждой по 1 р., а съ пересылкою по 1 р. 20 к. **Примѣчаніе:** Настоящія сцены вышли 4-мъ изданіемъ и распроданы въ количествѣ 10,000 экз.; это объясняется ихъ содержательностію и величайшимъ юморомъ и притомъ онѣ доступны пониманію каждаго читающаго.

Всѣ вышеозначенныя изданія высылаются въ день полученія денегъ (мелочи можно высылать марками). **Адресъ: КІЕВЪ. КНИГОПРОДАВЦУ-ИЗДАТЕЛЮ И. А. РОЗОВУ.** № 3259 2—2

ЛИКЕРЫ ЗАВОДА ОБЩЕСТВА „КЕЛЛЕРЪ И К°".

Правленіе акціонернаго Общества „Келлеръ и К°", послѣ тщательнаго изслѣдованія фабрикаціи иностранныхъ ликеровъ, открыло съ 1882 года на заводѣ Общества, а также и на заводѣ Товарищества „Л. Обловъ и К°", спеціальныя отдѣленія для приготовленія означенныхъ ликеровъ. **Ликеры эти**, поступившіе въ настоящее время въ продажу, по отзывамъ приглашенныхъ Правленіемъ экспертовъ, **нисколько не уступаютъ во всѣхъ отношеніяхъ лучшимъ заграничнымъ образцамъ.**

Цѣна ликеровъ завода „Келлеръ и К°", ниже цѣнъ заграничныхъ ликеровъ отъ 150 до 300%.

Рекомендуя ихъ гг. покупателямъ, Правленіе считаетъ нужнымъ пояснить, что большинство сортовъ заграничныхъ ликеровъ, продающихся подъ различными марками, отличаются какъ по вкусу, такъ и по крѣпости. Правленіе проситъ тѣхъ изъ гг. покупателей, которые найдутъ ликеры завода „Келлеръ и К°" не подходящими подъ вкусъ употребляемыхъ ими заграничныхъ ликеровъ, вмѣстѣ съ заказами указывать на марку ликера, который они желали бы имѣть.

Имѣя возможность разнообразить свое производство, Правленіе будетъ удовлетворять такимъ требованіямъ гг. покупателей, въ самомъ непродолжительномъ времени.

Ликеры завода „Келлеръ и К°" можно получать въ магазинахъ Общества, **въ С Петербургѣ:** при заводѣ, Обводный каналъ, д. 96; Фонтанка, д. 45; Кадетская линія. В. О., д. 19; Невскій просп., д 124. **Въ Царскомъ Селѣ:** Малая ул., д. Барановой. **Въ Кронштадтѣ:** Господская ул., д Турыгиной.—**Въ С.-Петербургѣ:** на заводѣ Товарищества „Л. Обловъ и К°", Курляндская ул., д. 19 (продаются подъ маркою Товарищества „Л. Обловъ и К°), а также въ нижеслѣдующихъ виноторговляхъ: у гг. Фейкъ и К°, Невскій пр., у Полицейскаго м.; В. П. Черевешникова—Литейный пр., въ домахъ за №№ 5, 11 и 47; В. Г. Баскова—уг. Кронной и Воскресенскаго пр., уг. Надеждинской и Итальянской; 1-я линія В. О., д. за №№ 34 и 46; Н. П. Смирнова—Гороховая ул., д. 4 и Вознесенскій пр., д. 4; Глушкова—Литейный пр., д. 10; Бр. Зайцевыхъ—уг. Б. Садовой и Невскаго; И. Я. Мелешина—Галерная, д. 50 и многихъ другихъ. **Въ Ораніенбаумѣ:** у С. А. Алексѣева, Большой пр., собств. д. **Въ Старомъ Петергофѣ:** у С. А. Алексѣева и **въ Гатчинѣ**, у П. М. Муценко.

Съ требованіями просятъ обращаться по указанным въ адресамъ и на заводъ Общества, по Обводному каналу, домъ 96.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 3054.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ,

СОБИРАТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ МОСКВѢ,

имѣетъ честь извѣстить, что онъ переѣхалъ съ Петровки на **Малую Дмитровку**, въ домъ графа Васильева-Шиловскаго, и что теперь, какъ и прежде, покупаетъ по высокой цѣнѣ слѣдующія вещи. Какъ-то: **старинный сѣврскій** и **саксонскій фарфоръ, бронзовые часы, канделябры, настѣнники и группы, золотыя эмальированныя табакерки, серебряные кубки, кружки, бокалы** и проч.; **мебель съ богатымъ бронзовымъ украшеніемъ, съ фарфоровою инкрустаціею, гобелены, шелковыя и бархатныя матеріи, вышитыя золотомъ и серебромъ, старинныя кружева**, какъ то: Points d' Alençon, Points de Venise, Points d' Argentan, **фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра** и вообще всякаго рода **древности изящной работы прошедшихъ столѣтій до времени Екатерины II-й.**

Просятъ адресоваться лично или письменно: **Г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ**, Москва, Малая Дмитровка, домъ графа Васильева-Шиловскаго. Л. № 3199 6—3

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ

лучшій аппаратъ для тушенія пожаровъ зачатѣ и подвики цвѣтовъ по 16 р. Упаковка 40 коп.

РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА

товарищества Буркгартъ и Урлаубъ, самая простая, дешевая, легкая и прочная настоящаго времени—имѣется у насъ на складѣ 10 разн. размѣровъ—наименьшая выбрасыв. 600 ведеръ воды въ часъ и стоитъ 115 р. Наибольшая—1800 ведеръ и стоитъ 400 р.

Насосы ручные, приводные и паровые для всѣхъ возможныхъ цѣлей.

ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЛЯ

лучшій паровой насосъ настоящ. времени.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МАШИНЪ ВСЯКАГО РОДА.

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ

С.-Петерб. В. О. 1 л. № 14. Москва, Мясницкая д. **Сытова**.

„Просимъ не смѣшивать нашу фирму съ другими, схожими на нашу по фамиліи".

Иллюстр. катал. безплатно. № 3249 6—2

ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА.

Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и факсимиле.

3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп.. въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 8 руб., съ перес. 9 руб.

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ" 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 р., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

☞ Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: **„ДВА МІРА"** и отдѣломъ въ прозѣ:

„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ".

Первое единственное, **дѣйствительно полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова.**

Книгу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала **„Нива"** (Бол. Морская, № 9); **въ Москвѣ у Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ

ОСКАРЪ БОГДАНОВИЧЪ ПИЛАЦКІЙ

имѣетъ честь предложить гг. любителямъ отборные Байховые чаи перваго весенняго сбора съ южныхъ плантацій „Фуцзяна", изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ нижеслѣдующіе сорта:

№	Черные.	Р.	К.
5.	Царскій букетъ аромат. мягкій.	2	—
6.	Чин-кин-кулонгъ необыкн. нѣжн.	2	20
8.	Индѣйская Роза рѣдкости. аром.	2	50
10.	Гуанзонгъ самый высочайшій. .	3	—
12.	Седжунъ въ метал. б. сильн. аст.	2	50
	Цвѣточные.		
17.	Маютанъ Пэха цвѣточный чай .	4	—
19.	Юн-фо-чо-дзи	10	—
20.	Жемчужный зеленый	4	—
22.	Ханскій зеленый	10	—
24.	Сянь-Пхянь желтый	6	—
26.	Сіофаюнъ-Нанджинъ	10	—

Вышепоименованные сорта постоянно поставляются **по Дворамъ Его Императорскаго Величества и Ихъ Высочествъ.**

Для подарковъ имѣются чаи **„Лянсины"** въ шелковыхъ и черные—въ метал. банкахъ.

Оптово-розничные склады находятся:

Въ Москвѣ: 1) Большая Лубянка, № 121, 2) Уголъ Тверской и Охотнаго ряда, № 9/10.

Въ Петербургѣ: 1) Невск. просп., противъ Николаевск. ул., № 100, 2) Больш. Морская, противъ Яхтъ-Клуба, № 38.

Въ Варшавѣ: 1) На Маршалковской ул., № 40, 2) на Медовой ул., № 496

Въ Люблинѣ, Краковск. предм.. № 19³ 4.

Въ Ригѣ, Королевская ул., № 4

изъ которыхъ всѣ заказы выполняются немедленно и пересылаются почтою во всѣ города Россійской Имперіи на счетъ складовъ. Прейсъ-куранты высылаются безплатно. Гг. иногородные торговцы благоволятъ за условіями также обращаться въ вышепоименованные склады. П. № 3269 3—2

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ **ДУХИ КАДРЮПЛЬ** (EXTRAITS QUADRUPLES)

для носовыхъ платковъ, вышивокъ, кружевъ и пр.

Lohse's Maiglöckchen	**Лозе -Ландышъ**
Lohse's Héliotrope blanc	**Лозе -Бѣлый Геліотропъ**
Lohse's Königin der Nacht	**Лозе -Королева ночи**
Lohse's Excelsior-Bouquet	**Лозе—букетъ Зисельсіоръ**

въ обыкновенныхъ флаконахъ 1 р 50 к. и большихъ.

NEU: Lohse's Gold Lilie | **НОВОСТЬ: Лозе—Золотая лилія**

удостоены высшими наградами на всѣхъ международныхъ выставкахъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ придворный парфюмеръ Ея Имп. Вел. Императр. Германской. Поставщикъ Ея Имп. Выс. Наслѣдницы Германск. престола и пр. **БЕРЛИНЪ, W.** Jaeger-Strasse 46.

☞ Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ Россійской Имперіи. Ц. № 3221 12—4

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія.

☞ **ТОПОЛИНЪ** или

ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

М. М. Петрова

Для лица № 1. Усовершенств. средство, уничтожающее прыщи, красныя пятна, загаръ, веснушки; при употребленіи лицо пріобрѣт. здоровый и красивый цвѣтъ.

Для головы № 2. Дѣйствительно очищаетъ кожу отъ перхоти, освѣжаетъ голову, прекращаетъ головныя боли, почему прекращаетъ и выпаденіе волосъ.—Въ виду поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на клеймо (М. М. Петрова).

Цѣна флак. по 1 р. 25 к. и ½ фл. по 75 к.

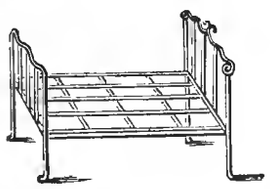
Главные склады: въ аптекахъ и во всѣхъ московск. аптекарск. магазинахъ.

Продается: въ аптекахъ, аптекарскихъ и др. магаз. Россіи и заграницей.

Для гг. оптовыхъ покупателей установлена % скидка.

Съ треб. просятъ обрвщ. въ главный складъ: Москва, Никитская аптека Петрова, бывш. Келлеръ. Но почтѣ высылается **не менѣе 2 флак. за 3 р. 50 к.**

Ц. № 3106 26—6



ЖЕЛѢЗНЫЯ КРОВАТИ

и

МАТРАЦЫ

собственной мастерской, съ ручательствомъ, по крайне дешевымъ цѣнамъ. **Прейскуранты** по востребованію **немедленно.**

В. ФРИЦЪ.

КОНТОРА МЕБЕЛИ,

С.-Петербургъ, Малая Морская, 16. Р. № 3210 3—3

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 21. Предлагаетъ свои услуги по всѣмъ банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью, за самое умѣренное вознагражденіе.

Контора открываетъ **АГЕНТСТВА** въ провинціи.

ССУДЫ подъ залогъ % бумагъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Контора выдаетъ

Изданная конторою брошюра: **„РУКОВОДСТВО КЪ ПРАКТИЧЕСКОМУ ОЗНАКОМЛЕНІЮ СЪ БАНКОВЫМИ ОПЕРАЦІЯМИ И КЪ ОБЛЕГЧЕНІЮ СНОШЕНІЙ ИНОГОРОДНОЙ ПУБЛИКИ СЪ КОНТОРОЮ"** высылается по требованію ■ безплатно. ■ Р. № 3245 8—3

НОВОСТЬ: КРАСКИ БЕЗЪ ВОДОРОДА.

Спеціальный складъ и продажа готовыхъ твердо и скоровысыхающихъ масляныхъ, лаковыхъ и другихъ прочныхъ красокъ. Прейсъ-курантъ по востребованію **безплатно.** С.-Петербургъ. Екатерининскій каналъ, уголъ Фонарнаго переулка, домъ № 18—85.

№ 3270 2—2 **К. И. ГОФЕ.**

Рекомендуются вниманію читающей публики: № 3273

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ МОЛЬЕРА

въ переводѣ русскихъ писателей.

Съ біографіей, составленной проф. **А. Веселовскимъ.**

Три тома. Цѣна 7 р. 50 к., съ перес. 8 р.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ. І. ШЕРРА. Изданіе третье. Два тома. Цѣна 4 р.

РОССІЯ, МЭКЕНЗИ УОЛЛЭСА. Два тома. Цѣна 5 р.

ЗАПИСКИ СТЕПНЯКА, очерки и разсказы **А. Эртеля.** Два тома. Цѣна 3 р

Требованія адресовать: Въ книжный магазинъ **О. Н. Бвиста**, СПБургъ, Невскій, 28.

БОЛЬШОЕ ПОМѢЩЕНІЕ

подъ торговое или промышленное заведеніе отдается съ 1-го іюня. Прачешный пер., д. № 5.

№ 3224

КОРМОВОЕ РАСТЕНІЕ.

SYMPHYTUM ARPER. (ЖИВОКОСТЬ).

Многолѣтнее, поспѣваетъ въ половинѣ мая, даетъ 3—4 урожая въ лѣто, каждый разъ по 4—5 тысячъ пудовъ десят. Разводится дѣленіемъ корня. Отъ одного куста получается до ста и болѣе саженцовъ. Заказы на количество не менѣе десяти кустовъ принимаются, по цѣнѣ 1 руб. за кустъ, въ конторахъ Комп. „Работникъ": **Москва, Воздвиженка, д. № 11,** а также въ Спб. и Кіевѣ. Заказчики получаютъ подробное **наставленіе о разведеніи,** уходѣ и пользованіи этимъ **растеніемъ.** П. № 3250 3—2

Библиотека "Руниверс"

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О ВОЛЬФЪ,

С.-Петербургъ, Гостиный дворъ, 17 и 18 [redacted] продаются слѣдующія кни и [redacted] **Москвѣ**, Петровка, д. Михалкова,

Новое техническое сочиненіе о мельницахъ.

МУКОМОЛЬНЫЯ МЕЛЬНИЦЫ

Сочиненіе профессора Афанасьева,

въ 6. 8 д. л., 725 стр., съ атласомъ въ 4 д. л. въ 45 табл. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Трудъ втотъ представляетъ, по мнѣнію критики, образецъ всесторонней разработки предмета и разсматриваетъ мельничное дѣло во всемъ его объемѣ. Въ немъ разсматриваются разнообразнѣйшіе системы и приборы мельничнаго дѣла, знакомитъ съ новѣйшими усовершенствованіями, сообщаетъ массу практическихъ свѣдѣній и указаній и т. п. Словомъ, это настольная справочная книга для мельниковъ, строителей мельницъ и лицъ, имѣющихъ какое либо отношеніе къ мельничному дѣлу. Къ книгѣ приложенъ огромный атласъ чертежей. Книга г. Афанасьева, сейчасъ послѣ ея появленія, удостоилась самыхъ одобрительныхъ отзывовъ во всѣхъ почти газетахъ.

Популярное руководство для сельскихъ хозяевъ и землевладѣльцевъ.

ПРОЧТЕМЪ— ХЛѢБЪ НАЖИВЕМЪ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ КРЕСТЬЯНЪ И ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.

Составилъ проф. А. Преображенскій. Объемистый томъ въ 8 д. л., съ рисунк. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Въ этой книгѣ помѣщено все, что нужно знать крестьянину-хлѣбопашцу, садоводу, виноделу, скотоводу, пчеловоду и т. п. Здѣсь онъ найдетъ не одни совѣты: дѣлай то и не дѣлай этого. Напротивъ, тутъ онъ узнаетъ, почему именно онъ долженъ дѣлать то и ради чего ему слѣдуетъ избѣгать другаго. Не только, впрочемъ, эта книга пригодна для крестьянъ, но и для владѣльцевъ, не исключая и крупныхъ, потому что это полный популярный курсъ хозяйства и сельской экономіи.

Полнѣйшая настольная книга для ухода за пчелами.

ПОЛНОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ ПАСѢЧНИКОВЪ.

Какъ ухаживать за пчелами, чтобъ быстро размножить пасѣки и получить съ нихъ наибольшую выгоду какъ въ обыкновенныхъ нашихъ мѣстныхъ ульяхъ, такъ и дзѣржоновскихъ.

Составилъ Юліанъ Любенецкій.

3 тома въ 8 д. л., съ 65 рисунк. Ц. 6 р., съ перес. 6 р.

Сочиненіе это основано на 30-лѣтнемъ опытѣ автора и можетъ служить дѣльнымъ наставникомъ какъ по теоріи, такъ и по практикѣ пчеловодства. Теоріи пчеловодства въ этой книгѣ посвящено 19 статей, пасѣчной практикѣ 6, ульямъ и системѣ Дзѣржановскаго 19 и т. д. Описанъ способъ операціи въ ульяхъ, пасѣчное хозяйство, рои и ройки, зкмовка пчелъ—словомъ все пчеловодство въ полномъ его видѣ.

Путеводители для отправляющихся на минеральн. воды.

ФРАНЦЕНСБАДЪ
и отношеніе его цѣлебныхъ средствъ къ болѣзнямъ женщинъ.
Составилъ докторъ Гамбургеръ.
Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

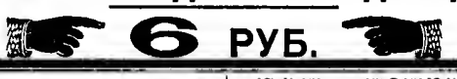
КРЕЙЦНАХЪ.
Описаніе Крейцнахскихъ водъ для врачей и больныхъ.
Составилъ докторъ Михельсонъ.
Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

КАРЛСБАДЪ.
Описаніе Карлсбадскихъ водъ для врачей и больныхъ. Составилъ П. Ольхинъ.
Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ОЧЕРКИ КРЫМА.
Картины крымской жизни, природы и исторіи. **Евгенія Маркова.**
Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

КАВКАЗЪ
въ земельномъ, историческомъ, бытовомъ, племенномъ и экономическ. значеніи. Роскошное иллюстрированное сочиненіе, въ 6. 4 д. л., съ 175 рис. и 44 отдѣльн. картин.
Ц. 15 р., съ пер. 18 р.; въ перепл. 20 р., съ перес. 25 р.

ПАСХАЛЬНЫЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ:



Еженедѣльный иллюстрированный журналъ для дѣтей и юношества „ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО", 52 нумера въ годъ, съ преміями и приложеніями, въ двухъ отдѣлахъ—для дѣтей младшаго и старшаго возрастовъ. Подписная цѣна на каждый **6 руб. съ перес.** Новые подписчики получаютъ **всѣ** вышедшіе до сихъ поръ номера и будутъ получать журналъ впредь до окончанія подписнаго года. Подписка принимъ. въ книжныхъ магазинахъ **Тов. М. О. ВОЛЬФЪ**, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. № 3278

Лучшее средство

мѣховые и шерстяные предметы сохранять

ПРОТИВЪ МОЛИ.

Изъ толстой резиновой матеріи заготовлены

ГЕРМЕТИЧЕСКІЕ МѢШКИ,

которые де. вяиными захватами съ мѣдными крылообразными винтами совсѣмъ герметически закрываются. Цѣна съ пересылкою по почтѣ: для одной—5 р. 50 к., для двухъ—8 руб.; для трехъ—9 руб., и для шести шубъ 14 руб. № 3238 3—3

Кромѣ назначенныхъ шубъ помѣщается еще много мелкихъ вещей.

Складъ резиновыхъ товаровъ

Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры

КОНСТАНТИНЪ МАЛЬМЪ.

БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ, № 36.

Изслѣдованіе о выдачѣ преступниковъ.
А. ШТИГЛИЦА.
С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 2 руб.
Продается въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы. Выписывающіе черезъ П. Д. Гюотова—Кабинетская улица, д. № 20, кв. № 5, въ С.-Петербургѣ—за пересылку не платятъ. № 3119 3—3

EAU D'HOUBIGANT

la plus apprécice pour la toilette.
Houbigant parfum. de la Cour de Russie Paris.

ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ

РУССКИХЪ

ВИНОГРАДНЫХЪ ВИНЪ

ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ ИСПАНСКАГО

Н. ЗВАРЫКИНЪ

въ Астрахани,

удостоенный за доброкачественное произведеніе винъ, кромѣ помянутаго выше званія и русскихъ наградъ, **ПЯТЬЮ ИНОСТРАННЫМИ ЗОЛОТЫМИ МЕДАЛЯМИ И ПОЧЕТНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ** Ученаго Европейскаго Общества, рекомендуетъ гг. покупателямъ, какъ потребителямъ, такъ и торговцамъ, **НАТУРАЛЬНЫЯ ВИНОГРАДНЫЯ ВИНА** своего производства, изъ собственныхъ виноградныхъ плантацій.

Просятъ обращаться съ требованіями въ Астрахань, собств. домъ. Прейсъ-куранты высылаются безплатно. Цѣны винамъ отъ 50 до 90 коп. за бут. Партіоннымъ покупателямъ дѣлается, соразмѣрно требуемаго количества, уступка. № 3272

АМЕРИК. ЦѢПОЧКИ ДЛЯ ЧАСОВЪ

единственный складъ у Василія Аурихъ. С.-Петербургъ, Бол. Морская 17. Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство что **не** почернѣютъ—5 лѣтъ.

Мужскія въ 3 р. 50 к., 4 р., 4 р. 50 к. и 5 р.
„ двойныя 6 р.
Женскія съ кистью 4 р. 50 к. **Берлокъ** 50 к. Пересылка 50 к. Торговцамъ скидка! № 3260 3 2

Чернилы Леонарди.

Хорошо знакомы!
нѣсколько разъ удостоены преміями.
Амстердамъ 1883: золотая медаль

торговая марка.

Получить можно въ почти всѣхъ торговляхъ бумагою и канцелярскими принадлежностями въ Россіи

Отъ поддѣлки предостерегаютъ.

Aug. Leonhardi, Dresden.
учрежд. 1826.
Изобрѣтатель патент. **Алицаринобыхъ чернилъ.**

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.

16 ДѢТСКИХЪ ПѢСЕНЪ

(для старшаго возраста)

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

РИСУНКИ **А. СТЕПАНОВА**

ТЕКСТЪ **А. ПЛЕЩЕЕВА**

МУЗЫКА **П ЧАЙКОВСКАГО.**

Цѣна 2 руб.

МОСКВА У П. ЮРГЕНСОНА

10. Неглинный пр. 10.
С.Петербургъ у І. ЮРГЕНСОНА.
Каталогъ изданій Юргенсона безплатно.
П. № 3274 1—1

ЧОКРАКСКОЕ

ГРЯЗЕ-ЛЕЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ВЪ КРЫМУ,

въ 12-ти верстахъ отъ г. Керчи, будетъ открыто съ 20-го мая по 1-го сентября. Минеральныя грязи и рапа солянаго озера, а также сѣрные и щелочные источники **радиевыя** излѣчиваютъ: ревматизмъ, золотуху, опухоли суставовъ, железъ и матки, сведенія членовъ, воспаленія надкостной плевы, костяные наросты, катарры желудка, брюшные завалы, геморой, наралич, невралгіи, ишіасъ, накожныя болѣзни, меркуріализмъ, импотенцію и скрытый сифилисъ. Курсъ лѣченія трехнедѣльный. Августъ наилучшее время для лѣченія золотухи. Заведеніе заново отдѣлано и снабжено всѣми удобствами жизни. За справками просятъ обращаться къ Д-ру Добровольскому, въ г. Керчь. На отвѣтъ двѣ марки. 3271 1—1

Съ дозволенія С.-Петербургскаго Столичнаго Врачебнаго Присутствія.

ЭЛЕКСИРЪ-MELANGE.

Для быстраго и обильнаго рощенія волосъ и предохраненія ихъ отъ выпаденія. Ц. 2 р. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французск. и нѣмецк. языкахъ.

БАЛЬЗАМЪ-EUGÉNIE,

изъ миртовыхъ и свадебнаго букета цвѣтовъ для придванія лицу, шеѣ и рукамъ нѣжной мягкости, мраморной бѣлизны съ благоуханіемъ лиліи и розъ, а также для уничтоженія веснушекъ и всякой шероховатости кожи. Цѣна 1 р. 75 к. за флаконъ, съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЯ ПОМАДЫ подлинникъ „Pasta Eugénie",

РУМЯНА EUGÉNIE,

жидкія, чтобы придать щекамъ и ушамъ натуральный розовый цвѣтъ, не мѣняющійся при электрическомъ освѣщеніи и не вытирающійся даже при потномъ состояніи лица. Рекомендуется въ особенности для театровъ и баловъ. Ц. 1 р. 50 к. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Всѣ эти три косметическихъ продукта по свидѣтельству медицинскаго начальства не содержатъ въ себѣ никакихъ было ни было вредныхъ веществъ.

№ 3277 3—1 *Берта Рисъ.*

превосходнѣйшее средство для устраненія веснушекъ, родимыхъ и красныхъ пятенъ и другихъ дурныхъ явленій, встрѣчающихся на лицѣ, и придающее цвѣту лица юную свѣжесть и красоту. Цѣна банки 1 р. 60 к.

Хинно-глицериновая помада

на перуанскомъ бальзамѣ, для укрѣпленія, сгущенія и рощенія волосъ.; ц. банки 2 р.

Ручная раковинная помада.

Цѣна банки 1 р. 30 к. На каждой банкѣ находится охранительная марка **амуръ** и подпись изобрѣтательницы **Bertha Ries.**

Подлинникъ „Poudre Eugénie"

бѣлая и розовая. Цѣна коробкѣ съ пуховкой 1 р. 50 к., безъ пуховки 1 р. 20 к.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ,

трехъ цвѣтовъ: черная, коричневая и свѣтлорусая. Цѣна коробки 3 рубля.

Краска фабриканта **Рисъ Гутманъ.**

ДЕПО НАХОДЯТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, Главн. Общ. торг. аптекарь., на Казан., соб. д.; у Оливіе, Невскій пр., № 54; у быв. Дарзанса, Пассажъ, № 15 и 17; С. П. Грикурова, Невскій пр. у Казанскаго мѣста, № 30; у парикмах. Эмиль, быв. Сансеро, Литейный, № 43; у парикм. Аристидъ, Вас. остр., 1 линія, д. № 18; у парикм. Просперъ, Вознес. пр., № 18.

Въ Москвѣ, у К. И Феррейна, Никольская; у А. Брунсъ (бывш. Пецъ), Маросейка, д. Еремѣевыхъ; у Р. Келеръ и К°; въ Сарептскомъ магаз. рядомъ съ аптекой, на Никольской; у Гетлингъ и Штокманъ, Петровка; у Кригеръ и Качъ и у Теодоръ, Кузнецкій мостъ; у Дарзансъ, въ Газетн. пер.; Я. П. Пончковскаго, у Срѣтенскихъ вор.; у Лютеръ и Гиршфельдъ, на Мясницкой, домъ Обидиной; у Часовникова, въ Александровскомъ и у Куртинова, въ Лубянскомъ пассажѣ.

Въ Воронежѣ, у парикмахера Курильченко.
„ Козловѣ, магазинъ бр. Поповыхъ
„ Пензѣ, маг. Клинкунова.
„ Кіевѣ, маг. Parisien Anguste & C°.
„ Одессѣ, магазинъ Гельдеръ и К°. Петроканъ в Гуммель.
„ Елисаветградѣ, Г. А. Трестера насл.
„ Полтвѣ, магаз. Фердинандъ Трепке.
„ Харьковѣ, В. Кухарева въ Пассажѣ, № 17 и Главн Общ. торговли аптекарск. товар.
„ Таганрогѣ, магазинъ М Майканаръ.
„ Ростовѣ на Д., А. Эдельбергъ, быв Биркле и у Я. Раппенортъ.
„ Новочеркасскѣ, магазинъ З. Петрова.
„ Саратовѣ, маг. Матейсена.
„ „ „ маг. Роб. Штроль.
„ Самарѣ, Сарептскій маг. Кристенсонъ.
Въ Казани, магазинъ Мурзаева.
„ Ставрополѣ, у парикм. К. Курильченко.
„ Тифлисѣ, въ музык. маг. Н. Ланко, въ д. ген. Лацарони.
„ Томскѣ, маг. Ненашева.
„ Перми, маг. Н. Перетцъ.
„ Екатеринбургѣ, апт. маг. Гельмихъ и К°.
„ Варшавѣ, Александръ Кохъ парфюм. магаз. Краковское предмѣстье, у Ліонъ и К°, Сваторская.
„ Кременчугѣ, Закъ.
„ Ригѣ, у братьевъ **Вадзманъ**, Купеческая улица № 15.
„ Вильно, маг. Гружевскаго.
„ Ревелѣ, магазинъ Христіана Кедеръ.
„ Гельсингфорсѣ, маг. Свавъ.
„ Екатеринославлѣ, у Ефанова,
„ Астрахани, маг. Фадѣева.
„ Курскѣ, Аптекар. маг. Скворчевскаго.

Дозволено цензурою. СПБ. 28 марта 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 14 | годъ XV | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 7 Апрѣля 1884 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ" 1884 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Марк. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9.

Церковь въ селѣ Деулинѣ, близь Троице-Сергіевой Лавры. Ориг. рис. П. Суслова, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Церковь во имя Преп. Сергія въ селѣ Деулинѣ

По старой Углицкой дорогѣ, въ трехъ съ половиною верстахъ отъ Троице-Сергіевой Лавры, на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, расположено небольшое село казеннаго вѣдомства Деулино, или Девулино. Ранѣе оно принадлежало монастырю, теперь же удѣльное. Самое названіе этого села свидѣтельствуетъ о его древнемъ возникновеніи и, какъ надо полагать, произошло отъ слова делюй—делюи: этимъ именемъ называли особый родъ наймитовъ, которымъ давали деньги съ обязательствомъ платить оброкъ своимъ господамъ, о такихъ наймитахъ или делюяхъ говорятъ наши великокняжескія грамоты, относящіяся къ XV столѣтію. Съ теченіемъ времени легко могло изъ Делюевъ перейти въ Девулино, а потомъ и въ Деулино. Село Деулино хотя и лежитъ на возвышенномъ мѣстѣ, но тѣмъ не менѣе не можетъ похвастаться ни живописностью своего положенія, ни многолюдствомъ и промышленностью; но оно имѣетъ иной интересъ и навсегда останется памятно въ народномъ преданіи: здѣсь въ 1618 году былъ заключенъ миръ между Россіею и Польшею, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Деулинскаго; этотъ миръ положилъ конецъ лихолѣтью, или такъ называемой московской разрухѣ, начало которой относится къ послѣднимъ годамъ царствованія Бориса и кончается призваніемъ Михаила Ѳеодоровича Романова. Много пришлось въ этотъ промежутокъ времени испытать русской землѣ невзгодъ и печалей отъ поляковъ съ литовцами и отъ русскихъ воровъ, которые нѣсколько лѣтъ терзали Русь; города и села были опустошаемы, жители ихъ испытывали всѣ ужасы и бѣдствія войны. Москва и окрестные города находились въ рукахъ у поляковъ и только одна Троице-Сергіева лавра, устоявъ противъ многочисленныхъ враговъ, обложившихъ ее, сдѣлалась опорою въ конецъ изнуренной и обезсиленной Россіи. Русскія дружины, воодушевленныя знаменитымъ келаремъ Троице-Сергіевой лавры Авраміемъ Палицынымъ во имя преподобнаго Сергія, смяли и обратили въ бѣгство буйныя полчища польско-литовцевъ; но Сигизмундъ III и сынъ его Владиславъ не переставали домогаться русскаго престола и держали въ позорномъ плѣну родителя Михаила, Филарета Никитича и тогда, когда уже Михаилъ былъ выбранъ на царство. Королевичъ Владиславъ еще разъ рѣшился собрать новыя полчища и съ ними устремился на Россію, но попытка его не увѣнчалась успѣхомъ, къ счастію русскихъ: онъ потерпѣлъ полное пораженіе, какъ подъ Москвой, такъ и подъ стѣнами Троице-Сергіевой обители, послѣ чего долженъ былъ вступить въ мирные переговоры съ русскими. И вотъ въ концѣ 1619 года въ монастырскомъ селѣ Деулинѣ, между Троицкимъ монастыремъ и польскимъ станомъ, былъ назначенъ съѣздъ уполномоченныхъ съ той и другой сторонъ; понятно, почему русскіе не хотѣли назначить переговоры о мирѣ въ самомъ монастырѣ, это значило бы обнаружить своимъ врагамъ положеніе монастыря послѣ двухъ осадъ. Три раза съѣзжались въ Деулино послы польскіе Бискутъ Каменскій и канцлеръ Сапега со свитою и русскіе уполномоченные: Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ, князь Данило Ивановичъ Мезецкій и окольничій Артемій Васильевичъ Измайловъ съ дворянами и отряпчими московскими. Первые переговоры ни къ чему не привели и кончились шумными спорами и пререканіями. 1-го декабря, на память св. Филарета Милостиваго, состоялся наконецъ желаемый и отрадный миръ для русскихъ, или вѣрнѣе перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Этотъ миръ заставилъ Владислава отречься отъ его притязаній на Всероссійскій престолъ и признать Михаила Ѳеодоровича законнымъ государемъ, а родителю его Филарету Никитичу возвратить свободу. Съ тѣхъ поръ Деулино стало называться *мирнымъ*, а преподобный Сергій *миротворцемъ*. Въ селѣ Деулинѣ въ настоящее время нѣтъ никакихъ историческихъ памятниковъ, кромѣ остатковъ укрѣпленій и деревянной церкви во имя св. Сергія, рисунокъ которой мы прилагаемъ въ настоящемъ номерѣ. Эта деревянная церковь, построенная архимандритомъ Троице-Сергіевой лавры Діонисіемъ, замѣчательна не только въ историческомъ отношеніи, но и въ археологическомъ. Какъ въ церкви, такъ и въ алтарѣ по стѣнамъ идутъ лавки. Изъ старинной церковной утвари сохранились оловянные сосуды съ черневыми изображеніями и деревянный выносной крашеный подсвѣчникъ, кромѣ того хранится въ алтарѣ антиминсъ, современный построенію самой церкви. Эта церковь примѣчательна какъ памятникъ нашего народнаго зодчества и знаменательнаго событія.

Въ старой Москвѣ.

Историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ,

Гр. Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Князь продолжалъ свой разсказъ. Ему-де отвѣчали, что не надо было просить разрѣшенія, а теперь, послѣ рѣшительнаго отказа и запрещенья—ослушаться еще хуже. Преосвященный же подтвердилъ-де строго, что онъ своимъ честнымъ словомъ отвѣчаетъ за то, что въ случаѣ брака Бориса и Анюты ихъ разлучатъ, бракъ законнымъ порядкомъ расторгнутъ и обоихъ заточатъ въ монастыри, чуть не на Бѣломъ морѣ!

— Ну вотъ я васъ тогда и разлучилъ! Сказалъ князь. Борьку прогналъ изъ дому. Что-жь было дѣлать. А теперь я и порѣшилъ, чтобы вы сами это все произвели, противъ моей воли и безъ моего согласія. Вѣдь вы не просили разрѣшенія, отказа не получали и ничего не знаете. Я одинъ знаю про отказъ и угрозы преосвященнаго.

— Но что же будетъ? Конечно, на душѣ легче, что вы не противъ, воскликнула Анюта, но вѣдь бѣда все таки будетъ съ нами.

— Ничего не будетъ! Глупые мои. Ничего не будетъ!

— Вы говорили въ залѣ, что мы...

— Въ залѣ все скоморошество одно было. Фокусы я тамъ показывалъ. Пойми ты, оголтѣлая! сшутилъ князь и постучалъ пальцемъ по лбу дочери. Заруби ты себѣ это здѣсь. Въ залѣ я наклалъ тридцать три короба вранья и глупостей, чтобы дворня разнесла все по городу. Намъ нужно казанскими сиротами прикинуться, покуда не выйдетъ намъ прощенія.

— Но судъ будетъ? сказалъ Борисъ.

— Ничего не будетъ! Дурни! Ничего ровно. Пиръ горой у насъ будетъ... И я пьянъ напьюсь!! Вотъ что! Напьюсь. Напьюсь... За ноги меня Ѳеофанъ въ кровать стащитъ! почти восторженно воскликнулъ князь, такъ какъ съ молоду вина въ ротъ не бралъ и большаго дѣянія для себя онъ не могъ надумать на радостяхъ.

— Кто же васъ обнадеживаетъ, батюшка?

— Всѣ... Я былъ у графовъ Орловыхъ, любимцевъ царицы. Былъ у силы великой при новомъ правительствѣ, предъ которымъ и нашъ преосвященный тише воды, ниже травы—у митрополита Дмитрія Сѣченова—друга царицы. Ну вотъ они доложатъ государынѣ... А она то все таки жила въ Нѣмеціи, гдѣ такіе браки по закону совершаются. Поняли. Да она же разумница. Да къ тому еще только что короновалась... Изъ за чего же я подгонялъ этого вотъ остолопа! показалъ князь на Бориса. Онъ еще десять лѣтъ прособирался бы, пентюхъ эдакій. Ради этихъ торжественныхъ дней коронаціи и милостей—я васъ сенаторомъ моимъ и пугнулъ. Вы ноги и подняли. Попа для вѣнчанья, дурни, найти не могли—я же нашелъ и Ахметку подослалъ къ вамъ.

— Такъ Ахметъ былъ у васъ въ уговорѣ, дѣдушка? воскликнулъ Борисъ.

— Зналъ все, подлецъ, и помогалъ. Я ему вольную обѣщалъ за труды. Хоть за бузу и слѣдовало бы его отодрать, дурака. Варить—вари, да знай мѣру. Опаивай, а не мори!

— Охъ, Господи! невольно выговорила Анюта. Ей Богу съ ума сойдешь. А мы то все думали, что все скрыто!

— Въ другое время отвѣчать нельзя было бы за все, продолжалъ князь разъяснять. Тутъ насъ свои власти духовныя и свѣтскія заѣли бы. Я съ ними со всѣми давно не въ ладу. Васъ бы и впрямь заточили. А я

Библиотека "Руниверс"

ступай въ Петербургъ, гдѣ никогда не бывалъ, и хлопочи, да ворочайся съ носомъ. Сказали бы: не наше дѣло. У васъ въ Москвѣ своя власть. Нынѣ не то, теперь наши то притаились всѣ, когда тутъ сама царица да всѣ мужи государственные на лицо. Я какъ прослышалъ въ Рождество объ смерти Елизаветы Петровны, такъ и рѣшилъ ждать государя въ Москву и васъ вѣнчать. А узналъ, что новая царица ѣдетъ короноваться — я порѣшилъ тоже не зѣвать, и какъ она пойдетъ вѣнчаться на царство въ Успенскій соборъ, такъ и вамъ свое коронованіе и вѣнчаніе совершить. На радостяхъ васъ и простятъ. Я то врагъ всему начальству. Я бѣльмомъ у нихъ на глазу. Они бы меня въ иное время въ бараній рогъ согнули, а теперь молчать должны, когда Орловъ да Сѣченовъ самой царицѣ все доложатъ и прощенье вамъ монаршее получатъ. Поняли вы, дурни? Меня въ дураки рядили, а сами въ дуракахъ то остались! кончилъ князь уже со слезами радости на глазахъ.

Анюта опустилась на колѣни на полъ предъ отцемъ и молча, страстно цѣловала его руки. Борисъ стоялъ пунцовый и у него уже навертывались слезы счастья.

— А есть одинъ, еще пожалуй глупѣе васъ, весело сказалъ князь. Вы въ дуракахъ, а онъ и того хуже.

— Каменскій! воскликнулъ Борисъ.

— И по дѣломъ! крикнулъ князь. По дѣломъ старому индюку. Вѣдь индюкъ какъ есть! Индѣйскій пѣтухъ! Съ его рожей, да съ его деревянной башкой, вдругъ чего захотѣлъ! Анюточка ему въ дочери, во внучки годится. Будетъ помнить насъ, московскихъ, питерское огородное пугало. Небось тамъ за него ни одна не пошла. Онъ пять разъ сватался! Я знаю! А здѣсь, видишь, первая красавица и богачка, княжна Лубянская—за него пойдетъ. Ахъ онъ разтреклятый! закричалъ гнѣвно князь, очевидно облегчая сердце отъ давно накипѣвшей злобы, которую онъ долженъ былъ скрывать.

— Отчего вы выбрали его, батюшка, на подставу? сказала Анюта. Лучше бы кого изъ нашихъ, попроще, а не сенатора.

— Хотѣлъ я, и нашелъ здѣсь одного. Да этотъ шутъ парадный самъ подвернулся. Да и преосвященному онъ съ родни, а тотъ за него сталъ просить. Я было отбоярывался. Стали грозиться, что я все еще васъ двухъ имѣю въ предметѣ и что этимъ себя самого съ вами въ Сибирь угоню.

— Ну, что же! Пускай бы грозился...

— Я озлился!.. Ну... Ну и пошелъ его камышевый генералъ на подставу. И ништо, по дѣломъ обоимъ. Теперь они хоть въ кусты отъ людей прячься, какъ царица то сама проститъ, да васъ на мирное и счастливое житіе благословитъ своимъ царскимъ разрѣшеніемъ.

И чрезъ минуту молчанья князь прибавилъ:

— Стойте! и не вспомнишь всего-то сразу. А образъ то я тебѣ далъ, Анюточка. Не поняла, глупая. Не почуяла, что я хотѣлъ, чтобы ты съ моимъ благословеньемъ подъ вѣнецъ съ Борисомъ шла. То-то вотъ. Умница-разумница была на бездѣлье, а въ эдакомъ случаѣ жизни дурочкой проворонила, все и не почуяла, какъ же это, твой отецъ тебя выходилъ, да несчастной вдругъ захочетъ сдѣлать?.. Я и въ церкви то на свадьбѣ порѣшилъ быть, чтобы вмѣстѣ съ вами за васъ помолиться Богу. И былъ!!

— Какъ были? вскрикнули оба.

— Былъ, глупые. Въ алтарѣ былъ все время. И много на мысляхъ нагрѣшилъ. Хотѣлось мнѣ убить вашего Алешку Хрущева, проклятаго лазуна. Какъ у лягаваго пса чутье у него. Вѣдь онъ меня чуть не накрылъ въ алтарѣ то. Что-жь бы я тогда сдѣлалъ, какъ бы сталъ за васъ просить, да незнайку корчить. Вѣстимо выпутались бы все таки. Вы бы меня не выдали. Ужь тутъ поздно было дѣло портить. А все таки этотъ лазунъ лягавый меня озлилъ шибко. Такъ бы вотъ и треснулъ его, когда онъ полѣзъ ко мнѣ. Гдѣ онъ теперь, лягавый? Вѣдь и его мнѣ надо за все отцѣловать и отблагодарить. Безъ него ты, хомякъ, ничего бы не сдѣлалъ. Пробирался бы покуда бы Анюту и впрямь не стали вѣнчать. А знаете, какъ я его отблагодарю? Я его на Агашѣ женю.

— Что вы батюшка, сказалъ Борисъ. Да онъ жениться и не помышляетъ, а на Агашѣ и подавно. Она бѣдная и незнатная, хоть и дворянка.

— Молчи, простофиля. Твой Хрущевъ отъ Агаши безъ ума, безъ памяти. Вру? Ну вотъ увидишь, простофиля. Стараго воробья на мякинѣ не поймаешь. А я старый воробей. А на вашей мякинѣ въ вашу года и муху не поймаешь. Вы влюбитесь, такъ у васъ въ глазахъ набатъ во всѣ въ колокола! Мертвый услышитъ да увидитъ все, а не то что живые люди.

Чрезъ минуту князь выговорилъ:

— Все будетъ слава Богу. Ввечеру поѣду къ новому графу Ивану Григорьевичу Орлову за вѣстями. Все слава Богу. Вотъ жаль мнѣ только опоеныхъ. Зря люди погублены. А нельзя было. Боялся, увидятъ Анюту, да задержутъ, да прибѣгутъ меня подымать: что молъ барышня бѣжать собралась. А меня то давно дома нѣту. Я тоже убѣжалъ.

— Какъ! дома нѣтъ? удивилась Анюта.

— Да вѣдь я то былъ тогда уже въ Лычковѣ, глупые.

— Стало быть въ храмъ вы прежде насъ вошли, коли мы васъ не видали, спросилъ Борисъ.

— Вѣстимо. Я выѣхалъ изъ Москвы за цѣлый почитай часъ до вашей милости, г. сержантъ. Боялся, что гдѣ заплутаюсь, то вы меня на дорогѣ нагоните. Я скрывался вѣдь отъ васъ больше чѣмъ вы отъ меня. У васъ помощники были и явные и тайные. А у меня въ заговорѣ одинъ поганецъ Ахметка былъ. Хотѣлъ Соленку взять—да побоялся ея бабьяго языка... Ну да вотъ... все, слава Богу, обошлось. Одно обидно: трое слугъ вѣрныхъ пропало отъ Ахметкиной бузы. Что дѣлать. Богъ проститъ. Сами пили... Но главное... Главная моя обида и что меня тревожитъ на смерть—вы и не знаете еще... Но ты, Борисъ, не бойся. Богъ милостивъ.

— Матушка? спросилъ Борисъ.

— Да. Твоя мать... Не ладно...

— Я именно хотѣлъ спросить васъ,—что она? Можно мнѣ сейчасъ къ ней или обождать.

— Обожди малость. Тамъ докторъ и фельдшеръ кровь пустили ей. Богъ милостивъ.

— Да что съ ней приключилось?

— Отъ перепугу, что ты въ Сибирь уйдешь за то, что на теткѣ своей женился... Что дѣлать! Я виноватъ опять. А можно-ль было ее въ секретъ взять, да ей повѣрить такое дѣло. Самъ посуди... Она бы меня выдала вамъ ни за грошъ. Ну, да Богъ милостивъ. Встанетъ...

XV.

Всѣ радужныя мечты всѣхъ обитателей дома сбылись. Чрезъ недѣлю послѣ побѣга Анюты изъ отцова дома и тайнаго вѣнчанія молодые дѣлали офиціально визиты знакомымъ, т. е. всей Москвѣ, въ парадной голубой каретѣ съ бѣлыми какъ молоко конями—шестерикомъ, цугомъ. Они приглашали всѣхъ на пиръ горой, на который князь Артамонъ Алексѣевичъ ассигновалъ десять тысячъ. Даже на дворѣ князя разставлялись лавки и столы, такъ какъ предполагалось цѣлый день угощать, кормить и поить прохожихъ, покуда все не будетъ съѣдено и выпито.

Москва, собираясь на пиръ, все таки почти поголовно раздирала на части „загадчика" князя и его „Крымку" за ихъ финтъ. Князь слишкомъ былъ счастливъ и лице его слишкомъ сіяло, а старые глаза слишкомъ горѣли—чтобы кто нибудь могъ повѣрить теперь его комедіи. Всѣ поняли и догадались.

Люди разсудительные и добрые говорили:

Библиотека "Руниверс"

Св Апостолъ Павелъ, проповѣдующій въ Аѳинахъ Съ картины Рафаэля Санціо, грав. Кезебергъ и Эртель.

Библиотека "Руниверс"

— Что-жъ. И правъ, и чистъ. Сталъ бы просить разрѣшенія, навѣрно бы отказали наотрѣзъ. А тутъ дѣло сдѣлано молодежью. Онъ въ сторонѣ! Да и дни торжественные—простить и надо! И простили. И правы они! Въ дуракахъ то мы—что сенатора на обѣдѣ поздравляли.

Полученное прощеніе было вдобавокъ не простое, а царское. Сама царица разсудила дѣло. Она сказала, что вообще впредь браки въ этой степени родства надо разрѣшить совсѣмъ, такъ какъ католики и протестанты—тѣже христіане—а допускаютъ браки даже между двоюродными братьями и сестрами. И впредь указано только для приличія—обращаться за разрѣшеніемъ мѣстнаго преосвященнаго, которое онъ и долженъ давать, не запрашивая о томъ Синодъ.

Молодые были на седьмомъ небѣ!

Князь же заявилъ, что если дѣти на седьмомъ, то онъ на восьмомъ небѣ, потому что все у него вышло по писаному. Разумѣется и судьба помогла. Не скончайся императрица Елизавета, то сильный ея вниманіемъ московскій преосвященный никогда бы не допустилъ признанія брака, а добился бы его расторженія. Впрочемъ тогда князь и пробовать бы не сталъ.

Настасья Григорьевна, у которой сдѣлался легкій ударъ при извѣстіи—оправилась довольно быстро, благодаря кровопусканіямъ въ изобиліи, а главное благодаря извѣстію, которое заставило ее даже расплакаться.

— Сама царица разрѣшила бракъ!..

До той поры Борщева не могла привыкнуть къ мысли, что ея сынъ переступилъ законы „божескіе и человѣческіе", какъ говорили и повторяли въ Москвѣ праздные и злые болтуны. Все однако замолчало и притихло, когда императрица сама рѣшила вопросъ.

Говорили даже, что на предстоящемъ балѣ въ дворянскомъ редутѣ или собраніи, государыня заранѣе уже приказала себѣ показать смѣлыхъ молодыхъ „загадчика" князя Лубянскаго.

Но изрѣдка Настасья Григорьевна охала все таки, въ особенности когда раздумывала о бракѣ сына на родственницѣ.

— Какъ же это, родимые, вдругъ сказала она однажды. Вѣдь коли Богъ имъ сына дастъ, вѣдь онъ отцу и сынъ будетъ и двоюродный братецъ. А Анютѣ и сыномъ будетъ приходиться и внучкомъ.

— Что изъ того! шутилъ князь. У меня на то Анюта и молодецъ. Какъ Богъ ей сынка дастъ, то она, не въ примѣръ прочимъ, за разъ станетъ и матерью и бабушкой.

— Такъ ужъ вы, дяденька, теперь, Борюшкѣ то, не дѣдушка, а тесть? снова говорила Борщева. И я то чрезъ этотъ бракъ, не то Анютѣ двоюродная сестра, не то свекровь. Вѣдь я ей свекровь!!

— Ахъ, голубушка моя! отзывался князь. Лишь бы они были счастливы, а ты будь имъ что хочешь? Не нравится свекровь, будь морковь! Только мачихой не будь и не крапочися. Да не пили ты насъ своими переборами.

Агаша тоже была счастлива, такъ какъ князь обѣщался быть ея сватомъ и объявилъ ей по секрету, за кого ее просватаетъ тотчасъ же. Вдобавокъ онъ обѣщалъ дать своей внучкѣ въ приданое одну вотчину, которая дѣлала ее сразу богатой невѣстой.

— Только объ этой вотчинѣ никому—ни гугу! А то ничего не сдѣлаю. А матери своей ни слова ни объ чемъ.

Наконецъ и Соленушка была счастлива и уже мечтала о своемъ возвращеніи на родину. Кучеръ Прохоръ-Ахметъ, хотя и получилъ отпускную отъ князя, но собирался не въ Крымъ, а за Борисомъ Ильичемъ въ Питеръ.

Но этотъ вопросъ—служба Бориса въ гвардіи и жизнь въ Петербургѣ, т. е. разлука князя съ дочерью—былъ вопросомъ, о которомъ покуда никто не запкался.

Когда же знакомые спрашивали князя прямо: останется ли онъ одинъ одинехонекъ въ Москвѣ или преодолѣетъ свое отвращеніе къ Петербургу и переѣдетъ туда за дѣтьми, то князь махалъ рукой и говорилъ угрюмо, даже иногда сердито и раздражительно:

— Увидимъ. Не знаю.

Борисъ отвѣчалъ тоже.

— Не знаю. Какъ дѣдушка пожелаетъ.

— Вотъ и не дѣдушка, поправляла его Борщева и всегда прибавляла охая и какъ бы съ укоризной сыну:

— Всѣхъ то ты насъ перепуталъ. И не разберешься теперь, кто кому что... Я не я, ты не ты, мы не вы... И жена—тетка и сынъ родной будетъ ей внукомъ. А мнѣ и внукъ и племянникъ.

— А царица какъ порѣшила? Забыли, маменька, про царицу!? лукаво говорила Анюта, которая теперь всегда звала Настасью Григорьевну матерью. Ей пріятно было говорить это слово, котораго она не знала по волѣ судьбы съ рожденія. Для царицы—ничего, не путаница. А для васъ путаница. Какія вы мудреныя. Выше царицы себя ставите!?

— Ну, молчу, молчу! извинялась Настасья Григорьевна.

Наконецъ былъ еще въ Москвѣ счастливый человѣкъ. Заправило самокрутки и главный дѣятель—Хрущевъ. Князь полюбилъ его теперь почти не менѣе Бориса и намекалъ уже часто, что хотѣлъ бы быть ему не чужимъ, а дѣдомъ

— Хоть бы не роднымъ, а всежъ таки дѣдомъ желалъ бы вамъ быть! Да нельзя! Ничего не подѣлаешь! Невозможно! И князь хитро ухмылялся. А Хрущевъ понималъ намекъ и зналъ, какъ поступить, чтобъ назвать князя дѣдомъ.

Но онъ выжидалъ и ни разу не обмолвился, къ удивленію князя, видѣвшаго, что онъ влюбленъ въ Агашу со всѣмъ пыломъ юноши.

— Неужели приданницу розыскиваетъ! думалъ Артамонъ Алексѣевичъ. Эхъ, кабы зналъ глупый, что она у меня богатая будетъ. А сказать ему про это—не охота. Что-жъ его покупать. Взялъ бы бѣдную—я бы его больше полюбилъ.

А Хрущевъ молчалъ по совершенно инымъ причинамъ. Его родной братъ Петръ, вмѣстѣ съ Гурьевыми, не выходилъ у него изъ ума. Хрущевъ опасался, что надъ болтунами всякій день стрясется бѣда... Доберутся до нихъ на Плющихѣ и до ихъ вранья и пойдутъ они на допросъ. Тогда, конечно, и онъ самъ, родной братъ этого болтуна, не минуетъ допроса въ качествѣ очевидца и свидѣтеля ихъ сборищъ и ихъ всѣхъ глупостей на словахъ и на дѣлѣ.

— Хорошъ же я буду женихъ тогда, какъ начнутъ меня таскать во свидѣтели, да опрашивать, думалъ Хрущевъ. Только Агаша будетъ разливаться по мнѣ, считая и меня причастнымъ къ этой глупости Вѣдь преступникъ и свидѣтель для нея и для Настасьи Григорьевны—одно и тоже! Лучше обождать! Какъ уйдетъ отсюда гвардія, а братъ съ Гурьевыми уберутся въ Питеръ, такъ я и объявлюсь.

И Хрущевъ, бывая всякій день у князя въ домѣ, все болѣе ему нравился своею разсудительностью и смѣлостью и даже шутками и остротами—и при намекахъ князя на бракъ съ Агашей все болѣе избѣгалъ высказываться.

Князь всячески пыталъ молодаго человѣка, но ничего не могъ понять.

— Жениться, раздумывалъ князь, не прочь, говоритъ. Богатой не только не ищетъ, но прямо сказываетъ, что не хочетъ, чтобы жена была богаче его. Зазнобушки нигдѣ у него другой нѣтъ! На Агашу всѣ глаза свои просмотрѣлъ! А станешь ему говорить стороной—увертывается и отлынивается... Что за притча?! Ума не приложу!

А Хрущевъ, понимавшій и видѣвшій это недоумѣніе князя, думалъ про себя:

Библиотека "Руниверс"

— Да. Зналъ бы ты какой у меня братецъ тутъ въ Москвѣ есть и чудитъ на Плющихѣ. Кабы ты зналъ, такъ не удивился бы. Вотъ не нынѣ, завтра могутъ ихъ накрыть, а меня въ свидѣтели затаскаютъ. Пообѣдать порядкомъ, да выспаться не дадутъ. Вѣдь родной братъ. Я не могъ не знать про него—всего его празднословія да всѣхъ фокусовъ. Дай срокъ—уйдутъ въ Питеръ, дня не пропущу. Самъ съ тобой заговорю объ Агашѣ.

И благодаря этой помѣхѣ въ братѣ Петрѣ для его счастья, Хрущевъ постоянно думалъ объ сборищахъ въ домѣ Гурьевыхъ.

Борисъ конечно забылъ и думать объ нихъ. Только разъ, на третій день послѣ своихъ визитовъ по городу съ молодой женой ради приглашеній на пиръ въ домѣ князя—Борщевъ вспомнилъ объ Плющихѣ.

— А что наши врали? спросилъ онъ у друга. Неужто все еще переливаютъ изъ пустаго въ порожнее.

— Переливаютъ! сказалъ Хрущевъ досадливо. Но только, братецъ мой, порожнее стало наполняться уже. Вчера заходилъ я и брата усовѣщевалъ, даже стращалъ этимъ.

— Чѣмъ?

— А тѣмъ, говорю, что переливая все одно и тоже изъ пустаго въ порожнее, они все таки порожнее верхомъ ухитрились накачать. А тутъ одна капля лишняя—и чрезъ край хватитъ

— Ну, туда имъ и дорога. Засадятъ въ крѣпость, посидятъ годикъ и вышколятся, выйдутъ умнѣе на волю.

— А я?..

— Что ты!

— Я виноватъ?

— Да тебѣ то что-жъ до нихъ?

— А во свидѣтели таскать будутъ!

— Ну посвидѣтельствуешь не ложно.

— А коли я свататься хочу! Жениться! взбѣсился Хрущевъ. А тутъ изъ за нихъ жди у моря погоды!

— Ты, да жениться! На комъ? Господь съ тобой. Это только дѣдушка такую пустяковину надумалъ. Какой ты мужъ! разсмѣялся Борисъ. Но, къ удивленью своему, онъ увидѣлъ, что Хрущевъ обидѣлся и не простясь съ нимъ ушелъ.

XVI.

На званый пиръ князя Лубянскаго праздновать замужество его дочери, хотя и послѣ самокрутки — съѣзжались гости. Всѣ экипажи должны были останавливаться у воротъ и гости волей-неволей, выходили и шли пѣшкомъ чрезъ большой дворъ его палатъ, такъ какъ весь онъ былъ заставленъ столами съ угощеньемъ для москвичей и съ сосѣднихъ, и съ дальнихъ улицъ. Впрочемъ между воротами и главнымъ подъѣздомъ былъ сдѣланъ чрезъ весь дворъ крытый навѣсъ въ родѣ сѣней и обитъ краснымъ кумачемъ. Проходъ этотъ былъ придуманъ княземъ и на случай ненастья, и кромѣ того съ цѣлію—чтобы никто изъ гостей не обидѣлся на хозяина. Нельзя было изъ приличія заставлять дворянъ выходить изъ экипажа у воротъ, такъ какъ это требовалось всегда по старадавнему обычаю только отъ купцовъ или отъ мелкихъ помѣщиковъ, однодворцевъ. Слѣдовательно, равняя этотъ разъ дворянъ съ купцами по неволѣ—князь долженъ былъ придумать у воротъ и чрезъ весь дворъ временный красный подъѣздъ и переходъ.

Не смотря на это, все таки, многіе бурчали выходя изъ каретъ. Однако никто не вернулся, не желая лишать себя угощенья, а главное, ради любопытства видѣть что будетъ, и ради возможности сказать, что былъ тоже у Лубянскаго на пиру.

Дворъ по бокамъ деревяннаго помоста и прохода былъ уже полонъ народомъ. Разумѣется ближайшіе сосѣди пришли раньше и заняли мѣста. Густая толпа народа на улицѣ залила высокую ограду вплотную и ожидала не очистится ли мѣсто. Экипажи съ трудомъ пробирались по улицѣ, и со стороны площади, пространство покрытое любопытными и зѣваками походило на ярмарку въ воскресный день.

Пиръ князя долженъ былъ начаться обѣдомъ на триста человѣкъ гостей, а затѣмъ вечеромъ предполагались шкалики, смоляныя бочки и потѣшные огни. Все это брался устраивать одинъ итальянецъ, извѣстный въ Москвѣ своей ученостью и ловкостью по этой части.

Итальянецъ пять дней готовился и хлопоталъ. Говорили, что будто онъ весь порохъ, какой нашелъ въ городѣ—скупилъ для своихъ работъ по заказу князя Лубянскаго.

— Хочу, чтобы Москва этотъ день, сказалъ ему князь, полъ ста лѣтъ помнила, чтобы стало быть большіе ребята по день своей смерти помнили. Сдѣлай то, что никогда не дѣлалъ и больше потомъ дѣлать опять у другихъ не смѣй. За это самое и бери денегъ, сколько совѣсть твоя итальянская въ себя вмѣститъ.

Совѣсть итальянца оказалась обширная и очень вмѣстительная и поэтому князь, молодые, всѣ домочадцы, всѣ приглашенные и всѣ зѣваки ожидали увидѣть вечеромъ, послѣ сытнаго и вкуснаго обѣда—чудеса истинныя.

Когда собравшіеся гости наполнили палаты князя, а дворъ былъ биткомъ набитъ угощавшимся народомъ — грянула духовая и роговая музыка съ литаврами, бубнами и барабанами.

За столъ сѣли нѣсколько позже обыкновеннаго, такъ какъ прождали приглашеннаго княземъ преосвященнаго — но онъ не пріѣхалъ, въ отместку за своего родственника.

Всѣ гости невольно любовались молодой хозяйкой. Анна Артамоновна Борщева поражала своей южной красотой болѣе чѣмъ когда либо, въ подтвержденье поговорки, что счастье краситъ человѣка.

— Отъ роду моего не видала такого счастливаго лица! то и дѣло ахала на Анюту одна барыня, извѣстная въ городѣ по своей ехидности и своимъ дурнымъ глазамъ.

— Тьфу! Тьфу! Сухо дерево! Типунъ тебѣ на языкъ и бѣльмы на глаза! повторялъ князь про себя, чтобы уравновѣсить вѣсы фортуны и защитить дочь отъ глазу.

— Сущій воронъ—провалиться бы ей въ преисподнюю! ворчалъ князь. Ну разъ сказала и замолчи. А то вѣдь каркаетъ, проклятая. Ты, Боря, скажи матери: ввечеру умыть Анюту съ уголькомъ. Она умѣетъ. А этой поганой на хвостъ проходя наступи, будто ненарокомъ. Это тоже помогаетъ, говорятъ.

За обѣдомъ веселымъ шуткамъ и намекамъ на счетъ князя-хозяина не было конца. Всѣ эму пеняли шутя и корили льстиво за его прошлое двусмысленное поведенье, за его сватовство, мороченье знакомыхъ и вообще его страсть „загадки загадывать“ всей Москвѣ.

Князь тоже отшучивался, но искренно сознавался только немногимъ друзьямъ, сидѣвшимъ за столомъ около него.

— Груздь самъ въ кузовъ не лазаетъ! говорилъ князь. Что дѣлать. Вина была не моя, а обстоятельствъ. Я другихъ рядилъ въ шуты, меня дочь съ внукомъ рядили, а я опять и ихъ тоже рядилъ и нарядилъ. Они меня думали дуракомъ поставить, а вышло сами въ дуракахъ остались. Теперь матушка царица простила, такъ можно сказать. Теперь и весело. А думаете вы, друзи честные, привольно мнѣ было тогда въ моей шкурѣ-то лисьей сидѣть, да волка изображать. Вѣдь—дочь одна у меня, а тотъ недавній подставной пиръ на похороны ея смахивалъ. За то же сейчасъ мы прежде всего выпьемъ три раза сподрядъ за здоровіе мудрой царицы нашеи, и кто меня любитъ—три стакана доской шипучки опорожнитъ не въ ущербъ остальнымъ здоровьямъ, что будемъ потомъ пить.

И три раза, съ промежутками, всталъ и поднялъ князь стаканъ „за здравіе государыни царицы, осчастлившей

Библиотека "Руниверс"

мою дочь". И каждый гость долженъ былъ опорожнить цѣлый стаканъ крѣпкаго и сладкаго вина, ударявшаго въ голову.

Къ концу обѣда многіе были не въ себѣ; но каждый чувствовавшій, что угостился не въ мѣру, притихалъ въ ожиданіи, что отпуститъ хмѣль. И ничего лишняго и худаго не было ни сказано, ни сдѣлано.

Шумная, гульливая толпа поднялась изъ-за стола уже въ сумерки и разбрелась по парадным гостинымъ и диваннымъ большаго дома, уже освѣщеннаго множествомъ разноцвѣтныхъ восковыхъ свѣчей.

Въ самый разгаръ пира, когда всѣ нетерпѣливо ожидали чудесъ итальянца и уже начинали спрашивать: скоро ли начнутся эти чудеса въ рѣшетѣ—къ воротамъ дома князя подъѣхала карета съ конвоемъ изъ шести драгунъ. Офицеръ, начальникъ конвоя, слѣзъ съ коня, а изъ кареты вышелъ чиновникъ въ мундирѣ съ бумагами и съ крестомъ на шеѣ.

— Тутъ пиръ, празднество на весь городъ, сказалъ смущенно офицеръ почтительно подходя къ чиновнику. Все общество города въ сборѣ...

— Вижу, сударь, вижу, усмѣхаясь отозвался чиновникъ. Не наше все таки дѣло разсуждать. Мы исполнители, а не начальство, медленно и однозвучно говорилъ онъ, журча какъ ручей. Будь мнѣ потопъ, трусъ или само свѣтопреставленье, я, покуда еще не начался страшный судъ Господень, — буду людской судъ и расправу чинить по указу моего начальства.

— А если его сіятельство, узнавъ, что мы во время пира пріѣхали и не разсудили отложить до завтра — разгнѣвается.

— Его на то воля, также мѣрно цѣдилъ чиновникъ. У него она есть, а у насъ ея нѣтъ. И не должно быть! Пожалуйте впередъ и прикажите доложить обо мнѣ князю Лубянскому.

Офицеръ пошелъ вдоль помоста, устроеннаго чрезъ дворъ и освѣщеннаго теперь фонариками.

Чиновникъ досталъ табакерку, медленно и аккуратно запихалъ огромную щепоть табаку въ обѣ ноздри своего носа и сладко прищурилъ глаза... Затѣмъ онъ спряталъ табакерку и важно двинулся, неспѣша, за офицеромъ.

Не скоро отыскали люди хозяина среди кучи гостей, но наконецъ нашли и доложили объ офицерѣ.

Князь, удивляясь, приказалъ просить. Офицеръ остановился на верхней площадкѣ лѣстницы и просилъ доложить, что не войдетъ, а нельзя ли князю выдти къ нему ради соблюденія приличія.

Князь, еще болѣе изумляясь незванному гостю, вышелъ на площадку.

Офицеръ вѣжливо поклонясь, заявилъ о пріѣздѣ сенатскаго чиновника, который слѣдуетъ за нимъ.

— Да въ чемъ дѣло? Что вамъ угодно? Вы видите, что у меня?

И князь махнулъ рукой на залу, гдѣ гудѣли голоса.

— Они вамъ объяснятъ все... Дѣло государственное. Они за мной идутъ, смущался офицеръ, стараясь быть вѣжливѣе.

Князь стоялъ долго, нетерпѣливо ожидая и изумленно открывъ глаза. Лице его омрачилось.

— Царица простила! Изъ сената? Теперь? Царица простила! мысленно повторялъ князь.

Чиновникъ медленно поднимался по лѣстницѣ и наконецъ былъ около князя.

— Что прикажете? спросилъ князь.

— Я имѣю указъ, процѣдилъ чиновникъ, арестовать немедленно вашего родственника, у васъ живущаго сержанта Борщева.

— За что? закричалъ князь и чуть не зарыдалъ.

— Сообщить не имѣю права...

— Государыня императрица изволила простить, зашепталъ князь едва слышно... Я знаю это чрезъ графа Орлова.

— Позвольте просить васъ незадерживать меня вступая со мной въ какія либо излишнія бесѣды. Мое дѣло—взять г. сержанта. Прикажите слугамъ его вызвать изъ горницъ. А затѣмъ позвольте узнать — у васъ ли въ настоящую минуту, какъ я имѣю основаніе предполагать, г. Хрущевъ, вамъ извѣстный.

Князь хотѣлъ сказать: „да", но голосъ ему не повиновался и онъ мотнулъ утвердительно головой.

— Въ такомъ случаѣ прикажите вызвать обоихъ.

Князь не двигался съ мѣста и ничего не приказывалъ.

— Мнѣ не досугъ, князь. Поспѣшите исполненьемъ.

— Но... но неужели сейчасъ.. Сію минуту, залепеталъ князь. Неужели до завтра нельзя это... Я бы поѣхалъ... Это все непонятно.

Князь былъ увѣренъ, что благодаря чьимъ то проискамъ, дѣло повернулось снова худо и что его дочери грозитъ тоже судъ и монастырь. Онъ такъ и ждалъ, что чиновникъ по забывчивости не упоминаетъ объ Анютѣ и сейчасъ назоветъ ее и потребуетъ тоже.

— Неужели царицу мои враги обошли! Неужели я погубилъ дочь!

Въ эту минуту раздался раскатистый трескъ и окна лѣстницы ярко освѣтились. Въ залѣ, во всемъ домѣ и даже на дворѣ прошелъ гулъ голосовъ.

Первый огненный разноцвѣтный щитъ, изображающій жертвенникъ, загорѣлся предъ домомъ. Итальянецъ началъ свои чудеса въ рѣшетѣ.

Князь встрепенулся, будто ожилъ и преобразился весь.

— Тушить! крикнулъ онъ на людей, стоявшихъ на лѣстницѣ. Пошелъ! Тушить! Гони его вонъ! Стой!

Люди, ничего не знавшіе, все таки бросились исполнять полу-понятое приказаніе.

— Стой!.. Ѳеофанъ? Прикажи итальянцу все тушить. На смѣхъ, что-ли!.. Тушить!

Затѣмъ князь обернулся къ чиновнику и произнесъ:

— Сейчасъ будутъ у васъ тутъ и Борисъ, и Хрущевъ. И я самъ съ ними согласенъ тоже отдаться вамъ подъ арестъ.

— Васъ взять указу у меня нѣтъ. Еслибы былъ, я бы вашего согласія на это не сталъ и просить! раздражительно отвѣчалъ чиновникъ. Поспѣшите, князь.

Чрезъ нѣсколько мгновеній Борисъ и Хрущевъ были уже на мѣстѣ, блѣдные, пораженные какъ громомъ. Анюта лежала безъ сознанія на полу среди гостиной, такъ какъ никто не поддержалъ ее во время.

Толпа гостей, какъ бураномъ въ степи захваченное врасплохъ стадо барановъ, — разсѣялась и сбилась въ кучки. Будто каждый прятался за другаго! И вся эта масса, онѣмѣлая и сразу одичавшая отъ перепуга и отъ порыва тупаго чувства самосохраненья, безсмысленно глядѣла на большія парадныя двери, выходящія изъ залы на лѣстницу. — Какъ будто оттуда должна была войти сейчасъ сама смерть, чтобы выбирать свои жертвы.

У москвичей не было привычки къ тому, что было обыденнымъ дѣломъ для Петербурга. Правительственные агенты, представители власти и арестованіе именемъ закона—было для большой половины гостей князя чѣмъ то особымъ, о чемъ они слыхали, какъ слыхали и разсказы о привидѣньяхъ, о дѣяніяхъ нечистой силы, но съ чѣмъ сами лицомъ къ лицу нигдѣ не становились.

Князь безсознательно проводилъ молодыхъ людей до низу.

Хрущевъ, желая успокоить князя — сказалъ ему одѣваясь въ швейцарской:

— Князь, не опасайтесь... Это дѣло не касается вовсе самокрутки. Это совсѣмъ другое... И все обойдется благополучно...

— Что же? За что же? Что жь вы, ограбили, убили кого? воскликнулъ князь.

— Мы ничѣмъ не виновны. Но вы то успокойтесь. Будьте столь любезны, обратился Хрущевъ къ чинов-

Библиотека "Руниверс"

Продажа освященнаго хлѣба въ Вербное Воскресенье въ Нормандіи. Ориг. рис. П. Кауфмана, грав. Тилли.

Библиотека "Руниверс"

нику, сообщите князю, что наше арестованіе не имѣетъ связи со свадьбой княжны...

— Я не знаю... отозвался тотъ равнодушно. Но полагаю, что это совсѣмъ иное дѣло, не въ примѣръ важнѣе. Государственное дѣло...

— Что? Господа Гурьевы арестованы! вдругъ спросилъ Борщевъ. Вы молчите? Скажите изъ милости это одно.. Я васъ умоляю. Изъ за Гурьевыхъ вы насъ берете...

— Гурьевъ?.. Гурьевъ?.. закричалъ князь. Бѣшеный?.. Что у меня былъ...

— Одно слово, присталъ и Хрущевъ къ чиновнику. Скажите, ради успокоенья князя, опасающагося за свою дочь. Гурьевы и братъ съ компаніей взяты, арестованы?.. Я не спрашиваю вѣдь, за что...

— Ну, коли хотите... Да. Въ сумерки съ нихъ начали, сказалъ чиновникъ.

Князь, понявшій все, понялъ, что это только хуже, а не лучше.

— Какая тутъ самокрутка, тутъ государственное преступленье.

И князь вернулся наверхъ блѣдный и полупомѣшанными глазами озирался на толпу гостей.

Въ то же время молодые люди садились въ казенную карету и подъ конвоемъ отъѣхали отъ дома.

XVII.

Палаты князя Лубянскаго быстро опустѣли послѣ ареста. Всѣ гости бѣжали изъ дома, какъ еслибы онъ былъ зачумленъ. Только дворня князя была совершенно спокойна. Только простой народъ, угощавшійся на дворѣ, отнесся къ боярину-князю участливо..

Туманные намеки на все случившееся, на причину взятія молодаго барина съ его другомъ—проникли конечно тотчасъ къ дворовымъ князя и перешли къ гостямъ ихъ, т. е. прохожимъ съ улицы... И этотъ людъ сразу порѣшилъ дѣло и разсудилъ.

— Какъ? Противъ царицы замышлялъ Борисъ Ильичъ? Внукъ князя Лубянскаго и нынѣ зять... Пустое! Сего не можетъ быть! Либо враги сильные есть у нихъ, либо такъ потрафилось, ненарокомъ вышла „ошибка" и все сойдетъ благополучно.

— Обшиблись! Обшибка! Богъ милостивъ! повторяла дворня, а за ней и сѣрый людъ, гость князя на дворѣ, у котораго нашлось больше разума и больше совѣсти, чѣмъ у гостей князя, въ домѣ его.

Но скоро опустѣвшій домъ замеръ и затихъ, хотя въ немъ никто и глазъ не смыкалъ еще. Князь былъ около дочери, первый разъ въ жизни потерявшейся совсѣмъ отъ отчаянія.

Анюту снесли безъ сознанія и положили на кровать, раздѣли и привели въ себя. Анюта молча, ломала руки въ порывѣ страшнаго горя и повторяла одно, будто угрожая кому:

— Ну что-жь! И я умру!.. Не стану я жить на свѣтѣ. Умру! Не мудреное дѣло.

Князь успокоивалъ дочь всячески и, успокоивая, самъ становился менѣе тревоженъ. Разумъ бралъ верхъ надъ неожиданнымъ потрясеніемъ, съ испуга смутившимъ его и спутавшимъ мысли.

— Вѣдь нешто Борисъ виноватъ! Нешто Хрущевъ тоже виноватъ! говорилъ князь. Разсуди, дочушка. Нешто было ему время замышлять на правительство, когда онъ только объ свободѣ думалъ Да и Хрущевъ не таковскій. Объяснится все и обойдется.

— Онъ жилъ у Гурьевыхъ! воскликнула наконецъ Анюта.

— Такъ что-жь изъ того. Вотъ и припутали по ошибкѣ.

— Ахъ, батюшка, не боюсь я, что Борисъ и вправду виновенъ и мнѣ не сказывается. Вѣстимо припутали. Боюсь я, что безъ вины виноватъ будетъ. Онъ жилъ у Гурьевыхъ. Слышалъ и зналъ все... Онъ мнѣ сказывалъ давно и не разъ про сборища офицеровъ. Я тогда ужь испугалась. Будто сердце чуяло, что будетъ онъ безъ вины виноватъ!

Анюта металась на кровати и наконецъ на слова успокоенія отца отвѣчала:

— Оставьте меня. Оставьте Бога ради. Одну оставьте. Я надумаю что нибудь...

Князь пошелъ къ себѣ, но по дорогѣ освѣдомился о здоровьи Настасьи Григорьевны. Агаша сидѣла и плакала въ темной комнатѣ, у окна, а въ сосѣдней лежала на постели ея мать, почти безъ признаковъ жизни, едва дышала и не шевелилась.

Послѣ первой минуты испуга ея, когда Бориса „потребовали по начальству", какъ ей объяснилъ князь и увезли—нашлись услужливые люди въ числѣ гостей, которые объяснили ей, что сынъ ея взятъ подъ стражу, увезенъ въ острогъ за то, что злоумышлялъ противъ жизни царицы вмѣстѣ съ другими офицерами.

Настасья Григорьевна, какъ и сѣрый людъ на дворѣ—отмахнулась рукой и усмѣхнулась.

— Борюшка! противъ матушки-царицы! Типунъ вамъ на языкъ. Бельмесъ какой взвели на Борюшку.

Но перепугъ князя и обморокъ Анюты, которые пустякамъ не повѣрятъ и въ разумъ которыхъ безсознательно вѣрила Борщева—сдѣлали свое дѣло. Женщина поняла все, не повѣрила сердцемъ, но повѣрила недалекимъ разумомъ и тоже, какъ Анюта, лишилась чувствъ. Послѣ недавняго потрясенія и болѣзни отъ самокрутки сына—второй ударъ вынести было трудно.

Агаша плакала и объ матери, и объ „немъ", котораго уже стала считать своимъ суженымъ.

— Полно, полно, сказалъ князь въ темнотѣ, обращаясь на голосъ, плачущій гдѣ-то въ углу. Что мать?

— Ничего!.. Въ постели... отозвалась Агаша.

— Богъ дастъ, обойдется все. За матерью пригляди только.

И Артамонъ Алексѣевичъ ушелъ къ себѣ.

— Вотъ, думалъ князь, не ѣздилъ въ проклятый Питеръ... Пріѣхали сюда питерскіе затѣйники и смутители и насъ зацѣпили. Можетъ и я виноватъ буду у нихъ, что не донесъ на этого бѣшенаго, когда онъ былъ у меня.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Благородство души.

Разсказъ **Н. Грабера**

Путешествуя по Бретани въ 1868 году, я встрѣтился съ однимъ туристомъ, съ которымъ скоро сошелся и мы рѣшили вмѣстѣ продолжать наши скитанія. Пройдя изрядное пространство по скалистой тропинкѣ и подъ тѣнью громадныхъ сосенъ, которыя тянутся южнѣе Финистерре отъ Понтъ-Авапъ до моря, мы достигли наконецъ замка Кердалекъ. Это толстыя полуразвалившіяся стѣны, подлѣ которыхъ находится красивый, скромный домикъ съ зелеными жалюзи; онъ расположенъ на берегу залива подъ тѣнью группы орѣховыхъ деревьевъ.

Вдругъ мой спутникъ остановился и оперся на дерево. Блѣдный отъ природы, онъ сталъ еще блѣднѣй и слезы выступили у него на глазахъ. Я мягко коснулся его руки.

— Это цѣль нашего путешествія, которое вы были такъ любезны раздѣлить со мной, сказалъ онъ наконецъ мнѣ; моимъ желаніемъ было видѣть еще разъ этотъ мирный уголокъ, воспоминаніе о которомъ вызываетъ во мнѣ щемящую душу боль.

— Вы тамъ жили? спросилъ я его.

— Три мѣсяца, отвѣчалъ онъ, но я бы могъ прожить тамъ всю мою жизнь. Здѣсь я пережилъ лучшіе свои дни и я не могу себѣ представить, что я опять вернулся въ эти мѣста.

Онъ помолчалъ нѣсколько мгновеній и началъ:

— Но мы слишкомъ приблизились, меня могутъ узнать, отойдемъ дальше! Я знаю холмъ, откуда видно все; пойдемте и не пугайтесь печальнаго разсказа, въ которомъ я повѣдаю вамъ, въ знакъ нашей дружбы, что влечетъ меня сюда. Я чувствую, что воспоминанія эти облегчатъ мнѣ душу.

Библиотека "Руниверс"

Скоро мы достигли холма, о которомъ говорилъ мой спутникъ. Съ вершины его открывался прелестный видъ; замокъ съ его дворомъ, садомъ и окружающими его постройками лежалъ прямо передъ нами; съ другой стороны тянулся ландшафтъ во всемъ своемъ разнообразіи—ласкающій, тяжелый, унылый; долины смѣнялись холмами и покатостями, плодородныя хлѣбныя поля—лугами; вдали виднѣлось море, сходившееся съ безграничнымъ туманнымъ небомъ. Видъ этой мѣстности вызвалъ во мнѣ нѣмой восторгъ. Мы опустились на мягкую траву и только голосъ моего спутника заставилъ меня очнуться.

„Мнѣ было тогда 20 лѣтъ, началъ онъ. Революціонно-политическое движеніе 1848 года отразилось и на литературѣ. Съ юношескимъ энтузіазмомъ увлекались многіе умы такъ называемой романтической реакціей, которая обѣщала больше, чѣмъ могла дать на самомъ дѣлѣ; это была только дань политическому движенію своего времени. Многіе страстные молодые люди, полные надеждъ и увлеченій, искали счастья въ поэзіи и стремились къ неодолимому ея зову. Я былъ въ то время въ Парижѣ и вступилъ въ этотъ пиндарическій лагерь, въ которомъ нѣкоторые сдѣлали себѣ счастье, снискали славу, между тѣмъ какъ большинство съ половины пути примкнули къ болѣе практическимъ и приносящимъ матеріальную выгоду проффесіямъ: дѣлались адвокатами, нотаріусами, чиновниками и т. д. Это позднѣе сдѣлалъ и я. Въ то же время я не допускалъ мысли, что когда нибудь не добьюсь положенія Шатобріана, Ламартина или Виктора Гюго. День и ночь работалъ я надъ своимъ первымъ произведеніемъ, чтобы заставить говорить о себѣ въ публикѣ и добиться славы. Стихотворенія, которыя я озаглавилъ „вдохновенія сердца", изданы были мной на собственныя средства съ полной увѣренностью на успѣхъ. Но увы! Публика ихъ не читала и они не принесли мнѣ славы. Горе и досада сложили меня въ постель.

„Теперь, когда увлеченія мои прошли и я отношусь къ нимъ критически, безпристрастно, когда для меня потерянъ интересъ, чтобы мои стихотворенія считали хорошими, я вполнѣ понимаю равнодушіе публики къ моимъ несовершеннымъ твореніямъ. Но прежде чѣмъ постичь это, я, со свойственнымъ юношѣ увлеченіемъ, мнилъ себя жертвой человѣческой несправедливости: почему рѣшилъ избѣгать свѣта и такимъ образомъ высказать все призрѣніе, которое я чувствовалъ къ нему. Къ счастью у меня были кое-какія средства къ жизни, которыя мнѣ давало небольшое имѣніе, отданное въ аренду. Я радовался, что обладаю родомъ хижинки недалеко отъ моря, въ прекрасной живописной мѣстности. Здѣсь рѣшилъ я укрыться съ моими „вдохновеніями сердца". Я взялъ ихъ съ собой, чтобы читать для собственнаго утѣшенія на морскомъ берегу, при шумѣ бушующихъ волнъ. Мысль эта нѣсколько успокоила меня. Какъ пилигримъ, съ мѣшкомъ за плечами и съ палкой въ рукахъ, пустился я въ путь, бросая послѣдній взглядъ на Парижъ, изъ котораго я уходилъ, а между тѣмъ никто не обращалъ вниманія на мое отбытіе. Путешествіе пѣшкомъ привело меня въ нормальное состояніе и когда я дошелъ до Бретани, то чувствовалъ себя вполнѣ хорошо, ощущая только горечь моихъ литературныхъ заблужденій. Лучшее средство для излеченія больнаго самолюбія, это частая перемѣна мѣста; потому-то и полезно каждому путешествовать.

„Однажды я вышелъ изъ Кимперлэ и направился въ Понтъ-Авенъ, гдѣ разсчитывалъ ночевать. Въ воздухѣ было спокойно и не замѣтно было ни малѣйшаго движенія. Солнце восхитительно погружалось за голубой горизонтъ, бросая на деревья и проселочную дорогу магическое освѣщеніе. Запахъ свѣжей травы, несшійся со всѣхъ сторонъ, наполнялъ мою грудь. Счастливый, шелъ я впередъ, напѣвая одинъ изъ тысячи романсовъ, которыми наводнена старая Арморика, какъ вдругъ почувствовалъ сильнѣйшую боль въ головѣ, которая свалила меня съ ногъ. Я понялъ только, что на меня напали разбойники; это была единственная мысль, которую я могъ уловить, и затѣмъ лишился чувствъ. Когда я пришелъ въ себя, была уже ночь и при свѣтѣ луны я могъ только разглядѣть двухъ личностей, хлопотавшихъ около меня. Одна изъ нихъ поддерживала мнѣ голову, а другая прикладывала къ ней мокрый, съ окровавленными пятнами платокъ. Вскорѣ я былъ уже въ силахъ разсмотрѣть моихъ спасителей. Это были: мужчина лѣтъ сорока и молоденькая женщина, красота которой еще болѣе выигрывала отъ отпечатка печали и страданій. Я хотѣлъ поблагодарить ихъ, но они закрыли мнѣ ротъ, прося не говорить, чтобы не усилить кровотеченій и еще болѣе не ослабить себя. Затѣмъ они помогли мнѣ сѣсть въ экипажъ и привезли въ этотъ замокъ. Призванный врачъ наложилъ перевязки на мои раны и выразилъ мнѣніе, что ранѣе четырнадцати дней онѣ не закроются. На слѣдующее утро Кердалекъ—такъ звали моего хозяина—сказалъ мнѣ, что счелъ бы за счастье видѣть меня своимъ гостемъ до полнаго моего выздоровленія. Я отклонилъ съ благодарностью это предложеніе, прося только экипажъ, чтобы доѣхать до своего помѣстья у Понтъ-Аббэ и при этомъ назвалъ свое имя. Случаю было угодно, чтобы Кердаленъ зналъ моего отца, о которомъ у него остались самыя хорошія воспоминанія, и убѣдительнымъ тономъ, свойственнымъ разумнымъ людямъ, онъ сказалъ мнѣ: „Конечно вы останетесь у насъ. Я спасъ вамъ жизнь; вы у меня въ долгу и должны сдѣлать мнѣ удовольствіе." Это не допускало никакихъ возраженій, и я согласился. Невольно пришла мнѣ при этомъ на мысль хорошенькая молодая женщина, которая такъ заботливо за мной ухаживала и которая, какъ я потомъ узналъ, была женой Кердалека. Богъ свидѣтель, если я думалъ о чемъ нибудь дурномъ!

„Мои раны не внушали особаго опасенія, но требовали большаго спокойствія и заботъ. Перваго у меня было вдоволь и не существуетъ большихъ заботъ, чѣмъ тѣ, предметомъ которыхъ былъ я. Ребенокъ въ семьѣ даже не пользуется такимъ уходомъ. Нѣсколько разъ хозяйка сама мѣняла повязки, наложенныя докторомъ на мою голову. И не знаю, было-ли это воображеніемъ или дѣйствительностью, но мнѣ казалось, что я не чувствую, обыкновенно связанной съ этими манипуляціями, боли. Казалось самъ ангелъ не сдѣлалъ бы этого лучше ея. Кердалекъ по этому поводу сказалъ однажды женѣ:

— Ты ошиблась въ своемъ призваніи, Каролина; изъ тебя бы вышла прекрасная сестра милосердія. Я не находилъ словъ для выраженія своихъ чувствъ, но взглядъ мой ясно выражалъ всю благодарность моего сердца.

„По предписанію врача, опасавшагося гангрены, я, съ бинтомъ на головѣ, не покидалъ своей комнаты въ теченіи цѣлой недѣли. Необходимость оставаться въ постели не тяготила меня; хозяева посѣщали меня очень часто и разговаривали, немного даже больше чѣмъ мнѣ слѣдовало, о моемъ отцѣ, о Парижѣ, объ ихъ уединенной жизни въ замкѣ и о моемъ намѣреніи вести отшельническую жизнь. Я сообщилъ имъ о томъ, что я поэтъ. При этихъ словахъ m-me Кердалекъ посмотрѣла на меня удивленно и вмѣстѣ съ тѣмъ благосклонно.

„Въ провинціи у дамъ поэзія еще и до сихъ поръ въ модѣ, тамъ ея эльдорадо; ее любятъ, лелѣятъ, ее читаютъ и опять читаютъ и находятъ въ ней утѣшеніе. То, что не находило себѣ почитателей въ Парижѣ, принималось благосклонно провинціей. Господинъ фонъ-Кердалекъ, какъ казалось мнѣ, считалъ за особую честь имѣть подъ своей кровлей любимца музы; это былъ прекрасный, положительный человѣкъ, который такъ-же мало былъ чувствителенъ къ поэзіи, какъ и къ благоуханію цвѣтовъ; и безъ разсужденія отдалъ бы превмущество тыквѣ передъ камеліей. Онъ съ легкой ироніей отзывался о моей профессіи, я отвѣтилъ ему довольно сдержанно и мы объ этомъ больше никогда не говорили. Только сама хозяйка въ разговорѣ со мной возвращалась къ этой тэмѣ.

„Эта супружеская чета и въ физическомъ и въ моральномъ отношеніи представляла собой самый разительный контрастъ. Супругъ былъ крѣпкаго, здороваго тѣлосложенія и круглый какъ мячъ. Жена—стройное, прелестное созданіе. Ко всему этому прибавлялась еще довольно значительная разница въ годахъ и, когда я однажды встрѣтилъ ихъ вмѣстѣ въ саду, мнѣ невольно пришло на мысль сравненіе этой пары съ сатиромъ и нимфой. Г-жа Кердалекъ была изъ бѣдной семьи и молоденькой дѣвушкой, безъ приданаго, вышла замужъ за Кердалека. Конечно могло случиться и лучшее, но теперь она была счастлива, если удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей и спокойствіе успувшаго сердца можно считать счастьемъ. Ей было всего только восемнадцать лѣтъ. Въ присутствіи этой нѣжной, красивой женщины и ея добраго, съ открытымъ и честнымъ характеромъ, мужа мнѣ и самому было легче на душѣ. Счастье—удивительный бальзамъ и мои раны такъ скоро зажили, что я уже началъ сожалѣть объ нихъ. Съ затаеннымъ страхомъ ждалъ я того мгновенія, когда я опять долженъ буду пуститься искать мою уединенную хижину. Влеченіе къ уединенію я уже потерялъ и находилъ болѣе чѣмъ печальнымъ умирать съ тоски на морскомъ берегу ради только того, что стихотворенія не заслужили вниманія. „Только злые люди живутъ уединенно", повторялъ я за Дидро. Такое строгое отшельничество совсѣмъ не идетъ мнѣ, говорилъ я себѣ. Я длилъ, насколько было возможно, пребываніе мое въ замкѣ; но отъѣздъ мой все же долженъ былъ скоро состояться. Не могъ же я быть навязчивымъ. Съ самой Кердалекъ я говорилъ объ этомъ въ первый разъ, когда мы сидѣли вдвоемъ въ саду, въ бесѣдкѣ изъ дикаго винограда—она видна отсюда; на колѣняхъ у нея лежалъ томъ моихъ „Вдохновеній сердца", который я изъ признательности предложилъ ей, между тѣмъ какъ ея прелестные черные глаза, проникнутые душевной тоской, блуждали вокругъ и устремились на меня какъ разъ въ тотъ моментъ, когда я думалъ сказать, что завтра хочу уѣзжать. Я потерялъ мужество; сердце мое защемило. Кердалекъ замѣтила мое возбужденіе.

— Что съ вами? спросила она мягкимъ, симпатичнымъ голосомъ. Вы нездоровы? Не открылись ли у васъ опять раны?

— О еслибъ это было такъ! подумалъ я и отвѣтилъ ей съ принужденной улыбкой. Мои раны настолько зажили, что завтра я собираюсь въ путь,—и голосъ мой при этомъ задрожалъ.

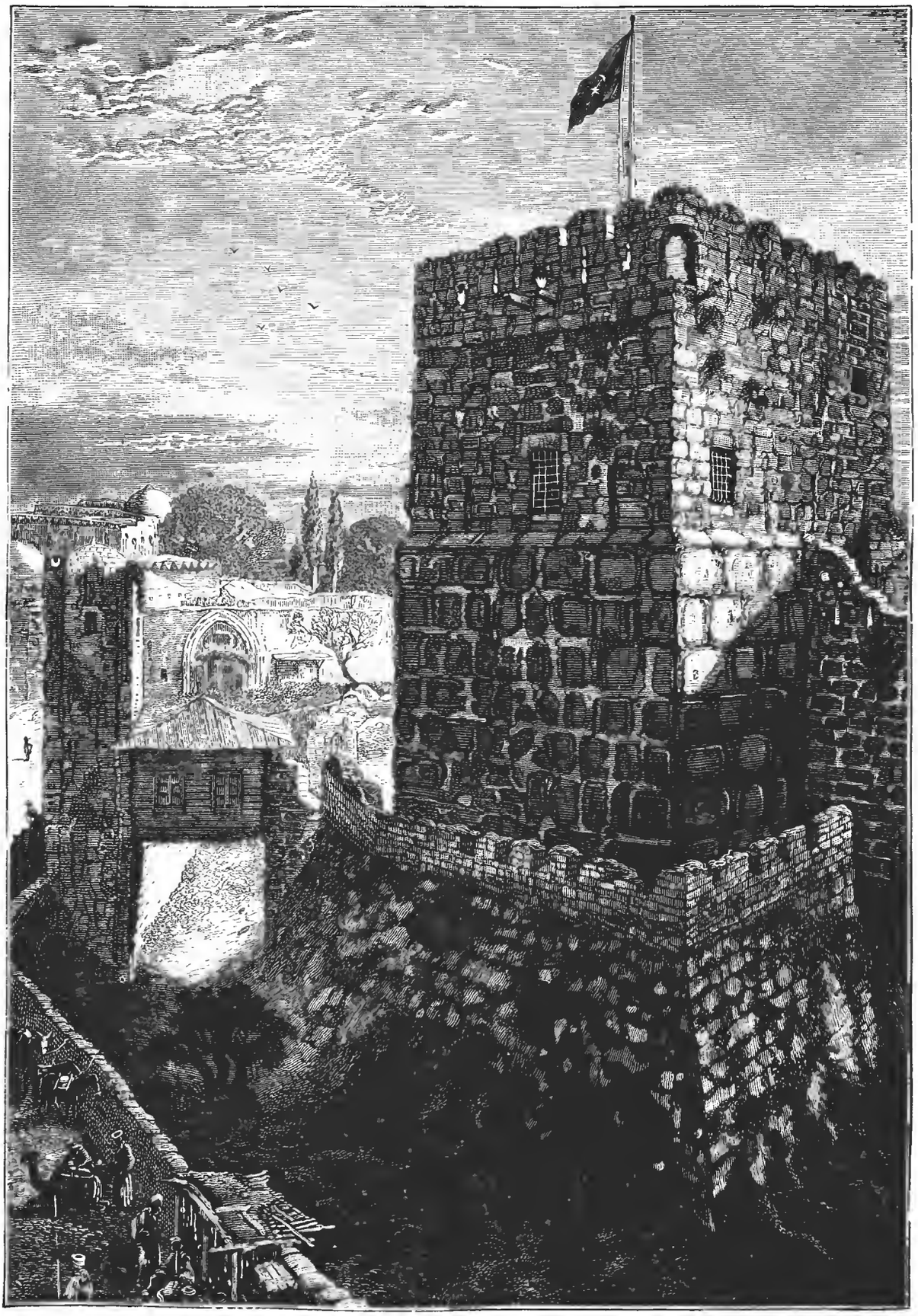
— Уже! сказала она покраснѣвъ и удивившись. Послѣдовала минута молчанія, во время которой взоры наши встрѣтились; съ глазъ ея скатилась слеза. Мои глаза были также влажны; я потерялъ голову и, не понимая что дѣлаю, бросился къ ея ногамъ. Я находился въ какомъ то страшномъ возбужденіи, схватилъ руки моей молодой хозяйки и покрылъ ихъ слезами.

— Я останусь! проговорилъ я глухимъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, уѣзжайте! Ради Бога уѣзжайте! возразила она.

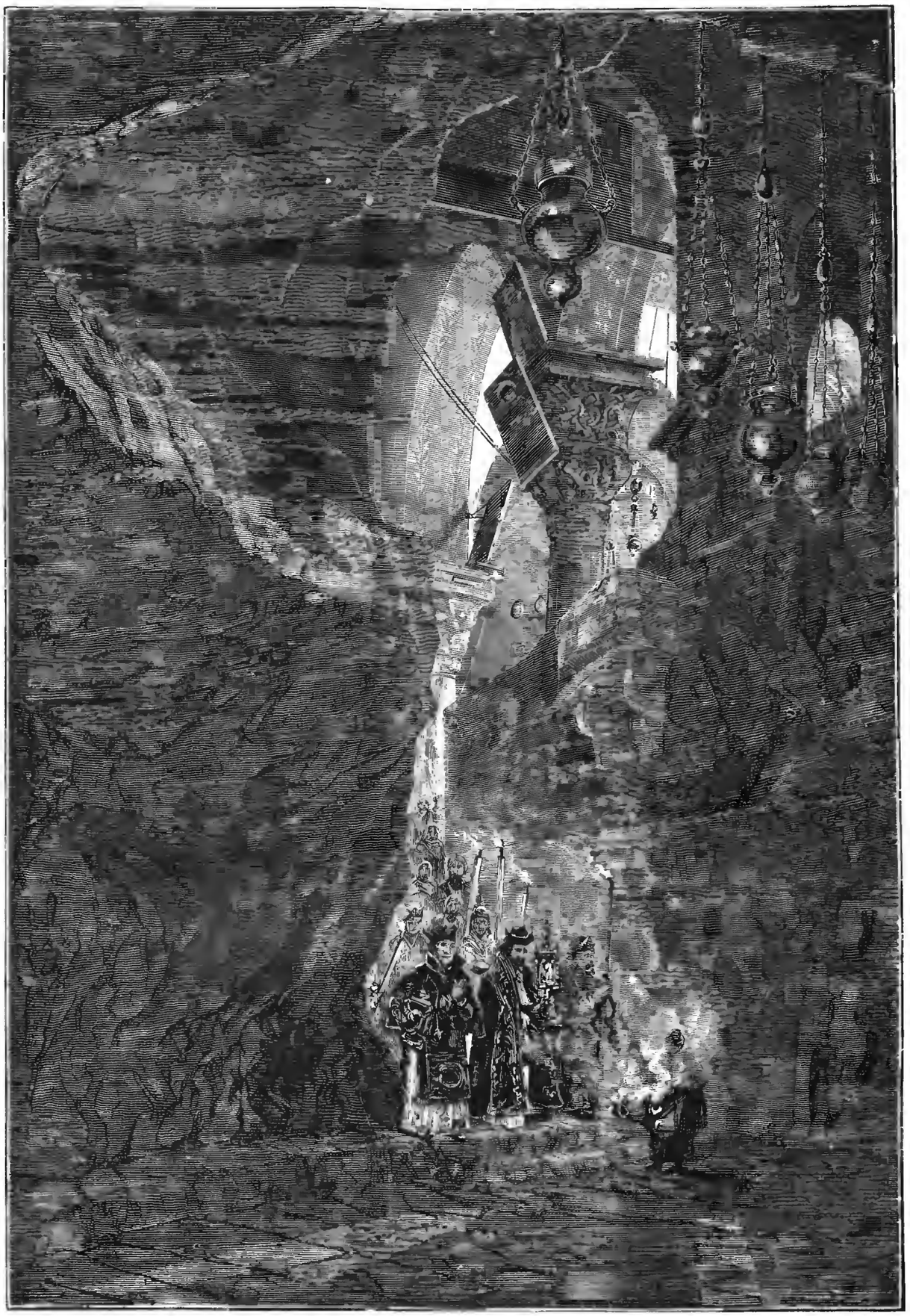
— Она встала и пошла. Я не могъ выговорить ни одного слова. Мнѣ показалось, что я брежу или схожу съ ума.

Библиотека "Руниверс"



Виды Палестины. Башня Давида въ Іерусалимѣ. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

Библиотека "Руниверс"



Іерусалимъ. Часовня въ пещерѣ Св. Креста. По рисунку Н. Гирона, грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

„Я твердо вѣрю въ непроизвольность нашей любви; но еще болѣе во внезапное влеченіе сердецъ, которыя послѣ долгихъ наблюденій и обоюдныхъ почитаній незамѣтно сближаются другъ съ другомъ и это таинственное соединеніе остается до тѣхъ поръ скрытнымъ, пока близость продолжительной разлуки не дастъ имъ объ этомъ знать. Это чаще всего случается въ юные годы вслѣдствіе неопытности и неумѣнія распознавать симптомы возникающей любви при самомъ ея зарожденіи. Въ болѣе поздніе годы мы отгадываемъ это легче, подобно опытному врачу, который можетъ предсказать болѣзнь по самымъ незначительнымъ признакамъ. Кердалекъ и я не подозрѣвали невидимой связи, которая образовалась между нами. Пустая болтовня, чтеніе въ саду, разнообразныя морскія поѣздки, почти всегда въ сопровожденіи ея мужа, скорѣй благосклонные, чѣмъ сердечные взгляды, болѣе задушевная, чѣмъ симпатическая улыбка—этимъ мы ограничивались. Г-жа Кердалекъ раздѣляла мое заблужденіе. Таково было наше обращеніе и нужно было имѣть проницательный взглядъ, чтобы замѣтить здѣсь что нибудь, кромѣ обыкновеннаго участія молодой женщины къ раненому и признательности молодаго человѣка. Дружественное расположеніе, которое я питалъ къ своимъ хозяевамъ изъ благодарности за ихъ заботы обо мнѣ, далеко удерживало мысли мои отъ любви. Но одна искра, и наши сердца освѣтились настоящимъ свѣтомъ. Не было никакого сомнѣнія, что я люблю Кердалекъ и пользуюсь взаимностью. Я сталъ размышлять о своемъ положеніи; ясно было, что мнѣ не слѣдовало медлить своимъ отъѣздомъ изъ замка и, послѣ нравственной борьбы, я рѣшилъ на другой же день отправиться въ путь. Хорошее намѣреніе всегда успокаиваетъ человѣка. Встрѣтившись съ г. Кердалекъ, я сообщилъ ему о своемъ намѣреніи. Онъ казался огорченнымъ и просилъ меня остаться еще дней на восемь. Я отказывался; наконецъ онъ мнѣ сказалъ, что завтра въ ихъ округѣ предстоитъ охота на кабановъ, просилъ сопутствовать ему и отложить отъѣздъ на три дня. Противъ желанія мнѣ пришлось уступить просьбѣ гостепріимнаго хозяина.

„За обѣдомъ я увидѣлъ снова Кердалекъ; она была блѣдна болѣе обыкновеннаго и такъ хороша, что я чувствовалъ какъ испарялось во мнѣ рѣшеніе поступить по долгу совѣсти относительно отъѣзда изъ замка. Въ душѣ я ликовалъ, что долженъ былъ уступить, не сдержать своего слова и остаться еще на нѣкоторое время. Кердалекъ, со свойственнымъ ему шутливымъ тономъ, порицалъ мое своенравіе и намѣреніе ѣхать въ свои владѣнія, гдѣ меня однако никто не ждетъ.

— Но онъ переломалъ себя, добавилъ онъ шутливо, и уступилъ мнѣ завтрашній день. Развѣ это не великодушно! Да, поговорка права, „что свѣтъ полонъ неблагодарности“.

„При этихъ словахъ жена Кердалека обратила на меня свой взглядъ, который она не подымала ни разу съ самаго начала обѣда.

— Наша жизнь не особенно весела, отвѣчала она, особенно для тѣхъ, кто не любитъ деревни; я понимаю, что вы здѣсь должны были скучать.

— Но и въ своихъ владѣніяхъ вамъ не будетъ веселѣй, замѣтилъ Кердалекъ.

„Я увѣрялъ, что провелъ лучшіе дни подъ ихъ кровлей, что увезу съ собой самыя пріятныя воспоминанія, и обѣщалъ чаще видѣться.

„Послѣ обѣда хозяйка осталась одна въ залѣ, а я съ Кердалекомъ отправился смотрѣть собакъ, которыхъ мы должны были взять съ собой на охоту. На возвратномъ пути Кердалекъ выразилъ желаніе прокатиться на лодкѣ и просилъ меня привести его жену, а самъ остался ждать насъ на берегу. Подходя къ залѣ, я услышалъ доносившіеся до меня звуки фортепіано. Кердалекъ пѣла; и каково же было мое удивленіе, когда въ ея словахъ я узналъ строки изъ моей лучшей, или вѣрнѣе менѣе дурной, элегіи; мотивъ она импровизировала сама. Съ блаженствомъ прислушивался я къ ея пѣнію, которое заставило меня забыть Бетховена, изглаживала изъ моей памяти имя Моцарта и Россини; казалось, оно превосходило Вагнера, какъ солнце превосходитъ Сиріуса, и дѣлало Вебера заурядным кропателемъ. Нѣсколько минутъ я былъ совершенно погруженъ въ эти звуки; затѣмъ тихо вышелъ и сталъ позади прелестной пѣвицы, не будучи замѣченъ ею. Неподвижно, упоенный восторгомъ, вдыхалъ я чудный ароматъ ея черныхъ волосъ и ловилъ жадно звуки ея пріятнаго голоса. Нечаянно бросивъ взглядъ въ зеркало, висѣвшее около фортепіано, она увидѣла меня и вскрикнула.

— Вы здѣсь? Вы меня испугали! прибавила она стараясь улыбнуться.

„Мой взглядъ выражалъ экзальтированную благодарность непризнаннаго поэта, произведенія котораго впервые акомпанируются музыкой и, что всего важнѣе, пѣлись милымъ голосомъ.

— О, продолжайте, продолжайте! умоляющимъ голосомъ проговорилъ я. Благодаря вамъ я начинаю любить мою музу.

„Лицемѣръ, я и прежде любилъ ее, но теперь я ее боготворю.

„Она улыбнулась и начала пѣть, нѣжно оттѣняя каждый слогъ. Потомъ, обращаясь ко мнѣ, она сказала:

— Жаль только, что я сегодня не вполнѣ хорошо передаю ваше произведеніе, въ другой разъ мнѣ это быть можетъ удастся лучше.

— Другой разъ, но мнѣ остается только одинъ день видѣть васъ!

„Та-же мысль пришла вѣрно и ей, такъ какъ она опустила голову и задумалась. Пріятный голосъ, красота, близость моего отъѣзда, удобное мгновеніе, безопасность чьего либо прихода—все это толпилось у меня въ головѣ.

— Вы неподражаемы! воскликнулъ я и прибавилъ, понизивъ голосъ: О Каролина, Каролина! Зачѣмъ эти люди, которые напали на меня, не убили меня тогда!..

„Эти слова вырвались у меня изъ самаго сердца. Я буквально претерпѣвалъ пытку, находясь между моей любовью и чувствомъ долга; между прелестной женщиной и чистосердечнымъ добрякомъ, ея мужемъ. Другой на моемъ мѣстѣ былъ бы менѣе совѣстливъ и робокъ. Я долженъ отдать себѣ справедливость, что одна мысль объ измѣнѣ терзала меня и торгъ съ моей совѣстью дѣлалъ меня несчастнымъ. Я во многомъ измѣнился теперь, исключая этого.

„Кердалекъ какъ бы не слыхала моихъ восклицаній.

— Гдѣ мой мужъ? спросила она, вставая.

— Онъ ожидаетъ насъ, чтобы ѣхать въ лодкѣ.

— И вы мнѣ ничего не сказали про это!

— Я совсѣмъ забылъ.

— Какой вы, однако, легкомысленный!

„Весело взяла она мою руку и не говоря ни слова направилась къ морю.

— Скорѣй! весело крикнулъ намъ еще издали Кердалекъ. Что я ночевать здѣсь долженъ, ожидая васъ!

„Мы вошли въ челнъ, произнося Богъ знаетъ какія оправданія. Я взялъ руль; Кердалекъ сѣлъ къ весламъ. Прогулка наша была скучная и смертельно печальная. На другой день я былъ на охотѣ и мнѣ посчастливилось убить кабана. Съ болью въ сердцѣ началъ я на другой день дѣлать приготовленія къ моему отъѣзду. Какъ вдругъ Кердалекъ вошелъ въ мою комнату.

— Вы можете сдѣлать мнѣ большое одолженіе, началъ онъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, баронъ, я ни въ чемъ не могу отказать вамъ.

— Ни въ чемъ?

— Но въ чемъ дѣло?

— Вы должны отложить вашу поѣздку.

— Какъ?

— Вы пробудете еще нѣсколько времени здѣсь.

— Но...

— Никакихъ но не допускается. Вы сказали, что не можете отказать мнѣ, особенно въ одолженіи, и я ловлю васъ на словѣ. Я только-что получилъ два письма. Въ одномъ изъ нихъ пишутъ, что подруга моей жены хочетъ пріѣхать погостить у нея; между тѣмъ какъ другое призываетъ меня въ Реннэ, гдѣ требуетъ моего присутствія процессъ, который касается моего интереса. Я не могу оставить дамъ безъ кавалера. Онѣ слишкомъ легкомысленны; будутъ летать всюду и потому нуждаются въ провожатомъ. Сдѣлайте мнѣ одолженіе и замѣните имъ меня на время моего отсутствія. Вы не будете сильно раскаиваться, такъ какъ съ обѣими нельзя много скучать. Кромѣ того я буду спѣшить освободить васъ. И такъ я надѣюсь на васъ,—это рѣшено.

„Кердалекъ распоряжался мной помимо моего желанія, но это не удивляло меня, я зналъ, что безцеремонность была присуща его оригинальному характеру. Все же меня удивляло слѣпое довѣріе, которое онъ питалъ ко мнѣ, благодаря которому оставлялъ меня, мало знакомаго ему, въ обществѣ своей жены во время своего отсутствія. Оптимизмъ все же хорошая вещь! Кердалекъ также принадлежалъ къ первымъ послѣдователямъ теоріи Лейбница, которымъ не присуще предвидѣть зло и думать о немъ только тогда, когда въ рану положенъ уже палецъ. Онъ полагалъ, что вслѣдствіе моей признательности не долженъ былъ видѣть отъ меня ничего нехорошаго. Къ этой точкѣ зрѣнія его привело желаніе видѣть въ каждомъ сознаніе долга чести и показывало въ немъ плохаго знатока человѣческаго сердца. Я сдѣлалъ нѣсколько возраженій, которыя онъ легко опровергъ. Въ концѣ концовъ я обѣщалъ исполнить его просьбу. Казалось, я уступилъ только его настоятельнымъ просьбамъ; а между тѣмъ я удовлетворилъ своему эгоизму. При мысли злоупотребить его душевной добротой, я чувствовалъ угрызеніе совѣсти. Я сдѣлалъ себѣ упрекъ за злоупотребленіе такой довѣренностью. Мнѣ удалось успокоить мое сердце; я гордо увѣрялъ себя, что устою противъ искушенія любви—это обыкновенно говорятъ въ такихъ случаяхъ.

„Когда Кердалекъ узнала, что я остаюсь, она произнесла нѣсколько загадочныхъ фразъ, которыми она, казалось, хотѣла развязать меня отъ даннаго мною ея мужу обѣщанія. Я призвалъ все мое хладнокровіе, въ которомъ тогда такъ нуждался, и далъ ей понять, что она можетъ надѣяться на мою сдержанность и честность. Кердалекъ уѣхалъ. Случаю было угодно, чтобы процессъ задержалъ его внѣ замка въ теченіе двухъ мѣсяцевъ—60 дней, въ теченіи которыхъ я испытывалъ счастье, но не страстное, лихорадочное, которое описывается въ романахъ, но то тихое, задушевное, такъ сказать благоухающее счастье, когда два въ основѣ добродѣтельныхъ сердца, въ порѣ сознанія, переживаютъ глубокую взаимную любовь.

Библиотека "Руниверс"

„Истинная любовь, какъ на свободѣ, такъ и при извѣстныхъ стѣсненіяхъ, должна довольствоваться малымъ. Ей доставляетъ удовольствіе игра съ улыбкой на губахъ; она плачетъ отъ удовольствія, когда ей подносятъ розу, трепещетъ при пожатіи руки и видитъ въ этомъ пустякѣ божественную прелесть и большое значеніе. Невинная любовь имѣетъ также свои прелести, которыя тоже чего нибудь стоятъ, такъ какъ она не утихаетъ, а, напротивъ того, возрастаетъ. Такъ воспылалъ я любовью и Кердалекъ. Твердо, съ общаго согласія, порѣшили мы, что свобода, за отсутствіемъ ея мужа, возлагаетъ на насъ большія заботы. Это соображеніе не оставляло насъ и мы были оффиціально строги одинъ къ другому. Благодаря увѣренности въ своей силѣ и пріѣзду ея подруги, молодой веселой особы, мы измѣнили наши ледяныя отношенія и стали вполнѣ пользоваться своимъ положеніемъ.

„Но время прошло и Генріэтта Монторильонъ, подруга моей молодой хозяйки, веселая и милая особа, которая внесла столько оживленія въ нашу загородную жизнь, наконецъ уѣхала. Она унесла съ собой и наше свободное дружеское обращеніе, которое было хорошей защитой противъ власти любви и предоставила насъ самимъ себѣ. О пріѣздѣ Кердалека не было еще ничего извѣстно. Онъ былъ очень лѣнивъ писать; его посланія были рѣдкостью и отличались лаконичностью.

„Оставшись опять одинъ, наединѣ съ Каролиной, мы бросили наши дѣтскія забавы и впали въ родъ пріятной тоски. Не то чтобы мы замкнулись въ себѣ и скучали. О нѣтъ! Но воспоминаніе о моемъ отъѣздѣ и боязнь совершенно утратить счастье туманили наши розовые часы и выжимали не одну слезу. Боязнь за будущее счастье всегда парализуетъ настоящее, это въ натурѣ человѣка. Нашъ земной рай долженъ былъ внезапно прекратиться.

„Однажды вечеромъ мы сидѣли въ глубинѣ сада, въ густой жасминной бесѣдкѣ. Погода была туманная и сырая. Чрезъ листья большаго сиреневаго куста виднѣлось облачное небо. Мы погружены были въ свои мысли и мало говорили. Я незамѣтно взялъ Каролину за руку; казалось, она не сопротивлялась. Я тихо сжалъ ее. Она едва отвѣтила на мое пожатіе. Я былъ счастливъ и хотѣлъ бы такъ рука объ руку прожить съ ней вѣкъ. Вдругъ она встала и хотѣла быстро уйти. Я удержалъ ее и принудилъ опять сѣсть. Она покраснѣла, закрыла лицо и тихо заплакала.

— О Боже мой, вѣдь это ужасно не хорошо, такъ обманывать своего мужа.

— Ахъ, Каролина, намъ оправданіемъ служитъ наша молодость, наша любовь.

„Она тихо покачала головой и устремила свои огненные глаза къ небу, какъ бы прося прощенія. Я обнялъ ее и страстно прижалъ къ своей груди. Утѣшая ее, я вдругъ услышалъ шорохъ листьевъ недалеко отъ насъ. Почти въ то же мгновеніе послышался строго угрожающій голосъ. Смущенные, мы оглянулись и увидѣли Кердалека, стоящаго съ сверкающимъ взоромъ при входѣ въ бесѣдку. Помимо желанія, мы быстро вскочили. Кердалекъ дрожалъ отъ гнѣва и не былъ въ состояніи произнести ни слова.

— Я васъ искалъ, началъ онъ въ высшей степени ѣдкимъ тономъ, но не думалъ, что такъ обезпокою васъ. Во всякомъ случаѣ прошу тысячу извиненій у васъ, молодой человѣкъ, который такимъ благороднымъ образомъ воспользовался довѣріемъ и гостепріимствомъ. Прошу васъ не стѣсняться, моя красавица, вы такъ хорошо упражняетесь въ добродѣтели.

— Баронъ, обратился я къ нему принужденно сдержаннымъ голосомъ, если вы хотите воспользоваться вашимъ правомъ и злоупотреблять имъ, то прошу васъ не дѣлать этого въ присутствіи вашей жены; этого я не дозволю, не допущу. Пусть я выдержу весь вашъ гнѣвъ, я этого заслужилъ, но заклинаю васъ позволить уйти вашей супругѣ.

„При этихъ словахъ Каролина вспыхнула и окинула мужа такимъ гордымъ взглядомъ, что тотъ, видимо пораженный, воздержался отъ дальнѣйшихъ упрековъ.

— Черезъ нѣсколько минутъ мы увидимся съ вами въ залѣ.

„Кердалекъ постояла еще нѣсколько мгновеній, потомъ опустила голову и тихо направилась къ выходу.

— Только два слова позвольте мнѣ предложить вамъ, милостивый государь, сказалъ Кердалекъ, обращаясь ко мнѣ. Я прошу васъ категорически отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ: что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

„Вопросъ этотъ былъ такъ неожиданъ и казался мнѣ такимъ страннымъ, что я глядѣлъ на Кердалека и не отвѣчалъ ему. Онъ повторилъ свой вопросъ.

— Клянусь вамъ, что я бы потребовалъ удовлетворенія моей чести, сказалъ я ему наконецъ, или поступилъ бы даже строже, смотря по обстоятельствамъ.

— А именно?

— Потребовалъ бы немедленнаго отъѣзда моего оскорбителя и взялъ бы съ него честное слово никогда болѣе не возвращаться, чтобы не видѣть предмета своей любви. Послѣднія слова я проговорилъ понизивъ голосъ. Мрачное облако покрыло лобъ Кердалека.

— Слѣдовательно, вы удовольствовались бы мирнымъ удовлетвореніемъ чести? спросилъ онъ, стараясь допытаться до моей сокровенной мысли. Вы полагаете, что честное, откровенное объясненіе не увеличитъ еще болѣе въ моихъ глазахъ вашего поступка.

— Если вамъ угодно будетъ сдѣлать заключеніе изъ того, что вы видѣли, и поставить мнѣ это въ вину, то я, какъ честный человѣкъ, долженъ вамъ объяснить, что мое поведеніе относительно г-жи Кердалекъ никогда не было заслуживающимъ нападенія—никогда, понимаете вы это? Взгляните мнѣ прямо въ лицо, баронъ, и вы увидите, что въ только что сдѣланномъ признаніи нѣтъ ни боязни, ни слабости и только полнѣйшая откровенность и прямодушіе. Теперь я къ вашимъ услугамъ, назначайте, что вамъ угодно. При этихъ словахъ я почувствовалъ, какъ мужество и твердая гордость моего сердца заволновались. Откровенность моей исповѣди должна была отразиться на моемъ лбу. Кердалекъ молча смотрѣлъ на меня.

— Г-жа Кердалекъ будетъ безпокоиться объ нашемъ отсутствіи, баронъ, сказалъ я съ легкимъ нетерпѣніемъ. Скажите скорѣй, на какомъ рѣшеніи вы остановились?

— Я назначаю, медленно отвѣчалъ онъ, чтобы вы уѣхали не раньше, какъ черезъ два дня. Я не желаю, чтобы вашъ внезапный отъѣздъ подалъ поводъ къ толкамъ. Вы поклянетесь мнѣ вашей честью, что въ теченіи всей вашей жизни не будете искать вновь встрѣтиться съ г-жей Кердалекъ и если случай когда нибудь и поставитъ ее на вашемъ пути, то вы будете избѣгать ее.

— Я клянусь вамъ въ этомъ, баронъ, отвѣчалъ я нерѣшительнымъ голосомъ.

— Хорошо, я вѣрю вашей чести, но если вы еще разъ злоупотребите ею, то мы съ вами будемъ драться на смерть.

— О, баронъ, воздержитесь отъ послѣдней оговорки; угроза можетъ меня только скорѣй заставить преступить клятву.

— Въ такомъ случаѣ я беру ее назадъ, сказалъ онъ съ благороднымъ достоинствомъ.

— Такъ какъ я считаю свою совѣсть чистой передъ вами и прошу принять искреннѣйшее извиненіе за причиненныя вамъ безпокойство и страданія. Быть можетъ вы когда нибудь и увидите, что я не совсѣмъ не стою вашего вниманія.

„Мы отправились въ залу, гдѣ ждала насъ г-жа Кердалекъ. Здѣсь онъ мнѣ предложилъ совершенно хладнокровно сыграть въ имперіаль (карточная игра въ родѣ пикета); я согласился. Вечеръ тотъ былъ истой пыткой для меня; къ счастью, онъ тянулся не долго. На другой день хозяинъ мой отправился навѣстить своего арендатора и просилъ меня сопутствовать ему. Странный человѣкъ, дорогой онъ былъ опять такимъ же добрымъ и задушевнымъ какъ и прежде; я не зналъ, что мнѣ думать объ этомъ. По всей вѣроятности онъ имѣлъ разговоръ съ женой, которая объяснила ему всю невинность нашихъ отношеній.

„Въ день моего отъѣзда онъ ласково поздоровался со мной; я чувствовалъ себя не очень хорошо, что онъ, казалось, замѣтилъ. Мои глаза, помимо воли, искали жену Кердалека. Онъ замѣтилъ это и меланхолически улыбнулся.

— Каролина, Каролина! позвалъ онъ. Иди же проститься съ нашимъ гостемъ.

„Кердалекъ, казалось, сразу выросъ въ моихъ глазахъ; я готовъ былъ броситься ему на шею.

— О, вы лучшій человѣкъ въ мірѣ! воскликнулъ я.

— И снисходительнѣйшій, добавилъ онъ наклоняя голову.

„Г-жа Кердалекъ вошла въ залу какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мужъ ея вышелъ подъ какимъ-то предлогомъ. Видимо, онъ хотѣлъ пощадить боль и стыдливость послѣдняго простя; этотъ человѣкъ обладалъ въ высшей степени благородной душой.

— Прощайте, прощайте на вѣки! говорилъ я; каждый часъ я буду помнить о васъ и молить Бога, чтобы онъ послалъ вамъ спокойствіе и счастье, котораго вы вполнѣ достойны.

„Не говоря ни слова, она протянула мнѣ руку; я сжалъ ее въ послѣдній разъ съ трепетнымъ восторгомъ и вышелъ.

„На дворѣ я встрѣтилъ Кердалека, онъ пошелъ проводить меня немного.

„Здѣсь, на этомъ холмѣ, мы остановились. Потокъ неудержимыхъ слезъ вырвался изъ моихъ глазъ. Онъ протянулъ мнѣ еще разъ руку, но быстро отдернувъ ее назадъ, онъ распростеръ свои объятія и я бросился къ нему на грудь.

— Время утѣшитъ васъ, молодой человѣкъ, сказалъ онъ.

— И васъ также, тихо отвѣчалъ я. Ахъ, если когда нибудь взоръ вашъ отуманится, не обращайте на это вниманія и будьте, во всякомъ случаѣ, добры и ласковы съ ней.

— Прощайте навсегда! были его послѣднія слова.

„Мы спустились съ холма въ противоположныя стороны.

„Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ, которыя много сдѣлали перемѣнъ въ моей жизни. Послѣ того, какъ я еще нѣкоторое время продолжалъ свое прозябаніе на безплодной почвѣ творчества, я пришелъ къ убѣжденію, что мнѣ, для того чтобы выдвинуться впередъ, недостаетъ двухъ качествъ — терпѣнія и шарлатанства. Утомившись въ безплодной борьбѣ, я наконецъ добился получить мѣсто на почтѣ, хотя и не блестящаго, но все же подходящаго ко мнѣ свойства. Въ остальномъ я сдержалъ свое обѣщаніе и только впервые теперь, когда дѣла призываютъ меня въ Кимперъ, я вижу Бретань опять. Вы знаете мою привычку ходить пѣшкомъ. Вы встрѣтили меня и просили прим-

Библиотека "Руниверс"

кнуть къ вамъ; мы уклонились немного отъ пути въ Конкарно, чтобы зайти сюда. Мнѣ хотѣлось еще разъ видѣть клочекъ земли и замокъ, гдѣ спокойно проживаетъ женщина, которую я любилъ больше всего на свѣтѣ, и человѣкъ, котораго я высоко цѣню."

Когда мой спутникъ кончилъ разсказъ о своей юношеской драмѣ, изъ замка вышли два человѣка. Около нихъ, на мшистой зелени рѣзвился прелестно одѣтый ребенокъ.

— Вотъ они, сказалъ мой спутникъ, между тѣмъ какъ тяжелый вздохъ вырвался изъ его груди. „Уйдемъ!"

Мы встали, онъ хотѣлъ идти, но снова остановился и началъ смотрѣть на идущихъ по долинѣ.

— Она мать, пробормоталъ онъ задумчиво. Какое счастье принесло ей это! Теперь я убѣдился, что она меня забыла. Тѣмъ лучше, она не будетъ съ болью думать обо мнѣ. Да одинъ изъ нашихъ поэтовъ говоритъ правду: „время имѣетъ два крыла: одно похищаетъ наше счастье, другое приноситъ намъ утѣшеніе".

При этихъ словахъ онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ идти и мы вышли на дорогу въ Конкарно. Дойдя до Кимпера, мы разстались. Съ тѣхъ поръ я никогда не встрѣчалъ его больше.

„Слава въ Вышнихъ Богу!" Съ картины Рейнольдса, грав. Кристензенъ.

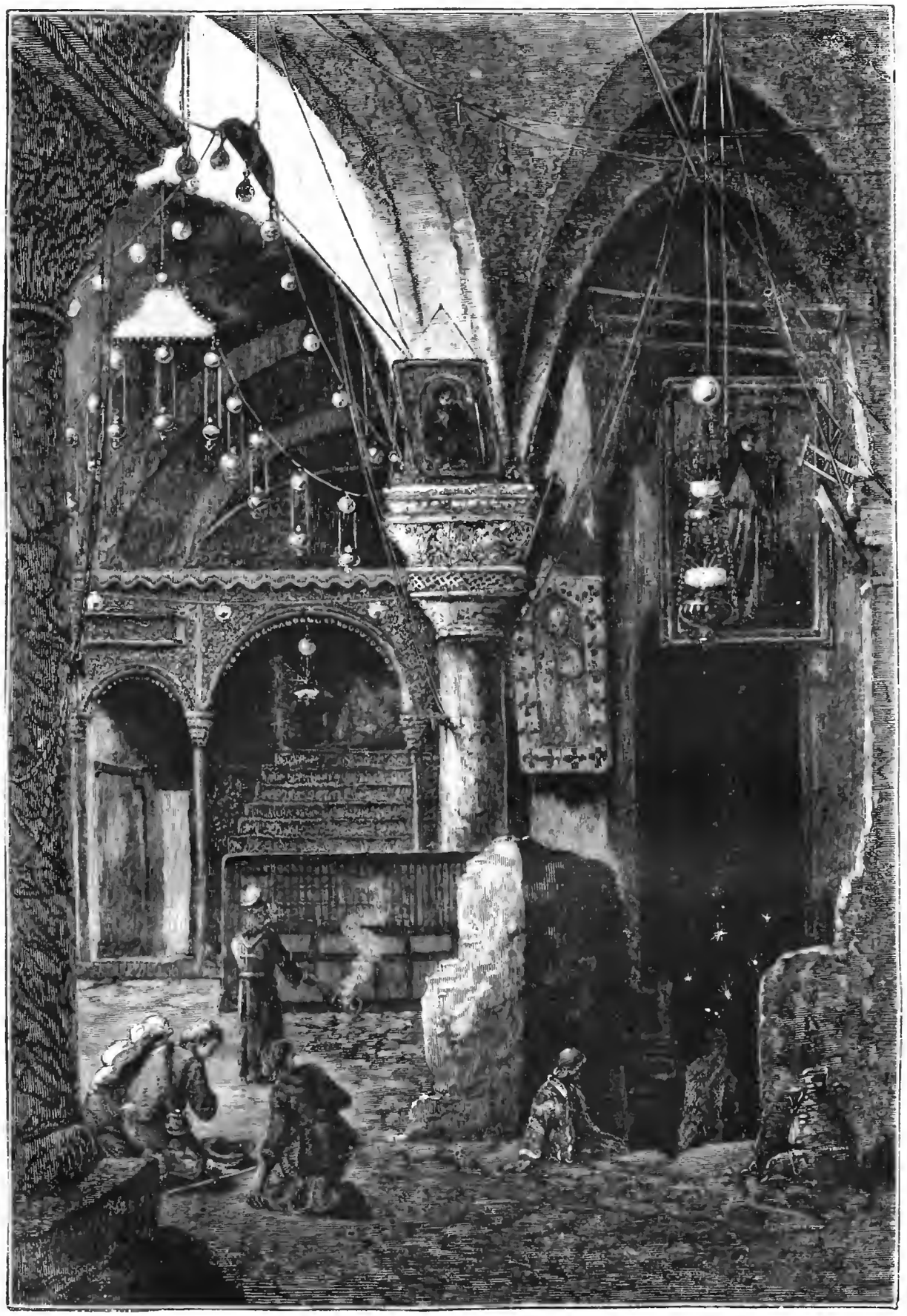
Къ рисункамъ.

Св. апостолъ Павелъ, проповѣдующій въ Аѳинахъ.

(Рис. на стр. 320 и 321).

Картоны Рафаэля носятъ на себѣ печать того-же геніальнаго таланта, той-же неподражаемой прелести, какою отличаются фрески и картины великаго художника. Судьба этихъ картоновъ не лишена интереса. Они были исполнены Рафаэлемъ въ 1515 и 1516 годахъ по заказу Папы Льва X для одиннадцати громадныхъ стѣнныхъ ковровъ, которыми Папа хотѣлъ украсить стѣны Сикстинской капеллы. По исполненіи картоны были отосланы въ Брюссель, гдѣ тогда славились тканьемъ ковровъ и картинъ. Когда ковры были готовы и присланы въ Римъ,

Библиотека "Руниверс"



Іерусалимъ. Часовня Св. Елены въ храмѣ Гроба Господня. По рис. Н. Гирона, грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

то они не застали ужс въ живыхъ ни Папы Льва X, ни Рафаэля. Адріанъ VI, преемникъ Льва, отослалъ одинъ эк земпляръ ковровъ въ Венецію, а другой небрежно былъ заброшенъ въ кладовыхъ и лишь послѣ многихъ невзгодъ и значительной порчи при Піѣ VII ими наконецъ украшены стѣны Ватикана. Картоны Рафаэля постигла не лучшая участь. Они долго оставались въ безвѣстности на одной изъ брюссельскихъ фабрикъ пока случайно не увидѣлъ ихъ Рубенсъ и не узналъ въ нихъ произведеніе Рафаэля. Объ этой находкѣ онъ сообщилъ тогда-же королю Англіи Карлу I, который приказалъ купить ихъ. Семь найденыхъ картоновъ привезены въ Англію, которые послѣ междоусобной войны и сдѣлались достояніемъ Кромвеля. Карлъ II, завладѣвъ имуществомъ Кромвеля, приказалъ выткать съ нихъ ковры и они снова чуть не погибли на фабрикѣ. Уже при королѣ Вильгельмѣ, въ концѣ XVII в., вспомнили объ этой драгоцѣнности и едва отыскали ее въ самомъ жалкомъ видѣ. Поручивъ ихъ реставрацію искусному художнику Куку, король выстроилъ для нихъ особую галлерею въ Гемптонъ-Кортскомъ дворцѣ. Теперь они составляютъ собственность Кенсингтонскаго музея.

Картонъ „Св. апостолъ Павелъ, проповѣдующій въ Аѳинахъ" довольно большаго размѣра: 13 футовъ 10 дюймовъ ширины и 10 фут. 8 дюйм. длины. Онъ писанъ, какъ и другіе, на тонкой холстинкѣ, безъ грунта, водяными красками. Въ композиціяхъ картона видна рука великаго мастера. На первомъ планѣ выдѣляется вдохновенная фигура Апостола. Указывая на храмъ, который аѳиняне посвятили „Невѣдомому Богу", поучаетъ онъ ихъ объ этомъ Высшемъ Существѣ, объ которомъ они имѣютъ лишь одни темныя, неясныя понятія. Группы народа, окружающія Апостола, составлены въ высшей степени искусно; каждая фигура имѣетъ здѣсь свой типъ, свой характеръ; каждое лицо оживлено какою либо мыслью или какимъ либо чувствомъ. Видно, что рѣчь Апостола производитъ на массу глубокое впечатлѣніе и лишь нѣсколько безучастныхъ и холодныхъ фигуръ, поставленныхъ художникомъ какъ бы для контраста, не увлекаются вдохновленною и горячею рѣчью.

Вербное воскресенье въ Нормандіи.

(Рис. на стр 325).

Приводимъ въ нѣсколькихъ словахъ описаніе этого страннаго, на первый взглядъ, обычая въ Нормандіи.

Аукціонная продажа освященныхъ хлѣбовъ передъ дверьми церквей въ вербное воскресенье производится вслѣдствіе того, что богатые прихожане считаютъ для себя большой честью пріобрѣсти этотъ хлѣбъ и распоряжаться имъ при раздачѣ бѣднымъ. Это становится довольно тяжелымъ налогомъ для нѣкоторыхъ лицъ, такъ какъ сюда всегда замѣшивается честолюбіе, не позволяющее уступать этого права другому.

Продажа производится церковными прислужниками на наличныя деньги.

Сцена эта, изображенная на предлагаемомъ нами рисункѣ, набросана съ натуры.

Виды Іерусалима.

(Рис. на стр. 328, 329 и 333).

Башня Давида въ Цитадели.—Придѣлъ св. Елены и Воздвиженіе Креста въ храмѣ Гроба Господня.

Можно сказать съ полною справедливостью, что никогда Іерусалимъ не былъ предметомъ такихъ серьезныхъ изслѣдованій, какъ въ настоящее время, когда цѣлая фаланга археологовъ и художниковъ неутомимо трудится здѣсь, то разрывая почву священнаго города, то передавая въ фотографическихъ снимкахъ каждый его камень, каждую развалину. Всѣ эти обломки прежняго величія, которыми завалены здѣсь громадныя пространства, обратили наконецъ на себя вниманіе археологовъ, и ихъ раскопки обѣщаютъ быть очень интересными, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ Іерусалима, какъ напр. на „Крестномъ пути" первобытная почва лежитъ на сорокъ или пятьдесятъ футовъ ниже нынѣшняго верхняго слоя земли. Теперь въ Іерусалимѣ вообще преобладаетъ характеръ запустѣнія и разрушенія, и масса обломковъ и развалинъ придаетъ какой то въ высшей степени мрачный и печальный видъ этому городу, который нѣкогда Давидъ называлъ когда то прелестнѣйшимъ по мѣстоположенію и красотѣ „во всей вселенной". Но времена измѣнились и Іерусалимъ, подъ гнетомъ разныхъ бѣдствій, совершенно утратилъ свою прежнюю красоту; на его почвѣ, покрытой развалинами дворцовъ и храмовъ, воздвиглись мрачныя тяжелыя зданія; явились толстыя стѣны и башни цитадели, которыми турки оградили себя отъ нашествія невѣрныхъ. Одно изъ такихъ мрачныхъ древнихъ зданій представлено на нашемъ рисункѣ. Это такъ называемая башня Давида, которая составляетъ самую древнюю часть цитадели, и по размѣрамъ, и по роду постройки, очень напоминаетъ одну изъ башенъ Іерусалима, описанную Іосифомъ.

Нижняя часть постройки состоитъ изъ массивной каменной кладки и къ ней же придѣлана подъ прямымъ угломъ каменная лѣстница, имѣющая сорокъ пять ступеней. Затѣмъ башня идетъ въ вышину еще на двадцать футовъ до своей верхней платформы. Каменная кладка башни чрезвычайно прочна, а въ камняхъ замѣтны глубокія, четырехугольныя отверстія, значеніе которыхъ долго составляло жгучій вопросъ для археологовъ. Въ верхней части башни находится нѣсколько комнатъ и бассейнъ для собиранія дождевой воды. Въ одной изъ комнатъ указываютъ мѣста, гдѣ, по преданію, Давидъ сочинялъ псалмы, а другую комнату выдаютъ за залу, служившую пріемной для царя. Башня Давида сдалась послѣдней при взятіи Іерусалима крестоносцами, а когда въ тринадцатомъ столѣтіи стѣны города были разрушены мусульманами, то одна эта башня, вѣроятно по своей прочности и массивности, была пощажена отъ разрушенія, и такимъ образомъ до нашего времени сохранился въ полной цѣлости этотъ любопытный памятникъ древняго зодчества.

Другіе два рисунка, помѣщенные нами, изображаютъ священныя мѣстности во внутренности храма св. Гроба. Одна изъ нихъ придѣлъ Св. Царицы Елены, а другая—пещерное пространство, гдѣ, по преданію, былъ найденъ Крестъ Искупителя и гдѣ такимъ образомъ произошло „Воздвиженіе Креста".

Предѣлъ или капелла св. царицы Елены составляетъ часть храма, наименѣе пострадавшую отъ пожара 1808 года. Капелла раздѣлена на три части четырьмя колоннами, украшенными тяжелыми капителями, поддерживающими куполъ, который и освѣщаетъ всё пространство. Въ капеллѣ два алтаря: одинъ во имя св. царицы Елены, а другой во имя раскаявшагося разбойника. Изъ капеллы особое отверстіе ведетъ внизъ по цѣлому ряду ступеней въ другую капеллу „Воздвиженіе Креста", какъ видно на нашемъ рисункѣ. Въ капеллѣ св. Елены показываютъ то мѣсто, гдѣ сидѣла царица въ то время, когда рабочіе производили поиски Креста въ нижней пещерѣ. Здѣсь теперь устроенъ алтарь и поставлено въ половинную величину скульптурное изображеніе царицы.

Херувимы, поющіе славу Божію.

(Рис. на стр. 332).

Знаменитый англійскій художникъ Рейнольдсъ, жившій въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія, считался въ свое время однимъ изъ лучшихъ портретистовъ, но кромѣ портретовъ онъ писалъ картины изъ области жанра и оставилъ послѣ себя нѣсколько произведеній духовнаго содержанія. Одно изъ этихъ произведеній, извѣстное въ оригиналѣ подъ названіемъ „Gloria in excelsis", т. е. „Слава въ вышнихъ Богу", представляетъ пять прелестныхъ головокъ херувимовъ, окруженныхъ облаками и озаренныхъ лучемъ нисходящаго на нихъ небеснаго свѣта. Уста херувимовъ полуоткрыты: они поютъ славу Божію, ту величественную, хвалебную пѣснь, которую повторяютъ и обитатели земли: „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли міръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе".

Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ.

(Рис. на стр. 336).

Съ приближеніемъ великаго праздника Пасхи, Іерусалимъ обыкновенно начинаетъ болѣе и болѣе наполняться паломниками самыхъ разнообразныхъ національностей. Улицы священнаго города кишатъ тогда пестрыми толпами пилигримовъ, выражающихъ свой религіозный восторгъ, хотя и на разныхъ нарѣчіяхъ, но одушевленныхъ однимъ и тѣмъ же высокимъ чувствомъ христіанскаго умиленія и радости при видѣ святыхъ мѣстъ—нѣмыхъ свидѣтелей страданій и смерти Спасителя. Въ этой разноплеменной толпѣ поклонниковъ особенно выдѣляются по своей обычной одеждѣ—сѣрымъ армякамъ и характерныхъ шапкамъ, наши русскіе пилигримы, приходящіе въ Іерусалимъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ нашего обширнаго отечества. Здѣсь вы встрѣтите и мужичковъ сѣверныхъ губерній, и поселянъ средней полосы, и серьезныхъ, молчаливыхъ малороссовъ, обитателей нашего юга. Все это сливается въ одну общую, дружную толпу, братски раздѣляющую всѣ невзгоды и трудности далекаго пути, и на пароходѣ при переѣздѣ черезъ морс, и при слѣдованіи длиннымъ караваномъ отъ пустыннаго берега къ Іерусалиму. Но вотъ наконецъ завѣтная цѣль достигнута: наши поклонники уже въ стѣнахъ священнаго города и, найдя пріютъ и ласку въ русскомъ подворьѣ, могутъ свободно предаться своему религіозному чувству и набожно обозрѣть тѣ многочисленныя святыни, къ которымъ такъ давно стремились ихъ сердца. Но конечно, одна святыня привлекаетъ ихъ всего болѣе, это храмъ Гроба Господня, у входа въ который постоянно толпятся наши поклонники, особенно передъ пасхальной заутреней. Въ это время они запасаются у греческихъ торговцевъ свѣчами, чтобы зажечь ихъ отъ священнаго огня во время торжественнаго служенія, а потомъ увезти ихъ на далекую родину, какъ святыню, какъ драгоцѣнность, заключающую въ себѣ самыя лучшія, самыя свѣтлыя воспоминанія въ ихъ жизни.

Библиотека "Руниверс"

Свѣтлое Воскресенье въ деревнѣ.

Звучно колоколъ ударилъ...
На его призывный звонъ
Повалилъ народъ крещеный,
Повалилъ со всѣхъ сторонъ...

* * *

Вотъ уже видна и церковь,
Яркимъ свѣтомъ залита
Отъ рѣшетчатой ограды
До высокаго креста.

* * *

Вкругъ ея народъ пестрѣетъ,
Словно ждутъ чего, и вотъ—
За ограду выступаетъ
Со свѣчами крестный ходъ.

А вверху сіяютъ звѣзды,
Мѣсяцъ смотритъ съ высоты,
Свѣтомъ церковь обливаетъ,
Серебритъ ея кресты.

* * *

Но вернулся ходъ обратно
—Ужь синѣетъ сводъ небесъ—
И изъ церкви троекратно
Раздалось: „Христосъ воскресъ!"

* * *

Вотъ окончилась обѣдня,
По домамъ народъ спѣшитъ...
Съ неба свѣтлаго на землю
Солнце радостно глядитъ.

К. Мед—скій.

Политическое обозрѣніе.

Румелія.—Турція.—Испанія.—Французы въ Китаѣ.—Египетъ.

Изъ Филиппополя пишутъ отъ 14-го (26-го) марта, что за послѣднее время было нѣсколько случаевъ обхода въ производствѣ заслуженныхъ русскихъ офицеровъ, всецѣло посвятившихъ себя дѣлу организаціи восточно-румелійской милиціи. Такъ султанъ произвелъ въ штабъ-офицеры пятерыхъ младшихъ капитановъ (трое изъ нихъ болгары, одинъ турокъ и одинъ румынъ), тогда какъ нѣсколько старшихъ русскихъ офицеровъ, уже нѣсколько лѣтъ командующихъ дружинами, оставлены по прежнему въ чинѣ капитана. Въ честь одного изъ этихъ обойденныхъ, такимъ образомъ, русскихъ офицеровъ, капитана Минкова, который, какъ и его товарищи, подалъ въ отставку, не желая, послѣ нанесеннаго ему оскорбленія, долѣе оставаться на службѣ, офицеры филиппопольскаго гарнизона устроили прощальный праздникъ, на которомъ присутствовали также многіе представители болгарской интеллигенціи изъ гражданскаго сословія. На этомъ праздникѣ рядъ тостовъ былъ открытъ здравицею въ честь Императора Всероссійскаго, вслѣдъ за которымъ провозглашенъ былъ тостъ за здоровье императора Вильгельма. Послѣдній тостъ подалъ поводъ къ рѣчамъ, въ которыхъ вспоминалось о годовщинѣ сраженія подъ Баръ-сюръ-Обомъ и о пожалованіи императору Вильгельму георгіевскаго креста, а также выражалась радость по случаю возстановленія дружественныхъ отношеній между Россіей и Германіей.

Въ Константинополѣ австро-венгерскому послу удалось склонить Порту въ пользу предъявленныхъ вѣнскимъ кабинетомъ требованій относительно соединенія балканскихъ желѣзныхъ дорогъ съ сѣтью австро-венгерскихъ линій. До сихъ поръ въ Портѣ главнымъ образомъ вліяла старо-турецкая партія, подъ давленіемъ которой турецкое правительство уклонялось отъ всякаго прямаго соглашенія съ вѣнскимъ кабинетомъ по желѣзнодорожному вопросу. Но въ послѣднее время настоятельныя представленія австрійскаго посольства убѣдили совѣтниковъ султана, что проектъ соединенія турецкихъ румелійскихъ линій съ сербскими при Враньи нимало не подвергнетъ какой либо опасности неприкосновенность турецкой территоріи, а отчасти даже обезпечитъ ее болѣе существенными гарантіями, такъ какъ Турція окрѣпнетъ и въ политическомъ отношеніи, когда выйдетъ изъ своей экономической обособленности отъ средней Европы и перестанетъ служить рынкомъ для исключительнаго сбыта лишь однихъ англійскихъ товаровъ. Всѣ эти доводы склонили министровъ султана въ пользу австрійскихъ предложеній, и великій визирь далъ австро-венгерскому послу формальное обѣщаніе покончить вопросъ въ наискорѣйшемъ времени. Между тѣмъ въ свѣдущихъ константинопольскихъ сферахъ полагаютъ, что дѣло затянется вновь и желѣзнодорожная конвенція пролежитъ подъ спудомъ еще немало времени. Причина этому та, что мнительность нашей была встревожена предъявленнымъ изъ Вѣны требованіемъ относительно прокладки новой желѣзнодорожной линіи отъ Мостара до Митровицъ, соединенныхъ, какъ извѣстно, рельсовымъ путемъ съ сановикскимъ портомъ.

Изъ Мадрида сообщаютъ, что между испанскими министрами возникли существенныя разногласія, которыя настолько обострились, что открытый разрывъ былъ бы неизбѣженъ, если бы авторитетъ министра-президента Кановаса-дель-Кастильо не оказывалъ на нихъ сдерживающаго вліянія. Мадридскія газеты обнародовали надняхъ циркуляръ министра юстиціи Сильвела къ предсѣдателямъ апелляціонныхъ судовъ, предписывающій имъ соблюдать на предстоящихъ выборахъ въ кортесы полнѣйшее безпристрастіе и независимое по отношенію къ партіямъ положеніе. Эти инструкціи вызвали энергическій протестъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, Ромеро-Робледо, изъ-за котораго возникли пререканія и между другими членами кабинета. Министръ юстиціи хотѣлъ было подать въ отставку и только одно личное вліяніе новаго кабинета заставило его отказаться отъ своего намѣренія. Процессъ противъ участниковъ послѣдняго военнаго заговора не далъ пока никакихъ существенныхъ результатовъ: тѣмъ не менѣе правительство неспокойно на счетъ господствующаго въ испанской арміи настроенія, что доказываетъ, между прочимъ, недавнее распоряженіе военнаго министра, въ силу котораго сержантамъ, поступившимъ на вторичную службу, разрѣшается выйти въ полную отставку. Этимъ путемъ министръ надѣется устранить изъ арміи неблагонадежныхъ унтеръ-офицеровъ и открыть доступъ къ дальнѣйшимъ повышеніямъ нижнимъ чинамъ.

Спеціальный корреспондентъ газеты „New-York Herald" телеграфируетъ ей изъ Гонконга, отъ 22-го марта (3-го апрѣля): „Я узналъ изъ полуоффиціальнаго источника, что французы требуютъ вознагражденія за военныя издержки; они займутъ ущелья Лангсонъ и Каобангъ на юннанской границѣ. Въ Китай они проникнутъ съ сѣверной стороны Тонкинскаго залива, откуда можно въ пять сутокъ добраться до Кантонской рѣки и въ семь до самаго города Кантона. Флотъ поддержитъ движеніе съ южной стороны. Контрибуцію можно покрыть въ нѣсколько лѣтъ таможенными сборами въ Кантонѣ. Лица, хорошо знакомыя съ китайскими дѣлами, признаютъ этотъ планъ весьма практическимъ.

По увѣренію арабскихъ газетъ, Махди отклонилъ отъ себя почетное званіе кордофанскаго султана вслѣдствіе представленій главнаго шерифа города Мекки, объяснившаго суданскому лжепророку, что Египетъ и прилежащія къ нему земли составляютъ собственность властителя османовъ, который, какъ верховный калифъ правовѣрныхъ, только одинъ и въ правѣ раздавать свои владѣнія и жаловать съ ними титулы.

Смѣсь.

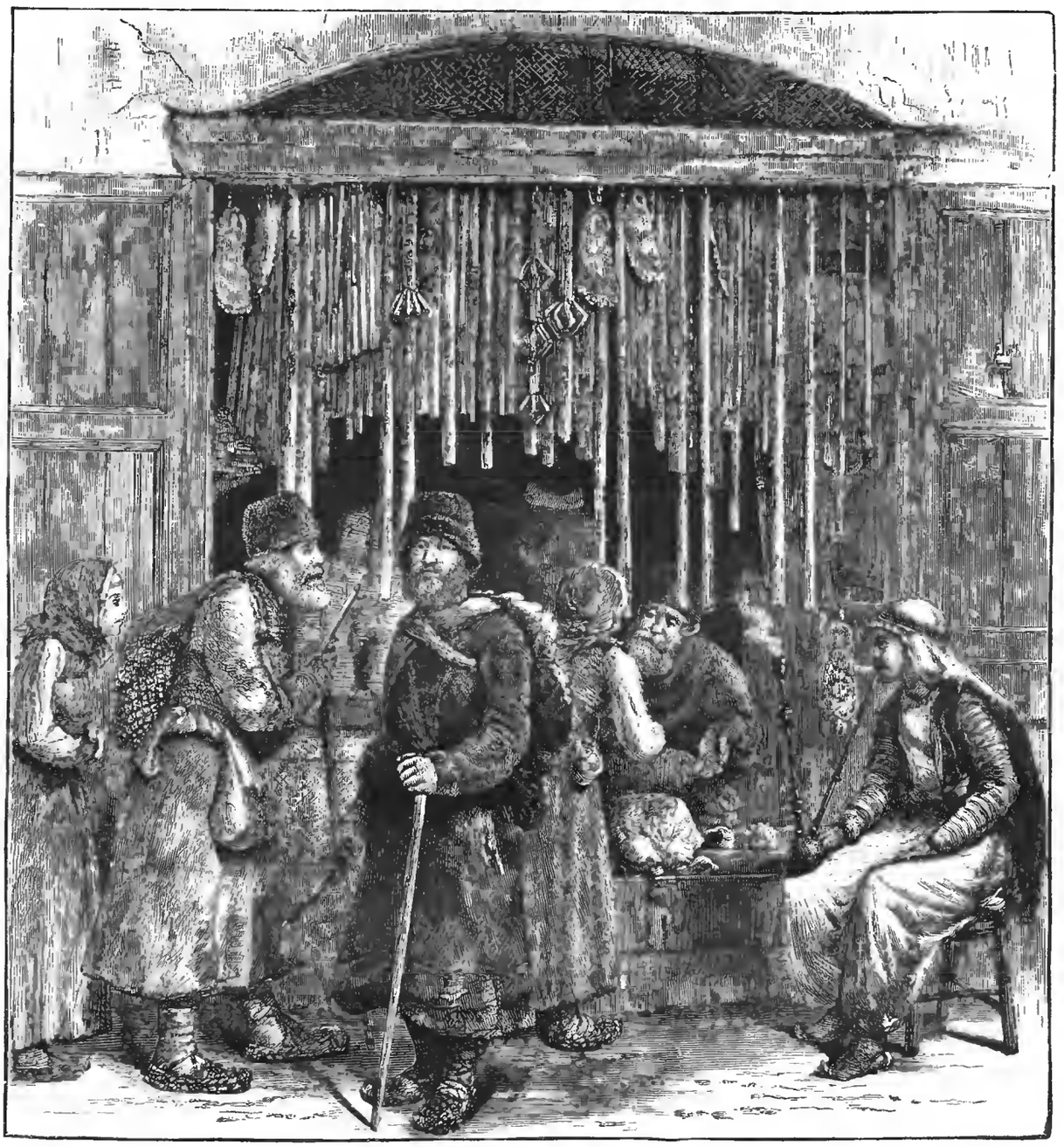
По дѣлу Спб. Общества водопроводовъ, 27-го марта, въ 6-мъ отдѣленіи спб. окружнаго суда была объявлена слѣдующая резолюція:

1) Наложеніе штрафовъ по протоколамъ 13-го и 14-го октября, 4-го и 10-го ноября 1883 года признать неправильнымъ; а означенные штрафы, въ суммѣ 1,500 руб. съ %, на 500 руб. съ 29-го октября и на 1,000 руб. съ 10-го ноября 1883 года, взыскать съ городскаго общественнаго управленія въ пользу общества водопроводовъ. 2) По встрѣчному иску спб. городскаго общества, обязать общество спб. водопроводовъ устроить центральные фильтры, въ порядкѣ, указанномъ 6-мъ параграфомъ устава общества; въ ходатайствѣ городскаго общества о назначеніи срока на производство работъ—отказать. Отвѣтственность въ платежѣ судебныхъ издержекъ возложить на обѣ стороны, по ихъ соразмѣрности, и на этомъ основаніи взыскать въ пользу городскаго спб. общества съ общества водопроводовъ—5,135 руб. 35 к.

Въ дневникѣ королевы Викторіи, который въ одинъ день разошелся въ десяти тысячахъ экземпляровъ, разсказывается, между прочимъ, анекдотъ объ Георгѣ Броунѣ, который весьма характерно рисуетъ намъ нравы англичанъ. „Послѣ завтрака, предложеннаго намъ Броуномъ и Франсіе, пишетъ королева, мы воспользовались прекрасной, тихой погодой и отправились рисовать эскизы съ натуры. Здѣсь насъ стали безпокоить самымъ наглымъ любопытствомъ репортеры, которые всюду слѣдовали за нами; особенно раздражалъ насъ одинъ изъ нихъ, помѣщавшій свои замѣтки въ шотландскомъ листкѣ: онъ, лежа, все время наблюдалъ за нами въ подзорную трубу. Когда Броунъ отправился къ нему, попросить его прекратить свои наблюденія и удалиться прочь, онъ отвѣчалъ ему

Библиотека "Руниверс"

очень дерзко, но въ концѣ концовъ все же принужденъ былъ оставить насъ въ уединеніи. Броунъ, вернувшись къ намъ, замѣтилъ, что ему пришлось выдержать чуть не цѣлую баталію, чтобы принудить нахала-корреспондента удалиться прочь. Когда Броунъ, весьма вѣжливо, передалъ ему, что королева желаетъ остаться одной и проситъ ее не безпокоить, то онъ отвѣтилъ, что самъ имѣетъ такое же право быть здѣсь, какъ и королева. Браунъ перемѣнилъ тонъ и началъ требовать то, о чемъ прежде вѣжливо просилъ. На это корреспондентъ возразилъ: „знаете ли вы, кто я такой"? — Я знаю только одно, что ни одинъ порядочный джентльменъ Англіи



Русскіе богомольцы въ Іерусалимѣ. Свѣчная продажа у греческой церкви. По рисунку Н. Гирона, грав. Флюгель.

не позволитъ себѣ дѣлать то, что дѣлаете вы, а потому, если вы не исполните моихъ требованій, я заставлю васъ сдѣлать это силой.—„Вы потрудитесь повторить мнѣ то, что сейчасъ сказали, вотъ передъ этими господами, которые сюда приближаются (другіе репортеры)!" Но Броунъ еще болѣе рѣшительно отвѣтилъ, что онъ скажетъ это каждому, кто позволитъ вести себя не такъ, какъ подобаетъ джентльмену. И такъ какъ эти господа уже недалеко, то посовѣтывалъ ему лучше удалиться безъ скандала, что онъ наконецъ и сдѣлалъ. Такой поступокъ репортера стоитъ того, чтобы сдѣлать его извѣстнымъ".

Профессоръ докторъ Бильротъ, извѣстный вѣнскій операторъ, дѣлаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ слѣдующее предостереженіе. „Въ теченіи послѣдняго мѣсяца, мнѣ пришлось видѣть четыре случая, въ которыхъ незначительныя пораненія были, вслѣдствіе неумѣлаго употребленія, обожжены карболовой кислотой; всѣ эти четыре случая были съ дѣтьми, родители которыхъ сами прописывали дѣтямъ примочки съ карболовой кислотой, такъ какъ знали, что она хорошо помогаетъ при пораненіяхъ. Карболовая кислота теперь уже, мало по малу, начинаетъ оставляться даже хирургами, такъ какъ средство это, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, приводитъ не только къ воспаленіямъ и обжогамъ, но можетъ, вслѣдствіе заражнія крови, повлечь за собой смерть; она хороша только въ рукахъ опытнаго врача. Я совѣтую самымъ настоятельнымъ образомъ, не употреблять карболовой кислоты безъ предписанія врача. Какъ лучшее средство, при свѣжихъ пораненіяхъ, рекомендую я свинцовую примочку, но только непремѣнно купленную въ аптекѣ".

Интересный аукціонъ. Въ „Hôtel Drouot", центральномъ аукціонномъ залѣ Парижа, имѣлъ недавно мѣсто очень забавный аукціонъ. Однажды въ одной изъ залъ камеры, среди выставленныхъ для продажи изящныхъ античныхъ вещей, находилась старая, уже совсѣмъ потемнѣвшая картина, изображавшая голову сѣдаго старика, которая выдавалась за произведеніе кисти Рембрандта. Торговцы античными вещами не высоко цѣнили эту потемнѣвшую уже картину, которую нельзя было даже хорошенько разсмотрѣть, и только одинъ изъ нихъ, послѣ долгаго размышленія, заявилъ, что согласится взять ее, такъ ужъ, на свой страхъ, за половину назначенной цѣны, которая была объявлена въ 600 франковъ. Произошла короткая пауза. Аукціонистъ предложилъ обычный вопросъ: „кто больше?" и началъ показывать ее публикѣ. Тогда изъ одного угла,

Библиотека "Руниверс"

гдѣ помѣщались любители антиковъ, совершенно ясно и отчетливо раздалось: 700 франковъ. Это заставило обратить вниманіе на картину и ее начали тщательно разсматривать. Аукціонистъ воспользовался этимъ моментомъ благопріятнаго оборота дѣла и началъ говорить о значеніи произведеній Рембрандта въ дѣлѣ искусства, что и привело къ желанному результату. Изъ того же угла посыпалось: 750, 800, 900, 1000 франковъ! Публика въ полномъ недоумѣніи; знатоки пробираются черезъ толпу и снова начинаютъ разсматривать картину; аукціонистъ подзадориваетъ ихъ. „Это чистѣйшій позоръ для Франціи, говоритъ онъ, мы не умѣемъ цѣнить Рембрандта!"—1.500, провозглашаетъ одинъ изъ торговавшихся; 2,000, предлагаютъ изъ угла.—2,000 фр., разъ, два! выкрикиваетъ аукціонистъ.—2,500, раздается въ совершенно противоположномъ направленіи голосъ, который раньше не принималъ участія въ торгѣ. Но торговцы древностями не позволяютъ шутить съ собой. Трое изъ нихъ настойчиво начинаютъ набивать цѣну и въ теченіи десяти минутъ картину вогнали въ 6000 франковъ! Наступаетъ интересный моментъ. Торговцы останавливаются на этой цѣнѣ и не идутъ дальше. Выступаютъ новые конкуренты и, набавляя по ста франковъ, доходятъ до 8500. Новая пауза; опять подзадориваніе со стороны аукціониста. Тогда два голоса, которые раздавались раньше изъ заднихъ угловъ, начинаютъ наперерывъ другъ передъ другомъ набавлять цѣну и она доходитъ до неслыханной цифры въ 10 тысячъ франковъ! Публика въ изумленіи; даже коммисіонеръ считаетъ возможнымъ остановиться на этомъ. „Господа, говоритъ онъ, прошу пожаловать ко мнѣ того, кто предлагалъ послѣднюю цѣну! Кто предлагалъ 10000 фр.?" Мертвое молчаніе. „Кто давалъ 10 тыс. фр.?" Отвѣта нѣтъ. „Въ такомъ случаѣ, кто предлагалъ 9,500? Кто 9,000?" Попрежнему никакого отвѣта. „Господа, мы собрались сюда не ради шутокъ, потрудитесь сказать, кто предлагалъ 9 тысячъ?" Когда и на это приглашеніе не послѣдовало отвѣта, аукціонистъ взялъ картину и отнесъ ее обратно на свое мѣсто.

По поводу этого аукціона, въ одномъ изъ мѣстныхъ парижскихъ листковъ была помѣщена слѣдующая замѣтка: „Вчера въ залѣ № 14 „Hôtel Drouot", происходила аукціонная продажа картины, которая должна была быть снятой съ торговъ безъ результата, такъ какъ—чревовѣщатель съигралъ плохо свою роль съ набавленіемъ цѣны".

Похищенный костюмъ пэра. Альфредъ Теннисонъ, англійскій poeta laureatus, какъ извѣстно, былъ недавно пожалованъ баронскимъ титуломъ и званіемъ лорда. По заведенному издавна обычаю, каждый новый лордъ, прежде чѣмъ занять свое мѣсто въ золоченой залѣ пэровъ, долженъ принести присягу вѣрности, облаченный въ длинную ярко краснаго цвѣта мантію, съ горностаевой опушкой и съ подобіемъ короны на головѣ. Но, какъ видно, боги захотѣли отомстить Теннисону за его тщеславное желаніе сдѣлаться барономъ. И вотъ посланникъ ихъ, Меркурій, похищаетъ съ желѣзнодорожной станціи сундукъ, въ которомъ находилось пэрское одѣяніе новаго лорда. Наступаетъ часъ принесенія священной присяги, а одежды нѣтъ. Церемоніймейстеромъ и всѣми лордами овладѣваетъ смущеніе. Но одинъ изъ нихъ, лордъ Колериджъ, движимый чувствомъ состраданія, предлагаетъ новому коллегѣ свой костюмъ для этого—ad hoc, какъ выражаются юристы. Церемоніймейстеръ вздыхаетъ свободнѣе и баронъ Теннисонъ, надѣвъ костюмъ лорда Колериджа, приноситъ присягу.

Награжденіе преміями красивѣйшихъ женщинъ Румыніи. Румынскій листокъ, издающійся въ Бухарестѣ, сообщаетъ, что 1-го іюня настоящаго года, въ Бухарестѣ будутъ розданы премія красивѣйшимъ женщинамъ, при чемъ пять премій назначено для женщинъ Бухареста, три для Яссъ, по двѣ для Галаца и Крайовы и по одной для прочихъ окружныхъ городовъ; онѣ будутъ состоять изъ драгоцѣнныхъ украшеній, туалетныхъ матерій и медалей. Комитетъ, во главѣ котораго стоитъ извѣстный румынскій нотабль Гика, приглашаетъ каждаго румына сообщить ему имена и подробный адресъ тѣхъ женщинъ, которыхъ считаетъ онъ самыми красивыми. 1-го мая, слѣдовательно за мѣсяцъ до дня выдачи премій, въ общественномъ саду города будутъ вскрыты всѣ полученныя письма, и преміи будутъ присуждены тѣмъ замужнимъ женщинамъ и дѣвушкамъ, которыя получатъ, на основаніи этихъ сужденій, большее число голосовъ. 2-го мая и въ слѣдующіе затѣмъ дни въ бухарестскихъ листкахъ будутъ объявлены присланные каждымъ лицомъ списки красивѣйшихъ женщинъ для гласной провѣрки.

Драгоцѣннѣйшимъ изъ зонтиковъ, какимъ когда либо обладала какая нибудь женщина, безспорно долженъ считаться зонтикъ королевы Англіи. Это подарокъ одной изъ богатѣйшихъ торговыхъ компаній Остъ-Индіи, и весь употребленный на него матеріялъ составляетъ производство этой компаніи. Шелковая матерія, изъ которой сдѣлана покрышка зонтика, щеголяетъ такимъ замѣчательнымъ узоромъ, какого еще никогда не удавалось достигнуть. Ручка сдѣлана изъ слоновой кости, замѣчательной работы, стержень изъ массивнаго золота; грифъ и кольцо такіе же. Огромное количество бриллліантовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней украшаютъ грифъ и кольцо и тѣмъ еще больше увеличиваютъ цѣнность этой дорогой вещи, которую королева употребляетъ только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

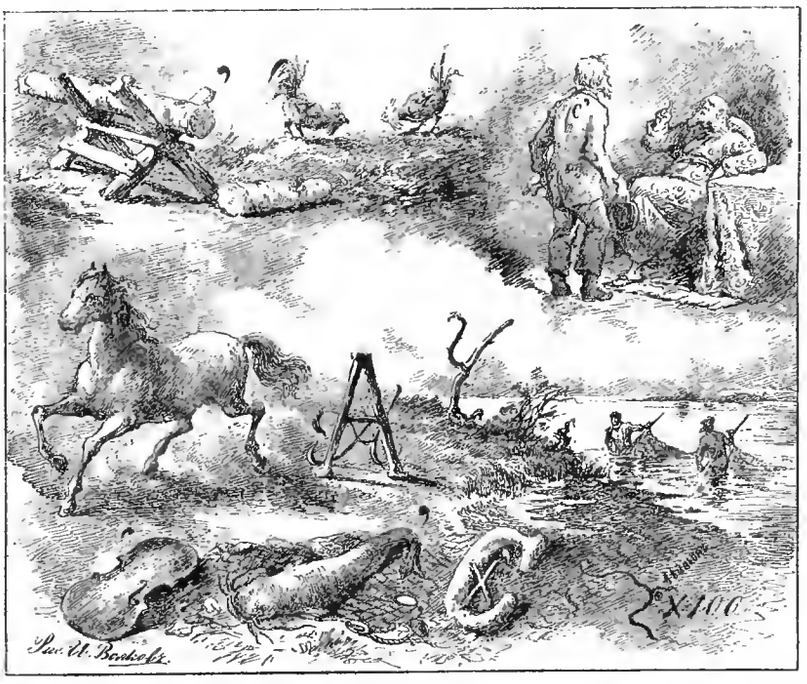
Лордъ Гладстонъ. Гладстонъ, какъ извѣстно, уже нѣсколько разъ отказывался отъ званія пэра Англіи и засѣданій въ палатѣ лордовъ. Теперь, какъ сообщаютъ изъ Лондона, старшій сынъ премьера, В. Гладстонъ, въ признаніе громадныхъ услугъ, которыя принесъ странѣ его отецъ, будетъ пожалованъ въ пэры и будетъ именоваться лордомъ Гладстономъ.

Драгоцѣнные камни, какъ извѣстно, тоже подчиняются модѣ, какъ и всѣ другія украшенія. Въ настоящее время изъ цвѣтныхъ камней особенно моднымъ сталъ аметистъ, между тѣмъ какъ золотистый топазъ и сафиръ имѣютъ теперь меньшій спросъ. Аметистомъ называютъ обыкновенно два совершенно различныхъ камня, въ цѣнѣ которыхъ также большая разница; именно фіолетовый аметистъ-кварцъ, который тысячами центнеровъ вывозится изъ Бразиліи, и фіолетовый корундъ, который, въ отличіе отъ аметиста-кварца, называютъ восточнымъ аметистомъ. Оба эти камня, при дневномъ свѣтѣ, имѣютъ почти одинаковый цвѣтъ, но если поднести ихъ къ свѣчѣ, то получается значительная разница. Аметистъ-кварцъ, даже самаго красиваго, темно-фіолетоваго цвѣта, кажется здѣсь почти сѣрымъ, между тѣмъ какъ аметистъ-корундъ не теряетъ своего цвѣта и получаетъ фіолетово-красный оттѣнокъ; потому-то этотъ аметистъ и цѣнится въ 8 разъ дороже перваго. Въ Парижѣ приготовляютъ искусственнымъ образомъ такіе аметисты, что даже самые опытные ювелиры не могутъ отличить ихъ отъ натуральныхъ. Но искусственный аметистъ не такъ твердъ, какъ настоящій, и достаточно провести по немъ два-три раза пилкой, чтобы опредѣлить твердость камня, а слѣдовательно узнать и цѣну его.

Высиживаніе цыплятъ при помощи электричества. Въ Берлинѣ, славящемся обширными примѣненіями электричества для всевозможныхъ цѣлей, недавно у извѣстнаго фабриканта аппаратовъ для высиживанія цыплятъ, Штербена, производился въ присутствіи знатоковъ дѣла, опытъ съ новымъ электрическимъ аппаратомъ. Онъ представляетъ собой корзину, внутри которой помѣщается гнѣздо, сдѣланное изъ соломы. Корзина плотно закрывается крышкой, нижняя поверхность которой выложена перьями. Въ самой крышкѣ проложено, въ видѣ спирали, нѣсколько оборотовъ проволоки, которая соединяется съ регуляторомъ и затѣмъ идетъ къ гальванической батареи изъ 6 элементовъ. Электрическій токъ вступаетъ сначала въ регуляторъ, затѣмъ въ спиральную проволоку и при посредствѣ ея согрѣваетъ аппаратъ. Но такъ какъ для высиживанія цыплятъ однимъ изъ главныхъ условій является, на сколько возможно, постоянная температура, а между тѣмъ при непрерывномъ токѣ проволока накаливалась бы все сильнѣе и сильнѣе, то для урегулированія температуры и служитъ вышеупомянутый регуляторъ, дѣйствующій автоматически, замыкая и прерывая цѣпь. Въ крышку аппарата вдѣланъ небольшой ртутный термометръ, шарикъ котораго почти касается гнѣзда. Въ трубку этого термометра, на опредѣленной высотѣ, вставлена платиновая проволока, сообщающаяся съ рычагомъ регулятора, представляющаго собой небольшой электромагнитъ. Какъ только температура аппарата поднимется выше нормальной (30°), ртутный столбикъ термометра касается платиновой проволоки и электро-магнитъ прерываетъ токъ. При паденіи ртутнаго столбика, происходитъ обратное дѣйствіе, цѣпь батареи замыкается и спиральная проволока крышки начинаетъ накаливаться сильнѣй.

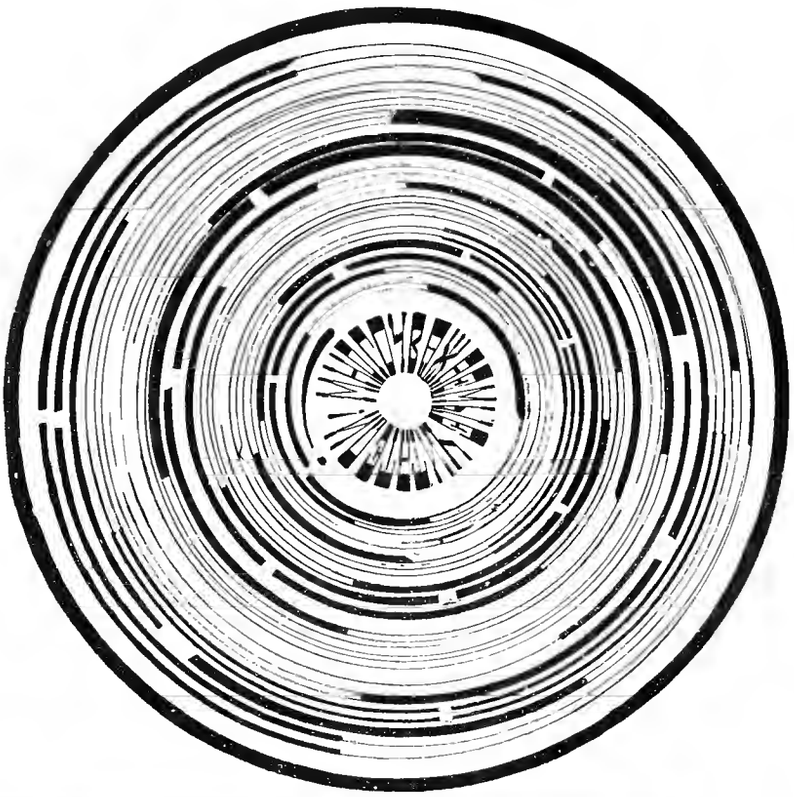
Подводный ботъ. Въ Стокгольмѣ, по заказу французскаго правительства, выстроено судно для подводнаго плаванія. Ботъ этотъ,

Ребусъ. Задача № 13.



Библиотека "Руниверс"

Пасхальная задача № 14.



65 футовъ длины и 6 футовъ ширины, снабженъ паровой машиной въ 30 лошадиныхъ силъ. При происходившемъ уже пробномъ плаваніи онъ достигалъ скорости 10 морскихъ миль въ часъ; судно находилось на глубинѣ 50 футовъ подъ поверхностью озера Меларъ и четыре лица могли свободно оставаться въ немъ въ теченіи шести часовъ. Отъ бота, при подводномъ плаваніи, выдается наружу только трубовидный цилиндръ, имѣющій внутри винтовую лѣстницу, въ которую можно войти только изъ внутренняго пространства судна. Выдающаяся изъ воды часть цилиндрической трубы покрыта стекляннымъ колпакомъ, подъ которымъ стоитъ штурманъ, управляющій судномъ съ этого наблюдательнаго поста.

Время переѣзда изъ Европы въ Америку будетъ значительно сокращено съ постройкой инженеромъ Забилло новаго парохода, съ быстрымъ ходомъ. Пароходъ этотъ имѣетъ 670 футовъ длины, 100 футовъ ширины, съ подъемной силой въ 10,000 тоннъ и снабженъ машиной въ 20,000 лошадиныхъ силъ. Онъ можетъ вмѣстить 1500 человѣкъ пассажировъ и будетъ совершать переѣздъ, при благопріятной погодѣ, въ четыре дня.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками** (новаго образца) **на типографскіе расходы.**

СОДЕРЖАНІЕ: **Церковь во имя Преп. Сергія въ селѣ Деулинѣ** (съ рис.).—**Въ старой Москвѣ.** Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ, **Гр. Е. А. Саліаса.** Часть вторая. (Продолженіе).—**Увлеченіе.** Разсказъ **Н. Грабера.**—**Св. Апостолъ Павелъ, проповѣдующій въ Аѳинахъ** (съ рис.).—**Вербное воскресенье въ Нормандіи** (съ рис.).—**Виды Іерусалима** (съ 3 рис.).—**Херувимы, поющіе славу Божію** (съ рис.).—**Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ** (съ рис.).—**Свѣтлое Воскресенье въ деревнѣ.** Стихотвореніе **К. Мед—скаго.**—Политическое обозрѣніе—Смѣсь.—Ребусъ.—Пасхальная задача.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ

„ЭЛЕОПАТЪ"

ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА

употребляется для останавливанія выпаденія волосъ и **противъ столь вредной для роста волосъ перхоти.**

Продается въ С.-Петербургѣ, въ магаз. Штоль и Шмидтъ и въ русск. общ. торговли аптек. товарами; въ Москвѣ и провинціи—во всѣхъ большихъ аптекахъ и у **дрогистовъ;** цѣна флакону **1 руб. 50** коп. безъ пересылки.

Провизоръ КИНУНЕНЪ.

ПРОДАЕТСЯ или мѣняется на домъ въ Спб. имѣніе Витебск. губ. близъ г. Себежа на рѣкѣ и озерѣ, домъ со всѣми удобствами и большимъ фруктовымъ садомъ; 7 фольварковъ, 2 корчмы, кузница, мельница и домъ въ городѣ. Всей земли 3,273 десят., доходъ 10,000 рублей. Адресовать въ г. Себежъ **А. Н. Томилову.** № 3287. 1—1

ВЫШЕЛЪ НОВЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ:
„КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА"
съ 5-ю планами и 3-мя видами въ 204 стр.
Цѣна 40 к., въ изящн. перепл. 60 к.
Выписывающіе съ издан. карман. книгою:
„КІЕВЪ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ",
прибавляютъ по 40 к. за экз. съ перес.
Адр.: Кіевъ, Окруж. штабъ. Н. Тарановскому.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ **ДУХИ КАДРЮПЛЬ** (EXTRAITS QUADRUPLES)
для носовыхъ платковъ, платьевъ, кружевъ и пр.

Lohse's Maiglöckchen	Лозе—Ландышъ
Lohse's Héliotrope blanc	Лозе—Бѣлый Гелiотропъ
Lohse's Königin der Nacht	Лозе—Королева ночи
Lohse's Excelsior-Bouquet	Лозе—букетъ Эксельсіоръ

въ обыкновенныхъ флаконахъ 1 р. 50 к. и большихъ.

NEU: Lohse's Gold Lilie	НОВОСТЬ: Лозе—Золотая лилія

удостоены высшими наградами на всѣхъ международныхъ выставкахъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ придворный парфюмеръ Ея Имп. Вел. Императр. Германской. Поставщикъ Ея Имп. Выс. Наслѣдницы Германск. престола и пр. **БЕРЛИНЪ, W.** Jaeger-Strasse 46.

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ Россійской Имперіи. Ц. № 3221 12—5

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ

МЕТАЛЛИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

Выборг стор Набер. В Невы, № 11, С.-Петерб.

ПАРОВЫЕ КОТЛЫ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ

усовершенствованной конструкціи наилучшаго матеріала, съ гидравлической склепкой, самой тщательной работы,

1882 1882

ГОТОВЫЯ и ВЪ ПОДГОТОВКѢ.

Прессованныя днища.
Трубы Галловэ.

№ 2764 10—9

Страхованіе пенсіи на старость.

ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себѣ пенсію (доходъ) въ

1,000 РУБ. ЕЖЕГОДНО,

уплата которой **начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста** застрахованнаго и продолжается до его смерти.

За это страхованіе слѣдуетъ платить Страховому Обществу „РОССІЯ" до начала пенсіи по **29 руб. 64** коп. чрезъ каждые **три мѣсяца.**

Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ

СТРАХОВАГО ОБЩЕСТВА „РОССІЯ",

выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно **Правленіемъ въ С.-Петербургѣ** (Большая Морская, № 13) и **Агентствами.**

№ 2874

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 21. Предлагаетъ свои услуги по всѣмъ банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью, за самое умѣренное вознагражденіе.

Контора открываетъ **АГЕНТСТВА** въ провинціи.

ССУДЫ подъ залогъ % бумагъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

Контора выдаетъ

Изданная конторою брошюра: **„РУКОВОДСТВО КЪ ПРАКТИЧЕСКОМУ ОЗНАКОМЛЕНІЮ СЪ БАНКОВЫМИ ОПЕРАЦІЯМИ И КЪ ОБЛЕГЧЕНІЮ СНОШЕНІЙ ИНОГОРОДНОЙ ПУБЛИКИ СЪ КОНТОРОЮ"** высылается по требованію безплатно. Р. № 3245 8—4

Библиотека "Руниверс"

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

№ 9. СПЕЦІАЛЬНОСТЬ № 9.

для ПОРТНИХЪ и ПОРТНЫХЪ.
МАНЕКЕНЫ изъ ПАРИЖА.
Маненены для корсетовъ.
Маненены для бѣлья.
Маненены для платковъ.
Манекены для мужчинъ.
Манекены полудлинные, для дамъ.
И. Ванонъ.
№ 9. Гороховая **№ 9.** кв. **№ 8. № 9,** въ бель-этажѣ, въ С.-Петербургѣ.
Прейсъ-куранты посылаются безплатно. № 3281 2—1

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ
лучшій аппаратъ для тушенія пожаровъ зачатка и поливки цвѣтовъ по 16 р. Упаковка 40 коп.
РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА
товарищества Буркгардтъ и Урлаубъ, самая простая, дешевая, легкая и прочная настоящаго времени—имѣется у насъ на складѣ 10 разн. размѣровъ—наименьшая выбрасыв. 600 ведеръ воды въ часъ и стоитъ 115 р. Наибольшая—1800 ведеръ и стоитъ 400 р.
Нососы ручные, приводные и паровые для всѣхъ возможныхъ цѣлей.
ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЛЯ
лучшій паровой насосъ настовщ. времени.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МАШИНЪ ВСЯКАГО РОДА.
ТОВАРИЩЕСТВО
БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ
С.-Петерб. В. О. 1 л. № 14. Москва, Мясницкая д. **Сытова**
„Просимъ не смѣшивать нашу фирму съ другими, схожими на нашу по фамиліи".
Иллюстр. катал. безплатно. № 3249 6—3

АМЕРИК. ЦѢПОЧКИ ДЛЯ ЧАСОВЪ

единственный складъ у Василія Аурихъ. С.-Петербургъ, Бол. Морская 17. Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство что не почернѣютъ—5 лѣтъ.
Мужскія въ 3 р. 50 к., 4 р., 4 р. 50 к. и 5 р.
„ двойныя 6 р.
Женскія съ кистью 4 р. 50 к. **Берлокъ** 50 к. Пересылка 50 к. Торговцамъ скидка!
№ 3260 3—3

Изданіе А. Ф. Маркса.
КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника **XVIII** вѣка. 2-е изданіе. СПБ. 1882 г. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ каленкор. переп. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

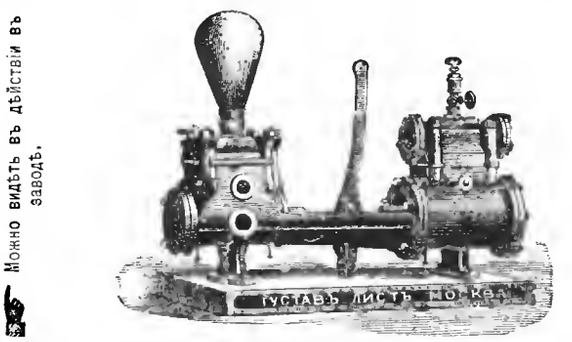
ПОКУПАЮТЪ
ДРЕВНОСТИ
ИЗЪ
ЗОЛОТА и СЕРЕБРА,
какъ то: **золотыя эмальированныя табакерки, серебряныя кружки, кубки, бокалы, блюда и кувшины** и вообще всякаго рода **древности, изящной работы прошлыхъ столѣтій** до временъ Екатерины II-й.
Просять адресоваться лично или письменно: **г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ,** Москва, Малая Дмитровка, домъ графа Васильева-Шиловскаго. № 3189 6—4

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ
СБОРНИКЪ узакон. отн. до Общ. Пол. и кр. учр. съ рѣш. Сен. и изд. Зак. А. Скоровъ. Ц. 4 р. въ переп. 4—50. Выпис. отъ изд. (Москва) за пер. не платятъ. № 3151 6—4

БАРОМЕТРЪ
и способы раціон. пользов. имъ вообще и въ **сельск. хозяйствѣ. К. Маслянинова.** Цѣна **35** к. безъ пер. У автора **6** почт. мар. съ перес. (Знаменская ул., 43). № 3292. 1—1

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ **НОВОЕ ИЗДАНІЕ** Ф. ПАВЛЕНКОВА:
ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ
Профессора Г. ЖОЛИ.
Переводъ съ французскаго. Содержаніе: I. Подготовка генія культурнымъ ростомъ народа.—II. Вліяніе родовой и фамильной наслѣдственности.—III. Великій человѣкъ и современная ему среда.—IV. Геній и вдохновеніе.—V. Заключеніе. Спб. 1884 г. 350 стр. **ЦѢНА 1 руб. 25 коп.** Мт. № 3283 1—1

ЧУГУННО-МѢДНО-ЛИТЕЙНЫЙ И МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
ГУСТАВЪ ЛИСТЪ ВЪ МОСКВѢ
РЕКОМЕНДУЕТЪ ПРЯМОДѢЙСТВУЮЩІЕ
НОВЫЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКІЕ ПАРОВЫЕ НАСОСЫ
ПРЕВОСХОДНАГО ДѢЙСТВІЯ, ДЛЯ ПИТАНІЯ КОТЛОВЪ И ДЛЯ ВОДОСНАБЖЕНІЯ,



№ 3219 **ПО СЛѢДУЮЩЕМУ ПРЕЙСЪ-КУРАНТУ:** 5—4

Діаметръ цилиндр. паровaго	Діаметръ цилиндр. насоснаго	Ходъ поршней	Діаметръ водян. трубъ	Діаметръ паровой трубы	Діаметръ паро-выпускной трубы	Число ходовъ въ минуту	Количество воды въ часъ ведеръ	Цѣна Руб.
3"	1½"	6"	1¼"	½"	¾"	150	125	150
3"	2"	6"	1¼"	½"	¾"	150	225	170
4"	2'	9'	1¼'	¾"	1"	150	150	190
4"	3'	9"	2"	¾"	1"	120	550	220
6"	3'	12"	2½"	1"	1¼"	100	680	275
6"	4"	12"	3"	1"	1¼"	100	1200	300
6"	6'	12'	4"	1"	1¼"	100	2700	435
8"	3'	12"	2½"	1½"	1¾"	100	680	380
8"	4"	12'	3"	1½"	1¾"	100	1200	425
8"	6"	12"	4"	1½"	1¾"	100	2700	525
10"	4"	12"	3"	1¾"	2"	100	1200	500
10"	6"	12"	4"	1¾"	2"	100	2700	600
12"	4"	12'	3"	2¼"	2½"	100	1200	625
12"	6"	12"	4"	2¼"	2½"	100	2700	750

EAU D'HOUBIGANT
la plus appréciée pour la toilette.
Houbigant parfum. de la Cour de Russie Paris.

William Lasson's Hair-Elixir.
Самое испытанное средство для укрѣпленія и рощенія волосъ.
Цѣна флакону 3 руб. 50 коп. Продается въ СПБ. въ Гостин. дворѣ, у Г. Кошкина, № 19, М. Ушакова, № 33, А Рузанова, № 40, В. Парикова и К°, № 78 и у Рооса, Владимірск. пр., № 7.
Р. № 3275 2—2

„АМЕРИКАНКА",
снарядъ для стирки бѣлья. При стиркѣ, посредствомъ этого снаряда, бѣлье дольше сохраняется, потому что оно не подвергается тренію полотна о полотно, отчего при обыкновенной стиркѣ такъ скоро начинаетъ рѣдѣть и рваться. Чистота достигается вполнѣ при однократной стиркѣ и поэтому значительно меньше расходуется мыла и топлива. Сама работа производится весьма легко и скоро, такъ что требуется втрое меньше рабочихъ рукъ. Снарядъ далеко неложенъ и весьма прочень. Одинаково полезенъ, какъ для большихъ и малыхъ хозяйствъ, такъ и для прачешныхъ заведеній. Наставленіе подробное. Приглашаются агенты. Цѣна снаряда съ пересылкой 5 рублей. Адресъ: **агенту русскаго страховаго общества, В. Шлеменсону, въ Симферополѣ.** № 3293

А. СІУ и К°
ПАРФЮМЕРНЫЙ и КОСМЕТИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ
Тверская, д. Вагина.
МОСКВА.
ПОДРОБНЫЙ **ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ** ВЫСЫЛАЕТСЯ **ПО ТРЕБОВАНІЮ.**

Чернилы Леонарди.
Хорошо знакомы!
нѣсколько разъ удостоены преміями.
Амстердамъ 1883: золотая медаль
торговая марка.

Получить можно въ почти всѣхъ торговляхъ бумагою и канцелярскими принадлежностями въ Россіи
Отъ поддѣлки предостерегаютъ.
Aug. Leonhardi, Dresden.
учрежд. 1826.
Изобрѣтатель патент. **Алицаринобыхъ чернилъ.**

ВЪ МОСКВѢ. Аптекарскій магазинъ Р. Кемеричъ ВЪ МОСКВѢ.
Ц. № 3104 7—7

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ, № 2913 7 7
ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ.
ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ
бѣлитъ зубы, не портя ихъ эмали, предотвращаетъ гніеніе зубовъ.
ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ
укрѣпляетъ десны, утоляетъ зубную боль, освѣжаетъ ротъ.
Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.
Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.
DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.
ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФРЕРА,
19, Rue Jacob, Paris.
У ВСѢХЪ АПТЕКАРЕЙ И ПРОДАВЦЕВЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ.
DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

Библиотека "Руниверс"

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

въ С.-Петербургѣ, Гостиный дворъ, 17 и 18 [redacted] продаются слѣдующія кни и [redacted] въ Москвѣ, Петровка, д. Михалкова,

РУССКОЕ ОГОРОДНИЧЕСТВО

полное, опытное, составленное по 25-лѣтней опытности.
Сочиненіе ЛЬВОВА, просмотрѣнное Проф. Усовымъ.
2 т. съ 74 рис. и чертеж. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 25 к.

Составитель этой книги, надворный садовникъ Львовъ, извѣстенъ какъ хорошій огородникъ, знающій массу различныхъ такъ называемыхъ секретовъ и пріемовъ, которые въ этой книгѣ переданы публично. Каждое же положеніе и указаніе въ книгѣ написано вполнѣ на основаніи опыта, украшеннаго неоднократнымъ успѣхомъ.

Устройство живыхъ плетневыхъ изгородей изъ бѣлаго боярышника, съ свѣдѣніями относительно разведенія этого полезнѣйшаго растенія. Соч. Е. Шенка, съ 16 полит. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

СЛОВАРЬ РАСТЕНІЙ

дикорастущихъ и разводимыхъ на огородахъ, въ комнатахъ, садахъ, теплицахъ, парникахъ, грунтовыхъ сараяхъ и оранжереяхъ, съ описаніемъ способа ухода за ними и ихъ отличительныхъ признаковъ. 2-е изд., съ дополнен. указан. въ какомъ мѣсяцѣ и какія работы производятся въ означенныхъ заведеніяхъ.
Составилъ П. Алабинъ.
Въ 8 д. л. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Цѣль этой книги облегчить любителю цвѣтоводства, во всѣхъ его видахъ, пріисканіе необходимыхъ указаній способовъ ухода за растеніями и облегченіе отысканія въ каталогахъ сѣмяноторговцевъ нужныхъ растеній.

Садоводственныя занятія на цѣлый годъ, съ разными полезными указаніями, извлеченными изъ записокъ опытныхъ русскихъ садоводовъ. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

РУССКАЯ ПОМОЛОГІЯ

или описаніе признаковъ и способовъ разведенія сортовъ плодовыхъ растеній, произрастающихъ въ сѣверныхъ и среднихъ юго-восточныхъ губерніяхъ Россіи. Соч. Э. РЕГЕЛЯ, директора Имп. Бот. Сада.
Съ роскошными хромол. картинами.
2 части. Ц. 12 р., съ пер. 14 р.

Книга эта—результатъ 25-лѣтнихъ трудовъ, розысканій и изслѣдованій извѣстнаго спеціалиста. Въ помологической литературѣ сочиненіе Регеля составляетъ явленіе знаменательное. Оно не только полезно, но и необходимо для всякаго садовода.

Совѣты любителямъ цвѣтоводства. Полезныя указанія относительно насажденія цвѣтовъ, ухода за ними, ихъ примѣненія и т. п. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к.

МІРЪ РАСТЕНІЙ.

Опытъ космической ботаники.
Соч. Карла Мюллера, перев Ф. Резенера. Съ 300 политип. въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.; въ перепл. ц. 4 р., съ пер. 5 р.

Здѣсь изложено все то, что относится къ растеніямъ вообще, ихъ вліяніе на человѣка и природу, классификація, ихъ отношенія къ почвѣ, климату и проч. Затѣмъ идетъ исторія растительнаго царства, физіономика и распространеніе растеній, разборъ видовъ и родовъ растеній и т. п. Книга украшена политипажами, поясняющими текстъ.

Разведеніе раннихъ овощей и столовой зелени. Простыя средства къ устройству парниковъ, къ приготовленію сѣмянъ и т. п. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ для ДѢТЕЙ и ЮНОШЕСТВА: ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

Первые 23 ном., **совершенно распроданные**, вышли **вторымъ изданіемъ**, такъ что новые подписчики получаютъ журналъ съ **перваго номера.**

Самый распространенный иллюстрированный еженедѣльный русскій журналъ для дѣтей и юношества, состоящій изъ двухъ самостоятельныхъ журналовъ для дѣтей и юношества. Подписная цѣна въ годъ на каждый (52 номера съ преміями и прибавленіями) **6** руб. Подписка принимается въ книжн. магаз. Тов. М. О. ВОЛЬФЪ въ СПБургѣ и Москвѣ. № 3291

ФИСГАРМОНІИ.

изъ наилучшихъ парижскихъ фабрикъ по фабричнымъ цѣнамъ:

4	окт.	1	игра	дубоваго дерева	90	руб.
4	„	1	„	палисандр. дер.	100	„
5	„	1	„	1 рег. дуб. дер.	120	„
5	„	1	„	1 „ валис. дер.	130	„
5	„	1	„	3 „ дубов. дер.	140	„
5	„	1	„	3 „ палис. дер.	150	„
5	„	1½	„	7 „ „ „	175	„
5	„	2½	„	11 „ „ „	250	„
5	„	4½	„	18 „ „ „	400	„

Школы для фисгармоніи по 1 р. 20 к. и 4 руб.
Американскія фисгармоніи по 225 р., 300 р., 400 р. и 500 р.
ГАРМОНИФЛЮТЫ въ 40 р., 45 р., 60 р., 75 р., 90 р. и 140 р.
Складныя желѣзныя подставки для гармонифлютъ 10 р.
Школы для гармонифлютъ по 75 к. и 1 р.
ГАРМОНИФЛЮТЪ СЪ ОРГАНОМЪ съ 1 валомъ, играющимъ 6 пьесъ 250 р., отдѣльные валы по 30 руб.
ФИСГАРМОНИИ СЪ ОРГАНОМЪ съ 1 валомъ, играющимъ 7 пьесъ 300 р. Отдѣльные валы по 35 руб. — **рекомендуетъ**

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ
ЮЛІЯ ГЕНРИХА ЦИММЕРМАНА.

С.-Петербургъ, на Большой Морской, д. № 36. **Москва**, Кузнецкій мостъ, д. Торнецкаго.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя.

Новѣйшій иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается желающимъ безплатно. Р № 3262. 2—2

ЧОКРАКСКОЕ ГРЯЗЕ-ЛЕЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ въ КРЫМУ, близъ г. КЕРЧИ, открывается 20 Мая. Подробности см. № 13-й „НИВЫ". № 3282 4—1

СПАСАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТЪ.

Необходимо для дачниковъ и жильцовъ деревянныхъ домовъ.

Помощью этого аппарата можно спуститься въ одну минуту безопасно и спокойно изъ высоты на землю. Объемъ его равняется приблизительно величинѣ кирпича, а потому и можно его легко везти съ собой. Цѣна за 45 футовъ высоты **15** р., за каждые превышающіе 20 футовъ **1 руб.** дороже. На пересылку прибавляются вѣсовыхъ за 10 фунт. **Фридр. Штейнхенъ. Вас. Островъ Средн. пр., д. 36, кв. 28, въ С.-Петербургѣ.** Mt № 3.89

ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ.
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА.

Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и факсимиле. 3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп., въ роскошномъ колеккоровомъ переплетѣ 8 руб., съ перес. 9 руб.

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ" 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 р., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: **„ДВА МІРА"** и отдѣломъ въ прозѣ:

„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ".

Первое единственное, **дѣйствительно полное собраніе сочинен. А. Н. Майкова.**

Книгу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала **„Нива"** (Бол. Морская, № 9); **въ Москвѣ у Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

№ 3290 ВЫШЛА АПРѢЛЬСКАЯ КНИЖКА

„СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ".

Стальное ожерелье, дю-Буагобея. (Окончаніе). **Я говорю нѣтъ**, Уильки Коллинза. **Берилевы дома.**

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книгъ, **шесть рублей двадцать пять коп.**, для городскихъ **шесть рублей семьдесять пять коп.**, для иногородныхъ **семь рублей.** Подписка продолжается. Подписавшимся выдаются всѣ вышедшія книги съ № 1.

Подписка принимается на имя **Елисаветы Николаевны Ахматовой**, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Петербургѣ.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу въ конторѣ редакціи журнала **„Нива"**, въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, д. № 9; въ Отдѣленіи Конторы „Нивы" у **Н. Н. Печковской**, Москва, въ домѣ Петровскихъ линій и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, новая повѣсть нашего знаменитаго писателя

Д. В. ГРИГОРОВИЧА
„ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ".

Это весьма изящное изданіе печатано на лучшей веленевой бумагѣ и украшено 36 оригинальными рисунками художника Н. Н. КАРАЗИНА.

Цѣна **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **50** к.; въ калеикор. перепл **1** р. **75** к., съ перес **2** р.

Придворный поставщикъ

О. Б. ПИЛАЦКІЙ

имѣетъ честь предложить гг. любителямъ отборные Байховые чаи перваго весенняго сбора съ южныхъ плантацій „Фуцзяна", изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ нижеслѣдующіе сорта:

№		Р.	К.
	Черные.		
5.	Царскій букетъ вромат. мягкій.	2	—
6.	Чин-кин-кулонгъ необыкн. нѣжн.	2	20
8.	Индѣйская Роза рѣдкостн. аром.	2	50
10.	Гуанзонгъ самый высочайшій .	3	—
12.	Седжунъ въ метал. б. сильн. аст.	2	50
	Цвѣточные.		
17.	Маютанъ Пиха цвѣточный чай .	4	—
19.	Юн-фо-чо-дзи	10	—
20.	Жемчужный зеленый	4	—
22.	Ханскій зеленый	10	—
24.	Сянь Пхянь желтый	6	—
26.	Сіофаюнъ-Панджинъ	10	—

Вышепоименованные сорта постоянно поставляются **по Дворамъ Его Императорскаго Величества и Ихъ Высочествъ.**

Для подарковъ имѣются чаи „Лянсины" въ шелковыхъ и черные—въ метал. банкахъ.

Оптово-розничные склады находятся:

Въ Москвѣ: 1) Большая Лубянка, № 121, 2) Уголъ Тверской и Охотнаго ряда, № 9/10.

Въ Петербургѣ: 1) Невск. просп., противъ Николаевск. ул., № 100, 2) Больш. Морская, противъ Яхтъ-Клуба, № 38.

Въ Варшавѣ: 1) На Маршалковской ул., № 40, 2) на Медовой ул., № 496.

Въ Люблинѣ, Краковск. предм., № 19³ 4.

Въ Ригѣ, Королевская ул., № 4

изъ которыхъ всѣ заказы выполняются немедленно и пересылаются почтою во всѣ города Россійской Имперіи на счетъ складовъ. Прейсъ-куранты высылаются безплатно. Гг. иногородные торговцы благоволятъ за условіями также обращаться въ вышепоименованные склады. П. № 3269 3—3

Съ разрѣшенія с.-петербургскаго и вѣнскаго медицинскаго департаментовъ

ПОМАДА

противъ **сѣдыхъ волосъ**, а также противъ перхоти и выпаденія волосъ.

Рудольфа Кербера.

Продается только въ нижеслѣдующихъ, единственныхъ для Россіи, агентурныхъ складахъ: въ СПб., **у Е. Кристмана**: Невскій пр., домъ католической церкви, кв. 52. Въ Москвѣ: у Х. Р. Фербера, Варварка, д. Гернке. Цѣна за банку **2** руб. Менѣе двухъ банокъ не высылается. За пер. 1 р. отъ 2-хъ до 5-ти банокъ. № 3285

РАЗНОЦВѢТНЫЕ БЕНГАЛЬСКІЕ ОГНИ, ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ,

ФЕЙЕРВЕРКИ, ИЛЛЮМИНАЦІИ, ХИМИЧЕСКІЯ НИТКИ ДЛЯ ЗАЖИГАНІЯ ЛЮСТРЪ и проч.

у БУТРИМОВИЧА,

Фотографа

Императорскихъ С.-Петербург. Театровъ.

С.-Петербургъ, Невскій пр. у Аничкина моста, д. № 8. № 3288. 1—1

При этомъ № прилагается для г. г. иногородн. подписчик. (за исключен. Московскихъ) прейсъ-курантъ шляпной фабрики Лемерсье въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 3 апрѣля 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 15 | XV годъ | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) рази. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 14 Апрѣля 1884 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1884 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ въ Д. № 9.

Плутоватые покупатели. Съ карт. Броуна, грав. Томсонъ.

Библиотека "Руниверс"

Плутоватые покупатели.

Броунъ считается теперь однимъ изъ лучшихъ жанристовъ Нью-Іорка, уличные типы котораго онъ изображаетъ съ замѣчательной жизненностью и экспрессіей. По происхожденію, Броунъ англичанинъ; онъ родился въ Нью-Кестлѣ и съ ранней молодости работалъ на стеклянномъ заводѣ, удѣляя лишь свои вечерніе досуги урокомъ рисованія, которые ему давалъ одинъ изъ мѣстныхъ художниковъ. Шотландская академія художествъ присудила ему медаль по античному классу. Но жажда болѣе широкой и самостоятельной дѣятельности манила юнаго художника въ Америку и вотъ, лѣтомъ 1853 г., двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, онъ переселился въ Нью-Іоркъ.

Броунъ началъ пробовать свои силы въ жанрѣ, изображая разные типы, встрѣченные имъ на улицахъ многолюднаго и шумнаго города, и особенно отдавая предпочтеніе маленькому рабочему люду, уже въ дѣтскомъ возрастѣ заработывающему себѣ хлѣбъ какимъ нибудь трудомъ или промысломъ. Успѣхъ такихъ картинъ Броуна былъ блистательный и любители на расхватъ покупали эти симпатичные наброски разныхъ уличныхъ торговцевъ, бродячихъ музыкантовъ, и другихъ типовъ, которыми такъ обильно снабжаетъ Европа Нью-Іоркъ, благодаря ежегодной многочисленной эмиграціи. Въ 1862 году, Броунъ былъ избранъ членомъ національной академіи, а годъ спустя назначенъ академикомъ. Кромѣ того онъ состоялъ вице-президентомъ американскаго общества акварелистовъ, а также президентомъ художественнаго фонда. Но помимо этихъ почетныхъ званій, Броунъ пользуется еще болѣе завиднымъ и почетнымъ—перваго жанриста Соединенныхъ Штатовъ, и каждое его произведеніе цѣнится чрезвычайно высоко его согражданами, будь то небольшое изображеніе рыбака, фермера, торговца яблоками или нью-іоркскаго гамена—типа очень любимаго Броуномъ. Этого гамена онъ представляетъ то торгующимъ собачками, то заработывающаго себѣ хлѣбъ какимъ нибудь другимъ уличнымъ промысломъ, а въ дни праздника прогуливающимъ свои трудовые гроши на разныя бездѣлушки и сладости или пробующаго иногда и понадуть какого нибудь неопытнаго торговца. Группа такихъ продувныхъ, маленькихъ покупщиковъ, представленная на нашемъ рисункѣ—одно изъ удачнѣйшихъ произведеній Броуна. Они, какъ видите, обступили торговку цвѣтами и букетиками и, ловко заговаривая ее, осыпая ее шутками и прибаутками, въ тоже время ловко выпрашиваютъ букетикъ за букетикомъ и украшаютъ ими петлицы своихъ изношенныхъ жакетовъ. Плутоватыя лица трехъ гаменовъ исполнены прелестно и вообще вся картина написана съ замѣчательнымъ талантомъ и экспрессіей.

Въ старой Москвѣ.

Историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ,

Гр. Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Окончаніе).

Онъ легъ въ постель, рѣшивъ на утро объѣздить всѣхъ своихъ друзей и покровителей, чтобы просить за невиновнаго, зря припутаннаго къ дѣлу внука и зятя, за котораго брался отвѣчать головой и даже состояніемъ.

— Не можетъ быть никакой бѣды, успокоился наконецъ князь. Вѣдь нынѣ не Бироновы времена, нынѣ какіе люди у трона... Воронцовъ, Панинъ. Тотъ же Иванъ Григорьевичъ Орловъ и его братья. Шаховской, князь Яковъ Петровичъ, мой кумъ! Нешто они людоѣды какіе и Шемякинъ судъ творить станутъ! Ну виноватъ—не донесъ, когда зналъ всякое празднословье, а болѣе того ничего и не зналъ. Да и не до того было—жениться хотѣлъ, хлопоталъ... Нѣтъ! Богъ милостивъ... А эти всѣ... дурни! Хуже дурней, вспомнилъ князь гостей. И я у нихъ Гришкой Отрепьевымъ сталъ сразу. Такъ и бросило ихъ всѣхъ отъ насъ, такъ и разшвыряло изъ дому во всѣ стороны! Какъ изъ пожара выскакивали на улицу. Князь Обольскій съ княгиней своей и съ дочерьми—пѣшкомъ, не дождавшись кареты, убѣжали, сказываютъ люди. А сорокъ лѣтъ хлѣбъ-соль водили. Пудъ вмѣстѣ съѣли.

На утро князь рано выѣхалъ изъ дома и отправился по знакомымъ, друзьямъ и сановникамъ, людямъ нужнымъ въ новомъ дѣлѣ, которое стряслось на голову. Они всѣ много, охотно, даже усердно хлопотали за него, еще на дняхъ, когда надо было добыть прощенье за бракъ дочери съ его внукомъ. Князь помнилъ, какъ радушно всѣ принимали его и всякій брался услужить чѣмъ могъ.

Чрезъ три часа, послѣ нѣсколькихъ визитовъ—князь, какъ потерянный, сидѣлъ въ каретѣ, крестился и молился путаясь въ мысляхъ. Наконецъ, однажды, переѣзжая какую-то улицу, онъ вдругъ закричалъ громко...

Крикъ самъ вырвался у него изъ груди!

— Да чѣмъ же мы виноваты! Мы не виноваты! Что вы! Бога не боитесь. Что вы!!

Князь былъ пораженъ и испуганъ той перемѣной, которую онъ нашелъ во всѣхъ друзьяхъ и покровителяхъ, когда явился за помощью и объяснилъ въ чемъ дѣло, къ которому припутали его зятя и внука.

Повсюду былъ тотъ же холодный пріемъ, или тотъ же ужасъ отъ положенія князя и желаніе явное отъ него отдѣлаться, выпроводить его скорѣе изъ дому, а не только хлопотать за его зятя. Его даже не спрашивали объ подробностяхъ, а только отдѣлывались словами:

— Что же я? Гдѣ же мнѣ? Какой я помощникъ!

Одинъ только новопожалованный графъ, Иванъ Григорьевичъ Орловъ, зналъ уже все довольно подробно и отнесся иначе. Онъ зналъ имена всѣхъ арестованныхъ и причины ихъ заключенія подъ стражу. И онъ одинъ сталъ успокоивать Артамона Алексѣевича и обѣщалъ поговорить брату, генеральсъ-адъютанту. Спросить его объ Борщевѣ и Хрущевѣ.

— Заступитесь! взмолился князь. По старой памяти и дружбѣ... Будьте заступникомъ.

— Нѣтъ, дорогой князь, въ такомъ дѣлѣ всякому гражданину честь и совѣсть не повелѣваютъ быть заступникомъ. Поговорить, спросить братца Григорья—я охотно беруся... Но просить за злоумышленника государственнаго—у какого же вѣрноподданнаго хватитъ дерзости и отчаянія.

— Да вѣдь Борисъ припутанъ. Онъ ни при чемъ?

— Коли не виноватъ—чистъ выйдетъ. Но посудите сами... Вѣдь вотъ меня же или васъ не взяли, не засадили... Стало быть есть и за нимъ хоть малая толика преступнаго поведенія. И графъ Иванъ Орловъ обѣщалъ все таки „спросить братца“.

Другіе друзья и покровители ничего не обѣщали, пугались даже одного предложенья князя—похлопотать за Борщева. А нѣкоторые поступили еще проще, будучи дома и узнавъ лошадей и экипажъ князя Лубянскаго, приказывали отвѣчать, что дома нѣтъ, уѣхали въ вотчину...

— Дома нѣтъ, уѣхали въ вотчину!—значило, что и завтра не будетъ, т. е. не желаютъ быть знакомы.

Не мудрено было послѣ этой рѣзкой перемѣны во всѣхъ—потерять голову и умственно запутаться.

Князь Лубянскій, вернувшись домой, самъ смутно начиналъ уже, казалось, считать себя преступникомъ государственнымъ...

XVIII.

Сборища на Плющихѣ у Гурьевыхъ и нелѣпая игра въ злоумышленниковъ, ограничивавшаяся одной праздной болтовней, но вмѣстѣ съ тѣмъ и бранью на разныхъ лицъ, стоявшихъ высоко—конечно не могла сойти съ рукъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ сумерки того дня, когда князь праздновалъ свадьбу дочери, было указано произвести аресты въ городѣ всѣхъ лицъ, списокъ которыхъ былъ въ рукахъ графа Григорія Орлова.

Генеральсъ-адъютантъ, бывшій самъ три мѣсяца назадъ простымъ цалмейстеромъ артиллеріи и самъ искуснымъ заговорщикомъ, быть можетъ искренно смутился, узнавъ объ заговорѣ въ пользу Ивана Антоныча, а быть можетъ понялъ, что это только „дерзостное самомнѣнье" нѣсколькихъ честолюбцевъ, мѣтящихъ подражать ему съ братьями.

Григорій, Алексѣй и Ѳедоръ Орловы помнили хорошо трехъ братьевъ Гурьевыхъ, которые бывали у нихъ въ квартирѣ на Морской и потомъ „отстали", и даже одно время заставили ихъ опасаться доноса на себя правительству Петра III. Изъ нихъ только старшій, Семенъ, былъ, по мнѣнію Орловыхъ—умный и смѣлый малый, остальные были подражатели брата.

Такъ или иначе, но Григорій Орловъ, узнавъ еще до коронаціи императрицы объ сборищѣ и краснобайствѣ на Плющихѣ—приказалъ наблюдать за квартирой Гурьева. Дошелъ наконецъ и до него слухъ, что офицеръ Чихачевъ поѣхалъ въ Петербургъ, съ цѣлью освободить изъ крѣпости Шлиссельбургской содержавшагося тамъ принца Ивана. По наведеннымъ немедленно справкамъ оказалось, что Чихачевъ посланъ командиромъ его полка по порученію свыше и что Чихачевъ вѣрный слуга царицы.

Наконецъ дошелъ до Орлова слухъ, что заговорщики, считая его дерзко замышляющимъ чуть не насильно жениться на государынѣ, обязанной ему съ братьями своимъ престоломъ, рѣшили тайно убить его при первой возможности. А это было далеко не трудно. Генеральсъ-адъютантъ и верхомъ, и пѣшкомъ появлялся постоянно на улицахъ Москвы, такъ какъ по прежнему любилъ, вопреки этикету и своему возвышенью—простыя прогулки и уличную жизнь.

Если Орловы не вѣрили въ серьезность заговора въ пользу принца Ивана, то повѣрили легко въ намѣреніе убить Григорья Орлова. Это дѣло было возможно и представлялось даже не очень важнымъ.

Общественное мнѣніе еще не успѣло, такъ сказать, вполнѣ привыкнуть считать Григорія Орлова сановникомъ. Всѣ слишкомъ недавно, всего какихъ нибудь нѣсколько десятковъ дней тому назадъ, видѣли простаго дворянина, москвича родомъ, въ простомъ мундирѣ.—Ну, убьютъ—три офицера одного своего недавняго товарища „Гришуху!"—Преступленье конечно, какъ и всякое убійство, но государственнаго значенія тутъ нѣтъ.

Такъ поняли Орловы. Такъ было и въ дѣйствительности! Для Гурьевыхъ, Орловъ былъ, положительно, по старому, выскочка, „Гришуха—Вѣдмедь," которому вдругъ повезло отъ слѣпой фортуны.

По докладу всего дѣла. слуховъ и розсказней очевидцевъ объ квартирѣ и сборищахъ Гурьевыхъ—государынѣ, она конечно повелѣла обратить на нихъ особое вниманіе, назначить ловкихъ людей и все вывѣдать. Это оказалось легче, чѣмъ думали. Двери Гурьевыхъ были открыты для всѣхъ; а ихъ языки болтали все что угодно и чуть не на всѣхъ перекресткахъ Москвы.

На другой день коронаціи государыни, вечеромъ, Гурьевы, на новомъ сборищѣ въ ихъ домѣ, заявили товарищамъ, что пора дѣйствовать, что Лихаревъ или Лихачевъ уже вѣроятно освободилъ принца и везетъ въ Москву и что надо искать случая встрѣтить гдѣ либо и застрѣлить Григорія Орлова.

На утро все подробно было доложено генеральсъ-адъютанту человѣкомъ, наиболѣе принимавшимъ участіе въ сходкахъ за послѣднее время.

Этотъ офицеръ-драгунъ даже предлагалъ свои услуги заговорщикамъ убить Орлова, котораго онъ никогда близко не видалъ и въ лице не знаетъ—но котораго ему покажутъ наканунѣ. Предложеніе драгуна было принято сочувственно...

Этотъ же самый драгунъ и передалъ принятое на сходкѣ рѣшеніе—самому Орлову, такъ какъ это былъ самъ капитанъ Побѣдзинскій, давно намѣтившій себѣ наживу и отличіе по службѣ при помощи выдачи отчаянныхъ болтуновъ съ Плющихи.

Графъ Орловъ снова передалъ все государынѣ при первомъ же свиданіи.

Государыня не была встревожена и даже улыбнулась:

— Я уже это знаю, слышала, Григорій Григорьевичъ. Не одни Гурьевы и ихъ товарищи шумятъ. Вся гвардія мятется и негодуетъ отъ слуха, что я иду за васъ замужъ. Волненіе ростетъ, продолжала она серьезно, и пора положить этому предѣлъ. Надо взять всѣхъ зачинщиковъ, распускателей этого слуха. И кромѣ того надо скорѣе опровергнуть этотъ слухъ, для меня зловредный. Я съ нынѣшняго дня сама приближеннымъ моимъ буду говорить объ моемъ женихѣ ради смѣху... Вы видите сами теперь, какъ я была права, думая, что вся гвардія взволнуется отъ подобнаго слуха, что русская царица собралась замужъ за простаго дворянина... убить даже грозятся его, и пожалуй успѣютъ... Ихъ много а онъ одинъ...

Орловъ молчалъ, сумрачно потупивъ глаза въ полъ.

— Я прикажу заарестовать тѣхъ, кто мѣшается въ государственныя дѣла... проговорилъ онъ сурово и гнѣвно.

— Всѣхъ офицеровъ гвардіи не арестуешь, Григорій Григорьевичъ. Съ кѣмъ же тогда остаться, съ одними солдатами. Да, и какъ знать, можетъ быть рядовые еще болѣе офицеровъ оскорбились этимъ слухомъ. Если дѣло кого и занимало прежде, то теперь, послѣ объясненія и клятвы графа Алексѣя Разумовскаго, надо все бросить. Все кануло въ воду. И нечего стараться его со дна вылавливать мирнымъ гражданамъ на соблазнъ. Бывали примѣры въ исторіи, что королевы выходили замужъ за своихъ подданныхъ, но что возможно за моремъ для Россіянина,—онъ считаетъ грѣхомъ или соблазномъ у себя на Руси. И такъ... Прикажите взять этихъ болтуновъ и ихъ товарищей и строго разслѣдовать дѣло. Во первыхъ, узнать, кто пустилъ смѣхотворный слухъ о нашей свадьбѣ.

Орловъ поднялъ глаза на государыню и перемѣнился въ лицѣ отъ гнѣва, но промолчалъ, ибо Екатерина весело и добродушно усмѣхалась, чуть не смѣялась.

— Во вторыхъ, продолжала она, кто поѣхалъ будто бы за Иваномъ, да и поѣхалъ ли?.. Въ третьихъ, кто ищет[illegible]шей смерти, кто предложилъ злодѣйство и кто брался совершить его.

Генеральсъ-адъютантъ, не промолвивъ ни слова, вышелъ отъ государыни и поѣхалъ къ брату Алексѣю.

До вечера пробесѣдовали вдвоемъ эти два брата, два героя іюньскаго переворота, два русскихъ сказочныхъ молодца, олицетвореніе удали и неудачи—идущихъ объ руку.

Да, дѣйствительно, это были „удальцы—удачники"—любимые герои народныхъ грёзъ и сказокъ за вѣка! Тѣ молодцы, которые и не ищутъ а находятъ, и не желаютъ а получаютъ, которымъ само все въ руки лѣзетъ, само на службу просится, такъ, зря... Ни за что, ни про что!.. Все къ нимъ въ батраки идетъ: и коверъ-самолетъ, и шапка-невидимка, и жаръ-птица, и конь-шестикрылатъ!.. И все они доставляютъ избраннику своему, добру-молодцу Иванушкѣ: и горы золота и серебра, и цѣлыя королевства заморскія, и царевну-красоту со звѣздой во лбу...

Поздно разстались братья Орловы, и генеральсъ-адъютантъ вернулся домой во дворецъ въ свои отдѣльные покои—грустный и печальный. На утро уже былъ у него списокъ всѣхъ офицеровъ, посѣщавшихъ сборища Гурьевыхъ.

На другой день по всему городу были произведены аресты единомышленниковъ.

Библиотека "Руниверс"

Конская ярмарка въ Польшѣ. Съ картины А. В. Ковальскаго, грав. Генеръ и Кирмсе.

Библиотека "Руниверс"

По собственному желанію, вызвался быть и былъ назначенъ въ число разслѣдователей дѣла одинъ сановникъ дѣльный, вліятельный, юристъ-буквоѣдъ, за которымъ слѣпо шли другіе коллеги...

Это былъ сенаторъ Камышъ-Каменскій. Совѣсть сѣраго люда, угощавшагося у князя, не обманулась...

XIX.

Дѣло о злоумышленіи конечно затянулось.

Наряженное слѣдствіе надъ арестованными выяснило, что былъ заговоръ освободить бывшаго императора Ивана, чтобы возвести снова на престолъ, но что къ этому—никакимъ дѣйствіемъ соумышленники не приступали, а только объ этомъ разсужденія имѣли промежъ себя... Равно выяснилось и намѣреніе убить графа Григорія Орлова. И то, и другое вмѣстѣ не вязалось! Коль скоро было злоумышленіе на лишеніе новой императрицы престола въ пользу принца Ивана—то зачѣмъ же было нужно освобождать ее отъ дерзновеннаго, стѣсняющаго ея дѣйствія и требующаго чрезвычайной награды за свои заслуги!

Розыски повсюду и допросъ всѣхъ заключенныхъ на счетъ Чихачева, или Лихачева, или Лихарева—разъяснили, что первый ни при чемъ: съ преступниками не водился и командированъ начальствомъ по особому служебному дѣлу. Второй и третій не существуютъ, а ихъ однофамильцы даже не офицеры. Никогда объ Гурьевыхъ и сборищахъ у нихъ не слыхали.

Главный виновникъ, „заводчикъ" всего и, какъ доказано, „персональный оскорбитель на пустыхъ словахъ ея величества"—Семенъ Гурьевъ, сознался, что у нихъ было „только одно вранье", а „въ предметѣ" особаго ничего не было, только хотѣлось, по злобѣ на Орловыхъ, пошумѣть, чтобы дали тоже какую награду за іюньскій переворотъ, „коей были лишены" по забывчивости или по злобѣ на нихъ Орловыхъ, за то что они „отстали" еще весной и „тянули на сторону бывшаго императора." Главные виновники и ихъ большіе пріятели были заключены въ острогѣ, въ секретномъ отдѣленіи, и содержались строго. Всѣ остальные были вскорѣ освобождены, съ увѣщаніемъ ничего не разглашать о выдержанномъ допросѣ. Но въ числѣ освобожденныхъ не было ни Борщева, ни Алексѣя Хрущева.

Оба отвѣчали и показывали на допросѣ своемъ всю истину... Они были заняты совсѣмъ инымъ дѣломъ и самокруткой имъ было не до Гурьевской компаніи. въ обвиненіи ихъ судьями въ „знаніи и недонесеніи" объ заговорщикахъ—оправдаться было трудно.

Особой виновности не отрицали ни тотъ, ни другой. Но обоихъ молодыхъ людей держали менѣе строго и позволили имъ даже однажды видѣться съ княземъ, который, упавъ было духомъ временно,—снова энергично началъ хлопотать и просить всѣхъ о заступничествѣ за зятя и его пріятеля.

Многіе офицеры, арестованные сначала и выпущенные, стали свидѣтелями по дѣлу.

Болѣе всѣхъ и подробнѣе всѣхъ показалъ драгунъ Побѣдзинскій, просидѣвшій подъ арестомъ всего однѣ сутки. Послѣ него не менѣе зналъ и показалъ офицеръ Левъ Толстой, затѣмъ Измайловецъ и товарищъ „заводчиковъ" Михаилъ Шиповъ. Эти три офицера отозвались равно хорошо объ Борщевѣ и объ Алексѣѣ Хрущевѣ, такъ какъ первый, не сочувствуя заговору, переѣхалъ даже съ ихъ квартиры къ Шипову и былъ озабоченъ своимъ частнымъ дѣломъ и женитьбой, а второй при многихъ свидѣтеляхъ называлъ все „пустобрешествомъ" и убѣждалъ не разъ брата роднаго, тоже „заводчика," Петра Хрущева, бросить „все вранье" и переѣхать къ теткѣ Основской, подальше отъ отчаянныхъ братьевъ Гурьевыхъ.

Однако многихъ офицеровъ, знавшихъ объ „празднословіи на сборищахъ" и не донесшихъ, освободили тотчасъ и они почлися свидѣтелями, а сержантъ Борщевъ и рябчикъ Хрущевъ обвинялись въ этомъ преступномъ дѣяніи и не освобождались. Разница была въ томъ, что оба не находили Гурьевыхъ въ своихъ отвѣтахъ преступниками, а считали по совѣсти и называли въ показаніяхъ своихъ при допросахъ „болтунами" или „шалыми."

— Мало ли кто что вретъ нынѣ! говорилъ Хрущевъ. Всѣ врутъ! Ходить доносить—въ сыщики нападешь!

— Моя обязанность и желаніе были удалиться добровольно отъ болтуновъ! говорилъ Борщевъ. А идти на нихъ съ доносами—почиталъ негоднымъ, тѣмъ паче, что былъ увѣренъ, что они сами, безъ меня, доврутся до бѣды.

Когда Борщеву заявили, что офицеръ-Преображенецъ Баскаковъ очень дурно объ немъ отозвался, то Борисъ отвѣчалъ твердо и даже гнѣвно:

— И слава Богу! Если бы такіе офицеры какъ г. Баскаковъ меня хвалили и за пріятеля выдавали, то это было бы для меня срамомъ.

Прошелъ мѣсяцъ, а друзья сидѣли въ заключеніи. Князь Лубянскій выбивался изъ силъ. Наконецъ онъ подалъ прошеніе государынѣ, и получилъ обѣщаніе праваго и милостиваго суда...

Анюта сидѣла тоже въ добровольномъ заключеніи и не переступала порога своей горницы, давъ слово выдти только на встрѣчу къ освобожденному Борису.

Бывшая красавица и блестящая княжна Лубянская, теперь похудѣла, постарѣла. Глаза потухли, лице осунулось... Все существованіе сводилось къ мысли и вопросу:—когда она увидитъ его? А если не увидитъ, то это существованіе и не нужно! Тогда она покончитъ съ собой.

Настасья Григорьевна лежала въ постели безъ языка и безъ яснаго сознанія окружающаго и близилась къ концу.

XX.

Однажды зимой, уже чрезъ два мѣсяца послѣ ареста заговорщиковъ, князю доложили, что неизвѣстный офицеръ желаетъ быть принятымъ.

— Зачѣмъ? Что ему? Ѳеофанъ, поди узнай.

Ѳеофанъ отправился внизъ и вернулся съ отвѣтомъ.

— Онъ сказываетъ по важному дѣлу, до васъ касающемуся, за которое вы ему благодарны останетесь.

Князь сталъ осторожнѣе отъ несчастья. Прежде широко отворялись двери его дома предъ всякимъ чужимъ человѣкомъ. Теперь онъ помнилъ визитъ „шалаго Гурьева" и его безумныя рѣчи. Онъ могъ и его, князя, припутать къ своему бѣшеному дѣлу.

— Прогнать! думалось князю. Но послѣднее завѣреніе объ „благодарности" его остановило.

— Ну, зови. Да возьми двухъ чертей и будь тутъ за дверями, на часахъ. Коли кликну и прикажу гнать его вонъ, то подхватите и чтобъ онъ у меня торчмя головой выкатился изъ дому.

Чрезъ минуту въ горницу вошелъ офицеръ и отрекомендовался.

— Капитанъ Побѣдзинскій!

— Что прикажете?

Капитанъ объяснился кратко, дѣловито, вѣжливо, сладкимъ голосомъ, отчасти на распѣвъ, что онъ можетъ быть именитому князю Лубянскому очень полезенъ, такъ какъ берется освободить его зятя отъ слѣдствія и суда.

Князь даже оторопѣлъ и невольно ахнулъ.

— Какимъ образомъ?

— Это тайна. Но какое вамъ дѣло? Лишь бы онъ былъ на свободѣ и правъ.

— Вѣстимо. Вѣстимо... Но что я долженъ сдѣлать? Къ кому ѣхать? Я ужь царицѣ подавалъ...

— Я знаю, пане ксенже...

— Кто такой... панаксешь... что? Такого я не знаю.

Библиотека "Руниверс"

— Не то, не то... Я знаю, князь, что вы прошеніе императрицѣ подавали. Вамъ ничего дѣлать не придется. Ни къ кому ѣхать не надо...

— Такъ какъ же? Само что-ли сдѣлается?

— Я сдѣлаю. Все сдѣлаю. И господинъ сержантъ будетъ свободенъ чрезъ... Ну чрезъ недѣлю.

— Родимый. Отецъ родной... Да не врешь... заговорилъ князь со слезами на глазахъ. Я тебя... Я васъ озолочу.

— А сколько именно, прошу сказать?

— Что, сколько?

— Что я могу... за труды и хлопоты надѣяться...

— Да что хочешь. Коли деньги — такъ что хочешь. Прямо бери сколько на умъ взбредетъ.

— Десять тысячъ рублей! выговорилъ капитанъ нѣсколько робко и заикаясь.

— Ты возьмешь... Виноватъ... Вы возьмете десять тысячъ и Борисъ чрезъ недѣлю будетъ у меня здѣсь, правъ, чистъ, на свободѣ?

— Да-съ!

Князь, съ быстротою юноши въ движеніяхъ, полѣзъ въ карманъ, досталъ ключъ и сталъ отпирать ящикъ стола.

— Что? Деньги? Теперь? Не надо! Послѣ! заговорилъ Побѣдзинскій быстро. Я и такъ вѣрю ксенжу Лубянскому.

И капитанъ поднялся съ мѣста.

— Ну, задатокъ бери.

— Нѣтъ.

— Бери, ради Создателя. А то я буду бояться, что это все пустое бреханье было. Бери.

И князь выкинулъ на столъ пять отдѣльныхъ пачекъ, перевязанныхъ нитками.

Побѣдзинскій при видѣ денегъ колебался.

— Бери, родимый, совѣстно будетъ надуть. А то эдакъ подумаешь, да на попятный. А задатокъ возьмешь, будешь поневолѣ дѣйствовать... Забатрачишься.

— Ну вотъ... это... Пожалуй. Чтобы не прекословить пану князю.

И Побѣдзинскій взялъ три пачки со стола.

— Ничего не сдѣлаешь—я на тебя донесу, что ты грабитель! сказалъ князь грозно, когда деньги были въ карманѣ офицера.

— Все сдѣлаю... Скоро сдѣлаю. Завтра я опять буду у пана-князя на совѣщаньи, и много разъ зайду.

— Милости просимъ хоть всякій день.

— А теперь, князь, прикажите принести изъ моей брички ящикъ маленькій. Я вамъ покажу и докажу, что я не вру, а могу все сдѣлать. А то вы деньги дали—будете въ тревогѣ. Прикажите эту шкатулку сюда принести.

— Гей люди! крикнулъ князь отъ радости во все горло.

Ѳеофанъ, а за нимъ двое здоровыхъ слугъ-гайдуковъ, въ секунду ворвались, какъ по командѣ, въ горницу и, подойдя къ самому столу, уже поднимали руки, готовясь по второй командѣ: „вонъ“ подхватить гостя.

Князь забылъ свое распоряженіе и удивился, но теперь вдругъ по глазамъ одного изъ гайдуковъ, рослаго парня, самаго усерднаго и глупаго изъ всей дворни — вспомнилъ.

— Стой! Стой! Черти! Не то... Не то... закричалъ князь, даже испугавшись недоразумѣнія. Пошли вонъ!.. Вы, пошли вонъ!.. А ты, Ѳеофанъ, сходи самъ и принеси сюда своими руками шкатулку изъ брички господина.

Чрезъ нѣсколько минутъ Побѣдзинскій показалъ князю изъ отворенной ключемъ шкатулки — нѣсколько бумагъ. Это были допросные пункты Борщеву и его отвѣты и подпись.

Князь узналъ почеркъ внука.

— Да вы въ судьяхъ что ли?! Его судите?

— Нѣтъ. Но теперь вѣрите, что я не вру и могу...

— Да вѣрю, вѣрю и такъ...

— Ну до свиданья... Прощайте. Завтра можетъ быть буду опять, а можетъ быть и не буду. Какъ дѣло пойдетъ.

Князь, оставшись одинъ, перекрестился три раза.

— Вотъ Господь Богъ благодѣтеля послалъ! Вотъ не чаялось... А вѣдь онъ... Онъ, по всему видать... мерзавецъ отборный!

XXI.

Капитанъ Побѣдзинскій ошибся и обманулъ князя. Онъ на утро не появился, а затѣмъ, не чрезъ недѣлю, а чрезъ три дня, онъ прискакалъ верхомъ на дворъ князя. и завидѣвшій имъ въ окно, былъ встрѣченъ на лѣстницѣ.

Лицо Побѣдзинскаго расплылось и сіяло, и онъ проговорилъ запыхаясь:

— Сержантъ будетъ у васъ ввечеру... Приказано уже освободить. А я завтра... за должкомъ.

— Стой! крикнулъ князь, видя, что капитанъ повернулъ уже назадъ. Стой! Скажи толкомъ...

— Нѣтъ. Нѣтъ. Князь. Не могу. Сказалъ все... Ну вотъ довольно. Будетъ сержантъ ввечеру здѣсь. А я не могу.

И капитанъ почти сбѣжалъ вновь по лѣстницѣ и ускакалъ также лихо, какъ примчался минуту назадъ.

Князь хотѣлъ бѣжать съ вѣстью къ дочери, которой ничего не говорилъ объ первомъ посѣщеніи драгуна, боясь даромъ смутить ее и напрасно подать надежду. Тоже самое соображенье остановило его и теперь.

— Потерплю! О Господи! Если это правда! Колдунъ! Просто колдунъ... Или мерзавецъ! Это вѣрнѣе... Что нибудь подстроилъ. Да намъ то что-же. Вѣдь, мы не виноваты.

Въ сумерки сержантъ Борщевъ дѣйствительно былъ въ домѣ князя и весь домъ гудѣлъ, какъ еслибы опять пировать собрались всѣ его обитатели. Все ожило и, казалось, стѣны дрожали, отъ бѣготни, суетни, радостныхъ восклицаній и общей сумятицы.

Анюта, прибѣжавшая изъ своей горницы, нѣсколько часовъ съ ряду не выпускала Бориса изъ своихъ объятій, будто боясь, что онъ опять исчезнетъ, какъ привидѣвшійся ей во снѣ призракъ. Она улыбалась, плакала, но ни слова не вымолвила. Она не могла говорить...

Агаша сидѣла и грустно радовалась.

— А онъ? Онъ когда? думалось ей сквозь слезы.

Борисъ былъ счастливъ, доволенъ, но угрюмъ. Онъ измѣнился лицемъ, похудѣлъ и поблѣднѣлъ и даже выраженіе глазъ его было другое, жесткое и злое. Онъ вынесъ два мѣсяца заключенія, допроса, а главное, считая себя вполнѣ невиннымъ, чувствовалъ себя оскорбленнымъ, что его причислили къ „шалымъ дьяволамъ“, какъ онъ называлъ мысленно Гурьевыхъ, изъ за которыхъ терпѣлъ въ чужомъ пиру похмѣлье. И когда же? Чрезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы съ той, которую любилъ такъ давно, и такъ страстно!..

— Бѣдный... Бѣдный!.. было первое слово Анюты, глядѣвшей, не отрываясь, въ лицо Бориса.

Сержантъ сходилъ къ матери, но она не узнала его. Онъ поцѣловалъ у нея руку, позвалъ ее, но Настасья Григорьевна только скосила на него глаза, поглядѣла полубезсмысленно и, вздохнувъ, снова закрыла глаза и будто забылась.

— Мать убили! Шалые дьяволы! проговорилъ Борисъ злобно.

Но ласки Анюты поневолѣ смягчали его сердце и счастье возврата домой сказывалось глубже и сильнѣе.

— Теперь надо за Алешу хлопотать! сказалъ князь. За него пять тысячъ дамъ...

Библиотека "Руниверс"

XXII.

На слѣдующій день по утру снова капитанъ Побѣдзинскій появился у князя въ домѣ и объявилъ ему, что дѣло Борщева еще не кончено, ибо дурно обернулось. Его могутъ опять засадить и засудить. Князь обомлѣлъ и не могъ ничего выговорить.

— Теперь все дѣло однако въ пустякахъ, сказалъ Побѣдзинскій,—но зная характеръ господина сержанта, я долженъ просить васъ убѣдить его и приказать, ради своей пользы и счастія...

И капитанъ объяснилъ, что на утро Борщевъ долженъ ѣхать съ нимъ къ графу Григорію Григорьевичу Орлову, который его требуетъ и ждетъ. На одинъ вопросъ графа: „Правда ли, что я виноватъ, а не вы?" Борщевъ долженъ отвѣчать: „Такъ точно, ваше сіятельство."

Но князь, любившій загадки загадывать, не любилъ ихъ разгадывать. Побѣдзинскому волей-неволей пришлось объяснить князю, что когда то Борщевъ былъ у Орлова, по своему дѣлу, о чинѣ и тотъ подумалъ, вслѣдствіе особыхъ причинъ, что сержантъ является къ нему съ доносомъ на Гурьевыхъ, о которыхъ онъ уже слышалъ. Не давъ сказать ни слова Борщеву о своемъ дѣлѣ, Григорій Григорьевичъ приказалъ ему ѣхать вмѣстѣ съ Побѣдзинскимъ къ брату Алексѣю. Такъ какъ Орловъ и по сю пору не зналъ зачѣмъ былъ у него Борщевъ, то капитанъ надумалъ фокусъ.

— Этимъ самымъ обстоятельствомъ я и воспользовался, объяснилъ онъ. Я сказалъ графу, что Борщевъ дѣйствительно пріѣзжалъ тогда донести на Гурьевыхъ, да вы, молъ, не дали ему выговорить ни единаго слова,— онъ, молъ, подумалъ, что вамъ это не по сердцу, и бросилъ дѣло. А теперь, молъ, невинно пострадалъ какъ соучастникъ ихъ и заарестованъ. Ну, графъ—добрѣйшій человѣкъ и его надуть муха можетъ. Онъ сейчасъ и приказалъ освободить вашего внука... Тутъ бы и всему дѣлу конецъ.

— Да... выговорилъ князь. Я думалъ...

— Такъ и я думалъ. Анъ нѣтъ... На грѣхъ мнѣ и на нашу бѣду, г. Баскаковъ что-то наговорилъ графу— и Григорій Григорьевичъ желаетъ г. сержанта видѣть лично и спросить.

— Какъ же быть?

— А ѣхать и сказать... Графъ всегда спѣшитъ. Онъ только и скажетъ: правда, молъ, вы тогда пріѣзжали ко мнѣ по дѣлу Гурьевыхъ и я вамъ ни слова сказать не далъ и виноватъ. Г. Сержанту и отвѣтить одно слово: Правда, молъ, ваше сіятельство... только это одно слово.

Князь задумался и опустилъ голову.

— Борисъ этого не скажетъ, выговорилъ онъ.

— Но тогда его опять возьмутъ. И я тоже... Я въ обманщикахъ буду. Я лгуномъ буду поставленъ! уже плаксиво заговорилъ Побѣдзинскій.

— Борисъ на это не пойдетъ! повторилъ князь.

— Тогда все пропало. Графъ пойметъ обманъ. Онъ оттого и выпустилъ г. сержанта, что повѣрилъ мнѣ...

— Охъ, капитанъ... Я думалъ вы ловчѣ. Лганьемъ да обманомъ, сударь, не надо было освобождать. Но и назадъ... Господи! Опять въ острогъ... А я? Анюта моя!.. Второй разъ это убьетъ ее...

— Бога ради, князь... Вѣдь я... Мнѣ хуже еще... Я могу пострадать за обманъ. Господинъ графъ ко мнѣ благоволитъ, я могу его секретаремъ быть! И я на вѣки счастливъ. А онъ выкинетъ меня. Въ окно выкинетъ. Да что это! Хуже! Судить велитъ. Князь, ради младенца Іисуса и его Святой Матери. Я вашихъ денегъ не возьму. Меня спасите! взмолился капитанъ Побѣдзинскій уже искренно.

— Вамъ то по дѣломъ! Обманывать, сударь, всякаго подло, заговорилъ князь рѣзко. А дѣйствовать обманомъ на высокопоставленныхъ лицъ — сугубая подлость. У нихъ власть, а вы этой властью играете. Вы червякъ— васъ никто не знаетъ и знать не хочетъ. И все недовольство падаетъ на то лицо, которымъ вы обманно помыкаете! Я бы васъ плетьми высѣкъ и въ Сибирь отправилъ, будь я графъ Орловъ.

— Да вѣдь не я теперь, а г. сержантъ въ Сибирь пойдетъ. Вѣдь дѣло я знаю. Его въ Якутскъ предполагалось сослать.

— Не правда!

— Правда. Божусь Богомъ! воскликнулъ капитанъ. Божуся памятью отца и матери покойныхъ. И Побѣдзинскій перекрестился. Голосъ его звучалъ правдой, и князь повѣрилъ.

— Господи помилуй! Что же я буду дѣлать? Анюта не вынесетъ... Она за нимъ поѣдетъ! громко и отчаянно воскликнулъ вдругъ князь, такъ какъ въ первый разъ мысль эта пришла ему въ голову.

Онъ всталъ и крикнулъ Ѳеофана.

— Попроси сюда Бориса Ильича и княжну... Ну, Анну Артамоновну, поправился онъ.

Глубокое молчаніе было въ комнатѣ князя до самаго появленія Бориса съ Анютой.

Князь объяснилъ все. Побѣдзинскій добавилъ подробности. Борисъ молча опустилъ голову. Анюта поблѣднѣла.

— Ну, Борюшка? вымолвилъ князь.

— Я не поѣду! былъ отвѣтъ.

Наступило молчаніе.

— Сибирь лучше? сказалъ князь. Тебѣ Сибирь будетъ...

— Да... Анюта? Ты за мной поѣдешь, если...

— Даже обидно! Не переспрашивай сто разъ пустяковъ, тихо проговорила Анюта.

— Почему же вы не хотите, молилъ Побѣдзинскій. Вѣдь это пустое дѣло.—Одно слово... Одно слово—и всему конецъ.

— Я помню теперь. Понялъ! заговорилъ Борисъ. Онъ самъ тогда на лѣстницѣ намъ сказалъ: вы по одному дѣлу?.. Стало быть—вы доносчикъ на Гурьевыхъ. Вы ихъ предали!

Побѣдзинскій покраснѣлъ.

— Ахъ, пане коханку, это все... Дѣло надо... Дѣло теперь...

— Я не поѣду, батюшка, лгать не стану и на всю гвардію срамиться не стану. Во свидѣтели, какъ Шиповъ, я бы пошелъ и сказалъ бы все по совѣсти, но въ доносчики? Хуже того — не бывъ доносчикомъ — теперь имъ назваться, не могу...

— Такъ ты Анюту пожалѣй! Каково ей будетъ въ Сибири! заплакалъ князь. Анюта, ты проси... Пожалѣйте сами себя и меня...

— Нѣтъ, батюшка. Лгать и обманывать не честно, а обманывать такихъ лицъ, какъ графъ... то тогда и царицу стало быть тоже можно обмануть... Нѣтъ... Оставьте, пускай Борю опять берутъ, а я все приготовлю, чтобы за нимъ...

И Анюта, мертвенно блѣдная, чтобы прекратить разговоръ, едва передвигаясь — пошла изъ комнаты отца. Борисъ, опустивъ глаза, двинулся за ней.

Князь ухватился за голову и сидѣлъ какъ пораженный и раздавленный.

Капитанъ былъ тоже какъ потерянный и глаза его дико бѣгали по комнатѣ безъ смысла и сознанія.

Князь вдругъ поднялъ голову. Онъ обернулся къ капитану и поглядѣлъ на него такъ странно, что Побѣдзинскій оробѣлъ.

— Сошелъ съ ума! подумалъ онъ.

— Капитанъ... Я поѣду! Я скажу! глухо выговорилъ князь.

— Что? Вы? Куда?

— Я поѣду... Я князь Лубянскій. Артамонъ Лубянскій... Я никогда не лгалъ—и мнѣ должны вѣрить. Я поѣду и скажу Орлову!

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. „Покинутая вилла“. Стихотв. Ѳ. И. Тютчева. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. П. Дзедзицъ.

Библиотека "Руниверс"

— Да это не то... пробормоталъ Побѣдзинскій.

— Нѣтъ. То! Крикнулъ князь.

— Вы не отвѣтчикъ за внука. Онъ долженъ самъ заявить, что пріѣзжалъ тогда къ Григорью Григорьевичу съ нарочитой цѣлью выдать съ головой смутителей государственныхъ. Его самоличное признаніе и подтвержденіе моихъ словъ—важно. А вамъ г. генеральсъ-адъютантъ не повѣритъ.

— Мнѣ? Князю Лубянскому? Не ври, капитанъ! Не бреши! Вотъ что...

— Пане ксенжу... Я знаю графа Григорья Григор...

— И я знаю графовъ Орловыхъ!.. воскликнулъ князь... Знаю какая въ нихъ кровь течетъ...

— Какая кровь?! Тутъ, пане ксенжу, не кровь... Я даже не понимаю... Что кровь?..

— Да, ты, шляхтичъ изъ хлоповъ, не понимаешь. Какая кровь? Дворянская! Это разъ... А второе сказывать буду—кровь Григорія Иваныча покойника, ихъ родителя... Вотъ на нее моя надежда... Я на Орловскую кровь уповаю!..

Капитанъ ничего не понималъ и начиналъ думать, что старый князь отъ горя свихнулся въ мысляхъ и словахъ.

Наступило минутное молчаніе. Князь глубоко задумался и, облокотясь на столъ, положилъ голову на руки. Онъ дышалъ неровно и старые глаза его горѣли и искрились не хуже, чѣмъ у его „Крымки" дочери, когда она волновалась.

— Но если г. сержантъ, заговорилъ капитанъ тревожно, поѣдетъ послѣ васъ къ графу и откажется отъ вашихъ словъ. Онъ чудакъ.

— Нѣтъ, капитанъ, онъ не чудакъ. Такъ прозывать его не надо... Есть два разбора картъ игральныхъ, съ глянцемъ и безъ глянца... И люди-человѣки тоже на два покроя... съ глянцемъ и безъ глянца. Вотъ ваша братья, капитанъ, прозываетъ нашего брата—чудаками.

— Совсѣмъ рехнулся! подумалъ Побѣдзинскій. Карты приплетаетъ... Съ глянцемъ... Безъ глянца...

— А мы, я и Борисъ, а съ нами и дворяне Орловы одного разбора... Мы другъ дружку поймемъ... Да, я вѣрю, что г. генеральсъ-адъютантъ меня пойметъ...

И князь, ударивъ кулакомъ по столу, всталъ почти съ отвагой на лицѣ.

— Божуся я вамъ Маткой Божьей... уныло проговорилъ Побѣдзинскій. Божуся, пане ксенжу, что г. сержантъ откажется... Скажетъ графу, что вы все неправду говорили... Поѣдетъ самъ къ графу и всю правду раскроетъ... тогда и васъ потянутъ въ судъ за обманъ.

— Не бреши, капитанъ... Я разскажу что знаю, про все, а Борисъ подтвердитъ и пояснитъ. Обмана никакого не будетъ. Ну, прости, ступай откуда пришелъ. Нечего намъ изъ пустаго въ порожнее переливать...

Капитанъ хотѣлъ говорить и усовѣщевать князя, но старикъ показалъ ему на двери. Побѣдзинскій вышелъ какъ потерянный, будто чуя бѣду...

XXIII.

Чрезъ два дня князь Лубянскій выхлопоталъ себѣ чрезъ графа Ивана Григорьевича особую аудіенцію у генеральсъ-адъютанта по весьма важному дѣлу, какъ просилъ онъ доложить...

Еще чрезъ три дня, въ назначенный графомъ часъ, около полудня—парадная колымага цугомъ парадныхъ коней, выѣзжала изъ воротъ дома московскаго „загадчика". Самъ князь сидѣлъ одѣтый въ свой парадный костюмъ лиловатаго атласа съ золотымъ шитьемъ, въ тщательно напудренномъ и завитомъ парикѣ. Только лицо его, блѣдное, тревожное, и унылый взглядъ старыхъ глазъ не соотвѣтствовалъ этому параду.

Князь, измученный душевно за послѣднее время, теперь былъ особенно взволнованъ, такъ какъ свиданіе съ Орловымъ должно было окончательно и безповоротно рѣшить судьбу его дочери и его собственную, вполнѣ зависящія отъ судьбы Борщева. Или спокойное счастливое существованіе въ Москвѣ, или Сибирь!

Экипажъ князя направился къ Китай-городу, но обогнулъ его, объѣхалъ Кремль и остановился у часовни Иверской Божьей Матери. Бояринъ вышелъ, заказалъ молебенъ и долго горячо молился на колѣняхъ, прося „Заступницу" помиловать, „заступить" невинныхъ предъ кознями злыхъ людей, направить волю сильныхъ людей, отъ которыхъ зависитъ ихъ судьба—на правду и добро...

Когда бояринъ, приложившись къ иконѣ, вышелъ и сѣлъ снова въ колымагу—ему почудилось, что его дѣло совсѣмъ не такое страшное, пагубное.

— Какъ же это невиннымъ идти въ Сибирь! думалъ онъ. Быть сего не можетъ! Богъ то—на что же, на небеси. И болѣе спокойный, уже приготовляя свою рѣчь, которую онъ скажетъ любимцу государыни, князь бодро выглядывалъ изъ окна кареты.

У подъѣзда генеральсъ-адъютанта стояло пропасть разнородныхъ экипажей, нѣсколько офицерскихъ лошадей держали подъ уздцы деньщики, или водили по площади...

Когда князь объявилъ свое имя придворнымъ лакеямъ, они вызвали молодаго офицера, который въ свою очередь попросилъ князя „пожаловать" и провелъ его въ особую, небольшую комнату, гдѣ не было никого.

— Графъ Григорій Григорьевичъ приказалъ, вымолвилъ офицеръ, проводить васъ сюда, отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ лицъ. Это не пріемная, а уборная графа... Но здѣсь удобнѣе бесѣдовать..

— Все равно... Все равно... пролепеталъ князь какъ бы снова смущаясь близости минуты, въ которую все должно рѣшиться.

Князь остался одинъ, чутко прислушиваясь и ожидая звука шаговъ и появленія юнаго, вновь народившагося вельможи русскаго государства—о добродушіи котораго уже ходили слухи...

— Никакой важности! Добрая душа! На распашку! говорилось въ Москвѣ.

Прошло около часу въ состояніи ожиданія... Наконецъ раздались тяжелые шаги, распахнулась дверь и красавецъ-богатырь появился въ комнатѣ предъ княземъ. Это не былъ вельможа, или генеральсъ-адъютантъ, сіяющій въ золотомъ мундирѣ съ брильянтовымъ эксельбантомъ на плечѣ... Это былъ простой, молодой дворянинъ, гладко остриженный подъ гребенку, улыбающійся, только что проснувшійся и вышедшій въ свою уборную безъ пудренаго парика и въ шлафрокѣ изъ темной турецкой матеріи...

— Прости, князь... утреннее одѣяніе... сказалъ ласково Орловъ, протягивая руку... Не взыщи...

— Помилуйте... прошепталъ князь и хотѣлъ что-то еще прибавить, но Орловъ усадилъ его и прервалъ словами:

— Объ зятѣ дѣло. Борщевъ, сержантъ?

— Да, графъ. Зять мой и внукъ...

— Предъ нимъ виноватъ я кругомъ? Онъ еще лѣтомъ былъ у меня, заявить объ этихъ враляхъ... Но вотъ что диковинно... Будучи тогда у меня въ Петровскомъ, онъ чудныя рѣчи велъ съ моимъ пріятелемъ, офицеромъ Баскаковымъ. Мнѣ хотѣлось это разъяснить. Зачѣмъ онъ самъ не является?

— Онъ не можетъ, графъ. Ему надо явиться и сказать, что онъ былъ у васъ тогда съ доносомъ на Гурьевыхъ, а вы...

— Ну да, ну да... прервалъ опять Орловъ.

— А это неправда! выговорилъ князь. Идти къ вамъ и лгать... Обманомъ васъ взять онъ не можетъ. Онъ дворянинъ.

— Я что-то не пойму. Поясни, князь...

И лицо Орлова стало сумрачнѣе...

Лубянскій началъ свой разсказъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ

Библиотека "Руниверс"

горячѣе говорилъ онъ, входя въ малѣйшія подробности. Онъ разсказалъ правдиво всю исторію загадочной самокрутки дочери, которой самъ помогалъ, сознался въ своей неосторожной шуткѣ надъ сенаторомъ Каменскимъ, объяснилъ поведеніе капитана Побѣдзинскаго, за деньги освободившаго его внука отъ пристрастнаго суда сенатора... Все искренно, прямо и горячо повѣдалъ бояринъ юному вельможѣ. Орловъ слушалъ опустя голову, не прерывая рѣчи князя, и игралъ кистью шнура своего шлафрока...

Наконецъ князь кончилъ и прибавилъ:

— Будь справедливъ и милостивъ, графъ. Защити насъ отъ враговъ. Защити старика, россійскаго дворянина, съ дѣтьми, отъ мести хохла и отъ ухищреній поляка...

Орловъ молчалъ долго и наконецъ вздохнулъ.

— Стало быть, князь... вашъ внукъ все таки виновенъ.

— Въ чемъ?

— Въ недонесеніи правительству государыни объ козняхъ своихъ товарищей...

— Да. Въ этомъ виновенъ. Но другіе болѣе виновные, чѣмъ онъ и Хрущевъ—на свободѣ, прощены... Прости и ихъ.

Орловъ молчалъ.

— Неужели мнѣ, на старости лѣтъ, заговорилъ князь, всю жизнь соблюдавшему честь дворянскую и въ дѣлѣ, и въ словѣ—теперь жалѣть, что я не захотѣлъ обманывать и лгать моей царицѣ. Приди я или мой внукъ и солги одно слово—и все было бы благополучно... А не захотѣли мы себя порочить — виноваты... Полно, графъ, ты ли сынъ досточтимаго московскаго дворянина Григорія Иваныча?! Его, покойника, во свидѣтели беру я. Будь онъ живъ, я поѣхалъ бы къ нему и знаю, что сказалъ бы онъ своему сыну и какъ посудилъ бы это дѣло. Что-жь, времена что-ль нынѣ другія? Дворяне другіе? И честь дворянская другая, изъ за моря на кораблѣ привезенная... За что прадѣда вашего, участника бунта стрѣлецкаго, пощадилъ Великій Петръ, почему голову на его плечахъ оставилъ, когда другихъ сотнями казнилъ. А онъ былъ виноватѣе другихъ. Почему?

Орловъ поднялъ опущенные глаза и глянулъ въ лицо Лубянскаго.

— За то пощадилъ, воскликнулъ князь, что старшина стрѣлецкій Орловъ поступилъ по чести русской, дворянской. Онъ громко крикнулъ царю у самой плахи:— „Руби головы, руби! Ни единой не оставляй стрѣлецкой головы! Всѣ мы крамольники! Насъ одинъ Господь простить можетъ по своей благости“... И вотъ за сіе раскаяніе, за сіи горячія и прямыя слова—царь пощадилъ жизнь своего подданнаго. Казни онъ стрѣльца Орлова, не было бы на свѣтѣ дворянина Григорія Иваныча, не было бы сыновей его—васъ, графовъ Орловыхъ.

Выраженіе лица генеральсъ-адъютанта вдругъ измѣнилось. Онъ быстро протянулъ руку князю и вымолвилъ:

— Нѣтъ, князь, честь дворянская во дни великой государыни Екатерины Вторыя не новая, какъ сказываешь, изъ за моря привезенная... А все таже, старая... Какая была при моемъ родителѣ покойномъ. Спасибо тебѣ, что меня на разумъ наставилъ... Я, видишь, по молодости своей, да и отъ дѣлъ и заботъ, спутался на мысляхъ. Сталъ, вишь, жалѣть, что меня лишній разъ не обманули. Сталъ негодовать, что двое дворянъ россійскихъ, Лубянскій и Борщевъ, не лгуны подлые, меня дуракомъ не поставили, взявъ обманомъ... Поѣзжайте домой и скажите внуку—когда будетъ ему нужда въ какомъ дѣлѣ, чтобы обращался прямо ко мнѣ... Завтра доложу государынѣ обо всемъ и заранѣе говорю вамъ, что Борщевъ и Хрущевъ—чисты будутъ... Пускай вѣрой и правдой служатъ царицѣ, а въ сомнительныхъ случаяхъ жизни—обращаются за совѣтомъ и наученіемъ къ московскому боярину, князю Лубянскому. Онъ ихъ также образумитъ, какъ меня на разумъ наставилъ.

Слезы показались на лицѣ Артамона Алексѣевича.

— Какъ мнѣ благодарить... пролепеталъ старикъ.

— Нѣтъ, князь, мнѣ благодарить, а не вамъ меня. Ну, а я васъ съумѣю отблагодарить, да не словами, а дѣломъ... Пускай сержантъ готовитъ себѣ офицерскій мундиръ...

Орловъ расцѣловался съ бояриномъ... Князь вышелъ какъ въ туманѣ, отъ восторженнаго чувства на душѣ.

XXIV.

Чрезъ мѣсяцъ пиръ горой въ палатахъ князя Лубянскаго, дивилъ всю Москву... Опять сотни гостей наполняли гостиныя дома, а густыя толпы народа, угощаемыя на широкомъ дворѣ князя, заливали всю улицу какъ волны морскія... Князь справлялъ свадьбу внучки Агаши и второй разъ праздновалъ свадьбу дочери. Двѣ счастливыя пары молодыхъ принимали поздравленія.

Около Рождества, сталъ извѣстенъ въ городѣ приговоръ надъ осужденными преступниками, замышлявшими государственный переворотъ въ пользу принца Ивана.

Дѣло это было первое въ лѣтописи уголовныхъ государственныхъ дѣлъ, въ которомъ высочайше повелѣно было производить слѣдствіе и чинить допросъ безъ пытокъ и пристрастья.

Сенатъ, въ полномъ собраніи, при участіи президентовъ всѣхъ коллегій, присудилъ: Семену Гурьеву и Петру Хрущеву—отсѣченіе головы, двумъ остальнымъ братьямъ Гурьевымъ—каторжную работу, а остальныхъ, болѣе и менѣе виновныхъ въ соучастіи, лишивъ дворянства, чиновъ, имѣнія, подвергнуть тѣлесному наказанію и сослать на поселеніе.

Императрица смягчила приговоръ. Семенъ Гурьевъ и Петръ Хрущевъ были сосланы въ Камчатку, двое младшихъ Гурьевыхъ въ Якутскъ. Остальные лишились чиновъ и были высланы на поселеніе въ разныя мѣста Имперіи, менѣе отдаленныя.

Одновременно съ этимъ давно больная Настасья Григорьевна скончалась, но въ сознаніи, на рукахъ сына, и знала умирая, что онъ не замышлялъ ничего противъ царицы.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ палаты князя Лубянскаго огласились веселымъ смѣхомъ и шумомъ его правнучатъ, мальчиковъ и дѣвочекъ Борщевыхъ и Хрущевыхъ. Прадѣдъ обожалъ малютокъ, исполнялъ всѣ ихъ прихоти и затѣи и всегда называлъ ихъ: „мои командиры“. Часто и много шутилъ князь по тому поводу, что дѣти Борщева приходились ему и внуками и правнуками, а дѣтямъ Хрущевымъ приходились не то двоюродными братьями и сестрами, не то дядями и тетками...

— Живемъ мы, говорилъ князь, россійской загадкѣ въ примѣръ: шли полемъ вмѣстѣ: братъ съ сестрой, мужъ съ женой, да шуринъ съ зятемъ? Сколько всѣхъ? Шестеро! То-то нѣтъ!

И хотя въ домѣ было ровно двѣнадцать человѣкъ всей семьи—князь въ шутку насчитывалъ около тридцати.

— Всѣ мы перепутались, смѣялся князь, но живемъ счастливо. Стало быть, Богъ благословилъ!...

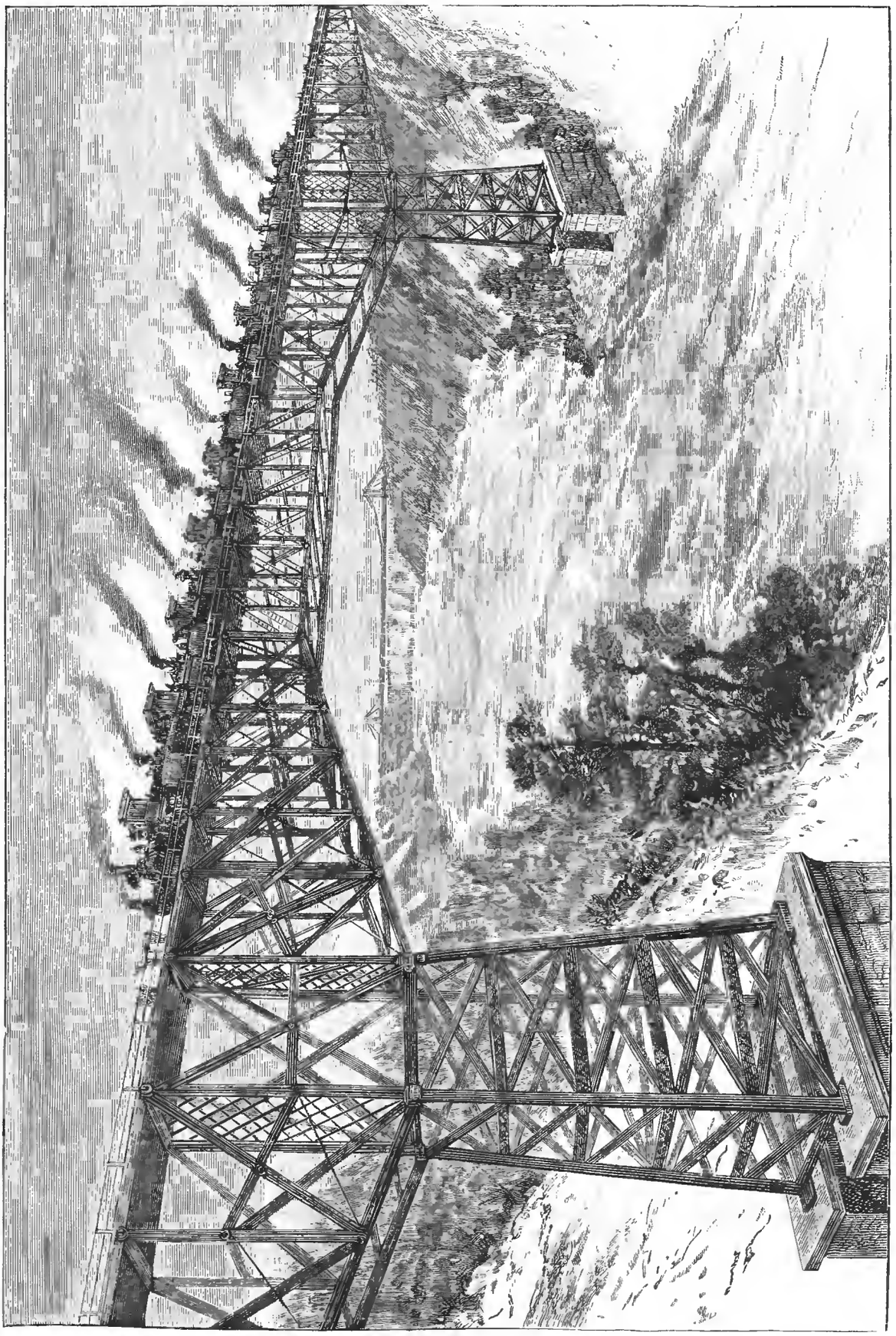
КОНЕЦЪ.

Насѣкомыя и растенія.

Очеркъ.

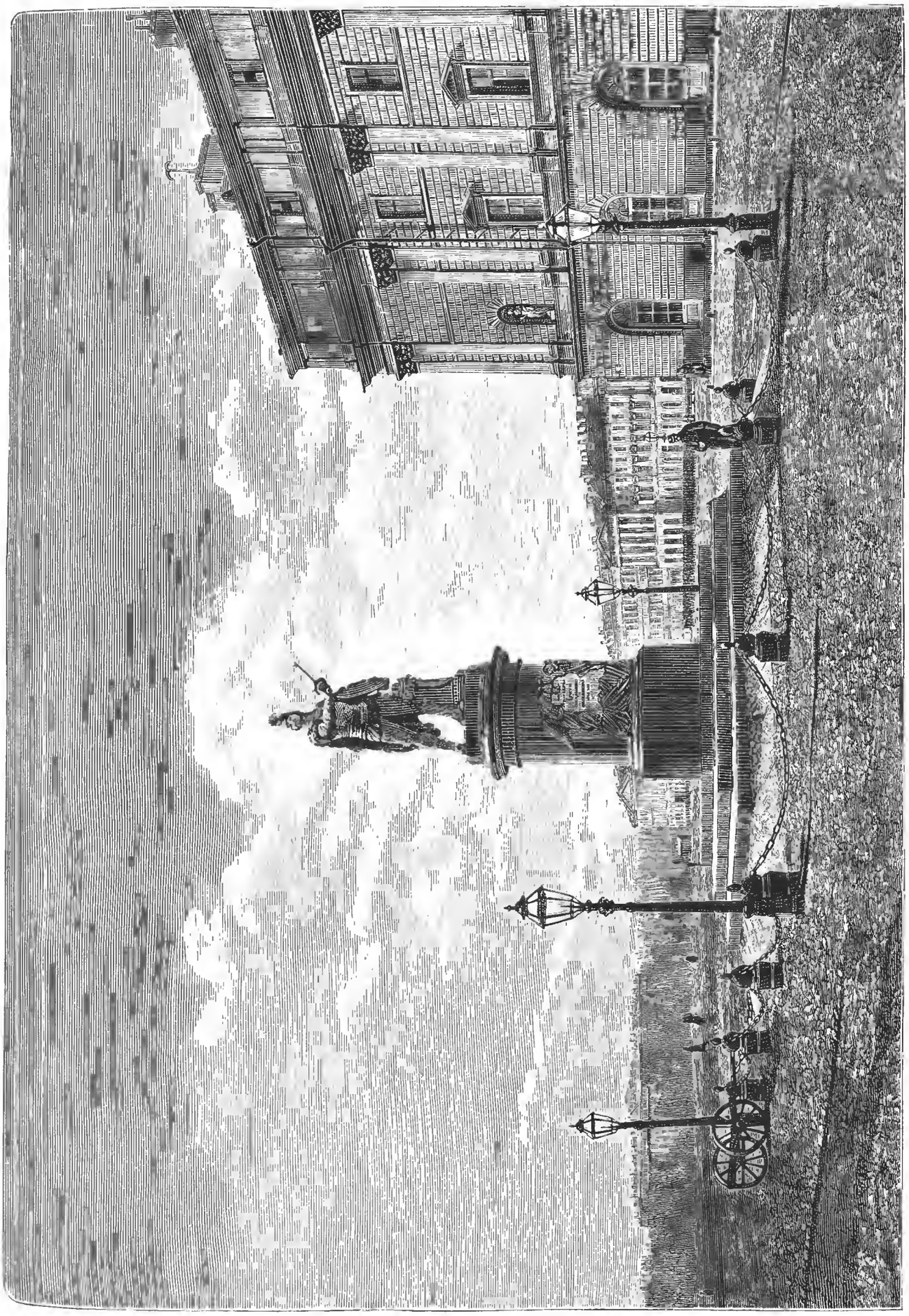
Возьмемте растеньице, извѣстное подъ именемъ львинаго зѣва: оно удачно разводится въ садахъ. Въ основаніи цвѣтка замѣчаемъ мы зеленую часть, называющуюся чашечкой. Выше ея находится вѣнчикъ, окрашенный обыкновенно яркими оттѣнками красныхъ или желтыхъ цвѣтовъ и имѣющій спереди форму двухъ губъ. Ради роскошныхъ красокъ вѣнчика, а иногда и чашечки, разводимъ мы цвѣты въ своихъ садахъ. Но эти части—только оболочки цвѣтка. Онѣ окружаютъ и защищаютъ тѣ

Библиотека "Руниверс"



Новый мостъ чрезъ Ніагару. Рис. И. Девнеть, грав. Эрнель.

Библиотека "Руниверс"



Виды и памятники С.-Петербурга. Суворовская площадь. Памятникъ фельдмаршалу А. В. Суворову.
Съ фотографіи грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

необходимые его органы, которые даютъ сѣмена и позволяютъ растенію воспроизводиться. Разрѣжемъ-же цвѣтокъ вдоль, чтобы разсмотрѣть эти органы, находящіеся внутри чашечки и вѣнчика. Эти утолщенныя на концѣ ниточки—тычинки. На днѣ цвѣтка мы видимъ—завязь, зеленую выпуклость: внутри ея—яички, зародыши, долженствующіе сдѣлаться сѣменами. Выше завязь продолжается въ видѣ длинной трубочки, оканчивающейся болѣе широкой частью, именуемой рыльцемъ-пестика.

На концахъ тычинокъ замѣчается нѣчто въ родѣ желтой пыли. Это—цвѣтень, представляющаяся подъ микроскопомъ въ видѣ маленькихъ зернышекъ совершенно равной величины и вполнѣ опредѣленной формы. Въ нихъ содержится вещество, предназначенное для выполненія особаго назначенія. Какова же роль цвѣтени?—Если пестикъ не получитъ этой пыли,—то никогда яички не преобразуются въ зернышки и не образуется плода... Наоборотъ, попавъ въ рыльце пестика, цвѣтень—даетъ начало плоду, содержащему сѣмена. Такимъ образомъ, безъ цвѣтени не было бы сѣмянъ.

Но на днѣ цвѣтка, ниже завязи, мы видимъ блестящую капельку. Разорвемъ вѣнчикъ и попробуемъ ее на языкъ. Она оказывается весьма пріятнаго, сладкаго вкуса. И ботаники нашли возможнымъ сравнить ее даже съ напиткомъ боговъ, назвавъ нектаромъ или медомъ. Тщательно разсмотрѣвъ цвѣтокъ, мы увидимъ, что жидкость эта производится особымъ органомъ, именуемымъ медовникомъ. Подъ микроскопомъ онъ представляется особой тканью, въ которой отлагаются сахаристыя вещества въ періодъ распусканія растенія. На поверхности его замѣчаются три маленькія отверстія—черезъ нихъ жидкость получаетъ возможность выходить наружу. Каково же назначеніе медовника и этого скопленія сахара въ основаніи цвѣтка? Долго оставалось неизвѣстнымъ, приноситъ-ли медовникъ цвѣтку какую либо прямую пользу... Думали даже, что онъ не составляетъ существеннаго признака растенія и нектаръ есть вещество безполезное для растенія, а потому и выдѣляемое имъ... Но мы вернемся еще къ этому вопросу.

Такимъ образомъ, растеніе производитъ два различныхъ вещества; одно—живая пыль, цвѣтень, назначеніе которой вполнѣ ясно для насъ; другое—сахаристая жидкость, нектаръ, медъ, пользы которой мы еще не замѣчаемъ.

Прежде нежели разрѣшать это, нужно сказать нѣсколько словъ о насѣкомыхъ, собирающихъ съ цвѣтовъ свою добычу. Запасшись маской и перчатками, во избѣжаніе укушеній, разсмотримъ пчелъ и улей легко раскрывающійся. Здѣсь оказывается сотъ меду, въ которомъ пчелы построили рядъ правильныхъ ячеекъ. Послѣднія всѣ одинаковой формы и съ одинаковымъ содержаніемъ. Въ ячейкахъ у основанія, закрытыхъ выпуклыми крышечками, мы находимъ развивающіяся личинки пчелъ; болѣе-же темныя ячейки оказываются наполненными желтымъ или красноватымъ веществомъ, намъ не безъизвѣстнымъ—цвѣтенью. Наконецъ, въ свѣтлыхъ ячейкахъ, болѣе многочисленныхъ, мы не находимъ ни личинокъ, ни цвѣтени, но прозрачное и сладкое вещество: это медъ.

Для чего служатъ эти запасы меда и цвѣточной пыли? Слѣдя за пчелами въ ульѣ съ стеклянной стѣнкой, мы увидимъ, что онѣ приготовляютъ изъ этихъ двухъ веществъ кашицу, которою кормятъ своихъ личинокъ. Медъ-же составляетъ, кромѣ того, пищу и для нихъ самихъ. Желая видѣть, какъ собираютъ онѣ медъ и цвѣтень, станемъ въ хорошій день у входа въ улей. Вотъ пчелки, несущія на своихъ заднихъ лапкахъ массу цвѣтени. Для той-же цѣли служитъ и родъ султанчиковъ, отдѣляющихся у нихъ на головѣ... Эти пчелки, погрузившись въ цвѣты орхидеи, захватили цвѣтени на свои султанчики. Какимъ же образомъ собирается нектаръ? Взявъ за крылышки какую нибудь пчелку такъ, чтобы она не могла ужалить, и придавивъ ей немножко грудь, мы увидимъ, что изо рту выступитъ у ней капелька сахаристой жидкости. Это и есть нектаръ, собираемый ею въ мѣшечекъ, находящійся позади полости рта, чтобы перекладывать его въ ячейки, гдѣ онъ превращается въ медъ.

Быть можетъ, нектаръ предназначается для пчелъ и прочихъ насѣкомыхъ, живущихъ около цвѣтка? Но не замѣчается никакого взаимнаго приспособленія между формами насѣкомаго и цвѣтка, имъ посѣщаемаго. Такъ, положимъ, что бабочка, своимъ продолговатымъ щупальцемъ собираетъ добычу съ цвѣтка—широко открытаго, мало замѣтнаго, зеленоватаго и безъ особаго окрашиванія. Въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ, мы можемъ замѣтить даже нѣкоторое обратное приспособленіе. Такъ, существуютъ насѣкомыя, которыя поѣдаютъ цвѣты, и цвѣты, поѣдающіе насѣкомыхъ. Далѣе, ластовень, посѣщаемый пчелами, нерѣдко дѣлается причиною гибели насѣкомыхъ, которыхъ можно видѣть иногда повиснувшими на немъ своими лапками; трупы пчелъ валяются также иногда вокругъ растенія. Повидимому, нельзя вообще сказать, что нектаръ созданъ для того, чтобы привлекать къ цвѣтамъ насѣкомыхъ и заставлять послѣднихъ переносить цвѣтень. Ибо, вопервыхъ, иногда онъ оказывается снаружи цвѣтка, а вовторыхъ, существуетъ масса растеній вовсе не производящихъ никакой сахаристой жидкости. Дѣйствительно, онъ имѣетъ прямое назначеніе для самого растенія. Разсмотрѣвъ растенія, невыдѣляющія нектара, мы увидимъ, что у нихъ всегда есть запасъ сахара въ основаніи, внутри тканей. Сахаръ этотъ усвоивается тканями цвѣтка, когда онѣ достигаютъ полнаго развитія. Растеніе питается на счетъ этого запаса. Интересно, что прежде нежели получить это назначеніе, сахаръ представляется кристаллическимъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ содержится онъ въ сахарномъ тростникѣ. Когда же сахаръ этотъ начинаетъ входить какъ составная часть въ цвѣты и листья растеній,—его кристаллическое строеніе мало по малу измѣняется, и онъ превращается въ жидкость.

Собственно же нектаръ есть вода, прошедшая черезъ ткани растенія, растворившая въ себѣ часть его сахаристаго запаса и выступившая на его поверхность, въ видѣ маленькихъ капелекъ. Послѣднихъ нельзя смѣшивать съ каплями росы. Онѣ остаются на растеніи гораздо дольше росы, такъ какъ содержаніе въ нихъ сахара замедляетъ испареніе.

Такимъ образомъ, можно заключить, что медовникъ предназначенъ для самого растенія, а вовсе не для цѣлей жизни насѣкомыхъ. Между тѣмъ, есть мнѣніе, что растенія и насѣкомыя приспособляются другъ къ другу. Это мнѣніе доходитъ подчасъ и до курьезныхъ преувеличеній. Можно надѣяться, что разсмотрѣніе такихъ приспособленій показало бы тоже самое, что мы узнали относительно медовника. Живой организмъ созданъ для самого себя; работаетъ для себя, а не для другихъ.

Цвѣта солнечныхъ лучей.

Очеркъ.

Сказать, что солнце поддерживаетъ жизнь—вовсе не значитъ сказать что-либо новое... Съ молокомъ матери всосали мы это убѣжденіе и съ колыбели укрѣпляется въ насъ признаніе жизнительности лучей солнца въ безчисленныхъ отношеніяхъ... Заходитъ „свѣтило дня“ и—земная жизнь теряетъ свою напряженность, засыпаетъ; восходитъ и—все вновь вызывается къ дѣятельности, звукамъ, движенію. Начинаютъ съ особенной силой пригрѣвать землю лучи его весною и—жизнь широкой, бурной струей закипаетъ на спутницѣ солнца. Солнце возбуждаетъ ослабѣвшія силы больнаго. Вся жажда, сила жизни—особенно ощутительна подъ его чудными лучами. Солнце одушевляетъ поэта, придаетъ жизненность ландшафту—въ натурѣ и на полотнѣ художника; солнце, наконецъ, эмблема всѣхъ родовъ проявленія жизни.

Таково непосредственное, общее всѣмъ, понятіе. Видимый нами бѣлый, безцвѣтный лучъ солнца очень сложенъ. Пропустивъ такой лучъ сквозь маленькое отверстіе въ ставнѣ въ темную комнату, направивъ его на стеклянную призму, обращенную преломляющимъ угломъ внизъ,—мы увидимъ, что этотъ простой лучъ, пройдя черезъ стекло, разлагается на семь главныхъ радужныхъ цвѣтовъ, ярко отпечатлѣвающихся на экранѣ. Обладая различной преломляемостью, лучи эти отклонились въ различной степени отъ первоначальнаго направленія собственно бѣлаго луча, такъ сказать разошлись и образовали цвѣтную полосу (солнечный спектръ), вверху которой помѣстился фіолетовый цвѣтъ, послѣ него синій, голубой, зеленый, желтый, оранжевый и внизу послѣдній—красный цвѣтъ. Итакъ, бѣлый солнечный лучъ состоитъ изъ семи цвѣтныхъ лучей. Отсюда и разнообразные цвѣта природы, предметы которой являются окрашенными тѣмъ изъ семи цвѣтовъ, который они отражаютъ отъ себя. Отсюда и усложненіе въ вопросѣ о значеніи солнца для жизни. Какъ же—спрашивается—дѣйствуютъ въ частности цвѣта его въ этомъ первенствующемъ отношеніи? Вѣроятно, неодинаково?

И дѣйствительно, не прошло безъ вниманія замѣчательное вліяніе на органическія существа *качества свѣта*, то есть: относительнаго содержанія въ немъ различно окрашенныхъ, цвѣтныхъ лучей. Оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, что цвѣтные лучи играютъ огромную роль въ напряженности жизненныхъ явленій. Не сразу было, однако, сдѣлано это научное завоеваніе. Мало того, первоначально, заявленіе объ ускоряющемъ дѣйствіи фіолетоваго цвѣта на развитіе животныхъ, вызвало даже насмѣшки... Но предпринятые Юнгомъ опыты въ зоологической лабораторіи Женевскаго университета, не оставляютъ уже въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній.

Собственно французскій физіологъ Бекларъ, первый вздумалъ помѣстить яички мухъ подъ цвѣтныя стекла, желая наблюсти—что произойдетъ съ ними. И открылъ черезъ нѣсколько дней,—что червячки, развивавшіеся подъ фіолетовымъ стекломъ, въ фіолетовыхъ лучахъ, были *втрое* больше и длиннѣе тѣхъ, которые росли въ зеленыхъ лучахъ... Подобный же опытъ, давшій сходные результаты, былъ произведенъ генераломъ Плизонтономъ въ Филадельфіи, надъ существами большой величины—свиньями. Но особенно поразительны опыты Юнга. Онъ пользовался при этомъ не просто окрашенными стеклами, которыя очень трудно получить такими, которыя про-

Библиотека "Руниверс"

пускали бы, дѣйствительно, какіе либо одни цвѣтные лучи. Юнгъ бралъ окрашенные растворы, вливавшіеся лишь въ пространства, ограничиваемыя бѣлыми, обыкновенными стеклами, черезъ которыя лучи и пропускались. Опыты были произведены первоначально надъ яичками существъ, водящихся въ водѣ, разныхъ родовъ, съ возможно равнымъ распредѣленіемъ пищи. И такимъ путемъ наблюдалось развитіе головастиковъ, каракатицъ, перовницъ, лососей и т. д.

Прежде всего и сильнѣе всего жизнь проявилась въ фіолетовыхъ и голубыхъ флаконахъ; наименѣе—въ красныхъ и зеленыхъ. Вотъ цифровыя данныя мѣсячныхъ наблюденій надъ головастиками (rana esculenta):

Красный	сосудъ:	длина 19.16;	ширина 4.50.
Желтый	сосудъ:	длина 22.50;	ширина 5.33.
Зеленый	сосудъ:	длина 15.16;	ширина 3.66.
Голубой	сосудъ:	длина 24.50;	ширина 5.66.
Фіолетов.	сосудъ:	длина 27.50;	ширина 6.66.
Бѣлый	сосудъ:	длина 23.10;	ширина 5.50.
Темный	сосудъ:	длина 19.66;	ширина 4.66.

Такимъ образомъ, наибольшее развитіе происходитъ въ фіолетовомъ цвѣтѣ; наименьшее—въ зеленомъ. Въ темнотѣ оно также имѣло мѣсто, но медленно и почти въ такой же мѣрѣ, какъ въ красныхъ лучахъ. Опыты эти оказались равно въ согласіи съ наблюденіями Фатиганти въ 1879 году надъ инфузоріями. Онъ также нашелъ, что фіолетовый цвѣтъ значительно ускоряетъ ростъ низшихъ организмовъ, а зеленый—замедляетъ его. Фіолетовый цвѣтъ усиливаетъ далѣе разложеніе и дыханіе, ибо подъ его вліяніемъ образуется избытокъ угольной кислоты, что и открылъ Юнгъ слѣдующимъ образомъ: онъ помѣстилъ въ фіолетовые лучи головастиковъ безъ пищи, и они умерли скорѣе тѣхъ, которые также безъ пищи оставались въ бѣлыхъ лучахъ.

Съ животными происходятъ, слѣдовательно, подъ вліяніемъ окрашенныхъ лучей, нѣсколько иныя явленія, чѣмъ съ растеніями. Темнота убиваетъ растеніе, какъ извѣстно, и—не мѣшаетъ вовсе развитію животнаго, какъ показалъ Юнгъ. По наблюденіямъ Поля Беръ, всѣ цвѣта, взятые отдѣльно—неблагопріятны для растеній, требующихъ бѣлаго цвѣта. Драперъ взялъ семь трубочекъ, наполненныхъ водою, насыщенною угольной кислотой, съ однимъ злаковымъ растеніемъ въ каждой. Затѣмъ, онъ направилъ на нихъ по лучу солнечнаго спектра... Ни въ одномъ случаѣ растеніе не обнаружило признаковъ жизни, путемъ отдѣленія кислорода. Впрочемъ, зеленый цвѣтъ производитъ крайне неблагопріятное вліяніе на животныхъ, равно какъ особенно и на растенія. Послѣднія перестаютъ жить подъ зеленой рамой. Наконецъ, Реньяръ показалъ къ этому вопросу, что растенія развиваются еще, хотя весьма слабо, подъ красными стеклами, и—умираютъ въ зеленыхъ лучахъ.

Такимъ образомъ, можно утверждать нынѣ, не взирая на нѣкоторыя наблюденныя противорѣчія, что фіолетовый цвѣтъ благопріятствуетъ животнымъ, красный—растеніямъ, а зеленый одинаково вреденъ и тѣмъ, и другимъ.

Какимъ-же путемъ происходитъ это вліяніе? Черезъ органъ зрѣнія? Молешотъ показалъ нѣкогда, что слѣпыя лягушки отдѣляютъ меньше угольной кислоты, чѣмъ зрячія. Но онъ не сомнѣвается также и въ дѣйствіи свѣта на кожу. Можно думать, поэтому, что тутъ происходитъ двойное вліяніе и даже вообще вліяніе во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ на нервную систему.

Изъ всего этого можно, кажется, вывести, что не слѣдуетъ скрываться и избѣгать солнечнаго свѣта, охраняя себя лишь противъ слишкомъ сильнаго дѣйствія его лучей; что изъ комнатъ должны быть изгнаны зеленыя краски и замѣнены съ большей пользой фіолетовыми или голубыми, бѣлыми или желтыми. И еще любопытный выводъ по отношенію къ электрическому свѣту, получающему все большее и большее распространеніе: свѣтъ этотъ весьма богатъ фіолетовыми лучами, а потому, нужно думать, можетъ производить такое-же и физіологическое дѣйствіе, какъ солнечный свѣтъ.

Къ рисункамъ.

Конская ярмарка въ Польшѣ.

(Рис. на стр. 344 и 345).

Рисунокъ нашъ даетъ вѣрное понятіе о жизни и обычаяхъ маленькаго пограничнаго польскаго городка. Немощеныя, покрытыя грязью улицы, низкіе, преимущественно деревянные домики съ бѣдными лавченками, большею частью занятыми подъ кабаки и подъ мелочную торговлю, обтянутыя полотномъ кибитки, среди которыхъ снуетъ кричащая и торгующаяся толпа—вся эта сцена носитъ своеобразную печать, свойственную всѣмъ тѣмъ мѣстностямъ, которыя точно въ насмѣшку названы городами. Конская ярмарка въ полномъ разгарѣ; не обходится также безъ забавныхъ сценъ, такъ какъ при торговлѣ рѣшающую роль играетъ водка, при помощи которой еврей за безцѣнокъ покупаетъ у крестьянина хорошую лошадь или же сбываетъ ему разбитую клячу. Импровизированные чайные буфеты собираютъ вокругъ себя весь женскій персоналъ ярмарки. Альфредъ Ковальскій, кисти котораго принадлежитъ картина, извѣстенъ какъ польскій историческій и боевой художникъ. Изъ его произведеній заслуживаютъ наибольшаго вниманія „Облава въ Польшѣ“, „Дуэль послѣ бала“ и многія жанровыя картины изъ жизни солдатъ и кавказскихъ войскъ.

„Покинутая вилла“. Ѳ. И. Тютчева.

(Рис. на стр. 349).

Въ этомъ стихотвореніи одного изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ, сказались всѣ его большія достоинства,—необыкновенно тонкое, живое и вѣрное пониманіе природы, глубокое и теплое чувство. Поэтъ входитъ въ очарованное царство давно покинутой, безмолвной виллы, обитаемой лишь тѣнями прошлаго, которая въ своемъ уединеніи и безлюдьи, заслонясь старинной кипарисной рощей, какъ бы спитъ и грезитъ о дняхъ горячей жизни, когда то тутъ кипѣвшей.

И вотъ тому ужъ вѣка два и болѣ
Волшебною мечтой ограждена
Въ своей цвѣтущей оночивъ юдолѣ
На волю неба предалась она.

Но небо здѣсь къ землѣ такъ благосклонно:
И много лѣтъ и теплыхъ южныхъ зимъ
Провѣяло надъ нею полусонной
Не тронувши ея крыломъ своимъ

По прежнему фонтанъ ея лепечетъ
Подъ потолкомъ гуляетъ вѣтерокъ
И ласточка влетаетъ и щебечетъ...
И спитъ она—и сонъ ея глубокъ.

Но когда вошли въ это святилище грезы живые люди съ кипучимъ жаромъ своей тревожной жизни—словно что то произошло, словно лепетъ какой-то тревожный пробѣжалъ по вѣтвямъ кипарисовъ, словно потревожило торжественный покой и сонъ виллы—это вторженіе живой жизни...

Ніагарскій мостъ.

(Рис. на стр 352).

Каждое новое сооруженіе въ Америкѣ вызываетъ справедливое вниманіе; недавно тамъ снова окончена новая необыкновенная постройка. Съ 20 минувшаго декабря надъ Ніагарой, которая, какъ извѣстно, отдѣляетъ Соединенные Штаты отъ Канады, открытъ для движенія колосальный мостъ Мичиганской центральной желѣзной дороги. Уже въ 1855 году ниже Ніагарскаго водопада былъ построенъ инженеромъ Реблингомъ висячій мостъ въ одну колею, а немного позже передъ водопадомъ былъ возведенъ и другой мостъ такой же конструкціи, назначавшійся для пѣшеходовъ и экипажей. Новый мостъ проходитъ между этими обоими, на триста футовъ выше Реблинговскаго желѣзнодорожнаго моста и своей конструкціей существенно отличается отъ предъидущихъ. На двухъ башняхъ, стоящихъ на берегахъ, положены гигантскія продольныя перекладины, соединенныя посрединѣ. Обѣ башни, каждая вышиною въ 132 фута, упираются прочными бетонными фундаментами въ скалы и сдѣланы цѣликомъ изъ стали и желѣза. Болѣе короткіе концы перекладины заложены такъ что равновѣсіе не нарушается даже и въ томъ случаѣ, если грузъ находится только по срединѣ моста. Башни находятся другъ отъ друга на разстояніи 500 футовъ, вся же длина моста составляетъ 910 футовъ. Обѣ перекладины имѣютъ по 395 футовъ длины, средняя соединительная часть 120 ф., а желѣзнодорожныя рельсы лежатъ на 245 футовъ выше уровня рѣки. Мостъ въ главныхъ его частяхъ сдѣланъ изъ стали и желѣза и самыя точныя испытанія, произведенныя инженерами во время открытія, удостовѣрили, что онъ сдѣланъ очень прочно и соотвѣтствуетъ всѣмъ требованіямъ техники.

Памятникъ Суворову въ С.-Петербургѣ.

(Рис. на стр. 353).

Память заслугъ отечеству непобѣдимаго полководца, одного изъ величайшихъ русскихъ героевъ конца восемнадцатаго вѣка, генералиссимуса, князя Италійскаго, графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго, увѣковѣчена въ нашей столицѣ сооруженіемъ довольно скромнымъ. Сооруженъ онъ былъ по модели скульптора Козловскаго, художника талантливаго, но строго державшагося классическаго направленія, руководясь которымъ, онъ изобразилъ нашего знаменитаго полководца въ латахъ и шлемѣ рыцаря, а не въ современномъ костюмѣ. Въ одной рукѣ рыцарь держитъ щитъ, которымъ защищаетъ корону, скипетръ и другіе знаки царскаго достоинства, лежащіе на постаментѣ, а въ другой мечъ, которымъ отражаетъ враговъ. Сама статуя вылита изъ бронзы и поставлена на гранитномъ кругломъ пьедесталѣ,

Библиотека "Руниверс"

окруженномъ рѣшеткою, составленною изъ пушекъ, врытыхъ въ землю и соединенныхъ цѣпями. Памятникъ былъ сооруженъ въ 1801 году, первоначально на Марсовомъ полѣ, гдѣ обыкновенно до сихъ поръ производятся парады и военныя экзерциціи; впослѣдствіи, по повелѣнію императора Александра I, памятникъ былъ отнесенъ дальше къ берегу рѣки Невы и поставленъ на его настоящемъ мѣстѣ противъ Троицкаго моста.

Софія Ментеръ.

Не малому числу читателей, вѣроятно, уже знакомо имя піанистки Софіи Ментеръ, пользующейся большою извѣстностью. Помѣщая на страницахъ нашего журнала портретъ этой піанистки, концертирующей теперь по Россіи, приводимъ нѣкоторыя біографическія подробности изъ ея жизни и музыкальной дѣятельности.

Г-жа Софія Ментеръ, дочь одного изъ превосходныхъ германскихъ віолончелистовъ, родилась въ Мюнхенѣ и получила свое первое музыкальное образованіе въ тамошней консерваторіи. Окончивъ курсъ консерваторіи, Софія Ментеръ 14-ти лѣтъ выступила въ первый разъ на концертной эстрадѣ въ Мюнхенѣ и уже тогда поразила публику и всѣхъ знатоковъ музыки своимъ выдающимся виртуознымъ дарованіемъ. Большой успѣхъ, сопровождавшій появленіе юной виртуозки въ Мюнхенѣ, и лестные отзывы всей музыкальной критики того времени объ ея игрѣ побудили многія концертныя общества Германіи пригласить молодую, многообѣщающую піанистку къ участію въ различныхъ симфоническихъ концертахъ. Съ этого времени начался блестящій періодъ музыкально-виртуозной дѣятельности г-жи Ментеръ. Одна концертная поѣздка смѣнялась другою; лишь только артистка заканчивала свои концерты въ Германіи, ее тотчасъ-же приглашали въ Австрію, Венгрію, Францію, Англію, Голландію и т. д., и всюду, гдѣ только она ни появлялась, ее встрѣчали симпатіи и восторгъ публики. Такимъ образомъ, популярность г-жи Ментеръ росла все болѣе и болѣе. Ободренная этими успѣхами, г-жа Ментеръ продолжала еще съ большимъ рвеніемъ работать

Софія Ментеръ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Генералъ Джорджъ Гордонъ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

надъ развитіемъ своего таланта подъ руководствомъ одного изъ величайшихъ виртуозовъ, Карла Таузига (нынѣ умершаго).

Впослѣдствіи, явившись замѣстительницею своего учителя, г-жа Ментеръ пользовалась совѣтами Франца Листа, перенесшаго на нее всю привязанность и дружбу, которую онъ питалъ къ своему ученику Карлу Таузигу. Несомнѣнно, что расположеніе и дружба такого геніальнаго артиста, какъ Листъ, его постоянные совѣты должны были повліять на игру г-жи Ментеръ самымъ благотворнымъ образомъ. Состоя въ настоящее время придворной піанисткою императора Австрійскаго, г-жа Ментеръ удостоилась чести играть предъ Ихъ Величествами — нашимъ Государемъ Императоромъ и Императрицею въ Гатчинѣ, за что получила въ подарокъ цѣнный браслетъ. Кромѣ того, виртуозка эта играла предъ всѣми Коронованными Особами Европы и имѣетъ нѣсколько медалей, данныхъ ей въ награду за услуги, оказанныя искусству. Какой славой пользуется г-жа Ментеръ въ артистическомъ мірѣ, показываетъ тотъ фактъ, что артистка эта, послѣ смерти знаменитаго композитора Рихарда Вагнера, была избрана Лондонскимъ филармоническимъ обществомъ почетнымъ членомъ на вакансію этого композитора. Такой чести, сколько намъ извѣстно, не удостоился еще ни одинъ изъ живущихъ нынѣ виртуозовъ.

Для устройства концертовъ знаменитой артистки путешествуютъ съ ней секретарь и спеціалистъ настройщикъ. Кромѣ того извѣстнѣйшая въ Россіи фабрика роялей Я. Беккера посылаетъ за г-жею Ментеръ два и даже три концертныхъ фортепіано.

Генералъ Гордонъ.

Генералъ Гордонъ, нынѣ губернаторъ Судана, взявшій на себя трудную миссію усмиренія фанатическихъ приверженцевъ Махди, несомнѣнно энергическій и способный человѣкъ, завоевавшій себѣ извѣстность цѣлымъ рядомъ смѣлыхъ подвиговъ и приключеній. Карлъ Георгъ Гордонъ родился въ Вульвичѣ 28 января 1833 года и былъ четвертымъ сыномъ генералъ-

Библиотека "Руниверс"

Журавль-коршунъ, убивающій очковую змѣю. Ориг. рис. О. Френцеля, грав. Эртель.

Библиотека "Руниверс"

лейтенанта Генриха Вильяма Гордона, представителя одной изъ старѣйшихъ шотландскихъ фамилій, знаменитой въ исторіи по своимъ воинственнымъ подвигамъ. Карлъ Гордонъ получилъ воспитаніе въ Таунтонѣ, а потомъ въ Вульвичѣ, въ военной Академіи, откуда и выпущенъ въ 1854 году инженеромъ. Тогда только что вспыхнула восточная война и Гордонъ принялъ участіе въ осадѣ Севастополя и занятіи Кинбурна, а въ 1856, 1857 и 1858 годахъ содѣйствовалъ регулированію новой границы въ Бессарабіи и Арменіи. Въ іюлѣ 1860 года онъ былъ посланъ въ Китай и участвовалъ при осадѣ Пекина, послѣ чего, въ чинѣ маіора, остался въ Тіанъ-Тзинѣ, какъ командиръ инженернаго отряда, при чемъ на него была возложена обязанность наблюдать за спокойствіемъ страны въ окрестностяхъ Шангая. Возстаніе тай-пинговъ, которое вспыхнуло въ первый разъ въ Китаѣ въ 1851 году, начало угрожать въ 1860 году безопасности Шангая и другихъ частей, доступныхъ иностранцамъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ нерѣшительной борьбы китайское правительство обратилось къ помощи англичанъ и просило назначить способнаго офицера для организаціи китайскихъ военныхъ силъ и для успѣшнаго подавленія мятежа. Для выполненія этой трудной задачи былъ избранъ уже извѣстный тогда по своимъ заслугамъ маіоръ Гордонъ и Ли-Хунгъ-Чангъ, губернаторъ провинцій Кіанга, тогда же снабдилъ его необходимыми полномочіями. Въ 1863 и 1864 годахъ Гордонъ переобразовалъ и обучилъ съ необычайною быстротою небольшую китайскую армію и благодаря смѣлости и энергіи въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ захватилъ города Тай-Тсанъ, Кинъ-Санъ и Соо-Шоу, и другіе важные пункты, завоеваніе которыхъ облегчило занятіе Нанкина и усмиреніе мятежа тай-пинговъ. Заслуги полковника Гордона были высоко оцѣнены не только китайскимъ, но и британскимъ правительствомъ и вообще всѣми націями, имѣющими торговыя сношенія съ Китаемъ. Въ концѣ 1864 года Гордонъ возвратился въ Англію и ему было поручено командованіе инженернымъ отрядомъ въ Гравезандѣ. Въ 1871 году онъ былъ отправленъ въ Галацъ и къ устью Дуная, съ порученіемъ устроить правильное судоходство по этой рѣкѣ. Съ 1874 года Гордонъ принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Египта. Въ это время онъ получилъ приглашеніе отъ Нубаръ-паши, тогда перваго министра при хедивѣ, наслѣдовать сэру Самуэлю Беккеру въ управленіи египетскими владѣніями на верхнемъ Нилѣ и при этомъ принять мѣры къ уничтоженію торговли невольниками. Гордонъ согласился и тотчасъ же отправился къ мѣсту своего новаго служенія. Этотъ первый періодъ его управленія Суданомъ продолжался съ 1874 по 1876 г. и въ это относительно короткое время онъ совершилъ много полезнаго, устроивая повсюду военные посты, усмиряя крамольныхъ негритянскихъ вождей и освобождая массу рабовъ изъ подъ ига ихъ жестокихъ владѣльцевъ. Къ сожалѣнію, второй періодъ его управленія, съ 1877 до конца 1879 года, не сопровождался уже такими отрадными и полезными результатами. Тогда онъ только что возвратился изъ Англіи, въ которой пробылъ очень недолго и успѣлъ выговорить себѣ самыя широкія полномочія, какъ генералъ-губернаторъ всѣхъ суданскихъ провинцій, включая Кордофанъ и Дарфуръ съ Хартумомъ, какъ центромъ всѣхъ этихъ обширныхъ владѣній. Теперь ему предстояло не только имѣть дѣло съ дикарями Бѣлаго Нила и озернаго пространства, но кромѣ того бороться съ частыми возстаніями арабскихъ племенъ, съ Зеберъ-пашей и его сильной партіей и съ корыстными египетскими чиновниками, которые всѣми средствами поддерживали выгодную для нихъ торговлю рабами. Неудивительно, что такая постоянная борьба оказалась не по силамъ даже энергичному Гордону и послѣ двухлѣтняго управленія, онъ съ разочарованіемъ долженъ былъ бросить начатое дѣло. Теперь Гордонъ опять считается, хотя и номинально, губернаторомъ Судана, но къ сожалѣнію, его положеніе теперь совершенно непохоже на прежнее; военныя его средства ничтожны и его авторитетъ оказывается очень слабъ среди арабскаго населенія. Неудивительно, что волей неволей Гордону приходится, въ силу обстоятельствъ, измѣнять самыя завѣтныя свои убѣжденія; объявлять терпимость торговли рабами, уступать Дарфуръ и всю окрестную мѣстность Махди и наконецъ даже предложить Зебера-пашу, своего злѣйшаго врага, какъ наиболѣе способнаго администратора, для центральныхъ провинцій Судана. Вообще положеніе Гордона теперь самое критическое и лишь только его высокій умъ и замѣчательная энергія, могутъ возвратить ему то вліяніе и силу, какими онъ нѣкогда пользовался въ дѣлахъ Египта.

Коршунъ-журавль. (Gypogeranus serpentarius).

(Рис. на стр. 357)

Въ Африкѣ, изобилующей ядовитыми змѣями, водится также полезнѣйшая птица коршунъ-журавль, естественный врагъ опасныхъ пресмыкающихся. Отъ всѣхъ прочихъ хищныхъ птицъ коршунъ-журавль отличается необыкновенно длинными ногами; вообще же онъ очень красивъ, имѣетъ длинную шею, широкую, плоскую голову, короткій загнутый клювъ, длинныя крылья и очень длинный хвостъ. Перья на головѣ удлиняются и образуютъ хохолокъ, поднимающійся кверху, если птица разсержена. Цвѣтъ перьевъ пепельно-сѣрый съ черными и коричневыми оттѣнками. Самцы достигаютъ отъ 1½ до 2 аршинъ, самки же бываютъ больше. Коршунъ-журавль водится въ большей части Африки, преимущественно въ степеобразныхъ равнинахъ, отъ Капской земли до 16 градуса сѣверной широты и отъ берега Краснаго моря до Сенегала. Съ давнихъ поръ онъ извѣстенъ какъ истребитель змѣй. На стр. 357 изображена именно битва коршуна-журавля съ очковой змѣей, достигающей трехъ и болѣе аршинъ величины. Укушеніе ея безусловно смертельно и ядъ, попавшій въ рану, дѣйствуетъ очень быстро. Поэтому то значеніе коршуна-журавля очень важно. Во время схватки, коршунъ-журавль прежде осторожно приближается къ противнику, держа одно крыло въ видѣ щита, затѣмъ съ наеженными перышками на хохолкѣ, стремительно бросается на змѣю, нанося ей удары когтями, которыми зачастую убиваетъ змѣю. Если же змѣя не убита и поднимается съ угрожающимъ видомъ, то коршунъ-журавль отскакиваетъ назадъ, но въ слѣдующую минуту снова начинаетъ нападеніе. Какъ показано на рисункѣ, онъ бросается съ распущенными крыльями и всякій разъ сильно бьетъ змѣю, которая вскорѣ падаетъ обезсиленная. Добыча съѣдается въ нѣсколько минутъ. Случается также, что коршунъ-журавль, подобно второму экземпляру на рисункѣ, схватываетъ змѣю, поднимаетъ высоко на воздухъ и оттуда бросаетъ съ цѣлью ее убить.

Кончина Сетевайо.

(Рис. на стр. 360).

Сетевайо подъ именемъ „перваго министра" былъ на самомъ дѣлѣ настоящимъ правителемъ страны зулусовъ, еще за долго до смерти его отца Панды, послѣдовавшей въ 1873 году. Тогда же Сетевайо былъ коронованъ въ присутствіи британскаго представителя Сэра Чанстона, а нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1878 г., Сиръ Бартль Фреръ, губернаторъ Капской колоніи обнародовалъ ту достопамятную декларацію, которая послужила источникомъ безчисленныхъ бѣдствій и кровопролитныхъ побоищъ Сетевайо на территоріи Наталя и Трансвааля. Наконецъ послѣдовало объявленіе войны. Зулусы сражались какъ герои и при Изандлинѣ англичане потерпѣли даже отъ нихъ пораженіе, но потомъ въ свою очередь зулусы были разбиты при Улунди. Сетевайо бѣжалъ, былъ взятъ въ плѣнъ и содержался какъ почетный плѣнный въ Капстоунѣ. Здѣсь онъ пожелалъ отправиться въ Англію и предъявить свои претензіи самой королевѣ. Желаніе его было исполнено и его поѣздка имѣла для него самый благопріятный результатъ; онъ былъ возстановленъ на своемъ престолѣ. Но при возстановленіи его власти англичане не оказали ему со своей стороны достаточной помощи, такъ что его соперники Дуннъ и другіе, успѣвшіе въ его отсутствіе возмутить противъ него часть племени, могли съ успѣхомъ начать съ нимъ губительную войну. Сетевайо былъ разбитъ, раненъ и едва спасся бѣгствомъ отъ своихъ враговъ. Послѣ этой неудачи онъ потерялъ свое старое вліяніе и хотя власти Наталя и предлагали ему у себя убѣжище, но при этомъ совершенно отказывали въ содѣйствіи его честолюбивымъ планамъ. Всѣ эти неудачи и несчастія губительно повліяли на здоровье Сетевайо. Онъ сталъ сильно тосковать и грустить. Давно уже онъ страдалъ болѣзнью сердца и это ускорило его кончину. Онъ умеръ 8-го февраля настоящаго года въ своемъ лагерѣ въ Ешовѣ, въ простомъ каффрскомъ шаланѣ, единственнымъ украшеніемъ котораго служила развѣшенная на шестахъ различная домашняя посуда. Послѣ смерти онъ въ сидячемъ положеніи былъ обернутъ широкимъ одѣяломъ и связанъ въ немъ кожаными ремнями. Извѣстно, что онъ былъ очень толстъ и фигура вышла въ этомъ видѣ странная. Его жены стали кругомъ въ покорной позѣ, какъ бы выражая покойнику то подчиненіе, какое онѣ ему оказывали при жизни; лишь одна старшая оставалась сидящей на полу. Небольшой, надутый пузырь былъ надѣтъ на голову трупа. Домашняя посуда, табакерки и много другихъ его предметовъ ежедневнаго употребленія были погребены вмѣстѣ съ покойникомъ.

Леченіе кровью.

(Рис. на стр. 360).

Образцовое устройство городскихъ скотобоенъ въ Спб. дало возможность одному изъ столичныхъ врачей устроить при скотобойняхъ спеціальную лечебницу, для леченія больныхъ *свѣжею кровью*. Примѣненіе крови давно извѣстно ученому и медицинскому міру. За границей, напр. во Франціи, въ послѣднее время употребителенъ такъ наз. *кровяной порошокъ*, получаемый изъ высушенной крови различныхъ животныхъ. У насъ въ частныхъ случаяхъ также давали кровь внутрь и употребляли снаружи, въ видѣ ваннъ, подкожныхъ впрыскиваній, но спеціально устроеннаго для того заведенія не было. Починъ и организація этого дѣла принадлежитъ д-ру В. Т. Никитину, задавшемуся мыслью разработать примѣненіе свѣжей крови на научныхъ основаніяхъ. При устроенной имъ лечебницѣ, пока только для приходящихъ, имѣется прекрасное помѣщеніе для пріема больныхъ и кабинетъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, для химическихъ и микроскопическихъ изслѣдованій.

Библиотека "Руниверс"

Медицинскія корпораціи относятся съ большимъ сочувствіемъ къ предпріятію д-ра Никитина.

Лестные отзывы больныхъ, уже пользовавшихся въ лечебницѣ, предсказываютъ будущность предпріятію.

Для леченія берется кровь исключительно молочныхъ телятъ, какъ болѣе удовлетворяющая вкусовымъ ощущеніямъ и другимъ качествамъ. Вкусъ свѣжей крови напоминаетъ вкусъ густаго парнаго молока, или сыраго яйца сбитаго вмѣстѣ съ желткомъ; для пьющихъ кровь на мѣстѣ, прибавляется немного хлористаго натра (поваренной соли), что задерживаетъ свертываніе крови; при разсылкѣ крови на домъ, послѣдняя особымъ образомъ приготовляется, почему также теряетъ свойство свертываться, въ зимнее время кровь можетъ быть разсылаема въ теченіе 6 — 10 часовъ, не утрачивая качества полной свѣжести.

По изслѣдованіямъ-же, произведеннымъ въ лечебницѣ, кровь при обыкновенной комнатной температурѣ, 14—15° R., не должна оставаться болѣе 2—3-хъ часовъ, слѣдов. разсылка крови въ лѣтнее время возможна только въ ледяныхъ шкафахъ и время не должно превышать сказанное число часовъ. Тѣ-же изслѣдованія показали, что употребляемый многими такъ наз. мясной сокъ, долженъ быть выжатъ не изъ продающагося въ лавкахъ свѣжаго мяса, а изъ только что убитаго животнаго. Отношеніе мяснаго сока къ крови, по своимъ составнымъ частямъ, такое же, какъ отношеніе спитаго чая къ свѣже заваренному. Отъ крупнаго скота и другихъ взрослыхъ животныхъ, какъ овецъ и свиней, кровь не можетъ быть назначаема, ибо г. Никитинъ опасается зраженія организма другими болѣзнями. Изъ ряда наблюденій, произведенныхъ надъ различнаго рода больными, которымъ назначено леченіе кровью, пришли къ убѣжденію, что примѣненіе этого метода леченія, кромѣ общественнаго недуга—малокровія и дурнаго питанія организма вообще, умѣстно во многихъ другихъ формахъ страданій. При лечебницѣ д-ра Никитина имѣется и довольно хорошая лабораторія.

Политическое обозрѣніе.

Египетъ.—Франція и Тонкинъ.—Римъ.—Германія.—Черногорія.

Взятіе Хартума мятежниками не подтверждается; Гордонъ все еще держится въ немъ со своимъ небольшимъ отрядомъ, окруженный со всѣхъ сторонъ враждебными скопищами арабовъ. По послѣднимъ телеграммамъ, Зеберъ-паша предлагаетъ послать въ Хартумъ своего сына, чтобы способствовать возвращенію Гордона, между тѣмъ какъ онъ самъ останется въ Каирѣ въ качествѣ заложника, или же наоборотъ—оставить заложникомъ сына, а самъ отправится въ Хартумъ. Единственнымъ условіемъ онъ ставитъ возвращеніе ему имуществъ, которыхъ онъ лишился. Самому Гордону—сдѣлать попытку силою пробить себѣ дорогу—едва ли придетъ въ голову послѣ несчастной вылазки 16 марта. Ему остается одна надежда на спасеніе, въ поддержкѣ со стороны дружественныхъ племенъ, но и эта поддержка съ каждымъ днемъ дѣлается сомнительнѣе и объ ней встрѣчаются самыя сбивчивыя извѣстія въ англійской печати. Такъ газета „Times“ извѣщаетъ, что дружественный Гордону предводитель арабовъ Мегмедъ-Али былъ разбитъ мятежниками; другая же газета „Standard“ сообщаетъ, что онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи около 2000 солдатъ и намѣренъ аттаковать Османа-Дигму, который по прежнему остается въ своемъ лагерѣ подъ Тамашибомъ. Нубаръ-паша подалъ Хедиву свою отставку, такъ какъ, подобно своему предшественнику Шерифу-пашѣ, онъ убѣдился, что долженъ служить не интересамъ своей страны и своего повелителя, а интересамъ Англіи и быть простымъ орудіемъ ея представителей въ родѣ Клиффорда Ллойда, который распоряжается въ Египтѣ помимо министровъ совершенно самостоятельно и самовластно.

Пекинскій дворъ, кажется, послушался внушеній партіи мира и не прочь найти поводъ къ соглашенію съ французскимъ кабинетомъ по тонкинскому вопросу. Французская газета сообщаетъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что министръ-президентъ Жюль Ферри получилъ за послѣднее время много разныхъ сообщеній отъ китайскаго правительства, да и вообще въ политическихъ кружкахъ Парижа ожидаютъ, что переговоры между французскимъ правительствомъ и пекинскимъ дворомъ возобновятся на какомъ либо болѣе опредѣленномъ основаніи. Французскій посланникъ въ Пекинѣ Патенотръ, выѣзжаетъ на дняхъ изъ Парижа въ Гюэ, откуда отправится къ своему оффиціальному посту, въ китайскую столицу. Движеніе на Гонгъ-Гоа уже началось: здѣсь, какъ говорятъ, собралось около 10000 защитниковъ „Черныхъ флаговъ“ и регулярнаго китайскаго войска Юнпанскаго вице-королевства, такъ что можно ожидать довольно энергическаго сопротивленія. По телеграммѣ изъ Шанхая китайская императрица приказала публично объявить о разжалованіи и лишеніи сана пятерыхъ членовъ тайнаго совѣта, въ томъ числѣ и принца Кунга за ихъ политику по отношенію къ Тонкину.

По извѣстіямъ изъ Рима, клерикалы здѣсь по прежнему встрѣвожены слухами о приготовленіяхъ къ предстоящему отъѣзду его святѣйшества. Такъ недавно многіе нунціи обратились къ папскому государственному секретарю кардиналу Якобини, съ просьбою сообщить имъ—дѣйствительно ли дѣлаются приготовленія къ этому отъѣзду. Кардиналъ, будто бы, отвѣчалъ, что особенныхъ приготовленій нѣтъ, но что папа не въ состояніи выносить нынѣшній порядокъ вещей на неопредѣленное время.

Германская пресса серьезно занята окончательнымъ рѣшеніемъ имперскаго канцлера совершенно отстраниться отъ управленія дѣлами прусскаго королевства. Она сознаетъ, что вѣроятно такое рѣшеніе вызвано со стороны маститаго канцлера исключительно его недугами, такъ какъ двадцатилѣтняя дѣятельность въ качествѣ министра, въ безпокойное время борьбы и всяческихъ столкновеній была дѣйствительно въ состояніи надломить самыя крѣпкія силы. Князь Бисмаркъ уже много разъ заявлялъ въ парламентѣ, что лишь одна безпредѣльная его преданность къ императору препятствуетъ ему воспользоваться своимъ естественнымъ правомъ удалиться на склонѣ лѣтъ отъ государственныхъ дѣлъ; въ послѣдніе же три года здоровье канцлера сильно разстроилось и по мнѣнію врачей для поддержки своихъ силъ ему не представляется другаго средства какъ ограниченіе своей обширной дѣятельности. Такимъ образомъ волей-неволей имперскій канцлеръ рѣшился наконецъ сохранить за собой лишь внѣшнія дѣла, въ области которыхъ онъ пользуется такимъ высокимъ довѣріемъ и авторитетомъ, и не подвергать себя непріятностямъ и столкновеніямъ, неизбѣжнымъ въ дѣлахъ внутренней политики, требующихъ вообще чрезвычайнаго напряженія какъ умственныхъ, такъ и физическихъ силъ.

Изъ Цетиньи сообщаютъ, что князь Николай принималъ здѣсь недавно самымъ радушнымъ образомъ новаго турецкаго уполномоченнаго Джевада-пашу. Принимая отъ послѣдняго ввѣрительныя грамоты и отвѣчая на его привѣтственную рѣчь, князь высказалъ, что онъ сохранитъ неизгладимое воспоминаніе о высокоблагосклонномъ пріемѣ, оказанномъ ему султаномъ въ Константинополѣ, и въ заключеніе заявилъ, что отнынѣ взаимныя отношенія обоихъ правительствъ будутъ носить на себѣ печать неизмѣнной искренности и сердечности.

Смѣсь.

Статистика долголѣтія членовъ европейскихъ династій. По поводу 88 годовщины со дня рожденія императора Вильгельма, германскія газеты доказываютъ статистическими данными, что ни одному государю изъ существующихъ теперь въ Европѣ династій не пришлось дожить до такой глубокой старости, какъ настоящему, всѣми уважаемому императору Германіи. И въ подтвержденіе этого факта приводятъ слѣдующія данныя о всѣхъ царствующихъ династіяхъ, располагая ихъ по порядку долголѣтія 1) Въ Гогенцолернъ-Бранденбургской династіи самаго старшаго возраста достигъ Фридрихъ Великій (царствовавшій съ 1740 до 1786 г.), именно 74½ г. Средняя продолжительность жизни 18 гогенцолернскихъ государей равняется 62 годамъ. Между, извѣстными исторіи, предками королевскаго дома дольше всѣхъ жилъ бургграфъ Фридрихъ Нюренбергскій — 79 лѣтъ. 2) Во французской династіи Капетинговъ дольше всѣхъ государей прожилъ Карлъ X, умершій 79 лѣтъ. Средняя продолжительность жизни 35 государей этой династіи—50 л. Наполеонъ I умеръ 52 лѣтъ. Наполеонъ III—64 лѣтъ. 3) Въ Савойской династіи въ самыхъ старшихъ лѣтахъ умеръ Филиппъ I, графъ Савойскій (1268—1285) 78 лѣтъ. Средняя продолжительность жизни 29 государей савойской династіи равняется 51½ года. 4) Династія Габсбурговъ: самаго старшаго возраста достигъ Фридрихъ III (1424 — 1493)—78 лѣтъ. 5) Въ Османской династіи Баязетъ II (1481—1512), умершій 72 лѣтъ, достигъ старѣйшихъ лѣтъ. 6) Изъ дома Романовыхъ, въ теченіи 270-лѣтняго его владычества, ни одинъ изъ государей не дожилъ до преклонныхъ лѣтъ; императрица Екатерина II, прожившая дольше всѣхъ—67 лѣтъ, была нѣмецкой принцессой и не происходила изъ дома Романовыхъ. Старѣйшаго возраста достигъ императоръ Александръ II, умершій 63 лѣтъ. Средняя продолжительность жизни 15 государей изъ дома Романовыхъ равняется 44 годамъ. Прямую противоположность дому Романовыхъ представляетъ 7) англійскій ганноверскій домъ; въ то время какъ въ первомъ никто не дожилъ до 65 лѣтъ, здѣсь всѣ государи умерли не ранѣе этихъ лѣтъ. Самымъ старымъ скончался Георгъ II, именно 77 лѣтъ. Средняя продолжительность жизни этого дома достигаетъ 72 лѣтъ. 8) Въ испанской династіи Бурбоновъ старѣйшаго возраста достигъ Карлъ III (1759—1788)—73 лѣтъ. Средняя продолжительность жизни 48 лѣтъ. 9) Изъ государей испанскаго дома Браганца дольше всѣхъ прожилъ Іосифъ I Эмануиль (1750—1777)—63 года. Средняя продолжительность жизни 10 князей изъ дома Браганца равняется 51½ году. 10) Домъ Оранскій: первымъ по количеству прожитыхъ лѣтъ—71 года, былъ Вильгельмъ I (1814 — 1840). 11) Въ Датской династіи самымъ старѣйшимъ умеръ Христіанъ II (1513—1523)—78 лѣтъ. Средняя продолжительность 17 государей династіи—59 лѣтъ. 12) Основатель шведской династіи Бернадотовъ Карлъ XIV (1818—

Библиотека "Руниверс"

Смерть Сетевайо. Обрядъ его погребенія. По рис. Gr. грав Флюгель.

Леченіе кровью въ СПБ. Пріемная д-ра Никитина при городской скотобойнѣ. Ориг. рис. съ натуры И. Суслова, грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

1840) умеръ 80 лѣтъ; слѣдующіе короли не достигали возраста старѣе 65 лѣтъ.

Что касается до прочихъ, основанныхъ въ наше время династій средне-европейскихъ государствъ, то только основатель Бельгійскаго дома Кобурговъ Леопольдъ I, достигъ 75 лѣтъ; остальные же представители династій: въ Румыніи Гогенцолернъ-Зигмаринской (съ 1866 г.), въ Сербіи Обреновичей (съ 1817 г.), въ Греціи Ольденбургъ-Датской съ 1864 г.), въ Болгаріи Баттенбергской (съ 1879 года), то ни одинъ изъ нихъ не достигъ еще значительнаго возраста.

Въ древнемъ мірѣ слѣдующіе государи достигли самыхъ преклонныхъ лѣтъ: 1) Пизистратъ аѳинскій умеръ 83 лѣтъ; Агезилай спартанскій умеръ 84 лѣтъ. 2) Изъ римскихъ императоровъ Гордіанъ I умеръ 80 лѣтъ; до значительныхъ лѣтъ дожили кромѣ того Августъ—76 и Тиверій 78 л. Цезарь умеръ 56 лѣтъ. Константинъ Великій и Троянъ оба умерли 63 лѣтъ. 3) Между императорами и королями Священной Римской имперіи старѣйшаго возраста достигъ Фридрихъ III (1439—1493)—78 лѣтъ. 4) Между прежними французскими королями со времени независимости Франціи (843 г.) и до Гюго Капета (987) ни одинъ изъ королей не достигъ болѣе 53 лѣтъ. 5) Въ прежней Британской династіи умерла въ самыхъ старшихъ лѣтъ королева Елисавета (1558—1603)—70 лѣтъ. 6) Изъ шведскаго дома Ваза ни одинъ государь не прожилъ дольше Густава I (1523—1560), который достигъ 64 лѣтъ.

Причина смерти герцога Альбани, младшаго сына королевы Викторіи, который инкогнито, подъ фамиліей барона Арклевъ, проживалъ въ послѣднее время въ Каннѣ, еще не опредѣлена точно. Принцъ еще за нѣсколько дней до смерти жаловался на слабость въ ногахъ и головокруженія; сходя по лѣстницѣ „Cercle nautique", онъ упалъ и ударился головой о мраморныя перила и ступени, послѣ чего тотчасъ же былъ отвезенъ въ виллу Невада, гдѣ лейбъ-медикъ сдѣлалъ ему перевязку. Въ четвергъ вечеромъ онъ провелъ время, какъ обыкновенно, за чтеніемъ газетъ и съѣлъ легкій ужинъ. Въ полночь онъ началъ жаловаться лейбъ-медику, который все время оставался въ его спальнѣ, на головокруженія и боль въ сочлененіяхъ. Въ 3 часа утра онъ началъ хрипѣть въ предсмертной агоніи и черезъ нѣсколько времени скончался, вѣроятно отъ разрыва сосудовъ и изліянія крови въ мозгъ. Герцогъ, родившійся 27 апрѣля 1853 года, былъ любимцемъ королевы, какъ младшій изъ сыновей и какъ болѣзненный ребенокъ, отличавшійся съ самаго рожденія малокровіемъ. Впослѣдствіи однако болѣзненный видъ смѣнился на здоровый цвѣтъ лица и повидимому ничто не предвѣщало такой печальный исходъ. За нѣсколько дней еще передъ смертью герцогъ былъ на балу въ „Bochelor Club", гдѣ онъ числился почетнымъ президентомъ; оставался здѣсь почти до утра и удивлялъ всѣхъ своею веселостью. Какъ человѣкъ, принцъ Леопольдъ былъ очень пріятный и располагалъ всѣхъ въ свою пользу. По свойству своей болѣзни онъ принужденъ былъ вести уединенный образъ жизни и посвятилъ себя занятію науками, насколько это было возможно человѣку въ его положеніи. Два года тому назадъ герцогъ Альбани женился на дочери князя Вальдекъ-Пирмонскаго, которая подарила его въ прошломъ году дочерью. Въ непродолжительномъ времени онъ предполагалъ отправиться въ Дармштадтъ на свадьбу племянницы своей, Луизы Гессенской.

Когда вѣсть о смерти дошла до Виндзора, королева была такъ сильно поражена этимъ неожиданнымъ печальнымъ событіемъ, что приближенные нѣкоторое время опасались за ея жизнь. Герцогиня Альбани находилась во время этого печальнаго событія со своимъ ребенкомъ и принцессой Христиной въ Клермонтѣ, куда ждала прибытія своего супруга. Въ злополучный четвергъ герцогъ прислалъ ей телеграмму, въ которой просилъ не безпокоиться, если запоздаетъ немного пріѣздомъ. Герцогиня, которой осторожно было сообщено о смерти ея мужа принцессой Христиной, не смотря на слабое здоровье мужественно перенесла этотъ ударъ. Лондонская публика сначала была извѣщена о событіи выставленными траурными флагами въ Букингамскомъ дворцѣ, примѣру котораго послѣдовали вскорѣ и всѣ другіе дома. Въ церквахъ раздавался печальный звонъ, призывавшій подданныхъ помолиться за упокоеніе души герцога. Гладстонъ, самъ больной, былъ сильно потрясенъ неожиданной смертью герцога, къ которому онъ питалъ особое уваженіе, особенно за его склонность къ научнымъ занятіямъ. Королева Викторія, собиравшаяся выѣхать 7-го апрѣля съ принцессой Беатрисой на свадьбу своей внучки, отмѣнила эту поѣздку. Въ палату лордовъ въ траурномъ костюмѣ явился Гранвилль и внесъ предложеніе о поднесеніи сочувственнаго адреса королевѣ по случаю понесенной утраты.

Послѣдній Стюартъ. Въ Римѣ, 26 го марта, скончался на 57 году жизни, послѣ непродолжительной болѣзни, князь Монтемилетскій, герцогъ ди Поноли Карло Токко, послѣдній членъ династіи Стюартовъ. Онъ былъ джентельменомъ стараго пошиба. Къ религіи своихъ предковъ герцогъ относился съ большимъ уваженіемъ и строго соблюдалъ всѣ установленные временемъ обычаи, такъ напр. первый этажъ его дворца въ Толедо все время со дня смерти отца оставался закрытымъ и никто въ немъ не жилъ. На смертномъ одрѣ онъ получилъ папское благословеніе. Послѣ себя онъ оставилъ громадное состояніе съ полумилліонной рентой. Смерть его повергла въ печаль всѣ аристократическія фамиліи Неаполя, которыя носятъ теперь по немъ трауръ.

Плантаціи хинныхъ деревьевъ, съ успѣхомъ разводятся въ Боливіи около 10 лѣтъ и дали весьма удовлетворительные результаты относительно прививки, такъ сказать, акклиматизаціи этого цѣлебнаго растенія. Такъ черезъ 10 лѣтъ дерево было уже вполнѣ пригодно для снятія коры, которой и даетъ отъ 6 до 8%. Принимая въ разсчетъ, что килограммъ боливійской коры даетъ отъ 30 до 32 граммъ сѣрнокислаго хинина, который стоитъ въ Парижѣ отъ 10 до 12 франковъ, получится весьма почтенная цифра.

Въ виду того, что въ современной медицинѣ вообще хининъ играетъ весьма важную и даже цѣлебную роль въ жизни человѣка и, слѣдовательно, уменьшеніе его на европейскомъ рынкѣ повлечетъ за собою весьма тяжелыя послѣдствія, многія европейскія державы озабочиваются разведеніемъ драгоцѣннаго растенія... Желательно, чтобы и у насъ, на югѣ Туркестанскаго края, гдѣ климатическія условія мало уступаютъ Боливіи,—было бы предпринято разведеніе этого цѣлебнаго лекарственнаго растенія.

Янтарь. Янтарь, цѣнившійся во времена Гомера на вѣсъ золота, есть ископаемая масса нѣкоторыхъ породъ хвойныхъ деревьевъ, которыя въ доисторическій періодъ представляли необозримые лѣса, погибшіе во время всемірнаго наводненія. Еще въ 1843 году Геппертъ полагалъ, что янтарь представляетъ собой смолу одной породы хвойныхъ деревьевъ, между тѣмъ новѣйшія изысканія показали, что различные сорта этого ископаемаго существенно разнятся между собою и должны быть отнесены къ продуктамъ шести различныхъ родовъ хвой. Двѣ изъ этихъ породъ во множествѣ встрѣчаются среди нашихъ пихтовыхъ лѣсовъ, остальныя четыре встрѣчаются въ настоящее время очень рѣдко. Въ то время какъ древесина такъ называемыхъ янтарныхъ деревьевъ предалась гніенію и разложилась на составные элементы, выступившая изъ нихъ смола въ видоизмѣненной формѣ сохранилась до нашего времени и представляетъ собой то, что мы называемъ янтаремъ. Въ этой смолѣ встрѣчаются иногда кусочки дерева, которые, благодаря счастливому случаю, были предохранены отъ гніенія и сохранились въ неизмѣненномъ видѣ. Микроскопическія изслѣдованія этихъ незначительныхъ остатковъ древесины эпохи, отдаленной отъ насъ на цѣлыя тысячелѣтія, даютъ несомнѣнное доказательство ихъ родства съ нашими смолистыми деревьями, съ другой же стороны указываютъ, что ни съ однимъ изъ нихъ они не тождественны. Эти янтарные лѣса покрывали теперешнее ложе Нѣмецкаго моря между островами Бернгольмомъ, Эзелемъ и Готландомъ и всю побережную полосу восточной Пруссіи. Здѣсь настоящая родина янтаря; но встрѣчается онъ и выше на сѣверъ: въ Камчаткѣ, въ Беринговомъ морѣ, въ сѣверной части Сибири, въ Бѣломъ морѣ, даже въ Гренландіи; на югѣ находятъ янтарь въ Сициліи, но эта послѣдняя порода, по изслѣдованіямъ академіи св. Луки въ Римѣ, есть продуктъ другаго рода растеній, отличныхъ отъ указанныхъ нами выше. Полагая, что въ восточной Пруссіи, съ началомъ настоящаго столѣтія, ежегодно среднимъ числомъ добывается по 400 центнеровъ янтарныхъ продуктовъ, получимъ, что въ теченіи трехъ тысячъ лѣтъ, то есть съ тѣхъ поръ, какъ сталъ извѣстенъ янтарь, здѣсь добыто 120,000 000 центнеровъ этой ископаемой смолы. Истощенія однако еще долго нечего бояться. Во всемъ Замландѣ, на глубинѣ 80—100 футовъ, находится пластъ такъ называемой синей земли, содержащей янтарь въ неимовѣрномъ количествѣ, такъ что слой восточно-прусской синей земли, простирающійся на 10 миль въ длину и 2 мили въ ширину, можетъ дать еще 96 милліоновъ центнеровъ этого продукта, который лежитъ еще нетронутымъ и ждетъ своей очереди. А сколько его еще находится на днѣ Нѣмецкаго моря! Весьма естественно, что цѣны на янтарь значительно разнятся, смотря по качеству и по величинѣ куска. Въ то время какъ нечистый янтарь, употребляемый только для лака и янтарной кислоты, продается отъ 60 до 80 пфениговъ за фунтъ, чистые, хотя и мелкіе кусочки (100 штукъ на фунтъ) стоятъ уже 4 марки за фунтъ; за болѣе крупные (9 на фунтъ), платится уже 60—75 марокъ. Полагая стоимость янтаря только 5 марокъ за фунтъ, получимъ довольно солидную сумму—около 5 милліардовъ, которая скрыта еще въ синей землѣ Замланда. Самый большой кусокъ янтаря, который до сихъ поръ удалось найти, вѣсомъ 13½ фунтовъ; онъ находится въ императорскомъ минералогическомъ кабинетѣ въ Берлинѣ.

Абиссинскіе потоки. Если въ маѣ въ Абиссинскихъ Альпахъ идутъ сильные дожди, то начинаютъ мало по малу образовываться потоки. Сначала это только мутные, извилистые ручьи, которые, затѣмъ, быстро растутъ и съ неимовѣрнымъ шумомъ низвергаются въ долины, увлекая за собою все встрѣчающееся на пути. Могучія первобытныя деревья падаютъ подъ ихъ напоромъ; громадные скалистые утесы размываются ихъ волнами и низвергаются съ страшнымъ шумомъ внизъ. Караваны, которые обыкновенно направляются по узкимъ долинамъ, единственнымъ проходимымъ путямъ во внутренней части этихъ плоскогорій, подвергаются въ это время страшной опасности отъ падающихъ волнъ. „Когда мы достигли, разсказываетъ путешественникъ, потока Діомератъ, который сильно разливается въ маѣ мѣсяцѣ, мы приняли необходимыя предосторожности, расположившись лагеремъ на берегу рѣки. Сильно утомленные переходомъ, мы, выставивъ часовыхъ для наблюденія, предались сладкому, беззаботному сну. Вдругъ, среди ночи, вблизи насъ разразился страшный шумъ. „El Bacher, el Bacher", кричали наши слуги и каждый искалъ въ темнотѣ спасти, что попадется подъ руку. Намъ удалось захватить палатки, оружіе, нѣсколько мѣшковъ провизіи, съ которыми мы карабкались на почти отвѣсныя скалы. Едва успѣли мы подняться, какъ съ оглушительнымъ шумомъ масса черныхъ волнъ низверглась въ долину. За первымъ ударомъ напоръ воды значительно уменьшился. Замѣшательство въ нашемъ лагерѣ произошло страшное. Лошади и мулы становились на дыбы,

Библиотека "Руниверс"

бросались внизъ со скалистыхъ утесовъ въ бушующій потокъ, гдѣ находили вѣрную смерть. Сѣдла и нѣсколько мѣшковъ провизіи были унесены водою. Экспедиція наша была разстроена въ конецъ; почти безъ пищи, безъ верховыхъ и вьючныхъ лошадей, должны мы были вернуться обратно, чтобы запастись всѣмъ необходимымъ. Трудно описать, въ какомъ страхѣ и безпокойствѣ проводили мы остальныя ночи нашего странствованія по Абиссинскимъ Альпахъ".

Къ интереснѣйшимъ техническимъ изобрѣтеніямъ новѣйшаго времени принадлежитъ аппаратъ для регулированія скорости движенія пароходныхъ машинъ. Извѣстно, что остовъ морскаго парохода претерпѣваетъ сильныя сотрясенія, если винтъ отъ движенія волнъ выйдетъ изъ воды; то же случается и въ тотъ моментъ когда онъ опять быстро погружается въ воду. Машина, въ первомъ случаѣ, не преодолѣвая никакого сопротивленія, вдругъ начинаетъ вращаться съ громадной быстротой; во второй моментъ она такъ же внезапно переходитъ въ нормальное движеніе. Эти сотрясенія, которыя такъ непріятно безпокоятъ пассажировъ, Браунъ устранилъ очень остроумнымъ снарядомъ. Какъ только винтъ выйдетъ изъ воды, это моментально передается паровой машинѣ парохода и дѣйствіемъ аппарата, находящагося въ связи съ предохранительнымъ клапаномъ, замедляется вращеніе, которое однако въ первый моментъ, вслѣдствіе центр бѣжной силы, продолжается съ тою же скоростью. Во второй моментъ, когда винтъ снова погружается въ воду, аппаратъ, дѣйствіемъ на предохранительный клапанъ, вновь возстановляетъ нормальное движеніе. Такъ какъ обнаженіе винта и новое погруженіе его въ волну происходитъ обыкновенно въ весьма короткій промежутокъ времени, то машина парохода, при выходѣ винта изъ воды, вращается съ прежней скоростью, которая и при погруженіи винта не замедляется, и такимъ образомъ уничтожаются толчки

Новый аппаратъ для собиранія голосовъ. При громадномъ числѣ депутатовъ въ парламентахъ, собираніе голосовъ отнимаетъ непроизводительно много времени. Электрическій аппаратъ устраняетъ этотъ недостатокъ и кромѣ того дѣлаетъ самое голосованіе съ большой ясностью. До сихъ поръ устраиваемые аппараты не удовлетворяли главнымъ требованіямъ и имѣли много недостатковъ. Въ настоящее время въ „Journal télégraphique" сообщаетъ, что инспекторомъ телеграфовъ въ Капштатѣ г. Маттіасомъ, изобрѣтенъ новый аппаратъ для собиранія голосовъ съ электро-химическими двигателями, который не только передаетъ голоса, но также считаетъ ихъ, записываетъ имена голосующихъ и дѣлитъ на фракціи. Голосованіе длится только нѣсколько минутъ, послѣ чего результаты становятся видимыми для каждаго члена. Пробный аппаратъ Маттіаса испытывался въ германскомъ рейхстагѣ при массѣ депутатовъ въ 400 человѣкъ. Каждый членъ имѣетъ на своемъ бюро два штифта, для выраженія „да" или „нѣтъ"; онъ нажимаетъ на одинъ изъ штифтовъ и этимъ выражаетъ свое мнѣніе. Передача голосовъ отъ всѣхъ депутатовъ производится одновременно. Результатъ указывается чрезъ нѣсколько минутъ на листѣ химически препарированной бумаги. На ней голоса раздѣлены уже на два столбца „да" и „нѣтъ", а между столбцами внизу обозначается окончательный результатъ голосованія. Если кто либо желаетъ воздержаться отъ подачи голоса, то нажимаетъ на обѣ пуговки сразу и дѣлаетъ такимъ образомъ его недѣйствительнымъ. Важность и неоцѣненность этого аппарата несомнѣнна.

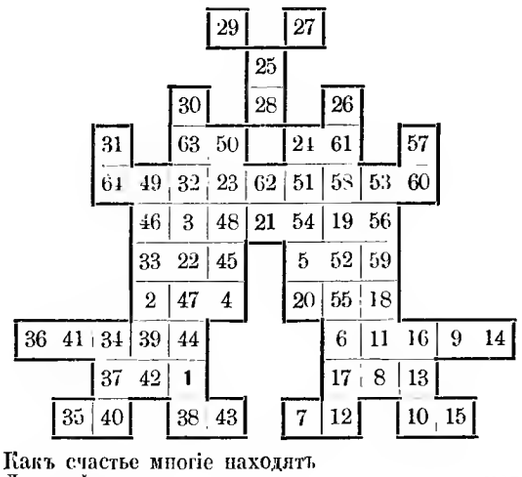
Дама. Многія дамы, навѣрно, никогда не вдумывались и не пытались объяснить себѣ откуда происходитъ то названіе—дама, которое онѣ носятъ. Но ихъ не мало удивитъ, если сказать имъ, что по меньшей мѣрѣ нескромно со стороны представительницъ прекраснаго пола присваивать себѣ это наименованіе. Названіе „дама" въ древнія времена принадлежало божеству и происходило отъ римскаго слова „Dominus", откуда впослѣдствіи явилось древне-французское Dam, Dame, которое сначала употреблялось только по отношенію къ Господу Богу (Dame diex или Dam le diex). Позднѣе во Франціи дамами называли королей; пока наконецъ прекрасныя представительницы женскаго персонала французскаго двора не завоевали себѣ у мужчинъ этого названія. И съ тѣхъ поръ всѣ придворныя персоны женскаго пола начали называться дамами и мужчины должны были покориться этому. Конечно всѣ женщины ополчились бы самой ожесточенной войной, еслибъ мужчины захотѣли этотъ титулъ присвоить опять себѣ, на что они, какъ представители власти въ кругу семейной жизни, конечно имѣютъ больше права, чѣмъ женщины.

Рѣшеніе ребуса № 9.

Да, часто стоустая молва изъ былей дѣлаетъ сказки.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ гг.: **Спб.**—Ш—ова, **Москва**—Зарѣченскихъ академиковъ, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Калуга**—Погорѣлова, Лизокъ, **Кронштадтъ**—К. Т., **Николаевъ**—Фролова, **Новочеркасскъ**—Сиротина, **Симферополь**—Эйнекъ, **Харьковъ**—Свитальскаго, Эссенъ, **Чесменка**—Мягкова.

Рѣшеніе задачи буквъ—ходъ коня № 10.



Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Дитманъ, **Москва**—Федченко, Никольскаго, **Астраханъ**—Цѣхановича, **Бахчисарай**—Дремджи, **Варшава**—Скворцова, **Елисаветградъ**—Плотникова, **Козловъ**—Мызникова, **Медвѣдево**—Лейцингеръ, **Ниж. Новгородъ**—Яковлева, Весницкаго, **Новгородъ**—Фонъ-Рихтеръ, **Симферополь**—Эйнохъ, **Фатежъ**—Федоровской, **Шрунденъ**—Кораффа-Корбутъ

Рѣшеніе шашечной задачи № 11.

Бѣлыя.		Черныя.	
съ C 5	на D 6	съ E 5	на C 7
„ E 3	„ B 6	„ C 7	„ A 5
„ H 4	„ G 5	„ H 6	„ F 4
„ F 8	„ D 6	„ B 8	„ E 5
„ A 1	„ B 2	„ E 5	„ A 1
„ F 2	„ G 3	„ F 4	„ H 2
„ A 3	„ B 4	„ A 5	„ C 3
„ C 1	„ B 2	„ C 3	„ D 2
„ E 1	„ C 3		

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Воронихина, **Гитебскъ**—Крейса, **Ив.-Вознесенскъ**—Пастухова, **Калуга**—Волокова, **Кишиневъ**—Бернгардтъ, **Кузнецкъ**—Кочетова, **Лаптево**—Боброва, **Медвѣдево**—Лейцингеръ, **Муромъ**—Гладкова, **Ниноло Раменье**—Смирнова, **Новоржевъ**—Шилдеръ, **Панфиловка**—Громашева, **Петрозаводскъ**—Нименскаго, **Пурежъ**—Трошина, **Разенбургъ**—Соколова, **Рѣшетниково**—Королева, **Черноморіе**—Сердюкова.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто мелкихъ денегъ присылаются почтовыя марки,—высылать таковыя **только новаго образца.**

СОДЕРЖАНІЕ: **Плутоватые покупатели** (съ рис.).—**Въ старой Москвѣ.** Историческая повѣсть, въ двухъ частяхъ, **Гр. Е. А. Саліаса.** Часть вторая. (Окончаніе).—**Насѣкомыя и растенія.** Очеркъ. — **Цвѣта солнечныхъ лучей.** Очеркъ. — **Конская ярмарка въ Польшѣ** (съ рис.).—**„Понинутая вилла". Ѳ. И. Тютчева** (съ рис.).—**Ніагарскій мостъ** (съ рис.).—**Памятникъ Суворову въ С.-Петербургѣ** (съ рис.).—**Софія Ментеръ** (съ портр.).—**Генералъ Гордонъ** (съ портр.).—**Коршунъ-журавль (Gypogeranus serpentarius)** (съ рис.) —**Смерть Сетевайо** (съ рис.).—**Леченіе кровью** (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Рѣшенія задачъ. — Заявленіе.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ

„ЭЛЕОПАТЪ"

◆ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА ◆

употребляется для останавливанія выпаденія волосъ и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти.

Продается въ С.-Петербургѣ, въ магаз. Штоль и Шмидтъ и въ русск. общ. торговли аптекъ товарами; въ Москвѣ и провинціи—во всѣхъ большихъ аптекахъ и у дрогистовъ; цѣна флакону 1 руб. 50 коп. безъ пересылки.

Провизоръ КИНУНЕНЪ.

НОВЫЯ КНИГИ:

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СТРАНЫ НЕГРОВЪ И ОБЕЗЬЯНЪ

правоописательные очерки изъ жизни негровъ и главныхъ животныхъ центральной Африки, сочин. Л. Жакольо. 336 стр. Ц. 1 р. 25 к.

ДЖОНЪ БУЛЛЬ И ЕГО ОСТРОВЪ

современные нравы и жизнь англичанъ, сочиненіе МАКСА ОРЕЛЯ. 328 стр Цѣна 1 р. 25 коп. Эта книга распродана во Франціи въ числѣ шестидесяти тыс. экз. и въ Англіи полмилліонъ экз.—Обѣ книги продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. № 3294

Для отъѣзжающихъ за границу полезна книга:

РУССКІЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Слова и разговоры на 4-хъ языкахъ. Таблицы для перевода денегъ. Изданіе А. Д. Замыцкаго. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 коп. № 3296 1—1

Библиотека "Руниверс"

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ ВЫПУСКЪ I-й

„СТРАНСТВОВАНІЯ ВАСИЛІЯ ГРИГОРОВИЧА БАРСКАГО

ПО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ ВОСТОКА СЪ 1723 ПО 1747 Г.“

Изданіе Православнаго Палестинскаго Общества съ подлинными рисунками Барскаго 2 первыхъ листа текста и 4 рисунка—цѣна 50 к. Изданіе составитъ до 40 выпусковъ, которые будутъ выходить ежемѣсячно. Каждый выпускъ стоитъ 50 к. и будутъ продаваться отдѣльно. Просятъ при пріобрѣтеніи 1-го выпуска запастись безплатнымъ билетомъ на полученіе послѣдующихъ, которые будутъ сохраняться для владѣющихъ билетомъ въ теченіе года со дня выхода.

Продается въ Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ Тузова, Риккера, Оглоблина и въ Синодальной книжной лавкѣ, въ Москвѣ у Ферапонтова, въ Кіевѣ у Оглоблина и въ Одессѣ у Распопова.

Складъ изданія въ Петербургѣ у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7.

Цѣна по выходѣ всего изданія будетъ значительно возвышена. № 3297 3—1

ЧУГУННО-МѢДНО-ЛИТЕЙНЫЙ И МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

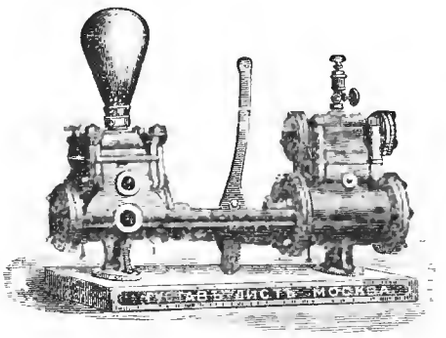
ГУСТАВЪ ЛИСТЪ ВЪ МОСКВѢ

РЕКОМЕНДУЕТЪ ПРЯМОДѢЙСТВУЮЩІЕ

НОВЫЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКІЕ ПАРОВЫЕ НАСОСЫ

ПРЕВОСХОДНАГО ДѢЙСТВІЯ, ДЛЯ ПИТАНІЯ КОТЛОВЪ И ДЛЯ ВОДОСНАБЖЕНІЯ,

Можно видѣть въ дѣйствіи въ заводѣ.



№ 3219 ПО СЛѢДУЮЩЕМУ ПРЕЙСЪ-КУРАНТУ: 5—5

Діаметръ цилиндр.		Ходъ поршней	Діаметръ			Число ходовъ въ минуту	Количество воды въ часъ ведеръ	Цѣна Руб.
пароваго	насоснаго		водян. трубъ	паровой трубы	паро-выпускной трубы			
3"	1½"	6"	1¼"	½"	¾"	150	125	150
3"	2"	6"	1¼"	½"	¾"	150	225	170
4"	2"	9"	1¼"	¾"	1"	150	150	190
4"	3"	9"	2"	¾"	1"	120	550	220
6"	3"	12"	2½"	1"	1¼"	100	680	275
6"	4"	12"	3"	1"	1¼"	100	1200	300
6"	6"	12"	4"	1"	1¼"	100	2700	435
8"	3"	12"	2½"	1½"	1¾"	100	680	380
8"	4"	12"	3"	1½"	1¾"	100	1200	425
8"	6"	12"	4"	1½"	1¾"	100	2700	525
10"	4"	12"	3"	1¾"	2"	100	1200	500
10"	6"	12"	4"	1¾"	2"	100	2700	600
12"	4"	12"	3"	2¼"	2½"	100	1200	625
12"	6"	12"	4"	2¼"	2½"	100	2700	750

Изданіе А. Ф. Маркса.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА.

Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и факсимиле. 3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп. въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 8 руб., съ перес. 9 руб.

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ“ 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 р., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

☞ Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: „ДВА МІРА“ и отдѣломъ въ прозѣ:

„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ“.

Первое единственное, дѣйствительно полное собраніе сочинен. А. Н. Майкова.

Книгу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала „Нива“ (Бол. Морская, № 9); въ Москвѣ у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Пользующійся во всѣхъ европейскихъ государствахъ заслуженною славою, бывшій на выставкахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ,

АНГЛІЙСКІЙ ХОЛСТЪ ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА,

противъ всякой ломоты, боли въ суставахъ, лома въ чреслахъ, рожи, всякаго рода корчи въ рукахъ, ногахъ и особенно узлахъ вены, опухоли членовъ, вывиховъ, колотья въ боку, съ вѣрнымъ успѣхомъ употребляется какъ первое, скоро и вѣрно дѣйствующее средство. Продается въ пакетахъ, съ описаніемъ употребленія, по 1 рублю; двойной силы, противъ тяжелыхъ страданій—по 2 рубля.

Знаменитый д-ръ Гуфеландъ говоритъ въ своихъ медицинск. сочиненіяхъ: „Есть двѣ болѣзни, противъ которыхъ медицина напрасно искала до сихъ поръ сильно-дѣйствующихъ лекарствъ: это—ревматическая головная боль и подагра“; это средство нашлось въ употребленіи вышеозначеннаго холста противъ ревматизма.

Продажа для всей Россіи настоящаго холста: въ С.-Петербургѣ, въ аптекарскомъ магазинѣ г. Оскаръ Гертхенъ, Казанская улица, д. № 37. На почтовые расходы прилагается 50 коп.

Благодарственныя письма русскихъ высокопоставленныхъ лицъ и военныхъ, получившихъ ревматизмъ въ послѣднюю войну и не нашедшихъ помощи ни въ Теплицѣ, ни въ Карльсбадѣ, а излечившихся посредствомъ англійскаго холста, предъявляются почтеннѣйшей публикѣ въ магазинѣ. Р. № 3211 1—4

Съ дозволенія С.-Петербургскаго Столичнаго Врачебнаго Присутствія.

ЭЛЕКСИРЪ-MELANGE.

Для быстраго и обильнаго рощенія волосъ и предохраненія ихъ отъ выпаденія. Ц. 2 р. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французск. и нѣмецк. языкахъ.

БАЛЬЗАМЪ-EUGÉNIE,

изъ миртовыхъ и свадебнаго букета цвѣтовъ для придаванія лицу, шеѣ и рукамъ нѣжной мягкости, мраморной бѣлизны съ благоуханіемъ лиліи и розъ, а также для уничтоженія веснушекъ и всякой шероховатости кожи. Цѣна 1 р. 75 к. за флаконъ, съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЯ ПОМАДЫ подлинникъ „Pasta Eugénie“,

превосходнѣйшее средство для устраненія веснушекъ, родимыхъ и красныхъ пятенъ и другихъ дурныхъ явленій, встрѣчающихся на лицѣ, и придающее цвѣту лица юную свѣжесть и красоту. Цѣна банки 1 р. 60 к.

Хинно-глицериновая помада

на перуанскомъ бальзамѣ, для укрѣпленія, сгущенія и рощенія волосъ; ц. банки 2 р.

Ручная раковинная помада.

Цѣна банки 1 р. 30 к. На каждой банкѣ находится охранительная марка амуръ и подпись изобрѣтательницы Bertha Rics.

Подлинникъ „Poudre Eugénie“

бѣлая и розовая. Цѣна коробкѣ съ пуховкой 1 р. 50 к., безъ пуховки 1 р. 20 к.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ,

трехъ цвѣтовъ: черная, коричневая и свѣтло-русая. Цѣна коробки 3 рубля.

Краска фабриканта Рисъ Гутманъ.

РУМЯНА EUGÉNIE,

жидкія, чтобы придать щекамъ и ушамъ натуральный розовый цвѣтъ, не мѣняющійся при электрическомъ освѣщеніи и не вытирающійся даже при потномъ состояніи лица. Рекомендуется въ особенности для театровъ и баловъ. Ц. 1 р. 50 к. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Всѣ эти три косметическихъ продукта по свидѣтельству медицинскаго начальства не содержатъ въ себѣ какихъ бы то ни было вредныхъ веществъ.

№ 3277 3—2 Берта Рисъ.

ДЕПО НАХОДЯТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, Главн. Общ. торг. аптекарск. тов., на Казан., соб. д.; у Оливіе, Невскій пр., № 54; у быв. Дарзаиса, Пассажъ, № 15 и 17; С. П. Грикурова, Невскій пр. у Казанскаго моста, № 30; у парикмах. Эмиль, быв. Сансеро, Литейный, № 43; у парикм. Аристидъ, Вас. остр., I линія, д. № 18; у парикм. Просперъ, Вознес. пр., № 18.

Въ Москвѣ, у К. П. Феррейна, Никольская; у А. Брунсъ (бывш. Пецъ), Маросейка, д. Еремѣевыхъ; у Р. Келеръ и К°; у Гетлингъ, Штокманъ и Кулеиъ, домъ Фирсанова, Петровка; у Крегеръ и Качъ и у Теодоръ, Кузнецкій мостъ; у Эмиль Керстанъ, на Тверской; у В. К. Безбардисъ, у Арбатскихъ воротъ; Я. П. Поичковскаго у Срѣтенскихъ вор.; у Лютеръ и Гиршфельдъ, аптекарск. магаз. на Мясницкой; у Викторъ Кузенъ, на Петровкѣ, д. № 12.

Въ Воронежѣ, у парикмахера Курнпченко.

„ Козловѣ, магазинъ бр. Поповыхъ.

„ Пензѣ, маг. Кликунова.

„ Кіевѣ. маг. Parisien Auguste & C°.

„ Одессѣ, магазинъ Гельдеръ и К°, Петроковинъ и Гуммель.

„ Елисаветградѣ, Г. А. Трестера насл.

„ Полтавѣ, магаз. Фердинандъ Тренке.

„ Харьковѣ, В. Кухарева въ Пассажѣ, № 17 и Главн. Общ. торговли аптекарск. товар.

„ Таганрогѣ, магазинъ М. Майканаръ.

„ Ростовѣ н-Д., А. Эдельбергъ, быв. Биркле и у Я. Ранпепортъ.

„ Новочеркасскѣ, магазинъ З. Петрова.

„ Саратовѣ, маг. Матейсеня.

„ „ „ маг. Роб. Штроль.

„ Самарѣ, Сарептскій маг. Кристенсонъ.

Въ Казани, магазинъ Мурзаева.

„ Ставрополѣ, у парикм. К. Курильченко.

„ Тифлисѣ, въ музык маг. П. Ланко, въ д. геп Лацарони.

„ Томскѣ, маг. Непашева.

„ Пермн. маг. Н. Перетцъ.

„ Екатеринбургѣ, апт. маг. Гельмихъ и К°.

„ Варшавѣ, Александръ Кохъ парфюм. магаз. Краковское предмѣстье, у Ліонъ и К°, Сенаторская.

„ Кременчугъ, Закъ.

„ Ригѣ, у братьевъ Видеманъ, Купеческая улица № 15.

„ Вильно. маг. Гружевскаго.

„ Ревелѣ, магазинъ Христіана Келеръ.

„ Гельсингфорсѣ, маг. Сванъ.

„ Екатеринославлѣ, у Ефанова,

„ Астрахани, маг. Фадѣева.

„ Нурскъ. Аптекар. маг. Свирсовскаго.

Библиотека "Руниверс"

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ
лучшій аппаратъ для тушенія пожаровъ зачатѣ и поливки цвѣтовъ по 16 р. Упаковка 40 коп.

РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА
товарищества Буркгартъ и Урлаубъ, самая простая, дешевая, легкая и прочная настоящаго времени—имѣется у насъ на складѣ 10 разн. размѣровъ—наименьшая выбрасыв. 600 ведеръ воды въ часъ и стоитъ 115 р. Наибольшая—1800 ведеръ и стоитъ 400 р.

Нососы ручные приводные и паровые
для всѣхъ возможныхъ цѣлей.

ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЛЯ
лучшій паровой насосъ настоящ. времени.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МАШИНЪ ВСЯКАГО РОДА.

ТОВАРИЩЕСТВО
БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ
С.-Петерб. В. О. 1 л. № 14. Москва, Мясницкая д. Сытова.

„Просимъ не смѣшивать нашу фирму съ другими, схожими на нашу по фамиліи".
Иллюстр. катал. безплатно. № 3249 6—4

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ
КЪ ПРАЗДНИКАМЪ.

Рѣзецъ и аппаратъ для шитья петель на всякой матеріи и бѣльѣ. Цѣна 3 р. съ перес.
Продажа оптомъ и въ розницу.
И. ВАКОНЬ
№ 9. Гороховая ул., д. Лембие, кв. № 8., въ С.-Петербургѣ.
№ 3298 2—1

EAU D'HOUBIGANT
la plus appréciée pour la toilette.
Houbigant parfum. de la Cour de Russie Paris.

Чернилы Леонарди.
Хорошо знакомы!
нѣсколько разъ удостоены преміями.
Амстердамъ 1883: золотая медаль
торговая марка.

Получить можно въ почти всѣхъ торговляхъ бумагою и канцелярскими принадлежностями въ Россіи
Отъ поддѣлки предостерегаютъ.
Aug. Leonhardi, Dresden.
учрежд. 1826.
Изобрѣтатель патент. Алицаринобыхъ чернилъ.

ЧОКРАКСКОЕ ГРЯЗЕ-ЛЕЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ въ КРЫМУ, близъ г. КЕРЧИ, открывается 20 Мая. Подробности см. № 13-й „НИВЫ". № 3282 4—2

Изданіе А. Ф. МАРКСА.
КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.
Романъ-хроника XVIII вѣка. Паденіе Бирона и воцареніе Елисаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изданіе. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. переп. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
К. БАУХЪ.
Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болѣй, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умѣренныя.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА
МАМОНТОВА
МОСКВА, КУЗНЕЦКІЙ МОСТЪ, ДОМЪ ФИРСАНОВА,
продаются между прочимъ слѣдующія книги:

Бріо и Букэ: 1) **„Прямолинейная Тригонометрія".** М. 1877 г. Цѣна 75 коп., съ перес. 1 р. 2) **„Сферическая Тригонометрія".** М. 1877 г. Цѣна 1 р; съ перес. 1 р. 20 к.
Ганнъ. Общее землевѣдѣніе: 1) **I. Астроном. Геогр. и Метеорологія.** М. 1876 г. Цѣна 85 к., съ перес. 1 р.
2) **Гохштеттеръ** (Геологія, составъ, строеніе и образованіе земли). М. 1877 г Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.
Женэ. „Шекспиръ" (въ его жизни и сочиненіяхъ). М. 1877 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.
Иванюковъ: И. 1) **„Основныя положенія теоріи политической политики",** 2-ое изданіе. М. 1881 г., Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. 2) **„Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи".** СПБ. 1882 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.
Іорданъ. Высшая Геодезія. М. 1881 г. Цѣна 8 р., съ перес. 9 р.
Лиибергъ Л. 1) **„Атласъ Всеобщ. Геогр.",** 2-ое издан. М. 1874 г. Цѣна 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. 50 к.; цѣна въ двухъ отдѣльныхъ выпускахъ 5 р., съ перес. 6 р. —2) Учебный Атласъ Вс. Геогр. для Гимназическ. курса. Лейпцигъ. 1880 г. 2-ое изд. Цѣна 80 к., съ перес. 1 р.—**Травинъ.** Низшая Геодезія 2 части. М. 79 и 80 годовъ, по 2 р. за часть, съ перес. по 2 р. 25 к.
Траутшольдъ. Г. 1) Палеонтологія. М. 1875 г. Цѣна 2 р. 75 к., съ перес. 3 р.—2) Стратиграфія М. 1877 г. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к. **Гейссеръ.** „Исторія реформаціи" М. 1882 г. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.
Штолль. Миѳы классической древности. М. 1877 и 1880 г. Въ двухъ томахъ, каждый т. по 2 р. 50 к., съ перес. по 2 р. 75 к. № 3295 1—1

Складъ изданій въ означенномъ магазинѣ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА.
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 21. Предлагаетъ свои услуги по всѣмъ банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью, за самое умѣренное вознагражденіе.
Контора открываетъ **АГЕНТСТВА** въ провинціи.
ССУДЫ подъ залогъ % бумагъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ.
Контора выдаетъ
Изданная конторою брошюра: **„РУКОВОДСТВО КЪ ПРАКТИЧЕСКОМУ ОЗНАКОМЛЕНІЮ СЪ БАНКОВЫМИ ОПЕРАЦІЯМИ И КЪ ОБЛЕГЧЕНІЮ СНОШЕНІЙ ИНОГОРОДНОЙ ПУБЛИКИ СЪ КОНТОРОЮ"** высылается по требованію ■ безплатно. ■ Р. № 3245 8—5

ОБЪЯВЛЕНІЕ.
Г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ,
СОБИРАТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ МОСКВѢ,
имѣетъ честь извѣстить, что онъ переѣхалъ съ Петровки на **Малую Дмитровку,** въ домъ графа Васильева-Шиловскаго, и что теперь, какъ и прежде, покупаетъ по высокой цѣнѣ слѣдующія вещи. Какъ-то: **старинный сѣвръскій** и **саксонскій фарфоръ, бронзовые часы, канделябры, настѣнники и группы, золотыя эмальированныя табакерки, серебряные кубки, иружии, бокалы** и проч.; **мебель съ богатымъ бронзовымъ украшеніемъ, съ фарфоровою инкрустаціею, гобелены, шелковыя и бархатныя матеріи, вышитыя золотомъ и серебромъ, старинныя кужева,** какъ то: Points d' Alençon, Points de Venise, Points d' Argentan, **фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра** и вообще всякаго рода **древности изящной работы прошедшихъ столѣтій до времени Екатерины II-й.**
Просятъ адресоваться лично или письменно: **Г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ,** Москва, Малая Дмитровка, домъ графа Васильева-Шиловскаго. Л. № 3199 6—4

ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ
Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія.
ТОПОЛИНЪ или **ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ.**
М. М. Петрова.
Для лица № 1. Усовершенств. средство, уничтожающее прыщи, красныя пятна, загаръ, веснушки; при употребленіи лицо пріобрѣт. здоровый и красивый цвѣтъ.
Для головы № 2. Дѣйствительно очищаетъ кожу отъ перхоти, освѣжаетъ голову, прекращаетъ головныя боли, почему прекращаетъ и выпаденіе волосъ.—Въ виду поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на клеймо (М. М. Петрова).
Цѣна флак. по 1 р. 25 к. и ½ фл. по 75 к.
Главные склады: въ аптекахъ и во всѣхъ московск. аптекарск. магазинахъ.
Продается: въ аптекахъ, аптекарскихъ и др. магаз. Россіи и заграницей.
Для гг. оптовыхъ покупателей установлена % скидка.
Съ треб. просятъ обращ. въ главный складъ: Москва, Никитская аптека Петрова, бывш. Келлеръ. По почтѣ высылается не менѣе 2 флак. за 3 р. 50 к.
Ц. № 3106 26—7

ГЛИЦЕРИН. МЫЛО

БРОКАРЪ И К°
№ 3090 25—7

Въ книжн. магазинѣ Новаго Времени продается новая книга **ЗА УРАЛЪ!** Разсказы изъ воспоминаній о Сибири В. В. Романова. Ц. 2 руб. № 3235 3—3

БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!... Романъ *Э. Вернера.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.; для подп. „НИВЫ" 1884 г. 75 к., съ пер. 1 р.

О ДЕ ЛИСЪ ДЕ ЛОЗЕ (EAU DE LIS DE LOHSE)
для улучшенія и украшенія **ЦВѢТА ЛИЦА, отъ веснушекъ, загара, красноты, угрей, желтыхъ пятенъ, также отъ нечистоты кожи всякаго рода,** наилучшее предохранительное средство, существующее уже 50 лѣтъ. Ежедневное употребленіе **„О де Лисъ де Лозе"** дѣйствуетъ **охладительно и освѣжительно,** дѣлаетъ кожу ослѣпительно бѣлой и нѣжной и придаетъ ей здоровый, цвѣтущій видъ. Въ обыкновенныхъ флак. по 1 р. 50 к.—3 руб.
Во избѣжаніе поддѣлокъ слѣдуетъ требовать „О де Лисъ де Лозе" (Eau de Lys de Lohse).
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ парфюмеръ Ея Имп. Вел. Императрицы Германской, Ея Имп. Высоч. Наслѣдницы Герман. Престола. **БЕРЛИНЪ, W.** Iaeger-Strasse, 46.
Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ Россійской Имперіи. Ц. № 3220 9—2

При этомъ № прилаг. для г. г. иног. подп. (за искл. Моск.) прейсъ-курантъ отъ акціонернаго общества Лилпопъ, Рау и Левенштейнъ въ Варшавѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 11 апрѣля 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 16 | XV годъ | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. руиод. работъ (отъ 20 до 40 рис) Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 21 Апрѣля 1884 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1884 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку ионпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9

И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 6 ч. ВЕЧЕРА.

Василій Васильевичъ Самойловъ.

Въ нынѣшнемъ году исполняется 50-лѣтній юбилей артистической дѣятельности даровитѣйшаго изъ представителей русской драматической труппы, В. В. Самойлова. Прилагая портретъ знаменитаго актера-протея, цѣлые полвѣка совмѣщавшаго въ своемъ репертуарѣ почти невозможныя противуположности, равно владѣвшаго глубокимъ чисто-русскимъ комизмомъ и потрясающею душу драмой — мы позволяемъ себѣ привести нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о немъ.

Самойловъ родился въ 1809 году въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его пользовался заслуженною извѣстностью въ качествѣ пѣвца русской оперы. Образованіе свое Василій Васильевичъ, вмѣстѣ съ двумя братьями, получилъ въ горномъ корпусѣ, который въ двадцатыхъ годахъ представлялъ образецъ военно-учебныхъ заведеній. Кромѣ наукъ, здѣсь преподавалась живопись, музыка, пѣніе, танцы и фехтованіе; въ корпусѣ былъ свой оркестръ, свои пѣвчіе и даже свой театръ. Но замѣчательно, что молодой Самойловъ, усердно занимаясь живописью и музыкой, вовсе не имѣлъ особеннаго влеченія къ сценѣ. Покойный Императоръ Николай Павловичъ спросилъ однажды у Самойлова-отца, почему не одинъ изъ сыновей его не опредѣленъ на сцену и неужели не одинъ изъ нихъ не унаслѣдовалъ его таланта.

Получивъ утвердительный отвѣтъ на послѣдній вопросъ, Государь выразилъ желаніе видѣть ихъ на сценѣ, не смотря на то, что каждый изъ братьевъ обязанъ былъ отслужить 10 лѣтъ за свое образованіе. Въ 1834 году онъ былъ уже офицеромъ и пріѣхалъ въ Петербургъ въ отпускъ. 3 октября того же года состоялся первый дебютъ его въ оперѣ Меноля (Іосифъ Прекрасный) въ роли Іосифа. М. С. Щепкинъ, случайно пріѣхавшій изъ Москвы, былъ первымъ и единственнымъ человѣкомъ, который прослушалъ молодаго артиста до дебюта и предсказалъ ему вѣрный успѣхъ.

В. В. Самойловъ. По поводу 50-лѣтія его артистической дѣятельности. Съ фотогр. Шапиро, грав. Нейманъ.

Библиотека "Руниверс"

Тѣмъ не менѣе, въ рѣшительную минуту, когда занавѣсъ давно уже поднялся и ждали выхода Іосифа, Самойловъ до того оробѣлъ, что отцу пришлось буквально вытолкнуть его на сцену. Дебютъ все-таки удался, а послѣ втораго, Самойловъ въ 1835 г. поступилъ на сцену съ 2,500 руб. ассигнаціями жалованья, играя то въ операхъ, то въ водевиляхъ. Самойловъ въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ (1834—1837) преимущественно выступилъ въ теноровыхъ партіяхъ оперъ, чередуясь съ Леонидовымъ, Шемаевымъ и Петромъ Рамазаевымъ. За это время, впрочемъ, сыграно имъ двадцать семь ролей, изъ которыхъ 9 партій въ операхъ и опереткахъ, въ томъ числѣ и Макса въ „Волшебномъ стрѣлкѣ." Много непріятностей испыталъ Самойловъ на первыхъ порахъ своей дѣятельности. Перейдя въ драматическую труппу, онъ въ теченіи десяти лѣтъ не могъ добиться сколько нибудь значительныхъ ролей, и при своемъ жалованьи, котораго не доставало на содержаніе семьи (артистъ былъ женатъ и имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей), вынужденъ былъ заниматься живописными работами за деньги; такимъ образомъ одно искусство служило подспорьемъ другому. Кстати: будучи талантливымъ рисовальщикомъ и острымъ наблюдателемъ, Самойловъ всегда превосходилъ всѣхъ товарищей въ искусствѣ гримироваться. Почти съ самаго начала своей службы, онъ имѣлъ обыкновеніе, получивъ новую роль, набрасывать ея типъ акварелью—и такимъ образомъ за сорокъ лѣтъ накопилъ чрезвычайно богатый альбомъ. Случай выдвинулъ его на сцену, случай ему помогъ наконецъ выдвинуться и на сценѣ. За отсутствіемъ Мартынова, Василій Васильевичъ получилъ роль старика-музыканта въ драмѣ „Отставной театральный музыкантъ". Игра его до того понравилась Императору, что онъ почтилъ артиста подаркомъ и похвалою, позвавъ его къ себѣ по выходѣ изъ ложи. „Спасибо, Самойловъ, сказалъ Государь,—только смотри, ты своею игрою заставилъ плакать меня, а я тебѣ этого не прощу".

Съ этого времени положеніе Самойлова улучшилось и многосторонній талантъ его получилъ полную возможность развиться. Съ 1834 года Василій Васильевичъ съигралъ до безконечности разнообразные и глубоко-художественные типы: Нехтерьева „Завтракъ у предводителя", Графа Любина „Провинціалка", Чаркина „Богатая старушка", Тимофея Леонтьевича „Деньщикъ", Ицки „Маркитанка", Агаѳона „Не такъ живи, какъ хочется", Ивана „Въ чужомъ пиру похмѣлье", Станціоннаго смотрителя „Станціонный смотритель", Ивана Мироныча „Легкая надбавка", Фрола Скабѣева „Фролъ Скабѣевъ", Ястребова „Ангелъ доброты и невинности", Шмерца „Роковой шагъ", Графа Говорилина „Говорилинъ", Берестова „Старое старится" и много другихъ. Наиболѣе замѣчательныя изъ историческихъ ролей: Третьяковскій „Русскій Фаустъ", Кулибинъ „Кулибинъ", Костровъ „Ермилъ Костровъ", „Смерть Іоанна Грознаго" (графа А. К. Толстаго), Волынскій „Ледяной домъ". Изъ историческихъ личностей иностранныхъ, Самойловъ олицетворялъ неподражаемо: Ришелье „Ришелье", Кромвеля „Смерть Кромвеля", Нерона „Неронъ", Людовика XI „Заколдованный домъ". Репертуаръ ролей В. В. Самойлова въ трагедіяхъ Шекспира ограничивается тремя ролями: Лиръ (1859). Шейлокъ (1860), Гамлетъ (1863). Игра Самойлова въ „Королѣ Лирѣ" до того поразила Айра Ольдриджа, что послѣдній прислалъ Василію Васильевичу письмо, исполненное глубокаго признанія его таланта и свидѣтельствующее о томъ, что знаменитый африканскій трагикъ нашелъ для себя поучительнымъ присутствовать во время представленій своего русскаго собрата.

Недолгое счастье.

Повѣсть

Д. В. ГРИГОРОВИЧА *).

I.

Въ первой половинѣ сентября, два чиновника,—Ефремовъ и Социне́ровъ,—возвращаясь домой изъ департамента, проходили по средней,—главной аллеѣ Лѣтняго сада.

Садъ казался совершенно пустымъ. Чиновники не стѣсняясь, громко разговаривали, разсѣянно поглядывая на деревья; ихъ мало, повидимому, занимало дѣйствіе осени, которая, между тѣмъ, на всемъ уже сильно чувствовалась.

Деревья стояли наполовину обнаженными; верхушки ихъ, совсѣмъ голыя, уныло чернѣли на сѣромъ небѣ съ двигающимися дождевыми тучами. Въ нижней части оставалась еще кое-гдѣ зелень; но и ее повсюду донималъ желтый листъ, смотрѣвшій въ свою очередь сморщеннымъ, раскислымъ, мѣстами тронутымъ точно ржавчиной; онъ отпадалъ безжизненно при малѣйшемъ колебаніи воздуха. Вокругъ все было тускло, сыро, непривѣтливо. Единственнымъ свѣтлымъ пятномъ выставлялось со стороны Царицына луга мокрое шоссе; выдѣляясь бѣловатой, грязно-серебристой полосой, оно рѣзко било въ глаза между стволами старыхъ липъ, почернѣвшихъ отъ дождей; по шоссе тащился, сильно надавливая щебенку, возъ навьюченный домашнимъ скарбомъ запоздавшаго дачника. Дальнѣйшіе предметы принимали неопредѣленный обликъ, уходили въ сырую, липкую мглу, непріятно проникавшую въ бакенбарды и осыпавшую одежду влажной пылью.

Словомъ, наступала та пора, когда жизнь снова переливаетъ въ городъ, когда окрестность глохнетъ и вымираетъ, дачи уныло посматриваютъ своими заколоченными ставнями на клумбы съ повалившимися и почернѣвшими георгинами,—когда коренной житель петербургской стороны, вставъ утромъ и взглянувъ въ окно, дребезжащее отъ мелкаго дождя и вѣтра, обращается къ женѣ и говоритъ ей: „Ну, душенька, дождались: пошла теперь эта кислота!.."

Но возвратимся къ Ефремову и Социне́рову, продолжающимъ отпечатывать подошвы на сырой дорогѣ Лѣтняго сада.

— Скажи мнѣ на милость, что же дешево въ Петербургѣ?—Все дорого! говорилъ Ефремовъ, очевидно продолжая начатый разговоръ,—видишь: хожу до сихъ поръ въ какой покрышкѣ! прибавилъ онъ сымая плетеную изъ цвѣтной соломы шляпу, причемъ на головѣ его дыбомъ поднялась туча сухихъ волосъ цвѣта перца съ солью,—собирался вчера купить картузъ:—семь рублей! Приступу ни къ чему нѣтъ! Все дорого! Что у насъ дешево?..

— Ну, теперь пошелъ!.. Пошелъ,—благо попалъ опять на любимую точку, перебилъ Социне́ровъ, — человѣкъ также съ просѣдью, но завистливаго, сухощаво-желчнаго вида и постоянно кусавшій ногти, даже когда стоялъ во время доклада за стуломъ директора.

Наружность Ефремова представляла совершенно противуположный типъ, и внѣшность вполнѣ отвѣчала характеру.

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, рослый, тучный, съ лицомъ круглымъ какъ полный мѣсяцъ,—но вопреки сходству, отражавшимъ не меланхолію а веселость, свѣжесть и здоровье. Ребенкомъ онъ былъ, безъ сомнѣнія, то что называютъ: кровь съ молокомъ. Къ выраженію веселости прибавляли въ значительной степени: вздернутый коротенькій носъ, разсѣченный на кончикѣ, большіе сѣрые глаза на выкатѣ какъ у лягушки и безпечная, размашистая походка, сообщавшая его животу безпокойное колебаніе изъ стороны въ сторону. Двигая на ходу толстыми руками, Ефремовъ никогда, повидимому, не довольствовался числомъ пріятныхъ собесѣдниковъ, но всегда какъ-бы порывался впередъ и выпучивалъ глаза, стараясь пріискать новаго весельчака. Когда таковой показывался, лицо Ефремова вдвойнѣ начинало сіять отъ удовольствія, одышка усиливалась отъ нетерпѣнія, голосъ хрипѣлъ какъ труба старой шарманки передъ началомъ аріи и толстыя его губы заблаговременно складывались подушечкой, приготовляясь къ сочнымъ поцѣлуямъ; онъ цѣловалъ обыкновенно въ засосъ, крѣпко нажимая въ обѣ щеки, неизбѣжно влѣплялъ всегда три поцѣлуя,—мало озабочиваясь тѣмъ, нравилось или нѣтъ такое выразительное изъявленіе радостныхъ чувствъ.

— Толкуй, потѣшайся! продолжалъ Социне́ровъ, — какъ ни дешевы, по твоему, эти статскіе и дѣйствительные, нѣтъ однакожъ города въ цѣломъ свѣтѣ, гдѣ бы они имѣли столько значенія!.. Да, любезнѣйшій, сколько ни вертись, сила въ нихъ и ни въ комъ другомъ;—сила такъ сказать: роевая, стихійная! За что ни возьмись, куда ни сунься, вездѣ ихъ найдешь: сверху, снизу, съ боковъ...

*) Автора „Антона Горемыки", романовъ „Переселенцы", „Проселочныя дороги", повѣсти „Гуттаперчевый мальчикъ" и пр.

Библиотека "Руниверс"

— Даже носомъ тянешь вмѣстѣ съ воздухомъ!—слышишь: гарью пахнетъ! смѣясь перебилъ Ефремовъ, опахивая шляпой лицо, раскраснѣвшееся какъ въ іюлѣ.

Онъ самодовольно тряхнулъ крутыми плечами, вынулъ изъ боковаго кармана лопнувшую кожаную сигарочницу съ вылѣзающими отовсюду толстыми папиросами и, подавая одну изъ нихъ товарищу, спросилъ:

— Хочешь исходящую?..

— Спасибо: только что курилъ, отвѣчалъ тотъ, раздраженно кусая ногти.

Ефремовъ втянулъ въ себя цѣлое облако дыма, подержалъ его между выпученными щеками плотно сжавъ губы и продолжалъ, выпуская дымъ подъ носъ маленькими струйками:

— На всѣ твои доводы, скажу, братецъ, слѣдующее: кому какъ! Для меня, напримѣръ, чинъ дѣйствительнаго—тоже что петля на шею... Постой, Семенъ Семеновичъ, не перебивай, дай сказать: — именно петля! На дняхъ еще директоръ говоритъ мнѣ: „Воля ваша, Петръ Никаноровичъ, такъ невозможно; вы, говоритъ, одиннадцать лѣтъ сидите безъ производства; чтожъ, наконецъ, другіе скажутъ?..“—„Христомъ Богомъ, говорю оставьте меня ваше превосходительство на прежнемъ положеніи; отъ этого, говорю, зависитъ судьба семейства!“—„Съ вами, говоритъ, ничего видно не подѣлаешь,—оставайтесь коли такая охота!..“ И въ самомъ дѣлѣ, вникни: теперь я секретарь; мѣсто штатное; кромѣ жалованья по окладу, получаю изъ остаточныхъ суммъ добавочныя, квартирныя, выдаютъ на воспитаніе дѣтей. Произведутъ въ дѣйствительные, съ того дня: тю-тю секретарство! Скажутъ: „Нѣтъ, братъ, шутишь, не по чину; ступай къ тетенькѣ!“—„Куда, спросятъ, дѣвать новаго генерала?“—„Валяй его въ заштатные!“ Съ протекціей причислятъ тебя къ какой нибудь комиссіи... для сокращенія комиссій... Простись тогда, душка Петръ Никаноровичъ, съ окладомъ и другими блезирами изъ остаточныхъ!—„Нѣтъ, скажутъ, здѣсь не полагается!“ Вотъ тебѣ и выгода вся отъ вашего превосходительства!

— Я касался не только по служебнымъ отношеніямъ; я главнымъ образомъ говорилъ о значеніи чина въ общественномъ смыслѣ...

— Въ общественномъ! Скажите какая невидаль!

— Глумись! Глумись!.. Фактъ тотъ однакожъ, что дѣйствительный представляетъ нѣчто въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительно — существующее, тогда какъ безъ этого предоставляется развѣ только право на существованіе...

— Существую однакожъ, видишь!.. произнесъ Ефремовъ, выпучиваясь на ходу и похлопывая по животу, который загудѣлъ при этомъ какъ пустая бочка,—съ однимъ развѣ можно согласиться; очень ужъ лестно: до дѣйствительнаго живешь такъ себѣ, хлѣбъ жуешь, какъ мы теперь грѣшные;—ну, а какъ произведутъ,—съ того самаго дня начнешь считать себя умнѣе другихъ! „Мелюзга, значитъ, всѣ остальные!..“ Чтожъ, наконецъ, скажи на милость: неужто въ самомъ дѣлѣ тебѣ такъ ужъ этого хочется? спросилъ онъ, насмѣшливо поглядывая на товарища,—знаешь что? подхватилъ онъ, недождавшись отвѣта,—прибѣгни къ извѣстному способу, вѣрнѣе нѣтъ: насаливай всѣмъ и каждому!

— Хорошъ способъ, нечего сказать...

— А что жъ—дуренъ? Повторяю: нѣтъ его вѣрнѣе! Когда надоѣшь до тошноты,—такъ надоѣшь, что не будутъ знать что съ тобою дѣлать,—непремѣнно произведутъ... чтобы скорѣе отдѣлаться; безъ особой протекціи позаботятся даже перевести въ другое вѣдомство... Такъ сдѣлалъ Худосокинъ; такъ сдѣлали Чирковъ и Вафлинъ; всѣ теперь дѣйствительные!

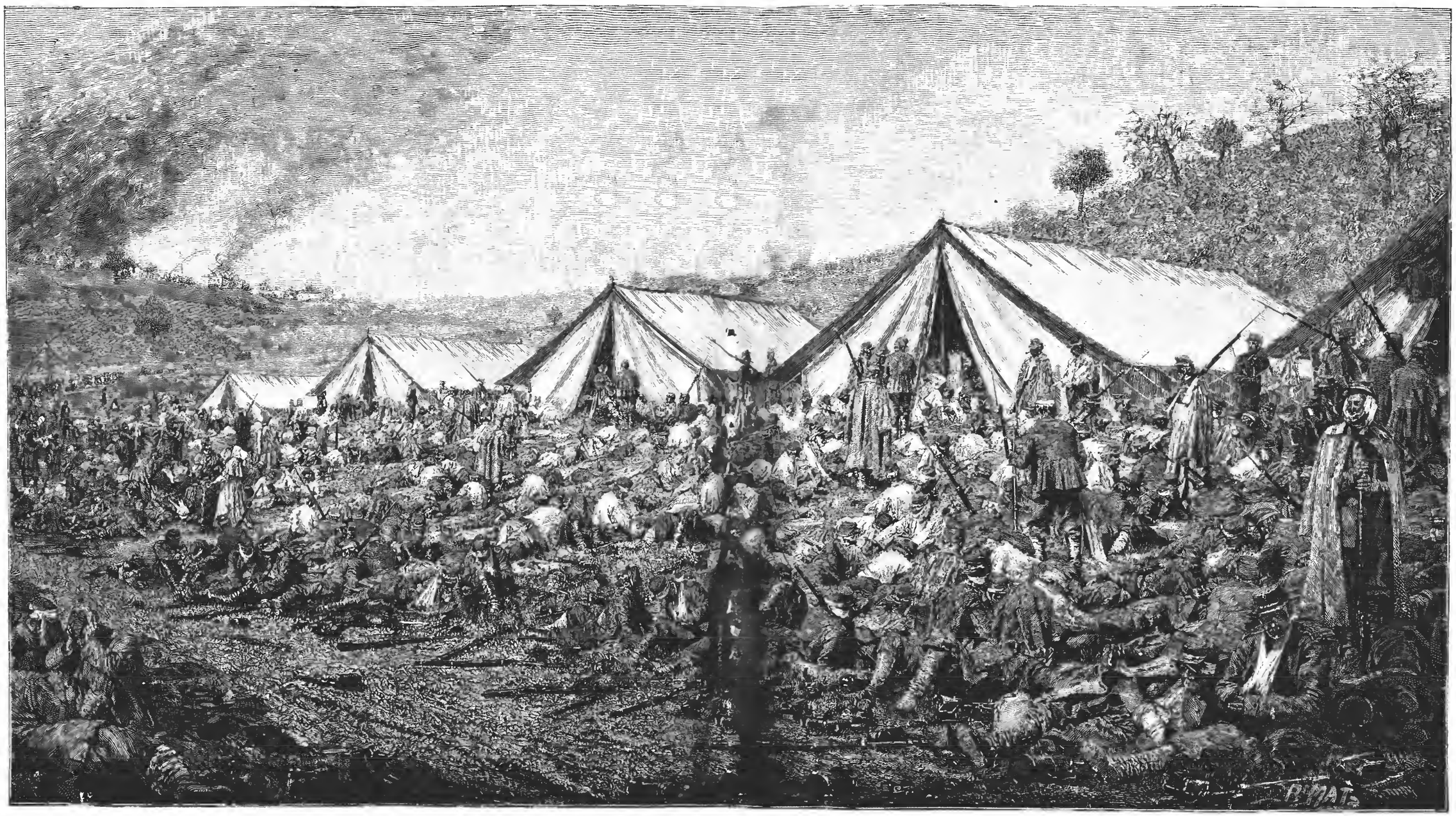
Социперовъ не обижался выходками Ефремова, потому что никто этого не дѣлалъ въ департаментѣ по привычкѣ считать Ефремова малымъ хотя и распущеннымъ, но въ сущности, добрякомъ и забавникомъ. Глядя однакожъ, съ какимъ увлеченьемъ грызъ онъ ногти, можно было думать, разговоръ съ сослуживцемъ задѣвалъ чувствительное мѣсто его тайныхъ побужденій. Грызть ногти было потребностью, выражавшей внутреннее состояніе его духа, безпокойно и постоянно съѣдаемаго завистью. Виною всему былъ младшій братъ Социперова, сдѣлавшій неожиданно видную карьеру. Послѣднее произошло слѣдующимъ образомъ: тогдашній министръ, подписывая бумаги, имѣлъ привычку оканчивать подпись красивымъ завиткомъ. Сдѣлавъ однажды такой завитокъ и какъ-бы полюбовавшись имъ, министръ обратился съ пріятной улыбкой къ директору и сказалъ: „quelle belle plume!“.. Перо въ тотъ разъ чинилъ регистраторъ Социперовъ младшій. Его немедленно приставили спеціально къ такой должности. Когда министръ поѣхалъ дѣлать обзоръ по Россіи,—Социперовъ находился уже въ числѣ сопровождающихъ. Зимою, послѣ того какъ онъ у камердинера министра окрестилъ сына,—его еще замѣтнѣе выдвинули; вскорѣ онъ сдѣлался необходимымъ лицомъ; ему давали разныя домашнія порученія; жена министра посылала его въ кондитерскую за буль-де-гомами для дѣтей. Два года спустя, министръ поручилъ ему осмотрѣть и обревизировать контору собственнаго имѣнья. Съ тѣхъ поръ и пошло и пошло;—чѣмъ дальше, тѣмъ успѣшнѣе. Теперь Социперовъ младшій былъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и дѣятельно хлопоталъ о придворномъ званіи, которое, по его мнѣнію, должно было окончательно установить его въ избранномъ обществѣ. Социперовъ старшій, испытавъ безполезность прибѣгать къ протекціи брата, ненасытность котораго сравнивалъ всегда съ аравійскимъ пескомъ: „сколько въ него не лей, — все мало“,—пускался летать на собственныхъ крыльяхъ; онъ пробовалъ втираться въ разныя благотворительныя общества, имѣя передъ глазами разительные примѣры скораго выдвиганія на этомъ выгодномъ поприщѣ; пробовалъ даже сдѣлаться членомъ комитета сиротскаго училища, учрежденнаго спеціально съ цѣлью доставлять членамъ случай ходить съ докладомъ къ вліятельнымъ сановникамъ и черезъ нихъ пробиваться къ высшимъ должностямъ,—ничего не помогало. Онъ очевидно или неправился дамамъ-попечительницамъ или просто не умѣлъ какъ слѣдуетъ угождать и поддѣлываться, что—мимоходомъ сказать,—совсѣмъ происходило противъ его воли.

Его вообще не долюбливали въ департаментѣ. Одинъ Ефремовъ сходился съ нимъ чаще другихъ и то потому больше, что рѣшительно не понималъ, чтобы можно было кого-нибудь особенно любить или не любить.

Въ глазахъ Ефремова,—какъ самъ онъ выражался: „всѣ одинаково не стоили кошачьяго хвоста передъ добрымъ кускомъ кулебяки съ сижкомъ и визигой, благородной бутылкой вина и честной сигаркой!“ Ефремовъ принадлежалъ къ числу чиновниковъ случайныхъ, попавшихъ на службу потому, что въ данную минуту не оказалось другаго поприща къ существованію, и оставшихся на мѣстѣ частью по привычливости нрава, частью по лѣни. Сѣлъ, такъ ужъ скучно какъ-то передвигаться. Онъ опредѣлился въ департаментъ по выходѣ изъ университета, вскорѣ женился,—женился какъ самъ говорилъ: „не зная для какого лысаго бѣса“,—и прижилъ тѣмъ не менѣе цѣлую ораву дѣтей. Но семья и департаментъ никогда собственно не были прямою цѣлью его жизни; то и другое осуществляло горькую необходимость. Цѣлью жизни Ефремова были: закуска, трактиръ, веселая компанія.

Всѣмъ возможнымъ статскимъ и другимъ совѣтникамъ предпочиталъ онъ кружокъ мелкихъ актеровъ, художниковъ и другихъ незатѣйливыхъ, но безцеремонныхъ и разбитныхъ, веселыхъ малыхъ. Онъ никогда не колебался между необходимостью заказать новое пальто или отдать послѣднія деньги за членскій билетъ въ ку-

Библиотека "Руниверс"



Перевязочный пунктъ подъ Плевной. Съ картины В.Верещагина, по фотогр. Беттигера, грав. В. Матэ.

Библиотека "Руниверс"

ческій клубъ—гдѣ по его словамъ: „готовили осетрину съ оливками и грыбной подливкой какъ нигдѣ во всей вселенной!“ Отправляя въ департаментѣ служебныя обязанности, онъ неожиданно подходилъ то къ тому, то къ другому изъ товарищей и, чмокая сластолюбивыми губами, сообщалъ, таинственно припадая къ уху: „Приходите-ка, батенька, сегодня въ Малый Ярославецъ; сегодня борцъ съ потрохами и ватрушки!!...“, или вдругъ отрывался отъ дѣловой бумаги, дѣлая такое замѣчаніе: „Вчера, господа, подали мнѣ у Палкина бифтексъ; повѣрите-ли, вотъ: подушка! страсть просто!...“ Онъ обижался, когда въ такихъ случаяхъ начинали надъ нимъ подшучивать,—хотя, надо сказать, никогда ни на комъ не срывалъ сердца; онъ отходилъ только съ разочарованнымъ видомъ и задумчиво принимался читать какой-нибудь докладъ.

Къ нему, впрочемъ, всѣ относились снисходительно; многіе даже любили его за всегдашнюю податливость и веселость. Безъ него не обходилась ни одна пирушка, ни одна свадьба, ни даже похороны, если только послѣднія оканчивались поминкой. Въ трактирахъ онъ состоялъ на пріятельской ногѣ не только съ хозяевами, но зналъ всѣхъ конторщиковъ и половыхъ и называлъ послѣднихъ обыкновенно уменьшительными именами: „Васенька, Петрушечка, Калистратушка... отрѣжьте-ка, голубчикъ, вотъ отсюда съ жиркомъ, пожалуйста“...

Само начальство снисходительно на него смотрѣло, „человѣкъ семейный, не умѣвшій сдѣлать себѣ никакого положенія; дѣтей куча. По службѣ исправенъ. Внѣшній видъ могъ-бы быть конечно благопріятнѣе; но семья! тѣсныя обстоятельства;—трудно требовать!“ разсуждало начальство, не столько конечно руководясь въ этомъ случаѣ сердобольнымъ увлеченіемъ, сколько взглядомъ, почерпнутымъ изъ привычки заботливо и постоянно оберегать собственные интересы. Внѣ должности Ефремовъ терпѣть не могъ говорить о службѣ и департаментѣ. Онъ отзывался о послѣднемъ даже непочтительно.

— Ну ужъ, Петръ Никаноровичъ, сказалъ встрѣтясь съ нимъ въ ресторанѣ, заѣзжій господинъ, приходившій по дѣламъ въ департаментъ,—три дня сряду прихожу къ вамъ въ два часа,—ни души; во всемъ департаментѣ только одни сторожа...

— Напрасно жалуетесь; теперь очень хорошо, возразилъ Ефремовъ.

— Ну ужъ хорошо,—нечего сказать!

— Вы бы лучше лѣтомъ пришли...

— А что?

— Тогда совсѣмъ никого не бываетъ.

Господинъ пожалъ плечами, искоса поглядывая на Петра Никаноровича; но Петръ Никаноровичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ съ увлеченіемъ уплетать ветчину, заливая ее дри-мадерой, захваченной по дорогѣ въ погребѣ Шита. Онъ жалѣлъ только, что въ эту минуту не находилось добраго товарища, чтобы разсказать скоромный анекдотъ, отъ котораго чесался языкъ, и затѣмъ, увлечь его къ нѣмцамъ въ общество „*Пальма*“, гдѣ въ этотъ вечеръ должны были играть двѣ цитристки, только что пріѣхавшія изъ Риги. Плевать хотѣлъ онъ на тѣхъ, кто совался говорить „по дружбѣ“, что съ его способностями онъ могъ бы сдѣлать карьеру и пойти куда какъ далеко, вмѣсто того что-жь?—„весь пошелъ только въ животъ!“

— Ну и пошелъ въ животъ, за то видишь: круглый! не чета твоему! заключалъ Ефремовъ, раздувая щеки, выбритыя всегда какъ у актера.

Продолжая бесѣдовать, Ефремовъ и Социперовъ незамѣтно подходили къ той части аллеи, гдѣ начинаются бюсты и статуи, когда послѣдній, неожиданно остановивъ товарища, указалъ ему на одну изъ боковыхъ аллей сада.

— Ба! да это никакъ нашъ Чемезовъ? сказалъ Ефремовъ, пристально всматриваясь,—три дня въ департаментъ не ходитъ, больнымъ сказывается, а самъ, голубчикъ, изволитъ прогуливаться въ Лѣтнемъ саду... Гм! Пришелъ должно быть тоску разогнать. Еще въ апрѣлѣ жена умерла, теперь сентябрь,—и все, сдается мнѣ, забыть не можетъ! Чудеса право! Сто разъ говорилъ ему: оставьте, пренебрегите, воротить назадъ невозможно,—не беретъ! Даже похудѣлъ... ей Богу! Надо пойти поговорить съ нимъ...

— Оставь его. Пожалуй на пароходъ опоздаемъ...

— Еще перваго свистка не было. Нѣтъ, надо пойти, поговорить; хотя и не нашего прихода,—все же, братецъ, товарищъ... заключилъ Ефремовъ, увлекая Социперова въ боковую аллею, по которой, шагахъ въ двадцати, и спиною къ нимъ, медленно выступалъ человѣкъ маленькаго роста.

Услышавъ за собою шаги, онъ обернулся и, казалось, очень непріятно былъ пораженъ неожиданной встрѣчей. Онъ овладѣлъ однакожъ собой; въ углахъ рта оставалось только подергиванье, свойственное нервнымъ людямъ, когда они чѣмъ нибудь недовольны.

Какъ всѣ мужчины мелкаго сложенія, Чемезовъ казался гораздо моложе своихъ лѣтъ. Стоя за его спиной, можно было биться объ закладъ, что передъ вами молодой человѣкъ, еслибъ не выдавала сильная просѣдь на коротко обстриженномъ затылкѣ. Лицо не оставляло уже сомнѣнія, что передъ вами человѣкъ, перевалившій за сорокъ и кромѣ того, болѣзненный, нуждающійся въ нравственномъ спокойствіи. Подтвержденіемъ этому служили сѣроватый цвѣтъ кожи, коричневый обводъ вокругъ глазъ, множество преждевременныхъ морщинокъ на вискахъ и на щекахъ. Нѣкоторые внѣшніе признаки прибавляли къ такому впечатлѣнію: судорожное движеніе въ коротенькихъ, какъ бы съеженныхъ чертахъ, низкій, упрямый, настойчивый лобъ, маленькія уши, крѣпко прижатыя къ головѣ, черные глаза съ желтизною въ зрачкахъ, замѣтно старавшіеся избѣгать прямаго взгляда,—все это съ перваго разу отдаляло мысль отъ характера открытаго, готоваго иногда распахнуться и проявить веселость. Выраженіе внутренняго, сосредоточеннаго чувства казалось застывшимъ на лицѣ его. Въ самой походкѣ его было что-то сдержанное; склоняя на ходу лѣвое плечо нѣсколько на бокъ, онъ постоянно какъ бы отчего-то отстранялся. Одни считали Чемезова гордецомъ, другіе человѣкомъ крайне щепетильнымъ, обидчивымъ, старавшимся избѣгать возможность непріятныхъ столкновеній. Вѣрнѣе всего было то, что наружность его почему-то менѣе напоминала чиновника, чѣмъ въ Ефремовѣ и Социперовѣ,—даромъ что первый былъ похожъ на отставнаго стараго актера, второй на человѣка неопредѣленнаго званія,—всего скорѣе служащаго по сыскной части.

— Батенька, какими судьбами! Мы думали, вы больны, Алексѣй Иванычъ! воскликнулъ Ефремовъ протягивая руку.

Чемезовъ неторопливо подалъ руку обоимъ сослуживцамъ.

— Мнѣ дѣйствительно нездоровилось: сегодня вышелъ въ первый разъ, произнесъ онъ; мнѣ на домъ не приносили никакихъ бумагъ; у насъ нѣтъ ничего новаго? добавилъ онъ, очевидно съ тѣмъ, чтобы сказать что нибудь.

— Какія, батенька, новости, все таже канитель!

— Баклановъ умеръ! проговорилъ Социперовъ.

— Ахъ, да, я и забылъ: умеръ;—завтра хоронятъ! подтвердилъ Ефремовъ.

— Вѣроятно это очень огорчило директора, равнодушно сказалъ Чемезовъ,—онъ и Баклановъ были друзьями съ дѣтства...

— Отмѣнно огорчился! смѣясь возразилъ Ефремовъ, вчера приходитъ экзекуторъ, докладываетъ ему: „гене-

Библиотека "Руниверс"

ралъ Баклановъ, говоритъ, скоропостижно скончался сегодня ночью, ваше превосходительство". Онъ, душка, глазкомъ не мигнулъ; сказалъ только: „Распорядитесь скорѣе, чтобы заняли его квартиру; она какъ разъ, говоритъ, подъ моимъ кабинетомъ; скоро зима; квартира останется нетопленною,—въ кабинетѣ совсѣмъ замерзнешь!" Да, эти душки директоры оберегаютъ таки себя, нечего сказать!.. Не то, что вы, напримѣръ, Алексѣй Иванычъ, заключилъ Ефремовъ, перемѣняя шутливый тонъ на сердобольный,—эхъ, голубчикъ, перестаньте! На себя только посмотрите...

— Да, Алексѣй Иванычъ; съ весны, вы, дѣйствительно, очень перемѣнились... Счелъ долгомъ вставить Социперовъ.

Чемезовъ не стѣсняясь начиналъ уже выказывать знаки нетерпѣнія. Но Ефремовъ принадлежалъ къ числу говоруновъ и трудно было удержать его, когда языкъ приходилъ въ движеніе. Онъ продолжалъ утѣшать, совѣтывалъ о необходимости забыть, пренебречь, развлечься.

— Книжки, Алексѣй Иванычъ, которыя вы сочиняете,—это, повѣрьте, теперь для васъ всего хуже!—только мысль сосредоточиваетъ; именно: сосредоточиваетъ! Департаментъ подбавляетъ также не мало унынія... Прежде всего, вѣрьте мнѣ: развлеченье! Дома, напримѣръ, ни за что не обѣдайте: больше какъ-то напоминаетъ! ходите въ рестораны, въ трактиры; запишитесь въ клубъ, вечеромъ идите въ театръ, благо есть у васъ на что покупать билеты... Не всякій ли день, наконецъ, видимъ мы людей въ вашемъ положеніи! Быть вдовцомъ, подхватилъ Ефремовъ неожиданно развеселясь,—быть вдовцомъ! Помилуйте, да это самое милое, любезное положенье; для такой цѣли можно, пожалуй, второй разъ жениться, ей Богу!..

Въ эту минуту со стороны Невы послышался пароходный свистокъ. Ефремовъ поднялъ носъ, потянулъ воздухъ какъ лягавая собака и, торопливо пожавъ руку Чемезову, зашагалъ къ рѣшеткѣ. Увидѣвъ подоспѣвшаго Социперова, кусающаго ногти, онъ спросилъ только: „Вкусно-ли?" и когда тотъ фыркнулъ что-то подъ носъ, разразился смѣхомъ, отъ котораго запрыгалъ его животъ и побагровѣли щеки.

Встрѣча съ сослуживцами непріятно подѣйствовала на Чемезова. Онъ находился въ томъ, болѣе или менѣе всѣмъ знакомомъ состояніи духа, когда вдругъ отпадаетъ охота говорить и думаешь о томъ только, какъ-бы избавиться отъ докучливости. Съ такой цѣлью сказывался онъ три дня больнымъ и какъ только наступалъ вечеръ, отправлялся въ Лѣтній садъ. Тамъ рѣдко теперь можно было кого нибудь встрѣтить.

Чемезовъ былъ большой домосѣдъ; но послѣ кончины жены домашняя жизнь ему опостыла. Бывали дни,—какъ сегодня, напримѣръ,—когда одинъ видъ квартиры дѣлался невыносимымъ, хотѣлось уйти куда нибудь подальше. Съ мыслію о потерѣ жены онъ мало по малу начиналъ свыкаться; но вмѣстѣ съ нею неизбѣжно всегда соединялись воспоминанія всего лучшаго, всего свѣтлаго, вережитаго въ жизни. Когда они приходили на умъ, онъ ничего не дѣлалъ, чтобы отстранить ихъ,—хотя самъ каждый разъ чувствовалъ себя подъ гнетомъ мучительной тоски. Страдая больше всего одиночествомъ, Чемезовъ, въ такіе дни, нетерпѣливо всегда желалъ уединенья.

Такъ и теперь было. Отдѣлавшись отъ докучливой встрѣчи, онъ отошелъ въ глухую часть сада и сѣлъ на скамью. Горечь воспоминаній, казалось, еще сильнѣе имъ овладѣла. Выраженіе ѣдкой грусти пробѣгало иногда по лицу его; грудь подымалась подавляя вздохи.

Недавно еще просидѣлъ онъ такимъ образомъ до поздней ночи. На этотъ разъ вѣроятно произошло бы тоже самое, еслибъ не помѣшалъ дождикъ. Чемезовъ приподнялся съ мѣста и медленно направился къ выходу.

Начинало смеркаться. Сумерки ускорялись наволокомъ тучъ, набѣгавшихъ отъ взморья. Въ воздухѣ замѣтно стало больше движенья; садъ глухо шумѣлъ, двигая обезлиственными вершинами. Густой туманъ наполнялъ аллеи; стволы деревьевъ показывались въ немъ мѣстами какъ-бы стоявшими въ воздухѣ; мѣстами стволы смутно представлялись углубленными, темными пятнами. Дорожки и лужайки между ними пропадали въ десяти шагахъ; во всю глубину сада просвѣчивала только сквозь туманъ продольная, болѣе свѣтлая, волнистая полоса, обозначавшая главную аллею. Дождь усиливался и слышно было какъ капли били въ сухіе листья, летѣвшіе во всѣ стороны.

II.

Еслибъ Ефремовъ и Социперовъ, вмѣсто того чтобы встрѣтить Чемезова гуляющимъ въ саду, могли застать его сидящимъ на скамьѣ и узнать о настоящихъ его чувствахъ,—оба, безъ сомнѣнья, поспѣшили бы сообщить объ этомъ какъ курьезную новость. Всякое извѣстіе о Чемезовѣ было находкой въ департаментѣ. Любопытство главнымъ образомъ возбуждалось исключительностью положенья, въ которое Чемезовъ поставилъ себя между товарищами. Прослуживъ съ ними восемнадцать лѣтъ, онъ, въ теченіи этого времени, ни съ кѣмъ рѣшительно не сошелся, держалъ себя постоянно въ сторонѣ, особнякомъ, никогда шагу даже не сдѣлалъ, чтобы съ кѣмъ нибудь сблизиться. Когда въ его присутствіи затѣвалась веселая компанія, онъ особенно всегда какъ-то съеживался,—точно улизнуть хотѣлъ, и кончалъ всегда тѣмъ, что отказывался участвовать. На пирушкахъ, руководимыхъ Ефремовымъ, онъ ни разу не былъ. Вышло какъ то такъ, что всѣ говорили ему: „вы", между тѣмъ какъ это противурѣчило общей привычкѣ; ужъ это одно было чѣмъ-то охлаждающимъ при ежедневныхъ отношеніяхъ. Онъ былъ одинаково учтивъ, даже услужливъ, но въ обращеніи его чувствовалась всегда сдержанность, отбивавшая охоту къ панибратству. Въ департаментѣ онъ никогда ни о чемъ не разговаривалъ какъ о дѣлахъ службы. „Съеженный человѣчекъ! Фуфыра! весь на пуговкахъ! никогда не распахнется, — точно нѣмка родила!" часто повѣствовалъ Ефремовъ. Въ послѣднемъ онъ не ошибался. Мать Чемезова дѣйствительно была нѣмка.

По адресной книгѣ департамента хорошо было извѣстно мѣстожительство Чемезова: никто однакожъ никогда къ нему не заглядывалъ; да и нельзя было: онъ никого никогда не звалъ къ себѣ. О женитьбѣ его, происходившей пятнадцать лѣтъ тому назадъ, узнали случайно отъ Ефремова, прикладывавшаго печать къ форменному разрѣшенію. Никого даже не позвалъ онъ тогда на свадьбо, никого не угостилъ.

— „Спинтусъ!—ничего больше!" повторялъ Ефремовъ нѣсколько дней сряду. Съ тѣхъ самыхъ поръ прозвалъ онъ его „таинственнымъ монахомъ" и, какъ бы не удовлетворившись этимъ, назвалъ еще „Фотіемъ"; оба эти прозвища до сихъ поръ шепотомъ произносились иногда въ департаментѣ. Никогда также никто не видалъ жены Чемезова, не встрѣчалъ его гуляющимъ съ ней подъ руку; когда шелъ, то всегда въ одиночку. Съ похоронами жены было тоже самое: ни приглашенья, ни угощенья! Узнали объ этомъ послѣ того какъ онъ три недѣли носу не показывалъ въ департаментѣ.

Такое постоянство въ отчужденіи и упорная несообщительность придали Чемезову въ глазахъ товарищей таинственность, которая, болѣе или менѣе, подстрекала общее любопытство. Стоило заговорить о немъ,—у всѣхъ были ушки на макушкѣ.

Таинственность Чемезова дѣйствительно трудно было проникнуть, потому что все въ ней основывалось на свойствахъ довольно своеобразнаго, сложнаго характера. Въ немъ заключались какъ бы два отдѣльныя существа,

Библиотека "Руниверс"

противуположныя другъ другу по духу, хотя жившія, повидимому, въ ладу между собою. Одному принадлежало горячее, любящее сердце, нервный темпераментъ тѣсно всегда связанный со способностью сильно принимать впечатлѣнія; въ удѣлъ другому достались по большей части мизантропическія свойства: скрытность, замкнутость, крайняя несообщительность, самолюбивая щекотливость,—рѣдко впрочемъ выказываемая потому, что ее удерживалъ умъ, хотя можетъ быть и не способный изобрѣсти порохъ,—но во всякомъ случаѣ разсудительный и спокойный. Одна изъ этихъ долей характера дана была природой, — другую образовали обстоятельства жизни.

Чемезову было семь лѣтъ когда скончался отецъ,—мелкій уѣздный чиновникъ, женатый на прусской колонисткѣ. Бывъ единственнымъ ребенкомъ у матери и страстно къ ней привязанный, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ годъ спустя, мать вступила во второй бракъ; второй отецъ былъ тотъ самый человѣкъ, котораго онъ, сколько себя помнилъ, всегда не любилъ и боялся. Поселившись съ нимъ подъ одной кровлей, онъ возненавидѣлъ его окончательно, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ страха, принужденъ былъ постоянно скрывать передъ всѣми настоящія свои чувства.

У матери пошли дѣти; быть можетъ онъ преувеличивалъ ея охлажденье къ себѣ, но ясно однакожъ чувствовалъ какъ мало по малу лишался ея прежней привязанности. Но и здѣсь надо было думать про себя и не высказываться. Всѣ эти впечатлѣнія, начавшія его дѣтство и болѣзненно отразившіяся на характерѣ въ моментъ его развитія, были однакожъ слабы передъ тѣми, когда, по прошествіи четырехъ лѣтъ, скончалась мать и онъ увидѣлъ себя круглымъ сиротою въ рукахъ вотчима; послѣдній еще при жизни покойницы не стѣснялся выказывать ему непріязненныя чувства. Участь мальчика облегчалась тѣмъ только, что онъ былъ въ гимназіи и цѣлую недѣлю не находился дома.

Около этого времени съ вотчимомъ произошелъ какъ говорится: „казусъ". Замѣшанный въ какую-то темную исторію, онъ лишился мѣста и отказался платить за пасынка.

Докончивъ курсъ на казенный счетъ, благодаря участію директора, Чемезовъ, восемнадцати лѣтъ, безъ всякихъ средствъ, безъ пристанища, потому что вотчимъ вскорѣ послѣ „казуса" уѣхалъ въ отдаленную губернію, — предоставленъ былъ самому себѣ. Онъ положительно не зналъ что съ собою дѣлать. Врожденная несообщительность удерживала его отъ сближенья съ товарищами, горечь и недовѣрчивость, успѣвшія основаться въ его сердцѣ, мѣшали выйти изъ тяжелаго положенья.

Чтобы не умереть съ голоду, онъ началъ давать уроки дѣтямъ лавочника, который согласился снабжать его въ обмѣнъ угломъ и харчами. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Чемезовъ давалъ уроки въ семействахъ разныхъ мѣщанъ и купцовъ. Занятіе было не по душѣ; школа была суровая. Она правда пріучила его къ терпѣнію, къ выносливости,—но вмѣстѣ съ тѣмъ развила желчь и прибавила замкнутости. Утѣшительная сторона была та, что онъ увидѣлъ возможность существовать своими средствами. Это обстоятельство ободрило его; онъ рѣшился провести еще годъ такимъ образомъ, скопить нѣсколько денегъ, уѣхать въ Петербургъ и поступить въ университетъ. Онъ мечталъ объ этомъ еще въ гимназіи.

Двадцати лѣтъ Чемезовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, съ шестьюдесятью рублями въ карманѣ и принялся усердно ходить на лекціи.

Все, что пришлось испытать ему, какъ бѣдному студенту, брошенному на собственный произволъ, лишенному всякой матерьяльной и нравственной поддержки,—не могло конечно внести примиренья въ его взглядъ на жизнь. Одно къ одному, пришло вскорѣ и разочарованье. Въ лекціяхъ не нашелъ онъ того одушевленья, какого ожидалъ; къ удивленію, онѣ показались ему холодными, неувлекательными. Онъ продолжалъ, однакожъ, аккуратно посѣщать ихъ; но уже цѣлью его была не наука, о которой такъ горячо мечталъ онъ прежде; цѣль ограничилась тѣмъ, чтобы не оставаться лишняго года на курсѣ и, по выходѣ, отыскать какое нибудь поприще и основаться на немъ. Невыносимая тягость матерьяльныхъ условій понуждала его къ этому.

Тотъ, кто не испытывалъ питаться по цѣлымъ мѣсяцамъ однимъ ячменнымъ кофеемъ съ сухарями, не посѣщалъ извѣстнаго рода кухмистерскихъ, гдѣ каждый кусокъ становится поперегъ горла и принуждаешь себя ѣсть потому, что желудокъ корчитъ отъ голоду, кто не жилъ въ грязныхъ углахъ, подкидывая вмѣсто тюфяка собственное платье, кто вмѣсто шубы, не ограничивался въ сильные морозы пледомъ, служившимъ ночью одѣяломъ, кто не чинилъ заплатъ на своемъ пальто, не зналъ часто какъ вымыть бѣлье, потому что все, что было по этой части, покрывало тѣло, кто не пережилъ все это годами, не имѣя передъ собою вѣрной, опредѣленной цѣли,—тотъ никогда не пойметъ, какими запасами прекрасныхъ силъ владѣетъ молодость,—никогда не пойметъ, сколько нужно энергіи, силы воли, высокой нравственной подкладки, чтобы, при такихъ условіяхъ, не сбиться съ пути, не упасть духомъ, и вопреки всему, продолжать учиться, посѣщать лекціи, составлять записки и т. д.

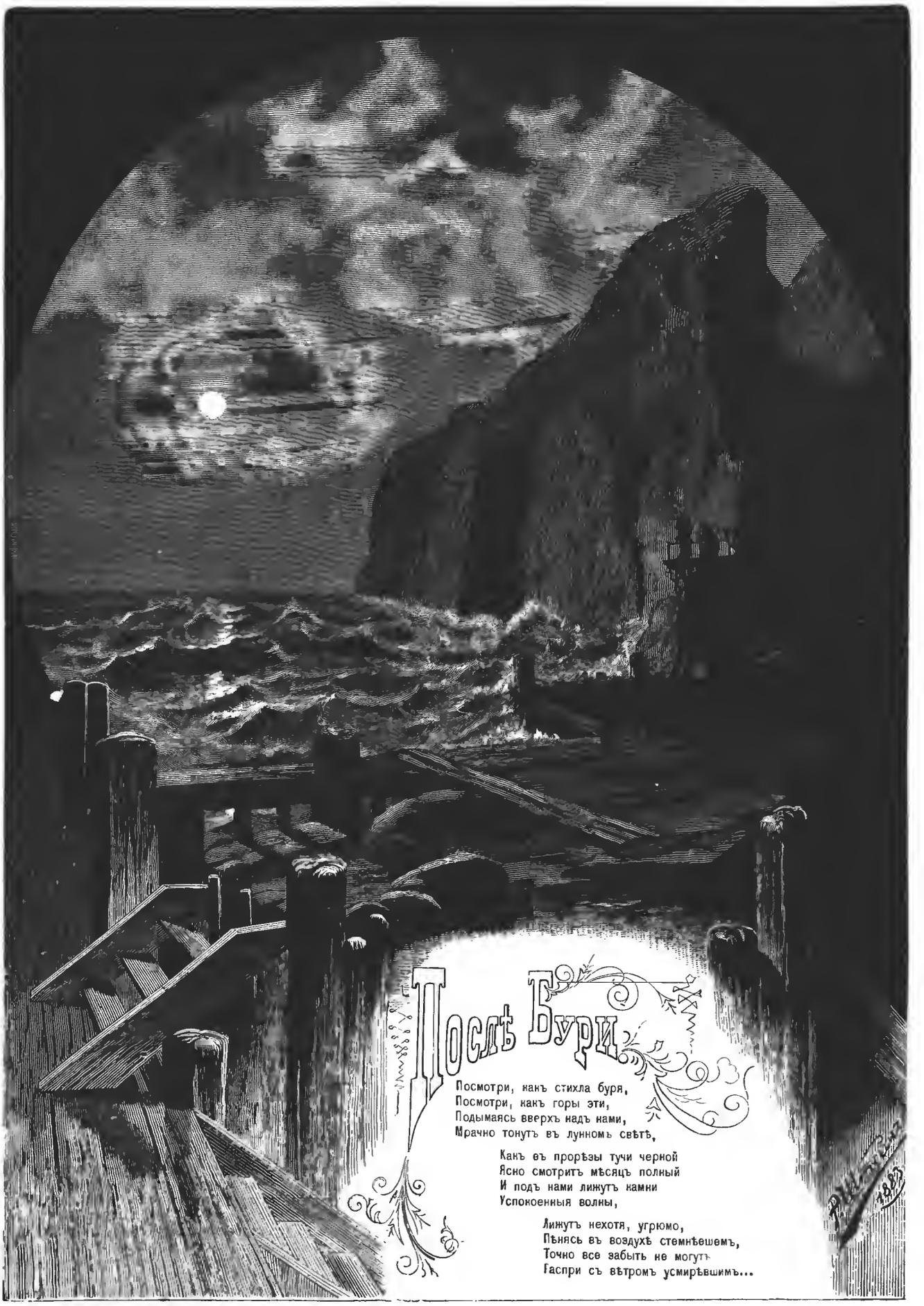
Уроки по полтиннику, иногда по рублю, продолжали и здѣсь выручать Чемезова. Два лѣта сряду приглашали его въ качествѣ репетитора въ отъѣздъ съ семействомъ. Этотъ періодъ его существованія былъ очень знаменателенъ. Тутъ въ первый разъ, болѣе чѣмъ когда нибудь, высказалось его влеченье къ литературѣ; чтеніе всегда было любимымъ его занятіемъ; оно превратилось теперь въ запой своего рода. Быть литераторомъ!.. Онъ не смѣлъ мечтать объ этомъ, хотя такая мысль начинала мерещиться ему еще въ гимназіи. Доказательствомъ могла служить тщательно сберегаемая тетрадка стихотвореній, написанныхъ за годъ до пріѣзда въ Петербургъ; были еще: драма изъ итальянской жизни *„Замокъ Морвено"* и повѣсть *„Отверженный"*; но послѣднія представляли скорѣе наброски, чѣмъ оконченныя произведенія.

Литературныя занятія, казалось ему, вполнѣ отвѣчали его вкусамъ, его характеру, склонному къ уединенію и мечтательности. Настроивъ себя такимъ образомъ, другой на его мѣстѣ, тутъ же бросилъ бы лекціи и, въ пылу возбужденія, послушался бы своего влеченья; но у Чемезова, при всей горячности сердца, былъ умъ спокойный и разсудительный, напуганный обстоятельствами жизни, привыкшій сдерживать внутренніе порывы. Прежде чѣмъ пуститься очертя голову,—ему хотѣлось добиться пристанища, опредѣлиться куда-нибудь на мѣсто, которое дало бы возможность осуществить любимую мечту. Мысль обезпеченья, независимости, была прямымъ слѣдствіемъ горькихъ испытаній въ жизни.

Хлопоты, забѣганье впередъ, просьбы, ягозливость, умѣнье поддѣлываться и трогать сердца вліятельныхъ особъ,—все это, если бы даже и было въ характерѣ Чемезова,—не привело бы можетъ быть къ желанному результату. Случай лучше выручилъ. Старый сенаторъ, которому онъ четыре мѣсяца переписывалъ бумаги, опредѣлилъ его въ одно изъ министерствъ. Тамъ приписали его чиновникомъ четырнадцатаго класса въ одинъ изъ департаментовъ и, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ,—вѣрнѣе безъ всякихъ соображеній, причислили къ комитету, спеціально предназначенному для ученыхъ цѣлей.

(До слѣд. №).

Библиотека "Руниверс"



Литературный альбомъ. „Послѣ Бури". Стих. П. Кускова. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Первая охота.

Разсказъ **М. Малова.**

„Завтра на охоту, на дикихъ козъ, и въ первый разъ въ жизни!“ Эта мысль долго не давала мнѣ уснуть, рисуя разныя фантастическія картины, имѣющія быть *не далѣе*, какъ „завтра!“ Въ то время, а это было 12 октября 187* года, мнѣ только что исполнилось 20 лѣтъ и я, хотя стрѣлялъ недурно, но жертвою моего искусства до сихъ поръ были только дикія утки, которыхъ я билъ въ окрестности Ораніенбаума, да разные кулички, тамъ же, называемые мѣстными охотниками „фифинками“. Беря это во вниманіе, а также мою молодость, т. е. такіе годы, когда все человѣчество ко всему новому, неизвѣданному стремится со страстью, не справляясь даже о послѣдствіяхъ своего знакомства съ этимъ „новымъ“, въ чемъ бы оно ни состояло, понятна будетъ моя безсонница наканунѣ предстоящей мнѣ охоты на козъ. А можетъ быть, фантазировалъ я, „и лось“, или, какъ его въ Сибири называютъ „сахатый“, на мое счастіе выбѣжитъ. Константинъ Карловичъ сегодня еще разсказывалъ, что съ нимъ именно это случилось разъ! Можетъ быть и завтра случится... А если кабаны выйдутъ? Это всего легче, потому что на такихъ мѣстахъ, гдѣ мы завтра охотиться будемъ, видѣли много кабаньихъ слѣдовъ, да и Константинъ Карловичъ подтвердилъ это... И въ моемъ воображеніи ясно, до послѣднихъ мелочей, рисовалась картина: громадный кабанъ, наклонивъ голову, яростно взрывая клыками землю, летитъ прямо на меня; я слышу предостерегающіе крики остальныхъ охотниковъ: „на дерево скорѣй, спасайтесь“, но я остаюсь на мѣстѣ, не торопясь опускаюсь на одно колѣно (непремѣнно на одно: я такъ на рисункахъ видѣлъ), подымаю ружье, не спуская глазъ съ чудовища; вотъ грянулъ мой выстрѣлъ, и кабанъ, не добѣжавъ до меня какихъ-нибудь трехъ шаговъ, въ конвульсіяхъ борется со смертію. Всѣ окружили меня, поздравляютъ, но я преспокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, заряжая разряженный стволъ, говорю: что же тутъ удивительнаго? Вѣдь онъ такъ близко былъ, что невозможно было промахнуться! Къ тому же у меня еще выстрѣлъ въ запасѣ былъ! Нѣтъ, говоритъ мой пріятель Константинъ Карловичъ, опытный и страстный охотникъ, вы просто скрывали отъ насъ, что никогда на звѣря не ходили; этакого, батюшка, выстрѣла, новичкъ не сдѣлаетъ! И всѣ меня обнимаютъ, тормошатъ и осматриваютъ убитаго звѣря, тогда какъ другой мой пріятель, Андрей Гавриловичъ, купецъ, отдаетъ приказаніе казаку: мигомъ слетать къ табору и захватить тамъ бутылочку коньяку—спрыснуть такое необычайное мужество...

— Да встанете ли вы, наконецъ?—кричитъ мнѣ кто-то на самое ухо, вѣдь это изъ рукъ вонъ! Шесть часовъ скоро, а онъ и не думалъ вставать? Хорошъ охотникъ, нечего сказать!

Съ трудомъ открываю глаза, и вижу при свѣтѣ сальнаго огарка какого-то господина, въ звѣрообразномъ костюмѣ, который тормошитъ меня изо всѣхъ силъ; на мгновеніе у меня даже сердце дрогнуло съ перепугу, но будучи этимъ субъектомъ приведенъ въ сидячее положеніе, я, наконецъ, разсмотрѣлъ, что этотъ звѣрь былъ Константинъ Карловичъ, который, согласно вчерашнему уговору, заѣхалъ за мной, чтобы отправиться на охоту. И такъ и кабанъ, и мой подвигъ, все это былъ сонъ! Дѣйствительность же была куда какъ проще: маленькая комнатка, еле-еле освѣщающаяся сальнымъ огаркомъ, но настолько, что можно было разглядѣть замерзшія красивыми узорами оконницы, и Константинъ Карловичъ, немилосердно торопящій меня одѣваться; первое время мнѣ даже захотѣлось отказаться отъ поѣздки: такъ хорошо, тепло мнѣ было въ постели, и такъ холодно, неприглядно было на дворѣ. Но видъ Константина Карловича, бодраго, румянаго, одѣтаго въ щегольской, по тамошнему, охотничій костюмъ, придававшій ему какой-то особый, молодцоватый видъ, подзадорилъ и меня, и чрезъ десять минутъ я былъ уже у него въ квартирѣ, куда, по уговору, должны были собраться всѣ участники сегодняшней охоты, всего до пятнадцати человѣкъ. Мы не застали еще человѣкъ трехъ, за которыми сейчасъ же и было послано, а тѣмъ временемъ Константинъ Карловичъ занялся моимъ туалетомъ. Дѣло въ томъ, что у меня не было еще зимней одежды для охоты, а у Константина Карловича имѣлся запасъ всего, имѣющаго какое-либо къ ней отношеніе. Прежде всего, на меня надѣли, изъ выдѣланной шкуры дикой козы, штаны, шерстью вверхъ; они надѣваются поверхъ обыкновенныхъ суконныхъ и завязываются у щиколки ремешками. Затѣмъ, къ крайнему моему сожалѣнію, я долженъ былъ разстаться съ моими великолѣпными, петербургской работы, охотничьими длинными сапогами, которые я издавна привыкъ считать необходимой принадлежностью охоты и которыми думалъ удивить мѣстныхъ охотниковъ; по единогласному приговору присутствующихъ, они были забракованы и замѣнены неуклюжими „унтами“, чѣмъ-то въ родѣ чулковъ, изъ козьихъ же шкуръ, но шерстью внутрь, съ очень тонкими подошвами, безъ признака каблуковъ; они тоже подвязываются, нѣсколько ниже колѣнъ—ремешками; вмѣсто полушубка, мнѣ было предложено надѣть куртку изъ тарбаганьихъ (звѣрекъ, въ родѣ нашего овражка, суслика) шкурокъ, но опять шерстью вверхъ, и на голову „малахай“ изъ лисьихъ лапокъ, формой въ родѣ скуфьи, только съ „ушами“, которыя можно подвязывать подъ подбородокъ. Пока все это совершалось, собрались всѣ, и, выпивъ, кто рюмку-другую водки, кто стаканъ чаю, вышли на дворъ, гдѣ насъ уже давно ожидали осѣдланныя лошади. Солнышко еще не показывалось, но можно было съ увѣренностью ожидать хорошаго, т. е. солнечнаго и тихаго дня. На воздухѣ хотя и было градусовъ 20-ть, но вѣтерка ни малѣйшаго, что для насъ и важно: предстояло цѣлый день пробыть въ лѣсу и подуй вѣтерокъ при этой температурѣ, врядъ ли было бы можно это, даже прибѣгая къ разнымъ согрѣвающимъ средствамъ.

Однако пора разсказать, гдѣ описываемое происходило, и кто такой Константинъ Карловичъ. Это было въ г. Чигѣ, въ далекой Забайкальской области, куда я пріѣхалъ изъ Петербурга на службу, всего два мѣсяца назадъ, а Константинъ Карловичъ, съ которымъ я здѣсь познакомился, былъ военный инженеръ, капитанъ, премилый человѣкъ и страстный охотникъ; не затѣвалось ни одной охоты въ Читѣ, въ которой бы онъ не только не принималъ участія, но на которой онъ не былъ бы главнымъ устроителемъ и распорядителемъ. Онъ-то, главнымъ образомъ, и постарался теперь устроить охоту на козъ „загономъ“, что требуетъ непремѣнно много участниковъ, желая показать мнѣ, новому еще человѣку, этотъ способъ охоты.

Весело, морознымъ утромъ, хорошей рысью, подымались мы къ небольшой рѣченкѣ Песчанкѣ, находящейся отъ Читы верстахъ въ двѣнадцати; тамъ, поднявшись по ней вверхъ верстъ пять, въ узенькой лощинкѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ близко придвинувшимися, хоть не особенно высокими и крутыми, но густо заросшими лѣсомъ „сопками“, мы остановились таборомъ; только до этого мѣста могъ доѣхать сопровождавшій насъ обозъ, состоявшій изъ одного экипажа, на которомъ были нагружены разныя необходимыя вещи, какъ-то: нѣсколько войлоковъ, чтобы было на чемъ присѣсть во время роздыха, попить чайку и закусить, большой мѣдный чайникъ для кипятка, кострюли, рюмки, стаканы и большой боченокъ водки, ведра въ три, для „загонщиковъ“. Узнавъ отъ ожидавшаго тутъ насъ казака, изъ мѣстной конной казачьей батареи, что „люди“, т.-е. „загонщики“, недавно еще уѣхали за гору въ объѣздъ, Константинъ Карловичъ, сообразясь съ часами, торжественно объявилъ, что мы успѣемъ еще сварить чаю, а кто желаетъ, то и закусить пельменями, которые зимою, конечно замороженные, являются необходимою дорожною вещью у всякаго сибиряка.

Въ нѣсколько минутъ запылалъ костеръ, надъ нимъ укрѣпили, какъ ружья въ козлахъ, три палочки, длиной до двухъ аршинъ, связанныхъ вверху ремнемъ, и на особый, привязанный къ этимъ палочкамъ желѣзный крюкъ, навѣсили большой чайникъ. Мы же, на войлокахъ, расположились неподалеку и стали приготовлять все къ завтраку, такъ какъ до чая охотниковъ не оказалось; оно и не мудрено, принявъ во вниманіе, что мы порядкомъ потряслись въ эти семнадцать верстъ и ѣсть захотѣлось страшно.

Подкрѣпившись какъ слѣдуетъ, мы стали сбираться „на мѣста“, осмотрѣли и зарядили ружья, надѣли пистоны, и въ походъ, цѣликомъ, по колѣно въ снѣгу, въ гору, пробираясь кое-какъ, сквозь растущій на опушкѣ мелкій ельникъ и соснякъ; чуть не до полгоры сопровождалъ онъ насъ, пока далъ мѣсто хорошему, крупному, но очень рѣдкому лѣсу, такъ что между деревьями было возможно видѣть, по крайней мѣрѣ, саженъ на пятьдесятъ; взошли мы и на вершину сопки, покрытую такимъ же лѣсомъ и образующую плоскость, саженъ сто ширины, и упирающуюся въ другую сопку, значительно, почти вдвое выше той, на которой мы остановились. Изъ-за той-то, высокой и должны были загонщики гнать къ намъ сверху всякаго звѣря...

У Константина Карловича были съ собой взяты картонные №№, цѣлая куча. Онъ отсчиталъ, по числу насъ, положилъ ихъ въ свой малахай, и предложилъ брать; съ трепетомъ приступилъ я къ жеребью: а, ну, какъ достанется первый или послѣдній №? Очень рѣдко случается, чтобы эти №№ добыли что-нибудь, развѣ „средніе“ пропудяляютъ. Однако здѣсь мнѣ повезло, я вынулъ 6-й! Когда всѣ поразобрали №№, Константинъ Карловичъ пошелъ насъ „разводить“ по мѣстамъ, умоляя всѣхъ стоять тихо, не курить, не кашлять и проч. Онъ насъ расположилъ фронтомъ къ сопкѣ, за которой были загонщики, съ интерваломъ между нумерами, саженъ въ двадцать пять. Я помѣстился у толстой ели, прислонясь къ ней спиной, и свято исполнялъ наказъ Константина Карловича, почти не дышалъ, стараясь разглядѣть какъ можно большее пространство, чтобы какъ-нибудь не прозѣвать ожидаемую добычу. Въ лѣсу мгновенно сдѣлалось такъ тихо, что мнѣ казалось, что біеніе моего сердца, которое такъ и стучало въ груди, слышно было моимъ сосѣдямъ. Прошло полчаса, а въ лѣсу все та же тишина, не слыхать ни голосовъ загонщиковъ, ни треска сухихъ вѣтокъ, который былъ бы слышенъ, если бы гдѣ-нибудь бѣжалъ звѣрь или коза; отъ этого напряженнаго, неподвижнаго ожиданія, у меня, наконецъ, зарябило въ глазахъ, руки, державшія неподвижно ружье,

Библиотека "Руниверс"

какъ-то оцѣпенѣли, и весь я чувствовалъ страшную усталость; проходитъ еще нѣсколько минутъ такого почти мучительнаго состоянія, какъ вдругъ, гдѣ-то далеко, послышалось нѣчто въ родѣ человѣческаго вопля, потомъ еще и еще. Мигомъ прошла усталость и желаніе покурить, которое главнымъ образомъ меня мучило, исчезло сразу; нервы были возбуждены до крайности, я не могъ преодолѣть дрожь, отъ которой ружье такъ и ходило въ моихъ рукахъ; чѣмъ болѣе я желалъ быть поспокойнѣе, тѣмъ хуже меня разбирало; я ясно сознавалъ, что въ такомъ состояніи я не только на ходу въ козу не попаду, но даже въ цѣлую корову, а между тѣмъ, волненіе не унималось. Впослѣдствіи я участвовалъ во многихъ охотахъ, но такихъ ощущеній уже не переживалъ никогда! Случайно повернувъ голову, я увидѣлъ фигуру моего сосѣда слѣва; онъ такъ спокойно стоялъ, ружье стояло около него, прислоненное къ дереву, руки безъ перчатокъ, для согрѣванія засунулъ въ карманы, и только вниманіе, съ которымъ онъ глядѣлъ впередъ, показывало, что вовсе онъ не такъ равнодушно относится къ охотѣ, какъ могло сразу показаться. Видъ его спокойной, серьезной фигуры подѣйствовалъ на меня хорошо; ружье уже не такъ танцовало въ рукахъ и я старался, какъ и онъ, внимательно разглядывать впередъ между деревьями; крики загонщиковъ слышались все явственнѣе и явственнѣе, но самихъ ихъ было еще не видно, несмотря на рѣдколѣсье. Вдругъ какой-то слабый звукъ, въ родѣ шороха, послышался въ лѣсу, прямо противъ меня; все слышнѣй онъ, и вотъ, шагахъ въ сорока отъ меня, вылетѣлъ заяцъ. Повидимому, онъ никого изъ насъ не видѣлъ, и мчался прямо на нашу цѣпь, въ интервалъ между мной и сосѣдомъ слѣва. Я уже намѣревался стрѣлять, какъ взглянувъ на сосѣда, увидѣлъ, что онъ, сжавъ кулакъ, показываетъ его мнѣ, отрицательно качая головой, и съ такимъ выраженіемъ лица, которое показывало, что онъ на меня разсвирѣпѣлъ окончательно; только тогда я вспомнилъ приказъ распорядителя: „зайцевъ отнюдь не стрѣлять, а то всѣ козы повернутъ отъ насъ въ сторону". Благодаря этому заяцъ невредимо, шагахъ въ пяти отъ меня, прорвался сквозь нашу линію; нѣсколько времени спустя, еще пробѣжалъ одинъ, но уже подальше отъ меня, и также безъ выстрѣла. Затѣмъ, одинъ за другимъ, ихъ промчалось штукъ шесть, и ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ насъ, хотя нѣкоторые бѣжали такъ близко, что чуть не обыкновенной тростью можно было ихъ достать. Пріятно было смотрѣть какъ они улепетывали, высоко прыгая, чрезъ какую-нибудь кочку или лежащее дерево. Наконецъ, вотъ и она!

Да, шагахъ во ста, лѣвѣй моего сосѣда показалась коза; она прямо неслась на сосѣда, и я уже думалъ, что мнѣ не удастся по ней стрѣлять, такъ какъ на подобныхъ охотахъ существуетъ обычай, по которому въ животное стрѣляетъ тотъ №, противъ котораго оно находится, считая сферу его огня только до половины разстоянія, отдѣляющаго его отъ сосѣднихъ №№. Эта коза, видъ которой заставилъ сердце мое опять учащенно забиться, бѣжала внѣ моего выстрѣла, но внезапно, примѣтивъ вѣроятно сосѣда, она сильнымъ прыжкомъ перемѣнила направленіе и понеслась по фронту такъ быстро, что, можетъ быть пять секундъ спустя, она уже была противъ меня; взволнованный, я едва успѣлъ спустить курокъ; съ минуту я ничего не видалъ, а только слышалъ чей-то крикъ: „да стрѣляйте же!" Я взглянулъ по направленію козы и увидѣлъ картину: мой зарядъ хотя и попалъ въ козу, но крайне неудачно; онъ перебилъ только ей заднія ноги, которыя и волочились за ней, какъ плети, а на уцѣлѣвшихъ переднихъ она продолжала, такъ-сказать, уползать, волоча свое красивое тѣло. Я такъ растерялся при видѣ страданій такого милаго, граціознѣйшаго изъ всѣхъ животныхъ, что рѣшительно былъ не въ состояніи выстрѣлить въ него, ползущаго, еще разъ. Тогда сосѣдъ справа, Константинъ Карловичъ, бросился за козой безъ ружья, скоро догналъ ее, и схвативъ за уши, всадилъ ей въ грудь, по самый черенокъ, охотничій ножъ...

Зрѣлище это произвело на меня тяжелое впечатлѣніе и отравило всю прелесть охоты; я почти не обращалъ вниманія на раздававшіеся то здѣсь, то тамъ выстрѣлы, свидѣтельствовавшіе о блестящемъ результатѣ „перваго загона"; мнѣ жалко было мою козочку. Вскорѣ стало видно между деревьями и загонщиковъ; они подвигались на насъ линіей, имѣвшей не менѣе полуторы версты въ длину, и всѣ верхами; по моему счету ихъ было не менѣе ста человѣкъ, а можетъ быть и болѣе. Обладая въ тѣ времена весьма скромнымъ бюджетомъ, я невольно поморщился, увидѣвъ столько народу; вѣдь всѣмъ имъ нужно заплатить, подумалъ я, а считая хотя по полтинѣ на каждаго конпаго, что еще должно быть очень дешево, на долю каждаго изъ насъ падала довольно значительная, лично для меня, сумма. Признаюсь, это для меня явилось настолько непредвидѣннымъ, что мнѣ захотѣлось узнать, какая часть падетъ на каждаго участника. Спрашиваю одного, другаго, и одинъ отвѣтъ: „Э, полноте! Много ли? Ну, рубля два-три сойдетъ съ носа и баста, а вы посмотрите-ка, какого „аурана" *) убилъ прокуроръ! Просто на диво!" Дѣйствительно, разспрашивать было не время; всѣ „нумера" теперь уже сошлись, образуя собою центръ, вокругъ котораго толпились спѣшившіеся загонщики, въ ожиданіи распоряженій относительно новаго загона и обѣщанной чарки водки, за которой уже были посланы на таборъ нѣсколько верховыхъ. Отдавая новыя распоряженія, Константинъ Карловичъ выказалъ необыкновенно точное знаніе мѣстности, въ которой мы предполагали продолжать охоту, не довольствуясь убитыми въ первый загонъ девятью козами. Онъ до мельчайшихъ подробностей объяснялъ: какъ слѣдуетъ загонщикамъ идти, гдѣ подняться на гору, гдѣ ее обойти, словомъ, всѣ эти безчисленныя горы, бугры и долины, среди которыхъ мы находились, онъ зналъ какъ свои пять пальцевъ. Въ сторонѣ, неподалеку отъ него, всѣ участники столпились около добычи, принесенной къ намъ казаками; когда я подошелъ къ нимъ, то оказалось, что разговоръ шелъ о томъ, что не дурно бы было подкрѣпиться и закусить козьей сырой печенкой съ солью. Одинъ изъ казаковъ, вытащивъ изъ-за пояса небольшой ножикъ монгольскаго издѣлія, съ которымъ ни одинъ забайкалецъ никогда не разстается, особенно въ дорогѣ, съ непостижимой быстротой началъ снимать шкуру съ одной козы. Не успѣлъ я присмотрѣться, какъ это онъ дѣлаетъ, какъ коза была уже очищена, а черезъ моментъ этотъ-же операторъ вынулъ изъ нея теплую, почти дымящуюся, печень и, расиластавъ ее на тонкіе ломти, подалъ намъ. У одного изъ насъ оказалась фляжка съ водкой, соль и черный хлѣбъ. Сдѣлавъ себѣ нѣчто въ родѣ бутерброда изъ печени, посоливъ ее круто солью, я нашелъ эту закуску очень вкусной, но ея необыкновенной нѣжности: теплая, она почти такъ же можетъ намазываться на хлѣбъ, какъ страсбургскіе пироги, да и вкусомъ, отчасти, напоминаетъ ихъ.

— Господа, раздался голосъ Константина Карловича, что же вы дѣлаете? Уговоръ былъ закусывать послѣ втораго загона, а вы уже начали! Теперь предстоитъ лучшій загонъ, мы тамъ не бывали мѣсяца три, козы должно быть тамъ пропасть! Нужно торопиться, ѣдемте!

— Сейчасъ, голубчикъ, проговорилъ одинъ, вотъ только еще вторую печеночку, пока теплая, порѣшимъ—и на мѣста. Ну-ка, Кайдановъ, поживѣй еще штучку, обратился онъ, не слушая Константина Карловича, къ казаку.

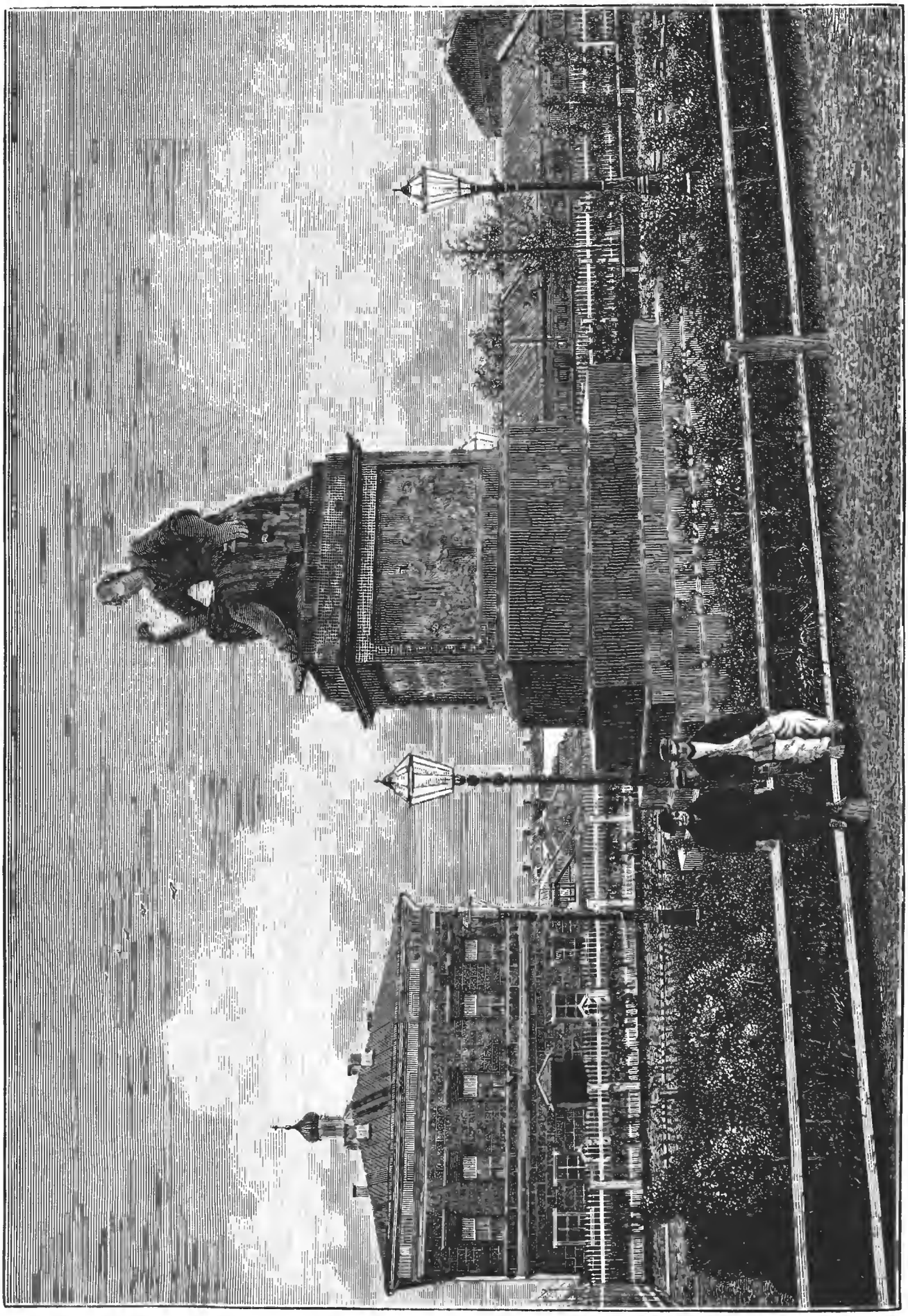
Какъ ни кипятился ярый охотникъ, но все же пришлось ему уступить и обождать, пока еще печенку не съѣли.

Наконецъ покончили съ закуской „на-черно", какъ здѣсь выражаются, добычу отправили съ людьми къ табору, а сами скорымъ шагомъ отправились на новое мѣсто, которое находилось не ближе полуторы-двухъ верстъ. Глубокій снѣгъ страшно затруднялъ намъ путь, а прибавить еще страшные подъемы и спуски, то и выйдетъ, что нашъ походъ былъ не изъ легкихъ; все-таки, хотя и кое-какъ, а на мѣсто мы попали во-время и, послѣ обычной процедуры съ жеребьемъ, заняли свои мѣста по указанію того же неутомимаго Константина Карловича. Спустя пять минутъ послѣ нашего прихода, лѣсъ опять замеръ, опять въ этой лѣсной глуши ни одного звука, и опять началось томительное ожиданіе появленія козъ. Вслѣдствіе непріятнаго ощущенія, вызваннаго во мнѣ неудачнымъ моимъ выстрѣломъ по козѣ, я рѣшился на этотъ разъ не стрѣлять по козамъ, а просто оставаться зрителемъ; второй загонъ оказался не такъ удачнымъ, какъ первый; было убито всего три козы, но за то онъ закончился забавнымъ эпизодомъ. Когда уже козы пробѣжали, выстрѣлы прекратились и можно было видѣть загонщиковъ; вдругъ у крайняго нумера откуда-то взялся заяцъ, который, вмѣсто того, чтобы прорваться сквозь нашу цѣпь, вздумалъ бѣжать по фронту. Такъ какъ теперь выстрѣлы не могли уже повредить охотѣ, то крайній нумеръ и выстрѣлилъ по немъ, по мимо; заяцъ прибавилъ бѣгу; еще выстрѣлъ со втораго нумера и съ тѣмъ же успѣхомъ; потомъ третій, четвертый и остальные, по мѣрѣ приближенія къ намъ зайца, дали по выстрѣлу, но онъ цѣлъ и невредимъ выдержалъ наши пятнадцать выстрѣловъ, и ушелъ. За такой подвигъ и за упрямство, съ какимъ онъ бѣжалъ именно вдоль фронта, подвергая себя неизбѣжной опасности, онъ былъ награжденъ дружными аплодисментами присутствующихъ, которые, однако, довольно сконфуженно, поглядывали другъ на друга, пока, наконецъ, всѣ не расхохотались тому, что какой-нибудь несчастный заяцъ, внезапно появившись, до того всѣхъ смутилъ, что и хорошіе охотники, и тѣ растерялись и дали ему уйти. Такъ какъ мы находились отъ табора далеко, то и рѣшили сдѣлать еще одинъ загонъ, поблизости, и уже послѣ отправиться обѣдать. Не стану разсказывать про третій загонъ; онъ ничѣмъ не отличался отъ первыхъ; было убито еще нѣсколько козъ и мы, немного иззябшіе, усталые отъ ходьбы по глубокому снѣгу и голодные, какъ волки набросились на разные съѣдобные припасы. Кто заваривалъ чай, кто хлопоталъ о кипяткѣ, чтобы скорѣе сварить пельменей, а болѣе нетерпѣливые довольствовались холодными закусками, не забывая, конечно, и своихъ фляжекъ; большинство же занялось вареньемъ шашлыка изъ козы, что дѣлалось очень скоро и было очень вкусно.

Загонщики, нѣсколько поодаль отъ насъ, въ той же лощинкѣ, развели себѣ громадный костеръ; они получили часть добычи и занялись, какъ и мы, шашлыкомъ, а тѣ, кто изъ запасливыхъ, и чаекъ кипятилъ въ привезенномъ котелкѣ. Когда „господа", т. е. мы, нѣсколько утолили первый голодъ, то было приказано людямъ подходить по одному къ бочонку, гдѣ Константинъ Карловичъ отпускалъ имъ по деревянной чашкѣ водки, вмѣстимостью не менѣе обыкновеннаго чайнаго стакана. Тутъ же

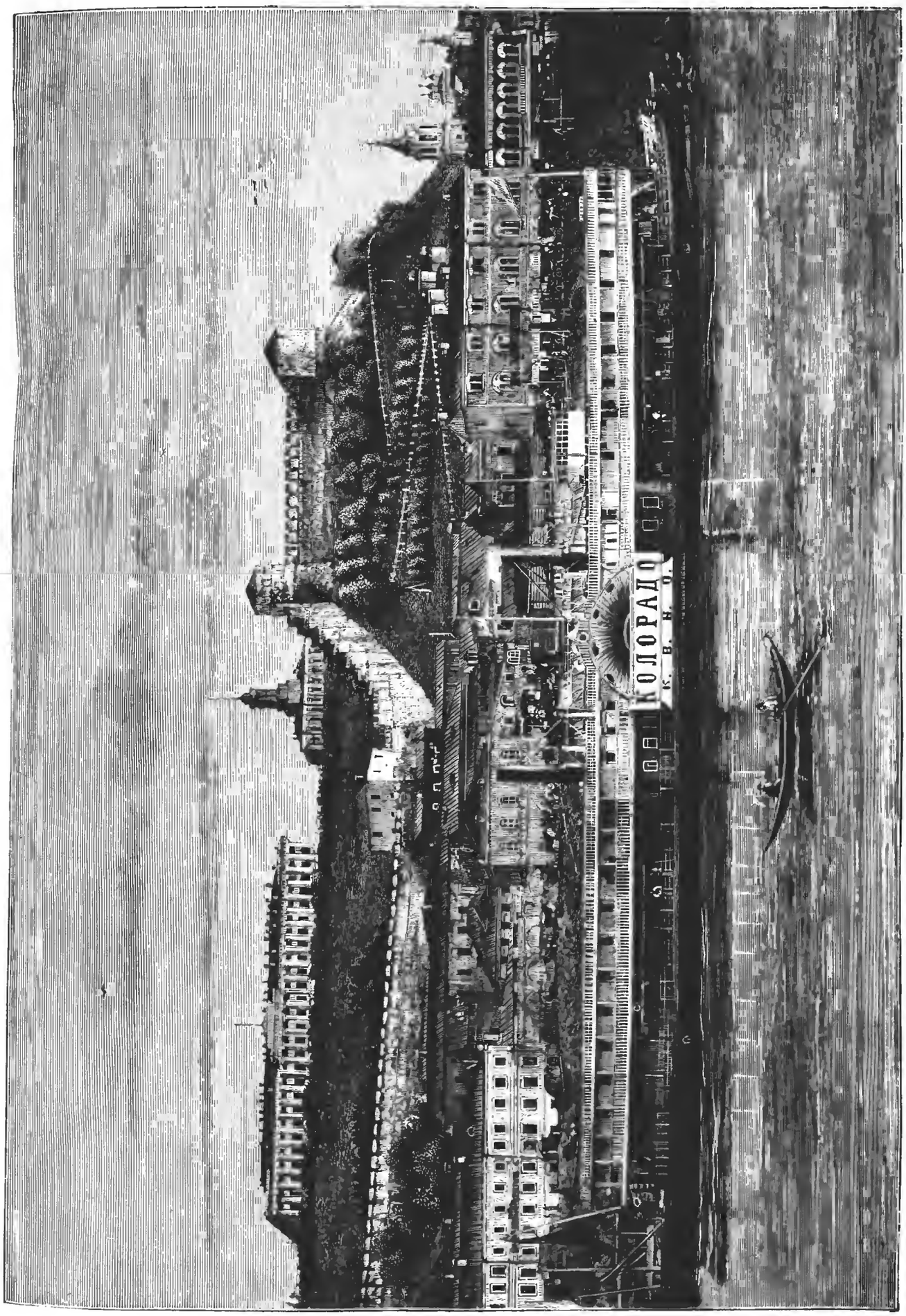
*) Такъ въ Забайкальѣ называютъ дикаго козла, т. е. самца. Онъ вооруженъ, въ отличіе отъ самки, парой крѣпкихъ, прямыхъ роговъ.

Библиотека "Руниверс"



Казань. Памятникъ Г. Р. Державину. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Нижній-Новгородъ. Видъ Кремля съ Волги. Съ фотогр. Карелина, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

стояла и закуска для нихъ, въ видѣ мелко нарѣзанной вареной говядины съ солеными огурцами. Хотя, повидимому, и не много пришлось на каждаго водки, тѣмъ не менѣе народъ повеселѣлъ и скоро раздалась пѣсня. Видъ былъ чудеснѣйшій: масса людей и лошадей въ какомъ-то живописномъ безпорядкѣ, нѣсколько костровъ, большія, блестящія вокругъ горы, съ громаднымъ, рѣдкимъ лѣсомъ, все это освѣщенное яркимъ зимнимъ солнцемъ; какъ я уже говорилъ, вѣтру ни малѣйшаго. И хорошо намъ было, согрѣвшись, закусивши, растянуться на войлокахъ, курить и слушать лихія казацкія пѣсни...

— Не хочетъ ли кто щецъ похлебать, прерываетъ наше лѣнивое, полусонное состояніе голосъ Андрея Гавриловича, все еще что-то хлопотавшаго у костра,—я, признаться, захватилъ съ собою тарелочекъ шесть капустныхъ щей *): по нѣскольку ложекъ на брата хватитъ; желающіе, подходите!

Не смотря на то, что мы уже плотно закусили, пріятный запахъ щей такъ убѣдительно щекоталъ наши носы, что трудно было противиться искушенію хлебнуть ложки три-четыре, и мы постепенно, одинъ за другимъ, подходили къ котелку Андрея Гавриловича; это былъ послѣдній предлогъ оставаться намъ здѣсь: неутомимый Константинъ Карловичъ давно уже убѣждалъ насъ начать охоту, а теперь онъ просто освирѣпѣлъ:

— Господа! Вѣдь это безбожно! Надо собираться, сдѣлать по крайней мѣрѣ три загона, а вы вздумали щи варить! И кто это затѣялъ? Андрей Гавриловичъ, вчера еще увѣрявшій меня, что для него нѣтъ выше удовольствія, какъ охота! Ужь лучше бы и не ѣздить!

Хотя и не хотѣлось нѣкоторымъ изъ насъ, сильно не хотѣлось, подыматься, послѣ хорошаго моціона и сытной закуски, съ мягкихъ, толстыхъ войлоковъ; хотя не хотѣлось оторвать глаза отъ оригинальной красивой картины, какую представлялъ изъ себя нашъ таборъ въ узкой лощинкѣ между массой горъ и горокъ,—дѣлать было нечего, нужно было снова закинуть ружье за плечи и тащиться на новый загонъ. Для меня лично собственно продолженіе охоты не представляло особаго интереса, такъ какъ я твердо рѣшился не стрѣлять по козамъ, по крайней мѣрѣ, сегодня. Но нужно было показывать видъ, что я жажду еще охотиться, ибо, приглашая меня на эту охоту, Константинъ Карловичъ выразился такъ: „Если вы *дѣйствительно любите охоту, выносливы въ ней и не скоро устаете*, то, пожалуй, я возьму васъ съ собою, въ скорости же, на охоту на изюбря", значитъ, отъ моего сегодняшняго поведенія зависѣло попасть или нѣтъ на изюбриную охоту, сдѣлавшуюся и въ Забайкальѣ почти рѣдкостью.

И такъ, подбодрившись, двинулись мы опять „по горамъ и доламъ". Загоны были, относительно количества добытыхъ козъ, очень различны; въ одномъ, напримѣръ, убили всего одну, въ другомъ же девять, и т. д. Я, вѣрный своему рѣшенію не стрѣлять по козамъ, уже не волновался такъ и потому, относительно спокойно, могъ наблюдать за ходомъ охоты. Красота побѣжки у козы невообразима. Не видавъ ея, трудно себѣ представить до какой степени красиво, легко и граціозно это животное. Прыжки, которые она дѣлаетъ, завидѣвъ внезапно человѣка, или услыхавъ выстрѣлъ — по величинѣ и по кажущейся легкости, съ которою они дѣлаются—невѣроятны...

Наконецъ, часамъ къ пяти вечера порѣшили кончить. Условный звукъ охотничей трубы созвалъ всѣхъ участниковъ и загонщиковъ, и распредѣливъ добычу между казаками, для доставки ея въ Читу, Константинъ Карловичъ подалъ знакъ къ отъѣзду. Въ лѣсу уже было темновато, когда нашъ кортежъ двинулся въ путь; впереди ѣхало верхами человѣкъ двадцать казаковъ-пѣсенниковъ, за ними мы, „господа", а дальше обозъ и остальные загонщики; всѣмъ имъ передъ отъѣздомъ было подано еще по одной чаркѣ водки, что, конечно, не повліяло дурнымъ образомъ на ихъ расположеніе духа, и пѣсня смѣнялась пѣсней, почти вплоть до самой Читы. Удачная охота и превосходный день, проведенный нами на свѣжемъ, морозномъ воздухѣ, сдѣлали то, что и мы, измѣрившіе по глубокому снѣгу свыше десятка верстъ, чувствовали себя очень бодро, готовыми чуть ли не на новую охоту! Разговорамъ чисто охотничьяго содержанія и конца не было: одинъ объяснялъ, почему именно онъ промахнулся „по шельмѣ", какъ „она" вдругъ отъ него „*шукой*, подъ угоръ" и проч. Другой увѣрялъ, что напрасно не поискали на предпослѣднемъ загонѣ еще козу; онъ „ясно видѣлъ", какъ она „шарахнулась" послѣ выстрѣла и навѣрное лежитъ гдѣ-нибудь „въ чащѣ". Словомъ, всѣмъ было хорошо.

Дорогой меня все таки безпокоилъ вопросъ: „А сколько же нужно будетъ платить за все это?" Повторяю, что средствами я могъ располагать тогда очень скромными, почему и была понятна моя тревога. Улучивъ удобную минуту, я подъѣхалъ къ Андрею Гавриловичу.

— Послушайте, Андрей Гавриловичъ, вѣдь придется платить-то порядочно загонщикамъ?

— Загонщикамъ, переспросилъ онъ меня.—Начто? Имъ была водка, дали имъ козъ, чего-жь еще?

— Неужели же они только изъ-за водки будутъ цѣлый день маять себя и лошадей? Все же, по сколько нибудь деньгами они должны получить.

— Вѣдь они же казаки, артиллеристы; приказалъ имъ батарейный, а онъ же съ нами, ѣхать, ну они и поѣхали; водка-то и закуска, это ужь такъ, мы побаловали ихъ, а то и вовсе ничего не получили бы.

— Все же неловко, люди на службу пришли, а ихъ по охотамъ таскаютъ.

— Э, батюшка, я уже вотъ десятый годъ охочусь съ ними, ничего неловкаго нѣтъ. Словомъ, у насъ такое положеніе; вы не безпокойтесь: дороже зелененькой (3 руб.) съ брата не сойдетъ, ни въ первой. Завтра Константинъ Карловичъ скажетъ въ клубѣ, сколько съ кого на водку, за лошадей казачьихъ, хоть бы съ насъ съ вами, и дѣло въ шляпѣ.

Успокоившись на этотъ счетъ и подивившись простотѣ сибирскихъ нравовъ, не находящихъ ничего особеннаго въ томъ, что эти полтораста человѣкъ, съ лошадьми, употребляются, вмѣсто службы, на утѣху „господъ", я оставилъ Андрея Гавриловича, и съ трудомъ, въ наступившей уже этимъ временемъ темнотѣ, розыскавъ Константина Карловича, спросилъ его, какъ онъ меня находитъ, какъ новичка-охотника.

— Вы ничего, молодецъ, съ вами ѣздить можно, отвѣчалъ онъ.—Немного горячи, да ничего—это пройдетъ.

— Значитъ, вы не прочь взять меня на изюбря? съ замираніемъ сердца спросилъ я его.

— Отчего же, поѣдемте, только смотрите, надо проѣхать верстъ двѣсти, изъ нихъ сорокъ верхомъ, да и спать не придется ночь. Выдержите-ли?

— Объ этомъ и говорить нечего, а вотъ что скажите: если поѣдемъ, то когда?

— Непремѣнно завтра утромъ и довольно рано, чтобы быть къ вечеру въ Николаевскомъ, оттуда верхомъ въ хребты; тамъ утромъ на зарѣ охота, и чтобы къ вечеру опять попасть въ Читу, а иначе мнѣ и нельзя. Если хотите ѣхать, то я опять завтра разбужу васъ?

Говорить нечего, какъ я былъ доволенъ. Несмотря на довольно слабые нервы, у меня все-таки была какая-то „охотничья жилка", которая толкала меня къ этому, въ сущности, довольно жестокому развлеченію, а изюбрь нынѣ и за Байкаломъ рѣдкая добыча, какъ я уже выше сказалъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы добрались до Читы, и потому, я и не поѣхалъ домой, а остался у Константина Карловича, съ тѣмъ, чтобы раненько по утру отправиться въ путь. Не было семи часовъ, какъ мы: я, Константинъ Карловичъ и еще одинъ изъ участвовавшихъ въ первой охотѣ артиллерійскихъ офицеровъ, мчались на превосходной тройкѣ, мѣстныхъ, не крупныхъ, но очень бойкихъ и выносливыхъ лошадей. Подъ вечеръ мы были уже въ Николаевскомъ, большомъ селеніи на берегу рѣки Ингоды, той самой, на которой стоитъ и Чита, заселенномъ сплошь хохлами, высланными сюда еще при Екатеринѣ; хотя языкъ свой они и утратили, сохранивъ лишь акцентъ, но кое-что изъ обычаевъ сохранили, какъ, напримѣръ, работу на волахъ и страсть къ свиному салу, которое употребляется ими въ пищу въ большомъ количествѣ и нерѣдко попадается весьма высокаго качества. Отсюда мы поѣхали еще верстъ двадцать на телѣгѣ, а тамъ пришлось верхами ѣхать въ хребты дремучимъ лѣсомъ, поднимаясь, какъ здѣсь называютъ, „увалами", перевалива довольно высокія горы, непрерывно, другъ за другомъ, появлявшіяся и передъ нами и вокругъ насъ. Этотъ хребетъ составляетъ водораздѣлъ, изъ котораго съ одной стороны, съ западной, всѣ рѣки, рѣчки и ручьи, въ концѣ концовъ, впадаютъ въ громадную рѣку Селенгу, впадающую свои воды въ Байкалъ, изъ котораго Ангара несетъ ихъ въ Сѣверный Ледовитый Океанъ, а съ другой, восточной, всѣ воды соединяются съ Ингодой и Аргунью, образующими впослѣдствіи, еще большую рѣку Амуръ, впадающій въ Великій или Тихій Океанъ; можно же себѣ представить, какъ обширенъ и могучъ этотъ горный узелъ! Мы проѣхали, по крайней мѣрѣ тридцать верстъ, и горы смѣнялись горами, сплошь покрыми дремучимъ лѣсомъ, едва доступнымъ для проѣзда. Мы пользовались каждой лощинкой, каждымъ ущеліемъ, чтобы кое-какъ добраться до намѣченнаго мѣста. Проводники, они же и будущіе загонщики для облавы на изюбря, были старые „промышленники", какъ здѣсь называютъ охотниковъ, и должны бы, кажется, знать мѣстность превосходно, но мы заѣхали въ такія дебри, что и имъ приходилось останавливать весь караванъ и высылать, по временамъ, двухъ-трехъ верховыхъ на ближайшія сопки, чтобы какъ-нибудь оріентироваться въ этой неисчислимой массѣ горъ, поразительно похожихъ одна на другую и отдѣляющихся другъ отъ друга такими же, похожими другъ на друга долинками или, по здѣшнему, „падями".

Было совсѣмъ уже темно, и мы часъ, по крайней мѣрѣ, пробирались въ потемкахъ, натыкаясь поминутно на деревья, ушибая себѣ то колѣно, то лобъ о низкіе сучья, какъ главный проводникъ, полу-бурятъ, полу-русскій, объявилъ намъ, что здѣсь мы должны оставить лошадей и пойти пѣшкомъ на довольно высокій перевалъ, не менѣе какъ въ четырехъ верстахъ разстоянія; въ проводники онъ далъ одного крестьянина, а самъ съ остальными тремя пошелъ въ обходъ этого перевала, для

*) Зимой сибиряки любятъ возить съ собой въ дорогу, кромѣ пельменей, и замороженныя щи. Для этого сваренныя, горячія щи разливаютъ по тарелкамъ и замораживаютъ; вынимаютъ послѣ этотъ ледъ и разогрѣваютъ въ мискахъ. Стоитъ только ихъ разогрѣть и вы получите превосходное кушанье.

Библиотека "Руниверс"

выгона на насъ уже ранѣе имъ примѣченнаго „звѣря“, т. е. изюбря.

Кстати здѣсь упомянуть, что охота на изюбря самая выгодная, такъ какъ въ весеннее время, за его рога (по мѣстному „панты“) промышленникъ получаетъ до 150 р.. и потому отъ чрезвѣрнаго преслѣдованія изюбря, стало ихъ ужь очень немного, и онъ, этотъ въ сущности довѣрчивый звѣрь, сдѣлался очень сторожкимъ. Добытые за весну рога сбываются въ Кяхту, китайцамъ, которые съ охотой пріобрѣтаютъ ихъ.

Подробно разсказавъ, куда намъ идти и какъ, нашъ проводникъ, давъ намъ отдохнуть не болѣе получаса, поторопилъ насъ отправиться на мѣсто. Трудно передать, какими затрудненіями былъ сопряженъ нашъ путь: ночь. ничего не видно, глубокій снѣгъ, чуть не на каждомъ шагу громадныя, поваленныя бурей или отъ старости деревья, которыя съ трудомъ могли мы въ темнотѣ перелѣзать,—все это, и дорога, которая продолжалась часа четыре и шла въ гору, до такой степени утомляла насъ, что мы нѣсколько разъ въ изнеможеніи опускались на снѣгъ, не будучи въ состояніи преодолѣть сразу такія трудности. Мы всѣ, не исключая неутомимаго Константина Карловича, готовы были уже уснуть на послѣднемъ привалѣ, какъ проводникъ, хохолъ изъ Николаевскаго, объявилъ, что „кто хочетъ покурить—пусть куритъ, ибо мы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста, а тамъ курить нельзя!“ Звѣрь очень чутокъ на табакъ и не пойдетъ „ни почему!“ Взобравшись чрезъ нѣсколько минутъ на огромную сопку, мы достигли, наконецъ, желанной цѣли: здѣсь мы должны залечь въ лѣсу и, не подавая признаковъ жизни, ожидать появленія изюбря, который долженъ былъ появиться, напуганный нашими загонщиками, съ противуположной стороны. Тутъ мы расположились уже не по жребію, а по указанію мужичка-промышленника; когда Константинъ Карловичъ сказалъ ему, что я въ первый разъ охочусь на „звѣря“, то онъ порѣшилъ оставить меня на самой вершинѣ, обѣщавъ залечь со мною вмѣстѣ, а тѣхъ повелъ гораздо ниже, по ущелью. Я остался одинъ, въ страшной темнотѣ, и по вѣтру, и по холоду догадывался, что нахожусь, должно быть, на страшной высотѣ; какъ ни тепло я былъ одѣтъ, меня однако пронизывало до костей и я сталъ вглядываться въ окружающіе меня предметы, съ цѣлью найти хоть кустъ какой-нибудь, гдѣ бы можно было укрыться отъ вѣтра. Сойти съ мѣста, поискать, мнѣ было нельзя, такъ какъ проводникъ, который долженъ былъ вскорѣ соединиться со мной, легко могъ меня не найти, а съ мѣста ничего не было видно; и я, покорясь необходимости, остался на мѣстѣ, ограничившись вырытіемъ въ снѣгу подобія траншеи, въ которую и залегъ. По меньшей мѣрѣ прошелъ часъ, пока я замѣтилъ какую-то черную массу, невдалекѣ отъ себя, которая оказалась проводникомъ, чрезвычайно медленно и осторожно подкрадывавшимся ко мнѣ. Шопотомъ разсказавъ, что онъ недалеко, версты за двѣ, расположилъ моихъ сотоварищей, и что они лежатъ на совсѣмъ другомъ пути, по которому тоже можетъ пойти изюбрь. онъ выразилъ надежду, что изюбря убьемъ мы, а не они: „ему тутъ способнѣе, потому, мѣсто здѣсь голое, а тамъ чаща и пониже, а онъ любитъ бѣжать въ гору! Только надо потише“.

Очень долго тянулось время, пока стало возможнымъ что-нибудь разсмотрѣть вокругъ себя; какъ-то неясно, словно изъ воды, выплывали, то дерево какое-нибудь, то утесъ, то вдругъ цѣлая вершина сосѣдней сопки, мохнатая, черная...

Я начиналъ уже терять терпѣніе, лежа въ снѣгу на этомъ холодѣ, не имѣя возможности хоть движеньемъ сколько-нибудь согрѣть себя, какъ мой сосѣдъ толкнулъ меня подъ бокъ, слабымъ, какъ дыханіе, голосомъ прошепталъ мнѣ: „бери, баринъ, вѣрнѣй, звѣрь на насъ пошелъ, сейчасъ будетъ; ишь, какъ онъ забираетъ!“

Было настолько свѣтло, что по такому крупному звѣрю, какъ изюбрь, пробѣжи онъ даже въ двадцати шагахъ, легко было бы можно стрѣлять; я уже не такъ волновался, какъ на вчерашней охотѣ, не было той дрожи въ рукахъ, и приготовился встрѣтить какъ слѣдуетъ дорогую добычу. Послѣ, можетъ быть, пятиминутнаго ожиданія, новый толчокъ отъ моего сосѣда и безмолвный кивокъ въ сторону; я повернулъ туда голову и увидѣлъ, какъ какое-то животное, величиною съ среднюю лошадь, бураго цвѣта, не особенно торопливою рысью, поднимало-ь какъ разъ къ намъ, на перевалъ. Стрѣлять было еще далеко и я могъ, не высовываясь изъ своей траншеи, отлично его разглядѣть. Очевидно, что онъ миновалъ нашихъ пріятелей, не будучи ими замѣченъ, и отнюдь не казался испуганнымъ; напротивъ, онъ иногда даже съ рыси переходилъ на шагъ, схватывая на ходу какую-нибудь вѣточку. Вдругъ новый толчокъ и опять безмолвный кивокъ сосѣда; всматриваюсь и вижу еще двухъ, такъ же не торопливо бѣгущихъ изюбрей, и все прямо на насъ. Въ этотъ моментъ раздался вдали выстрѣлъ и изюбри мгновенно понеслись мимо насъ и, конечно, исчезли бы изъ вида, еслибы сосѣдъ мой не догадался пронзительно свистнуть; это ихъ озадачило, они остановились, и мы почти одновременно спустили курки. Мой, передній, свалился на мѣстѣ, пораженный, какъ послѣ осмотра оказалось, по лопаткамъ, сквозь легкія, на вылетъ, а другой, сдѣлавши дьявольскій прыжокъ, понесся обратно подъ гору, безпрестанно припадая то на одну, то на другую ногу. Сосѣдъ, разумѣется, бросился за нимъ и зарядивъ на ходу свою дрянную, чуть не самодѣльную винтовку. другимъ выстрѣломъ положилъ его на мѣстѣ.

Радость моя была безмѣрна: вѣдь сразу я оказался „настоящимъ“ охотникомъ; убить изюбря великая честь, а мнѣ это далось легко!..

Усталость, скука,—все исчезло въ мигъ! Страшно длинно показались мнѣ полчаса, пока подошли остальные участники, т. е. Константинъ Карловичъ и артиллеристъ; мнѣ такъ хотѣлось разсказать имъ, какъ „онъ“ бѣжалъ, гдѣ я дожидалъ „его“, какъ я выцѣлилъ „его“, словомъ, какъ „его“ убилъ. Не безъ удовольствія, долженъ признаться, подмѣтилъ я на ихъ лицахъ нѣкоторое разочарованіе исходомъ охоты: штука-то въ томъ, что они хотя и видѣли изюбря, но погорячились и на слишкомъ далекомъ разстояніи выстрѣлили; для стараго охотника это непростительно, и потому-то моя удача, новичка. ихъ немного сердила; впрочемъ, все это скоро прошло и мы принялись „разнимать звѣрей“, отбиран лучшіе куски, такъ какъ стащить ихъ намъ было не подъ силу, а посылать за ними лошадей некогда для Константина Карловича, которому необходимо нужно было попасть къ вечеру въ Читу. По приблизительному разсчету. мой звѣрь вѣсилъ пудовъ пятнадцать, а другой—пудовъ двѣнадцать. Нагрузившись всѣ, считая и подошедшихъ загонщиковъ, мясомъ, мы уже безъ особыхъ приключеній дошли до лошадей. добывавшихъ себѣ копытами изъ-подъ снѣга кормъ, состоявшій изъ прошлогодней высокой травы; а ровно въ восемь часовъ вечера мы были уже обратно въ Читѣ. Съ этого дня слава моя, какъ охотника, была упрочена и неудачный выстрѣлъ по козѣ былъ забытъ...

Къ рисункамъ.

Перевязочный пунктъ подъ Плевной.

(Рис. на стр. 368 и 369).

В. В. Верещагинъ, копіи съ картинъ котораго „Нива“ не разъ помѣщала, безспорно талантъ огромный и оригинальный. Посвятивъ себя этнографической и батальной живописи, онъ выработалъ совершенно своеобразную манеру письма и трактовки сюжета. Глубочайшій реалистъ, тонкій наблюдатель, онъ не останавливается предъ сложными, безконечно трудными въ техническомъ отношеніи композиціями, и съ фотографической точностью наноситъ на холстъ натуру, мало заботясь о такъ называемомъ пятнѣ, т. е. сосредоточіи свѣта, и градиціи полутоновъ. Онъ совершенно отступилъ отъ академическихъ традицій и отринулъ всякую условность. Для него нѣтъ неудобной позы, некрасиваго положенія: все, что естественно—и удобно, и красиво. Часто главная фигура картины стоитъ спиной къ зрителю, не гармонируетъ линіями съ сосѣдомъ, зацѣпляетъ и закрываетъ его,—и все таки въ концѣ концовъ авторъ выходитъ побѣдителемъ при самыхъ смѣлыхъ замыслахъ, остается на высотѣ художественнаго творчества.

Прилагаемая картина принадлежитъ къ числу именно такихъ сложныхъ композицій. Обыкновенный художникъ, воодушевившись подобнымъ сюжетомъ, занялся бы небольшой этюдной картиной: изобразилъ бы двѣ, три группы раненыхъ. В. В. Верещагинъ охватываетъ шире—насколько хватаетъ кругозоръ. Онъ изображаетъ цѣлый рядъ лазаретныхъ палатокъ, пишетъ цѣлую сотню фигуръ, удивительно подмѣченныхъ, и не менѣе удивительно переданныхъ на холстъ. Здѣсь, какъ въ натурѣ, впечатлѣніе дробится: нѣтъ группъ, сразу приковывающихъ вниманіе, нѣтъ трагическихъ положеній и плаксивыхъ позъ, все просто, буднично, не театрально,—и именно этой-то простотой и ужасно. Рядъ этихъ „бѣлыхъ рубахъ“, безконечными рядами повалившихся въ траву, эти новыя партіи плетущихся съ поля битвы раненыхъ,—все это такъ невыносимо, такъ щемитъ душу. Вы видите, какъ мѣстами сами солдаты накладываютъ другъ другу перевязки, корчась отъ боли, мучительно выжидая очереди. Выносливая русская натура помогла тому солдатику, что стоитъ направо у края картины, не позабыть долгъ службы: онъ раненъ въ подбородокъ, перевязалъ его окровавленнымъ платкомъ, но ружье при немъ; онъ вытянулся бодро и какъ-то вызывающе посматриваетъ кругомъ. Воздухъ заволоченъ клубами дыма,—сквозь его сѣрый пологъ, солнце, слабо пробиваясь, обливаетъ блѣдными, но все же жгучими южными лучами несчастныхъ...

Нельзя не обратить вниманія знатоковъ на мастерское выполненіе снимка съ картины В. В. Верещагина, помѣщенное въ сегодняшнемъ №. По указанію самого художника, гравюра выполнена спеціально для „Нивы“ В. В. Матэ, ученикомъ покойнаго Сѣрякова и теперешняго патріарха ксилографіи—Паннемакера. У послѣдняго г. Матэ учился въ 1880—83 годахъ, посланный Академіей Художествъ въ Парижъ, какъ государственный пенсіонеръ. Детальность работъ г. Матэ такова, что не уступитъ лучшимъ иностраннымъ граверамъ.

Библиотека "Руниверс"

Памятникъ Державину въ Казани.

(Рис. на стр. 376).

Современники Державина высоко чтили знаменитаго пѣвца Фелицы и потому неудивительно, что вскорѣ послѣ смерти поэта, въ 1816 году, уже начали возникать проекты объ созданіи ему достойнаго памятника. Въ то же время возникла естественная мысль воздвигнуть этотъ памятникъ въ Казани, мѣстѣ его рожденія и воспитанія, но къ выполненію этой мысли было приступлено не ранѣе 1828 года, когда попечитель казанскаго учебнаго округа, М. И. Мусинъ-Пушкинъ, поручилъ составить проектъ памятника и препроводилъ его къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, князю Ливену. Въ Академіи Художествъ этотъ проектъ не одобрили и потому былъ составленъ другой, академикомъ Меньшиковымъ, который и удостоился высочайшаго утвержденія, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ открыть подписку на сооруженіе памятника по всей Имперіи. Эта подписка пошла такъ успѣшно, что явилась возможность создать нѣчто болѣе грандіозное и достойное поэта и потому въ 1832 году былъ объявленъ конкурсъ на составленіе лучшаго проекта памятника, а въ 1835 году императоръ Николай утвердилъ проектъ проф. Тона, съ присоединеніемъ къ нему статуи и барельефовъ, проектированныхъ академикомъ Гальбергомъ. Сначала предполагалось поставить памятникъ на городской площади, но государь, въ бытность свою въ Казани, самъ указалъ ему мѣсто на внутреннемъ университетскомъ дворѣ, гдѣ памятникъ и былъ торжественно открытъ 23-го августа 1847 года. Здѣсь, въ уединеніи университетскаго двора, памятникъ составлялъ какъ бы достояніе университета, а не города, и вообще не имѣлъ достаточно грандіозности, а потому въ началѣ 1867 года, казанское губернское земское собраніе постановило ходатайствовать о разрѣшеніи перенести памятникъ на театральную площадь, противъ дома дворянскаго собранія. Это ходатайство было уважено и въ 1870 году памятникъ былъ перемѣщенъ на новое мѣсто, а въ 1871 г. вокругъ него былъ устроенъ садъ, обнесенный рѣшеткой и извѣстный нынѣ подъ названіемъ Державинскаго сквера. На памятникѣ поэтъ изображенъ сидящимъ на камнѣ и одѣтымъ въ римскую тогу; углубленный въ размышленіе, онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ вдохновеніе; голова его поднялась, онъ спѣшитъ уловить мысль; правая рука держитъ перо, лѣвая берется за лиру. На лицевой сторонѣ гранитнаго пьедестала видна простая надпись: „Г. Р. Державину, 1846“. Кромѣ того пьедесталъ украшенъ барельефами; съ лѣвой стороны изображена Минерва, карающая мятежъ, и Державинъ слѣдуетъ за нею (намекъ на участіе поэта въ усмиреніи пугачевскаго бунта). Тутъ же возлѣ Аполлона видна Ѳемида, приглашающая поэта къ своему служенію. На правой сторонѣ барельефъ изображаетъ Державина въ сопровожденіи грацій, возлагающимъ лиру на священный алтарь отечества и поющимъ свои гимны; ему внимаетъ Фелица, готовая увѣнчать его. На задней сторонѣ памятника представлены Ночь и День, какъ эмблемы непрерывныхъ трудовъ поэта на различныхъ поприщахъ.

А. Е. Викторовъ. † 22 Іюня 1883 г. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

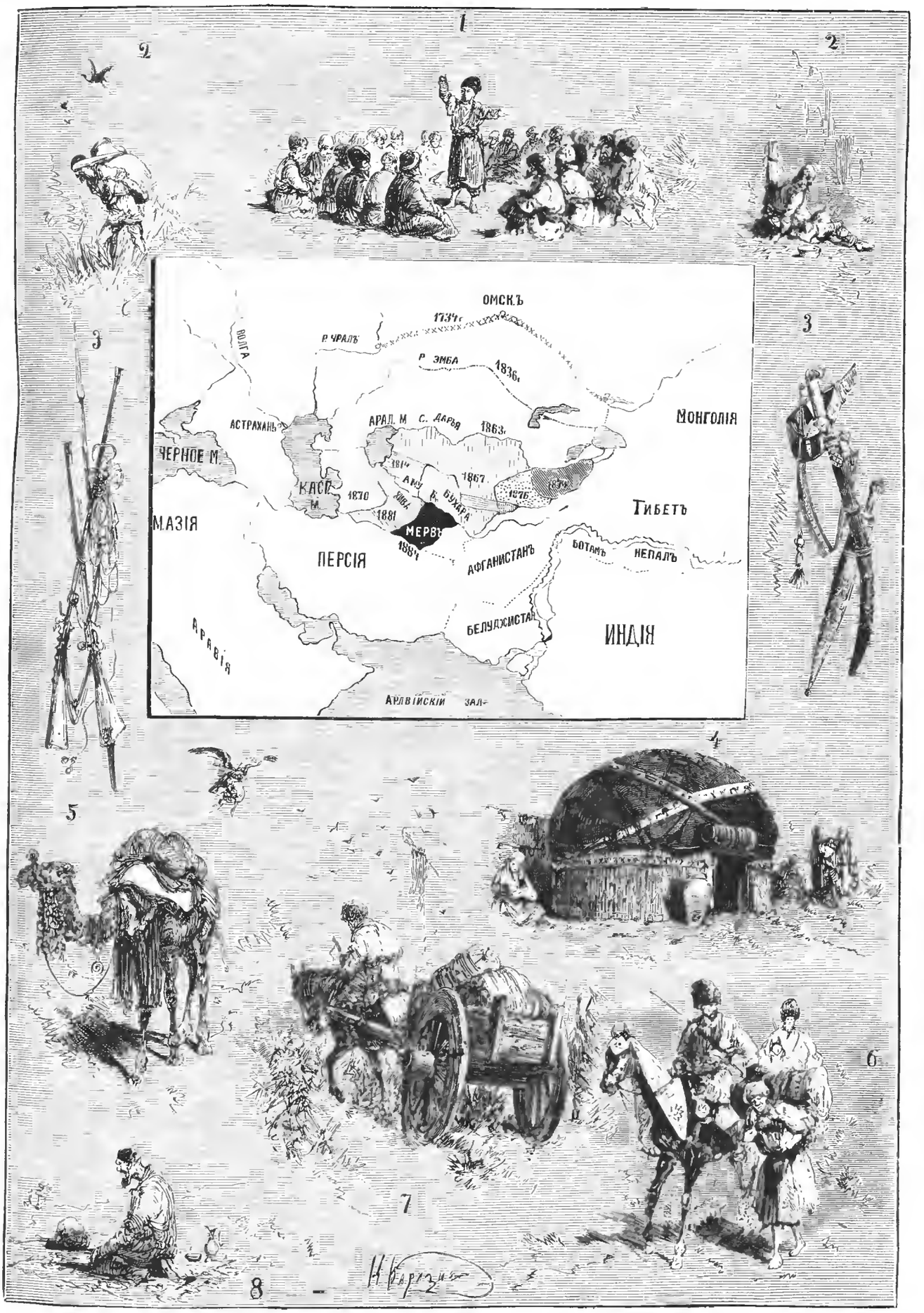
Кремль въ Нижнемъ-Новгородѣ.

(Рис. на стр. 377).

Нижній-Новгородъ, по справедливости, можетъ гордиться своимъ Кремлемъ, какъ однимъ изъ древнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ сооруженій. Первоначальныя его укрѣпленія, построенныя въ 1221 году великимъ княземъ Юріемъ, были деревянныя съ башнями и занимали собою лишь нагорную часть нынѣшняго Кремля. Въ 1377 они были разрушены почти до основанія татарами, но по возобновленіи существовали подъ названіемъ „Стараго города“, вплоть до начала XVI столѣтія. Окончательно ихъ уничтожилъ страшный пожаръ, вспыхнувшій въ нижней части города 1-го августа 1513 года. Тогда великій князь Димитрій Константиновичъ, чтобы обезопасить себя отъ нашествій татаръ, мордвы и новгородцевъ, а также опасаясь Москвы, задумалъ обнести свою столицу стѣнами, но недостатокъ въ деньгахъ и политическія событія не позволили ему довести до конца свое предпріятіе. Онъ успѣлъ лишь выстроить одну башню, извѣстную понынѣ подъ названіемъ Дмитріевой или Дмитровскихъ воротъ, да провести небольшую часть стѣны. Все это составило отдѣльную отъ старыхъ укрѣпленій цитадель, упоминаемую въ лѣтописяхъ подъ именемъ „меньшаго города“. Продолжать трудъ Димитрія Константиновича досталось уже на долю московскаго князя Іоанна III, знаменитаго собирателя земли русской. Рѣшившись поколебать могущество Казани, онъ нашелъ необходимымъ укрѣпить Нижній-Новгородъ—главный оплотъ Руси съ востока. Но эта великая мысль осуществилась вполнѣ лишь при его пріемникѣ Василіѣ, поручившемъ постройку укрѣпленій извѣстному итальянскому зодчему Петру Франческо, или, какъ его называли русскіе, Петру Фрязину. Приступивъ къ сооруженію Кремля, Фрязинъ сначала обложилъ старые рвы камнемъ, а потомъ къ обѣимъ цитаделямъ сталъ пристраивать стѣны съ башнями и контрфорсами. Всѣхъ башенъ въ старинномъ нижегородскомъ Кремлѣ было одиннадцать, кромѣ старѣйшихъ башенъ, Дмитріевой и Тверской, а стѣны были выведены неправильнымъ девятиугольникомъ, достигая въ иныхъ мѣстахъ до 10 саженъ вышины, а толщины имѣя около полуторы сажени. Первоначальная окружность Кремля обнимала собою болѣе 1141 сажени. Все это

Э. Гейбель. † 25 марта. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"



Расширеніе русскихъ владѣній въ средней Азіи. Мервъ. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

1) Совѣтъ старшинъ. 2) Рабы-персіяне. 3) Оружіе текинцевъ. 4) Мервская кибитка. 5) Верблюдъ. 6) Возвращеніе съ „аллямана" (грабежа). 7) Тюркменская арба. 8) На молитвѣ.

Библиотека "Руниверс"

громадное сооруженіе Фрязинъ окончилъ менѣе чѣмъ въ три года, и оно явилось, дѣйствительно, грозною защитою города отъ нашествія враговъ. Въ 1780 году нижегородскій Кремль подвергся значительнымъ передѣлкамъ: башни Духовая и Борисоглѣбская были разрушены за ветхостью, нѣкоторыя ворота заложены, а зубцы стѣнъ сняты почти на половину. Въ 1834 году, по повелѣнію Николая Павловича, внутренность нижегородскаго Кремля подверглась значительнымъ измѣненіямъ и въ то же время онъ былъ очищенъ отъ обывательскихъ домовъ, за которые владѣльцы получили деньги по собственному ихъ назначенію.

Въ настоящее время нижегородскій Кремль дѣлится въѣздомъ на двѣ половины; направо отъ входа въ Дмитровскія ворота, находится старѣйшая святыня Нижняго, Преображенскій соборъ, колокольня, военно-губернаторскій домъ, гауптвахта, арсеналъ и садъ, въ которомъ построена часовня Св. Духа и церковь Св. Симеона Столпника. Влѣво отъ проспекта возвышается Архангельскій соборъ, церковь Успенія Божіей Матери, зданіе правительственныхъ мѣстъ, три корпуса, манежъ, домъ нижегородской городской полиціи и тотъ памятникъ Минину и Пожарскому въ видѣ обелиска, котораго изображеніе и описаніе было помѣщено нами въ одномъ изъ предъидущихъ нумеровъ нашего журнала.

А. Е. Викторовъ.

(Портр. на стр. 380).

Въ прошломъ году въ іюнѣ мѣсяцѣ скончался въ Пятигорскѣ достойный труженикъ и ученый археографъ, хранитель отдѣленія рукописей и славянскихъ книгъ старой печати въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ—Алексѣй Егоровичъ Викторовъ. Кромѣ уваженія въ ученомъ мірѣ, покойный пользовался и глубокой симпатіей всѣхъ его знавшихъ. Вскорѣ по окончаніи курса въ Московской духовной Академіи онъ поступилъ на службу въ Московскій Главный Архивъ Минист. Иностр. дѣлъ. Здѣсь онъ началъ работать съ твердымъ намѣреніемъ поставить это учрежденіе на ту высоту ученаго учрежденія, на которой стоялъ Архивъ во времена Миллера и Бантышъ-Каменскаго. Онъ занимался розысканіемъ и описаніемъ важнѣйшихъ дѣлъ и рукописей и предпринялъ капитальнѣйшія ученыя работы по изслѣдованію лѣтописей, и настаивалъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ археографомъ В. М. Ундольскимъ, чтобы работы ихъ были издаваемы отъ имени учрежденія, отстраняя всякое свое личное самолюбіе. Кромѣ этого дѣла А. Е. преподавалъ въ Маріинско-Ермоловскомъ женскомъ училищѣ, гдѣ старался поднять по возможности изученіе славянскаго языка и древне-русской литературы.

Послѣднимъ мѣстомъ служенія А. Е. былъ Московскій Публичный Музей. Сдѣлавшись хранителемъ рукописей онъ всѣ силы напрягалъ, чтобы Москва въ этомъ отношеніи не уступала по богатству отдѣленію рукописей Императ. Публ. Библіотеки. Ему это удалось въ значительной мѣрѣ. Теперь количество рукописей Музея составляетъ болѣе 5000. Археографія, изысканія и изслѣдованія памятниковъ древне-русской письменности—вотъ область, къ которой относятся его ученые труды. Когда вышло знаменитое сочиненіе Шафарика „Heimath des Glagolismus“ А. Е. вступилъ съ нимъ въ полемику и напечаталъ свой замѣчательный трудъ „Мнѣнія Шафарика о глаголицѣ“. Другое еще болѣе смѣлое и грандіозное предпріятіе его—это было описаніе Четь-Миней Макарія Митрополита. Онъ изучалъ синодальные списки, составилъ указатель подлинниковъ греческихъ житій. Кромѣ того въ теченіи десяти лѣтъ А. Е. пользовался каждою лѣтнею вакаціей, чтобы на собственныя средства, изъ скромнаго жалованья, путешествовать по монастырямъ всей Россіи, чтобы привести въ извѣстность, описать и обслѣдовать все, что уцѣлѣло для науки въ монастырскихъ библіотекахъ. Имъ напечатаны слѣдующія изслѣдованія: „Опыты книгопечатанія до 1564 г.“, „Описаніе бумагъ архива Оружейной Палаты“ и нѣкоторыя другія, дѣлающія имя покойнаго А. Е. серьезнымъ и почтеннымъ въ лѣтописяхъ русской исторической науки.

Эммануилъ Гейбель.

(Портр. на стр. 380).

25-го марта, вечеромъ, скончался въ Любекѣ одинъ изъ любимѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ Эммануилъ Гейбель. Онъ родился въ томъ-же городѣ въ 1815 году, съ 1835 года слушалъ лекціи богословія и филологіи въ боннскомъ университетѣ, но потомъ занялся исключительно филологіей и эстетикой. Пріѣхавъ въ Берлинъ въ 1836 г., онъ нашелъ дружескій пріемъ въ литературномъ кружкѣ Шамиссо, Гауди и Кюглера. По рекомендаціи Савиньи, онъ поступилъ домашнимъ учителемъ къ русскому посланнику въ Парижѣ, г. Катакази, и въ этой должности имѣлъ много досуга для самостоятельныхъ ученыхъ занятій и поэтическаго творчества. Его первыя поэтическія произведенія вышли въ свѣтъ около 1840 года, а въ 1843 г. король прусскій назначилъ ему ежегодную пенсію въ 300 талеровъ. Большую часть своей жизни онъ провелъ въ Любекѣ, но жилъ также, попеременно, въ Штутгартѣ, Ганноверѣ, Силезіи и Берлинѣ. Въ 1852 году, по приглашенію короля баварскаго, онъ занялъ каѳедру профессора эстетики въ мюнхенскомъ университетѣ. Къ главнѣйшимъ произведеніямъ Гейбеля принадлежатъ „Gedichte“ (58 изд. 1865), „Junius Lieder“ (16 изд. 1866), „Neuere Gedichte“ (6 изд. 1871), „Heroldsrufe“ (3 изд. 1871). Если у Гейбеля проявляется мѣстами нѣкоторая мягкость чувства, то, съ другой стороны, въ немъ видѣнъ сильный, всегда готовый къ борьбѣ поэтъ, какимъ онъ является, особенно, въ своихъ сонетахъ и другихъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ съ возвышеннымъ поэтическимъ порывомъ соединяетъ нѣжность и теплоту чувства. Его богатая чувствомъ натура сдѣлала его любимымъ поэтомъ, особенно между женщинами. Многія изъ мелкихъ его стихотвореній переведены на русскій языкъ и пользуются извѣстностью среди русской читающей публики. Лучшіе изъ нашихъ извѣстныхъ поэтовъ знакомили насъ въ прекрасныхъ переводахъ съ Гейбелемъ.

Присоединеніе Мерва.

(Рис. на стр. 381).

Закаспійскій край, какъ извѣстно, въ военномъ и административномъ отношеніи подчиняется главнопачальствующему на Кавказѣ. Взгляды тамошней власти и тамошняго общества на новое пріобрѣтеніе имѣютъ важность, ибо первые шаги въ развитіи вновь пріобрѣтеннаго края пройдутъ, отражая въ значительной мѣрѣ эти взгляды. Пріобрѣтеніе Мерва совершенно видоизмѣняетъ наше современное положеніе въ Средней Азіи. Довольно указать лишь на то, что наши пароходы на рѣкѣ Аму-Дарьѣ до сихъ поръ не могли пользоваться этою природною артеріею Туркестана, потому что выше Петро-Александровска, что противъ Хивы, недалеко отъ Аральскаго моря, они не имѣли точки опоры, или надежной пристани на верхнемъ протяженіи громадной средне-азіатской рѣки, текущей, по выходѣ изъ отроговъ Гималая, по пустыннымъ равнинамъ бухарскихъ, туркменскихъ и хивинскихъ степей, по которымъ лишь изрѣдка проходили караваны да рыскалъ за добычею неукротимый мервецъ. Подчиненіе Мерва даетъ возможность пароходамъ имѣть точку опоры и въ бухарскомъ городѣ Чарджуѣ, расположенномъ на персидско-бухарскомъ караванномъ пути, проходящемъ черезъ Мервъ, и на переправѣ Ходжа-Сади, гдѣ сходились владѣнія Бухары, Афганистана и Мерва на подобномъ же караванномъ афганско-самаркандскомъ пути.

Другое ближайшее крупное послѣдствіе подчиненія Мерва—это улучшеніе нашихъ сношеній со Среднею Азіею.

Жители мервскаго оазиса раздѣляются на два племени: отамыши и тохтамыши, подраздѣляющіеся на 4 рода: векили, бахши, сигмазы и беки. Въ составъ депутаціи, явившейся съ изъявленіемъ покорности, вошли ханы отъ всѣхъ четырехъ родовъ: Юсуфъ-ханъ, Майли-ханъ, Сары-Батыръ-ханъ и Мурадъ-ханъ. Затѣмъ въ административномъ порядкѣ мервскій оазисъ дѣлится на 24 канала (вода тамъ составляетъ источникъ благосостоянія), у каждаго канала 2.000 кибитокъ и каждый каналъ выслалъ въ депутаты своего представителя. Итого явилось 24 старшины. Всѣ вмѣстѣ—ханы и старшины составили дѣйствительное представительство всей мервской земли. Вмѣстѣ съ Алихановымъ они выѣхали въ Колибентъ на р. Тедженѣ, гдѣ стоялъ русскій отрядъ подъ начальствомъ полковника Муратова. Тутъ они передали прошеніе мервской земли о принятіи ее въ составъ государства россійскаго. Всеподданнѣйшая просьба эта написана на татарскомъ нарѣчіи на громадномъ пергаментномъ листѣ и подписана всѣми депутатами. Тогда начальникъ Закаспійскаго края сообщилъ, что, удостоиваясь высокой чести быть подданными Русскаго Царя, мервцы должны доказать чистоту своихъ намѣреній и выказать полное раскаяніе, для этого должны: навсегда отказаться отъ рабства; возвратить персіанамъ все отъ нихъ награбленное. Въ Мервѣ началось небывалое движеніе. Съ плѣнныхъ сбили оковы. Освобожденные афганы и персы ушли на востокъ и югъ, русскіе подданные, въ числѣ 37 человѣкъ, раздѣлились: 20 ушли прямо изъ Мерва на родину, 17 прибыли на подводахъ въ Асхабадъ. Табуны барановъ погнали обратно въ Хорассанъ. Прибытіе освобожденныхъ плѣнныхъ въ Асхабадъ—дало умилительную картину. Они не знали какъ благодарить Бога и государя за свое освобожденіе. 25 января прибыли въ Асхабадъ 4 хана изъ Мерва; отъ каждаго племени по одному, съ ними 60 почетныхъ жителей Мерва. Они то и подали всеподданнѣйшее прошеніе на имя Государя Императора о принятіи ихъ въ подданство.

Вскорѣ послѣдовало высочайшее соизволеніе и присяга была принесена. Въ Петербургъ прибылъ полковникъ Муратовъ съ подробнымъ донесеніемъ о присоединеніи и занятіи Мерва. Полковникъ Муратовъ командуетъ въ Закаспійскомъ краѣ Ташанскимъ казачьимъ полкомъ и выказалъ много распорядительности въ сношеніяхъ съ Мервомъ и дѣлѣ о подданствѣ его. Имя ближайшаго исполнителя этого дѣла—присоединенія цѣлой области къ русской территоріи,—генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Александръ Виссаріоновичъ Комаровъ; онъ воспитывался въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, произведенъ въ офицеры въ л.-гв. егерскій полкъ въ 1849 году; въ составѣ гвардіи участвовалъ въ венгерскомъ походѣ. Въ академіи генераль-

Библиотека "Руниверс"

наго штаба онъ окончилъ курсъ, и былъ назначенъ въ гвардейскій генеральный штабъ; вслѣдъ затѣмъ онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1856, 1857, 1858 и при плѣненіи Шамиля. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ былъ назначенъ дербентскимъ градоначальникомъ и начальникомъ южнаго Дагестана. Затѣмъ назначенъ послѣ генералъ-лейтенанта Рерберга, начальникомъ Закаспійской области. Семья генерала сопутствовала ему въ Асхабадъ и это едва ли не первое русское семейство, водворившееся на такой далекой и безлюдной окраинѣ.

Паукообразный ракъ.

(Рис. на стр. 384).

Въ № 11 „Нивы" помѣщено было изображеніе рыбъ, изъ числа выловленныхъ крейсеромъ „Талисманъ" глубоко въ морѣ и выставленныхъ теперь въ залахъ музея естественной исторіи въ Парижѣ. Въ этой коллекціи находится также отдѣлъ раковъ, пойманныхъ на большой глубинѣ и много рыбъ, интересныхъ въ научномъ отношеніи.

Раковидныя животныя, какъ оказывается, встрѣчаются отъ поверхности моря до самой значительной глубины. Нѣкоторые виды замѣчательны тѣмъ, что они распространены на громадномъ протяженіи; такъ раки, выловленные „Талисманомъ" на глубинѣ отъ 1300 до 2900 футовъ у береговъ Мароко и у острововъ Зеленаго мыса, очень приближаются къ ракамъ, живущимъ у береговъ Франціи. Съ другой стороны они походятъ также на раковъ, выловленныхъ у Антильскихъ острововъ, въ моряхъ Сѣверныхъ и Средиземномъ. Нѣкоторыя раковидныя животныя, повидимому, составляютъ отдѣлъ переходный; изучая ихъ, встрѣчаешь въ нихъ различные типы, строго разграничить которые очень трудно. Виды этихъ переходныхъ ракообразныхъ животныхъ замѣчательны географическимъ распредѣленіемъ. Выдающимся примѣромъ въ этомъ отношеніи могутъ служить раки-странники (lithodes); они до сихъ поръ встрѣчались только очень неглубоко въ моряхъ сѣвернаго и южнаго полюсовъ; „Талисманъ" нашелъ ихъ у тропиковъ. Но только въ этомъ мѣстѣ, животныя эти, отыскивая необходимыя для своего существованія условія, съ незначительной глубины спустились на 3000 футовъ ниже. Фактъ этотъ чрезвычайно важенъ въ отношеніи распредѣленія животныхъ въ океанахъ. Онъ показываетъ, что нѣкоторыя животныя формы распространяются отъ холодныхъ морей до тропиковъ, и что для существованія въ послѣднихъ мѣстностяхъ, животныя полюсовъ должны постепенно, по мѣрѣ приближенія къ теплымъ странамъ, погружаться въ глубь, оставаясь, такимъ образомъ, въ температурѣ необходимой для ихъ организма.

Ракообразныя животныя, живущія на значительной глубинѣ, подвергаются нѣкоторымъ измѣненіямъ организма. Измѣненія происходятъ чаще всего въ образованіи верхняго покрова и въ образованіи мускуловъ; первый бываетъ такъ прозраченъ, что сквозь него видны внутренности; что же касается мяса, то оно бываетъ мягко и лишено сочности. Наружная окраска бываетъ ярко-красная, или блѣдно-розовая, или совершенно бѣлая. Два послѣднихъ цвѣта исключительно встрѣчаются на значительной глубинѣ, и повидимому другихъ цвѣтовъ тамъ нѣтъ. Многія раковидныя животныя, принадлежащія къ различнымъ группамъ, не имѣютъ вовсе глазъ. Но что всего замѣчательнѣе —особи одного и того же вида встрѣчаются и съ глазами, и слѣпыя. Таки Ethusa granulata, живущая въ сѣверныхъ моряхъ на глубинѣ отъ 200 до 1500 метровъ,—слѣпа, въ то время какъ Ethusa alba, выловленная въ океанѣ на глубинѣ 5,000 метровъ, обладаетъ глазами.

Раковидныя животныя значительныхъ глубинъ, подобно рыбамъ тамъ живущимъ, издаютъ фосфорическій блескъ. Свѣтъ этотъ исходитъ или изъ всей поверхности, или какъ у рака свѣтящаго aristés, сосредоточивается только въ глазахъ. У нѣкоторыхъ, какъ кажется, на извѣстныхъ частяхъ тѣла существуютъ особые органы, предназначенные для выдѣленія свѣта. Что же касается органовъ осязанія, то они достигаютъ значительныхъ размѣровъ, примѣромъ чему могутъ служить упомянутые aristés, образецъ которыхъ Nematocarcinus помѣщенъ на стр. 384. Паукообразный ракъ этотъ выловленъ у острововъ Зеленаго Мыса на глубинѣ 2400 футовъ. Онъ ярко-краснаго цвѣта и обладаетъ ножками и усиками, въ нѣсколько разъ превосходящими длину всего тѣла.

Политическое обозрѣніе.

Китай и Тонкинъ.—Египетъ.—Испанія и Куба.—Турція.

Военныя дѣйствія французской экспедиціи въ Тонкинѣ, какъ кажется, близятся къ концу: Гонгъ Хоа уже взятъ безъ особеннаго сопротивленія и французы прекратили преслѣдованіе непріятеля. „Черные флаги" отступили въ сѣверную часть Тонкина; китайцы, аннамскіе мятежники и остатки гарнизоновъ Бакъ-Нинга и Гонгъ-Хоа достигли провинціи Танъ-Хоа, пройдя черезъ горы въ восточной части Тонкина. Чтобы отрѣзать имъ путь, генералъ Бріеръ де Л'Иль двинется вскорѣ съ небольшимъ отрядомъ. Характеръ дипломатическихъ сношеній французскаго правительства съ Китайской имперіей будетъ теперь зависѣть отъ успѣха тѣхъ порученій, которыя даны изъ Парижа французскому посланнику при Пекинскомъ дворѣ Патенотру. Какъ утверждаютъ, инструкціи, данныя Патенотру, ставятъ Аннамскую имперію подъ непосредственный протекторатъ Франціи. При Аннамскомъ дворѣ въ Гюэ, также какъ и въ Тунисѣ, будетъ находиться французскій министръ-резидентъ, который совмѣстно съ королевскимъ совѣтомъ, будетъ играть вліятельную роль какъ въ финансовой, такъ и политической администраціи правительства. Тонкинъ не составитъ отдѣльной провинціи и не образуетъ новой колоніи на подобіе Кохинхины. По отношенію къ Китаю миссія Патенотра заключается въ разграниченіи территоріи и установленіи пограничной черты. За Китаемъ сохранится на востокѣ его нынѣшняя граница, съ укрѣпленными на ней пунктами Лангъ-Сономъ и Каобиномъ. Удастся ли Патенотру войти въ соглашеніе съ китайскимъ правительствомъ—этотъ вопросъ рѣшить теперь очень трудно, такъ какъ въ направленіи Пекинскаго двора совершился недавно неожиданный переворотъ и воинственная партія снова взяла верхъ. Императрица приказала публично разжаловать пятерыхъ членовъ тайнаго совѣта, въ томъ числѣ и принца Кунга, вслѣдствіе ихъ невниманія къ интересамъ Китая и за ихъ нерѣшительныя дѣйствія въ отношеніи Франціи.

По извѣстіямъ изъ Египта, положеніе Гордона въ Хартумѣ пока еще не возбуждаетъ особенныхъ опасеній, такъ какъ вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ между мятежниками, лжепророкъ принужденъ былъ пока отмѣнить экспедицію противъ Хартума. Положеніе Кассаны и Сенаара тоже обезпечено. Кромѣ того, Гордонъ препроводилъ Зеберу-пашѣ декретъ о назначеніи его товарищемъ генералъ-губернатора Судана, но Зеберъ-паша отказался отъ предлагаемой ему должности. Изъ Массовы сообщаютъ, что адмиралъ Гюйетъ уже вступилъ въ переговоры съ абиссинскимъ королемъ Іоанномъ по поводу заключенія трактата, касающагося торговли и судоходства. По этому трактату Англія хочетъ выговорить себѣ право вести надзоръ надъ абиссинскими берегами при помощи своихъ военныхъ кораблей, чтобы воспрепятствовать абиссинцамъ заниматься морскимъ разбоемъ.

Возстаніе на островѣ Кубѣ принимаетъ все болѣе угрожающіе размѣры. Предводитель возстанія Агуэра скрывается въ горахъ во главѣ пяти тысячъ человѣкъ и его отряды съ каждымъ днемъ увеличиваются. Инсургенты очень ловко пользуются общимъ неудовольствіемъ населенія и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ себѣ сторонниковъ въ такомъ значительномъ числѣ, что для умиротворенія острова, понадобится теперь уже многочисленная военная сила. Особенный ропотъ населенія возбуждаютъ стремленія къ протекціонизму въ таможенныхъ вопросахъ министра-президента Кановаса дель Кастильо, упорство котораго вновь возбудило въ кубанцахъ прежнее недовѣріе къ метрополіи.

Австрійскій наслѣдный принцъ съ супругою теперь гоститъ въ Константинополѣ, гдѣ имъ была сдѣлана торжественная встрѣча и отведено помѣщеніе въ Ильдизъ-Кіоскѣ. Пріемъ султаномъ высокихъ гостей былъ также самый сердечный. При входѣ наслѣдной принцессы въ тронную залу и при выходѣ ея оттуда султанъ велъ ее подъ руку. Тотчасъ же послѣ того, онъ посѣтилъ принца и принцессу въ отведенномъ для нихъ кіоскѣ.

Смѣсь.

Преміи Краснаго Креста. Изъ конкурсныхъ работъ, представленныхъ къ 1-му декабря минувшаго года, на соисканіе преміи Императора Александра II. за лучшее изобрѣтеніе для облегченія страданій раненыхъ и больныхъ воиновъ, ни одна не признана заслуживающею выдачи преміи. Главное Управленіе Россійскаго Общества Краснаго Креста, для большаго привлеченія желающихъ принять участіе въ конкурсѣ, постановило оставшіяся не выданными преміи настоящаго года присоединить къ преміямъ слѣдующаго конкурснаго срока, такъ что размѣры премій наступающаго конкурса удваиваются: первая составитъ двѣ тысячи рублей, вторая одну тысячу. Срокъ представленія работъ назначается—19-го августа 1885 года, вмѣсто установленнаго ранѣе—1-го декабря, чтобы предоставить болѣе времени разсматривающей работы Коммисіи для оцѣнки и необходимой въ нѣкоторыхъ случаяхъ опытной повѣрки изобрѣтенія.

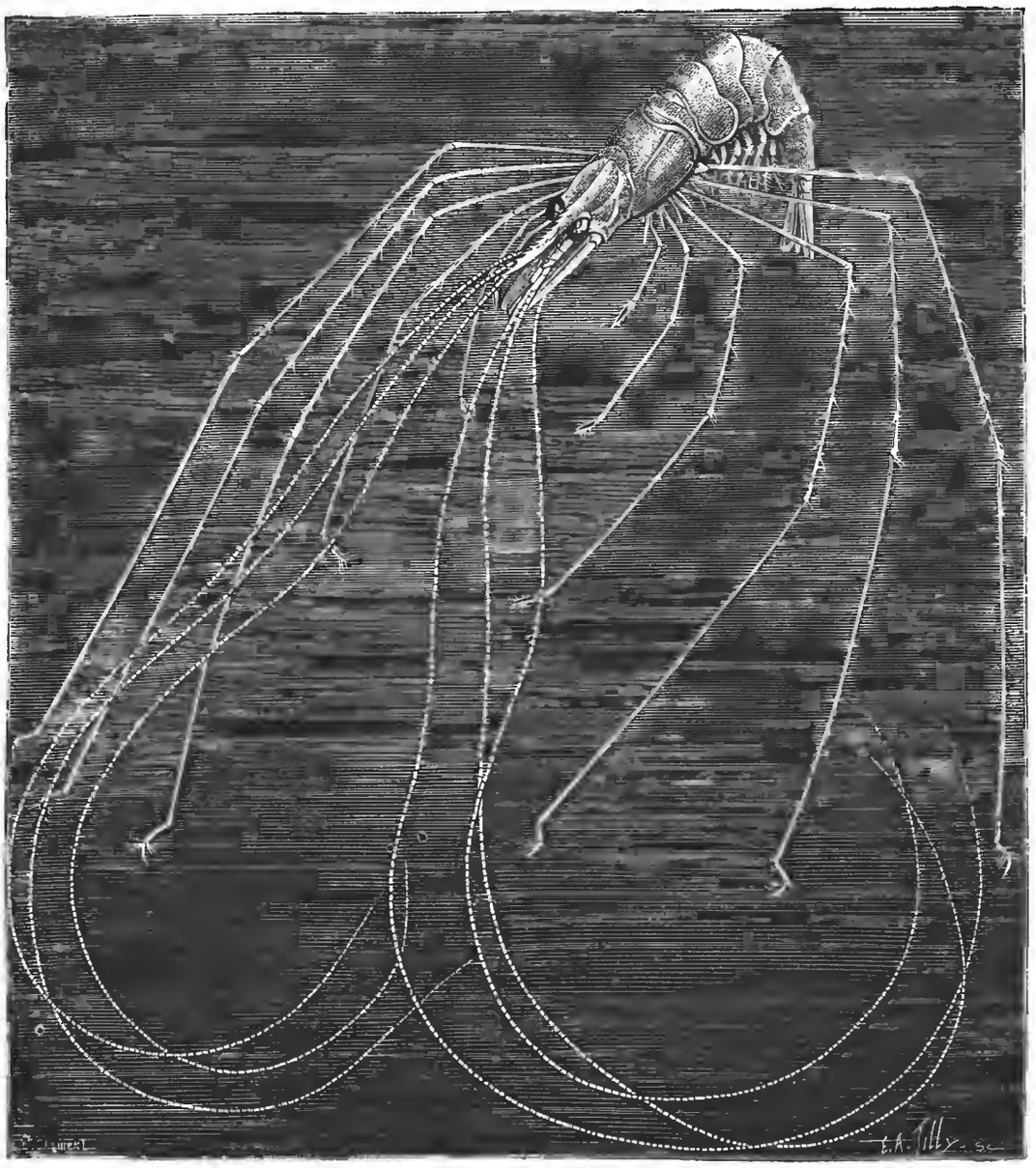
Доводя объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія, Главное Управленіе приглашаетъ желающихъ участвовать въ конкурсѣ, обращаться за правилами конкурса въ Канцелярію Главнаго Управленія (между 12—4 час. дня ежедневно, кромѣ праздниковъ, Инженерная улица, домъ № 9).

Библиотека "Руниверс"

Походная библіотека Наполеона I. Существуетъ преданіе объ одномъ восточномъ властителѣ, который во время своихъ походовъ, какъ человѣкъ очень ученый и начитанный, возилъ всюду съ собой на громадномъ количествѣ верблюдовъ массу ученыхъ книгъ. Видя всѣ неудобства подобной походной библіотеки, онъ приказалъ сдѣлать извлеченія изъ всѣхъ произведеній ученыхъ только чисто научныхъ знаній и выбросить весь ненужный баластъ. Затѣмъ изъ этихъ извлеченій было сдѣлано новое извлеченіе и наконецъ изъ всей необъятной массы сочиненій получилось, въ видѣ экстракта, короткое изрѣченіе, которое, какъ полагаютъ магометане, и есть знаменитое: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его“.

Эту исторію живо напоминаютъ по аналогіи, труды военнаго генія новѣйшихъ временъ, о которыхъ говоритъ весьма обстоятельно Лоркъ въ послѣднемъ томѣ своей недавно явившейся въ свѣтъ „Исторіи книгопечатанія“. Это былъ никто иной, какъ Наполеонъ I, который приказалъ особо отпечатать книги для своей походной библіотеки, долженствовавшей всюду сопровождать его. Изъ этого простаго, но многозначительнаго обстоятельства можно видѣть, что великій побѣдитель, смотрѣвшій на войну, какъ на главную, существенную задачу своей жизни, чувствовалъ еще иныя потребности и искалъ средствъ удовлетворить ихъ. Послѣ того, какъ въ 1798 году желаніе его приведено было въ исполненіе, Наполеонъ I опять, въ 1808 году, въ Байонѣ, принимается за это дѣло. Въ главной квартирѣ у Шенбруна, въ періодъ времени между сраженіями при Асперне и Ваграмѣ, онъ чувствуетъ особую блѣдность, малосодержательность изданій, которыя его окружали и которыя къ тому же по ихъ объему не могли всюду сопровождать его. Здѣсь онъ, 12-го іюня 1809 года, утверждаетъ проэктъ своего библіотекаря Барбье, который долженъ привести въ исполненіе дальнѣйшую мысль императора о его походной библіотекѣ. Наполеонъ хотѣлъ имѣть коллекціи отлично отпечатанныхъ и прекрасно переплетенныхъ произведеній ученыхъ въ миніатюрномъ форматѣ. Сначала должны были быть изготовлены три тысячи томовъ, каждый въ 300—400 страницъ, главнымъ образомъ историческаго содержанія; сюда же причислена была и Библія. Когда же закончатся эти три тысячи томовъ, тогда могутъ быть выпущены и остальныя три тысячи: путешествій, естественной исторіи и для легкаго чтенія. Громадное число свѣдущихъ и опытныхъ людей должны были принять на себя трудъ проредактировать всѣ эти произведенія и выбросить изъ нихъ все ненужное.

Въ ноябрѣ 1809 года Барбье представилъ отчетъ императору и доложилъ, что печатаніе первыхъ трехъ тысячъ томовъ въ одномъ изданіи, по 50 экземпляровъ каждый, обойдется въ четыре съ половиной милліона франковъ. Не смотря на это, книги были отпечатаны и излишніе экземпляры продавались по 5 франковъ за томъ, что дало прибыли около трехъ милліоновъ. Выпускъ слѣдующихъ трехъ тысячъ томовъ предполагалось производить съ такимъ разсчетомъ, чтобы отпечатывать въ день $1^1/_2$ тома; сдѣлана была проба, но на этомъ и остановились. Во всякомъ случаѣ мысль Наполеона весьма знаменательна и служитъ доказательствомъ энергіи духовныхъ силъ человѣка, который, въ промежутки военныхъ дѣйствій, приводившихъ въ исполненіе его величественные, опрокидывающіе вверхъ дномъ весь свѣтъ планы, находилъ возможнымъ удѣлять время и своему влеченію къ чтенію и литературѣ.



На глубинѣ 2500 футовъ. Животныя на днѣ моря. Пауковидный ракъ. (Nematocarcinus gracilipes). Рис. Тилли, грав. Клеменцъ.

Президентъ французской республики недавно получилъ единственное въ своемъ родѣ прошеніе, весьма характерное. Нѣсколько недѣль тому назадъ судъ присяжныхъ сѣвернаго департамента приговорилъ къ смертной казни за убійство своихъ родителей отъявленнаго негодяя Маскелена. Греви конечно не воспользовался предоставленнымъ ему правомъ помилованія и утвердилъ рѣшеніе суда. Маскеленъ родился въ Маделенъ-ле-Лиллѣ, и теперь жители этого города просятъ не о помилованіи преступника, а о

Библиотека "Руниверс"

томъ, чтобы казнь надъ нимъ была совершена въ его родномъ городѣ. Въ петиціи, покрытой тысячью подписями, говорится, что Маскеленъ принадлежитъ имъ, такъ какъ родился и выросъ въ Маделенѣ и половина жителей была съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Словомъ всѣ основанія говорятъ за то, что онъ долженъ быть отданъ имъ. Но самый главный аргументъ, которому придаетъ особый вѣсъ петиція, заключается въ томъ, что казнь, какъ необычайное зрѣлище привлечетъ много народу. Изъ окрестностей города явится масса въ нѣсколько сотъ, а можетъ быть даже и въ нѣсколько тысячъ зрителей; для содержателей гостинницъ, кофейныхъ и для остальнаго населенія города, к торымъ посѣтители доставятъ не малый доходъ, казнь Маскелена будетъ истиннымъ благодѣяніемъ и она никогда не изгладится изъ ихъ памяти. Вслѣдствіе этого жители Лилля неотступно просятъ президента республики, чтобы онъ измѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ, которые назначили мѣстомъ казни Донэ и повелѣлъ бы привести въ исполненіе приговоръ надъ Маскеленомъ въ его родномъ городѣ, Лиллѣ.

Слѣдуетъ-ли раскрашивать произведенія скульптуры? На этотъ, долго остававшійся въ кругу художниковъ неразрѣшимымъ вопросъ, отвѣтилъ въ утвердительномъ смыслѣ д-ръ Трей изъ Дрездена въ лекціи своей, читанной на дняхъ въ клубѣ ученыхъ въ Вѣнѣ. Существующее въ настоящее время мнѣніе, что статуи раскрашивать не слѣдуетъ, Трей объясняетъ простымъ предубѣжденіемъ, которое ни кѣмъ не было еще основательно провѣрено. Статуи Фидія и Праксителя были раскрашены; египтяне, ассиріяне, римляне, византійцы и нѣмцы, до эпохи возрожденія, придерживались въ этомъ отношеніи взгляда греческихъ художниковъ и только къ началу девятнадцатаго столѣтія установилось противоположное мнѣніе. Изъ произведенныхъ археологическихъ изысканій Трей убѣдился, что скульптурныя произведенія высшаго художественнаго періода Греціи были раскрашиваемы, на что указываютъ уцѣлѣвшіе цвѣтные обломки; а потому пестро раскрашенныя статуи, находимыя въ Помпеѣ, вовсе не служатъ доказательствомъ упадка искусства. Конечно трудно допустить, чтобы греки были на столько слѣпы и не понимали бы красотъ обнаженнаго мрамора, но они употребляли для такого рода произведеній чрезвычайно нѣжныя краски. Во время лекціи Трей показалъ слушателямъ нѣсколько помпейскихъ скульптурныхъ произведеній; изъ нихъ было нѣсколько раскрашенныхъ бюстовъ; также двѣ гипсовыя драпированныя статуи изъ Геркулана, изъ которыхъ одна раскрашена. Затѣмъ лекторъ представилъ бюстъ канцлера Оксенштирна, въ двухъ экземплярахъ, работы дрезденскаго художника Отто; при чемъ одинъ бюстъ, приготовленный изъ цвѣтнаго воска, наглядно и убѣдительно подтвердилъ мысль Трея о предубѣжденіи противъ раскрашиванія скульптурныхъ произведеній.

Археологическое открытіе въ Сиріи. Недавно въ Сиріи было сдѣлано весьма интересное для археологовъ открытіе: найдена гробница одного изъ финикійскихъ царей. Она сдѣлана изъ мрамора и имѣетъ три метра длины, два метра ширины и столько же вышины. Надо полагать, что происхожденіе этой гробницы слѣдуетъ отнести къ эпохѣ владычества ассиріянъ въ Финикіи. На крышкѣ саркофага изображена царица покоящаяся на кушеткѣ съ фруктами въ рукахъ, которые подаетъ ей невольница; послѣдняя изображена на боковой сторонѣ саркофага. На другой сторонѣ видны двѣ фигуры невольницъ, изъ которыхъ одна держитъ амфору, то есть глиняный сосудъ. Отдѣлка саркофага великолѣпна; искусство, съ которымъ выполнены различныя изображенія, достойно удивленія.

Семейство Лессепса. По поводу выбора Фердинанда Лессепса въ члены французской академіи, газеты сообщаютъ не лишенные интереса свѣдѣнія о частной жизни этого выдающагося человѣка. Врядъ-ли можно найти еще другаго такого старика, который бы весъ тяжесть своихъ лѣтъ столь легко и бодро, какъ Ф. Лессепсъ. Онъ до сихъ поръ еще выказываетъ большую ловкость и силу во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ; онъ большой мастеръ драться на рапирахъ, хорошій гимнастеръ, прекрасный стрѣлокъ и неустрашимый наѣздникъ. Смѣлость, съ какой онъ гарцуетъ на самыхъ дикихъ, необузданныхъ скакунахъ, вызываетъ удивленіе даже у арабовъ; Лессепсъ заставляетъ упражняться въ верховой ѣздѣ также всѣхъ своихъ дѣтей. Каждый день можно видѣть въ Булонскомъ лѣсу красивую кавалькаду,—если Лессепсъ живетъ въ Парижѣ,—состоящую изъ старика на вороной лошади, окруженнаго семью наѣздниками, его сыновьями и дочерьми. Ничего нельзя представить себѣ привлекательнѣе и миловиднѣе этихъ свѣжихъ, дышащихъ здоровьемъ дѣвушекъ въ матроскихъ шляпахъ, и юношей, которые смѣло и бѣшено галопируютъ вокругъ старика на своихъ длинношерстныхъ пони, оглашая воздухъ веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ юности. Отецъ самодовольно взираетъ сверху на своихъ спутниковъ и подымаетъ хлыстъ съ напускной строгостью, если который нибудь пони начинаетъ слишкомъ пошаливать. Подобными упражненіями Лессепсъ умѣлъ сохранить свое здоровье и силы до преклонныхъ лѣтъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ суровую зиму, Лессепса посѣтили нѣсколько друзей въ его замкѣ въ Тюренѣ. Къ удивленію своему они скоро увидѣли, что ихъ гостепріимный хозяинъ, вставши утромъ съ постели, отправляется въ садъ, проламываетъ ледъ на прудѣ и затѣмъ купается въ этой ледяной водѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это гигіеническое правило не каждому можетъ быть полезно. Замѣчательной чертой характера этого человѣка служитъ его героизмъ, о которомъ до сихъ поръ мало кто еще знаетъ. Когда при постройкѣ Суэцкаго канала между рабочими открылась холера и Лессепсъ, утѣшая и ободряя, переѣзжалъ отъ одного зараженнаго лагеря къ другому, не страшась опасной болѣзни, онъ былъ сильно укушенъ за палецъ холернымъ больнымъ, которому хотѣлъ, вслѣдствіе его упорства и отказа, силой влить въ ротъ противное лекарство. Хотя рана долгое время не заживала, но къ счастью не имѣла дурнаго исхода. Во время одного морскаго плаванія, которыя Лессепсъ часто совершаетъ à la Жюль-Верпъ съ женой и дѣтьми на своей яхтѣ, съ нимъ случился слѣдующій несчастный случай. Ребенокъ, выходя изъ отцовскаго кабинета, неосторожно захлопнулъ дверь и защемилъ палецъ Лессепсу. Не смотря на страшную боль, Лессепсъ, боясь испугать больную жену свою, не хотѣлъ позвать ее на помощь, такъ какъ самъ пальца освободить не могъ, и геройски ждалъ, пока проходившій мимо лакей не освободилъ его изъ этого критическаго положенія.

Число врачей на земномъ шарѣ, по статистическимъ свѣдѣніямъ, достигаетъ 193.000; изъ этого числа 11,200 посвятили себя исключительно занятіямъ наукой и практикой не занимаются. Въ Соединенныхъ Штатахъ числится 65 тысячъ врачей, во Франціи—26,000, въ Германіи и Австріи — 32.000, въ Великобританіи и ея колоніяхъ—35.000, въ Россіи—14.000, въ Италіи—10.000, въ Испаніи—5,000 и т. д.

Пароходныя сообщенія. Въ маѣ 1819 года первый пароходъ прорѣзалъ Атлантическій океанъ. Это былъ маленькій пароходъ „Саванна", который прошелъ путь изъ Америки до Ливерпуля въ двадцать два дня и въ ноябрѣ того же года вернулся обратно, употребивъ на это двадцать пять дней. Весь свѣтъ удивленъ былъ быстротой рейса и введеніемъ новаго способа сообщенія черезъ океанъ.

Съ того времени и до настоящихъ дней увеличеніе скорости движенія пароходовъ и усовершенствованія въ ихъ устройствѣ совершались правильными періодами. Первый періодъ,—медленнаго движенія, закончился въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ. Послѣ плаванія на парусныхъ судахъ, всѣ, казалось, были довольны скоростью старыхъ колесныхъ пароходовъ, которые совершали переѣздъ Атлантическаго океана въ 15—18 дней. Когда-же на сцену явилось новое англійское пароходное общество, которое совершало переѣзды въ 13, а потомъ въ 12 дней, то начались измѣненія въ этомъ дѣлѣ и старая линія не выдержала конкуренціи. Все это относится къ колеснымъ пароходамъ, которые брали небольшой грузъ и принимали пассажировъ только на обратномъ пути. Массы-же переселенцевъ находили себѣ мѣсто только на парусныхъ судахъ. Съ тѣхъ поръ англійскіе и американскіе пароходостроители начали соревновать между собой, поставивъ себѣ главной цѣлью скорость движенія; американцы, чтобы придать пароходамъ большую легкость, первыми начали строить ихъ изъ желѣза. Цѣлый рядъ годовъ десятидневный переѣздъ считался въ высшей степени быстрымъ. Но потомъ образовалось новое товарищество для перевозки какъ грузовъ, такъ и пассажировъ, пароходы котораго превосходили быстротой прежнія линіи, такъ какъ до 1875 года совершали рейсы всего въ восемь дней. Въ 1876 году большой пароходъ „Британія" сдѣлалъ шесть послѣдовательныхъ переѣздовъ черезъ Атлантическій океанъ со средней скоростью въ 7 дней, 20 часовъ и 56 минутъ, что считалось большимъ шагомъ впередъ. Но въ сентябрѣ 1881 года великолѣпный пароходъ „Аризона", на удивленіе всему свѣту, сдѣлалъ тотъ-же путь только въ 7 дней, 8 часовъ 32 минуты. Мѣсяцъ спустя этотъ-же пароходъ, еще болѣе усовершенствованный, дѣлалъ рейсъ въ 7 дней, 7 часовъ и 48 минутъ. Однако прогрессъ шелъ еще далѣе; такъ, годъ спустя, пароходъ „Аляска" совершаетъ путь въ Америку уже въ 6 дней, 18 часовъ и 37 минутъ, а позднѣе даже въ 5 дней, 23 часа и 46 минутъ, при чемъ 447 морскихъ узловъ (880 верстъ) приходилось среднимъ числомъ на сутки пути. Какъ еще болѣе быстрый пароходъ является „Арагинъ" въ 158 метровъ длины и 16 метровъ ширины; онъ приводится въ дѣйствіе машиной въ 13 тысячъ лошадиныхъ силъ, т. е. на 2 тысячи лошадиныхъ силы больше, чѣмъ на пароходѣ „Аляска".

Быстрѣйшіе пароходы Англіи служатъ для транспортировки чая изъ Китая, такъ какъ занимающіяся этой торговлей фирмы боятся потерять свое первенствующее значеніе на рынкѣ поздней получкой товара. Послѣднимъ побѣдителемъ въ смыслѣ быстроты является пароходъ „Стирлингъ Кастль", сдѣлавшій туръ 12 тысячъ морскихъ миль въ 29 дней, 22 часа и 15 минутъ; при чемъ изъ этого числа два дня употреблено было на остановки. Такимъ образомъ онъ прошелъ это пространство на 10 часовъ скорѣй, чѣмъ могли бы сдѣлать быстрѣйшіе до него пароходы.

Эмиль Золя и Жюль Клареси, оба извѣстные французскіе писатели, были одно время большими друзьями. Они составляли одну клику и расхваливали взаимно другъ друга въ журналахъ, которые находились въ ихъ распоряженіяхъ. Жюль Клареси получилъ однажды отъ „Temps" письмо, въ которомъ Зола пишетъ: „Сдѣлайте для моей книги все, что можете; вы знаете: рука руку моетъ!"

Но Клареси выступилъ противникомъ Золя, который, въ свою очередь, написалъ въ одномъ изъ журналовъ статью противъ Клареси. Этотъ послѣдній былъ сильно возмущенъ такой выходкой, но показывалъ видъ, что не обращаетъ на это вниманія, а черезъ нѣкоторое время помѣстилъ въ своемъ журналѣ вышеприведенное письмо Золя и статью его по этому поводу. Отъ себя же онъ добавилъ только слѣдующее короткое поясненіе: „Все это явилось слѣдствіемъ того, что я недостаточно хорошо вымылъ руки г-ну Эмилю Золя. Жюль Клареси".

Средство противъ укушенія бѣшеныхъ собакъ. Въ одной изъ берлинскихъ газетъ находимъ мы слѣдующее средство противъ

Библиотека "Руниверс"

укушенія бѣшеныхъ собакъ, сообщаемое 82-лѣтнимъ старцемъ Форстеромъ Гестель: „Я не хочу унести съ собой въ могилу мое многоиспытанное средство противъ укушенія бѣшеныхъ собакъ и повѣдаю его міру; это будетъ послѣдняя услуга, которую я могу оказать человѣчеству. Нужно взять теплаго винаго уксуса, обмыть имъ рану, всполаскать ее чистой водой и обсушить; затѣмъ налить нѣсколько капель хлористо-водородной кислоты. Кислота непремѣнно разрушитъ ядъ слюны".

Умъ животныхъ. Почему не было до сихъ поръ сдѣлано попытокъ научить буквамъ нѣкоторыхъ животныхъ, напримѣръ собакъ? Куперъ старается доказать, что операція, состоящая въ сопряженіи съ какимъ либо знакомъ извѣстнаго понятія, вовсе не превосходитъ степень пониманія животныхъ. Для подобнаго изслѣдованія онъ предлагаетъ съ своей стороны методъ, при помощи котораго слово воспринимается сразу, причемъ предметъ и знакъ его пишутся вмѣстѣ. Еслибы животное переступило такую ступень, можно было бы тогда изслѣдовать насколько оно въ состояніи воспринимать различныя отношенія (множественность, качество и т. д.) предметовъ. Идея Купера, безъ сомнѣнія, очень смѣла, но она не представляется однако совершенно неосуществимой, особливо въ глазахъ тѣхъ, кто видитъ лишь различіе степени между умомъ человѣческимъ и умомъ животныхъ.

Въ Швейцаріи также недавно открыты источники петролеума. Жители деревни Безенбюренъ, въ округѣ Мури, обнаружили его въ двухъ колодцахъ, которые имъ до того времени доставляли воду. Горное масло, вычерпываемое вмѣстѣ съ водой, имѣетъ всѣ свойства петролеума. Жители отстаиваютъ эту воду и затѣмъ снимаютъ петролеумъ, который, вслѣдствіе своей легкости, собирается на поверхности. Весь Безенбюренъ освѣщается теперь своимъ собственнымъ петролеумомъ. Деревня эта лежитъ близь обширныхъ торфяныхъ болотъ, въ которыхъ предполагается сдѣлать тщательныя изысканія.

Алгебраическая задача № 15.

Одна русская пословица состоитъ изъ 23 буквъ. Если замѣнить эти буквы цифрами согласно алфавиту русск. азбуки, то между ними получатся слѣдующія соотношенія:

1) Разность между девятнадцатымъ и вторымъ числами равна разности между четвертымъ числомъ и корнемъ кубичнымъ изъ 32768.

2) Разность между первымъ и тринадцатымъ числами на 1 меньше удвоеннаго девятаго числа.

3) Разность между седьмымъ числомъ и пятымъ на единицу больше двадцать втораго числа.

4) Сумма восьмаго и пятнадцатаго чиселъ на 3 болѣе десятаго числа.

5) Сумма втораго и одиннадцатаго чиселъ на 3 менѣе суммы девятнадцаго и двѣнадцатаго чиселъ.

6) Разность между двадцатымъ и девятымъ числами равна корню кубическому изъ 15625.

7) Разность между седьмымъ и восемнадцатымъ числами равна корню кубическому изъ 5832.

8) Сумма семнадцатаго и пятнадцатаго чиселъ равна корню кубичному изъ 10648.

9) Сумма седьмаго и шестаго чиселъ на девятнадцатое число больше разности между вторымъ и четвертымъ числами.

10) Сумма перваго и девятаго чиселъ равна разности между двадцатымъ числомъ и одною третью тринадцатаго числа.

11) Сумма восемнадцатаго и четырнадцатаго чиселъ на 5 менѣе суммы двадцать втораго и пятаго чиселъ.

12) Разность между двадцать третьимъ и двадцать первымъ числами равна половинѣ суммы пятнадцатаго и семнадцатаго чиселъ.

13) Сумма втораго, шестаго, одиннадцатаго и двѣнадцатаго чиселъ равна корню кубичному изъ 9261.

14) Произведеніе пятаго и восемнадцатаго чиселъ меньше на седьмое число произведенія четырнадцатаго и двадцать втораго чиселъ.

15) Пятнадцатое число относится къ семнадцатому, какъ восьмое число къ 15.

16) Разность четвертаго и втораго чиселъ на 3 болѣе разности между девятнадцатымъ и двѣнадцатымъ числами.

17) Сумма девятаго и тринадцатаго чиселъ на 10 менѣе двадцатаго числа.

18) Сумма пятаго, четырнадцатаго и восемнадцатаго чиселъ на 12 менѣе суммы седьмаго и двадцать втораго чиселъ.

19) Разность между двадцать третьимъ и десятымъ числами на 3 болѣе разности между двадцать первымъ и восьмымъ числами.

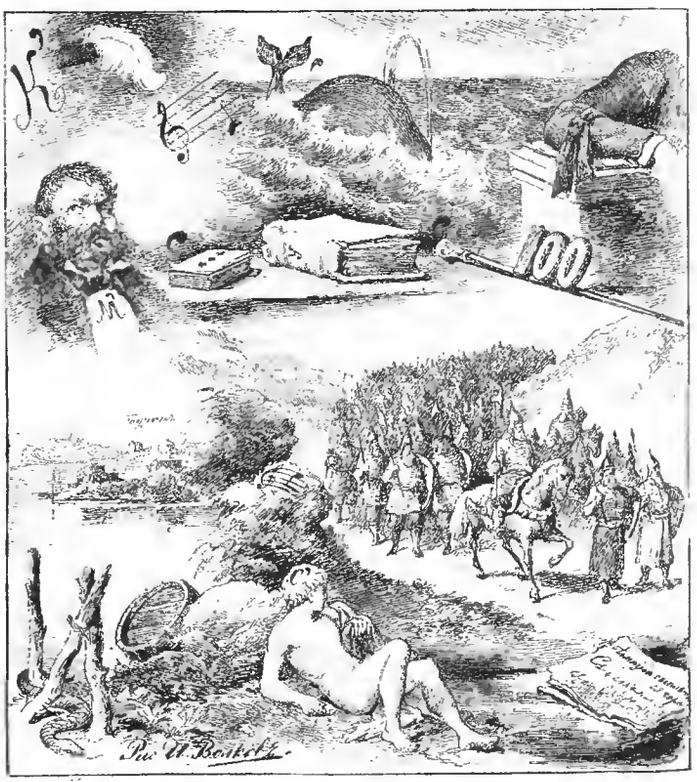
20) Произведеніе шестаго, одиннадцатаго и двѣнадцатаго чиселъ равно утроенной разности между девятнадцатымъ и вторымъ числами.

21) Разность между первымъ и третьимъ числами равна разности между шестнадцатымъ числомъ и корнемъ кубичнымъ изъ 4913.

22) Сумма двадцать перваго и двадцать третьяго числа на 2 болѣе суммы десятаго, пятнадцатаго и семнадцатаго чиселъ.

23) Сумма шестнадцатаго, двадцатаго и третьяго числа на 5 болѣе учетвереннаго тринадцатаго числа.

РЕБУСЪ. Задача № 16.



О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **В. В. Самойловъ** (съ портретомъ). — **Недолгое счастье.** Повѣсть **Д. В. Григоровича.** — **Первая охота.** Разсказъ **М. Малова.** — **Перевязочный пунктъ подъ Плевной** (съ рис.).—**Памятникъ Державину въ Казани** (съ рис.).—**Кремль въ Нижнемъ-Новгородѣ** (съ рис.).— **А. Е. Винторовъ** (съ портр.).—**Эммануилъ Гейбель** (съ портр.).—**Присоединеніе Мерва** (съ рис.).—**Паукообразный ранъ** (съ рис.).—Политическое обозрѣніе. — Смѣсь.—Ребусъ и задача.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ
„ЭЛЕОПАТЪ"
◆ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА ◆
употребляется для останавливанія выпаденія волосъ и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти.
Продается въ С.-Петербургѣ, въ магаз. Штоль и Шмидтъ и въ русск. общ. торговли аптек. товарами; въ Москвѣ и провинціи—во всѣхъ большихъ аптекахъ и у дрогистовъ: цѣна флакону 1 руб. 50 коп. безъ пересылки.
Провизоръ КИНУНЕНЪ.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

„ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ"
ДЕМИДОВА САНЪ-ДОНАТО,
продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ складѣ изданія: Литейный пр., д. 54, кв. 7, у Д. М. Рыбакова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. № 3302 1—1

EAU D'HOUBIGANT
la plus appréciée pour la toilette.
Houbigant parfum. de la Cour de Russie Parie.

УФА. КУМЫСЪ ВЪ ДАЧѢ БАРСОВА.
Кумысъ 15 к. бутылка. Столъ 18 руб. въ мѣс. Комната 20 р. за сезонъ. Пароходство отъ Казани до Уфы ежедневное. Сезонъ съ 20 Мая по 20 Авг. Адресъ: Уфа. Доктору Елпатьевскому. № 3305 1—1

УДОЧКИ
и депо всѣхъ рыболовныхъ принадлежностей въ магазинѣ Ив. Глазунова на Рождественкѣ въ Москвѣ. Подробные прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно. П. № 3309 1—1

Библиотека "Руниверс"

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

Изданіе А. Ф. Маркса.
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА.

Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и факсимиле.
3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 8 руб., съ перес. 9 руб.
ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ" 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 р., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

☞ Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: **„ДВА МІРА"** и отдѣломъ въ прозѣ:

„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ".

Первое единственное, **дѣйствительно полное собраніе сочинен. А. Н. Майкова.**

Книгу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала **„Нива"** (Бол. Морская, № 9); **въ Москвѣ у Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

С.-Петербургская Химическая Лабораторія
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА ЦВѢТОЧНАЯ
(О-ДЕ-КОЛОНЪ ЦВѢТОЧНЫЙ)
РАЗНЫХЪ ЗАПАХОВЪ
самаго высшаго качества.

О-ДЕ-КОЛОНЪ чрезвычайно освѣжительный, душистый и крѣпкій, двойной, тройной, № 4. Экстр. къ.

☞ **ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ** ☜
къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.
Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
Невскій проспектъ, домъ № 32, Католической церкви.
Невскій проспектъ, домъ № 66, у Аничкова моста.
Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.
Магазинъ въ **Москвѣ:**
Кузнечкій мостъ, домъ Третьяковыхъ.
Кромѣ вышеозначенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.
Контора, фабрика и оптовый складъ: Измайловскій просп., № 21, собственный домъ, въ С.-Петербургѣ. Р. № 3304 2—1

КОНТОРА
ТОРГОВАГО ДОМА **„ПАВЕЛЪ ВЫДРИНЪ И СЫНЪ"**
въ Москвѣ, проситъ **г. Ивана Федоровича Кид—ва,** адресъ котораго конторѣ не извѣстенъ, оплатить или отсрочить до 17 мая сего года, долгъ его по квитанціи за № 807, срокъ которой минулъ 17 мая прошлаго 1883 года; въ противномъ случаѣ билеты будутъ проданы; при этомъ контора увѣдомляетъ Г. Кид—ва, что на билетъ перваго займа, по означенной квитанціи, **въ тиражѣ 2 января сего года палъ выигрышъ.**
П. № 3308 3—1

ПРЕДОХРАНЕНІЕ ОТЪ МОЛИ!
БУМАГА,
ЖИДКОСТЬ,
КАМФОРА и НАФТАЛИНЪ,
простыя и вѣрныя средства при сохраненіи мѣховыхъ вещей и шерстяныхъ матерій, въ продажѣ у
РУССКАГО ОБЩЕСТВА
ТОРГОВЛИ АПТЕКАРСКИМИ ТОВАРАМИ,
Казанская ул., № 12. № 3315 2—1

ЧОКРАКСКОЕ ГРЯЗЕ-ЛЕЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ въ КРЫМУ, близъ г. КЕРЧИ, открывается 20 Мая. Подробности см. № 13-й „НИВЫ". № 3282 4—3

НА БАНДОНІОНѢ
(усовершенств. гармонія) играть, даютъ уроки по новѣйшему способу. Невск. просп. д. № 91, кв. № 24 № 3319 1—1

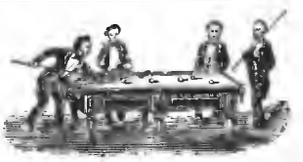
СТѢННОЙ ПЛАНЪ СВЯТАГО ГРАДА ІЕРУСАЛИМА,
составленный по послѣднимъ свѣдѣніямъ, вышелъ и продается у издателя: Кузнечный переулокъ, д. № 5, кв. № 4. Планъ хромолитографированъ 5-ю красками, величина 2 арш.— ширина 1 арш. 6 вершк. Цѣна наклееннаго на холстъ 3 р., безъ наклейки 2 р. Р. № 3312

ПОДГОТОВЛЕНІЕ НА МѢСТА СЧЕТОВОДОВЪ,
путемъ практическихъ занятій въ фирмѣ Счетоводъ. Невскій пр., 66. № 3268 2—2

Вышли въ свѣтъ иллюстрированныя **СТИХОТВОРЕНІЯ П. П. БРОВЦЫНА,** съ портретомъ автора. Цѣна 5 р. Пріобрѣтающіе не менѣе 10 экз. пользуются уступкою 25%. Такою же уступкою пользуются пріобрѣтающіе не менѣе 20 экз. недавно вышедшихъ въ свѣтъ двухъ частей стихотвореній П. П. Бровцына, изъ которыхъ къ каждой приложенъ портретъ автора. Цѣна каждой части 1 руб. Складъ изданій у автора. С.-Петербургъ, Пески, 8 ул., д. № 7, кв. № 6, Петру Платоновичу Бровцыну.
Выписывающіе изъ провинціи хотя бы одинъ экземпляръ стихотвореній пользуются безплатною пересылкою. № 3313 1—1

П. № 3310 2—1

ЧАСОВНИ, ОГРАДЫ,
МОНУМЕНТЫ, КРЕСТЫ, ПАМЯТНИКИ
ВСѢХЪ РАЗМѢРОВЪ,
ИЗГОТОВЛЯЕТЪ
ЗАВОДЪ Ф. САНЪ-ГАЛЛИ ЛИГОВКА, 46.



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
БИЛЛІАРДЫ И КЪ БИЛЛІАРДНОЙ ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.
Троицкій проспектъ, близъ Египетскаго моста, д. № 13—2. № 3303 19—1

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ ВЫПУСКЪ I-й
„СТРАНСТВОВАНІЯ ВАСИЛІЯ ГРИГОРОВИЧА БАРСКАГО ПО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ ВОСТОКА СЪ 1723 ПО 1747 Г."

Изданіе Православнаго Палестинскаго Общества съ подлинными рисунками Варскаго 2 первыхъ листа текста и 4 рисунка—цѣна 50 к. Изданіе составитъ до 40 выпусковъ, которые будутъ выходить ежемѣсячно. Каждый выпускъ стоитъ 50 к. и будетъ продаваться отдѣльно. Просятъ при пріобрѣтеніи 1-го выпуска запастись безплатнымъ билетомъ на полученіе послѣдующихъ, которые будутъ сохраняться для владѣющихъ билетомъ въ теченіе года со дня выхода.
Продается въ Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ Тузова, Риккера, Оглоблина и въ Синодальной книжной лавкѣ, въ Москвѣ у Ферапонтова, въ Кіевѣ у Оглоблина и въ Одессѣ у Распопова.
Складъ изданія въ Петербургѣ у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7.
Цѣна по выходѣ всего изданія будетъ значительно возвышена. № 3297 3—2

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ **ДУХИ КАДРЮПЛЬ** (EXTRAITS QUADRUPLES)
для носовыхъ платковъ, платьевъ, кружевъ и пр.

Lohse's Maiglöckchen	Лозе—Ландышъ
Lohse's Héliotrope blanc	Лозе—Бѣлый Гелiотропъ
Lohse's Königin der Nacht	Лозе—Королева ночи
Lohse's Excelsior-Bouquet	Лозе—букетъ Эксельсіоръ

въ обыкновенныхъ флаконахъ 1 р. 50 к. и большихъ.
NEU: Lohse's Gold Lilie ||| **НОВОСТЬ: Лозе—Золотая лилія**
удостоены высшими наградами на всѣхъ международныхъ выставкахъ.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ придворный парфюмеръ Ея Имп. Вел. Императр. Германской. Поставщикъ Ея Имп. Выс. Наслѣдницы Германск. престола и пр. **БЕРЛИНЪ, W.** Jaeger-Strasse 46.
☞ Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ Россійской Имперіи. Ц. № 3221 12—6

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА.
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 21. Предлагаетъ свои услуги по всѣмъ банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью, за самое умѣренное вознагражденіе.
Контора открываетъ **АГЕНТСТВА** въ провинціи.
ССУДЫ подъ залогъ % бумагъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ.
Контора выдаетъ
Изданная конторою брошюра: **„РУКОВОДСТВО КЪ ПРАКТИЧЕСКОМУ ОЗНАКОМЛЕНІЮ СЪ БАНКОВЫМИ ОПЕРАЦІЯМИ И КЪ ОБЛЕГЧЕНІЮ СНОШЕНІЙ ИНОГОРОДНОЙ ПУБЛИКИ СЪ КОНТОРОЮ"** высылается по требованію безплатно. Р. № 3245 8—6

Библиотека "Руниверс"

ЯПОНСКІЙ ЭЛИКСИРЪ

противъ мигренъ, флаконъ 1 р. 25 к. и 1 р. 50 к. И. Ваконь. Гороховая д. № 9, кв. 8.
№ 3301 2—1

ПОКУПАЮТЪ

ДРЕВНОСТИ

ИЗЪ

ЗОЛОТА и СЕРЕБРА,

какъ то: **золотыя эмальированныя табакерки, серебряныя кружки, кубки, бокалы, блюда и кувшины** и вообще всякаго рода **древности, изящной работы прошлыхъ столѣтій** до временъ Екатерины II-й.

Просятъ адресоваться лично или письменно: **г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ**, Москва, Малая Дмитровка, домъ графа Васильева-Шиловскаго. № 3189 6—5

НАДГРОБНЫЕ ВѢНКИ

изъ ланированной жести

съ роскошн. цвѣточными украшеніями изъ фарфора № 3316 5—1

ИМѢЮТСЯ ВЪ БОЛЬШ. ВЫБОРѢ

въ магазинѣ металлическ. издѣлій и лампъ

Ф. УРЛАУБЪ, бывшій **БИНГЪ**

Казанская, напрот. Ломбарда

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ ИЗОБРѢТЕННЫЙ БРОКАРЪ и К°.

№ 3091 25—6

LE TRÉSOR.

Сборникъ для чтенія и разговора на французскомъ языкѣ. Составили К. де-ла Дроатьеръ и Ф. Тормейеръ.

ЦѢНА 75 КОП.

Продается въ книж. магазинахъ: Новое Время, Фену, Мелье, Вольфъ, и у швейцара II-й Гимназіи. Казан. ул. д. № 25.
№ 3311 1—1

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***).

Признанъ за **лучшее средство** противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная **съ простаго натарра** до **чахотки** и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ № 3317 10—1

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ въ **С.-Петербургѣ.**

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Имѣется во многихъ Тор. Аптек. Тов. Глав. складъ д. Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Ауриха, В. Морск. 17.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу **въ конторѣ редакціи журнала „Нива“**, въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, д. № 9; въ Отдѣленіи Конторы „Нивы“ у **Н. Н. Печковской**, Москва, въ домѣ Петровскихъ линій и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, новая повѣсть нашего знаменитаго писателя

Д. В. ГРИГОРОВИЧА

„ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ“.

Это весьма изящное изданіе печатано на лучшей веленевой бумагѣ и украшено 36 оригинальными рисунками художника Н. Н. КАРАЗИНА.

Цѣна **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **50** к.; въ каленкор. перепл. **1** р. **75** к., съ перес **2** р.

Страхованіе пенсіи на старость.

ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себѣ пенсію (доходъ) въ

1,000 РУБ. ЕЖЕГОДНО,

уплата которой **начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста** застрахованнаго и продолжается до его смерти.

За это страхованіе слѣдуетъ платить Страховому Обществу „РОССІЯ“ до начала пенсіи по **29 руб. 64 коп.** чрезъ каждые **три мѣсяца.**

Дальнѣйшія подробности въ **брошюрахъ**

СТРАХОВАГО ОБЩЕСТВА „РОССІЯ“,

выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно **Правленіемъ въ С.- Петербургѣ** (Большая Морская, № 13) и **Агентствами.**
№ 2874

EAU SALLÈS — PLUS DE CHEVEUX BLANCS

Avec cette **EAU MERVEILLEUSE** progressive ou instantanée on peut soi-même et pour toujours rendre sans altération aux **cheveux** et à **la barbe** leur **couleur primitive** avec une ou deux applications sans lavage et sans aucune préparation. **Résultat garanti** par plus que **30 ans** de succés toujours croissant.

Maison SALLÈS fondée en 1850.

PARFUMERIE DU GRAND MONDE

ROUME.

16. Grand-Morskaja. 16. Mt. № 3307

№ 3306 **Л. ЛИНЕВИЧЪ.** 10—1

Имѣю честь уѣдомить гг. владѣльцевъ старинныхъ вещей, что я, какъ любитель искусства, покупаю по самой высокой цѣнѣ старинныя художественныя вещи, какъ-то: бронзовые часы, канделябры, стѣнники и группы; фарфоровыя (преимущественно севрскія и саксонскія) вазы, сервизы и фигуры; мебель съ бронзою и инкрустаціей; мраморныя фигуры и группы; вазы яшмовыя и порфировыя, отдѣланныя бронзой; серебряныя группы, кружки и бокалы; золотыя табакерки съ эмалью и миніатюрами; гобелены и другіе предметы роскоши, особенно XVI, XVII и и XVIII столѣтій. **Я ВЫѢЗЖАЮ** на три лѣтнихъ мѣсяца во внутрь Россіи, для пріобрѣтенія означенныхъ предметовъ. Лично можно видѣть и письменно обращаться ежедневно, отъ 10 час. утра до 6 веч., кромѣ праздничн. дней. **СПБургъ, ФОНТАНКА**, рядомъ съ Мариинскимъ театромъ въ соб. д., № 53. Литера Б.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ, МОСКВѢ И ХАРЬКОВѢ **НОВАЯ КНИГА:**

ЧТО ЧИТАТЬ НАРОДУ?

КРИТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ ДЛЯ НАРОДНАГО И ДѢТСКАГО ЧТЕНІЯ.

Составленъ учительницами частной женской воскресной школы (въ Харьковѣ).

Указатель этотъ, заключающій въ себѣ 1.000 рецензій, дѣлится на 7 отдѣловъ: 1) Духовно-нравственный, 2) Литературный, 3) Естественно-научный, 4) Историческій, 5) Біографическій, 6) Географическій, 7) Земскій и народно-хозяйственный. Отдѣлы снабжены списками, распредѣляющими всѣ разобранныя въ нихъ книги по возрастамъ и степени грамотности читателей. Въ концѣ указателя, кромѣ двухъ алфавит. указателей по авторамъ и заглавіямъ книгъ, помѣщены три примѣрные каталога для библіотекъ начальныхъ школъ (бѣдной, достаточной и имѣющей нѣкоторыя средства). Спб. 1884, около 860 страницъ въ двѣ колонны мелкаго убористаго шрифта. **Цѣна 2 р.** М. № 3318

Главный складъ и продажа

(по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ)

АМЕРИКАНСК. НЕПРОМОКАЕМ. БѢЛЬЯ, которое несравненно практичнѣе обыкнов. полотняного; оно не требуетъ стирки и глаженья, а чистится мокрой тряпкой, при чемъ сохраняетъ глянцевитый видъ, какъ лучшее голландск. полотно и не впитываетъ въ себя чернильныхъ пятенъ.

Цѣны съ почтов. пересылкою:

Манжеты 1 р. 25 к. Грудь 1 р. 75 к. Воротникъ 75 к. Къ нимъ пуговицы новаго устройства изъ американскаго золота (никогда не чернѣющія) 2 руб. Для гг. военныхъ форменные воротники.

№ 3320 Вновь получены 6—1

Новые американскіе подтяжки, значительно удобнѣе всѣхъ прочихъ, устроенные на маленькихъ колесикахъ. При носкѣ совершенно не чувствительны; не давятъ въ плечахъ и не стѣсняютъ свободныхъ движеній при верховой ѣздѣ, катаньѣ на лодкѣ, билліардной игрѣ, гимнастикѣ и пр., и пр. Онѣ также рекомендуются и гг. медицинскими авторитетами. Многія лица, не могшія привыкнуть носить подтяжекъ, совершенно освоились съ предлагаемыми нами и остались весьма довольны ими.

Каждаго, нуждающагося въ новыхъ подтяжкахъ, мы просимъ обратить вниманіе на это новое и вполнѣ практичное изобрѣтеніе.

СКЛАДЪ РЕЗИНО ВЫХЪ ТОВАРОВЪ

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ

Большая Морская, 36.

По воскресеньямъ складъ закрытъ.

Въ книж. маг. **П. В. Луковникова**, СПБургъ, Фонтанка, д. 41. Поступили **новыя книги:**

АЛЬБОВЪ. ПОВѢСТИ. ц. 2 р. 1884 г.

НЕКРАСОВЪ. полн. собр. стихотвореній. ц. 3 р. 1884 г. № 3314 1—1

За пересылку взим. по разстоянію.

СПЕЦІАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ МАШИНАМИ

ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЬЯ

Г. М. ХУТТОНЪ и К°.

Москва, Большая Лубянка, д. Ивановскаго монастыря.

ПРАЧЕШНАЯ МАШИНА **35** Р.

Американ. паровые котлы отъ 6—15 руб.

Катки (для хозяйства) 30 руб.

„ (для заведеній и проч.) 23 руб.

Выжималки (для хозяйства) 18 руб.

„ (для заведеній и проч.) 28 руб.

КАКЪ И ДРУГІЕ ПРАКТИЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ХОЗЯЙСТВА.

При настоящемъ употребленіи, каждый аппаратъ исполняетъ свое назначеніе. Иллюстр. прейсъ-куранты по требованію. Иногородные заказы исполняются скоро и аккуратно. Упаковка безплатно. Ц. № 3300 3—1

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ

лучшій аппаратъ для тушенія пожаровъ зачаткѣ и поливки цвѣтовъ по 16 р. Упаковка 40 коп.

РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА

товарищества Буркгартъ и Урлаубъ, самая простая, дешевая, легкая и прочная настоящаго времени—имѣется у насъ на складѣ 10 разн. размѣровъ—наименьшая выбрасыв. 600 ведеръ воды въ часъ и стоитъ 115 р. Наибольшая—1800 ведеръ и стоитъ 400 р.

Насосы ручные приводные и паровые

для всѣхъ возможныхъ цѣлей.

ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЛЯ

лучшій паровой насосъ настоящ. времени.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МАШИНЪ ВСЯКАГО РОДА.

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ

С.-Петерб. В. О. 1 л. № 14. Москва, Мясницкая д. Сытова.

„Просимъ не смѣшивать ившу фирму съ другими, схожими на нашу по фамиліи“.

Иллюстр. катал. безплатно. № 3249 6—5

Дозволено цензурою. СПБ. 18 апрѣля 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 17 | годъ XV | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис) Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 28 Апрѣля 1884 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ" 1884 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку вокпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9.

И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 8 ч. ВЕЧЕРА.

Виды СПБурга. Община сестеръ Милосердія Св. Георгія, на Выборгской сторонѣ. Ориг. рис. съ натуры Н. Суслова, грав. М. Рашевскій

Библиотека "Руниверс"

Община сестеръ Милосердія св. Георгія.

(Рис. на стр. 389 и 392).

По размѣрамъ своей дѣятельности, по цѣлямъ ея, весьма замѣтное положеніе среди благотворительныхъ учрежденій столицы занимаетъ Община св. Георгія. Прямое назначеніе ея—оказывать медицинскую помощь недостаточнымъ жителямъ города въ возможно широкихъ размѣрахъ. Въ теченіи тринадцати лѣтъ Община выполняетъ свою прекрасную миссію и съ каждымъ годомъ улучшаетъ и расширяетъ кругъ своей дѣятельности.

Община вступила въ новую эру своей жизни съ переходомъ въ 1882 году въ новое помѣщеніе на Выборгской сторонѣ, гдѣ всѣ постройки теперь прекрасно приспособлены къ назначенію дѣятельности Общины, которая, кромѣ того, получила тогда же Высочайше утвержденный уставъ, узаконившій окончательно ея дѣятельность.

Все пространство между Оренбургской улицей и Большой Невкой было очищено, оздоровлено и на немъ построены бараки Общины, одинъ изъ коихъ изображенъ на нашемъ первомъ рисункѣ. Нижній этажъ бараковъ каменный, съ террасой, сообщающейся съ первымъ этажемъ; помѣщеніе для больныхъ въ каждомъ баракѣ расчитано на 60 человѣкъ; строены они по плану архитектора Садовникова. Каменное зданіе клиники (также изображенное на рисункѣ) переданное Общинѣ въ крайне неудовлетворительномъ видѣ, теперь окончательно перестроено и отдѣлано заново со всѣми приспособленіями. На рисункѣ нашемъ можно видѣть изображенія отдѣльныхъ помѣщеній зданія: залъ для приходящихъ больныхъ и кабинеты докторовъ, ибо весьма важную часть дѣятельности Общины представляетъ ея лечебница для приходящихъ, съ консультаціями и даровой раздачей лекарствъ. Больница Общины пріобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ все большую извѣстность среди населенія и число посѣтителей въ 1883 году дошло уже до 125 тыс. человѣкъ. Больные, обращающіеся за помощью, получаютъ здѣсь такой уходъ и заботы, какія для людей съ ограниченными средствами—на дому не мыслимы.

Давая безплатный пріютъ съ даровымъ содержаніемъ и леченіемъ бѣднѣйшимъ жителямъ столицы, Община прежде всего оказываетъ огромную услугу санитарному состоянію города. Для самой же Общины больница ея служитъ лучшею практическою школою, гдѣ сестры милосердія, вступившія уже на поприще служенія и испытуемыя во время ежедневныхъ дежурствъ, на практикѣ обучаются правильному уходу за больными. Больница эта—необходимое и полезнѣйшее добавленіе къ курсамъ, которыя учреждены для сестеръ милосердія. Къ каждому тяжелому больному, для ознакомленія со способами ухода, леченія и перевязки, въ качествѣ куратора, назначается одна изъ сестеръ, на обязанности ея и лежитъ ежедневное наблюденіе за больнымъ, ходомъ леченія и т. п. Это дѣлаетъ изъ сестеръ впослѣдствіи незамѣнимыхъ помощницъ врача и лучшихъ дѣятельницъ въ интересахъ больныхъ.

Учрежденія Общины доведены до значительной степени совершенства. Интересующіеся дѣятельностью этого благодѣтельнаго, истинно-образцоваго учрежденія всегда могутъ подробно ознакомиться со всѣми подробностями устройства этихъ учрежденій.

Прекрасная, уставленная цвѣтами и растеніями, домовая церковь Общины, представлена на нашемъ рисункѣ (стр. 392); также и другія отдѣленія Общины, какъ обширная, свѣтлая столовая, главная кухня, гдѣ учатся готовить и занимаются также сами сестры. Слѣва видна одна изъ малыхъ пріемныхъ, изъ которой двери ведутъ въ кабинеты докторовъ. Въ теченіи минувшаго года, напр., въ больницу Общины поступило около 1000 больныхъ. Изъ этого уже можно видѣть размѣры благодѣтельной дѣятельности Общины. Желательно, чтобы это прекрасное учрежденіе нашло себѣ содѣйствіе общества, ибо средства Общины не дозволяютъ все же дѣйствовать въ требуемыхъ размѣрахъ. Въ нынѣшнемъ, напр., году, вслѣдствіе увеличенія расходовъ Община должна была значительно сократить размѣры своей дѣятельности и объ этомъ нельзя не пожалѣть глубоко.

Студентъ.

Поэма **А. А. Фета.**

(Посвящается **С. П. Х—о**).

I

Гляжу на васъ я, умница моя,
Какъ на своемъ болѣзненномъ вы ложѣ
Откинулись, раздуміе тая,
А противъ васъ, со сказочникомъ схоже,
И бормочу и вспоминаю я
О временахъ, какъ былъ я молодъ тоже;
Когда не такъ казалась жизнь пуста,
И просятся октавы на уста.

II.

Я былъ студентомъ. Жили мы вдвоемъ
Съ товарищемъ московскимъ, въ антресолѣ
Родителей его. Ихъ старый домъ
Стоялъ близь сада, на Дѣвичьемъ полѣ.
Насъ старики любили, и во всемъ
Предоставляли жить по нашей волѣ,—
Лишь наверху; когда-жь сходили внизъ,
Быть скромными, таковъ былъ нашъ девизъ

III

Нельзя сказать, чтобъ тяжкіе грѣхи
Насъ удручали. Онъ долбилъ тетрадки,
Да Гегеля читалъ; а я стихи
Кропалъ; стихи не выходили гладки.
Но, Боже мой, какъ много чепухи
Болтали мы; какъ намъ казались сладки
Поэты, насъ затронувшіе всѣ:
И Лермонтовъ, и Байронъ, и Мюссе.

IV.

И былъ ли я разсѣянъ отъ природы,
Или застѣнчивъ, не могу сказать,
Но къ женщинамъ не льнулъ я въ эти годы,
Его-жь и Гегель самъ не могъ унять;
Чуть женщины—лишь не совсѣмъ уроды—
Глядишь влюбленъ, уже влюбленъ опять.
На лекціи идемъ,—бранюсь я вволю,
А онъ въ припрыжку по пустому полю.

V.

По праздникамъ ѣзжали къ старикамъ
Различныя почтительныя лица
Изъ сослуживцевъ старыхъ и ихъ дамъ,
Бывала также томная дѣвица
Изъ институтскихъ. По ея словамъ
Былъ Ламартинъ всѣхъ ярче какъ денница,
Двѣ дѣвочки,—и ту, что поблѣднѣй,
Звала хозяйка крестницей своей.

VI.

Свершали годы свой обычный кругъ,
Гамлетъ-Мочаловъ сотрясалъ насъ бурно,
На фортепьянахъ игрывалъ мой другъ,
Пѣвала Лиза,—и подчасъ недурно—
И уходила подъ вечеръ.—Но вдругъ
Судьбы встряхнулась роковая урна.
—„Вы слышали? А я отъ нихъ самихъ.
Вѣдь къ Лизанькѣ присватался женихъ!“

Библиотека "Руниверс"

VII.

„Не говорятъ худаго про него,
Съ имѣніемъ, хоть небольшаго чину;
У генерала служитъ своего,
Ведетъ себя какъ должно дворянину:
Ни гадкихъ картъ, ни прочаго чего.—
Серебряную подарю корзину
Я ей свою большую.—Что-жь мнѣ дать?
Я крестная, а не родная мать".

VIII.

Женихъ! женихъ! Коляска подъ крыльцомъ.
Отецъ и дочка входятъ съ офицеромъ.—
Не вышелъ ростомъ, не красивъ лицомъ,
Но могъ бы быть товарищамъ примѣромъ:
Весь раздушенъ, хохолъ торчитъ вихромъ,
Торчатъ усы изысканнымъ маперомъ,
И воротникъ какъ жаръ, и бѣлый кантъ,
И сахара бѣлѣе аксельбантъ.

IX.

„Вотъ Лизанька! Богъ далъ и женишка!
А вы ее, мой милый, берегите,
Ребенокъ вѣдь! Немножечко дика,
Неопытна,—на насъ ужъ не взыщите".—
А мнѣ ея отецъ: „Вы старика
Утѣшьте, вы и ей не откажите,
Мы съ Лизою рѣшились васъ просить,
Съ крестовымъ братомъ шаферами быть.

X.

Ты, Лизанька, ужъ попроси сама,
Вы, кажется, другъ другу не чужіе,
Старинной дружбой связаны дома,
А съ крестнымъ братомъ даже и родные".
— „Я васъ прошу".—„Ахъ, Боже, дѣла тьма.
Пора и дальше, люди молодые,
И къ тетушкѣ мнѣ нужно васъ завесть.—
Такъ по рукамъ?"—Благодарю за честь.

XI.

Горитъ огнями весь иконостасъ,
Хрустальное блеститъ паникадило
И дьякона за хоромъ слышенъ басъ...
Она стоитъ и вѣки опустила,
Но такъ блѣдна, что поражаетъ глазъ;
Испугана-ль она иль загрустила?
Мы стали цѣпью всѣ, чтобы народъ
На нашихъ дамъ не налѣзалъ впередъ.

XII.

„Гдѣ-жъ мой платокъ?" старикъ воскликнулъ нашъ,
„Дай мнѣ хоть свой; отдамъ тебѣ на балѣ.—
Что возишься! Да скоро-ли подашь?
— Ну дайте вы, хоть вы бы отыскали."
— Да не найду.—„Вотъ завели cache—cache!"
— И у меня! и у меня украли!—
„Обчистили? Народецъ то каковъ!"—
Вся наша цѣпь безъ носовыхъ платковъ.

XIII.

Стою, да мелькомъ на нее взгляну;
Знать отъ свѣчей ей томно,—отъ угара.
И жалко, жалко мнѣ ее одну,
Но жалко тожь индѣйскаго фуляра.—
— А не такую бы ему жену.—
Пожалуй, что она ему не пара.—
Вотъ повели кругомъ ихъ наконецъ
И я топчусь, держа надъ ней вѣнецъ.

XIV.

Все кончено. Пустѣетъ Божій храмъ.—
Подробностей ужъ не припомню далѣ
Но помню, что съ товарищемъ я тамъ,
У нихъ въ дому, на свадебномъ ихъ балѣ,
Стою въ гостиной полусвѣтлой самъ,
А музыка гремитъ и танцы въ залѣ,
Не знаю что сказать, а предо мной
Давнишняя подруга молодой.

XV.

„Пойдемте вальсъ! Вы не хотите? Нѣтъ?
Но вы должны,—вѣдь я вознегодую...
Вы сердитесь за давишній отвѣтъ?"
— Я не сержусь; я просто не танцую.—
„Ну дайте-жъ руку! ссориться не слѣдъ.—
Та къ сердцу ближе.—Руку ту,—другую".
И безъ перчатки стала хлопотать,
Чтобы съ моей руки перчатку снять.

XVI.

Но тутъ товарищъ мой влетаетъ въ дверь:
„Вотъ гдѣ они! Куда запропастились.
Васъ кавалеръ, какъ разъяренный звѣрь,
Повсюду ищетъ.—Вы бъ поторопились.
Да ты то что? Не кисни хоть теперь,
Ступай за мной; тамъ словно взбѣленились".
— Нѣтъ, ужъ уволь. Тебѣ оно подъ стать,
Ты по полю давно привыкъ плясать.—

XVII.

Вотъ грянула мазурка.—Я гляжу,
Какъ королева средневѣковая,
Вся въ бархатѣ, туда гдѣ я сижу
Сама идетъ поспѣшно молодая
И говоритъ: „Пойдемте, я прошу
Васъ на мазурку". Голову склоняя,
Я подалъ руку. Входимъ, стульевъ шумъ
И музыка гремитъ свое румъ-румъ.—

XVIII.

Вы, кажется, не въ духѣ?—„Я? Ничуть,
Напротивъ, я повеселиться рада,
Въ послѣдній разъ".—И молодая грудь
Дохнула жарко.—„Мнѣ движенья надо:
Безъ устали помчимся! отдохнуть
Успѣю послѣ тамъ, въ гортани ада".
Да что вы говорите?—„Вѣрьте мнѣ,
Я не въ бреду и я въ своемъ умѣ.

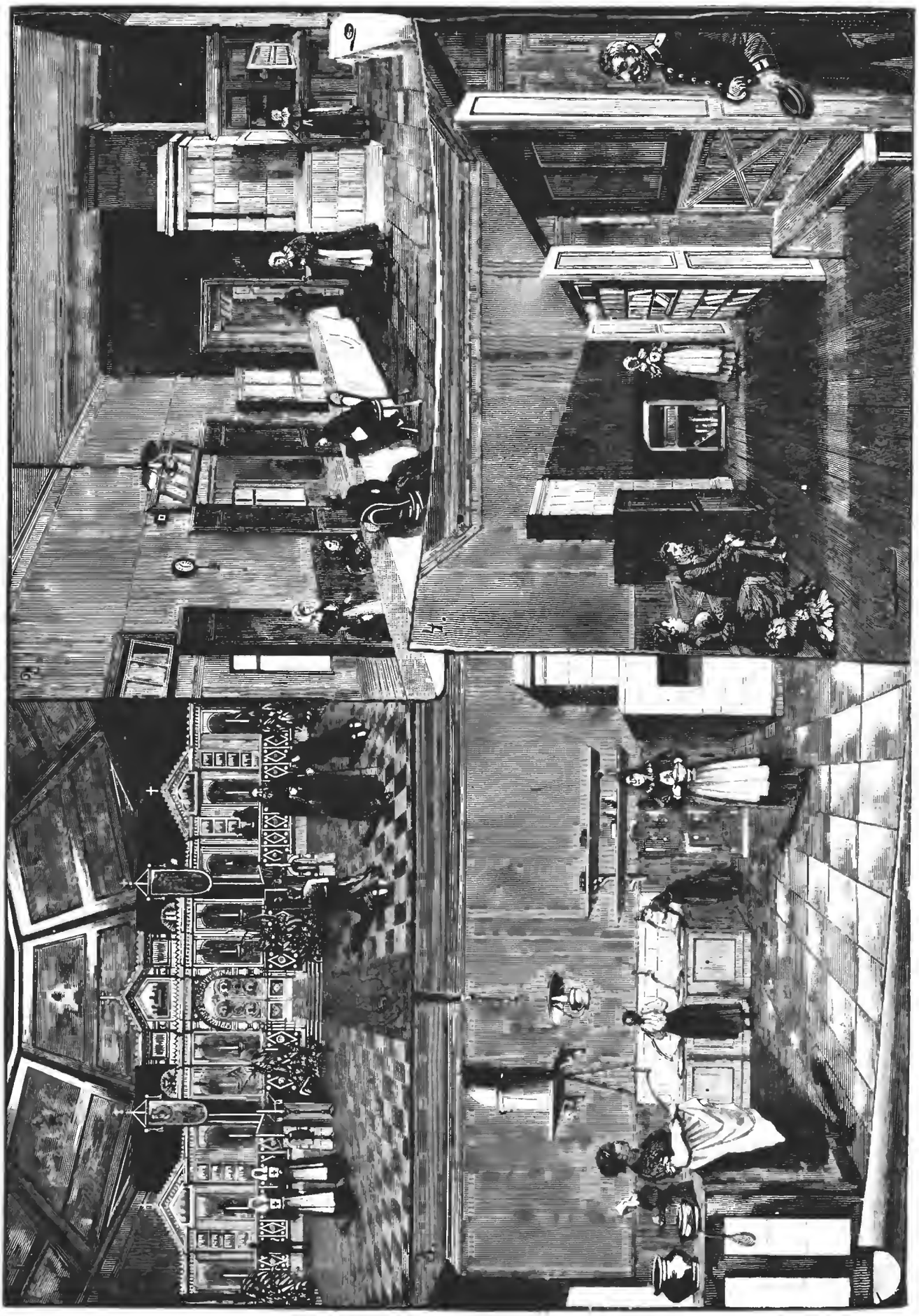
XIX.

А хоть въ бреду, безгрѣшенъ этотъ бредъ!
Несчастію не я теперь виною,
И говорить о немъ уже не слѣдъ;
Умру и тайны этой не открою.
Тутъ маменька, виновница всѣхъ бѣдъ,
Распорядиться ей хотѣлось мною.
Я поддалась,—всю жизнь свою сгубя.—
Я влюблена давно!"—Въ кого? „Въ тебя!"

XX.

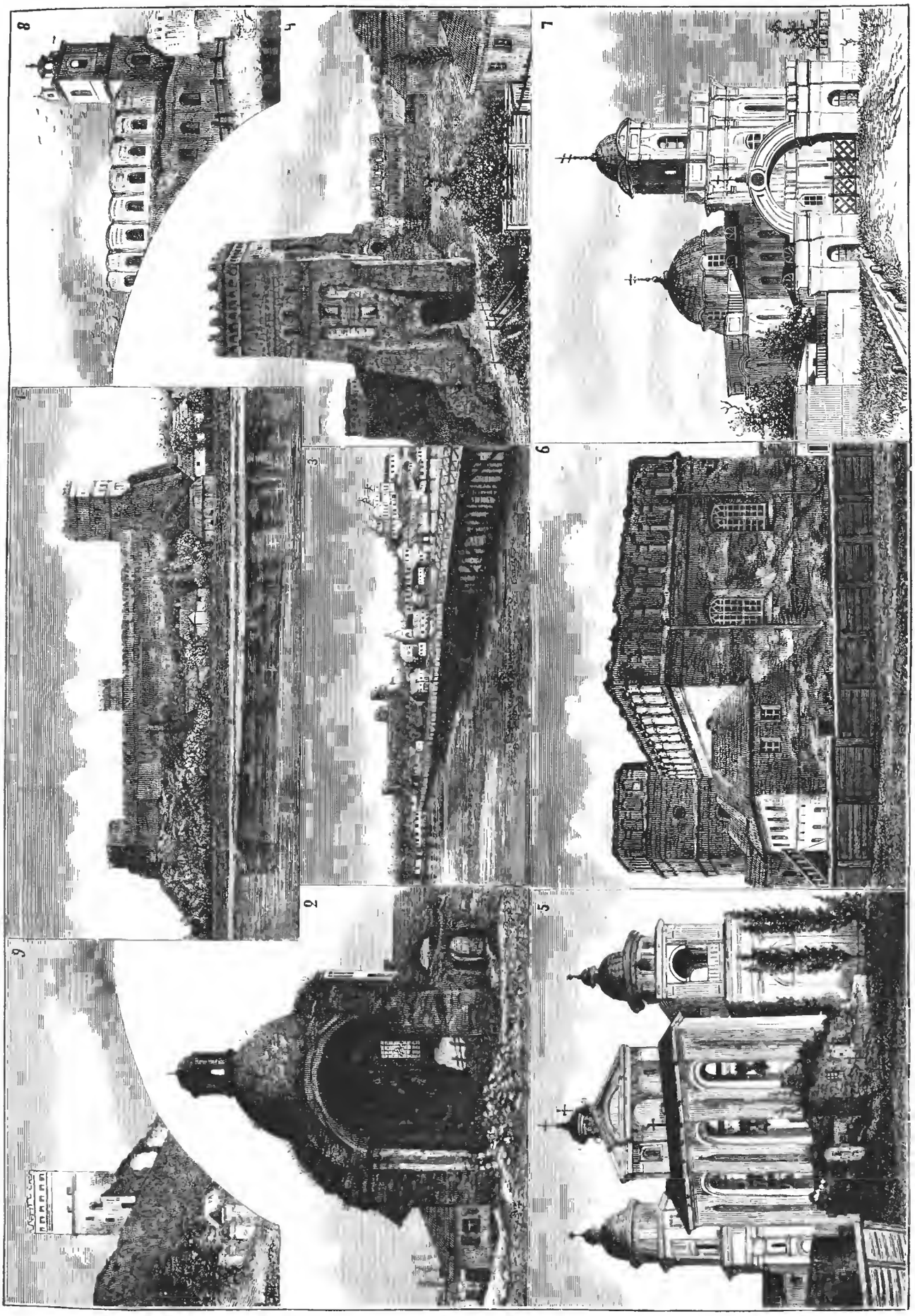
И мы неслись подъ пламенные звуки,
И, Боже мой! какъ дивно хороша
Она была! и крѣпко наши руки
Сжимались,—и на встрѣчу къ ней душа
Моя неслась въ томленьи новой муки—
— И я тебя люблю! едва дыша,
Я повторялъ. Что намъ людская злоба!
Взгляни въ глаза мнѣ; твой,—я твой до гроба!

Библиотека "Руниверс"



Община сестеръ Милосердія Св. Георгія. Внутреннее устройство. Орит. рис. съ натуры И. Суслова, грав. М. Рашевскій.
1) Церковь Общины Св. Георгія, 2) Столовая Общины. 3) Главная кухня Общины. 4) Малая пріемная и кабинетъ докторовъ для освидѣтельствованія больныхъ.

Библиотека "Руниверс"



Виды г. Луцка (Волынск. губ.). Орит. рис. съ натуры В. Гадона, грав. М. Рашевскій.

1) Замокъ. 2) Развалины церкви Базиліанскаго ордена. 3) Видъ на городъ съ предм. Краснаго. 4) Сѣверная башня замка. 5) Костелъ Св. Троицы. 6) Еврейская синагога. 7) Русскій Святоуховскій соборъ. 8) Колокольня костела Троицы. 9) Южная башня замка.

Библиотека "Руниверс"

XXI.

Что было дальше, грустно говорить
И совѣстно. Пришлось намъ поневолѣ
Съ товарищемъ усерднѣе ходить
Въ домъ, гдѣ бывали рѣдко мы дотолѣ.
Тотъ все виномъ старался угостить;
Пьешь и душа сжимается отъ боли,
Да къ всенощной спѣшишь, чтобъ какъ нибудь
Хоть издали разокъ еще взглянуть.

XXII.

О, сладкій, намъ знакомый шорохъ платья
Любимой женщины, о какъ ты милъ!
Гдѣ-бъ могъ ему подобіе прибрать я
Изъ радостей земныхъ? Весь сердца пылъ
Къ нему летитъ, раскинувши объятья.
Я въ немъ разцвѣтъ какой-то находилъ.
Но въ двадцать лѣтъ, какъ несказанно дорогъ
Краснорѣчивый, легкій этотъ шорохъ!

XXIII.

Любить всегда отрадно, но писать—
Такая страсть у любящихъ къ чему же?
Вѣдь это прямо дѣло выдавать,
И ничего не выдумаешь хуже.
Казалось бы, ну какъ не помышлять
О братѣ, объ отцѣ или о мужѣ?
Въ затмѣніи влюбленные умы,
И ревностно писали тоже мы.

XXIV.

Я помню живо, въ самый Новый годъ
Она мнѣ пишетъ: я одна скучаю,
Мужъ ѣдетъ въ клубъ; я выйду изъ воротъ
Одѣтая крестьянкою, и къ чаю
Приду къ тебѣ. Коль спроситъ вашъ народъ,
Вели сказать, что изъ роднаго краю
Зашла къ тебѣ кормилицына дочь.—
Укутаюсь—и не замѣтятъ въ ночь.

XXV.

Съ товарищемъ переглянулись мы;
Хотя не очень прытки были сами,
Но видимъ ясно: этой кутерьмы
И бабушка не разведетъ бобами.
Практическіе подлинно умы!
Нашли исходъ! рядиться мужиками.
Голубушка! Я звать ее не могъ;
Я не себя,—ее я поберегъ.

XXVI.

А время шло. Кто любитъ такъ, не знаетъ
Чего онъ ждетъ, чѣмъ мысль его кипитъ.
Спросите вы у дома, что пылаетъ:
Что онъ ждетъ? Не ждетъ онъ, а горитъ,
И темный дымъ весь искрами мелькаетъ
Надъ нимъ, а онъ весь пышетъ и стонтъ.
Надолго-ли огни и искры эти?
— Надолго-ли?—Надолго-ль все на свѣтѣ?

XXVII.

Однажды мы сидѣли наверху
Съ товарищемъ, витая въ думахъ нѣжныхъ—
Вдругъ горничная.—Весь платокъ въ снѣгу,
Лице у ней блѣднѣе хлопьевъ снѣжныхъ.—
— Да что ты? „Все пропало! Быть грѣху;
Всѣ письма отыскалъ онъ въ нотахъ прежнихъ,
Да какъ пошелъ,—въ столахъ, въ шкапахъ, въ трюмо
И въ туфляхъ даже, глядь,—сидитъ письмо.

XXVIII.

Подъ крикъ его и гамъ тутъ горькихъ слезъ
Изъ дѣвичьей я слышала не мало.
Не треснулъ ли ее проклятый песъ!
Онъ самъ ушелъ. Въ испугѣ написала
Вамъ тутъ она.—Не помню, какъ донесъ
Меня Господь. Отвѣтъ я обѣщала.
Прочтите же; а я пока пойду
И за калиткой стану—подожду.“

XXIX.

Читаю: „Все провѣдалъ этотъ звѣрь.
Съ тобою онъ стрѣляться вѣрно станетъ;
И если ты убьешь его теперь,—
Тогда, тогда и счастіе настанетъ.
Я вѣрую, ты тоже сердцемъ вѣрь,
Оно меня, я знаю, не обманетъ.
Я убѣгу въ деревню за тобой
И тамъ твоею стану я женой.

XXX.

А послѣ-завтра въ восемь приходи
На монастырь и стань тамъ у забора
И на калитку съ улицы гляди,
—Хоть на часокъ уйду изъ подъ надзора,—
Стой тамъ въ тѣни и терпѣливо жди,
Какъ восемь станетъ бить, приду я скоро.
Не даромъ злые видѣла я сны!
Но вѣрь ты мнѣ, мы будемъ спасены“.

XXXI.

Безъ опыта, безъ денегъ и безъ силъ,
У чьей груди я могъ искать спасенья?
Серебряный я кубокъ свой схватилъ,
Что подарила мать мнѣ въ день рожденья
И пѣнковую трубку, что хранилъ
Въ чахлѣ, какъ рѣдкость полную значенья;
Былъ и бинокль туда же пріобщенъ
И съ репетиромъ золотой Нортонъ.

XXXII.

Тебѣ въ могилу тихую привѣтъ,
Мой старый другъ, я, старецъ, посылаю.
Ты былъ у насъ деканомъ много лѣтъ,
Къ тебѣ бывало ѣду и читаю
Я грѣшные стихи, пускаясь въ свѣтъ,
И за полночь мы за стаканомъ чаю
Сидимъ, вникаемъ въ Римскаго пѣвца...
Тебя любилъ и чтилъ я какъ отца!

XXXIII.

Зачѣмъ всю дрянь къ наставнику я везъ?
Но лишь вошелъ, онъ крикнулъ мнѣ: „Что съ вами?“
Я объяснилъ, какъ могъ, повѣся носъ,
И вдругъ какъ мальчикъ залился слезами.
Меня онъ обнялъ и почти донесъ
До кресла. Самъ онъ съ влажными глазами
И съ кроткой рѣчью, полною любви,
Сталъ унимать рыданія мои.

XXXIV.

—Спасти ее!—я только могъ твердить.
„Спасти то нужно васъ; разстроить эту
Безумную попытку. Заложить
Немедленно я прикажу карету...
Инспектора васъ въ карцеръ посадить
Я попрошу на мѣсяцъ по секрету.
Когда своей не жаль вамъ головы,
То хоть ее то не губите вы.“

Библиотека "Руниверс"

XXXV.

Давно стою, волнуясь, на часахъ,
И смотритъ ярко мѣсяцъ съ тверди синей,
Спитъ монастырскій дворъ въ его лучахъ,
Съ церковныхъ крышъ блеститъ колючій иней.
Удастся ли ей вырваться то? Ахъ!
И олуха такого быть рабыней!
На колокольнѣ ровно восемь бьетъ;
Вотъ заскрипѣлъ слегка снѣжокъ... Идетъ!

XXXVI.

Откинула покровъ она съ чела
И мѣсяцъ свѣтомъ ликъ ей обдалъ чистый.
Уже моихъ колѣнъ ея пола
Касается своей волной пушистой
И на плечо ко мнѣ она легла
И разомъ кругъ объялъ меня душистый;
И молодость, и дрожь, и красота,
И въ поцѣлуѣ замерли уста.

XXXVII.

И я ворвался въ этотъ міръ цвѣтовъ,
Волшебный міръ живыхъ благоуханій,
Горячихъ слезъ и устъ, рѣчей безъ словъ,
Міръ счастія и пылкихъ упованій,
Гдѣ какъ во снѣ таинственный покровъ
Отъ насъ скрываетъ всю юдоль терзаній.
Нельзя душой и блекнуть, и цвѣсти—
Я въ этотъ мигъ не могъ сказать „прости".

XXXVIII.

А вамъ не жаль? Чего? спросить бы надо:
Что былъ я глупъ, или что сталъ умнѣй?
Какая же за это мнѣ награда?
Бывало точно и не спишь ночей,
Но сладокъ былъ и самый кубокъ яда.
Зато теперь, чѣмъ дальше, тѣмъ горчѣй,
Все тѣ же рельсы и машина та же
И мчитъ тебя какъ чемоданъ въ багажѣ.

XXXIX.

Дня черезъ два хозяйка за столомъ
Вдругъ говоритъ: „А наши молодые
Уѣхали—и старики вдвоемъ
Остались. Онъ сказалъ, что тамъ большія
Въ деревнѣ хлопоты у нихъ. Кругомъ
Падежъ скота и есть дѣла другія.
А вы чѣмъ сыты, молодой народъ,
Что капельки вы не берете въ ротъ?

XL.

Затѣмъ, затѣмъ—насталъ конецъ. А вы
Простите, если сказка надоѣла.
Я скоро самъ уѣхалъ изъ Москвы
И мнѣ писали: Лиза овдовѣла.
Позднѣй искалъ я милостей вдовы,
Но свидѣться она не захотѣла.
Болтали:—Тамъ... какой-то генералъ...
А можетъ быть, кто говорилъ—совралъ.

Недолгое счастье.

Повѣсть

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

(Продолженіе).

III.

Въ департаментѣ, равно какъ и въ подвѣдомственномъ ему комитетѣ для ученыхъ занятій, свободнаго времени дѣвать было некуда. Большая часть чиновниковъ занималась преимущественно гуляньемъ по парно въ залахъ и корридорахъ и курила папиросы съ такимъ остервенѣніемъ, что у всѣхъ почти указательный палецъ желтѣлъ какъ янтарь.

Первымъ дѣломъ Чемезова было заняться пересмотромъ повѣсти *„Отверженный"*. Ему помнилось, въ ней, не смотря на очевидно слабыя стороны, были мѣста, писанныя когда-то съ увлеченьемъ. Онъ прилежно сѣлъ за работу. Тутъ убѣдился онъ, что пришлось все передѣлать отъ начала до конца. Но странное дѣло, никакъ не предполагалъ онъ, чтобы такъ трудно давалась работа. Все, кажется, ясно представляется воображенью, такъ вотъ передъ собою и видишь,—рукой схватить хочется; начнешь писать—выходитъ совсѣмъ не то, иногда даже совсѣмъ ничего не выходитъ! Онъ одновременно обдумывалъ сюжетъ, или, какъ говорится, „мотивъ" другой повѣсти: *„Разбитая жизнь"*, но стѣснялся начинать, не зная рѣшительно какъ приступить къ женскому характеру. Ему невольно приходилъ на память анекдотъ, разсказанный Ефремовымъ, съ которымъ онъ тогда только что познакомился: начальникъ, распекая подчиненнаго, замѣшавшагося въ исторію съ женщинами, сказалъ ему: „Вы, милостивый государь, слава Богу, не ребенокъ; вамъ пора бы знать женщинъ! Вы развѣ женщинъ не знаете?"...—„Помилуйте, ваше превосходительство, смиренно возразилъ подчиненный,—получая всего триста рублей въ годъ жалованья,—могу ли я знать ихъ!"...

Чемезовъ могъ бы тоже отвѣтить; у него былъ только другой поводъ; не столько стѣсняли его матерьяльныя средства въ этомъ отношеніи, сколько недостатокъ общественности, врожденная робость и главное, наконецъ, —мѣшала привычка внутренно съеживаться, уходить въ себя какъ улита отъ малѣйшаго прикосновенія къ ея раковинѣ.

Начитавшись романовъ, гдѣ преимущественно описывались женщины, и трудолюбиво дѣлая отмѣтки тамъ, гдѣ черты женскаго характера отвѣчали характеру его героини (мѣстами черты и душевныя движенія были такъ близки къ тому, что онъ желалъ выразить, что казалось ему, онъ самъ сочинилъ ихъ),—Чемезовъ наконецъ побѣдилъ трудность.

Повѣсть *„Разбитая жизнь"*, переписанная бисернымъ почеркомъ, которымъ отличался Чемезовъ, лежала на столѣ Все это было прекрасно; но предстояло теперь дѣло также не послѣдней важности; оставалось—шутка сказать!—устроить рукопись, помѣстить ее въ одномъ изъ журналовъ! Чемезовъ никого не зналъ изъ лицъ литературнаго круга. Послѣ долгихъ колебаній рѣшился онъ наконецъ отправиться въ редакцію ближайшаго журнала. Онъ, къ тому же, казался ему почему то скромнѣе другихъ.

Прикоснувшись къ звонку редакціи, Чемезовымъ овладѣло ощущеніе, совершенно обратное тому, какое испытываютъ лица, одержимыя зубною болью, при входѣ къ дантисту; зубная боль, говорятъ, мгновенно проходитъ. Чемезовъ почувствовалъ усиленное волненіе; даже пальцы похолодѣли и защемило подъ ложечкой.

— Что вамъ угодно? спросилъ лакей, отворяя дверь въ темную прихожую, увѣшанную по стѣнамъ шинелями.

— Мнѣ хотѣлось бы видѣть господина редактора...

— Дома нѣтъ! отрѣзалъ лакей.

Въ эту самую минуту изъ боковой двери показался толстый господинъ, надѣвавшій перчатку.

Библиотека "Руниверс"

— Что вамъ угодно? обратился онъ къ Чемезову.

— Вы господинъ редакторъ?..

— Да; но извините, пожалуйста, мнѣ теперь некогда; я сейчасъ долженъ уйти...

— Я принесъ рукопись... Мнѣ бы хотѣлось...

— Очень хорошо-съ; оставьте ее здѣсь. Зайдите недѣли черезъ три... или нѣтъ, лучше черезъ мѣсяцъ.

— Черезъ мѣсяцъ?! невольно вырвалось у Чемезова.

— Васъ, кажется, это удивляетъ?.. проговорилъ редакторъ, надѣвая шляпу,—нельзя же такъ: взять да и напечатать! Согласитесь сами... Надо сначала прочесть, просмотрѣть... Мое почтенье! заключилъ онъ, торопливо выходя на лѣстницу.

Чемезовъ оставилъ рукопись, надписавъ на ней свой адресъ.

Но прошелъ мѣсяцъ и не было отвѣта.

Думая, что рукопись не успѣли еще прочесть, находя также неловкимъ налегать и торопить для перваго раза, Чемезовъ принялся съ новымъ усердіемъ за окончательную обдѣлку и переписку первой своей повѣсти: *„Отверженный“*.

Онъ понесъ ее въ другую редакцію.

На этотъ разъ встрѣтилъ его господинъ, коротко обстриженный подъ гребенку, съ тощимъ лицомъ, усыпаннымъ веснушками, и носикомъ съ пуговку, украшеннымъ pince-nez; послѣдній никакъ не хотѣлъ держаться, поминутно соскакивалъ и снова нетерпѣливо насаживался своимъ владѣльцемъ.

— Вы—господинъ редакторъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ... я секретарь редакціи,—но это совершенно все равно-съ,—поспѣшилъ онъ прибавить.

Чемезовъ смиренно подалъ рукопись. Названіе повѣсти повидимому непонравилось секретарю; онъ кисло улыбнулся.

— Прекрасно переписано, сказалъ онъ перевертывая листы,—сами переписывали?...

— Самъ-съ.

— Прелестно! Легко будетъ читать. Раньше однако-жъ недѣли невозможно... Заходите черезъ недѣлю, въ будущую субботу около этого часа, вы получите отвѣтъ.

Въ назначенный день и часъ Чемезовъ отправился къ секретарю редакціи.

— Здравствуйте, сухо проговорилъ секретарь; и порывшись въ грудѣ взъерошенныхъ бумагъ, подалъ ему рукопись, прибавивъ:

— Редакторъ поручилъ передать обратно.. Извините пожалуйста, я теперь очень занятъ...

— Я желалъ бы знать, однакожъ... оторопѣвшимъ голосомъ началъ Чемезовъ.

— Ахъ Боже мой!—чего же вы хотите? Повѣсть ваша негодится!—Редакторъ говоритъ: въ ней нѣтъ тѣни наблюдательности съ живой жизни, раздраженно перебилъ секретарь,—это мнѣніе редактора, а не мое; я вашей повѣсти не читалъ. Редакторъ утверждаетъ, что въ цѣломъ повѣсть отзывается чѣмъ-то мертвымъ, сочиненнымъ...

— Помилуйте, я тутъ почти ничего не сочинялъ, писалъ прямо съ натуры... воскликнулъ Чемезовъ, задѣтый за живое.

— Можетъ быть; только,—какъ видите,—ничего изъ этого не вышло, рѣзко отвѣтилъ секретарь.

Чемезовъ вышелъ на улицу крѣпко сжимая челюсти. На лицѣ его, всегда мутно-блѣднаго цвѣта, показалось нѣсколько красныхъ пятенъ. Онъ меньше чувствовалъ раздраженія, чѣмъ какого-то пристыженнаго чувства. Самолюбіе было сильно задѣто, но главнымъ образомъ, его огорчали зарождавшееся сомнѣніе въ самомъ себѣ, обманутыя надежды, безполезность труда, потребовавшаго столькихъ напряженныхъ усилій. „Быть не можетъ, чтобы была тутъ одна: „мертвѣчина“ какъ онъ выразился; я писалъ припоминая собственныя впечатлѣнія; все это было пережито и перечувствовано!“... разсуждалъ онъ самъ съ собою.

Немного успокоившись, онъ на другой день, понесъ *„Отверженнаго“* въ редакцію журнала: *„Созерцатель“*.

Спустя мѣсяцъ тамъ также отказались печатать повѣсть. Поводомъ служили тѣже причины: „Нѣтъ живаго лица; натяжка отъ начала до конца; вездѣ сочиненіе, риторика!“...

О другой повѣсти: *„Разбитая жизнь“*, до сихъ поръ между тѣмъ не было ни слуху, ни духу. Дни проходили за днями, недѣли за недѣлями,—повѣсть не появлялась въ печати. Чемезовъ послалъ письмо, но не получилъ отвѣта. Онъ снова написалъ,—результатъ былъ тотъ-же. Онъ рѣшился наконецъ самъ отправиться.

Его встрѣтилъ тотъ-же лакей и, не давъ проговорить слова, объявилъ, что редактора не было дома.

— Я пришелъ узнать на счетъ моей рукописи; я нѣсколько разъ писалъ, но не получалъ отвѣта; мнѣ непремѣнно надо знать... началъ Чемезовъ возвышая голосъ.

— Кто тамъ?... отозвался кто-то изъ сосѣдней комнаты и на порогѣ распахнувшейся двери показалась знакомая толстая фигура редактора.

— А, это вы?.. Сейчасъ! произнесъ онъ также быстро исчезая за дверью. „Ефимъ! Ефимъ!!“... подхватилъ его голосъ изъ глубины сосѣдней комнаты.

Лакей побѣжалъ, оставивъ въ передней недоумѣвающаго Чемезова. Минуту спустя лакей вернулся съ толстой тетрадью въ рукахъ.

— Ваша?

— Моя...

— Извольте взять... возвратить приказано.

— Но мнѣ хотѣлось-бы поговорить съ господиномъ редакторомъ, спросить у него...

— Заняты; никого сегодня не принимаютъ, лаконически возразилъ лакей отворяя дверь на лѣстницу.

Несмотря на то, что Чемезовъ былъ сильно озадаченъ, онъ не упалъ однако-жъ духомъ, какъ въ тотъ разъ, когда получилъ отказъ въ печатаніи повѣсти: *„Отверженный“*.

Первое произведеніе дѣйствительно могло быть неудачно; опытности недоставало! Вторая повѣсть безспорно была основательнѣе задумана и лучше обработана; въ нее,—мимо соблюденія литературныхъ условій, пріобрѣтенныхъ нѣкоторымъ опытомъ, положены были наконецъ всѣ чувства,—и тѣ которыя тревожили его дѣтство, и тѣ которыя волновали въ Петербургѣ. Работая по ночамъ надъ повѣстью: *„Разбитая жизнь“*, недаромъ отрывался онъ отъ рукописи, чтобы успокоиться отъ волненія и утирать щеки, увлажненныя слезами. Внутренній голосъ поддерживалъ въ немъ вѣру въ этотъ послѣдній трудъ. Толстый редакторъ, безъ сомнѣнія, завладѣлъ только рукописью и не заглянулъ въ нее,—а если и далъ себѣ трудъ читать,—то такъ, зря, черезъ страницу. Мнѣніе его, наконецъ, не можетъ еще считаться конечнымъ приговоромъ.

Успокоивъ себя такимъ образомъ, Чемезовъ подумалъ прибѣгнуть къ новому журналу, издававшемуся подъ редакціей литераторовъ болѣе или менѣе извѣстныхъ. Главнымъ редакторомъ былъ писатель съ громкимъ именемъ; каждое произведеніе его встрѣчалось съ восторгомъ и Чемезовъ былъ въ числѣ самыхъ горячихъ его почитателей.

„Здѣсь, по крайней мѣрѣ, будешь имѣть дѣло съ авторитетомъ; узнаешь правду, получишь настоящую оцѣнку“... думалъ Чемезовъ.

Въ редакціи его встрѣтили очень привѣтливо; рукопись принялъ молодой человѣкъ и просилъ прійти за отвѣтомъ черезъ два дня въ два часа.

Въ этотъ день, въ министерствѣ происходило какое-то экстренное засѣданіе; въ немъ участвовало все начальство департамента и учебнаго комитета, такъ что Чемезову ничего не стоило урваться на полчаса; большая часть чиновниковъ и безъ того разбѣжалась.

Библиотека "Руниверс"

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худож. „Ермакъ“. Статуя Кафки Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Молодой человѣкъ, принявшій рукопись, ввелъ Чемезова въ просторный кабинетъ, уставленный кожаною мебелью, обвѣшанный по стѣнамъ фотографіями разныхъ знаменитостей; столы и этажерки завалены были газетами и книгами. За большимъ столомъ, стоялъ, прислонившись къ спинкѣ кресла, высокой, бѣлый какъ лунь господинъ, въ которомъ, по многочисленнымъ портретамъ, Чемезовъ тотчасъ же узналъ знаменитаго писателя; онъ живо объяснялся съ другимъ господиномъ, маленькаго роста и толстымъ.

— Извините, пожалуйста, сказалъ писатель, указывая Чемезову на стулъ,—я сейчасъ, сію минуту къ вашимъ услугамъ.

Чемезовъ сѣлъ на край стула, поглядывая на редактора:

— „Такъ вотъ онъ! вотъ эта знаменитая личность, сдѣлавшая себѣ такое славное имя! И какая прелестная симпатическая наружность!..“ повторялъ онъ ощущая внутренно приливъ сладостнаго волненья.

Простившись съ собесѣдникомъ, писатель-редакторъ обратилъ къ посѣтителю добродушное лицо и сказалъ, очевидно стараясь придать голосу какъ можно больше мягкости:

— Вы пришли... узнать насчетъ вашей рукописи... вотъ она... Къ сожалѣнью, мы не можемъ ее напечатать...

Чемезовъ открылъ ротъ желая сдѣлать вопросъ, но точно кость стала поперегъ горла и онъ не могъ выговорить слова.

— Не можемъ напечатать, продолжалъ редакторъ, видимо чувствуя неловкость,—у васъ, по всему видно,—много воображенія... Пишете вы очень правильно,—правильнѣе чѣмъ многіе изъ насъ... Но... но этого еще недостаточно. Надо, чтобы произведеніе удовлетворяло прежде всего въ художественномъ отношеніи... Товарищи мои и я, мы не нашли этихъ условій въ вашей повѣсти...

— Я старался изобразить то, что самъ испыталъ...

— Да, но этого недостаточно, проговорилъ редакторъ, отыскивая мягкія выраженія,—надо прочувствовать...

— Прочувствовалъ! невольно вырвалось у Чемезова, причемъ онъ приложилъ убѣдительнымъ жестомъ руку къ груди. На глазахъ его навертывались слезы.

Редакторъ едва могъ скрыть улыбку и продолжалъ:

— Да, но и этого недостаточно; надо чтобы чувства и впечатлѣнья сообщались дѣйствующимъ лицомъ, складывались въ живые образы. Въ вашей повѣсти, къ сожалѣнью, нѣтъ этого... въ ней, странно сказать: чувствуется на всемъ отпечатокъ чего-то старческаго...

— Мнѣ самому всего двадцать четыре года, съ грустью проговорилъ Чемезовъ.

— Вотъ въ этомъ-то и странность! подхватилъ редакторъ, добродушно улыбаясь,—сами вы такъ еще молоды, а пишите, между тѣмъ, какъ... старичекъ... Вы, кромѣ этой повѣсти, писали еще что нибудь?

— Писалъ...

— Печатали?

— Нѣтъ...

— Почему-жъ?

— Отказывали въ редакціяхъ...

— Сами теперь видите...

— Я думалъ совсѣмъ посвятить себя литературѣ; такое занятіе всегда меня увлекало, проговорилъ сквозь слезы Чемезовъ, я такъ надѣялся, такъ трудился...

— И продолжайте трудиться, только... неужели нѣтъ другаго выхода кромѣ литературы?.. Нельзя развѣ употребить вашъ трудъ на другое...

При этомъ Чемезовъ поднялся съ мѣста, молча принялъ рукопись, поклонился, вышелъ изъ кабинета и направился обратно въ ученый комитетъ своего департамента.

Въ департаментѣ никто не замѣтилъ убитаго выраженья на лицѣ Чемезова, никогда впрочемъ не отличавшагося особенною веселостью. Давно успѣли всѣ привыкнуть къ его неразговорчивости, склонности забираться въ дальные углы, упорно держаться особнякомъ какъ „Иванъ Феклистовичъ Бука“, по выраженію Ефремова. Съ окончаніемъ служебнаго часа, онъ пошелъ прямо домой,—въ маленькую комнату, занимаемую въ семействѣ театральнаго музыканта, въ Офицерской улицѣ, и весь остатокъ дня ничего не ѣлъ и никуда не выходилъ. Ночь провелъ онъ безъ сна, лежа на кровати съ заложенными за шею руками. На другое утро было воскресенье. Съ головною болью, въ припадкѣ нервнаго возбужденія, сѣлъ онъ за письменный столъ и подъ вліяніемъ всего передуманнаго и перечувствованнаго ночью, набросалъ, самъ не зная для чего, но въ одинъ присѣстъ, очеркъ своего дѣтства, всю исторію какъ его мать вторично вышла замужъ, какъ остался онъ круглымъ сиротою, какъ попалъ подъ опеку вотчима и остановился на поступленіи своемъ въ гимназію. Онъ писалъ на этотъ разъ вовсе не думая о литературныхъ условіяхъ, но единственно желая удовлетворить внутренней потребности высказать подавлявшія чувства.

Нѣсколько дней спустя, обратился къ нему случайно въ комитетѣ редакторъ дѣтскаго журнала: „*Незабудочка*“, желавшій навести справку о томъ, въ какомъ положеніи его дѣло и есть-ли надежда на принятіе для народныхъ школъ послѣдней его книжки: „*Соха и плугъ.—Разсказы для молодыхъ крестьянъ*“. Редакторъ сильно жаловался на стѣсненія цензуры вообще и въ особенности на трудность пріобрѣтать статьи, спеціально предназначаемыя для дѣтскаго возраста. Крупные литераторы ничего для дѣтей не пишутъ, средніе дороги, мелкіе такъ небрежны, что Боже упаси! Просто хоть отказывайся отъ издательства „*Незабудочки*“.

Возвратясь домой, Чемезовъ переписалъ обычнымъ писернымъ почеркомъ разсказъ о своемъ дѣтствѣ и послалъ его къ редактору „*Незабудочки*“, надписавъ на рукописи только адресъ, но скрывъ свое имя.

Предоставляю вамъ судить какъ онъ изумился и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовался, когда неожиданно получилъ книжку „*Незабудочки*“ и нашелъ въ ней свой разсказъ, цѣликомъ напечатанный! Редакторъ прибавилъ отъ себя только названіе „*Сиротка*“ и ничего больше. Книжка сопровождалась письмомъ. Редакторъ благодарилъ, отъ всего сердца, неизвѣстнаго автора, убѣждалъ не скрывать своего имени,— спрашивалъ о гонорарѣ и горячо убѣждалъ „не отказать впередъ въ просвѣщенномъ сотрудничествѣ“. У Чемезова точно крылья вдругъ выросли; мудренаго нѣтъ: ему только минуло тогда двадцать четыре года и это была первая его радость, первая удача въ жизни.

Восторженная встрѣча редактора „*Незабудочки*“ окончательно его ободрила. Радостно взволнованный, онъ высвободился изъ его объятій, чтобы испытать горячее пожатіе руки его жены и затѣмъ сочувственное пожатіе руки свояченицы,—главной заправительницы „*Незабудочки*“. Редакція исключительно состояла здѣсь изъ женщинъ и, сколько можно было замѣтить, преимущественно изъ тоскующихъ вдовицъ и дѣвушекъ, напоминавшихъ цвѣты, которые забываются на клумбахъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Единственнымъ представителемъ мужскаго пола былъ только самъ редакторъ,—маленькій человѣкъ, крайно суетливаго озабоченнаго вида, но впрочемъ привѣтливый и добродушный. Онъ тутъ же предложилъ Чемезову по двадцати рублей съ листа и поручилъ сдѣлать къ слѣдующей книжкѣ „*маленькое сокращеніе Робинзона Крузо*“.

— Гонораръ останется обязательно тотъ-же, заключилъ маленькій редакторъ,—оригинальное-ли произведеніе, передѣлки-ли,—все равно; какъ тутъ, такъ и тамъ ваше перо будетъ у насъ одинаково цѣниться...

За сокращеніемъ Робинзона Крузо, послѣдовалъ сокращенный „*Переходъ Суворова черезъ чортовъ мостъ*“, для ремесленныхъ училищъ перваго возраста, и затѣмъ „сокращеніе“ того-же предмета для дѣтей втораго возраста.

За сокращеніями слѣдовали иногда „передѣлки“. Разнообразіе главнымъ образомъ состояло въ пригонкѣ одного и того-же сюжета къ разнымъ возрастамъ. Маленькій

Библиотека "Руниверс"

редакторъ былъ въ восторгѣ отъ новаго сотрудника. Сотрудникъ, съ своей стороны, былъ также очень доволенъ. Трудолюбіе было въ его природѣ; родъ занятій отвѣчалъ его вкусамъ, скромному, невзыскательному характеру, и вмѣстѣ съ тѣмъ, улучшалъ его матерьяльныя средства; послѣднее было весьма важно для Чемезова, постоянно мечтавшаго о независимости, о возможности быть всѣмъ самому себѣ обязаннымъ; мечта эта зародилась въ немъ еще при выходѣ изъ гимназіи подъ гнетомъ тогдашнихъ невыносимо-тяжелыхъ условій.

Чемезовъ получалъ триста рублей жалованья; благодаря „*Незабудочкѣ*", ему теперь на худой конецъ приходилось въ мѣсяцъ до шестидесяти рублей, иногда даже до восьмидесяти. Такъ прошло два года. Въ концѣ этого времени у Чемезова образовалась даже маленькая экономія. — „*Незабудочка*" существовала положительно его трудами; подписка на нее улучшалась. Время отъ времени изъ провинціи получались въ редакцію письма, выражавшія благодарность за ту или другую статью. Восторженно читая эти письма сотруднику, маленькій, добродушный редакторъ не могъ равнодушно смотрѣть на холодность, съ какою Чемезовъ выслушивалъ обыкновенно эти посланія; отъ него часто слова нельзя было добиться; онъ ограничивался тѣмъ только, что стыдливо краснѣлъ. При всемъ своемъ желаніи, редакторъ до сихъ поръ не могъ сдести его съ семействомъ, не могъ сойтись съ нимъ по душѣ, какъ-бы хотѣлось. Дамы редакціи также на это жаловались.

— Милый, но дикій молодой человѣкъ! говорили онѣ.

Въ ученомъ комитетѣ пронюхали между тѣмъ на счетъ „приватныхъ" занятій сослуживца; слухъ пошелъ дальше и вскорѣ стало извѣстно во всемъ департаментѣ, что въ стѣнахъ его скромно процвѣтаетъ сочинитель. Ефремовъ началъ было подтрунивать и приглашать Социнѣрова послѣдовать его примѣру, но оба сочли вскорѣ болѣе благоразумнымъ оставить Чемезова въ покоѣ.

Директоръ выписывалъ для дѣтей „*Незабудочку*" и жена его нѣсколько разъ отзывалась съ величайшей похвалой мужу о нравственномъ направленіи этого почтеннаго изданія. Онъ не зналъ, что Чемезовъ подписывавшій подъ статьями (таково было настоятельное требованіе редактора, увѣрившаго сотрудника что въ сферѣ педагогики имя его начинало дѣлаться извѣстнымъ), былъ тотъ самый маленькій, невидный Чемезовъ, служившій подъ его начальствомъ. Онъ призвалъ его въ кабинетъ, похвалилъ и при первомъ случаѣ представилъ къ слѣдующему чину.

Дѣйствительно-ли повѣрилъ Чемезовъ въ нѣкоторую извѣстность своего имени въ сферѣ педагогики, или просто захотѣлось ему попробовать самостоятельности,— но только онъ вскорѣ предпринялъ новый трудъ, не расчитывая уже помѣстить его въ „*Незабудочкѣ*". Напрасно, чуть не со слезами на глазахъ уговаривалъ маленькій редакторъ,—Чемезовъ настоялъ на своемъ и, отчасти благодаря скопленнымъ деньгамъ, отчасти кредиту въ типографіи, издалъ „*Сокращенное путешествіе по святымъ мѣстамъ, для дѣтей отъ десяти до четырнадцати-лѣтняго возраста*".

Директоръ позвалъ однажды Чемезова въ кабинетъ.

— Скажите, Чемезовъ,—это ваша книга? спросилъ онъ указывая на „сокращенное путешествіе".

— Моя, ваше превосходительство, робко отвѣчалъ Чемезовъ, оторопѣвъ отъ неожиданности.

Скромность, отличавшая подчиненнаго, всегда нравилась директору; онъ всегда любилъ видѣть въ немъ молодаго человѣка аккуратнаго, приличнаго; качества эти, особенно достойныя похвалы со стороны сочинителя, обратили на себя особенное вниманіе начальника.

— Отчего же не представите вы книгу вашу въ комитетъ? спросилъ онъ.

— Думалъ, ваше превосходительство... но какъ-то не рѣшался...

— Прекрасно, будьте всегда такъ скромны, молодой человѣкъ; скромность служитъ... гм! лучшимъ украшеніемъ... Хорошо-съ, я за васъ представлю вашу книжку.

Въ тотъ же мѣсяцъ книжка была единогласно одобрена комитетомъ и принята для учебныхъ заведеній.

Успѣхъ неожиданный! Чемезовъ не успѣлъ очнуться какъ уже потребовалось второе изданіе; за вторымъ послѣдовало третье. Онъ рѣшительно терялъ голову. Чувство не то смущенья, не то радости, попеременно овладѣвали имъ при видѣ столькихъ денегъ. Но уже въ головѣ его зарождались планы новыхъ изданій. Онъ мало по малу пришелъ въ себя и успокоился.

Онъ нанялъ въ Средней Подъяческой квартиру изъ трехъ комнатъ, взялъ старуху-кухарку и дѣятельно принялся за работу.

Единственнымъ развлеченіемъ было угловое окно его квартиры, выходившее на дворъ, отгороженный со стороны улицы старой деревянной рѣшеткой. Въ лѣвой части двора, подъ самымъ окномъ Чемезова находился садикъ изъ трехъ акацій, куста бузины и полуобвалившейся бесѣдки; за ними скрывалась сырая стѣна сосѣдняго дома съ черепками битой посуды у фундамента. Зимою, когда все это заваливало снѣгомъ, смотрѣть конечно было не на что; но въ лѣтнюю пору дворъ съ садикомъ имѣлъ свою пріятность. Чемезовъ, по крайней мѣрѣ, когда уставалъ, охотно усаживался подъ вечеръ у окна со стаканомъ чая. Обдумывая новыя книжки по части педагогики и мечтая о будущемъ, онъ иногда просиживалъ здѣсь до поздней ночи.

IV.

Противъ дома, гдѣ жилъ Чемезовъ, по ту сторону улицы, наискосокъ отъ сада, находился большой домъ, вмѣщавшій въ нижней его части красильное заведеніе, мелочную лавочку и модный магазинъ. На вывѣскѣ послѣдняго обозначалось золотыми буквами: „Madame Vera. *Моды и платья*". По вечерамъ, когда магазинъ запирался и оставались тѣ изъ работницъ, которыя въ немъ постоянно жили и ночевали,—онѣ обыкновенно перебѣгали улицу и входили въ садикъ. Такихъ дѣвушекъ было четыре: три большія, одна подростокъ.

При всей своей скромности, Чемезовъ успѣлъ однакожъ замѣтить одну изъ нихъ. Предметомъ его любопытства была блондинка лѣтъ семнадцати, съ круглымъ, миловиднымъ лицомъ и большими сѣрыми глазами; она была маленькаго роста, не худощавая и не толстая, и безъ признака румянца,—какъ это часто встрѣчается на лицахъ работницъ, просиживающихъ по двѣнадцати часовъ въ тѣсныхъ комнатахъ безъ воздуха.

Чемезовъ сталъ самъ себѣ удивляться. До сихъ поръ женщины, какъ уже сказано,—мало его занимали. Неожиданный успѣхъ его книжки и затѣмъ усиленная работа окончательно отвлекли его въ послѣднее время отъ соблазновъ и развлеченій. Теперь, неожиданно повѣяло на него чѣмъ-то совершенно новымъ. Его невольно притягивало къ окну какъ только раздавались въ саду знакомые голоса; ему непремѣнно хотѣлось лишній разъ взглянуть на эту миловидную дѣвушку. Она,—надо сказать въ ея оправданіе,—не прибѣгала для этого ни къ какимъ ухищреніямъ; нельзя было, конечно, не замѣтить господина такъ часто подходившаго къ окну; но, повидимому, она не была любопытна; всего вѣрнѣе, онъ не дѣлалъ на нее никакого впечатлѣнія. По праздникамъ, вечеромъ, Чемезовъ пересталъ вдругъ совершать обычную прогулку въ скверъ подлѣ церкви Николы Морскаго. Въ такія дни подруги дѣвушки отпускались къ роднымъ; она оставалась одна и всегда приходила въ садъ съ какой нибудь работой. Чемезовъ, трудившійся тогда надъ руководствомъ: „*для первоначальнаго ознакомленія съ географіей*", тотчасъ-же бросалъ перо и под-

Библиотека "Руниверс"

Весенніе мотивы. Первая гроза. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Весенніе мотивы. Горный ручей разгулялся! Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

ходилъ къ окну. Блондинка замѣтила его наконецъ, но продолжала не давать повода къ ближайшему знакомству. Разъ они встрѣтились на улицѣ; Чемезовъ остановился, хотѣлъ что-то сказать;—но встрѣча была слишкомъ неожиданна, онъ не нашелся и покраснѣвъ прошелъ мимо. Въ другой разъ они столкнулись у калитки сада.

— Вы, кажется, часто прогуливаетесь здѣсь въ саду... проговорилъ онъ глотая слова.

Дѣвушка посмотрѣла на него своими сѣрыми глазами, улыбнулась, сказала: „да“ и вошла въ садъ.

Первымъ движеніемъ Чемезова было послѣдовать за нею,—но робость оказалась сильнѣе желанія; онъ прошелъ дальше, обогнулъ двѣ улицы—послѣ чего вернулся домой крайне недовольный собою.

Увидавъ однажды старую свою кухарку, сидѣвшую подлѣ бесѣдки рядомъ съ блондинкой и долго о чемъ-то съ нею бесѣдующую,—онъ, какъ только кухарка вернулась, принялся разспрашивать ее о новой знакомкѣ. Кухарка сообщила, что не впервые разговариваетъ съ этой дѣвушкой, что она круглая сирота, отданная въ ученье теткой,—шлиссельбургской мѣщанкой, давно пропавшей безъ вѣсти, что дѣвушка ласковая такая, словоохотливая и что жаль ее,—жаль, потому что какъ только кончится ученье и выйдетъ изъ магазина на свою волю,—такъ тутъ и пропадетъ.

— Пропадетъ, какъ всѣ пропадаютъ, батюшка Алексѣй Иванычъ, заключила старуха,—подвернется этта какой ни на есть шалыганъ, прости Господи,—много ихъ въ Петербургѣ!—ну и пропадетъ, отецъ мой!..

Слова старухи сильно подѣйствовали на Чемезова. Онъ спалъ ночь безпокойнѣе обыкновеннаго. Дѣйствительно, не трудно было пропасть въ Петербургѣ! Чувство сожалѣнья, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то похожее на испугъ и ревность, волновали его. Онъ припоминалъ миловидное лицо дѣвушки, доброе выраженіе ея глазъ и съ ужасомъ рисовалъ въ воображеніи возможность ея паденія, возможность для нея трагической судьбы, такъ часто выпадающей на долю молодымъ, хорошенькимъ дѣвушкамъ, одиноко брошеннымъ въ водоворотъ столичной жизни.

— Знаешь что, Марфа, сказалъ онъ на другое утро, ты бы когда нибудь позвала ее къ себѣ чай пить...

— Извольте, батюшка, хошь сегодня; сегодня какъ разъ праздникъ; она придетъ въ садъ одна; сами увидите, какая она право хорошая; только, скажу вамъ, она на счетъ этого баловства... вы не думайте...

— Что ты! что ты! воскликнулъ Чемезовъ, отмахиваясь обѣими руками.

Онъ никогда не помнилъ себя такимъ веселымъ, какъ въ этотъ день. Онъ немного только оторопѣлъ къ вечеру, когда увидѣлъ блондинку, выходившую изъ сада и направлявшуюся къ дверямъ его черной лѣстницы. Еще нѣсколько минутъ,—онъ зналъ,—она уже сидѣла за сосѣдней стѣной. Робко отворивъ дверь кухни и сдѣлавъ какъ бы удивленный видъ, Чемезовъ вошелъ. Дѣвушка сначала очень удивилась; она никакъ не ожидала, чтобы Мароа была въ услуженьи у того самаго господина, котораго часто встрѣчала въ саду и видѣла иногда гуляющимъ на улицѣ, мимо оконъ магазина. Но скромный видъ молодаго человѣка тутъ же ее успокоилъ. Не зная рѣшительно съ чего начать, Чемезовъ ограничился нѣсколькими общими словами, сказалъ, что знаетъ ее давно и радъ съ нею познакомиться, спросилъ любитъ ли она читать,—и ободренный своей находчивостью,—поспѣшно отправился въ кабинетъ и вынесъ нѣсколько книгъ; въ числѣ ихъ пестрѣли два розовые номера „*Незабудочки*“.

Этимъ вечеромъ положено было начало другимъ такимъ же вечерамъ.

Машенька (такъ звали блондинку) и Чемезовъ мало по малу перестали дичиться другъ друга. Однажды онъ такъ одушевился, что пригласилъ ее съ Мароой въ кабинетъ и тамъ взялъ съ нея слово, провести цѣлый вечеръ слѣдующаго праздника въ Александровскомъ паркѣ.

— И Мароу возьмемъ съ собою, поспѣшилъ онъ прибавить.

Но въ слѣдующій праздникъ Мароа, какъ на зло, хлебнула лишнее и у нея сильно болѣла голова. Какъ быть? Машенька долго не соглашалась идти вдвоемъ; наконецъ рѣшилась и они отправились. Сначала разговоръ не клеился; оба чувствовали неловкость и не находили словъ. Обстоятельство это крайне удивляло Чемезова; приготовляясь къ прогулкѣ съ дѣвушкой, онъ не только наканунѣ, но въ самый день, не могъ понять, откуда вдругъ бралось у него столько краснорѣчія. Тутъ, какъ нарочно, слова не вязались и мысли разбѣгались какъ испуганные зайцы.

Шагъ за шагомъ, они незамѣтно отдалились отъ шумной части парка и усѣлись на скамейкѣ. Начался наконецъ тотъ первый разговоръ, безъ свидѣтелей, котораго онъ ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Въ первыя минуты она казалась очень смущенной; что-то даже похожее на испугъ промелькнуло въ ея чертахъ; мало по малу все это прошло; она перестала стыдиться и посмотрѣла ему прямо въ лицо своими большими, добрыми глазами. Небывалая передъ тѣмъ сладость ощущенья овладѣла Чемезовымъ. Онъ во всю жизнь не испытывалъ ничего подобнаго.

Не смотря на то, что воображеніе его было возбуждено, оно и теперь не уносило его за тридевять земель, за предѣлы дѣйствительности; разсудокъ говорилъ ему, что передъ нимъ не идеальное какое-нибудь существо, но простая, молоденькая работница, съ грѣхомъ пополамъ знакомая съ грамотой; онъ успѣлъ узнать только, что она не глупа и тихаго, кроткаго нрава. Но онъ знакомился въ первый разъ съ прелестью находиться близко и наединѣ съ женщиной, которая сильно нравится; онъ чувствовалъ къ ней влеченье, вопреки всему, что могъ говорить разсудокъ. Не каждый ли день встрѣчалъ онъ на улицѣ множество женскихъ лицъ; почему же ни одно изъ нихъ не дѣйствовало на него такъ притягательно, не было ему такъ сочувственно, какъ лицо этой дѣвушки? Ея миловидныя черты, ея сѣрые, добрые глаза врѣзались въ его памяти съ перваго дня, какъ онъ увидалъ ихъ. Отъ ихъ взгляда, какъ бы сами собою, размягчались черствыя, нелюдимыя черты, заслужившія ему прозвище „*буки*“ въ кругу его товарищей. Съ ними онъ дичился; съ нею его влекло къ откровенности. И прежде приходили минуты, когда потребность привязаться къ женскому сердцу, любить и быть любимымъ, давали себя внутренно чувствовать; но это были только намеки, отдаленные, чуть слышные голоса передъ тѣмъ, что теперь наполняло его душу. Одушевляясь постепенно, онъ передалъ ей всю исторію своей жизни, всѣ огорченія дѣтства, всѣ испытанія юности. Теперь, благодаря Богу, все измѣнилось къ лучшему; въ теперешнемъ его положеніи не было ничего общаго съ пережитымъ; онъ освободился отъ горя и бѣдности; но счастья, настоящаго счастья все таки у него не было! Оно видно не далось ему, потому что такъ жить, какъ онъ, безъ привязанности, безъ любви,—нельзя считать себя счастливымъ!..

Онъ это впрочемъ такъ только, въ увлеченьи, разсказывалъ. На самомъ дѣлѣ онъ уже теперь былъ счастливъ,—счастливъ тѣмъ, что любилъ и... онъ не смѣлъ сказать объ этомъ утвердительно,—но такъ казалось ему,—встрѣчалъ отвѣтное чувство. Иначе къ чему было бы ей соглашаться на отдаленныя прогулки вдвоемъ, къ чему было бы такъ терпѣливо выслушивать его длинныя объясненія и разсказы?

Съ того вечера они замѣтно уже искали случая встрѣчаться.

(До слѣд. №).

Библиотека "Руниверс"

Къ рисункамъ.

Городъ Луцкъ (Волынской губерніи).

(Рис. на стр. 393).

Нынѣшній уѣздный городъ Луцкъ, лежащій недалеко отъ Житоміра, на рѣчкѣ Стырѣ, представляетъ ту же неприглядную картину разрушенія и запустѣнія, которую нерѣдко приходится видѣть въ другихъ маленькихъ городкахъ Волыни. Часто полуразрушенныя старинныя зданія чередуются здѣсь на кривыхъ улицахъ, покрытыхъ порой невылазной грязью, съ одноэтажными закоптѣлыми мазанками, и только по развалинамъ можно догадаться, что историческое прошлое города было богаче и значительнѣе, нежели его скромное настоящее. Такъ и развалины Луцка ясно свидѣтельствуютъ о его прежнемъ блескѣ и величіи. Основанный, по однимъ извѣстіямъ, лучанами въ VII вѣкѣ, а по другимъ Св. Владиміромъ Кіевскимъ около 1000 года, онъ достигъ самаго блестящаго своего состоянія въ княженіе Витольда, князя Литовскаго. Въ нашихъ лѣтописяхъ, Луцкъ, подъ именемъ Луческа, упоминается во второй половинѣ XI столѣтія и былъ столицей особаго удѣльнаго княжества и часто подвергался раззореніямъ отъ усобицъ удѣльныхъ князей. Въ 1320 году Гедиминъ присоединилъ къ себѣ Луцкое княжество, а Казиміръ Великій отдалъ его литовскому князю Любарту. Съ 1452 года Луцкъ былъ присоединенъ къ Польшѣ и сто лѣтъ спустя, достигнувъ значительнаго процвѣтанія, даже сдѣлался резиденціей епископовъ. Со второй половины XVI вѣка Луцкъ началъ падать и населеніе его стало уменьшаться и въ наше время лишь развалины (изображенныя на нашихъ рисункахъ) свидѣтельствуютъ объ его прежней богатой исторической жизни.

Изъ этихъ развалинъ болѣе всего заслуживаетъ вниманія полуразрушенный замокъ, стоящій на высокой горѣ, между рѣчками Глущемъ и Стыремъ, отъ котораго сохранились часть стѣны и три четырехугольныя башни. Вся постройка, замѣчательная по прочности, по своему характеру можетъ быть отнесена къ XV вѣку. Самый древній храмъ Луцка—это храмъ, принадлежавшій нѣкогда Базиліанскому ордену и постройку котораго приписываютъ Владиміру Святому. Теперь это зданіе стоитъ въ развалинахъ, въ которыхъ раскинуты жидовскія лавчонки и свободно гуляетъ вѣтеръ. Католическая церковь Святой Троицы, довольно грандіозная по архитектурѣ, замѣчательна своими склепами съ гробницами мѣстной знати и богатой ризницей. Православный соборъ во имя Св. Духа находится въ предмѣстьи Вулька и обращенъ изъ католическаго бернардинскаго монастыря. Еврейская синагога уже полтораста лѣтъ находитъ себѣ пріютъ въ древнемъ замкѣ литовскаго князя Любарта, украсившаго Луцкъ многими капитальными постройками, отъ большинства которыхъ дошли до насъ однѣ лишь жалкія развалины.

Нынѣ Луцкъ—бѣдный уѣздный городъ, населенный преимущественно евреями и отстоящій въ 15 верстахъ отъ ближайшей желѣзнодорожной станціи. Лишь лѣтомъ Луцкъ представляетъ слѣды нѣкотораго оживленія, когда приходятъ сюда на лагерную стоянку двѣ дивизіи—пѣхотная и кавалерійская.

Ермакъ—покоритель Сибири.

(Рис. на стр. 397).

Ермакъ—герой чисто народный, и народъ, любя его и гордясь его славой, постоянно украшаетъ его память ореоломъ чего-то чудеснаго, баснословнаго. Да и самая исторія, говоря о Ермакѣ, часто впадаетъ въ лирическій тонъ и говоритъ объ немъ какъ о героѣ честности и необычайной храбрости. Во всякомъ случаѣ заслуга его громадна: Ермакъ Тимофѣевичъ, простой волжскій казакъ, завоевалъ Сибирь, т. е. городъ этого имени, съ частью нынѣшней Тобольской губерніи и тѣмъ положилъ начало распространенію власти Россіи въ сѣверной половинѣ Азіи до самаго восточнаго океана. Походъ въ Сибирь Ермака напоминаетъ собою, по подробностямъ, какую-то древнюю богатырскую былину и дѣйствительно является событіемъ, достойнымъ эпоса. Въ 1570 г. Ермакъ является на Дону въ качествѣ атамана казацкой вольницы и заслуживаетъ гнѣвъ царя своими разбоями, нещадившими ни купцовъ, ни путешественниковъ. Иванъ Грозный отправилъ на Донъ стольника Ивана Мурашкина съ сильнымъ отрядомъ войска, чтобы разсѣять хищниковъ и наказать виновныхъ. Какъ одинъ изъ главныхъ виновныхъ, Ермакъ былъ осужденъ на казнь лютую и позорную, которая, впрочемъ, не могла быть приведена въ исполненіе, такъ какъ приговоренный къ смерти Ермакъ скрылся. По народному сказанію, онъ тогда же предложилъ своимъ товарищамъ, чтобы заслужить опять милость царя, завоеваніе Сибири и приводилъ тому разные резоны, какъ поется въ народной пѣснѣ:

Намъ на Волгѣ жить—все ворами слыть;
На Яикъ идти—переходъ великъ;
На Казань идти—Грозенъ Царь стоитъ;
Грозенъ Царь стоитъ, братцы, немилостивый;
Онъ пошлетъ на насъ рать великую,
Рать великую въ сорокъ тысячей...
Такъ пойдемте же да возьмемъ Сибирь..

На самомъ дѣлѣ Ермакъ, со всей своей шайкой, отправился не прямо въ Сибирь, а бѣжалъ съ Волги на берега Камчатки и Чусовой, къ богатымъ собственникамъ Строгановымъ, которые, какъ утверждаютъ историки, и указали ему путь въ Сибирь для дальнѣйшихъ завоеваній, предложивъ снабдить отрядъ какъ необходимымъ оружіемъ, такъ и припасами. 1-го сентября 1581 года, Ермакъ съ дружиной, отпѣвъ молебенъ и принявъ, какъ говорятъ лѣтописи, обѣтъ доблести и цѣломудрія, сѣлъ съ своимъ отрядомъ въ ладьи и на плоты и поднялся вверхъ по рѣчкѣ Чусовой. Вѣсть объ этомъ сибирскомъ походѣ скоро дошла до Москвы и царь прислалъ на Каму грозную грамоту, въ которой, изъявляя Строгановымъ свой гнѣвъ, укорялъ ихъ въ безвременномъ и самовольномъ отправленіи Ермака—но послѣдній былъ уже далеко.

До входа въ рѣку Туру, Ермакъ не встрѣчалъ никакихъ препятствій, кромѣ естественныхъ, но здѣсь уже ему встрѣтилась необходимость вступать часто въ бой съ дикими и свирѣпыми туземцами. Взявъ городки Епанчинъ, Цинчу (нынѣшній Тюмень), Ермакъ сразился съ войскомъ Маметкула, сына Кучумова, и разбилъ его на голову. Самъ Кучумъ былъ разбитъ подъ Чувашской горой и бѣжалъ въ Ишимскія степи, оставивъ свою столицу Искеръ во власти побѣдителя, который и вступилъ въ нее 26-го октября 1581 года. При управленіи краемъ, Ермакъ явился разумнымъ правителемъ; своихъ буйныхъ товарищей онъ крѣпко наказывалъ за всякое *дѣло студное* и казнилъ за малѣйшее ослушаніе. Казаки Ермака неожиданно обратились въ какой-то духовно-монашескій орденъ: они вели жизнь цѣломудренную—сражались и молились.

Распространивъ свое владычество до предѣловъ березовскихъ, Ермакъ рѣшился наконецъ оповѣстить Строгановыхъ объ своихъ необычайныхъ успѣхахъ и послалъ своего сподвижника Ивана Кольцо прямо въ Москву челобитствовать царю Сибирью. Царь радостно принялъ вѣстника—Москва ликовала и праздновала пріобрѣтеніе новаго царства. Но побѣдитель не долго пользовался плодами своихъ побѣдъ; рать его быстро гибла отъ лишеній, климата и безпрестанныхъ стычекъ съ хищными сибирскими племенами и наконецъ онъ самъ, попавъ въ хитро разставленную ему Кучумомъ западню, поплатился за свою неосторожность жизнью. Кучумъ, скрываемый мракомъ ночи, тихо подкрался къ небольшому отряду, сопровождавшему Ермака, и заставъ казаковъ глубоко спавшими, перерѣзалъ ихъ почти всѣхъ. Только два человѣка спаслись отъ ножа. Одинъ изъ нихъ былъ Ермакъ; онъ схватилъ въ потьмахъ саблю и кинулся въ бурный потокъ, силясь вплавь достигнуть лодокъ, но увлекаемый своимъ тяжелымъ панцыремъ—исчезъ въ волнахъ. Статуя Кафки, красовавшаяся на послѣдней академической выставкѣ, представляетъ Ермака въ свободной, удалой позѣ, въ полномъ вооруженіи воина того времени. Въ выраженіи много силы и естественности. Художникъ имѣетъ, повидимому, хорошіе задатки и отъ него можно ожидать талантливыхъ произведеній.

Весенніе мотивы.

(Рис. на стр. 400 и 401).

Зажурчали ручьи, почернѣла земля, сошелъ снѣгъ и весна вступила въ свои права. На далекое поле изъ деревни выѣзжаетъ пахарь, врѣзываетъ блестящее желѣзо сохи въ рыхлую бархатную землю и крестясь принимается за обычную работу. Но вотъ, вдругъ солнышко померкло, набѣжала синяя туча, крупныя капли дождя осыпали пахаря, онъ торопится накинуть армякъ, а уже первая вешняя веселая гроза разражается... И вотъ, по выраженію поэта:

...весенній, первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые;
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ.
Повисли перлы дождевые
И солнце нити золотитъ...
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ...
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный,
Все вторитъ весело громамъ...

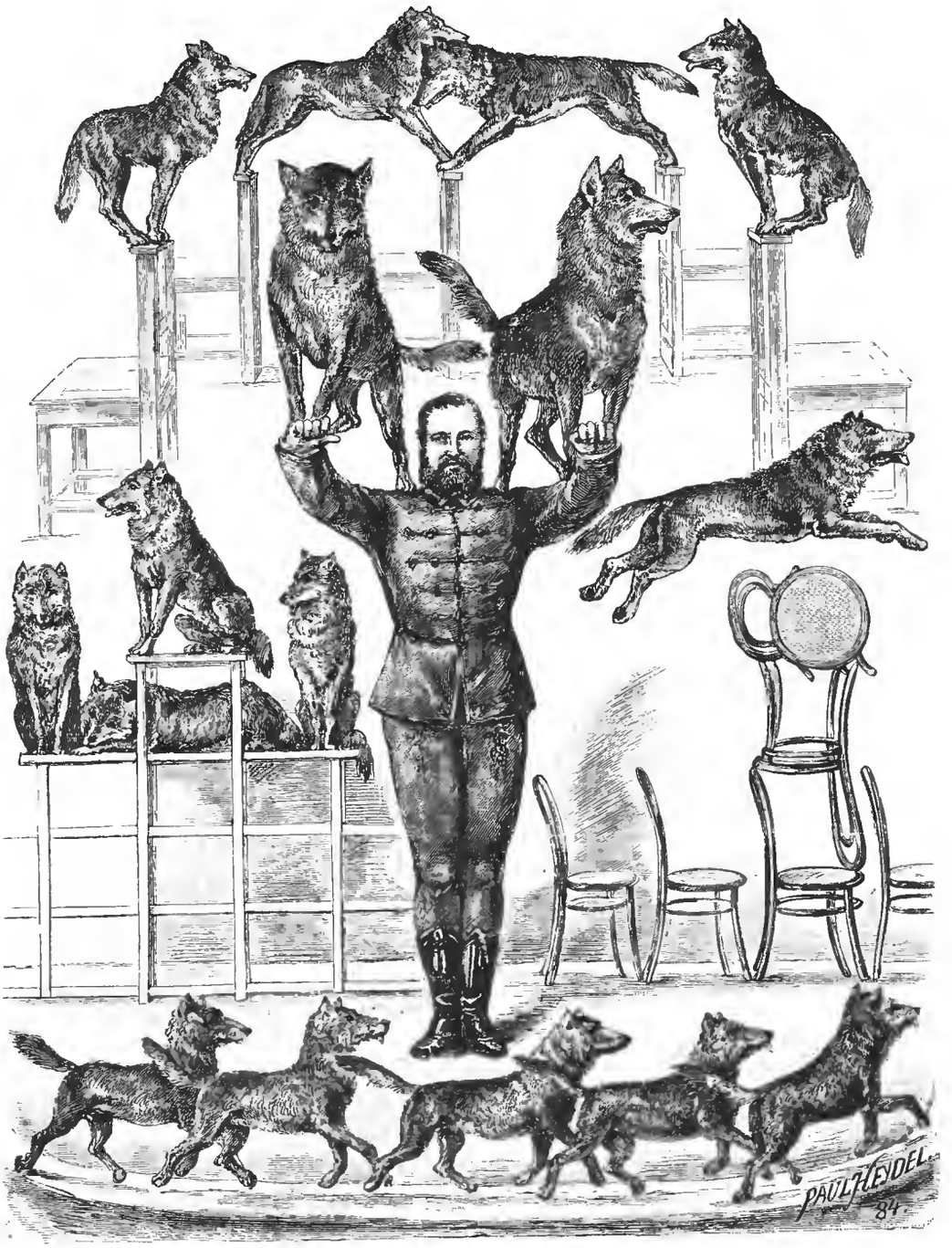
Другая картина нашего художника именно и изображаетъ какъ бѣжитъ шумный, бурливый потокъ. Но это уже не въ нашихъ мирныхъ равнинахъ. То горы, скалы и пади новыхъ русскихъ владѣній, той Средней Азіи, откуда столько художественныхъ впечатлѣній вынесъ талантливый П. П. Каразинъ. И какою жизнью весны полна картинка! Потокъ бурно несется по каменистому ложу, орелъ паритъ низко надъ волнами, а подъ скалой, прислушиваясь задумчиво къ неумолчному шуму пѣнящейся воды, стоятъ два сарта на берегу бѣшеннаго потока.

Библиотека "Руниверс"

Дрессированные волки.

(Рис. на стр. 404).

До сихъ поръ волки считались неспособными къ дрессировкѣ. Въ настоящее же время, въ Берлинскомъ циркѣ, Рохе даетъ представленія съ пятью дрессированными волками съ такою увѣренностью и спокойствіемъ, что совершенно исключаетъ чувство страха, овладѣвающее обыкновенно зрителями, присутствующими при представленіяхъ съ дикими животными. Еслибы оскаленные по временамъ зубы волковъ не напоминали объ опасности, грозящей ихъ укротителю, то легко можно было бы подумать, что онъ имѣетъ дѣло съ послушными домашними животными. Въ сущности же справляться съ ними очень трудно; они повинуются только изъ боязни къ хлысту и не поддаются вовсе доброму обращенію. При этомъ волки не утрачиваютъ коварства. Такъ, однажды, во время репетиціи положенія, изображеннаго по срединѣ рисунка, на спину укротителя вскочилъ третій волкъ, котораго тотъ, благодаря предостереженію окружающихъ, успѣлъ схватить во время за горло и примѣрно наказать. Волки имѣютъ около шестнадцати мѣсяцевъ; дрессировкой ихъ Рохе занимается полгода. Два мѣсяца онъ старался, но безуспѣшно, учить ихъ ласковымъ способомъ, наконецъ пришлось прибѣгнуть къ строгости. Кормятъ волковъ попеременно то сырою говядиною, то кониной; кромѣ того для приданія имъ силы, ихъ поятъ молокомъ, что вполнѣ необходимо, такъ какъ ежедневныя репетиціи и представленія слишкомъ бы истощали животныхъ.



Дрессированные волки въ Берлинскомъ циркѣ. Ориг. рис. Делера, грав. Гейдель.

Присяга малолѣтнему Людовику XV членовъ Парламента.

(Рис. на стр. 405).

По смерти Людовика XIV 1 сентября 1715 года, ему наслѣдовалъ его правнукъ подъ именемъ Людовика XV. Это былъ еще пятилѣтній ребенокъ, второй сынъ герцога Бургонскаго, регентомъ котораго былъ назначенъ Филиппъ герцогъ Орлеанскій. Но умершій монархъ завѣщалъ, чтобы Филиппъ Орлеанскій пользовался не полною властью регента, а состоялъ бы лишь предсѣдателемъ правительственнаго совѣта; впрочемъ, по рѣшенію парламента, эта воля могущественнѣйшаго изъ королей не была свято выполнена и Филиппъ былъ единогласно признанъ регентомъ государства. 12 сентября, въ торжественномъ засѣданіи, въ присутствіи юнаго короля, въ такъ называемомъ Lit de justice, произошла та сцена, которая изображена на нашемъ рисункѣ, а именно присяга въ вѣрности членовъ парламента новому королю и поздравленіе съ восшествіемъ его

Библиотека "Руниверс"

Шестилѣтній Людовикъ XV принимаетъ присягу отъ Парламента. Ориг. рис. Э. Мертѐ, грав. Бренд'амуръ.

Библиотека "Руниверс"

на престолъ. Когда малолѣтній король прибылъ съ пышной церемоніей въ зданіе Palais de justice, то его сопровождалъ обершталмейстеръ отъ самой кареты до порога залы, гдѣ происходило засѣданіе; здѣсь герцогъ де Тремъ (de Tresmes), въ качествѣ обершталмейстера, взялъ его на руки и отнесъ до трона. У самаго подножья трона сидѣла воспитательница царственнаго ребенка, герцогиня Вентодуръ, а за нею и въ ближайшемъ отъ нея разстояніи стояли канцлеръ Воазенъ, кардиналъ Ноайль и маршалъ Виллероа. Людовикъ XV, по свидѣтельству современниковъ, былъ прелестный ребенокъ, съ умными глазами и самыми благородными чертами лица. Особенно восхищали всѣхъ его каштановые волосы, которые длинными локонами падали на его плечи. Во время церемоніи на него былъ надѣтъ кафтанъ фіолетоваго бархата, а на головѣ онъ имѣлъ маленькую шляпу изъ одноцвѣтнаго флера. Помочи изъ золотистой матеріи скрещивались на его груди и спускались длинными концами сзади его спины; онѣ въ сущности уже не представляли никакой необходимости, такъ какъ ребенокъ и безъ нихъ ходилъ совершенно свободно, но этими помочами хотѣли символически намекнуть на ранній возрастъ маленькаго вѣнценосца. Послѣ того какъ предсѣдатели и члены парламента почтительно преклонили колѣно передъ своимъ юнымъ королемъ, старшій предсѣдатель началъ говорить торжественную рѣчь, по окончаніи которой Людовикъ XV снялъ съ головы своей шляпу и надѣвъ ее отвѣчалъ на привѣтствіе: „Господа, сказалъ онъ, я пришелъ сюда, засвидѣтельствовать всѣмъ мое благосклонное къ вамъ вниманіе. Мой канцлеръ сообщитъ вамъ о моихъ намѣреніяхъ". Эти намѣренія, сообщенныя Воазеномъ парламенту, состояли въ томъ, чтобы послѣдній окончательно, законнымъ порядкомъ объявилъ о недѣйствительности духовнаго завѣщанія Людовика XIV. Послѣ изложенія канцлеромъ воли короля, церемонія была окончена.

Медовые муравьи.

(Рис. на стр. 408).

Медовые муравьи живутъ на плоскогорьи Мексики, Техаса и на югѣ Соединенныхъ-Штатовъ. Они строятъ свои муравейники, имѣющіе форму холмика, съ вертикальнымъ отверстіемъ на вершинѣ, изъ мелкаго гравія. Каналъ углубляется только на нѣсколько дюймовъ и соединяется съ горизонтальной галлереей, расходящейся, на протяженіи 6—7 футовъ, на нѣсколько вѣтвей, обыкновенно въ одномъ направленіи, ведущихъ въ разныя камеры.

Кромѣ королевы, самокъ и большихъ и малыхъ работницъ, въ муравейникахъ находится еще категорія особей, служащихъ резервуарами для меда. Королева занимаетъ послѣднее отдѣленіе въ концѣ главной галлереи и постоянно бываетъ окружена десяткомъ работницъ, служащихъ ей, чистящихъ ее, кормящихъ ее, присутствующихъ при кладкѣ яицъ и наконецъ содержащихъ ее, повидимому, подъ стражей. Другія комнаты, встрѣчающіяся на пути по галлереямъ имѣютъ шероховатые потолки, къ которымъ прицѣпляются муравьи-резервуары (фиг. 1). У этихъ муравьевъ желудокъ наполняется медомъ до такой степени, что принимаетъ видъ шара (фиг. 2), несоразмѣрнаго съ величиною насѣкомаго. Количество заключающагося въ желудкѣ меда въ 8 разъ превосходитъ вѣсъ насѣкомаго. Поэтому то муравьи эти не способны ходить и осуждены на неподвижность, почему, чтобы не стѣснять движенія, обязаны прицѣпляться къ потолку. Тутъ однако они до извѣстной степени могутъ мѣнять положеніе, перемѣщаясь постепенно справа налѣво, но если при этомъ кто либо изъ нихъ упадетъ, то въ томъ положеніи, въ какомъ очутится при паденіи, ему придется пролежать до тѣхъ поръ, пока чрезъ нѣсколько недѣль, выбившись изъ силъ, не умретъ.

Медъ этой породы муравьевъ, какъ и медъ пчелъ, растительный. Съ наступленіемъ ночи работницы выходятъ изъ гнѣзда, взбираются на дубы и прогрызаютъ кожицу орѣшковъ Quercus undulata. Чрезъ нѣсколько минутъ изъ орѣшковъ начинаетъ сочиться сладкая жидкость, которую муравьи собираютъ и переносятъ въ муравейникъ. Работа продолжается всю ночь. Днемъ же муравьи скрываются въ гнѣздахъ.

Кукъ, пресвитеріанскій пасторъ въ Филадельфіи, нѣсколько лѣтъ занимающійся наблюденіемъ надъ муравьями, въ своемъ сочиненіи говоритъ, что онъ видѣлъ какъ работницы, возвращающіяся съ добычей, кормили работницъ, охранявшихъ гнѣздо, перелавая имъ капельки сахаристаго вещества. Онъ также видѣлъ, что маленькіе муравьи получали пищу отъ муравья-резервуара, но никогда не замѣчалъ, чтобы муравьи пользовались запасами меда муравьевъ, висѣвшихъ у потолка. Является поэтому вопросъ, какая цѣль этихъ медовыхъ резервуаровъ. Слѣдуетъ предположить, что они служатъ для той поры, когда уже не бываетъ свѣжихъ орѣшковъ. Наблюденія Кука привели его къ заключенію, что муравьи-резервуары не составляютъ отдѣльной касты, но переходятъ изъ избранныхъ работницъ. Онъ видѣлъ работницъ, возвращавшихся съ работы съ такимъ переполненнымъ желудкомъ, что онѣ по виду приближались къ резервуарамъ. И дѣйствительно по приходѣ въ гнѣздо онѣ прицѣплялись къ потолку и съ этой минуты вели себя подобно сосѣдкамъ. Такъ поступали не всегда большія работницы, но и среднія и даже малыя. Анатомическія изслѣдованія также не привели къ открытію у муравьевъ-резервуаровъ спеціальныхъ органовъ для скопленія меда. Наконецъ то обстоятельство, что въ несчастіи работницы не помогаютъ резервуарамъ, указываетъ на то, что это не особая каста, а обыкновенные муравьи. Если-бы это была каста, то вѣроятно часть работницъ ухаживали бы за ними.

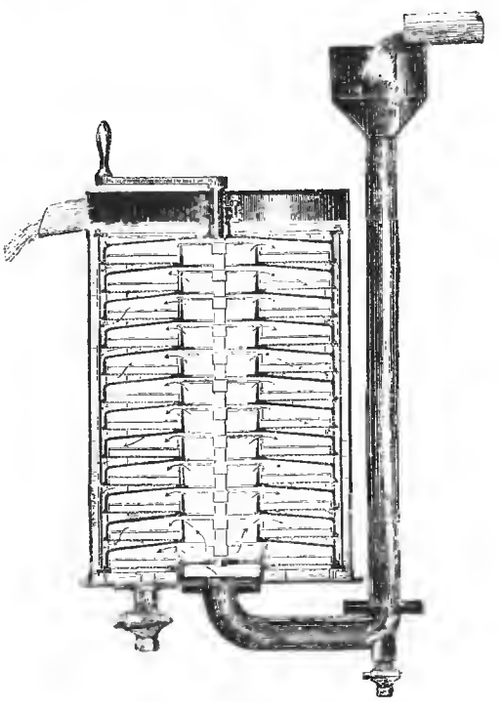
Медовые муравьи обладаютъ болѣе мирнымъ характеромъ, нежели другіе; посторонніе муравьи, зашедшіе случайно въ гнѣздо, не умерщвляются, а принимаются охотно и вскорѣ составляютъ членовъ общины.

Нерѣдко муравейники страдаютъ отъ моли, съ поразительною быстротою развивающейся въ гнѣздахъ и оплетающей муравьевъ, неспособныхъ отъ нея освободиться. Гнѣздо гдѣ заведется моль, дѣлается похожимъ на городъ, посѣщенный эпидеміей. Муравьи умираютъ массами, по кладбищенской дорогѣ только и видишь труповъ, которые въ концѣ погребаются въ общей могилѣ. Галлереи постепенно пустѣютъ, больные муравьи становятся не въ состояніи выносить мертвыхъ на кладбище, и труны остаются въ гнѣздѣ, пока не погибнутъ послѣдніе члены общины.

Фильтръ системы Пифке.

Необыкновенная трудность полученія чистой воды вызвала въ послѣднее десятилѣтіе появленіе множества аппаратовъ, имѣющихъ цѣлью сдѣлать воду пригодною для питья и для промышленнаго производства посредствомъ удаленія изъ нея разныхъ нечистотъ. Изъ всѣхъ существующихъ аппаратовъ, особенное вниманіе заслуживаетъ скородѣйствующій фильтръ системы берлинскаго инженера Пифке, дающій очень чистую воду, занимающій не много мѣста и устройство котораго очень просто и недорого. Подобные фильтры пригодны въ особенности для большихъ потребителей, какъ напр. разныхъ фабрикъ, а также для нуждъ городовъ, замѣняя собою дорогіе песочные фильтры.

На рисункѣ изображенъ собственно фильтръ; онъ состоитъ изъ цилиндрическаго сосуда, въ которомъ одно надъ другимъ



Фильтръ Пифке.

горизонтально расположены круговидныя сита, образующія камеры и служащія для удержанія фильтрующаго матеріала. Сила дѣятельности фильтра съ извѣстной площадью увеличивается съ числомъ ситъ, т. е. камеръ. Аппараты, дающіе въ часъ 5 куб. метровъ воды, имѣютъ 12 ситъ, расположенныхъ на разстояніи около 60 миллиметровъ. Такимъ образомъ на небольшомъ пространствѣ получается значительная фильтрующая площадь. По для фильтра съ такими небольшими промежутками требовался фильтрующій матеріалъ, который укладывался бы тонкимъ слоемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быстро пропускалъ воду. Для этой цѣли употребляется особо приготовленный *чистый целлюлоидъ*, квадратный метръ плоскости котораго очищаетъ въ 24 часа отъ 50 до 60 кубич. метровъ воды, что даетъ возможность ограничивать размѣры фильтра 57 центиметрами діаметра и 87 центим. вышины. Для различныхъ потребностей матеріалъ этотъ обработывается разными способами.

Целлюлоидъ самъ по себѣ долго можетъ противиться разла-

Библиотека "Руниверс"

гающимъ вліяніямъ, но послѣ продолжительнаго соприкосновенія съ гніющими организмами онъ напитывается обезвреживающимъ составомъ.

Дѣйствіе фильтрующей массы не исключительно механическое; одновременно ею поглощаются органическія вещества, въ чемъ лучше всего можно убѣдиться пропуская сильно окрашенную воду.

Основательная чистка фильтра съ 20 аппаратами, дающими каждый въ день 120 куб. метровъ воды, можетъ быть произведена однимъ человѣкомъ въ 10 минутъ времени.

Еслибы потребовалось совершенно удалить фильтрующую массу изъ аппарата, то для этого поворачиваютъ направленіе струи, т. е. пускаютъ воду не въ воронку, а въ аппаратъ, и открываютъ меньшій кранъ у приводной трубы. Масса всполаскивается водою и уносится чрезъ этотъ кранъ.

При потребности большаго количества воды нужно устраивать большіе аппараты, дающіе въ день отъ 300 –500 куб. метр. воды. При этомъ нужно замѣтить, что размѣры ихъ не будутъ неудобны, такъ какъ дѣятельность аппаратовъ возрастаетъ приблизительно въ такомъ же отношеніи, какъ кубическое содержаніе сосудовъ. Такъ аппаратъ, дающій 500 куб. м. воды, потребуетъ сосуда около 1 метра въ поперечникѣ и около $1^1/_4$ метра вышины.

Политическое обозрѣніе.

Египетъ.—Тонкинъ.—Испанія и Куба.—Австрія.

Критическое положеніе дѣлъ въ Египтѣ должно наконецъ, какъ кажется, вызвать Англію къ болѣе рѣшительной и откровенной политикѣ. Ей наконецъ придется дѣйствовать, чтобы спасти гарнизоны Бербера и Хартума или же оффиціально заявить, что она вовсе не намѣрена дѣйствовать ни въ какомъ случаѣ. Министры хедива уже телеграфировали лондонскому кабинету о немедленной присылкѣ англійскихъ войскъ въ Берберъ и Хартумъ. Очень можетъ быть, эта экспедиція явится уже черезчуръ запоздалой, такъ какъ и теперь уже носится слухъ, что Берберъ находится въ рукахъ мятежниковъ. Во всякомъ случаѣ англійскому правительству предстоитъ положительно или отрицательно отвѣтить на посланное ему требованіе о немедленной присылкѣ войскъ на помощь Гуссейну и Гордону-пашѣ, а не отдѣлываться одними обѣщаніями и неясными фразами. Такъ въ рѣчи, которую недавно произнесъ Гладстонъ въ палатѣ общинъ, онъ просто заявилъ, что правительство признаетъ свою обязанность заботиться о безопасности генерала Гордона. Говоря объ этой рѣчи, газета „Times“ рѣзко замѣчаетъ, что Гладстонъ ошибается, полагая, что будетъ достаточно предложить Гордону покинуть Хартумъ. Генералъ не изъ тѣхъ людей, которые способны покидать своихъ друзей и приверженцевъ, и городъ Хартумъ долженъ быть спасенъ вмѣстѣ съ нимъ. Извѣстія изъ Каира отчасти подтверждаютъ такое мнѣніе газеты „Times.“ Въ нихъ серьезно приписываютъ Гордону намѣреніе возстать открыто противъ британскаго министерства. Увидѣвъ себя покинутымъ лондонскимъ кабинетомъ, генералъ будто бы принялъ геройское рѣшеніе дѣйствовать впредь по своему собственному усмотрѣнію, не ожидая инструкцій того правительства, которое отказало ему въ своей помощи. Онъ, можетъ быть, или провозгласитъ Зебера-пашу повелителемъ Судана, или же покинетъ Хартумъ самовольно, не заботясь о томъ, что подумаютъ объ немъ въ Лондонѣ. Во всякомъ случаѣ, ссора Гордона съ британскимъ министерствомъ и могущія быть ея послѣдствія составитъ новое униженіе и безъ того тяжкаго для Англіи положенія дѣлъ.

Оффиціальное приглашеніе на конференцію для обсужденія финансоваго положенія Египта, разосланное британскимъ правительствомъ кабинетамъ великихъ державъ, было принято ими безъ всякихъ оговорокъ, такъ что предстоящій созывъ конференціи можно считать обезпеченнымъ. Какъ слышно, британское правительство рѣшило замкнуть программу конференціи въ довольно тѣсные предѣлы, а именно въ предѣлъ спеціальнаго вопроса о допущеніи въ ликвидаціонномъ законѣ такого измѣненія, которое позволило бы Египту заключить заемъ приблизительно въ четыре или пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, необходимыхъ правительству хедива для уплаты вознагражденія лицамъ, пострадавшимъ отъ разрушенія Александріи. Гьюэту абиссинцы оказали самый почетный пріемъ и адмиралъ съ громаднымъ и блестящимъ конвоемъ отправился изъ Расъ-Алула въ Адуа для свиданія съ королемъ Іоанномъ. Впрочемъ союзъ съ Абиссиніей едва ли можетъ, въ настоящее время, поправить дѣло въ Суданѣ и спасти египетскіе гарнизоны. Кассала тѣсно блокируется; губернаторъ Бербера уже очистилъ городъ и начинаетъ отступленіе къ сѣверу; Ассуанъ въ опасности; триста солдатъ, бѣжавшихъ изъ Шанда, всѣ истреблены мятежниками: вся мѣстность между Берберомъ и Хартумомъ объята возстаніемъ. Вообще положеніе дѣлъ самое отчаянное.

По извѣстіямъ изъ Ханоя въ настоящую минуту ни одинъ изъ французскихъ отрядовъ не преслѣдуетъ болѣе непріятеля, пришедшаго въ полнѣйшее разстройство. „Черные флаги“ удалились къ сѣверу отъ Тонкина, а остатки гарнизоновъ Бакъ-Нинга и Гонгъ-Хоа достигли провинціи Танъ-Хоа, перебравшись черезъ западный горный кряжъ. Генералъ Бріэръ де Лиль двинется теперь съ небольшимъ отрядомъ на Нусъ-Бинъ, откуда будетъ наблюдать за дальнѣйшими движеніями непріятеля. Крѣпости Фу-Ламъ-Туіена и Донгвано взяты и срыты до основанія.

По извѣстіямъ изъ Кубы, полученнымъ въ Мадридѣ, возстаніе на островѣ почти подавлено. Въ столкновеніи съ правительственными войсками были убиты четверо сторонниковъ Агуэро и многіе другіе ранены. Остатки прочихъ шаекъ удалились въ необитаемую, совершенно пустынную и почти недоступную часть острова. Генералъ-капитанъ острова ручается, что самъ Агуэро въ короткое время будетъ или убитъ или схваченъ правительственными войсками. На границахъ Испаніи тоже не совсѣмъ покойно. Такъ банда водворенныхъ на жительство во Франціи испанскихъ выходцевъ перешла подъ предводительствомъ карлистскихъ офицеровъ испанскую границу близъ Наварры. Теперь эта банда преслѣдуется войсками.

Путешествіе австрійскаго наслѣднаго принца и его супруги, вызываетъ цѣлый рядъ овацій и вообще молодая чета встрѣчается повсюду съ чрезвычайнымъ радушіемъ и сочувствіемъ. Погостивъ въ Константинополѣ, высокіе путешественники проѣхали черезъ Варну въ Рущукъ для свиданія съ княземъ Болгарскимъ. Въ Бѣлградѣ они посѣтили крѣпость, присутствовали при парадномъ обѣдѣ и затѣмъ въ честь ихъ было устроено обществомъ пѣнія факельное шествіе. При посѣщеніи Бухареста высокіе гости были встрѣчены королемъ и королевой Румынскими еще не доѣхавъ до города. Изъ Бухареста, послѣ ряда празднествъ, принцъ и принцесса выѣхали обратно въ Австрію. Передъ отъѣздомъ принцъ вручилъ королю знаки ордена Золотаго Руна.

Смѣсь.

Новыя изысканія археолога Шлимана. Генрихъ Шлиманъ отправился въ настоящее время въ Тиринѳъ, чтобы начать раскопки тамошняго древняго акрополя. Нѣтъ сомнѣнія, что труды этого неутомимаго изслѣдователя вновь обогатятъ свѣдѣніями древнегреческій міръ. Развалины Тиринѳа, лежащія вблизи Аргоса и Навплія, принадлежатъ къ самымъ древнѣйшимъ постройкамъ Греціи и считаются чудомъ по своимъ циклопическимъ стѣнамъ. Тиринѳъ принадлежитъ къ самымъ древнѣйшимъ городамъ: Алькмена, мать Геркулеса, была дочерью тиринѳскаго царя и самъ Геркулесъ, какъ гласятъ преданія, долгое время жилъ здѣсь. Еще въ 1876 году Шлиманъ дѣлалъ здѣсь изысканія въ теченіи нѣсколькихъ дней, которыя, какъ извѣстно, привели къ весьма интереснымъ раскопкамъ. При этихъ изысканіяхъ въ Тиринѳѣ, Шлиманъ пришелъ къ заключенію, что постройки тамошнихъ циклопическихъ стѣнъ должны быть отнесены къ періоду времени между 1800 и 16 0 годами до Р. Х.

О походѣ Александра Великаго въ Индію. Недавно въ главномъ городѣ Афганистана, въ Кабулѣ,—который древніе греки называли Кобура—гдѣ также былъ Александръ Великій во время своего знаменитаго похода, нашли камень съ надписью, свидѣтельствующей о пребываніи здѣсь грековъ. Вообще въ Афганистанѣ находятъ въ настоящее время множество монетъ, сосудовъ, различныхъ украшеній и надписей, относящихся къ временамъ господства въ этой странѣ халдеевъ, персовъ и грековъ, не смотря на то, что Афганистанъ весьма рѣдко посѣщается европейскими учеными и изслѣдователями.

Провинціальный комитетъ въ Италіи въ пользу жертвъ острова Искіи, предполагаетъ устроить празднество въ Помпеѣ, которое будетъ продолжаться три дня. Мертвый городъ будетъ вновь вызванъ къ жизни цѣлымъ рядомъ сценъ изъ домашняго быта и политической жизни древнихъ помпейцевъ, при чемъ одѣянія и обычаи того времени будутъ переданы исторически вѣрно той эпохѣ.

Сношенія по Суэзскому каналу. По только что опубликованнымъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, сношенія по Суэзскому каналу, за послѣднія пять лѣтъ, дали слѣдующіе результаты:

Года.	Число кораблей.	Полученная прибыль.
1879	1477	29.686.060 франк.
1880	2026	39.840.487 „
1881	2727	50 274.352 „
1882	3198	60.504.878 „
1883	3308	65 826.932 „

Изъ этихъ данныхъ видно, что увеличеніе дохода въ 1883 году, сравнительно съ предыдущими годами, значительно понизилось (дивидендъ 1882 г. равнялся 16 фунт. стерлинговъ, а въ 1883 году поднялся только на 17,2 фунт. стерл.). Во всякомъ случаѣ можно сказать, что сношеніе по каналу если и не достигло своего высша-

Библиотека "Руниверс"

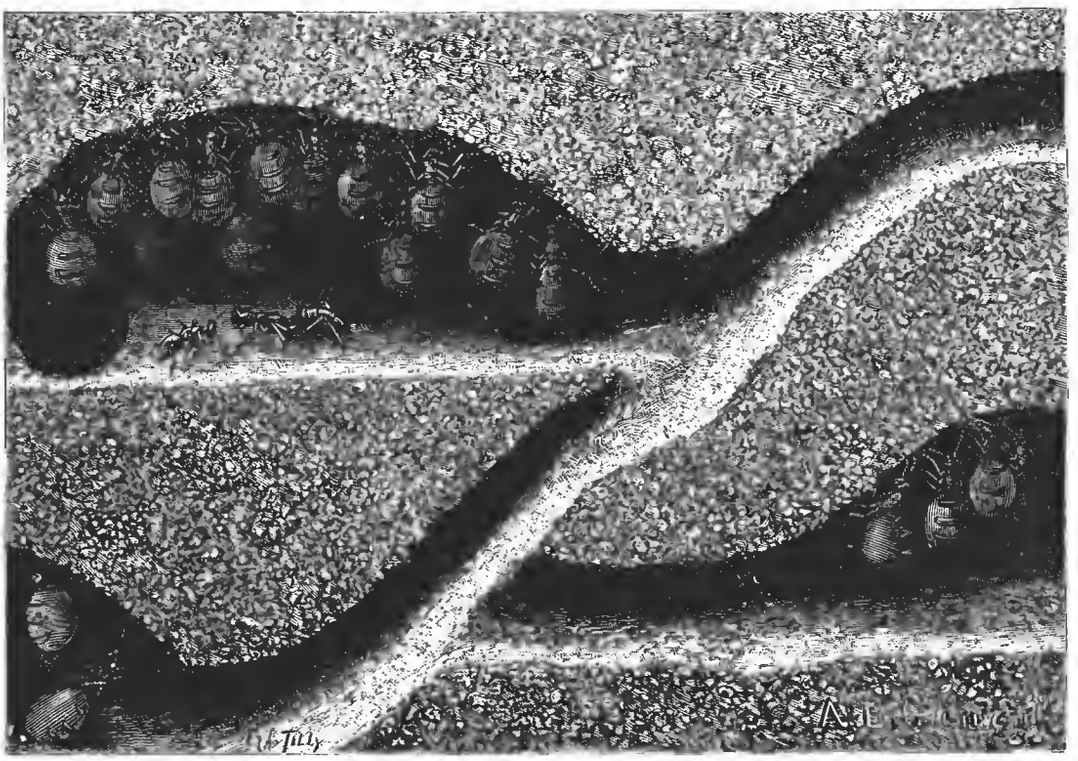
го развитія, дальше котораго оно не пойдетъ, то не будетъ уже подвигаться впередъ такими быстрыми шагами, какъ въ прежніе годы.

Изъ жизни Якова Гримма разсказываютъ слѣдующій милый эпизодъ. Однажды у дверей его жилища позвонила дѣвочка лѣтъ восьми, по наружному виду и по разговору, принадлежащая къ образованному семейству и сказала дѣвушкѣ, что желаетъ видѣть господина профессора. Полагали, что дѣвочка пришла съ какимъ нибудь порученіемъ отъ родителей. Яковъ Гриммъ встрѣтилъ ее привѣтливо и освѣдомился о томъ, что ей угодно. Та развязно спросила: „Вѣдь это вы написали сказки?"—Да, мое дитя, отвѣтилъ профессоръ, это мы съ братомъ написали дѣтскія сказки.—„Тогда, слѣдовательно, вы же написали сказку и объ умномъ портномъ, которая кончается словами: „кто этому не повѣритъ, тотъ долженъ заплатить одинъ талеръ".—Нѣтъ, это написалъ мой братъ,—отвѣчалъ Яковъ и попросилъ свояченицу проводить дѣвочку въ комнату Вильгельма Гримма. Повторивъ здѣсь тотъ же вопросъ и получивъ утвердительный отвѣтъ, дѣвочка попросила позволенія прочитать нѣчто изъ книги „дѣтскія сказки", которую она держала въ рукахъ. При чемъ прочитала правильно, съ естественной интонаціей, сказку объ умномъ портномъ; по окончаніи которой сказала: „Видите ли, я не вѣрю этой исторіи, потому что портной не можетъ ни въ какомъ случаѣ жениться на принцессѣ. И такъ какъ я не вѣрю этому, то должна заплатить вамъ одинъ талеръ. Но у меня нѣтъ столько карманныхъ денегъ, чтобы я могла внести эту сумму сразу". При этомъ она вынула изъ своего розоваго кошелька одинъ грошъ и подала его Вильгельму Гримму. На что тотъ сказалъ:—Я хочу этотъ грошъ подарить тебѣ обратно.—„Нѣтъ, отвѣчала она, мама говорила мнѣ, что деньги никогда не слѣдуетъ брать въ подарокъ". И старикъ долженъ былъ покориться рѣшенію дѣвочки. Справедливость этого факта подтверждается письмомъ самого Вильгельма Гримма къ Аннѣ Арнсвальдтъ.

Медовый муравей.

Какъ только электрическую машину удалось примѣнить для освѣщенія и какъ двигательную силу, началось стремленіе увеличить ея размѣры и напряженіе до максимума; съ другой стороны машину эту желательно было упростить и сдѣлать возможно дешевой. Какъ удовлетворяющая первому условію, особенно выдѣляется по своимъ громаднымъ размѣрамъ динамо-электрическая машина Гордона; она относится къ довольно почтенной машинѣ Эдиссона которое будетъ достигнуто примѣненіемъ паровыхъ двигателей. Напротивъ того, очень маленькую и дешевую динамическую машину устроилъ русскій инженеръ Яблочковъ, изобрѣтатель электрической свѣчи, которая доступна для производства ремесленникамъ и мелкимъ фабрикантамъ. Можно предсказать, что скоро настанетъ время, когда мы будемъ получать электричество, подобно тому, какъ теперь получаемъ газъ и воду.

Путешествіе антилопъ. Многіе путешественники по южной Африкѣ упоминаютъ объ антилопахъ, которыхъ бойеры называютъ скачущими козлами, но никто не изображалъ странствованій этихъ животныхъ такъ наглядно и живо, какъ Гордонъ Куммингъ. Во время одного изъ своихъ путешествій Куммингъ спалъ въ своей повозкѣ и за нѣсколько часовъ до разсвѣта услышалъ непрерывно продолжавшіеся своеобразные звуки, издаваемые антилопами. „Когда наступило утро, разсказываетъ онъ, и я вылѣзъ изъ повозки, то увидѣлъ все пространство къ сѣверу отъ нашего лагеря покрытымъ сплошной живой массой антилопъ, которыя медленно направлялись на сѣверъ; вся почва отъ перевала черезъ рядъ длинныхъ холмовъ на востокѣ, откуда онѣ направлялись густымъ потокомъ и до горной цѣпи въ полумилѣ разстоянія къ западу, за которой онѣ скрывались, была сплошь покрыта этими животными; ширина разстоянія, которое занимало это стадо, была также не менѣе полумили. Я стоялъ около повозки и въ теченіи двухъ часовъ наслаждался этимъ для меня новымъ и прелестнымъ зрѣлищемъ. Я едва вѣрилъ своимъ глазамъ и былъ скорѣй склоненъ принять за сонъ охотника то, что въ дѣйствительности представлялось моимъ взорамъ. Наконецъ легіоны антилопъ пройдя мимо насъ сплошной фалангой, скрылись въ ущельи горъ." Примѣры замѣчательной способности къ самозащитѣ соединенными силами подобнаго стада антилопъ были наблюдаемы однимъ извѣстнымъ путешественникомъ. Во время передвиженія антилопъ онъ видѣлъ среди плотно сомкнутаго стада льва, который принужденъ былъ противъ своей воли слѣдовать маршруту этихъ животныхъ. Надо полагать, что левъ неправильно разсчиталъ прыжокъ при нападеніи и попалъ въ самую середину стада. Тѣ же антилопы, на которыхъ упалъ левъ, могли раздаться на столько, что онъ только могъ достигнуть земли; затѣмъ сдавленный съ обѣихъ сторонъ и тѣснимый сзади левъ не могъ уже высвободиться изъ этого оригинальнаго плѣна. Такъ какъ только наружные ряды этого стада могутъ наклонять головы до земли, то съ перваго раза кажется страннымъ, какимъ образомъ могутъ антилопы добывать себѣ кормъ. Дѣлаютъ это онѣ слѣдующимъ образомъ: найдя удобное пастбище, переднія животныя начинаютъ пастись и продолжаютъ это до тѣхъ поръ, пока не насытятся; затѣмъ нуждаясь, какъ отрыгающія животныя, въ отдыхѣ для пережеванія, онѣ отодвигаются въ середину стада и уступаютъ свое мѣсто



Медовые муравьи въ Америкѣ. Рис. Тилли, грав. Клеменцъ.

какъ крѣпостное орудіе къ обыкновенному ружью. Вѣсъ ея равняется 18,000 килограмм., изъ которыхъ 7,000 приходится на магниты; она имѣетъ видъ цилиндра, около 3 метровъ вышины; но дѣлаетъ только 140 оборотовъ въ минуту. Однако при такой массѣ металла это можно считать вполнѣ удовлетворительнымъ. Какое количество лампъ она можетъ питать, этого пока строитель не разъясняетъ, но во всякомъ случаѣ не менѣе 1000. Изобрѣтатель стремится теперь къ возможному упрощенію этой исполинской машины,

Библиотека "Руниверс"

другимъ своимъ товарищамъ. Такая смѣна наружныхъ рядовъ производится непрерывно въ теченіи всего времени, пока пасется стадо. Воду антилопы пьютъ очень рѣдко; онѣ обладаютъ замѣчательнымъ свойствомъ оставаться безъ питья въ теченіи цѣлаго мѣсяца.

Зрѣніе насѣкомыхъ. Зрѣніемъ міръ животныхъ одаренъ въ высшей степени не равномѣрно. Нѣкоторыя творенія имѣютъ очень острый глазъ, какъ напр., орелъ, другія напротивъ совсѣмъ лишены зрѣнія, что мы видимъ у дождеваго червя. Во многихъ другихъ случаяхъ, если зрѣніе и не отсутствуетъ совсѣмъ, то существуетъ въ самомъ несовершенномъ видѣ, какъ напр. у крота. Насѣкомыя гораздо богаче надѣлены глазами, чѣмъ птицы и четвероногія. Маленькое насѣкомое, нататоръ, которое скользитъ по поверхности стоячихъ водъ, имѣетъ двойной глазной аппаратъ; верхній, которымъ оно смотритъ въ воздухъ, помѣщается въ верхней части головы, и нижній, для разсматриванія предметовъ въ водѣ, находящійся въ нижней сторонѣ головы; тонкая перепонка отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга. У паука шесть глазъ, а у нѣкоторыхъ породъ даже восемь. Между тѣмъ глаза многихъ насѣкомыхъ, какъ то пчелы, бабочки, стрекозы, обладаютъ громаднымъ числомъ граней и представляютъ такимъ образомъ цѣлую группу глазъ. Д-ръ Гукъ насчиталъ 14 тысячъ такихъ граней въ глазу стрекозы и Левенгукъ нашелъ ихъ 12544 въ другой породѣ этого же насѣкомаго. Послѣдній помѣщалъ глазъ стрекозы такъ, чтобы при помощи микроскопа можно было видѣть окружающіе предметы, отраженные въ глазномъ аппаратѣ, и нашелъ возможнымъ разсмотрѣть куполъ церкви въ 229 футовъ вышины, отстоявшей отъ него на 750 футовъ; онъ также могъ разобрать были ли двери дома на томъ же разстояніи открыты или затворены. Глаза блохи уменьшаютъ предметы и даютъ множество изображеній, какъ сообщаетъ Пуге, который производилъ опыты подобные Левенгуку. Солдатъ, разсматриваемый черезъ глазъ блохи, казался карликомъ; а пламя свѣчи имѣло видъ освѣщенія въ тысячу лампъ. У нѣкоторыхъ насѣкомыхъ зрѣніе развито лучше всего; вкусъ же, слухъ и осязаніе въ такихъ случаяхъ мало совершенны. Слѣпой же дождевой червь напротивъ того пятится назадъ, если на него упадетъ свѣтъ; слухъ и чувство обонянія предупреждаютъ его о близости опасности.

У летучей мыши осязаніе, слухъ и обоняніе развиты на столько сильно, что она легко можетъ обходиться безъ зрѣнія. Шпалангани выкололъ глаза у одной летучей мыши и пустилъ ее въ комнатѣ; летая изъ угла въ уголъ, она ни разу не зацѣпила и не порвала ни одной изъ тончайшихъ нитей, которыя были протянуты по всѣмъ направленіямъ на ея пути. Латрейль говоритъ, что существуютъ совершенно слѣпые муравьи, которые однако ведутъ тотъ же образъ жизни, какъ и зрячая ихъ братія.

Негры-аристократы. У негровъ есть также свой привиллегированный классъ, своя аристократія. Она живетъ попреимуществу въ главномъ городѣ союза. Одинъ корреспондентъ сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія объ ихъ собраніяхъ, жизни и обычаяхъ. Они изолируются отъ низшаго класса негровъ не меньше бѣлой аристократіи, сторонящейся отъ простаго народа. Члены этого привиллегированнаго класса при обращеніи другъ съ другомъ строго соблюдаютъ тѣ же церемоніи, тѣ же правила благовоспитанности, какія приняты въ средѣ бѣлой аристократіи и выполняютъ ихъ до мельчайшихъ подробностей. Черные слуги въ ливреяхъ всюду сопровождаютъ ихъ, причемъ они держатъ себя также далеко отъ своей прислуги, какъ и настоящіе аристократы изъ бѣлыхъ.

Во главѣ негрской аристократіи стоитъ бывшій невольникъ Ф. Дугласъ. Онъ живетъ въ прекрасной виллѣ близъ Вашингтона. Доходъ его оцѣнивается въ 200 тысячъ долларовъ. Но живетъ онъ особнякомъ и сторонится отъ своихъ собратій, которые обвиняютъ его въ высокомѣріи и не признаютъ своимъ членомъ. Вслѣдствіе этого главная роль между черной интеллигенціей перешла къ бывшему сенатору союза Брюсе, который теперь занимаетъ видный постъ въ министерствѣ финансовъ. Онъ, какъ полагаютъ имѣетъ до 100 тысячъ долларовъ въ годъ и живетъ въ красивомъ, богато обставленномъ домѣ. Въ гостиной у него стоитъ прекрасное піанино и большая коллекція книгъ наполняетъ множество богатыхъ шкафовъ. Какъ и Дугласъ, онъ имѣетъ карету съ кучеромъ, одѣтымъ въ модную ливрею. Жена его—элегантная дама, у которой на видъ нельзя заподозрить ни одной капли негрской крови.

Іонъ Гукъ, другой негръ, занимаетъ постъ сборщика податей въ провинціи Колумбія. У него также свой домъ. Грегори состоитъ профессоромъ латинскаго языка въ университетѣ. Докторъ Пурвисъ считается прекраснымъ врачемъ и его лекціи посѣщаются массой бѣлыхъ студентовъ.

Производство искусственныхъ зубовъ въ Америкѣ. Въ Америкѣ выдѣлка искусственныхъ зубовъ составляетъ важную отрасль промышленности. Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ для этой цѣли двѣнадцать мануфактуръ, которыя ежегодно производятъ до десяти милліоновъ зубовъ, т. е. среднимъ числомъ одинъ зубъ на пять человѣкъ. Доходъ отъ продажи этихъ зубовъ достигаетъ до милліона долларовъ въ годъ. Матерьялы, которые входятъ въ ихъ производство, состоятъ изъ полеваго шпата, каолина и горнаго хрусталя; окрашиваются же они платиной, титаніумомъ и золотомъ. Полевой шпатъ и хрусталь накаляются до красна и потомъ опускаются въ холодную воду. Растолченные и смѣшанные, они соединяются съ красящими веществами и подвергаются потомъ высокой температуры въ мѣдныхъ формахъ. Каждый зубъ дѣлается изъ двухъ составныхъ частей.

Паукъ на рыбной ловлѣ. Профессоръ Боркъ, въ Буэносъ-Айресѣ, открылъ паука, который по временамъ занимается рыболовствомъ. Разставивъ въ мелководномъ мѣстѣ воронкообразную или двукрылую сѣть, онъ, плавая по водѣ, загоняетъ въ нее головастиковъ, т. е. рыбоподобныхъ лягушекъ, и здѣсь ими завладѣваетъ. Что онъ съ успѣхомъ выполняетъ это дѣло, доказательствомъ тому служатъ множество сморщенныхъ, высосанныхъ шкурокъ головастиковъ, лежащихъ неподалеку отъ сѣти.

Индійскія желѣзныя дороги. До сихъ поръ на всемъ протяженіи Индіи существуетъ только одна главная линія желѣзной дороги, которая съ одной стороны связываетъ двѣ главныя гавани: Бомбей и Калькутту, и съ другой стороны доходитъ до Лагора, вблизи Гималая. Питательныя вѣтви къ этому главному пути до сихъ поръ устроены не были, не смотря на то, что рѣчное пароходство не даетъ къ этому никакихъ средствъ. Теперь бомбейскій коммерческій совѣтъ, въ засѣданіи своемъ отъ 11-го февраля настоящаго года, при громадномъ большинствѣ, постановилъ просить индійское правительство объ устройствѣ цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ громадномъ масштабѣ; что просьба эта не представляетъ никакихъ затрудненій для своего осуществленія, доказывается тѣмъ, что даже существующая линія, не смотря на отсутствіе питательныхъ вѣтвей и слѣдовательно невозможность во многихъ случаяхъ пользоваться ея услугами, даетъ хорошій процентъ на затраченный капиталъ, и что правительство выпусками облигацій легко можетъ получить нужныя для этого деньги въ Англіи, еще съ выгодой для себя. Совѣтъ предлагаетъ выстроить въ теченіи ближайшихъ 10 лѣтъ отъ 2000 до 3000 англ. миль желѣзной дороги, на что потребуется до 20 милліоновъ ф. стерлинговъ въ годъ.

Измѣреніе времени въ Турціи. Между обыкновенно принятымъ и турецкимъ суточнымъ дѣленіемъ времени существуетъ разница, происхожденіе которой не лишено интереса. Французскій инженеръ Лакоанъ, директоръ турецкихъ телеграфовъ, желая согласить эту разницу и постоянно находя, что она равняется десяти минутамъ, обратился за объясненіемъ этой загадки къ одному старому турецкому астроному, или, скорѣй, астрологу, который и помогъ ея объясненію. Оказалось, что въ Турціи суточное времяисчисленіе начинается съ захода солнца, но не опредѣленнаго астрономически, а просто наблюдаемаго съ самой высокой точки данной мѣстности. Отсюда выходитъ разница между временемъ, опредѣленнымъ простымъ способомъ и астрономическимъ, въ восемь минутъ. Остальныя двѣ минуты разницы зависятъ отъ времени, необходимаго муэдзину подняться на минаретъ и возвѣстить тамъ часъ обычной молитвой.

Какъ возникаютъ города въ Америкѣ. Въ Америкѣ иногда случается, что городъ возникаетъ въ однѣ сутки, какъ, напримѣръ, городъ Макъ-Грегоръ въ Техасѣ. Мѣсто для новаго поселенія было выбрано въ одно прекрасное утро, при соединеніи двухъ желѣзнодорожныхъ линій; на другой же день явилось изъ сосѣднихъ мѣстностей множество поселенцевъ; земля была раздѣлена на участки; распланированы улицы и площади, и продажа участковъ совершилась съ замѣчательною быстротою, такъ что 442 участка, обнимающіе собою 300 акровъ, были проданы въ тотъ же день и изъ нихъ образовались цѣлыхъ два квартала, въ три мили каждый. Въ тоже время со всѣхъ сторонъ появились длинныя вереницы телѣгъ, на которыхъ привезли готовыя деревянныя постройки, которыя тотчасъ же ставили на мѣсто, вырывъ лишь наскоро мѣсто для фундамента. Во второй день 12 поселенцевъ жили уже въ домахъ, остальные поселились въ палаткахъ. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ, въ Макъ-Грегорѣ считалось уже 170 домовъ (какіе это дома—можно себѣ представить!) при населеніи въ 500 душъ, а мѣсяцъ спустя здѣсь уже издавалась мѣстная газета.

Освѣщеніе электрическимъ свѣтомъ каретъ и омнибусовъ будетъ, вѣроятно, введено въ скоромъ времени въ общее употребленіе, такъ какъ въ Лондонѣ недавно происходили очень удачные опыты подобнаго приложенія электричества. Результатъ получился очень удовлетворительный, при лампочкахъ слабой силы и при баттареяхъ аккумуляторовъ самаго небольшаго размѣра.

Инструменты строителей пирамидъ. Хотя поразительныя каменныя работы египтянъ сохранились до настоящаго времени, но какимъ способомъ обработывался твердый матеріалъ, до сихъ поръ не было извѣстно. Недавно по неудавшимся и отброшеннымъ на сторону кускамъ камня дознано, что египтяне употребляли и кругообразныя и прямыя пилы, а также трубовидные буравы, острія и рѣзаки которыхъ были сдѣланы изъ драгоцѣнныхъ камней. Точно также іероглифы выводились инструментами, острія которыхъ должны были быть тверже самаго камня. Опыты доказали, что для этой работы могъ быть употребленъ только алмазъ. Употребленіе алмазной пилы замѣтно на гранитной гробницѣ большой пирамиды въ Гицехѣ, при чемъ видно, что пила два раза прошла криво. Прекрасные образчики древне-египетскаго каменнаго точильнаго искусства находятся въ британскомъ музеѣ, между прочимъ у одной вазы толщина стѣнокъ у горлышка составляетъ только $1^1/_4$ милиметра, хотя ваза и сдѣлана изъ очень твердаго камня.

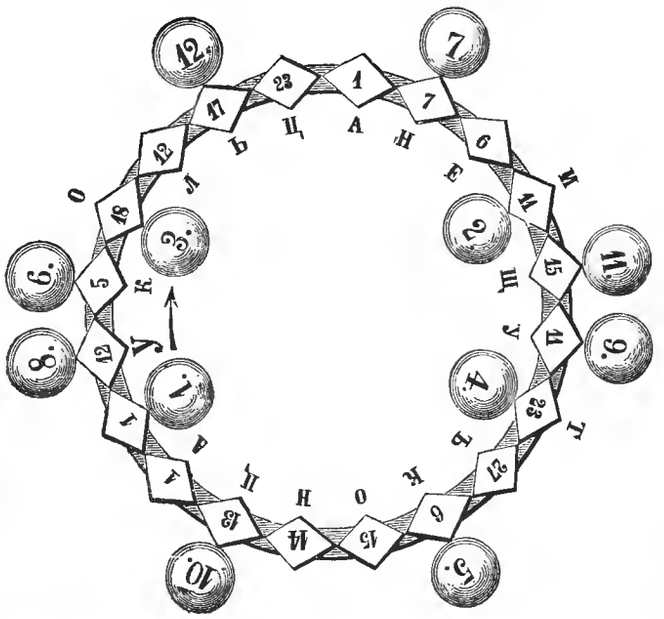
Въ послѣднее время для прорытія тунелей начали изготовлять буравы съ наконечниками изъ чернаго алмаза. Примѣненіе алмазовъ было признано способомъ совершенно новымъ, между тѣмъ уже во времена древнѣйшихъ египетскихъ царей пилили, буравили и рѣзали камень алмазомъ, на что указываютъ имена Семаферу и Куфу, принадлежащія къ самому раннему періоду, выведенныя іероглифами, на которыхъ ясно замѣтна обработка алмазомъ.

Библиотека "Руниверс"

Искусственная выдѣлка кожъ разныхъ животныхъ. Съ нѣкотораго времени вошли въ большую моду нортъ-моне, саки и другія вещи изъ кожи змѣй, крокодиловъ и другихъ рѣдкихъ животныхъ, которыя дѣлаются, по дороговизнѣ и недостатку настоящихъ, изъ поддѣльныхъ кожъ. Для этой цѣли берутъ кожу боа, аллигатора или тюленя и фотографическимъ способомъ получаютъ съ нея самый вѣрный снимокъ, а потомъ посредствомъ гальванопластики приготовляютъ уже металлическую доску, которой и отпечатываютъ на обыкновенной кожѣ всѣ тѣ полосы и красивые оттѣнки и узоры, которыми характеризуется кожа какого нибудь рѣдкаго животнаго

Шерстяное исподнее платье. Между множествомъ средствъ, при помощи которыхъ мы стараемся сохранить себя отъ простуды, существуетъ одно, далеко еще не оцѣненное публикой; мы подразумѣваемъ здѣсь именно шерстяное исподнее платье. Много лицъ мужскаго пола признаютъ за нимъ большія преимущества, но еще больше мужчинъ и почти всѣ женщины и дѣти предпочитаютъ ему полотняное бѣлье. Преимущества шерстянаго бѣлья нельзя не оцѣнить послѣ нѣкотораго размышленія. Шерсть, въ силу своей способности хорошо предохранять наше тѣло отъ охлажденія и удобства переработки ея въ ткани различной толщины, можетъ быть примѣняема къ требованіямъ различной температуры воздуха, всевозможнымъ климатамъ и перемѣнамъ погоды съ такимъ удобствомъ, какъ никакая другая ткань. Кромѣ того шерстяная ткань, буда она толста или тонка, груба или нѣжна, обладаетъ особой способностью впитывать въ себя влагу и также легко испарять ее. Это послѣднее качество шерсти, имѣющее весьма важное значеніе для нашего организма, и есть собственно главная причина, почему шерстяную ткань нужно считать матеріаломъ самымъ пригоднымъ для исподняго платья, лежащаго непосредственно на кожѣ Лычныя и бумажныя ткани хорошо всасываютъ влагу, которую тѣло наше выдѣляетъ выпотѣніемъ, только до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаются мокрыми; а затѣмъ и сами испаряютъ ее медленно и не пропускаютъ выдѣленіе кожи. Такимъ образомъ тѣло наше, оставаясь влажнымъ,—что случается и зимой при скорой ходьбѣ пѣшкомъ—даже при незначительномъ понижеціи температуры окружающаго воздуха, а тѣмъ болѣе при вѣтрѣ, быстро охлаждается и подвергается простудѣ. Шерстяная же ткань, напротивъ того, впитывая хорошо продукты пота, все время сама остается почти сухой и такимъ образомъ всегда одинаково хорошо предохраняетъ насъ отъ вліянія перемѣны температуры. Если фланель на видъ и не кажется такой чистой и бѣлоснѣжной какъ полотно, щеголяющее своей опрятностью, то съ другой стороны она за то не такъ скоро грязнится какъ полотно, которое, дольше оставаясь влажнымъ, легче принимаетъ на себя пыль и грязь. Все это доказываетъ намъ, что шерсть служитъ самымъ удобнымъ и самымъ здоровымъ матеріаломъ для нашего бѣлья. Старики, дѣти и лица со слабымъ здоровьемъ, какъ меньше другихъ способные противостоять простудѣ, обязательно должны носить такое бѣлье. Конечно ткани, предназначаемыя для носки зимой, должны значительно разниться по толщинѣ и плотности отъ лѣтнихъ.

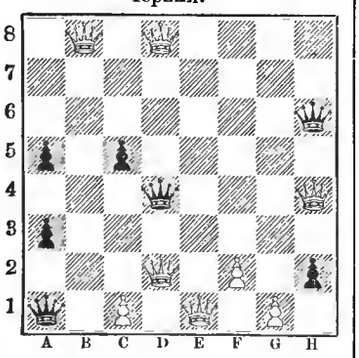
Рѣшеніе задачи № 12.



„У кольца не ищутъ конца".

Шашечная задача № 17.
К. О. Цѣхановича.

Черныя.



Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ всѣ шашки черныхъ въ 8 ходовъ.

Магическій крестъ.

Задача № 18.

		а	а	а		
		а	б	б		
г	г	и	и	и	и	к
к	к	к	л	л	н	п
о	о	о	о	о	о	о
		о	п	п		
		т	т	ч		

СОДЕРЖАНІЕ: **Община сестеръ Милосердія св. Георгія** (съ 2 рис.).—**Студентъ.** Поэма **А. Фета.**—**Недолгое счастье.** Повѣсть **Д. В. Григоровича.** (Продолженіе).—**Городъ Луцкъ, Волынской губ.** (съ рис.).—**Ермакъ—покоритель Сибири** (съ рис.).—**Весенніе мотивы** (съ 2 рис.).—**Дрессированные волки** (съ рис.).—**Присяга малолѣтнему Людовику XV членовъ Парламента** (съ рис.). — **Медовые муравьи** (съ 2 рис.).—**Фильтръ системы Пифие** (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Рѣшеніе задачи.—Шашечная задача.—Магическій крестъ.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ
„ЭЛЕОПАТЪ"
◆ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА ◆
употребляется для останавливанія выпаденія волосъ и **противъ столь вредной для роста волосъ перхоти.**
Продается въ С.-Петербургѣ, въ магаз. Штоль и Шмидтъ и въ русск. общ. торговли аптек. товарами; въ Москвѣ и провинціи—во всѣхъ большихъ аптекахъ и у **дрогистовъ**; цѣна флакону **1 руб. 50 коп.** безъ пересылки.
Провизоръ КИНУНЕНЪ.

КОНТОРА
ТОРГОВАГО ДОМА „ПАВЕЛЪ ВЫДРИНЪ И СЫНЪ"
въ Москвѣ, проситъ **г. Ивана Федоровича Кид—ва,** адресъ котораго конторѣ не извѣстенъ, оплатить или отсрочить до 17 мая сего года, долгъ его по квитанціи за № 807, срокъ которой минулъ 17 мая прошлаго 1883 года; въ противномъ случаѣ билеты будутъ проданы; при этомъ контора увѣдомляетъ Г. Кид—ва, что на билетъ перваго займа, по означенной квитанціи, **въ тиражѣ 2 января сего года палъ выигрышъ.**
Н. № 3308 3—2

ЧОКРАКСКОЕ ГРЯЗЕ-ЛЕЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ въ КРЫМУ, близъ г. КЕРЧИ, открывается 20 Мая. Подробности см. № 13-й „НИВЫ". № 3282 4—4

ВЫКРОЙКИ ДЕМОРЕСТЪ
отъ 15 копѣекъ до 80 коп.
Журналъ Деморестъ изъ Парижа въ 600 модныхъ гравюръ, съ пересылкою 1 р. 10 к.
1884 г. И. ВАКОНЪ. 1884 г.
Гороховая д. № 9, кв. № 8, въ бель-этажѣ, въ С.-Петербургѣ. № 3276 2—2

АГЕНТЫ
требуются для производительной фабрики во всѣхъ значительныхъ городахъ Россіи, при выгодныхъ условіяхъ. Издѣліе подходящее для переплетчиковъ, торговцевъ мебелью, галантерейнымъ товаромъ и письменными принадлежностями. Предложенія, съ обозначеніемъ рекомендацій, просятъ адресовать въ Контору **Владиміра Фрица,** въ **С.-Петербургѣ, Малая Морская, № 16.**
Р. № 3329 2—1

НАДГРОБНЫЕ ВѢНКИ
изъ лаинированной жести
съ роскошн. цвѣточными украшеніями изъ фарфора № 3316 5—2
ИМ�ѢЮТСЯ ВЪ БОЛЬШ. ВЫБОРѢ
въ магазинѣ металлическ. издѣлій и лампъ
Ф. УРЛАУБЪ, вышій БИНГЪ
Казанская, напрот. Ломбарда
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Р. № 3330 20—1

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ВСЕВОЛОДА СЕРГѢЕВИЧА СОЛОВЬЕВА.

Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ.
Большая Морская, д. 9.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА.

Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Дѣйствіе романа въ XVII в. во время царствованія Алексѣя Михайловича. СПБ. 1882 г. Цѣна 2 р., съ пересылкой 2 р. 50 к., въ каленкоровомъ перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 59 к.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ.

Историчвск. романъ конца XVIII вѣка. Характеръ Екатерины Великой, бытъ ея царедворцевъ, личность Цесаревича Павла—очерчены здѣсь чрезвычайно типично. Въ 2-хъ частяхъ in 8, всего 672 стр., напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ съ иллюстраціями. СПБ. Изданіе 3-е. 1882 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ.

Истор. романъ-хроника конца XVIII и начала XIX вѣка. Романъ этотъ составляетъ **продолженіе** романа **„Сергѣй Горбатовъ“** и въ немъ изображается совершенно въ новомъ видѣ характеръ Императора Павла I. Въ 2-хъ частяхъ. Около 700 стр. Изданіе 2-е. СПБ. 1883 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ красив. кал. пер. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

Историческая повѣсть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи XVI вѣка и въ развитіи своемъ представляетъ большой интересъ. Томъ этотъ украшенъ **20 рисунками** художника **И. С. Панова. Изданіе 2-е.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленкор. переплетѣ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Романъ-хроника XVIII вѣка. Изданіе Бирона и воцареніе Елизаветы описаны здѣсь со стороны автору талант. въ 2-е изд. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к. въ кал. переп. 3 р. съ пер. 3 р. 50 к.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Романъ-хроника XVII вѣка, въ трехъ част. Романъ этотъ, обнимая эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи, въ связи съ правдивостью изложенія историческихъ событій—чрезвычайно интересенъ. СПБ. 1882 г. 282 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ каленк. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ.

Романъ изъ современ. жизни. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. переплетѣ 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 50 к.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Романъ-хроника XVIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это чрезвычайно интересный разсказъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшаго только три года. Романъ этотъ, какъ почти всѣ романы Соловьева, переведенъ на многіе иностранн. языки. СПБ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кал. переп. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Гг. иногороднымъ, выписывающимъ **разомъ** *всѣ эти сочиненія, пересылка даромъ,*
и для Гг. городскихъ СПБ. покупателей дѣлается уступка 10%.

Большая производительность!

ВѢРНОЕ СРЕДСТВО
для добыванія **СОВЕРШЕННО ЧИСТОЙ** и **БЕЗВРЕДНОЙ** для здоровья
ВОДЫ ДЛЯ ПИТЬЯ,
наконецъ, можетъ быть предложено публикѣ, въ видѣ
ДѢЙСТВИТЕЛЬНО РАЦІОНАЛЬНАГО
ДОМАШНЯГО ФИЛЬТРА,
который основанъ на
СИСТЕМѢ
СКОРОДѢЙСТВУЮЩИХЪ
ФИЛЬТРОВЪ,
изобрѣтенной г. **ПИФКЕ.**

Этотъ фильтръ можетъ быть каждымъ очищаемъ въ нѣсколько минутъ, не нуждаясь въ разборкѣ.

ГЛАВНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
Эдуардъ Карловичъ КЕРБЕРЪ,
С.-Петербургъ, Невскій прос., домъ № 22, кв. № 18.

Для ознакомленія съ патентованными фильтрами для фильтраціи воды и пр. въ **большихъ размѣрахъ** имѣются особыя объявленія. 3299

Дешевизна содержанія!

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ ВЫПУСКЪ I-й

„СТРАНСТВОВАНІЯ ВАСИЛІЯ ГРИГОРОВИЧА БАРСКАГО ПО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ ВОСТОКА СЪ 1723 ПО 1747 Г.“

Изданіе Православнаго Палестинскаго Общества съ подлинными рисунками Барскаго 2 первыхъ листа текста и 4 рисунка—цѣна 50 к. Изданіе составитъ до 40 выпусковъ, которые будутъ выходить ежемѣсячно. Каждый выпускъ стоитъ 50 к. и будетъ продаваться отдѣльно. Просятъ при пріобрѣтеніи 1-го выпуска запастись безплатнымъ билетомъ на полученіе послѣдующихъ, которые будутъ сохраняться для владѣющихъ билетомъ въ теченіе года со дня выхода.

Продается въ Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ Тузова, Риккера, Оглоблина и въ Синодальной книжной лавкѣ, въ Москвѣ у Ферапонтова, въ Кіевѣ у Оглоблина и въ Одессѣ у Распопова.

Складъ изданія въ Петербургѣ у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7.

Цѣна по выходѣ всего изданія будетъ значительно возвышена. № 3297 3—3

ПРЕДОХРАНЕНІЕ ОТЪ МОЛИ!
БУМАГА,
ЖИДКОСТЬ,
КАМФОРА и НАФТАЛИНЪ,
простыя и вѣрныя средства при сохраненіи мѣховыхъ вещей и шерстяныхъ матерій, въ продажѣ у
РУССКАГО ОБЩЕСТВА ТОРГОВЛИ АПТЕКАРСКИМИ ТОВАРАМИ,
Казанская ул., № 12. № 3315 2—2

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА.

С.-Петербургъ. Невскій проспектъ. № 21. Предлагаетъ свои услуги по всѣмъ банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью, за самое умѣренное вознагражденіе.

Контора открываетъ **АГЕНТСТВА** въ провинціи.

ССУДЫ подъ залогъ % бумагъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ

Контора выдаетъ

Изданная конторою брошюра: **„РУКОВОДСТВО КЪ ПРАКТИЧЕСКОМУ ОЗНАКОМЛЕНІЮ СЪ БАНКОВЫМИ ОПЕРАЦІЯМИ И КЪ ОБЛЕГЧЕНІЮ СНОШЕНІЙ ИНОГОРОДНОЙ ПУБЛИКИ СЪ КОНТОРОЮ“** высылается по требованію ■ безплатно. ■ Р. № 3245 8—7

ИЩУТЪ

въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую централь. контору объявленій, **Невскій пр., № 8,** подъ лит. В. Р. № 3328

КУМЫСЪ ВЪ САМАРѢ.

Съ 1 мая открывается близь Г. Самары XXVII сезонъ на нервомъ Кумысо-лечебномъ заведеніи Dr. Постникова. Подробности: 1) Въ Медицинскомъ Обозрѣніи т. XXI № 5. 2) Въ Сезонномъ Справочномъ Листкѣ Русскихъ Минер. водъ № 1 и № 2, стр. 16. 3) Спутникѣ по лечебнымъ мѣстностямъ Граге. № 3322 3—1

О ДЕ ЛИСЪ ДЕ ЛОЗЕ (EAU DE LIS DE LOHSE)

для улучшенія и украшенія **ЦВѢТА ЛИЦА, отъ веснушекъ, загара, красноты, угрей, желтыхъ пятенъ, также отъ нечистоты кожи всякаго рода,** наилучшее предохранительное средство, существующее уже 50 лѣтъ. Ежедневное употребленіе **„О де Лисъ де Лозе“** дѣйствуетъ **охладительно** и **освѣжительно,** дѣлаетъ кожу ослѣпительно бѣлой и нѣжной и придаетъ ей здоровый, цвѣтущій видъ. Въ обыкновенныхъ флак. по 1 р. 50 к.—3 руб.

☛ Во избѣжаніе поддѣлокъ слѣдуетъ требовать „О де Лисъ де Лозе“ (Eau de Lys de Lohse).

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ парфюмеръ Ея Имп. Вел. Императрицы Германской, Ея Имп. Высоч. Наслѣдницы Герман. Престола. **БЕРЛИНЪ, W.** Jaegor-Strasse, 46.

☛ Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ Россійской Имперіи. Ц. № 3220 9—3

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ

лучшій аппаратъ для тушенія пожаровъ зачатѣ и поливки цвѣтовъ по 16 р. Упаковка 40 коп.

РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА

товарищества Буркгартъ и Урлаубъ, самая простая, дешевая, легкая и прочная настоящаго времени—имѣется у насъ на складѣ 10 разн. размѣровъ—наименьшая выбрасыв. 600 ведеръ воды въ часъ и стоитъ 115 р. Наибольшая—1800 ведеръ и стоитъ 400 р.

Нососы ручные приводные и паровые

для всѣхъ вовможныхъ цѣлей.

ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЛЯ

лучшій паровой насосъ настоящ. времени.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МАШИНЪ ВСЯКАГО РОДА.

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ

С.-Петерб. В. О. 1 л. № 14. Москва, Мясницкая д. Сытова.

„Проснмъ не смѣшивать нашу фирму съ другими, схожими иа нашу по фамиліи“.

Иллюстр. катал. безплатно. № 3249 6—6

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ,

СОБИРАТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ МОСКВѢ,

имѣетъ честь извѣстить, что онъ переѣхалъ съ Петровки на **Малую Дмитровку**, въ домъ графа Васильева-Шиловскаго, и что теперь, какъ и прежде, покупаетъ по высокой цѣнѣ слѣдующія вещи. Какъ-то: **старинный сѣверсній и саксонсній фарфоръ, бронзовые часы, канделябры, настѣнники и группы, золотыя эмальированныя табакерки, серебряные кубки, кружки, бокалы** и проч.; **мебель съ богатымъ бронзовымъ украшеніемъ, съ фарфоровою инкрустаціею, гобелены, шелковыя и бархатныя матеріи, вышитыя золотомъ и серебромъ, старинныя ружья**, какъ то: Points d' Alençon, Points de Venise, Points d' Argentan, **фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра** и вообще всякаго рода **древности изящной работы прошедшихъ столѣтій до временъ Екатерины II-й.**

Просятъ адресоваться лично или письменно: **Г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ**, Москва, Малая Дмитровка, домъ графа Васильева-Шиловскаго. Л. № 3190 6—5

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***).

Признанъ за **лучшее средство** противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная **съ простаго катарра до чахотки** и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ оффициальное благодарственное письмо отъ № 3317 10—2

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ въ **С.-Петербургѣ.**

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Имѣется во многихъ Тор. Аптек. Тов.

Глав. складъ д. Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Аурихa, Б. Морск. 17.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу въ конторѣ редакціи журнала „Нива“, въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, д. № 9; въ Отдѣленіи Конторы „Нивы“ у **Н. Н. Печковской**, Москва, въ домѣ Петровскихъ линій и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, новая повѣсть нашего знаменитаго писателя

Д. В. ГРИГОРОВИЧА

„ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ“.

Это весьма изящное изданіе печатано на лучшей веленевой бумагѣ и украшено 36 оригинальными рисунками художника Н. Н. КАРАЗИНА.

Цѣна **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **50** к.; въ каленкор. перепл **1** р. **75** к., съ перес **2** р.

ГОЛЛАНДСКІЙ МАГАЗИНЪ

ГАРМСЕНЪ И КОМП.

ГОСТИННЫЙ ДВОРЪ № № 131 и 144

симъ извѣщаетъ о полученіи

ВСѢХЪ ВЕСЕННИХЪ И ЛѢТНИХЪ НОВОСТЕЙ

ДЛЯ ДАМСКІХЪ ПЛАТЬЕВЪ.

Шерстяныя ткани: Полосатыя, съ цвѣточками, шанжанъ, шинé и разныя гладкія

Бумажныя ткани: Сатинетъ гладкій, дамассе, mille-raies и съ цвѣтами. Фуляръ гладкій и съ мушками. Большой выборъ **зефиру отъ 25 до 60 коп.**

Особенно рекомендуемъ: Громадный выборъ **чулокъ и носковъ, бѣлья, полотенецъ, шертинговъ и пр. и пр.**

ЦѢНЫ САМЫЯ УМѢРЕННЫЯ.

Примѣчаніе: Г. г. иногороднымъ по требованіямъ образцы немедленно высылаются. № 3324 1—1

ЧАСОВНИ, ОГРАДЫ,

П. № 3310 2—2

МОНУМЕНТЫ, КРЕСТЫ, ПАМЯТНИКИ

ВСѢХЪ РАЗМѢРОВЪ,

ИЗГОТОВЛЯЕТЪ

ЗАВОДЪ **Ф. САНЪ-ГАЛЛИ** ЛИГОВКА, 46.

СТОЛЫПИНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

СѢРНО-СОЛЯНЫЕ И ЖЕЛѢЗНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

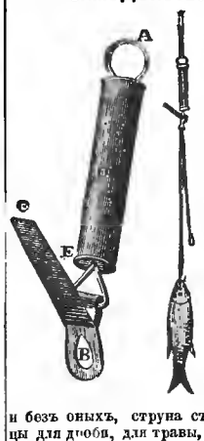
РАЗСОЛЬНАЯ ВОДА И МИНЕРАЛЬНАЯ ГРЯЗЬ.

НАСТОЯЩІЙ СТЕПНОЙ КУМЫСЪ.

Прекрасный степной воздухъ. Дешевая жизнь. По случаю заключенія долгосрочной аренды, администрація водъ приступила къ совершенному преобразованію заведенія, и потому, кромѣ давно уже признанной цѣлебности водъ, можетъ предлагать своимъ посѣтителямъ болѣе удобную обстановку заведенія. Лечебный сезонъ съ 20 мая. Медицинская часть вполнѣ обезпечиваетъ доступную врачебную помощь больнымъ, при возможности пользоваться ежедневными консультаціями между директоромъ-врачемъ заведенія и приглашеннымъ врачемъ-консультантомъ. Главныя болѣзни: ревматизмъ, золотуха, застарѣлыя сифилитическія и меркуріальныя страданія, накожныя болѣзни, болѣзни костей и суставовъ, застой крови въ брюшныхъ органахъ, увеличеніе печени и селезенки, геморрой, невральгіи, параличи, хроническія женскія болѣзни (особенно ексзудативныя), малокровіе и зависящія отъ него страданія.

Желающихъ познакомиться съ устройствомъ заведенія, химическимъ анализомъ водъ и таксою заведенія просятъ обращаться по почтѣ: „въ контору Столып. минер. водъ, Самарской губ., Николаевскаго уѣзда, на почтов. станцію Криволучье“. № 3323 1—1

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,



одобренный всѣми любителями рыбной ловли, съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы, замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну и устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣваетъ ее за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Цѣна 60 к.; на пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственный складъ у **П. Ф. Каратаева**, Невскій проспектъ, Милютинъ рядъ, № 18, С.-Петербургъ.

Большой выборъ англійскихъ принадлежностей для рыбной ловли, которымъ магазинъ издалъ иллюстрированный прейсъ-курантъ въ краскахъ и въ натуральную величину и съ точно обозначенною мѣрою, съ цѣнами при каждомъ рисункѣ, изъ которыхъ 48 сортовъ разныхъ рыбокъ, 66 сортовъ ложекъ (блесны), 48 сортовъ мушекъ, 13 сортовъ искусственной приманки: червяковъ, жуковъ, мухъ, стрекозъ, коровокъ, и друг., 45 сортовъ поплавковъ, 16 сортовъ готовыхъ удочекъ, крючки лимерикъ, кирби, все №№, также на жилкѣ, на струнѣ, на проволокѣ (жерлицы) крючки двойные, тройные, четверные, крючки морскіе, крючки механическіе, раздвижные карабины (чтобы не крутилась леска), разныхъ системъ удилища, леса пеньковая, крученая и плетеная, шелковая, крученая и плетеная, волосяная, волосяная съ шелкомъ, шелковая плетеная, смоленая всѣхъ толщинъ и цвѣтовъ, разной мѣры. Наконечники (жилка изъ шелковичнаго червя) разной толщины и длины, съ карабинами и безъ оныхъ, струна съ карабинами, грузило, червячницы, корзинки для рыбы, щипцы для дробы, для травы, кошки для отщепки лесъ, машинки для наматыванія лесы, мѣдныя и деревянныя, остроги, гарпуны, иголки для вынимания крючковъ и нанизыванія рыбы, бумажники для мушекъ, сачки, садки, мѣшки для рыбы, раковыя сѣтки и много другихъ предметовъ. Прейсъ-курантъ будетъ ежегодно пополняться всѣми англійскими новостями по ужепію рыбы, цѣна 50 коп. Г. г. иногороднымъ высылается за 7 семи-копѣечныхъ марокъ.

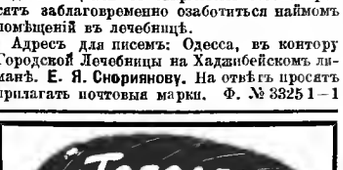
Адресъ: Магазинъ **П. Ф. Каратаева**, Невскій проспектъ, Милютинъ рядъ, № 18, С.-Петербургъ. 3321 1—1

Одесское Городское Грязе-Лимано-Лечебное Заведеніе

на Хаджибейскомъ лиманѣ (лечебный сезонъ съ 1 мая по 1 октября). Богатство содержимыхъ частей въ ранѣ и грязи Хаджиб. лимана хлористаго натрія, желѣза, іода, брома, гуминныхъ кислотъ и другихъ цѣлебныхъ веществъ, въ особенности содержаніе тремиламина, до сихъ поръ не найденнаго ни въ какихъ грязяхъ изъ извѣстныхъ въ Европѣ Курортовъ и занимающаго видное мѣсто при леченіи болѣзней нервной системы—даетъ возможность съ большимъ успѣхомъ примѣнять лиманное лечение въ разнаго рода болѣзняхъ; въ особенности же успѣшно излечиваются слѣд. болѣзни: во всѣхъ видахъ золотуха; во всѣхъ случаяхъ ревматизмъ, не осложненный пороками сердца; при уплотненіи и атрофіи послѣ различныхъ поврежденій (ушибовъ, ранъ, переломовъ), застарѣлыхъ формахъ сифилиса; болѣзни мочевыхъ и половыхъ органовъ, женскія болѣзни; нервныя и накожныя болѣзни.

Лечебное заведеніе расположено въ роскошномъ паркѣ, въ 7 верстахъ отъ Одессы, сообщено съ городомъ желѣз. дорогою и во всѣхъ отношеніяхъ приспособлено для удобствъ лечащейся публики. Въ виду большаго съѣзда лечащихся съ открытіемъ сезона просятъ заблаговременно озаботиться наймомъ помѣщеній въ лечебницѣ.

Адресъ для писемъ: Одесса, въ контору Городской Лечебницы на Хаджибейскомъ лиманѣ. **Е. Я. Снориянову.** На отвѣтъ просятъ прилагать почтовыя марки. Ф. № 3325 1—1



Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія.

ТОПОЛИНЪ или

ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ.

М. М. Петрова.

Для лица № 1. Усовершенств. средство, уничтожающее прыщи, красныя пятна, загаръ, веснушки; при употребленіи лицо пріобрѣт. здоровый и красивый цвѣтъ.

Для головы № 2. Дѣйствительно очищаетъ кожу отъ перхоти, освѣжаетъ голову, прекращаетъ головныя боли, почему прекращаетъ и выпаденіе волосъ.—Въ виду поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на клеймо (М. М. Петрова).

Цѣна флак. по 1 р. 25 к. и ½ фл. по 75 к.

Главные силады: въ аптекахъ и во всѣхъ московск. аптекарск. магазинахъ.

Продается: въ аптекахъ, аптекарскихъ и др. магаз. Россіи и заграницей.

Для гг. оптовыхъ покупателей установлена % скидка.

Съ треб. просятъ обращ. въ главный складъ: Москва, Никитская аптека Петрова, бывш. Келлеръ. По почтѣ высылается **не менѣе** 2 флак. за 3 р. 50 к.

Ц. № 3106 26—8

Изданія А. Ф. Маркса.

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Каразина**, *второе изданіе*, съ 39 рис. автора, большой томъ in 8 — всего 304 стр. Цѣна **2 р.**, съ пер. **2 р. 30 к.** Подписчики „Нивы“ за перес. не платятъ.

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть *В. И. Кельсіева*, съ рисунками Панова. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписч. „Нивы“ на 1884 г. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ

РАСТИТЕЛЬНЫЙ ВЛАГОМѢРЪ

(гигрометръ), точность котораго подтверждается многочисленными отзывами. Этотъ, мною изобрѣтенный, **Влагомѣръ** предсказываетъ перемѣну погоды въ точности за 24 часа впередъ. Прилагается описаніе способа употребленія его. Цѣна Влагомѣра 2 рубля. Заказы принимаются (съ платою 30 коп. съ экземпляра за пересылку во всѣ города Россіи) у меня: **И. И. Даугуль**, Садовое Заведеніе въ Дерптѣ и у моихъ агентовъ: въ С.-Петербургѣ у **К. Мальмъ**, Б. Морская, д. № 36; въ Москвѣ, у **Н. В. Майеръ**, Таганка, Семеновская ул., д. Шибаева. № 3327

Дозволено цензурою. СПБ. 25 апрѣля 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 18 | Годъ XV | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис) Цѣна этого № „Нивы" 20 к., съ перес. 25 к.

Выданъ 5 Мая 1884 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ" 1884 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ";

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9.

И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 6 ч. ВЕЧЕРА.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за МАЙ 1884 г., съ 23 рис. и отдѣльнымъ листомъ съ 28 выкройками въ натуральную величину и въ уменьшен. видѣ, и 45 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Среди поэтовъ послѣдняго десятилѣтія, въ такомъ обиліи печатающихъ стихи въ журналахъ и отличающихся больше тенденціозностью, несомнѣнно выдающееся положеніе, въ особенности послѣ появленія его поэмы „Разсвѣтъ", занялъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Безъ всякаго сомнѣнія эта послѣдняя поэма далеко оставила за собою все, доселѣ появившееся за подписью молодаго поэта. Истинно цѣнящей поэзію публикой и критикой была весьма сочувственно встрѣчена его симпатичная муза и въ послѣднее время ему отдана наконецъ подобающая справедливость. Не задаваясь хлесткими и тенденціозными темами, строго оставаясь на пути искусства, не принося внутренней правды въ жертву эффектной внѣшности, онъ находитъ для своего чувства выраженіе простое и искреннее, образы ясные и трогательные. Въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ онъ умѣетъ быть строго „русскимъ" писателемъ не только по духу, но и по языку, и, разумѣется, не въ опошленномъ нынѣ смыслѣ этого слова.

Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. По фотогр. грав. А. Нейманъ, въ Лейпцигѣ.

Графъ Арсеній Аркадьевичъ Голенищевъ-Кутузовъ происходитъ отъ славнаго рода, знаменитаго по воспоминаніямъ отечественной войны. Незабвенный фельдмаршалъ Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ былъ однимъ изъ его ближайшихъ предковъ. Родился нашъ поэтъ 1848 года въ Царскомъ Селѣ и воспитывался сначала въ Московской 4-й гимназіи, а потомъ получилъ высшее образованіе сначала на юридическомъ факультетѣ московскаго, а потомъ с.-петербургскаго университета. Службу свою началъ Арсеній Аркадіевичъ по дворянскимъ выборамъ, былъ сперва предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ въ съѣздѣ мировыхъ судей, но, вообще, служба нашего поэта, какъ и служба всякаго вообще писателя, не можетъ имѣть общаго съ его литературною дѣятельностью.

Библиотека "Руниверс"

Какъ мы уже сказали выше, поэзія графа А. А. обратила на себя вниманіе, хотя настоящему ея значенію мѣшалъ не вполнѣ установившійся характеръ ея. Только въ послѣдніе годы характеръ его дѣятельности настолько опредѣлился, что люди, серьезно относящіеся къ искусству, стали внимательнѣе прислушиваться къ новому дарованію. Въ то же время явились и болѣе крупныя произведенія графа А. А.—„Смута", драматическая хроника, въ пяти дѣйствіяхъ, содержаніе которой заимствовано изъ эпохи самозванцевъ, а потомъ сборникъ „Затишье" и „Буря" и, наконецъ, послѣднее собраніе избранныхъ стихотвореній его, въ числѣ которыхъ особенное вниманіе обратила на себя прекрасная поэма „Разсвѣтъ". Преобладающій тонъ „Затишья"—сосредоточенный—далеко не веселый, даже мѣстами грустный и тяжелый. Въ посвященіи, написанномъ матери, поэтъ говоритъ о томъ, что даритъ ей въ этой книгѣ

„И отроческихъ грезъ волшебный, чудный жаръ,
И праздной юности постыдное безумье,
И призраки, и сны, что унеслися въ даль,
Оставивъ по себѣ лишь скуку и печаль,
И черствой зрѣлости безстрастное раздумье,
И счастья поздняго осенній, тихій свѣтъ...

Весь второй отдѣлъ „Затишья" начинается цѣлымъ рядомъ пьесъ, озаглавленныхъ общимъ названіемъ „Смерть", гдѣ послѣдняя является въ поэтическомъ образѣ успокоительницы земныхъ страданій. Въ поэмѣ „Гашишъ", тоже изображена отрада забытья, родственнаго смерти, когда человѣкъ переходитъ во власть силы, отрывающей его отъ сознанія житейскихъ волненій и невзгодъ и уносящей въ иной міръ. Въ отдѣлѣ „Буря" вошли многія патріотическія стихотворенія поэта, изъ которыхъ иныя носятъ на себѣ печать искренняго одушевленія, смѣшаннаго со скорбнымъ чувствомъ. Таковы: „Торжество смерти", „Шествіе войны", „Плакальщица", гдѣ, среди грозныхъ картинъ разрушенія и смерти, поэтъ все таки остается вѣренъ своему высшему призванію „пѣть и среди труповъ о правдѣ, мірѣ и любви". Поэма „Разсвѣтъ", одно изъ позднѣйшихъ произведеній графа А. А., несомнѣнно имѣетъ крупныя достоинства; это тоже, если хотите, апоѳеозъ смерти, которая является здѣсь истиннымъ разсвѣтомъ человѣческой души. Герой поэмы, любимый дѣвушкой, уже давшей слово выдти замужъ, вызывается ея женихомъ на дуэль и раненъ смертельно. Смерть примиряетъ героя поэмы со всѣмъ и возстаетъ передъ нимъ въ образѣ невыразимаго величія.

Я смерти видѣлъ взглядъ; великая отрада
Была въ спокойствіи ея нѣмаго взгляда,
Въ ней чуялся душѣ неслыханный привѣтъ,
Въ ней брезжилъ на землѣ невиданный разсвѣтъ...

Послѣ такой поэмы какъ „Разсвѣтъ" и такихъ стихотвореній, какія есть въ послѣднемъ сборникѣ, отъ таланта графа А. А. поэзіи въ правѣ ожидать многаго.

Читатели наши также знакомы съ глубоко-симпатичнымъ талантомъ графа А. А. по его прелестному, трогательному разсказу „Дядя Прокофій и Валетка", помѣщенному въ „Нивѣ" 1883 г., № 18.

Недолгое счастье.

Повѣсть

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

(Продолженіе).

Разъ осенью, въ праздникъ, Мароа отпросилась на Митрофаніевское кладбище. Давно смеркалось, но она все не возвращалась. Чемезовъ, поджидавшій ее съ тѣмъ, чтобы напиться чаю и сѣсть за работу, часто подходилъ къ окну. Выраженье удивленья и радости показалось вдругъ на лицѣ его; онъ никакъ не ожидалъ увидѣть сегодня Машеньку; весь день не переставая лилъ дождикъ. Закрывшись платкомъ, она скоро, скоро пробѣжала мимо садика и не подозрѣвая отсутствія Мароы, прямо направилась къ знакомой двери на черную лѣстницу. Чемезовъ сломя голову бросился въ кухню, отомкнулъ дверной крючекъ и притаившись за половинкой двери, сталъ прислушиваться къ частымъ шагамъ, подымавшимся по лѣстницѣ. Сердце его билось такъ громко, что слышались его удары. Машенька вошла въ кухню, увидѣла Чемезова, узнала, что онъ одинъ въ квартирѣ, и не убѣжала...

Съ того вечера они стали видѣться каждый день. Свиданья ихъ скрывались самымъ тщательнымъ образомъ; всѣ мѣры предосторожности были приняты. Машенька являлась не иначе какъ въ сумерки; она всегда куталась и внимательно осматривалась, прежде чѣмъ перейти улицу и вступить во дворъ. Даже Мароа ничего не подозрѣвала. Чемезовъ обыкновенно уговаривалъ ее лечь спать, послѣ чего запиралъ на ключъ кухню. Машенька приходила теперь всегда по парадной лѣстницѣ, зная очень хорошо, что тамъ за дверью стоитъ Алексѣй Ивановичъ и нетерпѣливо ее поджидаетъ.

Думая окончательно уберечь Машу отъ возможности встрѣчъ съ знакомыми лицами, отчасти самъ желая избавиться отъ глазъ любопытныхъ, Чемезовъ поспѣшилъ перемѣнить квартиру; онъ нанялъ неподалеку на Екатерининскомъ каналѣ. Переѣздъ представлялъ также удобный случай отказать Мароѣ; въ послѣднее время лишнія рюмочки смѣнились совершенно уже лишнимъ штофикомъ и держать ее стало положительно невыносимо.

Къ тому же времени подошелъ срокъ концу обученья для Машеньки.

„Madame Vera", хозяйка магазина, сначала никакъ не хотѣла разстаться съ нею; она теряла въ ней самую прилежную работницу. Но съ другой стороны не было возможности держать ее противъ воли. При прощаньи, въ досадѣ, она не разспрашивала даже ее, зачѣмъ? куда? зная по опыту, что если ужь дѣвушка такъ настоятельно оставляетъ насиженное мѣсто,—значитъ, гдѣ нибудь ужъ завелся *„обжё"*, какъ она выражалась.

Машенька связала свой узелокъ и поселилась у Чемезова.

Ему пришлось перейти одно неловкое испытаніе: пришлось передать дворнику паспортъ Маши для прописки и тѣмъ, слѣдовательно, заявить всему дому о своей связи, подвергнуть ее и себя любопытству жильцовъ; онъ прежде не подумалъ объ этомъ. Но опасенія оказались вскорѣ лишними; никто особенно не пялилъ глазъ и не обращалъ на нихъ вниманія. Машенька, къ тому же, была большая домосѣдка.

Житье ихъ вдвоемъ началось съ того, что она сильно возстала противъ найма новой кухарки; напрасно увѣщевалъ ее Чемезовъ,—она утверждала, что кухарка лишнее только стѣсненіе, лишній расходъ, что она отлично сама справится и выучилась у „мадамы" варить супъ, какого онъ вѣрно никогда не пробовалъ. Машенька просила дать ей всего три дня на испытанье.

— Зачѣмъ же? Слава Богу, у насъ есть чѣмъ нанять прислужницу, доказывалъ Чемезовъ, не отрывая глазъ отъ ея оживленнаго, миловиднаго лица,—и охота же тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, начкаться? Можешь, если есть желаніе, найти себѣ другое занятіе...

— Нѣтъ, ужъ ты только не мѣшай мнѣ; дай сдѣлать... увидишь, какъ все будетъ хорошо! повторяла она, ласкаясь какъ котенокъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней нельзя было узнать квартиры Чемезова; вездѣ показались чистота и порядокъ. Особенная заботливость приложена была къ кабинету; нигдѣ слѣда пылинки; книжки аккуратно были вездѣ разставлены, даже вымыта чернильница и перья уложены рядышкомъ, въ пріятной симметріи. Кухня была также неузнаваема; принадлежности маленькаго хозяйства, вымытыя, вылощенныя, выставлялись по стѣнамъ, правильно уложенными въ рядъ.

Дни испытанія вытягивались въ цѣлыя недѣли. Когда онъ заикался о наймѣ кухарки,—она подскакивала

Библиотека "Руниверс"

и зажимала ему ротъ. Дѣятельность ея была изумительна; съ утра отправлялась она на рынокъ, потомъ начиналась уборка квартиры; одновременно съ этимъ разводился огонь, готовилось кушанье, стирались и гладились разныя тряпочки; она день-деньской суетилась, полоскалась и при всемъ томъ находила время приводить въ порядокъ бѣлье Чемезова и приступить, для себя собственно, къ шитью платья изъ сѣраго мериноса, который ухитрилась купить за полцѣны.

— Такъ будетъ лучше, какъ сама сошью, говорила она радостно улыбаясь,—будутъ стоить только мериносъ, подкладка и пуговицы!.. прибавляла она восторженно.

И все это, надо замѣтить, дѣлалось у нея какъ-то безъ всякой трескотни и погрома и всегда весело. Самую эту веселость слѣдовало приписать особому роду: она никогда не выражалась восклицаніями или громкимъ смѣхомъ; ихъ замѣняли ямочки, появлявшіяся на щекахъ, улыбка и радостный блескъ, свѣтившійся въ ея большихъ, добрыхъ глазахъ. Чемезовъ не могъ ею налюбоваться. Даже въ мечтахъ никогда не грезилось ему столько счастья. Встрѣчая ее часто съ раскраснѣвшимся лицомъ, вокругъ котораго отъ суеты разлетались пухомъ ея прекрасные бѣлокурые волосы, онъ, въ первое время, снова приступалъ упрашивая нанять прислугу, увѣряя, что безъ этого она тѣмъ наконецъ кончитъ, что совсѣмъ замучается; но вскорѣ убѣдился, что чѣмъ больше надумывала она себѣ хлопотъ, чѣмъ больше было у нея на рукахъ дѣла, тѣмъ становилась она всегда веселѣе,—словомъ, тѣмъ казалась счастливѣе.

Время отъ времени, ложное положеніе, въ которомъ оба они находились, вызывало задумчивость на лицѣ Чемезова; оно видимо его безпокоило. Но онъ припоминалъ свою прежнюю жизнь, сравнивалъ ее съ теперешней и говорилъ себѣ, что надо же чѣмъ нибудь жертвовать въ обмѣнъ на чувства, соединявшія его съ любимой дѣвушкой. Привязанность ихъ другъ къ другу укрѣплялась тѣмъ сильнѣе, что ничто ее не развлекало. Стѣсняясь мыслію о сожительствѣ, Чемезовъ хранилъ свою связь въ величайшей тайнѣ отъ сослуживцевъ. Живя своей особой замкнутой жизнью и никогда не приглашая ихъ къ себѣ, онъ теперь подавно не дѣлалъ этого. Она, со своей стороны, не хотѣла даже слышать о знакомствѣ съ кѣмъ-бы то ни было. Она утверждала, что некогда ей возиться съ гостями, и наконецъ, рѣшительно не будетъ умѣть какъ разговаривать со всѣми этими господами.

— Тебѣ можетъ быть хочется... Мнѣ ихъ не нужно; мнѣ и безъ нихъ хорошо! заключала она обыкновенно.

Съ каждымъ днемъ Чемезовъ открывалъ въ ней новыя качества. Въ умѣ его опрокидывались навзничь всѣ читанныя и слышанныя имъ педагогическія теоріи и взгляды по вопросу о женскомъ развитіи и воспитаніи. Говорятъ: яблочко отъ яблони не далеко падаетъ; ничего не могло быть несправедливѣе такой поговорки. Маша была у него передъ глазами. Что видѣла она съ дѣтства? По большей части грубость и дурные примѣры. И все это, тѣмъ не менѣе, не имѣло на нее и тѣни вліянія, нисколько не привилось къ ней, не пустило хотя-бы самаго слабаго ростка. Она осталась съ чистой дѣтской душей, отзывавшейся на все честное и доброе. Ничего не было для нея милѣе ея угла съ его мелочными хозяйственными заботами; лишь-бы только ее не трогали, не мѣшали ей,—она тутъ только чувствовала себя на своей почвѣ, всегда была весела и вполнѣ довольна.

Простодушныя, наивныя натуры, способныя сохраниться во всей умственной и душевной чистотѣ, вопреки самымъ неблагопріятнымъ условіямъ жизни, — встрѣчаются чаще, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Ихъ можно сравнить съ тѣми растеніями, которыя прячутся отъ солнца, не тянутся въ высоту, но уходятъ въ глубь, и тамъ, встрѣтивъ сродный имъ грунтъ, развиваются и даютъ плоды свои.

Улицы съ ихъ шумомъ и городскія увеселенія не нравились Машѣ; но благополучіе ея не знало мѣры, когда въ праздникъ отправлялась она вмѣстѣ съ Чемезовымъ за городъ. Въ такихъ случаяхъ она обыкновенно всегда запаздывала. Алексѣй Иванычъ давно былъ готовъ, давно дожидался стоя въ шляпѣ; но она тутъ-то именно вдругъ и припоминала о необходимости запереть такой-то ящикъ, припрятать такую-то вещь и выходила не прежде, когда убѣждалась, что все въ порядкѣ.

Садясь въ вагонъ она принимала вдругъ строгій, степенный видъ, опускала глаза и церемонно молчала. Очутившись на свободѣ съ своимъ Алешей,—она также скоро оживлялась и не было конца ея разспросамъ и веселости.

Въ началѣ первой весны, Чемезовъ, находясь въ департаментѣ, уловилъ удобную минуту, незамѣтно прошелъ въ кабинетъ директора и попросилъ у него разрѣшенія жениться.

— Рапенько задумали!.. сказалъ директоръ.

Зная Чемезова за молодаго человѣка трудолюбиваго и солиднаго,—онъ дальше не разспрашивалъ и тутъ-же прибавилъ:

— А, впрочемъ,—благословляю!..

Ефремовъ, который долженъ былъ приложить печать къ разрѣшенію, привязался было съ разспросами, напрашиваясь на свадьбу; но Чемезовъ отвѣтилъ, что свадьба будетъ происходить въ Роншѣ, гдѣ проживетъ онъ послѣ вѣнчанія нѣсколько дней,—и такимъ образомъ отдѣлался.

Съ женитьбой не произошло никакихъ особенныхъ перемѣнъ въ образѣ жизни Чемезовыхъ. Возвратясь изъ церкви, Маша неожиданно только зарыдала, упавъ на грудь мужа,—послѣ чего такъ же весело и дѣятельно принялась за свои хозяйственные хлопоты.

Единственная перемѣна, которую можно было замѣтить, состояла въ томъ, что благосостояніе ихъ видимо улучшилось.

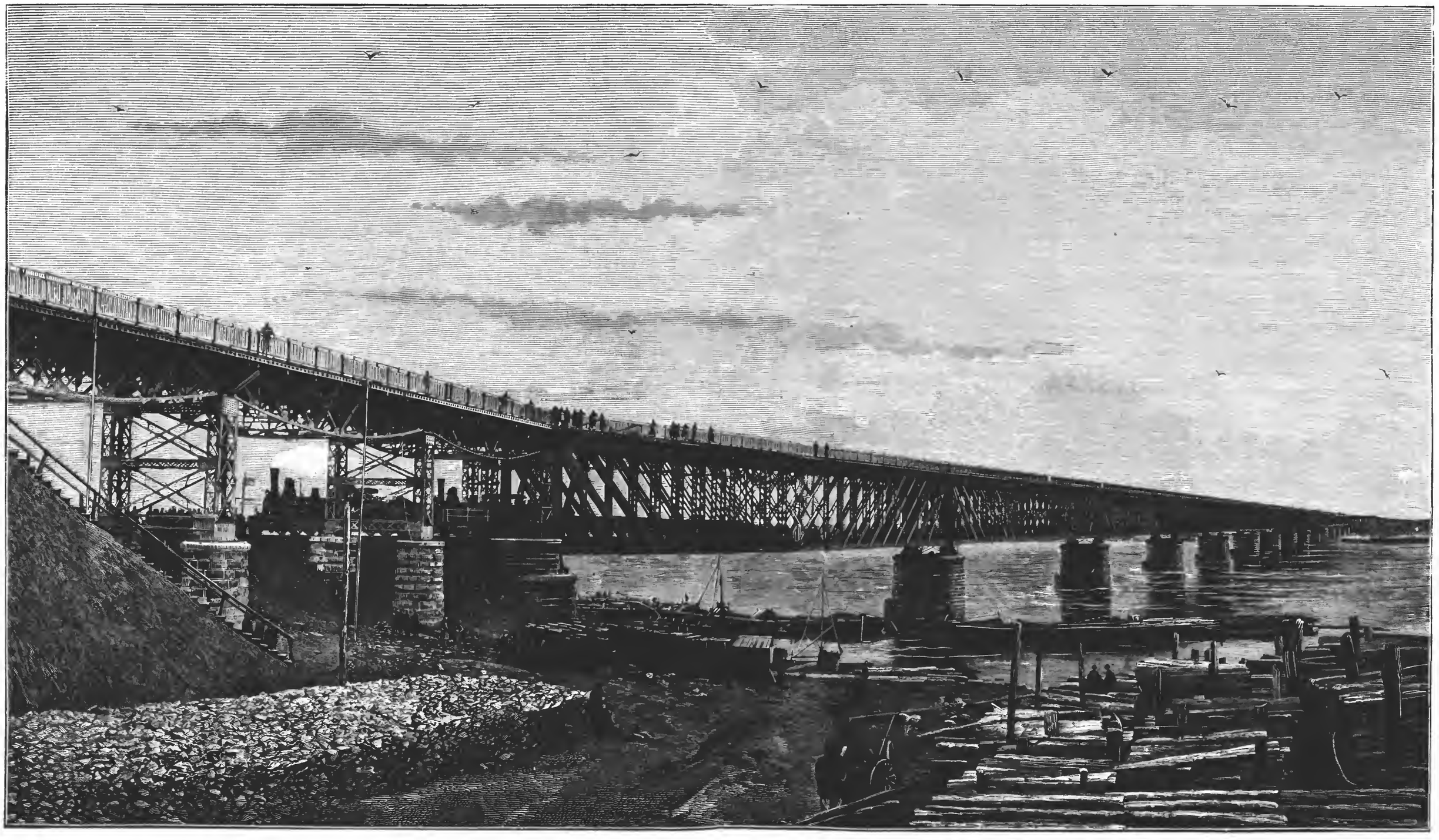
„Руководство для первоначальнаго ознакомленія съ географіей“ принесло неожиданные результаты. Другія *„сокращенія“* и *„руководства“*, постепенно выпускаемыя въ свѣтъ,—разбирались на расхватъ.

Такъ проходили годы. Счастье ихъ не только не прерывалось, но упрочивалось отъ времени. Лѣтомъ Чемезовы перебирались теперь обыкновенно на дачу на Черную рѣчку или на Карповку. Несмотря на то, что хозяйственныхъ хлопотъ было здѣсь больше чѣмъ въ городѣ, а съ другой стороны, въ денежномъ положеніи Чемезова не могло быть вопроса о расходѣ на прислугу,—жена его все таки противилась нанимать кухарку. Вмѣсто нея она взяла двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку,—дочь прачки; Чемезова думала исподволь пріучить ее къ хозяйству и со временемъ найти въ ней усердную помощницу. Зная въ совершенствѣ жену, Алексѣй Иванычъ ничего не говорилъ, хотя предвидѣлъ, что дѣвочка эта послужитъ только источникомъ новыхъ заботъ и хлопотъ. Дѣйствительно такъ и вышло. Началось съ того, что Марья Ивановна привезла изъ города кусокъ полотна и въ тотъ же вечеръ принялась кроить и рѣзать, приготовляя бѣлье для дѣвочки.

Глядя какъ она съ ней возилась, обмывала, чесала, обучала тому и другому и постепенно къ ней привязывалась, Чемезовъ убѣждался больше и больше, что Марьѣ Ивановнѣ на роду было написано сдѣлаться можетъ быть лучшей еще матерью, чѣмъ была она хозяйкой. Но проходили годы,—дѣтей у нихъ не являлось.

Лѣта мало измѣнили Марью Ивановну; она нѣсколько пополнѣла, но казалась вообще даже свѣжѣе, чѣмъ была въ первой молодости. На характеръ лѣта не произвели никакого дѣйствія. Живя разъ на дачѣ, она купила цыплятъ; въ числѣ ихъ находился одинъ съ перешибленной ногой; онъ сдѣлался ея любимцемъ. Она

Библиотека "Руниверс"



Новый мостъ черезъ Днѣпръ близь Екатеринослава. По проэкту инженера Н. Бѣлелюбскаго, строилъ инженеръ В. Березинъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

держала его особо отъ другихъ, кормила на убой и звала всегда мужа посмотрѣть, какъ цыпленокъ бросается со всѣхъ ногъ, когда она его подзываетъ. Къ осени цыпленокъ превратился въ толстую курицу, бѣгавшую за Марьей Ивановной какъ собаченка. Пришлось переѣзжать съ дачи. Все уже было уложено и подводы стояли готовыя на дворѣ. Алексѣй Иванычъ, расхаживая въ пальто и въ шляпѣ, не могъ понять, что дѣлаетъ жена, стоя у окна и барабаня пальцами по стекламъ; онъ нѣсколько разъ позвалъ ее, но она не откликнулась. Подойдя къ ней, онъ только всплеснулъ руками: прислонивъ лицо къ оконному стеклу, Марья Ивановна разливалась-плакала! Ей жаль было разстаться съ курицей. Но птичникъ немыслимъ былъ въ городѣ и скрѣпя сердце надо было разстаться.

Она утѣшилась тогда только, когда Алексѣй Иванычъ купилъ ей собачку.

Благосостоянье ихъ продолжало между тѣмъ рости съ каждымъ годомъ. Чемезовы могли считать себя теперь вполнѣ обезпеченными. По службѣ также шло довольно удачно. Чемезовъ былъ теперь старшимъ столоначальникомъ и при первой вакансіи долженъ былъ занять должность начальника отдѣленія. Мрачный взглядъ на жизнь, горечь прежнихъ испытаній, мизантропическія побужденія, — все это въ немъ постепенно улеглось, сгладилось подъ вліяніемъ счастливой жизни, любви и преданности. Если онъ продолжалъ держать себя по прежнему, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ сослуживцевъ, то это происходило скорѣе отъ привычки согласоваться съ природными наклонностями. Его и въ молодости склоняло всегда къ тихой, трудолюбивой жизни. Наконецъ онъ по просту боялся нарушить строй домашняго очага, подъ защитой котораго прожилъ столько лѣтъ въ постоянномъ счастьи.

Привязанность нѣжно-любимой женщины, ея чувства къ нему, заботливость, не охлаждавшіяся, но развивавшіяся съ годами,—достаточно наполняли его существованіе. Обаятельная доброта сердца, врожденныя честныя побужденія Марьи Ивановны сдѣлали то, чего, быть можетъ, не могло бы сдѣлать самое внимательное, изысканное образованіе.

Иногда Алексѣй Иванычъ приступалъ къ ней съ какой нибудь книжкой, совѣтывалъ почитать то и другое; Марья Ивановна не отказывалась, но за хлопотами, книжка большею частью оставалась открытою на второй страницѣ. Чемезовъ начиналъ упрекать.

— Много будешь знать, скоро состарѣешься, смѣясь возражала Марья Ивановна, — я тебя знаю; съ меня этого довольно!..

Алексѣй Иванычъ, тѣмъ не менѣе,—по привычкѣ, вѣроятно, заниматься постоянно учебниками и сидѣть по уши въ педагогикѣ,—не разставался съ мыслію объ ея образованіи. Упорно преслѣдуя свою цѣль, онъ не пропускалъ удобнаго случая: водилъ ее по всѣмъ выставкамъ, концертамъ, театрамъ. Марью Ивановну часто клонило ко сну, но Боже упаси, чтобы она показала это мужу; въ угоду ему, она охотно на все соглашалась и всегда казалась очень довольной. Обманутый этимъ, Алексѣй Иванычъ увеличивалъ свое стараніе. Зная ея экономность, но вмѣстѣ съ тѣмъ желая сдѣлать ей сюрпризъ, онъ тайкомъ абонировался на два стула въ итальянской оперѣ, какъ только узналъ объ открытіи новой подписки.

Заботливость Алексѣя Иваныча отплачивалась ему всегда сторицей.

Въ теченіи пятнадцати лѣтъ, прожитыхъ вмѣстѣ, ни разу не испыталъ онъ ссоры, разладицы, даже повода къ чему нибудь подобному. Весь ея міръ начинался и оканчивался ея Алексѣемъ Иванычемъ; внѣ этого, для нея ничего не существовало; когда ему было хорошо и покойно,—добрые ея глаза сіяли радостью и ничего не желали она больше. Онъ былъ для нея постояннымъ предметомъ любви и удивленья. Лучше, умнѣе, честнѣе Алексѣя Иваныча,—ничего не могло быть на свѣтѣ.

Такая любовь и преданность, надо сказать, были вполнѣ взаимны. Сердце Чемезова ни разу не измѣнило. Онъ никогда не думалъ о ней иначе, какъ съ чувствомъ глубокой нѣжности и признательности. Часто, сидя подлѣ нея, онъ бралъ ея руки и горячо начиналъ цѣловать ихъ.

— Э, полно, Алексѣй Иванычъ, говорила она, удивленно глядя на него своими добрыми глазами,—какое счастье я тебѣ принесла!.. Ты такой ученый! такой умный! Что я передъ тобою?.. Такъ, простая, незначущая бабёночка!..

И вдругъ—вдругъ этой бабёночки не стало!..

Она вернулась домой, чувствуя сильный ознобъ. На другой день открылся тифъ. Три дня спустя добрыя глаза ея навсегда закрылись... Она лежала въ гробу такая бѣленькая, съ вытянутыми ножками, обутыми въ бѣлые башмаки; бѣлокурые ея волосы, гладко причесанные, вокругъ осыпаны были цвѣтами. На губахъ все еще оставалась улыбка; но она горько противурѣчила остальной части лица, совершенно неподвижной,—точно отлитой изъ воску.

Чемезовъ ничего этого не видѣлъ. Онъ, или сидѣлъ въ дальней комнатѣ какъ громомъ пораженный, или, начиналъ бросаться въ безпамятствѣ, наполняя квартиру криками отчаянья. На минуту очнулся онъ и какъ бы пришелъ въ себя на кладбищѣ, когда уже гробъ опустили и могилу стали засыпать землею, смѣшанною со снѣгомъ; но тутъ же упалъ онъ лицомъ въ снѣгъ и сталъ опять биться какъ помѣшанный.

Близь стоявшіе подумали, онъ окончательно лишится разсудка.

Первые дни директоръ нѣсколько разъ присылалъ курьера, справиться объ его здоровьи.

V.

Недѣли черезъ три онъ появился, однакожъ, въ департаментѣ. Прошелъ еще мѣсяцъ и уже насчетъ Чемезова установилось мнѣніе, что онъ взглянулъ наконецъ на свое положеніе „окомъ благоразумнаго человѣка". Одинъ Ефремовъ подвертывался съ утѣшеніями, и то потому больше, что хотѣлъ показать себя въ глазахъ несообщительнаго товарища человѣкомъ, способнымъ не на одни пирушки и балагурство. Чемезовъ отдѣлывался обыкновенно пожатіемъ руки, но чаще всего отмалчивался. Онъ вообще слова ни съ кѣмъ не сказалъ о понесенной имъ утратѣ. Никто этому не удивлялся, зная его всегдашнюю сдержанность. Въ лицѣ его также никто не замѣтилъ особенной перемѣны; осунулось только немножко и какъ бы постарѣло; нельзя же безъ этого: человѣку стукнуло наконецъ сорокъ два года!

Прошло лѣто; наступила осень. При встрѣчѣ съ Алексѣемъ Иванычемъ рѣдкій могъ уже усумниться, чтобы горе окончательно въ немъ не изгладилось.

Иногда даже Чемезову казалось, какъ будто стало понемногу отлегать отъ сердца. Припоминая прошлое, онъ начиналъ чувствовать себя спокойнѣе. Воспоминанія мало по малу утрачивали свою ѣдкость. Ихъ точно заволакивало туманомъ; они, казалось, смягчались въ немъ и ослабѣвали. Онъ приводилъ въ порядокъ бумаги, приступалъ къ брошенной работѣ и одновременно съ этимъ, думалъ непремѣнно переѣхать на другую квартиру; сомнѣнья не было, что съ перемѣной мѣста спокойствіе окончательно возстановится.

Такъ проходили дни, иногда цѣлыя недѣли.

Вдругъ,—точно изъ-за угла вѣтромъ приносило,—обхватывало его опять чувствомъ смертельной грусти. Вмѣстѣ съ нею мгновенно отлетало спокойствіе, давая мѣсто мрачнымъ, тревожнымъ мыслямъ. Онъ неожиданно впадалъ въ то состояньe духа, какъ тогда въ Лѣт-

Библиотека "Руниверс"

немъ саду, при встрѣчѣ съ двумя сослуживцами. Чемезовъ сказывался больнымъ и не ходилъ на службу. Мысль кого нибудь видѣть, съ кѣмъ нибудь встрѣтиться, была ему невыносима. Въ такія минуты потеря жены казалась ему чувствительнѣе даже, чѣмъ въ первые дни послѣ ея кончины. Онъ не понималъ, какъ могъ на минуту думать объ облегченіи своего горя. Квартира дѣлалась ему тогда особенно дорога; онъ возмущался, думая, что въ ней могли поселиться чужіе люди.

Безъ всякаго насилія воображенья, воспоминанья приходили сами собою, наплывали одно за другимъ. Они принимали иногда поразительную ясность. Онъ часто какъ бы прислушивался къ голосу жены, слѣдилъ за его звукомъ, вызывая въ памяти каждую черту лица покойницы. Губы его судорожно двигались, когда передъ нимъ, точно живые, начинали свѣтиться ея добрые глаза. Припоминая ея кротость, ея ровный, безотвѣтный нравъ, ея заботливость, такъ нѣжно сосредоточенную на немъ одномъ,—онъ жадно хватался за самыя мелкія воспоминанія, сближавшія его съ нею. Такъ неожиданно пришло ему на память, какъ въ его отсутствіе она опрокинула чернильницу на бумаги и, желая скрыть оплошность, вымыла въ замѣшательствѣ листъ и тѣмъ окончательно стерла все написанное. Столько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ!—но онъ вспомнилъ выраженіе смущенія на ея миловидномъ лицѣ, вспомнилъ какъ тогда разсердился, какъ она вдругъ заплакала и горько сталъ упрекать себя. Забывая, что теперь ничего уже не вернешь, ничего не поправишь,—онъ продолжалъ каяться, припоминая, какъ былъ иногда грубъ, придирался, выказывалъ передъ ней дурное расположеніе духа, въ отвѣтъ на добрые, ласковые взгляды, на кроткую улыбку.

Въ такія чорныя минуты потеря жены представлялась ему такимъ ужасающимъ фактомъ, сердце наполнялось такою невыносимою скорбью, что не разъ приходило ему въ голову покончить съ собою. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что рано или поздно—не переживетъ своего горя.

Такъ многіе думаютъ;—даже искренно думаютъ; но всѣ почти обманываются!

Подъ впечатлѣніемъ душевно-тревожнаго чувства, мысленно переносишь себя, иногда одиноко, на берегъ необъятнаго моря и тамъ говоришь себѣ: „Что если это случится со мною? Что если вдругъ постигнетъ меня такое несчастье?.. Я тутъ же въ прахъ разсыплюсь, на мѣстѣ умру, исчезну"... Но подымается волна горя, во сто разъ болѣе могучаго противъ того, какого ожидаешь, прокатывается она съ грохотомъ надъ головою... „Ну, думаешь, все кончено! Все!!..." Осматриваешься вокругъ, ощупываешься—и съ удивленіемъ видишь себя сидящимъ на томъ же берегу, совершенно невредимымъ и цѣлымъ!..

Нѣтъ, человѣкъ живучъ! Не менѣе, надо думать, былъ живучъ и Чемезовъ, даромъ что казался на видъ такимъ маленькимъ и тщедушнымъ.

Черные дни не переставали посѣщать его; но уже въ нихъ начиналъ открываться новый оттѣнокъ; ихъ возбуждали теперь не столько воспоминанія, сколько новое чувство, передъ которымъ безсильно было время. Одиночество давило Чемезова. Дома, на службѣ, на улицѣ,—оно неотступно его преслѣдовало. Занятія, начинавшія въ первое время развлекать его,—совсѣмъ ему опостылы; за что онъ ни брался, все изъ рукъ вываливалось. Привычка, говорятъ, вторая натура. Въ Чемезовѣ она сильнѣе должна была высказаться. Не считая, что тихая домашняя жизнь согласовалась съ его характеромъ, отвѣчала его природнымъ вкусамъ и наклонностямъ,—рѣдкому выпало на долю такъ счастливо ею пользоваться. Она развила въ немъ потребности и привычки, лишеніе которыхъ тягостно чувствовалось каждую минуту. Онъ точно былъ выброшенъ въ пустыню, на необитаемый глухой островъ, вокругъ котораго жизнь вдругъ умолкла, отошла въ сторону, какъ море отходитъ отъ берега. Иногда онъ радъ былъ очутиться въ департаментѣ, услышать живые голоса, увидѣть людей.

Время отъ времени ему приходило даже на умъ, не послушаться ли въ самомъ дѣлѣ совѣта сослуживцевъ, не благоразумнѣе ли будетъ стараться развлечь себя; но онъ тутъ же отворачивался, пугаясь смѣлости своихъ замысловъ. Единственно, что могъ онъ сдѣлать,—это снова развѣ начать ходить въ театръ, какъ бывало при покойницѣ. Тутъ вспомнилъ онъ о двухъ билетахъ, взятыхъ имъ на итальянскую оперу и лежавшихъ запертыми въ столовомъ ящикѣ. Не весело было, конечно, но что же дѣлать! Надо же было, наконецъ, побѣдить чѣмъ нибудь эту мучительную тоску, не дававшую покоя. Узнавъ изъ афишъ, что даютъ Фауста, онъ отправился. Но какъ ни привлекательна была музыка, какъ ни хорошо она на него дѣйствовала, онъ не могъ дослушать конца представленья. Видъ пустаго мѣста рядомъ съ его стуломъ, того самаго мѣста, гдѣ должна была сидѣть Марья Ивановна, пробуждалъ въ немъ слишкомъ тяжелыя воспоминанія. Въ той сценѣ, когда Маргарита является въ саду при лунномъ свѣтѣ, когда чистая ея душа такъ простосердечно отдается въ обманъ коварству и въ то же время раздаются звуки вальса, напоминающіе равнодушную, смѣющуюся и веселящуюся толпу,—Чемезовъ не могъ досидѣть и поспѣшно вышелъ изъ креселъ.

Проходя мимо кассы, вспомнилъ онъ, что изъ двухъ билетовъ одинъ былъ лишній; онъ остановился и, передавъ его кассиру, просилъ продать при первой возможности. Свой билетъ онъ у себя оставилъ, подумавъ, что какъ ни тягостно чувство, испытанное въ театрѣ, оно все таки легче тоски, приступавшей особенно сильно, когда онъ по вечерамъ оставался одинъ дома.

Пропустивъ два представленія, онъ снова отправился въ оперу.

Подходя къ своему стулу увидѣлъ онъ, что сосѣднее мѣсто занято; на немъ сидѣла дама. Обстоятельство это въ первую минуту непріятно на него подѣйствовало. Онъ торопливо взялъ бинокль и началъ смотрѣть на сцену. Но любопытство взяло свое; онъ искоса взглянулъ на сосѣдку. Чемезовъ, какъ извѣстно, не былъ знатокъ въ женщинахъ; насколько могъ онъ судить по бѣглому взгляду,—сосѣдка принадлежала скорѣе къ числу привлекательныхъ. Она была очень скромно одѣта: черная атласная шляпка, съ чорнымъ перомъ, скромно уложеннымъ по борту; такого же цвѣта и той же матеріи платье обтягивало ея плечи; оно застегивалось вплоть до воротничка, отъ котораго спускалась на плоскую грудь цѣпочка часовъ, запрятанныхъ за пуговицы лифа. Въ антрактѣ представился случай разсмотрѣть ее ближе; и надо сказать, второй этотъ осмотръ сдѣлался самъ собою, безъ всякаго старанія со стороны Чемезова.

Сосѣдка показалась ему не первой молодости, лѣтъ двадцати двухъ—двадцати трехъ,—можетъ быть нѣсколько даже старше. На продолговатомъ, нѣсколько заостренномъ лицѣ выступалъ узенькій носъ съ горбочкомъ по серединѣ и подвижными ноздрями; онъ отдѣлялъ два черные глаза, быстрота которыхъ безпокоила должно быть самую владѣлицу, потому что, вопреки стараніямъ опускать ихъ, они слишкомъ часто выказывали неповиновеніе и бѣгали какъ мышенки. Надъ глазами выгибались черные брови, почти сроставшіеся у переносицы; верхняя губа оттѣнялась пушкомъ, какъ у большой части сильныхъ брюнетокъ. Могло статься, что брови были преувеличенно широки и черны, губы краснѣе чѣмъ бываетъ обыкновенно, и кожа на лицѣ, тусклой своей бѣлизной, напоминала употребленіе кольдъ-крема и пудры,—но Чемезовъ ничего этого не примѣтилъ. Столько лѣтъ занимаясь, между другими работами,

Библиотека "Руниверс"

женскимъ вопросомъ,—онъ, въ практическомъ смыслѣ, былъ менѣе опытенъ въ женскихъ дѣлахъ, чѣмъ теперешній пятнадцатилѣтній гимназистъ; покойница въ этомъ отношеніи ничему его не научила; для поддержки своего миловиднаго лица она обыкновенно никогда ничего не употребляла кромѣ воды и мыла.

Чемезовъ не могъ не примѣтить, что всѣ движенія сосѣдки отличались необычайной скромностью: въ нихъ присутствовала даже какая-то стыдливость. Обращая случайно глаза на проходящихъ, она мгновенно ихъ потупляла; когда кто нибудь изъ зрителей пробирался къ ней проходя по ряду стульевъ,—она спѣшила скромно подобрать нижнія складки платья какъ бы оберегаясь отъ мужскаго прикосновенія.

Выходя изъ театра, Чемезовъ мало о ней думалъ; но когда думалъ, то говорилъ себѣ, что присутствіе такой скромной особы на стулѣ, предназначенномъ для жены,—было все таки менѣе непріятно, чѣмъ еслибъ занялъ его другой кто нибудь. Онъ вѣроятно забылъ бы о ней, но въ слѣдующее представленіе снова встрѣтилъ ее на томъ же мѣстѣ. Скромность сосѣдки остановила его вниманіе точно также какъ при первой встрѣчѣ. Въ антрактѣ она привстала желая дать пройти какому-то господину и зацѣпила кружевомъ рукава за гвоздикъ случайно высунувшійся изъ обивки стула; господинъ прошелъ мимо ничего не замѣтивъ. Видя ея долгія и безполезныя старанія высвободить кружево,—Чемезовъ рѣшился наконецъ прійти ей на помощь.

Она замѣтила какъ онъ при этомъ покраснѣлъ, церемонно поблагодарила и, тотчасъ же опустивъ глаза, продолжала сидѣть на своемъ стулѣ.

Въ концѣ втораго дѣйствія она однако-жъ побѣдила себя и, неожиданно обратясь къ Чемезову, спросила, не можетъ-ли онъ разъяснить ей значеніе тѣхъ послѣднихъ словъ, которыя сейчасъ, въ финальной аріи, произнесъ Мазини; ей, по всему замѣтно, очень было стыдно обращаться къ незнакомому мужчинѣ; но любознательность повидимому превозмогала застѣнчивость.

Чемезовъ отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, также незнакомъ съ итальянскимъ языкомъ и довольствуется тѣмъ, что слушаетъ музыку и можетъ ею наслаждаться.

— Для меня музыка также первое удовольствіе!.. сказала сосѣдка дѣтски-наивнымъ голосомъ, не отвѣчавшимъ ея быстрому взгляду, тотчасъ-же впрочемъ скрывшемуся подъ опущенными рѣсницами.

— Сколько я замѣчаю, вы часто бываете въ оперѣ... проговорилъ Чемезовъ и, самъ незная отчего,—снова вдругъ покраснѣлъ.

— Да, я бываю всякій разъ какъ только возможно... когда позволяетъ время...

— Вы развѣ спеціально чѣмъ нибудь заняты?..

— Да, отвѣчала она съ замѣтнымъ принужденіемъ и замолкла.

Чемезовъ стѣснялся продолжать разговоръ. Оба, поклонившись церемонно другъ другу, покинули театръ и разошлись въ разныя стороны.

Всякій разъ какъ приходилъ день абонемента, Чемезовъ увѣренъ былъ, что вечеромъ найдетъ подлѣ себя скромную сосѣдку. Они встрѣчались теперь уже какъ знакомые.

Начавъ мало по малу обмѣниваться впечатлѣніями о достоинствѣ музыки, объ искусствѣ исполнителей, они попеременно переходили къ другимъ интересамъ, коснулись жизненныхъ вопросовъ и подъ конецъ, всякій разъ когда занавѣсъ опускалась въ послѣдній разъ, оба выражали сожалѣніе о необходимости прервать интересную бесѣду.

Несмотря на поверхностный обмѣнъ мыслей и скромность сосѣдки,—она не могла скрыть своего ума; Чемезову по крайней мѣрѣ никогда не случалось встрѣчать такой умной собесѣдницы; его удивляло также, какъ, сравнительно съ ея молодостью, успѣла она пріобрѣсти столько знанія, столько практичности во взглядѣ на нѣкоторые жизненные вопросы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣла сохранить такую простоту и скромность. Охотно употребляя въ своихъ книжкахъ слова: „*культурность*“, онъ въ первый разъ объяснялъ себѣ настоящимъ образомъ его значеніе, когда думать о собесѣдницѣ. То, что она разсказывала о себѣ самой, окончательно располагало Чемезова въ ея пользу.

Подобно ему,—она была круглою сиротой; было даже сходство въ ихъ происхожденіи; но только ея отецъ былъ нѣмецъ, а мать русская. Оставался у нея дяденька въ Ригѣ, но уже многіе годы не было о немъ никакихъ извѣстій: умеръ должно быть! Три года тому назадъ, вышла она изъ консерваторіи и существовала уроками музыки; если она позволяла себѣ часто бывать въ театрѣ, то это потому во первыхъ,—что была необыкновенно экономна, а во вторыхъ, выше всего на свѣтѣ обожала музыку, предпочитала ее всѣмъ другимъ удовольствіямъ, увлекающимъ обыкновенно молодыхъ дѣвушекъ. Узнавъ объ образѣ занятій Чемезова и спросивъ его имя,—она выразила вдругъ необыкновенную радость. Какъ! это было то самое имя, которое встрѣчалось такъ часто на дѣтскихъ книжкахъ, на разныхъ руководствахъ для образованія юношества?!.. Боже мой, кто же изъ лицъ, сколько нибудь соприкосновенныхъ дѣтямъ, не знакомъ съ этимъ именемъ!!.. Она вдвойнѣ благодарила случай, который ихъ познакомилъ. Она давно искала работы въ свободное время; зная порядочно французскій и нѣмецкій языки, ей легко было заняться переводами; она нѣсколько разъ даже приступала; но къ кому обратиться за совѣтомъ? Кому отдать результатъ трудовъ? Положеніе бѣдной дѣвушки, въ такихъ случаяхъ, дѣйствительно достойно всякаго сожалѣнія!

Прислушиваясь къ разсказамъ Амаліи Карловны (такъ звали сосѣдку), Чемезовъ иногда даже какъ будто задумывался; можно было предполагать, мысли его отвлекались посторонними соображеніями; но это не было продолжительно; онъ снова начиналъ прислушиваться съ удвоеннымъ вниманіемъ.

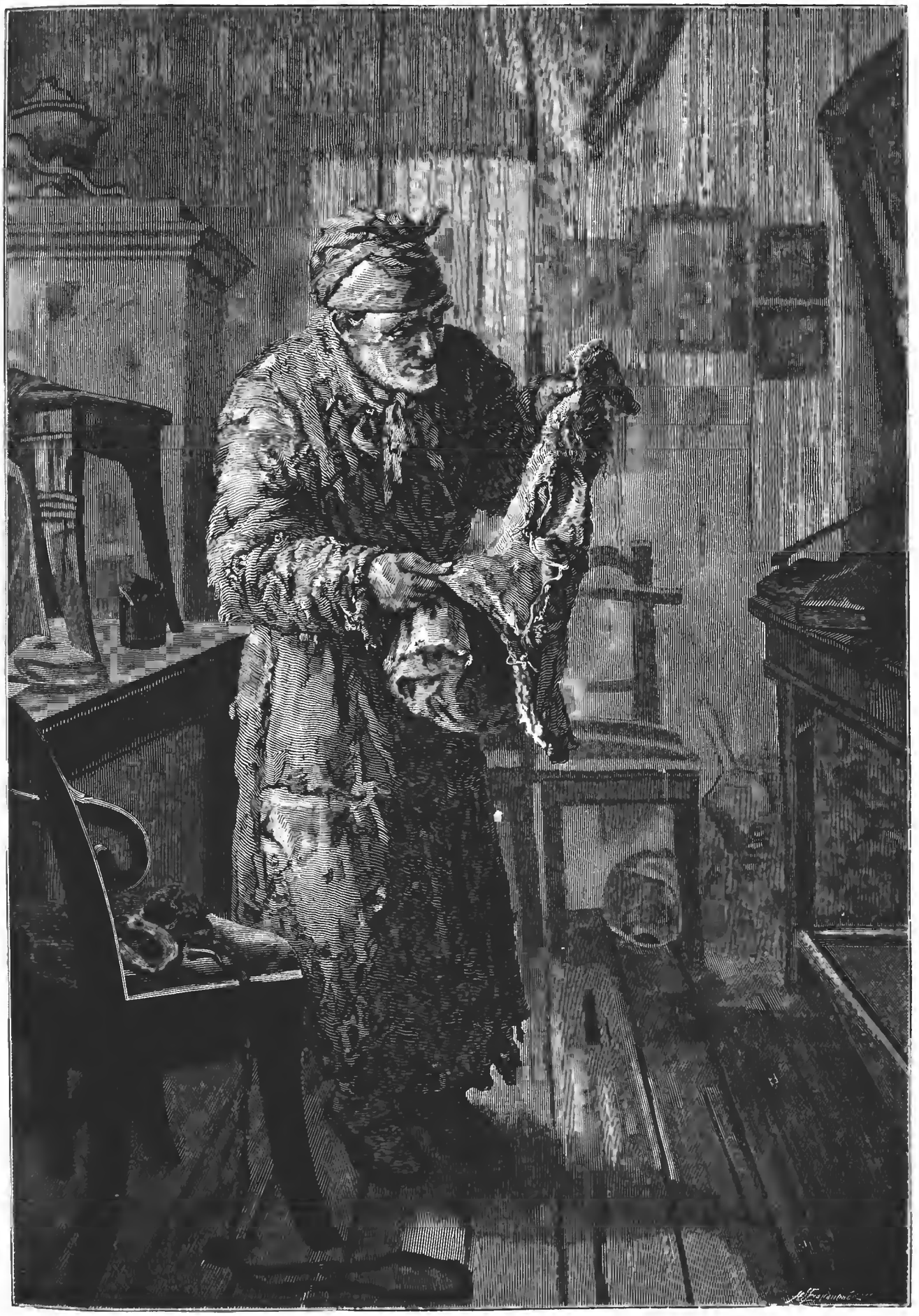
Сочувствуя положенію бѣдной дѣвушки, жившей трудомъ, онъ предложилъ ей свои услуги. Ему ничего не стоило присылать ей работу и онъ спросилъ ея адресъ.

Глаза ея, оживившіеся въ началѣ разговора, тотчасъ-же опустились. Послѣ минутнаго молчанія, и очевидно стѣсняясь, она сообщила, что занимаетъ скромную меблированную комнату въ отдаленномъ кварталѣ и тутъ же, неожиданно опять оживившись, объявила, о невозможности допустить Алексѣя Ивановича отправляться въ такую даль, отыскивать ее, подыматься по лѣстницамъ... Нѣтъ,—она ни за что этого не хотѣла! Не ему, нѣтъ,—скорѣе ей, да ей скорѣе слѣдовало являться къ нему,—человѣку столь извѣстному и такъ сердечно ей сочувствующему!

Два дня спустя,—въ квартирѣ Чемезова раздался звонокъ. Онъ сидѣлъ въ халатѣ и работалъ. При мысли что звонитъ Амалія Карловна,—кровь бросилась ему въ голову; онъ стремительно выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату и суетливо началъ одѣваться. Въ прихожей между тѣмъ явственно слышался знакомый женскій голосъ, освѣдомлявшійся о томъ, дома-ли Алексѣй Иванычъ. Чемезовъ при этомъ совсѣмъ засуетился и, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, не находилъ подъ рукою самыхъ необходимыхъ принадлежностей туалета; оправившись наконецъ, онъ вышелъ въ кабинетъ и сталъ извиняться, что такъ долго заставилъ ждать себя. Онъ переминался и неловкость проглядывала въ каждомъ его словѣ. Она первая ободрилась.

На заостренномъ лицѣ ея показалось даже выраженіе восторга при взглядѣ на кабинетъ „извѣстнаго ученаго“, какъ она выразилась. Въ этомъ восторгѣ проглядывало что то дѣтское. Чемезовъ нашелъ ее моложе противъ

Библиотека "Руниверс"



Выставка въ Имп. Акад. Худож. „Плюшкинъ". („Мертвыя души" Н. В. Гоголя). Картина Н. Шаховскаго.
По фотогр. Беттингера, грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

того, какою представлялась она ему въ театрѣ. Розовый бантикъ подъ бѣлымъ воротничкомъ, гладко причесанные волосы вмѣсто падавшихъ на лобъ завитковъ, которыми украшала она себя по вечерамъ, гладко обтянутый корсажъ,—придавали ей наружность институтки. Молодость и простодушіе еще замѣтнѣе выказались на восхищенномъ лицѣ, когда узнала она, что Чемезовъ былъ настолько добръ, что не забылъ ея просьбы и, не смотря на многосложныя ученыя занятія, приготовилъ для нея работу.

Работа заключалась въ переводѣ съ французскаго языка на русскій очерка: *„о млекопитающихся“*, которымъ должна была заключиться: *„сокращенная исторія царства животныхъ“*, приготовляемая Чемезовымъ для втораго гимназическаго курса.

— Благодарю васъ,—ото всего сердца благодарю!!. восторженно проговорила Амалія Карловна, пожимая его руку и пристально устремляя на него глаза, одушевленные признательностью,—но тутъ много спеціальныхъ словъ, прибавила она,—вы позволите мнѣ иногда безпокоить васъ... приходить къ вамъ за совѣтомъ?..

— Помилуйте,—очень радъ!.. отозвался Чемезовъ, провожая ее до лѣстницы.

Заперевъ за собою дверь, онъ долго ходилъ взадъ и впередъ по кабинету, наконецъ позвалъ кухарку, велѣлъ подавать чай и раздѣвшись сѣлъ за работу.

Не смотря на многолѣтній опытъ въ занятіяхъ такого рода, не смотря на привычку приводить перо въ повиновеніе воли,—Чемезовъ въ этотъ вечеръ написалъ очень мало. Тоска, оставившая его на время,—стала одолѣвать имъ съ удвоенной силой. Онъ легъ и заснулъ; но на другое утро и весь слѣдующій день не могъ отвязаться отъ ноющаго чувства. Онъ снова ходилъ какъ въ туманѣ. Въ департаментѣ ему трудно было даже составить и написать нѣсколько простыхъ отношеній. Куда уйти? Гдѣ спрятаться отъ тоски?.. Волей-неволей надо было возвращаться домой.

Часъ спустя. въ квартирѣ раздался звонокъ. Звукъ этотъ въ первую секунду лихорадочно прошелъ по нервамъ Чемезова; онъ обрадовался, однакожъ, увидавъ Амалію Карловну. Она очень извинялась. Но бѣда въ томъ: у нея не было лексикона! Въ иныхъ мѣстахъ перевода она рѣшительно не находилась; зная снисходительность Алексѣя Иваныча, расчитывая на безконечную доброту его сердца, она рѣшилась снова его безпокоить.

Чемезовъ готовъ былъ помочь ей съ величайшей охотой. Они усѣлись къ столу. Въ это время кухарка подала чай. Амалія Карловна вызвалась хозяйничать.

Чемезовъ припомнилъ покойную жену и задумался; но воспоминаніе это только промелькнуло; онъ снова обратился къ Амаліи Карловнѣ, которая, ничего, казалось, не замѣчая, заботливо разспрашивала о его вкусахъ и, граціозно изгибая станъ, привѣтливо улыбаясь, накладывала сахаръ и рѣзала тоненькіе ломтики лимона.

Чай былъ только перерывомъ занятій; они снова приступили къ переводу и просидѣли довольно поздно.

Изобиліе спеціальныхъ терминовъ въ очеркѣ *„о млекопитающихъ“*, съ одной стороны, неимѣніе лексикона у Амаліи Карловны, съ другой,—заставляли ее часто посѣщать квартиру Чемезова.

Оба не стѣснялись теперь другъ передъ другомъ. Онъ успѣлъ совсѣмъ освоиться; она скоро успѣла изучить всѣ его привычки.

— Отчего, скажите Алексѣй Иванычъ, бываете вы иной разъ такой грустный? спросила она какъ-то совершенно неожиданно,—я часто гляжу на васъ и сама съ собой разсуждаю: что бы такое придумать, чтобъ разсѣять ваши мрачныя мысли...

— Не разъ уже разсказывалъ я вамъ мою исторію, проговорилъ вздыхая Чемезовъ,—мало въ ней радостнаго, какъ сами знаете! подхватилъ онъ глухимъ голосомъ принимаясь расхаживать по комнатѣ съ опущенною головою,—я скучаю, Амалія Карловна, жестоко скучаю! Иной разъ нападаетъ такая тоска, что, право, умереть бы кажется легче!..

— Вы бы женились...

— Э! помилуйте, кто пойдетъ за меня! И состарѣлся я... да и вообще ничего во мнѣ нѣтъ такого...

— А я такъ думаю,—всякая пойдетъ за васъ... да еще какъ: за счастье почтетъ...

При этомъ, голова Чемезова опустилась еще ниже и шаги его замѣтно ускорились. Минуты двѣ прошли въ молчаніи. Лицо его и всѣ движенія изображали сильное внутреннее волненіе. Амалія Карловна сидѣла въ то время на диванѣ; чорные ея глаза нетерпѣливо слѣдили за Чемезовымъ. Онъ неожиданно остановился передъ нею и, не смѣя поднять глазъ, произнесъ голосомъ, прерывавшимся на каждомъ словѣ:

— Вы... напримѣръ... пошли-бы вы... за меня...

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!!.. отвѣчала она быстро вставая и протягивая ему обѣ руки.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Дочь канатчика.

Историческій разсказъ **Феликса Лилля.**

I.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ Парижѣ, въ улицѣ де-ля-Ферронпери жилъ зажиточный и уважаемый канатный мастеръ Георгъ Дюваль съ семьей, состоявшей изъ жены, сына и дочери.

Послѣднюю звали Маріана, и она, по разсказамъ современниковъ, была замѣчательной красавицей.

Эта необычайная красота была, однако, истиннымъ несчастьемъ молодой дѣвушки, такъ какъ привлекла къ себѣ вниманіе сильнаго, могущественнаго человѣка, который не останавливался ни передъ чѣмъ, коль скоро дѣло шло объ удовлетвореніи его прихотей и причудъ. Это былъ Арманъ де-Фронзакъ, недостойный отпрыскъ знаменитой фамиліи. Отъ отца своего, извѣстнаго герцога Ришелье, онъ не унаслѣдовалъ ни одного изъ его выдающихся достоинствъ, за исключеніемъ наружности.

Однажды пріѣхалъ онъ изъ Версаля въ Парижъ сдѣлать заемъ у одного изъ ростовщиковъ, что дѣлалъ герцогъ довольно часто, такъ какъ, не смотря на громадные доходы съ имѣній и крупную сумму содержанія по занимаемой имъ должности, онъ, при своей расточительности и страсти къ игрѣ, былъ постоянно въ долгахъ и нуждался въ деньгахъ.

На возвратномъ пути проѣзжалъ онъ черезъ улицу де-ля-Ферронпери.

Когда экипажъ герцога остановился на нѣсколько минутъ, чтобы пропустить похоронное шествіе, де Фронзакъ замѣтилъ гордость квартала, красавицу Маріану, серьезно стоявшую у открытыхъ дверей отцовскаго дома и глядѣвшую на проходившую мимо процессію.

При взглядѣ на прелестную юную дѣвушку, герцога охватила сильная страсть. Болѣе красивой женщины онъ не встрѣчалъ никогда, ни при дворѣ, ни въ оперѣ, ни въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, гдѣ собиралось все лучшее, отборное общество Парижа.

Маріана смотрѣла только на цвѣты и вѣнки, украшавшіе гробъ, не обращая вниманія на великолѣпную, украшенную гербами карету, и такимъ образомъ не замѣчала совсѣмъ, что на нее смотрятъ. Похоронное шествіе скрылось за уголъ улицы и въ то же время Маріана быстро вошла въ домъ, который пятью окнами выходилъ на улицу. Въ одномъ изъ оконъ висѣлъ билетикъ съ надписью: „Здѣсь отдаются двѣ меблированныя комнаты“.

Фронзакъ внимательно осмотрѣлъ красивый домъ, остановился передъ окнами, въ которыхъ были выставлены различныя вервочныя издѣлія, прочиталъ надпись на билетикѣ. Затѣмъ крикнулъ кучеру и карета укатила.

Какъ только прибылъ онъ въ Версаль и вошелъ въ свой великолѣпный домъ, немедленно приказалъ онъ позвать къ себѣ своего повѣреннаго, Урбена, уже пожилаго человѣка.

— Урбенъ, сказалъ герцогъ, на этотъ разъ я былъ очень несчастливъ въ денежныхъ дѣлахъ. Перейра ссудилъ меня только 20 тысячами ливровъ, увѣряя, что большей суммой не располагаетъ въ настоящее время. Какъ же теперь быть намъ?

— Право, не знаю, ваше сіятельство. Мы уже всюду сдѣла-

Библиотека "Руниверс"

ли заемъ и кредитъ истощился, а между тѣмъ истекаетъ срокъ нѣкоторымъ крупнымъ векселямъ.

— Найдите средство отсрочить уплатить по нимъ!

— Прекрасно, но все же нужно хоть сколько нибудь предложить кредиторамъ въ зачетъ долга.

— Нѣтъ! Изъ этой небольшой суммы, при этомъ онъ указалъ на лежавшій передъ нимъ кошелекъ, я долженъ уплатить карточный долгъ графу Сюрвилье, а остальныя деньги мнѣ нужны на другіе мелкіе расходы.

— Слѣдовательно, кредиторамъ нашимъ придется подождать?

— Конечно! Но вѣдь они къ этому уже привыкли. Черезъ восемь дней по самымъ нужнымъ векселямъ можно будетъ и заплатить, такъ какъ къ тому времени португальскій еврей дастъ мнѣ еще 80 тысячъ ливровъ.

— Но этого, однако, будетъ очень недостаточно.

— Гм... въ такомъ случаѣ мнѣ придется опять заложить знаки ордена „Святаго Духа"; это дастъ еще тридцать тысячъ ливровъ, такъ какъ закладчикъ знаетъ отлично, что я орденъ этотъ, въ ближайшій оффиціальный пріѣздъ, такъ или иначе, долженъ буду выкупить. Въ какомъ положеніи будутъ тогда наши финансы?

— Тогда будемъ мы нѣкоторое время внѣ опасности.

— Прекрасно! Теперь, когда намъ нѣтъ болѣе надобности заботиться о деньгахъ, слушай: сегодняшній день въ другомъ отношеніи былъ болѣе счастливымъ для меня, такъ какъ я видѣлъ красивѣйшую дѣвушку Франціи.

— Ваше сіятельство такой знатокъ! Гдѣ цвѣтетъ это диво?

— Въ одномъ изъ темныхъ уголковъ Парижа, въ улицѣ дель-Ферроннери. По красотѣ своей она превосходитъ Камарго и другихъ оперныхъ танцовщицъ.

— Быть можетъ намъ удастся привлечь ее фигурировать въ оперѣ?

— Средство это здѣсь непримѣнимо, такъ какъ не видно, чтобы оперныя подмостки особенно сей понравились.

— У вашего сіятельства есть домъ въ форштадтѣ дю-Руль...

— Ну?

— Я думаю, не трудно было бы увезти туда дѣвушку.

— Я самъ думалъ такъ, но это надѣлаетъ много шуму и я рискую тогда потерять ее; я хочу попробовать устроить все это мирнымъ путемъ. Въ домѣ канатчика отдаются меблированныя комнаты. Ты представишься завтра ему въ качествѣ буржуа изъ Аббевиля, нанимающаго квартиру для своего племянника.

— Я понимаю! А вы подъ чужимъ именемъ займете ее.

— Я выдамъ себя за лицентіата и ты будешь называть меня Стефанъ Леопардъ.

— Превосходно! Но, ваше сіятельство, вы будете страшно скучать у этихъ простыхъ людей.

— Ничуть, я думаю, что найду себѣ тамъ хорошее развлеченіе. Моей цѣлью будетъ самымъ любезнымъ образомъ завоевать сердце юной дѣвушки. Она должна страстно влюбиться въ меня и тогда я женюсь на ней.

— Жениться?

— Чудакъ, ты не понимаешь меня! Можетъ ли человѣкъ съ моимъ положеніемъ жениться на дочери канатчика? Вымышленный бракъ, конечно, предполагаю я.

— Прекрасная мысль, планъ навѣрно удастся! Ваше сіятельство выглядите такимъ красавцемъ, что не трудно хоть кого соблазнить.

— Да, не даромъ же я происхожу отъ маршала, сказалъ герцогъ, кокетливо улыбаясь и самодовольно разсматривая себя въ зеркало.

II.

Урбену не представилось никакихъ затрудненій заключить контрактъ съ канатнымъ мастеромъ Дювалемъ.

За тридцать ливровъ въ мѣсяцъ, съ завтраками и обѣдами, нанялъ онъ комнаты для своего мнимаго племянника, лицентіата Стефана Леопарда изъ Аббевиля и уплатилъ за три мѣсяца впередъ.

Такимъ образомъ,—подобно лисицѣ въ курятникѣ—водворился герцогъ де-Фронзакъ въ домѣ канатчика.

Простые люди приняли молодаго, красиваго, одѣтаго во все черное, „лицентіата" съ полнымъ радушіемъ и довѣріемъ.

Онъ говорилъ, что хочетъ еще три мѣсяца позаняться въ Парижѣ, чтобы получить докторскій дипломъ. Масса научныхъ книгъ, которыя онъ приказалъ помѣстить у себя въ комнатѣ, должны были служить доказательствомъ его словъ.

Съ сыномъ канатчика, интеллигентнымъ молодымъ человѣкомъ, по имени Хиляйръ, который не касался ремесла отца, новый жилецъ быстро завязалъ самыя близкія, товарищескія отношенія.

Ежедневное вращеніе въ семьѣ, общіе обѣды, помогли ему скоро стать въ дружескія отношенія и съ Маріаной.

Теперь герцогъ пустилъ въ ходъ, съ полнымъ талантомъ, свою подкупающую любезность, которая была ему присуща, какъ родному сыну Ришелье.

Молодая дѣвушка, будучи въ полномъ невѣдѣніи, старалась отплачивать жильцу тою же любезностью, что удавалось дѣлать ей вполнѣ прелестно.

Мнимый лицентіатъ обманулся, однако, въ чувствахъ молодой дѣвушки.

„Дѣло идетъ на ладъ, радовался онъ въ тиши. Теперь можно приступить и къ рѣшительному шагу".

И въ одинъ прекрасный день, когда они остались вдвоемъ, герцогъ объяснился въ любви Маріанѣ.

Скромная дѣвушка приняла это за шутку и разсмѣялась. Но молодой человѣкъ напиралъ на то, что онъ хочетъ жениться, при чемъ добавлялъ, что имѣетъ состояніе, которое приноситъ ему шесть тысячъ ливровъ въ годъ.

Тогда Маріана совершенно серьезно сказала:

— Господинъ Леопардъ, это, конечно, болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы вскружить голову простой дѣвушки, если къ тому же она получитъ въ мужья такого прелестнаго молодаго человѣка, какъ вы. И я безконечно сожалѣю, что не могу принять вашего предложенія, такъ какъ уже люблю и любима.

Мнимый лицентіатъ былъ пораженъ этими словами.

— Что? воскликнулъ онъ. У васъ есть женихъ, котораго вы предпочитаете мнѣ? Я никогда его не видѣлъ!

— Его здѣсь нѣтъ, онъ въ Монтморанси и служитъ сержантомъ въ полку Лямотъ-Гуданкуръ.

— Сержантъ!

— Да! Черезъ шесть мѣсяцевъ онъ получитъ увольненіе отъ службы и тогда мы обвѣнчаемся.

— А! Какъ же зовутъ этого счастливца?

— Анатоль Морсенъ. Вы скоро увидите его, господинъ лицентіатъ: онъ получитъ восьмидневный отпускъ и пріѣдетъ погостить къ намъ въ Парижъ.

Герцогъ пробормоталъ нѣсколько несвязныхъ словъ, учтиво поклонился и вышелъ изъ комнаты. Ему сильно не понравился полученный отказъ, но тѣмъ не менѣе онъ не отчаявался и не хотѣлъ отказаться отъ исполненія задуманнаго плана.

— Какой печальный былъ у него видъ, когда онъ уходилъ отсюда! бормотала задумчиво Маріана. Какъ страшенъ былъ взглядъ его прекрасныхъ глазъ, когда я назвала ему имя моего жениха! Я начинаю бояться этого будущаго доктора; во всякомъ случаѣ обо всемъ этомъ нужно сказать матери.

Это она и сдѣлала тотчасъ же.

Мать сказала отцу, а тотъ сыну. Было рѣшено, что Хиляйръ переговоритъ серьезно съ лицентіатомъ.

Послѣ обѣда молодой канатчикъ пригласилъ квартиранта пройтись и повелъ его въ Арсенальный садъ. Въ одной изъ уединенныхъ аллей онъ остановилъ его и сказалъ убѣдительно:

— Послушайте, Леопардъ, меня сильно печалитъ ваше положеніе! Вы любите мою сестру, но она не можетъ отвѣчать вамъ взаимностью, такъ какъ уже любитъ одного браваго юношу, который всѣмъ намъ дорогъ, хотя ему далеко тягаться за вами; но тамъ, гдѣ говоритъ сердце, разсчетъ долженъ молчать. А потому благоразумнѣе всего будетъ отказаться отъ той, которая не можетъ вамъ сочувствовать, и сдѣлать другой выборъ, для чего вы достаточно богаты и имѣете много данныхъ.

Это разумное, убѣдительное разсужденіе, однако, не привело къ желанному результату.

Мнимый лицентіатъ не хотѣлъ разстаться со своей страстью и пытался привлечь брата на свою сторону, обѣщаясь щедро отблагодарить его; но все было напрасно. Хиляйръ оставался непоколебимъ и наконецъ потребовалъ отъ жильца, подъискать себѣ другую квартиру, чтобы безнадежная любовь его не находила себѣ дальнѣйшей пищи.

— Я на это не согласенъ, сказалъ Фронзакъ отрывисто. Комнаты наняты на три мѣсяца и деньги уже заплачены. Я ни въ какомъ случаѣ не позволю вамъ нарушить контрактъ.

— Но...

— Не говорите мнѣ больше объ этомъ!

Онъ повернулся и быстро вышелъ, оставивъ въ полномъ недоумѣніи Хиляйра.

— Я вамъ отплачу за эту дерзость, бормоталъ герцогъ. Достанется и этому сержанту Морсену. Мыслимая ли вещь, чтобы мнѣ стали поперекъ дороги какой то канатчикъ и сержантъ? Нѣтъ, мнѣ не стоитъ никакого труда уничтожить этихъ несчастныхъ.

Когда Хиляйръ на другой день шелъ по площади Сантъ-Эсташъ, полицейскій коммиссаръ положилъ ему руку на плечо.

— Слушай, Хиляйръ Дюваль!

— Что вамъ угодно?

— По повелѣнію начальства я арестую тебя!

— За что? спросилъ удивленно юноша. Я не сдѣлалъ ничего дурнаго!

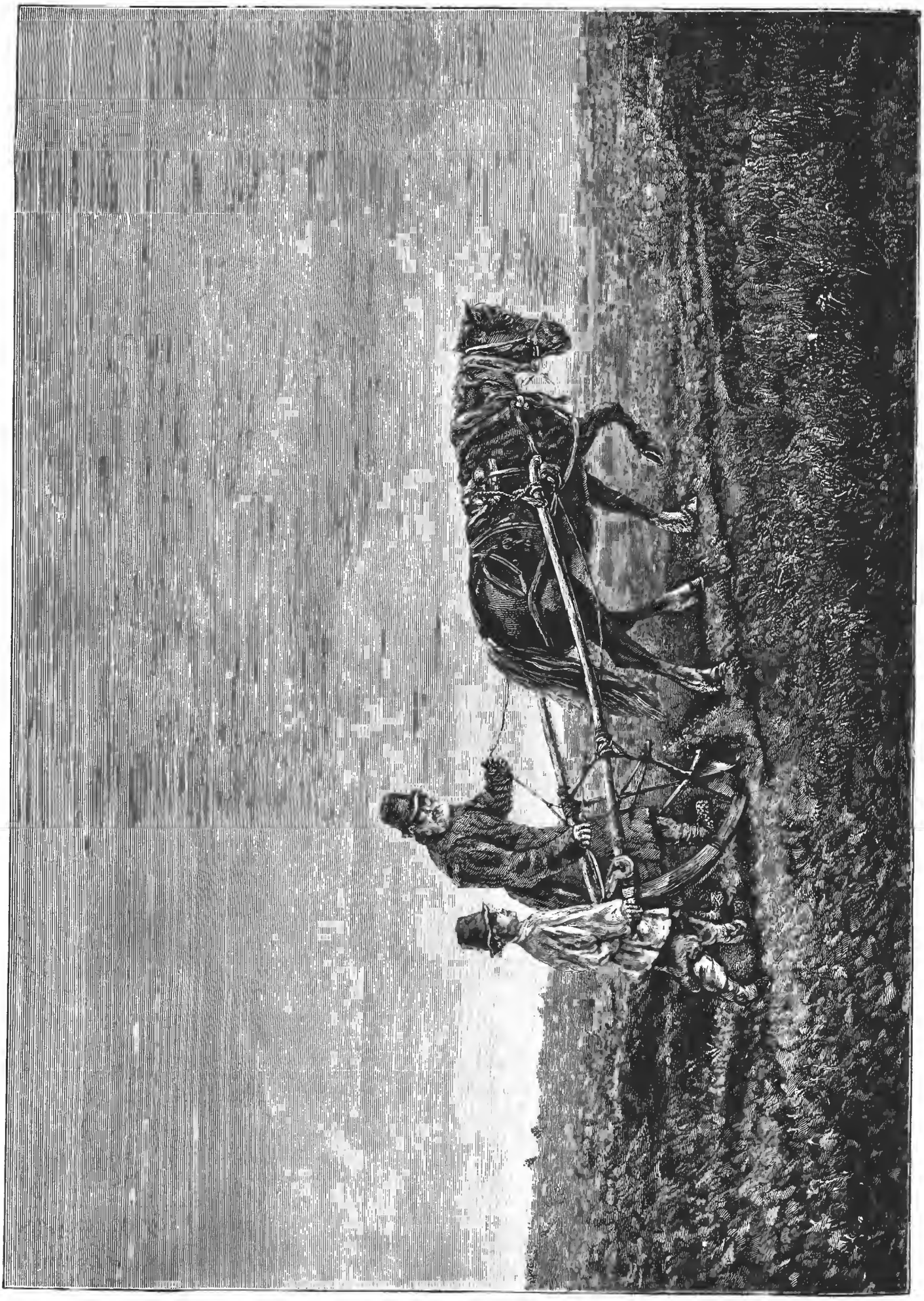
— Я не знаю, что ты сдѣлалъ, но вотъ этотъ приказъ повелѣваетъ мнѣ арестовать тебя. И такъ не мѣшкай и слѣдуй за мной!

И онъ повелъ молодаго человѣка въ фортъ Бреску, гдѣ тотъ и былъ заключенъ.

Между тѣмъ было предписано корпусному командиру въ Монтморанси, не объясняя причинъ, не разрѣшать отпуска сержанту Моренъ.

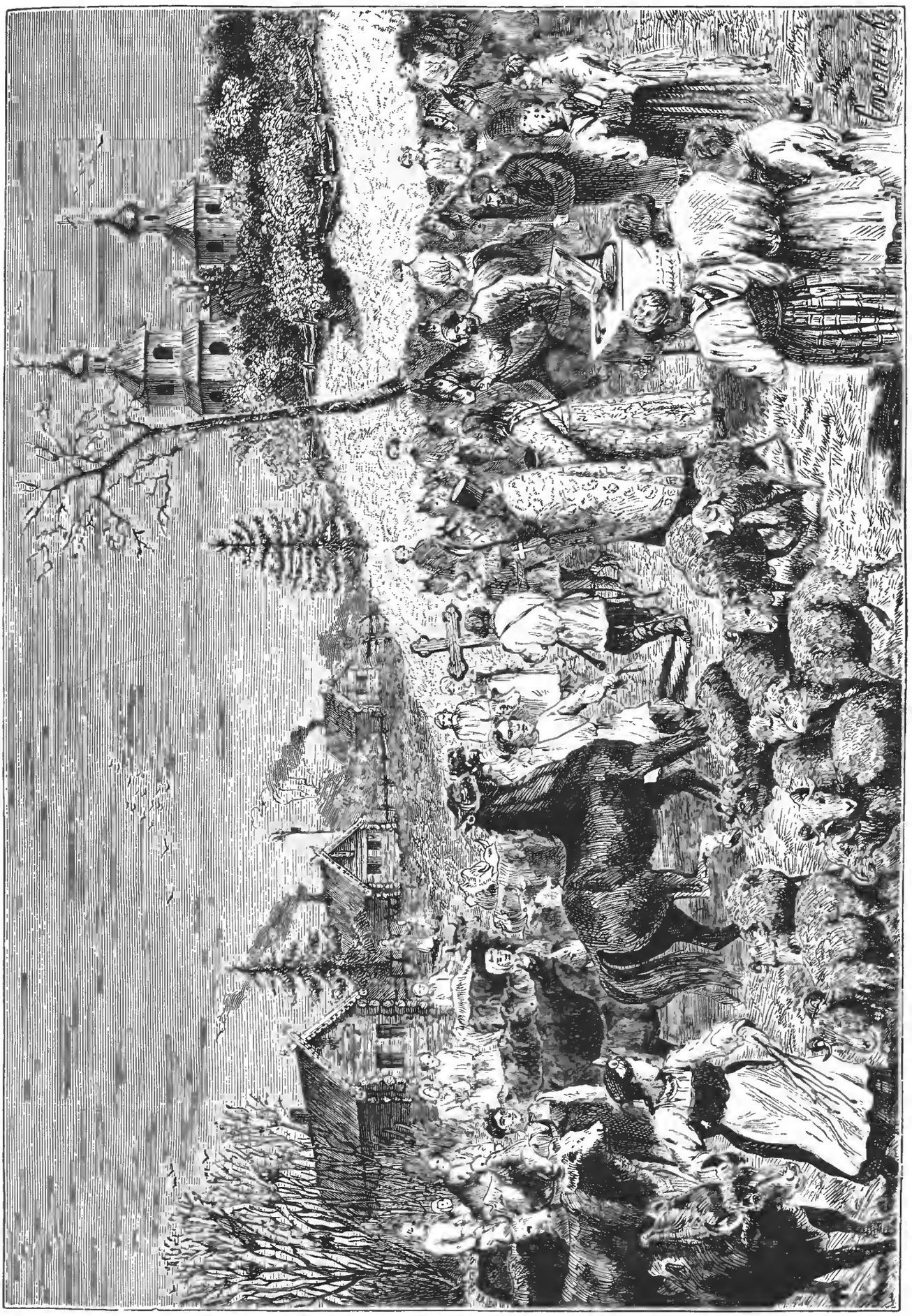
Арестъ Хиляйра возбудилъ, само собой разумѣется, большой переполохъ въ семьѣ канатчика. Никто не могъ понять, какъ все это случилось. Отецъ былъ въ полиціи, но не могъ добиться никакихъ объясненій; когда же онъ началъ настаивать на своемъ требованіи и принялъ запальчивый тонъ, то его чуть не вытолкали въ шею.

Библиотека "Руниверс"



Урожъ пахаря. Картина Баронессы Е. Е. Врангель. (Собственность Государя Императора). Съ фотогр. Бетигера, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Юрьевъ день. Освященіе животныхъ. Ориг. рис. Н. Степанова, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ эти злоключенія, виновникомъ которыхъ былъ Фронзакъ, нисколько не тревожили его самого.

Онъ продолжалъ свои домогательства относительно Маріаны, которая попрежнему энергично отклоняла ихъ; ей было не до любезностей герцога: арестъ брата, безпокойство объ женихѣ, который вдругъ впалъ въ немилость у начальства и не могъ получить отпуска, о чемъ онъ сообщилъ въ письмѣ, сильно огорчали дѣвушку.

Когда мнимый лицентіатъ увидѣлъ, что всѣ продѣланные имъ маневры не приводятъ дѣло къ желаемой цѣли, онъ перемѣнилъ тактику и сбросилъ съ себя маску. Встрѣтившись съ Маріаной, объявилъ ей, что онъ вовсе не простой лицентіатъ Леонардъ, а нѣчто побольше—герцогъ Арманъ де-Фронзакъ, который оказываетъ ей милость, предлагая стать его законной супругой.

Этимъ онъ сдѣлалъ только то, что дѣвушка въ испугѣ побѣжала къ отцу, чтобы сообщить ему новость.

Старикъ Дюваль тотчасъ же явился къ герцогу и учтиво попросилъ его пожаловать на свою половину.

— Милостивый государь, сказалъ онъ, я благодарю васъ за честь, сдѣланную моей дочери, но Маріана не можетъ и не хочетъ сдѣлаться вашей супругой, такъ какъ любитъ другаго. Вы не должны долѣе оставаться въ моемъ домѣ и я прошу васъ сегодня же покинуть его.

— Срокъ контракта еще не истекъ, возразилъ герцогъ.

— Вотъ деньги, которыя вамъ слѣдуетъ получить обратно!

— Я этого вовсе не желаю!

— Милостивый государь, сказалъ канатчикъ, весь трясясь отъ гнѣва, не вынуждайте меня прибѣгать къ правамъ хозяина дома и забыть то уваженіе, которое обязанъ, конечно, я, простой буржуа, питать къ такому лицу, какъ вы. Стараніями вашего сіятельства мой невинный сынъ заключенъ подъ стражу и, какъ я теперь догадываюсь, вы же были причиной тому, что женихъ моей дочери не получилъ отпуска.

— Да, воскликнулъ вдругъ Фронзакъ, это сдѣлалъ я! И еще много причиню вамъ горя, если вы не...

— Довольно, ваше сіятельство! воскликнулъ канатчикъ. Мы не страшимся вашихъ угрозъ. Со злымъ намѣреніемъ вкрались вы въ наши сердца и за радушіе и любезность отплатили самой черной неблагодарностью. На вашъ поступокъ я буду жаловаться президенту парижскаго парламента и, если то понадобится, даже самому королю.

— Это мало принесетъ вамъ пользы, сказалъ, громко смѣясь, Фронзакъ.

— Ну, это мы еще увидимъ. Теперь же, сію минуту оставьте мой домъ!

И такъ герцогъ, противъ своего желанія, долженъ былъ оставить домъ канатчика. Этому проклятому гнѣзду я такъ съумѣю отомстить, что объ этомъ заговоритъ весь Парижъ.

Дюваль слышалъ эти угрозы, которыя заставили его призадуматься.

Онъ пошелъ тотчасъ же къ генералу, графу Лямотъ-Гуданкуру, который въ это время былъ въ столицѣ, разсказалъ ему обо всемъ случившемся, прося помощи и совѣта.

Старый, добросердечный вельможа, знавшій Дюваля, когда тотъ, еще будучи солдатомъ, отличался на поляхъ сраженій, не имѣлъ особаго значенія. При просьбѣ выступить защитникомъ противъ герцога де-Фронзакъ и его отца, маршала Ришелье, онъ сомнительно покачалъ головой. Хотя онъ и обѣщалъ опечаленному Дювалю свою помощь и заступничество, но сдѣлалъ это только чтобы успокоить старика, и былъ убѣжденъ, что не въ силахъ помочь его горю.

Лямотъ-Гуданкуръ побывалъ у герцога Ришелье и просилъ его посредничества въ этомъ дѣлѣ.

— Любезный графъ, сказалъ маркизъ, я принялъ за правило не вмѣшиваться никогда въ безумные поступки моего сына. Арестованіе молодаго Дюваля я конечно не одобряю и попрошу освободить его.

Лямотъ-Гуданкуру пришлось удовольствоваться этимъ обѣщаніемъ, которое онъ сообщилъ старику-канатчику и посовѣтовалъ ему ожидать спокойно, что будетъ дальше. Дѣйствительно не оставалось ничего дѣлать, тѣмъ болѣе, что графъ выхлопоталъ также позволеніе разрѣшить отпускъ сержанту Морену.

Фронзакъ же отправился въ Версаль, чтобы посовѣтоваться съ Урбеномъ о дальнѣйшемъ планѣ своихъ дѣйствій, такъ какъ не оставлялъ своего намѣренія. Тотъ убѣдилъ его прибѣгнуть къ силѣ.

Герцогъ дѣйствительно сдѣлалъ нѣсколько попытокъ увезти Маріану, но это ему не удавалось, такъ какъ Дюваль былъ на сторожѣ и не выпускалъ дочь изъ дому. Получившій же свободу Хилляйръ и прибывшій въ отпускъ сержантъ Моренъ еще болѣе ревностно оберегали Маріану, чѣмъ самъ старикъ-канатчикъ.

Тогда герцогъ рѣшился на насильственную мѣру. Въ сопровожденіи Урбена и шести слугъ онъ явился въ улицѣ де-ля-Ферронери и приказалъ поджечь домъ канатчика. Большіе запасы конопли, пеньки и другихъ матеріаловъ дали богатую пищу огню. Пожаръ принялъ ужасающіе размѣры.

Въ этой страшной суматохѣ слугамъ герцога удалось схватить Маріану, усадить въ приготовленную карету, которая и умчала ее въ форштадтъ дю-Руль, гдѣ былъ одинъ изъ домовъ Фронзака.

Это, однако, не осталось незамѣченнымъ. Тотчасъ-же Хилляйръ и Моренъ, захвативъ съ собой оружіе, послѣдовали въ погоню.

Въ форштадтѣ дю-Руль они ворвались въ незапертую дверь дома герцога.

Тамъ застали они его въ одной изъ залъ съ полубезчувственной Маріаной.

— Отдай мою невѣсту! кричалъ пенетово Моренъ.

— Сюда, Маріана! звалъ Хилляйръ.

Молодая дѣвушка хотѣла броситься къ своимъ избавителямъ, но герцогъ оттолкнулъ ее назадъ.

— Пусти ее!

— Нѣтъ! воскликнулъ герцогъ. Вы ворвались силой въ мой собственный домъ и смѣете угрожать мнѣ!

— На этотъ крикъ въ залу вбѣжали шесть вооруженныхъ пистолетами лакеевъ.

— Стрѣляйте въ мошенниковъ!

— Поджигатель! кричалъ Хилляйръ.

— Стрѣляйте!

Въ этотъ моментъ Маріана вырвалась и бросилась къ своему брату.

Раздалось шесть выстрѣловъ; Хилляйръ упалъ мертвымъ, Моренъ былъ тяжело раненъ. Но и Маріану также поразила пуля въ сердце и безжизненный трупъ ея лежалъ теперь на полу.

Въ это время вошелъ Урбенъ.

— Плохая шутка! сказалъ онъ смущенно.

— А! сказалъ герцогъ; я вынужденъ былъ на это ради личной обороны противъ этихъ наглецовъ; развѣ можно меня винить? Но что мнѣ больше всего досаждаетъ, это то, что красавица также убита!

Герцогъ поспѣшно отправился въ Версаль, опасаясь народной ярости, на проявленіе которой онъ имѣлъ полное основаніе разсчитывать.

Пожаръ, сдѣлавшій громадныя опустошенія, и преступная цѣль, съ которой былъ совершенъ поджогъ, надѣлали много шуму не только въ Парижѣ, но и во всей Франціи. Высшія власти обратились съ жалобой къ королю. Ришелье чуялъ бѣду и хотѣлъ мирнымъ путемъ поладить съ канатнымъ мастеромъ, но тотъ не соглашался ни на какія условія. По рѣшенію суда Дюваль получилъ 120 тысячъ ливровъ за причиненные ему убытки. Но сынъ и дочь его были убиты и жена тоже скоро умерла, не будучи въ силахъ перенести такого страшнаго удара.

Отъ пожара у Дюваля уцѣлѣлъ небольшой клочекъ пакли, съ которой онъ, теперь уже весь сѣдой, какъ лунь, отправился къ одному своему товарищу по ремеслу, чтобы свить на его станкѣ веревку.

— Зачѣмъ это тебѣ, Дюваль? спросилъ хозяинъ. Выбирай любую изъ моихъ готовыхъ; ихъ, кажется, здѣсь достаточно.

— Нѣтъ! отвѣчалъ старикъ съ печальной улыбкой. Твоимъ производствомъ я не могу воспользоваться, кумъ. Я долженъ самъ свить веревку. Будь любезенъ, пусти въ ходъ колесо.

— Съ удовольствіемъ! Но зачѣмъ тебѣ понадобилась эта веревка?

— Это секретъ.

— Гм! Какъ здоровье Морена?

— Онъ еще въ госпиталѣ, но рана его понемногу заживаетъ. Врачи говорятъ, что теперь нѣтъ больше опасности.

Привычной рукой быстро свилъ Дюваль тонкую веревку около 20 футовъ длины, заботливо смоталъ ее и спряталъ къ себѣ.

Онъ оставался въ Парижѣ теперь только для того, чтобы дождаться выздоровленія Морена, послѣ чего оба они исчезли изъ столицы...

III.

Прошло почти около года послѣ описанной катастрофы.

Герцогъ де-Фронзакъ гостилъ въ своемъ имѣніи Берри, вблизи Буржа.

Это было въ сентябрѣ и осень уже наложила свою окраску на листья деревъ и кустарниковъ.

Ночью осторожно пробирались два человѣка черезъ лѣсъ, который отдѣлялъ герцогское имѣніе отъ сосѣдняго.

Одинъ изъ нихъ былъ уже старикъ, съ совершенно сѣдыми волосами на головѣ, но еще бодрый и крѣпкій на видъ, и другой еще молодой, судя по выправкѣ—бывшій военный. Они шли поперекъ лѣса, пока не достигли узкой тропинки, гдѣ и остановились отдохнуть. Было достаточно свѣтло, чтобы видѣть далеко впередъ, такъ какъ полная луна стояла уже высоко на прекрасномъ небосклонѣ и освѣщала волшебнымъ свѣтомъ лѣсъ.

— Это та самая тропинка, на которой мы должны ожидать? спросилъ младшій.

— Да; много мнѣ стоило хитрости, чтобы вывѣдать это.

— И такъ скоро наконецъ труды наши должны вознаградиться. Болѣе чѣмъ полгода искали мы такого благопріятнаго случая.

— Да, Моренъ, часъ мести наступилъ!

— Надѣюсь, ты не забылъ захватить съ собой веревку?

— Какъ можетъ это случиться? Я ношу ее всегда при себѣ. Вотъ она!

Библиотека "Руниверс"

— Послушай, отецъ Дюваль. Ты знаешь навѣрно, что онъ около полуночи долженъ пройти этой тропинкой?

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія!

— Ну, а съ какой цѣлью?

— По всей вѣроятности на какое нибудь свиданіе, до которыхъ онъ такой охотникъ...

— Но будетъ ли онъ одинъ?

— Мнѣ передали, что онъ совершенно одинъ направится по этой тропинкѣ въ виллу, которая стоитъ на опушкѣ лѣса. Я прикинусь, какъ мы уже съ тобой согласились, старикомъ-нищимъ, заковыляю къ нему на встрѣчу и завяжу съ нимъ разговоръ. Тутъ ты его схватишь и повалишь на землю.

— Будьте увѣрены, отецъ, что я ловко сцапаю убійцу Маріаны и Хиляйра.

— И такъ, если мессъ удастся, намъ придется покинуть свое отечество. Для этого у меня уже готовы паспорты, которые стали мнѣ не мало денегъ.

— Я не охотно покидаю мое отечество, но что же дѣлать. Ты, милый Анатоль, можетъ и вернешься когда опять во Францію. Я же человѣкъ старый и вѣрно найду свою могилу на чужбинѣ.

Въ это время показалась тѣнь стройной фигуры, закутанной въ плащъ, которая легкими шагами подымалась впередъ по тропинкѣ.

Дюваль поднялся и тяжело заковылялъ навстрѣчу къ идущему.

— Сударь, подайте бѣдному человѣку милостыню! просилъ онъ. Я старый уже человѣкъ и никого не имѣю близкихъ въ цѣломъ свѣтѣ...

— Поди прочь! сурово крикнулъ герцогъ. Какъ ты смѣешь ночью приставать къ прохожимъ съ милостыней?

— Мой домъ сожженъ, дочь и сынъ убиты однимъ злодѣемъ, жена моя умерла отъ горя и остался только я одинъ!

— А! воскликнулъ человѣкъ въ плащѣ, подаваясь назадъ. Ты знаешь меня?

— Очень хорошо! Вы—герцогъ де-Фронзакъ, сынъ великаго маршала. А я Дюваль, канатный мастеръ, дѣтей котораго вы убили и домъ котораго сожгли.

— Что тебѣ нужно отъ меня?

— Твоей жизни!

Въ этотъ моментъ бывшій сержантъ схватилъ крѣпко герцога, повалилъ его на землю и связалъ веревкой.

Фронзакъ метался и стоналъ, прося помилованія и состраданія.

— Нѣтъ, ты не имѣешь права на состраданіе! кричалъ Дюваль. Анатоль, перекинь веревку черезъ сукъ!

Оба мстителя быстро потянули веревку вверхъ черезъ сукъ стараго дуба и Фронзакъ закачался на импровизированной висилицѣ. Прошло еще нѣсколько секундъ и разсчеты съ жизнью были покончены.

— Теперь мы исполнили свой долгъ! сказалъ канатчикъ! Пойдемъ Моренъ! Я знаю ближайшую дорогу изъ лѣсу.

Они двинулись и скоро скрылись за деревьями.

Только спустя два дня найдено было тѣло герцога и похоронено въ фамильномъ склепѣ. Приложены были всѣ старанія, чтобы отыскать убійцъ, но тщетно. Канатный мастеръ Дюваль и бывшій сержантъ Моренъ остались навсегда безъ вѣсти пропавшими.

Таково было это печальное дѣло...

Астрономическая обсерваторія В. П. Энгельгардта въ Дрезденѣ.

(Съ 2 рис. и портр. на стр. 428, 429 и 432).

Находясь лѣтомъ прошлаго года за границей, мы имѣли случай ознакомиться съ устройствомъ астрономической обсерваторіи, сооруженной нашимъ соотечественникомъ В. П. Энгельгардтомъ въ Дрезденѣ. Общее устройство обсерваторіи, размѣры и качества ея главнаго инструмента, ставятъ ее въ разрядъ большихъ обсерваторій, во многихъ отношеніяхъ даже выше большинства устроенныхъ на государственный счетъ. По справедливости, дрезденское общество считаетъ ее однимъ изъ учрежденій, которыми гордится Дрезденъ. Но для насъ обсерваторія эта важна еще и въ томъ отношеніи, что она есть новая и единственная частная обсерваторія, устроенная русскимъ. Въ нашей же печати, между тѣмъ, не встрѣчается объ ней никакихъ извѣстій. Мы желаемъ пополнить такой пробѣлъ, помѣщая нижеслѣдующее краткое описаніе, съ пояснительными рисунками.

В. П. Энгельгардтъ уже довольно давно поселился въ Дрезденѣ, посвятивъ себя исключительно занятіямъ практической астрономіей. Для этой цѣли, еще съ осени 1877 г., устроена имъ временная обсерваторія въ саду одного частнаго дома. Она состояла изъ массивной башни, гдѣ помѣщался экваторіалъ *), имѣвшій объективъ въ 210 миллиметровъ отверстія, работы Грубба въ Дублинѣ; изъ меридіанной комнаты, въ которой стоялъ переносный пассажный инструментъ Іорка и Кука въ 50 мм., и изъ библіотеки. Вслѣдствіе неудобнаго расположенія, вдали отъ жилища В. П., занятія на обсерваторіи не могли быть правильны; изъ сдѣланныхъ наблюденій опубликованы только наблюденія періодической кометы Брорзена.

Въ 1879 г. В. П. приступилъ къ постройкѣ собственной виллы (Liebigstrasse 1) и къ ней рѣшилъ непосредственно пристроить новую обсерваторію; лѣтомъ 1879 г. снесена была старая, а съ весны 1880 г. начались работы на новой. Подобно прежней, и новая обсерваторія состоитъ изъ башни, съ вращающимся куполомъ, и меридіанной залы, но соединяется съ жилыми комнатами виллы посредствомъ коррифора, который также можетъ служить мѣстомъ для наблюденія, потому что стѣны его состоятъ изъ зеркальныхъ раскрывающихся оконъ. Башня, имѣющая въ діаметрѣ до 3 саженей, раздѣлена на 3 этажа, не считая нижняго. Въ верхнемъ, на высотѣ 12 метровъ надъ землею, стоитъ на массивномъ каменномъ столбѣ (выведенномъ изолированно отъ постройки) экваторіалъ, со стекломъ въ 306 мм. діаметра, также работы Грубба, замѣнившій съ 1880 г. прежній. На прилагаемомъ рисункѣ изображенъ общій видъ этого первоклассного инструмента, по величинѣ занимающаго второе мѣсто въ Германіи. Установка его состоитъ изъ чугуннаго штатива, внутри пустаго, на которомъ покоится часовая ось инструмента. Служащіе для направленія трубы круги—часовой и склоненія, отсчитываютъ по верьерамъ: первый до 4^{s} времени, второй до $30''$ дуги,—одинъ непосредственно съ поля, другой отъ окуляра чрезъ вспомогательную трубку. Существенная часть экваторіала составляетъ — нитяный микрометръ съ позиціоннымъ кругомъ, прикрѣпленный на окулярномъ концѣ, котораго назначеніе—служить для измѣренія относительнаго положенія близкихъ свѣтилъ.

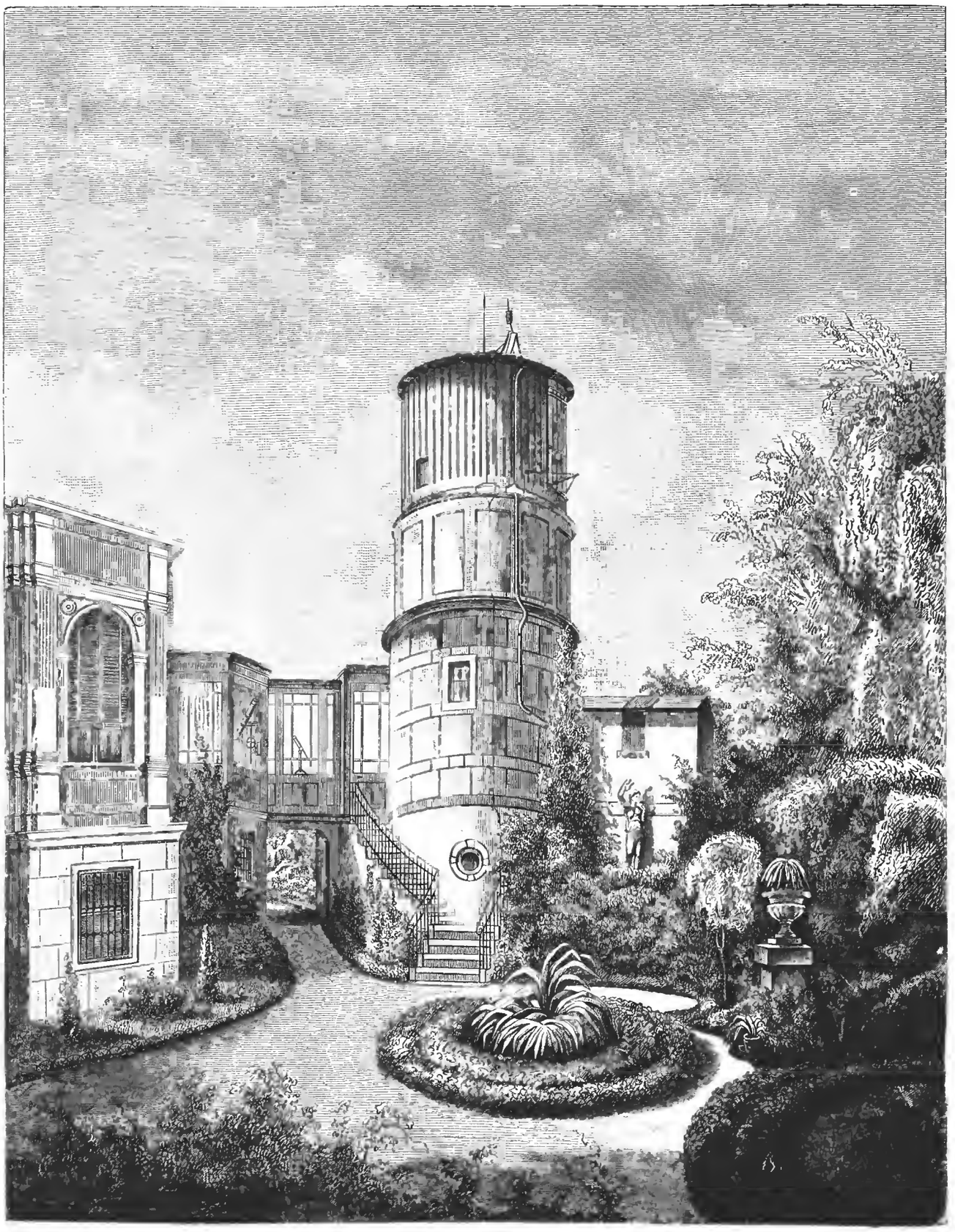
*) Такъ называется рефракторъ, установленный такъ, что часовая ось его параллельна оси міра.

Первоначально находившійся у инструмента микрометръ Грубба имѣлъ нѣкоторые недостатки и поэтому въ 1882 году замѣненъ былъ новымъ, работы Репсольда въ Гамбургѣ. Этотъ оказался превосходнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Система паутинныхъ нитей, предназначенная для измѣренія, состоитъ изъ 15 неподвижныхъ и 3 подвижныхъ, которыхъ движеніе производится микрометрическимъ винтомъ. Точность отсчета этого движенія достигаетъ малыхъ долей секундной дуги. На позиціонномъ кругѣ микрометра можно отсчитывать по верьерамъ до долей минуты; также имѣется приспособленіе для регистрированія (самозаписыванія) склоненій. Одна небольшая лампа близь окуляра (на рис. слѣва) освѣщаетъ ночью поле трубы, нити, барабанъ, микрометрическій винтъ, кругъ склоненія и пр., такъ что въ обсерваторіи можно вполнѣ обойтись безъ посторонняго свѣта, что важно при наблюденіи очень слабыхъ предметовъ, каковы туманность, кометы. При трубѣ находится 12 окуляровъ—6 положительныхъ и 6 отрицательныхъ, геліоскопическій поляризаціонный окуляръ и кольцевой микрометръ. Наибольшее увеличеніе, котораго можно достигнуть, равняется приблизительно 1000 разъ. Для отысканія свѣтилъ на небѣ, при экваторіалѣ имѣется искатель въ 136 мм. отверстія, работы Рейнфельдера и Гертеля въ Мюнхенѣ, имѣющій поле зрѣнія до $2^{0},5$; а при немъ въ свою очередь также искатель въ 38 мм., съ полемъ зрѣнія въ 6^{0}. Легко видѣть эти обѣ трубы на рисункѣ, близь объектива. На противуположномъ концѣ оси склоненія (на рисункѣ на право), прикрѣплена еще вторая труба, въ 100 мм. объективъ, Грубба, съ искателемъ въ 54 мм., предназначенная для астроферическихъ наблюденій; съ этою цѣлью она снабжена спектроскопомъ à vision directe, съ 4 призмами Мерца. При такомъ устройствѣ В. П. имѣетъ на одномъ штативѣ 2 отдѣльныхъ инструмента; ни одинъ изъ нихъ не мѣшаетъ другому при движеніи и не встрѣчаетъ препятствія отъ штатива. Трубы экваторіала приводятся въ движеніе часовымъ механизмомъ, заключеннымъ внутри штатива; механизмъ работаетъ безъ шума и отличается замѣчательною точностью, такъ что свѣтила, находящіяся въ полѣ зрѣнія трубы, кажутся абсолютно неподвижными.

При экваторіалѣ находятся часы Тиде съ ртутной компенсаціей, идущіе по звѣздному времени и соединенные электрически съ регистрирнымъ приборомъ Фюса изъ Берлина; наблюденія прохожденій звѣздъ чрезъ нити микрометра, записываются на этомъ регистрирномъ приборѣ автоматическими точками на бумажныхъ лентахъ.

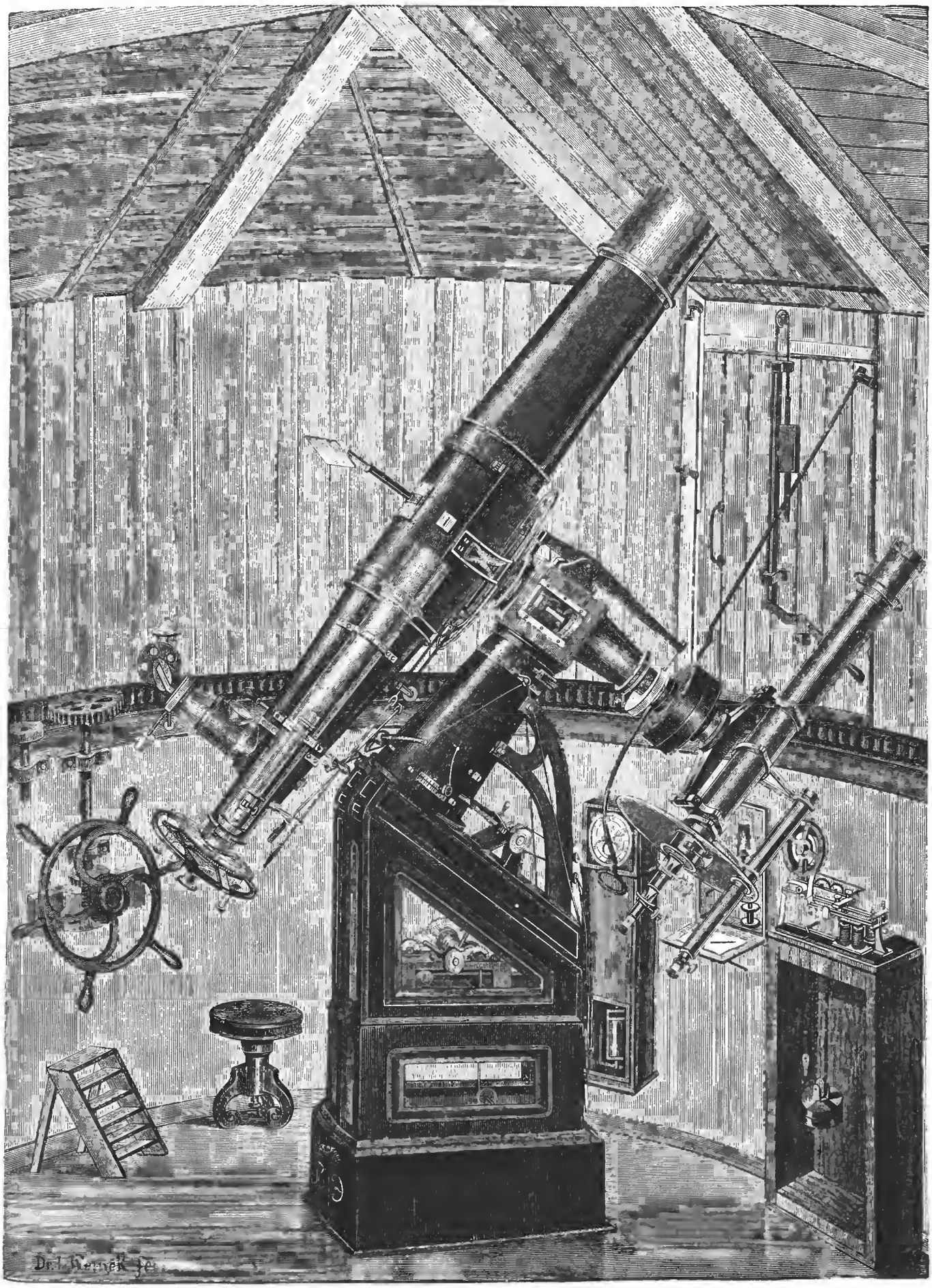
Верхняя часть башни деревянная и, какъ сказано уже, подвижная: она покоится на 6 ядрахъ и посредствомъ механизма легко поворачивается одною рукою. Отверстія, продѣланныя въ крышѣ для наблюденій, находятся съ одной стороны и имѣютъ болѣе 1 м. ширины. Въ среднемъ и нижнемъ этажахъ башни помѣщены: гальваническая баттарея, вышеупомянутый регистрирный приборъ (первоначально онъ стоялъ въ верхнемъ этажѣ, какъ изображено на рисункѣ), переносные инструменты, малыя трубы, метеорологическіе инструменты и пр. Стѣны украшены звѣздными картами, видами обсерваторій и др. подходящими рисунками; между ними находятся копіи съ Рафаелевыхъ Ногае. Къ нижнему этажу башни примыкаетъ меридіанный залъ; на общемъ рисункѣ онъ видѣнъ направо. Въ

Библиотека "Руниверс"



Видъ Астрономической Обсерваторіи В. П. Энгельгардта въ Дрезденѣ. Съ фотогр. грав. Фогтъ.

Библиотека "Руниверс"



Двѣнадцатидюймовый (306 мм.) экваторіалъ обсерваторіи В. П. Энгельгардта въ Дрезденѣ.
Ориг. рис. профессора Вейнека, грав. Фоггъ.

Библиотека "Руниверс"

немъ стоитъ на изолированномъ столбѣ, на высотѣ 1 метровъ, пассажный инструментъ Бамберга изъ Берлина, съ ломанной трубою въ 68 мм. отверстія, съ микрометромъ, аппаратомъ для перекладыванія и проч. Здѣсь же находятся звѣздные часы Кноблиха съ компенсаціей относительно температуры и давленія, и карманные хронометры, съ системою особыхъ стрѣлокъ для регистрированія времени.

Въ прорѣзѣ меридіанной комнаты помѣщена линза (стеклянная чечевица) и въ разстояніи 41 м. мира, служащая для исправленія коллимаціи въ пассажномъ инструментѣ. Въ самое послѣднее время обсерваторія обогатилась еще однимъ новымъ пассажнымъ инструментомъ, приблизительно тѣхъ же размѣровъ, съ различными новыми приспособленіями. Освѣщеніе какъ помѣщенія обсерваторіи, такъ и инструментовъ газовое, вездѣ проведены телеграфныя проволоки; кромѣ того обсерваторія соединена посредствомъ телеграфа и телефона съ жилыми комнатами. Таково устройство и снаряженіе новой обсерваторіи.—На крышкѣ виллы В. П. устроилъ еще небольшую кометную обсерваторію, съ цѣлью разыскиванія кометъ, наблюденія перемѣнныхъ звѣздъ и пр.—Эта обсерваторія, какъ видно на рисункѣ, состоитъ изъ одного павильона, на довольно обширной платформѣ; павильонъ можетъ двигаться по рельсамъ и инструменты во время наблюденій находятся подъ открытымъ небомъ. Въ павильонѣ помѣщенъ кометоискатель въ 162 мм. отверстія, установленный на параллактическомъ штативѣ.

Наконецъ въ кабинетѣ В. П. имѣется богатое собраніе физическихъ приборовъ, неотносящихся прямо къ астрономіи. Между ними замѣчательны: большой универсальный аппаратъ для проектированія изображеній помощью электрическаго или друммондова свѣта (волшебный фонарь), съ массою къ нему принадлежностей; большое собраніе микроскоповъ, между прочимъ, большой микроскопъ Гартнаха со всѣми принадлежностями; разные электрическіе аппараты; рѣдкая коллекція Геншеровыхъ трубокъ до 1,5 метра длины и пр. Установка инструментовъ, различныя въ нихъ измѣненія, всѣ электрическія приспособленія и пр. въ обсерваторіи—словомъ, все сдѣлано или непосредственно В. П., или подъ его руководствомъ, дрезденскимъ механикомъ Гейде. Благодаря неусыпному вниманію В. П., порядокъ, въ которомъ содержится обсерваторія и инструменты, образцовый.

Для полноты описанія, упомянемъ въ короткихъ словахъ о работахъ, которыя исполнены на обсерваторіи и въ настоящее время производятся. Въ началѣ главный инструментъ—экваторіалъ—служилъ преимущественно для наблюденій кометъ и малыхъ планетъ; впродолженіи трехъ лѣтъ, до конца 1883 года, въ различныхъ астрономическихъ журналахъ опубликовано около 150 кометныхъ наблюденій, до 300 наблюденій планетъ: много наблюденій затмѣній юпитеровыхъ спутниковъ, покрытіе звѣздъ и пр. Но съ прошлаго года В. П. предпринялъ на немъ опредѣленіе положенія туманностей и двойныхъ звѣздъ и съ тѣхъ поръ преимущественно употребляетъ экваторіалъ для этихъ наблюденій, посвящая досуги наблюденіямъ интереснѣйшихъ планетъ и кометъ. Въ портфелѣ обсерваторіи въ настоящее время собрано уже большое число наблюденій туманностей. Пассажный инструментъ употребляется главнымъ образомъ для опредѣленія времени, которое дѣлается обыкновенно разъ въ недѣлю, что, благодаря отличному ходу часовъ Кноблиха, совершенно достаточно. На своемъ новомъ пассажномъ инструментѣ В. П. предполагаетъ, сверхъ того, наблюдать лунныя кульминаціи.

Замѣтить слѣдуетъ, что всѣ астрономическія наблюденія, произведенныя на обсерваторіи, сдѣланы однимъ В. П., потому что на обсерваторіи не было и нѣтъ никакого ассистента. Для тѣхъ, кто знакомъ съ работами практической астрономіи, понятно значеніе наблюденій В. П. Энгельгардта: они внесетъ въ общую сокровищницу науки свою долю матеріала, на который опирается теоретическія изысканія въ области различныхъ астрономическихъ вопросовъ.

Если принять во вниманіе, какого труда требуетъ каждое астрономическое наблюденіе и его вычисленіе, и помнить, что все сдѣлано однимъ В. П., то должно признать дѣятельность обсерваторіи весьма важною и нельзя не удивляться энергіи ея основателя: и дѣйствительно, во всякую ясную погоду можно видѣть почтеннаго В. П. на обсерваторіи до глубокой ночи—лучше сказать, до ранняго утра, занятаго наблюденіями.

Это новое астрономическое учрежденіе стяжало себѣ въ короткое время извѣстность въ астрономическомъ мірѣ.

Заключимъ нашъ краткій очеркъ указаніемъ, что В. П. родился въ 1828 году, въ С.-Петербургѣ, и воспитаніе получилъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія въ С.-Петербургѣ. Прилагаемый портретъ снятъ съ него въ послѣднее время.

Мы узнали, что В. П. Энгельгардтъ назначаетъ по духовному завѣщанію свою обсерваторію, со всѣми инструментами, одному изъ русскихъ университетовъ и оставляетъ С.-Петербургской Академіи Наукъ значительную сумму для учрежденія премій за лучшія астрономическія сочиненія и открытія.

Екатеринославскій мостъ чрезъ р. Днѣпръ.

(Рис. на стр. 416 и 417).

Въ ряду грандіозныхъ произведеній инженернаго искусства новѣйшаго времени, выдѣляются только что оконченныя сооруженія на Екатерининской жел. д., построенной Временнымъ Управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ: желѣзнодорожно-шоссейный мостъ чрезъ Днѣпръ у Екатеринослава, второй въ Россіи по длинѣ, послѣ Волжскаго Александровскаго и желѣзнодорожный мостъ чрезъ Ингулецъ (въ Кривомъ Рогѣ), по высотѣ своей соперникъ Мстинскаго моста на Вербовнинскомъ обходѣ Николаевской ж. д.; въ тоже время новый Днѣпровскій мостъ долженъ быть отнесенъ къ дешевымъ постройкамъ по сравненію съ значительнѣйшими мостами какъ русскими, такъ и заграничными.

При предварительномъ обсужденіи вопроса о системѣ и устройствѣ Екатеринославскаго моста подъ желѣзную дорогу, предвидѣно было, въ виду ходатайства мѣстнаго земства и администраціи губерніи, воспользоваться переходомъ чрезъ Днѣпръ Екатерининской дороги (первоначально Криворожской) съ цѣлью приспособленія моста и для экипажнаго проѣзда.

Изысканія относительно удобства перехода Днѣпра, а также расположенія станціи, привели къ рѣшенію возвести мостъ непосредственно у начала города съ верховой стороны рѣки, противъ фабричной площади, которая выбрана была мѣстомъ для станціи; самый же мостъ, сообразно съ мѣстными условіями, а главное, съ сравнительною стоимостью работъ, устроить двухъярусный съ расположеніемъ желѣзнодорожнаго полотна по низу пролетнаго желѣзнаго строенія, въ одномъ уровнѣ съ поверхностью фабричной площади и станціею, а экипажное полотно и тротуары помѣстить по верху желѣзнаго строенія. Такимъ образомъ достигалась правильность обоего рода движенія и въ тоже время не требовалось уширять мостъ, какъ это пришлось бы сдѣлать въ случаѣ расположенія экипажнаго проѣзда въ одномъ горизонтѣ съ желѣзнодорожнымъ путемъ; расположеніе же совмѣстное какъ въ Кременчугскомъ мостѣ, гдѣ проѣздъ обыкновенныхъ экипажей разрѣшается въ промежуткахъ между проходомъ поѣздовъ по тому же полотну, признано было неудобнымъ, особенно въ виду прогона гуртовъ скота и громадной длины моста. Такимъ образомъ поѣзда, идущія съ луговой стороны, пройдя по нижнему полотну моста, поворачиваетъ вправо и продолжаетъ свой путь на вокзалъ по желѣзнодорожной насыпи; а чтобы подняться на экипажное полотно моста, устроены съ обоихъ концовъ послѣдняго береговые въѣзды, состоящіе изъ земляныхъ подъѣздныхъ дамбъ, позволяющихъ подняться съ горизонта улицы на городскомъ берегу или съ шоссе на луговомъ берегу на уровень экипажнаго мостоваго проѣзда и промежуточнаго металлическаго строенія желѣзнаго віадука, служащаго для перехода съ шоссейнаго полотна земляныхъ подъѣздовъ на экипажное полотно моста; желѣзные віадуки составляютъ съ осью моста уголъ въ 21° и отводятъ экипажное полотно отъ оси моста на обоихъ берегахъ въ сторону теченія Днѣпра.

Изложивъ въ общихъ чертахъ условія, принятыя въ основаніе проекта моста, ознакомимся нѣсколько подробнѣе съ устройствомъ и размѣрами самаго моста. Желѣзное строеніе моста имѣетъ длину 585 саженъ и состоитъ изъ 15-ти пролетовъ, по 39 саженъ между срединами опоръ; всѣхъ опоръ 16, въ томъ числѣ 2 береговыхъ устоя и 14 рѣчныхъ опоръ. Желѣзное строеніе моста въ каждомъ пролетѣ представляетъ 2 желѣзныя фермы раскосной системы (того же типа что и на Волжскомъ мостѣ), несущія между нижними поясами своими помощью рамы изъ поперечныхъ и продольныхъ балокъ рельсовый путь; поверху же фермъ, помощью такого же желѣзнаго строенія изъ поперечныхъ и продольныхъ балокъ, устроено экипажное полотно изъ двойнаго ряда досокъ, съ поперечнымъ уклономъ для стока воды въ продольные желоба, отводящіе воду чрезъ сточныя трубы; солнцы перила ограждаютъ тротуары, помѣщенные снаружи фермъ на особыхъ консоляхъ. Ширина экипажнаго полотна съ тротуарами 32,5 фут. Экипажное полотно возвышается надъ уровнемъ рельсоваго пути на 1,21 саж.; на эту высоту поднимаются и земляные подъѣзды, имѣя подъемъ въ $^1/_{30}$ (т. е. 3½ саж. на 100 саж.).

Опоры моста сооружены изъ сѣраго гранита, добытаго изъ Днѣпровскихъ карьеровъ, на цементномъ растворѣ и основаны частью на сплошной гранитной скалѣ, частью на бѣлой, весьма плотной глинѣ и при томъ, за исключеніемъ праваго устоя, и ближайшаго къ нему быка № 1, помощью бессоновъ, опущенныхъ на глубинѣ отъ 4 до 8 саж. ниже низкихъ водъ; замѣтимъ при этомъ, что низъ желѣзнаго пролетнаго строенія возвышается надъ горизонтомъ низкихъ водъ около 6 саж., при чемъ, при самыхъ высокихъ водахъ 1815 года, еще остается для прохода судовъ до 2 саж. При постройкѣ этого моста, въ первый разъ въ Россіи помѣщенъ былъ, а именно для быка № 1, на мѣстѣ устройства котораго опорѣки представляетъ непосредственно скалу,—способъ производства основаній помощью съемнаго ящика, какъ бы

Библиотека "Руниверс"

большаго воздушнаго колокола, который, будучи спущенъ на дно, позволяетъ, при дѣйствіи сжатаго воздуха, по расчисткѣ дна заложить подошву быка непосредственно на скалѣ и затѣмъ кладку до горизонта воды возводить въ съемномъ ящикѣ, поднимая его по мѣрѣ возвышенія кладки. Этотъ же съемный ящикъ былъ употребленъ впослѣдствіи какъ кессонъ для быка № 4.

Желѣзные віадуки въѣздовъ на мостъ состоятъ изъ 3-хъ пролетовъ парныхъ рѣшетчатыхъ фермъ, съ параболическимъ нижнимъ поясомъ, несущихъ экипажное полотно такого же устройства, какъ и въ самомъ мостѣ и поддерживаемыхъ желѣзными колонками вышиною до 3½ саж. на каменныхъ фундаментахъ, и сверхъ того имѣется еще особое треугольное переходное сопряженіе, устроенное надъ устоями самаго моста и также поддерживаемое желѣзными колонками. Длина каждаго віадука 30 саж. Полная длина новаго Днѣпровскаго моста считая и концевые устои въѣздовъ, 651 саж., т. е. одна верста и 151 саж.— на 45 саж. короче волжскаго моста.

На устройство металлическаго строенія моста потребовалось металла: желѣза и чугуна 605,000 пуд. (не считая кессоновъ), каменной кладки въ опорахъ моста 2,600 куб. саж.; цемента употреблено до 23,000 десяти пудовыхъ бочекъ.

Металлическое строеніе моста исполнено Брянскимъ рельсовроканнымъ заводомъ изъ желѣза, имъ же самимъ прокатаннаго, преимущественно изъ старыхъ рельсовъ; кессонныя работы произведены частью Спб. металлическимъ заводомъ, частью торговымъ домомъ Барн и Кнорре; цементъ употребленъ въ дѣло, за малымъ исключеніемъ, русскаго производства и преимущественно завода гов. К. Х. Шмидтъ. Сборка пролетнаго строенія производилась на постоянныхъ подмостяхъ, а погруженіе кессоновъ—съ плоучихъ подмостей, за исключеніемъ кессоновъ для быковъ, приходящихся на песчаномъ островѣ, отдѣляемомъ отъ лѣваго берега рукавомъ Днѣпра.

Общая стоимость устройства моста исчислена примѣрно въ 3,900,000 руб.: сумма эта возрасла бы до 3½, если бы примѣнить въ настоящемъ случаѣ единичныя цѣны волжскаго и кременчугскаго мостовъ. Освидѣтельствованіе и испытаніе моста произведено особою коммисіею отъ Министерства п. с. съ 17 по 21 марта, но уже 12 марта прошелъ первый пассажирскій поѣздъ. Испытаніе моста заключалось въ послѣдовательномъ нагруженіи каждаго пролета поѣздомъ изъ 6 паровозовъ, восьмиколесныхъ съ тендерами, оставляя ихъ на мосту отъ ½ часа до 2-хъ часовъ, причемъ на нѣкоторыхъ пролетахъ одновременно произведена нагрузка экипажнаго полотна платформами съ рельсами, пользуясь временно устроенными по верху рельсовыми путями. Кромѣ подобнаго спокойнаго или статическаго испытанія, произведено испытаніе динамическое, пропуская поѣзда изъ 3-хъ паровозовъ и груженыхъ платформъ со скоростью до 35 верстъ. При полномъ спокойномъ нагруженіи моста получался прогибъ фермъ въ 1¼", что составляетъ $^1/_{2500}$ отъ пролета; боковыя колебанія при проходѣ поѣздовъ были менѣе $^3/_{16}$ дюйма или не свыше $^1/_{20000}$ пролета. Всѣ пролеты дали крайне однообразные и безусловно хорошіе результаты.

Прилагаемый рисунокъ съ фотографическаго снимка, сдѣланнаго 19 марта, во время испытанія моста, представляетъ боковой видъ его въ перспективномъ изображеніи, причемъ въ отдаленіи, на лѣвомъ берегу, видна подъѣздная дамба въѣзда на мостъ, а съ лѣвой стороны рисунка представленъ детально желѣзный віадукъ въѣзда на правомъ берегу съ землянымъ конусомъ, ограждающимъ конечный устой въѣзда. Все полотно моста и віадуковъ горизонтально.

Сооруженіе Екатеринославскаго моста продолжалось менѣе трехъ лѣтъ: въ маѣ 1881 года выяснено было устройство моста, приступлено къ составленію проэкта и въ тоже время начались приготовительныя работы на мѣстѣ и произведена сдача работъ; въ августѣ того же года поставленъ на дно первый кессонъ, а въ мартѣ настоящаго года мостъ оконченъ. Предполагается снабдить мостъ газовымъ освѣщеніемъ, пользуясь станціоннымъ газовымъ заводомъ, и примѣнить въ широкомъ видѣ противупожарныя мѣры.

Проэктъ моста составленъ инженеромъ путей сообщенія Н. А. Бѣлелюбскимъ, состоявшимъ во все время постройки моста въ техническомъ отдѣлѣ Временнаго Управленія каз. ж. д.; имъ же произведены, по порученію Временнаго Управленія, и предварительныя изысканія по опредѣленію отверстія моста. Строителемъ моста былъ инженеръ путей сообщенія В. И. Березинъ, бывшій строитель Волжскаго Александровскаго моста; ближайшимъ сотрудникомъ его по металлическому строенію Днѣпровскаго моста былъ инженеръ путей сообщенія П. А. Мельниковъ.

Коммисія по испытанію моста, въ журналахъ своихъ, засвидѣтельствовала безусловную правильность и отчетливость исполненія, относя и то и другое къ опытности строителя и добросовѣстности веденія дѣла какъ имъ, такъ и его сотрудниками. При этомъ нельзя не упомянуть, что въ теченіи всего времени постройки моста не было ни одного смертельнаго случая, обусловленнаго какимъ либо упущеніемъ по производству работъ, и всѣ сообщенія о гибели рабочихъ, появлявшіяся въ газетахъ въ теченіи сооруженія моста, должны быть отнесены къ чистѣйшему вымыслу.

Чтобы нагляднѣй обрисовать грандіозность новаго сооруженія въ ряду ему подобныхъ, мы прилагаемъ сравнительную таблицу значительнѣйшихъ мостовъ Европы (сообщенную намъ Н. А. Бѣлелюбскимъ), указывающую на мѣсто, занимаемое Екатеринославскимъ чрезъ Днѣпръ мостомъ. Читатели найдутъ эту таблицу въ этомъ №, въ отдѣлѣ „Смѣси". Обращаемъ на нее особенное ихъ вниманіе.

Къ рисункамъ.

Плюшкинъ.

(Рис. на стр. 421).

Превосходный типъ стараго скряги, выведенный Гоголемъ въ лицѣ Плюшкина, до того рельефно и жизненно очерченъ писателемъ, что онъ передъ нами какъ живой. И много надо таланта и силы, чтобы выразить такъ же рельефно этотъ типъ въ картинѣ и перенести на полотно этотъ образъ. Въ характеристики Гоголь былъ вообще великій мастеръ: „Лице его (т. е. Плюшкина), говоритъ творецъ „Мертвыхъ душъ", не представляло ничего особеннаго, оно было почти такое же, какъ у многихъ хуощавыхъ стариковъ: одинъ подборо одокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ подъ высоко-выросшихъ бровей". Нарядъ Плюшкина тоже описанъ Гоголемъ съ самой мельчайшею подробностью. „Никакими средствами и стараніями, говоритъ онъ, нельзя было добиться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ; рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги: назади вмѣсто двухъ болтались четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка ли или набрюшникъ, только никакъ не галстухъ". Обстановка, окружавшая стараго скупца, тоже въ высшей степени правдива и типична и такъ и просится на полотно во всей своей грязи и неприглядности. Картина Шаховскаго можетъ служить хорошей иллюстраціей къ одному изъ удачнѣйшихъ Гоголевскихъ типовъ. Въ ней мы видимъ какъ живаго этого сгорбленнаго и сморщеннаго Плюшкина, въ его лохмотьяхъ и во всемъ безобразіи его порока—скупости.

Урокъ пахаря.

(Рис. на стр. 424).

Эта чрезвычайно симпатичная по замыслу картинка баронессы Врангель, выставленная также на послѣдней выставкѣ Императорской Академіи Художествъ, пріобрѣтена въ собственность Государемъ Императоромъ. Съ молитвою выйдя въ поле, старикъ-дѣдъ серьезно берется за соху и ставитъ на первую борозду миловиднаго внучка-мальчугана, здороваго и крѣпкаго, выросшаго на чистомъ деревенскомъ воздухѣ, который уже съ этихъ лѣтъ дѣлается помощникомъ и работникомъ семьи. И мальчикъ очевидно понимаетъ значеніе перваго урока дѣдушки—и онъ и старикъ серьезны и сосредоточенны. Рѣдко усердно тянетъ соху; мирный, деревенскій ландшафтъ, подъ голубымъ весеннимъ небомъ, развертывается кругомъ.

Юрьевъ день въ деревнѣ.

(Рис. на стр. 425).

Юрьевъ день, какъ весенній (23-го апрѣля), такъ и осенній (26-го ноября), считается у нашего крестьянина однимъ изъ важнѣйшихъ праздниковъ. Послѣ весенняго Юрьева дня, стада выгоняются обыкновенно въ поле: начинаютъ сѣять рожь, ячмень, овесъ и вообще приступаютъ къ полевымъ работамъ. По религіозному убѣжденію какъ нашего, такъ и другихъ народовъ, св. Георгій—покровитель стадъ и земледѣлія, и только разгнѣвавшись на людей, онъ отдастъ скотъ на жертву волкамъ, такъ что даже сложилась поговорка: „что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ". Въ Юрьевъ день, чуть не съ зари, уже слышится въ деревняхъ рожокъ пастуха. Растворяются всѣ ворота и стадо собирается въ кучу. Послѣ молебна и окропленія скотины святою водою, все стадо гонится на пастбище—*на Юрьеву росу*, которая, по убѣжденію крестьянъ, предохраняетъ животныхъ отъ всякихъ болѣзней. Пускаются въ путь обыкновенно въ такомъ порядкѣ: впереди стада идетъ женщина съ хлѣбомъ солью, а за нею пастухъ, наигрывая на рожкѣ какую нибудь веселую пѣсню. За пастухомъ плетется стадо; его подгоняютъ хозяйки вербами, освященными въ Вербное Воскресенье; по сторонамъ и сзади стада прыгаетъ цѣлая толпа дѣтей, принимающихъ самое живое участіе въ этомъ деревенскомъ праздникѣ. Большая часть хозяекъ коровъ несутъ на пастбище всякую ѣду—пироги, ватрушки, яйца и пр., и все это отдается пастуху. Въ Курскѣ на Юрьевъ день бываетъ ярмарка, на которой продаютъ глиняныя и деревянныя изображенія

Библиотека "Руниверс"

коровъ и другихъ животныхъ. Въ Малороссіи молодежь ложится и катается по юрьевой росѣ, дающей, по ея убѣжденію, силу и здоровье. Въ Костромской губерніи, въ этотъ день, окликаютъ „Егорія“ такими словами:

„Мы вокругъ поля ходили,
Егорья окликали:
Егорій ты нашъ храбрый!
Ты спаси нашу скотину
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго“.

На нашемъ рисункѣ художникъ изобразилъ молебенъ на Юрьевъ день въ деревнѣ и окропленіе святою водою, на зарѣ.

Политическое обозрѣніе.

Франція и Китай.—Египетъ.—Германія.—Римъ.—Австрія.

По словамъ одной изъ лондонскихъ газетъ, Патенотръ, при отправленіи въ Китай, получилъ отъ своего правительства инструкціи самаго миролюбиваго характера. Оно, очевидно, желаетъ какъ можно скорѣе добиться дружелюбнаго соглашенія, да и вообще въ политическихъ кружкахъ тоже преобладаетъ миролюбивое настроеніе; всѣ убѣждены, что Франція получитъ почетный и выгодный миръ, если только не потребуетъ отъ пекинскаго правительства чрезмѣрныхъ вознагражденій. По словамъ нѣмецкихъ газетъ, условія заявленныя Франціей относительно Тонкина, были одобрены Германіею, принимающею въ тонкинскомъ вопросѣ самое живое участіе, въ виду тѣхъ крупныхъ торговыхъ интересовъ, которые связываютъ ее съ Китаемъ. Генералъ Мильо сообщаетъ, что военныя операціи въ дельтѣ Красной рѣки окончились повсемѣстно и повсюду царствуетъ спокойствіе. Французскія войска размѣщены по казармамъ и баракамъ до того времени, когда разъяснившіяся отношенія Франціи къ Китаю дозволятъ главнокомандующему большую часть экспедиціоннаго корпуса отправить обратно на родину. Кромѣ того, генералъ Мильо теперь дѣятельно занятъ устройствомъ въ Тонкинѣ таможеннаго управленія. Въ Пекинѣ декретомъ императрицы генералу Ли-Хунгъ-Чану, губернатору Печели, объявленъ строгій выговоръ, такъ какъ этотъ генералъ положительно воспротивился принятію участія его войскъ въ тонкинской экспедиціи, такъ какъ не считаетъ свою армію на столько сильною, чтобы она могла вступить въ бой съ французскими войсками, хотя это армія единственно дисциплинированная и правильно организованная, существующая въ Китаѣ. Отказъ Ли-Хунгъ-Чанга произвелъ въ Пекинѣ очень дурное впечатлѣніе, но это нисколько не обезпокоило генерала, такъ какъ положеніе дѣлъ вообще таково, что если ему вздумается, то онъ можетъ самъ пригрозить Пекину и заставить его уважать свои миролюбивые взгляды.

В. П. Энгельгардтъ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Въ Англіи общественное мнѣніе сильно возбуждено тѣмъ равнодушіемъ, съ какимъ правительство до сихъ поръ относится къ отчаянному положенію Гордона. Такъ газета „Times“ постоянно получаетъ предложенія на подписку и чеки, предназначаемые на сформированіе военнаго отряда, для отправки его на помощь мужественному защитнику Хартума. Въ палатѣ общинъ Гладстонъ былъ осажденъ, съ разныхъ сторонъ, запросами относительно египетскихъ дѣлъ вообще и положенія Гордона въ особенности. Такъ Ашмитъ Бартлетъ сдѣлалъ первому министру запросъ относительно положенія Хартума, выставляемаго самимъ Гордономъ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ и пожелалъ знать, будетъ ли отправлена экспедиція на помощь Хартума и запертаго въ немъ со всѣхъ сторонъ британскаго уполномоченнаго. На всѣ эти вопросы, Гладстонъ отвѣчалъ очень уклончиво, что правительство, по прежнему, считаетъ себя отвѣтственнымъ за безопасность Гордона, и что нѣтъ никакихъ извѣстій о томъ, чтобы храбрый генералъ дѣйствительно считалъ себя въ опасности. Что же касается до сформированія, для освобожденія Гордона, отряда добровольцевъ, то Гладстонъ заявилъ, что безопасность Гордона должна разсматриваться съ практической точки зрѣнія и потому сопряженныя съ этимъ вопросомъ обязательства, не могутъ быть возложены на экспедицію изъ добровольцевъ. Египетское правительство, между тѣмъ, дѣйствуетъ довольно энергично въ видахъ освобожденія Гордона. Оно уже вошло въ переговоры съ вождями туземныхъ племенъ, дабы сохранить жизнь генерала и кромѣ того министры хедива предложили одному суданскому шейху сумму въ 5 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, если ему удастся доставить Гордона въ верхній Египетъ здравымъ и невредимымъ. Самъ Гордонъ въ телеграммѣ къ Берличу заявляетъ, что въ случаѣ невозможности удержаться въ Хартумѣ, онъ отступитъ къ экватору, покрывъ англійское правительство вѣчнымъ позоромъ за то, что гарнизоны Судана были предоставлены своей судьбѣ. Въ заключеніе Гордонъ говоритъ, что подавленіе возстанія Махди будетъ стоить англійскому правительству не мало труда, а подавить это возстаніе необходимо, если только желаютъ сохранить спокойствіе въ Египтѣ. Вообще опасность отъ возстанія Махди съ каждымъ днемъ увеличивается и грозитъ Англіи новыми бѣдствіями. Въ Индіи уже начинаютъ проявляться тревожные симптомы броженія среди мусульманскихъ массъ какъ отголоски суданскаго возстанія, и въ Аудской провинціи появился факиръ, проповѣдующій всемірное торжество и владычество ислама. Кромѣ того мятежъ Махди недавно получилъ высшую санкцію; руководящія сферы въ Меккѣ рѣшились признать суданскаго лжепророка имамомъ, т. е. законнымъ руководителемъ и вождемъ мусульманъ. Въ Суданѣ счастье по прежнему благопріятствуетъ Махди. Берберъ перешелъ въ руки мятежниковъ. Губернаторъ Бербера началъ свое отступленіе къ сѣверу. Четыре бригады башибузуковъ и пятьсотъ египетскихъ солдатъ перешли на сторону мятежниковъ. Переговоры англичанъ съ абиссинскимъ королемъ Іоанномъ, съ цѣлью склонить послѣдняго на сторону британскихъ интересовъ и заставить принять участіе въ подавленіи суданскаго возстанія, пока еще не привели ни къ какому положительному результату. Впрочемъ капитанъ Сиседи, одинъ изъ посланцевъ Англіи, какъ говорятъ, человѣкъ, вполнѣ подходящій къ характеру возложенной на него миссіи, и если теперь еще не поздно, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, отчасти достигнетъ цѣли, желаемой англійскимъ правительствомъ.

Въ Германіи появился новый законопроектъ противъ употребленія взрывчатыхъ веществъ, съ преступными или опасными цѣлями. Сущность его состоитъ въ слѣдующемъ: производство, распространеніе, храненіе и ввозъ этихъ веществъ изъ за границы допускается лишь съ разрѣшенія полиціи; количеству выдѣлан-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ или пріобрѣтенныхъ взрывчатыхъ веществъ, а также тому, откуда они получены и гдѣ находятся, должны быть ведены записи, для предъявленія ихъ полиціи во всякое время.

Недавно Папа разразился грозной энцикликой противъ масонскихъ ложъ, обвиняя ихъ въ самыхъ вредныхъ и разрушительныхъ цѣляхъ и принципахъ. Въ настоящее время онъ получилъ множество писемъ опровергающихъ доводы энциклики. Въ своихъ отвѣтахъ на эти письма, его святѣйшество объяснилъ, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія оскорбить царственныхъ лицъ, состоящихъ въ числѣ почетныхъ членовъ массонскихъ ложъ, а имѣлъ въ виду лишь указать на то зло, которое причиняютъ массонскія ложи въ тѣхъ обществахъ и государствахъ, гдѣ онѣ нынѣ существуютъ.

Австрійскія газеты, говоря о путешествіи принца Рудольфа на Востокъ, увѣряютъ единогласно, что оно не имѣло ни малѣйшей политической цѣли, но тѣмъ не менѣе можетъ имѣть большое значеніе въ будущихъ сношеніяхъ Австріи съ мелкими государствами Балканскаго полуострова. По словамъ газетъ, принцъ Рудольфъ пріобрѣлъ во время своего путешествія, много дѣйствительныхъ симпатій, установилъ нѣсколько новыхъ дружественныхъ сношеній, а старинныя сдѣлались еще болѣе сердечными и прочными.

Необходимое заявленіе.

До насъ доходятъ свѣдѣнія, что распространился, неизвѣстно кѣмъ пущенный, нелѣпый слухъ, будто сдѣлано администраціей распоряженіе отбирать у подписчиковъ „Нивы“ нашу премію за 1883 г. „Король-Женихъ“. По наведеніи справокъ оказалось, что таного распоряженія никогда не было и не могло быть. Картина законнымъ порядкомъ пропущена цензурой, и симъ мы заявляемъ, что всѣ слухи объ этомъ—не болѣе, канъ нелѣпый вымыселъ.

Просимъ нашихъ гг. подписчиковъ подобнымъ слухамъ не довѣрять.

Редакція журнала „НИВА“.

Смѣсь.

Намъ доставленъ отчетъ, читанный въ засѣданіи Православнаго Палестинскаго Общества 22-го марта. Денежныя средства составляли въ остаткѣ къ 15-му марта болѣе 88,000 руб. По издательской дѣятельности, Общество это выдало въ свѣтъ 6-й выпускъ своего сборника, заключающій въ себѣ „Хожденіе Василія Гостя“, путешествіе въ Св. Землю чрезъ Малую Азію, по рукописи XV в., находящейся въ Московской Синодальной Библіотекѣ. Другое популярное изданіе „Къ Животворящему Гробу“, заключаетъ въ себѣ описаніе Св. Мѣстъ, изложенное для простаго народа. Послѣднее изданіе имѣло такой успѣхъ, что все уже разошлось. Устроенное Обществомъ удешевленное сообщеніе съ Св. Землею получило достаточное развитіе. До 1-го марта, слѣдовательно въ 13 мѣсяцевъ, продано было 1080 билетовъ, въ томъ числѣ отъ Кіева 859. Въ Одессѣ Обществомъ организованы еженедѣльные напутственные молебны для богомольцевъ. Складъ духовныхъ книгъ въ Іерусалимѣ вновь значительно пополненъ. Увеличивающееся постоянно число русскихъ богомольцевъ въ Іерусалимѣ, побуждаетъ принять мѣры къ увеличенію помѣщенія для нихъ. Завѣдывающая русскими странопріимными домами въ Св. Градѣ Палестинская Коммисія, не располагаетъ средствами для того. Православное Палестинское Общество предложило Палестинской Коммисіи капиталъ до 50,000 руб., для увеличенія странопріимныхъ домовъ. По дѣятельности въ Св. Землѣ, Общество вошло въ соглашеніе съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, которое предложило свое содѣйствіе Обществу въ этой дѣятельности съ тѣмъ, чтобы Общество вело свои сношенія чрезъ Министерство и его агентовъ. Въ Палестинѣ Общество поддерживаетъ четыре школы, открытыя имъ во время междупатріаршества, и оканчиваетъ постройку церкви въ селеніи Муджедилѣ, гдѣ 150 человѣкъ возвратились изъ протестантства въ лоно православія.

Зодчій Фальконетъ (умершій въ 1791 г.) былъ сыномъ бѣдныхъ родителей. Когда Екатерина II призвала его въ Петербургъ, для сооруженія памятника Петру Великому, Фальконету былъ пожалованъ титулъ высокороднаго.—„Титулъ по мнѣ, замѣтилъ Фальконетъ, такъ какъ я родился на чердакѣ“. Фальконетъ очень гордился своимъ искусствомъ и утверждалъ въ присутствіи живописца Дюмонъ, что скульптура можетъ производить тотъ же эффектъ, что и живопись; на что Дюмонъ отвѣтилъ: „Сдѣлай-ка мнѣ своимъ рѣзцомъ лунное сіяніе“.

Вѣдомость значительнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ мостовъ въ Европѣ.

№№ по порядку.	Названіе моста.	Длина въ пог. саженяхъ.	Число пролетовъ.	Число путей.	Система фермъ.	Система опоръ.	Родъ основаній.	Годъ окончанія постройки	Стоимость въ рубляхъ: Всего моста.	Стоимость въ рубляхъ: Пог. фута моста.	№№ по восходящему порядку стоимости пог. фута моста.
1 (*)	**Александровскій** черезъ рѣку Волгу, на Оренбургской ж. д., въ Россіи . .	695,875	13	1	Раскосная, съ ѣздою по низу.	Каменныя, на одинъ путь.	Быки на кессонахъ, одинъ устой на скалѣ, другой на сваяхъ.	1880	4.730,000 руб. мет.	971,02 руб. мет.	9
2	**Мурдейкскій** (Moerdyck) чрезъ Голландскій Днпъ, на желѣзномъ пути изъ Бреды въ Роттердамъ, въ Голландіи	693,48	14	1	Раскосная, съ ѣздою по низу.	Каменныя, на одинъ путь.	Три быка на кессонахъ, остальныя опоры на сваяхъ.	1872	3.450,000 руб. мет.	710,70 руб. мет.	6
3	**Екатеринославскій** чр. р. Днѣпръ, на Екатерининской ж. д., въ Россіи.	585	15	Мостъ въ два яруса, по верху обыкновенная ѣзда, по низу одинъ рельсовый путь.	Раскосная.	Каменныя, на одинъ путь.	13 быковъ и лѣвый устой на кессонахъ, правый устой на скалѣ.	1884	Около 3.900,000 руб. кред. Въ томъ числѣ для паровой ѣзды 2.618,000 руб., для экипажной 1.222,000 руб.	Около 953 руб. кред. Въ томъ числѣ для паровой ѣзды 655 р. кред., для экипажной 298 р. кр.	5
4	**Кіевскій** чр. р. Днѣпръ, на Курско-Кіевской ж. д., въ Россіи	507,48	12	1	Рѣшетчатая, съ ѣздою по низу.	Каменныя, на два пути.	Всѣ быки на кессонахъ, устои на опускныхъ колодцахъ.	1870	3.000,000 руб. кред.	844,57 руб. кред.	3
5	**Кременчугскій** чрезъ р. Днѣпръ у Кременчуга, на Харьково-Николаевской ж. д., въ Россіи. . . .	457,00	11	Одинъ, съ приспособлен. для обыкнов. ѣзды.	Рѣшетчатая, съ ѣздою по низу.	Каменныя, на одинъ путь.	Всѣ быки на кессонахъ, устои—одинъ на бетонѣ, другой частью на кессонѣ, частью на сваяхъ.	1872	3.655,000 руб. кред.	1.142,54 руб. кред.	7
6	**Бомельскій** (Bomel) чр. р. Ваалъ, на жел. дорогѣ изъ Утрехта въ Бокстель, въ Голландіи	430,85	11	1	Роскосная, съ ѣздою по низу.	Каменныя, на два пути.	Всѣ опоры на бетонныхъ основаніяхъ.	1869	1.497,558,25 руб. мет.	496,57 руб. мет.	2
7	**Кюкленбургскій** (Kuilenburg) чр. р. Лекъ, на жел. дор. изъ Утрехта въ Бокстель, въ Голландіи .	330,72	9	2	Роскосная, съ ѣздою по низу.	Каменныя, на два пути.	Всѣ опоры на бетонныхъ основаніяхъ.	1868	1.376,526,50 руб. мет.	594,58 руб. мет.	4
8	**Менейскій** (Menai) чр. Менейскій проливъ, между островами Великобританіи и Эгглези въ Англіи.	261,57	4	2	Трубчатая.	Каменныя.	Всѣ опоры на скалѣ.	1848	3.761,656,25 руб. мет.	2.054,43 руб. мет.	10
9	**Варшавскій** чрезъ р. Вислу, на соединительной вѣтви, въ Россіи . . .	237,95	9	Мостъ въ два яруса, по верху уложенъ рельсовый путь, по низу обыкновенная ѣзда.	Рѣшетчатая, съ ѣздою по низу.	Каменныя.	Всѣ быки на кессонахъ, устои на грунтѣ.	1876	1.090,576,47 руб. мет.	744,09 руб. кред.	1
10 (*)	**Мстинскій** на Николаевской ж. д., въ Россіи . .	150,40	4	2	Рѣшетчатая, съ ѣздою по верху.	Каменныя.	Всѣ быки на кессонахъ, устои на грунтѣ.	1881	1.580,436 руб. кред.	1.501,18 руб. кред.	8

(*) О мостахъ № 1 и 10 см. „Нива“ № 36 за 1880 и № 47 за 1881 гг.

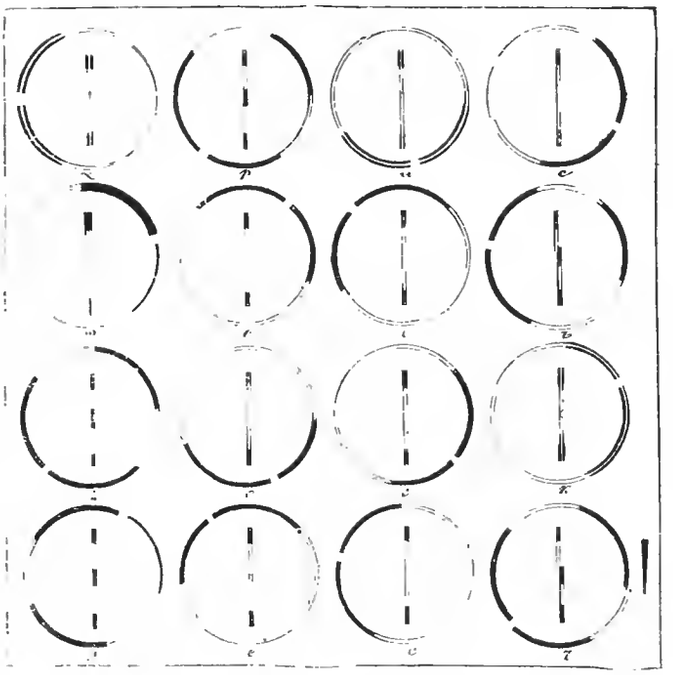
Библиотека "Руниверс"

Охрана черепахъ. Если планъ, о которомъ упоминаетъ одна французская газета, будетъ приведенъ въ исполненіе и охрана черепахъ на берегахъ Прованса, Алжира и Корсики дѣйствительно будетъ существовать, то въ самомъ непродолжительномъ времени уже не будетъ надобности приготовлять „черепаховый супъ" изъ морскихъ угрей. Черепаха такъ плодовита, что если каждый годъ яйца только пяти самокъ предохранять отъ многочисленныхъ ея враговъ, то Средиземное море скоро будетъ кишѣть черепахами. Яйца свои черепаха кладетъ по ночамъ на морскомъ берегу, прикрываетъ ихъ слегка пескомъ и предоставляетъ солнцу выводить дѣтенышей. Къ сожалѣнію, яйца эти у береговыхъ жителей считаются лакомымъ блюдомъ и они поѣдаютъ большую часть ихъ. Кромѣ того множество яицъ пожирается собаками и другими животными. Изъ числа молодыхъ черепахъ, которыя выходятъ на берегъ, чтобы сбросить броню, множество дѣлается, на пути ихъ къ морю, жертвами хищныхъ птицъ, гнѣздящихся на берегахъ Средиземнаго моря. Учрежденіе охраны будетъ способствовать размноженію этого животнаго на столько, что черепаха, вмѣсто того, чтобы быть лакомымъ кускомъ людей только богатыхъ, появится и на столѣ у бѣдняковъ.

Знаменитый художникъ Альма Тадема занятъ въ настоящее время, въ Лондонѣ, картиной „Посѣщеніе Гордіаномъ британской гончарни", которую онъ думаетъ окончить къ предстоящей въ маѣ мѣсяцѣ выставкѣ лондонской королевской академіи. Гордіанъ стоитъ на площадкѣ лѣстницѣ, въ пурпуровой тогѣ, и разсматриваетъ сосудъ, который ему поднесъ британскій горшечникъ; позади стоитъ другъ его Луціанъ Верусъ, а съ другой стороны супруга его Сабина и ея подруга Балбилла. Въ серединѣ къ лѣстницѣ прислонился зять Гордіана, Сервіанъ. Настоящая картина принадлежитъ къ самымъ большимъ, какую когда либо рисовалъ Тадема.

Солнечный цвѣтъ. Такимъ ли видимъ мы солнце съ земли, какимъ оно представилось бы намъ, если бы возможно было пройти въ ту часть пространства, которая находится за предѣлами нашей атмосферы? Извѣстный астрономъ, г. Ланглэй, отвѣчаетъ отрицательно на этотъ вопросъ. Цвѣта получаемаго нами отъ солнца свѣта совершенно измѣняются при прохожденіи лучей его черезъ нашу атмосферу. Окружающій насъ воздухъ гораздо проницаемѣе для теплоты, нежели для свѣта. Найдено, что различные лучи, соединеніе которыхъ производитъ въ насъ ощущеніе бѣлаго свѣта различно, смотря по оттѣнку каждаго, поглощаются атмосферой. А извѣстно, что бѣлый свѣтъ образуется изъ безконечнаго множества свѣтовыхъ волнъ, которыя, будучи разъединены прохожденіемъ черезъ призму, производятъ на сѣтчатую оболочку глаза цвѣтовыя ощущенія совершенно различныя, составляющія такъ называемый солнечный спектръ. Глазъ воспринимаетъ такимъ образомъ семь главныхъ оттѣнковъ въ слѣдующемъ порядкѣ: фіолетовый, синій, голубой, зеленый, желтый, оранжевый, красный. Фіолетовый цвѣтъ дастъ кучокъ наиболѣе отклоняемый,—онъ, слѣдовательно, состоитъ изъ наиболѣе преломляемыхъ лучей. Г. Ланглэй доказываетъ, что поглощеніе атмосферою этихъ лучей тѣмъ больше, чѣмъ болѣе они преломляемы. Итакъ, мы получаемъ отъ солнца въ сущности не то, что оно посылаетъ намъ,—значительная часть, особенно фіолетовыхъ и голубыхъ лучей, остается на дорогѣ. Поэтому очевидно, что за предѣлами поглощающей его лучи атмосферы, солнце показалось бы намъ имѣющимъ совершенно другіе оттѣнки, гораздо болѣе голубымъ, нежели красно-желтымъ. Атмосфера же играетъ здѣсь, слѣдовательно, роль шаровъ, окружающихъ наши электрическія лампы: она измѣняетъ настоящій цвѣтъ солнечнаго свѣта.

Рѣшеніе пасхальной задачи № 14.



Христосъ Воскресъ!

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ 584 лицъ, почему, за недостаткомъ мѣста, фамиліи рѣшившихъ задачу не могутъ быть помѣщены.

Вмѣстѣ съ рѣшеніями отъ многихъ гг. подписчиковъ присланы поздравленія съ праздникомъ, за что редакція журнала „Нива" имѣетъ честь изъявить искреннюю свою благодарность.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: Графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ (съ портр.).—Недолгое счастье. Повѣсть Д. В. Григоровича. (Продолженіе).—Дочь канатчика. Историческій разсказъ Феликса Лилля.—Астрономическая обсерваторія В. П. Энгельгардта въ Дрезденѣ (съ 2 рис. и портр.).—Екатеринославскій мостъ чрезъ р. Днѣпръ (съ рис.).—Плюшкинъ (съ рис.).—Урокъ пахаря (съ рис.).—Юрьевъ день въ деревнѣ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Рѣшеніе Пасхальной задачи.—О перемѣнѣ адресъ.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ ДУХИ КАДРЮЛЬ (EXTRAITS CHARTRUSES)
для носовыхъ платковъ, платьевъ, кружевъ и пр.
Lohse's Maiglöckchen — Лозе—Ландышъ
Lohse's Héliotrope blanc — Лозе—Бѣлый Геліотропъ
Lohse's Königin der Nacht — Лозе—Королева ночи
Lohse's Excelsior-Bouquet — Лозе—Букетъ Энсельсіоръ
въ обыкновенныхъ флаконахъ 1 р. 50 к. и большихъ.
NEU: Lohse's Gold Lilie | НОВОСТЬ: Лозе Золотая лилія
удостоены высшими наградами на всѣхъ международныхъ выставкахъ.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ поставщикъ Ея Имп. Вел. Императр. Германской, Поставщикъ Ея Имп. Вел. Наслѣдника Германст. престола и пр. БЕРЛИНЪ, W. Jaeger-Strasse 46.
Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ Россійской Имперіи. Ц. № 3221 12—7

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ
„ЭЛЕОПАТЪ"
◆ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА ◆
употребляется для останавливанія выпаденія волосъ и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти.
Продается въ С.-Петербургѣ, въ магаз. Штоль и Шмидтъ и въ русск. общ. торговли аптек. товарами; въ Москвѣ и провинціи—во всѣхъ большихъ аптекахъ и у дрогистовъ; цѣна флакону 1 руб. 50 коп. безъ пересылки.
Провизоръ КИНУНЕНЪ.

НАДГРОБНЫЕ ВѢНКИ
изъ лакированной жести
съ роскошн. цвѣточными украшеніями изъ фарфора № 3316 5—2
ИМѢЮТСЯ ВЪ БОЛЬШ. ВЫБОРѢ
въ магазинѣ металлическ. издѣлій и лампъ
Ф. УРЛАУБЪ, бывшій ЗИНТЪ
Казанская, напрот. Ломбарда
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ОБОИ
все лучшее и новѣйшее, по дешевымъ цѣнамъ, въ огромномъ выборѣ,
ВЪ МАГАЗИНѢ
К. БЕРГЕМАНА,
Невскій просп., № 21, противъ Большой Конюшенной. № 3335 1—1

Изданія А. Ф. Маркса.
ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII вѣка, въ трехъ част. Романъ этотъ, обнимая эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи, въ связи съ правдивостью изложенія историческихъ событій — чрезвычайно интересенъ.— СПБ. 282 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ калейкоровомъ переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни Вс. Соловьева. СПБ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ калейк. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.
ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ ДОПОЛНЕН. ТРЕТЬЕ ИЗД. СОЧ. К. ААРЪ.
„СОХРАНЕНІЕ И РАЗВИТІЕ УМА И ЭНЕРГІИ".
Изд. Сурина. СПБ. 1884 г. in 8°. 192 стр. Ц. 80 к., съ перес. 1 р. № 3341

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

АДРЕСЪ ДЛЯ ПИСЕМЪ.
Ж. БЛОКЪ,
МОСКВА. С.ПЕТЕРБУРГЪ
оптомъ и въ розницу.
ВЯСЫ ФЕРБЭНКСЪ, ВЯТР ДВИГАТЕЛИ „ЭКЛИПСЪ" ПИЛЫ ДИССТОНЪ НАСОСЫ ДУГЛАСЪ, ВЕЛОСИПЕДЫ.
Иллюстрированные Прейсъ-Куранты Безплатно.
Р. № 3330 20—2

№ 9. СПЕЦІАЛЬНОСТЬ № 9.
для ПОРТНИХЪ и ПОРТНЫХЪ.
МАНЕКЕНЫ изъ ПАРИЖА.
Манекены для корсетовъ.
Манекены для бѣлья.
Манекены для платковъ.
Манекены для мужчинъ.
Манекены полудлинные, для дамъ.
И. Ваюкъ.
№ 9. Гороховая № 9, кв. № 8. № 9, въ бель-этажѣ, въ С.-Петербургѣ. Прейсъ-куранты посылаются безплатно. № 3281 2—2

АГЕНТЫ
требуются для производительной фабрики во всѣхъ значительныхъ городахъ Россіи, при выгодныхъ условіяхъ. Издѣліе подходящее для перепродавцовъ, торговцевъ мебелью, галантерейнымъ товаромъ и письменными принадлежностями. Предложенія, съ обозначеніемъ рекомендацій, просятъ адресовать въ Контору Владиміра Фрица, въ С.-Петербургѣ, Малая Морская, № 16.
Р. № 3329 2—2

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.
Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt
„НЕ КАШЛЯЙ".
Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ*).
Признанъ за лучшее средство противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная съ простаго катарра до чахотки и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ № 3317 10—3
Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ въ С.-Петербургѣ.
*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Имѣется во многихъ Тор. Аптек. Тов.
Глав. складъ д. Россіи въ С.-Петербургѣ у В. Аурихъ, Б. Морск. 17.

ИЩУТЪ
въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральн. контору объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. Р. № 3328

С.-Петербургская Химическая Лабораторія
ТУАЛЕТНАЯ ВОДА ЦВѢТОЧНАЯ
(О-ДЕ-КОЛОНЪ ЦВѢТОЧНІЙ)
РАЗНЫХЪ ЗАПАХОВЪ
самаго высшаго качества.
О-ДЕ-КОЛОНЪ чрезвычайно освѣжительный, душистый и крѣпкій, двойной, тройной, № 4. Экстрактъ.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ
къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.
Требовать при покупкѣ каждаго предмета точности фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
Невскій проспектъ, домъ № 32, Католической церкви.
Невскій проспектъ, домъ № 66, у Аничкова моста.
Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы домъ № 18—54, Шредера
Магазинъ въ Москвѣ:
Кузнецкій мостъ, домъ Трогальковыхъ.
Кромѣ вышеозначенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, какіе бы ни были, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.
Контора, фабрика и оптовый складъ: Измайловскій просп., № 21, собственный домъ, въ С.-Петербургѣ. Р. № 3304 2—2

№ 3306 Л. ЛИНЕВИЧЪ. 10—9
Имѣю честь увѣдомить гг. владѣльцевъ старинныхъ вещей, что я, какъ любитель искусства, покупаю по самой высокой цѣнѣ старинныя художественныя вещи, какъ: бронзовые часы, канделябры, стѣнники и группы; фарфоровыя (преимущественно севрскія и саксонскія) вазы, сервизы и фигуры; мебель съ бронзою и инкрустаціей: мраморныя фигуры и группы; вазы яшмовыя и порфировыя, отдѣланныя бронзой; серебряныя группы, кружки и бокалы; золотыя табакерки съ эмалью и миніатюрами; гобелены и другіе предметы роскоши, особенно XVI, XVII и XVIII столѣтій. Я ВЫѢЗЖАЮ на три лѣтнихъ мѣсяца во внутрь Россіи, для пріобрѣтенія означенныхъ предметовъ. Лично можно видѣть и письменно обращаться ежедневно, отъ 10 час. утра до 6 веч., кромѣ праздничн. дней. СПБургъ, ФОНТАНКА, рядомъ съ Малымъ театромъ въ соб. д., № 53. Литера Б.

Страхованіе пенсіи на старость.
ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себѣ пенсію (доходъ) въ
1,000 РУБ. ЕЖЕГОДНО,
уплата которой начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста застрахованнаго и продолжается до его смерти.
За это страхованіе слѣдуетъ платить Страховому Обществу „РОССІЯ" до начала пенсіи по 29 руб. 64 коп. черезъ каждые три мѣсяца.
Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ
СТРАХОВАГО ОБЩЕСТВА „РОССІЯ",
выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами.
№ 2874

ВОСПИТАНІЕ ХАРАКТЕРА.
Соч. профес. ГАБРІЕЛИ.
Ц. 90 к. Прод. у Эстерса, Попова, Печаткина и др. Складъ изд. Вас. Ос., 4 л. д. 24, кв. 33. № 3334 1—1

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ и пансіонеровъ д-ра Волкенштейна. Невскій, пр., противъ Николаевскаго мост., д. 28. Пріемъ спеціалист., каждодн., съ 1—3 ч. дня и съ 6—7½ ч. веч. Лечебн. электр. и минеральными ваннами. Врачебн. дежурство, осмотръ кормилицъ и пр. служ.

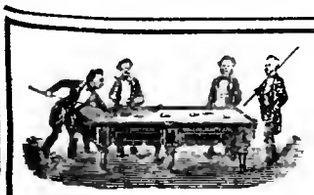
ВОЗДУШНЫЕ ЗВОНКИ
ГАРМОНИЧЕСКИ НАСТРОЕННЫЕ
вѣшаются на террасахъ, балконахъ или вѣтвяхъ деревъ въ саду. Аккордъ въ 4 звонка. Цѣна (съ перес.) 6 р., а въ 7 звонковъ 10 р.
И. № 3332 1—1
Магазинъ НЮРНБЕРГЪ, въ Москвѣ, въ Гарнемъ Газетномъ переулкѣ: напротивъ церкви Успенія, домъ Шаховскаго.

Вышелъ № 17 еженедѣльн. журнала „РЕБУСЪ".
Содержаніе: Познаваемъ и спиритизмъ — А. Аксаковъ. Чудесное исцѣленіе графини Сумароковой-Эльстонъ. Медіумическій сеансъ въ редакціи. Научная бесѣда о спиритизмѣ. Изъ области медицины — Т. Пассекъ. Отъ преступленія при трупомъ самого убитаго. Крестьянскій разсказъ. Сибирь-матушка (очеркъ — Л. Якоблева. Смѣсь. Ребусъ.
Съ № 19 начнется печатаніе очерка исторіи ребуса, которого не существуетъ, только въ рисункѣ, но и не на одномъ иностранномъ языкѣ. Р. № 3340 1—1
Подписная цѣна: въ годъ — 4 р.; на полгода 2 р. 50 к. Подписка въ конторѣ редакціи при книжн. маг. Мартынова (Невскій 60). Черезъ почту: въ Литовскомъ помѣщеніи цензора (Ивановъ Институтъ, собственная рука). Въ Москвѣ: въ отдѣленіи конторы рекл. маг. Мамонтова.
Редакторъ-Издатель В. ПРИБЫТКОВЪ.

ЗА 16 РУБ.
ВЫ ПОЛУЧАЕТЕ СЪ ПЕРВОЙ ПОЧТОЙ СЛѢДУЮЩІЯ ТРИ ВЕЩИ, НЕОБХОДИМЫЯ въ большинствѣ для сельскихъ хозяевъ:
1) БАРОМЕТРЪ металлическій, усовершенств. конструкціи, вѣрно предсказывающій всѣ перемѣны погоды: ясную погоду, сухо, дождь, бурю и проч. Съ книгою о пользованіи въ сельск. хозяйству.
2) ПОЛЕВАЯ ЗРИТЕЛЬНАЯ ТРУБА, приспособленная для дальнаго разстоянія.
3) МИКРОСКОПЪ большой, съ препаратами и принадлежностями, увеличивающій до 200 разъ. № 3339 2—1
Отдѣльно высылаются: барометръ съ книгой за 7 руб., остальныя двѣ вещи по 6 руб.
Адресовать: въ Москву, на Петровку, д. Кредитнаго Общества, въ складъ учебныхъ пособій при типографіи И. Ротгенгена.

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ ИЗОБРѢТЕННЫЙ БРОКАРЪ и К°.
№ 3301 25—7

КОНТОРА ТОРГОВАГО ДОМА „ПАВЕЛЪ ВЫДРИКЪ И СЫНЪ"
въ Москвѣ, проситъ г. Ивана Федоровича Кид—ва, адресъ котораго конторѣ не извѣстенъ, оплатить или отсрочить до 17 мая сего года долгъ его по квитанціи за № 807, срокъ которой минулъ 17 мая прошлаго 1883 года; въ противномъ случаѣ билеты будутъ проданы; при этомъ контора увѣдомляетъ Г. Кид—ва, что на билетъ перваго займа, по означенной квитанціи, въ тиражѣ 2 января сего года палъ выигрышъ.
И. № 3308 3—3


БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
БИЛЛІАРДЫ И КЪ БИЛЛІАРДНОЙ ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.
Троицкій проспектъ, близъ Египетскаго моста, д. № 13—2. № 3303 19—2

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА.
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 21. Предлагаетъ свои услуги по всѣмъ банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью, за самое умѣренное вознагражденіе.
Контора открываетъ АГЕНТСТВА въ провинціи.
Контора имѣетъ также на продажу ВСЯКІЕ ССУДЫ на выгодныхъ условіяхъ.
Изданная конторою брошюра: „РУКОВОДСТВО КЪ ПРАКТИЧЕСКОМУ ОЗНАКОМЛЕНІЮ СЪ БАНКОВЫМИ ОПЕРАЦІЯМИ И КЪ ОБЛЕГЧЕНІЮ СНОШЕНІЙ ИНОГОРОДНОЙ ПУБЛИКИ СЪ КОНТОРОЮ" высылается по требованію безплатно. Р. № 3245 8—8

Библиотека "Руниверс"

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.
Э. ДЖАКСОНА
ГИМНАСТИКА ПАЛЬЦЕВЪ

одобренная профессорами Д-ромъ Вирховымъ и Куллакомъ, какъ вѣрное средство для скораго достиженія солидной техники на музыкальныхъ инструментахъ.

Съ 37 рисунками. Цѣна 75 коп.

Составлено **В. Галузѣевымъ.**

Музыкальная торговля И. Юргенсонъ. Москва, Неглинный проѣздъ 10 (уголъ Кузнецкаго моста).

С.-Петербургъ, І. Юргенсонъ, Большая Морская 9. И. № 3333 1—1

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ

СБОРНИКЪ узакон. отн. до Общ. Пол. и кр. учр. съ рѣш. Сен. и извл. Зак. А. Скоровъ. Ц. 4 р. въ перепл. 4—50. Выпис. отъ изд. (Москва) за пер. не платятъ. № 3151 6—5

Главный складъ и продажа
(по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ)
АМЕРИКАНСК. НЕПРОМОКАЕМ. БѢЛЬЯ,
которое несравненно практичнѣе обыкнов. полотняного; оно не требуетъ стирки и глаженья, а чистится мокрой тряпкой, при чемъ сохраняетъ глянцевитый видъ, какъ лучшее голландск. полотно и не впитываетъ въ себя чернильныхъ пятенъ.

Цѣны съ почтов. пересылкою:
Манжеты 1 р. 25 к. Грудь 1 р. 75 к. Воротникъ 75 к. Къ нимъ пуговицы новаго устройства изъ американскаго золота (никогда не чернѣющія) 2 руб. Для гг. военныхъ форменныя воротники.

№ 3320 Вновь получены 6—2

Новые американскіе подтяжки,
значительно удобнѣе всѣхъ прочихъ, устроенные на маленькихъ колесикахъ. При носкѣ совершенно не чувствительны; не давятъ въ плечахъ и не стѣсняютъ свободныхъ движеній при верховой ѣздѣ, катаньѣ на лодкѣ, билліардной игрѣ, гимнастикѣ и пр., и пр. Онѣ также рекомендуются и гг. медицинскими авторитетами. Многія лица, не могшія привыкнуть носить подтяжекъ, совершенно освоились съ предлагаемыми нами и остались весьма довольны ими.

Каждаго, нуждающагося въ новыхъ подтяжкахъ, мы просимъ обратить вниманіе на это новое и вполнѣ практичное изобрѣтеніе.

СКЛАДЪ РЕЗИНО ВЫХЪ ТОВАРОВЪ
КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ
Большая Морская, 36.
По воскресеньямъ складъ закрытъ.

ВОЗДУШНАЯ
ГАРМОНІЯ

прикрѣпленная къ шесту или къ крышѣ дачи, производитъ пріятные и полные звуки, похожіе на аккорды отдаленнаго оркестра; цѣна 10 р., съ пересылкою по почтѣ 12 р. Въ магазинѣ **Нюрибергъ**, въ Москвѣ, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, д. Шаховскаго, наискось церкви Успенія.
И. № 3331 1—1

КУМЫСЪ ВЪ САМАРѢ.

Съ 1 мая открывается близъ Г. Самары XXVII сезонъ на первомъ Кумысо-лечебномъ заведеніи Dr. Постникова. Подробности: 1) Въ Медицинскомъ Обозрѣніи т. XXI № 5. 2) Въ Сезонномъ Справочномъ Листкѣ Русскихъ Минер. водъ № 1 и № 2, стр. 16. 3) Спутникѣ по лечебнымъ мѣстностямъ Граге.
№ 3322 3—2

А. СІУ и К°
ПАРФЮМЕРНЫЙ и КОСМЕТИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ
Тверская, д. Варгина.
МОСКВА.
ПОДРОБНЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ.

BELLE OCCASION,
BON MARCHÉ.

	Rbl.	C.
Crême Simon petit	—	40
Vrai Savon Thridace de Violet 55 Cop. le morceau, les 12 morceaux	6	40
Vrai Savon Veloutine de Violet 55 Cop. le morceau, les 12 morceaux	6	40
Vraie Pâte dentifrice glycerine Gellé la boîte	—	45
Vraie Crême glycerine Gellé	—	75
Vrai Elixir dentifrice du Dr. Pierre — petit (par 2 flacons)	1	—
Vrai Elixir dentifrice du Dr. Pierre — moyen (par 2 flacons)	1	60
Vrai Elixir dentifrice du Dr. Pierre — grand (par 2 flacons)	3	10
Poudre riz Java rosée (naturelle) — la douzaine	4	50
Poudre riz Java Rachel — la douzaine		
Extraits Atkinson, 2 onces	1	50
„ „ 4 „	2	50
Nigritine Gellé (sans accessoires)	1	50
Vrai J. V. Bully	1	20
Crême Oriza Legrand. la douzaine	17	—
Eau des Fées—le flacon	1	40
Poudre Odonto Rowland & Sons	1	—
Zahnpasta du Dr. Boutemard	—	30
„ „ „ grand	—	60
Crême Euxexis	—	70
Savon Beaumo de Judée	—	65
Savon Concombre de Gellé	—	45
Savon au lait de Thridace pièce	—	60

	Rbl.	C.
Savon Rose renommée Demarson — le morceau	—	50
Savon Lavande ambrée Demarson — le morceau		
Savon Opoponax Coudray — le morceau		
Savon Laferriere — le morceau		
Savon Brisa de las Pampas de Pinsud le morceau	—	70
Savon Société hygiéniqus assortis, le morceau 40 Cop., la douzaine	4	40
Extrait Brisa de las Pampas	1	60
Elixir Pelletier	1	10
Odontine Pellotier	1	20
Extrait Ess-Bouquet Layloy	1	10
Extrait Ixora Pinaud—le flacon	1	60
Poudre dentifrice Société hygiénique	—	80
Les magnifiques Savons sur Laitue et aux violette Roume sont d'une pâte onctueuse qui rivalise avec le Cold-Cream. On ne peut avoir que „Maison Roume" des qualités aussi bonnes.	—	40
Savon Spermacéti-Bayley pièce	—	85
Savon Chinois	—	85
Noir indien	—	75
Eau Charbonnier—le flacon	3	50
Eau Sallès	3	50
Elixir Th. Evans	1	90
Poudre Th. Evans	2	—
Crême Camélia Fay	1	90

Les articles les plus nouveaux, les plus courus, le plus fins, les plus en vogue à Paris

SE TROUVENT

MAISON ROUME.

	Rbl.	C.
Eau de toilette Houbigant chardin, flacon de 250 grammes, rond	2	75
Réparateur au quinquina Crucq le flacon	1	80
Admirable eau de Cologne Impériale de Guerlain	1	50
Brosses à dents, 4 rangs, simili-ivoire, solidité garantie, les 12 brosses Rbl. 2. 60 la Pièce	—	30
Eau de toilette de Lubin, grande pinte (litre environ)	8	25
Eau de toilette Lubin, double grandeur	16	50
Excellents Savons de Gellé de Paris—les 12 morceaux	2	—
Magnifiques brosseries en ivoire pas chères.		
Ecaille blonde / Ecaille brune — Peignes et épingles nouveautés. Très jolies.		
Admirable choix de peignes, démêloirs écaille très beaux depuis	1	50
Poudre brillant, Rubis des ongles	—	25
Mascaro	—	40
Brosses à ongles—très bel os et soie torte aves arêtes	—	30
Savon des familles, savonnerie de Paris—la douzaine	1	—
Nigritine Gellé la douzaine	24	—
Crême Camélia de Fay la douzaine	17	—
Choix magnifique d'épingles cheveux blondes, brunes et noires depuis	5 Cop.	

16, GRANDE MORSKAIA 16.

ROUME,
PARFUMERIE
DU GRAND MONDE.

№ 3336

ДЕШЕВО

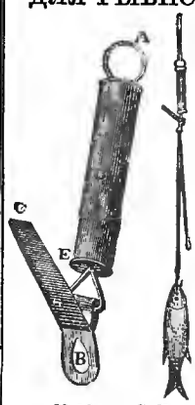
и аккуратно по моделямъ поставляетъ форменные ножи для прессовъ и ножные прессы нѣмецкой работы, для табачныхъ фабрикъ, типографій, саложниковъ и т. д. Б. К. Біенже, Каменно-остров. просп., 37, СПБ.
№ 3313

ПОКУПАЮТЪ
ДРЕВНОСТИ
ИЗЪ
ЗОЛОТА и СЕРЕБРА,

какъ-то: **золотыя эмальированныя табакерки, серебряныя кружки, кубки, бокалы, блюда и кувшины** и вообще всякаго рода **древности, изящной работы прошлыхъ столѣтій** до временъ Екатерины II-й.

Просятъ адресоваться лично или письменно: **г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ**, Москва, Малая Дмитровка, домъ графа Васильева-Шиловскаго.
№ 3189 6—6

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ
ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,

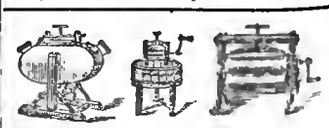


одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣвается за щеку. Способъ употребленія при каждомъ вяземенлярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственный складъ у **П. Ф. Каратаева**, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Полный прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей см. № 17. № 3335 1—1

БОЛЬШЕ 250

фонтановъ были проданы въ послѣдніе 5 мѣсяцевъ по всей Россіи. **Комнатныя ДУШИ разныхъ величинъ** нетребующія водопровода. Высылаю иллюстриров. прейсъ-курантъ безплатно. **Б. К. БІЕНЖЕ.** Каменно-остров. пр., 37, СПБургъ. Продаютъ мои фонтаны: **въ Москвѣ**, А. С. Глейцманъ, на Софійкѣ. **Въ Нижнемъ Новгородѣ** А. Е. Элухенъ, на Нижнемъ Базарѣ. № 3342



СПЕЦІАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ МАШИНАМИ
ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЬЯ
Г. М. ХУТТОНЪ и К°.
Москва, Большая Лубянка, д. Ивановскаго монастыря.
ПРАЧЕШНАЯ МАШИНА **35 Р.**
Американ. паровые котлы отъ 6—15 руб.
Катки (для хозяйства) 30 руб.
„ (для заведеній и проч.) 28 руб.
Выжималки (для хозяйства) 18 руб.
„ (для заведеній и проч.) 28 руб.
КАКЪ И ДРУГІЕ ПРАКТИЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ХОЗЯЙСТВА.
При настоящемъ употребленіи, каждый аппаратъ исполняетъ свое назначеніе. Иллюстр. прейсъ-курантъ по требованію. Иногородные заказы исполняются скоро и аккуратно. Упаковка безплатно. Ц. № 3300 3—2

Дозволено цензурою. СПБ. 2 мая 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ № 19 — XV годъ 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис) Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 12 Мая 1884 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1884 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ";

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9

И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 6 ч. ВЕЧЕРА.

Пав. Петр. Чистяковъ.

Профессоръ Павелъ Петровичъ Чистяковъ давно обратилъ на себя вниманіе публики своими работами, изъ коихъ многія были замѣчены на академическихъ выставкахъ, по своей жизненности и талантливости.

Родился П. П. въ Тверской губерніи, Весьегонскаго уѣзда, въ селѣ Прудахъ, въ 1832 году 23 іюня.

17 лѣтъ, онъ поступилъ въ академію художествъ. Здѣсь проходилъ школу, считаясь ученикомъ П. В. Басина. Получивъ медали: за рисованіе съ натуры—двѣ серебряныя и за живопись—тоже двѣ серебряныя, П. П. прекрасно окончилъ курсъ. Два этюда масляными красками и одинъ рисунокъ съ натуры взяты для оригинала въ классы академіи. Малую золотую медаль получилъ онъ за картину на прекрасный сюжетъ „Патріархъ Гермогенъ въ темницѣ отказывается подписать грамоту". Большую золотую медаль получилъ за сюжетъ, данный президентомъ академіи, Великой Княгиней Маріей Николаевной—„Ссора на свадьбѣ Василія Темнаго". Картина въ свое время куплена для академической галлереи. Въ 1862 году П. П. отправился за границу и поселился въ Римѣ, гдѣ и прожилъ до 1870 года. Тамъ началъ онъ писать картину изъ Римской исторіи: „Смерть Мессалины", которая и до сихъ поръ, впрочемъ, не окончена. Зимою въ Римѣ, въ театрѣ, художникъ сильно простудилъ голову и съ тѣхъ поръ страдалъ головною болью. Это мѣшало, конечно, дѣятельности художника, которой онъ, выздоровѣвъ въ 1881 г., предался съ новымъ жаромъ.

Профессоръ П. П. Чистяковъ. Съ фотогр грав Ю. Барановскій.

Со времени поступленія ученикомъ въ академію и до сихъ поръ, художникъ не переставалъ давать уроки. Занятія эти не прекращались и за границей. Практика по этой части у П. П. большая—34 года приходилось учить. Въ академію художествъ приглашенъ П. П. въ 1872 году адъюнктъ-профессоромъ живописи. Званіе академика получено имъ въ 1871 году за картину „Римскій нищій" (принадлежитъ нынѣ К.

Библиотека "Руниверс"

Т. Солдатенкову). Первою картиною П. П. была „Три мужика“, сюжетъ изъ басни Крылова. Затѣмъ „Патріархъ Гермогенъ“, „Золотой поясъ“, „Римскій нищій“, „Се Человѣкъ“, большая картина, писанная по картону К. П. Брюлова для Исаакіевскаго собора. „Бояринъ“ (нынѣ у Н. М. Третьякова), тамъ же и очень удачно написанная голова муратора (каменьщика). На прошлогодней выставкѣ въ академіи былъ прекрасно исполненный портретъ матери художника. Въ настоящее время П. П. оканчиваетъ давно начатую картину „Благословеніе дѣтей“, по заказу графа Павла Андреевича Шувалова кромѣ того приступаетъ къ картинѣ „Смерть Мессалины“.

Недолгое счастье.

Повѣсть

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

(Окончаніе).

На другой день послѣ этого объясненія, многимъ изъ сослуживцевъ Чемезова бросилась въ глаза рѣзкая перемѣна не только въ его лицѣ, но во всей его наружности,—даже въ способѣ ходить и держать себя съ товарищами. Такое превращеніе могло объясняться производствомъ въ слѣдующій чинъ или полученіемъ новаго знака отличія, — но, сколько извѣстно, ничего этого не случилось. Фактъ тотъ, что между прежнимъ Алексѣемъ Иванычемъ и теперешнимъ не было ничего общаго. Лицо его смотрѣло оживленно, сдержанная, щепетильная походка смягчалась небывалой развязностью движеній; онъ ходилъ скоро и глядѣлъ прямо передъ собою, точно спѣшилъ къ цѣли,—словомъ, весь казался какимъ-то возбужденнымъ, наэлектризованнымъ.

— Смотри пожалуйста—нашъ таинственный монахъ:—а, каковъ нынче?!.. нашептывалъ Ефремовъ подмигивая то тому, то другому. Этакъ пожалуй и свѣта-представленье скоро будетъ!!..

Зная нелюдимость и несообщительность Чемезова и не желая наскочить на неблагопріятный отвѣтъ, никто однако не рѣшился сунуться къ нему съ разспросами. Каждый наблюдалъ втихомолку небывалую суетливость его движеній, нетерпѣніе, съ какимъ перевертывалъ онъ листы и тутъ-же принимался за другое дѣло, поспѣшность съ какою ухватился онъ за шляпу и почти бѣгомъ пустился въ швейцарскую, какъ только пробило четыре часа.

Въ эти дни Чемезовымъ дѣйствительно овладѣла точно лихорадка.

Съ непрактичностью, которая его отличала, непрактичностью, успѣвшей развиться отъ многолѣтней, почти замкнутой жизни съ Марьей Ивановной, ему приходилось теперь бѣгать съ утра до вечера за разными покупками, хлопотать у священниковъ на счетъ вѣнчальныхъ документовъ, устроивать квартиру. Онъ думалъ нанять новую, но отказался отъ такой мысли, такъ какъ это отняло бы слишкомъ много времени. Главнымъ, настоятельнымъ желаніемъ его было, чтобы все это только кончилось, прошло какъ можно скорѣе. Усиленная озабоченность предметами совершенно новыми, неожиданными, отымала у него возможность привести въ порядокъ собственныя мысли. Чемезовъ не былъ влюбленъ,—онъ это чувствовалъ; онъ чувствовалъ даже, что между нимъ и Амаліей Карловной не было еще настоящаго, внутренняго, нравственнаго сліянія; кое что ему даже не совсѣмъ нравилось,—было по крайней мѣрѣ не по сердцу; но онъ отклонялъ такія мысли, старался не думать объ этомъ, старался, напротивъ, убѣждать себя, что съ нею все-таки придетъ конецъ тоски, жизнь вступитъ въ свою колею, наступитъ спокойствіе, образуется наконецъ домашній очагъ, который, если и не будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ прежде,—то во всякомъ случаѣ оживитъ, осмыслитъ его существованіе. Онъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобы только скорѣе, скорѣе достигнуть цѣли. Онъ желалъ также этого для Амаліи Карловны. Она со своей стороны не менѣе также суетилась и торопила день свадьбы.

Встрѣтивъ крайнюю необходимость видѣть невѣсту,—Чемезовъ разъ вечеромъ отправился къ ней по адресу. Но дома ея не было. Прислужница объявила, что Амалія Карловна ушла въ театръ. Такое извѣстіе удивило его; наканунѣ она подтверждала, что весь слѣдующій вечеръ займется приготовленіемъ свадебнаго платья и не тронется съ мѣста. Осматриваясь кругомъ, онъ пораженъ былъ самымъ непріятнымъ образомъ неряшливымъ видомъ, въ какомъ содержались меблированныя комнаты. Онѣ раздѣлялись темнымъ, нескончаемымъ корридоромъ, освѣщеннымъ вонючей керосиновой лампой; копоть отъ нея распространялась чорнымъ пятномъ по стѣнѣ съ грязными обоями. По серединѣ корридора прогуливался, какъ у себя дома, какой-то небритый усастый господинъ въ туфляхъ и халатѣ: „Невѣжа! И бѣдная Амалія Карловна должна была все это выносить и видѣть!!...“ подумалъ Чемезовъ спускаясь по лѣстницѣ.

На другой день онъ разсказалъ ей о своемъ неудачномъ посѣщеніи. Она вспыхнула, торопливо заговорила, назвавъ прислужницу безтолковой бабой, постоянно все путавшей. Ей въ голову не приходило выходить куда нибудь—и тѣмъ менѣе въ театръ; до театра-ли теперь? Она отправилась всего на четверть часа съ тѣмъ, чтобы купить иголокъ и бѣлаго шелку, которыхъ недоставало для окончанія платья...

Вопросъ о шаферахъ начиналъ также безпокоить Чемезова. Когда онъ вѣнчался съ Марьей Ивановной, свидѣтелями были: управляющій домомъ, гдѣ нанималъ онъ квартиру, два писаря и еще неизвѣстное какое-то лицо, подставленное услужливымъ дьякономъ; теперь очевидно нельзя было такъ; требовалось другое. На Амалію Карловну нельзя было расчитывать; у нея никого рѣшительно не было, т. е. были знакомые, но она ихъ не желала. Онъ подумалъ о маленькомъ суетливомъ редакторѣ „*Незабудочки*“,—но вспомнилъ, что не видалъ его очень давно и счелъ неловкимъ обратиться къ нему съ такой просьбой. Оставались сослуживцы. Также несовсѣмъ было ловко: онъ держалъ себя съ ними такъ отдаленно, такъ старательно избѣгалъ всегда тѣснаго сближенія съ ихъ обществомъ. Но они все-таки были ближе; большая часть состояла даже несомнѣнно скорѣе изъ добрыхъ людей. Онъ рѣшился наконецъ прямо обратиться къ Ефремову, какъ ближайшему изъ нихъ, и просить его взять на себя и устроить дѣло.

Войдя въ департаментъ, Чемезовъ крайне удивился, когда Ефремовъ встрѣтилъ его такими словами:

— Вы женитесь, Алексѣй Иванычъ, — отъ души поздравляю!..

— Какъ вы объ этомъ узнали?..

— Социнѣровъ передалъ; ему сказалъ фотографъ Хохловъ; онъ доводится, кажется, двоюроднымъ братомъ вашей невѣстѣ...

— У нея нѣтъ никакихъ двоюродныхъ братьевъ... возразилъ Чемезовъ.

— Такъ говорили. Но впрочемъ все равно, — радъ; душевно радъ! подхватилъ Ефремовъ узнавъ причину обращенія къ нему Чемезова,—когда такъ, позвольте-же, батенька, какъ слѣдуетъ, по христіанскому нашему русскому обычаю, начать съ того, чтобы расцѣловать васъ... Разъ... два... три... Не говорилъ-ли я вамъ: надо развлечься!—Ну и прекрасно!.. Все, батенька, устрою вамъ, все! дрожайшій Алексѣй Иванычъ! И шаферовъ пригласимъ и все такое... Сегодня же зайду въ Малый Ярославецъ, переговорю на счетъ особой комнаты; тамъ есть

Библиотека "Руниверс"

одна красная: видъ чудный! Впереди Большая Морская, справа арка главнаго штаба,—словомъ: ве-ли-ко-лѣпно!.. Закуска, обѣдъ, все будетъ какъ слѣдуетъ; предупредите только заблаговременно на счетъ дня свадьбы; дальше вамъ, дорогой другъ, нечего безпокоиться; такъ батенька накормимъ, что всѣ перелопаются!..

— Пожалуйста нельзя ли только, чтобы все это было какъ можно скромнѣе... замѣтилъ Чемезовъ.

— Вы говорите на счетъ расходовъ?

— Вовсе нѣтъ; насчетъ того, чтобы не было слишкомъ большой компаніи... я не привыкъ къ этому; да вообще это не въ моемъ характерѣ...

— Знаю, знаю... Никого кромѣ своихъ! Будьте только благонадежны, не думайте объ этомъ; у меня такъ: сказано—сдѣлано!..

На этомъ они разстались.

— Послушай, Петръ Никифоровичъ, замѣтилъ столоначальникъ Сельдереевъ послѣ того какъ Ефремовъ передалъ нѣкоторымъ изъ товарищей разговоръ свой съ съ Чемезовымъ, — воля твоя, тутъ что-то не такъ... Съ его стороны, по крайней мѣрѣ, согласись самъ, есть чему удивиться...

— Удивиться нечему, возразилъ Социнеровъ; стоило взглянуть десять дней тому назадъ, когда онъ вошелъ въ департаментъ; мнѣ тогда же бросилось въ глаза и я сказалъ себѣ...

— Думаешь, тутъ что нибудь того... не ладно? перебилъ Ефремовъ пробарабанивъ по лбу.

— Думаю...

— Ну и думай, Богъ съ тобой! А мы пока, честнымъ пиркомъ да и за свадебку, или вѣрнѣе такъ: справимъ сначала свадьбу, а потомъ приступимъ, благословясь,— къ честному пирку! заключилъ Ефремовъ похлопывая ладонями по животу.

VI.

Насталъ наконецъ торжественный день. Чемезовъ, въ бѣломъ галстухѣ, во фракѣ съ двумя орденами въ петлицѣ, ходилъ скорыми шагами по комнатамъ въ ожиданіи невѣсты. Онъ былъ въ кабинетѣ, когда она неожиданно явилась въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ померанца, въ бѣломъ платьѣ съ длиннымъ шумѣвшимъ шлейфомъ. Запахъ тончайшихъ духовъ мгновенно распространился по всей комнатѣ.

Поздоровавшись съ Алексѣемъ Иванычемъ, она съ первыхъ словъ положила ему ладони на плеча, прищурила чорные глаза и произнесла заманчиво улыбаясь:

— Алексѣй Иванычъ, вы на меня не разсердитесь?... скажите что нѣтъ...

— Нѣтъ.

— Я пригласила въ церковь и на обѣдъ одного моего знакомаго...

— Вы говорили: не хотите вашихъ знакомыхъ...

— Да; но этотъ очень хорошій... Онъ даже мнѣ нѣсколько съ родни... по маменькѣ...

Амалія Карловна неожиданно поцѣловала жениха въ щеку:

— Представьте: я совсѣмъ объ немъ забыла! подхватила она оживленно,—три года не видались... Иду вчера по гостиному двору, — вдругъ онъ! я тутъ же ему все разсказала и пригласила...

— Кто-же онъ?

— Ахъ, очень хорошій... онъ занимается фотографіей... Хохловъ его фамилія... маменькина фамилія... Но я вижу, вы невеселы, Алексѣй Иванычъ... Я замѣчаю, вы, какъ будто чѣмъ-то недовольны?.. продолжала она слезливо, хотя губы ея не переставали улыбаться, — подумаютъ, право, вы женитесь противъ воли... по принужденію... Въ эти послѣдніе два дня я просто не узнаю васъ; никогда не видала васъ такимъ мрачнымъ, разстроеннымъ... Что съ вами?.. Да улыбнитесь-же!..

Чемезовъ сдѣлалъ усиліе, чтобы улыбнуться, но вмѣсто улыбки вышла кислая фигура.

Амалія Карловна отвернулась, хотѣла удержаться, но не могла, и засмѣялась.

Алексѣй Иванычъ ничего не сказалъ, но по лицу его замѣтно пробѣжала тѣнь неудовольствія. Смѣхъ этотъ не столько обижалъ его самого, сколько казался ему неумѣстнымъ въ тѣ минуты, когда надо было думать ѣхать къ вѣнцу.

Замѣчаніе Амаліи Карловны было тѣмъ не менѣе совершенно справедливо: въ послѣдніе дни Чемезовъ казался дѣйствительно задумчивѣе, мрачнѣе обыкновеннаго. Ему самому трудно было опредѣлить настоящее состояніе своихъ чувствъ. Надежда на счастье и сомнѣнья, смертельная тоска и радость отъ нея освободиться, смѣнялись попеременно. — „Не увлекся-ли я? повторялъ онъ себѣ время отъ времени; найду-ли то чего ожидаю?.. Ея ревность къ труду очевидно не больше какъ вспышка. Не по характеру... Можетъ быть молодость также мѣшаетъ... Но та... та была еще моложе и было все-таки счастье!.. Возвращу-ли себѣ привязанность, безъ которой жить такъ тягостно... И наконецъ: есть-ли въ ней настоящее чувство?.. Связываетъ однакожъ свою судьбу съ моею,—не даромъ стало быть!.. И все-таки спрашиваю себя: не поторопился-ли я?...“

Мысли эти, начинавшія тревожить его, никогда не приходили одиноко; онѣ неизбѣжно всегда связывались съ воспоминаніями о покойницѣ. Не то сожалѣнье, не то раскаянье овладѣвали имъ въ такія минуты. Но все опять уступало мѣсто внутренней борьбѣ между сомнѣньями и надеждой на счастье, смертельной тоской и радостью отъ нея избавиться.

Смѣхъ едва успѣлъ умолкнуть на губахъ Амаліи Карловны, когда въ передней раздался звонокъ. Лакей, присланный Ефремовымъ, побѣжалъ отворять; минуту спустя онъ подалъ Чемезову записку.

Амалія Карловна поспѣшно встала съ дивана.

— Не мнѣ-ли? спросила она.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ срывая конвертъ.

Въ запискѣ четкимъ почеркомъ было обозначено: „Остерегайтесь. Васъ обманываютъ“. И только.

— Это ложь! Клевета! Гнусная клевета! вскричала Амалія Карловна, бѣгло взглянувъ на записку.

Лицо ея неожиданно измѣнилось; губы ея и брови искривились; носъ побѣлѣлъ и заострился; глаза сверкнули такимъ блескомъ, что Чемезовъ невольно попятился.

— Это враги мои! подхватила она, придавая такъ же неожиданно слезливое выраженье лицу и голосу,—чего хотятъ они отъ меня?.. Что я имъ сдѣлала? Я даже знаю кто тотъ негодяй, который послалъ это анонимное письмо... Сейчасъ же все объясню вамъ...

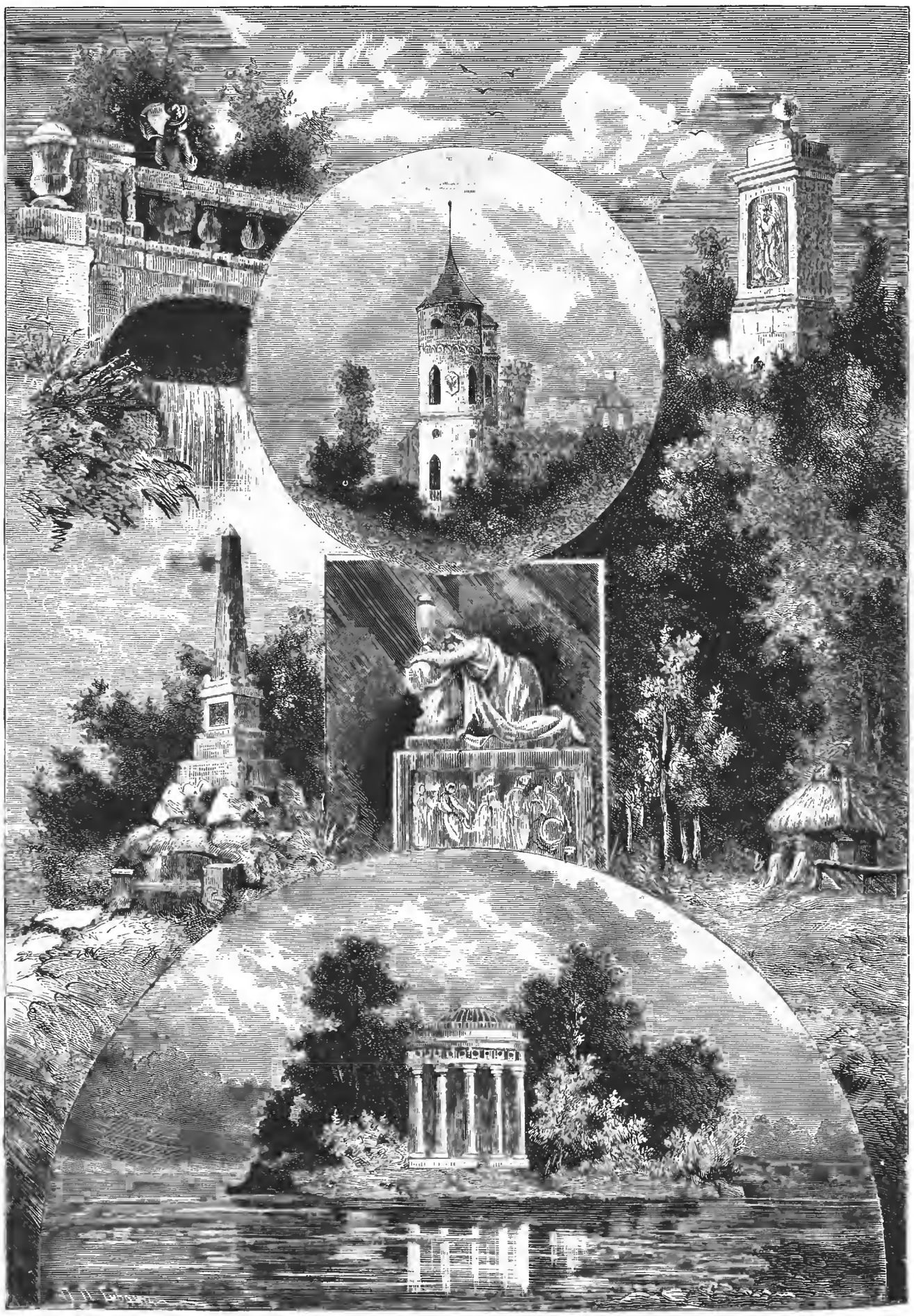
Но объясненію не суждено было осуществиться. Въ прихожей раздался новый звонокъ и одинъ за другимъ вошли раскаркиваясь Ефремовъ, Социнеровъ и еще два чиновника: надворный совѣтникъ Бабкинъ и губернскій секретарь Сельдереевъ.

— Я кое кого еще пригласилъ, суетливо заговорилъ Ефремовъ едва переводя духъ отъ одышки,—но они будутъ ждать въ церкви; оттуда уже всѣ вмѣстѣ, — огуломъ такъ сказать,—отправимся въ Малый Ярославецъ. Тамъ все готово!.. Позвольте, сударыня, имѣть честь представиться...

Тутъ онъ остановился передъ Амаліей Карловной, успѣвшей совершенно оправиться, развелъ руками какъ актеръ, вызванный на сцену, отвѣсилъ низкій поклонъ и началъ поочередно представлять сослуживцевъ, которымъ Чемезовъ успѣлъ уже разсѣянно пожать руки.

Роль распорядителя очевидно увлекала Ефремова; озабоченное выраженіе на его кругломъ лицѣ приводило на память церемоніймейстера представляющагоословъ; его толстая, осанистая фигура могла бы дополнить впечатлѣнье, еслибъ окончательное сходство не нарушалось, къ сожалѣнью, небрежностью туалетной обстановки; бѣ-

Библиотека "Руниверс"



Открытіе лѣтняго сезона въ Павловскѣ. Виды Павловскаго парка. Ориг. рис. П. П. Гнѣдича, грав. М. Рашевскій.

Мостикъ надъ каскадомъ.
Памятникъ основанія Павловска
Крѣпость въ Павловскѣ
Памятникъ Императору Павлу
Храмъ дружбы.
Памятникъ Вел. Кн. Елены Павловны.
Хижина Пустынника.

Библиотека "Руниверс"

Выставка въ Имп. Акад. Худ. „Святополкъ Окаянный“. Статуя А. Курпатова. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

лый галстухъ былъ далеко не первой свѣжести, на обшлагахъ затрепаннаго фрака виднѣлись слѣды пятенъ отъ разныхъ соусовъ, старыя панталоны, приподнятыя разросшимся животомъ открывали выше щиколки плохо вычищенные сапоги, прическа была „au naturel“ — изъ сѣрыхъ сухихъ и взъерошенныхъ завитковъ, разлетавшихся во всѣ стороны. Въ этомъ видѣ онъ представлялъ совершенную противуположность съ надворнымъ совѣтникомъ Бабковымъ,—кругленькимъ и гладенькимъ какъ огурчикъ человѣкомъ, съ крестомъ на шеѣ, вылощенной накладкой на черепѣ, гладкомъ какъ чайникъ, крашеными бакенбардами и съ головы до ногъ опрысканнымъ о-де-колонью. Сельдереевъ не былъ такъ надушенъ и не имѣлъ креста на шеѣ, — но бралъ ростомъ и молодостью; ростъ впрочемъ придавалъ ему чахоточный видъ, а молодость выражалась менѣе чертами лица, чѣмъ узенькими лаковыми ботинками, которыя такъ стѣсняли ноги, что, казалось, выжимали слезы изъ глазъ владѣльца, прикрытыхъ золотыми очками. Съеженная, завистливая наружность Социперова уже извѣстна; прибавить можно только, что онъ не грызъ ногтей потому, что мѣшали перчатки.

Каждый разъ какъ Ефремовъ подводилъ Амаліи Карловнѣ котораго нибудь изъ шаферовъ,—она окидывала его пытливымъ взглядомъ, застѣнчиво потомъ опускала рѣсницы и церемонно кланялась.

— Пора однакожъ, господа; все готово: шафера на лицо, священникъ у амвона, кареты у подъѣзда! заговорилъ Ефремовъ пробуя надѣть перчатку, которая никакъ не влѣзала,—полноте же вамъ смущаться, дражайшій Алексѣй Ивановичъ; чувства ваши я понимаю... вполнѣ! но теперь не до философскихъ размышленій,—надо дѣйствовать!..

Онъ припалъ правымъ плечомъ и согнулъ калачикомъ руку, чтобы подать ее невѣстѣ, но опомнился и поспѣшилъ выставить впередъ Бабкова, который повелъ Амалію Карловну къ выходной двери. Ефремовъ, желая вѣроятно ободрить Чемезова, подхватилъ его за талью, но тотъ осторожно отвелъ его руку, взялъ шляпу и въ сопровожденіи остальныхъ лицъ вышелъ изъ кабинета. Но Ефремовъ слишкомъ занятъ былъ своей ролью, чтобы останавливаться передъ такими мелочами. Онъ торопливо протискался впередъ, ворвался въ прихожую и, увидавъ невѣсту въ шубѣ, настоятельно сталъ требовать, чтобы она прикрыла голову оренбургскимъ платкомъ и надѣла мѣховые сапожки.

— Не выпущу безъ этого, говорилъ онъ, обматывая себѣ шею шерстянымъ шарфомъ сильно подточеннымъ молью,—низачто не выпущу; помилосердуйте: двадцать градусовъ и вѣтеръ въ придачу; такъ прямо изъ Шлиссельбурга и поджариваетъ!.. брр!..

Морозило дѣйствительно сильно; но небо было покрыто и обѣщало къ вечеру оттепель.

Въ церкви Чемезова непріятно поразило скопище любопытныхъ. Ефремовъ увѣрялъ, никого не будетъ кромѣ шаферовъ и двухъ-трехъ близкихъ знакомыхъ; вмѣсто того встрѣтилось множество сослуживцевъ и еще больше совершенно незнакомыхъ лицъ. Изъ числа послѣднихъ Ефремовъ представилъ жениху пріятеля своего Фукса, молодаго человѣка рябаго какъ кукушка, съ рыжими волосами, и тутъ-же мимоходомъ подвелъ другаго пріятеля, Фанфарова, рослаго, кудряваго господина съ черными бакенбардами въ видѣ котлетокъ. Амалія Карловна, со своей стороны робко подвела фотографа Хохлова, — писанаго красавца съ подточенными усиками, спаньолкой, прической à la: „чортъ меня побери“ и пестрымъ галстучнымъ бантомъ такого же эффектнаго характера.

Чемезовъ ограничился поклонами. Ему было не до любезностей. Видя себя предметомъ всеобщаго любопытства, онъ въ первыя минуты совсѣмъ растерялся.

Къ счастью, обрядъ вѣнчанія произошелъ очень скоро. Начались поздравленія. Чемезовъ былъ такъ взволнованъ, что не находилъ словъ въ отвѣтъ на привѣтствія. Въ то время какъ Амалія Карловна пожимала всѣмъ руки, казалась такою веселой и всѣмъ улыбалась,—онъ готовъ былъ убѣжать и скрыться куда нибудь подальше. Передъ нимъ, какъ точка свѣта въ темнотѣ, ясно мелькала одна мысль: „Скорѣе-бы все это только кончилось... скорѣе бы освободиться!..“ Но дѣлать было нечего, надо было овладѣть собою; предстоялъ еще обѣдъ въ Маломъ Ярославцѣ!

Тутъ, надо сказать, Ефремовъ въ самомъ дѣлѣ отличился. Комната оказалась та самая, которую онъ такъ краснорѣчиво расхваливалъ. Столъ былъ сервированъ на славу. Свѣтъ двухъ большихъ канделябръ и средней люстры ослѣпительно игралъ на граняхъ стекла, разливался по серебру, бутылкамъ и салфеткамъ, сложеннымъ калачемъ на тарелкахъ. Съ боку у стѣны находился другой столъ, покрытый всевозможными водками и закусками. Подлѣ открывалась дверь въ комнату, также освѣщенную.

Ефремовъ стоялъ у входной двери и съ торжествующимъ видомъ вводилъ гостей.

Убѣдившись, что всѣ на лицо, онъ сдѣлалъ самодовольный, выразительный жестъ по направленію къ большому столу, произнесъ: „Ну что, дражайшій Алексѣй Иванычъ, какова механика!..“ и тотчасъ же приступилъ къ распредѣленію молодыхъ и гостей:

— На почетномъ мѣстѣ, здѣсь, садится Амалія Карловна, лицомъ къ ней—молодой! подлѣ молодой съ правой руки, ея шаферъ Бабковъ; съ лѣвой—Сельдереевъ; подлѣ молодаго, справа—Социперовъ, слѣва—я!.. Пожалуйте!.. заключилъ онъ подавая руку Амаліи Карловнѣ и подводя ее къ закускѣ; онъ тутъ же однакожъ ловко уступилъ свою даму фотографу Хохлову и приступилъ къ водкѣ.

Столъ былъ тотчасъ-же окруженъ.

Чемезовъ напрямикъ отказался отъ закуски; у него начиналась жестокая головная боль.

— Что жъ ты, Сельдереевъ? такой тоненькой, а пролѣзть не можешь! кричалъ Ефремовъ набивая ротъ,— Фанфаровъ, рекомендую: селедки—просто сахаръ, икра—медъ, фаршированные раки—конфекты, осетрина—мое почтенье!!.. Такой осетрины, замѣть себѣ Бабковъ, ты нигдѣ не найдешь, поѣзжай хоть въ самую Астрахань!

— Вамъ свѣжей икры, Амалія Карловна? внимательно освѣдомился Хохловъ.

— Да, но я больше люблю эту сухую икру... незнаю только какъ ее назвать...

— Паюсная, сударыня!.. Паюсная!!.. воскликнулъ Ефремовъ съ выраженіемъ упрека въ голосѣ.

Но супъ былъ поданъ и всѣ поспѣшили къ своимъ мѣстамъ.

Обѣдъ обѣщалъ большое веселье. Ефремовъ, глотая пирожки какъ пилюли и заливая ихъ раковымъ супомъ, немедленно приступилъ къ своимъ шуточкамъ; Фанфаровъ и рыженькій Фуксъ усердно его поддерживали. Амалія Карловна непереставала смѣяться, прислушиваясь къ шептанью Хохлова и Сельдереева, которые, въ перегонку, сообщали ей, вѣроятно, очень забавныя вещи. Бабковъ и Социперовъ пока мало говорили, но все равно, сердце радовалось при видѣ какъ они ѣли. Здѣсь очевидно не было мѣста для унынія,—и съ этой стороны, Чемезовъ могъ считаться лишнимъ. Онъ самъ, повидимому, хорошо это чувствовалъ. Къ счастью еще, мало къ нему обращались. Зная его угрюмую несообщительность, сослуживцы оставляли его „разводить меланхолію“, какъ выразился Ефремовъ. Социперовъ, никогда особенно не сочувствовавшій Чемезову и взявшій на себя роль шафера только по настоятельной просьбѣ Ефремова, едва перекинулся съ нимъ двумя-тремя словами. Остальные, кромѣ Амаліи Карловны,—еще меньше о немъ заботились; вниманіе ея больше, впрочемъ, ограничивалось взглядами. Встрѣчая всякій разъ его

Библиотека "Руниверс"

нахмуренное. мрачное лицо, глаза ея теряли свою пріятность и брови соединялись у переносицы; но это продолжалось нѣсколько секундъ. Увлекаемая любезностью сосѣдей, она снова смѣялась и кокетливо прищуривала глазки. Вообще, надо сказать, она менѣе напоминала теперь институтку, по скорѣе даму бойкаго свойства. Каждый разъ какъ кто нибудь говорилъ съ нею, она возражала съ увѣренностью, рѣсницы ея не опускались, глаза смѣло смотрѣли впередъ или заманчиво прищуривались въ отвѣтъ на любезности.

Обѣдъ между тѣмъ шелъ своимъ чередомъ. Блюда и вина смѣнялись. разговоры оживлялись, веселье возростало. У Фанфарова, послѣ второй рюмки хереса, открылся безподобный басъ и онъ гремѣлъ неумолкаемо; ему вторилъ пискливый дискантъ рыженькаго Фукса, вступавшаго въ споръ съ Хохловымъ. Ефремовъ успѣлъ уже разсказать свой знаменитый анекдотъ о чиновникѣ съ разслабленномъ желудкомъ, который вдругъ испугался козла и спохватился прервать его когда уже было поздно. Фуксъ и Хохловъ все больше и больше горячились. Фанфаровъ, очевидно начинавшій придираться къ Бабкову, непочтительно заговорилъ вдругъ о чиновникахъ, назвавъ ихъ „канцелярскими крысами". Бабкову, конечно, не въ первый разъ приходилось слышать такое выраженіе, но тутъ онъ почему-то вдругъ обидѣлся. По всей вѣроятности онъ обидѣлся бы еще больше, еслибъ могъ замѣтить, что всякій разъ, какъ наклонялъ раскраснѣвшееся лицо, Амалія Карловна, сидѣвшая рядомъ, указывала Хохлову глазами на его паричекъ, расходившійся звѣздой на макушкѣ; но Фанфаровъ неожиданно какъ-то перешелъ къ ресторану Доминика и началъ его расхваливать,—чѣмъ, съ другой стороны, задѣлъ за живое Ефремова.

— Дудки! вскричалъ Ефремовъ, чепуха!!. Чѣмъ вздоръ говорить, лучше лей! лей да сосѣдямъ подливай!.. Соципéровъ, налей еще себѣ дрей-мадерки и передавай дальше... Дорогая наша красавица молодая, вы совсѣмъ околдовали нашихъ сосѣдей; они только любуются на ваши глазки и ничего въ ротъ не берутъ!.. Хохловъ, Фуксъ,—вы опять заспорили!.. А, наконецъ-то, вотъ она, вотъ наша голубушка! восторженно провозгласилъ онъ при видѣ блюда съ индѣйкой, которое вносилъ половой,—давай его сюда, Ефимушка, сюда ставь передо мной, я самъ ее разрѣжу... Хотѣлъ заказать парочку фазановъ, но ихъ не нашлось, шепнулъ онъ мимоходомъ подъ ухо Чемезову, который даже не поблагодарилъ его за такое намѣреніе,—нутка, Фанфаровъ, заключилъ онъ, поди-ка къ своему Доминику, посмотри, съумѣетъ-ли онъ такъ зажарить!.. Нѣтъ:—тю-тю, молода еще, въ Саксоніи не была! Кожица-то сама отстаетъ... даже смотри, пузырики по ней бѣгаютъ... Господа, кому что угодно: съ одного боку яблоки,—съ другаго каштаны...

На минуту всѣ занялись индѣйкой.

Но подали еще вина, наконецъ полилось шампанское и въ поднявшемся шумѣ раздались голоса Ефремова и Фанфарова, провозглашавшіе тосты.

— За здоровье молодыхъ! кричалъ Ефремовъ, выкатывая глаза и подымаясь со стула.

— За здоровье молодыхъ! ревѣлъ Фанфаровъ, потрясая бокаломъ.

— За здоровье молодыхъ! кричали не менѣе усердно остальные, подходя поочередно къ Амаліи Карловнѣ и Чемезову, который, какъ волкъ окруженный собаками, бросалъ во всѣ стороны растерянные взгляды.

Соципéровъ воспользовался минутой, когда поздравленія были въ полномъ разгарѣ, мигнулъ Ефремову и отвелъ его къ окну.

— Помнишь, что я говорилъ насчетъ... шепнулъ онъ, указывая глазами на Чемезова.

— Ну...

— Теперь я въ этомъ не сомнѣваюсь...

— Въ чемъ?..

Соципеpовъ приложилъ палецъ ко лбу и хотѣлъ продолжать, но Ефремовъ не дослушалъ; въ эту минуту подавали дутый малиновый пирогъ, прозванный почему то Ефремовымъ „пустой надеждой",—и онъ снова поспѣшилъ къ столу.

Фанфаровъ, у котораго одна бакенбарда скосилась на сторону, приставалъ между тѣмъ теперь къ молодому; онъ убѣждалъ Чемезова покинуть мрачный видъ, увѣряя, что веселость, съ его стороны,—въ нѣкоторомъ родѣ теперь даже обязательна.

— Справедливо! заголосилъ Ефремовъ. Вы, дражайшій Алексѣй Иванычъ, должны теперь сіять, блаженствовать! И вмѣсто того, что же мы видимъ? Видимъ печальное, разстроенное лицо!.. На всѣхъ сошлюсь: похожъ-ли, господа, нашъ дорогой Алексѣй Иванычъ на молодаго?.. Спрашивается: что подумать должна, наконецъ, наша красавица молодая?.. Глядя на нее, сердце: тукъ-тукъ—такъ и подпрыгиваетъ... Вы, между тѣмъ, хоть бы улыбнулись, словцомъ подарили... Но погодите, почтеннѣйшій, это вамъ даромъ не пройдетъ! Амалія Карловна растормошитъ васъ... Самъ начну теперь къ вамъ навѣдываться, самъ наблюдать стану... всѣ мы наблюдать будемъ... Не такъ ли, господа? Фу, Боже мой, да оживитесь же, оживитесь!.. заключилъ онъ, похлопывая Чемезова ладонью по спинѣ.

Чемезовъ отодвинулъ стулъ и поднялся съ мѣста. Ефремовъ объявилъ, что обѣдъ конченъ, всталъ вмѣстѣ съ Чемезовымъ и велѣлъ подавать кофе и ликеры.

Амалія Карловна поспѣшно подошла къ мужу.

— Что съ вами?.. спросила она, стараясь вызвать на лицѣ выраженіе участія и безпокойства.

Но усилія ея были совершенно лишнія. Уже въ послѣдніе дни сомнѣнія начинали въ немъ устанавливаться. То, что произошло утромъ: неожиданное родство съ Хохловымъ, путаница ея объясненій, анонимное предостереженіе, какіе-то враги, о которыхъ прежде помину не было, раскрыли ему глаза. Но въ это утро его чувства и мысли были слишкомъ взволнованы; онъ ходилъ какъ въ туманѣ, терялся, готовъ былъ, казалось, рѣшиться на смѣлый шагъ,—но тутъ же откладывалъ такое намѣреніе, падалъ духомъ и въ послѣднюю минуту отступилъ въ страхѣ передъ неминуемыми трагическими сценами и скандаломъ. Теперь онъ вполнѣ очнулся, понялъ, куда завлекла его тоска и безумное желаніе отъ нея освободиться, понялъ вполнѣ глубину своего несчастья. Горечь обманутыхъ чувствъ и надеждъ смѣнилась въ его сердце негодованіемъ. Онъ не могъ выносить теперь вида этой женщины. Какъ только она подошла, онъ отвелъ глаза въ сторону и, не отвѣтивъ на ея вопросъ, скорѣе отошелъ къ окну.

Амалія Карловна хотѣла за нимъ послѣдовать, хотѣла объясниться,—но въ это время загородили ей путь Фуксъ, Хохловъ и Сельдереевъ,—одинъ съ чашкою кофе, другой съ коробкой конфектъ, третій съ перчатками, которыя она забыла на столѣ.

Амалія Карловна, не мѣшаетъ замѣтить, впродолженіе обѣда стыдилась за своего мужа; онъ могъ молчать и быть разстроеннымъ сколько угодно, но не теперь, когда то и другое ставило ее въ такое неловкое положеніе передъ чужими. Съ ея стороны сдѣлана была, кажется, достаточная уступка тѣмъ, что она подошла къ нему, хотѣла дальше за нимъ послѣдовать, вопреки его грубому обращенію;—но дальше, послѣ того какъ онъ отвернулся и отошелъ къ окну, что же оставалось ей дѣлать? Оставалось показать видъ, что она нисколько не обижается его дикими выходками. „Это послужитъ ему урокомъ", подумала она, принимая снова веселый видъ.

— Сюда, красавица, сюда на диванчикъ, милости просимъ! Тутъ, драгоцѣнная, вамъ будетъ удобнѣе, кричалъ между тѣмъ Ефремовъ изъ ближайшаго угла.

Библиотека "Руниверс"

Амалія Карловна приняла чашку изъ рукъ Фукса и, улыбаясь направо и налѣво своимъ кавалерамъ, направилась къ дивану.

— Сюда, золотая... сюда... подхватилъ съ увлеченіемъ Ефремовъ, между тѣмъ какъ Фуксъ услужливо подкладывалъ подушку, Хохловъ высматривалъ для себя удобное мѣсто, Фанфаровъ раскрывалъ фортепьяно, Бабковъ дѣлалъ усилія, чтобы встать изъ за стола, и глупо улыбался, а Социперовъ смотрѣлъ задумчиво на остатокъ пирожнаго. Чемезовъ воспользовался этой минутой и незамѣтно прошелъ въ сосѣднюю комнату.

— Вотъ такъ, золотая,—я говорилъ, здѣсь будетъ удобнѣе, хлопоталъ Ефремовъ, окончательно разнѣживаясь,—и ножки ваши сахарныя вытянуть можете... вотъ такъ... а сюда, подъ плечико, подушечку. Ефимушка, еще бутылочку холодненькаго, обратился онъ къ входившему половому... а гдѣ же Розенкранцъ? (такъ звалъ онъ въ минуты увлеченья Прохора, другаго половаго)—знаю, должно быть также гдѣ нибудь на свадьбѣ...

Амалія Карловна расположилась на диванѣ, принявъ граціозную позу, Хохловъ улегся Гамлетомъ у ея ногъ, Фуксъ усѣлся въ головахъ, Бабковъ и Социперовъ,—одинъ сантиментально, другой настоятельно, потребовали себѣ мѣста подлѣ молодой; Ефремовъ собирался къ нимъ присоединиться, но въ эту самую минуту Фанфаровъ брякнулъ по клавишамъ и заигралъ „камаринскую“.

— Не могу, драгоцѣнная Амалія Карловна,—это выше силъ моихъ!.. Играй громче! воскликнулъ Ефремовъ, бросаясь раздвигать стулья между столомъ и входной дверью...

Онъ закинулъ назадъ голову, подобралъ фалды и, колыхаясь какъ бочка, пущенная на воду, принялся выплясывать „русскую“, мелко сѣменя ногами и приговаривая:

— Вотъ какъ мы съ нашей сѣдинкой!.. Вотъ какъ!.. Смотрите, Алексѣй Иванычъ, какъ надо веселиться! Произведутъ въ дѣйствительные—нельзя будетъ... не по чину!.. Громче, Фанфаровъ!!. Надо-же наконецъ развеселить молодаго!.. Это просто ни на что не похоже!!. вотъ какъ мы, Алексѣй Иванычъ!.. Но гдѣ же онъ?.. проговорилъ Ефремовъ, оглядываясь вокругъ и неожиданно останавливаясь.

— Гдѣ же въ самомъ дѣлѣ Алексѣй Иванычъ?.. освѣдомилась Амалія Карловна, отталкивая Фукса, который начиналъ цѣловать ей руки не замѣчая раздраженныхъ взглядовъ Хохлова.

— Гдѣ онъ!.. спросили остальные.

— Ей, люди!.. Ефимъ! Кто тамъ?.. засуетился Ефремовъ подходя къ двери.

Вошедшій половой объяснилъ, что господинъ, о которомъ спрашиваютъ, изволили уйти.

При этомъ извѣстіи всѣ встали со своихъ мѣстъ.

— Ушли, подтверждалъ половой; вскорѣ какъ изъ за стола встали, уйти изволили; вышли вѣроятно въ эту комнату, оттуда въ корридоръ, спросили шубу и ушли...

— Вотъ такъ штука! проговорилъ Ефремовъ обводя присутствующихъ недоумѣвающими глазами, — что-жъ это значитъ?.. Какъ объяснить?.. Все могло случиться, но этого... этого, признаюсь...

— Боже мой!.. Боже мой!!. воскликнула Амалія Карловна закрывая лицо руками и снова опускаясь на диванъ.

Всѣ бросились къ ней и начали ее успокоивать.

Одинъ Ефремовъ нетрогался съ мѣста; выпучивъ глаза, онъ стоялъ какъ громомъ пораженный.

VII.

Чемезовъ, между тѣмъ, направлялся скорыми шагами по Большой Морской.

Сумрачное небо, обѣщавшее утромъ оттепель, отчасти только оправдало ожиданія. Морозъ дѣйствительно убавился, но холодное утро смѣнилось туманнымъ вечеромъ; къ ночи туманъ такъ сгустился, что фонари просвѣчивали какъ сквозь сѣрую, мокрую тафту. Усиленный шумъ каретъ, движеніе на улицахъ—показывали, что представленіе въ театрахъ только что кончилось. Въ ресторанѣ Бореля окна бель-этажа горѣли огнями; насколько позволялъ туманъ, можно было различать зажженныя люстры; тамъ вѣроятно не успѣли кончить большаго обѣда или приготовлялись къ заказному ужину. Толпа зѣвакъ тѣснилась на тротуарѣ. Въ другихъ мѣстахъ тротуаръ былъ почти свободенъ. Торопливо проходили пѣшеходы съ поднятымъ воротникомъ, опущеннымъ подлѣ рта изморозью. Проходили иногда женщины, замедлявшія шагъ передъ фонарями: мелькала эксцентрическая шляпка, изъ подъ которой смотрѣло набѣленное лицо и выглядывали два бойкіе глаза.

Чѣмъ дальше оставалась за спиною Большая Морская,—тѣмъ замѣтнѣе умолкалъ шумъ и рѣже встрѣчались пѣшеходы.

Улицы, наполненныя туманомъ, уходили въ непроглядную ночь и кромѣ тусклыхъ фонарей рѣдко гдѣ встрѣчались освѣщенныя окна.

Чемезовъ продолжалъ идти, не замѣчая, что многіе, при встрѣчѣ съ нимъ, сторонились, иногда останавливались и смотрѣли ему въ слѣдъ. Каждый, болѣе или менѣе выводилъ заключеніе, что встрѣтилъ пьянаго или скорѣе несчастнаго игрока, готоваго броситься въ ближайшую прорубь; во всякомъ случаѣ, никто не думалъ видѣть въ немъ господина, спокойно возвращающагося съ вечеринки въ бѣломъ жилетѣ и галстухѣ.

Онъ шелъ съ распахнутой шубой, низко опущенной головой, открывавшей сзади голую шею, и руки его дрожали. Но дрожь происходила менѣе отъ мороза, чѣмъ отъ внутренняго лихорадочнаго озноба, который прошелъ въ него еще на лѣстницѣ „Малаго Ярославца“. При всемъ томъ, онъ казался менѣе взволнованнымъ, чѣмъ видѣли его въ концѣ обѣда. Судорожныя подергиванья въ лицѣ прекратились; глаза не бросали растерянныхъ взглядовъ; они напротивъ скорѣе пристально куда-то всматривались. Чемезовымъ точно постепенно овладѣвала преимущественно одна мысль, отклонявшая всѣ остальныя. Сосредоточиваясь на ней болѣе и болѣе, онъ почти безсознательно повернулъ на Екатерининскій каналъ и остановился передъ воротами дома, гдѣ нанималъ квартиру во второмъ этажѣ, окнами прямо противъ фонаря.

Заспанный дворникъ, тяжело переваливаясь въ лохматой шубѣ и валенкахъ, отворилъ ему калитку. Чемезовъ шагнулъ черезъ порогъ подъ ворота. Темнота была страшная. Огни на дворѣ были погашены; жильцы,—по большей части люди мирные,—давно спали. Чемезовъ машинально вынулъ изъ кармана шубы ключъ отъ квартиры и съ тѣмъ же напряженнымъ, неподвижнымъ взглядомъ, устремленнымъ въ темноту,—началъ подыматься по лѣстницѣ.

Достигнувъ втораго поворота, онъ неожиданно остановился и быстро откинулся назадъ; ему очевидно хотѣлось ухватиться за что нибудь руками; но пальцы судорожно ощупывали позади спины иней, покрывавшій гладкую стѣну. Шуба его скосилась съ плеча, шляпа чуть не упала къ ногамъ. Но онъ неподвижно стоялъ на прежнемъ мѣстѣ; у него не хватало силы оторвать глаза отъ бѣловатаго туманнаго пятна, которое какъ бы вдругъ выступило изъ мрака лѣстницы... Съ каждой секундой пятно это увеличивалось и свѣтлѣло... Туманъ слегка вытягивался и начиналъ тихо колебаться, отдѣляя отъ себя словно складки бѣлаго платья... Нѣсколько выше стало выясняться лицо... Оно пока едва примѣтно складывалось заслоняясь проходившими мимо тонкими волнами тумана... Но волны эти отходили, точно сдуваемыя вѣтеркомъ, и лицо каждый разъ дѣлалось яснѣе... Въ немъ,—почудилось Чемезову,—обрисовались знакомыя, когда-то нѣжно-любимыя черты..

Библиотека "Руниверс"

ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ.

По поводу празднованія совершеннолѣтія Его Императорскаго Высочества Съ фотогр. рис. и грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

Въ одинъ мигъ все исчезло; мракъ и тишина снова окутали лѣстницу.

Чемезовъ не помнилъ какъ отворилъ дверь квартиры, какъ вошелъ въ нее; не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ,—онъ заперъ дверь и заложилъ ее на желѣзный крюкъ. При первомъ шагѣ,—онъ замеръ на мѣстѣ.

Бѣлое туманное пятно снова показалось... Не успѣлъ онъ опомниться, какъ оно разрослось, заколебалось и въ немъ, сначала смутно, потомъ все яснѣе и яснѣе проступили тѣже знакомыя черты... Ближе... ближе... Чемезовъ почувствовалъ на лицѣ своемъ чье-то дыханіе... мимо слуха прошелъ шелестъ... точно далеко кто-то проходилъ легкими стопами по сухимъ листьямъ...

Холодъ пробѣжалъ по его волосамъ; онъ хотѣлъ крикнуть, но дыханіе остановилось въ его груди. Онъ бросился въ уголъ, плотно прижался лицомъ къ стѣнѣ и закрылъ глаза; но сквозь сомкнутыя вѣки, знакомыя черты просвѣчивали еще явственнѣе; онъ видѣлъ ихъ выраженье, видѣлъ кроткій взглядъ, чувствовалъ какъ онъ проникалъ ему прямо въ душу...

Объятый ужасомъ, Чемезовъ бросился въ сосѣднюю комнату.

Она была свѣтлѣе другихъ; въ нижней части опущенныхъ оконныхъ занавѣсъ проходилъ огонь отъ уличнаго фонаря. Въ полумракѣ блистало зеркало опутанное вокругъ лентами, отдѣлялся столъ съ туалетными принадлежностями, обрисовывались нижняя часть висѣвшихъ женскихъ капотовъ и женскія новыя туфли; ближе къ свѣту бѣлѣла большая кровать съ высокимъ кисейнымъ пологомъ, верхняя часть котораго пропадала подъ потолкомъ. Чемезовъ отвернулся,—но въ ту же секунду изъ противоположнаго угла отдѣлилось туманное пятно... и въ немъ снова показался образъ покойницы... Теперь онъ былъ совершенно уже ясенъ; вокругъ распространялся голубоватый фосфорическій свѣтъ, сообщавшійся ближайшимъ предметамъ... Она смотрѣла теперь сверху,—склонивъ къ нему голову; но на этотъ разъ, почудилось ему,—въ неподвижныхъ ея глазахъ было уже другое выраженіе... Она смотрѣла на него какъ-бы съ укоромъ и глубокой печалью... И взглядъ этотъ какъ холодное лезвее прошелъ въ его сердце...

Онъ отчаянно схватилъ себя за голову, бросился къ двери, но никакъ не могъ найти ручки. Онъ бѣшено началъ тогда метаться по комнатѣ, опрокидывая стулья, хватая въ забытьи предметы попадавшіеся подъ руки, сорвалъ пологъ надъ кроватью, сорвалъ капоты, началъ топтать ихъ ногами, наконецъ, остановился, крикнулъ: „Прости меня! Прости!!..“ и зарыдавъ, упалъ лицомъ на полъ.

Нѣсколько времени спустя, на лѣстницѣ, которая вела въ квартиру Чемезова, послышались голоса и шаги, торопливо стучавшіе по ступенькамъ. Посреди шума явственно раздавался хриплый голосъ дворника, увѣрявшаго, что баринъ давно вернулся домой и нельзя же не знать ему этого, когда онъ самъ отворялъ ему калитку. Дворникъ зналъ также, что баринъ, передъ тѣмъ какъ ѣхать къ вѣнцу, отпустилъ кухарку; сказалъ ей вѣроятно, что вернется поздно домой и кухарка до сихъ поръ не возвращалась; кухарки не было дома,—это точно,—но баринъ,—баринъ давно возвратился.

Амалія Карловна, бѣжавшая скорѣе другихъ, остановилась наконецъ передъ дверью и позвонила.

— Прошла минута,—никто не отзывался.

Старанія дворника и за нимъ Фанфарова, Хохлова и Фукса (Социнéровъ и Бабкевъ, предвидя скандалъ, поспѣшили скрыться, какъ только всѣ вышли изъ трактира),—привели къ тому же результату.

Ефремовъ, едва переводя духъ отъ одышки, хрипѣвшей и свистѣвшей въ его горлѣ,—принялся звонить въ свою очередь;—за дверью никто даже не пошевелился.

Амалія Карловна, производя отчаянные жесты, сѣла на подоконникъ и заплакала.

Тогда присутствующіе бросились къ двери и общими силами принялись колотить въ нее кулаками; но дворникъ поспѣшилъ остановить такое усердіе.

— Позвольте, господа, вы этакъ, помилуйте, всѣхъ жильцовъ разбудите!.. сказалъ онъ, становясь передъ дверью съ распахнутой шубой,—у насъ никогда такого шуму въ домѣ не бывало... Что за притча? прибавилъ онъ, снова наклоняясь къ замочной скважинѣ, въ надеждѣ увидать хоть что нибудь.

— Нельзя-ли, братецъ, по черной лѣстницѣ какъ нибудь?.. проговорили въ одинъ голосъ Ефремовъ и Фанфаровъ, сходившіеся, какъ видно, не только въ пирушкахъ, но и въ мысляхъ.

— Никакъ невозможно,—тамъ дверь заперта, возразилъ дворникъ, кухарка взяла ключъ съ собой; сказала: придетъ, сама отворитъ; но онъ зналъ:—кухарки до сихъ поръ не было... Дѣлать нечего, надо, стало быть, позвать городоваго.

— Какъ, полицію?.. вскричала Амалія Карловна, вскакивая опять на ноги.

— А то какъ же?..

Въ то время какъ дворникъ, ворча и бранясь, отправлялся за полиціей,—мужчины, оставшіеся на лѣстницѣ, снова усадили Амалію Карловну на подоконникъ и начали утѣшать ее. Она не знала куда дѣваться отъ сраму, обливалась слезами, бросалась то къ тому, то къ другому, не обращая уже вниманія на шляпку, которая совсѣмъ съѣхала на сторону.

Съ появленіемъ двухъ городовыхъ и дежурнаго полицейскаго офицера, всѣ тотчасъ же притихли. Ефремовъ назвалъ по имени каждаго изъ присутствующихъ и послѣдовательно разсказалъ все дѣло, какъ оно было.

Дворникъ не замедлилъ появиться съ фонаремъ и ломомъ.

Когда дверь была открыта, Амалія Карловна ворвалась первая, но тутъ же отступила, испуганная темнотою. Въ прихожей отыскали свѣчки. Въ то время какъ вошедшіе сымали шубы, Амалія Карловна бойко выхватила одну изъ зажженныхъ свѣчей и поправляя на ходу шляпку, поспѣшила войти въ квартиру. Никто не успѣлъ еще разоблачиться какъ слѣдуетъ, когда изъ дальней комнаты послышался раздирающій крикъ.

Всѣ туда бросились.

Войдя въ спальную, присутствующіе увидѣли прежде всего Амалію Карловну, распростертую на кушеткѣ и бившуюся въ истерическомъ припадкѣ. Нѣсколько дальше, на полу, лицомъ къ потолку, лежалъ Чемезовъ съ перерѣзаннымъ горломъ . . . . . .

. . . . . .

Извѣстіе о трагической кончинѣ Чемезова быстро разнеслось, на другой день, не только по департаменту, но и по министерству. Предположеніямъ конца не не было. Какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, каждый дѣлалъ свой выводъ, выражая неудовольствіе, когда не соглашались съ его мнѣніемъ.

Одни приписывали самоубійство огорченіямъ по службѣ, находя, что Чемезову, прослужившему безпорочно восемнадцать лѣтъ, давно бы слѣдовало быть статскимъ совѣтникомъ; другіе находили такой родъ смерти неизбѣжнымъ для мизантропа,—человѣка характера крайне угрюмаго и несообщительнаго; третьи руководились больше романтическими соображеніями и, хитро прищуривая лѣвымъ глазомъ, повторяли на каждомъ шагу:—„Où est la femme?“—какъ бы радуясь тому, что напали на счастливое слово; четвертые смѣло и рѣшительно, не терпя даже возраженій, утверждали, что тутъ дѣло совсѣмъ не такъ просто, какъ кажется; всѣмъ извѣстныя теперь нелюдимость и мизантропія этого чиновника служили, по ихъ мнѣнію, только маской, скрывавшей участіе его въ тайномъ обществѣ; вышла не-

Библиотека "Руниверс"

удача, попали на слѣдъ; выхода другаго не было; одно оставалось: наложить на себя руки!..

Надо сказать, однакожъ,—лица, присутствовавшія на свадебномъ обѣдѣ, менѣе всего принимали участіе въ этихъ разговорахъ. Всѣ они замѣтно даже какъ бы притихли противъ обыкновеннаго. Въ первое время видно было даже стараніе избѣгать другъ друга. Встрѣчаясь на службѣ или на улицѣ, они молча пожимали руку, изрѣдка развѣ позволяя себѣ намекнуть о случившемся. Такъ, напримѣръ, не раньше какъ спустя два мѣсяца, Фуксъ рѣшился шепнуть Сельдереву, что встрѣтилъ въ пассажѣ Амалію Карловну,—всю въ черномъ правда,—но идущую подъ руку съ фотографомъ Хохловымъ. Сельдереевъ, со своей стороны, счелъ надобнымъ принять нѣкоторыя предосторожности,—оглянулся направо и налѣво,—прежде чѣмъ сообщилъ объ этомъ Ефремову, котораго встрѣтилъ въ трактирѣ Палкина, доѣдающаго одиноко порцію кулебяки. Выслушавъ сообщеніе, Ефремовъ только отвернулся и плюнулъ. Онъ точно взялъ зарокъ отмалчиваться каждый разъ, какъ рѣчь касалась Чемезова. Веселость его мгновенно пропадала; круто выступающіе сѣрые зрачки притупленно смотрѣли въ бокъ, кончикъ раздвоеннаго носа не приходилъ въ движеніе. Въ рѣдкихъ развѣ случаяхъ, когда не было уже никакой возможности отдѣлаться, онъ говорилъ, значительно шевеля густыми сѣрыми бровями:

— Да, батенька,—исторія, скажу вамъ!.. Гм! и на этомъ обыкновенно останавливался.

Болѣе другихъ, впрочемъ, сторонились и избѣгали встрѣчъ Бабковъ и Социнёровъ.

Бабковъ до сихъ поръ сидѣлъ какъ пристыженный въ своемъ отдѣленіи. Онъ простить себѣ не могъ, какимъ образомъ, при солидности его лѣтъ, при семьѣ изъ восьмерыхъ дѣтей, въ числѣ которыхъ три мальчика посѣщали гимназію и старшій за отличіе переведенъ былъ въ высшій классъ,—какимъ образомъ, наконецъ, при его чинѣ и Владимірѣ въ петлицѣ,—могъ онъ согласиться на просьбы этого шута Ефремова и сдѣлаться участникомъ въ такой исторіи.

Социнёрова больше всего пугала огласка. Онъ кусалъ ногти до крови при мысли, что скандалъ, въ которомъ случайно былъ замѣшанъ,—можетъ бросить на него тѣнь въ глазахъ начальства и повредить ему при производствѣ.

Съ наступленіемъ новаго года онъ совершенно, однакожъ, успокоился. Его произвели, и уже къ Рождеству успѣлъ онъ отпустить себѣ тѣ пушистыя, впередъ зачесанныя бакенбарды, какими преимущественно любятъ украшать себя въ Берлинѣ—кельнеры.

Іюль 1883 г.

Д. Григоровичъ.

Разбойникъ Сотири.

(Изъ воспоминаній консула).

Разсказъ **К. Н. Леонтьева.**

I.

Я встрѣтилъ Сотири въ первый разъ около Аѳонской горы. Мнѣ нужно было ѣхать сухимъ путемъ въ Каваллу и Серресъ, и я велѣлъ нанять себѣ верховыхъ лошадей для вьюковъ и прислуги въ деревнѣ Ериссо, и привести ихъ на Ватопедскій Пиргъ, въ которомъ я ночевалъ.

Ватопедскій Пиргъ... Это древняя башня, принадлежащая Ватопедскому монастырю. Она стоитъ на низменномъ берегу у моря, почти у самой „черты", отдѣляющей Аѳонъ отъ „міра". Эта черта—кусты и небольшой ручей, впадающій въ море... За эти кусты и за этотъ ручей не *ходятъ женщины*. На Ватопедскій Пиргъ ихъ допускаютъ, но и то въ случаѣ какой нибудь крайности.

Лошади и провожатые были уже готовы; вьюки навьючены; погода зимняя была превосходна: ясное прохладное утро, какъ у насъ въ сентябрѣ. Я уже собрался садиться на лошадь, когда ко мнѣ подошелъ Петраки, молодой молдаванинъ, который всегда сопровождалъ меня, служилъ мнѣ истинно незамѣнимымъ помощникомъ и агентомъ по множеству мелкихъ, но весьма существенныхъ дѣлъ, и пользовался моимъ полнымъ довѣріемъ. Петраки говорилъ по русски свободно...

Онъ подошелъ ко мнѣ и таинственно сказалъ:

— Здѣсь есть одинъ молодецъ, бѣглый изъ свободной Греціи... Безъ паспорта. Онъ умоляетъ чтобъ вы его взяли къ себѣ служить безъ жалованья, только изъ за куска хлѣба и для безопасности. Онъ недавно перебѣжалъ границу, скитается, голодаетъ и боится, чтобы турки его греческому правительству не выдали...

— Что же онъ сдѣлалъ тамъ? спросилъ я.

— Не знаю, отвѣчалъ Петраки; я думаю—не изъ шайки-ли онъ Тако Арванитаки.

Это мнѣ показалось правдоподобнымъ.

Всего около года тому назадъ, а можетъ быть и менѣе,—въ свободной Греціи случилось извѣстное дѣло мараѳонскихъ убійствъ. Секретари англійскаго и итальянскаго посольствъ, задумавъ осмотрѣть поле Мараѳонской битвы, были захвачены греческими разбойниками подъ предводительствомъ Тако Арванитаки и убиты атаманомъ, благодаря тому, что греческое правительство захотѣло непремѣнно разыграть роль правительства правильнаго, и послало войско вмѣсто выкупа, котораго требовали разбойники.—Несчастныхъ секретарей за это убили; самъ Тако успѣлъ потомъ бѣжать съ нѣсколькими изъ товарищей, но другихъ поймали и казнили на площади.

Шайка, такимъ образомъ, была разсѣяна и очень возможно, что и этотъ молодецъ, который просился ко мнѣ, былъ изъ числа бѣжавшихъ... Промотавшись долго тамъ и сямъ по горамъ и лѣсамъ, замученный нуждой и опасностью, онъ, вѣроятно, попытался добраться до Аѳона, и здѣсь встрѣтилъ меня по счастливой случайности.

Я велѣлъ подозвать таинственнаго бродягу. Онъ подошелъ... Я увидалъ высокаго, плечистаго, молодаго человѣка въ ужасно грязной юбкѣ (фустанеллѣ) и оборванной курткѣ. На головѣ его вмѣсто фески была какая-то темная шапочка неопредѣленнаго фасона, и тоже сальная и поношенная. Оружія на немъ не было.—Онъ былъ совсѣмъ блондинъ, какъ нѣмецъ изъ самыхъ бѣлокурыхъ; и не имѣлъ ни ни усовъ, ни бороды; но не смотря на все это, въ лицѣ его не было ничего юношескаго. Онъ молча и почтительно поклонился мнѣ.

— Ты хочешь у насъ служить и пользоваться моей защитой? спросилъ я.

— Да, эффенди; не оставьте меня. Я кускомъ хлѣба буду доволенъ.

Въ тонѣ этой просьбы не было ни робости, ни подобострастія; она была выражена съ величайшей простотой, достоинствомъ и твердостью...

Мнѣ это очень понравилось, и, такъ какъ я зналъ, что греческій клефтъ ничуть не похожъ на злодѣя и мошенника Европейскихъ странъ; что у клефта есть „принципы" и своего рода рыцарство въ благодарности и вѣрности слова,—то я безъ малѣйшаго колебанія и съ радостью рѣшился взять его къ себѣ въ телохранители, и выхлопотать ему въ Салоникахъ у паши „тескерѐ" на право ношенія оружія.

Но прежде всего нужно было хоть сколько нибудь испытать—можетъ ли онъ пригодиться на что нибудь иное, кромѣ тѣхъ ужасныхъ и таинственныхъ преступленій, въ которыхъ мы его подозрѣвали.

Путешествіе мое по Южной Македоніи, по мѣстамъ дикимъ, пустыннымъ и мнѣ совершенно еще неизвѣстнымъ,—было какъ нельзя кстати для подобной цѣли. Въ дорогѣ такому молодцу предстояла возможность показать свой умъ, свою смѣлость и преданность, и заслужить мое довѣріе.—И въ самомъ медленномъ пути на коняхъ, по горамъ, полямъ и лѣсамъ, и на долгихъ ночлегахъ, онъ будетъ по цѣлымъ суткамъ у меня на глазахъ...

По возвращеніи изъ этого странствія,—я успѣю выправить ему у Турокъ „тескерѐ" на ношеніе оружія; а пока пусть онъ его носитъ и безъ разрѣшенія. *При мнѣ* никакая турецкая власть не позволитъ себѣ и спросить даже объ этомъ разрѣшеніи.

Такъ я рѣшилъ, и сказалъ Сотири, чтобъ онъ сбирался идти со мной и, что, проѣздомъ черезъ Ериссо, я найму и для него верховую лошадь.

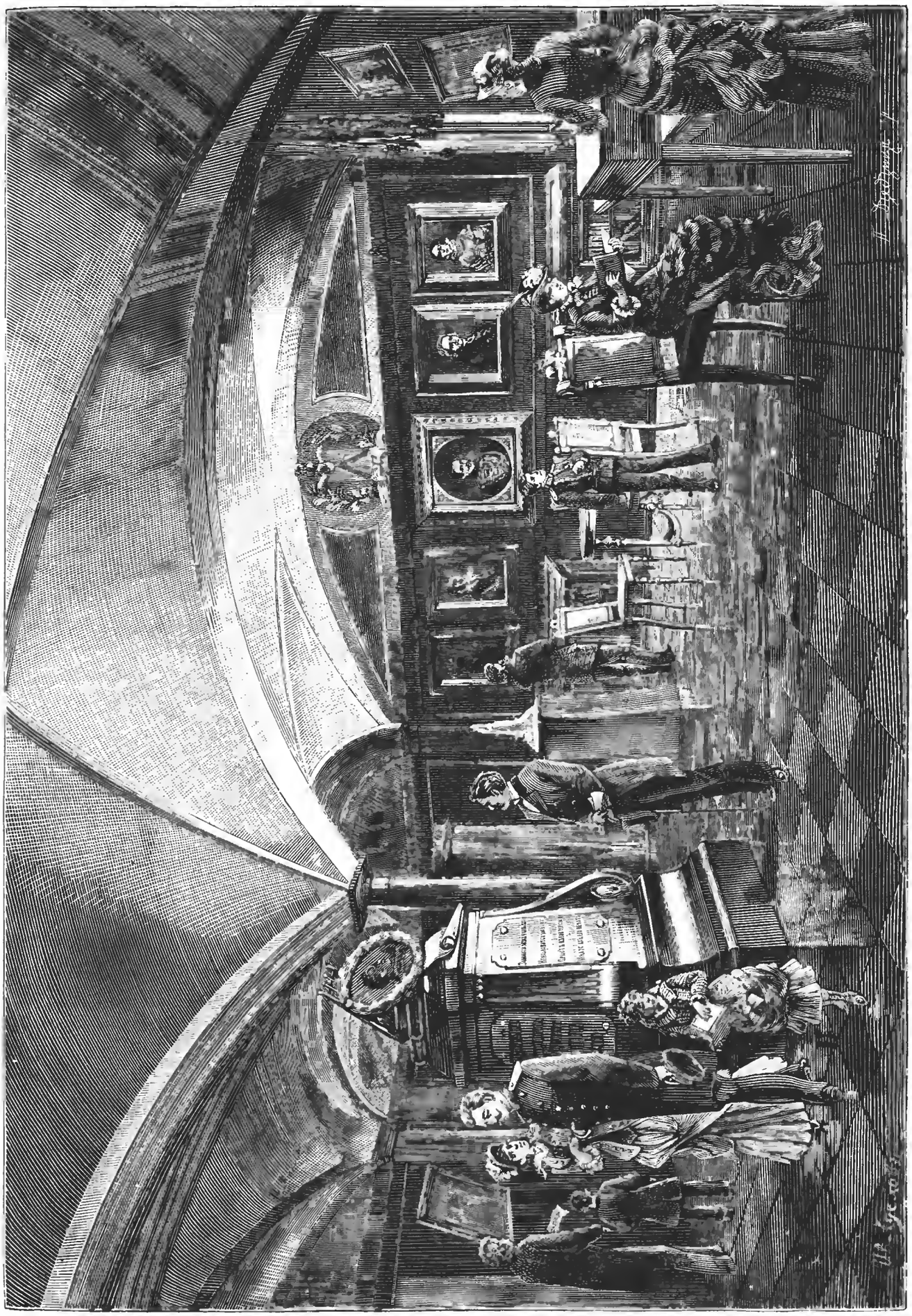
Ждать мнѣ молодца не пришлось... Мы тронулись въ путь; посреди всѣхъ ѣхалъ на хорошей рыжей лошади турецкій конный жандармъ, высланный мнѣ сосѣднимъ каймакамомъ;—а вслѣдъ за нимъ, какъ правый человѣкъ и полноправный гражданинъ, шелъ пѣшкомъ Сотири въ сальной шапочкѣ и почернѣвшей отъ грязи юбкѣ:—ружье на плечѣ, пистолеты и ятаганъ за поясомъ... Онъ шелъ гордо и развязно по камнямъ неровной дороги той легкой и красивой поступью, которая свойственна природнымъ дѣтямъ скалистыхъ горъ...

Въ скучномъ и безлѣсномъ Ериссо мы пробыли недолго;—и выѣхали оттуда уже всѣ верхомъ.

Библиотека "Руниверс"

М. Ю. Лермонтовъ. Съ портрета масляными красками, писаннаго Горбуновымъ, имѣющагося въ музеѣ Лермонтова.
Съ фотографіи грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"



Общій видъ музея Лермонтова въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ училищѣ въ СПБ. Рис. съ натуры И. Суслова, грав. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

Я былъ тогда боленъ, очень печаленъ, погруженъ съ утра до ночи въ одни и тѣ же неотвязныя и нестерпимо мрачныя мысли и потому не только не распрашивалъ Сотири объ его прошломъ и ни о чемъ другомъ, но и вообще ни съ кѣмъ, кромѣ добраго моего Петраки, не говорилъ. Петраки зналъ близко мою личную жизнь, а въ эти дни тяжелыхъ душевныхъ испытаній—все остальное, все не относившееся къ внутренней жизни моего сердца,—было для меня какъ призракъ, какъ полусонъ на яву...

Я все видѣлъ, хотя ни на что почти внимательно не смотрѣлъ; я все замѣчалъ, по природной наблюдательности моей, но намѣренно наблюдать или изучать что нибудь, какъ дѣлаютъ другіе путешественники, не имѣлъ ни малѣйшей охоты... Я ни о чемъ, кромѣ своихъ личныхъ нравственныхъ дѣлъ, въ то время не хотѣлъ думать, но дѣлалъ все по прежнимъ мыслямъ и правиламъ, укоренившимся во мнѣ долгимъ опытомъ въ болѣе спокойные года.—О чемъ мнѣ было тогда распрашивать Сотири?.. Теперь я распросилъ бы его подробно; тогда не могъ... И на что мнѣ было знать все это? О греческихъ и албанскихъ паликарахъ и клефтахъ я имѣлъ понятіе уже въ отрочествѣ моемъ... Еще на родинѣ, въ Кудиновской „диванной", въ которой были тогда пунцовые гладкіе и блестящіе такіе обои, съ черными арабесками на верху, среди калужскихъ снѣговъ, сидя у вечерней лампы, я зналъ, что есть такіе герои въ фустанеллахъ, которыхъ боятся турки и которые одной съ нами вѣры... Тамъ, у сосѣдей, я видѣлъ передъ пылающимъ каминомъ вышитый экранъ: вороной конь бѣшено взвивается на дыбы, а около него молодой грекъ, въ этой самой національной одеждѣ, которую носилъ Сотири, попираетъ побѣдной ногой мусульманскія знамена...

Въ другомъ домѣ я еще ребенкомъ былъ пораженъ и растроганъ до глубины души одной картиной: „молодой грекъ защищаетъ раненаго отца". Прекрасная картина, на которую я и теперь посмотрѣлъ бы съ чувствомъ искренняго удовольствія.

Даже въ альбомѣ сестры моей была одна очень хорошая акварель. Ее рисовалъ одинъ нашъ знакомый артиллеристъ, у котораго былъ большой и самородный талантъ къ рисованію. У него было столько ума и вкуса въ выборѣ сюжета; рисунокъ такъ правиленъ и колоритъ такой свѣжій, яркій и веселый... И онъ, между прочими „картинками", въ альбомъ моей сестрѣ нарисовалъ такую: на каменной террасѣ, подъ тѣнью винограда, который вьется по перекладинамъ, сидитъ молодая гречанка въ пестрой одеждѣ, на пестромъ коврѣ, сидитъ поджавъ ноги по турецки, заплетаетъ косу и улыбается; а красивый грекъ съ черными усами, въ бѣлой юбкѣ, присѣлъ на балюстрадѣ террасы и глядитъ на нее съ любовью. Онъ опирается на такое же точно длинное и фигурное ружье, какимъ вооруженъ мой таинственный Сотири...

И стихи о клефтахъ я читалъ, и „Корсаромъ" лорда Байрона восхищался еще тогда, когда мнѣ были „новы всѣ впечатлѣнья бытія"...

Все это я помнилъ; все это я зналъ... На востокъ я пріѣхалъ человѣкомъ уже опытнымъ; увидалъ и суліотовъ, и клефтовъ, и арнаутовъ,—и ничуть не разочаровался въ нихъ потому, что я уже съ ранней молодости привыкъ требовать отъ людей больше оригинальности національной, а, если можно, и личной, характерности, изящества, выразительности и силы, чѣмъ нравственной безупречности или какой нибудь невозможной на землѣ неизмѣнности и добрыхъ качествъ...

Что Сотири своими руками убилъ, быть можетъ, кого-то изъ иностранцевъ?.. Положимъ—хоть секретаря Италіи?.. Что мнѣ до этого... За душу Сотири и за его прежніе грѣхи мнѣ передъ Богомъ не отвѣчать... Мнѣ въ пору о моихъ собственныхъ грѣхахъ думать... И если я при этомъ грѣшу, то развѣ *слишкомъ живымъ* желаніемъ сдѣлать добро человѣку, все таки православному по исповѣданію, который досадилъ одной изъ націй *этого* запада... Этимъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ христіанину *живымъ чувствомъ* я грѣшилъ... каюсь... но какъ-то безъ особеннаго стыда!..

Все это для меня было такъ просто, ясно и *обязательно* даже, что я гораздо больше теперь употребляю времени для того, чтобы написать все это, чѣмъ тогда, чтобы рѣшить участь Сотири. Зачѣмъ же мнѣ торопиться и пугать его разспросами о шайки Тако, каково именно его прошлое: бѣжалъ-ли онъ только изъ и его *руки обагр*[illegible]*гись европейской кровью*...

Я не духовникъ ему; это дѣло касается до Бога, его совѣсти и еще до аѳинскаго правительства, въ которомъ преобладали въ то время эллины, вовсе и намъ русскимъ, и православію не дружественные. Мнѣ-то что-жъ до этихъ аѳинскихъ министровъ и эллинскихъ газетчиковъ, которые до того глупы, что даже и меня (*меня-то?*) считали врагомъ грековъ и печатно звали „ce fougueux Panslawiste"...

* * *

Но это все *тайные* помыслы мои, которыхъ никто не имѣетъ права изслѣдовать. Формально я тоже былъ правъ; христіанинъ въ бѣдствіи, безъ хлѣба и крова, умоляетъ прокормить и спасти его... Проступки его мнѣ неизвѣстны. Онъ молчитъ объ нихъ и я не спрашиваю... На что мнѣ все это знать... Когда нибудь, пожалуй, послѣ на досугѣ... Когда нибудь—все разскажетъ... Теперь для меня гораздо важнѣе, чтобы онъ выучился толочь въ ступкѣ миндаль для моего утренняго кофею... Вотъ что важно... А итальянскій секретарь—это что!..

Почему же для меня такъ важенъ былъ тогда миндаль, толченый въ мѣдной ступкѣ, которая ѣздила за мной нездѣ въ сумкѣ, на вьючной лошади? Миндаль былъ необходимъ мнѣ потому, что я тогда былъ измученъ и разслабленъ двухлѣтней лихорадкой.. Пищевареніе мое было совсѣмъ разстроено и отъ одной ложки сливокъ въ кофеѣ, отъ самой незамѣтной простуды, отъ небольшой прогулки по мѣсту нездоровому или сырому, у меня возвращались пароксизмы и доводили меня, наконецъ, до отчаянія...

Когда я поутру пилъ крѣпкій кофей съ густымъ и хорошо приготовленнымъ миндальнымъ молокомъ, то могъ при этомъ ѣсть хлѣбъ, ободрялся надолго и становился на нѣсколько часовъ способнымъ на трудъ, на мысль и на всякую борьбу не хуже другихъ... Это медленное, безмолвное и почти торжественное вкушеніе кофея по утрамъ стало для меня, за это время страданій тѣлесныхъ и нравственныхъ, такою непобѣдимою физической потребностью, что позднѣе всѣ мои попытки освободиться отъ этого рабства привычкѣ не привели ни къ чему, кромѣ вреда, и я навсегда остался въ этомъ рабствѣ... Теперь, понятно, я надѣюсь, почему кофе и толченый миндаль были для меня гораздо важнѣе, не только итальянскаго и даже англійскаго секретаря въ Аѳинахъ, но и всей Западной Европы вмѣстѣ взятой.

Будетъ ли мой ужасный герой хорошо варить кофе и толочь миндаль, когда я съ полу-пути долженъ буду разстаться съ моимъ милымъ и всезнающимъ Петраки, котораго я, изъ желанія сдѣлать ему добро, уступилъ въ то время въ пользу консулу Якубовскому, управлявшему въ Салоникахъ? Якубовскій назначилъ Петраки казенное жалованье въ шесть или семь золотыхъ, и мнѣ нельзя было его больше таскать за собою. Я не долго смущался этимъ вопросомъ.—Плечистый мой клефтъ ничуть не побрезгалъ скромнымъ занятіемъ этимъ и черезъ два—три дня выучился приготовлять мнѣ мой спасительный напитокъ не хуже другихъ.—Я съ ранняго утра, просыпаясь на ночлегахъ, слышалъ какъ онъ старательно толчетъ и звонитъ ступкой, и стоило мнѣ только крикнуть лежа на коврѣ въ углу „хана" (т. е. постоялаго двора), какъ Сотири являлся въ дверяхъ съ подносомъ... Головой онъ доставалъ почти до потолка, плечами, на которыхъ была часто накинута тяжелая и широкая сѣрая бурка, онъ едва проходилъ въ дверь, и старый, плохо сколоченный полъ такъ и трясся подъ его полновѣсными стопами... Мнѣ, лежащему на полу—онъ снизу казался еще огромнѣе, и болѣзненность моя тогда была такъ велика, что я малодушно раздражался и говорилъ ему угрюмо: „Поставь-ка и не подходи близко; мнѣ все кажется, что ты наступишь на меня!"

Правду говорилъ Петраки, еще въ первый день нашего знакомства: „Хочу я устроить при васъ этого паликара, но боюсь какъ онъ это будетъ безъ меня вамъ служить... Комнаты все маленькія тутъ, а онъ *наполняетъ* всю комнату... Каково вамъ будетъ выносить во время болѣзни такого слугу?!"

И серьезно бѣдный юноша сокрушался о томъ, что Сотири „наполняетъ всю комнату!"

Отчасти Петраки былъ правъ; я *чувствовалъ то*, о чемъ онъ говорилъ, невольнымъ чувствомъ разстроенныхъ до пельзя нервовъ, но охотно мирился съ этимъ чувствомъ и старался подавить его...

Милый Николай Федоровичъ Якубовскій, консулъ нашъ въ Битоліи, былъ тоже правъ, освѣщая дѣло съ другой стороны... У него былъ въ услуженіи Николай, греческій молодой мужикъ, тоже въ фустанеллѣ, неопытный, грубый и очень плутоватый; усердствуя, онъ вымылъ ему однажды рояль горячей водой съ мыломъ и совсѣмъ было испортилъ его; другой разъ, стирая пыль съ письменнаго стола,—навалился животомъ на красивую рѣзную рѣшетку и сломалъ ее въ дребезги... Взялъ въ руки любимаго чижика консула, чтобы почистить клѣтку и такъ стиснулъ его, что чижикъ издохъ.

Якубовскій страшно любилъ птицъ и, увидѣвъ чижика въ рукахъ Николая,—съ ужасомъ спросилъ: „Что случилось съ птицей?"

— Издохла! съ глупой улыбкой отвѣчалъ Николай.

— Дикій человѣкъ... Дуракъ, оселъ... закричалъ Якубовскій въ первую минуту отчаянія, но потомъ, обратясь при мнѣ къ приближеннымъ своимъ, сказалъ съ комически-серьезнымъ видомъ: „Вотъ разразить бы эдакаго скота... Все уничтожаетъ въ домѣ... Но нельзя... Никакъ нельзя!.. Константинъ Николаевичъ (это я) не велитъ... Фустанелла, шальвары, чалма, баранья шапка болгарская, либо вышитая восточными цвѣтами рубашка македонская... Нельзя!.. Не велитъ... Вотъ кабы фракъ или панталоны, ну такъ я бы его на вѣкъ несчастнымъ сдѣлалъ... А фустанелла или шальвары—никакъ нельзя... Пусть ломаетъ!"

Библиотека "Руниверс"

Всѣ засмѣялись, и я тоже смѣялся отъ души и сказалъ: „Ну, что-жъ, это правда, что у меня есть такое предубѣжденіе... Но я думаю—вся исторія наша Русская пошла бы иначе, если бы въ Россіи больше было людей съ такими крайними вкусами какъ мои“...

Это правда, что Сотири *наполнялъ* всю комнату и служилъ тяжело и неповоротливо, но онъ не похожъ былъ на казеннаго *европейца* и этимъ онъ на столько-же возбуждалъ и подкрѣплялъ мои нервы, на сколько неразвязностью своею утомлялъ ихъ...

Къ тому же Петраки сначала дѣлалъ за него половину дѣла въ дорогѣ, и этимъ старался смягчать первыя впечатлѣнія нашего сожительства и знакомства. На третій же или четвертый день странствія, для Сотири вышелъ случай обнаружить на дѣлѣ свою благодарность, свою приверженность и расторопность. И онъ обнаружилъ ихъ съ перваго раза вполнѣ!

(До слѣд. №).

Стихотвореніе.

Я помню дѣтства золотаго
Давно исчезнувшіе сны:
И ласки солнца молодаго,
И ливни теплые весны...

И садъ нашъ старый, полный тѣни,
Гдѣ въ полдень сыро и темно,
И гроздья пышныя сирени,
Ко мнѣ глядѣвшія въ окно...

Зарницъ таинственныхъ мерцанье
Надъ полемъ теплымъ и нѣмымъ,—
И пяти милое ворчанье
Надъ дѣтскимъ пологомъ моимъ...

П. Гнѣдичъ.

Къ рисункамъ.

Виды Павловска.

(Рис. на стр. 440).

Въ „Нивѣ“ не разъ уже бывали виды Павловскаго парка,—этого дивнаго царскаго сада, предоставленнаго въ полное распоряженіе павловскихъ дачниковъ. Безспорно, это самое живописное мѣсто изъ петербургскихъ окрестностей, представляющее превосходные уголки для прогулокъ. Нашъ журналъ уже касался исторіи Павловска, подробно разсказывая исторіи постепеннаго роста этого городка,—такъ что теперь мы ограничимся краткимъ описаніемъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ этомъ №.

Наверху нашего рисунка изображена крѣпость Бинъ, построенная въ 1778 году и называвшаяся прежде Маріенталь. При императорѣ Павлѣ она была вполнѣ вооружена и гарнизонная служба исполнялась со всею строгостью. Къ крѣпости вели три подъемные моста, которые послѣ зари поднимались. Въ началѣ настоящаго столѣтія ее упразднили, хотя и теперь видъ ея внушительный. Надъ главными воротами изображенъ двуглавый орелъ съ мальтійскимъ крестомъ на груди. На стѣнѣ имѣется надпись:

„Валъ сей—остатокъ укрѣпленія, сдѣланнаго шведскимъ генераломъ Кронпортомъ въ 1702 году, когда онъ, будучи разбитъ окольничимъ Апраксинымъ, ретировался чрезъ сей постъ къ Дудоровой горѣ.
См. Журналъ Государя Петра I“.

Теперь въ крѣпости Бинъ помѣщается городское правленіе, архивъ и приходская школа. На валу, изъ мѣдной пушки, въ 12 часовъ производятъ выстрѣлъ, если во дворцѣ живетъ кто нибудь изъ царской фамиліи.

Ниже изображенъ у насъ памятникъ императору Павлу. Онъ помѣщается въ паркѣ, въ нарочно устроенномъ превосходномъ зданіи дорическаго стиля и изображаетъ императрицу Марію Ѳеодоровну, съ глубокой скорбью приникшую къ урнѣ. Внизу на барельефѣ—изображеніе августѣйшаго семейства въ греческихъ костюмахъ. Изваяніе это принадлежитъ рѣзцу извѣстнаго скульптора Мартоса.

Еще ниже—прелестный видъ храма Дружбы, построеннаго въ 1782 году. Это круглая ротонда дорическаго стиля, съ барельефами по фризу и каннелюрами (желобками) на колоннахъ. Внутри храмъ меблированъ скамьями и украшенъ статуей Екатерины II, въ видѣ Цереры. Надъ входомъ надпись:

„Любовь, почтеніе и благодарность посвятили“...

Направо наверху — памятникъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ супругѣ Фридриха-Людвига, наслѣднаго принца Мекленбургъ-Шверинскаго. Барельефъ, работы Мартоса, изображаетъ крылатаго генія, печально склонившагося съ розовымъ вѣнкомъ на опрокинутый факелъ.

Вообще, въ паркѣ находится много прелестныхъ построекъ и уголковъ. Къ нимъ надо причислить мостикъ черезъ Каскадъ, и „Хижину Пустынника“, или Эрмитажъ. Про послѣднюю постройку существуетъ легенда, что она принадлежала отшельнику, жившему еще задолго до основанія Павловска, въ лѣсу, среди звѣрей. Его нашла императрица Екатерина,—по впослѣдствіи онъ таинственно скрылся. На стѣнѣ домика висѣлъ и портретъ монаха: копія съ итальянской акварели, изображавшая какого-то капуцина.

Святополкъ „Окаянный“.

(Рис. на стр. 441).

Святополкъ, сынъ князя Ярополка, усыновленный великимъ княземъ Владиміромъ, какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ народныхъ преданіяхъ заслужилъ самую мрачную память. Какъ тѣ, такъ и другія представляютъ его настоящимъ исчадіемъ ада, убійцей, вѣроломнымъ предателемъ, человѣкомъ „окаяннымъ“, не останавливавшимся ни передъ какими средствами для достиженія извѣстной цѣли. Эпоха удѣловъ была какъ разъ подъ стать этому злобному характеру и постоянная вражда и борьба удѣльныхъ князей доставляли ему широкое поприще для его кровавыхъ подвиговъ. Уже по кончинѣ своего благодѣтеля Владиміра, въ 1015 году, Святополкъ, находясь въ Кіевѣ, задумалъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы завладѣть великокняжескимъ престоломъ. Онъ созвалъ гражданъ, объявилъ себя государемъ Кіевскимъ и роздалъ своимъ сторонникамъ множество сокровищъ изъ великокняжеской казны. Но для успѣха дѣла ему нужно было истребить ближайшихъ соперниковъ, и вотъ, по его приказанію, умерщвляютъ обоихъ сыновей Владиміра, Бориса и Глѣба. Таже участь постигаетъ и древлянскаго князя Святослава, захваченнаго слугами Святополка у Карпатскихъ горъ и тамъ же убитаго. Наконецъ Ярославъ, князь Новгородскій, рѣшился положить конецъ злодѣйствамъ Святополка и пошелъ на него съ войскомъ. Когда къ Кіеву подступилъ Ярославъ, то Святополкъ бѣжалъ къ печенѣгамъ и, вступивъ съ ними въ русскіе предѣлы, встрѣтился съ войскомъ Ярослава на берегахъ Альты. На зарѣ завязалось упорное сраженіе, возобновлявшееся три раза. Къ вечеру Святополкъ обратился въ бѣгство. Онъ не могъ сидѣть на конѣ и когда воины донесли его до Бреста, то онъ приказалъ нести его далѣе за рубежъ; не дерзнувъ вторично прибѣгнуть къ помощи Болеслава, онъ миновалъ Польшу и кончилъ жизнь, по словамъ лѣтописцевъ, въ пустыняхъ Карпатскихъ (1020 г.) въ безуміи, безпрестанно видя за собою преслѣдующихъ враговъ. Это предсмертное безумье Святополка и взялъ сюжетомъ для своей статуи молодой художникъ Курнатовъ и, нужно сказать, выполнилъ ее съ несомнѣнной экспрессіей. Это еще первое, выставленное имъ, произведеніе.

Дама временъ королевы Елизаветы.

(Рис. на стр. 453).

Послѣ того какъ Карлъ V возвелъ Испанію на степень міровой монархіи, такъ называемые испанскіе костюмы вошли въ моду при всѣхъ европейскихъ дворахъ и среди знатнаго общества. Въ Англіи, во время царствованія королевы Елизаветы (1558—1603), которая любила чрезвычайно наряжаться, дамскіе костюмы достигли необыкновенной роскоши. Широкая, падающая складками, изъ дорогой матеріи юбка приподнималась съ одного боку, съ цѣлью обнаружить нижнюю юбку, также очень дорогую. Лифъ платья оканчивался острымъ шипомъ и вырѣзка у шеи имѣла также острую форму. Фасонъ рукавовъ часто мѣнялся: долгое время носили ихъ очень узкими, съ буфами на плечахъ. Самою однако дорогою частью костюма былъ большой, стоячій, вѣерообразный воротникъ, въ какомъ именно изображена на картинѣ Генриха Шмихена знатная дама временъ королевы Елизаветы англійской. Характеристическіе воротники эти дѣлались изъ кружевъ и при помощи тонкой проволоки и китоваго уса удерживались въ стоячемъ положеніи. Волосы причесывались различно, а внѣ дома дамы носили преимущественно испанскія мужскія шляпы. Перчатки, вѣера и драгоцѣнныя украшенія поглощали громадныя суммы. Какъ сказано выше, королева Елизавета сама подавала примѣръ роскоши; во время аудіенціи, данной ею французскому посланнику маршалу Бирону, на ней было надѣто платье, превосходящее по великолѣпію все существовавшее въ этомъ родѣ; надъ нимъ, въ продолженіи трехъ недѣль, работало 100 человѣкъ. Послѣ смерти королевы осталось 3000 различныхъ платьевъ.

Фотографическій револьверъ.

(Рис. на стр. 456).

Аппаратъ этотъ, сдѣланный Эналь-беромъ, по всей вѣроятности, получитъ широкое примѣненіе. По виду это настоящій карманный револьверъ съ дуломъ, прикладомъ и собачкой, но предназначенный для совершенно мирныхъ цѣлей, именно для полученія маленькихъ, величиною въ 4 сантиметра, моментоль-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ снимковъ. При надавливаніи замка, чувствительныя стекла смѣняются одно другимъ и такимъ образомъ, за одинъ разъ, можно получить десять постепенныхъ снимковъ. Маленькія фотографіи могутъ быть потомъ увеличены и служить для цѣлей туристовъ, любителей и художниковъ.

Моментальные снимки получаются въ $^1/_{50}$ минуты. Револьверомъ этимъ съ легкостью можно слѣдить за движущимися предметами; онъ герметически закрытъ отъ свѣта, такъ что стекла въ немъ не подвергаются порчѣ.

Револьверъ состоитъ изъ пяти главныхъ частей: 1) дула, въ которомъ помѣщено предметное стекло, состоящее изъ двухъ вогнутыхъ и выпуклыхъ ахроматическихъ стеколъ, расположенныхъ симметрически и дающихъ фокусное разстояніе въ 0,042 миллиметра; 2) цилиндрической камеръ-обскуры H, заключающей стеклянную вставку A и рамку C. Къ передней части камеръ обскуры привинчивается дуло; 3) барабана G, раздѣленнаго на два прямоугольныхъ отдѣленія, въ которыхъ скользятъ двѣ пластинки, подталкиваемыя проволочной пружиной. Верхнее отдѣленіе содержитъ чувствительныя стекла, вложенныя въ рамки, а нижнее—принимаетъ эти стекла по мѣрѣ того, какъ на нихъ отпечатлѣлся снимокъ. Стекла эти, въ настоящую ихъ величину, изображены на рисункѣ подъ № 3; 4) подвижнаго винта, укрѣпленнаго на оправѣ и служащаго для соединенія барабана съ камерой H. На этомъ винтѣ находится собачка, остріе головки которой S входитъ въ выемки, продѣланныя на спинкѣ барабана и такимъ образомъ удерживаетъ его отъ поворачиванія во время процесса сниманія. И, наконецъ, 5) оправы, которою соединены всѣ части аппарата.

Единственное неудобство, какое представляетъ револьверъ, что онъ можетъ испугать того, на кого будетъ направлено его дуло. Но и это неудобство устраняется покрываніемъ револьвера платкомъ или чѣмъ нибудь другимъ, во время производства работъ.

Дѣдъ М. Ю. Лермонтова, съ портрета въ музеѣ.
По фот. грав. Ю. Барановскій.

Отецъ М. Ю. Лермонтова, съ портрета въ музеѣ.
По фот. грав. Ю. Барановскій.

Мать М. Ю. Лермонтова, съ портрета въ музеѣ.
По фот. грав. Ю. Барановскій.

Голотуріи.

(Рис. на стр. 456).

Въ числѣ выловленныхъ крейсеромъ „Талисманъ." на глубинѣ моря животныхъ, находится цѣлая коллекція щитоносцевъ, замѣчательныхъ разнообразіемъ формъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ голотуріи, были найдены на глубинѣ 4000—5000 метровъ. Такъ голотуріи (Psychropotes), помѣщенныя на стр. 456, были выловлены первая на глубинѣ 2270 саж., а вторая на глубинѣ 4 вер. 347 с. Голотуріи, извѣстныя подъ простымъ названіемъ морскихъ огурчиковъ, имѣютъ обыкновенно продолговатое цилиндрическое тѣло. Нѣкоторыя достигаютъ значительныхъ размѣровъ; выловленная „Талисманомъ" голотурія имѣетъ около 70 сантим. длины. Жесткая, неровная кожа голотурій, наполненная известковыми тѣльцами, покрыта родомъ полыхъ, размѣщенныхъ большею частью симметрически, ногъ съ отверстіями наверху. Ротъ помѣщается на одномъ концѣ туловища, въ то время какъ дыхательные органы находятся на другомъ концѣ, около желудка. Если разсердить голотурію, желая напримѣръ ее поймать, то она съеживается и съ силою отбрасываетъ свои ножки. Но что поразительнѣе всего— это отрастаніе, въ непродолжительномъ времени, отпавшихъ органовъ. Помѣщенныя на стр. 456 образцы голотурій замѣчательны во первыхъ тѣмъ, что они живутъ на громадной глубинѣ и во вторыхъ тѣмъ, что одна изъ нихъ покрыта длинными щупальцами, а другая, тѣло которой почти гладко, имѣетъ родъ громаднаго хвоста, подпятаго кверху.

Казалось бы, что жизнь этихъ животныхъ должна проходить въ совершенномъ покоѣ. Между тѣмъ масса паразитовъ удручаетъ голотурій, живущихъ и на глубокихъ мѣстахъ и близко поверхности. Такъ нѣкоторыя изъ нихъ превращаются въ настоящія живыя гостиницы. Однѣ изъ нихъ, какъ ферасферы, даютъ въ своихъ дыхательныхъ трубкахъ помѣщеніе маленькимъ рыбкамъ, съ длиннымъ тѣльцемъ, на подобіе угрей. Другія, какъ голотуріи Филиппинскихъ острововъ, носятъ одну или нѣсколько паръ маленькихъ крабовъ, или же какъ голотурія тубулоза носятъ въ желудкѣ червей. Но рядомъ съ этими животными, которыя пользуются только помѣщеніемъ, не принося вреда помѣстившему ихъ, есть еще другіе паразиты, живущіе на счетъ голотурій, ихъ пріютившихъ. На рисункѣ помѣщенъ паразитъ послѣдней категоріи. Это моллюскъ, который присосался къ горлу голотуріи и извлекаетъ изъ нея питательные соки, необходимые для его существованія.

Библиотека "Руниверс"

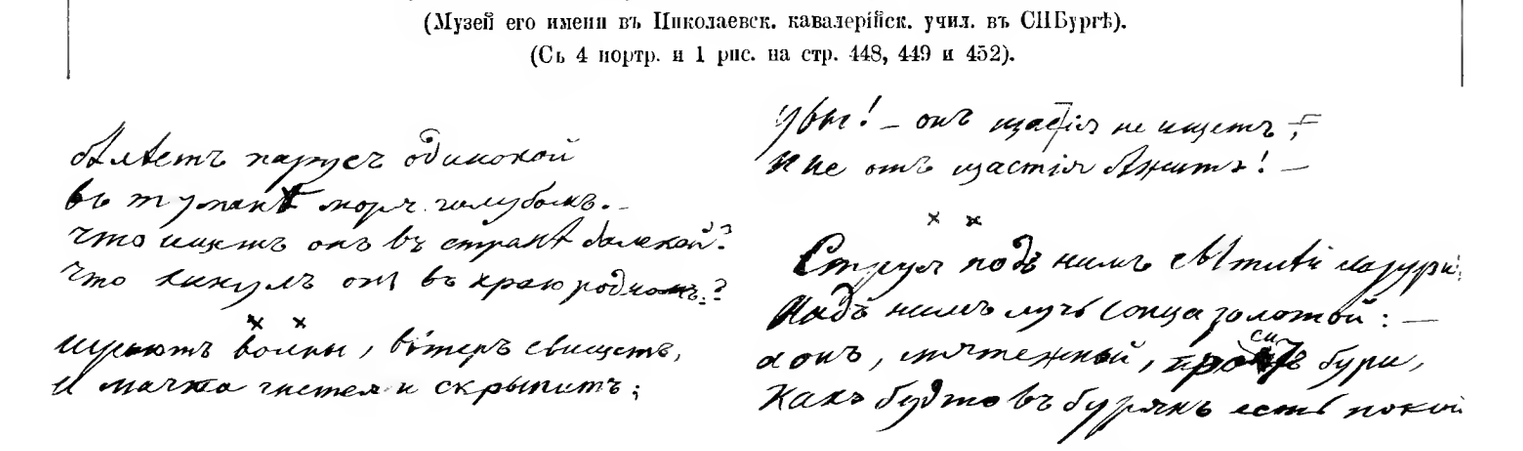
Знатная дама временъ королевы Елисаветы. Съ картины Шмихена, грав. Герике.

Библиотека "Руниверс"

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

(Музей его имени въ Николаевск. кавалерійск. учил. въ СПБургѣ).

(Съ 4 портр. и 1 рис. на стр. 448, 449 и 452).


Бѣлѣетъ парусъ одинокой
въ туманѣ моря голубомъ.—
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что покинулъ онъ въ краю родномъ?

Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрыпитъ;

Увы! — онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ! —

× ×

Струей подъ нимъ сверкаетъ лазурь,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой: —
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ бурѣ есть покой!

(Автографъ М. Ю. Лермонтова).

Поднимаясь по широкой лѣстницѣ Николаевскаго кавалерійскаго училища въ третій этажъ, выходишь на площадку, которая всею своею широтою подходитъ къ стеклянной стѣнѣ, за коей внимательною и любящею рукою тщательно собрано, что имѣетъ связь съ памятью о славномъ нашемъ юношѣ-пѣвцѣ, Михаилѣ Юрьевичѣ Лермонтовѣ. Рукописи, снимки, портреты, изданія, рисунки, вещи ему принадлежавшія, расположены въ систематическомъ порядкѣ за витринами и въ шкапахъ. По стѣнамъ висятъ снимки мѣстностей прославленныхъ поэтомъ: колыбель дѣтства его—село Тарханы, и скатъ у подошвы „Машука“ близъ Пятигорска, гдѣ грубая рука, не рука чужеземца, а русскаго, убила нашу надежу. Лица предковъ поэта, лица бабушки и матери, глядятъ со стѣнъ на посѣтителя. Особенно лицо молодой матери поэта поражаетъ сходствомъ съ нимъ.— „Вотъ это совершенно лицо Михаила Юрьевича. Одѣньте ее въ гусарскій мундиръ, придѣлайте усики и предъ вами живой поэтъ, какимъ я его зналъ“ — вскричалъ одинъ изъ близкихъ друзей поэта, которому суждено было присутствовать на открытіи музея. Андр. Ал. Краевскій много пожертвовалъ въ него. Посѣтитель найдетъ юношескія тетради и наброски стихотвореній разныхъ эпохъ, корректурные листы первыхъ изданій, списки стиховъ, приготовленныхъ къ печати и исправленныхъ рукою самого поэта. Кинжалъ, который Михаилъ Юрьевичъ оставилъ А. А. Краевскому въ подарокъ въ послѣдній пріѣздъ свой въ Петербургъ. Кинжалъ этотъ сопровождалъ поэта въ схваткахъ съ горцами, въ сраженіи подъ Валерикомъ, въ набѣгахъ на горскіе аулы, которые предпринималъ онъ съ шайкою удальцовъ, подобранныхъ и оставленныхъ ему въ наслѣдство Дороховымъ. Пороховница, трость, туфли и еще кое-какія бездѣлицы лежатъ въ одной витринѣ съ кинжаломъ. Рукописи подарены также и П. А. Ефремовымъ, и Б. Н. Чичеринымъ. Много пожертвовано въ музей прекрасно исполненныхъ акварелей А. И. Арнольда, товарища Михаила Юрьевича. Это снимки съ мѣстностей, связанныхъ съ воспоминаніями о поэтѣ. Есть и картины, писанныя самимъ Лермонтовымъ. Многое отдано въ музей Д. А. Столыпинымъ, М. И. Семевскимъ, г-жею Цеханов-скою, г. Журавлевымъ, П. А. Висковатовымъ и друг.

Художественный отдѣлъ очень богатъ. Собрано все, что только вышло въ свѣтъ и что ожидаетъ быть изданнымъ, какъ эскизы г. Зичи, сдѣланные имъ на Кавказѣ. Тутъ же стоятъ и модели памятниковъ Лермонтову, академика Опекушина, и барельефъ поэта на смертномъ одрѣ, сдѣланный товарищемъ его Цейдлеромъ. Все это впрочемъ подробно описано генераломъ А. А. Бильдерлингомъ, начальникомъ училища, въ изданномъ каталогѣ Лермонтовскаго музея. Прекрасное изданіе, снабженное нѣсколькими интересными рисунками, свидѣтельствуетъ о степени неутомимой энергіи, съ коей г. Бильдерлингъ преслѣдовалъ цѣль свою собрать въ стѣнахъ училища все, что связано съ памятью славнаго его питомца. Всѣ, кому дорога память поэта, должны сказать спасибо составителю музея, генералу Бильдерлингу, спасибо пожертвовавшимъ въ него предметы, которые иначе вѣроятно мало по малу затерялись и пропали бы безвозвратно. Побывать въ музеѣ этомъ обязательно для каждаго, кому дорога наша слава. Для занимающагося литературою, найдется тамъ много любопытнаго и поучительнаго. Посѣтитель въ лицѣ г. адъютанта Н. Н. Буковскаго во всякое время встрѣтитъ лицо, съ рѣдкою любовью и вниманіемъ относящееся къ памяти поэта. Ему же въ полнотѣ извѣстно все, что касается до Михаила Юрьевича, все собранное въ музеѣ.

Когда Лермонтовъ воспитывался въ „школѣ“, т. е. въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ (отъ 1832 до 1834 года), она помѣщалась не въ настоящемъ зданіи, а на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ высится великокняжескій дворецъ на площади противъ Исаакіевскаго сквера и памятника императору Николаю I. Поэтъ прибылъ въ Петербургъ для того, чтобы поступить въ университетъ. Онъ два года былъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ и два года въ московскомъ университетѣ. Два обстоятельства побудили его покинуть Москву. Одно чисто личнаго субъективнаго значенія, другое: не лады съ нѣкоторыми профессорами. Поэтъ получилъ отличное образованіе. Бабушка Арсеньева тратила на него до десяти тысячъ рублей въ годъ. Михаилъ Юрьевичъ въ совершенствѣ владѣлъ языками русскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ. Онъ хорошо зналъ по латынѣ и по гречески. Особенно послѣдній языкъ преподавался ему многіе годы грекомъ, прожившимъ на полномъ содержаніи въ Тарханахъ. Лермонтовъ привыкъ къ серьезному чтенію. Изъ записокъ его видно, что 15-ти лѣтъ онъ зачитывался Руссо, Гете, Шиллеромъ, Байрономъ, Шекспиромъ и другими. Читалъ онъ съ толкомъ, относясь критически къ содержанію книгъ, и дѣлалъ помѣтки, порою поражающія серьезностью не по лѣтамъ. Будучи студентомъ московскаго университета, Лермонтовъ далеко превосходилъ своихъ товарищей начитанностью и зрѣлостью мысли, обусловленною тяжелымъ его положеніемъ въ семьѣ и нравственными грозами. Въ московскомъ университетѣ въ то время бывали репетиціи, на коихъ Лермонтовъ постоянно вступалъ въ споры съ профессорами, требовавшими передачу предмета по читанному курсу. „Лермонтовъ, вы отвѣчаете не такъ, какъ я читалъ“, говорилъ одинъ. „Я отвѣчаю по книгамъ прочитаннымъ мною, о коихъ вы не упоминали“, возражалъ Лермонтовъ. „То что вы говорите не согласно съ прочитаннымъ и мнѣ неизвѣстно; я васъ прошу отвѣчать по тетрадкамъ“, замѣчалъ другой. „Вамъ это неизвѣстно“ возражалъ заносчивый и избалованный бабушкою поэтъ и потому, что у васъ нѣтъ этихъ книгъ, да и незная иностранныхъ языковъ, вамъ они недоступны“. Эти столкновенія вызвали общее негодованіе къ Лермонтову. На экзаменахъ къ нему придирались. Онъ рѣшился покинуть московскій университетъ и перейдти въ петербургскій *). Ему оставалось всего годъ до выпуска. Въ петербургскомъ университетѣ Лермонтова не хотѣли принять въ соотвѣтственный курсъ и предложили ему начать сначала. Это дѣло возбудило вниманіе и, кажется, не мало способствовало къ изданію распоряженія о возможности для молодыхъ людей перехода изъ одного университета въ другой на соотвѣтственный курсъ. Не желая терять время и стремясь какъ можно скорѣе вырваться на свободу, Лермонтовъ поступилъ въ школу гвардейскихъ юнкеровъ.

Были и еще причины, побудившія Лермонтова покинуть Москву. Здѣсь, въ любимомъ и родномъ городѣ, онъ испыталъ много радостей и огорченій. Здѣсь рано ознакомился съ дружбою и враждой. Здѣсь разыгралась глубоко потрясная его домашняя драма, здѣсь полюбилъ онъ сильно и серьезно дѣвушку, образъ которой затѣмъ постоянно выплываетъ въ поэтическихъ его твореніяхъ. Къ 1832 году группируются событія, обрушившіяся на впечатлительнаго юношу. Покинуть милую Москву становилось для него желательнымъ во многихъ отношеніяхъ.

Воспитательница поэта, бабушка его Елизавета Алексѣевна Арсеньева, изъ богатаго рода Столыпиныхъ, не охотно выдала единственную дочь за бѣднаго армейскаго офицера, Юрія Петровича Лермонтова. Въ то время о родѣ Лермонтовыхъ ничего положительнаго не знали. Юрій Петровичъ, вмѣстѣ съ пятью сестрами, владѣлъ небольшимъ помѣстьемъ Кропотовкою въ Ефремовскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Документы о древности рода были повидимому затеряны, такъ что когда поэта нашего собирались отдать въ московскій университетскій пансіонъ, куда принимались лишь дѣти дворянскихъ родовъ, Юрію Петровичу пришлось хлопотать о внесеніи своего имени въ дворянскую родословную книгу Тульской губерніи, что и было совершено 10-го марта 1829 года. Даже самый гербъ рода Лермонтовыхъ—

*) Обыкновенно біографы разсказываютъ, что Лермонтовъ былъ исключенъ изъ университета изъ за извѣстной „Маловской исторіи“. Это совершенно не вѣрно (см. статью мою „Универ. годы Лермонтова“. Русская мысль, апрѣль 1883 г.).

Библиотека "Руниверс"

гербъ тождественный съ гербомъ еще нынѣ существующихъ въ Шотландіи Лермонтовъ, былъ неизвѣстенъ Юрію Петровичу, и поэтъ нашъ, выйдя въ 1834 году въ офицеры, просилъ у Ив. Ник. Лермантова, потомка младшей линіи вышедшихъ изъ Шотландіи Лермонтовъ, гербовую печать для того, чтобы вырѣзать таковую для себя. Семья Юрія Петровича только смутно знала о древности своего рода, связывая его то съ Шотландіею, то съ испанскимъ герцогомъ Лерма. Но это могло казаться фантазіей. Родъ забѣднѣлъ, захудалъ и Юрій Петровичъ не особенно дружелюбно былъ встрѣченъ богатою роднею жены.

На самомъ дѣлѣ предки Михаила Юрьевича принадлежали къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ Европы. О нихъ говорится между прочимъ и въ латинской хроникѣ Гектора Боэція, извлеченіемъ изъ которой пользовался Шекспиръ при сочиненіи Макбета. Введи онъ еще нѣсколькихъ лордовъ въ число названныхъ сподвижниковъ Малькольма, фамилія Лермонтовъ была бы увѣковѣчена великимъ драматургомъ. Уже въ XII вѣкѣ существовалъ знаменитый шотландскій бардъ Лермонтъ, предсказавшій судьбу Шотландіи. Былъ онъ воспѣтъ потомъ Вальтерскотомъ *). Сочиненія этого Лермонта, барда XII вѣка, были изданы въ Англіи въ 1615 году. Родъ перешолъ изъ Шкотской земли въ Московскую около 1620 года. Основатель его у насъ, шотландецъ Юрій Андреевичъ, былъ боевой человѣкъ и приложилъ руку къ формированію на Руси, при Алексѣѣ Михайловичѣ, первыхъ кавалерійскихъ полковъ. Двое сыновей положили основанія двумъ линіямъ Лермантовыхъ. Фамилія писалась черезъ а, вѣроятно вслѣдствіе „акающаго" московскаго произношенія. Нашъ поэтъ тоже писалъ свою фамилію черезъ *а* и таковою она встрѣчается во всѣхъ документахъ и приказахъ. Только позднѣе, узнавъ о несомнѣнномъ происхожденіи отъ шотландскихъ Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ началъ писать фамилію свою черезъ *о*. Въ Шотландіи предки его были храбрыми воинами, на Руси они служили тоже въ войскахъ. Старшій сынъ шотландскаго выходца, Петръ Юрьевичъ, былъ воеводою города Сарапска. Другой, Петръ Юрьевичъ (всѣ они именовались Юріями или Петрами), былъ лично извѣстенъ Петру I и служилъ въ войскѣ. О дѣдѣ поэта, Петрѣ Юрьевичѣ, мы ничего не знаемъ, объ отцѣ Юріѣ Петровичѣ—весьма мало. Онъ тоже былъ военнымъ, но вышелъ въ отставку въ малыхъ чинахъ. Бракъ его съ Марьею Михайловною былъ не изъ счастливыхъ. Молодые жили при матери въ ея богатомъ имѣніи Тарханахъ. Марья Михайловна скончалась отъ чахотки, когда поэту шелъ 3-ій годъ. Тутъ отношенія между отцомъ и бабушкою стали невыносимыми. Отецъ уѣхалъ, договорившись съ тещей, что она будетъ воспитывать внука до его шестнадцатилѣтняго возраста. Затѣмъ онъ долженъ былъ перейдти подъ вѣдѣніе отца.

Поэтъ нашъ былъ послѣднимъ представителемъ старшей линіи Лермонтовъ. Невниманіе и презрительное отношеніе къ захудалому роду его, глубоко трогало впечатлительнаго мальчика. Гордое отношеніе богатой родни бабушки къ бѣдному и любимому отцу, рѣдко наѣзжавшему и всегда испытывавшему невниманіе самое оскорбительное—все это заставляло мальчика переноситься мечтою то въ Испанію, то въ „горы своей Шотландіи" на „цвѣтущія поля предковъ". Ему казалось, что онъ чужой въ странѣ снѣговъ и что онъ осужденъ погибнуть въ ней.

„Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но не здѣшній душой..."

Но то были минуты отчаянья, порожденныя страданіемъ, Лермонтовъ считалъ себя гонимымъ міромъ странникомъ „но съ русскою душой".—„Я сердцемъ твой, всегда и вѣчно твой!" говоритъ онъ о русской землѣ.

Бѣдность вынудила отца оставить сына при бабушкѣ, иначе она грозилась лишить его субсидій на воспитаніе и наслѣдства. Когда Мишелю подходилъ шестнадцатый годъ и онъ долженъ былъ перейти къ отцу, Юрій Петровичъ пріѣхалъ въ Москву. Но бабушка не могла разстаться съ внукомъ, котораго любила безъ памяти, на котораго перенесла любовь свою къ трагически погибшему мужу и рано умершей единственной дочери. Она съ отчаяніемъ говорила, что умретъ отъ разлуки съ внукомъ. Она съ ужасомъ думала, что Юрій Петровичъ, „погубившій дочь ея", по ея убѣжденію „дурной человѣкъ", отниметъ теперь ея утѣшеніе, ея Мишеля. Любящая душа мальчика разрывалась. Прочтите его автобіографическія драмы „Люди и страсти" (Menschen und Leidenschaften) и „Странный человѣкъ", писанныя во время этихъ семейныхъ передрягъ, и вы увидите, какія страданія бичевали душу поэта. Дошло дѣло чуть ли не до проклятій со стороны отца, человѣка вспыльчиваго и самолюбиваго, но чрезвычайно любившаго сына и понесшаго много униженій ради будущаго счастливаго положенія Мишеля. Годы ждалъ онъ дня, когда соединится съ нимъ—теперь надеждамъ суждено было рухнуть. Все это происходило около 1830 и 1831 года. Отецъ не долго жилъ послѣ этихъ событій. Когда и гдѣ онъ скончался—неизвѣстно, но кажется отъ холеры въ Москвѣ. Въ это время Михаилъ Юрьевичъ въ черновыхъ тетрадяхъ пишетъ два стихотворенія, къ нему относящіяся. Первое начинается:

„Ужасная судьба отца и сына—
Жить розно и въ разлукѣ умереть..."

Другая пьеса дышетъ полною безнадежностью, полнымъ трагизмомъ.

„Я сынъ страданья; мой отецъ
Не зналъ покоя по конецъ и т. д."

Что за человѣкъ былъ отецъ поэта трудно сказать съ достовѣрностью. Сперанскій пишетъ о немъ: „странный и, говорятъ, худой человѣкъ"... но Сперанскій лично его не зналъ и говорилъ со словъ Столыпиныхъ или бабушки Арсеньевой. Знавшіе Юрія Петровича лично, называли его красавцемъ, сильно нравившимся женщинамъ, привлекательнымъ въ обществѣ, веселымъ собесѣдникомъ—„un bon vivant".—Крѣпостной людъ въ Тарханахъ считалъ его „добрымъ—очень добрымъ бариномъ".

Въ то время какъ происходила драма въ семьѣ поэта, онъ душою привязался къ дѣвушкѣ, которую всю жизнь потомъ не могъ забыть. Къ ней относятся лучшія лирическія пьесы, ей посвящаются имъ поэмы и между прочимъ „Демонъ". Она послужила ему прототипомъ Тамары въ „Демонѣ", кн. Мери и Вѣры въ „Героѣ нашего времени". Она является и въ юношескихъ повѣстяхъ и драмахъ поэта. Настоящаго имени ея онъ никогда не выставлялъ. Случай только далъ мнѣ возможность получить и портретъ ея и нѣкоторыя письма и данныя, разъясняющія дѣло. Внѣшній видъ и самый костюмъ ея описывается не разъ Лермонтовымъ. Она была однихъ съ нимъ лѣтъ и слѣдовательно на 17 году считалась „невѣстой", когда онъ въ обществѣ являлся мальчикомъ. За нею ухаживали, а онъ ревновалъ и мучился. Когда слухи о томъ, что она еговорена съ такимъ то, оказывались ложными, поэтъ, пребывавшій въ мрачномъ уединеніи, опять являлся къ ней, радостный и полный надеждъ. Часто, заподозрѣвая измѣну чувствъ ея, онъ бросался въ омутъ кутежа и увлеченій, или искалъ забыться въ любви къ другой женщинѣ, но это было тщетно:

„У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей"

пишетъ онъ къ ней. Понятно, что онъ торопился окончить курсъ скорѣе и когда придиравшіеся къ нему профессора московскаго университета не хотѣли дозволить перехода въ слѣдующій курсъ, онъ рѣшился перейти въ петербургскій университетъ. И бабушкѣ, и ему было пріятно вырваться хоть на время изъ Москвы, гдѣ въ послѣднее время было вынесено не мало страданій и разочарованій.

Въ 1832 году поэтъ съ бабушкою уѣхалъ въ сѣверную столицу, но она ему не понравилась. Университетъ не исполнилъ его ожиданій. Общество показалось холоднымъ, однообразнымъ, жизнь обыденною и стѣсненною казенной формолистикой.

„Увы! какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда не взглянешь—красный воротъ
Какъ шишь, торчитъ передъ тобой!"...

пишетъ онъ въ Москву. И молодые люди, и женщины общества производили на него впечатлѣніе „французскаго сада, узкаго и незамысловатаго, но въ которомъ съ перваго раза легко можно потеряться, до того хозяйскія ножницы уничтожили въ немъ все самобытное". Къ Москвѣ уносится его фантазія:

„Москва, Москва!.. люблю тебя какъ сынъ,
Какъ русскій,—сильно, пламенно и нѣжно!"

„Тамъ я родился, тамъ много страдалъ и тамъ же былъ счастливъ"—пишетъ онъ въ письмѣ къ другу. Но вернуться въ Москву было невозможно—ему пришлось измѣнить тонъ жизни и поступить въ „юнкерскую школу". Это заведеніе имѣло характеръ военнаго университета. Юнкера пользовались большою свободою. Туда поступали изъ лицеевъ и университетовъ. Но на несчастіе Лермонтова какъ разъ къ 1832 году „школа" реформируется и получаетъ значеніе „военнаго корпуса", по строю мало чѣмъ отличавшагося отъ прочихъ воспитательныхъ военныхъ заведеній. Лермонтовъ, по собственному свидѣтельству, перенесъ „два ужасныхъ года".

„Отворите мнѣ темницу
Дайте мнѣ сіянье дня!"

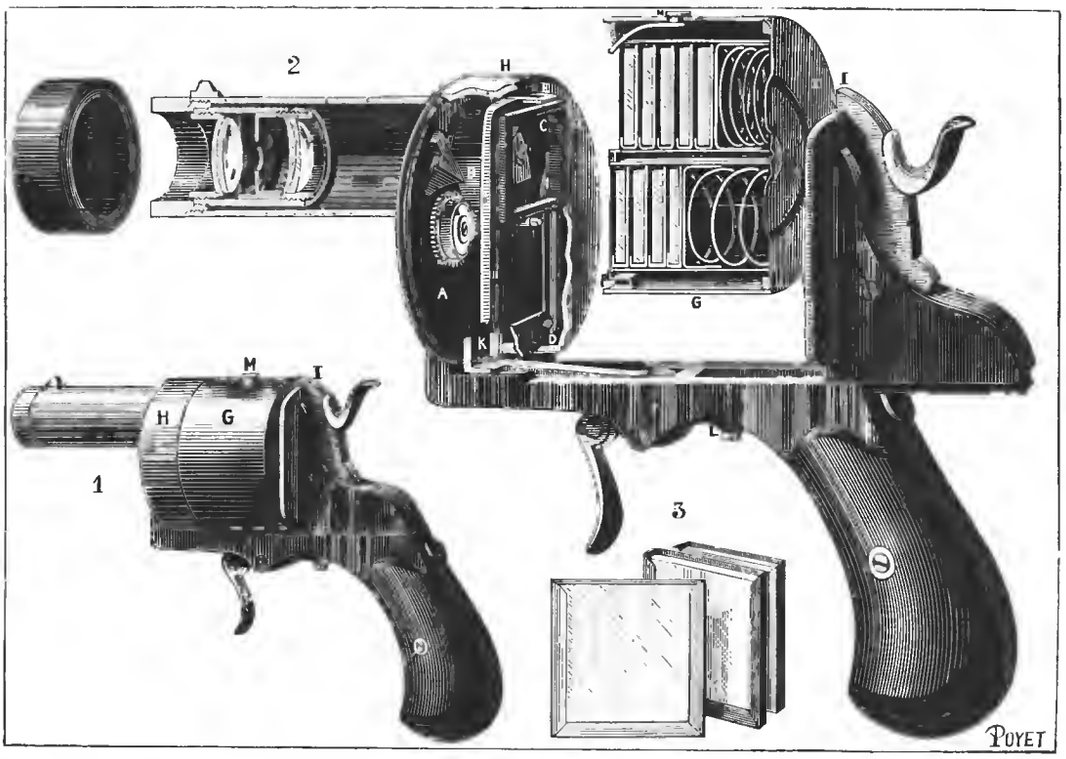
вырывается изъ больной души. Какъ ни было ему тяжело въ Москвѣ, но онъ тамъ жилъ сравнительно свободнымъ человѣкомъ. Студенты университета играли роль въ обществѣ, были дамскими кавалерами на вечерахъ и балахъ. Теперь Лермонтовъ видитъ себя школьникомъ, скованнымъ дисциплиною и однообразіемъ жизни. Тогда то, на берегу моря въ Петергофѣ, пишетъ онъ знаменитое свое стихотвореніе „Парусъ" (автографъ котораго поставленъ во главѣ статьи), оканчивающееся словами:

„А онъ мятежный проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!"

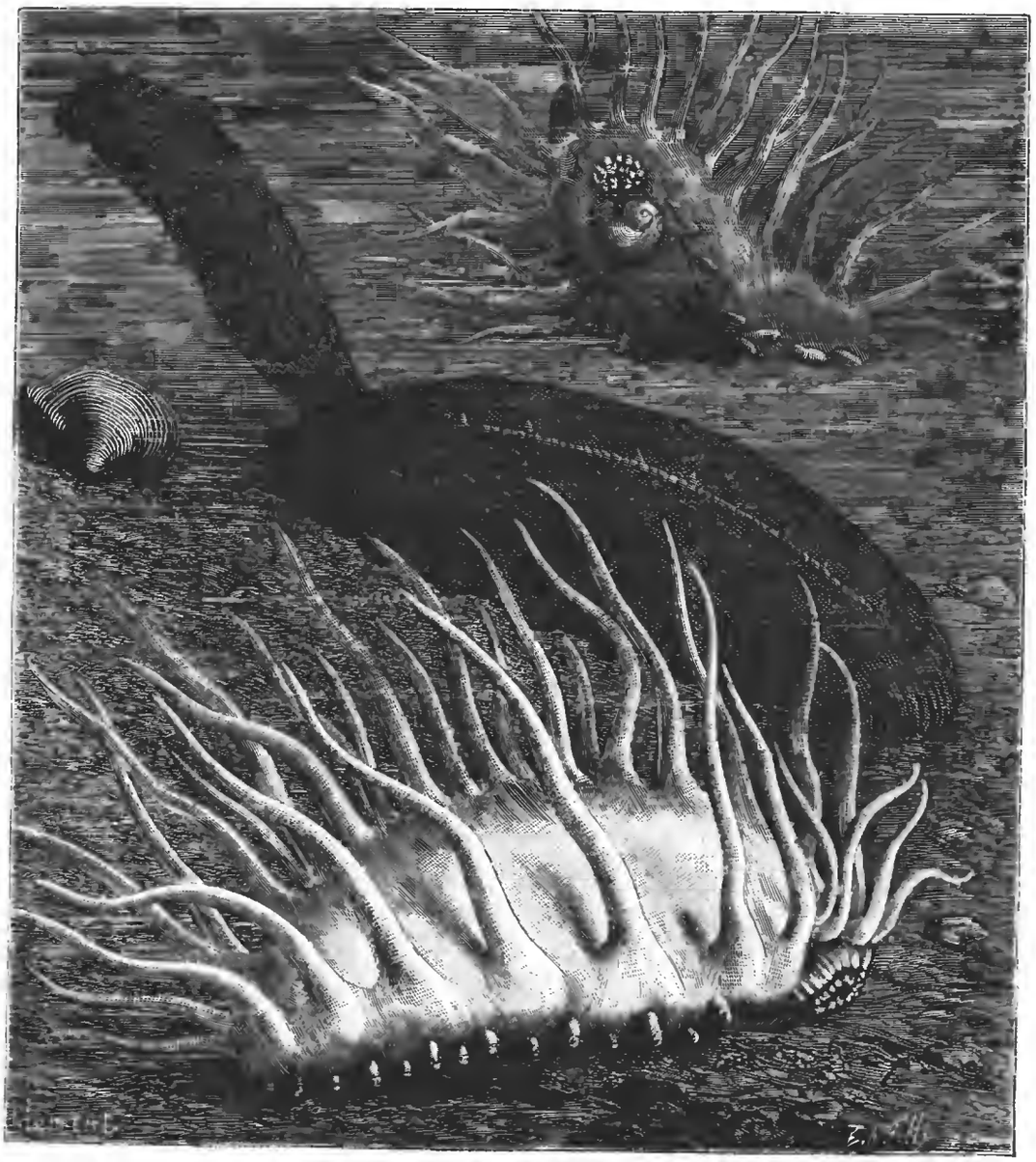
Въ юнкерской школѣ Лермонтовъ живетъ двойственною жизнью: съ товарищами онъ веселъ, сыплетъ остротами, дѣлаетъ разнаго рода школьническія выходки, полныя безшабашнаго молодечества, пишетъ цѣлый рядъ нескромнаго содержанія поэмъ и упрочиваетъ за собою репутацію „лихова малаго, безпокойнаго забіяки и даже назойливаго пересмѣшника". Никто

*) См. главу V моей біографіи Лермонтова „Русская Мысль", 1882 года февр. стр. 87—98.

Библиотека "Руниверс"



Фоторевольверъ Энальберта.
1) Общій видъ аппарата сложеннаго. 2) Части механизма. 3) Части чувствительныхъ стеколъ.



На днѣ моря. Голотурія живущ. на глубинѣ 3¾ верст. (4000 метровъ). Рис. Тиллі, Грен, Клемендъ.

Библиотека "Руниверс"

изъ товарищей не подозрѣваетъ, что творится въ душѣ Лермонтова, никто не подозрѣваетъ, что веселость его напускная, тревожная, болѣзненная, что насмѣшки, коими онъ осыпаетъ и другихъ и себя, это „хохотъ полный адской муки". Товарищи его разсказываютъ, что онъ старался „незамѣченнымъ пробраться въ пустой классъ или дортуаръ" и тамъ онъ писалъ. Тамъ онъ находилъ самого себя. Въ этомъ уединеніи сходило на него прежнее творчество, вставали прежніе образы и быть можетъ текли горячія слезы, которыя онъ внезапно подавлялъ и скрывалъ подъ оболочкою смѣха и глупыхъ выходокъ, когда въ его уединеніе врывалась ватага товарищей.

Однако и пребываніе въ школѣ, не смотря на большой вредъ принесенный поэту, было и не безъ добраго вліянія. Молодой Лермонтовъ въ первый разъ въ жизни былъ удаленъ изъ подъ крыла бабушки и „московскихъ кувинъ", неимовѣрно его баловавшихъ. Въ Москвѣ Лермонтовъ чуждался товарищей; онъ жилъ своей особой жизнью и, избалованный, чувствовалъ себя выше и лучше другихъ. Теперь ему пришлось быть въ опредѣленныхъ рамкахъ и волей-неволей подчиняться общему строю товарищества. Въ ноябрѣ 1834 г. Лермонтовъ былъ произведенъ въ корнеты лейбъ-гвардіи гусарскаго полка. Теперь онъ входилъ въ свѣтъ равноправнымъ членомъ общества, а не юношею, сидящимъ на школьной скамьѣ. Но и вокругъ него все измѣнилось. Любимая имъ дѣвушка вышла за мужъ за другаго. Лермонтовъ бросился въ вихрь свѣтской жизни. Была опасность, что онъ надолго заплутаетъ по лабиринту недостойныхъ таланта его путей, но Кавказъ пробудилъ вадремавшую душу и отдалъ намъ славнаго поэта.

Павелъ Висковатый.

Политическое обозрѣніе.

Египетъ.—Тонкинъ и Китай.—Ирландія.—Австрія.—Франція.

Въ англійской палатѣ общинъ теперь происходятъ самыя оживленныя пренія по поводу послѣднихъ событій въ Египтѣ. Бывшій министръ колоній въ кабинетѣ лорда Биконсфильда, Гиксъ Бичъ, внесъ отъ имени консервативной партіи, предложеніе о выраженіи палатою сожалѣнія о томъ, что правительство такъ жестокосердно бросило на произволъ судьбы Гордона въ Хартумѣ и египетскіе гарнизоны Судана. Хотя предложеніе Гикса Бича и было отвергнуто палатой, но тѣмъ не менѣе популярность Гладстона сильно поколеблена; ему становится очень труднымъ скрывать отъ народа отчаянность положенія Хартума и всего Судана и успокоительныя его рѣчи въ парламентѣ встрѣчаются съ общимъ недовѣріемъ и даже негодованіемъ. Такъ недавно Гладстонъ, защищая дѣйствія правительства, отвергъ мысль о подавленіи Махди, такъ какъ это значило бы вновь завоевать Суданъ и вызывать столкновенія съ борящимся за свободу народомъ. Правительство, по его словамъ, изъявляетъ предъ палатою и націею готовность оказать генералу Гордону, *въ случаѣ надобности*, помощь, но не видитъ, какъ ему поступить, въ виду всѣхъ климатическихъ къ тому препятствій. Послѣ такой мало утѣшительной рѣчи, Гладстонъ прочиталъ телеграмму отъ губернатора Донголы, еще менѣе утѣшительную, въ которой говорится, что высланные имъ недавно гонцы возвратились назадъ, такъ какъ не могли добраться до Хартума и что Гордонъ предпринимаетъ экскурсіи на Бѣлый Нилъ, съ намѣреніемъ дѣлать на его берегахъ нападенія на мятежниковъ и, если вѣрить послѣднимъ извѣстіямъ, эти экскурсіи имѣли нѣкоторый успѣхъ. Суакиму грозитъ серьезная опасность. Османъ-Дигма приготовляется напасть на него со всѣми своими сконицами и вся надежда успѣшной обороны его возлагается на артиллерію двухъ англійскихъ кораблей и на канонерки, вооруженныя митральезами. Вообще возстаніе не дѣлаетъ пока особенныхъ успѣховъ, но все таки оно мало по малу захватываетъ все болѣе и болѣе широкое пространство. Такъ Донгола, гдѣ еще на дняхъ все было спокойно, въ настоящую минуту очутилась въ критическомъ положеніи, такъ какъ среди туземцевъ стали замѣтны явные признаки броженія. Должно полагать, что туда уже дошла злополучная вѣсть о паденіи Бербера и произвела тамъ свое дѣйствіе. На защиту египетскихъ войскъ нельзя возлагать большихъ надеждъ, послѣ того какъ дѣйствительныя ихъ качества уже вполнѣ разоблачились въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ пораженій, нанесенныхъ имъ мятежниками. Остается лишь одна надежда—присылка помощи изъ Англіи, но проектируемая новая англійская экспедиція въ Суданъ, все еще остается въ области предположеній. Такъ изъ Каира сообщаютъ, что къ генералу Гордону посланы по всѣмъ, сколько нибудь значительнымъ дорогамъ, гонцы съ запросомъ лорда Гренвиля, о томъ, сколько ему нужно войскъ, хотя при этомъ ему не обѣщается положительнымъ образомъ присылки войскъ. По другимъ извѣстіямъ, отправка англійской экспедиціи въ Хартумъ уже рѣшена и даже назначенъ, 10-е іюня, день ея выступленія. Генералъ Граамъ уже выѣхалъ изъ Лондона. Онъ возвращается въ Каиръ, съ необходимыми инструкціями отъ лорда Вольселея, назначившаго его главнокомандующимъ суданской экспедиціей.

Тонкинская распря, какъ кажется, окончена. По извѣстіямъ изъ Шанхая, въ Тянь-Цзинѣ представителемъ Франціи, капитаномъ Фурнье, и Ли-Хунгъ-Чангомъ, представителемъ Китая, подписанъ договоръ, по которому Китай признаетъ протекторатъ Франціи надъ Тонкиномъ и Аннамомъ въ ихъ нынѣшнихъ границахъ. Три китайскія провинціи: Куанчъ-си, Куангъ-тунгъ и Юннанъ будутъ открыты для всеобщей торговли, на условіяхъ, которыя будутъ опредѣлены въ свое время. Китай никакого военнаго вознагражденія не уплачиваетъ. Договоръ будетъ представленъ въ Пекинѣ для ратификаціи и вѣроятно встрѣтитъ тамъ одобреніе, такъ какъ въ совѣтѣ регентства, попрежнему господствуетъ миролюбивое настроеніе. Новымъ посланникомъ въ Парижѣ назначенъ Чу-Цзингъ-Чанъ, принадлежащій къ числу людей ученѣйшихъ и образованнѣйшихъ китайцевъ и состоящій членомъ верховнаго совѣта послѣ недавняго дворцоваго переворота.

Въ скоромъ времени, въ Парижѣ соберется, какъ извѣстно, конвентъ ирландцевъ подъ предсѣдательствомъ Джемса Стефенса для обсужденія ирландскаго вопроса и обузданія происковъ динамитчиковъ и прочихъ агитаторовъ. Конвентъ, состоя изъ членовъ, не могущихъ одобрить покушеній на жизнь и собственность, хочетъ придумать нѣчто среднее между крайней и преступной агитаціей и агитаціей чисто конституціонной. Онъ будетъ засѣдать нѣсколько дней и въ случаѣ соглашенія назначитъ исполнительный комитетъ и обратится съ воззваніемъ ко всѣмъ ирландцамъ.

Смерть императрицы Маріи-Анны, вдовы императора Фердинанда, встрѣчена была глубокою скорбію во всей странѣ, которая отразилась и въ печати. Такъ газета „Wiener Zeitung" посвящаетъ почившей императрицѣ слѣдующія строки: „Императорскій домъ и вѣрноподданные народы монархіи понесли тяжелую утрату. Ея величество вдовствующая императрица и королева Марія-Анна, бывшая болѣе пятнадцати лѣтъ предметомъ глубокой любви и уваженія императорскаго дома и всего народа, закончила свой жизненный путь, исполненный дѣлами благочестія, милосердія и человѣколюбія; она почила вѣчнымъ сномъ въ императорскомъ замкѣ, на Грачинѣ, въ Прагѣ. Въ продолженіе тридцати лѣтъ, неразлучно оставаясь при своемъ супругѣ, вдали отъ австрійскаго императорскаго трона, почившая являла собою высокій образъ царственнаго благородства, мягкосердія, благочестія и достоинства, приковавшія къ ней всѣ сердца".

Принцъ Наполеонъ считаетъ долгомъ напомнить время отъ времени французскому народу о своемъ существованіи. Недавно онъ опубликовалъ письмо, въ которомъ встрѣчаются очень громкія мѣста, но смыслъ которыхъ довольно теменъ. Такъ напр. въ этомъ письмѣ принцъ говоритъ слѣдующее: „Имя Наполеона не знаменуетъ исключительно извѣстной фразы правленія—имперіи или республики, хотя послѣдняя не можетъ быть непріятна потомкамъ перваго консула; имя Наполеона является прежде всего символомъ дальнѣйшаго развитія французской революціи „уваженія къ верховной власти народа, желанія провести необходимыя соціальныя реформы".

Библіографія.

Страна негровъ и обезьянъ. Л. Жакольо. Спб. 1884. Подъ этимъ нѣсколько страннымъ названіемъ выпущенъ сокращенный переводъ книги Жакольо. Со свойственной французскому автору живостью разсказаны очень интересныя подробности быта разныхъ племенъ внутренней Африки, а также подробности жизни животныхъ, населяющихъ тѣ страны. Какъ книга, въ популярномъ изложеніи знакомящая съ малоизвѣстными странами, это сочиненіе можетъ доставить пріятное и полезное чтеніе.

Джонъ Буль и его островъ. Макса Ореля. Спб. 1884. Книга эта, въ огромномъ количествѣ экземпляровъ разошедшаяся какъ во Франціи, такъ и въ самой Англіи, въ яркомъ и занимательномъ изложеніи знакомитъ съ жизнью великой, могущественной страны, съ ея учрежденіями, съ ея гигантскимъ производствомъ, съ ея особенностями, не опуская и темныхъ сторонъ этого огромнаго, сложнаго механизма. Книга также можетъ быть прочитана съ большой пользою и удовольствіемъ.

Смѣсь.

Международная выставка садоводства въ Петербургѣ. 5-го мая, въ 4½ часа пополудни открылась международная выставка садоводства, въ зданіи Михайловскаго манежа. Огромное помѣщеніе манежа дозволило устроить выставку въ самыхъ широкихъ размѣ-

Библиотека "Руниверс"

рахъ.—Превосходные экземпляры тропическихъ растеній, садовыхъ цвѣтовъ, принадлежностей садоводства, акваріевъ, террариевъ и пр., представляютъ чрезвычайный интересъ. Въ боковыхъ пристройкахъ помѣщаются тепличныя растенія. Въ одномъ изъ слѣдующихъ № „Нивы" будутъ помѣщены рисунки различныхъ видовъ выставки. Въ ней приняли участіе не только первоклассныя европейскія государства, но и Бразилія и даже Японія послали свои произведенія для международнаго соревнованія. Всеобщій интересъ возбуждаетъ выставка владѣльцевъ бразильскихъ кофейныхъ плантацій, которые прислали отъ себя трехъ особыхъ уполномоченныхъ. Въ особомъ павильонѣ они дали богатое по содержанію собраніе различныхъ сортовъ бразильскаго кофе; во время всей выставки желающимъ предлагается безплатно кофе, приготовленный изъ различныхъ сортовъ зеренъ. Дѣятельные японцы также приложили не мало стараній, чтобы представить европейцамъ наглядную картину ихъ отечественной флоры, и выслали множество экземпляровъ интересныхъ декоративныхъ растеній. Выдающійся отдѣлъ представляетъ собой также собраніе орхидей, въ видѣ прекрасныхъ, въ полномъ цвѣту экземпляровъ, что рѣдко можно встрѣтить у насъ въ Россіи. На этомъ полѣ конкурировать будутъ Англія и Бельгія. Настоящая выставка, судя по числу нашихъ отечественныхъ экспонентовъ, въ средѣ которыхъ есть много садоводовъ изъ внутреннихъ губерній, должна представить полную картину современнаго русскаго садоводства и покажетъ заграничнымъ гостямъ, какой успѣхъ сдѣлали мы за послѣднія 15 лѣтъ, со времени первой международной выставки садоводства.

Сверхъ обычныхъ медалей и похвальныхъ отзывовъ, Ихъ Императорскія Величества пожаловали двѣ великолѣпныя вазы, изъ которыхъ одна должна быть присуждена за лучшіе выставленные предметы русскому, а другая иностранному экспоненту. Петербургская городская дума ассигновала 800 р. для трехъ премій въ видѣ серебряныхъ издѣлій въ русскомъ стилѣ, одна изъ этихъ премій предназначена для иностранцевъ. Сверхъ того нѣкоторыя частныя лица и общества предложили отъ себя премію за лучшія выставленныя растенія.

Выставка устроена подъ наблюденіемъ директора Императорскаго ботаническаго сада, тайнаго совѣтника Регеля.

Смѣхъ и слезы у животныхъ. Чтобы вызвать у человѣка явленіе смѣха, необходимы два существенныя условія: вопервыхъ, движеніе мускуловъ лица и, вовторыхъ, тѣ умственныя представленія, которыя подаютъ поводъ къ смѣху. Оба эти условія существуютъ и у нѣкоторыхъ животныхъ. Изъ разныхъ породъ обезьянъ смѣются шимпанзе и тати. Собака можетъ смѣяться и гримасничать, побуждаемая къ тому, то любовью и удовольствіемъ, то притворствомъ и хитростью. У собакъ бываетъ смѣхъ добродушный и смѣхъ злобный. Онѣ понимаютъ когда человѣкъ смѣется и, въ свою очередь, стараются вызвать у него смѣхъ, но за то и обижаются, когда это имъ не удается. Одна лягавая собака старалась развлекать своего барина разными продѣлками и ворчала, когда онѣ не вызывали смѣха. Одинъ орангъ-утангъ въ лондонскомъ зоологическомъ саду былъ чрезвычайно доволенъ, когда гримасы его возбуждали смѣхъ въ публикѣ. Докторъ Модъ разсказываетъ объ ручной галкѣ, которая смѣялась прыжкамъ мальчиковъ еще больше, чѣмъ они сами. Попугай смѣется очень часто и, по большей части, надъ своими собственными штуками и продѣлками. Сельбурнъ разсказываетъ, что сорока одного господина смѣялась такъ весело и натурально, что всѣ слышавшіе этотъ смѣхъ невольно присоединялись къ нему. Разсказываютъ также анекдоты о ласточкахъ, которыя, съигравъ какую нибудь удачную штуку надъ кошкой, заливались потомъ смѣхомъ, подобнымъ, тому, которымъ смѣется маленькій ребенокъ, когда его щекочатъ. Есть порода гіенъ, которыя по своеобразному ихъ крику называются смѣющимися гіенами. Въ Австраліи водится птица „королевскій рыболовъ", которая издаетъ звукъ, похожій на грубый и сильный смѣхъ. Знаменитый путешественникъ Ливингстонъ говоритъ, что въ Африкѣ водится бураго цвѣта ибисъ, крикъ котораго походитъ на громкій смѣхъ.

Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что у животныхъ есть также способность плакать. Собака, лошадь, слонъ, крысы, орелъ, различныя породы оленей, шимпанзе и другія обезьяны, рогатый скотъ, верблюдъ и жирафъ проливаютъ слезы, если они печальны. Попугай не плачетъ, но обладаетъ способностью всхлипывать, какъ при плачѣ. Шимпанзе плачутъ въ ожиданіи наказанія, обезьяны и слоны—въ случаѣ огорченія обманутыхъ ожиданій; олень плачетъ, если не можетъ уйти отъ своихъ преслѣдователей. Г-жа Бертонъ разсказываетъ, что въ Сирійской пустынѣ ей случалось видѣть, какъ слезы текли по щекамъ верблюдовъ, страдавшихъ отъ жажды. Одинъ лошакъ плакалъ отъ боли, которая происходила отъ попавшей ему въ ногу иглы. Д-ръ Ливингстонъ разсказываетъ объ одномъ соко, который, если его не хотѣли взять на руки, какъ ребенка, заливался плачемъ подобнымъ человѣческому. Д-ръ Баерледъ застрѣлилъ на островѣ Ява обезьяну, которая упала съ дерева, держа въ своихъ объятіяхъ дѣтеныша, и умерла со слезами на глазахъ.

Польза приносимая муравьями. Такое крошечное насѣкомое, какъ муравей, и то приносить свою долю пользы въ экономіи природы.

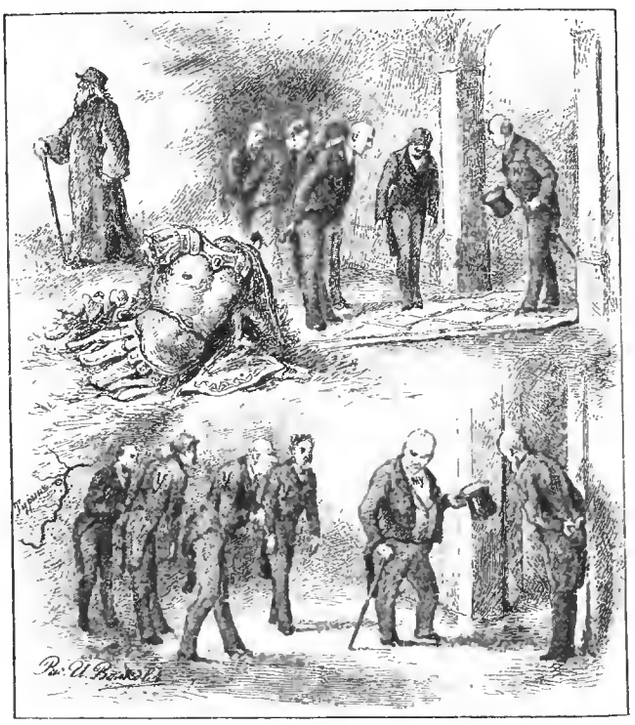
Владѣльцы богатыхъ оливковыхъ плантацій, въ окрестностяхъ Мантуи, убѣдились въ этомъ на практикѣ и, потому, всегда являются горячими защитниками муравьевъ. У нихъ даже вошло въ обычай, ежегодно устраивать около каждаго масличнаго дерева по маленькому муравейнику и они положительно утверждаютъ, что муравьи, усердно поѣдая разныхъ личинокъ и куколокъ, какова напр. порода aphys—приносящая громадный вредъ, сами никогда не трогаютъ ни корней, ни листьевъ, ни плодовъ охраняемаго ими дерева.

Новыя одно-этажныя фабрики и заводы Въ Америкѣ, въ настоящее время, принято строить низкія одно-этажныя зданія для разныхъ техническихъ заведеній. Такъ, недавно, въ окрестностяхъ Бостона, выстроена по новому плану громадныхъ размѣровъ фабрика для выдѣлки льняной пряжи. Говорятъ, что низкія строенія имѣютъ довольно много преимуществъ передъ высокими; между прочимъ, спеціалисты находятъ, что первыя несравненно лучше вторыхъ выдерживаютъ сильный напоръ и неизбѣжное колебаніе воздуха и потому оказываются гораздо прочнѣе, что конечно составляетъ громадный разсчетъ для ихъ владѣльцевъ.

Годовой отчетъ игорнаго дома въ Монако. Изъ отчета, который представленъ на разсмотрѣніе собранія акціонеровъ игорнаго банка въ Монако, видно, что чистая прибыль за прошлый годъ равняется 17 милліонамъ франковъ, т. е. на два милліона больше предъидущаго года. Это приращеніе приписывается главнымъ образомъ тому обстоятельству, что въ теченіи прошлаго года не было совсѣмъ крупныхъ игроковъ, тогда какъ въ предъидущемъ бывали такіе, которые выигрывали по 800 тысячъ и даже по милліону. Мелкіе же игроки почти всегда являются добычей банка, оставляя въ немъ всѣ свои деньги.

Объ употребленіи рыболовныхъ крючковъ и другихъ снарядовъ уженія даютъ нѣкоторыя статистическія данныя англійскія фабрики, занимающіяся спеціально изготовленіемъ этихъ предметовъ; свѣдѣнія эти касаются фабрики крючковъ и рыболовныхъ снарядовъ Алькока и К° въ Редичѣ, близь извѣстнаго промышленнаго центра—Бирмингама. Она изготовляетъ ежегодно 65 милліоновъ рыболовныхъ крючковъ, одинъ милліонъ искусственныхъ мушекъ, 1/2 милліона поплавковъ и столько же грузилъ; болѣе 50 тысячъ удилищъ, 30 тысячъ искусственныхъ рыбокъ для приманки. Изготовленіемъ этихъ предметовъ занимаются на фабрикѣ ежедневно 400 человѣкъ рабочихъ. Кромѣ того Алькокъ въ Мурсіи, въ Испаніи, имѣетъ еще вспомогательную фабрику, гдѣ выдѣлываются тончайшія лесы для удочекъ и на которой работаетъ 70 женщинъ.

РЕБУСЪ. Задача № 19.



О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **П. П. Чистяновъ** (съ портр.).—**Недолгое счастье.** Повѣсть **Д. В. Григоровича.** (Окончаніе).—**Разбойникъ Сотири.** (Изъ воспоминаній консула). Разсказъ **К. Н. Леонтьева.**—Стихотвореніе.—**Виды Павловска** (съ рис.).—**Святополкъ „Окаянный"** (съ рис.).—**Дама временъ королевы Елизаветы** (съ рис.).—**Фотографическій револьверъ** (съ рис.).—**Голотуріи** (съ рис.).—**Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ** (съ 4 портр., автографомъ и 1 рис.).—Политическое обозрѣніе. — Библіографія.—Смѣсь.—Задача.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

Библиотека "Руниверс"

ВЪ ГЛАВНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
С.Петербурга и у автора продаются слѣдующіи сочиненія

Д-ра ЗЕЛЕНСКАГО.

1) „ОСНОВЫ ДЛЯ УХОДА ЗА ПРАВИЛЬНЫМЪ РАЗВИТІЕМЪ МЫШЛЕНІЯ И ЧУВСТВА".

Въ 2-хъ томахъ. Цѣна 1-го т. 3 р. 50 к., 2-го тома 4 р. Оба тома вмѣстѣ 7 руб.

Содержаніе этого сочиненія представляетъ теорію развитія познаній человѣка отъ первыхъ впечатлѣній новорожденнаго до высшихъ проявленій человѣческаго ума, съ примѣненіемъ ея правилъ къ развитію и усовершенствованію въ молодомъ поколѣніи силы ума и познанія.

2) „ДИФТЕРИТЪ". Для врачей и родителей. Ц. 2 р.

Содерж.ніе: Описаніе, распознаваніе болѣзни, средства къ предохраненію отъ дифтерита, леченіе. Тамъ-же изложены всѣ вредныя вліянія на дѣтей, какъ въ гигіеническомъ, такъ и въ діэтетическомъ отношеніи.

Выписывающіе черезъ посредство автора въ С.-Петербургѣ, у Семеновскаго моста, по Фонтанкѣ, домъ № 63, за пересылку въ предѣлахъ Россіи ничего не платятъ.

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ

„ЭЛЕОПАТЪ"

◆ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА ◆

употребляется для останавливанія выпаденія волосъ и **противъ столь вредной для роста волосъ перхоти.**

Продается въ С.-Петербургѣ, въ магаз. Штоль и Шмидтъ и въ русск. общ. торговли аптек. товарами; въ Москвѣ и провинціи—во всѣхъ большихъ аптекахъ и у **дрогистовъ**; цѣна флакону **1** руб. **50** коп. безъ пересылки.

Провизоръ КИНУНЕНЪ.

ДАВНО ИСПЫТАННЫЕ, ВЪ ПРОДОЛЖЕНІИ НѢСКОЛЬКИХЪ СТОЛѢТІЙ ИЗВѢСТНЫЕ ЩЕЛОЧНЫЕ И СОЛЯНЫЕ МИНЕРАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ (30—55° Reom.).

ЛЕЧЕБНЫЙ СЕЗОНЪ БЕЗЪ ПЕРЕРЫВА ВЪ ТЕЧЕНІИ ЦѢЛАГО ГОДА.

Водолечебницы холодныя, электрическія, Русскія, Римскія, Ирландскія, паровыя ванны и открытые бассейны. Пневматическіе аппараты. Электричество. Козье молоко, сыворотка и т. п.

WIESBADEN

Всевозможныя сезонныя развлеченія: КОНЦЕРТЫ, БАЛЫ etc. въ текущемъ году усилены. ЧИТАЛЬНЯ, снабженная вновь пріобрѣтенными изданіями. Королевскій театръ, охота рыболовство, прогулки и т. п.

Разсылка водъ и продуктовъ источниковъ чрезъ Städt. Cur-Direction: F. Hey'l. № 3348

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

Съ разрѣшенія С.-Петерб. Врачебн. Управленія

ЖИДКОСТЬ ОТЪ МОЛИ

ДЛЯ СБЕРЕЖЕНІЯ ШУБЪ, ПЛАТЬЕВЪ, КОВРОВЪ, МЕБЕЛИ И ПРОЧ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) **Невскій проспектъ**, домъ № 32, Католической церкви.
2) **Невскій проспектъ**, домъ № 66, у Аничкова моста.
3) **Вознесенскій проспектъ**, уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Контора, фабрика и оптовый складъ: Измайловскій просп., № 21, собственный домъ, въ **С.-Петербургѣ.** Р. № 3344 1—1

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ

МЕТАЛЛИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ

Выборг. стор. Набер. В. Невы, **№ 11**, С.-Петерб.

ПАРОВЫЕ КОТЛЫ ВСѢХЪ СИСТЕМЪ

усовершенствованной конструкціи наилучшаго матеріала, съ гидравлической склепкой, самой тщательной работы,

1882 1882

ГОТОВЫЯ и ВЪ ПОДГОТОВКѢ.

Прессованныя днища.
Трубы Галловэ.

№ 2764 10—10

Съ дозволенія С.-Петербургскаго Столичнаго Врачебнаго Присутствія.

ЭЛЕКСИРЪ-MELANGE.

Для быстраго и обильнаго рощенія волосъ и предохраненія ихъ отъ выпаденія. Ц. 2 р. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французск. и нѣмецк. языкахъ.

БАЛЬЗАМЪ-EUGÉNIE,

изъ миртовыхъ и свадебнаго букета цвѣтовъ для придаванія лицу, шеѣ и рукамъ нѣжной мягкости, мраморной бѣлизны съ благоуханіемъ лиліи и розъ, а также для уничтоженія веснушекъ и всякой шероховатости кожи. Цѣна 1 р. 75 к. за флаконъ, съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЯ ПОМАДЫ подлинникъ „Pasta Eugénie",

превосходнѣйшее средство для устраненія веснушекъ, родимыхъ и красныхъ пятенъ и другихъ дурныхъ явленій, встрѣчающихся на лицѣ, и придающее цвѣту лица юную свѣжесть и красоту. Цѣна банки 1 р. 60 к.

Хинно-глицеринов. помада

на перуанскомъ бальзамѣ, для укрѣпленія, сгущенія и рощенія волосъ.; ц. банки 2 р.

Ручная раковинная помада.

Цѣна банки 1 р. 30 к. На каждой банкѣ находится охранительная марка **амуръ** и подпись изобрѣтательницы **Bertha Ries.**

Подликникъ „Poudre Eugénie"

бѣлая и розовая. Цѣна коробкѣ съ пуховкой 1 р. 50 к., безъ пуховки 1 р. 20 к.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ,

трехъ цвѣтовъ: черная, коричневая и свѣтло-русая. Цѣна коробки 3 рубля.

Краска фабриканта **Рисъ Гутманъ.**

РУМЯНА EUGÉNIE,

жидкія, чтобы придать щекамъ и устамъ натуральный розовый цвѣтъ, не мѣняющійся при электрическомъ освѣщеніи и не вытирающійся даже при потомъ состояніи лица. Рекомендуется въ особенности для театровъ и баловъ. Ц. 1 р. 50 к. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Всѣ эти три косметическихъ продукта по свидѣтельству медицинскаго начальства не содержатъ въ себѣ какихъ бы то ни было вредныхъ веществъ.

№ 3277 3—3 *Берта Рисъ.*

ДЕПО НАХОДЯТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, Главн. Общ. торг. аптек. тов., на Казан., соб. д.; у Оливіе, Невскій пр., № 54; у быв. Дарзанса, Пассажъ, № 15 и 17; С. П. Грикурова, Невскій пр. у Казанскаго моста, № 80; у парикмах. Эмиль, быв. Сансеро, Литейный, № 43; у парикм. Аристидъ, Вас. остр., 1 линія, д. № 18; у парикм. Просперъ, Вознес. пр., № 18.

Въ Москвѣ, у К. И Ферреина, Никольская; у А. Брунсъ (бывш. Нецъ), Маросейка, д. Еремѣевыхъ; у Р. Келеръ и К°; у Гетлингъ, Штокманъ и Кузенъ, домъ Фирсанова, Петровка; у Крягеръ и Качъ и у Теодоръ, Кузнецкій мостъ; у Эмиль Керстанъ, на Тверской; у В. К. Безбардисъ, у Арбатскихъ воротъ; Я. П. Пончковскаго у Срѣтенскихъ вор.; у Лютеръ и Гирш-фельдъ, аптекарск. магаз. на Мясницкой; у Викторъ Кузенъ, на Петровкѣ, д. № 12.

Въ Воронежѣ, у парикмахера Курильченко.
„ **Козловѣ**, магазинъ бр. Поповыхъ.
„ **Пензѣ**, маг. Кликунова.
„ **Кіевѣ**, маг. Parisien Auguste & C°.
„ **Одессѣ**, магазинъ Гельдеръ и К°, Петрококинъ и Гуммель.
„ **Елисаветградѣ**, Г. А. Трестера насл.
„ **Полтавѣ**, магаз. Фердинандъ Трепке.
„ **Харьковѣ**, В. Кухарева въ Пассажѣ, № 17 и Главн. Общ. торговли аптекарск. товар.
„ **Таганрогѣ**, магазинъ М. Майкапаръ.
„ **Ростовѣ н/Д.**, А. Эдельбергъ, быв. Биркле и у Я. Раппенортъ.
„ **Новочеркасскѣ**, магазинъ З. Петрова.
„ **Саратовѣ**, маг. Матейсена.
„ „ „ маг. Роб. Штроль.
„ **Самарѣ**, Саратскій маг. Кристенсонъ.
Въ Казани, магазинъ Мурзаева.
„ **Ставрополѣ**, у парикм. К. Курильченко.
„ **Тифлисѣ**, въ музык. маг. П. Лапко, въ д. ген. Лацарони.
„ **Томскѣ**, маг. Непашева.
„ **Пермн**, маг. Н. Перетцъ.
„ **Екатеринбургѣ**, апт. маг. Гельмихъ и К°.
„ **Варшавѣ**, Александръ Кохъ парфюм. магаз. Краковское предмѣстье, у Ліонъ и К°, Сенаторская.
„ **Кремекчугѣ**, Закъ.
„ **Ригѣ**, у братьевъ Видеманъ, Купеческая улица № 15.
„ **Вильно**, маг. Гружевскаго.
„ **Ревелѣ**, магазинъ Христіана Келеръ.
„ **Гельсингфорсѣ**, маг. Сванъ.
„ **Екатеринославлѣ**, у Ефанова,
„ **Астрахани**, маг. Фадѣева.
„ **Курскѣ**, Аптекар. маг. Свирчевскаго.

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ,

СОБИРАТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ МОСКВѢ,

имѣетъ честь извѣстить, что онъ переѣхалъ съ Петровки на **Малую Дмитровку**, въ домъ графа Васильева-Шиловскаго, и что теперь, какъ и прежде, покупаетъ по высокой цѣнѣ слѣдующія вещи. Какъ-то: **старинный сѣерскій и саксонскій фарфоръ, бронзовые часы, канделябры, настѣнныи и группы, золотыя эмальированныя табакерки, серебряные кубки, кружки, бокалы и проч.; мебель съ богатымъ бронзовымъ украшеніемъ, съ фарфоровою инкрустаціею, гобелены, шелковыя и бархатныя матеріи, вышитыя золотомъ и серебромъ, старинныя кружева, какъ то:** Points d' Alençon, Points de Venise, Points d' Argentan, **фигуры и группы изъ дерева, слоновой кости и серебра и вообще всякаго рода древности изящной работы прошедшихъ столѣтій до временъ Екатерины II-й.**

Просятъ адресоваться лично или письменно: **Г. ЛЮДОВИКЪ БЕКЪ**, Москва, Малая Дмитровка, домъ графа Васильева-Шиловскаго. Л. № 3190 6—6

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***).

Признанъ за **лучшее средство** противъ кашля, мокроты, охрипости, страданій горла и груди, начиная съ **простаго катарра до чахотки** и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ № 3317 10—4

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ **въ С.-Петербургѣ.**

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Имѣется во многихъ Тор. Аптек. Тов. Глав. складъ д. Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Аурихи, В. Морск. 17.

Р. № 3330 20—3

НАДГРОБНЫЕ ВѢНКИ

изъ лакированной жести

съ роскошн. цвѣточными украшеніями изъ фарфора № 3316 5—4

ИМѢЮТСЯ ВЪ БОЛЬШ. ВЫБОРѢ

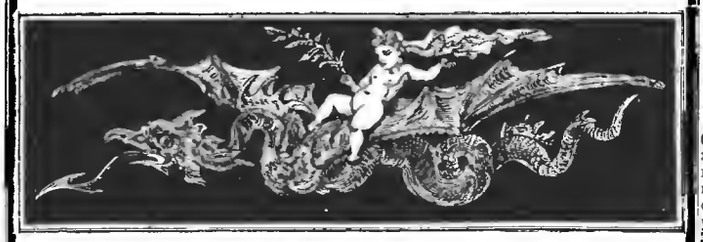
въ магазинѣ металлическ. издѣлій и лампъ

Ф. УРЛАУБЪ, бывшій **БИНГЪ**

Казанская, напрот. Ломбарда

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. Маркса. СПБургъ, Б. Морская, № 9.



ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

„СТАРЫЙ ДОМЪ".

Историческій романъ царствованія Императора Александра I и начала царствованія Императора Николая I, въ 2-хъ частяхъ,

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

(Продолженіе историческихъ романовъ „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ" и „ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ").

Напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и въ концѣ каждой главы. 693 страницы. Спб. 1884 г. Цѣна **3** р., съ перес. **3** р. **50** к.; въ красивомъ каленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ **4** р., съ перес. **4** р. **50** коп.

Весь циклъ историческихъ разсказовъ о поколѣніи Горбатовыхъ состоитъ пока изъ трехъ романовъ, а именно: 1) **„Сергѣй Горбатовъ"**, вышедшій въ 1882 г., 2) **„Вольтерьянецъ"**, вышедшій въ 1883 г., 3) **„Старый домъ"** (вышедшій нынѣ). Первые два романа имѣютъ слѣд. подробн. заглавія:

„СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ. Характеръ Екатерины Великой, бытъ ея царедворцевъ, личность цесаревича Павла, очерчены здѣсь чрезвычайно типично.—Спб. in 8, 672 стр.; напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ виньетками. Цѣна **3** р., съ пересылкою **3** р. **50** к.; въ каленкоров. переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ **4** р., съ перес. **4** р. **50** к.

„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ".

(Продолженіе романа „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ").

Историческій романъ конца XVIII и начала XIX вѣка. Въ немъ изображается, въ совершенно новомъ видѣ, характеръ Императора Павла I. Въ 2-хъ частяхъ. 711 стр., напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ виньетками. Спб. Цѣна **3** р., съ перес. **3** р. **50** к.; въ каленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, **4** р., съ пересылкою **4** р. **50** к.

Съ требованіями обращаться въ контору изд. А. Ф. МАРКСА, СПБургъ, Б. Морская, д. № 9 и въ отдѣленіе конторы „Нивы" въ **Москвѣ**, д. Петровскихъ линій, къ **Н. Н. Печковской.**

Романы эти, какъ и прочія произведенія Всеволода Соловьева, также можно пріобрѣсти у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

КАКАЯ ПОГОДА БУДЕТЪ ЗАВТРА

На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ

РАСТИТЕЛЬНЫЙ ВЛАГОМѢРЪ

(гигрометръ), точность котораго подтверждается многочисленными отзывами. Этотъ, мною изобрѣтенный, **Влагомѣръ** предсказываетъ перемѣну погоды въ точности за 24 часа впередъ. Прилагается описаніе способа употребленія его. Цѣна Влагомѣра 2 рубля. Заказы принимаются (съ платою 30 коп. съ экземпляра за пересылку по всѣ города Россіи) у меня: **И. И. Даугуль**, Садовое Заведеніе въ Дерптѣ и у моихъ агентовъ: въ С.-Петербургѣ у **К. Мальмъ**, Б. Морская, д. № 36; въ Москвѣ, у **Н. В. Майеръ**, Таганка, Семеновскія ул., д. Шибаева. При заказѣ болѣе 6 экз. пересылка принимается на свой счетъ.

№ 3345 1—1

№ 3090 25—9

ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія.

ТОПОЛИНЪ или ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ.

М. М. Петрова.

Для лица № 1. Усовершенств. средство, уничтожающее прыщи, красныя пятна, загаръ, веснушки; при употребленіи лицо пріобрѣт. здоровый и красивый цвѣтъ.

Для головы № 2. Дѣйствительно очищаетъ кожу отъ перхоти, освѣжаетъ голову, прекращаетъ головныя боли, почему прекращаетъ и выпаденіе волосъ.—Въ виду поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на клеймо (М. М. Петрова).

Цѣна флак. по 1 р. 25 к. и ½ фл. по 75 к.

Главные склады: въ аптекахъ и во всѣхъ московск. аптекарск. магазинахъ.

Продается: въ аптекахъ, аптекарскихъ и др. магаз. Россіи и заграницей.

Для гг. оптовыхъ покупателей установлена % скидка.

Съ треб. просятъ обращ. въ главный складъ: Москва, Никитская аптека Петрова, бывш. Келлеръ. Но почтѣ высылается **не менѣе 2 флак. за 3 р. 50 к.**

Ц. № 3106 26—9

ЧЕРЕПОВСКІЯ ГАРМОНІИ

отъ 2 до 50 руб., 20 сортовъ.

Адресъ: г. Череповецъ, Новгородской губерніи, въ магазинъ учебныхъ пособій. № 3346. 1—1

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ,

№ 2913 7—1

ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ.

ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ

бѣлитъ зубы, не портя ихъ эмали, предотвращаетъ гніеніе зубовъ.

ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ

укрѣпляетъ десны, утоляетъ зубную боль, освѣжаетъ ротъ.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФРЕРА,

19, Rue Jacob, Paris.

У ВСѢХЪ АПТЕКАРЕЙ И ПРОДАВЦЕВЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ.

О ДЕ ЛИСЪ ДЕ ЛОЗЕ (EAU DE LIS DE LOHSE)

для улучшенія и украшенія **ЦВѢТА ЛИЦА**, отъ веснушекъ, загара, красноты, угрей, желтыхъ пятенъ, **также отъ нечистоты кожи всякаго рода**, наилучшее предохранительное средство, существующее уже 50 лѣтъ. Ежедневное употребленіе „О де Лисъ де Лозе" дѣйствуетъ **охладительно и освѣжительно**, дѣлаетъ кожу ослѣпительно бѣлой и нѣжной и придаетъ ей здоровый, цвѣтущій видъ. Въ обыкновенныхъ флак. по 1 р. 50 к.—3 руб.

Во избѣжаніе поддѣлокъ слѣдуетъ требовать „О де Лисъ де Лозе" (Eau de Lys de Lohse).

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ парфюмеръ Ея Имп. Вел. Императрицы Германской, Ея Имп. Высоч. Наслѣдницы Герман. Престола. **БЕРЛИНЪ, W.** Jaeger-Strasse, 46.

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ Россійской Имперіи. Ц. № 3220 9—4

Дозволено цензурою. СПБ. 8 мая 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 20 | XV годъ | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рунод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 19 Мая 1884 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ" 1884 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для многор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9

И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 6 ч. ВЕЧЕРА.

Фридрихъ Шпильгагенъ.

Недавно посѣтилъ Петербургъ одинъ изъ первоклассныхъ нѣмецкихъ писателей — Фридрихъ Шпильгагенъ — и былъ принятъ у насъ съ большимъ почетомъ, достойнымъ его крупнаго таланта и обширной литературной дѣятельности. Въ симпатіи, выраженной русскимъ обществомъ Шпильгагену, ни по формѣ, ни по сущности не было и тѣни чего либо національно-политическаго, какъ это предполагали нѣкоторые органы нашей періодической печати. Это была просто дань уваженія таланту писателя, произведенія котораго всегда пользовались у насъ популярностью. Романы Шпильгагена не только читались русской публикой, но они принимались всегда близко къ ея сердцу и переводы нѣмецкаго романиста, какъ напр. изъ его романовъ: „Загадочныя натуры", „Изъ мрака къ свѣту" и въ особенности „Одинъ въ полѣ не воинъ" одно время дѣлали серьезную конкуренцію многимъ изъ нашихъ оригинальныхъ произведеній. Кромѣ того самая личность Шпильгагена, какъ писателя и общественнаго дѣятеля, не можетъ не вызвать сочувствія; онъ не просто романистъ, но вмѣстѣ и историкъ нѣмецкаго общества, — человѣкъ долго стоявшій въ самомъ разгарѣ политической борьбы и всегда въ своихъ произведеніяхъ чутко относившійся къ вопросамъ и цѣлямъ своего вѣка и къ завѣтнымъ стремленіямъ и чувствамъ своихъ современниковъ. Все что было выдающагося въ нѣмецкой общественной жизни, почти за цѣлое полустолѣтіе — все это отразилось въ цѣломъ рядѣ романовъ Шпильгагена, хотя и далеко неравныхъ въ литературномъ отношеніи, но за то всегда, неизмѣнно исполненныхъ убѣжденія и чувства. Вся жизнь нѣмецкаго романиста была посвящена почти исключительно литературной дѣятельности, къ которой онъ подготовлялся долго и серьезно, совершенствуя свой талантъ и обогащая его многосторонними знаніями и опытомъ.

Фридрихъ Шпильгагенъ. Рис. и грав. А. Нейманъ.

Библиотека "Руниверс"

Фридрихъ Шпильгагенъ родился 24 февраля 1829 года въ Магдебургѣ, а юность провелъ отчасти въ Стральзундѣ и отчасти на островѣ Рюгенѣ. Волшебныя картины моря и живописныхъ береговъ острова оставили глубокое впечатлѣніе въ чуткой душѣ мальчика и до сихъ поръ Шпильгагенъ часто рисуетъ эти картины яркими, обаятельными красками, то въ томъ, то въ другомъ изъ своихъ произведеній. Высшее образованіе Шпильгагенъ получилъ въ университетахъ Берлина, Бонна и Грейфсвальда, гдѣ прилежно изучалъ философію и филологію, думая не шутя посвятить себя профессорской дѣятельности. Но мало по малу страсть къ литературѣ взяла верхъ надъ учеными стремленіями и Шпильгагенъ рѣшился, отказавшись отъ каѳедры, заняться исключительно литературой и журналистикой. Въ 1859 году онъ переселился изъ Лейпцига въ Ганноверъ, гдѣ и писалъ фельетоны въ Сѣверо-германской Газетѣ, а въ 1862 г. переѣхалъ въ Берлинъ на постоянное жительство, покидая его лишь иногда для заграничныхъ экскурсій въ Швейцарію, Италію, Англію и Францію. Первый его крупный романъ, доставившій ему громкую извѣстность былъ „Загадочныя натуры" (1860), замѣчательный какъ по оригинальности основной идеи, такъ и по психологической обработкѣ характеровъ и живости колорита.

Второй крупный романъ Шпильгагена „Фонъ Гогенштейны", явившійся въ 1863 году съ сюжетомъ, взятымъ изъ эпохи движенія 1848 года, сопровождался цѣлымъ рядомъ произведеній, восторженно принятыхъ въ Германіи и получившихъ потомъ общую извѣстность. Это были романы: „Отъ мрака къ свѣту", „Впередъ", „Между молотомъ и наковальней", „Одинъ въ полѣ не воинъ", „Бурный приливъ" и нѣсколько другихъ, въ которыхъ политическія идеи, волновавшія тогда нѣмецкое общество, облекались въ художественную форму.

Кромѣ этихъ романовъ, имѣли еще большой успѣхъ какъ въ Германіи, такъ и заграницей, романы: „На дюнахъ", „Роза", „Въ двѣнадцатомъ часу", „Нѣмецкіе піонеры" и особенно „О чемъ щебетала ласточка", явившійся у насъ въ четырехъ переводахъ. Не ограничиваясь романами, Шпильгагенъ переводилъ Мишле, Эмерсона и написалъ нѣсколько піесъ, изъ которыхъ „Гансъ и Грета" и драма „Любовь за любовь", пользуются въ Германіи извѣстностью.

Послѣдняя его драма „Gerettet" (Спасена) послужила главнымъ поводомъ къ посѣщенію Петербурга знаменитымъ романистомъ. Эта пьеса была поставлена у насъ въ Александринскомъ театрѣ 11 марта, въ присутствіи автора, при такихъ шумныхъ оваціяхъ, какихъ мы уже давно не видали въ стѣнахъ нашихъ театровъ. Послѣ вызововъ въ концѣ каждаго акта, Шпильгагену былъ поданъ изъ оркестра золотой лавровый вѣнокъ, на атласной подушкѣ.

Вообще Шпильгагенъ не можетъ пожаловаться на наше гостепріимство; съ самаго его пріѣзда, 7-го марта, въ нашу столицу и во всю недѣлю его пребыванія у насъ, ему дѣлались оваціи и во время представленія „Gerettet", и на данномъ въ честь его обѣдѣ, и наконецъ на литературномъ вечерѣ, въ которомъ романистъ принялъ самъ дѣятельное участіе. Повсюду привѣтствовали Шпильгагена какъ дорогаго гостя, какъ давнишняго, заочнаго друга, симпатичнаго писателя, которому обязаны многими минутами художественнаго удовольствія.

Новые помѣщики.

Разсказъ **Н. В. Успенскаго.**

Весь землевладѣльческій бытъ въ N....скомъ уѣздѣ потерпѣлъ радикальное измѣненіе, которому предшествовалъ цѣлый рядъ по истинѣ Овидіевыхъ превращеній. Въ дореформенную эпоху прочность старыхъ устоевъ не возбуждала никакого сомнѣнія; никому и въ голову не приходило, что рано или поздно какого нибудь ландлорда можетъ смѣнить „смердъ", въ образѣ деревенскаго кулака, и что хотя до нѣкоторой степени исполнятся слова писанія: „первые станутъ послѣдними, а послѣдніе—первыми".

Вскорѣ послѣ отмѣны крѣпостнаго права начали появляться, словно грибы послѣ дождя, всесословные землевладѣльцы. Многихъ изъ нихъ нельзя было отличить отъ крестьянъ, такъ какъ они собственноручно обработывали землю, одѣвались въ простые полушубки и сибирки, ѣздили въ неуклюжихъ колымагахъ, и хотя въ своихъ приходскихъ церквахъ стояли правильной шеренгой впереди мужиковъ, но еще не имѣли „особыхъ мѣстечекъ" въ нишахъ, по примѣру „заправскихъ господъ".

Но вотъ началось пресловутое „оскудѣніе".—Дворянскія земли и помѣстья стали быстро переходить въ вѣчное владѣніе къ купцамъ, мѣщанамъ, дворовымъ и вообще всякаго званія и сословія дѣльцамъ. Въ теченіе не болѣе 15 лѣтъ поземельная буржуазія и мелкая сельская демократія заступила мѣсто потомственныхъ дворянъ; образовался обширный разрядъ *новыхъ помѣщиковъ*, смѣнившихъ бо́льшую часть дореформенныхъ.

Въ настоящее время новые помѣщики представляютъ собою крѣпко сплотившуюся корпорацію, которая, пользуясь землевладѣльческими правами, подвизается въ земствѣ, заправляетъ судьбами народнаго образованія и экономическою жизнью крестьянъ. Теперь не рѣдкость встрѣтить въ любомъ „заведеніи" купца или сельскаго дворника, важно разсуждающихъ о „порядкѣ въ государствѣ", повальномъ пьянствѣ мужиковъ, о неблагонадежности народныхъ учителей и появившихся „спиц-листахъ..."

— Слышалъ, Петръ Никитичъ, новость? Вчера мнѣ прислали бумагу изъ земства..

— Это насчетъ чего-же?

— Спрашиваютъ моего мнѣнія касательно урожая... Нельзя-ли, молъ, заблаговременно купить ржицы на сѣмена...

— Да, пожалуй, не мѣшало-бы, Онуфрій Титычъ...

— Нѣтъ, братъ, ты не то толкуешь... Обойдутся и такъ...

— Какимъ же маперомъ? Самъ знаешь, мужики очень подтощали...

— Слова нѣтъ, въ прошломъ году урожай былъ точно плохъ, да и нынѣшнее лѣто крестьяне болѣе двухъ четвертей съ десятины не соберутъ, но... Богъ милостивъ... авось какъ нибудь подышутъ... а то вѣдь, чего добраго, земское пособіе-то пропьютъ... ты знаешь этотъ народъ... Ты дай ему пособіе, а послѣ ему кланяйся, чтобы онъ у тебя поработалъ...

— Понимаю...

— Объ этомъ самомъ сужетѣ я сдѣлаю заявленіе въ земскомъ собраніи... Вотъ что я тебѣ скажу, другъ милый: ежели бы теперича, моихъ словъ послушало высшее начальство, я бы, то есть, въ 24 часа завелъ порядокъ во всей Росеи...

— Неужли?

— Передъ истиннымъ Богомъ... Перва-на-перво, по моему размышленію, въ каждомъ селеніи долженъ быть одинъ хозяинъ: что захочетъ, то и дѣлаетъ... А то вишь, напримѣръ, какая исторія: положимъ, мой батракъ до полусмерти избилъ куфарку... Попастоящему, я долженъ судиться; а нашъ мировой живетъ за 35 верстъ... Покелева, будемъ говорить, я къ нему доѣду, эта самая куфарка можетъ помереть безъ покаянія... Какой же это порядокъ, самъ разсуди!...

— Подлинная твоя правда!

Въ качествѣ привиллегированнаго класса, новые помѣщики обзавелись въ своихъ приходскихъ церквахъ особыми мѣстечками на эстрадахъ, отгороженныхъ желѣзными рѣшетками отъ простыхъ смертныхъ, т. е. мужиковъ; тамъ, гдѣ прежде стояла именитая генеральша, безъ соизволенія которой священникъ не смѣлъ начать обѣдню, теперь красуется бывшій ея прикащикъ, а на такъ называемомъ „княжескомъ мѣстѣ", снабженномъ стульями, креслами и коврами, толпится цѣлая фаланга поддевокъ и длиннополыхъ сюртуковъ, впереди которыхъ рѣзко выдѣляется бывшій камердинеръ графа Цаплина; послѣднему каждое воскресенье выносится причетникомъ просфора на блюдцѣ, на которое онъ кладетъ серебряную монету, подражая своему оскудѣвшему патрону; тогда какъ въ былое время онъ смиренно жался въ сторожкѣ или сидѣлъ на козлахъ кареты, въ ожиданіи выхода изъ церкви своихъ господъ.

Библиотека "Руниверс"

Нѣкоторые изъ современныхъ Колупаевыхъ настолько проникнуты сознаніемъ собственнаго достоинства, что считаютъ себя въ правѣ дѣлать внушенія и выговоры сельскому духовенству:

— Сегодня, отецъ Іона, вы очепно торопливо служили...

— Нельзя, Харламъ Наумычъ: спѣшилъ на богомолье въ Клеповую...

— Одначе, позвольте спросить: по какому, напримѣръ, случаю вы не читали причастную молитву?

— Да вѣдь причастниками были одни младенцы...

— Та-акъ!.. Ну, а все бы не мѣшало... Теперь вы, отецъ дьяконъ... Мнѣ говорили, что вы тихо усопшихъ поминаете...

— Точно, въ прошлый разъ я негромко служилъ поминовенную обѣдню... да съ какой стати мнѣ возвышать голосъ, когда въ церкви стояла одна старуха?..

Новыхъ помѣщиковъ слѣдуетъ классифицировать, какъ и дореформенныхъ, на двѣ отдѣльныя группы: на крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ. Замѣчательно, что первые далеко не отличаются такимъ усердіемъ къ дѣлу спасенія своей души, какъ послѣдніе: крупные деревенскіе собственники въ праздничные дни посѣщаютъ одну лишь обѣдню, между тѣмъ какъ мелкіе не пропускаютъ ни одной церковной службы и каждый праздникъ собираются въ церкви при первомъ благовѣстѣ колокола.

Въ антрактѣ между утреней и обѣдней мелкіе землевладѣльцы, въ ожиданіи крупныхъ, появленія которыхъ у сельской околицы съ трепетомъ ожидаетъ звонарь на колокольнѣ, проводятъ время на кладбищѣ, читая безграмотныя эпитафіи, или въ церковной сторожкѣ, по большею частію они ведутъ мирныя, хозяйственныя бесѣды съ крестьянами на выгонѣ.

— Вы что толкуете, ребята? говоритъ сельскій фельдшеръ—владѣлецъ 12 десятинъ земли: словно, колоколъ поднимать собираетесь... Идите, знай, ко мнѣ!

— Да вѣдь земелька-то ваша далеко отъ насъ, Гаврила Миронычъ...

— Что жъ за бѣда! А вы сколько кто можетъ... До обѣда по два воза привезете и ладно! Цѣна извѣстная: три копейки съ воза... А, можетъ, иной разохотится и цѣлый день проворочаетъ...

Вотъ другая группа. Одинъ пожилой крестьянинъ, снявъ шапку, обращается къ волостному писарю, почесывая въ затылкѣ:

— Вѣдь вы намъ, Иванъ Кузьмичъ, проѣзду не дадите... лучше отведите къ рубежу... а энту десятину намъ взять у вашей милости опасно...

— Послушай, Денисъ, возражаетъ писарь: ты знаешь, какой законъ есть насчетъ этого? А вотъ какой: ты меня слушаешь, я—тебя... Это такое дѣло...

Сутулый и хромой мельникъ вполголоса спрашиваетъ рябаго мужика въ круглой шляпѣ на подобіе черепенника:

— Мнѣ бы хотѣлось, братецъ мой, прикупить энти двѣ десятины наскрозь... а то у меня усадьба неладна; вышла какъ-то клиномъ, въ родѣ писчаго пера...

— Да земля-то дѣвкина, Артемъ Ильичъ: а она сирота... Надо вамъ переговорить съ опекунами...

— А почитаетъ она ихъ?

— Покелева ничего... плохаго не слыхать... а въ года войдетъ, неизвѣстно, что будетъ...

— Загородиться мнѣ нужно почему? съ жаромъ объясняетъ сѣдой мѣщанинъ въ плисовыхъ шароварахъ и синей поддевкѣ, обращаясь къ толпѣ мужиковъ: вы любите подойти къ дереву съ топорикомъ да—тяпъ!..

— Я ни за что на это не соглашусь, Митрій Семенычъ, возражаетъ одинъ старикъ.

— А все таки, братъ, надо держать ухо востро... вы народъ теплый, особливо насчетъ лѣсу...

— Подлинно... Загородиться отъ нашего брата слѣдствуетъ...

— Вѣстимо, подхватываютъ голоса: бережонаго и Богъ бережетъ...

Если въ массѣ прихожанъ появляется кто нибудь изъ „оскудѣвшихъ", новые помѣщики съ презрительной усмѣшкой осматриваютъ его съ головы до ногъ и обмѣниваются между собою такими замѣчаніями:

— Видно, нашъ Егоръ Николаичъ, совсѣмъ сошелъ на нѣтъ...

— Говорятъ, ужъ онъ самъ себѣ сапоги чиститъ...

— Время такое пришло: прежде у Мокея было два лакея, а теперь Мокей самъ лакей...

Въ церковной караулкѣ старый, отставной капитанармусъ въ военной формѣ, сидя за дубовымъ столомъ, сообщаетъ слушателямъ свою біографію:

— Разъ иду я по главной губернской улицѣ, ѣдетъ какой-то помѣщикъ въ коляскѣ; поровнявшись со мною, онъ вдругъ приказываетъ кучеру остановить лошадей и обращается ко мнѣ: „ты на службѣ, кавалеръ?"—„Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я безсрочно отпускной."— „Хочешь быть у меня управляющимъ?" — „Радъ стараться, ваше благородіе... осмѣлюсь спросить: сколь велико награжденіе положите?"—„Пока ничего. Сначала я тебя посмотрю, а ты — меня, тогда мы и сдѣлаемъ дѣло безобидно для обоихъ." Я согласился. Пріѣхавъ въ имѣніе, баринъ началъ водить меня по сараямъ, конюшнямъ, анбарамъ, а самъ объясняетъ: „вотъ здѣсь нечистая сила живетъ: насыплешь ржи четвертей пять, на утро ея и половины нѣтъ... Лошадямъ каждый день сѣно и овесъ отпускаются, а онѣ еле ноги передвигаютъ... Словомъ, идетъ несказанное воровство..." Вступилъ я въ должность и принялся за дѣло: въ двѣ недѣли всѣхъ воровъ переловилъ... Ужъ и наказаніе же имъ было— не приведи Господи!.. Мужикамъ тридцати обрили половину головы, половину бороды и отправили всѣхъ въ острогъ... Экономкѣ косу отрѣзали и сослали на скотный дворъ ходить за коровами... Что дѣлать! Я привыкъ служить вѣрой и правдой... меня хотѣли убить, да не пришлось: Богъ не только не допустилъ до этого, а еще взыскалъ меня своею милостію... Живу теперь не хуже людей: имѣю сорокъ десятинъ земли...

— Стало быть и вы, Кузьма Вавилычъ, маху не давали у барина-то? возражаетъ одинъ изъ слушателей.

— А ты какъ бы думалъ? Неужели я сталъ бы служить попапрасну?

— Точно, глубокомысленно вставилъ пономарь: никтоже плоть свою возненавидѣ...

Бывшій дворовый человѣкъ штабскапитанши Гущиной, Иванъ Михайлычъ Чурилинъ, принадлежитъ къ категоріи новыхъ помѣщиковъ N....скаго уѣзда. Его отецъ, исправлявшій должность повара у Гущиной, немедленно послѣ объявленія достопамятнаго манифеста 19 февраля, приписался къ мѣщанамъ и началъ промышлять въ лѣтнее время съемкою садовъ, а зимою откармливаніемъ такъ называемыхъ „христославныхъ" куръ, которыхъ онъ скупалъ у сельскаго духовенства и отправлялъ въ Москву въ видѣ пулярокъ; спустя пять лѣтъ ему вздумалось снять въ аренду въ деревнѣ Ярославкѣ постоялый дворъ и при немъ нѣсколько десятинъ усадебной земли, принадлежавшей князю Бирюкову, жившему въ Пензенской губерніи.

Жизненная дорога, намѣченная старымъ Чурилинымъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала внутреннимъ наклонностямъ его сына, который началъ шагать по ней исполинскими шагами. Сдѣлавшись полнымъ хозяиномъ по смерти отца, Иванъ Михайлычъ не ограничился одною отраслью дѣятельности, а брался рѣшительно за все, что обѣщало выгоду и барышъ: онъ держалъ извощичьихъ лошадей, занимался ссыпкой хлѣба, торговалъ лѣсомъ, краснымъ товаромъ, спиртными напитками, а въ періодъ „оскудѣнія" былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей аукціоновъ въ окружномъ судѣ, гдѣ по ключ-

Библиотека "Руниверс"

Древняя Русь. Обрядъ „постриги“ наслѣднаго князя. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

камъ скупалъ земли дворянъ и государственныхъ крестьянъ, затѣмъ перепродавалъ ихъ въ другія руки или отдавалъ въ наймы мужикамъ. Въ короткій промежутокъ времени Чурилинъ успѣлъ скопить изрядный капиталецъ и уже подыскивалъ себѣ для покупки „подходящее“ дворянское имѣньице, вблизи Ярославки. Благопріятный случай скоро представился. Въ одно октябрское утро разнеслась вѣсть, что князь Бирюковъ скончался. Не долго думая, Чурилинъ захватилъ съ собою всѣ свои деньги и отправился въ Пензенскую губернію, гдѣ розыскалъ наслѣдниковъ покойнаго князя и купилъ у нихъ, съ разсрочкой платежа, все Ярославское имѣніе, въ количествѣ 300 десятинъ. Получивъ купчую, Иванъ Михайлычъ поѣхалъ изъ Пензы въ свой губернскій городъ, гдѣ и заложилъ купленное имѣніе въ поземельномъ банкѣ. Такимъ образомъ въ его рукахъ очутилось хорошее имѣніе и свободный капиталъ, дававшій ему возможность производить поземельныя и иныя операціи.

Въ настоящее время Иванъ Михайлычъ считается однимъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ Срѣтенскаго прихода, гдѣ онъ состоитъ въ званіи церковнаго старосты и предсѣдателя приходскаго попечительства, не говоря уже о томъ, что онъ, въ качествѣ гласнаго, давно подвизается въ уѣздномъ и губернскомъ земствѣ. Кромѣ Ярославки онъ владѣетъ многими хуторами, содержитъ нѣсколько мелочныхъ лавокъ, болѣе десятка кабаковъ и недавно приступилъ къ сооруженію винокуреннаго завода. Въ погонѣ за наживой Чурилинъ положительно не имѣетъ ни одной свободной минуты: ему надо сдѣлать тысячи распоряженій, нанять и разсчесть рабочихъ, подать жалобу мировому, взнести проценты въ поземельный банкъ, объѣздить свои хутора, навѣстить нѣкую оскудѣвающую барыню, попасть на сессію въ земствѣ, поспѣть на аукціонъ въ губернію, оттуда, не медля ни минуты, ѣхать въ Москву къ Бутенопу, который, не взирая на страдную пору, не высылаетъ жатвенной машины. Всегда усталый, разбитый, онъ возвращается домой, гдѣ не бываетъ по цѣлымъ недѣлямъ; но и дома его ожидаетъ цѣлая масса дѣлъ и разнаго рода извѣстій, въ родѣ того, напр., что сидѣлецъ въ его лавкѣ снился съ кругу, такъ что мелочная и спиртная торговля всею тяжестью своею обрушилась на самоё хозяйку съ дочерью.

— И зачѣмъ ты взялъ на свою шею такую обузу? не разъ упрекала его жена: есть у насъ Ярославка и довольно... Кажись, мы скоро поперхнемся этой землей... право слово!.. Ты бы вотъ лучше подумалъ объ дочери... она вѣдь ужъ невѣста...

— Что же мнѣ прикажешь дѣлать?

— А то, что ей пора бы выѣзжать въ люди... Ты хоть нанялъ бы ей чтоль учителя какого для танцыевъ... а либо пуртуфьяны купилъ...

— Вчера я у одной барыни видѣлъ пуртуфьяны-то... и дешево продаются... Какъ нибудь на досугѣ съѣзжу...

Чурилинъ никогда не возвращался домой съ пустыми руками: онъ или приведетъ съ собой взятую за долгъ корову, или привезетъ щегольской кабріолетъ, дорогое трюмо, дюжину вѣнскихъ стульевъ, большую картину, вѣялку и т. п., вслѣдствіе чего домашняя обстановка Ивана Михайлыча поражаетъ свѣжаго человѣка невѣроятными контрастами: на стѣнахъ вмѣстѣ съ лубочными картинами висятъ фамильные портреты именитыхъ помѣщиковъ и копіи съ Рафаелевскихъ мадоннъ; рядомъ съ аляповатыми стульями и столами красуется изящная мебель чуть не отъ Гамбса; тутъ же возвышается исполинское барское кресло съ хитрыми приспособленіями для ѣды, чтенія и даже спанья.—Однажды Чурилинъ пріобрѣлъ у какого-то прогорѣвшаго помѣщика бильярдъ, но не помѣстилъ его въ своемъ домѣ, а подпиливъ у него ножки и вставивъ въ середину ящикъ, устроилъ весьма прочныя и удобныя ясли для коровъ.

— Потому эта самая барская затѣя мнѣ пришла почесть задаромъ, объяснялъ онъ своимъ гостямъ, которые единогласно одобряли его выдумку и называли преобразившійся бильярдъ „вполнѣ хозяйственною вещью“.

Въ одинъ жаркій іюльскій вечеръ въ мелочную лавку Чурилина, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ большаго кирпичнаго дома, скромно вошелъ молодой человѣкъ въ заплесненномъ длиннополомъ сюртукѣ и дутыхъ сапогахъ, держа подъ мышкой туго набитый холстинный мѣшокъ. Увидавъ за стойкой красивую дѣвушку лѣтъ 16, которая читала какую то книгу, торопливо грызя подсолнушки, путникъ остановился у порога и молча началъ осматривать лавку, увѣшанную кренделями, рукавицами, веревками, лаптями и другимъ „бросовымъ“ товаромъ. Послѣ минутнаго молчанія, молодой человѣкъ осторожно кашлянулъ въ рукавъ. Дѣвушка быстро подняла голову и устремила изумленный взглядъ на незнакомца.

— Позвольте спросить, чья эта лавка? спросилъ послѣдній.

— Ивана Михайлыча Чурилина.

— Ну, такъ! Значитъ, я не ошибся...

— А вы кто такой?

— Я ихній новый сидѣлецъ.

— Изъ города?

— Такъ точно... Они нонѣ утромъ нарочно заѣзжали ко мнѣ съ супругой и наказывали, чтобы я безотмѣнно былъ сегодня здѣсь... Они поѣхали, стало быть, осматривать новое имѣніе и обѣщались завтра прибыть домой.

— Васъ какъ зовутъ?

— Лукьянъ Денисовъ Пробкинъ...

Дѣвушка слегка усмѣхнулась и проговорила:

— Мы васъ давно ждемъ...

— Да все никакъ нельзя было вырваться отъ прежняго хозяина: надо было провѣрить книги, сдѣлать учетъ, товаръ сдать на руки...

— У вашего хозяина, кажется, бакалейная лавка?

— Да-съ, они бакалеемъ торгуютъ... но продаютъ и деготь, соль, муку, вообще что требуется по мужицкой части...

Лукьянъ Денисычъ сѣлъ на скамью и принялся вытирать на лбу потъ.

— Что-жъ, развѣ вы пѣшкомъ пришли? продолжала спрашивать дѣвушка.

— Почитай половину дороги одинъ знакомый мѣщанинъ подвезъ... а тутъ ужъ я на своихъ на двоихъ... Да жарко... вотъ какая теплынь—смерть!..

— Ну, хорошо, что вы пришли... Вотъ этой самой лавкой и будете заправлять... еще рядомъ у насъ тутъ кабакъ... Въ базарные дни я вамъ буду помогать.

— А вы, позвольте освѣдомиться, сродственница Ивану Михайлычу?

— Я его дочь.

— Тэ-э-къ-съ, протянулъ молодой человѣкъ и вдругъ, какъ бы спохватившись, приподнялся и раскланялся.

— Не хотите ли чаю?

— Съ удовольствіемъ.

— Эй, нянька! постучавъ въ стѣну кулакомъ, крикнула дѣвушка: подай сюда самоваръ!

— А ваше имячко позвольте узнать? спросилъ Лукьянъ Денисычъ.

— Настасья.

— Неужели, Анастасія Ивановна, вы сами отпущаете товаръ?

— Я съ малолѣтства этимъ занимаюсь... родители меня не балуютъ...

Въ стѣнѣ, за стойкой, отворилась дверь и въ лавкѣ появилась старуха въ синемъ сарафанѣ, держа въ рукахъ кипѣвшій самоваръ.

— Ты бы, Настюшка, шла въ горницу чай-то пить, проговорила она: авось покупатель попѣ не Богъ вѣсть какой... лавку-то притворила бы...

Библиотека "Руниверс"

— Да въ горницѣ отъ мухъ отбою нѣтъ, а здѣсь ихъ меньше.

— Ну, какъ знаешь.

— Въ лавкѣ завсегда мухъ меньше, подтвердилъ Лукьянъ Денисычъ: потому здѣсь прохладнѣй и съѣстнаго нѣтъ... Послушай, бабушка, обратился онъ къ старухѣ: прибери куда нибудь мое добришко... только я сперва изъ сумки кое-что выберу...

— Нянька! это нашъ новый сидѣлецъ, рекомендовала Настасья Ивановна молодаго человѣка: папаша изъ города прислалъ...

— Ну, слава тебѣ, Господи, промолвила старуха: а то ты, сердечная, съ ногъ сбилась...

Пробкинъ досталъ изъ мѣшка складное зеркальце, гребень, нѣсколько тоненькихъ народныхъ книжекъ, гармонію и передалъ остальное „добришко" старухѣ, которая не замедлила удалиться. Настасья Ивановна начала заваривать чай.

— Вы играете на гармоніи? спросила она Пробкина.

— Грѣшный человѣкъ, балуюсь... въ развлеченіе скуки...

— А мнѣ папаша хочетъ купить фуртуньяны...

— Такъ... Но по моему размышленію, Анастасія Ивановна, пуртуфляны самый неподходящій струментъ..

— Почему вы такъ заключаете?

— По тому самому, что испортится какая нибудь струна, надо посылать въ городъ за настройщикомъ; а его, бываетъ, дома нѣтъ—ты и сиди сложа руки... А ежели разладится гармонія, сейчасъ взялъ, отковырнулъ крышку, приподнялъ язычекъ на планкѣ и опять играй... Или, къ примѣру будемъ говорить, гдѣ нибудь затѣялась вечеринка, требуется музыка... пуртуфляны надо тащить... народъ сзывать... а гармонію взялъ подъ мышку и пошелъ... Наконецъ того, гармонія всякимъ чувствіямъ великолѣпно потрафляетъ...

— Вы какія пѣсни играете?

— Разныя... больше подъ танцы: польки, вальцы, ланцэ...

— А что, скоро можно выучиться на этомъ струментѣ?

— Это зависитъ отъ того, кому Господь далъ какой таланъ... Человѣкъ съ душой и понятіемъ въ короткое время можетъ вникнуть въ эту науку, а человѣкъ безъ понятія и закоснѣлый въ своихъ чувствіяхъ никогда не обучится...

— Сыграйте что нибудь...

— Извольте-съ... Кіатральные романсы одобряете?

— Все равно...

Взявъ нѣсколько аккордовъ, Пробкинъ приступилъ къ исполненію пѣсни „Близко города Славянска". Впечатлѣніе игры было до того сильно, что глаза дѣвушки засвѣтились блескомъ и лицо покрылось яркимъ румянцемъ.

— Однако вы отлично играете, проговорила она, когда Пробкинъ, окончивъ игру, положилъ гармонію на стойку и снова принялся за чай.

— Не въ похвальбу скажу, Анастасія Ивановна, скромно началъ молодой человѣкъ: въ городѣ безъ меня не обходилось ни одного сговора, ни одной свадьбы; потому всѣ мою игру обожали... Вы, можетъ быть, не повѣрите?.. Я даже ахтеромъ былъ...

— Неужели?

— Сейчасъ помереть!.. только не настоящимъ ахтеромъ, который въ кіатрѣ играетъ, а мы ряженые ходили по домамъ и разныя приставленія показывали...

— Что же именно?

— Приставляли „Волжскаго атамана съ шайкой разбойниковъ", „Царя Максимиліана и сына его Адольфа", „Барина и его слугу". Вотъ, Богъ приведетъ, дождемся святокъ, Анастасія Ивановна, я вамъ сыграю „Старосту" .. смѣшная исторія!.. только надо, чтобы кто нибудь нарядился бариномъ...

— Молодымъ или старымъ?

— Молодымъ...

— Такъ это я могу нарядиться...

— И чудесно!.. Надѣнете себѣ халатъ, возьмете въ руку трубку съ длиннымъ чубукомъ, жженой пробкой наведете себѣ усики—вотъ вамъ и баринъ!..

Представленіе „Старосты и барина" состоялось на третій день святокъ въ домѣ Чурилина, при многочисленномъ стеченіи публики, добрую половину которой составляли крестьяне деревни Ярославки, сплошной массой толпившіеся въ двухъ прихожихъ комнатахъ. По приглашенію хозяина, на представленіе собрались всѣ новые помѣщики Срѣтенскаго прихода со своими домочадцами, не исключая отставнаго каптенармуса и бывшаго камердинера графа Цаплина, пріѣхавшаго въ крашеномъ возкѣ, обитомъ изнутри медвѣжьей шкурой. Въ числѣ гостей былъ также одинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ сосѣдняго прихода Артамонъ Нилычъ Рыкаловъ; вслѣдствіе письменнаго приглашенія, онъ пріѣхалъ со своей дородной супругой и долговязымъ сыномъ-женихомъ, за котораго Чурилинъ прочилъ свою дочь.

Просторный залъ, долженствовавшій служить и сценой, и партеромъ вмѣстѣ, былъ ярко освѣщенъ старинными бра на стѣнахъ и не менѣе старинной, пріобрѣтенной „по случаю" люстрой, спускавшейся съ потолка.

Послѣ вечерняго чая и легкой выпивки, Иванъ Михайлычъ, потирая руки отъ предстоящаго удовольствія, подходилъ то къ одному гостю, то къ другому и какъ бы по секрету сообщалъ:

— Вотъ сейчасъ начнется... ахтеры уже одѣлись...

— Скажи пожалуйста, спрашивалъ Рыкаловъ: что такое представлять-то будутъ? Простую комедь ломать?

— Какую комедь? Про старыхъ помѣщиковъ будутъ мараль пущать...

— Стало быть, критику?

— Ну, да! Что критика, что мараль—все единственно...

— По дѣломъ имъ...

— Господа, начинается.

Гости размѣстились около стѣнъ; среди залы образовалась арена для дѣйствующихъ лицъ. Во всемъ домѣ воцарилась мертвая тишина.

На сценѣ появился молодой баринъ въ ситцевомъ халатѣ, въ красной ермолкѣ съ золотой кисточкой и съ длиннымъ чубукомъ въ рукѣ. Онъ былъ гримированъ по рецепту сидѣльца Пробкина.

— Эй, староста! пріятнымъ и почти дѣтскимъ голосомъ крикнулъ баринъ.

— Чего изволите? послышался за сценой хриплый баритонъ.

— Поди-ко, братъ, сюда!

Изъ сосѣдней комнаты выступилъ горбатый мужичекъ въ дырявомъ армякѣ, съ пеньковыми волосами и бородой по-поясъ. Публика встрѣтила его дружнымъ, долго несмолкавшимъ смѣхомъ.

— Ну, староста, садясь на стулъ, продолжалъ баринъ: отвѣчай мнѣ, ты гдѣ находился?

— Въ овинѣ сушился, ваше скабродіе...

— А если бы онъ загорѣлся?

— Я вышелъ бы да погрѣлся...

— Молодецъ! Ну, теперь разсказывай, хорошо ли живутъ мои крестьяне?

— Исправно, ваша милость: у семи дворовъ одинъ топоръ, и тотъ безъ обуха... Трое воротъ, и всѣ на огородъ... Одни не запираются, другія не затворяются, а третьи, неизвѣстно, гдѣ валяются...

— А хорошо-ли ѣдятъ мои крестьяне?

— Душу не морятъ, а кашу не варятъ... Кашный горшокъ по всей вотчинѣ ходитъ... Къ кому постучится, у того крупъ не случится...

— Браво, браво! по иниціативѣ хозяина закричали гости, хлопая въ ладоши.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, хорошъ ли въ моемъ имѣніи урожай? спросилъ баринъ.

— Чудесный, батюшка-баринъ: я собралъ цѣлыхъ пять скирдовъ и поставилъ ихъ на полатяхъ, а котъ Васька хвостомъ махнулъ да все и смахнулъ...

При послѣднихъ словахъ вся публика снова разразилась продолжительнымъ смѣхомъ. Закуривъ трубку, баринъ продолжалъ:

— Послушай, староста: я хочу послать тебя въ вотчину за мясомъ... Говорятъ, тамъ скотины много били...

— О, кормилецъ, всего много! Солонины, ветчины— все порожніе чаны... Одинъ любитъ ветчинку, другой солонинку: спорютъ, спорютъ, такъ ничего и не сворютъ...

— Ну, вотъ что,—братецъ: я слышалъ, въ моемъ имѣніи лошади больно хороши; приведи-ко мнѣ парочку, чтобы въ дышлѣ ходили.

— Такія, сударь, лошади, просто удержу нѣтъ: по два человѣка ведутъ поить, чтобы не играли, а четверо идутъ по бокамъ, чтобъ не упали...

Въ публикѣ опять громкій смѣхъ и одобрительные возгласы.

— Собралъ ли ты оброкъ съ моихъ крестьянъ?

— Собралъ, ваша милость.

— Съ кого да съ кого?

— Съ Фомки да съ Еремки по двѣ копѣйки, а съ Фалалейки одну копѣйку.

— Почему-жъ ты взялъ съ него только одну?..

— Онъ, сударь, бѣденъ, какъ бѣсъ... дня по три хлѣба не ѣстъ... Опять же у него велика семья, да съ позволенія сказать, онъ обиждается, что баринъ—свинья.

— Ну, давай же оброкъ!

— Сейчасъ... Слушай-ко, баринъ, что я буду говорить: шелъ я по московской улицѣ Ордынкѣ, увидалъ я Тепловъ кабачекъ, выпилъ винца на пятачекъ, на копѣйку закусилъ да на денежку табачку купилъ... вотъ извольте понюхать...

— Пошелъ вонъ, невѣжа...

При всеобщемъ хохотѣ, староста поспѣшно удалился. Баринъ задумчиво прошелся по сценѣ, затѣмъ, принявъ трагическую позу, разрѣшился слѣдующимъ банальнымъ монологомъ:

— Что-жь мнѣ теперь остается дѣлать? Больше ничего, какъ умирать... Что такое наша жизнь? Пустая сказка... Смерть—развязка, а гробъ—коляска... да и ѣхать въ ней не тряско...

При оглушительныхъ апплодисментахъ баринъ скрылся.

Вечеръ завершился веселой пирушкой, пѣснями и пляской подъ гармонію, на которой „являлъ свое искусство“ Лукьянъ Денисычъ Пробкинъ.

Проводивъ гостей, Чурилинъ позвалъ Настасью Ивановну въ свой кабинетъ.

— Ну, спасибо, дочка, цѣлуя ее въ голову, началъ онъ: право, спасибо... вотъ такъ утѣшила... Всѣ гости смѣялись до упаду...

— За что вы меня хвалите, папаша? возразила дѣвушка: вѣдь моя роля была самая простая. Вотъ Лукьянъ Денисычъ игралъ дѣйствительно, какъ настоящій актеръ...

— Я не спорю... Онъ былъ смѣшонъ... Ну, да не въ томъ дѣло: я хочу съ тобой поговорить насчетъ... молодаго Рыкалова... Какъ онъ тебѣ показался?

Настасья Ивановна, опустивъ голову, молчала.

— Малый видный и не глупый... Его отецъ имѣетъ 400 десятинъ земли, два завода — одинъ кожевенный, другой крахмальный... да каждый годъ штукъ до тысячи свиней откармливаетъ...

— Къ чему все это вы говорите?

— А къ тому, что намъ съ такими людьми хорошо бы породниться... Чѣмъ, напримѣръ, не женихъ для тебя Феногенъ Артамонычъ?

— Нѣтъ, папаша, качая головой, произнесла Настасья Ивановна: Рыкаловъ мнѣ—не пара... я за него не пойду...

— Кого-жъ тебѣ еще надо?

Дѣвушка вдругъ прижалась къ груди отца и едва слышно проговорила:

— У меня уже есть суженый...

Изумленію и гнѣву Чурилиныхъ не было границъ, когда Настасья Ивановна объявила имъ, что ея суженый никто другой, какъ сидѣлецъ Лукьянъ Денисычъ Пробкинъ. Цѣлый градъ упрековъ, брани и угрозъ посыпался на несчастную дѣвушку, такъ какъ въ ихъ глазахъ Пробкинъ былъ „бездомовникъ“ и „пралетарій“, который ни подъ какимъ предлогомъ не смѣлъ даже и мечтать о родствѣ съ ними; Настасью Ивановну обвиняли въ неблагодарности, сравнивали съ змѣей, отогрѣтой за пазухой, доказывали, что она не только позоритъ ихъ имя, но заживо снимаетъ съ нихъ голову.

Но дѣвушка была непоколебима и стояла на своемъ. Она торжественно заявила, что „скорѣе наложитъ на себя руки, нежели рѣшится быть женою другаго“.

Убѣдившись наконецъ, что ни угрозы, ни увѣщанія, никакія родительскія мѣры на нее не дѣйствуютъ, отецъ съ матерью единогласно констатировали крайне печальный фактъ, а именно: что ихъ дочь либо „тронулась умомъ“, либо какимъ нибудь лиходѣемъ (хоть бы самимъ Пробкинымъ) „приворожена“, или просто „испорчена“... Гипотеза эта тѣмъ вѣроятнѣе, что въ послѣднее время съ дѣвушкой начали дѣлаться истерическіе припадки при одномъ лишь намекѣ отца, что онъ выгонитъ сидѣльца изъ своего дома; сверхъ того, „приворожeнная“ совсѣмъ перестала заниматься дѣломъ, „откачнулась отъ всего“, лишилась сна и аппетита.

На основаніи произведенной діагнозы, Чурилины прежде всего хотѣли обратиться за помощью къ мѣстнымъ знахарямъ и лекаркамъ, но потомъ нашли эту мѣру хотя далеко не безполезною, тѣмъ не менѣе въ высшей степени нетактичною въ томъ отношеніи, что благодаря означеннымъ знахарямъ вѣсть о „порчѣ“ ихъ дочери можетъ разнестись по всему уѣзду и окончательно погубить ея репутацію, какъ невѣсты.

Случай однако вывелъ Чурилиныхъ изъ затруднительнаго положенія. По совѣту Срѣтенской матушки, отличавшейся какъ беззавѣтной преданностію ихъ семейству, такъ и житейскою опытностью, они рѣшились прибѣгнуть къ совѣту, такъ называемыхъ, „старцевъ“. И вотъ въ одно январское утро Марфа Прокофьевна Чурилина приказала заложить возокъ и тронулась въ путь...

— Прикажете самоварчикъ подать? вводя пріѣзжую въ одинъ изъ нумеровъ монастырской гостинницы, спрашивалъ „корридорный батюшка“.

— Нѣтъ, мнѣ сперва хотѣлось бы принять благословеніе у о. Иларіона и о. Саввы...

— Они теперь отдыхаютъ... а вотъ послѣ вечерни къ нимъ можно пройти...

— Ну, когда такое дѣло, попьемъ съ вами чайку, батюшка.

Черезъ минуту монахъ внесъ самоваръ и отошедши къ жарко-натопленной печи, къ которой прислонился спиной, началъ спрашивать:

— Откуда сами?

— Изъ деревни Ярославки, N...скаго уѣзда.

— Знаю... изъ вашего уѣзда многіе бываютъ въ нашей обители... Что же, купеческаго званія или духовнаго?

— Мы помѣщики...

— Такъ. Изнарочнаго пожаловали къ намъ?

— Изнарочнаго... Хочу посовѣтываться насчетъ дочери...

— Что же, она у васъ нездорова?

Марфа Прокофьевна молча заваривала чай.

Библиотека "Руниверс"

Выставка въ Имп. Акад. Худож. „Дѣвочка, подающая родителямъ премію“. Статуя Браго. Съ фотогр. грав. Дзедзицъ.

Библиотека "Руниверс"

— Она у васъ большая? продолжалъ батюшка.

— Невѣста...

— Что же съ ней такое?

— Да какъ вамъ сказать? И ума не приложимъ... Не угодно ли чайку со мной покушать...

— Спаси васъ Царица Небесная...

Монахъ сѣлъ къ столу и, наливая въ блюдечко чай, продолжалъ:

— Да, странные бываютъ случаи въ жизни... Вы бы дочку-то съ собой взяли? Или, быть можетъ, онѣ сильно нездоровы?

— Изволите видѣть, какая исторія, начала Марфа Прокофьевна; съ полгода тому назадъ наняли мы себѣ прикащика для лавки...

— Понимаю... значитъ, сидѣльца...

— А моя дочь-то, изволите видѣть, помогала ему...

— Молодой прикащикъ-то или старый?

— Лѣтъ 25... Да это бы ничего, а вотъ что плохо: онъ оченно хорошо на гармоніи игралъ...

— Самый бѣсовскій струментъ, глубокомысленно замѣтилъ батюшка, расправляя волосы.

— Вотъ хорошо... Этотъ самый сидѣлецъ день играетъ на гармоніи, другой—играетъ, мы себѣ слушаемъ, окаянные, да потѣшаемся... и не замѣчаемъ, что дочку-то онъ соблазняетъ своей сатанинской музыкой. Только однажды, передъ Рождествомъ Христовымъ, вздумала я поискать что-то, не то ножницы, не то наперстокъ; открыла дочкину щекатунку, вдругъ вижу—записка... я сама грамотѣ не знаю, приношу эту записку мужу и говорю: „на-ко, прочитай...“

— Вы не захватили съ собой этой записочки? перебилъ монахъ.

— Нѣтъ, взяла... нарочно хочу показать старцамъ, чтобы они видѣли, въ чемъ дѣло...

— Не соблаговолите ли мнѣ прочитать?

— Извольте, батюшка...

Марфа Прокофьевна достала изъ сакъ-вояжа записку и передала ее своему собесѣднику.

„Милый и безцѣнный другъ! вслухъ началъ читать послѣдній: во первыхъ строкахъ объясняю тебѣ искру моей любви къ тебѣ, которая воспламенила мои чувства и дала имъ особое понятіе... по сему случаю пріемлю смѣлость объяснить тебѣ всѣ свои любовныя качества и болѣе отъ обильнаго пламени писать не могу, а ежели въ случаѣ твои родители не будутъ согласны, то я лишу себя жизни...“

— Кто же это писалъ? спросилъ монахъ, возвращая записку Чурилиной.

— А вотъ извольте послушать... Позвали мы дочь, спрашиваемъ: чье это письмо? Она и говоритъ: это одной моей подругѣ пишетъ тоже подруга... Такъ мы на эту записку и не обратили вниманія: подруга да подруга... Въ послѣдствіи же времени оказалось, что цыдулку эту сочинялъ сидѣлецъ...

— Искусникъ, нечего сказать!.. Любопытно однако послушать, что дальше послѣдовало?

— Надо вамъ сказать, батюшка, что у насъ ужь былъ для дочери женихъ на примѣтѣ... Въ прошлыя святки мужъ спросилъ ее: „Что, Настя, по нраву ли тебѣ такой то?..“ Она вдругъ и запировала: „никого, говоритъ, мнѣ не нужно... У меня есть женихъ...“ —„Кто такой?“ Она и брякнула: „нашъ сидѣлецъ...“ Мы такъ и не вспомнились... словно обухомъ она насъ треснула... Принять надо въ разсчетъ и то, батюшка, что мы живемъ оченно хорошо: у насъ и земли, и скота, всего довольно;—статочное ли дѣло, чтобы мы выдали дочь за человѣка неимущаго, да и родниться съ нимъ никакъ невозможно: его мать—торговка въ городѣ, а отецъ вяжетъ сѣти...

— Ай, ай, ай... ну, это дѣйствительно, что... никоимъ образомъ нельзя...

— Начали мы усовѣщевать дочку: молъ, пожалѣй ты насъ хоть на старости лѣтъ, не срами... Она и слушать не хочетъ, твердитъ одно: ежели вы меня за сидѣльца не отдадите—жизти рѣшусь! Что прикажете дѣлать? Безъ вины дѣлаетъ виноватыми...

— А съ самимъ сидѣльцемъ-то вы объяснялись?

— Немало усовѣщевали и его, разбойника... Сперва-началу мужъ хотѣлъ было прогнать его совсѣмъ, чтобы и духу его не пахло, да опять дочка завоевала: „ежели, говоритъ, вы его прогоните, я слѣдомъ убѣгу за нимъ“... Мужъ видитъ, что дѣло плохо, сталъ дѣйствовать лаской. Призвалъ онъ этого сидѣльца въ кабинетъ и спрашиваетъ (рѣчь завелъ издалека):

— Небойсь, Лукьянъ, тоже думаешь жениться?

— Да надо-бы, говоритъ: тѣмъ паче, что сердце мое уже избрало себѣ достойную и любовь оковала его крѣпкими цѣпями. (Онъ начетчикъ такой, этотъ сидѣлецъ-то).

— Кто же такая? спрашиваетъ мужъ.

— Да ваша дочка...

Такъ прямо и выпалилъ... Мой мужъ сгоряча хотѣлъ было схватить его за виски, да воздержался... и только сказалъ: подумалъ ли ты, дубина этакая, кому ты эти слова говоришь? Кажись, ты должонъ понимать: кто я и кто ты? Свойственно ли тебѣ помышлять даже объ моей дочери? А онъ и говоритъ: „передъ Господомъ, Иванъ Михайловичъ, мы всѣ равны... наипаче потому, что созданы изъ одной глины... а что ежели вы богаты, а я бѣденъ, то это ровно ничего не означаетъ, со временемъ, быть можетъ, я еще богаче васъ буду?“... Вотъ мы подумали, подумали и порѣшили съѣздить въ вашу обитель, посовѣтоваться съ благочестивыми людьми: какъ они рѣшатъ, такъ и будетъ...

— Это вы хорошо вздумали... Позвольте спросить: что же, сидѣльца-то вы такъ и не прогнали?

— Мы его перевели въ хуторъ на время. Думаемъ: что скажутъ старцы?.. Ежели не посовѣтуютъ выдать за него дочь, тогда совсѣмъ прогонимъ... и на дочь не посмотримъ...

— Тогда-то ужъ, конечно, нечего съ нимъ церемониться,—замѣтилъ монахъ: надо гнать въ три шеи... Однако сейчасъ ударятъ къ вечерни, взглянувъ на стѣнные часы, сказалъ онъ: вамъ время сбираться... Такъ вы прямо послѣ службы и идите сначала къ о. Саввѣ, а потомъ къ о. Иларіону...

Часа черезъ два „корридорный батюшка“ встрѣтилъ Марфу Прокофьевну у подъѣзда гостинницы и, держа тарелки въ обѣихъ рукахъ, спросилъ:

— Ну, что, были у о. Саввы?

— Была...

— Что же онъ сказалъ?

Чурилина приложила къ своимъ глазамъ платокъ и слезливо проговорила:

— Охъ, батюшка! И вымолвить страшно... Благословилъ выдать...

— За кого же?

— За сидѣльца...

— Можетъ ли быть?

— Вотъ вамъ Христосъ!.. И не знаю, что мнѣ теперь дѣлать, какъ показаться домой...

— Почему же однако онъ такъ присовѣтовалъ?

— Подите вотъ! Онъ говоритъ: авось и вы то не высоки... а гордымъ Богъ противится, смиреннымъ даетъ благодать!.. Что же касательно того, что молодые люди другъ друга любятъ, то это, говоритъ, оченно хорошо... взаимная любовь дороже всего... поэтому, совѣтую вамъ благословить ихъ...

— Ну, а совѣтовались вы съ о. Иларіономъ?

— И у него была... Онъ сказалъ тоже самое, только спросилъ: „что, этотъ сидѣлецъ, мотъ или пьяница?“—Никакъ нѣтъ, говорю.—„А свое дѣло знаетъ?“—По торговому дѣлу—человѣкъ отмѣнный.—„Ну, чего жъ вамъ надо?“—Я и говорю: да бѣденъ онъ...—„За то вы бо-

Библиотека "Руниверс"

гаты", говоритъ и больше не сталъ меня слушать... удалился въ свои покои...

— Ну, видно, вамъ придется покориться волѣ Божіей, замѣтилъ монахъ: съ своей стороны я вамъ скажу одно: ежели кто не послушаетъ совѣта нашихъ старцевъ, съ тѣмъ непремѣнно случится какое нибудь несчастіе...

— Ужъ это-то я сама знаю...

Пришедши въ нумеръ, Марфа Прокофьевна въ изнеможеніи опустилась на диванъ и горько почему-то заплакала, причитывая: „прощай, моя дочка ненаглядная, прощай, мое ясное солнышко"...

Совѣтъ благочестивыхъ иноковъ произвелъ на родителей Настасьи Ивановны гораздо бо́льшее впечатлѣніе, чѣмъ какое испытываютъ подсудимые, по выслушаніи вердикта присяжныхъ, исключающаго всякую возможность протеста и какихъ бы то ни было компромиссовъ; этотъ совѣтъ имѣлъ не только авторитетное, но и роковое значеніе для Чурилиныхъ, несмотря на то, что ихъ взглядъ на семейное счастіе былъ діаметрально противуположенъ здравому воззрѣнію „старцевъ". Они были глубоко убѣждены, что мнѣніе благочестивыхъ людей обязательно для православнаго христіанина и что ихъ устами говоритъ самъ Богъ; слѣдовательно, необходимо было волей-неволей подчиниться ихъ приговору, хотя бы это стоило борьбы и душевныхъ страданій.

Чтобы примириться съ мыслью о „неровномъ" бракѣ, Иванъ Михайлычъ отложилъ свадьбу дочери на неопредѣленное время, а своего будущаго зятя рѣшился подвергнуть цѣлому ряду суровыхъ испытаній съ цѣлію „обтесать бездомовника" и хоть сколько нибудь приблизить его къ тому высокому общественному положенію, которое онъ занималъ самъ. Мытарства Пробкина начались съ того, что онъ былъ разжалованъ изъ сидѣльцевъ въ конторщики и, въ качествѣ опальнаго, препровожденъ въ центральный хуторъ. На него возложена была масса обязанностей; вести приходо-расходныя книги, во всѣхъ имѣніяхъ слѣдить за работой и отдавать хозяину строгій отчетъ во всемъ, что касалось такъ называемой „экономіи" и вообще правильнаго веденія хозяйства. Пробкинъ долженъ былъ знать, напр., кѣмъ произведена потрава сѣна и порубка лѣса въ Ярославкѣ, сколько возовъ навозу вывезено со скотнаго двора на Мышенскомъ хуторѣ, вслѣдствіе какихъ причинъ въ Завьяловкѣ падаютъ овцы и свиньи; приняты ли мѣры, чтобы Новиковскіе крестьяне не брали воду изъ „барскаго" колодца и т. п.

Окрыляемый надеждою на счастіе, Лукьянъ Денисычъ съ неподдѣльнымъ жаромъ принялся за дѣло: съ ранняго утра онъ уже былъ на конѣ верхомъ, вооруженный арапникомъ; цѣлый день онъ стремглавъ леталъ по хуторамъ, лѣсамъ, нивамъ и лугамъ: тамъ распечетъ заснувшую подъ конной бабу или похвалитъ за усердіе плугарей, по дорогѣ найметъ рабочихъ и дастъ задатку; въ другомъ мѣстѣ отдаетъ приказаніе, въ какой анбаръ ссыпать хлѣбъ, заѣдетъ въ волостное правленіе съ жалобою на нарушеніе договора со стороны копачей, провѣритъ сидѣльца въ кабакѣ, либо пошлетъ сенсаціонное извѣстіе Чурилину въ такомъ родѣ: „Сіводни вдевіть чісовъ утра лопнулъ пріводнай рімень намашіні и адна лошіть напала наткалісо".

Впродолженіе года Пробкинъ успѣлъ стяжать себѣ полное довѣріе Чурилина и удостоился болѣе сложныхъ порученій и широкихъ полномочій, въ силу которыхъ онъ запродавалъ большія партіи хлѣба, сдавалъ въ аренду землю, при посредствѣ адвокатовъ вчиналъ иски въ судахъ, велъ дѣловую переписку съ столичными комерсантами и пр. Послѣднимъ и едва ли не самымъ серьезнымъ испытаніемъ для молодаго человѣка было клятвенное заявленіе Чурилина, въ присутствіи всей семьи, чтобы Пробкинъ не разсчитывалъ на приданое, а женившись на его дочери, самъ устроивалъ свое матерьяльное благосостояніе.

— Довольно съ тебя и того, что я выдаю за тебя свою дочь, примолвилъ онъ.

Настасья Ивановна, руководившаяся принципомъ „съ милымъ рай и въ шалашѣ", ограничилась одной лишь просьбой, чтобы родители позволили ей съ будущимъ мужемъ на первыхъ порахъ пожить въ одномъ изъ хуторовъ.

— Я увѣрена, сказала она, что Лукьянъ Денисычъ, при своемъ усердіи, въ скоромъ времени выйдетъ въ люди...

— Да неужели у твоего отца съ матерью и мѣста нѣтъ для тебя? возразила Марфа Прокофьевна: кто же позволитъ вамъ нанимать фатеру? Слава Богу, у насъ много чужаго народу кормится... а свою родную дочь авось мы не покинемъ...

— Ну, вотъ что, братъ, ласково потрепавъ будущаго зятя по плечу, сказалъ Иванъ Михайлычъ: видно, дѣлать нечего... твое счастье... Засылай сватовъ... Пора и свадьбу играть...

Хотя Иванъ Михайлычъ и объявилъ Пробкину, что онъ не дастъ за своею дочерью приданаго, тѣмъ не менѣе на другой день послѣ свадьбы онъ презентовалъ молодымъ весьма крупный подарокъ: когда, по заведенному обычаю, молодыхъ „подняли" съ брачнаго ложа и усадили за столъ, пожилой дружко (родственникъ Лукьяна Денисыча) до трехъ разъ кругомъ „обнесъ" ихъ караваемъ, затѣмъ поставилъ его передъ новобрачнымъ, которому вручилъ золотую чарку, а Настасьѣ Ивановнѣ далъ въ руки бутылку съ виномъ, и обратился къ Чурилину съ такими словами:

— Иванъ Михайлычъ! Про насъ съ тобою есть слухъ: твои ножки съ подходцемъ, а наши ручки съ подносцемъ; наши глазки глядятъ—съ вами знаться хотятъ... Пожалуй-ко сюда... Тебя проситъ молодой князь караваемъ, а молодая княгиня даромъ небольшимъ — малымъ, не рублемъ, не полтиной и не золотой гривной, а зеленымъ виномъ. По мо́щи, по силѣ, положь имъ рубля четыре, а будетъ твоя честь — положь рублей шесть; теперь же время въ осень, пожертвуй имъ рублей восемь... Ихъ дѣло молодое, имъ много надо: на шильце, на мыльце и на разныя домашнія нужды; имъ надо купить вола—возить въ баню дрова, нужно купить козу — возить въ баню воду, нужно купить кувшинъ мѣдный, чтобы самъ по воду бѣгалъ... Ну, теперь стаканчикъ винца принимай и выпивай, каравайчикомъ закуси, а рубль, полтину положи... Малое прими, а большое дай...

Чурилинъ опрокинулъ въ ротъ чарку водки и положилъ на каравай билетъ въ тысячу рублей, говоря молодымъ:

— Разживайтесь съ моей доли... Смотри, зятекъ любезный, береги и люби свою жену, какъ душу: она тебѣ Богомъ дана и добрыми людьми... А ты, любезная моя дочка, почитай своего мужа, какъ крестъ на главѣ церкви...

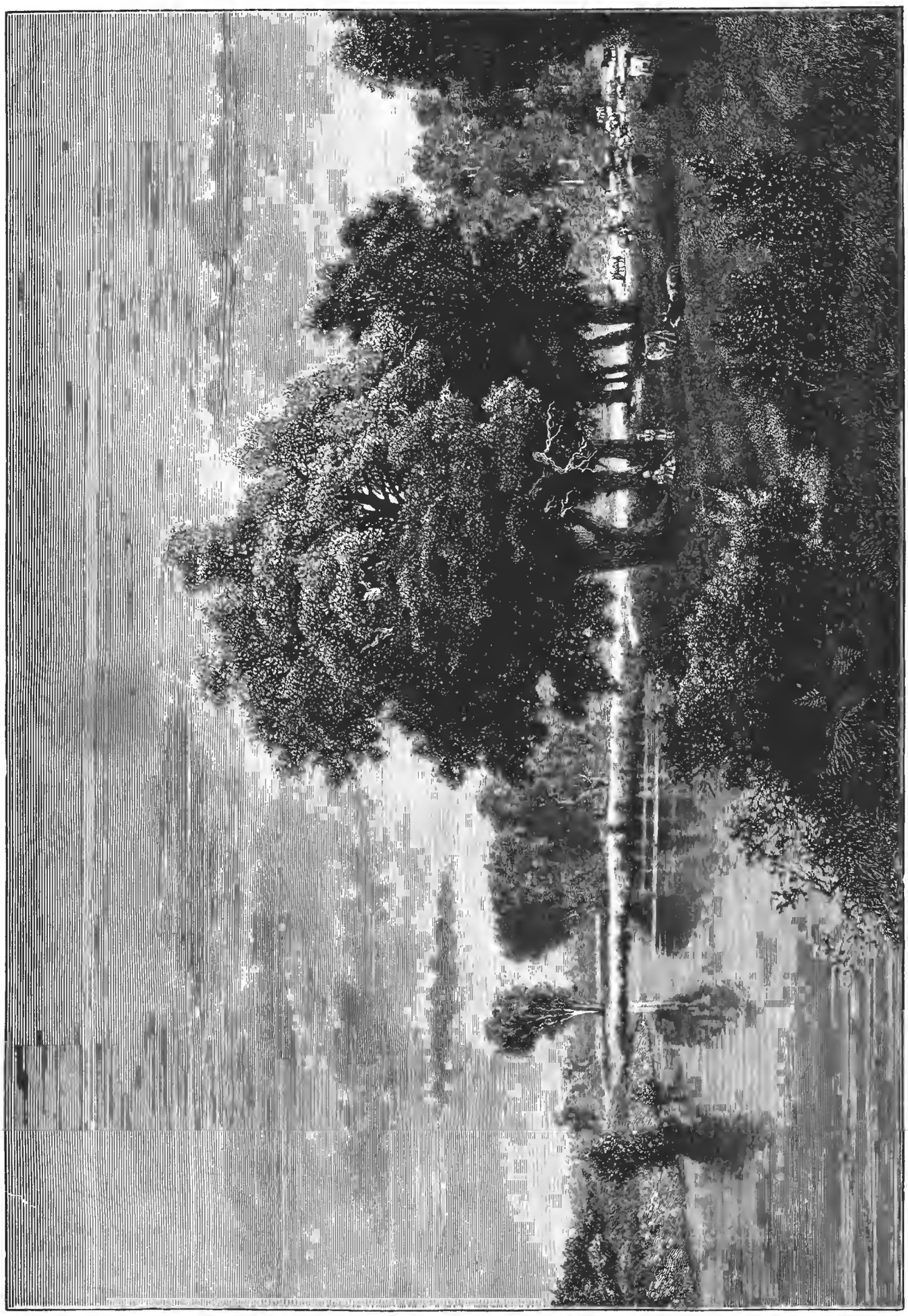
Провожая молодыхъ на Завьяловскій хуторъ, Иванъ Михайлычъ таинственно сообщилъ имъ:

— Знаете ли, зачѣмъ я вамъ далъ столько денегъ?

— Конечно, на наши нужды, папаша, пояснила Настасья Ивановна.

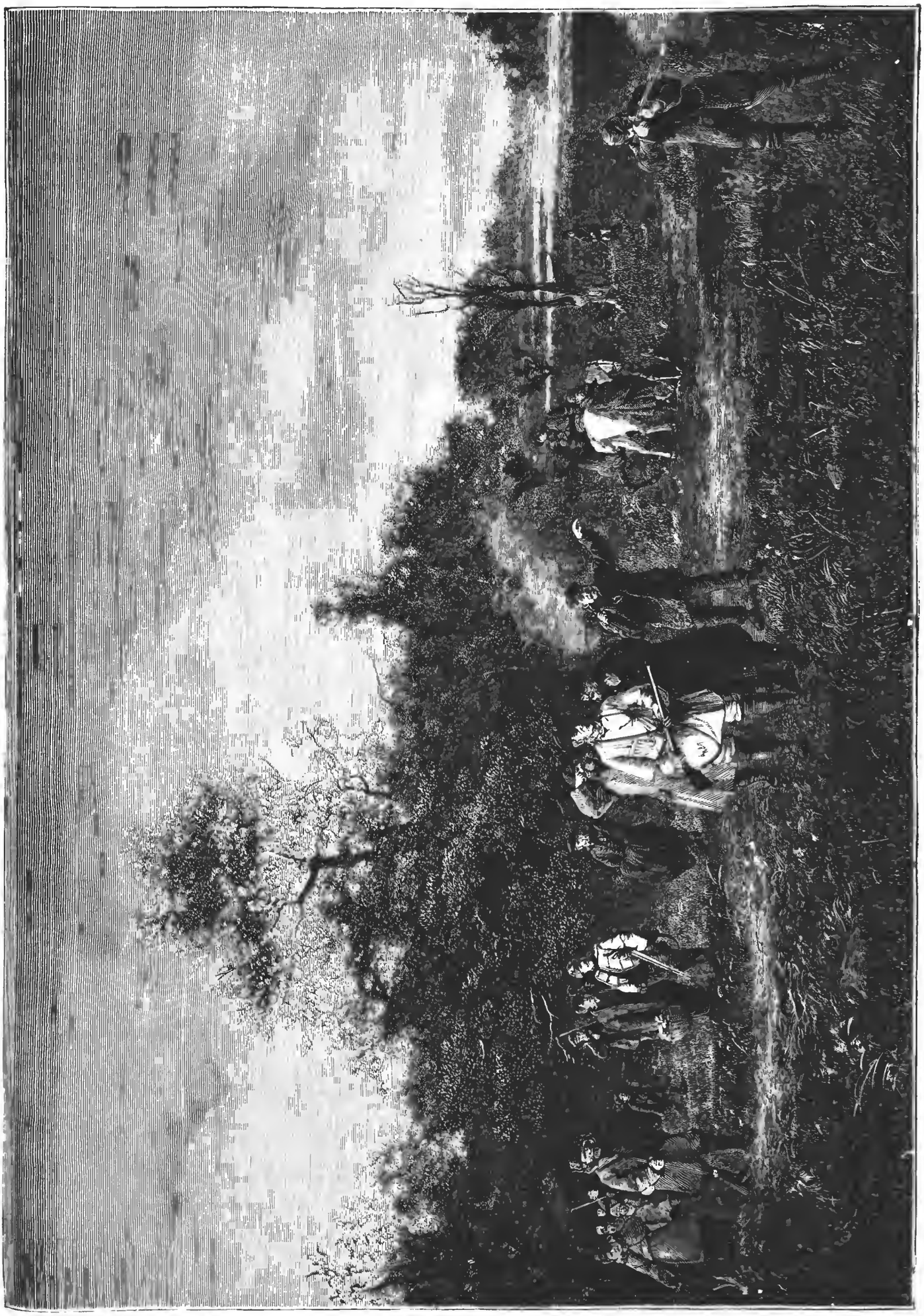
— Нѣтъ, на сурьезное дѣло... Я слышалъ, что въ деревнѣ Гольтяковкѣ двѣ барышни-сироты продаютъ свое имѣніе; десятинъ около сотни... тамъ есть старинный барскій домъ съ надворными постройками, большой фруктовый садъ, однимъ словомъ—золотое донышко... Такъ вотъ вамъ имѣніе! А то, что вы будете жить въ хуторѣ, ровно два филина? Ни сада тамъ нѣтъ, ни рѣки... одинъ лѣсъ-березникъ, да и тотъ молодой: отъ солнца не укроетъ... Ты, Лукьянъ, какъ нибудь на дняхъ съѣзди-

Библиотека "Руниверс"



Выставка въ Имп. Акад. Худож. „Видъ въ Могилевской губерніи“. Карт. Атрыганьева. По фот. Беттингера, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Выставка въ Импер. Акад Худож. „Облава“. Карт. Скадовскаго. По фотогр. Бетшингера, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

ко въ Гольтяковку да оборудуй эту машину... дай задатку...

— А по чемъ давать за десятину, папаша? спросилъ зять.

— Самъ, чай, знаешь... немаленькій... сто двадцать смѣло можно дать... и накинуть не бѣда... тамъ увидишь самъ... Какъ совершать запродажную, я вамъ опять помогну...

Молодые, въ знакъ благодарности, поцѣловали руку Чурилина.

— Куда же эти барышни дѣнутся, если продадутъ свое имѣніе? спросила Настасья Ивановна.

— Дѣло извѣстное, съ усмѣшкой отвѣчалъ Иванъ Михайлычъ: переселятся въ какой нибудь городъ... тамъ веселѣе... а на лѣто, можетъ быть, къ вамъ-же пріѣдутъ на дачу... Вы же будете съ нихъ брать за фатеру и продовольствіе...

Съ помощію тестя, Лукьянъ Денисычъ купилъ Гольтяковское имѣніе и такимъ образомъ примкнулъ къ разряду „новыхъ помѣщиковъ".

Приписывая свое возвышеніе чудодѣйственному механизму своей гармоніи, Пробкинъ, въ видѣ награды за ея услуги, помѣстилъ ее въ стеклянномъ футлярѣ и питалъ къ этому „струменту" какое то мистическое благоговѣніе...

Сдѣлавшись помѣщикомъ, Лукьянъ Денисычъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на общественный строй. Въ досужее время онъ доказывалъ крестьянамъ (которыхъ называлъ не иначе, какъ „сѣрыми"), что люди хотя и созданы изъ „одной глины", но далеко не всѣ равны.

— У раба лѣниваго, проповѣдовалъ „Гольтяковскій баринъ", отнимется даже послѣдній талантъ и отдастся тому, кто имѣетъ десять...

Разбойникъ Сотири.

(Изъ воспоминаній консула).

Разсказъ **К. Н. Леонтьева.**

(Продолженіе).

II.

Я говорю, что я тогда былъ очень боленъ, очень изнуренъ и никакъ даже и не ожидалъ, что проживу послѣ этого еще цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ, очень дѣятельныхъ и наполненныхъ. А „существовать" даже и самымъ тихимъ и скучнымъ существованіемъ мнѣ еще крѣпко хотѣлось. На четвертый день ночью мнѣ сдѣлалось очень дурно. Случилось это вотъ какъ. Сначала отъ села Ериссо до села Варвары и дальше мы все ѣхали по мѣстамъ высокимъ и живописнымъ, которыя я помню очень смутно, все потому, что я ничего не хотѣлъ тогда наблюдать... Потомъ спустились къ мѣстамъ низменнымъ и ѣхали долго по какимъ-то унылымъ кустарникамъ. Лошади устали и намъ захотѣлось отдохнуть. Я опасался садиться въ такомъ мѣстѣ на землѣ, чтобы опять не вернулась моя мучительная лихорадка, и сказалъ, что попробую пить чай сидя на лошади. Развели костеръ; мигомъ вскипятили воду; чай былъ готовъ; но лошадь моя не стояла покойно и пить его на сѣдлѣ было невозможно. Я пересѣлъ на плохаго вьючнаго мула, надѣясь, что на немъ будетъ покойнѣе. Но и онъ шевелился не меньше лошади. Измученный жаждою, я рѣшился, наконецъ, сѣсть подъ кустами на коверъ и напился чаю до сыта и спокойно. Послѣ этого мы опять сѣли на лошадей и поѣхали. Часъ былъ уже не ранній и до хана, въ которомъ мы должны были ночевать, было еще далеко. Съ половины пути я съ ужасомъ почувствовалъ, что я слабѣю, что у меня начинается ломъ въ костяхъ и ознобъ... Я ударилъ лошадь хлыстомъ, сказалъ передовому турецкому жандарму, что надо ѣхать скорѣй, и мы поскакали.

У меня и у жандарма лошади были свои, хорошія; а у Сотири, Петраки и другихъ спутниковъ нашихъ нанятыя и плохія лошади. Но и они старались не отставать. Ознобъ перешелъ въ сильный жаръ; я былъ возбужденъ, старался поддерживать въ себѣ энергію и мы мчались все быстрѣе и быстрѣе, давая только изрѣдка небольшой роздыхъ бѣднымъ конямъ. Вскорѣ показался берегъ моря, песчаный, низменный, пустой... Видѣнъ былъ на голомъ берегу большой и старый ханъ... Вѣтеръ съ моря дулъ сильный и холодный прямо въ грудь и въ горящее отъ пароксизма лицо, и пронизывалъ меня насквозь; я понималъ, что это очень дурно, и что быстрой ѣздой я только усиливалъ этотъ вредъ; но желаніе поскорѣй *лечь* подъ крышей и дать отдохнуть ноющимъ костямъ было сильнѣе всякихъ другихъ соображеній. Уже стемнѣло, когда мы подскакали къ хану... Народу въ немъ почему то было множество. Какіе то вьюки, мулы, лошади, пестрыя цыганскія чалы, усатые оборванные люди, крикъ, шумъ, хохотъ... Турокъ и Петраки хотѣли усмирить и угомонить все это... Искали для меня сносную комнату и не нашли. Очага не было; вѣтеръ дулъ во всѣ щели... Кто то сказалъ, что лучше отъѣхать съ дороги въ сторону въ одну греческую деревню (кажется Гациста). Тамъ будетъ тише и покойнѣе... Но и до нея было около часа ѣзды (т. е. не нашей скачки, а тихой ѣзды шагомъ; значитъ верстъ пять).

Я сдѣлалъ надъ собой усиліе, вскочилъ на лошадь, сказалъ: ай-да! и мы опять понеслись по камнямъ куда то въ гору, и въ сторону. Турокъ-зантіе впереди, а я за нимъ... Всѣ остальные отъ насъ скоро отстали.

Было совсѣмъ темно, когда мы пріѣхали въ эту бѣдную, унылую и разоренную деревню. Камни и низенькія каменныя хатки, каменныя хатки и камни—больше ничего... Собаки залаяли. Турокъ позвалъ людей; греки сбѣжались и почти на рукахъ сняли меня съ лошади... Послѣднія усилія, послѣдняя побѣда энергіи надъ изнемогающей плотью—совсѣмъ домучили меня... Я едва вошелъ въ низенькую комнату, въ которой ничего не было, кромѣ убогой рогожи на глиняномъ полу и стараго очага... Вошелъ и легъ около очага на полъ. Легъ въ огромныхъ сапогахъ, не раздѣваясь, и до того обрадовался пристанищу, что мнѣ показалось въ первыя минуты—будто ничего большаго ужъ мнѣ и не нужно...

Я забылъ на мгновенье, что для русскаго путешественника во всякой православной деревнѣ на Востокѣ, предстоитъ еще особаго рода пытка: почтительные визиты старшинъ, священника, учителя... Несносные казенные разспросы о здоровьѣ; привычныя и надоѣвшія жалобы на мѣстную власть; поползновенія узнать что нибудь о высшей политикѣ, о томъ, что намѣрена теперь дѣлать Россія, съ кѣмъ она въ союзѣ, и что замышляетъ „анаѳемская" Англія, или *этотъ* Папа Римскій... Если это скучно въ минуту обыкновенной дорожной усталости... каково-же было это вынести въ моемъ тогдашнемъ положеніи?

Оскорбить я не хотѣлъ этихъ людей — простыхъ, положимъ, но, все таки, по своему, очень самолюбивыхъ и желавшихъ обнаружить все свое уваженіе къ Россіи и русскимъ... Я отвѣчалъ плохо и страдальчески на ихъ докучные, несносные вопросы, но всетаки отвѣчалъ.

Къ счастію моему явились, наконецъ, Петраки и Сотири... Подъ Сотири лошадь изнемогла и упала, не доѣзжая деревни; онъ оставилъ ее на дорогѣ и шелъ пѣшкомъ... Оттого они и опоздали. Новая забота, новое горе... Жаль было бѣднаго хозяина лошади; — еслибы лошадь эта пала-бы благодаря моей скачкѣ,—я ни за что не захотѣлъ бы стать съ нимъ на чисто юридическую почву найма и уговора (которую я въ подобныхъ случаяхъ съ раннихъ лѣтъ ненавидѣлъ и ненавижу и теперь), и мнѣ пришлось бы по совѣсти заплатить за эту загнанную клячу... Но эта самая непріятная случайность и спасла меня отъ моихъ посѣтителей. Мой милый и догадливый молдаванивъ сейчасъ же обратился къ разсѣвшимся вокругъ меня на рогожахъ старшинамъ съ разсказомъ о несчастной лошади, которая лежитъ на дорогѣ близъ ихъ села, и выразилъ надежду, что ее еще можно спасти... Греки приняли въ этомъ дѣлѣ живое участіе и тотчасъ же всѣ ушли туда, взявъ съ собой Сотири и хозяина лошади; Петраки тотчасъ же развелъ около меня огонь; раздѣлъ меня, уложилъ покойно на ковры; приперъ дверь и сталъ молча и внимательно варить на очагѣ турецкій кофей.

Мнѣ показалось, что я блажествую, не смотря на то, что я продолжалъ весь горѣть какъ въ огнѣ... Лошадь въ самомъ дѣлѣ какъ-то спасли, привели и вылечили... И скоро все успокоилось и замолкло вокругъ меня... Мои молодые люди ушли въ другую комнату вмѣстѣ съ погонщиками, а я старался заснуть у догорающаго очага...

Напрасная надежда!.. Въ старой рогожкѣ было такое множество блохъ, и онѣ были до того голодны и злы, что это и вообразить трудно... Началась новая мука, а прежняя тоска отъ жаря и волненія сама по себѣ не проходила... Да и не могла пройти, такъ какъ сонъ въ этихъ случаяхъ самое лучшее средство для сильной испарины и для окончанія пароксизма, а блохи спать не давали. Такъ продолжалось до разсвѣта и, когда занялась заря, то мнѣ сдѣлалось до того дурно, что я долженъ былъ кликнуть Петраки. Замѣтивъ, что я почти брежу и путаюсь въ мысляхъ, онъ тотчасъ же взялъ въ разсчетъ всѣ обстоятельства: денежныя наши средства, разстояніе отъ села Гациста до приморскаго города Каваллы, гдѣ насъ уже ожидалъ со дня на день къ себѣ въ гости русскій почетный вице-консулъ Фосколо,—и предложилъ послать туда за докторомъ Сотири на моей лошади; я согласился и кой-какъ самъ написалъ Фосколо два слова... Сотири помчался, а я впалъ въ какое-то забытье...

Библиотека "Руниверс"

Къ полудню мнѣ стало получше, а когда къ слѣдующему вечеру докторъ и Сотири явились на взмыленныхъ лошадяхъ, я уже кромѣ слабости не чувствовалъ ничего.

Докторъ, присланный вице-консуломъ, былъ молодой итальянецъ, лѣтъ подъ тридцать, не глупый, очень вѣжливый, любезный и, въ хорошемъ смыслѣ слова, простой... Собою плотный, а съ лица румяный и веселый.

Мы вмѣстѣ поѣли, попили вина и кофе; разговорились оба охотно и отлично провели время въ этой бѣдной хаткѣ до полуночи. Почти съ первыхъ же словъ докторъ воскликнулъ:

— Однако, какой вѣрный и преданный слуга вашъ этотъ молодой албанецъ, который за мной пріѣзжалъ... Давно ли онъ у васъ служитъ?

— Четвертый день, отвѣчалъ я, улыбаясь.

Итальянецъ изумился.

— Четвертый день!.. Какая преданность, какая любовь...

— Въ чемъ же выразилась эта любовь? спросилъ я въ свою очередь съ любопытствомъ и удивленіемъ.

Тогда докторъ разсказалъ мнѣ слѣдующее...

Вице-консулъ Фосколо, получивъ мою записку изъ Гацисты, тотчасъ же уговорилъ доктора ѣхать.—Но какъ ни торопились они, все таки, часъ дня былъ уже не ранній, когда Сотири съ итальянцемъ тронулись въ путь. — Пути этого было впереди — *двѣнадцать часовъ!*. т. е. шестьдесятъ верстъ, если ѣхать шагомъ;—если же гнать лошадей, то можно было доѣхать въ восемь—девять часовъ. Тронулись въ путь. Итальянецъ человѣкъ былъ сильный и вовсе не робкій; но онъ въ Турціи былъ недавно; по турецки и по албански вовсе не зналъ; по гречески очень мало; Сотири зналъ только по албански и по гречески.— Оружія докторъ съ собой не взялъ; съ мѣстностью вовсе не былъ знакомъ; въ дальнюю дорогу верхомъ ѣхалъ въ Турціи въ первый разъ; о разбойникахъ слыхалъ достаточно... Проѣхали около часу; начало темнѣть; въѣхали въ каменистое и пустынное ущелье... Доктору стало жутко... Онъ началъ что-то говорить Сотири; Сотири что-то отвѣчалъ. Они не понимали другъ друга... Доктору вдругъ представилось, что самая записка моя подложная, что никакого больнаго русскаго въ Гацистѣ нѣтъ, что вся эта исторія—смѣлая выдумка греческихъ разбойниковъ съ цѣлью захватить его (такъ какъ онъ уже имѣлъ порядочныя средства) и взять за него выкупъ, или убить его. Чувства и мысли эти были какъ нельзя болѣе понятны при такихъ условіяхъ и смѣяться надъ докторомъ, или строго судить его за нихъ, я нахожу несправедливымъ; тѣмъ болѣе несправедливымъ, что онъ вовсе не потерялся и не пустился зря скакать назадъ въ городъ; а взвѣсилъ всѣ обстоятельства и, взявши въ разсчетъ, что Фосколо долженъ знать мой почеркъ, рѣшилъ не спасаться отъ Сотири, какъ сдѣлалъ бы потерявшійся человѣкъ; а возвратиться съ нимъ въ городъ и взять съ собой оттуда турецкаго жандарма, которымъ онъ прежде не позаботился запастись.— Онъ остановился и началъ говорить Сотири, что надо назадъ... Сотири видимо ужаснулся; началъ что то говорить ему по гречески, съ умоляющимъ видомъ показывая на небо; и, когда увидалъ, что докторъ сердится и поворачиваетъ лошадь назадъ, то онъ соскочилъ съ своей, схватилъ его лошадь подъ уздцы и остановилъ ее...

— Въ эту минуту, разсказывалъ докторъ съ улыбкой, я, признаюсь, еще больше испугался; я думалъ, что онъ хочетъ уже прибѣгнуть къ насилію надо мной. Въ отчаяніи я замахнулся на него хлыстомъ и хотѣлъ бороться что есть силъ; но онъ бросилъ поводъ, обхватилъ руками мою ногу и началъ цѣловать мой сапогъ, приговаривая: „во имя Божіе, докторъ,—эффенди мой очень боленъ... Очень боленъ"... Я сказалъ ему: „Зантіе, кавалла, зантіе... Послѣ поѣдемъ"... Мы тогда вернулись; но онъ былъ все время ужасно разстроенъ и успокоился только тогда, когда явился зантіе отъ каймакама, и мы опять пустились въ путь...

Таковъ былъ разсказъ итальянца. Онъ прибавилъ еще:

— Я никогда не забуду тѣхъ униженныхъ просьбъ, съ которыми обращался ко мнѣ этотъ молодой человѣкъ... И какъ онъ почти съ плачемъ цѣловалъ мои сапоги...

Послѣ этого случая я понялъ, что я въ моей „грязной фустанеллѣ" не ошибся и что Сотири именно изъ тѣхъ албано-греческихъ клефтовъ, на которыхъ благодѣтель или другъ можетъ положиться какъ на каменную стѣну, которыхъ врагъ или обидчикъ долженъ трепетать, а равнодушный или вовсе посторонній человѣкъ не безъ основанія остерегаться...

Въ этомъ Сотири я предугадалъ именно тѣ черты характера, ту особую смѣсь хищничества и рыцарства, которыя всѣмъ намъ нравятся въ черкесахъ, черногорцахъ и кочующихъ бедуинахъ.

На этотъ разъ, впрочемъ, онъ не долго мнѣ послужилъ; обстоятельства путевыя сложились такъ, что мнѣ пришлось раздѣлить мою свиту; я уѣхалъ съ докторомъ, съ жандармомъ и однимъ изъ слугъ моихъ въ Кавалу, гостить недѣли на двѣ, на три къ Фосколо. А Петраки долженъ былъ возвратиться къ Якубовскому въ Салоники, чтобы служить младшимъ переводчикомъ при консульствѣ; онъ былъ иногда очень полезенъ для мелкихъ и нѣкоторыхъ секретныхъ дѣлъ, особенно среди простолюдиновъ и, такъ какъ онъ не былъ грекъ, а обрусѣлый, почти русскій молдаванинъ, безупречно вѣренъ и очень уменъ, то иные болгаре предпочитали дѣйствовать черезъ него, не смотря на его молодость и невысокое званіе... Поэтому я не считалъ себя въ правѣ дольше задерживать его при себѣ... Сотири я рѣшилъ отправить съ нимъ по нѣсколькимъ причинамъ; во первыхъ, чтобы у Петраки былъ вооруженный и смѣлый провожатый; зантіе для молодаго мальчика, записаннаго простымъ писцомъ при консульствѣ, было неудобно брать; потомъ нужно было сократить мои дорожные расходы; лошади и вьючные мулы были и безъ того дороги; нужно было добыть для Сотири у паши въ Салоникахъ „тескере" на ношеніе оружія, которое онъ эти четыре-пять дней носилъ de facto, но не de jure и, наконецъ, я забылъ сказать прежде, что я, съ перваго же дня нашего съ нимъ знакомства, задумалъ (если онъ окажется надежнымъ) приставить его стражемъ и тѣлохранителемъ къ одной русской дамѣ, которая заѣхала съ молодой родственницей случайно въ эти страны; отправилась молиться чудотворной иконѣ Божіей Матери въ селѣ Ровяникахъ, между Салониками и Аѳономъ, и потомъ осталась жить по обстоятельствамъ мѣсяца на два, въ пятнадцати верстахъ отъ Аѳона, въ греческомъ селѣ Ериссо, черезъ которое я проѣзжалъ дорогой въ Кавалу.

Такъ какъ я еще самъ не зналъ и не рѣшилъ,—поѣду ли я изъ Кавалы въ Царьградъ на австрійскомъ пароходѣ, или вернусь опять сухимъ путемъ на Святую Гору, черезъ Серресъ и Салоники, то мнѣ самому пока Сотири былъ не нуженъ ни на Аѳонѣ, ни въ Царьградѣ, и я испытывалъ его въ теченіи этихъ дней перваго пути только на всякій случай и больше для него, чѣмъ для себя... Больше для того, чтобы найти ему дѣло и причину получать содержаніе, чѣмъ для того непремѣнно, чтобы самому пользоваться его услугами.

И такъ, не доѣзжая Кавалы, я разстался съ Сотири и Петраки, оставилъ ихъ въ Русскомъ монастырѣ, построенномъ здѣсь недавно Аѳонскими русскими монахами Андреевскаго скита, а самъ съ докторомъ поѣхалъ къ г. Фосколо.

Разстались мы, однако, не надолго; въ Константинополь я раздумалъ ѣхать и пришлось мнѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ пожить на Аѳонѣ и пострапствовать по греческимъ селамъ, разсѣяннымъ по лѣсистому и прекрасному полуострову, за чертою Св. Горы... И въ теченіи этого времени любопытный характеръ Сотири выразился во всей своей полнотѣ. Онъ оказался и неисправимымъ разбойникомъ и, въ тоже время, самымъ вѣрнымъ, честнымъ и преданнымъ до самоотверженія человѣкомъ.

III.

Въ Кавалѣ, въ гостепріимномъ домѣ Фосколо, я прожилъ недѣли двѣ-три; въ Константинополь ѣхать раздумалъ и возвратился опять сухимъ путемъ на Святую Гору по новой, еще незнакомой мнѣ и дальней дорогѣ, черезъ красивый городъ Серресъ и Салоники. Про это путешествіе я могъ бы написать довольно много любопытнаго, если бы дѣло шло о самомъ путешествіи, но я спѣшу досказать исторію Сотири—и больше ничего.

Сотири за это время устроился около русской дамы въ селѣ Ериссо очень покойно, легально и привольно, благодаря моему заочному покровительству. Тескере на оружіе ему выдали, конечно, безъ всякаго труда. Консулъ Якубовскій служилъ въ Турціи лѣтъ, кажется, уже около тридцати; онъ зналъ еще лучше моего, какіе прекрасные тѣлохранители и вѣрные слуги выходятъ изъ этихъ восточныхъ разбойниковъ; вдобавокъ онъ самъ очень любилъ всякое удальство и, не входя даже ни въ какіе разспросы, откуда я взялъ этого наликара и зачѣмъ записалъ его третьимъ кавасомъ консульства, вытребовалъ ему изъ Порты свидѣтельство на ношеніе оружія и выдалъ ему отъ себя, по обычаю и праву, какъ русскому кавассу, „Permis de résidence" на французскомъ языкѣ, для прожитія около меня на Аѳонѣ, или въ Ериссо около русской подданной г-жи *такой-то*, по моему усмотрѣнію, такъ какъ *дѣйствительнымъ* консуломъ на все Салоникское генералъ-губернаторство былъ я, а Якубовскій былъ консуломъ въ Битоліи и только управлялъ въ Салоникахъ временно, пока я, по болѣзни, считался въ отпуску.

Когда я, возвращаясь на Аѳонъ, проѣзжалъ черезъ Эриссо, у Сотири, вмѣсто одной грязной фустанеллы, было уже двѣ чистыхъ; на головѣ вмѣсто сальной непонятнаго фасона шапочки, была длинная, эллинская, красная пре-красная феска, загнутая на бокъ, съ большой синей кистью, живописно раскидывающейся то по спинѣ, то по плечу и на этой фескѣ уже былъ вышитъ золотомъ двуглавый орелъ, въ ознаменованіе того, что онъ состоитъ на службѣ у русскихъ, а не у кого нибудь иного.

Русская хозяйка, зажившаяся случайно въ Ериссо, при которой я его пріютилъ, была женщина веселая, самая добрая, простосердечная и не гордая, она родилась и выросла въ Крыму, знала по гречески и по турецки; водила охотно компанію и дружбу съ греческими крестьянками и ни кѣмъ не пренебрегала кромѣ какихъ нибудь очень скучныхъ людей, которые ей чѣмъ нибудь надоѣдали. При ней была родственница, молодая дѣвушка, лѣтъ восемнадцати; положимъ, она была нестерпимо глупа, невѣжественна, нескладна, груба и безтолкова до нельзя, но какое было дѣло до этого Сотири? Съ нимъ обращались хорошо; кормили, поили кофеемъ и чаемъ, дарили—вмѣсто одного

Библиотека "Руниверс"

„хлѣба“, за который онъ хотѣлъ вѣрой и правдой мнѣ (или кому я велю) служить,—онъ получалъ золотую лиру въ мѣсяцъ (около семи рублей). Работы отъ него не требовали почти никакой.— а это для самолюбія и лѣни воинственнаго албанца очень важно... Курить, пить кофе за воротами, провожать русскую „кокону“ (госпожу) на прогулку въ поле, за село; идти пѣшкомъ впереди, легкой, красивой поступью по камнямъ, съ ружьемъ на плечѣ, если она вздумаетъ ѣхать куда нибудь верхомъ на наемныхъ лошадяхъ—въ Салоники, напримѣръ, или хоть помолиться Божіей Матери въ Ровяникахъ... Вотъ его обязанности!... И знать при этомъ, что, еслибы даже эллинское правительство и вздумало его розыскивать, то во первыхъ турецкія власти вовсе не расположены либеральной и вѣчновраждебной имъ Греціи „потрафлять“, а во вторыхъ, что они *теперь*, когда у него на фескѣ двуглавый орелъ, не позволятъ себѣ ни въ какомъ случаѣ арестовать его, не обратившись предварительно по порядку ко мнѣ, или къ Якубовскому. Кавасъ консульства, пока онъ кавасъ, хотя бы онъ былъ и турецкій подданный,—пользуется равной съ русскими подданными неприкосновенностью. Правила договоровъ и обычая таковы, что въ случаѣ самой настоятельной необходимости, можно схватить его, напримѣръ, на мѣстѣ какого нибудь преступленія,—но тотчасъ-же представить консулу, а не запирать прямо въ мѣстную тюрьму.

Вѣроятно Сотири сначала блаженствовалъ въ Ериссо... У него откуда-то вдругъ взялся тутъ и младшій братъ Аргири (серебряный), здоровый мальчикъ лѣтъ четырнадцати, бѣлокурый, блѣдный и худощавый, какъ и его старшій братъ и какъ большинство албанцевъ. Сотири, какъ будто и основательный человѣкъ, сталъ посылать его въ сельскую школу въ Ериссо; Аргири ходилъ въ школу, читалъ тамъ, писалъ, учился Закону Божію и ариѳметикѣ на грифельной дощечкѣ; а потомъ остальное время дня лѣнился и болтался не хуже брата; выучился играть въ дураки съ русскими путешественницами и, лежа гдѣ нибудь на полу, въ углу на старой хозяйской рогожѣ,—кричалъ хозяйкѣ дома, которой было уже за сорокъ лѣтъ, какъ какой-нибудь настоящій албанскій бей: „Эй, *море*, Нашина, подай мнѣ воды!“ Морѐ собственно значитъ глуная; но это въ Турціи вовсе не брань; а все равно, что у насъ сказать просто: „Эй ты!“ А *Нашина* значитъ *жена—Нано*—славянская форма, принятая сельскими греками... Такъ звали хозяйку дома въ Ериссо. И пожилая Нашина, женщина вообще очень самолюбивая и сердитая, которая мужа своего, простака грека Нано, держала въ страхѣ, находила очень естественнымъ, что албанскій мальчикъ, что-то въ родѣ будущаго воина,—лежа велитъ подать воды, и подавала ему.

Откуда взялся этотъ младшій братъ у Сотири, я, повторяю, не спрашивалъ, и до сихъ поръ не могу понять; и я, признаюсь, даже не справлялся ни разу—изъ какой провинціи Греціи или Турціи родомъ оба эти брата; турецкіе-ли они были подданные первоначально, или эллинскіе. Для того-то я и былъ въ отпуску, чтобы нести меньше заботъ и принужденія.

Когда, проѣздомъ черезъ Ериссо, я увидалъ эту патріархальную и мирную картину,—эти воинственныя „фустанеллы“ на покоѣ, играющія въ русскіе дурачки,—мнѣ все это очень понравилось... Но какъ?.. Когда передъ умирающимъ, или жестоко больнымъ человѣкомъ,—ставятъ друзья неожиданно на столъ букетъ любимыхъ имъ цвѣтовъ, или прочитываютъ ему изъ книги какіе нибудь отрывки въ его вкусѣ,—онъ, конечно, радъ и улыбается, и не забудетъ этого никогда; но если страданія его велики, если уныніе его глубоко,—то онъ отвернется опять къ стѣнѣ, и не станетъ, конечно, разспрашивать ничего подробно—ни о цвѣтахъ этихъ, ни объ книжкѣ...

И я такъ то проѣхалъ черезъ Ериссо; мнѣ было получше тогда; одно видѣлъ самъ, о другомъ слышалъ; порадовался, посмѣялся немного и, вздохнувъ, опять уѣхалъ къ суровымъ и гостепріимнымъ друзьямъ своимъ—русскимъ инокамъ на Аѳонѣ!..

Вскорѣ, однако, Сотири опять отличился, и гораздо серьезнѣе, и совсѣмъ иначе, чѣмъ въ первый разъ, когда онъ обливалъ слезами сапоги доктора, умоляя его не оставлять меня въ глухой деревнѣ безъ помощи.

(До слѣд. №).

Стихотвореніе.

Безлюдною степью несутся палящіе вихри,
Песокъ имъ на встрѣчу встаетъ и столбами крутится,
Въ стихійномъ разгулѣ братается небо съ землею
И душная, странная ночь надъ пустыней ложится.

* * *

Безумная пляска смерчей подъ порывистый свистъ урагана!
Суровый, безжалостный гулъ роковыхъ столкновеній!
Бездушный, напрасный раздоръ изъ за мертвой равнины
И адскій, мучительный вопль мимолетныхъ боренiй!

* * *

Промчалися вихри... Истерзанъ враждебною властью,
Угрюмый, песчаный просторъ позабылъ про невзгоды;
Безмолвье спустилось на степь съ лучезарнаго неба,
Безстрастно-нѣмаго судьи смертоносной природы.

Кн. Э. Ухтомскій.

Къ рисункамъ.

Постриги юнаго князя въ древней Руси.

(Рис. на стр. 464 и 465).

Среди разныхъ символическихъ обрядовъ, сохранявшихся среди славянскихъ племенъ долгое время, обрядъ „Постриги“, совершавшійся надъ малолѣтними сыновьями князей и другихъ знатныхъ людей, долго упоминается историками какъ обычай высоко чтимый и высоко знаменательный. Главнымъ образомъ онъ состоитъ въ томъ, что наслѣдника княжескаго престола, или мальчика какой либо другой знатной семьи, по достиженіи имъ семилѣтняго возраста, торжественно сажали на коня и постригали ему волосы. Этимъ обрядомъ мальчикъ какъ бы вступалъ въ общество гражданъ, въ высокое сословіе благородныхъ всадниковъ. Подъ вліяніемъ христіанства обрядъ нѣсколько видоизмѣнился; теперь онъ совершался не только въ присутствіи бояръ и гражданъ, но и въ присутствіи епископа. При стриженіи волосъ у отрока, читались особыя молитвы, изъ которыхъ одна сохранилась даже въ требникѣ: „Заповѣдавый намъ вся во славу Твою творити,—говорится во этой молитвѣ—пришедшаго раба твоего начатокъ сотворити, стрижи волосы главы своея, благослови вкупѣ съ своимъ воспріемникомъ...“ Изъ словъ этой молитвы видно, что при обрядѣ присутствовалъ особый воспріемникъ, который проводилъ своего духовнаго сына въ церковь, гдѣ и совершался надъ нимъ духовный обрядъ. У князей постриги обыкновенно сопровождались роскошнымъ торжествомъ; такъ въ Суздалѣ, по словамъ лѣтописи, князь Всеволодъ давалъ поэтому поводу шумные пиры; угощалъ союзныхъ князей, дарилъ ихъ златомъ и серебромъ, конями, одеждою, а бояръ—тканями и мѣхами. Кромѣ того до насъ дошли свѣдѣнія о постриганіи Георгія, сына великаго князя Іоанна Васильевича; по достиженіи имъ семи лѣтъ, его постригали на сѣдлѣ и потомъ сажали на коня. Въ позднѣйшее время достиженіе семилѣтняго возраста великими князьями уже не сопровождалось этимъ обрядомъ и ограничивалось лишь тѣмъ, что мальчика просто передавали изъ рукъ женщинъ въ руки мужчинъ. Въ эти годы оканчивалось его воспитаніе въ теремѣ, среди цѣлой толпы балующихъ его мамокъ и нянекъ; прекращались беззаботныя игры и начиналось образованіе ума: изученіе грамоты съ помощію псалтыря и часослова, подъ руководствомъ книжныхъ людей. Постриги у князей мало по малу были забыты, но у знатныхъ дворянъ они существовали еще даже сравнительно недавно, во времена Татищева, который свидѣтельствуетъ объ нихъ какъ самовидѣцъ. „Въ шляхетствѣ постриганье на сѣдлѣ до днесь въ обычаѣ“, говоритъ онъ въ своей исторіи и тутъ же прибавляетъ, что этотъ обычай существуетъ еще у татаръ. Что же касается другихъ славянскихъ народовъ — поляковъ и чеховъ, то у нихъ постриги существовали лишь въ глубокой древности и объ нихъ упоминается лишь въ самыхъ древнихъ польскихъ и чешскихъ хроникахъ.

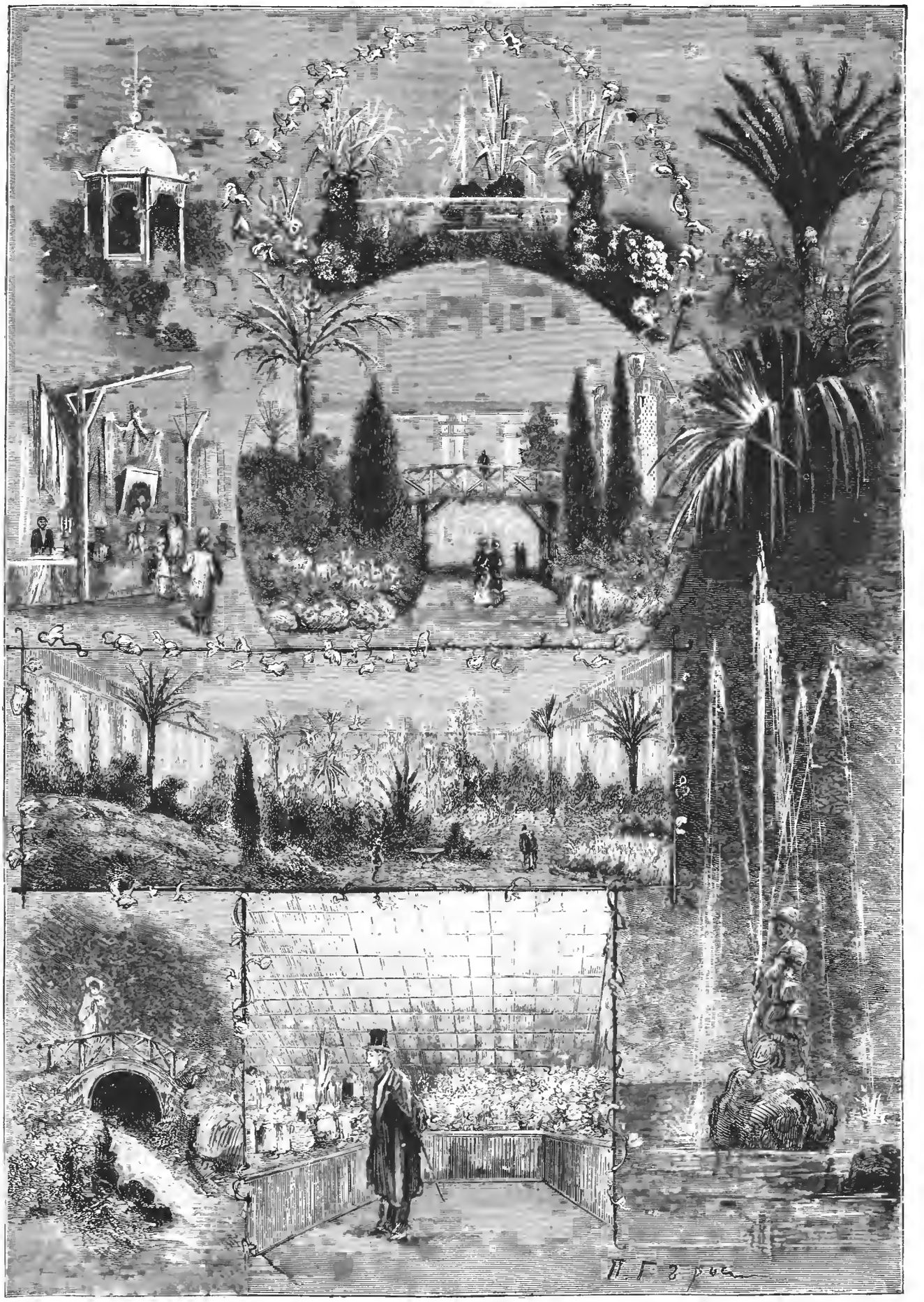
Талантливый рисунокъ Земцова представляетъ намъ „Постриги“ въ томъ видѣ, какъ онѣ совершались у князей древней Руси. Церемонія происходитъ на дворѣ передъ крыльцомъ, на которомъ толпится все женское населеніе терема; стоитъ мать юнаго князя, отецъ его и все духовенство въ полномъ облаченіи. Самого малютку торжественно везутъ на богато убранномъ конѣ; послѣдняго окружаютъ бояре—одинъ изъ нихъ бережно поддерживаетъ юнаго всадника, видимо пришедшаго въ восторгъ отъ всей этой неожиданной, первой поѣздки. На дворѣ видны толпы бояръ, которые въ почтительномъ молчаніи слѣдятъ за церемоніей. Передъ ихъ глазами здѣсь ѣдетъ теперь на конѣ не просто мальчикъ, а ихъ будущій властелинъ, ихъ князь, и вотъ почему, понимая значеніе обряда, они смотрятъ на веселаго малютку съ такимъ серьезнымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ.

Выставка въ Имп. Акад. Художествъ.

(Рис. на стр. 469, 472 и 473).

Послѣдняя выставка въ Имп. Академіи Художествъ отличалась въ особенности значительнымъ количествомъ талантливыхъ а порою и блестящихъ произведеній пейзажной живописи. Мы уже познакомили нашихъ читателей съ копіями прекрасныхъ картинъ нашихъ извѣстныхъ пейзажистовъ—В. Д. Орловскаго и Ю. Ю. Клевера, теперь же обращаемъ ихъ вни-

Библиотека "Руниверс"



СПБургъ. Виды международной выставки садоводства въ Михайловскомъ манежѣ.
Ориг. рис. П. Гнѣдича, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

маніе на несомнѣнно выдающееся произведеніе молодаго художника Атрыганьева „Видъ въ Могилевской губерніи", отличающееся значительными достоинствами. Темная зелень развѣсистыхъ деревьевъ на первомъ планѣ прекрасно гармонируетъ съ ярко-озаренной солнечнымъ лучемъ полянкой, простирающейся къ рѣкѣ и выдѣляющейся эффектнымъ пятномъ.

Что касается жанровъ, то мы уже представили копію съ картины баронессы Врангель, Шаховскаго и друг.; здѣсь же читатель видитъ оживленное и удачно исполненное произведеніе г. Скадовскаго „Облава", гдѣ типичность и вѣрность постановки всей сцены идутъ параллельно съ весьма хорошимъ воспроизведеніемъ осенняго ландшафта—этого охотничьяго сезона.

На этой-же выставкѣ въ Императорской Академіи Художествъ нельзя было не любоваться мраморной статуей въ ростъ, скульптора Брага изъ Милана „Дѣвочка, подающая родителямъ пвемію". Милое, радостное выраженіе личика ребенка, кот рый въ восторгѣ, что обрадуетъ родителей. Наивная, безсознательно-граціозная и полная естественности поза и кромѣ того замѣчательное по изяществу выполненіе мельчайшихъ подробностей — все это невольно останавливало вниманіе. Нельзя было не замѣтить до какого совершенства доведена художникомъ техника даже въ отдѣлкѣ матеріи и кружевъ. Извѣстно, что теперь выставка въ Академіи Художествъ потеряла свою прежнюю исключительность и на нее допускаются посторонніе экспоненты.

Международная выставка садоводства.

(Рис. на стр. 477).

Огромное количество публики перебывало этой весной въ зданіи Михайловскаго манежа, гдѣ 5-го мая открылась великолѣпная выставка садоводства, наименованная быть можетъ нѣсколько громко международной, но представлявшая все-же несомнѣнный интересъ. Прелестной декораціей стояли вокругъ цѣлые лѣса пальмъ, хвой, экзотическихъ и нашихъ растеній. Душистыя клубмы цвѣтовъ опоясывали широкія дорожки; на пригоркахъ стояли бесѣдки, изъ которыхъ открывался чудесный видъ на всю панораму. Мѣстами мостики перекидывались черезъ аллеи, или нависали надъ невидимымъ ручейкомъ, журчавшимъ среди камней и моху. Посрединѣ выставки билъ фонтанъ, оживляя своимъ шумомъ безмолвную тишину искусственнаго лѣса, да порою скрытый за деревьями оркестръ музыки гремѣлъ марши и мазурки. Въ акваріумахъ плескались рыбки, прыскали тоненькими струйками крохотные фонтанчики. Витрины съ удивительными овощами привлекали вниманіе знатоковъ. Въ отдѣльномъ павильонѣ варился бразильскій кофе, которымъ угощали безплатно посѣтителей, предлагая кромѣ кофе и кофейнаго ликеру; желающихъ попробовать новыхъ напитковъ оказывалось множество, и лакеи едва успѣвали удовлетворять посѣтителей. Цвѣточные торговцы Петербурга явились во всемъ блескѣ садоваго разнообразія, и особенно извѣстная фирма Эйлерсъ. Фрукты изъ мыла Шмидтъ, бумажные цвѣты Фольмера, доведенные до удивительной степени техническаго совершенства, поражали посѣтителей. Для подкрѣпленія усталыхъ обозрѣвателей былъ устроенъ, конечно, буфетъ.

Главныя награды выпали на долю цвѣтущихъ и декоративныхъ экзотическихъ растеній. Золотую медаль министерство государственныхъ имуществъ присудило садовнику г. Настухова, Оскару Боку, за превосходныя собранія древовидныхъ папортниковъ. Большихъ золотыхъ медалей удостоены: оранжереи великаго князя Константина Николаевича, Императорскій Таврическій садъ (за коллекцію индійскихъ азалій), г. Фрейндлихъ за ремонтантныя и чайныя розы, садоводство въ Гентѣ, и братья Шантріе изъ Франціи. Среднія золотыя медали получили: г. Татариновъ, за пальмы комнатной культуры, Ботаническій Петербургскій садъ за собраніе орхидей и древовидные папортники; оранжереи в. к. Екатерины Михаиловны, г. Дурново, г. Ситтеръ и пр.

Рисунокъ, помѣщенный въ сегодняшнемъ №, изображаетъ разные уголки выставки. Слѣва наверху—кіоскъ, образецъ садовой бесѣдки; здѣсь отдыхали усталые посѣтители, на широкихъ скамьяхъ. Правѣе, въ кругломъ медальонѣ, помѣщенъ видъ мостика, соединяющаго два пригорка изъ тура. Съ этого мостика очень интересная панорама открывалась на обѣ стороны. Ниже—изображенъ общій видъ выставки. Налѣво видна стойка павильона, гдѣ раздавали желающимъ кофе и ликеры, а дамамъ предлагали безплатно коробочки бразильскаго кофе. Здѣсь вѣжливость и предупредительность экспонентовъ могла назваться образцовыми. Внизу рисунка изображены: маленькій горбатый березовый мостикъ черезъ ручеекъ,—теплицы для папоротниковыхъ растеній, и главный фонтанъ, помѣщавшійся въ центрѣ выставки. Наконецъ верхъ рисунка увѣнчиваетъ акваріи. Акваріевъ на выставкѣ было много, они чрезвычайно изящны, и нѣкоторые изъ нихъ удостоены серебряной медали.

Бехъ-Менъ-Мирза.

(Портр. на стр 480).

Отцемъ Бехъ-Мена-Мирзы былъ наслѣдникъ персидскаго престола Абасъ-Мирза, умершій въ 1833 году. Старшій сынъ его Махмудъ вступилъ въ 1834 году на персидскій престолъ, послѣ шаха Фельтъ-Али, а этому послѣднему наслѣдовалъ сынъ его, нынѣ царствующій шахъ Насръ Эддинъ, помимо своего дяди Бехъ-Мена-Мирзы, который, по законамъ персидскимъ, долженъ былъ наслѣдовать, какъ старшій въ родѣ. Насръ-Эддинъ встрѣтилъ сочувствіе въ Европейскихъ государствахъ, поддерживавшихъ право престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, и Бехъ-Менъ-Мирза, хотя и имѣлъ много сторонниковъ, тѣмъ не менѣе, изъ чувства патріотизма, не хотѣлъ вступать въ борьбу и уѣхалъ совсѣмъ изъ Персіи. Неизвѣстно однако, покинулъ ли онъ отечество по собственному желанію, или былъ принужденъ къ этому обстоятельствами. Судя однако по фактамъ и по дошедшимъ извѣстіямъ, Бехъ-Менъ-Мирза никогда не участвовалъ ни въ какихъ интригахъ противъ своего царственнаго племянника всегда искренно любилъ свое отечество, религію, обычаи и литературу, однако считалъ себя полноправнымъ наслѣдникомъ. Онъ также былъ благодарнымъ Россіи гостемъ за ея гостепріимство, никогда не возвращался уже въ Персію и завѣщалъ похоронить себя въ Россіи. Онъ велѣлъ даже построить вблизи своего мѣстожительства—Шуши, гробницу въ Имамъ-Сааде-Берде. Всѣ персидскія его имѣнія были конфискованы правительствомъ и не возвращены ему до самой смерти, хотя между нимъ и шахомъ не прекращались сношенія. Два сына Бехъ-Менъ-Мирзы служатъ въ Персіи и занимаютъ видныя военныя мѣста и дочери его тоже замужемъ въ Персіи. Покинувъ отечество, Бехъ Менъ-Мирза первоначально поселился въ Тифлисѣ, а потомъ въ Шушѣ, полутатарскомъ, полуармянскомъ городѣ закавказскаго края, откуда уѣзжалъ только разъ въ Вѣну и нѣсколько разъ въ Тифлисъ. Въ Шушѣ онъ жилъ въ отдѣльной части города, составлявшей нѣчто въ родѣ цитадели; передъ его помѣщеніемъ стояли часовые,—почесть, подобающая принцу крови. У него было семь женъ, изъ которыхъ каждая жила въ отдѣльномъ домѣ и имѣла отдѣльное хозяйство. Дочерей онъ воспитывалъ по персидски; сыновья же воспитывались въ Россіи и поступили въ русскую военную службу. За исключеніемъ служащихъ въ конвоѣ въ Петербургѣ, во всѣхъ четырехъ драгунскихъ полкахъ на Кавказѣ есть также его сыновья и внуки. Нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ послѣдней войнѣ противъ турокъ и въ походѣ противъ текинцевъ.

Какъ всѣ образованные персіяне, Бехъ-Менъ-Мирза прекрасно зналъ арабскій языкъ, говорилъ по татарски, по турецки и по русски, зналъ и любилъ литературу и былъ даже самъ поэтомъ и писателемъ. Онъ велъ патріархальный образъ жизни и въ семьѣ его царили миръ и согласіе; всѣ его дочери отъ разныхъ женъ сердечно любятъ другъ друга. Взрослые же сыновья должны были строго соблюдать восточный этикетъ: приближаться къ отцу съ почтительностью и садиться только по его приглашенію. Возвращающіеся въ отпускъ сыновья-офицеры могли снимать мундиръ только съ его разрѣшенія. Смерть Бехъ-Менъ-Мирзы глубоко огорчила всѣхъ его дѣтей, искренно его любившихъ. Сыновья только въ одномъ не сходились съ нимъ; всѣ они приверженцы одноженства; женатые имѣютъ по одной женѣ и ведутъ европейскій образъ жизни.

Какъ видно на помѣщенномъ здѣсь портретѣ, Бехъ-Менъ-Мирза былъ красивъ, средняго роста, съ серьезными, пріятными чертами лица. До самой смерти онъ одѣвался по персидски, любилъ украшать себя драгоцѣнными камнями и орденами,—у него были русскіе и персидскіе.

Бехъ-Менъ-Мирза умеръ на 83 году жизни. На его похороны собралась вся его многочисленная семья. По восточному обычаю, тѣло его было завернуто въ саванъ и поставлено на три дня въ мечеть, куда, для отданія послѣдней чести усопшему, приходили и мусульмане, и христіане.

Затѣмъ тѣло его было положено на богатыя носилки, подъ балдахиномъ, покрыто дорогими персидскими шалями и въ такомъ видѣ поставлено въ гробницу въ Имамъ-Сааде-Берде, находящуюся въ 80 верстахъ отъ Шуши. Тамъ, согласно своему завѣщанію, онъ былъ похороненъ на русской землѣ, которой онъ всю жизнь былъ благодаренъ за оказанное ему гостепріимство.

Игуанодонъ.

(Рис. на стр. 481).

На стр. 481 изображено необыкновенно странное животное: лошадиная голова, птичьи ноги и хвостъ ящерицы указываютъ на принадлежность его ко всѣмъ зоологическимъ классамъ. Разрѣшеніе вопросовъ объ образѣ жизни и способѣ передвиженія этого допотопнаго животнаго очень трудно. Оно, повидимому, какъ близко подходящее къ ихтіозаврамъ питалось травою и ходило тогда, когда не ползало. Въ дѣйствительности же это ящеричное животное.

Препараторы Брюссельскаго музея, имѣвшаго первые образцы игуанодона, изобразили его ходящимъ на заднихъ лапахъ, на подобіе кенгуру, и схватывающимъ передними ногами высоко висящую ліану. Положеніе это, по мнѣнію ученыхъ, компетентныхъ съ доисторической фауной, не можетъ быть вѣрно; они утверждаютъ, что игуанодонъ бѣгалъ на четырехъ ногахъ, какъ ящерица, никогда не ходилъ на подобіе кенгуру и никогда не принималъ упомянутаго положенія.

Библиотека "Руниверс"

Какъ бы тамъ ни было, но уже одни громадные размѣры оправдываютъ ту извѣстность, какую пріобрѣлъ удивительный доисторическій скелетъ Брюссельскаго музея. Онъ былъ открытъ совершенно случайно въ каменноугольныхъ Бернисарскихъ копяхъ. И—поразительная вещь: одинъ и тотъ же слой допотопной земли служилъ могилой нѣсколькихъ большихъ и малыхъ особей этого рода, повидимому цѣлой семьи.

Послѣ того какъ управляющій Бернисарскими копями увѣдомилъ музей о нахожденіи въ землѣ животныхъ, раскопка этого участка производилась подъ личнымъ наблюденіемъ препараторовъ музея, которые, въ интересахъ науки, ежедневно бывали въ копяхъ и даже сами принимали участіе въ раскопкахъ. Нужно было принять различныя спеціальныя предосторожности для сохраненія драгоцѣнныхъ костей: была изобрѣтена цѣлая система скрѣпленій изъ холоднаго гипса и такъ удачно примѣненъ особый способъ отвердѣнія, что большая часть громадныхъ костей, могшихъ разсыпаться въ порошокъ послѣ извлеченія ихъ изъ глинистой могилы, была такъ хорошо сохранена, что изъ нихъ вышло нѣсколько полныхъ скелетовъ игуанодона. Помѣщенный на стр. 481 самый большій изъ этой плеяды сказочныхъ чудовищъ, сорвавшихъ теперь пелену, за которою фауна временъ полусказочныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ историческихъ, была до сихъ поръ сокрыта.

Между достопримѣчательностями первыхъ земныхъ эпохъ мамонтъ долгое время занималъ первое мѣсто; теперь же его замѣнилъ игуанодонъ, превосходящій его величиною. Длина животнаго отъ зѣва до конца хвоста 13½ арш., вышина отъ земли до спины 6½ арш., хвостъ длиною въ 7 аршинъ.

Политическое обозрѣніе.

Франція и Китай.—Египетъ.—Англія.—Турція.

Тьэнъ-Тзинскій договоръ, уже ратификованный теперь китайскимъ правительствомъ, открылъ доступъ Франціи въ южно-китайскія провинціи и такимъ образомъ поставилъ французскій кабинетъ въ чрезвычайно выгодное положеніе, если только министерство Ферри съумѣетъ имъ воспользоваться. Заключеніе трактата въ Тьэнъ-Тзинѣ произошло противъ ожиданія чрезвычайно быстро и не вызвало тѣхъ проволочекъ, на которыя вообще склонны китайскіе дипломаты. Дѣло въ томъ, что контръ-адмиралъ Леспесъ, тотчасъ по прибытіи въ Китай, отправился въ Кантонъ, гдѣ былъ принятъ вице-королемъ самымъ радушнымъ образомъ. Въ то же время проживающій въ Кантонѣ, одинъ крупный китайскій чиновникъ, состоящій въ хорошихъ отношеніяхъ съ французскимъ адмираломъ и кромѣ того пользующійся расположеніемъ Ли-Хунгъ-Чанга, скрытно сообщилъ Леспесу, что при обоюдномъ желаніи обѣихъ сторонъ, между Франціей и Китаемъ могло бы состояться соглашеніе, но что единственное затрудненіе, могущее воспрепятствовать этому мирному соглашенію обѣихъ державъ—это требованіе военнаго вознагражденія съ Китая. Адмиралъ Леспесъ, сообщившій въ Парижъ какъ о своемъ свиданіи съ вице-королемъ, такъ и о конфиденціальныхъ разоблаченіяхъ китайскаго чиновника, получилъ приказаніе отправиться въ Шанхай. Тогда Ли-Хунгъ-Чангъ, уже увѣдомленный о мирномъ настроеніи французскаго правительства, просилъ Леспеса прислать къ нему капитана фрегата, Фурнье, для предварительныхъ соглашеній. По устраненіи самаго щекотливаго пункта, а именно денежной контрибуціи съ Китая, капитанъ Фурнье наконецъ вошелъ въ соглашеніе съ Ли-Хунгъ-Чангомъ и по полученіи изъ Парижа надлежащихъ полномочій подписалъ предварительный мирный договоръ съ Китаемъ. Ли-Хунгъ Чангъ теперь, въ дѣйствительности, настоящій глава китайскаго правительства; такъ недавно онъ потребовалъ отъ китайской императрицы и новаго регента отрѣшенія отъ должностей всѣхъ членовъ тзунъ-ли-іамма, которые отвергли мирныя предложенія, недавно внесенныя имъ въ совѣтъ. Съ своей стороны Франція очень искусно воспользовалась мирнымъ настроеніемъ вице-короля Печели и въ третьей статьѣ Тьэнъ-Тзинскаго договора прямо заявляетъ, что онъ отказывается отъ требованія военнаго вознагражденія съ Китая въ признательность за примирительный образъ дѣйствій послѣдняго, и кромѣ того въ воздаяніе оказаннаго Ли-Хунгъ-Чангомъ „патріотическаго благоразумія въ веденіи переговоровъ". Въ виду утвержденія свободной торговли, между Аннамомъ и Франціею съ одной стороны, и Китаемъ съ другой, будетъ заключенъ особый торговый и тарифный трактатъ. Наконецъ, немедленно по подписаніи конвенціи, оба правительства назначатъ своихъ уполномоченныхъ, которые соберутся черезъ три мѣсяца, для окончательныхъ переговоровъ, на выработанныхъ основаніяхъ.

Въ Египтѣ положеніе дѣлъ не измѣнилось къ лучшему. Возстаніе приближается къ Донголѣ. Послѣднею телеграфною станціей, дѣйствіе которой еще не прекратилось, является Дебба. Хартумъ снабженъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ запасами сарачинскаго пшена, но за то остальные припасы въ немъ быстро убываютъ. Генералъ Гордонъ объявилъ греческимъ купцамъ, что англійскія войска придутъ ему на помощь и потому имъ нѣтъ теперь причины тревожиться за свою безопасность. Это заявленіе Гордона можетъ быть и имѣетъ основаніе. Есть извѣстія, что англійскій кабинетъ, уступая силѣ общественнаго мнѣнія, рѣшилъ послать въ Хартумъ военную экспедицію изъ англійскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Граама. Армія будетъ отправлена на судахъ къ Нилу и предполагаютъ, что палящій зной, умѣряемый теперь розливомъ Нила, не представитъ большаго препятствія для движенія экспедиціи. Что же касается Махди, то, по извѣстіямъ арабской газеты „Акбаръ", онъ письменно возвѣстилъ своимъ приверженцамъ въ Суданѣ о своемъ твердомъ намѣреніи покинуть въ началѣ іюня Эль-Обеидъ и со всѣмъ своимъ семействомъ поселиться въ самомъ центрѣ возстанія, на Нилѣ, дабы вмѣстѣ съ народомъ начать борьбу за независимость и свободу Судана.

Въ Лондонѣ, въ палатѣ общинъ недавно разбирался вопросъ о туннелѣ подъ Ла-Маншемъ и встрѣтилъ еще болѣе противниковъ, нежели прежде. Химерическая боязнь вторженія французской арміи этимъ подводнымъ путемъ, не перестаетъ помрачать умы людей, одаренныхъ даже самымъ практическимъ смысломъ. Такъ Чемберленъ, отъ имени кабинета, заявилъ, что всѣ коммиссіи, которымъ было поручено разсмотрѣніе вопроса о туннелѣ, а именно—торговая, научная и военная, единогласно отвергли проектъ и даже самъ Гладстонъ, бывшій прежде горячимъ сторонникомъ проекта, теперь отказался отъ своего прежняго мнѣнія. Самый билль былъ отвергнутъ 222 голосами противъ 84 и никакіе доводы, представленные въ пользу прорытія туннеля, не могли повліять на рѣшеніе палаты.

Турція приняла, какъ извѣщаютъ нѣкоторыя газеты, предложенную британскимъ правительствомъ, конференцію не преминувъ, впрочемъ, выдвинуть при этомъ свою обычную оговорку, относительно верховныхъ правъ Султана. Эти права дѣйствительно еще не лишены значенія и далеко не составляютъ одинъ пустой звукъ въ устахъ мусульманъ. Они выражаются практически въ ежегодной дани, платимой Египтомъ Турціи, и кромѣ того въ обязательной поставкѣ хедивомъ, въ военное время, опредѣленнаго числа войскъ въ распоряженіе Порты. Послѣдній пунктъ представляетъ наиболѣе затрудненій, такъ какъ Англія желаетъ распустить совершенно египетскую армію. Кромѣ того, Порта держится въ принципѣ того взгляда, что обсужденіе на конференціи вопроса о финансовомъ кризисѣ египетскаго правительства, не можетъ обойтись безъ надлежащаго разсмотрѣнія политическихъ вопросовъ, т. е. тѣхъ причинъ, которыя вызвали въ Египтѣ подобный кризисъ.

Смѣсь.

При Придворной Пѣвческой Капеллѣ, регентскій классъ преобразованъ. Желающіе получить регентское образованіе принимаются въ регентскій классъ, въ качествѣ *вольноприходящихъ* учениковъ, изъ лицъ всѣхъ сословій православнаго исповѣданія, не моложе 14-ти лѣтъ отъ роду, окончившіе курсъ въ учебномъ заведеніи не ниже двухкласснаго училища, и обладающіе музыкальнымъ слухомъ, знаніемъ нотъ въ скрипичномъ и басовомъ ключахъ, имѣющіе знакомство съ церковнымъ пѣніемъ и съ первоначальною степенью игры на скрипкѣ, въ размѣрѣ игры съ голосовыхъ пѣвческихъ партій. Пріемъ въ регентскій классъ производится ежегодно отъ 1-го до 5-го Сентября; занятія же продолжаются по Іюнь мѣсяцъ. Прошенія о принятіи въ классъ должны быть присланы до 1-го Сентября, на имя Начальника Придворной Капеллы, и по его распоряженію просители подвергаются испытанію въ музыкальныхъ способностямъ и знаніяхъ, требуемыхъ для поступленія въ классъ. Полный регентскій курсъ продолжается пять лѣтъ.

За обученіе въ регентскомъ классѣ взимается *сто рублей* въ годъ. Ученикамъ, удовлетворительно выдержавшимъ испытаніе и прошедшимъ полный курсъ—*выдается свидѣтельство 1-го разряда на званіе учителя церковнаго пѣнія и теоріи музыки.*

Между всѣми европейскими городами, Стокгольмъ несомнѣнно обладаетъ самыми обширными телефонными сообщеніями. Пріѣзжій съ неподдѣльнымъ удивленіемъ поражается колоссальной массой скрещивающихся между собой проволокъ, которыя какъ сѣтью опутываютъ городъ. На первый разъ и не подозрѣваешь о возможности существованія еще и подземныхъ проводниковъ, между тѣмъ какъ они составляютъ большую половину всѣхъ телефонныхъ сообщеній. Всѣ государственныя учрежденія и городскія присутственныя мѣста соединены между собой телефонами; едва ли есть хоть одинъ болѣе или менѣе значительный торговецъ, промышленникъ или дѣловой человѣкъ, который бы не пользовался этимъ новымъ, благодѣтельнымъ способомъ сношенія. Многіе изъ домовладѣльцевъ имѣютъ у себя телефоны и предоставляютъ пользованіе ими своимъ квартирантамъ. Кромѣ того есть особыя телефонныя станціи, которыя связаны проволоками со всѣми значительными гостиницами, магазинами, газетными лавками, парикмахерскими и тому подо-

Библиотека "Руниверс"

ными заведеніями. Цѣна за переговоры въ теченіи 5 минутъ равняется тремъ копѣйкамъ. Всѣ телефонныя сообщенія города составляютъ собственность двухъ частныхъ компаній.

Туннель Эвпалиноса на остр. Самосѣ. Археологическія изысканія, производившіяся на Самосѣ по распоряженію турецкаго правительства, дали въ послѣднее время блестящіе результаты: благодаря неутомимымъ стараніямъ, удалось вывести на свѣтъ Божій одно изъ грандіознѣйшихъ сооруженій, относящееся къ періоду могущества грековъ. Именно, найденъ и отчасти разрытъ тотъ самосскій туннель, о которомъ упоминаетъ еще Геродотъ. Замѣтка этого историка, что самоссцы проложили подземный ходъ черезъ гору въ 150 локтей вышины, побудило многихъ европейскихъ археологовъ отыскать это чудо искусства, но тщетно. Только настоящему правителю, лучше сказать, принцу Самоса Адосидесъ-пашѣ, удалось, благодаря пожертвованіямъ жителей острова, доставившимъ матеріальныя средства для изысканій, открыть этотъ знаменитый туннель. Эвпалиносъ изъ Мегара, есть именно то лицо, которому принадлежитъ, какъ самая мысль, такъ и выполненіе величественнаго проэкта прорытія горы,— предпріятія, далеко оставляющаго за собой всѣ достойныя удивленія современныя намъ сооруженія. Брошюра профессора Стаматіадеса, которая вскорѣ должна появиться въ печати, даетъ намъ хотя и неполныя, но настолько достаточныя свѣдѣнія, чтобы представить себѣ грандіозность этого сооруженія.

Туннель предназначался для того, чтобы въ случаѣ осады снабжать гавань Самоса водой, годной для питья. Онъ состоитъ изъ трехъ частей: собственно туннеля, лежащаго подъ нимъ канала и находящихся въ послѣднемъ водопроводныхъ трубъ. Онъ начинается на покатости горы Кастри, на вершинѣ которой стояла въ древности крѣпость Самоса, тянется на 1500 метр., пробуравливая гору, и выходитъ на противоположномъ склонѣ на нѣсколько метровъ ниже уровня почвы въ видѣ нѣсколькихъ водопроводовъ. Это послѣднее обстоятельство отчасти объясняетъ намъ безплодность прежнихъ изысканій, когда исходный пунктъ туннеля полагали найти на этомъ склонѣ горы. Собственно туннель, какъ мы уже сказали, имѣетъ $1^1/_2$ километра (703 сажени) длины, 175 сантиметровъ (болѣе $2^1/_2$ аршинъ) вышины и 180 сантиметровъ ширины. Въ этихъ мѣстахъ, гдѣ грунтъ горы кажется недостаточно прочнымъ, туннель съ обѣихъ сторонъ обшитъ каменными стѣнами, сходящимися вверху въ видѣ свода. На днѣ этого прохода, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посрединѣ или съ той или другой стороны, находится каналъ въ 70 сантиметровъ глубины и 80 сантиметр. ширины, покрытый сводомъ, снабженнымъ на извѣстномъ разстояніи отверстіями. Число ихъ доходитъ до 28; они имѣли назначеніе облегчать очистку и исправленіе водопроводныхъ трубъ. Трубы, лежащія на днѣ канала, сдѣланы изъ глины, каждая въ 65—67 сантиметровъ длины, 80—85 сантим. въ окружности и съ толщиною стѣнъ въ 3—4 сантиметра. Каждыя двѣ трубы имѣютъ отверстія вверху, которыя, по мнѣнію Стаматіадеса, служили для облегченія протеканія воды, но вѣрнѣе они предназначались для уменьшенія давленія воды на трубы, остававшіяся открытыми со всѣхъ сторонъ. По выходѣ изъ туннеля, водопроводный каналъ продолжается подъ землей и доходитъ до того мѣста, гдѣ нѣкогда стоялъ Самосъ и гдѣ теперь находится монастырь св. Іоанна, родники или вѣрнѣе колодцы котораго еще и теперь пополняются водой при помощи этихъ нѣкогда проложенныхъ трубъ. Направленіе туннеля не прямолинейное; на разстояніи 400 метровъ отъ выхода онъ образуетъ колѣно. Профессоръ Стаматіадесъ объясняетъ это тѣмъ, что работы были начаты съ двухъ противоположныхъ сторонъ, но по неимѣнію точныхъ инструментовъ направленія не могли быть опредѣлены вѣрно. Но съ другой стороны кажется неправдоподобнымъ, чтобы двѣ противоположныя колонны рабочихъ, не умѣя даже точно опредѣлить направленія, могли бы сойтись другъ съ другомъ подъ землей. Маленькій ручей, протекающій и теперь еще передъ входомъ въ туннель по всей вѣроятности былъ прежде значительно больше, чтобы проводить изъ него воду.

Персидскій принцъ Бехъ-Менъ-Мирза (ум. въ гор. Шушѣ). Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

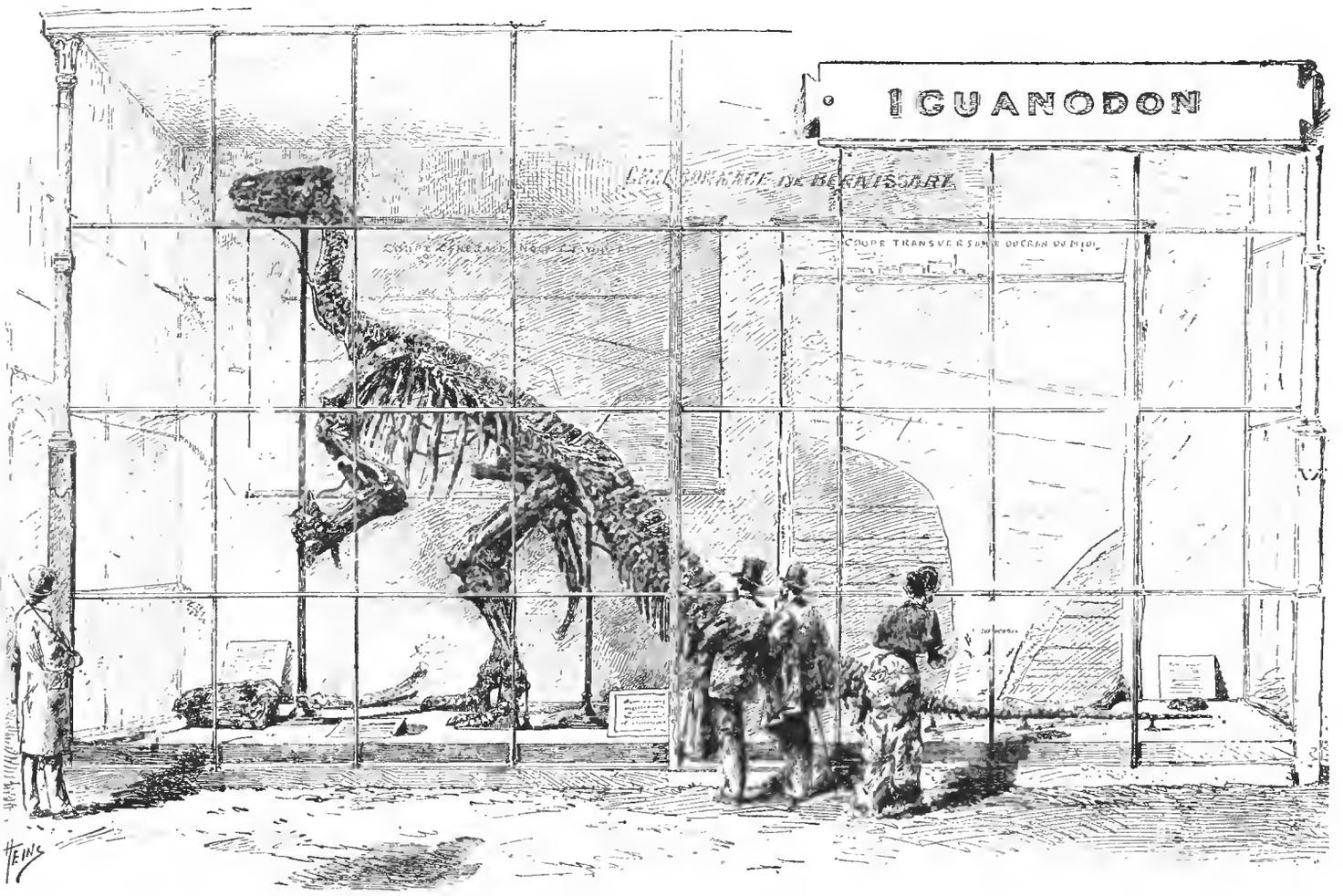
Неутомимый изслѣдователь, д-ръ Шлиманъ, производящій въ настоящее время раскопки въ Тиринсѣ, сообщаетъ отъ 11 апрѣля 1884 г.: „Работы мои увѣнчались изумительными результатами. Открытъ огромный дворецъ съ безчисленнымъ множествомъ колоннъ. Онъ обнимаетъ весь верхній акрополь Тиринса и всѣ его стѣны и полы хорошо сохранились. Величайшій интересъ представляетъ стѣнная живопись, которую архитекторъ, мой сотрудникъ, въ настоящее время копируетъ красками. Очень интересна также живопись на вазахъ, изображающая примитивнымъ способомъ людей и животныхъ. Основной планъ этого доисторическаго дворца можетъ теперь уже быть точно снятымъ и раскопка его должна вызвать всеобщее удивленіе. Найденная постройка относится къ доисторическимъ временамъ".

Годовое производство хинина, какъ показываютъ торговостатистическія данныя, опредѣляется въ 4,25 милліона унцевъ (8257 пудовъ), изъ которыхъ одна Америка расходуетъ до милліона унцевъ, между тѣмъ какъ сама производитъ только 850,000 унцевъ этого медикамента.

Въ Римѣ получены въ министерствѣ финансовъ три анонимныхъ письма съ денежными вкладами въ 100, 20,000 и 800 лиръ (лира— серебряная монета въ 25 коп.). Приславшіе деньги сообщаютъ, что суммы эти они должны были королевству Италіи.

Библиотека "Руниверс"

Профессоръ физіологіи филадельфійскаго университета, д-ръ Гаррисонъ, сообщилъ недавно своимъ слушателямъ-студентамъ о сдѣланномъ имъ весьма странномъ изобрѣтеніи, посредствомъ котораго онъ хочетъ изображать графически на препарированномъ цилиндрѣ движеніе нёба и гортани при разговорѣ. Аппаратъ свой онъ назвалъ „міографъ". На цилиндрѣ другаго аппарата, называемаго „кимографъ", наносится слой массы такого же состава, какъ грифельная доска; цилиндръ аппарата вращается посредствомъ часоваго механизма. Для точнаго указанія дѣятельности извѣстныхъ органовъ, кимографъ уже ранѣе употреблялся съ большимъ успѣхомъ. — При помощи особо приспособленнаго грифеля, аппаратъ Гаррисона наноситъ на цилиндръ движенія нёба и гортани говорящаго. Грифель состоитъ изъ тонкаго металлическаго штифта, къ которому припаяно тонкое металлическое остріе; другой конецъ грифеля прикрѣпленъ къ гибкой, тонкой проволкѣ въ $^1/_{16}$ дюйма въ поперечникѣ, которая входитъ въ металлическій шарикъ. Послѣдній при употребленіи „міографа" вводится черезъ ноздри до нёба или гортани. Введеніе въ носовую полость этого инструмента не причиняетъ никакихъ непріятныхъ ощущеній и о присутствіи его скоро забываешь. Опыты показали, что знаки, которые чертитъ грифель на цилиндрѣ при извѣстныхъ звукахъ, всегда одинаковы. Носовые звуки, напримѣръ, производятъ почти горизонтальные штрихи; изъ этого заключили, что нёбо при этомъ остается почти неподвижнымъ. Слово „clothes" выражается большимъ числомъ движеній: горизонтальнымъ штрихомъ, затѣмъ длиннымъ штрихомъ направо, за нимъ двумя кривыми, изъ которыхъ вторая длиннѣе и глубже первой, однимъ штрихомъ направо и короткой горизонтальной линіей. Полагаютъ, что этотъ инструментъ окажетъ большія услуги при изученіи полости рта.



Игуанодонъ. Скелетъ допотопнаго животнаго, найденный въ Бельгіи. Рис. Гозаръ, грав. Гейнсъ.

Суданскій мечъ. У жителей Судана лукъ и стрѣлы встрѣчаются очень рѣдко; главнымъ вооруженьемъ ихъ служитъ копье до пяти метровъ длиною (предназначено для охоты за слонами) и мечъ, составляющій самое распространенное вооруженіе. Мечи, которые одинаково распространены между всѣми племенами, имѣютъ форму, схожую съ древне-рыцарскимъ вооруженіемъ: прямые, обоюдоострые, длиною въ 90 и шириною въ 4 сантиметра. Самые клинки въ большинствѣ случаевъ изготовляются въ Золингенѣ, откуда привозится холодное оружіе вообще во всю сѣверную Африку; эфесы же и ножны изготовляютъ къ нимъ туземные мастера. Суданцы не скупятся для пріобрѣтенія хорошаго оружія, содержатъ его въ высшей степени бережно и всегда остро отточеннымъ. Въ знатныхъ фамиліяхъ еще и теперь иногда встрѣчаются старинные клинки, временъ крестовыхъ походовъ; эти высокаго достоинства мечи цѣнятся весьма дорого, если ихъ случается продавать и ставятся наравнѣ съ настоящими дамасскими клинками.

У охотничьяго племени, живущаго въ Тако и гдѣ мечъ составляетъ главное вооруженіе, клинокъ подъ рукояткой обвивается въ длину на 12 сантиметровъ крѣпкимъ шнуромъ, что даетъ возможность, въ случаѣ надобности, держать мечъ обѣими руками. Ножны охотничьихъ мечей обыкновенно обтягиваются кожей съ ушей слона, такъ что по мечу всегда можно узнать спеціалиста-охотника на слоновъ. Тѣ изъ охотниковъ, которые преслѣдуютъ слона верхомъ, прорубая ему жилу на задней ногѣ, настоящіе виртуозы въ дѣлѣ управленія мечемъ, въ силѣ и ловкости наносимыхъ ударовъ. Такіе охотники нерѣдко однимъ взмахомъ отрубаютъ голову буйволу или перерубаютъ спину льва. Одинъ извѣстный агоръ (охотникъ съ мечемъ) ловкимъ ударомъ отрубилъ, однажды, голову носорогу, такъ что она висѣла только на кожѣ. Суданцы носятъ мечи не на поясѣ, какъ европейцы, а на ремнѣ или шелковомъ шнурѣ черезъ плечо. Садясь на лошадь, они привѣшиваютъ мечъ на сѣдло, для чего имѣется особая пуговка, такъ что онъ твердо лежитъ подъ лѣвой ногой и въ случаѣ опасности быстро можетъ быть выхваченъ рукой. Впрочемъ, мечъ составляетъ обыкновенное оружіе людей болѣе зажиточныхъ, бѣдняки же принуждены довольствоваться копьемъ. Богатые и знатные суданцы отдѣлываютъ свои мечи въ серебро, но вообще роскошь украшенія оружія здѣсь не такъ развита, какъ напр. въ Персіи, Турціи и Аравіи.

Длина книжныхъ полокъ, на которыхъ хранится 1.300,000 сочиненій, составляющихъ собственность британскаго музея, равняется 160 англійскимъ милямъ (болѣе 241½ версты). Въ библіотеку ежедневно поступаетъ 22 центнера (около 68 пудовъ) печатныхъ произведеній.

Въ Парижѣ между дамами тамошняго высшаго общества начинаетъ входить въ моду новый родъ спорта; это именно состязанія въ путешествіяхъ пѣшкомъ. Оно стало сильно прививаться съ тѣхъ поръ, какъ извѣстная своей красотой контесса Потокла прошла пѣшкомъ изъ Парижа въ Версаль и послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха вернулась такимъ же путемъ обратно. Нѣсколько дамъ изъ французской аристократіи послѣдовали на прошлой недѣлѣ примѣру контессы, а герцогиня д'Уцесъ объявила, что намѣревается отправиться пѣшкомъ изъ Парижа въ Монако; герцогиня извѣстна, какъ неустрашимая охотница и наѣздница.

Библиотека "Руниверс"

Христіанія, главный городъ Норвегіи, имѣлъ къ 1815 г. только 12,137 жителей; спустя двадцать лѣтъ послѣ того, населеніе выражалось уже цифрой въ 24,845; въ 1855 году оно возросло до 41,966, а черезъ 20 лѣтъ до 95,836; наконецъ по послѣдней переписи въ столицѣ считается 124,155 душъ обоего пола.

Индія дѣлаетъ большіе, пожалуй даже слишкомъ быстрые, успѣхи въ эмансипаціи женщинъ. Еще не такъ давно существовалъ здѣсь обычай, по которому неутѣшныя вдовы добровольно искали смерти на кострѣ, пожиравшемъ трупы ихъ мужей. Теперь основанный недавно въ Индіи печатный органъ не только отрицаетъ такой взглядъ на бракъ, но даже защищаетъ вдовъ, желающихъ во второй или въ третій разъ вступить въ супружество. Такъ, напримѣръ, въ этой газетѣ появилось объявленіе, которое гласитъ, что отецъ ищетъ для своей дочери, двѣнадцатилѣтней вдовы, руки бенгальскаго джентельмена. Однако страсть къ объявленіямъ такого рода не ограничивается только слабымъ поломъ. Одинъ чиновникъ строительнаго департамента объявляетъ о себѣ, что красивый бенгальскій джентельменъ, съ благороднымъ цвѣтомъ кожи, — что выставляется главной приманкой—членъ торговаго дома, хочетъ сдѣлать честь прекрасной образованной дамѣ, — вступить съ нею въ бракъ. Послѣднимъ успѣхомъ на этомъ поприщѣ служитъ недавно открытое бюро для желающихъ вступить въ супружество. Учрежденіе это въ дѣлахъ своихъ соблюдаетъ строжайшую скромность.— Послѣ этого еще говорятъ, что индійцы не способны къ цивилизаціи западныхъ странъ!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ:

S и R Москва. По нашему мнѣнію—да; была французско-китайская война,—хотя и объ этомъ ни съ одной стороны оффиціально объявлено не было.

Рѣшеніе ребуса № 16.

„Кто кутитъ крѣпко съ молода, тому подъ старость помирать ужъ видно съ голода".

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ Гг.: **Спб.**—И. Т-ва, И. и Л. Добровольскихъ, **Москва** — Сумбула, Козлина, Сегалова, **Бахмутъ** — Дремджи, **Борисоглѣбскъ**—Тихвинскаго, **Гельсингфорсъ** — А В М., **Гомель** — Щербакъ, **Кіевъ**— № 80.492, **Калуга**—Н. К. Соколова, **Медвѣдево**—Лейцингеръ, **Нарва**—Петрова; **Новгородъ**—Пестреченко; **Симферополь**—Лаврененко, Лазарисъ и Ко; **Харьковъ**— Эссенъ.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 15.

1) a	$t - b = d - \sqrt[3]{32768}$	a = 20 = **У**
2) b	$a - n + 1 = 2\,i$	b = 16 = **П**
3) c	$g - e - 1 = y$	c = 17 = **Р**
4) d	$h + p = k + 3$	d = 33 = **Я**
5) e	$b + l + 3 = t + m$	e = 13 = **М**
6) f	$u - i = \sqrt[3]{15625}$	f = 1 = **А**
7) g	$g - s = \sqrt[3]{5832}$	g = 33 = **Я**
8) h	$r + p = \sqrt[3]{10648}$	h = 15 = **О**
9) i	$g + f = b - d + t$	i = 3 = **В**
10) k	$a + i = u - \frac{n}{3}$	k = 23 = **Ц**
11) l	$s + o + 5 = y + e$	l = 1 = **А**
12) m	$z - x = \frac{p + r}{2}$	m = 3 = **В**
13) n	$b + f + l + m = \sqrt{9261}$	n = 15 = **О**
14) o	$e.\ s + g = o.\ y.$	o = 12 = **Л**
15) p	$p : r = h : 15$	p = 11 = **К**
16) q	$d - b - 3 = t - m$	q = 20 = **У**
17) r	$i + n + 10 = u$	r = 11 = **К**
18) s	$e + o + s + 12 = g + y$	s = 15 = **О**
19) t	$z - k - 3 = x - h$	t = 17 = **Р**
20) u	$f.\ l.\ m = 3\,(t - b)$	u = 28 = **Ы**
21) x	$a - c = q - \sqrt[3]{4913}$	x = 18 = **С**
22) y	$x + z - 2 = k + p + r$	y = 19 = **Т**
23) z	$q + u + c = 4\,n + 5$	z = 29 = **Ь**

УПРЯМАЯ ОВЦА ВОЛКУ КОРЫСТЬ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Боронина, Ника, Мальмгренъ, Пинскера, Образцова, Демменц; **Волочискъ**—Нуссенбаума; **Городецъ**—Салова; **Калуга**—Соколова, В. А.; **Кузнецкъ**—Колесова; **Лебедянь**—Чурилина; **Москва**—Латышева, Бюхнера; **Никополь**—Скоропадскаго; **Нарва**—Тленщина, Петрова; **Пенза**—Родникова; **Просяныя Поляны**—Прокопова; **Самара**—Филипова; **Симбирскъ**—Нечаева.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Фридихъ Шпильгагенъ** (съ портр.).—**Новые помѣщики** Разсказъ **Н. В. Успенскаго** **Разбойникъ Сотири.** (Изъ воспоминаній консула). Разсказъ **К. Н. Леонтьева.** (Продолженіе).—Стихотвореніе.—**Постриги юнаго князя въ древней Руси** (съ рис.).—**Выставка въ Имп. Акад. Художествъ** (съ 3 рис.).—**Международная выставка садоводства** (съ рис.).—**Бехъ-Менъ-Мирза** (съ портр.).—**Игуанодонъ** (съ рис.).—Политическое обозрѣніе —Сѣѣсь.—Почтовый ящикъ.—Рѣшеніе ребуса.—Рѣшеніе алгебраической задачи —О перемѣнѣ адреса.— Объявленія.

Редакторъ Ф Бергъ Издатель А. Ф. Марисъ.

СКРИПКИ.

нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ мастеровъ, а также собственной работы, отъ самыхъ дешевыхъ до самыхъ дорогихъ, также весьма хорошія старыя скрипки.

АЛЬТЫ, ВІОЛОНЧЕЛИ, КОНТРАБАСЫ, ГИТАРЫ МАНДОЛИНЫ, ЦИТРЫ

и всѣ принадлежности къ нимъ въ громаднѣйшемъ выборѣ рекомендуетъ

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, по Б. Морской, д. № 36.

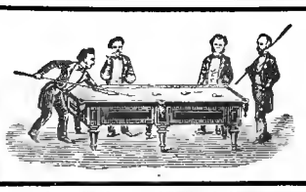
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Новѣйшій иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. Мастерская для починокъ и изготовленія новыхъ инструментовъ. Р № 3357 2—1

БУРАКСИЛИНЪ изъ экстракта растеній и буры. **Д-ра Декандоля изъ Парижа.** Вѣрнѣйшимъ средствомъ служитъ отъ **ЗАГАРА И ВЕСНУШЕКЪ.** Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 2 руб **У В ПАРИКОВА и К°.** въ Гостиномъ дворѣ № 78, СПБ № 3352 5—1

ОСОБА

среднихъ лѣтъ, институтка, знаяязыки французскій, нѣмецкій и музыку, желаетъ мѣста при дѣтяхъ или компаньонки и по хозяйству. Уголъ Знаменской и Итальянской, домъ Дурдина, письменно № 3347 2—1



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

БИЛЛІАРДЫ И КЪ БИЛЛІАРДНОЙ ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Троицкій проспектъ, близь Египетскаго моста, д. № 13—2 № 3303 19—3

Поступили въ продажу новыя изданія **П. В. Луковникова:**

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ БИБЛЕЙСКІЕ РАЗСКАЗЫ

для народнаго чтенія составленные Ѳ. ПУЦЫКОВИЧЕМЪ.

1-я СЕРІЯ. **Сотвореніе Міра и Всемірный Потопъ** (съ 12-ю карт.). Цѣна 10 к. **Праотцы-Патріархи** (съ 10-ю карт.). 12 к. **Іосифъ Пречрасный** (съ 5-ю карт.). 10 к. **Пророкъ Моисей.** (съ 11-ю карт.). 12 к. **Самсонъ-Сильный** (съ 5-ю карт.). 8 к. **Соломонъ-Мудрый** (съ 3-мя карт.). 8 к. **Іудиѳь** (съ 3-мя карт.). 8 к. **Руѳь** (съ 2-мя карт.). 6 к. **Іовъ** (съ 1-й карт.) 8 коп. За пересылку взимается по разстоянію

Книжный магазинъ **П. В. Луковникова**, Спб., Фонтанка, № 41, высылаетъ по требованіямъ всѣ находящіяся въ продажѣ книги. № 3355

РОМАШКА БУРЕЛЬ.

Лучшее изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ средствъ

Моментально **уничтожаетъ** всѣхъ домашнихъ насѣкомыхъ, какъ-то: таракановъ, прусаковъ, клоповъ, блохъ, муравьевъ, мокрицъ и др

ОНА ДѢЙСТВУЕТЪ ИЗУМИТЕЛЬНО БЫСТРО,

не содержитъ вредныхъ для здоровья человѣка веществъ, поэтому не отзывается вредно на мозгъ и дыхательные органы, какъ это бываетъ съ большинствомъ другихъ составовъ и ромашекъ отъ насѣкомыхъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ, просимъ обратить вниманіе на подпись изобрѣтателя, которая находится на каждой коробкѣ настоящей **„Ромашки Бурель".**

ЦѢНА КОРОБКИ **75** КОП и **40** КОП.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Въ МОСКВѢ: въ аптекарскихъ магазинахъ Р Келеръ и К°, Гетлингъ и Штокманъ, Г. Брунсъ бывш. Нецъ, Л Борхартъ, Лютеръ и Гиршфельдтъ, Эмиль Керстанъ, Безбардисъ и др. **Въ СПБургѣ:** у Александра Венцель, Казанская, № 3, въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами и его отдѣленіи **въ Харьковѣ. Въ Тифлисѣ,** въ Кавказскомъ обществѣ торговли аптек. товарами **Въ Таганрогѣ** у Поллакъ. Ц. № 3358 2—1

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ пер 3 р. 50 к.

ЯПОНСКІЙ ЭЛИКСИРЪ

противъ мигренъ, флаконъ 1 р. 25 к. и 1 р. 50 к **И Ваконъ.** Гороховая д № 9, кв. 8. № 3301 2—2

КУМЫСЪ ВЪ САМАРѢ.

Съ 1 мая открывается близь Г Самары XXVII сезонъ на первомъ кумысо-лечебномъ заведеніи Dr Постникова Подробности: 1) Въ Медицинскомъ Обозрѣніи т. XXI № 5. 2) Въ Сезонномъ Справочномъ Листкѣ Русскихъ Минер. водъ № 1 и № 2, стр 16. 3) Спутникѣ по лечебнымъ мѣстностямъ Граге. № 3322 3—3

НѢЖНОСТЬ ЛИЦА

КОСМЕТИЧ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ ЛИЧНЫЕ

УТИРАЛЬНИКИ

КОСМЕТИКА А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацет утирал кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и пріятно освѣжается. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію пыли, солнца и вѣтра; они—единственное вѣрное средство отъ веснушекъ и пр. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 к.; съ пер. не менѣе двухъ пачекъ 2 р., 4 пачки съ пер. 3 р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пачкѣ подпись: **„А. Энглундъ"**,—красными чернилами и марку СПБ. Косметической Лабораторіи. Получать можно: во всѣхъ магазинахъ СПБ. Химич. Лабораторіи, въ „Русск Обществѣ торг. аптекар. товарами", Казанская д. 12; у А. Рузанова, Гостин дворъ д. 40; въ Москвѣ, у Р. Келлеръ и Комп.; Гетлингъ и Штокманъ; В. Бербардисъ; въ Бѣлгородѣ у Бѣльчикова и во всѣхъ аптек и парфюм торг. Россійской имперіи Главный складъ для всей Россіи: СПБ косметическ. лабор. А. ЭНГЛУНДЪ, Литейный пр., д. 38, въ С.-Петербургѣ. № 3354 1—1

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ,

№ 3360 7—2

ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ.

ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ

бѣлитъ зубы, не портя ихъ эмали, предотвращаетъ гніеніе зубовъ.

Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цѣтами.

ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ

укрѣпляетъ десны, утоляетъ зубную боль, освѣжаетъ ротъ.

Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цѣтами.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФРЕРА,

19, Rue Jacob, Paris.

У ВСѢХЪ АПТЕКАРЕЙ И ПРОДАВЦОВЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

Главный складъ и продажа
(по значительно уменьшенным цѣнамъ)
АМЕРИКАНСК. НЕПРОМОКАЕМ. БѢЛЬЯ,
которое несравненно практичнѣе обыкное. полотняного; оно не требуетъ стирки и глаженья, а чистится мокрой тряпкой, при чемъ сохраняетъ клинцеевитый видъ, какъ лучшее голландск. полотно и не впитываетъ въ себя чернильныхъ пятенъ.

Цѣны съ почтов. пересылкою:
Манжеты 1 р. 25 к. Грудь 1 р. 75 к. Воротнпкъ 75 к. Къ нимъ пуговицы новаго устройства изъ американскаго золота (никогда не чернѣющія) 2 руб. Для гг. военныхъ форменные воротники.

№ 3320 Вновь получены 6—3

Новыя американскія подтяжки,
значительно удобнѣе всѣхъ прочихъ, устроенные на маленькихъ колесикахъ. При носкѣ совершенно не чувствительны; не даютъ въ плечахъ и не стѣсняютъ свободныхъ движеній при верховой ѣздѣ, катаньѣ на лодкѣ, билліардной игрѣ, гимнастикѣ и пр., и пр. Онѣ также рекомендуются и гг. медицинскими авторитетами. Многія лица, не могшія привыкнуть носить подтяжекъ, совершенно освоились съ предлагаемыми нами и остались весьма довольны ими.

Каждаго, нуждающагося въ новыхъ подтяжкахъ, мы просимъ обратить вниманіе на это новое и вполнѣ практичное изобрѣтеніе.

СКЛАДЪ РЕЗИНО ВЫХЪ ТОВАРОВЪ
КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ
Большая Морская, 36.

По воскресеньямъ складъ закрытъ.

НОТЫ

для роялей, скрипки, віолончели, корнета. флейты, для оркестра, а также для пѣнія, всѣхъ русскихъ и заграничныхъ издателей, въ дешевыхъ изданіяхъ рекомендуетъ

НОТНАЯ ТОРГОВЛЯ
Юлія Генриха Циммермана

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПО Б. МОРСКОЙ ДОМЪ № 42.
Заказы исполняются дешево, точно и аккуратно. Р. № 3306 3—1

Страхованіе пенсіи на старость.

ПРИМѢРЪ: Лицо 30 лѣтъ отъ роду страхуетъ себѣ пенсію (доходъ) въ

1,000 РУБ. ЕЖЕГОДНО,

уплата которой начинается съ 60-ти-лѣтняго возраста застрахованнаго и продолжается до его смерти.

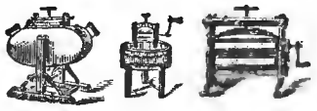
За это страхованіе слѣдуетъ платить Страховому Обществу „РОССІЯ" до начала пенсіи по 29 руб. 64 коп. чрезъ каждые три мѣсяца.

Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ

СТРАХОВАГО ОБЩЕСТВА „РОССІЯ",

выдаваемыхъ и высылаемыхъ по требованію безплатно Правленіемъ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами.

№ 2874



СПЕЦІАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ МАШИНАМИ
ДЛЯ СТИРКИ БѢЛЬЯ
Г. М. ХУТТОНЪ и К°.
Москва, Большая Лубянка, д. Иеаноеескаго монастыря.

ПРАЧЕШНАЯ МАШИНА 35 Р.
Американ. паровые котлы отъ 6—15 руб.
Катки (для хозяйства) 30 руб.
„ (для заведеній и проч.) 28 руб.
Выжималки (для хозяйства) 18 руб.
„ (для заведеній и проч.) 28 руб.
НАКЪ И ДРУГІЕ ПРАКТИЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ХОЗЯЙСТВА.

При настоящемъ употребленіи, каждый аппаратъ исполняетъ свое назначеніе. Иллюстр. прейсъ-куранты по требованію. Иногородные заказы исполняются скоро и аккуратно. Упаковка безплатно. Ц. № 3300 3—3

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

Съ разрѣшенія С.-Петерб. Врачебн. Управленія

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МОЛОКО СРЕДСТВО ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ И ВЕЛИЗНЫ КОЖИ.

ВЕСЕННЕЕ МОЛОКО СРЕДСТВО ОТЪ ЗАГАРА, КРАСНОТЫ, ПЯТЕНЪ

ОГУРЕЧНОЕ МОЛОКО — ЧЕРЕМУХОВОЕ МОЛОКО.

ИРИСОВОЕ МОЛОКО
самаго высшаго качества.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) **Невскій проспектъ**, домъ № 32. Католической церкви.
2) **Невскій проспектъ**, домъ № 66, у Аничкова моста.
3) **Вознесенскій проспектъ**, уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.

Контора, фабрика и оптовый складъ: Измайловскій просп., № 21, собственный домъ, **въ С.-Петербургѣ.** Р. № 3349 2—1

Р. № 3330 20—4

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ ИЗОБРѢТЕННЫЙ БРОКАРЪ и К°.

№ 3091 25—8

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, 21.

ПРОДАЕТЪ

5% ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖЕЙ

на слѣдующихъ условіяхъ: задатокъ **20 р.** на билетъ, остальная сумма уплачивается мѣсячными взносами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

5 РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на купленный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю.

Контора предлагаетъ свои услуги по всѣмъ банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностію за самое умѣренное вознагражденіе

Р. № 3353 7—1

ЗА 16 РУБ.

ВЫСЫЛАЮТСЯ СЪ ПЕРВОЮ ПОЧТОЙ СЛѢДУЮЩІЯ ТРИ ВЕЩИ. НЕОБХОДИМЫЯ въ особенности для сельскихъ хозяевъ:

1) **БАРОМЕТРЪ** металлическій, усовершенстве. конструкціи, вѣрно предсказывающій всѣ перемѣны погоды: ясную погоду, сушь, дождь, бурю и проч. Съ книгою о примѣненіи къ сельск. хозяйству.

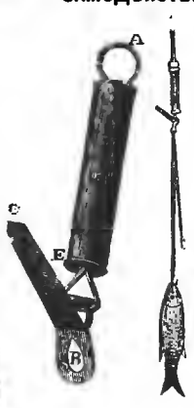
2) **ПОЛЕВАЯ ЗРИТЕЛЬНАЯ ТРУБА**, приближающая на далекое разстояніе.

3) **МИКРОСКОПЪ** большой, съ препаратами и принадлежностями, увеличивающій до 500 разъ. № 3339 2—2

Отдѣльно высылаются: барометръ съ книгой за **7 руб.**, остальныя двѣ вещи по **6 руб.**

Адресовать: въ Москву, на Петровку, д. Кредитнаго Общества, въ складъ учебныхъ пособій при типографіи И. Родзевича.

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,



одобренный всѣми любителями рыбной ловли, съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы, замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну и устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣваетъ ее за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Цѣна 60 к.: на пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственный складъ у **П. Ф. Каратаева**, Невскій проспектъ, Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Большой выборъ англійскихъ принадлежностей для рыбной ловли, которомъ магазинъ издалъ иллюстрированный прейсъ-курантъ въ краскахъ и въ натуральную величину и съ точно обозначенною мѣрою, съ цѣнами при каждомъ рисункѣ, изъ которыхъ 48 сортовъ разныхъ рыбокъ, 66 сортовъ ложекъ (блесны), 48 сортовъ мушекъ, 13 сортовъ искусственной приманки: черевковъ, жуковъ, мухъ стрекозъ, коровокъ, и друг., 45 сортовъ поплавковъ, 16 сортовъ готовыхъ удочекъ, крючки ляммерикъ, кирби, ясе №№, также на жилкѣ, на струнѣ, на проволокѣ (жерлицы) крючки двойные, тройные, четверные, крючки морскіе крючки механическіе, раздвижные карабины (чтобы не крутилась леска), разныхъ системъ удилища, леска невьковая-крученая и плетеная шелковая, крученая и плетеная, волосяная, волосяная съ шелкомъ, шелковая плетеная, смоленая всѣхъ толщинъ и цвѣтовъ, разной мѣры. Наконечники (жилки изъ шелковичнаго червя) разной толщины и длины, съ карабинами и безъ оныхъ, струна съ карабинами, грузило, черевчицы, корзинки для рыбы, щипцы для дроби, для траны, кошки для отщепки лесъ, машинки для наматыванія лесы, мѣдныя и деревянныя, остроги, гарпуны, иголки для вынимания крючковъ и нанизыванія рыбы, бумажники для мушекъ, сачки, садки, мѣшки для рыбы, роковыя сѣтки и много другихъ предметовъ. Прейсъ-курантъ будетъ ежегодно пополняться всѣми англійскими новостями по уженію рыбы, цѣна 50 коп. Г. г. иногороднымъ высылается за 7 семи-копѣечныхъ марокъ.

Адресъ: Магазинъ **П. Ф. Каратаева**, Невскій проспектъ, Милютинъ рядъ, № 18, С.-Петербургъ. № 3359 1—1

НАДГРОБНЫЕ ВѢНКИ

изъ ланированной жести
съ роскошн. цвѣточными украшеніями изъ фарфора № 3316 5—5

ИМѢЮТСЯ ВЪ БОЛЬШ. ВЫБОРѢ
въ магазинѣ металлическ. издѣлій и лампъ
Ф. УРЛАУБЪ, вышій БИНГЪ
Казанская, напрот. Ломбарда
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЩУТЪ

въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-петербургскую центральн. контору объявленій, **Невскій пр., № 8**, подъ лит. Б. Р. № 3328

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть *В. И. Кельсіева*, съ рисунками Пановa. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; для подписч. „Нивы" на 1884 г. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Библиотека "Руниверс"

Изданіе А. Ф. Маркса. СПБургъ, Б. Морская, № 9.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

„СТАРЫЙ ДОМЪ“.

Историческій романъ царствованія Императора Александра I и начала царствованія Императора Николая I, въ 2-хъ частяхъ,

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

(Продолженіе историческихъ романовъ „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“ и „ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“).

Напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и въ концѣ каждой главы. 693 страницы. Спб. 1884 г. Цѣна **3** р., съ перес. **3** р. **50** к.; въ красивомъ каленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ **4** р., съ перес. **4** р. **50** коп.

Весь циклъ историческихъ разсказовъ о поколѣніи Горбатовыхъ состоитъ пока изъ трехъ романовъ, а именно: 1) **„Сергѣй Горбатовъ“**, вышедшій въ 1882 г., 2) **„Вольтерьянецъ“**, вышедшій въ 1883 г., 3) **„Старый домъ“** (вышедшій нынѣ). Первые два романа имѣютъ слѣд. подробн. заглавія:

„СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ. Характеръ Екатерины Великой, бытъ ея царедворцевъ, личность цесаревича Павла, очерчены здѣсь чрезвычайно типично.—Спб. in 8, 672 стр.; напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ виньетками. Цѣна **3** р., съ пересылкою **3** р. **50** к.; въ каленкоров. переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ **4** р., съ перес. **4** р. **50** к.

„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“.

(Продолженіе романа „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“).

Историческій романъ конца XVIII и начала XIX вѣка. Въ немъ изображается, въ совершенно новомъ видѣ, характеръ Императора Павла I. Въ 2-хъ частяхъ. 711 стр., напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ. съ виньетками. Спб. Цѣна **3** р., съ перес. **3** р. **50** к.; въ каленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, **4** р., съ пересылкою **4** р. **50** к.

Съ требованіями обращаться въ контору изд. А. Ф. МАРКСА, СПБургъ, Б. Морская, д. № 9 и въ отдѣленіе конторы „Нивы“ въ **Москвѣ**, д. Петровскихъ линій, къ **Н. Н. Печковской.**

Романы эти, какъ и прочія произведенія Всеволода Соловьева, также можно пріобрѣсти у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ВСЕНАУЧНЫЙ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

со всѣми послѣдними дополненіями, въ 3-хъ томахъ большаго формата, составленный подъ редакціею **В. П. Клюшникова**, заключающій въ себѣ подробныя объясненія и разъясненія около

73.000 СЛОВЪ, ИМЕНЪ, СОБЫТІЙ

и проч., касающихся исторіи русской, церковной и всемірной, біографій историческихъ лицъ, особенно русскихъ, замѣчательныхъ личностей по литературѣ, искусству, открытіямъ и путешествіямъ и слова по всѣмъ отраслямъ наукъ, какъ-то: астрономіи, физикѣ, географіи, геологіи, ботаникѣ, минералогіи, этнологіи, этнографіи, этимологіи, медицинѣ, анатоміи, гигіенѣ, химіи, технологіи, миѳологіи—т. е. всѣ слова, употребляемыя въ разныхъ отрасляхъ наукъ и искусствъ, расположенныя на 5576 столбцахъ большаго формата.

Словарь этотъ, составляя необходимую принадлежность каждаго образованнаго дома, рекомендуется какъ лучшій въ этомъ родѣ.

Цѣна за брошюрованный экземпляръ этого обширнаго изданія, за всѣ 3 тома, вмѣсто 12 руб. безъ пересылки и 14 руб. съ пересылкою, **НАЗНАЧАЕТСЯ только для подписчиковъ „Нивы“:** за брошюрое. экз. **6 руб.**, въ каленкоровыхъ переплетахъ 8 руб.; **съ пересылкою** брошюр. 7 руб. 50 коп., а въ переплетахъ 10 р.

Подробное объявленіе помѣщено въ „Нивѣ“ 1883 г. № 50.

Съ требованіями обращаться исключительно въ контору редакціи журнала „Нива“, въ СПБургѣ, Б. Морская, № 9. № 3338 1—1

№ 3306 **Л. ЛИНЕВИЧЪ.** 10—3

Имѣю честь увѣдомить гг. владѣльцевъ старинныхъ вещей, что я, какъ любитель искусства, покупаю по самой высокой цѣнѣ старинныя художественныя вещи, какъ-то: бронзовые часы, канделябры, стѣнники и группы; фарфоровыя (преимущественно севрскія и саксонскіе) вазы, сервизы и фигуры; мебель съ бронзою и инкрустаціей; мраморныя фигуры и группы; вазы яшмовыя и порфировыя, отдѣланныя бронзой; серебряныя группы, кружки и бокалы; золотыя табакерки съ емалью и миніатюрами; гобелены и другіе предметы роскоши, особенно XVI, XVII и и XVIII столѣтій. **Я ВЫѢЗЖАЮ** на три лѣтнихъ мѣсяца во внутрь Россіи, для пріобрѣтенія означенныхъ предметовъ. Лично можно видѣть и письменно обращаться ежедневно, отъ 10 час. утра до 6 веч., кромѣ праздничн. дней. **СПБургъ, ФОНТАНКА**, рядомъ съ Малымъ театромъ въ соб. д., № 53. Литера Б.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ **ДУХИ КАДРЮПЛЬ** (EXTRAITS QUADRUPLES)

для носовыхъ платковъ, платьевъ, кружевъ и пр.

Lohse's Maiglöckchen	Лозе—Ландышъ
Lohse's Héliotrope blanc	Лозе—Бѣлый Геліотропъ
Lohse's Königin der Nacht	Лозе—Королева ночи
Lohse's Excelsior-Bouquet	Лозе—букетъ Эксельсіоръ

въ обыкновенныхъ флаконахъ 1 р. 50 к. и большихъ.

NEU: Lohse's Gold Lilie || НОВОСТЬ: Лозе—Золотая лилія

удостоены высшими наградами на всѣхъ международныхъ выставкахъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ — Придворный парфюмеръ Ея Имп. Вел. Императр. Германской. Поставщикъ Ея Имп. Выс. Наслѣдницы Германск. престола и пр. **БЕРЛИНЪ, W.** Jaeger-Strasse 46.

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ а аптекахъ Россійской Имперіи. Ц. № 3221 12—8

Изданія А. Ф. Маркса въ СПБ.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII вѣка, въ трехъ част. Романъ этотъ, обнимая эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи, въ связи съ правдивостью изложенія историческихъ событій — чрезвычайно интересенъ.—СПБ. 282 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р 50 к.; въ каленкоровомъ переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

К. БАУХЪ.

Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болѣй, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умѣренныя.

„Элеопатъ“ Провизора Кинуиена употребляется противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, для укрѣпленія корней волосъ, увеличиванія густоты и останавливанія выпаденія волосъ.

Безпристрастные и благодарственные отзывы и лестныя заявленія тѣхъ лицъ, которыя употребляли „Элеопатъ“, даютъ намъ возможность рекомендовать этотъ новый препаратъ.

Каждый флаконъ „Элеопата“ содержитъ 120 граммовъ, и имѣетъ въ самомъ стеклѣ надпись Кинуиена —собственно для предупрежденія отъ поддѣлокъ.

Въ С.-Петербургѣ „Элеопатъ“ провизора Кинуиена можно получить у Штоль и Шмидта или у Русск. Общ. Торговли Аптекарскими Товарами и друг. большихъ аптекахъ. Цѣна флакону 1 руб. 50 коп.

Способъ употребленія „Элеопата“ Провизора Кинуиена, приложенъ къ каждому флакону. Въ провинціи, „Элеопатъ“ имѣется во всѣхъ городахъ къ услугамъ публики, въ больш. Аптекарскихъ и Косметическихъ Магазинахъ, у дрогистовъ и въ Аптекахъ. 3351 1—1

Дозволено цензурою. СПБ. 16 мая 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ № 21 — XV годъ 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 26 Мая 1884 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1884 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . **4 р.**

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . **5 р. 50 к.**

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія **5 р.**

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . **6 р.**

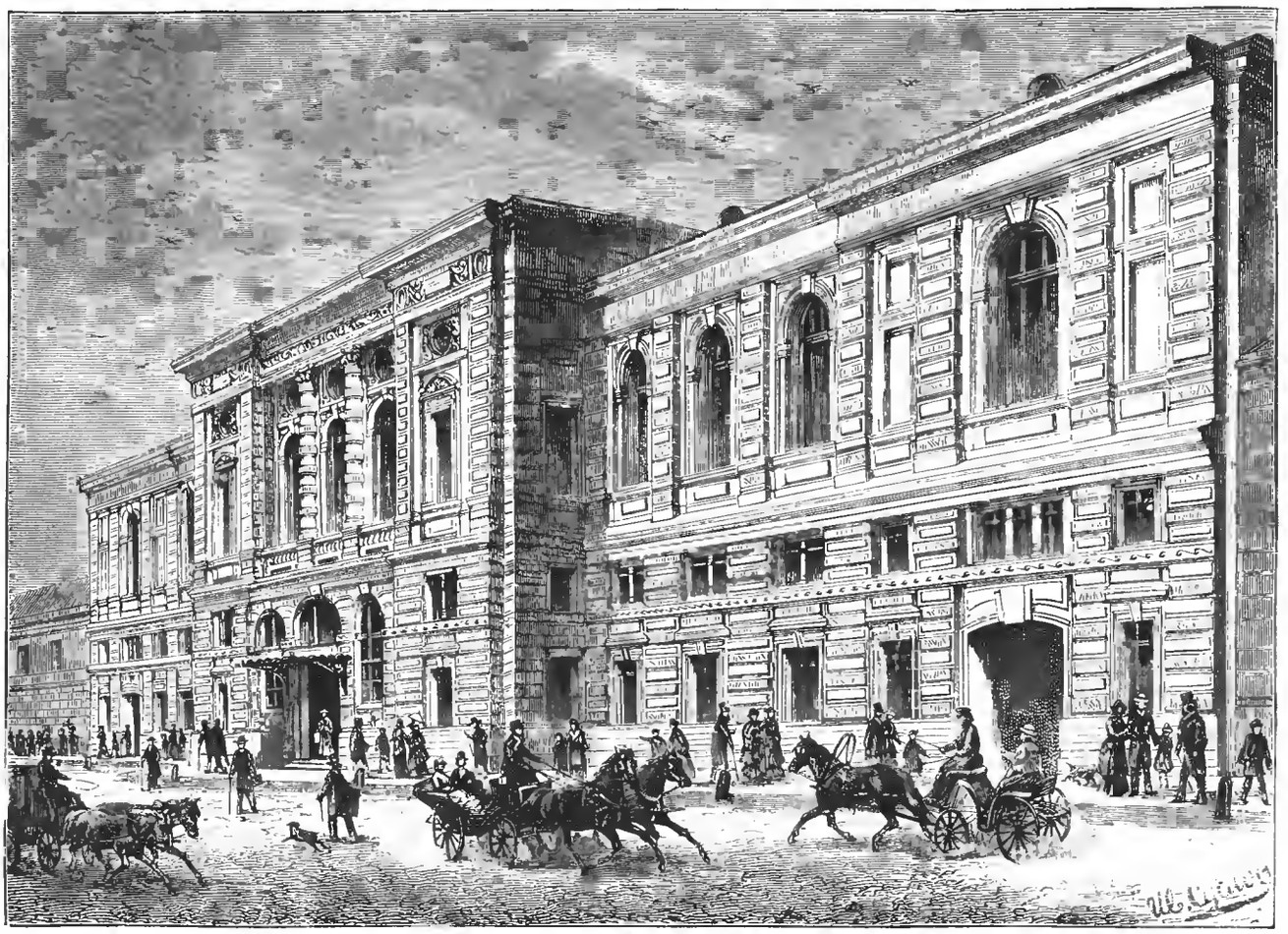
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **8 руб.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для заграни.) за строку конпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9
И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 6 ч. ВЕЧЕРА.



Виды и зданія СПБ. Рисовальная школа и музей барона Штиглица, въ Соляномъ городкѣ. Рис. съ натуры Ц. Сусловъ, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Училище рисованія барона Штиглица.

(Рис. на стр. 485 и 488).

Изящество формы и рисунка имѣетъ такое огромное значеніе въ предметахъ промышленнаго производства, что на нее все болѣе и болѣе обращается вниманія, при обсужденіи пріемовъ производства и при обсужденіи достоинствъ того или другаго производства на всевозможныхъ выставкахъ, получившихъ теперь такое значительное развитіе. Школы техническаго рисованія существуютъ во всѣхъ государствахъ. Въ Россіи же онѣ особенно нужны, при ея еще молодой, сравнительно съ западно-европейскою, промышленности, которая еще не вышла изъ періода подражательности чужимъ образцамъ.

Движимый желаніемъ поднять уровень промышленности нашей и особенно цѣнность труда нашего ремесленнаго класса, баронъ А. Л. Штиглицъ рѣшился основать въ СПБургѣ училище техническаго рисованія и 6 января 1876 г. сдѣлалъ для того весьма значительное пожертвованіе, съ тѣмъ чтобы учрежденіе это носило названіе: „Училища Техническаго Рисованія бар. Штиглица". На принятіе пожертвованія и устройство послѣдовало Высочайшее соизволеніе и цѣлый комитетъ выработалъ проектъ устава училища. Часть бывшаго Солянаго городка была предоставлена въ безсрочное пользованіе училища; выстроено было совсѣмъ новое зданіе въ линіи городка, фасадомъ на Соляной переулокъ. Тутъ было и зданіе училища собственно и при немъ музей, заложенные въ 1878, а оконченные вполнѣ въ 1881 г. Въ отличіе отъ Императорской Академіи Художествъ, имѣющей прямою цѣлью развитіе собственно высшаго искусства, цѣль центральнаго училища—искусство *прикладное* къ ремесламъ и производствамъ. Курсъ его не такъ продолжителенъ, какъ академическій, ибо здѣсь главное вниманіе обращено на обученіе только правильной композиціи художественно-промышленныхъ предметовъ и примѣненія основныхъ началъ архитектуры, живописи и скульптуры. Курсъ этотъ 3-хъ-лѣтній, съ раздѣленіемъ на три класса. Кромѣ общихъ предметовъ преподается начертательная геометрія, исторія искусствъ и композиціи, а главное: рисованіе карандашемъ, черченіе, съемка съ натуры, акварель и лѣпленіе.

Въ училище принимаются только лица, достигшія 14-лѣтняго возраста и прошедшіе курсъ 3 класса городскаго училища или первыхъ 4 классовъ гимназіи, кромѣ того, умѣющіе уже рисовать сложные орнаменты. Сверхъ этого, есть при училищѣ начальная школа лѣпки и рисованія для приходящихъ, лицъ безъ всякой подготовки (не моложе 12 лѣтъ). До открытія училища была эта начальная школа во временномъ помѣщеніи Солянаго городка. Въ виду новости учрежденія и малоизвѣстности его, сперва поступало и нашлось лицъ подготовленныхъ мало, но теперь число обучающихся въ мужскомъ и женскомъ отдѣленіяхъ вмѣстѣ—около 400 лицъ.

Хотя у насъ существуетъ уже въ Москвѣ Строгановское училище техническаго рисованія, которое несомнѣнно оказало полезное вліяніе на нашу промышленность, но одно оно не могло быть достаточнымъ для Россіи. И школа барона Штиглица уже заявила себя успѣхами учениковъ: рисунки на память съ натуры очень хороши, уровень работъ въ классахъ весьма успѣшенъ, замѣчается въ ученикахъ не только прилежаніе, но и увлеченіе предметомъ, что главнымъ образомъ всегда помогаетъ успѣху дѣла. Посѣщавшіе полугодичныя выставки ученическихъ работъ художники и профессора, неоднократно выражали большое одобреніе успѣхамъ учащихся въ школѣ.

Школа и музей открыты были осенью 1881 года. Фасадъ изображенъ на нашемъ первомъ рисункѣ, а внутренній видъ музея, снабженнаго многочисленными и прекрасными образцами художественнаго производства, по частямъ изображенъ на рисункѣ на стр. 488 и представляетъ одно изъ лучшихъ собраній въ столицѣ въ этомъ родѣ.

Вадимъ Голетаевъ.

Разсказъ

Я. П. Полонскаго.

I.

Іюльскій послѣобѣденный зной еще стоитъ надъ усадьбой, и ничто, кромѣ удлиненныхъ тѣней, перешедшихъ слѣва направо, не напоминаетъ вечера. Высоко, въ серебристой лазури безоблачнаго неба, кружатся и мелькаютъ ласточки. Широкія липы темнѣютъ изъ за досчатой кровли флигеля; еще вечерняя позолота не тронула верхнихъ вѣтвей ихъ. За ними ростутъ серебряные тополи и кажутся запыленными деревьями.

Въ саду начался сѣнокосъ. Пахнетъ кошеной травой, левкоемъ и липой. Не всякое чутье способно уловить эти слабые запахи растеній цвѣтущихъ и увядающихъ. Особливо это было бы не легко въ тѣни, на широкомъ крытомъ балконѣ, отъ котораго въ садъ идетъ дорожка, посыпанная красноватымъ пескомъ и гдѣ ничѣмъ больше не пахнетъ, какъ только жженымъ сахаромъ, угольнымъ чадомъ и закуренной папироскою.

На этомъ балконѣ, Пелагея Даниловна Нилина, хозяйка усадьбы, женщина лѣтъ за сорокъ, повязавшись фартукомъ, варитъ варенье. Она сидитъ передъ жаровней, на кухонномъ табуретѣ, одной рукой отмахивается отъ осъ и мухъ, другою держится за рукоятку мѣднаго тазика и вся погружена въ свое занятіе. Ея темныя брови сдвинуты, лобъ вспотѣлъ, на загорѣлыхъ, немолодыхъ щекахъ выступаетъ сильный сплошной румянецъ, точно она вышла изъ бани и еще не успѣла простыть. Ея черные съ просѣдью волосы, заплетенные и свернутые на затылкѣ въ пучекъ, заткнуты невысокимъ, черепаховымъ гребнемъ. У ней умное, честное лицо, но не безъ оттѣнка нѣкоторой сухости и смекалки.

На томъ же балконѣ, на крашеной скамьѣ, въ видѣ зеленаго диванчика, у стола, развалясь, сидитъ не то молодой, не то пожилой человѣкъ. Онъ среднихъ лѣтъ и къ 45 годамъ обѣщаетъ превратиться въ толстунчика или пузанчика. Голова большая, блѣдно сѣрые глаза широко разставлены, волосы прямые, русые; высокій, мясистый лобъ, въ мелкихъ морщинкахъ, такихъ же подвижныхъ, какъ и его бѣлобрысыя брови. Носъ длинный, кончикъ его точно обожженъ морозомъ —красноватъ и лунится. Одѣтъ онъ по лѣтнему—въ сѣрый нарусинный сюртучекъ и такія же сѣрыя брюки; сюртучекъ мѣшковато сшитъ, потертъ и на груди застегнутъ; жилета нѣтъ. Измятые воротнички его цвѣтной рубашки, не закрывая шеи, неровно выглядываютъ изъ за чернаго, небрежно повязаннаго галстука. Усы, борода и баки такъ рѣдки и бѣлокуры, что сразу и не замѣтишь ихъ.

Но нельзя не замѣтить, что это—человѣкъ домашній, свой человѣкъ—не гость, а можетъ быть родственникъ или постоянный жилецъ, съ котораго нечего и спрашивать излишнихъ церемоній. Зовутъ его Вадимомъ Капитонычемъ, по фамиліи Голетаевымъ. Онъ, дѣйствительно, и дальній родственникъ, и жилецъ у Нилиныхъ. Стало быть, и развалиться въ жаркую пору дня, и не надѣть жилета, ему самъ Богъ велитъ. Онъ куритъ папиросы и ихъ окурками усыпана цвѣточная грядка, идущая у балкона, около самаго фундамента.

Разговоръ, который ведетъ онъ съ хозяйкой дома, какъ нельзя лучше рисуетъ ихъ отношенія: онъ говоритъ ей „вы" и называетъ тетинькой, она говоритъ ему „ты" и называетъ Вадимомъ.

— Послушайте—тетинька.

— Ну... слушаю...

— Что бы мнѣ такое сочинить? А?.. Что-же вы не отвѣчаете?

— Да развѣ ты сочинитель?

— Да развѣ долго сдѣлаться сочинителемъ! Надо только что нибудь сочинить...

— Ну и сочиняй, коли охота!

— Вы себѣ и представить не можете, какая вдругъ напала на меня страсть—сочинять...

— Да кто же тебѣ мѣшаетъ... ну и сочиняй, коли напала страсть.

— Вы думаете, это очень мудрено... Ей Богу-съ,

Библиотека "Руниверс"

какъ подумаешь... пустяки это... Выдумалъ что нибудь и написалъ... Вонъ. Курьяковъ молодой, тоже, говорятъ, пустился сочинять, какую то статью помѣстилъ въ журналѣ.

— Да то Курьяковъ — человѣкъ образованный, а ты что?...

— И я человѣкъ образованный... не ученый, но образованный... И почему вы думаете, что я не напишу какой-нибудь драмы, или комедіи?.. Что же вы не отвѣчаете?

— Вотъ присталъ... точно муха!.. Ну пиши, пиши... Что тебѣ дѣлать-то! Вѣчно торчишь на глазахъ и ничего не дѣлаешь...

Вадимъ искоса поглядѣлъ на свою тетиньку и усмѣхнулся; узенькія губы его слегка покривились, одна бровь приподнялась, одна ноздря стала явственнѣе другой.

— Это вы справедливо замѣтили, что я ничего не дѣлаю, но неужели же, тетинька, я долженъ примѣшиваться въ ваше хозяйство, и мѣшать вамъ хозяйничать?.. Задайте мнѣ сперва какую нибудь работу и увидите, что я не хуже другихъ...

— Задавала я тебѣ работу—никакого отъ этого толку, ни малѣйшаго! Не серди ты меня, пожалуйста...

И встряхнувъ приподнятый тазикъ съ клокочущимъ кревомъ, она опять опустила его на жаровню и подняла кверху указательный палецъ.

— Вотъ, какъ я тебя знаю... насквозь!.. Ничего изъ тебя не будетъ!..

— А что вы скажете, если я сочиню драму или комедію?

— Ничего не сочинишь, никакой комедіи!.. Все это твои фантазіи отъ праздности... Коптитель ты неба— вотъ что!..

— Ну, это вы изъ Гоголя... Положимъ, я коптитель неба... но... согласитесь сами,—лучше коптить небо, чѣмъ дебоширить, въ карты играть, пьянствовать... А я-съ, я развѣ, тетинька, не скромно веду себя... Вотъ, почти годъ прожилъ у васъ,—и тише воды, ниже травы... Конечно, если вы желаете, чтобъ я уѣхалъ—я уѣду... не хватитъ денегъ на подводу—пѣшкомъ уйду... Право-съ...

— Ну, не божись...

И тетинька поглядѣла на него и подумала: „никуда ты, дитятко, не уйдешь и не уѣдешь... Очень тебѣ нужно отъ даровaго хлѣба куда-нибудь уходить!“

— Сознайтесь, тетинька, что я человѣкъ добрый.

— Ну, добрый.

— И что я человѣкъ не глупый.

— Но и не умный.

— Ну положимъ, будь по нашему—не умный... но... развѣ я не искренній, не простодушный человѣкъ... развѣ я не вижу, что я еще до сихъ поръ, такъ сказать, въ свою колею не вошелъ—не нашелъ себѣ никакой, подходящей должности, никакой, такъ сказать, профессіи... Но развѣ я виноватъ?.. Чѣмъ я тутъ виноватъ, помилуйте, тетинька!

При этомъ Голетаевъ поднялъ плечи, охватилъ руками одно колѣно, опустилъ глаза и повѣсилъ голову.

— Хоть бы ты женился, право!.. послѣ нѣкотораго обоюднаго молчанія, прогопорила Пелагея Даниловна, снимая пѣнки.

Голетаевъ встрепенулся и поднялъ голову.

— А на комъ вы совѣтуете мнѣ жениться.

— Да на той и женись, которая за тебя пойдетъ?

— А кто за меня пойдетъ?

— Э! я почемъ знаю... отстань!..

II.

Въ это время, изъ темной зелени сада, на яркую полосу солнечнаго свѣта, выступила фигурка дѣвушки, въ бѣломъ платьѣ, въ сѣромъ фартучкѣ и въ круглой, съ широкими полями, соломенной шляпкѣ.

Съ корзинкой въ рукѣ, не торопясь, шла она по дорожкѣ, мимо скошенныхъ лужаекъ и всею грудью вникала въ себя запахъ свѣжей, увядающей травы. Она поглядывала то на траву, то на небо, точно соображала: будетъ дождь или не будетъ, успѣетъ это сѣно высохнуть или не успѣетъ. Она инстинктивно давно уже входила въ хозяйственные интересы своей матери: но на этотъ разъ были и другія соображенія...

Не прошло и минуты, какъ каблучки узенькихъ башмачковъ ея застучали по ступенькамъ балкона. Она опять вошла въ тѣнь и, слегка поморщившись, поставила на столъ корзинку и опустила руки. Легкая усталость отразилась на ея молодомъ, блѣдномъ личикѣ.

— Ну вотъ, мама, сказала она, обращаясь къ Пелагеѣ Даниловнѣ,—и набрала я тебѣ еще полную корзину черной смородины; кажется на сегодняшній день довольно, или дай мнѣ еще корзину—я опять пойду.

Мать поглядѣла на корзинку, засыпанную до самаго верха, точно гроздьями мелкаго винограда, изъ-красно-черной ягодой, и проговорила серьезнымъ тономъ:

— Ну, и этого пока довольно... А ты лучше посиди за меня... Приходила Катерина, не знаю, что тамъ такое... какая-то баба пришла жаловаться на сидовника...

— Хорошо, ты иди, а я буду варить... тоже немножко выучилась...

— Ну, выучилась? недовѣрчиво отозвалась мать и вышла.

Дѣвушка откинула на затылокъ свою легкую, итальянскую шляпку и, усѣвшись на мѣсто матери, разставила ножки, нагнулась и взялась за ручку мѣднаго тазика.

Вадиму стало досадно, что дѣвушка на него не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія.

— Глафира Николаевна! началъ онъ, сложа на груди руки и вытянувъ ноги, тоже въ башмакахъ, похожихъ на туфли.

— Я! отозвалась дѣвушка.

— Здравствуйте!

— Мы, кажется, видѣлись...

— Вы меня поздравьте: во-первыхъ, я нашелъ свое призваніе—я сочинитель... и, будь я не я, если я черезъ мѣсяцъ не преподнесу вамъ драмы или комедіи; а во вторыхъ, ваша маменька хочетъ меня женить... Что-жь вы молчите?

— Послѣднее нисколько меня не интересуетъ, а что вы сочинитель—это я и безъ васъ знаю.

— Да что же я такое сочинилъ?.. Кажется...

— Съ чего вы взяли, какъ вы смѣли сочинить про меня, будто я... будто-бы я неравнодушна къ Курьякову!..

Голосъ ея изъ медленнаго превратился въ быстрый и задыхающійся, изъ тихаго—въ громкій.

— Да развѣ это не правда? похлопавъ рѣсницами, отозвался ей оладаченный Вадимъ.

— А хоть бы и правда! Какое вамъ до этого дѣло!.. Но вы все лжете, лжете, вы постоянно лжете!..

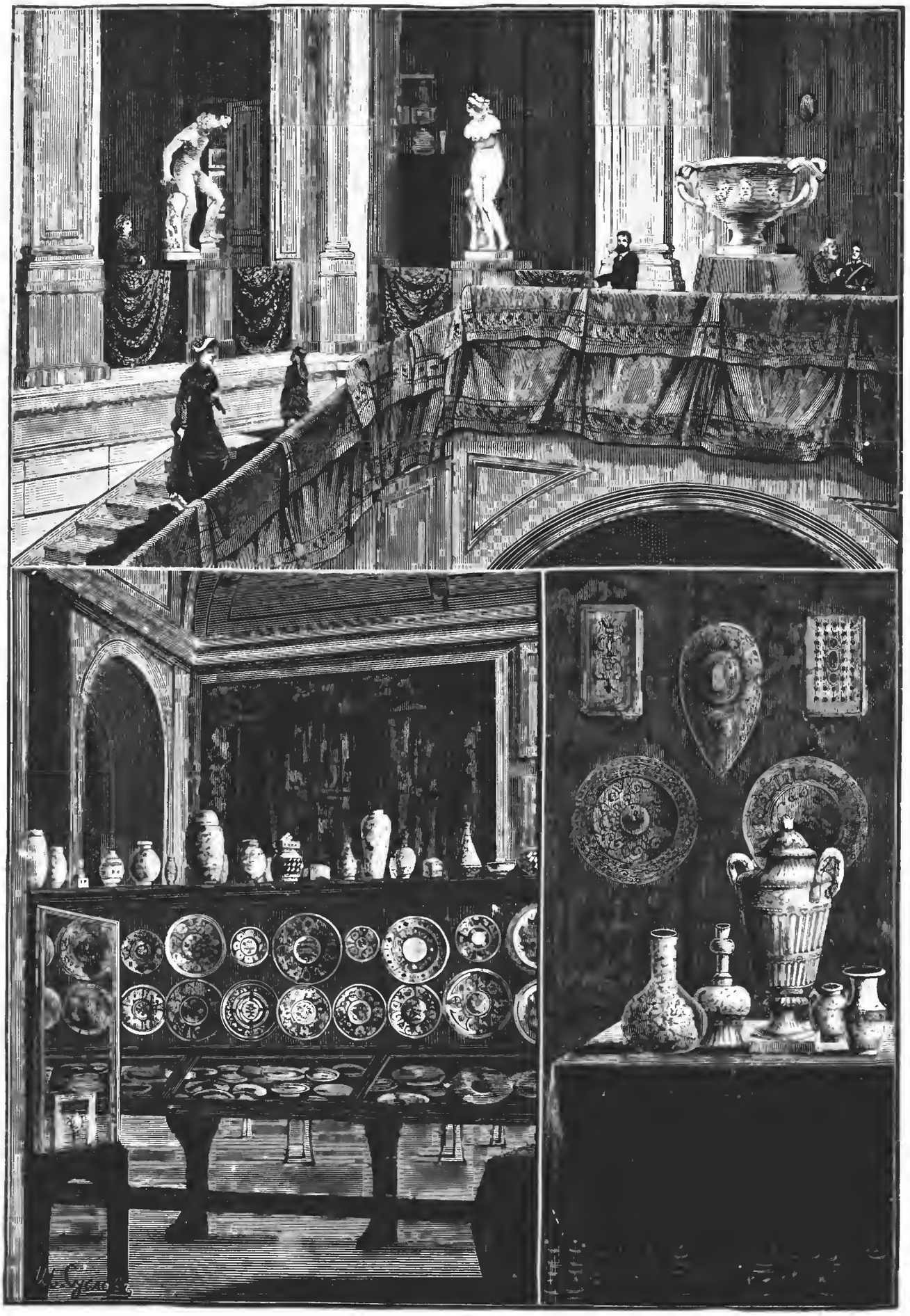
— Но на этотъ разъ,—кто же изъ насъ лжетъ—я или Курьяковъ? Чѣмъ я виноватъ, что онъ увѣренъ, что вы къ него... до зарѣзу... Такое его мнѣніе значитъ; онъ этого и не скрываетъ... Ну, и я этого не скрываю... Будь это моя тайна—я бы, конечно, не разбалтывалъ, а ему вріятно болтать... Что-жь, мнѣ прикажете запретить ему?

— Врете вы!.. Не могъ этого Курьяковъ говорить... Не давала я ему на это никакого, никакого, ни малѣйшаго повода... Не можетъ быть у него такого мнѣнія... Все это ваша фантазія!..

— Ну, что-жь дѣлать, коли у меня такъ много фантазіи! проговорилъ сокрушенно Вадимъ, притворяя обиженнымъ.—Сочиню что нибудь фантастическое и посвящу вамъ въ знакъ любви и глубочайшей преданности.

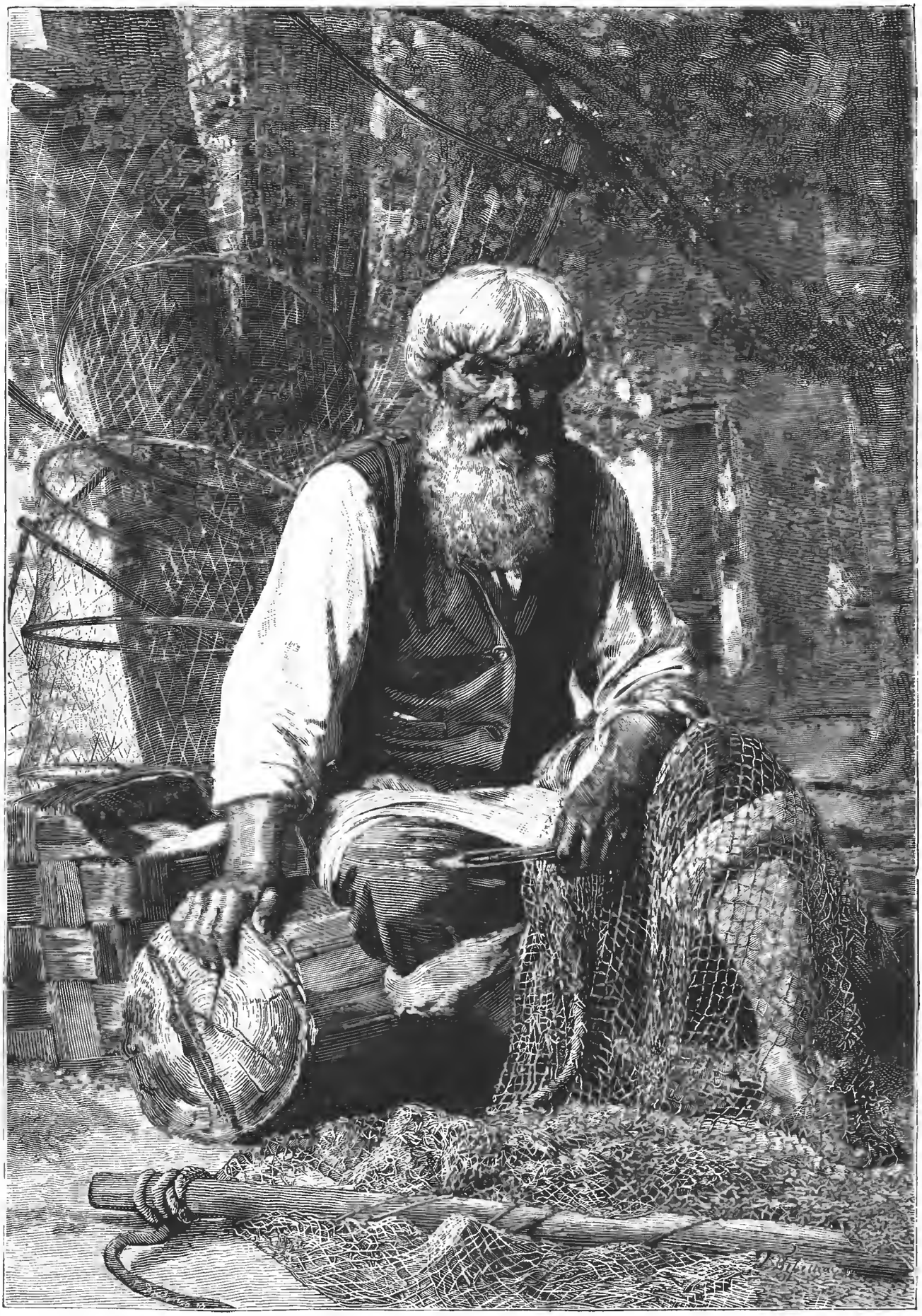
— Ну, я могу обойтись безъ вашей любви и безъ вашей преданности!

Библиотека "Руниверс"



Музей при рисовальной школѣ барона Штиглица въ СПБ. Лѣстница и части музея.
Ориг. рис. съ натуры И. Суслова, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Выставка въ Импер. Акад. Худож. „Рыбакъ". Картина В. П. Верещагина. По фотографіи Бетингера, грав. П. Дзедзицъ.

Библиотека "Руниверс"

— А куда же мнѣ ихъ дѣвать прикажете! удивился Вадимъ.—Знаю, что насильно милъ не будешь, да вѣдь я и не желаю ваше сердце, такъ сказать, насильно взять... А что вы моимъ завладѣли—такъ это также несомнѣнно, какъ вы Глафира Нилина, а я Вадимъ Голетаевъ.

Если бы Глафира не обязана была сидѣть передъ жаровней, она бы тотчасъ же встала и ушла; но она сдѣлала только движеніе, какъ бы порываясь уйти и при этомъ невольно топнула ножкой, отъ чего желѣзный листъ, подосланный подъ жаровню, загремѣлъ, раскаленная жаровня дрогнула и брызнула искрами.

— Садитесь дальше! привскочивъ, вскрикнулъ Вадимъ.—Вы такъ близко, что, чего добраго, загорится платье... Придется васъ спасать...

— Не безпокойтесь...

— Право будетъ гораздо безопаснѣе, если вы загоритесь отъ любви.

— Да вѣдь я уже влюблена, по... по вашему мнѣнію...

— Влюблены, да не въ меня...

— Это что еще за разговоры! появившись въ дверяхъ, театрально и строго произнесла Пелагея Даниловна, разомъ оглядывая Вадима и дочь свою.

Глафира встала, приподняла съ жаровни мѣдный тазикъ и поставила его на скамейку.

— Ну, мама... По моему, варенье ваше давно готово... посмотрите, какое густое... видите какъ морщится...

Не заговори дочь о варенѣ—была бы сцена. Вадима не спасли бы никакія его улыбки, никакія поползновенья отдѣлаться шутками. Ему бы порядкомъ намылила голову разгнѣванная Пелагея Даниловна. Но варенье, которое такъ густо, что при наклонѣ тазика, его поверхность морщится, и спокойный голосокъ дочки такъ на нее подѣйствовали, что на этомъ восклицаніи и покончился гнѣвъ ея.

— Сколько разъ я тебѣ говорила, начала она, уже наклоняясь надъ тазикомъ, отъ котораго горячій и сладкій паръ поднялся до самаго лица ея,—не говорить никакихъ глупостей моей дочери. Ты ей не женихъ и женихомъ ея никогда не будешь... Даже и въ такомъ случаѣ, если бы дочь моя, какъ дура, и влюбилась въ тебя по уши.

— Помилуйте, Пелагея Даниловна, куда ужъ намъ въ женихи! Это вы совѣтуете мнѣ жениться... Есть люди, которые похваляются въ компаніи своими успѣхами съ прекраснымъ поломъ, а я этого не могу. А что я шутя иногда говорю — такъ что-же?.. Надо-же иногда сказать что нибудь и любезное, нельзя же безъ комплиментовъ!.. А что даже и комплименты мои отъ чистаго сердца... въ этомъ будьте увѣрены...

— Не нужно никакихъ твоихъ комплиментовъ, вотъ что!..

Глафира, низко на лобъ надвинувъ свою соломенную шляпку, стояла спиной къ дверямъ, на верхней ступенькѣ занавѣшеннаго балкона, и сдвинувъ брови глядѣла въ садъ. Слово „похваляются", очевидно, намекъ на хвастовство Курьякова, какъ ножемъ рѣзнуло ее по сердцу. Она была блѣдна и казалась встревоженной.

Вадимъ это замѣтилъ.

„Она вѣритъ", подумалъ онъ, искоса, быстрымъ взглядомъ, поглядѣвъ на ея удивительно тонкій и правильный профиль.

Но Глафира не долго стояла неподвижно какъ статуя, она вздохнула и ушла въ стеклянную, настежь отворенную дверь. Въ полутемномъ окнѣ, выходящемъ на балконъ, за стеклами, промелькнула бѣлая тѣнь ея и исчезла.

А Вадимъ опять разлегся и сказалъ:

— Тетинька, не забудьте поподчивать меня пѣнками.

Старуха ничего на это не сказала, она переливала въ миску готовое варенье и, сморщивъ лобъ и брови, вся была погружена въ свое любимое занятіе.

III.

Сосѣди удивлялись, какъ могла изъ провинціальной актрисы, какой то Сицкой, выдти такая домовитая хозяйка, такая практическая женщина, какъ Пелагея Даниловна. Еще при жизни ея супруга, надворнаго совѣтника и губернскаго прокурора Нилина, Николая Ивановича, она все умѣла дѣлать: и грибы сушить, и яблоки мочить, и варенье варить, и пастилу дѣлать, и пряники печь. Но кто-же подозрѣвалъ, что эта барыня съ кулаками будетъ вести себя какъ кулакъ, съумѣетъ во время все купить и продать, заманить и собственноручно угостить рабочихъ водкой, вѣдать, что дѣлается въ крестьянской школѣ, и зимой не скучать въ своей усадьбѣ, занесенной снѣгомъ и рѣдко посѣщаемой сосѣдями.

Но у Пелагеи Даниловны было еще одно качество, которое нельзя привить никакимъ воспитаніемъ, которое притупляется отъ богатства и роскоши, и изощряется отъ всяческихъ раннихъ невзгодъ, нужды, борьбы, препятствій и разочарованій. Качество это было—пониманіе людей, иначе сказать—умѣнье ихъ раскусывать.

Дочь ея училась въ Москвѣ, въ одномъ изъ тѣхъ въ то время модныхъ, частныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, гдѣ проповѣдывалось умственное и нравственное равенство мужчины и женщины. Тамъ безпрестанно говорилось, что нѣтъ такой отрасли знанія, гдѣ бы дѣвушка не могла стать на равную высоту съ любимъ мужчиною, если только она не дура и одарена настойчивымъ прилежаніемъ. Гдѣ очень мало говорилось объ искусствахъ, о литературѣ, и совсѣмъ ничего не говорилось о существованіи какой бы то ни было философіи; но гдѣ барышни умѣли лазить по веревкамъ, подниматься на шесты, качаться на рукахъ и кувыркаться.

Пелагея Даниловна никогда не понимала, да и не могла вникнуть въ духъ такого воспитанія; но сама олицетворяла собой этотъ духъ, ибо не только во всѣхъ отношеніяхъ была сильнѣе, умнѣе и практичнѣе своего покойнаго супруга, но и нравственнѣе его, не смотря на свою нѣсколько бурную молодость.

Что касается до Глафиры Николаевны, ея милой 19-тилѣтней, черноокой дочки,—она плохо говорила по французски, не знала алгебру, геометрію, физику, химію, и при всемъ при этомъ, нервная, нѣсколько вспыльчивая, граціозная и впечатлительная была полнѣйшимъ олицетвореніемъ чего-то діаметрально противоположнаго духу ея реальнаго, полуспартанскаго воспитанія. Хоть она и была одною изъ первыхъ ученицъ, но о математическихъ задачахъ, о химическихъ опытахъ и не вспомнила, когда очутилась подъ деревенскимъ кровомъ своей матери. Она, какъ мечтательница, полюбила природу, но въ одиночествѣ эта природа наводила на нее уныніе. Зимою-же вьюги, сугробы снѣга, завыванье волковъ и замирающій звонъ далекаго колокольчика, иногда съ проселочной дороги ночью долетающій до ея чуткаго слуха—пугали, волновали ее, и тревожно билось ея сердце при свѣтѣ ночной лампы, или подъ пестрымъ ситцевымъ пологомъ ея кровати. Она не вѣрила ничему чудесному и отдала бы полжизни, чтобъ съ ней случилось хоть что-нибудь не совсѣмъ обыкновенное. Она любила общество, но не легко сходилась съ нимъ; была и недовѣрчива, какъ самолюбивая институтка, запуганная холодомъ свѣта, и откровенна какъ ребенокъ, который думаетъ, что всѣ его любятъ и всѣ должны балувать его.

Что можетъ быть хуже недовѣрчивости, соединенной съ простодушной откровенностью. У такихъ людей всегда бываетъ куча друзей и куча враговъ, и послѣднихъ всегда оказывается въ десять разъ больше, чѣмъ первыхъ.

Когда Глафира училась въ Москвѣ—у нея между подругами и классными надзирательницами, были и друзья и недруги; теперь—ни друзей, ни недруговъ,—одна только мамаша, да сосѣди Курьяковы, аристократическая семья, съ которой всего лучше обмѣниваться визитами и не надоѣдать частыми посѣщеніями.

Библиотека "Руниверс"

Когда, впервые, лѣтомъ 1876 г., она пріѣхала къ матери, то объявила ей, что она ее боится, и что не знаетъ, какъ ей себя вести въ ея присутствіи. Затѣмъ спросила, слѣдуетъ-ли ей угождать или быть съ нею, какъ и со всѣми; и наконецъ, должна-ли она быть вполнѣ откровенна съ ней.

Пелагея Даниловна, только посмѣивалась на такіе ея разспросы, и очень скоро дала ей почувствовать, что она ничего отъ нея не требуетъ, кромѣ любви и дружбы.

Глафира перестала бояться матери, но когда пришла зима, стала жаловаться ей на тоску и на такія мысли, что хоть не живи на свѣтѣ.

— А ты чаще молись, совѣтывала ей мать.

— Не могу... отвѣчала Глафира.

— А что, мама, если я съ ума сойду? Что ты со мной сдѣлаешь?

— Какой ты вздоръ говоришь... съ чего тебѣ съ ума сходить!.. Вотъ, школьная учительница, Акулина Петровна, въ избѣ живетъ, 12 рублей въ мѣсяцъ жалованья получаетъ—и та съ ума не сходитъ... А что любить тебѣ некого, это точно. Безъ любви не проживешь... Надо эту канитель протянуть... Ну, подожди, можетъ и найдется кто нибудь... Полюбишь...

— А какъ вы думаете, мама, можно полюбить дурака?

— Всяко бываетъ, иногда и съ дуракомъ можно счастливо свою жизнь прожить.

— Никогда! возражала Глафира. А скажи, по совѣсти, кто былъ умнѣе—ты или мой папа?

— Въ хозяйствѣ онъ ничего не смыслилъ: ну, а въ свѣтѣ, въ людяхъ, чего добраго, былъ умнѣе...

— И ты его слушалась?

— Что-жь, вѣдь и онъ меня слушался! Помнишь, приказала ему прогнать управляющаго; Карлъ Августовичъ былъ управляющимъ, ты тогда еще была дѣвчонкой... Чай, ничего не помнишь... Ну и прогналъ... Поворчалъ немного на меня, а всетаки сдѣлалъ по моему, и хорошо сдѣлалъ!

Тутъ Пелагея Даниловна пустилась въ подробности, какъ этотъ Карлъ Августовичъ хотѣлъ надуть ее, какъ онъ обсчитывалъ Николая Ивановича, и при этомъ обнаружила далеко недюжинную память, точно всѣ приходо-расходныя книги, письма и квитанціи того времени живо отпечатались въ ея памяти. Но дочка ея, хоть и обладала тоже недюжинной памятью, вовсе не интересовалась приходо-расходными книгами того времени, когда ей было всего только семь годковъ, и когда она играла въ куклы, или въ коротенькомъ платьицѣ, кружа веревочкой и не задѣвая ею по ногамъ, бѣгала по саду.

Иногда она спрашивала мать свою: а будешь ты меня бранить, если я кого нибудь полюблю?

— Коли полюбишь Осла Патрикѣича, свинью въ ермолкѣ, или какого нибудь пострѣла, въ родѣ Кречинскаго—бранить буду, ужъ это ты какъ хочешь!.. Ну, а если партія подходящая, настоящій человѣкъ... за что бранить? Что я за дура! Да и хвалить-то не за что—эка невидаль! и деревенскія дѣвки и горничныя и тѣ влюбляются. На всякую можетъ такая полоса найти.

— Такая полоса, я думаю, никогда на меня не найдетъ. Маня Курьякова и та думаетъ, что я не такая дура, чтобъ...

— Чтобъ не надѣлать глупостей? Ну, я этого не скажу... этого я не скажу тебѣ, мать моя.

Пелагея Даниловна часто говорила своей дочери „мать моя", особливо когда была въ духѣ или по душѣ бесѣдовала съ своей наслѣдницей.

IV.

Вадиму было не болѣе 12 лѣтъ, когда умерла мать его, вдова одного обанкрутившагося провинціальнаго антрепренера. Отецъ Вадима содержалъ труппу и, какъ лицо дворянскаго происхожденія, былъ извѣстенъ всей губерніи. Послѣ его смерти, на рукахъ вдовы его осталось трое сыновей. Старшій, очень способный малый, выдержавъ экзаменъ, пошелъ по инженерной части. Средній—въ Москвѣ поступилъ въ актеры. Едва ему стукнуло 22 года, тотчасъ-же женился на одной танцовщицѣ, которая зашибла колѣно и, хромая, вынуждена была выдти въ отставку, съ однимъ приданымъ — хорошенькимъ личикомъ и стройнымъ станомъ. Вадимъ былъ самый меньшой. Мать отдала его въ военное училище и, умирая, поручила его другу своему и своей кузинѣ, тогда еще молодой Пелагеѣ Даниловнѣ. И всякій разъ, когда Пелагея Даниловна навѣщала въ Москвѣ дочь свою, мальчикъ къ ней приходилъ и такъ былъ услужливъ и скроменъ, что добрая женщина не могла не полюбить его. Глаша съ 10 до 12 лѣтъ тоже не разъ видѣла его, когда онъ въ юнкерской формѣ заходилъ въ тотъ № гостинницы, гдѣ останавливалась мать ея, и то бѣгалъ нанимать для нихъ коляску, то провожалъ ихъ въ магазины, то заѣзжалъ въ адресный столъ за какимъ нибудь нужнымъ для его тетиньки адресомъ.

Съ тѣхъ поръ прошло около семи лѣтъ, и куда дѣвался Вадимъ,—не было ни слуху, ни духу.

А въ судьбѣ его не было ничего необыкновеннаго. Изъ юнкеровъ его произвели въ офицеры. Начальство его не очень жаловало, за его лѣнь, неисполнительность и за великую охоту зачисляться въ больные и ходить съ повязаннымъ, иногда весьма сомнительнымъ, флюсомъ. Товарищи называли его бабой, но считали добрымъ малымъ, любили его за его смѣшную, постоянно добродушную и нѣсколько глупую физіономію, и не разъ прибѣгали къ нему за совѣтами, по случаю какихъ-нибудь служебныхъ непріятностей...

Въ полку ему было не дурно. И вдругъ, въ одно прекрасное утро, онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, потому-де, что въ ногахъ ревматизмъ и такія начались разъигрываться боли, что исполнять свои обязанности ему нѣтъ никакой возможности.

Что заставило его притвориться такимъ больнымъ — Господь его вѣдаетъ! Одни говорили, что кто-то обѣщалъ ему мѣсто очень спокойное при какой-то частной конторѣ; другіе думали, что онъ носомъ почуялъ предстоящую войну и заблаговременно отретировался.

Цѣлый годъ въ отставкѣ прошлялся онъ въ Москвѣ безъ всякаго дѣла. Братъ его, уже артистъ императорскаго театра, послѣ одного своего бенефиса помогъ ему и сказалъ: „ну, братъ, у меня жена, дѣти, на меня больше не надѣйся, а захочешь выпить винца—приходи, бутылочку разопьемъ."

— Да что же я буду дѣлать? возражалъ Вадимъ.

— А это ужъ твое дѣло... Давали тебѣ мѣсто суфлера въ драматическомъ кружкѣ—не взялъ. Доставалъ я тебѣ переписку ролей,—чертъ знаетъ, что напуталъ, да еще и къ сроку ничего не могъ написать... Чѣмъ я тутъ, братецъ ты мой, виноватъ?..

Но этотъ братъ ни въ чемъ себя виноватымъ не признавалъ, хоть и сталъ задумываться.

Разъ онъ опять пришелъ къ брату и сказалъ: „Нашелъ, братецъ, нашелъ... ѣду! только ради самого Бога, достань мнѣ на дорогу рублей двадцать, тридцать."

Братъ, въ надеждѣ, что онъ уѣдетъ, досталъ ему двадцать пять рублей.

И Вадимъ уѣхалъ.

Ѣхалъ онъ сперва по желѣзной дорогѣ, потомъ на ямскихъ.

И въ одинъ осенній, ненастный и дождливый день, къ заднему крыльцу усадьбы, гдѣ обитали Нилины, подъѣхала вся забрызганная грязью, крытая рогожей кибитка, и изъ кибитки вышелъ человѣкъ, Богъ знаетъ на что похожій, съ посинѣвшимъ отъ сырости носомъ, нечесаный, въ сѣрой шинели, въ грязныхъ сапогахъ, съ одной замшевой перчаткой на лѣвой рукѣ, съ приплюснутымъ чемоданомъ и погребцомъ, обтянутымъ

Библиотека "Руниверс"

оленьей шкурой и обитымъ жестью. Вылѣзъ, ввалился въ кухню и велѣлъ доложить о себѣ барынѣ.

Пелагея Даниловна не скоро могла узнать его, но все-же узнала и обрадовалась. Онъ-же тотчасъ увѣрилъ ее, что заѣхалъ къ ней отдохнуть денька на 3 на 4; что его ожидаютъ въ Тулу на служебное мѣсто, но что онъ надорвался въ военной службѣ и страдаетъ болѣзнью печени.

Ему отвели комнатку, называемую китайской, дали ему умыться, кое-какъ переодѣться и напоили чаемъ.

Глафира, уже не 12-ти, а 19-ти-лѣтняя блѣдная брюнетка, тотчасъ произвела на него самое пріятное впечатлѣніе.

Да она и рада была, что нашелся какой-то давнишній троюродный, у котораго такое смѣшное лицо, который такъ добродушно улыбается и болтаетъ.

Ей почему-то вдругъ понравился даже папиросный запахъ, о которомъ въ домѣ помину не было.

Чтобъ не распространяться слишкомъ, довольно будетъ сказать, что собравшись ѣхать куда-то черезъ недѣлю, онъ остался еще на одну недѣльку, потомъ на мѣсяцъ, потомъ прожилъ всю зиму, перезнакомился съ сосѣдями и сталъ домашнимъ человѣкомъ и лишнимъ артомъ въ домѣ нашей почтенной Пелагеи Даниловны. Понравилась ему беззаботная деревенская жизнь, даровая квартира, столъ, прислуга и даже, въ началѣ, нѣкоторое вниманье со стороны Глафиры. Глафира дѣйствительно въ началѣ, пока еще онъ не истощилъ всѣхъ своихъ разсказовъ, чужихъ остротъ и анекдотовъ, когда даже сухая и холодная Маня Курьякова нашла его интереснымъ,—очень была рада, что не такъ ей скучно, а не скучно потому, что есть съ кѣмъ хоть немножко да пококетничать.

Но Пелагея Даниловна, раньше чѣмъ кто нибудь, раскусила своего двоюроднаго племянника. Она поняла, что онъ человѣкъ и не умный (хоть и умно иногда дуракомъ притворяется), и ни на что въ сущности не способный. Но въ надеждѣ найти ему мѣсто, хоть въ уѣздѣ или хоть на желѣзной дорогѣ, никому не сообщала своихъ мнѣній на счетъ отставнаго прапорщика, никому, кромѣ дочери, которая мало-по-малу начала соглашаться съ ней.

А, между тѣмъ, Вадимъ пришелъ къ слѣдующему, весьма не глупому соображенію: „Глафира—чудесная по всѣмъ статьямъ барышня... Она мнѣ нравится. Если я женюсь на ней—я, такъ сказать, навсегда у пристани,—у ней есть состоянье и... нечего мнѣ тогда о чемъ нибудь хлопотать или заботиться—буду я здѣсь кататься какъ сыръ въ маслѣ. Но какъ этого достигнуть? Разумѣется, надо волочиться, пока время есть. Да и почему же я не могу на ней жениться? женятся-же и похуже меня. Да, слава тебѣ Господи, и жениховъ-то кругомъ на сто верстъ — хоть шаромъ покати: или школьники, или пьяницы и собачники. А я... я и не собачникъ, и не пьяница и даже не картежникъ. Чего-же еще? Развѣ такой мужъ, какъ я, не есть въ нѣкоторомъ родѣ гарантія семейнаго счастія... А?!..

И Вадимъ сталъ намекать Глафирѣ, что онъ неравнодушенъ къ ней.

Глафира сначала не понимала, или притворялась непонимающей. Потомъ она какъ-бы пропускала мимо ушей его любезности, и тотчасъ-же начинала говорить о чемъ нибудь другомъ. Наконецъ, разъ, когда онъ крѣпче пожалъ ея руку, поморщилась и сказала вслухъ при матери: какая у васъ глупая привычка такъ руку жать!

Вадимъ сконфуженно покраснѣлъ и на цѣлый мѣсяцъ прикинулся совершенно равнодушнымъ.

Пришла весна. Онъ опять принялъ грустный, растерянный видъ и уже сталъ явно нашептывать Глафирѣ, что онъ до безумія влюбленъ въ нее.

Глафирѣ было очень пріятно слышать, что есть на свѣтѣ такой чудакъ, который до безумія влюбленъ въ нее. Она давала ему высказываться; но, поздно вечеромъ, когда мать ея уже лежала въ постели, корридоромъ проходила въ ея спальню, въ одной кофточкѣ, и стоя передъ постелью на колѣняхъ, съ распущенной косой, передавала матери, слово въ слово, все что выслушивала она изъ устъ Вадима, и при этомъ такъ заливалась-хохотала, что прятала въ ея подушки лицо свое, чтобъ Вадимъ, въ ночной тишинѣ, какъ нибудь не подслушалъ этого хохота.

Пелагея Даниловна тоже иногда посмѣивалась, но какъ-то невольно взрослый сынокъ ея старой подруги, мало по малу, сталъ терять ея прежнее расположеніе: она стала съ нимъ суха, холодна, даже приказывала убирать утренній чай, если Вадимъ валяется въ постели и не является къ чайному столу во время.

Вадимъ это замѣтилъ, сталъ вставать въ 8-мъ часу и опять сталъ прикидываться равнодушнымъ. Онъ думалъ своимъ небрежнымъ обращеньемъ, à la Печоринъ, задѣть самолюбіе Глафиры и вызвать съ ея стороны желаніе вдвое, втрое съ нимъ больше кокетничать.

Уже наступало лѣто, какъ вдругъ, неожиданно, въ усадьбу къ тетинькѣ явился соперникъ — сынъ сосѣда Курьякова, младшій братецъ Мани, пріятельницы Глафиры Николаевны, человѣкъ еще очень молодой, красивый, стройный и съ такимъ румянымъ загаромъ на смуглыхъ щекахъ, и съ такими свѣтлыми глазами, и съ такими усиками, что у Вадима ушла душа въ пятки.

Онъ уже не шутя вообразилъ себя влюбленнымъ въ Глафиру Николаевну и тайная ревность глухо заговорила въ немъ.

Сосѣдъ Нилиныхъ, адмиралъ Курьяковъ, Леонтій Матвѣевичъ, почиталъ себя за историческое лицо, такъ какъ въ юные годы свои участвовалъ въ Синопскомъ боѣ и былъ раненъ на бастіонахъ Севастополя, въ тотъ самый день, когда былъ убитъ Нахимовъ.

Онъ былъ не богачъ, но какъ у насъ говорится,—весьма состоятельный, т. е. могъ дать по 40,000 руб. каждой изъ дочерей своихъ. Старшій сынъ его былъ тоже морякъ и погибъ въ Тихомъ Океанѣ, командуя кораблемъ, который былъ ему ввѣренъ по особенной протекціи и изъ уваженія къ заслугамъ его батюшки. Седьмой годъ шелъ уже съ тѣхъ поръ, какъ объ этомъ кораблѣ не было ни слуху, ни духу. Былъ сильный ураганъ, вотъ и все, что можно было добыть изъ разспросовъ. Старшая дочь—живописица, вышла замужъ за князя N, не безъ скандала развелась съ нимъ и уѣхала въ Италію.

Жена Курьякова—Марья Матвѣевна—маленькая старушка, съ остренькимъ покосившимся носикомъ, молчаливая, точно запуганная, вѣчно въ тюлевомъ чепцѣ и шелковомъ капотѣ, была очень жалкое существо. Съ тѣхъ поръ, какъ погибъ ея первенецъ, она стала потихоньку пить; сидѣла у себя въ комнатѣ съ посоловѣлыми глазами и что-то про себя бормотала, или на нѣсколько минутъ выходила въ столовую, спрашивала о погодѣ или,—который часъ, потомъ иногда разспрашивала кто пріѣхалъ, и если пріѣзжали старые знакомые, пробиралась въ гостиную, какъ-бы припоминая роль прежней хозяйки и, затѣмъ, потряхивая головой, какъ виноватая, неслышно удалялась.

Дочь ея, Маня, дѣвушка лѣтъ 26-ти, запирала отъ нея все спиртное, и строго настрого запретила людямъ приносить ей вино. Мать знала это, и въ глубинѣ души своей сердилась на нее.

Младшій сынъ—Саша или Александръ Леонтьевичъ,—года два тому назадъ выпущенный изъ горнаго корпуса, былъ единственнымъ представителемъ новаго мужскаго поколѣнія Курьяковыхъ. Онъ недавно пріѣхалъ изъ Питера, какъ разъ ко дню рожденія своего папа, и за обѣденнымъ столомъ засталъ не только всю семью свою, но и сосѣдокъ Нилиныхъ.

(До слѣд. №).

Библиотека "Руниверс"

Портретъ ребенка. Ф. Каульбаха. Грав М. Мартенъ.

Библиотека "Руниверс"

Разбойникъ Сотири.

(Изъ воспоминаній консула).

Разсказъ **К. Н. Леонтьева.**

(Окончаніе).

IV.

Чтобы изобразить какъ еще отличился Сотири, и на этотъ разъ уже не въ тѣсномъ кругу домашней жизни, а на поприщѣ политическомъ,—мнѣ необходимо разсказать о пустынной церкви Божіей Матери въ Ровяникахъ, и объ русской монахинѣ—матери Магдалинѣ.

Между Салониками и Аѳономъ есть греческое село Ровяники. Почти вслѣдъ за нимъ, ближе къ Аѳону, начинается большой каштановый лѣсъ и въ этомъ лѣсу есть небольшая, одинокая церковь Ровяникской Божіей Матери, только недавно прославленной чудесами. Церковь построена на склонѣ горы, которая вся поросла огромными каштановыми деревьями. Такихъ широковѣтвистыхъ, могучихъ деревьевъ — я мало видѣлъ и особнякомъ ростущихъ, а здѣсь ихъ цѣлый лѣсъ. Повыше церкви есть другая постройка, очень плохая, нѣчто въ родѣ пріюта для путниковъ и поклонниковъ. Въ ней нѣсколько комнатъ, всѣ онѣ холодныя и почти пустыя, кромѣ одной, въ которой есть голландская печка съ лежанкой по русски. Эта комната тѣсна, но тепла, опрятна и уютна, какъ келья монахини. И точно, — въ ней жила тогда русская женщина Евпраксія (или Евлампія), постриженная въ инокини ближайшимъ греческимъ епископомъ. Евпраксія эта, пожилая, плотная, широкоплечая, простая и грубоватая баба, съ виду хитрая и вовсе не симпатичная, поселилась въ этомъ убѣжищѣ еще задолго до того времени, о которомъ я пишу: она говорила мнѣ въ 71 году, что живетъ тутъ уже около девяти лѣтъ. Откуда она пришла, что заставило ее избрать такой истинно „безмолвный“ и строгій путь—не знаю; она избѣгала разсказывать о своемъ прошломъ на родинѣ и я, конечно, не настаивалъ. Одна русская молодая путешественница, сопровождавшая меня до Ровяниковъ во время первой моей поѣздки на Святую гору, любила воображать, что Евпраксія или мужа своего въ Россіи убила и скрылась сюда на такое строгое покаяніе, или вообще свершила что-то необычно грѣшное. Быть можетъ — да, быть можетъ — нѣтъ... Бываютъ такія „призванія“ безъ всякихъ особыхъ потрясающихъ событій и приключеній, безъ „преступленій и утратъ“. Какъ бы то ни было,—старая эта Евпраксія устроилась здѣсь по монашески очень хорошо; съ ровяникскими греками—мужиками, весьма разсчетливыми и даже жадными, отъ которыхъ зависѣла эта церковь, она какъ-то поладила; имѣла, должно быть, свои средства, и ее никто не безпокоилъ въ ея долгомъ пустынножительствѣ. При самой церкви, въ особой келейкѣ, жила другая женщина, тоже постриженная монахиня, одинокая гречанка, которая и была главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при постройкѣ этого храма, и при обрѣтеніи чудотворной иконы. Не помню какія у нея были „скорби и нужды“; быть можетъ болѣзнь или нищета, одиночество и безпомощность,—только она все молилась и увидала во снѣ Божію Матерь, которая сказала ей, что въ лѣсу, въ такомъ-то мѣстѣ, есть изсохшій колодезь, что въ этомъ колодезѣ скрыта Ея икона и надо эту икону найти, и тогда многимъ будетъ отъ нея помощь и утѣшеніе. Эта женщина долго и напрасно убѣждала крестьянъ села Ровяники пойти на поиски иконы; наконецъ они рѣшились обратить вниманіе на ея слова и просьбы; нашли указанное мѣсто, обрѣли въ пустомъ колодезѣ старую икону; взяли ее и тотчасъ же начались удивительныя исцѣленія. Даже нѣкоторые больные турки и турчанки, обратившіеся къ „Пророчицѣ-Маріамъ“, выздоровѣли. Собрали деньги, построили храмъ, построили пристанище для поклонниковъ и путниковъ; женщинѣ этой дали право жить при самой церкви, и необходимое содержаніе. Я забылъ имя этой доброй и въ высшей степени простосердечной гречанки; но впечатлѣніе она производила самое пріятное; ничего нельзя было вообразить искреннѣе и простодушнѣе этого невиннаго и вѣрующаго существа. Эти двѣ старухи были давними и постоянными обитательницами уединеннаго храма и принадлежащей къ нему постройки. Жила тамъ недолго въ мое время еще одна русская, тоже не молодая женщина, востроносая какая-то и ничѣмъ особеннымъ,—ни хорошимъ, ни худымъ, себя не заявившая; но она скоро исчезла куда-то, и больше мы ее не видали.

Теперь о молодой малороссіянкѣ—матери Магдалинѣ. Если объ ней упомянуть слишкомъ кратко, то не будетъ понятно ни поведеніе моего героя Сотири, ни мое живое участіе во всей той исторіи, которую я хочу разсказать. Матери Магдалинѣ было не больше двадцати трехъ, двадцати пяти лѣтъ, когда она поселилась тутъ въ холодной и пустой горенкѣ страннопріимной постройки. Она пришла сюда во слѣдъ за отцомъ, бѣднымъ и набожнымъ человѣкомъ, который поселился на Аѳонѣ, построилъ себѣ тамъ хижину въ лѣсу на землѣ одного изъ греческихъ монастырей, и жилъ въ ней одинъ, питаясь чѣмъ Богъ послалъ. Отъ Аѳона до Ровяниковъ будетъ верстъ, я думаю, сорокъ, а можетъ быть и больше. Отецъ съ дочерью, поэтому, видались очень рѣдко. Дочь не могла посѣщать его такъ какъ женщины на Аѳонъ не допускаются, и дальше Ватопедской башни ходить не имѣютъ права, да и сами никогда себѣ этого не позволяютъ; а бѣдный старикъ, во все время моего тамъ пребыванія, только разъ собрался посѣтить дочь. Магдалина пострижена была уже прежде, гдѣ-то на Дунаѣ; жила ужъ въ монастырѣ, знала недурно, кажется, церковную службу, была грамотна, пѣла очень пріятнымъ и сильнымъ контральто и собой была бы очень недурна, если бы была не такъ блѣдна и желта отъ постоянной лихорадки и безпрестанной нужды, которую она здѣсь въ одиночествѣ терпѣла. У нея были тонкія черты лица и черные, очень выразительные глаза... Что она была весьма набожна, терпѣлива и къ церкви усердна,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія...

Я не стану описывать сколько бѣдная, молодая дѣвушка перенесла нужды и обидъ въ этомъ чужомъ мѣстѣ, лишенная всякой близкой опоры и помощи; были дни, въ которые она, голодная, становилась въ пустой церкви на колѣни передъ иконой Богородицы, и просила хоть хлѣба ей послать немного. И Богъ посылалъ. Разъ, напримѣръ, она еще стояла на колѣняхъ и плакала, когда у церкви раздалось бряцаніе бубенчиковъ, которые обыкновенно навязываютъ верховымъ муламъ, и кто-то остановился у храма,—это былъ одинъ пожилой греческій іеромонахъ съ Аѳона, въ сопровожденіи своего келейника. Увидавъ Магдалину, онъ воскликнулъ: „А! это ты бѣдная!.. Поди сюда, поди, дочь моя! Вѣрно ужъ нуждаешься, несчастная... Вотъ я тебя утѣшу немножко, чѣмъ могу!“... И приказалъ келейнику достать изъ сумки нѣсколько свѣжихъ бѣлыхъ хлѣбовъ и далъ ей. Такъ она перебивалась кое-какъ въ холодѣ и голодѣ. Старая, добрая гречанка дѣлилась съ ней чѣмъ могла; отецъ выпрашивалъ что нибудь гдѣ нибудь. Отъ суровой и лукавой соотечественницы своей Евпраксіи, Магдалина помощи не видала; и не видала ее почти вовсе отъ сухихъ сердцемъ Ровяникскихъ сельчанъ. Очень рѣдко давали они ей что-нибудь; однажды она обошла всю деревню и не добыла даже и куска хлѣба.

При мнѣ стало ей полегче. Мнѣ она очень понравилась; я жалѣлъ ее, и не разъ и самъ давалъ ей по золотому, и другихъ уговаривалъ ей помогать.

Были неподалеку люди сильные, которые все про нее знали и могли ее поддержать; но, какъ я узналъ позднѣе, преднамѣренно воздерживались отъ слишкомъ щедрыхъ пособій и, по весьма основательной причинѣ, которую я, какъ новый человѣкъ, не могъ съ перваго раза взять въ разсчетъ. Эти люди—были главные духовники русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ. Отцу ея они помогали деньгами не разъ; но ей самой протежировать не хотѣли потому, что вообще не желали, чтобы въ окрестностяхъ Аѳона какъ нибудь *случайно не разрослась бы женская монашеская община.* Монахи и монастыри въ наше время подвергаются и безъ того столькимъ нареканіямъ, и на нихъ такъ охотно клевещутъ и злобятся, что духовные пастыри ихъ *обязаны* дѣйствовать какъ можно осторожнѣе и внимательнѣе, чтобы на ихъ собственной совѣсти не лежала отвѣтственность за лишній поводъ къ злословію и напраслинѣ. „Напраслину душеспасительно выносить терпѣливо, но не должно на нее напрашиваться“. Я понялъ скоро, что русскіе духовники, не только съ духовной и нравственной, но и съ политической стороны, въ этомъ дѣлѣ совершенно правы; я согласился, что въ ихъ положеніи они поступаютъ прекрасно, не потворствуя постепенному образованію русской женской общины въ Ровяникахъ; и что, помогая Магдалинѣ рѣдко, только въ самой крайности, да и то не прямо, а черезъ пособіе отцу ея, они идутъ тѣмъ среднимъ путемъ, который такъ хорошъ въ случаяхъ сложныхъ и запутанныхъ... Все это такъ; но мнѣ присутствіе этой красивой и набожной русской дѣвушки въ такомъ дикомъ, оригинальномъ и *не русскомъ* мѣстѣ, въ этомъ лѣсу исполинскихъ и шумныхъ каштановъ, чрезвычайно нравилось; и, такъ какъ отъ двухъ монахинь: отъ молодой и бѣдствующей Магдалины, и старой и упокоенной въ теплой кельѣ съ денежками Евпраксіи,—до цѣлой женской общины было еще далеко, то я и старался всячески облегчать положеніе Магдалины. И со времени моего перваго проѣзда черезъ Ровяники на Аѳонъ ей стало, конечно, полегче. Узнали ее и тѣ русскія дамы, къ которымъ поступилъ Сотири; онѣ ее брали съ собой гостить въ Ериссо и на Ватопедскій пиргъ, угощали и утѣшали ее. Но въ тоже самое почти время на нее воздвиглось гоненіе съ другой стороны; гоненіе политическое со стороны грековъ. То, что я теперь буду описывать, происходило въ 72-мъ году, лѣтомъ, то есть во время самаго сильнаго ожесточенія греко-болгарской борьбы. Болгары въ то время взяли верхъ; они уже выхлопотали себѣ у турокъ извѣстный не совсѣмъ каноническій фирманъ; отслужили уже свою *особливую обѣдню* въ Константинополѣ съ объявленіемъ независимости. Греки были въ изступленіи, особенно *либеральные* греки (аѳинскаго, а не цареградскаго духа); имъ казалось, что „потокъ панславизма“, какъ они выражаются, грозитъ совершен-

Библиотека "Руниверс"

нымъ потопленіемъ ихъ національности. Поведеніе русскихъ возмущало ихъ до нельзя, и они въ самыхъ простыхъ и не преднамѣренныхъ поступкахъ нашихъ видѣли интригу и дальновидный макіавелизмъ. Волненіе умовъ проникло до самыхъ отдаленныхъ и глухихъ мѣстъ болгарскихъ и греческихъ провинцій; нѣсколько позднѣе оно отозвалось очень сильно даже на аскетическомъ, и чуждомъ національныхъ принциповъ, Аѳонѣ. Случайно, сама не подозрѣвая конечно, что и она лицо политическое, пострадала при этомъ и наша, въ простотѣ вѣры своей совершенно искренняя, хохлушка. Давно уже (какъ потомъ оказалось) косились на нее, подъ давленіемъ разныхъ полу-интеллигентныхъ вліяній, ровяникскіе греки-мужики. Пока жила при церкви въ лѣсу одна старая, безобразная, и, главное, безграмотная Евпраксія,—они были покойны и не обращали на нее вниманія. Но вотъ явилась откуда-то молодая мать Магдалина; она пѣла *по русски*; читала хорошо въ церкви по славянски для проѣзжихъ русскихъ и доставляла имъ этимъ великое утѣшеніе. Греки были, вѣроятно, недовольны, но молчали; извѣстно, что земледѣльцы во всѣхъ странахъ тяжелы на подъемъ и осторожны. Къ тому-же преданія о благодѣяніяхъ Россіи и престижъ нашего вліянія были слишкомъ еще сильны въ греческомъ народѣ, чтобы ровяникскимъ селянамъ легко было рѣшиться на какія нибудь открытыя противу русскихъ людей дѣйствія. (Мимоходомъ скажу, что политическая преданность греческихъ простолюдиновъ къ Россіи была еще недавно столь велика, что поколебать ее, и то не до основанія, могла только несчастная совокупность нашихъ ошибокъ, нашего слишкомъ вислоухаго славизма, и аѳинскихъ, въ западно-либеральномъ духѣ интригъ!) Было и еще одно обстоятельство, которое смущало ровяникскихъ грековъ; случайно они были должны большую сумму денегъ одному изъ драгомановъ русскаго консульства въ Салоникахъ, тоже греку, но Россіи и консульству очень преданному. Онъ бралъ съ нихъ проценты, но не тѣснилъ ихъ, не желая ставить консульство въ тяжкую необходимость сажать въ турецкую тюрьму православныхъ людей за долги...

Таковы были обстоятельства,—когда лѣтомъ 72 года явился въ этихъ мѣстахъ изъ свободной греціи нѣкто Панайотаки, купецъ въ европейскомъ платьѣ; конечно, демагогъ и національ-либералъ, какъ почти всѣ эллины, надѣвшіе, вмѣсто красивой фустанеллы, гадкій пиджакъ. Человѣкъ онъ былъ со средствами; купилъ у кого-то тутъ часть лѣса на срубку, и наблюдалъ самъ за ходомъ этого дѣла.

Вотъ этотъ-то Панайотаки и обратилъ особенное вниманіе ровяникскихъ старшинъ на *Панславизмъ*, котораго опасной представительницей являлась здѣсь голодающая Магдалина.

— Вы смотрите, проповѣдывалъ онъ; видите, началось въ вашей греческой церкви уже русское чтеніе и пѣніе; за этими двумя-тремя женщинами придутъ еще другія... Это все не просто... Русское консульство въ Салоникахъ по одной постепенно собираетъ ихъ здѣсь; и русскіе монахи на Аѳонѣ, конечно всячески поддерживаютъ въ этомъ дѣлѣ консульство... Соберется много этихъ монахинь и Россія завладѣетъ не только этой церковью въ лѣсу, но и всей землей вашей... Боритесь теперь, пока еще не ушло время... Надо выгнать эту негодную... Вы ослы, варвары; у васъ нѣтъ патріотизма; вы не эллины... вы не потомки великихъ эллиновъ... и т. д.

Какъ нарочно, въ это самое время одинъ аѳонскій богомолецъ, русскій плотникъ, вздумалъ сходить и въ Ровяники, поклониться чудотворной иконѣ. Познакомился, конечно, съ русскими женщинами, узналъ о жалкомъ положеніи Магдалины и о томъ, что ей зимой очень холодно жить въ своей кельѣ и безъ печки, и рѣшился самъ построить ей маленькую, но удобную хижинку. На матерьялъ у нея деньги нашлись тогда; незадолго передъ этимъ проѣзжалъ изъ Салоникъ на Аѳонъ Якубовскій и далъ ей денегъ; плотникъ началъ работать, и хатка была уже почти готова, когда внезапно прибѣжали изъ Ровяникъ старшины, подъ предводительствомъ европейца Панайотаки; они разнесли русскую постройку въ щепки; отыскали самое Магдалину въ церкви, выгнали ее оттуда, побили; побили и старую гречанку, которая вздумала было защищать свою „сестру о Христѣ". Панайотаки розыскалъ славянскія богослужебныя книги; рвалъ ихъ, выбросилъ все изъ церкви и даже нѣкоторыя иконы русскаго письма не пощадилъ; тоже выкинулъ ихъ...

Свершивъ этотъ анти-славянскій походъ, аѳинскій негоціантъ торжествовалъ и радовался; но не долго... Суровый мститель былъ близко... Сотири случайно въ этотъ самый вечеръ ночевалъ въ Ровяникахъ; онъ шелъ по своимъ дѣламъ въ богатое село Ларигово; но его стала томить лихорадка, онъ остался здѣсь отдохнуть и зашелъ въ кофейню. Народу было много; были, между прочимъ, двое турецкихъ заптіе. Панайотаки сидѣлъ тутъ же, хвастался и кричалъ:

— Вотъ мы какъ эту негодную русскую дѣвку, эту анаѳемскую лицемѣрку выгнали... Если бы не я,—эти здѣшніе варвары, слѣпые люди, дали бы панславизму воцариться... И само турецкое начальство должно быть мнѣ признательно за это; нельзя русскимъ позволить господствовать здѣсь...

Въ этомъ родѣ Панайотаки ораторствовалъ долго и кончилъ тѣмъ, что сталъ поносить русскихъ и Россію самыми грубыми и ругательными словами.

Сотири сначала молчалъ въ своемъ углу; его все ломала лихорадка и онъ пилъ кофе, закутавшись въ бурку. Наконецъ, не въ силахъ будучи выносить ругательства эти, которыя онъ принималъ почти за личное оскорбленіе, съ тѣхъ поръ какъ находился подъ нашей защитой, онъ возвысилъ голосъ и сказалъ такъ европейскому негоціанту:

— Что *ты* хвалишься, несчастный, тѣмъ, что васъ нѣсколько мужчинъ, обидѣли одну бабу... Не велико это молодечество ваше... Ты вотъ со мной то поговори!

— Кто ты такой? надменно спросилъ купецъ... Буду ли я еще говорить съ тобой... Бродяга, мальчишка какой-то...

У Сотири, правда, какъ я уже и прежде сказалъ, не было еще усовъ и бороды, не смотря на то, что ему было навѣрное уже около двадцати пяти лѣтъ. Поэтому онъ съ усмѣшкой отвѣтилъ особаго рода мѣстной, вызывающей остротой:

— Ну, спими свои большіе усы поскорѣе... А то вѣдь я ихъ боюсь...

— Да какъ ты смѣешь ко мнѣ привязываться... Я тебя и не знаю...

— А я тебѣ скажу, чтобъ ты не смѣлъ при мнѣ поносить Россію и русскихъ, потому что я ѣмъ русскій хлѣбъ и пошу, видишь, вотъ это...

Съ этими словами Сотири указалъ на двуглаваго орла, который былъ вышитъ на его эллинской фескѣ.

— Я и тебя, и Россію, и консуловъ вашихъ, никого знать не хочу... воскликнулъ свободный эллинъ и прибавилъ еще непристойныя слова...

Сотири сбросилъ бурку, выхватилъ кремневый старый пистолетъ свой изъ за пояса, и хотѣлъ въ упоръ, на повалъ, убить оскорбителя... Къ счастію (къ *его* счастію) пистолетъ осѣкся... Сотири выхватилъ ятаганъ. Панайотаки обомлѣлъ... Турецкіе жандармы вскочили и бросились дружески уговаривать Сотири, чтобы онъ вложилъ ножъ въ ножны... Сотири имѣлъ благоразуміе ихъ послушаться, вложилъ ножъ въ ножны, но тотчасъ, схвативъ одной рукой табуретку, а другой за шиворотъ самаго эллина, началъ его бить этой табуреткой не на животъ, а на смерть.

Никто не вступился. Турецкіе заптіе, успокоившись, что смертоубійства не будетъ, сѣли и любовались, какъ одинъ гяуръ хорошо бьетъ другаго... Это не могло имъ не нравиться... тѣмъ болѣе, что турки, по природѣ своей, почитатели государственнаго порядка и властей, и они, вѣроятно, находили весьма естественнымъ, что Сотири защищалъ такъ строго честь того флага, подъ сѣнью котораго онъ служилъ и „ѣлъ хлѣбъ".

Исколотивъ эллинскаго патріота табуреткой, Сотири вытолкалъ его изъ дверей кофейни во „тьму кромѣшную", и закричалъ ему вслѣдъ: „Ты смотри, подлецъ, не пойди жаловаться въ Салоники нашѣ... Я тебя вездѣ найду, несчастный; своей головы не пожалѣю, а ужь ты живъ не будешь, если пожалуешься"...

Негоціантъ не жаловался; но вскорѣ въ одной изъ аѳинскихъ газетъ появилась корреспонденція изъ Салоникъ, въ которой описывались русскія интриги для завладѣнія церковью въ селѣ Ровяники, и прославлялись патріотическія дѣйствія и тріумфъ греческаго подданнаго господина Панайотаки... Корреспонденція кончалась приблизительно слѣдующимъ описаніемъ „стычки", происшедшей „около русскихъ, разрушенныхъ патріотами, построекъ"...

„...*Русскіе* хотѣли сопротивляться. Кавасъ русскаго консульства Сотири, обнажилъ оружіе и сдѣлалъ нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ; но греки, одушевленные примѣромъ г. Панайотаки, дѣйствовали неустрашимо и *русскіе* принуждены были, наконецъ, отступить"...

Я жилъ въ это время на Святой Горѣ, въ монастырѣ Св. Пантелеймона, и ничего объ этомъ не зналъ. Узналъ я всѣ подробности черезъ нѣсколько дней отъ Петраки, который соскучился безъ меня въ Салоникахъ и отпросился у Якубовскаго на нѣсколько дней на Аѳонъ, для свиданія со мною.

Петраки разсказывалъ мнѣ о подвигѣ Сотири съ восторгомъ; не бывавши никогда въ Россіи, этотъ удивительно умный и благородный юноша любилъ и понималъ Россію и все истинно русское такъ, какъ дай Богъ многимъ изъ кровныхъ русскихъ понимать и любить. Европеизированныхъ единовѣрцевъ на нихъ, либеральныхъ грековъ, болгаръ, сербовъ и своихъ единокровныхъ румынъ подобнаго духа, онъ фанатически презиралъ и ненавидѣлъ.

Какъ я ни былъ печаленъ и боленъ, какъ я ни былъ погруженъ тогда въ міръ совершенно иныхъ интересовъ, чисто „душевныхъ", сердечныхъ и духовныхъ, но его разсказъ пробудилъ во мнѣ мгновенно и всѣ русскія, и всѣ эстетическія чувства мои... Въ лицѣ Сотири православіе, Россія, прежняя Греція, Греція „Корсара" и Марко Боцариса торжествовали надъ Элладой новой, фрачной, либеральной, глупой, изболтавшейся; торжествовала поэзія востока надъ прозой западнаго прогресса... Я самъ восхитился и черезъ Петраки (который черезъ два дня долженъ былъ возвратиться въ Салоники), приказалъ, чтобы Сотири немедля явился ко мнѣ.

Сотири пришелъ. Я далъ ему два золотыхъ и сказалъ ему:

— Молодецъ Сотири! Ты умѣешь платить добромъ за добро. Продолжай такъ; защищай нашу честь и мы о тебѣ позабогимся.

Библиотека "Руниверс"

На Троицынъ день. Завиваніе вѣнковъ. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Только будь остороженъ, не берись зря за оружіе. Ты хорошо сдѣлалъ, что послушался турецкихъ жандармовъ и не вынулъ ятагана; старайся ладить съ турками; они гораздо менѣе вредны и вамъ, грекамъ, и намъ, чѣмъ эти ваши патріоты, въ родѣ Панайотаки... Жалко было не мерзавца этого, если бы ты его убилъ, или бы тяжело ранилъ,—а тебя; ты безъ вида скитаешься въ Турціи, о прошедшемъ твоемъ я не справляюсь, но въ случаѣ чего-нибудь подобнаго, поднялось бы такое дѣло, въ которомъ намъ защитить тебя было бы не то чтобы невозможно... невозможнаго, съ Божіей помощью, для русскаго консула въ Турціи нѣтъ,—ну... а трудно все таки... У тебя довольно силы и молодечества, чтобы и безъ оружія громить враговъ нашихъ...

Сотири слушалъ мою рѣчь; онъ улыбался и сѣрые, вовсе некрасивые, но обыкновенно спокойные и твердые глаза его блистали отъ радости.

На прощанье я хотѣлъ пожать ему даже руку въ видѣ особеннаго вниманія, но онъ поцѣловалъ мою прежде, чѣмъ я успѣлъ ее отнять.

Изъ высокаго окна гостинницы я видѣлъ какъ онъ, закинувъ живописно на плечо свое старинное арнаутское ружье, прошелъ важной поступью по монастырскому двору къ воротамъ, и отправился опять въ Ериссо служить русскимъ путешественницамъ и „защищать нашу честь".

Вскорѣ послѣ этого онъ защитилъ ее вовсе невпопадъ, и совсѣмъ по другому случаю.

V.

Я сказалъ, что при доброй русской барынѣ въ Ериссо жила молодая родственница, лѣтъ восемнадцати. Я говорилъ также о нѣкоторыхъ дурныхъ ея качествахъ; но все это недостаточно живописуетъ ее. Она просто была неуловима, или неопредѣлима въ своей глупости и безтолковости, грубости и распущенности; лицо ея было свѣжо и черты лица, отдѣльно взятыя, даже недурны; но все вмѣстѣ выходило какъ то мясисто и топорно; ростомъ низенькая, прожорливая, сильная, она грамотѣ не знала; работать почти ничего не умѣла и не хотѣла; была очень весела, но веселость ея была вовсе не забавна; обижалась почти постоянно невпопадъ; на дѣйствительно оскорбительныя слова не обращала никакого вниманія и смѣялась; а начинала вдругъ горько плакать, не изъ за чего; воситалась она въ Крыму, въ бѣдности и почти на улицѣ, и при этомъ воображала себя настоящей барышней. Говорила она большею частію нестерпимый вздоръ; вмѣсто „присяжный повѣренный",— „пристяжной" повѣренный; и, когда ее упрекали за что нибудь непозволительное въ манерахъ—она отвѣчала басистой скороговоркой:

— Что такое? Что такое? Я знаю одну генеральскую дочку въ Одессѣ, которая такъ дѣлаетъ... Иногда восклицала, хватаясь съ восхищеніемъ за голову. „Ахъ, какая я умная! какая я умная! вы вообразить не можете.—Я даже все понимаю!" Или еще: „Ахъ, вы не знаете какая я наивная дѣвушка; я ужасно наивная!"

Замѣчательнѣе же всего было то, что хотя со стороны, такъ называемаго „поведенія", въ тѣсномъ смыслѣ, — она была еще безупречна; но при этомъ непостижимо неприлична въ обращеніи. Она была вовсе не зла, но и доброты въ ней не было никакой замѣтно; чувство долга ей тоже не было извѣстно; религіозности я въ ней никакой не замѣчалъ; на нее могъ дѣйствовать только страхъ. Къ счастію, я еще внушалъ ей этотъ страхъ до извѣстной степени, да и то она часто меня боялась невпопадъ: до того была безтолкова. По особенности положенія моего, я вынужденъ былъ нѣсколько разъ дѣлать ей строгія замѣчанія потому, что мнѣ на нее жаловались даже домочадцы мои, которымъ приходилось нерѣдко бывать въ Ериссо. Сотири, человѣкъ вообще цѣломудренный и повидимому довольно равнодушный къ женщинамъ и къ тому же привычный къ сдержанности и нравственному формализму мѣстныхъ христіанокъ, говорилъ про нее такъ:

— Эта дѣвушка не имѣетъ въ себѣ ничего женскаго. Удивляюсь!

А Петраки, тотъ чуть не съ отчаяніемъ восклицалъ:

— Это просто ужасная, ужасная дѣвушка! Вы знаете какъ я жалостливъ, а вотъ ее никакъ не могу жалѣть!

Хотя я сказалъ, что поведеніе ея съ извѣстной стороны было фактически безупречно, но направленіе ея мыслей и чувствъ было вовсе не моральное. Она разспрашивала—то у Петраки, то у другаго встрѣчнаго молодаго человѣка, то у третьяго; и всѣ они съ насмѣшкой и пренебреженіемъ отстранялись отъ нея. Наконецъ она нашла себѣ въ Ериссо въ услуженіе ничтожнаго греченка Василаки, въ жакеточкѣ и фескѣ, полуинтеллигентнаго пролетарія, который состоялъ въ родствѣ съ однимъ изъ тамошнихъ крестьянъ. По сосѣдству жила съ родителями дѣвушка по имени Марія. Наша пріѣзжая подружилась съ нею, и онѣ довѣряли другъ другу свои сердечныя тайны. Марія устроила для крымской подруги своей свиданіе съ Василаки въ своемъ домѣ въ отсутствіе родителей. Другія сельскія дѣвушки и паликары случайно подсмотрѣли, что этотъ Василаки прошелъ украдкой въ домъ и, увидавъ Марію на крыльцѣ, догадались въ чемъ дѣло. Собралась передъ крыльцомъ цѣлая толпа, и начали смѣяться и дразнить Марію. Кто-то съ злорадствомъ и смѣхомъ извѣстилъ объ этомъ Сотири. Защитникъ нашей чести немедленно вооружился и пошелъ туда; онъ при всѣхъ распекъ Марію, силой вошелъ въ домъ, обратилъ Василаки въ бѣгство, вывелъ торжественно за собою нашу соотечественницу и разогналъ толпу, сдѣлавъ дѣвицѣ предварительно при всѣхъ нѣсколько строгихъ замѣчаній, что она безчеститъ русское имя.

При народѣ дѣвица смолчала, но какъ только они остались съ Сотири на улицѣ одни, то она сказала ему такую неслыханную фразу, которую не только отъ молодой дѣвушки, но и отъ пожилой женщины трудно было ожидать. Серьезный и цѣломудренный разбойникъ былъ такъ этимъ озадаченъ и сконфуженъ, что не отвѣтилъ ей ни слова, и потомъ съ удивленіемъ передавалъ этотъ отвѣтъ и Петраки, и мнѣ самому. Все это очень скоро дошло до меня (Ериссо отъ Аѳона недалеко), и я былъ вынужденъ опять въ это дѣло хоть сколько нибудь да вмѣшаться. Самъ Сотири пришелъ мнѣ жаловаться на эту „барышню".

Хотя это столкновеніе героя эпической поэмы съ какой то изъ самыхъ плохихъ и комическихъ героинь Островскаго, при чемъ окончательная побѣда осталась за послѣдней, было болѣе и забавно и оригинально, чѣмъ серьезно и печально, однако, взявши въ разсчетъ, съ одной стороны, здѣшніе нравы, дѣйствительно строгіе и лицемѣрные, а съ другой—наши привычки, откровенныя и легкія, при соблюденіи нѣкоторыхъ внѣшнихъ приличій, я сдѣлалъ Сотири небольшой выговоръ въ такомъ родѣ:

— Ты поступилъ очень глупо; впередъ этого не дѣлай. Ты сдѣлалъ гораздо больше сраму, чѣмъ пользы. Доказать никто не могъ для чего именно она пошла въ этотъ домъ. Можетъ быть она бы вышла за него замужъ; по нашему русскому обычаю дѣвушка имѣетъ право сама себѣ выбирать жениховъ, и тебѣ никакого до этого не было дѣла. Ты бы долженъ былъ показать, что ты ничего не знаешь, и не хочешь знать объ этомъ. Она, конечно дура; но и тебѣ по дѣломъ, въ другой разъ въ семейныя дѣла не мѣшайся.

— Я хотѣлъ защитить честь русскаго имени, сказалъ съ достоинствомъ Сотири.

— И только больше унизилъ эту честь, сдѣлавши публичный скандалъ. Мало-ли дуръ въ Россіи?

Сотири ушелъ на этотъ разъ не ободренный.

Немного погодя, мнѣ опять пришлось посѣтить на нѣсколько часовъ Ериссо, и я нашелъ нужнымъ, конечно, предостеречь и эту дѣвушку. Я объяснилъ ей, что здѣсь понятія и нравы совершенно не крымскіе и не наши русскіе и, что если она будетъ держать себя въ греческой деревнѣ, да еще по сосѣдству съ Аѳономъ, со слишкомъ явной необузданностью, — то я насильно отправлю ее въ Салоники; а оттуда Якубовскій посадитъ ее на австрійскій пароходъ, и возвратитъ къ матери въ Крымъ. Старшая родственница ея, которая была очень къ ней слаба, плакала и просила этого не дѣлать; мнѣ стало жалко ее и я сказалъ ей, что изъ Салоникъ Якубовскій какъ знаетъ; но отсюда, т. е. изъ греческой деревни, гдѣ все на виду, да еще по близости Аѳона,—я непремѣнно ее отправлю въ городъ при первомъ же подобномъ случаѣ. Мнѣ обѣщали быть приличнѣе и, дѣйствительно, послѣ этого ничего особеннаго въ этомъ родѣ не случалось.

Осенью 1872 года я оставилъ Святую гору и рѣшился, наконецъ, ѣхать сухимъ путемъ въ Константинополь. Ѣхали мы на долгихъ, въ фургонѣ четверней, отъ Салоникъ до Босфора *тридцать три дня*; ѣхали черезъ Балканы, на Филиппополь и Адріанополь; сдѣлали огромный крюкъ; сначала направлялись все на сѣверъ, а потомъ все на югъ, потому что прямой колесной дороги нѣтъ вдоль берега Архипелага и Мраморнаго моря отъ Салоникъ до Царьграда; а на пароходѣ не только день или два, но и нѣсколько часовъ я не хотѣлъ быть; особенно на иностранномъ, не русскомъ.

Такимъ образомъ, потворствуя своему этому *яко-бы психозному* состоянію, я нанялъ въ Салоникахъ, вплоть до Адріанополя большой и покойный фургонъ, или какъ въ Турціи называютъ *брошовъ* — четверней. Ямщикъ былъ молодой адріанопольскій турокъ лѣтъ двадцати пяти; широкоплечій, высокій, стройный; одинъ изъ лучшихъ *пахлеванов* (борцовъ) въ Адріанополѣ; усы у него были большіе, густые и широкіе, а лицо очень моложавое, пріятное, доброе, и сѣрые глаза младенчески свѣтлы и задумчивы. Петраки и Сотири опять сопровождали меня; Петраки сидѣлъ со мной въ экипажѣ; Сотири ѣхалъ верхомъ на моей доброй лошади; брошовъ былъ просторенъ и не трясокъ. Октябрская погода прохладна и нерѣдко пріятно-пасмурна; мѣста до Филиппополя все новыя; сначала, въ Македоніи, города и села мнѣ вовсе неизвѣстныя; а потомъ, во Ораціи, около Адріанополя, напротивъ того, слишкомъ знакомыя по воспоминаніямъ прежней моей службы...

О самомъ путешествіи, и о томъ, что я видѣлъ, я не стану здѣсь писать; о себѣ и обо всемъ побочномъ я хочу говорить здѣсь настолько, насколько это необходимо для объясненія моихъ отношеній къ Сотири—и больше ничего. Къ тому-же, какъ это ни странно можетъ быть, но это долгое, тридцатидневное путешествіе оставило несравненно менѣе слѣда въ умѣ моемъ, чѣмъ трехъ или четырехъ-дневный путь отъ Каваллы до Сало-

Библиотека "Руниверс"

никъ. Я въ эти три—четыре дня видѣлъ гораздо болѣе интереснаго, чѣмъ въ цѣлый мѣсяцъ медленнаго странствія по южной части Болгаріи. Всѣ эти дни и всѣ эти новыя мѣста, всѣ эти болгарскіе города и села слились въ памяти моей (которая вовсе, кажется, не слаба) во что-то однообразное и крайне безцвѣтное сравнительно съ тѣмъ, что я видалъ, встрѣчалъ и слышалъ въ Эпирѣ, Критѣ, на Аѳонѣ, на Дунаѣ и въ греческой части Македоніи; страна эта монотонна, невыразительна и скучна, какъ само болгарское населеніе. Что разница этихъ впечатлѣній зависѣла не отъ меня, не отъ разницы въ моемъ настроеніи, это ясно для меня изъ того, что я тогда, когда скакалъ верхомъ изъ Каваллы въ Салоники и отдыхалъ въ Серресѣ—былъ все также душевно разстроенъ, также тѣлесно боленъ какъ и тогда, когда влачился по Балканамъ съ пахлеванъ-агою, и еще изъ того, что двѣ дѣйствительно любопытныя вещи, которыя я видѣлъ въ этотъ разъ, сохранились очень живо въ моей памяти до сихъ поръ, и я могъ бы ихъ сейчасъ-же описать, еслибы не далъ себѣ слова сдерживаться. Вотъ одинъ изъ этихъ случаевъ — это былъ торжественный въѣздъ болгарскаго епископа въ Филиппополь, послѣ объявленія схизмы и церковной болгарской независимости.

Въ этомъ путешествіи бѣдный Сотири послѣдній разъ мнѣ служилъ.

Опять пришлось моему герою тридцать три дня подъ рядъ варить кофе и толочь миндаль, чистить калоши и сапоги; опять нужно было съ опаской ходить по дрожащему и худому полу хановъ, чтобы не тревожить и не раздражать меня...

И онъ дѣлалъ все это съ такимъ усердіемъ и смиреніемъ, что, когда года черезъ полтора спустя я проѣзжалъ снова черезъ Адріанополь, то дѣвочка, служившая у нашего тамъ консула Ив. Ал. Иванова, спросила у моего новаго слуги: „А гдѣ-же тотъ высокій молодецъ, который былъ прежде у вашего эффенди, и все хлопоталъ съ жестянками и ступками... Тука-тука-тукъ!— Тука-тука-тукъ!!.

Я былъ очень доволенъ имъ; но въ разговоры по прежнему съ нимъ не вступалъ, и ничего объ немъ новаго и особеннаго не зналъ до самаго Константинополя. Здѣсь мы должны были разстаться.

Мы пробыли вмѣстѣ въ гостинницѣ нѣсколько дней, и послѣ этого они вмѣстѣ съ Петраки уѣхали въ Салоники на пароходѣ.—Такъ какъ я надѣялся пробыть въ Константинополѣ долго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшительно не зналъ, въ какомъ я самъ буду положеніи, то Сотири здѣсь мнѣ былъ бы безполезенъ; и для него мнѣ казалось выгоднѣе пристроить его окончательно при русскомъ консульствѣ въ Салоникахъ. Я написалъ объ немъ письмо Якубовскому, и, сверхъ того, надѣялся на то, что ловкость Петраки и его расположеніе къ Сотири усилятъ дѣйствіе этого письма. Я не сомнѣвался въ успѣхѣ моей настойчивой рекомендаціи; въ Македоніи не такъ легко, какъ въ Эпирѣ или Критѣ найти лихаго каваса изъ христіанъ и, хотя двое мусульманъ, служившіе при Салоникскомъ консульствѣ, были люди вѣрные; но одинъ изъ нихъ былъ довольно вялъ, а другой молодцоватѣе, но за то пьяница. Брать же кавасовъ изъ прежнихъ разбойниковъ считалось, вообще, дѣломъ, не только весьма обыкновеннымъ, но даже и выгоднымъ; ибо, разъ оставивъ прежній родъ своей жизни, они служили вѣрой и правдой; а ужь что касается до отваги и ловкости, то развѣ безъ этихъ качествъ можно попасть въ разбойники? Формальныхъ трудностей не могло никакихъ предстоять потому, что Сотири и безъ того былъ ужъ записанъ въ кавасы; все дѣло было въ нѣсколькихъ казенныхъ червонцахъ, которыми Якубовскій могъ распорядиться по своему усмотрѣнію.

При всемъ своемъ мужествѣ Сотири видимо былъ разстроенъ, прощаясь со мной. Дорогой онъ говорилъ Петраки, что въ жизни своей онъ никого такъ не боялся и не любилъ какъ меня; что онъ меня боялся—то это понятно, такъ какъ его пропитаніе и безопасность зависѣли вполнѣ отъ меня; и, какъ говорится—что въ жизни „на всякаго мудреца довольно простоты“, то точно также и на самаго безстрашнаго человѣка всегда найдется какой-нибудь страхъ.—Это понятно; но почему я, такой больной тогда и мелочно-требовательный (не шуми, не входи и т. п.), могъ нравиться этому молодому герою, не знавшему никакихъ тѣлесныхъ немощей,—не понимаю... Развѣ то, что я на службѣ съ собой шутить не позволялъ; былъ вообще довольно властенъ въ обращеніи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣлъ при случаѣ ободрить и приласкать; да недурно ѣздилъ верхомъ.— А, можетъ быть, и просто искренняя признательность.—Одинъ французскій зоологъ (кажется Флурансъ) говоритъ, что хищныя животныя умѣютъ сильнѣе любить, чѣмъ травоядныя, которыя, вообще, грубы.

Однако надежды мои на покойнаго Якубовскаго оказались напрасны.—Онъ его къ себѣ на службу не принялъ, и отпустилъ на всѣ четыре стороны.—Якубовскій, не смотря на свои шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, былъ самый милый, занимательный, благородный и даже юный товарищъ. Онъ и умеръ-то шестидесяти трехъ лѣтъ отъ простуды, послѣ бала у англійскаго консула, гдѣ танцовалъ до разсвѣта. Но консулъ онъ былъ до невѣроятія легкомысленный и равнодушный до тѣхъ поръ, пока ужъ слишкомъ глубоко не затрогивался его русскій патріотизмъ.—Энергія его была неистощима, но она была какого то личнаго, а не государственнаго характера; прослуживши больше тридцати лѣтъ на Востокѣ,—онъ хвастался, что пишетъ политическія донесенія очень рѣдко и, большею частію, берется за перо только три раза въ годъ, когда нужно подавать счетъ чрезвычайныхъ по консульству издержекъ. При такомъ недостаткѣ, такъ сказать, *будничнаго* рвенія,—Якубовскій, понятно, не захотѣлъ просто подумать и позаботиться лишній разъ о человѣкѣ, который ему самому не служилъ.—Къ тому же я подозрѣваю, что, при всей своей рѣдкой добротѣ, и довольно хорошемъ ко мнѣ расположеніи,—у покойника была противъ меня небольшая досада за кое-какія мелочи. Въ глаза онъ мнѣ уступалъ, а видимо находилъ удовольствіе дѣлать мнѣ что нибудь наперекоръ.—Можетъ быть и это повредило Сотири.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Петраки пріѣхалъ въ Константинополь, чтобъ жить опять при мнѣ. Тутъ онъ разсказалъ мнѣ про Сотири нѣкоторые секреты, которые открылъ ему про себя на прощанье, по дружбѣ, этотъ отчаянный человѣкъ. Онъ признался ему, что во время службы своей въ Ериссо у русскихъ путешественницъ,—онъ продолжалъ понемножку разбойничать, при случаѣ и мимоходомъ, въ большихъ окрестныхъ лѣсахъ.—Однажды, напримѣръ, онъ отпросился у своей хозяйки сходить изъ Ериссо въ богатое и большое село Ларигово, недалеко отъ Ровяниковъ; онъ сочинилъ, что ему тамъ кто-то долженъ двадцать пять турецкихъ лиръ.—Его отпустили и попросили только принести оттуда нѣсколько бѣлыхъ хлѣбовъ потому, что бѣлый хлѣбъ въ Лариговѣ былъ лучше, чѣмъ въ Ериссо.—Сотири отправился и засѣлъ гдѣ-то въ лѣсной чащѣ.—На его счастье на дорогѣ скоро показался на добромъ ослѣ богатый лариговскій грекъ, одинъ изъ тѣхъ солидныхъ міроѣдовъ, которыхъ довольно въ греческихъ и славянскихъ селахъ Турціи. У Сотири былъ свистокъ; онъ свиснулъ, и греческій чорбаджи въ ужасѣ остановился. Увидавъ передъ собой вооруженнаго альбанца,—онъ сталъ просить о пощадѣ; Сотири успокоилъ его, говоря, что убивать его онъ вовсе не намѣренъ, а деньги подавай какія есть.—Чорбаджи развязалъ кожаный поясъ, и вынулъ тридцать шесть турецкихъ лиръ.—Сотири былъ такъ вѣжливъ, что разспросивши его куда онъ ѣдетъ и по какому дѣлу, и сколько ему нужно на путевыя издержки,—отдалъ ему шесть или семь лиръ назадъ, а остальныя взялъ, конечно, себѣ; и, отпуская старика, сказалъ ему такъ:

— Ты, смотри, дядя, молчи; а не то убью; найду тебя.

Тотъ обѣщался не жаловаться, и сдержалъ свое слово. Дня черезъ два они опять встрѣтились въ лариговской кофейнѣ.— Сотири пилъ кофе и важно курилъ наргиле, когда ограбленный грекъ явился туда. Сотири радушно и почтительно привѣтствовалъ его и закричалъ тотчасъ же хозяину. „Подай такому-то рака и чашку кофею на мой счетъ“. Тотъ, съ своей стороны, любезно принялъ угощеніе, приговаривая: „Благодарю тебя, сынъ мой, благодарю тебя!“

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Сотири накупилъ разныхъ вещей для себя и для брата, принесъ своей русской госпожѣ не только бѣлаго хлѣба, котораго она просила, но еще много апельсиновъ и дешевыхъ конфектъ, а всѣмъ дѣвушкамъ въ Ериссо подарилъ по печатному платку покрывать голову.

Когда Петраки мнѣ это разсказалъ, я задумался и замѣтилъ ему такъ:

— Вотъ видишь; можетъ быть и хорошо, что Якубовскій насъ не послушался; можетъ быть и служа при консульствѣ какъ слѣдуетъ кавасомъ, онъ бы продолжалъ дѣлать такія штуки. Положимъ, что Николай Ѳедоровичъ ничего объ этомъ не зналъ, также какъ и мы, и не по недовѣрію его не взялъ, а такъ, „здорово живешь“... Да я не про распоряженіе Якубовскаго говорю, а про судьбу.

— Нѣтъ, я съ этимъ не согласенъ, отвѣчалъ Петраки: я, еслибъ былъ русскимъ консуломъ, и знавши это, взялъ бы его. Въ Ериссо ему было очень скучно безъ всякаго случая для его паликарства. Я думаю, что онъ бы отвыкъ и бросилъ бы это, какъ бросили другіе.

Я думаю и теперь, что Петраки былъ правѣе меня и что изъ Сотири вышелъ бы отличный кавасъ, подобно многимъ покаявшимся разбойникамъ. Разумѣется не нужно забывать и того, что Сотири не могъ чувствовать себя обезпеченнымъ въ своемъ положеніи; въ Салоникахъ управлялъ не я, а другой; я же безпрестанно—то совсѣмъ умиралъ, то поправлялся, и сверхъ того, онъ, вѣроятно, зналъ, что я думаю много объ отставкѣ и объ отъѣздѣ въ Россію.

Долго послѣ этого, живя въ Царьградѣ, мы не имѣли о Сотири никакихъ вѣстей. Наконецъ пріѣхали изъ Салоникъ люди и разсказали про него удивительныя вещи.

Отчаявшись въ Якубовскомъ и въ русской протекціи, Сотири исчезъ изъ города надолго. Никто не зналъ, гдѣ онъ. Но въ тоже время начали въ окрестностяхъ усиливаться разбои. Мой бывшій протеже, увидавши, что „суетно спасеніе человѣческое“, возложилъ надежды только на самого себя, и возвратился къ своей опасной, но занимательной спеціальности. Онъ набралъ шайку, какъ увѣряли эти пріѣзжіе изъ Салоникъ люди, не только изъ грековъ, но и изъ молодыхъ турокъ, по разнымъ горнымъ и лѣснымъ солдатскимъ карауламъ. Сначала безчинства были не очень важны и мелки... Наконецъ нашъ атаманъ

Библиотека "Руниверс"

отличился и привлекъ на себя уже серьезное вниманіе Измаила-паши, человѣка весьма дѣятельнаго и способнаго. Сотири потребовалъ значительную сумму денегъ съ какого-то большаго села; ему отказали; тогда онъ невзначай явился съ своими молодцами и сжегъ половину села. Измаилъ-паша встрепенулся и сдѣлалъ на него облаву.

Понявши, что дѣло его плохо, Сотири поскорѣй простился со своими товарищами и посовѣтывалъ имъ спасаться кто куда можетъ, а самъ рѣшился на чрезвычайно смѣлый поступокъ, который его и спасъ. Онъ отправился прямо въ Салоники.

Въ Салоникахъ жилъ тогда нѣкто Дж. Абе, очень богатый собственникъ англійскаго происхожденія, но православный по вѣрѣ; рожденный въ Македоніи и выросшій въ привычкахъ и понятіяхъ мѣстной греко-болгарской и еврейской интеллигенціи. У него былъ въ городѣ большой каменный бѣлый домъ съ красивымъ палисадникомъ, съ дорожками выложенными камушками трехъ цвѣтовъ: сѣрыми, черными и бѣлыми, съ стриженными миртами и, даже, сколько помнится, съ мраморными статуями. Средства его были, какъ слышно, очень велики, и, благодаря этимъ средствамъ, онъ могъ имѣть большое вліяніе въ Портѣ, гдѣ всегда въ деньгахъ нуждаются. Сотири позднимъ вечеромъ благополучно пробрался въ городъ, пришелъ къ нему и, поклонившись, сказалъ, что онъ вотъ такой-то и такой-то и что въ его рукахъ теперь его жизнь и вся будущность. Капиталисту это видно понравилось... Я видѣлъ этого богача только раза два или три, и слышалъ объ немъ больше худаго, чѣмъ хорошаго; но, вспоминая теперь его краснолицую, широкоплечую, здоровенную, энергическую фигуру, понимаю, что Сотири вѣрно разсчелъ свое дѣло! Д. Абе рѣшился спасти его; онъ поѣхалъ въ Порту и все откровенно разсказалъ пашѣ, утверждая, что Сотири намѣренъ рѣшительно исправиться. Измаилъ-паша, хотя и проведъ смолоду нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ и принадлежалъ вообще къ числу турокъ европейскаго воспитанія, но видно понималъ восточныхъ людей лучше, чѣмъ нашъ милый и вѣтренный орловскій дворянинъ Якубовскій. Онъ оказался одного мнѣнія съ нашимъ Петраки и не только помиловалъ Сотири, но и предложилъ ему взять подъ свое начальство отрядъ войска для розыска и усмиренія другихъ разбойниковъ,— черкесовъ, развоевавшихся тоже въ это время въ окрестностяхъ Олимпа и македонскаго села Катерины. Мнѣ разсказывали, что Сотири оправдалъ довѣріе паши и, въ теченіи какихъ нибудь двухъ мѣсяцевъ, переловилъ и усмирилъ ихъ надолго.

Вскорѣ послѣ этого я уѣхалъ въ Россію и ничего объ немъ больше не слыхалъ и не знаю.

К. К. Случевскій. По фотогр. Левицкаго, грав. Ю. Барановскій.

Къ рисункамъ.

Рыбакъ.

(Рис. на стр. 489).

На страницѣ 489 читатели наши найдутъ прекрасную копію съ картины профессора В. П. Верещагина „Рыбакъ". Отсутствіе всякаго стремленія блеснуть эффектомъ, простота и чувство мѣры отличаютъ вообще работы нашего профессора. Между тѣмъ замыселъ у него часто бываетъ очень удаченъ и поэтиченъ, какъ напримѣръ въ его картинахъ, въ копіяхъ уже извѣстныхъ нашимъ читателямъ—„Въ лѣсу" и „Добрыня Никитичъ". И здѣсь полное выразительности и простодушія лицо рыбака, какъ всегда очень вѣрная и тщательная выработка подробностей, отличаютъ эту прекрасную жанровую картинку. Этотъ рыбакъ, о которомъ говоритъ поэтъ:

Люблю сидѣть
И смотрѣть безмолвно
Какъ плетешь ты сѣть;
Слушать какъ тихонько
Пѣсни ты поешь,
Какъ нахмурясь важно,
Рѣчи ты ведешь....

На морщинистомъ, загорѣломъ лицѣ, кажется, сейчасъ готова расплыться добродушная, старческая улыбка.

Дѣтскій портретъ.

(Рис. на стр. 493).

Помѣщаемъ копію прелестной дѣтской головки, работы Ф. А. Каульбаха, сына знаменитаго В. Каульбаха. Эта его прелестная дѣтская головка появилась на послѣдней международной художественной выставкѣ въ Вѣнѣ. Не одинъ разъ представляли мы копіи съ прекрасныхъ работъ этого художника, достойнаго продолжителя славы своего знаменитаго отца, также достигшаго въ художественномъ мірѣ уже значительной извѣстности.

Завиваніе вѣнковъ въ Троицынъ день.

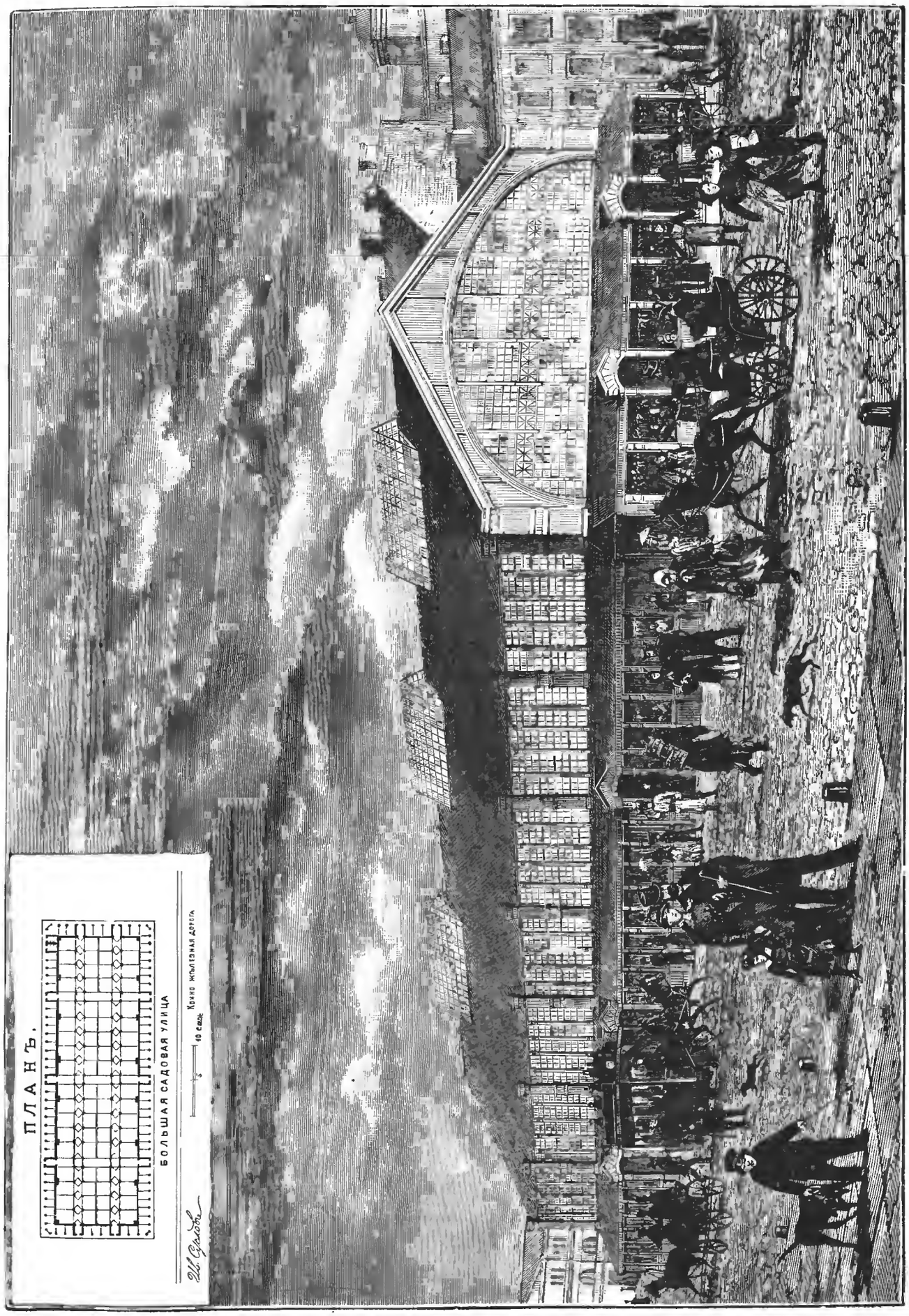
(Рис. на стр. 496 и 497).

Живя въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ природой, нашъ крестьянинъ какъ-то сердечнѣе и отзывчивѣе слѣдитъ за всѣми ея явленіями и еще до сихъ поръ не разучился олицетворять ихъ въ поэтической формѣ, не забылъ еще тѣ символическіе образы, какіе оставила ему въ наслѣдіе давно минувшая старина. Таковъ онъ и въ празднованіи весны. Встрѣчая весну онъ въ то же время привѣтствуетъ возрожденіе всей природы въ цѣломъ рядѣ своеобразныхъ обрядовъ, повѣрій и пѣсенъ. Въ этой обрядности и, если хотите, даже культѣ, играютъ очень большую роль цвѣты и деревья; угрюмый и безлюдный зимою лѣсъ, теперь оглашается веселыми голосами молодежи, которая поетъ пѣсни, завиваетъ вѣнки, срубаетъ молодыя березки, наряжаетъ ихъ въ женское платье или обвѣшиваетъ разноцвѣтными лентами и лоскутками. Здѣсь же въ лѣсу, около украшенной березки, устраивается въ складчину пиръ. Затѣмъ березку поднимаютъ съ веселыми пѣснями и пляскою, несутъ ее въ деревню и становятъ, съ общаго согласія, въ домъ, гдѣ она остается „гостейкою" до Троицына дня. На Троицынъ день опять новые обряды, новое веселье; дѣвушки и парни отправляются въ лѣсъ *„завивать вѣнки"* и располагаются преимущественно въ той рощѣ, которая ближе къ засѣянному полю, чтобы „хлѣбъ уродился гуще и прибыльнѣе". Завивая вѣнки, дѣвушки поютъ обрядовыя пѣсни, которыя дошли до насъ, очевидно, отъ глубокой древности. Они поютъ:

Благослови, Троица
Богородица!
Намъ въ лѣсъ идти,
Намъ вѣнки завивать.
Ай Дидо, ой Ладо!
Намъ вѣнки завивать
И цвѣты срывать.
Ай Дидо. ой Ладо! и т. д.

Свивъ вѣнки, дѣвушки обмѣниваются ими съ парнями; дѣ

Библиотека "Руниверс"



Виды и зданія СПбурга. Видъ новаго зданія крытаго желѣзнаго рынка на Сѣнной площади.
Ориг. рис. съ натуры И. Суслова, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

вушка надѣваетъ вѣнокъ на голову, нарвъ на шляпу—и затѣмъ затѣваются разныя игры. Вечеромъ, лишь только сядетъ солнце, или на слѣдующій день, опять другая забава—дѣвушки ходятъ на рѣку и бросаютъ вѣнки въ воду. Это бросаніе вѣнковъ имѣетъ таинственный смыслъ; бросая въ воду вѣнокъ, дѣвушка загадываетъ о своей судьбѣ; если брошенный вѣнокъ уплываетъ не дотронувшись берега, то это хорошій знакъ, предвѣщающій исполненіе желаній, счастливый бракъ и долгую жизнь; если закружится на мѣстѣ—будетъ неудача: свадьба разстроится или случится какое нибудь другое несчастье; когда же вѣнокъ потонетъ—то это уже совсѣмъ плохо; дѣвушку ожидаетъ ранняя смерть, вдовство или безсемейная жизнь. И среди общаго веселья, среди громкой пѣсни, слышатся иногда слезы и грустные напѣвы; дѣвушки расходятся по домамъ въ самомъ различномъ настроеніи: однѣ внѣ себя отъ радости отъ успѣха гаданья, другія—грустныя и задумчивыя: вѣнокъ имъ предсказалъ смерть или горе, и ихъ невольно начинаютъ уже заранѣе мучить мрачныя предчувствія.

К. К. Случевскій.

(Портр. на стр. 500).

Въ журналахъ послѣднихъ лѣтъ читающая публика весьма часто встрѣчала произведенія, подписанныя именемъ г. Случевскаго, самаго разнообразнаго содержанія—то были и лирическія драмы и повѣсти, и небольшіе романы, и мелкія стихотворенія—и на всѣхъ ихъ несомнѣнно лежала печать оригинальности и таланта. Нѣкоторая небрежность и торопливость отдѣлки, нѣсколько рискованные образы и выраженія—это иногда затемняло всегда самостоятельно и талантливо задуманный планъ произведенія. Что касается отдѣльныхъ мѣстъ и стиховъ, то они нерѣдко полны истинной поэзіи и одушевленія.

Константинъ Константиновичъ Случевскій родился въ 1837 г. въ Петербургѣ и воспитывался въ I-мъ кадетскомъ корпусѣ; прослуживъ въ гвардіи до 1861 г., онъ, будучи уже въ академіи генеральнаго штаба, вышелъ въ отставку и тогда же отправился за границу. Тамъ слушалъ онъ лекціи въ Сорбоннѣ, —въ Парижѣ—въ Берлинѣ и Гейдельбергѣ, и въ университетѣ этого послѣдняго города выдержалъ экзаменъ, получилъ степень доктора философіи въ 1865 году и возвратился въ Россію.

Начиная съ 1859 года, стихотворенія К. К. начали появляться въ „Отечественныхъ Запискахъ", „Современникѣ" и обратили на себя вниманіе. Извѣстный критикъ нашъ, Аполлонъ Григорьевъ, обладавшій, какъ извѣстно, большимъ художественнымъ тактомъ и критическимъ пониманіемъ, встрѣтилъ весьма радушно новаго поэта и предрекалъ ему въ своихъ статьяхъ замѣтную будущность. Тогда было въ модѣ гоненіе на стихи, и по обстоятельствамъ ли жизни, или какъ слѣдствіе неблагопріятности отзывовъ, но имя К. К. долгое время не появлялось въ печати. Въ 1879 г. на страницахъ „Русскаго Вѣстника" и „Нов. Времени" появились двѣ поэмы его: „Въ снѣгахъ" и „Картинка въ рамкѣ"; въ нихъ много истинно поэтическихъ мѣстъ и описаній и прекрасныхъ одушевленныхъ стиховъ, скрашивавшихъ нѣкоторую напряженность плана и замысла.

Трудно было бы перечислить въ краткомъ очеркѣ все, что съ тѣхъ поръ появилось съ именемъ К. К. Кромѣ беллетристическихъ произведеній, имъ написана изданная въ 1866 г. книга: „Явленія жизни подъ критикою эстетики", которая указывала на серьезную эрудицію и вѣрное пониманіе ея авторомъ истинныхъ задачъ искусства и эстетики. Съ тѣхъ поръ изданы уже три тома отдѣльныхъ собраній стихотвореній поэта, нѣсколько романовъ и затѣмъ много мелкихъ произведеній, очерковъ, историческихъ эскизовъ, иногда весьма художественныхъ и оригинальныхъ. Изъ стихотвореній послѣдняго времени, нашему поэту особенно удались помѣщенные въ „Р. Вѣстникѣ" стихи „Изъ черноземной полосы". Читатели „Нивы" хорошо знакомы съ талантомъ поэта. Кромѣ стихотвореній и разсказовъ, была помѣщена у насъ его лирическая драма „Землетрясеніе", иллюстрированная Н. Каразинымъ.

Кузнечики.

(Рис. на стр. 504).

На страницѣ 505 помѣщенъ новый прелестный рисунокъ Джіакомелли. Это кусочекъ поля, засѣяннаго рожью, дозрѣвающею на іюньскомъ солнцѣ; тутъ видны васильки, бѣльцы и макъ. Два кузнечика, граціозно прильнувъ къ гибкимъ листочкамъ ржи, сидятъ неподвижно, но вотъ они вспорхнутъ, прыгнутъ съ листочка.... Природа схвачена тутъ съ такою правдивостью и художественностью, какія давно составляютъ принадлежность рисунковъ М. Джіакомелли.

Кузнечики, встрѣчающіеся въ изобиліи лѣтомъ, отличаются крѣпкими и длинными задними ножками, приспособленными къ прыжкамъ. Летательные органы у нихъ очень развиты, надкрылья очень длинны, а заднія крылья съ большою поверхностью. Первая пара крыльевъ у самцовъ расположена особымъ образомъ, превращающимъ ихъ въ музыкальный инструментъ. Между плоенными жилками, остается довольно значительное пространство, обтянутое прозрачной перепонкой. Насѣкомое приподнимаетъ крылья, быстро третъ ихъ одно о другое и такимъ образомъ производитъ звукъ.

Кузнечики, которые летаютъ очень хорошо, ходятъ съ трудомъ, но за то легко переносятся съ мѣста на мѣсто скачками.

Древніе народы боялись кузнечиковъ. Плиній старшій говоритъ, что появленіе ихъ считалось наказаніемъ, знакомъ Божьяго гнѣва. Въ Новой Каледоніи кузнечики достигаютъ очень большихъ размѣровъ, а изъ словъ Плинія видно, что въ его время кузнечики были также значительныхъ размѣровъ.

Птицы въ акваріумѣ.

(Рис. на стр. 505).

Новый видъ акварія, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ вольеркой и жардиньеркой, изготовляется очень просто. Въ большую стеклянную вазу вставляютъ стеклянный же цилиндръ, на дно котораго кладутъ жестяную дощечку, раскрашенную въ видѣ дна ручейка. Внутри цилиндра помѣщается нѣсколько металлическихъ перекладинокъ для птичекъ. Сверху вазы и цилиндра кладутъ металлическую сѣтку съ довольно крупными дырками для достаточнаго пропуска воздуха; наконецъ сверху сѣтки ставятъ горшки съ цвѣтами. Затѣмъ подставка можетъ быть сдѣлана изъ дерева или желѣза, смотря по желанію.

Наполнивъ акварій водою и пустивъ туда золотыхъ рыбокъ, а въ цилиндръ птичекъ, получается очень недорогое и красивое комнатное украшеніе, имѣющее еще то преимущество, что оно производитъ полную иллюзію, заставляя удивляться совмѣстному житью рыбъ и птицъ въ водѣ.

Новое зданіе рынка на Сѣнной площади въ С.-Петербургѣ.

(Рис. на стр. 501).

На нашемъ рисункѣ изображенъ новый, крытый желѣзный рынокъ на Сѣнной въ томъ видѣ, какой онъ будетъ представлять при его открытіи, въ скоромъ времени, т. е. въ первыхъ числахъ Августа мѣсяца сего года.

Сѣнная площадь, какъ мѣсто для торговли, была безплатно отведена пригороднымъ сельскимъ хозяевамъ для продажи привозимыхъ ими различныхъ продуктовъ городскимъ жителямъ въ 1775 году, Императрицею Екатериною II, которая первымъ „Городовымъ положеніемъ" разрѣшала торговлю на Сѣнной площади въ извѣстные дни недѣли, съ правомъ за торговцами оставаться на площади до другаго дня въ томъ случаѣ, если только имъ неудавалось сбыть продукты въ базарный день. Эта льгота, какъ и надо было ожидать, повела къ злоупотребленіямъ со стороны людей заинтересованныхъ въ дѣлѣ и они оставались съ своими возами долѣе положеннаго срока, а съ теченіемъ времени даже стали вести торговлю безпрерывно отъ одного базарнаго дня до другаго. Впослѣдствіи же подобный порядокъ вошелъ въ обычай и упрочился до того, что большая часть Сѣнной площади цѣлое полъ-столѣтія представляла собой постоянный рынокъ, и только меньшею ея частью пользовались дѣйствительно сельскіе промышленники, подвозившіе свои продукты изъ окрестностей С.-Петербурга.

Чтобы наконецъ покончить разъ навсегда съ незаконной наживой аферистовъ, городская дума въ 1851 году испросила себѣ право отдавать участки подъ торговлю на Сѣнной площади съ публичныхъ торговъ, вопреки жеребьеваго порядка, практиковавшагося до того времени.

Такимъ образомъ, установившаяся постоянная торговля на Сѣнной площади вызвала необходимость для храненія продуктовъ и крытыя помѣщенія въ видѣ дощатыхъ и рогожныхъ шалашей, разбросанныхъ гдѣ и какъ попало, безъ всякаго порядка и плана, самими торговцами; понятно, что площадь представляла собой: центръ грязи, зловонія отъ разлагавшихся отбросовъ и испорченныхъ продуктовъ, заражая тѣмъ самымъ на далекое пространство окрестный воздухъ, въ особенности въ лѣтнее время.

Въ 1860 году нѣсколько частныхъ лицъ предложили городской управѣ выстроить на свой счетъ крытый рынокъ, ставя условіе городскому управленію пользоваться зданіемъ, для отдачи торговыхъ помѣщеній въ наемъ въ продолженіи 30 лѣтъ; но городской думой это предложеніе было отклонено въ видахъ невыгодности для города таковой концессіи. Первая попытка частныхъ лицъ однако не отбила охоты у другихъ предпринимателей, и новые проэкты, одинъ за другимъ, слѣдуютъ почти въ продолженіи 25 лѣтъ, но по разнымъ несоотвѣтствующимъ думѣ соображеніямъ были отклоняемы и, приговоромъ 15 февраля 1868 года, она постановила выстроить зданіе рынка хозяйственнымъ образомъ, поручивъ при этомъ составленіе проэкта строительной коммисіи. Спустя 4 мѣсяца со дня приговора, въ думу былъ представленъ проэктъ Мерца и Макарова со смѣтой въ 150.000

Библиотека "Руниверс"

рублей. Проэктъ этотъ былъ думой утвержденъ и назначенъ двухъгодичный срокъ для исполненія постройки рынка на Сѣнной. Однако это постановленіе думы не могло быть приведено въ исполненіе вслѣдствіе поднятаго вопроса Высочайше утвержденной санитарной коммисіи о перенесеніи рынка съ Сѣнной на Александровскую площадь въ видахъ интересовъ общественнаго здравія; въ тѣхъ же видахъ С.-Петербургскій градоначальникъ Ѳ. Треповъ предложилъ съ своей стороны перенести торговлю на огородное мѣсто Измайловскаго полка. Какъ то, такъ и другое предложенія дума нашла не подходящими, рѣшивъ сохранить торговлю на прежнемъ мѣстѣ, причемъ поручила управѣ принять мѣры къ оздоровленію рыночной площади. На этомъ дѣло остановилось и вопросъ о рынкѣ опять былъ забытъ. Но благодаря толчку извнѣ, еще разъ выступаетъ на сцену и уже окончательно приводится въ исполненіе — это сообщеніе генераломъ Треповымъ Высочайше выраженнаго желанія видѣть, въ виду неотложной необходимости, и приведеніе въ порядокъ Сѣнной площади въ скорѣйшемъ времени. Въ томъ же году, т. е. въ 1879 былъ объявленъ публичный конкурсъ на составленіе проэкта рынка и изъ представленныхъ на конкурсъ увѣнчаны преміями: 1-ой—академика И. С. Китнера, 2-ой—Н. Сальмановича; изъ этихъ двухъ проэктовъ былъ выработанъ третій, настоящій, при участіи субъ-коммисіи и двухъ архитекторовъ Китнера и Тацки.

Зданіе рынка представляетъ собой четыре отдѣльные, крытые корпуса, раздѣленные между собой Забалканскимъ проспектомъ и Большой Садовой. Изъ нихъ одинъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, предназначается внутри — для торговли мясомъ вообще и зеленью; снаружи, въ крытыхъ ларяхъ— фруктовая, ягодная и цвѣточная, зимой-же—мерзлая рыба. Другой павильонъ въ бассейнахъ съ проточной водой—помѣщеніе для рыбнаго торга. Третій назначается для посуднаго и щепеннаго торга съ кладовыми надъ каждымъ ларемъ для храненія этого товара. И наконецъ четвертый—внутри съ торговлей молокомъ, творогомъ, хлѣбомъ, масломъ и т. п., въ ларяхъ-же по длиннымъ сторонамъ рынка назначается торговля мануфактурной производительностью, при чемъ внутри самаго зданія рынка назначается торговля сельскими продуктами съ возовъ, въѣздъ которыхъ будетъ со стороны обывательскихъ домовъ. Среди-же рыночной площади проэктированы мусорныя ямы для отбросовъ со всего рынка. Не упущено изъ виду, что весьма важно—это постоянное наблюденіе за доброкачественностію и свѣжестію привозимыхъ продуктовъ. Для чего тутъ-же на самомъ рынкѣ будетъ существовать санитарная станція, которая всегда можетъ предупредить негодность къ употребленію жизненныхъ припасовъ и кромѣ того быть мѣстомъ экспертизы для пріобрѣтаемаго покупателями товара. Вся стоимость крытаго рынка на Сѣнной исчислена по смѣтѣ въ 390,521 руб.

Относительно водоснабженія рынка—будетъ производится изъ городскихъ водопроводовъ. Вопросъ-же объ освѣщеніи пока окончательно не рѣшенъ, но имѣются въ виду двѣ системы: освѣщеніе фонарями, расположенными въ шахматномъ порядкѣ, и другая—по способу Сименса и Гальске съ регенеративными горѣлками.

Полы будутъ сдѣланы изъ бетона, поверхъ котораго предполагается вастилка по цементу изъ особо приготовленныхъ металлическихъ пластинокъ, заказанныхъ въ Англіи. Вѣсъ всѣхъ металлическихъ частей рынка, т. е. арокъ, боковыхъ галлерей, чугунныхъ переплетовъ для оконъ, крышъ изъ гофрированнаго желѣза и т. п. достигаетъ до 15,800 пудовъ.

Политическое обозрѣніе.

Франція и Китай.—Египетъ.—Англія.—Испанія.—Германія.

Примиреніе Франціи съ Китаемъ, какъ кажется, можетъ считаться уже вполнѣ обезпеченнымъ. Въ засѣданіи палаты депутатовъ Жюль Ферри изложилъ всѣ выгоды договора съ китайцами и прочелъ конвенцію, отъ 11 мая. Статьею чертвертою этого договора оговорено, чтобы при редакціи окончательнаго договора, который будетъ заключенъ съ Аннамомъ съ отмѣной всѣхъ прежнихъ договоровъ, касающихся Тонкина, французское правительство не употребляло выраженій, могущихъ, въ какомъ бы ни было смыслѣ, повредить авторитету и обаянію Китая. Далѣе Ферри заявилъ, что къ выполненію конвенціи уже приступлено. По заключенному договору капитана Фурнье 6 (18) мая съ Ли-Хунгъ-Чангомъ, китайскія войска должны были очистить Тонкинъ къ 14 (26) мая. Относительно мирнаго договора съ Китаемъ, парижскія газеты единогласно увѣряютъ, что Жюль Ферри поразилъ его неожиданностью всѣхъ своихъ товарищей по министерству и даже президента республики Жюля Греви. Дѣло въ томъ, что Жюль Ферри, миновавъ всѣхъ высшихъ и выдающихся представителей французской дипломатіи, непосредственно возложилъ чрезвычайныя полномочія, для веденія переговоровъ, на капитана фрегата Фурнье и далъ ему, такимъ образомъ, случай быстро привести дѣло къ желанному результату.

Въ событіяхъ Египта замѣчается теперь, какъ бы, затишье, хотя это затишье не обѣщаетъ ничего хорошаго, такъ какъ возстаніе, мало по малу, все-таки разростается. Такъ изъ Ассуана сообщаютъ, что губернаторъ Дарфура, Слатинъ-Бей, сдалъ городъ Фашаръ одному изъ предводителей возстанія и, такимъ образомъ, усилилъ скопища Махди еще девятью тысячами человѣкъ хорошо вооруженнаго войска. Махди, какъ утверждаютъ, покинулъ Элюбеибъ, съ цѣлью напасть на Дагтейль или Хартумъ. Селенія къ сѣверу отъ Бербера находятся въ полномъ возстаніи. Между тѣмъ, правительство Египта можетъ расчитывать на помощь Англіи не ранѣе осени; къ этому осеннему походу англійскій генеральный штабъ приготовилъ до сихъ поръ только планъ; кромѣ этого никакихъ приготовленій не сдѣлано. Англичане отдаютъ предпочтеніе движенію на Суакимъ, Берберъ и Хартумъ, признавая его наименѣе труднымъ изо всѣхъ другихъ путей. Египетскую армію предполагается направить вверхъ по Нилу, чтобъ отвлечь вниманіе мятежниковъ; англійская же нильская флотилія, состоящая изъ трехъ пароходовъ, будетъ дѣйствовать независимо отъ египетской арміи. Экспедиція, какъ слышно, предварительно заручится, если не содѣйствіемъ, то обѣщаніемъ соблюдать строгій нейтралитетъ со стороны Іоанна, короля Абиссиніи, и если король не откажется оказать фактическую помощь, то Англія намѣрена пообѣщать ему часть прибрежья Краснаго моря съ портомъ Зула или Массовы, что составляетъ предметъ давнишнихъ желаній Абиссиніи. Съ своей стороны Махди, какъ кажется, тоже не прочь войти въ соглашеніе съ королемъ Іоанномъ; какъ говорятъ, онъ уже два раза присылалъ къ послѣднему пословъ, съ предложеніемъ вступить съ нимъ въ оборонительный и защитительный союзъ. Въ награду пророкъ обѣщаетъ, что его полчище не сдѣлаетъ ни малѣйшаго вреда не только Абиссиніи, но и всѣмъ кантамъ-христіанамъ, пребывающимъ въ Суданѣ и Кордофанѣ.

Членъ палаты общинъ Бартлетъ въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій обратилъ вниманіе палаты на поступательное движеніе Россіи въ Средней Азіи, при чемъ порицалъ образъ дѣйствій, въ этомъ случаѣ, англійскаго правительства. Ему отвѣчалъ лордъ Фицъ-Морисъ и заявилъ, что хотя правительство и признаетъ поступательное движеніе Россіи вопросомъ чрезвычайной важности, но полагаетъ при этомъ, что не можетъ быть никакой выгоды возбуждать по этому поводу пренія и питать опасенія, такъ какъ это не содѣйствовало бы ни всеобщему міру, ни выгодамъ Англіи.

Открытіе испанскихъ кортесовъ состоялось съ особенною торжественностью въ присутствіи короля, королевы и инфанты. Прочитанная при этомъ тронная рѣчь указываетъ вообще на благопріятное положеніе дѣлъ въ королевствѣ; что же касается нѣкоторыхъ затрудненій, съ которыми борется правительство, то они, по словамъ рѣчи, никакъ не опаснѣе и не тревожнѣе тѣхъ, съ которыми теперь ведутъ борьбу другія европейскія государства. Причину волненій въ Испаніи тронная рѣчь ставитъ въ прямой связи съ анархическимъ движеніемъ въ другихъ странахъ и прямо заявляетъ, что враги порядка слишкомъ безсильны, чтобы внушать серьезныя опасенія.

О заграничномъ путешествіи Ея Величества Государыни Императрицы мы можемъ сообщить пока слѣдующія свѣдѣнія: Ея Величество 9 мая благополучно прибыла въ Берлинъ. Императоръ Вильгельмъ ожидалъ Ея Величество въ вокзалѣ на Фридрихштрассе и сердечно привѣтствовалъ Государыню, по прибытіи, въ вагонѣ-салонѣ. Минутъ черезъ десять Императоръ простился съ Августѣйшей путешественницей и Ея Величество продолжала путь. 10 мая Государыня Императрица прибыла въ Франкфуртъ на Майнѣ, а изъ Франкфурта изволила прослѣдовать въ экипажѣ въ Румпенгеймъ. Сопровождали Государыню Императрицу герцогъ Нассаускій и наслѣдный принцъ Датскій съ супругою, выѣхавшіе на встрѣчу Ея Величеству въ Франкфуртъ. 13 мая прибылъ въ Румпенгеймъ Германскій наслѣдный принцъ и привѣтствовалъ Государыню Императрицу, Датскую королеву и другихъ высокихъ особъ. Вечеромъ того же дня былъ данъ въ Филиппсруэ блестящій вечеръ съ живыми картинами и волшебнымъ освѣщеніемъ оранжерей и парка. Вечеръ посѣтили Государыня Императрица и Германскій наслѣдный принцъ.

Смѣсь.

Число магометанъ въ Индіи простирается до 41 милліона, что составляетъ болѣе 1/5 части всѣхъ мусульманъ на землѣ. Королева Викторія, какъ императрица Индіи, повелѣваетъ, слѣдовательно, большимъ числомъ магометанъ, чѣмъ самъ турецкій султанъ.

Вліяніе климата на ростъ волосъ давно уже всѣмъ извѣстно; каждый знаетъ также, что лѣтомъ волосы и ногти растутъ сильнѣе; но о томъ, на сколько поразительно дѣйствуетъ на ростъ волосъ тепло въ дѣйствительно жаркихъ климатахъ, врядъ ли можно

Библиотека "Руниверс"

себѣ представить. Нашъ знаменитый путешественникъ Пржевальскій сообщаетъ объ этомъ свои наблюденія во время третьяго путешествія по центральной Азіи. Это было въ іюнѣ, когда земля тамъ накаливается до 49,6° Реомюра, въ то время какъ въ тѣни бываетъ 28°.

Въ 8 часовъ вечера еще держится температура 26° Р. Эти жары

Кузнечики и полевые цвѣты. Ориг. рис. Джіакомелли, грав Тилли.

на столько велики, что дѣлаютъ путешествіе днемъ рѣшительно невозможнымъ. Ко всему этому—ночью начинаетъ дуть горячій вѣтеръ. При такомъ сильномъ зноѣ, что конечно придавало воздуху высшую степень сухости, путешественникъ замѣтилъ, что у всѣхъ участниковъ экспедиціи бороды и волосы на головѣ страшно стали ростъ; удивительнѣе же всего было то, что молодые казаки, которые пришли въ эту пустыню съ гладкими юношескими лицами, обросли здѣсь бородами. Интересно знать, замѣчали ли тоже явленіе и другіе путешественники по жаркимъ странамъ.

Благотворительность въ древнія времена. Благотворительность отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ обществъ, выступающую на помощь пострадавшимъ отъ различныхъ несчастныхъ случаевъ, въ родѣ землетрясеній, наводненій, изверженій вулкановъ и т. п., выставляютъ, какъ особое доказательство гуманности нашего вѣка; а между тѣмъ уже въ древнѣйшія времена встрѣчаемъ мы, при подобныхъ случаяхъ, такое же выраженіе сочувствія къ пострадав-

Библиотека "Руниверс"

шимъ и желаніе придти на помощь посильными матеріальными приношеніями. Когда островъ Родосъ (224 до Р. Х.) подвергся сильному землятрясенію, которымъ было между прочимъ разрушено и одно изъ семи чудесъ свѣта—„Колоссъ Родосскій", то во всемъ римскомъ и греческомъ мірѣ явилось необыкновенное рвеніе къ благотворительности, направленной къ тому, чтобы облегчить участь пострадавшихъ жителей острова отъ такого неслыханнаго злоключенія. Частныя лица и города, бѣдные и богатые, князья и короли слали отовсюду свои приношенія съ изъявленіемъ полнѣйшаго сочувствія горю. Короли Сициліи, Гиронъ и Гелонъ, пожертвовали, каждый, болѣе 100 талантовъ (1/2 милліона рублей) пострадавшимъ родосцамъ; кромѣ того они воздвигли на городской площади своей резиденціи двѣ прекрасныя статуи, изъ которыхъ одна изображала Родосъ, а другая Сицилію, украшающую вѣнкомъ первую; памятникомъ этимъ, говоритъ Полибіусъ, желали выразить, что сицилійцы считаютъ за честь, что имъ удалось помочь своимъ пострадавшимъ соотечественникамъ. Птоломей, царь египетскій, послалъ отъ себя 300 талантовъ, милліонъ мѣръ пшеницы и строеваго лѣса на двадцати военныхъ корабляхъ и торговыхъ судахъ; и еще особо три тысячи талантовъ (7 милліоновъ рублей) для возстановленія „Колосса". Съ подобными же доброхотными жертвованіями явились короли Антигонъ, Митридатъ, Селевкъ и богатые города Средиземнаго моря, которые не хотѣли отставать отъ другихъ въ соревнованіи для поданія помощи пострадавшимъ. Между частными жертвователями заслуживаетъ вниманія одна женщина, которая въ дѣйствительности оправдала свое имя—Chryseis (золотая), пославъ родосцамъ сто тысячъ мѣръ пшеницы.

Викторъ Эммануилъ II (род. 14-го марта 1820 г. и умер. 9 го января 1878 г.), рѣдко позволявшій себѣ шутить, сказалъ однажды своимъ солдатамъ слѣдующую остроту въ пылу сраженія. Во время итальянской войны 1859 г., когда Викторъ Эммануилъ со своей арміей наступалъ противъ австрійцевъ занимавшихъ Санъ-Мартино, онъ крикнулъ своимъ звучнымъ голосомъ: „Товарищи! мы должны взять обратно Санъ-Мартино или сдѣлать Санъ-Мартино!" Сдѣлать Санъ-Мартино — итальянское выраженіе, означающее „дать тягу".

Въ эту же войну Викторъ Эммануилъ, тогда еще король Сардиніи, въ битвѣ при Палестро былъ названъ зуавскимъ капраломъ. Этимъ наименованіемъ французскіе солдаты величали только тѣхъ, кто отличался изумительной храбростью. Кромѣ Виктора Эммануила этимъ названіемъ чествовали только Мальбоуга — „Caporal John" и Наполеона I — „le petit Caporal".

Тропическіе владыки все болѣе и болѣе входятъ во вкусъ относительно путешествій въ Европу. Одинъ за другимъ появляются они на нашемъ континентѣ, чтобы подивиться нашей жизни, далеко ушедшей отъ того состоянія, въ которомъ находятся подвластныя имъ страны. Къ сожалѣнію, эти дѣти природы смотрятъ съ благоговѣніемъ и поражаются только внѣшнимъ видомъ, лоскомъ цивилизаціи: явленія же, которыя внушаютъ намъ, европейцамъ, удивленіе и возбуждаютъ къ себѣ уваженіе — проходятъ они мимо, смотрятъ на нихъ безучастно, какъ будто они въ своей Океаніи или Готентотской пустынѣ все это уже видѣли, да еще, пожалуй, въ лучшей формѣ. Такъ относились ко всему окружающему Калакуа, Сетивайо и королева Таити, когда ихъ, напримѣръ, развозили по Парижу и показывали всѣ чудеса этой столицы міра.

Въ настоящее время ожидаютъ посѣщенія короля Маори—Тугнао. Маори это мало извѣстное племя, обитающее въ Новой Зеландіи. О королѣ ихъ Тугнао мы знаемъ очень немного. Друзья его и покровители, англичане, считаютъ его самымъ высоко-добродѣтельнымъ властителемъ и въ знакъ признательности хотятъ доставить ему удовольствіе путешествіемъ въ Европу. Уже всѣ приготовленія къ отъѣзду окончены: такимъ образомъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы будемъ привѣтствовать прибытіе дорогаго гостя.

О личности махди находятся весьма интересныя свѣдѣнія въ письмахъ одного нѣмца, живущаго въ Казала, въ Суданѣ. Магомедъ-Ахмедъ—таково имя махди—былъ торговецъ скотомъ въ Хартумѣ и этимъ занятіемъ сколотилъ себѣ небольшое состояніе. Свою агитаторскую дѣятельность началъ онъ съ одной школы, основанной имъ въ 50 миляхъ сѣвернѣе Хартума, въ мѣстечкѣ Таманіатъ; позднѣе онъ перенесъ ее на островъ Аба, на Бѣломъ Нилѣ, гдѣ встрѣтилъ большое сочувствіе къ своимъ проповѣдываніямъ и набралъ приверженцевъ своихъ идей. Въ Аба религіозный фанатизмъ Магомеда-Ахмеда достигъ полнаго развитія и здѣсь онъ объявилъ себя „махди", что значитъ „человѣкъ направленный Богомъ на истинный путь". Разсылать свои посланія къ сосѣднимъ арабскимъ племенамъ началъ онъ еще въ 1880 году. Одно изъ такихъ посланій было также прислано въ Казала, къ прежнему товарищу Магомеда-Ахмеда по торговлѣ. „Теперь стало ясно, говорится въ этомъ письмѣ, что самъ Богъ избралъ меня для великаго дѣла, такъ какъ пророкъ, въ рукахъ котораго находится жизнь и смерть людей и дающій благословеніе Божіе, возвѣстилъ мнѣ, что я есть ожидаемый махди". Жестокость махди, о которой такъ много писали европейскія газеты, надаетъ въ большинствѣ случаевъ на необузданную шайку, которая собралась подъ начальствомъ Магомеда-Ахмеда и которую не могъ обуздать „могущественный махди." И, и блестящей побѣдѣ, которую махди одержалъ въ іюнѣ 1882 г. надъ Юзуфъ-пашей, выступившемъ съ значительной арміей противъ мятежниковъ, къ махди попалъ въ плѣнъ одинъ тиролецъ, Жозефъ Оберндорферъ, который не извѣстно какими судьбами очутился въ арміи Юзуфа-паши. Этого тирольца махди взялъ къ себѣ въ слуги.

Птички въ акваріумѣ. Рис. Тиссандье, грав. Тилли.

Къ средѣ лицъ, способствующихъ распространенію знаній при посредствѣ публичныхъ лекцій, въ настоящее время можетъ быть причисленъ одинъ ученый — китаецъ, нѣкто Тангъ-Хуенъ-Хинъ, семидесятилѣтній старецъ, который читаетъ лекціи въ Парижѣ о своемъ отечествѣ и Тонкинѣ. Лекторъ, болѣе тридцати лѣтъ состоявшій на службѣ въ министерствѣ, въ Пекинѣ, сдѣлалъ французамъ очень интересныя сообщенія относительно низкой платы за ручной трудъ, которая почти не можетъ быть исчислена на наши деньги. По поводу Тонкина онъ говоритъ: „Останется ли эта страна независимой, или будетъ владѣніемъ Франціи— для Китая рѣшительно не представляетъ никакого интереса; въ послѣднемъ случаѣ, Франціи предстоитъ громадный цивилизаторскій трудъ, что несомнѣнно можетъ послужить только къ пользѣ Китая".

Новыя парижскія моды. Новымъ украшеніемъ шляпъ, которыя Парижъ разсылаетъ теперь по всему свѣту, служатъ артишоки. Носятъ ихъ въ миніатюрномъ видѣ въ формѣ маленькихъ букетиковъ, гирландъ или въ натуральную величину 1—2 штуки. Кромѣ того, какъ украшеніе шляпъ, начинаютъ входить въ употребленіе лягушки. Онѣ особенно эффектны на красномъ фонѣ.

Дыханіе у здороваго человѣка не должно имѣть никакого запаха, но у многихъ лицъ при общемъ страданіи организма или при мѣстныхъ болѣзняхъ рта, какъ напр., при цингѣ, слюнотеченіи отъ ртути, при болѣзняхъ желудка, кишечника или легкихъ, выдыхаемые газы получаютъ примѣси, дѣйствующія весьма непріятно на обоняніе. Если непріятный запахъ случается при отсутствіи названныхъ болѣзней, то причину его нужно искать въ каріозномъ процессѣ зубовъ или въ недостаточной чистотѣ ихъ и полости рта, вообще, въ разстройствѣ пищеваренія или наконецъ въ болѣзни слизистой оболочки носа. Никакой возрастъ не застрахованъ отъ этой непріятной болѣзни, но у дѣтей она встрѣчается сравнительно рѣже, чѣмъ у людей, достигнувшихъ средняго возраста. Женскій организмъ, какъ болѣе слабый, легче подвергается этому заболѣванію, чѣмъ мужской. Если непріятный запахъ происходитъ отъ болѣзней рта, то соблюденіе педантической чистоты, частымъ полосканіемъ его, особенно послѣ ѣды, и чисткой зубовъ угольнымъ порошкомъ при помощи щеточки и затѣмъ полосканіемъ теплой водой съ ароматическимъ зубнымъ порошкомъ или зубной тинктурой, можетъ

Библиотека "Руниверс"

окончательно устранить этотъ недостатокъ. Кромѣ того гортань, которая также служитъ часто причиной непріятнаго запаха изо рта, нужно нѣсколько разъ въ теченіи дня полоскать или чистой водой или съ примѣсью хлорной воды, хорошаго виннаго уксуса, порошка квасцовъ (на кончикъ ножа), тинктуры мирры (30—40 капель), ложки рома или одеколона на стаканъ воды.

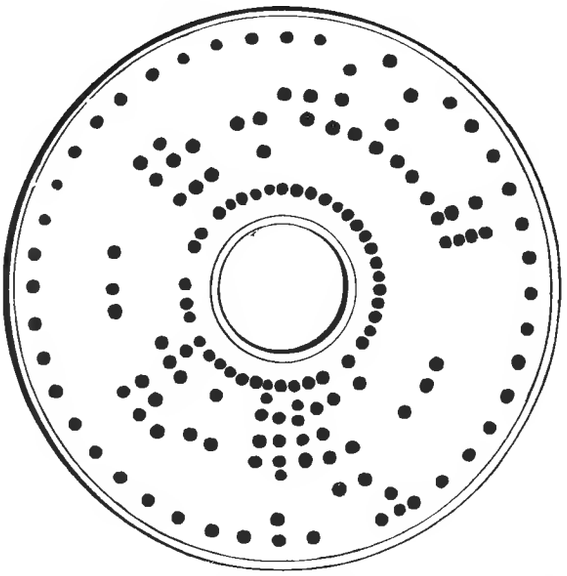
Изъ Нью-Іорка сообщаютъ, что находившееся въ цѣпи горъ Удахо озеро Редъ-фисъ-лякъ, въ нѣсколько миль длины и весьма глубокое, вдругъ исчезло, погрузившись въ глубину. Озеро лежало на высотѣ 11,000 футовъ надъ поверхностью моря и было окружено густымъ лѣсомъ. Скалы, образовавшія отверстіе, состоятъ изъ гранита и известковаго камня. Озеро изобиловало рыбой, которая, конечно, вмѣстѣ съ водой погрузилась въ таинственную бездну.

На дняхъ къ бургомистру Вѣны явилась неизвѣстная личность и передала ему безъ всякихъ объясненій пакетъ съ надписью: „золотая рента въ 100 тысячъ гульденовъ" (гульденъ—почти 62 коп.) и быстро исчезла. Бургомистръ вскрылъ пакетъ и дѣйствительно нашелъ въ немъ указанную на пакетѣ ренту и адресованное на его имя письмо, въ которомъ говорилось, что рента эта жертвуется на какое нибудь учрежденіе города, выборъ котораго предоставляется бургомистру. Здѣсь же находилось и другое запечатанное письмо, которое приславшій просилъ вскрыть только въ 1890 году. На оборотной сторонѣ запечатаннаго письма приклеена оторванная половина карты; по поводу нея въ письмѣ говорилось, что если кто либо предъявитъ другую половину этой разорванной карты, то пакетъ можетъ быть вскрытъ и ранѣе назначеннаго срока, т. е. до 1890 г. Бургомистръ передалъ золотую ренту и запечатанный пакетъ директору городской кассы для храненія. Интересно знать, почему этотъ великодушный другъ человѣчества не пожелалъ открыть своего имени?

Индиго, которое уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ употребляется для окрашиванія тканей, получается, какъ извѣстно, изъ растенія того же имени. Его скашиваютъ передъ цвѣтеніемъ, кладутъ на пятнадцать часовъ въ воду, гдѣ оно приходитъ въ броженіе. Вода, окрашенная въ желтый цвѣтъ, сливается въ особые сосуды, гдѣ ее искусственнымъ образомъ приводятъ въ соприкосновеніе съ воздухомъ, кислородъ котораго способствуетъ выдѣленію окрашивающаго матеріала, собирающагося на днѣ сосуда въ видѣ голубаго осадка, который затѣмъ прессуется и сушится. Такъ какъ культура индиговаго растенія можетъ приносить доходъ только въ тропическихъ странахъ, то Европа принуждена ежегодно покупать его на 50 милліоновъ рублей для своихъ нуждъ. Въ будущемъ этого по всей вѣроятности не будетъ. Химіи удалось наконецъ получить индиговую краску искусственнымъ образомъ. Анилиново содовая фабрика въ Людвигсгофенѣ, на Боденскомъ озерѣ, получила недавно патентъ на новое производство, именно: на приготовленіе искусственной индиговой краски. Много вѣроятія, что искусственное индиго ожидаетъ такая же блестящая будущность, какъ анилиновыхъ красокъ, которыя еще тридцать лѣтъ тому назадъ вовсе не были извѣстны въ техникѣ.

Масляныя бомбы. Послѣ ряда опытовъ успокаиванія взволнованнаго моря посредствомъ разливанія по его поверхности масла, которые дали вполнѣ удовлетворительные результаты, англійскій инженеръ Гордонъ устроилъ родъ бомбы, наполненной масломъ, которая выбрасывается посредствомъ мортиры, разрывается при паденіи въ воду и, покрывъ поверхность ея содержащимся въ ней масломъ, дѣлаетъ ее гладкой. Бомба снабжена двумя фитилями, которые загораются въ каналѣ мортиры при воспламененіи заряда и продолжаютъ горѣть даже подъ водой. Эта вновь изобрѣтенная бомба недавно была испытана на практикѣ и опыты увѣнчались полнымъ успѣхомъ: взволнованная поверхность моря была на столько сглажена разлившимся изъ брошенной съ корабля бомбы масломъ, что ботъ могъ свободно плавать между кораблями.

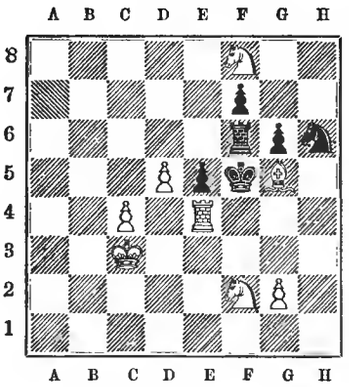
Задача точекъ № 20.



Данныя точки соединить между собою прямыми линіями, такимъ образомъ, чтобы составилась одна русская пословица.

Шахматная задача № 21.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками** (новаго образца) **на типографскіе расходы.**

СОДЕРЖАНІЕ: **Училище рисованія барона Штиглица** (съ 2 рис.).—**Вадимъ Голетаевъ.** Разсказъ **Я. П. Полонскаго.** — **Разбойникъ Сотири.** (Изъ воспоминаній консула). Разсказъ **К. Н. Леонтьева.** (Окончаніе).—**Рыбакъ** (съ рис.).—**Дѣтскій портретъ** (съ рис.).—**Завиваніе вѣнковъ въ Троицынъ день** (съ рис.).—**К. К. Случевскій** (съ портр.).—**Птицы въ аквариумѣ** (съ рис.).—**Кузнечики** (съ рис.).—**Новое зданіе рынка на Сѣнной площади въ С.-Петербургѣ** (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Задачи.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Ред. Ф. Беогъ. Изд. А. Ф. Марксъ.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. СПБ.
ПОЛНЫЙ ТОМЪ
„НИВЫ" 1883 Г.
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1.200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. С. Соловьева—„Старый домъ"**; повѣсть **Д. В. Григоровича—„Гуттаперчевый мальчикъ"**; повѣсть **Н. Лебедева (Морскаго)—„Въ цвѣтахъ"**; повѣсть **Н. Д. Ахшарумова—„Подъ колесомъ"**; очеркъ **Н. Успенскаго—„На поискахъ"**; разсказы **П. П. Гнѣдича—„На морскомъ берегу"** и **„Устроилась"**; большую историческую повѣсть **Кирилова—„Полиевктъ изъ Золотоноши"** и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Профессора Импер. Акад. Художествъ **В. И. Якобія—„Король-женихъ"**.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к. | Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 „ — „ | Съ пересылкою 7 „ 50 „

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, ВЪ КОНТОРУ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА", Б. МОРСКАЯ, № 9; ВЪ МОСКВѢ—ВЪ ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ „НИВЫ" У Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Д. ПЕТРОВСКИХЪ ТОРГОВЫХЪ ЛИНІЙ.

Вышелъ съ росписаніемъ лѣтняго движенія
Полный карманный путеводитель
для желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ, почтовыхъ, прямыхъ сообщеній въ Россіи и заграницею. Подробныя росписанія, **1,200 маршрутовъ** прямаго сообщенія и карта. Цѣна 40 коп., продается у книгопродавцевъ во всѣхъ городахъ Россіи.
№ 3371 I—I

Изданіе А. Ф. Маркса. СПБургъ, Б. Морская, № 9.
ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
„СТАРЫЙ ДОМЪ".
Историческій романъ царствованія Императора Александра I и начала царствованія Императора Николая I, въ 2-хъ частяхъ,
ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.
(Продолженіе историческихъ романовъ „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ" и „ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ").

Напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и въ концѣ каждой главы. 693 страницы. Спб. 1884 г. Цѣна **3** р., съ перес. **3** р. **50** к.; въ красивомъ каленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ **4** р., съ перес. **4** р. **50** коп.

Съ требованіями обращаться въ контору изд. А. Ф. МАРКСА, СПБургъ, Б. Морская, д. № 9 и въ отдѣленіе конторы „Нивы" въ **Москвѣ**, д. Петровскихъ линій, къ **Н. Н. Печковской.**

Романъ этотъ, какъ и прочія произведенія Всеволода Соловьева, также можно пріобрѣсти у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Библиотека "Руниверс"

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

О ДЕ ЛИСЪ ДЕ ЛОЗЕ (EAU DE LIS DE LOHSE)

для улучшенія и украшенія **ЦВѢТА ЛИЦА, отъ веснушекъ, загара, красноты, угрей, желтыхъ пятенъ, также отъ нечистоты кожи всякаго рода**, наилучшее предохранительное средство, существующее уже 50 лѣтъ. Ежедневное употребленіе „О де Лисъ де Лозе" дѣйствуетъ **охладительно** и **освѣжительно**, дѣлаетъ кожу ослѣпительно бѣлой и нѣжной и придаетъ ей здоровый, цвѣтущій видъ. Въ обыкновенныхъ флак. по 1 р. 50 к.—3 руб.

Во избѣжаніе поддѣлокъ слѣдуетъ требовать „О де Лисъ де Лозе" (Eau de Lys de Lohse).

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ парфюмеръ Ея Имп. Вел. Императрицы Германской, Ея Имп Высоч. Наслѣдницы Герман. Престола. **БЕРЛИНЪ, W.** Jaeger-Strasse, 46.

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ Россійской Имперіи. Ц. № 3220 9—5

ГАЛЬМАНИНЪ.

Извѣстный своими свойствами предотвращающими прніе частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ, ***Гальманинъ*** *продается въ аптекахъ, а также у дрогистовъ значительнѣйшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи.* ***Главное депо*** *находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца аптеки, магистра фармаціи* ***В. Карпинскаго,*** *улица Электоральная, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к.* ***Нужно остерегаться поддѣлокъ*** *и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г.* **В. Карпинскій** *магистръ фармаціи.* № 3350 6—1

Изданія А. Ф. Маркса въ СПБ.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника **XVIII** вѣка. 2-е изданіе. СПБ. 1882 г Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 руб. 50 коп.

ИЩУТЪ

въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральн контору объявленій, **Невскій пр., № 8, подъ лит. В.** Р. № 3328

БУРАКСИЛИНЪ изъ экстракта растеній и буры. **Д-га Денандоля изъ Парижа.** Вѣрнѣйшимъ средствомъ служитъ отъ **ЗАГАРА И ВЕСНУШЕКЪ.** Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб. **У В. ПАРИКОВА и К°.** въ Гостиномъ дворѣ № 78, СПБ. № 3352 5—2

№ 3090 25—10

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМА
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, 21.

ПРОДАЕТЪ
5% ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖЕЙ
на слѣдующихъ условіяхъ: задатокъ **20 р.** на билетъ, остальная сумма уплачивается мѣсячными взносами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе
5 РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.
Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на купленный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю.

Контора предлагаетъ свои услуги по всѣмъ банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностію за самое умѣренное вознагражденіе Р. № 3353 7—2

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. СПБ.
СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ.
Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ,
ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.
Большой томъ in 8—всего 672 стр., печатан. на лучшей веленевой бумагѣ, съ виньет. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ красивомъ оригинальномъ каленкоровомъ переплетѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ".
Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ двухъ частяхъ.
Всеволода Соловьева.
(ПРОДОЛЖЕНІЕ историч. романа „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ").

Напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 711 страницъ. С.-Петербургъ. 1883. **Цѣна 3 руб., съ перес. иногород. 3 р. 50 к., въ красивомъ налеккоровомъ переплетѣ съ золот. тисн. 4 р., съ перес. иногор. 4 р. 50 к.**

Главный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ редакціи „Нивы", въ Больш. Морской, д. № 9; и **въ Москвѣ: въ конторѣ отдѣленія „Нивы" у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, въ Петровск. линіи,—а также можно найти эти книги у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.**

ПОГРЕБЪ
Г. РОССОПИМО
КРЫЛОСКИХЪ И БЕССАРАБСКИХЪ ВИНЪ,
извѣстныхъ своимъ хорошимъ качествомъ и умѣренными цѣнами.
Казанская ул., № 18, противъ Ломбарда. № 3368 1—1

Англійскія концертино
ПЕРВАГО ИЗОБРѢТАТЕЛЯ ВЕТСТОНА
цѣною отъ 70 р. до 250 руб.
МОСКВА, У П. ЮРГЕНСОНА
10. НЕГЛИННЫЙ ПР. 10.
С.-Петербургъ, у І. Юргенсона, Большая Морская 9. П. № 3362

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.
Съ разрѣшенія С.-Петерб. Врачебн. Управленія
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МОЛОКО СРЕДСТВО ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ И БѢЛИЗНЫ КОЖИ.
ВЕСЕННЕЕ МОЛОКО СРЕДСТВО ОТЪ ЗАГАРА, КРАСНОТЫ, ПЯТЕНЪ
СГУРЕЧНОЕ МОЛОКО — ЧЕРЕМУХОВОЕ МОЛОКО.
ИРИСОВОЕ МОЛОКО
самаго высшаго качества.
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ
къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.
Требовать при покупкѣ каждаго предмета точность фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) **Невскій проспектъ**, домъ № 32, Католической церкви.
2) **Невскій проспектъ**, домъ № 66, у Аничкова моста.
3) **Вознесенскій проспектъ**, уголъ Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера.
Контора, фабрика и оптовый складъ: Измайловскій просп., № 21, собственный домъ, **въ С.-Петербургѣ.** Р. № 3349 2—2

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ*).**

Признанъ за **лучшее средство** противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная **съ простаго катарра** до **чахотки** и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ № 3317 10—5 **Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста** для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ въ **С.-Петербургѣ.**

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Имѣется во многихъ Тор. Аптек. Тов. Глав. складъ д. Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Аурихa, Б. Морск 17.

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ, № 3360 7—1
ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ.

ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ
бѣлитъ зубы, не портя ихъ эмали, предотвращаетъ гніеніе зубовъ.

ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ
укрѣпляетъ десны, утоляетъ зубную боль, освѣжаетъ ротъ.

Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

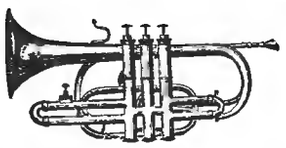
Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФРЕРА,
19, Rue Jacob, Paris.
У ВСѢХЪ АПТЕКАРЕЙ И ПРОДАВЦЕВЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

Библиотека "Руниверс"



КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ.

Наилучшихъ парижскихъ фабрикантовъ и собственной фабрики со стоячими и лежачими клапанами, въ хорошихъ деревянныхъ футлярахъ, отъ 18 до 225 руб. **Альторны, баритоны, вальторны, тромбоны, трубы, басы, геличоны, сигнальные рожки, флейты, пикколо-флейты, кларнеты, бубны, тарелки, ложки, бубчуки, кастаньеты** и прочіе инструменты въ самомъ большомъ выборѣ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ рекомендуетъ:

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

С.-Петербургъ, по Б. Морской, д. № 36.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Новѣйшій иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. Мастерская для починки и изготовленія новыхъ инструментовъ. Р. № 3370 2—1

ОСОБА

среднихъ лѣтъ, институтка, знаяя языки французскій, нѣмецкій и музыку, желаетъ мѣсто при дѣтяхъ или компаніонки и по хозяйству. Уголъ Знаменской и Итальянской, домъ Дурдина, письменно. № 3347 2—2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Вас. Островъ, 1 линія, № 10.

МОСКВА. Мясницкая ул., домъ Сытова.

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ

для тушенія пожаровъ въ зачатѣ и поливки цвѣтовъ по 16 р. Упаковка 40 коп.

РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА

10 разн. размѣровъ—наименьшая выбрасыв. 600 ведеръ воды въ часъ и стоющ. 115 р. Наибольшая—1800 ведеръ и стоющ. 400 р.

Насосы ручные, приводные и паровые для всѣхъ возможныхъ цѣлей.

ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЛЯ

лучшій паровой насосъ настоящ. времени

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МАШИНЪ ВСЯКАГО РОДА ПРЕДЛАГАЕТЪ

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ

Иллюстр. катал. безплатно. № 336, 6—1

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія.

ТОПОЛИНЪ или **ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ.**

М. М. Петрова.

Для лица № 1. Усовершенств. средство, уничтожающее прыщи, красныя пятна, загаръ, веснушки; при употребленіи лицо пріобрѣт. здоровый и красивый цвѣтъ.

Для головы № 2. Дѣйствительно очищаетъ кожу отъ перхоти, освѣжаетъ голову, прекращаетъ головныя боли, почему прекращаетъ и выпаденіе волосъ.—Въ виду поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на клеймо (М. М. Петрова).

Цѣна флак. по 1 р. 25 к. и ½ фл. по 75 к.

Главные склады: въ аптекахъ и во всѣхъ московск. аптекарск. магазинахъ.

Продается: въ аптекахъ, аптекарскихъ и др. магаз. Россіи и заграницей.

Для гг. оптовыхъ покупателей установлена % скидка.

Съ треб. просятъ обрщ. въ главный складъ: Москва, Никитская аптека Петрова, бывш. Келлеръ. По почтѣ высылается не менѣе 2 флак. за 3 р. 50 к.

Ц. № 3106 26—10

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА.

Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и факсимиле. 3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 8 руб., съ пересылкою 9 руб.

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ" 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 руб., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

☞ Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: **„ДВА МІРА"** и отдѣломъ въ прозѣ:

„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ".

Первое единственное, **дѣйствительно полное собраніе сочиненъ. А. Н. Майкова.**

Книгу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала **„Нива"** (Бол. Морская, № 9); **въ Москвѣ у Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons ROUME.

CHIFFRES ÉLOQUENTS.

Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons ROUME.

PARFUMERIE DU GRAND MONDE—maison de confiance

SAVON THRIDACE | par 3 douzaines } 6 R. 20 Cop. la douzaine
SAVON VELOUTINE

	R.	C.
Extraits Atkinson petit 1 once		80
„ „ 2-me 2 „	1	50
„ „ 3-me 4 „	2	50
„ „ 4-me 8 „	4	—
„ „ 5-me 16 „	7	95
Sachets Atkinson	—	35
Veloutine Ch. Fay de Paris .	—	90
Crême Simon petit	—	40
Crême glycerine Gellé 70 cop. et 8 R. la douz.		
Ess-bouquet Bayley	1	10
Extrait ororonax Piesse Lubin le fl.	1	—
Eau de Lys de Lohse le fl. .	1	10
„ „ „ „ les 12 fl.	12	40
Elixir Th. Evans	1	90
Poudre.	2	—
Zahn Pasta du D-r Boutemard	—	30
Lait d'iris de Piver	1	25

	P.	C.
Pâte dentifrice Gollé	—	45
„ „ „ les douze	5	20
Nigritine Gellé, 1. 50 et . .	2	30
„ „ les douze . .	23	50
Elixir du D-r Pierre moyon	1	70
„ „ „ „ grand	3	30
Vinaigre 1. V. Bully, le fl. .	1	15
Crême oriza Legrand	1	80
Crême camélia Fay	1	90
Poudre de riz Iava	—	50
Eau de Cologne Iulich's Platz № 4 moyen	—	60
Pondre dentifrice société hygiénique		75
Extrait Maiglöckchen de Lohse petit	—	95
„ „ 2-me	1	60
Alcool de menthe de Riqlés .	—	80
Elixir Pelletier	1	10

Savon des familles savonnerie de Paris - la douzaine. . 1 —

Les articles les plus nouveaux, les plus courus, les plus fins, les plus en vogue à Paris se trouvent

MAISON ROUME

moins cher que partout ailleurs

16 Grande-Morskaïa, 16.

PAFUMERIE DU GRAND MONDE. М. № 3367

PARFUMERIE DU GRAND MONDE—maison de confiance

„Элеопатъ" Провизора Кинунена употребляется противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, для укрѣпленія корней волосъ, увеличиванія густоты и останавливанія выпаденія волосъ.

Безпристрастные и благодарственные отзывы и лестныя заявленія тѣхъ лицъ, которыя употребляли „Элеопатъ", даютъ намъ возможность рекомендовать этотъ новый препаратъ.

Каждый флаконъ „Элеопата" содержитъ 120 граммовъ, и имѣетъ въ самомъ стеклѣ надпись Кинунена —собственно для предупрежденія отъ поддѣлокъ.

Въ С.-Петербургѣ „Элеопатъ" провизора Кинунена можно получить у Штоль и Шмидта или у Русск. Общ. Торговли Аптекарскими Товарами и друг. большихъ аптекахъ. Цѣна флакону 1 руб. 50 коп.

Способъ употребленія „Элеопата" Провизора Кинунена, приложенъ къ каждому флакону. Въ провинціи, „Элеопатъ" имѣется во всѣхъ городахъ къ услугамъ публики, въ больш. Аптекарскихъ и Косметическихъ Магазинахъ, у дрогистовъ и въ Аптекахъ. 3351

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ и РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА,

Большая Дворянская улица, 26,

имѣетъ честь предлагать багетъ самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ, въ большомъ выборѣ, по весьма дешевымъ цѣнамъ. Тутъ же принимаютъ заказы на готовыя рамки, отъ самыхъ дешевыхъ—до самой изящной работы. № 3361

ЛАТУННЫЙ И МѢДНОПРОКАТНЫЙ ЗАВОДЪ

И. Ф. ЧИКИНА

существуетъ съ 1842 года,

принимаетъ заказы на листовую латунь и томпакъ; также, на кастрюли, тазы, подносы, круглыя, полоснательныя, вѣсовыя чашки, самоварныя и ламповыя принадлежности, давленныя безъ пайки, штампованныя бляхи, отливныя ступки и проч. отливки по заказамъ.

Письменно обращаться: варшавская желѣзная дорога, станція Сиверская, мѣдный заводъ Чикина, С.-Петербургской губ., Царскосельскаго уѣзда. Складъ товара: Петербургъ, Екатерининскій каналъ, между Мучнымъ и Банковскимъ переулками, домъ № 1—34, кладовая № 16. Чикина. № 3364

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ.

Рѣзецъ и аппаратъ для шитья петель на всякой матеріи и бѣльѣ. Цѣна 3 р. съ перес. Продажа оптомъ и въ розницу.

И. ВАКОНЬ

№ 9. Гороховая ул., д. Лембке, кв. № 8., въ С.-Петербургѣ.

№ 3298 2—2

НА ПАМЯТЬ О КОРОНАЦІИ

роскошно исполненная въ 23 краски картина:

„СЛАВА РОССІИ"

Императоръ Александръ III и Его народъ.

Размѣръ олеографіи 1 арш. 8 верш. длины и 1 арш. 2 верш. ширины, отпечатана масляными красками, на великолѣпной слоновой бумагѣ и крыта лакомъ. Цѣна картины съ пересылкою во всѣ города

ТРИ РУБЛЯ.

Картина высылается немедленно на скалкѣ и упакована въ парусину. Желающіе имѣть картину обращаются въ Москву, въ редакцію журнала „ВОЛНА", уголъ Лентьевскаго пер., д. Корфъ и въ конт. объявлен. **Н. Печковской** (Петровскія линіи). Ц. № 3363 2—1

Поступила въ продажу брошюра: „Описаніе грыжевыхъ бандажей и способы ихъ примѣненія", съ 20 рисунками, изданіе бандажиста Оттенсонъ. За требованіями обращаться къ автору Оттенсону въ г. Харьковъ, Московская ул., д. Воиновой. Цѣна книжки 30 к. Книгопродавцамъ обычная уступка. Иногородные благоволятъ присылать марками. № 3365 1—1

Р. № 3330 20—5

Дозволено цензурою. СПБ. 23 мая 1884 г. Тип. А. Ф. Маркса, Прачешн. пер., № 5. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 22 | XV годъ | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы" 20 к., съ перес. 25 к.

Выданъ 2 Іюня 1884 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1884 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . **4** р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . **5** р. **50** к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія **5** р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . **6** р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **8** руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9
И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 6 ч. ВЕЧЕРА.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ІЮНЬ 1884 г., съ 25 рис. и отдѣльнымъ листомъ съ 26 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 32 рис. для выпиливанія изъ дерева.

Церковь Богоматери на Волчьемъ ручьѣ (Волог. губ., Тотемск. уѣзда). Изъ альбома путеш. по сѣверу.
Ориг. рис. съ натуры В. Суслова, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Древняя сельская церковь Богородицы въ Тотемск. уѣздѣ Вологодск. губ.

На нашемъ сѣверѣ во всей чистотѣ еще можно видѣть типъ старорусской деревянной постройки и здѣсь нерѣдко можно встрѣтить то крестьянскую избу, по рисунку подробностей и узору очертанія крыши, напоминающую напр. царскій Коломенскій дворецъ, или какую нибудь древнюю, характерную и оригинальную деревянную церковь, окруженную бревенчатою почернѣвшею оградою и кромѣ того примыкающую къ колокольнѣ вполнѣ своеобразнаго, давно забытаго типа. Кромѣ храмовъ, въ иныхъ самыхъ пустыхъ и безлюдныхъ мѣстахъ привѣтствуетъ васъ здѣсь какая нибудь древняя, вся подернутая мхомъ часовенька, поставленная на мѣстѣ, почему либо отмѣченномъ народною памятью. На луговыхъ мѣстахъ такая часовня обыкновенно стоитъ на особыхъ срубцахъ, освѣщенная слюдяными окнами, украшенная почернѣвшими отъ времени образами. Вообще Вологодская губернія чрезвычайно богата древними религіозными памятниками—остатками старины XVI и XVII вѣка, въ которыхъ удивительно сохранилась цѣлая масса предметовъ драгоцѣнныхъ для нашей археологіи, какъ то: древняя утварь, крашенинныя ризы, древнія плащаницы, желѣзныя узорныя двери и иконы въ высшей степени своеобразнаго и оригинальнаго письма. Какъ одна изъ древнѣйшихъ религіозныхъ построекъ въ краѣ, достойна особеннаго вниманія и та небольшая, убогая сельская церковь, которая представлена на прилагаемомъ нами рисункѣ. Этотъ храмъ во имя Богородицы стоитъ на такъ называемомъ Волчьемъ ручьѣ въ Тотемскомъ уѣздѣ и построенъ, по однимъ предположеніямъ, въ царствованіе Іоанна Грознаго, а по другимъ—въ XVII вѣкѣ, а именно въ 1642 году. Послѣднее предположеніе, какъ кажется, болѣе достовѣрно, такъ какъ самый типъ постройки и особенно колокольни носитъ на себѣ очевидно характеръ построекъ позднѣйшаго времени. Самая церковь — маленькая, низенькая, въ родѣ крестьянской избы съ притворомъ; внутри тѣсная, темная, съ низенькимъ, убогимъ иконостасомъ, украшеннымъ древними иконами съ чуть замѣтнымъ рисункомъ. Сначала, это была, какъ говоритъ преданіе, просто часовня, но по явленіи здѣсь иконы Богородицы, часовня эта обращена въ церковь. Колокольня стоитъ совершенно отдѣльно отъ храма и вѣроятно выстроена позднѣе, такъ какъ въ старину наши не только сельскіе, но даже и городскіе храмы рѣдко имѣли при себѣ колокольни. Послѣднія замѣнялись просто *билломъ*, привѣшеннымъ тутъ же, у входа въ церковь. Отдѣльная колокольня—это роскошь уже позднѣйшаго времени. Кромѣ того колокольня, изображенная на нашемъ рисункѣ, представляетъ самый рѣзкій контрастъ съ стоящимъ близъ нея убогимъ, низенькимъ храмомъ. Она довольно красива, на четырехъ круглыхъ столбахъ, съ узорчатыми украшеніями и перекладинами для колоколовъ. Какъ церковь, такъ и колокольня стоятъ на совершенно открытомъ мѣстѣ, ровномъ и вообще однообразномъ, такъ какъ весь Тотемскій уѣздъ представляетъ собою равнину лишь изрѣдка пересѣкаемую по теченію рѣкъ рядомъ невысокихъ возвышенностей. Селенія здѣсь большею частью кучатся около церквей, отдѣляясь большимъ пространствомъ одно отъ другаго. Это пространство бываетъ обыкновенно занято обширными полями, дающими жителямъ полный просторъ для веденія хлѣбопашества въ обширномъ размѣрѣ. Изъ ископаемыхъ богатствъ Тотемскаго уѣзда большое техническое примѣненіе имѣетъ соляной разсолъ, изъ котораго добывается соль на двухъ мѣстныхъ солеваренныхъ заводахъ.

Вообще экономическое положеніе уѣзда весьма удовлетворительно и при урожаѣ его сельское населеніе ведетъ даже выгодную торговлю хлѣбомъ, сбывая его въ Архангельскъ для отправки за границу.

Вадимъ Голетаевъ.

Разсказъ

Я. П. Полонскаго.

(Продолженіе).

V.

На другой день, обозрѣвая съ дѣтства знакомыя окрестности, молодой Курьяковъ заѣхалъ съ визитомъ къ Пелагеѣ Даниловнѣ, былъ очень любезенъ, много говорилъ и уѣхалъ отъ нихъ въ восторгѣ. Въ особенности Глафира, простая и откровенная, ему понравилась. Вадимъ, напротивъ, произвелъ на него какое-то смутное впечатлѣніе. Сначала онъ принялъ его за сельскаго учителя, потомъ за управляющаго, потомъ за родственника и даже за шута; Вадимъ же восторженно хвалилъ Маню—сестру Курьякова: „Да теперь и не найдешь нигдѣ такой умной дѣвицы, говорилъ онъ. Почему-бы не выбрать ее ну хоть въ уѣздные предводители дворянства; она бы за-поясъ заткнула нашего-то Михрушина. Ей Богу-съ“.

Александръ слушалъ его, немного на бокъ склоня голову, и ничего не отвѣчалъ. Когда онъ задумывался, въ его взглядѣ было что-то стальное—отцовское, но взглядъ этотъ яснѣлъ и смягчался, когда улыбка подергивала его усы и губы.

Когда онъ уѣхалъ, Глафира ушла въ свою комнату, сѣла у столика, гдѣ стояло ея зеркальце, облокотилась и задумалась.

Что думаетъ дѣвушка, только-что пожавшая руку человѣку, который сразу ей понравился—этого нельзя и разсказать, потому-что такимъ мыслямъ и чувствамъ нѣтъ еще никакого названья. Это еще тотъ хаосъ, изъ котораго можетъ возникнуть міръ любви и ровно ничего не возникнуть; это еще тотъ ранній, весенній туманъ, за которымъ ничего не видать—никакихъ розъ или ландышей!...

Глафира такъ задумалась, что и не видѣла, какъ въ полузатворенную дверь все время наблюдалъ за нею глазъ Вадима, и какъ взглядъ этотъ старался проникнуть въ самую глубь души ея.

Курьяковъ все чаще и чаще сталъ посѣщать усадьбу Нилиныхъ и, стало-быть, все чаще и чаще пропадать изъ дому.

— А гдѣ-же братъ? спросила однажды Маня, садясь за обѣденный столъ, по лѣвую руку отца, противъ матери.

— Да, вотъ, гдѣ онъ? Я его уже дня три, какъ не вижу! проговорилъ старикъ, усаживаясь за свой кувертъ и снимая салфетку.

Старикъ былъ высокаго роста, худощавый, плечистый, лысый, на половину сѣдой—и неразговорчивый. Свинцовыя тѣни окружали маленькіе, сѣрые, очень умные глаза его; изъ подъ сморщенныхъ вѣкъ они выглядывали такъ, что казалось ни что не должно было ускользнуть отъ ихъ наблюдательнаго вниманія.

Почти такіе-же темные сѣрые глаза были и у его дочери Мани—такіе-же умные и пристальные. Но какъ-бы спокойно и весело она ни говорила, — непріятно было долго выносить взглядъ ея. И не то, чтобы этотъ взглядъ былъ проницателенъ—нѣтъ, онъ просто былъ безъ всякаго блеска, въ немъ было что-то тяжелое. Она была очень разговорчива, остроумна, даже иногда мила. Можно было удивляться ей и ея способностямъ, но не возможно было дружески, по просту сходиться съ ней. Почему? Отчего?—этого не объяснитъ вамъ даже тотъ франтъ, который цѣлые два года собирался за нее посвататься, но такъ и не рѣшился—такъ и уѣхалъ, ни однимъ словечкомъ не намекнувъ ей, что она ему нравится.

— Нѣтъ-ли его на фермѣ? проговорила Маня, досадуя, что мѣсто брата за ихъ семейнымъ столомъ остается незанятымъ.

— Э! на фермѣ! проговорилъ отецъ—держи карманъ! Найдешь ты его на фермѣ! Чай, каждый день сидитъ у Нилиныхъ. Глафира Николаевна смазливенькая, и будь я на его мѣстѣ, я бы тоже пріударялъ за ней...

Маня поглядѣла на отца,—точно неслыханная, невѣроятная нелѣпость вышла изъ устъ его. До сихъ поръ ей даже и въ голову не приходило, что можно пріударять за Глафирой, или что братъ ея,—родной братъ! теряетъ, станетъ терять время на такіе пустяки.

— Фи, папа! сказала она помолчавъ,—не можетъ-же онъ влюбиться, или сантиментальничать съ нею.

— А почему-же не можетъ? возразилъ отецъ.

— Ну, это... признаюсь! какъ-бы выразила она по-

Библиотека "Руниверс"

жатіемъ плечъ и затѣмъ, до самаго конца обѣда, не проговорила ни слова.

Старый адмиралъ не ошибся; онъ человѣческое сердце зналъ получше своей дочери. Молодой Курьяковъ дѣйствительно чуть не каждый день сталъ навѣщать своихъ деревенскихъ сосѣдей. Въ послѣднее время онъ замѣтилъ, что Глафира стала какъ-бы избѣгать его. Прежде она встрѣчала его съ протянутой рукой и веселой улыбкой, теперь—едва подаетъ руку, уходитъ и оставляетъ его одного съ матерью. „Что за чертъ! чѣмъ я могъ ее обидѣть?“ думалъ молодой человѣкъ, и сколько ни крутилъ свои усы, сколько ни думалъ, ничего понять не могъ. „Ну, я не нравлюсь ей—ну что-жъ! Но, неужели я даже ея кокетства не стою? Нѣтъ, если она сердится,—я спрошу: за что?—во что-бы то ни стало, спрошу!“

VI.

Былъ уже девятый часъ вечера. Ниловы и Вадимъ Голетаевъ собирались чай пить, на томъ-же столѣ, гдѣ обѣдали и на томъ-же, парусиною обтянутомъ балконѣ.

Пелагея Даниловна сидѣла за самоваромъ, который клокоталъ и фыркалъ. Простывшая жаровня и темно-лиловыя пятна, на некрашенномъ полу, слѣды раздавленныхъ ягодъ еще напоминали ей ея подвигъ (она въ этотъ день сварила 8 большихъ банокъ варенья); но лицо ея нисколько не выражало усталости. Жесткія, сухія руки ея ловко перетирали чашки и чайныя ложечки. Вадимъ перочиннымъ ножемъ стругалъ какую-то палочку. Глафира отмахивалась отъ комаровъ.

Вдругъ, по новому щебню двора, за угломъ дома, послышался вязкій стукъ бѣговыхъ дрожекъ и топотъ лошади.

Глафира смутилась, встала и пошла въ садъ. Вадимъ молча повернулъ за нею носъ свой. „Ишь, кокетничаетъ“, подумалъ онъ.

— Куда ты? спросила мать.

— Сейчасъ вернусь, мама, хочу пройтись!

— Кажется пріѣхалъ Александръ Леонтьевичъ. Пожалуйста не уходи, что за манера! Точно ты на него дуешься.

— Сейчасъ вернусь, мама.

Старуха подала Вадиму налитую чашку и какое-то суровое безпокойство отразилось въ ея темно-карихъ, нѣсколько калмыцкихъ глазахъ.

На балконъ, снимая фуражку, вошелъ Курьяковъ.

Поздоровавшись, онъ присѣлъ на скамьѣ и спросилъ: не надоѣдаетъ-ли онъ своими частыми посѣщеніями?

— Какъ это можно, нисколько! отозвалась Пелагея Даниловна.

— Нисколько! тономъ ниже повторилъ Вадимъ и принялся свертывать себѣ папироску.

— Ну что, начали убирать рожь? спросила гостя Пелагея Даниловна.

— Да, начали... Вчерашній дождь нѣсколько помѣшалъ.

— До-о-жды! Какъ дождь? скажите пожалуйста! У насъ ни капли!.. Такъ у васъ дождикъ былъ?

— Да-съ... и прекрупный, крупный. Хорошо, что не на долго... просыпался, какъ горохъ... Мы съ сестрой ходили на мельницу и мокрые пришли домой.

— Скажите пожалуйста!

— А какъ здоровье Глафиры Николаевны?

— Все слава Богу. Пожалуйста, Вадимъ, позови ее. Глафира! гдѣ ты?

Глафира была въ трехъ шагахъ отъ балкона, и когда позвала ее мать, Богъ знаетъ для чего, оторвала дубовую вѣтку и съ вѣткой вошла на балконъ, какъ бы усталая.

Курьяковъ всталъ и молча поклонился ей. Она, не глядя на гостя, мимоходомъ, протянула ему руку и помѣстилась по другую сторону стола, на прежнемъ мѣстѣ.

Опытный глазъ не могъ-бы не замѣтить, что молодой Курьяковъ былъ какъ-бы не въ своей тарелкѣ, точно не зналъ, что ему говорить и куда глядѣть. Изрѣдка, глаза его останавливались на блѣдномъ личикѣ Глафиры. Разъ глаза ихъ встрѣтились, но эта случайная встрѣча глазъ нисколько его не утѣшила—это были уже не тѣ глаза, томные и загадочно-мерцающіе, которыхъ долгій, пытливый взглядъ и ласкаетъ и мучитъ. Въ этихъ глазахъ было что-то и досадно-равнодушное и сдержанно-сердитое.

Вадимъ сталъ что-то пророчить на счетъ перемѣны погоды. Глафира спросила гостя—какъ здоровье Мани, сестры его.

— Она сегодня ушла въ Куликовскую рощу грибы искать.

— Да, я знаю, она любитъ „по грибы“.

— Вообразите, близорука, и всегда, при помощи лорнета находитъ больше всѣхъ. Надо ей отдать справедливость—она и покушать ихъ любитъ.

— И я люблю, сказала Пелагея Даниловна.

— Я небольшая охотница, сказала Глафира.

— Я тоже небольшой охотникъ, сказалъ Курьяковъ.

„Ишь поддѣлывается“ подумалъ Вадимъ. Онъ былъ очень доволенъ, что все идетъ такъ, какъ ему хочется.

Хозяйка предложила гостю вторую чашку чая, но онъ отказался. Она встала и пошла сказать, чтобъ убрали чай и подали дыню.

„Этотъ Вадимъ“, думалъ про себя Курьяковъ, „чортъ его возьми! вѣчно торчитъ! Ни разу нельзя наединѣ остаться съ ней. Чувствую, что онъ наблюдаетъ, ловитъ каждый мой взглядъ, точно ревнуетъ, или нянькой что-ли онъ приставленъ къ ней?!..“

И Курьяковъ рѣшился на этотъ разъ не обращать на него вниманія.

— Я, Глафира Николаевна, можетъ быть, скоро уѣду и, признаюсь вамъ, не желалъ-бы проститься съ вами и не знать, за что вы на меня сердитесь?

Вадима отъ этого вопроса точно передернуло, онъ тотчасъ-же устремилъ взглядъ свой не на гостя, а на поблѣднѣвшую дѣвушку.

Глафира молчала, какъ-бы собираясь съ силами.

— Я не замѣтилъ, началъ Вадимъ, чтобъ Глафира Николаевна на васъ сердилась.

— Ну, не вы, такъ другіе замѣтили, какъ-бы вспыхнувъ проговорила Глафира. Не вы, такъ другіе... Очень благодарна, что вы этимъ интересуетесь, Александръ Леонтьевичъ. Да, я не скрываю... я на васъ давно сердита... а почему?—спросите вотъ Вадима Капитоныча... Я не могу... мнѣ это было такъ больно слышать, что я... Позвольте мнѣ лучше уйти... Вадимъ Капитонычъ, передайте ему, что я отъ васъ слышала...

— Что вы слышали?

— А то, что слышала... уходя въ стеклянную дверь, настойчиво подтвердила Глафира.

— Я ничего не понимаю! приподнимаясь сказалъ Вадимъ.

— А я отъ васъ не могу отстать, пока вы не объясните мнѣ, что такое про меня могли вы сказать Глафирѣ Николаевнѣ!

— Ничего-съ, какъ передъ Богомъ!... Но, пойдемте въ садъ. Если я что-нибудь припомню, то съ большимъ удовольствіемъ.

— Пойдемте, сказалъ недоумѣло Курьяковъ; лицо его было сурово и непривѣтливо.

— Вы меня еще мало знаете, сказалъ Вадимъ, идя съ нимъ рядомъ по аллеѣ и машинально покуривая.

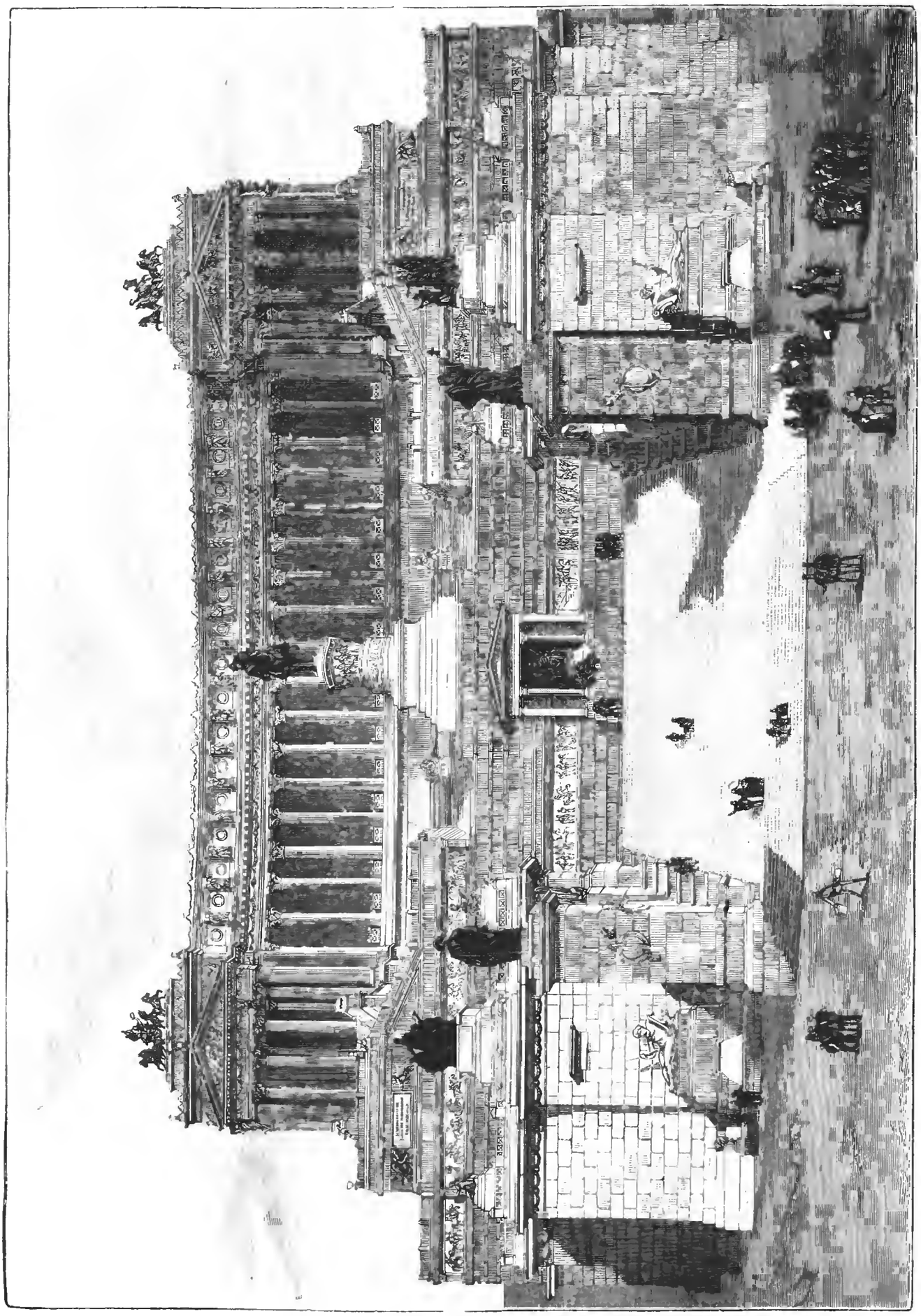
— Совершенную правду изволите говорить, я васъ очень мало знаю...

— А я самый простодушный и откровенный человѣкъ. Что у меня на умѣ, то и на языкѣ.

— Увидимъ, и оцѣнимъ ваше простодушіе.

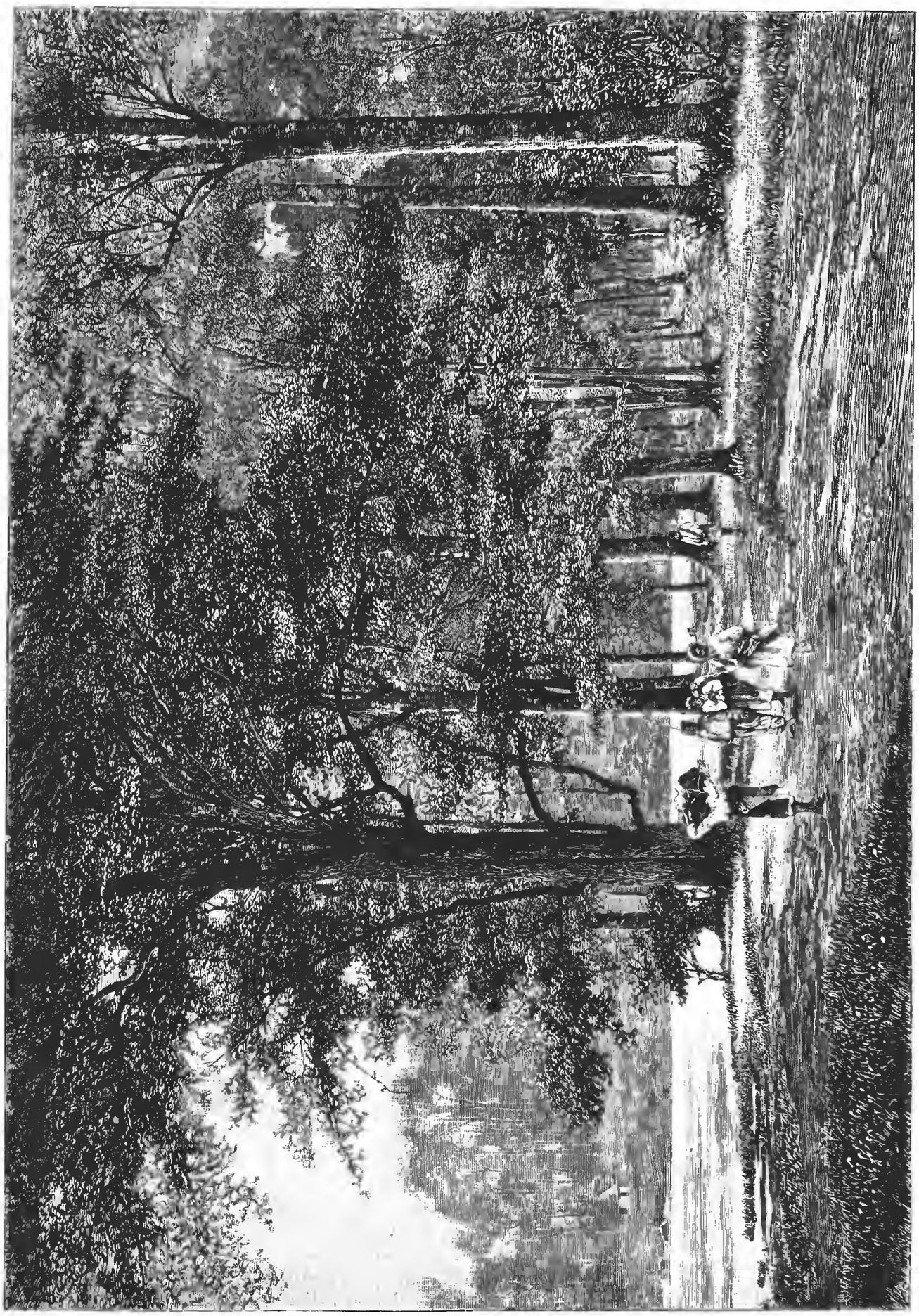
— И, конечно, оцѣните. Во первыхъ, я сильно сом-

Библиотека "Руниверс"



Проэктъ памятника королю Виктору Эммануилу въ Римѣ. Удостоенный преміи проэктъ архитектора графа Санкони.
По фотогр. грав. Фанчель.

Библиотека "Руниверс"



Выставка въ Импер. Акад. Худож. „Буковый лѣсъ“. Картина В. Д. Орловскаго.
По фотогр. Беттингера, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

нѣваюсь, чтобы то, что я говорилъ Глафирѣ Николаевнѣ, могло разсердить ее. Во вторыхъ, не забывайте, что я давно—съ дѣтства ее знаю... я даже... родственникъ, и, можно сказать, другъ дома. Стало-быть, на то, чтобъ говорить по дружески, откровенно, съ Глафирой Николаевной—имѣю нѣкоторое право.

— Я не вхожу въ разбирательство вашихъ правъ и привиллегій, я только желаю знать, что такое могли вы про меня сказать Глафирѣ Николаевнѣ, хотя-бы и по дружбѣ?

— А почему это васъ интересуетъ-съ, если вы совершенно равнодушны къ ней?

Курьяковъ вспыхнулъ, поглядѣлъ ему въ глаза и помолчавъ сказалъ:—Ну, а если не равнодушенъ?

— Вотъ вы и сознались, а я это угадалъ раньше васъ, и, значитъ, не ошибался; и вотъ причина, почему я нашелъ нужнымъ, такъ сказать, предостеречь Глафиру Николаевну. Я ей сказалъ: Глафира Николаевна! вы его не любите, потому что любите другаго, зачѣмъ-же вы кокетничаете? Развѣ вы не видите, что молодой человѣкъ страдаетъ!.. Вздоръ! говоритъ—нисколько не страдаетъ, иначе мнѣ было-бы тяжело въ его присутствіи, а мнѣ, говоритъ, легко и весело. Зачѣмъ вы, говоритъ, только пугаете меня такимъ предположеніемъ? Я на это сказалъ ей: Глафира Николаевна! Лучшаго жениха, какъ Александръ Леонтьевичъ, я не желаю вамъ; но, сами посудите, можете-ли вы, по совѣсти, кому-нибудь подавать надежды? а если не можете, то не безбожно ли съ вашей стороны притворяться заинтересованной, или кокетничать. Вотъ все, что я сказалъ, и не понимаю, какъ можно за это за все сердиться. Да она и не сердится-съ, а просто боится, что вы влюблены въ нее.

— Ну, бояться ей нечего, съ подавленнымъ сердцемъ, сквозь зубы проворчалъ Курьяковъ.

Ничего подобнаго онъ не ожидалъ и былъ блѣденъ отъ злости и разочарованія.

— Кажется, вы все сказали, добавилъ онъ. Благодарю за откровенность.

Онъ отвернулся и, надвинувъ на глаза козырекъ фуражки, пошелъ на лѣво по дорожкѣ.

Его самолюбіе, его разгоравшаяся страсть были уязвлены самымъ жестокимъ образомъ. Онъ уходилъ, чтобы не видѣть и неслышать этого нахальнаго простачка, который своими грязными руками вытащилъ наружу тайну души, чтобъ оплевать ее.

А Вадимъ, увидавъ, что Курьяковъ идетъ по дорожкѣ не къ балкону, а къ сараямъ, присѣлъ на скамью и усмѣхнулся. Онъ былъ очень собой доволенъ.

„Теперь, думалъ онъ,—сей Донъ Жуанъ уѣдетъ и уже не скоро появится.“

За садомъ гасла заря. Въ потемнѣвшихъ куртинахъ слышалось чириканье птичекъ и стрекотанье кузнечиковъ.

Но какъ ни ловко вывернулся Вадимъ, или „мудрецъ“, какъ его называли товарищи,—судьба, въ этотъ вечеръ, жестоко надъ нимъ посмѣялась.

Глафира догадалась, что Курьяковъ пойдетъ къ своимъ бѣговымъ дрожкамъ и, чего добраго, не простясь уѣдетъ; а любопытство, недовѣріе къ Вадиму, и, главное, страхъ навсегда потерять того, кто, повидимому, не шутя ею заинтересованъ, побудили ее искать съ нимъ встрѣчи во что-бы то ни стало.—И вотъ, совершенно неожиданно для Курьякова, когда проходилъ онъ дворомъ, чтобъ взять свою лошадь, она, по тропинкѣ, пошла къ нему на встрѣчу.

Онъ увидѣлъ ее, вздрогнулъ какъ ужаленный и пріостановился.

— Ну что? спросила она, улыбаясь, не права-ли я была?.. Какъ вамъ не грѣхъ, Александръ Леонтьевичъ!

Онъ поглядѣлъ на нее глазами потеряннаго человѣка.

— Какой грѣхъ?! изумился онъ, нѣсколько назадъ откинувъ голову.

— Полноте, не сердитесь, если Вадимъ васъ оклеветалъ, то—не сердитесь. Я виновата, что ему повѣрила.

— Чему?! Я не понимаю васъ... Вы повѣрили ему, что я въ васъ влюбленъ и на меня разсердились... Ну что-жь!—и онъ правъ, и вы правы.

Глафира поблѣднѣла. Улыбка мгновенно исчезла съ ея лица.

— Какъ! изумилась она, не довѣряя ушамъ своимъ и теряя голосъ.

Курьяковъ понялъ, что онъ проговорился, и опустя рѣсницы, молчалъ.

— Я этому повѣрила! начала она колеблющимся голосомъ. Нѣтъ, этого онъ не говорилъ и этому я бы никогда не повѣрила!.. Повѣрить такому счастію, что вы... Нѣтъ, это свыше силъ моихъ... Онъ мнѣ этого не говорилъ... Напротивъ, онъ сказалъ мнѣ, что вы хвастаетесь своими побѣдами надъ моимъ сердцемъ и смѣетесь надо мной...

— Я насмѣхаюсь... я хвастаюсь!! Да я имени вашего не произносилъ ни при комъ, ни разу съ тѣхъ поръ, какъ имѣлъ счастіе или несчастіе увидѣть васъ. Мало того, онъ намекнулъ мнѣ, что у васъ есть женихъ и что вы не въ правѣ располагать своимъ сердцемъ. Правда это?

— Неправда.

— Негодяй! Такая шутка не можетъ даромъ пройти ему... Но, прощайте... До свиданья! добавилъ онъ, сдерживая радостное чувство человѣка больнаго, который вдругъ почувствовалъ, что боль прошла и есть надежда на полное выздоровленіе.

Крѣпко пожавъ ея похолодѣвшую ручку, онъ хотѣлъ что-то сказать, но оглянулся и пошелъ къ сарайчику, гдѣ подъ навѣсомъ стояла его лошадь.

Глафира тоже оглянулась, увидала на крыльцѣ горничную и пошла домой, опустивъ голову.

VII.

„Что со мной!“ думалъ Курьяковъ въ третьемъ часу по полуночи, лежа у себя въ постели, при открытыхъ окнахъ, за которыми темнѣла, синѣла и съ кѣмъ-то шепталась безлунная и облачно-теплая ночь.

Онъ уже и не пытался заснуть, зная, что попытки останутся тщетными. Да и зачѣмъ спать, когда выдалась въ жизни такая страница, которая и зоветъ, и будитъ, и мучитъ, и тѣшитъ.

„Что со мной! Давно-ли я сюда пріѣхалъ, давно-ли познакомился и, кажется, цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ. Ничего не помню, кромѣ вчерашняго вечера. Оказываюсь влюбленъ—и если это не любовь, то что-же это такое? И какъ такъ скоро я могъ съ ума сойти! Не похожъ-ли я на человѣка, который вдругъ увязъ, заглядѣвшись на хорошенькую дѣвушку? И если она вытащитъ, то спасибо, на всю жизнь я долженъ быть обязанъ и благодаренъ ей, а если не протянетъ руки и не вытащитъ, то выкарабкивайся самъ, какъ умѣешь, и бѣги на край свѣта, чтобъ о такомъ горѣ и помину не было. И какъ это странно, неожиданно случилось! Не сама ли судьба помогла мнѣ проговориться, что я влюбленъ въ нее... Но любимъ-ли? Вотъ вопросъ. Вотъ что покрыто мракомъ неизвѣстности... Что-то такое, какой-то намекъ былъ, но и только. Все что я узналъ, это то, что этотъ Вадимъ оклеветалъ и меня, и ее, что сердце ея совершенно свободно и что, стало быть, я могу надѣяться. Я сказалъ, я ей самой сказалъ, что такая клевета или такая шутка даромъ не пройдетъ ему; но что-же я долженъ дѣлать? Прибить его какъ мерзавца, какъ негодяя? Лѣзть на драку,—драться, какъ дерутся пьяные? И гдѣ-же — въ ихъ саду, въ ихъ домѣ, или напасть врасплохъ?.. Клубнымъ буяномъ показаться ей! Да и кто пойметъ, за что я побью его... Чего добраго, подумаютъ — изъ ревности. Кому я стану объяснять! А все же я ей сказалъ „это ему даромъ не пройдетъ“.

Библиотека "Руниверс"

„Чортъ знаетъ! Точно магнитъ она влечетъ меня.. Ну, можно ли, можно ли быть такимъ романтикомъ... такимъ дуракомъ. Вѣдь полжизни-бы отдалъ, чтобъ она въ эту минуту была со мной! Вотъ, сестра не вѣритъ никакой любви; хорошо ей! Она ледяная... Простительно прирожденному слѣпцу не вѣрить блеску и разнообразію красокъ. — Фантазія! говоритъ. Да что она сама, какъ не плодъ той-же фантазіи? И развѣ не фантазія— всю жизнь прожить, отрицая фантазію?

Отецъ твердилъ мнѣ не разъ, даже въ письмахъ своихъ писалъ ко мнѣ: будь самостоятеленъ, имѣй характеръ, умѣй одолѣвать всяческія препятствія, умѣй бороться. Ну вотъ, вотъ мнѣ и случай не на шутку—показать свой характеръ и свою самостоятельность—дескать, я люблю, любимъ и никому до меня никакого дѣла нѣтъ. Я женюсь, потому-что такъ хочу; потому что я уже не малолѣтній: потому-что въ 26 лѣтъ жениться человѣку простительно. Вамъ это не нравится, милая сестрица; но я и не желаю жить только для того, чтобъ вамъ нравиться. Я не сержусь на васъ, за то, что вы никого, кромѣ собственной своей особы не любите; не сердитесь-же и на меня, если я люблю что-нибудь или кого-нибудь, кромѣ своего ничтожества. А что жизни своей я не цѣню и не жалѣю, я вамъ докажу тѣмъ, что ни за что ни про что подставлю грудь мою: стрѣляй въ нее болванъ, дуракъ, скотъ, негодяй, а я буду въ тебя стрѣлять, если ты осмѣливаешься быть клеветникомъ, если ты осмѣливаешься безпрестанно слѣдить и какъ шпіонъ наблюдать за мной; если ты стоишь безпрестанно между мной и предметомъ любви моей! Всѣ твои хитрости ни къ чему не поведутъ. А если ты не признаешься въ клеветѣ и если я тебя убью—она пойметъ, что я не за себя, а за нее вступился, и когда нибудь проститъ меня".

„За дуэль меня, конечно, куда-нибудь сошлютъ—не бѣда! Такія ссылки не вѣчны. Да если она меня любитъ—ей будетъ легче въ ссылкѣ привыкать ко мнѣ, чѣмъ здѣсь".

„Фу, какіе мы важные люди, какъ подумаешь! Курьяковы! Потомки какого-то простаго запорожскаго казака! А казакъ этотъ, быть можетъ, потомокъ какого-нибудь бѣглаго Стенки или Ваньки, высѣченнаго на заднемъ дворѣ. Почему-же Нилины хуже Курьяковыхъ! Вѣдь, будь у нихъ милліонные дворцы—такъ происходи они хоть отъ уличнаго жида, ветошника, и всѣ бы стали мнѣ завидовать и сестрица на этотъ бракъ тотчасъ-же благословитъ меня! А Нилины—просто не бѣдны,—да если бы и были бѣдны!.. Вѣдь отецъ мой хвалился, и безпрестанно хвалится своею честностью, ну и я хочу быть честнымъ передъ самимъ собой, чтобъ быть честнымъ передъ людьми. Развѣ одно безъ другаго мыслимо! Какъ подумаешь: съ какою загрязненною продажною совѣстью иные исковерканные люди хотятъ насъ всѣхъ спасать—фа!"

Изъ этого ночнаго и непослѣдовательнаго ряда мыслей, которыя мѣшали спать ему, ясно, что Курьяковъ не успѣлъ сдѣлаться практическимъ, иначе сказать—себялюбивымъ самооберегателемъ. Не даромъ отецъ инстинктивно любилъ его. Правда, старшій сынъ ему былъ дороже, онъ любилъ его сознательно, ибо предвидѣлъ его блестящую будущность. Тотъ сынокъ зналъ, гдѣ зимуютъ раки, понималъ силу связей и протекціи, умѣлъ пользоваться обстоятельствами. Добившись фрегата, ушелъ за счастьемъ и погибъ, застигнутый ураганомъ.

„Еслибъ я не толкалъ его впередъ" думалъ старый Курьяковъ, „если-бы я не помогалъ ему своими связями, если-бы я за него не просилъ, если-бы годика три-четыре подождали давать ему этотъ фрегатъ—онъ былъ-бы живъ—такъ Богъ наказалъ меня".

Вотъ, почему онъ сквозь пальцы смотрѣлъ на непрактичность своего Сашки, и не слишкомъ нападалъ на его пренебрежительное отношеніе къ свѣту и на его пылкія надежды на науку и просвѣщеніе.

Отецъ подозрѣвалъ, что дочка старой актрисы, Глафира, сильно ему нравится; но въ волокитствѣ и ухаживаньи не видѣлъ ничего серьезнаго. Съ точки зрѣнія 67-лѣтняго старика, любовь казалась ему пріятнымъ препровожденіемъ времени, одною изъ самыхъ милыхъ привиллегій глупой, хотя и завидной юности. „Но вѣдь юность не вѣчна" думалъ онъ, „а, стало-быть, нельзя всю жизнь оставаться дуракомъ и увлекаться дурами—всему свое время".

VIII.

На другой день, еще пасмурный и дождливый, послѣ завтрака, Пелагея Даниловна, въ очкахъ, сидѣла у себя въ спальнѣ и что-то записывала. Она имѣла обыкновеніе все записывать, не только приходъ и расходъ, но и поговорки и пѣсни, и даже рецепты. Это занятіе занимало ее и служило пищей для всякаго рода соображеній.

Вдругъ, кто-то постучался къ ней.

— Войди! сказала она, не поворачивая головы.

Вошелъ Вадимъ. На немъ, какъ говорится, лица не было—онъ былъ, очевидно, взволнованъ и тотчасъ-же заговорилъ.

— Вотъ и живи послѣ этого! Вотъ и старайся всѣмъ угодить и быть до послѣдней степени со всѣми вѣжливымъ!

— Что такое?!

— А то, что съумасшедшихъ людей расплодилось такъ много, что жить нельзя.

— Да что такое случилось?

— Да помилуйте, тетенька! Вѣдь это чортъ знаетъ, что такое! Точно обухомъ по лбу... Не ждалъ, не гадалъ... на дуэль вызываетъ. Какъ вамъ это нравится?

— На дуэль! изумилась Пелагея Даниловна. Кто это тебя вздумалъ на дуэль вызывать!... или это тебѣ только пригрезилось?

— Очень бы я желалъ, чтобъ это мнѣ пригрезилось. Поглядите, какое письмецо я получилъ отъ этого сумасброда Курьякова. Полюбуйтесь!

— Нилина взяла въ четверть сложенный листокъ почтовой бумаги, поправила на носу очки и стала читать.

Милостивый государь
Вадимъ Капитоновичъ.

Или письменно сознайтесь въ клеветѣ вами на меня придуманной, или завтра утромъ, ровно въ 5 часовъ, я буду ждать васъ на опушкѣ Куликовской рощи, у трехъ срубленныхъ сосенъ, около просѣки. Постарайтесь къ этому времени запастись секундантомъ. Пистолеты будутъ. Если же вы, по какой либо причинѣ, откажетесь и отъ извиненія, и отъ вызова, то не избѣжите пущихъ непріятностей.

Остаюсь до завтра
готовый къ услугамъ
Ал. Курьяковъ.

Рука записки была довольно неразборчива, и пока Пелагея Даниловна нѣсколько разъ принималась ее читать и перечитывать, Вадимъ ходилъ по комнатѣ, махалъ рукою и что-то обдумывалъ.

— Какъ и кому ты оклеветалъ его? спросила она пряча въ глубокій карманъ записку его, причемъ брякнули слегка ея ключи, вѣчные постояльцы ея кармана.

— Помилуйте! какая клевета!.. ничего не понимаю!.. Это просто его собственная выдумка или придирка, чтобы наказать меня за мою къ вамъ преданность и за то, что я, такъ сказать, проникъ въ его подлыя намѣренія и предостерегъ вашу дочь.

— Какъ-такъ предостерегъ?

— Да очень просто; сказалъ ей: не вѣрьте молодымъ

Библиотека "Руниверс"

людямъ, они иногда любятъ хвастаться своими побѣдами... Вотъ и все-съ...

— Какъ же онъ узналъ, что ты это сказалъ моей дочери?

— Да очень просто... я самъ ему это сказалъ, по свойственному мнѣ простодушію... Самъ себя выдалъ.

— Для чего же это ты самъ себя выдалъ?

— Да просто-съ, хотѣлось мнѣ дать ему понять, что волочиться за дѣвицей, безъ всякихъ честныхъ намѣреній, не всегда честно и благородно.

— Ну, а онъ что на это?

— Да ничего-съ. Сказалъ даже, что очень благодаренъ за мое простодушіе... и вдругъ...

— Кто же принесъ тебѣ эту записку?

— Да-съ, я и забылъ вамъ сказать. Записку эту мнѣ принесъ ихъ прежній не то жилецъ, не то дворовый, Захаръ Михалычъ Тупинъ. Прочтите, говоритъ. Я говорю: садитесь, пожалуйста. Ну-съ, онъ сѣлъ, самъ блѣденъ какъ смерть, глаза такъ и лѣзутъ вонъ, точно выскочить хотятъ. — Ну, прочелъ, говорю... — Будете? — Буду. — Прощайте. — Ну, говорю, прощайте. — Что же я могъ еще сказать ему? Ушелъ. Какъ вамъ это нравится! И этотъ человѣкъ, у котораго вы покупаете медъ, которому вы не разъ помогали, приходитъ къ вамъ въ домъ и приноситъ такую записку!... Воля ваша, я долженъ драться и буду драться. Пожалуйста, тетенька, прикажите заложить мнѣ колясочку. Я поѣду въ уѣздъ и поищу себѣ секунданта, въ городѣ у меня одинъ почтамтскій чиновникъ есть, знакомый, такъ не согласится ли онъ. Къ ночи мы еще успѣемъ вернуться. Какъ вы думаете, тетенька?

— Такъ ты не боишься, что тебя убьютъ?

— За кого вы меня считаете? Чтобы я боялся! Помилуйте, тетенька, только ужъ какъ хотите, я свои пистолеты достану. Его пистолеты, чортъ ихъ знаетъ, можетъ быть такіе, что въ трехъ шагахъ въ корову не попадешь. Я этого не хочу-съ! Я хочу убить его! Такъ какже на счетъ лошадей то, тетенька?

— Не дамъ!

— Помилуйте, какъ же это? Гдѣ же я секунданта себѣ найду? Вѣдь тутъ кромѣ мѣщанъ да дворовыхъ никого на 10 на 15 верстъ, хоть шаромъ покати. Не могу же я... помилуйте...

— Я тебѣ найду секунданта... Секундантъ у тебя будетъ, не безпокойся!

— Вы найдете?

— Найду.

Вадимъ остолбенѣлъ. Онъ вовсе не ожидалъ такого исхода. Чего добраго, она кому нибудь напишетъ, пригласитъ—и тогда, волей-неволей, онъ долженъ будетъ подставить лобъ.

— Только смотри, ни слова не говори дочери, не безпокой и не волнуй ее. Я тебѣ запрещаю говорить объ этомъ кому бы то ни было, и если ты преданный мнѣ человѣкъ, какъ ты увѣряешь,—молчи, и готовься къ дуэли. На ночь не забудь помолиться Богу.

— Ну, это не поможетъ, произнесъ онъ такимъ голосомъ, какимъ говорятъ только въ сильномъ пароксизмѣ лихорадки, голосомъ глухимъ и подавленнымъ.

— Авось поможетъ.

— А если онъ убьетъ меня?

— Похоронимъ.

— А если я убью его?

— Тебя будутъ судить и сошлютъ въ Сибирь.

— И вамъ ни столько и ни полстолько не будетъ жаль меня!

— Ну, ну, довольно. Не тревожься. Секундантъ у тебя будетъ и честь твоя будетъ удовлетворена, если ты не хочешь просить у него извиненія. Теперь уходи и дай мнѣ покой.

— Извините, тетенька!

Вадимъ вышелъ изъ комнаты въ коридоръ, какъ человѣкъ приговоренный къ смерти, и прошелъ въ свою комнатку. Комнатка его была около передней, съ однимъ окошечкомъ, выходящимъ въ палисадникъ, съ кустомъ жимолости и съ веревками, протянутыми для просушки бѣлья. Палисадникъ этотъ весь былъ изрытъ курами.

Въ комнатѣ, оклеенной сѣренькими обоями, съ наляпанными на нихъ башенками и китайцами, изъ которыхъ одинъ ловилъ рыбу, другой стрѣлялъ изъ лука, третій держалъ зонтикъ; у окна стоялъ столъ. На столѣ, также какъ и во всей комнатѣ, былъ порядочный безпорядокъ. Тутъ вы бы увидали табакъ, папиросныя гильзы, старые журналы безъ обертокъ, чернильницу, биткомъ набитую мухами, счеты, нѣсколько дестей бумаги, конверты и объявленіе о выходѣ въ свѣтъ какого-то журнальчика съ иллюстраціями. На этажеркѣ стояла лодочка, имъ самимъ вырѣзанная изъ дерева. Лодочка, которую онъ всѣмъ показывалъ, какъ чудо искусства, и которую всѣ хвалили. На гвоздикахъ висѣли ермолка, полотенце и башмачекъ для часовъ. Словомъ, въ комнатѣ Вадима было какъ у многихъ провинціальныхъ холостяковъ. Но состояніе души его было на этотъ разъ не совсѣмъ обыкновенное. Не того онъ ожидалъ, когда шелъ съ роковой запиской къ тетенькѣ Пелагеѣ Даниловнѣ. Она не только не пришла въ ужасъ отъ его храбрости, но еще собирается сама похлопотать о секундантѣ.

Вадимъ былъ очень хитеръ, какъ и всѣ глупцы (хитрость есть единственное оружіе, которое выручаетъ ихъ). Онъ никогда не падалъ духомъ, въ запутанныхъ или трудныхъ обстоятельствахъ сильно надѣялся на свое притворство и свою сообразительность. И что-же! Положительно не могъ сообразить, какъ онъ выпутается не только безъ вреда для себя, но даже съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Паче всего смущало его запрещеніе говорить Глафирѣ о вызовѣ. Она одна могла бы испугаться, если не за него, такъ за милаго ей Курьякова. Она одна могла бы спасти его и своимъ заступничествомъ доказать Курьякову, что она къ нему, т. е. Вадиму, неравнодушна и боится за драгоцѣнную жизнь его. Не даромъ-же онъ ему намекнулъ, что она кого-то любитъ, а кого-же и любить, какъ не его, Вадима Голетаева! Не даромъ-же цѣлый годъ онъ прожилъ съ нею подъ одною кровлей, и проч., и проч.

„Не послать-ли ему извинительное письмо, въ какихъ нибудь общихъ, ни на что не намекающихъ выраженіяхъ?“

Онъ досталъ карандашъ и сталъ писать проектъ письма, но ничего изъ этого не выходило. На письмѣ онъ не умѣлъ такъ хитрить, какъ на словахъ, да къ тому-же послать какое-бы то ни было извиненіе, не значитъ-ли обнаружить трусость. „Вѣдь Курьяковъ тоже хитеръ (иногда Вадиму всѣ люди вообще казались ужасными хитрецами): онъ покажетъ это письмо Глафирѣ и при этомъ передастъ ей все то, что онъ, Вадимъ, въ саду говорилъ ему“.

„Пойду и скажу ей: Глафира Николаевна! ради васъ я готовъ пожертвовать своею жизнью, готовъ умереть за васъ... Ни слова не скажу ей о дуэли, только намекну, что готовлюсь къ чему-то очень важному.“

Но Глафира заперлась у себя въ комнатѣ и сказала ему, черезъ дверь: „увидимся за обѣдомъ“.

За обѣдомъ, разумѣется, онъ ничего сказать не могъ и отложилъ свое намѣреніе до поздняго вечера.

Послѣ обѣда онъ опять ушелъ въ свою комнату и часа два пролежалъ у себя въ постели, уткнувшись носомъ въ подушку. Лежалъ, и все думалъ.

Когда-же онъ очнулся и вышелъ въ другія комнаты, онъ не нашелъ ни Глафиры, ни ея матери. Горничная ему сказала, что обѣ онѣ куда-то уѣхали.

— Не къ Курьяковымъ-ли? спросилъ онъ.

— Должно быть къ Курьяковымъ.

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. „Кулакъ“, поэма И. С. Никитина. „Саша“. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

„А! подумалъ онъ, есть надежда, это не даромъ она къ нимъ поѣхала. Она ему намекнетъ, что я его не боюсь—непремѣнно намекнетъ, и посовѣтуетъ не дѣлать такой непростительной глупости, ибо что-же это такое,—какъ не глупость, изъ непростительнѣйшихъ самая непростительная.“

Эта мысль его нѣсколько успокоила, онъ не безъ аппетита напился чаю и ушелъ спать.

(До слѣд. №).

Стихотвореніе.

Тучки набѣжали, тѣни разбросали,
И на нихъ любуются съ горной высоты,
Какъ онѣ вдоль луга, на поля упали,
Въ рѣчку окунулись, сѣли на кусты...

* * *

Молвятъ тучамъ тѣни: золотыя гряды!
Вамъ-ли счастье, радости, краски не даны?
Вамъ-ли не раздолье, вамъ-ли не услады
Въ яркихъ переливахъ свѣтлой вышины?

* * *

Облака раскинули тѣней трепетанье,
Въ небесахъ проносятся—ясныхъ, голубыхъ....
Тѣни! Ближе къ горю, ближе вы къ страданью,
Но зато и ближе радостей людскихъ...

К. Случевскій.

Гдѣ провелъ я ночь передъ свадьбой.

Разсказъ **Хильтона.**

Минувшей осенью, когда охота на тетеревовъ была въ самомъ, что называется, разгарѣ, а на куропатокъ только что начиналась, я отправился къ своему старому пріятелю, Вальтеру Дайсу, захвативъ съ собой и жену. Я-то, собственно, для охоты, а жена—такъ, ради разнообразія и перемѣны воздуха.

Разъ, я и Дайсъ сидѣли на прохладѣ въ тѣнистомъ уголкѣ сада, куда укрылись онѣ нашихъ лэди по причинѣ невыносимаго для нихъ запаха сигаръ.

— А что, Клейвъ, заговорилъ Дайсъ, неожиданно хлопнувъ меня по плечу, вѣдь завтра, какъ сказываютъ наши дамы, день св. Михаила, первая годовщина твоей женитьбы. Не мѣшало-бы немного и повеселиться. Подумай-ко, какъ-бы это устроить, чтобы доставить тебѣ, или, лучше сказать, женѣ твоей маленькое удовольствіе.

— Да, отвѣчалъ я, не обращая вниманія на послѣднія его слова,—этотъ денекъ даже слишкомъ напоминаетъ мнѣ, но не столько о свадьбѣ, сколько о томъ, что въ этотъ-же самый день я чуть было не остался холостымъ.

— Ахъ, да! Вѣдь мнѣ писали тогда въ Берлинъ, что наканунѣ твоей свадьбы произошло что-то такое, необыкновенное. Разскажи-ко, что это за случай.

— Видно, придется разсказать. Шутка вышла ужъ слишкомъ хороша, и едва-ли нужно говорить (теперь—дѣло прошлое), что тогда мнѣ было вовсе не до шутокъ.

Послѣ небольшой паузы, выпустивъ цѣлое облако дыму, я сталъ слѣдить за его тонкими, голубыми завитками, исчезавшими въ тепломъ осеннемъ воздухѣ и, наконецъ, бросивъ окурокъ, принялся за разсказъ.

— Ты, конечно, знаешь, что жена моя—уроженка мануфактурнаго Стипльтона. Я пріѣхалъ туда за недѣлю до свадьбы, располагая оттуда выѣхать уже женатымъ. Найдя, однакожъ, что впродолженіи немногихъ послѣднихъ дней, остававшихся до свадьбы, мнѣ приходилось очень мало пользоваться обществомъ Эммы, которая или была сама занята швеями да портнихами, или ее занимали родные,—при чемъ мое присутствіе оказывалось совершенно излишнимъ,—я сталъ убивать время въ шатаньи по городу, развлекаясь обозрѣніемъ его видовъ и, наконецъ, поинтересовался осмотрѣть одну изъ знаменитыхъ стипльтонскихъ мануфактуръ.

Наша свадьба была назначена въ день св. Михаила. У Эммы вдругъ явилась прихоть—выйти замужъ въ тотъ-же самый день, въ какой была свадьба ея папа и мама, не смотря на то, что день этотъ приходился въ понедѣльникъ. А понедѣльникъ, по моему убѣжденію, самый неблагополучный день для всякихъ торжествъ и ликованій. Однакожъ, Эмма ни за что не хотѣла разстаться съ своей мыслью, и мнѣ оставалось только уступить, такъ какъ причуда была тутъ съ обѣихъ сторонъ: съ ея—выйти замужъ въ день свадьбы своей мамаши, а съ моей — не жаловать понедѣльника.

Въ субботу, т. е. за день до свадьбы, я отправился къ мистеру Фьюртону, одному изъ первыхъ стипльтонскихъ мануфактуристовъ, съ просьбой—позволить мнѣ осмотрѣть его заведеніе.

— О, съ величайшимъ удовольствіемъ, отозвался мистеръ Фьюртонъ. Жаль только, вы выбрали дурной день. По субботамъ рабочіе расходятся очень рано. Все-таки, если ужъ вы упустили болѣе благопріятный случай, я буду радъ показать вамъ все, что только возможно.

Съ этими словами, мистеръ Фьюртонъ повелъ меня по всему обширному зданію, наполненному товарами, лежащими въ грудахъ, а также уложенными въ тюки и приготовленными для разсылки по разнымъ частямъ свѣта; показалъ помѣщенія, въ которыхъ производилась и самая упаковка товаровъ; затѣмъ водилъ по безчисленному множеству другихъ апартаментовъ, гдѣ заготовленные матеріалы находились во всѣхъ видахъ обработки, начиная съ сырыхъ и до окончательно отдѣланныхъ тканей.

Громъ машинъ былъ оглушительный, жара страшная, вонь невыносимая; но, по мѣрѣ того, какъ мы проходили остальныя помѣщенія, въ которыхъ еще продолжались работы, шумъ становился слабѣе и колеса двигались медленнѣе. Чичероне мой передалъ мнѣ, что въ какіе нибудь полчаса выйдетъ весь паръ и механизмъ снова пустится въ дѣйствіе не раньше утра слѣдующаго понедѣльника.

— Исключая воскресенья, замѣтилъ мануфактуристъ, на фабрикѣ работаютъ день и ночь, со смѣной рабочихъ рукъ, потому что тратить даромъ цѣлую ночь пары безъ работы — повело-бы къ огромнымъ издержкамъ; тушить-же на ночь огонь было-бы тоже невыгодно, такъ какъ его разведеніе и достиженіе нужной температуры отняло-бы у слѣдующаго дня очень много времени. Для производства работъ впродолженіи недѣли, огонь обыкновенно разводятъ ночью въ воскресенье.

Еще въ самомъ началѣ обозрѣнія фабрики къ намъ присоединились двѣ лэди: дочь мистера Фьюртона и одна ихъ знакомая дама. Дама эта, какъ и я-же, прибыла изъ Лондона, и, остановясь на нѣкоторое время въ Стипльтонѣ, то-же интересовалась осмотрѣть внутренность этой мрачной, квадратной, много-оконной громады, такъ насмурно выглядывающей двемъ и такъ ярко освѣщаемой ночью.

Только что мы вышли изъ зданія, какъ, слѣдомъ за нами, высыпалъ весь рабочій людъ, состоящій изъ мужчинъ и женщинъ. Работники были плечистые, красивые ребята, и многія изъ работницъ—прехорошенькія. Всѣ они смѣялись и громко болтали. Но веселость была нѣсколько буйная и обращеніе слишкомъ свободное, т. е. такое, какое вообще господствуетъ въ мануфактурныхъ городахъ, гдѣ такъ называемыя „руки“ составляютъ большую часть населенія.

Но только что мы вышли изъ фабрики, какъ миссъ Фьюртонъ вдругъ неожиданно ахнула и, съ озабоченнымъ видомъ, передала намъ, что въ одномъ изъ мастерскихъ помѣщеній она оставила маленькій узелокъ; потомъ умоляющимъ голосомъ попросила меня воротиться на минуту и отыскать его. Конечно, я выразилъ совершенную готовность. Отцу, однакожъ, видимо хотѣлось избавить меня отъ безпокойства; но я ничего не хотѣлъ слушать, такъ какъ онъ для меня потратилъ столько времени.

Отблагодаривъ мистера Фьюртона за доставленное удовольствіе видѣть его мануфактуру, я разстался съ нимъ и молодыми дамами, не желая, чтобъ меня дожидались, я предполагалъ, что маленькій узелокъ не легко будетъ отыскать въ такомъ громадномъ помѣщеніи. Я обѣщалъ, что принесу его самъ, или-же пришлю вечеромъ.

Войдя снова въ зданіе, я приступилъ къ поискамъ въ нижнемъ этажѣ, но поиски оказались безуспѣшны. Тогда я рѣшился дѣйствовать на основаніи принципа, что если мы когда что нибудь ищемъ, то это „что-нибудь“ навѣрное окажется въ самомъ послѣднемъ мѣстѣ нашихъ поисковъ. Поэтому, положивъ начать поиски сверху и продолжать до нижняго этажа, я сдѣлалъ шагъ къ подъемной машинѣ, чтобъ избѣжать труда взбираться по многочисленнымъ лѣстницамъ, ведущимъ къ верхнему этажу.

Подъемъ этотъ, употребляемый, большею частію, для переноски товаровъ, приводился въ движеніе паромъ, самымъ могучимъ работникомъ въ этой обширной мануфактурѣ. Онъ такъ былъ устроенъ, что находившееся въ немъ лицо могло поднимать и опускать его по своей волѣ, не требуя посторонней помощи или толчка снизу.

Когда я поднимался вмѣстѣ съ мистеромъ Фьюртономъ и прочими, то не касался веревки; но, не видя никого изъ рабочихъ для помощи, и вовсе не думая, что подниматься на машинѣ такъ-же трудно, какъ и взбираться по лѣстницамъ, я вскочилъ въ подъемъ и принялся тянуть за веревку. Подъемъ двинулся и сталъ подниматься, но тихо, медленно и совсѣмъ не такъ, какъ часа три назадъ. Я отнесъ это къ недостатку практики въ управленіи механизмомъ.

Спустя, какъ мнѣ казалось, довольно значительное время, я увидѣлъ себя въ свѣтломъ, открытомъ пространствѣ. На одной изъ стѣнъ была написана бѣлой краской грязноватаго цвѣта цыфра: I., показывавшая, что я достигъ перваго этажа. „Ти-

Библиотека "Руниверс"

ше ѣдешь—дальше будешь", подумалъ я и снова принялся тянуть, но машина шла все тише и тише. Я тянулъ веревку изо-всѣхъ силъ, однакожъ это ни на волосъ не ускоряло ея движенія; подъемъ постепенно замедлялъ движеніе и, наконецъ, къ великому моему изумленію, совсѣмъ остановился, оставивъ меня, почти въ совершенной темнотѣ, между первымъ и вторымъ этажами.

Это обстоятельство сначала я принялъ еще довольно легко, думая, что немного утомился и что когда отдохну и соберусь съ силами,—тяжелый подъемъ, скорѣе похожій на маленькую комнату, двинется снова. И вотъ я усѣлся на голомъ полу, стараясь въ этомъ не совсѣмъ комфортабельномъ положеніи нѣсколько отдохнуть. Между тѣмъ, я рѣшилъ, какъ только дотянусь до втораго этажа, вылѣзть изъ подъема и итти дальше вверхъ лѣстницами, иначе я истощусь совсѣмъ и никогда не дотянусь до шестаго этажа. Но тутъ я вдругъ привскочилъ съ мѣста; кровь бросилась мнѣ въ голову. Меня внезапно осѣнила мысль о причинѣ остановки подъема, а вслѣдъ за ней возникли и другія болѣе страшныя мысли.

Надо было быть сумасшедшимъ, чтобъ не помнить, что, когда я былъ еще въ мастерскихъ, колеса уже начинали двигаться медленнѣе; что подъемъ приводился въ движеніе силой пара; что паръ этотъ весь истраченъ и что, быть можетъ—о, ужасъ!—утро моего брака наступитъ прежде, чѣмъ я найду возможность вырваться изъ своего заключенія. Еслибъ я попросилъ только мистера Фьюртона подождать меня, то этого теперь-бы не случилось; но онъ ушелъ домой и, безъ сомнѣнія, не будетъ тревожиться, если не увидитъ меня или не услышитъ обо мнѣ сегодня вечеромъ. Далѣе пришло мнѣ на умъ, въ состояніи-ли я буду пережить долгое заключеніе. Потомъ задался мыслью, что подумаетъ о внезапномъ моемъ исчезновеніи невѣста, что заговорятъ ея друзья и родные? Они могутъ заключить, что я просто отказался отъ своего намѣренія и постыдно бѣжалъ. А что заговорятъ злые языки? Что скажутъ въ свѣтѣ? Да еслибъ ничего подобнаго и не было, одна уже мысль о томъ, какое Эмма должна вынести безпокойство, усугубляла мою тоску.

Напрасно пытался я снова и снова тянуть веревку, все еще поддерживаемый надеждой, что подъемъ подвигается хоть немного. Навѣрное я не могъ быть дальше четырехъ или пяти футовъ отъ слѣдующаго этажа. Наконецъ, оставивъ эти безнадежныя попытки, я упалъ на голыя доски, — какъ легко можешь себѣ представить,—въ совершенномъ отчаяніи.

Гробъ Магомета виситъ между небомъ и землей,—пришло мнѣ въ голову, и мое положеніе, казалось мнѣ тогда, имѣло съ нимъ сходство.

Тоска и отчаяніе въ этотъ вечеръ и ночь, мертвая тишина, ничѣмъ не нарушаемая, кромѣ унылаго воя собакъ, совершенный мракъ, безвыходное положеніе, и наконецъ, ощущеніе самое мучительное — ощущеніе голода, — навсегда останутся въ моей памяти!

Въ своемъ, полномъ ужаса положеніи, я прошагалъ по вагону бо́льшую половину ночи, чувствуя почти то же, что чувствуютъ запертые въ клѣтки звѣри. Послѣ двухъ-шаговой прогулки, я принужденъ снова обернуться назадъ.

Да, это было буквально ужасное положеніе! Когда настало утро воскресенья (я могъ слѣдить за ходомъ времени по своему репетитору), я думалъ съ боязнью, что слѣдующая полночь не найдетъ меня въ живыхъ; ранѣе же того времени не предвидѣлось никакой возможности выйти изъ этого вертепа. Я находился въ своей ужасной темницѣ съ четырехъ часовъ послѣ обѣда истекшаго дня, ровно четырнадцать часовъ. Разъ только чувство утомленія взяло верхъ, и я, на короткое время, забылся; но сонъ мой былъ тревоженъ, и меня мучили страшныя грезы. Даже въ самыхъ грезахъ я не могъ забыть, гдѣ находился.

— Переживу ли я все это? Не умру ли съ голоду?

Вопросы эти опережали въ умѣ моемъ всякія другія мысли.

Въ карманѣ у меня нашлись сигары и опѣ, отчасти, утолили муки голода. Я начиналъ сознавать чувство сострадательности къ бѣднякамъ, нерѣдко обращавшимся ко мнѣ со словами: „Я голоденъ!" Я положилъ себѣ, впередъ никогда не проходить ни одного изъ нищихъ безъ милостыни, даже еслибъ между ними были и плуты: они могутъ голодать и въ правду, а я узналъ каково выносить голодъ и жажду. О, жажда была невыносимѣе голода.

Я старался припомнить, какъ долго человѣкъ можетъ оставаться безъ хлѣба, и вспомнилъ гдѣ-то вычитанное, что человѣкъ можетъ пробыть или прожить цѣлую недѣлю, прежде чѣмъ смерть освободитъ его отъ агоніи, если только состояніе это можно назвать жизнію, потому что, не пробывъ въ такомъ положеніи даже сутокъ, я чувствовалъ себя скорѣе мертвымъ, чѣмъ живымъ: каждая фибра въ моемъ тѣлѣ изнывала отъ мучительной боли.

Къ вечеру запасъ сигаръ былъ истощенъ. Въ горлѣ отъ воспаленія пересохло; языкъ и губы запеклись. Мое внутреннее я вопіяло о пищѣ, умолкли всякія другія тревоги. Я до ста разъ касался репетитора; считалъ бой часовъ: часъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять. Только три часа оставалось. Я пытался было оживиться, но былъ ужъ слишкомъ слабъ и истощенъ для этого. Тутъ новая мысль мелькнула въ моемъ умѣ, и я снова упалъ на полъ въ совершенномъ отчаяніи.

Во-первыхъ, должно пройти значительное время, прежде чѣмъ паръ усилится на столько, чтобъ привести въ движеніе подъемъ; во-вторыхъ—способенъ ли я буду подняться въ своемъ обезсиленномъ положеніи? Если же нѣтъ, то какъ могу я заставить услышать себя, когда подъемъ находился въ части зданія, такъ отдаленной отъ горна? Въ третьихъ: рабочій, вѣроятно, придетъ для того только, чтобъ развести огонь и уйдетъ опять. Еслибъ даже мнѣ и удалось какъ нибудь вылѣзть изъ своей западни, то все-таки раньше утра я не могъ бы выйти изъ мануфактуры.

— Не перерѣзать ли веревки? шевельнулось вдругъ въ умѣ. Не хватитъ ли на авось, подвергая себя всѣмъ неминуемымъ послѣдствіямъ страшнаго паденія? Еслибъ я слетѣлъ внизъ, не сломавъ ногъ, то могъ бы выйти, когда придетъ рабочій развести огонь. Не попытаться ли? Не бросить ли жизнь на ставку? Я съ рѣшимостью вынулъ изъ кармана ножъ, но тутъ новая мысль удержала меня. Еслибъ было можно перемахнуть всѣ веревки разомъ, тогда и паденье подъема было бы ровное; но, перерѣзывая одну веревку за другой, онъ повисъ бы, опрокинувшись, и тогда—послѣдствія неисчислимы. Нѣтъ, это не годится. Я сложилъ ножъ и сунулъ въ карманъ. Воображеніе мое неистовствало; мыслительныя способности были ослаблены голодомъ и тоской. Нѣтъ, лучше еще нѣсколько часовъ терпѣнья. Я ждалъ такъ долго, что теперь уже не хотѣлъ произвольно рисковать жизнью.

Я былъ слишкомъ слабъ, чтобъ о чемъ нибудь думать и впалъ въ состояніе грезъ и полусознанія; но даже и въ этомъ состояніи понималъ, что чѣмъ болѣе думалъ о своемъ положеніи, тѣмъ хуже оно казалось.

Не могу сказать, сколько прошло времени; но, послѣ промежутка, казавшагося мнѣ безконечнымъ, я былъ пробужденъ доходившими до меня звуками. Мой слухъ поразилъ неясный отголосокъ шума, начавшагося въ мастерскихъ. Взглянувъ на часы, я увидѣлъ, что было пять. Тутъ я вспомнилъ, что наступалъ день св. Михаила и утро моей свадьбы.

— Но выберусь ли я во время изъ этой мышеловки, а если вылѣзу—еще повѣритъ ли мистеръ Хильтонъ моему разсказу?

Обезумѣвъ отъ этой мысли, я собралъ послѣднія силы, чтобы хоть на дюймъ подвинуть подъемъ, но онѣ оказались слишкомъ ничтожны. Тогда, въ отчаяніи, я сталъ кричать и громко звать на помощь, но голосъ ослабъ и не достигалъ до людскаго слуха. И я снова опустился на полъ, предавшись судьбѣ своей.

Часа четыре спустя, какъ я, по крайней мѣрѣ, полагаю, я пробудился опять, почувствовавъ, что меня тихо опускали, и совершенно пришелъ въ себя отъ крика изумленія работника. Ему понадобился подъемъ, и онъ никакъ не ожидалъ меня увидѣть. Онъ скрылся и почти въ ту-же минуту воротился вмѣстѣ съ мистеромъ Фьюртономъ. При такой неожиданности, мануфактуристъ окаменѣлъ отъ изумленья.

— Вы—здѣсь!.. вскричалъ онъ наконецъ. Благодареніе Богу! А васъ всюду ищутъ съ самой субботы. Сколько тревогъ, сколько горя вы причинили! Скажите же, какъ это вы—здѣсь и въ такомъ состояніи?

Но замѣтивъ мое полное изнеможеніе, мистеръ Фьюртонъ приказалъ перенести меня въ особую комнату, гдѣ со всей заботливостью распорядился подать мнѣ закуску и вина, а между тѣмъ послалъ нарочнаго за мистеромъ Хильтономъ. Тотъ не заставилъ себя ждать.

— Какъ вы осмѣлились... вскричалъ онъ, покраснѣвъ, какъ ракъ, отъ гнѣва.

— Потише, сэръ, сказалъ мистеръ Фьюртонъ: прежде посмотрите, въ какомъ онъ положеніи и прежде пожалѣйте его. Я увѣренъ, что когда мистеръ Клейвъ оправится, то объяснитъ все, чтобъ удовлетворить васъ. Я уже угадываю причину этого несчастнаго случая.

— Тутъ нечего объяснять, — шумѣлъ мистеръ Хильтонъ, и пусть онъ знаетъ, что дочь моя никогда не будетъ его женой. Можете это ему объявить.

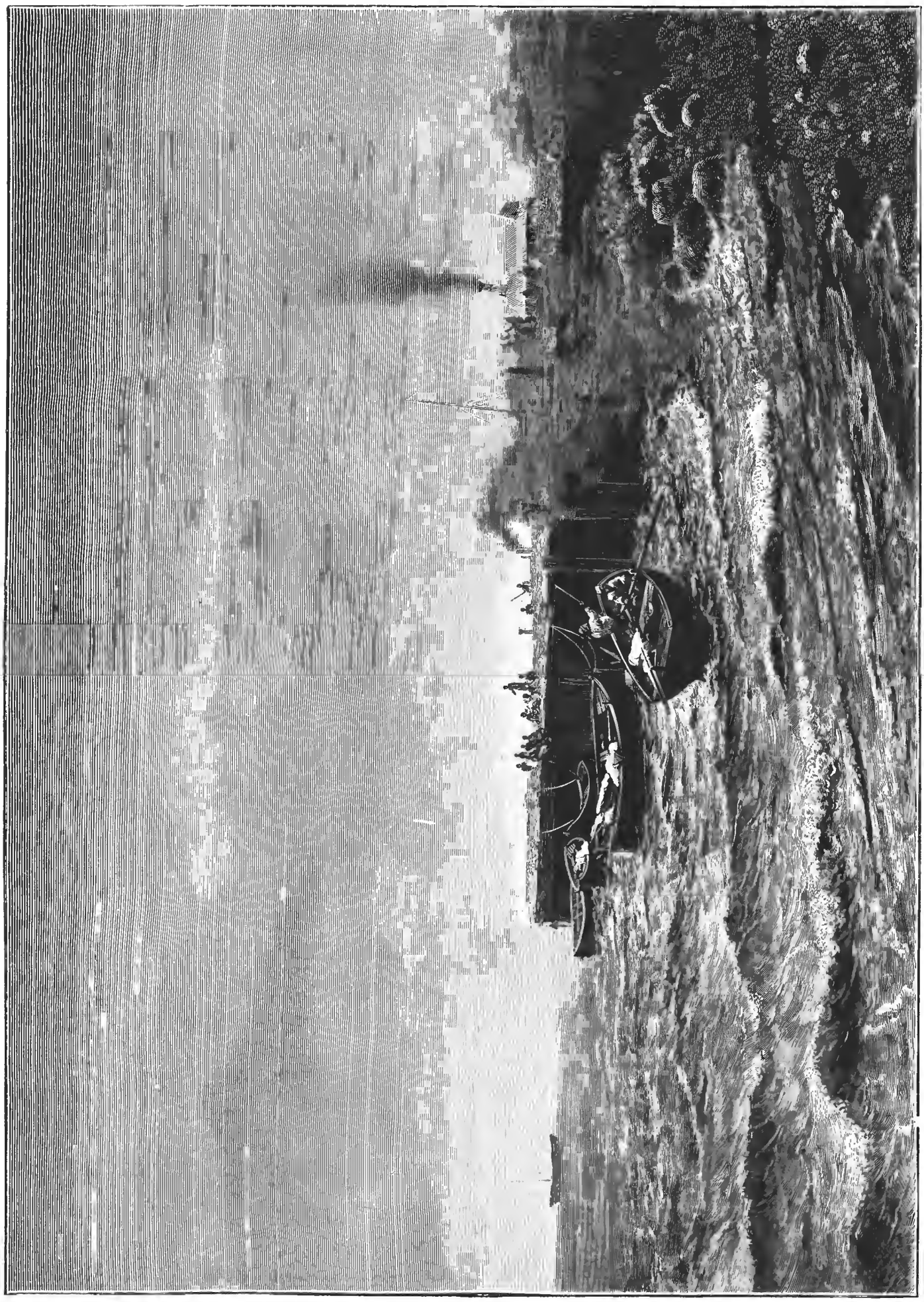
Онъ уже сбирался выйти, а я былъ такъ слабъ, что отъ изнеможенія не могъ сказать ни слова, чтобъ *его удержать*; но мистеръ Фьюртонъ почти силой остановилъ его.

Коротко передалъ я весь этотъ несчастный случай, а мистеръ Фьюртонъ подтвердилъ мой разсказъ. Но старикъ, взбѣшенный, оставался неумолимъ, обвиняя насъ въ томъ, что все это выдумка, наносящая оскорбленіе ему и его семейству. Наконецъ, послѣ, едва ли не часовыхъ, убѣжденій, мистеръ Хильтонъ сталъ понемногу остывать. Онъ не могъ не видѣть моего несчастнаго положенія, въ которое никто не поставилъ бы себя добровольно, и подъ конецъ ему стало даже совѣстно своей неумѣстной вспышки; торопливо сталъ просить онъ извиненія и послалъ домой нарочнаго, сказать, что женихъ отыскался и что свадьба должна состояться въ тотъ же самый день. Послѣднее было сдѣлано по моей настоятельной просьбѣ. Я не хотѣлъ откладывать далѣе, зная, притомъ, какъ сильно желала Эмма, чтобы бракъ былъ совершенъ въ день св. Михаила.

И такъ, чрезъ два часа мы были уже въ церкви, гдѣ встрѣтили невѣсту, въ сопровожденіи только ея матери и брата; не было ни подругъ невѣсты, ни гостей. Мы обвѣнчались тихо, и церемонія окончилась съ послѣднимъ ударомъ двѣнадцатаго часа.

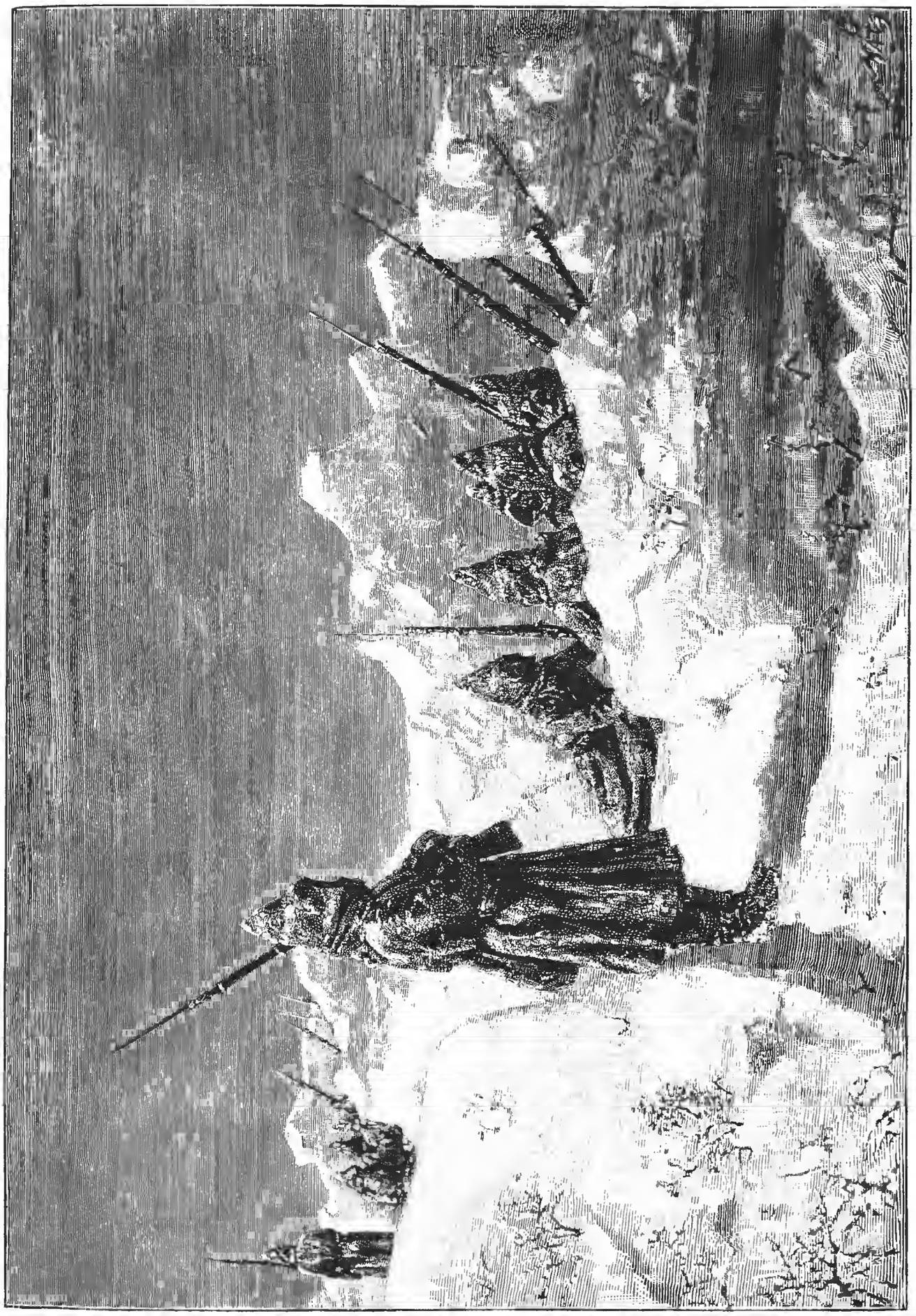
Послѣ свадьбы, вмѣсто того, чтобы, какъ сначала предпола-

Библиотека "Руниверс"



Выставка въ Обществѣ Поощр. Худож. „Пристань гор. Очакова“, Картина И. Судковскаго.
По фот. Беттингера, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Выставка въ Обществѣ Поощр. Худож. „Траншеи на Шипкѣ". Картина В. В. Верещагина. По фот. Якоби, грав. В. Мат.

Библиотека "Руниверс"

галось, ѣхать на континентъ, мы провели недѣлю въ Стипльтонѣ. Можешь представить, какъ во все это время за мной ухаживали, чтобъ скорѣе возстановить мое здоровье.

— Ну, вотъ тебѣ и весь разсказъ, прибавилъ я, и, признаюсь, онъ пробудилъ во мнѣ не совсѣмъ пріятныя ощущенія.

— Воротимся лучше къ дамамъ, отозвался мой пріятель, а завтра вечеромъ повеселимся и выпьемъ въ воспоминаніе твоего избавленія отъ голодной смерти, въ памятный день св. Михаила.

У бразильцевъ на выставкѣ садоводства.

Очеркъ.

Минулъ уже полдень втораго дня нашей международной выставки садоводства. Мы все еще не могли довольно насмотрѣться на пеструю красивую картину. Переходя отъ одной чудной пальмы или кониферы къ слѣдующей группѣ, намъ оставалось осмотрѣть еще такъ много красиваго и интереснаго, что уже почти наступалъ вечеръ и наконецъ почувствовалась извѣстная физическая усталость, принудившая насъ прервать наше наслажденіе. Мы начали искать спокойнаго мѣстечка. Но вотъ, чашка настоящаго бразильскаго кофе особенно была бы теперь вкусна! Слѣдуя этой мысли, мы направились мимо художественно исполненныхъ моделей овощей Э. Бенари изъ Эрфурта и чрезъ садикъ кониферъ, красивыхъ кустарниковъ и грядокъ Ивана-да Марьи Эйлерса и помологическій садикъ д-ра Регеля, достигли бразильскаго павильона, устроеннаго архитекторомъ Бушнеи въ русскомъ стилѣ за счетъ общества „Centro da Lavoura e Commercio" (центръ сельскаго хозяйства и торговли) и гдѣ каждому гостю предупредительно предлагаютъ горячій черный кофе. Такъ какъ было уже довольно поздно, то мы нашли свободное мѣсто возможно ближе къ источнику и вскорѣ желанный напитокъ стоялъ предъ нами въ изящныхъ чашкахъ. Къ сожалѣнію, отъ насъ ускользнуло значеніе звучныхъ португальскихъ словъ, съ какими намъ поданъ былъ кофе. Вскорѣ однако къ намъ подошелъ одинъ бразилецъ и любезно предложилъ служить намъ переводчикомъ. Когда мы окончили нашъ ароматическій кофе, нашъ собесѣдникъ съ готовностью отвѣчалъ на наши вопросы. Отъ него узнали мы многія любопытныя подробности о воздѣлываніи кофе въ Бразиліи, о количествѣ вывоза, свойствахъ и преимуществахъ бразильскихъ бобовъ, объ ихъ странной судьбѣ, отводящей имъ послѣднее мѣсто между сортами кофе, въ то время, когда имъ по праву принадлежитъ почетное мѣсто, а также многія указанія о приготовленіи и преимуществахъ благороднаго напитка. Вопросы и отвѣты живо смѣнялись.

Вышеназванное общество „Centro da Lavoura e Commercio", поставило себѣ задачей уничтожить существующее во многихъ мѣстахъ предубѣжденіе противъ бразильскаго кофе, и конечно съ пользой пропагандируетъ свой продуктъ выставкой образцовъ, насчитывающей до 1,000 экспонентовъ, а также угощеніемъ кофе. Объ энергіи общества въ преслѣдованіи своей цѣли, получается понятіе послѣ того какъ сдѣлается извѣстнымъ, что оно участвовало въ выставкахъ: въ Лондонѣ, Буэносъ-Айресѣ, Нью-Іоркѣ, Монреалѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Триестѣ, Цюрихѣ, Лозаннѣ, Генуѣ, Амстердамѣ, Копенгагенѣ, Афинахъ и другихъ городахъ, и наконецъ прибыло къ намъ.

Принадлежащее къ Rubiacaeen кофейное дерево происходитъ изъ Абиссинской провинціи Кафа; оно произрастаетъ при температурѣ отъ 10 до 30° Ц., достигаетъ 3—4 метровъ вышины и 40—60 сантиметровъ объема.

Ввезенное впервые въ 1760 году въ Бразилію, кофейное дерево принялось тамъ хорошо, благодаря подходящей почвѣ, и съ тѣхъ поръ разведеніе его все болѣе увеличивалось: вывозъ кофе съ 10 мѣшковъ въ 1800 году достигъ въ 1882 году до 6.137,090 мѣшковъ. И такъ какъ кофе сдѣлался главнымъ предметомъ вывозной торговли Бразиліи, то онъ составляетъ для нея постоянно возрастающій источникъ богатства.

Несмотря однако на то, что ¼ квадратной площади Бразиліи, именно 2.000,000 квадр. километровъ годятся для воздѣлыванія кофе, имъ заняты только около 70,000 кв. километровъ, большею частью дѣвственной почвы, послѣ того какъ первобытные лѣса были срублены и сожжены и полученнымъ пепломъ удобрена земля. Молодыя растенія выращиваются на грядкахъ, откуда ихъ пересаживаютъ, по истеченіи одного года или двухъ, на разстояніи четырехъ метровъ другъ отъ друга. До полученія перваго хорошаго сбора проходитъ отъ четырехъ до пяти лѣтъ; затѣмъ сборъ ежегодно увеличивается и на восьмомъ и девятомъ году становится самымъ значительнымъ. При хорошемъ уходѣ, кофейное дерево способно давать плоды до 40 лѣтъ, въ то время какъ въ другихъ провинціяхъ 20-ти и 30-ти-лѣтнія деревья уже не даютъ плодовъ.

Спѣлыя кофейныя ягоды круглы, красны или желты, смотря по культурѣ, сорту дерева и времени сбора, различны по величинѣ и содержатъ по два кофейныхъ боба, находящихся въ общей кожицѣ. Каждый бобъ въ свою очередь прикрытъ двумя пленками, изъ которыхъ одна побольше и кажется какъ бы приросшей. Вслѣдствіе неодинаковаго созрѣванія ягодъ, сборъ начинается въ апрѣлѣ или маѣ и продолжается иногда до ноября включительно. Снятыя ягоды сушатся на воздухѣ, очищаются машинами отъ шелухи, кожицы и постороннихъ предметовъ и тогда получается чистый свѣтло-желтый, коричневый или темнозеленый бобъ. Окраска эта не вліяетъ на качество кофе и не можетъ служить мѣриломъ при выборѣ, хотя обыкновенно предпочитаютъ свѣтлый кофе. Такъ какъ ягоды сушатся на току, сдѣланномъ изъ камня и извести, кофе не прикасается вовсе къ землѣ, а потому и не можетъ имѣть земляного вкуса, о чемъ иногда упоминаютъ.

Несмотря на усилившееся воздѣлываніе кофе на Мартиникѣ, Ст. Доминго, Гваделупѣ и въ особенности на Явѣ и Цейлонѣ, Бразилія превосходитъ ихъ въ этомъ отношеніи и теперь стала первой страною по воздѣлыванію кофе и по вывозу его, на что указываютъ слѣдующія цифры:

Изъ странъ воздѣлывающихъ кофе вывозится ежегодно:

1. Изъ Бразиліи:		
„ Ріо-де-Жанейро. . .	14.220,000 пуд.	
„ Сантоса.	6.000.000 „	
„ Багіи.	450,000 „	
		20.670,000 пуд.
2. Венецуэлы, Лагуайры, Пуерто Кабелло, Маракайбо		2.400,000 „
3. Коста-Рики		600,000 „
4. Гватемалы		750,000 „
5. Никараги		150,000 „
6. С. Сальвадора		660,000 „
7. Мексики		210,000 „
8. Порто-Рико, Ямайки. Кубы		540,000 „
9. С. Доминго		1.380,000 „
10. Явы.		5.760,000 „
11. Цейлона		1.500,000 „
12. Индіи, англійскихъ владѣній		1.080,000 „
13. Маниллы.		300,000 „
14. Африки, включая Мокко.		510,000 „
Всего. .		36.510,000 пуд.

Въ первой четверти 1883 г. снова было вывезено 295,597 мѣшковъ кофе болѣе противъ того-же времени 1882 г.

Одинъ децилитръ бобовъ Мокки содержитъ отъ 476 до 554 отдѣльныхъ зеренъ; явскій кофе — 338, Габонъ—336, Венецуэла и С. Сальвадоръ — по 400, Цейлонъ — 452, между тѣмъ какъ Бразильскій кофе — только отъ 292 до 318; такимъ образомъ послѣдніе бобы оказываются самыми большими и тяжелыми.

Професоръ д-ръ Людвигъ, предсѣдатель химической лабораторіи медицинскаго факультета въ Вѣнѣ, производилъ анализъ кофе съ плантацій д-ра Лагартпи, въ провинціи Ріо-де-Жанейро. Результаты анализа слѣдующіе:

	Новая проба.	Старая проба.
Воды	11,65 проц.	12,07 проц.
Пепла	3.55 „	3,75 „
Таннина . . .	5,84 „	7,01 „
Кофеина . . .	1,16 „	1,75 „
Жира.	14,10 „	14,06 „
Сахара	5,96 „	6,36 „
Альбумина . . .	13,92 „	12.19 „ и т. д.

Напротивъ того кофеина содержится въ кофе:

Цейлона . . .	0.87 проц.	по Грагаму, Стенгоузу и Кампбелю
Плантаціи. . .	0,54—0,83 „	
Мартиники . .	0.36 „	по Робике и Бутрону.
Александріи . .	0,24 „	
Явы	0.25 „	
Мокко	0.21 „	
Кайэнны . . .	0.20 „	
Доминго . . .	0.17 „	
Мокко	0,6 „	по Доберейнеру.
Мокко	0,5 —0,6 „	по Васману.
Мокко	0,4 „	по Пусетти.
Явы	0,709—0,849 „	по Оберу.

Бразильскій-же кофе содержитъ на 0,29—0.68 процентовъ кофеина больше, чѣмъ кофе цейлонскій, и на 0,451—0,901 проц. болѣе, нежели лучшій явскій кофе. Между тѣмъ присутствіе именно кофеина производитъ возбуждающее дѣйствіе, оживляетъ умъ, дѣлаетъ его болѣе впечатлительнымъ и, какъ доказали Гаспаринъ и Пайэнъ, возводитъ кофе на степень *сберегающаго* средства первой важности, такъ какъ, задерживая ассимиляціонныя отправленія, онъ тѣмъ уменьшаетъ потери организма. Другія составныя части кофе, какъ то: жиръ, альбуминъ и сахаръ играютъ также роль въ процессѣ питанія и если придерживаться мнѣнія Пайэна, утверждающаго, что хорошій кофе долженъ содержать отъ 10 до 13 процентовъ жира и 10 проц. альбумина, то бразильскій кофе окажется также лучшимъ.

Къ сожалѣнію, лучшій бразильскій кофе продается подъ име-

Библиотека "Руниверс"

немъ кофе Явы, Ямайки, Порторико, Цейлона и Гаити и только низшимъ сортамъ кофе присвоивается его національное, настоящее имя бразильскаго. Исправить это опущеніе, заставить признать высокія качества бразильскаго кофе и укрѣпить за нимъ вполнѣ заслуженную имъ славу—составляетъ главную задачу названнаго общества.

Но чтобы правильно судить о хорошемъ кофе, онъ долженъ быть совершенно чистъ и неподмѣшанъ, что рѣдко случается въ жженомъ и молотомъ кофе. Существуетъ простой способъ узнать всякую подмѣсь, всыпавъ немного молотаго кофе въ стаканъ воды. Хорошій кофе долго остается на поверхности воды и медленно и слабо окрашиваетъ ее; подмѣшанный кофе, напротивъ, быстро идетъ ко дну стакана и также быстро окрашиваетъ воду. Поэтому слѣдуетъ всегда покупать сырой кофе, жарить его до темно-каштановаго цвѣта и такой рыхлости, чтобы онъ легко разламывался между пальцами, и до употребленія—хранить въ герметически закрывающейся металлической, стеклянной или фарфоровой посудѣ. Для приготовленія кофе необходимъ *кипятокъ*; кофейный порошокъ лучше всего насыпать въ коническій мѣшечекъ изъ небѣленой бумажной матеріи, который вѣшается въ фарфоровый или стеклянный кофейникъ. Слѣдуетъ избѣгать употребленія металлическихъ кофейниковъ, сообщающихъ кофе непріятный вкусъ. Послѣ каждаго употребленія мѣшокъ долженъ быть чисто вымытъ. Варка кофе, послѣ того какъ чрезъ него пропущенъ кипятокъ, портитъ самый лучшій кофе и отнимаетъ не только ароматъ, но и часть вкуса.

При отравленіи опіумомъ и при опьяненіи, кофе составляетъ лучшее противоядіе, кромѣ того онъ считается лучшимъ терапевтическимъ средствомъ при невральгіи, несвареніи желудка, одышкѣ, коклюшѣ, и даже съ успѣхомъ употреблялся при тифѣ, холерѣ и другихъ болѣзняхъ, сопряженныхъ съ ослабленіемъ.

Если правда, что спиртъ возстановляетъ силы бѣдняковъ, упавшія отъ недостатка питанія, то послѣдствія чрезмѣрнаго употребленія спирта бываютъ всегда самыя печальныя. Кофе-же можетъ составить наилучшій дополнительный напитокъ, если онъ только станетъ доступенъ бѣдному народу. Къ сожалѣнію, большинство государствъ не признаютъ благотворнаго дѣйствія кофе и, считая его предметомъ роскоши, облагаютъ чрезвычайно высокою пошлиною. Такъ, напримѣръ, стоимость ввоза слѣдующая:

	100 килогр.	Потребляется 1 человѣкомъ.
Въ Голландіи	безпошл.	8,12 кил.
„ Бельгіи	13,20 фр.	5.40 „
„ Швеціи	3 „	3,60 „
„ Сѣверной Америкѣ .	безпошл.	3,50 „
„ Германіи	50 „	2,47 „
„ Франціи	156 „	1.46 „
„ Австро-Венгріи . .	37,50 „	1,06 „
„ Россіи	61,08 „	0,10 „

Но чтобы кофе вытѣснилъ спиртъ и вошелъ въ ежедневное употребленіе, необходимо самимъ государствамъ считать его не роскошью, а питательнымъ продуктомъ, и не облагать его высокою пошлиною. Тогда только онъ можетъ появиться въ каждой хижинѣ.

Къ рисункамъ.

Памятникъ Виктору Эммануилу въ Римѣ.

(Рис. на стр. 512).

Когда нѣсколько недѣль тому назадъ происходило національное пилигримство къ гробу Виктора Эммануила въ Пантеонѣ и всѣ города и даже самыя отдаленныя калабрійскія горныя деревеньки прислали депутатовъ для возложенія вѣнковъ на гробъ любимаго короля, то это патріотическое проявленіе чувствъ относилось къ королю, какъ къ объединителю отечества. Поэтому пилигримство было болѣе національной, чѣмъ политической манифестаціей: итальянцы чтутъ Виктора Эммануила отцомъ своего прекраснаго отечества и считаютъ дѣломъ чести увѣковѣчить въ народѣ память о его заслугахъ. Вскорѣ въ столицѣ Италіи будетъ возведенъ ему величественный памятникъ. Постановка памятника была задумана уже давно, но программа его была опубликована только 13 декабря 1882 г. Художники всѣхъ странъ были приглашены доставить свои проекты. Къ 15 декабря 1883 г., крайнему сроку присылки проектовъ, ихъ было доставлено 98. 5 января текущаго года, они были выставлены, а 9 февраля происходило заключеніе коммисіи. Замѣчательно, что оно не было окончательнымъ и отложено до 1 іюля настоящаго года. Пока коммисія остановилась на трехъ рисункахъ: архитектора графа Джіузеппе Саккони изъ Фермо, г. Манфреда Манфреди изъ Болоньи и г. Шнитца изъ Дюссельдорфа. На стр. 512 мы помѣщаемъ проектъ графа Саккони, который, безъ сомнѣнія, будетъ приведенъ въ исполненіе.

Буковый лѣсъ.

(Рис. на стр. 513).

Имя г. Орловскаго, какъ блестящаго пейзажиста, составилось давно, и читатели „Нивы“ знакомы съ его талантливыми произведеніями, копіи съ которыхъ помѣщались у насъ не разъ. Прилагаемая сегодня гравюра воспроизводитъ одну изъ лучшихъ его картинъ, на послѣдней весенней академической выставкѣ. Только что отшумѣвшій грозовой ливень, наполнилъ воздухъ горячаго лѣтняго дня влагою. Солнце пронизало своими золотыми лучами сѣть молодой свѣжей листвы; весь лѣсъ дымится испареніями, которыя заволакиваютъ дальніе планы. Лужи еще не просохли, — все полно теплою лѣтней сыростью. Перспектива убѣгающихъ вдаль древесныхъ стволовъ передана превосходно. Вообще это была одна изъ лучшихъ вещей выставки. Глядя на нее невольно вспоминались стихи поэта:

Замолкнулъ громъ, шумѣть гроза устала,
Свѣтлѣютъ небеса,
Межъ чорныхъ тучъ привѣтно засіяла
Лазури полоса...
Еще дрожатъ цвѣты, полны водою
И пылью золотой...

Литер. альбомъ. „Кулакъ“ Никитина.

(Рис. на стр. 517).

Поэма „Кулакъ“—одно изъ самыхъ задушевныхъ произведеній Никитина. Въ ней заключается много чертъ чисто біографическихъ. Самый типъ кулака-Лукича воспроизведенъ съ живаго лица. Домашняя жизнь извѣстнаго воронежскаго поэта вполнѣ способствовала изученію такихъ типовъ. Содержа постоялый дворъ, онъ жилъ въ полномъ смыслѣ слова среди „народа“, вращался среди него и, узнавъ его близко, изображалъ съ яркостью и вѣрностью. Обрисованъ живой образъ кулака-Лукича, надъ семьей котораго словно прошло проклятіе его жизни и дѣятельности—она словно принесена въ жертву его жадности и эгоизму. Поэтъ представляетъ типъ человѣка павшаго нравственно, потерявшаго ясное представленіе о требованіяхъ чести и совѣсти, живущаго обманомъ и плутовствомъ кулака, но тутъ же указываетъ и общія причины, которыя привели несчастнаго къ такому паденію, къ такому извращенію добрыхъ чувствъ. Ты сгибъ, говоритъ поэтъ

...Но велика-ль утрата?
Васъ много! Тысячи кругомъ,
Какъ ты погибли подъ ярмомъ
Нужды, невѣжества, разврата!

Другая личность, обрисованная въ поэмѣ самыми симпатичными чертами, это—Саша, дочь кулака. Тихая, добрая, послушная во всемъ отцу, она даже не осуждаетъ его и тогда, когда онъ разрушаетъ ея счастье, принуждая выдти замужъ за нелюбимаго человѣка. Она прощаетъ ему нанесенное ей оскорбленіе. Какъ его осуждать? говоритъ она

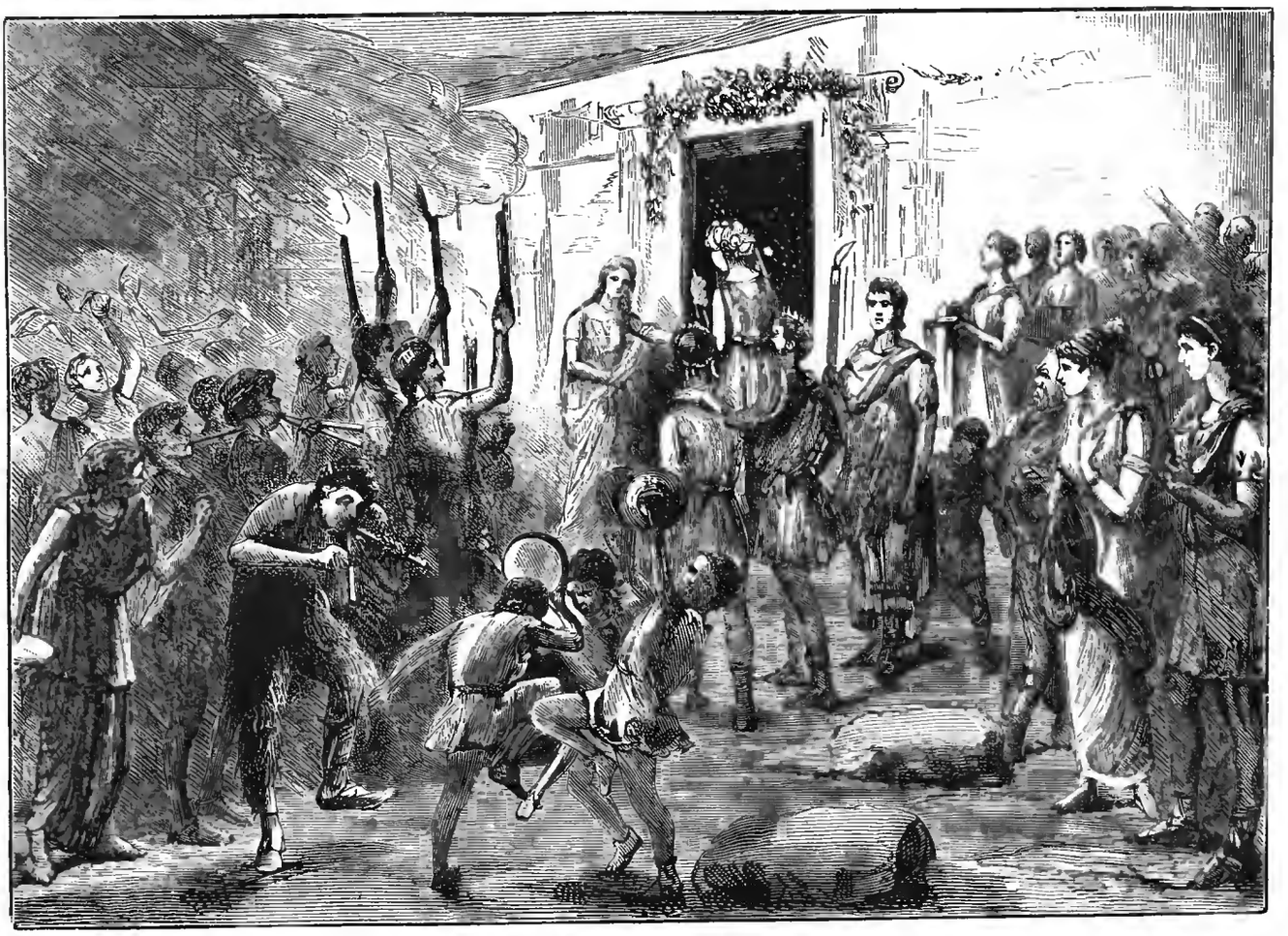
Извѣстно—старъ, кругомъ нужда,
На рынкѣ хлопоты всегда,
Вотъ и беретъ его досада...
Онъ ничего—вѣдь онъ не золъ,
На часъ вспылитъ и гнѣвъ прошелъ...

Такъ она утѣшаетъ мать, добрую и кроткую женщину, тоже страдающую отъ крутаго и буйнаго характера мужа. Но при всей своей тихой и послушной натурѣ, Саша всетаки пытается сопротивляться отцу, когда послѣдній приказываетъ забыть ей любимаго человѣка—и выдти замужъ за богатаго купца-подрядчика. Впрочемъ этотъ слабый протестъ тихой дѣвушки скоро смолкаетъ, когда отецъ разражается проклятіемъ и грозитъ прибѣгнуть къ силѣ. Саша, скрѣпя сердце, повинуется его волѣ: она выходитъ замужъ за купца, такого же кулака, какъ и ея отецъ. Жизнь ея въ семьѣ мужа не веселая; счастье ея разбито и она медленно чахнетъ, не встрѣчая кругомъ ни любви, ни сочувствія. Но Лукичъ погубилъ и себя: чтобы удовлетворить жаднаго зятя приличнымъ приданымъ, онъ заложилъ свой домъ, запутался въ долгахъ и окончательно разорился.

Рисунокъ нашего художника изображаетъ одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ поэмы—именно, какъ Саша, выйдя изъ родительскаго дома, подкрадывается къ плетню сосѣда-столяра, чтобы хоть мелькомъ увидать своего милаго. Это одна изъ самыхъ поэтическихъ картинокъ поэмы:

Но вотъ и Саша. Торопливо
Къ плетню сосѣдскому идетъ,
Сама рукой нетерпѣливой
То сломитъ вѣтвь, то отведетъ;
Порою яркими лучами
Ей солнце брызнетъ на плечо,
Пригрѣетъ щеку горячо.
Межъ тѣмъ, неслышными шагами,
За нею тѣнь ея спѣшитъ.
Плетень все ближе—онъ увитъ

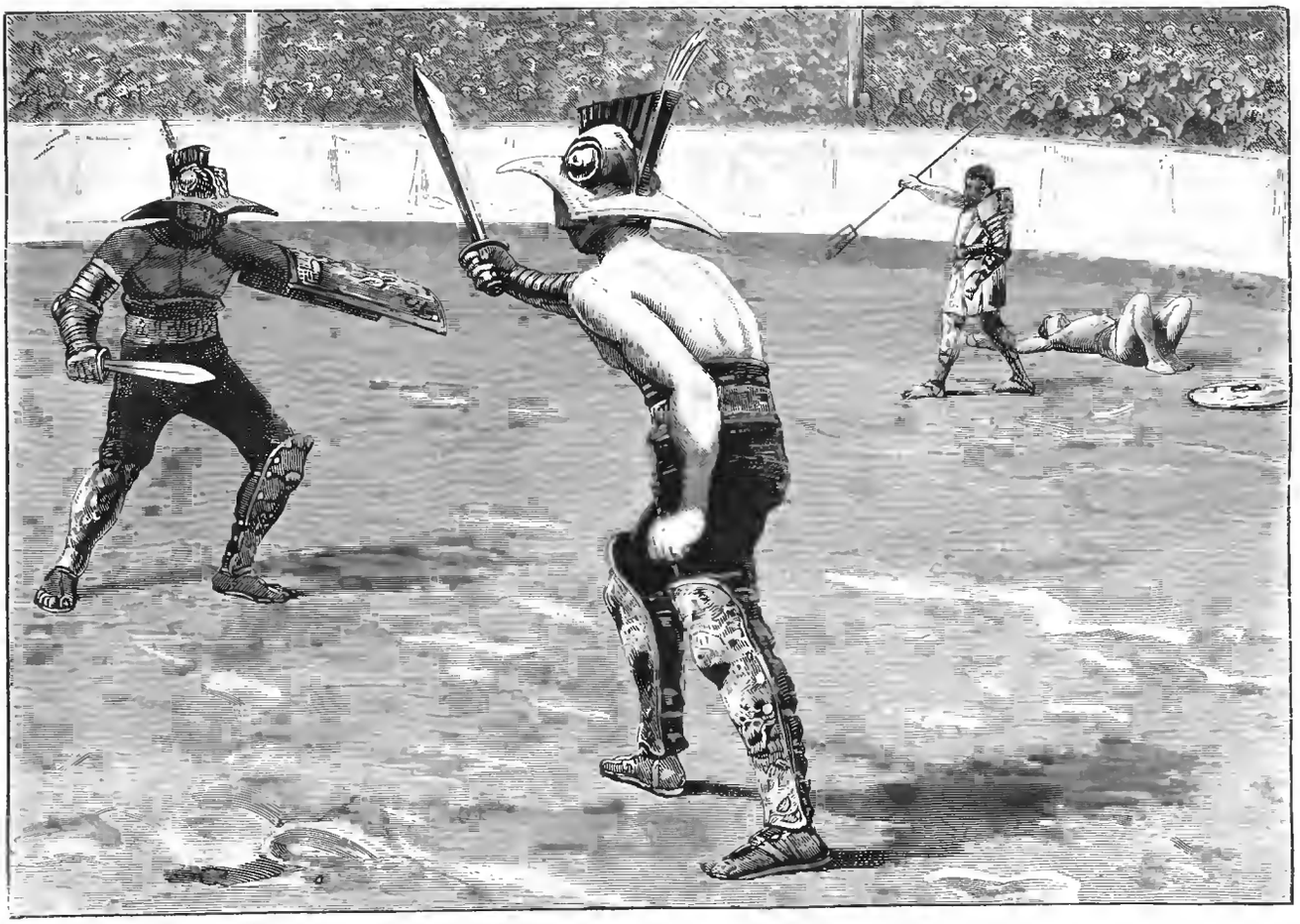
Библиотека "Руниверс"



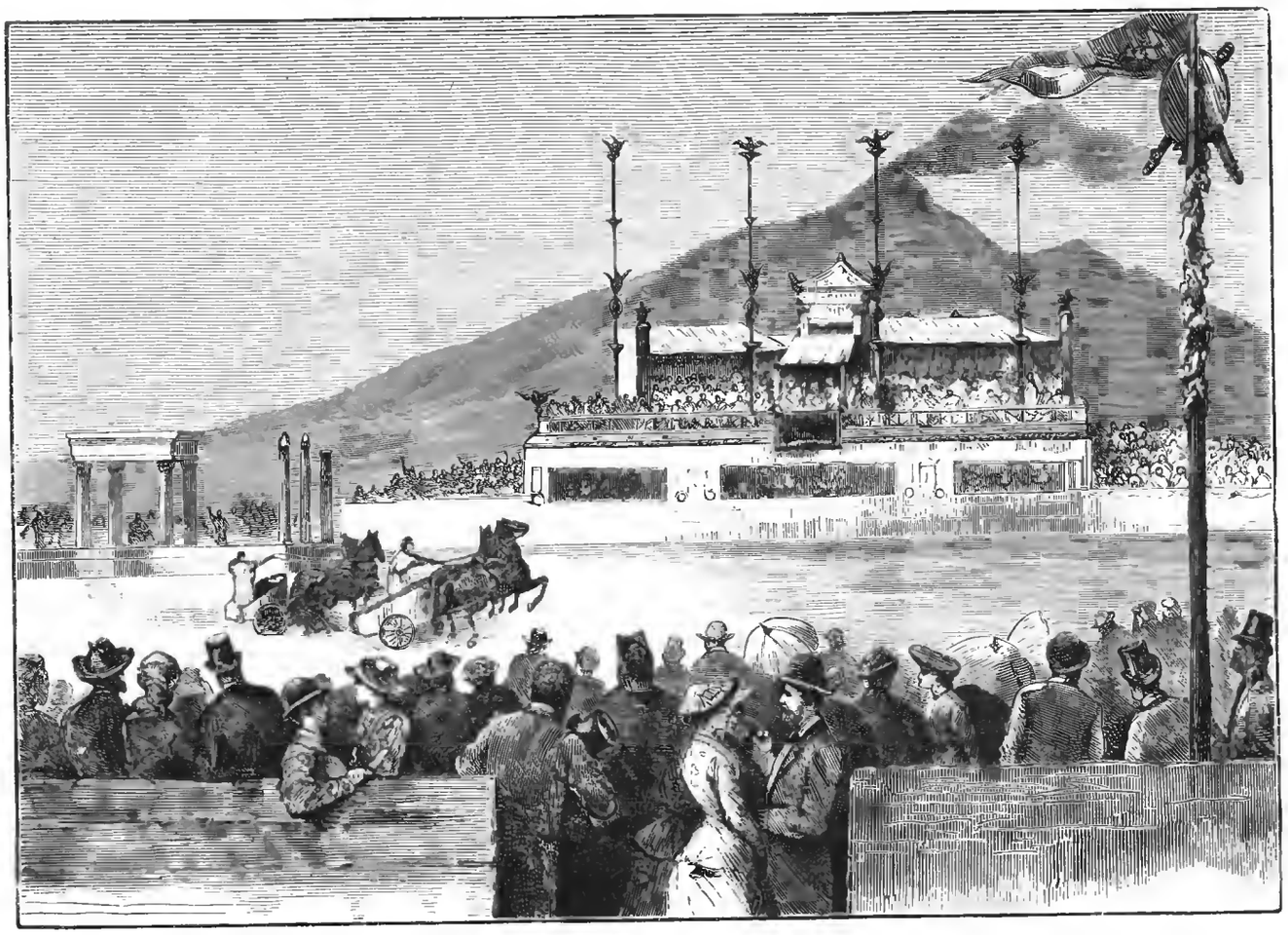
Празднества въ Помпеѣ. Свадебная процессія. По рис. Gr., грав. Флюгель.

Празднества въ Помпеѣ. Погребальная процессія. По рис. Gr., грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"



Празднества въ Помпеѣ. Бой гладіаторовъ въ циркѣ. По рис. Gr., грав. М. Рашевскій.



Празднества въ Помпеѣ. Скачки на колесницахъ на аренѣ цирка. По рис. Gr., грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Весь хмѣлемъ. Дѣвушка подходитъ,
Кудрявый хмѣль рукой отводитъ
И на сосѣдскій дворъ глядитъ.
Онъ пустъ. Зеленая крапива
На зноѣ нѣжится лѣниво,
Да у крыльца кусокъ стекла
Сверкаетъ. Даромъ ты пришла
Бѣдняжка! не видать сосѣда!
И ждать нельзя; пора обѣда—
Старушка дочь свою зоветъ:
Иди, иди! отецъ-молъ ждетъ!..

Пристань въ Очаковѣ.

(Рис. на стр. 520).

„Пристань въ Очаковѣ"— одно изъ наиболѣе удачныхъ произведеній нашего талантливаго марииниста Судковскаго. Такъ быстры волны, такъ сильно волненіе! Пристань эта пустуетъ съ тѣхъ поръ, какъ иностранная торговля сосредоточилась вся въ Одессѣ и лишь мелкія каботажныя суда воскрешаютъ въ ней порою движеніе и дѣятельность. Очаковъ, получившій столь громкую и всемірную извѣстность знаменитой осадой и кровопролитнымъ штурмомъ 6-го декабря 1788 года, предавшимъ его въ руки русскихъ, теперь представляетъ полное захолустье. Это заштатный городокъ Одесскаго уѣзда Херсонской губерніи. Мѣстность, на которой онъ раскинутъ, представляетъ степную равнину, возвышенную надъ моремъ слишкомъ на 20 саженъ и вдающуюся угломъ въ видѣ мыса въ Днѣпровскій лиманъ, который соединяется здѣсь съ моремъ. Самый Очаковъ лежитъ на степной возвышенности, среди овраговъ, прорѣзывающихъ крутой берегъ, и занимаетъ пространство не болѣе квадратной полуверсты. Центръ города—базарная площадь, украшенная домами, крытыми толемъ и соломой. Собственно Очаковъ состоитъ всего изъ одной улицы, которую пересѣкаютъ еще двѣ; но здѣсь, въ этихъ улицахъ найдете вы жилища большей части населенія. Оно размѣщается по береговымъ обрывамъ, въ землянкахъ и хатахъ и предпочитаетъ дышать чистымъ, морскимъ воздухомъ и любоваться волшебной картиной моря—единственнымъ украшеніемъ скромнаго Очакова.

Въ траншеяхъ на Шипкѣ.

(Рис. на стр. 521).

Удивительно простая, задушевно трактованная картина! Въ глухихъ горахъ, среди снѣжныхъ заносовъ, расположился отрядъ забалканскихъ храбрецовъ. Холодъ ужасный. Солдатики, кутаясь въ шинели и башлыки, недвижно, какъ статуи, стоятъ на часахъ. Никакія стихіи не могутъ поколебать ихъ. Они могутъ замерзнуть, погибнуть, — но не измѣнятъ чести своего полка. В. В. Верещагинъ великій мастеръ на такіе задушевные жанры, рельефно рисующіе обратную сторону войны съ ея тріумфами. Онъ не идеализируетъ, но какъ „протоколистъ" заносить натуру на холстъ во всей ея суровости. Его техника позволяетъ ему не останавливаться предъ трудностями, и съ фотографической точностью воспроизводить композицію.

Празднества въ Помпеѣ.

(Рис. на стр. 524 и 525).

Помпея, спящая столько вѣковъ глубокимъ, мертвымъ сномъ, недавно какъ бы ожила на нѣсколько дней и снова какъ будто пробудилась въ ней прежняя, разнообразная жизнь во всей своей классической прелести. Эта неожиданная метаморфоза произошла по почину общества итальянскихъ археологовъ, которые задумали устроить нѣсколько празднествъ въ стѣнахъ Помпеи (съ благотворительною цѣлью, въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія на островѣ Искіи) и придать имъ всѣ колориты давно-минувшей, античной древности. Впродолженіи нѣсколькихъ дней улицы Помпеи, которыя очистили отъ покрывавшаго ихъ слоя лавы и мусора, приняли вполнѣ видъ улицъ большаго города и на нихъ снова раздались голоса шумной, многолюдной толпы, появилась вся роскошь и обстановка императорскаго Рима, похоронныя процессіи съ ихъ громкими отчаянными воплями и свадебныя шествія, сопровождаемыя веселой музыкой. Ученые реставраторы-археологи даже возстановили во всей точности тѣ маленькія лавочки Помпеи, въ которыхъ когда то производилась торговля виномъ; теперь эти лавочки снова явились во всей своей классической обстановкѣ и внутри ихъ прислуга, одѣтая въ строго-античный костюмъ, угощала посѣтителей драгоцѣннымъ фалернскимъ виномъ, столь любимымъ древними. Подъ опытнымъ управленіемъ синьора-ди-Петро, директора неаполитанскаго музея и другихъ извѣстныхъ археологовъ, для празднествъ были назначены три дня: суббота, понедѣльникъ и четвергъ. Во всемъ устройствѣ было видно глубокое знаніе античнаго быта. Инструменты, предназначенные для народныхъ процессій, были сдѣланы по образцамъ тѣхъ, которые хранятся въ музеѣ; костюмы скопированы съ изображеній, уцѣлѣвшихъ на стѣнахъ Помпеи, а оружіе и колесницы точно воспроизведены съ образцовъ, дошедшихъ до насъ отъ древняго Рима. Циркъ былъ построенъ на пространствѣ еще не отрытаго цирка Помпеи, при чемъ не были забыты и всѣ аксессуары древнихъ цирковъ, какъ напр. carceres, каменная ограда, откуда должны отправляться колесницы, предназначенныя къ бѣгу, обелискъ посрединѣ, кругомъ храмы, трибуна императора и мѣсто для народа, хотя публика, собравшаяся теперь въ Помпеѣ, мало походила на ту пеструю толпу древняго Рима, которая требовала лишь одного—panem et circenses. Въ субботу празднества начались кортежемъ императора Веспасіана, который шествовалъ въ циркъ и котораго окружала блестящая толпа изъ конныхъ преторіанцевъ, сенаторовъ, эдиловъ, ликторовъ и жрецовъ; послѣдніе несли изображенія Изиды, Бахуса, Венеры и большую статую Августа; все это было едва видно среди облаковъ дыма отъ многочисленныхъ курильницъ. Группа жрецовъ Изиды, съ совершенно бритыми головами, обнаженныя руки и плечи и развѣвающіяся бѣлыя одежды съ тяжелой бахромой; авгуры съ зелеными вѣнками, толпа музыкантовъ увѣнчанныхъ цвѣтами, императоръ сидящій на кожѣ пантеры, въ своихъ носилкахъ, украшенныхъ шелковыми занавѣсями, несомыхъ восемью носильщиками въ желтыхъ головныхъ уборахъ; группы сенаторовъ и толпа помпейцевъ: все это тихо двигалось подъ смѣшанные звуки трубъ, флейтъ и тамбуриновъ, среди узкихъ улицъ, и представляло совершенно точную картину античной древности, насколько возможно возстановить ее въ наше время. Прибывъ въ циркъ, императоръ занялъ свое мѣсто на трибунѣ и далъ сигналъ для начала бѣга, бросивъ внизъ свой носовой платокъ. По этому знаку четыре колесницы выѣхали на арену и затѣмъ понеслись, стараясь перегнать другъ друга; возницы, стоя, неистово гнали коней, какъ изображено на нашемъ рисункѣ. Затѣмъ слѣдовали: скачка лошадей, упражненіе въ борьбѣ и атлетическія игры, а по окончаніи всего, зрители отправились смотрѣть свадебную процессію. Свадебное шествіе начиналось отъ дома Корнелія Руфа и слѣдовало по улицѣ Изобилія, черезъ форумъ, въ улицу Меркурія, къ дому жениха. Нашъ рисунокъ представляетъ моментъ прибытія невѣсты, сопровождаемой съ факелами процессіей, состоящей изъ друзей и родственниковъ, и музыкантовъ и пѣвцовъ, поющихъ и играющихъ свадебную эпиталаму — одну изъ прелестныхъ одъ Катулла, положенную на музыку. Путь невѣсты былъ усѣянъ цвѣтами; тутъ-же лежали и вѣнки боярышника, какъ эмблема добрыхъ пожеланій. По древнему обычаю, невѣсту внесли въ домъ жениха на рукахъ, какъ бы силою, при громкихъ крикахъ толпы: Talassio! Talassio! (Talassio — одно изъ названій Гименея). Въ понедѣльникъ снова были игры въ циркѣ, а потомъ слѣдовала похоронная процессія. Эта процессія отправилась отъ дома Фавна, тихо прошла черезъ весь городъ къ воротамъ Геркуланума, при звукахъ погребальнаго гимна (epicidium), сочиненнаго на этотъ случай синьоромъ Альберти и исполненнаго музыкантами на инструментахъ строго классическаго типа, какъ видно на нашемъ рисункѣ. На третій день главной приманкой былъ большой бой гладіаторовъ въ циркѣ, въ присутствіи, какъ и прежде, императора и его приближенныхъ. Бой начинался круговымъ шествіемъ сражающихся при традиціонномъ крикѣ: „Ave, Caesar: morituri te salutant" („Здравствуй Цезарь: тебя привѣтствуютъ умирающіе); потомъ слѣдовалъ поединокъ между гладіаторами, вооруженными мечомъ и щитомъ, какъ изображено на нашемъ рисункѣ. Между ретіаріями, вооруженными сѣтью и трезубцемъ, и бойцами, называвшимися „secutores" и употреблявшими при борьбѣ одни мечи. Императоръ игралъ свою роль исторически точно; онъ то подавалъ знакъ пощады или являлся неумолимымъ къ побѣжденному гладіатору. Главныя дѣйствующія лица въ этомъ спектаклѣ исключительно состояли изъ извѣстныхъ актеровъ; а музыканты обучались заранѣе искусству играть на древнихъ инструментахъ. Праздникъ удался вполнѣ, но при всемъ успѣхѣ все таки не покрылъ издержекъ и учредители остались въ большомъ убыткѣ. Послѣднее очень неутѣшительно въ виду огромнаго труда, потраченнаго на приготовленія къ празднику и благотворительной его цѣли, такъ какъ весь доходъ предполагали употребить на пособіе пострадавшимъ отъ землетрясенія въ Искіи.

Князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ.

(Портр. на стр. 528).

Въ лицѣ скончавшагося 14 апрѣля сего года сенатора, почетнаго опекуна и тайнаго совѣтника князя Александра Прохоровича Ширинскаго-Шихматова, смерть поразила одного изъ полезныхъ и выдающихся нашихъ сановниковъ и администраторовъ. Бо́льшая часть жизни Александра Прохоровича была посвящена великому дѣлу воспитанія, и на этомъ поприщѣ онъ пріобрѣлъ полное право на общественную признательность въ высшей степени добросовѣстнымъ и сознательнымъ отношеніемъ къ своему долгу. Какъ воспитатель молодаго поколѣнія, онъ всегда являлся проводникомъ истинной религіозности, какъ основы всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, и при стойкости убѣжденій умѣлъ, гдѣ слѣдуетъ, быть снисходительнымъ къ молодежи и при всякомъ удобномъ случаѣ дѣлать что нибудь для нея полезное и доброе. По воспитанію и началу своей служебной карьеры, князь Александръ Прохоровичъ принадлежалъ къ доблестной семьѣ Черноморскихъ моряковъ. Онъ получилъ образованіе въ началѣ 30-хъ годовъ въ морскомъ училищѣ и

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько лѣтъ служилъ во флотѣ на Черномъ морѣ. Въ вѣдомство народнаго просвѣщенія онъ перешелъ въ 50-хъ годахъ и свою новую дѣятельность началъ въ Москвѣ сначала въ должности инспектора училищъ, а потомъ директора третьей московской гимназіи. Замѣчательно, что морякъ оказался, съ первыхъ же шаговъ своей учебной службы, очень хорошимъ и способнымъ педагогомъ, такъ что начальство невольно обратило на него вниманіе и, съ назначеніемъ попечителя мѣстнаго учебнаго округа, генерала Назимова, въ Вильно генералъ-губернаторомъ, Александръ Прохоровичъ былъ переведенъ также въ Вильно и занялъ тамъ постъ помощника попечителя. Самостоятельную дѣятельность, какъ попечитель округа, кн. Ширинскій-Шихматовъ началъ въ 60-хъ годахъ сначала въ Вильнѣ, потомъ въ Кіевѣ и Москвѣ, и нужно сказать правду, что на долю Александра Прохоровича выпало много тяжелаго труда, чтобы оказаться на высотѣ своего призванія въ эту знаменательную эпоху въ исторіи нашего просвѣщенія и общественнаго развитія. Заслуги князя были оцѣнены, какъ слѣдуетъ, по достоинству, и 1 января 1874 года онъ былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго. Въ лицѣ князя Ширинскаго-Шихматова графъ Толстой пріобрѣлъ себѣ опытнаго и способнаго помощника и ему обязано было многимъ правильное и неуклонное развитіе классической системы въ нашемъ школьномъ образованіи. Прослуживъ при графѣ Толстомъ шесть лѣтъ, Александръ Прохоровичъ оставилъ постъ товарища министра, съ назначеніемъ на мѣсто послѣдняго г. Сабурова, и почти въ тоже время былъ назначенъ сенаторомъ и почетнымъ опекуномъ. Эти двѣ обязанности налагали на него новое бремя тяжелаго труда, но онъ по прежнему работалъ усидчиво и энергично, пока силы не измѣнили ему и ранняя смерть не пресѣкла его полезной и плодотворной дѣятельности. Вообще князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ оставилъ по себѣ добрую память и кончина его вызвала искреннее сожалѣніе у всѣхъ тѣхъ, которымъ выпало на долю или служить подъ его начальствомъ, или имѣть съ нимъ какія либо другія, болѣе или менѣе близкія отношенія.

Переносная желѣзная дорога системы инженера Лартига.

(Рис. на стр. 529).

Всѣ главные торговые и промышленные центры въ каждой странѣ теперь болѣе или менѣе соединены между собою посредствомъ линій желѣзныхъ дорогъ, но помимо этихъ соединительныхъ артерій, существуетъ еще множество мѣстностей, которыя остаются внѣ ихъ района и потому не могутъ принять участія въ экономическомъ, торговомъ и промышленномъ движеніи. Особенно такими мѣстностями изобилуетъ наше отечество; отдаленныя отъ желѣзнодорожной сѣти, онѣ лишены всякихъ способовъ транспортировки своихъ произведеній особенно тогда, когда послѣдней ставитъ непреодолимое препятствіе ненастная погода или дурное состояніе путей сообщенія. На западѣ уже давно придумываютъ разныя системы желѣзныхъ дорогъ, которыя бы, по своей дешевизнѣ и легкости постройки, могли бы служить для отдаленныхъ мѣстностей очень удобнымъ способомъ передвиженія товаровъ; система, изобрѣтенная въ 1882 г. инженеромъ Лартигомъ, можетъ быть названа удобной и цѣлесообразной. Изобрѣтеніе это успѣло уже распространиться во всей Франціи и преимущественно въ Алжирѣ, гдѣ и возникла первоначальная его идея. Видъ каравана верблюдовъ, навьюченныхъ тюками, висящими по обѣимъ сторонамъ ихъ горбовъ, какъ кажется, далъ первую мысль изобрѣтателю соорудить свой механическій снарядъ по этому образцу. Такимъ образомъ, появилась желѣзная дорога съ однимъ рельсомъ, приподнятымъ на 1 арш. и 2 вершка надъ поверхностью земли. Такое устройство имѣетъ преимущества: оно дозволяетъ соорудить желѣзную дорогу гдѣ угодно, безъ всякихъ предварительныхъ изслѣдованій и земляныхъ работъ, и облегчаетъ почти мгновенную перемѣну направленія дороги безъ помощи особыхъ приспособленій, для изгибовъ, разъѣздовъ, соединеній и прочаго. Устройство пути чрезвычайно просто: онъ состоитъ изъ желѣзныхъ или стальныхъ стоекъ, высоты около 3-хъ, 4-хъ футовъ, и изъ рельса, представляющаго обыкновенную стальную полосу. По этой полосѣ можетъ катиться одно или два—одно за другимъ, соединенныя между собою, колеса, къ осямъ которыхъ привѣшиваются съ обѣихъ сторонъ корзины, уравновѣшивающія взаимно другъ дружку. Обѣ эти корзины вмѣстѣ съ колесами и представляютъ собственно вагончикъ. Сцѣпляя одинъ такой вагонъ съ другимъ, можно образовать цѣлые поѣзда, приводя ихъ въ движеніе лошадью или какимъ либо другимъ механическимъ двигателемъ. Въ послѣднее время Сименсъ нашелъ возможность примѣнить съ большимъ удобствомъ, въ данномъ случаѣ, электричество. Стоимость желѣзной дороги системы инженера Лартига гораздо менѣе стоимости всѣхъ, до сихъ поръ извѣстныхъ, переносныхъ желѣзныхъ дорогъ и, кромѣ того, укладка и содержаніе ея представляютъ сравнительно малый расходъ. Въ Россіи путь описываемой нами системы устроенъ пока на сталелитейномъ варшавскомъ заводѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ, изобрѣтеніе Лартига можетъ имѣть примѣненіе въ нашемъ отечествѣ.

Политическое обозрѣніе.

Египетъ.—Южная Африка.—Англія.—Германія.

Событія въ Египтѣ принимаютъ, наконецъ, какъ кажется, лучшій оборотъ для египетскаго правительства; между племенами, составляющими ряды мятежниковъ, идутъ крупные раздоры; Османъ-Дигма, мало по малу, упрочиваетъ вліяніе на ихъ предводителей и даже Магди боится выдти изъ Кордофана. Прибывшіе изъ Бербера гонцы, сообщаютъ, что, за исключеніемъ окрестностей Шаиди, возстаніе повсюду уже утратило угрожающее значеніе. Ни Берберъ, ни Хартумъ не обложены мятежниками, но враждебныя племена собрались въ довольно значительномъ числѣ въ окрестностяхъ Хартума. Католическій епископъ въ Суданѣ, Лагори, прибывшій недавно въ Каиръ, тоже подтверждаетъ, что возстаніе ослабѣваетъ и что упыніе начинаетъ овладѣвать сторонниками Махди, который въ настоящее время находится въ Такаллѣ, неподалеку отъ Эль-Обеида, гдѣ онъ враждуетъ съ однимъ племенемъ, воспротивившимся его власти. По мнѣнію Лагори, генералу Гордону теперь не угрожаетъ никакая серьозная опасность. Нападеніе Османа-Дигмы на Суакимъ окончилось неудачей. Извѣстіе о пораженіи, нанесенномъ мятежниками, губернаторомъ Донголы тоже подтверждается. Египтяне дрались очень храбро, и не взирая на превосходство непріятельскихъ силъ, одержали полную побѣду. Переговоры адмирала Гьюэтта съ королемъ Абиссинскимъ не привели, какъ слышно, ни къ какому соглашенію. Причиной разлада является, главнымъ образомъ, Массова. Извѣстно, что англійскій кабинетъ предложилъ обратить этотъ городокъ лишь въ порто-франко, для свободнаго привоза абиссинскихъ товаровъ, но Негусъ требуетъ полнаго владѣнія Массовой и не хочетъ упустить удобнаго случая, снова захватить въ свои руки часть побережья Краснаго моря, отнятаго Египтомъ у одного изъ его предшественниковъ. Изъ Лондона сообщаютъ, что предварительные разговоры по вопросу о конференціи по египетскимъ дѣламъ приближаются къ концу и совѣщанія европейскихъ уполномоченныхъ по всей вѣроятности откроются въ половинѣ іюня и безъ сомнѣнія въ Лондонѣ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты общинъ, Гладстонъ повторилъ сдѣланное имъ прежде заявленіе, что программа конференціи ограничится лишь финансовою стороною египетскаго вопроса. Кромѣ того англійскій кабинетъ, какъ кажется, порѣшилъ уступить желанію Франціи относительно очищенія Египта въ теченіи двухъ лѣтъ, а также установленія въ Египтѣ международнаго контроля, который, въ качествѣ конечной инстанціи, завѣдывалъ бы финансовыми дѣлами Египта. Могущественный англійскій опекунъ Египта Клиффордъ Ллойдъ, какъ извѣстно, скоро отправится въ Лондонъ и не возвратится болѣе къ своему посту. Англійскіе чиновники, назначенные имъ, будутъ немедленно уволены, такъ какъ Нубаръ-паша настаиваетъ, чтобы въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не служилъ ни одинъ европеецъ.

Въ Южной Африкѣ, а именно въ странѣ зулусовъ, какъ кажется, возстановился нѣкоторый порядокъ, къ великой радости англійскаго правительства. Престолъ Зулуланда, служившій предметомъ кровопролитныхъ соискательствъ между различными туземными вождями, наконецъ достался въ удѣлъ Дипизулу, сыну умершаго короля Сетивайо. На коронаціи Дипизулу присутствовало десять тысячъ человѣкъ и боэры торжественно поклялись охранять его, пока онъ будетъ соблюдать заключенныя съ ними условія. Дипизулу издалъ прокламацію, дарующую общую амнистію и въ которой онъ выражаетъ свое искреннее желаніе сохранить миръ и строго соблюдать границу, опредѣленную англійскимъ правительствомъ.

Весь Лондонъ встревоженъ теперь новымъ покушеніемъ динамитчиковъ. Недавно въ Сентъ-Джемсъ-скверѣ, близъ улицы Pall-Mall, произошли три страшные взрыва. Два взрыва послѣдовали почти одновременно на одной сторонѣ сквера, а третій раздался спустя нѣсколько минутъ на другой сторонѣ. Въ окружающихъ домахъ разбиты оконныя стекла, но съ людьми, какъ полагаютъ, несчастій не было. Въ тотъ же день произошелъ еще другой взрывъ въ центральномъ помѣщеніи лондонской полиціи. Здѣсь выбито много оконъ и нѣсколько человѣкъ ранено. Въ трафальгорскомъ скверѣ, около колонны Нельсона, найденъ и конфискованъ полиціею мѣшокъ съ семнадцатью динамитными патронами. Слѣды виновныхъ до сихъ поръ не открыты и не произведено ни одного ареста. Какъ увѣряютъ, кабинетъ рѣшился послать правительству Соединенныхъ Штатовъ убѣдительную ноту, съ предложеніемъ, чтобы оно препятствовало всѣми силами отъѣзду американскихъ динамитчиковъ въ Англію.

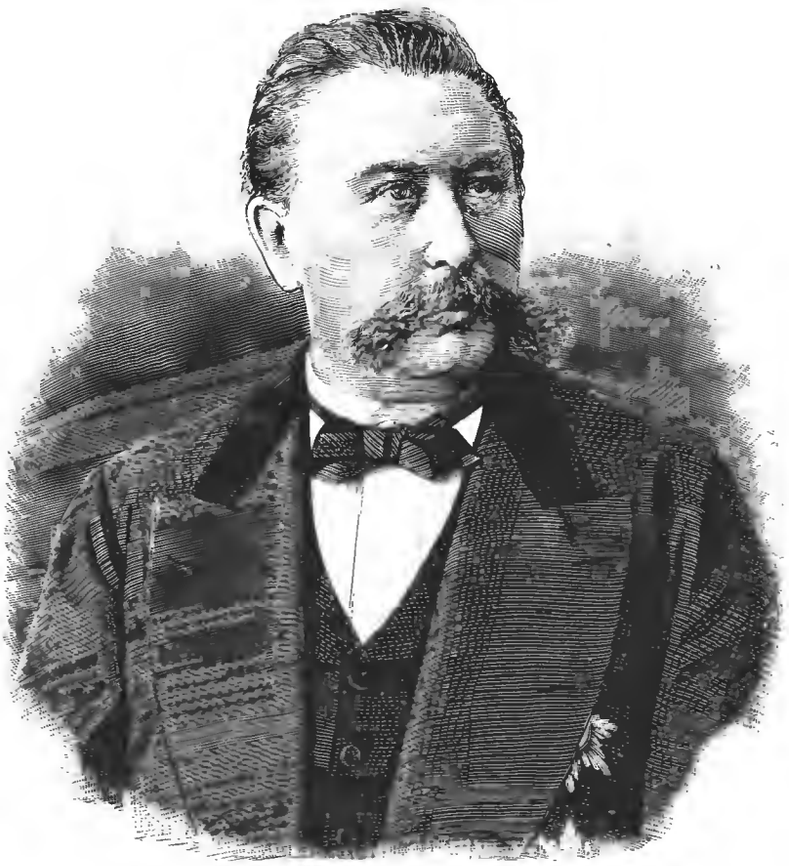
14-го (26) мая въ Филиппсруэ, совершилось бракосочетаніе принцессы Елисаветы Гессенской съ наслѣднымъ принцемъ Леопольдомъ Ангальтскимъ. Гражданская часть церемоніи состоялась въ полдень, а духовная—въ три часа пополудни. Въ блестящей процессіи бракосочетанія Ея Величество Государыня

Библиотека "Руниверс"

Императрица слѣдовала съ Датскимъ наслѣднымъ принцемъ, Германскій наслѣдный принцъ велъ Датскую королеву, герцогъ Кэмбриджскій—принцессу Уэльскую, а Болгарскій князь—герцогиню Елену Стрелицкую. 23 мая въ полдень Государыня Императрица прибыла въ Берлинъ. Ея Величество была встрѣчена въ вокзалѣ императоромъ Вильгельмомъ, Германскимъ наслѣднымъ принцемъ и принцемъ Вильгельмомъ. Привѣтствіе было самое сердечное. Германскій императоръ, наслѣдный принцъ и принцъ Вильгельмъ проводили Ея Величество въ домъ русскаго посольства. На всемъ пути Императоръ и Государыня Императрица были привѣтствуемы восторженными кликами народа.

Смѣсь.

Новый порохъ. Крупповскій сталелитейный заводъ изобрѣлъ новый родъ пороха, который возбудилъ большой интересъ въ наукѣ, такъ какъ по своимъ преимуществамъ онъ долженъ окончательно изгнать изъ употребленія теперешній черный порохъ. Новый порохъ извѣстенъ подъ именемъ коричневаго, такъ какъ цвѣтомъ своимъ напоминаетъ какао или шоколадъ. Изъ опытовъ съ коричневымъ порохомъ, произведенныхъ Крупповскимъ заводомъ, выяснено, что, при равномъ давленіи газовъ въ каналѣ орудія, коричневый порохъ сообщаетъ снаряду большую начальную скорость, чѣмъ черный; при этомъ новый порохъ такого рода преимущество сохраняетъ для всевозможныхъ калибровъ оружія. Странно только, что онъ можетъ быть утилизированъ лишь въ плотно замкнутыхъ пространствахъ, на открытомъ же воздухѣ сгораетъ медленно, не производя взрыва, хотя, какъ увѣряютъ, имѣетъ тѣ же составныя части (селитра, уголь и сѣра), какъ и черный порохъ, но только въ иной пропорціи. Цвѣтъ пороха показываетъ, что степень обугливанія дерева, предназначеннаго на приготовленіе пороха, должна быть иная, чѣмъ это дѣлалось для пороха прежней фабрикаціи. Коричневый порохъ совершенно исключаетъ тѣ несчастные случаи отъ взрывовъ, которые приходится теперь устранять, и то только отчасти, массой всевозможныхъ предосторожностей. Одно изъ главныхъ, военныхъ преимуществъ его заключается въ томъ, что дымъ коричневаго пороха значительно прозрачнѣе и скорѣе разносится въ воздухѣ, чѣмъ продукты сгоранія теперешняго пороха. Если опыты на заводѣ Круппа увѣнчаются полнымъ успѣхомъ, въ чемъ нельзя сомнѣваться, то открытіе это произведетъ значительный переворотъ въ военномъ мірѣ.



Князь Ширинскій-Шихматовъ. † 14 апрѣля. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Затрудненія, встрѣченныя персидскимъ шахомъ передъ путешествіемъ въ Европу. Шахъ собирается сдѣлать третье путешествіе по Европѣ. По этому поводу не безынтереснымъ будетъ сообщить читателямъ о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя повелитель Персіи встрѣтилъ передъ первымъ своимъ путешествіемъ въ страну неправовѣрныхъ, имя которыхъ ни одинъ истинный мусульманинъ не произнесетъ, безъ того чтобы не попросить прощенія у аллаха за такое оскверненіе.

Еще болѣе, чѣмъ въ сопротивленіи фанатическихъ муллъ, которые видѣли въ такомъ путешествіи поруганіе обычаевъ, поѣздка шаха встрѣтила препятствіе въ собственныхъ его привычкахъ.

Затрудненіе явилось относительно женъ. Всѣхъ взять съ собой было неудобно; путешествовать же холостякомъ шахъ не находилъ для себя особенно пріятнымъ. Наконецъ было рѣшено взять только одну фаворитку и старуху служанку. Но когда высокій путешественникъ прибылъ въ Петербургъ, онъ отправилъ своихъ спутницъ, не смотря на ихъ просьбы и мольбы, кратчайшимъ путемъ, обратно домой.

Третье и самое главное затрудненіе состояло въ томъ, чтобы достать необходимое количество денегъ на предстоящіе расходы. Но и здѣсь онъ нашелъ выходъ: денежныя средства нашлись.

Правительство штата Керетаро (Мексика) постановило воздвигнуть большой памятникъ изъ краснаго камня на томъ мѣстѣ, гдѣ 19 іюня 1865 года былъ казненъ императоръ Максимиліанъ. До настоящаго времени мѣсто въ Серро де-ля Комнано, возбуждавшее столь печальныя воспоминанія, указывала пирамида, сложенная изъ мелкаго камня, число котораго уменьшалось съ каждымъ годомъ, такъ какъ старые солдаты, приверженцы императора, брали изъ него на память о своемъ монархѣ чуть не каждый день по камню. Гробъ Максимиліана, обагренный кровью, находится въ правительственномъ строеніи, гдѣ онъ сталъ добычею американскихъ путешественниковъ, берущихъ отъ него кусочки на память. Монастырь Санта-Круцъ, въ которомъ жилъ императоръ, пришелъ въ разрушеніе и посѣщеніе комнаты, въ которой жилъ Максимиліанъ, не безопасно. Послѣдній духовникъ императора — Зоріа, также недавно умеръ.

Новая картина Мункачи „Свершилось!“ уже окончена и привезена Зедельмейеромъ для выставки въ Парижъ. Это колоссальное произведеніе, какъ увѣряютъ, превосходитъ предшествующую картину „Христосъ передъ Пилатомъ“ не столько художественной техникой, сколько величественностью композиціи. Распятый Христосъ уже испустилъ духъ. Прислонясь къ кресту, стоятъ Мать и Марія Магдалина. Палачъ смотритъ безучастно на этихъ женщинъ. Кресты съ распятыми разбойниками стоятъ нѣсколько поодаль, сзади. Небо покрыто черными тучами, изъ которыхъ сверкаетъ молнія. Фарисеи, воины и другіе зрители удаляются отъ лобнаго мѣста и каждая изъ этихъ фигуръ носитъ отпечатокъ того душевнаго настроенія, которое движетъ ими въ эту минуту. Раскаяніе, сожалѣніе и страхъ божественнаго правосудія, все это прекрасно отражается на лицахъ возвращающихся. Постановка всей этой сцены производитъ на зрителя въ высшей степени глубокое впечатлѣніе.

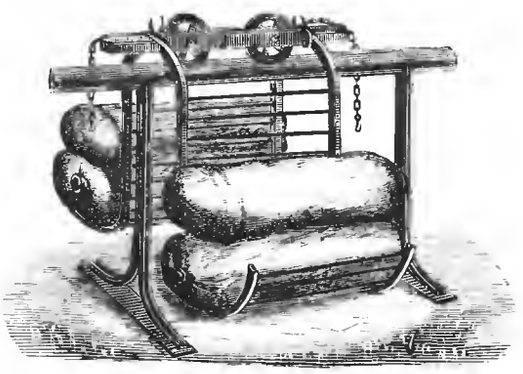
Слѣпыя и ядовитыя рыбы. Изысканія глубины моря обнаружили существованіе слѣпыхъ рыбъ. Солнечные лучи проникаютъ не далѣе 200 саженъ на глубину моря, между тѣмъ какъ рыбы встрѣчаются и на глубинѣ 2 англійскихъ миль (слишкомъ 1000 саженъ). Глубочайшая темь этой пучины освѣщается только слабымъ фосфорическимъ свѣтомъ, испускаемымъ многими морскими животными, и рыбы, обитающія на большой глубинѣ, или совсѣмъ слѣпы, или обладаютъ громадными глазами, приноровленными для удобнаго собиранія слабаго, разсѣяннаго свѣта. Д-ръ Гунтеръ нашелъ, что у нѣкоторыхъ слѣпыхъ рыбъ органъ зрѣнія вознаграждается особымъ снарядомъ, способнымъ испускать фосфорическій свѣтъ; что большеглазыя породы, которыя служатъ пищей слѣпымъ, привлекаются этимъ свѣтомъ и дѣлаются добычей послѣднихъ. Слѣпыя рыбы, для распознаванія находящихся вблизи ихъ предметовъ, имѣютъ длинныя, особаго устройства щупальцы, циркулирующія по всѣмъ направленіямъ.

Ядовитыми обыкновенно считаются только змѣи и отнюдь не рыбы; однако кругъ ядовитыхъ животныхъ расширился въ настоящее время включеніемъ въ него до сихъ поръ неупоминавшихся ящерицъ и нѣкоторыхъ породъ рыбъ. Въ средней Америкѣ встрѣчается рыба, жаберныя крышки которой вооружены жаломъ, очень схожимъ съ зубомъ ядовитыхъ змѣй. Жало это полое и своимъ основаніемъ связано съ ядовитой сумкой, изъ которой ядъ и попадаетъ въ рану. Спинные плавники этой рыбы также снабжены двумя жалами, которыя имѣютъ то же устройство и такое же назначеніе, какъ вышеописанное. Въ Индійскомъ океанѣ существуютъ двѣ породы ядовитыхъ рыбъ, которыя главнымъ образомъ опасны вслѣд-

Библиотека "Руниверс"

ствіе своей многочисленности. На спинѣ у нихъ расположено множество жалъ, служащихъ для проведенія яда въ рану. Рыбаки остерегаются и боятся этихъ рыбъ на столько же, на сколько жители тропическихъ странъ боятся ядовитыхъ змѣй. Наносимые ими уколы настолько незначительны, что иногда трудно ихъ замѣтить, ступая ногой въ иль, а между тѣмъ исходъ такихъ пораженій нерѣдко оканчивается смертью. Употребленіе этой породы рыбъ въ пищу влечетъ за собой непремѣнную смерть. Сюда относятся многочисленныя шарообразныя породы, извѣстныя подъ именемъ морскихъ дикобразовъ.

Динамитная пушка. На прошлой недѣлѣ въ Америкѣ, по распоряженію военнаго министра Соединенныхъ Штатовъ, производились опыты съ динамитной пушкой. Новое орудіе, устроенное Мефорданъ, Бартеле и Рейнольдомъ, состоитъ изъ 40 футовой длины и $^1/_4$ дюймовой толщины латуннаго цилиндра, съ 4 дюймовымъ гладкимъ каналомъ. Приспособленія для производства выстрѣла схожи съ таковымъ же механизмомъ у духоваго ружья, такъ что снарядъ выбрасывается силой сжатаго воздуха. Снарядъ сдѣланъ изъ свинца, имѣетъ четыре фута длины и наполненъ динамитомъ. Новая пушка имѣетъ много преимуществъ передъ теперешними орудіями: устройство ея самое простое и стоитъ она сравнительно весьма недорого; матеріалъ для производства выстрѣла, т. е. сжатый воздухъ, всюду находится подъ рукой; каналъ орудія не требуетъ чистки при стрѣльбѣ, такъ какъ не загрязняется никакими осадками газовъ; отсутствіе дыма при выстрѣлѣ дѣлаетъ возможнымъ скрывать отъ взоровъ непріятеля свою батарею. Шумъ, происходящій при выстрѣлѣ, весьма слабый и напоминаетъ собой пыхтѣніе дымовой трубы локомотива. Снарядъ, представляющій собой, такъ сказать, торпедо въ воздухѣ, наноситъ гораздо большее разрушительное дѣйствіе, чѣмъ снаряды пороховыхъ орудій. Въ ближайшемъ будущемъ будутъ произведены опыты съ 6 дюймовой динамитной пушкой, снарядъ которой вѣситъ 112 фунтовъ. Такихъ размѣровъ орудіе должно, по мнѣнію изобрѣтателей, однимъ выстрѣломъ уничтожить военное судно и разрушить любую крѣпостную постройку.

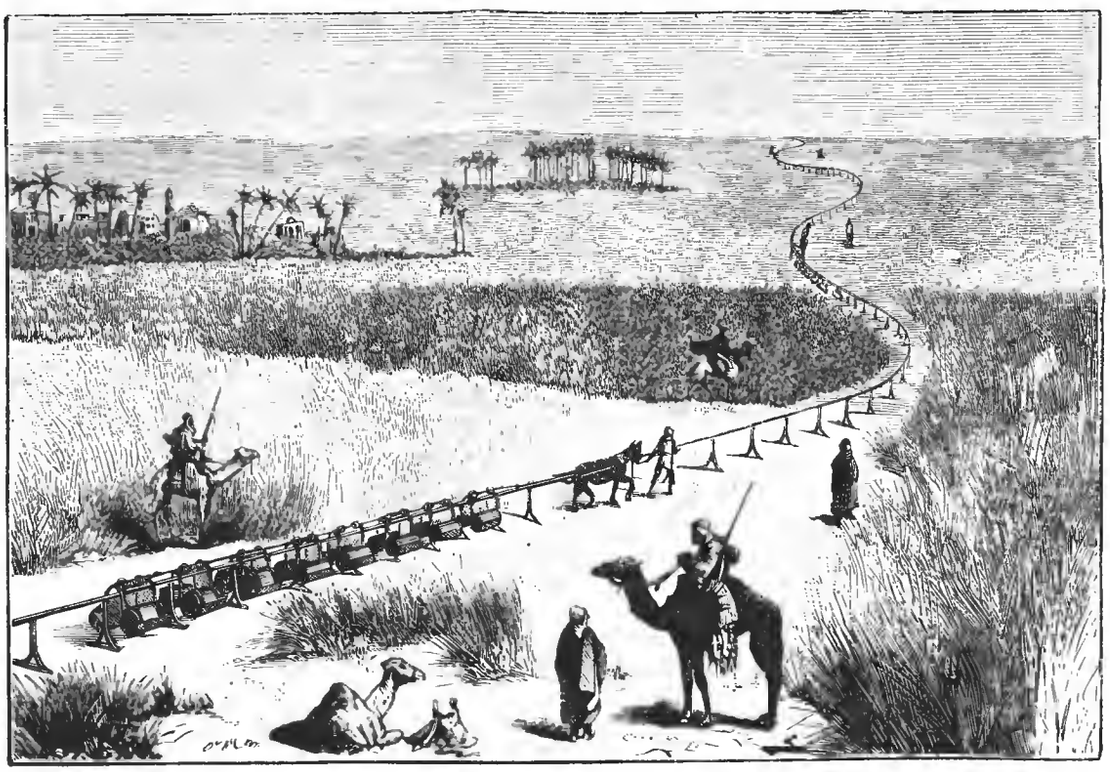


Грузовая ж. д. системы Лартига. Отдѣльный грузъ.

Недавно въ Берлинѣ, въ ресторанѣ Струбе, „Подъ липами“ капитанъ военнаго судна, только что возвратившагося изъ кругосвѣтнаго плаванія, угощалъ своихъ друзей китайскимъ гастрономическимъ блюдомъ. Это былъ супъ изъ трепанга, который привелъ въ восторгъ первыхъ гастрономовъ Берлина. Крѣпостью и деликатнымъ вкусомъ онъ превосходитъ даже супъ изъ черепахи. Вскорѣ послѣ того Струбъ, Дрессель и другіе первоклассные рестораны включили его въ свое меню. Трепангъ (Holothuria edulis) есть молюскъ, принадлежащій къ разряду лучистыхъ, сбрасывающихъ кожу животныхъ. Онъ между молюсками тоже, что боровъ между млекопитающими и карпъ между рыбами. Вымоченный въ горячей водѣ, трепангъ по виду похожъ на жирную кожицу отъ ветчины. Всѣ малайскія рыболовныя суда отправляются ежегодно въ Индійскій океанъ на ловлю трепанга и привозятъ свою добычу въ Макассаръ, гдѣ продаютъ ее китайскимъ купцамъ. Ежегодно изъ Макассара отправляютъ около 9 тысячъ центнеровъ трепанга въ Китай. Китайцы, по тонкости вкуса, различаютъ до 30 сортовъ этого молюска и платятъ за пикуль (130 фунтовъ) отъ 5 до 70 піастровъ. Высушенный трепангъ похожъ на камень и при продолжительной варкѣ даетъ студень, схожій съ таковымъ же изъ телячьихъ ножекъ. Капитанъ Л. привезъ съ собой также и китайскій рецептъ: Трепангъ опускается въ холодную воду и слегка отваривается, затѣмъ очищается при помощи жесткой щеточки, разрѣзывается на куски и варится съ куринымъ мясомъ, наконецъ смѣшивается съ различными суповыми пряностями и процѣживается. Трепангъ и мясо курицы подаются съ супомъ; разбавлять супъ, въ случаѣ надобности, можно только куринымъ бульономъ. Одинъ трепангъ считается достаточнымъ на 8—10 персонъ.

Недавно въ Дебееръ (Южная Африка), въ рудникахъ „Алмазо-пріискового товарищества Викторія“ найденъ громадной величины алмазъ, который превосходитъ всѣ до сихъ поръ извѣстные этого рода камни въ мірѣ. Онъ вѣситъ 301 каратъ и обладаетъ прекраснымъ свѣтло-желтымъ цвѣтомъ. Будучи въ сыромъ видѣ величиной съ куриное яйцо, онъ, послѣ отшлифовки его въ бриллiантъ, будетъ вѣсить около 160 каратъ. Найденъ онъ былъ на глубинѣ 300 футовъ среди другихъ горныхъ породъ однимъ рабочимъ негромъ, нанятымъ отъ товарищества. Алмазъ этотъ произвелъ тамъ большую тревогу и тысячи людей приходили подивиться на находку. Со времени открытія южно-африканскихъ алмазныхъ копей, 15 лѣтъ тому назадъ, никогда еще не находили тамъ такой величины алмазовъ, не смотря на значительную ежегодную добычу. Стоимость недавно найденнаго алмаза опредѣляютъ въ 30 тысячъ рублей.

Въ числѣ тридцати трехъ статей закона, которыя были приняты исландскимъ совѣтомъ, находится одна, трактующая объ учрежденіи различнаго рода школъ въ странѣ, и въ томъ числѣ высшаго учебнаго заведенія въ Рейкіавикѣ. Оно будетъ имѣть только факультеты: богословскій, юридическій и медицинскій. Открытіе этого университета должно послѣдовать 1-го октября 1885 года.



Грузовая ж. д. системы Лартига въ Алжирѣ. Съ фот. грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

Памятникъ королю Виктору Эммануилу будетъ воздвигнутъ въ Пантеонѣ. На высокомъ многоугольномъ пьедесталѣ, украшенномъ четырьмя фигурами львовъ, будетъ поставлена античная мраморная урна на манеръ тѣхъ, которыя ставились въ древности на гробницахъ императоровъ. На памятникѣ будетъ сдѣлана надпись: „Отцу отечества". Извѣстно, что Пантеонъ, этотъ прекрасный остатокъ древности, сталъ съ 1200 года христіанскимъ храмомъ; полагаютъ, что папа не будетъ имѣть ничего противъ сооруженія въ немъ вышеупомянутаго мавзолея.

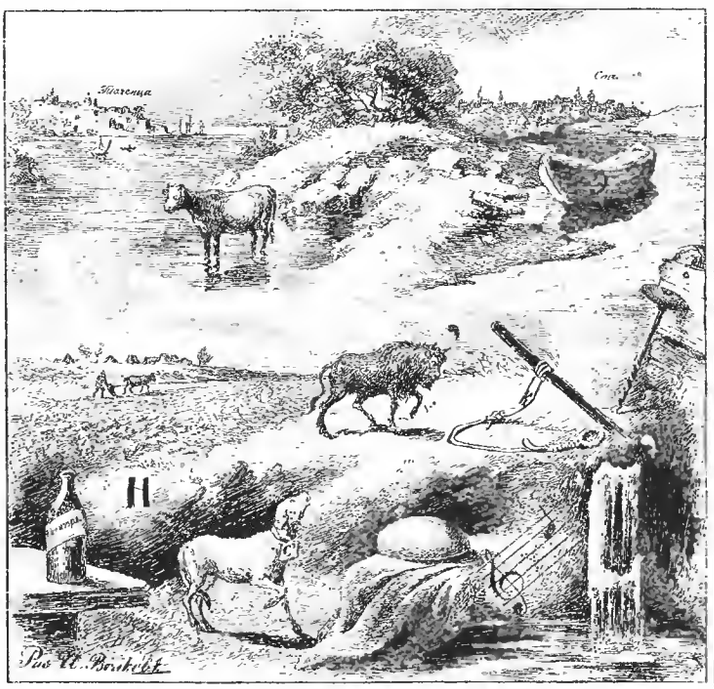
Новый освѣтительный матеріалъ. Недавно въ Швеціи сдѣлано открытіе, которое, по сообщенію компетентныхъ личностей, составитъ эпоху въ области освѣтительныхъ матеріаловъ, не смотря на громадное количество изобрѣтеній и открытій послѣдняго времени. Онъ обладаетъ чрезвычайно важными преимуществами: распространяя совершенно бѣлый, спокойный и пріятный для глаза свѣтъ, съ которымъ не можетъ сравниться даже электрическое освѣщеніе, матеріалъ этотъ въ высшей степени дешевъ. Изобрѣтатель хлопочетъ въ настоящее время о полученіи патента на свое открытіе въ нѣсколькихъ государствахъ. Изобрѣтеніе это остается пока еще секретомъ. Но можно, почти навѣрно, предсказать, что новый освѣтительный матеріалъ есть ничто иное, какъ водородъ, слѣдовательно продуктъ, который пойдетъ по низкой цѣнѣ, что сильно будетъ способствовать его распространенію, кромѣ того, и для отопленія.

Растенія, какъ предвѣстники погоды. Въ цюрихской газетѣ перечисляется нѣсколько растеній, которыя между тамошними крестьянами и пастухами считаются вѣрнѣйшими предсказателями погоды. Если растеніе садовая Рожа въ 9 часовъ утра подымаетъ цвѣточный вѣнчикъ и будетъ держать его до 4-хъ часовъ открытымъ, это предвѣщаетъ на этотъ и слѣдующій день ясную и сухую погоду. Если же въ 9 часовъ вѣнчикъ еще закрытъ, то въ этотъ день будетъ дождь. Если запахъ желтаго Подмаренника (сыворочная трава), сладко и нѣжно благоухающій въ хорошую погоду, усиливается, то будетъ непремѣнно скоро дождь. Перламутровидныя чешуйки чашечки Колючника закрываются передъ предстоящимъ дождемъ, и наоборотъ—открыты передъ установленіемъ хорошей погоды. Если цвѣточное хранилище Ноготка остается утромъ, послѣ 7 часовъ, еще закрытымъ, то въ этотъ день можно навѣрно ожидать дождь. Кисличка передъ предстоящимъ дождемъ или непогодой стягиваетъ вмѣстѣ свои трехзубчатые листья. Если Цикорія въ теченіи ночи оставляетъ свои цвѣточныя хранилища открытыми, между тѣмъ какъ обыкновенно, при продолжительной хорошей погодѣ, вечеромъ она ихъ смыкаетъ, то на слѣдующій день выпадетъ дождь. Тысячелистникъ передъ предстоящимъ дождемъ наклоняетъ свои листья внизъ. Къ сожалѣнію, нужно замѣтить, что нѣкоторыя изъ перечисленныхъ растеній предвѣщаютъ намъ непогоду уже тогда, когда это становится ясно для насъ самихъ, т. е. когда предсказанія уже не нужны.

Дезинфекціонное средство. Англійскія газеты сообщаютъ слѣдующій рецептъ умершаго д-ра Гольдена много разъ испытаннаго имъ дезинфекціоннаго средства: ½ драхмы селитряно-кислой окиси свинца распускается въ литрѣ кипяченой воды и двѣ драхмы поваренной соли—въ ведрѣ воды. Оба раствора смѣшиваются и оставляются въ покоѣ, пока не образуется осадокъ. Такимъ образомъ приготовленная жидкость не имѣетъ ни малѣйшаго запаха и представляетъ собой самое сильное и дѣйствительное дезинфекцирующее средство. Опущенная въ этотъ растворъ матерія, пропитанная міазмами, обеззараживается также быстро, какъ и воздухъ, въ которомъ производятъ вспрыскиваніе этой жидкостью. Влитая въ сточныя трубы, или разбрызганная по навознымъ кучамъ, она дѣйствуетъ замѣчательно быстро и радикально.

Картонный пароходъ. Недавно на озерѣ Онтаріо совершалъ рейсы пароходъ, сдѣланный изъ картона. При длинѣ въ 35 и ширинѣ 5 футовъ, онъ вмѣщаетъ въ себѣ десять пассажировъ. Два винта, приводимые въ дѣйствіе паровой машиной, придаютъ ему чрезвычайно большую быстроту. Пароходъ состоитъ изъ желѣзнаго остова съ обшивкой изъ картона, не имѣющаго поръ; такіе же борта и палуба покрыты лакомъ, что позволяетъ ихъ содержать постоянно въ чистотѣ и предохраняетъ картонъ отъ порчи. Такое судно очень легко, между тѣмъ обладаетъ такой же прочностью, какъ желѣзное или деревянное.

РЕБУСЪ. Задача № 22.



Рѣшеніе шашечной задачи № 17.

Бѣлыя.	Черныя.
Съ D2 на C3.	Съ D4 на B2.
„ C1 „ D2.	„ H6 „ C1.
„ E1 „ B4.	„ A5 „ C3.
„ B8 „ G3.	„ H2 „ F4.
„ F2 „ E3.	„ F4 „ D2.
„ H4 „ E1.	„ C5 „ D4.
„ D8 „ H4.	„ D4 „ E3.
„ H4 „ F2.	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.** — Поокъ, Воронихина, Лейневицъ, Иванова, Ситникова, Е. Т. Катихина, **Москва** — Обухова, Андреева, **Бехтеры**—Сердюкова, **Витебскъ**—Крейсъ, **Кишиневъ**—Бернгардъ, **Кронштадтъ**—Лабазника, **Кузнецкъ** — Кочетова, **Лаптево** — Бобровой. **Муромъ** — Кульпина, **Н.-Новгородъ**—Денина, **Никольо-Раменье**—Смирновой, **Пакфнлка**—Громатева, **Пермь**—Матвѣева, **Ракенбургъ**—Соколова, **Рѣшетниково**—Королева, **Сергіевъ посадъ** — Дмитревскаго.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, **большой картины Профессора К. Е. Маковскаго „Гусляръ", слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.** При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

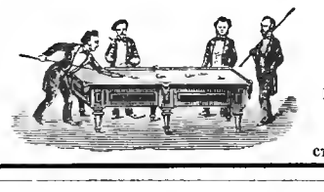
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Древняя сельская церковь Богородицы въ Тотемск. уѣздѣ, Вологодск. губ.** (съ рис.).—**Вадимъ Голетаевъ.** Разсказъ **Я. П. Полонскаго.** (Продолженіе).—Стихотвореніе.—**Гдѣ провелъ я ночь передъ свадьбой.** Разсказъ **Хильтока.**—**У бразильцевъ на выставкѣ садоводства.** Очеркъ.—**Памятникъ Виктору Эммануилу въ Римѣ** (съ рис.).—**Буковый лѣсъ** (съ рис.).—**Литературный альбомъ „Кулакъ". Никитина** (съ рис.).—**Пристань въ Очаковѣ** (съ рис.).—**Въ траншеяхъ на Шипкѣ** (съ рис.).—**Празднества въ Помпеѣ** (съ 4 рис.).—**Князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ** (съ портр.).—**Переносная жел. дорога системы инженера Лартига** (съ 2 рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Ребусъ.—Рѣшеніе шашечной задачи.—Заявленіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.—**При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ІЮНЬ 1884 г. съ 25 рис. и отдѣльн. листомъ съ 26 чертеж выкроекъ въ натуральную величину и 32 рисунк. для выпиливанія изъ дерева**

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ
ПОСЛѢДУЕТЪ РОЗЫГРЫШЪ
X ЛОТЕРЕИ
ВЪ ПОЛЬЗУ ШКОЛЪ
С.-Петербургскаго Женскаго Патріотическаго Общества. Выигрышей 600, которые состоятъ изъ серебряныхъ и золотыхъ вещей на 27000 р. Главный выигрышъ—8000 руб.
ЦѢНА БИЛЕТУ 1 РУБЛЬ.
Билеты можно получать въ Канцеляріи Общества, по Казанской ул., д. № 5. № 3378



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
БИЛЛІАРДЫ И КЪ БИЛЛІАРДНОЙ ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.
Троицкій проспектъ, близь Египетскаго моста, д. № 13—2. № 3303 19—4

Библиотека "Руниверс"

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Романъ-хроника XVIII вѣка. Паденіе Бирона и воцареніе Елисаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изданіе. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

MENTION HONORABLE PARIS 1878

ГАЛЬМАНИНЪ.

Извѣстный своими свойствами предотвращающими пріѣніе частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ, ***Гальманинъ*** *продается въ аптекахъ, а также у дроги стовъ значительнѣйшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи.* ***Главное депо*** *находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца аптеки, магистра фармаціи* ***В. Карпинскаго,*** *улица Электоральная, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к.* ***Нужно остерегаться поддѣлокъ*** *и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г.* **В. Карпинскій** *магистръ фармаціи.*

№ 3350 6—2

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни **Вс. Соловьева.** СПБ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ПРАВЛЕНІЕ
РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА
ВЗАИМНАГО СТРАХОВАНІЯ ОТЪ ПАДЕЖА ЖИВОТНЫХЪ

честь имѣетъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что оно нашло возможнымъ отмѣнить сборъ на управленіе повсемѣстно и сборъ за ветеринарный осмотръ, за исключеніемъ гг. СПБурга и Москвы.

Пріемъ страхованій продолжается по прежнему, по двумъ отдѣламъ:

по **I-му отдѣлу** — отъ повальныхъ и заразительныхъ болѣзней, какъ-то: отъ чумы, повальнаго воспаленія легкихъ, сапа, ящура, кроваваго поноса, сибирской язвы, оспы и чесотки, и

по **II-му отдѣлу** — отъ всякой смертности.

Правленіе Общества находится въ С.-Петербургѣ.

Агентства Общества имѣются во всѣхъ городахъ Европейской Россіи.

М. № 3380 3—1

ПРОКАТЪ НА ДАЧУ!

Большой выборъ хорошихъ новыхъ заграничныхъ піанино и роялей съ доставкою на всѣ ближайшія и отдаленныя дачныя мѣста по крайне дешевымъ цѣнамъ. **Александръ Вильканъ**, В. О. 5 л., д. № 2. Р. № 3377

ИЩУТЪ

въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральи контору объявленій, **Невскій пр., № 8, подъ лит. В.** Р. № 3328

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ

СБОРНИКЪ узакон. отн. до Общ. Пол. и кр. учр. съ рѣш. Сен. и извл. Зак. А. Скоровъ. Ц. 4 р. въ перепл. 4—50. Выпис. отъ изд. (Москва) за пер. не платятъ. № 3151 6—6

БУРАКСИЛИНЪ изъ экстракта растеній и буры. **Д-ра Денандоля изъ Парижа.** Вѣрнѣйшимъ средствомъ служитъ отъ **ЗАГАРА И ВЕСНУШЕКЪ.** Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб. **У В. ПАРИКОВА и К°.** въ Гостиномъ дворѣ № 78, СПБ. № 3352 5—3

КОНТОРА ТОРГОВАГО ДОМА

ПАВЕЛЪ ВЫДРИНЪ и СЫНЪ

МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, РЯД. СЪ Д. ГЕН.-ГУБЕРНАТОРА.

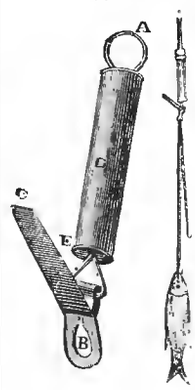
Продажа 5% выигрышныхъ билетовъ I и II внутреннихъ займовъ съ задаткомъ въ 15 руб. съ разсрочкой платежа изъ 8% годовыхъ безъ всякой комиссіи, и страхованіе отъ тиражей;

2 января, 1 марта, 1 іюля и 1 сентября.

УСЛОВІЯ ВЫСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО.

№ 3373 6—1

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,



одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣвается за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственный складъ у **П. Ф. Каратаева**, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Новый иллюстрированный въ краскахъ прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается за 7 семи-копѣечныхъ марокъ.

Микроскопъ 30 к., съ пересылкою 60 к.; выписывающіе подсѣкатель прибавляютъ за микроскопъ только 30 к. № 3275 1—1

ВНИМАНІЮ ИЗДАТЕЛЕЙ И КНИГОПРОДАВЦЕВЪ:

Внутри Гостинаго двора, кладовая № 14
(входъ въ ворота съ Невскаго пр.),

ОТКРЫТЪ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ
РУССКАГО ОБЩЕСТВА КНИГОПРОДАВЦЕВЪ И ИЗДАТЕЛЕЙ,

Продажа исключительно книжнымъ магазинамъ, съ уступкою, указанною владѣльцемъ товара, **безъ взыманія коммиссіоннаго процента** въ пользу склада. Продажа въ складѣ производится ежедневно, кромѣ праздничн. и воскресн. дней, отъ 9-ти часовъ утра до 6-ти ч. вечера.—Пріемъ товара въ складѣ—отъ 10-ти ч. до 4 ч. Положеніе о складѣ, въ которомъ выяснены всѣ условія пріема и размѣръ платы за храненіе товара, высылается **безплатно.**

Складъ находится на храненіи отвѣтственной артели. М 3379 1—1

РОМАШКА БУРЕЛЬ.

Лучшее изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ средствъ.

Моментально **уничтожаетъ** всѣхъ домашнихъ насѣкомыхъ, какъ-то: таракановъ, прусаковъ, клоповъ, блохъ, муравьевъ, мокрицъ и др.

ОНА ДѢЙСТВУЕТЪ ИЗУМИТЕЛЬНО БЫСТРО,

не содержитъ вредныхъ для здоровья человѣка веществъ, поэтому не отзывается вредно на мозгъ и дыхательные органы, какъ это бываетъ съ большинствомъ другихъ составовъ и ромашекъ отъ насѣкомыхъ. Во избѣжаніе поддѣлокъ, просимъ обратить вниманіе на подпись изобрѣтателя, которая находится на каждой коробкѣ настоящей **„Ромашки Бурель“.**

ЦѢНА КОРОБКИ **75** КОП. и **40** КОП.

Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Въ МОСКВѢ: въ аптекарскихъ магазинахъ Г. Кёлеръ и К°, Гетлингъ и Штокманъ, Г. Брунсъ бывш. Пецъ, Л. Борхартъ, Люгеръ и Гирифельдтъ, Эмиль Керстанъ, Безбарднсъ и др. **Въ СПБургѣ:** у Александра Вещель, Казанская, № 3, въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами и его отдѣленіи **въ Харьковѣ. Въ Тифлисѣ**, въ Кавказскомъ обществѣ торговли аптек. товарами. **Въ Таганрогѣ** у Поллакъ. Ц. № 3358 2—2

№ 3306 **Л. ЛИНЕВИЧЪ.** 10—4

Имѣю честь увѣдомить гг. владѣльцевъ старинныхъ вещей, что я, какъ любитель искусства, покупаю по самой высокой цѣнѣ старинныя художественныя вещи, какъ-то: бронзовые часы, канделябры, стѣнники и группы; фарфоровыя (преимущественно севрскія и саксонскія) вазы, сервизы и фигуры; мебель съ бронзою и инкрустаціей; мраморныя фигуры и группы; вазы яшмовыя и порфировыя, отдѣланныя бронзой; серебряныя группы, кружки и бокалы; золотыя табакерки съ эмалью и миніатюрами; гобелены и другіе предметы роскоши, особенно XVI, XVII и и XVIII столѣтій. **Я ВЫѢЗЖАЮ** на три лѣтнихъ мѣсяца во внутрь Россіи, для пріобрѣтенія означенныхъ предметовъ. Лично можно видѣть и письменно обращаться ежедневно, отъ 10 час. утра до 6 веч., кромѣ праздничн. дней. **СПБургъ, ФОНТАНКА**, рядомъ съ Малымъ театромъ въ соб. д., № 53. Литера Б.

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ

ИЗОБРѢТЕННЫЙ

БРОКАРЪ и К°.

№ 3091 25—9

Р. № 3330 20—6

НОВОСТЬ!

МАЛЕНЬКІЙ АППАРАТЪ,

который придѣлывается къ каждому портмоне и бумажнику; съ этимъ аппаратомъ невозможно потерять портмоне и чужой не можетъ его вынуть изъ кармана.

ЦѢНА 1 Р. 25 К.

съ пересылкою по почтѣ.

Каждый самъ можетъ легко его придѣлать (по наставленію).

Въ **Москвѣ**, въ магазинѣ **Нюрнбергъ**, въ Старомъ Газетномъ переулкѣ, домъ Шаховскаго. П. № 3374 1—1

А. СІУИКЪ.

ПАРФЮМЕРНЫЙ и КОСМЕТИЧЕСКІЙ МАГАЗИНЪ

Тверская, д. Варгина.
МОСКВА.
ПОДРОБНЫЙ
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ
ВЫСЫЛАЕТСЯ
ПО ТРЕБОВАНІЮ.

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ,

№ 3360 7—2

ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ.

ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ

бѣлитъ зубы, не портя ихъ эмали, предотвращаетъ гніеніе зубовъ.

ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ

укрѣпляетъ десны, утоляетъ зубную боль, освѣжаетъ ротъ.

DENTIFRICES PELLETIER
Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

DENTIFRICES PELLETIER
Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФРЕРА,
19, Rue Jacob, Paris.

У ВСѢХЪ АПТЕКАРЕЙ И ПРОДАВЦЕВЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ.

Библиотека "Руниверс"

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

„Переводъ **Словацкаго**, прод. вездѣ, гл. складъ у Бѣлаго въ Одессѣ. Ц. 60 к.“.
№ 3372 1—1

Главный складъ и продажа
(по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ)
АМЕРИКАНСК. НЕПРОМОКАЕМ. БѢЛЬЯ,
которое несравненно практичнѣе обыкнов. полотняного; оно не требуетъ стирки и глажейья, а чистится мокрой тряпкой, при чемъ сохраняетъ глянцевитый видъ, какъ лучшее голландск. полотно и не впитываетъ въ себя чернильныхъ пятенъ.

Цѣны съ почтов. пересылкою:
Манжеты 1 р. 25 к. Грудь 1 р. 75 к. Воротникъ 75 к. Къ нимъ пуговицы новаго устройства изъ американскаго золота (никогда не чернѣющія) 2 руб. Для гг. военныхъ фирменные воротники.

№ 3320 Вновь получены 6—4
Новыя американскія подтяжки,
значительно удобнѣе всѣхъ прочихъ, устроенные на маленькихъ колесикахъ. При носкѣ совершенно не чувствительны; не давятъ въ плечахъ и не стѣсняютъ свободныхъ движеній при верховой ѣздѣ, катаніи на лодкѣ, билліардной игрѣ, гимнастикѣ и пр., и пр. Онѣ также рекомендуются и гг. медицинскимъ авторитетами. Многія лица, не могшія привыкнуть носить подтяжекъ, совершенно освоились съ предлагаемыми нами и остались весьма довольны ими.

Каждаго, нуждающагося въ новыхъ подтяжкахъ, мы просимъ обратить вниманіе на это новое и вполнѣ практичное изобрѣтеніе.

СКЛАДЪ РЕЗИНО ВЫХЪ ТОВАРОВЪ
КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ
Большая Морская, 36.
По воскресеньямъ складъ закрытъ.

Изданіе А. Ф. Маркса. СПБургъ, Б. Морская, № 9.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

„СТАРЫЙ ДОМЪ“.

Историческій романъ царствованія Императора Александра I и начала царствованія Императора Николая I, въ 2-хъ частяхъ,

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

(Продолженіе историческихъ романовъ „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“ и „ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“).

Напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и въ концѣ каждой главы. 693 страницы. Спб. 1884 г. Цѣна **3** р., съ перес. **3** р. **50** к.; въ красивомъ калепкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ **4** р., съ перес. **4** р. **50** коп.

Съ требованіями обращаться въ контору изд. А. Ф. МАРКСА, СПБургъ, Б. Морская, д. № 9 и въ отдѣленіе конторы „Нивы“ **въ Москвѣ**, д. Петровскихъ линій, къ **Н. Н. Печковской.**

Романъ этотъ, какъ и прочія произведенія Всеволода Соловьева, также можно пріобрѣсти у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Р. № 3376 2—1

ФИСГАРМОНІИ
извѣстнѣйшихъ парижскихъ и американскихъ фабрикантовъ отъ 90 до 500 р., фисгармоніи съ органомъ, гармоніфлюты, гармоніфлюты съ органомъ, піанино съ органомъ съ запасными валами, играющимъ танцы, оперы, романсы и русскія пѣсни.
Піаниста (механическій таперъ) съ большимъ запасомъ нотъ, и много другихъ музыкальныхъ инструментовъ и принадлежностей рекомендуетъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ
Юлій Генрихъ Циммерманъ.
С.-Петербургъ, по Б. Морской, д. № 36.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.
Новѣйшій иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Вас. Островъ, 1 линія, № 10.
МОСКВА. Масляная ул., домъ Сытова.

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ
для тушенія пожаровъ въ зачаткѣ и поливки цвѣтовъ по 16 р. Упаковка 40 коп.
РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА
10 разн. размѣровъ—наименьшая выбрасыв. 600 ведеръ воды въ часъ и стоющ. 115 р. Наибольшая—1800 ведеръ и стоющ. 400 р.
Насосы ручные, приводные и паровые
для всѣхъ возможныхъ цѣлей.
ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЛЯ
лучшій паровой насосъ настоящ. времени.
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МАШИНЪ ВСЯКАГО РОДА ПРЕДЛАГАЕТЪ
ТОВАРИЩЕСТВО
БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ
Иллюстр. катал. безплатно. № 3366 6—2

Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons
ROUME.

CHIFFRES ÉLOQUENTS.

Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons
ROUME.

PARFUMERIE DU GRAND MONDE — maison de confiance

SAVON THRIDACE
SAVON VELOUTINE | par 3 douzaines } 6 R. 20 Cop. la douzaine

	R.	C.
Extraits Atkinson petit 1 once		80
„ „ 2-me 2 „	1	50
„ „ 3-me 4 „	2	50
„ „ 4-me 8 „	4	—
„ „ 5-me 16 „	7	95
Sachets Atkinson	—	35
Veloutine Ch. Fay de Paris .	—	90
Crême Simon petit	—	40
Crême glycerine Gellé 70 cop. et 8 R. la douz.		
Eau-bouquet Bayley	1	10
Extrait opoponax Piesse Lubin le fl.	1	—
Eau de Lys de Lohse le fl. .	1	10
„ „ „ „ „ les 12 fl.	12	40
Elixir Th. Evans	1	90
Poudre.	2	—
Zahn Pasta du D-r Boutemard	—	30
Lait d'iris de Piver	1	25

	P.	C.
Pâte dentifrice Gellé	—	45
„ „ „ les douze	5	20
Nigritine Gellé, l. 50 et . .	2	30
„ „ les douze . .	23	50
Elixir du D-r Pierre moyen	1	70
„ „ „ „ grand	3	30
Vinaigre l. V. Bully, le fl. .	1	15
Crême oriza Legrand. . . .	1	80
Crême camélia Fay	1	90
Poudre de riz lava	—	50
Eau de Cologne Iulich's Pl.tz № 4 moyen	—	60
Poudre dentifrice société hygiénique		75
Extrait Maiglöckchen de Lohse petit	—	95
„ „ 2-me	1	60
Alcool de menthe de Riqlés .	—	80
Elixir Pelletier	1	10

Savon des familles savonnerie de Paris - la douzaine. . 1 —

Les articles les plus nouveaux, les plus courus, les plus fins, les plus en vogue à Paris se trouvent

MAISON ROUME
moins cher que partout ailleurs
16 Grande-Morskaïa, 16.

M. № 3381 **PAFUMERIE DU GRAND MONDE.** 2—1

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМА
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, 21.

ПРОДАЕТЪ
5% ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖЕЙ
на слѣдующихъ условіяхъ: задатокъ **20 р.** на билетъ, остальная сумма уплачивается мѣсячными взносами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе
5 РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.
Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на купленный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю.

Контора предлагаетъ свои услуги по всѣмъ банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностію за самое умѣренное вознагражденіе
Р. № 3353 7—3

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Считаю долгомъ предупредить почтеннѣйшую публику, употребляющую „ЭЛЕОПАТЪ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА“, что въ послѣднее время многіе торговцы, пользуясь извѣстностью нашей фирмы и громаднымъ сбытомъ *НАШЕГО* Элеопата, стали продавать поддѣльные препараты его.

Какъ здѣшняя, такъ и иногородная публика легко можетъ быть введена въ заблужденіе, тѣмъ болѣе, что поддѣльный Элеопатъ по формѣ флакона, по этикеткѣ и способу укупорки его, мало на первый взглядъ отличается отъ настоящаго. Въ виду этого прошу почтеннѣйшую публику обратить вниманіе на слѣдующее отличіе:

На настоящемъ, неподдѣльномъ флаконѣ Элеопата про из. Кинунена въ самомъ стеклѣ флакона вылиты два слѣдующихъ слова:

„Провизоръ Кинуненъ“.

Всѣ другіе флаконы, безъ этой надписи въ самомъ стеклѣ, слѣдуетъ считать безусловно поддѣльными.

Провизоръ Кинуненъ.

Дозволено цензурою. СПБ. 29 мая 1884 г. Типографія А. Ф. Маркса, Средняя Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 23 | XV годъ | 1884

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 9 Іюня 1884 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ" 1884 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. П. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію. Италію и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи. для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ. НА Б. МОРСКОЙ. въ Д. № 9
И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 6 ч. ВЕЧЕРА.

Е. В. Пеликанъ.

6-го мая текущаго года, русская медицинская наука понесла чувствительную потерю въ лицѣ скончавшагося бывшаго предсѣдателя медицинскаго совѣта и ветеринарнаго комитета, непремѣннаго члена военно-медицинскаго ученаго комитета, доктора медицины тайнаго совѣтника Евгенія Венцеславовича Пеликана. Извѣстность Пеликана не сосредоточивалась только въ нашемъ отечествѣ; заграницей тоже высоко цѣнили его заслуги, какъ ученаго токсиколога, сдѣлавшаго много важныхъ открытій въ наукѣ о ядахъ; во Франціи его имя часто повторялось вмѣстѣ съ именемъ знаменитаго Орфилье, а въ Германіи методъ Пеликана, при опредѣленіи присутствія растительнаго яда, считается до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и непогрѣшимыхъ.

Евгеній Венцеславовичъ, сынъ извѣстнаго въ свое время доктора, воспитывался въ московскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1845 году. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, онъ былъ назначенъ на службу въ медико-хирургическую академію, въ которой занималъ сначала каѳедру акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, а потомъ читалъ судебную медицину, медицинскую полицію и гигіену. Въ академіи онъ пользовался между студентами большою популярностью, такъ какъ изложеніе его лекцій было живое и блестящее, идущее рука объ руку съ современнымъ положеніемъ науки. Публичныя его лекціи, которыя онъ читалъ въ 1860 году, въ залѣ пассажа, были также очень интересны; въ нихъ онъ излагалъ предъ многочисленной и разнообразной публикой начала физіологіи, сопровождая свои чтенія очень любопытными опытами надъ животными. Въ то время опыты подобнаго рода были еще новинкой, даже и среди нашихъ присяжныхъ ученыхъ, и смѣлая попытка Пеликана вызвала даже горячую полемику съ нимъ маститаго профессора Глѣбова, который совершенно отрицалъ необходимость опытовъ,

Профессоръ Е. В. Пеликанъ. † 6 мая. По фотогр. Бруссе, грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

видя въ нихъ лишь новую моду и шарлатанство. Вообще Пеликанъ былъ одною изъ свѣжихъ и энергическихъ силъ въ довольно дряхломъ штатѣ тогдашней медицинской академіи, работая дѣйствительно неутомимо и проявляя самую разнообразную дѣятельность. Такъ, кромѣ преподаванія въ академіи, онъ долго состоялъ профессоромъ-консультантомъ по патологической анатоміи, судебной медицинѣ и микроскопіи въ с.-петербургской больницѣ чернорабочихъ. Оставивъ академію, Пеликанъ началъ службу по медицинской администраціи и сначала былъ вице-директоромъ, затѣмъ директоромъ медицинскаго департамента, а съ 1873 года состоялъ предсѣдателемъ медицинскаго совѣта. Кромѣ того ему неоднократно давались очень важныя порученія: онъ былъ напр. командированъ въ Константинополь въ составѣ международной коммиссіи, для изслѣдованія причинъ появленія холеры, свойствъ этой болѣзни и необходимыхъ мѣръ для ея изолированія. Кромѣ того онъ получалъ частыя командировки внутрь Россіи, то для устройства анатомическихъ отдѣленій при госпиталяхъ, то для повѣрки вообще въ нихъ методовъ леченія.

Ему-же были обязаны подробнымъ изслѣдованіемъ причинъ появленія на берегахъ Шексны и Маріинской системы сибирской язвы, а также обозрѣніемъ многихъ мѣстностей на Кавказѣ и устройствомъ тамъ карантиновъ, чтобъ недопустить распространенія холеры изъ Персіи. Въ 1875 году Пеликанъ праздновалъ тридцати-лѣтній юбилей своей служебной дѣятельности; многочисленные почитатели покойнаго юбиляра не ограничивались восторженными привѣтствіями, но увѣковѣчили этотъ день еще добрымъ дѣломъ, собравъ по подпискѣ сумму въ 20,000 рублей для учрежденій двухъ стипендій имени Пеликана—въ московскомъ и казанскомъ университетахъ. Въ медицинской литературѣ покойный Евгеній Венцеславовичъ былъ также однимъ изъ видныхъ дѣятелей. Изъ его сочиненій наиболѣе извѣстны: „Нѣсколько вопросовъ относительно эпидемической холеры въ Петербургѣ въ 1848 году“ и „Процессъ Праленъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи“. Кромѣ того Е. В. Пеликанъ помѣстилъ громадное количество самыхъ разнообразныхъ своихъ статей въ „Военно-медицинскомъ журналѣ“, въ „Другѣ здоровья“ и въ основанныхъ имъ „Архивѣ и сборникѣ судебной медицины и общественной гигіены“ и „Архивѣ ветеринарныхъ наукъ“.

Вадимъ Голетаевъ.

Разсказъ

Я. П. Полонскаго.

(Продолженіе).

IX.

Если была на свѣтѣ дѣвушка, созданная для того, чтобы не выходить изъ свѣтскихъ, въ рутину обратившихся мнѣній и обычаевъ, — такъ это была Маня. Она давно-бы поссорилась или осмѣяла Глафиру, если-бы та похвасталась передъ нею, что учила алгебру и химію, или если-бы стала острить, стараться быть умнѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ, или восторгаться, увлекаться, казаться эксцентрической, вдохновенной дѣвушкой. Но ничего подобнаго она въ ней не замѣтила, считала ее очень недалекой; а потому, насколько могла, настолько дружелюбно и обращалась съ ней. Даже хвалила ее отцу: „Эта Глафирочка Нилина, говорила она ему, единственная, съ которой можно еще знаться. Маменька ея немножко вульгарна, но дочка ничего, такъ себѣ: если выйдетъ замужъ за нашего вдовца исправника, то будетъ, чего добраго, перлъ между здѣшними дамами.“

Но мысль, что братъ ея неравнодушенъ къ этому перлу, что этотъ перлъ кажется ему брилліантомъ, или, чего добраго, она мечтаетъ выйти за него замужъ, разомъ настроили ее на другой, нѣсколько враждебный тонъ, по отношенію къ этой дѣвушкѣ.

Маня удивилась и широко раскрыла глаза, когда вечеромъ, въ 9 часовъ, Глафира съ матерью неожиданно вошли въ столовую.

— Какими судьбами?! проговорила она и не смотря на свою миніатюрность, тяжело на встрѣчу имъ, приподнимаясь съ мѣста, протянула руку.

— Да такъ, вздумали и поѣхали! отвѣчала Пелагея Даниловна.

— А братъ мой съ вами? Вѣдь онъ у васъ?

— Нѣтъ, его у насъ давно уже не было.

— Гдѣ-же онъ? Какъ это странно! Мы думали, что вы уже совсѣмъ завладѣли имъ.

И Маня засмѣялась. Когда она смѣялась—мелкіе, но очень ровные и бѣлые какъ жемчугъ, зубки ровной полосой выставлялись изъ подъ верхней губы ея.

Какъ ни былъ искренеиъ беззвучный смѣхъ ея, въ немъ слышалось постоянно нѣчто саркастическое или сквозила задняя мысль.

„Что это значитъ, что мы имъ завладѣли?“ подумала Глафира.

— Ну, садитесь. Сейчасъ выйдетъ папа. Не хотите-ли чаю? Вотъ кому я удивляюсь, такъ это брату, начала она вдругъ серьезно и какъ бы внушительно. Я знаю, что онъ трудолюбивъ и даже, скажу вамъ, не по лѣтамъ серьезенъ, и что же? до такой степени здѣсь излѣнился, что ровно ничего не дѣлаетъ.

— Отдохнуть пріѣхалъ, замѣтила Пелагея Даниловна.

— О, этотъ отдыхъ хуже всего на свѣтѣ. Онъ такъ здѣсь много шляется, и такъ много тратитъ силъ, что самъ на себя не похожъ. А что подѣлываетъ вашъ Вадимъ?

И она опять засмѣялась, точно въ этомъ вопросѣ было нѣчто особенно смѣшное.

— Братъ сказывалъ мнѣ, что *вашъ* Вадимъ совѣтуетъ мнѣ балотироваться въ предводители. Видите, давно-ли пріѣхалъ мой братецъ, а уже сдѣлался сплетникомъ! Такова деревня! Здѣсь гораздо труднѣе сохранить какую-нибудь тайну, чѣмъ встрѣтить человѣка порядочнаго во всѣхъ отношеніяхъ, или такого, который бы водки не пилъ.

— А какъ здоровье вашей мама? спросила невпопадъ Глафира.

Маня покраснѣла до ушей, ей показалось, что слово „водка“ напомнило Глафирѣ мать ея, и что вопросъ этотъ ничто иное, какъ шпилька...

— У ней одна болѣзнь — мигрень. Несчастная мама моя такъ иногда страдаетъ, что глядѣть тяжело. Иванъ! обратилась она къ пожилому человѣку въ сѣромъ фракѣ, который ставилъ на столъ корзинку съ домашнимъ печеньемъ,—гдѣ Александръ Леонтьевичъ?

— Они у себя-съ.

— Что онъ дѣлаетъ?

— Не знаю-съ.

— А куда вы дѣвали вашего Вадима? Мнѣ очень жаль, что я давно не вижу его. Правда-ли, что вы, Глафира Николаевна, держите его въ ежевыхъ рукавицахъ? Или онъ предпочитаетъ лучше дома мечтать о васъ, чѣмъ сидѣть съ нами у самовара. Скажите, не заразитъ онъ моего брата мечтательностью. Я, признаюсь вамъ, терпѣть не могу мечтателей. Что такое мечта? Ложь!.. Говорятъ, любовь есть мечта. Это не мечта, а цѣлый ворохъ всяческихъ фантазій и самыхъ обманчивыхъ. Воображаю себѣ, куда дѣваются эти фантазіи послѣ свадьбы. Такъ-ли нравится мужъ въ туфляхъ и халатѣ, какъ нравился женихомъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ?

— О, гораздо больше въ туфляхъ и халатѣ, чѣмъ въ бѣломъ галстукѣ! замѣтила Пелагея Даниловна.

Но въ эту минуту отворилась дверь и вошелъ отецъ. Старикъ былъ въ какомъ-то длиннополомъ, темномъ балахонѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и сталъ извиняться.

— Не зналъ, не зналъ, сказалъ онъ, что у меня гости... Не зналъ! Ну, какъ ваше здоровье, Глафира Николаевна, что вы какъ будто похудѣли? Ужъ не влюблены-ли?

— Папа, пожалуйста не обижай моей гостьи, она не

Библиотека "Руниверс"

къ тебѣ пріѣхала, ко мнѣ. И отчего ты въ такомъ неглиже? Развѣ тебѣ нездоровится?

— Нѣтъ... Чувствую осень прежде чѣмъ она наступила—зябну. Иванъ, позови Александра Леонтьевича.

— Ихъ нѣтъ-съ... они куда-то вышли, я сейчасъ былъ въ ихъ комнатѣ.

— А задулъ свѣчу? а? спросилъ его старикъ.

— Свѣчу не задулъ.

— Пойди и задуй!

Всѣ сѣли за столъ чай пить. Старикъ, любезничая съ дамами, допилъ свой стаканъ—затѣмъ поднялся — простился и ушелъ писать свои воспоминанья.

Если-бы Маня Курьякова не была близорука, она-бы, конечно, замѣтила, какое волненье изобразило собой лицо вошедшаго брата, какъ смущенно поклонился онъ Ниловымъ и извинился, что ничего не зналъ о пріѣздѣ ихъ.

— Гдѣ-же ты былъ? спросила сестра.

— Тамъ ужъ нѣтъ меня, угрюмо отвѣтилъ онъ, усаживаясь.

— Ахъ, какъ ты вѣжливъ!

— Если я вѣжливъ на столько же, на сколько ты любопытна, то я, разумѣется, вѣжливъ. Ну, посудите, Глафира Николаевна, не все ли равно вамъ или ей, гдѣ я шлялся. Вѣдь это вопросъ, такъ сказать, машинальный, знакъ, что не о чемъ больше спрашивать?

— Да и конечно не о чемъ больше спрашивать, залепетала Маня,—о чемъ-же спрашивать?

— Маня, что ты думала, когда сегодня утромъ надѣвала башмаки свои?

— Думала, что ты глупъ, разсердилась и засмѣялась Маня.

— Ну вотъ, за это спасибо. Ты наказала меня за глупый вопросъ, т. е., подражая мнѣ, отвѣчала невѣжествомъ...

— Боже мой! какъ ты смѣшно говоришь, точно въ романѣ, или на сценѣ Александрійскаго театра.

Дѣйствительно, нервы молодаго Курьякова такъ были тонко и высоко настроены, что если-бы разговоръ продолжался, если-бы Нилины не встали и не сказали, что ночь темна и что пора имъ ѣхать, онъ былъ-бы неистощимъ въ замысловатости отвѣтовъ, въ игрѣ фразами или въ той салонной діалектикѣ, которой никогда у него не было. И хорошо, что разговоръ прекратился. Маня, быть можетъ, поняла-бы, что братъ ея, во что-бы то ни стало, хочетъ понравиться Глафирѣ, и говоритъ до неестественности хитро и витіевато.

Провожая Глафиру Николаевну и подсаживая ее въ экипажъ, Александръ пожалъ ей руку и ему показалось, что она отвѣтила ему такимъ-же пожатіемъ.

— Ахъ, сказала Пелагея Даниловна, когда они выѣхали въ поле,—если онъ на тебѣ и женится, тяжело тебѣ будетъ въ ихъ семьѣ.

— Перестань мама! Какъ ты можешь думать, что. вѣдь этого никогда не будетъ.

— Отчего?

— Оттого, что никогда не бываетъ того, чего желаешь...

— Ну, мать моя! Не по твоему я думала, когда молода была...

X.

Молодой Курьяковъ, проснувшись на разсвѣтѣ и на скоро одѣвшись, самъ вывелъ изъ конюшни лошадь — заложилъ бѣговыя дрожки, и затѣмъ, самъ отворивъ ворота, выѣхалъ со двора.

Проѣхавъ деревню и коноплянники, онъ завернулъ къ одной избѣ, очевидно не совсѣмъ мужицкой, крытой тесомъ и съ затворенными крашеными ставнями.

Въ этой избѣ жилъ нѣкто Тупинъ.

Тупинъ этотъ былъ тоже морякъ. Онъ былъ когда-то мичманомъ и, раненый, привезенъ въ деревню раненымъ же Курьяковымъ.

Курьяковъ подарилъ ему 10 десятинъ земли, съ тѣмъ чтобы поселился онъ навсегда при его усадьбѣ.

Мальчики, дѣти Курьякова, когда проводили лѣто въ деревнѣ — жить не могли безъ Тупина. Для нихъ онъ былъ все: и сказочникъ, и рыбакъ, и ружейный охотникъ, и нянька. Тому назадъ лѣтъ 10, Тупинъ женился на Машѣ, горничной Мани, — и съ тѣхъ поръ сталъ появляться въ усадьбѣ только въ исключительныхъ случаяхъ, или по приглашенью.

Золотистый румянецъ утренней зари мелькалъ за деревьями и предвѣщалъ блистательный восходъ солнца; блѣдный свѣтъ лежалъ на землѣ и тонкій серпъ народившагося мѣсяца тонулъ въ дымчато-лиловой мглѣ на восточной окраинѣ неба; было еще свѣжо, а уже подъ кровлей избы ворковали голуби, и чирикали воробьи на жердяхъ и свѣсившихся прутьяхъ двухъ корявыхъ ветелъ, выглядывающихъ изъ за плетня своими обрубленными верхушками.

Легкая дрожь пробѣгала по спинѣ Курьякова. „Вотъ", думалъ онъ, привязывая лошадь. „Почемъ я знаю, можетъ этотъ дуракъ и убьетъ меня... Сколько разъ случалось, что неумѣющіе стрѣлять и даже трусы, попадали прямо въ лобъ или въ сердце... Но что думать о томъ, чего нельзя уже измѣнить? Какъ-бы это ни было глупо—пусть будетъ что будетъ."

Стукнула задвижка, и дверь избы отворилась. Изъ темныхъ сѣней на крылечко вышелъ Тупинъ—онъ былъ еще въ рубахѣ. Заспанное, шершавое лицо его не выражало ничего другаго, кромѣ досады на того, кто своимъ стукомъ такъ рано его поднялъ.

— Скотину надо будетъ скоро выгонять, было его первое слово.

— Скоро половина пятаго—надо ѣхать.

Тупинъ зѣвнулъ, почесалъ затылокъ и пробурчалъ:

— Ну, надо—такъ надо. Сейчасъ одѣнусь.

— Чувствую, Захаръ Михалычъ, что я огорчаю и безпокою васъ, но... что-же дѣлать?..

— Ну, да что ужъ!.. я согласился, стало быть ѣдемъ... Толку я въ этомъ дѣлѣ никакого не вижу... и даже не понимаю, что это такое будетъ. — И ѣду-то я съ вами только за тѣмъ, чтобы этого дурака Вадимку урезонить. Баловство все это—вотъ что!! какъ бы разсердясь, проговорилъ онъ и пошелъ одѣваться.

Минутъ черезъ двадцать, въ золотистой пыли отъ прогоняемыхъ настухами быковъ, коровъ, телятъ и барановъ, оглушаемые блеяньемъ, мычаньемъ, хлопаньемъ бича и понукательными криками мальчишекъ—выѣзжали они изъ деревни и поворачивали проселкомъ къ Куликовской рощѣ. Впереди сидѣлъ на дрожкахъ Курьяковъ въ бѣлой фуражкѣ и правилъ лошадью. За нимъ, верхомъ, Тупинъ съ ящикомъ, завернутымъ въ парусинное старое пальто его и обвязаннымъ веревочкой.

— Что вы сказали женѣ? спросилъ Курьяковъ.

— Да ничего не сказалъ.

— Да вѣдь, чай, она слышала, что я пріѣхалъ?

— Спала—а хотя бы и слышала, ей какое дѣло?

— А вотъ и просѣка. Гдѣ же здѣсь эти три сосны? я что-то не вижу ихъ...

— Да ихъ и видѣть-то нечего, срублены. Держите правѣе—увидимъ.

И они, шагомъ, по скошенной, мокрой травѣ, и по слѣдамъ проѣхавшей телѣги, поѣхали направо.

Длинныя тѣни отъ деревьевъ, освѣщенныхъ сзади восходомъ солнца, тянулись черезъ всю просѣку; ярко-золотые лучи пронизывались сквозь темную чащу рощи.

— Ну, и никого тутъ нѣтъ! сказалъ Тупинъ.

— Подождемъ, сказалъ Курьяковъ—и посмотрѣлъ на часы: было уже 5 часовъ и 4 минуты.

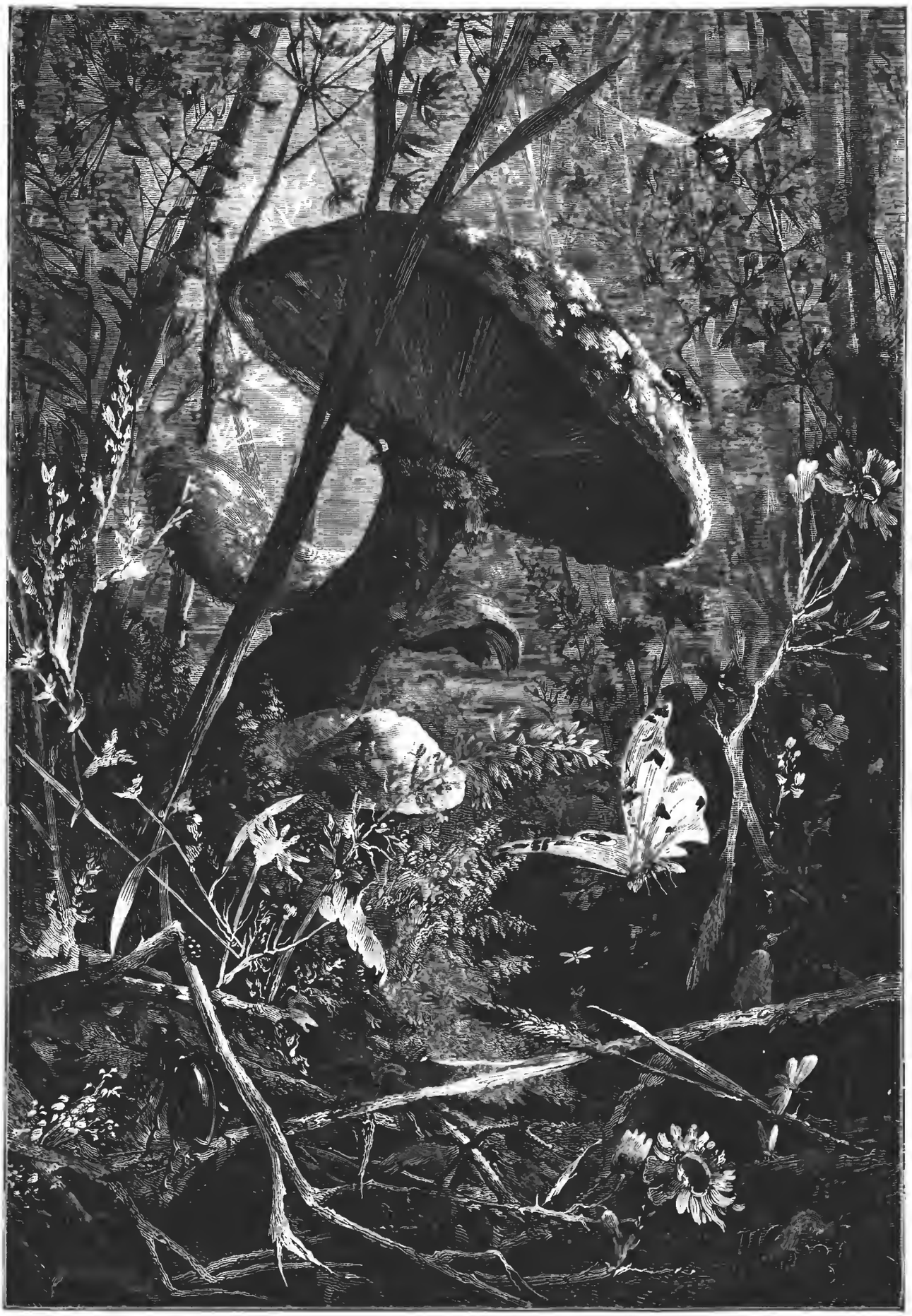
Оба они сѣли на двухъ пенькахъ другъ противъ друга, и не знали, что имъ говорить.

— А не спрашивала васъ жена, какой это ящикъ я вчера вамъ принесъ?

Библиотека "Руниверс"

Подножный пейзажъ. Ландыши. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій

Библиотека "Руниверс"



Подножный пейзажъ. Грибы. Ориг. рис. П. П. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

— Спрашивала.

— Что-жъ вы сказали?

— А я ей сказалъ, что ящикъ этотъ съ пряниками.

— Что-жъ—она повѣрила?

— А желалъ-бы я знать, какъ-бы она не повѣрила?

— Вы зарядили?...

— Нѣтъ.

— Ну и хорошо, еще успѣемъ зарядить въ его присутствіи. Пусть видитъ... Да что-же это онъ, чертъ его возьми! скоро шестаго половина.

— А я такъ думаю, что мы его не дождемся.

— Э! почему вы такъ думаете? весело отозвался Курьяковъ.

Ему внутренно хотѣлось, чтобъ Вадимъ провалился сквозь землю.

— А вотъ, пройдетъ еще четверть часа, помолчавъ сказалъ Тупинъ, я васъ и оставлю. Дома дѣло есть... Надо бы на пасекѣ быть, а я тутъ — на пенькѣ сижу, какъ какая кикимора...

— Ну вотъ, вовсе вы непохожи на кикимору...

— Гм!..

Еще прошло минутъ пять—шесть обоюднаго молчанья.

Вдругъ, за рощей послышался стукъ экипажа: кто долго жилъ въ деревнѣ, тотъ сразу, по стуку колесъ, узнаетъ—телѣга это ѣдетъ и стучитъ, или ресорный экипажъ.

— Кто-то ѣдетъ? не онъ-ли? проговорилъ Курьяковъ, и сердце его болѣзненно сжалось. Не трушу-ли я?.. подумалъ онъ про себя, и добавилъ: очень бы желалъ я, чтобъ это былъ Вадимка!

— Эхъ вы, петербургскіе! Да я бы и рукъ то своихъ марать не захотѣлъ!..

— Что дѣлать... примѣшалась любовь...

— Что-жъ... что любовь!.. можетъ быть она его больше любитъ, чѣмъ васъ,—даромъ что онъ шутъ гороховый.

— Не злите меня, Тупинъ... будете такъ говорить, пощады ему не будетъ.—Да, да... Это сюда поворачиваютъ, по нашимъ слѣдамъ, это ихъ крытыя дрожки. Кого-то онъ въ секунданты взялъ?..

— Кого? мало ли кого?..

Крытыя дрожки, запряженныя парой, со старымъ горбатымъ Трофимомъ на козлахъ, подъѣхали еще ближе, и остановились въ десяти шагахъ отъ того мѣста, гдѣ наши пріятели ожидали ихъ.

— Во-она!.. Ужъ онъ не платокъ-ли надѣлъ на голову... точно барыня!..

— Курьяковъ вскочилъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію вылѣзающей изъ экипажа, дѣйствительно, барыни...

— Что за чертъ! Да это никакъ Пелагея Даниловна!

Пелагея Даниловна, отряхнувшись по привычкѣ, велѣла Трофиму отъѣхать подъ дубки, и засмѣялась невольно, увидѣвши изумленныхъ, съ раскрытыми ртами, Курьякова и Тупина.

— Ахъ, вы, други любезные! начала она, качая головой. Пріѣхала я поглядѣть на васъ, а вы... хоть бы слово... стоите, точно на васъ столбнякъ нашелъ!

— Какими это судьбами... какъ, почему? объяснитесь... дорогая Пелагея Даниловна, заговорилъ Курьяковъ. Мы ждали не васъ, а Вадима.

— Да, скоро вы его дождетесь! Я, надо вамъ сказать, навязалась ему въ секунданты, и сегодня утромъ въ четыре часа зажгла свѣчу, и сама пошла будить его.— Будила, будила!.. на силу глаза раскрылъ... И что-же вы думаете?—Не хочу, говоритъ, чтобъ дама была у меня секундантомъ. Это позоръ, говоритъ, этого никогда еще съ сотворенія міра не было...—Пожалуйста, говорю, поѣдемъ; мнѣ очень хочется поглядѣть, какъ ты будешь убитъ.—Не хочу, говоритъ, съ чего вы это взяли! Вы обѣщались, говоритъ, мнѣ секунданта достать, ну и доставайте мужчину, благороднаго, а не даму. За кого вы меня принимаете!? И такъ разбушевался, сидя у себя въ постели, что я уже приказала ему или молчать или ѣхать со мною, такъ какъ я не хуже мужчины могу въ такихъ случаяхъ вести себя... Но какъ я ни уламывала его,—не уломала... Онъ-же, я думаю, былъ радехонекъ, что можетъ свалить на меня всю вину свою. А теперь, батюшка, Александръ Леонтьевичъ, позвольте васъ спросить—какъ вамъ не совѣстно?!

— Милая Пелагея Даниловна, мнѣ очень совѣстно, что я такъ обезпокоилъ васъ; но—я съ горяча сказалъ вашей дочери, что клевета на нее не пройдетъ ему даромъ. Вашъ Вадимъ сказалъ ей, что я надъ ней насмѣхаюсь, а мнѣ сказалъ, что по совѣсти она не должна со мною даже кокетничать, потому что, какъ бы это сказать вамъ... любитъ другаго или обручена... и это оказалось ложь... вздоръ... Мнѣ оставалось или побить его за это, или вызвать,—я выбралъ послѣднее... Вотъ, вина моя.

— Такъ этой дурацкой дуэли не будетъ больше? спросилъ Тупинъ.—А?

— Полагаю, что не будетъ, сказалъ Курьяковъ.

— Ну, такъ, значитъ, вы меня отпустите?

— Полагаю, что вы уже не нужны, сказалъ Курьяковъ. Благодарю васъ очень. А что все будетъ шито-крыто, объ этомъ я ужъ и не говорю; я давно васъ знаю, Захаръ Михайлычъ, не въ первый разъ...

Тупинъ впервые изобразилъ на усатомъ и угрюмомъ лицѣ своемъ нѣчто въ родѣ улыбки, и простившись съ нимъ, зашагалъ, прямикомъ, черезъ рощу и сжатое поле, туда гдѣ виднѣлись соломенные горбы деревенскихъ кровель.

— Пелагея Даниловна! началъ Курьяковъ смущеннымъ голосомъ.

— Поѣзжайте теперь домой, начала она, пока есть еще время, отвезите этотъ ящикъ... Что подумаютъ, когда узнаютъ, что вы хотѣли стрѣляться изъ за моей дочери... Такія сплетни пойдутъ, что—унеси ты мое горе!.. Какое право, скажутъ, имѣли вы заступаться за мою дочь, или ревновать ее къ этому троюродному дураку...

— Никакого права! Да... но... дайте мнѣ это право, Пелагея Даниловна! Если, разумѣется, Глафира Николаевна согласится быть... быть женой моей...

— Постойте, Александръ Леонтьевичъ!.. что вы меня пугаете... Я не знаю, можетъ быть, она и согласится— тогда и я по неволѣ соглашусь; но... какъ-же это вы скоро успѣли полюбить... Вѣдь это только въ сказкахъ бываетъ.

— Не въ сказкахъ... не въ сказкахъ, милая, добрая моя Пелагея Даниловна, а въ жизни... Когда-то я слыхалъ, что истинная, глубокая страсть приходитъ вдругъ, внезапно, неожиданно; этому я не вѣрилъ,—теперь вѣрю. Другихъ я силился полюбить, иногда самъ насиловалъ свое воображеніе, — и никогда ничего не выходило... а теперь, я всѣми силами стараюсь себя и разувѣрять и разочаровать,—и тоже ничего не выходитъ. Къ счастью это или къ несчастью, къ горю это или къ радости—не знаю; но я чувствую, что кромѣ женитьбы на вашей дочери, нѣтъ мнѣ инаго пути къ земному благополучію. Скажите вы мнѣ, что дочь ваша зла, упряма, капризна, вѣтрена, все что хотите... Клянусь вамъ, я... ни на волосъ не отступлю... Давайте мнѣ злую, упрямую, капризную, вѣтреную... Все я беру на себя... Какъ бы тяжелъ ни былъ крестъ,—все равно... И... никто... никто меня не переупрямитъ... никто!.. клянусь вамъ!..

— А если вашъ отецъ не дастъ вамъ благословенья...

— Обойдусь безъ благословенья...

— Нѣтъ, этого я не хочу... Спроситесь у отца... и тогда... ну тогда—все будетъ зависѣть отъ Глаши... да отъ васъ... Тогда... сватайтесь... я же пока ни слова не скажу моей дочери... Она и знать не будетъ о нашемъ съ вами разговорѣ.

— Спасибо вамъ, милая... дорогая Пелагея Даниловна! Буду говорить съ отцемъ... Но если онъ не со-

Библиотека "Руниверс"

гласится — что тогда? тогда я увезу вашу дочь и обвѣнчаюсь съ ней тайно.

— Нѣтъ. Если не согласится — лучше уѣзжайте... и никогда не пріѣзжайте... Что это за исторія увозить и вѣнчаться тайно... Эхъ,—чѣмъ меньше жизнь человѣческая похожа на романъ, тѣмъ лучше,—право,—повѣрьте мнѣ, моей старой опытности—не мало, на своемъ вѣку, видала я этихъ тайно-повѣнчанныхъ!.. Но, пора ѣхать. Ишь вѣдь какой жаркій денекъ встаетъ. Гроза будетъ къ вечеру...

И дѣйствительно, Пелагеѣ Даниловнѣ было жарко, очень жарко;—она чувствовала, что все лицо ея горитъ, что капли поту выступили на лбу, и что сердце такъ бьется, какъ будто она сама на любовномъ свиданьи.

Не ожидала она такихъ рѣчей отъ Курьякова!.. хотя и догадывалась, что онъ не равнодушенъ къ ея дочери, и что дочь ея... тоже *немножко фантазируетъ*...

XI.

Глафира была грустна и задумчива. Съ тѣхъ поръ, какъ Александръ Леонтьевичъ началъ рѣчь съ нею на дворѣ, и узналъ изъ устъ ея, что она не вѣритъ счастью быть имъ любимой,—онъ ни разу не показался въ ихъ домѣ. Неужели я такъ и сказала ему: *„счастія“*, думала про себя Глафира. — Зачѣмъ я это ему сказала!.. Но вѣдь и онъ сказалъ мнѣ, что—это правда, что онъ меня любитъ... А что если это сказалось такъ, на вѣтеръ,—чтобы что нибудь сказать,—чтобъ на дѣлѣ доказать противное... — Вотъ онъ и доказываетъ противное—не ѣдетъ!

И что было бы съ нею, какъ-бы закружилась и затуманилась голова ея, если-бы въ то утро, когда мать ея ѣздила на мѣсто дуэли, Вадимъ привелъ бы въ исполненіе свое *простодушное* намѣреніе—пожаловался бы ей на свою тетеньку, и разсказалъ бы все, чтобъ только напугать ее, увѣрить, что такъ дѣло кончиться не можетъ, что дуэль будетъ во что-бы то ни стало, и что онъ постарается непремѣнно убить Курьякова.

Но, поздно вернувшись отъ милыхъ сосѣдей, Глафира не спала всю ночь,—заснула подъ утро, и проснулась позднѣе, чѣмъ, вернувшаяся изъ Куликовской рощи, мать ея сѣла на балконъ чай пить, и строго-на-строго запретила подсѣвшему къ ней Вадиму,—не только что-либо говорить ея дочери, но даже думать о дуэли, такъ-какъ Курьяковъ самъ сознается въ своей глупости,—и проситъ его забыть объ этомъ вызовѣ...

Мысленно Вадима это очень успокоило и даже обрадовало—хоть онъ и бурчалъ себѣ подъ носъ:

— Жаль, что такъ вышло,—очень жаль,—потому что мнѣ ни своей жизни не жаль, ни его—не жаль.

— Ну, довольно, довольно! рѣшила Пелагея Даниловна, зѣвая. Ей тоже хотѣлось спать... Но спать она не могла—а принялась у себя въ комнатѣ считать и записывать, какое она можетъ дать приданое своей дочери—въ случаѣ, если и въ самомъ дѣлѣ, Курьяковъ станетъ свататься...

Когда вошла дочь — она поглядѣла на нее... и сказала:

— О чемъ ты вчера мечтала, когда ложилась спать?..

— Ни о чемъ, мама.

— Вотъ-те и откровенность! подумала про себя старая актриса... и закрыла свою записную книжку.

— Какъ ты поздно сегодня проснулась—а я такъ ужъ и на поле съѣздила, что около Куликовской рощи.

— Я давно проснулась, только лежала въ постели.

— И о чемъ же ты думала, лежа въ постели?..

— Да все о Манѣ Курьяковой—слышала ты, какимъ тономъ она сказала: „Вы совсѣмъ завладѣли моимъ братомъ“.—Слышала?..

— Ну, такъ чтожъ!!

— Что она хотѣла этимъ сказать!?

— Да ничего... Коли на каждое слово обращать вниманіе—такъ я тебѣ, мать моя, изъ каждаго словца—что хочешь выведу.

— Ну вотъ, а въ нашей гимназіи именно учили насъ на каждое слово обращать вниманіе — толковать его... анализировать—зачѣмъ оно стоитъ и можно ли на мѣсто его поставить другое—не измѣняя смысла... Ахъ, какъ это часто надоѣдало мнѣ! Бывало начнешь читать. — Стойте, говоритъ учитель, передайте своими словами, что вы прочли. Начнешь передавать своими словами: не такъ, говоритъ,—вы придали не то значеніе, вы употребили не тѣ слова, или вы переставляете только слова, а этого недостаточно.—Вы сказали:—человѣкъ есть самое развитое животное, а надо сказать: есть одинъ изъ видовъ животнаго и проч. и проч... Вотъ я и выучилась обращать вниманіе.

— Ну и будешь глупа.

— Да я и теперь глупа.

И Глафира вдругъ впала въ тонъ хандрящей, во всемъ отчаявшейся дѣвушки.

Неудовлетворенная любовь бродила въ ней, какъ молодое, закупоренное вино, и многоопытная Пелагея Даниловна, когда-то прошедшая всю гамму любви — отъ неясной мечты до тайнаго свиданья, отъ театральныхъ подмостокъ до отъѣзда въ деревню, отъ сожительства до счастливаго законнаго брака, понимала дочь свою и была далеко отъ того, чтобъ упрекать и требовать отъ нея полной откровенности.

А молодой Курьяковъ не ѣхалъ къ нимъ просто потому, что не имѣлъ случая переговорить съ отцомъ своимъ.

Хоть онъ и хвалился силою воли, но все ему казалось, что отецъ не въ духѣ и что никакъ нельзя еще приступить къ нему съ такою озадачивающею всѣхъ отцовъ просьбою. Онъ только дразнилъ Маню, сестру свою, что непремѣнно женится на Глафирѣ, но такимъ тономъ, что та ему не вѣрила и просила подождать, пока она не выйдетъ замужъ за Вадима Голетаева, у котораго такіе меланхолическіе глаза и такой смѣшной носъ, что долго ли разыграться фантазіи.

„Говорятъ, лучше всего обращаться съ просьбами къ людямъ послѣ обѣда, когда у нихъ варитъ желудокъ“, подумалъ разъ молодой Курьяковъ, и 8 Августа, вскорѣ послѣ обѣда, вошелъ къ отцу въ комнату.

„А что, продолжалъ онъ думать — если желудокъ-то и не варитъ? Еще, пожалуй, разсердится, зачѣмъ я пришелъ мѣшать пищеваренію“.

— Что ты? спросилъ отецъ.

— Гм! Вотъ что — когда-то вамъ, папа, очень хотѣлось, чтобъ я былъ человѣкъ съ характеромъ, съ сильной волей, словомъ—человѣкъ самостоятельный, привыкшій опираться только на самого себя и на себя надѣяться. Это былъ вашъ идеалъ, — идеалъ моряка, который постоянно имѣетъ дѣло съ моремъ; а море не любитъ трусовъ,—не правда-ли?

— Что ты это?.. Къ чему ты мнѣ все это говоришь? Точно предисловіе какое!.. Ну, что же дальше?

— А дальше то, что я хочу жениться.

Старикъ поглядѣлъ на сына, закусилъ губу и попурилъ голову.

— На Глафирѣ Нилиной?

— Да, на Глафирѣ Николаевнѣ.

Отецъ опять поглядѣлъ на сына и опять попурилъ голову.

— Влюбленъ?

— Да.

— Въ который разъ?

— Въ первый разъ и послѣдній.

— Были въ Петербургѣ шашни?

— Были шашни—не было любви, теперь любовь—и никакихъ шашень.

— А она влюблена въ тебя?

Библиотека "Руниверс"

— Не знаю.

— Не знаешь? это удивительно! Какъ же ты, дурень, не знаешь и хочешь жениться.

— А вотъ, спрошу ее—любитъ она меня или не любитъ. Если—да, то съ вашего благословенья попрошу руки ея, а если нѣтъ—уѣду.

— Куда?

— Куда глаза глядятъ.

— Дуракъ!

— А если я дуракъ, то благословите... Дуракъ ничего лучшаго не можетъ придумать, какъ жениться на умной дѣвушкѣ.

— А она умна? А? Чтожъ ты молчишь?..

— Будь она дура, сестра моя первая бы объ этомъ прозвонила на всѣхъ перекресткахъ; но Маня, если и не хвалитъ, то и не бранитъ ее—значитъ умна.

Старикъ задумался.

— Хорошо, сказалъ онъ — женись, только послѣ на себя пѣняй, если ошибешься въ выборѣ.

Сынъ взялъ его жилистую, худую руку, поднялъ ее и поцѣловалъ.

Онъ никакъ не ждалъ, что такъ кончится. На него нашло восторженное настроеніе. Онъ сѣлъ противъ отца, колѣнами уперся въ его колѣна и сталъ доказывать отцу, что лучшей жены онъ не найдетъ, что Глафира Николаевна — и дочь удивительная, и хозяйка великолѣпная, и умница, и скромница, и добра такъ, что даже досадно, зачѣмъ она такъ добра!

— Ну, пой, пой!.. Слыхалъ я пѣсни то эти! И ужъ никакъ не ожидалъ, что отъ собственнаго сына услышу тоже самое... Н...да! Ты, братъ, это умно и благородно поступилъ, что не спросясь у меня, не объяснился съ ней. Но, не таю отъ тебя, очень бы желалъ, чтобъ эта умница наклеила тебѣ носъ... очень бы желалъ!..

— Значитъ вы желаете, чтобъ я съ ума сошелъ

— Дуракъ! Развѣ люди съ характеромъ сходятъ съ ума!

Молодой человѣкъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но запнулся, всталъ, поцѣловалъ отца въ голову и вышелъ.

Старикъ остался одинъ.

„Если эта мамзель въ маменьку—подумалъ онъ,—то, кто знаетъ, можетъ быть, что женитьба и сдѣлаетъ его практичнѣе. Пишутъ мнѣ изъ Питера, что есть одно мѣсто въ Тагилѣ—на заводахъ, а какое мѣсто—не пишутъ. Но куда бы ни поѣхалъ мой Санка, не лучше ли ему ѣхать съ женой, которую я хоть не много да знаю, чѣмъ слышать, что онъ купилъ тамъ у какого нибудь барышника жену мотовку, или женился на смазливой дочкѣ какого нибудь первостепеннаго разбогатѣвшаго плута и грабителя. А не все-ли равно жениться: въ 26 или 28 лѣтъ, — не великая разница! Пошлѣе будетъ; умнѣе—едва-ли“.

Для автора, сговорчивые отцы далеко не представляютъ такого интереса, какъ несговорчивые. Нѣтъ борьбы—нѣтъ драмы, нечѣмъ тревожить нервы читателя, жаждущаго сильныхъ ощущеній. Но что же дѣлать!

XII.

Остатокъ вечера, дождливаго и вѣтренаго, молодой Курьяковъ провелъ въ избѣ, у стараго своего пѣстуна—Захара Михайловича Тупина. Онъ зналъ, что этотъ коренастый, рѣдко улыбающійся, мало образованный, но не глупый старикъ любитъ его, какъ роднаго, хоть никогда на словахъ и не заявляетъ ему своего расположенія.

Александру не хотѣлось до завтрашняго дня встрѣчаться ни съ сестрой, ни съ папенькой. Точно онъ боялся, что сестра или отецъ начнутъ его отговаривать и нарушать то безпокойно-счастливое настроеніе духа, которое такъ легко переходитъ въ нервную раздражительность. „Пусть они воображаютъ, думалъ влюбленный, что я теперь у Нилиныхъ, и что ужъ поздно читать мнѣ какія нибудь наставленія. Воображаю себѣ, какъ теперь точитъ язычекъ свой моя сестрица, если только папа сказалъ ей... О!..“

— Такъ вотъ какъ!.. Вы значитъ женитесь?—растягивая слова, говорила ему Марья Савельевна, жена Тупина, когда то красивая и здоровенная дѣвка, теперь пожилая мать четырехъ мальчиковъ, которые по буднямъ бѣгали босикомъ и учились пока въ крестьянской школѣ.

— Да, если только она согласится выйти за меня — женюсь. Женюсь, Марья Савельевна!

— А какъ-же Вадимъ-то Капитонычъ?

— Что Вадимъ?! изумился Курьяковъ.

— Помнишь, обратилась она къ мужу, поддерживая рукой подбородокъ—онъ никакъ говорилъ, что женится на барышнѣ, даже на свадьбу звалъ.

— Да-а! держи карманъ! отвѣчалъ Тупинъ, повидимому весьма недовольный болтовнею жены своей.—Мало ли что дураку влѣзало въ голову. Онъ бы и радъ—да руки коротки. Прошлымъ годомъ еще Нилиха (такъ онъ звалъ помѣщицу Нилину) присылала его ко мнѣ за тѣмъ, за другимъ, а теперь давно онъ у меня не бывалъ. Только я и видѣлъ его, какъ письмо отвезъ.

— Какое письмо? спросила жена.—Отъ кого?

— Да вотъ отъ этого самаго генерала, который, помнишь, его въ адъютанты-то звалъ.

— А! согласилась жена.

Тупинъ пошевелилъ густыми бровями, поглядѣлъ исподлобья на жену и сказалъ:

— Принеси-ка лучше къ чаю хорошихъ сливокъ, умница!!

— Сливокъ! а я думала постъ...

— Мало-ли, что ты думала!

„Однако, превеликая скотина этотъ Вадимъ“—думалъ Курьяковъ, и было ему до злости досадно, что этотъ враль и глупецъ хочетъ съ нимъ соперничать, смѣетъ мечтать о рукѣ той дѣвушки, которую онъ любитъ, и которой нелюбить онъ не можетъ, потому что такое было отъ вѣка предопредѣленіе и такъ самимъ Господомъ Богомъ указано.

XIII.

Августовская погода безпрестанно мѣнялась—слѣдующее утро опять было солнечное, тихое, влажно-теплое.

Курьяковъ рано, украдкой, поздоровался съ матерью, шепнулъ ей что-то на ухо, — та обняла его, прослезилась и благословила... Затѣмъ, не дождавшись чаю, выѣхалъ онъ верхомъ и, объѣхавши кругомъ верстъ 5—6, проселками, рысью доѣхалъ до задней калитки сада Нилиныхъ. Соскочивъ съ сѣдла, онъ отворилъ калитку, заставилъ лошадь свою перешагнуть черезъ довольно высокій порогъ и, проведя ее въ садъ, привязалъ въ тѣни, за старой оранжереей, окруженной яблонями и огородами.

По мѣстамъ, въ примятой, мокрой травѣ, лежали ночнымъ вѣтромъ оторванныя отъ сучьевъ яблоки и то желтѣли, то румянились своими лоснящимися шкурками, точно улыбались ему, точно говорили: — что же ты не поднимаешь насъ! Но Курьяковъ не обращалъ на нихъ никакого вниманья. Поглядывая на часы, онъ пробрался въ липовую алею, сѣлъ на старую скамеечку и долго прислушивался къ скрипу и шорохамъ сада. Ему казалось, что Глафира непремѣнно придетъ въ садъ и что онъ ее встрѣтитъ. Такъ прошло время часовъ до 11. Нетерпѣливый и до тревоги обезпокоенный, всталъ онъ и пошелъ къ дому. Вотъ, изъ-за кустовъ онъ увидѣлъ настежь раскрытое окно *ея* комнаты. Посматривая, не смотритъ-ли кто изъ сосѣдняго флигеля, онъ перебрался еще ближе, къ самымъ цвѣтникамъ, и увидалъ Глафиру. Она стояла, должно быть, на стулѣ и, вытянувъ кверху обнаженныя руки, поправляла стору, чтобъ спустить ее. Вотъ, одно колѣно ея, озаренное солнцемъ,

Библиотека "Руниверс"

Выставка въ Имп. Акад. Худож. „Маруся". Картина Х. П. Платонова. По фотогр. Бетингера, грав. П. Дзедзицъ.

Библиотека "Руниверс"

оперлось на подоконникъ, стора стала опускаться и закрывать лицо, плечи, грудь и весь плѣнительный, тонкій и граціозный станъ ея.

Курьяковъ былъ уже у самаго окна и сдержанно крикнулъ: Глафира Николаевна!..

Изъ-за сторы выглянуло удивленное, чуть не дѣтское личико и сіяющіе черные глазки.

— Наконецъ-то! проговорилъ радостный голосокъ.

— Послушайте!

— Что?

— Отецъ согласенъ... Но, послушайте... Я прошу вашей руки... и... если вы меня любите — выходите на балконъ, а если нѣтъ—не приходите... Я уѣду и... и не буду уже больше безпокоить васъ.

Глафира и поблѣднѣла и вспыхнула, глаза ея раскрылись широко-широко.. и все вдругъ исчезло за колыхнувшейся сторой.

Курьяковъ обошелъ уголъ дома, вошелъ на балконъ и сѣлъ за парусиной, такъ, чтобы изъ саду никто не видалъ его. Сердце его было непокойно и сильно билось. — „Придетъ или не придетъ?..“ другой мысли въ головѣ его не было. Онъ страдалъ. Каждая минута ему казалась вѣчностью.

Въ домѣ все было тихо; за растворенною стеклянною дверью, въ гостиной, никого не было, только бѣлая бабочка билась въ стекло окошка, не замѣчая растворенной двери.

На балконѣ обѣденный столъ накрытъ былъ сѣрой, съ красными разводами, скатертью, потухшій самоваръ еще не былъ прибранъ; на его мѣдномъ поддонникѣ лежалъ окурокъ папиросы, и не успѣлъ Курьяковъ подумать о Вадимѣ, какъ послышались шаги его.

Вадимъ, очевидно, шелъ въ садъ и посвистывалъ. На головѣ его былъ лѣтній, мѣшковатый картузъ, изъ какой то желтовато-пыльной матеріи. Изъ-за воротничковъ рубашки видна была его розовая, толстая шея... на ногахъ мягкіе башмаки... Увидѣвши Курьякова, онъ, очевидно, испугался, но преодолѣлъ свое смущенье, приподнялъ картузъ и, сутулясь, съ протянутой рукой подошелъ къ нему.

— Давно васъ не было видно... Очень радъ... Надѣюсь, что между нами все кончено-съ... никакихъ недоразумѣній конечно не могло и быть, но Пелагея Даниловна вмѣшалась и... помѣшала мнѣ исполнить долгъ чести... и... надѣюсь, вы на меня не сердитесь...

Курьяковъ машинально взялъ его за руку, но глядѣлъ на него немигающимъ, неподвижнымъ взоромъ, ничего не понималъ и ни слова не отвѣчалъ ему.

— Вы давно здѣсь? спросилъ Вадимъ.

— Что это васъ такъ интересуетъ? процѣдилъ Курьяковъ сквозь зубы и поблѣднѣлъ.

Вадимъ поглядѣлъ на него, надѣлъ картузъ, постоялъ.... ушелъ въ садъ. Потомъ вернулся и сѣлъ на верхнюю ступеньку лѣстницы, у одного изъ столбиковъ, которые поддерживали надъ балкономъ покатый навѣсъ или крышу.

— Какъ вы думаете, началъ Вадимъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія.—вотъ мы тутъ спорили: балконъ это или терраса?

Курьяковъ хотѣлъ уже вскочить и бѣжать, такъ было тяжело ему, — онъ задыхался. Вдругъ, противъ него, мимо оконъ, за стеклами, гдѣ билась бабочка, промелькнула бѣлая тѣнь и послышался легкій шорохъ. Онъ замеръ.

Складка бѣлаго платья около самаго порога выглянула изъ-за дверной рамы, и онъ почувствовалъ близость ея присутствія. „Она!“ подумалъ Курьяковъ.

Но опять послышался легкій шорохъ и на порогѣ появилась Глафира.

Никогда еще не видѣлъ Курьяковъ такого выраженія въ женскомъ лицѣ, и никогда, никакими словами, нельзя его выразить... Голова ея была слегка приподнята. Черные, блестящіе глаза казались гордыми, и въ то же время готовыми плакать. Блѣдныя губы хотѣли улыбнуться и какъ будто не смѣли. Тонкій, стыдливый румянецъ поднимался до самыхъ висковъ и боролся съ блѣдностью. Стыдливо опускались рѣсницы. Но это было одна, двѣ, три секунды. Глафира замѣтила сидящаго на крылечкѣ Вадима, дрогнула и выраженіе лица ея сдѣлалось просто грустнымъ и задумчивымъ.

— Я думалъ... я уже хотѣлъ уѣхать! пролепеталъ Курьяковъ задыхающимся отъ счастія голосомъ.

Онъ уже стоялъ передъ ней, любуясь ею, и ея холодные пальчики сообщали легкую дрожь рукѣ его.

Вадимъ обернулся, онъ тоже былъ блѣденъ.

— Давно не видались! пробормоталъ онъ съ натянутой улыбкой.

— Теперь будемъ видѣться каждый день съ утра до ночи, сказалъ Курьяковъ—неправда-ли?

И Вадимъ увидѣлъ нѣчто не совсѣмъ обыкновенное: онъ взялъ ее за руку и увелъ въ гостиную, смущенную и покорную. Вадимъ вытянулъ шею... Ему что-то послышалось.

— Цѣлуются!!.. подумалъ онъ и, привставъ, на цыпочкахъ, быстро, какъ кошка, подкрался къ двери.—Вотъ какъ... Ege!.. И не безъ ужаса подумалъ онъ, что Глафира навсегда ускользаетъ изъ рукъ его, и что не помогли ему его хитрости! Затѣмъ, до самаго завтрака сидѣлъ онъ на балконѣ, вытянувъ ноги... и размышлялъ...

За завтракомъ онъ узналъ отъ самой Пелагеи Даниловны, что передъ нимъ женихъ и невѣста.

И кто бы могъ думать—Вадимъ прикинулся веселымъ, поздравилъ Глафиру и вызвался ѣхать въ городъ покупать шампанское.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Багровая пыль.

(Русскіе въ Парижѣ во время коммуны).

Повѣсть **П. Петрова.**

I.

— Марья Васильевна! Марья Васильевна!

— Тетя!

— Отворите скорѣе, Марья Васильевна!

— Тетя! ради Бога, скорѣе!

На эти призывные крики, сопровождавшіеся учащеннымъ стукомъ въ дверь, очнулась отъ сна женщина пожилыхъ лѣтъ, спавшая на кушеткѣ.

Она вскочила съ растеряннымъ видомъ.

— Тетя! тетя! Гдѣ же вы? раздался снова за дверью женскій голосъ, исполненный тревоги и отчаянія.

Собравшись съ мыслями, проснувшаяся женщина бросилась къ двери и повернула ключъ. Дверь распахнулась и въ комнату вбѣжали молодая дѣвушка, одѣтая вся „въ черномъ“, и мужчина небольшаго роста въ сѣромъ пальто и поярковой шляпѣ.

— Аня, что съ тобой? испуганно вскричала женщина, бросаясь къ дѣвушкѣ, которая въ изнеможеніи упала въ кресло.

Мужчина между тѣмъ быстро захлопнулъ дверь и приложился къ ней ухомъ, повернувъ ключъ въ замкѣ.

— Да что же такое случилось? повторила женщина, не получая отвѣта отъ дѣвушки, которая, закрывъ глаза и прижимая рукою сердце, не могла еще, какъ говорится, перевести духъ.— Что такое, говорите рад....

Она замолкла на полусловѣ и осталась какъ вкопанная, потому что, вмѣсто отвѣта, мужчина, продолжавшій прислушиваться, отрывисто произнесъ только: ш-шъ, и сдѣлалъ рукою повелительный жестъ, выражающій: замолчите!

Среди наступившаго молчанія послышались сперва глухо и невнятно, а затѣмъ явственнѣе, приближающіеся голоса. По первымъ же долетѣвшимъ словамъ, можно было заключить, что голоса спорили о чемъ-то на чистѣйшемъ парижскомъ жаргонѣ.

Библиотека "Руниверс"

— Je l'aurai mort ou vif. Il a osé porter la main sur un membre du gouvernement! *) горячился хриплый голосъ.

— Да, помилуйте, здѣсь только все иностранцы у меня... Все скромныя семейства... Такъ вѣдь нельзя врываться въ почтенный домъ... Это ошибка...

— Comment, badinguenard **)! Я ошибся? когда я самъ видѣлъ, какъ они бросились по лѣстницѣ?! вспылилъ хриплый голосъ.

— Vous savez, vous! Pas de ces manières là ***)! отрезнулся голосъ въ отвѣтъ.

— Рауль, брось... Это сумашествіе навязываться на скандалъ въ эту минуту...—Ты забываешь! вмѣшался увѣщевающе третій голосъ.

— Канальи! Погодите, попляшете вы всѣ у меня! Je vous danquerai une danse, nom d'un tonnerre... Je... ****) хрипѣлъ голосъ удаляясь.

Еще съ полъ-минуты слышался ослабѣвающій говоръ. Затѣмъ все смолкло.

— Пронесло! произнесъ по русски мужчина, отходя отъ двери.

Онъ рѣзкимъ жестомъ сдернулъ съ головы шляпу и бросилъ ее на стулъ.

— Какова собака! пробормоталъ онъ.

— Да скажете вы наконецъ, что случилось? заговорила полушопотомъ женщина.

— Случилось то, Марья Васильевна, что надо отсюда улепетывать, не теряя ни одной минуты.

— Это опять *онъ*, тетя! проговорила, едва переводя духъ, дѣвушка.

— Онъ, пучеглазый-то?! Ахъ, разбойникъ!

Вдругъ женщина будто спохватилась чего-то.

— Такъ вотъ этой-то дряни ты испугался, батюшка? громко воскликнула она, изумленно и укоритель но уставившись на мужчину.—А полиція то начто?

— Онъ съ цѣлой шайкой теперь, тетя! вступилась дѣвушка.

— Съ цѣлой свитой! язвительно поправилъ мужчина и присовокупилъ:—Эта дрянь, какъ вы его называете, Марья Васильевна, должно быть теперь и есть сама полиція...

Легкій стукъ въ дверь прервалъ разговоръ.

Но я вамъ еще не сказалъ, гдѣ и когда и съ кѣмъ все это происходитъ.

Время дѣйствія.—Двадцатое марта тысяча восемсотъ семьдесятъ перваго года,—выдающаяся и, можетъ быть, самая необычайная минута, отмѣченная краснымъ крестомъ, въ этой выдающейся и необычайной годинѣ, тяжкой и позорной, отмѣченной черною рамкою въ лѣтописяхъ Франціи.

Два дня передъ тѣмъ—18-го марта—въ Парижѣ были разстрѣляны генералы Клеманъ Тома и Леконтъ, и провозглашена коммуна. Устрашенное временное правительство съ Тьеромъ во главѣ, имѣя лишь ничтожную горсть деморализованнаго войска въ своемъ распоряженіи, и понимая, что ему нечего ожидать помощи отъ измученной и истерзанной въ конецъ страны,—временное правительство поспѣшно покинуло Парижъ и пріютилось въ Версали.

Парижъ, только что было ожившій послѣ голодухи и шестимѣсячной осады, воспользовавшійся перемиріемъ, чтобы снабдиться жизненными продуктами, очутился вдругъ, совершенно неожиданно, въ рукахъ крайней демагогической партіи, увлекшей за собою значительную часть необезоруженныхъ еще милиціонеровъ (превратившихся въ „федеральное войско"), которые, благодаря оплошности временнаго правительства, завладѣли семнадцатаго марта всею артиллеріею, скученною безъ достаточной охраны на монмартрской возвышенности.

Все это совершилось такъ внезапно, и было такъ неожиданно, что большинство жителей въ первые дни и не подозрѣвали даже, какая бѣда стряслась надъ ними. Забывая, что въ распоряженіи демагоговъ случайно очутились могучія средства, многіе не придавали никакого значенія этой „вспышкѣ" и только пожимали плечами. Другіе пожимали плечами слыша рядъ совершенно неизвѣстныхъ никому именъ, имѣвшихъ изображать какое то правительство, и съ увѣренностью предсказывали, что „все это немедленно будетъ вымстено". Словомъ, большинство не придавало особенной серьезности демагогическому взрыву и относилось чуть ли не иронически къ „Коммунѣ". Но такъ было, конечно, только въ первые дни...

Такова была минута, въ которую начинается этотъ разсказъ.

Мѣсто дѣйствія.—Одинъ изъ парижскихъ отелей—Hôtel du Pavillon de Rohan.

Выраженіе *отель* здѣсь, впрочемъ, ошибочно, такъ какъ подъ названною громкою вывѣскою значилось заведеніе меблированныхъ комнатъ, занимавшее половину огромнаго осьмиэтажнаго дома, стоящаго особнякомъ на одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ Парижа, образуя отдѣльный кварталъ.

Однимъ фасомъ домъ выходилъ на Палерояльскую площадь, другимъ—на улицу Сентъ-Онорэ противъ Пале-Рояля, третьимъ—занималъ все протяженіе маленькой улицы Роанъ, наконецъ, четвертымъ—выходилъ на улицу Риволи, лицомъ къ лицу съ Лувромъ.

Мѣсто это, какъ сказано выше, исключительно бойкое. Великолѣпная улица Риволи—прототипъ улицы новаго Парижа: вытянутая въ струнку, превосходно вымощенная, окаймленная справа рѣшеткою Тюйльрійскаго сада, дворцами Луврскимъ и Тюйльрійскимъ, тогда еще существовавшимъ, она служитъ главною артеріею движенія прибрежной части города по правую сторону Сены.

Параллельная ей улица Сентъ-Онорэ, одна изъ промышленнѣйшихъ и многолюднѣйшихъ Парижа, отчасти сохранила физіономію старо-парижской улицы: очень длинная, узкая, извилистая, вымощенная четырехгранными pavés—главнымъ строительнымъ матерьяломъ парижскихъ баррикадъ—она окаймлена узкими, высокими, грязными домами, стѣны которыхъ, закопченныя, засаленныя до крайности, выглядятъ будто подернуты смраднымъ нагноеніемъ. Дома почти всѣ шести- и семиэтажные, имѣютъ обыкновенно не болѣе двухъ, трехъ, много четырехъ оконъ на этажъ, а нѣкоторые, занимающіе по фасаду сажени двѣ, даже объ одномъ окнѣ.

Если присовокупить къ этой уличной характеристикѣ, что по сосѣдству находятся два большихъ театра, Французскій и Палерояльскій, громадная гостинница Grand-Hôtel du Louvre, гигантскіе магазины Les grands magasins du Louvre, самъ Пале-Рояль, этотъ городъ въ городѣ, гдѣ въ то время находились бараки *волонтеровъ* и нѣсколько „штабовъ", и наконецъ, что весь Тюйльрійскій садъ и Луврская площадь тогда были заставлены бараками, палатками, временными лазаретами и переполнены всякимъ псевдо-военнымъ людомъ,—то легко понять, что вокругъ описываемаго дома движеніе и уличная жизнь были совершенно необычайныя, и что съ утра и до утра, не взирая на исключительное время, тутъ кишьмя кишѣлъ самый разношерстый людъ.

Нижній этажъ и антресоль описываемаго дома были подъ магазинами, лавками, конторами и пр., которые не закрывали своей торговли во время всей осады. Остальные шесть этажей, раздѣленные по отвѣсу на двѣ половины, отданы были подъ „меблированныя комнаты".

Многочисленное населеніе этихъ „комнатъ" было самое разнообразное. Тутъ были образчики всѣхъ ступеней мірскаго благосостоянія, начиная отъ грандовъ, почему либо застрявшихъ въ такую минуту въ Парижѣ и имѣвшихъ возможность платить по сту франковъ въ сутки за свои хоромы, до счастливцевъ, платившихъ двадцать пять и тридцать; отъ этихъ счастливцевъ до простыхъ смертныхъ, довольствовавшихся семи-франковымъ помѣщеніемъ; наконецъ отъ простыхъ смертныхъ до вынужденныхъ держаться скромной двухъ и полутора-франковой квартирной платы, — обиженныхъ и оскорбленныхъ, разумѣется, только относительно первыхъ категорій населенія дома, потому что эти псевдо-обиженные и оскорбленные, принимая ихъ точкою отправленія по нисходящему пути человѣческаго благосостоянія, являлись въ свою очередь грандами въ сравненіи съ многочисленными нисходящими инстанціями, находившимися между ними и, напримѣръ, обитателями такъ называемыхъ Carrières d'Amerique и *волками*—послѣднимъ сбродомъ, выгнаннымъ, въ силу необходимости, за черту города, въ послѣдній періодъ осады.

Но такихъ въ домѣ не было по той причинѣ, что комнатъ дешевле пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ въ немъ не имѣлось, да и то такія комнаты находились на высяхъ ужасныхъ и единственныя окна ихъ тоскливо и угрюмо глядѣли на узкій, темный дворъ дома. Большинство обитателей были иностранцы.

Въ одномъ изъ десяти-франковыхъ номеровъ втораго этажа (который на самомъ дѣлѣ былъ четвертымъ, благодаря тому, что по парижскому обычаю два первые этажа: rez-de-chaussée и *антресоль*, не идутъ въ счетъ) проживало русское „семейство", состоявшее изъ тетки и племянницы.

Тетка носила неблагозвучную фамилію Ведеркиной. Марья Васильевна Ведеркина, сорокавосьмилѣтняя вдова московскаго первой гильдіи купца Ивана Федуловича Ведеркина, отошедшаго къ праотцамъ года за четыре назадъ до того.

Это была прекраснѣйшая и добрѣйшая женщина, „святая душа", какъ ее называли. Однимъ Богъ ее обидѣлъ—ея голова была не вполнѣ въ порядкѣ. Внутри, конечно, потому что снаружи голова, напротивъ, была всегда приглажена, примазана и и тщательно расчесана. Но внутри зато было не хорошо. Въ ея „мозгахъ" не было того, что, должно полагать, у насъ всѣхъ бываетъ — перегородочекъ и сортировочнаго аппарата, размѣщающаго и приводящаго въ порядокъ мысли и понятія, возникающія въ головѣ. Отсюда значительная путаница, смутность и неожиданность въ мысляхъ, отзывавшаяся, разумѣется, и на рѣчахъ почтенной Марьи Васильевны. Въ своемъ сѣновалѣ, Марьѣ Васильевнѣ удалось однако—и то скорѣе благодаря ея преданному, любящему сердцу—отдѣлить и расчистить небольшой уголокъ, совершенно и всецѣло удѣленный ея „божеству", ея племянницѣ Аннѣ, въ которой она души не чаяла, для которой, по ея выраженію, она только и доживала свой бабій вѣкъ. Словомъ, это была золотая душа безъ головы.

Боготворимой этой племянницѣ — Аннѣ Львовнѣ Шермете-

---

*) Я его достану живаго или мертваго. Онъ осмѣлился наложить руку на члена правительства.

**) Badinguenard—бранная кличка, даваемая въ то время бонапартистамъ.

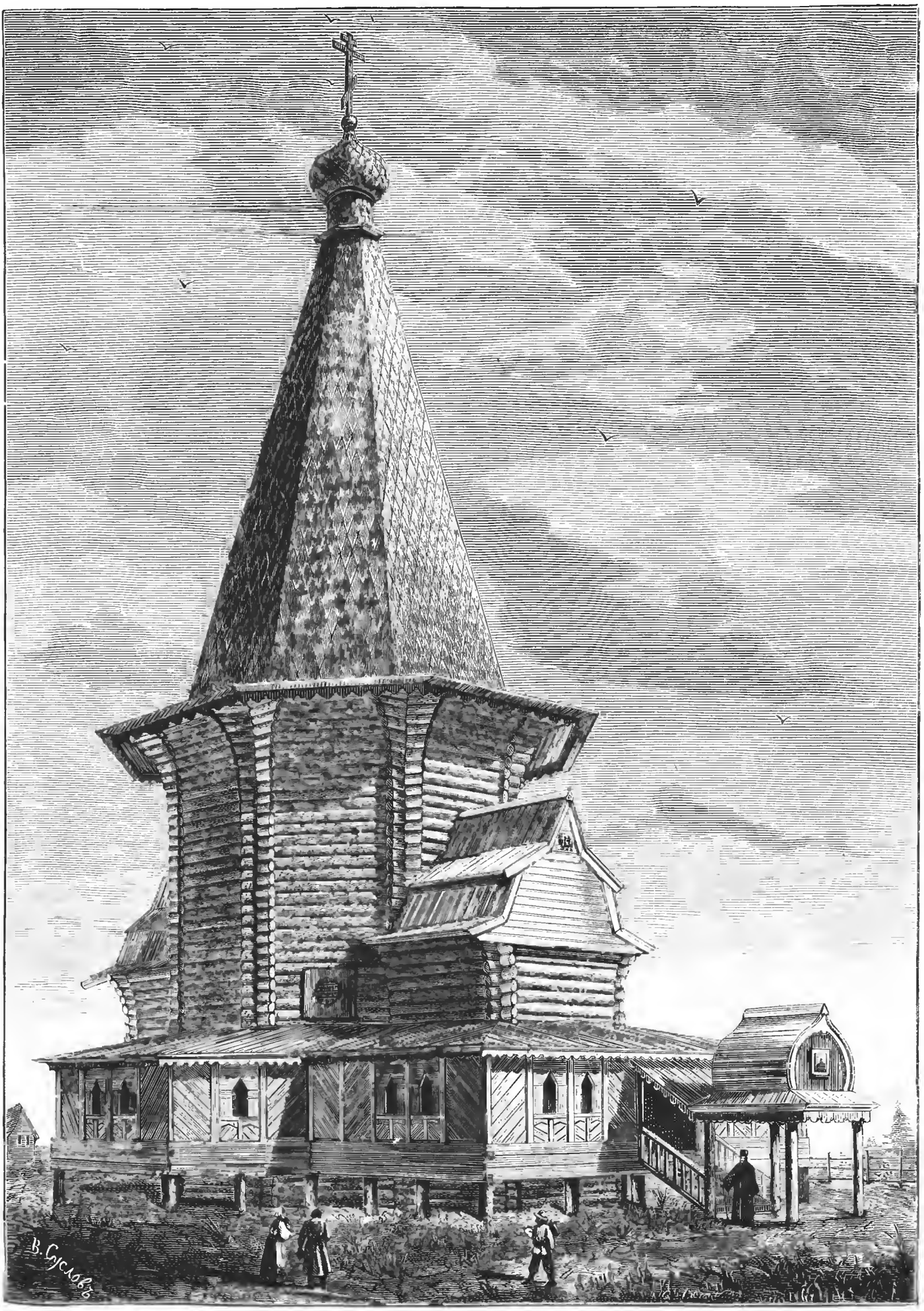
***) Слышите, вы! Безъ этихъ манеръ!

****) Я вамъ задамъ плясъ, чортъ возьми... я...

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. Единоборство Мстислава Удалаго съ Редедею. „Дума“ К. Ѳ. Рылѣева.
Ориг. рис. А. Земцова, грав. П. Дзедзицъ.

Библиотека "Руниверс"



Древняя архитектура на сѣверѣ. Хр мъ Успенія на Троицкомъ погостѣ (Волог. губ., Сольвычегодскаго уѣзда).
Ориг. рис. съ натуры В. Суслова, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

вой—минуло тогда восемнадцать лѣтъ. Она была круглая сирота. Отецъ ея, изъ стариннаго но захудалаго дворянскаго рода Шерметевыхъ, былъ судьею въ одномъ изъ уѣздовъ петербургской губерніи, затѣмъ гдѣ-то далеко въ глуши, исправникомъ и умеръ станичнымъ начальникомъ на дальней окраинѣ. Слабость къ вину и безпутный характеръ, по выраженію Марьи Васильевны, „портили ему всю службу". Мать Шерметевой — родная сестра Марьи Васильевны — брошенная мужемъ на произволъ судьбы, промучившись и прострадавъ нѣсколько лѣтъ въ сильной нуждѣ (сестра могла ей изрѣдка лишь помогать тайкомъ отъ самодура-мужа, нелюбившаго своихъ „дворянскихъ голышей", какъ называлъ онъ Шерметевыхъ), умерла въ чахоткѣ, оставивъ четырнадцати-лѣтнюю дочь, Анну, безъ крова и безъ гроша. На счастье Анны, за нѣсколько дней до смерти ея матери, самого Ведеркина „хватилъ кондрашка". Бездѣтная Марья Васильевна, сдѣлавшись „госпожею своихъ дѣйствій", взяла къ себѣ сироту-племянницу и сразу, съ первыхъ же дней, такъ и отдала ей всю свою душу.

Это обожаніе было впрочемъ понятно, потому что Анна Львовна была въ полномъ смыслѣ слова обворожительное существо—„русская жемчужина", съ которою не сравняться никакимъ перламъ.

Высокая, роскошно сложенная, удивительно стройная и гибкая, съ маленькою головкою, гордо поставленною на лебединой шеѣ, ея фигура дышала изяществомъ и какимъ то особеннымъ благородствомъ. Черты не имѣли скульптуральной строгой правильности, придающей лицу нѣкоторую холодность и неподвижность; нѣтъ, онѣ были неправильны, и эта именно художественная неправильность придавала имъ чарующую оригинальность, оживленіе, неотразимую прелесть. Небольшой, немного откинутый назадъ лобъ, нѣсколько вздернутый прямой носъ, маленькій ротикъ съ рѣзко очерченными сочными губами, глаза огромные, съ темно-голубыми зрачками, влажные, бархатные, продолговатые, полузакрытые длиннѣйшими темными, слегка выгнутыми, рѣсницами, совершенно прямыя, тонкія, „соболиныя" черныя брови, нѣжнѣйшій цвѣтъ лица, матовый, освѣщенный легкимъ румянцемъ, крошечныя уши, два ряда жемчужинъ во рту, и наконецъ роскошные волнистые волоса, черные какъ смоль. При этомъ, совсѣмъ маленькія руки безупречной формы, грудной „теплый" голосъ, ласкающій, западающій въ душу.

Что скрывалось подъ этою обаятельною оболочкою? Здѣсь далеко не было того созвучія въ малѣйшихъ штрихахъ, той цѣльности, которою дышала наружность. Характеръ былъ неровный, порывистый, ужасно нервный—послѣдствіе горемычной жизни до четырнадцати-лѣтняго возраста. Головка, совершенно невоздѣланная, была очень свѣтлая, но разсудительною ее нельзя было признать — она работала своеобразно, порывами, и слишкомъ подчинялась нервамъ, характеру. Сосредоточенности, казалось бы, тутъ не могло быть мѣста, а между тѣмъ и она проявлялась порой, не переходя однако никогда въ мечтательность. Сердце, душа были пока еще потемки—до сихъ поръ имъ не было случая проявляться и высказываться самостоятельно, но одно можно было уже теперь (и даже задолго до этого времени) рѣшить — это былъ, какъ говорится, характеръ.

Добрѣйшая и пустѣйшая Марья Васильевна совершенно подпала подъ этотъ характеръ и также безусловно подчинилась племянницѣ, какъ до того она безропотно подчинялась покойному самодуру своему Ивану Федуловичу.

Въ концѣ шестьдесятъ девятаго года, Анна Львовна, проживщая, послѣ смерти матери, три года безвыѣздно въ Москвѣ у тетки, пожелала „взглянуть на міръ Божій". Марья Васильевна, конечно, немедленно согласилась исполнить желаніе племянницы, хотя ее, не покидавшую Москву въ теченіи цѣлой четверти столѣтія, эта заграница и порядкомъ пугала. Въ январѣ семидесятаго года, тетка съ племянницей очутились въ Парижѣ. Здѣсь Аннѣ Львовнѣ вздумалось „заняться пѣніемъ", и она стала посѣщать извѣстные классы г-жи Лабордъ. Война съ Германіею, побѣдоносное движеніе германской арміи къ Парижу, возможность быть запертыми на неопредѣленное время въ осажденномъ городѣ, не устрашили смѣлую Анну Львовну. Не взирая на усиленныя увѣщанія тетки, она съ непостижимымъ упорствомъ упрашивала остаться въ Парижѣ. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что Марья Васильевна сказала:

— Ну хорошо, Аня, останемся пожалуй.

Онѣ остались, но шестимѣсячный осадный искусъ съ голодухой и другими прелестями до того подѣйствовалъ на старушку, внушилъ ей такое отвращеніе къ Парижу и вызвалъ такой позывъ къ возвращенію „домой", что она впервые упрямо воспротивилась желанію племянницы не покидать и послѣ перемирія Парижа, и рѣшила вернуться въ Москву хотя бы и на короткое время. Анна Львовна подъ разными предлогами откладывала со дня на день отъѣздъ, когда наступило 18 марта, совершилось провозглашеніе коммуны, и начинается нашъ разсказъ.

Третье дѣйствующее лицо былъ „землемѣръ" Василій Чувашевъ или, какъ его, по старой привычкѣ, называла, заочно конечно, Марья Васильевна—„Харитоновъ Вася", вслѣдствіе того, что онъ былъ сынъ „старика" Харитона, прослужившаго вѣрою и правдою лѣтъ тридцать прикащикомъ у Ивана Федуловича, управляя „хлѣбнымъ дѣломъ" послѣдняго въ Вятской губерніи.

Интересная и своеобразная фигура былъ этотъ двадцати-пятилѣтній „Харитоновъ Вася".

Маленькаго роста, плотный но худой, чахлаго, изможденнаго вида, замѣчательно невзрачный собою, рябой, курносый, съ сѣрыми впалыми глазами, съ сѣроватымъ лицомъ, на которомъ тамъ сямъ были насажены клочки бѣлесоватой растительности; козлиная жидкая бородка, такая, что, какъ говорится, волосъ отъ волоса не слыхать дѣвичьяго голоса; безцвѣтные тусклые волоса, лежавшіе „патлами". Безъ осанки, безъ всякаго „виду". Одѣтъ какъ выходецъ изъ какого нибудь послѣдняго захолустья: „пара" толстаго чернаго сукна, сшитая обрубкомъ, черный жилетъ безъ вырѣзки, поярковая черная шляпа безобразной формы и широчайшее, длиннѣйшее, толстѣйшее пальто сѣростальнаго цвѣта, обшитое черною тесьмой, очевидно попавшее на эти утлыя плечи съ другихъ, богатырскихъ; хотя и застегнутое на всѣ пуговицы, оно неуклюже топырилось впередъ, безконечныя полы его почти доходили до щиколки, а безобразный воротникъ отдѣлялся отъ затылка на добрые пять-шесть пальцевъ. Не то забитостью, не то безпомощностью дышала вся эта невзрачная фигура, а между тѣмъ вотъ что совершилъ этотъ человѣкъ:

Отецъ его—„мужикъ" стараго закала, честнѣйшій, простой, совсѣмъ неграмотный, проведшій почти весь вѣкъ въ вятскихъ захолустьяхъ—далъ „хилому Васюткѣ", въ виду этой самой хилости „для дѣла непригодной", по его мнѣнію, кое какое образованіе. Впрочемъ тутъ не мало повліяли совѣты Марьи Васильевны и даже оказанная ею матерьяльная поддержка. Мальчика „повлекло неотразимо къ географической наукѣ" и, находя что-то общее между географіей и землемѣрствомъ, онъ вымолилъ у отца поступить въ „землемѣры". Года три онъ уже землемѣрствовалъ въ Вятской губерніи, мечтая объ „разныхъ Европахъ да Африкахъ", какъ выражался не то насмѣшливо, не то съ какимъ-то состраданіемъ отецъ, когда Харитонъ Чувашевъ умеръ, оставивъ единственному сыну кое какой домашній скарбъ да рублей семьсотъ денегъ.

— Отправлюсь, рѣшилъ сразу, безъ всякихъ колебаній, спокойно, какъ бы безропотно повинуясь высшей волѣ, Василій, имѣя въ карманѣ шестьсотъ рублей кредитными билетами да восемьдесятъ пять екатерининскихъ цѣлковиковъ.

Это „отправлюсь" означало въ его мысляхъ путешествіе по всему свѣту, по морю и по суху, по всѣмъ извѣданнымъ и неизвѣданнымъ землямъ!

И вотъ, въ декабрѣ шестьдесятъ девятаго года, въ лютую зиму, изъ елабужской глуши, онъ отправился, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ съ оказіей, т. е. на облучкѣ или на возу, сперва до Нижняго-Новгорода, а оттуда такимъ же способомъ, но не по желѣзной дорогѣ, въ Москву, чтобъ повидать по пути „благодѣтельницу свою" Марью Васильевну. Онъ помнилъ ее еще съ самыхъ раннихъ лѣтъ, когда отецъ его пребывалъ при „московскомъ дѣлѣ" покойнаго Ивана Федуловича; помнилъ ея доброту и ласку, по главнымъ образомъ чтилъ и просто молился на нее за то, что, благодаря ей, онъ „попалъ въ люди изъ тьмы кромѣшной".

Въ Москвѣ, куда онъ добрался въ концѣ января, Василій Чувашевъ узналъ, что Марья Васильевна съ „племянницей ихней" четвертый уже мѣсяцъ пребываютъ за границей и находятся въ Парижѣ. Ему ужасно понравилась мысль явиться съ поклономъ къ „благодѣтельницѣ" въ Парижѣ, тѣмъ болѣе, что веесвѣтный городъ значился въ своеобразномъ маршрутѣ, начертанномъ себѣ Чувашевымъ. Только, чтобъ застать еще на мѣстѣ Марью Васильевну, онъ, получивъ ея парижскій адресъ, рѣшилъ „скорѣе идти и не застревать". Отъ Елабуги до Москвы, за сорокъ дней пути, этотъ человѣкъ ухитрился издержать всего девять рублей шестьдесятъ копѣекъ.

По маршруту, обстоятельно выработанному Чувашевымъ, дальнѣйшій его путь по Россіи лежалъ отъ „столичнаго города Москвы" на Нижній-Новгородъ, а отсюда „берегомъ правымъ Волги внизъ по теченію рѣки, пока не откроется судоходство". Отъ мѣста, гдѣ его застанетъ открытіе навигаціи, онъ предполагалъ спуститься далѣе на пароходѣ возможно ниже, и затѣмъ идти пѣшкомъ на „приморскій городъ Одессу, ибо путь идетъ поперекъ рѣкъ". Изъ Одессы онъ расчитывалъ проѣхать въ „столицу Турціи, Константинополь, древній Стамбулъ", на пароходѣ.

До Одессы Чувашеву посчастливилось значительно сократить путь—его взялъ съ собою въ качествѣ помощника управляющій торговыми дѣлами Марьи Васильевны. Недѣли три, Чувашевъ, скрѣпя сердце и сгорая нетерпѣніемъ, „конторствовалъ" въ „приморскомъ городѣ", а затѣмъ, по минованіи надобности, былъ отпущенъ управляющимъ, причемъ получилъ еще „двѣ красныхъ депозитки".

И вотъ, въ первыхъ числахъ марта семидесятаго года, этотъ рабъ своей страсти поплылъ изъ Одессы въ Константинополь на буксирномъ пароходѣ „потому ровно въ четыре раза дешевле",—поплылъ, не зная ни единаго иностраннаго языка.

Отъ Константинополя, Чувашевъ пошелъ на западъ пѣшкомъ, оріентируясь по картѣ и по буссоли, гдѣ берегомъ, а „гдѣ слишкомъ большіе огибы, такъ на перерѣзъ". Такъ онъ прошелъ „сторонкой" Турцію, Далмацію, обогнулъ Италію, встрѣчая

Библиотека "Руниверс"

почти вездѣ—благодаря конечно тому, что шелъ „сторонкой"—самый радушный пріемъ и даровой пріютъ.

Изъ „портоваго города Ливурно"—Чувашевъ наивно присовокуплялъ къ названіямъ городовъ всѣ прилагательныя, пристегнутыя къ нимъ въ географическихъ учебникахъ—онъ доѣхалъ на пароходѣ до „главнаго приморскаго города Франціи, Марсели," и отсюда пошелъ пѣшкомъ „на столичный городъ Парижъ", черезъ „панскій городъ Авиньонъ", „промышленный городъ Ліонъ" и пр. Эта часть путешествія была самая тяжелая, потому что вмѣсто радушія и гостепріимства, онъ встрѣчалъ подозрительность и недоумѣніе, весьма понятныя впрочемъ. Промышленные, дѣловые французы никакъ не могли постичь, зачѣмъ и въ силу какихъ побужденій, человѣкъ, не понимающій повидимому ни единаго слова по французски, странствуетъ пѣшкомъ по ихъ землѣ. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ Чувашева даже „забирали" и допрашивали. Онъ предъявлялъ свой паспортъ, подъискивалъ отвѣты по „карманному словарю Рейфа", которымъ запасся въ Одессѣ, выпутывался изъ всѣхъ непріятностей, и упрямо продолжалъ свой путь, ночуя и кормясь, конечно, не въ гостинницахъ „ибо слишкомъ дерутъ", а „въ полѣ", причемъ пища приготовлялась имъ самимъ гдѣ возможно на маленькомъ кострѣ, а то на спиртовой лампочкѣ. Для этого онъ несъ съ собою таганчикъ, кастрюлечку и спиртовую лампу.

Въ концѣ іюля, Чувашевъ прибрелъ наконецъ въ Парижъ, употребивъ почти пять мѣсяцевъ на путь отъ Одессы до Парижа и истративъ за все это время семьдесятъ два рубля, изъ которыхъ сорокъ семь „при движеніи" отъ Марсели до Парижа. Послѣднее обстоятельство его ужасно возмущало. Эта своеобразная, наивная душа, не имѣя ни малѣйшаго влеченія къ попрошайничеству и паразитству, совершенно искренне полагала, что можетъ питаться „такъ", крохами другихъ, какъ птичка Божія или какъ герои разныхъ „путешествій", которыми Чувашевъ жадно зачитывался еще въ вятскихъ трущобахъ. Поэтому, онъ сразу опредѣлилъ французовъ, народомъ „корыстнымъ, скупымъ, придирчивымъ и подозрительнымъ".

Марья Васильевна такъ и ахнула, узнавъ, что „одинъ русскій", пожелавшій ее видѣть и котораго она поспѣшила принять, никто иной какъ „Харитоновъ Вася". Узнала она это только тогда, когда Чувашевъ себя назвалъ, потому что не видала его лѣтъ двѣнадцать.

— Какими это ты тутъ судьбами, батюшка? спросила она изумленно, пока Чувашевъ неловко прикладывался къ ея рукѣ.

Онъ разсказалъ свою курьезную одиссею; разсказалъ наивно и также просто, будто рѣчь шла о самой заурядной вещи.

Марья Васильевна слушала его, выпуча глаза.

— Ну а тутъ-то, въ этомъ Вавилонѣ какъ ты меня нашелъ? воскликнула вдругъ она, потому что Парижъ казался ей, прожившей весь вѣкъ въ замоскворѣцкой глуши, какимъ то безмѣрнымъ, спутаннымъ, запутаннымъ и перепутаннымъ лабиринтомъ, гдѣ „вѣчно дымъ стоитъ коромысломъ", гдѣ „того и гляди что пропадешь". Самое необычайное изъ всего совершеннаго Чувашевымъ показалось ей то, что онъ нашелъ ее въ Парижѣ.

— Какъ пришелъ сюда-съ, сегодня утромъ, объяснилъ Чувашевъ.—сталъ я это обходить дома и спрашиваю, какъ въ книжечкѣ: *ла шамбръ сенкантъ сантимъ*, потому-съ не хотѣлъ низачто дороже давать. Много я ихъ обошелъ и все спрашиваю, а мнѣ только головой мотаютъ, что молъ нѣтъ такихъ. Хожу, хожу, вдругъ мнѣ въ одномъ мѣстѣ въ отвѣтъ говорятъ: *унъ франъ*. Куда ни шло! думаю и сразу рѣшилъ. Сложилъ тамъ свой чемоданчикъ, почистился, досталъ вашъ адресъ изъ бумажника, сталъ показывать его прохожимъ — они понемногу и навели меня до вашихъ до воротъ.

Въ первую минуту, Ведеркина рѣшила, что „Харитоновъ Вася" долженъ быть не въ своемъ умѣ, что онъ „тронутъ", и даже испугалась, не зная какъ сей поступить съ „этимъ несчастнымъ" и притомъ не желая бросить его на произволъ судьбы. Анна Львовна взглянула на Чувашева иначе, и разспросивъ его подробно, разъяснила теткѣ, что бывшій „Харитоновъ Вася" не только не сумашедшій и не сумазбродъ, но что, напротивъ, надо удивляться силѣ характера и энергіи этого человѣка, отважившагося на подобное предпріятіе. Марья Васильевна, понявшая по своему „подвигъ" Чувашева, предложила ему остаться нѣкоторое время съ ними въ Парижѣ.

— Показалъ, батюшка, свою отвагу, ну и будетъ. Погости тутъ у насъ, а тамъ и вернись себѣ съ Богомъ, а на билетъ я тебѣ дамъ.

Чувашевъ почтительно и робко объявилъ Марьѣ Васильевнѣ, что онъ „этого никакъ сдѣлать не можетъ", потому что ему надо „идти дальше".

— Куда-же? спросила Анна Львовна.

— Въ Америку-съ.

— Я же тебѣ говорю, что онъ рехнувшись! воскликнула Марья Васильевна обращаясь къ племянницѣ.

— Да вѣдь не пѣшкомъ-же вы туда пойдете! замѣтила Анна Львовна.

— Какъ-же можно пѣшкомъ-съ! черезъ океанъ Атлантическій вѣдь надо. Я на пароходѣ уѣду изъ портоваго города Гавра, а до него пѣшкомъ... Я вѣдь знаю-съ, отвѣтилъ Чувашевъ съ простоватою улыбочкою.

И онъ объяснилъ, что у него „все разсчитано": за билетъ на пароходѣ онъ заплатитъ сто пятнадцать рублей „нашими депозитками"; въ Америкѣ не будетъ проживать въ городахъ гдѣ жизнь страшно дорога, а прямо пойдетъ „на фермы", гдѣ найдется всегда платная работа, да еще накормятъ и напоятъ и т. д. Словомъ сказать, у него былъ совершенно выработанъ дальнѣйшій планъ путешествія и пришелъ онъ въ Парижъ не зря, а потому, что Парижъ лежалъ на его пути въ Гавръ.

Не взирая на всѣ совѣты и увѣщеванія Марьи Васильевны, Чувашевъ, на четвертый день послѣ прихода своего въ Парижъ, отправился въ дальнѣйшій путь. При прощаньѣ, онъ почтительно и конфузливо, но упрямо, отказался принять сторублевую бумажку, которую Марья Васильевна ему неоднократно совала въ руку, но далъ обѣщаніе обратиться въ крайнюю минуту за помощью.

Пять дней спустя, Чувашевъ неожиданно предсталъ въ довольно растерзанномъ видѣ предъ очи Марьи Васильевны, полагавшей, что онъ уже добрался до парохода.

Оказалось, что его приняли за нѣмецкаго шпіона и забрали.

— Поѣлъ я хлѣба да колбасы въ Мелёнѣ, сообщалъ онъ свои приключенія Марьѣ Васильевнѣ и Аннѣ Львовнѣ, — отдохнулъ немного и пошелъ себѣ. Вдругъ-съ, не прошелъ я и часа, нагоняютъ меня два жандарма на подводѣ въ большихъ треуголкахъ. Остановили. „*Папье*" дайте, говорятъ. Я имъ паспортъ — извольте посмотрѣть. „Покажите чемоданъ", требуютъ. Я имъ даю. Стали рыться. Сейчасъ одинъ вынимаетъ астролябію и бусоль изъ чемоданчика и грозно спрашиваетъ: *Экескеса?* Я имъ по книжечкѣ объясняю, что я топографъ, что иду просто для самого себя и что это мои инструменты. Не повѣрили. *Алонъ*, говорятъ, и повезли меня назадъ на подводѣ. Привезли вчера сюда, допрашивалъ какой то по русски, только не нашъ, и все допытывался зачѣмъ у меня астролябія и зачѣмъ я вотъ путешествую у нихъ. Весь день и всю ночь просидѣлъ. Сегодня утромъ одинъ нашъ опять допрашивалъ—должно быть изъ консульства, потому рѣзкій такой. Поговорилъ, пожалъ плечами, что то сказалъ французу и ушелъ. Тутъ меня отпустили, отдали чемоданчикъ, но паспортъ задержали. Первый, что говорилъ со мной по русски, объявилъ, что отдадутъ паспортъ когда наведутъ справки.

Чувашевъ очень счастливо отдѣлался, принимая во вниманіе минуту, въ которую это случилось. Вся Франція, пораженная первыми разгромами, бредила измѣною. Каждаго чужаго человѣка готовы были признать за шпіона, и у этого чудака, разгуливавшаго въ такое время пѣшкомъ по взволнованной странѣ, оказалась и астролябія и бусоль!

— Ну, батюшка, не судьба значитъ тебѣ идти въ твою Америку. Оставайся ты лучше съ нами, потому и время то теперь, видишь, какое. И намъ тоже, двумъ бабамъ, спокойнѣе будетъ, если свой хоть какой ни есть мужчина подъ рукой будетъ.

Чувашеву только это, впрочемъ, и оставалось сдѣлать. Этотъ отрѣшенный отъ дѣйствительности чудакъ, не слѣдившій за тѣмъ, что вокругъ него происходило на бѣломъ свѣтѣ, понялъ наконецъ, что странствовать привольно по міру, какъ то совершается въ романахъ или путешествіяхъ, не всегда возможно въ цивилизованныхъ странахъ; онъ понялъ, что начавшаяся между Франціею и Германіею война, на которую онъ взиралъ, какъ напримѣръ въ Тобольскѣ взираютъ на войну аргентинской республики съ Перу, и до него въ нѣкоторой степени касается. Сознавъ все это, Чувашевъ, скрѣпя сердце, отложилъ до поры до времени осуществленіе своей мечты, и принялъ предложеніе доброй старушки. Онъ самъ выбралъ себѣ комнатку въ верхнемъ этажѣ, а „столовался", по его выраженію, съ дамами.

(До слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Подножные пейзажи.

(Рис. на стр. 536 и 537).

Оригинальная фантазія нашего художника Н. Н. Каразина остановилась на красотѣ того чуднаго, пронизаннаго солнечными лучами маленькаго пейзажа, который открывается каждому, кому случалось, въ лѣтній жаркій день, лежа въ зеленой, мягкой, душистой травѣ, наблюдать кипучую жизнь у корней и стеблей. Міръ этотъ такъ тонко и чудно-поэтически изображенъ нашимъ поэтомъ Я. П. Полонскимъ въ его знаменитой поэмѣ „Кузнечикъ-музыкантъ"! Кто не знаетъ этихъ прелестныхъ стиховъ, изображающихъ кипучую жизнь подножнаго пейзажа!

.... долго поступью несмѣлой
Шли они по травкамъ, шли они по кочкамъ...
Впереди, мелькая яркимъ огонечкомъ,
Шелъ свѣтлякъ—къ нему тутъ многіе пристали;
Свѣчи ихъ то гасли, то опять мерцали;
Предразсвѣтный вѣтеръ невидимкой вѣя
Думалъ, что воскреснетъ молодая фея...

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ съ востока, тихо раздвигая
Облака, вставала зорька золотая
И ужь въ искрахъ солнца за лѣсной куртиной
Звучно раздавался рокотъ соловьиный...

„Маруся", картина Платонова.

(Рис. на стр. 541).

Не одинъ разъ давали мы копіи съ произведеній этого талантливаго художника. И его, какъ и многихъ другихъ, привлекаетъ нашъ благословенный югъ и на сей разъ онъ также обратился къ Малороссіи и представляетъ намъ оживленное, молодое личико веселой загорѣлой „Маруси", съ такимъ откровеннымъ, яснымъ и прямымъ взглядомъ своихъ свѣтлыхъ глазъ, съ такою цвѣтущею жизнью и простодушіемъ выраженія, что картинка невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе.

Единоборство Мстислава Храбраго съ Редедей.

(Рис. на стр. 544).

„Думы" Рылѣева въ свое время пользовались популярностью. Поэтъ, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, имѣлъ при изданіи „Думъ", высокую патріотическую цѣль „напомнить юношеству о подвигахъ предковъ, ознакомить со свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти". „Думы" Рылѣева это рядъ живописныхъ историческихъ картинъ, въ которыхъ главными дѣйствующими лицами являются разные герои нашей отечественной исторіи. Содержаніе нашего рисунка взято изъ думы „Мстиславъ Храбрый", гдѣ поэтъ очень эффектно описываетъ единоборство князя съ предводителемъ косоговъ, великаномъ Редедей.

Изъ исторіи мы знаемъ, что Мстиславъ, по прозванію Храбрый, былъ сынъ Владиміра и владѣлъ тмутараканскимъ удѣломъ. Столица его княжества — Тмутаракань находилась на островѣ Тамани, который образуетъ рукава рѣки Кубани при впаденіи ея въ Азовское море. Въ сосѣдствѣ съ удѣломъ Мстислава жили косоги, горное племя, совершавшее жестокіе набѣги и вообще отличавшееся дикимъ, неукротимымъ характеромъ. Въ 1022 году, Мстиславъ объявилъ имъ войну. Князь косоговъ, Редедя, громадный великанъ, по обычаю богатырей того времени, предложилъ Мстиславу единоборство, чтобы рѣшить распрю. Вызовъ былъ принятъ, но побѣда осталась на сторонѣ Мстислава. Тмутараканскій князь повалилъ врага и умертвилъ его; тогда косоги покорно признали себя данниками Мстислава.

„Дума" Рылѣева очень живо и поэтично рисуетъ эту схватку двухъ богатырей—покрытаго медвѣжьей кожей великана Редедю и князя тмутараканскаго Мстислава. Бой происходилъ на курганѣ, на которомъ, по словамъ поэта, оба бойца:

„Сошлись, схватились, въ бой вступили.
Могучъ и князь и великанъ!
Другъ друга стиснули, сдавили—
Трещитъ колеблется курганъ.
Стоятъ—и мигъ счастливый ловятъ;
Какъ вихрь крутятся... прахъ летитъ...
Погибель, падая, готовятъ
И каждый яростью кипитъ...
. . . . . .

Бой все болѣе и болѣе ожесточается и каждая сторона, затая духъ, слѣдитъ за своимъ бойцомъ и молится объ его побѣдѣ...

Но вотъ Мстиславъ чувствуетъ, что изнемогаетъ; онъ падаетъ и кажется уже конецъ борьбѣ; уже близка гибель Тмутаракани, но князя вдругъ осѣняетъ свыше благочестивая мысль; онъ призываетъ на помощь Богородицу и Святая Дѣва даетъ ему новыя силы.

„И силы дивныя мгновенно
Влилися въ князя... Онъ возсталъ,
Рванулся бурей разъяренной —
И новый Голіаѳъ упалъ!
Упалъ—и сталъ курганъ горою...
Мстиславъ широкій мечъ извлекъ
И придавивъ врага пятою,
Главу огромную отсѣкъ.

Протоіерей М. Ѳ. Раевскій † 2 мая. По фотогр. грав Ю. Барановскій.

Церковь Успенія на Троицкомъ погостѣ, Вологод губ., Сольвычегод. уѣзда.

(Рис. на стр. 545).

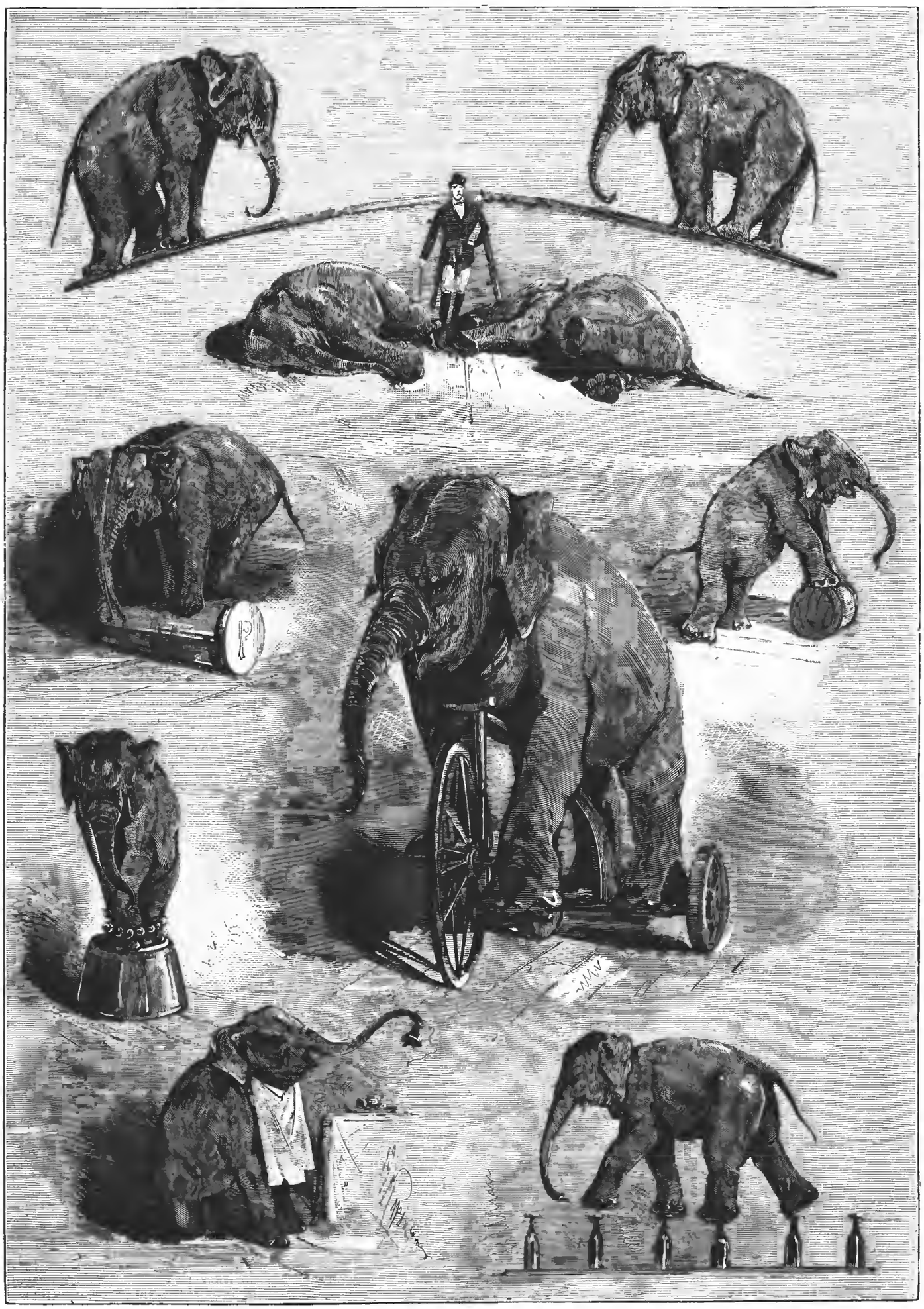
Нашъ крайній сѣверъ до сихъ поръ сохранилъ для насъ многочисленные образцы нашего древняго, народнаго зодчества, какъ сохранилъ и драгоцѣнные остатки нашей старинной народной литературы—былины и пѣсни. Народъ понынѣ питаетъ въ этомъ краѣ особенное уваженіе къ старымъ церквамъ, къ крестамъ на кладбищахъ и перекресткахъ и вообще ко всякимъ остаткамъ древности и сохраняетъ ихъ бережно, какъ святыню. Церкви поддерживаются здѣсь, по возможности безъ всякихъ измѣненій; при каждой изъ нихъ имѣется кромѣ того особая опись, въ которой почти всегда можно найти указаніе, когда основана церковь, и всѣ позднѣйшія въ ней поправки и передѣлки. Послѣднія вообще производятся крайне осторожно и единственное отступленіе отъ старины, которое дозволяютъ себѣ нѣкоторые здѣшніе реставраторы старинныхъ церквей—это покрытіе ея главъ бѣлымъ желѣзомъ вмѣсто сгнившаго, ветхаго гонта.

Представленная на нашемъ рисункѣ церковь Успенія на Троицкомъ погостѣ, Вологодской губерніи, Сольвычегодскаго уѣзда, построена въ XVII столѣтіи, какъ это замѣтно и по стилю ея архитектуры. Она стоитъ на высокихъ подклѣтяхъ и окружена съ трехъ сторонъ галлереей, имѣющей здѣсь мѣстное названіе нищевника. Высота церкви около 16 саженъ. Шатеръ „рубленный" покрытъ гонтомъ въ чешую. Такой типъ церквей вообще весьма распространенъ по всей Двинѣ; эти церкви носятъ названіе „холодныхъ", такъ какъ теплыя всегда представляютъ собою низкія постройки. Внутренность успенской церкви не особенно объемиста; вышина ея около восьми аршинъ отъ пола до потолка, выведеннаго сводомъ. Въ старину, какъ утверждаютъ, зданіе церкви было гораздо выше и она осѣла не менѣе какъ аршина на четыре.

Протоіерей М. Ѳ. Раевскій.

Въ среду, 2-го мая, въ Вѣнѣ скоропостижно скончался протоіерей нашей посольской церкви о. М. Ѳ. Раевскій. Недавно въ апрѣлѣ, минуло пятьдесятъ лѣтъ какъ почтенный пастырь поселился въ австрійской столицѣ. Въ маѣ предполагалось отпраздновать юбилей многолѣтней неутомимой дѣятельности о. Раевскаго. Онъ интересовался всѣмъ касающимся славянства и былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ учеными и этнографами, собирателями преданій и пѣсенъ древнеславянскихъ. Онъ былъ близко знакомъ съ Штуромъ, Стефановичемъ, зналъ и князя Милана сербскаго, и патріарха Роячича и черногорскаго князя Петра. Полувѣковое пребываніе о. Раевскаго въ Вѣнѣ

Библиотека "Руниверс"



СПБургскій Зоологическій садъ. Ученые слоны. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

имѣло свое большое значеніе. М. Ѳ. Раевскій извѣстенъ нѣсколькими сочиненіями о Швеціи и ея духовной жизни; извѣстны его „Описаніе Герцеговины“ (1850). встрѣченное съ большимъ вниманіемъ учеными славянскаго міра; „Канонъ св. Андрея Критскаго“ (Вѣна 1849). „Богослуженіе православной каѳолической церкви“ (Вѣна 1861, 3 т.) и другія. Смерть о. Раевскаго, при его крѣпкомъ здоровьи, хотя и преклонныхъ лѣтахъ, была грустною неожиданностью для всѣхъ знавшихъ покойнаго.

Молодые слоны въ Спб. Зоологическомъ Саду.

(Рис. на стр. 549).

Зоологическій садъ продолжаетъ быть любимымъ мѣстомъ семейнаго гулянья. Впродолженіи цѣлаго ряда лѣтъ, содержатель его старался поддерживать этотъ его характеръ. улучшая его, выписывая каждогодно разныя новинки, приглашая новыхъ артистовъ и замѣчательно-роскошно ставя все новыя феріи. На этотъ годъ общее вниманіе обращаетъ на себя великанъ русскій, Николай Семеновъ, роста дѣйствительно замѣчательнаго, прекрасная японская труппа Торикаты, изящно поставленный на открытой сценѣ индійскій праздникъ и т. п. Постоянно множество публики толпится также около помѣщенія небольшаго, весьма забавнаго и красиваго шимпанзе, только что привезеннаго эту весну. Въ помѣщеніи его, закрытомъ стеклянными рамами, цѣлая меблированная комната. Тамъ его кровать, гимнастическая лѣстница и разныя одѣяла, въ которыя онъ презабавно кутается. Нѣсколько новыхъ экземпляровъ звѣрей, новое устройство мѣстъ для сцены, все это представляетъ теперь значительныя противъ прежняго улучшенія. Очень интересны и очень нравятся публикѣ цѣлый рядъ весьма замѣчательныхъ упражненій, продѣлываемыхъ двумя молодыми слонами. Это прекрасные экземпляры африканскихъ слоновъ съ крутыми лбами и весьма подвижными ушами. Они очень веселы, добродушны. оживлены и привыкли къ публикѣ. Это самыя милыя и забавныя какъ бы модели большихъ слоновъ. Тѣло ихъ еще очень гибко и они очень понятливы, почему и могутъ продѣлывать тѣ удивительно разнообразныя упражненія, которыя изображены на нашемъ рисункѣ. По командѣ они ложатся, бѣгаютъ, качаются на доскѣ, устанавливаютъ равновѣсіе, какъ видно на верхнемъ рисункѣ, катятъ обрубки стоя на нихъ, становятся всѣми четырьмя ногами на узкую поверхность кадки, садятся за столъ съ салфеткой на груди, звонятъ прислугу, ходятъ по бутылкамъ, какъ видно на нижней фигурѣ слѣва, и наконецъ, какъ изображено посрединѣ рисунка, ѣздятъ на большомъ трехколесномъ велосипедѣ. Послѣднее, конечно, самое удивительное, до чего можно довести такихъ грузныхъ животныхъ, и показываетъ до какихъ результатовъ можетъ дойти человѣческое искусство и терпѣніе при обращеніи съ животными.

Искусственный ледъ.

(Рис. на стр. 552 и 553).

Въ мѣстностяхъ, гдѣ зима мягкая и короткая, въ настоящее время входитъ въ большое употребленіе искусственный ледъ. Есть много способовъ его приготовленія; одинъ изъ такихъ способовъ основанъ на замораживаніи воды, заключенной въ пространствѣ, содержащемъ сильно разрѣженный воздухъ; приборъ или насосъ, служащій собственно для этого разрѣженія, изображенъ на рисункѣ (стр. 553), подъ которымъ находятся объясненія, достаточныя для того, чтобы отдать себѣ отчетъ въ его дѣйствіи. Рисунокъ на (стр. 552) изображаетъ всю совокупность операцій по приготовленію искусственнаго льда. На правомъ концѣ рисунка изображенъ только что упомянутый приборъ; выше и правѣе его идетъ горизонтальный цилиндръ въ четыре сажени длиною и слишкомъ въ полтора аршина діаметромъ: по оси этого цилиндра идетъ валъ съ лопатками; этотъ валъ приводится въ движеніе ремнемъ, перекинутымъ черезъ шхивъ, посаженный на его правомъ концѣ; этотъ цилиндръ почти до половины своего объема наполняется сѣрною кислотою въ 60°, и при движеніи вала съ лопатками кислота взбрасывается ими кверху. Спереди и сзади этого горизонтальнаго цилиндра стоятъ по три вертикальныхъ цилиндра съ двойными стѣнками и съ донъями, которыя укрѣплены винтами и снабжены шарнерами, вращаясь около которыхъ по ослабленіи винтовъ они падаютъ, такъ что внутренность цилиндровъ открывается книзу. Внутренность этихъ шести вертикальныхъ цилиндровъ и горизонтальнаго цилиндра, содержащаго соляную кислоту, соединены съ приборомъ для разрѣженія воздуха. Кромѣ того надъ вертикальными цилиндрами находятся бассейны, изъ которыхъ посредствомъ клапановъ можно пускать въ цилиндры воду.

Операція производится слѣдующимъ образомъ: плотно закрывъ крышки вертикальныхъ цилиндровъ и открывъ краны, сообщающіе ихъ внутренность и внутренность горизонтальнаго цилиндра съ насосомъ, выкачиваютъ воздухъ, пока давленіе внутри опустится до того, что манометръ показываетъ отъ 2 до 3 миллим. ртутнаго столба; тогда открываютъ сообщеніе бассейновъ съ вертикальными цилиндрами и пускаютъ въ цилиндръ воду, такъ что въ теченіе минуты проходитъ въ каждый цилиндръ отъ 15 до 20 фунтовъ воды; вода, пускаемая въ это разрѣженное пространство, тотчасъ закипаетъ, обращается частію въ пары и эти пары, приходя въ соприкосновеніе съ взбрасываемою лопатками кверху сѣрною кислотою, поглощаются ею; остальная же содержащаяся въ цилиндрахъ вода, охлаждается вслѣдствіе обращенія въ паръ улетучившейся части, до десяти градусовъ ниже нуля и замораживается; когда это случится, то ослабляютъ винты, укрѣпляющіе донья вертикальныхъ цилиндровъ, разобщаютъ ихъ внутренность съ насосомъ, и пускаютъ въ нее воздухъ; когда внутри цилиндровъ установится атмосферное давленіе, то донья, вращаясь на шарнерахъ, падаютъ, и затѣмъ пропускаютъ небольшую струю пара въ промежутки между двойными стѣнками цилиндровъ; дѣйствіемъ этой струи ледъ, образовавшійся внутри цилиндра, таетъ немного на поверхности, прилежащей къ стѣнкамъ цилиндра, отстаетъ отъ нея и падаетъ въ кадки, стоящія подъ каждымъ цилиндромъ; тамъ его разбиваютъ въ куски, выносятъ и отправляютъ куда слѣдуетъ.

Вертикальные цилиндры могутъ содержать каждый до 1,000 фунтовъ воды; при каждой операціи въ него вливаютъ около 900 фунтовъ, и эта операція продолжается около 50 минутъ; льду вынимаютъ послѣ каждой операціи изъ цилидра отъ 750 до 800 фунтовъ.

Кислота въ горизонтальномъ цилиндрѣ, поглощая воду, теряетъ свою крѣпость,—и изъ 60° сохраняетъ только 53°. Чтобы привести ее опять къ 60°, служитъ особый приборъ, представляющій собою чугунный резервуаръ, выложенный внутри свинцомъ и содержащій четыре свинцовыхъ концентрическихъ змѣевика, въ которыхъ циркулируетъ паръ, имѣющій отъ 3 до 3,5 атмосферъ давленія. Съ этимъ резервуаромъ соединенъ небольшой насосъ для разрѣженія воздуха; когда въ него налита потерявшая свою крѣпость кислота, то содержащаяся въ ней вода, подъ вліяніемъ теплоты, сообщаемой змѣевиками, испаряется и образующіеся пары удаляются насосомъ, а теплая концентрированная кислота идетъ въ особый горизонтальный цилиндръ, въ которомъ параллельно оси идутъ до 60 трубокъ; по этимъ трубкамъ слабая кислота идетъ въ резервуаръ, служащій для концентрированія, и нагрѣвается на счетъ теплоты, отдаваемой трубкамъ крѣпкою кислотою, возвращающеюся изъ этого резервуара: такимъ образомъ чрезъ охлажденіе этой кислоты подогрѣвается кислота слабая, черезъ что, разумѣется, уменьшается количество пара, нужнаго для ея согрѣванія въ резервуарѣ.

Описанное устройство требуетъ при началѣ дѣйствія отъ 7 до 8 лошадиныхъ силъ и затѣмъ для продолженія работы отъ 2 до 3 лошадиныхъ силъ; при его помощи приготовляется въ 24 часа отъ 750 до 900 пудовъ льда, а концентровальный приборъ въ шесть часовъ возраждаетъ до 360 пудовъ кислоты: количество, достаточное для приготовленія 24 зарядовъ льда.

Политическое обозрѣніе.

Франція и Аннамъ.—Египетъ.—Англія.—Сербія и Болгарія.—Турція.

Трактатъ, представленный Патенотромъ аннамскому двору, принятъ безъ всякихъ измѣненій и подписанъ въ томъ видѣ, въ какомъ былъ составленъ въ Парижѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Этимъ трактатомъ Аннамъ поставленъ подъ протекторатъ французскаго правительства, представителемъ. котораго, для сношеній съ иностранными державами, будетъ назначенъ особый французскій агентъ. Кохинхина, Аннамъ и Тонкинъ образуютъ таможенный союзъ. Публичныя работы, почта, телеграфы, финансы и таможни тоже будутъ подъ управленіемъ особаго французскаго агента. Французамъ предоставляется занимать какіе имъ угодно пункты на аннамской территоріи, а цитадель Гюэ будетъ постоянно занята французскими войсками. Кромѣ того провинившіеся мандарины получили прощеніе.

Послѣднія извѣстія изъ Судана крайне сбивчивы и разнорѣчивы. Такъ, по полученной телеграммѣ изъ Каира, сообщается, что посланный изъ Бербера гонецъ былъ захваченъ Османомъ-Дигмою, который, задержавъ гонца, переслалъ довѣренныя послѣднему письма и бумаги въ Суакимъ, и что городъ Берберъ достался въ руки мятежниковъ. Между тѣмъ, по другимъ извѣстіямъ, сообщаемымъ изъ Суакима, мятежники произвели недавно на этотъ городъ общее нападеніе, но были отражены во всѣхъ пунктахъ. Полученная затѣмъ въ Каирѣ депеша отъ губернатора Донголы, опровергаетъ извѣстіе о взятіи Бербера, губернаторъ котораго, наоборотъ, отразилъ всѣ нападенія мятежниковъ и нанесъ имъ значительный уронъ. Точно также невѣрно извѣстіе и о паденіи Хартума, гдѣ генералъ Гордонъ продолжаетъ бороться съ успѣхомъ противъ мятежныхъ шаекъ. Кромѣ того, въ донгольской провинціи спокойствіе возстановилось на всемъ пространствѣ отъ Донголы до Меревеха. Изъ Каира даже пришло въ Лондонъ очень сомнительное извѣстіе, которое до сихъ поръ не подтвердилось, что Гордонъ ускользнулъ изъ Хартума и поднимется вверхъ по Нилу на блиндированномъ пароходѣ. Въ различныхъ корреспонденціяхъ, впрочемъ, событія из-

Библиотека "Руниверс"

лагаются совсѣмъ не въ такой утѣшительной формѣ. Напротивъ, онѣ сообщаютъ, что положеніе дѣлъ не улучшается ни въ Суакимѣ, ни въ Верхнемъ-Египтѣ. Османъ-Дигма снова возстановилъ свое вліяніе на нѣкоторыя племена, пріунывшія вслѣдствіе неудачъ, и употребляетъ отчаянныя усилія, чтобы овладѣть Суакимомъ. На Нилѣ положеніе дѣлъ тоже не лучше, и англійскихъ силъ тамъ далеко не достаточно для возстановленія порядка. Въ константинопольскихъ оффиціальныхъ сферахъ вмѣшательство Турціи въ суданскія дѣла считается неизбѣжнымъ. Султанъ получилъ даже отъ хедива телеграмму, въ которой тотъ заранѣе благодаритъ падишаха за присылку ему войска. Впрочемъ отправка турецкихъ войскъ въ Суданъ во всякомъ случаѣ состоится лишь тогда, когда Англія выдастъ авансомъ часть суммы, необходимой для расходовъ экспедиціи, а такой поступокъ со стороны Англіи, вообще неблагосклонно относящейся къ вмѣшательству Турціи въ дѣла Египта, едва ли вѣроятенъ. Что же касается до предполагаемой конференціи, то изъ Лондона пишутъ, что лордъ Гренвилль сообщилъ уже Россіи, Австріи, Германіи и Италіи о состоявшемся въ принципѣ соглашеніи между Англіею и Франціею относительно конференціи. На основаніи этого соглашенія, какъ сообщаетъ „Pall Mall Gazette", Англія ссудитъ хедиву изъ четырехъ процентовъ, восемь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, причемъ для гарантіи интересовъ владѣльцевъ египетскихъ бумагъ, будетъ установленъ многочисленный контроль при участіи представителей всѣхъ державъ, причемъ предсѣдательство, понятно, будетъ предоставлено англичанамъ. Оккупація Египта англійскими войсками еще продлится по меньшей мѣрѣ три года, считая съ 1-го января 1885 года.

Волненіе, вызванное въ Лондонѣ недавними взрывами динамита, нашло откликъ во всей англійской ежедневной прессѣ. По ихъ мнѣнію Англія давно бы покончила съ динамитчиками, если бы вашингтонскій кабинетъ согласился лишить Одонована Росса, американскаго ирландца и одного изъ главныхъ агитаторовъ, возможности вредить англичанамъ. Охрана королевскаго виндзорскаго замка значительно усилена и патрули день и ночь обходятъ дворцовый паркъ, забирая подозрительныхъ личностей и подвергая ихъ допросу.

Между Сербіей и Болгаріей произошло очень непріятное столкновеніе. Дѣло въ томъ, что болгарское правительство поселило сербскихъ эмигрантовъ частью въ Видинѣ, частью же у самой сербской границы. Двѣ шайки эмигрантовъ перешли границу и въ Тимокскомъ округѣ произвели грабежи и насилія. На протестъ сербскаго правительства Болгарія ничего не отвѣчала, а ея министръ-президентъ Цанковъ потребовалъ даже въ Бѣлградѣ удаленія сербскаго пограничнаго поста въ Бреговѣ и пригрозилъ въ случаѣ несогласія удалить его силою. Тогда сербское правительство отдало приказаніе префектамъ пограничныхъ провинцій усилить военный кордонъ и отразить ожидаемое нападеніе съ болгарской стороны. Впрочемъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, болгарское правительство дѣйствуетъ теперь въ примирительномъ духѣ и дѣлаетъ всевозможныя попытки, чтобы предотвратить разрывъ съ Сербіей, и какъ ни прискорбенъ этотъ случай вражды между столь одноплеменными государствами, имѣющими столько общихъ интересовъ, нѣтъ никакого основанія опасаться, что она можетъ вызвать болѣе крупныя замѣшательства, тѣмъ болѣе, что число сербскихъ эмигрантовъ, виновниковъ распри, всего человѣкъ сорокъ во всей Болгаріи, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми.

Недавно Шейхъ-уль-Исламъ Гауруллаэ, подписавшій декретъ о сверженіи Абдулъ-Азиса, умеръ въ ссылкѣ въ Таифѣ, и это событіе, случившееся послѣ недавней смерти Мидхата-паши и Махмуда-Дамата, дало поводъ къ многочисленнымъ предположеніямъ и слухамъ, которые заставили султана приказать произвести вскрытіе тѣлъ этихъ трехъ лицъ. Впрочемъ, такое быстрое исчезновеніе опальныхъ людей не первое въ Турціи и потому люди знакомые съ восточными нравами не находятъ въ этомъ событіи ничего преувеличеннаго и невѣроятнаго и, по ихъ мнѣнію, такая расправа даже вполнѣ въ восточномъ вкусѣ.

Смѣсь.

Молодой воздухоплаватель Куликовъ поднялся на аэростатѣ въ воскресенье, 27-го мая, въ 9 час. веч., изъ Демидова сада. Шаръ полетѣлъ, при тихой и ясной погодѣ, по направленію къ Парголову, но поднявшись на значительную высоту, измѣнилъ направленіе и понесся въ сторону Ладожскаго озера. Воздухоплаватель, не намѣревавшійся совершить дальнее и продолжительное путешествіе, хотѣлъ открыть клапанъ, чтобы спуститься; но послѣдній оказался примерзшимъ, всѣ его усилія были напрасны. Между тѣмъ, шаръ поднимался все выше и выше и несся все дальше и дальше. Наконецъ настала ночь и К. не былъ въ состояніи различать, что находится подъ нимъ и надъ какимъ мѣстомъ витаетъ его воздушный корабль. Со страшною силою онъ дернулъ бичевку въ послѣдній разъ и вырвалъ клапанъ. Шаръ началъ опускаться. Черезъ нѣсколько минутъ онъ замѣтилъ, что попалъ въ воду. Шаръ опустился на Ладожскомъ озерѣ, между Шлиссельбургомъ и Ладогой. Окунувшись нѣсколько разъ, воздухоплаватель ухватился за сѣтку и держался по поясъ въ водѣ. Неподалеку виднѣлись огоньки Корежскаго маяка. Воздухоплаватель началъ звать на помощь, разсчитывая найдти ее въ часовыхъ маяка; но только плескъ волнъ и безмолвіе ночной тишины были ему отвѣтомъ. Всю ночь К. носился по волнамъ Ладожскаго озера. Утромъ К. былъ замѣченъ рыбаками, выѣхавшими на промыселъ. Спасая воздухоплавателя, они вынуждены были прорвать шаръ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы выпустить газъ, отъ котораго воздухоплаватель едва не задохнулся. Въ безчувственномъ состояніи К. былъ принятъ рыбаками въ лодку и доставленъ сначала въ деревню, а потомъ въ Шлиссельбургъ.

Въ Нью-Іоркѣ, при входѣ въ заливъ этого города, вскорѣ должна быть установлена статуя богини свободы. Статуя, сдѣланная по проэкту Бертольди, отлита изъ бронзы и будетъ имѣть, вмѣстѣ съ цоколемъ, 329 футовъ вышины; голова статуи имѣетъ въ діаметрѣ 14½ фут., указательный палецъ равняется 8, носъ—3½ фут. Богиня держитъ въ рукахъ факелъ, который ночью, помощью электрическаго свѣта, будетъ освѣщать громадное пространство моря и суши, въ нѣсколько миль въ окружности. Въ пустотѣ головы статуи могутъ помѣститься до 40 человѣкъ. Для устройства цоколя необходима сумма въ 250 тысячъ долларовъ, которую предполагалось собрать по подпискѣ во всей республикѣ; однако, до настоящаго времени, она дала только 120 тысячъ долларовъ. Въ мартѣ настоящаго года, одна торговая фирма Нью-Іорка обратилась въ комитетъ по устройству цоколя со слѣдующимъ письмомъ: „Г-ну В. М. Эвартъ, президенту комитета по устройству пьедестала статуи богини свободы. Сиръ! Какъ намъ удалось узнать, подписка на сооруженіе цоколя далеко еще не дала нужной для того суммы, а потому мы рѣшили пожертвовать 25,000 долларовъ на это дѣло, если намъ будетъ позволено, въ теченіи года, со дня открытія монумента, на самой видной, выдающейся части цоколя, со всѣхъ его сторонъ, помѣстить слово „Castoria". „Centaur Castoria"—это фирма компаніи, которая занимается фабрикаціей касторового масла, причемъ каждый флаконъ ея производства снабженъ этой маркой. Комитетъ, въ видахъ поощренія національной промышленности, принялъ съ готовностью это предложеніе.

Недавно въ Новомъ Орлеанѣ, нѣкая дѣвица, Марія Миллеръ, сдала, при тамошнемъ союзномъ инспекторѣ пароходства, экзаменъ на полученіе права быть капитаномъ парохода. Инспекторъ, признавая г-жу Миллеръ вполнѣ подготовленной къ занятію названной должности, тѣмъ не менѣе въ выдачѣ ей аттестата отказалъ, ссылаясь на то, что въ законахъ страны нѣтъ указаній на то, чтобы женщина могла быть капитаномъ парохода. Дѣло это онъ передалъ на разсмотрѣніе высшаго совѣта.

Золотой кладъ временъ Викинга. Вблизи Свендборга (Данія) недавно найдена рукоятка меча изъ массивнаго, почти чистаго золота, вѣсомъ 125 граммъ, которая оцѣнена въ 2.500 рублей. Подобныя же рукоятки находятся на нѣсколькихъ превосходныхъ мечахъ, особеннымъ образомъ къ нимъ придѣланными, которые были найдены въ Англіи и Швеціи; происхожденіе ихъ относятъ къ эпохѣ за 800 лѣтъ до Р. Х. Лицо, которому удалось сдѣлать эту находку, еще ранѣе, приблизительно на томъ же самомъ мѣстѣ, въ 1854 и 1863 году нашло два подобныхъ же экземпляра, которые были у него куплены копенгагенскимъ „Музеумомъ сѣверныхъ древностей". Есть основаніе предполагать, что найденная вещь принадлежитъ къ военной добычѣ, вывезенной изъ Англіи въ началѣ временъ Викинга.

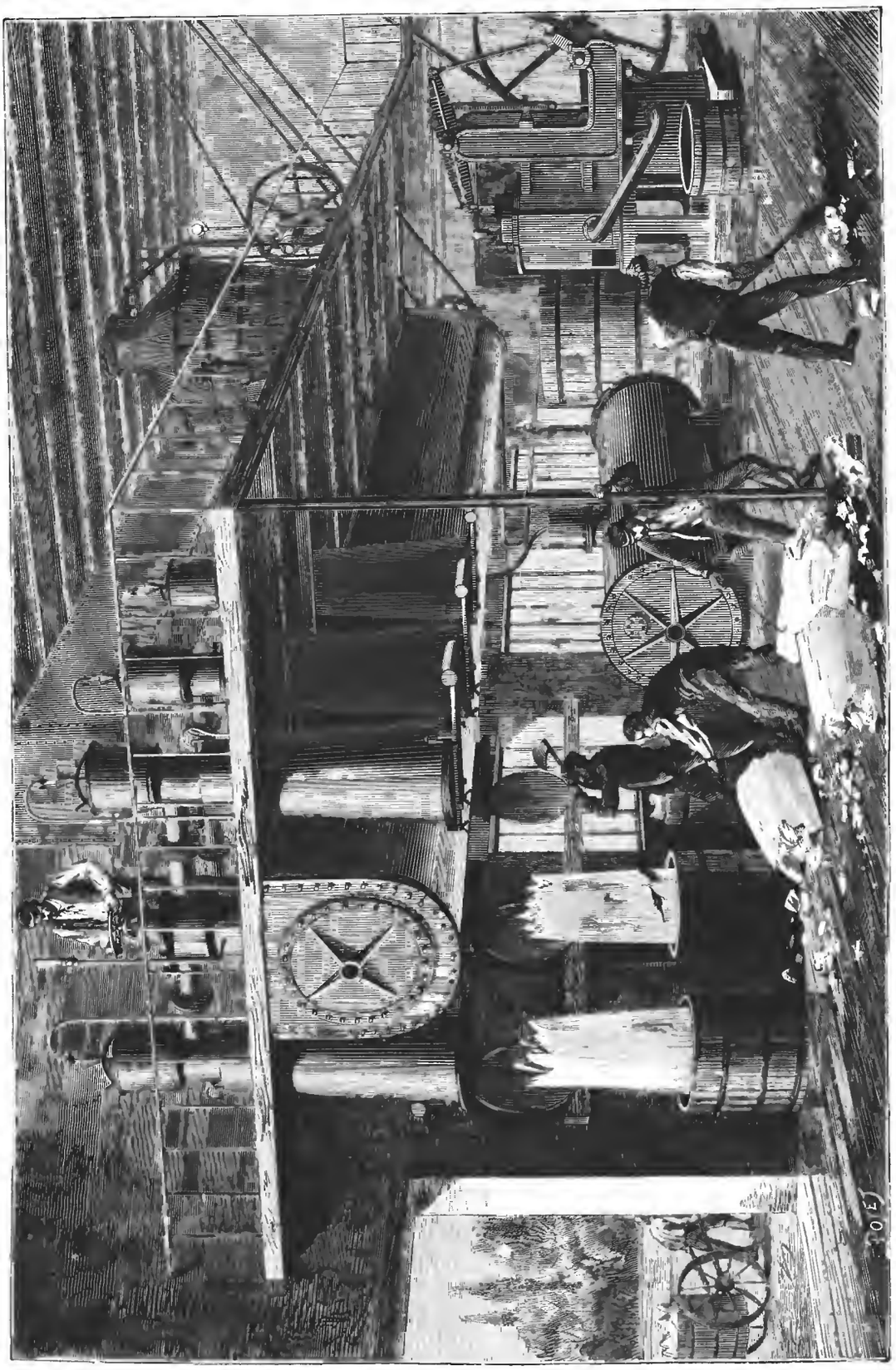
Употребленіе насѣкомыхъ въ пищу различными народами. Почти во всѣ времена существовали народы, которые употребляли насѣкомыхъ въ пищу. Греческіе историки упоминаютъ объ употребленіи въ пищу рода саранчи, постоянно прилетавшей въ Палестину и Малую Азію изъ Аравіи и которую называли акридами. Египтяне въ большомъ количествѣ употребляли саранчу, и евреи, находясь у нихъ въ плѣну, также научились ѣсть акридъ. Въ настоящее время, арабскія племена, населяющія окраины Сахары, ѣдятъ саранчу обваренную паромъ. Они ее также сушатъ, толкутъ въ ступкахъ и порошокъ этотъ смѣшиваютъ съ мукою или крупою, когда у нихъ нѣтъ мяса. Готентоты южной Африки очень лакомы до саранчи. У грековъ временъ Перикла и Алкивіада считалось весьма изысканнымъ блюдо, приготовленное изъ стрекозъ и кузнечиковъ. Римская кухня также изощрялась надъ приготовленіемъ въ пищу большихъ жуковъ,—рогачей и носороговъ. Современные европейцы не ѣдятъ насѣкомыхъ. Нѣсколько разъ дѣлались попытки преодолѣть это отвращеніе, но онѣ оставались безуспѣшными. Гюссонъ считаетъ это не болѣе какъ простымъ предразсудкомъ и, въ подтвержденіе своего взгляда, приводитъ, какъ примѣръ, раковъ, которыми щеголяетъ европейская кухня, хотя это животное исключительно питается гніющими органическими остатками и вообще всякою падалью и, казалось, должно было бы вызвать къ себѣ отвращеніе сильнѣе всякаго насѣкомаго или червя, питающихся по большей части растительными соками. Слѣдующій перечень народовъ, употребляющихъ въ пищу насѣкомыхъ, также служитъ подтвержденіемъ мысли Гюссона. Гусеница высоко цѣнится гастрономами западной Индіи, Китая и острова Мадагаскара. Китайцы и японцы также чрезвычайно любятъ жареныхъ шелковистыхъ червей и шпвокъ. На нарадныхъ обѣдахъ шпвки подаются воткнутыми на тоненькихъ палочкахъ; ихъ обливаютъ соусомъ, приправленнымъ различными пряностями. Ши-

Библиотека "Руниверс"

дійцы любятъ личинки мухъ, появляющихся на гніющихъ рыбахъ, и ѣдятъ ихъ сырыми, безъ всякихъ приготовленій. Австралійцы ѣдятъ личинки особаго червя, водящагося на гуммиластиковыхъ деревьяхъ. Въ Бразиліи и на островѣ Явѣ жители ѣдятъ муравьевъ, а на островѣ Цейлонѣ—пчелъ.

Стенографическая машина. Недавно изобрѣтена машина, выполняющая трудныя обязанности стенографа. Она построена въ видѣ треугольника, вѣситъ не болѣе 2-хъ фунтовъ и имѣетъ въ длину пять дюймовъ. Аппаратъ состоитъ изъ восьми клавишей, дающихъ изображеніе буквы на бумагѣ. Эти изображенія, собственно, родъ точекъ, различныя комбинаціи которыхъ имѣютъ особыя значенія. Если не писать гласныхъ и слѣдовать фонетическому методу, то достигается такая скорость, какой не обладаетъ ни одинъ стенографъ. Способъ употребленія ея довольно простъ и можетъ быть легко изученъ. Изобрѣлъ ее стенографъ суда въ Бельвиллѣ (Иллинойсъ) М. Бартоломью. Онъ уже нѣкоторое время пользуется ею и она всегда дѣйствовала успѣшно. Уже образовалась компанія для эксплоатаціи такой стенографической машины.

Въ одномъ изъ парижскихъ госпиталей введенъ въ настоящее время особый аппаратъ для согрѣванія новорожденныхъ дѣтей. Онъ представляетъ собой деревянный ящикъ въ 2 фут. 8 дюймовъ длины и 2 фут. 4 дюйм. ширины и высоты, раздѣленный на двѣ части; въ нижней—находится резервуаръ горячей воды, наполняемый изъ кипятильника, подогрѣваемаго лампой. Въ верхней части ящика, постоянно теплой, ставится колыбель для двухъ дѣтей; она вдвигается сбоку, верхъ же ящика закрытъ стекломъ, что даетъ воз-

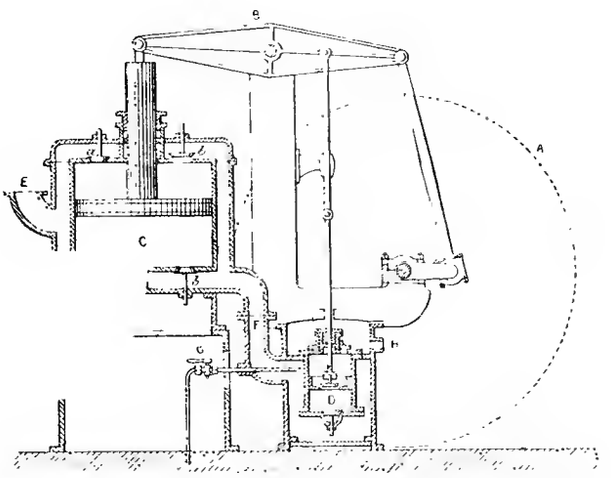


Приготовленіе искусственнаго льда на пивоварнѣ Савиньи-сюръ-Оржъ, во ис. Тилли, грав. Пуайе.

Библиотека "Руниверс"

можность постоянно видѣть дѣтей и наблюдать за температурой по находящемуся здѣсь термометру. Въ нижней части ящика сдѣланы отверстія для притока свѣжаго воздуха, который доходитъ къ ребенку уже слегка согрѣтымъ. Это нововведеніе оказалось на столько цѣлесообразнымъ и практичнымъ, что предполагаютъ его ввести во всѣхъ парижскихъ родильныхъ домахъ.

Почтовый доходъ всемірнаго почтоваго союза. Спеціальная по писчебумажному производству, газета „Papier-Zeitung", издаваемая въ Берлинѣ, сообщаетъ слѣдующія, въ высокой степени интересныя, числовыя данныя, о полученіи почтоваго дохода разными государствами, принадлежащими къ всемірному почтовому союзу, изъ каковыхъ данныхъ, соображая незначительность почтовой таксы, можно вывести заключеніе, какъ о томъ, насколько усилилась въ человѣчествѣ потребность въ письменномъ обмѣнѣ мысли вообще, а равно и о томъ, какъ велико сейчасъ требованіе на писчую бумагу.—Почтоваго дохода получили въ 1883 году: Соединенные штаты—220.570,892 франк., Германія — 213.111.609, Великобританія—182.524,000, Франція—184.253,661, Россія — 60.944,468, Австрія — 47.876,630, Италія — [illegible] 4.076,921, Мексика — 3.615,398, Алжиръ и Тунисъ—3.346,111, Португалія—3.018.868, Аргентинская республика—2.319.460, Египетъ—2.215,713, Чили—1.709,100, Греція—904,822, Болгарія—483,733, Луксембургъ—445,585, Персія—372,200, Гватемала—186,513, Гондурасъ — 20.385. А всего 1.094.558.127 франковъ. Такимъ образомъ, полагая почтовую таксу за каждый лотъ въ 20 сантимовъ, оказывается, что въ 1883 году было отправлено по почтѣ около 5500 милліоновъ почтовыхъ конвертовъ, съ таковымъ же количествомъ листовъ почтовой бумаги. Въ настоящее время, всѣхъ писчебумажныхъ фабрикъ, во всемъ мірѣ, считается около 4000, съ ежегоднымъ производствомъ всякихъ сортовъ бумаги, писчей и для печати, до 60 милліоновъ пудовъ.



Приборъ для разрѣженія воздуха.

A) Маховикъ, черезъ который перекидывается ремень, приводящій въ движеніе коромысло B) и два поршня; C) стаканъ большаго насоса двойнаго дѣйствія; D) малый насосъ простаго дѣйствія; E) проводъ для воздуха, выкачиваемаго насосомъ изъ цилиндровъ, служащихъ для приготовленія льда; F) проводъ воздуха изъ большаго насоса въ малый; G) трубка для впрыскиванія воды, служащей къ охлажденію воздуха; H) отверстіе, черезъ которое выходитъ воздухъ и впрыснутая вода; aa) всасывающіе клапаны; bb) нагнетательные клапаны.

Дирекція центральной тихо-океанской желѣзной дороги въ Сѣверной Америкѣ выстроило судно, предназначенное для соединенія желѣзнодорожныхъ станцій въ Санъ-Франциско и Окландѣ, лежащихъ на противоположныхъ концахъ широкаго залива. Судно это представляетъ пловучую платформу въ 494 фута длины, 116 фут. ширины, съ подъемной силой въ 4540 тоннъ; на ней положены рельсы, на которыхъ устанавливается цѣлый поѣздъ изъ 24 пасажирскихъ или 48 товарныхъ вагоновъ съ локомотивомъ, и такимъ образомъ перевозится на другую линію.

Опасная зубная операція. Недавно въ Гамбургѣ заклинатели змѣй изъ Индіи произвели на столько же интересную, на сколько и въ высшей степени опасную операцію вырѣзыванія ядовитыхъ зубовъ у шести-очковыхъ змѣй Когда многочисленная публика образовала обширный кругъ, среди котораго находились эти ядовитыя животныя, заклинатель схватилъ за хвостъ одну изъ змѣй и въ тотъ же моментъ прижалъ голову ея къ землѣ палкой, находившейся въ другой рукѣ. Затѣмъ правой рукой сжалъ горло быстро свернувшагося животнаго и воткнулъ въ широко раскрытую пасть свертокъ полотна; разсвирѣпѣвшая змѣя впилась въ полотно и выпустила въ него весь бывшій у нея запасъ смертоноснаго сѣро-желтаго цвѣта яда; пасть все время оставалась сильно стиснутой и не выпускала свертка. Тогда другой заклинатель острой пилкой вырѣзалъ змѣѣ зубы, которые и остались въ полотнѣ. Съ тѣми же пріемами была продѣлана операція и надъ шестью остальными животными. Ядовитые зубы и смоченное ядомъ полотно были тотчасъ же сожжены. Заклинатели держали себя во время операціи съ стоическимъ мужествомъ и хладнокровіемъ.

Извѣстный французскій физіологъ Пастеръ сдѣлалъ недавно открытіе, которое врядъ ли имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ обнаруженіе холерныхъ бациллъ д-ромъ Кохомъ. Послѣ длиннаго ряда неудачныхъ опытовъ, ему, наконецъ, удалось найти средство предупреждать водобоязнь, являющуюся слѣдствіемъ укушенія бѣшеной собаки, кошки или волка. Средство Пастера основано на извѣстномъ правилѣ гомеопатовъ: „Similia similibus curantur" (клинъ клиномъ вышибай), такъ какъ система его состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ привитія яда бѣшенства. Пастеръ прививалъ этотъ ядъ животнымъ, причемъ опыты привели къ такимъ блестящимъ результатамъ, что онъ уже черезъ газетныя объявленія приглашаетъ въ свою лабораторію лицъ, желающихъ прибѣгнуть къ его помощи и обѣщаетъ имъ полное исцѣленіе. Если метода Пастера подтвердится болѣе обширными и несомнѣнными фактическими данными, то онъ получитъ полное право именоваться благодѣтелемъ рода человѣческаго. Бѣшенство принадлежитъ къ такого рода болѣзнямъ, отъ которой людямъ не удавалось избавиться никакими средствами, не смотря на то, что множество ученыхъ и простыхъ смертныхъ, докторовъ и знахарей стремилось къ этой цѣли разными путями и въ теченіи долгаго времени, но ни одинъ изъ рекомендованныхъ до сихъ способовъ леченія водобоязни не считался дѣйствительнымъ. Пастеръ сдѣлалъ подробный докладъ о своемъ открытіи французской академіи наукъ въ послѣднемъ засѣданіи.

Вотъ что сообщилъ самъ Пастеръ одному изъ сотрудниковъ своихъ. „Вы просите сообщить вамъ тайну моего открытія, сказалъ ученый; съ удовольствіемъ готовъ сдѣлать это, потому что тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о спасеніи человѣческой жизни, тайна не должна имѣть мѣста. Хотя бациллъ бѣшенства (le microbe de la rage) я еще почти не открылъ, но я ихъ найду непремѣнно. Для ознакомленія съ этой болѣзнью я употребляю совершенно другой способъ, чѣмъ для воспаленія селезенки—эпидеміи свиней, овецъ и т. д.

„Во второмъ случаѣ я, напримѣръ, беру селезеночныхъ микробовъ, помѣщаю ихъ въ особыя стклянки и уменьшаю мало по малу силу ихъ яда; тогда прививаю его животнымъ и тѣмъ предохраняю ихъ отъ заболѣваній. Съ бѣшенствомъ собакъ поступалъ я не такъ. Сперва сдѣлалъ я открытіе, что ядъ бѣшенства у нѣкоторыхъ животныхъ теряется въ силѣ, а у другихъ, напротивъ того, усиливается: у кроликовъ происходитъ послѣднее, у обезьянъ — первое. Тогда я бралъ ядъ изъ мозга собаки, околѣвшей отъ бѣшенства, и прививалъ его обезьянѣ, которая отъ него умерла. Ея ядъ я привилъ второй обезьянѣ, отъ второй—къ третьей, отъ которой я получилъ почти безвредную прививочную матерію. Эту матерію я прививалъ кролику, у котораго она увеличилась въ своей силѣ; послѣ послѣдовательной прививки отъ одного кролика къ другому, я получилъ отъ четвертаго экземпляра ядъ высшей силы. Такимъ образомъ, удалось мнѣ получить ядъ различныхъ градусовъ смертоносности. Теперь я разскажу вамъ, какъ я предохраняю животныхъ и людей отъ этого яда. Я сдѣлалъ, напримѣръ, одной собакѣ три прививки яда моихъ кроликовъ, начавъ съ самаго слабаго и переходя послѣ паузъ въ 7—8 дней къ болѣе сильнымъ ядамъ. Послѣ чего я увидѣлъ, что привитый къ ней ядъ отъ бѣшеной собаки на нее не дѣйствовалъ, не производилъ у нея никакого заболѣванія. Каждое же другое животное, не подвергавшееся такой прививки, умирало отъ того же яда, по истеченіи извѣстнаго срока. Собака, которой я дѣлалъ послѣдовательныя прививки, все время оставалась здоровой; если же прививка не доводилась до конца и останавливалась на первомъ или второмъ разѣ, то животное, по истеченіи срока, дѣлалось бѣшенымъ и околѣвало. Такого же рода прививку я хочу дѣлать и людямъ, и они этимъ путемъ будутъ предохранены отъ послѣдствій укушенія бѣшеной собакою".

Новый способъ сушки подѣлочнаго лѣса посредствомъ веществъ впитывающихъ въ себя влагу. Въ общихъ чертахъ онъ заключается въ томъ, что дерево помѣщается въ закрытомъ пространствѣ, гдѣ находится значительное количество какой либо гигроскопической соли (поваренная соль, хлористый кальцій), которая вытягиваетъ всю влагу. Разъ употребленная соль можетъ опять идти въ дѣло послѣ прокаливанія. Такимъ путемъ просушиваемый лѣсъ теряетъ до 33⅓ процентовъ въ вѣсѣ и не получаетъ трещинъ, какъ это бываетъ при сушкѣ согрѣтымъ воздухомъ, которая, къ тому же, обходится и дороже приведеннаго здѣсь способа.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, **большой картины Профессора К. Е. Маковскаго „Гусляръ", слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.** При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

Библиотека "Руниверс"

Алгебраическая задача № 23.

Одна русская пословица состоитъ изъ 26 буквъ. Если буквы эти замѣнить числами, обозначающими мѣста буквъ въ русской азбукѣ, то между этими числами получатся слѣдующія соотношенія:

1) Сумма перваго и шестаго чиселъ равна суммѣ втораго и четырнадцатаго чиселъ.

2) Семнадцатое число относится къ девятому, какъ увеличенное на 2 пятое число относится ко второму.

3) Разность между послѣднимъ и третьимъ числами равна разности между десятымъ и двадцатымъ числами.

4) Сумма семнадцатаго и перваго чиселъ на 2 болѣе девятаго числа.

5) Сумма третьяго, двѣнадцатаго и девятнадцатаго чиселъ на 1 болѣе предпослѣдняго числа.

6) Седьмое число относится къ четвертому, какъ одиннадцатое къ 9.

7) Разность между шестнадцатымъ и восемнадцатымъ числами равна одной трети семнадцатаго числа.

8) Разность между послѣднимъ и двадцать первымъ числами на 1 менѣе разности между семнадцатымъ и шестымъ числами.

9) Семнадцатое число относится къ 5, какъ шестое къ 3.

10) Сумма пятнадцатаго и девятнадцатаго чиселъ равна корню квадратному изъ 784.

11) Разность между тринадцатымъ и двадцать вторымъ числами равна половинѣ четвертаго числа.

12) Разность между послѣднимъ и первымъ числами на 1 больше суммы девятаго и шестаго чиселъ.

13) Разность между двадцать четвертымъ и четырнадцатымъ числами равна разности между пятнадцатымъ и двѣнадцатымъ числами.

14) Разность между двадцать первымъ и первымъ числами на 5 больше семнадцатаго числа.

15) Разность между четырнадцатымъ и пятымъ числами на 1 меньше двѣнадцатаго числа.

16) Сумма четвертаго и одиннадцатаго чиселъ на двѣнадцатое число меньше суммы шестнадцатаго и десятаго чиселъ.

17) Разность между третьимъ и восьмымъ числами на 4 больше разности между предпослѣднимъ и пятнадцатымъ числами.

18) Разность между седьмымъ и двадцать третьимъ числами на 2 менѣе четвертаго числа.

19) Сумма перваго и девятнадцатаго чиселъ на 1 больше разности между восемнадцатымъ и двадцатымъ числами.

20) Разность между восьмымъ и предпослѣднимъ числами равна разности между пятнадцатымъ и третьимъ числами.

21) Разность между тринадцатымъ и одиннадцатымъ числами равна разности между тринадцатымъ и двадцать вторымъ числами.

22) Разность между послѣднимъ и шестымъ числами на 3 больше семнадцатаго числа.

23) Разность между восьмымъ и третьимъ числами на 9 больше суммы двѣнадцатаго и девятнадцатаго чиселъ.

24) Четвертое число относится къ 2, какъ седьмое къ 6.

25) Разность между восьмымъ и девятнадцатымъ числами на 1 больше пятнадцатаго.

26) Разность между тринадцатымъ и двадцать третьимъ числами равна числу, кубъ котораго 4096.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Е. В. Пеликанъ** (съ портр.).—**Вадимъ Голетаевъ.** Разсказъ **Я. П. Полонскаго.** (Продолженіе).- **Багровая пыль.** (Русскіе въ Парижѣ во время коммуны). Повѣсть **П. Петрова.**—**Подножные пейзажи** (съ 2 рис.).—**„Маруся“, картина Платонова** (съ рис.).—**Единоборство Мстислава Удалаго съ Редедей** (съ рис.) — **Церковь Успенія на Троицкомъ погостѣ, Вологод. губ., Сольвычегод. уѣзда** (съ рис.).—**Протоіерей М. Ѳ. Раевскій** (съ портр.).—**Молодые слоны въ СПБ. Зоологическомъ саду** (съ рис.).—**Искусственный ледъ** (съ 2 рис.).—Политич. обозр.—Смѣсь.—Заявленіе.—Алгебраическая задача.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

Наилучшее и наиполезнѣйшее средство для останавливанія выпаденія волосъ и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ есть Элеопатъ проф. Кинунена, который признанъ незамѣнимымъ и безподобнымъ средствомъ для правильнаго развиванія и безростанія корней волосъ. Элеопатъ проф. Кинунена къ услугамъ публики во всѣхъ аптекарск. и Косметич. магазинахъ, какъ здѣсь, такъ и заграницей. Способъ употребленія приложенъ къ каждому флакону. Иногородные покупатели выписываютъ „Элеопатъ“ только проф. Кинунена изъ ближайшихъ отъ себя аптекъ, но не менѣе 2 фл. Цѣна 1 флак., содержащему 120 грам. 1 р. 50 к. въ С. Петерб. Почтовый расходъ и упаковка на счетъ покупателей. Заказы на Элеопатъ можно адресовать и въ С. Петерб. въ Главное Депо Элеопата проф. Кинунена. Адресъ извѣстенъ почтамту.

СЕРГІЕВСКІЯ СѢРНЫЕ ВОДЫ. Самарской губ., Бугурусланскаго у. Сдаются на настоящій сезонъ меблированныя комнаты Ушаковой отъ 10 до 45 р. въ мѣсяцъ и отдѣльныя квартиры отъ 50 до 250 р. въ сезонъ. За справками обращаться письменно къ М. Н. Ушаковой. № 3384

Хаджибейское Грязе-Лиманно-Лечебное заведеніе въ Одессѣ. ЛЕЧЕБНЫЙ СЕЗОНЪ СЪ 1-ГО МАЯ. Подробности см. № 16 журнала „Нива“ за 1884 годъ. Ф. № 33 6 2—1

ИЩУТЪ въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральн. контору объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. Р. № 3328

НАВОЖДЕНІЕ. Роман. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

БУРАКСИЛИНЪ изъ экстракта растеній и буры. Д-ра Декаидоля изъ Парижа. Вѣрнѣйшимъ средствомъ служитъ отъ ЗАГАРА И ВЕСНУШЕКЪ. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 руб. У В. ПАРИКОВА и К°. въ Гостиномъ дворѣ № 78, СПБ. № 3352 5—4

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ ДУХИ КАДРЮПЛЬ (EXTRAITS QUADRUPLES) для носовыхъ платковъ, платьевъ, кружевъ и пр.

Lohse's Maiglöckchen	Лозе—Ландышъ
Lohse's Héliotrope blanc	Лозе—Бѣлый Геліотропъ
Lohse's Königin der Nacht	Лозе—Королева ночи
Lohse's Excelsior-Bouquet	Лозе—букетъ Эксельсіоръ

въ обыкновенныхъ флаконахъ 1 р. 50 к. и большихъ.

NEU: Lohse's Gold Lilie || НОВОСТЬ: Лозе—Золотая лилія

удостоены высшими наградами на всѣхъ международныхъ выставкахъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ придворный парфюмеръ Ея Имп. Вел. Императр. Германской. Поставщикъ Ея Имп. Выс. Наслѣдницы Германск. престола и пр. БЕРЛИНЪ, W. Jaeger-Strasse 46.

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ Россійской Имперіи. Ц. № 3221 12—9

EXPOSITION UNIVERSELLE Nice 1883

MEDAILLE D'OR

ACCORDEE A LA FABRIQUE:

BROCARD & Cie à MOSCOU

Articles exposés

Savon glycérine
Savon Tanne d' Œuf
Cosmétiques divers

Eau de Cologne aux Fleurs
Extrait Réséda
(plantation Russe).

№ 3387 1—1

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III. Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

Изданіе А. Ф. Маркса. СПБургъ, Б. Морская, № 9.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

„СТАРЫЙ ДОМЪ".

Историческій романъ царствованія Императора Александра I и начала царствованія Императора Николая I, въ 2-хъ частяхъ,

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

(Продолженіе историческихъ романовъ „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ" и „ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ").

Напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и въ концѣ каждой главы. 693 страницы. Спб. 1884 г. Цѣна **3** р., съ перес. **3** р. **50** к.; въ красивомъ каленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ **4** р., съ перес. **4** р. **50** коп.

Съ требованіями обращаться въ контору изд. А. Ф. МАРКСА, СПБургъ, Б. Морская, д. № 9 и въ отдѣленіе конторы „Нивы" въ **Москвѣ**, д. Петровскихъ линій, къ **Н. Н. Печковской.**

Романъ этотъ, какъ и прочія произведенія Всеволода Соловьева, также можно пріобрѣсти у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. СПБ.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ,

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

Большой томъ in 8—всего 672 стр., печатан. на лучшей веленевой бумагѣ, съ виньет. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ красивомъ оригинальномъ каленкоровомъ переплетѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к,

„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ двухъ частяхъ,

Всеволода Соловьева.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ историч. романа „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ").

Напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 711 страницъ. С.-Петербургъ. 1883. **Цѣна 3 руб., съ перес. иногород. 3 р. 50 к., въ красивомъ каленкоровомъ переплетѣ съ золот. тисн. 4 р., съ перес. иногор. 4 р. 50 к.**

Главный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ редакціи „Нивы", въ Больш. Морской, д. № 9; **и въ Москвѣ: въ конторѣ отдѣленія „Нивы" у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, въ Петровск. линіи,—а также можно найти эти книги у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.**

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ

послѣдуетъ

РОЗЫГРЫШЪ

ЛОТЕРЕИ

въ пользу

состоящей подъ непосредственнымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Александры Петровны

ПОКРОВСКОЙ ОБЩИНЫ СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ

всего **600** выигрышей

изъ нихъ главнѣйшіе

Одинъ выигрышъ 225 фунтовъ сервизнаго серебра 84 пробы	8,000	руб.
Четыре — по 1,000 рублей	4,000	„
Четыре — по 500 —	2,000	„
Десять — по 100 —	1,000	„
Остальные пятьсотъ восемьдесятъ одинъ выигрышъ состоятъ изъ вещей: серебряныхъ и высочайше пожалованныхъ цѣнностью на	12,000	„

БИЛЕТОВЪ НА ЛОТЕРЕЮ НАЗНАЧЕНО 50,000.

цѣна билету 1 рубль.

Билеты можно получать въ Канцеляріи Государыни Великой Княгини Александры Петровны, на Васильевскомъ Островѣ, по четвертой линіи, домъ № 21; у Казначея Общины Н. П. Брусницына, въ Мучномъ переулкѣ, по Желѣзной линіи № 12; у Казначея лотереи Ивана Максимовича Максимова, по Банковской линіи, № 31; у Почетныхъ членовъ: Ф. А. Алферова, по той же линіи, № 35; А. В. Любавина, подъ Думой, въ Серебряномъ ряду; въ чайномъ магазинѣ Бѣлкова и К°., на Невскомъ у Аничкина моста, домъ Лихачева; Ф. Е. Страубе, Пассажъ, № № 6 и 7; А. П. Керина, внутри Маріинскаго рынка въ Фруктовомъ ряду. Въ г. Ригѣ торговый домъ М. Кальмейеръ. Гг. Иногородные просятъ обращаться въ Канцелярію Государыни Великой Княгини Александры Петровны. № 3385 3—1

О ДНѢ РОЗЫГРЫША ЛОТЕРЕИ ВЪ СВОЕ ВРЕМЯ БУДЕТЪ ОБЪЯВЛЕНО ВЪ ГАЗЕТАХЪ.

Выигрыши будутъ выдаваться только предъявителямъ цѣльнаго билета.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Романъ-хроника XVIII вѣка. Паденіе Бирона и воцареніе Елисаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изданіе. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Изданіе А. Ф. Маркса.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА.

Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и факсимиле. 3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 8 руб., съ перес. 9 руб.

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ" 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 р., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

☞ Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: **„ДВА МІРА"** и отдѣломъ въ прозѣ:

„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ".

Первое единственное, **дѣйствительно полное собраніе сочинен. А. Н. Майкова.**

Книгу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала **„Нива"** (Бол. Морская, № 9); **въ Москвѣ у Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ПРАВЛЕНІЕ

РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА

ВЗАИМНАГО СТРАХОВАНІЯ ОТЪ ПАДЕЖА ЖИВОТНЫХЪ

честь имѣетъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что оно нашло возможнымъ отмѣнить сборъ на управленіе повсемѣстно и сборъ за ветеринарный осмотръ, за исключеніемъ гг. СПБурга и Москвы.

Пріемъ страхованій продолжается по прежнему, по двумъ отдѣламъ:

по **I-му отдѣлу** — отъ повальныхъ и заразительныхъ болѣзней, какъ-то: отъ чумы, повальнаго воспаленія легкихъ, сапа, ящура, кроваваго поноса, сибирской язвы, оспы и чесотки, и

по **II-му отдѣлу**—отъ всякой смертности.

Правленіе Общества находится въ С.-Петербургѣ.

Агентства Общества имѣются во всѣхъ городахъ Европейской Россіи. М. № 3380 3—2

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. СПБ.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ" 1883 Г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1.200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. С. Соловьева—„Старый домъ"**; повѣсть **Д. В. Григоровича—„Гуттаперчевый мальчикъ"**; повѣсть **Н. Лебедева (Морскаго)—„Въ цвѣтахъ"**; повѣсть **Н. Д. Ахшарумова—„Подъ колесомъ"**; очеркъ **Н. Успенскаго—„На поискахъ"**; разсказы **П. П. Гнѣдича—„На морскомъ берегу"** и **„Устроилась"**; большую историческую повѣсть **Кирилова—„Полковникъ изъ Золотокоши"** и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Профессора Импер. Акад. Художествъ **В. И. Якобія—„Король-женихъ"**.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к.	Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 „ — „	Съ пересылкою 7 „ 50 „

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, ВЪ КОНТОРУ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА", Б. МОРСКАЯ, № 9, ВЪ МОСКВѢ—ВЪ ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ „НИВЫ" У Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Д. ПЕТРОВСКИХЪ ТОРГОВЫХЪ ЛИНІЙ.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу **въ конторѣ редакціи журнала „Нива"**, въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, д. № 9; въ Отдѣленіи Конторы „Нивы" у **Н. Н. Печковской**, Москва, въ домѣ Петровскихъ линій и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, новая повѣсть нашего знаменитаго писателя

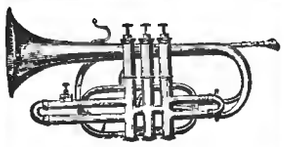
Д. В. ГРИГОРОВИЧА

„ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ".

Это весьма изящное изданіе печатано на лучшей веленевой бумагѣ и украшено 36 оригинальными рисунками художника Н. Н. КАРАЗИНА.

Цѣна **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **50** к.; въ каленкор. перепл. **1** р. **75** к., съ перес. **2** р.

Библиотека "Руниверс"



КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ.

Наилучшихъ парижскихъ фабрикантовъ и собственной фабрики со стоячими и лежачими клаванами, въ хорошихъ деревянныхъ футлярахъ, отъ 18 до 225 руб. **Альтгорны, баритоны, вальторны, тромбоны, трубы, басы, геликоны, сигнальные рожки, флейты, пикколо-флейты, кларнеты, бубны, тарелки, ложки, бунчуки, кастаньеты** и прочіе инструменты съ самомъ большомъ выборѣ по весьма умѣреннымъ цѣнамъ рекомендуетъ:

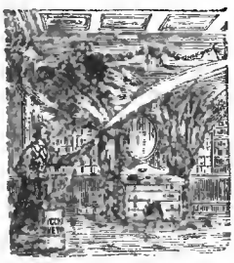
Юлій Генрихъ Циммерманъ.

С.-Петербургъ, по Б. Морской, д. № 36

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Новѣйшій иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. Мастерская для починки и изготовленія новыхъ инструментовъ. Р. № 3370 2—2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Вас. Островъ, 1 линія, № 10.



МОСКВА. Мясницкая ул., домъ Сытова.

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ

для тушенія пожаровъ въ зачаткѣ и поливки цвѣтовъ по 16 р. Упаковка 40 коп.

РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА

10 разм. размѣровъ.—наименьшая выбрасыв. 600 ведеръ воды въ часъ и стоющ. 115 р. Наибольшая—1800 ведеръ и стоющ. 400 р.

Насосы ручные, приводные и паровые для всѣхъ возможныхъ цѣлей.

ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЛЯ

лучшій паровой насосъ настоящ. времени.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МАШИНЪ ВСЯКАГО РОДА ПРЕДЛАГАЕТЪ ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ

Иллюстр. катал. безплатно. № 3366 6—3

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМА

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, 21.

ПРОДАЕТЪ

5% ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖЕЙ

на слѣдующихъ условіяхъ: задатокъ **20 р.** на билетъ, остальная сумма уплачивается мѣсячными взносами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

5 РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на купленный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю.

Контора предлагаетъ свои услуги по всѣмъ банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностію за самое умѣренное вознагражденіе

Р. № 3353 7—4

Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons ROUME.

CHIFFRES ÉLOQUENTS.

Le système de vendre tout à très petit bénéfice est absolu dans les maisons ROUME.

PARFUMERIE DU GRAND MONDE — maison de confiance

SAVON THRIDACE **SAVON VELOUTINE** | par 3 douzaines } 6 R. 20 Cop. la douzaine

	R. C.		P. C.
Extraits Atkinson petit 1 once	80	Pâte dentifrice Gellé	— 45
" " 2-me 2 "	1 50	" " " les douze	5 20
" " 3-me 4 "	2 50	Nigritine Gellé, I. 50 et . .	2 30
" " 4-me 8 "	4 —	" " les douze . .	23 50
" " 5-me 16 "	7 95	Elixir du D-r Pierre moyen	1 70
Sachets Atkinson	— 35	" " " " grand	3 30
Veloutine Ch. Fay de Paris .	— 90	Vinaigre I. V. Bully, le fl. .	1 15
Crême Simon petit	— 40	Crême oriza Legrand	1 80
Crême glycerine Gellé 70 cop. et 8 R. la douz.		Crême camélia Fay	1 90
		Poudre de riz Iava	— 50
Ess-bouquet Bayléy	1 10	Eau de Cologne Iulich's Platz	
Extrait opoponax Piesse Lubin le fl.	1 —	№ 4 moyen	— 60
Eau de Lys de Lohse le fl. .	1 10	Poudre dentifrice société hygiénique	75
" " " " les 12 fl.	12 40	Extrait Maiglöckchen de Lohse petit	— 95
Elixir Th. Evans	1 90	" " 2-me	1 60
Poudre.	2 —	Alcool de menthe de Riqlès .	— 80
Zahn Pasta du D-r Boudemard	— 30	Elixir Pelletier	1 10
Lait d'iris de Piver	1 25		

PARFUMERIE DU GRAND MONDE — maison de confiance

Savon des familles savonnerie de Paris — la douzaine. . 1 —

Les articles les plus nouveaux, les plus courus, les plus fins, les plus en vogue à Paris se trouvent

MAISON ROUME

moins cher que partout ailleurs

16 Grande-Morskaïa, 16.

M. № 3381 PAFUMERIE DU GRAND MONDE. 2—2

АРИСТОНЪ.

Новѣйшій ручной органчикъ, по своему пріятному и звучному тону весьма удобенъ на дачахъ и въ домахъ; играетъ около тысячи пьесъ. Цѣна аристону съ десятью пьесами, по собственному выбору, 30 руб. По случаю громаднѣйшаго его разбора у меня, имѣю возможность продавать теперь отдѣльныя пьесы только по 60 коп.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ **ЦИММЕРМАНЪ.**

С.-Петербургъ, по Б. Морской, домъ № 36.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго. Р. № 3383 2—1

ВѢЛСЫ ФЕРБЭНКСЪ. ВѢТР. ДВИГАТЕЛИ. ЭКЛИПСЪ. ПИЛЫ ДИССТОНЪ. НАСОСЫ ДУГЛАСЪ. ВЕЛОСИПЕДЫ.

Иллюстрированные Прейсъ-Курранты Безплатно.

Р. № 3330 20—7

№ 3090 25—11

ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія.

ТОПОЛИНЪ или **ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ.**

М. М. Петрова.

Для лица № 1. Усовершенств. средство, уничтожающее прыщи, красныя пятна, заваръ, веснушки; при употребленіи лицо пріобрѣтъ. здоровый и красный цвѣтъ.

Для головы № 2. Дѣйствительно очищаетъ кожу отъ перхоти, освѣжаетъ голову, прекращаетъ головныя боли, почему прекращаетъ и выпаденіе волосъ.—Въ виду поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на клеймо (М. М. Петрова).

Цѣна флак. по 1 р. 25 к. и ½ фл. по 75 к.

Главные склады: въ аптекахъ, и во всѣхъ московск. аптекарск. магазинахъ.

Продается: въ аптекахъ, аптекарскихъ и др. магаз. Россіи и заграницей.

Для гг. оптовыхъ покупателей установлена % скидка.

Съ треб. просятъ обращ. въ главный складъ: Москва, Никитская аптека Петрова, бывш. Келлеръ. По почтѣ высылается **не менѣе 2 флак. за 3 р. 50 к.**

П. № 3106 26—1

НАСТОЯЩІЕ АМЕРИКАНСКІЕ НОВОСТЬ

КАУЧУКОВЫЕ ШТЕМПЕЛЯ

ОСКАРЪ БОЛЬМАНЪ и К°

МОСКВА. Мясницкая, домъ Ермаковыхъ, (во дворѣ).

Рисунки въ 1/2 нат. величины.

ЦѢНЫ ШТЕМПЕЛЕЙ.

	Р.	К.
№ 1. *Спичечница* штемпель . . .	3	50
№ 2. „Velox" *Кабинетная* скоропечатка .	3	50
№ 3. *Часы* штемпель	2	50
№ 4. *Скоропечат.*	1	75
№ 5. *Карандашъ-штемпель* заключающ. въ себѣ: **Перо, Карандашъ, Печать и Каучуковый штемпель** . . .	2	50
№ 6. *Медальоны* штемпель . . .	2	50

ЦѢНЫ обозначены съ ВЫРѢЗКОЙ печатей и штемпелей и съ ПЕРЕСЫЛКОЙ во всѣ города Россіи.

На штемпеляхъ всѣхъ вообще предметовъ, можно помѣстить: имя, отчество, фамилія и адресъ.

ТРЕБУЮТСЯ АГЕНТЫ.

При заказѣ, слѣдуетъ выслать соотвѣтственную сумму.

ОСКАРЪ БОЛЬМАНЪ Москва.

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ,

№ 3360 7—3

ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ.

ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ

бѣлитъ зубы, не портя ихъ эмали, предотвращаетъ гніеніе зубовъ.

ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ

укрѣпляетъ десны, утоляетъ зубную боль, освѣжаетъ ротъ.

Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФРЕРА,

19, Rue Jacob, Paris.

У ВСѢХЪ АПТЕКАРЕЙ И ПРОДАВЦЕВЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ (за исключеніемъ Московскихъ) объявленіе отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 6 іюня 1884 г. Типографія А. Ф. Маркса, Средняя Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ № 24 — годъ XV 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 16 Іюня 1884 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1884 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для многор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9
И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 6 ч. ВЕЧЕРА.

Е. И. В. Вел. Кн. Сергій Александровичъ и Августѣйшая Супруга Его, Принцесса Елизавета Гессенъ-Дармштадтская.
По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

Е. И. В. Вел. Кн. Сергій Александровичъ и Августѣйшая Супруга Его, Принцесса Елизавета Гессенъ-Дармштадтская.

Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ, четвертый сынъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, родился 29-го апрѣля 1857 года, офицеромъ состоитъ съ 1864 года, въ званіи флигель-адъютанта съ 1876 года, полковникомъ съ 1878 г. Его Высочество шефъ лейбъ-гвардіи 2-го стрѣлковаго батальона и 38-го пѣхотнаго Тобольскаго имени Его полка; числится лейбъ-гвардіи въ полкахъ преображенскомъ, гусарскомъ Его Величества и кирасирскомъ Ея Величества, въ 4-мъ стрѣлковомъ Императорской фамиліи батальонѣ и лейбъ-гвардіи въ 1-ой артиллерійской бригадѣ; имѣетъ Св. Георгія 4-ой степени.

Августѣйшая Супруга Его Императорскаго Высочества, Принцесса Елисавета Гессенъ-Дармштадтская вторая дочь Великаго Герцога Людвига IV и скончавшейся въ 1878 году Герцогини Алисы, урожденной Принцессы Англійской.

Торжество бракосочетанія состоялось сего 3 іюня.

Вадимъ Голетаевъ.

Разсказъ

Я. П. Полонскаго.

(Окончаніе).

XIV.

Но Вадимъ не былъ бы мудрецъ, если-бы все еще не надѣялся.

Онъ думалъ: этакая подлость, отъ бѣдныхъ людей отбивать невѣстъ... или—эхъ! стоитъ ему, этому молокососу до свадьбы уѣхать, на два, на три мѣсяца въ Питеръ и—кончено! Деревенщина выйдетъ изъ головы, стушуется и ему даже покажется смѣшно, что онъ хотѣлъ жениться на провинціальной барышнѣ. Мало ли тамъ актрисъ, пѣвицъ и танцовщицъ, за которыми во сто разъ веселѣе ухаживать, чѣмъ возиться съ женой. Будь я богатъ—да я бы, кажется, ни за что не связалъ себя. Но уѣдетъ ли онъ? что то ничего не слыхать.

Вадимъ Голетаевъ, хоть и былъ мудрецъ—не умѣлъ угадывать или понимать характеръ *„такого-то“* или *„такой-то“*, но что вообще у всѣхъ людей есть однѣ и тѣ-же струнки, на которыхъ можно играть всякія штуки—это онъ зналъ.

„Если юный Курьяковъ не уѣдетъ, думалъ онъ—то что будетъ, если я пущу слухъ, что Глафира была зимой влюблена въ меня, что я пользовался ея благосклонностью и что только по расчетамъ матери она выходитъ замужъ за Курьякова? Надо постараться, чтобъ эти слухи достигли до ушей жениха, и чтобъ между нимъ и его невѣстой пробѣжала черная кошка. Если мало одной черной кошки, пущу двѣ, три... Нельзя же выпускать изъ рукъ своего счастія, нельзя же зѣвать, когда зѣвать некогда! Но кто же здѣсь ближе всѣхъ къ молодому Курьякову, какъ не Тупинъ, не даромъ же онъ къ нему въ секунданты лѣзъ. Надо какъ нибудь настроить его. Не постараться ли мнѣ съ нимъ встрѣтиться и, будто бы невзначай, да въ пылу откровенности, и проговориться—дескать, жаль мнѣ и Глафиры, что она такъ себя насилуетъ, и его жаль—возненавидитъ онъ ее и будетъ несчастливъ. И, разумѣется, сказавши это, я спохвачусь и стану его умолять Христомъ Богомъ, не говорить это молодому Курьякову, иначе что же такое будетъ! Или новая дуэль или онъ убьетъ меня. Намекать можно, но зачѣмъ же говорить!“

Въ этомъ родѣ были разсужденія Голетаева, когда онъ оставался одинъ съ самимъ собою, въ саду или въ своей комнатѣ.

Началъ онъ съ того, что Курьяковъ, всякій разъ, когда пріѣзжалъ къ невѣстѣ, гдѣ бы она ни была, дома или въ саду, сталъ постоянно заставать при ней Вадима; но Вадимъ тотчасъ же кланялся ему, бросалъ какіе то странные таинственные взгляды на Глафиру и удалялся, какъ бы показывая видъ, что онъ самоотверженно передаетъ ее съ рукъ на руки своему врагу и сопернику.

Глафира этого совсѣмъ не замѣчала. Курьяковъ же разъ сказалъ: „что значитъ, что этотъ господинъ, кузенъ твой, постоянно съ тобой?“

— Ахъ, я очень рада, что онъ оставляетъ меня въ покоѣ, когда ты здѣсь, а когда тебя нѣтъ,—я все равно его почти-что не замѣчаю, не вижу и не слышу, думаю о тебѣ, и никакія другія думы не приходятъ мнѣ въ голову.

Курьяковъ не могъ не вѣрить ея лицу, ея голосу. Для него она казалась олицетвореніемъ чистоты и прямодушія.—„Но что если это искусная маска?“, думалъ онъ въ ея отсутствіи.

XV.

Въ домѣ Нилиныхъ замѣтно было особенное оживленіе. Въ домѣ Курьякова напротивъ—все какъ будто притихло, осунулось.

Въ домѣ Нилиныхъ готовились къ большому, деревенскому празднику, на 15 Августа, въ день Успенія. Вся деревня была приглашена вечеромъ въ садъ, и крестьяне напередъ знали, сколько ведеръ вина привезено изъ города въ усадьбу, сколько фунтовъ пряниковъ и орѣховъ куплено, и только не знали, будутъ ли подарки бабамъ и дѣвкамъ.

Въ домѣ Курьякова рѣшался вопросъ: ѣхать ли имъ на этотъ праздникъ къ Нилинымъ.

— Ужъ если папа такой баловень, что дозволилъ и этотъ бракъ, то не ѣхать—невозможно! Это будетъ верхомъ неприличія! говорила сама Маня, разводя своими маленькими ручками.—Это будетъ верхомъ неприличія!

— Почему же вы не хотите взять маменьку? говорилъ женихъ.—Развѣ мать моя не должна знать и даже любить невѣсты своего сына.

— Маменька больна, возражала Маня.

— Нѣтъ, я не больна, я здорова,—говорила слезливымъ голосомъ беззащитная маменька—совсѣмъ здорова... совсѣмъ здорова...

— Но, мама—bal champetre, который затѣваютъ эти несносныя Нилины, будетъ въ саду.—Тамъ сыро и вы непремѣнно простудитесь.

— Я цѣлое лѣто никуда не выѣзжалъ—говорилъ старилъ Курьяковъ, а теперь заставляютъ меня ѣхать. — Поѣду, надѣну бѣлый галстукъ и—поѣду... Что же дѣлать!

Къ женитьбѣ сына онъ относился довольно равнодушно, и очень бы желалъ, чтобъ съ такимъ же равнодушіемъ относились и къ нему, т. е. давали бы ему полную возможность ложиться спать ровно,—за полчаса до полуночи, и не мѣшали бы ему писать свои воспоминанія.

Женихъ былъ не совсѣмъ веселъ,—до него доходили какія то сплетни о Глафирѣ, и хотя онъ положительно не вѣрилъ имъ, но все же иногда ему приходило въ голову: а что если? Говорятъ же, что всѣ влюбленные слѣпы.

Больше всего безпокоило его то обстоятельство, что Тупинъ его свадьбѣ не радовался.

„Онъ, какъ-будто, что-то знаетъ и не хочетъ говорить“ думалъ молодой Курьяковъ. „И что значитъ эта его злость на этого Вадима? За что злиться на этого дурака, и кому-же—Тупину, который никогда почти-что съ нимъ и не видится.

Библиотека "Руниверс"

Легкія подозрѣнія, какъ облачка, стали пробираться въ умъ его и помрачать его первую любовь, первую неподдѣльную живую радость.

Видно клеветы, распускаемыя подъ рукой Вадимомъ, кое-гдѣ превращались въ сплетническій шопотъ деревенскихъ кумушекъ.

Люди ничему такъ охотно не вѣрятъ, какъ подлому, низкому, распутному, невѣроятному.

— Ты все грустнѣе и грустнѣе, и подъ-часъ лицо твое такое нехорошее, говорила Глафира своему милому Алексѣю.—Если ты раскаиваешься, что такъ не кстати полюбилъ меня, то...

— Я никогда, ни въ чемъ не раскаиваюсь. Но чѣмъ больше люблю тебя, тѣмъ больше сомнѣваюсь въ своемъ счастіи... Что, если я ослѣпленъ! Сестра говоритъ, что любовь это самообманъ, а я хочу правды... Вѣдь не все, далеко не все твое прошлое извѣстно мнѣ...

— Да у меня и не было прошлаго, кротко отвѣчала Глафира—нечего знать. Мое прошлое начинается съ тѣхъ поръ, съ той минуты, какъ я тебя увидѣла... Я тогда-же подумала: вотъ, если онъ меня полюбитъ, чего добраго, и я полюблю его... На другой день ты къ намъ пріѣхалъ и предчувствіе, что я буду твоей, невольно зародилось у меня въ душѣ. И какъ это мучительно такъ предчувствовать!... И вѣришь и не вѣришь, и что-то знаешь и ровно ничего не знаешь; и никогда еще мое счастіе такъ меня не испугало, какъ въ ту минуту, какъ ты позвалъ меня на балконъ...

И когда говорила Глафира, какъ-бы наслаждаясь легкимъ анализомъ чувствъ своихъ, голосъ ея былъ такъ искрененъ и глаза сіяли такимъ сознаньемъ сердечной правоты и нелицемѣрной страсти, что Курьяковъ къ чорту посылалъ всѣ свои сомнѣнія и безъ счета горячо осыпалъ ее поцѣлуями.

Глафира позволяла ему ласкать себя, но инстинктивно умѣла читать на лицѣ его все, что въ эти минуты происходитъ въ немъ. Иногда, испуганная силою невольныхъ влеченій упасть на грудь его, она быстро вставала, пересаживалась на другой стулъ и смотрѣла на него съ чувствомъ матери, которая ничѣмъ не можетъ помочь своему больному ребенку, и въ то-же время рада, что онъ успокоился и тише дышетъ. Иногда она сама уводила его изъ темнаго сада, или говорила ему: „а вонъ, кажется, къ намъ Вадимъ идетъ“.

XVI.

Въ Успеньевъ день, 15 августа, у Нилиныхъ съ утра были гости: священникъ съ своей попадьей, старикъ Мазаринъ изъ губернскаго города — старый другъ покойнаго мужа Пелагеи Даниловны, съ двумя перезрѣлыми, хоть и талантливыми дочками и сыномъ, молодымъ человѣкомъ, съ рукой за пазухой, съ кустиками волосъ на скулахъ и на подбородкѣ, человѣкомъ, очевидно, знающимъ себѣ цѣну и ничему не придающимъ большой цѣны, въ качествѣ наблюдателя и будущаго великаго ученаго.

Вадимъ, который ѣздилъ въ городъ за провизіей, тоже привезъ съ собой пріятеля, почтамтскаго чиновника Задуняшина. Этотъ Задуняшинъ былъ очень малъ ростомъ, очень сухъ и невзраченъ, но ходилъ пѣтушкомъ, издали косо поглядывалъ на барышень, ничего не говорилъ, ѣлъ за двоихъ и не покидалъ хлыстика, съ серебрянымъ набалдашникомъ. Этотъ хлыстикъ онъ постоянно бралъ съ собой, когда ѣхалъ къ богатымъ, и не выпускалъ его изъ рукъ, воображая, что кусочекъ серебра придастъ ему нѣкоторый вѣсъ и значенье.

Къ обѣду пріѣхали Курьяковы. Глафира встрѣтила ихъ на крыльцѣ, краснѣя поцѣловалась съ своимъ будущимъ тестемъ и спросила: отчего-же нѣтъ съ нимъ ея будущей тещи?

— Мама не совсѣмъ здорова, извиняется и посылаетъ вамъ вотъ эту вещицу.

И Маня, тоже краснѣя, передала ей коробку съ бриліантовой брошкой. Маня хоть и была недовольна братомъ, хоть мысленно и злилась на Глафиру, но тотчасъ-же подчинилась факту, какъ скоро неизбѣжность его показалась ей несомнѣнною.

За обѣдомъ пили за здоровье жениха и невѣсты шампанское. А въ это время, въ саду, крестьяне, бабы и дѣвки столпились передъ балкономъ и пили водку. Водка эта въ жестяныхъ ведрахъ стояла на низенькихъ табуреткахъ и каждый подходящій, небольшими стеклянными кружками черпалъ драгоцѣнную влагу и кто набожно крестился, кто предварительно руками вытиралъ усы и губы, кто посмѣивался, запрокидывалъ голову и залпомъ глоталъ жгучій напитокъ. Шапокъ никто не надѣвалъ, не смотря на теплое солнце и даже на отсутствіе господъ. Къ водкѣ подходили, соблюдая очередь:—за этимъ наблюдала толстая горничная и кучеръ Трофимъ, который былъ самъ немного пьянъ, и всѣмъ читалъ наставленіе: „ты что суешься, баба! вѣдь ужъ... взяла свою порцію. Ей, ты! не напирай. Не вдругъ, не вдругъ! Ты куда лѣзешь, рожа... Ишь, мало тебѣ!.. А вотъ ты прослужи-ка такъ, какъ я, — безъ малаго 50 годковъ выслужилъ... Пять троекъ господскихъ выѣздилъ!.. Слава тебѣ Господи! Такъ нечего тебѣ много и говорить, Митрофанъ Митрофанычъ; хоть ты и староста, и все... а все-таки я тутъ за порядкомъ смотрю, а не ты, вотъ что“.

Послѣ обѣда хозяйка, женихъ, невѣста и гости вышли на просторный балконъ. Бабы и дѣвки стали въ кружокъ и запѣли плясовыя пѣсни. Имъ подтягивалъ пьяный, но необыкновенно мягко извивающійся голосъ какого-то фабричнаго, въ жилеткѣ сверхъ красной рубахи и съ гармоникой.

Пляски не были живописны, но за то задорны — съ посвистомъ, встряхиваньемъ грудей и размахиваньемъ платка по воздуху.

Глафира съ дѣвицами дѣлила подарки по числу присутствующихъ крестьянскихъ дѣвушекъ: ленты, бусы, платки и серьги.

Маня приставила къ глазамъ лорнетъ и холодно смотрѣла на пляшущихъ.

Вадимъ изъ трехъ большихъ бумажныхъ мѣшковъ вынималъ орѣхи, ледепцы, пряники, и мѣрными горстями клалъ ихъ въ протянутыя руки, подолы и фартуки.

Пріятель его Задуняшинъ ходилъ около толпы, глядѣлъ какъ галченокъ и помахивалъ своимъ хлыстикомъ.

Старикъ Курьяковъ сидѣлъ въ гостиной и мирно бесѣдовалъ съ другимъ старичкомъ Мазаринымъ, который, какъ оказалось, еще въ дѣтствѣ знавалъ Корнилова, знаменитаго защитника Севастополя, и заинтересовалъ его своими *историческими* разсказами. Старикъ Курьяковъ не раскаивался, что поѣхалъ, но все-же поглядывалъ на часы, чтобы не засидѣться свыше положеннаго срока.

Сынъ его, Александръ, какъ будто сознавая, что это не его день, день самый для него скучный, рѣдко подходилъ къ своей невѣстѣ, и отъ нечего дѣлать бесѣдовалъ съ будущимъ ученымъ юношей Мазаринымъ, который всячески старался направить его на болѣе либеральный образъ мыслей и удивлялся его отсталости.

— По моему, говорилъ Александръ,—тотъ, кто смѣло можетъ сказать про себя—я честный труженикъ или дѣлаю то, что могу и что знаю, будь это сапожникъ, пахарь, чиновникъ, военный или писатель— тотъ и гражданинъ своего отечества.

— Нѣтъ, этого мало,—кто не протестуетъ, тотъ не гражданинъ.

— Ну вотъ, собрались мужики, бабы и дѣвки,— пьютъ, орутъ, пляшутъ, — имъ весело. Что-же вы не протестуете?

— Пока я могу только сожалѣть о нихъ и только.

Библиотека "Руниверс"

Эдипъ и Антигона. Съ картины І. Шталлерта, грав. М. Веберъ.

Библиотека "Руниверс"

— Сожалѣть о томъ, что имъ весело!..

— Да. Вѣдь вамъ на ихъ мѣстѣ не было-бы весело?

— Да вѣдь и имъ на моемъ тоже самое.

— А развѣ не возмущаетъ васъ такая низменность или первобытность ихъ потребностей?

— Меня возмущаетъ излишекъ, изобиліе и затѣмъ ненасытность нашихъ потребностей, а ужъ вовсе не первобытность.

— Такъ ступайте къ дикарямъ и живите съ дикими.

— Да зачѣмъ-же я къ нимъ пойду, когда я родился въ Россіи, привыкъ жить такъ, какъ съ дѣтства жилъ. За что мнѣ насильственно изгонять себя, идти къ дикарямъ. Вѣдь дикая дѣвушка — готентотка, самоѣдка, какая-бы ни была она, не можетъ быть женой моей.

— А вашъ сосѣдъ Тупинъ?

— Ну что мой сосѣдъ Тупинъ?

— Женился-же на горничной и ничего, говоритъ— счастливъ.

— Да вѣдь горничная, будь она даже безграмотна, все-же не дикая. Да и почемъ мы знаемъ, какія случайныя увлеченія заставили его жениться. Онъ честенъ, живетъ на 300 — 400 руб., не дѣлаетъ долговъ, а потому и гражданинъ, гораздо болѣе полезный, чѣмъ проматывающійся камеръ-юнкеръ. Поглядѣли-бы вы какая у него пасека!

— Ну такъ что-жъ! Если вы заведете пасеку, — какая отъ васъ польза отечеству?

— А та польза, что и медъ и воскъ подешевѣютъ.

— И все-же по церквамъ за свѣчи будутъ брать по 5 и 10 к.

— Да вѣдь церковь не рынокъ...

Такъ спорили они, находя удовольствіе въ томъ, что ни въ чемъ другъ съ другомъ не сходятся, а время все шло и шло. Оба остались другъ другомъ недовольны, но это нисколько не помѣшало имъ дружелюбно окончить свои пренія, какъ разъ въ ту минуту, когда на балконѣ и на ближайшихъ деревьяхъ зажгли разноцвѣтные бумажные фонарики и стали разносить чай.

Молодой Курьяковъ, оглядывая садъ, замѣтилъ въ толпѣ угрюмую фигуру своего недавняго секунданта и хотѣлъ зазвать его на балконъ; но пока онъ сходилъ съ лѣсенки, Тупина уже не было, онъ какъ будто смекнулъ, что его позовутъ къ гостямъ и погрузился въ потемки.

Значительная часть крестьянъ разошлась уже къ 10 часамъ вечера, но нѣкоторые остались и требовали себѣ еще ведро водки. Ихъ уговорили не буянить. Трое изъ этихъ протестующихъ пошли бродить по саду и въ разныхъ мѣстахъ его полегли ночевать: кто въ куртинѣ, кто на огородѣ между грядками.

Послѣ чаю, въ 12-мъ часу ночи, Курьяковы уѣхали въ коляскѣ и увезли жениха, къ немалому огорченію невѣсты, которая проводила ихъ. Остальные гости закусили чѣмъ Богъ послалъ, выпили и остались ночевать. Хозяйка всѣхъ ихъ размѣстила, а Вадима, съ его пріятелемъ, уѣзднымъ франтомъ, Задуняшинымъ, отославъ во флигель, уложила на его постель старика Мазарина.

Какъ ни казался спокоенъ и даже веселъ Вадимъ — сильно ныло его сердце: онъ завидовалъ, глухо ревновалъ, тайно злился и все еще чего-то надѣялся.

„Разстройся эта свадьба, подумалъ онъ, „и не черезъ годъ, такъ черезъ два, не черезъ два, такъ черезъ три, Глафира не минуетъ рукъ моихъ. Ей будетъ все равно, за кого ни выдти, и лучше меня никого не найдетъ, такъ какъ я самый скромный человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ“.

Уводя въ флигель своего знакомца, Задуняшина, онъ увидалъ, что ночь посвѣтлѣла, что бѣлое пятно луны стало чаще проглядывать сквозь черный дымъ ползучихъ облаковъ, и съ удовольствіемъ подчинился его фантазіи, пройтись по темнымъ аллеямъ стараго сада.

Черезъ четверть часа они стояли у задней калитки, въ совершенной темнотѣ отъ густолиственныхъ кленовъ и, закуривая другъ у друга папироски, бесѣдовали.

— Эхъ! говорилъ Задуняшинъ, ужъ лучше бы вы не хвастались!

— Что-жъ, я свое взялъ, пусть другіе наслаждаются.

— Да вы меня не дурачьте, пожалуйста.

— Да зачѣмъ я стану васъ дурачить... А знаете... вы еще можете отчасти пригодиться мнѣ.

— Это-съ, какимъ-же манеромъ я могу пригодиться?

— Распустите слухъ..

Тутъ онъ нагнулся къ его уху и сталъ что-то ему нашептывать.

— А если меня спросятъ,—откуда вы это знаете?... такъ и сказать на васъ?

— Боже избави!.. Скажите, что слухомъ земля полнится, или—отъ людей отъ здѣшнихъ, отъ горничныхъ слышали.

— Нѣтъ, напраслину говорить какъ то и языкъ не повернется... Но вотъ вы мнѣ докажите, тогда другое дѣло. Тогда я, съ моимъ большимъ удовольствіемъ.

— Да какъ-же вамъ доказать?

— Да ужъ я не знаю какъ... ну хоть поцѣлуйте ее въ моемъ присутствіи.

— Ну хорошо... Постойте, дайте подумать... Ну-съ, а если я при васъ ночью изъ ея окошка вылѣзу, повѣрите?

— Изъ ея окошка? Да почемъ я знаю, какое ея окошко!

— Я завтра вамъ покажу его.

— И вылѣзете?

— Вылѣзу.

— Ночью?

— Ночью, когда всѣ, весь домъ будетъ спать—часу во второмъ ночи.

— Изъ ея комнаты?

— Изъ ея комнаты.

— Ну, тогда я, чего добраго, повѣрю... Только кому-же я стану объ этомъ говорить?

— Да всѣмъ говорите, только не самой Глафирѣ Николаевнѣ и не Пелагеѣ Даниловнѣ.

— А если онъ опять на дуэль васъ вызоветъ?

— Я стану клясться и божиться, что это не правда,— за что-же онъ меня вызоветъ! Вотъ то-то и штука—на дуэль-то меня не за что будетъ вызвать, а свадьбы все таки не будетъ... Особливо, какъ узнаетъ старикъ Курьяковъ, да эта дочь его. Ухъ какая!.. Вотъ бы за кѣмъ вамъ пріударить, сорокъ тысячъ за ней однѣми деньгами.

— А вы что же меня не познакомили? Впрочемъ, гдѣ ужъ намъ! Вѣдь это все гордецы непроходимые. Куда ужъ!.. За столоначальника дочку сватался и та сгримасничала... Гордость непроходимая!.. Но вѣдь и я гордъ, надо вамъ сказать, никому, знаете, не позволю...

И они пустились въ обратный путь, и завернули въ аллею. Отъ мѣста-же, гдѣ они бесѣдовали, отдѣлилась чья-то тѣнь и шурша крапивой, перелѣзла черезъ канаву, окружающую садъ. Тѣнь, должно быть, была тяжелая, такъ какъ подъ ея ногами хрустнула сухая вѣтка. Затѣмъ въ смутномъ, лунномъ свѣтѣ, надъ смутно-темнѣющимъ полемъ, поднялась какая-то черная фигура, и пошла, и пошла, и—исчезла.

А въ это время, на дворѣ усадьбы, сторожъ билъ въ чугунную доску, а Глафира, ложась спать, пробовала молиться. Начинала читать молитву и тотчасъ-же начинала думать то о женихѣ, то о Манѣ, то о дорогомъ подаркѣ, который та привезла ей отъ будущей тещи.

„Отче нашъ“ шептала она, складывая на молитву руки и взводя къ небу глаза свои, но на словахъ „да пріидетъ Царствіе Твое“ уже замѣчала, что думаетъ о словахъ матери на счетъ ея подвѣнечнаго платья. Она начинала молитву съизнова и вдругъ представлялся ей

Библиотека "Руниверс"

тотъ священникъ, который училъ ее катехизису; его лицо, его голосъ и его манера походя засучивать широкіе рукава свои; или, какъ она стоитъ подъ вѣнцомъ и что чувствуетъ...

Такъ боролись въ ней силы небесныя и земныя, пока не истомили ее до невозможности о чемъ нибудь думать—одолѣвалъ сонъ и рѣсницы смыкались.

XVII.

На другой день, всѣ гости уѣхали, кромѣ Задуняшина, которому почему-то вдругъ пришла мысль: „а что если Курьяковъ позоветъ его въ шаферы—вѣдь это будетъ, такъ сказать, большой для него почетъ. Вѣдь отъ этого, чего добраго, самъ почтмейстеръ будетъ глядѣть на него совсѣмъ другими глазами". Но онъ молчалъ, молчалъ за утреннимъ чаемъ, когда Вадимъ разсказывалъ будто-бы ночью въ саду хотѣли обокрасть грушевое дерево, но къ счастію онъ былъ недалеко, засвисталъ и воры убѣжали,—молчалъ, когда уѣзжалъ Мазаринъ и когда Пелагея Даниловна жаловалась, что устала;—молчалъ, когда пріѣхалъ женихъ и при немъ поцѣловалъ свою невѣсту; только вороньи глаза его покосились на Глафиру и опять ему подумалось: „вретъ этотъ Голетаевъ! Свадьбы ему не разстроить и быть мнѣ на этой свадьбѣ шаферомъ".

Затѣмъ онъ досталъ гдѣ-то удочку и пошелъ ловить рыбу. Ловя рыбу онъ потерялъ было свой хлыстикъ съ серебрянымъ набалдашникомъ, сталъ бѣгать по берегу пруда какъ помѣшанный и вслухъ бормоталъ: „Боже мой! Боже мой! Боже мой!" Кажется онъ сошелъ-бы съ ума, если-бы не нашелъ своего хлыстика.

Александръ Курьяковъ увезъ невѣсту обѣдать къ своему отцу и вернулся съ ней въ коляскѣ въ 11 часовъ вечера.

Вечеромъ, на ночь, уходя въ свой флигель, Задуняшинъ сказалъ Вадиму: „ну, смотрите, я нарочно буду смотрѣть въ окошко. Я уже теперь знаю гдѣ ея комната, вы меня не надуете!"

— Въ часъ ночи... въ часъ или около.

Вадимъ надѣялся, что въ это время Глафира будетъ еще бесѣдовать съ своей матерью и что онъ воспользуется пустою комнатой.

Но Глафира въ полночь простилась со своимъ женихомъ, не болѣе получаса провела со своей матерью и ушла къ себѣ спать. Званіе невѣсты по временамъ бываетъ утомительно и то безсонница смѣняется сномъ, то сонъ незамѣтно переходитъ въ безсонницу.

Не опустивъ сторы, она завела свои часики, расчесала и заплела на ночь свои волосы, раздѣлась и легла. Свѣча еще горѣла около ея изголовья, на невысокомъ кругломъ столикѣ, и она уже хотѣла погасить ее, какъ вдругъ кто-то постучался къ ней въ запертую дверь.

— Кто тамъ? крикнула она привставая. — Катя, это ты?

— Извините! послышался голосъ Вадима.—Мама ваша такъ стала стонать и такъ охаетъ, что я за долгъ почелъ васъ объ этомъ увѣдомить.

— Мама? Что съ ней?

— Считаю за долгъ васъ объ этомъ увѣдомить.

— Не дурнота-ли съ ней, не кошмаръ-ли?

Затѣмъ послышались удаляющіеся шаги Вадима.

Но Вадимъ очень ловко спрятался въ корридорѣ, между шкапомъ, гдѣ хранились мыло, свѣчи и подсвѣчники, и гардеробомъ горничныхъ, который помѣщался на гвоздикахъ.

Онъ видѣлъ, какъ въ ночномъ пеньюарѣ и со свѣчей въ рукѣ, въ двухъ шагахъ отъ него, прошла блѣдная Глафира и осторожно отворила дверь въ спальную къ своей матери.

Не медля ни минуты, онъ вынырнулъ изъ своей засады, вошелъ въ комнату Глафиры, бросился къ окну, отодвинулъ задвижки, уронилъ со стола склянку съ одеколономъ и, растворивши окно, сталъ вылѣзать въ садъ. Онъ уже стоялъ на карнизѣ фундамента и хотѣлъ затворить окно, какъ вдругъ ему показалось, что дверь ея комнаты изъ корридора освѣтилась свѣчей, онъ спрыгнулъ на мягкую землю и бросился въ кусты. Но не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ чья-то сильная рука схватила его за шиворотъ и повалила.

Вадимъ взвигнулъ и залопоталъ...

Увѣсистый кулакъ ударилъ его прямо въ зубы. Несомнѣнно, силачъ, который свалилъ его, не намѣревался убить его; онъ просто, не говоря ни слова, избилъ его на обѣ корки и исчезъ въ ночной тѣни высокихъ кустарниковъ.

Вадимъ, охая, пролежалъ минутъ пять. Затѣмъ, увидавъ мелькающій свѣтъ въ окнѣ, изъ котораго онъ только что выскочилъ и услыхавъ голоса, замолкъ, поднялся и, боясь идти садомъ, съ трудомъ обошелъ балконъ, загнулъ за уголъ дома, сѣлъ на крылечкѣ подъѣзда и, тяжело дыша, съ окровавленнымъ ртомъ, долго не могъ сообразить, что съ нимъ такое случилось и что ему дѣлать: идти ли въ свою комнату или пробраться во флигель, въ комнату, отведенную Задуняшину.

„Ой-ой-ой!" глухо стоналъ онъ отъ боли, покачиваясь изъ стороны въ сторону. А въ это время за садомъ слышался топотъ верховой лошади и отчаянный лай собакъ на деревнѣ.

Нечего и говорить, что Глафира, увидѣвши растворенное окно въ своей комнатѣ, страшно испугалась и разбудила весь домъ. По всѣмъ угламъ, даже по шкапамъ съ платьями искали нѣтъ-ли гдѣ вора, цѣлы-ли замки, запертъ-ли балконъ и спитъ-ли Вадимъ, но Вадима не нашли въ его комнатѣ и стали поджидать его.

И только одна Пелагея Даниловна дождалась его.

Услыхавши шаги въ передней, она схватила свѣчу и вышла.

Страшный видъ Вадима испугалъ ее—онъ былъ блѣденъ, растрепанъ, истерзанъ, съ окровавленной щекой и свернутымъ на сторону галстукомъ.

— Вадимъ! Ты-ли это? Что съ тобой?

Но Вадимъ что-то промычалъ, указалъ ей на выбитый зубъ и прошелъ въ свою комнату.

— Говори, кто такъ избилъ тебя?

— Не знаю.

— Гдѣ ты былъ?

— Въ саду.

— Ложись... раздѣвайся!

И Пелагея Даниловна сама стащила съ него сюртукъ, весь запачканный землею, развязала галстукъ, сняла съ него сапоги и пошла за холодной водой и за компрессами.

Не знала добрая женщина, какому позору, или въ жертву какихъ клеветъ и грязныхъ сплетенъ, въ эту ночь этотъ глупый человѣкъ предавалъ честь ея единственной дочери.

XVIII.

На другой день, въ 8 часовъ утра, молодой Курьяковъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и въ туфляхъ, вышелъ изъ своей комнаты и сказалъ слугѣ Ивану, который у окна своей коморы чистилъ сапоги его:

— Ступай сейчасъ и вели осѣдлать Пальму (такъ называлась его верховая лошадь), сейчасъ, сію минуту!

Иванъ при немъ нѣсколько разъ шаркнулъ щеткой по сапогу его, потомъ поставилъ его на полъ рядомъ съ вычищеннымъ, и пошелъ въ кучерскую.

Курьяковъ взялъ съ полу свои сапоги, унесъ ихъ въ свою комнату, и сталъ одѣваться, при Тупинѣ, который сидѣлъ у него уже съ полчаса времени и, быть можетъ, даже поднялъ его съ постели.

Тупинъ имѣлъ право входить въ домъ во всякое время, всѣ его знали и никто не останавливалъ.

Тупинъ-же пришелъ къ нему такъ рано, чтобы по-

Библиотека "Руниверс"

каяться. Онъ подслушалъ разговоръ Вадима съ какимъ-то ему неизвѣстнымъ человѣкомъ въ саду, послѣ третьегоднишняго Успенскаго праздника. Онъ далъ себѣ слово слѣдить въ слѣдующую ночь за его поведеніемъ. Онъ все еще сомнѣвался въ поведеньи Глафиры и хотѣлъ удостовѣриться. Онъ видѣлъ какъ она легла и какъ къ ней кто-то постучался. Слышалъ, какъ она крикнула: „кто тутъ?“ одѣлась, взяла свѣчу и вышла. Какъ, минуту спустя, изъ ея темной комнаты растворилось окно и выскочилъ Вадимъ. И какъ онъ избилъ его.

Тупинъ разсказалъ это съ явнымъ намѣреніемъ доказать жениху, что всѣ сплетни, распускаемыя про его невѣсту, есть ничто иное, какъ клевета, измышленная досужимъ умомъ Голетаева, и что теперь онъ кается въ томъ, что поддавался ей, и при этомъ косвенно винилъ жену свою.

Разсказъ и даже раскаянье Тупина произвели на влюбленнаго молодаго человѣка самое тяжелое впечатлѣніе.

Какъ человѣкъ, по своей натурѣ, порядочный и благовоспитанный, онъ никакъ не могъ понять, какъ можетъ кто нибудь такъ играть репутаціей дѣвушки, или попирать честь ея умышленно, безъ всякаго съ ея стороны повода.

Какъ юноша воспитанный въ столицѣ, онъ вѣрилъ безчисленнымъ разсказамъ своихъ товарищей о томъ, какъ ловко, съ какимъ мастерствомъ, свѣтскія дамы и дѣвицы носятъ маску воплощенной невинности, тогда какъ въ тайнѣ порочны и распутны до послѣдней степени. Подвиги петербургскихъ ловеласовъ нерѣдко его возмущали, но онъ вѣрилъ имъ. Вадимъ вдругъ показался ему чѣмъ-то въ родѣ смѣлаго негодяя, хитреца и сластолюбца, прикидывающагося дурачкомъ, и ревность, какъ отогрѣтая змѣя, зашевелилась въ немъ. „О! тутъ что-нибудь да есть, не даромъ я безпрестанно заставалъ ихъ вмѣстѣ и не даромъ такіе горячіе взгляды онъ бросалъ на нее, когда удаляться заставляло его мое появленье!“

„Тупинъ хорошо сдѣлалъ, что избилъ его, но я дурно сдѣлалъ, что поддался хитростямъ Пелагеи Даниловны и не убилъ его“.

Тупинъ видѣлъ, что разсказъ его, не только не успокоилъ Александра, напротивъ, темнымъ облакомъ, тяжелымъ гнетомъ легъ ему на душу.

Но женихъ ни однимъ словомъ не обнаружилъ того, что вдругъ закопошилось въ душѣ его. Напротивъ, онъ сказалъ своему старому пестуну, что онъ совершенно покоенъ, что, конечно, Вадимъ подлецъ, но что онъ, на счетъ его невѣсты, никогда ничему дурному не вѣрилъ, да и не повѣритъ.

— Зачѣмъ же вы такъ торопитесь ѣхать?

— Спѣшу навѣстить. Почемъ я знаю, не испугана ли она, не больна ли. Согласитесь, что такой съ его стороны пассажъ могъ испугать ее.

— А! ну, можетъ быть. Только все же я думаю, не рано-ли? Поздно вчера легла она, чай спитъ.

— Да вѣдь я еще не прямо къ нимъ, проѣдусь сначала.

— Ну, прощайте.

— Прощайте, дорогой другъ, спасибо вамъ.

И въ сопровожденьи Тупина, юноша Курьяковъ вышелъ на [illegible]льцо. Кучеренокъ подвелъ къ нему Пальму, онъ вс[illegible]лъ въ сѣдло и уѣхалъ.

„Вотъ ужъ ни за что бы на тощакъ не выѣхалъ“, думалъ Тупинъ, уходя домой.—„Хоть бы выпилъ квасу, или хоть бы кусокъ хлѣба чернаго съѣлъ съ солью. А любитъ онъ ее. О! любитъ!“

Выѣхавъ за околицу въ поле, Курьяковъ далъ шпоры и поскакалъ стремглавъ, охваченный утреннимъ вѣтромъ, который относилъ далеко въ сторону пыль, поднимаемую копытами его лошади.

И скакалъ онъ до тѣхъ поръ, пока въ лощинѣ, за холмомъ, не увидѣлъ онъ красной кровли ему знакомаго домика Нилиныхъ.

Тутъ онъ натянулъ поводья, поѣхалъ шагомъ и, наконецъ, остановился.

„Положимъ, сказалъ онъ самому себѣ,—все то правда, что я подозрѣваю, что если не теперь, то прежде, за два, за три мѣсяца до моего знакомства съ ней, она любила Вадима, отъ скуки, и онъ, какъ наглецъ, воспользовался ея минутной слабостью, или расположеніемъ, — что я долженъ дѣлать? — рѣши несчастный, прежде чѣмъ ты навсегда не связалъ себя...“

Курьяковъ былъ блѣденъ какъ смерть, задавая себѣ этотъ вопросъ. Долго онъ колебался—ѣхать ли ему къ ней, или повернуть назадъ. Сказать ли самому себѣ: все кончено, или написать ей извинительное письмо, вернуть ей слово и уѣхать искать по свѣту

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ...

„Нѣтъ, это невозможно, я слишкомъ глубоко люблю ее; мнѣ невозможно разорвать самого себя пополамъ, я не могу себѣ измѣнить, хотя бы она была воплощенная измѣна и хитрость. Какова бы ни была она, я женюсь на ней. Какъ бы я ни былъ за это наказанъ, какія бы испытанія и тревоги ни ожидали меня въ будущемъ, я женюсь на ней... Пусть придутъ и докажутъ мнѣ, что не дальше, какъ вчера, она съ другимъ смѣялась надъ моей простотой и довѣрчивостью, я все-таки женюсь на ней!—Уѣхать... Застрѣлиться... Что за глупость! Неужели во время войны я долженъ бѣжать изъ строя, если кто нибудь мнѣ скажетъ, что непріятель убьетъ меня! Нѣтъ, буду знать, что убьетъ и все-таки полѣзу впередъ по чувству долга. А развѣ любовь не обязываетъ, развѣ сватовство—пустое слово, развѣ поцѣлуи и ласка и милыя рѣчи дѣвушки не налагаютъ на меня долга или погибнуть за нее, или спасти ее?“.

И Курьяковъ опять поскакалъ по направленію къ дому Нилиныхъ, влетѣлъ прямо въ садъ и остановился въ ту минуту, когда Глафира стояла передъ самоваромъ и заваривала чай.

Она бросилась къ нему, не смотря на свое утреннее дезабилье.

— Ахъ, какъ я рада! вскрикнула она протягивая руки. Что я тебѣ разскажу—какое удивительное приключеніе!..

Онъ го[illegible]ловалъ ее и сказалъ: „разскажи, только про[illegible]зоби[illegible] всего кипятка изъ самовара: чай течетъ по полу, придется новый заваривать.“

— Ахъ да... но представь, что сегодня ночью кто-то разбилъ у меня скляни[illegible] съ одеколономъ, и вылѣзъ въ окно, пока я ходила [illegible] мама, и, представь, въ то-же самое время, какой то пьяный мужикъ избилъ нашего Вадима, да такъ, что и теперь еще мама ему компрессы прикладываетъ.

— И ты не плачешь о немъ?

— Мнѣ, конечно, очень его жаль, сказала она полусмѣясь, веселымъ голосомъ.

— И вовсе не пьяный мужикъ, а я.

— Ты?! Нѣтъ, ты добрый... Нѣтъ, этому я ни за что не повѣрю... Хоть божись—не повѣрю.

— Ну и я даю тебѣ честное слово, что не буду вѣрить про тебя ничему дурному. Аминь.

Черезъ двѣ недѣли, прежде чѣмъ Вадимъ оправился и вышелъ изъ своей комнаты, въ сельской церкви села Курьякова, происходила модная, то есть очень скромная свадьба, безъ гостей, съ одними только самыми необходимыми лицами—свидѣтелями, посаженнымъ отцемъ и матерью и шаферами, вызванными изъ губернскаго города и деревенскихъ усадебъ. Увы! Задуняшинъ не былъ приглашенъ въ шаферы и страшно дуется на Голетаева, считая его главнымъ виновникомъ того, что онъ не былъ позванъ на свадьбу.

Библиотека "Руниверс"

Фатима. Съ карт. Брайтналя, грав. Гарднеръ.

Библиотека "Руниверс"

„По дѣломъ, ему, говоритъ, что исколотили, по дѣломъ! Ишь вѣдь какъ хотѣлъ поддѣть меня!“

Послѣ вѣнца молодые тотчасъ-же уѣхали на станцію желѣзной дороги и отправились сперва въ Москву, потомъ въ Питеръ. Говорятъ, они до сихъ поръ очень счастливы, то есть довольны другъ другомъ и не ищутъ новыхъ привязанностей...

Но въ заключенье позволяю себѣ передать слѣдующій разговоръ, который послѣ свадьбы происходилъ между осиротѣвшей Пелагеей Даниловной и Вадимомъ, у котораго были еще видны слѣды фонаря, поставленнаго ему подъ самымъ лѣвымъ глазомъ и отъ котораго еще пахло камфарнымъ масломъ.

— Нечего тебѣ жаловаться на судьбу, говорила ему старая, опытная женщина, которая только изъ жалости не прогнала его.—Ты самъ виноватъ. Еще слава Богу, что, при всей твоей хитрости и изворотливости, ты трусъ, не дѣятеленъ и не честолюбивъ. Иначе бы ты далеко ушелъ и былъ бы во сто разъ вреднѣе.

— Ахъ, тетенька! какъ вы преувеличиваете вину мою. Ну, я былъ влюбленъ, ну хотѣлъ разстроить свадьбу. Глупую молву пустить. Ну и что же? Мало ли что человѣку приходитъ въ голову, когда страсть его отуманиваетъ; а я, вотъ ей Богу-же, былъ влюбленъ.

— Будь ты и въ самомъ дѣлѣ влюбленъ, да будь благороденъ при этомъ, такъ и не пришло бы въ твою глупую голову дѣлать такія мерзости, грязнить честь ничѣмъ неповинной дѣвушки. Еще хорошо, что мы не совсѣмъ глупы, да что Александръ Леонтьевичъ во истину полюбилъ дочь мою, а то порядочно бы ты намъ всѣмъ напакостилъ.

— Эхъ, тетенька! Другіе хитрѣе меня, да все имъ съ рукъ сходитъ. Положимъ, я поступилъ дурно, очень дурно; но почему вы знаете, какія такія причины заставили меня поступить такъ, а не иначе. Если бы, да Глафира Николаевна никогда, ни разу меня не обнадежила...

— Не врн, Вадимъ, не врн! Иначе я, вотъ какъ Богъ святъ, велю заложить телѣгу, да и прикажу отвезти тебя въ городъ, да среди базарной площади, пустить тебя на всѣ четыре стороны! Да какъ мнѣ и жить съ тобою? Вѣдь ты, чего добраго, и про меня распустишь слухъ, или вообразишь, что я на старости лѣтъ въ тебя влюблена, да и пойдешь всѣмъ хвастаться.

— Вотъ вы какого обо мнѣ мнѣнія! Господи Боже мой! Кажется и такъ ужъ тише воды — ниже травы. Куда ужъ мнѣ хвастаться!

— Поступай лучше въ военную службу. Можетъ быть, и войну Богъ дастъ.

— Искалѣченному то, да въ военную! Помилуйте, тетенька! Мнѣ вонъ еще руку больно протянуть, а вы — въ военную!

— Ничего, выздоровѣешь!

— Вашими бы устами да медъ пить! простоналъ Вадимъ, зажмуривъ глаза и не безъ тревоги подумавъ о томъ, что впереди ожидаетъ его.

— Знаете что, тетенька!

— Что?

— Пока я у васъ—я займусь, я непремѣнно займусь... Вотъ вы увидите, если я не напишу у васъ какой нибудь драмы или комедіи.

Багровая пыль.

(Русскіе въ Парижѣ во время коммуны).

Повѣсть **П. Петрова.**

(Продолженіе).

Вскорѣ настали тугія времена. Нѣмцы подступили къ Парижу и началась осада. Городъ принялъ военный видъ; день и ночь, то учащенно, то изрѣдка, раздавались отдаленные пушечные выстрѣлы; по улицамъ провозили и проносили раненыхъ; въ разныхъ мѣстахъ—на площадяхъ и въ садахъ—воздвиглись бараки и лагери; газетчики съ утра до вечера выкрикивая: Dernières nouvelles! носились съ бюллетенями о военныхъ дѣйствіяхъ: по временамъ проходили „батальоны“, то стройные, составленные изъ *настоящихъ* солдатъ — эти шли обыкновенно тихо и скромно, то сбродные, изъ такъ называемыхъ „національгардовъ“, гдѣ хорохорился, ломался, шумѣлъ и оралъ парижскій рабочій людъ, вызывающе и съ геройскимъ видомъ поглядывая на прохожихъ. Военныя ногости наши дамы узнавали большею частью отъ гарсона, который разъ по пяти въ день являлся съ сообщеніемъ о какихъ-то фантастическихъ побѣдахъ надъ нѣмцами, или же съ повѣствованіемъ о подвигахъ своихъ соотечественниковъ, подвигахъ геройскихъ, но неудачныхъ, причемъ всю вину за неудачи гарсонъ сваливалъ на „бонапартистскихъ генераловъ—предателей и измѣнниковъ.“

Узнавъ, что мы, русскіе, тутъ ни причемъ, вся эта „исторія“ сводилась для Марьи Васильевны къ одному: когда всему этому конецъ будетъ, чтобъ уѣхать? Симпатизировать той или другой изъ враждующихъ сторонъ она не чувствовала никакихъ причинъ, и потому обстоятельныя и горячія повѣствованія гарсона выслушивала терпѣливо лишь по свойственному ей добродушію—„чтобъ не обидѣть человѣка“. Послѣ каждаго сообщенія старушка буквально приговаривала одно и то-же:

— Христосъ съ ними. Перестали бы скорѣе сражаться да убивать другъ друга,—лучше было бы, да и намъ дали бы уѣхать по добру по здорову.

Анна Львовна, напротивъ, горячо сочувствовала французамъ, жадно читала газеты, внимательно прислушивалась къ разсказамъ и даже поговаривала о томъ, что и ей слѣдовало бы по человѣчеству поступить въ сестры милосердія. Но объ этомъ, Марья Васильевна, обыкновенно столь покладистая и уступчивая, и слышать не хотѣла.

А Чувашевъ? — Этотъ чудакъ, поглощенный всецѣло своей „задачей“, отнесся къ совершающимся событіямъ столь-же отрѣшенно какъ и Марья Васильевна. Чтобъ „хоть какая польза была“ отъ невольнаго сидѣнія въ Парижѣ, онъ принялся учиться по французски и по англійски — принялся, какъ и все что предпринималъ, упорно, съ твердою рѣшимостью добиться своего. Помогала ему Анна Львовна.

Онъ былъ за это ей несказанно благодаренъ. Впрочемъ, эта благодарность раздувалась еще другимъ чувствомъ, несравненно болѣе сильнымъ, охватившимъ Чувашева понемногу и совершенно незамѣтно для него самого. То была не любовь, какъ мы всѣ ее болѣе или менѣе понимаемъ, а какое то безпредѣльно преданное обожаніе. Этотъ дикарь полюбилъ Анну Львовну по своему, какъ огнепоклонникъ парсъ любитъ и боготворитъ солнце, какъ индусъ-факиръ обожаетъ своего Парабраму. Къ нему можно было примѣнить извѣстный стихъ Виктора Гюго:

„Un ver de terre amoureux d'une étoile“. *)

Онъ даже не чувствовалъ и не мучился тѣмъ, что между имъ — невзрачнымъ, неуклюжимъ, необразованнымъ, бѣднымъ „мужикомъ — и ею — неотразимой красавицей, богатой, гордой, умной, выхоленной—была недоступная бездна. Онъ и не мечталъ восполнить и переступить эту бездну, чтобы приблизиться къ своему свѣтилу, какъ парсъ не мечтаетъ приблизиться къ солнцу, какъ индусъ не мечтаетъ приблизиться къ Парабрамѣ.

Къ декабрю, Чувашевъ былъ совершенно охваченъ этимъ идеально-платоническимъ чувствомъ. Ежедневныя встрѣчи, уроки, бесѣды помогли этому, но надо сказать, что и сама Анна Львовна не была здѣсь неповинна. Замѣтивъ гораздо раньше, чѣмъ онъ самъ сознавъ, любовь къ себѣ Чувашева, гордая красавица не только не возмутилась и не вознегодовала на ничтожнаго невзрачнаго мужика, но напротивъ сдѣлалась къ нему еще внимательнѣе, стала съ нимъ еще болѣе дружески любезна. Это своего рода кокетство, разумѣется, окончательно поработило Чувашева...

Слѣдующіе три мѣсяца прошли для него незамѣтно. Бѣдняга блаженствовалъ, имѣя возможность ежедневно и ежечасно лицезрѣть свое свѣтило и оказывать своему божеству разнородныя услуги. „Божество“, съ своей стороны, пользовалось этою готовностью и распоряжалось деспотически своимъ добровольнымъ рабомъ.

— Пойдемте, Василій Харитоновичъ.

И черезъ минуту онъ готовъ съ своею широкополою шляпою въ рукѣ.

— Мы пойдемъ въ Елисейскія поля къ лагерю.

— Но вѣдь тетенька строго на строго наказывали не хо-

*) Червь влюбленный къ звѣзду.

Библиотека "Руниверс"

дить... заявлялъ было робко Чувашевъ, которому Марья Васильевна, дѣйствительно, наказывала въ „такія мѣста ни подъ какимъ видомъ не забираться".

— Я хочу туда идти.

И онъ безропотно повинуется, дѣйствительно страдая и горюя, что ослушивается своей благодѣтельницы.

— Если тетя спросить гдѣ мы были, Василій Харитоновичъ, вы скажите, что по улицѣ Сенъ-Опорэ ходили.

И онъ, которому обмануть, даже самымъ невиннымъ образомъ, добрую Марью Васильевну, казалось съ его стороны возмутительною гадостью, онъ, скрѣпя сердце, лгалъ, какъ это было ему приказано.

Эти частые „выходы" Анны Львовны, даже въ сопровожденіи Чувашева, очень не нравились доброй старушкѣ.

— Не слѣдуетъ нашему брату, бабамъ, въ такія времена, да особенно еще въ такомъ Вавилонѣ выходить, потому опять можетъ что случиться, Анечька, твердила каждый разъ Марья Васильевна.

Это „опять можетъ что случиться" относилось къ двумъ случаямъ самаго дерзкаго и наглаго преслѣдованія Анны Львовны однимъ и тѣмъ-же человѣкомъ, котораго Марья Васильевна, по описанію, заглазно окрестила прозвищемъ „пучеглазаго".

Оба эти случая произошли еще до войны и до „прихода" Чувашева.

За нѣсколько минутъ до начала нашего разсказа произошелъ третій случай встрѣчи съ тѣмъ же субъектомъ.

Анна Львовна, въ сопровожденіи Чувашева, возвращалась домой, когда на углу улицы Риволи и Палерояльской площади, они внезапно наткнулись на группу людей въ блестящихъ и вычурныхъ какихъ то опереточныхъ костюмахъ.

Чувашевъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на эту оргію золотыхъ и серебряныхъ галуновъ, аксельбантовъ, разноцвѣтныхъ перьевъ, лакированныхъ ботфортовъ, громаднѣйшихъ шпоръ и длиннѣйшихъ сабель, когда справа и слѣва отъ него, почти одновременно, раздались два восклицанія:

— C'est elle, Wermech *)! воскликнулъ плотный человѣкъ средняго роста, въ штатскомъ платьѣ, съ золотымъ пэнсэ на носу, шедшій во главѣ группы.

— Василій Харитоновичъ! вскрикнула испуганно Анна Львовна и бросилась было бѣжать, но одинъ изъ группы, толстякъ небольшаго роста, загородилъ ей дорогу.

Ничего не понимая, смутно догадываясь только, что Аннѣ Львовнѣ грозитъ какая то опасность, Чувашевъ бросился къ ней, и съ силою, которую нельзя было подозрѣвать въ такой тщедушной фигурѣ, оттолкнулъ толстяка. Анна Львовна побѣжала безъ оглядки, Чувашевъ за нею.

— Tenez les, sacré nom d'un tonnerre **)! послышалось сзади и раздалось быстрое звяканье шпоръ и сабель по панели.

— Qu'on me les prenne! долетѣла опять повелительная команда.

Къ счастью они были всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, и благодаря этому успѣли скрыться въ воротахъ и добѣжать до квартиры не бывъ настигнуты. Остальное извѣстно.

А теперь, ознакомивъ читателя съ мѣстомъ дѣйствія и дѣйствующими лицами, вернемся къ разсказу.

— Кто тамъ? отозвалась на стукъ Анна Львовна подходя къ двери.

— Это я, Канандю, хозяинъ отеля, сударыня.

Анна Львовна повернула ключъ и въ комнату вошелъ благообразный полный мужчина южно-французскаго типа съ великолѣпнѣйшими черными бакенбардами. Онъ былъ видимо взволнованъ.

— Вы меня извините, сударыня, но я позволилъ себѣ явиться къ вамъ съ совѣтомъ, обратился онъ къ Марьѣ Васильевнѣ.— У насъ тутъ Богъ знаетъ что теперь происходитъ... сами мы не знаемъ что. Конечно, дня черезъ три четыре всему этому будетъ положенъ конецъ—придутъ войска изъ Версали и заберутъ всю эту сволочь—но пока нельзя ни за что ручаться, потому что распоряжается теперь тутъ она, эта сволочь... Вамъ надо поскорѣй уѣхать, прямо вамъ говорю, прибавилъ вдругъ хозяинъ съ озабоченнымъ видомъ.

— А что же такое? испуганно и растерянно спросила Марья Васильевна.

— Да ужъ такъ... Я вамъ говорю надо... Тутъ одинъ, кажется изъ начальниковъ этихъ новыхъ, указываетъ на васъ какъ на подозрительныхъ людей.

— На меня?! вскричала совершенно помертвѣвъ Марья Васильевна.—Я подозрительная! Господи Христосъ съ тобою! проговорила она, по русски, крестясь поспѣшно.

— Я самъ, сударыня, чего чего только не наслушался отстаивая васъ... На меня вскинулись — на человѣка пожертвовавшаго пять тысячъ франковъ на спасеніе отечества!.. А спросите что они дали? ни сантима вѣдь не дали, палецъ о палецъ не стукнули, когда надо было рисковать своей шкурой, а теперь посмотрите-ка какъ распоряжаются... Срамъ, сударыня! Позоръ и срамъ, сударыня!.. Я, напримѣръ, имѣющій прямое право на крестъ, я, которому, говорю прямо, должны дать крестъ, и вдругъ...

Парижскій буржуа эгоистъ сводилъ понемногу вопросъ на свою персону.

Марья Васильевна, совершенно растерянная, слушала не имѣя возможности ничего сообразить; но Анна Львовна, овладѣвшая уже вполнѣ собою, поняла что эта болтовня была только пустою тратою времени, когда, можетъ быть, каждая минута дорога.

— Какая-же намъ можетъ угрожать опасность? перебила она хозяина.

— Какая?.. я не знаю какая!.. Тому назадъ пять минутъ, когда я прогналъ этихъ наглецовъ... Я имъ отвалилъ порядкомъ—ils ont leur paquet, je ne vous dis que ça!.. *) Тому назадъ пять минутъ я тоже бы сказалъ, en fourrant les mains dans la poche **): какая-же намъ, людямъ тихимъ и почтеннымъ, можетъ угрожать опасность? но когда Гриду... вы знаете—Гриду, нашъ консьержъ... но когда Гриду сказалъ мнѣ, что сегодня утромъ изъ двѣсти сорокъ шестаго номера ***) забрали мосье Ламуру, человѣка виднаго и уважаемаго; но когда Морель... нашъ сосѣдъ перчаточникъ Морель... тутъ-же сообщилъ мнѣ, что часъ назадъ схвачены и увезены Богъ знаетъ куда изъ Луврскаго отеля капоникъ Бриду, патеръ Шелль и еще какой то господинъ... Когда я вдругъ узналъ все это, такъ тутъ-же прямо сказалъ: Шутить нечего, надо застегнуться на всѣ пуговицы и держать ухо востро...

— Но мы-же тутъ причемъ? мы русскіе, иностранцы, перебила опять расходившагося болтуна Анна Львовна.

— Вы?! Да о комъ-же они тутъ спрашивались? о васъ! Да кого же они объявили подозрительными—васъ! Да изъ за кого-же они пригрозили мнѣ—изъ за васъ! Почему все это, я не знаю, но только...

— Онъ учтиво намекаетъ, что намъ надо убираться вонъ, тетя, ввернула по русски Анна Львовна.

— Вотъ до чего дожили, Господи! проговорила упавшимъ голосомъ Марья Васильевна и прибавила: А все изъ-за...

Но готовый вырваться упрекъ Аннѣ Львовнѣ остановился на устахъ доброй старушки.

— Что же теперь дѣлать? спросила она растерянно.

— Надо сейчасъ же ѣхать, высказался Чувашевъ.

— И охота вамъ тоже было, милостивый государь, обратился укоризненно хозяинъ къ Чувашеву,—заводить съ ними ссору...

— Онъ ссоры не заводилъ, онъ за меня заступился, оборвала Анна Львовна твердымъ голосомъ хозяина.—Выѣздъ изъ города теперь свободенъ? спросила она.

— Конечно свободенъ. Поѣзда отъ станціи Сенъ-Лазаръ отходятъ каждые два часа, въ четные часы, поспѣшилъ отвѣтить хозяинъ. Анна Львовна взглянула на часы.

— Ну такъ прикажите привести карету, пришлите счетъ и гарсона—мы сейчасъ ѣдемъ. Теперь скоро часъ—мы поспѣемъ на двухчасовой поѣздъ.

Вандомская площадь, обыкновенно довольно пустынная, представляла въ то время чрезвычайно оживленное и необычайное зрѣлище.

Въ одномъ изъ зданій, ее окаймляющихъ, помѣщался, какъ поменно гласила надпись, „Главный Штабъ" и „Комитетъ общественной безопасности". У этихъ только что возникшихъ учрежденій коммуны, оставившихъ за свое двухмѣсячное существованіе грозную и кровавую память, кишьмя кишилъ самый разнообразный людъ.

Человѣкъ двѣсти такъ называемыхъ „федеральныхъ солдатъ" въ блузахъ и кэпи, неряшливаго и распущеннаго вида, изображали нѣчто въ родѣ почетнаго караула. Ружья были сложены въ козлы, солдаты сидѣли и лежали на мостовой въ разныхъ положеніяхъ, покуривая свои коротенькія трубочки. У вандомской колонны, предназначенной къ сломкѣ, расположился небольшой конный отрядъ „парижскихъ развѣдчиковъ" — éclaireurs de Paris. Тощія и невзрачныя лошади, нечищенныя, мохнатыя и безобразно осѣдланныя разнокалиберными сѣдлами, стояли привязанныя къ желѣзной рѣшеткѣ, окружающей колонну. Люди были все лихачи на подборъ, немилосердно ломавшіеся, напоминая наѣздниковъ цирка какъ по ухваткамъ, такъ и по костюму съ лосинами, лакированными ботфортами, громадными шпорами, гигантскими саблями и т. п. Они важно расхаживали, видимо любуясь собою и позируя передъ публикою.

Находившейся тутъ „публикѣ" было впрочемъ не до того. Она явилась сюда не глядѣть, но по различнымъ причинамъ, очень серіознымъ: одни, чтобы получить „пропускъ" на выѣздъ изъ Парижа; другіе, чтобы „представить объясненія" и оправдаться передъ грознымъ комитетомъ, который сразу заявилъ о себѣ съ самой крутой стороны; третьи, чтобъ просить и ходатайствовать за родныхъ и близкихъ людей, арестованныхъ по подозрѣнію въ враждебности къ коммунѣ.

Весь этотъ людъ, разбившись на кучки, топтался близь главнаго входа, одни нервно и тревожно разговаривая шепотомъ и

---

* Это она, Вермешъ!

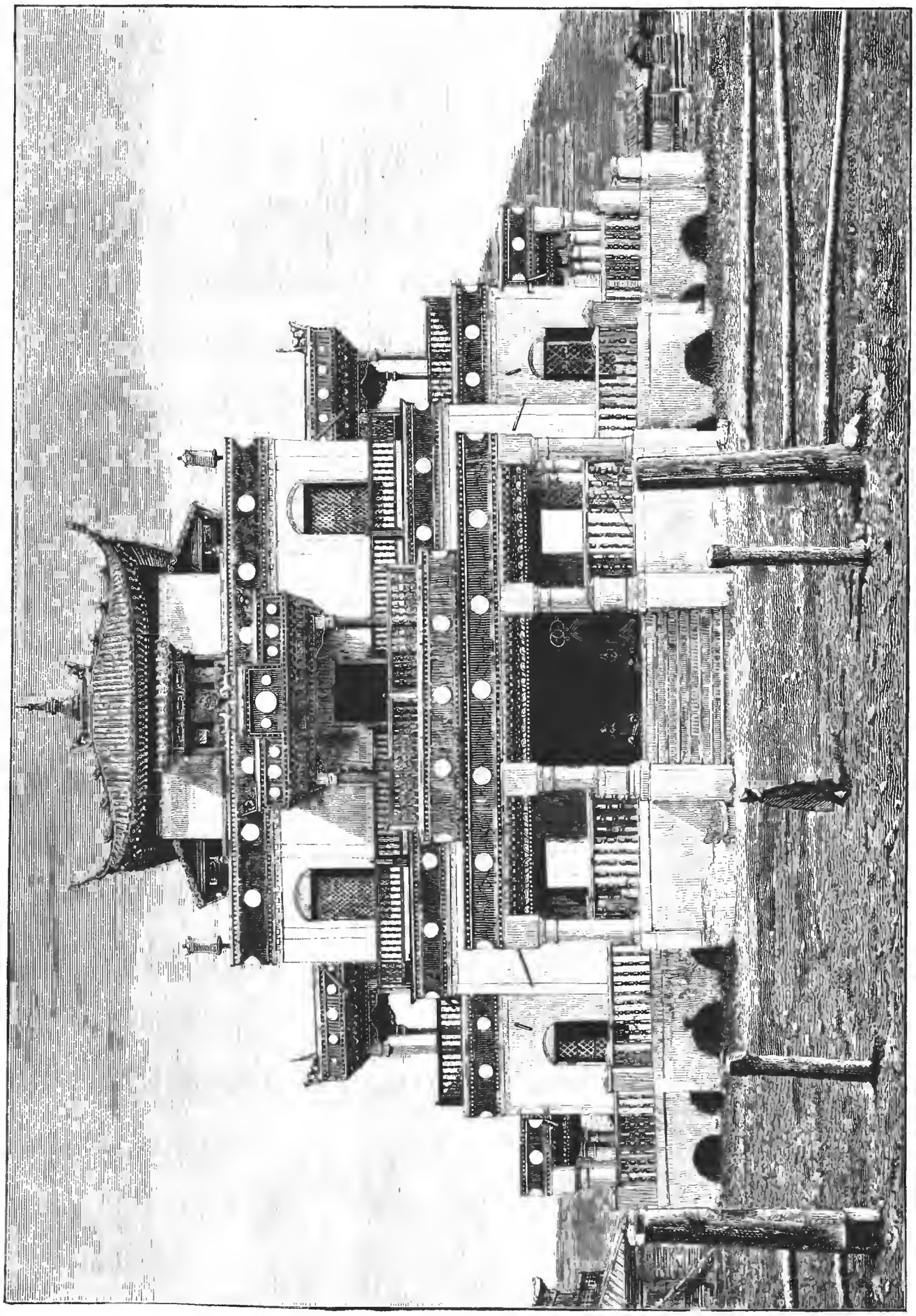
**) Держите ихъ, чортъ возьми!

*) Они получили свое, могу сказать!...

**) Заложивъ руки въ карманъ.

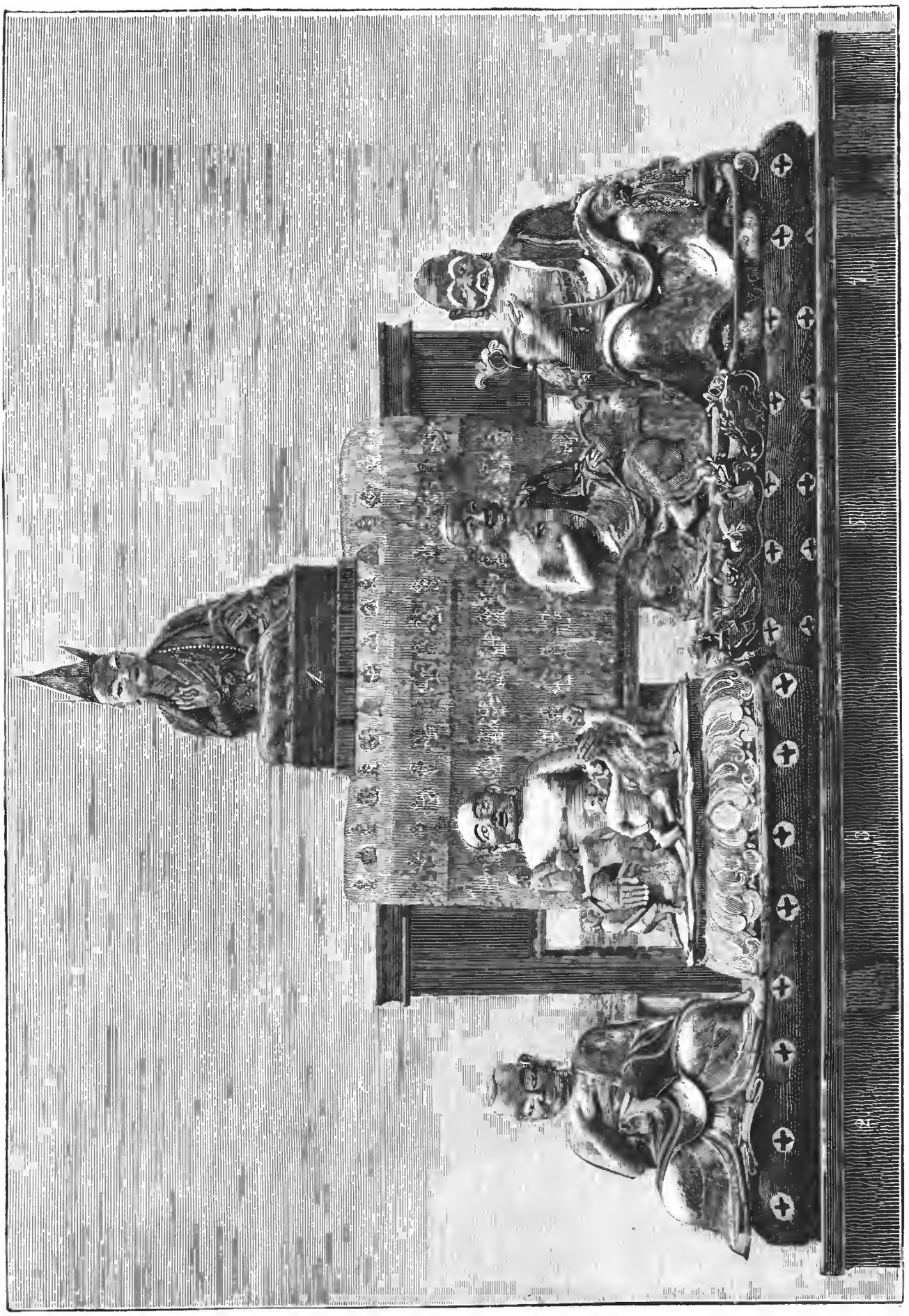
***) То есть дома подъ номеромъ 246.

Библиотека "Руниверс"



Бурятская кумирня, въ Забайкальской области, близь Верхнеудинска. Съ фотогр. Дингеса, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"



Забайкальская область. Бурятскіе бурханы въ Онинскомъ Дацанѣ. Съ фотогр. Дингеса, грав. М. Рашевскій.

1) Тарапата-первосвященникъ. 2 и 4) Одинъ изъ 16 бурхановъ одного названія. 3) Дзаисенъ, владыка монголовъ, съ дѣтьми—богъ плодородія. 5) Братъ Дзаисена—Ямда-Кжанъ.

Библиотека "Руниверс"

прислушиваясь, когда съ крыльца какой-то человѣкъ въ мундирѣ, разукрашенномъ галунами, выкрикивалъ имена вызываемыхъ лицъ,—другіе, осаждая бородастаго „франтирера“, который, сидя за небольшимъ столикомъ, записывалъ имена, и отъ времени до времени передавалъ исписанные листы стоявшему возлѣ него „національному гвардейцу“, для передачи ихъ въ штабъ или комитетъ.

Нѣсколько поодаль, въ самомъ углу площади, нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ два католическихъ патера, стояли тѣсной группой, понуривъ голову, окруженные федеральными солдатами—это были только что арестованные заложники, участь которыхъ имѣлъ рѣшить комитетъ.

Наконецъ, на крыльцѣ главнаго входа, человѣкъ десять въ расшитыхъ золотомъ кэпи и испещренныхъ серебряными и золотыми галунами синихъ и черныхъ мундирахъ оживленно разговаривали, звеня шпорами и побрякивая длинными саблями. Отъ времени до времени раздавался веселый смѣхъ, или какое нибудь крѣпкое словцо. То были „штабные“, только что „испеченные“ изъ самаго разношерстнаго люда.

Было около половины третьяго часа, когда къ крыльцу подошли и стали у подножія лѣстницы три лица, намъ уже извѣстныя: Марья Васильевна, Анна Львовна и Чувашевъ.

Дамы были въ дорожныхъ костюмахъ. Чувашевъ имѣлъ дорожную сумку черезъ плечо. Видъ ихъ былъ довольно разстроенный, въ особенности у Марьи Васильевны.

— Ну, что теперь еще будетъ? проговорила она, совершенно упавшимъ голосомъ.

— Дѣло въ томъ, что здѣсь придется вѣроятно долго ждать очереди. Вонъ ихъ тутъ сколько дожидается, откликнулся Чувашевъ, кивнувъ головою на площадь, усѣянную народомъ.

Не успѣлъ онъ договорить своей фразы, какъ изъ группы стоявшихъ на крыльцѣ „штабныхъ“, отдѣлился одинъ изъ раззолоченныхъ господъ и быстро сбѣжавъ съ лѣстницы подошелъ къ дамамъ.

— Русскія! Вы, mesdames, русскія! воскликнулъ онъ на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ, развязнѣйшимъ тономъ, умильно осклабившись и разставивъ руки.

Изъ себя это былъ человѣкъ средняго роста, чрезвычайно узкій въ плечахъ, что придавало ему тщедушный видъ, не взирая на шикарный мундиръ; руки, ноги, шея худобы страшной; лицо худое, блѣдное, съ большимъ широкимъ лбомъ, гладко выбритое, безъ малѣйшаго признака растительности; взглядъ неспокойный, нахальный, съ претензіей на глубину и фатализмъ; ротъ съ тонкими безцвѣтными губами, подвижной, осклабляющійся по старчески, не взирая на то, что человѣку этому на видъ было лѣтъ тридцать, не болѣе.

Юркій взоръ его скользнулъ по Марьѣ Васильевнѣ, скользнулъ небрежно по Чувашеву и остановился съ удовольствіемъ на Аннѣ Львовнѣ.

— Да, русскіе, русскіе, бат....! воскликнула, несказанно обрадовавшись, Марья Васильевна и запнулась; она хотѣла было, по обыкновенію, сказать, какъ говорила всѣмъ русскимъ людямъ: батюшка, но остановилась, словно что то ей подсказало, что этотъ хоть и русскій, да не совсѣмъ свой.

Анна Львовна болѣе сдержанно отнеслась къ авансамъ соотечественника, а Чувашевъ смотрѣлъ на него молча, во всѣ глаза, будто на чудо какое.

— Какими судьбами вы къ намъ сюда попали, mesdames? Плѣнницами? пошутилъ соотечественникъ съ „обворожительной“ и масляной улыбкой, вставляя монокль въ глазъ, и затѣмъ, какъ бы опомнившись, поспѣшилъ присовокупить:—Но я, Боже мой, совсѣмъ забылъ вамъ представиться... Жанъ де Бражниковъ, Иванъ Александровичъ Бражниковъ, саратовскій экс-помѣщикъ и делегатъ комитета общественной безопасности, шефъ тринадцатаго отдѣла національной обороны, инспекторъ втораго сектора... а теперь, mesdames,—прибавилъ онъ изысканнѣйшимъ тономъ расшаркиваясь à la Lausun—позвольте узнать съ кѣмъ имѣю честь?...

Марья Васильевна совсѣмъ осовѣла при этомъ перечисленіи невѣдомыхъ ей титуловъ и растерялась.

— Вы намъ можете очень помочь въ эту минуту, обратилась къ нему Анна Львовна.—Мы съ тетей и вотъ съ нашимъ добрымъ знакомымъ, господиномъ Чувашевымъ, пробыли здѣсь во время всей осады и хотѣли сегодня уѣхать, но на станціи намъ сказали, что безъ „пропуска“ отъ главнаго штаба нельзя получить билета. Намъ необходимо ѣхать сегодня, а между тѣмъ, здѣсь столько народу, что мы рискуемъ ждать до завтра очереди... Не будете ли вы такъ любезны...

— Тотчасъ же вытребовать для васъ этотъ пропускъ!? досказалъ съ жаромъ соотечественникъ. — Конечно, конечно. Мнѣ вѣдь одно слово сказать, je n'ai qu'un mot à dire, какъ вы понимаете, и все будетъ сдѣлано немедленно, à la minute, внѣ всякой очереди... Пойдемте!

Предшествуемые Бражниковымъ, они поднялись по широкой монументальной лѣстницѣ, во второй этажъ и вошли въ большую комнату, гдѣ нѣсколько человѣкъ, сидя за огромнымъ столомъ, усиленно строчили.

— Подождите меня тутъ, mesdames, сейчасъ же все сдѣлаемъ, сказалъ Бражниковъ разставляя руки.

— А наши паспорты-то. Я вамъ сейчасъ... заговорила было Анна Львовна.

— Паспорты?! Намъ паспорты?!! Намъ, свободолюбцамъ, признавшимъ права нормальнаго человѣка, эта готическая бумаженка?!!! Помилуйте, да за кого же вы насъ принимаете?! воскликнулъ съ паѳосомъ Бражниковъ, скорчивъ укоризненную гримасу, и затѣмъ, вдругъ, сладко осклабившись, нѣжнѣйшимъ тономъ прибавилъ съеживъ губы: Votre nom suffit, madame *).

— Анна Львовна Шерметева, а это моя...

— Ça suffit madame! остановилъ ее Бражниковъ расшаркиваясь.—Ничего болѣе не нужно. Votre nom est trop connu **). Будь съ вами двадцать человѣкъ я и тогда бы прямо приказалъ... понимаете. *приказалъ*: такая то и при ней столько—и конченъ балъ, и конецъ, и все тутъ!.. A l'instant, madame ***).

И онъ, семеня ножками, отправился въ сосѣднюю комнату.

— Слава тебѣ Господи! Вотъ счастье то Богъ послалъ, Анеточка... заговорила вполголоса Марья Васильевна, но вдругъ остановилась, взглянувъ на Анну Львовну.

На Аннѣ Львовнѣ, какъ говорится, лица не было. Страшно блѣдная, глубоко взволнованная, она стояла неподвижно, устремивъ взоръ на дверь, у которой выходившій Бражниковъ, столкнулся съ высокимъ, стройнымъ брюнетомъ, замѣчательно красивымъ, одѣтымъ въ штатское платье, при красномъ шарфѣ, опоясывающемъ талію.

— Посмотрите-ка, Варлакъ, полюбуйтесь, какова красавица—а! Une Russe. Тамъ за мною съ теткой стоитъ, обратился Бражниковъ къ брюнету.

Странное дѣло! Когда послѣдній вскинулъ взоръ по указанному направленію и увидѣлъ Анну Львовну, его слегка передернуло и онъ видимо смутился.

— Какова? а? И при этомъ милліоны! Это вѣдь все равно что у васъ Ротшильдъ! тараторилъ Бражниковъ, принявшій, благодаря созвучію, скромную фамилію Шерметевыхъ, за знаменитое имя русское.

— Она?.. Эта барышня?.. проговорилъ изумленно брюнетъ.

— Да, вотъ эта самая барышня, или барыня... Если барыня—она обладательница милліоновъ, если барышня — наслѣдница милліоновъ. On roule sur des millions dans cette famille ****).

— А что же ей тутъ надо? спросилъ брюнетъ.

— Да вотъ за пропускомъ на выѣздъ пришли. Я имъ его сейчасъ справлю.

Сказавъ это Бражниковъ побрелъ далѣе.

Брюнетъ поднялъ глаза и остановилъ взоръ на Аннѣ Львовнѣ. Чудесный это былъ взоръ, исполненный любви, страсти и мольбы.

А она—она, словно магнетизированная, пронизанная насквозь этимъ взоромъ, затрепетала и замлѣла, едва сдерживая охватившее ее волненіе.

Марья Васильевна разбудила ее отъ этого сладкаго забытья.

— Анеточка, ангелъ мой, да что съ тобою? спросила она, поразившись блѣдностью Анны Львовны.

— Ничего, совсѣмъ ничего, тетя, отвѣтила послѣдняя вздрогнувъ и напрягая всѣ усилія, чтобы казаться спокойною.

— Какъ ничего, помилуй! посмотри, вѣдь на тебѣ лица нѣтъ.

— Я вамъ говорю, тетя, что ничего! повторила нервно Анна Львовна, и тутъ встрѣтилась глазами съ Чувашевымъ.

Устремленный на нее пристальный, недоумѣвающій, исполненный тревоги взоръ послѣдняго смутилъ Анну Львовну. Легкая краска пробѣжала по блѣдному лицу. Она быстро отвернулась, сжавъ нервно губы и взглянувъ украдкой на дверь, гдѣ все еще стоялъ красивый брюнетъ.

Въ эту минуту со стороны лѣстницы раздался неопредѣленный говоръ и шумъ и чрезъ комнату быстро прошелъ національгардъ, выкрикивая подобно разнощикамъ на улицѣ:

— Прокуроръ коммуны!.. Прокуроръ коммуны!

Слова эти производили значительное впечатлѣніе. Нѣсколько лицъ, находившихся въ комнатѣ, поспѣшно подошли къ двери и стали въ рядъ. Въ сосѣдней комнатѣ тоже засуетились. Красивый брюнетъ исчезъ. На лѣстницѣ, говоръ смѣнился мертвымъ молчаніемъ, среди котораго отъ времени до времени раздавался все яснѣе и яснѣе, рѣзкій, нѣсколько гнусливый, голосъ, переходившій возвышаясь въ фальцетъ. Очевидно „господинъ прокуроръ“ выслушивалъ на пути просителей и постановлялъ свои рѣшенія. Формулировались эти рѣшенія сухими, короткими, рѣшительными фразами, словно отрубленными.

Наконецъ, въ дверяхъ показались и остановились два національгарда при ружьяхъ, шедшіе рядомъ. Лица, стоявшія у двери, наклонились впередъ.

— Нѣтъ, я сказалъ, что невозможно! раздался тотъ же рѣзкій гнусливый фальцетъ, и въ комнату вошелъ человѣкъ средняго роста, плотный, широкій въ плечахъ, съ круглымъ, нѣсколько приплюснутымъ, лицомъ, изжелта блѣднымъ. На видъ ему было лѣтъ подъ тридцать.

Широкій, придавленный носъ съ раздувающимися ноздрями, круглые, нѣсколько выпуклые и неподвижные, большіе сѣрые глаза, съ взглядомъ острымъ и холоднымъ какъ сталь, большой ротъ съ толстыми, чувственными, но безкровными губами, густые

*) Вашего имени достаточно, сударыня.
**) Ваше имя слишкомъ извѣстно.
***) Сейчасъ, сударыня.
****) Въ этой семьѣ купаются въ милліонахъ.

Библиотека "Руниверс"

курчавые волоса, покрывающіе почти весь лобъ и жидкая русая борода. На носу золотой pince-nez. Одѣтъ безукоризненно—въ изящной темносиней жакеткѣ, свѣтлосѣрыхъ панталонахъ и лаковыхъ ботинкахъ—одѣтъ слишкомъ франтовато, прилизанъ слишкомъ тщательно. Руки бѣлыя, замѣчательно красивыя и выхоленныя, со множествомъ колецъ.

Некрасивая, но незаурядная и характерная фигура эта былъ Рауль Риго, кровавой памяти.

Онъ всего третій день прокурорствовалъ, заправляя при этомъ комитетомъ общественной безопасности, но уже успѣлъ заявить о себѣ такъ, что имя его начинало разноситься по Парижу—одними съ ужасомъ и омерзѣніемъ, другими съ дикимъ восторгомъ.

— Quel scélerat *)! говорили шепотомъ мирные граждане, осторожно озираясь.

— Quel homme **)! возглашали съ жаромъ сторонники анархіи.

Дѣло въ томъ, что за эти первые дни своей новой дѣятельности—до тѣхъ поръ онъ служилъ въ какой то частной конторѣ—Рауль Риго успѣлъ арестовать около пятисотъ „подозрительныхъ" лицъ, секвестровать имущество (движимое) вдвое большаго числа людей, „отобрать" семь первыхъ заложниковъ (впослѣдствіи разстрѣлянныхъ), приговорить къ смерти двадцать четыре человѣка, и привести этотъ приговоръ въ исполненіе надъ тринадцатью изъ нихъ.

— Еще! воскликнулъ онъ рѣзко и съ неудовольствіемъ увидѣвъ группу просителей, ожидавшихъ его у дверей, и обратясь къ сопровождавшему его молодому человѣку изнѣженнаго и чахлаго вида, прибавилъ:—Опросите ихъ, et qu'on me laisse enfin tranquille ***)!

И онъ прошелъ мимо группы, не удостоивъ никого взглядомъ. Увидѣвъ Рауля Риго, Анна Львовна, не взирая на свое волненіе и растерянность, чуть не вскрикнула.

— Онъ! Это онъ! проговорила она задыхающимся голосомъ, наклонившись къ Чувашеву.

— Да, да, тотъ который сегодня... Спрячьтесь скорѣе за меня, быстро произнесъ Чувашевъ, отворачивая лицо въ сторону.

Увы! прятаться было некуда да и поздно. Исключая группы, стоявшей у двери, въ комнатѣ были только наши русскіе знакомые да люди писавшіе за столами.

Рауль Риго тотчасъ замѣтилъ Анну Львовну и остановился, медленно окидывая своимъ пронизывающимъ холоднымъ взглядомъ то ее, то Чувашева, то Марью Васильевну.

— Дакоста! кликнулъ онъ своего чахлаго спутника.

Тотъ бросилъ свой „опросъ" и поспѣшилъ къ прокурору.

— Этого человѣка и этихъ двухъ женщинъ, произнесъ громко Риго, отчеканивая рѣзко каждое слово и указывая на Чувашева,—вы приведете ко мнѣ для допроса. Я позову васъ.

Сказавъ это, прокуроръ пошелъ далѣе.

— Это еще что? спросила Марья Васильевна не понимая въ чемъ дѣло, но смутно догадываясь о чемъ-то недобромъ.

— А то что это онъ, тетя, прошептала Анна Львовна очень блѣдная.

— Какой онъ?

— Да тотъ что сегодня...

— Это онъ-то, пучеглазый?! воскликнула въ совершенномъ осовѣніи Марья Васильевна и затѣмъ прибавила: Чтожъ намъ теперь дѣлать-то, Господи!

Дакоста—секретарь Рауля Риго—окинулъ нѣсколько удивленнымъ и недоумѣвающимъ взоромъ трехъ русскихъ и подошелъ къ нимъ.

— Если онъ только васъ обидитъ—я ему голову разможжу, произнесъ какимъ то сдавленнымъ голосомъ Чувашевъ выступая впередъ и становясь передъ Анной Львовной.

Рѣшимостью дышала въ эту минуту невзрачная фигура маленькаго человѣка.

Секретарь обошелся однако учтиво.

— Ваше имя и фамилія? обратился онъ къ Чувашеву принимаясь записывать.

— Же сюи унъ русъ, Василій Чувашевъ, отвѣтилъ тотъ на безобразнѣйшемъ французскомъ языкѣ и съ безобразнѣйшимъ акцентомъ, глядя съ вызывающимъ видомъ на Дакосту.

Въ эту минуту въ комнату влетѣлъ Бражниковъ, держа бумагу въ рукѣ.

— Ну вотъ вамъ и пропускъ, mesdames! заговорилъ онъ еще издали.—Съ этимъ вы можете куда... Онъ замолчалъ замѣтивъ Дакосту и умильное выраженіе его лица моментально смѣнилось строго вопросительнымъ.

— Это что-же за допросъ такой, милостивый государь? обратился онъ къ секретарю.—Вотъ вашъ пропускъ, mesdames. Можете имъ хоть сейчасъ воспользоваться, присовокупилъ онъ подавая бумагу Аннѣ Львовнѣ

— Нѣтъ, сейчасъ имъ нельзя будетъ этимъ воспользоваться, отрѣзалъ спокойнымъ и мягкимъ голосомъ Дакоста, не смотря на Бражникова.

— Почему-же? Позвольте вамъ сказать, это мои соотечественники, мои старинные и добрые знакомые, за которыхъ я ручаюсь головою! горячился Бражниковъ.

— Ваша голова нужна для дѣла, а потому ручаться ею вы не можете, отвѣтилъ не безъ ироніи, тѣмъ же ровнымъ и мягкимъ голосомъ секретарь, и затѣмъ, взглянувъ прямо въ глаза Бражникову, прибавилъ: Впрочемъ, я дѣйствую по приказанію господина прокурора коммуны.

— Ахъ, разбойники! вскрикнула вдругъ Марья Васильевна всплеснувъ руками. — Что-же это они замышляютъ, батюшка, противъ насъ?

— Скажите ради Бога, обратилась съ своей стороны къ русскому коммиссару Анна Львовна,—этотъ прокуроръ всесильный тутъ человѣкъ?

— Всесильный! Chere madame, вы забываете, что всесильные бываютъ только среди деспотизма, а мы вѣдь тутъ провозгласили полное абсолютное равенство и свободу! Нормальный человѣкъ—вотъ нашъ базисъ—la base! Принципы тысяча восемьсотъ семьдесять перваго года, это, сударыня, вѣдь не какіе нибудь принципишки восемьдесятъ девятаго года! Здѣсь вѣдь...

— Послушайте, перебила расходившагося болтуна Анна Львовна, — время дорого. Черезъ нѣсколько минутъ насъ поведутъ къ этому прокурору на допросъ... Позвольте, не перебивайте меня, потому что, повторяю, минуты дороги... Я вамъ скажу въ чемъ дѣло и, если возможно, выручите насъ изъ рукъ этого человѣка.

И Анна Львовна въ нѣсколькихъ словахъ разсказала Бражникову свои встрѣчи съ Раулемъ Риго. Какъ онъ первый разъ, мѣсяцевъ десять назадъ, присталъ къ ней на улицѣ, разсыпаясь въ любезностяхъ, въ выраженіяхъ своего восхищенія ея красотою,—какъ, не взирая на то, что она приказала ему оставить ее въ покоѣ и пригрозила даже сержантомъ, онъ прослѣдилъ ее до дому, какъ потомъ она часто встрѣчала его,—какъ вторично онъ, очевидно поджидавшій, присталъ къ ней съ пламеннымъ объясненіемъ въ любви, такъ что она обратилась за помощью къ прохожимъ,—какъ за нѣсколько часовъ передъ симъ произошла извѣстная уже читателю третья встрѣча съ этимъ человѣкомъ,—и какъ, наконецъ, встрѣтивши ее здѣсь теперь, онъ приказалъ привести ихъ трехъ себѣ къ допросу.

— Вы видите теперь въ чемъ дѣло и понимаете почему я спросила всесиленъ ли онъ? Мы вѣдь въ такомъ случаѣ беззащитны и совершенно въ его власти.

Не успѣла она кончить своей фразы какъ явился посланный съ приказаніемъ пожаловать къ господину прокурору.

— Помогите, батюшка! возопила Марья Васильевна бросаясь къ Бражникову.

Послѣдній, повидимому, смотрѣлъ на дѣло совсѣмъ не такъ серіозно какъ Анна Львовна; онъ даже, во время ея разсказа, игриво ухмыльнулся, и на отчаянный возгласъ Марьи Васильевны отвѣтилъ, что тутъ просто какое нибудь недоразумѣніе и что имъ безпокоиться нечего.

— Это вѣдь, сударыня, не наполеоновщина! воскликнулъ онъ горячо въ заключеніе.—Я вамъ головой ручаюсь, что черезъ нѣсколько минутъ вы будете свободны... Понимаете, головой ручаюсь!

И онъ провелъ рукою по горлу.

Нѣсколько успокоенные этими рѣшительными завѣреніями, дамы и Чувашевъ послѣдовалъ за Дакостой. Бражниковъ остался. Ухмыляясь почему-то себѣ подъ носъ, онъ занялся крученіемъ папиросы, когда въ комнату вошелъ Варлакъ.

— Eh bien, et vos Russes? *) спросилъ послѣдній подойдя къ Бражникову.

Бражниковъ только рукой махнулъ съ какою то презрительной усмѣшкой.

— А что?

— Аристократки! пояснительно воскликнулъ онъ какъ будто въ одномъ этомъ словѣ заключалась полнѣйшая аттестація лица.—Какія то готическія существа, не мыслящія и не производительныя, не понимающія ни событій, ни людей, ничего! Годныя только...

— А куда онѣ дѣлись? перебилъ равнодушнымъ тономъ Варлакъ.

— Опрашиваются Раулемъ Риго. Красавица считаетъ насъ какими-то разбойниками, а Рауля—Синею-Бородою... Онъ, видите, ихъ потребовалъ, прибавилъ Бражниковъ ироническимъ тономъ, потому что безумно влюбленъ въ нее и хочетъ овладѣть ею! Нѣтъ, какъ это вамъ нравится? И вѣдь такъ прямо и чешетъ, будто дѣло идетъ не о высшихъ членахъ правительства, а о какихъ-то злодѣяхъ бандитахъ... Чортъ знаетъ что!

Варлакъ слушалъ болтуна съ напряженнымъ вниманіемъ.

— А все этотъ поганый аристократизмъ, продолжалъ горячиться Бражниковъ.—Учтива вѣдь съ виду, а между тѣмъ на каждомъ словѣ такъ и сквозитъ, что считаетъ васъ просто шушерой. Мнитъ о себѣ, что всѣ по ней съ ума сходятъ.

— Но она дѣйствительно очень хороша, замѣтилъ Варлакъ.

— Да, бабенка хоть куда, но вѣдь не чудо же какое, чтобъ люди такъ прямо бы набрасывались на нее какъ полоумные! Я понимаю еще, еслибы знали о ея милліонахъ, ну это другое дѣло, а то такъ ничего не зная...

— А вы знаете, что я вамъ скажу, перебилъ вдругъ Бражникова, будто вспомнивъ что-то, дѣловитымъ тономъ брюнетъ. Мы заговорились о пустякахъ и забываемъ дѣло. Надо осмо-

*) Какой извергъ!
**) Какой человѣкъ!
***) И пусть меня оставятъ наконецъ въ покоѣ.

*) Ну, и ваши русскіе?

Библиотека "Руниверс"

трѣть сегодня-же линію Нельи, а Мильера еще нѣтъ. Хотите сейчасъ ѣхать вмѣсто него? Конной готовъ тутъ у подъѣзда.

„Инспектировать" линію, прокатиться по улицамъ съ конвоемъ, фигурировать *персоною* — всѣ эти соблазны подѣйствовали неотразимо на Бражникова, игравшаго, вопреки его заявленію соотечественницамъ, очень незначительную роль между корифеями коммуны.

— Конечно готовъ и сейчасъ-же если надо! Съ сіяющимъ лицомъ, онъ сталъ поспѣшно опраплять мундиръ и воротнички и надѣлъ кэпи какъ-то особенно залихватски.

— Крутую конечно инспекцію? спросилъ онъ, вахмуривъ брови съ напускною серіозностью, поправляя вихры на вискахъ.

И боясь чтобы у него не перебили столь пріятнаго порученія, быстро отправился къ выходу.

— Ворона! проговорилъ вполголоса Варлакъ, смотря не то насмѣшливо, не то презрительно ему вслѣдъ, и подойдя къ лѣстницѣ, крикнулъ стоявшему конному развѣдчику, указывая на Бражникова. Вы будете ихъ сопровождать!

Допросъ нашихъ русскихъ знакомыхъ продлился очень недолго.

Ихъ провели чрезъ длинный корридоръ въ обширную комнату, богато и изящно убранную.

— Подождите, сказалъ Дакоста, и приблизившись къ запертой двери постучался.

— Это вы, Дакоста? раздался за дверью рѣзкій гнуслиный фальцетъ Рауля Риго.

— Да.

— Приведите мнѣ мужчину.

Чувашевъ былъ впущенъ и дверь за нимъ закрылась.

Онъ очутился въ большомъ роскошномъ кабинетѣ, посреди котораго стоялъ огромный письменный столъ, заваленный бумагами. За этимъ столомъ, откинувшись на спинку кресла, сидѣлъ Рауль Риго.

Въ первую минуту, Чувашевъ только это и замѣтилъ въ комнатѣ.

— Подойдите! отрубилъ рѣзко прокуроръ.

Чувашевъ подошелъ къ столу, беззвучно шагая по густому ковру, которымъ былъ устланъ кабинетъ.

— Вы осмѣлились поднять сегодня руку на члена правительства. Кто вы такой?

— Же сюи унъ русъ, Василій Чувашевъ! послѣдовалъ отвѣтъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ.

— Зачѣмъ вы тутъ? Ваши бумаги?

— Нонъ панье, отвѣтилъ какъ умѣлъ Чувашевъ, паспортъ котораго, какъ помнитъ читатель, былъ отобранъ въ русскомъ консульствѣ.

— Ага! проговорилъ злонѣщимъ голосомъ Риго, измѣряя насмѣшливымъ взглядомъ Чувашева.—Нѣтъ бумагъ.. Ну и кто же поручится, что вы не какая нибудь каналья, которая насъ шпіонитъ?

Прокуроръ отчеканилъ по складамъ слово: каналья.

Чувашена, какой онъ ни былъ хомякъ и чувакъ, въ жаръ кинуло отъ этого оскорбленія, такъ сказать выплюнутаго въ него иностранцемъ. Это послѣднее обстоятельство какъ-то особенно подѣйствовало на него.

Нѣсколько секундъ онъ простоялъ молча, глядя пристально на прокурора, и затѣмъ, отставивъ ногу и тряхнувъ головою, брякнулъ вдругъ:

— Ву мемъ каналья!

— Misérable *), заревѣлъ Рауль Риго вскочивъ какъ ужаленный, и почти въ то же мгновеніе Чувашева схватили сзади за руки.

Онъ рванулся было инстиктивно, но его держали крѣпко. Оглянувшись, онъ увидѣлъ за собой двухъ національгардовъ, которыхъ не замѣтилъ войдя въ комнату.

— Сейчасъ отправить его въ депо! крикнулъ Риго не своимъ голосомъ.

— Же сюи унъ русъ! повторилъ задыхающимся голосомъ Чувашевъ, пытаясь вырваться изъ лапъ національгардовъ.—Анна Львов...., крикнулъ было онъ изо всѣхъ силъ, но одинъ изъ державшихъ его зажалъ ему ротъ.

Не взирая на отчаянное сопротивленіе, его такъ съ зажатымъ ртомъ и потащили въ противоположный конецъ комнаты и тамъ грубо пихнули въ узкій и длинный корридоръ.

(До слѣд. №).

Стихотвореніе.

Хоть очень грустно, это такъ:
Намъ все становится постыло;
И время,—этотъ злѣйшій врагъ,
Уноситъ то, что было мило...

Всему на свѣтѣ есть предѣлъ:
Любви, и славѣ, и страданью;
Но безконечность Богъ велѣлъ
Дать одному: *воспоминанью!*

С. Кречетовъ.

Къ рисункамъ.

Эдипъ и Антигона.

(Рис. на стр. 560 и 561).

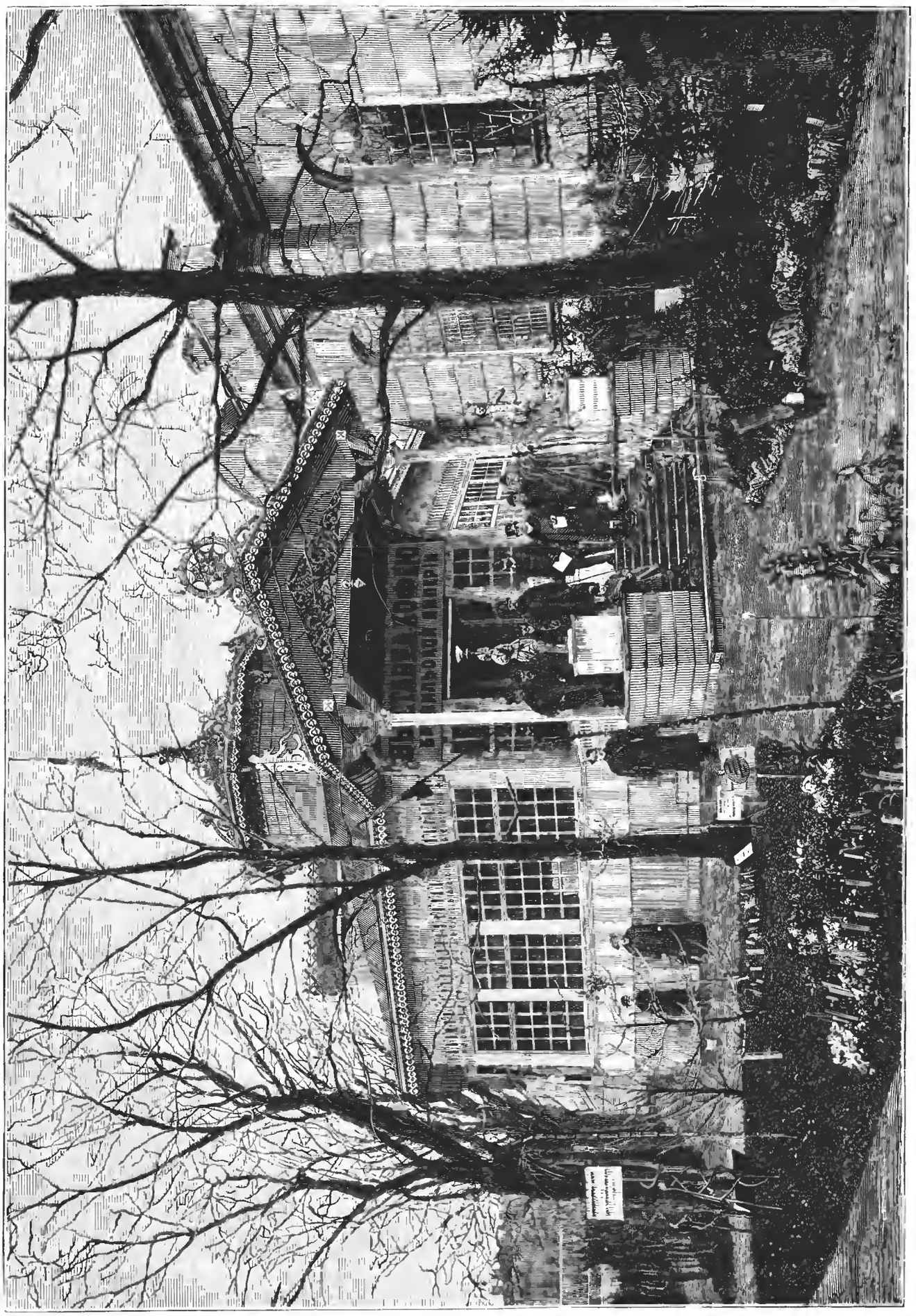
Въ сказаніи о приключеніяхъ и несчастіяхъ Эдипа въ Греціи въ первобытную, еще до-Гомеровскую эпоху, лежитъ глубокая, трагическая основа. Эдипъ—это несчастнѣйшій и вмѣстѣ съ тѣмъ мудрѣйшій и достойнѣйшій изъ людей; его гонитъ судьба, наталкиваетъ на преступленія и, наконецъ, губитъ совершенно напрасно. Вся жизнь его—это рядъ несчастій, и онъ находитъ успокоеніе лишь тогда, когда боги, прекративъ свой гнѣвъ, таинственно похищаютъ его изъ этого бреннаго міра и даютъ ему мѣсто среди высшихъ, вѣчно-блаженныхъ существъ. Исторія Эдипа въ высшей степени драматична и потому не удивительно, что лучшіе греческіе трагики, и между ними Софоклъ, постоянно брали ее темой своихъ произведеній. По этой легендѣ, царь Ѳивъ, Лаія, женатый на Іокастѣ, сестрѣ Креона, оставался долго бездѣтнымъ; чтобы пособить этому горю, супруги прибѣгли къ совѣту оракула и получили отъ Пиеіи страшный отвѣтъ; по словамъ оракула, у Лаія и Іокасты долженъ родиться сынъ, который убьетъ со временемъ собственнаго отца. Дѣйствительно, Іокаста скоро родила сына, котораго отецъ поспѣшилъ, чтобы не сбылось предсказаніе, бросить въ пустынѣ, проколовъ ему ноги и связавъ ихъ крѣпкимв ремнями. Но рѣшеніе судьбы было неотвратимо: ребенка нашелъ одинъ пастухъ, назвалъ его Эдипомъ, т. е. человѣкомъ съ больными ногами и принесъ къ Поливію, царю Коринеа. Здѣсь Эдипъ воспитывался при дворѣ, какъ родной сынъ царя, принимая его дѣйствительне за отца. Чрезъ нѣсколько времени сбылось предсказаніе оракула: встрѣтивъ на дорогѣ Лаію, Эдипъ поссорился съ однимъ изъ его слугъ, вступилъ съ нимъ въ борьбу и въ общей схваткѣ неосторожнымъ ударомъ убилъ своего настоящаго отца. Посѣтивъ послѣ этого Ѳивы, гдѣ послѣ погибшаго Лаія уже царствовалъ Креонъ, Эдипъ нашелъ городъ въ страшномъ смятеніи. Ужасное чудовище, по имени Сфинксъ, съ лицомъ женщины, съ крыльями птицы и торсомъ и хвостомъ льва, поселившись около города, задавало гражданамъ разныя загадки, и того кто ихъ не отгадывалъ, пожирало. Царь Креонъ, чтобы спасти жителей, послалъ повсюду глашатаевъ, что онъ отдастъ тому корону и руку сестры своей Іокасты, кто побѣдитъ Сфинкса. Тутъ является Эдипъ, отгадываетъ загадку чудовища, убиваетъ его и получаетъ обѣщанную награду. Казалось, онъ теперь на верху могущества и счастья, но месть боговъ уже ждала Эдипа. Страшный моръ и другія несчастія посѣтили Ѳивы и приводили въ отчаяніе ихъ жителей. По обыкновенію прибѣгли къ совѣту оракула и тотъ объявилъ, что гнѣвъ боговъ тогда лишь прекратится, когда будетъ достойно наказанъ убійца Лаія. Тутъ то несчастный Эдипъ, розыскивая убійцу, мало по малу узналъ отъ разныхъ свидѣтелей, что этотъ убійца—онъ самъ. Въ отчаяніи, лишенный разомъ семейнаго счастія и покоя, Эдипъ не хочетъ болѣе смотрѣть на свѣтъ и собственноручно ослѣпляетъ себя, и лишившись жены, которая сама умертвила себя, обрекаетъ себя на добровольное изгнаніе. Въ рубищѣ, слѣпой, безъ крова и пропитанія, бродитъ онъ изъ страны въ страну, оглашая воздухъ своими воплями.

О страшный мракъ!
Ужасный мой мракъ, несказанный мракъ,
Неизбѣжный мракъ, безконечный мракъ!
О горе мнѣ! вторично горе мнѣ!
Какъ жало боли той вошло въ меня
И вмѣстѣ съ нимъ ужасныхъ память золъ!

Такъ жалуется Эдипъ въ трагедіи Софокла. Онъ проклинаетъ себя, свою судьбу и своихъ сыновей Этеокла и Поленика, которые своей враждой причиняютъ ему лишь одно горе. Единственная его отрада—это его дочери Исмена и Антигона, особенно послѣдняя, которая сопутствуетъ ему въ его странствованіяхъ, бережетъ его, ласкаетъ и утѣшаетъ въ его горькой долѣ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ скитаній Эдипъ наконецъ приходитъ въ Колону, въ мѣстность гдѣ господствовали Эвмениды. Здѣсь старецъ находитъ себѣ вѣчное успокоеніе и таинственно переходитъ въ міръ тѣней. Картина, изображающая слѣпаго Эдипа и Антигону, помѣщаемая нами въ роскошной гравюрѣ, принадлежитъ кисти бельгійскаго историческаго живописца Сталлерта и представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающееся произведеніе, какъ по экспрессіи, такъ и по энергіи и силѣ кисти. Оригиналъ, какъ говорятъ, производитъ на зрителя глубокое впечатлѣніе и внушаетъ ему невольное сочувствіе къ этимъ дѣйствующимъ лицамъ древне-греческой легенды—къ несчастному Эдипу и Антигонѣ.

*) Негодяй!

Библиотека "Руниверс"



Международная выставка садоводства въ СПБ. Бразильскій павильонъ въ Михайловскомъ манежѣ.
По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Фатима.

(Рис. на стр. 565).

Извѣстное старинное преданіе о Синей Бородѣ, столь популярное въ Бретани и имѣющее даже нѣкоторую историческую подкладку, вызвало множество варьянтовъ и подражаній. Эту нѣсколько измѣненную тему о жестокостяхъ владѣльца замка Реца Жиля де Лаваля, мы встрѣчаемъ и въ сказкахъ Перро, и въ комическихъ операхъ, и наконецъ въ феріяхъ, гдѣ Рауль Синяя Борода изъ бретонскаго дворянина XV вѣка, превращается въ восточнаго калифа Абамелика. Какъ и въ бретонской легендѣ, онъ наказываетъ смертью своихъ женъ, одну за другою за малѣйшее проявленіе въ нихъ общей женской слабости—любопытства. Той-же участи подвергается и Фатима, прелестный образъ которой изображенъ художникомъ. Фатима, какъ видите, уже около той роковой двери, переходъ черезъ которую былъ для каждой ея предшественницы гибелью. Она уже знаетъ кой что объ ужасахъ, скрывающихся за этою дверью, но любопытство беретъ верхъ надъ страхомъ и она осторожно прикладываетъ ключъ къ замочной скважинѣ. Вся фигура Фатимы въ высшей степени энергична, а самая ея поза естественна и граціозна. Свѣтъ падаетъ на ея поднятую руку и на страстное, оживленное лицо; восточный нарядъ далъ возможность художнику выказать блескъ и яркость колорита. Широкіе рукава Фатимы изъ прозрачнаго газа алаго цвѣта; коретъ платья шеколаднаго съ золотыми разводами; все это чисто въ восточномъ вкусѣ и въ высшей степени эффектно и оригинально. Ея чудные блестящіе волосы падаютъ въ безпорядкѣ, широкой волной, изъ подъ причудливаго головнаго убора, украшеннаго золотыми и зелеными узорами и обвязаннаго бѣлой лентой; съ боку ея гибкаго стана виситъ миніатюрный кинжалъ, а ниже, на поясѣ, видна цѣлая связка ключей, захваченныхъ вѣрно съ той-же цѣлью—открытія таинственной двери. Вообще картина Брайтналя отличается крупными достоинствами. Она исполнена естественности и неподдѣльнаго драматизма и прекрасно передаетъ одинъ изъ самыхъ трагическихъ моментовъ народной легенды.

Бурятская кумирня близь Верхнеудинска.

(Рис. на стр. 568 и 569).

Такъ называемый Онинскій датцанъ находится среди степи, между почтовыми станціями Кульской и Онинской, 11 верст. въ сторону отъ большой дороги и считается главнымъ центромъ буддійскаго культа за Байкаломъ. Датцанъ—родъ монастыря, гдѣ живетъ буддійское духовенство, состоитъ изъ большаго числа скученныхъ небольшихъ домовъ, отличающихся очень опрятнымъ, хоть и очень скромнымъ внутреннимъ убранствомъ. Убранство это чисто въ восточномъ вкусѣ; вдоль стѣнъ дома поставлены низенькія деревянныя скамейки; нѣкоторыя изъ нихъ предназначаются для лицъ духовныхъ и потому нѣсколько выше. Буряты сидятъ вообще по восточному, скрестивъ ноги, и могутъ оставаться въ такомъ положеніи очень долго, тогда какъ европейцу такая поза представляется и мучительной и неудобной. На концѣ длинной комнаты стоитъ столъ, который играетъ роль алтаря и на которомъ разставлены одинъ надъ другимъ въ строгомъ порядкѣ и симметріи разные кумирчики, какъ это видно на прилагаемомъ нами рисункѣ, снятомъ съ фотографіи. На томъ же столѣ, впереди идоловъ, стоятъ чаши, наполненныя разными напитками и между прочимъ столь любимымъ бурятами кумысомъ, а на самомъ краю стола размѣщены сосуды разныхъ формъ, въ которыхъ горитъ въ честь божества неугасимый огонь.

Каждый буддійскій священникъ или лама имѣетъ сзади своего дома еще юрту, въ которой онъ живетъ лѣтомъ и въ которую чужестранцу трудно проникнуть, такъ какъ юрта составляетъ таинственное святилище ламы, гдѣ онъ проводитъ время въ тѣсномъ общежитіи со своими кумирами. Ламы стригутъ коротко волосы и носятъ общій бурятскій костюмъ, но во время богослуженія они надѣваютъ свѣтложелтую мантію, прикрѣпляя ее къ плечамъ красными шерстяными завязками, и шляпу изъ желтаго войлока съ черными наушниками. На большой, открытой площадкѣ, впереди жилищъ стоитъ буддійскій храмъ, построенный въ китайскомъ вкусѣ и состоящій изъ нѣсколькихъ этажей. Богослуженіе происходитъ обыкновенно въ самомъ нижнемъ этажѣ. Здѣсь, въ задней части большой и высокой залы стоитъ алтарь, а передъ нимъ идутъ въ два ряда до самыхъ дверей деревянныя скамейки, предназначенныя для ламъ. Главный же лама возсѣдаетъ на высокомъ стулѣ. На лѣвой сторонѣ храма поставленъ сдѣланный изъ дерева и выкрашенный бѣлой краской слонъ, украшенный пестрыми флагами. Кромѣ слона въ храмѣ еще скучено множество самыхъ разнообразныхъ кумировъ, составляющихъ предметъ благоговѣнія для всего бурятскаго народа. Богослуженіе въ высшей степени своеобразно и шумно, такъ какъ всѣ прихожане принимаютъ въ немъ дѣятельное участіе, производя ужасные звуки на мѣдныхъ трубахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ длину до 10 аршинъ. Кромѣ того въ духовной музыкѣ бурятъ играетъ большую роль барабанъ, тазы и старые мѣдные котлы, которые производятъ невообразимый, оглушающій шумъ, составляя какъ бы акомпаниментъ пѣнію духовныхъ. Во второмъ этажѣ находится одиннадцать кумировъ и сюда допускаются лишь одни служители храма, и наконецъ въ самомъ верхнемъ этажѣ сохраняется изображеніе божества, которому можетъ молиться одинъ лишь высшій лама. Этотъ деревянный кумиръ представляетъ собою ужасную и безобразную фигуру съ семью руками, страшными, огромными глазами и съ длиннымъ краснымъ языкомъ. Тутъ же, неподалеку отъ храма, въ одномъ изъ домовъ хранятся священныя книги бурятъ на тибетскомъ языкѣ. Эти книги, какъ говорятъ ламы, въ незапамятныя времена вывезены изъ Тибета и ихъ, какъ увѣряютъ тѣже ламы, здѣсь хранится не менѣе семнадцати тысячъ томовъ, въ которыхъ изложена вся суть буддійской религіи.

Бразильскій павильонъ.

(Рис. на стр. 573).

Теперь, послѣ закрытія выставки садоводства, стоитъ сказать еще нѣсколько словъ о бразильскомъ павильонѣ, бывшемъ одною изъ ея приманокъ. Организаторы этого отдѣла, на международной нашей выставкѣ, отличились необыкновенною энергіею, съ какою они принялись за дѣло и стали пропагандировать у насъ свой продуктъ.

Еще съ прошлаго года сообщалось *о выставкѣ бразильскаго кофе* въ Петербургѣ, о которой никто не могъ составить себѣ понятія. Общество сельскаго хозяйства и торговли энергично и съ успѣхомъ повело дѣло. Безъ всякой субсидіи, движимое желаніемъ сдѣлать у насъ то, что уже дѣлало во многихъ столицахъ Европы, оно воспользовалось выставкою садоводства, чтобы до нѣкоторой степени познакомить нашу публику съ продуктомъ бразильскимъ по преимуществу: кофе. Этою дѣятельностью, этою самопомощью общество заслужило вниманіе всѣхъ знающихъ, что коммерческія и другія сношенія между народами выигрываютъ отъ прямаго ихъ устройства и облегчаются личными свиданіями людей, призванныхъ управлять ими.

Въ этомъ отношеніи бразильское общество сельскаго хозяйства и торговли, можно сказать, имѣло полный успѣхъ. Депутаты его на выставкѣ проявили по истинѣ американскую дѣятельность. Чѣмъ менѣе у насъ привыкли къ системѣ пропаганды *„на дѣлѣ“*, тѣмъ болѣе она замѣчается. Извѣстно, съ какой щедростью предлагался кофе всѣмъ посѣтителямъ выставки. Кромѣ того желающимъ раздавались популярныя брошюры на русскомъ и французскомъ языкахъ. Негоціанты были приглашены въ засѣданія, на которыхъ обсуждался вопросъ о прямыхъ коммерческихъ сношеніяхъ, притомъ съ такимъ обиліемъ подробностей, которыя могли убѣдить самыхъ упорныхъ.

Но цѣль общества сельскаго хозяйства и торговли не ограничивается достиженіемъ того, чтобы мы прямо покупали кофе въ Бразиліи. Оно идетъ дальше и желало-бы, чтобы продуктъ этотъ сдѣлался любимымъ напиткомъ въ странѣ и въ виду этого оно опубликовало данныя, предназначенныя научнымъ путемъ доказать способность кофе замѣнить спиртные напитки.

Большая брошюра въ четвертую долю листа: „Бразилія на международной выставкѣ въ С.-Петербургѣ“, заключаетъ массу разнородныхъ свѣдѣній о Бразиліи, о кофе, статистикѣ его производства, вліяніи времени на его качество и наконецъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ объ этомъ продуктѣ. Небезъинтересно будетъ привести выписку изъ этихъ мнѣній.

Такъ Моренъ, директоръ консерваторіи искусствъ и ремеслъ въ Парижѣ, пишетъ: „Всѣ гигіенисты въ настоящее время согласились признать здоровое и возбуждающее свойство кофе и выразили желаніе, чтобы онъ занялъ значительное мѣсто въ средствахъ и предметахъ питанія. Опытъ послѣднихъ войнъ и въ особенности нашей арміи въ Африкѣ, настолько вѣско доказалъ преимущества употребленія этого укрѣпляющаго вещества, что его употребленіе сдѣлалось обязательнымъ въ арміяхъ, въ тѣхъ случаяхъ когда солдатъ подвергается утомленію, или другимъ спеціальнымъ противогигіеническимъ условіямъ“...

Въ общемъ, не говоря уже объ аравійскомъ кофе, кофе острововъ Мартиника и Соединенія, которые всѣ вмѣстѣ участвуютъ въ потребленіи ихъ во Франціи не свыше 6,04, Бразильскій кофе предпочитается предъ другими въ нашей торговлѣ, не только въ силу того особеннаго тщанія, съ которымъ собирается, но еще и въ виду своего отличнаго качества.

„Изгнаніе алкоголя, пишетъ докторъ Мартенъ, изъ употребленія не можетъ быть рѣшено до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ замѣненъ другимъ напиткомъ, обладающимъ тѣми же свойствами и въ тоже время не влекущимъ за собою тѣхъ же гибельныхъ послѣдствій. Кофе положительно необходимъ войскамъ не только, чтобы ихъ подкрѣплять, возбуждать и согрѣвать, но и для того, чтобы излечивать ихъ отъ болѣзни. Кофе—лучшій агентъ предупредительной гигіены“.

Д-ръ Терезополисъ въ рѣчи, произнесенной на международномъ конгрессѣ гигіены и демографіи въ Женевѣ въ 1883 г., говорилъ: „Введеніе въ общее употребленіе кофе являетъ собою элементъ цивилизаціи, и по количеству выпиваемаго кофе можно судить о степени воздержности и трезвости страны.

Библиотека "Руниверс"

„Отчего не сдѣлать обязательнымъ употребленіе чернаго кофе, послѣ обѣда, въ учебныхъ заведеніяхъ? Здоровый напитокъ съ прекраснымъ запахомъ, весьма пріятный на вкусъ, настой кофе, благодаря его гидрокарбоническимъ элементамъ, отличное и полезное для вдыханія средство. По своимъ азотистымъ составнымъ частямъ, кофеинъ, не будучи положительно питательнымъ, поднимаетъ организмъ, возбуждаетъ его и сильно помогаетъ пищеварительному процессу. Кофе не имѣетъ никогда разслабляющаго и унижающаго дѣйствія спиртныхъ напитковъ".

Хозяйки вообще спрашиваютъ при покупкѣ свѣжій кофе. Между тѣмъ время имѣетъ на него такое же вліяніе, какъ и на вино, именно: улучшаетъ его качество. Хорошо высохшій кофе можетъ сохраняться неопредѣленное время. Но такъ какъ покупатели съ трудомъ желали бы платить разницу, соотвѣтствующую усышкѣ, и такъ какъ кофе продается всегда на вѣсъ, то въ торговлѣ обращается только кофе свѣжій. Даже прекрасный Занзибарскій мокка рѣдко появляется въ продажѣ старѣе двухъ лѣтъ.

Настоящимъ любителямъ кофе можно посовѣтывать дѣлать его такіе же запасы, какъ это обыкновенно дѣлаютъ любители вина и по нѣскольку лѣтъ выдерживать его у себя въ кладовыхъ.

Крестъ Св. Ольги и шапка.

(Рис. на стр. 576).

Кому неизвѣстно имя Св. Благовѣрной Княгини Ольги? Въ фантазіи народной сложились про нее цѣлыя легенды. Псковъ, какъ одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ и мѣсто родины Св. Ольги, болѣе всѣхъ сохранилъ драгоцѣнныя о ней воспоминанія. Мѣсторожденіе Св. Ольги—погостъ Выбуты, находящійся на лѣвомъ берегу р. Великой, въ 12-ти верстахъ отъ Пскова. Лѣтописецъ разсказываетъ, что князь Игорь, охотившійся въ этихъ мѣстахъ, плѣнился красотою и умомъ Прекрасы (по крещеніи Ольги), перевозившей его въ лодкѣ черезъ рѣку Великую и, съ согласія Олега, вступилъ съ нею въ бракъ. Игорь, какъ извѣстно, былъ послѣ женитьбы убитъ древлянами и государствомъ, за малолѣтствомъ Святослава, стала править Ольга. Изъ лѣтописи Нестора видно, что въ 955 или 957 году Ольга отправилась въ Константинополь и приняла тамъ христіанство. Этому много способствовали бесѣды ея съ патріархомъ константинопольскимъ. Она была поражена и умилена христіанскимъ богослуженіемъ. Славяне, населявшіе въ то время Псковскую область, были язычники и почитали тѣхъ же боговъ, какъ и новгородцы, сродное и сосѣднее имъ племя. Положенныя здѣсь Св. Ольгою начатки Вѣры Христовой должно относить только къ Пскову, потому что просвѣщеніе всей области принадлежитъ уже внуку Ольги, великому князю Владиміру Святославичу, крестившемуся съ дѣтьми, боярами и кіевскимъ народомъ въ 988 году и вскорѣ потомъ крестившему народъ въ Новгородѣ, Псковѣ и въ другихъ областяхъ. Жизнеописатель Св. Ольги говоритъ, что она, придя во Псковъ, приводила людей къ вѣрѣ Христовой и сокрушала идоловъ, „на мѣстѣ же ихъ поставляше честные кресты". Первыми здѣсь, принявшими христіанство, были жители деревни Выбуты и уже отсюда, какъ говоритъ тотъ же лѣтописецъ, пошла Св. Ольга въ самый городъ, на то мѣсто, гдѣ рѣка Псковъ впадаетъ въ Великую. По другую сторону рѣки она увидѣла, что три луча, сходящіе съ неба, озаряютъ все возвышеніе противуположнаго берега. Тогда Ольга обратилась къ окружавшему ее народу и сказала: „вѣдомо вамъ да будетъ, что изволеніемъ Божіимъ на семъ мѣстѣ, трисіятельными лучами осіяваемѣмъ, имать быти церковь Пресвятыя Живоначальныя Троицы и градъ великъ, и во всемъ изобиленъ имать создатися". Сказавши это Ольга помолилась и водрузила дубовый крестъ на мѣстѣ, откуда видѣла чудные лучи. Изъ Пскова Ольга обошла много городовъ, вездѣ приводила народъ ко Христу и возвратившись въ Кіевъ, вспомнила о своемъ видѣніи: „послала она тогда много злата и серебра на созданіе церкви Троицѣ Святой и повелѣла при ней людямъ населяться; и не въ долгомъ времени былъ градъ великъ Псковъ и прославилось въ немъ имя Пресвятыя Троицы".

Церковь Святыя Троицы и донынѣ существуетъ на мѣстѣ, гдѣ вцѣла Ольга три луча, на томъ же мѣстѣ, гдѣ былъ водруженъ крестъ, стоитъ часовня, къ которой на поклоненіе въ день Св. Ольги, празднуемый 11 іюля, стекаются массы народа изъ окрестныхъ деревень.

Поставленный Ольгою крестъ сохранялся въ церкви Св. Троицы до 1509 года, но въ этомъ году сгорѣлъ вмѣстѣ съ соборомъ и возобновленъ былъ только въ 1623 году тою же мѣрою и совершенно точно съ сгорѣвшимъ. Крестъ этотъ, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка, восьмиконечной формы, дубовый. Въ срединѣ изображено Распятіе, вверху, надъ головой, Господь Саваоѳъ, при концахъ же рукъ—лики Святыхъ. У подножія креста изображена Св. Ольга, въ мантіи и съ короной на головѣ, водружающая крестъ. На яблокѣ креста написано: „Божіимъ изволеніемъ, грѣхъ ради нашихъ, въ лѣто отъ сотворенія Міра 7017, отъ Рождества Спасителя Міра 1509 бысть пожаръ, весь градъ выгорѣлъ, и Святыя Церкви, и Соборная Церковь Пресвятыя Троицы вся выгорѣла и поставленіе Благовѣрной Княгини Ольги дубовый крестъ и домантова стѣна. Лѣта же отъ сотворенія Міра 7131, отъ Рождества же Спасителя 1623, при Благовѣрномъ Государѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Россіи, и при отцѣ его Святѣйшемъ Патріархѣ Филаретѣ написанъ сей Крестъ Христовъ повелѣніемъ Архіепископа Іоакима на поклоненіе православнымъ христіанамъ". На подножіи креста: „Пріиде блаженная Ольга близъ рѣки, глаголемыя Псковы, и ста на устіи тоя рѣки. Бяше бо тогда лѣсъ и дубіе веліе, и внезапу преславно видѣніе видѣ, свѣтлыми лучами осіяваемо мѣсто оное, пророчествуя глаголаше: на мѣстѣ семъ будетъ храмъ Пресвятыя Троицы и градъ великъ зѣло и славенъ будетъ и потомъ на мѣстѣ томъ постави Пресвятый крестъ на поклоненіе Православнымъ христіанамъ". Крестъ этотъ хранится вмѣстѣ съ тремя шапками Св. Ольги въ Троицкомъ соборѣ. Передъ нимъ виситъ великолѣпная золотая лампада, пожертвованная великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, по случаю рожденія въ 1851 году княжны Ольги Константиновны. На подобіе этого креста, были сдѣланы кресты и въ Кіевѣ, и на Наровѣ и носили названіе „Ольгиныхъ".

Деревня, гдѣ родилась Ольга — Выбута — расположена при двухъ рукавахъ р. Великой, изъ которыхъ одинъ, очень мелкій и съ быстрымъ теченіемъ, названъ „Ольгиными Слудами", глубокій—„Ольгиными Воротами". Тутъ же находится большой камень, тоже названный „Ольгинымъ", гдѣ будто бы она приставала съ лодкой, перевозя черезъ рѣку Игоря. Недалеко деревни Выбуты, на рѣкѣ Герехѣ, притокѣ Великой, лежитъ деревня Будникъ, въ которой родился внукъ Ольги, князь Владиміръ.

Способъ выростить дубъ въ комнатѣ.

(Рис. на стр. 577).

Нужно взять желудь и привѣсить его, пронизивъ съ помощью иголки и нитки, въ сосудѣ съ водою такимъ образомъ, чтобы онъ прикасался къ водѣ только нижнею поверхностію. Чрезъ непродолжительное время внизу покажется корешокъ, а изъ верхней части выйдетъ стебель. Такимъ способомъ въ теченіи лѣта можно выростить маленькое деревцо, которое осенью бываетъ способно вынести пересадку въ землю.

Политическое обозрѣніе.

Египетъ.—Англія.—Германія.—Сербія и Болгарія.

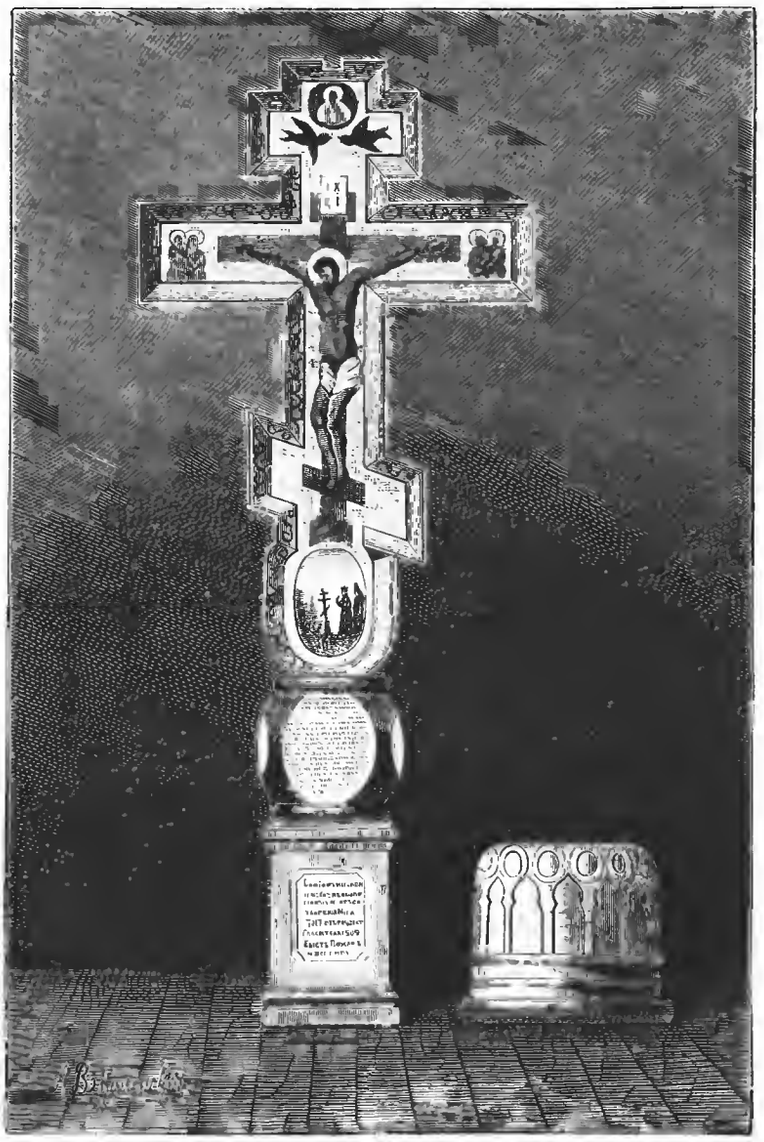
Англійское правительство теперь уже оффиціально отказывается отъ помощи Судану и замкнутому въ немъ генералу Гордону. Такъ въ англійскихъ газетахъ напечатана депеша, отъ 17-го мая, адресованная лордомъ Гренвиллемъ къ полковнику Эгертону, помощнику консула въ Каирѣ, въ которой прямо говорится, что такъ какъ планъ объ очищеніи Судана покинутъ и наступательныя дѣйствія не могутъ быть предприняты, то генералъ Гордонъ долженъ подумать о выѣздѣ изъ Хартума вмѣстѣ съ египтянами, оставшимися ему преданными. Гордонъ изберетъ путь, который онъ сочтетъ лучшимъ, при чемъ ему разрѣшается произвести всѣ расходы, потребные для отъѣзда. Такое откровенное объясненіе правительства, что оно ничего не можетъ сдѣлать для выручки Гордона, конечно, должно произвести въ Англіи очень тяжелое впечатлѣніе; уже и теперь общественное мнѣніе сильно возбуждено дѣйствіями министра Гладстона въ египетскомъ вопросѣ и даже многіе изъ членовъ либеральной партіи, побывавъ на праздникахъ пятидесятницы въ своихъ избирательныхъ округахъ, вернулись въ Лондонъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что если бы даже они и пожелали поддержать правительство, то не могли бы этого сдѣлать, въ силу данныхъ имъ полномочій. Преданные всецѣло Гладстону, они все-таки, хотя и скрѣпя сердце, должны высказаться въ парламентѣ противъ его египетской политики. Видя бездѣйствіе Англіи, суданскіе мятежники опять ободрились и изъ Египта приходятъ тревожныя вѣсти; Берберъ сдался послѣ отчаянной защиты и когда инсургенты вошли въ городъ, то перебили всѣхъ солдатъ и жителей. Женщинъ и дѣтей суданцы пощадили. Губернаторъ Бербера и вождь племени фагарасовъ, также защищавшихъ городъ, тяжело ранены и взяты въ плѣнъ. Отъ Бербера арабы въ числѣ 30,000 отправились для обложенія Донголы.

Соглашеніе между Англіей и Абиссиніей наконецъ состоялось; по этому договору, заключенному Гьюэтомъ, Англія неуступаетъ Абиссиніи порта Моссовы, а лишь представляетъ свободный пропускъ черезъ него всѣмъ товарамъ, идущимъ изъ Абиссиніи, открывая такимъ образомъ послѣдней доступъ къ морю, котораго она такъ долго добивалась. Взамѣнъ этихъ уступокъ адмиралъ Гьюэтъ добился отъ абиссинскаго короля существенныхъ гарантій относительно уничтоженія невольничества и освобожденія египетскаго гарнизона Кассаны отъ осаждающихъ мятежныхъ скопищъ. Въ Лондонѣ это соглашеніе принято было вообще благопріятно, но за то соглашеніе съ Фран-

Библиотека "Руниверс"

ціей по поводу предполагаемой египетской конференціи вызвало въ прессѣ общее порицаніе и газета „Times“ въ своихъ разсужденіяхъ даже старается доказать, что для Англіи выгоднѣе пойти навстрѣчу неблагопріятнымъ послѣдствіямъ разрыва съ Франціей, нежели пожертвовать пріобрѣтеннымъ ею положеніемъ въ Египтѣ. При этомъ газета заявляетъ, что прямой долгъ британскаго парламента отвергнуть сдѣлку съ французскимъ правительствомъ, лишающую Англію пріобрѣтенныхъ ею надъ Египтомъ правъ и устраняющую британскихъ администраторовъ отъ управленія страною. Но весь этотъ газетный крикъ едва ли можетъ отклонить англійское правительство отъ учрежденія международнаго контроля въ дѣлахъ Египта, которое предлагаетъ Франція, такъ какъ кромѣ египетскаго вопроса у англійскаго кабинета еще есть много другихъ заботъ и вопросовъ, склоняющихъ его къ невольной уступчивости. Такъ одновременно съ переговорами съ Парижемъ и Константинополемъ по египетскимъ дѣламъ, ему приходится еще обращаться съ представленіями къ правительству Соединенныхъ Штатовъ, по поводу послѣднихъ динамитныхъ взрывовъ, всполошившихъ весь Лондонъ и произведенныхъ какъ оказывается при участіи ирландскихъ революціонеровъ, проживающихъ въ Америкѣ. Кромѣ того къ переживаемымъ Англіею невзгодамъ присоединилась еще въ настоящее время и опасность международной борьбы въ Ирландіи между тамошними враждебными другъ другу партіями — націоналистовъ и оранжистовъ.

Радушный и сердечный пріемъ, оказанный въ Берлинѣ трансвальской депутаціи, также возбудилъ въ Лондонѣ оживленные толки и вообще пришелся не по вкусу англійскимъ политикамъ. Дѣло въ томъ, что стремленія нѣмцевъ къ пріобрѣтенію колоній стали высказываться въ послѣднее время съ особенною силою. Нѣмцы очевидно хотятъ имѣть свои колоніи въ Африкѣ и такимъ образомъ сдѣлаться соперниками Англіи. Начало этому уже положено: нѣмецкая колонія въ Англа-Пеквена владѣетъ обширной полосой земли и можетъ въ короткое время совершенно отрѣзать британскія колоніи отъ сѣверной и центральной Африки, особенно если войдетъ въ тѣсную связь съ боерами. Въ продолженіе трехдневнаго своего пребыванія въ Германской столицѣ, трансвальскіе депутаты имѣли нѣсколько свиданій съ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Гацфельдомъ, во время которыхъ условились съ ними насчетъ главнѣйшихъ основаній торговаго договора съ Германіей.



Крестъ и шапка Св. Ольги, хранящіеся въ Троицкомъ соборѣ въ Псковѣ.
Рис. съ натуры А. Векшинскій, грав. М. Рашевскій.

По поводу возникшихъ несогласій между Сербіей и Болгаріей, вѣнскимъ газетамъ сообщаютъ изъ Софіи, что болгарскій дипломатическій агентъ въ Бѣлградѣ, Гешовъ, по полученіи увѣдомленія о выѣздѣ изъ Софіи сербскаго министра-президента, въ свою очередь покинулъ Бѣлградъ. По достовѣрнымъ даннымъ, никакая шайка эмигрантовъ не переходила сербской границы и о совершенныхъ ею насиліяхъ и грабежахъ, никто въ Софіи ничего не слыналъ. Вообще въ Софіи рѣшительно недоумѣваютъ относительно тѣхъ побужденій, которыя имѣло сербское правительство исказить факты и представить ихъ въ совершенно превратномъ видѣ. Общественное мнѣніе въ Болгаріи хотя и сильно возбуждено, но въ странѣ все покойно. Болгарское министерство готовитъ объяснительную записку для сообщенія правительствамъ великихъ державъ, подписавшихъ Берлинскій трактатъ. По газетнымъ извѣстіямъ, Германія, Австро-Венгрія и Россія оффиціально предложили свои услуги для умиротворенія несогласій съ Болгаріей. Сербское правительство, какъ слышно, съ благодарностью приняло это предложеніе.

Библіографія.

Ожирѣніе. Д-ра Шиндлеръ-Барнайя. Пер. д-ра Левиса.

Вопросъ объ ожирѣніи, сколько намъ извѣстно, принадлежалъ до настоящаго времени къ числу такихъ, которые стояли на очереди и нуждались въ обстоятельной и всесторонней обработкѣ. Болѣзнь эта, весьма тяжелая и въ высшихъ степеняхъ своего развитія даже угрожающая жизни, встрѣчалась и теперь встрѣчается весьма не рѣдко, а потому появленіе въ русскомъ переводѣ книги Шиндлеръ-Барнайя, въ которой предлагается и раціональное леченіе этого недуга, по справедливости нужно считать и цѣлесообразнымъ и своевременнымъ. Книжку эту, небольшую по объему, по достаточную внутреннимъ содержаніемъ, можно раздѣлить на 2 главныхъ части, ихъ которыхъ первая принадлежитъ собственно д-ру Шиндлеръ-Барнайю, а во второй, для полноты изслѣдованія, переводчикъ прибавилъ отъ себя статью д-ра Киша по тому же вопросу и т. наз. Шротовскій методъ леченія ожирѣнія. Кромѣ того, въ концѣ книги д-ръ Левисъ описываетъ гидропатическіе пріемы, практиковавшіеся имъ въ борьбѣ съ этимъ недугомъ и недавно придуманный имъ и употребляющійся въ частной практикѣ аппаратъ для леченія ожирѣнія сухимъ и влажнымъ горячимъ воздухомъ *). Переводъ сдѣланъ весьма близко къ подлиннику, само изданіе опрятно и цѣна книги не дорога. Для ѣдущихъ въ Мріенбадъ лечиться она можетъ служить весьма полѣзнымъ руководствомъ при исполненіи докторскихъ предписаній.

Новое иллюстрированное изданіе соч. Гёте (Goethe's Werke. Illustr. Pracht-Ausgabe von H. Düntzer. Stuttgart Verlags-Anstalt).

Мы уже говорили о начавшемся въ прошломъ году Дюнцеромъ роскошномъ изданіи Гёте („Нива“ 1883 г. № 51). Теперь вышли выпуски съ 54 — 63. Высокая идеальность и прелесть текста вполнѣ передана въ превосходныхъ рисункахъ различныхъ германскихъ художниковъ. Только такое полное развитіе литературы, такая потребность на книги лучшихъ любимыхъ писателей, какъ въ Германіи, могла вызвать такое вполнѣ образцовое великолѣпное изданіе, какого мы едва-ли когда нибудь дождемся для котораго нибудь изъ нашихъ авторовъ.

*) За заказами аппарата можно обращаться въ Водолечебницу д-ра Левиса: Демидовъ переулокъ, домъ № 1.

Библиотека "Руниверс"

Смѣсь.

Пріютъ для вдовъ и сиротъ-дочерей заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ открытъ въ Петербургѣ, 1-го Октября сего года. Въ Россіи, и въ обѣихъ ея столицахъ, много благотворительныхъ учрежденій, но это, основанное на средства дарованныя Государемъ Императоромъ, можно сказать — совершенно исключительное. Каждая пенсіонерка имѣетъ отдѣльную, довольно большую свѣтлую комнату, по желанію съ мебелью, и постельнымъ бѣльемъ.

Освѣщеніе, прислуга и стирка бѣлья казенныя. Въ 12 часовъ подаютъ завтракъ изъ двухъ, обѣдъ въ 5-ть изъ трехъ блюдъ. Общая столовая носитъ совершенно семейный характеръ.

Въ каждомъ этажѣ своя гостиная, небольшая библіотека, газеты, журналы, даже и машинки для рукодѣлья. Въ концѣ корридоровъ устроены комнаты съ плитками для кипятку, во всякое время готоваго для чаю и кофе. Въ пятомъ этажѣ прекрасная церковь; служитъ духовенство Смольнаго собора, поютъ дѣвочки патріотическаго училища. Недалеко отъ храма находится обширный лазаретъ со всѣми приспособленіями. Ванны, аптека, тутъ же постоянно живетъ фельдшерица. Докторъ больныхъ посѣщаетъ ежедневно.

Вообще вся обстановка отрадно дѣйствуетъ и не оставляетъ желать лучшаго. Чтобы имѣть возможность поступить въ это истинно благодѣтельное учрежденіе, надо быть рекомендованнымъ комитетомъ заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, то есть получать отъ него добавочную пенсію за службу мужа, или отца, взамѣнъ которой дается помѣщеніе въ пріютѣ. Получающіе менѣе ста руб. въ годъ, должны доплачивать изъ собственныхъ средствъ.

Дамское общество въ Вѣнѣ ввело странную моду, именно фехтованье. Фехтовальный учитель Гартль, имѣющій много ученицъ, устроилъ надняхъ турниръ. Объ этомъ турнирѣ пишутъ слѣдующее: „Многія дамы, собравшіяся осудить этотъ новый спортъ и презрительно смотрѣвшія вначалѣ на юныхъ амазонокъ, въ концѣ отъ души имъ аплодировали послѣ всякаго удачнаго нумера. Можно смѣло сказать, что въ этотъ день, дамское фехтовальное искусство, благодаря артистическимъ дѣйствіямъ г. Гартля и его прелестныхъ амазонокъ, получило санкцію предъ вѣнской публикой. Большой залъ былъ переполненъ изящнымъ обществомъ, котораго собралось болѣе 1500 человѣкъ. Всѣ съ удивленіемъ встрѣтили появленіе героинь вечера съ блестящими рапирами въ маленькихъ, но сильныхъ ручкахъ. Пикантный, но вполнѣ приличный костюмъ возвышалъ красоту граціозныхъ бойцовъ. Поверхъ короткихъ голубыхъ и бордо платьевъ у нихъ надѣты были нагрудники; одноцвѣтныя трико, проволочныя забрала, перчатки съ отворотами и башмаки довершали фехтовальный нарядъ молодыхъ дамъ. Но вотъ раздается команда г. Гартля. Дамская гвардія становится въ позицію, скрещиваются клинки и звукъ ихъ раздается почти мелодично. Послѣ исполненія перваго нумера выступаетъ сильный полъ, также ученики г. Гартля, и начинаются упражненія съ отдѣльными фехтовальщицами. Правильно выпадаютъ терцы и контратерцы и глазъ съ трудомъ можетъ слѣдить за змѣеподобными, изящными движеніями прелестныхъ дѣвушекъ“.

Американскій бѣлый хлѣбъ. Въ Америкѣ бѣлый хлѣбъ приготовляютъ слѣдующимъ простымъ способомъ; его пекутъ тамъ каждый день къ завтраку. Распускаютъ 7 золотниковъ дрожжей въ $^1/_2$ штофа теплаго молока и кладутъ туда же столовую ложку мелко истолченаго сахара; затѣмъ къ дрожжамъ примѣшиваютъ $3^1/_2$ фунта муки съ такимъ количествомъ теплаго молока, чтобы получилось тѣсто довольно жидкаго состава и солятъ его по вкусу. Спустя $1^1/_2$ часа, въ теченіи которыхъ тѣсто должно находиться въ тепломъ мѣстѣ, оно готово для печенія. Его кладутъ въ жестяныя формы, наполняя ихъ до половины, чтобы тѣсто не уходило черезъ край при поднятіи. Такой хлѣбъ очень вкусенъ, не обременяетъ желудка и по своему несложному приготовленію даетъ возможность всегда имѣть его свѣжимъ. Мука, употребляемая для этого хлѣба, должна быть предварительно хорошо просѣяна, такъ какъ это способствуетъ хорошему подниманію тѣста, и вообще послѣднее обстоятельство при всякомъ печеніи хлѣба имѣетъ бо́льшее значеніе, чѣмъ обыкновенно объ этомъ думаютъ.

Собираніе муравьиныхъ яицъ. Приводимъ здѣсь способъ собиранія муравьиныхъ личинокъ, который отличается своей простотой и приводитъ къ хорошимъ результатамъ. Берутъ большую скатерть или простыню, разстилаютъ ее возлѣ муравейника и на одну ея половину накладываютъ зеленыхъ вѣтокъ, а другой покрываютъ ихъ. Затѣмъ лопаткой или палкой тревожатъ съ одного края муравейникъ, не разрушая его совсѣмъ. Муравьи сами выносятъ личинки, желая спасти ихъ отъ врага, и складываютъ въ ближайшее безопасное мѣсто — подъ скатерть.

Пржевальскій, извѣстный нашъ путешественникъ по внутренней Азіи, проникшій до границъ Тибета, сообщаетъ, что вблизи горы Бумзы ему приходилось остановиться на восемнадцать дней, впродолженіи которыхъ онъ занимался охотой на ягнятниковъ и бѣлыхъ грифовъ. Птицы постоянно прилетали на положенный для нихъ кусокъ баранины и были очень довѣрчивы, такъ какъ ихъ никогда не преслѣдовали люди. Ягнятники садились вблизи кухни путешественника, въ двадцати, тридцати шагахъ отъ казака, исполнявшаго должность повара. Пржевальскій стрѣлялъ въ птицъ пулями изъ берданокъ и вскорѣ убилъ ихъ болѣе двѣнадцати, изъ которыхъ лучшіе экземпляры были выбраны для его коллекціи. Бѣлые грифы (Gyps nivicola) были осторожнѣе; они носились постоянно надъ лагеремъ, но садились не ближе 500 шаговъ. Цѣлые залпы выстрѣловъ не приносили имъ вреда, такъ какъ, несмотря на громадныя крылья, тѣло этихъ птицъ по величинѣ не болѣе гусинаго, и попасть въ нихъ на далекомъ разстояніи очень трудно. Рѣшено было отравить ихъ, для чего положены были куски баранины, пропитанной цианистымъ кали. Но осторожныя животныя предчувствовали опасность и около двухъ часовъ носились надъ говядиной, пока наконецъ нѣкоторыя не рѣшились попробовать ее. Это было сигналомъ для остальныхъ 30 или 40, которыя бросились пожирать ее. Но еще не всѣ опустились на говядину, какъ первыя уже поднялись и со страхомъ улетѣли. Однако ядъ произвелъ уже свое дѣйствіе и нѣсколько грифовъ упали мертвыми.

Вырощеніе дуба въ комнатѣ изъ жолудя.

Недавно маркиза Ларне, дочь королевы Англіи, пригласила къ себѣ погостить на болѣе или менѣе продолжительное время бывшую свою лектрису, которая незадолго передъ тѣмъ счастливо вышла замужъ. Молодая женщина привезла съ собой и свою маленькую дѣвочку, чтобы представить ее любимой и уважаемой принцессѣ. Вдругъ мать и ребенокъ заболѣваютъ краснухой (пурпуровая лихорадка). Болѣзнь эта навела панническій страхъ на весь дворецъ, никто изъ прислуги, изъ боязни заразиться, не рѣшался переступить порогъ комнаты больныхъ и принцесса сама принуждена была взять на себя трудъ заботиться и ухаживать за пострадавшими. Она готовитъ сама имъ пищу, подаетъ ее обѣимъ страдалицамъ, день и ночь проводитъ около нихъ, собственными руками дѣлаетъ имъ постели, переворачиваетъ подушки и т. п.

Въ Парижѣ одному ресторану былъ проданъ за 35 франковъ величайшій омаръ, какой когда либо приходилось видѣть. Пойманное въ Роскофѣ животное имѣло до полутора аршина длины. Двое людей съ трудомъ могли его перевязать веревкой. Клешни были такъ велики какъ рука, и навѣрное это гигантское животное, поймавъ палецъ, прорѣзало-бы его до кости.

Императрица Шарлота, сестра короля Бельгійскаго, вдова императора мексиканскаго Максимильяна, по завѣренію бельгійскихъ газетъ, замѣтно поправляется, такъ что доктора начинаютъ надѣяться на ея выздоровленіе. Императрицѣ теперь 43 года, но она выглядитъ гораздо старше. Ея прекрасные волосы сильно посѣдѣли, перенесенныя ею душевныя страданія наложили печать на ея лицо. Она очень похудѣла, лобъ ея изборожденъ морщинами, только глаза сохранили прежній блескъ и пріятность. Королевская бельгійская чета часто навѣщаетъ императрицу.

Недавно, находившаяся по торговымъ дѣламъ въ Вѣнѣ, M-me Мореиъ, представительница извѣстной парижской, а передъ тѣмъ вѣнской, модной фирмы, явилась къ кронъ-принцессѣ Стефаніи съ предложеніемъ услугъ парижскаго торговаго дома по туалетной части. Принцесса Стефанія отвѣчала ей очень любезно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень рѣшительно, что она не можетъ принять этого предложенія, такъ какъ не въ ея принципахъ заказывать себѣ туалеты въ чужой странѣ. Вѣнскія фирмы, продолжала она, даютъ мнѣ все необходимое и такъ прекрасно, съ такимъ вкусомъ приготовленное, что помимо даже патріотическаго чувства, я не вижу никакого основанія дѣлать какія бы то ни было измѣненія въ этомъ отношеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что отвѣтъ этотъ не пройдетъ безслѣдно для дамъ, которыя имѣютъ слабость пополнять свои туалеты изъ Парижа.

Въ Кимберійскихъ копяхъ, въ южной Африкѣ, найденъ алмазъ, длиною $1^3/_4$ дюйма, шириною въ $1^1/_4$ дюйма и вѣсомъ въ 302 карата. Онъ представляетъ собой правильный восьмигранникъ и такъ называемаго цвѣта „капъ“. Цѣну прежде затруднялись опредѣлить: теперь за него предлагаютъ три тысячи фунтовъ стерлинговъ (30,000 р.).

Библиотека "Руниверс"

Чѣмъ лучше всего кормить куръ. Обыкновенно куръ кормятъ мало и предоставляютъ имъ самимъ заботиться о своемъ пропитаніи, что онѣ и дѣлаютъ, отыскивая зерна на дворѣ и въ навозныхъ кучахъ; кромѣ того, куры ловятъ различныхъ насѣкомыхъ и подбираютъ выбрасываемые на дворъ остатки изъ кухни. Но при такомъ питаніи куры мало кладутъ яицъ, и чтобы усилить ихъ поскость слѣдуетъ давать имъ болѣе обильный кормъ. Солодъ заключаетъ въ себѣ 18% яичнаго бѣлка и будучи употребляемъ въ кормъ курами дѣйствуетъ на нихъ весьма благопріятно относительно увеличенія числа приносимыхъ яицъ, именно, при правильномъ кормленіи, оно увеличивается на одну треть. Кромѣ солода, превосходнымъ продуктомъ для корма куръ служитъ мясо, дѣйствующее еще въ болѣе сильной степени на количество приносимыхъ яицъ; но хорошее мясо слишкомъ дорого и результаты, получаемые отъ кормленія имъ куръ, не окупаютъ даже расходы. Потому для этой цѣли берутъ мясо павшихъ животныхъ, рѣжутъ его на маленькіе кусочки и сушатъ лѣтомъ на солнцѣ, а зимою въ сушильныхъ печахъ. Передъ тѣмъ какъ его давать курамъ, его варятъ, остуживаютъ и даютъ одну лопатку въ день, среднимъ числомъ, на двадцать куръ.

Испытаніе годности воды для питья. Чтобы узнать содержитъ ли вода вредныя органическія примѣси, кладутъ кусочекъ сахару въ аптечный пузырекъ, наполненный водой, закупориваютъ его герметически и оставляютъ въ теченіи дня на солнцѣ. Если вода останется чистой и не получитъ молочной мути, то можно быть увѣреннымъ, что она свободна отъ органическихъ веществъ.

Недавно въ Парижъ прибылъ одинъ изъ богатѣйшихъ набобовъ Индіи. Онъ имѣетъ 160 тысячъ фунтовъ стерлинговъ (16 милліоновъ рублей) доходу.

Непомукъ Лемерсье былъ замѣчательнымъ ребенкомъ и возбуждалъ всеобщее удивленіе. Въ 1785 г., когда ему было всего четырнадцать лѣтъ, онъ написалъ для сцены трагедію, которая была поставлена въ парижскомъ театрѣ и пользовалась успѣхомъ. Всѣ были отъ нея въ восторгѣ, только одинъ Лемерсье оставался недовольнымъ. Онъ потребовалъ свою рукопись назадъ и на слѣдующій день написалъ исполнителямъ его пьесы слѣдующее, замѣчательное для четырнадцатилѣтняго юноши письмо: „Господа! Восторгъ, который произвела вчера моя трагедія, сильно тронулъ, но не обольстилъ меня. Я хорошо помню, что пьеса эта написана ребенкомъ и публика, конечно, выразила свое одобреніе единственно для того, чтобы поощрить этого ребенка. Но я не хочу пользоваться этимъ снисхожденіемъ и беру свою пьесу назадъ. Вторую мою трагедію я буду просить оцѣнить безпристрастно васъ, господа талантливые актеры".

Одаренный многосторонними способностями, Лемерсье не только написалъ нѣсколько трагедій, которыя, однако, не были напечатаны, но занимался также живописью и ревностно изучалъ анатомію. Трагедія его „Агамемнонъ" возбудила много шуму въ 1797 г., но это былъ послѣдній успѣхъ 26-ти-лѣтняго юноши; позднѣйшія его произведенія встрѣтили мало одобренія, или даже вовсе не пользовались успѣхомъ. Это однако мало смущало поэта и онъ продолжалъ спокойно творить, даже когда произведенія его освистывались или оникивались. Если Лемерсье, какъ поэтъ, и не пользовался успѣхомъ, то какъ человѣкъ онъ всегда былъ любимъ и уважаемъ за свой сильный характеръ, независимость убѣжденій, любезность, остроуміе и веселый нравъ. Еще съ дѣтства онъ былъ хромъ на одну ногу и плохо владѣлъ рукой, но благодаря настойчивости и сильному характеру онъ развилъ ихъ упражненіями на столько, что вышелъ даже побѣдителемъ съ дуэли на шпагахъ съ однимъ французскимъ офицеромъ. Свободомысліе поэта, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, уважалъ даже Наполеонъ I. Лемерсье былъ очень друженъ съ молодымъ генераломъ Бонапартомъ. Послѣ переворота 9 ноября 1799 года Лемерсье сказалъ ему: „Вы радуетесь, что завладѣли постелью Бурбоновъ, но врядъ ли Вамъ удастся спокойно заснуть на ней". Когда Наполеонъ въ 1812 году принималъ Лемерсье въ своемъ дворцѣ въ числѣ прочихъ членовъ академіи наукъ, онъ сказалъ: „Ну, Лемерсье, теперь вы имѣете прекрасный случай подарить насъ хорошей трагедіей". Поэтъ отвѣчалъ лаконически: „Нѣтъ, я еще подожду, ваше величество". Въ этомъ короткомъ отвѣтѣ заключался глубокій смыслъ: какъ политикъ онъ предвидѣлъ въ недалекомъ будущемъ паденіе Наполеона.

Ламотъ дю Понъ, владѣлецъ большой пороховой и нитроглицериновой фабрики въ Нью-Жерсей, поплатился жизнью отъ взрыва на этой фабрикѣ. Онъ оставилъ послѣ себя состояніе въ 2.400,000 фунт. стерлинг. (слишкомъ 15 милліоновъ рублей). Пріобрѣтенію такого громаднаго капитала дю Понъ обязанъ двумъ случаямъ во время крымской кампаніи и гражданской войны въ Америкѣ. Во время Севастопольской войны Россія имѣла недостатокъ въ порохѣ и поручила дю Пону, который былъ тогда еще молодымъ человѣкомъ, доставить въ Севастополь моремъ, на рискъ компаніи, во главѣ которой онъ стоялъ, артиллерійскіе заряды. Предпріятіе было настолько же отважно, на сколько рисковано, но дю Понъ не остановился передъ этимъ. Онъ проскользнулъ со своимъ пароходомъ черезъ англійскіе сторожевые фрегаты у Константинополя и благополучно прошелъ Черное море, но главная опасность была еще впереди. Передъ севастопольской бухтой онъ былъ остановленъ однимъ британскимъ военнымъ кораблемъ; молодой капитанъ рѣшилъ одно изъ двухъ: или явиться въ Севастополь, или взлетѣть на воздухъ, и потому пошелъ на проломъ. Два британскихъ корабля начали по немъ стрѣльбу, пропизали остовъ парохода, но дю Понъ приказалъ увеличить ходъ и благополучно добрался до русской линіи. За доставленный порохъ дю Понтъ получилъ отъ русскаго правительства ни больше, ни меньше, какъ 600,000 фунт. стерлинговъ (около 4 милліоновъ рублей).

Изъ статистическихъ данныхъ объ употребленіи бумаги по всей землѣ приводимъ слѣдующія интересныя данныя. Число писчебумажныхъ фабрикъ равняется 3985, съ ежегоднымъ производствомъ въ 952 милліоновъ килограммъ (почти 119 мил. пудовъ). Половина 952 милліоновъ идетъ для печати, при чемъ около 300 милліоновъ килогр. употребляются собственно для газетъ. Расходъ бумаги на газеты въ теченіи послѣднихъ 10 лѣтъ увеличился въ три раза. На основаніи этихъ данныхъ выходитъ, что ежегодно употребляютъ бумаги: каждый англичанинъ $11^1/_2$ фунт., американецъ $10^1/_4$, нѣмецъ 8, французъ $7^1/_2$, итальянецъ и австріецъ по $3^1/_2$, испанецъ $1^1/_2$, русскій 1 фунтъ, и наконецъ мексиканецъ 2 фунта бумаги.

Физическій фокусъ.

На дно большаго стакана насыпаютъ смѣсь изъ двууглекислаго натра и виннокаменной кислоты. Затѣмъ стаканъ покрываютъ кускомъ папки, въ срединѣ которой дѣлаютъ отверстіе, въ которое могла бы проходить стеклянная трубка. Чрезъ воронку, въ стаканъ вливаютъ немного воды, отчего на днѣ его начинается кипѣніе; угольная кислота поднимается и наполняетъ стаканъ. Тогда осторожно сдвигаютъ папку и съ извѣстной высоты спускаютъ въ стаканъ мыльный пузырь, который нѣсколько разъ поднимется кверху и снова опустится, т. е. сдѣлаетъ нѣсколько вертикальныхъ движеній. Когда же онъ наконецъ остановится, то тогда поспѣшно, но осторожно, надвигаютъ на стаканъ папку. Мыльный пузырь похожъ на маленькій воздушный шаръ, свободно висящій въ атмосферѣ стакана; на самомъ же дѣлѣ онъ поддерживается невидимой угольной кислотой. Но опытъ этотъ можетъ продолжаться только ограниченное время; мыльный пузырь наконецъ падаетъ и лопается. Если на днѣ стакана находится толстый слой вышесказанной смѣси, то интересный опытъ этотъ можно повторить нѣсколько разъ къ ряду.

Рѣшеніе ребуса № 19.

По платью встрѣчаютъ — по уму провожаютъ.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ 478 лицъ, почему, за недостаткомъ мѣста, фамиліи ихъ не могутъ быть помѣщены.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, **большой картины Профессора К. Е. Маковскаго „Гусляръ", слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.** При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

Библиотека "Руниверс"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Е. И. В. Вел. Кн. Сергій Александровичъ и Августѣйшая супруга Его. Принцесса Елизавета Гессенъ-Дармштадтская** (съ 2 портр.).—**Вадимъ Голетаевъ.** Разсказъ **Я. П. Полонскаго.** (Окончаніе).—**Багровая пыль.** (Русскіе въ Парижѣ во время коммуны). Повѣсть **П. Петрова.** (Продолженіе).—Стихотвореніе **С. Кречетова.**—**Эдипъ и Антигона** (съ рис.).—**Фатима** (съ рис.).—**Бурятская нумирня близь Верхнеудинска** (съ 2 рис.).—**Павильонъ Бразильскій** (съ рис.).—**Крестъ Св. Ольги и шапка** (съ рис.).—**Способъ вырастить дубъ въ комнатѣ** (съ рис.).—Политич. обозр.—Библіографія.—Смѣсь.—**Физическій фокусъ** (съ рис.).—Рѣшеніе ребуса.—Заявленіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

Наилучшее и наиполезнѣйшее средство для останавливанія выпаденія волосъ и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ есть Элеопатъ пров. Кинунена, который признанъ незамѣнимымъ и безподобнымъ средствомъ для правильнаго развиванія и возрастанія корней волосъ. Элеопатъ пров. Кинунена къ услугамъ публики во всѣхъ аптекарск. и косметич. магазинахъ, какъ здѣсь, такъ и заграницей. Способъ употребленія приложенъ къ каждому флакону. Иногородные покупатели выписываютъ „Элеопатъ“ только пров. Кинунена изъ ближайшихъ отъ себя аптекъ, но не менѣе 2 фл. Цѣна 1 флак., содержащему 120 грам. 1 р. 50 к. въ С. Петерб. Почтовый расходъ и упаковка на счетъ покупателей. Заказы на Элеопатъ можно адресовать и въ С. Петерб. въ Главное Депо Элеопата пров. Кинунена. Адресъ извѣстенъ почтамту.

Хаджибейское Грязе-Лимано-Лечебное заведеніе въ Одессѣ.
ЛЕЧЕБНЫЙ СЕЗОНЪ СЪ 1-ГО МАЯ.
Подробности см. № 16 журнала „Нива“ за 1884 годъ. Ф. № 33 6 2—2

БУРАКСИЛИНЪ изъ экстракта растеній и буры. Д-ра Деландоля изъ Парижа. Вѣрнѣйшимъ средствомъ служитъ отъ ЗАГАРА И ВЕСНУШЕКЪ. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 руб. У В. ПАРИКОВА и К°. въ Гостиномъ дворѣ № 78, СПБ. № 3352 5—5

ИЗДАНІЯ КОММИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ
(Министерства Народнаго Просвѣщенія) религіознаго и историческаго содержанія, сборникъ стиховъ, повѣсти и друг. Продаются въ складѣ коммисіи (уг. М. Итальянской и Лиговки, 38). № 3393 2—1
Каталогъ высылается безплатно.

Во всѣхъ книжныхъ, бумажн. и модн. магаз. можно получать роскошный
АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ,
для вышив. (преимущ. цвѣты) изд. Эричена. Цѣна 1 р. 75 к., съ пер. 2 руб. Складъ по Гороховой д. 15, магазинъ Казаса. Торгов. уступка. № 339: 1—1

ГАЛЬМАНИНЪ.
Извѣстный своими свойствами предотвращающими пріѣ частей тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ, **Гальманинъ** *продается въ аптекахъ, а также у дроггистовъ значительнѣйшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи.* **Главное депо** *находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца аптеки, магистра фармаціи* **В. Карпинскаго,** *улица Электоральная, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к.* **Нужно остерегаться поддѣлокъ** *и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г.* **В. Карпинскій** *магистръ фармаціи.* № 3350 6—3

КОНТОРА ТОРГОВАГО ДОМА
ПАВЕЛЪ ВЫДРИНЪ и СЫНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, РЯД. СЪ Д. ГЕН.-ГУБЕРНАТОРА.
Продажа 5% выигрышныхъ билетовъ I и II внутреннихъ займовъ съ задаткомъ въ 15 руб. съ разсрочкой платежа изъ 8% годовыхъ безъ всякой коммиссіи, и страхованіе отъ тиражей;
2 января, 1 марта, 1 іюля и 1 сентября.
УСЛОВІЯ ВЫСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО.
№ 3373 6—2

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ НОВЫЙ
ПОЛНЫЙ ПРЕЙСЪ КУРАНТЪ
на англ. велосипеды 2-хъ и 3-хъ колесн. послѣдн. типа. „РУССКІЙ КЛУБЪ“, Ж. Блокъ, представитель. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Голицына. СПБургъ, Невск., № 16, уг. Б. Морской. Р. № 3395

НА ПАМЯТЬ О КОРОНАЦІИ П. № 3394 1—1
РОСКОШНО ИСПОЛНЕННАЯ ВЪ 23 КРАСКИ КАРТИНА:
„СЛАВА РОССІИ“
Императоръ Александръ III и Его народъ.
Размѣръ олеографіи 1 арш. 8 верш. длины и 1 арш. 2 верш. ширины, отпечатана масляными красками, на великолѣпной слоновой бумагѣ и крыта лакомъ. Цѣна картины съ пересылкою во всѣ города
ТРИ РУБЛЯ.
Картина высылается немедленно на скалкѣ и упакована въ парусину. Желающіе имѣть картину обращаются въ Москву, въ редакцію журнала „ВОЛНА“, уголъ Леонтьевскаго пер., д. Корфъ и въ конт. объявлен. **Н. Печновской** (Петровскія линіи).

THE UNITED ASBESTOS C° L^DT
ВЪ ЛОНДОНѢ И БИРМИНГАМѢ.
ОГНЕУПОРНАЯ КРАСКА „АСБЕСТЪ“
ДЛЯ ОКРАСКИ ДЕРЕВЯННЫХЪ ПОСТРОЕКЪ
Асбестовый картонъ для уплотненія паровыхъ трубъ. Асбестовое сукно, канаты и другія издѣлія изъ несгораемаго асбеста.
ГЛАВНАЯ АГЕНТУРА ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ:
Госъ и Феттеръ въ С.-Петербургѣ: Маріинскій рынокъ, № 20; въ Москвѣ: Малая Лубянка, д. Обидиной. Мт. № 3388 1—1

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ, № 3360 7—4
ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ.
ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ
бѣлитъ зубы, не портя ихъ эмали, предотвращаетъ гніеніе зубовъ.
ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ
укрѣпляетъ десны, утоляетъ зубную боль, освѣжаетъ ротъ.
Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.
Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.
DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit
ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФРЕРА,
19, Rue Jacob, Paris.
У ВСѢХЪ АПТЕКАРЕЙ И ПРОДАВЦЕВЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ
DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть **Н. Каразина** *второе изданіе,* съ 39 рисунк. автора, большой томъ in—8 всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы“ за пересылку не платятъ.

ИЩУТЪ
въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральн контору объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. Р. № 3328

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

Р. № 3376 2—2

ФИСГАРМОНІИ

извѣстнѣйшихъ парижскихъ и американскихъ фабрикантовъ отъ 90 до 500 р., фисгармоніи съ органомъ, гармонифлюты, гармонифлюты съ органомъ, піанино съ органомъ съ запасными валами, играющими танцы, оперы, романсы и русскія пѣсни.

Піаниста (механическій таперъ) съ большимъ запасомъ нотъ, и много другихъ музыкальныхъ инструментовъ и принадлежностей рекомендуетъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

С.-Петербургъ, по Б. Морской, д. № 36. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Новѣйшій иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

Главный складъ и продажа
(по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ)
АМЕРИКАНСК. НЕПРОМОКАЕМ. БѢЛЬЯ,
которое несравненно практичнѣе обыкнов. полотняного; оно не требуетъ стирки и глаженья, а чистится мокрой тряпкой, при чемъ сохраняетъ глянцевитый видъ, какъ лучшее голландск. полотно и не впитываетъ въ себя чернильныхъ пятенъ.

Цѣны съ почтов. пересылкою:
Манжеты 1 р. 25 к. Грудь 1 р. 75 к. Воротникъ 75 к. Къ нимъ пуговицы новаго устройства изъ американскаго золота (никогда не чернѣющія) 2 руб. Для гг. военныхъ форменные воротники.

№ 3320 Вновь получены 6—5

Новыя американскія подтяжки,
значительно удобнѣе всѣхъ прочихъ, устроенные на маленькихъ колесикахъ. При носкѣ совершенно не чувствительны; не давятъ въ плечахъ и не стѣсняютъ свободныхъ движеній при верховой ѣздѣ, катаньѣ на лодкѣ, билліардной игрѣ, гимнастикѣ и пр., и пр. Онѣ также рекомендуются и гг. медицинскими авторитетами. Многія лица, не могшія привыкнуть носить подтяжекъ, совершенно освоились съ предлагаемыми нами и остались весьма довольны ими.

Каждаго, нуждающагося въ новыхъ подтяжкахъ, мы просимъ обратить вниманіе на это новое и вполнѣ практичное изобрѣтеніе.

СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ТОВАРОВЪ
КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ
Большая Морская, 36.
По воскресеньямъ складъ закрытъ.

Mt № 3390

ВЕЛОСИПЕДЫ
завода Hickling & Co. Maidenhead.
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
Г. Г. ЖЕМЛИЧКА
въ Москвѣ, Цвѣтной бульваръ, д. Брюссова.
Прейсъ-курантъ безплатно.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Вас. Островъ, 1 линія, № 10.
МОСКВА. Мясницкая ул., домъ Сытова.

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ
для тушенія пожаровъ въ зачаткѣ и поливки цвѣтовъ по 16 р. Упаковка 40 коп.

РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА
10 разн. размѣровъ—наименьшая выбрасыв. 600 ведеръ воды въ часъ и стоющ. 115 р. Наибольшая—1800 ведеръ и стоющ. 400 р.

Нососы ручные, приводные и паровые для всѣхъ возможныхъ цѣлей.

ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЛЯ
лучшій паровой насосъ настоящ. времени.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МАШИНЪ ВСЯКАГО РОДА ПРЕДЛАГАЕТЪ
ТОВАРИЩЕСТВО
БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ
Иллюстр. катал. безплатно. № 3206 6—4

ЗА ВСЕМІРНУЮ ВЫСТАВКУ ВЪ НИЦЦѢ
УДОСТОЕНЫ М. № 3391 1—1
ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ
ПРИДВОРНЫЕ ПАРФЮМЕРЫ
БРОКАРЪ и К° ВЪ МОСКВѢ.
ВЫСТАВЛЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ:
Глицериновое мыло. Личное мыло. Разные косметики.
Цвѣточный о-де колонъ. Духи Резеда (рус. кой плантаціи).

№ 3306 **Л. ЛИНЕВИЧЪ.** 10—5

Имѣю честь увѣдомить гг. владѣльцевъ старинныхъ вещей, что я, какъ любитель искусства, покупаю по самой высокой цѣнѣ старинныя художественныя вещи, какъ-то: бронзовые часы, канделябры, стѣнники и группы; фарфоровыя (преимущественно севрскія и саксонскія) вазы, сервизы и фигуры; мебель съ бронзою и инкрустаціей; мраморныя фигуры и группы; вазы яшмовыя и порфировыя, отдѣланныя бронзой; серебряныя группы, кружки и бокалы; золотыя табакерки съ эмалью и миніатюрами; гобелены и другіе предметы роскоши, особенно XVI, XVII и XVIII столѣтій. **Я ВЫѢЗЖАЮ** на три лѣтнихъ мѣсяца во внутрь Россіи, для пріобрѣтенія означенныхъ предметовъ. Лично можно видѣть и письменно обращаться ежедневно, отъ 10 час. утра до 6 веч., кромѣ праздничн. дней. **СПБургъ, ФОНТАНКА,** рядомъ съ Малымъ театромъ, въ соб. д., № 53. Литера Б.

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
БИЛЛІАРДЫ И КЪ БИЛЛІАРДНОЙ ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.
Троицкій проспектъ, близь Египетскаго моста, д. № 13—2. № 3303 19—5

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ
ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ
послѣдуетъ
РОЗЫГРЫШЪ
ЛОТЕРЕИ
въ пользу
состоящей подъ непосредственнымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Александры Петровны
ПОКРОВСКОЙ ОБЩИНЫ СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ
всего **600** выигрышей
изъ нихъ главнѣйшіе

Одинъ выигрышъ 225 фунтовъ сервизнаго серебра 84 пробы		8,000 руб.
Четыре — по 1,000 рублей		4,000 „
Четыре — по 500 —		2,000 „
Десять — по 100 —		1,000 „
Остальные пятьсотъ восемьдесятъ одинъ выигрышъ состоятъ изъ вещей: серебряныхъ и высочайше пожалованныхъ цѣнностью на		12,000 „

БИЛЕТОВЪ НА ЛОТЕРЕЮ НАЗНАЧЕНО 50,000.
цѣна билету 1 рубль.

Билеты можно получать въ Канцеляріи Государыни Великой Княгини Александры Петровны, на Васильевскомъ Островѣ, по четвертой линіи, домъ № 21; у Казначея Общины Н. Н. Брусницына, въ Мучномъ переулкѣ, по Желѣзной линіи № 12; у Казначея лотереи Ивана Максимовича Максимова, по Банковской линіи, № 31; у Почетныхъ членовъ: Ф. А. Алферова, по той же линіи, № 35; А. В. Любавина, подъ Думой, въ Серебряномъ ряду; въ чайномъ магазинѣ Бѣлкова и К°., на Невскомъ у Аничкина моста, домъ Лихачева; Ф. Е. Страубе, Пассажъ, № № 6 и 7; А. И. Керина, внутри Маріинскаго рынка въ Фруктовомъ ряду. Въ г. Ригѣ торговый домъ М. Кальмейеръ. Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться въ Канцелярію Государыни Великой Княгини Александры Петровны. № 3385 3—2

О ДНѢ РОЗЫГРЫША ЛОТЕРЕИ ВЪ СВОЕ ВРЕМЯ БУДЕТЪ ОБЪЯВЛЕНО ВЪ ГАЗЕТАХЪ.
Выигрыши будутъ выдаваться только предъявителямъ цѣльнаго билета.

ПРАВЛЕНІЕ
РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА
ВЗАИМНАГО СТРАХОВАНІЯ ОТЪ ПАДЕЖА ЖИВОТНЫХЪ
честь имѣетъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что оно нашло возможнымъ отмѣнить сборъ на управленіе повсемѣстно и сборъ за ветеринарный осмотръ, за исключеніемъ гг. СПБурга и Москвы.

Пріемъ страхованій продолжается по прежнему, по двумъ отдѣламъ:
по **I-му отдѣлу**—отъ повальныхъ и заразительныхъ болѣзней, какъ-то: отъ чумы, повальнаго воспаленія легкихъ, сапа, ящура, кроваваго поноса, сибирской язвы, оспы и чесотки, и по **II-му отдѣлу**—отъ всякой смертности.

Правленіе Общества находится въ С.-Петербургѣ.

Агентства Общества имѣются во всѣхъ городахъ Европейской Россіи. М. № 3380 3—3

On lit dans le VOLTAIRE de Paris du 8 Juin 1884.
LA PARFUMERIE DU Grand Monde
à l'exposition de Nice.

Nice, le 5 Juin.

Pour toucher un peu à toutes les branches de l'industrie, permettez moi de vous signaler aujourd'hui la maison Roume, bien connue sous le nom de **„Parfumerie du Grand Monde"**, qui a obtenu la médaille d'argent à l'exposition, c'est à dire, l'une des plus hautes récompenses attribuées à la classe dans laquelle elle était comprise.

Cette honorable distinction dont la valeur s'augmente du grand nombre des concurrents, était bien dûe à une maison dont les produits excellents sont si appréciés dans le monde élégant. Deux créations nouvelles ont surtout acquis la faveur d'un public délicat: d'abord la **Diamantine** poudre de riz exquise, admirablement appropriée aux goûts de nos belles élégantes; puis l'eau du toilette **Muguet lis,** dont le nom dit assez quel heureux assemblage de parfums a préside à sa confection.

On peut expliquer la vogue dont jouit la **„Parfumerie du Grand Monde"** par la sincérité de ses produits, fabriqués avec les matières premières toutes de choix; ses qualités hygiéniques et enfin par son extrême bon marché.

M. Roume, en industriel honorable et intelligent qu'il est, a voulu rompre avec les vieilles traditions de cherté de ses concurrents ou devanciers, et a appliqué à ses parfums des prix si modérés qu'il est démontré qu'à mérite au moins égal, si non supérieurs, ses produits coûtent moins cher au consommateur que les autres aux marchands. Mt. № 3389 3—1

Voilà du progrès véritable, qui mérite d'être connu; le Voltaire y aidera.
E. S. Y.

PARFUMERIE DU GRAND MONDE
16, GRANDE MORSKAIA, 16.
St.-Pétersbourg.

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ
ИЗОБРѢТЕННЫЙ
БРОКАРЪ и К°.
№ 3091 25—10

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМА
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, 21.

ПРОДАЕТЪ
5% ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖЕЙ
на слѣдующихъ условіяхъ: задатокъ **20 р.** на билетъ, остальная сумма уплачивается мѣсячными взносами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе
5 РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.
Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на купленный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю.

Контора предлагаетъ свои услуги по всѣмъ банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностію за самое умѣренное вознагражденіе
Р. № 3353 7—5

Дозволено цензурою. СПБ. 13 іюня 1884 г. Типографія А. Ф. Маркса, Средняя Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 25 | XV годъ | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА ОЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис) Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 23 Іюня 1884 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ" 1884 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Mark. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарейль (въ 1/4 ширины страницы).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ";

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9 И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 Ч. УТРА ДО 6 Ч. ВЕЧЕРА.

Альма Тадема.

„Тайна моего успѣха, говоритъ самъ знаменитый художникъ Альма Тадема, заключается въ томъ, что я всегда оставался вѣренъ себѣ, что я всегда работалъ самъ, не подражалъ другимъ художникамъ, зналъ въ чемъ моя сила и не заходилъ въ чужую область. Кто хочетъ достигнуть чего либо въ жизни, имѣя талантъ, долженъ прежде всего быть самимъ собою и я, могу сказать, не отступалъ отъ этого правила".

Альма Тадема рѣзко выдѣляется среди своихъ товарищей по своему поэтическому дару и глубокому пониманію древняго міра; въ этомъ онъ занимаетъ между ними первое мѣсто.

Альма Тадема родился въ Голландіи, въ провинціи Фрисландъ, 8 января 1836 г., но принялъ англійское подданство. Онъ любитъ Англію и гордится тѣмъ, что состоитъ въ числѣ гражданъ Британіи; въ Голландіи онъ жилъ недолго и не особенно счастливо. На немъ оправдалась старая поговорка: „Нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ". Отечество очень поздно признало его талантъ.

Профессоръ Л. Альма Тадема. По фотогр. грав. А. Флюгель.

Фамилія Тадемы одна изъ старѣйшихъ въ Голландіи; она встрѣчается еще въ древнихъ легендахъ и хроникахъ, повѣствующихъ объ образованіи Зюйдерзее. Отъ отца своего сынъ наслѣдовалъ любовь къ музыкѣ, а художественныя способности отъ матери, очень умной и энергической женщины. Неполучившая никакого художественнаго образованія, она дѣлала превосходно вырѣзки изъ бумаги, въ особенности цвѣтовъ. Мужъ ея умеръ, когда сыну минуло четыре года, и оставилъ ее съ большою семьею въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Родственники Лауренса Тадемы, по смерти его отца, рѣшили, что онъ долженъ идти по слѣдамъ отца и быть нотаріусомъ, и не смотря на его пристрастіе къ художеству, опекуны отдали его въ Леуварденскую школу, гдѣ онъ могъ заниматься рисованіемъ только въ часы досуга. Не имѣя учителя, онъ тѣмъ не менѣе работалъ такъ прилежно, а его врожденный геній руководилъ

Библиотека "Руниверс"

имъ такъ правильно, что уже въ 1851 г. одна изъ его картинъ—портретъ сестры, была принята на одну голландскую выставку. Въ Лондонѣ у него виситъ его портретъ, писанный въ тоже время; тонъ сухой, но смѣлость рисунка указываетъ на будущаго художника. Отъ напряженій здоровье юноши настолько пошатнулось, что начали опасаться за его жизнь и семья его не настаивала болѣе на продолженіи ненавистныхъ для него занятій правовѣдѣніемъ и предоставила ему полную волю заниматься искусствомъ.

Однако онъ долго не могъ начать правильное обученіе. Голландскіе художники, къ которымъ онъ обращался, отказывались принять ученикомъ мальчика, выросшаго въ деревнѣ. Тогда онъ уѣхалъ въ Бельгію, гдѣ былъ принятъ въ королевскую академію въ Антверпенѣ, во главѣ которой находились Ванперсъ и Кейзеръ. Тутъ юноша принялся усердно работать съ цѣлью наверстать потерянное время.

Въ 1860 г. Тадема сдѣлался ученикомъ извѣстнаго Генриха Лей. Спустя годъ послѣ вступленія его ученикомъ къ Лею, Тадема нарисовалъ картину „Воспитаніе внучки Клотильды", имѣвшую первый успѣхъ. Это было начало цѣлаго ряда картинъ изъ полумифической хроники Меровинговъ. Въ 1878 году онъ нарисовалъ *Фредегунду*. Въ этой картинѣ съ необыкновенной правдой онъ передалъ роскошь варваровъ, необузданныя страсти и переходъ отъ язычества къ христіанству,—черты характеризующія эту эпоху. Но художникъ не остановился на этомъ. Еще въ 1863 г. онъ обратилъ вниманіе на таинственныя страны древней культуры, умѣлъ разгадать ее и показалъ, что подъ суровой наружностью скрывались люди, умѣвшіе радоваться и страдать. Отсюда опять цѣлый рядъ картинъ: *„Какъ веселились въ Египтѣ триста лѣтъ тому назадъ"*, *„Мумія"*, *„Египтянинъ у своего дома"*, *„Пироки въ шахматы"* и превосходнѣйшая картина: *„Послѣднее наказаніе"*. Молитвы, жертвы и пѣніе жрецовъ, все было напрасно: первенецъ Фараона лежитъ бездыханный на колѣняхъ отца, старающагося скрыть страданіе, но неудачно—ротъ его дрожитъ отъ подавленнаго волненія. Фотографическіе снимки даютъ только слабое понятіе объ этой чудной картинѣ, одной изъ выразительнѣйшихъ, какія создалъ художникъ. Оригиналъ украшаетъ домъ самого Тадемы, который очень дорожитъ этимъ произведеніемъ.

Перечислить всѣ произведенія Альма Тадемы невозможно. Послѣднее помѣчено: *235*. Въ этомъ случаѣ онъ слѣдуетъ примѣру музыкантовъ, обозначающихъ такъ свои творенія.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Альма Тадема женился во второй разъ на англичанкѣ. На его вечерахъ можно встрѣтить знаменитостей изъ артистическаго, литературнаго и научнаго міра всѣхъ націй. Сюда стекаются и ради любезнаго хозяина, и ради осмотра его дома, который почти также извѣстенъ, какъ его картины. Это—художественное зданіе, сдѣланное по его рисунку и убранное подъ его надзоромъ. Старое и новое время, западъ и востокъ, сѣверъ и югъ одинаково участвовали въ украшеніи дома, представляющаго гармоническую смѣсь роскоши, изящества и удобства.

Въ двѣнадцатомъ году.

Разсказъ.

П. П. Гнѣдича

„.. Ces misérables tiraient sur les Français: on en sabra quelques uns et on purgea le Kremlin de leur présence..."

Тьеръ Война 1812 г.

I.

...Вотъ, милостивый государь, началъ ***,— изложу я вамъ одно обстоятельство, носящее на себѣ нѣкоторымъ образомъ историческую печать, передамъ вамъ объ одномъ событіи небезъинтересномъ, въ которомъ я до нѣкоторой степени принималъ участіе.

Дѣло происходило ни болѣе ни менѣе какъ въ тысяча восемьсотъ двѣнадцатомъ году, въ Москвѣ, во время тѣхъ самыхъ событій, о которыхъ дѣдушка вашъ не разъ вамъ изволилъ передавать, какъ прямой очевидецъ, и о которыхъ вы безспорно много разъ читали въ книжкахъ. Былъ я тогда подросткомъ, но все происходившее было настолько примѣчательно, что запало мнѣ въ память глубоко—и словно я теперь все это вижу.

Жилъ я тогда, въ качествѣ дальняго родственника-сироты, у очень богатой но не лишенной сварливости старушки Клеопатры Никитичны Кирилловой-Краснокутской. Жили мы на Покровкѣ, рядомъ съ церковью Воскресенія въ Барашахъ,—изволите знать эту церковь, короной украшенную... Домъ у насъ былъ большой, самостоятельный, съ огромнымъ дворомъ, утрамбованнымъ пескомъ столь гладко, что даже танцовать на немъ было можно. Во дворѣ стояли на крыльцѣ два льва съ пастями до того натурально разинутыми, что проходящія собаки на нихъ лаяли. Вокругъ двора шли службы, — людскія, кухни, оранжереи, — все держалось у насъ въ порядкѣ, въ строгости и повиновеніи.

Клеопатра Никитична были очень строги, имѣли пронзительный взглядъ, все видѣли, и требовали во всемъ исполнительности безусловной. Порядокъ у нихъ былъ заведенъ такой, чтобы все дѣлалось и двигалось равномѣрно въ назначенные часы и на назначенномъ мѣстѣ. Управитель приходилъ къ намъ въ восемь часовъ, и ежели почему либо опаздывалъ на пять минутъ, его не принимали, но отсылали съ выговорами. Когда Клеопатра Никитична спрашивали себѣ банбарисной воды послѣ обѣда, имъ обязательно ее подавала дѣвка Дунька, а если приходилъ иной кто изъ прислуги,—барыня сердились и даже заболѣвали. Противурѣчій онѣ не терпѣли, и не любили, когда кто свои разсужденіи высказывалъ. По вечерамъ, когда поваръ къ нимъ приходилъ касательно объясненія о завтрашнемъ обѣдѣ, у него спрашивалось:

— А что, Климъ,—какой сунъ завтра?

И Климъ не безъ страха отвѣчалъ:

— Пельмени, матушка.

Клеопатра Никитична сейчасъ осерчаютъ и закричатъ:

— Врешь, врешь—не пельмени, а щи съ кашей!..

— Слушаю-съ, говоритъ Климъ.

— А потомъ что,—на второе?

— Солонину если съ кортофелемъ.

А барыня опять вскинутся: Вѣдь вотъ ты какой,— нѣтъ, что-бы угадать, чего твоя госпожа хочетъ... Какой ты поваръ! Я хочу поросенка съ хрѣномъ и сметаною,—а ты мнѣ солонину...

И такъ весь обѣдъ... Очень крутаго нрава были. И все потому, что онѣ были старая дѣва,—вѣкъ прожили безъ замужества, и впали отъ этого въ озлобленіе.

Выѣзжали онѣ мало. По двунадесятымъ праздникамъ ѣздили къ тетенькѣ Евлампіи Харитоновнѣ на Тверскую. Тетенькѣ было девяносто лѣтъ, и онѣ тоже были дѣвица. Клеопатра Никитична ѣздили цугомъ въ колымагѣ, и очень боялись, чтобы на нихъ кто не наѣхалъ, почему кричали сидя въ экипажѣ очень громко, особливо на Чистыхъ прудахъ, гдѣ дорога по преимуществу была плоха. Крича, онѣ прижимали къ груди собачку бѣлую и маленькую, которая отъ старости только хрипѣла. Матренушка, ѣздившая съ ними, цѣловала ихъ въ плечико, и Христомъ Богомъ молила не заболѣть, а успокоиться, и по пріѣздѣ съ виновныхъ взыскать...

Ну я, конечно,—что! Меня въ чорномъ тѣлѣ держали: я ужь очень дальнимъ родственникомъ приходился, да и родители мои чуть не однодворцами были. Интереса было во мнѣ мало, тѣмъ паче, что къ тетушкѣ иногда знатные люди пріѣзжали, особливо на Пасху съ поздравленіями;—меня даже въ чистыя комнаты не пускали, и гостямъ не показывали. Клеопатра Никитична въ праздникъ, послѣ обѣдни звали меня въ столовую, поили чаемъ съ просвирой, допускали къ ручкѣ, смотрѣли съ сожалѣніемъ мнѣ въ глаза, и сквозь зубы говорили:

— Несчастный!

Почему онѣ жалѣли меня: сказать вамъ не умѣю. Кормили меня хорошо, посылая всѣ блюда со своего стола, но обученіемъ никакимъ не занимали. Обученіемъ я обязанъ садовнику Флегонту, который главную суть моего разсказа и составляетъ.

Библиотека "Руниверс"

II.

Флегонтъ былъ тетушкинъ любимецъ,—садовникъ превосходный, ученый—пять лѣтъ жившій у нѣмца, знавшій всѣ латинскія наименованія, человѣкъ очень набожный, уже не молодой, вида довольно суроваго, державшій себя даже передъ Клеопатрой Никитичной съ большимъ достоинствомъ. Оранжереи у него въ такомъ порядкѣ были и такіе цвѣты въ нихъ распускались, что когда большіе балы бывали, неоднократно самыя высокопоставленныя лица обращались къ нему за букетами. Полагаю, что даже съ самой Клеопатрой Никитичной многіе только для того и поддерживали знакомство, чтобы она дозволяла цвѣтами пользоваться. Бывало середи зимы о ландышахъ ни у кого упомина нѣтъ,—а у насъ въ китайскихъ вазочкахъ они по столикамъ разставлены, гости изумляются, а дамы—тѣ даже стонутъ отъ восторга...

Флегонтъ былъ почти нелюдимъ: онъ рѣдко съ кѣмъ разговаривалъ изъ дворни,—и даже обѣдалъ отдѣльно въ своей коморкѣ близь оранжереи. Но ко мнѣ онъ сочувственно относился. Когда я проходилъ мимо, онъ снималъ шапку и кланялся, да такъ почтительно, словно я тоже настоящимъ бариномъ былъ. Я сталъ къ нему въ теплицы заглядывать: стою, смотрю, какъ онъ мочалочками стебельки подвязываетъ, подрѣзаетъ листочки, моетъ и поливаетъ. Онъ ничего,—только изрѣдка покажетъ на цвѣтокъ—оглянется:

— Это, говоритъ, скупіоза... Понесу завтра сударынѣ букетикъ конваллярій, — и этотъ экземплярчикъ тоже захвачу.

— Это, Флегонтъ, какихъ-же конваллярій?

Тотъ смѣется, показываетъ на ландышъ.—По ученому это называется конваллярія маялисъ. Отъ ботаниковъ такая нумеклатура.

Разъ онъ срѣзалъ лилію—большую такую, знаете—съ желтыми крестиками внутри, да и говоритъ:

— Соломонъ во всей славѣ своей—не былъ столь пышно одѣянъ, какъ лилія эта...

Я спрашиваю: А ты почему знаешь?

Онъ уставился на меня.—Такъ въ писаніи сказано... Вы развѣ писанія не знаете?

— Я не умѣю читать.

— Нѣшто васъ не учатъ?

— Нѣтъ.

Онъ покрутилъ головой. — Какъ-же это возможно... Хоть-бы діакона введенскаго пригласили...

Онъ вдругъ началъ мнѣ разсказывать про цвѣты, и такъ воодушевляется, даже глаза горятъ...

— Вотъ, говоритъ, возводятъ палаты богатыя, дворцы и сокровищницы, кружева и ткани дорогія плетутъ, а того не знаютъ, что красотою никогда имъ съ простымъ цвѣткомъ не сравняться. Вѣдь вотъ ростетъ такая головка пушистая гдѣ нибудь въ пустынѣ, и глазъ человѣческій ее не видитъ, и полюбоваться некому ею,—а ей и дѣла нѣтъ: прямо въ небо, въ очи Бога смотритъ и радуется. Гдѣ вы коллеръ такой пріищете? ни за какія богатства не найти, — а Господь его даромъ каждому цвѣтку далъ и тысячами по полю разсѣялъ... Сколько въ этомъ самомъ цвѣткѣ премудрости!.. А человѣкъ кичится: я, молъ, механику выдумалъ: у меня, какъ живыя, механизмы ходятъ; эка диво, что ключемъ то заводятъ... А ты попробуй вотъ такъ, — брось жолудь въ землю,—и посмотри, что изъ жолудя выростетъ: дубъ, да вѣдь что за дубъ! стадо подъ тѣнью его ляжетъ... Опять-же запахъ,—вѣдь это что-же: рай небесный да и только...

И съ такою гордостью повелъ онъ кругомъ глазами, словно онъ былъ царемъ и властителемъ всего этого царства цвѣтовъ. Меня, повѣрите, даже дрожь охватила...

— А у барыни, говоритъ, вы попроситесь учиться. Коли дьякона не захотятъ, я васъ читать выучу.

Я обѣщалъ завтра попроситься.

III.

Клеопатра Никитична очень удивились моему желанію, особливо когда я сказалъ, что желаю учиться у Флегонта, но согласіе изъявили.

— Онъ, говорятъ, человѣкъ почтенный, и довѣрія къ нему я больше чѣмъ къ дьякону имѣю. Коли охота учиться—я не воспрещаю: выучишься, будешь мнѣ молитвословъ по вечерамъ читать: у Матренушки глаза стали плохи...

Матренушка была приживалка, тоже въ какомъ-то дальнемъ родствѣ.

И началъ я учиться у Флегонта, для чего ходилъ къ нему,—ибо никакихъ распоряженій насчетъ мѣстъ занятій дано намъ не было. И такъ, милостивый государь, хорошо мнѣ тамъ у него было, что вотъ даже теперь, чуть не со слезами это время вспоминаю. Воздухъ въ теплицѣ жаркій и сырой вмѣстѣ: каждое растеніе живетъ, дышетъ, благоуханіе пускаетъ. Съ вѣтокъ капли капаютъ, солнышко весеннее сквозь стекла глядится, на цвѣточкахъ играетъ. Флегонтъ, насупившись, съ указкой, и евангеліе раскрыто — старое, покоробленное, выданное Клеопатрой Никитичной на обученіе. Я отгадываю слоги,—тишина мертвая,—развѣ вѣтка какая встрепенется, или со двора чуть слышно пѣтушекъ прокричитъ... Ножницы тутъ-же на столѣ лежатъ садовыя,—кадки, мочалки внизу, швабра старая: и все это я точно теперь вижу...

Но насъ не только было двое: нерѣдко въ тепличку къ намъ забѣгала Агнія — портниха при барынѣ. Ахъ, что это за красавица была! Полная, свѣжая, глаза какъ угли чорные, съ поволокой, такіе ласковые-ласковые и грустные. Она у мадамы училась, у французинки, и платья шила превосходно, такъ что даже наша барыня жалованье ей платила.

Вбѣжитъ она къ намъ: жизнью-то отъ нея такъ и пышетъ, видно, что живетъ, что кровь у нея въ каждомъ суставѣ говоритъ. У Флегонта все лицо освѣтится, вскочитъ онъ съ мѣста, книгу броситъ.

— Пожалуйте, Агнія Михайловна,—присядьте... Пряничковъ не угодно-ли...

— Нѣтъ, я на минутку...

А сама садится на скамеечку, со мной рядомъ, и даже мнѣ, мальчику, пріятно, что она, красавица такая, возлѣ меня сидитъ, свою ручку на столъ возлѣ моей положила. И ручки то бѣленькія, пухленькія, и пальчики крохотные, иголками истыканные. Флегонтъ пряниковъ, орѣховъ притащитъ (у него всегда сласти водились), самъ противъ насъ на боченокъ усядется, подопрется, и глазъ не спускаетъ съ нея.

— Роза вы махровая, скажетъ, ни въ какихъ садахъ такой не найти какъ вы...

Та покраснѣетъ, законфузится,—еще лучше станетъ.

Флегонтъ персикъ сорветъ самый спѣлый, ей отдаетъ. Она испугается, руками машетъ.

— Что вы, Флегонтъ Матвѣевичъ, Богъ съ вами: развѣ мнѣ это возможно, это вы для барыни хранили...

— Кушайте, кушайте: барыня въ обидѣ не будутъ: имъ много останется. Только косточку мнѣ отдайте, не бросайте зря, чтобъ не увидѣли.

Я тоже подтверждаю:

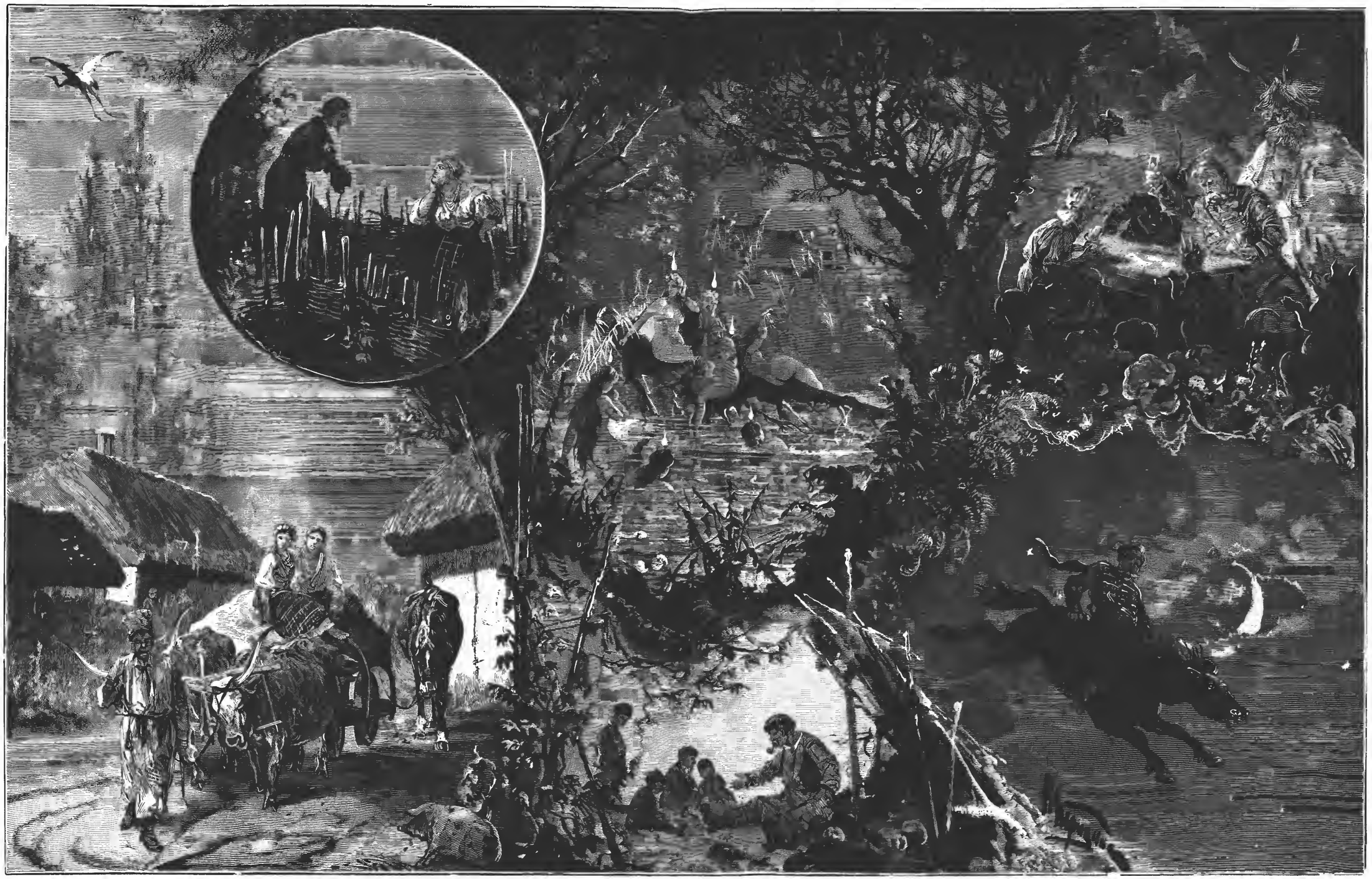
— Ты ѣшь, Агнія, это ничего... я вѣдь не скажу.

А Флегонтъ и мнѣ другой персикъ преподноситъ.

И часто, доложу вамъ, она бывала у насъ. Ученью это не мѣшало: во времени стѣсненія не было,—не доучимся утромъ—доучимся послѣ обѣда. Клеопатра Никитична, конечно, объ этихъ посѣщеніяхъ не знали, да имъ и некогда было: онѣ цѣлый день мылись, молились, чесались, чесали болонку, раскладывали пасьянсы, ругались съ приживалками... Я видѣлъ, что Флегонтъ безъ памяти Агнію любитъ, а она его,—и убѣдился въ этомъ я вскорѣ еще больше.

— Зайдите, сударь, говоритъ мнѣ разъ Флегонтъ,—се-

Библиотека "Руниверс"



Литературный альбомъ. Къ повѣстямъ Н. В. Гоголя „Вечера на хуторѣ близь Диканьки“. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Сорочинская ярмарка

Майская ночь.
Заколдованное мѣсто.

Пропавшая грамота.

Библиотека "Руниверс"

годня, когда совсѣмъ стемнѣетъ, въ теплицу: штуку я вамъ покажу забавную...

Я жду не дождусь вечера. Ну, что такое онъ мнѣ покажетъ? Интересно...

Клеопатра Никитична спать легли, къ ручкѣ я приложился и стрѣлой въ оранжерею,—тамъ свѣтъ слабый мерцаетъ.

Вошелъ: вижу стоитъ Флегонтъ, а Агнія охватила ему шею бѣлыми ручками, прямо въ глаза смотритъ, и говоритъ:

— Такъ сказать барынѣ, а?

А тотъ въ отвѣтъ только цѣлуетъ ее. Увидѣли меня—отскочили другъ отъ друга,—Агнія какъ кинется прочь...

Флегонтъ тоже смутился. Взялъ свѣчку со столика, и пошелъ по дорожкѣ. Я за нимъ.

Прошли мы нѣсколько шаговъ. Онъ вдругъ обернулся.

— Агнія, говоритъ, мнѣ невѣста, и разрѣшеніе мы у барыни на бракъ просить будемъ... Вы только не говорите...

Я схватилъ его за руку.—Ну вотъ! нужно мнѣ очень...

Вижу онъ идетъ изъ оранжереи...

— Куда-жъ ты, а штуку-то мнѣ хотѣлъ показать...

Онъ усмѣхнулся, радостно такъ.—Я и забылъ, говоритъ, ну пойдемте.

Повелъ меня къ цвѣтку какому то, я раньше такого и не видѣлъ.

— Смотрите, говоритъ.

Поднесъ къ самому цвѣтку свѣчку. Онъ какъ вспыхнетъ.

Я тоже отскочилъ.

— Флегонтъ, это что-жъ такое?

Онъ опять поднесъ свѣчку, книзу, къ ножкѣ цвѣтка.

— Потѣшный огонь, говоритъ.

Снизу опять пламя какъ плеснетъ,—весь вѣнчикъ въ огнѣ... Вспыхнулъ—и опять цвѣтокъ цѣлый.

— Флегонтъ, голубчикъ, это что же?

— Диктампусъ фраксинеля.

— Какъ, диктампусъ?

— Названье такое...

Онъ засмѣялся и ушелъ.

Цѣлую ночь я не спалъ, изъ за этого диктампуса и поцѣлуя... Самъ я, что ли, былъ влюбленъ въ нее,—доподлинно сказать вамъ не умѣю.

IV.

Къ серединѣ лѣта слухи о французѣ и его приближеніи стали самые тревожные. Иные даже собирались уѣзжать изъ Москвы. Клеопатра Никитична слухамъ совсѣмъ не вѣрили:

— Вздоръ мелютъ! Куда они придутъ, зачѣмъ французу на Покровку идти—мало ему мѣста за границей? Ну, коли къ намъ войдетъ въ Имперію—пусть на Петербургъ идетъ, а Покровка наша причемъ?..

Еще болѣе ихъ афишка успокоила. Принесъ ей управитель афишку съ картинкой, что московскій главнокомандующій отъ своего имени печаталъ, и въ примѣръ приводилъ Карла Шведскаго, который и жилистѣй Бонапарта былъ, да подъ Полтавой уходился.

— Ну вотъ, говорили онѣ Матренушкѣ: вотъ какіе пустяки вы разносите! Что графъ Федоръ Васильевичъ пишетъ: пишетъ, что французъ не токмо Ивана Великаго, да и Поклонной во снѣ не увидитъ... Только госпожу безпокоите...

И правда, совсѣмъ онѣ спокойны стали, и даже надъ французомъ подшучивали. Выбравъ такую то счастливую минутку, Агнія вдругъ имъ въ ноги:

— Дозвольте замужъ!

Клеопатра Никитична такъ и присѣли со страха.

— Какъ замужъ, куда замужъ, зачѣмъ?..

— Любимъ мы съ Флегонтомъ другъ друга,—не жить намъ врозь...

— Врешь, врешь—блажь одна!..

Агнія въ слезы: осчастливьте, сударыня, — вѣкъ будемъ за васъ Бога молить...

Но Клеопатра Никитична ихъ прогнали, и пошли жаловаться Матренушкѣ:

— Вотъ, мать моя, поила-кормила, мастерству у французенки обучала,—да змѣю и отогрѣла... Всѣ вы таковы...

Матренушка заохала: Вѣдь вотъ, благодѣтельница, какія чорствыя души... Замужъ охота, — да вы нѣшто хуже ее, а обрѣтаетесь же въ одиночествѣ, и вѣкъ такъ прожили... Они вотъ знаютъ, что французъ близко, потому и позволяютъ...

Вечеромъ пришелъ къ барынѣ Флегонтъ—чернѣе тучи.

— Дозвольте жениться...

— Какъ жениться? на Агніи?.. А кто мнѣ платья будетъ шить?

— Она при васъ останется...

— Шалости, шалость, блажь!

А Матренушка шепчетъ: стань, дуракъ, на колѣнки, стань!

Однако Флегонтъ не сталъ.

— Да я, сударыня, говоритъ, только разрѣшенья на будущее у васъ спрашиваю, потому теперь постъ, а послѣ поста одинъ Богъ знаетъ что будетъ...

— Это ты опять насчетъ француза?.. Ой, отошлю тебя къ графу, попрошу наказать примѣрно, чтобы народъ не смущалъ... Гдѣ онъ французъ то теперь, гдѣ?..

— Да, говорятъ, подъ Вязьмой...

— Кто говоритъ?.. Пошелъ ты вонъ, и не смѣй мнѣ на глаза показываться.

Наши сосѣди по Покровкѣ начали собираться, укладываться, ѣхать...

Клеопатра Никитична вдругъ повѣрили.

Вбѣжала къ ней Матренушка—дрожитъ вся:

— Матушка, матушка—шаръ дѣлаютъ...

— Какой шаръ?

— Пятьдесятъ человѣкъ на небо полетитъ, и въ афишкахъ сказано, что на погибель злодѣю сдѣлалъ его нѣмецъ.

— Такъ тебѣ то что?

— Какъ что, — злодѣй то значитъ близко, коли ему на погибель шаръ выстроенъ... Такъ и напечатано: молъ, противъ вѣтра и по вѣтру летитъ... А выѣздъ всѣмъ изъ Москвы воспрещенъ...

— Что ты врешь, какъ воспрещенъ?!.

Клеопатра Никитична заволновались, сейчасъ письмо съ нарочнымъ къ графу Ѳедору Васильевичу Ростопчину...

Тотъ отвѣта не далъ, вечеромъ самъ заѣзжаетъ.

— Жизнью, говоритъ, вамъ ручаюсь, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, а только, если желаете уѣзжать — очень радъ, меньше страха, меньше новостей. Выѣздъ никому не воспрещенъ: тысячами за заставку кареты и коляски ѣдутъ... Я бы даже вамъ посовѣтывалъ ѣхать...

Ну, тутъ Клеопатра Никитична совсѣмъ струсили.

V.

Началась у насъ укладка: серебро, золото, бриллiанты—все въ сундуки уложили; мужики наши только изъ подъ Тулы пріѣзжали обозомъ съ товарами,—ихъ сейчасъ барыня приказали брать подъ подводы. Сами осунулись, похудѣли.—Людей всѣхъ съ собой рѣшились взять, а остаться одному старику дворнику, да еще Флегонту.

Поблѣднѣлъ Флегонтъ, какъ услышалъ...

— Соблаговолите, говоритъ, сударыня идти съ вами подъ Тулу...

— Ахъ ты, говорятъ, несчастный,—какъ ты смѣешь меня не слушать... Тебѣ бы возлѣ Агніи быть хотѣлось,—ты нѣшто изъ привязанности къ барынѣ идти хочешь? Оставайся здѣсь за твои дерзости, — буду безъ садовника,—а хама не потерплю...

Вечеромъ прихожу къ Флегонту, вижу ружье у него на столѣ лежитъ.

— Откуда у тебя это? спрашиваю.

Библиотека "Руниверс"

— Въ арсеналѣ, говоритъ, взялъ: тамъ раздаютъ.

— Зачѣмъ оно тебѣ?

— А какъ же: въ Москвѣ остаюсь, надо же для защиты оружіе...

— Флегонтъ, я съ тобой останусь—я не поѣду.

— Зачѣмъ вамъ оставаться?..

— Да я люблю тебя,—я не хочу безъ тебя...

Онъ долго такъ посмотрѣлъ на меня и вздохнулъ. На глазахъ слезы у него. Въ первый разъ увидѣлъ, что онъ плачетъ; не выдержалъ я, какъ кинусь къ нему въ объятія, да какъ зареву...

Наплакался до того, что заснулъ у него въ оранжереѣ. Проснулся,—слышу голоса.

Цѣлуетъ его Агнія.—Прощай, мой милый, дорогой, радость моя, свѣтъ мой,—не видаться намъ съ тобой больше...

— Тамъ, говоритъ Флегонтъ, свидимся—на небо показываетъ.

— Какъ я безъ тебя жить буду, говоритъ она, прижимается къ нему.—Голубчикъ, ты подумай только.—всю работу слезами измочу... Что я дѣлать одна буду,—вѣдь нѣтъ у меня никого — одна я въ цѣломъ мірѣ: никто не защититъ меня, не утѣшитъ... А ты вѣдь вишь какой молодецъ—отъ кого хочешь убережешь... Уходи изъ Москвы, родной мой,—уходи и ты .. Завтра на зарѣ мы тронемся, и ты вслѣдъ за нами...

— Нельзя этого, Агнія.—Коли сказано оставаться—такъ тому и быть.—Убьютъ такъ убьютъ: не меня—тебя жалко... Былиночка моя, истаешь безъ меня...

Обнялъ онъ ее, прижимаетъ къ себѣ—огнемъ горятъ ея глаза, огнемъ горятъ щеки, коса черная расиустилась волнами по плечамъ: ну такая красота, доложу вамъ, что и государю любому незазорно было бы сидѣть на мѣстѣ Флегонта.

— Ну ужъ, говоритъ она, коли я узнаю, что ты, мой голубчикъ, сгинешь здѣсь: припомню я это старой хрычевкѣ, — проклянетъ она тотъ день, когда тебя здѣсь оставила...

— Не дѣлай, говоритъ Флегонтъ, не дѣлай, краса моя, ничего такого: тебѣ же на голову все будетъ... Ты мнѣ предоставь все...

А самъ все крѣпче ее сжимаетъ, и не можетъ она изъ его объятій вырваться,—и больно онъ ее сжалъ, и дышать ей трудно, и счастьемъ горитъ она: хоть мигъ одинъ любить, да вотъ такъ, всей душою. Блѣдная свѣчка свѣтитъ тутъ же, въ бутылку воткнута, а надъ ними пальма широколиственная, какъ балдахинъ какой нависла; папоротникъ огромный тутъ же, что на поправку изъ зимняго сада принесенъ — свои кружевныя прорѣзи кажетъ...

— А вотъ баринъ тутъ, шепчетъ Агнія, показывая головой на меня.

— Спитъ онъ, возражаетъ Флегонтъ, наплакался. Святая онъ душа, добрая... Нашимъ горемъ крушится...

Тишина такая. Всѣ умаялись отъ дневныхъ хлопотъ, рано спать полегли...

— Слушай, Агнія: есть у меня двѣсти рублей накопленныхъ денегъ. Отдамъ я ихъ сегодня тебѣ...

— Что ты, милый, зачѣмъ: тебѣ нужнѣе.

— Мнѣ зачѣмъ? Все одно французамъ достанется... А ты хоть на эти деньги панихиду по мнѣ отслужишь...

— Да не смѣй ты говорить такъ...

— Только слышишь: ты замужъ ни за кого...

— Вотъ Богомъ клянусь тебѣ,—я твоя, и ни на кого послѣ тебя и не гляну... Да нѣтъ,—живъ ты останешься, я это знаю... И теперь ты живой, и глаза у тебя ясные, и волосы пушистые, и самъ ты красавецъ, и любить я тебя хочу,—и люблю больше всего въ мірѣ...

И опять прижалась къ нему, и опять цѣлуетъ и плачетъ...

Порѣшилъ я твердо, что въ Москвѣ останусь. Что мнѣ? Я вѣдь тоже былиночка...

VI.

А на утро—повозки со двора тронулись. Флегонтъ стоялъ блѣдный, худой, съ сверкающими глазами. Клеопатра Никитична ему ключи отдали, наставленіе сдѣлали. Онъ ручку имъ поцѣловалъ. Заплаканное личико Агніи мелькнуло послѣдній разъ въ воротахъ, двѣ собаки виляя хвостиками побѣжали за поѣздомъ. Дворникъ заперъ ворота, — и такъ пусто стало, только открыты окна въ кухню, да свѣжій слѣдъ отъ колесъ по песку показываетъ, что уѣхали молъ—нѣтъ никого, а жить—жили...

Про меня никто не вспомнилъ. Въ этой суматохѣ и дѣла-то никому до меня быть не могло. Одинъ человѣкъ обо мнѣ хлопоталъ—Флегонтъ,—а онъ-то и оставался.

— Ну теперь что-же? спросилъ дворникъ ухмыляясь.

Флегонтъ не отвѣтилъ, молча пошелъ къ себѣ.

Его узнать нельзя было совсѣмъ: обличія человѣческаго, доложу вамъ, не осталось. Впослѣдствіи удалось мнѣ подмѣтить подобное выраженіе у одного солдатика передъ разстрѣляніемъ. Все это что онъ дѣйствуетъ, ходитъ, смотритъ,—все это не онъ, а его нѣтъ, онъ самъ гдѣ-то далеко; тѣнь его, такъ сказать, на землѣ, а духъ—въ пространствѣ...

Пришелъ онъ къ себѣ, легъ ничкомъ на кровать—не шелохнется. Я сижу возлѣ. Часъ прошелъ, другой. Лежитъ. Голову подниметъ, начнетъ въ уголъ смотрѣть. Я его за плечо трясу: „Флегонтъ, Флегонтъ, что-ты!“ Не слышитъ...

Дворникъ пришелъ къ полудню пьяный-распьяный, съ новостями: Французъ, говоритъ, въ Москву вошелъ: самъ Бонапартъ на Поклонной стоитъ, и черезъ Драгомировскую заставу нѣмцы идутъ, и какъ войдутъ въ Москву,—сейчасъ всѣ дома зажгутъ, и всѣхъ перевѣшаютъ...

Къ полудню поднялся Флегонтъ, пошелъ въ оранжерею, печку затопилъ,—сталъ посреди цвѣтовъ своихъ любимыхъ, посмотрѣлъ на нихъ—посмотрѣлъ, да какъ двинетъ во всю мочь кулакомъ по рамѣ—она въ дребезги. Взялъ ружье въ руки, шапку надѣлъ—и прочь...

Я за нимъ безъ шапки. Флегонтъ, кричу—печка вѣдь топится, возлѣ мочала лежитъ, рухлядь—вдругъ стрекнетъ.

Онъ не слышитъ, вышелъ изъ воротъ налѣво—быстро идетъ.

— Флегонтъ! Флегонтъ!

Нѣтъ, не слышитъ. Я иду рядомъ. Улицы пустоваты, два воза тянется, купчиха толстая на возу сидитъ, кричитъ намъ что-то. На Ильинской площади никого, какіе то товары грудой свалены у воротъ, никто не сторожитъ ихъ. На Ильинкѣ купцы у лавокъ стоятъ, испуганные, блѣдные,—лавки нѣкоторыя отворены.—А день такой ясный, солнечный—куполъ Ивановскій такъ червоннымъ золотомъ и отливаетъ. Пыль по Красной площади крутится...

VII.

Вошли мы въ Кремль черезъ Спасскія ворота. Лампадка, какъ и всегда, теплится, входящіе шапки снимаютъ... Направо, у монастыря толпа народа, — человѣкъ тридцать: попикъ какой-то, старикъ, говоритъ что-то. Борода клиномъ, щеки втянутыя, глаза какъ угли. Остановился Флегонтъ, прислушался и подошелъ...

— День суда Божія, — насталъ, хриплымъ голосомъ кричитъ старичекъ.—Трубы вражіи суть трубы архангела—близкій конецъ предвѣщаютъ міру... Антихристъ днесь въ Москву входитъ,—и есть тотъ звѣрь, о коемъ рѣчено въ Апокалипсисѣ, ибо число его — число звѣриное: шестьсотъ шестьдесятъ шесть!...

Нѣкоторые креститься начали, иные шапки сняли.

— Весь міръ покорилъ онъ, всѣ царства земныя—и къ намъ идетъ—порожденье геены огненной. Съ мечомъ и пламенемъ идетъ онъ, идетъ святыни сквернить наши:

Библиотека "Руниверс"

алтари непотребствомъ всякимъ, святые сосуды піанствомъ и надсмѣхательствомъ... Идетъ онъ, чтобы изъ храмовъ конюшни сдѣлать, во святыя раки какъ въ ясли овесъ сыпать, ризами и покровами вмѣсто попонъ лошадей покрывать! Идетъ онъ, чтобы женъ позорить, подлую свою кровь мѣшать съ христіанскою кровью... Идетъ онъ, какъ пророчествовано издревле, чтобы соблазнить и осквернить міръ...

— Господи Іисусе,—шептали въ толпѣ.—Старикъ совсѣмъ пророкомъ стоялъ. Ежели живописца бы сюда какого—изобразилъ бы онъ его на удивленіе...

— Чарами сатанинскими, кричитъ, весь міръ онъ опуталъ. Воинство бранное противу него безсильно, и круга діаволомъ начертаннаго переступить оно не въ силахъ.—Передъ лицомъ его оно отступило, а онъ святыни не страшась сюда ползетъ зміемъ адскимъ... Укрѣпитесь, братіе, лучше въ пламени гибнуть, временную муку пріять, чѣмъ въ вѣчномъ огнѣ потомъ мучиться. Одинъ помазанникъ Господа, одному въ вѣрности мы присягали, и за него душу свою отдать должны... Не отдавайте Кремля святаго на разграбленіе,—пусть черезъ тѣла ваши супостаты переступятъ, но не живыми встрѣтите ихъ... Не жалѣйте-же живота,—всякую любовь плотскую въ себѣ искорените,—одна любовь, одна должна быть теперь—къ Богу, за храмы его, за людъ православный...

Густой колоколъ надъ нами хватилъ: всѣ вздрогнули,—это къ вечернѣ заблаговѣстили. Мѣдно-серебряный басъ такъ и повисъ, и застылъ въ воздухѣ.

— Слышите,—Господь васъ зоветъ! Придите, придите на защиту. Пусть жены гибнутъ, пусть вы гибнете,—мзда ваша многа на небесѣхъ!.. Честный Іерусалимъ раззоряютъ, возлюбленную мою Россію...

— Французы тамъ, французы! отчаянно взвизгнулъ кто-то изъ за угла: французы на Воздвиженкѣ...

— Туда братіе! заприте ворота, недопустите въ святыню нечестивыхъ,—здѣсь мощи патріарховъ, царей гробницы...

Трясетъ старикъ надъ головой мѣднымъ крестомъ, бѣжитъ мимо дворца. Вижу Флегонтъ за нимъ съ ружьемъ первымъ поспѣваетъ. Еще сзади бѣгутъ, и я бѣгу...

Прибѣжали къ воротамъ, что на Воздвиженку выходятъ. А тамъ ворота завалены, и за засадой четверо сидятъ... Руками машутъ намъ чтобъ не кричали...

VIII.

— Были, говорятъ, французы и опять скрылись, поѣхали должно за подмогой...

— Умирайте, шепчетъ старикъ, проливайте кровь,—кровь ваша святая. Всѣ грѣхи ваши снимутся,—прямо въ обители райскія душеньки полетятъ... Нужды нѣтъ, что васъ мало,—и Давидъ малый Голіафа поразилъ...

Вижу, сталъ Флегонтъ на колѣна, молится на крестъ... Дрожь меня колотитъ. Ничего не понимаю: какъ-же, думаю, шестеро войско цѣлое остановятъ...

— Всѣ отступились, всѣ—вы остались, радостно шепчетъ старикъ,—вы остались,—вы и защитите...

— Идутъ, зашипѣлъ одинъ,—идутъ...

Мы припали къ щелямъ. На площадь французъ прискакалъ... слышно торохтитъ сзади что-то. Еще наскакало ихъ нѣсколько. Пушки везутъ... Выстроились въ рядъ, видимъ...

И произошло, милостивый государь, событіе неслыханное и небывалое, чему личнымъ я свидѣтелемъ былъ. Восемь человѣкъ народу, изъ коихъ двое безоружныхъ, остановили огромную армію, мужествомъ своимъ необычайнымъ...

Оно конечно, французы не знали,—много-ли насъ или мало. Но въ томъ-то и дѣло, что въ голову имъ не могло придти, чтобы столь дерзостные патріоты нашлись...

Прямо къ воротамъ, смѣло такъ, офицеръ ихній идетъ, и съ нимъ нѣсколько солдатъ. Идутъ, а блѣдные сами, какъ смерть,—не хуже нашего.

Мы таки близко ихъ подпустили. Одинъ, въ черномъ армякѣ такой, намѣтился въ щель и стрѣльнулъ.

Тѣ назадъ, бѣгомъ...

— Эхъ, говоритъ Флегонтъ,—бивалъ я медвѣдей прежде.

Помѣтился,—да вслѣдъ имъ пулю... Солдатъ задній такъ и сѣлъ на земь, и киверъ свалился. Ну, подхватили его, конечно... Мы „ура!" какъ грянемъ,—сразу, такое ура, что цѣлая рота,—истинно говорю вамъ такъ не крикнетъ...

Видимъ, пушки французы снаряжать начали.

— Умирайте, умирайте! шепчетъ старикъ, и весь сіяетъ...

Флегонтъ на груди покопался, ладонку досталъ, подаетъ мнѣ,—рука такъ и дрожитъ у него...

— Передай, говоритъ, коли свидишься, Агніи...

Въ первый разъ „ты" мнѣ сказалъ,—притянулъ меня къ себѣ, поцѣловалъ.

— Уходи прочь, уходи,—нечего тебѣ дѣлать... Бѣги черезъ Спасскія домой. Пока еще чисто... Тамъ далеко, туда можетъ не заглянутъ, а коли и заглянутъ—тебя не тронутъ...

И что произошло, сударь мой, далѣе—того передать нѣтъ силы, а пережить надо... Хватили пушки; Флегонтъ прикурнулъ на корачки, да потомъ турманомъ съ бревенъ внизъ;—я прочь кинулся, знаю онъ должно мертвый, въ рукахъ ладонка его у меня,—а старикъ на бревно вспрыгнулъ, машетъ рукой, кричитъ:

— Антихристы, порожденье зміино...

Опять какъ грянутъ, оглянулся я... Нѣтъ старика, надо быть кувырнулся туда-же...

* * *

Такъ вотъ, милостивый государь, какое событіе, и какъ погибъ этотъ самый Флегонтъ, храбрый садовникъ... И почему этотъ Флегонтъ умеръ, такъ сказать на баррикадѣ, безвѣстной смертью погибъ, и почему онъ армію Мюрата останавливалъ, и за что того француза убилъ—это неизвѣстно, ибо тутъ Промыслъ неисповѣдимый... И при всемъ томъ нельзя не сказать, что не полюби онъ столь страстно Агнію, и позволь ему Клеопатра Никитична ѣхать въ Тулу,—и не былъ бы онъ героемъ, а былъ бы превосходнымъ садовникомъ, и таковымъ-же супругомъ... И патріотизмъ-ли тутъ руководилъ или что—это осталось для меня совсѣмъ темнымъ.

А для полноты разсказа моего, могу сообщить вамъ, что Клеопатра Никитична съ перепугу скончались, услыхавъ о томъ, что въ Москвѣ все ихъ сгорѣло... И еще скажу вамъ, что Агніи ладонка мною была переслана, и она вышла замужъ за булочника-нѣмца, котораго очень любила. Этому вы не удивляйтесь: все на землѣ проходитъ, все забывается... А женщина, да коли она еще хорошенькая,—ничего долго помнить не можетъ...

Багровая пыль.

(Русскіе въ Парижѣ во время коммуны).

Повѣсть **П. Петрова.**

(Продолженіе).

Въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ ожидали дамы, былъ услышанъ сдавленный крикъ Чувашева. Марья Васильевна онѣмѣла отъ ужаса, а Анна Львовна, не взирая на всю свою силу воли, совершенно растерялась.

— Дакоста! раздался голосъ Рауля Риго.

Секретарь поспѣшилъ въ кабинетъ. Едва затворилась за нимъ дверь, какъ изъ другой двери—словно онъ только и ожидалъ этой минуты—быстро вошелъ Варлакъ.

Библиотека "Руниверс"

Туалетъ молодой Помпеянки. Съ картины Евы Комансъ, грав. Кемпеленъ.

Библиотека "Руниверс"

— Я все знаю и знаю его — опасность большая, но къ счастью я тутъ, произнесъ онъ скороговоркой, подойдя къ Аннѣ Львовнѣ.

Та, увидѣвъ Варлака, вздрогнула и совсѣмъ помертвѣла.

— Вы? вы? прошептала она растерянно, упавшимъ голосомъ, въ которомъ слышались укоризна и радостное изумленіе.

— Да я, я, который жизнь положитъ, чтобы спасти васъ! проговорилъ Варлакъ страстнымъ шопотомъ. — Но минуты дороги. Никто здѣсь не долженъ догадываться, что я васъ знаю. Подчинитесь пока его приказаніямъ—остальное мое дѣло. Я ни минуты не потеряю васъ изъ виду. До свиданія.

И проговоривъ это быстро, безъ передышки, Варлакъ скорыми шагами вышелъ. Все присутствіе его въ комнатѣ продлилось менѣе полуминуты.

Несчастная Марья Васильевна въ своемъ испугѣ и крайнемъ осовѣніи ничего не разслышала изъ этого разговора; она, въ какомъ-то забытьи, тупо твердила только одно: Господи! Господи! Господи!

Изъ кабинета вышелъ Дакоста.

Онъ объявилъ, что Чувашевъ арестованъ во первыхъ какъ „подозрительное лицо", во вторыхъ за „неимовѣрныя дерзости и оскорбленія", нанесенныя имъ двумъ „представителямъ высшаго правительства".

Марью Васильевну это извѣстіе такъ перевернуло, что она внезапно почувствовала наплывъ какого то несвойственнаго ей геройства.

— Да что-же это вы, мазурики, выдѣлываете! И неужели-же тутъ нѣтъ на васъ полиціи! разразилась она по русски на чахлаго секретаря, который смотрѣлъ на нее недоумѣваючи.

— Тетя, тетя, ради Бога перестаньте. Замолчите! Такъ нужно. Все устроится. Послушайтесь только меня.

Марья Васильевна уставилась на Анну Львовну и еще болѣе, если возможно, перепугалась и осовѣла, увидѣвъ необычайную перемѣну, внезапно происшедшую въ племянницѣ. Лицо послѣдней, обыкновенно блѣдное и грустное, пылало яркимъ румянцемъ, глаза блестѣли; куда дѣвалась блѣдность, испуга и помину не было—она чуть-ли не сіяла.

— Анеточка, Анеточка! заговорила въ совершенномъ отчаяніи старушка, всматриваясь съ трепетнымъ недоумѣніемъ въ глаза Анны Львовны и тряся ее за руку.—Анеточка! да развѣ ты не понимаешь, что эти разбойники Василья забрали? Что они теперь съ нимъ сдѣлаютъ! И мы однѣ...

— Успокойтесь, ради Бога, тетя. Нѣтъ, теперь мы не однѣ. Все устроится и Чувашева выручимъ. Только молчите и дайте мнѣ распорядиться, продолжала успокоивать старушку Анна Львовна и затѣмъ обратилась къ Дакостѣ, который молча присутствовалъ при этомъ непонятномъ для него объясненіи.

— Что-же сдѣлаютъ теперь съ нимъ?

— Будутъ судить, сударыня, потому преступленіе тяжкое, государственное, отвѣтилъ очень вѣжливо, но не безъ важности чахлый секретарь.

— Но вѣдь онъ никакого злаго умысла не имѣлъ и не могъ имѣть. Онъ очень плохо понимаетъ по французски и самъ почти не умѣетъ говорить. При томъ вѣдь онъ русскій подданный...

— Все это будетъ провѣрено, сударыня, и тогда конечно...

— А мы теперь можемъ уйти?

— Да, сударыня, вы свободны, но только вамъ придется остаться въ Парижѣ до разбирательства дѣла вашего соотечественника. Вы какъ главная свидѣтельница, и притомъ, конечно, въ его пользу...

— И моя тетка тоже, замѣтила Анна Львовна.

— Ихъ свидѣтельство, пояснилъ секретарь слегка кланяясь въ сторону Марьи Васильевны, не признается нужнымъ господиномъ прокуроромъ коммуны, и потому, madame можетъ хоть сейчасъ уѣхать изъ Парижа, если это будетъ ей угодно.

— Чтобъ я отсюда одна уѣхала?! воскликнула съ негодованіемъ Марья Васильевна.

— Я сказалъ: если это будетъ вамъ угодно, замѣтилъ секретарь, сдѣлавъ сухой поклонъ.

— Да успокойтесь-же тетя. Никто вѣдь не заставляетъ васъ ѣхать, проговорила по русски Анна Львовна.—А теперь мы можемъ уйти? обратилась она къ Дакоста.

— Да, сударыня, но предъ тѣмъ только двѣ маленькія формальности: напишите вашъ адресъ и позвольте пропускъ, который вы получили.

Анна Львовна отдала немедленно пропускъ, выданный ей Бражниковымъ, подумавъ немного, написала адресъ Hôtel du Pavillon de Rohan, и вышла съ Марьей Васильевной несравненно болѣе спокойная, веселая и довольная чѣмъ когда вошла.

Откуда такая странная перемѣна, совершенно противурѣчащая, какъ говорится, логикѣ событій?

Для объясненія этого намъ надо сдѣлать небольшое отступленіе.

Почти за годъ предъ этимъ—въ концѣ апрѣля тысяча восемьсотъ семидесятаго года—Анна Львовна, въ „классахъ пѣнія" г-жи Лабордъ встрѣтилась съ человѣкомъ, произведшимъ на нее съ первой же минуты глубокое и сильное впечатлѣніе.

Опоздавъ немного на одинъ изъ музыкальныхъ вечеровъ, устраивавшихся еженедѣльно у г-жи Лабордъ, Анна Львовна явилась тогда, когда, подъ акомпанементъ рояля, пѣлъ незнакомый ей высокій, стройный брюнетъ.

Голосъ былъ чудный—чистый грудной теноръ, и самъ пѣвецъ въ полномъ смыслѣ слова красавецъ. Молодая дѣвушка заслушалась и засмотрѣлась.

— Мосье Варлакъ, представили его ей.

Рѣчи его плѣнили ее еще болѣе. Ничего подобнаго она, выросшая въ купеческой московской средѣ, до тѣхъ поръ не встрѣчала. Варлакъ показался ей какимъ то особеннымъ, высшимъ существомъ.

Говорилъ онъ чудесно; взгляды его были оригинальны и широки, мысли возвышенны, планы грандіозны и смѣлы, слова увлекательны и задушевны. И мягкій взглядъ бархатныхъ красивыхъ глазъ, то сверкающій, то томный, ласкалъ при этомъ и неотразимо дѣйствовалъ на молодую дѣвушку.

Анна Львовна возвратилась домой совершенно очарованная, въ какомъ то сладостномъ оцѣпеніи. Скрытная и сдержанная, она почему то ни слова не сказала теткѣ объ этой встрѣчѣ. Затѣмъ началась та же вѣчная исторія, „которая всегда останется новою".

Характеръ ея здѣсь однако сказался. Безмѣрно счастливая признаніемъ Варлака, она отвѣтила ему сомнѣніемъ въ искренности его любви, и между тѣмъ всматривалась и старалась изучать этого человѣка.

Они встрѣчались довольно часто, сперва у г-жи Лабардъ, а затѣмъ назначая себѣ мѣсто свиданія въ Елисейскихъ поляхъ, или въ Тюйльрійскомъ саду. Отъ тетки, Анна Львовна продолжала утаивать этотъ романъ, и не знакомила съ нею Варлака, опасаясь, что добрѣйшая, но очень вульгарная и простая Марья Васильевна произведетъ на изящнаго француза неблагопріятное впечатлѣніе.

Такъ прошло около двухъ мѣсяцевъ.

Однажды, Варлакъ не явился на назначенное свиданіе, а на слѣдующій день Анна Львовна получила отъ него письмо, въ которомъ онъ объявлялъ, что неожиданныя семейныя обстоятельства вынуждаютъ его немедленно покинуть Парижъ. При этомъ выраженіе глубокаго сожалѣнія, завѣренія въ искренности своей любви, и нареканія на „неумолимую судьбу".

Не взирая на всѣ эти заявленія, Анна Львовна, инстинктивно почувствовала, что отъ письма вѣяло чѣмъ то холоднымъ, дѣланнымъ, неискреннимъ—что это былъ, какъ говорится, учтивый отказъ.

Тутъ только молодая дѣвушка сознала насколько была сильна и глубока ея любовь къ этому человѣку. Послѣ первой минуты негодованія и раздраженія, эта гордая и страшно самолюбивая натура была готова на всѣ уступки и на всѣ требованія, на все, лишь бы только снова увидѣть любимаго человѣка—увидѣть, чтобы броситься безотчетно въ его объятія.

Она ему написала—отвѣта не послѣдовало. Тогда она сама отправилась къ Варлаку—ей объявили, что онъ за два дня предъ тѣмъ уѣхалъ въ Марсель, не оставивъ адреса. Нѣсколько разъ она приходила справляться, но всякій разъ консьержъ ей отвѣчалъ то же: ни слуху, ни духу о Варлакѣ.

Время ничего не помогло. Послѣ мѣсячнаго трепетнаго ожиданія, по мѣрѣ того какъ ослабѣвали надежды, Анна Львовна все болѣе начинала страдать и мучиться. Она обвиняла себя въ неумѣніи привлечь къ себѣ сердечно такого человѣка, въ неискренности и ложномъ самолюбіи, и, какъ часто бываетъ, въ страстныхъ, распаленныхъ мечтаніяхъ возвела свой кумиръ до недосягаемой высоты. Онъ ее бросилъ, найдя недостойною своей любви—такъ она рѣшила, взявъ всю вину на себя.

Добрѣйшая Марья Васильевна рѣшительно ничего не замѣчала и ни о чемъ не догадывалась. Иногда только, когда племянница была особенно блѣдна, задумчива и грустна, она обнимала и цѣловала ее приговаривая:

— Да что ты, Анечка, какая то такая?.. Можетъ соскучилась тутъ, касаточка, такъ уѣдемъ... Скажи слово — сейчасъ уѣдемъ.

Но Анна Львовна и слышать не хотѣла объ отъѣздѣ—надежда встрѣтить Варлака приковывала ее къ Парижу.

Тутъ началась война съ Германіею и совершилось паденіе второй Имперіи. Всѣ люди съ сердцемъ, способные носить оружіе, стали стекаться въ Парижъ.

— Какъ же не явиться ему на защиту родной земли—ему! честнѣйшему, храбрѣйшему, великодушнѣйшему изъ всѣхъ... Конечно онъ явится, разсудила онъ сама съ собою, и съ новою силою воспрянула надеждой.

О томъ, что послѣдовало, читатель уже догадывается по сказанному выше. Ожиданія Анны Львовны и ея усиленныя исканія, при чемъ сопутствовалъ и безсознательно содѣйствовалъ ей Чувашевъ, остались тщетны. Теперь надѣяться было уже нечего, и потому она наконецъ уступила усиленнымъ просьбамъ Марьи Васильевны покинуть Парижъ. Случай съ Раулемъ Риго ускорилъ и рѣшилъ минуту отъѣзда.

И вотъ, совершенно неожиданно, въ послѣднюю и самую критическую минуту, она встрѣчаетъ Варлака—встрѣчаетъ, судя по его словамъ и дѣйствіямъ, любящаго, преданнаго, готоваго „положить жизнь" за нее.

Безмѣрная радость охватила Анну Львовну, и чѣмъ больше она вдумывалась въ происшедшее, тѣмъ чувствовала себя болѣе счастливою. Самая даже эта „непріятность"—арестъ бѣдняги Чувашева представлялся ей уже не болѣе какъ непріятностью—

Библиотека "Руниверс"

являлась благословенною случайностью. Теперь, подъ его крыломъ и защитой, она ничего не боялась. Онъ—онъ! какъ паладинъ старинныхъ временъ вынесетъ ее на рукахъ изъ всѣхъ опасностей...

— Анечка, объяснишь ты мнѣ наконецъ все это? Чтожъ намъ теперь дѣлать-то? вырвалъ ее изъ сладкаго забытья голосъ Марьи Васильевны.

Онѣ находились на Вандомской площади.

— Да, да, дорогая тетя, все объясню, отвѣтила Анна Львовна ласковымъ, любящимъ голосомъ, какого уже давно не слыхала отъ нея добрая старушка.—Не безпокойтесь за Чувашева. Все какъ нельзя лучше устроится.

— Да почему же ты такъ увѣрена теперь въ этомъ?

— Такъ ужъ, тетя, увѣрена совсѣмъ... Намъ помогутъ.

— Кто-же?

— Этотъ господинъ, который говорилъ со мною. Видѣли?

Оказалось, что Марья Васильевна, въ своемъ испугѣ и растерянности, не только не разслышала разговора племянницы съ Варлакомъ, но даже и не замѣтила послѣдняго. Анна Львовна объяснила теткѣ, что этотъ неожиданный защитникъ и покровитель встрѣчался съ нею у г-жи Лабордъ, что онъ, „какъ по всему видно" очень умный и энергичный человѣкъ, про котораго ей „еще тогда сказали", что на его слово можно положиться, какъ на каменную гору.

Марья Васильевна, какъ и можно было ожидать, вполнѣ удовлетворилась этими, довольно неопредѣленными, объясненіями и нѣсколько успокоилась.

Фіакровъ въ то смутное время почти не встрѣчалось на улицахъ. Тетка и племянница дошли пѣшкомъ до оставленнаго ими нѣсколько часовъ назадъ отеля и заняли тотъ же номеръ, пославъ за сундуками, оставленными ими на станціи Сенъ-Лазаръ.

Въ тотъ-же день, въ восьмомъ часу вечера, Рауль Риго, другъ его Вермешъ и секретарь Дакоста сидѣли въ отдѣльномъ *кабинетѣ* извѣстнаго парижскаго ресторана Café Anglais.

Вермешъ, до этого мелкая литературная сошка, тоже попалъ въ члены „правительства коммуны", благодаря своей дружбѣ съ Раулемъ Риго. Тучная фигура съ раздутымъ, безбородымъ, краснощекимъ лицомъ, обрамленнымъ вьющимися жидкими волосами. Какъ человѣкъ онъ былъ совершенное ничтожество съ чувственными и эпикурейскими инстинктами, но хитрая бестія.

Роскошный тончайшій обѣдъ приближался къ концу.

Въ то время можно было уже снова имѣть что угодно—даже птичье молоко—въ Парижѣ, такъ какъ городъ послѣ перемирія и снятія осады успѣлъ основательно запастись всѣмъ: и предметами первой необходимости, и затѣями самой утонченной роскоши.

Бутылки, покрытыя почтеннымъ мохомъ и плесенью, стояли опорожненныя. Меню составлялъ по обыкновенію Вермешъ, какъ знатокъ и спеціалистъ этого дѣла. Какъ и слѣдовало ожидать отъ любителя по части выпивки, онъ налегъ на пряныя блюда, болѣе возбуждающія жажду.

Обѣдающіе, миновавъ вермутъ, мадеру, картонъ, икемъ и пато-ларозъ, перешли къ дессерту съ акомпанементомъ шампанскаго.

— Дакоста, ступайте-ка, mon cher, на бульваръ посмотрѣть нѣтъ-ли меня тамъ, сказалъ Рауль Риго, закуривая превосходную гаванскую сигару.

Чахлый секретарь, вѣроятно, привыкшій къ подобнымъ любезностямъ, преспокойно всталъ, закурилъ сигару и вышелъ.

Два друга остались одни.

Въ блаженномъ полузабытьи, оба собесѣдника развалились въ мягкихъ креслахъ, прихлебывая изъ микроскопическихъ рюмочекъ ликеръ.

— Лю... лю-бишь? произнесъ Рауль Риго съ какою то распущенною нѣжностью, показывая широкимъ раскидистымъ жестомъ руки на окружающую роскошь.

— Люблю! отозвался съ млѣющимъ вздохомъ Вермешъ, посасывая съ любовью ликеръ, и подумавъ немного прибавилъ съ какою то нѣжностью: вѣдь это для меня все.

— Знаю!.. Знаю и безъ тебя, что ты индюкъ и больше ничего. Но такъ какъ я не изъ индюковъ, то слушай... Я вѣдь не безъ причины выслалъ Дакосту, который долженъ меня знать только какъ политическаго дѣятеля... Слушай-же.

— Говори, ma vieille branche *). Я вѣдь, ты знаешь, весь твой,—я...

— Слушай и не мели вздору, перебилъ прокуроръ разнѣжившагося Вермеша, и затѣмъ, указавъ на столъ, продолжалъ: тебѣ только вотъ *это* надо, а я хочу, а я жажду, а я требую и *это*, и власть, и славу, и женщину... *Это* я имѣю; власть я имѣю—власть страшную, неограниченную, ту о которой мечталъ; славу тоже—имя мое прогремитъ на весь міръ. Все это я имѣю—остается женщина...

— Coquin! игриво процѣдилъ Вермешъ, прищуривъ плутовски глазъ.

— Женщинъ много, продолжалъ сосредоточенно Рауль Риго. Не въ *женщинахъ* дѣло, а въ *женщинѣ*... Есть тутъ одна женщина—ты знаешь! та про которую я тебѣ говорилъ и которую мы встрѣтили сегодня...

— Когда этотъ ракалья меня чуть съ ногъ не свалилъ? Вотъ лапища-то!

— Онъ уже упрятанъ... Такъ вотъ видишь, эта женщина меня мучитъ... Понимаешь ты, мучитъ!.. Мучитъ меня, который теперь самъ властенъ кого угодно замучить...

Съ минуту онъ молчалъ, нахмуренный, сосредоточенный. Глаза его горѣли лихорадочно, нижняя челюсть судорожно дрожала, приплюснутыя широкія ноздри раздувались какъ мѣха.

— Эта женщина должна быть моей, заговорилъ онъ наконецъ сдержаннымъ, чуть-ли не спокойнымъ, мѣрнымъ голосомъ, но въ которомъ слышалась страшная рѣшимость.

— Eh bien, paye toi alors cette fantaisie, проговорилъ Вермешъ такимъ тономъ, какъ будто рѣчь шла о томъ — выпить или нѣтъ стаканъ вина.

— Не фантазія, а страсть...

Глаза прокурора заискрились. Онъ пригнулся и продолжалъ страстнымъ шепотомъ:

— Съ первой минуты какъ я ее увидѣлъ, меня такъ всего и обожгло этой страстью... И съ тѣхъ поръ нѣтъ покоя, нѣтъ покоя, нѣтъ покоя... И когда подумаешь, что она теперь въ моихъ рукахъ...

— Ну такъ что-же тогда и разговаривать! вставилъ разсудительно толстякъ, наливая себѣ ликеръ.

— И когда подумаешь, продолжалъ съ возрастающимъ раздраженіемъ прокуроръ, что все это вѣдь привиллегированная дрянь, у которой съ нами нѣтъ ничего общаго, которая гдѣ только можно готова затоптать насъ въ грязь, которая не поцеремонится съ нами, одолѣй она только насъ.—Не поцеремонится вѣдь?

— Я тоже думаю, что не поцеремонится, отозвался Вермешъ ужъ безъ всякой игривости и нѣсколько упавшимъ голосомъ. Но вѣдь для этого имъ надо сперва насъ одолѣть? поспѣшилъ онъ присовокупить съ напускною самоувѣренностью.

— А мы будемъ съ ними церемониться?! продолжалъ все болѣе раздражаясь Риго.—И теперь, когда *я* на верху, я буду какъ дуракъ напяливать бѣлыя перчатки чтобъ обращаться съ этой прогнившей буржуазной дрянью!.. Эта самая женщина, какъ она обошлась со мной? Надменно и презрительно, будто я не человѣкъ, будто она и я—мы не изъ того же тѣста испечены!.. А! не изъ того же тѣста? ну такъ почему-же и мнѣ теперь такъ не разсуждать?!

— И разсуждай такъ, поддакнулъ Вермешъ.

— Почему-же и не дѣйствовать соотвѣтственно?!

— И дѣйствуй соотвѣтственно.

Рауль Риго всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Конечно такъ! сказалъ онъ наконецъ, останавливаясь предъ Вермешемъ. — Я тутъ ломаю цѣлое общество, разрушаю весь соціальный существующій порядокъ, совершаю гигантское разгроменіе, и вдругъ, какъ школьникъ, остановлюсь предъ какой нибудь наглой и дерзкой дѣвчонкой? Гиганты не глядятъ на песчинки! Тѣмъ хуже для песчинокъ, попавшихся подъ ноги гиганта... Нѣтъ, Вермешъ, теперь рѣшено... Это сумазбродство, слабость, глупость, все что хочешь, но эта женщина должна быть моею во что бы то ни стало.

Онъ могъ бы прибавить, что это гнусное рѣшеніе было имъ уже съ утра принято, но іезуитизмъ этого кроваваго негодяя былъ таковъ, что даже предъ закадычнымъ другомъ онъ хотѣлъ порисоваться и позировать.

Другъ, съ своей стороны, нашелъ всю эту своеобразную *мотивировку* совершенно излишней.

— Ну конечно! Une fantaisie, quoi! *) сказалъ онъ одобрительно, и, прищуривъ плутовски глазъ, прибавилъ: Je te vois venir, coquin! **) Вѣря въ неизмѣнную преданность твоего друга Вермеша, ты хочешь обратиться къ нему съ такою просьбой: мой миленькій Вермешечка, устрой мнѣ все дѣло такъ чтобы не только самъ чортъ, но и даже самъ прокуроръ коммуны ничего бы не узналъ объ этомъ... Такъ что-ли?

Рауль Риго ничего не отвѣтилъ.

— И конечно, Вермешечка, какъ добрый другъ, отвѣтитъ: да, и все устроитъ... А теперь освоимся съ деталями. Детали все—самыя великія дѣла на нихъ зиждутся.

— Она иностранка, русская. Живетъ съ теткой въ Hôtel du Pavillon de Rohan.

— Только съ одной теткой?

— Теперь да, потому что молодчика я засадилъ.

— Тетку надо тоже по боку, потому съ двумя бабами въ тысячу разъ больше возни чѣмъ съ одной... Объявимъ ее подозрительной и заберемъ...

— Нѣтъ, есть проще средство. Племянницѣ объявили, что она будетъ свидѣтельницей по дѣлу ея арестованнаго соотечественника. Она явится, тетка не будетъ допущена, и тогда...

— И тогда выйдетъ такой скандалъ, что всѣ кошки въ городѣ узнаютъ объ этомъ. Нечего сказать, хитро! перебилъ иронически Вермешъ.—Нѣтъ, дружище, на этотъ счетъ ты, я вижу, плохъ, совсѣмъ плохъ. Предоставь-ка лучше мнѣ рѣшить образъ дѣйствій.

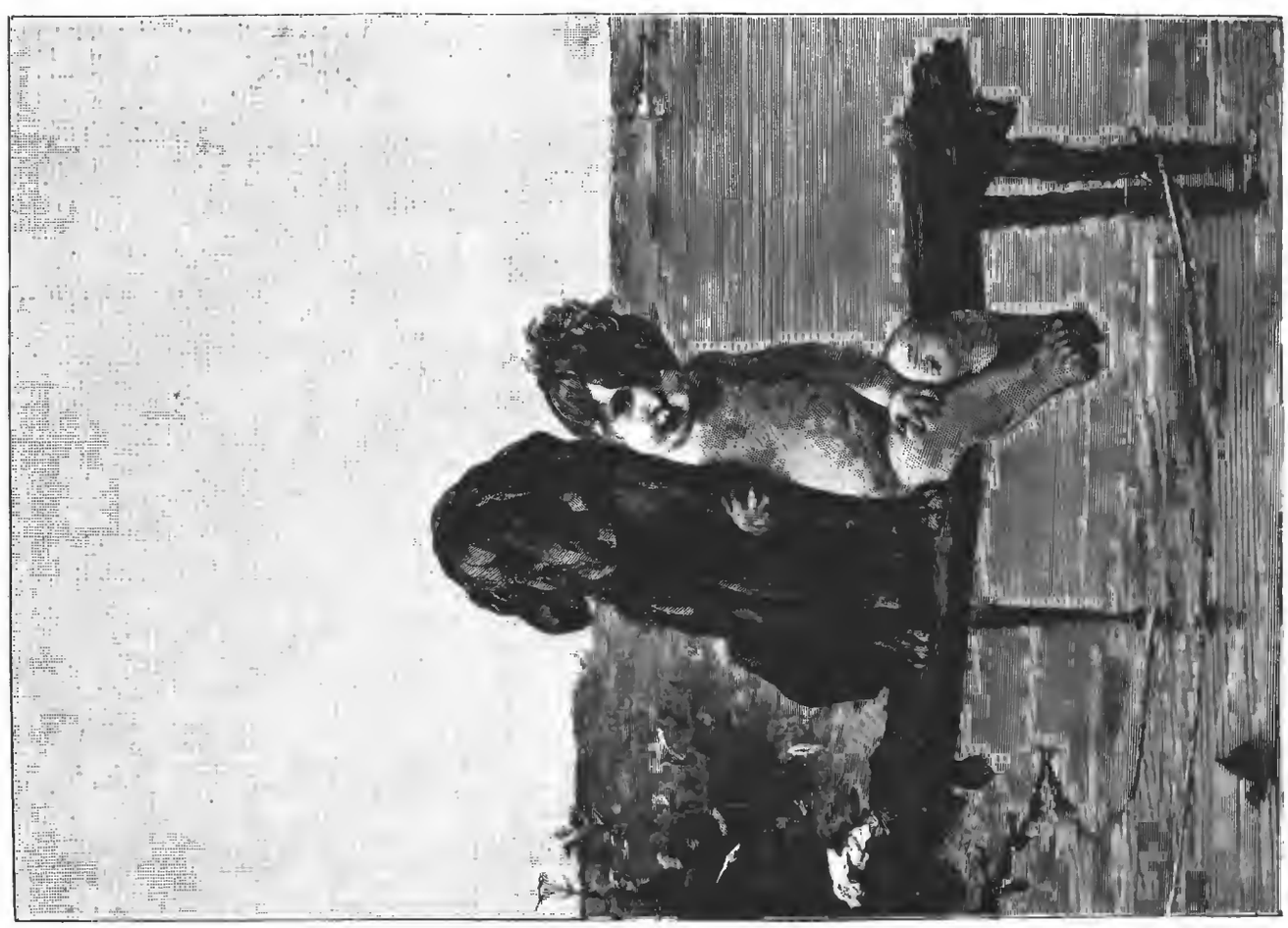
*) Моя *старая вѣтка* (долженствуетъ означать: старый дружище).

*) — Положимъ, просто, что фантазія.

**) — Вижу куда ты мѣтишь!

Библиотека "Руниверс"

Идилія. Съ карт. Пиглейна, грав. Ю. Барановскій.



Идилія. Съ карт. Пиглейна, грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

Лѣтомъ. Отдыхъ послѣ работы. Ориг. рис. Векшинскаго, грав. Ю. Бараповскій.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, рѣшай!

— Не племянницу, а тетку надо теперь выманить изъ гнѣзда. Понялъ? Тетку пригласятъ, и тоже, подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ, закупорятъ. Закупорятъ и будутъ обращаться прекрасно такъ, чтобы съ этой стороны нельзя было иголки подточить... Выходитъ разница огромная. Она—твоя фея-то—останется *не у насъ*, а *въ Парижѣ*, а Парижъ великъ, и въ Парижѣ не мало негодяевъ; дамочка одна, а выйти ей конечно придется, хоть бы для того, чтобъ повидаться съ теткой, а если она выйдя вдругъ исчезнетъ, такъ обвинять насъ въ этомъ было бы болѣе чѣмъ недобросовѣстно... Понялъ? Вотъ какъ я устраиваю дѣла, мой другъ, а ты еще скептически относишься когда я тебѣ говорю о портфелѣ иностранныхъ дѣлъ... Ты не умѣешь меня цѣнить, вотъ что я тебѣ скажу, ma vieille branche.

Укорительно мотнувъ головою, непризнанный геній выпилъ залпомъ рюмку ликера.

— Ну такъ что-жъ? Дѣйствовать что-ли? произнесъ Вермешъ не получая отвѣта.

— Вотъ тебѣ печать, отозвался наконецъ прокуроръ, доставая изъ кармана небольшую печатку.

— Давно бы такъ!

Нѣсколько минутъ спустя оба негодяя вышли на бульваръ, неосвѣщенный и почти пустой, и пошли въ разныя стороны.

Рауль Риго направился въ Ратушу на засѣданіе „Высшаго совѣта“.

Вермешъ — на Вандомскую площадь для „соотвѣтственныхъ“ распоряженій.

Марья Васильевна, по ея выраженію, была „совсѣмъ изморена“ этимъ днемъ, исполненнымъ треволненій. Въ девятомъ часу, она какъ снопъ повалилась на постель и заснула тяжелымъ сномъ.

Аннѣ Львовнѣ было не до сна конечно. Уповая на обѣщаніе Варлака, она надѣялась получить можетъ быть еще сегодня вѣсточку отъ дорогаго человѣка, волновалась и ожидала. При малѣйшемъ шумѣ шаговъ въ корридорѣ она вздрагивала и прислушивалась.

Около десяти часовъ раздался легкій стукъ въ дверь.

Сердце дѣвушки перестало биться и замерло. Безъ шума вскочила она съ мѣста, быстро подошла къ спальнѣ, притаивъ дыханіе, прислушалась, чтобъ убѣдиться спитъ-ли тетка и затѣмъ порхнула къ двери.

Оказался прислуживающій имъ *гарсонъ*.

— Mademoiselle, сказалъ онъ вполголоса, подавая маленькую записочку,—мнѣ велѣли это вамъ передать и сказали, что ждутъ отвѣта сейчасъ-же.

Анна Львовна, страшно взволнованная и счастливая—она не сомнѣвалась, что пишетъ ей Варлакъ—подошла къ лампѣ, трепетною рукою вскрыла записочку и прочла слѣдующее:

„Соберитесь какъ можно скорѣе. Захватите лишь самое необходимое. Нельзя терять ни минуты. Не говорите что покидаете отель. Жду васъ на углу улицы Риволи и улицы Роанъ. Отвѣтъ. Сожгите записку.“

Вмѣсто подписи буква V.

Эта записка столь тревожнаго свойства не испугала и не смутила Анну Львовну. Почему такъ внезапно бѣжать, куда бѣжать, гдѣ укрыться? — на всемъ этомъ она ни на мгновеніе не остановилась и видѣла только то, что чрезъ нѣсколько минутъ она будетъ съ нимъ, подъ его крыломъ и защитою.

Съ нимъ она ничего не боялась и готова была слѣдовать, слѣпо повинуясь, хоть на край свѣта.

— Скажите что сейчасъ придемъ, сказала дѣвушка гарсону, сунувъ ему въ руку пятифранковикъ.

Она разбудила тетку и прочла ей записку. Марья Васильевна онѣмѣла и совершенно растерялась отъ ужаса. Въ особенности пугало тутъ ее невѣдомое. Почему бѣжать? Почему сейчасъ? Куда? Какая-же именно стряслась бѣда? Что случилось? Да какъ-же это такъ можно вдругъ, сразу, въ чужомъ городѣ, гдѣ ни кого не знаешь?

На все это Анна Львовна отвѣтила задыхающимся но рѣшительнымъ голосомъ:

— Тетя, вы слышали: каждая минута дорога... Понимаете — *каждая* минута. Теперь говорить некогда. Соберитесь поскорѣе. Я буду сейчасъ готова.

— Да вѣдь всѣ вещи еще уложены, Аня. Надо распаковаться, разобраться...

— Какое тутъ распаковаться! Развѣ мы можемъ терять время на это? Вамъ говорятъ: минуты дороги! перебила нетерпѣливо Анна Львовна добрую старушку, понимавшую быстрые сборы по московскому.

— Да кто-же это говоритъ?

— Человѣкъ, которому мы можемъ безусловно вѣрить, который хочетъ спасти насъ отъ страшной опасности.

— Да отчего же это ему такъ ужъ безусловно и вѣрить?

— Потому что я вамъ ручаюсь за это. Вы мнѣ вѣрите? Скажите, вѣрите? проговорила задыхаясь Анна Львовна, которую это слѣпое упорство въ такую минуту выводило изъ себя.

— Ахъ, Аня, Аня, проговорила безпомощно и растерянно старушка, махнувъ рукою.

— Возьмите что поцѣннѣе въ карманъ, я заберу деньги и шкатулку и отправимтесь, сказала племянница, понявъ, что Марья Васильевна наконецъ сдалась.

Такіе сборы были не продолжительны. Въ карманы напихали онѣ что только влѣзло, остальное увязали въ два узелка, чтобъ взять подъ мышку. Черезъ три-четыре минуты все было готово.

Марья Васильевна надѣвала шляпку когда снова постучались въ дверь, на этотъ разъ довольно сильно. Кровь такъ и отхлынула отъ сердца у Анны Львовны.

— Сбросьте шляпку, тетя, быстро прошептала она, сохраняя замѣчательное присутствіе духа.

И сорвавъ съ головы свою шляпку, она отворила дверь.

Въ комнату вошелъ національгардъ съ пакетомъ въ рукѣ.

Ноги подкосвлись у обѣихъ женщинъ.

„Все пропало!“ мелькнуло въ умѣ Анны Львовны.

— La dame Marie We-der-kine, étrangère *), прочелъ громко національгардъ произнося по складамъ трудную для него фамилію и держа пакетъ передъ глазами.

Марья Васильевна помертвѣла. Она стояла молча какъ истуканъ, готовая лишиться чувствъ.

— Это здѣсь, отозвалась за нее Анна Львовна. Что вамъ угодно?

— Повѣстка отъ комитета общественной безопасности.

— Какая повѣстка?

— Не знаю что тамъ такое. Мое дѣло подать. Прочесть надо и росписаться—вотъ и все.

Замирая отъ волненія Анна Львовна прочла повѣстку.

Сверху, въ видѣ заголовка, крупными буквами было отпечатано: Sommation.

Далѣе, было написано по французски слѣдующее:

„Дама Марія Вдеркина, иностранка, безъ профессіи, проживающая временно въ отелѣ Pavillon de Rohan, улица Риволи, номеръ 243, имѣетъ *непремѣнно* явиться завтра, 21 марта, въ 10 часовъ утра, въ комитетъ общественной безопасности для представленія *необходимыхъ объясненій* по дѣлу Василія Чувашева, иностранца, безъ профессіи, называющаго себя русскимъ подданнымъ, арестованнаго сего 20-го марта по распоряженію прокурора коммуны“.

Подъ этимъ писаніемъ штемпельный оттискъ: *Комитетъ Общественной Безопасности*, а ниже круглая черная печать съ надписью: *Печать прокурора коммуны*.

„Вотъ почему онъ пишетъ, что минуты дороги, вотъ гдѣ опасность“. сообразила немедленно Анна Львовна, значительно успокоенная.

— Прочли? спросилъ національгардъ.

— Да.

— Ну такъ теперь прочтите это вотъ и распишитесь.

„Это вотъ“ была *росписка въ полученіи*, на которой значилось, что въ случаѣ неявки въ опредѣленный срокъ вызваннаго по повѣсткѣ лица, послѣднее „подвергается немедленному приводу силою, независимо отъ подлежащаго взысканія за подобное уклоненіе“.

Анна Львовна росписалась за Марью Васильевну.

— Ну что, видите, тетя, проговорила Анна Львовна, когда дверь затворилась за національгардомъ.

— А что-же тамъ сказано въ бумагѣ-то?

— Что вы должны завтра явиться туда, гдѣ мы сегодня были.

— Такъ чтожъ, ну и явлюсь. Вѣдь это для Василія. Не оставлять-же его такъ!

— За Чувашева вы не безпокойтесь, но тутъ, значитъ, что нибудь скверное кроется... Пойдемте, мы сейчасъ все узнаемъ.

— Да какъ-же „пойдемте“, когда меня туда требуютъ?

— Именно поэтому-то. Узнаете въ чемъ дѣло по крайней мѣрѣ, а вернуться сюда всегда будетъ время. Пойдемте.

На углу улицъ Риволи и Роанъ онѣ встрѣтили Варлака. Онъ прошелъ мимо нихъ, шепнувъ мимоходомъ Аннѣ Львовнѣ:

— Идите прямо, я слѣдую за вами.

Такъ онѣ прошли молча по улицѣ Риволи до площади Конкордіи.

Фонари не горѣли. Улица была пустынна. Городъ словно вымеръ. Только въ Тюйльрійскомъ саду виднѣлся красноватый отблескъ бивуачныхъ огней, да позади, шагахъ въ двадцати, звучно раздавались шаги Варлака.

Увидѣвъ предъ собою погруженную въ глубокій мракъ площадь, женщины невольно остановились. Анна Львовна обернулась.

Варлакъ ускорилъ шагъ и не останавливаясь прошелъ мимо нихъ, шепнувъ быстро:

— Слѣдуйте за мной на нѣкоторомъ разстояніи.

Онѣ пошли по площади.

— Да куда-же это онъ насъ ведетъ? заговорила наконецъ Марья Васильевна, пугливо озираясь. — Ничего мы такъ и не спросили; куда идемъ—сами не знаемъ... И что онъ еще за человѣкъ, Богъ его знаетъ...

— Я вамъ уже сказала, тетя, что ручаюсь за него какъ за себя! горячо вступилась Анна Львовна.

— Да что ты это, мать моя, все ручаюсь да ручаюсь! Съ чего-же ты можешь такъ ручаться? И я тоже умна, что послушалась! Шляйся теперь на старости лѣтъ какъ разбойви-

*) Дама Марія Вдеркина, иностранка.

Библиотека "Руниверс"

ца какая! вспылила наконецъ Марья Васильевна и вдругъ остановилась.

— Ну что же, тетя? Что же вы?

— А то что я не пойду дальше. Низачто не пойду! Какъ хочешь, а не пойду!

Такого рода упорное и рѣшительное сопротивленіе случилось съ податливой Марьей Васильевной впервые. Правда, что и обстоятельства, въ которыхъ оно проявилось, были совершенно исключительныя.

— Опомнитесь, тетя, ради Бога! Что вы дѣлаете? Вѣдь вы можете все погубить! уговаривала Анна Львовна.

Упрямое сопротивленіе тетки, совершенно неожиданное, смутило и раздражило ее. Она старалась сдерживаться, но была страшно взбѣшена на Марью Васильевну, на всѣ увѣщанія тупо твердившую только одно:

— Хоть убей а не тронусь съ мѣста. Умру а не тронусь.

Къ счастью, на выручку явился Варлакъ. Не слыша больше за собой звука шаговъ, онъ подошелъ узнать что случилось.

Анна Львовна объяснила въ чемъ дѣло.

— Madame, обратился Варлакъ къ Марьѣ Васильевнѣ,—какъ ни опасно намъ здѣсь говорить, но это все-таки лучше чѣмъ оставаться тутъ. Трехъ словъ будетъ достаточно чтобъ убѣдить васъ: васъ хотятъ упрятать. Поняли? Васъ требуютъ въ комитетъ, чтобъ не выпустить болѣе, а упрятать васъ собираются, чтобъ легче распорядиться съ вашей племянницей, которую хотятъ похитить. Поняли? При мнѣ писалась повѣстка вамъ. При мнѣ-же, на вопросъ: нужно-ли слѣдовательно къ тому-же часу вытребовать и вашего соотечественника изъ дено на допросъ? было отвѣчено, что совсѣмъ не нужно, и приказано, напротивъ, держать на готовѣ арестантскую карету для отвоза кого-то въ дено. Такъ какъ въ этотъ часъ кромѣ васъ никто не вызванъ къ допросу, то очевидно карета для васъ предназначается. Поняли? А если вы теперь хотите знать куда мы идемъ — извольте: къ русскимъ, къ почтеннымъ двумъ дамамъ, вашимъ соотечественницамъ, у которыхъ вы найдете надежное убѣжище. А если вы хотите знать, кто васъ ведетъ, кто васъ хочетъ спасти отъ бѣды — могу вамъ прямо сказать: Армандъ Варлакъ, считающій за счастіе и честь быть вамъ полезнымъ.

Все это было сказано мужественнымъ, твердымъ голосомъ, необыкновенно пріятнымъ, теплымъ.

Рѣчь была убѣдительна.

Марья Васильевна по обыкновенію растерялась и только могла отвѣтить скопфуженно:

— Хорошо, хорошо, пойду, пойду.

Пройдя площадь и значительную часть аллеи Елисейскихъ полей, онѣ, слѣдуя въ нѣсколькихъ шагахъ за Варлакомъ, повернули направо, въ улицу Бильо и оттуда въ небольшую извилистую улицу Шатобріанъ. Здѣсь Варлакъ остановился у подъѣзда одного изъ домовъ и позвонилъ. Дверь тотчасъ-же отворилась и одновременно, во второмъ этажѣ, раздался звукъ прихлопнутаго окна. Очевидно ихъ ждали.

Варлакъ пропустилъ впередъ Марью Васильевну. Анна Львовна пріостановилась на минуту чтобъ отстать отъ тетки и, проходя мимо Варлака, крѣпко пожала ему руку.

— Какъ я счастлива! шепнула она едва слышно.

— А я то! проговорилъ онъ страстно, наклоняясь.

Прошло полтора мѣсяца съ тѣхъ поръ какъ Варлакъ такъ таинственно ввелъ Марью Васильевну и Анну Львовну въ домъ улицы Шатобріанъ.

Не мало пострадалъ Парижъ за это время.

Внутри, неистовствовала коммуна; снаружи, городъ осаждался французской регулярной арміей, или, какъ ихъ тогда называли парижане, „версальцами", а неподалеку, въ нѣсколькихъ верстахъ всего, пребывала оккупаціонная германская армія.

Дѣла коммуны шли плохо. Страна, или вѣрнѣе большіе города, на поддержку и сочувствіе которыхъ расчитывали предводители коммуны, не отозвались на призывный кликъ парижскихъ демагоговъ. Послѣдніе остались одни, запертые въ Парижѣ осаждавшею городъ регулярною арміею, которая тѣмъ временемъ успѣла получить подкрѣпленія и возвыситься духомъ.

Несчастные парижане, громадное большинство которыхъ не принимало участія въ коммунистическомъ движеніи, находились такимъ образомъ между молотомъ и наковальней. Съ одной стороны, они испытывали всѣ лишенія и бѣдствія новой осады и ужасъ анархическаго террора, съ другой стороны, впереди стоялъ штурмъ города со всѣми его ужасами.

Что касается самихъ вожаковъ коммуны, они крѣпились и повидимому не падали духомъ. Напротивъ, чѣмъ меньше оставалось надеждъ, тѣмъ они становились круче и неумолимѣе. Старый демагогъ Делеклюзъ, прозванный „бѣлымъ волкомъ" за его длинные сребровидные волосы, Милльеръ и Рауль Риго неистовствовали, прямо заявляя, что „Парижъ или побѣдитъ, или отъ него камня на камнѣ не останется". Малѣйшее подозрѣніе влекло за собою арестъ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, малѣйшая провинность, малѣйшее противудѣйствіе—„краткій судъ" (jugement sommaire) и смерть.

За все это трудное и страшное время. Марья Васильевна и Анна Львовна прожили благополучно—и разумѣется безвыходно, не высовывая, какъ говорится, носа на дворъ — въ домѣ улицы Шатобріанъ, у соотечественницы Олимпіады Прохоровны Голобойцевой.

Курьезный типъ была эта дама, столь курьезный, что мы должны посвятить нѣсколько строкъ ей, и состоявшей при ней подругѣ ея, Миропіи Прокофьевнѣ Хлыстиковой, хотя послѣдняя, по своему безличію, совершенно не идетъ въ счетъ какъ дѣйствующее лицо, и оцѣнивается лишь въ качествѣ необходимаго и типичнаго придатка Олимпіады Прохоровны.

Миропію Прокофьевну, прозванную мужемъ Ивою Прокофьевной (отъ плакучей ивы), вслѣдствіе особаго устройства ея глазныхъ краповъ, почти всегда открытыхъ, а плотно, такъ чтобы течи вовсе не было, никогда незакрывавшихся.—Миропію Прохоровну судьба надѣлила совершеннымъ отсутствіемъ самостоятельнаго бытія, и потому дама эта вѣчно изображала изъ себя нѣчто въ родѣ спутника какой нибудь планеты. Говоря болѣе простымъ, но менѣе изящнымъ слогомъ, Миропія Прокофьевна—прихвостень, всегда пристегнутый къ какому нибудь другому живущему и чувствующему существу, прихвостень естественный, природный, а не ставшій прихвостнемъ вслѣдствіе какихъ нибудь житейскихъ обстоятельствъ.

Она и Олимпіада Прохоровна были подруги съ дѣтства. Взросли онѣ вмѣстѣ въ какомъ-то забытомъ Богомъ деревенскомъ захолустьѣ, разстались двадцатилѣтними, чтобы вкусить радости супружества, прозябая почти безвыѣздно въ маленькомъ городишкѣ, и наконецъ, удовлетворившись вѣроятно вполнѣ означенными радостями, „порѣшили" обѣ сразу со своими супругами, дабы „подышать вольнымъ житьемъ."

Изъ двухъ человѣческихъ существъ, связанныхъ судьбою, одно непремѣнно нравственно владычествуетъ надъ другимъ. Такъ и тутъ — скипетръ былъ всегда, съ первой поры ихъ дружбы, въ рукахъ Олимпіады Прохоровны. Миропія Прокофьевна всегда подчинялась съ любовью владычеству своей подруги, всегда видѣла въ ней идеалъ всѣхъ женскихъ совершенствъ и питала къ ней собачью привязанность.

Олимпіадѣ Прохоровнѣ лѣтъ было тридцать и она всегда считалась между своими „прелестною", но постоянная деревенская жизнь и нѣкоторая распущенность въ уходѣ за собой подѣйствовала довольно разрушительно на ея наружность, такъ что на видъ ей было, пожалуй, и больше. Она была изъ тѣхъ, что въ общежитіи называются сырыми: поблеклость какая-то и всякое отсутствіе упругости тѣла. Для массы она была слѣдовательно, какъ говорится, *пасъ*, но для себя и Миропіи Прокофьевны, не терявшей ее съ юности изъ виду и находившейся въ той-же, если не болѣе сильной степени увяданія, Олимпіада Прохоровна была еще „прелесть что такое".

Причина, по которой эти почтенныя дамы очутились въ Парижѣ, покажется вамъ невѣроятною, неправдоподобною, хотя неправдоподобность сія—истинная правда.

Олимпіада Прохоровна, взросшая на романахъ и питавшаяся исключительно романами, давно уже жадно читала творенія Александра Дюма-сына и упивалась и восторгалась авторомъ „Dame aux Camélias", „Dame aux Perles", и пр.

Она считала творца этихъ „божественныхъ прелестей" какимъ-то полубогомъ, какимъ-то высшимъ существомъ, неимѣющимъ ничего общаго съ прочими смертными. Она, напримѣръ, не могла никакъ себѣ представить его кушающимъ, пьющимъ, хранящимъ, умывающимся. Въ ея мечтаніяхъ Дюма-фисъ являлся всегда неземнымъ ангеломъ, парящимъ, любящимъ и пишущимъ,—пишущимъ, любящимъ и парящимъ.

Такому восторженному взгляду на Дюма много помогъ, правда, своими разсказами мѣстный судебный слѣдователь „изъ молодыхъ" хлестаковскаго пошиба, увѣрившій Олимпіаду Прохоровну, что лично познакомился и подружился съ Дюма-фисомъ за свое „седьмое" пребываніе въ Парижѣ, и разсказавшій удивительнѣйшія совершенно романическія вещи объ авторѣ „Dame aux Camélias".

Получивъ неожиданное и довольно приличное наслѣдство послѣ умершей тетки, Олимпіада Прохоровна „порѣшила" съ мужемъ и уговорила на такой же подвигъ и Миропію Прокофьевну. Эта послѣдняя, подбадриваемая и наущаемая подругою, вдругъ воспряпула нежданно-негадапно для оторопѣвшаго мужа и, по его выраженію, „взяла да и удрала". Мужъ, которому она успѣла порядкомъ надоѣсть, не особенно протестовалъ противъ такого пассажа, совсѣмъ необычнаго для такой, по его-же выраженію, „забитой, прости Господи, нюни".

— Чортъ знаетъ что это за бабье! заявилъ онъ только въ видѣ отходной. — Моя-то! какъ вамъ нравится? нюнила, нюнила цѣлыхъ три годика, да вдругъ взяла да и сбрындила... Ничего въ нихъ не поймешь, батенька мой.

Олимпіада Прохоровна рѣшила прежде всего воспользоваться свободою, чтобы совершить сантиментальный пелеринажъ въ Парижъ на поклоненіе Дюма-фису.

— Его увидѣть и умереть!

— Умереть! восклицала на это со слезами на глазахъ Миропія Прокофьевна.—Зачѣмъ умереть, когда онъ тебя полюбитъ!

— Ахъ Мирони, ве ме ди па са! *) отвѣчала съ оптимистическимъ однако вздохомъ Олимпіада Прохоровна.

Подруги собрались и двинулись въ путь полныя надежды, мечтаній и съ очень прилично набитымъ кошелькомъ.

*) Не говори этого!

(До слѣд. №).

Библиотека "Руниверс"

Чудеса вечерняго неба.

(Очеркъ).

Взгляните въ свѣтлую, безлунную ночь на юго-западную и западную часть неба, и вы увидите тамъ поразительное множество блестящихъ звѣздъ. Прежде всего замѣчаете вы чудное созвѣздіе Оріона и возлѣ него, слѣва, ближе къ горизонту, самую яркую, неподвижную звѣзду Сиріуса, сверкающаго какъ громадный бриллiантъ. Звѣзда эта представляетъ одну изъ величайшихъ достопримѣчательностей; въ темную ночь она блеститъ какъ солнце и дѣйствительно можетъ считаться солнцемъ, свѣтящимъ въ своей сферѣ гораздо ярче, нежели наша дневная звѣзда. Если бы солнце наше отстояло отъ земли на такое же разстояніе какъ Сиріусъ, то оно казалось бы такимъ блѣднымъ, что возлѣ блестящаго Сиріуса его нельзя было бы даже различить простымъ глазомъ. Разстояніе же Сиріуса отъ земли составляетъ двадцать тысячъ милліардовъ миль. Число, которое легко произносится, но о которомъ трудно составить себѣ даже понятіе. Большая пуля, пущенная съ земли и летящая все время съ одинаковою скоростью, потребовала бы 6000 лѣтъ, чтобы достигнуть Сиріуса. Зная, что солнечный лучъ достигаетъ земли въ 8 минутъ и 18 секундъ, легко вычислить, что тотъ же лучъ Сиріуса потребуетъ 17 лѣтъ для прохожденія пространства, отдѣляющаго эту звѣзду отъ земли. Словомъ, среди небесныхъ явленій мы никогда не видимъ явленій настоящаго времени, а всегда только уже прошедшаго. Лучи Сиріуса, которые мы видимъ въ 1884 году, относятся къ 1867 году; они знакомятъ насъ съ состояніемъ звѣзды того времени, но не съ настоящимъ состояніемъ ея. Съ тѣхъ поръ она могла бы даже потухнуть, но мы тѣмъ не менѣе видѣли бы ее, такъ какъ лучи ея были бы еще на пути къ намъ. И такъ звѣздное небо для нашего зрѣнія *есть болѣе или менѣе отдаленное прошлое.*

Если невооруженному глазу Сиріусъ представляется необыкновенно блестящимъ, то насколько ярче онъ кажется въ большомъ телескопѣ? Этотъ поразительный блескъ помѣшалъ астроному Гершелю замѣтить, что вблизи Сиріуса находится маленькая звѣздочка, которая, какъ сдѣлалось теперь извѣстнымъ, составляетъ съ Сиріусомъ двойную звѣздную систему и вмѣстѣ съ нимъ вращается вокругъ общаго центра. Открытіе это представляетъ величайшее торжество науки. Извѣстный астрономъ Бессель, въ началѣ сороковыхъ годовъ, на основаніи своихъ необыкновенно точныхъ наблюденій, вывелъ заключеніе, что Сиріусъ долженъ обладать сравнительно медленнымъ, свойственнымъ только ему, движеніемъ; далѣе, что движеніе это обнимаетъ приблизительно періодъ въ 50 лѣтъ и что эта блестящая звѣзда движется, вокругъ находящейся вблизи ея темной, или еще незамѣченной въ телескопъ массы. Дѣйствительно, когда спустя 20 лѣтъ, американскій оптикъ Кларкъ изготовилъ, 31-го января 1862 года, громадный телескопъ и для пробы направилъ его на Сиріусъ, то, къ удивленію своему, тотчасъ замѣтилъ возлѣ Сиріуса крошечную звѣздочку. Тоже самое видѣли впослѣдствіи и въ другіе телескопы, и этимъ объяснились открытыя Бесселемъ неправильности въ движеніи Сиріуса. Теперь извѣстно, что эта маленькая звѣзда совершаетъ свой круговой путь въ $49^1/_3$ лѣтъ и что она отстоитъ отъ Сиріуса на 740 милліоновъ миль. Планета, вращающаяся на такомъ разстояніи вокругъ нашего солнца, проходила бы свой путь въ гораздо большій періодъ времени; поэтому ясно, что притяженіе Сиріуса и масса его, т. е. вѣсъ, гораздо значительнѣе притяженія и вѣса нашего солнца. По точнымъ исчисленіямъ дознано, что масса Сиріуса въ 14 разъ, а спутника его въ $7^1/_2$ разъ, больше массы нашего солнца.

Такимъ образомъ наука опредѣлила вѣсъ недосягаемаго Сиріуса, болѣе того, при помощи спектральнаго анализа, она узнала его физическія свойства и химическій составъ. Теперь уже извѣстно, что Сиріусъ составляетъ въ высшей степени раскаленное тѣло, окруженное горячей атмосферой, въ которой находится водородъ и различные металлы, какъ напримѣръ желѣзо и натръ въ видѣ пара. Температура этой звѣзды, повидимому, на много выше температуры солнца.

Сиріусъ напоминаетъ то давнопрошедшее время, когда Европу населяли еще племена дикихъ народовъ, тогда какъ культура процвѣтала на берегахъ Нила. Появленіе Сиріуса очень внимательно наблюдалось жрецами; Сиріусъ или Изисъ-Сотисъ былъ настоящей звѣздою египтянъ, предвозвѣстникомъ разлитія Нила и начала года. День появленія Сиріуса, 15 Тота, совпадавшій съ началомъ разлитія Нила, долгое время составлялъ тайну египетскихъ жрецовъ, разгаданную Карломъ Рилемъ, спустя много столѣтій. Не смотря на то, что годъ обыкновенно длится $365^1/_4$ дней, египетскій годъ имѣлъ только 365 дней, т. е. былъ годомъ, не измѣняющимся безъ всякихъ признаковъ високосныхъ дней. Риль именно открылъ, что жрецы Египта, каждые четыре года, день появленія Сиріуса, 15 Тота, считали вдвойнѣ, такимъ образомъ какъ бы, напримѣръ, если солнце впродолженіи 48 часовъ восходило и заходило только одинъ разъ. Не прибѣгай египетскіе жрецы къ такому счету, появленіе Сиріуса, при опредѣленіи года въ 365 дней, запаздывало бы каждые четыре года и не совпадало бы съ разлитіемъ Нила. Когда впослѣдствіи Юлій Цезарь передѣлывалъ календарь, послужившій основаніемъ нашему счисленію, онъ взялъ за образецъ годъ египетскихъ жрецовъ. Первый Юліянскій годъ, въ 45 г. до Р. Х., былъ именно такой, въ который египетскіе жрецы день 15 Тота считали вдвойнѣ; Юлій Цезарь продѣлалъ тоже самое въ этомъ году, изъ чего можно заключить, что ему какимъ нибудь способомъ была извѣстна тайна египтянъ. Високосные дни Цезаря позаимствованы изъ древнеегипетскихъ, а такъ какъ позднѣйшая передѣлка календаря папой Григоріемъ тоже не измѣнила такого распредѣленія, то оказывается, что древнеегипетское счисленіе удержалось и до настоящихъ временъ, съ той только разницею, что високосный день теперь не считается продолженіемъ предъидущаго, а имѣетъ свое число.

Переходя затѣмъ къ созвѣздію Оріона, мы увидимъ тамъ массу звѣздъ, отстоящихъ еще дальше нежели Сиріусъ. Безъ сомнѣнія тамъ есть такія, свѣтъ которыхъ достигаетъ до насъ въ 50, 100 и даже 500 лѣтъ. Направивъ телескопъ на среднюю часть созвѣздія Оріона, немного южнѣе трехъ свѣтлыхъ, косо стоящихъ звѣздъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Посоха Якова, мы замѣтимъ массу сильно и слабо блестящихъ звѣздъ. Между ними увидимъ также странное туманное сіяніе, издающее ровный фосфорическій свѣтъ, распадающееся въ средней части на двѣ полосы, имѣющія видъ широко открытой пасти животнаго. Все это составляетъ извѣстный туманъ Оріона, замѣчательнѣйшее образованіе этого рода на нашемъ сѣверномъ небѣ. Мѣсто, гдѣ онъ находится, т. е. южнѣе названнаго Посоха Іакова, кажется простому глазу нѣсколькими близко стоящими другъ къ другу звѣздами, соединенный свѣтъ которыхъ распространяетъ перовное сіяніе. Въ сильный телескопъ каждая звѣзда ясно замѣтна, а при внимательномъ наблюденіи можно видѣть признаки большаго тумана. Этотъ туманъ былъ подробно описанъ Гюйгенсомъ, въ 1656 г., но только въ настоящемъ столѣтіи получились точныя его изображенія. Въ центральной его части, въ сильный телескопъ, видны четыре блестящихъ звѣзды, составляющихъ трапецію, отъ которыхъ туманъ до извѣстной степени отодвинулся. Южнѣе отъ нихъ туманная матерія распадается на отдѣльныя части, прилегающія другъ къ другу на подобіе чешуи или черепицъ, затѣмъ къ отдаленнымъ звѣздамъ тянутся снова длинныя туманныя полосы, однимъ словомъ—глазъ встрѣчаетъ постоянное разнообразіе.

Но что это за таинственное созданіе, свѣтящееся въ темную ночь? Изъ чего состоитъ этотъ туманъ и какую роль играетъ онъ въ міровомъ организмѣ? Отвѣтъ на это можетъ дать намъ спектральный анализъ. Туманъ Оріона—это громадная масса газа, состоящая преимущественно изъ накаленнаго водорода и азота. Быть можетъ, туманъ этотъ составляетъ хаотическое начало образующихся міровъ, будущей системы неподвижныхъ звѣздъ, но быть можетъ также—это туманныя поры исчезнувшей матеріи, разрушенной звѣздной системы. На этомъ останавливается наука, и только одни предположенія и догадки могутъ пролить неясный свѣтъ на древнее прошлое, или на будущее образованіе звѣздной системы.

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ. „Вечера на хуторѣ близь Диканьки", Гоголя.

(Рис. на стр. 584 и 585).

Поэтично, обаятельно и роскошно является Украйна въ разсказахъ Гоголя; природа ея представляется въ самыхъ увлекательныхъ картинахъ, а бытъ и нравы, при всей своей реальности, обрисованы съ высокимъ художественнымъ талантомъ. Поэтъ витаетъ здѣсь преимущественно въ причудливомъ мірѣ народныхъ грезъ и преданій; въ каждомъ разсказѣ не малая доля дѣйствія отведена имъ разнымъ фантастическимъ существамъ, которыя до сихъ поръ еще не совсѣмъ исчезли въ народномъ воображеніи. Малоросъ-простолюдинъ, при всемъ своемъ умѣ и разсудительности, все-таки отдаетъ большую дань суевѣрію и охотно вѣритъ, что всякая его оплошность, неудача, несчастіе, навѣрное не болѣе, не менѣе, какъ какая нибудь чортова штука. Дьявольская сила, дьявольское наважденье угрожаютъ ему повсюду, то въ лицѣ русалокъ, то въ лицѣ оборотней, колдуновъ и вѣдьмъ. И въ лѣсу, и въ полѣ, и среди степи существуютъ проклятыя мѣста, которыя надо обходить какъ можно осторожнѣе всякому крещеному человѣку. Всю эту плодовитую, фантастическую миѳологію Украйны Гоголь взялъ темой для своихъ „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки", гдѣ часто нить разсказа, страшнаго и таинственнаго, прерывается эпизодами самаго реальнаго характера, полными юмора и наблюдательности. Вотъ для примѣра хоть описаніе Сорочинской

Библиотека "Руниверс"

Русскіе типы. Послѣдній бандуристъ (Остапъ Вересай). Ориг. рис. А. Ольшанскаго, грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

ярмарки,—что за прелестная картина въ чисто-теньеровскомъ вкусѣ. Вереницей тянутся на ярмарку чумаки съ рыбой и солью; горы горшковъ медленно двигаются туда-же, каждая скучая своимъ заключеніемъ и темнотою. Вотъ тащится истомленными волами возъ, наваленный мѣшками, пенькою, полотномъ и разною домашнею поклажею, за которымъ бредетъ въ чистой полотняной рубашкѣ и запачканыхъ дегтемъ, полотняныхъ шароварахъ, его хозяинъ. На возу сидитъ хорошенькая дочка, „съ круглымъ личикомъ, съ черными бровями, ровными дугами поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами съ безпечно-улыбавшимися розовыми губками, съ повязанными на головѣ красными и синими лентами“ и тутъ-же важно возсѣдаетъ на высотѣ воза супруга хозяина, въ нарядной шерстяной велсной кофтѣ, въ богатой плахтѣ и въ ситцевомъ цвѣтномъ очипкѣ. Молодая дѣвушка—это Параска, героиня разсказа, а сидящая съ ней рядомъ женщина — это ея мачиха, злая и хитрая. Она не любитъ добрую, хорошенькую Параску и хочетъ разстроить ея счастье—хочетъ разъединить ее съ любимымъ паробкомъ, но это ей не удается и молодежь счастливо женится, не смотря даже на то, что вся ярмарка—одно проклятое мѣсто, гдѣ постоянно куралеситъ чортъ, отыскивая здѣсь когда-то утерянную имъ красную свитку.

Верхній рисунокъ нашего художника представляетъ свиданіе той-же злой мачихи съ поповичемъ; старая Хитрая, какъ оказывается, не только хитра и зла какъ вѣдьма, но еще не прочь отъ шашней съ молодежью. Она принимаетъ поповича въ свой домъ, потаясь отъ своего мужа, и нѣжно говоритъ ему, встрѣчая его у плетня: „Сюда Аѳанасій Ивановичъ! Вотъ тутъ плетень пониже: поднимайте ногу да небойтесь; дурень мой отправился на всю ночь съ кумомъ подъ возы, чтобъ москали на случай не подцѣпили чего.“

Кто читалъ „Майскую ночь“, конечно помнитъ ту таинственную сцену, гдѣ дѣйствующими лицами являются русалки. „Въ тонкомъ серебряномъ туманѣ, пишетъ Гоголь, мелькали легкія будто тѣни, дѣвушки, въ бѣлыхъ, какъ лугъ убранный ландышами, рубашкахъ; золотыя ожерелья, монисты, дукаты, блистали на ихъ шеяхъ; но онѣ были блѣдны; тѣло ихъ было какъ будто сваяно изъ прозрачныхъ облаковъ и будто свѣтилось насквозь при серебряномъ мѣсяцѣ“. Это все видитъ Левка, бѣдный паробокъ, влюбленный въ дочь головы Ганну; отецъ рѣшительно отказываетъ ему въ рукѣ дочери, но русалки являются къ нему на помощь и свадьба устраивается.

Разсказъ „Пропавшая грамота“, изъ котораго у насъ помѣщены два рисунка,—одинъ изъ самыхъ фантастическихъ. Старый казакъ, которому поручено было везти къ царицѣ гетманскую грамоту, теряетъ ее въ дорогѣ. Какъ достать ее? Конечно, для этого человѣческая сила недостаточна; необходимо обратиться къ помощи чорта, и вотъ казакъ идетъ въ лѣсъ на шабашъ вѣдьмъ, чтобы достать свѣдѣнія—гдѣ грамота. Въ лѣсу стараго казака окружила всякаго рода чертовщина. Свиныя, собачьи, козлиныя, дрофиныя и лошадиныя рыла всѣ повытягивались, и вотъ, такъ и лѣзутъ цѣловаться. Плюнулъ дѣдъ, такая мерзость напала! Наконецъ, схватили его и посадили за столъ, длиною можетъ съ дорогу, отъ Конотопа до Батурина. На этомъ столѣ старому казаку пришлось съ вѣдьмами играть въ дурни, такъ какъ старшая изъ вѣдьмъ прямо заявила, что шапку отдадутъ не прежде, пока казакъ сыграетъ три раза въ дурни. Игра была не легкая, такъ какъ тутъ же было поставлено условіе, что если казакъ всѣ три раза останется дурнемъ, то, не только шапки, но и свѣта не увидитъ. Дѣлать нечего! дѣдъ началъ играть; двѣ игры проигралъ и остался дурнемъ; но третій разъ онъ сталъ догадливѣе: карты потихоньку подъ столъ—перекрестилъ; глядь—у него на рукахъ тузъ, король, валетъ козырей; а онъ вмѣсто шестерки спустилъ краюю; ну, дурень же я былъ! „Король козырей! Что! приняла? а? Кошачье отродье!.. А туза не хочешь? Тузъ! валетъ!..“ Громъ пошелъ по поклу; на вѣдьму напали корчи, и откуда ни возьмись—шапка бухъ дѣду прямехонько въ лицо. Но кромѣ шапки дѣдъ вытребовалъ у чертей еще коня, чтобы добраться до дому. Чортъ хлопнулъ арапникомъ—конь какъ огонь взвился подъ старымъ казакомъ и вынесъ его наверхъ, и не слушаясь ни крику, ни поводовъ поскакалъ черезъ провалы и болота.

Сцена, представленная на самомъ нижнемъ рисункѣ, взята художникомъ изъ разсказа „Заколдованное мѣсто“. Здѣсь на баштанѣ поселился дѣдъ съ четырьмя своими внуками; сначала дѣло шло хорошо, но потомъ завелась всякая чертовщина. Дѣда черти завели въ лѣсъ, заманили его кладомъ и, попугавъ его и потрудивъ порядкомъ, дали ему въ руки котелокъ, въ которомъ вмѣсто золота оказался соръ и всякая дрянь. И съ той поры заклялся дѣдъ вѣрить когда либо чорту. „И не думайте, говорилъ онъ часто внукамъ: все что ни скажетъ врагъ Господа Христа—все солжетъ, собачій сынъ! У него правды ни на копѣйку нѣтъ!..“ А мѣсто на баштанѣ такъ и осталось проклятымъ и на немъ никогда не выростало ничего добраго. Засѣютъ какъ слѣдуетъ, а взойдетъ такое, что и разобрать нельзя: арбузъ не арбузъ, тыква не тыква, огурецъ не огурецъ... чортъ знаетъ, что такое!

Помпеянка въ своей уборной.

(Рис. на стр. 589).

Возстановить по возможности въ своихъ произведеніяхъ картину древняго античнаго быта—это стремленіе занимаетъ многихъ изъ современныхъ намъ художниковъ и поэтовъ. И это стремленіе вполнѣ понятно, такъ какъ ни одно время не было такъ счастливо на богатыя открытія и раскопки какъ наше и, благодаря имъ, мы, можно сказать, съ каждымъ днемъ входимъ въ болѣе близкія, интимныя отношенія съ древнимъ міромъ и знакомимся со всѣми подробностями его частной жизни. Благодаря этимъ же раскопкамъ и особенно открытіямъ въ Помпеѣ, мы можемъ съ полною точностью возстановить костюмы древнихъ, ихъ прическу, вообще принадлежности ихъ туалета и даже всѣ требованія роскоши и моды античнаго времени. Такую именно попытку сдѣлала г-жа Гева Комансъ и нельзя не сознаться, что картина ея очень удачна и показываетъ добросовѣстное изученіе древности. Здѣсь изображена юная помпеянка въ своей роскошной уборной; она вѣроятно еще очень недавно поднялась съ ночнаго ложа и приступила къ своему туалету; волосы ея еще падаютъ въ безпорядкѣ по плечамъ; ихъ предстоитъ ей еще убирать въ какую нибудь причудливую прическу, такъ какъ древнія красавицы вообще щеголяли волосами; прикалывали чужіе волосы, носили бѣлокурые парики и посыпали ихъ золотой пудрой. Но у нашей красавицы до головнаго убора еще не дошло: ей предстоитъ еще расписать кисточкой свое личико, подкрасить брови, оттѣнить глаза, нарумяниться и набѣлиться, опрыскать себя благовоніями востока изъ тѣхъ разнообразныхъ причудливыхъ формъ сосудовъ и баночекъ, которыя стоятъ на ея туалетномъ столикѣ, около ея металлическаго зеркала—этой первой необходимости при каждомъ туалетѣ. Вообще нашей помпеянкѣ предстоитъ еще много труда; выбрать прическу для античной красавицы было дѣло далеко не легкое, такъ какъ прическъ было очень много; каждая носила свое названіе и имѣла даже символическій смыслъ; къ извѣстной прическѣ надо было подобрать и подходящія длинныя шпильки съ разными вычурными украшеніями на подобіе тѣхъ, которыя во множествѣ найдены въ Помпеѣ и представляютъ собою образцовыя произведенія античнаго искусства. Покончивъ съ головкой, красавицѣ предстоитъ также очень трудный выборъ верхняго платья: какого цвѣта надѣть тюнику, столу или плащъ. Цвѣтъ платья у древней римлянки имѣлъ громадное значеніе, потому что въ то время еще въ большомъ ходу былъ языкъ цвѣтовъ и цвѣтомъ платья можно было высказать многое. Цвѣтовъ и оттѣнковъ женскихъ одеждъ было, по словамъ Овидія, безчисленное количество: то подражающіе небесному своду, то переливамъ волнъ, то напоминающіе собою мирты Пафоса, амстистъ, бѣлыя, нѣжныя розы или прозрачный воскъ. Даже существовалъ одинъ цвѣтъ, извѣстный у щеголихъ подъ именемъ цвѣта лакопійской собаки. Этотъ цвѣтъ—былъ рыжій. Выборомъ столы и набрасываніемъ на плечи плаща туалетъ древней римлянки обыкновенно заканчивался; тогда оставалось лишь сѣсть въ носилки и приказать рабамъ нести себя къ амеитсатру или подъ портики, на форумъ, гдѣ собиралось для прогулки лучшее общество.

Идиллія.

(Рис. на стр. 592).

Эти двѣ чрезвычайно оригинально задуманныя картинки сразу какъ то поражаютъ простотою и эффектностью пятна на фонѣ воды. Двое друзей—маленькій мальчуганъ и его собака только что выкупались и, свѣсивъ ноги, грѣются на солнышкѣ. Вымокшій черный хвостъ собаки, касаясь поверхности воды, дѣлаетъ на ней маленькіе круги, и такъ важно сидитъ, поднявъ морду, черный песъ рядомъ съ прижавшимся къ нему маленькимъ товарищемъ его игръ. Картинка и съ оборотомъ, что представляетъ ея особенность.

Лѣтній отдыхъ.

(Рис. на стр. 593).

Кому не случалось видѣть въ полѣ, лѣтомъ, въ деревнѣ, какъ притомившіяся жницы, послѣ цѣлаго трудоваго утра и обѣда (который приносятъ дѣти изъ деревни), падаютъ усталыя въ душистое сѣно или на снопы и почти мгновенно засыпаютъ крѣпкимъ, глубокимъ сномъ. Не слышитъ спящая ни писка комаровъ жаркимъ днемъ, не чувствуетъ какъ мухи щекочатъ ей лицо—такъ она устала. Толстый шмель гудитъ басомъ надъ самымъ ея ухомъ, солнце печетъ немилосердно—она все спитъ. Кипитъ около нея въ травѣ вся кипучая жизнь лѣтняго полдня и скоро и ей придется вставать и вновь приниматься за свою трудную работу.

Послѣдній бандуристъ, Остапъ Вересай.

(Рис. на стр. 597).

Типъ украинскаго бандуриста, распѣвающаго по дорогамъ, въ корчмахъ и на ярмаркахъ подвиги казацкихъ лицарей и вольную, лихую жизнь стариннаго запорожья, теперь исчезъ почти

Библиотека "Руниверс"

совершенно. Бандура или кобза еще звучитъ кой гдѣ на Украйнѣ, но ее сопровождаютъ уже другіе напѣвы, болѣе новые, современные. На вечеринкахъ кобзарь уже не интересуетъ молодежь и лишь старики иногда, окруживъ его, внимательно слушаютъ старинныя думы, въ которыхъ воскрешаются давно минувшія дѣла, давно исчезнувшіе образы. Любопытнымъ типомъ талантливаго бандуриста, однимъ изъ послѣднихъ представителей своего искусства, является слѣпой Остапъ Вересай, съ которымъ ознакомились впервые наши этнографы въ 1875 году на археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ и который былъ въ Петербургѣ. Портретъ его мы здѣсь помѣщаемъ. Жизнь Вересая— это жизнь почти всѣхъ несчастныхъ слѣпцовъ, кочующихъ у насъ на Руси по дорогамъ и собирающихъ подаянье. Родился онъ въ одной изъ деревень Украйны въ 1803 году, отъ слѣпаго отца, котораго главной профессіей была игра на скрипкѣ на свадьбахъ и вечерницахъ. Четырехъ лѣтъ несчастный мальчикъ тоже ослѣпъ и волей-неволей долженъ былъ идти по дорогѣ отца. Пятнадцати лѣтъ его отдали на выучку къ одному кобзарю, потомъ онъ перешелъ къ другому, къ третьему; бродилъ съ ними по дорогамъ, питался чѣмъ Богъ послалъ. Наконецъ наука была окончена: всѣ наставники рѣшили, что ученикъ уже можетъ идти самостоятельной дорогой, такъ какъ знаетъ и поетъ думы гораздо лучше, чѣмъ они сами. И вотъ Вересай зажилъ самостоятельно, т. е. началъ бродить по Божьему свѣту. Слѣпой Вересай женился на дѣвушкѣ, которая увлеклась его талантомъ и соединила свою судьбу съ судьбою несчастнаго слѣпца. По смерти жены для Вересая опять началась бродячая, бездомная жизнь, пока онъ не нашелъ другой жены—уже пожилой вдовы, которая приняла его въ домъ и успокоила его старость. Теперь Вересай состоятельный, всѣми уважаемый старикъ, который поетъ думы уже безкорыстно, съ единственнымъ желаніемъ разсказать людямъ о подвигахъ и дѣлахъ временъ давно-минувшихъ. Семейное начало оттѣняетъ у Вересая и самыя воинственныя по своему содержанію думы и въ нихъ проводится постоянно мысль о святости и ненарушимости семейныхъ отношеній. Въ каждомъ его разсказѣ видна высокая нравственная идея, — что счастье доступно лишь при семейномъ согласіи, что „отцова молитва и маткина изъ дна моря вынимае“.

Докторъ Робертъ Кохъ.

(Портр. на стр. 600).

Чахотка и холера это два бича человѣчества: одинъ свирѣпствующій въ Европѣ, другой занесенный съ Востока. Безсиліе наше въ борьбѣ съ этими врагами происходило отъ того, что никто не находилъ средствъ противъ этихъ эпидемій въ самомъ ихъ зародышѣ.

До послѣдняго времени не знали, что заразительная матерія этихъ двухъ болѣзней совершенно схожа съ ядомъ, развивающимся при воспаленіи селезенки и при заболѣваніи возвратнымъ тифомъ, который, какъ извѣстно, обусловливается присутствіемъ микроскопическихъ организмовъ. Поэтому никто и не подозрѣвалъ высокой степени заразительности легочныхъ чахоточныхъ туберкулозъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, французскій ученый Пастеръ сдѣлалъ значительныя открытія въ области броженія и развитія микроскопическихъ организмовъ при нѣкоторыхъ болѣзняхъ; блестящіе результаты трудовъ не только доставили славу этому ученому, но и окончательно затмили собой открытія въ этой области другихъ ученыхъ. Уже въ 1876 г. д-ръ Робертъ Кохъ объяснилъ происхожденіе болѣзни — воспаленіе селезенки, но Пастеръ воспользовался этимъ открытіемъ, поставилъ его въ связь съ прежними своими изысканіями.

Когда была снаряжена экспедиція для изслѣдованія холеры, д-ръ Кохъ былъ приглашенъ стать во главѣ ея и въ сопровожденіи двухъ ассистентовъ и химика отправился въ Египетъ и потомъ въ Индію, родину холерной эпидеміи. Здѣсь ему удалось открыть тѣ микроскопическія существа, посредствомъ которыхъ распространяется эта ужасная болѣзнь.

Заслуга изобрѣтенія метода для открытія туберкулозной и холерной заразы всецѣло принадлежитъ д-ру Коху. Съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и настойчивостью добился онъ способа дѣлать эти крошечные организмы видимыми помощью окрашиванія ихъ и, такимъ образомъ, далъ возможность къ дальнѣйшимъ надъ ними микроскопическимъ изслѣдованіямъ.

Но геніальный пріемъ окрашиванія не составляетъ еще всего, что далъ д-ръ Кохъ для изученія этихъ страшныхъ организмовъ, виновниковъ эпидемій. Онъ указалъ, какимъ образомъ можно организмы эти распластать и культивировать и нашелъ, производя опыты надъ различными животными, что полученныя такимъ путемъ бактеріи вызываютъ соотвѣтствующую болѣзнь, будучи привиты къ организму. Работа эта потребовала цѣлыхъ годовъ усидчиваго труда, пока удалось добиться того результата, съ которымъ явилась свѣтлая надежда избавить человѣчество отъ ужасныхъ эпидемій. Если данные опыты не приводили Коха къ цѣли, онъ бросалъ ихъ и принимался изучать вопросъ съ другой стороны; такъ продолжалъ дѣлать онъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ природа не раскрыла передъ нимъ свою тайну. Новый методъ, который изобрѣлъ Кохъ для изученія болѣзнетворныхъ организмовъ, и есть именно главная заслуга этого ученаго, сдѣлавшая его знаменитымъ. Путь, по которому шелъ онъ къ цѣли, былъ сознательный, основанный на строго научныхъ данныхъ, и сдѣланныя открытія не были той слѣпой случайностью, которая часто дѣлаетъ людей знаменитыми.

На банкетѣ, данномъ въ честь возвращенія коммисіи для изслѣдованія холеры, д-ръ Кохъ сказалъ: „Если я оказалъ какую нибудь услугу человѣчеству, такъ это ту, что указалъ методъ изслѣдованія эпидемій. О результатахъ же моихъ прочихъ открытій я буду имѣть право заявить только тогда, когда мы при новой эпидеміи холерной будемъ находиться въ большей безопасности отъ зараженія, чѣмъ было это до сихъ поръ и когда мы съумѣемъ предупредить ея распространеніе за предѣлы ея родины—Индіи, на что можно надѣяться въ томъ случаѣ, если англійское правительство захочетъ взять это дѣло въ свои руки“.

Могила И. С. Тургенева.

(Рис. на стр. 600).

Могилы извѣстныхъ дѣятелей всегда заботливо поддерживаются потомствомъ и представляютъ собою предметъ почитанія. Проходя по Петербургскимъ кладбищамъ, невольно останавливаешься предъ памятниками Ломоносова, Крылова, Жуковскаго, Достоевскаго и др. Въ прошломъ году къ коллекціи такихъ могилъ прибавилась могила И. С. Тургенева.

Тургеневъ, говорятъ, заявлялъ предъ смертью желаніе быть похороненнымъ на Волковомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ,—и притомъ рядомъ съ Бѣлинскимъ. По отсутствіе свободнаго мѣста рядомъ съ могилой извѣстнаго публициста, а также и отдаленность могилы отъ церкви, заставили похоронную коммиссію не исполнить въ точности желаніе романиста, а положить его на виду, при самомъ кладбищенскомъ въѣздѣ, рядомъ съ церковью. Войдя въ ворота, стоитъ только сдѣлать нѣсколько шаговъ влѣво, мимо паперти, какъ тутъ же, первой могилой и будетъ могила Тургенева.

На дняхъ, въ самомъ концѣ мая, на могилу положили плиту, которая изображена на нашемъ рисункѣ. Это колоссальный кусокъ чернаго мрамора, поставленный на базисѣ изъ неполированнаго гранита. На покатой поверхности плиты высѣчена надпись:

Иванъ Сергѣевичъ
Тургеневъ.

У изголовья еще до сихъ поръ красуется вѣнокъ, посѣнный въ сентябрѣ мѣсяцѣ на похоронахъ, съ надписью:

Вѣчная память
славному поборнику
просвѣщенія
народа русскаго.

На могилѣ постоянно лежатъ вѣнки изъ иммортелей и живыхъ цвѣтовъ.

Политическое обозрѣніе.

Египетъ и Англія. — Китай и Франція. — Болгарія и Сербія. — Южная Африка.— Голландія.

Дипломатическіе документы о переговорахъ по египетскому вопросу уже внесены въ палату общинъ. Гладстонъ при этомъ заявилъ, что Франція изъявила категорическое согласіе на полное упраздненіе совмѣстнаго владѣнія и дала обѣщаніе не занимать Египта послѣ очищенія его англичанами. Единственнымъ условіемъ, связывающимъ Англію, является лишь обѣщанье — очистить страну по истеченіи 1-го января 1888 года въ томъ случаѣ, если державы найдутъ, что оккупація можетъ быть прекращена безъ всякой опасности. Управленіе долговою кассою будетъ значительно расширено и оно всегда будетъ имѣть достаточно свѣдѣній о финансовыхъ мѣрахъ египетскаго правительства и, кромѣ того, облечено полномочіями—не допускать расходовъ не внесенныхъ въ бюджетъ. Въ заключеніе Гладстонъ сообщилъ палатѣ, что въ случаѣ если парламентъ не одобритъ рѣшеній конференціи, то кабинетъ вынужденъ будетъ выдти въ отставку. Подобныя же сообщенія сдѣланы и въ палатѣ лордовъ лордомъ Гренвиллемъ. Германія согласилась принять участіе въ конференціи, если подобное же согласіе послѣдуетъ со стороны другихъ державъ; Австрія тоже выразила свое согласіе подъ условіемъ, чтобы конференція ограничилась лишь обсужденіемъ пунктовъ, перечисленныхъ въ англійской циркулярной нотѣ. Другія державы также выразили готовность послать своихъ делегатовъ на конференцію. Что же касается Франціи, то Жюль Ферри, дѣлая недавно въ палатѣ депутатовъ обзоръ англо-французскихъ переговоровъ, формулировалъ слѣдующимъ образомъ свое мнѣніе объ египетскомъ вопросѣ. „Египетъ, сказалъ министръ, страна не англійская и не французская, а составляетъ созданіе всей Европы; египетскій вопросъ никогда не перестанетъ быть вопросомъ европейскимъ. Болѣе всѣхъ это признано кабинетомъ Гладстона, и именно съ Глад-

Библиотека "Руниверс"

стопомъ Франція лучше всего можетъ уладить вопросъ о сохраненіи между обѣими странами согласія, чрезвычайно необходимаго для поддержанія мира и свободы всего свѣта".

Генералъ Гордонъ все еще запертъ въ Хартумѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, онъ находится въ зданіи католической миссіи, окруженномъ каменною оградою и примыкающемъ одной стороной къ Голубому Нилу. Внутри ограды три колодца и до 1500 пальмовыхъ и апельсинныхъ деревьевъ. Хартумъ окружаютъ до 20000 суданцевъ. Губернаторъ Донголы получилъ письмо отъ Махди, въ которомъ послѣдній извѣщаетъ его, что если онъ перейдетъ на его сторону и будетъ вѣрно служить освобожденію Судана, то въ награду за свои заслуги будетъ возведенъ въ высокій санъ эмира донгольской провинціи.

Отношенія Франціи къ Китаю по прежнему стали дружественными. Адмиралъ Лесиесъ уже покинулъ Пекинъ и возвратился на свой корабль. Въ бытность свою въ китайской столицѣ онъ присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ французскимъ посольствомъ членамъ верховнаго совѣта и былъ приглашенъ также на отвѣтный обѣдъ верховнаго совѣта членамъ французскаго посольства. Такими взаимными любезностями не обмѣнивалось до сихъ поръ ни одно посольство съ китайскими мандаринами.

Докторъ Кохъ. По фотогр. грав. Флюгель.

Въ вѣнскихъ газетахъ пишутъ, что въ австрійскихъ оффиціальныхъ сферахъ господствуетъ полное убѣжденіе, что при совмѣстномъ усиліи великихъ державъ болгарско-сербское столкновеніе не замедлитъ уладиться. Кромѣ того само болгарское правительство съ своей стороны проявило самыя примирительныя наклонности. Такъ между другими мѣрами, власти въ Софіи отозвали отрядъ болгарскихъ войскъ изъ спорнаго участка близъ Брегова и кромѣ того строго рѣшились воздерживаться отъ всего могущаго обострить и безъ того враждебныя отношенія княжества съ сербскимъ правительствомъ.

Объѣздъ трансвааль скою депутаціей европейскихъ столицъ завершился полнымъ успѣхомъ. Такъ въ столицѣ Англіи, которая недавно еще такъ была запосчива къ Трансваалю, депутація добилась заключенія трактата, признающаго полную политическую независимость Трансваальской республики. Въ столицѣ Голландіи депутаты запаслись денежной ссудой, необходимой для нихъ для осуществленія ихъ завѣтной мечты — построить желѣзную дорогу къ морю и такимъ образомъ обезпечить своимъ произведеніямъ болѣе широкій сбытъ. Въ Пруссіи Крюгеръ и его спутники были предметомъ особеннаго вниманія оффиціальныхъ сферъ и разныя колонизаціонныя общества привѣтствовали ихъ черезъ свои депутаціи. Самъ императоръ Вильгельмъ отнесся къ нимъ чрезвычайно милостиво и заявилъ имъ о своемъ сочувствіи и твердомъ рѣшеніи содѣйствовать упроченію дружбы между Германіей и Трансваалемъ. Эта дружба можетъ со временемъ привести къ очень важнымъ результатамъ и создать для Англіи еще новый тяжелый вопросъ—южно-африканскій. Нѣмцы уже теперь утвердились въ Англо-Пеквенѣ и остаются тамъ, не взирая на неудовольствіе, причиняемое ихъ присутствіемъ Англіи и администраціи капскихъ колоній. Но можетъ придти время, когда изъ Англо-Пеквены нѣмцы, съ помощью своего вліянія на туземное населеніе, поставятъ на сѣверѣ отъ Оранжевой рѣки несокрушимую преграду дальнѣйшему расширенію англійскаго господства въ южной Африкѣ. На сѣверѣ же Трансвааля остановятъ поступательное движеніе англичанъ боэры южно-африканской республики, отдѣленные отъ британскихъ владѣній Калагарійской пустыней. Въ Гаагѣ 9-го (21) іюня скончался наслѣдный принцъ Александръ Оранскій, отъ тифозной горячки.

Могила И. С. Тургенева на Волковомъ кладбищѣ. Ориг. рис. съ натуры П. П. Гнѣдича, грав. М. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Смѣсь.

Изданіе Новаго Завѣта. Британское и Иностранное Библейское Общество выпустило еще изданіе Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ; оно напечатано по заказу Общества въ типографіи Святѣйшаго Сѵнода. Особое преимущество этого изданія въ томъ, что напечатанная шрифтомъ крупнѣе и яснѣе существующихъ, священная эта книга представляетъ особое удобство для народа, въ виду чего и цѣна книги назначена Обществомъ въ продажу 25 коп., что значительно ниже дѣйствительной ея стоимости.

Натуральный коксъ. Изъ Новой Мексики сообщаютъ о замѣчательномъ открытіи пласта натуральнаго кокса въ Лосъ Церрилосъ. Пластъ имѣетъ три фута толщины и лежитъ между слоемъ кокса и смолистаго каменнаго угля. По виду онъ схожъ съ искусственнымъ коксомъ и горитъ чистымъ, спокойнымъ пламенемъ. Вѣроятно пластъ этотъ представлялъ собой прежде обыкновенный каменный уголь и нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ подземнымъ жаромъ, температуры бѣлаго каленія, превращенъ въ коксъ.

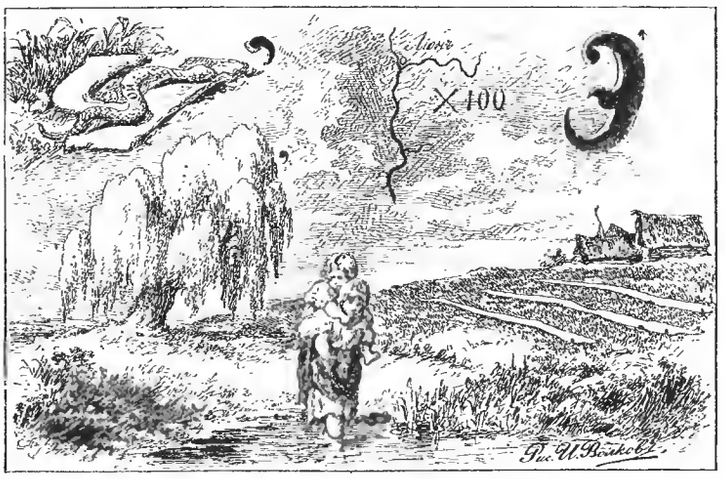
Датчане выказываютъ большое расположеніе къ русскимъ. Симпатію эту простой народъ выражаетъ вполнѣ открыто. Такъ напримѣръ русскіе моряки постоянно провожались на улицахъ главнаго города Даніи толпой ребятишекъ, которые всюду слѣдовали за ними по пятамъ и старались чѣмъ нибудь выказать свое къ нимъ расположеніе. Жители города были довольны, если имъ протягивалъ руку русскій солдатикъ и дружески пожимали ее. Моряки тоже не оставались въ долгу и за симпатію платили тѣмъ же.

Въ Помераніи, въ мѣстечкѣ Свантовъ, открытъ, какъ сообщаютъ газеты, источникъ нетролеума. Вотъ уже двѣ недѣли непрерывно струится онъ съ возрастающей силой Источникъ находится въ участкѣ земли, принадлежащей церкви деревни Свантовъ. Вытекающій изъ почвы петролеумъ собирается въ маленькомъ прудѣ передъ деревней и вся поверхность пруда уже покрыта горнымъ масломъ. Жители пользуются имъ для освѣщенія, что доказываетъ относительную чистоту его.

Арабская мудрость. „И англичане тоже христіане?“ спросилъ одинъ юный арабъ и будущій ученый своего учителя. „Конечно!“ отвѣчалъ старый масульманинъ, „но только въ ихъ воскресенье,— въ остальные же дни недѣли они евреи“. Онъ говоритъ конечно объ англійскихъ торгашахъ.

На Востокѣ кровоостанавливающее средство приготовляется изъ плодовъ кипарисснаго дерева, посредствомъ спиртовой вытяжки. Всѣ хирурги турецкой арміи снабжаются въ военное время такой примочкой; она удивительнымъ образомъ способствуетъ прекращенію кровотеченія и быстро затягиваетъ раны, какъ штыковыя, такъ и сабельныя.

РЕБУСЪ. Задача № 24.



ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена съ № 27, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, **большой картины Профессора К. Е. Маковскаго „Гусляръ“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.** При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Альма Тадема** (съ портр.).—**Въ двѣнадцатомъ году.** Разсказъ **П. П. Гнѣдича.**—**Багровая пыль.** (Русскіе въ Парижѣ во время коммуны). Повѣсть **П. Петрова.** (Продолженіе).—**Чудеса вечерняго неба.** Очеркъ.—**Литературный альбомъ.** „**Вечера на хуторѣ близь Диканьки**“, **Гоголя** (съ рис.).—**Помпеянна въ своей уборкой** (съ рис.).—**Идиллія** (съ 2 рис.).—**Лѣтній отдыхъ** (съ рис.).—**Послѣдній бандуристъ Остапъ Вересай** (съ рис.).—**Докторъ Робертъ Кохъ** (съ портр.).—**Могила И. С. Тургенева** (съ рис.).—Политич. обозр.—Смѣсь.—Заявленіе.—Ребусъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Ф. Марксъ.**

РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.

ПРОВИЗОРА КИНУПЕНА

„ЭЛЕОПАТЪ“ употребляется противъ выпаденія и столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, и признанъ незамѣнимымъ, вѣрнымъ и развивающимъ густоту волосъ, безподобнымъ средствомъ.

„Элеопатъ“ только пров. Кинупена имѣется уже къ услугамъ публики во всѣхъ город. Имперіи; въ С.-Петербургѣ: въ магаз. гг. Штоль и Шмидтъ, въ Общ. Торг. Аптек. Товарами и другихъ большихъ магазинахъ, а также аптекахъ и у дрогистовъ. Цѣна флакону, содержащему 120 грам., 1 р. 50 к. въ обѣихъ столицахъ Рос. Имп.

Жители уѣздныхъ городовъ и друг. провинцій выписываютъ **только „ЭЛЕОПАТЪ“ провиз. Кинунена**, изъ ближайшихъ отъ себя губернск. и уѣздн. Аптекъ, вообще гдѣ только имѣется Аптекарск.-Косметическ. магаз., но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 р.—почтовый расходъ на счетъ покупателей.

СПРАШИВАЙТЕ

ПРОВ. КИНУПЕНА ЭЛЕОПАТЪ.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Романъ-хроника XVIII вѣка. Паденіе Бирона и воцареніе Елисаветы описаны здѣсь со свойственнымъ автору талантомъ. 2-е изданіе. СПБ. 1882 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленкор. переп. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Библіотека хозяйственныхъ женскихъ знаній

Какъ приготовлять настоящія Кіевскія и Московскія сахарныя, медовыя, сиропныя и сухія варенія.

Составлена Кіевской опытной вареньеварщицой **Ефросиніей Наненко.** М. 1884 г. Цѣна 1 р., въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Съ требованіемъ обращаться въ книжный магазинъ **Ивана Ѳеодоровича Морозова**, Тверская ул., д. Андреева въ Москвѣ.

П. № 3405 1—1

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу во всѣхъ книжныхъ, охотничьихъ и оружейныхъ магазинахъ Петербурга, Москвы, Одессы и др.

СПРАВОЧНО-ПАМЯТНАЯ КНИЖКА-КАЛЕНДАРЬ

на **1884—85** годъ

ДЛЯ ОХОТНИКОВЪ

съ лягавою собакою, гончими-борзыми, сонолинихъ охотниковъ, рыболововъ и любителей рысистаго и скаковаго спорта.

Составилъ **В. ЛАВРЕНТЬЕВЪ.**

Книжка большаго карманнаго формата, содержитъ болѣе 36 печатныхъ листовъ мелкаго петита и раздѣлена на 11 отдѣловъ: 1) календарный и астрономическій; 2) объ оружіи; 3) о собакѣ; 4) дичь; 5) отдѣлъ медицинскій и ветеринарный; 6) соколиная охота; 7) рыболовство; 8) новости въ области электричества, законы и политинажи; 9) спортъ; 10) справочно-памятный листокъ охоты; 11) охотничьи объявленія. **Цѣна 1 р. 60 к.; въ шагреневомъ перепл. съ золот. 2 р. Пересылка 25 и 35 к.**

Складъ изданія въ Петербургѣ и Москвѣ, въ магазинахъ „Новаго Времени“, у А. Ф. Девриена (Спб., В. О., Румянцевская площадь), у С. Исакова (Невскій просп. противъ памятника Екатерины) и у составителя (Измайловскій полкъ, 1 рота, д. 4, кв. 9). Лица, выписывающія отъ послѣдняго, за пересылку не платятъ. Гг. книгопродавцамъ обычная уступка. № 3406

Библиотека "Руниверс"

ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

У КНИГОПРОДАВЦА ЗЕМСКАГО

въ Москвѣ, въ домѣ типографіи Святѣйшаго Сѵнода, въ зданіи Славянскаго Базара, на Никольской улицѣ,

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ВЕЛИКІЙ КЛЮЧЪ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ВСЯКИХЪ НАУКЪ

КНИГА къ всестороннему и всемірному самообразованію, или какъ САМОУЧИТЕЛЬ къ познанію, изученію и открытію всѣхъ таинствъ ПРИРОДЫ.

КНИГА ИСТИННО

ВЕЛИКІЙ ПАНТЕОНЪ НАУКЪ.

Самое ПОЛНОЕ собраніе всѣхъ научныхъ СОКРОВИЩЪ и подробное руководство къ изученію ихъ

въ существованіе открытыхъ отъ начала созданія міра и до нашихъ временъ дошедшихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, историческимъ и повѣствовательнымъ языкомъ изложенныхъ. Со множествомъ рисунковъ и картинъ разныхъ техническихъ машинъ, станковъ и ремесленныхъ производствъ. Составили и собрали Естествоиспытатель природы знаменитый **Палласъ**, Механикъ **Любке** и технологъ **Ромбахъ**. Москва. 1884 г. Цѣна книги съ перес. 5 р., во французскомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 6 р. съ перес. **Съ указаніемъ цѣнъ на пріобрѣтеніе всякихъ сельско-хозяйственныхъ инструментовъ, орудій, машинъ, станковъ, заводскихъ, фабричныхъ, ремесленныхъ и кустарныхъ, самой новѣйшей конструкціи, съ расцѣнкою матеріала по новѣйшимъ даннымъ на всякій предметъ выработки, то есть, во что какой выработанный предметъ обойдется себѣ, съ указаніемъ оставшейся прибыли.**

Отъ Авторовъ, о книгѣ Великій Пантеонъ. Предлагаемое нами сочиненіе подъ названіемъ „Великая **вселенская книга**" или открытый **ключъ** къ великимъ **наукамъ** и изученію сокровенныхъ тайнъ природы -вселенной, такъ сказать, самоучитель къ познанію, изученію и открытію всѣхъ 4-хъ міровыхъ стихійныхъ силъ: огня, воздуха, воды и тайнъ внутреннихъ нѣдръ земли, выразимся опредѣленнѣе, что это предлагаемое сочиненіе въ полномъ смыслѣ мы назвали **Книгою—Великій Пантеонъ**, это книга великаго собранія всемірныхъ **наукъ** и всѣхъ великихъ человѣческихъ дѣлъ и великихъ твореній величайшихъ геніальныхъ людей и умовъ.

Въ книгу собрана вся міровая наука земнаго, поднебеснаго міра по всѣмъ отраслямъ знанія и всякой человѣческой мудрости всѣхъ временъ и народовъ, жившихъ и жившихъ на землѣ отъ самой глубокой древности; книга вмѣщаетъ въ себѣ все драгоцѣнное сокровище всякихъ человѣческихъ знаній и неоцѣненный даръ всякихъ открытій и изобрѣтеній въ области всѣхъ научныхъ производствъ, ремеслъ и хозяйствъ, существующихъ въ мірѣ, собранныхъ, какъ мы уже сказали, отъ самой громадной отдаленности истекшихъ вѣковъ и до нашего времени. Кромѣ сего, въ книгѣ нами помѣщено сказаніе и исторія о томъ, откуда что произошло и какое спервоначала было открытіе на землѣ, и какая первая наука появилась на ней; когда и кто были первыми открывателями и какого предмета, и кромѣ того—кто были первые люди науки, кто что изобрѣлъ и кто что открылъ. Древнѣйшее преданіе о первыхъ звѣздочетахъ, появившихся на землѣ. Астрономія; откуда и когда она появилась въ первыя времена. Открытіе небесныхъ міровъ. Небесная механика. Описаніе ремеслъ и производствъ; ясное указаніе и толковое объясненіе и наставленіе къ самовоздѣлыванію и самопроизводству всякаго ремесла и каждаго предмета въ отдѣльности. Самое простое изложеніе и описаніе конструкціи разныхъ ремесленныхъ техническихъ машинъ и станковъ, сельско-хозяйственныхъ, фабричныхъ и заводскихъ. Указаніе матеріаловъ, изъ чего, что и какъ вырабатывать нужно. Въ книгѣ имѣются всякаго рода научныя свѣдѣнія и указанія къ самоизученію всей природы, изъ указаній которыхъ всякій человѣкъ можетъ получить и постоянно будетъ получать, со всѣмъ своимъ потомствомъ, неисчерпаемыя богатства, хотя бы онъ былъ владѣлецъ самаго небольшаго имѣнія, земли и воды. Всякій владѣлецъ хотя небольшаго клочка земли, имѣнія и воды, можетъ добывать и извлекать, какъ изъ первой, такъ и изъ второй, то есть изъ земли и воды, съ пользою себѣ, неисчерпаемое богатство вокругъ себя и у себя подъ ногами; но чтобы съумѣть извлечь эти богатства, то для этого спервоначала все же не мѣшаетъ, хотя въ малой мѣрѣ, ознакомиться съ почвой, грунтомъ и хотя съ начальными научными понятіями относительно земли. Земля, вслѣдствіе своей реформаціи и сложившихся разнородныхъ пластовъ, впродолженіи громаднаго пространства вѣковъ, даетъ возможность людямъ извлекать изъ себя необъятное и неисчерпаемое богатство; разъясненіе и указаніе къ добыванію ихъ—все это въ нашей книгѣ имѣется. Земля даетъ глину, известь, песокъ, нефть, горныя масла, цѣлительныя минеральныя воды, каменный уголь и всякаго рода и вида множество другихъ предметовъ, въ горныхъ же мѣстахъ мраморъ, гранитъ и разнаго рода каменья, цѣнные и менѣе цѣнные, кромѣ того безцѣнные дорогіе металлы: серебро, платину и неоцѣненное сокровище для всего міра—драгоцѣнное золото, не говоря уже о чугунѣ, желѣзѣ и мѣди.

Воды, наполняющія землю рѣками, ручьями, озерами, морями, и даже маленькія рѣчки, съ своими берегами, могутъ дать человѣку, внимательно изучающему природу, большія богатства: въ нѣдрахъ дна этихъ водъ и при берегахъ ихъ человѣкъ можетъ добывать всякаго рода разноцвѣтные каменья, раковины и прочіе предметы, съ указаніемъ къ распознаванію цѣнности ихъ,—деревья, смолу, скипидаръ, деготь, лыко. Огонь же, въ своемъ соединеніи имѣетъ съ водой, даетъ паровую двигательную силу, посредствомъ которой теперь по моримъ и всѣмъ судоходнымъ рѣкамъ двигаются цѣлыя тысячи разныхъ судовъ и пароходовъ, всевозможныхъ формъ и конструкцій, материкъ же суши земли стараго и новаго свѣта, наполненъ легіономъ паровиковъ желѣзныхъ дорогъ и торгово-промышленныхъ фабриками и заводами, производящими работы паровыми машинами. Въ предлагаемой книгѣ указаны всѣ способы извлекать громадныя богатства изъ самаго незначительнаго имѣнія и быстро поправлять и въ блестящій видъ возстановлять, съ небывалой скоростью, самыя разрушенныя хозяйства, однимъ словомъ, владѣлецъ этой книги найдетъ въ ней небывалыя, новѣйшія средства самое маленькое хозяйство довести до громадныхъ размѣровъ и, но истинѣ, въ книгу эту помѣщенъ цѣлый земной міръ всевозможныхъ наукъ, свѣдѣній и изобрѣтеній въ области техники, механики, физики, химіи, астрономіи, математики, архитектуры, геодезіи, геологіи, ботаники, минералогіи, естественной исторіи, географіи, всемірной и Русской исторіи, ариѳметики, грамматики, рисованія, алгебры, геометріи, медицины, анатоміи, физіологіи и множество другихъ предметовъ, существующихъ въ Божественномъ мірозданіи, перечислить которыхъ, по безчисленному множеству ихъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности, но сказать мѣста здѣсь. Наша книга безусловно необходима и чрезвычайно полезна всѣмъ сословіямъ, а тѣмъ болѣе слѣдующимъ лицамъ: помѣщикамъ, фабрикантамъ, заводчикамъ, ремесленникамъ, кустарямъ—промышленникамъ и арендаторамъ, каждому и всякому, какимъ бы то ни было лицамъ, если только тѣ лица имѣютъ хотя малѣйшую осѣдлость, не говоримъ уже о поименованныхъ состоятельныхъ классахъ.

Сверхъ того, она также безусловно и въ высшей степени можетъ принести пользу всякому семейству, и въ полномъ смыслѣ рекомендуется всей публикѣ и всякому дому, въ которомъ она всегда будетъ находиться какъ бы драгоцѣннымъ, великимъ сокровищемъ къ изученію всякихъ наукъ и всякихъ знаній, и въ особенности будетъ неоцѣненнымъ даромъ въ отношеніи наукъ и самообразованія. Съ спокойною совѣстью можемъ сказать, какъ авторы и составители рекомендуемой книги, что въ изданіи подобнаго сочиненія, по своему содержанію, а также по капитально громадному труду, у насъ въ Россіи еще не бывало, и по всей истинной справедливости, эта книга заслужила отъ насъ быть названной: „Книга—Великій Пантеонъ всемірныхъ наукъ и знаній природы—вселенной". Къ книгѣ приложенъ отдѣлъ программъ для поступленія въ гимназіи и прогимназіи. Цѣна книги 5 руб. съ пересылкою, во французскомъ, роскошнѣйшемъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, тоже съ пересылкою 6 р.

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ

послѣдуетъ

РОЗЫГРЫШЪ

ЛОТЕРЕИ

въ пользу

состоящей подъ непосредственнымъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Александры Петровны

ПОКРОВСКОЙ ОБЩИНЫ СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ

всего **600** выигрышей

изъ нихъ главнѣйшіе

Одинъ выигрышъ 225 фунтовъ сервизнаго серебра 84 пробы		8,000 руб.
Четыре — по 1,000 рублей		4,000 „
Четыре — по 500 —		2,000 „
Десять — по 100 —		1,000 „
Остальные пятьсотъ восемьдесятъ одинъ выигрышъ состоятъ изъ вещей: серебряныхъ и высочайше пожалованныхъ цѣнностью на		12,000 „

БИЛЕТОВЪ НА ЛОТЕРЕЮ НАЗНАЧЕНО 50,000.

цѣна билету 1 рубль.

Билеты можно получать въ Канцеляріи Государыни Великой Княгини Александры Петровны, на Васильевскомъ Островѣ, по четвертой линіи, домъ № 21; у Казначея Общины Н. Н. Бруснцына, въ Мучномъ переулкѣ, по Желѣзной линіи № 12; у Казначея лотереи Ивана Максимовича Максимова, по Банковской линіи, № 31; у Почетныхъ членовъ: Ф. А. Алферова, по той же линіи, № 35; А. В. Любавина, подъ Думой, въ Серебряномъ ряду; въ чайномъ магазинѣ Бѣлкова и К°., на Невскомъ у Аничкина моста, домъ Лихачева; Ф. Е. Страубс, Пассажъ, № № 6 и 7; А. И. Кернна, внутри Маріинскаго рынка въ Фруктовомъ ряду. Въ г. Ригѣ торговый домъ М. Кальмейеръ. Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться въ Канцелярію Государыни Великой Княгини Александры Петровны. № 3385 3—2

О ДНѢ РОЗЫГРЫША ЛОТЕРЕИ ВЪ СВОЕ ВРЕМЯ БУДЕТЪ ОБЪЯВЛЕНО ВЪ ГАЗЕТАХЪ.

Выигрыши будутъ выдаваться только предъявителямъ цѣльнаго билета.

НУЖНО купить или арендовать домъ подъ небольш. фабрику въ селѣ или городѣ какой либо губерніи. Сообщать письменно въ СПБургъ, Пески, 3 ул., д. 16, кв. 35, **Куранину**. Прилагать почт. марку (7 к.) на отвѣтъ, который вышлется, когда прислан. условія будутъ подходящи. № 3403 1—1

= за 20 руб. =

ВЫСЫЛАЮТСЯ СЪ ПЕРВОЮ ПОЧТОЙ **СЛѢДУЮЩІЯ ЧЕТЫРЕ ВЕЩИ, НЕОБХОДИМЫЯ** въ особенности для сельск. хозяевъ и дачниковъ:

1) **БАРОМЕТРЪ** металлическій, усовершенствов. конструкціи, задолго предсказывающій всѣ перемѣны погоды: ясную погоду, сушь, дождь, бурю и проч. Съ книгою о примѣненіи къ сельскому хозяйству.

2) **ПОЛЕВАЯ ЗРИТЕЛЬНАЯ ТРУБА**, приближающая на нѣсколько верстъ.

3) **МИКРОСКОПЪ** большой, съ препаратами и принадлежностями, увеличив. до 500 разъ.

4) **ЧАСЫ КАБИНЕТНЫЕ** столовые, изящной парижской работы, съ вѣрнымъ ходомъ.

Отдѣльно высылаются: **БАРОМЕТРЪ** съ книгой за **7** р., **ЧАСЫ** за **5** р., остальныя двѣ вещи по **6** руб.

Адресовать: въ Москву, въ контору „Дѣтской Библіотеки". (Петровка, домъ Кредитнаго Общества). № 3399. 1—1

ИЩУТЪ

въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральн контору объявленій, **Невскій пр., № 8**, подъ лит. В. Р. № 3328

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія.

ТОПОЛИНЪ или **ТОПОЛЕВЫЙ БАЛЬЗАМЪ.**

М. М. Петрова.

Для лица № 1. Усовершенств. средство, уничтожающее прыщи, красныя пятна, загаръ, веснушки; при употребленіи лицо пріобрѣтъ. здоровый и красивый цвѣтъ.

Для головы № 2. Дѣйствительно очищаетъ кожу отъ перхоти, освѣжаетъ голову, прекращаетъ головныя боли, почему прекращаетъ и выпаденіе волосъ.—Въ виду поддѣлокъ просятъ обращать вниманіе на клеймо (М. М. Петрова).

Цѣна флак. по 1 р. 25 к. и ½ фл. по **75 к.**

Главные склады: въ аптекахъ и во всѣхъ московск. аптекарск. магазинахъ.

Продается: въ аптекахъ, аптекарскихъ и др. магаз. Россіи и заграницей.

Для гг. оптовыхъ покупателей установлена % скидка.

Съ треб. просятъ обращ. въ главный складъ: Москва, Никитская аптека Петрова, бывш. Келлеръ. По почтѣ высылается **не менѣе 2 флак. за 3 р. 50 к.**

Ц. № 3106 26—12

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ,

№ 3360 7—5

ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ.

ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ

бѣлитъ зубы, не портя ихъ эмали, предотвращаетъ гніеніе зубовъ.

Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ

укрѣпляетъ десны, утоляетъ зубную боль, освѣжаетъ ротъ.

Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФРЕРА,

19, Rue Jacob, Paris.

У ВСѢХЪ АПТЕКАРЕЙ И ПРОДАВЦЕВЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ.

Библиотека "Руниверс"

ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

у книгопродавца **ЗЕМСКАГО, въ Москвѣ**, на Никольской улицѣ, поступила въ продажу **полная исторія**

ПРАВОСЛАВНАГО ВЕЛИКАГО ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

Военная, гражданская, боевая и бытовая, этнографическая и географическая исторія великаго народа Русской земли, съ историческими картинами и видами городовъ русскихъ. Историческія картины изображаютъ

ВЕЛИКІЯ ВОЕННЫЯ БИТВЫ

древнихъ и новыхъ временъ православнаго русскаго воинства съ иноземными полчищами разныхъ племенъ и народовъ.

СВЯТАЯ РУСЬ, ВСЕНАРОДНАЯ ИСТОРІЯ РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА

съ указаніемъ о томъ, какъ оно основано, кто прежде были русскіе народы и откуда произошли.

Съ видами городовъ всей Россійской Имперіи.

Города въ картинахъ высокой, художественной работы, рѣзанные и великолѣпно отпечатанные на стали, на камнѣ и на деревѣ.

Съ полнымъ историческимъ описаніемъ какъ о нихъ, такъ и о томъ, кто въ какія времена и какому городу положилъ начало—основаніе. Каждый городъ имѣетъ особо отъ другихъ свой самостоятельный видъ на роскошно изображенной картинѣ художественной работы, снятой съ натуры. Кромѣ сего, въ книгѣ помѣщены всѣ губернскіе **Гербы Россійской Имперіи**, съ географическимъ и промысловымъ описаніемъ каждой губерніи, области или края въ отдѣльности. **Съ приложеніемъ: пословицъ, поговорокъ и народныхъ пѣсенъ**, съ описаніемъ **повѣрій, суевѣрій, обычаевъ и нравовъ**, и указаніемъ причинъ и времени происхожденія ихъ. Кромѣ того книга имѣетъ въ себѣ много историческихъ картинъ. **Въ 2-хъ томахъ и 5-ти частяхъ.** Книга громаднаго объема.

Составлена по источникамъ **Костомарова, Соловьева, Забѣлина** и рѣдкимъ сочиненіямъ **Татищева** и **князя Щербатова**, и по древнимъ рукописямъ, подъ редакціею

КОНСТАНТИНА СОЛОВЬЕВА.

Древнее сказаніе лѣтописцевъ, по старинымъ рѣдкимъ рукописямъ, о томъ, гдѣ началась Русская земля, кѣмъ и какъ она пралась, кто были 1-е князья земли русской и откуда они появились: Великій князь Языческой Руси. Олегъ Вѣщій громитъ Святой Царь-Градъ (Константинополь). Великая Княгиня языческая Ольга, а въ послѣдствіи она же и 1-я царственная христіанка великой земли русской. Владиміръ Святой, великій князь Кіевскій. Первые христіане на Руси, откуда и какъ они появились въ Русскую землю. Погромъ Византійской Имперіи, завоеваніе земли Русской татарами, полное описаніе ужасной кровопролитной битвы на Куликовомъ полѣ великаго князя Московскаго Дмитрія Донскаго съ несмѣтными полчищами татаръ, полный погромъ татарскихъ полчищъ Мамая. Іоаннъ III-й, великій князь Московскій, 1-й самодержецъ великой Русской земли. Іоаннъ Грозный; страшное бѣдствіе въ Москвѣ, великія казни въ Москвѣ. Страшное вторженіе въ предѣлы Россіи Самозванца; насильственный захватъ Самозванцемъ великаго престола русскихъ православныхъ царей. Страшное лютое время на Руси, година великаго бѣдствія на Руси. Слерженіе Самозванца, убіеніе его, публичная народная казнь трупа его. Великій гражданинъ Мининъ и доблестный князь Пожарскій въ кровопролитной битвѣ съ поляками подъ Москвой. Полное пораженіе польскихъ полчищъ. Доблестный и юный полководецъ князь Скопинъ-Шуйскій. Полное пораженіе поляковъ юнымъ полководцемъ, княземъ Скопинымъ-Шуйскимъ. Освобожденіе Москвы. Осиротѣвшая земля Русская Русь безъ царя. 1-й русскій царь изъ дома Романовыхъ. Великій Никонъ, Патріархъ церквей всея великія и малыя Руси, великая реформація русской церкви, великій русскій расколъ на русской землѣ. Судъ царевъ и патріаршій надъ патріархомъ Никономъ и ссылка его въ заточеніе. 1-й Великій Императоръ Петръ I-й, великая борьба Русскаго Царя Императора Петра 1-го съ Карломъ 12-мъ, королемъ Шведскимъ. Полное описаніе о великой Полтавской битвѣ, погромъ и полное пораженіе армій великаго короля шведскаго Карла XII русскимъ царемъ—Императоромъ Петромъ Великимъ. Великій Суворовъ; полное описаніе побѣдоносныхъ битвъ его съ турками и французами; великая бѣдственная година для Россіи въ 12-мъ году. Великая народная война съ величайшимъ полководцемъ своего времени **Наполеономъ I-мъ, Бонапартомъ.** Полное описаніе страшной, кровопролитной битвы съ **Бонапартомъ** подъ Бородиномъ, и старики объ этой битвѣ говорятъ такъ, что во время этой ужасной битвы на большое пространство воздухъ ходуномъ ходилъ, земля же колебалась и стонала, и каждую минуту готова была какъ бы въ бездну низринуться. Сожженіе Москвы, полное пораженіе и истребленіе великой арміи **Наполеона Бонапарта** нашимъ доблестнымъ полководцемъ Кутузовымъ-Смоленскимъ. Великая восточная война. Великое, знаменитое Синопское сраженіе. Полное описаніе 2-й восточной войны въ 77 и 78 годахъ текущаго столѣтія. Нашъ великій побѣдоносный герой, доблестный Скобелевъ. Освобожденіе Славянъ великимъ Царемъ-Освободителемъ **Александромъ II.** Описаніе страшнаго злодѣйскаго преступленія 1 марта, кончина великаго Царя-Мученика. Восшествіе на престолъ и начало царствованія Государя Императора **Александра III.**

Примѣчаніе отъ автора: Нѣсколько словъ о книгѣ Святая Русь или, опредѣленнѣе сказать, о Всенародной Исторіи Россійскаго Государства. Предлагаемъ эту книгу, какъ драгоцѣннѣйшій подарокъ всему русскому народу, старому и малому, въ особенности семьѣ и школѣ.

Безъ преувеличенія можемъ сказать, что мы читателю даемъ изданную нами книгу, и книгу такую, подобно которой въ печати до сего времени еще не существовало. Это по истинѣ поучительная, занимательная, великая книга—исторія о великомъ русскомъ народѣ, объ одномъ изъ величайшихъ по всемъ мірѣ государствъ, которое, по своему огромному пространству, равнаго себѣ другаго во всемъ свѣтѣ не имѣетъ. Мы сказали, что подобнаго изданія Русской Имперіи въ печати до сего времени еще не существовало: здѣсь, конечно, мы говоримъ не о томъ, чтобы въ Россіи не было издано достойнѣйшей исторіи Россійскаго Государства,—солемъ напротивъ, въ Россіи уже есть давно изданныя по сему предмету полныя сочиненія, напримѣръ, знаменитая въ свое время исторія Карамзина; въ настоящее же время существуютъ достойные труды извѣстныхъ историковъ—Иловайскаго, Костомарова, а потомъ полная исторія—29-ть томовъ, величайшаго современнаго историка Соловьева, но по той громадной дорогизнѣ, какъ напримѣръ исторія Соловьева, которая продается 58 р. с., пріобрѣтать ее за такую цѣну доступно только однимъ весьма богатымъ людямъ, къ тому же и до сего времени она еще остается неоконченной—да, наконецъ, изданіе нашей исторіи имѣетъ особую своеобразность. Исторія наша составлена по знаменитѣйшимъ древнимъ и новѣйшимъ источникамъ отъ начала происхожденія Руси и заканчивается эпохою настоящаго времени. Но кромѣ того, въ нашей книгѣ помѣщены роскошнѣйшіе снимки видовъ городовъ и исторія въ Россійскомъ Государствѣ появленія ихъ,—выразимся точнѣе—подробная исторія о томъ, кѣмъ и когда какой городъ основанъ, почему это произошло, по какимъ причинамъ и событіямъ положено начало—основаніе каждому изъ нихъ, съ послѣдовательнымъ ходомъ общихъ событій, то есть какую роль и участіе принималъ народъ въ каждомъ изъ населенныхъ городовъ въ великихъ историческихъ судьбахъ русскаго народа, который такъ богатъ доблестными и славными событіями по всемірной исторіи.

Вся наша книга—Исторія Россійскаго Государства—написана повѣствовательнымъ языкомъ и отличается отъ другихъ простотою, толковостію и ясностію изложенія фактовъ великихъ историческихъ событій.

Взглянемъ въ глубокую сѣдую старину нашей исторіи и мы увидимъ, какая величественная картина прошедшаго представится нашимъ взорамъ, при сказательномъ повѣствованіи про нашу матушку православную **Святую Русь**, начиная отъ временъ призванія къ намъ на царство Рюриковъ, которые и сдѣлались нашими первыми русскими князьями. Отсюда начинается 1-я эпоха великой исторіи великаго русскаго народа. Это первый періодъ зарожденія нашего русскаго царства, съ этого же времени начинается и основаніе многихъ городовъ въ россіомъ царствѣ; но это царство хотя и славно уже было по своимъ побѣдоноснымъ войнамъ съ сосѣдями: въ то время наши князья даже и съ Византійской Имперіи уже брали дань, но оно было въ тѣ поры еще варварское, языческое, до самыхъ временъ княженія великой Ольги, 1-й царственной христіанки, появившейся на Руси; въ скоромъ времени, вслѣдъ за этимъ, былъ озаренъ христіанскимъ ученіемъ и Владиміръ, великій князь Кіевскій, одинъ изъ могущественныхъ языческихъ князей русскихъ тогдашняго времени. Вотъ только отсюда начинается полная исторія уже не языческой Руси, а Святой христіанской Руси, или, вѣрнѣе сказать, исторія великаго православнаго Русскаго Государства.

Кто тотъ, если онъ истинно русскій, у котораго сердце восторженно не забилось бы при чтеніи и повѣствованіи о страшно опасныхъ годинахъ для родимой страны и о совершенныхъ великихъ подвигахъ нашими предками въ борьбѣ съ врагами за нашу матушку православную Русь,—не предковъ ли нашихъ течетъ кровь въ жилахъ у самихъ насъ. Ни одна исторія во всемъ свѣтѣ такъ не богата міровыми событіями, какъ наша, и ни одинъ народъ не претерпѣвалъ столькихъ бѣдствій и потрясеній отъ нашествій иноплеменныхъ враговъ, какъ народъ русскій, и не смотря на всѣ сокрушающія человѣческія волны и потрясающія бури человѣческихъ страстей, народъ нашъ остался, какъ и прежде, несокрушимъ и твердъ въ своихъ вѣрованіяхъ и благоговѣйно чтитъ своихъ царей, какъ помазанниковъ Божіихъ.

Русскій народъ, во глазѣ своихъ православныхъ царей, вынесъ изъ этихъ бурь и волнъ человѣческихъ страстей слою славу, свое величіе, создалъ себѣ великую исторію, изъ исторіи которой явился народный памятникъ, сооруженный изъ костей предковъ нашихъ и увѣковѣченный изъ тысячныхъ, непрерывныхъ кровавыхъ битвъ за святую вѣру, за своихъ царей и за весь народъ православный, верховнымъ вождемъ котораго и защитникомъ его, какъ тогда, такъ и теперь, всегда были наши православные русскіе цари.

Наша книга—исторія Россійскаго Государства, для публики составлена необыкновенно легкимъ слогомъ, повѣствовательнымъ, неотразимо-увлекательнымъ языкомъ, ее весьма полезно имѣть въ каждомъ домѣ, какъ повѣствовательную книгу про нашу православную Святую Русь, про нашу матушку сѣдую старину. Изданіе нашей исторіи можетъ служить прекраснымъ подаркомъ юнымъ особамъ. Цѣна 5 руб. съ пересылкой., въ роскошномъ французскомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 6 р. съ перес. Книга украшена, кромѣ вид въ городовъ и гербовъ, множествомъ историческихъ картинъ 1883 года. **К. Соловьевъ.**

ЧУДЕСНАЯ ЗОЛОТАЯ КНИЖКА

САМОСЧЕТОВОДЪ.

НЕОБХОДИМО ВСѢМЪ ВСЕГДА ИМѢТЬ ПРИ СЕБѢ КАКЪ КАРМАННУЮ РАСЧЕТНУЮ КНИЖКУ.

Эту книжку „Самосчетоводъ" по ея маленькому формату можно всегда имѣть при себѣ въ карманѣ, нескма полезна въ тѣхъ случаяхъ, когда покупаемъ или продаемъ товары, вещи и другіе какіе бы то ни было предметы, для платежа денегъ за купленный и для полученія за проданный товаръ или какой-либо другой предметъ на всякую сумму.

СЧЕТЪ ВЪ ЭТОЙ КНИГѢ УЖЕ ГОТОВЪ.

НЕВѢРОЯТНО БЫСТРАЯ распродажа этой книжки въ самое кратчайшее время до 7 тысячъ экз., что вполнѣ доказываетъ ея полезность и въ высшей степени практическую примѣнимость въ обиходномъ хозяйствѣ, а поэтому она и можетъ служить каждому истинно полнымъ золотымъ сокровищемъ въ дѣлахъ разсчета.

Примѣчаніе: Книжка замѣчательно остроумна, составлена авторомъ **Коломнинымъ.** КНИГА ИСТИННОЕ СОКРОВИЩЕ, въ дѣлахъ разсчета, крайне нужна и необходима всегда и каждому при раскладкѣ, за купленный или проданный товаръ какого бы то ни было предмета, въ какой бы мѣрѣ, вѣса или количества и по какой бы цѣнѣ ни былъ проданъ или купленъ товаръ. Раскройте эту книгу, въ ней счетъ уже для васъ найдете готовымъ и вы сейчасъ же въ ней увидите сколько вамъ слѣдуетъ заплатить за купленный товаръ или получить за проданный. КНИГА составлена съ вѣрной точностью по самому простѣйшему методу: къ тому же въ ней имѣется самое ясное объясненіе, какъ ею руководиться. Она вполнѣ понятна и для малограмотныхъ и какъ мы уже сказали выше, по ней сейчасъ же можно видѣть сколько слѣдуетъ заплатить денегъ или получить ихъ при разсчетѣ. КНИГА полезна какъ дорогое сокровище хозяйкамъ, экономкамъ, поварамъ, содержателямъ трактировъ, постоялыхъ дворовъ, управляющимъ, конторщикамъ, ремесленникамъ, подрядчикамъ. КНИГА въ особенности нужна для разсчета съ рабочими и мастеровыми при наймахъ поденныхъ и мѣсячныхъ платъ. Въ этой карманной книжкѣ, составленной по особо-придуманному способу, путемъ своего алфавита, отличающейся своей остроумной формой отъ всѣхъ другихъ, изъ котораго сею же секундою видна та страница, по которой вамъ должно сдѣлать разсчетъ, а въ этой страницѣ той-же минутою видна и та сумма, сколько вамъ слѣдуетъ заплатить рабочему или мастеровому за дни или мѣсяцы, а также и уплатить или получить за проданный или купленный товаръ.

Цѣна съ пересылкой въ роскошномъ французскомъ перепл., съ золот. тисненіемъ, 2 р. Съ требованіями обращаться въ книжный магазинъ **Земскаго, въ Москвѣ**, на Никольской улицѣ.

ФАБРИКА БѢЛЬЯ

В. Ф. СПѢХИНА.

Существуетъ съ 1870 года.

Въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая ул., д. № 29.

Въ Нижегородской ярмаркѣ, въ зданіи театра, № 1 и 2.

Имѣю честь покорнѣйше увѣдомить гг. иногородныхъ торговцевъ, что на моей фабрикѣ имѣется постоянно громадный выборъ бѣлья, какъ-то: мускаго и дамскаго, обыкновенныхъ и самыхъ новѣйшихъ фасоновъ, чистой и прочной работы; цѣны, при хорошемъ качествѣ матеріала, дешевле другихъ фабрикъ, все означенное бѣлье стирается въ моей собственной прачешной, устроенной по новой американской системѣ. Желающимъ высылается немедленно подробный прейсъ-курантъ. № 3401. 1—1

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ

НОВЫЙ

ПОЛНЫЙ ПРЕЙСЪ КУРАНТЪ

на англ. велосипеды 2-хъ и 3-хъ колесн. послѣдн. типа.

„РУССКІЙ КЛУБЪ"

Ж. Блонъ, представитель, Москва, Кузнецкій мостъ, д. Голицына.

СПБургъ, Невск., № 16, уг. Б. Морской. Р. № 3395

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ **ДУХИ КАДРЮПЛЪ** (EXTRAITS QUADRUPLES)

для носовыхъ платковъ, платьевъ, кружевъ и пр.

Lohse's Maiglöckchen	**Лозе—Ландышъ**
Lohse's Héliotrope blanc	**Лозе—Бѣлый Геліотропъ**
Lohse's Königin der Nacht	**Лозе—Королева ночи**
Lohse's Excelsior-Bouquet	**Лозе—букетъ Эксельсіоръ**

въ обыкновенныхъ флаконахъ 1 р. 50 к. и большихъ.

NEU: Lohse's Gold Lilie || **НОВОСТЬ: Лозе—Золотая лилія**

удостоены высшими наградами на всѣхъ международныхъ выставкахъ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ придворный парфюмеръ Ея Имп. Вел. Императр. Германской. Поставщикъ Ея Имп. Выс. Наслѣдницы Германск. престола и пр. **БЕРЛИНЪ, W.** Jaeger-Strasse 46

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ Россійской Имперіи. Ц. № 3221 12—10

Библиотека "Руниверс"

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЯЩИКИ

малаго и большаго формата, самыхъ лучшихъ швейцарскихъ фабрикъ, также шарманки, ручные органы съ флейтными или трубными звуками, ручные органчики для птицъ и другіе инструменты въ самомъ большомъ выборѣ, по весьма дешевымъ цѣнамъ рекомендуетъ

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, по Б. Морской, домъ № 36.

Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго. Р. № 3396

Новѣйшій иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. 2—1

„АМЕРИКАНКА"

Рекомендуется весьма распространенный въ Америкѣ снарядъ для стирки бѣлья, вполнѣ практичный и очень прочный; одинаково полезный какъ для всякаго домашняго хозяйства, такъ и для прачешныхъ заведеній, казармъ и т. д. Сохраняя дольше бѣлье и сокращая расходы по хозяйству, снарядъ значительно ускоряетъ и облегчаетъ работу и стирка бѣлья становится доступною 10—12-лѣтнимъ дѣвочкамъ. Цѣна снаряда съ упаковкой и пересылкой по почтѣ во всѣ мѣста Европейской Россіи **5** р., въ мѣста Средне-Азіатской Россіи и Сибири **8** р. Подробное описаніе снаряда высылается по требованію безплатно. Приглашаются агенты. Адресъ: агенту русскаго страховаго общества, В. Шлемензону, въ Симферополь. № 3397. 1—1

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ
4-ое ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ
Учебника элементарной теоріи музыки
ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРІИ

Н. КАШКИНА

ЦѢНА 50 КОП.

ИЗДАНІЕ П. ЮРГЕНСОНА

Москва, Неглинный пр. 10. П. № 3404 3—1

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, 21.

ПРОДАЕТЪ

5% ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖЕЙ

на слѣдующихъ условіяхъ: задатокъ **20 р.** на билетъ, остальная сумма уплачивается мѣсячными взносами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

5 РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на купленный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю.

Контора предлагаетъ свои услуги по всѣмъ банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностію за самое умѣренное вознагражденіе Р. № 3353 7—6

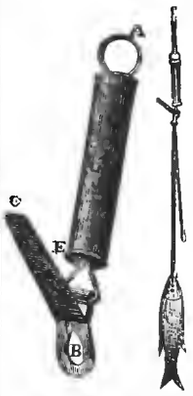
ЮЖНО-РУССКИМЪ ХОЗЯЕВАМЪ:

Новая швейцарская 4-хъ конная **молотилка-тріумфъ**, съ 4-хъ конным приводомъ, полный комплектъ—355 р. Новыя **вѣялки** цѣною 45 р. Конная **мельница**—175 р. Всѣ машины замѣчательной дешевизны. При первомъ требованіи высылается безплатно каталогъ. Адресъ: **Одесса**, Складъ машинъ технолога **Н. П. Мельникова**. № 3398. 3—1

ПОГРЕБЪ Г. РОССОЛИМО

КРЫМСКИХЪ И БЕССАРАБСКИХЪ ВИНЪ,
извѣстныхъ своимъ хорошимъ качествомъ и умѣренными цѣнами.
Казанская ул., № 18, противъ Ломбарда. № 3400 1—1

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,



одобренный всѣми любителями рыбной ловли, съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы, замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну и устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣваетъ ее за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Цѣна 60 к.; на пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственный складъ у **П. Ф. Каратаева**, Невскій проспектъ, Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Большой выборъ англійскихъ принадлежностей для рыбной ловли, которомъ магазинъ издалъ иллюстрированный прейсъ-курантъ въ краскахъ и въ натуральную величину и съ точно обозначенною мѣрою, съ цѣнами при каждомъ рисункѣ, изъ которыхъ 48 сортовъ разныхъ рыбокъ, 66 сортовъ ложекъ (блесны), 48 сортовъ мушекъ, 13 сортовъ искусственной приманки: червяковъ, жуковъ, мухъ, стрекозъ, коровокъ, и друг., 45 сортовъ поплавковъ, 16 сортовъ готовыхъ удочекъ, крючки линерикъ, кирби, все №№, также на жилкѣ, на струнѣ, на проволокѣ (жерлицы). Крючки двойные, тройные, четверные, крючки морскіе крючки механическіе, раздвижные карабины (чтобы не крутилась леска), разныхъ системъ удилища, леска пеньковая, крученая и плетеная шелковая, крученая и плетеная волосяная, волосяная съ шелкомъ, шелковая плетеная, смоленая, всѣхъ толщинъ и цвѣтовъ, разной мѣры. Наконечники (жилки изъ шелковичнаго червя) разной толщины и длины, съ карабинами и безъ оныхъ, струна съ карабинами, грузило, червячницы, корзинки для рыбы, щипцы для дробин, для травы, кошки для отщепки лесъ, машинки для наматыванія лесы, мѣдныя и деревянныя, остроги, гарпуны, иголки для вынимания крючковъ и нанизыванія рыбы, бумажники для мушекъ, сачки, садки, мѣшки для рыбы, раковыя сѣтки и много другихъ предметовъ. Прейсъ-курантъ будетъ ежегодно пополняться всѣми англійскими новостями по уженію рыбы, цѣна 50 коп. Г. г. иногородными высылается за 7 семи-копѣечныхъ марокъ.

Единственный складъ: магазинъ **П. Ф. Каратаева**, Невскій проспектъ, Милютинъ рядъ, № 18, С.-Петербургъ. Микроскопъ 30. Выписывающіе самодѣйствующій подсѣкатель прилагаютъ за микроскопъ только 30 коп. № 3402 1—1

ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

у книгопродавца ЗЕМСКАГО, въ **Москвѣ**, на Никольской улицѣ, поступилъ въ продажу:

СБОРНИКЪ

всѣхъ 15-ти томовъ Россійскихъ Законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, съ указаніемъ о томъ въ какомъ томѣ и въ какомъ отдѣлѣ каждаго тома въ случаяхъ надобности каждому свое дѣло слѣдуетъ искать.

ЭТА НОВАЯ КНИГА

необходима всѣмъ сословіямъ, какъ всероссійскій гражданскій и уголовный ЗАКОНЪ къ самозащитѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, всякаго рода тяжбъ во всѣхъ окружныхъ судахъ, судебныхъ палатахъ, мировыхъ учрежденіяхъ, мировыхъ съѣздахъ. **Волостной судъ** по крестьянскимъ дѣламъ и въ губ. уѣздныхъ присутствіяхъ. Подача жалобъ кассаціонныхъ, апелляціонныхъ **въ Правительствующій Сенатъ** и другіе суды.

ЭТА КНИГА НЕОБХОДИМЫЙ ПОЛНЫЙ

СУДЕБНИКЪ.

КНИГА НЕОБХОДИМА ДЛЯ САМОЗАЩИТЫ

всѣмъ купцамъ, мѣщанамъ, крестьянамъ, волостнымъ правленіямъ, земскимъ управамъ, городскимъ думамъ, необходима и другимъ всѣмъ сословіямъ, не исключая иностранцевъ, живущихъ въ Россіи подъ покровительствомъ русскихъ законовъ.

Руководитель и указатель для судящихся и тяжущихся, необходимый всякому въ случаяхъ возникновенія какихъ-либо судебныхъ и тяжебныхъ дѣлъ, по дѣламъ которыхъ по необходимости приходится судиться или тягаться: чтобы избѣжать тяжкихъ расходовъ, въ таковыхъ случаяхъ, по руководству и по указанію оной книги можно вполнѣ обойтись безъ помощи адвоката или повѣреннаго.—Въ этой книгѣ имѣются всѣ необходимыя указанія и формы, какъ начинать дѣло, куда, въ какое судебное мѣсто слѣдуетъ подавать и какъ должно писать прошенія, жалобы, иски, апелляціи, кассаціи, отзывы и заявленія суду съ указаніемъ сроковъ, относительно тѣхъ случаевъ, когда одна изъ тяжущихся сторонъ остается недовольна рѣшеніемъ суда, и чтобы не потерять права на продолженіе тяжбы или иска и перенося дѣла въ другой судъ, указаны сроки, какое полагается время по закону для подачи апелляціи, отзыва, кассаціи или жалобы на неправильное дѣйствіе суда, если такое имѣется въ виду, съ поясненіемъ куда, въ какое судебное мѣсто или отдѣленіе и на какой бумагѣ гербовой или простой слѣдуетъ подавать. Этотъ **Судебникъ** необходимъ всегда и каждому, въ особенности помѣщикамъ, арендаторамъ, купцамъ, мѣщанамъ и ремесленникамъ, а тѣмъ болѣе этимъ тремъ послѣднимъ классамъ, такъ какъ это сословіе по своей обширности составляетъ цѣлый особый міръ. Лицамъ этого многочисленнаго, обширнаго міра по своимъ многосложнымъ дѣламъ приходится постоянно сталкиваться со всевозможными различнаго рода спорными вопросами, откуда и вытекаютъ, хотя бы противъ воли, всякаго вида непредвидѣнныя претензіи и споры, а потомъ уже неизбѣжныя враждебныя тяжбы и судбища. Лица купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго сословія, которыя въ большинствѣ случаевъ не знаютъ даже простыхъ формъ законовъ, въ таковыхъ обстоятельствахъ необходимо уже прибѣгаютъ за помощью къ адвокатамъ, повѣреннымъ и чаще всего, къ сожалѣнію нашему, къ частнымъ ходатаямъ, такъ называемымъ „аблакатамъ", не имѣющимъ надлежащихъ законныхъ дипломовъ, причемъ, тяжущемуся лицу приходится платить не мало руб., за написаніе какого-либо незначущаго прошенія, заявленія, незначительную справку, подачи жалобы, или даже только за одно указаніе, въ какой формѣ слѣдуетъ начать дѣло и куда подавать. Такъ какъ нами уже сказано, что въ этомъ **Судебникѣ** имѣются всѣ формы и указанія, по какому дѣлу и куда слѣдуетъ подавать искъ, жалобу прошеніе, апелляцію, заявленіе и прочее, по которому можно руководствоваться безъ помощи адвоката, или повѣреннаго, а потому, всякій, имѣющій эту книгу, которая будетъ служить каждому тяжущемуся и судящемуся, какъ бы руководителемъ въ судебныхъ и тяжебныхъ дѣлахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы и охранять отъ тяжкихъ затратъ, которыя бываютъ ничѣмъ не устранимы и весьма крупны въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится отдать свое дѣло адвокату-повѣренному; здѣсь-же указана такса платы — сколько по закону повѣренный или адвокатъ не имѣетъ права больше брать за веденіе дѣла съ лица, ввѣрившаго ему свое тяжебное дѣло; въ книгѣ приложены кассаціонныя рѣшенія Правительствующаго Сената, указаны и пошлины казенныя сколько слѣдуетъ заплатить за переносъ дѣла въ другой судъ или кассацію. Книга весьма полезна волостнымъ правленіямъ и крестьянскому сословію. Эта новая книга еще только что поступила въ продажу, а уже громадное количество ея распродано, въ ней приложенъ новый законъ объ отмѣнѣ личнаго задержанія за долги, кромѣ того въ книгѣ помѣщены полный указатель всѣхъ 15-ти томовъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ въ случаяхъ надобности, гдѣ и въ какомъ томѣ асакому нужно будетъ свое дѣло розыскать, составленъ частнымъ повѣреннымъ **Жемчужниковымъ** подъ редакціею юристовъ **Лунина** и **Сергѣева**. М. 1882 и 1883 г. Цѣна 3 р. 50 к. Съ пересылкой во всѣ города. Въ роскошномъ французскомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 4 р.

On lit dans le VOLTAIRE de Paris du 8 Juin 1884.

LA PARFUMERIE DU Grand Monde

à l'exposition de Nice.

Nice, le 5 Juin.

Pour toucher un peu à toutes les branches de l'industrie, permettez moi de vous signaler aujourd'hui la maison Roume, bien connue sous le nom de **„Parfumerie du Grand Monde"**, qui a obtenu la médaille d'argent à l'exposition, c'est à dire, l'une des plus hautes récompenses attribuées à la classe dans laquelle elle était comprise.

Cette honorable distinction dont la valeur s'augmente du grand nombre des concurrents, était bien dûe à une maison dont les produits excellents sont si appréciés dans le monde élégant. Deux créations nouvelles ont surtout acquis la faveur d'un public délicat: d'abord la **Diamantine** poudre de riz exquise, admirablement appropriée aux goûts de nos belles élégantes; puis l'eau de toilette **Muguet lis**, dont le nom dit assez quel heureux assemblage de parfums a présidé à sa confection.

On peut expliquer la vogue dont jouit la **„Parfumerie du Grand Monde"** par la sincérité de ses produits, fabriqués avec des matières premières toutes de choix; ses qualités hygiéniques et enfin par son extrême bon marché.

M. Roume, en industriel honorable et intelligent qu'il est, a voulu rompre avec les vieilles traditions de cherté de ses concurrents ou devanciers, et a appliqué à ses parfums des prix si modérés qu'il est démontré qu'à mérite au moins égal, sinon supérieurs, ses produits coûtent moins cher au consommateur que les autres aux marchands. Mt. № 3389 3—2

Voilà du progrès véritable, qui mérite d'être connu; le Voltaire y aidera.

E. S. Y.

PARFUMERIE DU GRAND MONDE
16, GRANDE MORSKAIA, 16.
St. Pétersbourg.

ИЗДАНІЯ КОММИССІИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ

(Министерства Народнаго Просвѣщенія) религіознаго и историческаго содержанія, сборникъ стиховъ, повѣсти и друг. Продаются въ складѣ коммисіи (уг. М. Итальянской и Лиговки, 38). № 3393 2—2

Каталогъ высылается безплатно.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Вас. Островъ, 1 линія, № 10.

МОСКВА. Масляная ул., домъ Сытова.

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ

для тушенія пожаровъ въ начаткѣ и поливки цвѣтовъ по 16 р. Упаковка 40 коп.

РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА

10 разн. размѣровъ—наименьшая выбрасыв. 600 ведеръ воды въ часъ и стоющ. 115 р. Наибольшая—1800 ведеръ и стоющ. 400 р.

Насосы ручные, приводные и паровые для всѣхъ возможныхъ цѣлей.

ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЛЯ

лучшій паровой насосъ настоящ. времени.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МАШИНЪ ВСЯКАГО РОДА

ПРЕДЛАГАЕТЪ

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ

Иллюстр. катал. безплатно. № 3366 6—5

ГЛИЦЕРИН. МЫЛО

БРОКАРЪ и К°.

№ 3090 25—12

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ гг. Эмиль Липгартъ и К° въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 20 іюня 1884 г. Типографія А. Ф. Маркса, Средняя Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XV годъ | № 26 | XV годъ | 1884

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис). Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 30 Іюня 1884 г.

Открыта подписка на „НИВУ" 1884 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ":

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія 5 р.

Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи. . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ „Нивѣ" принимаются по 60 коп. (1 Марк. 70 Pfen. для загран.) за строку нонпарель (въ 1/4 ширины страницы).

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ" объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1884 г. номера „Нивы" со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА" ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, въ Д. № 9 И ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 6 ч. ВЕЧЕРА.

Фридрихъ Боденштедтъ.

Среди современныхъ поэтовъ Германіи Фридрихъ Боденштедтъ пользуется громкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью. Талантъ его, не смотря на преклонные годы поэта, до сихъ поръ свѣжъ, а литературная дѣятельность одна изъ самыхъ плодовитыхъ и разнообразныхъ. Онъ и талантливый поэтъ, и глубокій ученый, и журналистъ, и добросовѣстный переводчикъ, что для насъ представляетъ особый интересъ — нашихъ лучшихъ писателей. Обширное знаніе языковъ и личное знакомство со странами самыми отдаленными, даютъ Боденштедту громадный матерьялъ для творчества и ставятъ его въ рядъ лучшихъ знатоковъ какъ востока, такъ и славянскаго міра. Сочувствіе къ послѣднему, и особенно къ Россіи, дѣлаетъ для насъ Боденштедта особенно достойнымъ вниманія, тѣмъ болѣе, что почти исключительно его переводамъ Германія обязана знакомствомъ съ лучшими нашими талантами: Пушкинымъ, Лермонтовымъ и Тургеневымъ.

Фридрихъ Боденштедтъ. Съ фотогр. рис. и грав. А. Неймана.

Фридрихъ Боденштедтъ родился 22 апрѣля 1819 г., въ Пейнѣ (въ бывшемъ Ганноверскомъ королевствѣ) и въ ранней юности предназначался къ торговому званію. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду онъ былъ отданъ отцемъ въ брауншвейгскій коммерческій институтъ, а по окончаніи курса опредѣленъ къ занятіямъ въ одномъ торговомъ домѣ. Но занятія такого рода пришлись не по сердцу Боденштедту; его поэтическая натура плохо уживалась съ коммерческими счетами и гросбухами и онъ, бросивъ должность, сдѣлался студентомъ, сначала Геттингена, потомъ Мюнхена и Берлина. Въ университетахъ онъ занимался преимущественно филологіей, исторіей и литературой и такимъ образомъ подготовилъ себя для будущей дѣятельности. Но матеріальныя средства Боденштедта были не блистательны и потому въ 1840 году онъ рѣшился отправиться въ Россію, чтобы пріискать здѣсь какое нибудь учительское мѣсто. По пріѣздѣ въ Москву, счастливый случай привелъ его въ домъ князя Михаила Голици-

Библиотека "Руниверс"

на, гдѣ онъ и провелъ три года въ качествѣ гувернера. Живя у Голицина онъ усиленно занимался изученіемъ славянскихъ языковъ и литературы, и вскорѣ издалъ свои переводы Пушкина, Лермонтова, Кольцова и нѣсколько своихъ собственныхъ поэтическихъ опытовъ. Въ 1843 году Боденштедтъ посѣтилъ Кавказъ, долго гостилъ въ Тифлисѣ, а оттуда предпринялъ путешествіе въ Грузію и Армеію. Такія путешествія въ то время были далеко не безопасны и Боденштедту пришлось испытать на пути много невзгодъ и сильныхъ ощущеній. Такъ на вершинѣ одной изъ горъ онъ чуть не замерзъ и только казаки, высланные за нимъ Эриванскимъ комендантомъ генераломъ Килемъ, спасли его отъ неминуемой гибели. Въ 1845 году Боденштедтъ посѣтилъ Крымъ; переѣхалъ черезъ Черное море въ Малую Азію и возвратился на родину черезъ Константинополь и Греческіе острова. Кавказъ и востокъ произвели на Боденштедта сильное впечатлѣніе и воспоминаніямъ объ нихъ онъ посвящалъ съ тѣхъ поръ многія изъ своихъ поэтическихъ произведеній. По возвращеніи изъ путешествія, поэтъ поселился въ Мюнхенѣ и здѣсь, въ 1848 году, издалъ интересную книгу: „Кавказскіе народы и война ихъ съ русскими", не лишенную въ свое время извѣстнаго политическаго значенія. Въ 1850 и 1851 годахъ появились его произведенія, посвященныя востоку: „Тысяча и одинъ день на востокѣ" и „Пѣсни и изреченія Мирзы Шаффи". Особенный успѣхъ имѣло послѣднее; легкія, граціозныя пѣсни такъ проникнуты чисто восточнымъ характеромъ, что публика зачитывалась ими и съ трудомъ вѣрила, что это не переводъ съ персидскаго, и что такого поэта, какъ Мирза Шаффи, никогда не существовало въ персидской литературѣ. Неудивительно, что эти прелестныя пѣсни, которыя Зейдлицъ ставитъ наравнѣ съ лучшими пѣснями Гейне, выдержали до сорока изданій и переводились на всѣ европейскіе языки.

Въ 1848 году Боденштедтъ посѣтилъ Италію, а въ 1849 году—Парижъ, занимаясь въ это время почти исключительно переводами славянскихъ поэтовъ. Такъ онъ издалъ въ 1848 году сборникъ переведенныхъ имъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ, подъ названіемъ „Украинская поэзія" и первый ознакомилъ своимъ удачнымъ переводомъ нѣмецкую публику съ Евгеніемъ Онѣгинымъ. Весною 1854 года Боденштедтъ былъ приглашенъ въ Мюнхенъ, въ тамошній университетъ, на каѳедру славянскихъ языковъ и литературы. Здѣсь, среди заботъ по преподаванію, онъ все таки не забылъ поэзіи и издалъ томикъ своихъ поэмъ и написалъ трагедію „Димитрій", а въ 1857 году предпринялъ громадный трудъ: „Современники Шекспира и ихъ сочиненія", переводя Вебстера, Форда, Грина, Роулп, Марлоу и другихъ драматическихъ англійскихъ писателей, предшествовавшихъ Шекспиру и подготовившихъ, такъ сказать, почву для его геніальныхъ произведеній. Въ 1860 году на многихъ сценахъ Германіи была поставлена драматическая поэма Боденштедта „Свадебная поѣздка короля Автарія", а въ 1863 вышелъ снова томикъ его эпическихъ поэмъ. Вскорѣ появилось и полное собраніе его сочиненій, въ 12 томахъ, куда вошли и его повѣсти, большею частью прелестныя какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Въ 1865 году Боденштедтъ превосходно перевелъ „Сонеты Шекспира" и мало по малу совершенно имъ увлекся. Онъ перевелъ еще „Короля Лира" и предпринялъ, въ сообществѣ съ другими лучшими германскими писателями, новое изданіе всѣхъ произведеній Шекспира, въ точныхъ и вполнѣ художественныхъ переводахъ. Въ 1867 году Боденштедтъ оставилъ Мюнхенъ, по приглашенію герцога Георга Саксенъ-Мейнингенскаго, который возвелъ его въ дворянское достоинство и сдѣлалъ директоромъ своего придворнаго театра, вмѣнивъ ему въ обязанность ставить однѣ серьезныя и классическія піесы. Теперь поэтъ ведетъ тихую и покойную жизнь, ведя обширную переписку со своими многочисленными друзьями, живущими во всѣхъ странахъ свѣта. Съ Тургеневымъ Боденштедтъ былъ также очень близокъ и его переводы произведеній нашего знаменитаго романиста могутъ смѣло назваться самыми лучшими, образцовыми переводами, воспроизводящими всѣ художественныя тонкости и детали оригинала.

На соболей.

Разсказъ изъ охотничьяго быта **А. Я. Максимова.**

I.

Прошли ясные, осенніе дни. Съ сѣвера потянуло рѣзкимъ холодомъ. Суровая зима приближается быстрыми шагами и съ каждымъ днемъ все настойчивѣе и настойчивѣе заявляетъ свои права на существованіе. Быстрыя, свѣтлыя воды Усуръ-мангу *) уже покрылись скованною морозомъ ледяною бронею, едва прикрытою недавно выпавшимъ, пушистымъ снѣгомъ. Замолкъ бурливый рокотъ рѣки на перекатахъ, вокругъ гигантскихъ корчагъ и столѣтнихъ деревьевъ, свалившихся въ рѣку съ подмытыхъ береговъ. Смолкла, уснула Усуръ-мангу послѣ продолжительной, могучей борьбы, нагромоздивъ на отмеляхъ цѣлыя горы мелко искрошеннаго льду, образовавъ непроходимые тороза при каждой, болѣе или менѣе крутой, извилинѣ, предъ каждымъ островкомъ, при устьяхъ многочисленныхъ притоковъ... Величественные ильмы, стройные тополи, крѣпкіе вязы и другія лиственныя деревья уже давно сбросили свою пышную, лѣтнюю одежду и, оголенные, уныло стоятъ среди омертвѣвшей природы. Недавніе морозы навѣсили на ихъ закоченѣвшихъ вѣтвяхъ фантастическія, бѣлоснѣжныя кружева, блистающія на солнцѣ милліонами разноцвѣтныхъ искръ. На плоскихъ берегахъ Усуръ-мангу раскинулась роскошная, снѣжная пелена, рѣжущая глазъ своею ослѣпительною бѣлизною, сверкающая на солнцѣ волшебными, радужными огнями,—словно разсыпаны по ней щедрой рукой необъятныя массы драгоцѣнныхъ, самоцвѣтныхъ каменьевъ. То здѣсь, то тамъ высоко пробивается изъ подъ пушистаго снѣга прошлогодняя, пожелтѣвшая трава, какимъ-то чудомъ избѣгнувшая всеножирающаго пламени грозныхъ паловъ **)... Наступила самая лучшая, самая горячая пора прибыльнаго пушнаго промысла...

Въ ходзенской деревнѣ Нучь-Ауа господствуетъ необычайное оживленіе. Все мужское населеніе, за исключеніемъ дряхлыхъ стариковъ и больныхъ, готовится къ прибыльному звѣрованью *), прибыльному, впрочемъ, не для самихъ ходзеновъ, а для ихъ безстыдныхъ, жадныхъ до безнабавной наживы, китайцевъ. Передъ каждой почти фанзой стоятъ легкія норты **), запряженныя мускулистыми, остромордыми собаками и верхомъ нагруженныя юколой ***), просомъ, солью, табакомъ, порохомъ, свинцомъ и другими необходимыми припасами. Собаки, свернувшись на снѣгу, около нортъ, терпѣливо ждутъ своихъ хозяевъ. Ходзены, съ винтовками за плечами, въ мохнатыхъ, енотовыхъ шапкахъ съ назатыльниками и наушниками, въ теплыхъ, сшитыхъ изъ оленьей шкуры, рубахахъ, прощаются съ женами и дѣтьми, гурьбой высыпавшими изъ фанзъ проводить мужей и отцовъ на трудный промыселъ, преисполненный опасностями и всевозможными тяжелыми случайностями. Къ ногамъ промышленниковъ, обутымъ въ мягкіе, сшитые изъ выдѣланной оленьей шкуры, саноги, привязаны легкія лыжи. Въ рукахъ у каждаго ходзена былъ орстель, длинная палка, необходимая не только при ѣздѣ на собакахъ, но также при подъемахъ на лыжахъ на крутые скаты и особенно при опасныхъ спускахъ...

Среди группъ прощающихся мелькаетъ юркая, тощая фигура одного изъ эксплоататоровъ добродушныхъ инородцевъ, маньцзи Шань-Ляй, наканунѣ прибывшаго въ Нучь-Ауа съ богатымъ запасомъ пороха, свинца, табаку, соли, проса и другихъ, необходимыхъ для промышленниковъ, припасовъ. Не забытъ былъ и ханшинъ ****), до котораго ходзены хотя и не большіе охотники, но не брезгаютъ имъ и при случаѣ пьютъ этотъ одуряющій напитокъ даже не въ мѣру.

Шань-Ляй, одѣтый въ богатый кафтанъ, подбитый

*) Ходзены зовутъ рѣку Уссури—Усуръ-мангу, что означаетъ въ буквальномъ переводѣ: „Великая рѣка".

**) Каждую осень инородцы и казаки сжигаютъ на пастбищахъ сухую траву (пускаютъ палы), съ тою цѣлью, чтобы на будущій годъ трава росла лучше и мягче. При неосторожности, палы эти превращаются въ страшные лѣсные пожары, истребляющіе массы строеваго лѣса и особенно подлѣсокъ.

*) Звѣрованье—охота на пушнаго звѣря.

**) Норты—легкія, узкія сани.

***) Юкола—сушеная на солнцѣ рыба. Приготовляемая въ прокъ безъ соли, юкола издаетъ невыносимо противный запахъ. Она составляетъ обыкновенную пищу ходзеновъ и ихъ собакъ.

****) Ханшинъ—крѣпкій, сильно одуряющій напитокъ, приготовляемый изъ картофеля.

Библиотека "Руниверс"

бѣлоснѣжнымъ бараномъ и опушенный дорогимъ соболемъ, юрко вертится среди ходзенъ, словно хищный, голодный волкъ среди стада безпомощныхъ овецъ. На его сухомъ, черствомъ лицѣ лежитъ печать необычайной жадности. Проницательные, глубоко ушедшіе въ орбиты, глаза горятъ ненасытною алчностью. Шань-Ляй съ какою-то лихорадочною поспѣшностью перебѣгаетъ отъ одной группы къ другой и отравляетъ послѣднія минуты прощанья промышленниковъ съ женами и дѣтьми рѣзкими напоминаніями о долгѣ и угрозами.

— Хуашу, за тобой теперь семнадцать соболей!... Запомни хорошенько своей дурацкой головой, а то опять спорить будешь!.. крикнулъ онъ одному высокому, молодому ходзену, державшему на рукахъ здороваго, краснощекаго мальчугана. Рядомъ съ промышленникомъ стояла, низко опустивъ голову, симпатичная ходзенка, съ черными огневыми глазами, окаймленными пышными, длинными рѣсницами.

— Вѣрно, вѣрно!.. раболѣпно отвѣтилъ Хуашу. Не забудь только, другъ, привезти Хизѣ, что я просилъ... Самъ знаешь, одна вѣдь останется... А ужь я тебѣ потомъ за все заплачу, какъ съ промысла пріѣду...

— Привезу, не забуду... Тамъ особый счетъ будетъ... Только смотри, всѣхъ соболей мнѣ за назначенную цѣну... Если утаишь хоть одного и спустишь другому, такъ будешь меня помнить, быстро, съ угрозой проговорилъ Шань-Ляй и побѣжалъ дальше.

— Да ужь конечно тебѣ — кому-же больше, грустно пробормоталъ Хуашу въ слѣдъ китайцу и глубоко, тяжко вздохнулъ, такъ вздохнулъ, точно со вздохомъ вырвался у него изъ сдавленной груди давно сдерживаемый стонъ. Страдальческій вздохъ этотъ словно рѣзнулъ Хизе ножемъ. Она какъ-то болѣзненно вздрогнула и еще ниже опустила свою голову, при чемъ съ ея плечъ свалились на грудь двѣ тяжелыя, плотно заплетенныя косы.

— У, этотъ проклятый шайтанъ, совсѣмъ закабалилъ насъ... Чтобъ у него въ горлѣ оленій рогъ застрялъ!... прошептала она, посматривая на удалявшагося Шань-Ляя.

— Молчи, Хизе, молчи!... со страхомъ остановилъ Хуашу свою жену. Услышитъ онъ, то хуже всякаго амба (злаго духа) сдѣлается... Молчи, Хизе!.. Не навлекай своимъ языкомъ его страшнаго гнѣва..

Хизе смолкла, прикусивъ до крови нижнюю губу. Грудь ея подымалась высоко и судорожно. Давно сдерживаемыя рыданія подступили къ горлу. Хизе едва не поддалась внезапно охватившему ее душевному волненію, но успѣла во время подавить его, и только двѣ крупныя слезы медленно выкатились изъ ея черныхъ глазъ и затерялись въ складкахъ теплаго халата. Хуашу между тѣмъ молча цѣловалъ своего сына и думалъ о своемъ закабаленномъ, тяжеломъ положеніи. Въ прошломъ году онъ отдалъ Шань-Ляю всѣхъ добытыхъ соболей, числомъ двадцать двѣ штуки, а между тѣмъ долгъ выросъ съ десяти соболей уже до семнадатци и выростетъ, вѣроятно, еще больше...

„Такова, видно, несчастная участь моя—остаться закабаленнымъ до самой смерти, грустно думалъ Хуашу, лаская сына. А тамъ и мальчишка мой въ кабалу попадетъ—ходзенамъ другаго исхода нѣтъ... А что взялъ я отъ Шань-Ляя въ прошломъ году?.. Фунта два пороху, свинцу фунтовъ пять, да пудовъ десять проса, немного табаку, соли и кусокъ дабы (бумажной матеріи) на халатъ себѣ и женѣ... Кажется все... Нѣтъ, лѣтомъ еще привезъ Шань-Ляй моему мальчугану чудную, заморскую игрушку, круглую такую и упругую, словно рыбій пузырь: бросишь ее — она и начнетъ прыгать, словно живая... И только... За все это Шань-Ляй насчиталъ двадцать девять соболей. Конечно, это много, охъ, какъ много, но вѣроятно вѣрно. Шань-Ляй не такой человѣкъ, чтобы присчитать могъ... Одна бѣда только, что дешево, очень дешево цѣнитъ онъ соболя... Вонъ русскіе предлагаютъ за штуку два и три серебряныхъ рубля, а Шань-Ляй кладетъ только по рублю, да и то за лучшаго соболя... Если-же похуже шкурка немного, то уже и два соболя за рубль беретъ. Да кромѣ того дорого за всѣ припасы беретъ... А что подѣлаешь съ нимъ?.. Ничего... Вонъ два года тому назадъ вздумалъ я было продать соболей въ другія руки, подороже, такъ вѣдь Шань-Ляй едва съ голоду меня и жену не заморилъ: отказался привозить просо и все остальное, и другимъ товарищамъ наказалъ не привозить... Всѣ они и отхлынули отъ меня: зачѣмъ, молъ, слова своего не держишь... Цѣлый годъ сидѣлъ я на одной юколѣ, ни пороху, ни свинцу не было... Насилу умолилъ я Шань-Ляя, чтобъ опять сталъ все возить — пять соболей, да съ десятокъ куницъ подарилъ ему за это... И вѣдь какой-же онъ упрямый, да сердитый!.. А все таки хорошій онъ человѣкъ... Вотъ уйду я на промыселъ, и ужъ вѣрно знаю, что все женѣ привезетъ, что понадобится: ни въ чемъ отказу ей не будетъ... А вѣдь онъ не знаетъ, насколько удачно будетъ звѣрованье. и самъ вернусь-ли я домой... Потомъ, правду сказать, Шань-Ляй никогда за долги не давитъ, ждетъ годами, только не обманывай его и отдавай ему всѣ добытыя шкурки, одной не утаи... Да, хорошій онъ человѣкъ!“ окончательно рѣшилъ Хуашу, опуская сына на землю.

— Ну, прощай, Хизе, пора... Видишь, наши уже готовы, прошепталъ онъ, обращаясь къ женѣ.

Хизе молча поцѣловала мужа; на ея длинныхъ рѣсницахъ дрожали крупныя слезы. Взявъ затѣмъ сына на руки, она, не оглядываясь, убѣжала въ фанзу. Видно, стыдно было ей плакать при постороннихъ...

Хуашу грустно подошелъ къ своей нортѣ и крикнулъ на собакъ. Тѣ стремительно вскочили, дружно натянули постромки и понеслись по мягкому снѣгу, къ едва виднѣвшимся вдали холмамъ. Хуашу не отставалъ отъ норты и быстро скользилъ на лыжахъ по ровной низменности вслѣдъ за остальными промышленниками.

II.

Партія промышленниковъ, отправившаяся изъ Нучь-Ауа на звѣрованье, состояла изъ двадцати человѣкъ при пятнадцати нортахъ. Въ каждую норту было запряжено по десяти собакъ. Умныя, мускулистыя животныя, поощряемыя криками своихъ хозяевъ, бѣжали весело и бодро. Блестящій снѣгъ лежалъ всюду пушистой, толстой пеленой, сверкавшей на солнцѣ милліонами радужныхъ огней. Ходзены легко скользили на лыжахъ, изрѣдка перекидываясь отрывистыми словами. Впереди всѣхъ нортъ, растянувшихся по слегка холмистой мѣстности въ одну извилистую линію, лихо несся совершенно сѣдой, но еще очень бодрый, ходзенъ-вожакъ промысловой партіи. Цацымъ, такъ звали вожака, пользовался среди одноплеменниковъ репутаціей замѣчательнаго стрѣлка, искуснаго промышленника и отважнаго охотника. Никто не зналъ лучше его всѣхъ таинственныхъ убѣжищъ пушнаго звѣря, никто не умѣлъ такъ ловко выслѣдить звѣря, какъ онъ, такъ искусно устроить ему западню и съ такою удивительною сноровкою и ловкостью выбраться изъ самаго затруднительнаго положенія. Уже съ десятилѣтняго возраста Цацымъ участвовалъ во всѣхъ промыслахъ. Каждую зиму, въ теченіи почти полувѣка, онъ проводилъ въ таинственной тайгѣ, въ плохихъ шалашахъ, наскоро сдѣланныхъ изъ древесныхъ сучьевъ, промышляя дорогаго соболя, горностая, куницу, выдру, чернобурую лисицу и енотовидную собаку. Не брезгалъ онъ и сибирской бѣлкой, не упускалъ случая снять съ чернаго медвѣдя его пушистую, теплую шубу. Всѣ двадцать лѣтъ Цацымъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, какъ ловкій, безстрашный промышленникъ, которому хорошо были извѣстны всѣ таинственные закоулки и тропинки необъятной тайги. Отличный стрѣлокъ, онъ билъ соболя не иначе какъ въ голову,

Библиотека "Руниверс"

На морскихъ купаньяхъ во Франціи. Съ картины П. Гаварни. По фотогр. Блока, грав. Кемплень.

Библиотека "Руниверс"

чтобы не испортить дорогой шкурки. Никто не помнилъ случая, чтобы Цацымъ когда нибудь промахнулся. Въ постоянной борьбѣ съ непогодой и лютымъ морозомъ, онъ закалилъ свое тѣло до необычайности. Это былъ скованный изъ стали атлетъ съ желѣзнымъ здоровьемъ и замѣчательной неутомимости. Среди своихъ, въ высшей степени суевѣрныхъ и нѣсколько трусливыхъ, одноплеменниковъ, Цацымъ отличался выдающимся мужествомъ и безстрашіемъ. Преодолѣвъ суевѣрный страхъ къ тигру и барсу, олицетворяющихъ, по мнѣнію суевѣрныхъ ходзеновъ, злаго духа амба, страхъ, всосанный съ молокомъ матери, онъ, при первой же встрѣчѣ съ однимъ изъ этихъ кровожадныхъ хищниковъ, всадилъ ему въ голову свою мѣткую пулю и съ торжествомъ принесъ снятую шкуру домой. Съ этого знаменательнаго дня, ходзены стали смотрѣть на Цацыма, какъ на человѣка исключительнаго, могущаго бороться даже съ амба, какъ на человѣка, не знающаго страха и знакомаго съ необходимыми заклинаніями, парализующими всѣ козни злаго духа. Это мнѣніе окрѣпло вскорѣ еще больше, когда Цацымъ убилъ огромнаго тигра, въ теченіи цѣлаго мѣсяца наводившаго паническій страхъ на все окрестное инородческое населеніе...

Почти каждогодно Цацымъ приносилъ домой, вмѣстѣ съ дорогими шкурками соболя, или полосатую шкуру тигра, или мохнатую шубу чернаго медвѣдя, или же свѣтло-желтую шкуру свирѣпаго барса. Проживъ въ тайгѣ сорокъ слишкомъ зимъ, Цацымъ совершенно освоился съ характеромъ и привычками всѣхъ звѣрей, и ловко, остроумно умѣлъ пользоваться этими привычками при устройствѣ всевозможныхъ замысловатыхъ снарядовъ, особенно для ловли соболей. Онъ всегда возвращался съ промысла съ бо́льшей добычей, чѣмъ другіе промышленники, благодаря чему и считался наиболѣе зажиточнымъ ходзеномъ деревни Нучь-Ауа. Впрочемъ, вся зажиточность Цацыма ограничивалась просторной фанзой и лучшей винтовкой въ цѣломъ округѣ, пріобрѣтенной отъ одного уссурійскаго казака за десять серебряныхъ рублей. И не мудрено. Послѣ смерти его отца осталось болѣе сорока соболей долгу. Цацымъ, какъ человѣкъ честный и добрый сынъ, дорожащій памятью отца, принялъ на себя уплату *) этого долга, не смотря даже на то, что достовѣрность его ничѣмъ другимъ не подтвердилась, какъ заявленіемъ заимодавца, жаднаго китайца Шанъ-Ляй. Попавъ такимъ образомъ въ кабалу уже съ перваго года своей самостоятельной жизни, Цацымъ не могъ выбиться изъ нея, не смотря на всѣ старанія. Долгъ то уменьшался, то опять возросталъ, особенно въ года менѣе удачнаго промысла. Шань-Ляй велъ свое эксплоататорское дѣло настолько ловко, что никому, разъ попавшемуся въ кабалу, не давалъ возможности выбиться изъ нея, съ цѣлью пользоваться исключительнымъ правомъ получать, за самую ничтожную сумму, весь зимній заработокъ своихъ должниковъ. Отпуская ходзенамъ въ долгъ порохъ, свинецъ, просо, табакъ, соль и разныя бумажныя матеріи, отпуская при этомъ все въ неограниченныхъ размѣрахъ, Шань-Ляй ловко запутывалъ довѣрчивыхъ, добродушныхъ дикарей и всасывалъ ихъ въ омутъ вѣчной кабалы и долговъ. Шань-Ляй и всѣ подобные ему китайцы—вредные люди, задерживающіе экономическій ростъ страны и держащіе несчастныхъ ходзеновъ въ вѣчно угнетенномъ, тяжкомъ положеніи... Къ сожалѣнію, надо сознаться, что эта наглая, безстыдная эксплоатація свершается почти на глазахъ мѣстной администраціи, считающей этихъ добродушныхъ людей за незаслуживающихъ административнаго вниманія и заботъ. Подобное отношеніе къ нашимъ подданнымъ роняетъ національное достоинство завоевателей.

*) Ходзены отличаются выдающимся добродушіемъ и честностью. Не было случая, чтобы дѣти отказывались платить долгъ, оставшійся послѣ смерти отцевъ. Китайцы отлично знакомы съ этой высоконравственной чертой инородцевъ и пользуются ею для наживы.

III.

Къ вечеру, партія промышленниковъ остановилась на ночевку въ густой, дубовой рощѣ, раскинувшейся на отлогомъ скатѣ куполообразнаго холма,—крайняго звена боковаго отрога хребта Сихотэ-Алинь. Наскоро исправивъ прошлогодніе шалаши и бросивъ собакамъ по юколѣ, ходзены пожевали ту-же вонючую рыбу, завернулись въ звѣриныя шкуры и, не смотря на рѣзкій холодъ, скоро заснули крѣпкимъ, мертвымъ сномъ. Голодныя собаки, проглотивъ скромную подачку, не замедлили послѣдовать примѣру своихъ хозяевъ. Зарывшись въ рыхлый снѣгъ и сбившись въ одну плотную кучу, чтобы было потеплѣе, онѣ заснули чуткимъ сномъ незамѣнимыхъ сторожевыхъ животныхъ. Въ становищѣ наступила почти мертвая тишина, нарушаемая только сильнымъ храпѣньемъ уставшихъ промышленниковъ и дружнымъ сапомъ собакъ. Солнце давно уже зашло, и кругомъ царствовала непроглядная тьма зимней ночи. Ходзены спали спокойно, вполнѣ довѣрившись чуткому уху своихъ собакъ. Они знали, что вѣрныя животныя, не смотря на ихъ крѣпкій, повидимому, сонъ, всегда во время почуятъ приближеніе какого нибудь хищника и во время разбудятъ уставшихъ хозяевъ своимъ громкимъ тявканьемъ...

Ночь прошла спокойно... Не успѣло еще солнце озолотить своими утренними лучами мохнатыя вершины Сихотэ-Алинь, промышленники были уже на ногахъ. Пожевавъ неизмѣнную юколу, они пустились въ дальнѣйшій путь, спѣша достигнуть мѣста промысла до захода солнца, чтобы успѣть исправить прошлогодніе шалаши и подготовить ихъ къ четырехъ-мѣсячному почти жилью. Поднявшись на вершину холма, ходзены стали спускаться по довольно крутому, сглаженному снѣгомъ, противуположному скату. У подошвы холма темнѣлась глубокая падь, густо заросшая разнообразною древесною растительностью. Мягкій, пушистый снѣгъ заполнилъ всѣ неровности ската, засыпалъ каждую выбоину, трещину и покрывалъ холмъ въ видѣ гигантской, ослѣпительной бѣлизны, скатерти, испещренной словно цвѣтами — темными пятнами отдѣльно стоящихъ, вѣковыхъ дубовъ... Но вотъ и падь, темная, мрачная, словно могила. Среди густой заросли затѣйливо вилась едва замѣтная тропа. На недавно выпавшемъ снѣгѣ виднѣлось множество мелкихъ звѣриныхъ слѣдовъ. Очевидно было, что по этой узкой тропѣ только что прошли цѣлыя стада дикихъ козъ, косулей и изубровъ. Изрѣдка, справа и слѣва, въ самой заросли виднѣлись другіе слѣды, крупные, круглые, повидимому тигровые. Безъ сомнѣнія, хищникъ назойливо слѣдовалъ за козами. Дѣйствительно, едва успѣли промышленники углубиться въ заросль, какъ наткнулись на остатки недавней трапезы хищника: поперегъ тропинки валялась полуобъѣденная туша огромнаго изубра; снѣгъ вокругъ ея былъ сильно притонтанъ и обильно смоченъ кровью. Повидимому, на этомъ мѣстѣ, всего можетъ быть часъ тому назадъ, произошла короткая борьба между грознымъ хищникомъ и изубромъ, борьба неравная, страшная, отчаянная... Цацымъ, шедшій все время впереди партіи, принужденъ былъ оттащить остатки изубра въ заросль и очистить дороги для проѣзда нортъ. Собаки, почуявъ недавнее присутствіе своего злѣйшаго врага, стали упираться, заметались изъ стороны въ сторону и никакъ не рѣшались пройти мимо мѣста кровавой трапезы. Поощрительные крики ходзенъ не имѣли своего дѣйствія; не помогали и щедрые удары орстелей. Повидимому, собакъ охватилъ какой-то не опредѣленный страхъ. Тигровый запахъ сводилъ ихъ положительно съ ума. Присѣвъ на хвосты, онѣ подняли кверху свои острыя морды и начали дружно тявкать, не обращая

Библиотека "Руниверс"

вниманія на энергическія покрикиванія хозяевъ. Тявканье это изрѣдка переходило въ громкій вой, словно собаки оплакивали злосчастную судьбу изубра, попавшагося въ крѣпкіе зубы страшнаго хищника... Промышленникамъ удалось проѣхать мимо тигровой трапезы только послѣ многихъ хлопотъ: собакъ пришлось чуть ли не протаскивать за шиворотъ черезъ мѣсто, смоченное кровью растерзаннаго звѣря. За то потомъ, едва только мѣсто страшной борьбы осталось позади, страху какъ не бывало. Задорно поднявъ свои пушистые хвосты, собаки дружно натянули постромки и поволокли норты по узкой, извилистой тропѣ, все глубже и глубже въ таинственную заросль. Дорога была крайне тяжелая. Норты постоянно задѣвали за стволы деревьевъ и часто опрокидывались. Промышленники съ трудомъ передвигали свои лыжи по истоптанной дикимъ звѣремъ тропинкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ вздумали было снять ихъ и забросить за спину, но оказалось еще хуже: при каждомъ шагѣ они погружались въ рыхлый, глубокій снѣгъ чуть-ли не по поясъ... Поневолѣ пришлось опять привязать лыжи къ ногамъ...

IV.

Пробравшись черезъ глубокую падь, промышленники вышли къ подошвѣ высокаго холма, сплошь покрытаго, словно мохнатой шапкой, густой щетиной хвойныхъ деревьевъ. Гигантскіе кедры, въ сто футъ вышиной и въ два обхвата толщиной, величественныя сосны, пихты, лиственницы, тиссъ и мохнатыя ели образовали, повидимому, безконечный, дѣвственный лѣсъ, еще нетронутый рукой человѣка. Темный, таинственный лѣсъ этотъ ползъ по скатамъ холма къ самой вершинѣ и сползалъ опять въ сосѣднюю, мрачную падь съ тѣмъ, чтобы вновь подняться на ближайшіе холмы. Казалось, цѣлый, безконечный хребетъ былъ сплошь прикрытъ этими гигантскими, исключительно хвойными деревьями. Только у подошвы хребта и въ падяхъ примѣшивались отдѣльные экземпляры лиственныхъ породъ: широковѣтвистый ильмъ, вѣковый дубъ, крѣпкая ясень, черная береза, кленъ, орѣхъ, липа и другія деревья. Промышленники достигли цѣли своего путешествія. Этотъ темный лѣсъ служилъ убѣжищемъ для дорогаго соболя. Ходзены остановились у его опушки для послѣдняго совѣщанія. Въ этомъ мѣстѣ партія должна была разбиться на болѣе мелкія партіи и разойтись по разнымъ падямъ. Полюбовная сдѣлка закончилась безъ всякихъ споровъ, и черезъ часъ промышленники разбрелись въ разныя стороны съ тѣмъ, чтобы не сходиться въ теченіи по крайней мѣрѣ трехъ мѣсяцевъ. Вожакъ промысловой партіи Цацымъ сталъ во главѣ небольшой партіи, состоявшей изъ его сына Хоадзо и знакомаго намъ Хуашу. Хоадзо было всего только пятнадцатый годъ, тѣмъ не менѣе онъ уже выработался, подъ руководствомъ своего опытнаго отца, въ отважнаго, смѣлаго охотника, знакомаго съ собольимъ промысломъ и свыкшагося съ тайгой почти въ одинаковой степени, какъ и съ фанзой отца. Поднявъ своихъ собакъ, Цацымъ началъ огибать холмъ влѣво. Хуашу и Хоадзо слѣдовали по пятамъ своего опытнаго вожака. Черезъ часъ съ небольшимъ промышленники вышли въ глубокую падь, густо заросшую почти исключительно величественными кедрами. Цацымъ уже съ осени облюбовалъ это мѣсто, особенно богатое соболемъ въ года хорошаго урожая кедроваго орѣха. Онъ отлично зналъ, что урожай орѣховъ привлекаетъ сюда множество сибирской бѣлки, а за ней слѣдомъ приходитъ и хищный соболь—главный истребитель бѣлки...

Прошлогодній шалашъ Цацыма, воздвигнутый изъ бересты на самой опушкѣ лѣса, оказался вполнѣ исправнымъ и годнымъ для жилья. До захода солнца оставалось часа два. Промышленники немедленно разгрузили норты, сложили всю провизію, порохъ и свинецъ въ одномъ изъ угловъ шалаша и прикрыли звѣриными шкурами. На почетномъ мѣстѣ промышленники подвѣсили привезенный бурханъ (идолъ), представляющій уродливое изображеніе человѣка *), сильно размалеванное красной краской. Позади шалаша Цацымъ выбралъ вѣковой кедръ съ низко опущенными вѣтвями, на которыхъ развѣсилъ до десятка другихъ бурхановъ, въ видѣ небольшихъ, уродливыхъ фигурокъ, изображающихъ человѣка, неизвѣстныхъ животныхъ или что-то среднее между тѣмъ и другими. Закончивъ эту наиболѣе важную часть своей работы, Цацымъ упалъ ницъ передъ подвѣшанными идолами и обратился къ нимъ съ горячей мольбой относительно удачнаго звѣрованья. Съ цѣлью ублажить своихъ бурхановъ, онъ вынесъ изъ шалаша немного ханшина и вареннаго проса.

— Кушайте на здоровье! проговорилъ онъ, плеская водкой въ идоловъ и размазывая ихъ просомъ. „Кушайте, кушайте!.. Только смотрите, чтобъ уловъ у меня былъ хорошій“, добавилъ Цацымъ требовательнымъ тономъ и вернулся въ шалашъ. Хоадзо и Хуашу уже устроили посреди шалаша очагъ и вблизи послѣдняго мѣста для спанья. Время между тѣмъ подходило къ вечеру. Солнце уже скрылось за ближайшій холмъ и причудливо золотило его щетинистую, темную вершину. Уставшіе промышленники плотно поужинали вареннымъ просомъ и легли спать поближе къ разведенному на очагѣ огню. Собаки, соблазненныя нѣжащимъ тепломъ, забрались въ шалашъ и мирно улеглись на разной рухляди. Хоадзо хотѣлъ было повыгнать ихъ вонъ, но отецъ остановилъ его.

— Лежи!.. Оставь ихъ—теплѣе будетъ!.. проговорилъ Цацымъ, плотнѣе завертываясь въ звѣриную шкуру. Дѣйствительно, не прошло и получасу, какъ въ шалашѣ сдѣлалось такъ душно и жарко, что промышленники принуждены были сбросить съ себя шкуры. Очагъ распространялъ вокругъ нестерпимый чадъ и ѣдкій дымъ, нисколько впрочемъ не безпокоившій привычныхъ ходзеновъ. Воздухъ въ шалашѣ сдѣлался въ высшей степени тяжелымъ и съ каждой минутой становился все удушливѣе и тяжелѣе. Нестерпимая вонь отъ юколы и непріятный запахъ сырыхъ шкуръ смѣшивались со смраднымъ дыханіемъ двухъ десятковъ собакъ и съ ѣдкимъ чадомъ тлѣвшагося очага. Непривычный человѣкъ навѣрное задохнулся бы въ этой отвратительной атмосферѣ, но ходзены чувствовали себя вполнѣ хорошо: главное желаніе было вполнѣ достигнуто—имъ было не только тепло, но даже жарко...

(Продолженіе въ слѣд. №)

Багровая пыль.

(Русскіе въ Парижѣ во время коммуны).

Повѣсть **П. Петрова.**

(Продолженіе).

Это происходило въ началѣ семидесятаго года.

До того, Олимпіада Прохоровна не много поѣздила по бѣлому свѣту, а именно, нѣсколько разъ побывала въ губернскомъ городѣ да раза два гостила понедолгу въ Москвѣ. Миронія-же Прохоровна кромѣ одного путешествія въ губернскій городъ, никуда рѣшительно не выѣзжала. Вслѣдствіе этого, путешествіе въ Парижъ казалось ей чѣмъ то совершенно необычайнымъ, страшнымъ, фантастическимъ даже. Надо было ту безграничную увѣренность, то безграничное упованіе, которыя она питала къ Олимпіадѣ Прохоровнѣ, чтобы убѣдить эту подначальную, трусливую и забитую натуру пуститься на подобный подвигъ.

*) Каждый подобный бурханъ—это овальная дощечка, на которой грубо вырѣзанными углубленіями обозначены очертанія человѣческаго носа, рта и глазъ; на нижнемъ краю и на обѣихъ сторонахъ верхняго прикрѣплены къ дощечкѣ куски мѣха, представляющіе бороду и волосы на головѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ Парижѣ, этихъ своеобразныхъ путешественницъ ожидало полное разочарованіе... относительно ихъ идеала.

Олимпіада Прохоровна, съ рѣшимостью достойною лучшей участи, явилась къ Александру Дюма разряженная въ пухъ и прахъ, но въ нарядѣ пошехонскаго пошиба, вполнѣ смѣшномъ, чуть-ли не каррикатурномъ.

Къ ней вышелъ сильно обрюзгшій мужчина лѣтъ пятидесяти съ сильнымъ хвостикомъ, средняго роста, на половину сѣдой, съ большими оттопыренными щетинистыми усами, съ заплывшими тусклыми глазами, одѣтый неряшливо въ какую-то затрапезную сѣрую жакетку, и вида недовольнаго, полусоннаго и нюнливаго.

Это былъ Александръ Дюма-фисъ—ея идеалъ!

Поэтъ такъ круто принялъ, уже и безъ того упавшую съ седьмаго неба Олимпіаду Прохоровну, что она черезъ три минуты, совершенно осовѣвшая, влетѣла какъ бомба въ карету, ожидавшую ее у подъѣзда, и бросившись на шею Миропіи Прокофьевны могла только произнести:

— Ахъ! Миропи, какая же онъ дрянь! Си тю саве какой онъ уродъ! Хуже еще Сергѣя Кузьмича!

Возгласъ рѣшительный и рѣшающій, потому что названный Сергѣй Кузьмичъ былъ супругъ Олимпіады Прохоровны.

Поэтическую любовь Олимпіады Прохоровны какъ рукой сняло, но, не взирая на это, о возвратѣ не было и рѣчи—самъ Парижъ плѣнилъ ихъ неотразимо своими прелестями и соблазнами.

— Ахъ! Миропи, комъ иль сонъ тусъ бо! *) восклицала о шикарныхъ французахъ Олимпіада Прохоровна, на что Миропія Прокофьевна отвѣчала ей страстнымъ поцѣлуемъ закатывая подъ лобъ свои „пуделькоатые“ глаза.

Найдя тутъ „рай“, подруги довольно комфортабельно поселились въ одномъ изъ домовъ улицы Шатобріанъ, гдѣ отдавались цѣлыя меблированныя квартиры. Время свое онѣ проводили въ прогулкахъ, „жантильничаньи“ и въ нѣжныхъ „романахъ“ съ хлыщеватыми парижскими франтами двадцать четвертой руки.

И такъ это имъ понравилось, такъ пришлась по душѣ эта безпутная, глупѣйшая жизнь, что даже война, осада и послѣдующія событія не могли ихъ выгнать изъ обольстительнаго Вавилона. Онѣ жили себѣ своею жизнью и „сантиментами“ какъ двѣ улитки, игнорируя совершавшіяся великія событія и не постигая даже и смысла то ихъ.

Таковы были дамы, подъ крыло которыхъ Варлакъ пріютилъ Марью Васильевну и Анну Львовну. Около года назадъ Олимпіада Прохоровна не была равнодушна къ красавцу-французу, но дѣло кончилось лишь добрымъ знакомствомъ, по причинамъ независящимъ отъ нѣжной Олимпіады. Съ тѣхъ поръ она такъ успѣла утѣшиться и развлечься отъ этого минутнаго увлеченія, что, когда явился къ ней Варлакъ съ просьбой пріютить двухъ русскихъ дамъ, которымъ угрожала большая опасность, Олимпіада Прохоровна съ величайшею готовностью согласилась на это, замѣтивъ плутовски:

— Е ву земе юнъ дель? **)

Варлакъ отвѣтилъ: да, и объяснилъ что сильно и глубоко любитъ Анну Львовну.

— Е же протежре во замуръ! ***) радостно воскликнула безпутная Олимпіада.

Болѣе удачнаго и безопаснаго убѣжища трудно было найти, чтобы скрыть Анну Львовну отъ всемогущаго Рауля Риго. Улица была изъ самыхъ „тихихъ“ и приличныхъ; домъ—тоже. Онъ состоялъ изъ четырехъ этажей, изображавшихъ каждый одну квартиру. Въ то время, была занята только одна квартира. Такимъ образомъ, во всемъ домѣ, кромѣ Олимпіады Прохоровны Голобойцевой съ подругою и русской горничною да консьержа-отставнаго солдата, имперіялиста, изступленно негодовавшаго на все происходившее — во всемъ домѣ никого не было. Насчетъ нескромностей и доносовъ можно было, слѣдовательно, быть спокойнымъ.

Дамы между собою довольно хорошо сошлись. Олимпіада Прохоровна вздумала было исполнить свое намѣреніе на счетъ протекціи „взаимнаго чувства двухъ любящихъ сердецъ“, но Анна Львовна приняла очень холодно такіе авансы. Тѣмъ не менѣе, Голобойцева при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ говорила ей о Варлакѣ, расхваливая его, восторгаясь его наружностью и т. д.

— Се тюнь прелесть! или: Комъ ву зетъ іёрёзъ! ****) были обычныя ея заключительныя фразы въ этихъ случаяхъ.

За все это время, Варлакъ посѣтилъ дамъ всего разъ и то на короткое время, изъ опасенія, объяснилъ онъ, не навести на слѣдъ соглядатаевъ Рауля Риго.

Ему привелось при этомъ видѣться лишь нѣсколько минутъ наединѣ съ Анной Львовной. Слова его дышали любовью и страстью. Ему, по его словамъ, страшно тяжело было лишеніе не видѣть ту, которую онъ боготворилъ. Не угрожай ей опасность, онъ пренебрегъ бы всѣмъ для счастья пробыть съ ней хоть одну лишнюю минуту; но дѣло шло о ея безопасности и потому онъ не долженъ былъ останавливаться ни предъ какими жертвами. Для нея онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, даже своимъ долгомъ гражданства, своей честью — онъ сейчасъ бы бросилъ все, даже священнѣйшія убѣжденія, за которыя отдавалъ кровь и жизнь, чтобъ бѣжать съ ней, если бѣгство было бы возможно.

Анна Львовна замирала отъ радости и счастья отъ этихъ рѣчей.

Она успѣла спросить Варлака на счетъ его внезапнаго исчезновенія.

— Мнѣ надо было спасти отца отъ раззоренія и безчестія, сказалъ онъ просто, но въ голосѣ его было столько благородства, столько грусти и высокаго чувства, что глубоко потрясенная Анна Львовна не посмѣла ни слова проронить болѣе объ этомъ.

Десятаго мая, Олимпіада Прохоровна, желая воспользоваться превосходною погодою, вздумала „слегка пройтиться“. По обыкновенію, она вышла въ сопровожденіи своей неизмѣнной наперстницы Миропіи Прокофьевны.

Нѣсколько времени послѣ ихъ ухода, къ величайшей радости Анны Львовны, нежданно-негаданно явился Варлакъ.

Марья Васильевна, страдавшая головною болью, лежала у себя въ комнатѣ.

— Арманъ! вскрикнула задыхающимся голосомъ Анна Львовна бросаясь къ Варлаку.

Онъ схватилъ ее въ объятія, покрывая поцѣлуями чудную головку, прильнувшую къ его плечу.

— О, какъ я тебя люблю! какъ люблю! шепталъ онъ страстно между поцѣлуями.

— И когда подумаешь, что еще нѣсколько минутъ и мнѣ опять придется сказать на долго прости всѣмъ этимъ прелестямъ, проговорилъ онъ съ глубокою тоскою смотря любовно въ глаза молодой дѣвушки.

Анна Львовна еще ближе пригнула къ нему голову, и глаза ея засверкали особеннымъ блескомъ.

— Скажи одно слово, Арманъ; одно слово—и мы больше не разлучимся, сказала она съ беззавѣтною рѣшимостью.

— Но я не скажу его, потому что слишкомъ люблю тебя, моя дорогая, возлюбленная. Ты не знаешь, что говоришь, на что рѣшаешься... Бросить родныхъ, твой свѣтъ, все чтобы послѣдовать за кѣмъ? за солдатомъ свободы, стоящимъ на бреши, который кромѣ безграничной, безумной любви ничего не можетъ тебѣ дать!

— Но если я сама хочу раздѣлить съ тобой эту участь? если въ тебѣ, въ моемъ героѣ, вся моя жизнь, все мое счастье? если я сама хочу все это бросить, чтобъ послѣдовать за тобой, чтобъ стать возлѣ тебя на бреши, раздѣлить вмѣстѣ всѣ лишенія, и сражаться и умереть съ тобой?... Если я сама это хочу!

— Да, но я недопущу тебя до этого, я не дозволю тебѣ жертвовать собою для меня... И для чего?.. Скоро всему этому великому дѣлу—вашему дѣлу! — будетъ конецъ... Я сдѣлаю тебѣ ужасное признаніе, которое можетъ быть оттолкнетъ и возмутитъ тебя — этотъ конецъ я жду теперь съ трепетнымъ нетерпѣніемъ. Жду и не дождусь его! Я, одинъ изъ тѣхъ, что зажгли этотъ пожаръ, одинъ изъ тѣхъ, что обрекли себя впередъ на смерть во имя идеи и свободы — я жажду, чтобы съ нами покончили, чтобъ разгромили насъ скорѣе, чтобъ ворвались сюда наши противники...

— Что ты говоришь, Арманъ!

— Да! И все это для того, чтобы имѣть наконецъ возможность вырваться съ тобой отсюда и бѣжать куда нибудь, хоть на край свѣта, чтобъ пріютить тамъ наше счастье.

Какая женщина не проститъ любимому мужчинѣ самыя возмутительныя жертвы, самые вопіющіе, безобразные поступки, если только они сдѣланы изъ любви къ ней?

— О, еслибъ ты зналъ, Арманъ, какъ я тебя люблю! могла она только воскликнуть, обвивъ руками его красивую курчавую голову.

Въ эту минуту раздался звонокъ.

— А... а! вуаля комъ ву зетъ! *) воскликнула безпутно и многозначительно хихикая Голобойцева, влетѣвъ въ комнату, гдѣ Анна и Варлакъ уже сидѣли самымъ чиннымъ образомъ. — Же соръ е ву зетъ ля! ай, ай, ай! **)

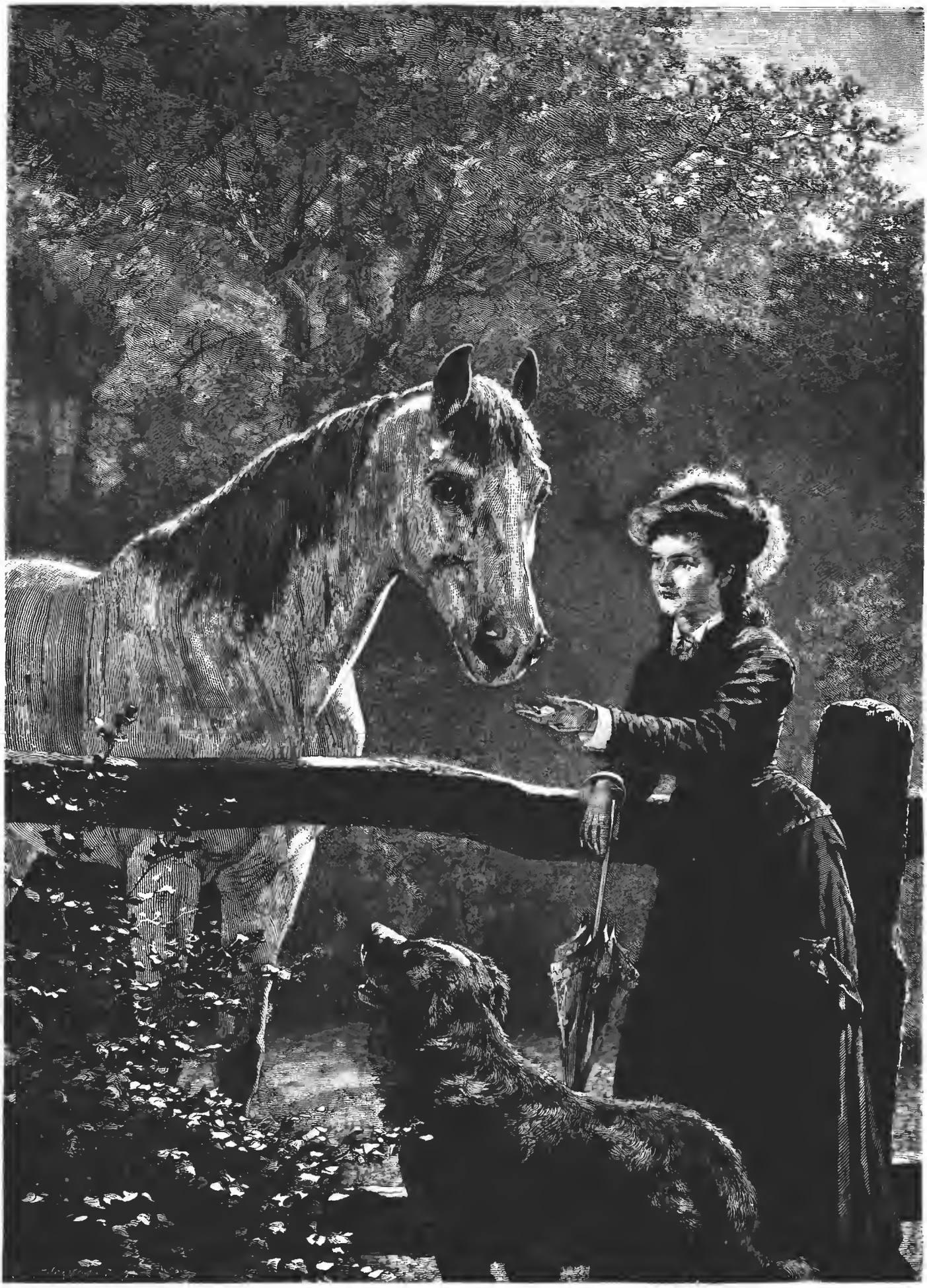
И она игриво погрозила Варлаку.

— А мы, представьте себѣ, кого встрѣтили, затараторила Олимпіада Прохоровна, снимая передъ зеркаломъ шляпку,—кузена моего Жана. Четыре года не видѣлись и вдругъ гдѣ-же встрѣтились—въ Парижѣ, да еще въ такое время! Неправда-ли удивительно? Только со мною и могутъ случиться подобныя вещи... Да еще какимъ его встрѣтили! Весь въ золотѣ, въ мундирѣ, съ такою вотъ саблею. Онъ тутъ цѣлой половиной Парижа теперь командуетъ. Самъ намъ это сказалъ... И кто бы могъ подумать, что изъ него такой человѣкъ выйдетъ? Мы его всегда дразнили и обезьяной называли, а посмотрите-ка теперь каковъ!.. Вы его, мосье Варлакъ, конечно знаете: Жанъ де Бражниковъ.

*) Какъ они всѣ здѣсь хороши!
**) И вы любите одну изъ нихъ?
***) И я буду протежировать вашу любовь!
****) Онъ—прелесть! Какъ вы счастливы!

*) А! вотъ вы какъ!
**) Я вхожу, а вы здѣсь...

Библиотека "Руниверс"



Добрые друзья. Съ картины Э. Боша. По фотогр. грав. Бренд'амуръ.

Библиотека "Руниверс"

Варлака всего передернуло при этомъ имени; онъ даже замѣтно поблѣднѣлъ, но этого не замѣтила ни Анна Львовна, смотрѣвшая на Голобойцеву, ни Голобойцева, поправлявшаяся у зеркала.

— Могу вамъ только сказать, отозвался Варлакъ, что въ числѣ начальниковъ не только Парижа или полу-Парижа, но и десятой части его, нѣтъ никакого Жана де... де...

— Де Бражниковъ, подсказала Олимпіада Прохоровна.

— Нѣтъ такого, отрубилъ какъ то нервно Варлакъ.

— Какъ же нѣтъ, когда въ доказательство онъ мнѣ самъ сказалъ и даже въ мундирѣ ходитъ! безмозгло тараторила Голобойцева, продолжая поправлять предъ зеркаломъ свои локончики.

Варлакъ ничего не отвѣтилъ на это столь убѣдительное „доказательство".

— Впрочемъ вы сами его вѣроятно увидите, потому что онъ можетъ быть даже сейчасъ пріѣдетъ. Онъ сказалъ, что сдѣлаетъ только генеральную инспекцію какого то тринадцатаго сектора да произнесетъ рѣчь войскамъ, а оттуда сейчасъ къ намъ сюда.

При этихъ словахъ, потерявъ очевидно самообладаніе, Варлакъ вскочилъ съ мѣста. Онъ былъ очень блѣденъ. Растерянность, испугъ, досада исказили его красивое лицо.

— Что съ вами?! вскрикнули вмѣстѣ Голобойцева и Анна Львовна.

Нѣсколько секундъ онъ стоялъ безмолвно какъ бы собираясь съ мыслями.

— Да какъ-же можно было сдѣлать такую страшную неосторожность! заговорилъ онъ наконецъ съ чрезмѣрною горячностью обращаясь укорительно къ Голобойцевой. Вы спрашиваете, что со мною? Да подумали-ли вы что можетъ выйти, если этотъ человѣкъ явится сюда? Я теперь дѣйствительно припоминаю, что есть такой... Не въ начальникахъ конечно, а въ мелюзгѣ... Припоминаю и тѣмъ болѣе ужасаюсь! Это безобразный болтунишка, лжецъ, сплетникъ, дрянь!.. Извините меня, онъ, вы говорите, вашъ родственникъ, но правда для меня всего дороже, но ея— Варлакъ указалъ на Анну Львовну—ея жизнь, честь и спокойствіе для меня всего дороже на свѣтѣ! А за эту жизнь и честь и спокойствіе нельзя уже ручаться съ той минуты какъ попадетъ сюда такой человѣкъ!...

— Да почему-же? воскликнула недоумѣвающая Олимпіада.

— Потому что онъ можетъ проболтаться, можетъ насъ выдать.

— Ну что другое, а это, мосье Варлакъ, уже извѣстно, этого онъ никогда не сдѣлаетъ!.. Я вѣдь его съ малыхъ лѣтъ знаю, вмѣстѣ росли. Ужъ на то пошло, такъ онъ скорѣе намъ противъ нихъ поможетъ, а не имъ противъ насъ! Онъ самъ мнѣ сказалъ, что всѣ они тутъ больше ничего какъ дрянь! вступилась горячо за родственника Олимпіада, разсерженная рѣзкой выходкой Варлака.

Послѣдній былъ видимо сконфуженъ и опѣшенъ этимъ неожиданнымъ отпоромъ.

— Вы меня не поняли, заговорилъ было онъ,—я не хочу сказать, что онъ нарочно, съ умысломъ насъ выдастъ, но нечаянно, безъ всякаго намѣренія...

— А мы его предупредимъ чтобъ не проговорился! Слава тебѣ Господи! не маленькій ребенокъ и не чужія мы ему какія нибудь, а свои единокровныя! Я за него какъ за себя ручаюсь! продолжала кипятиться вспыльчивая Олимпіада. — Да вотъ вамъ, лучше всего Миропи разскажетъ какъ мы съ дѣтства были близки... Миропи! кликнула она выходя въ другую комнату.

Пользуясь минутнымъ отсутствіемъ Голобойцевой, Варлакъ пригнулся къ Аннѣ Львовнѣ и шепнулъ ей:

— Устройте такъ чтобъ я могъ сказать теперь же вамъ нѣсколько словъ наединѣ. Ради Бога! Я сейчасъ уходу.

Онъ взялся за шляпу и подошелъ къ возвращавшейся Олимпіадѣ Прохоровнѣ.

— Что же вы? Миропи сейчасъ придетъ... она поправляется... и разскажетъ вамъ все, и тогда вы навѣрно успокоитесь, обратилась она Варлаку.

— Мнѣ, къ сожалѣнію, некогда, надо спѣшить, сказалъ довольно сухо Варлакъ, раскланиваясь.

Анна Львовна вышла его провожать въ переднюю.

— Я сама затворю дверь, сказала она повелительно горничной.

Та вышла и они остались одни.

— Что дѣлать, Анна? Боже мой, что дѣлать? Я теряюсь! заговорилъ шопотомъ Варлакъ, сильно взволнованный.

— Ради Бога не тревожься, не мучайся такъ, Армавъ, мой милый Арманъ!.. Ты преувеличиваешь опасность... Посмотри, я даже не боюсь, Арманъ...

И она любовно склонила голову на его плечо.

— Анна! что то мнѣ говоритъ, что мы больше не увидимся съ тобою. Какой то невѣдомый страхъ, какое то недоброе предчувствіе меня охватываетъ... Меня-ли убьютъ, тутъ-ли случится несчастіе, не знаю что, но только мнѣ страшно, невыносимо тяжело съ тобой разстаться...

Съ тоскою и какимъ то отчаяніемъ произнесъ онъ эти слова.

Анна Львовна схватила его судорожно за руку.

— Я тебѣ сказала: одно слово, Арманъ, и мы больше не разлучимся, и я твоя навсегда, на вѣки! проговорила она быстро, рѣшительно, пламенно, смотря ему прямо въ глаза. Я иду съ тобой... ничего не возражай!.. Иду, иду, и буду съ тобой!.. Тебѣ тяжело,—мнѣ невыносимо! Я твоя... Ты понимаешь, твоя!

— Но, дорогое мое дитя...

— Не дитя, Арманъ, а женщина, которая знаетъ и сознаетъ что дѣлаетъ! Ты не имѣешь права теперь мнѣ запретить, если я хочу разцѣлить твою судьбу...

Вмѣсто отвѣта, Варлакъ прижалъ къ своей груди въ страстномъ порывѣ Анну Львовну.

— Будь-же по твоему—то твоя воля! проговорилъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ

— Когда же, Арманъ? спросила она сіяющая, счастливая.

— Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, потому что я боюсь...

— Ну такъ скажи когда и гдѣ мнѣ надо быть.

Онъ немного подумалъ.

— Черезъ полчаса я буду тебя ждать на углу улицы Бильо и Фридландской площади. Закутайся вуалью.

— Что я могу взять съ собою?

— Что... что можешь... Я еще не знаю гдѣ и какъ мы укроемся, и въ такихъ случаяхъ, какъ ты понимаешь, нельзя сказать впередъ, что именно потребно... одно только развѣ—деньги.

Минутъ сорокъ послѣ этого, Анна Львовна подъ густою вуалью, съ сакъ-вояжемъ въ рукѣ, явилась на назначенное мѣсто и уѣхала съ Варлакомъ въ фіакрѣ.

Ухода ея никто въ домѣ не замѣтилъ благодаря тому, что тетка лежала съ уксусною примочкою на головѣ, а Олимпіада и Миропія занимались своимъ туалетомъ въ виду визита кузена.

Едва успѣла поэтичная Миропія хорошенько взбить свои локоны и оснастить голову колосьями, что придавало ей, увы! видъ пуделя, выкатавшагося въ соломѣ, какъ явился Жанъ де Бражниковъ.

Онъ былъ ослѣпителенъ.

Мундиръ чуть ли не сплошь зашитый галунами и унизанный пуговками, красные панталоны съ широчайшимъ лампасомъ изъ трехъ золотыхъ галуновъ, высокіе лакированные сапоги съ золотыми кисточками и громаднѣйшими шпорами, расшитое золотомъ кепи, монокль, воротничекъ декольте съ шикарно повязаннымъ галстухомъ, безконечная, звенящая на весь домъ сабля, два револьвера на золотыхъ шнурахъ, бѣлыя лайковыя перчатки, безукоризненный проборъ à l'anglaise съ занитыми хохолками, лицо гладко выбритое, напудренное...

Онъ чувствовалъ неотразимость всего этого, и сознаніе своей неотразимости придавало ему какую то совершенно своеобразную самоувѣренность и осанистость.

Бражниковъ тотчасъ же повелъ рѣчь „о политикѣ."

Но я вамъ не сказалъ еще кто именно онъ былъ такой.

Бражниковъ былъ характерный и уродливый продуктъ эпохи *перелома*, совершившагося у насъ послѣ 1855 года. Лѣтъ десять-пятнадцать ранѣе, онъ былъ-бы просто Ноздревымъ или тесной своимъ, Иваномъ Александровичемъ Хлестаковымъ; но онъ явился на свѣтъ въ сороковомъ году, и потому хлестаковско-ноздревская основа его усложнилась разными современными придатками.

Иванъ Александровичъ Бражниковъ, сынъ своей эпохи, явился Хлестаковымъ политическимъ, багровымъ, крайнимъ, непримиримымъ, и вмѣстѣ гражданскимъ Ноздревымъ, отъ котораго такъ и разило уѣздной затхлостью и мелкопомѣстнымъ чванствомъ.

Пріѣхавъ года четыре предъ тѣмъ въ Парижъ съ кой-какими деньжонками, доставшимися ему послѣ смерти отца, небогатаго помѣщика, онъ вообразилъ себя владѣющимъ Калифорніей или скорѣе ничего не вообразилъ, а по безпутности своей пошелъ жить „во всю", не думая о будущемъ.

Главная его страсть была „фигурировать". Онъ пялился изъ силъ, чтобы изобразить *что нибудь*, выдавалъ себя за богача-аристократа и вмѣстѣ съ тѣмъ за эмигранта и политическаго дѣятеля. При этомъ онъ, разумѣется, угощалъ своихъ невзыскательныхъ слушателей изъ Парижской богемы.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ такой жизни, гдѣ главную роль играло задаваніе шику, Бражниковъ спустилъ все что имѣлъ, до послѣдней копѣйки.

Тутъ пошло для него существованіе ужасное. Взяться за дѣло, найти исходъ въ трудѣ—на это у него не хватало ни силы воли, ни твердости духа. Онъ предпочелъ кое какъ побираться; гдѣ клянчилъ, гдѣ бралъ нахраномъ, эксплуатируя соотечественниковъ и кого только можно, кто подъ руку попадался.

Разумѣется, себя онъ ничуть не винилъ въ постигшей его катастрофѣ и сваливалъ все на судьбу, на безобразіе „существующаго общественно-буржуазнаго строя" и на людей. Онъ злился на всѣхъ. Видное положеніе, почетъ, извѣстность выводили его изъ себя; богатство и роскошь приводили въ совершенное бѣшенство. Излишне присовокуплять, что въ силу этого онъ рьяно стоялъ за теорію „раздѣла богатствъ" и убѣжденно провозглашалъ принципъ:

Все для всѣхъ и всѣ для всего.

Понятно, что такой „дѣятель" обѣими руками ухватился за коммуну. Въ этомъ случаѣ, ему очень благопріятствовали нѣкоторыя демогогическія знакомства, сведенныя еще въ счастливую эпоху, когда онъ могъ угощать.

Его услуги были приняты. Какъ и слѣдовало ожидать, первымъ дѣломъ Бражникова было распорядиться на счетъ мунди-

Библиотека "Руниверс"

ра. Объ этомъ онъ подумалъ даже прежде, чѣмъ о деньгахъ! „Реквизиціоннымъ способомъ“ онъ немедленно приказалъ сшить себѣ ослѣпительный мундиръ собственнаго изобрѣтенія, такой мундиръ, какого и въ циркѣ даже никогда не видали. Реквизиціоннымъ же способомъ добылъ всѣ нужные аксессуары, и только затѣмъ уже, по его выраженію, „пустилъ въ ходъ голубушку реквизицію“ на счетъ стола въ первоклассномъ ресторанѣ, на счетъ квартиры и остальнаго.

Онъ блаженствовалъ, разгуливая по Парижу и ломаясь на бульварахъ въ своемъ шутовскомъ нарядѣ. Одно мѣшало полному его счастію — ему не давали ничѣмъ управлять, ничѣмъ распоряжаться, ничѣмъ командовать. Впрочемъ, онъ отчасти утѣшался въ этомъ отношеніи тѣмъ, что лгалъ немилосердно, гдѣ это только было возможно, насчетъ своей дѣятельности и роли, производя себя то въ начальника сектора—это званіе почему-то ему особенно нравилось—то въ верховнаго инспектора, то въ члена комитета или правительства.

Благодаря блистательному мундиру, ему въ большинствѣ случаевъ вѣрили; но хотя онъ, въ такихъ случаяхъ, и блаженствовалъ, тѣмъ не менѣе онъ злился на „правительство“ за то, что онъ называлъ: „несправедливостью“ къ себѣ.

— А мы, cher cousin, только что тутъ объ васъ говорили съ однимъ господиномъ, котораго вы вѣроятно знаете, потому что онъ съ вами вмѣстѣ служитъ, сказала Олимпіада Прохоровна.

— Кто такой?

— Мосье Варлакъ.

— Какъ! вы знаете эту ракалью, кузина?! воскликнулъ Бражниковъ.

— Ахъ, кузенъ, какъ это можно! Иль э си біенъ! *) воскликнула въ свою очередь Олимпіада Прохоровна, скандализованная такою аттестаціей.

— То есть не ракалью — это я, по добротѣ душевной, такъ мягко сказалъ, потому что онъ въ тысячу разъ хуже послѣдняго ракальи въ кубѣ, а!.. разгорячился внезапно Бражниковъ возвысивъ свой непріятный, надтреснутый голосъ.

— Вотъ видите! перебила Голобойцева, недовольная подобнымъ ругательнымъ разгромленіемъ своего „бо протеже“, какъ она называла Варлака,—вотъ видите какіе вы всѣ мужчины! Вы его браните, а онъ васъ бранитъ. Богъ васъ тамъ зна....

Бражниковъ вскочилъ какъ ужаленный.

— Ага! бранитъ! Такъ онъ, мерзавецъ, меня еще бранитъ! завизжалъ онъ съ негодованіемъ скорчивъ гримасу и махая рукой.—Ну постой-же, голубчикъ, я тебя отшпандорю! Ну такъ постойте-же, послушайте-же, а затѣмъ сами скажите, что онъ такое, этотъ мерзавецъ!

И не переводя духа, расходившійся и очевидно задѣтый за живое, Бражниковъ затараторилъ съ неимовѣрною быстротою, такъ что порой казалось, будто онъ по десяти словъ сразу выпаливалъ, но при этомъ обрубая словно топоромъ каждый „обвинительный періодъ“ восклицаніемъ: а! каковъ? что, хорошъ?! а?! нѣтъ, каковъ душка?!!

— Вотъ вы спросите-ка у этого господина, который по вашему э си біенъ, спросите-ка у него: какъ здоровье госпожи Тома, такъ вы увидите какъ онъ запляшетъ! А что такое госпожа Тома, это мы тоже сейчасъ разскажемъ: пять десятковъ лѣтъ не съ хвостикомъ а съ цѣлымъ помеломъ, да пять милліоновъ, скрашивающихъ для этого милаго господина и лѣта и морщины и сѣдины этой старой колдуньи. Онъ у ней вотъ уже третій годъ на привязи какъ болонка какая, только вѣтъ до сихъ поръ ему награды за свою добродѣтель, потому старуха ужасно скупа, и ревнива, и себѣ на умѣ. Такъ, почти ничего не дастъ, а отказала, видите, въ завѣщаніи кушъ. Этимъ только и держитъ, а то бы давно сбѣжалъ... Да вѣдь какъ держитъ! Съ годъ назадъ у него тутъ шуры-муры завелись съ какой-то иностранкой, такъ вѣдь, что вы думаете, какъ узнала, выслала его въ двадцать четыре часа вонъ изъ Парижа, какъ преступника или раба какого. И вѣдь повиновался! какъ собаченка какая повиновался!

Олимпіада слушала выпуча глаза, а Миропія Прокофьевна отъ изумленія свела рогъ до того, что, вмѣсто обычнаго изображенія буквы О, онъ съежился до цифры 8.

— Да что вы, кузенъ! Онъ уже болѣе года обожаетъ одну барышню, нашу знакомую, и ухаживаетъ за ней и собирается жениться, протестовала Голобойцева.

— Такъ, значитъ, это все неправда! такъ значитъ я все солгалъ! Нѣтъ, ужъ извините, кузина, что другое а насчетъ этого мы постоимъ за себя! Хотите—справьтесь. Старушенція эта не за горами, тутъ же въ Парижѣ живетъ. Проговоритесь-ка ей только, что онъ собирается жениться, такъ увидите какой содомъ подыметъ. А адресъ ея, вотъ онъ, извольте: бульваръ Мальзербъ, двѣнадцатый номеръ... Да и жениться то онъ конечно совсѣмъ не собирается, а просто тутъ мазурничество какое... развѣ только невѣста богачка, такъ что оказывается выгоднѣе старухи.

Голобойцева, на которую всѣ эти опредѣлительныя подробности начинали было дѣйствовать, при послѣднихъ словахъ снова усомнилась въ правдивости неожиданнаго разоблаченія.

— Ну вотъ видите что это все не такъ, кузенъ, возразила она. Дѣвушка, которую онъ любитъ со всѣмъ пыломъ страсти и на которой при первой возможности женится — круглая сирота, не только не богатая, а совсѣмъ безъ всякаго состоянія. Только и будетъ у ней что тетка дастъ, и то не ахти что.

— Не можетъ быть, тутъ значитъ что нибудь другое, пакость тоже конечно, но только какая нибудь другая! отрубилъ Бражниковъ рѣшительно и безапелляціонно, и затѣмъ спросилъ:

— А кто эта дѣвушка?

Голобойцева оставалась въ нерѣшительности, назвать ли ей Анну. Съ одной стороны, сообщеніе Бражникова произвело на нее значительное впечатлѣніе, съ другой донималъ ее зудъ языка, присущій всѣмъ пустымъ болтуньямъ.

— Она... русская, произнесла она наконецъ, запинаясь болѣе для виду.

— Да говорите же, кузина! неужели вы меня-то боитесь? вѣдь свой кажется, чего ужъ! воскликнулъ нетерпѣливо Бражниковъ.

— Ну, хорошо, но только это совсѣмъ между нами, кузенъ... Вы даете слово?

— Даю, даю!

— Анетъ Шерметева.

Бражниковъ такъ и спрыгнулъ со стула.

— Ну, такъ и есть! завопилъ онъ взмахнувъ руками.—Такъ! такъ! теперь я все понимаю!.. И это то, по вашему, бѣдная сиротка? Шеремстева, милліонерша, у которой денегъ куры не клюютъ!.. А, такъ вотъ онъ что задумалъ, голубчикъ—ну хорошо же!..

— Какая Шереметева? не Шерметева, а Шерметьева. Понимаете. Шер-ме-те-ва, пояснила оторопѣвшая Олимпіада.

— Это по вашему Шерметева, а по его—Шереметева. Понимаете?

— Нѣтъ, ничего не понимаю.

— Онъ принимаетъ ее за милліонершу Шереметеву. Поняли?

— Да почему же вы это думаете? Почему же онъ ее принимаетъ за Шереметеву?

— Потому что я самъ ему сказалъ, что она милліонерша Шереметева!

И Бражниковъ, въ пересыпку съ взвизгиваніями, возгласами и ругательными эпитетами, разсказалъ то, что уже извѣстно читателю: о встрѣчѣ съ Анной Львовной и Марьей Васильевной въ „Главномъ штабѣ“, о разговорѣ его съ Варлакомъ, о послѣдующихъ неоднократныхъ разспросахъ Варлака о томъ, что такое Шереметевы и о ихъ богатствахъ и т. д.

— Объ ней, о барышнѣ этой, онъ мнѣ ни единымъ словомъ не обмолвился: я полагалъ, что она давно уже уѣхала...

— Господи! Вотъ такъ исторія! всплеснувъ руками воскликнула сдавшаяся наконецъ Олимпіада.—Надо предупредить ихъ пока вы еще тутъ, прибавила она вскакивая съ мѣста.

Нашла она, конечно, только Марью Васильевну, которая нѣсколько оправилась отъ своей головной боли.

Тутъ только хватились Анны Львовны, которая до того ни разу не выходила изъ дому. Нѣсколько словъ горничной, подсматривавшей въ скважину двери сцену въ передней, отсутствіе разныхъ вещей, принадлежащихъ Аннѣ Львовнѣ и, наконецъ, ея собственное отсутствіе, дали возможность догадаться о томъ, что случилось.

Горе Марьи Васильевны было невообразимо.

— Убила ты меня, Аня! воскликнула только бѣдная старушка, и какъ снопъ повалилась на полъ.

(Продолженіе въ слѣд. №.)

Съ глазу на глазъ.

Историческій разсказъ **Хильтона.**

Въ ноябрѣ 1637 года, въ сумрачный, дождливый день, какой-то путешественникъ, закутанный въ широкій плащъ, соскочилъ съ лошади у дверей трактира деревушки Руэль, почти примыкавшей къ обширному парку замка Малмазонъ, занимаемаго въ то время кардиналомъ Ришелье. Утомленный видъ путника показывалъ, что онъ совершилъ не малый путь, а войлочная его шляпа, безъ перьевъ, и простое суконное, безъ кружевъ, платье, ясно говорили, что онъ не принадлежалъ къ классу придворныхъ, носившихъ тогда кличку „сорвиголовъ“ или „головорѣзовъ“, и получившихъ такую широкую извѣстность своимъ искусствомъ владѣть шпагой и кинжаломъ. По формѣ усовъ путника, строгому выраженію спокойно проницательныхъ глазъ и по фасону платья можно было заключить, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дѣятельныхъ и независимыхъ гражданъ, которые были зачинщиками лиги, но надъ которыми въ описываемую эпоху тяготѣла желѣзная рука Ришелье; имъ однакожъ суждено было на нѣкоторое время подняться снова и фигурировать въ сатурналіяхъ фронды, чтобъ потомъ совсѣмъ затеряться и угаснуть въ блистательной славѣ Людовика XIV.

Первой заботой путника, при входѣ въ трактиръ, было распо-

*) Онъ такой красивый!

Библиотека "Руниверс"

Выставка въ Импер. Акад. Худож. „Съ работы". Карт. Х. П. Платонова. По фотогр. Ветингера, грав. П. Дведвицъ.

Библиотека "Руниверс"

Выставка въ Импер. Акад. Худож. „Безъ няньки". Статуя П. Каменскаго. По фотогр. Ветингера, грав. Ю. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

рядиться на счетъ присмотра за его лошадью, а второй—чтобы поскорѣе приготовили для него обѣдъ. Онъ снялъ съ себя мокрое платье, и развѣсилъ его передъ огнемъ, затѣмъ придвинулъ къ камину кресло и спокойно усѣлся. Пока онъ устроивался, прибылъ другой путникъ, тоже верхомъ и также потребовалъ обѣдъ. Трактирщица отозвалась, что не имѣетъ, къ сожалѣнію, возможности удовлетворить его требованія, такъ какъ вся остававшаяся въ запасѣ провизія употреблена на обѣдъ только что передъ тѣмъ прибывшаго путешественника.

— Такъ передайте этому джентльмену, отозвался новый пріѣзжій, не позволитъ-ли онъ мнѣ раздѣлить съ нимъ обѣдъ, я буду очень разъ заплатить половину издержекъ по счету.

Трактирщица передала первому пріѣзжему это предложеніе.

— Скажите этому господину, вѣжливо отвѣчалъ тотъ, что онъ доставитъ мнѣ большое удовольствіе, сдѣлавшись моимъ гостемъ; но что я вовсе не желаю его участія въ платѣ за обѣдъ, — я его приглашаю.

Вновь пріѣзжій принялъ приглашеніе и поспѣшилъ войти въ комнату, отведенную гражданину. Послѣ обмѣна нѣсколькими словами, оба путника, усѣвшись за столъ передъ пылающимъ каминомъ, выказали вниманіе къ поставленному передъ ними обѣду.

Самое свойство встрѣчи устраняло всякія церемоніи за обѣдомъ, который шелъ весело и непринужденно, на сколько это было возможно между людьми, никогда прежде не видавшими другъ друга. Подаваемыя блюда оказались хорошо приготовленными, а бутылка стараго шамбертеня, явившаяся на столъ за десертомъ, послужила, казалось, сигналомъ къ устраненію общихъ мѣстъ, на которыхъ до тѣхъ поръ вертѣлся разговоръ, и установила между собесѣдниками болѣе близкое общеніе. Одинъ изъ нихъ, гость перваго, разогрѣтый добрымъ виномъ, искрившимся въ его стаканѣ, не могъ воздержаться отъ комплимента своему обязательному амфитріону.

— Надо думать, что васъ хорошо знаютъ, сказалъ онъ, вамъ такъ усердно служатъ.

— О, вовсе нѣтъ, увѣряю васъ, отвѣчалъ другой.

— Ну, такъ, вѣроятно, вы живете гдѣ-нибудь по сосѣдству и часто проѣзжаете этимъ трактомъ.

— Опять таки нѣтъ. Я въ этихъ краяхъ въ первый разъ въ жизни, и прибылъ сюда изъ Ла-Рошеля.

— Изъ Ла-Рошеля! съ видомъ изумленія повторилъ другой.

— Да, изъ Ла-Рошеля, подтвердилъ тотъ.

— Что-же, смѣю спросить, привело васъ сюда изъ такого отдаленнаго мѣста?

— По правдѣ сказать, не совсѣмъ-то пріятное дѣло. Я вызванъ сюда кардиналомъ Ришельс.

— Ришельс! воскликнулъ гость еще съ большимъ изумленіемъ. Извините за вопросъ, который я желалъ-бы вамъ сдѣлать. Не были-ли вы когда нибудь впутаны въ какое нибудь дѣло, щекотливое для его эминенціи?

— Никогда. Побудительная причина моего прибытія сюда объясняется легко и коротко. Недавно въ Ла-Рошели ходила по рукамъ очень злая сатира вообще касательно управленія страной и сильно при томъ задѣвавшая личность кардинала Ришельс. Говорятъ, будто предметомъ сатиры послужило дѣло Урбана Грандера, вмѣстѣ съ дѣломъ лоудонскихъ монахинь. Слишкомъ задѣта одна дѣвица, называемая Маріей Делормъ; наконецъ, въ этой сатирѣ очень дурно третируются трагедіи его эминенціи, а еще язвительнѣе — его стихи. Впрочемъ, это только слухи. Въ точности о содержаніи книги я ничего не знаю, и никогда ее не видалъ; но сатира попала какъ-то въ руки довѣреннаго кардинала, отца Жозефа,—ему указали на меня, какъ на автора, хоть я во всю свою жизнь никогда ничего не писалъ для печати. Вы знаете, въ такое время, какое мы переживаемъ, почти каждый имѣетъ тайнаго врага, и, очевидно, какой нибудь мой врагъ пустилъ въ ходъ эту клевету съ цѣлью меня погубить. Однакожъ я безъ боязни и не колеблясь поспѣшилъ повиноваться волѣ его эминенціи—явиться передъ нимъ, такъ какъ надѣюсь оправдать себя въ нелѣпомъ обвиненіи.

Другой незнакомецъ съ величайшимъ вниманіемъ выслушалъ разсказъ; лицо его съ каждымъ словомъ становилось серьезнѣе и мрачнѣе.

— А когда, спросилъ онъ вы обязаны явиться къ кардиналу?

— Въ десять часовъ сегодня вечеромъ, былъ отвѣтъ.

— Слушайте! отвѣчалъ второй путникъ, съ сильнымъ волненіемъ схвативъ перваго за руку, благодарите Бога за счастливый случай, который заставилъ меня быть вамъ обязаннымъ. Знайте, что я тоже, и въ этотъ-же самый часъ, приглашенъ явиться къ кардиналу, и приглашенъ для того, чтобы... снять съ васъ голову.

При этихъ словахъ, гражданинъ Ла-Рошеля поблѣднѣлъ, какъ полотно, и съ ужасомъ взглянулъ на своего собесѣдника

— Да, именно, снять съ васъ голову, выразительно повторилъ послѣдній. Передъ вами—палачъ. Всякій разъ, когда кардиналъ имѣетъ надобность въ моихъ услугахъ, я получаю приказаніе явиться. Все, вами разсказанное, относительно сдѣланнаго на васъ доноса, а также время, въ которое вслѣно вамъ явиться къ его эминенціи,—все это вмѣстѣ убѣждаетъ меня, что вы—то самое лицо, которому суждено попасть нынѣ вечеромъ въ мои руки. Но не бойтесь. Я помогу вамъ избѣжать поставленной для васъ ловушки. Идемте скорѣе къ нашимъ лошадямъ, и, чрезъ нѣсколько минутъ, я надѣюсь заплатить вамъ долгъ признательности за вѣжливость, выказанную вами незнакомому человѣку.

Гражданинъ, въ ужасѣ, отнявшемъ у него языкъ, быстро всталъ и поспѣшилъ выйти вслѣдъ за своимъ избавителемъ. Проходя общую комнату гостинницы, они замѣтили, что та была уже наполнена военной стражей, при видѣ которой заранѣе осужденный путникъ не выказалъ особеннаго присутствія духа и, пока сѣдлали лошадей, поспѣшилъ разсчесться съ трактирщицей, безъ пререканій относительно непомѣрной цѣны за обѣдъ. Чрезъ минуту путники были уже въ дорогѣ. Пришпоривъ своихъ лошадей, они чрезъ полчаса миновали лѣсъ, а вскорѣ потомъ увидѣли невдалекѣ и замокъ кардинала.

Тогда ужасный проводникъ, удержавъ вдругъ лошадь и обратясь къ товарищу, указалъ на одно изъ зданій замка, которое едва было можно разглядѣть въ глубокомъ сумракѣ ноябрской ночи.

— Посмотрите, сказалъ онъ, вонъ на ту центральную башню и замѣтьте на самой ея верхушкѣ окошко аркой. Тамъ-то произносятся и приводятся въ исполненіе всѣ тайные, безапелляціонные приговоры кардинала. Какъ только мое дѣло сдѣлано, въ ту-жъ минуту открывается люкъ, и тѣло жертвы падаетъ въ глубоко вырытую въ основаніи замка и наполненную известью яму, гдѣ поспѣшно изглаживаются всякіе слѣды казни.

Въ этотъ моментъ въ роковомъ окнѣ заблисталъ свѣтъ.

— Вотъ это—знакъ, продолжалъ палачъ, что все готово Теперь васъ и меня ждутъ съ нетерпѣніемъ. Не теряйте ни минуты; пользуйтесь темнотой и не жалѣйте лошади, пока не переѣдете границы. Тамъ будетъ у васъ довольно времени подумать о своемъ оправданіи.

— Но, вѣдь, о немъ и думать нечего: вѣдь я невиненъ!.. возразилъ гражданинъ.

— О, не говорите пустяковъ! нетерпѣливо перебилъ его компаніонъ, и не питайте надежды на это. Дѣлайте, что вамъ говорятъ: летите отсюда безъ оглядки; иначе—рука, которая теперь протянута для вашего спасенія, неизбѣжно поднимется, чтобы покончить съ вами.

Гражданинъ схватилъ горячо протянутую ему руку, — руку, отъ прикосновенія которой онъ, въ другое время, съ содроганіемъ-бы отвернулся, и, отъ полноты чувствъ, могъ проговорить только: „На всю жизнь, вашъ должникъ...“ И они разстались. Агентъ его эминенціи направилъ лошадь къ замку, между тѣмъ какъ гражданинъ Ла-Рошеля далъ шпоры своему скакуну и пустился бѣшенымъ галопомъ дальше отъ опаснаго мѣста и, торопясь скорѣе достичь границы, не дѣлалъ ни одной остановки, пока не оставилъ за собой Францію, куда ему не привелось вернуться до самой смерти кардинала.

Продолжительность человѣческой жизни.

Очеркъ.

Мы хорошо знаемъ—какъ безконечно разнообразенъ возрастъ достигаемый людьми. Одни живутъ очень долго, другіе — умираютъ едва достигнувъ полнаго разцвѣта своихъ силъ. Есть немалое число счастливцевъ, передъ которыми прошло столѣтіе и больше, прежде нежели они навѣки закрывали свои утомленные глаза... Но можетъ-ли человѣкъ вообще достигать и даже переходить столѣтній возрастъ?—Французскій ученый, г. де Солявилль, вошелъ по этому вопросу въ крайне интересное изслѣдованіе:

Во Франціи, Бюффонъ первый сдѣлалъ попытку опредѣленія крайняго предѣла человѣческой жизни. Этимъ предѣломъ былъ семидесяти-шести-лѣтній возрастъ, по его мнѣнію: возмужалости-же человѣкъ достигаетъ въ шестнадцать лѣтъ. Большую продолжительность жизни библейскихъ патріарховъ онъ объяснялъ меньшей плотностью земли и ея предметовъ, слабостью силы тяжести и большею гибкостью человѣческаго тѣла, которое „будучи въ состояніи рости дольше, могло, вслѣдствіе этого, и жить продолжительнѣе“. Однако, разсужденія по этому предмету знаменитаго естествоиспытателя вообще весьма слабы... Онъ не признавалъ, чтобы человѣкъ могъ достигать высокаго возраста даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ тоже время онъ поддерживалъ странное положеніе, что жизнь всюду имѣетъ одинаковую продолжительность, безъ различія племени, степени цивилизаціи, мѣстности, достатка, образа жизни — деревенскаго или городскаго... Оно было, конечно, совершенно опровергнуто послѣдующими наблюденіями. Впрочемъ, дальше самъ Бюффонъ предлагалъ отнести могущія встрѣтиться различія въ возрастѣ—къ чистотѣ воздуха, и вообще замѣчаетъ, что въ возвышенныхъ странахъ стариковъ встрѣчается обыкновенно больше, чѣмъ въ низменныхъ...

Возвращаясь-же къ возрасту библейскихъ патріарховъ, скажемъ, что нѣмецкій ученый Гейслеръ показалъ разницу лѣто-

Библиотека "Руниверс"

счисленія древнихъ сравнительно съ нами. До Авраама годъ состоялъ у нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ лишь изъ трехъ мѣсяцевъ, изъ одного времени года. Такимъ образомъ, былъ весенній годъ, лѣтній, осенній и зимній. Послѣ Авраама годъ превратился въ восемь мѣсяцевъ, а послѣ Іосифа—въ двѣнадцать. „До Авраама—пишетъ д-ръ Бурдонъ—когда говорили, что кто нибудь прожилъ только сто лѣтъ, это значило, что онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ. А если человѣкъ вступалъ въ бракъ не достигнувъ этого возраста, то это относили къ его легкомыслію и неосторожности".

Вольтеръ, довольно свободно бравшійся иногда разрѣшать различные физіологическіе вопросы, касался и настоящаго. „Относительно продолжительности жизни—сказалъ онъ въ одномъ мѣстѣ—представляется весьма вѣроятнымъ, что всѣ человѣческія расы отличались почти такою же короткою жизнью, какъ и мы. Такъ какъ животныя, деревья и всѣ произведенія природы имѣютъ всегда одинаковую продолжительность существованія, то смѣшно было бы исключать намъ самихъ себя изъ этого правила". Однако, дальше, приводя примѣры высокаго возраста, достигнутаго нѣкоторыми государственными людьми индійскихъ имперій, онъ восклицаетъ: „Безспорно, климатъ Индіи наиболѣе благопріятствуетъ человѣческой природѣ. Нерѣдко можно видѣть здѣсь стариковъ ста-двадцати лѣтъ... Вообще, умѣренный человѣкъ пользуется въ этой странѣ долгой и здоровой жизнью..."

Такъ неустойчивы были мнѣнія по занимающему насъ вопросу двухъ французскихъ геніевъ...

Въ недавнее-же время, уже знаменитый физіологъ Флурансъ опредѣлилъ, что въ двадцать лѣтъ человѣкъ достигаетъ полнаго развитія и можетъ прожить въ пять разъ болѣе, весьма рѣдко переходя такимъ образомъ столѣтній возрастъ. Но этотъ ученый допускаетъ уже, что возможно значительно удлинить свою жизнь, обставивъ ее извѣстными условіями благосостоянія, умѣренности, избѣгая заботъ и треволненій, усвоивъ себѣ правильныя привычки и строго слѣдуя требованіямъ гигіены. „*Человѣкъ скорѣй убиваетъ себя, нежели умираетъ...*" замѣчаетъ Флурансъ, и въ этихъ его словахъ звучитъ много горькой правды.

Другой, также пользующійся извѣстностью, физіологъ, д-ръ Гуфеландъ, выразилъ въ 1841 году мысль, что высокій возрастъ, достигаемый иногда людьми, могъ бы быть нормальнымъ, ибо доступенъ всѣмъ людямъ при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ. А дѣйствительность показываетъ, что и въ настоящее время можно жить 150 лѣтъ и даже болѣе. Мало того, вскрытіе англичанина Томаса Парръ, умершаго 152-хъ-лѣтъ, обнаружило, что всѣ его органы находились въ совершенно здоровомъ состояніи, и онъ могъ-бы жить долго еще, еслибъ измѣненіе въ условіяхъ жизни не привело его къ печальному концу. „Нѣтъ ничего невѣроятнаго, поэтому, въ утвержденіи, что организація и жизненная сила человѣка—могутъ: одна сохраняться, другая—дѣйствовать впродолженіи двухъ столѣтій". Д-ръ Бертэло приводитъ, далѣе, въ примѣръ одного путешественника, который, родившись съ здоровой организаціей и ведя трудолюбивую, но правильную жизнь, достигъ возмужалости гораздо позднѣе, чѣмъ она обыкновенно достигается, женился и сдѣлался отцомъ 70 ти лѣтъ и прожилъ еще до 120 лѣтъ.

Нѣмецкіе физіологи также признаютъ возможность для человѣка вообще жизни гораздо болѣе продолжительной. Такъ Галлеръ рѣшительно утверждалъ, что человѣкъ можетъ жить до двухсотъ лѣтъ. Тоже самое говорилъ Гуфеландъ, профессоръ Карунъ, д-ръ Бюхнеръ...

Англійскій физіологъ Гардперъ считаетъ мѣрою продолжительности человѣческой жизни періодъ его полнаго сформированія; но послѣдній бываетъ различенъ, заключаясь между 18 и 21 годомъ. Поэтому, жизнь человѣческая длится между 90 и 105 годами.

Изъ всего этого видно, что ученые значительно расходятся между собою по занимающему насъ вопросу.

Обратимся-же въ такомъ случаѣ отъ разнорѣчивыхъ мнѣній къ фактамъ, предоставляемымъ исторіею и дѣйствительностью.

Греческіе писатели приводятъ жизнеописанія людей, достигавшихъ высокаго возраста, и къ числу такихъ лицъ, жившихъ сто и болѣе лѣтъ, оказываются принадлежащими—философы, моралисты, поэты, артисты и т. п. Такъ Солонъ, Ѳалесъ, Эпименидъ, Питтака, четверо изъ семи великихъ мудрецовъ Греціи, жили болѣе 100 лѣтъ.

А по Плинію, Эпименидъ, поэтъ и историкъ, умеръ 152 лѣтъ. Аристархъ, трагическій поэтъ, жилъ сто лѣтъ. По Валерію Максиму, Софоклъ писалъ почти столѣтнимъ старикомъ своего *Эдипа*. Сатирическій поэтъ Демокритъ умеръ 109 лѣтъ. Великій ораторъ Изократъ умеръ 99 лѣтъ. Такого-же возраста достигъ Гиппократъ, отецъ знаменитаго медика. Философъ Ѳеокрастъ умеръ 107 лѣтъ. Безсмертный Галенъ дожилъ почти до столѣтняго возраста, подобно своему великому предшественнику Гиппократу.

Такъ точно и римляне имѣли соотечественниковъ, жившихъ очень долго. Такъ Ювеналъ умеръ достигнувъ ста лѣтъ; Варронъ—98, Тутусъ—111 лѣтъ.

Женщины одинаково достигали преклоннаго возраста. Такимъ образомъ Теренція, разведенная жена Цицерона, умерла старѣе ста лѣтъ, три раза вступая въ замужество. Поэтъ Марціанъ сочинилъ эпитафію одной женщинѣ, умершей въ его время въ баснословномъ возрастѣ—200 лѣтъ. Фокусница Галерія занималась еще своимъ ремесломъ ста лѣтъ и умерла ста четырехъ. Клавдія, жена одного сенатора, умерла 115 лѣтъ. А перепись, произведенная при Веспасіанѣ въ 74 году по Рождествѣ Христовѣ, дала слѣдующія данныя: 54 человѣка объявили себя имѣющими сто лѣтъ; 114 чел. отъ 100 до 110 лѣтъ; 2 чел. отъ 110 до 125 лѣтъ; 4 чел. отъ 125 до 130 лѣтъ; 4 чел. отъ 130 до 135 лѣтъ; 3 чел. отъ 135 до 140 лѣтъ.

По отношенію къ Франціи имѣются достойныя довѣрія данныя лишь начиная съ XIII вѣка. Обыкновенно, единственнымъ основаніемъ для нихъ служатъ показанія современниковъ и лицъ заинтересованныхъ. Такъ какъ въ эту эпоху населеніе, особливо земледѣльческое, жило обыкновенно дома, родясь и умирая въ своихъ приходахъ, на глазахъ окружающихъ, то въ мемуарахъ и газетахъ заключаются, можно полагать, до извѣстной степени вѣрныя свѣдѣнія по интересующему насъ предмету. По этимъ документамъ—далеко не отличающимся полнотою—во Франціи насчитывается за столѣтіе немного больше ста лицъ, достигшихъ высокаго возраста, главнымъ образомъ мужчинъ. Однако, до наиболѣе высокаго возраста оказывается доживали женщины... Земледѣльцы, какъ и слѣдовало ожидать, даютъ значительный процентъ представителей престарѣлаго возраста. Обратное явленіе выражаютъ собою рабочіе и городскіе жители. Такъ точно не достигаютъ высокаго возраста представители знати, невзирая на превосходство свое передъ другими сословіями по отношенію къ благосостоянію. Тоже явленіе обнаруживаютъ и представители свободныхъ профессій.

Нерѣдки, оказывается, случаи плодородія въ зрѣлые года. Въ деревняхъ въ особенности, мужчины дѣлаются отцами, а женщины матерями въ такихъ возрастахъ жизни, когда производительныя силы обыкновенно перестаютъ дѣйствовать. Современники приводятъ, далѣе, примѣры того, какъ люди вдругъ молодѣли,—примѣры крайне маловѣроятные, хотя они смѣло заносились въ научные сборники... Такъ, будто у нѣкоторыхъ столѣтнихъ стариковъ волосы дѣлались черными, прорѣзывались новые зубы, исчезали морщины...

Умѣренность составляетъ повидимому характерную черту лицъ, достигшихъ высокаго возраста. Тѣмъ не менѣе, изъ числа такихъ счастливцевъ приходится упомянуть о двухъ порядочныхъ пьяницахъ... Далѣе, большая часть—неутомимые ходоки, проходившіе ежедневно большія пространства,—на службу, или по требованію труда, которымъ занимались. Наконецъ, они имѣли обыкновеніе рано ложиться и рано вставать. Вотъ нѣсколько примѣровъ большой продолжительности жизни:

Дипломатъ Виньякуръ умеръ 103 лѣтъ, отправляя свои обязанности. Три адвоката, Лярокъ, Коста и Гревенъ, достигли—первые два по 111 лѣтъ, третій—107. Лефебръ де Лезо присутствовалъ еще въ королевскомъ совѣтѣ, будучи ста лѣтъ. Шарль Кольберъ, братъ знаменитаго министра, умеръ 104 лѣтъ. Маркизъ де Балестрэнъ, знаменитый своими сатирическими стихами, прожилъ до 117 лѣтъ.—14 іюля 1799 года, въ десятую годовщину взятія Бастиліи, два инвалида, одинъ 106, другой 107 лѣтъ, обѣдали у перваго консула.

Это—въ прошломъ столѣтіи. Что-же касается текущаго, то въ немъ случаи продолжительной жизни встрѣчаются гораздо чаще. Даже произойдя въ какихъ либо невѣдомыхъ, отдаленныхъ мѣстахъ страны, они заносились на страницы газетъ,—особливо въ послѣднее время, когда проявился интересъ къ настоящему вопросу.

Въ 1800 году умеръ въ Шагобріанѣ 117 лѣтъ медикъ по имени Франсуа де Бонэнъ. Вступивъ восьмидесяти лѣтъ во второй бракъ, онъ имѣлъ отъ него столько же дѣтей, сколько и отъ перваго—16!.. Въ 1810 году умеръ въ Парижѣ 120 лѣтъ другой врачъ г. Дюфурнэ; женившись 90 лѣтъ на двадцатишести-лѣтней дѣвушкѣ, онъ имѣлъ еще отъ нея двухъ дѣтей!.. Г-жа Фулонъ, сестра несчастнаго мануфактуриста, убитаго чернью въ 1789 году, умерла въ Парижѣ 104 лѣтъ. Въ 1842 г. жилъ еще въ Парижѣ, имѣя уже 114 лѣтъ отъ роду, но здоровый старикъ—г. Декерсоньеръ, неизвѣстно, когда умершій... 22 октября 1877 года, отставной офицеръ, г. Дюрой, ста четырехъ лѣтъ, присутствовалъ на свадьбѣ двухъ своихъ правнучекъ, пѣлъ за обѣдомъ обычные куплеты и открылъ балъ.

По отношенію къ Англіи, весьма многочисленны примѣры продолжительной жизни, приведенные г. Томисономъ, въ его книгѣ Curiosities of Longevity. И это неудивительно—при здоровомъ климатѣ страны, со всѣхъ сторонъ омываемой морскими приливами. Названный авторъ упоминаетъ между прочимъ объ одномъ крестьянинѣ, который умеръ 172 лѣтъ!—и удостоился вслѣдствіе этого погребенія въ Вестминстерѣ!.. Другой старикъ жилъ еще дольше—175 лѣтъ, и память о немъ сохранилась въ странѣ до сихъ поръ.

Знаменитый философъ, Бэконъ, приводитъ въ своей книгѣ De vita et morte примѣры своихъ современниковъ, жившихъ по 150 и 160 лѣтъ,—„возрасты, говоритъ онъ, доказываемые юридическими, вполнѣ достовѣрными документами". Безспорно большой продолжительностью жизни наслаждалось семейство упомянутаго выше Томаса Парръ, умершаго въ Лондонѣ 152 лѣтъ. Онъ оставилъ послѣ себя трехъ внуковъ, изъ которыхъ одному было 124, другому—125, третьему—126 лѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1806 году, въ инвалидномъ госпиталѣ въ Гринвичѣ насчитывалось около 120 сто-лѣтнихъ старцевъ, изъ которыхъ 13 были холостяками. Новое доказательство продолжительности жизни прежнихъ представителей войны и меча. Въ 1875 году нѣкто явился въ одно лондонское страховое общество съ цѣлью застраховать свою жизнь. По обыкновенію спрошенный о возрастѣ своихъ родителей и дѣдовъ, онъ отвѣчалъ: „Со стороны отца—дѣдушка умеръ 110 лѣтъ, бубушка—95; съ материнской стороны—100 и 98 лѣтъ. Мать моя жива до сихъ поръ, ей 105 лѣтъ, а отецъ умеръ 108".

Нищета и всѣ неблагопріятныя условія, соединенныя съ нею, совмѣщаются однако иногда съ большой продолжительностью жизни. Такъ, въ 1876 году умеръ въ самой нездоровой части Лондона одинъ бѣднякъ, достигшій тѣмъ не менѣе 102 лѣтъ. Другой, получавшій содержаніе отъ прихода, умеръ 103 лѣтъ.

И въ Англіи женщины даютъ значительный процентъ лицъ, живущихъ весьма долго.

Конечно, на памяти у каждаго довольно многочисленные у насъ случаи продолжительной жизни, приводимые по временамъ въ нашихъ газетахъ и журналахъ... И можно, кажется, съ большой вѣроятностью утверждать, что Россія занимаетъ въ этомъ отношеніи не послѣднее мѣсто, имѣя въ виду главнымъ образомъ низшій земледѣльческій классъ ея населенія. Въ самомъ дѣлѣ, умѣренный климатъ, разбросанность населенія, самое занятіе, совершающееся, такъ сказать, на здоровомъ „лонѣ природы",—все это суть условія, благопріятствующія достиженію преклоннаго возраста. И дѣйствительно, столѣтніе старики и старухи зачастую встрѣчаются въ нашихъ деревняхъ. Явленіе это въ такой мѣрѣ обычно, что не вызываетъ ни въ комъ того изумленія, съ какимъ относятся къ нему въ Западной Европѣ. А въ тоже время эти люди престарѣлаго возраста поражаютъ подчасъ наблюдателя своей силой и бодростью, столь долго сохраняющимися... Но—какъ сказалъ французскій статистикъ Бертильонъ по отношенію къ своей родинѣ—люди престарѣлые, составляя честь страны, не составляютъ ея силы...

Мы не будемъ болѣе приводить примѣровъ продолжительной жизни. Достаточно сказать, что всюду, безъ различія расы, климата, можно найти людей, достигшихъ ста и болѣе лѣтъ, людей обоего пола, преимущественно въ среднихъ и низшихъ классахъ общества. Вообще-же, по переписи, при 212.940,376 жителяхъ въ 1870 году въ Европѣ (кромѣ Россіи, Турціи и нѣкоторыхъ южныхъ странъ) оказалось: 17.313,71 въ возрастѣ болѣе 60 лѣтъ; 79,859 болѣе 90 л., и 3,108—болѣе 100 лѣтъ; другими словами: 1 житель старѣе 60 лѣтъ приходился на 12 чел.; 1 старѣе 90 лѣтъ—на 2,669, и 1 старѣе 100 лѣтъ на 62.503 человѣка. Эта-же перепись обнаружила интересный фактъ—преобладанія женщинъ надъ мужчинами въ престарѣлыхъ годахъ, то есть, первыя чаще вторыхъ достигаютъ преклоннаго возраста и тѣмъ чаще, чѣмъ выше этотъ возрастъ.

Увеличивается, или уменьшается число лицъ, достигающихъ преклоннаго возраста, на извѣстное количество жителей? Франція даетъ нѣкоторый матеріалъ для рѣшенія этого интереснаго вопроса. Между 1824—37 годами среднимъ числомъ ежегодно умирало 152 человѣка сто-лѣтняго возраста, а между 1853—60 годами, насчитывается, что ежегодно смерть уносила меньшую среднюю цифру людей столь высокаго возраста, а именно: 111 человѣкъ, при народонаселеніи, увеличившемся между тѣмъ на 20 процентовъ... Впрочемъ, здѣсь увеличилась зато средняя продолжительность жизни, что гораздо благопріятнѣе для страны.

Извѣстенъ образъ жизни многихъ изъ тѣхъ, которые достигали преклоннаго возраста. На первомъ мѣстѣ, за рѣзкими исключеніями, нужно поставить при этомъ важнѣйшее условіе—умѣренность и правильность привычекъ; далѣе слѣдуетъ наслѣдственность, относительное благосостояніе, отсутствіе сильныхъ и частыхъ ощущеній, возможно продолжительное пребываніе въ деревнѣ, наконецъ,—мирное и здоровое занятіе. Значитъ, до извѣстной степени, въ волѣ человѣка—значительно продлить свою жизнь... Знаменитый немного юмористическій нѣмецкій физіологъ Гоффманнъ преподалъ съ своей стороны слѣдующія средства для этого: „Избѣгать излишества во всемъ; сохранять старыя привычки, *даже дурныя* (?); дышать чистымъ воздухомъ; пользоваться пищей, соотвѣтствующей тѣлосложенію; избѣгать *медицинъ* и *врачей;* имѣть сердце спокойное, легкое, духъ удовлетворенный".

Къ рисункамъ.

На морскихъ купаньяхъ во Франціи.

(Рис. на стр. 608 и 609).

Въ наше время такого развитія желѣзныхъ дорогъ кто не побывалъ на какихъ нибудь морскихъ купаньяхъ? Кто не видалъ этихъ традиціонныхъ купальныхъ будочекъ, разбросанныхъ многочисленными рядами по бѣлому песку морскаго прибрежья, этихъ играющихъ и роющихся въ пескѣ дѣтей, этихъ купальщицъ и купальщиковъ, погружающихся въ свѣжія, могучія морскія волны въ ихъ легкихъ костюмахъ? Костюмы эти и купанье мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ—на непривычнаго и свѣжаго человѣка производятъ понятно странное и съ перваго раза поражающее впечатлѣніе. Но человѣкъ ко всему привыкаетъ и это въ такой степени вошло въ обычай, что объ этомъ никто и не думаетъ. Но въ Германіи, напр., купаются мужчины и женщины отдѣльно.

На картинѣ Гаварни изображена именно часть морскаго берега съ купальщиками и будочками. Въ морѣ уже видны нѣсколько человѣкъ и на первомъ планѣ молодая дѣвушка готовится погрузиться въ холодныя волны. Другіе сидятъ на берегу, разговариваютъ, наблюдаютъ другъ друга. Многіе любятъ сидѣть здѣсь цѣлыми часами, меланхолически и мечтательно вперивъ взоры въ волнующееся, мѣрно и монотонно шумящее море, слушая гулъ прибоя, шуршаніе песку и скрипъ прибрежныхъ голышей подъ напоромъ набѣгающей волны.

Добрые друзья.

(Рис. на стр. 613).

Молоденькая хозяйка, вставъ утромъ и отправляясь на свою обычную прогулку въ сопровожденіи вѣрной, большой собаки, никогда не забываетъ взять съ собою что нибудь, чтобы покормить свою любимую лошадку, которая ей доставляетъ столько удовольствія, на которой она носится по полямъ и тѣнистому лѣсу. Умный песъ внимательно и повидимому весьма одобрительно смотритъ на это кормленіе товарища своихъ прогулокъ, ибо и онъ съ громкимъ и веселымъ лаемъ всегда скачетъ впереди своей хозяйки, когда она катается, и всѣ трое изображенныхъ на картинѣ—несомнѣнно „добрые друзья".

Выставка въ Имп. Акад. Художествъ.

(Рис. на стр. 616 и 617).

Кромѣ громкихъ именъ на послѣдней художественной выставкѣ въ Императорской Академіи Художествъ нельзя было не замѣтить произведеній молодыхъ артистовъ, весьма симпатичнаго содержанія и при томъ произведеній прекрасно исполненныхъ. При этомъ съ удовольствіемъ надо отмѣтить тотъ фактъ, что художники, почти всѣ, преимущественно стали обращаться къ русской жизни и русской исторіи. Нельзя сказать, чтобы всѣ усилія въ этомъ направленіи увѣнчались полной и блестящей удачей, но уже самый фактъ такого обращенія къ изученію родины нельзя не привѣтствовать.

Два произведенія по разнымъ отраслямъ искусства, по живописи и скульптурѣ, копіи коихъ мы здѣсь представляемъ, принадлежатъ именно къ вещамъ удавшимся и производящимъ весьма пріятное впечатлѣніе. „Съ работы"—очень милый жанръ г. Платонова, переноситъ насъ въ поле, въ деревню, въ страдную пору, когда вечеромъ съ сѣнокоса возвращается молодая стройная работница. На сѣнокосъ одѣваются косцы какъ на праздникъ; далеко по зеленому лугу, среди рядовъ скошенной травы и блеска косъ, мелькаютъ ярко красныя рубахи, слышится веселый смѣхъ, молодые голоса, слышатся пѣсни и съ поля вѣетъ здоровой, чудной свѣжестью. Но вотъ молодица наработалась и возвращается домой.

„Безъ пяпьки"—произведеніе молодаго скульптора г. Каменскаго, исполнено очень хорошо. Малютка такъ смѣшно и мило возится въ тазу, все перемочилъ, перемялъ и съ серьезнымъ сосредоточеннымъ личикомъ продолжаетъ свою работу.

Пожарный сторожевой постъ на башнѣ св. Стефана, въ Вѣнѣ.

(Рис. на стр 621).

На самой вершинѣ башни вѣнской соборной церкви св. Стефана устроенъ на городскія средства постоянный сторожевой постъ, имѣющій въ своемъ наблюденіи какъ самый городъ, такъ и его предмѣстье. Съ помощью особаго аппарата, показывающаго посредствомъ движущихся горизонтально и вертикально дугъ зрительной трубы и съ помощью книги, подробно указывающей всякую мѣстность, сообразно цифрамъ сошедшимися на дугахъ по наведеніи трубы узнается данное мѣсто. Такъ наприм., наведя на извѣстный пунктъ трубу, на движущихся дугахъ получаются двѣ цифры, положимъ 696 и 847. Тогда телеграфистъ ищетъ въ книгѣ, какой мѣстности и дому соотвѣтствуютъ полученныя цифры. Такимъ образомъ узнается мѣстность мгновенно и пожарнымъ не приходится розыскивать ее. Дежурный можетъ совершенно точно опредѣлить тотъ пунктъ, гдѣ показался дымъ или пламя; завидѣвъ то или другое, онъ тотчасъ же телеграфируетъ и даетъ знать объ опасности къ подлежащимъ начальникамъ пожарной команды. Такъ это случилось и при недавнемъ пожарѣ вѣнскаго городскаго театра, когда вечеромъ, довольно рано, былъ замѣченъ съ башни св. Стефана дымъ надъ зданіемъ театра. Пожарные тотчасъ же были посланы къ этому пункту и успѣли занять зданіе, когда оно еще было совершенно пусто и даже закрыто, такъ какъ время вечерняго представленія еще не наступило. Двое дежурныхъ поселяются на башнѣ обыкновенно на цѣлую недѣлю, и каждые шесть часовъ смѣняютъ другъ друга. Сюда смотритель

Библиотека "Руниверс"

Вѣна. Пожарный сторожевой постъ на башнѣ Св. Стефана. По рис Gr. грав. Флюгель.

Библиотека "Руниверс"

башни носить имъ воду и припасы и они уже сами приготовляютъ себѣ кофе и пищу, живя въ теченіи цѣлой недѣли, какъ бы на необитаемомъ островѣ, на этой башнѣ, въ полномъ почти разобщеніи съ внѣшнимъ міромъ.

Возокъ и колымага Строгановыхъ.

(Рис. на стр. 624).

Родъ Строгановыхъ одинъ изъ самыхъ древнихъ: по словамъ Карамзина, они происходили отъ знатнаго крещенаго мурзы золотой орды, именемъ Спиридона, научившаго русскихъ употребленію счетовъ. Татары, имъ озлобленные, взяли его въ плѣнъ, измучили и будто бы *застрогали* до смерти. Сынъ его потому былъ названъ Строгановымъ, а внукъ способствовалъ освобожденію великаго князя Василія Темнаго, бывшаго плѣнникомъ въ казанскихъ улусахъ. По другому преданію, болѣе вѣроятному, Строгановъ происходитъ изъ дома Добрынинныхъ, отъ стародавней фамиліи новгородской. Дѣйствительно, въ уѣздахъ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ, старинныхъ областяхъ новгородскихъ, Строгановъ съ незапамятныхъ временъ, задолго до Іоанна IV, владѣлъ обширными помѣстьями, которыя переходили изъ рода въ родъ по праву наслѣдства. Въ Сольвычегодскѣ находился прародительскій домъ ихъ; здѣсь же сосредоточивалась дѣятельность ихъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ обитателями Перми, Югры и Сибири. Здѣсь же они добыли огромныя богатства соляными промыслами и благодаря этимъ богатствамъ могли выступить на болѣе широкое, историческое поприще. Владѣя обширной страной въ пермскихъ предѣлахъ, Строгановы производили въ ней судъ, какъ феодальные бароны, не завися ни отъ пермскихъ намѣстниковъ, ни отъ московскихъ приказовъ; сами же не подлежали ничьему суду, кромѣ личнаго суда царскаго; имѣли право строить города и крѣпости, содержать людей ратныхъ, лить пушки, воевать съ Сибирью и вести безпошлинно торговлю съ азіатскими народами. Не уступая въ почетѣ знатнѣйшимъ сановникамъ и даже превосходя ихъ преимуществами, Строгановы имѣли особенное званіе „именитыхъ людей", составляли особенное почетное сословіе и удостоились даже чести быть внесенными особенною статьею въ соборное уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Къ концу XVII. вѣка домъ Строгановыхъ сосредоточился въ одномъ лицѣ Григорія Дмитріевича, къ которому перешло и все родовое имущество: Григорій Дмитріевичъ былъ послѣднимъ „именитымъ человѣкомъ", дѣти его, Александръ, Николай и Сергѣй, въ 1722 году получили отъ Петра Великаго званье бароновъ.

Сольвычегодскъ, обязанный своимъ основаніемъ Строгановымъ, былъ долгое время мѣстомъ ихъ постояннаго пребыванія и предметомъ ихъ постоянныхъ попеченій. Строгановы украшали его прекрасными зданіями; построили для себя обширныя и роскошныя хоромы оригинальной и затѣйливой архитектуры, которыя были, къ сожалѣнію, разобраны въ концѣ прошлаго столѣтія. (Изображеніе ихъ было въ „Нивѣ" 1880 № 11). Ихъ же иждивеніемъ возникло въ Сольвычегодскѣ нѣсколько церквей и монастырей и, между прочимъ, соборъ Воздвиженія Креста, составляющій до сихъ поръ украшеніе Сольвычегодска. Въ соборѣ, въ подвальномъ помѣщеніи, до сихъ поръ сохраняются два старинныхъ экипажа, принадлежавшіе нѣкогда Строгановымъ—возокъ и колымага. Въ старину кареты были предметомъ большой роскоши, доступные лишь очень богатымъ людямъ. Такъ, даже въ концѣ царствованія Петра Великаго во всемъ Петербургѣ находилась лишь одна наемная карета, которою и пользовались пріѣзжіе иностранцы. Колымага Строгановыхъ, какъ замѣтно по ея довольно, впрочемъ, ветхимъ остаткамъ, отличалась въ свое время щегольствомъ и роскошью; на ней видны еще слѣды узоровъ, оттиснутыхъ въ кожѣ, и какъ по формѣ, такъ и по отдѣлкѣ, и возокъ, и колымага представляютъ очень интересный образецъ старинныхъ экипажей, въ которыхъ ѣздили наши бояре въ началѣ прошлаго столѣтія.

Новый паромъ Ропера.

(Рис. на стр. 625).

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ пустился въ открытое море, постоянно случались кораблекрушенія, но до сихъ поръ сдѣлано еще очень мало для обезпеченія жизни людей во время несчастія на морѣ. Такъ называемыя спасательныя лодки, привѣшиваемыя по сторонамъ корабля, въ недостаточной степени исполняютъ свое назначеніе, такъ какъ въ бурю, когда люди напуганы близкой опасностью, трудно спустить лодку благополучно въ море; притомъ же она не въ состояніи продержаться долго во время сильныхъ волнъ и неизбѣжно опрокидывается; наконецъ, въ ней можетъ помѣститься только незначительное число людей, такъ что для спасенія пассажировъ большаго корабля потребовалось бы множество лодокъ, для которыхъ трудно найти мѣсто на кораблѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ англичанинъ Роперъ изобрѣлъ паромъ, устраняющій всѣ эти неудобства; примѣненіе этого парома на корабляхъ значительно уменьшитъ опасность.

На каждомъ большомъ пароходѣ есть такъ называемая командирская площадка; иногда ихъ бываетъ даже двѣ. Въ первомъ случаѣ командирская площадка находится на передней части судна, позади фокъ-мачты; вторая же устраивается позади большой мачты. Такая площадка идетъ отъ одного борта къ другому и возвышается на 7—9 футовъ надъ палубой; на ней помѣщается дежурный офицеръ, могущій оттуда свободно обозрѣвать весь горизонтъ и своевременно видѣть опасность и предупреждать ее.

Этими площадками воспользовался Роперъ для своихъ цѣлей и превратилъ ихъ въ спасательные паромы, не отнимая у нихъ первоначальнаго назначенія. Требованія Ропера заключались въ слѣдующемъ: 1) паромъ долженъ быть достаточной величины и силы, чтобы поднять сотни людей; 2) долженъ дѣйствовать въ дурную погоду; 3) давать возможность быстро спускать его на воду съ любой стороны корабля; 4) идти долго по водѣ на веслахъ и подъ парусами, а также вмѣщать необходимый запасъ пищи для потерпѣвшихъ кораблекрушеніе.

Всѣмъ этимъ требованіямъ паромъ соотвѣтствуетъ вполнѣ. Необходимой величины достигли нѣкоторыми простыми приспособленіями площадокъ. Обыкновенная ширина площадокъ составляетъ отъ 6—8 футовъ; она увеличивается сообразно числу людей, находящихся на суднѣ. Конечно, размѣры эти имѣютъ опредѣленныя границы. Для принятія, напр., тысячи пассажировъ потребовался бы такой тяжелый и большой паромъ, справляться съ которымъ не было бы возможности; поэтому для такихъ случаевъ нужно устраивать нѣсколько паромовъ, или на площадкахъ, или въ другихъ частяхъ корабля.

На стр. 625, фиг. 1 изображенъ паромъ, служащій одновременно площадкой для командующаго на большомъ трансатлантическомъ пассажирскомъ пароходѣ; паромъ можетъ вмѣстить 450 человѣкъ. Онъ состоитъ изъ прямоугольной настилки, окруженной крѣпкими желѣзными перилами. Двойной полъ сдѣланъ изъ листоваго желѣза, что дѣлаетъ его въ высшей степени прочнымъ и эластичнымъ и даетъ возможность довольствоваться тоненькими пластинками, естественно уменьшающими общій вѣсъ. Двойной полъ имѣетъ въ діаметрѣ два и $1^1/_2$ фута и состоитъ изъ множества плотныхъ клѣтокъ, которыя не только придаютъ ему крѣпость, но также увеличиваютъ его способность плаванія и безопасность. При поврежденіи, напр., парома отъ толчка, водою наполняется только одна или нѣсколько маленькихъ клѣточекъ, но онъ все же продолжаетъ стойко держаться на водѣ.

Перила сдѣланы изъ желѣзныхъ палочекъ, внизу на футъ вышины обложены жестью, остальная же часть образуетъ рѣшетку. Такой паромъ сидитъ въ водѣ на три дюйма, а съ 450 пассажирами погружается на $1^1/_2$ фута, такъ что, благодаря упомянутой жестяной обшивкѣ у перилъ, свободнаго борта остается 2 и $2^1/_2$ фута. При неглубокой посадкѣ паромъ очень мало страдаетъ отъ волнъ, которыя при напорѣ приподымаютъ его на себѣ и проходятъ не нанося вреда, такъ точно какъ волны приподымаютъ плавающую балку. Но если бы даже волна и попала на паромъ, то она тотчасъ стекаетъ по ровному полу.

Затѣмъ спускъ парома безъ всякихъ затрудненій и безъ лишней потери времени, какъ въ дурную погоду, такъ и ночью, также счастливо и просто разрѣшенъ Роперомъ, и эта именно простота придастъ высокую цѣну изобрѣтенію.

Спасательный паромъ А, все время, пока онъ служитъ площадкой для командованія, покоится на двухъ горизонтально лежащихъ, крѣпкихъ, желѣзныхъ балкахъ аа (стр. 625, фиг. 2), которыя идутъ поперекъ отъ борта къ борту корабля. Балки эти въ срединѣ поддерживаются столбами с и соединены съ ними осями, на которыхъ могутъ двигаться въ вертикальномъ направленіи. Такъ какъ обѣ половины балокъ уравновѣшиваются, то спускъ и подъемъ конечныхъ ихъ пунктовъ требуетъ мало силы. У бортовъ корабля съ каждой стороны придѣланы вертикальные крѣпкіе столбы (bb), къ которымъ концы большихъ балокъ парома, все время пока онъ служитъ площадкой, простымъ и удобнымъ приспособленіемъ прикрѣпляются такъ прочно, что не сдвигаются во время самой сильной качки корабля.

Спускъ спасательнаго парома производится тройкимъ способомъ и безъ всякой задержки, благодаря цѣлесообразнымъ приспособленіямъ. Паромъ бываетъ длиненъ настолько, что передній его конецъ лежитъ на водѣ, а задній покоится еще на балкахъ. Въ силу своей плавательной способности онъ не погружается въ воду, какъ бы это случилось съ лодкой, но приподнимается ею. По окончательномъ спускѣ онъ придерживается еще канатомъ, чтобы дать возможность сойти на него людямъ, если они не помѣстились на немъ раньше. Вполнѣ оснащенный и готовый паромъ изображенъ на фиг. 3, стр. 625.

Нельзя не пожелать, чтобы всѣ пассажирскія и торговыя суда воспользовались этимъ въ высшей степени цѣлесообразнымъ изобрѣтеніемъ.

Библиотека "Руниверс"

Политическое обозрѣніе.

Англія и Египетъ.—Франція и Китай.—Нидерланды.—Болгарія и Сербія.

Конференція по устройству египетскихъ финансовъ уже открыла въ Лондонѣ свои засѣданія; проектъ Англіи сообщенный делегатамъ, состоитъ въ слѣдующемъ: „проценты по объединенному долгу предполагается уменьшить до 3½, а по привиллегированному до 4½; проценты же по долгу Данры оставить безъ измѣненія, если доходовъ будетъ достаточно для ихъ уплаты; въ противномъ случаѣ, египетское правительство должно добавить недостающую сумму, за отчисленіемъ полутора процентовъ. Проценты по долгу государственныхъ имуществъ предположено оставить безъ измѣненія; дѣйствія кассы погашенія привиллегированнаго и объединеннаго долговъ пріостановить. Проценты по облигаціямъ Суэзскаго канала, находящимся въ рукахъ англійскаго правительства, будутъ сокращены на ½ или ¾ процента. Англійское правительство ссужаетъ или гарантируетъ ссуду Египту въ восемь милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на уплату вознагражденія лицамъ, потерпѣвшимъ убытки и на покрытіе другихъ издержекъ. Сумму взимаемыхъ въ Египтѣ налоговъ предполагается уменьшить на 3½ или 4 милліона фунтовъ стерлинговъ.“ Уже теперь предвидятъ, что на конференціи возникнутъ серьозныя разногласія по вопросу о сокращеніи процентовъ по египетскимъ долгамъ, хотя лондонская журналистика и продолжаетъ настаивать на необходимости помянутаго сокращенія, какъ на единственномъ средствѣ исправить египетскіе финансы. Между тѣмъ парижская газета „Temps“, близко стоящая къ оффиціальнымъ сферамъ, прямо заявляетъ, что конференція не должна касаться уже существующихъ и гарантированныхъ правъ частныхъ лицъ и посягать на доходы, предназначенные для удовлетворенія кредиторовъ, тѣмъ болѣе, что невзирая на трудныя обстоятельства переживаемыя Египтомъ со времени британской оккупаціи, проценты по египетскимъ облигаціямъ уплачивались правильно и своевременно изъ предназначенныхъ спеціально для нихъ источниковъ.

Предстоящее конференціи дѣло, говоритъ въ заключеніе газета „Temps“, будетъ прочно, справедливо и достойно правосудія и обаянія Европы, лишь въ томъ случаѣ, если представители державъ посвятятъ сначала всѣ свои работы огражденію признанныхъ Европой частныхъ правъ. Второй французскій уполномоченный на конференціи, Блиньеръ, тоже заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ уменьшенія процентовъ по египетскимъ иностраннымъ долгамъ и кромѣ того собирается выступить съ особымъ проектомъ, который укажетъ средства исправить египетскіе финансы безъ сокращенія суммъ отчисленныхъ казной Хедива на уплату по купонамъ облигацій. Извѣстіе о паденіи Бербера теперь подтверждается оффиціально. 14 (26) мая гарнизонъ его подвергся внезапному нападенію и вынужденъ былъ сдаться, послѣ чего былъ почти весь перебитъ мятежниками: женщины и дѣти были пощажены арабами. Нападенія на Суакимъ происходятъ каждую ночь, по повидимому ограничиваются нѣсколькими ружейными выстрѣлами противъ фортовъ. Губернаторъ Донголы телеграфируетъ, что онъ не очиститъ города до наступленія рамазана, что доказываетъ, что его положеніе не такъ безнадежно, какъ предполагали. Хартумъ остается въ рукахъ правительства и между Берберомъ и Хартумомъ вообще арабовъ мало. Въ Геджасѣ и Іеменѣ господствуетъ сильная агитація въ пользу Махди. Съ Суданомъ Аравія находится въ постоянныхъ сношеніяхъ и мусульманское движеніе въ ней грозитъ разростись до тревожныхъ для Турціи размѣровъ.

По сообщенію изъ Ханоя, Тянь-Цзинскій трактатъ совершенно нарушенъ со стороны китайцевъ. Такъ, французскій отрядъ, двинувшійся для занятія города Лонгъ-Сонга, долженствовавшаго по смыслу трактата перейти во владѣніе французовъ, былъ атакованъ четырьмя тысячами китайскихъ регулярныхъ солдатъ съ артиллеріей. Французы удержали свои позиціи и отбѣсили непріятеля съ самой ничтожной потерей. Китайское посольство хотя и заявило, что его правительство совершенно чуждо этому происшествію, и что на французовъ напали вѣроятно не регулярныя войска, а дезертиры и мятежники, но все-таки военныя дѣйствія опять готовы возобновиться. Генералъ Негріе съ подкрѣпленіями соединился съ французской колонной и ожидаетъ только инструкцій. Неподалеку отъ французовъ, между Лонгъ-Сонгомъ и Бакле, стоятъ китайскіе генералы Вуэнгъ-Іи и По-Ни съ десятитысячнымъ отрядомъ регулярныхъ войскъ.

Смерть принца Александра Оранскаго вызвала престарѣлаго нидерландскаго короля Вильгельма III изъ Карльсбада, для присутствованія при погребеніи сына. Для обезпеченія престолонаслѣдія за оранской династіей, обѣ палаты генеральныхъ штатовъ должны собраться въ общее засѣданіе и провозгласить наслѣдницей нидерландскаго престола дочь короля, принцессу Вильгельмину, а въ виду ея малолѣтства, назначить совѣтъ регентства, подъ предсѣдательствомъ родной матери принцессы, королевы Эммы. Скончавшійся принцъ Александръ родился въ Гаагѣ 25 августа 1851 года и былъ второй сынъ Вильгельма, короля нидерландскаго и великаго герцога люксембургскаго. Наслѣдникомъ обѣихъ этихъ коронъ онъ сдѣлался со смерти своего старшаго брата. Увѣряютъ, что второй бракъ его отца съ принцессою Вальдекъ и Пирмонтъ огорчилъ его до такой степени, что онъ съ тѣхъ поръ никогда не появлялся при дворѣ и даже ни разу не видалъ ни своей молодой мачихи, ни своей сестры отъ втораго брака Вильгельмины, къ которой теперь переходятъ наслѣдственныя права. Усопшій принцъ былъ холостъ, всегда жилъ замкнутою жизнью, среди небольшаго кружка друзей, занимаясь своими книгами.

По сообщенію изъ Вѣны, сербское и болгарское правительства заранѣе согласились вполнѣ подчиниться рѣшенію державъ-посредницъ. Такой оборотъ дѣла дастъ надежду, что возникшее столкновеніе будетъ миролюбиво улажено.

Смѣсь.

Растеніе „Не тронь меня“. Это было на роскошномъ Малайскомъ полуостровѣ, въ президентствѣ Куала-Канза, въ Перанѣ, когда извѣстная англійская путешественница Изабелла Бирдъ увидѣла по обѣимъ сторонамъ большой дороги густой коверъ зелени или трехлистныхъ растеній, верхняя сторона которыхъ была ярко-зеленаго, а нижняя поверхность коричневаго цвѣта. „Не тронь-меня“—прелестнѣйшее растеніе, производящее самое пріятное впечатлѣніе на глазъ; но оно встрѣчаетъ васъ привѣтливо только до тѣхъ поръ, пока вы имъ любуетесь. Каждое, даже самое осторожное прикосновеніе къ листу, пишетъ путешественница, заставляетъ его свертываться; если коснуться соединительнаго пункта трехъ листьевъ, то листья быстро захлопываются вмѣстѣ со стебельками; отъ прикосновенія къ стеблю каждая вѣточка опускается къ землѣ, какъ бы подъ сильной тяжестью. Если ступить на покрытую этимъ растеніемъ поверхность, то зеленый, бархатистый коверъ начинаетъ опускаться и какъ бы выгораетъ, такъ какъ опустившіеся стебли показываютъ только нижнюю поверхность листьевъ красно-коричневаго цвѣта и все кажется какъ выгорѣвшимъ въ одинъ мигъ. Но это продолжается не долго; къ первое же утро стебли снова поднимаются и поле покрывается зеленью.

Самый маленькій локомотивъ, который когда либо устраивался, сдѣланъ Генри Казе въ Соединенныхъ Штатахъ. Эта миньятюрная вещица имѣетъ 8 дюймовъ длины и вѣситъ едва только 1½ фунта; сдѣланъ локомотивъ изъ латуни, стали, золота и серебра и устройство его длилось три года, при чемъ каждый день употреблялось для этого десять рабочихъ часовъ. Въ локомотивѣ имѣется 585 винтиковъ, и манометръ его имѣетъ только ¼ дюйма въ діаметрѣ. Помпа его можетъ въ одинъ разъ втянуть не болѣе капли воды. Необходимые для дѣйствія локомотива пары получаются при помощи спиртоваго аппарата. Ширина хода колесъ его равняется 1⅝ дюйма и высота дымовой трубы едва доходитъ до 1¼ дюйма.

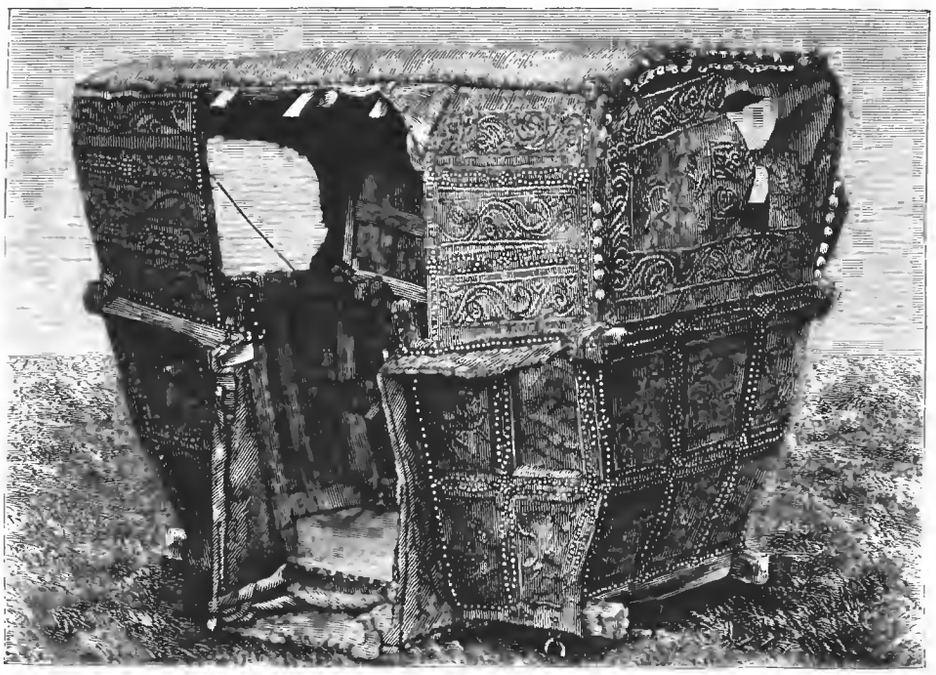
Когда извѣстный англійскій путешественникъ сэръ Самуилъ Бекеръ находился въ 1861 г. въ Абиссиніи, съ цѣлью отысканія источниковъ Нила, у него вышелъ весь запасъ мыла, что, при страшной жарѣ, вызывавшей обильную испарину, было чрезвычайно непріятно. Не имѣя возможности помыться хорошенько и тѣмъ очистить себя отъ пыли, Бекеръ вдвойнѣ страдалъ отъ жары и это состояніе сдѣлалось настолько невыносимымъ, что онъ рѣшилъ добыть мыла во что бы то ни стало. Для этого, за неимѣніемъ крѣпкаго кали или натра, онъ употреблялъ щелочи, известь и жиръ. Часть жира убитыхъ имъ бегемота, льва, слона и носорога была сбережена на приготовленіе мыла. Затѣмъ, спутникамъ своимъ онъ велѣлъ срубить нѣсколько деревьевъ, расколоть ихъ, сложить костеръ и зажечь его, чрезъ что получилось достаточное количество пепла, который онъ смѣшалъ съ водою и полученный такимъ образомъ щелокъ сгустилъ при помощи кипяченія. Теперь недоставало еще извести. Въ рѣкѣ было множество ракушекъ, которыя онъ приказалъ собрать, съ цѣлью выжечь изъ нихъ известь, но для этого недоставало печи, постройка которой представляла непреодолимыя затрудненія. Какъ быть? По изобрѣтательному путешественнику пришла счастливая мысль воспользоваться большими гнѣздами термитовъ. Двое туземцевъ взялись выгнать термитовъ и продѣлать отверстіе до самаго верху, что было и трудно и опасно. По достиженіи этого, своеобразная эта печь была наполнена дровами и ракушками, все это зажжено, а чрезъ сутки получилась превосходная известь. Теперь началось приготовленіе мыла. Большой мѣдный египетскій котелъ былъ наполненъ жиромъ, щелочью и известью, смѣшанными въ извѣстной пропорціи и, наконецъ, послѣ долгой варки, усиленныя старанія Бекера увѣнчались полнымъ успѣхомъ; онъ получилъ пудъ мыла, которое въ его положеніи имѣло громадную цѣну.

Силу насѣкомыхъ, по истинѣ изумительную, испытывалъ французскій естествоиспытатель Плато, при помощи очень нѣлесообразныхъ приспособленій и миніатюрныхъ повозочекъ. Опыты эти доказали, что самыя маленькія насѣкомыя сравнительно самыя сильныя. Особенно интересна телѣжка для майскаго жука. Послѣдній впрягается и, при помощи ниточки, тянетъ чашечку, нагружаемую граммами. Этимъ способомъ Плато узналъ, что майскій жукъ, сравнительно съ лошадью, можетъ поднять въ 21 разъ, а несла въ 30 разъ

Библиотека "Руниверс"

болѣе. Лошадь тянетъ $^6/_7$ своего вѣса, жукъ въ 14 разъ болѣе своего вѣса, а пчелы въ 20 разъ болѣе. Иными словами: майскій жукъ съ легкостью тянетъ 14 себѣ подобныхъ и развиваетъ почти такую же силу какъ локомотивъ.

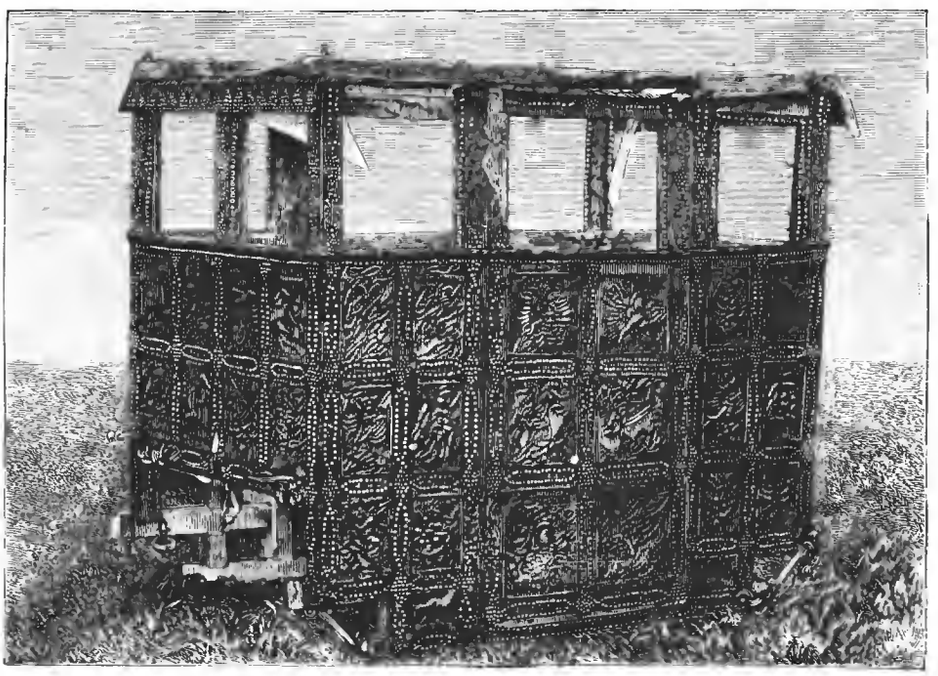
Докторъ Гетцъ сообщилъ недавно о слѣдующемъ способѣ леченія дифтерита, который приводилъ во всѣхъ случаяхъ къ благопріятнымъ результатамъ. Леченіе этой болѣзни, говоритъ онъ, испытывалось всевозможными средствами, но ни одно изъ нихъ не считалось пригоднымъ для всѣхъ случаевъ; однако есть средство, которое будучи употреблено своевременно, почти во всѣхъ случаяхъ приноситъ вѣрное избавленіе отъ этой страшной болѣзни. Это хлорноватокислый кали (Kali chloricum), въ 4—5 процентномъ растворѣ. Съ тѣхъ поръ какъ д-ръ Гетцъ сталъ употреблять это средство, онъ пересталъ опасаться за худой исходъ болѣзни, если только она была захвачена своевременно; оно приносило несомнѣнную пользу во всѣхъ случаяхъ. Такъ какъ средство это, употреблявшееся прежде въ болѣе сильныхъ дозахъ, приносило симптомы отравленія, то Kali chloratum былъ оставленъ врачами. Успѣшное леченіе дифтерита требуетъ слѣдующаго: 1) Возможно своевременный захватъ болѣзни; 2) Въ правильныхъ пріемахъ 4-хъ и самое большое 5-ти-процентнаго раствора хлорновато-кислаго кали во всѣхъ случаяхъ воспаленія миндалевидныхъ железъ съ бѣловатымъ налетомъ въ горлѣ. Еслибъ даже оказалось, что никакого дифтерита нѣтъ, то и въ такомъ случаѣ средство окажетъ весьма важную услугу. Въ тяжелыхъ случаяхъ даютъ сначала каждые $^1/_2$ часа, а въ болѣе легкихъ каждый часъ по столовой ложкѣ этого раствора; очень маленькимъ дѣтямъ доза эта должна быть нѣсколько уменьшена. По исчезновеніи бѣлаго налета пріемы лекарства даются рѣже. 3) Никакихъ полосканій горла дѣлать не нужно; оно можетъ быть допущено только для дѣтей болѣе взрослыхъ, при чемъ дѣлается изрѣдка, слабымъ растворомъ поваренной соли. Промываніе носа также необходимо, но при своевременномъ началѣ леченія дѣлать это нужно только изрѣдка. 4) Больному слѣдуетъ давать укрѣпляющіе напитки: мясной бульонъ, яичную воду и вино. 5) Приложить особенныя заботы къ тому, чтобы въ комнатѣ больнаго былъ постоянно свѣжій, чистый и умѣренно теплый воздухъ.



Древности Сольвычегодска. Возокъ бояръ Строгановыхъ. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Употребленіе конины въ пищу стало за послѣднее время сильно распространяться въ Парижѣ. Около восемнадцати лѣтъ тому назадъ былъ въ первый разъ предложенъ этотъ жизненный продуктъ потребителямъ столицы, и былъ встрѣченъ весьма недружелюбно: теперь въ этомъ отношеніи произошелъ большой переворотъ. Доказательствомъ этого служатъ слѣдующія оффиціальныя статистическія данныя: въ 1875 году въ Парижѣ было съѣдено 7 тысячъ лошадей и десять ословъ; въ 1880 г. цифра эта еще болѣе увеличилась: для лошадей до 9 тысячъ и для ословъ и лошаковъ до 320; въ 1881 г. число съѣденныхъ лошадей равнялось 9300, а ословъ и лошаковъ — 400. Если положить, что каждая лошадь среднимъ числомъ даетъ 200, а оселъ 50 килограммовъ мяса, то получится, что Парижъ съѣлъ: въ 1881 г. 1.860,000 килограммовъ конины и 20,000 килогр. ослинаго мяса. Для убоя этихъ животныхъ въ городѣ существуютъ четыре особыя бойни, гдѣ находятся спеціалисты-мясники для убоя лошадей и ословъ.

Недавно Политехническому обществу въ Берлинѣ представленъ былъ новый сплавъ—дельта-металлъ, который въ извѣстной области производства можетъ представить значительную конкуренцію стали. Въ дельта-металлѣ, кромѣ обыкновенныхъ составныхъ частей латуни, находится и желѣзо. Твердость его въ вещахъ кованыхъ и вальцованныхъ, но только не литыхъ, выше стали; его можно ковать какъ желѣзо, спаивать, но не паваривать. При 950° оно плавится, а при 700—800° дѣлается мягкимъ, когда его можно чеканить и прессовать. Металлъ этотъ можетъ также употребляться и для литья. Цѣна его нѣсколько выше обыкновенной хорошей латуни. Употребленіе его особенно примѣнимо въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется большая твердость и въ тоже время вещь находится въ условіяхъ благопріятныхъ для образованія ржавчины. Въ настоящее время изъ дельта-металла изготовляется уже маленькій пароходъ для путешествія во внутреннюю Африку.



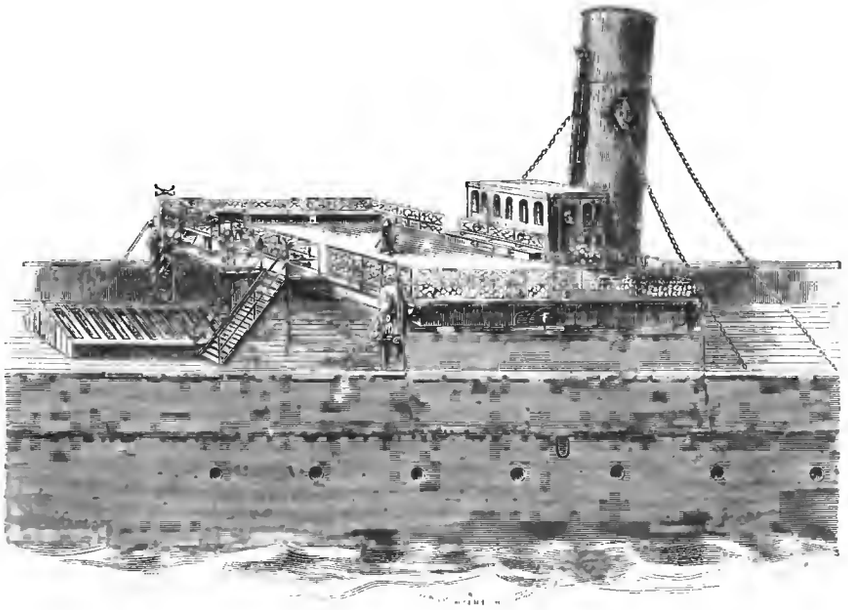
Древности Сольвычегодска. Колымага бояръ Строгановыхъ. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Находка на днѣ моря. На днѣ Гибралтарскаго пролива недавно сдѣлана однимъ водолазомъ, искавшимъ затонувшій корабль, весьма интересная находка. Онъ нашелъ около ста большихъ пушекъ, двадцати-четырехъ и тридцати-двухъ фунтоваго калибра и два большихъ якоря. Полагаютъ, что орудія эти принадлежали большому линейному кораблю, затонувшему въ этомъ мѣстѣ послѣ Трафальгарской битвы. За неимѣніемъ необходимыхъ снарядовъ, орудія эти не могутъ еще быть извлечены изъ воды.

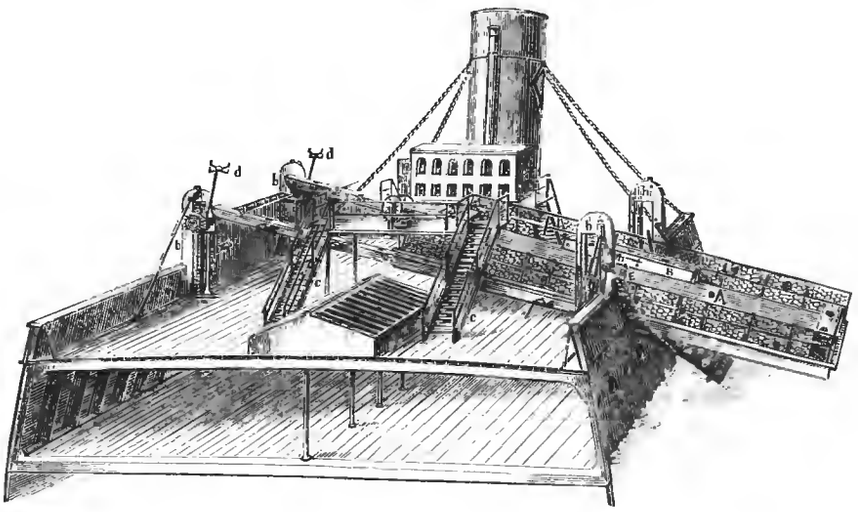
Библиотека "Руниверс"

Войлокъ, какъ строительный матеріалъ. Къ новинкамъ въ строительной области принадлежатъ войлочные бараки, изобрѣтенные въ Даніи ротмистромъ Деккеромъ. Доски этихъ бараковъ представляютъ собой деревянную или желѣзную раму, въ которую вплетенъ войлокъ, выкрашенный съ обѣихъ сторонъ масляною краскою; онѣ снабжены крючками и другими приспособленіями, помощью которыхъ и соединяются между собой при постройкѣ. Лазаретные бараки въ 10,8 метра длины, 5 метровъ ширины и 2,2 метра вышины до начала крыши, испытывались уже комиссіей съ весны 1881 г. до весны 1882 г. и оказались прекрасно сохранившимися. Такой лазаретный баракъ можетъ быть разбитъ въ нѣсколько часовъ на любой почвѣ и представляетъ болѣе надежную защиту противъ холода, чѣмъ палатка и даже деревянный баракъ, и не нуждается въ сильной вентиляціи.

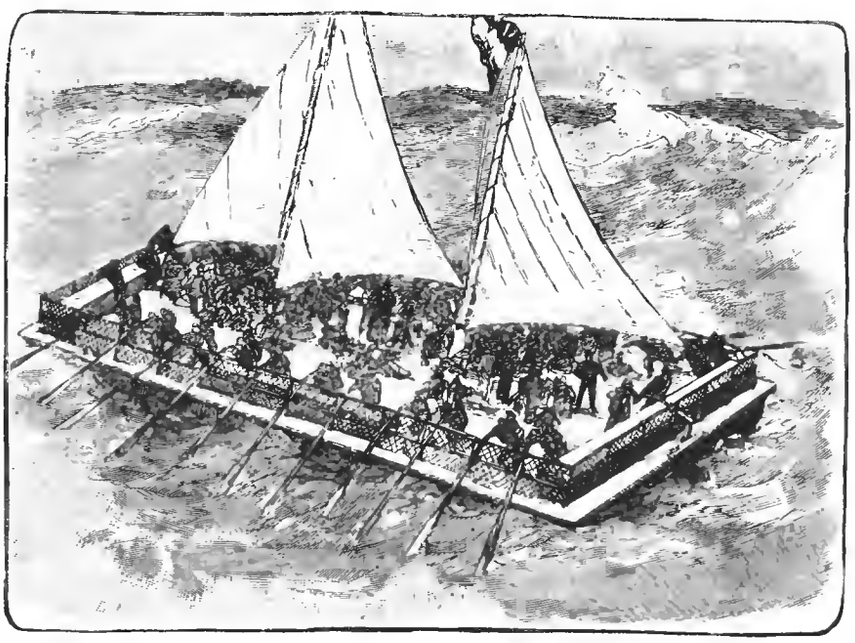
Отдѣльныя части барака послѣ употребленія для помѣщенія больныхъ тщательно обмываются мыльной водой или какой нибудь дезинфекціонной жидкостью, вслѣдствіе чего устраняется всякая возможность переноса заразительныхъ болѣзней. Разобранный и сложенный для храненія баракъ занимаетъ очень мало мѣста. Стоимость вышеприведенныхъ размѣровъ барака равняется 1650 флориновъ (835 рублей) и служитъ онъ 25 лѣтъ. На такихъ же началахъ изобрѣтатель строитъ теперь бараки съ незначительными размѣрами въ длину и ширину; они укладываются въ небольшіе ящики, могущіе послѣ разбивки служить столами или другой утварью, въ такихъ домикахъ. Эту новинку можно особенно посовѣтывать принять туристамъ, которые думаютъ оставаться нѣкоторое время въ странахъ мало населенныхъ. Цѣна такого домика 66 флориновъ (37 руб.), между тѣмъ какъ палатка такихъ же размѣровъ обойдется не менѣе 135 флор. Практичные англичане уже приняли эти бараки для жилья солдатъ въ нѣкоторыхъ своихъ колоніяхъ. Получая вполнѣ надежную защиту отъ непогоды, войска избавятъ жителей отъ тяжелой, а подъ-часъ и почти совсѣмъ невозможной квартирной повинности.



Фиг. 1. Спасательный паромъ Ропера на мѣстѣ командирской площадки.



Фиг. 2. Спасательный паромъ Ропера при спускѣ на воду.



Фиг. 3. Спасательный паромъ Ропера подъ парусами и съ веслами.

Профессоръ Карлъ Швейблеръ (въ Берлинѣ) получилъ недавно патентъ на право добыванія фосфора изъ шлаковъ, въ которыхъ онъ находится, какъ напримѣръ на желѣзныхъ заводахъ. Чтобы составить себѣ понятіе о важности этого новаго открытія, нужно знать, что напримѣръ, только одна Германія можетъ дать въ годъ до 20 милліоновъ киллограм. фосфорной кислоты. Содержаніе ея въ шлакахъ колеблется между 15 и 20 процентами, т. е. весьма значительное. Новое производство получитъ большое значеніе въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны доменныя печи освободятся отъ громаднаго количества шлака, съ которымъ не знаютъ какъ справиться, не смотря на значительныя открытія въ области переработки отбросовъ, и съ другой стороны сельскіе хозяева получатъ въ фосфорной кислотѣ прекрасное и недорогое средство для удобренія полей. Проф. Швейблеръ уже составилъ себѣ извѣстность своими открытіями въ области сахарнаго производства, сдѣланными въ теченіи послѣднихъ лѣтъ.

Свѣтъ и жизнь. Что свѣтъ имѣетъ чрезвычайно большое вліяніе на физическое и душевное состояніе человѣка, это фактъ слишкомъ хорошо извѣстный; свѣтлое, безоблачное небо, особенно съ весеннимъ солнышкомъ, благотворно дѣйствуетъ на выздоравливающихъ и разгоняетъ мрачное настроеніе духа, навѣянное скучными, бѣдными свѣтомъ, пасмурными днями. Пасмурный день дѣлаетъ человѣка мрачнымъ солнечный, напротивъ, дѣлаетъ его свѣтлымъ. Солнечный день дѣлаетъ насъ болѣе здоровыми, а больному прибавляетъ силы для борьбы съ недугомъ. Не безъ глубокаго значенія древній Аполлонъ —богъ солнца, считался распространителемъ живительнаго газа-кислорода и происходилъ отъ Эскулапа — бога врачеванія.

Библиотека "Руниверс"

Дневное свѣтило, посылая свои лучи на нашу планету, даетъ жизнь растеніямъ и животнымъ; безъ чего бы она задерживалась, какъ это ясно видно на растеніяхъ, лишенныхъ свѣта, и на блѣдной, жалкой фигурѣ человѣка, если ему не представляется возможности пользоваться солнечнымъ свѣтомъ и приходится сидѣть въ мрачной, душной конурѣ.

Не смотря на такое громадное значеніе солнечнаго свѣта, мы обладаемъ только самыми незначительными свѣдѣніями о томъ, въ чемъ именно заключается дѣйствіе свѣта на организмъ и опыты съ этою цѣлью стали производиться только весьма недавно; однако эти отрывочныя свѣдѣнія много обѣщаютъ интереснаго съ дальнѣйшей разработкой вопроса. И. В. Ходневъ (Казань), цѣлымъ рядомъ интересныхъ опытовъ доказалъ, что всѣ ткани животныхъ, какъ мертваго, такъ и живаго организмовъ, не только проницаемы для всѣхъ родовъ лучей солнца, но что онѣ, кромѣ того, обладаютъ способностью поглощать часть лучей, задерживать нѣкоторое время и затѣмъ испускать ихъ въ пространство. И такъ организмы вбираютъ въ себя нѣкоторое количество свѣта.

Свѣтъ, однако, претерпѣваетъ при этомъ измѣненіе,—онъ переходитъ въ теплоту.

Это подтверждается слѣдующимъ опытомъ. Если черезъ растворъ квасцовъ или лимонную кислоту пропускать солнечные лучи, то они теряютъ свою теплоту; если эти холодные свѣтовые лучи направить теперь помощью собирательнаго стекла на кожу человѣка, то ощущается теплота. Такое согрѣвающее дѣйствіе солнечнаго свѣта на организмъ принадлежитъ не однимъ только тепловымъ лучамъ. Слѣдуетъ думать, что дѣятельность тканей, происходящая при переработкѣ солнечнаго свѣта въ теплоту, именно и вліяетъ благотворно на жизненные процессы организма. Мы видимъ въ природѣ, какъ самыя разнообразныя животныя инстинктивно стремятся къ свѣту и постоянно грѣются на солнышкѣ.

Чтобы опредѣлить, какое вліяніе оказываютъ на организмъ свѣтовые лучи, брали различныхъ животныхъ и выращивали ихъ при дѣйствіи свѣта; а въ то же время вторые экземпляры тѣхъ же животныхъ, въ совершенно схожихъ условіяхъ, помѣщали въ темнотѣ.

Результаты получились въ высшей степени знаменательные. Черви, цыплята и котята при свѣтѣ развивались и увеличивались въ вѣсѣ гораздо быстрѣе, чѣмъ въ полутьмѣ; напротивъ того, лишенные пищи котята и лягушки теряли быстрѣе въ вѣсѣ и умирали ранѣе при свѣтѣ, чѣмъ въ темнотѣ. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что подъ вліяніемъ свѣта жизненная дѣятельность развивалась сильнѣе и расходовала больше тканей, чѣмъ въ темнотѣ. У лягушекъ съ перерѣзанными нервами быстрѣе являлось движеніе въ парализованныхъ членахъ, если ихъ оставляли при дневномъ свѣтѣ; когда же онѣ помѣщались въ темномъ мѣстѣ, то возстановленіе поврежденныхъ нервовъ значительно замедлялось. Точно также сращиваніе порѣзовъ на хвостѣ у рыбъ происходило быстрѣе при свѣтѣ, чѣмъ въ полутьмѣ. Такое же вліяніе оказывалъ свѣтъ на заживленіе искусственно произведенныхъ накожныхъ ранъ у куръ и щенковъ. Эти опыты вполнѣ доказали врачебную силу солнечныхъ лучей.

У людей при солнечномъ свѣтѣ увеличиваются количество выдѣляемой углекислоты, дѣятельность сердца и дыханіе становится чаще, чѣмъ въ темнотѣ; тонкость и острота чувствъ обонянія, вкуса и осязанія возростаютъ при свѣтѣ; за то слухъ въ темнотѣ дѣлается болѣе изощреннымъ.

Далѣе замѣчательно, что нѣкоторыя медицинскія средства оказываютъ быстрѣе свое дѣйствіе на организмъ при свѣтѣ, чѣмъ въ темнотѣ; такъ опытъ показалъ, что такое вліяніе свѣтъ оказываетъ при употребленіи производящаго рвоту аноморфина и вызывающаго слюнотеченіе и испарину пилокарпина, который въ слабомъ растворѣ впрыскивался подъ кожу.

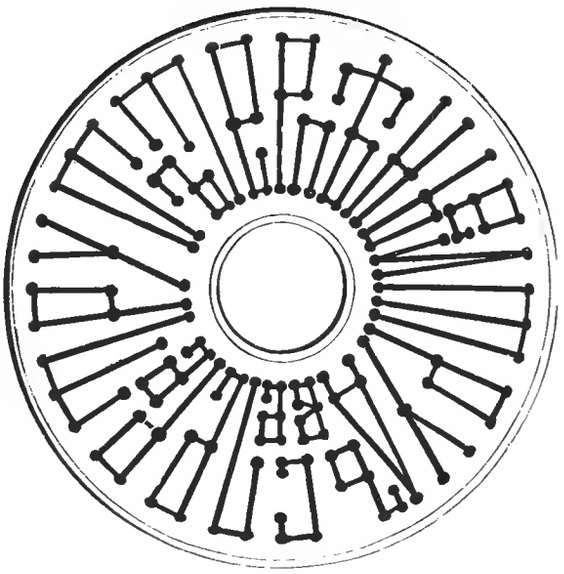
Дѣйствіе свѣта можетъ, однако, оказывать и вредное вліяніе. По наблюденію Сименса, работающіе при опытахъ съ сильнымъ электрическимъ освѣщеніемъ, жалуются иногда на тошноту и рвоту, именно, если свѣтъ былъ неровный, мерцающій.

Профессоръ берлинскаго университета Артуръ Христіани вывелъ сходство вліянія сильнаго электрическаго освѣщенія съ такъ называемою горною болѣзнью (Mal di Puna), при сильномъ заболѣваніи которою горные жители получаютъ отвращеніе отъ пищи и чувствуютъ дурноту и тошноту; болѣзнь эта, какъ извѣстно, выражается временной слѣпотой и происходитъ отъ слишкомъ сильнаго дѣйствія солнечныхъ лучей, отражаемыхъ гладкой снѣговой поверхностью. Сходство симптомовъ этихъ двухъ болѣзней показываетъ, что сильное электрическое освѣщеніе производитъ, такъ сказать, искусственно горную болѣзнь. Избытокъ свѣта, производящій нездоровье у человѣка, вредно также дѣйствуетъ и на растенія: извѣстно, что цвѣты и вообще комнатныя растенія страдаютъ отъ большой массы электрическаго свѣта.

Такимъ образомъ, свѣтъ и жизнь находятся въ тѣсной между собою связи и дальнѣйшее изслѣдованіе на этомъ пути выяснитъ болѣе подробно важный гигіеническій вопросъ о вліяніи солнечнаго свѣта на здоровье людей.

Жизнь на глубинѣ моря. По словамъ ученаго изслѣдователя Реньяра, завѣдывающаго физіологическою лабораторіею при Сорбоннѣ, море можно себѣ представить раздѣленнымъ на два слоя. Въ верхней части живутъ тѣ существа, которыя изстари извѣстны человѣку; на глубинѣ же 2500—3000 метровъ обитаютъ чудовищныя рыбы и другія морскія животныя, которыя рѣдко можно встрѣтить въ европейскихъ музеяхъ. На французскомъ военномъ суднѣ „Talisman" произведенъ былъ рядъ опытовъ надъ различными морскими животными, которые состояли въ томъ, что животныхъ, обитающихъ на глубинѣ, помѣщали на небольшой глубинѣ, при чемъ оказалось, что они не только умирали, не достигнувъ еще поверхности, но даже разваливались. Для того же, чтобы узнать, что будетъ съ животными, обитающими въ верхнихъ слояхъ, если ихъ опустить на большую глубину, Реньяръ производилъ слѣдующій опытъ. Онъ бралъ стальной цилиндръ, наполнялъ его водой и подвергалъ ее давленію въ тысячу атмосферъ, что приблизительно соотвѣтствуетъ давленію на морское дно, и въ эту воду опускалъ различныхъ животныхъ. Инфузоріи подъ давленіемъ 600 атмосферъ засыхали, а у полиповъ прекращалось всякое движеніе; при уменьшеніи давленія до той среды, въ которой они обыкновенно обитаютъ, животныя, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, вполнѣ возвращались къ жизни. Для животныхъ болѣе крупныхъ, какъ, напримѣръ, для рыбъ при давленіи въ 600 атмосферъ не только наступала смерть, но являлась какая то странная окаменѣлость, которая исчезала только при первыхъ признакахъ разложенія. То же явленіе было замѣчено и надъ препарированными лягушечьими лапками. Черепокожія животныя выдерживаютъ гораздо большее давленіе, нежели лягушки или рыбы; такъ Реньяръ убѣдился, что жукъ выдерживаетъ давленіе въ 500 атмосферъ и смерть наступаетъ у него только при давленіи въ 1000 атмосферъ. И такъ, слѣдовательно, животныя, обитающія въ верхнихъ слояхъ, будучи погружены на болѣе или менѣе значительную глубину, умираютъ и дѣлаются крѣпкими, какъ камень; животныя же большой глубины становятся на поверхности мягкими и разваливаются.

Рѣшеніе задачи точекъ № 20.



„Терпѣніе и трудъ—все перетрутъ."

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена **съ слѣдующаго № 27**, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, **большой картины Профессора К. Е. Маковскаго „Гусляръ", слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.** При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

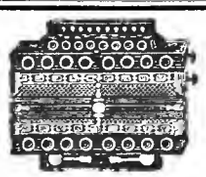
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: **Фридрихъ Боденштедтъ** (съ портр.).—**На соболей.** Разсказъ изъ охотничьяго быта **А. Я. Максимова.**—**Багровая пыль.** (Русскіе въ Парижѣ во время коммуны). Повѣсть **П. Петрова.** (Продолженіе).—**Съ глазу на глазъ.** Историческій разсказъ **Хильтона.**—**Продолжительность человѣческой жизни.** Очеркъ.—**На морскихъ купаньяхъ** (съ рис.).—**Добрые друзья** (съ рис.).—**Выставка въ Имп. Акад. Художествъ** (съ 2 рис.).—**Пожарный сторожевой постъ на башнѣ св. Стефана, въ Вѣнѣ** (съ рис.).—**Возокъ и колымага Строгановыхъ** (съ 2 рис.).—**Новый паромъ Ропера** (съ 3 рис.).—Политич. обозрѣніе.—Смѣсь.—Рѣшеніе задачи № 20.—Заявленіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Ф. Марксъ.

Библиотека "Руниверс"



ГАРМОНІИ

Німецкихъ, Вѣнскихъ, Итальянскихъ и собственной фабрики въ одинъ, два и три ряда клавишовъ, русскія гармоніи Тульскихъ и Череповскихъ мастеровъ очень хорошей работы, съ пріятными тонами, въ громаднѣйшемъ выборѣ, по самымъ дешевымъ цѣнамъ рекомендуетъ

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, по Б. Морской, д. № 36. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Новѣйшій иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

Р. № 3407 2—1

ИЩУТЪ

въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральн. контору объявленій, **Невскій пр., № 8**, подъ лит. В. Р. № 3328

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. СПБ.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ" 1883 Г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1.200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. С. Соловьева—„Старый домъ"**; повѣсть **Д. В. Григоровича—„Гуттаперчевый мальчикъ"**; повѣсть **Н. Лебедева (Морскаго)—„Въ цвѣтахъ"**; повѣсть **Н. Д. Ахшарумова—„Подъ колесомъ"**; очеркъ **Н. Успенскаго—„На поискахъ"**; разсказы **П. П. Гнѣдича—„На морскомъ берегу"** и **„Устроилась"**; большую историческую повѣсть **Кирилова—„Полковникъ изъ Золотоноши"** и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч., и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Профессора Импер. Акад. Художествъ **В. И. Якобія—„Король-женихъ"**.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к. | Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 „ — „ | Съ пересылкою 7 „ 50 „

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, ВЪ КОНТОРУ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „НИВА", Б. МОРСКАЯ, № 9; ВЪ МОСКВѢ—ВЪ ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ „НИВЫ" У Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Д. ПЕТРОВСКИХЪ ТОРГОВЫХЪ ЛИНІЙ.

ВСЕОБЩІЙ КАТАЛОГЪ НОТЪ

всѣхъ странъ

выпускъ 9-ый.

А) Для флейты съ акк. ф ртепіано.
Б) Музыка для гармоніума (органа).
Секстеты, квинтеты, квартеты.
Трио. Дуэты для гармоніума и фортепіано.
Для фортепіано въ 4 руки и гармоніума со струннымъ инстр.
Дуэты для гармоніума и струн. инстр.
Пьесы для одного гармоніума. Этюды.
Школы для гармоніума. Разныя школы.
Цѣна 30 коп.

Москва, изданіе П. ЮРГЕНСОНА
10. Неглинный проѣздъ 10.

Каталогъ дешевыхъ изданій Юргенсона (6300 нумеровъ) **безплатно.** Н. № 3409 3—1

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

БИЛЛІАРДЫ И КЪ БИЛЛІАРДНОЙ ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Троицкій проспектъ, близь Египетскаго моста, д. № 13—2. № 3303 19—6

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ. Романъ-хроника XVIII вѣка. 2-е изданіе. СПБ. 1882 г. Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ каленкор. перепл. 3 р., съ перес. 3 руб. 50 коп.

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ ИЗОБРѢТЕННЫЙ БРОКАРЪ и К°.

№ 3091 25—11

ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
у книгопродавца ЗЕМСКАГО, въ **Москвѣ**, на Никольской улицѣ, поступило въ продажу:

3-Е ИЗДАНІЕ
МЕТОДА ОЛЛЕНДОРФА.
Книга для изученія французскаго языка въ 5½ мѣсяцевъ.
САМОУЧИТЕЛЬ

ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА

съ приложеніемъ особаго отдѣла, въ которомъ имѣются самыя разнообразныя формы и образцы писемъ: дружескихъ, любовныхъ, родственныхъ, торговыхъ и другихъ, которыя можно писать по французски.

Предлагаемый русскимъ, желающимъ выучиться безъ помощи учителя въ 5½ мѣсяцевъ правильно читать, писать и говорить по французски, составленъ по новѣйшему усовершенствованному методу извѣстнаго профессора г. **Оллендорфа, съ дополненіемъ** въ ономъ учебникѣ для учащихся новаго легчайшаго способа изучить французскія слова и цѣлую рѣчь изображенную русскими буквами. Обработанъ подъ редакціею учителя французскаго языка **Юл. Альберта и А. В. Свѣтловскаго.** Съ дополненіемъ особой части, въ которой помѣщены легкіе французскіе разговоры, необходимые въ особенности для путешествующихъ русскихъ за границей. Ц. 2 руб. съ перес., въ роскошномъ французскомъ перепл. съ золотымъ тисненіемъ 3 р.

Примѣчаніе. Приступивъ къ изданію настоящаго французскаго учебника, мы, составители, первымъ долгомъ признали крайне необходимымъ собрать лучшія руководства, какъ вспомогательные матеріалы, какіе только были до сего времени изданы для изученія французскаго языка, и при этомъ сочли святою обязанностью дать публикѣ не какую либо жалкую компиляцію, изъ среды которой и безъ того уже не мало разгуливаетъ таковыхъ популяризаторскихъ изданій между русскаго люда, того русскаго люда, который съ стремящейся жаждою любознательности старается изыскать средство изучить французскій языкъ по необходимости безъ помощи учителя, то есть найти то дѣльное руководство, которое было бы составлено толково и просто и могло бы вполнѣ удовлетворить цѣлесообразному требованію. Рекомендуемъ нашу книгу желающимъ ее имѣть, въ которой мы даемъ вѣрный и новый пріемъ выучиться по французски говорить, писать и правильно читать безъ малѣйшей помощи учителя въ самое кратчайшее время. При составленіи онаго самоучителя нами были пересмотрѣны всѣ лучшіе учебники со всѣми упрощенными методами, изъ которыхъ мы и составили полный и ясный толковый конспектъ, преимущественно изъ статей легкихъ разговоровъ и фразъ съ легкой, просто изложенной французской грамматикой. Кромѣ того мы нашъ учебникъ для самоучекъ обработали, дополнили и усовершенствовали по новой системѣ, еще до сего времени небывалой ни въ одномъ изъ лучшихъ учебниковъ, за исключеніемъ въ своемъ родѣ прекраснаго изданія **доктора Хана**, который былъ одобренъ учебнымъ комитетомъ и распродался съ поразительной быстротой въ самое короткое время, а новымъ изданіемъ до сего времени не появлялся. По этому то прекрасному новому методу и по системѣ извѣстнаго всей Европѣ проф. Оллендорфа и другихъ знаменитостей и составлена наша книга для самоучекъ, но уже съ большими дополненіями и измѣненіями и съ указаніемъ новыхъ пріемовъ, которые даютъ полную возможность и вѣрный способъ въ кратчайшее время, какъ было выше сказано, изучиться правильно говорить по французски, а также читать и писать. Въ настоящее время это сдѣлалось почти необходимымъ, такъ какъ французскій языкъ, при знаніи котораго безъ затрудненія можно изъѣздить всю Европу, потому что онъ сдѣлался, безъ преувеличенія скажемъ, обще-европейскимъ и преимущественно необходимъ торговому сословію. Важныя преимущества нашъ учебникъ имѣетъ еще въ томъ отношеніи, что мы помѣстили въ немъ новый пріемъ: выговоръ по французски здѣсь же подъ каждымъ словомъ объясненъ по русски, т. е. русскими буквами, такъ что эта система самоучкѣ даетъ полную возможность, при занятіи только одного часа въ сутки, въ продолженіи 3-хъ мѣсяцевъ, слегка объясняться въ обществѣ, на балахъ, въ прогулкахъ на французскомъ языкѣ и писать дружескія и коммерческія письма. Мы уже сказали, что въ продажѣ популярныхъ изданій французскихъ самоучителей имѣется много, но какъ они составлены и какому языку по нимъ можно научиться, про это знаетъ одинъ Аллахъ. Должно принять къ свѣдѣнію, что здѣсь не говорится о французскихъ учебныхъ заведеніяхъ и про другія учебныя руководства, составители которыхъ извѣстны въ учебномъ педагогическомъ мірѣ. Примите увѣреніе и проч.

Ю. Альбертъ и А. В. Свѣтловскій.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА.
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА.

Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и факсимиле. 3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова" рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 8 руб., съ пересылкою 9 руб.

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ" 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 руб., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: **„ДВА МІРА"** и отдѣломъ въ прозѣ:

„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ".

Первое единственное, **дѣйствительно полное собраніе сочинен. А. Н. Майкова.**

Книгу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала **„Нива"** (Бол. Морская, № 9); **въ Москвѣ у Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ГАЛЬМАНИНЪ.

Извѣстный своими свойствами предотвращающими прѣніе части тѣла, особенно же ножныхъ пальцевъ, **Гальманинъ** *продается въ аптекахъ, а также у дроги стовъ значительнѣйшихъ городовъ Европы и во всѣхъ городахъ Имперіи.* **Главное депо** *находится въ Варшавѣ, у изобрѣтателя, владѣльца аптеки, магистра фармаціи* **В. Карпинскаго,** *улица Электоральная, № 35. Большая коробочка Гальманина стоитъ въ Варшавѣ 50 коп., малая 30 к.* **Нужно остерегаться поддѣлокъ** *и требовать, чтобы при каждой коробочкѣ находилось объясненіе съ изображеніемъ на немъ медали Парижской выставки 1878 г.* В. Карпинскій *магистръ фармаціи.*

№ 3350 6—4

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу **въ конторѣ редакціи журнала „Нива"**, въ С.-Петербургѣ, Б. Морская, д. № 9; въ Отдѣленіи Конторы „Нивы" у **Н. Н. Печковской**, Москва, въ домѣ Петровскихъ линій и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, новая повѣсть нашего знаменитаго писателя

Д. В. ГРИГОРОВИЧА
„ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ МАЛЬЧИКЪ".

Это весьма изящное изданіе печатано на лучшей веленевой бумагѣ и украшено 36 оригинальными рисунками художника **Н. Н. КАРАЗИНА.**

Цѣна **1** р. **25** к., съ перес. **1** р. **50** к.; въ каленкор. перепл. **1** р. **75** к., съ перес. **2** р.

О ДЕ ЛИСЪ ДЕ ЛОЗЕ (EAU DE LIS DE LOHSE)

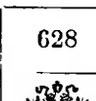
для улучшенія и украшенія **ЦВѢТА ЛИЦА, отъ вескушекъ, загара, краскоты, угрей, желтыхъ пятенъ, также отъ нечистоты кожи всякаго рода**, наилучшее предохранительное средство, существующее уже 50 лѣтъ. Ежедневное употребленіе **„О де Лисъ де Лозе"** дѣйствуетъ **охладительно** и **освѣжительно**, дѣлаетъ кожу ослѣпительно бѣлой и нѣжной и придаетъ ей здоровый, цвѣтущій видъ. Въ обыкновенныхъ флак. по 1 р. 50 к.—3 руб.

Во избѣжаніе поддѣлокъ слѣдуетъ требовать „О де Лисъ де Лозе" (Eau de Lys de Lohse).

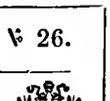
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ парфюмеръ Ея Имп. Вел. Императрицы Германской, Ея Имп. Высоч. Наслѣдницы Герман. Престола. **БЕРЛИНЪ, W.** Jaeger-Strasse, 46.

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и аптекахъ Россійской Имперіи. Ц. № 8220 9—6

Библиотека "Руниверс"



РОЯЛИ Я. БЕККЕРА, ПОСТАВЩИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.
Казанская площадь, уголъ Невскаго пр., № 18-27, въ С.-Петербургѣ.



ДЛЯ КУПАНЬЯ,
Подушки для обученія плаванію 8 руб., чепчики 1 р., кальсоны 1 р. 50 к., туфли 50 к., щетки 1 р. 75 к., полотенца 2 руб. 50 к., фуражки 1 р.

!НОВОСТИ!
Карманный кофейникъ, варящій стаканъ кофе въ 2 минуты 4 р.

Шведскіе карманные ножи.
Служатъ вмѣсто ножа и кинжала, закрываются особеннымъ способомъ 3 р. 50 к.

Аргозіи-подтяжки.
Самыя удобныя; не чувствительны на тѣлѣ и даютъ совершенно свободное движеніе при гимнастикѣ, верховой ѣздѣ, катаніи на лодкѣ и пр. 2 р. 25 к.

Резиновое бѣлье.
Манжеты 1 р. 25 к., воротникъ 75 к., грудь 1 р. 75 к. Не требуютъ стирки и глаженья; чистится сырой тряпкой, при чемъ сохраняютъ бѣлизну и глянецъ—какъ голландское полотно.

Воздушныя кровати
которыя можно повѣсить подъ дерево, подъ потолокъ и т. п. 14 р.

Автоматическій карандашъ 1 р.

Синдиктиконъ.
Новая масса для склеиванія стекла, дерева, желѣза, фарфора и др. Никогда не расклеивается. Одобрена многими нашими покупателями. Цѣна за склянку съ кисточкою 1 р.

Бидэ складные.
Металлическіе 9 р., деревянные съ фарфоровымъ тазомъ 14 р.

Эсмарховскія кружки.
Цинковыя и стеклянныя съ приборомъ для промыванія съ ирригаторнымъ концомъ 4 р.

Для леченія дифтерита.
Пульверизаторы холодные 3 р. 50 коп. Пульверизаторы паровые 4 р. Ирригаторная ложка съ кружкою 5 р. Кисточки горловыя 40 коп.

Резиновое полотно.
Для подстилки роженицамъ, за арш. 2 р.

Подкладное судно
для больныхъ, новаго устройства, весьма удобное 5 р. № 3410. 3—1

Всѣ цѣны обозначены съ почтовыми расходами. Безъ пересылки цѣны дешевле.

СКЛАДЪ РЕЗИНОВЫХЪ ТОВАРОВЪ
КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ
Спб., Большая Морская, № 36.

Изданіе А. Ф. Маркса. СПБургъ, Б. Морская, № 9.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

„СТАРЫЙ ДОМЪ".

Историческій романъ царствованія Императора Александра I и начала царствованія Императора Николая I, въ 2-хъ частяхъ,

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

(Продолженіе историческихъ романовъ „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ" и „ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ").

Напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и въ концѣ каждой главы. 693 страницы. Спб. 1884 г. Цѣна **3** р., съ перес. **3** р. **50** к.; въ красивомъ каленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ **4** р., съ перес. **4** р. **50** коп.

Съ требованіями обращаться въ контору изд. А. Ф. МАРКСА, СПБургъ, Б. Морская, д. № 9 и въ отдѣленіе конторы „Нивы" въ **Москвѣ**, д. Петровскихъ линій, къ **Н. Н. Печковской.**

Романъ этотъ, какъ и прочія произведенія Всеволода Соловьева, также можно пріобрѣсти у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

On lit dans le VOLTAIRE de Paris du 8 Juin 1884.

LA PARFUMERIE DU Grand Monde
à l'exposition de Nice.

Nice, le 5 Juin.

Pour toucher un peu à toutes les branches de l'industrie, permettez moi de vous signaler aujourd'hui la maison Roume, bien connue sous le nom de **„Parfumerie du Grand Monde"**, qui a obtenu la médaille d'argent à l'exposition, c'est à dire, l'une des plus hautes récompenses attribuées à la classe dans laquelle elle était comprise.

Cette honorable distinction dont la valeur s'augmente du grand nombre des concurrents, était bien dûe à une maison dont les produits excellents sont si appréciés dans le monde élégant. Deux créations nouvelles ont surtout acquis la faveur d'un public délicat: d'abord la **Diamantine** poudre de riz exquise, admirablement appropriée aux goûts de nos belles élégantes; puis l'eau de toilette **Muguet lis**, dont le nom dit assez quel heureux assemblage de parfums a préside à sa confection.

On peut expliquer la vogue dont jouit la **„Parfumerie du Grand Monde"** par la sincérité de ses produits, fabriqués avec des matières premières toutes de choix; ses qualités hygiéniques et enfin par son extrême bon marché.

M. Roume, en industriel honorable et intelligent qu'il est, a voulu rompre avec les vieilles traditions de cherté de ses concurrents ou devanciers, et a appliqué à ses parfums des prix si modérés qu'il est démontré qu'à mérite au moins égal, si non supérieurs, ses produits coûtent moins cher au consommateur que les autres aux marchands. Mt. № 3389 3—3

Voilà du progrès véritable, qui mérite d'être connu; le Voltaire y aidera.
E. S. Y.

PARFUMERIE DU GRAND MONDE
16, GRANDE MORSKAIA, 16.
St. Pétersbourg.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. СПБ.

СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ 2-хъ частяхъ,

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА.

Большой томъ in 8—всего 672 стр., печатан. на лучшей веленевой бумагѣ, съ виньет. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ красивомъ оригинальномъ каленкоровомъ переплетѣ 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ".

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ двухъ частяхъ,

Всеволода Соловьева.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ историч. романа „СЕРГѢЙ ГОРБАТОВЪ").

Напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 711 страницъ. С.-Петербургъ. 1883. **Цѣна 3 руб., съ перес. многород. 3 р. 50 к., въ красивомъ каленкоровомъ переплетѣ съ золот. тисн. 4 р., съ перес. иногор. 4 р. 50 к.**

Главный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ редакціи „Нивы", въ Больш. Морской, д. № 9; и въ Москвѣ: въ конторѣ отдѣленія „Нивы" у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, въ Петровск. линіи,—а также можно найти эти книги у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМА
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, 21.

ПРОДАЕТЪ
5% ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖЕЙ
на слѣдующихъ условіяхъ: задатокъ **20 р.** на билетъ, остальная сумма уплачивается мѣсячными взносами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе
5 РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.
Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на купленный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю.

Контора предлагаетъ свои услуги по всѣмъ банковымъ операціямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностію за самое умѣренное вознагражденіе
Р. № 3358 7—7

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Вас. Островъ, 1 линія, № 10.

МОСКВА. Мясницкая ул., домъ Сытова.

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ
для тушенія пожаровъ въ зачаткѣ и поливки цвѣтовъ по 16 р. Упаковка 40 коп.

РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА
10 разм. размѣровъ—наименьшая выбрасыв. 600 ведеръ воды въ часъ и стоющ. 115 р. Наибольшая—1800 ведеръ и стоющ. 400 р.

Насосы ручные, приводные и паровые
для всѣхъ возможныхъ цѣлей.

ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЛЯ
лучшій паровой насосъ настоящ. времени.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МАШИНЪ ВСЯКАГО РОДА
ПРЕДЛАГАЕТЪ
ТОВАРИЩЕСТВО
БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ
Иллюстр. катал. безплатно. № 3366 6—6

№ 3306 **Л. ЛИНЕВИЧЪ.** 10—6

Имѣю честь увѣдомить гг. владѣльцевъ старинныхъ вещей, что я, какъ любитель искусства, покупаю по самой высокой цѣнѣ старинныя художественныя вещи, какъ-то: бронзовые часы, канделябры, стѣнники и группы; фарфоровыя (преимущественно севрскія и саксонскія) вазы, сервизы и фигуры; мебель съ бронзою и инкрустаціей; мраморныя фигуры и группы; вазы яшмовыя и порфировыя, отдѣланныя бронзой; серебряныя группы, кружки и бокалы; золотыя табакерки съ эмалью и миніатюрами; гобелены и другіе предметы роскоши, особенно XVI, XVII и XVIII столѣтій. **Я ВЫѢЗЖАЮ** на три лѣтнихъ мѣсяца во внутрь Россіи, для пріобрѣтенія означенныхъ предметовъ. Лично можно видѣть и письменно обращаться ежедневно, отъ 10 час. утра до 6 веч., кромѣ праздничн. дней. **СПБургъ, ФОНТАНКА**, рядомъ съ Малымъ театромъ въ соб. д., № 53. Литера Б.

ЮЖНО-РУССКИМЪ ХОЗЯЕВАМЪ:

Новая швейцарская **4-хъ конная молотилка-тр умфъ**, съ 4-хъ коннымъ приводомъ, полный комплектъ—355 р. Новая **вѣялки** цѣною 45 р. Конная **мельница**—175 р. Всѣ машины замѣчательной дешевизны. При первомъ требованіи высылается безплатно каталогъ. Адресъ: **Одесса**, Складъ машинъ технолога **Н. П. Мельникова.** № 3398. 3—2

АДРЕСЪ ДЛЯ ПИСЕМЪ
Ж. БЛОКЪ,
МОСКВА: С.ПЕТЕРБУРГЪ
Оптомъ и въ Розницу.

ВѢСЫ ФЕРБЭНКСЪ, ВѢТРЯ ДВИГАТЕЛИ „ЭКЛИПСЪ" ПИЛЫ ДИССТОНЪ НАСОСЫ ДУГЛАСЪ, ВЕЛОСИПЕДЫ
Иллюстрированныя Прейсъ Куранты Безплатно.
Р. № 3330 20—8

Дозволено цензурою. СПБ. 27 іюня 1884 г. Типографія А. Ф. Маркса, Средняя Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

Библиотека "Руниверс"